

Невский проспект, № 6.

Библиотека "Руниверс"

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.
№ 35

г. XX
1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Виданъ 26 августа 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1889 Г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкою въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------

Трудъ и праздность. Съ карт. Брунера, грав. Ерике.

Увлеченіе.

Разказъ

Князя Д. Голицына-Муравлина.

(Продолженіе).

V.

Владиміръ Алексѣевичъ направился въ переднюю, откуда витая лѣстница вела въ верхній этажъ, гдѣ находились контора и редакція „Столицы“. Поднимаясь медленно по ступенькамъ, Ратиминъ думалъ, отчего заурядный, почти ежедневно повторяющійся вопросъ жены заронилъ въ немъ неприятное чувство, какъ будто онъ скрывалъ въ себѣ намѣреніе поѣхать куда-нибудь тайкомъ... да, къ Негрѣховой. И отчего эта женщина вырастаетъ передъ нимъ на концѣ каждой мысли? Онъ ея не знаетъ, видѣлъ всего въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія считать ее умною или глупою, доброю или злою. Ему извѣстно лишь одно: она красива, какою-то особенно симпатичною ему красотой, является воплощенною идеализаціей его жены, нѣкогда горячо любимой.

— Нѣтъ, она добра, умна, рѣшилъ онъ. — Въ ея голосѣ дрожать настоящія чувства.

Не останавливаясь, прошелъ онъ черезъ контору, гдѣ человекъ двѣнадцать работали за длинными столами, составляя цѣлую газетную канцелярію. Разсѣянно отвѣчалъ онъ на глубокіе поклоны служащихъ, пораженныхъ тѣмъ, что *самъ* поднялся наверхъ, чего не случалось больше трехъ или четырехъ разъ въ годъ.

Владиміръ Алексѣевичъ направлялся въ дальнюю комнату, отведенную Бекину для занятій. На дорогѣ его задержалъ высокій блондинъ во фракѣ, съ воспаленными глазами и длиною всклокоченною бородой, главный хроникеръ „Столицы“, Авказовъ. Выскочилъ онъ изъ-за своего стола, покрытаго грудями исписанныхъ листиковъ, вырѣзокъ изъ газетъ и распечатанныхъ конвертовъ, подлетѣлъ къ Ратимину, схватилъ его за рукавъ и началъ говорить съ невѣроятною быстротою, захлебываясь, соскальзывая съ собственныхъ мыслей:

— На вчерашнемъ балу у княгини Чавровой были французскій и нѣмецкій военные агенты и долго бесѣдовали другъ съ другомъ... Этою ночью, на Большой Морской, произведена кража со взломомъ у дѣйствительнаго статскаго совѣтника Иванова... Генераль-отъ-инфантеріи Петровъ скоропостижно умеръ, въ четыре часа утра, отъ разрыва сердца... Курьерскій изъ Москвы опоздалъ на часъ и двѣ минуты... Къ первому представленію „Увлеченія“ билеты всѣ проданы... Въ редакціи „Телефона“ передрались всѣ фельетонисты и подають другъ на друга къ мировому... Докторъ Раубгольдъ прочитаетъ лекцію о брюшномъ тифѣ...

Владиміръ Алексѣевичъ слушалъ, невольно улыбаясь, знакомый съ безобидною слабостью добросовѣстнаго и хлопотливаго хроникера. Упоминанье объ „Увлеченіи“ кольнуло его въ сердце.

— Хорошо, отлично, сказалъ онъ, — я все это прочитаю въ вашей хроникѣ... Да, вотъ вы знаете все... гдѣ и какъ живетъ госпожа Негрѣхова?

Авказовъ покраснѣлъ отъ радости, что ему даютъ случай блеснуть всевѣдѣніемъ:

— Знаю, знаю, знаю... Она живетъ у Прониныхъ, въ родствѣ и дружбѣ съ его женой, а вовсе не съ самимъ Пронинымъ, какъ было ошибочно сказано въ „Телефонѣ“... Въ „Телефонѣ“ постоянно врутъ; у нихъ шальной хроникеръ, ничего не понимающій и не умѣющій собирать справки... Въ этой газетѣ ничего не было сказано о громадной пальмѣ, которую баронъ Штейнъ-Штейнеръ выписалъ изъ-за границы для своего зимняго сада; а это чудесная пальма, единственная въ своемъ родѣ, просто прелесть, рѣдкость!

И Авказовъ засіялъ отъ восторга, точно ему эту пальму подарили.

Ратиминъ больше не слушалъ его. Узнавъ, что Негрѣхова живетъ у Прониныхъ, онъ заволновался, какъ будто въ немъ сталъ раздаваться голосъ, говорившій: „ну что жъ, поѣзжай туда, ничего тебѣ не стѣдуетъ... ты съ Прониными знакомъ, бывалъ у нихъ раза два въ прошломъ году, тебѣ всякій будетъ радъ...“

И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ испуганъ неожиданно представившеюся возможностью увидѣть Евгению Сергѣевну, поговорить съ ней.

„Поѣду!“ рѣшилъ онъ и едва не прознесъ этого слова вслухъ. Такое нетерпѣнье его охватило, что ему показались противными и скучными часы, отдѣляющіе его отъ того времени, когда можно будетъ поѣхать съ увѣренностью застать Негрѣхову. Вечеромъ — вѣрнѣе всего. Днемъ она на релетиціи.

Отвратительно скучною представилась ему вся окружающая обстановка, особенно то, что было у него передъ глазами, холодно и сухо омеблированныя редакціонныя комнаты, груды русскихъ и заграничныхъ газетъ, столы покрытые зелеными скатертями, широкія чернильницы, гранки, стопы линованной бумаги.

Ему захотѣлось встряхнуть себя, швырнуть себѣ что-нибудь грубое въ душу, и онъ сталъ искать. Не хватило у него духа вызвать въ себѣ гнѣвъ на обѣихъ переводчицъ, сидѣвшихъ къ нему спиной, старыхъ, некрасивыхъ, словно засохшихъ надъ выписками изъ иностранныхъ газетъ.

„Разнести“ Бекина? Средство выдохшееся, потерявшее силу... Вдругъ, изъ сосѣдней комнаты, въ растворенную дверь, высунулось пьяное, красноносое лицо Рашметкина, судебного репортера, доставлявшаго также свѣдѣнія для отдѣла „Театръ“. Владимиръ Алексѣевичъ вспомнилъ что-то, рѣзко поблѣднѣлъ и подозвалъ его къ себѣ. Рашметкинъ услужливо подошелъ и спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— А вотъ что: съ какихъ поръ вы считаете себя способнымъ писать музыкальныя рецензіи?..

Рашметкинъ изобразилъ сильное удивленіе, даже ярче, нежели слѣдовало.

— Я не понимаю, пробормоталъ онъ и сложилъ свое безусое лицо въ скверную гримасу.

Ратиминъ продолжалъ:

— Я видѣлъ вчера вечеромъ редактора „Воскресной Иллюстраціи“. Онъ мнѣ сказалъ, что вы предлагали ему такого рода сдѣлку: моя газета будетъ хвалебно отзываться о его журналѣ, если онъ дастъ вамъ взятку, плати вамъ полтора ста рублей въ мѣсяцъ за еже-недѣльный музыкальный фельетонъ, при чемъ въ чрезвычайно откровенно заявили, что ничего въ музыкѣ не смыслите, будете компилировать чужія статьи, но помѣщать въ „Столицѣ“ панегирики его журналу...

Рашметкинъ заметался, хотѣлъ оправдаться, но Владимиръ Алексѣевичъ выкрикнулъ только одно слово „вонъ“, но выкрикнулъ такъ внушительно своимъ звучнымъ басомъ, что стекла дрогнули, переводчицы подскочили, а провинившійся репортеръ мгновенно оказался въ прихожей.

Бекинъ осторожно выглянулъ изъ своего кабинета, трепетный. Онъ такъ боялся всякихъ „исторій“, словно каждое событіе, вообще, носило въ себѣ зародышъ пощечины, предназначенной для его физиономіи.

Владиміръ Алексѣевичъ пожалъ плечами и облегченно вздохнулъ, неискренно, потому что у него на душѣ отъ встряски вовсе легче не стало. Напротивъ, ему не нравилось, что онъ вышелъ изъ себя. Авказовъ смотрѣлъ на него съ укоризной, за то собственно, что онъ

хозяинъ той газеты, гдѣ онъ, Авказовъ, работаетъ, и что, благодаря этому, никакъ нельзя сообщить въ „Столицѣ“ о томъ, какъ редакторъ эффектно протурилъ нечестнаго сотрудника.

Пройдя къ Бекину, Владиміръ Алексѣевичъ совсѣмъ остылъ душою, но остылъ ко всему, кромѣ мысли объ Евгеніи Сергѣевнѣ. Газета представлялась ему ежедневно повторяющимся скучнымъ урокомъ, котораго миновать нельзя. Онъ чувствовалъ, что становится къ ней въ официальные отношенія.

— Пожалуйста, сказалъ онъ Бекину, — когда будете размѣчать нумеръ, пришлите ко мнѣ смѣту, а сами не приходите. Я разстроены немного...

Петръ Леопольевичъ изобразилъ испуганное соболѣзнованіе:

— Vraiment?

Но принципаль его даже не удостоилъ отвѣта и вышелъ. Тутъ Бекинъ не выдержалъ и пустилъ ему вслѣдъ самый недружелюбный взглядъ, который ясно говорилъ: „о! если бы мнѣ твои деньги не были нужны!“

Въ былое время, Петръ Леопольевичъ былъ почти порядочнымъ человѣкомъ, бойкимъ публицистомъ и толковымъ малымъ. Къ несчастью, вышло у него, какъ-то совсѣмъ неожиданно, крупное недоразумѣніе по поводу чужой сторублевки, недоразумѣніе выразившееся ударомъ по лицу, и это обстоятельство мгновенно его пересоздало. Понавъ въ разрядъ „битыхъ“, онъ съежился и сморщился душой, искрошился, ошошился, пустился на всякія темныя „литературныя“ дѣла, затѣялъ газету, осквернилъ ее до невѣроятія, пизвелъ ее до степени шаптаннаго листка и, оскандалившись, сталъ гибнуть. Выручилъ его Ратиминъ, купилъ у него „Столицу“ и оставилъ его при ней „подручнымъ“ редакторомъ. И Петръ Леопольевичъ унижался передъ нимъ, а душонка его возмущалась, но вопросъ о насущномъ хлѣбѣ не давалъ его душонкѣ разойтись.

VI.

Вечеромъ, Владиміръ Алексѣевичъ поѣхалъ къ Прониннымъ.

До послѣдней минуты не зналъ онъ, рѣшится-ли онъ на это и, рѣшившись, едва-ли не воображалъ, что ѣдетъ не по своей волѣ, а потому что какія-то неясныя обстоятельства такъ сложились. И онъ надѣялся, что вернется домой въ совершенно спокойномъ настроеніи духа.

Ратиминъ твердилъ себѣ, что всему не трудно измѣниться, при одномъ взглядѣ на Евгенію Сергѣевну: можетъ вѣдь она ему показаться не такою необыкновенно увлекательною... увидитъ онъ, что поддастся воображаемой Негрѣховой, а не ей самой, увидитъ и вернется къ женѣ, чистый сердцемъ.

— Конечно, конечно, шепталъ онъ, въ то время какъ карета останавливалась у подъѣзда того дома, гдѣ жили Пронины, — и пріѣхалъ сюда, чтобы освободить свою душу отъ лжи.

Тихо поднимаясь по лѣстницѣ до втораго этажа, онъ, такъ сказать, стигивалъ къ своему сердцу все воспоминанія, могущія представить ему его жену въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Онъ хотѣлъ доказать себѣ, что онъ любитъ ее, никогда не разлюбить, а лишь на нѣсколько часовъ увлекся, благодаря тому, что въ немъ жизни много.

Вспомнилъ онъ безропотность жены, въ періодъ безденежнаго времени, ея молодыя, свѣтлыя улыбки, взгляды, проникнутые глубокимъ чувствомъ. Да, но всего этого теперь уже нѣтъ. Отдѣлились они другъ отъ друга. Она, отъ богатства, душевно поблѣднѣла. Качества ея зачахли, ослабли, не находи себѣ примѣненія.

— Должно-быть я просто никого не люблю, пробормоталъ Ратиминъ; и онъ разсердился, точно все окру-

жающіе виноваты въ томъ, что онъ ихъ не любитъ, нарочно того добивались.—Мнѣ и не пужно любви. У меня есть дѣло, освѣщающее жизнь.

Остановясь у темныхъ дверей, онъ позвонилъ, совсѣмъ хладнокровный, какъ будто его нисколько не смутило бы, еслибы прислуга отвѣтила, что госпождѣ дома нѣтъ. И онъ даже захотѣлъ такого отвѣта; ему стало думаться, что Ратимину, редактору-издателю „Столицы“, окружившему себя какъ бы ореоломъ недостижимости, не слѣдуетъ ѣздить безъ зова и усиленныхъ приглашеній къ драматическому писателю, котораго онъ, въ сущности, считаетъ ловкою бездарностью, принаровившеюся къ среднимъ вкусамъ средней публики.

— Дома? спросилъ Ратиминъ.

Раньше, нежели лакей успѣлъ сказать слово, раздался сочный баритонъ Пронина:

— Кого я вижу! Владиміръ Алексѣевичъ, вы-ли это! Сколько лѣтъ, сколько зимъ... Добро пожаловать! Душевно рады и благодаримъ за великую честь.

„Ну, вотъ, и вся твоя проза такая-же казенная, какъ и твое привѣтствіе!“ подумалъ Ратиминъ, пожимая руку драматурга, плотнаго и толстаго блондина лѣтъ сорока пяти, съ бородкой à la Dickens и полмысьюшею головой.

— Я былъ сейчасъ по дѣлу въ сосѣднемъ домѣ, сказала гость, — и, рассчитавъ, что у меня есть немного свободного времени, заѣхалъ къ вамъ. Надѣюсь, Павелъ Арсеньевичъ, вы не заняты?

„Однако, я начинаю лгать, точно трушу!“ мысленно прибавилъ онъ.

— Помилуйте, развѣ можете вы помѣшаться! возразилъ Пронинъ, соображая, что ему слѣдуетъ крѣпко ухватиться за случайность и обратиться на пользу своей писательской популярности,—пойдемте въ кабинетъ.

Онъ, съ почтительною прѣзностью, взялъ Владиміра Алексѣевича подъ руку и понесъ его въ большую комнату, прилегающую къ передней. Въ этой комнатѣ, какъ хозяинъ любилъ о томъ упоминать, написалъ онъ болѣе пятидесяти дѣйствій. Кабинетъ поражалъ безвкусіемъ убранства. Видно было, что Пронинъ, быстро разбогатѣвъ, поторопился накупить всякихъ дорогихъ вещей, ни съ чѣмъ, кромѣ цѣны, не соображаясь, благодаря чему получилась терзающая какофонія стилей и, сверхъ того, орѣхъ, дубъ и красное дерево грубо перемешались.

— Ну, Владиміръ Алексѣевичъ, измучился я! заявилъ Павелъ Арсеньевичъ, усадивъ своего гостя на турецкій диванъ и разваливаясь на спинку стула, украшеннаго въ русскомъ вкусѣ, — истерзался я совсѣмъ „Увлеченіемъ“! Истомили меня ренетиціи, натворилъ я себѣ враговъ изъ всѣхъ актеровъ, а двухъ актеровъ довелъ до обморока. Не хотятъ они вникнуть въ суть своихъ ролей, пересоздаютъ всякій тонъ по-своему, воображаютъ, что они знаютъ все лучше насъ, авторовъ. Тяжело мнѣ пришлось. Уже вы будьте снисходительны; пожалуйте, ужъ вы...

У Пронина едва не вырвалось „окажите поддержку“, но онъ во-время зашупулся и сталъ покрывать своего гостя ласковымъ, искательнымъ, мягкимъ взглядомъ.

При другихъ обстоятельствахъ, Ратиминъ не выдержалъ-бы и срѣзалъ-бы его, но теперь онъ почти не слушалъ и невольно поглядывалъ на двери, ведущія въ слѣдующія комнаты, стараясь угадать, дома-ли Евгенія Сергѣевна.

— Да, да, разсѣянно проговорилъ онъ въ отвѣтъ и спросилъ:— правда-ли, я слышалъ, что въ вашей пьесѣ дебютируетъ одна молодая актриса, пигдѣ не играла?

— Какже! Негрѣхова, троюродная сестра моей жены. Ну, ужъ я вамъ скажу — ею я остался доволенъ. Поразила она меня, хотя, разумѣется, я имѣлъ до сихъ поръ случай оцѣнить ея талантъ, видѣвъ, какъ она играла въ Саратовѣ, на любительскихъ спектакляхъ. Я

Панно профессора К. Е. Маковского, писанныя для бар. фонъ-Дервиза. Съ фот. (право воспроизведенія въ гравюрахъ, цинкографіяхъ и т. п. принадлежить исключительно „Ист“), грав. Флюгель и Барановскій.

Морские божи.

Амуры-садовники.

горжусь ею. Я, если можно такъ выразиться, высколилъ ее. Благодаря мнѣ, дали ей дебютъ. Сколько трудностей долженъ былъ я преодолѣть, чтобы вручить ей главную роль! За то, я вамъ скажу, она превосходна. Вы въ этомъ убѣдитесь завтра, а сегодня, если позволите, я васъ познакомлю съ нею. Вѣдь она живетъ у насъ.

Ратиминъ не зналъ, притвориться-ли ему удивленнымъ или нѣтъ. Онъ опустилъ глаза, сердце его ждалось отъ волненія, —глухого волненія, рѣшилъ онъ.

— Очень, очень радъ буду, проговорилъ Владиміръ Алексѣевичъ, сухимъ тономъ, словно онъ боялся, что вѣжливость повредитъ ему, уронить его съ пьедестала. Вообще, онъ не зналъ, какъ быть, и такъ-сказать не видѣлъ себя, опасался, что его престижъ начинаетъ терпѣть ущербъ. Ему казалось, что Пронинъ не съ такимъ подострастіемъ на него смотритъ, какъ при прежнихъ встрѣчахъ... Очевидно, всѣмъ ясно, что онъ уже не тотъ неуязвимый Ратиминъ.

„Пустяки, фантазія, глупости!“ сердито перебилъ онъ самого себя и началъ прислушиваться, съ дѣланною скуливою усмѣшкой, къ словамъ Павла Арсеньевича.

— Надъ этой пьесой я работалъ довольно долго, хотя она всего въ двухъ дѣйствіяхъ, потратилъ не мало времени, но зрѣло обдумалъ ее. Смѣло могу сказать, что это одно изъ лучшихъ моихъ произведеній и...

Владиміръ Алексѣевичъ пересталъ быть внимательнымъ и захотѣлъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, позволилъ-ли бы онъ, раньше, Пронину такъ долго распространяться въ рекламныхъ объясненіяхъ о своей собственной пьесѣ, или онъ ему сказалъ-бы: „перестаньте, я все это самъ разсужу завтра, заплативъ за кресло три рубля“.

Да, навѣрно, прежде не даль-бы онъ Павлу Арсеньевичу распространяться о своихъ типахъ и произведеніяхъ, такихъ жидкихъ, что, по мѣткому выраженію одного рецензента, сквозь нихъ Кронштадтъ былъ виденъ.

Вдругъ, онъ заволновался сильнѣе, замѣтивъ, что дверь изъ гостиной медленно отворяется. Представилось ему, что сейчасъ появится на порогѣ Евгенія Сергѣевна, и онъ откинулся немного назадъ, чтобы свѣтъ лампы не такъ ярко освѣщалъ ему лицо.

Дверь отворилась совсѣмъ. Вошла толстая краснощекая дама, казалось, задышавшаяся, въ шелковомъ платьѣ, круглолицая сѣдѣющая брюнетка, съ дугообразными бровями, приплюснутымъ носомъ и мясистымъ ртомъ. Это была Марья Ефимовна, жена Пронина.

— Господи Боже мой! вотъ кого не ожидала увидѣть! удивилась она, —а должно быть Паша, въ самомъ дѣлѣ, умный человѣкъ, коль вы къ нему пріѣхали...

Откровенно и просто вылились у нея эти слова, грубымъ и тяжелымъ говоромъ. Проведши первые двѣнадцать лѣтъ своей жизни въ Саратовской глуши, она, вопреки всѣмъ стараніямъ мужа, никакъ не могла попасть въ столичный тонъ и осталась все тою-же черноземною помѣщицей, воспитанной по сосѣдству съ гусятами и курами.

— Ну, прибавила она, —чего вы здѣсь сидите? Пора чай пить. Пойдемте въ столовую. И тамъ о пьесѣ наговоритесь. Оказывается, Паша очень хорошую вещь написалъ.

„Сейчасъ встрѣча“, подумалъ Владиміръ Алексѣевичъ и, дѣйствительно, едва Ратиминъ переступилъ черезъ порогъ, онъ увидѣлъ Евгенію Сергѣевну. Мгновенно исчезли всѣ его сомнѣнія. Онъ понылъ, что находится въ полной зависимости отъ ея красоты, именно отъ ея красоты, ничего въ ней не зная, кромѣ чарующей наружности. Она показала ему еще восхитительнѣе, чѣмъ въ первый разъ, болѣе идеальною, какъ будто, вспоминая о ней, онъ былъ въ силахъ представить себѣ всю прелесть ея безуирочной красоты.

Онъ пересталъ раскаиваться въ томъ, что пріѣхалъ къ Пронинымъ... Развѣ не все равно? Пусть думаютъ, что хотятъ. Его только одно безпокоило: онъ не зналъ, какъ подойти къ ней. Можетъ-быть она скрыла, что была у него.

— А! самый любезный изъ редакторовъ громко приветствовала она Владиміра Алексѣевича и, развязно пошедши къ нему на встрѣчу, пожала ему руку.

Ратимина такая развязность поразила, но не могла ему не понравиться. Въ его глазахъ, каждое ея движеніе и слово были очаровательны.

— Развѣ вы знакомы? удивленно освѣдомился Пронинъ.

— Да! какъ-же! засмѣялась Негрѣхова и умолкла, лукаво предоставила Ратимину объяснить „гдѣ и какъ“, угадавъ, что онъ стѣсняется.

Но онъ и не думалъ давать объясненія. Пришлось ей прибавить:

— Мы встрѣтились въ редакціи „Столицы“, куда я зашла подписать знакомыхъ.

Ея ложь обрадовала Владиміра Алексѣевича. Выходить, у нихъ завелась, непонятнымъ образомъ, обща тайна, сблизжающая ихъ.

Сѣли за столъ, заговорили о пьесѣ. Пронинъ не допускалъ, въ своемъ присутствіи, другаго разговора. Ратиминъ былъ оживленъ, веселъ, любезенъ, произносилъ слова легко, но рѣшительно не могъ сообразить, то-ли онъ говоритъ, чтò слѣдуетъ. Выбился онъ изъ колес и понесся, какъ поѣздъ по шпаламъ, безтолково. Онъ старался слѣдить за собой, и ему казалось, что всѣ замѣчаютъ въ немъ неладность, знаютъ причину его непорядочнаго оживленія.

Но онъ ошибался. Павелъ Арсеньевичъ былъ занятъ исключительно собой, радовался тому, что нашелъ во Владимірѣ Алексѣевичѣ благосклоннаго слушателя и прикидывалъ въ умѣ, сколько лишнихъ представлений можетъ доставить его пьесѣ хвалебная статья въ „Столицѣ“. Марья Ефимовна скучала, тоскливо улыбаясь. Очень ужъ ее изводили (такъ она выражалась) всякіе литературные толки, пересыпанные словами въ родѣ „психическій анализъ“, „сценарій“ и „сценической темпераментъ“.

А Евгенія Сергѣевна методически спокойно пила чай, изрѣдка поглядывая на Ратимина, съ едва уловимой усмѣшкой.

Дразнила Владиміра Алексѣевича эта усмѣшка, оскорбительно фамиллярная, дразнила и была ему приятна, онъ самъ не зналъ отчего. Хотѣлось ему доказать Негрѣховой, что онъ совсѣмъ самостоятеленъ, свободенъ отъ ея вліянія. Мнилось ему, что она сильно въ этомъ сомнѣвается и считаетъ его неспособнымъ думать въ ея присутствіи. И онъ заговорилъ о драматическомъ искусствѣ, цитируя Лессинга, Шекспира, Шиллера. Потомъ онъ замолкъ, съ отращеніемъ къ самому себѣ, за то, что вздумалъ произносить такіи имена въ разговорѣ съ человѣкомъ неспособнымъ понять ничего, кромѣ своихъ безцѣльныхъ произведеній, и котораго онъ, въ сущности, глубоко презираетъ.

Рѣзко шевельнулся въ немъ протестъ. Онъ увидѣлъ всю пошлость и безцѣльность своихъ поступковъ. Вѣдь онъ прекрасно сознаетъ, что дѣлаетъ ложный шагъ за ложнымъ шагомъ. Къ чему онъ захотѣлъ ее видѣть? Чего ему надо? Добиться ея любви? Зачѣмъ? Онъ связанъ и слыхкомъ честенъ, чтобы измѣнить женѣ. Къ тому-же, онъ будетъ только смѣшнымъ въ глазахъ Негрѣховой. Ведетъ онъ себя, какъ мальчишка.

„Встану, уйду, вотъ и все!“ рѣшилъ онъ, но взглянувъ на Евгенію Сергѣевну, остался, и все представилось ему въ другомъ видѣ. Ничего мало-мальски предосудительнаго онъ въ своемъ поведеніи больше не усматривалъ и утѣшалъ себя формальными разсужденіями, находилъ, что имѣетъ полное право поступать,

какъ ему угодно, коль скоро онъ только оживляетъ себѣ душу свѣжимъ увлеченіемъ. Снова раздалась у него въ умѣ фраза изъ оперы Чайковскаго:

Ея порывы благотворны...

И онъ сталъ мучительно томиться мыслью, что ему, пожалуй, такъ и не удастся сказать хоть нѣсколько словъ Евгени Сергѣевнѣ, наединѣ. Думалось ему, что тогда все станетъ ясно, установятся между ними дружественныя отношенія... ему больше ничего не надо. Она пойметъ его, переставетъ надъ нимъ издѣваться (а теперь, навѣрно, издѣвается). Что ему нужно? Видѣть ее, слышать ея голосъ. О большемъ онъ не мечтаетъ... было-бы нечестно.

Вошелъ сынъ Пронина, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, краснокожій, неуклюжій, фельдшерскаго типа; съ нимъ четверо его товарищей по гимназіи.

Ратиминъ угадалъ, что это завтрашніе хлопальщики, большерукіе, горластые, которые, несомнѣнно, будутъ приглашены въ ложу Марьи Ефимовны и сочтутъ своимъ нравственнымъ долгомъ посодѣйствовать успѣху піесы. Павелъ Арсеньевичъ встрѣтилъ ихъ съ подозрительною привѣтливостью, жена его тоже.

Владиміръ Алексѣевичъ воспользовался удобною минутой и пересѣлъ поближе къ Негрѣховой.

— Довольны вы своей ролью? спросилъ онъ.

— Да, отвѣтила Евгени Сергѣевна, — а вы?

Ратиминъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Ну, да, объяснила она, — вы тоже играете роль, только безъ антрактовъ... Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Я шучу, простите, не дѣлайте страшныхъ глазъ. Я сама знаю, что сказала глупость. Ролью я недовольна, бессмысленная роль, прибавила она шепотомъ, — увидите завтра... Вы, я надѣюсь, воспользуетесь моею взяткой и вовсе не такой сердитый, какимъ хотѣли мнѣ показаться, когда я пришла къ вамъ въ первый разъ, скромною просительницей...

Владиміръ Алексѣевичъ разсмѣялся.

— Конечно, сказалъ онъ, и у него, совершенно неожиданно, вырвалась наивная фраза: — я бы желалъ, чтобы мы стали добрыми друзьями...

Евгени Сергѣевна насмѣшливо улыбнулась. Она прикусила себѣ нижнюю губу, точно ей пришелъ въ голову слишкомъ рѣзкій отвѣтъ, и она не рѣшалась его произнести. Ратиминъ бессмысленно весело смотрѣлъ на нее, загибнотизованный чернымъ блескомъ ея сильныхъ глазъ.

Она едва замѣтно пожала плечами и проговорила:

— Ваша жена будетъ завтра въ театрѣ?

Владиміръ Алексѣевичъ вздрогнулъ. Внезапное упоминаніе о женѣ какъ будто ударило его по лицу.

— Будетъ, отвѣтилъ онъ, — но...

— Мнѣ-бы хотѣлось ее видѣть. Утверждаютъ, что я на нее удивительно похожа. Правда? скажите...

Ратиминъ пристально посмотрѣлъ на Негрѣхову, сіяющую задорнымъ оживленіемъ, и тихо произнесъ:

— Нѣтъ, сходства я не вижу, совсѣмъ.

— Повидимому, вы этимъ желаете сдѣлать мнѣ комплиментъ... *Cela ne vous fait pas honneur...*

И она съ откровеннымъ презрѣніемъ взглянула на Владиміра Алексѣевича, переставъ улыбаться. У Ратимина дрогнула въ глазахъ ея изящная фигура. Онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва.

— *La méchanceté vous rend bien laid!* быстро проговорилъ онъ.

— Что? что? О чемъ вы толкуете? торопливо вмѣшалась Марья Ефимовна, не говорившая по французски и убѣжденная во вредности всѣхъ словъ этого языка.

— О послѣднемъ романѣ Мопассана, свободно произнесла Негрѣхова, — и мы хотимъ знать твое мнѣніе...

Пронина обидчиво надулась.

Павелъ Арсеньевичъ, услышавъ, что упомянули о

Мопассанѣ, прервалъ разговоръ съ гимназистами и, обратившись къ Ратимину, сталъ папать на парижскаго романиста:

— За что его превозносятъ!? Ничего въ немъ нѣтъ. О! французская литература послѣднихъ лѣтъ до крайности безсодержательна...

Владиміръ Алексѣевичъ, не возражая, дослушалъ его рѣчь до конца, потомъ всталъ. Его начали удерживать, но онъ однозвучно повторилъ:

— Мнѣ пора... мнѣ пора...

Негрѣхова едва коснулась его руки, гимназисты замотали головами, Павелъ Арсеньевичъ и Марья Ефимовна проводили его до передней.

— Ужъ вы пощадите меня, сказалъ Пронинъ, намекая на піесу, — чѣмъ богаты, тѣмъ и рады...

— Мнѣ даже кажется, что ваша радость обширнѣе вашего литературнаго богатства, сухо отвѣтилъ Ратиминъ и вышелъ.

Совсѣмъ другимъ человѣкомъ сходилъ онъ съ лѣстницы, чѣмъ поднимался по ней. Ему казалось, что тамъ, наверху, въ квартирѣ Прониныхъ, душа его искрошилась. Чувства въ немъ не было. Усталость какая-то тупая налегла на его сердце, и никогда еще такъ ясно не понималъ онъ, что онъ такой-же мелкій и глупый человѣкъ, какъ и всѣ другіе, и только искусственно раздулъ самого себя, вскарбался на столъ и воображаетъ, что это пьедесталъ. Вспоминая объ Евгени Сергѣевнѣ, онъ сердился, но гнѣвъ его не освобождалъ сердца отъ тисковъ. Онъ теперь считалъ необходимымъ добиться отъ нея расположенія, увѣренный, что это поставитъ его, въ нравственномъ отношеніи, снова на ноги.

— И какъ только я увижу, что она сдастся, не въ силахъ противиться моему волѣ, я отшвырну ее отъ себя! проговорилъ онъ и подумалъ: „она, безъ сомнѣнія, будетъ играть отвратительно. Мой отзвѣвъ покажетъ ей, что я не такъ-то легко увлекаюсь“.

Приѣхавъ домой, онъ направился прямо къ себѣ въ кабинетъ и нашелъ на письменномъ столѣ первую полосу „Столицы“, присланную на подпись. Блѣгло посмотрѣлъ онъ ее, разсѣянно, безъ мыслей, и подписалъ.

— А завтра утромъ будутъ это читать, съ усмѣшкой прошепталъ онъ, — вопьются въ передовую статью Бекина о Болгарскомъ вопросѣ; выдержки изъ нея передадутся по телеграфу въ провинціальныя газеты... Всѣ вообразить, что это мои личные взгляды, а я даже не знаю, что сказано въ статьѣ... и нѣтъ охоты посмотреть, до того скучно...

Владиміръ Алексѣевичъ позвонилъ и приказалъ лакею, кивнувъ на полосу:

— Въ типографію...

— Дядя Володя, можно къ тебѣ? раздался голосъ Сони.

Ратиминъ удивился:

— Какъ, ты еще не спишь?

— Нѣтъ, мнѣ хотѣлось дожидаться тебя и поговорить.

Она выбрала самое удобное кресло, расположилась и, съ игривымъ видомъ шаловливаго котенка, спросила:

— Скажи пожалуйста, отчего въ тебѣ за послѣднее время такая перемѣна? Ты сегодня за обѣдомъ самъ на себя не былъ похожъ, все смотрѣлъ на часы... Торопился къ Пронинымъ... Вѣдь у нихъ госпожа Негрѣхова живетъ?

Владиміръ Алексѣевичъ недоумѣвающе посмотрѣлъ на нее. Не ожидалъ онъ ничего подобнаго отъ беззаботной сестры своей супруги.

— Никакой перемѣны нѣтъ, съ чего ты взяла! неувѣренно произнесъ онъ, — развѣ Валя навела тебѣ на мысль... Но вѣдь и у нея не можетъ быть основаній предполагать...

— Валя, вообще, ничего не предполагаетъ. Ты зна-

ешь, какъ трудно вызвать въ ней какое-бы то ни было впечатлѣніе. И я сама ничего не знаю, по почему-то боюсь. Ты *другой*, ты не пашь, ты...

— Напрасно, напрасно, напрасно! перебилъ Ратиминъ, — извини, мнѣ нужно заниматься... Я сегодня ничего не успѣлъ сдѣлать, хотя никого не принялъ за весь день... некогда всѣхъ принимать, некогда...

Соня встала и медленно пошла къ дверямъ.

— Дай Богъ, чтобы напрасно, сказала она протяжнымъ, не своимъ голосомъ.

VII.

Театральная зала постепенно наполнялась, подъ шумокъ пѣсы, назначенной для сѣзда.

Въ первыхъ рядахъ креселъ появились лица знакомыя всему читающему Петербургу, и большинству зрителей было пріятно ихъ узнавать, шептать сосѣду:

— Это тотъ, знаешь, извѣстный...

На сценѣ шла какая-то передѣлка съ французскаго, не интересовавшая публики партера и ложъ, и казалось, что рѣчи дѣйствующихъ лицъ долетали только до райка, гдѣ раздавались одобрителный хохотъ и аплодисменты.

Въ бель-этажѣ, направо, сидѣла Марія Ефимовна съ некрасивою дамой, сыномъ и тремя его товарищами. Немного дальше отъ сцены, ближе къ Царской ложѣ, видѣлась свѣтлая фигура Валентины Петровны, въ дорогомъ и изящномъ платьѣ, полученномъ наканунѣ изъ Парижа. Соня, скромно и со вкусомъ принаряженная, казалась нехорошенькою въ большой залѣ, гдѣ пропадали мелкія черты ея оживленнаго лица. Позади сидѣлъ ея женихъ, симпатичный, но почти уродливый Михаилъ Константиновичъ Разволинъ, неуклюжий молодой человекъ, съ добрымъ и черезчуръ широкимъ лицомъ. Онъ былъ во фракѣ, и это его стѣсняло, конфузило, какъ будто онъ не сознавалъ себя одѣтымъ. Вообще, онъ находилъ, что въ Петербургѣ нельзя провести ни одного дня въ теченіе котораго не пришлось бы растеряться, покраснѣть, и мечталъ о томъ, какъ повезетъ свою невѣсту, послѣ свадьбы, въ деревню, надолго.

Ратиминъ усадилъ своихъ дамъ и прошелъ въ первый рядъ креселъ, кивая направо и налево, въ отвѣтъ на поклонны знакомыхъ. Нагорный, редакторъ одной второстепенной газеты, потратившей напрасно много остроумія на то чтобы вовлечь „Столицу“ въ полемику, и поневолѣ примирившійся съ успѣхомъ даровитаго конкурента, привсталъ и крѣпко пожалъ ему руку.

— Интересный спектакль предстоитъ, проговорилъ онъ.

— Да, пренебрежительно отвѣтилъ Ратиминъ и сѣлъ.

Съ нимъ происходило что-то странное. Съ утра, вплоть до пріѣзда въ театръ, онъ мучительно волновался, считалъ часы и минуты, слоняясь безъ дѣла по своему кабинету и не просматривая гранокъ, присылаемыхъ Векинымъ. За обѣдомъ, онъ то и дѣло смотрѣлъ на часы, невпопадъ отвѣчалъ на вопросы и чувствовалъ, что Соня принялась за нимъ слѣдить, не спуская съ него пытливаго взгляда. Вообще, Соня его стѣсняла гораздо больше апатичной жены, озабоченной исключительно тѣмъ, достаточно-ли типично ея новое платье. Чего Сонѣ отъ него надо? Чтѣ въ немъ ее поразило? Отчего она перестала улыбаться и постоянно впивается ему глазами въ лицо? Угадать правды она не можетъ, да и вся-то правда заключается въ душевномъ шатаніи, въ томительномъ невѣдѣніи того, о чемъ и думать нельзя. Но она угадываетъ неладность и, конечно, ей не трудно сообразить, какія вообще причины могутъ сбить съ толка человека подобнаго ему. И она ищетъ, добивается, несносная дѣвчонка...

Встали изъ-за стола и волпенье Ратимина усилилось, обратилось въ какую-то ноющую боль, запявшаю

все мѣсто въ его сердцѣ. За пѣсколько минутъ до отѣзда, онъ началъ бояться, что ворвется въ его жизнь неожиданное обстоятельство и помѣшаетъ ѣхать. А между тѣмъ, ни одного опредѣленнаго чувства онъ въ себѣ не находилъ, вынесши изъ послѣдняго свиданія съ Евгеніей Сергѣевной смутное впечатлѣніе чего-то неизгладимо-оскорбительнаго, поставившаго его въ несносно-глупое положеніе.

„Это даже не увлеченье!“ думалъ онъ. „Это просто терзанье какое-то“. Не ставъ онъ до сихъ поръ себя слишкомъ высоко, не считая онъ самого себя исключеніемъ среди людей, способныхъ укладывать свою совѣсть въ какую угодно рамку, какъ дорожную вещь, отъ которой требуется, чтобы она не мѣшала, — онъ равнодушно отнесся-бы къ событію, волнующему его теперь... Ну, что-жъ... увлеченье, хотя-бы и любовь... лишь бы добиться чего-нибудь не слишкомъ гласнымъ образомъ. Но нѣтъ, онъ не можетъ такъ разсуждать. Безпѣтная жена принимаетъ въ его глазахъ яркую рельефность, задѣваетъ всякое его чувство, и чувствамъ отъ этого дѣлается какъ будто больно.

Такъ было все время, но, пріѣхавъ въ театръ, очутившись среди толпы, въ особенномъ воздухѣ, подъ каменными сводами желтоватыхъ коридоровъ, въ толкотнѣ мѣшающихъ другу другу людей, Ратиминъ похолодѣлъ душой, успокоился, ощутилъ громадную душевную усталость. Ожидаемое представленіе перестало его интересовать. И въ немъ это вызвало даже досаду. Къ чему онъ тревожилъ и мучилъ себя!

Занавѣсъ опустился подъ звуки заключительныхъ словъ пошленькаго водевиля.

Партеръ заколыхался и заговорилъ. Ратиминъ всталъ, прислонился къ рампѣ оркестра и началъ оглядывать публику, не переставая наблюдать за своимъ равнодушнымъ.

Вокругъ него шли разговоры. Долетали отрывочныя фразы съ разныхъ сторонъ.

— Ну, да, ей дали дебютъ, потому что Савина въ отпуску.

— Протекція Пронина...

— Будетъ провалъ, смѣшно сомнѣваться...

— Вообще театральная дирекція очень податлива по отношенію къ нѣкоторымъ своимъ любимчикамъ...

— Полноте, она вовсе не хорошенькая! Я знаю навѣрно. Моя жена видѣла ея фотографическую карточку.

— Господа, я буду шикать.

Владиміръ Алексѣевичъ слушалъ и блѣднѣлъ. Недоброжелательные отзывы о Негрѣховой вызвали въ немъ чувство какой-то собачьей преданности къ Евгеніи Сергѣевнѣ. Ему казалось, что оскорбляютъ его, исключительно его, говоря, что она бездарна, некрасива и предсказывающая скандалъ шумнаго неуспѣха. И онъ проклиналъ себя за то, что не познакомился заранѣе съ пьесой, не пришелъ ни на одну изъ репетицій. Ему удалось-бы дать нѣсколько добрыхъ совѣтовъ Пронину, оживить его комедію, облегчить Негрѣховой задачу. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отлично сознавалъ, что она-то нисколько не волнуется, и даже не могъ представить себѣ Евгенію Сергѣевну боящеюся.

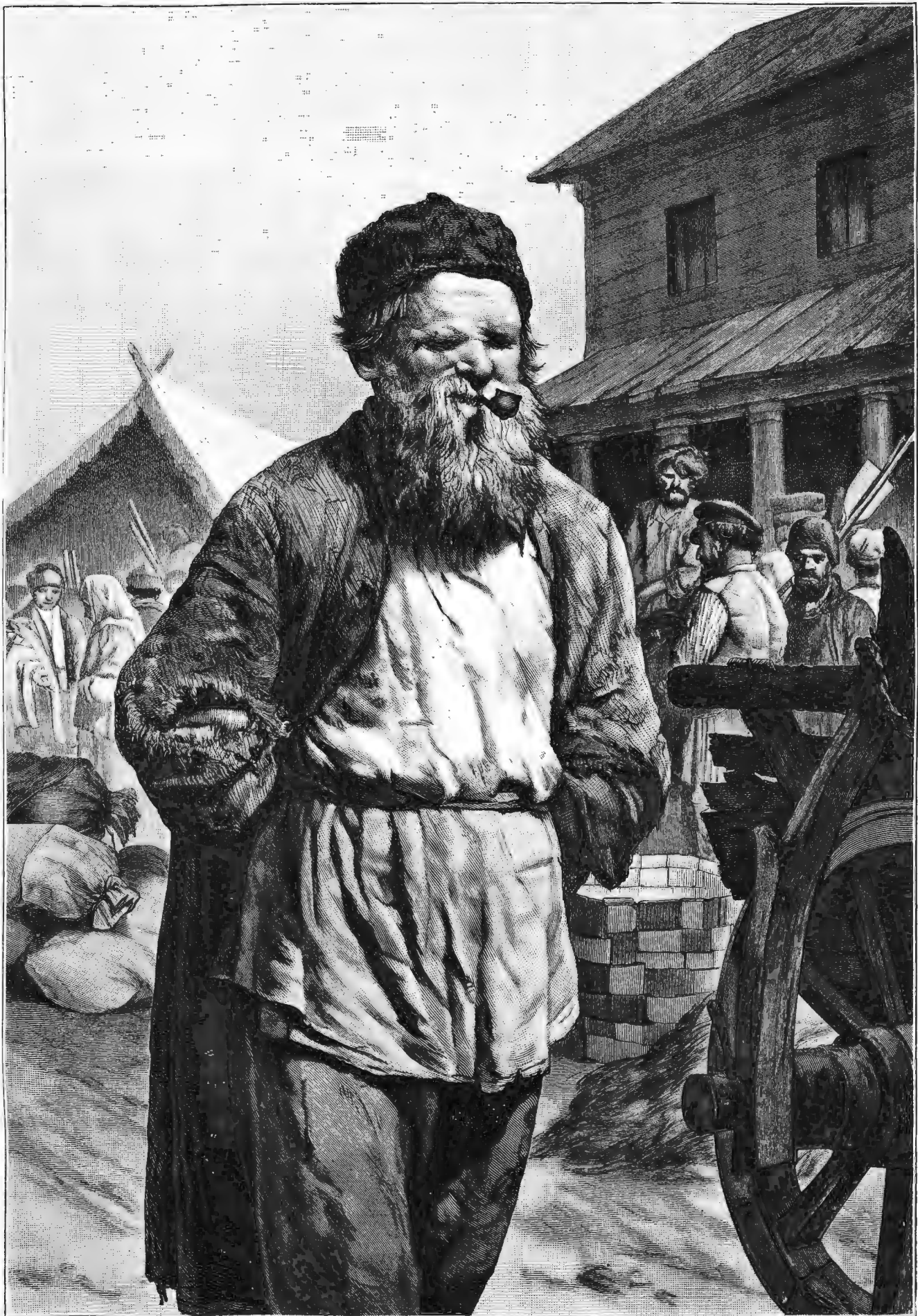
— Силы въ ней много, силы! шепнулъ онъ и вдругъ поморщился, увидавъ передъ собой лоснящееся лицо Векина.

— Чтѣ вы здѣсь дѣлаете? спросилъ Владиміръ Алексѣевичъ, — развѣ номеръ готовъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, *pas encore*... Я, собственно, захалъ *roug un instant*, посмотрѣть... Очень интересныя депеши изъ Вѣны, знаете?.. Я сейчасъ видѣлъ Рашметкина, онъ здѣсь и спрашиваетъ, можно-ли ему написать о сегодняшнемъ представленіи...

Ратиминъ разсердился.

— Во-первыхъ, театральныя рецензенты у паст—

Все продалъ съ барышомъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижакевича, грав. Шюблеръ.

Кельниковъ, и Рашметкинъ существуетъ у насъ только для отзывовъ о клубныхъ спектакляхъ; во-вторыхъ, Рашметкинъ удаленъ мной изъ числа сотрудниковъ; въ третьихъ, я самъ напишу объ „Увлеченіи“, а въ четвертыхъ, не суйтесь не въ свое дѣло и отправляйтесь въ редакцію, иначе мнѣ придется, изъ-за васъ, держать корректуру въ полосахъ.

Петръ Леонтьевичъ восторженно улыбунулся и исчезъ.

Владиміръ Алексѣевичъ все еще былъ гнѣвенъ, отъ одной мысли, что какой-нибудь пройдоха Рашметкинъ покушался писать о дебютѣ Негрѣховой. Нѣтъ, положительно, Бекина слѣдуетъ удалить, а то онъ всякой дрянн протекцію оказываетъ, покровительствуетъ бывшимъ сотрудникамъ прежней „Столицы“.

Тутъ взглядъ Ратимина коснулся ложи, гдѣ сидѣла его жена. Замѣтивъ, что Соня, закрывшись вѣеромъ, смотритъ на него, онъ съ неудовольствіемъ отвернулся, заговорилъ съ почти незнакомымъ человѣкомъ и выслушала нѣсколько глупыхъ театральныхъ замѣчаній, съ такими признаками вниманія, что его собесѣдникъ впу-тренно возгордился.

Антрактъ подходилъ къ концу. Музыканты стали собираться. Скрипки заняли на пробныхъ нотахъ, флейта спустилась по всѣмъ ступенькамъ гаммы, зарычалъ контръ-басъ. Прошло еще съ полминуты, и капельмейстеръ взошелъ на эстраду; раздался жиденькіе звуки полки. Публика начала расходиться по мѣстамъ, освобождая проходы. Ратиминъ еще разъ взглянулъ на Соню, на жену, и дѣлано усмѣхнулся въ отвѣтъ на сонную улыбку Валентины Петровны.

Онъ сбѣлъ и торопливо провѣрилъ себя, желая узнать, до начала пьесы, чтѣ въ немъ преобладаетъ: волненіе или усталость, и ему показалось, что душа въ немъ улеглась.

Поднялся занавѣсъ, музыка умолкла.

Сцена изображала садъ, раскинутый передъ богатой дачей. Два молодыхъ человѣка сидѣли на скамейкѣ и, подъ видомъ разговора, подробно объясняли публикѣ, въ чемъ суть комедіи. Сразу можно было понять, по аналогіи съ дюжинами однородныхъ піесъ, въ чемъ будетъ заключаться ходъ дѣйствій и чѣмъ кончится дѣло. Появился и старый лакей, критикующій поступки своихъ господъ, и маменька-генеральша, мечтающая о сановномъ женихѣ для своей дочери, и дуракъ-отецъ, имѣющій непреодолимое пристрастіе къ хорошепкъимъ горничнымъ и хористкамъ Аркадіи. Дочери еще не видали, но всякій зналъ, что она окажется совершенною, умною и веселою дѣвчонкой, что она за сановника не выйдетъ, а непременно обвѣнчается, и съ согласія размякшихъ родителей, съ молодымъ художникомъ, котораго она любитъ, и что именно эту любовь всѣ станутъ называть „увлеченіемъ“.

Этотъ шарманочный мотивъ убаюкивалъ публику, приятно усыплялъ ее плавнымъ унисономъ знакомыхъ отголосковъ. Реплики слѣдовали одна за другой, предвидѣнныя всѣми, какъ цѣпъ общеизвѣстныхъ цитатъ.

Вдругъ на террасѣ дачи показалась Негрѣхова, въ бѣломъ платьѣ, съ игрушечными граблями въ рукѣ. По всей залѣ пронесся одобрителный шепотъ. Ее находили прелестною. Дѣйствительно, столько радующей поэзіи было въ ея красотѣ, что трудно было, не чувствуя себя задобреннымъ, глядѣть на нее.

Изъ разныхъ угловъ театра послышались аплодисменты добровольной Пронинской клаци.

— Ш-ш-ш! зашумѣло большинство публики, не желавшей, чтобы ей портили все удовольствіе искусственнымъ успѣхомъ симпатичной актрисы.

Негрѣхова быстро сошла со ступенекъ, увѣренной и красивою походкой.

— Ахъ, оставьте меня! Я хочу посмотрѣть, какъ растеть резеда! отвѣтила она обратившемуся къ ней актеру, и эти бессодержательныя слова были такъ мило

и просто ею произнесены, что вызвали взрывъ сочувственнаго смѣха.

— Молодецъ! сказалъ кто-то въ райкѣ и мѣтко этимъ выразилъ впечатлѣніе появившееся у всѣхъ зрителей.

Неожиданное оцѣненіе счастья овладѣло душою Ратимина. Теперь онъ поилъ, что страшно, до этой минуты, боялся за Негрѣхову, безсознательно боялся, и что этотъ страхъ составлялъ большую часть его волненія. Радость замѣнила опасенія, явилось желаніе сказать кому-нибудь: „вы не можете себѣ представить, какъ я счастливъ“...

Никогда еще Евгенія Сергѣевна такъ сильно не очаровывала его, каждымъ движеніемъ, каждою ноткой гибкаго голоса. Казалось, она чувствуетъ себя на сценѣ, какъ дома. Она свободно водила взглядомъ по зрителямъ, слушала реплики какъ опытная актриса. Пустая роль окрѣпла и засверкала въ ея передачѣ, избитыя слова звучали ново. Въ одномъ мѣстѣ, засмѣявшись, она заставила всю публику хохотать надъ пустякомъ. Но, въ слѣдующей сценѣ, когда ей пришлось объясняться въ любви разсѣянному и глуповатому художнику, объясняться со слезами ребяческой досады,— дѣтскій плачъ ей превосходно удался, а любви не было замѣтно вовсе. Слова „я васъ люблю“ она произнесла неудачно. Ей, однако, похлопали. Очевидно, публика дала себѣ крѣпко захватить симпатіей къ дебютанткѣ.

Ратимину казалась она безупречна, и онъ жадно ловилъ на лицахъ зрителей одобрителныя улыбки. „Сколько людей выйдутъ отсюда влюбленными въ нее!“ подумалъ онъ, и ему стало больно отъ приступа огульной ревности ко всѣмъ.

Первое дѣйствіе кончилось. Зала зашумѣла разговорами, а въ райкѣ нѣсколько голосовъ крикнули „браво“, „автора“... Марья Ефимовна, краснѣя отъ восторга, покрывала всю публику торжествующимъ взглядомъ и готовилась принимать поздравленія многочисленныхъ друзей мужа.

Владиміръ Алексѣевичъ не захотѣлъ идти курить, инстинктивно болсъ разговора со своими литературными знакомыми, опасаясь, что онъ выдастъ себя, если кто-нибудь вздумаетъ неодобрительно при немъ отзываться объ игрѣ Евгенія Сергѣевны. Онъ отправился въ ложу своей жены, воображая, что не приди онъ, у Валентины Петровны немедленно явятся самыя точныя подозрѣнія. Онъ боялся этого, хотя постоянно твердилъ себѣ, что никому нѣтъ дѣла до его души, а перемѣна вѣдъ ограничивается его внутреннимъ міромъ.

— Она играетъ не дурно, сказала Валентина Петровна.

— Ты, дядя Володи, знаешь ее хорошо? встрѣчалъ часто? спросила Соня.

— Да, знаю прекрасно, встрѣчалъ часто, съ невольной рѣзкостью отвѣтилъ Ратиминъ, — она удивительно талантлива и займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей драматической труппѣ.

— Нѣтъ, она не хороша, протянулъ Михаилъ Константиновичъ, уловивъ въ тонѣ своей невѣсты что-то враждебное къ Негрѣховой.

Владиміръ Алексѣевичъ не сталъ ему возражать, но взглянулъ на него съ видомъ говорившимъ: „много ты понимаешь!“

— До свиданья, сказалъ онъ, — пьеса въ двухъ дѣйствіяхъ... Я поѣду въ слѣдующемъ антрактѣ домой. Надо позаняться...

И удалился, притворно лѣнивою походкой. Ему пришлось на умъ, что онъ успѣетъ, пріѣхавъ къ себѣ послѣ конца „Увлеченья“, часовъ въ одиннадцать, написать статью о дебютѣ Евгенія Сергѣевны и пустить ее въ ближайшій номеръ, опередивъ, такимъ образомъ, всѣ прочія газеты. Эта мысль оживила и обрадовала его. Безсознательно, онъ хотѣлъ угодить Негрѣховой, и въ

головѣ его складывались фразы задуманной рецензіи, хвалебныя, полныя огня.

„А что скажутъ другія?“ подумалъ онъ и началъ безпокоиться. Онъ подошелъ къ театральному рецензенту „Петербурга“, первый заговорилъ съ нимъ о спектаклѣ.

— Она очень естественно и мило играть, замѣтилъ тотъ, польщенный вниманіемъ Ратимина.

Владиміръ Алексѣевичъ поправилъ:

— Скажите, что въ ней бездна таланта. Она сумеетъ пересоздать весь нынѣшній репертуаръ...

И онъ покраснѣлъ, понявъ, что зашелъ слишкомъ далеко.

„Сошелъ съ рельсовъ!“ мысленно рѣшилъ онъ, чувствуя, что окончательно пересталъ владѣть собой и впадаетъ въ Бекинскую восторженность. Надо написать посуше, построже, тѣмъ болѣе что это заставитъ ее его цѣнить. Теперь, она воображаетъ себя силой, передъ которой онъ терится и душевно блѣднѣетъ.

Но второе дѣйствіе совсѣмъ сбило его съ толка. Пронинъ воспользовался, безо всякой застѣнчивости, удачными сценами изъ нѣсколькихъ парижскихъ новинокъ, ограбилъ Пальерона и еще кого-то и собралъ столько разнообразнаго комизма, что на долю каждаго исполнителя достались шумныя аплодисменты.

Негрѣхова была неподражаема. Такъ мило дурачила она своихъ родителей, такъ прелестно подняла на смѣхъ влюбленнаго въ нее сановнаго старичка, что каждая фраза ея сопровождалась одобрительнымъ гуломъ. Къ концу пьесы, ее вызвали три раза.

— Не-грѣ-хо-ву! ревель раекъ, и партеръ не протестовалъ.

— Автора! Автора! Автора-а! начала Пронинская партія.

— Автора! повторилось наверху.

Павелъ Арсеньевичъ выступилъ на сцену, держа за руку Евгенію Сергѣевну и актрису изображавшую ее мать.

(Продолженіе будетъ).

ПОДЪ ЗВОНЪ КОЛОКОЛОВЪ.

Романъ Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Окончаніе).

XXIX.

Прошла зима... Снѣга мало-помалу поддавались теплу, радостно вѣявшему съ юга. Они бухли, сквозь просачивались, синѣли. Талыя размоины стояли въ лѣсахъ, покраснѣли сучья деревьевъ, верхушки холмовъ совсѣмъ обнажились и бѣлыми шапками стояли надъ бѣлыми еще низинами. Рѣченка кое-гдѣ на крутыхъ быстринахъ и поворотахъ взломала ледъ... Вѣрочка жадно дышала оживляющимъ весеннимъ воздухомъ и работала долго и много, какъ не работала ни на далекомъ солнечномъ Капри, ни въ туманахъ Петербурга. Выходя, она пылливо оглядывала дали и прислушивалась, не прилетѣли-ли грачи,—но ихъ еще не было и только одни голуби да воробьи стаями снимались со стѣнъ обители и съ ея колоколенъ и весело облетали всѣ окрестности, словно повѣдывая имъ о близкомъ возвращеніи весны, этого праздника воскресающей природы. Вѣрочка съ удовольствіемъ думала о томъ что скоро чижи и зяблики слетятся въ вязы и тополи монастырскаго кладбища и въ кустахъ надъ тихими могилами каждая вѣтка и каждый листокъ заговорить по-своему.

Въ одинъ изъ такихъ дней, Акимка, все тотъ же несуразный, крѣпкій какъ медвѣдь и какъ медвѣдь неуклюжій, по обыкновенію принесъ изъ города газеты и письма на имя Вѣрочки. Она нарочно переписывалась съ петербургскими друзьями своими чтобы имѣть извѣстія о своемъ мужѣ. Наскоро она проглядѣла всѣ конверты и остановилась на одномъ, надписанномъ рукою Дороцкаго. Разорвавъ, она вынула тонкій лоскутокъ бумаги и, пробѣжавъ нѣсколько строкъ, опустила въ кресла и тихо заплакала.

Это были ея первыя слезы со времени возвращенія въ обитель.

„Дорогая Вѣра Васильевна,—Тяжело мнѣ писать вамъ эти строки, но дѣлать нечего, сами вы меня просили объ этомъ и я исполняю только ваше желаніе... Постараюсь быть кратокъ, потому что непріятности лучше вамъ передавать разомъ, не тянуть, не подготавливать къ нимъ рацеями и пустыми утѣшеніями, отъ которыхъ никому обыкновенно не бываетъ ни тепло, ни холодно. Гордымъ душамъ — всякое соболѣзнованіе...“

Тутъ поэтъ, не смотря на благое намѣреніе „говорить кратко“, отвлекся въ сторону и строкъ двадцать посвятилъ гордымъ душамъ вообще и своей въ особенности. Покончивъ съ этимъ, онъ рассказалъ, какъ вчера „прибѣжалъ ко мнѣ Семенъ, вернувшійся къ Александрю Петровичу съ недѣлю назадъ, и съ неліце-

мѣрнымъ горемъ сообщилъ мнѣ о несчастіи постигшемъ барина. Старые слуги вообще...“

Слѣдовало строкъ десять посвященныхъ старымъ слугамъ вообще и Семену въ частности.

„Дѣло въ томъ“, наконецъ попалъ Дороцкій на прерванный рассказъ, „что мужъ вашъ все время это работалъ слишкомъ упорно и долго, запирался ото всѣхъ и одичалъ до того, что Семенъ едва могъ убѣдить его вставать отъ мольберта для обѣда. Повятно, что потрясенный организмъ, эта брэнная оболочка великаго и безплотнаго духа, не могъ вынести такого нарушенія его законовъ... Въ послѣдніе два дня Рядновъ очень жаловался на другой свой глазъ, уцѣлѣвшій, даже посылалъ за профессоромъ ***, извѣстнымъ вамъ, но съ нимъ поссорился. Профессоръ велѣлъ ему рѣшительно прекратить работу. Александръ Петровичъ всплилъ и сказалъ ему: „васъ видно подговорили мои враги?“ Профессоръ сталъ объяснять ему его положеніе, но мужъ вашъ не захотѣлъ больше его слушать. Дѣло кончилось тѣмъ, что вчера Семенъ поднялъ меня съ постели ночью и сообщилъ мнѣ что баринъ, проснувшись, потребовалъ огня. Семенъ его принесъ, Александръ Петровичъ раздраженно спросилъ: „да гдѣ же наконецъ огонь?“ „Вотъ онъ“, отвѣтилъ Семенъ. Александръ Петровичъ вскочилъ „страшный-страшный“, по словамъ человека, его волоса дыбомъ торчали... Вскочилъ, схватился за коробку со спичками, сталъ зажигать ихъ, и... рухнулъ посреди комнаты на полъ какъ мертвый.

„Мнѣ не надо (весьма основательно сообразилъ Дороцкій) сообщать вамъ что А. П. ослѣпъ!“

„Увы! Источникъ генія угасъ и человѣчество потеряло въ немъ одного изъ своихъ свѣтильниковъ...“

Далѣе Дороцкій увѣдомилъ что сегодня у Ряднова врачи. Профессоръ ***, боящійся чтобы А. П. не сошелъ съ ума, дежурить у его постели, но теперь опасаться нечего. „Съ вашимъ мужемъ совершается какой-то переломъ. Онъ страшно притихъ, присмирѣлъ и все время сидѣлъ молча, а подъ вечеръ два раза словно во снѣ проговорилъ: „Вѣрочка, Вѣрочка“.

„— Не хотите-ли я напишу къ ней сейчасъ? предложилъ я.

„— Нѣтъ, нѣтъ...“

„И мнѣ казалось что опять знакомое жесткое выраженіе пробѣжало по его лицу, но потомъ оно сгладилось и совершенно неожиданно онъ спросилъ:

„— Кто тутъ?“

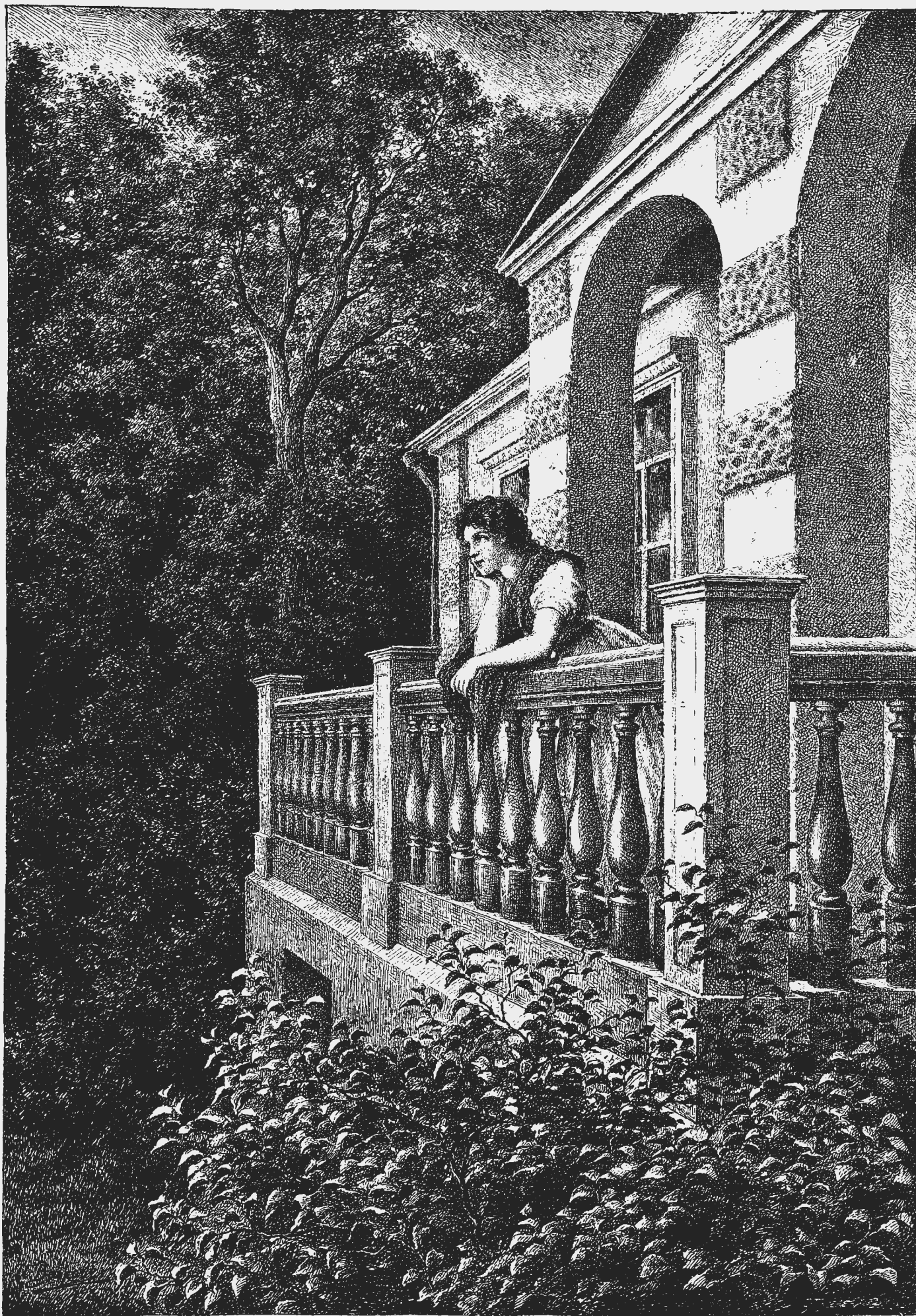
„— Я.“

„— Вы, Дороцкій?.. А кто еще?“

Встрѣча Барбароссы съ сыномъ послѣ битвы при Иконіи. Рис. Ресслеръ, грав. Брендамуръ.

Литературный альбомъ. „Евгеній Онѣгинъ“, Пушкина. Татьяна. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова, грав. Ангереръ.
Библиотека "Руниверс"

„— Семель.

„— И больше никого?

„— Никого.

„Онъ опять замолчалъ. Я думалъ, онъ спитъ и пошелъ на ципочкахъ, но вашъ мужъ схватился съ постели со страхомъ и крикнулъ меня:

„— Ради Бога, не уходите, не уходите... Я такъ боюсь, боюсь одинъ...

„Я увѣрилъ его что не уйду. Онъ успокоился. Потомъ черезъ нѣсколько минутъ заговорилъ опять.

„— Вы будете ей сообщать объ этомъ?

„— А вы не хотите этого?

„— Нѣтъ... впрочемъ, да... А то дѣлайте какъ находите лучшимъ. Все равно вѣдь — это не измѣнитъ положенія. Теперь мнѣ лучше даже. Я каждую минуту не зная покоя страдалъ и мучился ожидая этого несчастія. Оно пришло и я точно замеръ. Или раньше ужъ перестрадалъ такъ что наконецъ не осталось совсѣмъ въ душѣ не изболѣваемаго мѣста. Только мнѣ теперь спокойнѣе гораздо чѣмъ прежде... Гораздо спокойнѣе!

„— Не хотите ли чтобы я вамъ прочелъ что-нибудь?

„— Да, хочу.

„— Газеты?

„— Нѣтъ, ради Бога... Если вамъ не покажется страннымъ, я просилъ бы васъ прочитать мнѣ Евангеліе.

„Я разумѣется исполнилъ его просьбу и прочиталъ ему до двѣнадцати часовъ ночи.

„Въ полночь онъ всталъ, спросилъ себѣ вѣсть и очень спокойно улегся потомъ опять въ постель.

„Вернувшись къ себѣ, я пишу вамъ это письмо...”

Далѣе поэтъ сообщалъ въ весьма изящныхъ выраженіяхъ, какъ это должно бы потрясти Вѣрочку... Но она не дочитала его „прозы“ и вскрыла другое письмо — оно оказалось отъ профессора.

Тотъ былъ кратокъ.

„Случилось и баста. Слѣдовало ожидать. Рядновъ не слушался и дѣлалъ глупости. Ослѣпъ — и я боялся помѣшательства, но случилась совсѣмъ необыкновенная реакція — онъ успокоился. Сегодня я ему говорилъ о васъ, онъ промолчалъ. Не дѣйствуйте очертя голову, подождите — я напишу вамъ когда его можно будетъ взять, потому что вы разумѣется возьмете его. Присмотрѣть за нимъ есть, но чужіе люди, сами знаете, не особенно-то усердны. Впрочемъ, у Семена золотое сердце и онъ сторожить А. П. какъ собака, ворча и не подпуская къ нему никого.“

Сообщалъ о томъ же предметѣ и Семень:

„Милостивеющая государыня и барыня, добръющія мои Вера Васильна, — Первымъ долгомъ увѣдомляю васъ, что Господь нашъ всемилостивый посѣтилъ барина и мужа вашего и сего числа въ 2 часа пополудни, онъ пробудилъ меня неистово и когда я на сей крикъ его явился — онъ оказался уже рѣшимши глаза. Такъ всѣ мы ходимъ по суетному міру сему, не вѣдая гдѣ насъ застигнетъ несчастіе и служа со всеусердіемъ князю власти воздушныя и Бога истиннаго забываючи. Опять же говорилъ я съ ними про васъ и оное выслушали они благополучно безъ рукомаханія и непотребныхъ восклицаній... А сегодня такъ даже приунывши изволили воздохнуть и съ воздыханіемъ произнесли: „не простить она меня“. На сіе я имъ изъ прологовъ сказалъ о прощающемъ мытарѣ и жестокосердомъ левитѣ и они внимательно оное прослушали и послали меня спать...”

Вѣрочка долго сидѣла обдумывая все случившееся.

Послѣ первыхъ слезъ она успокоилась скоро.

Она была давно приготовлена къ этому исходу. Но ее умилило то, что мужъ вспомнилъ о ней и можетъ быть въ глубинѣ души своей кается о всемъ содѣянномъ.

Вечеромъ она особенно усердно молилась въ церкви и вмѣстѣ съ Серафимой отслужила на другой день молебенъ о выздоровленіи мужа.

Черезъ недѣлю она получила еще письма отъ Дорощкаго и профессора.

Теперь мужъ ея постоянно говорилъ о ней и даже „надобдалъ имъ“, по словамъ чудака-доктора. А еще черезъ день она получила телеграмму:

„Ради Бога — прости если можешь и пріѣзжай... Только теперь понимаю, что я надѣлалъ. Скорблю и только отъ этого сознанія страдаю и мучусь. Не пріѣдешь — умру. Не могу жить такъ дольше.

Александръ.“

Въ тотъ же день Вѣра, наскоро собравшись, выѣхала въ Петербургъ.

XXX.

Лѣто въ этомъ году было жаркое. Небо большую часть дня строго смотрѣло на задыхавшуюся отъ зноя землю и только къ вечерамъ его заволакивали легкія облачка, раскалявшіяся на западѣ, гдѣ солнце тихо опускалось въ огнистый океанъ все заплоняваемаго свѣта. Ночи тихія и темныя съ ярко горѣвшими звѣздами. Вѣтра не было и вязы и тополи на монастырскомъ кладбищѣ недвижно раскидывались надъ тихими могилами... Кладбищу было хорошо. Акимка цѣлые дни возилъ сюда воду и среди окружавшаго пекла только здѣсь стояла влажная прохлада, и въ тысячи глазъ смотрѣли изъ пышной и густой травы пестрые цвѣты, радуясь вѣдру и солнцу. Розы на Секлетинномъ холмикѣ старались превзойти самихъ себя. Вѣтви гнулись подъ ними, шиповникъ вокругъ „бабушки“ Анфисы Кирилловны такъ наполлъ воздухъ своимъ дыханіемъ, что сюда, на небольшую дерновую скамью, каждый день съ утра забиралась Вѣрочка, ведя подъ руку блѣднаго и исхудалаго слѣпца-мужа...

Александра Петровича теперь и не узналъ бы никто.

Онъ на все смотрѣлъ ея глазами и казался самъ себѣ несчастнѣйшимъ человѣкомъ, не чувствуя ея около себя. Стоило ей отойти, какъ разсѣянный взгляды незрчихъ глазъ безпокойно обращался во всѣ стороны и на его лицѣ появлялось мрачное, жалкое выраженіе безпріютности и одиночества. Когда она работала, Александръ Петровичъ садился около и жадно прислушивался къ шороху ея кисти, къ шелесту ея платья. Онъ старался помѣститься у открытаго окна чтобы зноемъ и свѣтомъ обдавало его, чтобы ему слышались и крики птицъ, и колыханіе встревоженныхъ ими вѣтвей. И онъ воображалъ себѣ какъ сине теперь небо, какъ красива эта колышущаяся зелень, какъ хороши эти залетные у его окна гости... Но чаще всего забывался онъ, погружаясь въ мрачную и грустную задумчивость, по лицу его бѣжали темныя тѣни, и только прикосновеніе вѣжной руки жены выводило его изъ этого состоянія.

— Что ты? наклонилась она къ Александру Петровичу.

— Нѣтъ, такъ... — Онъ съ странною боязнью удерживалъ въ своихъ рукахъ ея руку. — Такъ. Вспоминаю... какъ ты должна была страдать тогда и мучиться.

— Довольно же... Пора забыть.

— Ахъ, Вѣрочка! Ты — пострадавшая, можешь забыть и простить... А мнѣ представляется каждая минута, каждый часъ той жизни. Ужасно!.. За тебя дѣлается больно.

И оставаясь изрѣдка одинъ, онъ погружался опять въ мрачную задумчивость, повторяя про себя: „Вѣрочка, Вѣрочка.“ И ему какъ-то странно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и кстати вторили своею важною молвлю монастырскіе колокола.

И тихія, горькія слезы катились по его лицу...

Онъ полюбилъ монастырскую церковь и монахини скоро привыкли къ этому преждевременно сгорбившемуся человѣку, такъ смиренно стоявшему въ уголку, рядомъ со своей женой. И когда онъ опускался на колѣни, поникая своею повинною головою передъ невидимою ему благостною Богоматерью, Вѣрочка, счастливая,

молилась за него и ей чудилось, что по ея лику болѣе чѣмъ когда-либо скатываются бриллиантовые слезки... Но больше всего правилось ему сидѣть подѣ тѣнистыми вязами на монастырскомъ кладбищѣ.

Она ему разсказывала какіе цвѣты подпились въ травѣ, какъ ложатся тѣни на нее отъ деревьевъ, какъ прихотливо раскидываются кусты кругомъ, и онъ, держа

въ своихъ рукахъ ея мягкую и нѣжную руку, только и повторялъ съ страшнымъ смятеніемъ тоски о прошломъ и умиленіи за настоящее:

— Вѣрочка... Вѣрочка...

Она стала не только его глазами, но свѣтомъ его жизни, душою его и единственнымъ счастьемъ его безотраднago существованія...

Б О Н Е Ц Ъ .

Пепсинъ и цимозинъ.

Вещества, принимаемыя нами въ пищу, лишь частью поступаютъ прямо въ соки тѣла, всасываясь стѣнками пищеварительнаго канала; большая же часть пищи подвергается предварительно физическимъ и химическимъ измѣненіямъ. Вотъ этотъ процессъ приготвленія пищи ко всасыванію и составляетъ пищевареніе. Затѣмъ уже слѣдуетъ превращеніе переваренныхъ питательныхъ веществъ въ составныя части нашего тѣла: кости, мышцы и проч., и выстѣ съ тѣмъ выдѣленіе той части пищи, которая ни непосредственно, ни послѣ упомянутыхъ измѣненій не поступила въ тѣло.

Въ настоящей статьѣ мы коснемся лишь химическаго процесса пищеваренія; онъ необходимо долженъ совершаться во вполне опредѣленномъ направленіи, ибо въ противномъ случаѣ происходятъ тѣ-же самыя явленія, которыя мы наблюдаемъ при гниеніи и броженіи пищи въ любомъ сосудѣ, — и человекъ страдаетъ испорченнымъ желудкомъ. Уже одно это заставляетъ предположить, что перевариваніе пищи въ желудкѣ происходитъ отнюдь не путемъ броженія или гниенія. Не трудно это подтвердить доказательствомъ. Общеизвѣстно теперь, особенно благодаря работамъ Пастера, что послѣдніе два процесса совершаются при посредствѣ мельчайшихъ организмовъ, удачно названныхъ петербургскимъ профессоромъ Х. Гоби дробными бактеріями (Spaltpilze, Bacterien); если преградить доступъ зародышамъ этихъ простыкъ, глазомъ невидимыхъ существъ, поселящихся повсюду въ воздухѣ, то даже самыя легко-измѣняющіяся вещества, какъ показалъ уже Спаланцани (Spallanzani), неопредѣленно долгое время могутъ сохраняться безъ разложенія. Напротивъ того, вещества, дѣйствующія въ здоровомъ желудкѣ при пищевареніи, подѣ самымъ сильнымъ увеличеніемъ не обнаруживаютъ и слѣда организмовъ (образованія клѣтокъ); поэтому эти вещества, въ отличіе отъ бактерій, называемыхъ еще организованными ферментами, носятъ названіе неорганизованныхъ, аморфныхъ или растворимыхъ ферментовъ, а еще лучше энзимъ (Enzyme). При этомъ еще слѣдуетъ пояснить, почему эти вещества причисляются вообще къ ферментамъ. Подѣ ферментомъ вообще разумѣютъ такое вещество, которое, будучи употреблено въ ничтожномъ количествѣ, можетъ, не измѣнившись само, вызывать химическое превращеніе другихъ веществъ, взятыхъ даже въ весьма большихъ массахъ, и чаще всего разнообразныхъ органическихъ нерасторимыхъ соединеній — въ растворимыя. Ферментовъ такихъ существуетъ очень много. Такъ напр., дрожжи будутъ ферментомъ, ибо прибавленіе малаго количества ихъ заставляетъ тѣсто быстро скисать, и притомъ организованнымъ, такъ какъ уже сравнительно небольшимъ увеличеніемъ легко обнаружить, что дрожжи состоятъ изъ отдѣльныхъ овальныхъ мѣшечковъ (клѣточекъ), такъ-называемаго бродильнаго грибка (Saccharomyces), соединенныхъ подчасъ цѣпочками. Аморфнымъ ферментомъ будетъ диастазъ, обладающій способностью переводить большое количество крахмала (превосходящее по вѣсу въ 2,000 разъ массу прибавленнаго диастаза) въ декстрины и сахаръ, т. е. мало растворимое вещество въ легко растворимое. Приготовляютъ его большею частью изъ зеренъ ячменя, которымъ даютъ на тепломъ мѣстѣ нѣсколько прорости, послѣ чего ихъ осторожно высушиваютъ; въ измельченномъ видѣ эта масса извѣстна въ продажѣ подѣ названіемъ солода. Водяная вытяжка изъ солода, по прибавленіи спирта, даетъ въ осадкѣ бѣлый аморфный порошокъ — диастазъ. Въ видѣ извиненія за такое длинное отступленіе, укажемъ нашимъ внимательно читающимъ хозяйкамъ, что тѣсто, особенно изъ ячменной муки, отъ опшариванія кипяткомъ становится сладкимъ, благодаря усиленному вслѣдствіе этого дѣйствію диастаза, заключеннаго въ небольшомъ количествѣ въ каждомъ крахмалистомъ сѣмени, и превращенію крахмала въ сахаръ.

Упомянутыя въ заглавіи два вещества считаются самыми существенными пищеварительными средствами желудочнаго сока какъ у человека, такъ и у всѣхъ болѣе высоко организованныхъ животныхъ классовъ; впрочемъ, присутствіе пепсина несомнѣнно теперь доказано также и въ нѣкоторыхъ растеніяхъ, напр. въ насѣкомоядныхъ, въ пашей росичкѣ (Drosera) встречающейся на топкихъ болотахъ. Желѣзки слизистой оболочки желудка, такъ назыв. желудочныя или пепсинныя (Labdrüsen), выдѣляютъ безцвѣтную кислую жидкость, смѣшивающуюся въ желудкѣ съ желудочною слюзью. Эта жидкость состоитъ изъ свободной соляной кислоты (HCl) и сказанныхъ двухъ ферментовъ. Изъ нихъ цимозинъ (Chymosin) расщепляетъ заключающееся въ молокѣ и другихъ веществахъ сырное вещество

(казеинъ) на трудно растворимый, а потому сейчасъ свертывающійся творогъ, и легко растворимую сыворотку. Этотъ ферментъ, который пожалуй можетъ быть названъ очищеннымъ сычужкомъ, въ молочномъ хозяйствѣ имѣетъ не маловажное значеніе для створаживанія молока. Пепсинъ (отъ слова pepsis — пицевареніе) былъ открытъ Шванномъ (Schwann) около 1838 г.; въ кислотномъ растворѣ обладаетъ онъ свойствомъ при температурѣ тѣла (около 29° Реомюра) быстро растворять свернувшіеся бѣлковыя тѣла. Способы его добыванія, даже весьма простой приемъ фонъ-Виттиха (v. Wittich), давали плохіе результаты. Послѣдній настаивалъ въ густомъ глицеринѣ измельченные куски слизистой оболочки желудка рогатаго скота и свиней; изъ этого долго сохраняющагося безъ измѣненій настоя, прибавленіемъ спирта, осаждался пепсинъ въ видѣ порошка. Висушенный порошокъ очищается отъ примѣсей посредствомъ промывки его въ диализаторѣ, т. е. въ сквозномъ цилиндрѣ, дно котораго заткнуто животною перепонкой. Если теперь диализаторъ опустить въ другую посуду съ водою, перепонкою внизъ, и переменить нѣсколько разъ или безпрестанно при помощи струи эту внѣшнюю воду, то подѣ конецъ всѣ минеральныя примѣси переходятъ сквозь перепонку, между тѣмъ какъ пепсинъ, какъ вещество коллоидальное¹⁾, задерживается большею частью перепонкою.

Лишь благодаря работамъ мюнхенскаго профессора Сокслета (Soxhlet) пепсинъ приобрѣлъ болѣе важное хозяйственное значеніе. Онъ настаивалъ особенно измельченный сычужъ (четвертый желудокъ молочнаго теленка) въ слабомъ растворѣ поваренной соли, вслѣдствіе чего кромѣ желудочной слизи вытягиваются также цимозинъ и пепсинъ. Однако при послѣдующемъ обработываніи вытяжки кислотой, съ цѣлью удаленія слизи осажденіемъ, пропадаетъ и большая часть этихъ ферментовъ благодаря механическому увлеченію ихъ въ осадокъ. Недавно патентованъ способъ доктора Ленера (Lehner) въ Аугсбургѣ, по которому при значительномъ сокращеніи времени получается наибольшее количество не только пепсина, но также и чистаго цимозина. Способъ основанъ на употребленіи угольной кислоты (CO²) для удаленія слизи. Пока измельченный сычужъ настаивается въ растворѣ поваренной соли (хлористаго натрія, NaCl), отъ времени до времени черезъ жидкость пропускаютъ сильный токъ угольной кислоты, вслѣдствіе чего не только ускоряется извлеченіе, но также предотвращается гниеніе. Полученный растворъ затѣмъ процѣживаютъ и прибавляютъ на каждую часть раствора десять частей поваренной соли; засимъ, при безпрестанномъ помѣшиваніи, въ толстостѣнномъ металлическомъ сосудѣ насыщаютъ его углекислымъ газомъ подѣ давленіемъ пяти атмосферъ. При этомъ осаждается единственно вся желудочная слизь. Осадокъ процѣживаніемъ отдѣляютъ отъ раствора, къ которому снова прибавляютъ поваренной соли, но лишь на каждыя десять частей по двѣ части соли. Послѣ насыщенія раствора снова углекислотой подѣ давленіемъ пяти атмосферъ, достаточно прибавленія ничтожнаго количества какой-нибудь крѣпкой кислоты для осажденія всего количества химозина, такъ что въ растворѣ остается одинъ пепсинъ. Осадокъ химозина собирается и высушивается при прибавленіи сухой поваренной соли и нѣкотораго количества двууглекислаго натра или кали (сода или поташу), послѣ чего этотъ ферментъ можетъ идти въ продажу. Наконецъ выдѣляютъ изъ раствора пепсинъ прибавленіемъ спирта или другихъ извѣстныхъ осаждающихъ веществъ и высушиваютъ полученный осадокъ, смѣшивая его съ молочнымъ сахаромъ.

Чтобы оправдать свое многословіе касательно упрощеннаго способа Ленера для добыванія пепсина, рассмотримъ теперь дѣйствіе этого фермента при процессѣ пищеваренія.

Пища кромѣ воды состоитъ изъ азотистыхъ и безазотистыхъ соединеній. Къ первымъ относится разнообразныя клейковины и бѣлковыя вещества, къ послѣднимъ — жиры и углеводы, соединенія содержащія кромѣ углерода (С), еще водородъ (Н) и кислородъ (О) въ томъ-же отношеніи, въ какомъ они находятся въ водѣ, т. е. на 2Н най О, напр. крахмалъ, клѣтчатка С⁶H¹²O⁶. Изъ нихъ безъ существенныхъ измѣненій всасывается только вода,

¹⁾ Грезъ (Graham) нашелъ, что черезъ бычачій пузырь и пергаментную бумагу (неклеенную бумагу, обработанную въ теченіе 2—3 минутъ холодной смѣсью купороснаго масла съ 1/2 объемомъ воды и потомъ промытую) проникаютъ свободно и быстро кристаллоиды, т. е. вещества кристаллизующіяся, выдѣляющіяся изъ растворовъ въ видѣ тѣлъ ограниченныхъ извѣстными образомъ наклоненными плоскостями; напротивъ, некристаллизующіяся вещества, коллоиды (отъ слова colla — клей), задерживаются или пропускаются перепонками весьма медленно. Къ послѣднимъ принадлежатъ почти всѣ вещества, изъ коихъ состоятъ тѣла животныхъ и растеній, напр. наша кожа — въ противномъ случаѣ изъ нашего тѣла должны были бы вытекать всѣ жидкости, кровь и проч.

неорганической и большая часть растворимых составных частей принимаемой пищи. Все остальные составные части пищи должны быть предварительно перевариваемы, за исключением тех, которые неизменно выделяются из тела. Такими будут нерастворимая роговая и эластическая ткань, да отчасти клетчатка, а из растворимых веществ те, которые вследствие большой массы или твердого сложения не могут быть вполне растворены. В полости рта крахмал (разбухший, так называемый клейстер) при температурѣ тела превращается в декстрин и виноградный сахар, благодаря особому аморфному ферменту слюны, сходному с диастазомъ, — пталину (Ptyalin, Bergelius). Это превращение продолжается и в желудкѣ, если ему не препятствует слишком большое количество кислоты, причемъ желудокъ служитъ лишь вмѣстилищемъ. Жиры проходятъ желудокъ безъ измѣненія, ихъ приготовленіе ко всасыванію слѣдуетъ лишь в кишкахъ, преимущественно вѣроятно благодаря аморфному ферменту поджелудочной желѣзы. Главною задачею желудка является такимъ образомъ перевариваніе бѣлковыхъ и клей-дающихъ веществъ. Первые поступаютъ почти всегда въ свернутомъ, нерастворимомъ видѣ, и конечно всасываются прямо не могутъ, равно какъ и клей и клей-дающія ткани (соединительная и костная ткань). Бѣлки, разбухающіе въ желудкѣ, отъ дѣйствія кислотъ, благодаря пепсину превращаются въ растворимыя въ водѣ соединенія, въ такъ назыв. пептоны, болѣе не свертывающіеся даже при температурѣ кипящей воды; клей-дающія ткани въ свою очередь переходятъ въ растворы неспособные образовывать студень, — желатинироваться. Пептоны разнообразны, смотря по роду бѣлковаго тела, изъ котораго они образовались, но измѣненія, претерпѣваемые при этомъ бѣлками (и клей-дающими тканями) мало еще изучены. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, подъ вліяніемъ пепсина, какъ вѣроятно и большинства другихъ ферментовъ, происходитъ расщепленіе частицъ бѣлковаго соединенія на болѣе простые, которые при этомъ присоединяютъ воду—гидрогенизируются. Наши также, что это превращеніе совершается въ двухъ ступеняхъ: сперва образуются пропептоны (недоваренные), а затѣмъ уже пептоны. Здѣсь необходимо также присутствіе свободной кислоты, которая въ видѣ соляной кислоты всегда находится въ небольшихъ количествахъ въ желудочномъ сокѣ. Выдѣляется она, вѣроятно, желѣзною слизистой оболочкой желудка, хотя только въ немногихъ случаяхъ удалось показать существованіе кислой реакціи въ самихъ желѣзахъ; отчасти образуется она вѣроятно изъ употребленной въ пищу поваренной соли. Впрочемъ, она безъ вреда для пищеваренія можетъ быть замѣнена молочной кислотою, образующеюся по большей части въ желудкѣ при пищевареніи.

Однако опытами обнаружено, что свободная кислота безъ присутствія пепсина, даже при температурѣ кипящей воды, неспособна перевести свернувшіяся бѣлковая соединенія въ пептоны. Если еще прибавить, что самое ничтожное количество пепсина въ присутствіи нѣсколько свободной кислоты способно переваривать уже при температурѣ тела (29° R.) громадную массу бѣлковыхъ веществъ, то процессъ перевариванія бѣлковъ въ желудкѣ можно себѣ представить такимъ образомъ. Если имѣющіеся въ желудочномъ сокѣ количества пепсина соединились съ известною массою бѣлковъ, то мѣсто пепсина въ образовавшихся соединеніяхъ замѣняется кислотою, а освобождающійся пепсинъ перевариваетъ опять нѣкоторое количество бѣлковъ и снова замѣняется новою кислотою и т. д.; такимъ образомъ то же самое количество пепсина растворитъ при постоянномъ пополненіи расходуемой кислоты все новыя и новыя количества бѣлковыхъ телъ, пока не вошла въ соединеніе вся свободная кислота. При недостаткѣ кислоты прекращается пищевареніе; поэтому слабое пищевареніе можно поправить припятиемъ въ водѣ нѣсколькихъ капель соляной кислоты (acidum muriaticum—медиковъ), которую врачи поэтому часто и прописываютъ.

Весь процессъ пищеваренія въ желудкѣ можно производить также и внѣ организма въ сосудѣ, въ ретортахъ химиковъ, при температурѣ тела, — это будетъ искусственное пищевареніе. Такимъ образомъ можно испытывать питательность разнаго рода пищи, дѣлать выводы о процессахъ совершающихся въ полости желудка, не мучая притомъ и не убивая массы животныхъ. Искусственнымъ пищевареніемъ также можно воспользоваться, чтобы приготовить лицамъ страдающимъ слабостю желудка, больнымъ вообще и выздоравливающимъ неполноценно переваривающую, а поэтому легко усволяемую пищу. Можно также давать пепсинъ внутрь такимъ людямъ, которые нуждаются въ усиленіи пищеварительной способности желудка. Теперь ясно и безъ разъясненій громадное значеніе легкаго и дешеваго приема для добыванія большихъ количествъ пепсина; одна только бѣда: поступающія въ продажу пепсинныя средства, благодаря еще мало изслѣдованнымъ условіямъ, могутъ дѣлаться недѣйствующими.

Переваренныя и разжиженныя водою питательныя вещества всасываются теломъ, проходя черезъ стѣнки пищеварительнаго канала. Этотъ процессъ также чисто физическій и основанъ на диффузіи (смѣшеніи двухъ разнородныхъ жидкостей, разобщенныхъ посредствомъ перепонки), — поэтому его легко повторить на опытѣ, — стоитъ лишь наполнить, напримеръ, бычачій пу-

зырь пептонами, да погрузить его въ воду; чрезъ нѣкоторое время удастся открыть переходъ пептоновъ во внѣшнее водовмѣстилище. Жизненными же дѣлаются всосанныя вещества лишь послѣ того, какъ они въ крови, преимущественно въ тончайшихъ кровяныхъ сосудахъ, въ волосныхъ, придутъ въ соприкосновеніе съ живыми тканями тела и подъ вліяніемъ содержимаго клеточки протоплазмы сами въ нее превращаются, т. е. послѣ ихъ перестройки въ составныя части нашего тела, послѣ ихъ ассимиляціи. Протоплазма, открытая и названная такъ въ 1853 г. Гуго фонъ-Моельмъ (Hugo von Mohl), не только является основаніемъ всего живущаго, но сама по себѣ есть живущее вещество. Прежде думали, что въ животной клетчкѣ имѣется другое основное вещество, названное Дюжарденомъ (Dujardin) саркодой; но эта простѣйшая подкладка (субстратъ) животной жизни, какъ это доказалъ Максъ Шульце (Max Schultze), весьма мало, а въ морфологическомъ отношеніи въ особенности даже совсѣмъ не отличается отъ подвижнаго содержимаго растительной клеточки, отъ протоплазмы. Протоплазма, или просто плазма, не будучи облечена азотистою оболочкой, представляетъ въ видѣ обыкновенно микроскопически малаго комочка слизи—простѣйшій организмъ—какъ животный, такъ и растительный. Изъ такихъ организмовъ амебу считаютъ животнымъ. Она не только по произволу выселяетъ и снова втягиваетъ отростки, а при болѣе твердой консистенціи множество нитевидныхъ лучей и жилокъ, но также и питается подобно животнымъ, вдвигая и постепенно оболочивая по сторонѣмъ тела любымъ мѣстомъ своего тела. У нѣсколькихъ болѣе развитыхъ формъ, уже несомнѣнно животныхъ, напр. у паливочныхъ или инфузорій (Infusoria), различны внутри уже нѣкоторыя обособленныя части: ядро съ ядрышками, пузырьки, часто бьющіяся, т. е. измѣняющіе свой объемъ. Также у большинства тайнобрачныхъ растений зародыши ихъ тоже состоятъ изъ подобнаго комочка слизи, а многія водоросли на всю свою жизнь остаются, обнаруживая самопроизвольное движеніе, въ этомъ простѣйшемъ видѣ или впоследствии облекаются оболочкою, чрезъ отверстія которой проходятъ мерцающія рѣснички или жгутики. Изслѣдуя все другіе классы животнаго и растительнаго царствъ, нашли, что каждое живое существо построено изъ нечислимаго количества комочковъ плазмы, разобщенныхъ между собою обыкновенно оболочками и называемыхъ клеточками. Дальнѣйшимъ обособленіемъ послѣднихъ между собою является, содержать-ли онѣ ядра, пузырьки, вакуоли и еще разныя другіе соки, ибо ядро и проч. обособленныя части клеточки, по возрѣванію однихъ изслѣдователей, принимаются за выдѣленія самой плазмы, — по другимъ же, что и вѣроятно, ядро составляетъ необходимую составную часть живой клеточки. Но какъ бы то ни было, для насъ важно, что кирпичами нашего тела являются клеточки, представляющія собою простѣйшіе организмы, какъ это мы видѣли на амебѣ, т. е. клеткѣ, сократимости содержимаго которой не препятствуетъ никакая внѣшняя твердая оболочка.

Химическій составъ плазмы еще мало изслѣдованъ; состоитъ она изъ разнообразныхъ, весьма сложныхъ безазотистыхъ, преимущественно бѣлковыхъ соединеній; также мало известно ея строеніе: уже въ безформенной массѣ амебы легко наблюдать зернистые потоки, образующіе выѣстъ цѣлую сеть; поэтому плазма состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ частей — мельчайшихъ зернышекъ, образующихъ вѣроятно остовъ, и болѣе жидкой части, наполняющей промежутки остова. Изъ этихъ частей пепсинъ перевариваетъ жидкую часть, между тѣмъ какъ остовъ сопротивляется искусственному пищеваренію.

Амеба питается такимъ образомъ, что, напр., бактерія (дробянка), облеченная ея теломъ, частью растворяется, а остатки выбрасываются; сама она вследствие питания растетъ, т. е. употребляетъ принятую пищу на построеніе своего тела. Въ протоплазмѣ слѣдовательно происходитъ жизненная (по старому возрѣванію—органическая) химія, тогда какъ пищевареніе только мертвая — неорганическая (минеральная) химія.

„Органическая“ же и „неорганическая“ химія суть выраженія имѣвшія свое значеніе до тѣхъ лишь норъ, пока не удалось приготовить искусственно органическую, т. е. вырабатываемую исключительно организмами, вещества, заключающія тотъ отличительный признакъ, что содержатъ углеродъ. Но когда Велеръ (Wöhler) въ 1828 г. впервые получилъ органическое соединеніе — мочевины, а за нимъ Бертелло (Berthelot) и другіе химики массу другихъ, дѣйствую различными соединеніями другъ на друга такъ-называемымъ синтезомъ, т. е. составленіемъ,—мы въ правѣ уже теперь предположить, что въ лабораторіяхъ современемъ возможно будетъ получить все органическія вещества (въ томъ числѣ, конечно, все нужное для питания и пищеваренія) изъ ихъ составныхъ частей, элементовъ. Тѣмъ не менѣ всякая химія будетъ „неорганическою“, она можетъ лишь разрушить живое образованіе, но не создать его, пока впрочемъ химикъ не удастся искусственно получить хотя бы каплю плазмы. Однако послѣднее предположеніе ведетъ насъ прямо къ возрѣваніямъ среднихъ вѣковъ, къ учению о гомункулѣ (homunculus) — возможности искусственнаго созданія челоуѣка при помощи реторты, — а подобными стремленіями наука уже задаваться не можетъ.

Э. Нидергерферъ.

Кронштадтські морські маневри 9—13 августа 1889. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Полянова, литографія Лблонскаго.

Визначальное освещение моря съ фортговъ. **Форти и начальная эскадра на горизонтѣ.**
 Ораниенбухскій берегъ и Южный фарватеръ. **Броненосный корабль.**
 Обороняющаяся эскадра у фортговъ. **Сѣверный фарватеръ, коса и кронштадтскій берегъ.**
 Далекоблестное яхтосное орудіе. **На сторожевомъ суднѣ.**

Къ рисункамъ.

Трудъ и праздность. (Рис. на стр. 865).

Заграницей, и особенно въ Германіи, рослыми собаками часто пользуются для возки небольшихъ тяжестей, преимущественно на продажу въ розницу по домамъ, какъ напримѣръ, крышоекъ съ молокомъ, булокъ и т. п. Продащица, забравъ часть товара, идетъ въ домъ предлагать его или получить деньги по расчету, а собака остается на улицѣ, сторожить свой грузъ и ни за что не подпуститъ къ нему другихъ собакъ. Къ сожалѣнію, и въ мірѣ животныхъ, миловидные и забавные представители праздности сплошь и рядомъ ведутъ болѣе пріятную жизнь, нежели труженики. Картинка Брунера представляетъ наглядный примѣръ такого собачьяго неравенства положеній. Два свѣтскіе щеголя—девретка и пинчеръ беззащитно и свысока облаиваютъ усталаго водолаза, который въ свою очередь относится къ нимъ съ добродушнымъ презрѣніемъ.

Панно проф. К. Е. Маковского: „Морскіе божни“ и „амуры-садовники“. (Рис. на стр. 868 и 869).

Заканчиваемъ серію этихъ изящныхъ панно, помѣщая шесть снимковъ съ картинъ, составляющихъ заднюю стѣну эстрады концертнаго зала въ домѣ г. Дервиза. На нихъ изображены такъ-называемые купидончики (les amorettes) въ роли садовниковъ и морскихъ божковъ. Первые заняты воздѣлываніемъ виноградною лозы и культурой цвѣтовъ, вторые беззаботно купаются въ водѣ и въ воздухѣ, трубя въ раковины и стрѣляя въ цѣль—по людскимъ сердцамъ.

Все продалъ съ барышомъ. (Рис. на стр. 873).

Рисунокъ г. Ижакевича изображаетъ пожилаго крестьянина, которому повезло на базарѣ: не особенно торгуясь, онъ раньше другихъ распродалъ привезенные имъ на продажу продукты и очевидно доволенъ выручкой...

Встрѣча Барбароссы съ сыномъ послѣ битвы при Коньѣ. (Рис. на стр. 876).

Въ 1187 году пронеслась по всему христіанскому Западу ужасная вѣсть о паденіи Иерусалима, такъ недавно еще освобожденнаго первыми крестоносцами, а теперь снова захваченнаго султаномъ Саладиномъ. Могучіе государи Европы рѣшили тогда двинуться на освобожденіе святаго города въ Палестину: Ричардъ Львиное Сердце изъ Англіи и Филиппъ-Августъ изъ Франціи. Но прежде ихъ устремился маститый Фридрихъ Барбаросса, императоръ Германскій. Передавъ управленіе въ своей странѣ старшему сыну Генриху (впоследствии Генрихъ VI), онъ отправился со своимъ вторымъ сыномъ Фридрихомъ, герцогомъ Швабскимъ, съ Лудвигомъ Тюрингенскимъ и другими князьями во главѣ хорошо вооруженнаго войска до 100,000 человекъ, въ 1189 году, чрезъ Грецію въ Малую Азію. Тамъ, 25 апрѣля 1190 г. онъ разбилъ сельджуковъ, соединившихся съ полчищами сына Саладина, Алафдала, подъ Иконіумомъ. При походѣ войско крестоносцевъ невыразимо страдало отъ жары и недостатка въ продовольствіи, пока не достигло наконецъ этого города, въ которомъ собрались главныя силы сельджуковъ, значительно превосходившія численностью армію Барбароссы. Самый городъ, нынѣ носящій названіе Конья, былъ въ XI, XII и XIII вѣкахъ центромъ одноименнаго съ нимъ государства сельджуковъ. Высокій валъ окружалъ его, а въ серединѣ возвышалась сильная крѣпость. Но сознаніе, что только побѣда можетъ быть спасеніемъ утомленныхъ долгимъ и труднымъ походомъ крестоносцевъ, воодушевляло войско. Съ разсвѣтомъ 6 марта началась рѣшительная битва. Самъ императоръ повелъ свое войско противъ сельджуковъ, расположившихся полукругомъ впереди города. Одно время, казалось, побѣда клонилась на сторону поклонниковъ Пророка, но императоръ Фридрихъ, носясь по бранному полю на конѣ, мощнымъ голосомъ поощрялъ крестоносцевъ постоять за вѣру Христову. Тогда христіане съ новыми силами бросились на враговъ и начали ихъ тѣснить, въ то самое время, когда на одной изъ башенъ городского вала взвилось знамя крестоносцевъ. Его поднялъ герцогъ Фридрихъ, проникнувъ со своими воннами въ городъ.

Велика была радость престарѣлаго императора, когда онъ, послѣ пораженія невѣрныхъ, встрѣтилъ своего сына и могъ обнять его. Эту трогательную встрѣчу и воспроизвелъ художникъ на нашей гравюрѣ. Сельджукскій султанъ и его полководцы, со своими сокровищами, спѣшили скрыться въ срединѣмъ укрѣпленіи и ожидали тамъ пощады побѣдителя. Крестоносцы, проникнувъ въ городъ, нашли въ немъ богатую добычу, но она не могла вознаграждать ихъ за всѣ потери и лишенія. Славная побѣда при Иконіумѣ была послѣднею радостью Фридриха Барбароссы, утонувшаго 29 мая въ волнахъ Каликадна, на границѣ Киликіи. Картина смерти Барбароссы была помѣщена въ № 49 *Нивы* 1887 года.

Литературный альбомъ. „Евгеній Онѣгинъ“, Пушкина. Татьяна. (Рис. на стр. 877).

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ—
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день...

А. Пушкинъ.

Кронштадтскіе морскіе маневры. (Рис. на стр. 881).

Займствуемъ изъ *Новаго Времени* описаніе двухстороннихъ морскихъ маневровъ подъ Кронштадтомъ, имѣвшихъ цѣлью выяснитъ оборонительное значеніе этой твердыни Петербурга въ случаѣ нападенія непріятельской эскадры.

Въ двухстороннихъ морскихъ маневрахъ принимали участіе слѣдующія суда: въ составѣ нападающей эскадры были: броненосный корабль „Петръ Великій“, фрегаты—полуброненосный „Герцогъ Эдинбургскій“ и башенный „Адмиралъ Спиридовъ“, двух-башенная лодка „Чародѣйка“, клипера „Плостунъ“, „Опричникъ“, „Стрѣлокъ“, минный крейсеръ „Лейтенантъ Ильинъ“, пароходъ „Работникъ“, шхуна „Славянка“, канонерскія лодки „Гроза“, „Буруль“, „Дождь“, „Мица“, миноносцы „Лука“, „Нарва“, „Котлинь“, „Виндава“, восемь миноносковъ и пароходъ „Ильмень“. Составъ эскадры, оборонявшей Кронштадтъ, былъ слѣдующій: мониторы „Броненосецъ“, „Латникъ“, „Стрѣлецъ“, „Перунъ“, „Взмунъ“, канонерскія лодки „Вихрь“, „Буря“, „Свѣтъ“, „Шитъ“, миноносцы „Або“, „Свеаборгъ“ и шесть миноносковъ, пароходы „Петербургъ“, „Рыбка“, „Ижора“, „Полезный“, „Лоцманъ“, транспортъ „Красная Горка“ и три портовыхъ барказа.

Утромъ, 9 августа, суда нападающей эскадры, подъ начальствомъ вице-адмирала Копытова, ушли въ море, дабы по плану маневровъ начать наступленіе съ полудня. Какъ только мачты ихъ скрылись за горизонтомъ, къ Толбухину маяку отъ оборонительной эскадры посланъ былъ наблюдательный отрядъ изъ 4 мониторовъ, трехъ канонерокъ и двухъ миноносцевъ, который долженъ былъ препятствовать возможному десанту на ораніенбаумскій берегъ. Вскорѣ послѣ полудня показалась непріятельская эскадра въ полномъ составѣ, вслѣдствіе чего наблюдательный отрядъ отступилъ подъ прикрытіе укрѣпленій, которыя немедленно открыли огонь по непріятелю изъ дальнѣйшихъ орудій. Главныя силы врага расположились у Толбухина маяка, а часть нападающей эскадры, подойдя возможно близко къ ораніенбаумскому берегу, стала приближаться къ лѣвому флангу кронштадтскихъ укрѣпленій, пытаясь пройти неисследованнымъ фарватеромъ. По ней былъ открытъ огонь со всѣхъ укрѣпленій Южнаго фарватера, причѣмъ оказалось, что въ дѣйствительномъ бою она была бы уничтожена прежде чѣмъ достигла бы фланга укрѣпленій. Такимъ образомъ выяснилась неприступность Кронштадта со стороны Южнаго фарватера и невозможность вести противъ этой крѣпости дневную атаку.

Съ наступленіемъ ночи, пасмурной и дождливой, непріятель старался уничтожить минныя и другія загражденія съ цѣлью подготовить почву для рѣшительныхъ дѣйствій слѣдующаго дня, а мелкія суда продолжали разыскивать проходъ въ тылъ укрѣпленій, незаметно пробираясь подъ самымъ ораніенбаумскимъ берегомъ. Со стороны обороняющихся были посланы сторожевыя суда слѣдить за врагомъ, а мониторы, канонерки и миноносцы выдвинуты на линію укрѣпленій, готовые отразить нападеніе. Зажженные на фортахъ электрическіе фонари освѣщали почти весь горизонтъ, давая возможность слѣдить за непріятелемъ, котораго миноноски нѣсколько разъ пытались прорваться на рейдъ для атаки стоявшихъ тамъ судовъ, но каждый разъ попадали подъ огонь фортовъ и судовъ и возвращались безъ успѣха.

Съ разсвѣтомъ выяснилось, что непріятельскія мелкія суда успѣли пробраться довольно близко къ лѣвому флангу укрѣпленій Южнаго фарватера, выказывая намѣреніе обойти ихъ съ тыла; поэтому, послѣ усиленнаго огня съ батареи, непріятельскій обходной отрядъ былъ атакованъ превосходными силами мониторовъ, канонерокъ и миноносковъ и отброшенъ за ряжевую преграду подъ выстрѣлы нѣсколькихъ укрѣпленій лѣваго фланга, а затѣмъ подъ прикрытіемъ огня главныхъ своихъ силъ, эти мелкія непріятельскія суда отступили далеко въ море.

Видя полный неуспѣхъ фланговаго движенія въ тылъ крѣпости, главныя силы непріятеля повели рѣшительную атаку противъ укрѣпленій Главнаго фарватера съ цѣлью форсировать проходъ, но попытка эта не имѣла никакого успѣха и послѣ горячей перестрѣлки, главная эскадра врага въ свою очередь отступила и скрылась за горизонтомъ.

Послѣ двухдневнаго перерыва, съ вечера 12 августа начались подготовительныя движенія обихъ эскадръ на Сѣверномъ фарватерѣ. Кронштадтскій морской телеграфъ извѣстилъ что

съ моря идутъ непріятельскія суда *Герцог Эдинбургскій, Петръ Великій, Адмиралъ Стуридовъ* и *Отричникъ*, окруженныя миноносцами и миноносками, которыя и расположились на Сѣверномъ фарватерѣ вѣд огня укрѣпленій. Поэтому мониторамъ и канонеркамъ обороняющейся эскадры приказано было идти съ Восточнаго рейда на Сѣверный фарватеръ и занять мѣста за фортами для поддержки ихъ на случай атаки непріятеля. Съ заходомъ солнца и наступленіемъ темноты собралась вся непріятельская эскадра, а во второмъ часу ночи сторожевыя суда обороняющихся замѣтили одновременное движеніе мелкихъ непріятельскихъ судовъ вдоль сестрорѣцкаго и кронштадтскаго береговъ во флангъ укрѣпленій. Множество шлюпокъ съ десантомъ въ темнотѣ двигались къ батарее № 1, расположенной подъ кронштадтскимъ берегомъ, намѣреваясь захватить ее враслохъ. Онѣ тотчасъ, по увѣдомленію со сторожевыхъ судовъ, были извѣщены электрическими фонарями съ фортовъ и по нимъ открытъ усиленный огонь шрапнелью, а затѣмъ онѣ попали подъ огонь батарей на косѣ и вынуждены были отступить въ безпорядкѣ къ главнымъ силамъ. Такимъ образомъ выяснилась невозможность какой-либо серьезной попытки противъ лѣваго фланга укрѣпленій Сѣвернаго фарватера.

Правый флангъ оказался также недоступнымъ для нападающей стороны, послѣ такой же бесполезной попытки.

Утромъ, 13 августа, въ одиннадцатомъ часу, обороняющаяся эскадра, пользуясь отвлеченіемъ отъ главнаго непріятельскаго отряда всѣхъ мелкихъ судовъ, скрывшихся гдѣ-то за горизонтомъ, рискнула въ свою очередь атаковать четыре вышеоименованныя непріятельскія судна; мониторы, канонерки и миноносцы ея подошли къ нимъ на выстрѣлъ и открыли огонь. Завязался оживленный бой продолжавшійся около часу. Замѣтивъ приближеніе мелкихъ непріятельскихъ судовъ къ главнымъ силамъ и опасаясь быть отрѣзанною отъ укрѣпленій, обороняющаяся эскадра отступила въ порядкѣ, отстрѣливаясь отъ наседаващаго непріятеля, а послѣдній, зарвавшись, попалъ подъ сосредоточенный огонь всѣхъ семи батарей фарватера. Затѣмъ непріятельская эскадра повернула въ море, скрылась за горизонтомъ, и маневры были кончены.

Т. И. Филипповъ. (Портр. на стр. 884).

Въ концѣ истекшаго іюля мѣсяца состоялось назначеніе Тертія Ивановича Филиппова на постъ государственнаго контролера. Не говоря уже о практическія свѣтломъ умѣ и большихъ способностяхъ новаго контролера, въ Филипповѣ высшее государственное управленіе Россіи приобрѣло дѣятеля съ весьма солиднымъ образованіемъ, энергичнаго и твердаго, человѣка личнаго искренняго свою родину и всегда отличавшагося своими патріотическими стремленіями. Онъ съ молодыхъ лѣтъ вращался въ кружкѣ московскихъ славянофиловъ, принадлежа въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ къ составу такъ-называемой „молодой редакціи“ *Погодинскаго журнала* *Москитянинъ*, и въ этомъ кружкѣ научился любить горячо и беззаветно свое отечество, выработалъ тѣ политическія взгляды, которымъ всегда оставался вѣренъ. Трудолюбивый, настойчивый въ преслѣдованіи поставленныхъ себѣ цѣлей, онъ самъ содалъ свою карьеру и, начавъ ее преподавателемъ гимназій, мало-по-малу достигъ высшихъ ступеней административной дѣятельности. Отъ общенія со славянофилами Филипповъ приобрѣлъ любовь къ богословскимъ наукамъ, и считается у насъ большимъ знаткомъ византійскихъ историковъ и Отцовъ церкви. Онъ также любитъ музыку и церковное пѣніе, и какъ ищущій любитель обратилъ на себя вниманіе еще будучи молодымъ. Съ любовью собиравъ одно время памятники русскаго народнаго зноса, онъ первый заботился о томъ, чтобы Русское Географическое Общество приступило къ собиранію русскихъ народныхъ вѣщевъ; ему первому принадлежитъ позинъ въ этомъ дѣлѣ. Какъ писатель, Тертія Ивановичъ извѣстенъ своими многочисленными статьями, помѣщавшимися въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, *Русской Бесѣдѣ*, *Москитянинѣ*, *Днѣ*, *Гражданинѣ* и друг.; при этомъ онъ вполнѣ заслуженно пользуется славою замѣчательнаго стилиста. Однако всѣ эти достоинства, образованіе, публицистическія работы и прочія преимущества Тертія Ивановича, какъ человѣка и дѣятеля, конечно еще не давали бы ему права занять такой важный государственной постъ. Государственный контролеръ провѣряющій денежные и хозяйственныя операціи всѣхъ вѣдомствъ, исполняющій, по смыслу закона, въ отношеніи министерства Финансовъ роль такъ-сказать постояннаго прокурора, долженъ, безъ сомнѣнія, обладать большими спеціальными познаніями, быть хорошимъ финансистомъ. Но Тертія Ивановичъ является и въ этомъ отношеніи человѣкомъ достойнымъ занять столь ответственную постъ, будучи весьма солидно къ нему подготовленъ. Бывшій усердный сотрудникъ В. А. Татаринова, основателя существующей у насъ контрольной системы, занимавшій должность товарища государственнаго контролера, въ послѣдніе годы, и нѣредко управлявшій означеннымъ учрежденіемъ, онъ приобрѣлъ достаточный опытъ въ теченіе слишкомъ пятинадцати лѣтъ, изучивъ въ совершенствѣ правила и формы смѣтнаго, кассоваго и ревизіоннаго порядка, пройдя курсъ контрольнаго дѣла. Тертія Ивановичъ нѣсколько лѣтъ занималъ мѣсто управляющаго Временною ревизионною комиссіей, что нынѣ Департаментъ гражданской отчетности, и въ Государственный Контроль поступилъ по усиленной просьбѣ Татаринова.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Тертія Ивановичъ Филипповъ родился въ Ржевѣ въ 1828 году; воспитывался въ гимназій, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1845 году кандидатомъ историко-филологическаго факультета. Послѣ этого онъ былъ назначенъ старшимъ учителемъ русской словесности въ первую московскую гимназію, откуда перешелъ въ вѣдомство Св. Синода, а затѣмъ былъ приглашенъ на службу въ Контроль. Кромѣ своихъ литературныхъ и служебныхъ занятій, Филипповъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ Славянскомъ благотворительномъ комитетѣ и отъ имени комитета произнесъ слѣдующія слова въ пріветственной рѣчи извѣстному сербскому митрополиту Михаилу, въ 1869 году: „У насъ—говорилъ г. Филипповъ—одна о васъ мысль и пожеланіе, чтобы всѣ единовѣрные и единокровные намъ народы устроили судьбу свою на основаніи ихъ дѣйствительныхъ правъ, не преступая въ предѣлы братень и представляя изъ себя союзъ мирныхъ, никому не угрожающихъ силъ, не ищущихъ возмездія за прошлое, но достаточно крѣпкихъ для отпора новыхъ посягательствъ на ихъ покой и свободу“. Этими словами онъ формуловалъ программу Россіи по отношенію къ славянскому вопросу, вполнѣ имъ раздѣляемую.

П. Быновъ.

Новая санаторія „Галила“ для грудныхъ болѣзней.

(Рис. на стр. 884).

Въ числѣ хроническихъ болѣзней страданія легкихъ и въ особенности легочная чахотка занимаетъ бесспорно первое мѣсто. По статистическому исчисленію, седьмая часть всего человѣческаго рода умираетъ отъ чахотки.

Всѣ большіе города съ тѣсно скученнымъ населеніемъ представляютъ весьма плодотворную почву для развитія этого страшнаго бича человѣчества, а между ними Петербургъ, при его особенно неблагоприятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ, занимаетъ видное мѣсто по степени распространенія чахотки какъ и другихъ легочныхъ болѣзней.

Долгое время всѣ медицинскія мѣры употребляемыя противъ чахотки сводились главнымъ образомъ къ одному предписанію: „Поѣзжайте на Югъ, въ теплый климатъ!“ Правда, результаты этого лѣченія „теплымъ климатомъ“ не только не соответствовали тѣмъ громаднымъ жертвамъ, съ которыми оно всегда сопряжено, а напротивъ, въ очень многихъ случаяхъ настоящая и существенная польза для больного сводилась просто къ нулю. Съ другой стороны, въ тѣхъ случаяхъ, когда достигалось на Югѣ нѣкоторое улучшеніе въ состояніи больныхъ, возвращеніе въ петербургскій климатъ всегда подвергало ихъ опять страшной опасности, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ первая легкая простуда вызывала рецидивъ и притомъ нѣредко смертельный.

Вотъ почему, еще до извѣстнаго открытія туберкулѣзныхъ бактерій или „бациллозъ“ д-ромъ Кохомъ, нѣкоторые врачи-специалисты начали лѣчить чахоточныхъ въ особо устроенныхъ для этой цѣли санаторіяхъ. Когда д-ръ Бремеръ открылъ свою санаторію въ Гёрберсдорфѣ, въ Силезскихъ горахъ, въ мѣстности съ суровымъ и холоднымъ климатомъ, то большинство врачей относилось къ этому дѣлу съ крайнимъ пренебреженіемъ, и продолжали посылать своихъ пациентовъ въ Ментону, Палермо, Каиръ и т. п. мѣстности.

Но вскорѣ результаты лѣченія въ Гёрберсдорфѣ самымъ блестящимъ образомъ доказали правильность взгляда д-ра Бремера. Затѣмъ возникли и другія санаторіи, подобныя учрежденію д-ра Бремера, въ другихъ мѣстностяхъ съ холоднымъ климатомъ, и успѣшно конкурировали хваленому „Югу“.

Наконецъ, послѣ открытія туберкулѣзныхъ бациллозъ, вполнѣ выяснилось почему южный климатъ, т. е. высокая средняя температура атмосферы сама по себѣ не имѣетъ цѣлительнаго дѣйствія въ чахоткѣ.

Д-ръ Бремеръ доказалъ самымъ неоспоримымъ образомъ, что важна не теплота, а чистота воздуха и отсутствіе въ немъ бактерій. Этому главнѣйшему требованію больше всего соответствуетъ воздухъ со скалистой и песчаной почвою при извѣстной притомъ высотѣ надъ уровнемъ моря, которая конечно измѣняется смотря по болѣе южному или болѣе сѣверному географическому положенію мѣстности.

И такъ для страдающихъ грудными болѣзнями по новѣйшимъ правиламъ науки требуется:

1. Чистота воздуха; отсутствіе продуктовъ гніенія растительныхъ веществъ въ почвѣ и отсутствіе бактерій.
2. Возможно высшее процентное содержаніе озона въ атмосферѣ.
3. Возможно болѣе нормальное процентное содержаніе водныхъ паровъ въ атмосферѣ. Воздухъ не долженъ быть ни слишкомъ сухимъ, ни слишкомъ сырымъ.
4. Отсутствіе вѣтра, самаго злѣйшаго врага всѣхъ чахоточныхъ.
5. Отсутствіе пыли.

Въ началѣ іюня текущаго года одинъ изъ петербургскихъ врачей, д-ръ Дитманъ, открылъ первую санаторію для груд-

ныхъ больныхъ, находящуюся вблизи отъ Петербурга. Онъ имѣлъ возможность, живя въ своемъ имѣннн „Галила“, близъ станціи Новая Кирка, по Финляндской ж. д., близко ознакомиться съ почвенными и климатическими условіями Финляндіи и пришелъ къ тому убѣжденію, что при хорошемъ выборѣ мѣста для постройки санаторіи и при правильномъ устройствѣ ея Финляндія можетъ успѣшно конкурировать со всеми заграничными санаторіями, какъ Гёрберсдорфъ, Фалькенштейнъ, Давосъ и пр.

Воздухъ въ избранномъ д-ромъ Дитманомъ мѣстѣ дѣйствительно соответствуетъ всемъ требованіямъ науки.

1. Песчано-гранитная почва гарантируетъ абсолютную сухость ея и отсутствіе продуктовъ гніенія растительныхъ веществъ и бактерій.

2. Сосновый лѣсъ въ соединеніи съ обиліемъ гранита самымъ дѣйствительнымъ образомъ способствуетъ развитію озона въ атмосферѣ. Замѣтимъ при этомъ, что проф. Гаустеръ въ Вѣнѣ измѣреніями посредствомъ озонметра доказалъ, что самое высшее процентное

Тертіи Ивановичъ Филипповъ, государственный контролеръ.
Съ фот. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

содержаніе озона въ воздухѣ всегда тамъ, гдѣ почва изобилуетъ гранитомъ.

3. Среднее процентное содержаніе водяныхъ паровъ близко къ нормѣ, потому что почва абсолютно суха, а находящеяся близъ санаторіи озеро не допускаетъ чрезмѣрной сухости атмосферы.

4 и 5. Вѣтеръ и пыль исключены постановкою дома посреди лѣса.

Сама постройка во всехъ отношеніяхъ вполне соответствуетъ своей цѣли. Домъ, обнимающій пространство около 1,000 куб. сажень, назначенъ для пребыванія въ немъ только 16—20 больныхъ. Поэтому всѣ комнаты, залы, коридоры и спальни—весьма крупныхъ размѣровъ. Каждая спальня, назначенная для одного больного, при 6 арш. вышины, имѣетъ въ длину болѣе 3-хъ, а въ ширину болѣе 2-хъ сажень. Внутри дома нѣтъ ни обоевъ, ни штукатурки, куда набивается пыль, а всѣ стѣны покрыты деревомъ, проолифены и покрыты лакомъ. Такого совершенства въ устройствѣ ни въ одной заграничной санаторіи нѣтъ.

Нельзя не привѣтствовать это благое начина-

Новая санаторія „Галила“ для грудныхъ болѣзней. Съ фотогр. Савельева, грав. Рашевскій.

ніе. Санаторія д-ра Дитмана даетъ больнымъ возможность серьезно и, надо надѣяться, успѣшно лѣчиться въ разстояніи всего нѣсколькихъ часовъ отъ Петербурга, не разлучаясь съ семьей и родиною.

Относительно метода лѣченія, который примѣняется д-ромъ Дитманомъ, нужно замѣтить, что въ немъ важную роль играетъ новый способъ, изобрѣтенный д-ромъ Вейгертомъ въ Берлинѣ, а именно вдыханіе горячаго воздуха. Посредствомъ особаго аппарата вдыхаемый воздухъ нагревается до весьма значительной теплоты, доходящей до 180° С. Больные въ большинствѣ случаевъ прекрасно переносятъ эту температуру. Цѣль этихъ вдыханій—прямое и непосредственное уничтоженіе бактерій въ легкихъ, пораженныхъ бугорчаткою.

Л. Л. Леонидовъ. (Порт. на этой стр.)

Съ небольшимъ годъ тому назадъ на сценѣ Александринскаго театра происходило скромное торжество. Праздновался юбилей пятидесятилѣтней артистической дѣятельности старѣйшаго изъ театральной семьи, Леонидова. Теперь виновникъ этого торжества скончался. Леонидовъ не обладалъ крупнымъ сценическимъ талантомъ, но съ честью занималъ амплу героевъ, особенно въ пятидесятихъ годахъ, пользуясь большими симпатіями публики. Онъ, „какъ артистъ и человекъ, хранилъ въ душѣ святое пламя, и сохранился средь друзей, какъ незапятнанное знамя давно минувшихъ, свѣтлыхъ дней.“ Въ тѣ времена, когда на русской сценѣ господствовала высокая драма, Леонидовъ имѣлъ положительный успѣхъ. При своемъ величественномъ ростѣ, прекрасной, представительной наружности, мощномъ голосѣ, онъ какъ будто былъ созданъ для высокотрагическихъ ролей; исполненіе его отличалось приемами старой школы и большою добросовѣстностью относительно изученія ролей; въ его игрѣ былъ огонекъ. Старый трагикъ до мозга костей, Леонидовъ естественно долженъ былъ отойти на второй планъ, когда въ драматическомъ репертуарѣ бытовала комедія заняла первенствующее мѣсто. За время полувѣковаго служенія своему театру онъ переигралъ безчисленное множество ролей, исполняя въ шекспировскихъ пьесахъ: Гамлета,

Л. Л. Леонидовъ († 5 августа 1889 г.). Съ фот. Шапиро, грав. Шюблеръ.

Отелло, Макбета, Глостера въ „Королѣ Лирѣ“, Антонія въ „Венеціанскомъ купцѣ“, Тимона Афинскаго, Леонато въ комедіи „Много шума изъ пустяковъ“. Участвовалъ онъ также въ пьесахъ Шиллера „Разбойники“ и „Коварство и Любовь“, въ пьесахъ „Венеціанская актриса“, „Кастильская честь“, „Бургграфы“ (Гюго) и болѣе всего въ пьесахъ Полеваго, Кукольника, Ободовскаго и друг. Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности, передъ оставленіемъ сцены, Леонидовъ игралъ роли Грознаго въ „Василисѣ Мелентьевой“, де-Савтоса въ трагедіи „Урліэль Акоста“ и роль дядьки въ комедіи Гольдони „Дядька въ хлопотахъ“, переведенной еще Гоголемъ. Особенно хорошую репутацию этотъ артистъ составилъ себѣ въ Москвѣ, гдѣ онъ переигралъ не мало эффектныхъ ролей, въ одно время съ знаменитымъ Мочаловымъ, продолжателемъ школы котораго московскіе театралы считали его, Леонидова.

Сынъ небогатаго чиновника, Леонидъ Львовичъ Леонидовъ

родился въ Петербургѣ, 18 апрѣля 1821 года. Воспитаніе получилъ онъ въ театральномъ училищѣ и дебютировалъ въ 1838 году, ролью Адольфа въ пьесѣ Вальберха „Женищина въ тридцать лѣтъ“. Тогдашніе критики замѣтили въ дебютантѣ проблески истиннаго чувства и бойкость, несмотря на то, что эта роль рѣшительно не подходила къ молодому актеру. Послѣ этого онъ участвовалъ въ самыхъ незначительныхъ водеvilныхъ роляхъ и наконецъ перешелъ на свое настоящее амплу—молодыхъ героевъ. Въ то время такіа же трагическія роли исполнялъ кумиръ тогдашней публики В. А. Каратыгинъ 1-й, и Леонидовъ волеи-неволеи долженъ былъ ступать на его переди. Въ началѣ 1843 года, по распоряженію дирекціи, Леонидова перевели въ Москву. Здѣсь онъ очень выгодно зарекомендовалъ себя послѣ первыхъ дебютовъ въ пьесахъ Н. А. Полеваго „Елена Глинская“ и „Ломоносовъ“ и въ комедіи Скриба „Клевета“ и, не смотря на то, что тогда же игралъ Мочаловъ, онъ все-таки занялъ первое амплу, а черезъ четыре года, когда умеръ Мочаловъ, весь репертуаръ знаменитаго артиста перешелъ къ Леонидову, который очень нравился публикѣ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ замѣстить умершаго Каратыгина, театральное начальство рѣшилось, наконецъ, выписать изъ Москвы Леонидова. 18 апрѣля 1854 г. онъ дебютировалъ въ переводной мелодрамѣ Василько-Петрова „Бенвенуто-Челлини“, имѣлъ успѣхъ и мало-по-малу овладѣлъ всѣмъ почти репертуаромъ Каратыгина, завоевавъ въ теченіе сезона любовь и симпатіи публики. Тѣмъ не менѣе, по словамъ извѣстнаго стараго театрала Вольфа, артисту этому, весьма даровитому и добросовѣстному, выпала неприятная доля подвергаться безпрестанно сравненію съ умершимъ Каратыгинимъ, по образцу котораго онъ формировался. Коня послѣ оригинала не могла произвести надлежащаго эффекта. Самостоятельнаго же амплу, сообразнаго съ новѣйшими требованіями, Леонидовъ себѣ не выработалъ и такъ на-вѣки и остался. На петербургской сценѣ онъ прослужилъ 33 года и вышелъ въ отставку въ 1888 году, отирадновавъ свой юбилей и награжденный орденомъ Св. Станислава 3-й степени. Леонидъ Львовичъ былъ женатъ на дочери знаменитаго танцовщица Н. О. Гольца, которая въ

пятидесятихъ годахъ несла на себѣ весь драматическій репертуаръ. Одно время Леонидовъ состоялъ преподавателемъ драматическаго искусства въ театральномъ училищѣ. Онъ имѣлъ обширныя знакомства въ столичныхъ кружкахъ театралныхъ, художественныхъ и литературныхъ, и ни одно изъ событій въ этихъ сферахъ не обходилось безъ участія маститаго артиста, безъ его рѣчей и стихотворныхъ импровизаций. Леонидовъ былъ очень остроуменъ: его экспромты, остроты, эпиграммы и вообще стихотворенія на случаи ходили по рукамъ и вѣроятно долго сохранялись въ памяти знавшихъ его. Его уважали и любили всѣ его знавшіе; онъ былъ прекраснымъ товарищемъ, замѣчательно честнымъ, прямымъ, добрымъ человекомъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Л. Л. Леонидовъ умеръ 5 августа на дачѣ въ Стрѣльнѣ, отъ острой формы рака. Въ *Русской Старинѣ* 1886 г. помѣщены отрывки изъ записокъ покойнаго артиста.

П. Быковъ.

П. Быковъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, И. И. В. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Вел. Кн. Михаилъ Александровичъ и Вел. Кн. Ксенія и Ольга Александровны, 14 августа, въ 6 час. пополудни, изволили отбыть изъ Петергофа въ Копенгагенъ. 17 августа, король Датскій и Греческій король выѣхали навстрѣчу Ихъ Императорскимъ Величествамъ и въ два часа пополудни были приняты на борту ях-

ты „Держава“, у Драгера. Ихъ Величества съ Августѣйшими Дѣтьми прибыли въ Копенгагенъ въ 3 часа 50 минутъ пополудни, были встрѣчены членами королевской фамиліи и прослѣдовали по роскошно убраннымъ улицамъ на вокзалъ, откуда отбыли въ Фреденсбургъ.

— 16 августа, на Сергіевской дачѣ князей Романовскихъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ, въ 2½ часа дня, происходило бракосочетаніе Е. И. В. князя Романовскаго герцога Лейхтен-

бергскаго Георгія Максимиліановича съ дочерью владѣтельнаго князя Черногорскаго, ея свѣтлостью, княжною Анастасією Николаевною. Торжество носило семейный характеръ. Его Величество Государь Императоръ, передъ отъѣздомъ въ Далію, благословилъ высоконазначеннаго жениха образомъ Спасителя. Въ самый день бракосочетанія Е. И. В. благословляли И. И. В. князь Романовскій герцогъ Лейхтенбергскій Евгений Максимиліановичъ съ принцессою Ольденбургскою Евге-

нию Максимилиановою. Въ 2½ часа дня изъ внутреннихъ покоевъ дворца въ домовую церковь Св. Троицы, расположенную среди парка, пришелъ высоконазначенный женихъ и собрались Особы Императорской Фамиліи. Въ 3 час. 40 мин. пополудни, къ церкви подъѣхала невѣста въ каретѣ, запряженной четверкою пугомъ. Образникомъ былъ сынъ флигель-адъютанта Шереметева. Въ церкви шестіе встрѣтилъ духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, протопресвитеръ І. Л. Янишевъ, который, съ двумя священниками—

пресвитеромъ Соколовымъ и протоіереемъ церкви Маріинскаго дворца Делигенскимъ, совершилъ таинство бракосочетанія.

Шаферами, державшими вѣнцы надъ головами высокобракосочетавшихся были у высоконазначеннаго жениха И. И. В. Вел. Князя Николай Михайловичъ и Дмитрій Константиновичъ, у ея свѣтлости невѣсты — наслѣднй князь Даниль Черногогорскій и князь Карагеоргиевичъ.

По совершеніи бракосочетанія, въ большой Бѣлой залѣ дворца было подано шам-

панское, и присутствовашіе поздравили высокихъ новобрачныхъ. Играла музика лейб-гвардіи Уланскаго полка.

Около 6 часовъ пополудни, Е. И. В. Кн. Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій Георгій Максимилиановичъ съ супругою, Княгинею Анастасіею Николаевною, отбыли съ Сергіевской дачи на станцію Старый-Петергофъ и оттуда съ экстреннымъ поѣздомъ желѣзной дороги отправились въ Москву и дальше въ свое тамбовское имѣніе, въ село Ивановку.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ отъѣзда своего вѣнценоснаго гостя, императора Австрійскаго, — императоръ Вильгельмъ снова отдался своей страсти путешествовать и покинувъ Берлинъ отправился въ западную часть своей имперіи. Повсюду вѣрнопопдаанные горячо привѣтствовали своего государя, сопровождая пріемъ торжественными встрѣчами, процессіями, смотрами, банкетами, на которыхъ императоръ Вильгельмъ провозглашалъ тосты въ честь посѣщаемыхъ мѣстностей: въ Страсбургѣ онъ нилъ за благоденіе своей вѣрной имперской области, а въ Мюнстерѣ, провозглашала тостъ въ честь Вестфальской провинціи, указалъ на стойкость, преданность, энергію и выдержку вестфальцевъ—качества, соответствующія основамъ его собственнаго воспитанія, такъ какъ воспитателемъ его былъ вестфалецъ. „Вестфальскій мечъ былъ всегда остеръ и я надѣюсь, что онъ окажется острымъ и впредь, если его вновь придется обнажить на защиту недавно объединенной родины“, говорилъ императоръ.

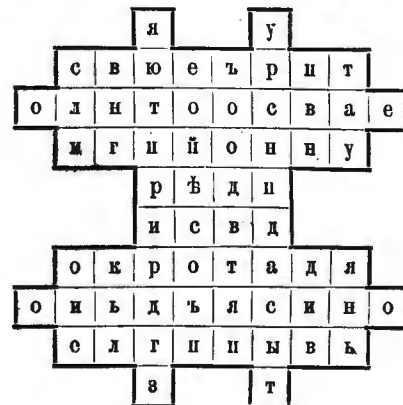
Пока императоръ совершаетъ свои странствованія, газеты продолжаютъ обсуждать значеніе двухъ послѣднихъ его свиданій съ королевою Англійскою и императоромъ Австрійскимъ. По поводу послѣдняго изъ нихъ завязалась довольно оживленная полемика между различными органами печати въ Австрійской имперіи. Чешскія газеты, а также консервативныя и клерикальныя, встаютъ противъ расширенія австро-германскаго союзнаго договора, могущаго только повредить австрійскому единству. Протесты этихъ органовъ не остались безъ вліянія на газеты нѣмецкихъ националистовъ, которыя, какъ напр. *Neue Freie Presse*, теперь торопятся увѣрить, что никогда никому и въ голову не приходило возстановить германскій союзъ, въ составъ котораго вошла бы и Австро-Венгрія, но гдѣ главная роль принадлежала бы нынѣшней Германской имперіи. Относительно результатовъ осборнскаго свиданія въ берлинской *National-Zeitung* появилось слѣдующее, новидимому, оффиціозное сообщеніе: „Хотя о результатахъ путешествія императора въ Англію никакихъ положительныхъ сообщеній не дѣляется, все-таки въ наиболѣе свѣдущихъ кругахъ считается достовернымъ, что въ Осборнѣ состоялось соглашеніе, благодаря которому обезпечивается единство направленія политики тройственнаго союза и политики Англій въ европейскихъ вопросахъ и предусматриваются послѣдствія такой политики“.

Во Франціи дѣятельно ведется избирательная агитація въ виду предстоящихъ выборовъ. Въ Фонтенебло уже состоялось, въ предсѣдательствѣ Карно, 16 августа, засѣданіе совѣта министровъ и президентъ подписалъ декретъ о созывѣ избирателей на 10 (22) декабря. Буланжисты употребляютъ всѣ старанія, чтобы одержать на нихъ верхъ. Разсказываютъ, что Буланже, уступивъ настояніямъ Лагерра и Деруледа, рѣшилъ вернуться во Францію за нѣсколько дней до выборовъ. Въ тотъ самый день, когда генераль предаетъ себя въ руки правосудія, онъ пріобрѣтаетъ право на избираемость, потому что необходимо будетъ судить его вторично. Буланже отправится де во Францію съ большою торжественностью. Всѣ подробности триумфальнаго шествія осужденнаго генерала будто бы уже установлены и даже зафрахтованъ пароходъ, на которомъ онъ поѣдетъ изъ Дувра въ Калъ. Республиканскія газеты, передавая эти слухи, замѣчаютъ, что они распускаются нарочно, съ цѣлью подогрѣть усердіе сторонниковъ Буланже. Между тѣмъ въ самомъ Парижѣ *Presse* печатаетъ прокламацію Буланже, въ которой приводится списокъ буланжистскихъ кандидатовъ, рекомендуемыхъ избирателямъ Сенскаго департамента. Въ трехъ участкахъ нѣкоторымъ изъ этихъ кандидатовъ были уже устроены оваціи. 15 августа, вечеромъ, въ циркѣ Фернандо собралась значительная толпа буланжистовъ, помѣстившаяся частью въ самомъ циркѣ, частью на улицѣ. Полицейскихъ было откомандировано чрезвычайно много. Лагерръ пытался опровергнуть по пунктамъ обвинительную рѣчь генеральнаго прокурора по дѣлу Буланже. Затѣмъ Лэзанъ поставилъ на обсужденіе собравшихся пять вопросовъ о виновности. На всѣ эти вопросы единодушно даны были отрицательные отвѣты и, согласно тому, Буланже признанъ оправданнымъ. Собравшаяся около цирка толпа кричала: „Vive Boulanger!“ и бросала камнями въ полицію. Конная гвардія сдѣлала натискъ и арестовала многихъ.

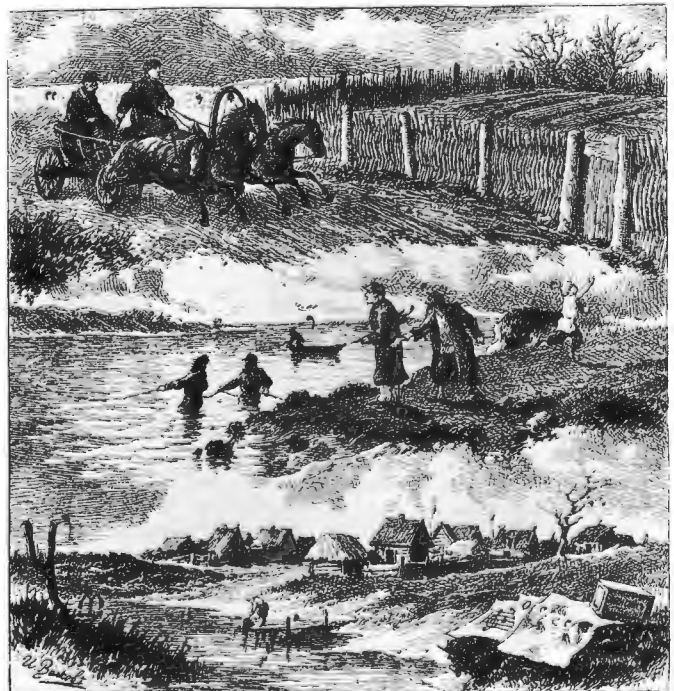
На островѣ Критѣ спокойствіе далеко еще не возстановлено. Напротивъ, газетѣ *Standard* телеграфируютъ изъ Константинополя, что султанъ не согласился на требованія критской комисіи и турецкія войска на островѣ Критѣ наготовѣ для всякаго случая; агентству Рейтера сообщаютъ, что вслѣдствіе принудительныхъ мѣръ, принятыхъ Портою, переговоры между инсургентами и Шакиромъ-пашею прекратились и послѣ нѣкотораго затишья, кровопролитныя столкновенія между инсургентами и турецкими войсками возобновились. Особенно безпечно въ окрестностяхъ Селино, Ретимно и Гераклеона.

Въ *Times* появилось извѣстіе, что христіане острова Крита намѣрены во время пребыванія Германскаго императора въ Аѳинахъ ходатайствовать черезъ депутацію объ его покровительствѣ. На это *Post* замѣчаетъ, что императоръ во всякомъ случаѣ отклонитъ несоответственно адресованную къ нему просьбу, такъ какъ онъ не приметъ на себя никакихъ обязательствъ защиты или покровительства внутри турецкаго государства.

Задача буквъ (ходъ коня) № 56.

Реквизитъ. Задача № 57.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Увлечен'е. Разсказъ князя Д. Голицына-Муравлина. (Продолженіе).— Подъ звонъ колоколовъ. Романъ Вас. И. Ромировича-Данченко. Часть II. (Окончаніе).— Песни и цимозинъ. Э. Нидергера.— Въ рисункахъ: Трудъ и праздность (съ рис.).— Пано проф. Н. Е. Маковского: „Морскіе боины“ и „ауры-садовникъ“ (съ рис.).— Все продать съ барышомъ (съ рис.).— Встрѣча Барбароссы съ сыномъ послѣ битвы при Ноньѣ (съ рис.).— Литературный альбомъ: „Евгеній Онѣгинъ“, Пушкина. Татьяна (съ рис.).— Кронштадтскіе морскіе маневры (съ рис.).— Т. И. Филипповъ (съ портр.).— Новая санаторія „Галила“ для грудныхъ болѣзней (съ рис.).— Л. Л. Леонидовъ (съ портр.).— Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Задачи. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

МАГАЗИНЪ БРОНЗЫ
К. ВЕРТО
 переводится съ 1 сентября с. г.
ВЪ БОЛЬШУЮ МОРСКУЮ № 27.

Въ отдѣленіи книжнаго склада **В. В. ДУМНОВА**
 ПОДЪ ФИРМОЮ
„НАСЛѢДНИКИ БРАТЬЕВЪ САЛАЕВЫХЪ“
 С.-Петербургъ, уголъ Невскаго и Екатерининскаго каналовъ, д. № 19, и въ Москвѣ, въ его же книжномъ магазинѣ, на Мясницкой улицѣ, въ домѣ Обидной,
ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ.

Изданіе десятое, подъ редакціею проф. Н. С. Тихонравова, въ 5-ти томахъ большаго формата (болѣе 200 листовъ), съ двумя портретами автора, снимками его автографовъ, чертежей и другими рисунками, съ примѣчаніями редактора и вѣрными текстами. Текстъ этого изданія, въ составъ котораго вошли, между прочимъ, произведенія и отрывки, до сего времени не помѣщенные ни въ одномъ изъ предыдущихъ изданій, сверенъ и исправленъ проф. Тихонравовымъ по собственноручнымъ рукописямъ поэта и первоначальнымъ изданіямъ его произведеній, выходящимъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Гоголя. Цѣна за 5 томовъ 8 р. 50 к., пересылка за 11-ть фунтовъ, по разстоянію, на счетъ покупателей. Въ настоящее время вышли I, IV, V томы, на остальные два тома выдается билетъ. До выхода въ свѣтъ всѣхъ 5-ти томовъ, желающимъ допустить подписка на слѣдующихъ условіяхъ: городскіе покупатели вносятъ при полученіи перваго тома 2 р. 50 к., а иногородные 2 р. 50 к. и стоимость пересылки, при полученіи же слѣдующихъ томовъ— по 1 р. 50 к. за каждый томъ. По выходѣ же всѣхъ 5-ти томовъ, о чемъ будетъ особо публиковано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, подписка прекращается и лица не взявшія въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня публикаціи слѣдующихъ томовъ, теряютъ право на полученіе ихъ. Служащие въ казенныхъ, общественныхъ и желѣзнодорожныхъ учрежденіяхъ могутъ получать сочиненія Гоголя въ разсрочку, вносъ первоначально 2 р. 50 к. и стоимость пересылки, а остальные взносы производить ежемѣсячно, но не менѣе 1 рубля въ мѣсяцъ, при чемъ вышедшіе три тома будутъ высланы немедленно, а остальные по выходѣ въ свѣтъ. При разсрочкѣ этого послѣдняго рода, требованія должны присылаться на бланкѣ и съ печатно учрежденія, за подпискою и ручательствомъ казначея или завѣдывающаго денежною отчетностью. По окончаніи печатанія означенныхъ 5-ти томовъ, предполагается приступить (также подъ редакціею проф. Тихонравова) къ печатанію VI тома, который поступитъ въ отдѣльную продажу. Въ этомъ томѣ будутъ помѣщены: выдержки изъ записныхъ книжекъ Гоголя, тѣ цѣльныя произведенія, которыя до сихъ поръ оставались въ рукописяхъ (напр. „Учебная книга словесности“), первоначальныя редакціи „Жизитѣи“ и „Ревизора“ и первой части „Мертвыхъ душъ“, программы университетскихъ лекцій и наброски неоконченныхъ произведеній. № 3990 3—2

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
 Вс. Соловьева.
 Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царенни Софій. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

НОВОСТИ!
 Веселая свинки, очень интересная игра. Вопросъ Эйфелевой башни, фокусъ съ Парижской выставки. Цѣна за обѣ игры 1 руб. съ пересылкой. И. Глазуновъ. На Рождественскѣ въ Москвѣ.

МАТТОНИ ГИСТЮБЛЕРЪ
 ЧИСТЫЙ ЦЕЛОЧИСЛЕННЫЙ ИСТОЧНИКЪ ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ И ЗДОРОВЫЙ СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ
 можно вездѣ получить.
 6000000 (миллион) бутылокъ годовою вывозъ.

„РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА“
 50 №№ въ годъ и 100 листовъ отдѣльныхъ приложений. Множество рисунковъ и чертежей всевозможныхъ образцовъ издѣлій по различнымъ ремесленнымъ и мелкимъ фабрично-заводскимъ производствамъ. — Моды, новости и пр. Подробная программа высылается немедленно. Издается 5-й годъ. За 1/2 года 4 р.; за 6 р. высылается годовое изданіе, начиная съ № 1. Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
 строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
 Специальность: плуги и молотилки. Они же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивовъ Клейтона и Шутлехорта въ Англій и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, жнеенъ „Дези“ и сноповязаловъ Манъ Нормана въ Чикаго.
 Кроме того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигръ завода Стодартъ, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 3950 (8)
 Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бугенонъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 Невскій, 57, собств. домъ, Покупаетъ всѣ % бумаги. Ссуды подъ всѣ % бумаги. Страхуваніе выигранныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3925
 Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства **АГЕНТЫ.**
 Предложенія адресовать по выше-означенному адресу.

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграничій.
LA VELOUTINE
 Специальная рисово-висмутовая пудра.
CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ
ОТЦЕВЪ ВЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
 Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.
 Находится во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ лавкахъ.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
 Аккуратное и вѣрное дѣйствіе, мягкій вкусъ, МАЛАЯ ДОЗА
 „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“
 Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ У ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ И АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
 Измайловскій проспектъ, № 21.
 Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:
ЗУБНЫЕ ЭЛИКСИРЫ И ПОРОШКИ.
 Зубная Глицериновая паста по 75 к.
 Порошокъ Корайль и съ хиною по 75 к.
САЛИЦИЛОВАЯ производенія.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32. Рт. № 3997
 2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
 3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18—54. (Розничная и оптоваго продажы).
 Въ Москвѣ: 1) На Кузнечкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ.

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ,
Варшава, Лешно, 14.
Бицикли отъ 100 р., Роверы отъ
185 р.

ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА.

Вышло изъ печати:

И. КРАМЕРЪ

60 избранныхъ этюдовъ
для фортепiano.

изданныхъ подъ редакціею

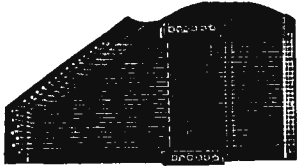
Г. фонъ-БЮЛОВА,

въ систематическомъ порядкѣ, съ обозна-
ченіемъ аппикатуры и знаковъ исполненія
и съ примѣчаніями.

Новое дополненное издание.

Русскій переводъ Г. Лароша и Н. Кашкина.
Тетр. I, II, III, IV по 1 руб.

Москва, у П. ЮРГЕНСОНА.

**УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ**

собств. издѣлія продаются по вновь уде-
шевленнымъ цѣнамъ:
съ 3 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к.

7 съ приспособленіемъ для
легкой и скорой настройки по 6 рублей.
Самый легкій инструментъ для изученія.
Пріятный тонъ. Въ короткое время про-
даны многія тысячи.

За пересылку по почтѣ проку прилагать
за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъ режизъ инстру-
ментамъ бесплатно. (9) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣляется скидка.

ТОЛЬКО 10 РУБ.!

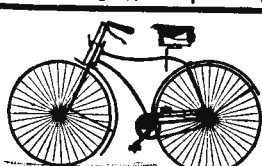
Настоящій фотографическій аппаратъ,
не игрушка, коимъ каждый можетъ сн-
мать съ натуры портреты, виды и проч.,
въ визиты и кабинеты, величину, съ
пробн. снимками и руководствомъ. Пе-
ресылка за 15 фунт. Адресъ: С.-Петер-
бургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній,
4, Невскій просп., 4, рядомъ съ Главн.
Штабомъ. Новый иллюстр. каталогъ
всѣхъ изобрѣтеній за 7 к. марку.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

**Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,**

Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкій Мостъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ
единственный Складъ для всей
Россіи Велосипедовъ: Свифтъ,
Виппегъ, Русскій Клубъ, Мол-
нія (New Rapid), Имперіаль и пр.

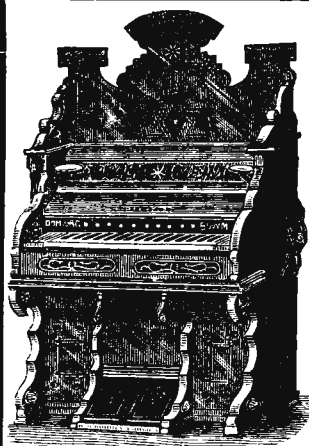
Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общественный Свѣтъ, № 2
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

ФИСГАРМОНИЯ

Прекрасный инструментъ
для Духовной и свѣтской музыки.
Американскія фисгармоніи, весьма живо
пріятны, благородныя звуки которыхъ очаро-
вываютъ каждого слушателя, излучая отъ
дѣла которыхъ украшаетъ каждую залу,
стоятъ только 110, 150, 175, 250, 300, 350,
450, 600, 700, 900 и 1400 руб.
Французскія фисгармоніи: 100, 130, 160,
200, 300 и 500 р. № 3999

Выучиться играть на фисгармоніи очень
легко; кто немного играетъ на фортепiano,
тому игра на фисгармоніи не состав-
ляетъ никакого труда. Школы и ноты для
фисгармоніи въ большомъ выборѣ.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ и ка-
талогъ нотъ для фисгармоніи—бесплатно.

ЮЛІИ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Большая Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

(Америк. фисгармонія въ 300 р.)

**СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ
ВЪ
СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ
„РОССІЯ“**

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

СТРАХОВАНІЯ:

- Капиталовъ на случай смерти,
- Вдовихъ пенсій,
- Капиталовъ на старость,
- Пенсій на старость,
- Приданаго для дѣвушекъ,
- Стипендій для мальчиковъ,
- Пожизненныхъ доходовъ.

№ 3847 6-3

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.
Къ 1 января 1889 г. въ Обществѣ „Россія“ было застра-
ховано 20,107 лицъ на капиталъ въ 56.795,020 руб.
Дивидендъ страхователей въ 1889 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются въ всякаго рода свѣдѣ-
нія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Мор-
ская, № 13) и въ агентствахъ Общества въ городахъ Имперіи.
Брошюры по страхованію жизни выдаются и высылаются,
по требованію, бесплатно.

ВЪ СКЛАДѢ

ПОСТОЯННОЙ КОМИССИИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ

(С.-Петербургъ, Малая Итальянская ул., д. № 38): продаются брошюры религіознаго
содержанія, по описанію святыхъ мѣстъ, по отечественной исторіи, географіи и есте-
ствовѣднію, беллетристическія и др., всего числомъ 87.

Каталогъ высылается бесплатно. № 4004 2-1

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на
головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для
продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и
Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со-
держашему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп.
но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Ители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кину-
нена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только
имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе
двухъ флаконовъ.

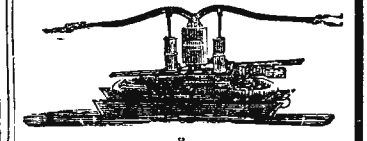
Просятъ непременно обращать вниманіе
на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-
кона,—пров. Кинуненъ. (80) № 2946

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
СПбургъ, Невскій пр., № 52
прот. Имп. Публ. Библиотеки.
Оптовая и рознич. продажа.
Специалистъ хронометровъ.

Рекомендую золот. глухія дамскіе часы, за-
водъ безъ ключа, изысканный фасонъ, въ 45 р.
Ручательство на 2 года.
Пересылка на счетъ магазина. Полный ил-
люстрированный прейсъ-курантъ высылается
по востребованію бесплатно. № 3947 10-5

ЛВНИНГЪСЪ и ГЮЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которую печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ,
НАСОСОВЪ ВСЯКАГО РОДА и
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИИЪ
молотилокъ, вѣялокъ, мельницъ Триумфъ,
локомобилей 3, 4 и 6 силъ, сѣвнхъ прес-
совъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ, соломо-
рѣзокъ, десятичныхъ вѣсовъ, натвовъ для
№ 3942 бѣлья и пр. 6-5

**МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.**

С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линия, № 2.
Москва, Мясницкая, д. Виноградова.
Иллюстр. каталоги выснд. бесплатно.

CORSETS
LEOTY
adoptés
par le
High-Life pa-
risien.
8. Place de la
Madeleine, Paris

**МАСТЕРСКАЯ ДАМСКИХЪ
ПЛАТЬЕВЪ И ЦАЛЪТО**

Л. КЮТНЕРЪ
ГАЗЕТНЫЙ ПЕРДОМЪ ФУЛЬДА
ВЪ МОСКВѢ.

**ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.**

Пишетъ въ 3 раза
быстрѣ пера. Чисто-
та, четкость и красота.
Введена во всѣхъ
Министерствахъ и
мног. правительствъ
и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн.
отзывы отъ Правительствъ и другихъ учре-
жденій, высылаются бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.

№ 36

г. XX

1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдаѣтъ 2 сентября 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1889 Г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской. Петровская Торг. линія . . .	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------

Везъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложениями.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1889 г., съ 32 рисунками и отд. листъ съ 30 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 34 рис. руководѣльныхъ работъ.

Дѣдушка и внучекъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Флюгель.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ ясный ноябрскій вечеръ, не смотря на сильный морозъ, на одной изъ немногихъ широкихъ улицъ первопрестольной Москвы происходило то, что именуется Вавилонскимъ столпотворениемъ.

По улицѣ и по всѣмъ прилегающимъ къ ней переулкамъ кишѣлъ будто человѣческой муравейникъ. Двигались, шли и ѣхали, переплетались и путались вереницы колымагъ, возковъ и всякихъ экипажей, а между ними всадники и пѣшие.

Среди этой сумятицы высились большія каменные палаты и сіяли всѣми окнами. Весь дворъ, столбы ограды, часть прилегающей къ нему улицы были сплошь усѣяны площадками и скалками, а кой-гдѣ кадучками съ горящею смолой. И отъ этого барскаго дома зарево стояло на всю Москву.

Здѣсь жилъ уже давно не то опальный, не то на покоѣ, но во всякомъ случаѣ удаленный или удалившійся отъ двора, знаменитый графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

Въ этотъ вечеръ графъ давалъ балъ буквально на всю дворянскую Москву. Съездъ былъ такъ великъ, что только жепщины въ бальныхъ костюмахъ съ высокими мудреными прическами терпѣливо оставались сидѣть въ своихъ возкахъ или каретахъ, ожидая возможности добраться въ очередь до подъѣзда и выйти; мужчины, не смотря на необычность такого поступка, рѣшались бросить экипажъ среди улицы и шли пѣшкомъ чрезъ дворъ до крыльца дома, въ сопровожденіи своихъ лакеевъ или гайдуковъ.

Графъ Орловъ давалъ балъ, по который въ Москвѣ уже ходило по городу одно словечко: „промахнется“. Москва, и сановная, и просто свѣтская, нѣсколько дней толковала про этотъ балъ, устроенный въ огромныхъ размѣрахъ, и все повторяла то же слово. Но это выраженіе вовсе не означало того, что балъ будетъ не удаченъ, не блестящъ, не любопытенъ.

Алексѣй Григорьевичъ, при своемъ страшномъ богатствѣ и умѣньи тратить деньги, обращавшій большое вниманіе на показную сторону во всемъ, долженъ былъ, конечно, и на этотъ разъ удивить столицу великолѣпиемъ своего праздника.

Выраженіе „промахнется“ относилось совершенно къ иному обстоятельству. Произнося это слово, и сановники, и дворяне лукаво подмигивали или трясли головой. Слово это имѣло гораздо большее значеніе. Оно говорило о томъ, что у графа есть своя затаенная цѣль, и хитрая, и серьезная, которую онъ себѣ поставилъ, которой хочетъ достигнуть этимъ баломъ, а чрезъ день или два—другимъ ниромъ, обѣдомъ для дворянъ, а на дворѣ для простонародья. Но москвичамъ казалось, что графъ своими празднествами этой цѣли не достигнетъ: „промахнется!“

Богатая и изящно отдѣланныя палаты едва вмѣстили въ себя всю массу гостей. Во всѣхъ горницахъ стояли сплошныя кучи разряженныхъ дамъ, кавалеровъ штатскихъ и военныхъ. Все блестяло, сіяло, собираясь веселиться, но повсюду, во всемъ, во всѣхъ гостяхъ будто пролилась какал-то невидимая, загадочная волна...

Танцы давно начались въ большой залѣ, но такъ какъ не достало тамъ мѣста, танцовали и въ сосѣдней гостиной. Громадный и лучшій въ Россіи оркестръ гремѣлъ такъ, что его слышно было на улицѣ черезъ двойныя рамы. Въ другихъ горницахъ за многими столами играли въ карты.

Но во всѣхъ этихъ горницахъ, на всѣхъ лицахъ,

чуть-ли даже не на физиономіяхъ прислуги графской чудилось одно и то же: желаніе радоваться при полной невозможности, желаніе не веселиться, а казаться веселымъ.

Всюду было какъ бы написано, чуть не на самыхъ стѣнахъ начертано большими буквами, на подобіе таинственныхъ словъ: *Мани, Факель, Фаресъ*,—неизвѣстность, тревога, боязнь. И однако, хотя всякій это чувствовалъ, никто ни единымъ словомъ на вечерѣ не обмолвился.

Самъ хозяинъ, высокій, мощный въ плечахъ, черезчуръ полный, но все еще красивый, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, любезно принималъ гостей и всячески заботился о всѣхъ: дамъ разсаживалъ, сановниковъ и пожилыхъ лицъ пристраивалъ за карты, за шахматы, или за какое иное занятіе, стараясь, чтобы каждому было приятно, а молодежь-кавалеровъ посылалъ танцовать до упаду.

При этомъ графъ изо всей силы, больше чѣмъ кто-либо на этомъ балѣ, старался показаться радостнымъ и счастливымъ до-нельзя. Но потому-ли, что онъ не умѣлъ притворяться, или на душѣ его черезчуръ кошки скребли, только всякій москвичъ, давно привыкшій къ своему Алексѣю Григорьевичу, видѣлъ по глазамъ его, что знаменитому вельможѣ далеко не до веселья.

И самъ графъ, глядя на всѣхъ другихъ, смотрѣлся въ нихъ какъ въ зеркало. Онъ видѣлъ и въ нихъ одинаковое со своимъ состояніе души, хотя въ гораздо меньшей степени. Всѣ тревожились и вопросительно взирали на него, озабоченные нѣсколько собой, но еще болѣе имъ.

Въ каждомъ взглядѣ, который графъ ловилъ на себѣ, онъ читалъ тотъ же вопросъ: „что съ тобой будетъ?“ Или же онъ читалъ то словечко, которое бѣгло давно по Москвѣ: „промахнешься!“

Во все время бала, начавшагося въ девять часовъ, вплоть до полуночи длилось это странное, будто разлитое въ палатахъ настроеніе. Бальная суета и пустыя незначащія рѣчи, какъ журчанье ручьевъ, отличались на этотъ разъ лишь тѣмъ, что всѣ гости много толковали о монархинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и поминали громкія имена лицъ ярко освѣтившихъ навсегда страницы ея царствованія, долгаго и славнаго.

Однако не только въ горницахъ, гдѣ перешептывались празднично-сидѣвшіе гости, но и за карточными столами, наконецъ даже въ бальной залѣ, на устахъ у всѣхъ появлялись чаще всего четыре фамиліи. Имена эти, о которыхъ многіе тридцатилѣтніе люди почти ни разу еще ничего не слышали, были: Аракчеевъ, Кутайсовъ, Раstopчинъ, Гудовичъ.

Нѣкоторые собесѣдники заставляли себѣ повторять эти фамиліи. Въ одной маленькой гостиной, гдѣ сидѣли сплошь сановники, заслуженные генералы, или московскіе старожилы-дворяне, важные не чинами и звѣздами, а Рюриковскимъ именемъ и несмѣтнымъ состояніемъ, всего чаще повторялись эти имена. То и дѣло слышалось:

— Да откуда же онъ?

— Съ кавказскихъ предѣловъ. Это у вратъ персидскихъ, цѣлое такое княжество — Кутаисъ.

— Что вы, такого нѣтъ!

— Ну, городъ что-ли! А то и посадь. И по немъ названіе, прозвище получено...

— Плѣнный князекъ!

— Ну, батюшка, знаемъ мы этихъ плѣнныхъ князей да графовъ. Небось, просто такъ чернавкинъ мальчугашка.

— Ну, а этот Ракачевъ? или Карчевъ что-ль?

— Этотъ дворянинъ русскій. Только онъ какъ-то иначе прозывается.

— Какой чортъ: Карчевъ. Его зовутъ Аракчевъ.

— Ну, а Гудовича—правда что вернуть?

— Сказываютъ: вернуть, озолотить, въ графы произведутъ...

— Да за что?

— Тридцать шесть лѣтъ въ опалѣ былъ и такъ ни за что вѣдь. А былъ первымъ любимцемъ Петра Θεодоровича.

— А Растопчинъ что такое?

— А это уже никому неизвѣстно. Да и чудно какъ: Растопчинъ! Что-то не по-русски. Знать татаринъ.

— Да! Что-то будетъ! Что-то будетъ! кончалась всякая бесѣда припѣвомъ и вздохомъ.

— Ну, а „вашъ-то“? вѣдь не одобровать? кивали иныя на стѣны великолѣпнаго дома.

— Да, пожалуй что повѣшннй балъ—послѣднй. Не уѣхать бы ему туда же, куда ѣздили разные Меньшиковы, Бестужевы и Волинскіе.

— Волинскій никуда не ѣздилъ. Ему голову отрубили.

— Нѣтъ, это ужъ много будетъ! Этому не отрубятъ. Не за что. А сослать—пожалуй, сошлютъ. А уже этимъ баломъ, вѣрно сказываетъ Москва, промахнется онъ.

Послѣ полуночи балъ нѣсколько оживился, но все-таки тоже странное настроеніе продолжало держать все многолюдное общество какъ бы въ тискахъ.

Балъ этотъ давалъ графъ Орловъ ради восшествія на престолъ новаго императора, Павла Петровича.

II.

Въ числѣ другихъ колымагъ, около десяти часовъ подъѣхала къ дому Орлова одна большая, желтая, раззолоченная, съ цугомъ вороныхъ коней.

Изъ нея вышелъ старикъ, свѣжій лицомъ и бодрый осанкой, хотя при этомъ онъ сильно прихрамывалъ и волочилъ ногу, опираясь на палку. Вмѣстѣ съ нимъ приѣхала высокая и стройная дѣвушка, но уже зрѣлыхъ лѣтъ и очень некрасивая.

Старикъ, съ ея помощью, поднимался медленно по парадной лѣстницѣ, остановился на площадкѣ при воротѣхъ и выговорилъ тихо и сухо:

— Ну, Прасковья Андреевна, помни. Это мое послѣднее тебѣ слово—родительское и властное... Не порти мнѣ великаго радостнаго событія всероссійскаго. Либо миромъ, либо воевательствомъ кончимъ. А дочкѣ съ отцомъ не стать воевать! Да со мной оно и всякому чужому не повадливо. И генераль тоже у новаго моларха на замѣчаніи особливомъ. Ну, а я вѣрно знаю, здѣсь, сегодня, онъ по модному тебѣ объявится самъ. Ты дѣвка старая—и не прихотничай. А хочешь коли воевать—навоюешь себѣ отъ меня келью и рису. Вотъ тебѣ весь сказъ!

Дѣвушка слушала потупясь и не отвѣчала ни слова. Затѣмъ они поднялись еще и вошли въ гостиную.

Суровый на видъ и прихрамывающій гость, особенно любезно принятый хозяиномъ дома, сталъ весело здороваться на всѣ стороны и сразу по всему оказался исключеніемъ изъ общаго правила. Онъ одинъ глядѣлъ и бесѣдовалъ счастливый, радостный и даже какъ будто гордый своею радостью, когда всѣ лица кругомъ выражаютъ тревожное недоумѣніе. Это былъ исконный москвичъ, старожилъ, извѣстный всей столицѣ князь Андрей Ивановичъ Березопольскій.

Отличительною чертой князя была родовая гордость, доходившая часто до надменности, и если родни у него было много въ Москвѣ, то друзей почти не было. Про него выражались, что у него рука тяжела, глазъ скверный, что онъ инымъ словомъ какъ обухомъ ударить.

Князь никогда не сердился. Повидимому гнѣвъ ему былъ незнакомъ. И вообще въ отношеніяхъ съ людьми ниже и выше его поставленными онъ былъ чрезвычайно ровень, по наружности благодушень, но на самомъ дѣлѣ его всѣ боялись и никто не любилъ.

Иногда случалось князю тихимъ и сладкимъ голосомъ поговорить съ кѣмъ-нибудь нѣсколько минутъ и послѣ этого онъ наживалъ въ этомъ человѣкѣ себѣ врага на всю жизнь. Случалось это потому, что князь не только не щадилъ самолюбія ближнихъ, но тщательно старался направлять свои удары, мѣткіе и острые, именно на больное мѣсто. Зная, что его боятся, князь и этимъ очень гордился.

Быть-можетъ, этотъ человѣкъ былъ бы совершенно другимъ, если бы судьба его повернулась иначе. Его крутой, тяжелый и неуживчивый нравъ явился послѣдствіемъ неудачи въ молодости.

Когда-то давно, лѣтъ сорокъ тому назадъ, князь, начавшій службу при императрицѣ Елизаветѣ, блестящій офицеръ, многого ожидалъ отъ восшествія на престолъ императора Петра Θεодоровича. И дѣйствительно, едва только скончалась дочь Петрова, какъ Березопольскій появился въ числѣ если не любимцевъ, то ближайшихъ лицъ при молодомъ императорѣ. Онъ былъ пріятелемъ Гудовича, который, въ свою очередь, былъ другомъ и государя, и Воронцовой.

Въ первые же три мѣсяца царствованія новаго императора Березопольскій получилъ два чина одинъ за другимъ и сталъ премьеръ-майоромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кавалеромъ новаго голштинскаго ордена *Анны*, который раздавался императоромъ только приближеннымъ лицамъ.

Двадцатипятилѣтній премьеръ-майоръ князь Березопольскій, довольно видный собой, если не съ красивымъ, то съ выразительнымъ лицомъ, очень богатый человѣкъ, владѣтель двухъ большихъ вотчинъ въ Ярославской и Рязанской губерніи, могъ ожидать вскорѣ всѣхъ благъ земныхъ отъ новаго императора.

Будучи въ кружкѣ Гудовича, Перфильева, Измайлова и другихъ ближайшихъ лицъ къ Петру III, князь Березопольскій, такъ же какъ и они, ничего не видѣлъ кругомъ себя изъ того, что творилось, готовилось, угрожало... Всѣ они ничего не замѣчали, не предугадывали, какъ-бы ослѣпли. То, что предчувствовали, если не знали и не видѣлъ, всякій петербургскій обыватель, для нихъ было покрыто тайной или какой-то чародѣйскою пеленой. Когда разразился надъ Питеромъ ударъ, они всѣ, въ томъ числѣ и князь, не вѣрили собственнымъ глазамъ. Имъ показалось страшнымъ сновидѣніемъ: канунъ Петрова дня, дѣйство гвардіи въ Петербургѣ, походъ новой императрицы въ Петергофъ и удаленіе императора въ Ропшу.

Разумѣется, черезъ нѣсколько дней Березопольскій очутился въ такомъ положеніи, что приходилось волея-неволей покидать Петербургъ.

Но этотъ ударъ честолюбію, а также разнымъ помысламъ и мечтамъ, глубоко отозвался въ душѣ Березопольскаго и повліялъ на его характеръ, на всю его жизнь. Впереди не было ничего. Единственное неотъемлемое право выслужилъ онъ у правительства: выйти въ отставку и выѣхать изъ Петербурга по-добру по-здорову въ Москву или въ какой-либо иной городъ, а не быть сосланнымъ въ вотчину.

Князь перебрался въ Первопрестольную, гдѣ еще жила его старуха-мать, давно овдовѣвшая, и гдѣ было много родни. Но затѣмъ вскорѣ онъ, не столько изъ любви-знательности, сколько отъ ложнаго стыда предъ москвичами, выхлопоталъ себѣ дозволеніе поѣхать за-границу.

Послѣдствіемъ путешествія и пребыванія въ королевствѣ Польскомъ явился бракъ на родовой нѣмкѣ, съ которой князь познакомился въ Варшавѣ.

Старый баринъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Муратова, грав. Барановскій.

Гармоническое настроєніе. Картина Эрдмана, грав. Веберъ.

Дальше князь, конечно, не поѣхалъ, а вернулся съ женой въ Москву на жительство.

Теперь, уже старикъ шестидесяти лѣтъ, онъ былъ давно вдовъ и жилъ въ московскомъ домѣ съ единственною дочерью, наследницей большаго состоянія, которую однако до сихъ поръ не удавалось ему выдать замужъ.

Дочь на рукахъ, уже зрѣлая дѣвица, отчасти тяготила князя. Отношенія между отцомъ и дочерью были странныя. Умная княжна называла обращеніе съ ней отца—„параднымъ“. Оно было безукоризненно предупредительное и ледяное.

Въ этотъ вечеръ, на балъ къ графу Орлову князь явился сіяющій и счастливый, зная, что императоръ уже послалъ курьера просить Гудовича въ Петербургъ. Стало-быть тѣ кто остались отъ времени Петра III—опять пойдутъ въ гору.

И хотя поздно теперь князю, въ его года, снова мечтать о чемъ-либо, но тѣмъ не менѣе онъ радовался. Онъ можетъ сразу изъ рукъ монарха получить все то, что могъ бы выслужить за тридцатичетырехлѣтнее царствованіе Екатерины.

Княжна прошла въ бальную залу и сѣла въ углу на диванчикѣ. Хотя ее стали тотчасъ-же приглашать на разные танцы, но она всячески старалась, какъ всегда, избавиться отъ танцевъ и кавалеровъ. Она знала, что ее приглашаютъ только поневолѣ, когда не достанетъ пары или когда иному записному, отчаянному танцору все равно съ кѣмъ ни идти.

Въ этотъ вечеръ княжна, къ тому-же, была еще грустна и встревожена до крайности.

И день этотъ начался для нея не заурядно... Въ этотъ день поутру ее поздравляли всѣ въ домѣ. Поздравилъ и отецъ, но прибавилъ:

— Хотя, сударыня моя, поздравлять, по правдѣ сказать, не съ чѣмъ!

Въ этотъ день княжнѣ минуло двадцать-девять лѣтъ.

— Еще одинъ годъ, сказалъ князь, любезно кланяясь,—*et vous rivez, ma bonne, de droit—coiffer Sainte Catherine!*

Князь, пріѣхавъ на балъ, уже въ третій разъ, твердо, сурово, почти гнѣвно подтвердилъ дочери не совѣтъ, а приказаніе. У него нашелся наконецъ подходящий женихъ, который уже объяснился съ нимъ, и хотя они говорили не прямо, но оба поняли другъ друга и разстались крѣпко облобызавшись, какъ будущіе родственники.

Женихъ рѣшилъ, что въ виду возраста княжны, онъ долженъ прямо и ясно переговорить съ ней самой, но почему-то хотѣлъ непременно сдѣлать это не въ домѣ князя, а на Орловскомъ балѣ, во время танцевъ. Генералу-жениху казало такое предложеніе гораздо болѣе интереснымъ, а главное—болѣе моднымъ.

Въ прежнее время засылали свахъ и сватовъ въ домъ. Потомъ хлопотали исключительно между собой родители обѣихъ сторонъ, безъ свахъ. Затѣмъ женихи стали являться лично, а родители ограничивались ролью рѣшителей судебъ. Наконецъ, за послѣднее время явилась новая мода: молодые люди изъяснялись сами въ своихъ чувствахъ непосредственно своему предмету.

III.

Княжна, озиравшаяся кругомъ себя въ залѣ, вдругъ пылливо устремила глаза къ входной двери и слегка ахнула.

Ея вниманіе привлекъ одинъ изъ гостей, стоявшій на порогѣ и глядѣвшій на танцующихъ.

Этотъ гость прежде всего поражалъ своимъ маленькимъ ростомъ при сильной тучности. Это былъ почти четырехугольный человѣчекъ съ добродушно-круглымъ, пухлымъ лицомъ и добрыми веселенькими глазками. Особенность его лица заключалась въ томъ, что со-

вершенно невозможно было опредѣлить его года. Ему могло быть и подъ тридцать, и всѣ пятьдесятъ.

Княжна быстро поднялась съ мѣста, прошла минуя пары танцующихъ, и подойдя къ толстому человѣчку, проговорила съ особеннымъ оживленіемъ:

— Братецъ!.. какими судьбами? когда?..

Толстякъ обнявъ подошедшую, какъ-то странно по младенчески чмокнулъ ее въ обѣ щеки пухлыми губами и, размѣявшись, выговорилъ:

— Вчера, ввечеру. Измучился съ пути, проспалъ чуть не до полудни! Хотѣлъ, сестрица, заѣхать среди дня, да не удалось. А вотъ сейчасъ здѣсь цѣлый часъ искалъ васъ и дядюшку, да нешто въ этой сутолокѣ найдешь кого!

— Пойдемте, пойдемте! выговорила княжна и, потянувъ за руку толстяка, пошла съ нимъ въ одну изъ гостиныхъ, гдѣ сидѣли исключительно пожилые люди.

Усѣвшись въ углу, они оба, довольные встрѣчей, закидали другъ друга вопросами.

Толстякъ, котораго княжна называла братцемъ, былъ тоже князь Березопольскій—троюродный племянникъ ея отца.

Дружбы, какая можетъ быть между сверстниками, между ними никогда не бывало, такъ какъ разница лѣтъ оказывалась слишкомъ велика. Князю Ильѣ Петровичу было въ дѣйствительности безъ малаго пятидесять лѣтъ, и когда княжна явилась на свѣтъ, онъ уже былъ офицеромъ. Впослѣдствіи, въ качествѣ большаго взрослого братца, притомъ одинокаго, князь Илья Петровичъ всячески баловалъ свою крошечную сестрицу.

— Въ Москву надолго-ли? спросила княжна радостно.

— Самъ не знаю. Думаю, что въ Россію надолго.

— А теперь прямо изъ своихъ мѣстъ—изъ Франціи?

— Нѣтъ, прямо изъ Молдавіи, сестрица, изъ Яссъ.

— Когда вы уѣхали въ послѣднее-то путешествіе? Вѣдь мы что-то уже давно не видались.

— Да, уже года четыре будетъ. А вы ничего не перемѣнились, сестрица!

— А вы что-же ждали, что я похорошѣю въ эти годы? Вѣдь мнѣ сегодня почти тридцать стукнуло.

— Э, голубушка! махнулъ князь рукой.—Вижу, все та-же пѣсенка.

— Кака пѣсенка?

— Да про себя! Ваша старая пѣсенка. Дурная я, да старая, такая, сякая, не мазаная! А все это вранье! Для меня нѣтъ лица пріятнѣе вашего. Не будь мы родственники, я бы вотъ на васъ сейчасъ, не мигнувъ, женился! шепнулъ князь таинственно и весело размѣялся, нагибаясь къ дѣвушкѣ.

— Вотъ развѣ что *вы*, произнесла она.—Я полагаю, что васъ и силкомъ-то никогда никто бы не женилъ. А если-бъ свели связаннаго подъ вѣнецъ, вы-бы послѣ вѣнца застрѣлились.

Князь помолчалъ, вздохнулъ и выговорилъ вдругъ совершенно серьезно:

— Можетъ-быть, сестрица, можетъ-быть. Какъ подумаю я, какъ это люди женятся, какъ это они жепатыми на свѣтѣ живутъ...

Онъ развелъ руками и снова вздохнулъ:

— Удивительно!

— Что же вы дѣлали теперь за-границей?

— Да ничего ровнехонько. Гдѣ поживу—порисую, гдѣ поживу—поиграю. Акварель уже бросилъ, пастелью рисую, и почти что совсѣмъ не плохо. Говорятъ, даже хорошо. Прежде у меня, у всѣхъ фигуръ глаза кривые и косые выходили, а носъ всегда являлся не на мѣстѣ. А теперь все это въ порядкѣ.

Князь говорилъ такимъ добродушно-серьезнымъ голосомъ, что никогда нельзя было знать, шутитъ онъ или нѣтъ.

— А вотъ еще, сестрица, флейту новую купилъ въ

Болоньѣ. Сказываютъ ей двѣсти лѣтъ, и дорого запла- тилъ. Въ Венеціи оцѣнили ее въ тысячу рублей.

— Флейту? Да вѣдь вы, кажется, на кларнетѣ играли?

— Караулъ! Отцы мои! заоралъ вдругъ князь на всю горницу. — Брысь! брысь! Что вы это! На кларнетѣ? Я!? Нѣтъ, до этакого сраму не доживалъ никогда!

— Да не все-ли равно? удивилась княжна.

— Что вы? что вы? Вы лучше молчите! Во мнѣ музыкантъ весь затрепсталь. Головокруженіе дѣлается... Кларнетъ и флейта—одно и то же! Да это просто ко- щунственный рѣчи! На флейтѣ какой-то олимпійскій богъ игралъ. Можетъ-быть это и силетено на его счетъ, да мнѣ такъ сказывали. А уже вотъ, что ни одинъ богъ на Олимпѣ не сидѣлъ съ кларнетомъ въ рукахъ, за это я вамъ отвѣчаю!

Бесѣда продолжалась долго о всякихъ пустякахъ, и князь Илья Петровичъ, какъ всегда всѣхъ, застав- лялъ княжну невольно смѣяться. Наконецъ, она вполнѣ развеселилась—и прежняя тревога, съ которой она прѣ- ѣхала на балъ, стала уже исчезать. Но вдругъ, среди разговора, лицо княжны сразу снова потемнѣло. Она круто прервала какой-то рассказъ князя и выговорила вдругъ совершенно инымъ голосомъ:

— Пріѣзжайте завтра непременно къ намъ, братецъ, и помогите мнѣ.

Князь, удивившійся перемѣнѣ въ ея лицѣ, слегка раскрылъ ротъ.

— Да, да. Мнѣ помощь ваша нужна. И даже се- годня, вотъ здѣсь, вы мнѣ немножко поможете. А за- втра пріѣзжайте на цѣлый день. Батюшка выѣдетъ изъ дому. Я вамъ все расскажу... Вы мнѣ помогите...

— Да въ чемъ дѣло, сестрица? Я всячески готовъ.

— А вонъ, смотрите... Видите, стоитъ генераль... вонъ тамъ... у колонны?

— Вижу. Да вѣдь это, кажись, мой однокашникъ, право... Да это-же вѣдь князь Орвадзе.

— Онъ самый. Вы его знаете?

— Какъ-же не знать! Шесть мѣсяцевъ въ одномъ полку были. Я вышелъ въ отставку, а онъ тоже вы- шель... только въ генералы. А вѣдь что такое былъ? Почитай нашимъ аманатомъ. Его не-то на Кубани въ плѣнъ взяли, не то въ заложники нашимъ войскамъ онъ выданъ еще маленькимъ. Такъ въ полку связы- вали тогда. Помнится мнѣ, что мы его, шутки ради, всегда аманатомъ звали, а иногда „мохлатомъ“. Онъ, вишь, какой обросшій! И черенъ, какъ тѣ коты, кото- рыхъ колдуньи уважаютъ особливо ради гаданій.

— Ну, я несказанно рада, братецъ, что вы его знаете. Вы съ нимъ переговорите за меня и не допу- стите...

— Да въ чемъ-же дѣло?

— У васъ въ домѣ новость лихая. Не было давно, а вотъ теперь Господь привелъ опять горе горевать. Будь жива матушка, конечно-бы этого не было, грустно произнесла княжна.

— Что это у васъ въ Москвѣ завелось? Ко всякой бесѣдѣ таинственное предисловіе дѣлать. Съ кѣмъ ни заговоришь, всякій, прежде чѣмъ до дѣла дойти, во- дить, водить. И слушаешь, какъ часы передъ обѣдней. Можетъ оно и нужно, да не вѣдомо зачѣмъ. Говорите, въ чемъ дѣло?

— Онъ за меня сватается. Сегодня долженъ объ- ясниться мнѣ лично. А съ батюшкой онъ уже гово- рилъ...

— Этотъ дикій кабанъ! сватается! за васъ! И дя- дюшка согласился?... быстро выговорилъ толстякъ, уже совѣмъ инымъ голосомъ, сердясь и оживляясь.

Княжна не отвѣтила, но ея глаза, наполнившись слезами, отвѣтили родственнику, что не только отецъ согласенъ, но и готовъ выдать ее противъ воли.

Князь молчалъ нѣсколько мгновеній, потомъ произ- несъ укоризненно:

— Это-же безобразіе совѣмъ! Вѣдь онъ мой ровес- никъ. Наши товарищи теперь уже то и дѣло пиру- ютъ на крестинахъ своихъ внучать. Ну, я совѣмъ никогда не хотѣлъ жениться и не женюсь... А эта ду- рафья черкесская чего-же ждала? Кто-же за него теперь пойдеть?

— Да вотъ-же... меня выдаютъ, ядовито произнесла княжна.

— Но вы, сестрица, не пойдете?

— Если свяжутъ и повезутъ въ церковь, такъ пожа- луй и повѣнчаютъ, а добровольно не пойду.

— И дѣло. Нешто можно за нашего брата, стараго хрыча, замужъ выходить? Женись я въ двадцать лѣтъ, да будь у меня дочери, такъ теперь бы у меня ожи- дались бы уже правнучки... Такъ въ чемъ же мнѣ вамъ помочь?

— Сегодня, братецъ, не отходите отъ меня. Я вижу, онъ смотритъ, ждетъ... Это съ батюшкой у нихъ порѣ- шено окончательно. Онъ здѣсь, на балу, долженъ пред- ложить мнѣ руку и сердце. Какъ вы отойдете, онъ подойдетъ.

— Вретъ, собака! Вретъ, мохнатъ! вдругъ восклик- нулъ князь Илья Петровичъ и ударилъ себя обѣими руками по колѣнкамъ.—Съ мѣста не сойду! Такъ вотъ тутъ, около васъ, до зари сидѣть буду! А соберетесь домой ѣхать—я сзади пойду! Подсаживать въ карету буду дядюшку и васъ—и дверцу ему на носъ захопну. Его бы самого прихлопнулъ, кабы права на это имѣлъ!

Княжна признательно-ласковымъ взглядомъ посмо- трѣла на оживлявшагося толстяка. Его искреннее не- годованіе и добродушное ожесточеніе заставили ее по- думать:

„Все тотъ же... Добрый, нѣжный, мягкій нравомъ. И какъ это никто вигдѣ до сихъ поръ имъ не завла- дѣлъ? Дурень, правда, очень...“

IV.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ—и кавказецъ, бро- савшій сумрачные взгляды въ сторону княжны, про- стился со своимъ собесѣдникомъ и двинулся къ ней.

— Вотъ онъ идетъ! выговорила княжна.

— Милости просимъ! усмѣхнулся Илья Петровичъ.— Я съ моего мѣста ни пяди. Пускай при мнѣ предло- женіе дѣлаетъ! Я за васъ, сестрица, и отвѣчать даже стану.

— При васъ онъ не станетъ, а въ этомъ-то вся и сила. Хотя одинъ день выгадать. А завтра мы съ вами перетолкуемъ. Вамъ можетъ удастся усовѣстить батюшку, усовѣстить и его, какъ товарища.

Орвадзе подошелъ, поклонился, выпрямился и сталъ въ позу, произнесъ только два слова:

— Мое нижайшее!

Отъ всей его фигуры повѣяло чѣмъ-то особеннымъ. Это былъ истый уроженецъ дикаго края. Если мун- диръ не отличалъ его ничѣмъ отъ другихъ военныхъ, то во взглядѣ было что-то совершенно чуждое всему окружающему. Въ этихъ глазахъ, узкихъ, миндалевид- ныхъ, черныхъ, подъ черными мохнатыми бровями, сквозила дикость или одичалость.

Чудилось, что этотъ человѣкъ мыслить, чувствуетъ, смотреть на весь міръ Божій, судить о самыхъ насущ- ныхъ вопросахъ жизни не такъ, какъ всѣ другіе, а иначе, по своему.

Вмѣстѣ съ этимъ, ясно сказывалась главная особен- ность всей его фигуры. Это былъ молодящійся чело- вѣкъ, глубоко убѣжденный въ своей неотразимости.

Онъ взглянулъ на княжну такими глазами, какъ если-бы наканунѣ она призналась ему въ любви, какъ если-бы еще вчера она, у ногъ его, повѣдала ему о своей безумной страсти къ нему. Онъ смотрѣлъ не по- бѣдителемъ, а властителемъ.

Отъ одного этого взгляда лицо княжны ярко всых-

нуло и она невольно отвернулась. Еще секунда, она пожала бы плечами, встала и отошла, но ее остановила мысль, что онъ послѣдуетъ за ней. А здѣсь, около нея, по счастью, есть стражъ.

Илья Петровичъ первый поднялся, протянулъ руку генералу, назвалъся и вспомнилъ прежнюю совѣстную службу.

Орвадзе любезно и весело поздоровался съ княземъ и на минуту пересталъ быть Мамаемъ или Тимуромъ, заговорилъ проще, вспоминая о полковой жизни въ малыхъ чинахъ, объ юномъ, веселомъ времени.

Но затѣмъ, тотчасъ же усѣвшись около княжны, Орвадзе снова началъ смотрѣть величественно, знаменитымъ покровителемъ пародовъ.

Илья Петровичъ замѣтилъ эту особенность въ фигурѣ кавказца и внутренне разсмѣялся: „Чистый кабанъ!“

— Я васъ буду просить, Прасковья Андреевна, заговорилъ генералъ, — сдѣлать мнѣ великую честь, позволить перемолвиться съ вами наединѣ.

— Это довольно мудрено, отозвалась сухо княжна, — на балѣ гдѣ тысяча человѣкъ, нельзя...

— Я хочу сказать не наединѣ, а отдѣльно, хотя бы вотъ и здѣсь.

Княжна молчала.

Орвадзе буквально стрѣлялъ своими пивками-глазами по князю, какъ бы говоря:

„Пойми же, глупый человѣкъ! Встань, да уйди!“

Но Илья Петровичъ, благодушно улыбаясь, вдвинулся глубже въ кресло и расположился еще покойнѣе, протянувъ ноги и положивъ пухлыя руки на бочка кресла. Принятая поза была прямымъ отвѣтомъ на молніи кавказца.

— Дѣло, о которомъ бы я хотѣлъ бесѣдовать съ вами, княжна, чрезвычайной важности, сказалъ Орвадзе. — Соизвольте попросить вашего родственника-князя оказать намъ одолженіе — оставитъ насъ.

— Это чтѣ же такое? отозвался Илья Петровичъ. — Мнѣ уйти? Да ни за какія коврижки! ни за апельсинъ! Помилуйте, я цѣлый часъ бродилъ, да на ногахъ стоялъ! При моей-то легкотѣльности! Наконецъ выискалъ хорошее кресло около сестрицы, которую не видѣлъ не вѣсть сколько годовъ, и вдругъ вы, ваше превосходительство, пожаловали, да гоните. Да еще стараго товарища.

— Въ такомъ случаѣ, Прасковья Андреевна, выговорилъ Орвадзе нетерпѣливо, — я попрошу васъ подняться и перейти въ другой уголь горницы.

Княжна задвигалась на мѣстѣ, очевидно смущаясь, не зная чтѣ сдѣлать, и украдкой взглянула въ лицо кузена, какъ бы прося помощи.

— Э-э... протянулъ Илья Петровичъ. — Дѣло-то, я вижу, дрянн! Ужъ вы не собираетесь-ли предложеніе дѣлать сестрицѣ? Вы не обижайтесь пожалуйста... Я понимаю, что такое подозрѣніе съ моей стороны, относительно человѣка нашихъ съ вами лѣтъ—есть оскорбленіе до нѣкоторой степени. Въ наши годы нельзя воображать что какая-либо дѣвица за насъ замужъ пойдетъ.

Лицо Орвадзе сразу пошло пятнами.

Илья Петровичъ все видѣлъ и понималъ; но лицо его стало еще добродушнѣе.

И веселымъ голосомъ князь началъ рассказывать сестрицѣ анекдотъ про то, какъ въ Парижѣ одинъ старикъ шестидесятилѣтній вѣнчался съ дѣвушкой шестнадцати.

Илья Петровичъ весь анекдотъ выдумывалъ, путалъ, но уснащалъ всякими прибаутками, изъ которыхъ нѣкоторыя были Орвадзе какъ обухомъ по лбу.

— Да вѣдь каково животное-то, сестрица, добавилъ Илья Петровичъ. — За дѣвочкой были деньги большія, а у него-то, стараго, только родимое пятно на шеѣ изъ

всего родового, а изъ благопріобрѣтеннаго—только краснота на носу. Мало того, что захотѣлъ подѣ старость молоденькую взять, а къ тому же еще не по любви, а изъ-за денегъ.

Орвадзе слушалъ и глядѣлъ уже не Мамаемъ, а просто дикимъ кабаномъ. При этомъ онъ такъ громко и шибко дышалъ, что султанъ кивера, который онъ держалъ на колѣняхъ, шевелился какъ отъ вѣтра.

Между тремя собесѣдниками наступило мертвое молчаніе. Только Илья Петровичъ поглаживалъ себя руками по колѣнкамъ и выговаривалъ полупшепотомъ:

— Охъ, дѣла, дѣла! Да, все такъ-то! Грѣхи тяжкіе!

Но это говорилось какъ бы про себя, не получило отвѣта ни отъ кого, и молчаніе длилось.

Въ эту паузу къ сидящимъ двигался самъ князь Андрей Ивановичъ. Уже минуты съ двѣ вглядывался онъ издали въ трехъ собесѣдниковъ и видѣлъ что племянникъ краснобайствуетъ, дочь молчитъ, опутивъ глаза и изрѣдка усмѣхался, а генералъ топорщится не только нетерпѣливо, но и досадливо.

Князь понялъ кое-что и двинулся къ дочери, ковыляя, таща за собой одну ногу и пристукивая толстою палкой по паркету. Онъ подошелъ къ сидящимъ медленной, важною и гордою походкой, не смотря на хромоту. Во всей его фигурѣ была та же осанка, то же высокомеріе, та же надменность, что и въ кавказцѣ, но разнича была огромная. Князь былъ важенъ и гордъ естественно, будто по какому-то сознаваемому праву ему дарованному, тогда какъ кавказецъ былъ важенъ неувѣренно и болѣе наружно, чѣмъ внутренно.

Вдобавокъ не очень красивое лицо князя отличалось отъ другихъ лицъ отѣнкомъ благородства, породистости. Прежде всего это было очень умное лицо, очень пріятное когда онъ бывалъ въ духѣ, грозно-суровое когда онъ бывалъ въ дурномъ расположеніи.

При появленіи князя Андрея Ивановича, племянникъ его, конечно, тотчасъ же поднялся пыхтя съ кресла и родственники обнялись.

— Когда пожаловалъ? выговорилъ князь-дядя.

— Вчера. Простите, дядюшка, сегодня не успѣлъ у васъ быть. За то завтра явлюсь спозаранку и цѣлый день просижу. Захотите рассказовъ — рассказывать буду, захотите говорить — слушать буду! Вы меня кушать позовите, а то въ моей гостиницѣ проѣзжихъ кормятъ кипяченымъ квасомъ и жареными подошвами.

— Вѣстимо къ намъ пріѣзжай. У насъ всякій день и кушай, куда въ Москвѣ. Да вѣдь ты, небось, денька черезъ три соберешься въ путь?

— Нѣтъ, куда же, отозвался Илья Петровичъ.

— Куда? Тебѣ всюду дорога. Ну, въ городъ Арестанъ.

— Такого города, дядюшка, нѣтъ на свѣтѣ.

— Врешь, есть. Какъ же мальчишки лгутъ: „дождикъ, дождикъ перестань, я поѣду въ Арестанъ“. А то въ городъ Укатай! Въ счастливую Аравію что-ль? А то и туда, гдѣ телята Макара все быть желали, да не попали. Ну-т-ка, расскажи, теперѣ-то гдѣ быть?

И князь очень ловко, взявъ племянника подѣ руку, потянулъ его въ противоположную сторону.

— Нѣтъ, дядюшка, ходить не пойду! ни за чтѣ! воскликнулъ Илья Петровичъ.—Садитесь съ нами тутъ. Мы съ сестрицей такую бесѣду начали, что и вамъ будетъ любопытно. Объ моей женитьбѣ.

— Полно врать-то. Пустомеля! усмѣхнулся князь, нехотя садясь между дочерью и племянникомъ.

— Ей-Богу, не вру.

— На комъ тебѣ жениться! Кто за тебя пойдетъ?

— Силкомъ отдають, вѣстимо, дядюшка. Я ей хуже горькой рѣдьки! И она мнѣ не по сердцу. Да денегъ у нея много... Похвалите. Что жъ вы?..

— Ну, брось пустомельство! сурово отозвался князь Андрей Ивановичъ, искоса глянувъ на Орвадзе, кото-

Катюша. Картина Зейфорта, грав. Веберъ.

рый вдругъ поднялся съ мѣста и отошелъ къ знакомому.

— Это ты просто брякнулъ? спросилъ князь, косясь на племянника. — Или ужъ успѣлъ стакнуться съ сестрицей?..

— Поясните, дядюшка... что-то не соображу, о чемъ спрашиваете, совершенно простодушно отвѣтилъ Илья Петровичъ.

— Ну, ладно... ладно... Мнѣ такъ почудилось... Ну сказывай, странствующая стрекоза, откуда теперь пожаловалъ?

— Изъ Молдавіи, дядюшка. Всю осень тамъ прожилъ.

— А лѣто гдѣ жь?

— Лѣто въ Италиі, въ Венеціи.

— А весну? уже насмѣшливо спросилъ князь.

— Весну?... Весну и всю зиму я въ Парижѣ прожилъ.

— Это который уже разъ, стрекоза?

— Да ужъ не знаю, кажется въ седьмой.

— По-русски говорить не разучился?

— Какъ видите, дядюшка, маракую малость.

Князь замолчалъ, посидѣлъ немного и затѣмъ, не взглянувъ на дочь, поднялся и пошелъ къ кучкѣ горючо спорившихъ гостей.

— Батюшка догадался о нашемъ заговорѣ, сказала княжна. — Онъ гнѣвается.

— За то мы спугнули филина, разсмѣялся князь. — Сегодня ужъ онъ ни за что къ вамъ не подойдетъ. А я отъ васъ ни пяди, покуда не соберетесь домой.

И „братецъ“ сдержалъ слово. Орвадзе исчезъ и болѣе не появлялся. А когда князь въ часъ пополуночи собрался домой и позвалъ дочь — Илья Петровичъ проводилъ ихъ до крыльца и кареты.

(Продолженіе будетъ).

Увлеченіе.

Разсказъ

Князя Д. Голицына-Муравлина.

(Продолженіе).

VIII.

Ратиминъ немедленно отправился изъ театра домой, болѣе чѣмъ когда либо проникнутый впечатлѣніемъ обаятельной красоты Негрѣховой. Онъ былъ счастливъ за нее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безпокоился неопредѣленнымъ томленіемъ, какъ будто у него душа закружилась и не знала куда приткнуться.

Владиміръ Алексѣевичъ не былъ въ состояніи разсуждать, онъ только чувствовалъ. Будущее рисовалось передъ нимъ хаосомъ разнорѣчивыхъ ощущеній, въ которомъ бьется счастье, ложь, укору совѣсти и надежда.

„Пусть судьба сама рѣшаетъ!“ безпомощно подумалъ онъ, сознавая себя не въ силахъ удержать душу. Былъ онъ силенъ, пока жилъ умомъ, идеей... а надъ сердцемъ не оказалось у него власти.

Пріѣхалъ онъ, поднялся въ редакцію и прошелъ въ кабинетъ Бекина, смутивъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ сонныхъ разсылныхъ и даже Авказова, замравшаго надъ послѣдними строчками хроники.

— Ахъ! c'est vous! Не чаялъ въ такое время! увеселился Петръ Леонтьевичъ.

— Какой у насъ идетъ фельетонъ? спросилъ Ратиминъ.

— Музыкальный. Грушинина, семьсотъ строкъ, отвѣтилъ Бекинъ, удивленный вопросомъ: неужели Владиміръ Алексѣевичъ могъ забыть, что по средамъ постоянно идутъ музыкальные фельетоны.

— Отлично. Сократите на двѣсти строкъ, очистите мнѣ мѣсто. Я напишу статью о сегодняшнемъ спектаклѣ.

— Superbe! обрадовался Петръ Леонтьевичъ, — мы, значитъ, раньше всѣхъ... Я сейчасъ вычеркну и дамъ знать въ типографію, чтобы подождали верстать третью страницу.

Владиміръ Алексѣевичъ сталъ тутъ же, на мѣсто Бекина, и началъ писать, торопливо, безъ помарокъ, спѣша изложить всѣ мысли, толпившіяся у него въ головѣ. Никогда еще работа не давалась ему такъ легко. Удачная выраженія точно сами вырисовывались подъ его перомъ, безостановочно скользящимъ по бумагѣ. Минутъ черезъ сорокъ, статья была готова. Не перечитавъ, онъ провелъ по ней валикомъ пропускной бумаги и отдалъ Петру Леонтьевичу:

— Въ типографію, скорѣй... Корректуру держите сами.

— А піеса хороша? освѣдомился Бекинъ.

Ратиминъ удивился.

— Піеса?... піеса... ну, да, конечно.

Онъ вспомнилъ, что мало, очень мало, почти не коснулся комедіи Пронина, остановившись на одномъ исполненіи.

— Ну, ничего, сойдетъ...

Въ первый разъ разрѣшилъ онъ словами „ничего, сойдетъ“ сомнѣніе, относившееся до газеты.

Внизу, въ столовой, онъ засталъ жену и Соню, за чаемъ. Валентина Петровна хмурилась, въ отвратительномъ настроеніи духа. Соня упорно стучала ложечкой по столу, что служило у нея признакомъ сквернаго расположенія. Владиміръ Алексѣевичъ подсѣлъ, придвинулъ къ себѣ стаканъ чая, поглядѣлъ по сторонамъ. Молчанье его угнетало.

— Что жь, понравилось? спросилъ онъ.

Валентина Петровна поморщилась:

— Это ни на что не похоже! Какихъ-то неблаговоспитанныхъ дѣвочекъ выпускаютъ на сцену... и ты восторгаешься этою Негрѣховой!

Ратиминъ приподнялъ брови, съ цѣлью выразить удивленіе.

— Я восторгаюсь? протянулъ онъ, — я... конечно, она очень талантлива. Не понимаю, отчего ты на нее нападаешь... извини меня, это не совсѣмъ добросовѣстно.

Лицо Валентины Петровны стало блѣднѣе, несимпатичнѣе.

— А добросовѣстно, сказала она, — заступаться за актрису только потому, что она хорошенькая?

Владиміръ Алексѣевичъ пожалъ плечами. Его сердило, что жена затѣяла разговоръ въ присутствіи своей сестры. Не удивляло его нисколько подозрѣніе, звучащее въ ея словахъ. Онъ понималъ, что должно было такъ кончиться. Все исходитъ отъ Сони, наговорившей всякихъ небылицъ.

— Съ чего ты взяла? произнесъ онъ наконецъ, стараясь смотрѣть на жену съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

Она горько улыбнулась и взглянула на Соню, словно говоря ей: „ты слышишь? Онъ еще спрашиваетъ!“

Та начала еще сильнѣе стучать.

— Высказывайся, я жду, настаивалъ Владиміръ Алексѣевичъ, раздраженнымъ голосомъ, — я прошу тебѣ объясниться, откровенно, прямо, безъ полунамековъ и соболѣзующихъ переглядываній. Твоя сестра, очевидно, знаетъ, въ чемъ дѣло. Позволь и мнѣ, пожалуйста, узнать.

— Хорошо, отвѣтила Валентина Петровна, — я скажу, и пусть Сони слышитъ. Ты вздумалъ влюбиться въ Негрѣхову, вернулся домой, чтобы написать о ней

статью... не позволяешь отзываться о ней иначе, как панегириками, и такъ далѣе, и такъ далѣе... Ты возразишь, что я не имѣю основанія утверждать навѣрно? Съ меня довольно и того, что ты, за послѣдніе дни, круто переѣнился... я тебя знаю хорошо. Мнѣ достаточно было слышать, какъ ты произносилъ ея имя; видѣть, какъ ты смотрѣлъ на нее, не спуская бинокля.

Ратиминъ всталъ.

— На сегодня будетъ, проговорилъ онъ и пошелъ въ кабинетъ.

— Нечего сказать, нашелъ себѣ счастье, нашелъ на комъ жениться! прошепталъ онъ, съ приступомъ ненависти къ женѣ. Развѣ онъ любилъ ее когда нибудь! Нѣтъ. Вѣдь онъ считалъ ее другою, идеализовалъ ее... и все-таки, тогда, вначалѣ, ему не рисовалось въ ней и сотой доли того, что поразило его въ Негрѣховой, такъ на нее похожей. Чтѣ за глупая сцена! И она думаетъ привязать его этимъ къ себѣ! Напротивъ, она его отталкиваетъ... Ну, хорошо-же!..

IX.

На слѣдующее утро, Владиміръ Алексѣевичъ, едва вставъ, взялъ свѣжій номеръ „Столицы“ и началъ читать свою статью, не помня, собственно, чтѣ было имъ написано и не успѣвъ посмотрѣть въ полосѣ, такъ какъ типографія торопила печатаніе. Съ первыхъ-же словъ онъ испугался и съ возрастающимъ безпокойствомъ дочиталъ до конца.

— Чтѣ это? Я съ ума сошелъ? проговорилъ онъ, пораженный тѣмъ непривычнымъ ему несдержаннымъ тономъ, которымъ отличалась рецензія. Четыре столбца были полны самыхъ горячихъ похвалъ игрѣ Евгеніи Сергѣевны, о другихъ исполнителяхъ не было сказано ни одного слова, и читатель долженъ былъ придти къ заключенію, на основаніи торопливыхъ, едва dokonченыхъ фразъ, разбросанныхъ по абзацамъ, что пьеса Пронина превосходна. Никогда еще Ратиминъ не писалъ такой горячей статьи.

Онъ испугался... Всякій, ознакомившись съ его отзывомъ, скажетъ: „однако, Ратиминъ увлекся, вышелъ изъ предѣловъ...“ Да, да, непременно такъ. Если Валентина Петровна замѣтила, съ какимъ взволнованнымъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за игрой Евгеніи Сергѣевны, то, разумеется, это должно было всѣмъ броситься въ глаза, а сегодняшній коротенькій фельетонъ возбудитъ такіе толки, что многіе перестанутъ считать редактора-издателя „Столицы“ безпристрастнымъ.

Остыло въ немъ чувство, обезцвѣтилось увлеченіе. Онъ покраснѣлъ, растерялся, какъ человѣкъ, оскандалившійся въ присутствіи многочисленной толпы. Ратиминъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по кабинету, нервно тербя усы.

— Опомнись, слишкомъ поздно опомнись! прошепталъ онъ и сѣлъ, точно уронилъ себя въ кресло. Яркость ощущеній, появившихся въ его жизни за послѣдніе дни, потускнѣла. Мысль о Негрѣховой зарождалась и гасла безцвѣтно въ его умѣ. Онъ видѣлъ себя сбитымъ съ толка, потерявшимъ уваженіе къ самому себѣ... Нѣтъ, онъ знаетъ, что онъ все тотъ-же, но другіе будутъ ошибочно о немъ судить. Необходимо оправдаться въ ихъ глазахъ, иначе останется пятно на его имени... И вчерашнія слова жены звучали у него въ ухахъ чѣмъ-то для него постыднымъ.

— Уѣхать, проговорилъ онъ, — исчезнуть, скрыться куда-нибудь на время; переждать, пока улягутся всѣ сплетни, и вернувшись въ Петербургъ, доказать всѣмъ, что рассказы лишены всякаго основанія... Газету поведутъ безъ меня Бекинъ и Грушининъ... Грушининъ убѣжденный человѣкъ и придержитъ Бекина... Да, я такъ и сдѣлаю... На нѣсколько дней сбился съ пути, но не пропалъ.

Холодный, спокойный, сѣлъ Владиміръ Алексѣевичъ

за столъ съ намѣреніемъ позаняться. Онъ вспомнилъ о романѣ Зарокова и своемъ желаніи написать отзывъ объ этой книгѣ. Поработаетъ онъ часъ, или два, и окрѣпнетъ душою, — старое, испытанное средство. Но едва взялся Ратиминъ за дѣло, какъ подали ему письмо, съ громаднымъ золоченымъ *И*, выштампованнымъ на конвертѣ.

— Отъ Пронина! угадалъ онъ и, распечатавъ, прочиталъ:

„Дорогой и многоуважаемый Владиміръ Алексѣевичъ, спѣшу поблагодарить васъ за снисходительное и доброе слово о моей пьесѣ. Не забѣгаю самъ, боясь оторвать васъ отъ занятій, но повѣрьте, что моя признательность глубока и чистосердечна“.

Ратиминъ, первымъ движеніемъ, разорвалъ письмо и бросилъ его подъ столъ.

— Доброе и снисходительное! раздраженно прошепталъ онъ, — доброе и снисходительное! Коль скоро такая туница понимаетъ, что я черезчуръ пощадилъ его, то отъ остальныхъ я могу ждать насмѣшекъ...

Всякое желаніе заниматься пропало. Благодарность Павла Арсеневича являлась для него тупымъ оскорбленіемъ, за которымъ должны были послѣдовать другія. Ратиминъ начиналъ уже относиться враждебно къ Негрѣховой и старался убѣдить себя, что все произошло благодаря ея сходству съ его женой. Поразило его это сходство, больше ничего...

Вдругъ, сердце его сжалось. Онъ услышалъ голосъ Негрѣховой, изъ гостиной. Она говорила:

— Доложите, поскорѣй.

Владиміръ Алексѣевичъ неожиданно обрадовался и, вмѣстѣ съ тѣмъ, побоялся прихода жены... Встрѣтивъ Евгенію Сергѣевну, она способна затѣять нехорошую сцену. Быстро подошелъ онъ къ двери, отворилъ ее и сказалъ:

— Пожалуйте, я не занятъ...

„Господи! она еще похорошѣла“, подумалъ онъ тотчасъ-же. Дѣйствительно, кака-то особенная, сіяющая улыбка освѣщала лицо Негрѣховой. Видно было, что въ ней бьется свѣжая радость, новое чувство счастья. Торопливо вошла она въ кабинетъ, захлопнула за собой дверь и, раньше нежели Владиміръ Алексѣевичъ успѣлъ опомниться, со смѣхомъ схватила его за плечи, пригнула къ себѣ, поцѣловала въ обѣ щеки и сказала:

— Спасибо!

Ратиминъ пошатнулся, голова у него закружилась.

— Спасибо?... спасибо? За чтѣ? проговорилъ онъ.

— За приговоръ! Теперь я больше не сомнѣваюсь, я знаю, что у меня есть талантъ. Вѣдь вы не слишкомъ пересолили? нѣтъ? Ну, да перестаньте! Съ чего вы растерялись? Я васъ поблагодарила, какъ добрый товарищъ.

И она глядѣла на него, веселая, довольная. Ей было приятно, что она и тутъ его смутила. Ратиминъ понялъ: она его ни во чтѣ не ставитъ, особенно послѣ статьи, и благодаритъ за *услугу*.

Онъ искалъ словъ, могущихъ ее „ошарашить“ (такъ онъ мысленно выразился), но не находилъ ихъ. Ея безцеремонные поцѣлуи, показавшіе, до какой степени она пренебрежительно относится къ нему, поразили его, непредвидѣнные. Слѣдовало-бы сказать ей что-нибудь въ родѣ „вы не умѣете себя вести“ или „можетъ-быть у опереточныхъ актрисъ такъ принято“, но онъ не былъ въ силахъ это сдѣлать, смущенный. И сталъ онъ утѣшать себя мыслью о предстоящемъ отъѣздѣ, видя въ немъ спасеніе, вѣрный исходъ изъ глупаго положенія.

— Что-жъ вы не сядете, замѣтилъ онъ и придвинулъ ей кресло, машинально, думая въ то же время: „а все-таки, не избавилъ я своей души отъ тебя...“

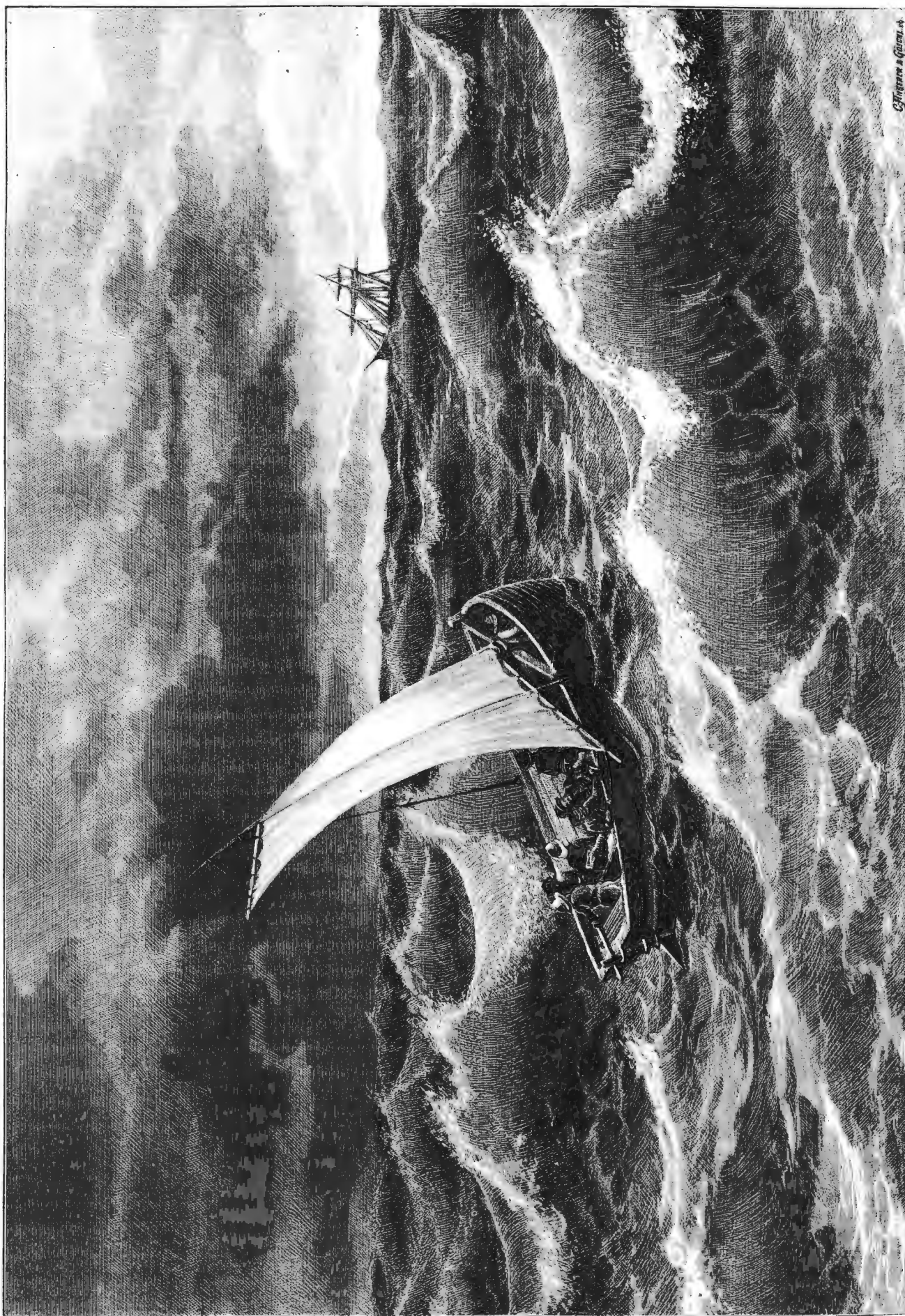
Негрѣхова сѣла.

— Я не знаю, иривически проговорила она, — можетъ-

Привалъ на маневрахъ. Съ акварели (собств. ,Нивы“) В. Китаева. грав. Пудъ.

На помощь. Ориг. рис. (собств. «Нивы») Н. Проскурина, грав. Ангереръ.

быть мой поступокъ не совѣмъ приличенъ... мнѣ неизвѣстно, гдѣ проходятъ границы того, что разрѣшено дѣлать русской актрисѣ (кстати, ангажементъ обезпеченъ): мнѣ болѣе знакома французская жизнь, чѣмъ русская... Пожалуй, вы находите мой прїѣздъ предосудительнымъ... Впрочемъ, мнѣ все равно. Я поступила по совѣсти. Слѣдовало поблагодарить васъ, я и прїѣхала. Но это еще не все. Павелъ Арсеньевичъ (вы получили отъ него записку?) поручилъ мнѣ просить васъ къ намъ, въ понедѣльникъ, къ обѣду, запросто. Будутъ все люди которыхъ вы знаете. Онъ, въ сущности, устраиваетъ маленькій семейный праздникъ по поводу успѣха своей пьесы, и ваше присутствіе было бы ему особенно прїятно... Видите, я даже его слогомъ говорю... Будете?

Владиміръ Алексѣевичъ положительно оторопѣлъ. Онъ никогда не предполагалъ, что ему можетъ быть сдѣлано подобное предложеніе.

„Неужели обо мнѣ стали такого мнѣнія, что считаютъ возможнымъ меня приглашать на подобныя обѣды, словно какого-нибудь Бекина, способнаго написать два сочувственныхъ фельетона за каждое вкусное блюдо!“ подумалъ онъ.

— Ну?

— Я не знаю, отвѣтилъ Ратиминъ.

Она посмотрѣла на него въ упоръ.

— Я не знаю, повторилъ онъ.

Ея взглядъ сталъ крѣпче, больнѣй.

— Буду, буду, проговорилъ онъ,—понедѣльникъ, къ счастью, у меня свободенъ.

И онъ покраснѣлъ, сознавая, что ее ничѣмъ нельзя обмануть... она прекрасно читаетъ въ его душѣ и заставила его согласиться. Планъ отъѣзда выпалъ изъ его мыслей. Владиміръ Алексѣевичъ съумѣлъ убѣдить себя, что, прїѣхавъ на обѣдъ, онъ будетъ имѣть случай выказать, въ присутствіи многихъ, равнодушнѣе, презрѣніе къ Негрѣховой. Ему показалось, что такъ будетъ лучше. Пусть всѣ увидятъ, что она для него ничто.

— А вы не раздумали? спросила Негрѣхова, улыбаясь.

Ратиминъ опустилъ глаза. Онъ угадывалъ, что за вызывающей улыбкой таится что-то неожиданное; угадывалъ и боялся.

— Я не понимаю, проговорилъ онъ.

Она засмѣялась. Очевидно, она хорошо знала всю силу своей красоты.

— Помните, вы мнѣ сказали, что хотѣли-бы сдѣлаться моимъ другомъ? И я васъ спрашиваю: вы не раздумали?

Тутъ ея глаза немного прищурились. Взглядъ, проходя сквозь темныя рѣсницы, сталъ еще болѣе смущающимъ. Ратиминъ невольно приблизился къ ней. Вдругъ, онъ рѣшилъ, что такъ продолжать нельзя. Нужно выйти изъ неопредѣленнаго положенія.

— Послушайте, сказалъ онъ,—я вижу, что вы смѣетесь надо мной. И вы имѣете полное основаніе смѣяться, потому что, съ первой минуты нашего знакомства, я не съумѣлъ себя поставить, и съ того мгновенія все пошло не такъ. Говорю вполне откровенно, и оно тѣмъ болѣе естественно, что вы сами давно все замѣтили. Ваша насмѣшливость была вызвана убѣжденіемъ, что высказаться я не посмѣю. Вы считаете меня слабымъ, безхарактернымъ, безвольнымъ; воображаете, что я такой-же пустой и глупый, какъ многіе изъ тѣхъ на кого и не стоить обращать вниманія. Васъ чрезвычайно радуетъ, что вы смуглили меня, человѣка пользующагося уваженіемъ, создавшаго себѣ репутацію непреклонно честнаго публициста. Иначе-бы вы не рѣшились явиться съ благодарностью за статью. А вѣдь я написалъ свое мнѣніе—и нельзя благодарить меня за то, что я думалъ такъ, а не наоборотъ. Вы поняли впечатлѣніе вызванное во мнѣ вашей красотой... Да, я скажу вамъ правду: оно сильно...

Евгенія Сергѣевна перебила:

— Къ чему вы клоните?

Владиміръ Алексѣевичъ сперва разсердился, потомъ сообразилъ, что говорилъ безъ цѣли, заблудился въ недоконченныхъ мысляхъ и чувствахъ. Онъ увидѣлъ только одинъ исходъ—рѣзко выразить самое сильное изъ чувствъ бившихся въ его душѣ за эту минуту.

— Да, ну, что-жь... я васъ люблю, сказалъ онъ,— вотъ почему я такой... Думайте обо мнѣ что хотите, я долѣе не могу скрывать. Теперь вы все знаете, рѣшайте.

Онъ махнулъ рукой и отвернулся, боясь глядѣть ей въ глаза, сознавая, что болѣе изъ всѣхъ глупостей онъ совершилъ теперь. Евгенія Сергѣевна посмотрѣла на него съ усмѣшкой.

— Я не понимаю, проговорила она,—что, собственно, и должна рѣшать? Вы меня любите? Отлично. Развѣ и въ томъ виновата? Развѣ я старалась произвести на васъ такое впечатлѣніе? Наконецъ, давала-ли я вамъ малѣйшій поводъ рассчитывать на сочувствіе съ моей стороны?.. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Слѣдовательно, въ чемъ же должно состоять мое *тѣшеніе*?.. Вы можете-быть хотите, чтобы я вамъ отвѣтила: „какъ я рада“? Вовсе я не рада тому, что человѣкъ не могущій просить моей руки—мнѣ въ любви признается. Не будь я актрисой, вы бы не посмѣли произнести такія слова. И вы еще, въ пространной рѣчи, требуете отъ меня уваженія!.. Конечно, вопреки всему что я въ васъ усмотрѣла, я не сомнѣваюсь въ вашемъ умѣ, но отнынѣ буду стараться, чтобы въ меня влюблялись исключительно только глупые люди... Вы, чего добраго, желаете, чтобы я вамъ объяснила, можете-ли вы надѣяться на... на взаимность? Если въ этомъ заключается ваша просьба, то я могу сразу объявить, что всякія надежды были-бы напрасны... Я васъ не полюблю никогда.

Владиміръ Алексѣевичъ блѣднѣлъ, неподвижный. Слова Негрѣховой падали на него градомъ терзающихъ оскорбленій.

— У васъ нѣтъ сердца, хрипло произнесъ онъ, не смѣя на нее глядѣть.

Она звонко разсмѣялась.

— Ну, вотъ еще!.. Я доказала сегодня, что признательности во мнѣ очень много, но вы требуете черезчуръ крупной благодарности, согласитесь.

Ратиминъ покраснѣлъ. Ему было стыдно; онъ не находилъ въ себѣ прежняго чувства. Въ душѣ у него было пусто, совѣмъ пусто. Дико-искусственными показались ему ощущенія, заставившія его признаться ей въ любви. Вѣдь онъ вовсе не любитъ ея... Онъ ее ненавидитъ, презираетъ. И сталъ онъ искать такого отвѣта, которымъ-бы свиданіе закончилось съ побѣдой на его сторонѣ.

Наступило молчаніе, незамѣтное для него.

Негрѣхова не хотѣла уходить. Ей думалось, что она съумѣетъ еще болѣе смутить Владиміра Алексѣевича, еще болѣе отомстить ему за то, что онъ, въ первую встрѣчу, рѣшился принять ее свысока, а потомъ сразу началъ ухаживать за нею, какъ за женщиной съ которой нечего стѣсняться. Вошла она въ свою роль, эта роль ей правилась. Евгенія Сергѣевна было чрезвычайно прїятно видѣть, какъ передъ ней обрисовывается дуркомъ человѣкъ прослышій выдающимся дѣятелемъ.

И она пожалѣла, что некому любоваться на ея торжество. Вдругъ ей пришла въ голову блестящая мысль.

— Ну, полно сердиться, произнесла она теплымъ, немного пѣвучимъ голосомъ,—я сказала то, что должна была, по совѣсти, сказать, и вы первый составили бы себѣ дурное мнѣніе обо мнѣ, если-бъ я отвѣтила иначе. Перестаньте. Прїѣзжайте въ понедѣльникъ. Можетъ быть намъ удастся побесѣдовать. Во всякомъ случаѣ, мы, со временемъ, узнаемъ другъ друга лучше и, почти навѣрно, подуржимся.

Ратиминъ замѣтилъ грубо поставленную западню. Совершенно свободный сердцемъ, какъ ему казалось, онъ подумалъ: „слишкомъ полагаешься ты на себя, раскаешься“ и проговорилъ неожиданно легкимъ тономъ:

— Разумѣется, приѣду. Я своего слова назадъ не беру.

И Владиміръ Алексѣевичъ такъ спокойно и ясно посмотрѣлъ на Негрѣхову, что она удивилась и не нашла, чѣмъ продолжать разговоръ.

— До свиданья, сказала она вставая, — Павелъ Арсеньевичъ будетъ очень радъ, когда я ему передамъ вашъ отвѣтъ...

„Только будешь-ли ты радоваться, увидѣвъ, что расчетъ плохъ!“ мысленно прибавилъ Ратиминъ, кланяясь и провожая ее до дверей. Онъ полагалъ, что вернулъ себѣ частицу своего достоинства и считалъ это побѣдой. Когда онъ повернулся, затворивъ за Негрѣховой дверь, то невольно отступилъ немного... онъ увидѣлъ свою жену...

X.

Она стояла на порогѣ замаскированного входа, блѣдная, съ портищимъ ей лицо выраженіемъ обиженности, злости.

„Все подслушала!“ угадалъ Владиміръ Алексѣевичъ, и гнѣвъ охватилъ его. Вѣдь она, изъ словъ разговора, навѣрно поняла, что онъ безумно влюбленъ въ Евгению Сергѣевну, а между тѣмъ, онъ не оставилъ въ своей душѣ слѣда благо увлеченія.

— Ну, что? сердито произнесъ онъ.

— Я все слышала, начала Валентина Петровна.

Онъ перебилъ:

— Знаю, знаю... а дальше? Вѣдь ты не повѣришь, если я тебѣ скажу: „ты ошибаешься, я вовсе не влюбленъ въ эту взбалмошную дѣвчонку“... Ты не повѣришь, хотя тутъ не будетъ ни слова лжи.

Валентина Петровна пожала плечами.

— Я, право, не знаю, сказала она, — чему вѣрить, чему нѣтъ. Я вижу только одно: у меня нѣтъ мужа.

Тутъ она заплакала. Слезы посыпались по ея лицу. Она закрыла лицо платкомъ и вся заколыхалась отъ неуправимыхъ визгливыхъ рыданій. Теплая жалость наполнила сердце Владиміра Алексѣевича. Онъ подошелъ къ женѣ, обнялъ ее нѣжно.

— Перестань... клянусь, ты ошибаешься... Я обманывалъ ее, мнѣ такъ нужно было... Одно время я увлекался ею, но теперь прошло.

— Однако, ты поѣдешь, сквозь слезы проговорила она, — ты не упустишь случая на нее посмотрѣть.

— Поѣду, конечно. Мнѣ такъ надо. Я хочу ей доказать, что я равнодушенъ къ ней, что я ее презираю. Для этого необходима еще встрѣча...

— Гораздо яснѣ докажешь ты равнодушіе, если не пойдешь, возразила Валентина Петровна.

— Тебѣ такъ кажется... Моего отсутствія было-бы недостаточно. Я долженъ окончательно лишитъ ее возможности считать меня увлеченнымъ ею... До сихъ поръ я вель себя такъ, что...

Жена перестала слушать его объясненія и отстранила его, тихимъ жестомъ.

— Я не хочу, чтобъ ты ѣхалъ, рѣзко сказала она, вытеревъ глаза, — я не хочу.

Ратиминъ пожалъ плечами и отошелъ. Его сердила жена. Зачѣмъ она суется туда, гдѣ ей не надо! Онъ лучше всѣхъ знаетъ, какъ слѣдуетъ ему поступить.

— А я нахожу необходимымъ ѣхать — и поѣду, не смотря на твой плачь. Ты знаешь, что слезы дѣйствуютъ на меня отвратительно, и ничего подобными сценами отъ меня добиться нельзя.

Валентина Петровна хотѣла сказать „я тебя прошу“, но языкъ у нея не повернулся на это. Разсерженная, обиженная, она проговорила:

— Дѣлай по своему. Я больше ни во что не вмѣшиваюсь.

И пошла къ дверямъ. Ратиминъ остановилъ ее:

— Пстой, зачѣмъ ты уходишь? Отчего ты прерываешь такимъ образомъ нашъ разговоръ? Тебѣ непременно хочется ссоры, ряда сценъ...

Она обернулась, мертвымъ взглядомъ посмотрѣла на него и отвѣтила:

— А право я сама не знаю, чего мнѣ хочется... мнѣ ничего не хочется. Прежде у меня было постоянное сильное желаніе: видѣть тебя около меня... И я сердилась на газету, которая поглощала тебя всего, до такой степени, что мнѣ приходилось жалѣть о прежнемъ времени, когда денегъ не было. Такъ было до сихъ поръ, и я старалась утѣшить себя, развлекать тѣмъ, что много тратила... и я привыкла, была счастлива, спокойна; только это одно желаніе не покидало меня, а теперь нѣтъ его больше. Не могу и хотѣть, чтобъ ты привязался ко мнѣ, когда, я вижу, между нами порвана связь. Не мнѣ одной бросается это въ глаза. Разумѣется, я тебя еще ни въ чемъ не могу упрекнуть... Но развѣ это жизнь: бокъ-о-бокъ—врозь! Грѣхъ тебѣ, грѣхъ, Володя...

Валентина Петровна вздохнула и подождала, безсознательно надѣясь, что мужъ бросится къ ней, оправдается. Но онъ даже не шелохнулся, глядѣлъ на жену съ такимъ видомъ, какъ будто она насмѣялась надъ нимъ, позлорадничала.

— Съ тобой сегодня лучше не разговаривать, сказалъ онъ, — когда пройдетъ твое теперешнее настроеніе, будь добра, прикажи мнѣ объ этомъ доложить.

Валентина Петровна вскрикнула:

— Твой насмѣшки гадки, печетны!

Владиміръ Алексѣевичъ пожалъ плечами и безмолвно пропустилъ ее мимо себя, потомъ захлопнулъ за нею дверь.

„Удовольствіе быть женатымъ!“ сердито подумалъ онъ. — „Теперь она будетъ дуться недѣли три и готова поклясться, что я превратилъ ее въ жалкую жертву своего неукротимаго звѣрства. И она увѣрна, что я влюбленъ въ ту... въ Негрѣхову.“

Ратиминъ усѣхнулся и, сѣвъ за столъ, машинально взялъ въ руку перо. Ему пришла на умъ начатая было статья о романѣ Зарокова. Онъ принялся за работу, но слова не шли. Въ первыхъ десяти строчкахъ встрѣтились по семи разъ „былъ“ и „этотъ“. Владиміръ Алексѣевичъ съ гримасой зачеркнулъ написанное, началъ съизнова. Не клеилось; почти каждое слово исчезало подъ судорожной помаркой.

— Къ чорту! проговорилъ онъ и отшвырнулъ листъ, — развѣ можно заниматься, когда окружающіе съ утра раздражаютъ, бѣсятъ, разстраиваютъ! Почитать развѣ?

Онъ вспомнилъ, что не смотрѣлъ передовыхъ статей сегодняшняго нумера „Столицы“. Этого дониндѣ никогда не случалось съ нимъ. Взялъ онъ газету и былъ пораженъ заглавіемъ первой статьи: „Еще о желѣзнодорожномъ вопросѣ“...

— Чтѣ за чепуха! Развѣ съ этого начинаютъ ну-меръ! Да къ тому же глупое слово „еще“...

— Владиміръ Алексѣевичъ, je ne vous dérange pas? послышался приторный голосъ Бекина.

— Войдите, сказалъ Ратиминъ, — очень кстати...

Но виллюще-радостная фізіономія Петра Леонтьевича произвела на него удручающее впечатлѣніе. Бекинъ представилъ ему какъ бы олицетвореніемъ „Столицы“, нагналъ на него приступъ отвращенія къ газетѣ и разговорамъ о ней.

— Чтѣ вамъ нужно?

У Петра Леонтьевича лицо лоснилось отъ восторга.

— Ахъ! сказалъ онъ, — интересная новость. Сейчасъ получена депеша изъ Рима. Король имѣлъ вчера вечеромъ долгое объясненіе avec notre ambassadeur, на балу, и сказалъ, entre autre, что считаетъ святою ту нравственно-религіозную связь, которая существуетъ

между Россіей и Абиссиніей... Позвольте мнѣ написать объ этомъ статью...

Владиміръ Алексѣевичъ искренно зѣвнулъ, посмотрѣлъ съ презрительной усмѣшкой на Бекина и отвѣтилъ:

— Пишите какую угодно чушь, но не заставляйте меня слушать ваши коментаріи. Не скрою отъ васъ, надоѣли вы мнѣ жестоко. Да, вотъ еще, распорядитесь, чтобы всѣхъ, кто придетъ сегодня по редакціоннымъ дѣламъ, направляли къ вамъ. Эти господа мнѣ еще хуже васъ надоѣли.

— Charmant! Charmant! захлебнулся Петръ Леопольевичъ, словно его удостоили лестнаго комплимента, и скрылся, чрезвычайно довольный тѣмъ, что ему разрѣшили написать статью... Можно будетъ нагнать построчнаго гонорара, побольше.

Ратимиръ скучливо посмотрѣлъ ему вслѣдъ, потомъ на часы. Скоро двѣнадцать. Сейчасъ завтракъ, vis-à-vis съ женой, сосѣдство Сони.

— Нѣтъ, рѣшили онъ, — такъ невыносимо. Поѣду завтракать въ ресторапъ. Гдѣ-нибудь день проведу.

(Продолженіе будетъ).

Литературно-критическія миниатюры.

А. С. Пушкинъ.

Имя Александра Сергѣевича Пушкина — самое великое имя въ исторіи русской поэзіи. „Солнце русской поэзіи!“ — сказано было о немъ въ одномъ изъ некрологовъ, вызванныхъ безвременною кончиною его. Былъ моментъ въ исторіи русскаго „развитія“, когда, вмѣстѣ съ сомнѣніемъ въ пользу и значеніи поэзіи вообще, имя Пушкина пытались принизить, умалить величіе его заслугъ передъ русскимъ обществомъ. Но это не помѣняло славы его роста, а произведеніямъ его совершать въ обществѣ свое благотворное дѣло. Знаменитые русскіе писатели, Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, открыто признавали себя учениками Пушкина, продолжателями начатаго имъ дѣла, и когда, въ началѣ нашего десятилѣтія, представители русской литературы сошлись въ древней столицѣ торжественно почтить заслуги величайшаго поэта нашего, воздвиженіемъ ему памятникъ, люди всѣхъ направленій и стремленій слились въ одномъ чувствѣ преклоненія передъ его памятию.

Въ чемъ же состоитъ великое дѣло Пушкина, создавшее ему такое всеобщее признаніе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ разъясненіи той роли, которую играетъ поэзія въ умственной жизни людей.

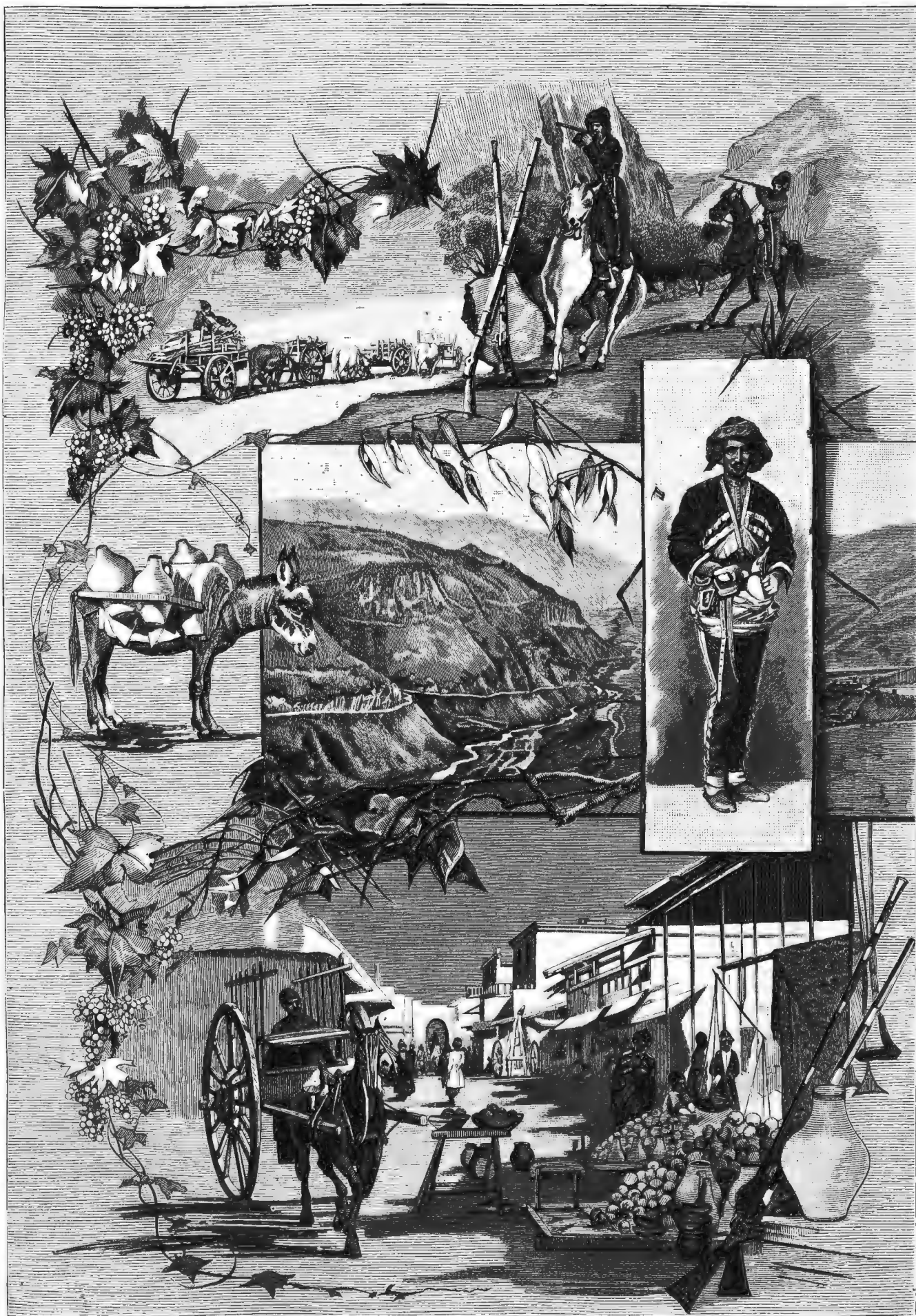
Велико и могущественно и въ высокой степени благотворно влияніе поэтическихъ произведеній на человѣка. Личная жизнь его, та повседневная жизнь, которая обусловлена первыми потребностями его тѣлеснаго существованія, въ большинствѣ случаевъ стремится принизить его духовную природу, ограничиваетъ ее тѣсными предѣлами. Среди ежедневныхъ однообразныхъ дѣлъ, чувствъ и мыслей проходитъ обыкновенная жизнь, упрямо и неизбѣжно повторяющихся: купецъ считаетъ свои барыни и преисполненъ заботой о нихъ, чиновникъ сочиняетъ свои сухія, далекия отъ дѣйствительной жизни бумаги, и т. д., придавая каждый своему дѣлу преувеличенное значеніе и отдавая свой досугъ все тѣмъ же однообразнымъ развлеченіямъ. Въ этой однообразной жизни образуются особыя умственные и нравственныя привычки, потребность упражнять извѣстныя чувства и испытывать однообразно направленные настроенія, нанодобіе того, какъ человѣкъ привыкшій къ ходьбѣ не можетъ выносить спокойнаго пребыванія дома и будетъ стремиться идти. Изъ богатой человѣческой природы, способной къ безконечно разнообразнымъ душевнымъ твореніямъ и мыслямъ, только лишь ничтожно малая часть нравственныхъ и умственныхъ сторонъ находитъ примѣненіе и развивается въ личной, въ тѣсномъ смыслѣ, жизни, особенно современнаго человѣка, а остальное, не упражняемое и не развиваемое, слабѣетъ, блекнетъ въ немъ, атрофируется въ большей или меньшей степени, какъ не рабочія руки отвыкаютъ отъ работы. Человѣкъ становится узокъ и одностороненъ, теряетъ способность пониманія необычныхъ для него чувствъ и мыслей въ другихъ людяхъ, живущихъ иначе, подъ другими условіями и впечатлѣніями. Узкая, односторонняя жизнь ума и чувства кладетъ свою неотразимую печать на человѣка съ такою силою, что люди одинаковыхъ занятій, раздѣленные огромными пространствами и казалось бы ничего общаго между собою не имѣющіе, становятся удивительно похожими другъ на друга по нравственному и умственному складу, образуютъ одинъ типъ; а съ другой стороны, люди живущіе рядомъ, подъ влияніемъ различныхъ условій жизни, становятся совершенно различны до непониманія другъ друга. Такъ чиновникъ крайняго Сѣвера русскаго носитъ на себѣ тѣ же типическія черты, какъ и чиновникъ крайняго Юга, въ то время какъ, напр., купецъ и чиновникъ, живущіе въ своей тѣсной средѣ, въ любимомъ русскомъ городѣ, рѣзко отличаются другъ отъ друга. Неудержимо возникаетъ, вслѣдствіе односторонней жизни ума и чувства, раздѣленіе людей на группы, не понимающія другъ друга, чуждыя другъ другу, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваютъ гуманныя отношенія между людьми. Художественная литература, поэзія, и является здѣсь однимъ изъ могущественнѣйшихъ орудій, которыми устраняется эта односторонность, эта узость личной жизни. Читая поэтическія произведенія, человѣкъ рѣзко, сразу выступаетъ изъ тѣсной сферы чувствъ и мыслей своего ограниченнаго существованія; поэтъ развертываетъ передъ нимъ роскошный и безконечный міръ новыхъ для него чувствъ и мыслей, заставляя его самого переживать ихъ съ такою силою,

какъ будто бы онъ самъ былъ тотъ „герой“ произведенія, о которомъ повѣствуетъ авторъ. Поэтъ не безразлично относится къ изображаемымъ имъ явленіямъ жизни, и его негодованіе на зло и влеченіе къ добру сообщается и читателю, воспитывая въ немъ гражданина и человѣка, искореняя въ немъ „къ добру и злу постыдное равнодушіе“. Въ то же время поэтъ даетъ читателю богатый опытъ жизненный, открывая ему разнообразный міръ душевной жизни людей, знакомя съ ихъ страстями, слабостями и внутренней духовной красотой, присущей каждому человѣку и только пораженной духовными болѣзнями. Искусство многообразными способами объединяетъ людей, дѣлая ихъ болѣе способными понимать другъ друга и заставляя испытывать одни и тѣ же чувства. Отъ края и до края обширной страны, говорящей языкомъ поэта, разносятся его мысли и чувства, соединяя людей въ общихъ понятіяхъ и стремленіяхъ.

Очевидно изъ сказаннаго выше, что поэтъ будетъ тѣмъ значительнѣе и дѣло его тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ отзывчивѣе его природа, чѣмъ онъ разностороннѣе въ чувствахъ и мысляхъ, чѣмъ, слѣдовательно, менѣе способенъ онъ подчиниться временнымъ увлеченіямъ, которыя такъ часто затемняютъ чувство истины, и остаться вѣчно свободнымъ и независимымъ созерцателемъ жизни. Таковъ именно и есть Пушкинъ. Къ нему съ полнымъ правомъ могутъ быть примѣнены слова, сказанныя о Гѣте русскимъ поэтомъ:

„Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
„Ручья разумѣлъ лепетанье,
„И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
„И чувствовалъ травъ прозябанье;
„Была ему звѣздная книга ясна
„И съ нимъ говорила морская волна...“

Воспринявъ многообразныя впечатлѣнія въ своей тревожной и разнообразной жизни, онъ на все отзывался, что просить отъ сердца отвѣта, и его произведенія неизмѣримо богаты тѣмъ, что онъ самъ называлъ „впечатлѣніями бытія“. Читатель находитъ въ нихъ и чарующія картины южной природы, и горныя впечатлѣнія Кавказа, и Сѣверъ встаетъ въ нихъ передъ глазами съ своею простою и суровою красотой. И жизнь людей съ небольшою полнотою и ясностью развертывается передъ читателемъ, отъ жизни великаго царя, полнаго великими думами, до жизни хвастливаго „гусара“, рассказывающаго свои фантастическія похожденія. Эта великая содержательность произведеній Пушкина, сама по себѣ уже цѣнная, пріобрѣтаетъ исключительное значеніе при необыкновенномъ, не имѣющемъ другаго примѣра въ русской литературѣ, чувствѣ истины, правды, составляющей душу поэзіи великаго поэта нашего. Пушкинъ изображаетъ и природу, и людей, съ полнѣйшею, неподкупнѣйшею „объективностью“, говоря старымъ терминомъ, — такъ, какъ они есть въ дѣйствительности, съ малѣйшими, имѣющими значеніе отгѣнками; въ души людей Пушкинъ заглядывалъ такъ глубоко, что отъ его умственныхъ очей не ускользало никакое душевное движеніе. Въ изображаемыхъ людяхъ Пушкинъ, по самой своей поэтической натурѣ, не видѣлъ и не могъ видѣть ни враговъ, ни друзей, ни, наконецъ, безразличныхъ, недостаточныхъ поэтическаго вниманія существъ; онъ видѣлъ въ нихъ только равно достойныя изученія творенія Божія и изображалъ ихъ, не испытывая никакихъ побужденій къ пристрастному или одностороннему возрѣнію на нихъ, со всею правдою проницательнаго наблюдателя. Великое чувство правды, одушевлявшее Пушкина, отразилось и на его неподражаемомъ языкѣ. Оно подсказывало ему, какими именно словами выражается наиболѣе точно и ясно его мысль, и послушный ему, глубоко постигнутый имъ, языкъ былъ точнымъ орудіемъ въ его рукахъ, какъ послушна кисть великому и опытному художнику-живописцу. Ни до, ни послѣ Пушкина въ русской литературѣ не было писателя, который былъ бы такъ необычайно правдивъ въ своихъ изображеніяхъ и такъ правдивъ и простъ въ языкѣ. Недаромъ лучшіе писатели Русской земли считали Пушкина своимъ великимъ учителемъ, недосягаемымъ образцомъ. На произведеніяхъ Пушкина можно учиться, какъ смотрѣть на явленія природы и жизни съ простотою и правдою, истинно-человѣческимъ образомъ.

Кавказские типы и сцены. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Юмудского, грав. Бараповский.

Осликъ.

Татарскія арбы.

Горное ущелье,
Улица татарскаго містечка.

Джигитовка.
Гуриецъ.

Библиотека "Руниверс"

Характеристика Пушкина, сдѣланная въ предшедшихъ строкахъ, была бы, однако, слишкомъ не полна безъ выясненія исторической роли, историческаго значенія его. Дѣло въ томъ, что Пушкинъ былъ первый въ русской литературѣ, показавшій своими произведеніями, чѣмъ можетъ быть поэзія, какія колоссальныя перспективы добра и пользы для общественаго развитія заключаются въ ней. Еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ, сто лѣтъ назадъ, на поэзію смотрѣли у насъ какъ на „благородное“, но въ сущности не важное дѣло, какъ на развлеченіе, „плоды досуга“, для автора и для читателей его. И поэзія, какъ будто принаровляясь къ возрѣніямъ времени, на самомъ дѣлѣ и не была ничѣмъ инымъ, состоя изъ одъ на разные торжественные случаи, на „тезоименитства“ и обѣды, по случаю побѣдъ и т. п.; въ этомъ видѣли прославленіе русскаго имени и русскихъ людей. Вліяніе развитія европейскіхъ литературъ постепенно измѣняло этотъ взглядъ и русская поэзія мало-по-малу становилась содержательнѣе и цѣннѣе. Карамзинъ и Жуковскій, до Пушкина, обнаружили глубокое вліяніе на литературу, но ихъ произведенія были подражаніями и „сочиненіями“, не были воспроизведеніями жизни и духа русскаго. Сентиментализмъ, фальшивая „чувствительность“ были далеки отъ истиннаго чувства и естественно не могли дать представленія объ истинной поэзіи, не могли стать источникомъ поученія и истиннаго, гуманнаго развитія читателей. И вдругъ появляется Пушкинъ со своею поэзіею, полною правды и жизни. Появляется тотъ энтузіазмъ, то удивленіе и восхищеніе,

съ которыми современники встрѣтили это необыкновенное явленіе, понынѣ остающееся такимъ, хотя уже привычное для насъ.

Русскій человекъ душою, Пушкинъ въ самомъ началѣ своей дѣятельности, однако, не могъ избѣжать вліянія европейскихъ литературъ, подобно Карамзину и Жуковскому. Но съ постепеннымъ ростомъ своего великаго дарованія, онъ освободился отъ этого вліянія. Начавъ съ изображенія героевъ, чуждыхъ русскому складу ума и чувства, героевъ байроновскихъ, онъ постепенно оставлялъ ихъ; его идеалы становились проще и человѣчнѣе. Отъ „Кавказскаго плѣнника“ и Алеко (въ „Цыганахъ“) онъ обращается къ простымъ русскимъ картинамъ быта въ дѣломъ рядѣ произведеній, особенно въ „Капитанской дочкѣ“, становится выразителемъ чисто русскаго духа и характера. Но характернѣйшею его чертою можно признать то, что онъ обладалъ великою духовною поэтическою проникательностью, становившею его выше узкой національности; оставаясь вполнѣ русскимъ умомъ, онъ изображалъ явленія чуждыхъ странъ и людей съ такою же полнотою и естественностью, какъ будто бы самъ не былъ русскимъ, а принадлежалъ къ тому народу, представителя котораго бралъ героемъ своего произведенія. Въ этомъ, быть можетъ, сказалась черта, общая всему русскому народу, обладающему удивительною способностью понимать души другихъ народовъ.

„Великъ подвигъ Пушкина“, скажемъ мы въ заключеніе словами знаменитаго русскаго критика. **Арсеній Ващенко.**

Къ рисункамъ.

Дѣдушка и внучекъ. (Рис. на стр. 889).

Привлазавъ къ ракитамъ лодку,
Мужички вдвоемъ,
Близъ осоки, вихомолку
Тянуть събы съ трудомъ...
„Тянуть, тянуть!“ закричали
Ребятишки вдругъ:
„Вдоволь чай теперь поймали
И линей, и щукъ!“
Вотъ на берегѣ поголомъ
Показалась събы.
— „Ну, вытряхивай-ка съ Богомъ,—
Нечего глядѣть!“
Такъ сказалъ старикъ высокій,
Весь какъ лупъ сѣдой,
Съ грудью выпукло-широкой,
Съ длинной бородой.
Събы намокшую подыали
Дружно рыбаки;
На нескѣ затренитали
Окупи, липки...
Дѣти весело шумѣли—
„Будетъ на денекъ“.
И на коргочки присѣли
Рыбу класть въ мѣшокъ. (Нинитинъ).

Старый дѣдъ, съ трубочкой въ зубахъ, тутъ-же присѣлъ за пачинку сѣти, а самый любознательный изъ внучковъ немедленно вступилъ съ нимъ въ бесѣду о рыбной ловлѣ.

Старый баринъ. (Рис. на стр. 892).

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ въ преклонные годы отказаться отъ привычекъ выработанныхъ цѣлою жизнью. Старинный помѣщикъ былъ накопилъ много такихъ лишнихъ обузъ, на взглядъ современнаго, лихорадочно-подвижнаго дѣятеля. Многія изъ этихъ привычекъ были прямымъ слѣдствіемъ необходимости запясть чѣмъ-нибудь многочисленную и болѣею частью праздную дворню. Такимъ образомъ и завелось, между прочимъ, что въ жаркое лѣтнее время, дворовые подростки обязаны были, вооружась длинною зеленою вѣткой, отгонять мухъ отъ барина или барыни, во время сна или какихъ-нибудь занятій. Должность эту исправляли такъ-называвшіеся казачки или дѣвчонки. Художникъ чрезвычайно вѣрно воспроизвелъ типъ стараго барина, который не могъ разстаться съ этой роскошью и послѣ крестьянской реформы, и благодушно дремлетъ надъ газетой, пока босоногая Присыка или Машутка правитъ свою должность со всею подобающею важною.

Гармоническое настроеніе. (Рис. на стр. 893).

Читатели *Нивы* давно знакомы съ талантомъ Отто Эрмана, прославившагося своими жанрами изъ временъ рококо. Вотъ еще образчикъ этихъ граціозныхъ воспроизведеній давно отжившей эпохи. Составляется повидимому трио на клавишинъ, виолончели и можетъ-быть на скринкѣ, если только ея не замѣняютъ голосъ одного изъ молодыхъ исполнителей. Пока старичекъ заботливо настраиваетъ свою виолончель, молодежь пользуется минутой не менѣе гармоничнаго настроенія.

Катюша. (Рис. на стр. 897).

Хорошенькій типъ *ingénue* представляетъ этотъ этюдъ жепской головки, которые такъ удаются Зейферту.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта, простодушна,
Какъ поцѣлуй любви, мила.

Привалъ на маневрахъ. (Рис. на стр. 900).

Послѣ труднаго дневнаго перехода по пыльной дорогѣ, солдатамъ разрѣшенъ отдыхъ; группа ихъ собралась у опушки лѣса и расположилась въ травѣ. Среди нихъ полулежитъ солдатикъ—разскащикъ и забавникъ; всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слушаютъ его прибаутки.

На помощь. (Рис. на стр. 901).

Ужасную, раздирающую сердце картину представляютъ гибнущіе на водѣ. Нѣтъ силъ удержать невольный порывъ броситься на помощь—и люди, безотчетно, не замѣчая собственной опасности, стремятся спасти своихъ ближнихъ. Нашъ рисунокъ живо передаетъ какъ нѣсколько отважныхъ моряковъ, на уломъ суденышкѣ, отчаянно борются съ грозными волнами, слѣша на помощь погибающему кораблю. Въ настоящее время по всему свѣту разбросано вдоль береговъ морей, озеръ и рѣкъ, множество спасательныхъ станцій, гдѣ люди всегда наготовѣ двинуться по первому призыву на помощь утопающимъ и терпящимъ кораблекрушеніе. Но еще въ концѣ прошлаго столѣтія спасеніе людей отъ опасности погибнуть на водѣ было дѣломъ случая и не звало никакаго правильнаго устройства.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ 1789 году, было учреждено первое общество спасенія погибающихъ при кораблекрушеніяхъ въ Англіи, въ Шильдсѣ (Shields). Поводомъ возникновенія его послужила страшная картина гибели корабля „Adventure“, на глазахъ у жителей. На слѣдующій годъ была построена первая спасательная лодка лондонскимъ каретникомъ Lionel Lukin. Но до 1824 года дѣло спасенія на водахъ шло очень медленно, и только съ этого времени оно стало дѣлать большіе успѣхи благодаря неутомимой дѣятельности сэръ-Вильяма Галлари. Плодомъ его стараній явился въ 1850 г. союзъ всѣхъ спасательныхъ станцій въ Англіи, числомъ до 300, носящій съ тѣхъ поръ названіе „Royal National Lifeboat Institution“. Съ этого времени при 5,000 случаяхъ спасено до 12,000 человекъ. На материкѣ Европы впервые послѣдовала примѣру англичанъ Голландія, а за нею и всѣ остальные страны. Русское Общество спасенія на водахъ, какъ извѣстно, находится подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы.

Кавказскіе типы и сцены. (Рис. на стр. 905).

Природа и люди, а также обстановка и костюмы послѣднихъ такъ разнообразны и разнохарактерны на Кавказѣ, что случайное сочетаніе художникомъ типовъ и сценъ, какъ то сдѣлалъ на своемъ рисункѣ Г. Юмудскій—требуетъ детальнаго разясненія.

Наверху, налѣво, подъ № 1, изображена одна изъ знойныхъ равнинъ мусульманской части Закавказья, по которой тянется длинный транспортъ татарскихъ арбъ, запряженныхъ волами, а на крайней изъ нихъ помѣстился погонщикъ-татаринъ. Все тутъ говоритъ о палящей жарѣ и лѣни, свойственныхъ этимъ открытымъ, бесплоднымъ мѣстностямъ, гдѣ солнце печетъ немилосердно.

Направо, подъ № 2, другая уже природа, имѣющая характеръ горъ Малаго Кавказа, населеннаго тоже мусульманами. На переднемъ планѣ гарцуютъ два всадника. Это татарскіе,

лихих наездников, вооруженные с ног до головы, сидящие на конях турецкой породы, очень цѣнных по быстротѣ своего бѣга, выносливости и статности. Съ этими всадниками опасно встрѣтиться безъ конвою, одинъ на одинъ; они не поперемонятся съ беззащитнымъ путникомъ и онъ долженъ будетъ считать себя счастливымъ, если уйдетъ отъ нихъ живой, отдѣлавшись тѣмъ, что они обернутъ его до питки и привяжутъ къ какому-нибудь дереву, чтобы онъ не могъ въ скорости поднятъ за ними погоню земской стражи.

Посрединѣ, подъ № 3, изображено горное ущелье,—а въ немъ стремительно несетъ свои воды рѣчка, имѣющая крутое паденіе. Съ правой, по теченію ея, стороны, возвышаются крутые бока горъ, по которымъ, въ видѣ карниза, продолжается дорога; съ лѣвой, на одномъ изъ холмовъ, виднѣется вдали аулъ.

Надѣво отъ этого вида, подъ № 4, красуется чрезвычайно полезное и вездѣ служащее предметомъ насмѣшекъ животное—оселъ, *ешакъ* (по татарски). Это маленькое, вьючное, очень сильное и выносливое животное, неприхотливое относительно своего корма (оно довольствуется тѣмъ, что находится подъ погами и не брезгаетъ даже репейникомъ), таскаетъ на себѣ огромные вьюки. Тутъ изображенъ ешакъ нагруженный кувшинами.

Направо, подъ № 5, поставленъ на особомъ полотнѣ Гуріецъ. Живописный его костюмъ состоитъ изъ куртки, чаще всего изъ краснаго сукна; шаровары, такъ же какъ и куртка, обшиты галунами; башлыкъ на головѣ свернутъ въ турбанъ, а поверхъ куртки и шароваръ—широкій поясъ, за которымъ заткнутъ цѣлый походный арсеналъ оружія и разныхъ вещицъ—веревки, огнива, иглокъ, нитокъ и т. п.—необходимыхъ его хозяину. Гуріицы, одна изъ отраслей грузинскаго племени, живутъ на берегу Чернаго моря, на границѣ Батумской области, отличаются своею красотой и высокими боевыми качествами.

Внизу, подъ № 6, изображена одна изъ улицъ татарскаго мѣстечка. Въ углубленіи виднѣются ворота прежней крѣпости, по обѣимъ сторонамъ улицы тянутся причудливаго устройства дома съ плоскими крышами. Движеніе по улицѣ самое незначительное. На первомъ планѣ, слѣва, арба въ видѣ одноколки, нагруженная лошадью, затѣливо убранною; слѣва—лавка, вѣсы и около нихъ нагромождена всякая всячина, какъ то обыкновенно встрѣчается на восточныхъ базарахъ. И чашки, и кувшины со сѣбью и налитками, и фрукты, и ковры, и ружья и пр. и пр. Около вѣсовъ сгруппировалось нѣсколько человѣкъ.

Краткій очеркъ исторіи Николаевскаго кадетскаго корпуса.

(По поводу 25-лѣтней годовщины его основанія.)

(Портр. на стр. 908).

5 сентября 1889 года исполнится 25 лѣтъ существованія Николаевскаго кадетскаго корпуса. Въ этотъ день, послѣ торжественнаго молебствія, въ 1864 году открытъ Приготовительный Пансіонъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища. Онъ былъ преобразованъ изъ двухъ младшихъ классовъ Школы Гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ; старшіе же два класса приравнены были къ военнымъ училищамъ и образовали Николаевское кавалерійское училище въ составѣ одного эскадрона. Пансіонъ имѣлъ четыре класса съ чисто воспитательнымъ характеромъ по образцу старшихъ четырехъ классовъ военныхъ гимназій. При комплектѣ во сто человѣкъ въ него принимались дѣти лицъ принадлежащихъ къ сословіямъ не обязаннымъ рекрутскою повинностью, въ возрастѣ отъ 12½ до 15½ лѣтъ, съ платою по 400 рублей ежегодно, исключая десяти пажей-кандидатовъ Пажескаго корпуса. Въ старшемъ классѣ воспитанники обучались верховой ѣздѣ. Самый Пансіонъ помѣщался въ верхнемъ этажѣ главнаго зданія Николаевскаго кавалерійскаго училища, на Ново-Петергофскомъ проспектѣ, а въ 1867 году перемѣщенъ въ одинъ изъ лицевыхъ флигелей, занятый до того времени квартирами офицеровъ. Пансіонъ находился подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальника Кавалерійскаго училища, хотя и имѣлъ своего отдѣльнаго начальника.

Первымъ начальникомъ Пансіона назначенъ былъ статскій совѣтникъ Александръ Венедиктовичъ *Шакъевъ*. Дѣятельность этого прекраснаго преподавателя исторіи, во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, пользовалась большою извѣстностью въ столичныхъ кружкахъ педагоговъ и приобрѣла ему уваженіе учениковъ, съ признательностью вспоминающихъ его донынѣ. Онъ скончался 13 сентября 1870 года, до послѣднихъ минутъ не покидая служебно-воспитательнаго поприща.

По смерти А. В. Шакъева, начальникомъ Пансіона назначенъ былъ полковникъ Федоръ Карловичъ *Дитерихсъ* (1870—1873 г.), впоследствии директоръ 3-й военной С.-Петербургской гимназіи, а нынѣ въ чинѣ генералъ-лейтенанта—директоръ Пажескаго Его Величества корпуса.

Съ 8 августа 1873 года начальникомъ Пансіона назначенъ былъ состоявшій по нѣшей артиллеріи полковникъ Яковъ Але-

ксандровичъ *Дружининъ*, бывшій до того времени сначала преподавателемъ артиллеріи, а затѣмъ инспекторомъ классовъ Пажескаго Его Величества корпуса, и 30 августа 1873 года произведенный въ генералъ-маіоры. Эту должность онъ занимаетъ и донынѣ.

Въ 1878 г. четырехклассный Приготовительный Пансіонъ отдѣленъ отъ Кавалерійскаго училища и преобразованъ въ самостоятельное учебное заведеніе съ правами военной гимназіи, хотя названіе его не измѣнилось. Одновременно онъ былъ переведенъ въ другое помѣщеніе на Офицерскую улицу, въ зданіе бывшаго баталіона военныхъ капитановъ, затѣмъ Юридическаго училища, къ тому времени закрытаго. Директоромъ Приготовительнаго Пансіона Николаевскаго кавалерійскаго училища остался много потрудившійся при его преобразованіи Яковъ Александровичъ Дружининъ, портретъ котораго прилагается на стр. 908. Въ это военно-учебное заведеніе принимались дѣти всѣхъ сословій отъ 10 до 13 лѣтъ, съ платою по 550 рублей съ интерна ежегодно; при 200 человѣкѣ интерновъ въ немъ полагалось имѣть сто экстерновъ съ платою по 200 рублей въ годъ. Въ числѣ интерновъ имѣлось 10 бесплатныхъ вакансій для пажей-кандидатовъ Пажескаго корпуса. Программа заведенія вполне соответствовала военнымъ гимназіямъ, съ прибавленіемъ верховой ѣзды для старшаго класса, получавшаго такимъ образомъ извѣстную прививку и подготовку къ кавалерійской службѣ. Отдѣльный Пансіонъ однако не терлъ своей связи съ училищемъ, на лошадахъ котораго старшій классъ пансіона обучался верховой ѣздѣ, и большинство воспитанниковъ, по окончаніи курса, переходило и переходило конками въ эскадронъ Кавалерійскаго училища.

Въ 1882 году Приготовительный Пансіонъ переименованъ, какъ и всѣ военныя гимназіи, въ кадетскій корпусъ, при чемъ за нимъ осталось наименованіе Николаевскаго кадетскаго корпуса. Существеннаго измѣненія въ учебной программѣ заведенія, съ переименованіемъ его, не послѣдовало; усилена только спеціально-военное образованіе, корпусъ раздѣленъ на двѣ роты—строевую и нестроевую, при чемъ назначены новыя должности двухъ ротныхъ командировъ; кадеты старшихъ двухъ классовъ ежегодно начали выходить въ лагерь, подъ городомъ Петергофомъ, для военныхъ упражненій.

Съ 1887 года въ корпусѣ прекращенъ приемъ дѣтей всѣхъ непривилегированныхъ сословій; правомъ поступленія въ него пользуются дѣти потомственныхъ и личныхъ дворянъ, почетныхъ гражданъ и купцовъ.

Въ такомъ видѣ корпусъ встрѣчаетъ день своего двадцатилѣтія, совпадающій съ 40-ю годовщиною служенія въ офицерскихъ чинахъ его директора. Провѣтанію своему корпусъ всецѣло обязанъ заботливости Я. А. Дружинина; нѣтъ момента въ теченіе учебнаго времени, когда директоръ не былъ бы среди кадетъ. Всякое, даже ничтожное, обстоятельство въ жизни корпуса не обходится безъ его разумнаго и теплаго отношенія къ дѣтямъ. Кому не извѣстно, какъ комфортабельно и предусмотрительно устроена вся вѣвшая жизнь кадета Николаевскаго корпуса! Съ другой стороны, снисходительностью къ дѣтскимъ шалостямъ, разумною строгостью въ отношеніи серьезныхъ проступковъ, полною готовностью видѣть и цѣнить во всякомъ то, что въ немъ есть хорошаго, и стараніемъ исправить дурное, Дружининъ снискалъ себѣ глубокое сочувствіе какъ среди своихъ питомцевъ, такъ и среди ихъ родителей. Невольно вспоминаются слова главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, генералъ-лейтенанта Н. А. Махотина, сказанныя однажды Дружинину въ присутствіи служебнаго персонала: „Не хитралъ вѣдь ухаживать за растеніемъ, которое растетъ прямо, куда труднѣе дать *кривому* растенію *прямое* направленіе“. Эта задача и есть задача жизни Я. А. Дружинина, исполняемая имъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, съ неизсякаемымъ, любвеобильнымъ терпѣніемъ и упорною энергіей.

П. К.

Физическіе опыты. (Рис. на стр. 909).

Французскій журналъ „La Nature“ сообщаетъ устройство интересной вѣтряной мельницы изъ соломы, изображеніе которой помѣщено на стр. 909. Берутъ довольно толстую соломенку (А) съ узломъ посерединѣ. На ней, въ верхней части соломенки, прорѣзаютъ небольшое отверстіе, въ которое вставляютъ другую тоненькую соломенку (В) съ колосомъ, который долженъ служить рулемъ или флагаркой. На противоположный конецъ второй соломенки одѣвается мельница, сдѣланная, въ свою очередь, изъ довольно толстой соломенки (С). Ее предварительно надрѣзаютъ до половины на 4 части, которыя отгибаютъ, и онѣ служатъ крыльшками мельницы. Бѣсъ этотъ соломенный приборъ надѣваютъ на новую соломенку, болѣе узкаго поперечника (D), вокругъ которой и обращается мельница.

Тамъ же, нѣкто Адриенъ Ависъ, объясняетъ устройство сифона изъ соломы и абрикосовой косточки. Въ послѣдней прорѣзаютъ два отверстія, въ которыя вставляютъ двѣ соломенки, различной длины, какъ это видно на нашемъ рисункѣ. Вытянувъ воздухъ изъ нижняго конца длинной соломенки, заставляютъ переливаться жидкость изъ верхняго сосуда въ нижній.

Политическое обозрѣніе.

Во Франціи съ опубликованіемъ декрета о назначеніи выборовъ на 22 сентября, началась открытая избирательная борьба, которая давно уже ведется скрытыми путями. Буланже обратился къ выборщикамъ съ манифестомъ, указывая въ немъ, что предстоящіе выборы должны имѣть исключительно цѣлью образованіе такой палаты, которая могла бы рѣшить утвердительно вопросъ о пересмотрѣ конституціи особо созванымъ для этой цѣли учредительнымъ собраніемъ, а потому слѣдуетъ подавать голоса за всѣхъ сторонниковъ пересмотра, не разбирая къ какой партіи они принадлежатъ. Графъ Парижскій также обратился къ народу съ посланіемъ объ образованіи союза консервативовъ. Указывая на попытки республиканцевъ поработить ресубликанскую свободу Франціи, графъ говоритъ, что ревизія конституціи прекратить это рабство и возстановитъ миръ ресублики. Поговариваютъ, что и президентъ ресублики собирается издать особый манифестъ къ странѣ, и что административныя мѣры противъ кандидатуръ негодныхъ правительству приняты министромъ внутреннихъ дѣлъ, Констаномъ. Такимъ образомъ можно уже предвидѣть, что главныхъ борющихся партій будетъ двѣ, такъ-называемая „національная“, которую составятъ буланжисты и присоединившіеся къ нимъ роялисты съ империалистами, и правительственная или ресубликанская. Однако въ ней уже обнаруживается разладъ между оппортунистами и радикалами. Многіе изъ послѣднихъ объявили, что они будутъ требовать пересмотра конституціи.

Въ Италію прибыла шотландская миссія. 16 августа, въ Римѣ въ присутствіи наследнаго принца и министровъ, король принималъ посольство. При прощаніи миссіи во дворецъ виллы ей отдавали честь. Потомъ миссія сдѣлала визиты министру иностранныхъ дѣлъ и военному министру. Со стороны населенія встрѣча была не изъ радужныхъ; напротивъ, по извѣстіямъ изъ Рима, посольство при въѣздѣ въ столицу Италіи на желѣзнодорожной станціи было жестоко освистано собравшеюся многочисленною публикой. Причиной этого считаютъ недовольство населенія африканскою политикою Италіи. При пріемѣ во дворцѣ эеопскій посланникъ обратился чрезъ переводчика къ королю съ рѣчью, на которую отвѣчалъ король Гумбертъ. Въ этихъ рѣчахъ итальянская печать видитъ, что протекторатъ Италіи былъ просимъ и принятъ.

Въ той-же Италіи еще весною текущаго года сенаторъ Ячини, одинъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ товарищей Кавура по министерству, игравшій важную роль въ министерствѣ Ла-Марморы въ 1866 году, при освобожденіи Венеціи, написалъ брошюру подъ заглавіемъ „Мысли объ итальянской политикѣ“. Въ ней онъ высказываетъ убѣжденіе въ неизбѣжности франко-германскаго столкновенія, тогда какъ австро-русскіе недоразумѣнія можно де разрешитъ мирнымъ путемъ. Отсюда задача державъ: ограничить угрожающій кризисъ столкновеніемъ прибрежныхъ государствъ и не дать развиться франко-германской войнѣ въ общеевропейскую. Задача эта особенно касается Италіи, такъ какъ послѣдняя занимаетъ чрезвычайно невыгодное положеніе въ тройственномъ союзѣ. Въ случаѣ, если среднеевропейская коалиція одержитъ побѣду въ войнѣ съ Россіей и съ Франціей, Италія выиграетъ очень немного; если-же коалиція потерпитъ пораженіе, то Италія погибнетъ.

Только недавно газета *Post* помѣстила свой взглядъ на книгу Ячини, причѣмъ довольно странно образомъ хотѣтъ разъяснить истинное призваніе Россіи и Франціи, котораго онъ де не понимаетъ. „Ровнь между Франціей и Германіей сама по себѣ не являетъ

ся непреодолимымъ препятствіемъ къ успокоенію Европы. Если бы не было на свѣтѣ Россіи, то французы давно бы уже примирились съ Германіей. Они не хотятъ одни начать войну съ Германіей не потому, что отчаялись въ побѣдѣ, а потому, что совершенно основательно считаютъ рискъ слишкомъ значительнымъ сравнительно съ выигрышемъ. Если-бы французы знали, что имъ придется однимъ свести счеты съ Германіей, то они тотчасъ-же сообразили-бы, что миръ достаточно обширенъ, что Франція сдѣлала уже со времени франко-прусской войны значительныя приобрѣтенія и что для нея весьма невыгодно побуждать своею враждою Германію къ союзу со всѣми противниками Франціи. Однако, французы, рассчитывая на союзъ съ Россіей, надѣются уничтожить Германію, и въ этомъ-то именно и заключается начало опасности, угрожающей европейскому миру. Франція могла-бы тысячу разъ воспользоваться дружбой съ Германіей. Россія отвергаетъ друзей, не хочетъ быть никому ничѣмъ обязанною и думаетъ, что она въ состояніи выполнить свое призваніе собственными силами. Она принимаетъ поддержку Франціи, такъ какъ, по мнѣнію Россіи, поддержка эта не требуетъ никакой взаимности. Германія и Франція могли-бы примириться, если-бы Франція поняла свою естественную роль въ мирѣ. Россія и Германія были долгое время союзницами, до тѣхъ поръ пока Россія могла видѣть въ Германіи орудіе своей политики. Равноправныхъ помощниковъ Россія не желаетъ имѣть. Ея планы для этого слишкомъ обширны, слишкомъ разнородны. Повторяемъ, что Франція примирилась-бы съ Германіей, если-бы утратила надежду на поддержку со стороны Россіи. Что касается Россіи, то она не помирилась-бы съ нами даже и въ томъ случаѣ, если-бы Франція провалилась сквозь землю“.

Англійскій парламентъ закрылся въ этомъ году необычно поздно, а именно 18 августа. Въ произнесенной по этому случаю тронной рѣчи, между прочимъ, говорится: „Отношенія Англіи къ иностраннымъ державамъ сохраняютъ самый сердечный характеръ. Съ начала сессіи не случилось ничего такого, что могло бы ослабить высказанную тогда королевою твердую надежду на сохраненіе европейскаго мира. Единственнымъ изъятіемъ изъ общаго спокойнаго хода событій была попытка махдистовъ прорваться черезъ южную границу Египта; но попытка эта побѣдоносно отражена“. Далѣе въ рѣчи упомянуто о соглашеніи относительно острововъ Самоа, которое ожидаетъ теперь утвержденія со стороны американскаго сената. Затѣмъ въ рѣчи изложено, что по почину королевы Викторіи Бельгійскій король согласился созвать осенью въ Брюсселѣ конференцію европейскихъ державъ для обсужденія нынѣшняго состоянія сухопутной и морской торговли невольниками и изысканія мѣръ къ сокращенію того зла, которое еще причиняетъ человечеству помянутый торгъ. Вслѣдъ затѣмъ, королева заявляетъ, что съ Франціей и Германіей заключена новая почтово-телеграфная конвенція. „Одобренныя парламентомъ кредиты на усиленіе флота и системы обороны Британской имперіи—говоритъ королева—позволятъ нашимъ подданнымъ въ полной обезпеченности заниматься промышленностью и торговлей“. Въ заключеніи тронной рѣчи сказано: „Счастливы признаки постепенно возрастающаго благосостоянія — плодъ возобновившагося довѣрія — проявляются повсемѣстно“. Послѣднія слова звучатъ нѣсколько странно въ то время, когда въ Лондонѣ происходятъ, въ докахъ, на угольныхъ верфяхъ, въ типографіяхъ забастовки рабочихъ, разпространившіяся даже за предѣлы столицы. Праздныхъ рабочихъ,

Яковъ Александровичъ Друминнй, директоръ Николаевскаго кадетскаго корпуса. (По поводу 25-й годовщины основанія корпуса).
Съ фот. Соловьева, грав. Шюблеръ.

требующихъ увеличенія заработной платы, насчитывается до 150,000, и Лондону грозить бѣдствие отъ недостатка жизнен-

ныхъ припасовъ, такъ какъ нѣтъ рукъ для того чтобы выгружать прибывающіе въ городъ грузы.

С М Ъ С Ъ .

Еще экспромтъ Минаева. Минаевъ шель однажды по Николаевской улицѣ и вдругъ увидѣлъ, что около какого-то подъѣзда собралась толпа народа. Подойдя ближе, онъ замѣтилъ въ этой толпѣ О. М. Достоевскаго. Страшно взволнованный, авторъ „Вѣднхъ людей“ о чемъ-то разсуждалъ съ городовымъ, придерживавшимъ за шиворотъ какого-то человѣка, повидимому мастерового.

— Что съ вами произошло, Федоръ Михайловичъ? спросилъ у Достоевскаго Минаевъ.

— Ахъ, это вы, Дмитрій Дмитриевичъ? Представьте, какой казус со мною случился. Иду я по тротуару и вдругъ слышу крикъ: „прочь съ дороги!“ Не успѣлъ я опомниться, какъ этотъ самый мастеровой такъ ударилъ меня по затылку, что я съ ногъ свалился. Теперь я приказалъ задержать его и отправить въ участокъ.

Сифонъ изъ соломенки и абрикосовой косточки.

Тогда Минаевъ, обращаясь къ городовому, продекларировалъ:
Да, на это приключеніе
Обрати-ка, братъ, вниманіе...
За такое преступленіе
Дай ему и наказаніе. (в.)

Экспромтъ поэта Бахтурина. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ на литературномъ поприщѣ подвизался Константинъ Александровичъ Бахтуринъ, авторъ драмы „Кузьма Рощинъ“, человѣкъ не безъ таланта. Онъ былъ гусаромъ, еще въ полку посвятилъ себя культу Бахуса, прожилъ состояніе и выйдя, поневоля, въ отставку, существовалъ литературнымъ заработкомъ. Писалъ онъ, по заказу, стихи, драмы, дѣлалъ переводы и, между прочимъ, говорилъ иногда удачные экспромты. Одинъ изъ пріятелей его, — разсказываетъ г. Бороздинъ въ своихъ воспоминаніяхъ, — пустился какъ-то урезонивать Бахтурина, прочиталъ ему чуть не цѣлую предіку о вредѣ запоя, бранилъ его, наконецъ, заключилъ патетически напоминаніемъ о загробной жизни: „Подумай, братецъ, что тамъ ожидаетъ тебя, зарывшаго такъ безбожно свой талантъ!“ Бахтуринъ во время длиннаго монолога пріятеля молчалъ и сидѣлъ понуря голову; но при заключительныхъ его словахъ, вдругъ какъ бы очнулся; фязіономія его просвѣтлѣла, на ней показалась улыбка, глаза заблестали. „Нѣтъ! голубчикъ, скороговоркой отвѣтилъ онъ пріятелю, — на счетъ этого не безпокойся. Тамъ-то будетъ мнѣ отлично, и воть что будетъ:

Бахтуринъ, переплывъ черезъ Ахеронъ,
И выпрыгнувъ изъ лодки,
Тотчасъ-же спроситъ: „Эй! Харонъ!

Гдѣ здѣсь трактиръ, чтобы выпить водки?“

А тамъ, конечно, трактиры лучше здѣшнихъ“. (в.)
Необыкновенная радуга. Въ городѣ Петрозаводскѣ, въ самомъ началѣ іюля, однажды вечеромъ наблюдалась удивительная радуга или лучше сказать четыре радуги, изъ которыхъ каждая пара шла концентрически, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣла свой особый центръ. Появленіе двухъ концентрическихъ радугъ—объемлемой и объем-

лющей—явленіе обыкновенное; хотя и не часто, но все-таки бываетъ видима иногда еще третья радуга, весьма слабо окрашенная, но имѣющая общій центръ съ двумя другими. Въ приведенномъ же случаѣ было нѣчто особенное. На темномъ фонѣ тучи, при довольно рѣдкомъ косомъ дождѣ, постепенно образовались радуги: двѣ обыкновенныя, имѣющія общій центръ, изъ которыхъ нижняя въ теченіе нѣсколькихъ минутъ была необыкновенно ярко окрашена, верхняя же, конечно, слабѣе, но все-таки довольно ярко. Радуги были болѣе одной восьмой окружности. Изъ тѣхъ мѣстъ, откуда, какъ казалось, начинались радуги, выходили еще двѣ радуги, центръ которыхъ находился въ верхней (второй) обыкновенной радугѣ, въ правой ея сторонѣ, между ея началомъ и серединой. Окраска этой пары дугъ была совершенно тождественна съ обыкновенными радугами. Такъ какъ центры дугъ были различны, то первая, яркая дуга (имѣвшая центръ на окружности второй обыкновенной), подымаясь къверху, пересѣкала верхнюю (обыкновенную) радугу, представляя, около мѣста пересѣченія, нѣчто въ родѣ креста; вторая же уходила, постепенно изгибаясь къ зениту. Обѣ эти необычныя радуги терялись въ облакахъ, градусовъ на пятьдесятъ отъ горизонта. Все явленіе продолжалось, по словамъ *Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостей*, минутъ пять-шесть и постепенно исчезло. (в.)

Красный клеверъ и шмели. Открытое Шпренгелемъ уже въ 1793 г. перекрестное опыленіе многихъ растений посредствомъ на-

Мельница изъ соломенки.

сыкомыхъ, о которомъ затѣмъ вполне позабыли, пока Дарвинъ въ 1862 году не подтвердилъ и не расширилъ наблюденія своего предшественника, сѣзумѣли англичане примѣнить и на практикѣ. Введенный въ Австралію красный клеверъ давалъ весьма мало сѣмянъ, такъ что культура оказалась весьма невыгодною. Клевероводамъ же давно извѣстно, что лишь послѣ обильнаго посѣщенія цвѣтущаго поля краснаго клевера шмелями можно ожидать и хорошаго урожая сѣмянъ клевера. Этотъ опытъ подалъ мысль весной 1885 года вывезти изъ Англии въ окрестности Lyttleton на Новой Зеландіи до ста штукъ шмелей, которыхъ, какъ оказывается, въ Австраліи вовсе не водится. Уже въ слѣдующемъ году шмели начали сильно размножаться и теперь они на Новой Зеландіи вполне стали туземцами; вмѣстѣ съ тѣмъ и красный клеверъ даетъ теперь тамъ богатые урожаи сѣмянъ. На соотношеніе между краснымъ клеверомъ и шмелями указалъ уже Дарвинъ, причѣмъ замѣтилъ еще мимоходомъ, что въ извѣстномъ смыслѣ красный клеверъ и кошки другъ отъ друга зависятъ. Богатый шмелями годъ влечетъ за собой многочисленность земляныхъ мышей, такъ какъ эти животныя съ особеннымъ пристрастіемъ питаются подземными сотами шмелей, а при такомъ питаніи мыши особенно сильно располагаются. Гдѣ же мыши появляются въ большихъ массахъ, тамъ домашнія кошки отлично развиваются и въ свою очередь не позволяютъ мышамъ такъ быстро размножаться, вслѣдствіе чего опять-таки болѣе число шмелей можетъ выдуплиться изъ сохранившихся сотовъ. (N.)

Алмазы въ метеоритахъ. Уголь, графитъ и алмазъ являются тремя видами, въ которыхъ свободный углеродъ встрѣчается въ природѣ. Пока это единственный примѣръ въ химіи, что сдѣлала различіе между простымъ тѣломъ (т. е. веществомъ въ отдѣльности существующимъ) и веществомъ его образующимъ. Углеродъ—отвлеченное понятіе о веществѣ, которому присваивается извѣстная химическая самостоятельность и вліяніе на углеродистыя соединенія. Углю, графиту и алмазу, въ свою очередь, какъ тѣламъ, наличнымъ, свойственна опредѣленная совокупность физическихъ свойствъ

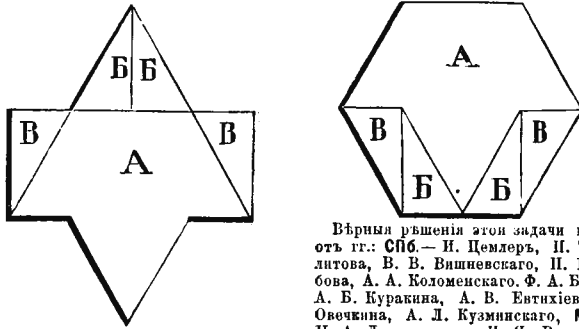
и химических реакций. Въ метеоритахъ, осколкахъ другихъ мировыхъ тѣлъ, падающихъ на нашу землю изъ небснаго пространства, нашли сперва лишь уголь. Еще болѣе удивились, когда въ одномъ метеоритѣ открыли кубические кристаллы графита; но эта находка дала основаніе искать также и алмазы. Дѣйствительно, въ метеоритѣ, который 4 сентября 1884 г. былъ найденъ въ Пензенской губ., профессора СПб. Лѣснаго института Лачиновъ и Ерофеевъ открыли углеродъ, частью въ аморфномъ (некристаллическомъ) видѣ, частью (до одного процента) въ формѣ алмазовидныхъ тѣлецъ. Въ 1885 г. въ Тундегинскомъ метеоритѣ уже нашли кристаллы, которые по формѣ походили на алмазы, но по физическимъ свойствамъ оказались графитомъ. (N.)

Рѣдная долговѣчность. Въ Симферополѣ не такъ давно умеръ старожилъ-татаринъ Абла-Маметъ-Али-Судейманъ-Ибрагимъ-Оглу. Онъ хорошо помнилъ времена послѣдняго владычества крымскихъ хановъ и, между прочимъ, присутствовалъ при вѣздѣ въ 1783 г. императрицы Екатерины II въ Череконтъ. Этому старому татарину было сто сорокъ лѣтъ. (в.)

ПОПРАВКА.

Въ № 35 *Нивы* на стр. 883, во второмъ столбцѣ, 4-я строка сверху, напечатано: *дѣйствительный статскій*, слѣдуетъ читать: *дѣйствительный тайный*.

Рѣшеніе геометрической задачи № 49 (помѣщ. въ № 29).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—И. Цемлеръ, П. Т. Инолитова, В. В. Вишневаго, П. М. Коробова, А. А. Коломенскаго, Ф. А. Боронина, А. Б. Куракина, А. В. Евтхива, Е. В. Овечкина, А. Л. Кузнецкаго, Москва—Н. А. Двинникова, П. Я. Ромакова, К. Супранюкъ, С. Е. Зудина, П. Кикина, В. Жарковой, П. Э. Эрхсонъ, И. Волгина, Б. Коровино—В. К. Терскаго, Бѣлая Церковь—Д. Полякова, Бронницы—А. Солнцева, Бабни—О. М. Протопоповой, Бердянскъ—подписчика № 57,972, Баталпашинскъ—А. Кирѣва, Богородскъ—Я. П. Волкова, Владивнаязъ—Р. Зинченко, Волоочекъ—П. Г. Калугина, Вязьма—Л. Александрога, И. Ф. Рожаненкова, Городея—В. Истржембскаго, Грязи—Е. Н. Миролубовой, Дисна—С. А. Дубякова, Дмитрияшевна—В. Константинова, Динабургъ—М. С. Гинсбургъ, Износново—Дмитровскаго, Екатеринбургъ—А. Авчинникова, Евпаторія—И. Ходжаевъ, Кіевъ—А. И. Шудженко, Г. Е. Невгладова, Нагарлыкь—А. Осядчій, Нишинева—В. Камарницкаго, Нобелями—С. И. Вакулинскаго, Калышъ—П. Смеричинскаго, Луганскъ—А. Исаенко, Лебедяни—В. И. Чурилина, Миенскъ—Б. Г. Максимова, Мальновичи—С. Пеханъ, Мелени—И. Герасимова, Николаевъ—Н. Макинша, П. Шапшиной, Новосиль—А. Зиброва, Одесса—А. Стеколыцка, Перновъ—Ф. Михайль, Пермь—П. Матѣева, Плоцкъ—М. Б., Рига—И. Юреница, Ревель—А. Серебрякова, Рязань—Каширипова, Сергіевъ посадь—С. П. Забогина, И. А. Стро-

минцева, Самара—М. А. Смирнова, М. И. Писарева, Судогда—В. И. Голубена, Севастополь—П. Кондараки, М. М. Ланднафтъ, Стѣнжицы—Г. Котарскаго, Тамбовъ—Гикель, Токсово—Д. Д. Лапица, Тифлисская—И. Разднелева, Терны—В. И. Матѣева, Уральскъ—П. Сычева, Харьковъ—Т. Блиничкова, Холмъ—К. А. Котелевскаго, Чернизово—А. Е. Рѣзикова, Юхновъ—К. П. Олицкаго, Яновъ—А. Э., Ярославль—Штетка.

Рѣшеніе географической задачи № 48 (помѣщ. въ № 29).

тимъ 10	енисей 1	вервье 8
лама 7	ужь 4	короча 11
тверь 2	сливно 9	чъ 6
нирмы 5	раумо 12	чу 3

„Не вѣрь чужимъ рѣчамъ, вѣрь своимъ очамъ“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—Н. Стродскаго, А. А. Посѣдова, К. Штейнъ, П. В. Кукушкина, М. И. Кочергина, А. Соболева, М. Пизани, Ф. А. Боронина, И. А. Бабича, В. Данина, Л. Н. Свенторжецаго, С. Плосконнаго, Н. Рапофъ, Москва—В. Шкерובה, И. Я. Романова, А. Соболева, М. Цвѣткова, В. Блюмъ, Н. К. Двинникова, А. З. Шеръ, П. В. Добросердова, Н. И. Тароватаго, А. И. Синева, Б. Норовино—В. К. Терскаго, Бердянскъ—подписчика № 57,972, Бѣлгородъ—Ф. З. Мазуръ, Бобруйскъ—Е. Мольской, Варшава—К. П. Львова, Н. А. Фрацьева, Семейскихъ, Леонидова, Вильноміръ—С. Вершилло, Вильна—П. М. Сомова, Гродно—Виб. Персе. п., Дисна—С. А. Дубякова, Задонскъ—А. А. Шубина, Екатеринбургъ—Африкантовой, Невъ—А. И. Шульженко, Новель—М. А. Пушкова, Касимовъ—А. Воскресенской, Курскъ—В. В. Утигдъ, Климовъ—В. М. Алексѣва, Лебедяни—В. П. Чурилина, Можайскъ—А. Филопова, Мелени—И. Герасимова, И. Новгородъ—В. Образчикова, Николаевъ—С. Беклешовой, Оренбургъ—Миронова, Одесса—Д. Рапопортъ, Рейжевскаго, Порховъ—О. Зацкой, Перновъ—Ф. Михайль, Пенза—К. А. Кудрявцева, Россіены—Э. Подлаской, Рязань—П. Постникова, Семеновна—Герценцицъ, Сергіевъ посадь—И. А. Стромычнана, Симферополь—Л. С. Туфигина, Тропово—Ф. Банковскаго, Тверь—Н. А. Зиненко, З. М. Назаровой, Гусинскъ—Ю. Дакшиевичъ, Уфа—К. А. Кобыкова, А. Е. Корнилова, Харьковъ—Л. Штаммъ, Царское Село—А. Голованъ, Чембаръ—Н. Григорьева-Мещерянова, Шаргородъ—Н. Станкевичъ, Шацкъ—А. Филимоновича.

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1889 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками, съ оригинала проф. **В. Д. ОРЛОВСКАГО:**

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

(14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

Для удобства гг. подписчиковъ, мы и въ этомъ году заготовили рамы ТРЕХЪ СОРТОВЪ, изъ коихъ первый только изъ золоченаго багета, а второй и третій—изъ золоченаго и чернаго полированнаго. Размѣръ и цѣны рамъ, со вставленными въ нихъ картинами (наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ)—слѣдующія:

- № 1. Изъ лучшаго золоченаго багета, съ лѣпными узорчатыми украшеніями (ширина въ діам. 1³/₈ вершк.) по 3 руб., съ упаковкою въ ящикъ для иногородныхъ по 4 р. 50 к. (безъ пересылки).
- № 2. Изъ такого-же золоченаго или чернаго, но болѣе красиваго и широкаго, багета (шир. въ діам. 2 вершка) по 4 руб., а съ упаковкою въ ящикъ для иногородныхъ по 5 р. 50 к. (безъ пересылки).
- № 3. Изъ такого-же, но болѣе богатаго и широкаго багета (ширина въ діам. 2³/₈ вершк.): золоченыя 6 р., и черныя 5 р. 50 к., а съ упаковкою въ ящикъ для иногородныхъ 7 р. 50 к. и 7 р. (безъ пересылки).

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаться, по полученіи слѣдующихъ за нихъ денегъ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки будетъ уплачиваться адресатами на мѣстѣ—при полученіи посылки.

Танъ какъ при выдачѣ преміи (въ половинѣ октября) является масса требованій на рамы, удовлетворить которыя одновременно становится совершенно невозможнымъ, мы рѣшили, для удобства тѣхъ лицъ, которыя пожелають получить премію въ рамѣ, **НАЧАТЬ ВЫДАЧУ ТЕПЕРЬ ЖЕ.**

Гг. городскіе подписчики, при полученіи преміи, благоволятъ представлять въ контору свои подписные билеты на „Ниву“ 1889 года, а гг. иногородныхъ просимъ высылать печатные адреса подъ которыми получается ими „Нива“.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить премію въ рамѣ также теперь, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнѣ: № 1—по 4 руб., № 2—золоченыя и черныя—по 5 руб. и № 3—золоченыя 7 р., черныя 6 р. 50 к.

Желающихъ получить премію въ рамѣ, покорнѣе просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картины чрезъ газетную экспедицію.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПб., Невскій просп., № 6.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при переѣздѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Барыни-крестьянки. Историческій романъ графа Е. А. Саласа. Часть I. — Увлеченіе. Рассказъ князя Д. Голыцина-Муравлина. (Продолженіе). — Литературно-критическія миниатюры. А. С. Пушкини. — Къ рисункамъ: Дѣдушка и внучекъ (съ рис.). — Старый баринъ (съ рис.). — Гармоническое настроеніе (съ рис.). — Натюша (съ рис.). — Привалъ на маневрахъ (съ рис.). — На помощь (съ рис.). — Нависазскіе типы и сцены (съ рис.). — Краткій очеркъ исторіи Николаевского надѣтнаго корпуса (съ портр.). — Физическіе опыты (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Поправка. — Рѣшенія задачъ. — О рамкахъ для преміи „Нивы“ 1889 г. — Объявленія. — При семь № прилагодятся „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1889 г., съ 32 рис. и отдѣльный листъ съ 30 чертѣж. выкроекъ въ натур. величину и 34 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

БУХГАЛТЕРІЯ

съ чертежами, въ 2-хъ книгахъ,

О. ЖУРОВА,

одобренна М. Н. П. Ц. 3 р. Продается у Думнова, Карбасникова, Глазунова, Суворина, Стасюлевича, Вольфа и др. Адресующіеся въ Шую О. Г. Журову на пересылку не прилагаютъ. № 4016

МАТТОНИ
ГИСТЮБЛЕРЪ
чистый щелочнистый источник
обезжиренный и здоровый
СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ
можно всездѣ получить.
600000 (миллион) бутылокъ годового вывоза.

ЛЕВШИНСКІЙ и ГЛОЗНИЦКІЙ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2406

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!
Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушки). Требуется иллюстрированные каталоги *gratis* и *franco*.
Ior. Зансъ и Ко.

Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. К. № 3734
Берлинъ, Ринтерштрассе 88.

Кандидатъ университета съ университетскимъ дипломомъ, преподающій у извѣстныхъ лицъ, желаетъ получить урокъ или подготовку къ экзаменамъ по курсу Пажескаго корпуса, Лицея, классическихъ или реальныхъ учебныхъ заведеній. Владимірская площ., д. 48, кв. 22. № 4009 3-1

ГОТОВАЛЬНИ

и отдѣльн. инструм. для рисованія.

Концы нашихъ циркулей округлены и не портятъ бумагу. Все наши готовальни проверены и приготовлены къ немедленн. употребленію.

Е. КРАУСЪ и Комп.
Парижъ, Avenue de la Républ., 4.
Складъ для Россіи:
въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 40.
Иллюстр. прейсъ-курантъ высылается бесплатно. № 4011 2-1

БЕЗПЛАТНО

раздается и высылается новый значительно пополненный

КАТАЛОГЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИЗДАНИЙ
съ удешевленными цѣнами

МУЗЫКАЛЬНЫМЪ МАГАЗИНУМЪ

А. ГУТХЕЙЛЬ,

поставщика Двора Его Императорскаго П. № 4015
Величества, 3-1
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Юнкера, 10

НОВОСТИ

ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ!

Занятія, игры, забавы, фокусы, хозяйственные вещи и проч. за очень дешевыя цѣны. Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, 4. Складъ новыхъ изобрѣтеній. Высылается каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 коп. марку. № 4007

ВЪ СКЛАДѢ

ПОСТОЯННОЙ КОМИССИИ НАРОДНЫХЪ ЧТЕНІЙ

(С.-Петербургъ, Малая Итальянская ул., д. № 39); продаются брошюры религіознаго содержанія, по описанію святыхъ мѣстъ, по отечественной исторіи, географіи и естествознанію, беллетристическія и др., всего числомъ 87.

Каталогъ высылается бесплатно. № 4004 2-2

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ

въ Гогенгеймѣ. Д. № 3984 2-2

Зимній курсъ начинается во вторникъ, 15-го Октября с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаетъ по желанію бесплатно

КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ
Гогенгеймъ въ Іюль мѣс. 1889 г. Vossler.

Двадцать главныхъ НАГРАДЪ

ПА РАЗНЫХЪ выставкахъ.

Приготовленіе и продажа мыла

РАЗРѢШЕНЫ

МОСКОВСКИМЪ

Врачебнымъ Управленіемъ,

потому что оно не содержитъ въ своемъ составѣ вредныхъ для здоровья веществъ.

ЛУЧШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

НАХОДИТСЯ ТОЛЬКО ВЪ МАГАЗИНАХЪ

А. РАЛЛЕ и Ко.

въ Москвѣ. № 3968 3-3
Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижовыхъ.
Розничная продажа: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе вымршихъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3925
Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ издѣлывающія

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

МАГА ЖИРАРДОВСКИХЪ ГИЛЛЕ и ЗИНЪ МАНУФАКТУРЪ

Москва, № 3799 9-6
Издѣлія собственныхъ фабрикъ: полотнища, лѣтнія матеріи, купальныя принадлежности, разныя бумажныя издѣлія. Большой выборъ чудоточныхъ товаровъ. Готовое приданое. Мужское, дамское и дѣтское бѣлье. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

Поставщикъ Двора Его Величества.
Большой выборъ часовъ собственной фабрики.

Мужскихъ и дамскихъ карманныхъ золотыхъ, серебряныхъ, металлическихъ и стальныхъ черно-оксидированныхъ часовъ, а также стѣнныхъ, кабинетныхъ, столовыхъ и будильниковъ. С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
Москва, на углу Кузнецкаго моста и Рождественки.
Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію бесплатно. № 4018

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Ители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптеки или Космет. магазинъ, но не мѣняе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (81) № 2946

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

О-ДЕ-КОЛОНЪ № 4

(Экстрактъ) по 50 к. и 1 р.
Туалетная вода специальная по 90 коп.
Туалетная вода Шивръ по 1 руб.

Туалетный укусъ по 60 коп.
Укусъ Виолетъ де-Паржъ по 75 коп.

ТУАЛЕТНЫЯ ВОДЫ ВЫСШАГО КАЧЕСТВА

по 80 к. и 1 р. 60 к.

Искора Бреони. Буне Императрисъ. Шампаня. Жюней Клубъ. Кадзура. Олопанакъ. Виолетъ де-Паржъ. Бѣлая Роза.

ЛѢСНАЯ ВОДА ДЛЯ КУРЕНІЯ по 50 к.

Духи самаго высшаго качества по 1 руб.
Бѣлый Гелиотропъ. — Лавдинъ. — Лила бланъ. — Зесь Буко. — Зесь Виолетъ.

НЕЗАМѢНЯЕМЫЙ БУНЕТЪ по 2 р.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32. Рт. № 4014

2) Невскій проспектъ, у Анчикова моста, № 66.

3) Уголь Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 — 54. (Розничная и оптовая продажа).
Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковскихъ.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Штильманна. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОДЪ ТОВ. БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ, Вац. Остр., 1 линия, к. № 2.
Москва, Мясницкая ул., д. Виноградова.

обращаетъ вниманіе гг. хозяевъ на мучо-мольныя мельницы „ТРИУМФЪ“ съ вертикальными жерновами, какъ на самыя простыя, производительныя и доступныя. Строятъ 3 размѣр.

ЛОКОМОБИЛИ
3, 4 и 6 силъ (спеціальность).
Большой выборъ ручныхъ и конныхъ **МОЛОТИЛОКЪ,**
ВЪЯЛОКЪ-СОТИРОВОКЪ,
НАСОСОВЪ,
ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ и проч.
Иллюстрир. каталоги по востребованію.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

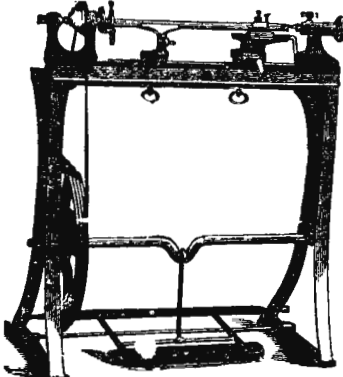
Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія попури, са-тонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и приятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленіе для громкой и тихой игры. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цена съ 10-ю пьесами 80 руб. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 85 фунт. Сносскъ пьесъ для Оркестра-Манопана, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ — бесплатно. № 4016

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЬ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42. — Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки. Они же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомобилей Кле-тона и Шутлеворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣносносилковъ, именъ „Дези“ и сноповязаловъ Май Нормана въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандала и конныя грабли Тигръ завода Стодарта, радовныя сѣлки Сакка и проч. № 3959 (9)
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ. Мясницкая ул., соб. домъ, бивш. Бр. Бугенювъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

САМОУЧИТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВЪ ДОХОДА
Въ 2-хъ частяхъ, съ 2-мя табл. чертеней.
Проводится въ общему самообученію безъ учителя, любому въ 14 разлѣтн. возраста.
ПРИНОСЯЩИХЪ НА КАЖДОЕ ЛИЦО ЕЖЕМѢСЯЧНО
отъ **50 до 250 р.**
Не требующихъ капитала, быстро изучаемыхъ, легкыхъ, доступныхъ всякому возрасту и полу.
Соч. **А. МИХАЙЛОВЪ.**
Цена съ пересылкой: или деньгами 40 к. Налож. плат. не высылкаю.
Требованія адресовать: въ Харьковъ, Кулевскій пер., д. Пашенка, женѣ подполковника Александра Дмитриевича Золотницкаго. № 4017

СПЕЦІАЛЬНАЯ усовершенствован- ныхъ токар- ныхъ станковъ Д. Сиваронскаго съ главнымъ складомъ и фабрикой, Гродненскій пер., собств. д., № 6, бл. Знаменской ул., магазинъ Басейная ул., д. № 10. Любительскіе станики отъ 65 р. Прейсъ-куранты высылаются за 14 коп. марку. № 4005

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МЪХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ П. М. ГРИНВАЛЬДЪ
ПЕРЕВЕДЕНЪ № 4012
на Невскій проспектъ, № 22, домъ церкви Св. Петра.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE
Спеціальная рисово- висмутовая пудра.
CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 (ПЯТЫЙ) ГОДЪ на ежедѣльный (52 №№) иллюстриров. журналъ „**СЕЛЬСКИЙ ХОЗЯИНЪ**“, К. Масляникова. Много рисунковъ. Практическіе бесплатные отвѣты на вопросы. Бесплатно 3-й выпускъ **АЛЬБОМА ТИПОВЪ ДОМАШНИХЪ ЖИВОТНЫХЪ.** СПб., Надеждинская, 39. На годъ 6 р. (21 н. на перес. альб.) № 4008

Въ отдѣленіи книжнаго склада **В. В. ДУМНОВА** ПОДЪ ФИРМОЮ „**НАСЛѢДНИКИ БРАТЪЕВЪ САЛАЕВЫХЪ**“ С.-Петербургъ, уголъ Невскаго и Екатерининскаго канала, д. № 19, и въ Москвѣ, въ его же книжномъ магазинѣ, на Мясницкой улицѣ, въ домъ Обидной, **ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ.**

Изданіе десятое, подъ редакціей проф. Н. С. Тихонравова, въ 5-ти томахъ большаго формата (болѣе 200 листовъ), съ двумя портретами автора, снимками его автографовъ, чертежей и другими рисунками, съ примѣчаніями редактора и вариантами. Текстъ этого изданія, въ составъ котораго вошли, между прочимъ, произведенія и отрывки, до сего времени не помѣщенные ни въ одномъ изъ предъидущихъ изданій, сверены и исправлены проф. Тихонравовымъ по собственноручнымъ рукописямъ поэта и первоначальнымъ изданіямъ его произведеній, выходящимъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Гоголя. Цена за 5 томовъ 8 р. 50 к., пересылка за 11-ть фунтовъ, по разстоянію, на счетъ покупателей. Въ настоящее время вышли I, IV, V тома, на остальные два тома выдается билетъ. До выхода въ свѣтъ всѣхъ 5-ти томовъ, желающимъ допускается подписка на слѣдующихъ условіяхъ: **городские** покупатели вносятъ при полученіи перваго тома 2 р. 50 к., а **инородные** 2 р. 50 к. и стоимость пересылки, при полученіи же слѣдующихъ томовъ — по 1 р. 50 к. за каждый томъ. По выходѣ же всѣхъ 5-ти томовъ, о чемъ будетъ особо публиковано въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, подписка прекращается и лица не взыщутъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня публи-каціи слѣдующихъ 5-ти томовъ, теряютъ право на полученіе ихъ. Служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и мѣстодорожныхъ учрежденіяхъ могутъ получать сочиненія Гоголя въ разсрочку, внося первоначально 2 р. 50 к. и стоимость пере-сылки, а остальные взносы производить ежемѣсячно, но не менѣе 1 рубля въ мѣсяцъ, при чемъ вышедшіе три тома будутъ высланы немедленно, а остальные не выходя въ свѣтъ. При разсрочкѣ этого послѣдняго рода, требованія должны присылаться на бланкѣ и съ печатью учрежденія, за подписью и ручательствомъ казначей или завѣдывающаго денежною отчетностью. По окончаніи печатанія означенныхъ 5-ти томовъ, предполагается приступить (также подъ редакціей проф. Тихонравова) къ печатанію VI тома, который поступитъ въ отдѣльную продажу. Въ этомъ томѣ будутъ помѣщены: выдержки изъ записныхъ книжекъ Гоголя, тѣ цѣльныя произ-веденія, которыя до сихъ поръ оставались въ рукописяхъ (напр. „Учебная книга словесности“), первоначальная редакція „Женитъбы“ и „Ревизора“ и первой части „Мертвыхъ душъ“, программы университетскихъ лекцій и наброски неоконченныхъ произведеній. № 3990 3-3

КНИГИ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ РЕМЕСЛА И ИСКУССТВЪ.
F. Drouin. Прос. электр. приб. и ихъ изго-товля. домашн. средствами, ч. 1 р. ♦ W. Hampton. Электрическ. освѣщ. въ домашн. быту, ч. 75 к. ♦ М. Нетыкса. Деревянная мо-ланка и выжиганіе по дереву, ч. 2 р. ♦ A. Simons. Раскрашив. фотогр. карточекъ, ч. 50 к. ♦ К. Colson. Копиров. черт. и рис. свѣтов. способ., ч. 60 к. ♦ Высылаются съ наложеннымъ платежомъ. Склады: Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣевъ, въ кон-торѣ „Ремесленной Газеты“. № 4002

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій Мостъ, В. Морская № 21.
имѣетъ **единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Випшевъ, Русскій Клубъ, Мол- нія (New Rapid), Имперіаль и пр.**

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Опнелоступный Свифтъ № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ, Варшава, Лешно, 14. Бицикли отъ 100 р. Роверы отъ 135 р.

КОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦА ЈОСИФА
Натуральная минеральная сла- бительная вода источника **ФРАНЦЪ-ЈОСИФЪ**
въ Будапештѣ, по отзывамъ меди- цинскихъ авторите- товъ, она дей- ствуетъ легко, аку- ратно и безъ вся- кихъ вредныхъ по- слѣдствій. Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ.
Продается вездѣ. Для нормальнаго приема достаточно од- ного виннаго стакана. Ц. № 3722
Дирекція въ Будапештѣ
Главное депо въ С.-Петербургѣ, у Франца Димъ, Гостинный Дворъ, 32.

ПИСУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чисто- та, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мно- гомъ правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содер- ж. многочисленн. отзывы отъ Правитель- ства и другихъ учре- жденій, высылаются бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ В. Морская, 21.
Кузнецкій мостъ.

XX г.

№ 37

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XX

1889

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.).
 Выдаѣтъ 9 сентября 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются за
 строку непарелль (1/4 шир.
 стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
 75 к.—Загран.: для Франціи у
 Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
 для Австр., Герман. и Швейц.
 у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
 тербургъ . . . . . **5 р.**
 Съ доставкою въ Пе-
 тербургъ . . . . . **6 р. 50 к.**
 За границу, съ пересылкою . . . . . **9 р.**

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
 конт. объявл. Н. Н. Печков-
 ской, Петровск. Торг. линіи. **6 р.**
 Съ пересылкой въ Москву
 и другіе города Россіи . . . **7 р.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особья приложенія при
 „НИВѢ“ объявленія отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

Везъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Болото. Карт. П. П. Куріаръ, грав. Шлипперъ.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

V.

Князь Андрей Иванович Березопольскій былъ дворянинъ очень древняго рода и очень гордился тѣмъ, что могъ доказать свое происхожденіе отъ Рюриковской крови.

Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ и на внезапную болѣзнь, отъ которой онъ лишь недавно оправился, князь былъ очень бодръ и духомъ, и тѣломъ.

Доктора увѣрили его, что нѣчто въ родѣ удара, приключившагося съ нимъ лѣтомъ, было прямымъ послѣдствіемъ не болѣзненности, а избытка здоровья, при спокойномъ и сидячемъ образѣ жизни.

Князь, пролежавъ мѣсяцъ въ постели, совсѣмъ выздоровѣлъ и поднялся, но заковылялъ и захромалъ. Доктора обѣщали вскорѣ полное поправленіе, но однако уже полгода прошло, а правая нога все еще не слушалась и волочилась.

Князь слылъ въ своей средѣ человѣкомъ „просвѣщеннымъ и любознательнымъ“, потому что любилъ говорить и спорить „о матеріяхъ важныхъ“.

На самомъ дѣлѣ князь вовсе не былъ образованнымъ человѣкомъ, очень мало прочелъ въ своей жизни, но былъ уменъ отъ природы, а пребываніе, и двукратное, въ столицѣ Польскаго королевства положило на него особую печать, дало особый лоскъ.

Но болѣе всего повліяла на князя его женитьба на очень умной и образованной нѣмкѣ, у которой отецъ и братъ слыли даже учеными людьми.

Сближеніе и затѣмъ родство съ этой семьей именно и сдѣлало князя, повидимому, во мнѣніи москвичей, очень просвѣщеннымъ человѣкомъ. Князь и самъ сталъ считать себя таковымъ, наивно не понимая, что нахватался вершковъ или призналъ кой-что на вѣру отъ тестя и зятя, а потомъ отъ жены...

Онъ познакомился съ этой семьей чистокровныхъ нѣмцевъ еще въ первое свое пребываніе въ Варшавѣ, до своего паденія, но тогда не обратилъ вниманія на дочь, которая была еще почти ребенкомъ.

Поселившись же въ Москвѣ и проскучавъ въ ней зиму, онъ снова сталъ стремиться въ королевство Польское.

На этотъ разъ онъ сталъ хлопотать чрезъ питерскую родню о полученіи какой-либо должности при российскомъ резидентѣ въ Варшавѣ.

Ему посоветовали явиться лично. Князь поѣхалъ, и появившись снова въ петербургскомъ обществѣ, подалъ просьбу всесильному тогда графу Григорію Орлову. Отвѣтъ, полученный княземъ, окончательно сразилъ и даже обозлилъ его на всю жизнь.

Ему было отвѣчено, что онъ не только не получитъ никакого назначенія, но будетъ наказанъ ссылкой въ вотчину, безъ права отлучки изъ нея, если еще разъ посмѣетъ лично явиться въ Петербургъ. Послѣ этого было даже опасно просить о разрѣшеніи ѣхать за-границу.

Князь прожилъ цѣлый годъ въ своей ярославской вотчинѣ, такъ какъ ему было стыдно жить въ Москвѣ, гдѣ была извѣстна его неудача. За это время умерла его мать. Наконецъ, онъ снова испросилъ себѣ разрѣшеніе и снова очутился въ Варшавѣ.

Здѣсь на этотъ разъ князь былъ какъ-то разочарованъ. Ему показалось, что Варшава стала не та: глупѣе, скучнѣе. Онъ не догадывался, что виновата во всемъ не Польша, а его личное настроеніе—его тоска, недовольство жизнью, безцѣльное существованіе.

Онъ былъ рожденъ, чтобы двигаться впередъ, выслуживаться, всячески добиваться всевозможныхъ почестей

и отличій, которыя ему, Рюриковичу, были ни на что не нужны, но которыхъ невѣдомо почему жаждала его душа.

Отъ тоски-ли, праздности, или подошло такое время, но князь вдругъ, какъ-то незамѣтно для самого себя, прельстился молоденькою и уменькою дѣвочкой лѣтъ шестнадцати, дочерью своего прежняго знакомаго, курляндскаго барона, который всѣ зимы проводилъ въ Варшавѣ. Нѣмецкая семья была не очень богатая, но со средствами, за-то была крайне родовитая, происходила отъ рыцарей.

Баронъ Тиллингъ, его жена, двадцатилѣтній сынъ и дочь, которой еще не минуло полныхъ шестнадцати лѣтъ, отличались отъ всѣхъ какой-то особенною порядочною и виѣшнимъ лоскомъ.

Не прошло четырехъ мѣсяцевъ послѣ вторичнаго сближенія князя съ Тиллингами, и онъ сдѣлалъ предложеніе и былъ принятъ. А черезъ два мѣсяца послѣ этого молодые появились въ Москвѣ.

Княгиня начала усердно учиться по-русски, что давалось ей довольно легко, такъ какъ она отлично говорила по-польски.

Князь занялся прискиваніемъ въ Москвѣ большаго пустопорожняго мѣста, чтобы строить себѣ приличныя его имени палаты. Мѣсто было найдено у Троицы въ Зубовѣ, гдѣ было еще много несрубленнаго лѣса. И князь ретиво принялся за постройку дома и разведеніе большаго сада.

Ему мечтались польскіе замки и парки. Черезъ годъ все было готово. Князь и княгиня поселились въ роскошныхъ палатахъ и стали давать балы и обѣды на всю Москву. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вскорѣ явилось у князя его прежнее недовольство жизнью и прежняя скука.

Молоденькая жена, хотя весьма образованная по времени, не могла составить его счастья. Вдобавокъ княгиня не долго пользовалась здоровьемъ. Вскорѣ у нихъ родился первый ребенокъ—дочь, и этому ребенку суждено было быть первымъ и послѣднимъ.

Жизнь пошла изо-дня-въ-день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ, все та-же однообразная и безцѣльная, та-же самая, которою были всѣ кругомъ совершенно довольны, которою всѣ москвичи жили уже сотни лѣтъ, „не мудрствуя лукаво“, но которая не удовлетворяла князя.

Единственная, если не забота, то интересная прихоть, какая была у князя, это — подроставшая дочь. Дѣвочку окрестили именемъ ея бабушки—Прасковей, но звали Полиной. Князь все ждалъ и надѣялся имѣть сына, а покуда занялся воспитаніемъ единственной дочери.

Такъ прошло болѣе десяти лѣтъ. Молодая княжна Березопольская въ эти годы, благодаря своей матери, была уже много грамотнѣе и просвѣщеннѣе, чѣмъ инныя московскія сорокалѣтнія барыни. Вдобавокъ, она отлично говорила по-нѣмецки, по-французски и по-польски. Отъ природы очень умная, она только не общалась бы красивой, а была даже дурна.

Часто, внимательно приглядываясь къ ея лицу, отецъ не находилъ въ немъ ни одной черты ни своей, ни жениной.

Княгиня была красива собой и если-бы не чрезвычайная худоба и тщедушность, то могла-бы считаться и красавицей. Самъ князь былъ недурень смолоду и только большой толстый носъ немного портилъ его.

Природа распорядилась такъ, что дѣвочка подо-

брала у отца и матери тѣ черты, что портили ихъ. У нея былъ отцовскій носъ и материнскій ротъ, и при этомъ чрезвычайно маленькіе, не глупые, но безцвѣтные и будто оловянные глаза.

Дѣвочка обожала мать; любила, но и боялась, отца. Ей съ самыхъ раннихъ лѣтъ стало мерещиться, что отецъ смотритъ на нее съ какимъ-то укоромъ, какъ будто упрекаетъ ее въ чемъ-то, чѣмъ она передъ нимъ провинилась.

Когда Полинѣ минуло тринадцать лѣтъ, давно хворавшая, какъ говорится „скрипѣвшая“, княгиня скончалась. Князь отнесся къ смерти жены настолько спокойно и равнодушно, что не мало удивилъ и родню, и знакомыхъ. Москва рѣшила поэтому, что онъ скорѣе женится опять. И такъ какъ ему было лишь за сорокъ лѣтъ, то и въ самой Москвѣ нашлись-бы невѣсты, которые пожелали стать княгиней Березопольской.

На Полину смерть матери имѣла огромное вліяніе. Дѣвочка заболѣла, хворала трудно и долго, и поднялась съ постели совершенно иною. Все что было дѣтскаго—исчезло, и въ тринадцать лѣтъ она глядѣла, двигалась и разсуждала такъ, какъ если-бы ей было за двадцать. Юности и всего съ ней связаннаго не было и слѣда. По выраженію князя: Полина „начала сразу разсуждать“.

Незамѣтно прошло еще три года. Въ домѣ у Троицы въ Зубовѣ, по спискамъ московскихъ кумушекъ, уже числилась богатая невѣста—княжна. Но, увы! это была невѣста въ глазахъ лишь тѣхъ родителей, которые стремились при обѣднѣи пристроить какого-либо изъ сынковъ на даровые хлѣба. Все что было знатныхъ жениховъ въ Москвѣ, на упоминаніе о невѣстѣ, княжнѣ Березопольской, отзывалось:

— Ну, ужъ какал это невѣста!

Когда княжна Полина Березопольская стала выѣзжать на всѣ балы и увеселенія московскіе, за пей установилась репутація самой умной, самой доброй и самой некрасивой изо всѣхъ московскихъ невѣстъ. Но повидимому то что было у княжны—какъ бы не требовалось, а чего требовали—того у нея не было.

Несмотря на ея умъ и образованіе, извѣстную начитанность, умѣнье и охоту вести всякую серьезную бесѣду, несмотря на ея сердечную готовность всякому услужить, сказать ласковое слово, или сдѣлать какое-либо одолженіе, про княжну все-таки выражались:

— И умна, и добра, но ужъ какъ дурна!

И никто не говорилъ:

— Дурна, но за-то какъ умна и добра!

Наконецъ, невѣдомо когда и какъ, невѣдомо чей злой языкъ далъ Полинѣ, въ сущности совершенно неподходящую ей, кличку, но вся Москва ее подхватила со злорадствомъ, какъ будто-бы княжна Березопольская надѣлала за одинъ годъ массу зла или досадила всѣмъ своимъ жесткимъ сердцемъ. Кто-то назвалъ ее „Полянъ“, и съ этой минуты всякій считалъ долгомъ говорить не княжна Полина, а княжна-Полянъ.

Прозвище, хотя и не скоро, но дошло до слуха княжны и обидѣло ее, даже повліяло на нее. И ей самой вдругъ показалось, что она стала менѣе добра, болѣе сосредоточена, болѣе осторожна съ людьми.

Съ перваго выѣзда княжны въ свѣтъ и до сихъ поръ прошло двѣнадцать лѣтъ, и не только она не вышла замужъ, но ни разу никто не посватался за нее, если не считать двухъ претендентовъ, о которыхъ князь даже не сообщилъ дочери ничего и сватовство коихъ отрицалъ, какъ нѣчто оскорбительное.

Первый изъ нихъ былъ сановитый человѣкъ, сенаторъ, лѣтъ пятидесяти пяти, два раза вдовый, съ семью дѣтьми отъ двухъ покойныхъ женъ.

Второй былъ еще оригинальнѣе. Какой-то сомнительный графъ, не то австріецъ, не то итальянецъ.

Фамилія его вдобавокъ, быть-можетъ и очень краси-

вая на родинѣ, странно звучала для русскаго уха. Онъ прозывался — графъ Каналетта. И изъ этого имени москвичи, ради шутки, сдѣлали разумѣется графа „Канальи-этта“, чѣмъ, быть-можетъ, онъ и былъ въ дѣйствительности.

Про него знали въ Москвѣ только три вещи навѣрное. Онъ очень много и счастливо игралъ въ карты, замѣчательно красиво ѣздилъ верхомъ, гарцуя постоянно въ Москвѣ по улицамъ, и въ-третьихъ, на его пальцахъ, на его жабо и даже въ прижкахъ на башмакахъ были брилліанты, на которые можно было купить маленькое имѣніе или домъ. А ни того, ни другаго, чудилось, у него нѣтъ на родинѣ.

И вотъ этотъ-то авантюристъ и сомнительный иностранецъ долго ухаживалъ за княжной и даже успѣлъ сильно понравиться ей, но вдругъ огоршилъ князя, ударилъ, какъ обухомъ по головамъ, сдѣлавъ предложеніе.

Князь былъ глубоко оскорбленъ этимъ предложеніемъ и рѣшилъ, что не только не будетъ пускать иностранца къ себѣ въ домъ, но будетъ немедленно уѣзжать изъ тѣхъ домовъ, гдѣ встрѣтится съ нимъ.

Но исполнить эту угрозу князю не пришлось. Итальянскій или австрійскій графъ вдругъ исчезъ изъ Москвы, высланный по распоряженію властей.

VI.

На утро послѣ бала княжна поднялась тревожная и озабоченная. Она чула снова приближеніе вчерашней грозы... Около полудня, когда она сидѣла у себя въ горницахъ, которыхъ было въ ея распоряженіи четыре, явился лакей и доложилъ, что князь проситъ ее пожаловать въ гостиную.

— Кто у князя? спросила Прасковья Андреевна съ легкимъ смущеніемъ въ голосѣ.

— Генераль Вара... Завара... началъ лакей, но было очевидно, что фамилія генерала никогда ему не дастся.

— Генераль Орвадзе?

— Они самые-съ. Ужъ больно трудно-съ. Виновать. Разовъ двадцать на памяти содержалъ, а все никакъ не удержишь, фамильярно но съ оттѣнкомъ почтенія проговорилъ лакей.

— Доложи — сейчасъ приду.

Дверь затворилась за лакеемъ, а княжна осталась на томъ же мѣстѣ и стояла недвижно, сложивъ руки у пояса и опустивъ голову. Она, разумѣется, знала за чѣмъ ее просятъ. Давно ждала она этой рѣшительной минуты, готовилась къ ней, чувствовала себя способною на отчаянную борьбу, но теперь, въ послѣднюю минуту, какъ бы снова смутилась и оробѣла. Сердце упало...

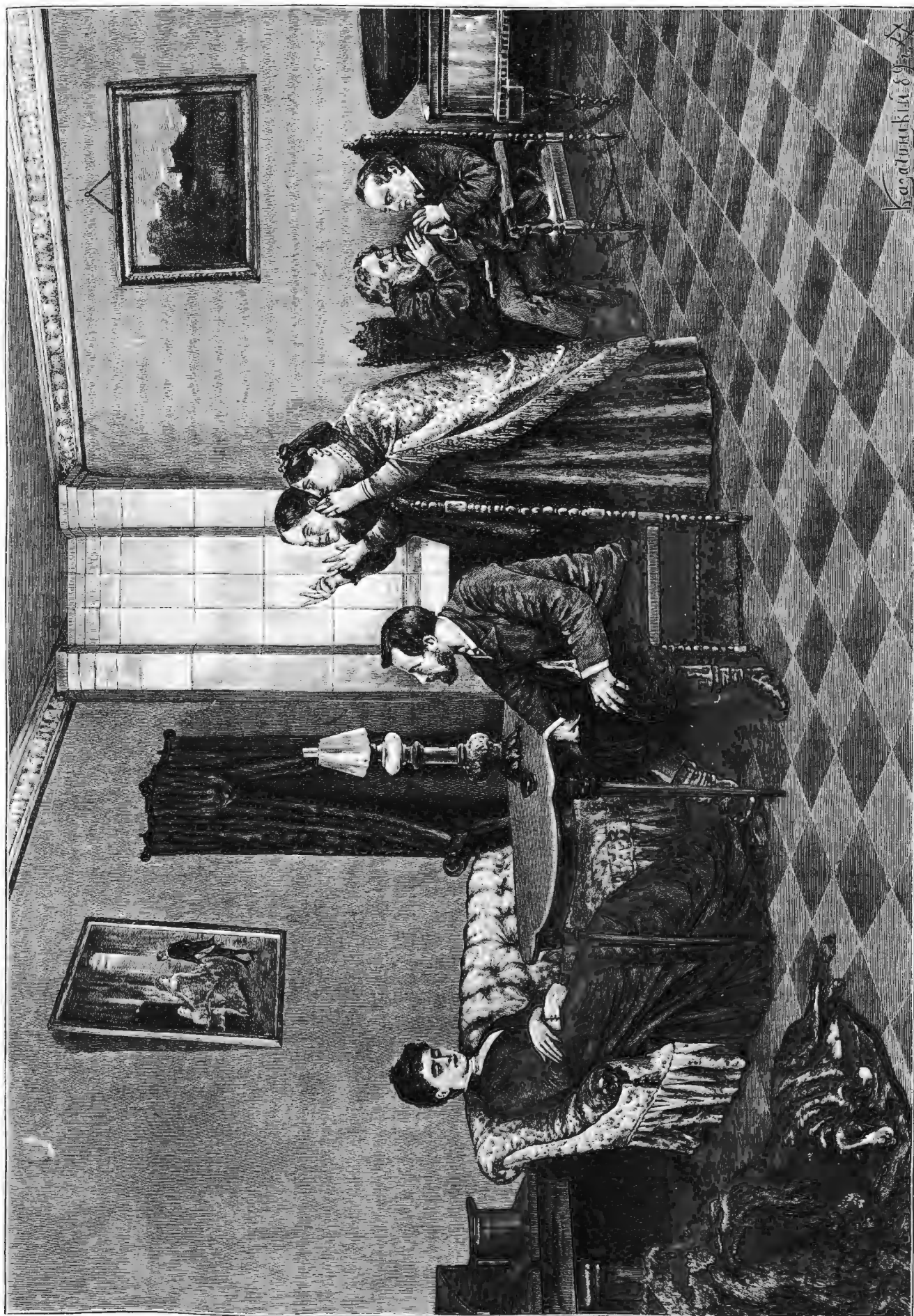
Болѣе двухъ минутъ простояла Полина въ той же позѣ предъ дверью. Ей казалось, что боязнь отца какъ будто заставляетъ ее не просто уступать, а обманывать себя, убѣждать себя, что не такой же противный и ужасный человѣкъ этотъ кавказецъ. Что онъ старъ,— это все равно. Гдѣ же ей, въ ея годы, претендовать на двадцатипятилѣтняго красавца и молодца! Быть-можетъ онъ, этотъ Орвадзе, вовсе не такой злой и глупый человѣкъ, какимъ ей казался и кажется.

Но вдругъ княжна вспомнила его фигуру на балѣ, когда князь Илья Петровичъ подшучивалъ надъ нимъ. Она вспомнила освирипѣвшую и совершенно дикую фигуру Орвадзе, звѣриное выраженіе лица, глаза, не человѣческіе, а взбѣшеннаго животнаго, кабана, съ которыми сравнилъ его Илья Петровичъ.

Княжна подняла голову, выпрямилась и, мысленно види предъ собой этого полудикаго кавказца, невольно отступила на шагъ и какъ бы испугалась тѣни его, явившейся въ ея горницахъ.

— Нѣтъ, произнесла она вслухъ.—Эго звѣрь! Ему ничего не стоить убить женщину—жену! Какъ убить! Этого мало! Убить ничего... Бываютъ убійства изъ любви, изъ ревности, отъ избытка страсти... Нѣтъ, этотъ

Казачинский 89

Богатый женихъ изъ купцовъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Казачинскаго, грав. Флюгель.

Незванный гость. Съ карт. М. Леблинга, грав. Доссе.

способенъ не убить, этотъ способенъ бить жену, съчъ пагайкой.

— Нѣтъ, батюшка, громко, на всю горницу произнесла княжна,—не пойду я за него! Я не дѣвчонка! Еслибъ меня выдали замужъ въ тѣ же годы, какъ выдавали моихъ бабушекъ, какъ выходила моя мать, то у меня у самой была бы теперь дочь почти невѣста. Мнѣ нельзя сказать, что я ничего не понимаю и не разумѣю. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Княжна подошла къ зеркалу, чтобы посмотрѣть насколько спокойно ея лицо и, увидя его пылающимъ, сѣла на ближайшій стулъ, чтобы вполне успокоиться и идти.

И тотчасъ же вспомнила она, что крутой правомъ отецъ, говоря съ ней объ ожидаемомъ сватовствѣ Орвадзе раза два или три, прямо давалъ понять дочери, что противодѣйствіе ея вызоветъ, съ его стороны, какія-то крутыя мѣры.

Однимъ словомъ, князь угрожалъ дочери, въ случаѣ ея несогласія, что-то предпринять противъ нея — роковое, непоправимое...

„Но что же?“ подумала княжна. — „Чѣмъ можетъ онъ наказать меня! Какимъ наказаніемъ можетъ испугать! Только одно и есть на свѣтѣ, или вѣрнѣе у насъ въ имперіи. Грозятъ дѣвункѣ монастыремъ и постригаютъ противъ воли. Но, во-первыхъ, покойная государыня вѣскольکو разъ строго взыскивала за это съ родителей и стали бояться это дѣлать. А во-вторыхъ, что же хуже: надѣть монашеское платье и спокойно жить въ стѣнахъ глухой обители, или жить со звѣремъ?“

Княжна вздохнула, странно улыбнулась и спокойною походкой вышла изъ своей горницы.

Она нашла въ гостиной отца и Орвадзе, сидѣвшихъ на большомъ диванѣ и молчавшихъ, какъ бы не имѣя о чемъ говорить, а лишь ожидая ея прибытія.

Генералъ поднялся, выпрямился, выпячивая грудь, слегка откидывая плечи назадъ и задирая голову, какъ еслибъ собирался гаркнуть команду.

Онъ былъ въ полной формѣ, съ какимъ-то прибавленіемъ въ амуниціи.

Княжнѣ показалось, что на немъ всѣ роды оружія и даже гдѣ-нибудь въ лядункѣ дюжины двѣ патроновъ съ пулями. Недоставало только ружья за плечами.

Орвадзе покровительственно и побѣдоносно смѣрилъ княжну съ головы до пятъ и улыбнулся какъ-то необыкновенно — и скотоподобно, и торжественно.

Между тѣмъ, послѣ первыхъ привѣтствій и мгновенной паузы, князь уставился глазами на дочь и заговорилъ медленно и сухо, даже холодно:

— Княжна Прасковья Андреевна, ты знаешь, что я тебя люблю. И влеченіе сердца, и долгъ мой отеческій повелѣваютъ мнѣ любить дочь и желать тебѣ всякаго благополучія. Полагаю, что въ мои годы, не будучи никогда человѣкомъ малоумнымъ, я и теперь не постарѣлъ настолько, чтобы быть склоннымъ къ какому-либо малоумію. Полагательно, что, когда я сужу, то разсуждаю здраво. Хотя ты и не первой молодости, дѣвица на возрастѣ, свой разумъ природный имѣешь, но я еще старше тебя, еще опытнѣе, къ тому же мужчина. Поэтому меня особенно удивить и даже оскорбить, если ты не пожелаешь послѣдовать моимъ совѣтамъ и будешь упорствовать въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, а тѣмъ паче въ важномъ. Оскорбленіе тобой мнѣ нанесенное, княжна Прасковья Андреевна, я сочту долгомъ не оставлять безвинно. Какъ монархъ и законы караютъ подданныхъ, имѣя на то высшую власть, такъ и я, въ силу таковой же власти—святой родительской власти надъ чадами,—покараю и тебя. Больше добавлять, полагаю, нечего, ты меня уразумѣла! Ты знаешь, что князь Андрей Ивановичъ Березопольскій и дѣйствіямъ своимъ, и слову своему хозяинъ, владыка, и что двухъ словъ у него нѣту. А теперь я пойду къ

себѣ въ кабинетъ, куда попрошу затѣмъ и васъ обоихъ пожаловать. Надѣюсь, что вы явитесь рука въ руку и что мнѣ придется ждать васъ у того угла моей опочивальни, гдѣ стоитъ кіотъ съ нашими семейными образами.

Князь смолкъ, съ трудомъ поднялся съ кресла, опираясь на палку, и заковылялъ.

Княжна не подняла глазъ, не видѣла лица отца и, глянувъ въ его сторону, видѣла только какъ двинулись его ноги, какъ одна изъ нихъ ступала просто, а другая слегка волочилась и шуршала по ковру.

Когда князь былъ за дверьми, княжна подняла глаза и взглянула на сидѣвшаго предъ ней генерала. Она невольно прислонилась къ спинкѣ кресла. Лицо ея выразило одно изумленіе. Княжна не вѣрила сама себѣ, что прочла она въ лицѣ его. А она прочла:

„Что же дѣлать, если ты безумно любишь меня и тебѣ такая честь выйти за меня замужъ? Что жъ дѣлать, я рѣшаюсь... Покоряюсь!“

И княжна, отъ природы умная, часто остроумная, совершенно наивнымъ образомъ подумала:

„Какъ смотреть? Еслибъ у животныхъ было понятіе о томъ, что есть праздники, то какое-нибудь дикое животное непременно глядѣло бы такъ въ торжественные дни. Это — быкъ, или волкъ, празднующій день своего рожденія!“

Княжна присмотрѣлась вновь и снова удивилась.

„Ну, не долго продолжится твое торжествованіе!“ слегка озлобяясь подумала она.

— Достоуважаемая княжна, заговорилъ Орвадзе басистымъ голосомъ и повышалъ тонъ съ каждымъ словомъ, какъ дьяконъ на эктениі.—Вамъ, конечно, извѣстно и понятно все происшествіе въ моей душѣ, какое чувствительное дѣйствіе всѣхъ моихъ чувствованій меня подвигаетъ — такъ выразиться подобаетъ — само-сердечно, овладѣвъ всѣми моими мыслями и все такое, стало быть, непреодолимое, на всю жизнь полагательно увѣковѣченное и расчитанное... Ну и, разумѣется, властно всей душой, всѣмъ сердцемъ, отъ полноты души и сердца...

Послѣднія слова Орвадзе произнесъ съ такимъ отъѣнкомъ въ голосѣ, какъ бы чувствовалъ, что уперся лбомъ въ стѣну, которую прошибить совершенно невозможно, какъ ни старайся.

Полина, не смотря на волненіе и смуту на сердцѣ, уже кусала себѣ губы, чтобы не разсмѣяться.

Замолчавъ, Орвадзе засопѣлъ и шипѣлъ, какъ лошадь съ сапомъ.

— Чего позволите надѣяться, ожидать съ вашей стороны? выговорилъ онъ, чувствуя, что этимъ вопросомъ онъ сразу и легко минуетъ ту стѣну, въ которую было уперся лбомъ.

— Такъ какъ я, ваше превосходительство, ни полслова не поняла изъ того, что вы изволили сказывать, то не могу и отвѣчать. Скажите просто, что вамъ угодно?

— Оно совершенно вамъ извѣстно, княжна. Да и родитель вашъ сейчасъ объяснился тоже со мною... Я имѣю честь просить васъ сочетаться со мною бракомъ.

— Благодарю васъ за честь, но мы люди такіе разные — вы и я — что сочетаться намъ невозможно. Я не могу любить васъ и не могу почитать какъ подобаетъ женѣ мужа. Мы совѣмъ разнаго поля ягода, генералъ.

— Позвольте, княжна, вдругъ изумился Орвадзе, — я не понимаю! Стало-быть выходитъ какъ будто вы мнѣ отказываете?

— Да-съ.

— Что: да-съ? Вы отказываете? Не желаете выходить за меня замужъ?

— Совершенно вѣрно.

— Виновать, княжна. Я васъ не понимаю.

Полина слегка пожала плечами и не отвѣтила.

Наступила мгновенная пауза и Орвадзе выговорилъ:

— Стало-быть, то-есть, вы не хотите? Это — мнѣ отказъ? И я долженъ идти сказать князю, что вы отказали? И послѣ этого, стало-быть, что же мнѣ дѣла черезъ три дѣлать? Опять что-ли предложеніе вамъ дѣлать? Обычай, что-ли, у васъ такіе въ Москвѣ? По нашему одинъ разъ дѣлають, съ крайнимъ недоумѣніемъ въ голосѣ говорилъ Орвадзе.

— Ахъ, Боже мой! нетерпѣливо выговорила княжна. — Должно-быть у васъ, на Кавказѣ, какіе-нибудь особые обычаи, что люди не понимаютъ самыхъ простыхъ словъ. Я вамъ сказала и повторяю: я за васъ ни за что, никогда не пойду! Я не дѣвочка... Меня нельзя...

— Что же мнѣ теперь дѣлать? вдругъ воскликнулъ Орвадзе, разводя руками.

— Идти къ батюшкѣ и сказать ему, что я отказала. Или, если вамъ не угодно — ничего не говорите. Уѣзжайте. Я сама скажу ему.

Наступило молчаніе. Орвадзе посопѣлъ, угрюмо глядя на княжну, и наконецъ снова развелъ руками.

— Удивительно!.. протянулъ онъ.

Княжна встала и поклонилась. Орвадзе поднялся тоже и вымолвилъ быстро:

— Такъ-таки, стало-быть, что называется — наотрѣзъ?

И онъ рѣзнулъ рукой по воздуху.

Княжна молчала.

— Позвольте, я спрашиваю — наотрѣзъ, стало-быть, отказываете?

— Отказываю, тихо но внушительно произнесла княжна.

И слегка поклонившись она пошла изъ комнаты. Но не успѣла она еще дойти до дверей, какъ за ней раздался голосъ Орвадзе.

— Одумайтесь, княжна! Чтобы послѣ не раскaiваться. Вы дѣвица не первой молодости. Да кромѣ того еще... Если мы когда въ жизни столкнемся въ иныхъ обстоятельствахъ — я вамъ отомщу такъ...

Княжна быстро обернулась, взглянула на генерала, хотѣла что-то выговорить, но лицо ея вдругъ прояснилось и она громко расхохоталась неподдѣльно веселымъ и добродушнымъ смѣхомъ.

Хочотъ ея былъ такъ искрененъ и громокъ, что подѣйствовалъ на Орвадзе рѣшительнѣй всякихъ словъ и убѣжденій.

Княжна вернулась къ себѣ все-таки взволнованная и въ странномъ настроеніи. Вспоминая фигуру и слова Орвадзе, она невольно усмѣхалась и изрѣдка смѣялась; думая о томъ, чего ждать немедленно отъ отца, она становилась грустна и тревога охватывала сердце. Наконецъ она взяла себя за голову.

— Дуняша! Дуняша! начала звать она какъ-бы о помощи.

У княжны была горничная, ея ровесница, прежняя товарка и сообщница дѣтскихъ игръ, а теперь почти приятельница.

Крѣпостную дѣвочку Дуняшу взяли къ княжнѣ, когда имъ обѣимъ было не болѣе десяти лѣтъ. Дуняша играла съ княжной и вмѣстѣ съ тѣмъ была подианькой, прислуживала днемъ, а въ сумерки и по вечерамъ играла съ барышней въ разные игры.

Съ годами Дуняша стала для княжны ближайшимъ на свѣтѣ существомъ, которому княжна повѣряла всѣ свои печали и всѣ свои радости. Дуняша, разумѣется, обожала ее и доказала ей свою любовь однажды наглядно.

Она полюбила молодого малаго, принадлежавшаго другому барину, сосѣду по имѣнію князя. Разумѣется, и князь, и княжна согласились на ея бракъ, но желали кушить ея жениха для того, чтобы Дуняша оставалась ихъ крѣпостной и при княжнѣ.

Владѣлецъ жениха не согласился продать его. А Дуняша, чтобы остаться около своей дорогой Прасковьи Андреевны, отказалась отъ любимаго человѣка, проплакала полгода, много измѣнилась, похудѣла и подурнѣла, но не измѣнила своей барышнѣ. Съ трудомъ, съ борьбой и болью пожертвовала она собою и своимъ счастьемъ.

Съ тѣхъ поръ Полина еще болѣе полюбила ее.

Разумѣется, теперь Дуняша знала все что происходитъ въ домѣ. И едва только княжна позвала ее къ себѣ, какъ горничная, или, вѣрнѣе, наперсница, прибѣжала испуганная, сѣла около нея на полъ и стала разспрашивать.

Княжна объяснилась въ нѣсколькихъ словахъ.

— Что-жъ теперь будетъ, милая барышня? спросила Дуняша. — Вы сказывали, что князь грозился. Стало-быть, теперь намъ съ вами монашкины шапочки надѣвать придется? Мнѣ-то ничего, а вамъ-то каково будетъ въ келейкѣ жить, да къ заутренямъ въ пять часовъ подниматься? говорила дѣвушка совершенно серьезно.

— Тебѣ-то почему-же? удивилась княжна.

— Да вѣдь васъ постригутъ пожалуй.

— Ну, меня... А тебя-то за что-же?

— Какъ, за что-же? Коли васъ постригутъ, такъ и мнѣ надо будетъ постричься.

— Я этого не допущу.

— Что вы! что вы! испуганно замахала руками Дуняша. — Вѣкъ жили вмѣстѣ, а теперь прогоните. Грѣхъ это, барышня! Что-же мнѣ тогда удавиться что-ли?

Княжна положила руку на плечо дѣвушки и лицо ея стало грустно.

— Коли такъ, тихо произнесла она, — разумѣется обѣ пострижемся. Ну, да это еще впереди. А куда поди-ка поразунай: сидитъ-ли еще этотъ турка у князя, или ужъ уѣхалъ?

Горничная вышла, вернулась черезъ нѣсколько мгновений и объяснила, что генераль все еще въ кабинетѣ у князя и очень громко говорить, расхаживая по горницѣ. А князь, должно-быть, молчитъ, — его голоса не слышать.

Просидѣвъ молча болѣе часа, княжна снова послала Дуняшу за сиравками. Дѣвушка принесла извѣстіе, что генераль уѣхалъ, далъ швейцару полтинникъ серебряный и сказалъ, не поминать его лихомъ, а что его нога больше въ этомъ домѣ не будетъ.

— Люди-то какъ всѣ обрадовались, барышня! прибавила Дуняша. — Вѣдь всѣ знаютъ, о чемъ рѣчь идетъ. Всѣ боялись этакого барина получить. Онъ, сказываютъ, у себя призоветъ шесть солдатъ, да на своихъ глазахъ прикажетъ троицъ троицъ пороть. А тамъ поротые встанутъ и порятъ этихъ троицъ. Право, ну! Люди сказывали: женится онъ на нашей княжнѣ и будетъ насъ всѣхъ этакъ-же заставлять другъ дружку перепарывать.

VII.

Княжна разумѣется стала ждать съ минуты на минуту появления человѣка, который позоветъ ее къ князю. Прошло нѣсколько часовъ, — отецъ ее не вызывалъ.

Подошелъ часъ обѣда, уже въ сумерки, такъ какъ въ домѣ князя часы денные были расpredѣлены отчасти на иностранннй ладъ, не ради моды, а ради образа жизни хозяина, встававшаго поздно.

Прежде обѣдали, какъ и вся Москва, около полудня, а ужинали часовъ въ восемь, но съ тѣхъ поръ что князь былъ боленъ, онъ только поднимался около полудня и обѣдъ перенесли на сумерки.

Когда княжна уже ожидала встрѣчи съ отцомъ въ столовой, явился лакей и доложилъ, что князь выѣхалъ со двора и приказалъ княжнѣ кушать и его не ждать, такъ какъ онъ, по всей вѣроятности, не вернется ранѣе поздняго вечера.

И весь этот день для княжны прошелъ въ томительной неизвѣстности.

На другой день повторилось то же самое. Князь сидѣлъ у себя, не вызывая дочери, а она безъ его дозволенія уже давно перестала приходить сама. На этотъ разъ князь приказалъ подать кушать себѣ въ кабинетъ, а княжнѣ—въ ея апартаменты.

Наступилъ третій день и опять повторилось то же самое. Княжна, разумѣется, тревожилась.

Дуняша собирала всякія справки между людьми и всѣ были одного и того-же мнѣнія: „Что-й-то творится! Что-й-то готовится!“

Но что предпринималъ или готовилъ баринъ-князь, конечно, никто не зналъ.

Княжна была увѣрена, что отецъ уже хлопочетъ и справляется въ какихъ-нибудь московскихъ монастыряхъ о правилахъ построения въ монахи.

Между тѣмъ единственный человѣкъ, который могъ теперь быть въ большую помощь княжнѣ, не появлялся въ домѣ, не смотря на свое обѣщаніе. Объ князѣ Ильѣ Петровичѣ не было ни слуху, ни духу.

И только на четвертый день послѣ бала у Орлова, княжна узнала, что „братецъ“ сидитъ у князя.

Появившійся Ильѣ Петровичъ объяснилъ дядѣ, что былъ нездоровъ и лежалъ... Отвыкнувъ отъ сильныхъ морозовъ, онъ постоянно простужался и разумѣется клиять климатъ російскій и его зиму.

— То-то вотъ, странствующая ты стрекоза, сказалъ князь. — Кабы не шатался всю жизнь въ заморскихъ земляхъ, такъ былъ-бы крѣпче... А то погляди на себя: что ты? Перина!

Ильѣ Петровичъ тотчасъ замѣтилъ, что дядя настроенъ желчно и ядовито. Справившись объ здоровьѣ князя и княжны, онъ получилъ въ отвѣтъ:

— Я злюся и собираюсь куснуть... А ей, сударынь, что дѣется!.. Она каменная... Ну, да вотъ этимъ проберу...

И князь показалъ племяннику на письменный столъ, гдѣ лежали два большія письма.

— Можешь прочитать надписи, сказалъ онъ.

Ильѣ Петровичъ прочелъ на одномъ конвертѣ: „Въ городъ Рузу, Устинѣ Савельевнѣ Кузьминой“. На другомъ было: „Березополье. Макару Макаровичу Трубецкому“.

Надписи эти ничего не сказали Ильѣ Петровичу.

— Это два треуха моей дочкѣ.

— За что, дядюшка?.. Что она васъ любить и желаетъ быть при васъ и не хочетъ идти замужъ за кабана... Грѣшно такъ рассуждать...

— Ну, ладно... Это лживое объясненіе. Я тоже не глупѣ тебя. Брось, племянникъ... Скажи лучше... что дѣлать съ собой хочешь, „тройкій якъ“, какъ тебя москвичи окрестили?

Ильѣ Петровичъ усмѣхнулся.

— А развѣ это прозвище еще не забыто? спросилъ онъ добродушно.

— Зачѣмъ забывать. Мы свои клички помнимъ. Вотъ если женишься, другую выдумаемъ.

Про Илью Петровича уже давно сочинилъ какой-то досужій шутникъ, что такъ какъ князь—толстякъ, добрякъ и холостякъ, то стало-быть онъ „тройкій якъ“.

И хотя въ этомъ прозвищѣ не было не только никакого остроумія, но и простаго смысла, тѣмъ не менѣе оно понравилось и всякій москвичъ упорно поминалъ проживавшаго всегда за границей князя не иначе какъ „тройкимъ якомъ“.

Одинъ лишь князь-дядя звалъ всегда племянника—странствующей стрекозой и заморскимъ скакуномъ.

— Да, племянничекъ, началъ князь правоучительно, — кабы женился во-время, такъ не былъ-бы заморскимъ скакуномъ. Жилъ-бы въ Москвѣ съ женой и дѣтьми. Теперь, поди, въ домѣ-то невѣсты и женихи у тебя

были бы, а ты вотъ одинъ, какъ переть. Состарился, разбухъ... Гляди какъ разбухъ! Ишь, тебѣ во всѣ стороны разнесло! Гляди, рука-то! Нешто это рука? Брвенно! Да, вотъ этакъ, племянничекъ, еще годиковъ пять-шесть попрыгаешь, повертишься, поскачешь, да и наскочишь, напорешься!

— На что? изумился простодушно Ильѣ Петровичъ.

— Вѣстимо на женщину, или дѣвушку. Да только на такую, которая тебя посадитъ на ладошку на лѣвую, а правой-то прихлопнетъ—и только мокренько останется.

Ильѣ Петровичъ вдругъ залился громкимъ хохотомъ и добродушно заливался долго, такъ что наконецъ слезы показались у него на глазахъ. Веселый и въ высшей степени добрый хохотъ племянника заставилъ и князя Андрея Ивановича улыбаться. Лицо его прояснилось слегка.

— Неужели вы, дядюшка, вымолвилъ удивляясь Ильѣ Петровичъ,—въ самомъ дѣлѣ такъ полагаете, что я въ мои годы способенъ прельститься какой-нибудь бабой и что эта баба меня окрутитъ. Господь съ вами, дядюшка! Какъ-же, пятьдесятъ лѣтъ прожилъ—ни одна прелестница никакой силы на меня не имѣла и всѣ женщины были мнѣ что рядъ кочановъ капусты на грядкахъ. А вы вдругъ этакое подозреваете! Неужто вы вѣрите въ то что говорите?

— Вѣрю—не вѣрю, племянничекъ, а бываетъ такъ. Старые холостяки при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ на шестомъ десяткѣ лѣтъ спотыкаются. Приходятъ у нихъ желанія какихъ прежде не было—хотя-бы желаніе не быть одному, одинокому. Зависть беретъ на всякую семью. У себя-то скучно, а прыгать-то уже нельзя, силы нѣту. Вотъ къ нему сейчасъ сестрицатоска въ гости пожалуетъ, а за ней сейчасъ братецъ-охъ, да другой братецъ-вдохъ! Вотъ, туда-сюда! Какъ мнѣ быть одинокому? Да куда мнѣ головушку приклонить? Да вонъ какіи милыи дѣтки бѣгаютъ на дворѣ! Вонъ людямъ какое счастье, а у меня никакого нѣтъ! Вонъ какая тамъ хозяйшка ходитъ молодая, такая-сякая, бѣлоглазая, чернолицая, или хотъ наоборотъ. А я то все одинъ, да одинъ! Скоро помирать—некому глаза закрыть! Некому состояніе передать! И стало-быть я—собака, песъ. Давай надумаемъ какъ тутъ быть, чѣмъ горю пособить. И пошелъ заглядывать въ разныя рожицы. Приглянулась какая, подумалъ—подумалъ—посватался. Хлопъ! Готово! Отказъ! „Вы-бы, говорятъ, пораньше! Время упустили!“ Другой разъ посватался, въ третій, да хотъ въ десятый разъ—вездѣ люди-то живутъ зрячіе. Молодца этакого возраста какъ ты, хотя ты и князь, не сразу обожать начнетъ какая дѣвица. Развѣ уже совсѣмъ какая затхлая. Вотъ тутъ сейчасъ и пожалуйте—наемное сердечко, дешевенькую любвишку или покупное счастье! На деньги все можно получить! И вотъ, глядишь, этакій-то старый холостякъ какъ ты мимо цыганскаго табора ѣхалъ и съ женой домой приѣхалъ!

Ильѣ Петровичъ захохоталъ снова.

— Цыганка-то—еще слава Богу. Хуже пріобрѣтешь, продолжалъ князь.—Не смѣйся! Вѣдьму, племянничекъ, заполучишь—настоящую, изъ Кіева, съ хвостомъ...

Бесѣда дяди и племянника длилась долго, но затѣмъ князь сурово объявилъ гостю, что обѣдать у него нельзя, такъ какъ онъ самъ уѣзжаетъ со двора. На замѣчаніе племянника, что онъ пообѣдаетъ съ княжной-сестрицей—Ильѣ Петровичъ получилъ неожиданный отвѣтъ, отъ котораго даже лицо его слегка измѣнилось. Дядя объявилъ еще суровѣе, что не желаетъ, чтобы онъ видѣлся со своей сестрицей, такъ какъ та „сидитъ якобы подъ арестацией!“

— Въ ея-то годы! Это по-каковски-же? По-кавказски что-ли? рѣзко вымолвилъ Ильѣ Петровичъ.

— По-березопольски! вспыхнувъ отрѣзалъ князь.

Парижская всемирная выставка 1889. Австрийск. Худ. Отд. Музыка. Аллегорич. карт. Гине, грав. Пааръ.
Библиотека "Руниверс"

— Что-же это? Насиліе, дядюшка. Это не достойно. Сами вы сейчасъ сказывали, что только затхлая невѣста...

— А значить, что я баловать не позволю, перебилъ князь. — Хоть теперь и лыкомъ я шитый, да все-таки въ лапы никому не дамся. Вотъ два письма написалъ и отсылаю...

— Не пойму я ничего! негодуя и холодно произнесъ Илья Петровичъ, такъ какъ въ сущности думалъ, что уже начинаетъ догадываться въ чемъ дѣло.

— Справлялся я, племянничекъ, насчетъ порядковъ постриженія дѣвицъ, дочерей строптивыхъ, и узналъ, что законъ новый есть, отъ матушки Екатерины остался и соблюдается... Силкомъ не постригать дѣвицъ... Ну

что-жь—дѣлать нечего—покорился и другое надумалъ не хуже... А что—узнаешь вскорости...

И князь Андрей Ивановичъ вызвалъ дворецкаго, передалъ ему оба письма и приказалъ тотчасъ снарядить двухъ конныхъ гонцовъ.

— Такъ положительно не дозволите вы мнѣ пови-
дать сестрицу? рѣзко и сухо спросилъ Илья Петровичъ по уходѣ дворецкаго.

— Сказано разъ! Не переспрашивай. Сиди со мной или уѣзжай.

— Такъ я, дядюшка, уѣду! страннымъ голосомъ говорилъ князь Илья Петровичъ и не прощаясь вышелъ изъ кабинета, сильно взволнованный.

(Продолженіе будетъ).

За городомъ.

Стихотворенія П. И. Вейнберга.

I.

Благодатно-священная тишь
И въ природѣ, и въ сердцѣ моемъ.
Чудно вторять другъ другу они,
Торжествуя блаженство вдвоемъ.

Нѣтъ межъ ними посредниковъ здѣсь,
Нѣтъ у нихъ ни враговъ, ни друзей,
И всецѣло забылись они
Въ безпредѣльной отрадѣ своей.

II.

Я еще не освоился съ дачей,
Не привыкъ, что не въ городѣ я.
Нынче утромъ проснулся—и солнцемъ
Залитá вся избушка моя.

Что за диво? Откуда такіе
Непривычные гости? А гдѣ
Наше сѣро-свинцовое небо,
Точно мытое въ мутной водѣ?

„Это въ городѣ!“ кто-то отвѣтилъ
Съ легкимъ смѣхомъ—и тутъ въ тишинѣ
Стукъ въ окошко мое... О, Создатель,
Неужели „знакомый“ ко мнѣ?

Отворяю — зеленая вѣтка
Проползаетъ тихонько въ окно,
И листы ея шепчутъ мнѣ: „Здравствуй,
Мы тебя поджидали давно!“

А сквозь легкую чащу деревьевъ
Блещетъ вольной рѣки серебро...
Все живетъ, все поетъ, все ликуетъ,
Всюду свѣтъ, чистота и добро!..

III.

Предъ домикомъ моимъ, у самаго крыльца—
Двѣ ели старыя... И ростомъ, и фигурой
Такъ схожи межъ собой, что, кажется, натурой
Здѣсь рождены два близнеца.

И цѣлый день у нихъ конца нѣтъ разговорамъ.
То кротко шепчутся средь общей тишины,
Какъ будто вспомнили про годы старины,
Про первый поцѣлуй красавицы-луны,
Про первую любовь съ лазуревымъ просторомъ.

То будто бы дивясь какой-то новизнѣ,
Совѣмъ неслыханной въ ихъ старомъ поколѣнѣ,
Съ серьезной важностью бесѣдуютъ онѣ...
Что въ этой рѣчи ихъ: укоръ или одобренье?

То сильно дрогнуть вдругъ... Какой-то гулъ и ревъ
Пойдутъ по всѣмъ вѣтвямъ,—и въ грозномъ шумѣ этомъ
Порою слышится мнѣ благородный гнѣвъ
Дышащихъ чистотой и свѣжестью деревъ
На гнусность новую, придуманную свѣтомъ.

Такъ разговоръ идетъ у нихъ по цѣлымъ днямъ;
А юные кусты, прижавшись къ ихъ корнямъ
И глядя въ вышину, ту слушаютъ бесѣду,
Какъ внукъ почтительный внимаетъ старцу-дѣду...

Увлеченіе.

Разсказъ

Князя Д. Голицына-Муравлина.

(Продолженіе).

XI.

Такъ продолжалось до понедѣльника. Владиміръ Алексѣевичъ дома не завтракалъ, не обѣдалъ, проводилъ вечера въ театрѣ, но ни разу не поѣхалъ въ Александринку, гдѣ почти каждый день давалось „Увлеченіе“. Онъ боялся, что Негрѣхова снова захватитъ его обаяніемъ вносимымъ ею въ роль, и тогда ужъ не выпуститъ, захочетъ доказать ему, что она сильнѣй.

Онъ радовался своему отрезвленію, по это была холодная радость, притупленная неяснымъ сожалѣніемъ о чемъ-то необрисовавшемся, загадочномъ для него. Точно онъ мелькомъ взглянулъ на яркую картину и долженъ былъ пройти мимо.

— Ахъ! лишь бы покойно жилось! рѣшалъ онъ и сердился на жену, лишившую его возможности нахо-

дить дома покой. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ для него мыслимо оставаться дома, видѣть передъ собой кислое лицо жены, укоризненный взглядъ Сони, этой черезчуръ много себѣ позволяющей барышни. Развѣ это жизнь! А тутъ еще требуется работать, заниматься, заботиться о серьезномъ дѣлѣ, составляющемъ остовъ его существованія!

Впрочемъ, за послѣдніе дни, газета отнимала у него мало времени. Не тянуло его къ ней. Постоянное томленіе отвлекало, не давало вдуматься, обезсиливало мысль. И онъ пришелъ къ заключенію, что надо переждать. Все равно, въ такомъ состояніи ничего толковаго не сдѣлаешь. Лучше положиться на Бекина. Онъ достаточно вышколенъ, да и не посмѣетъ фантазировать.

Владимиръ Алексѣвичъ былъ увѣренъ, что именно такія соображенія заставляютъ его относиться поверхностно къ веденію „Столицы“. Онъ не сознавалъ, что просто упалъ въ немъ интересъ къ излюбленному изданію, упалъ благодаря тому, что душа его, какъ карточный домикъ, развалилась отъ мелкаго потрясенія. Ему теперь казалось, что все надоѣло оттого, что все гадко, а онъ одинъ хорошъ.

Въ чужія газеты онъ также пересталъ заглядывать... съ тѣхъ поръ какъ написалъ восторженную статью объ игрѣ Негрѣховой въ „Увлеченіи“. Сперва онъ боялся, что найдетъ въ нихъ возраженія, намеки на то, что его хваленая безпристрастность пошатнулась, а потомъ стала ему вообще мерещиться возможность недобросовѣстныхъ нападокъ... и не такъ былъ онъ настроенъ, чтобы эти нападки отражать.

Увидавъ его въ ресторанѣ, какой-то знакомый удивился:

— Что вы по кабакамъ обѣдаете? съ вами этого прежде не бывало. Будь я женатъ и живи своимъ домомъ, съ какимъ бы удовольствіемъ махнулъ рукой на всѣхъ Дононовъ и Кюба!

Владимиру Алексѣвичу показалось, что его знакомый хочетъ намекнуть, сказать: „должно-быть у васъ дома не ладно... не даромъ всѣ увѣряютъ, что вы втюрились въ Негрѣхову.“

Онъ ждалъ понедѣльника, чтобы доказать всѣмъ лживость предполагаемыхъ имъ слуховъ. Плана у него не было, но онъ все твердилъ себѣ:

— Я имъ докажу... а потомъ я опять примусь за дѣло.

Этимъ рѣшеніемъ оправдывалъ онъ себя, понимая, что нуждается въ оправданіи, въ своихъ собственныхъ глазахъ. Развѣ такъ относился онъ до сихъ поръ къ газетѣ! Теперь онъ не просматриваетъ руководящихъ статей, не пробѣраетъ доставляемыхъ свѣдѣній. Ну, авось сойдетъ. Бекинъ его боится и не могъ замѣтить перемѣны въ своемъ принціпалѣ.

Равнодушіе Владимира Алексѣвича дошло до того, что, поднявшись однажды въ редакцію за справкой, по типографскимъ счетамъ, и увидавъ мелькомъ Рашметкина, онъ не прогналъ его, не крикнулъ: „я запретилъ вамъ принимать участіе въ газетѣ“, а только презрительно кивнулъ, подумавъ: „не стоить горячиться... онъ ведетъ такой мелкій отдѣлъ, что личность его не имѣетъ значенія... Въ „Публицистѣ“, говорятъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ судился за кражу, а другой еще того хуже... Изъ безукоризненныхъ людей не составишь редакціи...“

Но Владимиръ Алексѣвичъ ошибался, думалъ, что Бекинъ не обратилъ вниманія на охлажденіе Ратимина къ газетѣ. Петръ Леонтьевичъ, напротивъ, все усмотрѣлъ и немедленно сообразилъ, какія могутъ послѣдовать пріятныя для него удобства изъ такого положенія дѣла. И бывшіе сотрудники прежней „Столицы“, какъ голодные собаки почуявшія падалъ, приблизились, угадывая, что теперь мѣсто для нихъ найдется на столбахъ Ратиминскаго изданія.

Они, ввачалѣ, были осторожны, скромны, такъ какъ Бекинъ не рѣшался сразу подкупаться подъ главныхъ теперешнихъ сотрудниковъ, презиравшихъ его, ненавистныхъ ему.

Насталъ понедѣльникъ.

Владимиръ Алексѣвичъ ожидалъ, что Валентина Петровна особенно заволнуется въ этотъ день, пустится въ объясненія, постарается узнать, ѣдетъ-ли онъ къ Пронинымъ или нѣтъ. Ратиминъ приготовился къ непріятной сценѣ, составилъ и держалъ на-готовѣ нѣсколько спокойно-холодныхъ фразъ, которыми дастъ отпоръ. Онъ собирался даже исчезнуть изъ дома на цѣлый день, предпочиталъ не входить ни въ какія объясненія; но опасенія его были напрасны. Утромъ Валентина Петровна его только спросила:

— Тебя сегодня опять не будетъ? Мы завтракаемъ и обѣдаемъ однѣ?

Владимиръ Алексѣвичъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, завтракать я буду... отчего же...

Онъ зѣвнулъ притворно и прибавилъ:

— Обѣдаю у Прониныхъ.

Онъ ждалъ, что жена возмутится, но она равнодушно произнесла „А!“, точно совсѣмъ забыла и теперь вспомнила, хладнокровно. Но Соня совершенно иначе вела себя. Во время завтрака, она долго глядѣла на Ратимина враждебно и, наконецъ, не выдержала, спросила:

— Скажи, пожалуйста, гдѣ ты обѣдалъ и вообще ѣлъ все это время?

— Въ ресторанахъ, мой другъ, кротко отвѣтилъ Владимиръ Алексѣвичъ.

Вдругъ онъ покраснѣлъ: вѣдь его жена можетъ подозревать, что онъ не заходилъ въ рестораны, а отправлялся на свиданія съ Евгеніей Сергѣвной. Соня такъ взглянула на него, будто говорила: „и все ты врешь, я знаю“. Посмотрѣлъ онъ на жену, уловилъ то же выраженіе. Владимиръ Алексѣвичъ разсердился и нагнулся надъ тарелкой, уходя отъ разговоровъ въ бѣду.

— А сегодня ты опять въ ресторанѣ? ехидно освѣдомилась Соня.

Ратиминъ вздохнулъ.

— Нѣтъ, у Прониныхъ, отвѣтилъ онъ.

— Госпожа Негрѣхова, кажется, живетъ у нихъ?

— Тебѣ это лишь кажется? спросилъ Владимиръ Алексѣвичъ, съ дрогнувшимъ отъ гнѣва взглядомъ, — сдается мнѣ, что ты нисколько не сомнѣваешься...

Соня замолчала. Тихо стало за столомъ, тихо и грустно, какою-то особенною скучною грустью. Всѣ были недовольны, у всѣхъ щемило въ груди, и каждый былъ правъ, сердясь.

Нѣсколько минутъ спустя, по окончаніи завтрака, Ратиминъ ушелъ къ себѣ, заперся, велѣлъ никого не принимать. Даже Бекину было отказано, что дало Петру Леонтьевичу случай взять на себя полную отвѣтственность за размѣрку номера. Владимиру Алексѣвичу было не до него. Скверное чувство душевной неопредѣленности, огульное недовольство всѣмъ окружающимъ и невозможность придумать хоть что-нибудь могущее явиться въ жизнь свѣтлою точкой, все это лишило всякихъ желаній, вызывало въ немъ отвращеніе ко всему. И онъ не зналъ, ѣхать-ли къ Павлу Арсеньевичу... Развѣ не все равно, что думаетъ о немъ Евгенія Сергѣвна? Богъ съ ней, пусть продолжаетъ думать, сколько ей угодно!

Взялъ онъ книгу, потомъ другую, третью и поочередно отбросилъ ихъ, съ нервной зѣвотой. Попалась ему на глаза рукопись, оставленная на просмотръ извѣстнымъ специалистомъ по экономическимъ вопросамъ. Владимиръ Алексѣвичъ развернулъ ее, разгладилъ и отложилъ, тоскуя. Взглянулъ онъ на кипу нетронутыхъ газетъ, но не сталъ читать, боясь чрезмѣрной скуки или непріятностей.

Наконецъ онъ началъ писать статью, старательно выводи буквы и растягивая фразы, но черезъ нѣсколько минутъ вспомнилъ, что писалъ уже на эту тему, и бросилъ перо.

Часы пробили пять.

„Не можетъ быть!“ подумалъ Ратиминъ. „Нѣтъ, пять часовъ. Скоро надо собираться“. И ему представилось, что если онъ не поѣдетъ, жена возомнитъ себѣ, что она глава семьи.

XII.

У Прониныхъ гостей собралось достаточно. Столовая оказалась слишкомъ мала, и пришлось установить обѣденный столъ въ большой гостиной, удаливъ изъ нея всю штофную мебель, которою Марья Ефимовна гор-

Парижская всемирная выставка 1889. Русск. Худож. Отд. Могила самоубийцы. Съ карт. академика Федерса, грав. Киндъ.

Взяли волка. Ор. рис (собств. ,Нивы“) А Кившенко, грав. Ангереръ.

дилась не мало. Приѣхалъ Нагорный, редакторъ „Петербургъ“, толстый господинъ съ неопрятною лысиной; какой-то очень молодой поэтъ, начавшій входить въ моду съ тѣхъ поръ, какъ переложилъ посланіе къ Коринѳянамъ въ звучные амфибрахіи; малоизвѣстный художникъ Рачевичъ, похожій на Мольтку и одѣвающійся артистомъ, для рекламы; Стожниковъ и Тихонинъ, два молодыхъ писателя, изъ которыхъ первый ничего замѣчательнаго не написалъ, но подавалъ блестящія надежды, и такъ давно ихъ подавалъ, что хотѣлось ему сказать: „подайте намъ чего-нибудь другаго“; а второй прославился рядомъ пасквилей, печатаемыхъ въ разныхъ панельныхъ листкахъ и не разъ имѣвшихъ для него горькія послѣдствія. Вообще, Пронинъ не пригласилъ къ себѣ свѣтилъ литературы, довольствуясь въ этомъ отношеніи самимъ собой. Кромѣ того, появилось нѣсколько лицъ способныхъ „украсить“ любой обѣдъ: банкиръ съ жидовскимъ произношеніемъ, запасный генералъ, одинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и одинъ коллежскій ассесоръ, приглашаемый всюду собственнo потому, что недурно передавалъ Горбуновскіе рассказы.

Павель Арсеньевичъ хлопоталъ, старался быть радужнымъ хозяиномъ и принималъ поздравленія съ послѣднимъ успѣхомъ.

Владимиръ Алексѣевичъ приѣхалъ ровно въ шесть часовъ, когда Пронинъ начиналъ уже беспокоиться и думать, что редакторъ-издатель „Столицы“ не „удостоитъ его своего появленія“.

— А! какая радость! вскрикнулъ Павель Арсеньевичъ, пошелъ навстрѣчу гостю и крѣпко пожалъ ему обѣ руки.

Владимиръ Алексѣевичъ съ разсѣянной любезностью отвѣчалъ на привѣтствія прочихъ гостей, ища глазами Негрѣхову, и не думая о томъ что дѣлаетъ, поднесъ руки Маріи Ефимовны къ губамъ. Та зардѣлась отъ удовольствія, а Пронинъ нашель, что Ратиминъ положительно выхаживается.

Наконецъ показала Евгения Сергѣевна, и всѣ бросились къ ней съ поздравленіями, со словами въ родѣ „съ громаднымъ успѣхомъ“, „лучшее украшеніе нашей сцены“, „какъ вы прекрасно смѣлились во второмъ дѣйствіи!“

Одинъ Владимиръ Алексѣевичъ не двинулся, ждалъ. Когда другіе стали отходить, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, поздоровался и сказалъ ей при Нагорномъ:

— Я такъ много написалъ о васъ, что мнѣ ничего говорить не осталось. Но вы не слишкомъ довѣряйте моей статьѣ: я написалъ ее съ плеча и нахожу, что отнесся къ вамъ черезчуръ снисходительно. У васъ, разумѣется, есть талантъ, но, буду откровененъ, пока очень небольшой, и я не думаю, чтобы вы имѣли успѣхъ въ болѣе серьезной пиесѣ.

Евгенія Сергѣевна удивленно посмотрѣла на него и круто отошла съ дѣланною улыбкой. Ратимину пока-

залось, что онъ поступилъ очень умно. Онъ подумалъ: „теперь можно быть покойнымъ, Нагорный расскажетъ всему городу, толки прекратятся“.

Негрѣхова, продолжая улыбаться и слушая любезныя слова Рачевича, дрожала отъ гнѣва на Владиміра Алексѣевича, оскорбившаго ее. Она понимала, что онъ освободился, мститъ, и она рѣшила, что слѣдуетъ наказать его какъ можно болѣе жестоко. Въ ея головѣ сверкнулъ планъ, такой вѣрный, что она поблѣднѣла отъ волненія и на минуту стала совсѣмъ блѣлою, при свѣтѣ лампъ.

За столомъ Ратимина посадили рядомъ съ Евгеніей Сергѣевной. Онъ нагнулся къ ней и спросилъ:

— Вамъ, разумѣется, неприятно имѣть меня сосѣдомъ?

Она взглянула на него съ притворнымъ смущеніемъ и отвѣтила:

— Нѣтъ, напротивъ; отчего вы такъ думаете? Конечно, ваши слова меня поразили, и мнѣ тяжело бросать всѣ надежды на будущее, но я такъ довѣряю вамъ, что исполню это безпрекословно. Только, умоляю васъ, не будьте обо мнѣ дурнаго мнѣнія—я этого не заслуживаю.

Въ душѣ Владиміра Алексѣевича исчезло всякое желаніе ехидничать. Ему стало жаль ее и онъ проговорилъ:

— Вы не такъ поняли...

Негрѣхова вздохнула, не сказала ничего и повернулась къ Нагорному. Кругомъ шли разговоры, всѣ шумно болтали, оживленные виномъ. Ратиминъ молчалъ. Щемящее чувство заставило его уйти въ себя. Онъ понялъ, что прежнее возвращается,—мягкая влюбчивость, изнѣживающая сердце.

— Увлеченіе... Увлеченіе... Увлеченіе! раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Ухаживая за Пронинимъ и зная его слабость, гости говорили о его пиесѣ. Нагорный привелъ около двѣнадцати сценъ, которые ему „особенно нравились“. Стожниковъ, сотрудиникъ „Петербургъ“, дѣлалъ восторгъ своего принципа, а Тихонинъ улыбался, и его улыбка грозила: „постойте, постойте, я про васъ напишу такую штучку!“ Онъ-то ни за кѣмъ не ухаживалъ, но за нимъ ухаживали всѣ, даже запасный генералъ, заявившій ему нѣсколько разъ подъ-рядъ о своемъ глубокомъ уваженіи къ печатному слову.

Къ четвертому блюду толки сдѣлались шумнѣй. Между коллежскимъ ассесоромъ, умѣвшимъ подражать Горбунову, и молодымъ поэтомъ возникъ нѣкоторый антагонизмъ, потому что каждый изъ нихъ хотѣлъ овладѣть вниманіемъ присутствующихъ. Наконецъ, поэтъ одержалъ верхъ, вдохновенно откинулъ жиденькіе волосы назадъ и, вставъ, началъ читать экспромптъ въ честь Павла Арсеньевича.

Такъ какъ было выпито уже бутылки четыре шампанскаго, то ему похлопали, а онъ, договоривъ, сѣлъ съ усталымъ видомъ искренняго импровизатора. Но коллежскій ассесоръ имѣлъ гораздо болѣе успѣхъ. Отъ него потребовали втораго и третьяго рассказа.

(Оконч. въ слѣд. №).

Листопадъ.

Э. А. Нидергѣфера.

(Рис. на стр. 929).

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роша отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча еще бѣжитъ за мельницу ручей;
Но прудъ уже засыпалъ...

„Ужъ роша отряхаетъ послѣдніе листы“—для землевладѣльца листопадъ является только предвѣстіемъ наступленія для него времени отдыха, а для горожанъ, по крайней мѣрѣ для большинства,—предварительною пріятною вѣстью о зимнихъ удовольствіяхъ, и когда осенью деревья, лишенные красоты зеленого своего одѣянія, жалобно и вмѣстѣ съ тѣмъ грозно напоминаютъ намъ о бренности всего земнаго, простираютъ свои „нагія вѣтви“ къ небу, люди въ предвѣщеніи зимняго сезона мало склонны тужить о тѣнноти лѣтней красоты, а тѣмъ

болѣе отдавать себѣ отчетъ о причинахъ опаданія листьевъ.

Нѣсколько подумавъ, читатель, вѣроятно, скажетъ, что листья опадаютъ вслѣдствіе того, что ихъ убиваетъ морозъ, а еще болѣе просвѣщенный читатель прибавитъ, что листья, замѣняющіе растеніямъ легкія и поры кожи животныхъ, преимущественно же служащія орудіями (органами) питанія, становятся не нужны деревьямъ, ибо послѣднія прекращаютъ свой ростъ, заканчиваютъ время (періодъ) своего развитія или вегетачіи къ зимѣ. Послѣднее по истинѣ такъ; однако еслибы въ самомъ дѣлѣ пониженіе температуры до точки замерзанія воды (до нуля) непосредственно вызывало листопадъ, то почему, спрашивается, теряютъ липы, клены и вишни листву еще до наступленія утренниковъ и заморозковъ, во время которыхъ дѣйствительно листья особенно обильно опадаютъ. Приходится

поэтому предположить, что холод лишь ускоряет листопадъ.

Это заключение, как нельзя лучше, подтверждаетъ общезвѣстное явленіе, что и подъ тропиками, и въ подтропическихъ странахъ происходитъ нѣчто сходное съ листопадомъ. Однако здѣсь какъ разъ наоборотъ — при наступленіи продолжительныхъ засухъ и жаровъ, слѣдующихъ послѣ короткаго періода дождей. При томъ не только многіе кустарники и деревья, но даже и нѣкоторыя кустообразныя травы сбрасываютъ листья. Этимъ обстоятельствомъ уже вполне поясняется, что ни жара, ни стужа непосредственно не причиняютъ явленіе листопада, и далѣе, что оно обуславливается одною или нѣсколькими причинами, которыя вызываются равно какъ стужей, такъ и жаромъ.

Хотя до сихъ поръ не вполне еще извѣстны всѣ обуславливающія это явленіе причины, но по крайней мѣрѣ одною изъ наиболее близкихъ является измѣненіе въ ходѣ испаренія воды растеніями.

Что это дѣйствительно такъ — легко усмотрѣть, если припомнимъ: откуда растеніе беретъ испаряемую имъ воду, и далѣе — отношеніе между температурою воздуха и содержаніемъ въ немъ водяныхъ паровъ, влажности. Резервуаромъ воды, очевидно, является преимущественно земля, а воздухъ тѣмъ больше можетъ насыщаться водянымъ паромъ, чѣмъ выше его температура, т. е. точка росы при повышеніи температуры воздуха повышается, и обратно. Если теперь, какъ это дѣйствительно случается въ жаркихъ странахъ, грунтъ сильно просыхаетъ и стоитъ продолжительная ведрая погода, то изъ растительнаго тѣла, преимущественно листьями, можетъ испаряться больше воды, нежели всасывается корнями изъ крайне сухаго грунта, т. е. расходъ воды изъ растенія будетъ больше притока. Усиленная же испаренія воды споспѣшествуютъ, повидимому, насколько пока удалось подмѣтить, заложенію разъединяющаго слоя (*Trennungsschicht*), а разъ послѣдній образовался, листья свободно уже отрываются легкими порывомъ вѣтра, или же, завянувъ, сами опадаютъ. Такимъ образомъ объясняется при наступленіи засухъ и жаровъ листопадъ многихъ тропическихъ растеній, которыя притомъ (въ противоположность зимней спячкѣ древесной растительности въ холодныхъ странахъ) впадаютъ въ лѣтній сонъ.

Пояснимъ жизненное (биологическое) значеніе этого явленія. Опаданіемъ листьевъ, наиболее испаряющихъ органовъ, подобныя растенія предохраняются отъ окончательнаго увяданія и остаются способными продолжать свою жизнь, вегетацию при наступленіи болѣе благоприятныхъ условий — при болѣе умѣренныхъ температурахъ.

Съ перваго взгляда кажется труднѣе найти связь между наступленіемъ холоднаго періода и листопадомъ. Но если припомнимъ, что при пониженіи температуры воздуха охлаждается постепенно и грунтъ, и далѣе, что холодъ сильно ослабляетъ всасывающую способность нѣжныхъ корешковъ (мочекъ), то очевидно, что и въ данномъ случаѣ утрата воды (испареніемъ послѣдней въ листьяхъ) не можетъ быть вполне пополнена изъ почвы — листья увядаютъ, бурбуютъ, даже чернѣютъ и кажутся какъ бы обуглившимися. Принято тогда говорить что ихъ побилъ морозъ, что они померзли. Однако это обозначеніе отнюдь не передаетъ сути явленія. Когда пробовали понизить температуру почвы, на которой росли дыни и табакъ, до нѣсколькихъ градусовъ выше нуля, то не смотря на то, что влажность земли тщательно поддерживалась и температура воздуха понижалась лишь умѣренно, всѣ листья принимали осеннюю окраску, желтѣли, — и растенія погибали.

Такимъ образомъ за главную причину осенняго листопада нужно признать ослабленную (парализованную) дѣятельность мочекъ, проводящихъ подпочвенную воду.

Приведемъ въ подтвержденіе только что высказаннаго положенія еще нѣкоторые данныя. Въ оазисъ сѣверо-африканской песчано-пустынной полосы персиковое дерево сохраняетъ листу отъ одного періода вегетации до другаго; впрочемъ и у насъ на побережьи Чернаго моря, въ Поті, сирень (*Syringa vulgaris*) является вѣчно-зеленымъ кустарникомъ. Еще интереснѣе наблюденія проф. Кернера въ ложбинѣ близъ Неаполя около сольфатаръ (*solfatari* — паровые ключи, содержащіе смѣсь водяныхъ и сѣрныхъ паровъ, или такъ же сѣро-водородъ и сѣрнистую кислоту), гдѣ, благодаря вулканическому составу материка, грунтъ круглый годъ достаточно нагрѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вслѣдствіе болѣе низкаго положенія мѣстности также всегда умѣренно влаженъ; Кернеръ въ апрѣлѣ видѣлъ прошлогоднюю листву на нашемъ лѣтнемъ, обыкновенномъ дубѣ (*Quercus pedunculata*), который повсюду въ Истріи къ зимѣ теряетъ листья, еще вполне зеленою и прочно прикрѣпленною къ вѣтвямъ, хотя новые листья уже начали развѣтываться изъ почекъ.

При листопадѣ, далѣе, деревья отнюдь не бѣднѣютъ строительнымъ (пластическимъ) матеріаломъ. Какъ у расчленившихся хозяевъ, которые всякое трипье стараются пустить въ дѣло — у растеній вмѣстѣ съ содержимымъ клѣтокъ, протоплазмой, и всѣ другія цѣнныя пластическія вещества, какъ-то углеводы (крахмалъ, сахаръ и пр.), бѣлки и жиры переходятъ изъ листьевъ въ стволъ или въ корень. Переходъ этотъ совершается довольно быстро, чему способствуютъ многочисленныя сосуды,

составляющіе вмѣстѣ то что называется перваціей листа. Опавшіе листья состоятъ поэтому (какъ легко видѣть подъ микроскопомъ) почти исключительно изъ системы камеръ (клеточекъ), обыкновенно пустыхъ или набитыхъ щавелево-кислымъ кальціемъ, который является ненужнымъ остаткомъ (отбросомъ — *Residuum* по Саксу) при образованіи бѣлковыхъ соединеній. Къ веснѣ снова поднимаются пластическія вещества вверхъ, переходятъ изъ нерастворимаго состоянія въ растворимое, и растеніе пробуждается; въ это время травянистыя растенія вытягиваются ежедневно на нѣсколько сантиметровъ.

Интересно еще: какъ происходитъ самое отдѣленіе листа отъ вѣтвей. Въ тихій осенній день, стоя подъ кленомъ или осокоремъ и внимательно прислушиваясь, мы услышимъ то тамъ, то слѣмъ надъ собою легкій трескъ, хотя-бы ни малѣйшіи вѣтерокъ не шелохнулъ листа. Этотъ трескъ вызывается отскакиваніемъ листа, который велѣтъ затѣмъ и опадаетъ. Пробуя позднюю осенью нѣсколько дней сряду осторожнымъ прикосновеніемъ отталкивать листья, мы замѣтимъ какъ они все легче отдѣляются отъ вѣтвей, не оставляя наконецъ даже раны, а лишь рубецъ на мѣстѣ гдѣ сидѣлъ листъ; между тѣмъ какъ лѣтомъ листъ лишь съ трудомъ и насильственно отрывается, да притомъ на мѣстѣ его прикрѣпленія остается признакъ этого насилья (отрывается часть окружающаго кожицы и изъ раны вытекаетъ нѣсколько капелекъ соку). Опаденіе листьевъ обуславливается, какъ было говорено выше, образованіемъ такъ-называемаго разъединяющаго слоя: на мѣстѣ прикрѣпленія листа слой до тѣхъ-поръ спланихъ клѣточекъ вдругъ начинается, продольными къ общей поверхности вѣтви перегородками, распадаться на болѣе или менѣе плоскія клѣточки, расположенныя рядами, обыкновенно пустыя или наполненныя бурюю, мертвою массою и стѣнки которыхъ приобрѣтаютъ свойства пробки. Такъ какъ этими признаками характеризуется пробковатая ткань, то слѣдовательно разъединяющій слой нужно также причислить къ образованіямъ этой ткани, которая въ жизни растеній имѣетъ такимъ образомъ двойное отправление (функцию). Въ данномъ случаѣ она обуславливаетъ или, по крайней мѣрѣ, способствуетъ разъединенію отмирающихъ частей растеній отъ остающихся живыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ и напередъ залѣчиваетъ происшедшія отъ этого отдѣленія раны; вотъ послѣднимъ-то обстоятельствомъ пробковатая ткань и выполняетъ здѣсь свою главную функцию. Ея назначеніе именно то, чтобы подъ нею лежащую ткань предохранить отъ внѣшнихъ вліаній и преимущественно отъ высыханія, что и достигается совершенно плотнымъ смыканіемъ клѣточекъ, опробковѣвшія оболочки которыхъ непроницаемы вслѣдствіе этого ни для воды, ни для газовъ. Благодаря такому свойству, пробковатая ткань покрываетъ у древесныхъ растеній наружную часть ихъ стеблей и сверху того появляется всегда при каждомъ пораненіи растенія, затягивая собою рану, и въ этомъ случаѣ она вполне сходна съ образованіемъ струйцевъ на животномъ тѣлѣ.

Остающийся по опаданіи листа рубецъ называется рубчикомъ листового слѣда; послѣдній имѣетъ для каждой породы вполне характерную форму, такъ что по рубчику листового слѣда на безлистной вѣтвѣчкѣ возможно опредѣлить породу дерева.

Замѣтимъ еще, что у сложныхъ листьевъ (состоящихъ изъ отдѣльныхъ листиковъ), на примѣръ у дикаго или конскаго каштана (*Aesculus hippocastanum*), также и на верхушкѣ листового черешка, у основанія каждого пальчатого-расположеннаго листочка образуется по разъединяющему слою, такъ что послѣдніе отдѣльно сдуваются вѣтромъ, между тѣмъ какъ черешки долго еще одиноко торчатъ на вѣтвяхъ.

Кстати приведемъ еще довольно новое наблюденіе, доказывающее безусловную необходимость образованія разъединяющаго слоя. Въ Германіи, начиная съ 1879 г., около Гамбурга, на громадномъ пространствѣ перестала родиться вишня; по изслѣдованію Франка, это явленіе обуславливалось грибомъ (*Gnomonia erythrostoma*) поселяющимся на листьяхъ. Признаковъ зараженія вишневаго дерева гномоніею или „часового стрѣлкою“ (такъ-называемою благодаря виду сумочекъ, въ которыхъ образуются споры) является то, что листья не опадаютъ къ зимѣ, вслѣдствіе того что они погибаютъ до появленія разъединяющаго слоя. Грибокъ вызываетъ такимъ образомъ на самомъ деревѣ и поэтому средствомъ его истребленія оказывается срываніе не опавшихъ зимою листьевъ. (Подробности этого заболѣванія вишенъ приведены въ VI выпускѣ „Лѣснаго журнала“ за 1888 г.; считая притомъ не лишнимъ обратить вниманіе сельскихъ хозяевъ на эту болѣзнь, которая уже и у насъ появляется).

Отдѣленіе листьевъ у нѣкоторыхъ породъ совершается въ теченіе нѣсколькихъ дней, у другихъ-же дѣлится недѣлями. Ясно далѣе, что не всѣ породы деревьевъ и не всѣ деревья того-же рода вполне успѣваютъ сбрасывать листву; на ясени, ольхѣ, кленѣ, тополѣ обыкновенно не остается ни одного листа, тогда какъ даже на верхушкѣ старыхъ дубовъ и грабовъ всегда сохраняется незначительное число листьевъ — послѣдніе именно засохли прежде, нежели успѣли образоваться разъединяющій слой (который именно у дуба и граба образуется очень медленно).

Листопаду обыкновенно предшествуетъ измѣненіе въ цвѣтѣ листьевъ, сообщающее нашимъ лѣсамъ ту грустную прелесть, ко-

торой уступают, по свидетельствам всех путешественников, даже леса тропиков. Желтый цвет является притом в осеннем наряде лесов господствующим. Особенно ярким, почти померанцевым, бывает он у бука (*Fagus sylvestris*); у березы-же (*Betula alba*) цвет только светло-желтый; у других пород он то больше, то меньше переходит в красный, а на дикой вишне листья окрашиваются в довольно чистый, яркий карминово-красный цвет; всего мрачнее смотреть дуб, когда листва его еще на деревьях побурела; наименее печально выглядит ольха (*Alnus*

наблюдается, что изменение в цвете идет с основания шатра к его верхушке, а у липы (*Tilia*), ивовых (*Salices*) и тополей (*Populus spec.*), как раз в обратном направлении.

Что касается причины самого перехода листо-зелени (хлорофилла) в постепенные оттенки от изжелта-сѣраго до ярко-краснаго, то он вызывается превращением листо-зелени в желтое красящее вещество (пигмент) и присутствием особого химического вещества (антоциана или антокиана, anthocyan—собственно цветочная синь). Это вещество образуется повсюду, где происходит движение соков; оно пока еще мало изслѣ-

Парижская всемирная выставка 1889. Английский Худож. отдѣлъ. Диана и Эндимионъ. Картина Вотса.

glutinosa et alba), которая совсѣмъ не измѣняетъ зеленого цвета.

Переходъ листьевъ в осеннѣе цвѣта совершается обыкновенно равномернымъ измѣненіемъ окраски по всей пластинкѣ листа, такъ что весь листъ все болѣе желтѣетъ, или-же—послѣдовательнымъ по частямъ замѣщеніемъ зеленого цвѣта; при этихъ измѣненіяхъ на листьяхъ нерѣдко являюся красивые узоры, какъ напр. у березы и у остролистнаго клена, гдѣ ходъ измѣненій цвѣта обуславливается распредѣленіемъ главныхъ боковыхъ нервовъ. Наконецъ у ясеня, бука и орѣшника (*Corylus avellana*) всегда

довано: извѣстно только, что въ присутствіи свободныхъ органическихъ кислотъ въ клеткахъ антоцианъ краснаго цвѣта, при щелочной реакціи клеточнаго сока—синяго. Относительно его физиологическаго значенія пока только извѣстно, что антоцианъ укрываетъ отъ разрушающаго вліянія свѣта пластическій матеріалъ при его перекочевываніи изъ листьевъ въ стволъ.

Смотри по относительному содержанію разрушеннаго хлорофилла, т. е. желтаго пигмента, и краснаго или синяго антоциана, и получаютъ различныя оттенки осенней окраски листьевъ.

Къ рисункамъ.

Болото. (Рис. на стр. 913).

Я цѣлый часъ болотомъ занялся.
Тамъ бѣлоусъ торчитъ какъ щетка жесткій;
Тамъ точно прудъ зеленый разлился;
Лягушка вгромоздась, какъ на подмошки,
На старый пенъ, торчащій изъ воды,
На солнцѣ вѣжится и дремлетъ... Бѣлымъ
Пушкомъ одѣты топіе цвѣты;
Надъ ними мошки вьются родемъ цѣлымъ;
Лишь незабудокъ сочныхъ бирюза
Кругомъ глядитъ умильно мнѣ въ глаза,
Да оживляютъ бѣдный мѣръ болотный
Порханье бѣлой бабочки залетной
И хлопоты стрекозокъ голубыхъ

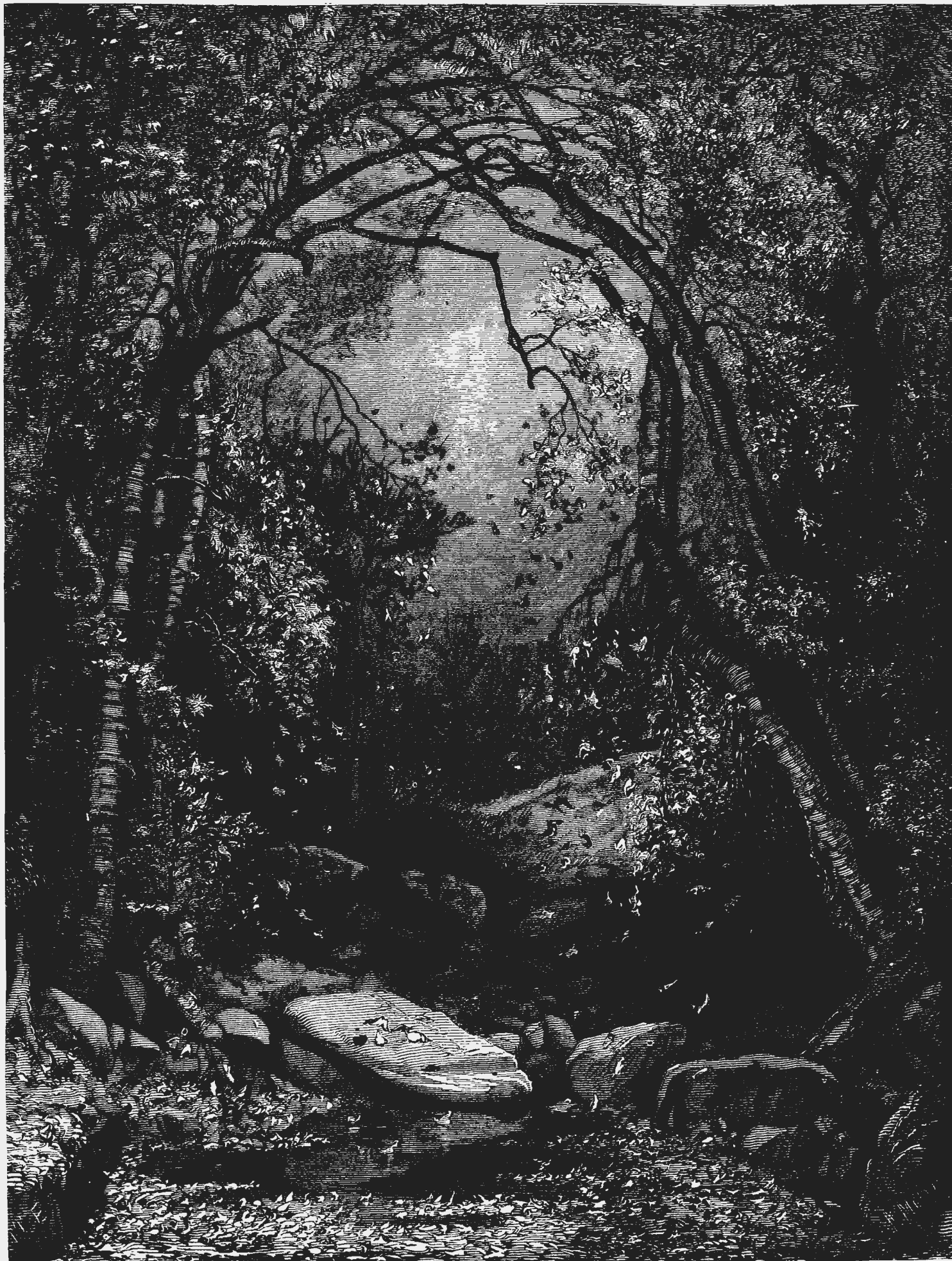
Вокругъ тростинокъ тощихъ и сухихъ.

Ахъ! прелесть есть и въ этомъ заустыньѣ!...

(А. Н. Майковъ).

Богатый женихъ изъ купцовъ. (Рис. на стр. 916).

Въ небогатой, но когда-то зажиточной чиновничьей семьѣ поразстроились дѣла. Старшую дочь, невѣсту давнымъ-давно на выданъ, вывозили года четыре подъ-рядъ, тратились, не сдѣлали ничего, но налаживавшаяся было свадьба такъ и не состоялась, поглотить только безду денегъ на туалеты. Надежда семейства, сынъ и продолжатель рода, внезапно проигралъ въ полку значительную сумму на честное слово—отцу пришлось войти въ долги, которые, благодаря ужасающимъ процентамъ, стали втягивать его какъ въ омутъ. Кредиторы насѣдаютъ со всѣхъ сторонъ—послѣ одной неотразимой атаки со стороны

Листопадъ. Рис. Мораиъ, грав. Луисъ.

самого назойливого из заимодавцев, глава семейства, не видя ни откуда спасения, стал уже было подумывать о временном позайствовании из вверенной его попечением казенной кассы,—как вдруг, словно сбитый на голову, навстречается богатый жених — из кунцов, недавно овдовевший Андрей Титыч Брусков. Он видял сосѣдку разъ въ церкви, другой разъ въ театрѣ, перемолвился словечкомъ явившійся въ домъ подъ какимъ-то дѣловымъ предлогомъ, влюбился по обыкновенію „скоропалительно“, и теперь готовъ „жизни рѣшиться“ если не поставитъ на своемъ. Посѣдѣнный до-бѣла Титъ Титычъ сталъ теперь гораздо сговорчивѣе и съ первыхъ словъ общалъ будущему тестю сына заплатить всѣ его долги. Остается уломать невѣсту, чтобъ она принесла себя въ жертву всей семьѣ. И вотъ устроено что-то въ родѣ смотринъ. Женихъ расточаетъ предъ своимъ недоступнымъ „предметомъ“ цвѣты ридскаго краснорѣчія; обѣ матушки, кунчиха и чиновница, подають за стуломъ пасмурной красавицѣ какіе-то таинственные телеграфическіе знаки, вѣроятно убожда ея быть поласковѣй; а старички ведутъ невѣстительную бесѣду въ ожиданіи благополучнаго результата.

Незванный гость. (Рис. на стр. 917).

Вѣрная жучка, только-что позавтракавъ со своими мальцами, собиралась предаться благодушному *fat-niente*, какъ вдругъ откуда ни возьмись жадный гусенокъ, завѣдомо цѣлый день слонявшійся и всюду заглядывающій, отыскивая съѣстнаго въ жертву своей ненасытной утробѣ. Замѣтивъ чашку съ собачьимъ кормомъ и не особенно дружелюбно встрѣченный хозяйевами, онъ мигомъ принялъ усвоенную въ гусиномъ кругу боевую позицію и съ сильнымъ свистомъ двинулся на приступъ... Маленькая Фиделька видимо сробѣла, но за то братья храбро вступились за фамильную честь и отстаиваютъ ее самымъ визгливымъ лаемъ...

Парижская всемірная выставка. Художественный отдѣлъ. (Рис. на стр. 921, 924 и 928).

Въ громадномъ „Дворцѣ искусствъ“, наружный видъ котораго былъ помѣщенъ въ № 24 нашего журнала за текущій годъ, собрана замѣчательная коллекція художественныхъ произведеній, не только французскихъ, но и иностранныхъ. Подобной выставки, содержащей въ себѣ картины, рисунки и изваянія за цѣлое минувшее столѣтіе, считая съ 1789 года, не было видано донинѣ. Кромѣ туземныхъ экспонентовъ, 27 иностранныхъ государствъ прислали произведенія своихъ живописцевъ и ваятелей. Прилагаемые въ нынѣшнемъ № *Новы* снимки съ картинъ взяты нами изъ отдѣловъ австро-венгерскаго, русскаго и великобританскаго. Австро-венгерскій отдѣлъ заключаетъ 157 нумеровъ, изъ которыхъ 7 принадлежатъ кисти А. Гине. Кромѣ 2 портретовъ и 2 проектовъ декоративныхъ украшеній театровъ въ Прагѣ и Вѣнѣ, имъ выставлены „Весна“, „Поэзія“ и „Музыка“, съ которой гравюру читатели найдутъ на стр. 921. Картина Юлія Богдановича Феддера, въ русскомъ отдѣлѣ, изображаетъ могилу самоубійцы за кладбищенскою оградой (стр. 924); ее хорошо помнятъ посѣтителы весенней академической выставки прошлаго 1888 года. Картина „Эндиміонъ и Діана“ принадлежитъ кисти англійскаго художника Вотса (рис. на стр. 928).

Джоржъ-Фредерикъ Вотсъ, извѣстный историческій живописецъ и портретистъ, родился въ 1818 г. въ Лондонѣ. 19-ти лѣтъ онъ обратилъ на себя вниманіе своимъ картономъ: „Карнавалъ въ Римѣ“. Позднѣйшія его работы еще болѣе прославили молодого художника. Съ 1871 года членъ академіи въ Лондонѣ, онъ сталъ знаменитъ картинами, въ которыхъ замѣтно основательное изученіе старинныхъ венеціанцевъ. Изображенный на его картинѣ Эндиміонъ, сынъ Зевса и Калики, славился своею красотой и былъ возлюбленнымъ Діаны или Селены (луны). Когда онъ, утомленный охотою, засыпалъ на горѣ Латмѣ въ Карин, она снисходила къ нему и цѣловала спящаго красавца. По просьбѣ Эндиміона, Зевсъ даровалъ ему вѣчный сонъ съ безсмертіемъ и неувиданною юностью. Въ мигъ о любви Діаны и Эндиміона цѣкоторые видятъ изображеніе заходящей луны, погружающейся въ море.

Взяли волка. (Рис. на стр. 925).

Помѣщаемъ второй изъ пріобрѣтенной нами серіи рисунковъ исовой охоты г. Кившенка, изображающій тотъ моментъ, когда борзый „взялъ“ волка. Какъ извѣстно, во время общей травли, волкъ принадлежитъ тому изъ охотниковъ, чья собака первая „одержала“ его, т. е. схвативъ заставила остановиться на нѣскольکو мгновеній и такимъ образомъ дала время подоспѣть остальнымъ собакамъ. Здѣсь-же дѣло вышло еще несомнѣннѣе:

первая борзая вилась звѣрю въ горло такъ-называемою „мертвою хваткой“.

Храмъ на мѣстѣ событія 17 октября 1888 года. (Рис. на стр. 932).

21 августа 1889 года, на 277 верстѣ Азовской желѣзной дороги, мѣстѣ чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ со всѣмъ Августѣйшимъ семействомъ, а вмѣстѣ и всей Россіи отъ величайшей опасности, торжественно освященъ храмъ во имя Нерукотвореннаго Спаса въ новоустроенномъ Спасовомъ Святогорскомъ скиту.

Новоосвященный храмъ производитъ наилучшее впечатлѣніе, какъ снаружи, такъ и внутри, отличающійся простотой и изяществомъ и дѣлая честь искусству составителя плана и фасада, архитектора Никитина. Храмъ сооруженъ весь изъ бревенчатаго лѣса въ древнерусскомъ стилѣ и вмѣщаетъ около 600 молящихся. Работами руководилъ архитекторъ Нѣмыкинъ; работали московскіе плотники, также монастырскіе, числомъ до ста душъ, два мѣсяца. Весь лѣсной матеріалъ былъ доставленъ изъ Москвы. Иконостасъ рѣзаной, изъ липоваго дерева, работы Жирнова; особенно удался царскія врата; образа работы Шокарева, тоже москвича. Азовская дорога приняла на себя ремонтъ храма и постройку шоссе отъ платформы до скита и пожертвовала на его благолѣніе всю выручку съ пассажировъ за перевозку ихъ до Спасова скита. Рабочіе вагонныхъ мастерскихъ пожертвовали серебряные визолоченные напиростольный крестъ и чашу. Въ Спасовомъ скиту теперь десять келій съ монахами и послушниками.

Торжество освященія удалося во всѣхъ отношеніяхъ. Былъ ясный, не жаркій день; на всей площади занятой скитомъ расположились прибывшіе на вокзалъ пѣшкомъ селяне изъ окрестныхъ уѣздовъ и горожане прибывавшіе весь день на особо снаряжаемыхъ поѣздахъ; за оградой установилась временная ярмарка. Число собравшагося народа превышало двадцать тысячъ.

Торжество освященія храма началось въ половинѣ десятаго часа утра. По прибытіи поѣзда съ высшимъ духовенствомъ, начальствующими и приглашенными лицами, освященіе, божественную литургію и молебствіе совершалъ архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій Амвросій съ епископомъ Владикавказскимъ Петромъ, настоятелемъ Святогорскаго монастыря архимандритомъ Германомъ и городскимъ духовенствомъ, въ присутствіи оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева и статсъ-секретаря А. Я. Гюббенета, управляющаго канцеляріей Св. Синода В. К. Саблера, начальника губерніи и др. лицъ.

Въ храмѣ помѣщалось свыше семисотъ молящихся; на хорахъ расположены были воспитанники мѣстнаго женскаго епархіальнаго училища. Архимандритъ Германъ съ крестнымъ ходомъ отправился на мѣсто крушенія Царскаго поѣзда, на слыль, гдѣ отслужилъ молебствіе.

По окончаніи богослуженія оберъ-прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву были поднесены хлѣбъ-соль и образъ Божіей Матери отъ Новоодолажскаго крестьянскаго общества, Валковскаго уѣзда.

Въ покояхъ ново-отстроеннаго монастырскаго зданія были сервированы чай и закуска. Транеца была предложена приглашеннымъ на торжество лицамъ еще въ неготовомъ зданіи гостиницы; первый тостъ за здравіе Государя Императора провозгласилъ архіепископъ Амвросій; тостъ былъ встрѣченъ громогласнымъ *ура* всѣхъ присутствующихъ.

Въ роскошно убранномъ зеленую, флагами и цвѣтною матеріей навильонѣ желѣзнодорожной платформы оберъ-прокуроръ К. П. Побѣдоносцевъ составилъ телеграмму о торжествѣ на имя Государя Императора. Чтеніе этой телеграммы вызвало горячій восторгъ и клики *ура* слушателей.

Въ отвѣтъ на эту телеграмму Государь Императоръ соизволилъ прислать на имя оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода слѣдующую телеграмму:

„Сердечно благодарю васъ и г. Гюббенета за телеграмму. Счастливы, узнавъ, что церковь на мѣстѣ Нашего спасенія уже освящена. Благодаримъ всѣхъ отъ глубины сердца“.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Отправленная оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевымъ и министромъ Путей Сообщенія А. Я. Гюббенетомъ телеграмма на французскомъ языкѣ, была слѣдующаго содержанія:

„Несчастныя толпы народа молятся за Ваши Величества на томъ мѣстѣ, гдѣ Господь Богъ снасъ Васъ для нашего счастья. Погода прекрасная, церковь освящена, торжество великолѣпное. Всѣ отъ архіепископа до послѣдняго крестьянина привѣтствуютъ Ваши Императорскія Величества отъ глубины любящихъ и преданныхъ Вамъ до смерти русскихъ сердець“.

Политическое обозрѣніе.

Осень — время маневровъ и смотровъ войскъ. Повсюду происходятъ провѣрки успѣховъ сдѣланныхъ за лѣто вооруженными силами, чтобы убѣдиться насколько приговорены державы къ войнѣ ради сохраненія мира. Въ Англіи окончи-

лись большіе морскіе маневры, доказавшіе, между прочимъ, что прибрежныя многолюдныя и богатые торговые города Великобританіи легко доступны внезапному нападенію и бомбардированію, а также, что въ громадномъ англійскомъ флотѣ

не особенно много быстроходных судовъ, причемъ и число офицеровъ на судахъ перѣдко бываетъ недостаточнымъ.

Въ Германіи императоръ и императрица, вмѣстѣ съ королемъ и королевою Саксонскими, присутствовали 25 августа на смотре войскъ 12-го армейскаго корпуса въ Ошати, въ Саксоніи, а 29 августа императоръ Вилгелмъ прибылъ въ Миндентъ, чтобы присутствовать на маневрахъ. Императоръ Францъ-Иосифъ былъ на маневрахъ въ Галичинѣ, Чехіи и Венгріи. Пребываніе въ первой изъ этихъ мѣстностей было омрачено печальнымъ случаемъ нападенія неизвѣстныхъ злоумышленниковъ на двухъ австрійскихъ офицеровъ, лейтенанта Шуберта и поручика Допата, которые и были изрублены ихъ-же собственными саблями. Одинъ изъ офицеровъ, Донатъ, умеръ, а другой — при смерти. Въ предположеніяхъ о причинахъ злодѣянія нѣтъ недостатка. Наряду съ предположеніями, что оно совершено съ цѣлю грабежа, высказываются, что убійство совершено не безъ политической цѣли. Такъ *Neue Freie Presse* сообщаетъ, что относительно нападенія на офицеровъ въ Ярославѣ существуютъ два предположенія. Говорятъ, что на мѣстѣ, гдѣ палъ лейтенантъ Шубертъ, найдено письмо, неизвѣстный авторъ котораго бранитъ Австрію и угрожаетъ прибѣгнуть къ насилію. Другіе полагаютъ, что поводомъ къ преступленію была месть, такъ какъ отношенія между офицерами и жителями всегда были очень натянуты.

Въ Чехіи Австрійскому императору представлялся новый намѣстникъ ея графъ Тушъ-Гогенштейнъ. По увольненіи барона Крауса, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, отъ должности ботемскаго намѣстника, на его мѣсто назначенъ, приказомъ 26 августа, графъ Тушъ, который при этомъ произведенъ въ тайные совѣтники. Графъ Тушъ принадлежитъ къ консервативной партіи крупныхъ землевладѣльцевъ и держался до сихъ поръ въ Чешскомъ сеймѣ партіи старочеховъ. Въ прошломъ году онъ обратилъ на себя вниманіе рѣчью, въ которой выразилъ желаніе, чтобы императоръ короновался короною Св. Вячеслава. Въ послѣдней сессіи делегации графъ былъ докладчикомъ комиссіи по иностраннымъ дѣламъ. Назначеніе графа Туна, многіе полагаютъ, можетъ произвести благоприятное впечатлѣніе не только на чеховъ, или на старочеховъ, къ партіи которыхъ онъ принадлежитъ, но и на всѣхъ славянъ, подданныхъ Австрійскаго императора. Насколько вѣроятно послѣднее предположеніе — лучше всего видно изъ политической программы тѣхъ-же старочеховъ, которую изложилъ депутатъ Цуккеръ предъ собраніемъ избирателей Хотеворша: Чехи относятся холодно къ союзу Австріи съ Германіей, но они вынуждены его придерживаться, такъ какъ, по словамъ оратора, въ противномъ случаѣ открылась-бы возможность союза между Германіей и Россіей, при немедленномъ исключеніи изъ союза Италіи, что имѣло-бы угрожающія послѣдствія для Австріи и для Чешскаго народа.

Почти одновременно съ этимъ событіемъ, австрійскій посоль при Берлинскомъ дворѣ графъ Сечени и графъ Кальноки вошли съ представленіями къ императору Францу-Иосифу о возможныхъ послѣдствіяхъ внутренней политики, совершенно благоприятной для славянъ, которая не только должна задѣвать дружбу Германіи, но и будто бы побуждаетъ славянскій народъ, преданный своимъ національнымъ вождямъ, къ явному панславизму. При австро-русскомъ столкновеніи „избалованное“ славянство монархіи представитъ де еще большія опасности, какъ считающее себя угнетеннымъ народомъ. Австрійскій посоль при Берлинскомъ дворѣ обратилъ вниманіе императора на „заносчивость“ славянства и на притѣсненіе нѣмцевъ, а также и на вытекающія отсюда послѣдствія.

Интересная сторона избирательной борьбы въ Венгріи открылась при судебномъ разбирательствѣ въ Пештѣ по дѣлу объ управляющемъ канцеляріею министерства торговли, Кокау, обвиняемомъ въ растратѣ государственныхъ суммъ. Кокау показалъ, что статсъ-секретарь неоднократно приказывалъ ему выдавать чиновникамъ ссуды изъ государственной казны и что даже министр Сечени получилъ изъ этой кассы 10,000 гульденовъ на расходы по избирательной агитации въ свою пользу. Разоблаченія эти произвели сильное впечатлѣніе; по поводу ихъ будетъ произведено судебное слѣдствіе.

Но еще лучше средства избираютъ для той же цѣли во Франціи. *Temps* сообщаетъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ, Коштанъ, пригласилъ префектовъ не принимать отъ Булаже, Рошфора и Дильона никакихъ заявленій о выстѣпленіи ихъ кандидатами на предстоящихъ парламентскихъ выборахъ, такъ какъ лица эти формально лишены гражданскихъ правъ и поэтому не могутъ подходить подъ требованія закона о многократныхъ кандидатурахъ. Впрочемъ, это распоряженіе было вскорѣ отменено, такъ какъ министромъ юстиціи Тавенэ было указано, что судьею въ правильности избранія можетъ быть только палата, въ которую депутатомъ избрано лицо не имѣющее избирательныхъ правъ. Самъ генералъ Булаже въ письмѣ къ министру-президенту Тирару изъявляетъ готовность явиться предъ „законнымъ“ судомъ, но дѣлу о растратѣ казенныхъ денегъ. Такимъ компетентнымъ судомъ онъ считаетъ военный судъ или апелляціонную палату, а не верховный судъ. Въ заключеніе письма Булаже присовокупляетъ, что отказъ Тирара онъ истолкуетъ въ томъ смыслѣ, что французскія высшія сферы боится безпристрастія военнаго суда и тогда онъ представитъ дѣло верховному рѣшенію, которое будетъ объявлено 10 (22) сентября на парламентскихъ выборахъ. Отвѣта отъ министра-президента до сихъ поръ не послѣдовало. Насколько это можетъ отозваться неблагоприятно — покажутъ теперь уже близкіе выборы въ палату.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Состояніе здоровья Е. И. В. В. К. Маріи Павловны настолько хорошо, что бюллетени прекращены съ 27 августа.

Правительственныя распоряженія.

— Обнародовано положеніе о преобразованіи судебной части въ Прибалтійскихъ губерніяхъ (Высочайше утверждено 9 іюля 1889 года).

— Судъ въ Дерптскомъ университетѣ и должность синдика упразднены, съ передачею лежащихъ на нихъ обязанностей по судебной, нотаріальной, опекунской и полицейской частямъ, по принадлежности, общимъ судебнымъ и административнымъ установленіямъ.

— Входяція въ составъ уѣздныхъ и городскихъ полицейскихъ управленій общія присутствія, а также временныя отдѣленія уѣздныхъ полицейскихъ управленій повелѣно упразднить, оставивъ лицъ, занимающихъ должности непремѣнныхъ и сельскихъ застѣдателей изъ дворянъ и чиновниковъ за штатомъ, на общемъ основаніи.

— Государственный банкъ будетъ взимать въ С.-Петербургѣ, впродъ до измѣненія, по учету векселей на сроки 6 мѣсяцевъ — 6% и на сроки свыше 6-ти, но не болѣе 9-ти мѣсяцевъ — 6¹/₂% годовыхъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— На крымскихъ соляныхъ промыслахъ уже приступлено къ вывощкѣ соли, чему вполне благоприятствуетъ хорошая погода. По приблизительнымъ свѣдѣніямъ, будетъ собрано въ нынѣшнемъ году на всѣхъ крымскихъ промыслахъ свыше 10 милл. пудовъ соли.

— Въ Ярославѣ, 27 августа, мѣстнымъ

отдѣломъ Имп. общества садоводства открыта выставка огородничества и плододовства.

Искусства изобразительныя.

— Въ Самарѣ, 30 августа, въ присутствіи властей и множества народа, торжественно открытъ памятникъ Императору Александру Второму, сооруженный на средства города и пожертвованія, по проекту академика Шервуа.

— 16 августа, состоялось въ Пятигорскѣ открытіе памятника Лермонтову, по программѣ, заранее объявленной для общаго свѣдѣнія. По прибытіи процессіи къ памятнику, хоръ музыки Тенгинскаго полка исполнилъ „Коль славень нашъ Господь въ Сіонѣ“. Когда покрывало съ памятника упало, воспитанники пятигорскихъ учебныхъ заведеній заплѣли народный гимнъ: „Боже, Царя храни“. Затѣмъ представителями различныхъ учрежденій и общества были произнесены рѣчи и возложены вѣнки.

Музыка.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на учрежденіе международнаго музыкальнаго конкурса на преміи изъ процентовъ пожертвованнаго директоромъ Сиб. консерваторіи Имп. русскаго музыкальнаго общества, д. ст. сов. Рубинштейномъ капитала, въ двадцать пять тысячъ рублей, и на присвоеніе этимъ преміямъ наименованія жертователя.

Пути сообщенія.

— Товарищество Стороженко открыло товарно-пассажирское пароходное сообщеніе между Геническомъ, Бердянскомъ, Ростовомъ, Таганрогомъ и Мариуполемъ.

Изъ губерній и областей.

— 24 августа, въ Верхнихъ Торговыхъ Рядахъ, въ Москвѣ, производился своднымъ саперно-кавалерійскимъ эскадромъ 1-й кавалерійской дивизіи опыты взрывовъ частей зданія нитроксилиновыми патронами.

— 28 августа произошло крушеніе пассажирскаго поѣзда юго-западной желѣзной дороги между станціями Одесса-Портъ и Куяльничкинымъ лиманомъ. Паровозъ, сойдя съ рельсовъ, зарылся въ песчаномъ грунтѣ выше колесъ; разбиты два переднихъ вагона; пассажиры отдѣлялись незначительными ушибами, ранены тяжело одинъ и легко четыре кондуктора.

— Въ Митагѣ, 30 августа. Мѣстное латышское населеніе, при участіи 30 нѣмецкихъ хоровъ и депутацій всѣхъ курляндскихъ и латышскихъ обществъ, торжественно праздновало 72-ю годовщину освобожденія курляндскихъ латышей отъ крѣпостной зависимости.

— Въ Эчміадзинѣ, 31 августа, прибылъ Персидскій Шахъ. У воротъ монастыря его привѣтствовало высшее духовенство. Подъ роскошнымъ балдахинномъ и предшествуемый архіепископами, Шахъ направился по красному сукну, покрытому дорогомъ парчемъ и цвѣтами, въ соборъ, гдѣ его привѣтствовалъ католикосъ Макарій. Въ честь Шаха въ патриаршемъ домѣ былъ сервированъ завтракъ. При произнесеніи тостовъ не было рѣчей. До завтрака Шахъ и патриархъ имѣли совѣщаніе. Послѣ завтрака Шахъ отбылъ изъ Эчміадзина. Патриархъ провожалъ его до воротъ монастыря.

— 28 августа, въ 8 ч. утра, въ Ташкентѣ ощущался подземный ударъ съ продолжительнымъ гуломъ.

— Въ Нерчинскѣ, 27 августа, въ день двухсотлѣтія Нерчинскаго трактата Россіи съ Китаемъ, подписаннаго въ шатрѣ на лугу при слияніи Нерчи съ Шилкою, и переименованія тогда острога въ городъ, отслужена въ старогородской церкви литургія и панихида по почившимъ дѣтелямъ, а на церковномъ лугу—молебень. Въ память двух-

сотлѣтія открыта подписка на учебныя стипендіи. На берегу Нерчи, близъ мѣста подписанія трактата, былъ завтракъ.

— Согласно протоколу осмотра, произведеннаго 28 и 29 августа въ городѣ Бухарѣ и его окрестностяхъ, оказалось, что господствующая болѣзнь—болотная лихорадка (малярия) въ самыхъ разнообразныхъ видахъ,

усилившаяся отъ крайне неблагоприятныхъ мѣстныхъ гигиеническихъ условий, а равно отсутствія правильнаго лѣченія. Общая цифра смертности въ трехмѣсячный періодъ не превышаетъ 7,000 случаевъ. Теперь въ городѣ Бухарѣ смертность почти нормальна. Среди европейцевъ не было ни одного смертнаго случая.

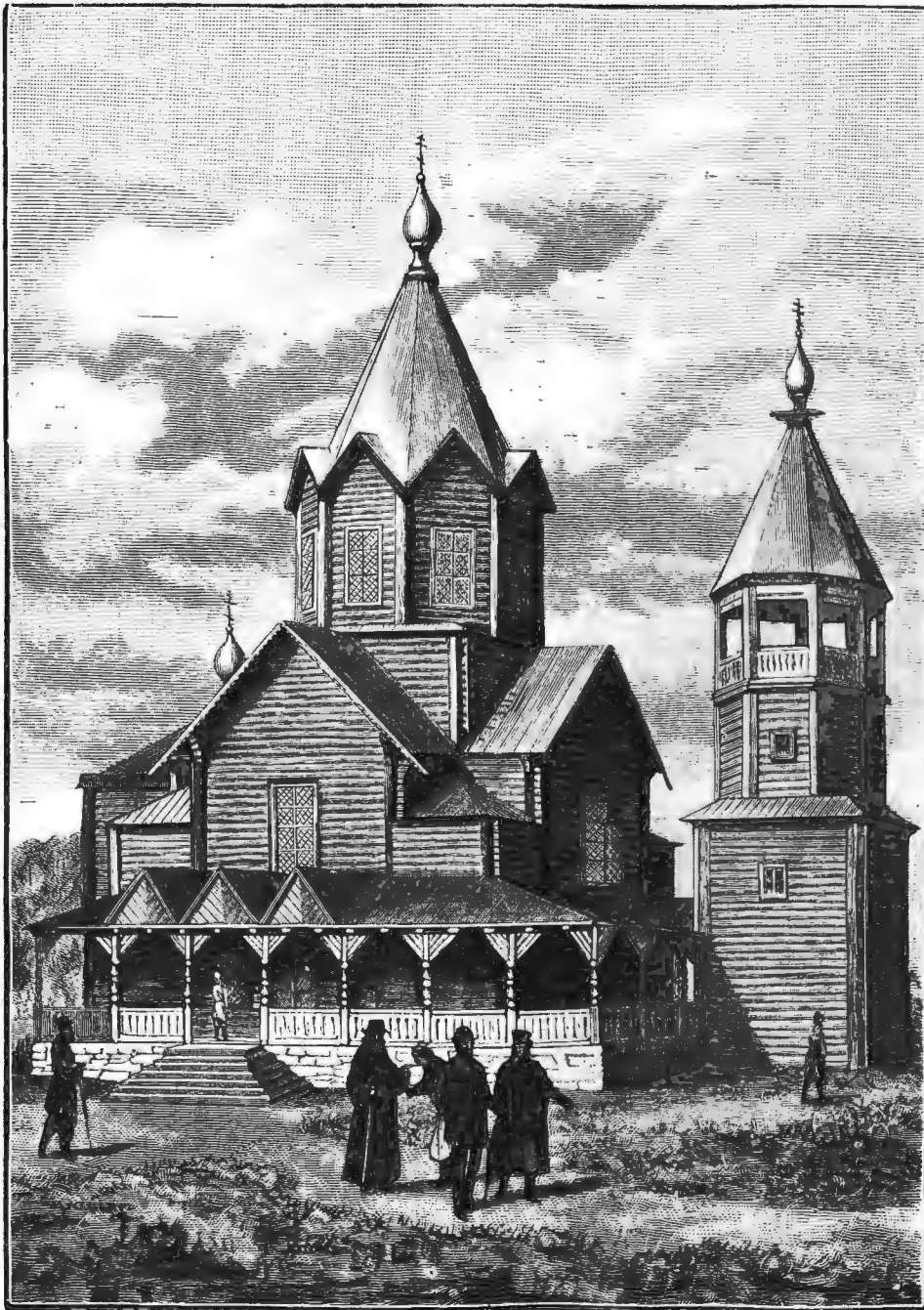
С М Ъ С Ъ .

Отто Кирхнеръ въ СПб. (Малая Морская, № 141) издалъ на русскомъ языкѣ альбомы для собранія почтовыхъ марокъ (въ двухъ форматахъ: in-quarto цѣною 1 р. 50 к., in-8 цѣною 60 к.), которые при дешевизнѣ и изяществѣ изданія несомнѣнно найдутъ обширное распространѣніе среди любителей этого рода коллекцій. Каждый отдѣлъ (по странамъ) украшенъ портретомъ царствующаго въ странѣ государя и изображеніями всѣхъ употребительныхъ въ ней марокъ.

Новый способъ добыванія алюминія. Открытый Велеромъ уже въ 1817 году, алюминій лишь съ 1854 года приобрѣлъ техническое значеніе, когда французскій химикъ Сень-Клеръ Девилль на средства Наполеона III нашелъ болѣе дешевый способъ полученія этого блага, нѣсколько болѣе сѣбраго чѣмъ серебро, металла. Особенно важною оказывалась его чистота отъ примѣсей (особенно отсутствіе желѣза и кремнія), такъ какъ ими значительно обуславливаются свойства, какъ самаго металла, такъ и его сплавовъ (съ мѣдью получается такъ-назыв. алюминіева бронза, похожая на золото); преимущественно цвѣтъ, устойчивость противъ атмосферныхъ вліяній и въ значительной степени также гибкость и вязкость, которыми отличается металл. Для техники требуется обыкновенно чистота въ 98 до 99 процентовъ. Но такъ какъ оказывается невозможно вторичнымъ очищеніемъ удалить послѣднюю примѣсь изъ разъ полученнаго алюминія, то издавна старались его добывать изъ возможно чистыхъ уже химическихъ соединений. Послѣднее мало удавалось, ибо съ одной стороны наиболее употребительный для сего минералъ, криолитъ (соединеніе фтористаго алюминія съ фтористымъ натріемъ $AlNa^2F^3$) содержитъ болѣе или менѣе желѣза и кремній, а съ другой—при плавленіи криолита при температурахъ блага каленія сильно разрушаются пламенные печи и плавильники. Наконецъ, продажа криолита, который исключительно

вывозится изъ Гренландіи (хотя найдены и у насъ на Уралѣ), слѣдывалась монополіею, почему и до сихъ поръ цѣна

чистаго алюминія высока (первоначально киллограммъ обходился до 1000 франковъ, а въ настоящее время все еще около 40 фр.). При только что патентованномъ способѣ Л. Грабау въ Ганноверѣ получается алюминій не только гораздо болѣе дешевый, но и болѣе чистый (содержаніе примѣсей не болѣе 0,6 процента). Въмѣсто криолита употребляется фтористый алюминій, который легко получается довольно чистымъ и дешево раствореніемъ глинозема (безводной окиси алюминія) въ плавиковой кислотѣ и послѣдующимъ накаливаніемъ этого раствора. Получаемый при этомъ фтористый алюминій въ краснок-кальильномъ состояніи насыщается на расплавленный натрій. Вслѣдствіе этого получается весьма сильная реакція—сильное вскипаніе и накаливаніе до бѣлокальильнаго жара, причемъ натрій, образуя искусственный криолитъ, вытѣсняетъ часть алюминія изъ его соединенія, а выдѣленный алюминій осаждается на днѣ плавильнаго горшка въ видѣ красиваго металлическаго королька. Потери натрія незначительна, ибо послѣдній весьма скоро покрывается слоемъ фтористаго алюминія, который и препятствуетъ дальнѣйшему вліянію воздуха, между тѣмъ какъ при другихъ способахъ натрій плаваетъ поверхъ, а поэтому и сильно разлагается. Остроумнымъ приспособленіемъ плавильный горшокъ покрытъ внутри охлажденнымъ слоемъ искусственно приготовленнаго чистаго криолита, благодаря чему осаждающійся алюминій не можетъ грязниться. Получающійся чистый криолитъ снова употребляется для полученія фтористаго алюминія. Изъ другихъ матеріаловъ, кромѣ натрія, разрабатываются еще лишь квасцы (сѣрноокислый алюминій) и плавиковый шпатъ; изъ нихъ первые для приготвленія безводной окиси алюминія, а второй—для добыванія плавиковой кислоты. Очевидно, что дешевизна полученія алюминія при способѣ Грабау преимущественно обуслови-

Храмъ во имя Христа Спасителя Нерукотвореннаго образа, въ Спасовомъ Святогорскомъ сниту. Грав. Флюгелъ.

вается цѣною натрія (для полученія килограмма алюминія расходуется около 3 килограм. натрія). Семилѣтняя неутомимая работа Грауба и въ этомъ отношеніи увѣнчалась успѣхомъ и уже теперь на заводѣ Nienburg добывается натрій изъ поваренной соли по его способу. Такимъ образомъ и этотъ матеріалъ упадетъ въ цѣнѣ (пока продажная цѣна килограмма натрія около 12 франк., вслѣдствіе его приготовления изъ болѣе дорогой соды или бѣлаго натра накаливаніемъ съ углемъ). Слѣдуетъ еще упомянуть, что получаемый этимъ способомъ металлическій корольекъ алюминія покрытъ пока неизвѣстными кристаллами, и далѣе, что при продолжительномъ кипяченіи его въ перегнанной водѣ блестящій цвѣтъ нисколько не ослабляется, между тѣмъ какъ всѣ другіе продажные сорта при этомъ болѣе или менѣе тускнѣютъ. (N.)

Бакинскіе нефтяные ключи. Количество нефти непрестанно уменьшается. Цѣна керосина въ Батумѣ недавно возвысилась на 25 процентовъ, а нефти даже на 100. Требованіе нефти какъ на нашихъ, такъ и на иностранныхъ рынкахъ въ текущемъ году простирается до 3.225,800 т., между тѣмъ какъ наивысшее количество добываемой въ Баку сырой нефти не превышаетъ 1.612,900 т. Пока мало и съ небольшимъ успѣхомъ заботились о буреніи новыхъ нефтяныхъ ключей, такъ что при настоящемъ положеніи дѣла не только Баку можетъ потерять свое значеніе, но также въ значительной степени и Каспійское море и городъ Одесса. По слухамъ, правительствомъ намѣрено, для уменьшенія вывоза, наложить пошлину на вывозимую нефть, которая до сихъ поръ была беспошлинна. Скорое осуществленіе этого слуха было бы весьма желательно, ибо утверждаютъ, что нѣкоторые нефтяныя паровыя баржи грузили нефть для отправки черезъ Атлантическій океанъ. (N.)

Электрическая почта. Electro Automatic Transit Company въ Балтиморѣ намѣревается воспользоваться проектомъ Вимза для отправления какъ почты, такъ и легко подверженныхъ порчѣ веществъ электрическимъ способомъ. Полотно дороги состоитъ изъ двухъ другъ надъ другомъ лежащихъ рельсовъ: на нижнемъ катится колесо вагона; точно такъ же, во избѣжаніе схода съ рельсовъ, и за верхніе рельсы забираютъ колеса, снабженныя по краямъ двумя возвышенными полосками. Вагоны, длиною въ 6 метр. и 60 сант. въ поперечникѣ, имѣютъ видъ обоюдо-заостренной сигары съ узкими отверстиями исключительно на мѣстахъ колесъ. При соединеніи вагоновъ, задній конецъ одного вагона отвинчивается и второй вдвигаютъ въ первый такъ, чтобы вѣтеръ нигдѣ не могъ спираться. Остроумнымъ приспособленіемъ, заставляющимъ движеніемъ чиновникъ, глядя на лежащую передъ собою доску, въ которой отражается движеніе пущенныхъ поѣздовъ, не только имѣетъ возможность слѣдить за ними, но вмѣстѣ съ тѣмъ и во всякое время можетъ уменьшить или ускорить движущую силу, смотря по тому, поднимается или спускается мѣстность. Пробная ѣзда на 3200 метр. (наибольшее пробное расстояние для поѣздовъ Вимза) давала при крутыхъ поворотахъ и постепенномъ подъемѣ, быстроту въ 3200 метровъ въ минуту, а на ровныхъ пространствахъ—4800 метр., между тѣмъ какъ паровыя скорыя поѣзда самое большее проходятъ 1600 метр. Такимъ образомъ электрическій поѣздъ Вимза отъ Нью-Йорка до Санъ-Франсиско потребуетъ меньше сутокъ. (N.)

Высокое положеніе уха человека относительно глазъ у нѣкоторыхъ темнокожихъ племенъ, подобно какъ у обезьянъ, не можетъ служить доказательствомъ происхожденія человека отъ послѣднихъ. На послѣднемъ антропологическомъ съѣздѣ въ Вѣнѣ проф. Ранке изъ Мюнхена, докладывая по этому вопросу, указалъ на существенныя различія въ положеніи отверстия уха относительно глазъ у человека и обезьянъ. Онъ принимаетъ высокое положеніе уха у человека за случай переобразования (Ueberbildung), какъ бы переступленіе границы развитія, указывая на то, что у дѣтей всегда ухо находится ниже чѣмъ у взрослыхъ. Уже раньше, изслѣдуя также ходъ развитія до и послѣ рожденія человека, Ранке доказалъ, что и глазъ монголовъ не указываетъ на питекоидныя (напоминающія обезьяну) свойства мало развитыхъ человѣческихъ племенъ. (N.)

Новѣйшій способъ погребенія умершихъ. Сжиганіе умершихъ еще не успѣло привиться, какъ уже приступили къ новому способу—вмѣсто кремачіи (cremation) одно общество въ Нью-Йоркѣ предлагаетъ высушиваніе, десикацію (desiccation) труповъ. Существеннымъ условіемъ разложенія является влажность; поэтому если быстро удалить изъ трупа водныя составныя части, то послѣдній сохраняется.

Это общество намѣревается выстроить сушильные подмостки въ наземныхъ помѣщеніяхъ, герметически закупориваемыхъ при посредствѣ толстой стальной двери. Въ каждое такое помѣщеніе ведутъ двѣ трубы: одна изъ нихъ приводитъ безпрестанный токъ сухаго теплаго воздуха, а другая—газоотводная. Какъ только гробъ поставленъ, начинаютъ черезъ первую трубу выпускать сухой воздухъ изъ печи помѣщенной въ подвалахъ зданія, вслѣдствіе чего сразу пережигается воздухъ въ гробу и уносится выдѣляющиеся изъ трупа газы и жидкости, которые газоотводною трубою втягиваются въ тонку, гдѣ болѣею частью сгораютъ, а затѣмъ уже въ безвредномъ для здоровья состояніи черезъ длинную дымовую трубу отводятся въ воздухъ. Зданіе предполагаютъ выстроить изъ конкретума, смѣси изъ лучшаго портландскаго цемента, песку и измельченныхъ камней, такъ сказать изъ одного куска, безъ кладки и швовъ; снаружи и внутри для украшенія зданіе будетъ обшито гранитными плитами, которая легко закрѣпится въ еще не затвердѣвшей массѣ конкретума. Крышу наконецъ выстроить изъ толстаго стекла. Такимъ образомъ этому

зданію по прочности значительно уступить даже пирамида Хеопса и въ своемъ родѣ оно будетъ несокрушимо. При этомъ способѣ устраняется также и опасность мнимой смерти, такъ какъ сухой воздухъ обязательно разбудитъ мнимо мертваго и дастъ ему возможность привести въ дѣйствіе электрическій снарядъ, который ставится временно въ помѣщеніе, пока высушиваніе трупа не прекратилось. Къ тому же, стеклянная дверь позволяетъ примѣтить малѣйшее движеніе лежащаго въ гробу тѣла. Не указывая на другія преимущества этого способа погребенія, упомянемъ еще, что при всемъ этомъ плата за мѣсто будетъ значительно дешевле чѣмъ на нашихъ кладбищахъ. (N.)

Видимость тѣни земли внѣ мѣсяца. Объ этомъ феноменѣ, къ которому были приготовлены болѣе ранними наблюденіями д-ра Клейна, сообщаетъ въ Astronom. Nachricht астрономъ Порро изъ Турина. Чтобы избѣжать по возможности неблагоприятнаго вниманія воздуха, онъ избралъ высоту надъ моремъ въ 2070 метр. вблизи Colle de Sestrières и наблюдалъ частное лунное затменіе 12 іюля черезъ телескопъ Доллонда, діаметромъ въ 10 мм., съ увеличеніемъ въ 56 разъ, и два другія безпристрастныя лица съ легкостью видѣли, что небесное пространство внутри тѣни земли было темнѣе чѣмъ снаружи. Притомъ это явленіе возможно было прослѣдить на довольно далекомъ разстояніи отъ мѣсяца во все время затменія; къ концу же послѣдняго, когда тѣнь земли только касалась мѣсяца, и еще позже—ничего не удавалось болѣе наблюдать. Сомнительнымъ поэтому дѣлается снова объясненіе этого феномена чѣмъ-нибудь отражающимъ свѣтъ вблизи мѣсяца. Въ Прагѣ и Кіевѣ, гдѣ условия наблюденія были гораздо менѣе благоприятны, не удалось подмѣтить тѣни внѣ мѣсяца. (N.)

Сто двадцать километровъ (112 верстъ) въ часъ. На Парижско-Средиземной желѣзной дорогѣ, на части полотна, совершенно укрѣпленной и усиленной, удалось со скорыми (курьерскими) паровозами проѣхать въ часъ до 112 верстъ, причѣмъ ходъ вагоновъ также былъ весьма спокойный. При введеніи паровоза А. Beothy достигаемы вѣроятно еще болѣе скорости. Большая скорость въ существенномъ обуславливается у паровоза болѣе большими колесами. Пока не рѣшились послѣднимъ дать въ поперечникѣ болѣе 2,10 м., чтобы не уменьшить стойкость (Stabilität) машины вслѣдствіе чрезчуръ слишкомъ высокаго положенія ея центра тяжести. Beothy, снабжая свой паровозъ двумя другъ надъ другомъ лежащими котлами, между которыми помѣщаются оси колесъ, могъ увеличить ихъ поперечникъ до трехъ метровъ (4½ арш.). Для преодоленія напора воздуха, его паровозъ почти до самыхъ рельсовъ одѣтъ спереди заостренной стальной обшивкой. Машинистъ стоитъ впереди и черезъ вѣрзанное въ обшивкѣ окошко можетъ наблюдать за полотномъ, а кочегары съ нимъ сообщаются ходомъ между котломъ и означеннымъ щитомъ. (N.)

Переселеніе муравьевъ. Любопытное явленіе наблюдалось въ началѣ лѣта нынѣшняго года въ Нерубаевскомъ лѣсу, въ Чигринскомъ уѣздѣ, Кіевской губ. Огромное полчище муравьевъ прослѣдовало черезъ лѣсъ, въ направленіи съ юга (отъ границы Херсонской губ.) на сѣверъ. Двигались муравьи въ образцовомъ порядкѣ, ровной лентой, шириною въ полъ-аршина, а длиною въ 53 аршина, что по приблизительному исчисленію составляетъ полчище въ 600,000 недѣлимыхъ. Армія шла безостановочно и равномерно, черезъ кочки и другія препятствія, со скоростью двѣнадцати вершковъ въ минуту, неуклонно держась принятаго направленія. Передніе ряды этого полчища шли безъ груза, муравьи-же заднихъ рядовъ, почти поголовно, таскали муравьиныя яички, зерна, маленькія соломинки и прочую обстановку муравейниковъ. По уходѣ этой странной арміи пробовали раскапывать нѣсколько муравейниковъ въ лѣсу: они оказались пустыми. Подобныя полчища муравьевъ прослѣдовали и черезъ смежныя лѣса; они двигались въ томъ-же направленіи: съ юга на сѣверъ. Мѣстные старожилы не запоминаютъ подобнаго энтомологическаго явленія. (в.)

Сохраненіе свѣжей рыбы. Теперь разгаръ уженія рыбы. Зачастую счастливые удильщики, возвратясь съ рыбной ловли съ трофеемъ, опасаются какъ бы рыба не испортилась отъ жары. Вотъ недорогой способъ ея сохраненія. Вскрыть брюшную полость рыбы, сдѣлавъ разрѣзъ вдоль всего брюха до нижней челюсти, вынуть жабры и всѣ внутренности, обереть всю полость на-сухо, такъ чтобы не оставалось и слѣда крови или влаги, затѣмъ обложить полость пропускной бумагой, заранѣе пропитанной салициловою кислотою и высушенной, и завернуть каждую рыбу отдѣльно въ сухую ветошку. Другой способъ сохраненія рыбы, лѣтомъ, на продолжительное время, напримѣръ, на цѣлую недѣлю, состоитъ въ слѣдующемъ. На дно деревяннаго ящика насыпаютъ хорошо измельченный древесный уголь, слоемъ въ 5—6 сантиметровъ; затѣмъ на уголь кладутъ слой мелко изрубленнаго льда, на который кладутъ рыбу. Ее, кромѣ того, обкладываютъ тоже измельченнымъ льдомъ, а ледъ хорошо напокрывають плотной и грубою матеріей, на которую, наконецъ, насыпаютъ слой мелко истолченнаго древеснаго угля. (в.)

Врачебное содѣйствіе. До сихъ поръ никому и въ голову не приходило, что миссія врачей имѣетъ своей цѣлью также и „содѣйствіе въ нанесеніи оскорбленія дѣйствіемъ“. Но теперь имѣется на это оправдательный документъ. Староста одного села въ Сибири, желая блеснуть слогомъ, настроилъ слѣдующую бумагу: „Его благородію, господину земскому доктору. Покорнѣйше прошу пріѣхать въ село Старо-Никольское для содѣйствія въ нанесеніи побоевъ крестьянину Александру Бурсакову“. (в.)

2-й заемъ 1866 года.

47-й тиражъ 1-го сентября 1889 года.

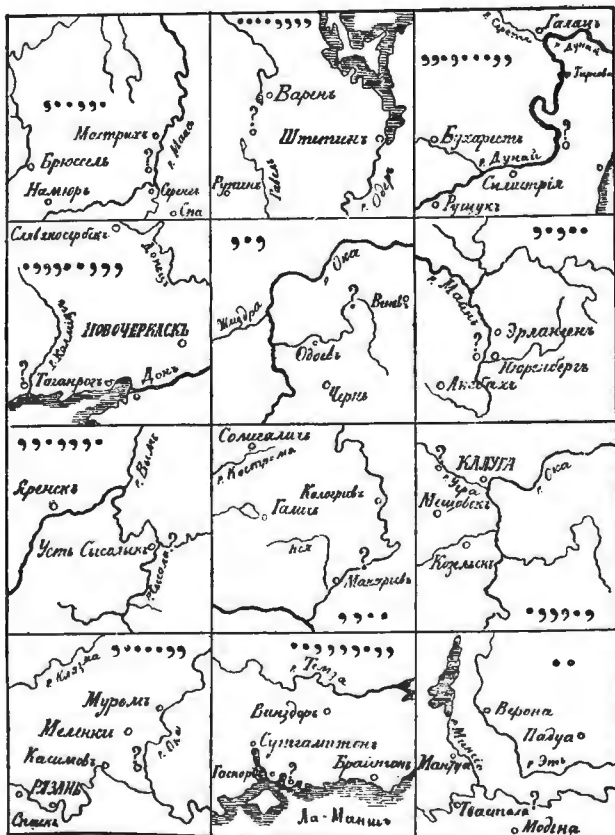
ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.						
83	45	500	2152	25	500	4788	42	500	7285	37	500	9961	49	500	12761	28	1000	14843	8	500	17436	27	500
91	38	500	2219	3	1000	4794	16	1000	7415	5	500	10051	18	500	12788	19	500	15025	29	500	17445	27	500
155	5	500	2219	27	500	4797	30	500	7505	7	500	10072	38	500	12865	49	8000	15067	23	500	17460	3	500
159	50	500	2312	22	500	4911	3	1000	7640	13	500	10136	31	500	12922	15	500	15069	43	500	17467	34	500
315	14	500	2326	11	500	5016	12	500	7674	6	500	10234	1	500	12977	14	500	15347	28	500	17502	47	500
322	45	500	2327	22	500	5110	16	500	7744	9	1000	10251	33	500	12988	8	500	15362	49	500	17509	26	500
326	41	8000	2340	48	1000	5124	38	500	7747	23	500	10371	37	500	13102	50	500	15389	4	500	17635	3	500
330	40	500	2363	18	500	5313	32	500	7749	14	5000	10414	15	500	13215	37	500	15398	47	500	17650	1	500
335	11	500	2394	28	500	5373	48	500	7798	45	500	10557	8	1000	13239	11	500	15433	1	500	17658	30	500
352	38	500	2438	12	500	5443	45	500	7859	15	500	10746	21	500	13246	49	500	15164	15	5000	17687	36	500
365	31	500	2529	49	1000	5488	25	1000	7873	40	500	10757	49	500	13307	20	500	15559	3	500	17833	42	500
365	41	500	2538	34	500	5518	41	500	7891	7	500	10803	6	20000	13338	40	500	15659	23	500	17873	23	500
399	38	500	2544	13	500	5863	13	500	7968	12	500	10841	42	500	13361	46	500	15734	42	500	17885	37	500
447	24	500	2617	6	1000	5774	17	500	8046	45	500	10948	32	500	13371	12	500	15884	10	500	17901	25	500
545	40	500	2638	26	500	5948	13	500	8154	14	500	10974	50	1000	13382	49	500	15930	13	500	17914	26	500
574	26	500	2732	21	500	5952	16	500	8422	5	500	11057	10	500	13521	2	500	18008	42	500	17924	37	5000
632	14	500	2803	33	500	5960	4	500	8658	44	500	11075	17	500	13541	20	500	18018	47	500	17997	20	500
712	17	500	2900	49	500	6104	50	500	8679	42	500	11334	32	500	13561	30	500	18108	27	5000	18094	22	500
732	45	500	2929	14	500	6114	46	75000	8710	15	500	11457	22	500	13593	20	8000	18116	29	1000	18129	38	10000
782	35	500	2964	37	500	6117	43	500	8761	49	500	11458	23	500	13626	20	500	18200	49	500	18151	23	500
788	8	500	2980	2	500	6309	26	500	8764	39	500	11466	22	500	13669	34	500	18267	25	500	18168	19	500
824	40	500	3013	35	8000	6325	20	5000	8806	7	500	11523	38	500	13702	38	1000	18340	12	500	18277	43	500
922	19	500	3067	4	500	6331	3	500	8811	33	500	11580	49	500	13733	4	500	18382	8	500	18385	41	500
954	38	500	3213	47	500	6334	29	500	8847	15	500	11644	41	500	13871	35	500	18438	18	500	18387	33	500
1039	9	500	3257	1	500	6429	41	500	8914	11	500	11651	6	1000	13890	44	500	18456	9	500	18711	13	500
1355	33	1000	3418	22	500	6474	31	500	8950	49	500	11818	37	10000	14004	33	500	18488	41	40000	18771	28	500
1366	23	500	3421	34	500	6700	33	500	9159	13	500	11985	37	500	14067	41	500	18511	40	500	18833	37	500
1559	39	500	3449	20	500	6707	1	500	9200	29	500	12082	21	500	14248	14	500	18541	34	500	18938	31	500
1573	19	500	3618	27	500	6847	2	500	9216	35	500	12135	13	1000	14306	5	1000	18709	27	1000	19155	9	8000
1586	8	500	3676	38	500	6869	15	500	9380	1	1000	12154	36	500	14374	1	500	18768	13	1000	19247	6	500
1597	16	500	4079	34	500	6972	29	500	9430	47	500	12181	18	500	14511	32	500	18773	25	500	19368	6	5000
1747	15	500	4160	17	500	7010	30	500	9509	49	500	12226	38	500	14606	3	500	18945	6	500	19619	45	500
1850	10	500	4167	24	500	7042	24	500	9520	4	500	12284	44	500	14693	20	500	17003	1	5000	19624	9	500
1940	27	500	4292	24	500	7062	8	500	9522	32	500	12303	34	500	14714	29	500	17052	23	500	19629	38	500
1940	40	500	4341	42	25000	7083	19	500	9762	43	500	12364	20	500	14719	36	500	17185	43	500	19732	41	500
1983	49	500	4513	12	500	7115	18	500	9850	8	500	12629	25	500	14746	21	500	17410	1	500	19926	26	500
2006	31	500	4613	7	500	7136	41	500	9850	41	500	12687	49	500	14759	23	500	17433	15	5000	20000	28	500
2026	30	10000	4656	36	500	7162	23	500	9874	45	500												

№№ серий, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

221, 521, 871, 1023, 1100, 1130, 1271, 1278, 1338, 1418, 1875, 2272, 2380, 2484, 2700, 2852, 2888, 2892, 2966, 3150, 3210, 3638, 3620, 3848, 3854, 4107, 4781, 5582, 5715, 6206, 6288, 6363, 6433, 6589, 7018, 7029, 7248, 7603, 7869, 7962, 8231, 8387, 8713, 9005, 9438, 9523, 9723, 9893, 10113, 10206, 10458, 10675, 10696, 11506, 11512, 12063, 12252, 12397, 12674, 12978, 13021, 13093, 13184, 13517, 13575, 13597, 13671, 13907, 15417, 15944, 16145, 16221, 16223, 16309, 16328, 16734, 17387, 17412, 17876, 17970, 18054, 18231, 18264, 18319, 18699, 18889, 18953, 19307, 19308, 19337.

Географическая задача № 58.

Найти по атласу городъ или рѣку не подписанные въ клѣткахъ и отмѣченные вопросительнымъ знакомъ, выкинуть тѣ буквы, которыя придется на мѣстѣ запятыхъ. Изъ полученныхъ такимъ образомъ буквъ слѣдуетъ составить посредствомъ хода коня русскую поговорку.

Ребусъ. Задача № 59.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Барыни-крестьянки. Историческій романъ графа Е. А. Салласа. Часть I. (Продолженіе). — За городомъ. Стихотвореніе П. И. Вейнберга. — Увлеченіе. Разсказъ князя Д. Голицына-Муравлина. (Продолженіе). — Листопадъ. Э. А. Нидергера (съ рис.). — Къ рисункамъ: Болото (съ рис.). — Богатый женихъ изъ купцовъ (съ рис.). — Незваный гость (съ рис.). — Парижская всемирная выставка. Художественный отдѣлъ (съ 3 рис.). — Взятии волка (съ рис.). — Храня на мѣстѣ событія 17 октября 1888 года (съ рис.). — Полетавшее обозрѣніе. — Разнага новѣсть. — Сжечь. — Тиражъ выигрешей въ Государственномъ Банкѣ. — Задача. — О рамкахъ для преміи „Нивы“ 1889 г. — Объясненія.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Рамы для премии „НИВЫ“ 1889 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками, съ оригинала проф. **В. Д. ОРЛОВСКАГО:**

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

(14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

Для удобства гг. подписчиковъ, мы и въ этомъ году заготовили рамы **ТРЕХЪ СОРТОВЪ**, изъ коихъ первый только изъ золоченаго багета, а второй и третій—изъ золоченаго и чернаго полированнаго. Размѣръ и цѣны рамъ, со вставленными въ нихъ картинами (наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ)—слѣдующія:

№ 1. Изъ лучшаго золоченаго багета, съ лѣнными узорчатыми украшениями (ширина въ діам. 1³/₈ вершк.) по 3 руб., съ упаковкою въ ящикѣ для иногородныхъ по 4 р. 50 к. (безъ пересылки).

№ 2. Изъ такого-же золоченаго или чернаго, но болѣе красиваго и широкаго багета (шир. въ діам. 2 вершка) по 4 руб., а съ упаковкою въ ящикѣ для иногородныхъ по 5 р. 50 к. (безъ пересылки).

№ 3. Изъ такого-же, но болѣе богатаго и широкаго багета (ширина въ діам. 2⁸/₁₀ вершк.): золоченныя 6 р., и черныя 5 р. 50 к., а съ упаковкою въ ящикѣ для иногородныхъ 7 р. 50 к. и 7 р. (безъ пересылки).

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаться, по полученіи слѣдующихъ за нихъ денегъ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки будетъ уплачиваться адресатами на мѣстѣ—при полученіи посылки.

Такъ какъ при выдачѣ премии (въ половинѣ октября) является масса требованій на рамы, удовлетворить которыя одновременно становится совершенно невозможнымъ, мы рѣшили, для удобства тѣхъ лицъ, которыя пожелаютъ получить премию въ рамѣ, **НАЧАТЬ ВЫДАЧУ ТЕПЕРЬ ЖЕ.**

Гг. городскіе подписчики, при полученіи премій, благоволятъ представлять въ контору свои подписные билеты на „Ниву“ 1889 года, а гг. иногородныхъ просимъ высылать печатные адреса подъ которыми получается ими „Нива“.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить премию въ рамѣ также теперь, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ Н. Н. Печновской (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнѣ: № 1—по 4 руб., № 2—золоченныя и черныя—по 5 руб. и № 3—золоченныя 7 р., черныя 6 р. 50 к.

Желающихъ получить премию въ рамѣ, покорнѣе просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картины чрезъ газетную экспедицію.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“. СПБ., Невскій просп., № 6.

„НОВОЕ СРЕДСТВО“ изучился французск. (нѣмецк., англійск.) языку безъ учителя.
„СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНІИ“ французск. (нѣм., англ.) наиболее легкихъ для заучиванія при изученіи этихъ языков.
Первыя выслаются за 5 семп-коп. марокъ, вторія за 4. Обращаться: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. 9, кв. 15. Р. Максимовой.

ВЪ НАМЫШАХЪ, пов. Н. Каразина. Второе изданіе, съ 39 рис. автора, большой томъ въ 8—всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
СПбургъ, Невскій пр., № 62
прот. Имп. Публ. Библиотеки.
Оптовая и розничн. продажа.
Специалистъ хронометровъ.

Никел. открыт. часы	отъ 7 руб. и дороже.
Стальн. черные	14 " "
Серебрян. закр.	15 " "
Зол. дамск. закр.	30 " "
Зол. мужск. закр.	50 " "

Ручательство на 2 года.
Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ выслается по востребованію бесплатно. № 3947 10—6

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:
съ 3 медалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
" 7 " съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей
Самый легкій инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.
За пересылку по почтѣ ирошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъ рѣдк. инструментамъ бесплатно. (10) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣляется скидка.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаютъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3925
Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Кандидатъ университета съ учительскимъ дипломомъ, преподающій у извѣстныхъ лицъ, желаетъ получить урокъ или подготовку къ экзаменамъ по курсу Пажескаго корпуса, Лицея, классическихъ или реальныхъ учебныхъ заведеній. Владимирская площ., д. 48, кв. 22. № 4509 3—2

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотки.
Они-же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивей Клейтона и Шутлехорта въ Англии и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, жнеонокъ „Деми“ и сноповязалонокъ Манъ Нормана въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигръ завода Стоддарта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 3959 (10)
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ.
Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ. Масницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутенювъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петерб. Трущобы“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

НОВЫЕ ДУХИ
Всемирной Парижской Выставки въ 1889 году
„БУКЕТЪ ГВОЗДЪ“
(BOUQUET-CLOU)
СОСТАВЛЕННЫЕ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЮ
ХИМИЧЕСКОЮ ЛАБОРАТОРІЕЮ
(Измайловскій проспектъ, 21).

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, № 32, д. Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, № 66, у Аничкина моста.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, 18—54, д. Шредера (Оптовая и розничная продажа).

Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, д. Третьяковыхъ. Гл. № 4018 3—1

НОВОСТИ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ!
Новая игра—свинка 30 коп. ♦ Портсигаръ 20 к. ♦ Трубка д. разноцв. свѣжести лицъ 50 к. ♦ Сыродержатель 50 к. ♦ Корзинка, складн. въ 8 предм., какъ сухарницу, абажуръ и пр. 50 к. ♦ Пульверизаторъ д. духовъ и цвѣтовъ 50 к. ♦ Плашущіе акробаты 75 к. ♦ Универсальн. циркуль, перо и пр. 70 к. ♦ Универсувъ, приборъ д. шитья 50 к. ♦ Электрич. свичечница 75 к. ♦ Машинка д. чистки ножей правичицы. въ стѣлу (очень практична) 1 р. ♦ Шпосковъ или распознаватель молока 1 р. 25 к. ♦ Машинка д. варки шоколада 1 р. 50 к. ♦ Самоучка-парникмахеръ д. дамъ 1 р. ♦ Брюковывиратель, замѣняетъ утюжку 50 к., 75 к. и 2 р. ♦ Швейная машинка (настоящая) 4 р. ♦ Машинка д. стрижки волосъ 7 р. ♦ Фотографич. аппаратъ (не грушка) 10 р. ♦ Электрич. ночникъ 5 р. ♦ Электрич. столовая лампа 15 р. и много другихъ новостей.
Товаръ выслается немедленно. Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтеній (иллюстрированный) за почтов. марку 7 коп. Адр. Складъ новыхъ изобрѣтеній. С.-Петербургъ, 4, Невскій просп., 4. Фирма суц. съ 1872 года.

НАВОЖДЕНІЕ. Ромъ изъ современ. жизни. Гл. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Музыкально-драматические курсы Рапгофъ
 Основанные въ 1882 году
 Программы выдаются и высылаются бесплатно.

КУРСЫ РАПГОФЪ

СПБургъ, Малая Морская, д. № 7. Приемъ ежедневный въ течение всего сентября съ 10 ч. утра до 7 час. веч.

СОСТАВЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И ПРЕДМЕТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ: ПЬИИЕ: проф. Е. Ф. Цванцигеръ, З. П. Гренингъ-Вильде, г-жа Нардучи и г-нъ Гропелло. **ФОРТЕПИАНО:** А. Е. фонъ-Дрейеръ, П. П. Фоссъ, А. И. Полетика, Е. П. Рапгофъ, г. Горнике, В. В. Мауреръ, г-жи Ярмушь, Диллонъ, Горячева и другіе. **СКРИПКА:** г. Поповъ и Радике. **ВИОЛОНЧЕЛЬ:** г-нъ Потаповъ. **ФЛЕЙТА:** Э. Келеръ. **ВАЛТОРНО:** г-нъ Франкъ. **ТЕОРІЯ:** Б. фонъ-Бахъ, г-нъ Липпольдъ и Н. Соколовъ. **СОЛЬФЕДЖІО:** М. А. Данилевская. **ИТАЛЬЯНСК. ЯЗЫКЪ:** г-нъ Нардучи. **МИМИКА и ТАНЦЫ:** г-нъ Аистовъ. **КЛАССЪ ПЕДАГОГИКИ ФОРТЕПИАННОЙ ИГРЫ:** Евг. Павл. Рапгофъ. **КЛ. ДРАМ. ИСКУССТВА:** С. М. Сосновскій.

ПЛАТА ЗА ПРЕПОДАВАНІЕ: Смотри по предмету и по курсу отъ 15—75 руб. въ полугодіе или отъ 5—20 р. въ мѣсяцъ. | Всѣ дополнительные предметы преподаются бесплатно. Директоръ курсовъ **Евген. Павл. Рапгофъ.**

КОРНЕТЬ-А-ПІСТОПЪ
лучшаго качества

въ 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и др. Школа-самоучитель Ваганца въ 1 1/2 и 3 р.

ФЛЕЙТЫ
въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и 160 р. Школа-самоучитель Келера по 1 1/2 и 3 р.

Всѣ остальные инструменты и принадлежности къ нимъ хорошаго качества и по дешавымъ цѣнамъ.
Иллюстрир. прейскурантъ — бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо № 4019
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42.
Москва, Бузнецкій мостъ, д. Захарына.

Новое роскошно иллюстрированное изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПб.

Гёте „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю вѣстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,
исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и др.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., пересылка за 35 фунтовъ по разстоянію.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

ЛЕНИНГСЪ и ГЛОЗНИГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которой печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ, НАСОСОВЪ ВСЯКАГО РОДА и ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИНЪ
молотилокъ, вѣялокъ, мельницъ Триумфъ, локомотивовъ 3, 4 и 6 силъ, сѣяныхъ прессовъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ, соломорѣзокъ, десятичныхъ вѣсовъ, катушекъ для № 3942 бѣлья и пр. 6—6

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.
С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линия, № 2.
Москва, Мясницкая, д. Виноградова.
Иллюстрир. каталоги высыл. бесплатно.

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ
ИЗВРАТЕННЫЙ БРОКАРЪ и К^о.

Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. Главн. складъ у Ф. К. Бергманъ, Офисерская ул., д. № 5. № 4025 8—1

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE
Спеціальная рисовосмугловая пудра.
CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ГОТОВАЛЬНИ и отдѣльн. инструм. для рисованія.

Изъ желтой мѣды отъ 2 рублей. Въ мѣсяцъ отъ 4 руб.

Концы нашихъ циркулей округлены и не портятъ бумагу. Всѣ наши готовальни произведены и приготовлены къ немедленн. употребленію.

По свидѣтельству врачей и авторитетовъ этого Purgativ имѣетъ слабую преимушества:

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

Аккуратное и ВѢРНОЕ ДѢЙСТВІЕ, МЯГКІЙ ВКУСЪ, МАЛАЯ ДОЗА.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ **ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.**

МОЛЬДАКОТЪ
Усовершенствованная англійская карманная двухтактная швейная машина СЪ КОЛЕСОМЪ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. „Мольдакотъ“ съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ нераспарываемымъ швомъ, какъ сама тонкая, такъ и самая толстая матерія, равно какъ и кожу. „Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ, равно какъ и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ, и вслѣдствіе въ часъ лущится свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Вѣсомъ она около фунта. Цѣна въ картонѣ 10 р., въ полиров. орѣхъ яшнѣ 11 р. 26 к., пересылка 75 к. Въ Сибирь и на Кавказъ за 4 фунт.

Главный складъ въ Москвѣ, въ писчебумажномъ магазинѣ „Полиграфъ“, Мясницкая, д. Ермаковъхъ.
Въ Нижегородской ярмаркѣ: Бразильскій пассажъ, № 58. № 4023

Е. КРАУСЪ и Комп.
Парижъ, Avenue de la Repubil., 4.
Складъ для Россіи: въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 40.
Иллюстр. прейсъ-куррантъ высылается бесплатно. № 4011 2—2

ПИСАЮЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Писать въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, чуждость красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительствъ, и частныхъ учрежд.

Прейсъ-куррантъ, содерж. многочисленн. отзывовъ отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Бузнецкій мостъ. В. Морская, 21.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.
Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (82) № 2946

Полное рѣшительство за добротачивенность машинъ.

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
Москва, Кузнецкій мостъ, | С.-Петербургъ, В. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свистъ, Випплетъ, Русскій Клубъ, Молния (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Одинъ послѣдній Свистъ № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Курранты высылаются бесплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.
№ 38

г. XX
1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.).
Выдавъ 16 сентября 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕИЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

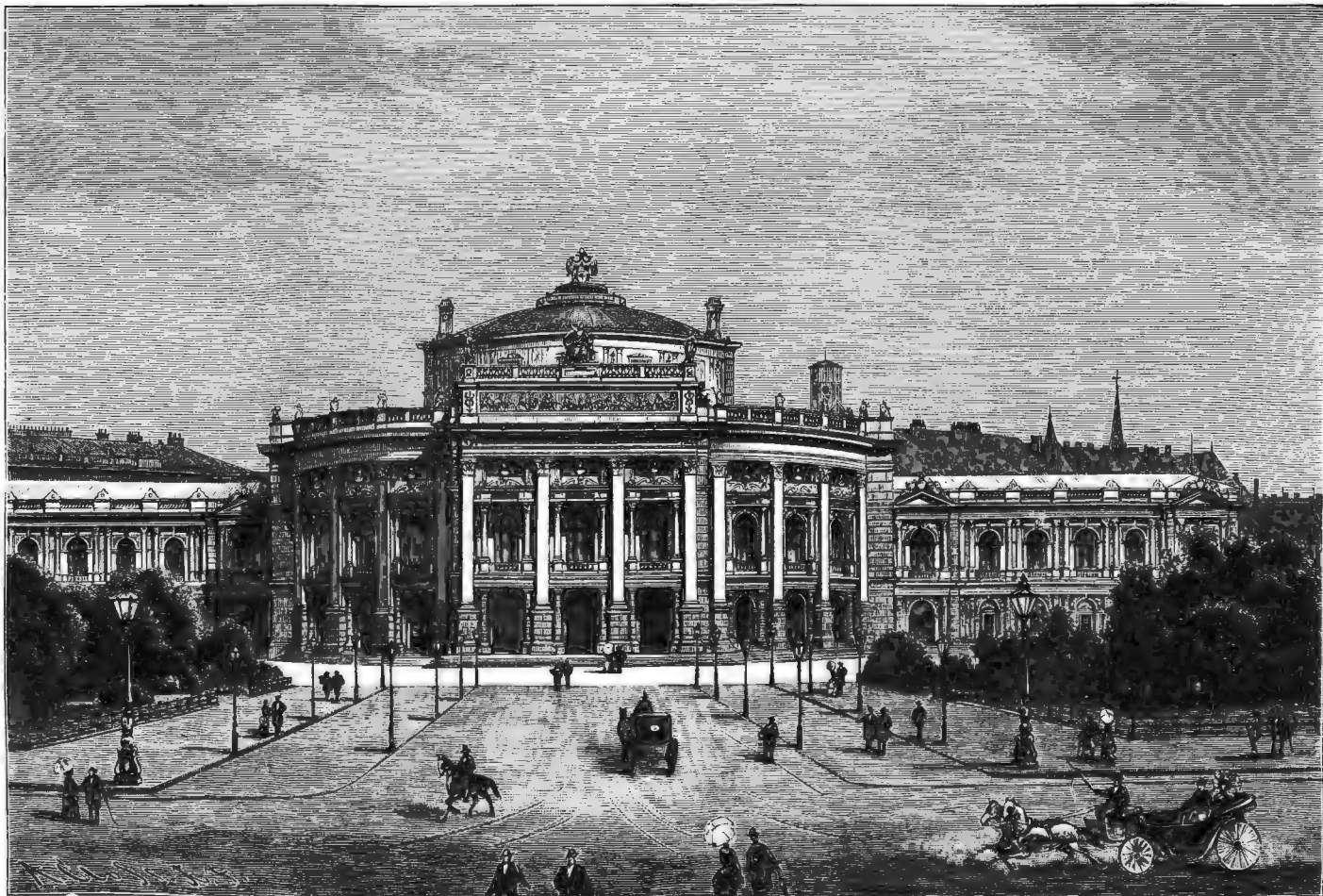
ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к. — Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургъ . . . . . 5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . . . 6 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.

Безъдост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. дик. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . . . . 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМІИ.

Императорскій театр въ Вѣнт. Ряс. Клязь, грав. Клозь.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

VIII.

Рязанская вотчина князей Березопольскихъ была хорошо извѣстна въ губерніи. Она не поражала особенно красивымъ мѣстоположеніемъ или какими-либо особенно богатыми постройками, но отличалась отъ всѣхъ сосѣднихъ дворянскихъ имѣній какою-то особенною, порядливою внѣшностью, чистотой, даже изиществомъ и общимъ благоустройствомъ.

Вотчина эта создавалась не случайно, безъ плана, въ силу приспособленія къ мѣсту, или по прихоти какого-либо владѣльца, строившагося наобумъ. Лѣтъ шесть-десять назадъ она еще и не существовала.

Князь Иванъ Ильичъ Березопольскій, покинувъ Петербургъ по собственной волѣ, во дни наибольшей власти Бирона, пріѣхалъ въ рязанскую вотчину и нашелъ большой, но неуклюжій, холодный и разрушающійся домъ.

А съ нимъ была семья—молодая жена и младенецъ-сынъ.

Князь, человекъ умный, по своему времени очень образованный, ненавидѣвшій праздность и лѣнь, не зналъ куда дѣваться отъ скуки, очутившись въ добровольной ссылке.

Жить въ домѣ было невозможно. Приходилось поневолѣ строить другой. Зрѣло обдумавъ все до мельчайшихъ подробностей, князь Иванъ Ильичъ рѣшилъ соединить полезное съ пріятнымъ: найти себѣ ежедневное серьезное занятіе, начавъ строиться вновь.

Съ перваго-же года онъ увлекся своимъ занятіемъ. Онъ выбралъ въ верстѣ отъ усадьбы мѣсто около маленькой рѣчки, гдѣ былъ лѣсъ, въ которомъ, по счастью, оказались всѣ породы деревьевъ и много дубовъ. И вотъ, по заранѣ начертанному плану, началось созиданіе новой вотчины.

Чтобы не быть стѣсненнымъ въ средствахъ, князь сократилъ всѣ свои расходы, и три четверти ежегоднаго дохода со всѣхъ имѣній было посвящено на это дѣло. Кромѣ того, князь продалъ дальнее имѣніе, на границѣ Казанской губерніи, и крупную вырученную сумму положилъ тоже на стройку.

Возникъ вопросъ, какъ именовать новую вотчинѣ.

И усадьбѣ на новомъ мѣстѣ было дано то же имя, какимъ именовался родъ князя.

Первою постройкой, къ которой приступили, была простая крестьянская изба съ тремя горницами. Ее поставилъ князь для себя, чтобы жить около своего дѣла. И затѣмъ, изо-дня-въ-день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ, даже зимой, за исключеніемъ декабря и января, шло созиданіе. И длилось оно всю жизнь князя.

Между годомъ когда была поставлена изба и годомъ когда закончился постройкой ткацкій дворъ—последнее дѣло князя—прошло около двадцати лѣтъ.

Въ итогѣ появилась: вотчина красивая, а главнымъ образомъ единственная въ своемъ родѣ. Все въ ней было правильно, все въ ней было симметрично. Небольшой домъ, съ колоннадой и террасами по бокамъ, стоялъ на возвышеніи между обширнымъ дворомъ, съ одной стороны, и цвѣтникомъ, съ другой. Налѣво шелъ большой садъ; направо—вначалѣ молодая, едва замѣтная, а теперь уже старая березовая роща, посаженная княземъ.

Всѣ службы, церкви, большой копный дворъ, оранжереи и даже перенесенное сюда село—все соединилось съ домомъ березовыми аллеями. Домъ стоялъ собственно въ центрѣ всего владѣнія. Село разрослось въ

первыя-же семь лѣтъ, такъ какъ князь постоянно покупалъ крестьянъ и селилъ ихъ у себя. Даже изъ двухъ сосѣднихъ своихъ деревень перевелъ онъ души тоже въ Березополье. Теперь на большомъ селѣ было около 800 душъ.

Самымъ любопытнымъ предметомъ въ Березопольѣ считалось теперь, по мнѣнію сосѣдей, нѣчто находившееся недалеко отъ дома, въ началѣ березовой рощи, и огороженное заборомъ.

Это была та самая изба, въ которой когда-то поселился князь при началѣ своего дѣла.

Онъ оставилъ ее нетронутою, какъ она была, въ видѣ воспоминанія, прося сына не трогать избу и въ свою очередь завѣщать, чтобы она прожила свой вѣкъ, т. е. чтобы избу не поправляли и не трогали, дабы она, какъ все на свѣтѣ, сгинула своимъ собственнымъ концомъ.

Поэтому теперь между палисадникомъ и рощей за заборомъ виднѣлась уже убогая избушка, сѣренькая, покосившаяся, съ прогнившимъ тесомъ на крышѣ. Этой старушкѣ было теперь около 60-ти лѣтъ.

Разумѣется, на всемъ остальномъ лежалъ совершенно иной отпечатокъ. Все было ново, свѣжо, такъ какъ все поддерживалось усердною и искусною рукой.

Въ Березопольѣ, куда никогда почти не заглядывалъ князь Андрей Ивановичъ, гдѣ только разъ прогостила недолго княжна, оставалось однако все въ такомъ видѣ, какъ если-бъ владѣльцы никогда не выѣзжали.

Было это потому, что въ вотчинѣ проживалъ человекъ который всѣмъ завѣдывалъ, отъ важнѣйшихъ дѣлъ до мельчайшихъ мелочей. Но, когда этому человеку говорили слово „управитель“ или „управляющій“, то онъ отзывался:

— Помилуй Богъ! Это неправда. Я—дворянинъ!

Этотъ человекъ, имѣвшій обыкновеніе начинать рѣчь словами „помилуй Богъ“, былъ душою Березополя, былъ душою всего округа. Трудно-бы было найти гдѣ-либо, верстѣ на двѣсти кругомъ, кого-либо кто-бы его не зналъ и кто-бы отнесся къ нему иначе, какъ съ величайшимъ уваженіемъ.

Прошло уже около пятнадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ личность эта появилась въ Березопольѣ и завѣдывала всею вотчиной.

Князь Андрей Ивановичъ познакомился въ Москвѣ съ небогатымъ дворяниномъ, который только что вынужденъ былъ, ради долговъ отцовскихъ, продать маленькое имѣніе и не зналъ чѣмъ существовать и куда себя дѣвать.

Это былъ Макарь Макаровичъ Трубецкой—самый честный, правдивый и кротко-строгий человекъ, какого можно было только встрѣтить. Замѣчательною чертой его было то, что онъ никогда не сердился ни за что, кромѣ одной вещи. Онъ слегка сердился, когда на заявленіе его, что онъ Трубецкой, у него спрашивали:

— Князь, или нѣтъ?

Только въ этомъ случаѣ Макарь Макаровичъ поджималъ губы и говорилъ:

— Почему-же непременно князь? Будто ужъ нельзя быть Трубецкимъ и не быть княземъ?

Такъ какъ вопросъ этотъ за его жизнь ему предложили нѣсколько тысячъ разъ, а можетъ быть и сто тысячъ, то кончилось тѣмъ, что это обстоятельство его раздражало. Впрочемъ, въ послѣдніе годы самъ Макарь Макаровичъ шутя рекомендовался:

— Трубецкой, только не князь.

На приглашеніе князя Березопольскаго быть управителемъ, Макаръ Макаровичъ гордо отвѣтилъ, что дворянинъ въ управители идти не можетъ. Но кончилось тѣмъ, что онъ согласился жить въ Березопольѣ и „завѣдывать“ всѣмъ. Въ письмахъ къ князю по дѣламъ, онъ всегда подписывался: „Вашъ довѣренный“.

Благодаря Макару Макаровичу, никуда не выѣзжавшему, ни разу не побывавшему за все время въ Москвѣ, но за то часто навѣщаемому сосѣдями, Березополье не только сохранило свой прежній, красивый и изящный видъ, но казалось все какъ-бы съ иголочки. А всег novelty и изящнѣе была церковь.

По отношенію къ храму Божьему Макаръ Макаровичъ былъ особенно внимателенъ. Часто случалось ему вызвать сельскаго батюшку изъ его дома, вести къ церкви и показывать какое-нибудь пятнышко на стѣнѣ, или пятнышко на куполѣ—и на другой-же день утромъ уже появлялись рабочіе.

Не мудрено поэтому, что проѣзжіе, глядя на церковь Березопольскую, произносили зачастую:

— Ай да храмъ! Вотъ такъ храмъ!

Вдобавокъ на колокольнѣ этого храма появился недавно новый, звучный, пѣвучій колоколъ, но не на счетъ владѣльца, а на деньги скопленные за много лѣтъ изъ своего жалованья самимъ Трубецкимъ.

И теперь, когда раздавался первый ударъ на колокольнѣ къ заутренѣ, или къ обѣднѣ, Макаръ Макаровичъ крестился съ особеннымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Это мой крестничекъ! говорилъ онъ.

И давно всѣмъ было извѣстно это выраженіе. Крестьяне тоже повторяли:

— Это, слышь, крестничекъ Макара Макаровича! Его дѣтище! Въ колоколѣ во всемъ нѣтъ ни полушки княжеской.

Вслѣдствіе постоянного отсутствія владѣльца, дворян и крестьяне на селѣ такъ сжились и свыклись съ Трубецкимъ, что въ качествѣ дворянина стали его звать давно: „нашъ баринъ“.

Посторонніе часто бывали вводимы въ заблужденіе, и нѣкоторые, пріѣзжавшіе издалека, обращались къ Трубецкому считая его княземъ Трубецкимъ и самимъ владѣльцемъ Березополя.

— Помилуй Богъ! отзывался Макаръ Макаровичъ.— Я не владѣлецъ и не управитель, я—довѣренное лицо.

Но какихъ-нибудь ребятишекъ на селѣ было-бы крайне мудрено заставить повѣрить, что баринъ Макаръ Макаровичъ—не ихъ баринъ. Вдобавокъ всѣхъ ребятишекъ отцы и матери часто пугали:

— Вотъ погоди, пріѣдетъ нашъ московскій-то баринъ-князь, онъ тебѣ задастъ!

И въ умѣ всякаго мальчугана деревенскаго существовало два барина: одинъ — добренькій, живущій тутъ, а другой—гдѣ-то тамъ, на рѣчкѣ, или въ лѣсу, или за полемъ, страшнѣющій, и коли набалуешь, онъ сейчасъ шаркнетъ сюда.

Послѣ этого, конечно, не было ничего мудренаго, что, когда однажды князь Андрей Ивановичъ пріѣхалъ въ Березополье и молва объ этомъ прошла по селу, то парни и дѣвки, съ дѣтства относившіеся къ нему на извѣстный ладъ, попрятались по избамъ и не мало насмѣшили стариковъ.

Трубецкой помѣщался около дома, въ отдѣльномъ флигелькѣ, гдѣ у него было четыре горницы. Онъ былъ совершенно одинокій человѣкъ. Но былъ-ли онъ холостъ, или былъ вдовъ, этого никто не зналъ, такъ какъ на этотъ вопросъ Макаръ Макаровичъ всегда отвѣчалъ уклончиво.

— Помилуй Богъ! неужто все сказывать! Иное и про себя хочется поддержать. Ну, холостъ, такъ холостъ, а вдовъ, такъ вдовъ. Ни хуже, ни лучше я отъ этого не буду! Ну пусть я — вдовый холостякъ!

Вообще про свое прошлое онъ никогда, никому, ни-

чего не передавалъ, и самыя лучшіе его знакомые ничего объ этомъ не знали. А знакомыхъ этихъ и даже пріятелей у Трубецкаго было много.

Не было почти ни единого человѣка, который бы относился къ нему враждебно. Всякому Трубецкой чѣмъ-нибудь услужилъ, а если не пришлось услужить, то такъ встрѣчалъ и провожалъ, такія говорилъ слова, что невольно у всякаго являлась мысль:

„Хорошій это человѣкъ!“

Въ затрудненіи-ли какомъ, въ бѣдѣ, въ нуждѣ, въ трудно-разрѣшимомъ дѣлѣ, при какомъ-либо особенномъ обстоятельствѣ, всякій — и старъ, и младъ — тотчасъ мысленно цѣплялись за Трубецкаго.

— Надо къ Макару Макаровичу! было первое слово.

И каждый разъ оказывалось, что не даромъ обращались къ Макару Макаровичу. Онъ и поможетъ чѣмъ въ силахъ, и разсудитъ, и надоумитъ, но проситъ потомъ „не отбоариваться“.

Это выраженіе имѣло особаго рода значеніе.

Когда Трубецкаго кто-либо благодарилъ за что-нибудь, то онъ отвѣчалъ:

— Ну вотъ, сейчасъ стали отбоариваться!

При этомъ онъ объяснялъ, что благодарить не надо, что всякій человѣкъ обязанъ всячески помочь ближнему и благодарности не ждать и не требовать. Благодарность есть отплата. Часто благодарность происходитъ изъ гордости, изъ желанія поквитаться и, стало-быть, отъ одолжившаго въ нравственномъ смыслѣ отбоариться.

— Вотъ не благодарите и буду я знать, что вы ко мнѣ что-нибудь питаете. А какъ вы меня отблагодарили на всѣ лады, такъ я и знаю, что вы отплатить захотѣли и отъ меня сердцемъ отбоаритесь.

Разсужденіе это, темное, было ясно только для самого Трубецкаго. Но и весь складъ его разума былъ таковъ. Все хорошо, сердечно, разумно, ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ какой-то пеленой.

Всѣ разсужденія Трубецкаго — а онъ очень любилъ философствовать — носили на себѣ отпечатокъ той же темноватости.

Сельскій батюшка — человѣкъ недалекій — часто бесѣдуя съ пріятелемъ Макаромъ Макаровичемъ, постоянно смущался.

— Ужъ очень вы „глубоко“ захватываете, говорилъ онъ.

IX.

Однажды, въ концѣ ноября, когда Макаръ Макаровичъ сидѣлъ у себя ввечеру и читалъ старый номеръ журнала „Зеркало свѣта“, прислуживавшій ему пятнадцатилѣтній мальчуганъ явился въ горницу съ многозначительно-улыбающимся лицомъ.

Мальчикъ, или скорѣй юноша, по росту и сложенію, именемъ Сенька, былъ малый смѣтливый, шустрый, отчасти избалованный Трубецкимъ, но, разумѣется, привязанный къ нему искренно.

— Чему смѣешься, глупая голова? кротко спросилъ Макаръ Макаровичъ, снимая очки, кладя ихъ на книгу и поворачиваясь на стулѣ, лицомъ къ Сенькѣ.

Онъ сразу прочелъ и догадался по фигурѣ своего слуги, что онъ явился съ чѣмъ-нибудь особеннымъ.

— Гривенничекъ за вами, Макаръ Макаровичъ.

— Врешь, помилуй Богъ!

— Сейчасъ издохнуть — гривенничекъ за вами!

— Тыфу!.. Сколько разовъ тебѣ сказывать чтобъ бросилъ эту дурацкую прибаутку! Чтò за глупыя такія слова! Неужто другихъ словъ нѣтъ?

— Виноватъ, Макаръ Макаровичъ.

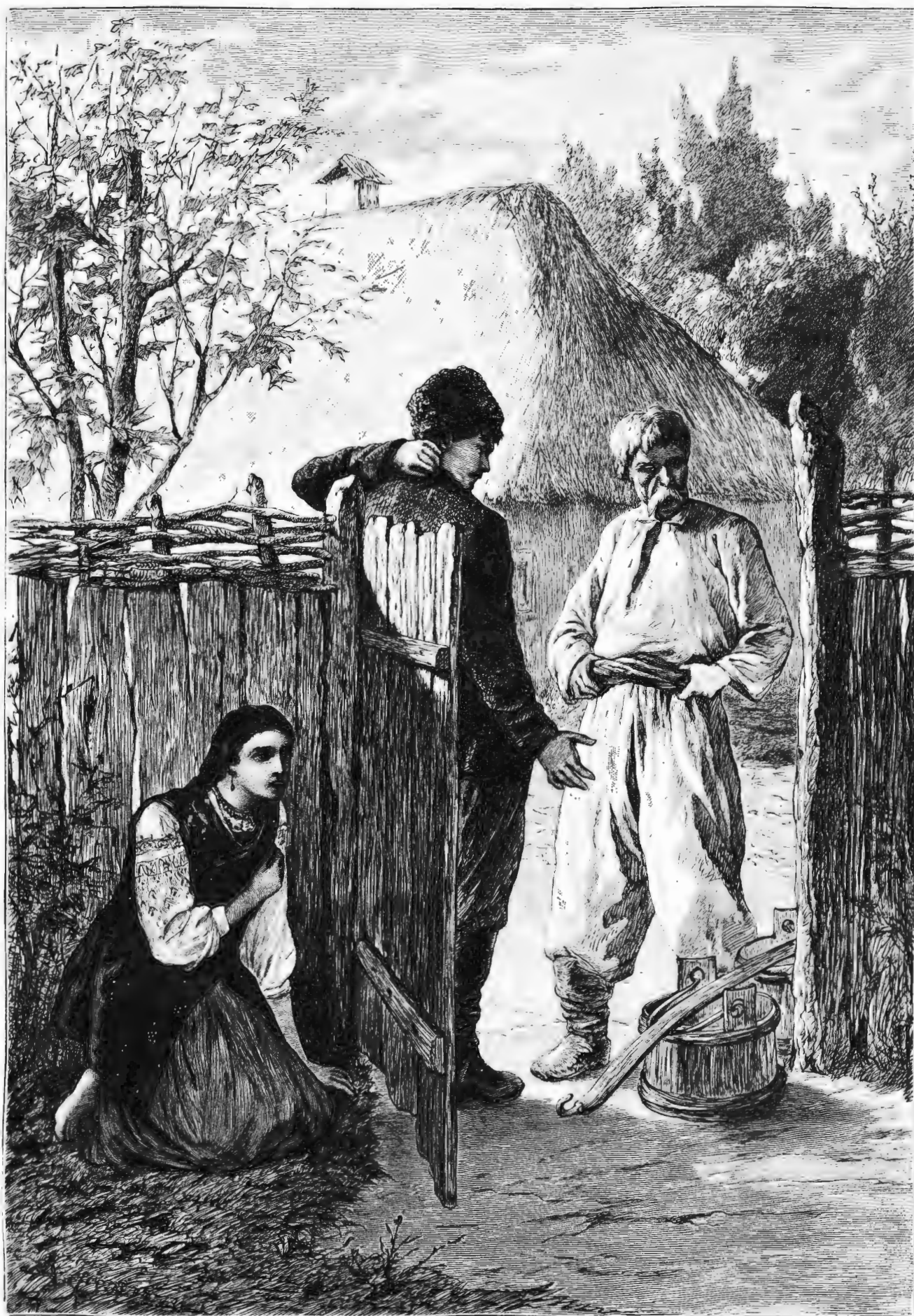
— Виноватъ, виноватъ! Только и знаешь, что виноватъ! А ты брось! Ну, въ самомъ дѣлѣ помрешь собачьей смертью? Хорошо будетъ?! Ну, въ чемъ дѣло-то?

— А дѣло такое — гривенничекъ, а то и два за вами.

Подслушиваетъ. Карт. К. Мюкке, грав. Кирмзе. Библиотека "Руниверс"

Прерванное свидание. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) К. Трутовскаго, грав. Флюгель.

— Да ну, говори! нетерпеливо уже отозвался Трубецкой.

— Конный!.. Макарь Макаровичъ. И отъ кого копый-то? Прямо отъ князя изъ Москвы!

— Что ты! взволновался Макарь Макаровичъ и тотчас же поднялся съ мѣста. — Гдѣ онъ?

— А вотъ тутъ, за дверями.

— А ты ласы точишь... Зови скорѣй!

Сенька шмыгнувъ въ дверь, а „завѣдующій“ Березопольемъ стоялъ нѣсколько смущенный.

Князь прислалъ коннаго, или, какъ стали уже называть, „штафетку“, только въ крайне важныхъ случаяхъ,—обыкновенно прѣзжала подвода.

„Что такое можетъ быть?“ задалъ себѣ вопросъ Макарь Макаровичъ—и ума не могъ приложить для отгадки.

„Здѣсь все благополучно“, думалъ онъ. „Развѣ тамъ что случилось? Лишь бы только меня въ Москву не требовалъ—безъ ножа зарѣжетъ.“

Послѣдняго пуще всего боялся всегда Макарь Макаровичъ.

Въ эту минуту вошелъ толстый и высокій малый, поклонился управляющему въ поясъ и, разстегнувшись, началъ доставать изъ-за пазухи то, что онъ привезъ. Наконецъ появился большой, завернутый въ замасленную тряпку, предметъ. Когда тряпка была развернута, прибывшій подалъ молча нѣсколько измятый пакетъ.

Макарь Макаровичъ взялъ его, повертѣлъ и сѣлъ къ столу.

— Ну, а ты съ Богомъ ступай! вымолвилъ онъ. — Поужинай, да завались спать. Назадъ когда приказано быть?

— Ничего не указано, Макарь Макаровичъ. Стало-быть, какъ вы порѣшите: тутъ-ли ждать, или завтра назадъ.

— Ну, вотъ прочту, увижу...

Когда княжескій посоль вышелъ, Макарь Макаровичъ заперъ дверь на задвижку и съ нѣкоторымъ волненіемъ, надѣвъ очки, началъ читать довольно пространное письмо. Посланіе князя было написано писарскою рукою и лишь подписано имъ.

Прочитавъ первыя строки, Макарь Макаровичъ ахнулъ и чуть не прискочилъ снова. Изъ первыхъ же строкъ онъ узналъ, что въ Березополье прѣзжаетъ сама княжна Прасковья Андреевна на жительство. На сколько времени — неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, вплоть до будущаго лѣта.

— Что такое, помилуй Богъ! Что за притча? Спаси и сохрани! проговорилъ Макарь Макаровичъ вслухъ.

И онъ пересталъ читать далѣе, будто предчувствуя, что важнѣе этого уже больше ничего не узнаеть.

— Всякія загадки княжя разгадывалъ, пробурчалъ онъ, — а вотъ эту должно быть никогда не разгадаю! Что-же ей въ Москвѣ-то нешто надоѣло, чтобы къ намъ въ глушь ѣхать! Дѣвицѣ! Одной. Ну что-же, спаси Богъ! Не мое то дѣло...

И Макарь Макаровичъ началъ читать письмо. Оно было полно распоряженій насчетъ пребыванія княжны въ Березопольѣ.

Князь писалъ подробно какіе апартаменты приготовить, вычистить и вытонить; какіе апартаменты запереть совсѣмъ и не топить. Кого назначить въ услуженіе княжѣ. Почти всѣхъ людей князь переименовывалъ и между прочимъ назначалъ дочери въ ближайшія прислужницы двухъ старухъ, изъ коихъ одна уже съ недѣлю какъ умерла, а другая настолько ослабѣла отъ старости за послѣднюю зиму, что ее тоже трудно было приставить къ услугамъ княжѣ.

— Степанида теперь Господу Богу ужъ служить, пробурчалъ Макарь Макаровичъ.—А Лукерья Егоровна такъ одряхлѣла, что куда ужъ ей горничною или сѣною дѣвушкой быть. Въ два дня въ постель ляжетъ. Поди,

княжна наша, съ позволенія сказать, и чихнуть сама не можетъ. Приказаній сто-двѣсти въ день отдасть. Ыъ ней надо кого помоложе...

И продолжая читать различныя мелкія приказанія князя, Макарь Макаровичъ сопровождалъ ихъ своими замѣчаніями вслухъ. Но послѣднее что приказывалъ князь—вдругъ поразило Трубецкаго настолько, что онъ протянулъ вслухъ многозначительно:

— Что-о-о!..

Этотъ приказъ князя показался ему оскорбительнымъ, и поэтому не удобоисполнимымъ.

— Что-жъ я за сыщикъ дался ему! Да и какъ-жѣ я могу все знать! Что-же я въ замочную скважину подглядывать буду! Да и нехорошее какое занятіе! Я довѣренное лицо по имѣнію, а подглядывать, да подслушивать и наушничать... нѣтъ ужъ, ваше сіятельство, другаго кого найдите, а я вотъ что...

Макарь Макаровичъ всталъ и началъ ходить по горницѣ.

— Да-съ, ваше сіятельство, вотъ что-съ! проговорилъ онъ опять вслухъ еще болѣе взволнованнымъ голосомъ.

Затѣмъ, пройдясь еще нѣсколько разъ, онъ снова сѣлъ, перечелъ околчаніе письма и выговорилъ:

— Нѣтъ-съ... Спаси Богъ, достоуважаемый князь Андрей Ивановичъ. Я въ наушники не пойду...

Приказаніе князя заключалось въ томъ, чтобы Трубецкой имѣлъ княжну подъ постояннымъ бдительнымъ падзоромъ и еженедѣльно отписывалъ князю все что она дѣлаетъ, говоритъ и кого видитъ, и наипаче, чтобы подробно описывались ея знакомства, свиданія, визиты, или пріемъ сосѣдей.

Такимъ образомъ Трубецкому приходилось сдѣлаться настоящимъ надзирателемъ надъ княжной и доносителемъ обо всѣхъ ея дѣйствіяхъ.

Макарь Макаровичъ задумался и долго сидѣлъ, не двигаясь. Лицо его потемнѣло и стало грустно. Мысль его ужъ пошла гораздо дальше.

Онъ уже мысленно прощался съ Березопольемъ, гдѣ прожилъ мирно и тихо пятнадцать лѣтъ и куда въ дѣлѣ управленія положилъ всю свою душу. Онъ уже рѣшилъ что отписать князю, уже мысленно получилъ и прочелъ отвѣтъ князя и уже видѣлъ себя укладывающимся и уѣзжающимъ куда-то...

Но куда?—вотъ вопросъ.

Помогая направо и налево изъ собственныхъ средствъ, Макарь Макаровичъ, за всѣ годы что управлялъ богатую вотчиную, не отложилъ на черный день ни единого гроша, а что и скопилъ, то пошло на колоколь церковный.

Правда, было двѣсти рублей вновь скопленныхъ, но онъ считалъ ихъ не своими. На нихъ онъ обѣщался соорудить два оклада на два образа въ храмѣ Березопольскомъ. Взять ихъ себѣ въ наступившій черныя день онъ теперь не считалъ возможнымъ.

Да и что-же двѣсти рублей! Долго-ли на нихъ проживешь безъ всякаго мѣста и жалованія. Да и куда дѣваться? Идти опять въ управители! къ кому?.. Ѣхать въ Москву обивать пороги и просить! Ни къ чему не поведетъ. Во всѣхъ вотчинахъ, кромѣ самыхъ большихъ богачей, управляютъ простые бурмистры, старосты или дворовые управители. Рѣдко у кого есть довѣренное лицо изъ дворянъ.

Черезъ часъ Макарь Макаровичъ нѣсколько успокоился, хотя накрѣпко рѣшилъ, что кривить душой не станетъ. Но прежде чѣмъ отписывать князю, надо будетъ переговорить обо всемъ съ самою княжной. Прямо ей повѣдать про это приказаніе князя.

„Помилуй Богъ! Это первое дѣло“, думалъ Макарь Макаровичъ. „А то мнѣ ей совѣстно будетъ въ глаза глядѣть, хотя и не буду я наушникомъ. Первое дѣло ей надо сказать, а тамъ съ ней вмѣстѣ и разсудимъ,

какъ быть. Пускай князь другаго кого пришлетъ. Что и ему за Ванька-Кайнъ достался!"

Макаръ Макаровичъ легъ спать, но всю ночь вертѣлся съ боку на бокъ и изрѣдка вздыхалъ.

Наконецъ ему приснилось, что кто-то его тащить за воротъ, суетъ лбомъ въ дверь и кричить:

— Смотри въ дырочку! Гляди, сказывай, что тамъ дѣлается!

И Макаръ Макаровичъ проснулся весь въ поту отъ кошмара. Онъ перекрестился три раза и вымолвилъ:

— Спаси Богъ! И во снѣ-то была неохота наушникомъ быть, а ужъ на яву-то и совѣмъ не смогу.

Проснувшись рано утромъ, „завѣдующій“ Березопольемъ тотчасъ-же принялся за хлопоты.

Х.

Не прошло часу времени, какъ всѣ въ домѣ и въ службахъ зашевелились. Дворовыхъ въ вотчинѣ было болѣе полусотни, мужчинъ и женщинъ. Всѣ они жили въ полной праздности, всѣ облѣнились.

Впрочемъ, дворня эта отличалась тѣмъ, что въ ней значительно преобладали старики и дѣти. Почти во всѣхъ семьяхъ были бабушки, дѣдушки и внучата.

Все что было людей возмужалыхъ и не вполнѣ пожилыхъ, все это было въ Москвѣ, въ услуженіи у князя. Въ отчинѣ оставались, какъ-бы на покой, старики, а равно и дѣти московскихъ лакеевъ и горничныхъ.

Тѣ кто были помоложе, двадцати пяти и тридцати лѣтъ, были все люди необходимые въ имѣніи: слесари, столяры и вообще всякаго рода мастеровые или знавшіе какое-либо дѣло или ремесло. Благодаря имъ Макаръ Макаровичъ и могъ содержать всю усадьбу въ такомъ видѣ, что она казалась какъ-бы съ иголочки.

Извѣстіе, что черезъ нѣсколько времени надо ждать въ имѣніе самое княжну, да вдобавокъ еще на всю зиму, произвело такую сумятицу среди обитателей, какой давно не бывало.

Черезъ полчаса вѣсть уже облетѣла всѣ службы, конный дворъ, ткацкій корпусъ, оранжереи и перелетѣла на село. Въ избахъ тоже началось волненіе, хотя менѣе сильное, чѣмъ въ усадьбѣ.

Разумѣется, всякій отъ мала до велика спрашивалъ и гадалъ:

— Что за причта? Княжна-дѣвица, а не какая-либо старая барыня, вдругъ пріѣзжаетъ къ себѣ въ вотчину, одна, безъ родителя!

И гласъ народа—гласъ Божій—разсудилъ дѣло тотчасъ-же, догадался скорѣй, чѣмъ Макаръ Макаровичъ.

Гласъ народа сказалъ, что княжна провинилась и пріѣзжаетъ какъ-бы въ наказаніе въ уединенное жительство.

Когда это умозаключеніе княжихъ рабовъ дошло до Трубецкаго, онъ воскликнулъ:

— Помилуй Богъ, врѣте!

Но за то черезъ нѣсколько минутъ и самъ онъ сталъ вѣрять въ эту догадку.

Три дня прохлопоталъ Макаръ Макаровичъ и ни разу не присѣлъ. Прежде всего апартаменты, которые назначилъ князь для дочери, были тщательно вычищены и вымыты. Мебель выносили, выбивали и опять вносили. Рамы мыли. Во всѣхъ печахъ трещали дрова и уже распространялся сыровато-гнилостный и ѣдкій запахъ угара.

Печи въ усадьбѣ, и то только нѣкоторыя, топились изрѣдка, не болѣе трехъ-четыреухъ разъ въ зиму.

Князь былъ врагомъ рубки лѣсовъ, а покупать дрова считалось постыднымъ, и поэтому въ Березопольѣ у дворни и крестьянъ было всего вдоволь, кромѣ дровъ. Это былъ единственный предметъ, въ которомъ всѣ нуждались и который скупо отпускался.

Однажды, около полудня, Трубецкой пришелъ домой

пообѣдать, и въ то-же время велѣлъ послать къ себѣ дворовую дѣвушку Евгенію.

Когда Макаръ Макаровичъ сидѣлъ за гречневой кашей, Сенька доложилъ:

— Пришла-съ. Впустить?

— Кто?

— А самая эта Евденыя Степановна...

— Ну, зови.

Въ комнату вошла молодая дѣвушка, лѣтъ двадцати на видъ. Только по платью ея можно было узнать, что это простая дворовая.

Евгенія или Евденыя, какъ звали ее всѣ, была высокая, стройная дѣвушка. Правильныя черты замѣчательно бѣлаго лица съ легкимъ румянцемъ давали изящный и даже граціозный профиль, а большіе сѣрые, но съ зеленоватымъ отблескомъ глаза поражали всякаго...

Глаза эти имѣли какое-то загадочное, сразу неуловимое выраженіе, сосредоточенно жестокое и „себѣ на умѣ“. Ко всему прибавлялась еще, необыкновенная для простой крѣпостной, прическа, дѣлавшая изъ нея какъ-бы „барышню“.

Волосы ея были острижены съ годъ назадъ, послѣ какой-то трудной болѣзни, и теперь вились локонами. Какъ ни приглаживала и ни причесывала ихъ дѣвушка ради приличія, они завивались и затѣйливыми кудрями падали кругомъ головы ея, красиво обрамляя лицо.

Но ни одинъ человекъ изъ дворовыхъ, ни сама дѣвушка не догадывались, что прическа эта краситъ ее.

— Чистая шавка! говорила про нее дворня.

Но однако поневолѣ мысленно сознавалась, что эта шавка—самая красивая во всемъ Березопольѣ.

Евгенія, которой минуло 22 года, была дочерью прежняго главнаго садовника усадьбы, уже давно умершаго.

Садовника Степана всѣ еще помнили. Онъ пользовался когда-то и любовью, и особымъ уваженіемъ всѣхъ обитателей, хотя считался человекомъ не очень добрымъ и злопамятнымъ.

Всѣ хорошо помнили, какъ баловалъ онъ свою единственную дочь, будучи вдовцомъ, и какъ онъ мечталъ откупиться и выйти на волю, ради своей любимицы, чтобы приписаться куда-либо въ мѣщанское общество и устроить получше судьбу красивой дочери, выдавъ ее замужъ за какого-нибудь свободнаго человека, пожадуя и купца.

Но однажды, тому уже лѣтъ восемь, при уборкѣ деревьевъ и цвѣтовъ по оранжереямъ въ холодную осень, онъ простудился и черезъ мѣсяцъ былъ на томъ свѣтѣ.

Круглая сирота, Евгенія стала баловнемъ всего Березополья, ради памяти объ ея отцѣ. Когда она осиротѣла, дѣвочкѣ было четырнадцать лѣтъ, но съ тѣхъ поръ отношенія всѣхъ обитателей измѣнились, ибо дѣвушку менѣе любили. И виною этому была она сама.

Богъ вѣсть почему и по какой причинѣ, быть-можетъ потому что послѣ жизни въ холѣ у отца, дѣвушка вдругъ очутилась въ семьѣ чужихъ людей, получивъ лишь одинъ уголь и два платья, но въ характерѣ ея замѣтили перемѣну, дурную и рѣзкую.

Она была менѣе добродушна, часто раздражалась и начала препираться со всѣми. Какъ умная и находчивая, она умѣла зачастую ловко и колко отвѣчать, умѣла, какъ говорится, сдачи дать и безъ ножа отрѣзать такъ, что иной человекъ сразу становился, если не врагомъ ея, то ужъ во всякомъ случаѣ недругомъ.

— Эхъ! языкъ у дѣвки! часто говаривали Березопольцы.—Ножикъ-языкъ!

И, правда, трудно было рѣшить теперь, добрал-ли дѣвушка Евгенія и только вспыльчивая, или просто злая.

Все-таки главною отличительною чертой ея было то, что она не давала себя никому въ обиду и на одно

слово отвѣчала десятю. За то не было въ Березопольѣ ни одного человѣка, который-бы хоть разъ не былъ слегка обиженъ ею мѣткимъ словомъ или насмѣшкой.

Макаръ Макаровичъ покровительствовалъ Евгенію только потому, что она была сирота. Онъ ей прощалъ все что могъ. И когда бывали у нея ссоры съ дворовыми, Макаръ Макаровичъ всегда считалъ долгомъ выгораживать ее и, по возможности, брать ея сторону.

Иногда это бывало очень мудрено и, примиряя враждующихъ, Макаръ Макаровичъ всегда говорилъ:

— Спаси Богъ! Сирота вѣдь круглая! Не будь сиротка—и я бы не такъ посудилъ.

И это увѣщаніе дѣйствовало на всѣхъ. Всѣ повторяли то же самое и извиняли Евгенію за все—ея сиротствомъ.

Однако кто-то изъ болѣе умныхъ замѣтилъ однажды въ отвѣтъ Трубецкому:

— Позвольте, Макаръ Макаровичъ, доложить, что кабы много у насъ въ усадьбѣ такихъ сиротокъ развелось, какъ Евгенья, такъ добрымъ людямъ и при родителяхъ жить было-бы нельзя—загрызли-бы онѣ всѣхъ. Вѣдь поди и промежъ волковъ сироты и бобыли тоже есть!

— Ну, Евгенія, выговорилъ Макаръ Макаровичъ, когда дѣвушка, поклонившись, стала предъ нимъ,—скажу я тебѣ такое диковинное, что ты и не ждешь. Ты не пугайся! Не такъ страшень „онъ“, какъ его малюютъ! Помилуй Господи! Я тебя поставлю къ княжнѣ въ горничныя,—при ея особѣ состоять будешь.

Евгенія улыбнулась, глаза ея блеснули, и видно было что она не только не испугалась, а напротивъ обрадовалась и польщена этой новостью.

— Не боишься? вымолвилъ Трубецкой.

— Чего-же, Макаръ Макаровичъ? Я помню княжну. Давно-ли она была у насъ! Она барышня добрая. Саморучно никогда никого не ударила! А мнѣ-бы только одно отъ господъ своихъ, чтобы меня въ лицо не били, какъ вотъ по сосѣдству вездѣ водится. Я услужить сначала, вѣстимо, не сумѣю, ну а тамъ привыкну. При ней кто-нибудь да есть изъ московскихъ. Поди, вѣроятнѣе, все та же Авдотья, какъ бишь, по батюшкѣ-то, забыла. Дуняшей звать. Вотъ она и обучить. Нѣтъ, я такъ думаю, Макаръ Макаровичъ, что я заслужу. Да и надобно мнѣ сидѣть, сложа руки. Шитво не дается, влязть не умѣю... Въ ткацкій корпусъ сами вы меня опредѣлить не пожелали. Сижу я вѣки-вѣчныя, сложивши руки. Просто смерти! Лѣтомъ, сказывается, хоть мухъ ловить можешь, а зимой и того нельзя. Нѣтъ, я очень довольна. Спасибо вамъ.

— Ну и слава Богу! Я такъ и думалъ. Полюбить тебя княжна, одѣнетъ сейчасъ, дастъ тебѣ платье изъ своихъ,—ты на чиновницу смахнешь. А касательно сего предмета, усмѣхнулся Макаръ Макаровичъ, подмигивая,—ты, кажется, охотница.

Евгенія весело разсмѣялась, но зеленоватые глаза ея не смѣялись, а только вспыхнули огонькомъ.

— Да, я это запримѣтилъ. Каждый праздникъ, смотришь, ты какую-нибудь обнову нацѣпишь на себя. Бываетъ инъ невѣдомо откуда у тебя что. Заподозрѣвалъ я, что изъ городскихъ кто навѣдывается и тебя дарить. То-то!

Евгенія покраснѣла слегка, но не опустила глазъ, а стала смотрѣть въ окно.

— Что-же? Не ворую, дарить.

— Да кто дарить-то, сиротинушка моя? Съ какими видами дарить? Небось, городскіе? Небось энтотъ—Петрушка, что изъ лавочки съ провизіей пріѣзжаетъ?

— Нѣтъ, Макаръ Макаровичъ, твердо отозвалась Евгенія.—Онъ точно имѣлъ мысли, но я его еще объ осень такъ осадила, что онъ у меня, какъ ошпаренный котъ, покатылъ отсюда.

— Такъ кто-жъ бы такой? А вѣдь дарятъ тебя, сама говоришь?

— Увольте, Макаръ Макаровичъ. Худаго тутъ ничего нѣтъ. Да и что-же вы видали? Ленточку какую, а то платочекъ, а то бездѣлуху какую потѣшную. Платьевъ никто мнѣ не дарилъ, все вотъ въ этомъ...

И Евгенія небрежнымъ, совсѣмъ не крестьянскимъ, а нѣсколько изычнымъ жестомъ, тронула пальцемъ свое сѣренькое платьице, ставшее отъ мыты тоненькимъ, какъ батистъ.

— Тебѣ теперь надо будетъ соорудить новое платье, рѣшилъ Трубецкой подумавъ. — Коли поступишь къ особѣ княжны, то въ этомъ нельзя. Подумаемъ, увидимъ... Ну, такъ вотъ все... Ступай. Богъ съ тобой.

— Спасибо премное, Макаръ Макаровичъ, поклонилась Евгенія, радостно улыбнувшись, и снова блеснули ярко ея зеленоватые глаза.

XI.

Дѣвушка быстро вышла изъ флигеля и направилась было въ тотъ корпусъ дома, гдѣ жила, но затѣмъ остановилась, круто повернула и пустилась бѣгомъ въ противоположную сторону.

Невдалекѣ отъ главнаго дома, на дорогѣ обсаженной березами, которая вела къ церкви, виднѣлся маленький каменный домикъ въ четыре горницы, выходившій заднею стороною въ господскій цвѣтникъ, гдѣ теперь лишь высился сугробъ.

Евгенія быстро добѣжала до этого домика именованнаго „первымъ“ по своему разстоянію отъ барскаго дома. Войдя съ крылечка въ маленькія сѣнцы, дѣвушка сняла съ себя теплую куцавейку и двинулась въ первую горницу.

Здѣсь у окошка, на креслѣ, сидѣла маленькая сморщенная, но благообразная старушка и тихо вязала чулокъ.

— А, Евденьюшка! ласково произнесла она и опустила работу со спицами на колѣни. — Ну, садись! А Егорушки нѣту. Въ домъ чинить чтой-то позвали.

— Лукерья Егоровна, диво-дивное! Смотрите-ка какая у меня роза!

— У тебя, Евденьюшка, не роза, сама знаешь. Ты пригожая! Вотъ только язычекъ у тебя всему порча.

— Нѣтъ, вы смотрите, Лукерья Егоровна, какое у меня лицо? Грустное, печальное?

— Нѣтъ, радуешься! Ну, говори, чему радуешься? И я буду тоже...

— А вотъ чему, слушайте.

И Евгенія, усѣвшись противъ старушки, начала быстро рассказывать свою новость, немножко видоизмѣняя все, что слышала отъ Макара Макаровича. По ея словамъ, она должна была сдѣлаться вскорѣ чуть не главной горничной при княжнѣ Прасковѣ Андреевнѣ.

— Стало быть, въ Москву ѣдешь? спросила старушка, но прибавила тотчасъ: — Ахъ, Создатель! Я ужъ забыла! Княжна сама пріѣзжаетъ сюда. Эка память стала у меня...

Старушка, къ которой явилась Евгенія, была личностью, которую болѣе уважали всѣ въ Березопольѣ. Хотя она была и дворовая женщина, но какъ-то уже давно обстоятельства поставили ее въ совершенно иное положеніе, чѣмъ всѣхъ остальныхъ.

Лукерья Егоровна Милованова была вдовой крѣпостнаго музыканта-скрипача.

Когда-то въ домашнемъ оркестрѣ князя Ивана Ильича онъ былъ первой скрипкой. И будучи человѣкомъ весьма талантливымъ, артистомъ въ душѣ, страстно любившимъ музыку, онъ выдѣлился изъ всѣхъ остальныхъ музыкантовъ. Наконецъ, сталъ дирижеромъ оркестра, но не надолго, такъ какъ давнишняя болѣзнь—чахотка свела его въ могилу.

Музыкантъ и жена его—теперешняя старушка—

Подъ осень. Картина Рафаэля Джанетти, грав. Веберъ.

жили душа въ душу, но жили печально, такъ какъ у нихъ всѣ дѣти, числомъ девять, умирали одинъ за другимъ. Остался въ семьѣ, переживъ роковые годы — десятилѣтній возрастъ — лишь одинъ ребенокъ — сынъ.

Теперь старушка жила вмѣстѣ съ этимъ сыномъ, двадцатипятилѣтнимъ молодцомъ, котораго, конечно, безумно любила.

Всѣ въ Березопольѣ, а равно, нѣкоторые сосѣди и городскіе знакомые, относились сердечно къ старухѣ Миловановой и къ ея сыну Егору.

Этотъ Егоръ былъ для всѣхъ и не въ одномъ Березопольѣ Егоромъ Ивановичемъ. Что касается сосѣднихъ помѣщиковъ-дворянъ, то всѣ они, хотя и звали молодца просто по имени, безъ прибавленія отчества, но обращались съ нимъ особенно ласково и внимательно.

Часто, выписывая его къ себѣ, съ дозволенія Макара Макаровича, сосѣдніе дворяне, оставляя Егора по нѣсколькимъ дней у себя въ усадьбѣ, не равняли его съ прислугой, посылали ему обѣды отъ своего стола, давали отдѣльную комнату, приказывали ключницѣ или дворецкому угощать его.

Егоръ былъ нужный человекъ во всякой усадьбѣ. И если бы князь вздумалъ продавать Егора, то, конечно, покупщиковъ нашлось бы много.

Причина была та, что Егоръ унаслѣдовалъ даровитость и талантливость своего отца. Но искусство его отца было выше, больше уважалось и было нужнѣе. Музыкантъ могъ хорошо устроить свое существованіе, оставаясь крѣпостнымъ; дарованіе Егора было совершенно иное и какъ бы не находило себѣ приложенія. Онъ понималъ это, часто грустилъ и даже упрекалъ обожаемую мать, зачѣмъ она не обучила его играть на скрипкѣ.

Онъ тѣмъ болѣе могъ сожалѣть объ этомъ, что самоучкой выучился порядочно пикиать на скрипкѣ, оставшейся послѣ отца.

Егора съ дѣтства, по приказанію князя, котораго ослушаться никто не посмѣлъ, выучили столярному дѣлу. И молодой малый до семнадцати лѣтъ былъ исключительно занятъ тѣмъ, что столярничалъ въ усадьбѣ: чинилъ и клеилъ мебель. Когда же приходилось ему вновь придѣлывать къ какому-нибудь креслу или дивану цѣлый кусокъ, то Егоръ радовался возможности состряпать что-либо болѣе хитрое, чѣмъ сколачивать перегородки, двери и рамы.

Но съ тѣхъ поръ прошло уже много времени. Теперь Егору было уже двадцать пять лѣтъ и онъ уже года съ четыре совсѣмъ бросилъ строгать доски, такъ какъ для грубой столярной работы завелся другой столяръ, благодаря покровительству Макара Макаровича. А Егоръ положилъ всю свою душу на иное дѣло, болѣе хитрое и мудреное.

Имѣя возможность, съ разрѣшенія Трубецкаго, ѣздить къ сосѣдямъ и работать у нихъ, Егоръ скопилъ немного денегъ и на нихъ, опять-таки благодаря тому же Трубецкому, выписалъ себѣ изъ Москвы отличный англійскій инструментъ, необходимый для того дѣла, къ которому теперь у него была страсть.

А теперь его исключительнымъ занятіемъ было такое, которому въ деревнѣ и названія еще не придумали. Изъ разныхъ сортовъ деревъ, иногда изъ орѣха и дуба, Егоръ своимъ инструментомъ дѣлалъ разныя фигуры.

Словомъ, онъ былъ рѣзчикъ по дереву, но долго всѣ считали его занятія однимъ баловствомъ и только недавно перестали подсмѣиваться...

Годъ тому назадъ, Егору удалось нѣчто, о чемъ долго толковали и въ Березопольѣ, и въ одной сосѣдней вотчинѣ барина-генерала. Баринъ пожелалъ на какой-то шкафъ о двухъ львахъ, придѣлать третьяго льва и для этого выписалъ мастера изъ Москвы.

Мастеръ, дорого обошедшійся, состряпалъ такого

льва, что генераль сначала разсердился, прогналъ мастера и отправилъ обратно въ столицу, а затѣмъ, поставивъ произведеніе его у себя на подоконникѣ, показывалъ сосѣдямъ. И много хохоту возбуждалъ этотъ левъ!

И дѣйствительно, деревянный левъ походилъ на все что угодно, только не на льва.

Генералу посоветовали послать за искусникомъ Егоромъ Миловановымъ въ Березополье. Генераль отнесся къ этому недовѣрчиво и даже презрительно. Но затѣмъ, рѣшивъ, что „попытка—не шутка, а спросъ—не бѣда“, выпросилъ у Трубецкаго, недѣли на двѣ времени, его столера.

Егоръ взялъ заказъ. Въ награду попросилъ: „что пожалуете“, вернулся домой съ кускомъ дуба, который далъ генераль, и въ первые дни по возвращеніи ходилъ такой странный, что напугалъ даже мать.

Старушка стала бояться, что ея Егорушка хвораетъ!

Онъ ходилъ взволнованный, съ лихорадочно-блестящими глазами, мало ѣлъ, бродилъ по усадьбѣ и по селу, будто искалъ что потерянное. Вообще какъ-то свихнулся. Изрѣдка онъ говорилъ матери:

— Матушка, зачѣмъ я взялся! Меня лихорадка треплетъ, какъ подумаю объ этомъ заказѣ.

— Осрамиться боишься? спрашивала старушка.

— Нѣту. Что мнѣ срамъ? Это-же—не грѣхъ какой и не соблазнъ людей! А во мнѣ будто что бурлитъ! Будто какіе бѣсы во мнѣ застряли. Одинъ сказываетъ: „дѣлай—сдѣлаешь!“ А другой сказываетъ: „врешь, ничего не выйдетъ!“ И вотъ, вмѣсто того чтобы работать, я, какъ шалый, и бѣгаю.

Благодаря усовѣщеванію и успокоиванію того-же вездѣсущаго и вѣчно-кроткаго Макара Макаровича, его любимецъ Егоръ принялся наконецъ за работу. Благодаря поощренію и похваламъ Макара Макаровича, черезъ нѣсколько дней онъ страстно втянулся въ работу. И чѣмъ дальше подвигалась она, тѣмъ болѣе сіяло счастьемъ и восторгомъ его лицо.

А лицо его, этого столера, ставшаго рѣзчикомъ благодаря дарованію, было еще болѣе извѣстно въ окресткѣ, чѣмъ его искусство. Егоръ былъ чрезвычайно красивъ собой, какъ говорятъ въ народѣ: „писанный красавецъ“.

Онъ былъ высокъ, строенъ, мягокъ въ движеніяхъ, съ чистымъ, пожалуй, черезчуръ блѣднымъ лицомъ, съ черными какъ смоль длинными кудрями, съ черными задумчивыми глазами, подъ тонкими будто нарисованными бровями. Небольшой съ горбинкой носъ былъ замѣчательной правильности, а немного толстыя, изящнаго очертанія губы и замѣчательные зубы, которымъ-бы обрадовалась всякая красавица, — обрамлялись красиво вьющимися черными усами и бородкой клинушкой.

Егоръ былъ настолько пезаурядно красивъ, что часто, когда онъ бывалъ гдѣ-либо въ сосѣднихъ вотчинахъ, вызванный для работы, господа призывали его подъ предлогомъ поговорить о работѣ, но собственно, съ цѣлю показать его какой-нибудь пріѣзжей гостьѣ. И всегда всѣ единогласно рѣшали, что онъ въ полномъ смыслѣ слова красавецъ-парень. Хоть-бы дворянину подѣ-стать!

Лукерья Егоровна, знавшая, что сынъ красавецъ, и гордившаяся этимъ, часто объясняла своему Егорушкѣ откуда онъ таковъ уродился.

— Родитель твой былъ изъ себя не казистъ, а ты, Егорушка, выходитъ, потрафилъ въ моего отца. А мой отецъ диковинный изъ себя былъ! Помнится, сказывали, была единожды въ Москвѣ одна богатѣющая графиня, разбитная да веселая вдова. И вотъ она, увидѣвъ его, стала покупать его у барина и стала давать пятьдесятъ рублей, а тамъ двѣсти, и дошла, сказывали, до пятисотъ, только чтобы получить его себѣ въ скороходы. Да баринъ не продалъ и такъ сказалъ: „Поди-ка, сударыня, другаго такого красавца поищи на Руси,

а я помогать твоимъ блаженнымъ затѣямъ ни за какія деньги не стану. И это ему не на счастье будетъ...”

И старушка прибавляла съ восторженной гордостью:
— Ну, а ты, Егорушка, весь въ него уродился,—какъ

я его помню. И посмотри вотъ—и въ тебя какая помѣница можетъ всѣмъ сердцемъ вклетиться. Только избави Господь отъ этакаго...

(Продолженіе будетъ).

Увлеченіе.

Разсказъ

Князя Д. Голицына-Муравлина.

(Окончаніе).

Ратиминъ чувствовалъ себя совѣмъ потеряннѣмъ за этимъ обѣдомъ. Ему казалось, что всѣ недоумѣваютъ по поводу того, зачѣмъ онъ здѣсь и только мѣшаетъ другимъ, не вмѣшиваясь въ общій разговоръ, стараясь сохранить достоинство.

Евгенія Сергѣевна съ нимъ больше не говорила, почти отвернувшись отъ него, и это его мучило. Онъ подумалъ: „лучше бы я не пріѣзжалъ... осталось бы во мнѣ равнодушіе къ ней, а то я теперь опять не спокоенъ и, пожалуй, всѣ припишутъ мою молчаливость томной влюбленности!“

Онъ сталъ пить, чтобы вызвать въ себѣ искусственное оживленіе, и, послѣ трехъ бокаловъ шампанскаго, почувствовалъ себя способнымъ участвовать въ разговорахъ. Прежде всего онъ затѣялъ съ Нагорнымъ споръ. Тотъ утверждалъ, что газета должна имѣть въ виду вслѣдую публичку, образованную, среднюю и чуть-ли не малограмотную, и ссылаясь на то, что подъ видомъ угрожденія всѣмъ, можно успѣшно проводить благія идеи, приносить пользу. Ратиминъ возсталъ.

— Нѣтъ, возразилъ онъ,—это не вѣрный взглядъ на дѣло. Скажу болѣе: это взглядъ не вполне честный, извините меня. Писатель, создавая романъ, не долженъ заботиться о томъ, чтобы его произведеніе пришлось по вкусу его старшему дворнику или кому-нибудь изъ критиковъ трактирной прессы. Онъ долженъ имѣть въ виду тѣхъ двухъ или трехъ читателей изъ его знакомыхъ, которыхъ онъ считаетъ наиболѣе литературно развитыми и чуткими. Относительно газеты, скажу то же самое: пиши правду, пиши ее честно и опрятно, даже если бы было выгоднѣе излагать ее въ тонѣ „портерныхъ“ разговоровъ. Отъ изданія, такъ же какъ отъ человѣка бывающаго въ обществѣ, требуется особенная порядочность, безупречная нравственная опрятность. Если писать для пошляковъ, то не трудно самому пошлякомъ сдѣлаться.

— Ну, знаете, газета такое предпріятіе, что зависитъ не отъ одного главы, но и отъ сотрудниковъ. Ихъ много, выдержать тонъ невозможно и, поэтому, приходится брать за образецъ Парижскій „Figaro“, поставившій себя каедрой откуда можетъ говорить всякій, о чемъ и какъ угодно. И я о себѣ прибавлю, что не считаю возможнымъ отвѣчать за каждую строчку своихъ сотрудниковъ. У всякаго свой тонъ, свой образъ мыслей. Публикѣ именно это и нравится. Немыслимо, въ отношеніи тона, привести всѣхъ къ одному знаменателю.

— Какъ невыслимо? воскликнулъ Владиміръ Алексѣевичъ,—развѣ я не справился съ этой задачей?

Нагорный промолчалъ. Ратиминъ, не уловивъ на его лицѣ едва замѣтной усмѣшки, подумалъ, что убѣдиль опонента. Вообще, онъ не замѣчалъ, что почти всѣ посматриваютъ на него съ загадочнымъ выраженіемъ не то ироніи, не то грустнаго сочувствія.

Онъ еще выпилъ и обвелъ глазами присутствующихъ, ища, съ кѣмъ бы поспорить, и, совершенно неожиданно для самого себя, началъ возражать запасному генералу, утверждавшему, что новыя прусскія магазинки не дадутъ ожидаемыхъ блестящихъ результатовъ.

Запасный генералъ ничего не отвѣтилъ на его возраженія. Это показалось обиднымъ Ратимину, тѣмъ болѣе, что Тихонинъ особенно улыбнулся. Тогда онъ за-

хотѣлъ сказать ему какую-нибудь колкость, но, къ счастью, встали изъ-за стола, перешли кто въ маленькую гостиную, кто въ кабинетъ Павла Арсеньевича.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить, шепнула Владиміру Алексѣевичу Негрѣхова.

Его толкнуло въ грудь отъ ея взгляда. Никогда еще не смотрѣла она на него съ такой волнующей нѣжностью.

— Гдѣ? когда? спросилъ онъ, съ трепетомъ въ сердцѣ.

— Подождите, я найду время.

И она вошла въ толпу гостей, со смѣхомъ отвѣчая на обращенныя къ ней фразы.

Ратиминъ чувствовалъ, что душа въ немъ снова пошатнулась, отъ одного ея взгляда. Оживленіе, вызванное виномъ, усилило внезапную влюбленность, заставило забыть обо всемъ, что могло бы охладить, сдержать его порывы. Ему казалось, что онъ любитъ Евгенію Сергѣевну до безумія, всегда любилъ ее, и, если бы ему сказали: „ни на что не надѣйся“, онъ сталъ бы самымъ несчастнымъ человѣкомъ. „Скоро-ли? скоро-ли?“ думалъ онъ и страшно разсердился на дѣйствительнаго статскаго совѣтника, потому что тотъ завязъ въ безконечныхъ восторгахъ по поводу игры Негрѣховой, распинался передъ ней, задерживалъ; а банкиръ слушалъ и автоматически повторялъ, потирая стриженные бакенбарды:

— Даже очень, даже очень...

Владиміръ Алексѣевичъ переходилъ изъ угла въ уголь, отъ группы къ группѣ, боясь, что его затянутъ въ бесѣду. Къ счастью, Пронинъ началъ разсказывать о своихъ первыхъ шагахъ „на литературномъ пути“, любезные слушатели окружили его, и Евгенія Сергѣевна удалось подойти къ Ратимину.

— Ну, что? спросилъ онъ, волнуясь.

Онъ былъ увѣренъ, что отъ ея словъ зависитъ его судьба. Все опьяненіе перешло въ чувство. Ему трудно было дышать, сердце въ немъ ныло. Негрѣхова замѣтила, въ какомъ онъ состояніи.

— Вы меня любите? спросила она, такимъ тономъ, что онъ съ радостной поспѣшностью отвѣтилъ:

— Да.

— За что?

Владиміръ Алексѣевичъ смутился.

— Я не знаю, проговорилъ онъ,—но я васъ люблю...

— А жена ваша?

— Жена... Право, я о ней не думаю!

— Но вспомните о ней и тогда съумѣете меня любить...

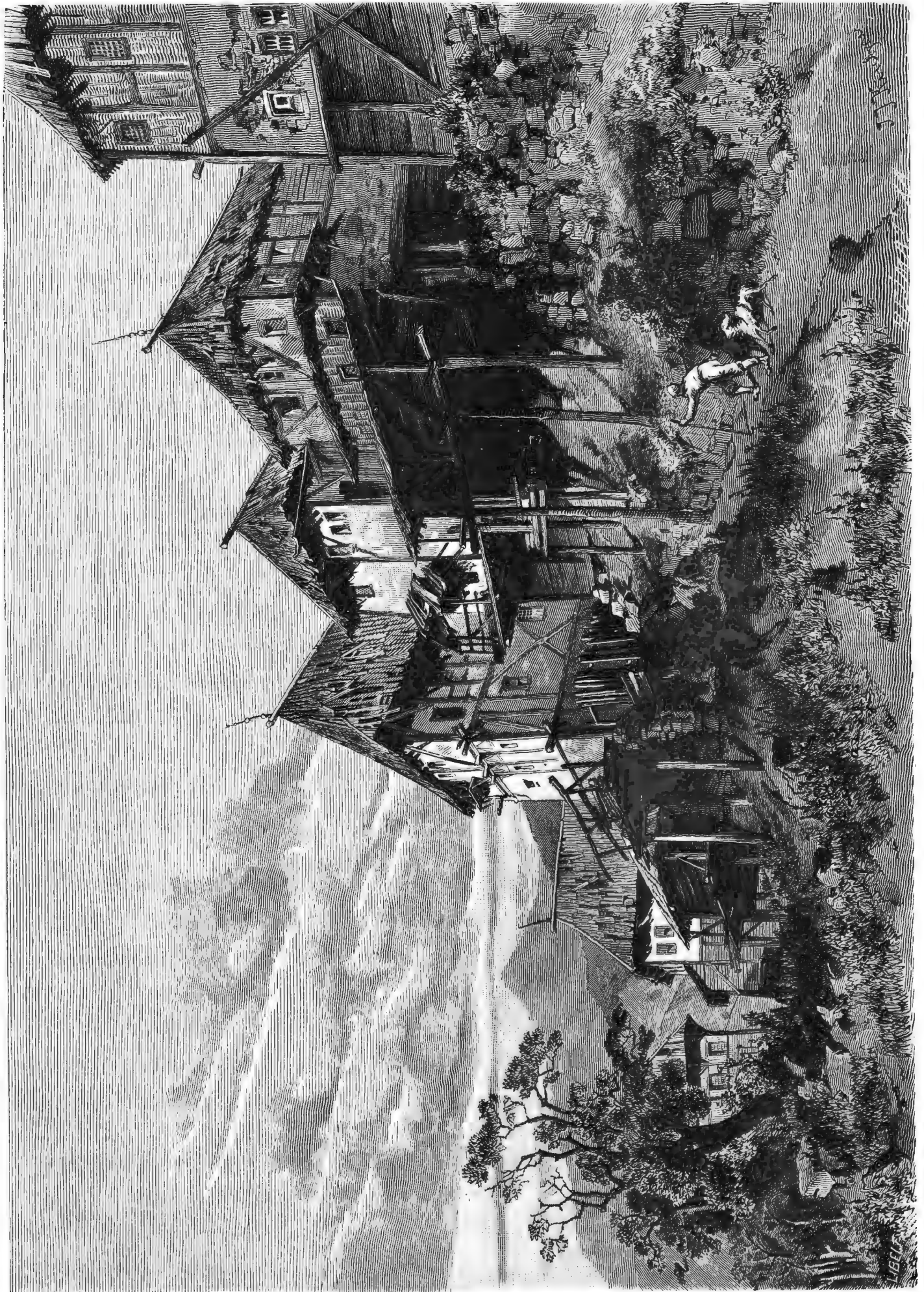
— Никогда!

Это слово вырвалось у него съ горячностью, испугавшей его самого. Онъ увидѣлъ всю рѣзкость своего увлеченія и рѣшилъ, что ничего противъ такой силы подѣлать нельзя и что воли, сверкавшая въ глазахъ Евгеніи Сергѣевны, его скрутила.

— И вы хотите, чтобы я васъ любила? продолжала Негрѣхова.

Онъ остался безъ словъ. Смутно сознавалъ онъ, что за ними могутъ наблюдать, что онъ не долженъ давать волю чувствамъ, позволять имъ выражаться на лицѣ. Молча, глазами, онъ клялся въ любви.

— И вы увѣрены, что я васъ не люблю? настаивала Евгенія Сергѣевна.

Боснійская деревушка. Рис. Кирхнеръ, грав. Либельтъ.

Отдыхъ валаамскихъ иноковъ на сѣнокосѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Муратова, грав. Флюгель.

Ратиминъ сильно поблѣднѣлъ, однако не непосредственно, а сперва подумавъ, что подобная фраза должна страшно взволновать.

— Вы... вы... неужели? прошепталъ онъ въ душевномъ хмѣлю.

— Да! рѣшительно произнесла Негрѣхова, съ пронизывающимъ взглядомъ, — да, я васъ люблю... Если вы разведетесь, я согласна быть вашей женой...

Слова „если вы разведетесь“ показались Ратимину совершенно естественными. Ея голосъ могъ все смягчить. Охваченный безумнымъ порывомъ, онъ сказалъ:

— Хорошо! и протянулъ руку.

Ея холодные пальцы коснулись его руки.

— Не раздумаете? спросила Негрѣхова.

Владимиръ Алексѣевичъ повторилъ:

— Никогда.

Евгенія Сергѣевна подумала: „Хорош! Заставлю я тебя поломаться!“ и отвернулась, шепнувъ:

— Довольно... иначе обратятъ на насъ вниманіе...

Отошла она, подсѣла къ Марѣ Ефимовнѣ, спокойная, точно ни въ чемъ не бывало. Ратиминъ, отуманенный восторгомъ, въ забытіи приступа влюбленности, залюбовался ея профилемъ. Онъ былъ точно подавленъ тѣмъ счастьемъ которое выпало ему на долю... Она его любитъ!.. и сердце его сжалось до невыносимаго страданья.

— Рѣшено, рѣшено! шепталъ онъ, не зная о чемъ, но понимая, что обрываетъ въ себѣ что-то, и обрываетъ съ дикимъ наслажденіемъ, какъ будто вся жизнь его была создана для этой минуты. Горячность новыхъ ощущеній мѣшала ему думать о подробностяхъ предстоящей перемѣны жизни, то есть сама перемѣна представлялась ему чѣмъ-то удивительно простымъ и легкимъ, а обстоятельства, мельчайшія, ожидаемаго счастья рисовались передъ нимъ съ поразительной отчетливостью. Опыненный, онъ, однако, понялъ, что способенъ выдать себя при людяхъ, которые будутъ очень рады поднять его на смѣхъ.

Онъ пошелъ прощаться. Павелъ Арсеньевичъ обидѣлся: ему пришлось прервать начатый разговоръ на самомъ интересномъ мѣстѣ. Марья Ефимовна назвала Владимира Алексѣевича непосѣдой, а Нагорный сказалъ:

— Вы, положительно, слишкомъ жертвуете собой для газеты.

И видъ у него, при этомъ, былъ самый двусмысленный, такъ что Ратиминъ не зналъ, улыбнуться ли ему или шугануть.

Евгенія Сергѣевна шепнула, съ очаровательной угрозой:

— Извольте помнить.

— Буду помнить, вѣчно! отвѣтилъ онъ, почти вслухъ, и попросилъ хозяевъ не беспокоиться, не провожать его.

XIII.

На улицѣ, морозъ сразу отрезвилъ его. Шелъ мелкій снѣгъ, колкій, билъ въ лицо. На перекресткахъ горѣли костры, бросая качающійся свѣтъ на угрюмые фасады большихъ зданій. Люди грѣлись у огня, протягивая руки поближе къ пламени, перетаптываясь съ ноги на погу. Метель кружила снѣжинки, швыряла ихъ во все стороны, точно со злостью.

Ратиминъ пришелъ въ себя, ужаснулся. Все окружающее приняло въ его глазахъ странный видъ. Все казалось ново, сухо, чуждо.

— Господи! До чего я дошелъ! прошепталъ онъ, — до чего я дошелъ!

Онъ точно зашелъ, относительно самого себя, съ другой стороны и видитъ въ себѣ то, чего прежде замѣтить не могъ. Острая страсть къ Негрѣховой сверлила ему сердце, а мозгъ работалъ самостоятельно и указывалъ ему: „ты въ пропасть направляешься, ты губишь себя!“

Мелькнуло передъ нимъ заплаканное лицо жены, не такое, какъ обыкновенно, когда она ударяется въ слезы, нѣтъ... Отъ воображаемаго выраженія ея глазъ замирало сердце. Представилась ему Соня, по-дѣтски строгая, и не разсердила его, а испугала.

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ нельзя! проговорилъ онъ и удивленно посмотрѣлъ на своего кучера, подававшего карету. — А? что? Поѣзжай домой, не надо! приказалъ Владимиръ Алексѣевичъ, — я пойду пѣшкомъ.

„Вѣдь все рѣшить надо!“ чуть-ли не плаксиво подумалъ онъ, точно враждебно относящійся къ нему люди нарочно поставили его въ невозможное положеніе и заявили ему: „вотъ тебѣ десять минутъ срока, найди исходъ...“

Проходили люди, закутанные въ шубы, толкали его. На переходахъ черезъ улицы, онъ два раза чуть-чуть не попалъ подъ лошадь; извозчики провожали его бранью.

— Нѣтъ, такъ нельзя! повторилъ онъ, — необходимо что-нибудь придумать.

И мысль о разводѣ наполнила его душу тоской. По-немногу онъ началъ понимать, что въ немъ не было ни на минутку любви, что толкало его увлеченіе и что теперь это увлеченіе не выдержало, ибо слишкомъ много потребовали отъ него.

Болѣзненное ощущеніе стыда наполнило все его существо. Онъ самъ себя презиралъ и душевно метался, не зная, какъ доказать себѣ, что онъ не одного презрѣнья достоинъ. Но все минуты послѣднихъ дней, позорныя, точно стѣною сплотились вокругъ его мыслей. Онъ не видѣлъ исхода, страдалъ.

Пронеслась конка, съ дребезжаніемъ и стукомъ. Раздался, откуда-то, раздрающій женскій крикъ...

Городовой, застывшій на посту, очнулся и зашагалъ.

Былъ одиннадцатый часъ. Прохожіе на улицахъ рѣдѣли. У воротъ чернѣли глыбообразныя фигуры дворниковъ, закутанныхъ въ тулупы. На Невскомъ электрической свѣтъ усиливалъ впечатлѣніе холода.

Владимиръ Алексѣевичъ шелъ медленно, нерѣшительною походкой, помня, что ему нужно сперва придти къ какому-нибудь заключенію, а потомъ уже прибыть домой. У подъѣзда какого-то ресторана, средней руки, онъ остановился и вошелъ.

Въ длинной залѣ, уставленной небольшими столами, народу было много. Офиціанты въ бѣлыхъ передникахъ, съ кружками пива въ рукахъ, шныряли, ловя заказы и отвѣчая „сейчасъ“... Волнистое облако табачнаго дыма плавно качалось подъ потолкомъ, синѣя.

Ратиминъ сѣлъ въ дальнемъ углу, у окна, придвинулъ къ себѣ столикъ и расположился поудобнѣе.

— Кружку пива, приказалъ онъ офиціанту, увидѣвъ, что предъ всѣми другими посѣтителями ресторана пиво стоитъ. Шумъ неумолкающаго говора гуломъ раздавался въ его ушахъ. Звонъ стакановъ и тарелокъ пріятно дразнилъ.

— Ну, теперь, подумаю...

Провѣривъ, Владимиръ Алексѣевичъ не нашелъ въ себѣ никакого чувства къ Негрѣховой. Онъ увидѣлъ весь ходъ своего увлеченія, какъ глупо и безпричинно оно зародилось въ немъ, и горечь наполнила ему сердце. Угадалъ онъ, что Евгенія Сергѣевна смѣялась надъ нимъ, задалась цѣлью его дурачить, и онъ, человѣкъ считавшій себя исключительно честнымъ и умнымъ, едва не поддался... нѣтъ, поддался совсѣмъ, очнулся слишкомъ поздно, истрепавъ душу, потерявъ возможность уважать себя.

Будь онъ одинъ—онъ заплакалъ бы, до того ему скверно сдѣлалось. Возмутилось въ немъ все, что являлось отголоскомъ его прежней безупречности. До сихъ поръ, онъ жилъ собою, уваженіемъ къ самому себѣ... до сихъ поръ.

— Нѣтъ, такъ нельзя. Надо круто порвать.

Владимиръ Алексѣвичъ потребовалъ перо, чернилъ и бумаги.

„Добрѣйшая Евгения Сергѣевна“, написалъ онъ, — „ушелъ я, забывъ сказать вамъ слѣдующее: ваша шутка до того меня удивила, что я не сразу нашелъ отвѣтъ. Онъ очень простъ, — переставьте шалить и не взъщипте за то, что я, изъ любопытства, далъ вамъ довести свою шутку до конца! В. Ратиминъ.“

Онъ понималъ, что поступаетъ глупо, но ему нужна была крайность, хоть искусственно вызванная, — рѣзкая нотка въ безцвѣтномъ хаосѣ его внутренняго міра. Ему надо было ясно продемонстрировать себѣ, что онъ отталкиваетъ Негрѣхову; провести графъ, чтобы свободно вздохнуть.

XIV.

Отправивъ письмо, Владимиръ Алексѣвичъ не ощутилъ облегченія. Напротивъ, еще болѣе гадкимъ и мелкимъ увидѣлъ онъ себя. Да, онъ, въ концѣ концовъ, не поддакъ; но развѣ это дѣлаетъ ему честь? Другой — тотъ Ратиминъ, которымъ онъ привыкъ было себя считать — не допустилъ бы себя до такого душевнаго шатапія, не увлекся бы первою встрѣчною красотой, не заволновался бы при видѣ хорошенькой интригантки, никогда. Какимъ пошлымъ представилось ему его былое самообожаніе, и какъ стыдился онъ того, что прежде былъ гордъ!

Мысль о женѣ заставила Владимира Алексѣвича густо покраснѣть. Вотъ женщина преданная ему. Нужды нѣтъ, что его дѣло не близко ея сердцу; этого нельзя было и требовать. Но она никогда не обманывала мужа, всегда была отраженіемъ своей собственной души... И онъ, часть тому назадъ, былъ готовъ поступить съ ней какъ съ самымъ презрѣннымъ человѣкомъ!.. Мимолетная фальшь все осквернила. Теперь уже не будетъ того, что было раньше... За послѣднее время, онъ такъ остранилъ отъ себя Валентину Петровну, что отнынѣ мыслимы только холодныя отношенія недовольныхъ другъ другомъ супруговъ... Не придетъ она къ нему, не скажетъ „брось газету!..“ Напротивъ, она будетъ благодарить Бога за то, что мужъ ея занятъ и далекъ отъ нея, нелюбимый. Вѣдь нельзя любить человѣка показавшаго себя такимъ мелкимъ и достойнымъ презрѣнія. Ничего нельзя къ нему чувствовать, кромѣ гадливости.

И холодное уныніе легло на Ратимина ярмомъ. Безрадостность предстоящей жизни его пугала. Онъ не ощущалъ въ себѣ силы, энергіи... Ласки ему хотѣлось, такой ласки, какой онъ давно не зналъ, — материнской.

— Нѣтъ, ничего не надо, рѣшилъ Владимиръ Алексѣвичъ, почти вслухъ. — Къ чему гнаться за тѣмъ, чего лишился? Зачѣмъ мечтать о семейномъ счастьи, когда мое постыдное увлеченіе разрушило послѣднія развалины того, что могло окрѣпить и семейнымъ счастьемъ стать... Есть у меня дѣло, хорошее, честное, — отдамся ему.

Кругомъ, толпа густѣла. Всѣ столы были заняты. Говоръ становился громче и сплошнѣй. Папирозный и сигарный дымъ застилалъ верхнюю половину залы. Торопливѣе бѣгали официанты, поспѣшнѣ наливали пиво въ кружки, изъ нарядныхъ искусственныхъ бочекъ, вдѣланныхъ въ стѣну, за спиной толстой буфетной дамы.

Владимиръ Алексѣвичъ увидѣлъ около себя на подоконникѣ газету, взялъ и развернулъ ее. Это былъ номеръ „Публициста“. Поразилъ его заголовокъ фельетона: „Честная редакция“. Онъ сталъ читать и, съ первыхъ же строкъ, поблѣднѣлъ, ужаснулся... статья направлена, съ бранью, противъ него, противъ „Столицы“... Говорилось о Вратимовѣ, редакторѣ „Города“, рассказывали, что это человѣкъ всюду кричащій о своихъ собственныхъ добродѣтеляхъ, что не помѣшало

ему продать себя актрисѣ Непороковой, если не за рубль, то за милостивое расположеніе...

Говорилось, что „честный“ (такъ и было напечатано въ ковычкахъ) Вратимовъ не продаетъ своихъ отзывовъ, но что имѣется у него товарищъ, рыжій разбойникъ Ослабекинъ, который за него беретъ взятки и оставляетъ себѣ третью за комиссію... Сообщалось, что дѣльные сотрудники, Боронскій, Крушининъ и Колыниковъ ушли, возмущенные, такъ какъ Вратимовъ нашелъ болѣе удобнымъ для своихъ цѣлей поручить всѣ отдѣлы Ослабекину и Разметкину, которые не то чтобы на руку не чисты, а просто жулики.

...Указывалось на передовую статью о Болгаріи, составленную изъ фразъ, безъ измѣненій понадерганыхъ изъ обзорнѣй „Времени“ и „Петербурга.“ Подъ конецъ, красовались два столбца пошлаго глумленія надъ Вратимовымъ, и стояла подпись „Молодеца“, извѣстный псевдонимъ журналиста, всегда пишущаго свои статьи въ такомъ тонѣ, какъ будто онъ садился за работу получивъ предварительно пощечину.

Дочитавъ, Владимиръ Алексѣвичъ вытеръ холодный потъ, выступившій у него на лбу.

— Дайте газеты, какія у васъ есть! приказалъ онъ официанту.

Ему принесли „Время“, „Вѣсти“, „Петербургъ“ и „Столицу“. Въ первыхъ двухъ, о немъ не упоминали, — игнорировали, очевидно. Въ „Петербургѣ“, въ отдѣлѣ „Наши газеты“, было всего нѣсколько словъ о немъ, но въ этихъ нѣсколькихъ словахъ было столько ехидства, что Ратиминъ увидѣлъ, до какой степени онъ уронилъ себя. Надъ нимъ глумились, какъ надъ отпѣтымъ человѣкомъ; отзывались о „Столицѣ“ съ какимъ-то новымъ торжествующимъ злорадствомъ.

Владимиръ Алексѣвичъ схватилъ свою газету и, въ первый разъ за полторы недѣли, прочиталъ ее. Онъ не узнавалъ „Столицы“. Вся первая страница была покрыта Бекинскимъ слогомъ; на второй ширился никогда не существовавшій раньше фельетонъ „изъ петербургской жизни“, несомнѣнно принадлежавшій Разметкину и составленный въ духѣ трактирныхъ листовъ. Рядъ восторженныхъ библиографическихъ замѣтокъ о третьестепенныхъ изданіяхъ также, очевидно, былъ написанъ имъ-же. О послѣднихъ извѣстіяхъ изъ Парижа было помѣщено два столбца, склеенныхъ изъ статей „Figaro“, навѣрно. На третьей страницѣ было напечатано неуклюжее юмористическое стихотвореніе на кафешантанная темы, вставленное, несомнѣнно, на затычку.

Владимиръ Алексѣвичъ швырнулъ газету подъ столъ, оглянулся... Кругомъ сидятъ добродушные нѣмцы, ни одного знакомаго нѣтъ... А то бы онъ сгорѣлъ со стыда...

— Вотъ до чего дошелъ я! Даже тупица Бекинъ замѣтилъ, что нечего больше стѣсняться... Да, но я его протурю, каналья, сегодня-же, не дамъ себя позорить! прошепталъ Ратиминъ.

И ему вспомнились слова, сказанныя Петромъ Леонтьевичемъ наканунѣ: „у насъ значительно поднялась розничная продажа...“

— Еще-бы!.. Каналья! Прогнать его надо, немедленно...

„Да, а потомъ что?“ подумалъ Владимиръ Алексѣвичъ и не нашелъ отвѣта. И онъ внезапно увидѣлъ, что порвалась связь, существовавшая между нимъ и „Столицей“. Онъ любилъ въ ней себя, прежде всего, любилъ въ ней ея честность. Теперешняя „Столица“ ничего не вызвала въ немъ, кромѣ отвращенія. Не ощущалъ онъ въ себѣ охоты поправить все, энергія пала, остыла...

— Да, что-жь... прогону всю эту шайку, а потомъ... потомъ... ахъ! Да развѣ мнѣ не все равно!

Владимиръ Алексѣвичъ совершенно хладнокровно обсудилъ свое положеніе. У него больше ничего нѣтъ.

Семья испорчена, дѣло разбито. Будетъ онъ продолжать машинально, безъ вѣры въ себя, зная, что никто не захочетъ вѣрить ему, какъ бывало. Отнынѣ, онъ не можетъ оглядываться съ гордостью назадъ и смотрѣть съ надеждой на будущіе годы.

Владимиръ Алексѣевичъ взглянулъ на часы. Первый въ началѣ. Пора домой, ждетъ номеръ. Онъ прочитаетъ его, конечно не подишетъ, велитъ разобрать. Черезъ два дня выступить онъ съ новымъ составомъ редакціи; но развѣ это можетъ и должно радовать его?

Ресторанная зала начинала пустѣть. Чаще и чаще раздавались крики „zahlen!“ и шумъ отодвигаемыхъ стульевъ. Одинъ господинъ, совсѣмъ пьяный, заснулъ, положивъ голову на столъ. Свѣтъ газоваго рожка весело отражался на его лысинѣ. Сосѣди кивали на него, посмѣивались.

Когда Ратиминъ сходилъ съ лѣстницы, неожиданно вспомнились ему строки:

Любви всѣ возрасты покорны...
Ея порывы благотворны...

Литературно-критическія миниатюры.

Лирика Пушкина.

Лирическія стихотворенія, въ ряду художественныхъ произведеній, занимаютъ, какъ извѣстно, свое особое мѣсто. Они — плодъ мгновенныхъ, минутныхъ настроеній душевныхъ. Уже вслѣдствіе этого они должны отличаться большимъ разнообразіемъ, могутъ быть противорѣчивы другъ другу. Все что переживаетъ свою душу поэтъ—все это онъ можетъ передать въ лирическихъ произведеніяхъ. Сегодня онъ веселъ и смотритъ на міръ Божій радостно — онъ пишетъ стихотвореніе полное радости и живыхъ ощущеній жизни; завтра ему грустно, тѣлными и скоропреходящими представляются ему радости жизни, — и это, противоположное первому настроенію, онъ передаетъ звучными стихами. Для лирической поэзіи, говоря вообще, нѣтъ предѣловъ, нѣтъ ограниченій, въ нее входитъ все, что не чуждо душевной жизни человѣка. Лирика поэта есть лѣтопись духовнаго существованія его, въ нее заноситъ онъ все, что его поразило, тронуло, что такъ или иначе взволновало его духовную природу, его умъ и сердце. И единственнѣе разумнымъ требованіемъ отъ поэта будетъ то, чтобы онъ съ возможною искренностью и полнотой передавалъ полное и искреннее чувство, чтобы „отъ избытка сердца говорили его уста.“

Напрасно было бы искать какой-то особенной непосредственной пользы отъ произведеній поэта, особенно произведеній лирическихъ. Если для насъ полонъ высокаго поучительнаго смысла простой прозаическій рассказъ о жизни выдающагося человѣка, т. е. его біографія, то тѣмъ вліятельнѣе, тѣмъ болѣе облагораживающее значеніе имѣетъ исторія душевной жизни поэта, разсказанная имъ самимъ въ лирическихъ произведеніяхъ. Тамъ, въ біографіи, вамъ говорятъ, что герой ея испыталъ такое-то и такое-то чувство—жалости, презрѣнія, негодованія, — и болѣе ничего сказать не могутъ. А поэтъ разскажетъ вамъ не только, *какое* чувство испыталъ онъ, но и *какъ* испыталъ, представитъ вамъ его въ формѣ осязательно ясной, и заставитъ самихъ васъ испытать его. Исторія душевной жизни поэта пройдетъ передъ вами не въ сухой формѣ перечня душевныхъ волненій, а вы сами переживете жизнь поэта. И если принять во вниманіе, что истинный поэтъ всегда такъ—сказать „натура центральная“, наиболѣе впечатлительный и чуткій человѣкъ своего времени, то указываемое значеніе его возрастаетъ до высокой степени. Обыкновенный, менѣе чуткій человѣкъ отзывается только на часть мыслей и чувствъ которые волнуютъ современниковъ; другой изъ этихъ обыкновенныхъ людей отзовется на другое, такъ или иначе захватывая мее, волнующее его; третій — на третье. Но чуткая натура поэта объединитъ въ себѣ всѣхъ ихъ, отзовется на всѣ вопросы времени, на всѣ чувства и мысли интересныя для его современниковъ. Въ его лицѣ — все время со всѣми его характеристическими особенностями; онъ—истинное зеркало духовной жизни цѣлаго періода времени. Это придаетъ поэту какъ бы временное преимущественное значеніе. Но великій нѣмецкій поэтъ выразилъ великую и истинную мысль, сказавъ: „кто жилъ для своего времени, тотъ жилъ для всѣхъ временъ“. Потому что истинно человеческое свойственно всѣмъ временамъ и всѣмъ людямъ; мѣняются только формы, частію содержаніе чувствъ и мыслей, но сущность остается та же. Всегда люди любили и будутъ любить, всегда ненавидятъ, всегда волнуются новыми задачами и вопросами ихъ жизни. И вся разниця въ томъ, что сегодня они стремятся, напр., къ общему благу однимъ путемъ, а чрезъ десятки лѣтъ поймутъ иначе свою задачу; но самое стремленіе останется вѣчно юнымъ и прекраснымъ, и всегда будетъ понятно людямъ, всегда они отзовутся на него. Пусть читатель иного времени и не найдетъ въ поэтѣ того, что составляетъ особенность его времени, но онъ самъ замѣнитъ современное поэту своимъ современнымъ, лишь бы поэтъ передалъ въ своей поэзіи то, что было дѣйствительно общечеловѣческаго въ современномъ ему. Такъ, тысячелѣтія спустя, мы способны волноваться страстями героевъ великой эпопеи паденія Трои, хотя насъ совсѣмъ не касаются стремленія ихъ, ихъ подвиги и замыслы.

Все вышесказанное почти въ идеальной степени применимо къ Пушкину. Пушкинъ былъ именно такимъ поэтомъ, который, живя для своего времени, жилъ для всѣхъ временъ. Въ его

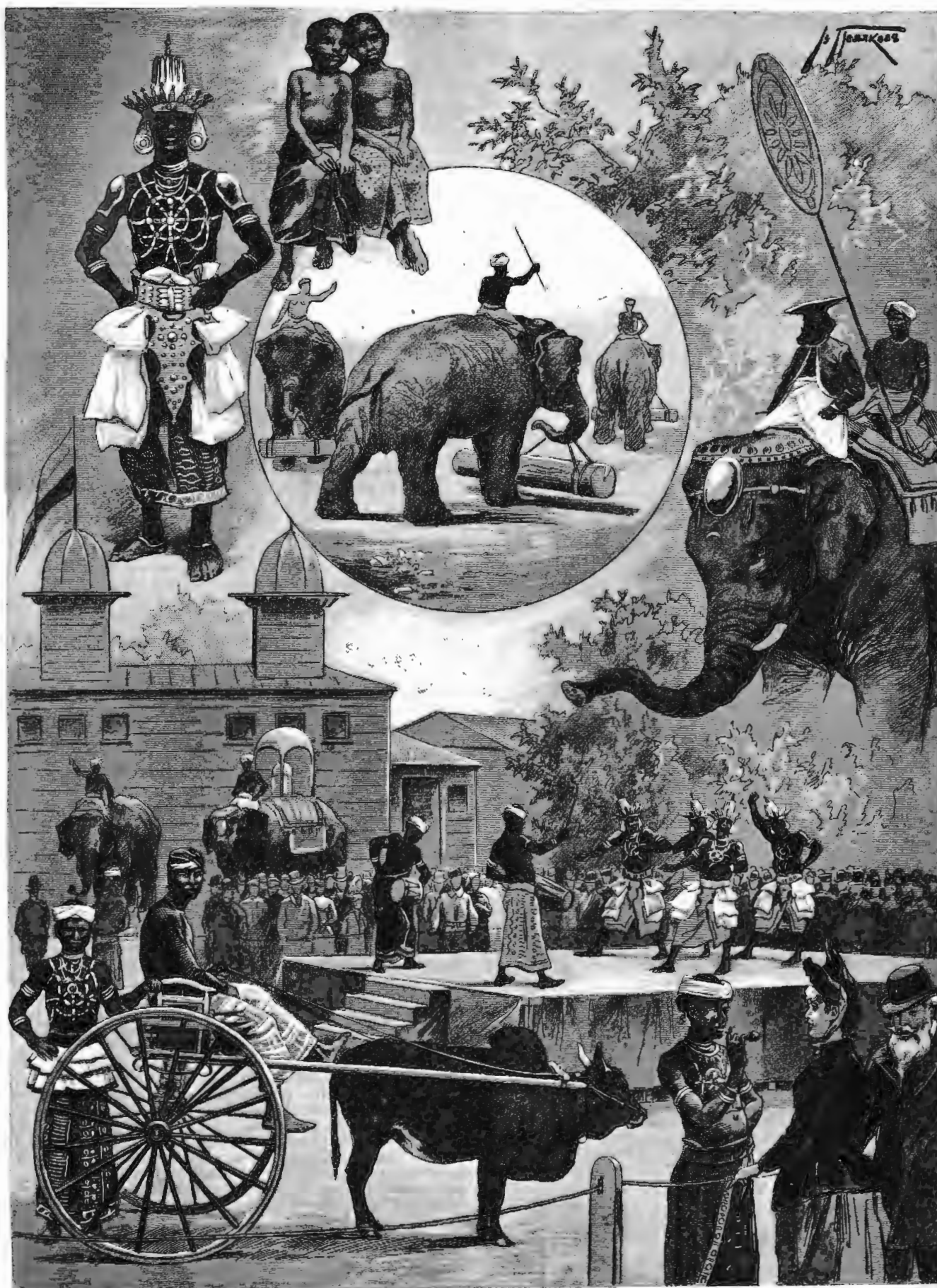
лирѣ нѣтъ пристрастій, возникшихъ подъ вліяніемъ условій жизни того времени; но вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ пристрастій, онъ отозвался на все, что не чуждо человѣку. Въ его стихотвореніяхъ вы найдете и самое обыкновенное, повседневное, чѣмъ не могъ не жить ни онъ, ни его современники; а рядомъ съ этимъ, передъ читателемъ возникаютъ и тревожнѣйшіе, важнѣйшіе по времени, даже иногда по минутѣ, вопросы времени. Въ немъ не было односторонности, онъ искренно отражалъ въ стихахъ и свои личныя чувства, и тревожнѣйшія чувства, исходящія изъ вопросовъ общественныхъ. Сегодня онъ воспѣвалъ свою любовь, завтра обращался къ важнѣйшему тогда вопросу объ отношеніяхъ Славянства съ его внутренней борьбой къ Западной Европѣ („Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская Годовщина“, напр.). Въ этомъ разнообразіи, въ этой разносторонности сказалась богатая поэтическая натура, въ ней—доказательство гениальности поэта.

Есть мнѣніе, что многое въ поэзіи Пушкина, какъ и другихъ поэтовъ, не нужно, излишне, представляетъ „красивыя бездѣлки“. Есть чувства и волненія, говорятъ намъ, которыя достойны пера поэта, и есть чувства которыя поэтъ можетъ, такъ сказать, оставить про себя: весьма естественно, если поэтъ вдохновляется вопросами народнаго блага, но кому нужно знать, кого онъ любилъ, что онъ чувствовалъ во время товарищескаго пира и т. п.? Ничего не можетъ быть фальшивѣе такого требованія отъ поэта. Личная жизнь, въ ея, конечно, общечеловѣческихъ свойствахъ, чувства любви, дружбы и пр. и пр., въ жизни человѣчества играютъ не меньшую, а гораздо болѣе большую роль, чѣмъ исключительныя высокія стремленія и волненія. Представлять эти чувства въ идеальныхъ, лучшихъ свойствахъ ихъ, какъ это дѣлаетъ поэтъ, — великое дѣло, облагораживающее мысли и чувства читателей. Повседневное, кажущееся незначительнымъ, въ сущности составляетъ самую основу жизни. Развѣ есть хоть одинъ человѣкъ, который бы жилъ исключительно и нераздѣльно одною идеею, напр. славы?—такой человѣкъ былъ бы неумеренно психически. Идеи не мѣшаютъ ни любить, ни ненавидѣть, ни дружить, ни веселиться и печалиться и пр. Точно также и поэтъ, отражающій искренно свою душевную жизнь, не можетъ оставаться въ средѣ только высокыхъ общественныхъ идей. Да если бы и было это возможно, вмѣсто ожидаемой пользы получился бы вредъ, потому что высокія общественныя чувства и стремленія возникаютъ на почвѣ личныхъ; напр., чтобы умѣть любить родину и честь родины, нужно сначала выучиться любить мать, близкихъ и уважать ихъ. Поэзія, игнорируя личную жизнь, личныя чувства, не развивая и не поддерживая ихъ, строила бы зданіе съ крыши, а не съ фундамента.

Какъ истинный поэтъ, Пушкинъ зналъ и чувствовалъ это. Онъ свободно отдавался своему вдохновенію, куда бы оно ни вело его. И когда къ нему обращалось требованіе „полезныхъ“ произведеній, онъ, въ извѣстномъ сонетѣ „Поэту“, совѣтовалъ „не дорожить любовію народною“, потому что поэтъ „самъ свой вышій судъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ зналъ ту „пользу“, которую онъ приноситъ, сказавъ въ „Памятникѣ“, что къ его нерукотворному памятнику „не заростетъ народная тропа“, потому что онъ „чувства добрыя возбуждалъ“.

Будучи искреннимъ, Пушкинъ оставилъ намъ множество стихотвореній касающихся прямо его индивидуальной жизни. Въ нихъ, съ лицейской скамьи и до смерти, онъ передавалъ все, что западало ему въ душу. Мы находимъ въ нихъ и его негодованіе противъ неправды въ дѣломъ радѣ эпиграммъ, и его мысли о неизбежномъ концѣ („Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ“), и его радости и печали по поводу самыхъ разнообразныхъ случаевъ, и порывы его любви и пр. Богатая, гениальная природа поэта развертывается передъ вами въ пышной, ослѣпительной красотѣ и силѣ.

Пушкинъ чутко отзывался въ своей поэзіи на тогдашніе общественные вопросы. При неясности, при невыработанности идей этого рода, вопросы эти въ то время носили совсѣмъ особый характеръ, для насъ уже нѣсколько чуждый. Пушкинъ выразилъ въ „Демонѣ“ сущность этого общественнаго настроенія. Когда ему еще новы были всѣ „впечатлѣнія бытія“, вмѣстѣ съ „взорами дѣвъ и шумомъ дубравы“, онъ отмѣчаетъ то, что

Цейлонцы въ СПб. Зоологическомъ саду. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Полякова, фотохемиграфия П. Яблонскаго, въ СПб.

Каттадія—служитель дьявола.

Цейлонскій дѣти.

Слоны на работѣ.

Слононь изъ торжественной процессіи Перра-Герра.

Бычокъ зебу, запряженный въ хакорѣ.

Пляска каттадіевъ.

ему сладко волновало кровь. Это были: „возвышенные чувства, свобода, слава и любовь, и вдохновенныя искусства“. И эта святая вѣра его получаетъ яркое отраженіе въ его стихотвореніяхъ. Какое высокое представленіе о „вдохновенныхъ искусствахъ“ въ его „Пророкъ“! какаѣ боль за рабство въ его „Апчаръ“! и какое высокое представленіе о „славѣ“, когда онъ совѣтуетъ „не дорожить любовью народной“!

Пушкину, въ пору зрѣлости его таланта, знакомы были, однако, и сомнѣнія въ истинности его идеаловъ. Въ „Демонѣ“ онъ ярко отразилъ эти сомнѣнія, которыя позже въ обществѣ получили большую силу. Демонъ Пушкина „вдохновенно презиралъ“, „не вѣрилъ любви, свободѣ, на жизнь насмѣшливо глядѣлъ“. Въ этомъ стихотвореніи нѣчто пророческое, оправдавшееся впоследствии цѣлыми общественными теченіями и показывающее, какъ далеко видѣли впередъ проинцательныя очи великаго поэта. Въ пору зрѣлости гения своего Пушкинъ обнаружилъ также необыкновенно гениальную способность лирически воспроизводить не свое, а чужое для него душевное настроеніе съ силою поражающею (какъ напр. въ стихотвореніи „Гусаръ“). Въ „Пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ“ передъ читателемъ раскрывается дивное древне-русское содержаніе, полное прелесть необыкновенной.

Къ рисункамъ.

Императорскій театр въ Вѣнѣ. (Рис. на стр. 937).

Послѣ 14-ти-лѣтней постройки, 2 октября прошлаго года открылся новый придворный драматическій театр въ Вѣнѣ, который не имѣетъ себѣ подобнаго въ цѣломъ свѣтѣ въ техническомъ, архитектурномъ и художественномъ отношеніи и по всей справедливости можетъ быть названъ образцовымъ театромъ. Большія денежные средства, которыя были въ распоряженіи, дали возможность руководившему постройкой зодчему Карлу фонъ-Газенауеру, по рисункамъ Земпера и при содѣйствіи вѣнскихъ художниковъ, создать въ своемъ родѣ нѣчто вполне законченное. Самое подробное описаніе, снабженное множествомъ рисунковъ, не дало бы полнаго представленія о новомъ театрѣ; поэтому мы ограничиваемся помѣщеніемъ только изображенія вѣшняго вида его. Великолѣпная постройка, въ стилѣ современнаго возрожденія, возвышается противъ новой ратуши и представляетъ, благодаря выступающей полукруглой своей части по срединѣ, къ которой примыкаютъ съ боковъ двѣ пристройки,—своеобразный архитектурный характеръ, производящій, при богатыхъ украшеніяхъ, орнаментальныхъ и скульптурныхъ, впечатлѣніе зданія, блестящаго и великолѣпнаго въ высшей степени. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливается когда вступаешь во внутреннй театр. Повсюду мраморъ, живопись, позолота. Обѣ лѣстницы, ведущія къ ломамъ, изъ мрамора. Фойе также по стѣнамъ облицовано сѣрымъ и красноватымъ мраморомъ и украшено живописью и люстрами съ канделябрами изъ золоченой бронзы. Зрительная зала, бѣлая съ темновишневымъ и позолотою, вмѣщаетъ 2000 человекъ. Императорская ложа справа, и эргерцогская слѣва, а также парадная ложа посрединѣ, отдѣльными коридорами и лѣстницами соединены между собою и снабжены особыми для каждой аванзалами. Великолѣпныя ихъ не поддаются описанію. Сцена, вся изъ желѣза, построена по новой системѣ. Всѣ превращенія на сценѣ, провалы и т. п. происходятъ почти безшумно посредствомъ гидравлическихъ приспособленій. Не менѣе удивительны вентиляція, отопленіе и освѣщеніе. Безчисленныя картины на плафонѣ и по стѣнамъ, фрески, изваянія, статуи и пластическіе орнаменты не поддаются описанію въ краткой замѣткѣ. Стоимость этого чудеснаго зданія простирается до 7 милліоновъ гульденовъ.

Подслушиваетъ. (Рис. на стр. 940).

Хорошенькая картинка Карла Мюкке переноситъ зрителя въ голландскій или фризскій рыбацкій домикъ. Въ отворенную дверь видна влюбленная парочка въ просторной кухнѣ, отличающейся тою голландскою чистотой и опрятностью, которыя вошли въ пословицу. Увлеченные рѣчами, значеніе которыхъ, по словамъ поэта, „темно иль ничтожно“, но которымъ нельзя внимать безъ волненія, они не замѣчаютъ, что ихъ воркованье осторожно, но съ большимъ вниманіемъ подслушиваетъ милостивая голландка, быть-можетъ соперница счастливой влюбленной, а скорѣе, просто случайная свидѣтельница, любопытная, какъ и всѣ дочери Евы.

Прерванное свиданіе. (Рис. на стр. 941).

Картинка академика Трутовскаго изъ малорусской жизни всегда отличаются необыкновенно вѣрнымъ изображеніемъ быта и типичностью фигуръ. Вотъ передъ нами зажиточный, сѣдой уже крестьянинъ, изъ лучшихъ домохозяевъ на всемъ хуторѣ, взявшій къ себѣ въ батраки красиваго паробка. Дочкѣ домохозяйина приглянулся паробокъ, и самъ не прочь взять ее замужъ, но старшій (отецъ) зорко слѣдитъ за нею, не желая такой *mésalliance* своего рода, т. е. по деревенскимъ понятіямъ. Тѣмъ не менѣе молодежь ипегтъ случая перекинуться

Мы говорили до сихъ поръ болѣе о содержаніи поэзіи Пушкина. Но „форма“ поэзіи,—то, какъ, какими средствами поэтъ выражаетъ это содержаніе,—не второстепенный элементъ въ поэзіи, а болѣе важный. Можно и хорошую идею испортить дурною формою, сдѣлать ее непонятною, неясною. Но формы Пушкинской поэзіи неподражаемы.

Пушкинъ обладалъ въ этомъ смыслѣ свойствомъ почти исключительнымъ, состоящимъ въ томъ, что при страстномъ чувствѣ онъ остается недостижимо простымъ. Прочтите любое его стихотвореніе, и вы никогда, ни одного слова не найдете у него, которое было-бы „эффектно“. Пушкинъ былъ исключительно страстный человекъ. Но въ его стихотвореніяхъ свѣтится такое простое, обыкновенное, повидимому совсѣмъ не выдающееся чувство! Ни однимъ звукомъ не подчеркиваетъ онъ силы. Естественно, что вы слышите эту чарующую искренность, и если вы не испорчены стремленіями къ громкому, трескучему, то вы невольно преклонитесь передъ великимъ гениемъ Пушкина. Притомъ всякая мысль и чувство облекается у Пушкина въ „образъ“, простой и реальный, что дѣлаетъ идею ощутительною совершенно. Чувство правды и мѣры всюду господствуетъ въ лирикѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи онъ остается понышѣ безъ соперниковъ въ русской литературѣ. Арсеній Введенскій.

словечкомъ—пошла Оксана за водой и встрѣтивъ Грица у калитки на задворкахъ, только что поставила ведра на-земь, чтобъ поболтать, какъ вдругъ отецъ шастъ съ задняго крыльца. Какъ тутъ быть? Присѣла дѣвушка на корточки за калитку, а предательскія ведра и выдаютъ ея близкое присутствіе. И вотъ дѣло пошло на то, кто кого перехитритъ.

Подъ осень. (Рис. на стр. 945).

Изящная картинка Джаметти изображаетъ молодую дѣвушку, прогуливающуюся по саду въ началѣ листопада и слегка кутающуюся въ прохладѣ начинающихся угрениковъ.

Отдыхъ валаамскихъ иноковъ. (Рис. на стр. 948).

Валаамская братія, какъ извѣстно, ведетъ трудовую жизнь, обрабатывая свои земельные участки, занимается рыболовствомъ и т. д. Прилагаемый рисунокъ изображаетъ иноковъ, отдыхающихъ за чайкомъ на монастырскомъ покосѣ.

Боснійская деревушка. (Рис. на стр. 949).

Нѣкогда часть турецкаго вилайета, Боснія—высѣтъ съ Герцеговиной—запята съ 1878 года Австро-Венгріей, въ количествѣ 945,2 квадратныхъ миль. Расположенная къ сѣверу отъ Черногоріи и къ западу отъ Сербіи, Боснія сплошь покрыта горами и населена славянами, сербскаго происхожденія, которыхъ вмѣстѣ съ евреями, осѣдлыми цыганами и другими народностями насчитывается болѣе 1.158,000. Въ отличіе отъ настоящихъ сербовъ, жители называются босняками, говорятъ на сербскомъ языкѣ, сохранившемся въ Босніи совершенно чистымъ и полнымъ. Живетъ населеніе, кромѣ 43 городовъ и 31 мѣстечка, въ 5064 деревняхъ, одну изъ которыхъ изображаетъ нашъ рисунокъ, по наброску Шмарда, австрійскаго оберъ-лейтенанта оккупационныхъ войскъ, занявшихъ Боснію и Герцеговину.

Цейлонцы въ Петербургѣ. (Рис. на стр. 953).

Въ концѣ августа въ зоологическій садъ Роста прибылъ караванъ цейлонцевъ или сингалезовъ, въ 36 человекъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, со слонами и зебу. На родинѣ число собственно цейлонцевъ простирается до 1.670,000. Они произошли отъ смѣшенія исконныхъ обитателей острова „Дравида“ съ многочисленными пришельцами-индусами съ материка, что ясно доказываетъ ихъ языкъ „Элу“. Роста сингалезы средняго, не выше 2½ аршинъ, съ тонкими и правильными чертами лица и красивымъ тѣлосложеніемъ. Женщины ихъ племена часто бываютъ поражающей красоты. Цвѣтъ кожи сингалезовъ измѣняется отъ свѣтло-коричневаго или оливковаго почти до чернаго; глаза часто бываютъ свѣтло-каріе, но волосы всегда черные, длинные и шелковистые. Полигамія среди нихъ встрѣчается рѣдко. Женятся очень рано, безъ особенныхъ торжественныхъ обрядностей, и легко разводятся. Одежда простая, изъ яркихъ пестрыхъ тканей. Пища почти вся растительная. Сиротныхъ панитковъ они изъ религиозныхъ убѣжденій избѣгаютъ, хотя цивилизація коснулась уже прѣдѣловъ гостей, и они не столь воздержны какъ ихъ земляки на родинѣ. На Цейлонѣ они живутъ въ хижинахъ или на деревьяхъ. Умершихъ хоронятъ, а не сжигаютъ, какъ индусы. По религіи они придерживаются буддизма, который распространился среди нихъ въ IV вѣкѣ до Р. X.

Прибывшіе въ Петербургъ цейлонцы ходятъ босикомъ, въ живописныхъ костюмахъ, въ сергахъ, бусахъ и съ заплетенными косами. Мужчины по поясъ обнажены; женщины, числомъ 4, въ яркихъ платкахъ. Всѣ они почти не выкурываютъ изо рта трубки или сигары. Они очень общительны, подвижны и простодушны. Съ собою они привезли слоновъ, зебу, телѣжки и

пѣлый обозъ крайне интересныхъ предметовъ обихода — кувшины, палки, барабаны и всякаго рода другіе музыкальные инструменты. На большой эстрадѣ, посрединѣ сада передъ открытой сценой, они даютъ свое представленіе. Тутъ и танцы, и хожденіе по канату, и пѣніе, и ѣзда на крошечныхъ быкахъ — зебу, и упражненія со слонами! Особенно интересны танцы: религиозныя и національныя; всѣ они очень характерны. Въ особенности правится зрителямъ танецъ каттадівъ—такъ-называемыхъ слугъ дьявола.

Катастрофа въ Антверпенѣ. (Рис. на стр. 956 и 957).

25 августа (6 сентября), въ два часа пополудни, ужасающій взрывъ поколебалъ весь городъ Антверпенъ (въ Бельгій) и заставилъ столкнуться между собою самыя большіе корабли стоявшіе въ гавани: это взлетѣла на воздухъ патронная фабрика, устроенная за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ близъ бассейновъ. Почти безъ перерыва вслѣдъ затѣмъ громадный столбъ яркаго пламени, увѣнчанный густымъ чернымъ облакомъ дыма, вырисовался на голубомъ небѣ: это вспыхнули резервуары нефти, такъ-называемые *танки*, расположенные въ 15 саженьяхъ отъ патронной фабрики и воспламенившіеся отъ взрыва.

Паника населенія была неописуема: обезумѣвшіе жители выбѣгли на улицы, убитыя разбитыми стеклами, выбитыми оконными рамами, сорванными съ петель дверями, снесенными трубами и вывѣсками. На Виржѣ стеклянная крыша посыпалась мельчайшими дребезгами на толпу собравшихся тамъ купцовъ. Взрывъ ощущался въ самыхъ отдаленныхъ окраинахъ Антверпена, превращая въ дребезги самыя толстыя оконныя стекла. Надъ патронною фабрикою, на высотѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ, волновалось громадное бѣлое облако, густое и принимающее то форму снопа, то аэростата безъ тандола: это былъ результатъ вспыхивающаго 600,000 фунтовъ пороха и фульмината (пистоннаго воспламенительнаго состава въ патронѣ). Облако это было видно въ теченіе четверти часа, такъ что фотографъ *Illustration* успѣлъ его фотографировать (см. рис. на стр. 956). Остальные рисунки даютъ понятіе объ ужасающемъ

зрѣлищѣ въ различныхъ частяхъ города послѣ катастрофы. Здѣсь обезумѣвшая толпа тѣснится въ густомъ туманѣ взрыва; тамъ пожарные стараются отстоять складъ бочекъ съ нефтью, принадлежащій торговому дому Ритъ, обливая эти толевья бочки охлаждающими струями воды.

Жертвъ катастрофы насчитываютъ сотни. На фабрикѣ работало 114 человѣкъ, въ томъ числѣ много женщинъ и дѣтей; ни одинъ изъ нихъ не остался въ живыхъ. Обрушившіяся въ окрестностяхъ зданія, загорѣвшіеся дома, нули свиставшія во всѣхъ направленіяхъ, вырвали еще 200—300 жертвъ, изъ коихъ вѣроятно около половины были убиты на мѣстѣ. Отъ самаго склада патроновъ, его службъ и персонала найдены были лишь изуродованные остатки: добровольцы изъ гражданъ и солдаты-санеры вытаскивали изъ дымившихся развалинъ—кто оторванную ногу, кто руку, кто голову... Рисунокъ на стр. 957 лишь отчасти передаетъ эти ужасы.

Возлѣ самаго мѣста взрыва находилась группа сельскихъ домиковъ, составлявшая старинную мызу Ауструвиль, вошедшую нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ черту города: эти дома имѣютъ видъ подвергшихся настоящему бомбардированію. Нѣсколько зданій при бассейнахъ, какъ напр. такъ-называемые „Гидравлическіе дома“ совершенно разрушены. Къ счастью еще, вѣтеръ относилъ пламя и дымъ на Шелду: иначе скученные въ бассейнахъ корабли неминуемо стали-бы жертвою нефти, которая горѣла въ теченіе 36 часовъ.

Утверждаютъ, что на патронной фабрикѣ, принадлежавшей французу Корвилу, было до 50 милліоновъ патроновъ, скупленныхъ имъ какъ бракъ по дешевой цѣнѣ у испанскаго правительства для переработки на порохъ, причемъ болѣе половины оставались еще неразриженными. Противъ Корвилена начато судебное преслѣдованіе на томъ основаніи, что онъ не принялъ всѣхъ мѣръ предосторожности, предписанныхъ ему при разрѣшеніи основать фабрику въ чертѣ города.

На самомъ мѣстѣ фабрики образовалась огромная впадина почвы, которая заставляетъ специалистовъ предположить что въ числѣ патроновъ были и динамитные.

Политическое обозрѣніе.

Никогда Данія не принимала столько высокихъ гостей, какъ въ настоящее время.

17 августа прибыли въ Копенгагенъ Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Августѣйшими дѣтьми. Король Датскій и Греческій король въѣхали навстрѣчу Августѣйшимъ гостямъ и въ два часа пополудни были приняты на борту яхты „Держава“, у Драгера. Въ 3 часа 50 минутъ пополудни, Государь Императоръ съ Императорскою фамиліею были встрѣчены членами королевской фамиліи въ столицѣ Датскаго королевства, откуда, преслѣдуемая по роскошно убраннымъ улицамъ на вокзалѣ, отбыли въ Фреденсборгъ.

24 августа въ Копенгагенъ прибыла герцогиня Кумберландская и была встрѣчена членами Императорской и королевской фамилій на яхтѣ „Данеборгъ“. Батареи и русскія военныя суда произвели пушечный салютъ. Съ пристани Высочайшія особы преслѣдовали чрезъ роскошно украшенный городъ на вокзалъ и отбыли въ замокъ Фреденсборгъ, приветствуемыя восторженными кликами жителей. Кромѣ того въ Копенгагенъ придутъ вдовствующая императрица Викторія съ тремя дочерьми, а также ожидается пріѣздъ Шведскаго короля.

Въ замкѣ Фреденсборгѣ русская Августѣйшая семья проводитъ время въ своемъ кругу; официальныхъ празднествъ никакихъ не было до 30 августа, когда, по случаю тезоименитства Государя Императора, особы Императорской и королевской фамилій присутствовали на молебствіи въ русской церкви, а затѣмъ, среди орудіиныхъ салютовъ, отбыли на яхту „Держава“, гдѣ сервированъ былъ завтракъ. Городъ, а также русскія и датскія военныя суда убраны флагами. Огромныя толпы народа оглашали воздухъ восторженными кликами. Послѣ завтрака на Императорской яхтѣ „Держава“, Высочайшія особы, среди восторженныхъ кликовъ собравшейся массы публики, отбыли изъ гавани на вокзалъ и съ экстреннымъ поѣздомъ отправились въ Фреденсборгъ. Вечеромъ „Держава“ была великолѣпно иллюминирована, а на судахъ датской броненосной эскадры сожжены были фейерверкъ. На берегу народъ собрался огромными массами.

На слѣдующій день Ихъ Императорскія Величества и другіе Высочайшія особы прибыли въ полдень въ Копенгагенъ и завтракали у принца Вальдемара. Затѣмъ состоялся обѣдъ въ королевскомъ дворцѣ Амаленборгъ. Передъ обѣдомъ въ замкѣ Амаленборгъ, Государь Императоръ съ принцемъ Вальдемаромъ Датскимъ и король Христианъ съ Государынею Императрицею прогуливались по улицамъ города. Въ 9 часовъ вечера герцогиня Тира Кумберландская уѣхала изъ Копенгагена на датской королевской яхтѣ „Данеборгъ“, послѣ чего Августѣйшія особы вернулись въ Фреденсборгъ. Во время нахождения Высочайшихъ лицъ въ гавани, на Императорской яхтѣ „Держава“, великолѣпно иллюминированной, игралъ хоръ музыки.

Того-же числа Наслѣдникъ Цесаревичъ отправился, для присутствованія на маневрахъ въ Германіи, на императорской

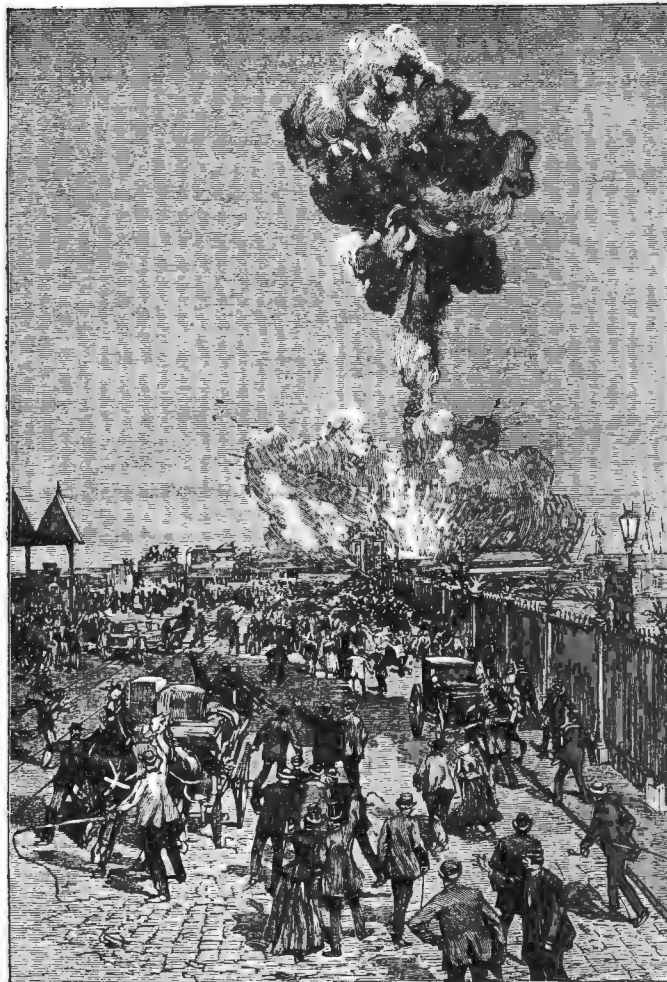
яхтѣ „Царевна“ изъ Корсера въ Киль, куда и прибылъ благополучно въ 3¼ часа пополудни. Фортовыя батареи и военныя суда произвели салютъ. На пристани Его Высочество былъ встрѣченъ командующимъ адмираломъ, всѣми офицерами кильскаго гарнизона и барономъ Фредериксомъ, прибывшимъ изъ Петербурга, чтобы состоять при Особѣ Его Высочества. Всѣ зданія украшены флагами. Въ 4 часа 35 минутъ Его Высочество отбылъ въ Ганноверъ. Въ бытность свою въ Килѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ съ визитомъ въ замокъ у супруги принца Генриха Прусскаго, гдѣ и обѣдалъ. Населеніе встрѣчало Его Высочество самымъ радушнымъ образомъ.

Въ Ганноверѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ въ десятомъ часу вечера и былъ встрѣченъ на вокзалѣ императоромъ Вильгельмомъ и другими, находившимися въ Ганноверѣ царственными лицами. Его Высочество былъ въ мундирѣ своего прусскаго гусарскаго полка, а императоръ — въ мундирѣ своего русскаго полка. Императоръ нѣсколько разъ обнималъ Высокаго гостя. Поздоровавшись съ другими принцами и обойдя фронтъ почетнаго караула, Наслѣдникъ Цесаревичъ, вмѣстѣ съ императоромъ Вильгельмомъ, въ открытой коляскѣ четверкою отправился въ замокъ, гдѣ Его Высочество сердечно былъ приветствованъ императрицею Августою-Викторіею и супругою принца Альбрехта Прусскаго. На пути слѣдовавшій Высочайшаго гостя въ замокъ, дома были великолѣпно убраны и войска были поставлены шпалерами. Населеніе приветствовало Его Высочество восторженными кликами „ура!“ 1 сентября, Наслѣдникъ Цесаревичъ отправился съ генераломъ Гольцомъ въ коляскѣ шестеркою на мѣсто парада. Народъ приветствовалъ Его Высочество восторженными кликами; Наслѣдникъ Цесаревичъ отвѣчалъ на приветствія поклонами. Во время парада Его Высочество, верхомъ на великолѣпномъ конѣ, находился рядомъ съ императоромъ Германскимъ и внимательно слѣдилъ за движеніями войскъ. По окончаніи парада, Наслѣдникъ Цесаревичъ, вмѣстѣ съ императоромъ, ѣхалъ верхомъ во главѣ войскъ. Въ 5 часовъ пополудни состоялся въ замкѣ парадный обѣдъ, на которомъ присутствовала Германская императорская чета, другія царственные лица и генералитетъ. При шествіи къ столу императрица Августа-Викторія шла об руку съ Его Высочествомъ. За столомъ Его Высочество занялъ мѣсто между императрицею и принцемъ Георгіемъ Саксонскимъ. Вечеромъ былъ парадный спектакль. Во время спектакля въ блестяще освѣщенномъ театрѣ, Государь Наслѣдникъ занималъ мѣсто рядомъ съ императрицею. Шла пьеса „Testament des Grossen Kurfürsten“.

2 сентября, въ 8 часовъ утра, Его Высочество съ императоромъ отправился въ экипажѣ, четверкою, на маневры въ лагерь, куда также прибыла верхомъ императрица. Маневры прошли въ полномъ порядкѣ. При обсужденіи результатовъ маневровъ, Его Высочество находился возлѣ императора Вильгельма, который ему и объяснялъ всѣ подробности.

По окончаніи маневровъ Наслѣдникъ Цесаревичъ вернулся изъ лагеря съ императоромъ въ экипажѣ. Затѣмъ былъ обѣдъ гражданскихъ властей. Вечеромъ парадная заря, въ которой участвовало 17 хоровъ музыки, въ общемъ 380 человекъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ и императоръ Вильгельмъ слушали зарю изъ окна зимняго сада. На слѣдующее число утромъ Наслѣдникъ Цесаревичъ и ихъ величества присутствовали на молебствіи, отслуженномъ на площади Ватерлоо, а послѣ полудня посетили офицерскія скачки 10-го армейскаго корпуса. 4 числа Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ утромъ съ императоромъ Вильгельмомъ въ Шпринге на кавалерійскіе маневры, откуда отбылъ къ гусарскому своему имени полку.

На маневрахъ императоръ Вильгельмъ командовалъ двумя кавалерійскими дивизіями; Наслѣдникъ Цесаревичъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ дѣйствій и ѣздилъ съ войсками въ нѣсколько атакъ. Императоръ провелъ предъ Его Высочествомъ всю кавалерію (въ составѣ 70 эскадроновъ) галопомъ. Затѣмъ Наслѣдникъ Цесаревичъ провелъ предъ императоромъ полкъ Своего имени, и, какъ командиръ, выразилъ удовольствіе по поводу блестящихъ дѣйствій полка. По окончаніи маневра Его Высочество уѣхалъ съ императоромъ въ экипажѣ въ охотничій замокъ Шпринге. 5 сентября,

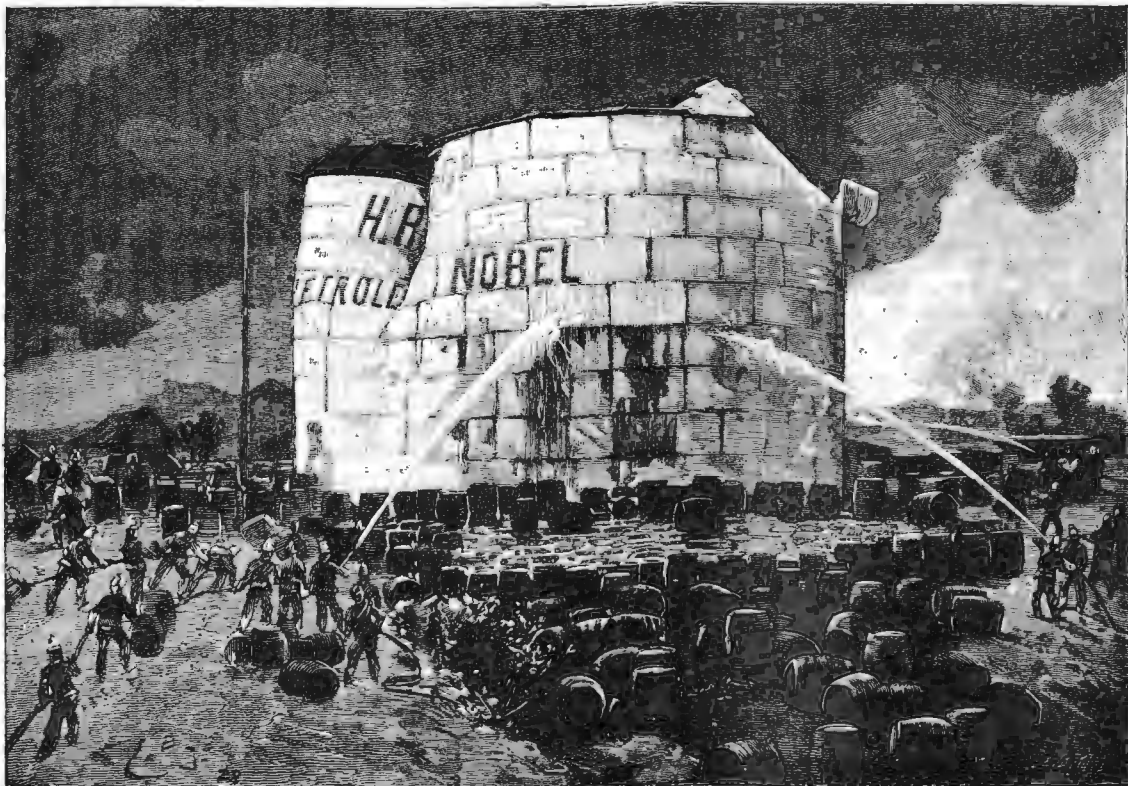

Антверпенская катастрофа. Дымное облако надъ мѣстомъ взрыва. Фотохемиграфія П. Яблонскаго, въ СПб.

Наслѣдникъ Русскаго престола простился съ гостепріимнымъ хозяиномъ. Разставаніе было проникнуто задушевностью; императоръ проводилъ Его Высочество до поѣзда и при прощаніи поцѣловалъ его. Прощался, Его Высочество нѣсколько разъ выразилъ удовольствіе по поводу своего посѣщенія. Вся почетная стража провожала Наслѣдника Цесаревича въ Киль.

Въ 4 часа утра прибылъ въ Киль съ экстреннымъ поѣздомъ Наслѣдникъ Цесаревичъ въ сопровожденіи почетной стражи и былъ встрѣченъ гофмаршаломъ Зекедорфомъ. Съ вокзала Его Высочество направился нѣшкомъ къ Лензенбрюке, гдѣ съ нимъ простились германскіе сановники, командующій адмиралъ графъ Гольцъ и офицеры флота. Наслѣдникъ Цесаревичъ отбылъ на лодкѣ къ яхтѣ „Царевна“, которая около 5 час. ушла въ Данію. Всѣ извѣстія о пребываніи Наслѣдника Цесаревича въ Германіи свидѣтельствуютъ, что императоръ Вильгельмъ все время относился къ Его Высочеству съ особенною сердечностью. Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ единственнымъ изъ царственныхъ гостей, который вмѣстѣ съ императоромъ занималъ покои въ тѣсномъ охотничьемъ замкѣ Шпринге. Германскія газеты, описывая пребываніе Наслѣдника Цесаревича въ Германіи, не высказываютъ никакихъ политическихъ соображеній.

Избирательная борьба во

Антверпенская катастрофа. Пожарные отставившіе складъ Рита. Фотохемиграфія П. Яблонскаго, въ СПб.

Франція ведется без особеннаго задора и шума, но упорно и настойчиво. До 1 сентября во всей Франціи выставлено 1,610 кандидатов, т. е. не болѣе 3 кандидатов на каждый избирательный округъ. Противники правительственной партіи и сторонники пересмотра конституціи дѣйствуютъ съ большимъ тактомъ и вѣжливымъ спокойствіемъ. Распадаясь собственно на 3 группы: искреннихъ республиканцевъ, примирившихся съ республикою и желающихъ пересмотра конституціи, они насчитываютъ въ своей средѣ не только буланжистовъ, орлеанистовъ и монархистовъ, но даже радикаловъ и многихъ лицъ изъ другихъ политическихъ фракціи, стремящихся къ одной главной цѣли: пересмотру конституціи. Дѣйствуютъ эти партіи чрезвычайно единодушно. Предлагая до 450 кандидатовъ, изъ которыхъ около половины буланжисты, они почти повсюду выставляютъ кандидатами не болѣе одного человека въ одномъ и томъ же округѣ, тогда какъ противники имъ группы, забывая общаго имъ врага, вступаютъ въ состязаніе между собою. А врагъ не дремлетъ, и безъ шума проявляетъ кипучую дѣятельность. Такъ однихъ газетъ сторонники пересмотра конституціи выпускаютъ ежедневно около 1½ миллиона. Какіе плоды — принесетъ эта агитация — покажутъ недалекіе выборы.

На Критѣ все еще безпокойно. Афинскія офиці-

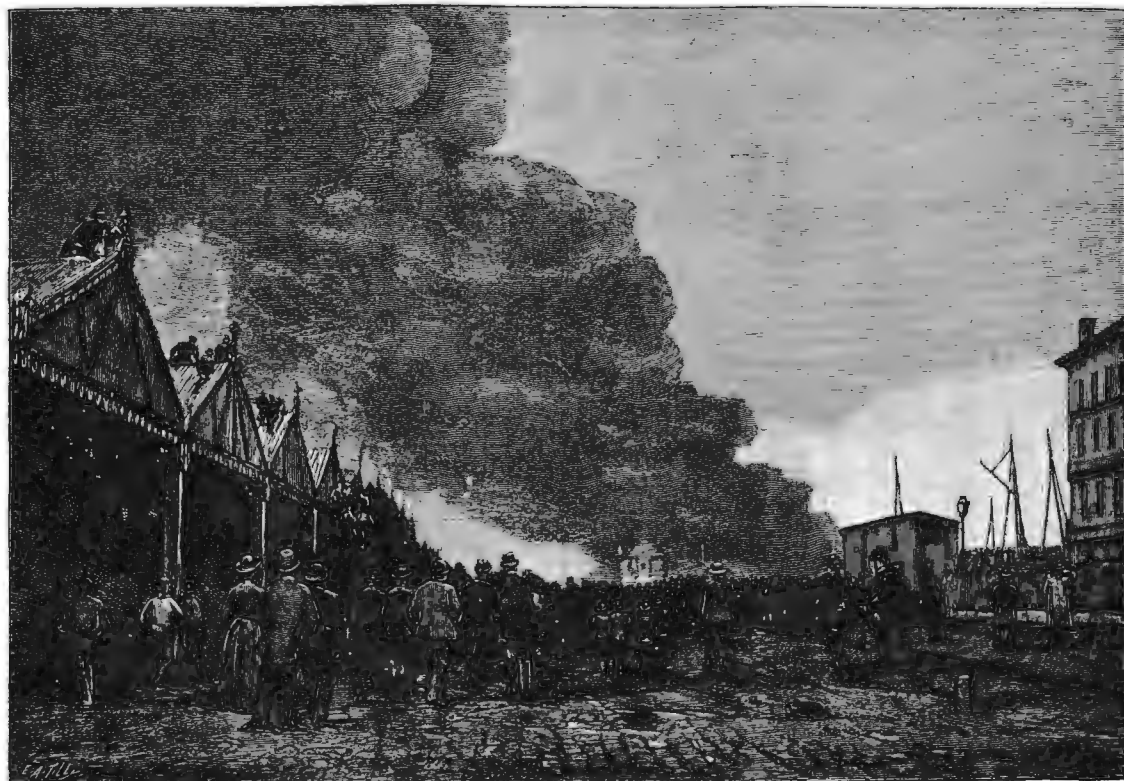
Антверпенская катастрофа. Розсыпъ труповъ въ развалинахъ патронной фабрики. Фотохемиграфія П. Яблонскаго, въ СПб.

озпца газеты сильно осуждаютъ строгость Шакира-наши противъ предводителей критскихъ инсургентовъ. По мнѣнію газетъ, Порта прибѣгла къ самымъ неумѣстнымъ мѣрамъ для достиженія на Критѣ продолжительнаго спокойствія.

СМѢСЬ.

СПБ. фирма Оскаръ Лессеръ доставила намъ изготовленный къ предстоящему 50-лѣтнему юбилею А. Г. Рубинштейна портретъ юбиляра (въ профиль) вытѣсненный рельефомъ изъ блага атласа, на темномъ фонѣ картона (форматъ будаарнаго портрета) съ золотымъ fac-simile его подписи и такою же юбилейною виньеткой. Портретъ снабженъ картонною подставкой для установки на столѣ, но можетъ быть повѣшенъ и на стѣну въ изящной рамкѣ, которая заготовлена тою же фирмой по весьма доступнымъ цѣнамъ. Цѣна же самаго портрета, отличающагося большимъ сходствомъ, болѣе чѣмъ дешевая, всего 1 р. 50 коп. Фонъ портрета исполненъ г. Скамои въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

Отзывъ леди Чѣрчилъ о русскихъ женщинахъ. Гостившая въ прошломъ году въ Петербургѣ леди Чѣрчилъ, помѣстила недавно въ англійскомъ *Новомъ Обзорѣ* интересную статью о русскомъ обществѣ, и о русскихъ женщинахъ отзывается слѣдующимъ образомъ: „Онѣ говорятъ на многихъ языкахъ, много читаютъ и мыслятъ, и производятъ чарующее впечатлѣніе“.

Антверпенская катастрофа. Пожаръ нефтяныхъ резервуаровъ. Фотохемиграфія П. Яблонскаго, въ СПб.

Она удивляется, однако, что столь богато одаренная природою, съ отличными воспитаниемъ и образованиемъ, русскія женщины не только не вліяютъ на дѣятелей въ высшихъ сферахъ, но даже стараются меньше обращать на себя вниманія и не вызывать въ другихъ зависти. Если авторъ правъ, то все это дѣлаетъ честь русской женщинѣ. (в.)

Жемчужный промыселъ въ Россіи. Нѣкто Котляревскій доставилъ на Парижскую выставку коллекцію жемчуга добытаго у насъ, и тѣмъ какъ-бы напомнилъ о существованіи въ Россіи этого промысла. Русскій жемчугъ добывается во многихъ рѣкахъ, между прочимъ въ губерніяхъ Олонецкой, Вологодской и въ Архангель-

ской въ особенности. Болѣзненные наросты, извѣстные подъ названіемъ жемчуга, на раковинахъ, водятся въ русскихъ рѣкахъ, не столь велики, ровны, гладки и круглы, какъ наросты цѣлонскихъ раковинъ, но все-таки русскій жемчугъ довольно цѣненъ. Жемчужный промыселъ въ Россіи, однако, совсѣмъ въ забросѣ, благодаря невѣжеству нашихъ крестьянъ. Они не знаютъ, что маленькія жемчужины, находимыя въ раковинахъ нашихъ рѣкъ, дѣлятся отъ 1 р. до 20 руб. за штуку. Кое-гдѣ на Сѣверѣ есть, впрочемъ, мелкіе промышленники, которые скупаютъ у крестьянъ жемчугъ за бездѣнокъ и наживаютъ большіе барыши. (в.)

Рѣшеніе алгебраической задачи № 53 (помѣщ. въ № 31).

1) $a + f = b$	$a = 5 = Д$
2) $b + c + d = 3g$	$b = 6 = Е$
3) $c + i + k - g = 2n$	$c = 15 = Н$
4) $d + q + r - x = p + o + e - c - f$	$d = 30 = Ъ$
5) $e \sqrt{s + n} = b$	$e = 5 = Д$
6) $f \sqrt[3]{y - p} = m - l + 1$	$f = 1 = А$
7) $g \frac{c}{d} = \frac{g}{y}$	$g = 15 = Н$
8) $h + i + k = o + p - 1$	$h = 16 = О$
9) $i + j = \frac{s + x + p}{2}$	$i = 25 = Ч$
10) $k + p = \sqrt{m + n + i + g}$	$k = 30 = Ъ$
11) $l \sqrt{h} + \sqrt{p} + b + f - e = \frac{30}{4}$	$l = 19 = С$
12) $m + r - s = q - c$	$m = 21 = У$
13) $n + o = \sqrt[6]{2.985.984}$	$n = 20 = Т$
14) $o \sqrt{y - a + h - c} = \frac{o}{2}$	$o = 12 = К$
15) $p + m = x$ изъ урав.: $\sqrt{x + 4} + \sqrt{x^2 - 185} = 7$	$p = 9 = И$
16) $q + a + b = \frac{k}{3} + l - r$	$q = 17 = П$
17) $r + h + i = s + x$	$r = 18 = Р$
18) $s + o + p = b + g$	$s = 16 = О$
19) $x + d + f + h = k + q$	$x = 25 = Ч$
20) $y + u + x + s = k + l + o + 2e$	$y = 30 = Ъ$

„День да ночь, сутки прочь“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—К. Кожихова, П. Г. Папкова, А. А. Писарева, Москва—Н. Я. Романова, Б. Корвино—В. К. Терскаго, Ковно—А. Э. Баргельскія, Бѣлгородъ—Ф. З. Мазуръ, І. Ёжинъ—Г. И. Волкова, Одесса—Рейжевскаго, Д. Раллипортъ.

Рѣшеніе шахматной задачи № 52 (помѣщенной въ № 31).

Бѣлые.	Черные.
1) К е6—e5	h 6—h 5
2) К е5—g4	h 5—g 4
3) Ф б3—g3	какъ угодно.
4) h 3—g 4	
Ф г3—h 3,	
Ф г3—g 2++	
1)	Кр. h 1—h 2 (или какъ угодно).
2) К е5—g 4+	Кр. h 2—h 1
3) К г4—f 2+	Кр. h 1—h 2
4) Ф б3—b 8++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—А. А. Писарева, Москва—А. Эйхаумъ, Н. Берхоустинскаго, Вознесенскъ—П. И. Самаринъ, Елецъ—Х. Розенфельдъ, Невъ—А. Н. Шульженко, Ржевъ—Патрикѣва, Ревель—Ф. И. Чембары—Григорьева.

Штернъ, Саратовъ—П. В. Бѣлопольскаго, Царское Село—И. Горайскаго.

Рѣшеніе шашечной задачи № 51 (помѣщенной въ № 31).

Бѣлые.	Черные.
1) g 3—f 4	1) d 6 : e 1
2) h 2—g 3	2) h 4 : f 2
3) d 8—c 7	3) f 6 : h 4
4) d 2—h 6	4) b 4 : d 2
5) h 6 : b 4	5) a 3 : e 3
6) c 7—g 3	6) f 2—g 1
7) a 5—c 7	7) h 4—f 2
8) c 7—h 2	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—С. Т. Грибова, Ф. А. Воронина, Москва—Н. П. Смирнова-Садонина, С. Преображенскаго, Н. Берхоустинскаго, А. Матрина, Бѣлгородъ—Ф. З. Мазуръ, Городня—С. В. Писарева, Одесса—Н. Банкетова, Пермь—П. Ф. Матвѣева, Чебоары—Григорьева.

Рѣшеніе ребуса № 50 (помѣщеннаго въ № 31). „Гѣва не пугайся, на ласку не кидайся“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Барыни-крестьянки. Историческій романъ графа Е. А. Салтаса. Часть I. (Продолженіе).—Увлеченіе. Разсказъ князя Д. Голицына-Муравлина. (Окончаніе).—Литературно-критическія миніатюры. Лирика Пушкина.—Къ рисункамъ: Императорскій театр въ Вѣнѣ (съ рис.).—Подслушиваетъ (съ рис.).—Прерванное свиданіе (съ рис.).—Подъ осень (съ рис.).—Отдыхъ валаамскихъ иноновъ (съ рис.).—Боснійская деревушка (съ рис.).—Цейлонскія съ СПб. (съ рис.).—Катастрофа въ Антверпенѣ (съ 4 рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Рѣшенія задачъ.—О рамахъ для премій „Нивы“ 1889 г.—Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1889 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками, съ оригинала проф. **В. Д. ОРЛОВСКАГО:**

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

(14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

(Подробности см. въ предъидущихъ №.№. „Нивы“).

РИСОВАНІЯ и чистописанія учитель. Забалканскій просп., д. № 25, кв. 13.

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ, Варшава, Лешно, 14. Бицкили отъ 100 р. Роверы отъ 135 р.

АСПАЗИНЪ МНІЬО

Безвредныя растительныя бѣлила для цвѣта лица

ПУДРА АСПАЗИНЪ для цвѣта лица

Требовать подписи **МНІЬО**

Единственный изобрѣтатель-фабрикантъ

ED. PINAUD, парюмеръ PARIS BOULEVARD DE STRASBOURG, 37

Кандидатъ университета съ учительскимъ дипломомъ, преподающій у извѣстныхъ лицъ, желаетъ получить урокъ или подготовку къ экзаменамъ по курсу Пажескаго корпуса, Лицея, классическихъ или реальныхъ учебныхъ заведеній. Владимірская площ., д. 48, кв. 22. № 4509 3—3

ШИШУЮЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, соерж. многочисленн. отзывамъ отъ Правительства и другихъ учреждений, высказывается безплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ** Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская. 21.

ПАРИЖСКАЯ НОВОСТЬ ИЗЪ ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКИ!

Элегантный дамскій уборъ съ натуральными Бразильскими золотистыми жемчугами, въ самыхъ красивѣйшихъ настоящ. золотыхъ и серебр. оправкахъ 56 и 84 пробы. Браслеты серебр. 84 пр., массивн. позолоч. отъ 5 до 12 р. Браслеты золото портбонербъ 13 р. 80 к. Брошки серебр. 84 пр., массивн. позолоч. отъ 4.50—10 р., золот. 13 р. 50 к. Серги серебр. 84 пр., массивн. позолоч. 3 р., золот. 6 руб. Золотыя мунскія булавки 6 р. Высылка во всѣ города Россіи. По желанію иллюстрированный прейсъ-курантъ. Складъ **ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ**, СПб., Фонтанка, 54.

CORSETS
LEOTY
adoptés
par le
High-Life parisien.
8. Place de la Madeleine, Paris.

ШОКОЛАДЪ
ГОТОВИТЕЛЬ
А. И. АВРИКОСОВА СЫНОВИИ
въ МОСКВѢ.
C. № 4085
2—1
продается во всѣхъ городахъ **РОССІИ**

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ Вс. С. Соловьева. Историч. повѣсть въ 2-хъ част., съ 20 рис. художника И. С. Панова. Изданіе III. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ казенк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

РОСКОШНЫЯ ГАРМОНИИ Дешево

Иллюстриров. преискурантъ-бесплатно. С.-Петербург, Большой Морской, № 36 и 42. Москва, Кузнецкий мост, д. Захарьина.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
строители земледельческих машинъ и орудій.
Специальность: плуги и молотилки. Они-же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивовъ Клейтона и Шуглворта въ Англии и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, жнеишь „Дези“ и сноповзалонокъ Мак' Нормина въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конища грабли Тигра завода Стодартга, рядовыя сѣлки Сакка и проч. № 3959 (11)
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ. Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутоновъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

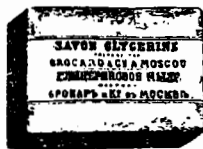
ПОВѢДА

надъ дорожною топлива.
Удешевляютъ отопленіе жилищъ помѣщій аппараты, патентованные во Франціи. Описание ихъ съ адресомъ—откуда выписать, высылаются за двѣ 7 коп. марки, адресованна: въ Ростовъ на Дону. Въ контору аппарата Ф. К. Трапезина

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаютъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3925
Также нужны вѣрныя съ постановленіемъ истомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

БРОКАРЪ и Ко.

Главный складъ у О. К. Бергманъ, Офицерская ул., № 5. № 4027 8-1

ПАВЕЛЪ БУРЕ

Поставщикъ Двора Его Величества.
Большой выборъ часовъ собственной фабрики.
Мужскихъ и дамскихъ карманныхъ золотыхъ, серебряныхъ, металлическихъ и стальныхъ черно-окисированныхъ часовъ, а также стѣнныхъ, кабинетныхъ, столовыхъ и будильниковъ.
С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.
Москва, на углу Кузнецкаго моста и Рождественки.
Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію бесплатно. № 4032 2-1

НОВЫЕ ДУХИ

Парижская 1889
Выставка 1889
Всѣмрпной Парижской Выставки въ 1889 году

„БУКЕТЪ ГВОЗДЪ“
(BOUQUET-CLOU)
СОСТАВЛЕННЫЕ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЮ
ХИМИЧЕСКОЮ ЛАБОРАТОРІЕЮ
(Измайловскій проспектъ, 21).

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ:

- 1) Невскій проспектъ, № 32, д. Каголической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, № 66, у Анничкина моста.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, 18 — 54, д. Шредера (Оптовая и розничная продажа).

Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, д. Третьяковскихъ. Рт. № 4018 3-2

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.
LA VELOUTINE
Специальная рисовосмугловая пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (83) № 2946

БЕЗПЛАТНО

раздается и высылаются новый значительно пополненный каталогъ собственныхъ изданій съ удешевленными цѣнами
МУЗЫКАЛЬНЫМЪ МАГАЗИНОМЪ

А. ГУТХЕЙЛЪ,

поставщикъ Двора Его Императорскаго П. № 4015 Величества, 3-2
Москва, Кузнецкий мостъ, д. Юнкера, 10.

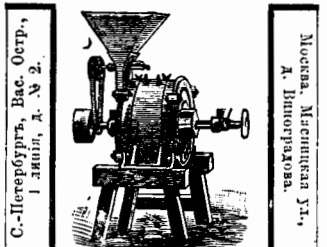
ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!

Полный приборъ отъ 50 марокъ (не вгруппка).
Требовать иллюстрированные каталоги gratis et franco.
Iог. Зансъ и Ко.
Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. В. № 3734
Берлинъ, Риттерштрассе, 88.

ЛЕВНИНГЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2408

МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ ТОВ. БУРКГАРТЪ и УРЛАУБЪ

обращаетъ вниманіе гг. хозяевъ на мукомольныя мельницы „ТРИУМФЪ“ съ вертикальными жерновами, какъ на самыя простыя, производительныя и доступныя. Строймъ 3 размѣр.

ЛОКОМОТИВИ
3, 4 и 6 силъ (специальности).
Большой выборъ ручныхъ и конныхъ **МОЛОТИЛОКЪ,**
ВЪЯЛОКЪ-СОРТИРОВОКЪ,
НАСОСОВЪ,
ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ и проч.
Иллюстрир. каталоги по востребованію.

НОВОСТЬ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ!

Только 15 руб.
Настоящая элентрическая столовая лампа для освѣщенія комнатъ (не смѣшивать съ электрическимъ огнемъ). Очень удобный, переносный аппаратъ. Перемычка за 20 фунтовъ. С.-Петербургъ, 4, Невскій проспектъ
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ.
Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за почтовую марку въ 7 коп.

ЧАСЫ ЧЕРНЫЕ СТАЛЬНЫЕ
отъ 12 р. до 30 р.
Никел. отъ 6 руб. до 15 руб.
Серебр. отъ 12 р. до 50 руб.
Золот. отъ 25 р. до 500 руб.
ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

ЭДУАРДА БУРХАРДА,
СПБ., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
Отдѣл. Вознесенск. пр., у Синяго м., № 68/3.
Прейсъ-куранты высылаю бесплатно.
Гг. иногороднимъ высылаю съ наложеннымъ платежемъ. Мт. № 4030 2-1

ДЛЯ НАСАЖДЕНІЯ ЛѢСОВЪ одолѣте не вымерзающаго американскаго ясеня—Ггахипуса америсана, сибирскіе дички яблонь и привики на нихъ можно получить изъ Москвы отъ Александра Кондратьевича Грелля. Воздвиженская ул., въ концѣ Пашушки, д. № 23. Каталогъ высылается бесплатно. П. № 4029

Поставщикъ велосипедовъ Русской Арміи
Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
Москва, | С.-Петербургъ,
Кузнецкій Мостъ. | Б. Морская № 21.
ИМѢЕТЪ
единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: (инфъ), Виппетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свѣтъ № 2
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно.
Поставщикъ велосипедовъ Русской Арміи

EAU DE SUEZ
Рт. № 3887

Депю въ С.-Петербургѣ — А. М. Рузановъ, Гостиный Дворъ, № 40.
Въ Москвѣ — А. Слю и Ко., Тверская, д. Варгина.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ
Объяснительная брошюра высылается бесплатно по требованію вышеозначеннымъ депю и Г-мъ Сузъ 9, rue de Prony, Парижъ.

ФИРМА СУЩЕСТВУЕТЪ

Весенний сезонъ ОБЪЯВЛЕНИЕ 1889—90 года.

О СВѢЖИХЪ ПЕРВОСБОРНЫХЪ КЯХТИНСКИХЪ ЧАЯХЪ,

поступившихъ въ складъ съ 1-го августа 1889 года,

ТОРГОВАГО ДОМА Ф. И Н. АПЛАКСИНЫ, ВЪ МОСКВѢ,

на Мясницкой, бл. Красныхъ воротъ, собств. домъ, бывш. I. Кумбергъ.

СЪ 1867 ГОДА.

Въ наше время всевозможныхъ фальсификацій, и въ особенности теперь, послѣ знаменитаго процесса ливанскихъ московскихъ чаегорювцевъ, вопросъ о приобритеніи хорошаго, неподдѣльнаго чая составляетъ одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ каждой семьи и каждого хозяйства. Если житель столицы можетъ располагать услугами большаго магазина и выбирать себѣ ту или иную фирму, то иногородній потребитель чая, наоборотъ, долженъ довольствоваться мелкими мѣстными продавцами, рѣдко торгующими чаемъ высокаго качества. Въ виду этого является необходимость выписывать чай изъ большихъ торговыхъ центровъ, отъ болѣе или менѣе ливанскихъ и солидныхъ торговыхъ фирмъ.

Продавать всѣмъ исключительно кяхтинскіе, 1-го весенняго сбора, безъ всякихъ постороннихъ примѣсей, по крайне умереннымъ цѣнамъ, на выгодныхъ условіяхъ для гг. покупателей, при безукоризненно аккуратномъ и добросовѣстномъ исполненіи заказовъ и, главное, достигъ полнаго довѣрія и рекомендаціи гг. потребителей, — всегда составляло главную цѣль и основаніе торговаго дома „Ф. и Н. АПЛАКСИНЫ“. Только благодаря такому строгому принципу, наша фирма достигла тѣхъ блестящихъ результатовъ и значительныхъ оборотовъ, дающихъ ей возможность уже цѣлый рядъ годовъ вести обширную торговлю во всѣхъ концахъ Европейской и Азиатской Россіи и за-границею. Приобрѣтая товаръ за наличный расчетъ, мы имѣемъ возможность добывать лучшіе сорта первосборнаго кяхтинскаго чая, стоящаго по своимъ качествамъ неизмѣримо выше чая кантонскаго. Собираемый въ апрѣль-мѣсяцѣ, первосборный чай весенняго сезона поступаетъ въ наши склады около 1-го августа каждаго года.

Весна нынѣшняго года была особенно благоприятна для произрастанія чайныхъ плантацій, и, благодаря низменному теченію рѣки Янь-Тзе-Кіанга, расположенная по его берегамъ провинція Хань-Янгъ дала особенно выдающійся урожай необыкновенно хорошаго, душистаго и ароматическаго чая. Мы увѣрены, что этимъ чаемъ, нынѣшняго весенняго сезона, мы приобритѣмъ особенное расположеніе, вниманіе и благодарность нашихъ постоянныхъ покупателей, и несомнѣнно, приобритѣмъ огромное число новыхъ кліентовъ, которые воспользуются представившимся случаемъ купить недорогого и высочайшаго качества первосборный кяхтинскій чай.

Это особенно важно для гг. иногороднихъ покупателей, которые поставлены въ необходимость вынуждены довѣряться фирмѣ, отъ которой они выписываютъ чай. Независимо отъ нашего постоянного личнаго стремленія угодить покупателю, вновь полученный первосборный чай нашъ, самъ по себѣ, уже удовлетворитъ самому изысканному требованію любителей и знатоковъ хорошаго чая. Мы допускаемъ у себя лишь хорошіе сорта чая; и тѣ низкіе сорта, которые оказываются неудовлетворительными, бывають совершенно изъяты изъ продажи въ нашѣмъ складѣ.

Ко всѣмъ благоприятнымъ условіямъ закупаемъ нами первосборнаго чая присоединился еще и хорошій курсъ нашего рубля, дающій намъ возможность сдѣлать и гг. торговцамъ большую скидку, при оптовой покупкѣ.

Мы посоветовали-бы гг. иногороднимъ покупателямъ выписывать чай не по почтѣ, а черезъ транспортныя конторы или желѣзныя дороги. При этомъ способѣ можно получать всѣ сорта чая, между тѣмъ какъ по почтѣ, глядя по разстоянію, некоторые сорта чая пересылать рѣшительно невозможно.

Изъ всей партіи первосборнаго чая по тонности вкуса и ароматичности мы рекомендуемъ господамъ любителямъ, особенно старательно слѣдующимъ выдающіеся, по своимъ необыкновенно высокимъ качествамъ, сорта: „ЦАРСКАЯ РОЗА“ — въ 2 р., „ХАНЬ-ЯНГЪ“ — 2 р. 20 коп., „ИНДЬСКАЯ РОЗА“ — 2 р. 40 коп. за фунтъ и „ЧЕРНЫЙ ЛЯНСИНЪ“ — 3 р. 20 коп. за фунтъ.

Въ заключеніе, мы должны остановить вниманіе покупателей на отсутствіи въ нашѣмъ объявленіи тѣхъ землечивыхъ общацій разнаго рода премій, въ которыхъ такъ усердно упражняются нѣкоторые чаегорювцы. Въ самомъ дѣлѣ, лубка давно поняла, что премію нельзя давать даромъ и что покупка ея магазинникомъ должна быть напервостанъ съ продажной цѣны чая. Такимъ образомъ выдача премій прямо ухудшаетъ сортъ чая, и вотъ почему мы всегда воздерживаемся отъ этого недостойнаго солидной фирмы пріема.

Въ виду того, что въ ближайшемъ будущемъ предполагается ввести обандероливаніе чая, что въ значительной степени возвыситъ его стоимость, запасаться чаемъ теперь уже въ большемъ количествѣ — должно быть цѣлью каждаго экономнаго и солиднаго хозяйки дома.

За достоинство чая и отсутствіе въ немъ постороннихъ примѣсей торговый домъ ручается и отвѣтствуетъ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ НА 1889 ГОДЪ

свѣжимъ, отборнымъ, ароматическ., кяхтинскимъ, фучанскимъ, байховымъ чаемъ перваго весенняго сбора сезона 1889—90 г., поступившимъ въ оптово-розничную продажу.

ВСѢ ЧАИ НОВАГО ПОЛУЧЕНІЯ СЕЗОНА 1889—90 Г. ИЗЪ ПРОВИНЦІИ „ХАНЬ-ЯНГЪ“.

ЧЕРНЫЕ АРОМАТИЧЕСКІЕ ЧАИ.	цѣна за ф. Р.К.	ЦВѢТОЧНЫЕ АРОМАТИЧЕСКІЕ ДУШИСТЫЕ ЧАИ.	цѣна за ф. Р.К.	ШТУЧНЫЕ ЛЯНСИН. ХАНСКИЕ БУКЕТН. БѢЛЫЕ ЧАИ	цѣна Р.К.
Отборный букетъ фучана *)	1 60	Имнень серебряныя иглоки	2 50	Лянсинъ ароматическій въ китайскихъ шелковыхъ банкахъ	вѣса 1/2 ф. 2 50
Императорскій иѣжно-пріятнаго вкуса и аромата царскій букетъ *)	1 80	Ароматичный лунмшань	3 —	Лянсинъ ароматическій въ китайскихъ шелковыхъ банкахъ	вѣса 1 ф. 5 —
Императорскій жемчужный пріятнаго вкуса и аромата, царская роза	2 —	Отборный сортъ фулюнью	4 —	Высшій ароматическій въ китайскихъ шелковыхъ банкахъ	вѣса 1/2 ф. 5 —
НОВОСТЫ Въ первый разъ полученъ черный чай душистый хань-янгъ	2 20	ИМПЕРАТОРСКІЕ ЛЯНСИНЫ		Высшій ароматическій въ китайскихъ шелковыхъ банкахъ	вѣса 1 ф. 10 —
Иѣжно-ароматичный индѣйская роза	2 40	ВЫСОКІЕ ОТБОРНЫЕ СОРТА.		КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ ВЪ ЦИБИКАХЪ	
Единственныя 3 сорта для любителей и знатоковъ, замѣчательныя	2 60	Сильнаго аромата ташу бѣлый перль	5 —	черный ароматическій	
по своему вкусу и аромату: Фуанъ Китая	2 75	Какъ рѣдкость изъ фузы солланмоу	7 —	имѣется въ продажѣ высокаго качества въ лѣщикахъ, вѣсу отъ 100 фунт.	
черный перль	3 —	Для любителей рекомендуемъ замѣчательный лянсинскій чай букетъ китайскихъ розъ	10 —	На разныя цѣны.	
Новосты Въ первый разъ полученъ чай особеннаго иѣжнаго вкуса черный лянсинъ	3 20	ИМПЕРАТОРСКІЙ ЗЕЛЕНЫЙ ЧАЙ			
Рекомендуемъ любителямъ и знатокамъ: Употребляемый при китайскомъ дворѣ особенный сортъ чая какъ рѣдкость	3 50	Отборный высшій сортъ	8 —		
		ИМПЕРАТОРСКІЙ ЖЕЛТЫЙ ЧАЙ			
		Отборный высшій сортъ	10 —		

УСЛОВІЯ ПРОДАЖИ ЧАЯ:

ЧЕРЕЗЪ ПОЧТУ.
6) Пересылку чая принимаемъ на свой счетъ, сверхъ того ДѢЛАЕМЪ УСТУПКУ СЪ РУБ. всѣмъ выписывающимъ на разстояніи отъ Москвы:
Отъ 300 вер. до 1000 вер. на 25 р.
" 1000 " " 2000 " " 50 " "
" 2000 " " 3000 " " 75 " "
Затѣмъ выписывающимъ отъ 3000 в. и съ цѣны 2 р. 40 к. пересылка принимается на нашъ счетъ, но уступки не дѣлается.

*) Чай цѣною 1 р. 60 коп. высылается черезъ почту со скидкой % только до 1000 верстъ и 1/2 часть всего заказа.
Чай цѣною 1 р. 80 коп. высылается черезъ почту со скидкой % только до 2000 верстъ и 1/2 часть всего заказа.
Желающіе выписывать чай по желѣзнымъ дорогамъ (при требованіи не менѣе 20 фунт.) и съ вышеуказанной уступкой могутъ выписывать чай всѣхъ сортовъ, за исключеніемъ чай въ 1 р. 60 к., котораго должно быть только 1/2 всего заказа.
Требованія чая черезъ почту исполняются не менѣе 10 р.

Пересылаемый чай развѣшивается чистый, безъ бумаги, завертывается въ пергаментную бумагу и печатный этикетъ за пломбой фирмы, укладывается въ прочные ольховые ящики, тщательно унавоживается и на другой день по полученіи заказа сдается по назначенію.
КЪ СВѢДѢНІЮ. Въ города, гдѣ существуютъ отдѣленія транспортныхъ конторъ, или станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ производится выдача клади, съ переводомъ полученія денегъ — высылка чая можетъ быть сдѣлана при полученіи отъ требователя задатка, въ размѣрѣ 10%, а остальные 90% уплачиваются транспортной конторѣ или желѣзнодорожному управленію, при полученіи товара на мѣстѣ назначенія. Съ 1-го января 1888 г. также съ наложеннымъ платежемъ высылается и черезъ почту при полученіи отъ требователя задатка 10%, остальная сумма 90% уплачивается на мѣстѣ, съ прилатомъ 2% за переводъ денегъ въ почтовой конторѣ.

ДЛЯ ГГ. ИНОГОРОДНИХЪ ТОРГОВЦЕВЪ.
Выписывающимъ по желѣзнымъ дорогамъ и чрезъ конторы транспортовъ:
при требованіи чая на сумму не менѣе 100 р.
УСТУПКИ ДѢЛАЕМЪ съ чая цѣною въ 1 р. 60 к. 12% съ руб.
" " " " 1 " 80 " 16% " "
А со всѣхъ остальныхъ по 20% " "
ПРОВОЗЪ ЗА СЧЕТЪ ПОКУПАТЕЛЯ.
Чай развѣшивается на 1 ф. 1/2, 1/4 и 1/8.

*) Чай цѣною 1 р. 60 к. высылается только половина всего заказа.
Гг. иногородніе покупатели съ требованіями благоволятъ обращаться по слѣдующему адресу:
въ контору Торговаго Дома Ф. и Н. АПЛАКСИНЫ, Москва, Мясницкая, собственный домъ. П. № 4083

ОТДѢЛЬНЫЙ ПРЕЙСЪ - КУРАНТЪ ПО ТРЕБОВАНІЮ ВЫСЫЛАЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX т.
№ 39

т. XX
1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 23 сентября 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

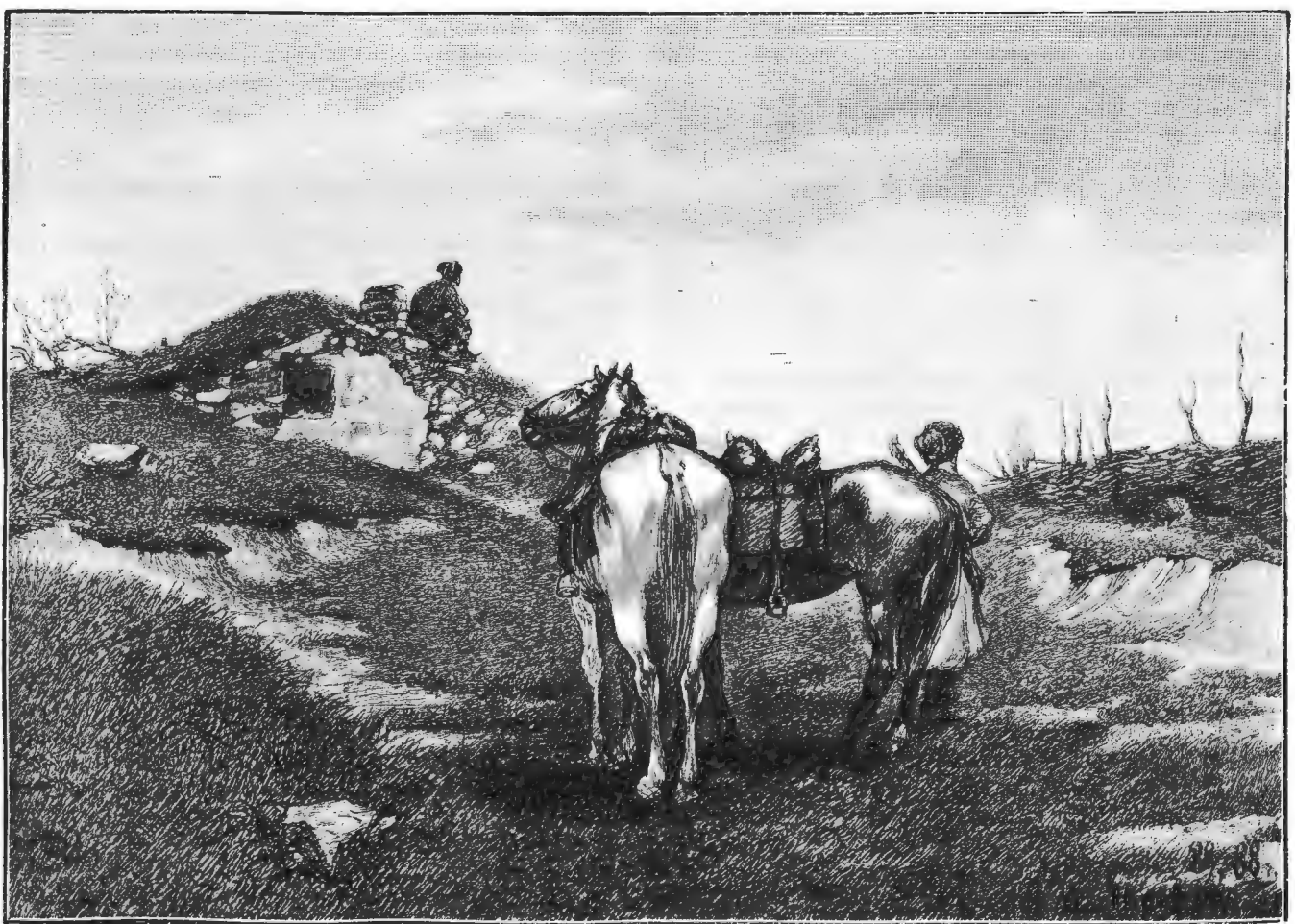
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку нонпарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ . . . . . 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ . . . . . 6 р. 50 к. || Безъдост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
И. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи . . . . . 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особья приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМИИ.

Аванпосты кубанскихъ казановъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Кравченко, грав. Флюгель.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

ХІІ.

Въ московскомъ домѣ князя Березопольскаго было попрежнему томительно мирно, будто душное затишье предъ грозой...

Наконецъ однажды, еще до полудня, въ горницы княжны; работавшей за пильцами, вбѣжала Дуниша какъ помѣшанная и съ такимъ лицомъ, что перепугала свою барышню на смерть...

Княжна вскочила съ кресла и онѣмѣла. Дуниша не могла долго выговорить ни единого слова.

— Барышня! дорогая! барышня! начала она задыхаясь.

— Что такое? выговорила княжна дрожащимъ голосомъ.

— Приѣхала! приѣхала! повторяла Дуниша.—Ничего не понятно... Всякіе сундуки несуть... Весь домъ верхъ дномъ. Въ горницахъ покойной барыни—мебельщики пѣмецкіе... и такое все... Помилуй Богъ! Устраиваютъ у покойной княгини...

И не сразу княжна заставила Дунишу рассказать порядкомъ, и еще дольше не могла она понять въ чемъ дѣло, потому что когда она сообразила все, то разумъ ея отказывался понимать... Неужели въ этомъ заключалась угроза и месть отца?

Въ домѣ князя появилась очень красивая, никому неизвѣстная женщина лѣтъ двадцати пяти. Вслѣдъ за ней приѣхали возы съ поклажей, много сундуковъ, какъ если-бы привезли приданое.

Женщина эта—Устинья Савельевна—являлась совершенно какъ свѣтъ на голову, невѣдомо откуда. Но тотчасъ-же дворня узнала, или почувяла, что Устинья Савельевна „простаго званія“, и хотя писанная красавица, бѣлоручка, но совѣмъ на барыню не похожа ни рѣчами, ни дѣйствіями.

Разумѣется, сразу все поняли, что въ домѣ завелся соблазнъ на весь городъ.

Дворня была поражена такъ, какъ если-бъ всѣмъ имъ сказали, что ихъ князь пойманъ въ воровствѣ, или какомъ злодѣйствѣ.

Все они знали и привыкли знать, что ихъ князь — уважаемый баринъ на всю столицу, что во всемъ его существованіи нѣтъ и не было „ни сучка, ни задорипки“. А теперь будетъ совѣстно имъ всѣмъ „въ люди глаза показать“.

Княжна была, конечно, гораздо болѣе поражена извѣстіемъ о появленіи въ домѣ невѣдомой красивой женщины, чѣмъ если-бы отецъ послалъ ее къ какой-либо игуменѣ толковать о своемъ постриженіи. Думая о монастырѣ, или о чемъ-либо подобномъ, княжна впередъ уже почти рѣшила, какъ ей поступить. Въ данномъ случаѣ она совершенно растерялась, ничего не понимала, и на возникавшій предъ нею вопросъ: что изъ всего этого будетъ? не могла ничего отвѣтить.

Однако, вѣроятно, княжна уродилась въ своего отца. Послѣ нѣсколькихъ часовъ смущенія и раздумья, она не расплакалась, какъ сдѣлала-бы всякая другая, а озлобилась, чувствовала себя оскорбленною и готовою па отпоръ.

Когда наступилъ вечеръ, часто выбѣгавшая и сповавшая по дому Дуниша, ради доставленія барышнѣ вѣстей, вернулась, быть-можетъ уже въ тридцатый разъ, и объяснила растеряннымъ голосомъ, что ей не приказано ходить и навѣдываться на половину новоявленной Устиньи Савельевны.

Княжна, рано улегшаяся, всю ночь не могла глазъ сомкнуть. Была одна мысль, которая застряла у нея

въ головѣ, какъ гвоздь вонзилась въ сердце и заставляла ее страдать, — мысль, что невѣдомая женщина, купленная крѣпостная, или мѣщанка, во всякомъ случаѣ женщина не порядочная, расположилась, по приказанію отца, въ комнатахъ ея покойной матери.

Это возмущало ее, оскорбляло все чувства.

Полинѣ казалось, что если-бы отецъ ударилъ ее въ лицо, избилъ-бы собственными руками — ей было-бы легче. А подобный поступокъ со стороны князя былъ развѣ только подѣлать ея спроваженному жениху, дикому кавказскому кабану.

На утро, когда княжна поднялась разстроенная, почти больная, ее ожидала новость тоже оскорбительная, но показавшаяся ей пустою и ничего незначащею послѣ всего, что она переживала за ночь.

Она узнала отъ Дуниши, что Устинья Савельевна съ утра взяла въ руки все хозяйство. Князь всѣхъ направлялъ къ ней съ докладами. Поваръ отправился тоже за приказаніями. Дворецкій докладывалъ все касающееся по дому. Ключница, отпустивъ провизію, снесла къ ней все три связки ключей.

Но этого было мало. Устинья Савельевна, узнавъ, что у княжны въ горницахъ свой собственный чайный сервизъ, самоваръ, сахаръ и чай, объявила, что отнынѣ княжнѣ будутъ приносить чай въ чашкѣ на подносѣ изъ буфета.

Княжна тотчасъ поняла по этой первой мелочи, что все идетъ отъ князя, что ее умышленно начнутъ оскорблять и крупными, и мелкими дразгами, чтобы просто издѣваться надъ ней.

— Да, выговорила она вслухъ.—Но „онъ“ не понимаетъ должно-быть, что послѣ того какъ эта женщина расположилась въ комнатахъ матушки, то онъ меня хоть даже наряди въ посконную рубаху, пошли съ метлой дворъ мести,—мнѣ это уже не будетъ чувствительно и оскорбительно. Онъ началъ неумѣло съ самаго крѣпкаго и остраго удара, а если изводить чело-вѣка, такъ надо было начать съ меньшаго и кончить болѣшимъ.

Княжна была убѣждена, что пойдутъ мелкія оскорбленія, которыя на нее подѣйствовать не могутъ. Ей и на умъ не приходило, что ей предстоитъ еще пуще униженіе.

Прошло дня три. Устинья Савельевна невидимо овладѣла всѣмъ въ домѣ, хотя почти не выходила изъ своихъ комнатъ. Князь сидѣлъ у себя, княжна—тоже. Обѣдъ подавался отдѣльно въ разныя горницы. Все остальное шло какъ-бы на старый ладъ.

Только была одна обидная новость.

Отъ зари до зари появлялись гости: приѣзжали, уѣзжали. И княжна понимала причину этихъ визитовъ москвичей.

Все обширное знакомство князя было очевидно поражено вѣстью, которая обѣжала всю Москву. И все стремились лично удостовѣриться въ истинѣ пробѣжавшаго слуха. Разумѣется, никто изъ гостей не рѣшился спросить у самого князя. Но все на одинъ и тотъ-же ладъ спрашивали швейцара, приблизительно одной и той-же фразой:

— Правда, будто у васъ барыня завелась?

Швейцаръ, кисло ухмыляясь, отвѣчалъ, разводя руками, что дѣйствительно:

— Приключился такой грѣхъ!

Изо всѣхъ этихъ гостей только двѣ барыни пожелали повидаться съ княжной. Но она отказалась и велѣла сказать, что ей нездоровится и она принять не можетъ.

Прошло еще три дня. Новаго не было ничего, но для княжны оказался еще ударъ, поразившій ее: — отношеніе людей къ Устинѣ Савельевнѣ. Полина съ ужасомъ убѣдилась со словъ кое-кого изъ лакеевъ и даже замѣтила въ своей Дуняшѣ, что подданные рабы—истые холопы—уже привыкли къ мысли, привыкли къ совершившемуся факту, который на-дняхъ ихъ устыдитъ, соблазнитъ...

У нѣкоторыхъ людей, которые появлялись въ горницахъ княжны, а затѣмъ и у Дуняши, все-таки передававшей барышнѣ толки въ домѣ, появилось извѣстнаго рода удовлетвореніе и спокойствіе. Появились слова, которыя поразили княжну и ударили какъ ножомъ.

Одинъ изъ людей, мѣнявшій свѣчи въ ея горницахъ, а затѣмъ истопникъ, приходившій топить печи, отворять и закрывать выюшки и душники, объяснили княжнѣ почти въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ одно и то же, установившееся въ домѣ, общее мнѣніе:

— Богъ дастъ не хуже прежняго будетъ! Барында-сударушка, кажись, добрая, сердобольная. Микитѣ приказала выдать кумачу на рубаху. Акульку такъ обласкала, что та по сю пору ахаетъ и крестится.

И это, вдругъ возникшее въ домѣ, сердечное отношеніе холоповъ къ неожиданной госпожѣ поразило Полину такъ-же сильно, какъ первое извѣстіе объ ея появленіи.

На утро княжну ожидало большее, но за то и послѣднее оскорбленіе.

Около десяти часовъ, княжна, выпивъ чашку чаю, принесенную ей Дуняшей, но доставленную въ ея горницу буфетчикомъ, сѣла за пьльцы, тщетно стараясь занять себя и прервать ходъ тревожныхъ мыслей.

Не прошло получаса, какъ Дуняша вдругъ вбѣжала къ ней и выговорила:

— Идетъ! идетъ! Вотъ ужъ тутъ!..

Княжна выпрямилась и изумляясь смотрѣла въ лицо горничной, боясь понять ея слова.

Но въ ту-же минуту отворилась настежь дверь и на порогѣ комнаты появилась высокая, полная и красивая женщина—русская красавица въ полномъ смыслѣ слова. Она остановилась на порогѣ, яснымъ взоромъ окидывая горницу и добродушно улыбаясь.

Если сразу можно было замѣтить, что она красавица, то сразу тоже видно было, что она въ высшей степени добрая женщина.

Княжна сидѣла, выпрямившись, недвижно и какъ прическая къ мѣсту. Черезъ мгновеніе она хотѣла подняться, но почувствовала, что ноги у нея отянулись. Понемногу руки ея начали дрожать. Дрожь эта прошла по всему тѣлу и княжна сама не понимала, что творится въ ней. Въ глазахъ ея мутилось... Красавица, стоящая на порогѣ, представлялась ей какимъ-то громаднымъ чудищемъ, задавившимъ всю комнату, придавившимъ и ее въ креслѣ.

Женщина двинулась и пѣвучимъ голосомъ произнесла что-то, приближаясь. Она протянула руку, стоя уже шагахъ въ трехъ отъ пьлецъ. Этотъ жестъ былъ будто ударомъ.

Княжна поднялась и толкнула, отшвырнула пьльцы. Они опрокинулись и упали на полъ между ней и этой женщиной, которая сразу перестала быть чудищемъ, сдѣлалась снова только красивою и полною женщиной, затѣмъ стала какъ-будто меньше, ниже, худѣе, мизернѣе.

Княжна все смотрѣла на нее сверху внизъ и ей казалось, что эта женщина все уменьшается, будто таетъ...

„Сейчасъ она будетъ такая маленькая, что ее можно будетъ просто раздавить ногой!“

И наконецъ, какъ бы на половину придя въ себя, княжна произнесла тихо какое-то слово, но она сама почти не сознавала, что говоритъ. И разъ, и два, и три повторила она это слово, но громче, и стала сама понимать, что произносить.

Она произноситъ такое слово, которое за всю свою жизнь никогда не выговаривала, а только слышала его въ устахъ людей. Она кричитъ его наконецъ и такъ какъ никогда за всю жизнь не кричала ни на кого... На всѣ горницы раздается и повторяется:

— Гадина!

Красавица давно перестала улыбаться и лицо ея измѣнилось. Она что-то говоритъ, но княжна уже вполне сознательно повторяетъ:

— Вонъ отсюда, гадина!

И такъ какъ женщина не двигается, не двинулась, то княжна провела руками по лицу, потомъ шагнула, миновавъ поваленные пьльцы, и быстро выбѣжала изъ своихъ комнатъ.

Когда и какъ очутилась она въ передней, гдѣ всегда сидѣло до десятка лакеевъ, княжна не помнила, но, остановившись на порогѣ въ дверяхъ, она вскрикнула:

— Идите ко мнѣ. Гоните ее вонъ!

Люди повскакали съ мѣстъ,—одни, не понимая въ чемъ дѣло, другіе—понимая и не двигаясь съ мѣста, а только робко переминаясь.

— Я вамъ приказываю! Идите туда. Гоните изъ моихъ комнатъ эту гадину!

Нѣсколько человѣкъ тронулись, прошли мимо пел, трусливо направляясь къ ея комнатамъ. Но въ то же время княжна увидѣла уже идущую по коридору красавицу.

— Вотъ она! воскликнула Полина, указывая пальцемъ и съ дрожью во всемъ тѣлѣ.— Берите ее... гоните ее... Я не могу... не хочу!

Она не договорила и не знала даже, что было послѣ этого.

Только спустя нѣсколько времени она увидѣла себя уже лежащею на своей постели. Ей слегка домило плечо и руку. Около нея хлопотала Дуняша и еще двѣ горничныя.

Княжна поняла, что съ ней почти впервые въ жизни приключился обморокъ, что она упала и ее принесли безъ чувствъ въ ея горницу.

— Въ комнатахъ матушки! тотчасъ же прошептала княжна какъ бы себѣ самой.— Она!.. эта гадина...

И она тихо заплакала, чувствуя что воли, твердость, всѣ силы душевныя покидаютъ ее...

XIII.

Въ домѣ князя было смущеніе и волненіе среди его обитателей. Въ палатахъ и надворныхъ службахъ помѣщалось до ста человѣкъ дворовыхъ всякаго рода. Княжьи холопы раздѣлились теперь на два лагеря: двѣ трети были одного мнѣнія о недавнемъ происшествіи; одна треть, и даже менѣе, робко выражала *свои* мнѣнія.

Это меньшинство толковало втихомолку:

— Зачѣмъ ей было къ княжнѣ ходить! Расположилась въ домѣ, забрала все въ руки, начала приказывать, ну и сиди и приказывай. А передъ княжной не лмайся и къ ней не ходи!

Большинство негодовало:

— Какъ же такъ! Что она ей сдѣлала? Пришла съ ласковымъ словомъ, спознакомиться, посидѣть, чайку что-ли попить. А княжна ее въ шею! За что же? Она все-таки добрая! Вонъ Игнатѣ сапоги заказала, а у него еще и старье не худы. Нѣтъ, она все-таки сердобольная. Захотѣла бы, мало бы что могла! Драть бы всѣхъ учла! А барышня на нее: „Гони вонъ! Въ шею! Въ толчки ее! Валяй ее, треклятую!“ Чѣмъ она треклятая? Неправда! И не хорошо.

На всѣ эти разсужденія дворовыхъ изрѣдка раздавался иной голосъ, говорившій со вздохомъ:

— Эхъ, народецъ! полно вамъ врать-то! Ничего вы то-исъ не смыслите, а судите. Холопы вы, хамы!

— А ты не хамъ?

У каменной бабы. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомского, грав. Рашевский.

Судный день XVII в. въ Мюнхенѣ. Съ ориг. рис. И. Пушкина, грав. Кирзье.
Библиотека "Руниверс"

— Хамъ-то хамъ. Того же поля, да другая вишь ягодка. Въ эфтихъ дѣлахъ намъ помалкивать надо. Подь-ка вотъ спроси у батюшки приходскаго, какъ онъ про все это судить. А то ступай къ графскимъ людямъ, у нихъ спроси, какъ тамъ все это разсудили. Нашего-то, можетъ, теперь иной дворянинъ къ себѣ на порогъ не пустить за обиду учиненную своей единокровной дочери.

На второй же день волненіе въ домѣ усилилось, такъ какъ стало извѣстно распоряженіе князя, чтобы на утро была готова дорожная карета шестерикомъ и лошади на три подводы для поклажи. Четверымъ людямъ было указано готовиться въ отъѣздъ изъ Москвы на долгій срокъ.

Кто и куда ѣдетъ на утро—было неизвѣстно. Дворян тотчасъ рѣшила, что князь отправляетъ Устинью Савельевну куда-либо изъ Москвы изъ-за того, чтобы не было столкновеній между ней и княжной.

И въ этотъ вечеръ холопское общественное мнѣніе единогласно одобрило предполагаемое рѣшеніе князя.

— Вѣстимо! Какъ же можно—въ одномъ домѣ! Покоя не будетъ! Нѣтъ-нѣтъ и сдѣлается! Да и не годно оно! Какая ни есть добрая, а все-жь-таки ей тутъ не мѣсто. Будь онъ одинокъ, иное дѣло.

Только княжна и Дуняша знали, кто на утро уѣзжаетъ изъ Москвы.

На другой день послѣ срамнаго происшествія въ домѣ, княжна получила отъ отца письмо или, вѣрнѣе, сложенный листъ бумаги съ исписанною первою страницей. Посланіе, принесенное дворецкимъ на подносѣ, было слѣдующаго содержанія:

„Не любезная, ибо непочтительная дочь, княжна Прасковья Андреевна! Не на то дѣти рождаются на свѣтъ, чтобы, приди въ возрастъ, перечить своимъ родителямъ и омрачать своими поступками ихъ земное существованіе. Печася о твоёмъ добрѣ и благополучіи жизни, я разсудилъ сочетать тебя бракомъ съ достойнымъ человѣкомъ. Въ твои годы такой супругъ — находка. Ты расположила оставаться въ дѣвцахъ и, будучи по моему разсужденію уже въ зрѣлости, имѣешь право соблюсти свою жизнь на свой ладъ, хотя этотъ твой ладъ и совѣмъ не ладенъ. Твое это дѣло, Богъ тебя прости! Живи какъ хочешь. Но дозволю, княжна Прасковья Андреевна, и родителю твоему начать жить какъ онъ хочетъ, тоже на свой ладъ. Мнѣ опостылѣла моя одинокая судьба на подобіе ученаго дрозда въ клѣткѣ. Пространнѣйшихъ разсужденій не почитаю благоприличнымъ излагать своей дочери-дѣвицѣ. Будемъ отнынѣ—я самъ по себѣ, а ты сама по себѣ. Я найду мои радости и мои утѣшенія въ особѣ мпѣ преданной. Ты ищи себѣ свои пользы. Не нуждаешься—совѣмъ не ищи. Сиди да посиживай въ старыхъ дѣвкахъ! Но поелику намъ подь одной кровлей тѣсно и тошно, предлагаю я тебѣ, Прасковья Андреевна, собираться и, захватя всѣ свои лично тебѣ соответствующіе пожитки, на утро выѣзжать на жительство въ нашу Рязанскую вотчину. Покуда я живъ и покуда ты не замужняя, тамъ тебѣ и жить. Когда помру, твори свою волю. Все будетъ твое. Но знай, княжна, и заруби себѣ на носу два понятія. Первое понятіе будетъ: у меня къ тебѣ родительскихъ чувствій ни на алтынъ. А второе понятіе будетъ: ни одинаго родоваго клона, ни единой крѣпостной душенки, ниже младенческой, отъ меня на сторону ни продажей, ни даромъ не уйдетъ. И изъ всего князяго-Березопольскаго имущества родоваго и мною пріобрѣтеннаго, ни щепотки неприличнымъ дворянину способомъ на вѣтеръ не поидеть. Все отъ ложки до плошки, отъ нитки до свитки перейдетъ къ тебѣ по закону наслѣдія. Коли же перепадетъ отъ меня какая подачка на-сторону, то будетъ она не изъ иждивенія отцова и дѣдова, а моя пріобрѣтенная, кою я кому хочу, тому и дамъ... Ну, прости, до сви-

данія предъ Судомъ Господнимъ. Отецъ твой князь Андрей.“

Перечитавъ нѣсколько разъ это посланіе, княжна взволновалась и не знала, какъ отнестись къ распоряженію отца. То ей чудилось, что ссылка въ деревню на невѣдомый срокъ еще хуже и тяжелѣе жизни въ какомъ-либо московскомъ монастырѣ, то казалось ей, что отецъ распорядился сравнительно милостливо.

Въ вотчинѣ ожидало ее однообразное, тоскливое существованіе, но все-таки жизнь не будетъ вполне испорчена. Все-таки на ней не будетъ монашескаго одѣянія. Она не будетъ заживо погребена.

А сколько можетъ продлиться эта ссылка? Лѣтъ около пятнадцати. Отцу теперь шестьдесятъ лѣтъ. Онъ еще очень бодръ, отъ послѣдней болѣзни поправляется замѣтно. Онъ легко можетъ прожить еще двадцать лѣтъ. Когда она станетъ свободна, то будетъ почти старухой. Да, но въ будущемъ, когда-нибудь она станетъ все-таки свободна! А еслибъ отецъ постригъ ее теперь, то въ будущемъ уже ничего не жди. Она бы тотчасъ же была заживо погребена.

Княжна ничего не отвѣтила, не написала отцу, и сидѣла въ углу своей спальни, то понурившись подь гнетомъ мыслей обо всемъ происшедшемъ, то, успокоившись вдругъ, смотрѣла бодрѣе и мечтала о томъ, что въ богатой и красивой вотчинѣ—Березопольѣ, гдѣ домъ полонъ какъ чаша, гдѣ великолѣпные сады, оранжереи, конскій заводъ, до тысячи крѣпостныхъ, великолѣпный храмъ сооруженный дѣдомъ и наконецъ сосѣдство—жить можно не тоскуя.

Княжна знала, что тамъ много сосѣдей-дворянъ средней руки, которые живутъ постоянно, круглый годъ. Когда-то, лѣтъ пять тому назадъ, она провела тамъ немного времени, но сравнительно не дурно, пожалуй даже пріятнѣе, нежели въ иную зиму въ Москвѣ.

„Одного надо желать“, прибавила мысленно княжна, „чтобы это распоряженіе не было отягчено другимъ и чтобы мнѣ тамъ тоже не приказали приносить чашку чаю изъ буфета.“

Размышленіе княжны было прервано Дуняшей.

— Барышня, милая, ничего не пойму... Скажите, ради Создателя! Мнѣ сейчасъ—строжайшій указъ всѣ ваши платица ежедневныя и все самое потребное укладывать. Ыдемъ, что-ли, мы куда?

— Ыдемъ, Дуняша, въ Березополье.

— Ахъ ты Господи! воскликнула Дуняша и начала креститься. — Вотъ хорошо-то! И на долго?

— Нѣтъ, Дуняша, не на долго. Такъ на пятнадцать, или на двадцать...

И княжна умышленно не договорила.

— Денъ? добавила Дуняша опечалившись.

Княжна улыбнулась.

— Пятнадцать или двадцать лѣтъ, Дуняша. Вернемся мы съ тобой отсюда—двѣ старухи.

— Слава Тебѣ Господи! воскликнула дѣвушка и начала опять креститься.

— Чему же ты радуешься?

— А вы-то развѣ не радуетесь? А въ Страстной монастырь, или въ Дѣвичій лучше бы было?

Княжна не отвѣтила.

Дуняша съ сіяющимъ лицомъ стояла, думала о чемъ-то и изрѣдка принималась креститься. Радость дѣвушки подѣйствовала на княжну. Лицо ея также прояснилось. Она встала и выговорила бодро:

— Ну, давай укладываться!

На зарѣ во всемъ домѣ было уже извѣстно, что выѣзжаетъ изъ дому не Устинья Савельевна, а высылаютъ на житье въ деревню самое княжну. И то же холопское общественное мнѣніе разсудило дѣло сразу:

— Подѣломъ! Не озорничай! Противъ родители не ходи! Его власть родительская.

XIV.

Рано утром у подъезда появилась дорожная карета, привезенная двумя лошадьми, которых тотчас отпрягли, так как карету привезли для укладки. Все утро домъ былъ на ногахъ. Кто носилъ всякую поклажу изъ горницъ княжны въ карету и на подводы, стоявшія на дворѣ, а кто просто сновалъ по горницамъ безъ дѣла, ради рогозѣйства.

Выѣздъ предполагался около полудня, но, какъ всегда, не могъ состояться. Не все было готово. Да и поваръ съ дорожною провизіей запоздалъ. Устинья Савельевна приказала такое дорожное заготовить, что въ пѣдня сутки не успѣешь состригнать: и жаркое, и вареное, и конченное, и печеное.

Въ сумерки княжна медленною походкой прошла по своимъ опустѣлымъ горницамъ. Все было уложено. Вездѣ былъ беспорядокъ, соръ и слѣды какъ бы прошедшаго урагана. Мебель сдвинута съ мѣстъ, выдвинутой ящикъ изъ комода спальни оказался на письменномъ столѣ кабинета. Простая метла стояла въ гостиной, приткнутая къ дивану. Зачѣмъ она тутъ появилась, какая въ ней оказалась нужда—трудно было и угадать. Теплое дорожное платье лежало на доскахъ пустой кровати. Въ углу рабочей горницы княжны бросилась ей въ глаза книжка, очевидно забытая и оброненная на полъ. Ея библиотечку, томовъ въ полтора, послылъ съ утра и укладывалъ въ отдѣльный ящикъ какой-то дворовый. Началь опъ еще на зарѣ, и въ полутемнотѣ вѣроятно потерялъ эту книгу.

Княжна подошла, уже было наклонилась, но вдругъ ей пришла странная мысль:

„Какая это книжка? Загадаю я на нее! О чемъ она толкуетъ—такова будетъ и жизнь моя въ Березопольѣ.“

Княжна нагнулась, подняла книгу, развернула и увидѣла, что это переводный съ французскаго романъ, который она нѣсколько разъ собиралась прочесть, но никакъ не могла найти. Она не видѣла его на полкѣ. Очевидно, опъ завалился куда-нибудь, а теперь оказался одинъ, когда всѣ книги уложены.

Княжна раскрыла и прочла: „*Безуміе отъ любви*, описаніе превратностей жизни аббата Сень-Дидье.“ Не зная романа, княжна не знала какой отвѣтъ получаетъ она на загаданное.

— Безуміе отъ любви! прошептала княжна, стоя съ книгой въ рукахъ. — Такого быть у меня не можетъ! Не только безуміи, но и просто любви никогда я не чувствовала ни къ кому. Не такова, зная, уродилась!

Княжна вздохнула, но въ то же мгновеніе будто посторонній голосъ зашепталъ ей на ухо:

„Неправда, не лги! Ты готова была любить не разъ. Вспомни! Но что остановило тебя? Полная увѣренность, что ты не найдешь отвѣта, что на твое большое, сильное чувство не получишь ничего, кромѣ пренебреженія и шутокъ, или еще больше уязвляющія сердце—чувства уваженія и почтенія. Нѣтъ, ты можешь любить! Еще сможешь и въ будущемъ! Да и почему знать? Свѣтъ не клиномъ сошелся. Березополье тотъ же міръ Божій. Тамъ есть люди такіе же, какъ и въ Москвѣ. Тѣ же дворяне. Но тамъ народъ менѣе испорченный, болѣе простой и искренній. Быть-можетъ именно тамъ ты и найдешь свое счастье!“

Но въ отвѣтъ на этотъ тайный голосъ, княжна гордо выпрямилась, какъ бы вдругъ оскорбленная, и выговорила вслухъ:

— Какой вздоръ! Какъ не стыдно! Пора бы, кажется, ужъ перестать! Хуже всякой дѣвочки размечталась! И когда же? Когда надо садиться въ карету и отправляться въ ссылку по указу родительскому.

Въ сумерки все было окончательно готово, но передъ тѣмъ чтобы впрягать шестерикъ сытыхъ коней въ до-

рожную карету, люди какъ бы сговорясь, начали повторять одно и то же:

— Какъ же теперь выѣзжать? Солнце на закатѣ. Стемнѣетъ сейчасъ. Какой же это выѣздъ въ дальній путь?

Дѣйствительно, по давнему обычаю, никто никогда не выѣзжалъ къ вечеру. Было принято и изъ Москвы, и изъ вотчинъ выѣзжать рано утромъ, почти еще ночью, ѣхать весь день если возможно и если есть подстава, но, по большей части, въ сумерки останавливаться на ночлегъ.

Покуда люди толковали объ этомъ, князь, сидя у себя и уже давнымъ-давно не видавшій дочь въ глаза, былъ занятъ тѣмъ же вопросомъ. Но кромѣ того онъ былъ озадаченъ и другимъ: проститься-ли съ дочерью?

Раза два онъ приподнимался съ мѣста, бралъ свою палку и прихрамывая шелъ къ столовой, черезъ которую надлежало пройти, чтобы навѣстить дочь. И онъ каждый разъ невольно останавливался передъ дверьми.

„Что я ей скажу? Что она будетъ говорить? Къ чему это поведетъ?“ начиналъ онъ мысленно разсуждать. „Она ослушница воли родительской и виновата. А я, старый хрѣпъ, соблазнъ на всю Москву пустил. То же виноватъ и пуце всѣхъ передъ дочерью. Кому же у кого прощенія просити? О чемъ же намъ говорить? А поцѣловаться трикраты, какъ христосуются на Пасхѣ съ приходскимъ пономаремъ, — лучше не надо. Прости, дочка. На томъ свѣтѣ увидимся и тамъ насъ разберутъ — кто правъ и кто виноватъ былъ въ этой юдоли.“

И князь возвращался на мѣсто. Въ сумерки, по докладу дворецкаго, что все готово и будетъ-ли приказаніе закладывать лошадей, князь послалъ спросить у дочери: „какъ ей угодно, выѣзжать-ли тотчасъ, или переночевать и выѣхать на утро, пораньше.“

Княжна смущаясь встрѣтила посланнаго. Она ждала, что отецъ позоветъ ее прощаться, хотя тоже болалась свиданія, не зная о чемъ имъ заговорить. Да и заговорить-ли? Но проститься все-таки бы слѣдовало... У него одна дочь! Вотъ къ чему привели ихъ „парадные“ отношенія съ отцомъ.

Когда дворецкій, вмѣсто приглашенія пожаловать къ князю, спросилъ по княжескому указу „какъ ей угодно, выѣзжать-ли тотчасъ, или на утро,“—княжна выпрямилась и выговорила сухо:

— Доложи батюшкѣ: выѣду какъ имъ угодно.

Минуты черезъ три дворецкій появился снова и доложилъ барышнѣ:

— Князь приказали сказать: какъ вамъ угодно.

— Поди, скажи князю, что я сдѣлаю, какъ имъ угодно, сухо выговорила она.

Дворецкій вышелъ, но черезъ двѣ минуты явился рысью обратно на порогъ горницъ и произнесъ болѣе тревожнымъ голосомъ:

— Князь приказали сказать: какъ вамъ угодно.

— Поди, скажи князю: какъ имъ угодно! точъ-въ-точъ такъ же сухо отозвалась княжна.

Дворецкій, сообразивъ, что предстоитъ ему, не двгался и мялся на мѣстѣ, жалостливо поглядывая.

— Что же ты! повелительно произнесла княжна.

— Слушаю-съ! робко вымолвилъ тотъ и исчезъ въ дверяхъ.

Но онъ не пошелъ къ князю, а пройди нѣсколько горницъ, вышелъ въ переднюю. Тамъ онъ сѣлъ на лавку и вымолвилъ вслухъ:

— Что же мнѣ дѣлать? Вѣдь это наковецъ того выбѣгаешь себѣ бѣду, парвешься на рожонъ.

Посидѣвъ нѣсколько мгновеній, дворецкій однако сообразилъ, что онъ этакъ все-таки попадетъ въ отвѣтъ, и тотчасъ же трусливо направился въ кабинетъ князя.

Когда онъ появился у отворенной двери, собираясь разинуть ротъ, чтобы повторить снова и снова ту же фразу, князь по лицу холопа догадался, что именно онъ услышитъ. И не дожидаясь, крикнулъ нетерпѣливо:

— Вонъ!

Дворецкій выскочилъ улыбающійся и радостный. Гроза и въ чужомъ пиру похмѣлье — минули его, а его путешествію былъ положенъ предѣлъ.

Прошло около часу — и на вопросъ кучеровъ, закладываютъ-ли наконецъ, дворня отвѣчала:

— Не знаемъ! надо спросить...

На вопросъ дворня дворецкій отвѣчалъ:

— Не знаю!

На вопросъ другихъ Дуняша отвѣчала то же слово и, обратясь къ барышнѣ за разъясненіемъ вопроса, подала отъ княжны отвѣтъ:

— Не знаю, какъ князю угодно.

Наступилъ вечеръ. Лошадей не закладывали. А у княжны въ спальнѣ Дуняша снова устраивала постель на ночь.

Въ домѣ всѣ уже знали, что на зарѣ лошади должны быть готовы и состоится выѣздъ. Но кто такъ приказалъ — было неизвѣстно. Собственно, никто не приказалъ.

Княжна легла спать рано, но взяла въ руки найденную на полу книжку, чтобы чтеніемъ на сонъ грядущій разогнать тяжелыя думы. Прошло часа два, а она не тушила свѣчи и все читала. „Безуміе отъ любви аббата Сень-Дидье“ было мало интересно само по себѣ; но вѣдь княжна загадала на содержаніе этой книги. Княжна должна была отвѣтить ей — какаѣ жизнь начнется для нея тамъ въ Березопольѣ, въ глуши труппы.

И съ первыхъ же главъ отвѣтила прямо... Такъ по крайней мѣрѣ показалось княжнѣ.

XV.

Въ первыхъ числахъ декабря, за два дня до Николаина дни, въ Березопольѣ было съ утра замѣтно особенное движеніе среди населенія усадьбы, а равно и на деревнѣ.

День занялся ясный, сверкающій, веселый, но за то на дворѣ было до тридцати градусовъ морозу.

Все Березополье имѣло праздничный, оживленный видъ. Много крестьянъ сновало между селомъ и усадьбой; приходили на барскій дворъ справляться въ одиночку и гурьбой. Дворня тоже мало сидѣла по горницамъ и часто появлялась на дворѣ и на дорогѣ въ аллеѣ между домомъ и церковью.

Благодаря морозу, все что появлялось на улицѣ, двигалось шибко. Снѣгъ, будто кованный изъ алмазовъ, сверкалъ, и звучно, почти весело скрипѣлъ подъ ступнею каждаго. У всякаго гуляющаго, а тѣмъ паче бѣгущаго, вырывался изо рта дымокъ, видимый издалека. Всѣ были румяны.

Всѣ бородатые, и пожилые, и молодые, равно, ходили сѣдыми дѣдушками съ бѣлыми усами. У мальчугановъ тоже была сильная сѣдина на кудряхъ, которыя выбивались изъ-подъ шапокъ. Даже красныя дѣвицы ходили съ сѣдыми бровями и рѣсницами.

Всѣхъ расшевелилъ государь-морозъ и всѣ будто радовались ему, — только носамъ да ушамъ было обидно отъ нещадныхъ щипковъ его.

У всѣхъ березопольцевъ было одно на умѣ и на языкѣ.

Одни говорили:

— Наша барышня!

Другіе повторяли:

— Прасковья Андреевна.

Въ это утро, по расчету Макара Макаровича, должна была прибыть изъ Москвы княжна. Еще наканунѣ распорядился онъ всѣмъ для приѣма владѣлицы Бере-

зополья. Все было приготовлено къ торжественной встрѣчѣ.

Еще съ вечера былъ отправленъ умный малый, верхомъ, верстъ за 15 на Рязанскую дорогу, чтобы при видѣ экипажа княжны скакать маршъ-маршемъ съ вѣстью. Но за шесть верстъ отъ усадьбы выѣхалъ на зарѣ и сталъ на дорогѣ другой конный, который долженъ былъ, перехвативъ вѣсть, скакать еще шибче прямо въ Березополье.

Такимъ образомъ Трубецкой рассчитывалъ, что 15 верстъ двое конныхъ по очереди проскачутъ не болѣе 35 минутъ. А на то же разстояніе для дорожной кареты княжны понадобилось бы не менѣе какъ часъ съ четвертью.

Надо было выиграть время, чтобы успѣть распорядиться торжественною встрѣчей.

Около полудни Макаръ Макаровичъ уже нетерпѣливо бродилъ по своимъ горницамъ. Уже раза три побывалъ онъ въ домѣ и обошелъ апартаменты приготовленные для княжны. Разъ десять отворялъ онъ заслонки печей и все нюхалъ, вѣтъ-ли угару. Затѣмъ онъ ворочался къ себѣ, садился, но тотчасъ же вставалъ и волнуясь опять сновалъ по своимъ маленькимъ комнатамъ.

Одна мысль, выразившаяся въ четырехъ словахъ, не покидала его, и наконецъ Трубецкой сталъ повторять вслухъ:

— Запоздаеть! Обида! Все пропало!

Дѣйствительно, если княжна ливится въ Березополье ввечеру, то все приуроченное управителемъ торжество будетъ невозможно и придется отложить его на утро.

Когда на стѣнныхъ часахъ Макара Макаровича стрѣлки стали приближаться къ двумъ часамъ, онъ не выдержалъ:

— Спаси Богъ, какъ обидно! воскликнулъ онъ. — Вѣдь часа еще черезъ два темнѣтъ начнется!

И не зная что ему дѣлать, куда дѣваться отъ нетерпѣнія, Трубецкой быстро вышелъ и направился на конный дворъ. Еще быстрѣе, у себя на глазахъ, приказалъ онъ заложить рысакъ въ маленькія бѣговыя санки и, захвативъ кучеренка, стрѣлой понесся по аллеѣ къ церкви, мимо которой шла дорога въ городъ.

Макаръ Макаровичъ, миновавъ храмъ, выѣхалъ по дорогѣ, извивавшейся черезъ голую бѣлую равнину. Здѣсь онъ остановился и долго тщетно вглядывался пристально впередъ. Нигдѣ не видно было ни единой живой души.

Мѣсто было высокое и отсюда во всѣ стороны разстилалась безконечная панорама, російская, незатѣйливая: бѣлая безконечная простыня съ темными пятнами, образуемыми лѣсомъ или деревушками. Черезъ часъ Трубецкой вернулся нехотя домой и пригорюнился...

Что онъ предчувствовалъ — то и случилось, но еще хуже... Уже было почти совсѣмъ темно на дворѣ и нѣсколько звѣздочекъ замигали въ темнѣющихъ небесахъ, когда въ усадьбѣ появился экипажъ шестерней, а за нимъ три подводы на тройкахъ, съ поклажей. У Макара Макаровича, глянувшего въ окошко, ноги подкосились отъ изумленія и обиды. Конныхъ никакихъ не бывало, а княжна уже въ усадьбѣ. Нахлобучивъ шапку, управитель бросился бѣгомъ изъ дому въ догонку за проѣхавшими мимо него во дворъ усадьбы.

— Что за притча! гдѣ же конные? прозѣвали, разбойники! Или она ихъ не допустила впередъ предупредить меня? бормоталъ старикъ, вбѣгая въ ворота.

Усадьба и дворъ уже были не тѣ, преобразились...

Экипажъ, колокольчики, ржаніе лошадей, говоръ пріѣзжихъ и суета будто вдохнули жизнь, душу въ вѣчно пустой и какъ бы одичалый дворъ усадьбы. Паръ густыми облаками шелъ по морозу отъ всѣхъ коней, а среди этихъ облаковъ сновали люди и гудѣли веселые голоса.

Дружба. Рис. Леференца, грав. Богъ.

Дверцы кареты уже растворились, когда Макарь Макаровичъ подбѣжалъ къ ней. Опоздай онъ на одно мгновеніе—и княжна вошла бы на подбѣздъ безъ него. Старикъ чуть не задохся, чуть не упалъ, ибо раза два поскользнулся несясь рысью черезъ дворъ къ этой каретѣ; но все-таки поспѣлъ во-время.

Едва переводя дыханіе, онъ протянулъ руки и сталъ высаживать княжну. Не смотря на сумракъ и смущеніе, Макарь Макаровичъ сразу разглядѣлъ лицо владѣлицы и сразу сообразилъ многое.

Лицо княжны было, дѣйствительно, настолько грустно, что эта грусть во всѣхъ чертахъ его, невольно бросалась въ глаза.

Княжна молча вышла на подбѣздъ. Молча вошла въ большую освѣщенную швейцарскую и остановившись выговорила не обращаясь ни къ кому:

— Куда? Гдѣ мнѣ приготовлено?

Побѣжавшіе впередъ съ огнемъ двое людей показали ей направленіе, и она двинулась.

— Подите, попросите ко мнѣ господина Трубецкаго, выговорила княжна.

— Я... вотъ онъ-съ... Спаси Богъ... вотъ я-съ... проговорилъ Макарь Макаровичъ страннымъ голосомъ.

За эти нѣсколько мгновеній Трубецкой былъ уже обиженъ и смущенъ. Вышедшая при его помощи изъ экипажа, княжна поднялась по ступенямъ и вошла въ домъ, не только не сказавъ ему ни слова, но даже не поглядѣвъ на него.

Но за то теперь Макарь Макаровичъ вдругъ зарумянился, глаза его стали влажны отъ готовыхъ выступить слезъ.

Но едва онъ выговорилъ свою фамилію, какъ та же неприступная и суровая княжна ахнула, положила руку ему на плечо и вымолвила ласково и съ отбѣнкомъ радости:

— Простите, Макарь Макаровичъ, не узнала въ темнотѣ. Да и вы перемѣнились! А я выходила изъ кареты и думала: что же это нѣту моего дорогаго Макара Макаровича? Вѣдь мы съ вами друзья были! Помните... когда я здѣсь была.

Трубецкой началъ было говорить что-то, произнесъ съ трудомъ: „спа-а-си Боже“, но дальше не выговорилъ ни слова. Голосъ его дрогнулъ, судорога стянула горло.

Давно, очень давно никто такъ ласково не обращался къ нему, ни въ чьемъ голосѣ изъ говорившихъ съ нимъ,

не звучало того, что онъ услышалъ и почувствовалъ теперь въ голосѣ этой пріѣзжей. А кто это? Сама княжна. И за что же? Чѣмъ онъ ей услужилъ? Въ ея прошлый пріѣздъ они, правда, частенько бесѣдовали, но онъ тогда не замѣтилъ, чтобы княжна относилась къ нему сердечно.

Между тѣмъ, покуда сладкая тревога бушевала въ груди старика, онъ не слышалъ того что спрашивала княжна и ничего не отвѣчалъ ей.

— Спаси Богъ! безсознательно повторялъ онъ на все то, что говорила она и чего онъ не понималъ отъ смущенія и радости.

Княжна двинулась впередъ, и Макарь Макаровичъ ясно слышалъ:

— Пойдемте!

Они вошли въ горницы приготовленныя ей, числомъ семь или восемь, весь правый уголъ дома, съ окнами на дорогу къ церкви, а другими—въ цвѣтникъ, теперь укрытый высокими сугробами.

Обойдя горницы, молча, княжна подавила вздохъ, не ускользнувшій отъ вытливаго взгляда Трубецкаго. Снявъ капоръ и теплое платье, она сѣла въ кресло у окошка и сразу глубоко задумалась.

Макарь Макаровичъ глянулъ на нее искоса, тоже подавилъ въ себѣ вздохъ соболѣзнованія и почтительно, почти на цыпочкахъ, вышелъ въ другую горницу.

А между тѣмъ, повсюду въ этой половинѣ дома началась уже полная сумятица. Таскали вещи, но вмѣстѣ съ тѣмъ голосили весело и радостно. Часто раздавались громкіе поцѣлуи и восклицанія. Одно изъ нихъ даже достигло слуха княжны:

— Дуняша, голубушка! Какъ ты захирѣла, постарѣла! Да и барышни-то княжна тоже. Совсѣмъ вдвоемъ лицо у нея. Вотъ вамъ и московская ваша жисть!

Отъ этихъ простыхъ словъ, княжна, сиди за двѣ горницы, вздрогнула, обернулась на раскрытыя настежь двери и стала прислушиваться. Больно коснулись эти слова ея сердца, но вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то странное чувство шевельнулось въ ней,—какое-то ѣдкое желаніе услышать что-нибудь такое же, даже худшее.

Пускай скажутъ сейчасъ, что она страшно подурнѣла, стала старухой, что она зла, какъ чортъ!

Но ничего уже лютвенно не доносилось до нея, только сплошной гулъ голосовъ и шуршанье тяжелыхъ ступней у носившихъ ящики и сундуки.

(Продолженіе будетъ).

Амру.

Поэма В. Величко.

„Сотворилъ Богъ разумъ, свѣтъ отъ свѣта Своего, и сказалъ ему: Я ничего не сотворилъ лучше, красивѣе, совершеннѣе тебя; ради тебя человѣчество получить благословеніе, tobou буду Я признанъ, tobou прославленъ!“ .

Хадисы (преданія) Магомета.

I.

„Великъ Аллахъ! Великъ его Пророкъ!“
Какъ тучи грозныя, какъ вихрь, какъ Божья кара,
Несутся полчища по манію Омара
На обезсиленный дремотою Востокъ
И на владѣнія развратной Византіи.
И Газу, и Дамаскъ, и градъ святой Мессіи —
Все взялъ, все затопилъ бушующій потокъ!
Персидскія войска, разбивъ при Меданѣ, ¹⁾
Въ долину чудную пришли сыны пустыни,
Гдѣ къ Тигру мощному струи несетъ Евфратъ.
Непобѣдимый вождь, Амру, краса ислама,
На западъ меркнувшій повелъ дружину прямо
Черезъ горы и пески—и древній взялъ Фустатъ, ²⁾
Гдѣ сфинксы, окруживъ священный храмъ Изиды,
Навѣки замерли, гдѣ молча пирамиды

¹⁾ Меданъ—мѣстечко въ Месопотаміи, недалеко отъ возникшаго впоследствии Багдада.

²⁾ Фустатъ—арабское имя Мемфиса.

Вѣка величія и прахъ царей хранить.
Но что величіе предъ истиной Корана?!...
Какъ солнце—неба царь,—пронзалъ мглу тумана,
Всесильно гонить ночь блестящимъ сонмомъ стрѣлъ,—
По выбоку песку, по грудамъ вражьихъ тѣлъ
Несется рать Амру впередъ, къ Александріи.
Все рушится предъ нимъ! Кто знаетъ, гдѣ предѣлъ
Стремленью мощному взволнованной стихіи?
Самума грознаго задержать кто полеть?
Кто можетъ одолѣть воспрянувшій народъ,
Внезапно хлынувшій на мощный кличъ Корана,
Какъ лава жгучая изъ темныхъ нѣдръ волкана?!..

II.

День покинулъ пустыню, объятую сномъ
И повитую влажнымъ туманомъ.
Звѣзды ярко не блещутъ на небѣ ночномъ
И не кажутъ пути караванамъ.
Остороженъ Амру: выждать утра велитъ,
Хоть близка уже цѣль—и вокругъ пирамидъ
Стало войско арабское станомъ.
По приказу вождя, всѣ сѣнать поскорѣй
Снять съ верблюдовъ токи, разнуздать лошадей
И Аллаху предъ сномъ помолиться.
Приготовленъ ночлеги: поднялися шатры
И во мглѣ непроглядной рядами костры

Стали ярко пылать и дымиться,
 Отражался на шлемахъ и коньихъ стальныхъ.
 Вокругъ стана разставлена цѣль часовыхъ,
 Прозвучало послѣднее слово молитвы —
 И покой воцарился... На завтра походъ,
 Чуть заря алой кровью сводъ неба зальетъ:
 Надо силы набраться для битвы!
 Много витязей въ райскія двери войдутъ,
 Не спасутъ ихъ ни шлемы, ни брони...
 Богатырски заснутъ утомившіеся людъ;
 Только слышно, какъ жвачку верблюды жууютъ,
 Да порою зафыркаютъ кони,
 Словно чуютъ они приближеніе враговъ;
 Но враговъ не видать... Меркнетъ пламя костровъ,
 Задремали давно часовые,
 Опершись на копье... Тишь пѣмая и мгла
 Черной тучей на лагерь уснувшій легла.
 Снятся воинамъ сны золотые...
 Да не снится имъ только въ полуночный часъ,
 Что съ несмѣтной ратью сѣйшитъ Могавгасъ,¹⁾
 Совершивъ черезъ Нилъ переправу;
 Что трусливъ и коваренъ, какъ подлый шакалъ,
 Византіецъ туманную ночь избралъ,
 Чтобъ къ арабамъ притти на расправу...
 Вотъ, сливаясь съ тумана густой пеленой,
 Словно тѣни безшумныя, греки толпой
 Подползаютъ къ ночлегу какъ змѣи, —
 И оружье измѣнниковъ — лютый кинжалъ
 Ужъ надъ лагеремъ спящимъ во тьмѣ засверкалъ.
 Пиръ кровавый свершаютъ злодѣи!..
 И смятеніе прервало предательскій сонъ.
 Кони бѣшено ржутъ, слышенъ раненыхъ стопъ
 И предсмертные дикіе крики.
 Встрепенулись бойцы грозной стаей орловъ,
 Зашумѣло кинучее море головъ,
 Будто волны въ часъ бури великой.
 Начался безопадный, неистовый бой:
 Раздаются во тьмѣ непроглядной ночной
 Лязгъ оружія, скрежетъ, прозлітя...
 Все смѣшалось, повсюду погибель и адъ,
 Безъ разбору звенящія сабли разить,
 Не видать гдѣ враги и гдѣ братья...
 Заметался Амру, какъ восприянувшій левъ.
 Словно бури грохочущей яростный ревъ,
 Будто колоколъ грозный ябланный,
 Слышенъ голосъ вождя: „Да погибнетъ нашъ врагъ!
 „Бей! гони! не щади! Намъ поможетъ Аллахъ,
 „Богъ побѣды, Богъ силъ благодатный!“...
 И въ тотъ мигъ освѣтилась небесъ вышина:
 Сквозь туманную мглу изъ-за тучи луна
 Просіяла внезапно, какъ чудо,
 Озаряя забрызганныхъ кровью бойцовъ,
 Пирамидъ силуэты, рядъ бѣлыхъ шатровъ,
 Мертвыхъ тѣлъ безобразныя груды.
 „Мусульмане впередъ! Самъ Всевышній за насъ!“ —
 Съ новой силой пещадная битва зажглась, —
 Византіицы разбиты, бѣжитъ Могавгасъ,
 Дикимъ страхомъ объять, — и въ погоню
 Побѣдителей грозныхъ стремится потокъ...
 Легче вихри несутся, взрывая песокъ,
 По пустынѣ ретивые кони...
 Все исчезло, все скрытъ темной дымкой туманъ,
 Опустился и стихаетъ покинутый станъ,
 Удаляется бѣшенный топотъ...
 Лишь задавленный стонъ раздается порой,
 Да прерветъ тишину шумъ безсвязный, глухой,
 Будто моря далекаго ропотъ...

III.

Въ Александрію поутру
 Вступалъ торжественно Амру
 Съ побѣднымъ знаменемъ Пророка.
 Еще въ туманѣ, издалёка
 Видѣлась города краса:
 Коломна стройная Помпел
 Вершиной древнею своею
 Уходитъ гордо въ небеса,
 И башня—свѣточъ Клеопатры²⁾,
 Соборы, портики, театры,
 И Нилъ, и моря полоса,
 И въ синей бухтѣ мачтъ лѣса —
 Предстали въ утреннемъ сіяньи
 Какъ радужной мечты созданье,
 Какъ въ сказкѣ или въ чудномъ снѣ,
 Какъ марево среди пустыни...
 Амру, гарпу на конѣ,
 Могучемъ, бѣломъ исполнѣи,

1) Намѣстникъ Александрін.

2) На этой башнѣ былъ известный маякъ; при халифѣ Османѣ его погасили.

Велъ молча вѣрныхъ мусульманъ.
 На шинахъ бѣлѣлъ турбанъ,
 Какъ сѣвъ на голубой вершинѣ;
 Качался за спиной колчанъ,
 Блестала на груди козлчуга,
 И сабли, вѣрная подруга,
 Красою грозною своею
 Въ десницѣ витязи сверкала;
 Ее одна изъ чудныхъ фей
 Во дни Халимскихъ войнъ¹⁾ сковала
 Изъ мѣсяца стальныхъ лучей...
 Какъ мести геній-разрушитель,
 Угрюмъ арабовъ повелитель,
 Во взорахъ молніи блестить...
 Скажи, ты видѣлъ, какъ таррадъ,²⁾
 Съ толпою волнъ косматыхъ спора,
 Несется надъ нучиной моря?
 Ты видѣлъ кедръ, что въ холмѣ крутой
 Вился желѣзными корнями,
 Долину осѣнилъ вѣтвями,
 Небесъ коснулся головою? —
 Таковъ воитель величавый,
 Таковъ Амру, избранникъ славы...
 И вотъ: у городскихъ воротъ,
 Какъ урожай, серпомъ сраженный,
 Предъ нимъ, колѣнопреклоненный,
 Стоитъ трепещущій народъ
 Александринъ побѣжденной.
 Къ ногамъ его кладутъ ключи
 Отъ опустѣвшей цитадели,
 Знамена, копья и мечи,
 Жемчужныхъ горы ожерелій,
 Кладутъ висонные плащи,
 Янтарь, алмазы, кучи злата, —
 Все, чѣмъ столица ихъ богата,
 Все, чѣмъ известна ихъ земля;
 Рыдаютъ горестно, моля,
 Чтобъ вождь имъ даровалъ пощаду.
 Но непреклоненъ и суровъ,
 Амру отвѣтилъ: „Намъ не надо
 „Презрѣнныхъ роскоши даровъ!
 „Пророкъ, посланникъ вѣщій Бога,
 „Чуждаться повелѣлъ намъ строго
 „Нечистой жизни бранныхъ благъ,
 „Созданій пышности растлѣнной!
 „Къ тебѣ, лукавый, низкій врагъ,
 „Я несъ его завѣтъ священный,
 „Корана свѣтъ! Избравши мракъ,
 „Подкрался гнусною гіеной,
 „Враслохъ, засадою, измѣной
 „Хотѣлъ сразить мою ты рать! —
 „Я мстить пришелъ, пришелъ карать!
 „На мракъ той ночи рать Омара
 „Отвѣтитъ заревомъ пожара!
 „Презрѣнный скрылся Могавгасъ,
 „Несется по морю въ фелукъ³⁾.
 „Но имъ заслуженныя муки,
 „Кровь жертвъ его — падеть на васъ!
 „Все уничтожу, сокрушу я,
 „Какъ дикій ураганъ, бушуя,
 „Въ потокахъ крови и огня!“
 Такъ грекамъ, трепетомъ объятымъ,
 Сказалъ — и по дарамъ богатымъ
 Направилъ вѣрнаго коня
 Въ Александрію вождь суровый,
 Точка презрительно подковой
 Все то, чѣмъ жалкій людъ илѣненъ:
 Алмазы, пуриуръ и виссонъ...

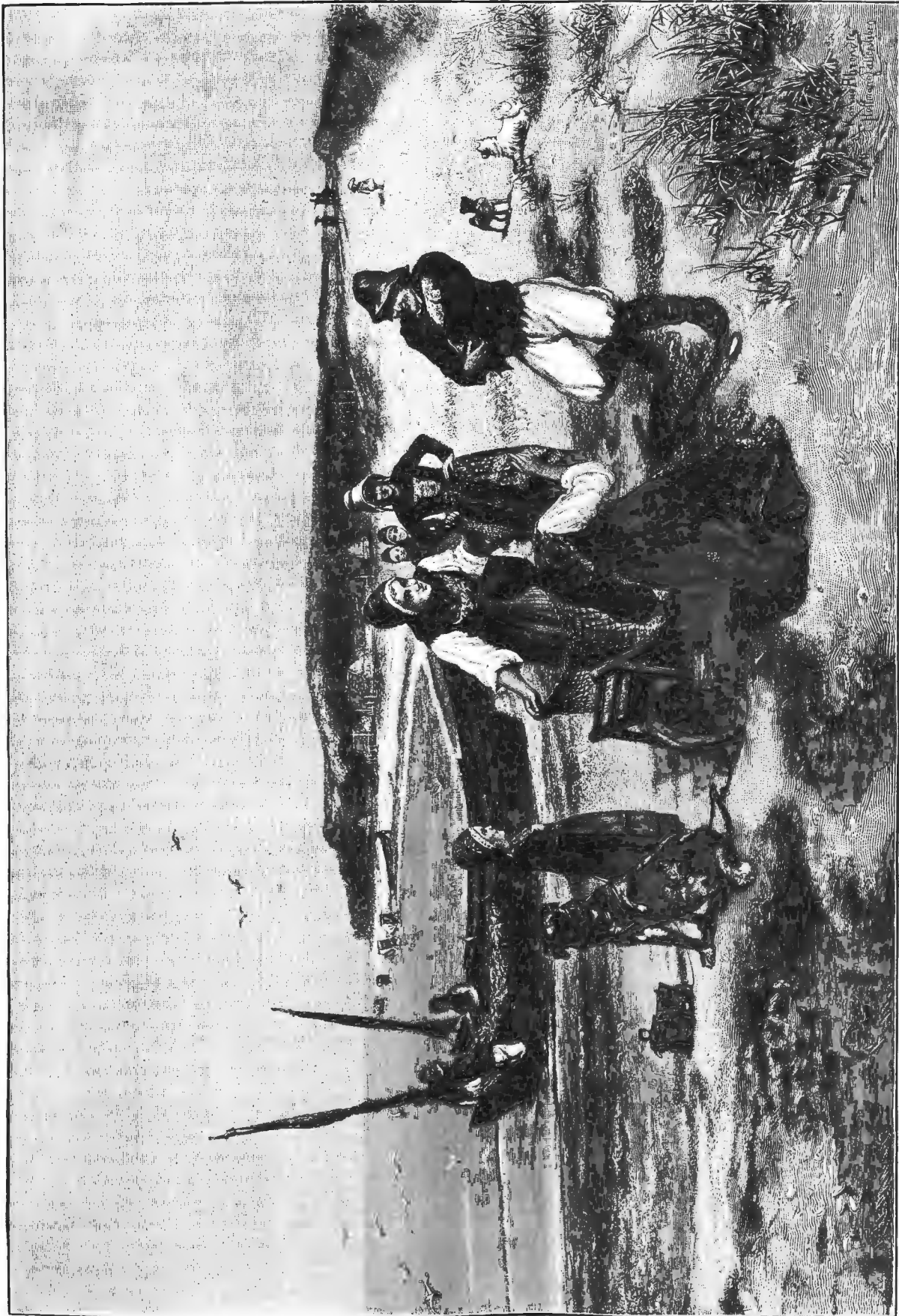
IV.

По городу Амру съ дружиной разбѣгаетъ
 Межъ храмовъ и дворцовъ, межъ стройныхъ колоннадъ
 И зелени садовъ... Приковывая взглядъ,
 Все жителя пустыни невольно поражаетъ
 Досель невиданной, чарующей красотой.
 Но вотъ увидѣлъ вождь: на площади большой,
 Пышнѣе всѣхъ дворцовъ, стоитъ Библиотека,
 Поднявши съ гордостью торжественный фронтонъ.
 — „Кто здѣсь живетъ?“ спросить хотѣлся онъ.
 — „Наука,“ былъ отвѣтъ: „Пріютъ себѣ отъ вѣка
 „Нашли тутъ знаніе и мудрость человѣка.
 „Все то, чего трудомъ и мыслью онъ достигъ,

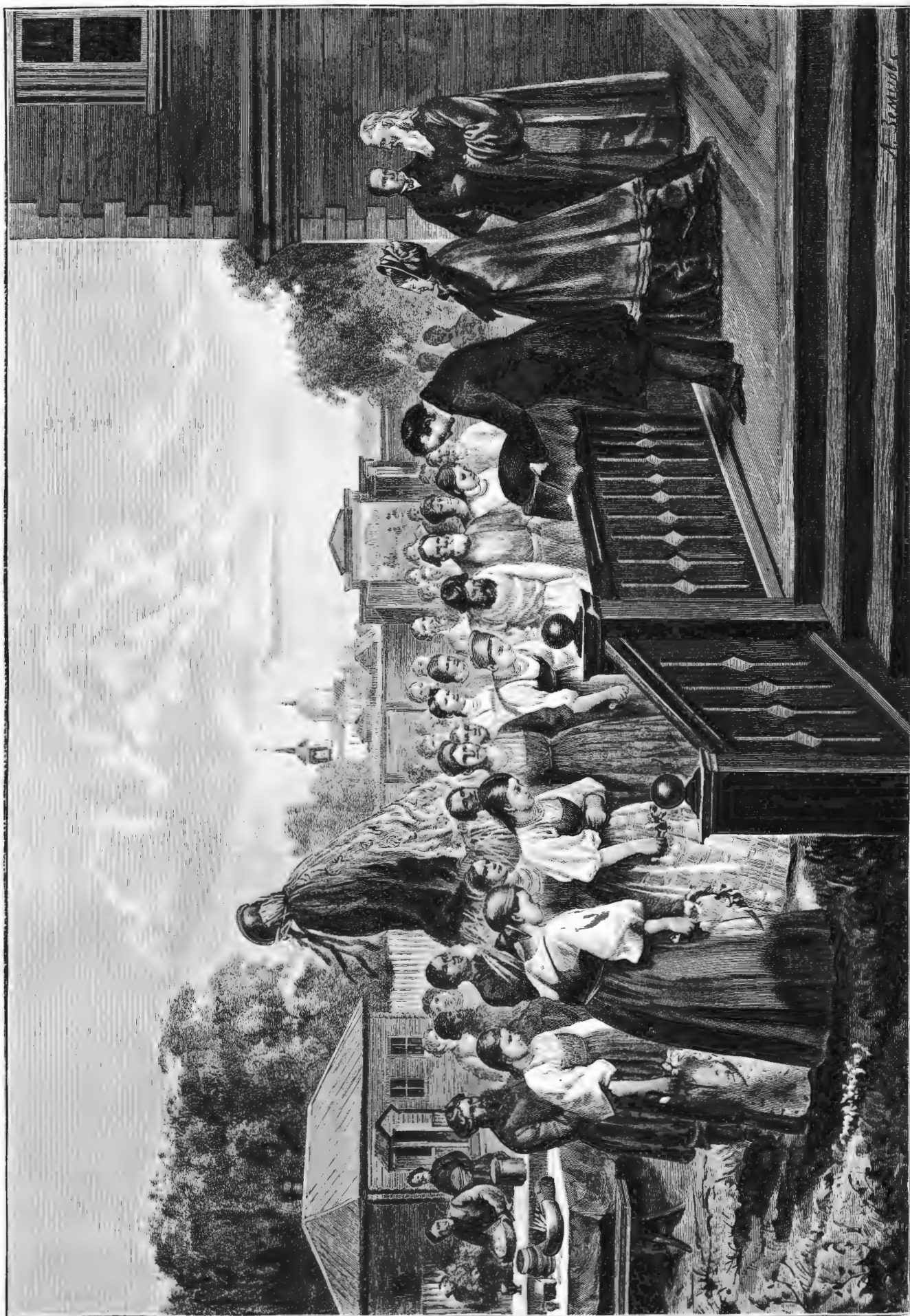
1) Въ Аравіи сохранилось преданіе, будто бы въ глубокой древности, задолго до Магомета, во время войнъ, названныхъ Халимскими, на полѣ битвы находили сабли съ удивительной рѣзкой. Арабы думали, что онѣ сдѣланы были феями изъ лучей мѣсяца.

2) Таррадъ — арабское названіе большого корабля.

3) Фелука — арабское названіе небольшого судна, соотвѣтствовавшего теперешнимъ шхунамъ; фелука была любимымъ судномъ пиратовъ, вслѣдствіе легкости и быстроты хода.

Поморцы острова Рюгена (Померанія). Рис. К. Аредтъ и Гофманъ Фаллерслебенъ, грав. Геландъ.

Литературный альбомъ. „На горахъ“, Мельникова. Встрѣча хлѣбушка въ праздникъ Дожинокъ 15 августа.
 Орг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ.

„Здѣсь воплотилоя въ страницахъ пыльныхъ книгъ—
 „И гени рукой начертано на нихъ
 „Безсмертной истины сверкающее слово“.
 — „Безсмертевъ только Богъ!“ сказалъ Аму сурово,
 „Двухъ истинъ въ мірѣ пѣтъ, и чрезъ Пророка давъ
 „Къ единой истинѣ единый ключъ — Коранъ!
 „Коль разумъ этихъ книгъ съ Пророка словомъ дружешъ,
 „То лишній онѣ—и этотъ домъ не нуженъ;
 „А коль иное въ нихъ, то всё онѣ вредны; ¹⁾
 „Какъ нечестивый плодъ навѣтовъ сатаны—
 „И этотъ пышный домъ построила гордыня,
 „Гордыня червяковъ, что роются въ пыли!
 „Что-жь это канище дало сынамъ земли,
 „Коль чтимо греками, какъ пѣкала святыни?
 „И рабство, и корысть, и пышность, и развратъ,
 „И трусость низкая, и ложь, и вѣроломство—
 „Не это-ль далъ землѣ, не это-ль давъ потомству
 „Кичливой мудрости благоуханный садъ?!—
 „Но нѣтъ! Я, Божій рабъ, повелѣваю пышъ
 „Все сжечь—и пепелъ книгъ развѣять по пустынѣ!⁴⁾
 Такъ молвилъ грозный вождь—и гнѣвною рукой
 Дружинѣ указавъ на знанья домъ высокой.
 Но только произнесъ онъ приговоръ жестокой,
 Какъ вдругъ очамъ его предсталъ боецъ сѣдой,
 Со знаменемъ въ рукахъ, съ Пророка бѣлымъ стигомъ,—²⁾
 Войсками чтимый шейхъ Джафаръ-Абу-Халитъ.
 Онъ доблестю своей давно былъ знаменитъ,
 Пренебреженіемъ къ мірскимъ ничтожнымъ благамъ,
 Любовью къ истинѣ и кротостью души.
 Видѣлся ему порой, въ почной тиши,
 Дѣла грядущихъ дней изъ-за туманной дали—
 И прозорливцемъ—*ал-гули*
 И праведнымъ его благоговѣно звали.
 Пророка самого приверженецъ и другъ,
 Въ Медию вмѣстѣ онъ бѣжалъ во дни гоненій;
 Дѣлил его труды, опасности сраженій
 И сладостныхъ бесѣдъ жвительный досугъ.
 При Бедрѣ ³⁾ видѣлъ онъ, какъ средь жестокой сѣчи
 Явились ангелы блестящіе съ небесъ, ⁴⁾
 Онъ видѣлъ какъ Пророкъ,—о, чудо изъ чудесъ!—
 Лишь горетію неску враговъ прогналъ далече.
 И въ Мекку древнюю съ Пророкомъ онъ вступалъ,
 Въ день воцаренія и торжества Корана.
 И славу онъ стижалъ и доблестныя раны,—
 Но почести одной въ награду пожелалъ:
 Лишь знаменникомъ быть, посетелемъ святыни.
 Въ сраженіи, будто левъ, безстрашнѣйшій боецъ,—
 Незлобивъ, какъ дитя, въ дни мира былъ мудрецъ
 И размысленна часть любилъ среди пустыни.
 Устами вѣщими Коранъ онъ разъяснялъ
 И все, что Магометъ свершилъ или сказалъ.
 Народъ его считалъ сокровищницей знаній,
 Хранителемъ святыхъ преданій...

V.

И вотъ премудрый шейхъ Джафаръ-Абу-Халитъ,
 Воздвигнувъ бѣлый стигъ передъ Библиотекой,
 Владыкѣ грозному безстрашно говоритъ:
 „Теченье дней твоихъ пускай Аллахъ продлитъ,
 „Въ сянны подвиговъ, отъ вѣка и до вѣка!
 „Привѣтствую тебя, возлюбленный амиръ! ⁵⁾
 „Ты блещешь надъ землею, какъ яркій лучъ Востока,
 „Какъ роза пышная, царнишь въ саду Пророка,
 „Ты—слава израильтянъ, ты праведниковъ миръ,

„Наперсникъ, лучший другъ великаго Омара
 „И нечестивыхъ кара.
 „О, выслушай меня! Я старый мугаджиръ, ¹⁾
 „И въ бой за истину, какъ ты, вступилъ я рано,
 „Нещадно поражалъ противниковъ Корана—
 „И я въ стремленіи потворствовать врагу
 „Быть злодозорнымъ, надѣюсь, не могу.
 „Повѣрь, въ меня такимъ бессмысленнымъ укоромъ
 „Не кишетъ злѣйшій врагъ. Внемли-жь моимъ мольбамъ—
 „И пощади, амиръ, познанья свѣтлый храмъ!
 „Не омрачай исламъ печалью и позоромъ,
 „Науку не гони жестокою рукой!
 „Она не сатаной дана семьѣ людской.
 „То говорю не я—то рѣчи Магомета:
 „Щедрые всѣхъ Господь, источникъ свѣта!
 „Онъ въ мысли темныя, какъ яркій лучъ проникъ, ²⁾
 „Онъ людямъ знанья далъ и пишущій тростникъ—
 „И какъ два свѣточа, такъ вѣра и познанье
 „Сіяютъ надъ людьми, народамъ кажутъ путь,
 „Какъ маяки, во мглѣ земнаго ихъ сивагья.
 „И тщетно иногда старается задуть
 „Ихъ ураганъ страстей, въ порывѣ злости дикой—
 „Хоть искра да блеститъ въ кромѣшной тьмѣ великой:
 „Свѣтъ истины неугасимъ.
 „И въ дни сомнѣнія, коль не путемъ однимъ
 „Порою свѣточа священныя проходятъ,—
 „Повѣрь, ихъ Промыслъ на время лишь разводитъ:
 „Начало имъ одно, одинъ конецъ имъ данъ.
 „Такъ иногда протокъ, съ рѣкою разлучаясь,
 „Стремится снова къ ней, тревогой обуянъ—
 „И, какъ съ возлюбленной, волнами обнимаясь,
 „Несется въ дальній океанъ...
 „Что лучше? путь рѣки или русло протока?—
 „Тотъ путь, гдѣ жизнь кипитъ средь пѣсенъ и труда,
 „Гдѣ межъ садовъ и нивъ несется въ даль суда.
 „Гдѣ истины русло? Внемли словамъ Пророка!—
 „Онъ говоритъ: въ вѣнцѣ сверкающихъ лучей
 „Красуется луна свѣтлѣе звѣздъ небесныхъ;
 „Отшельниковъ благихъ, для Бога и людей,
 „Дороже тотъ, кто жизнь въ трудахъ проводитъ честныхъ
 „На пользу истины и родины своей. ³⁾
 „Кто любить ближняго, въ комъ свѣтлыхъ знаній много,
 „Тотъ славенъ, какъ пророкъ, въ томъ блещетъ искра
 „Бога!.. ⁴⁾
 „Такъ изъ семи племенъ всѣхъ выше тотъ народъ,
 „Что свѣточа земли во мглѣ вѣковъ несетъ,
 „И, путь земной свершивъ, потомству завѣщаетъ.
 „Грядущіе года невѣдомы, темны,
 „Но взоръ моей души въ ихъ тайну проникаетъ:
 „Я вижу дни, когда умолкнетъ шумъ войны—
 „Какъ съ появленіемъ чарующей весны,
 „Все жизнью расцвѣтетъ, польются пѣсенъ звуки—
 „И землю озаритъ сіяніемъ науки
 „Побѣдоносная дружина мусульманъ,
 „Не саблей, не огнемъ, а разумомъ воюя,—
 „И въ челоуѣчества безбрежный океанъ
 „Вольетъ струю свою живую!..“
 И отвѣчалъ Аму: „Ты правъ, Абу-Халитъ!
 „Рѣчь истины самой въ устахъ твоихъ звучитъ,
 „Неотразимую волной мнѣ льется въ душу.
 „Ты правъ!— И яростью безумной ослѣпленъ,
 „Я домъ премудрости великій не разрушу. ⁵⁾
 „Пусть гордо высится надъ бездною временъ,
 „Средь шума буръ земныхъ, твердыней величавой,
 „Какъ свѣтлый намятникъ былой и нашей славы!..“

Старинныя русскія одежды.

П. Н. Полевого.

Рис. на стр. 977).

II.

Верхнія одежды болгаръ: охобни, однорядки, шубы разныхъ родовъ.—Разнообразіе головныхъ уборовъ.—Дорогія украшенія (ннзанье).—Приличія и обычаи въ употребленіи одежды.—Одежда женская и особія понятія объ ея покровѣ.—Разные виды одежды.—Обувь и головные уборы.—Кузня ларечная (украшенія).—Косметики и притиранія.

Въ первой нашей статьѣ о старинныхъ русскихъ одеждахъ, мы говорили преимущественно объ одеждѣ царской и боярской, и о тѣхъ именно видахъ ея, которые слѣдуетъ считать одеждой придворною или выходною.

¹⁾ По нѣкоторымъ источникамъ, слова эти приписываются халифу Омару.
²⁾ У Магомета, по преданію, было два знамени: бѣлое и черное; это послѣднее, говорятъ, хранится въ Стамбулѣ подъ именемъ *Санджакъ-шерифъ*. Особенно любилъ пророкъ бѣлый цвѣтъ. Зеленой же цвѣтъ принялъ лишь въслѣдствіи потомками Фатимы, его дочери, бывшей замужемъ за Али.

³⁾ Бедръ — городъ въ Аравіи.

⁴⁾ См. Коранъ гл. III, сурата 119.

⁵⁾ Амиръ — начальникъ, вождь.

Въ настоящей статьѣ перейдемъ къ описанію одежды *верхней*, которая надѣвалась при выѣздахъ изъ дома, и преимущественно зимою или вообще въ холодное, ненастное время года. Такихъ одеждъ, главнымъ образомъ, было три: *охобень, однорядка и шуба*.

Охобень или охабень, по своему покрою, походилъ на ферезъ, но такъ какъ онъ на ферезъ надѣвался, то его обыкновенно дѣлали гораздо шире и длиннѣе ферези. Подъ рукавами, очень длинными, дѣлали прорѣзы (или прорѣхи) для рукъ, такъ что рукава можно было или надѣвать, собирая ихъ на руку, или откидывать назадъ, за плеча, при чемъ иногда эти рукава связывались, перекидываясь одинъ черезъ другой, и висѣли за спиною, концами ниже пояса. Необходимую принадлежностью

¹⁾ Мугаджирима назывались приверженцы Магомета, бѣжавшіе съ нимъ въ 622 г. въ Медину изъ Мекки.

²⁾ См. Корана гл. XVI, сурата 1.

³⁾ Хадисы (преданія) Магомета.

⁴⁾ Книга „Джаміа-Сагиръ“.

⁵⁾ Домомъ премудрости арабы называли академію и библиотеку.

охабни былъ четверугольный, откладной воротникъ, который висѣлъ позади, почти до половины спины, иногда и ниже, и притомъ расширялся и украшался, подобно *козырю*, золотомъ и жемчугомъ. Спереди охабень, какъ и фerezь, застегивались петлицами на пуговицы.

Однорядка походила покроемъ на охабень, но съ тою разницею, что у нея не было ни откладнаго воротника за спиною, ни откидныхъ рукавовъ. Изъ этого сравненія однорядки съ охабнемъ, конечно, уже слѣдуетъ заключить, что охабень былъ одеждою болѣе нарядною, нежели однорядка. Поэтому охабни и дѣлались изъ болѣе цѣнныхъ матерій — изъ обляри, атласа, бархата, даже изъ парчи; а однорядки — изъ менѣе цѣнныхъ матерій и менѣе подерженныхъ порчѣ: изъ сукна, изъ карзеи (матеріи въ родѣ камлота). Иностранцы, посѣщавшіе Москву въ XVI и XVII в.в., говорятъ, что *однорядка* (Honoratkey—какъ они ее называютъ) надѣвалась часто поверхъ *охабня* (Althaben) во время ненастной погоды и дальнихъ поѣздокъ царей и бояръ.

Третьею верхнею (преимущественно зимнею) одеждою была *шуба*—одежда подбитая мѣхомъ и опушенной мѣхомъ-же. На исподъ шубы употреблялись мѣха: бѣличій, песцовый, лисій, куній, соболій, бобровый и горностаевый; на покрывку—бархатъ, атласъ, камка, сукно и другія шелковыя, плотныя и дорогія матеріи. Для украшенія пришивались къ ней *кружева* (т. е. тканья и плетеныя узорочныя нашивки изъ золотой нити); а для застегиванія пуговицы и петли или шнуры съ кистями. По покрою различали три рода шубъ: *шубы русскія*, *шубы турецкія* и *шубы польскія*.

Русскія шубы, походивъ въ общемъ покроѣ на охабень, отличались отъ него только отложнымъ мѣховымъ воротникомъ, который начинался отъ груди и покрывалъ плеча и часть спины. По обѣ стороны подола шубы дѣлались прорѣхи, отчасти для того, чтобы удобнѣе было ходить; отчасти, чтобы видны были украшения, нашитыя на сапоги.

Турецкія шубы отличались отъ русскихъ шубъ только рукавами, которые дѣлались у нихъ *двойные*: одни, короткіе, не доходившіе до локтя, въ которые продевались руки; другіе, очень длинныя, висѣли сзади и служили только для украшенія и были дѣйствительно очень красивы на ходу.

Въ такой именно турецкой шубѣ изображенъ на нашей таблицѣ рисунокъ (фиг. 1 внизу слѣва) государевъ стольникъ Потемкинъ, шествующій съ тростью въ рукѣ.

Польскія шубы, вмѣсто отложнаго, имѣли узенькій, пришитый воротникъ, просторные, сборчатые рукава и застегивались только въ одномъ мѣстѣ, у шеи, запонкою съ крючкомъ. Вслѣдствіе этого, ихъ нельзя было зашивать, полѣ-на-полу, а приходилось носить на распахку. По воротнику, подолу и обѣимъ полѣмъ, точно такъ же, какъ и на рукавахъ, *польскія* шубы опушались мѣхомъ. Въ такой шубѣ изображенъ на нашей таблицѣ рисунокъ (фиг. 2 внизу справа) государевъ шуринъ, Левъ Кириллычъ Нарышкинъ. Мы полагаемъ, что эти шубы, какъ одна изъ первыхъ модъ, занесенныхъ къ намъ съ польскаго Запада, явились у насъ не ранѣе XVI вѣка, когда, вслѣдъ за Глинскими, при Дворѣ Василія III должны были явиться и польскіе обычаи, и польскія одежды.

О шубахъ слѣдуетъ замѣтить, что шубы нерѣдко выдавались вельможамъ изъ царской казны въ награду за тѣ или другія заслуги государственнымъ и были тѣмъ богаче (и по верхней покрывкѣ, и по мѣховому исподу), чѣмъ больше была заслуга и чѣмъ выше стоялъ при Дворѣ тотъ стольникъ, которому шуба жаловалась государемъ.

Въ ношеніи верхней одежды соблюдался извѣстнаго рода придворный этикетъ. Такъ, наиримѣръ, въ концѣ XVII вѣка, въ царствованіе Θεодора Алексѣевича, вышелъ указъ, по которому „не велѣно *никому въ охабни пускати* не только во дворецѣ, но даже и въ Кремль“. Въ то же время, строго опредѣлено, въ какіе дни года и въ какіе праздники слѣдовало пріѣзжать ко Двору боярами и другимъ придворнымъ въ *золотыхъ*, въ какіе—въ *бархатныхъ*, и въ какіе—въ *суконныхъ* фerezяхъ. Смотря по этимъ нарядамъ, назначались придворнымъ и мѣста въ крестныхъ ходахъ и другихъ торжествахъ. Но такъ какъ иногда, въ особенности во время пріемовъ иностранныхъ посольствъ, московскіе цари старались поразить пріѣзжихъ иноземцевъ великолѣніемъ и блескомъ своего Двора, то въ кладовыхъ царской казны хранилось множество запасныхъ кафтановъ и фerezей изъ золотой парчи, которые и выдавались на руки придворныхъ въ торжественныхъ случаяхъ, и вновь отбирались отъ нихъ по минованіи надобности. По извѣстіямъ иностранцевъ, кладовыя съ запаснымъ *золотымъ* платемъ занимали въ Кремлѣ цѣлую улицу, близъ царскихъ хоромъ.

Намъ остается только еще добавить нѣсколько словъ къ тому, что сказано было нами о мужской одеждѣ, а именно—упомянуть о головныхъ уборахъ и обѣхъ украшеніяхъ, употреблявшихся на мужской одеждѣ. Выше мы уже упоминали о *горлатныхъ высокіхъ боярскихъ шапкахъ*, которые составляли необходимую принадлежность боярской одежды; мы упоминали также и о *табѣяхъ*, которыми прикрывали голову въ домашнемъ быту и цари, и бояре, и всѣ принадлежавшіе къ высшему слою общества. Но *шапка* вообще, которою всѣ прикрывали голову выходя изъ дома, ничего не имѣла общаго ни съ тафьей, ни съ

горлатною шапкой. Большею частью шапка имѣла видъ или округлой, плоской, съ мѣховою опушкою, или видъ колпака, высокаго, съ *задомомъ* на бокъ, или же видъ колпака закругленнаго, съ широкимъ мѣховымъ отворотомъ. Молодежь особенно любила *шапки-мурмолки*, съ высокою, нѣсколько суженою тульею и плоскимъ верхомъ. Такія шапки дѣлались изъ бархата или парчи и обшивались широко мѣховою лопастью съ разрѣзомъ спереди и сзади. Эти отвороты пристегивались къ шапкѣ богатыми петлицами и украшались драгоценными запонами. Въ такой шапкѣ-мурмолкѣ изображенъ на нашемъ рисункѣ (фиг. 1 внизу слѣва) Потемкинъ.

Выше мы уже видѣли, что одежды мужскія украшались золотымъ кружевомъ и *низаньемъ* изъ жемчуга; еще болѣе обычны были на верхнихъ одеждахъ нашивки изъ жемчуга, такъ-называемыя *затоны* (иногда съ драгоценными камнями), которые переносились съ одного платья на другое и съ одной шапки на другую. Точно также поступали и съ драгоценными пуговицами, — золотыми, жемчужными, коралловыми или осыпанными каменьями, или-же украшенными цвѣтною эмалью. Сверхъ всего этого, наиболѣе обычными украшеніями мужчинъ-бояръ и царей были: серги (въ одномъ ухѣ), кольца и перстни, цѣпи золотыя, которые носили на шеѣ (по одной и по нѣскольку) или же надѣвали по двѣ черезъ плечо такъ, что онѣ крестина-крестъ сходились на груди. Необходимое принадлежностью знатнаго человека (а тѣмъ болѣе царственной особы) была также и трость съ драгоценнымъ, золотымъ, хрустальнымъ или инымъ набалдашникомъ. Кстати замѣтить, что всѣ блестящіе украшения одежды и всякое *низанье* могли быть употребляемы только при обычномъ нарядѣ, домашнемъ или выходномъ; но платье *смирное* (траурное) надѣвалось безъ всякаго украшенія.

Переходя къ старинной одеждѣ женской, которую было въ обычаѣ носить въ древней Руси, мы прежде всего должны указать на тѣ главныя, основныя понятія древне-русскаго общества, которыми обуславливался покрой женской одежды у нашихъ предковъ XVI и XVII вѣка. Въ этомъ смыслѣ, понятія нашихъ предковъ совершенно расходились съ нынѣшними нашими воззрѣніями на женскую одежду. Въ настоящее время женская одежда вполне подчинена условіямъ моды или тѣмъ прехотливымъ видоизмѣненіямъ вкуса, которыя мы такъ охотно перенимаемъ съ Запада; принимаю эти измѣненія и слѣпо имъ подчиняясь, современная мать русскаго женщина никогда не обращаетъ вниманія даже и на то, что нѣкоторыя моды оказываются некрасивыми, неизящными, несогласованными съ нашимъ климатомъ и даже, до нѣкоторой степени, не совсѣмъ приличными. Покрой платья измѣняется не по нуждѣ, не по убѣжденію въ необходимости того или другаго измѣненія, а по предписанію моднаго журнала, хотя многое изъ нарижскихъ модъ оказывается крайне неуцѣпнымъ у насъ, при нашихъ особыхъ условіяхъ жизни, совершенно чуждыхъ французамъ. По требованіямъ модныхъ журналовъ, юбки дамскихъ платьевъ шьются шире или уже, убираются различными украшеніями въ большей или меньшей степени, а лифы дѣлаются длиннѣе или короче, и вырѣзаются болѣе или менѣе, угломъ или прямоуглыникомъ. Но какъ бы то ни было, а главными основаніемъ для всѣхъ измѣненій моды является желаніе непременно выставить формы женскаго тѣла съ наиболѣе выгодной стороны и придать этимъ формамъ, при помощи наряда, какъ можно болѣе граціи и привлекательности. Вотъ въ этомъ-то именно смыслѣ воззрѣнія нашихъ предковъ совершенно и расходились съ современными воззрѣніями на женскую одежду:—по понятіямъ русскаго люда XVI и XVII вѣковъ, формы женскаго тѣла слѣдовало *непретемно скрывать* отъ всякаго нескромнаго, постороннаго взгляда, а потому и самой одеждѣ придавать такой широкій, просторный покрой, который бы вполне ограждалъ женскую стыдливость... Широкая, волнистая, величавая складка старинныхъ русскихъ женскихъ одеждъ, дѣйствительно, вполне скрывала женщину, сглаживала ея формы и облекала ея станъ неприступнымъ величіемъ, вынуждалъ ее къ тихимъ, размысленнымъ движеніямъ, къ условнымъ позамъ или къ полной неподвижности. Покрой женской одежды былъ выработанъ вѣками; никакія отступленія или измѣненія въ немъ не допускались обычаемъ, а всякое нарушеніе обычая считалось не только неприличіемъ—почти грѣхомъ... И—надо сказать правду—несмотря на такое коренное различіе во взглядахъ на женскій нарядъ и одежду, русская женщина XVI и XVII вѣковъ, если вѣрится иноземцамъ, посѣщавшимъ въ это время Россію, ничуть не уступала въ красотѣ современной русской женщинѣ и такъ же хорошо умѣла пользоваться своимъ нарядомъ для украшенія своей вышности, какъ и нынѣшнія наши красавицы, пользующіяся для той же цѣли журнальными модами.

По обычаю, преобладавшему безусловно въ то отдаленное время, одежда женщины замужней различалась отъ одежды дѣвушки нѣкоторыми подробностями, но, главнымъ образомъ, уборомъ головы.

Дѣвушкѣ главнымъ украшеніемъ головы служили ея волосы и дѣвичья коса, широко заплетенная мудреною рѣшеткою, украшенная золотыми нитями и жемчугомъ, а на концѣ — богатымъ *хосникомъ* съ лентою, тоже украшеннымъ жемчугами и каменьями.

Иногда, при такой заплетенной косе, часть передних волос дѣвочки распускалась по плечамъ, завитая въ локоны; иногда эти локоны поддерживались обязанною вокругъ головы *перевязочкою* или *челкою*—лентою, визанною жемчугомъ. При богатыхъ нарядахъ, выходныхъ, дѣвочки-царевны или дѣвочки-боярышни надѣвали на голову *повязки* или *вѣнцы*, къ которымъ прикрѣплялась *фата* (покрывало), какъ это изображено на нашемъ рисункѣ (см. фиг. 3 и 4 вверху справа). Эти вѣнцы иногда дѣлались и золотые, зубчатые, украшались каменными и жемчужными *рясками* (подвѣсками), прикрывавшими лобъ. Иногда вѣнцамъ дѣвичьимъ придавалась форма нынѣшнихъ высокихъ вѣнцовыхъ вѣнцовъ, и тогда они назывались *корунами*. Такие вѣнцы обыкновенно носили царевны при церковныхъ торжествахъ или семейныхъ празднествахъ.

Замужнія женщины, въ противоположность дѣвочкамъ, тщательно прятали свои волосы, накрывая ихъ легкой шапочкой, которая называлась *подъ-убрусникомъ*, а сверху этой шапочки повязывал *убрусомъ*, т. е. полотенцомъ изъ легкой шелковой или кисейной ткани, и притомъ такъ, чтобы расшитые концы убруса свѣшивались по бокамъ головы и ниспадали на плеча (см. фиг. 1 слѣва вверху). Поверхъ убруса надѣвалась *кика* или *кичка*, постоянный женскій уборъ, формою напоминавшій коруну, но не открытую, а закрытую сверху. Такою *кикою* накрывали на нашемъ рисункѣ голова царицы (фиг. 1), только къ этой кикѣ еще придѣланъ высокій верхъ съ крестомъ, для пошени при томъ торжественномъ *первомъ* нарядѣ, въ которомъ царица здѣсь изображена. Иногда, вмѣсто кики, женщины носили высокія, съуживающія къверху шапки, такъ-называемые *столбунны* изъ бархата или парчи, прикрывавшіяся жемчужною сѣткою.

Зимою, при шубахъ, накрывали голову *каптуромъ*, мѣховою шапкою въ родѣ нынѣшняго капора (см. фиг. 2 вверху рисунка). Наконецъ, въ лѣтнее время, во время дальнихъ поѣздокъ за городъ (по монастырямъ и подмосковнымъ селамъ), царица, царевны и всѣ сопровождавшія ихъ боярыни и боярышни надѣвали низенькія круглыя полрковныя шляпы съ широкими полями, защищавшими лица ихъ отъ солнца. Эти шляпы были украшены шнуромъ съ кистями, подбиты шелковой матеріей и подвязывались шелковыми лентами у подбородка.

Ознакомившись съ головнымъ уборомъ русскихъ женщинъ высшаго класса, перейдемъ къ описанію ихъ одежды и того

порядка, въ которомъ эти одежды обыкновенно предписывалось носить, по установившемуся обычаю.

По порядку *первою* одеждою, или *блѣземъ*, была *блѣя сорочка* изъ полотна, которая надѣвалась прямо на тѣло. Другаго блѣя, кромѣ чулокъ, русскія женщины не знали и не носили. Поверхъ этой, *блѣлой сорочки* надѣвалась *сорочка верхая* или *красная* (въ смыслѣ *каздовая*), которая замѣняла домашнее платье. Эта верхняя сорочка, которая шилась изъ тонкихъ и легкихъ матерій, надѣвалась также черезъ голову и отличалась отъ нижней только тѣмъ, что рукава у нея были довольно широкіе и необыкновенно длинныя (въ 4, 5 и даже 6 аршинъ). Длинными дѣлались они для того, чтобы ихъ можно было собрать въ мелкія складки, которыя, пышно облекая руку, скрывали бы ея форму. Около кисти руки рукавъ верхней сорочки удерживался широкимъ низаннымъ запястьемъ или нарукавьемъ. Эта верхняя сорочка обыкновенно опоясывалась *поясомъ*; но въ ней считалось неприличнымъ не только показываться въ люди, а даже и дома выходить изъ своей комнаты. Необходимо было на эту верхнюю сорочку накинуть вторую одежду, и самую обыкновенную изъ такихъ вторыхъ одеждъ была *тѣлогрѣя*.

Тѣлогрѣя была распашная, длинная, почти до пятъ; она сходилась около ворота, закрывая плеча и грудь, и спереди, отъ верха и до подола, застегивалась на петли и пуговицы. Рукава у тѣлогрѣи были длинныя и узкіе, разбѣзныя, такъ что сборчатые рукава сорочки изъ-подъ нихъ выставлялись болѣе чѣмъ до половины, а рукава тѣлогрѣи висѣли по бокамъ и упадали позади рукъ или перекидывались и связывались сзади, за спиною, какъ рукава мужскаго охабня.

Тѣлогрѣи шились изъ тканей болѣе тяжелыхъ и дорогихъ и украшались по обѣимъ поламъ (около петель и пуговицъ) кружевомъ золотымъ или шелковымъ. Въ такихъ тѣлогрѣяхъ, прикрытыхъ верхнимъ платьемъ, на нашей таблицѣ изображены—царица Наталья Кирилловна (фиг. 2) и двѣ другія женщины (боярышня, фиг. 3, и боярыня, фиг. 4).

Въ тѣлогрѣѣ, надѣтой поверхъ верхней сорочки, женщина почиталась одѣтою и могла показываться въ люди у себя дома и даже выходить изъ дома на улицу и въ церковь. Другими, столь-же обычными одѣянными русскими женщинами были: шуба, лѣтничъ и ферезь, о которыхъ мы скажемъ въ слѣдующей нашей статьѣ.

Къ рисункамъ.

Аванпосты кубанскихъ казаковъ. (Рис. на стр. 961).

Какъ извѣстно, кубанское или черноморское казачье войско ведетъ свое происхожденіе отъ тѣхъ запорожцевъ, которые по уничтоженіи Сѣчи были переселены на берега Таманскаго полуострова и на лиманы къ устью Кубани. Въ постоянной борьбѣ, безпрерывныхъ тревогахъ и кровавыхъ столкновеніяхъ съ горами, изъ казаковъ выработались тѣ воины, подвиги которыхъ отличаются почти легендарнымъ характеромъ и всегда высоко цѣнились въ военномъ мѣрѣ. Можно сказать что черноморскіе казаки на своихъ плечахъ вынесли болѣе чѣмъ половину дѣла покоренія Кавказа. Такъ-называемые *пластуны*, отчаянные смѣльчаки, которыхъ сами черкесы не отличали отъ природныхъ горцевъ, изумляли своими невѣроятными подвигами французовъ и англичанъ при защитѣ Севастополя. Наконецъ въ послѣднюю турецкую войну, кубанское войско отличалось на обоихъ театрахъ войны. Рисунокъ г. Кравченко изображаетъ передовой постъ кубанскихъ казаковъ у развалинъ болгарской хаты.

У каменной бабы. (Рис. на стр. 964).

Каменными бабами, „дѣвками каменными“, какъ извѣстно, называются грубо-высѣченныя изъ камня статуи, встрѣчающіяся преимущественно въ стѣнныхъ мѣстностяхъ Малороссіи, Новороссіи, низовьевъ Волги, Крыма, Сибири и др. частей Россіи. Онѣ представляютъ людей обоого пола и всѣхъ возрастовъ, въ различныхъ положеніяхъ (сидячемъ, полусидячемъ, прямомъ и т. д.). По всей вѣроятности, это памятники какого-нибудь вымершаго народа Чудскаго племени, въ разныя эпохи его развитія и переселеній. На рисункѣ нашего художника у подножія такой бабы изображенъ также вымершій уже въ наше время типъ украинскаго *кобзаря* (пѣвца билинъ, аккомпанирующаго себѣ на кобзѣ), котораго слушаетъ молодой паробокъ, пріютившійся отъ солнца въ тѣни бабы.

Судный день въ Мюнхенѣ въ XVII вѣкѣ.

(Рис. на стр. 965).

У древнихъ германцевъ, а также и въ началѣ среднихъ вѣковъ, судебныя разбирательства безъ исключенія были устными и происходили публично. Позднѣе, подъ влияніемъ римскаго права, они стали негласными и тайными. Но и въ то время, исполненіе приговоровъ происходило всенародно, и не только казни, которые по всей справедливости носили названіе кровавыхъ (*Blutbann*), но и такъ-называемыя позорныя наказанія происходили всенародно и на публичныхъ мѣстахъ. Эти

наказанія, чрезвычайно разнообразныя и многочисленныя, отличались нерѣдко грубымъ издѣвательствомъ и юморомъ, какъ то доказываютъ многіе изъ предметовъ наказанія, сохранившіеся до нашихъ дней. Такъ, наприимѣръ, при посѣщеніи Баварскаго національнаго музея можно найти на полу и по стѣнамъ, въ первыхъ уже помѣщеніяхъ, снаряды и приборы, иногда загадочнаго и непонятнаго устройства. Тамъ, рядомъ съ снарядами для пытокъ, находятся предметы, служившіе для приведения въ исполненіе такихъ наказаній. Нашъ рисунокъ на стр. 965 изображаетъ примѣненіе различныхъ изъ этихъ приборовъ на судномъ днѣ въ Мюнхенѣ за 200 лѣтъ. Эти судныя дни происходили на торговой площади баварской столицы и всегда во время ярмарокъ или торговыхъ дней, чтобы прѣзжающій по этому случаю народъ устрашить или предостеречь видомъ наказуемыхъ. Такъ, на первомъ планѣ нашего рисунка виденъ приговоренный къ пошению позорной мантии. Эта мантия или плащъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ большою бочкою, обращенной къверху дномъ, съ отверстіемъ посрединѣ, чрезъ которое наказуемый долженъ былъ продѣть голову. Въ такой бочкѣ онъ прогуливался определенное время среди насмѣхавшейся толпы. На бочкѣ были наклеены картины, по которымъ можно было судить, въ чемъ онъ провинился. Далѣе—цѣлый рядъ масокъ служилъ наказаніемъ тѣмъ, кто клеветалъ, носилъ или вздорилъ. Чаше всего это былъ родъ шлема съ забраломъ въ видѣ фантастической физиономіи и притомъ нерѣдко съ высунутымъ языкомъ. Для усиленія наказанія, провинившихся усаживали на деревяннаго осла, какъ тѣхъ двухъ побранившихся женщинъ, которыя изображены на нашемъ рисункѣ. На-лѣво, на заднемъ планѣ его, виденъ еще провинившійся у позорнаго столба, на которомъ, а также на шеѣ преступника, висятъ надписи, гласящія о дѣяніяхъ осужденнаго. Это было самымъ употребительнымъ наказаніемъ и выставленіе у позорнаго столба существовало въ Мюнхенѣ еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

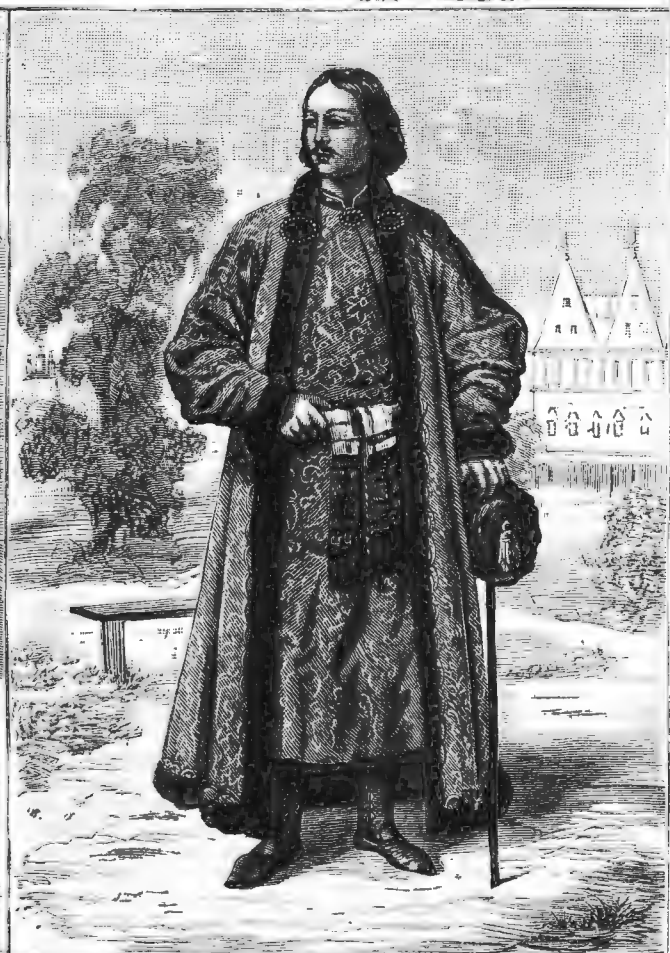
Дружба. (Рис. на стр. 969).

Картинка Деференца не требуетъ поясненій. Все значеніе ея въ изяществѣ рисунка и тонкости гравюры.

Поморцы острова Рюгена (Померанія).

(Рис. на стр. 972).

Островъ Рюгенъ, пространствомъ въ 17,38 квадратныхъ миль, лежитъ всего въ 2-хъ-верстномъ разстояніи отъ померанскаго берега Пруссіи, противъ города Стральзунда. Нашъ рисунокъ изображаетъ часть юго-восточнаго полуострова на немъ „Менкс-

Старинная русская одежда XVII в. По рис. Древностей Государства Российскаго, грав. Ольшевский.

Одежда цариц.
Выходное и полевое платье боярина.

Одежда боярышни и боярыни.
Обыкновенная боярская одежда.

Библиотека "Руниверс"

гута" (Mönchsgut), сохранившего до сих пор не мало старинного и самобытного в языке, одежде и нравах его обитателей. При первом взгляде кажется, что живописная сцена удачной рыбной ловли происходит где-нибудь в Фрисландии.

Картина, с которой мы помещаем гравюру, представляет совместную работу двух живописцев. Конрадом Арентсом написаны фигуры поморцев, а висти Гофмана фон-Фаллерслебена принадлежат ландшафт.

Литературный альбомъ. „На горахъ“, Мельникова.

(Рис. на стр. 973).

Вотъ въ какихъ яркихъ и живыхъ краскахъ рисуетъ авторъ старинные обычаи которыми сопровождалось окончание уборки хлѣба или праздникъ „дожинокъ“ въ доброе старое время:

Три праздника въ одинъ день сошлись: Велика-Пречиста — разговѣнье, сельскій храмовой праздникъ и „дожинки“. Наканунѣ еще бабы и дѣвки окончили яровое, а послѣ обѣдни, обвивъ серпы молодой соломой, а иныя остававшимися на поляхъ и лугахъ цвѣтами, и высоко держа тѣ серпы надъ головами, гурьбой повалили на барскій дворъ. Еще выше несли онѣ на рукахъ „послѣдній снопокъ“, одѣтый въ красный сарафанъ, разукрашенный разноцвѣтными лентами. Снявъ шапки, слѣдомъ за женщинами чинно выступали мужчины — старые, малые, женихи и подростки. Все село сошлось, пришли даже толпы изъ околныхъ деревень, — всякому въ охоту было сытно поѣсть, пьяно попить на барскомъ пиру-угощеньи.

Распахнулись ворота, и первыми на господскій дворъ жнеи вошли. Хозяинъ, Андрей Александрычъ, въ сношеньяхъ съ крестьянами строго соблюдавшій народные обряды, вышелъ на встрѣчу жнеямъ. Былъ онъ безъ шапки, а въ рукахъ держалъ покрытое расшитымъ полотенцемъ деревянное блюдо съ большимъ хлѣбомъ, испеченнымъ изъ новой пшеницы. Завидѣвъ Андрея Александрыча, громко закричали жнеи:

— Съ двумя полями сжатыми, съ третимъ засѣяннымъ проздравляемъ васъ, государь нашъ батюшка!

Перекрестился Андрей Александрычъ, низко поклонился жнеямъ и молвилъ:

— Жнеи молодые, серны золотые, милости просимъ покушать, нового хлѣба порушать.

И звалъ тутъ Андрей Александрычъ сельщину-деревенщину въ садъ покушать, поприздравовать. И повалилъ туда толпами радостный, веселый народъ.

„Послѣдній снопокъ“ на особомъ столѣ поставили, а вокругъ его положили цвѣтами и соломой обитые серны. Отецъ Прохоръ благословилъ лѣте и питье и окропилъ столы Святою водой. Поднесли всѣмъ по стакачику водки, а непьющимъ ренскаго. Потомъ ставили на столы мясныя варева: щи со свѣжиной, лапшу со свиной, пироги, разныя каши, яблоки и кислое молоко съ толокномъ, что зовется „деженемъ“. Безъ дежени на Пречистую, какъ безъ кулича на Пасху, и столъ не въ столъ. Подавались въ перемежку красоуди зелена вина и стаканы браги смеченой, а ядренаго квасу, на трехъ солодахъ ставленнаго, было на столахъ столько, что хоть купайся въ немъ.

Кончилась трапеза сельщины-деревенщины. Все время кругомъ ся стояли наѣзжие гости, а хозяева угощали пирующихъ. Встали наконецъ крестьяне изъ-за столовъ, Богу помолились, хозяевамъ поклонились и пошли въ дальній садъ на широкую луговину. До поздняго вечера доносились оттуда веселыя пѣсни успенскихъ хороводовъ:

Закатилось красно солнышко
За зеленъ виноградъ,
Цѣлуемся, милуемся —
Кто кому радъ.

До „перваго огня“ пѣлись эти пѣсни. Въ Успеневъ день въ первый разъ послѣ лѣта вздувають по избамъ огни.

...Нѣтъ теперь больше добрыхъ старорусскихъ обрядовъ, даже и по дальнимъ захолустьямъ нѣтъ. Все потерялось въ наплывѣ чуждыхъ обычаевъ и вновь создавшихся отношеній. Что ни день, то больше новшества, а извѣчные порядки умалются — все отрывается отъ стараго корня.

Парижская всемирная выставка 1889 года. Дворецъ машинъ. (Рис. на стр. 980).

На всѣхъ предшедшихъ всемирныхъ выставкахъ помещенія машинъ носили скромное названіе машиннаго отдѣла — въ 1889 году является *дворецъ*. Изумительный, почти неправдоподобный дворецъ, точно вышедшій изъ кузницъ Вулкана и Кабирова! Подавляющій храмъ промышленности, покрывающій собою поверхность въ пять десятковъ, — чудовищная постройка въ двѣсти сажень длины, 57 саж. ширины и 22 саж. вышины, въ которой могутъ умѣститься шести-этажные дома, Вандомская и Юльскаго колонны и т. п.; зала въ которой выстроится цѣлыя арміи. Каждый изъ основныхъ столбовъ, поддерживающихъ желѣзныя арки, выноситъ давленіе въ 25,000 пудовъ. Одного металла на эту постройку пошло болѣе 250,000 пудовъ. Но и этого громаднаго пространства оказалось недостаточно для того, чтобы вмѣстить всѣ чудеса современной механики. Потребовалось пристроить къ главному зданію еще двѣ галереи въ 200 саж.

длины и 7 ширины, что дало еще поверхность въ 12,000 метровъ.

На этомъ громадномъ простраствѣ собрано все что представляетъ современная механика, какъ видно уже изъ поверхностнаго взгляда на прилагаемый рисунокъ. Здѣсь между прочимъ выставлены 4 громадныя машины, въ нѣсколько сажень длины, для выдѣлки нисчей бумаги (изъ нихъ двѣ въ работѣ), до сотни типографскихъ скоронечатныхъ машинъ разныхъ системъ, машины для обработки дерева, волосальные подъемные краны и т. д. и т. д. Все это въ полномъ ходу и результаты производства получаютъ на глазахъ зрителей. Мѣсяцъ и два можно ежедневно посѣщать этотъ отдѣлъ — и все-таки не осмотришь его въ подробности.

Новый фонографъ Эдисона. (Рис. на стр. 981).

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ впервые стало извѣстно о новомъ замѣчательномъ приборѣ, который, уловивъ и отмѣтивъ человеческую рѣчь или вообще звуки, передаетъ ихъ, какъ они были произнесены. Изобрѣтателемъ этого замѣчательнаго прибора, названнаго фонографомъ, былъ американецъ Эдисонъ. Звуки отмѣчались на цилиндрѣ, покрытомъ тонкою свинцовой пластинкой, посредствомъ штифта, прикрѣпленнаго къ тонкой перепонкѣ, дрожащей отъ дѣйствія на нее звуковъ. Когда затѣмъ, въ свою очередь, перепонка приводилась въ колебаніе отъ движенія штифта по слѣду вызванному на свинцовой пластинкѣ звукомъ, то прислушивался къ дрожаніямъ ея можно было слышать прежде изданные звуки.

Въ № 5 нашего журнала за 1878 г. было помѣщено подробное описаніе фонографа.

Со времени перваго появленія Эдисонова фонографа, гениальный изобрѣтатель неутомимо продолжалъ трудиться надъ усовершенствованіемъ прибора, и фонографъ въ настоящемъ его видѣ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Нынѣ мы опишемъ эти позднѣйшія и самыя главныя его усовершенствованія. Они касаются, главнымъ образомъ, трехъ вещей. Прежде всего, часть фонографа, предназначенная для того чтобы подъ влияніемъ голоса или инструмента воспроизводить отмѣтки на цилиндрѣ и вызывать затѣмъ звуки при вращеніи цилиндра — нынѣ раздвоенъ, т. е. одна перепонка воспринимаетъ звуки, а другая ихъ повторяетъ. Затѣмъ, въ новомъ приборѣ отпечатываніе движеній перепонки или диафрагмы производится при помощи штифта, остріе котораго устроено такъ, что оно вдавливаетъ и разбѣкаетъ то вещество, которое обрамляетъ новые цилиндры. Теперь получается отъ дѣйствія пишущаго штифта отпечатокъ величайшей тонкости и на цилиндрѣ остается слѣдъ, передающій самыя нѣжныя движенія перепонки, которая колеблется при дѣйствіи на нее звука.

Въ то время какъ пишущій штифтъ устроенъ такимъ образомъ, что производитъ насколько возможно рѣзче и крѣпче слѣдъ отъ движеній колеблющейся перепонки, штифтъ и перепонка воспринимающіе звукъ, напротивъ, приспособлены такъ, чтобы получать изъ этого слѣда свои движенія не порти его; и Эдисонъ достигъ этой цѣли настолько удачно, что можно воспроизводить почти безграничное число разъ запечатлѣнные на цилиндрѣ слѣды звуковъ не порти ихъ.

Замѣна свинцоваго листика на цилиндрѣ веществомъ пластическимъ, которое можно рѣзать съ болѣею точностію и безъ значительнаго усилія, также очень удачна.

Третье усовершенствованіе касается движеній. Въ прежнемъ фонографѣ передвигался пишущій цилиндръ. Въ новомъ приборѣ передвигается аппаратъ съ перепонками и штифтами. Движенія передаются при посредствѣ электричества. Особый регуляторъ позволяетъ получать различныя скорости и, вслѣдствіе того, воспроизведеніе звуковъ болѣе или менѣе быстрое.

Фонографъ, кажется, болѣе всего способенъ воспроизводить съ поражающей точностію рѣзкие звуки; но и басовые отгѣнки голоса передаются очень хорошо. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Эдисонъ старался достигъ въ своемъ новомъ приборѣ возможной отчетливости въ полученіи звуковъ, а не силы ихъ: потому-то, чтобы лучше слышать звуки, издаваемые фонографомъ, употребляютъ акустическія трубки. Особенно интересно, что фонографъ отмѣчаетъ и затѣмъ передаетъ не только всѣ звуки музыкальной скалы или звуки всевозможныхъ языковъ и нарѣчій, но также звуки цѣлаго оркестра, отмѣчаемые всѣ сразу.

Отмѣченныя на цилиндрѣ звуки могутъ быть пересылаемы изъ одного мѣста въ другое вмѣстѣ съ цилиндромъ, вынутымъ изъ прибора, и нынѣ фонограммы (говорящія письма) обмѣниваются между Европой и Америкой.

Задача передавать искусственною человѣческой голосъ — одна изъ самыхъ удивительныхъ, какія только могъ себѣ поставить человекъ. Гений Эдисона разрѣшилъ ее; имя его будетъ благословляемо потомками, которымъ придется услышать изъ фонографа голоса предковъ, навсегда утраченныхъ. Но заслуга фонографа не только въ сохраненіи человѣческой рѣчи, — онъ наглядно открываетъ намъ удивительныя свойства эластическихъ пластинокъ и можетъ послужить важнымъ приспособленіемъ для теоретическихъ наблюденій въ акустикѣ и молекулярной механикѣ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Съ Высочайшаго разрѣшенія, на сооруженіе въ СПб. памятника въ Бозѣ починающей Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, открыта подписка: въ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи (въ СПб. и въ Москвѣ); въ управленіяхъ благотворительныхъ и учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи; въ канцеляріяхъ генераль-губернаторовъ, губернаторовъ и проч.

— 12 сентября, въ половинѣ двѣнадцатаго часа дня, Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константиновна выѣхала изъ Павловска на Александровскую станцію Варшавской желѣзной дороги (въ Царскомъ Селѣ), и затѣмъ вмѣстѣ съ маленькимъ сыномъ, Королевичемъ Христофоромъ, прослѣдовала за границу на курьерскомъ поѣздѣ.

Дѣла церкви.

— 8 сентября, въ СПб. происходила, при торжественной обстановкѣ, закладка церкви подворья Андреевскаго афонскаго скита, въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ съ Августѣйшею Семьею отъ опасности, угрожавшей Ихъ жизни, во время крушенія поѣзда 17 октября 1888 года, на Курско-Харьково-Азовской желѣзной дорогѣ.

Военное и морское дѣло.

— 30 августа, въ высокоторжественный день Тезоименитства Его Величества Государя Императора, въ гор. Уральскѣ происходило торжественное освященіе Всемилостивѣйше пожалованнаго Уральскому войску походнаго храма, доставленнаго въ Уральскъ 26 августа. Съ виду храмъ похожъ на большій двухстѣнный шатеръ, украшенный сверху золотымъ крестомъ, и по сторонамъ — черными нашивными крестами. Онъ сооруженъ изъ твердой непромокаемой матеріи. Внутренность храма отличается особеннымъ изяществомъ: деревянный складной иконостасъ поражаетъ великолѣпиемъ рѣзной работы и письмомъ иконъ; вся церковная утварь и одежда священно-церковныхъ служителей вполне соответствуетъ внутреннему убранству храма.

— Въ Севастополѣ, 6 сентября, въ Морскомъ собраніи, севастиопольскіе моряки чествовали роскошнымъ обѣдомъ своихъ фран-

цузскихъ гостей, офицеровъ парохода „Петрель“. За обѣдомъ командиръ Севастопольскаго порта контръ-адмиралъ Кумани провозгласилъ тостъ за процвѣтаніе французской націи и за здоровье президента французской республики. Звуки „марсельезы“ и „ура“ сопровождали этотъ тостъ. Командиръ парохода „Петрель“ отвѣчалъ тостомъ за здоровье Государя Императора. „Боже Царя храни“ и восторженное „ура“ раздались за словами графа Карфорта. Французскіе офицеры возложили вѣнки на могилу воиновъ убитыхъ въ Крымскую войну.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Собранныя за послѣднее время свѣдѣнія о свеклосахарной промышленности въ Россіи, между прочимъ, показываютъ, что нынѣшніе заводчики обращаютъ особенное вниманіе на качество свекловича; они стремятся возвысить содержаніе въ ней сахара и уменьшить содержаніе постороннихъ веществъ.

— Въ Саратовѣ, 6 сентября, открыта для публики земская сельско-хозяйственная и кустарнопромышленная выставка.

— Въ средѣ заключенныхъ въ смоленскомъ тюремномъ замкѣ развилось производство льковыхъ издѣлій. Зимой нынѣшняго года, въ смоленское исправительное арестантское отдѣленіе поступилъ одинъ крестьянинъ, который предложилъ своимъ товарищамъ по заключенію плести по колодкѣ изъ мелкихъ лыкъ сначала лапти, а затѣмъ и разныя другія предметы. Когда арестанты уразумѣли суть дѣла, то эта работа заинтересовала ихъ и они занимаются теперь ею въ числѣ 20 человекъ.

По образцу смоленскихъ издѣлій занимаются теперь плетениемъ и въ Самарѣ. Тамъошній помѣщикъ г. Павловскій, преслѣдуя чисто коммерческую цѣль, посылалъ львовыя издѣлія за-границу — въ Берлинъ, откуда получилъ большой заказъ; имъ доставлено также нѣсколько экземпляровъ лаптей на Всемирную парижскую выставку, гдѣ эти лапти обращаютъ на себя вниманіе иностранцевъ.

— 8 сентября, въ зоологическомъ саду въ Москвѣ происходило открытіе пятого очереднаго конкурса птицъ и принадлежностей птицеводства, устроеннаго обществомъ акклиматизаціи животныхъ и растений. Эти конкурсы, по своей основной задачѣ, должны

способствовать развитію домашняго птицеводства и распространенію лучшихъ породъ домашней птицы между любителями птицеводства и сельскими хозяевами.

Торговля.

— За время съ 10 августа по 1 сентября сего года, на русскихъ рынкахъ обороты съ сахаромъ были незначительны и цѣна на сахарный песокъ подверглась пониженію. Особенно потерялъ въ цѣнѣ наличный товаръ, съ которымъ сдѣлки производились лишь по вагонно. На заграничныхъ рынкахъ въ это время продолжалось дальнѣйшее пониженіе цѣнъ. Есть мнѣніе, что какъ происходившее весной быстрое вздорожаніе за границею сахара было вызвано спекуляціею, такъ и послѣдовавшая затѣмъ реакція есть результатъ спекуляціи, и что въ недалекомъ будущемъ цѣны улучшатся и на рынкахъ возобновится болѣе нормальное положеніе.

— Въ Москвѣ, распоряженіемъ губернатора запрещена продажа маргаринаго масла подѣломъ коровьяго.

Спортъ.

— Недавно, членъ московскаго общества велосипедистовъ — любителей, г. Гроссманъ, какъ сообщаютъ *Моск. Вѣдом.*, совершилъ поѣздку на велосипедѣ изъ Москвы въ деревню Веззо, Эстляндской губерніи, близъ Финскаго залива, сдѣлавъ дистанцію въ 960 вер. Въ первый день г. Гроссманъ проѣхалъ 106 вер., въ седьмой день — до города Иеве, Эстляндской губерніи — 163 версты отъ Краснаго Села и на восьмой прибылъ къ дѣлу своего путешествія, въ деревню Веззо.

— Нынѣшнею осенью въ окрестностяхъ Петербурга (къ великому удовольствію охотниковъ) шель весьма обильный пролетъ дупелей, какого уже давно не было (два послѣдніе года дупелей, на осеннемъ пролетѣ, подѣ Петербургомъ не было почти вовсе).

Неврологъ.

— 30 августа скончался въ г. Дмитровѣ, Московской губерніи, извѣстный писатель, экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, сенаторъ, тайный совѣтникъ Владимиръ Павловичъ Безобразовъ.

— Въ Вильнѣ, 7 сентября скончался старѣйшій изъ виленскихъ священниковъ, сотрудникъ митрополита Іосифа въ воссоединеніи униатовъ, протоіерей Гомоліцкій.

Политическое обозрѣніе.

По возвращеніи Наслѣдника Цесаревича 6 сентября въ Данию, на яхтѣ „Царевна“, столица Датскаго королевства принимала Шведскаго короля и вдовствующую Германскую императрицу Викторію. Императрица Викторія въ сопровожденіи своихъ трехъ дочерей прибыла въ Копенгагенъ того же числа вечеромъ и тотчасъ отправилась въ Фреденсборгъ. Въ Гедеръ выѣхали на встрѣчу императрицѣ Греческій король, братъ его Георгій, германскій посланникъ и назначенная состоять при императрицѣ лица. Въ Фреденсборгскомъ вокзалѣ встрѣтили императрицу Датскій и Греческій короли, а въ замкѣ всѣ прочіе члены королевской фамилии сердечно приветствовали высокыхъ гостей. На другой день Шведскій король и Шведскій наслѣдникъ принцъ были въ гостяхъ въ Фреденсборгѣ. Въ 4 часа пополудни высокіе гости уѣхали обратно.

Сербская королева Наталиа, послѣ шестидесятидневнаго пребыванія въ Россіи, отправилась въ Бѣлградъ, чтобы повидаться со своимъ вѣнценоснымъ сыномъ. Посѣщеніе это не могло раньше состояться по болѣзни королевы, а также по политическимъ соображеніямъ, которыя, казалось, теперь были устранены, какъ вдругъ, телеграфъ снова принесъ извѣстіе, что попытки правительства убійствъ Милана разрѣшить королевѣ по прибытіи въ Бѣлградъ свиданіе съ сыномъ остались безуспѣшными. Миланъ непреклоненъ и извѣщаетъ, что явится защищать отцовскія права самъ, если ихъ не защититъ правительство. Дабы отклонить неминуемое столкновеніе супруговъ, могущее неблагоприятно отразиться на странѣ и ихъ царственномъ сынѣ, правительство рѣшило держаться прежнихъ условій, а именно: королева, равно какъ и Миланъ, пріѣзжаютъ для свиданія съ сыномъ дважды въ годъ, причемъ пріѣздъ королевы назначается въ декабрѣ.

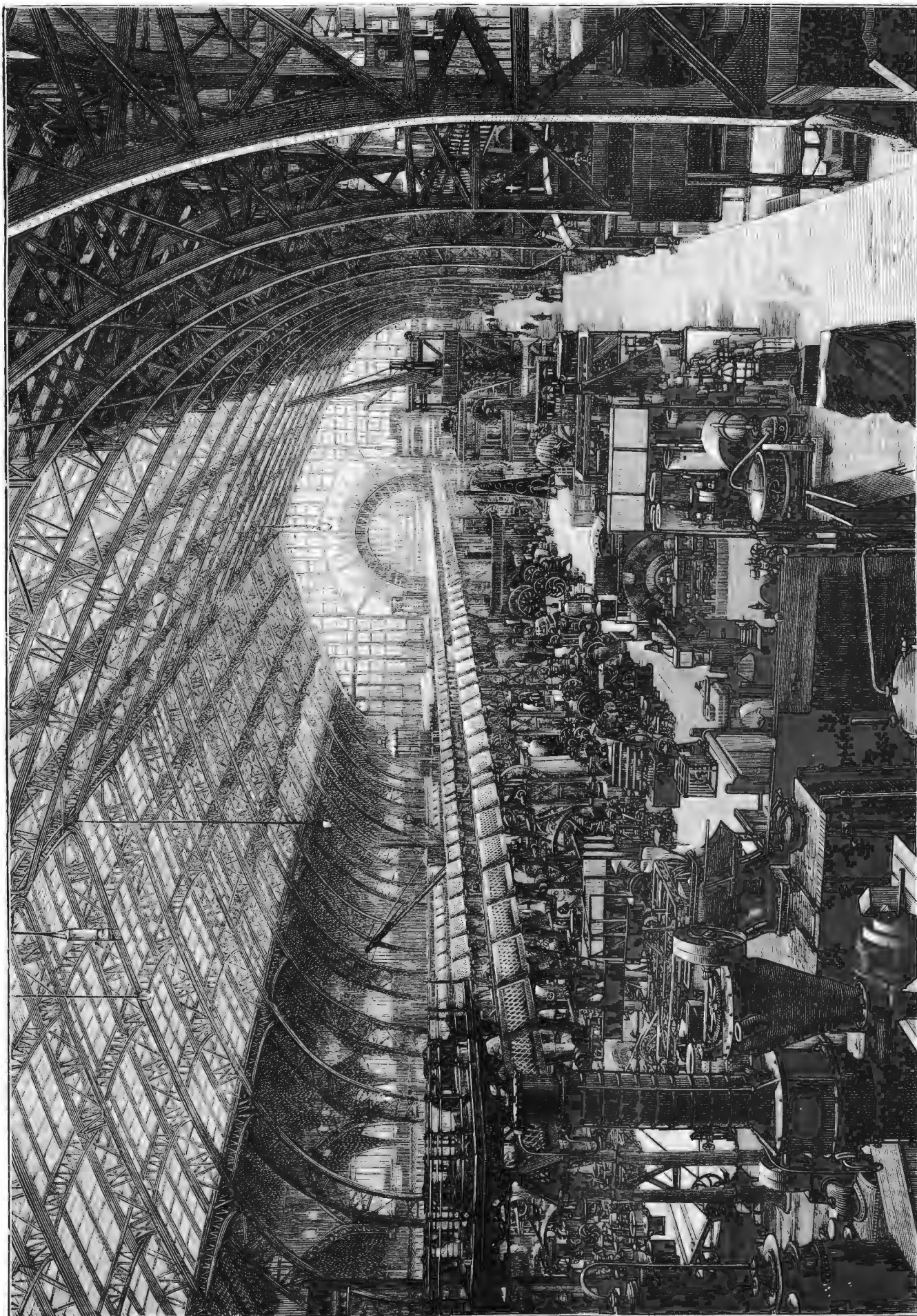
Выборы въ палату депутатовъ во Франціи прошли 10 сентября спокойно во всей странѣ, и даже въ самомъ Парижѣ.

Только вечеромъ произошло въ немъ нѣсколько буланжистскихъ манифестацій на бульварахъ и въ кварталѣ биржи. По требованіямъ полиціи, группы, однако, расходились и никакихъ серьезныхъ инцидентовъ не было. По сообщенію министерства внутреннихъ дѣлъ, извѣстны слѣдующіе результаты 560 избаній: изъ 576 выбрано 244 республиканца, въ томъ числѣ 167 умѣренныхъ и 57 радикаловъ. Противниковъ республики выбрали 159, въ томъ числѣ 86 роялистовъ, 51 бонапартистъ и 21 буланжистъ. Перебаллотировокъ 177; изъ нихъ 135 благопріятны и 42 неблагопріятны для республиканцевъ. Въ заключеніи министерскаго сообщенія сказано, что въ будущей палатѣ будетъ 369 республиканцевъ и 201 противникъ ихъ. Всѣ газеты дѣлаютъ видъ, будто довольны результатами выборовъ. Республиканскія газеты констатируютъ побѣду республиканцевъ и надеются, что новое большинство предастъ забвенію старыя разногласія. *Journal des Débats* выражаетъ удовольствіе по поводу неудачи буланжизма, но не довѣряетъ новому большинству. Противники республики надеются, что меньшинство въ новой палатѣ достигнетъ 225 голосовъ, а министерская партія полагаетъ, что оно составитъ всего 200 голосовъ.

Также полагаютъ, что новая палата не будетъ созвана раньше среднихъ чиселъ ноября, чтобы дать успокоиться волненію, вызванному избирательнымъ періодомъ. При возобновленіи парламентской дѣятельности кабинетъ подастъ, вѣроятно, въ отставку, чтобы предоставить палатѣ полную свободу дѣйствій.

Частная телеграмма изъ Лондона передаетъ разговоръ одного англійскаго журналиста съ Буланже, который заявилъ, что не отказывается вѣрить въ будущее, причемъ выразилъ мнѣніе, что повою палатой, составленною изъ многихъ неопытныхъ лицъ, трудно будетъ руководить, вслѣдствіе чего она не будетъ въ состояніи предпринять что-нибудь полезное.

Спустя три дня, коммисія префектуры департамента Сены

Парижская всемирная выставка 1889 года. Дворецъ машинъ. Грав. М. Рапесвскій.

по счету голосовъ обнаруговала результаты выборовъ въ департаментѣ 8,367 бюллетеней, поданныхъ за Буланже, признаны недѣйствительными и депутатомъ отъ Монмартра объявленъ Жоффренъ, получившій 5,500 голосовъ. 3,841 бюллетень, поданные за Рошфора, также признаны недѣйствительными на бельгийскихъ выборахъ. Напротивъ того, комисиія по счету голосовъ въ Морбиганѣ объявила графа Дильона избраннымъ.

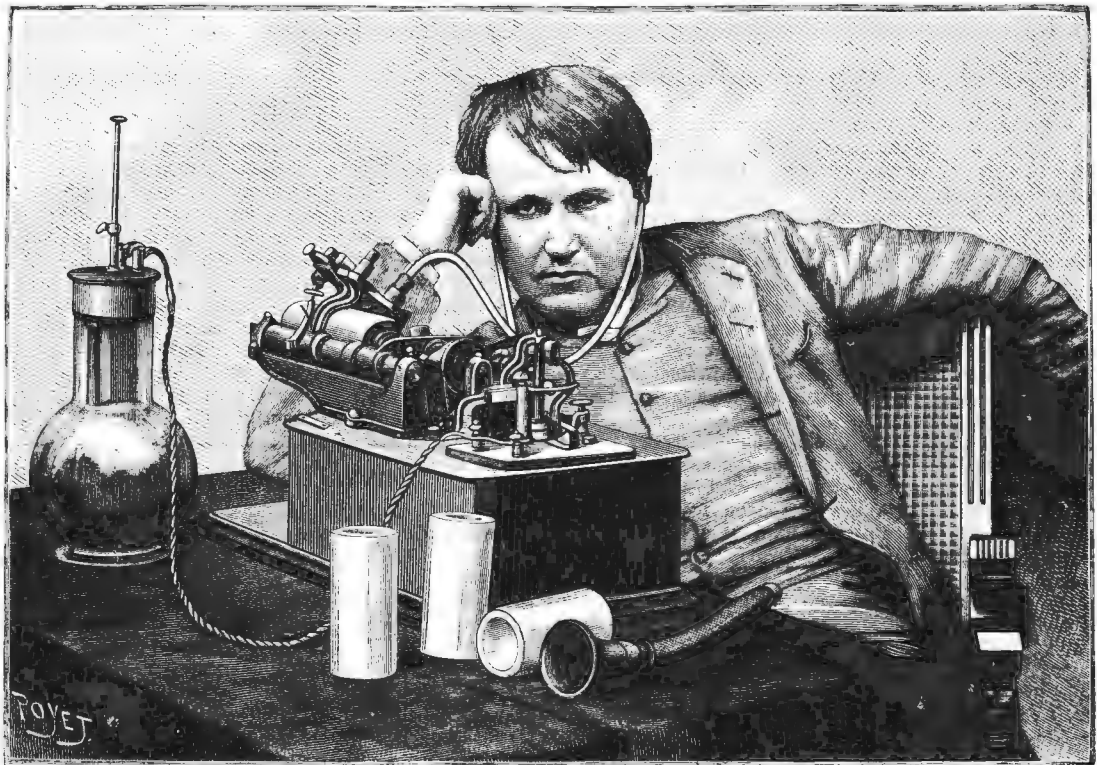
Вообще, успѣхъ буланжистовъ самый ничтожный. Изъ выдающихся сторонниковъ Буланже избраны Деруэдь въ Ангулемѣ и главный редакторъ *France Laleu*—въ Дюнкирхенѣ. Наке, Обефъ, Мерменкъ и Лоръ подлежатъ баллотировкѣ. Въ Тулузѣ одержалъ побѣду буланжистъ Сузини надъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Констаномъ, получившимъ 888 голоса менѣе и подлежащимъ перебаллотировкѣ. Изъ другихъ неудачъ достойно вниманія пораженіе на выборахъ главы опортюнистовъ, Жюля Ферри въ Сень-Дизье. Кромѣ того изъ политическихъ дѣятелей потерпѣли неудачу Мартенъ Фелье, Кловисъ-Гюгъ, Камескасъ и одинъ изъ главныхъ вождей бонапартистовъ баронъ Дюфуръ. За то изъ противниковъ правительственной партіи избрано много монархистовъ. Изъ прежнихъ депутатовъ 116 вовсе не выступали кандидатами, а 74

провалились, именно: 39 республиканцевъ и 34 консерватива. Такимъ образомъ, уже по теперешнимъ свѣдѣніямъ, въ палатѣ будетъ 190 „новыхъ людей“. Особенно знаменателенъ фактъ, что департаменты Сѣверный, Уазы, Нижней Сены, Лота и Эрв, гдѣ до сихъ поръ преобладали бонапартисты и монархисты, избрали на этотъ разъ преимущественно республиканцевъ.

Въ Лондонѣ, по свѣдѣніямъ *Агентства Рейтера*, маркизъ Солсбери и г. Каталани подписали англо-итальянскую конвенцію противъ торга невольниками. Постановленіе конвенціи строже всѣхъ предшествовавшихъ по этому предмету соглашеній. Торгъ невольниками объявляется актомъ морскаго разбойничества и занимающіеся имъ суда лишаются права охраны ихъ національнаго флага. Дѣйствіе конвенціи на Сѣверное море не распространяется.

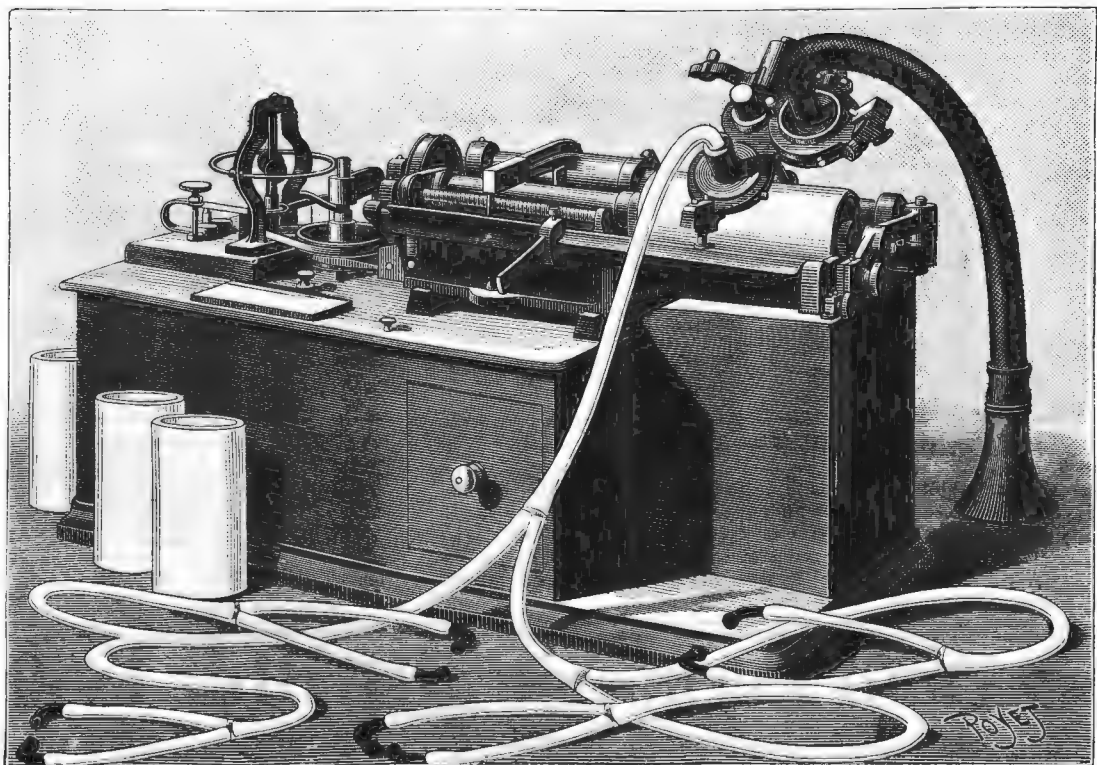
За - то на Средиземномъ морѣ встрѣчается другой видъ морскаго разбойничества. Такъ, денена изъ Танжера сообщаетъ, что шедшая въ Малагу испанская баржа была захва-

чена близъ Альгусемаса марокканцами; взяты въ плѣнъ капитанъ, четыре матроса и одинъ пассажиръ. Происшествіе съ захватомъ судна не признается въ Мадридѣ за явленіе случайное; напротивъ того, въ немъ хотѣтъ видѣть будто Марокк-

Эдисонъ, слушающій фонограмму.

скій султанъ питаетъ враждебныя къ Испаніи чувства. Рассказываютъ, что дервиши проповѣдуютъ священную войну и настаиваютъ на томъ, чтобы султанъ потребовалъ отъ Испаніи

Новый фонографъ Эдисона.

возвращенія военной контрибуціи, уплаченной Марокко послѣ неудачной войны 1859 г. Присовокупляютъ, что самонадѣянность марокканцевъ объясняется отчасти тѣмъ, что вооружен-

ныя силы ихъ гораздо многочисленнѣе чѣмъ въ 1859 г. и что 10,000 чел. вооружены магазинками. Испанское правительство, однако, не замедлило послать Мароккскому султану ноту, въ которой требуетъ удовлетворенія за случившееся. На эту ноту Мароккскій султанъ отвѣтилъ, что близъ Альгусемаса испанская баржа была захвачена по подозрѣнію, что грузъ ея

состоялъ изъ военной контрабанды. Султанъ потребовалъ дальнѣйшихъ донесеній по этому дѣлу, а пока идутъ эти донесенія, *Correo* сообщаетъ о новомъ инцидентѣ въ Марокко. Туземцы стрѣляли въ испанскую канонерскую лодку „Crocodilo“, которая отвѣчала выстрѣлами же и разрушила нѣсколько жилищъ.

С М Ъ С Ъ .

Султанъ Садыкъ. Сыръ-Дарьинскій областной статистическій комитетъ издалъ въ Ташкентѣ любопытную книгу о султанахъ Кенисара и Садыкъ. Вотъ что разсказывается, между прочимъ, о султанѣ Садыкъ, не такъ давно бившемся ожесточенно съ русскими войсками при завоеваніяхъ нашихъ Средней Азій, а теперь мирно проживающемъ въ Чимкентскомъ уѣздѣ, на р. Арыкъ, верстахъ въ 6 на сѣверъ отъ сартовскаго села Карабулакъ, близъ развалинъ Ханъ-Кургана, бывшаго когда-то ставкою его предка хана Киргизскаго, Аблай-Хана. Теперь Садыкъ занимается скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ, близъ своей зимовки, проводя досуги за чтеніемъ и въ молитвѣ. Это совершенно бодрый, средняго роста, человѣкъ, лѣтъ 55; смуглое лицо киргизскаго типа съ черною, небольшою, съ легкою просѣдою, бородою, оживлено замѣчательно красивыми, выразительными глазами. Вся его наружность, пропорціонально сложенная фигура съ мягкими контурами лица, маленькими женскими руками, манера держать себя, спокойствіе, даже нѣкоторая застѣнчивость въ разговорѣ, все это изобличаетъ въ немъ человѣка, пожившаго при средне-азиатскихъ ханскихъ дворахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кровнаго тюркскаго аристократа, „бѣлую кость“. При первомъ взглядѣ на этого задумчиваго, спокойнаго человѣка, какъ-то не вѣрится, что это именно тотъ набѣдникъ Садыкъ, съ именемъ котораго всегда соединялось понятіе объ отчаянномъ стеномъ разбойникѣ и самомъ упорномъ, назойливомъ партизанѣ; что это тотъ Садыкъ, который наводилъ въ 70-хъ годахъ страхъ на наши передовыя линіи въ Туркестанѣ, являясь всегда неожиданно на слабыхъ мѣстахъ и нападая болѣе смѣло и энергично, чѣмъ другіе предводители киргизскихъ и туркменскихъ партій. Но когда въ разговорѣ оживится его лицо, потечетъ быстрая, выразительная рѣчь, разгорятся глаза, то впечатлѣніе смирнаго, задумчиваго человѣка, исчезаетъ совсѣмъ. Предъ вами является другой человѣкъ: живой, энергичный и безусловно талантливый, съ „Божьей искоркой“ и юностью души,—качествами столь неотразимо дѣйствующими на рядовыхъ людей и на народныя толпы. Становится понятнымъ его успѣхъ, какъ сановника и совѣтника въ военныхъ и политическихъ дѣлахъ при ханахъ Бухары, Хивы и Кашгара и его умѣнье держать въ рукахъ полудикихъ, своевольныхъ набѣдниковъ и энергично двигать ихъ нестройныя толпы на убійственные залпы туркестанской линейной пѣхоты, дѣлать съ ними огромные и быстрые переходы въ мертвой Кизылкумской пустынѣ и падать, какъ снѣгъ на голову, на прозѣвавшего неприятеля, приобретаая этимъ отъ него незаслуженный эпитетъ „степнаго разбойника“. (в.)

Почтовый адресъ въ стихахъ. Въ московскомъ почтамтѣ нашли, по словамъ одной мѣстной газеты, письмо съ необычнымъ адресомъ. Онъ былъ написанъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Во Московской, во столицѣ,
Рядомъ съ улицей Мясницкой,
Пролетаетъ небольшой
Переулочекъ прямой,
Подъ названіемъ Армянскій,
Стало-быть — не итальянскій.
Въ переулкѣ въ этомъ самомъ
На боку, кажись, на правомъ
Домъ стоитъ такой старинный
И не то чтобъ очень длинный,
Фабриканта, гражданина,
Композитора Микини.
Въ этомъ домѣ многолюдномъ

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Бонтора журнала „Нива“ просить своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

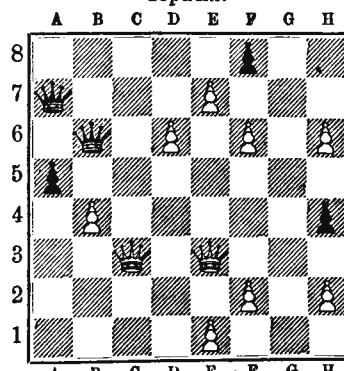
Наверху, на мѣстѣ чудномъ,
Мой знакомый поживаетъ
Письмо это прожидаетъ,
Передать его желаю
Бондаренко Николаю.

Желаніе метромана было любезно исполнено. Письмо доставлено по адресу. Не перевелись еще „шутники“ Островскаго. (в.)

Новый электрическій минералъ. Найденный на островѣ Лабуанѣ въ Виртѣ черный, весьма твердый и удѣльнаго вѣса почти платины, минералъ, по Рональду Кингу, даетъ въ электрическомъ соединеніи довольно сильный токъ, причемъ мало разрушается—послѣ продолжительнаго даже употребленія отдѣляясь отъ поверхности камня лишь нѣсколько сѣраго порошка. Въ настоящее время въ лабораторіи Кинга, отъ куска длиною въ 5 дюймовъ и шириною въ 4,3 д., получается достаточно электричества для питанія двухъ лампъ накаливанія. (N.)

Шашечная задача № 60.

В. Шопина.
Черныя.

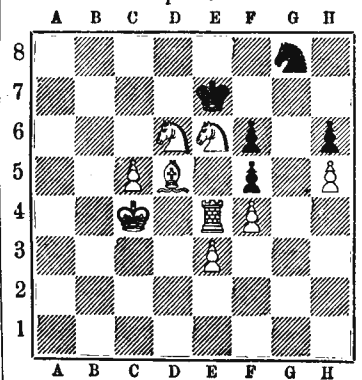

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ.

Шахматная задача № 61.

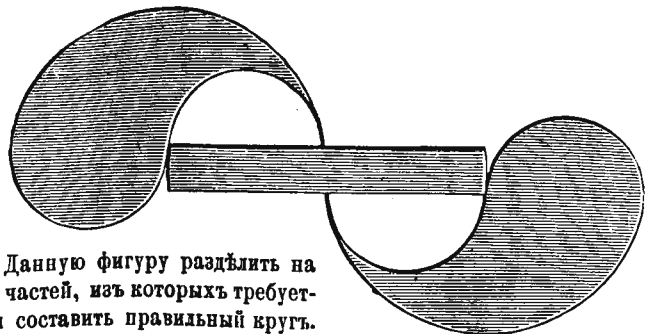
Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Геометрическая задача № 62.

Данную фигуру раздѣлить на 5 частей, изъ которыхъ требуется составить правильный кругъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Барыни-крестянки. Историческій романъ графа Е. А. Салиаса. (Продолженіе). — Аму. Поэма В. Величко. — Старинныя русскія одежды. П. Н. Полевого (съ рис.). — Къ рисункамъ: Аванпосты нубанскихъ назовъ (съ рис.). — У наменной бабы (съ рис.). — Судный день въ Мюнхенѣ въ XVII вѣкѣ (съ рис.). — Дружба (съ рис.). — Поморцы острова Рюгена (Померанія) (съ рис.). — Литературный альбомъ. „На горахъ“, Мельникова (съ рис.). — Парижская всемирная выставка 1889 г. Дворецъ машинъ (съ рис.). — Новый фонографъ Эдисона (съ 2 рис.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Задачи. — О рамкахъ для преміи „Нивы“ 1889 г. — Объявленія.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1889 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками, съ оригинала проф. В. Д. ОРЛОВСКАГО:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

(14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

(Подробности см. въ предъидущихъ №№ „Нивы“).

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.
№ 40

г. XX
1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ въ ТРИ ЛИСТА съ 6—10 РИС. и ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 30 сентября 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. ручод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1889 Г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------

Всѣмъ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ 1889 г., съ 31 рисункомъ и отд. листъ съ 33 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 20 рис. выпильныхъ работъ.

Церковь гетмана Мазепы въ селѣ Ивановскомъ (Курск. губ.). Рис. Кондопуло, грав. Рашевскій.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XVI.

Долго-ли просидѣла княжна въ задумчивости—она не знала, и пришла въ себя отъ голоса стоявшей предъ ней Дуняши.

— Барышня, люди просятъ къ вамъ. Сказываютъ, по своему, съ вами желаютъ поздороваться.

Княжна подняла глаза на Дуняшу и увидѣла веселое, оживленное, почти счастливое лицо своей любимицы.

Дѣвушка радовалась всю дорогу, что ѣдетъ на житье въ Березополье, и теперь сіяла отъ радости.

— Позвольте допустить?

— Нѣтъ, Дуняша, нѣтъ! Уже вечеръ, темно. Скажи—завтра поутру всѣхъ... Попроси ко мнѣ Макара Макаровича, если онъ здѣсь.

— Здѣсь, здѣсь! Распоряжается. Да что же вы такъ приуныли, барышня? Неужто же вы Москву эту злющую жалѣете? Сами вы дорогой сказывали, что и она бѣлокаменная, и люди въ ней живутъ каменные, безъ нутра, безъ жалости. А здѣсь, поглядите, все свои люди и много добрыхъ людей. А ужъ васъ-то тутъ какъ любить будутъ! Вотъ такъ же, какъ и я...

И Дуняша, съ сіяющимъ лицомъ, вдругъ опустилась на колѣни предъ княжной и начала цѣловать руки ея, бессильно и тоскливо сложенные на колѣняхъ.

Княжна вздохнула, улыбнулась и нѣсколько оживилась.

— Правда твоя, Дуняша. Тутъ не хуже будетъ. Вѣдь и тамъ тоже ничего не было. День за днемъ, годъ за годомъ. Только и разницы, что иной день увидишься въ зеркалѣ, да новыхъ два-три сѣдыхъ волоса найдешь.

И княжна вдругъ размѣялась, но какимъ-то странно звенящимъ смѣхомъ.

— Дай мнѣ мою книжку.

— Какую? все ту же, дорожную?

— Да.

— Да вѣдь вы же ее прочли уже два раза! удивилась Дуняша.

— Хочу въ третій разъ посмотрѣть, уже весело размѣялась княжна.

— Вотъ даже какъ!

— Ну, дай мнѣ ее, да позови Макара Макаровича.

Трубецкой явился тотчасъ же.

Идя въ горницу, онъ не утерпѣлъ, развернулъ книжку, которую сунула ему горничная, и прочелъ заглавіе: „Безуміе отъ любви“. Умный старикъ и изъ этой пустой мелочи вывелъ свое заключеніе.

„Да, вотъ какая книжка-то!“ подумалъ онъ. — „Не Четив-Минел! Да что ужъ? Ей—Богъ съ ней—тридцать годовъ. Пора бы давно матерью семейства быть. А тутъ у насъ и жениховъ совсѣмъ нѣтъ. За кого тутъ пойдетъ княжна Березопольская—богатѣющая невѣста? Тутъ монастырь. А жаль мнѣ тебя! Хорошая ты, хорошая! Спаси Богъ, будь я колдунъ, сейчасъ бы что-нибудь настряпалъ: царевича бы какого-нибудь изъ сѣраго волка досталъ. Волковъ-то такихъ у насъ въ лѣсу много, да только изъ нихъ царевичей-то не понайдѣаешь.“

Макаръ Макаровичъ подалъ княжнѣ ея дорожную книжку и отступилъ на шагъ, прибавивъ:

— Чтѣ приказать изволите?

— А вотъ присядьте-ка.

— Простите, если изволите чтѣ приказывать, то позвольте на ногахъ остаться. Такой у меня обычай. Вы ужъ не взыщите. Когда бесѣдовать соблаговолите, по вашему дозволенію буду садиться. А какъ только чтѣ

касающееся до распорядженій и приказаній, такъ стоять буду. Завсегда такъ поступалъ я съ княземъ Андреемъ Ивановичемъ, такъ и съ вами буду. Помилуй Богъ!

— Ну, хорошо! добродушно и уже вполне оживившись отозвалась княжна. — Такъ я поскорѣй скажу про дѣло, а затѣмъ вы и садитесь. Дѣло такое, Макарь Макаровичъ: теперь поздно, да и я устала. Скажите людямъ, что завтра утромъ я со всѣми поздороваюсь. Пускай и крестьяне придутъ, кто захочетъ.

— Какъ кто захочетъ? Всѣ захотятъ. Малолѣтки, парнишки махонькіе на селѣ—и тѣмъ рубахи приготовлены, и тѣ прибѣгутъ! Ни души нигдѣ не останется. Не знаю, какъ умѣстите. Вѣстимо, дворяно вѣстимъ, а крестьянъ на дворѣ оставимъ. Я все приготавливалъ, ожидая васъ днемъ. И батюшка нашъ съ утра въ ожиданіи былъ. Ткацкіе всѣ съ утра распущены были чтобы васъ встрѣчать.

— Ну, такъ вотъ, Макарь Макаровичъ, завтра утромъ попросите батюшку и весь народъ. Я поздороваюсь со всѣми.

— И молебень позволите?

— Конечно! еще бы! И надо бы дворовыхъ чѣмъ угостить.

— Все мной, княжна, приготовлено. Завтра увидите. Торжественно будетъ. Чтѣ еще прикажете?

— А еще теперь прикажу—садитесь! улыбнулась княжна, ласково заглядывая въ лицо старика.

— Спаси Боже! Съ великимъ удовольствіемъ! выговорилъ Трубецкой, садясь на стулъ противъ нея.

Княжна закидала его вопросами и заставила рассказать себѣ все, чтѣ можно было узнать о Березопольѣ. Проживъ когда-то здѣсь очень недолго, въ ненастную осень, княжна мало знала обитателей усадьбы. А если кого и помнила прежде, то теперь совершенно забыла.

Однако, узнавъ отъ Трубецкаго, что старуха, назначенная ей въ услуженіе, умерла, а другая старуха едва таскаетъ ноги и что Трубецкой поставилъ ей молодую дѣвушку—Евгенію, княжна вспомнила и вымолвила:

— Ахъ, эта бѣлокурая? красавица? сиротка, про которую мнѣ кто-то говорилъ? Я ее помню.

— Эта самая.

— Очень красивая... задумчиво произнесла княжна.

— Не скажу. Ничего такого особливаго! А у насъ, вѣстимо, изъ всѣхъ дѣвицъ—самая красивая. Вотъ все одно что Егоръ. Впрочемъ, спаси Боже! Егоръ и на всю губернію будетъ красавцемъ.

— Какой Егоръ?

— А столляръ. Сынокъ этой самой Лукерьи Егоровны, которую князь назначалъ вамъ въ услуженіе. Да гдѣ ей! Она совсѣмъ, спаси Боже, еле ноги таскаетъ. Стара, да и прихварываетъ.

— Не помню вовсе, отозвалась княжна.—Ни Лукерьи, ни ея сына совсѣмъ не помню.

— Егора-то, можетъ, вы и не знаете. Мнѣ сдается, онъ въ ту пору, что вы были здѣсь, былъ посланъ въ Москву, перечинить мебель городскую. А какъ вы поѣхали обратно, онъ наоборотъ сюда вернулся. Сдается мнѣ, помилуй Богъ, сказывалъ онъ, что ѣдучи изъ Москвы сюда повстрѣчалъ князя и васъ въ пути. А вотъ старуху-то его вы навѣрно видали. Такая махонькая, сухощавая, чисто грибокъ! А славная женщина, богобоязненная. Самая у насъ изъ всѣхъ почтенная.

И перебравъ всѣхъ обывателей и всякаго рода новости березопольскія, Полина узнала отъ Макара Макаровича разныя бѣды... Лѣтомъ пожаръ былъ на селѣ; съ мѣсяцъ назадъ на грунту въ оранжереѣ погубило

отъ мороза три дерева шпанскихъ вишенъ; затѣмъ всѣмъ въ округѣ извѣстный Иванъ Ивановичъ, наконецъ, отъ старости издохъ прошлой осенью. Княжна очень удивилась рѣзкости выраженія, но вдругъ вспомнила, что „Иванъ Ивановичъ“ было прозвище дворнаго огромнаго пса, котораго она видѣла и котораго пастоящее имя было: „Солдатъ“.

Макаръ Макаровичъ сидѣлъ у княжны съ такимъ чувствомъ на сердцѣ, какого давнымъ-давно не бывало въ немъ.

Почудилось старику, что вдругъ среди ненастнаго и сумрачнаго дня прорвало черныя тучи на небѣ и яркій солнечный лучъ сверкнулъ на все Березополье, позолотивъ всѣхъ и все. Ему чудилось, что теперь отъ присутствія княжны вся усадьба преобразилась.

И онъ не ошибся. То же чувство было во всѣхъ обитателяхъ.

Но если для однихъ усадьба измѣнилась отъ присутствія владѣлицы-княжны, то для Макара Макаровича все приняло иной ласковый и привѣтливый видъ не въ силу одного появленія княжны, а благодаря ея взгляду, ея улыбкѣ, ея словамъ и еще чему-то, чтѣ звучало въ ея голосѣ.

А звучала доброта, искренность, звучало чувство. При этомъ однако Макару Макаровичу неотразимо чудилось противъ воли, что княжна потому такъ привѣтлива, что на сердцѣ у нея и на душѣ темно и тяжело.

XVII.

Въ тѣ самыя минуты, когда Трубецкой бесѣдоваль съ княжной, на противоположной сторонѣ дома, въ нетопленной гостиной былъ свѣтъ.

Въ углу около большаго кресла стоялъ на полу шандаль со свѣчей. Около шандала лежалъ инструментъ, и тутъ-же рядомъ стоялъ на колѣняхъ, нагнувшись, молодой малый и разсматривалъ сломанный бочекъ кресла.

Его блѣдное, будто мраморное лицо, освѣщаемое въ темнотѣ тусклымъ свѣтомъ нагорѣвшей свѣчи, казалось не только красиво, но даже сказочно-красиво. Большіе черные глаза, внимательно устремленные на работу которю онъ былъ занятъ, сіяли чуть не больше самой свѣчки.

Если-бъ кто-нибудь, никогда не бывавшій въ Березопольѣ, вошелъ теперь въ эту горницу и увидѣлъ въ полусвѣщенномъ углу эту фигуру и это блѣдное лицо, окаймленное черными локонами длинныхъ волосъ и клинообразной бородкой, то, конечно, удивился-бы и быть-можетъ даже ахнулъ.

Этотъ молодой малый, поистинѣ красавецъ, былъ тотъ самый столяръ и даровитый рѣзчикъ Егоръ Миловановъ, о которомъ въ эти же самыя мгновенія говорилъ Макаръ Макаровичъ съ пріѣзжей княжной.

Егоръ явился сюда, чтобы поскорѣй починить надломленное кресло, такъ какъ оно было парное — толь-въ-точь такое-же, на какомъ въ эту минуту сидѣла княжна.

Макаръ Макаровичъ забылъ о немъ и теперь послалъ Егора поскорѣй исправить.

Егоръ уже заклеилъ, гдѣ слѣдовало, подправилъ, прибавивъ недостающій кусокъ, подкрасилъ его и, наконецъ, окончивъ работу, сталъ собирать съ полу свой инструментъ.

Въ эту минуту скрипнула дверь. Кто-то выглянулъ, присмотрѣлся, потомъ тихонько вошелъ, затворилъ за собой дверь и быстро подбѣжалъ къ Егору.

— Егорушка, точно сердце сказало! Не чаялось, и не знала... Сердце сказало... Такъ вотъ и толкало сюда. А ты и тутъ!

И едва молодецъ поднялся на ноги, какъ фигура обхватила его, обняла и прижалась къ нему съ поцѣлуемъ.

— Сердце-то, можетъ, не при чемъ... отозвался Егоръ,—все-жъ таки и свѣтъ въ щель увидѣла и догадалась, что я тутъ стряпаю.

— Ей Богу, не видала! Чуюлось...

И дѣвушка, крѣпко и страстно обнимая молодца, нѣсколько разъ поцѣловала его въ щеки, лобъ и глаза. Это была Евгенія.

— Ну, будетъ тебѣ... Съѣла всего. Уйдемъ, выговорилъ черезъ мгновеніе Егоръ.—Ну, какъ войдетъ кто, какъ разъ въ эту пору! Вѣдь теперь надъ нами барская рука. Это не Макаръ Макаровичъ! Погляди-ка—теперь мудренѣе будетъ. Всѣмъ будетъ мудренѣе. Не было винокныхъ, а теперь всякій день найдутся. Подъ господами жить—ликое дѣло. А ужъ такому, какъ мнѣ, бѣда! Заставитъ она меня теперь ручки да ножки приклеивать, а то двери дѣлать. А то просто пошлетъ дрова рубить. Нужно было ей сюда пріѣзжать!

Все это Егоръ проговорилъ раздраженнымъ и глухимъ голосомъ. Видно было, что онъ высказалъ неотступную и томившую его мысль.

— Нѣтъ, Егорушка. Она, сдастся, добрая. Всѣ говорятъ, Макаръ Макаровичъ всѣмъ сказывалъ: „такой барышни, говоритъ, другой въ Россіи нѣту.“

— Онъ добрый самъ-то, вотъ ему всѣ ангелами и представляются. А она, поди, — злющій чортъ. Вѣдь всѣ старыя дѣвки — злющія. Таковъ законъ. Что-жъ, такъ и будетъ... При ней будешь состоять?

— Да, при ней.

— Не радуйся, Евгенья. Ты это по глупости. Сказываю тебѣ — ничего хорошаго нѣтъ въ близости отъ господъ. Посмотри, черезъ недѣлю выть начнешь. Какая ни есть добрая, а все-таки барышня и княжна, и стало-быть прихотница и спрощица. Угодить будетъ нельзя, а не угодишь ты—и наше дѣло не выгоритъ. Вотъ какъ-бы знать-то, Евгенія, такъ проситесь-бы намъ вѣнчаться прежде, чѣмъ она сюда нагрянула. Заглазно-то бы князь разрѣшилъ. Макаръ Макаровичъ отписалъ-бы, что ты свободная, безъ должности, сирота немумытая,—князь-бы дозволеніе и прислалъ. Ему чтѣ! Какой-то, молъ, столяръ на какой-то сиротѣ жениться захотѣлъ. Имъ одна забота — тягло да оброкъ! А вотъ теперь ты у нея въ горничныхъ, и она, гляди, чудитъ и мудритъ начнетъ. Разныя препятствія выищеть...

— Чтѣ ты? Полно, полно... вдругъ со слезами въ голосѣ выговорила Евгенія.—Чтѣ ты каркаешь! Ничего такого не будетъ! Три тебѣ типуна на языкъ!

Но вмѣстѣ съ этимъ она снова обвила руками голову Егора и снова прильнула къ его лицу страстнымъ поцѣлуемъ.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ. Оба вздрогнули.

Евгенія бросилась къ дверямъ, а Егоръ потушилъ свѣчу и спрятался за уголъ большаго шкафа.

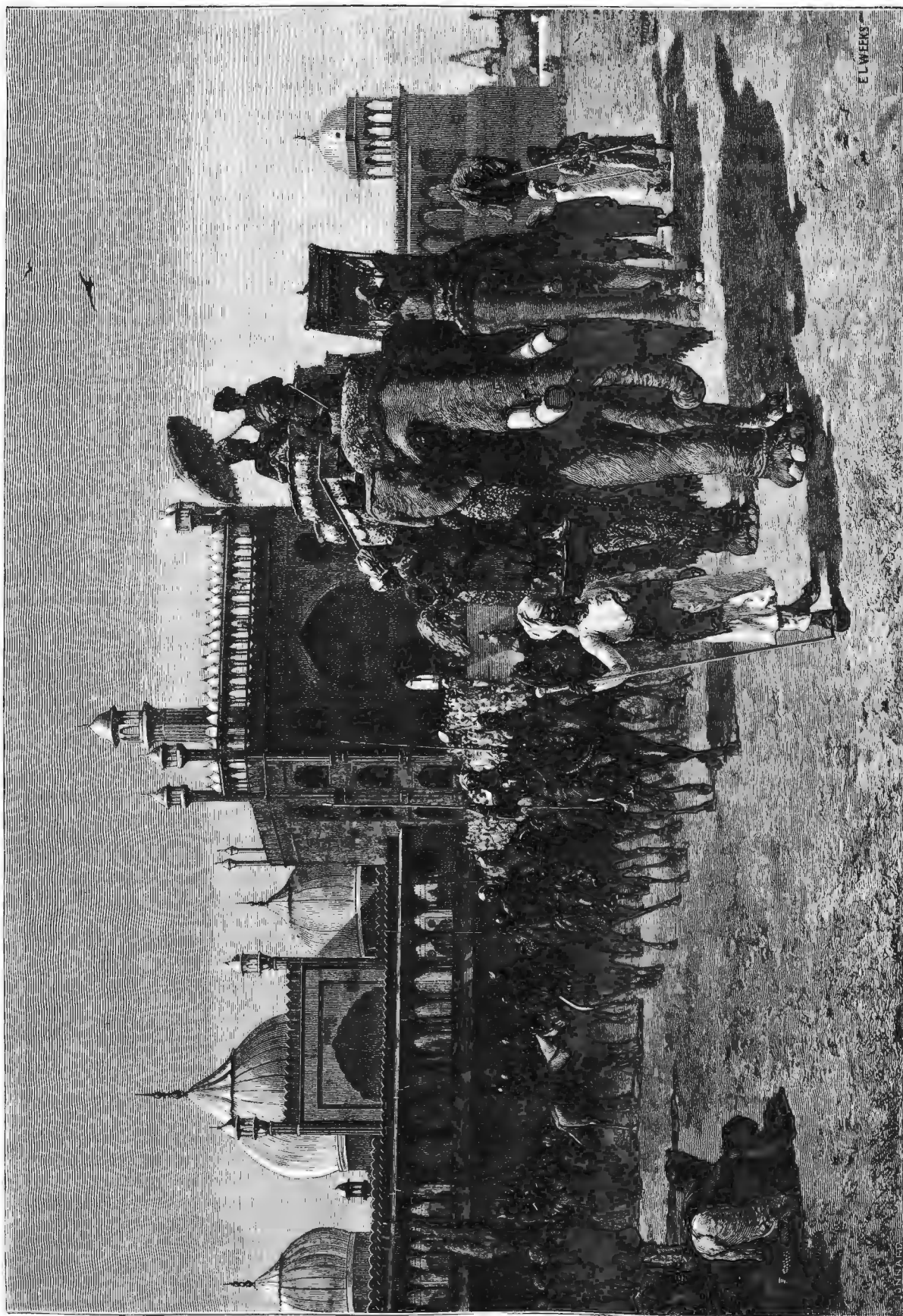
Но черезъ мгновеніе дѣвушка выглянула въ дверь и проговорила сильнымъ шепотомъ:

— Иди... никого...

— Уходи ужъ ты впередъ. Я послѣ выйду! отозвался онъ.

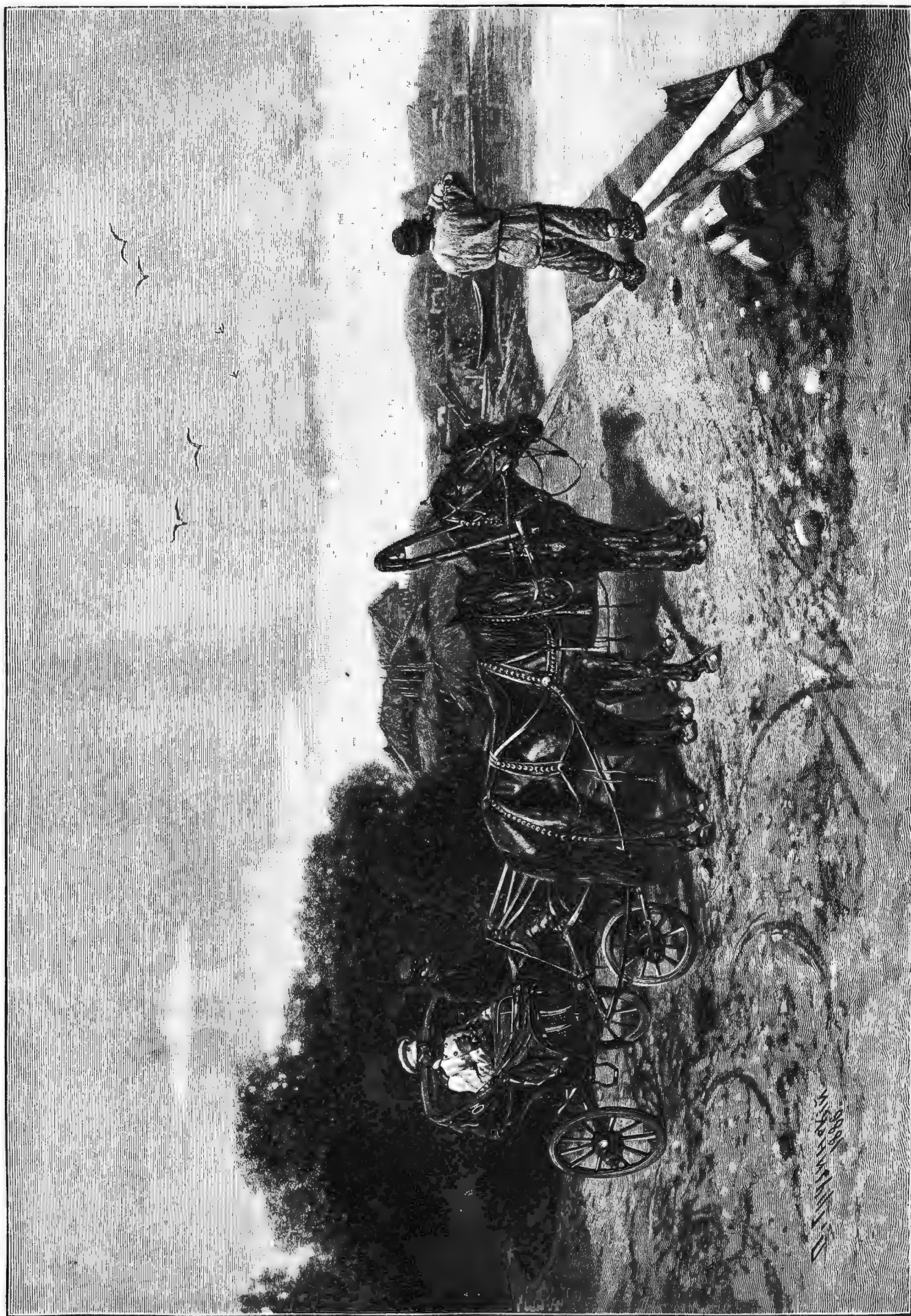
Дверь затворилась. Молодой малый остался одинъ, вышелъ на средину горницы, но остановился и столлъ задумавшись среди полной темноты.

— Чудно! Диковинно! началъ онъ шептать.—Или я таковъ уродился—безсердечный? Вѣдь вотъ всю душу прозакладывать готова, на погубленіе себя готова идти. А я какъ осиноый какой, березовый, либо каменный! Что есть Евгенія, что нѣту—мнѣ одно. А вотъ приди, да скажи: брось, молъ, въ печку да сожги своего звѣря крылатаго, что будто живой у меня изъ дерева вылѣзаетъ теперь сталь, — ни за чтѣ не брошу. Стало-быть мнѣ моя работа—дурацкій звѣрь, изъ дерева долбленный—дороже дѣвицы, которая меня любитъ. Ну вотъ и есть ты, Егорка, деревянный человекъ! Дай тебѣ

Шахъ-Джеганъ на пути изъ великой мечети въ Дели. Рис. Э. Вильсъ, грав. Жюнарь.

У парома. Съ картины П. Грузинскаго (право воспроизведеніи въ гравюрахъ и проч. принадлежатъ „Издѣ“), грав. Рашевскій.

хоть десять, хоть сто красавицъ писанныхъ — и отъ всѣхъ красавицъ всесвѣтныхъ откажусь, только оставь ковырять инструментомъ по дереву. Вотъ такъ-то, сказываютъ, и тятя мой со скрипкой, бывало. Разъ пожаръ былъ. Всѣ кричатъ, Бога призываютъ, мечутся... Одинъ въ окно высочилъ и убилися. А тятя мой сидитъ да на скрипкѣ что-то чувствительное выпиливаетъ. И не видитъ ничего и не слышитъ. Улетѣлъ куда-то своими мыслями и не знаетъ, что огонь и дымъ подступаютъ со всѣхъ сторонъ. Да. Смѣялись вотъ всѣ этому случаю, а я тутъ вотъ чую, на сердцѣ, что это вѣрно и такъ должно быть. Помнится, когда льва выдалбливалъ я генералу, тоже вотъ: что ни случись — ничего не вижу и не слышу. Матушка захворала — сидѣть-бы около нея, прислуживать; а у меня только и на умѣ, что одно ухо у моего льва длиннѣе другаго, да глазъ одинъ глядитъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Просто грѣхъ! окалство! Вотъ такъ-то и Евгения: деревяннаго звѣря съ крылами — и того я не могу промѣнять на нее. Да, чудно! Диковинно! Либо колдовство, либо уродство какое! Родятся-же люди съ пятномъ на щекѣ чернѣе сажи, ну, а я вотъ ковырялкой по дереву уродился!

Молодой малый вздохнулъ глубоко, будто очнулся, и тихо пошелъ изъ горницы. Когда онъ поворачивалъ изъ столовой въ прихожую, на него сверкнулъ свѣтъ изъ горницъ занятыхъ княжной.

Въ настѣжъ растворенныя двери и черезъ снующій люкъ, таскавшій вещи, Егоръ увидѣлъ близъ двухъ свѣчей, поставленныхъ на столикѣ, женскую фигуру, какихъ не было въ Березопольѣ.

„Она сама!“ подумалъ онъ и пристально сталъ смотрѣть черезъ три горницы.

Княжна видѣлась ему въ профиль. Предъ ней сидѣлъ Макаръ Макаровичъ и что-то говорилъ, сопровождая слова жестами. Княжна сидѣла, положивъ руку на бочекъ кресла, точь-въ-точь такой-же, какой сейчасъ чинилъ онъ.

Она глубоко сидѣла въ креслѣ, прислонившись спиной, и голова ея была слегка закинута назадъ. Во всей позѣ издали было что-то особенное, непріятно задѣвшее Егора.

Черезчуръ горделивою и надменною показалась ему эта женская фигура.

„Ишь разсѣлась!“ подумалъ онъ. „Экъ, голову-то задираетъ! И какъ это у нихъ, у господъ, много всегда о себѣ мыслей. Иной на самого чорта смахиваетъ, другая — чистая вѣдьма, а поглядишь — ни-вѣсть что изъ себя вывертываютъ, будто царь, либо царица сама. Вотъ теперь и пойдешь ты тутъ чудить и ломаться надъ нами,“ чуть не выговорилъ Егоръ вслухъ, не спуская глазъ съ фигуры княжны. „Теперь дымъ коромысломъ будетъ. Ишь голову-то деретъ! Еще... еще...“

И наконецъ Егоръ не выдержалъ и вымолвилъ громко, вслухъ:

— Еще задери!

И будто очнувшись, онъ махнулъ рукой, размѣлся и быстро высочилъ въ прихожую.

XVIII.

На другой день, съ самаго ранняго утра все Березополье ожидало „здоровканья“ съ княжной. Всѣ въ усадьбѣ и на селѣ уже принарядились. Семейные собирались придти вмѣстѣ съ дѣтьми, такъ что даже на ребятъ надѣвали новыя рубашенки и платица.

Макаръ Макаровичъ, тоже спозаранку поднявшійся, уже хлопоталъ и распоряжался, распредѣляя гдѣ кто долженъ стоять, какъ по-очереди подходить къ княжнѣ и какъ цѣловать ручку.

Часовъ въ девять Макаръ Макаровичъ явился справиться какъ попочивала княжна; но узналъ, что барышня еще поживаетъ.

Черезъ часъ, пославъ своего Сеньку въ барскій домъ, управитель получилъ тотъ-же отвѣтъ.

Такъ прошелъ еще часъ.

Макаръ Макаровичъ удивлялся, но вспомнилъ наконецъ, что вѣдь это такой особый московскій ладъ — вставать тогда, когда люди уже обѣдаютъ.

Около полудня къ нему постучалась сама Дуняша и объявила отъ барышни-княжны, что она плохо поживаетъ ночью и проситъ отложить все до завтрашняго дня, благо завтра большой праздникъ.

— Очень она васъ проситъ, Макаръ Макаровичъ, прибавила Дуняша. — Нездоровится ей!

— Какъ-же такъ, голубушка моя, — „просить?“ Я что-то и не пойму. Хотите сказать: „приказываетъ?“

— Нѣтъ-съ, я говорю, какъ она сказала.

— Совсѣмъ, помилуй Богъ, неприлично! выговорилъ Макаръ Макаровичъ. — Ласка — лаской, а вѣдь тоже можетъ выйти...

И онъ не договорилъ.

— Такъ доложите, голубушка, княжнѣ, что я ея приказаніе въ точности исполню. Не важность, что одѣлись! Ну, раздѣнута. А завтра и безъ того имъ одѣваться къ обѣдѣ.

Все населеніе Березополя было однако озадачено. Многіе стали поговаривать и во дворѣ, и на селѣ, что, должно-быть, такъ „здоровканья“ никакого и не будетъ. Просто одинъ „отводъ“ княжнинъ...

Однако березопольцы были неправы.

Княжна съ вечера долго не ложилась спать, разбираясь въ той комнатѣ, которую предназначала себѣ рабочею. Затѣмъ она легла, уже поздно, и всю ночь глазъ не смыкала.

Этотъ большой домъ, въ которомъ ей было удѣлено нѣсколько горницъ и гдѣ оставалось еще, по крайней мѣрѣ, десятка два пустыхъ, темныхъ и холодныхъ комнатъ, произвелъ на княжну тяжелое впечатлѣніе. Покуда народъ сновалъ въ сосѣднихъ горницахъ — было еще ничего. Но когда всѣ разошлись, все стихло и когда она осталась вдвоемъ съ Дуняшей, а въ сосѣдней комнатѣ — дѣвчичьей — сидѣли еще двѣ дѣвушки, одна пожилая, другая молоденькая и красивая, княжнѣ показалось какъ-то мертво въ этомъ домѣ.

Когда-же она велѣла отпустить вновь приставленныхъ горничныхъ, а затѣмъ черезъ часъ отпустила спать и свою любимицу, то ей стало совершенно жутко. Въ домѣ и кругомъ дома воцарилась буквально гробовая тишина.

И вдругъ этотъ домъ показался ей именно какимъ-то громаднымъ гробомъ, въ который ее силою положили и захлопнули.

Она не могла сказать, что особенно любить Москву и что жизнь ея тамъ проходила безопасно и весело. Когда-то она немного веселилась, но это было очень давно. Послѣдніе года четыре ея жизнь въ Москвѣ очень походила на жизнь въ глуши, въ усадьбѣ. Она мало съ кѣмъ видалась. Пренія ея сверстницы, съ которыми она когда-то веселилась на вечерахъ и балахъ, повышли замужъ и съ ними со всѣми отношенія прекратились.

Одна изъ нихъ вскорѣ умерла. Другая все хворала, опустилась, постарѣла и между нею и княжной не было уже ничего общаго. Двѣ или три, тоже вышедшія замужъ, развѣхались: одна — въ Петербургъ, другія — въ свои вотчины.

У княжны осталась только одна пріятельница, но и то онѣ видались не болѣе разу въ мѣсяцъ, такъ какъ отецъ-князь почему-то не долюбивалъ ее и даже, Богъ вѣсть почему и за что, прозвалъ умную дѣвушку Гришкой Отрепьевымъ.

Слѣдовательно, жизнь предстоявшая княжнѣ въ Березопольѣ собственно ничѣмъ не отличалась отъ московской. Здѣсь было у нея то же количество комнатъ,

даже одною или двумя больше. Съ нею прѣхали всѣ ея вещи, вся ея библиотечка, ея пяльцы, ея альбомы и рисунки.

И здѣсь она могла точно такъ же и читать, и вышивать, и рисовать. Последнее было любимымъ занятіемъ княжны. И она, сама того не зная, рисовала недурно и карандашомъ, и тушью, и акварелью.

Какъ въ Москвѣ жизнь проходила однообразно, безцвѣтно, заурядно, изо-дни-въ-день, такъ все должно было наладиться и здѣсь.

Цѣлую ночь княжна обдумывала будущее свое житіе здѣсь и убѣждала себя, что ей будетъ тутъ лучше и тише жити, не такъ мудро и не такъ тревожно.

И тѣмъ не менѣе, какой-то тайный голосъ говорилъ ей, что этотъ, на двѣ трети пустой, темный и холодный домъ смахиваетъ на громадный гробъ или, по крайней мѣрѣ, на тюрьму, въ которую ее заперли.

Здѣсь уже, конечно, никомъ образомъ не случится того чтò желалось, чаялось, чудилось ей, чего безсознательно и противу воли требовало ея сердце. И вопреки разуму, оно ждало постоянно, ежедневно, даже ежеминутно. Но это „нѣчто“, чего ждало сердце и нетерпѣливо требовало, и во чтò вѣрило, было сокровеннѣйшею тайной княжны, которой она не только никогда никому не довѣряла, но въ которой и сама себѣ боялась признаться.

Тайна была очень простая.

Почти тридцатилѣтняя дѣвушка, именно вопреки всѣмъ своимъ здравымъ размысленіямъ, вѣрила, ждала и надѣялась, что вотъ вдругъ, завтра, быть-можетъ сегодня, быть-можетъ сейчасъ, явится предъ ней тотъ, кого страстно полюбитъ она и кто полюбитъ и ее.

За послѣдніе годы мечта какъ бы воплотилась. Княжна какъ будто уже любила ясно являющагося въ мечтахъ человѣка. Она будто видѣла его смутно, слушала его подъ-часть, чувствовала его присутствіе, а затѣмъ спрашивала себя: не сходить-ли она съ ума.

Часто между страницей книги и ея глазами, или застилая канву въ пяльцахъ, застилая рисунокъ на бумагѣ, являлся чей-то образъ и чудными, властными надъ ней глазами смотрѣлъ на нее... И карандашъ или игла выпадали изъ рукъ.

Но никогда никто не слышалъ отъ княжны объ этомъ ни единого слова. Когда Дуняша начинала разговоръ мало-мальски подходящій къ ея грѣзамъ и мечтамъ, княжна строго и холодно отвѣчала:

— Какъ тебѣ не стыдно! Ты моя ровесница, а не дѣвчонка. Какъ можно о такихъ глупостяхъ говорить! Неужели нельзя прожить, никого не любя и ни за кого замужъ не выходя!

И говорилось это такъ естественно, просто, такимъ голосомъ, съ такимъ надменнымъ видомъ и равнодушнымъ взглядомъ, или презрительной улыбкой, что Дуняша дивилась.

— Какъ же, барышня? отзывалась она. — Всякой дѣвицѣ кто-нибудь хоть разъ да пригласится, а вамъ—никто.

На это княжна могла бы отвѣтить, что и съ ней бывало нѣчто подобное.

Разъ ей пригласился гвардейскій петербургскій офицеръ, который въ одну зиму вскружилъ голову всѣмъ московскимъ невѣстамъ и затѣмъ уѣхалъ не женившись ни на комъ.

Въ другой разъ княжнѣ нравился мѣсяца два или три, и сильно нравился, молоденькій чиновникъ изъ земскаго суда, появлявшійся у князя по какому-то дѣлу съ бумагами; но съ нимъ она не сказала ни слова. Съ нимъ князь и не знакомилъ ее, отозвавшись о чиновникѣ, что онъ — „самодѣльный“ дворянинъ.

Наконецъ Полинъ слегка нравился и сомнительный графъ Каналетта, красивый, блестящій, плѣнительно

дерзкій. Но объ этой своей склонности княжна сама стыдилась вспоминать...

Помимо этихъ трехъ случаевъ легкаго увлеченія, — въ жизни княжны не было ничего.

А между тѣмъ „онъ“, этотъ невѣдомый и чаемый ею, часто являлся въ ея грѣзахъ, чаще всего вечеромъ, или среди ночи, и склонялся къ ней, къ ея изголовью... И она, въ безсонницѣ, какъ бы отбивалась отъ наплыва мечтаній, а иногда кончала и слезами.

То же отчасти случилось и теперь, въ эту первую ночь, что она провела подъ кровлей хотя и роднаго, но совершенно чуждаго ей дома. Не смотря на усталость отъ дороги, княжна провела безсонную ночь. Чтото томило ее... Будущее существованіе здѣсь казалось ей таинственнымъ, загадочнымъ.

А „онъ“ явился еще яснѣе, еще опредѣленнѣе... Еще ближе склонялся къ ней, мучал и терзал своимъ присутствіемъ.

Ужъ подъ утро княжна заснула крѣпкимъ сномъ и не мало удивилась при пробужденіи, узнавъ отъ Дуняши, что скоро полдень. Первые слова ея были объ Макарь Макаровичѣ.

— Не обидѣлся онъ? спросила она Дуняшу.

— Нѣтъ-съ. Говорилъ только зачѣмъ вы приказали „просить“. Это, говорить, не годится. „Приказывать“ слѣдъ ему, а не просить. Чудной онъ!

И вставая, одѣваясь, княжна долго думала объ управителѣ, который пришелся ей по душѣ.

— Онъ правда чудной! улыбнулась она наконецъ.— Но онъ мнѣ нравится. И милая привычка у него все прибавлять: спаси Богъ, да помилуй Богъ!

Весь этотъ первый день прошелъ для княжны незамѣтно и не скучно. Она раскладывалась и устраивала свои горницы, прежде всего свою рабочую. Повидавъ поутру двухъ новыхъ горничныхъ, княжна поговорила съ обѣими.

Пожилая женщина—Марѳа—оказалась самою обыкновенною дворовою, почти крестьянкою. Единственною оригинальною чертой Марѳы была постоянная печаль, не сходявшая съ лица. Причины этого никто не зналъ, да и сама она не понимала.

А причина была простая.

У Марѳы былъ мужъ, двое взрослыхъ сыновей, братъ и старикъ-отецъ; при этомъ двѣ сестры. Но никого изъ нихъ не было въ Березопольѣ. Не только отца, или братьевъ, но даже мужа и сыновей давно взяли въ Москву въ дворню—и всѣ они жили тамъ постоянно, появившись въ Березопольѣ раза два за десять лѣтъ времени.

Подобнаго рода разлука была самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, но на другихъ, быть можетъ, оно не имѣло такого вліянія, какъ на эту женщину.

Любя мужа и обожая двухъ сыновей, красивыхъ молодцовъ, Марѳа жила вѣкъ здѣсь, въ Березопольѣ, а они жили вѣкъ въ Москвѣ. И существованіе ея проходило такъ, какъ еслибы она была одинокая на свѣтѣ.

Однако, когда случалось Марѳѣ заговаривать съ кѣмъ-либо въ усадьбѣ о горестной жизни врозь съ мужемъ и дѣтьми, то она получала отъ всѣхъ одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— И, родимая, есть о чемъ тужить! Завсегда такъ... Мы не господа. Все-жъ-таки ты съ мужемъ и сыновьями—одного барина-князя. А вонъ погляди-ка, бываетъ, цѣлую семью распродастъ иной баринъ въ разныя руки.

И Марѳа — женщина недалекая — соглашалась мысленно, что желаніе жить вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми есть, конечно, баловничество. Да сердце-то ея не соглашалось съ этимъ.

Послѣдствіемъ этого и явилась на лицѣ женщины печать грусти, тусклый взглядъ и въ странную складку сомкнутыя губы.

Ей не было еще пятидесяти лѣтъ, а волосы сильно посѣдѣли. Голова была всегда слегка наклонена и вмѣстѣ съ тѣмъ она была самою несловоохотливою, молчаливою женщиной. Она давно уже привыкла только отвѣчать, сама почти никогда ни съ кѣмъ не заговаривал.

Впечатлѣніе, произведенное Марою на княжну, было таково, что она спросила женщину, не хворал-ли она.

— Никакъ нѣтъ-съ, слава Богу! отозвалась Маря.

— Не хочешь при мнѣ состоять? снова спросила княжна, глядя на угрюмое лицо.

— Какъ можно, матушка-княжна! Мнѣ это въ честь великую.

Но княжна не спросила того что хотѣла: почему у женщины такое скорбное лицо.

А лицо это тѣмъ болѣе удивило княжну, что рядомъ съ нимъ она увидѣла другое — сіяющее, радостное, красивое, полное жизни, огня и еще „чего-то“, что ярко блестѣло въ глазахъ... быть-можетъ — счастья. Эта другая дѣвушка была Евгенія.

Княжна какимъ-то таинственнымъ, еще неразгаданнымъ человѣческимъ чутьемъ узнала, что стоящая предъ ней красивая дѣвушка именно — счастлива. Она — ея противоположность. Она не живетъ просто, а будто торжествуетъ что-то, что случилось съ ней на-дняхъ, или случится завтра.

Молодость, сила, красота и ожиданіе, а можетъ-быть уже и владѣніе полнымъ счастьемъ — вотъ чѣмъ повѣяло отъ Евгеніи на княжну. И вмѣсто того чтобы произвести хорошее впечатлѣніе, дѣвушка произвела на нее тяжелое.

Княжна вздохнула, потупилась и тотчасъ подумала: „Неужели я завидую ей? Завидую и лицу ея, и тому, что жизнь ея радостная?“

Во всякомъ случаѣ, Евгенія съ первой же минуты заинтересовала ее, и княжна разспросила ее обо всемъ до нея касающемся. Узнавъ, что Евгенія сирота круглая, княжна удивилась.

— Но ты веселая! произнесла она, желая сказать совершенно иное.

— Ничего-съ, бойко отозвалась дѣвушка.

— Небось, всѣ любятъ да балуютъ?

— Нѣтъ-съ... Меня не любятъ въ Березопольѣ.

— Отчего?

— Говорятъ, языкъ у меня дурной. Не могу я никому спустить. Тому, другому что скажешь, вотъ и косятся, и облаютъ, когда могутъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать третій идетъ.

— Что ты! удивилась княжна. — Я бы тебѣ больше восемнадцати не дала. Какъ же ты до сихъ поръ не замужемъ?

Евгенія вспыхнула и потупилась.

— Чего же стыдишься?... Странно, что тебя до сихъ поръ ни за кого не выдали. Ужъ тебѣ лѣтъ пять слѣдовало бы замужемъ быть. Почему же такъ вышло?

— Не могу знать-съ... Иногда, бывало, Макаръ Макаровичъ собирали меня, да я просилась ослобонить.

— Не хочешь замужъ идти?

Евгенія молчала, переминалась на мѣстѣ.

— Или отдавали тебя не за того, за кого хотѣлось?

Евгенія собиралась было отвѣтить, двинула губами, но не вымолвила ни слова.

— Да ты скажи мнѣ по правдѣ. Есть у тебя какой на примѣтѣ человѣкъ? Тогда мы можетъ-быть это и уладимъ. Я напишу батюшкѣ... или не я, спохватилась княжна, — Макаръ Макаровичъ напишетъ. Князь навѣрное разрѣшеніе дастъ. Коли есть что такое, ты мнѣ скажи.

— Если позволите... выговорила Евгенія слегка дрожащимъ голосомъ и уже съ пылающимъ лицомъ, — то я буду проситься...

— Ну, хорошо. Вотъ какъ-нибудь на праздникахъ я тебя позову, разспрошу и мы увидимъ, что дѣлать. Вѣдь онъ здѣсь... твой... ну, сердечный, что-ли? Здѣсь, въ Березопольѣ?

— Здѣсь, произнесла Евгенія, по такъ тихо, что княжна не разслышала.

— Не здѣсь? Онъ не нашъ крѣпостной?

— Вашъ... выговорила Евгенія громче.

— Живетъ-то гдѣ же онъ?

— Здѣсь! снова тише выговорила Евгенія.

Княжна размѣялась полному смущенію дѣвушки и выговорила:

— Ну, вотъ какъ-нибудь мнѣ во всемъ покаешься и своего сердечнаго покажешь. Мы все вмѣстѣ и сладимъ. Что онъ — красивый?..

— Красавецъ — какихъ нѣтъ! оживилась вдругъ Евгенія.

— Вотъ какъ! размѣялась снова Полина и, отпустивъ Евгенію, подумала:

„Воображаю... что по вашему здѣсь — красавецъ! Только если человѣческое подобіе есть — сейчасъ ужъ будетъ красавцемъ!..“

XIX.

Наступилъ Николинъ день, ясный и яркій...

Въ столовой барскаго дома ожидалъ выхода княжны приглашенный ею Макаръ Макаровичъ. Онъ слегка волновался и былъ, насколько могъ, не въ духѣ. Его неприятно удивило, что въ такой большой праздникъ ему не дали возможности отправиться, какъ всегда, одному изъ первыхъ къ обѣднѣ и литься въ храмъ одновременно съ батюшкой. Княжна вытребовала его къ себѣ, очевидно для какихъ-нибудь приказаній.

„Стали жить на Руси по-басурмански, спаси Боже!“ думалъ теперь про себя Трубецкой.

Послѣ очарованія, которое произвела на него прѣзжая княжна, Макаръ Макаровичъ теперь уже начиналъ какъ бы разочаровываться.

„Ласкова, ласкова,“ думалось ему, „а жить не умѣетъ. Я нынѣ лѣсныхъ сторожей и тѣхъ молиться отпустилъ, ради праздника. Пуцай порубка будетъ какаа — не бѣда! Пуцай Богу молится. А она меня держитъ тутъ на стулѣ, когда добрые люди уже въ храмѣ Божьемъ.“

Однако черезъ нѣсколько мгновеній Макаръ Макаровичъ уже не хмурился, а съ сіяющимъ лицомъ помогалъ княжнѣ садиться въ экипажъ и садился вслѣдъ за ней, но послѣ долгаго спора. Онъ упирался, представляя княжнѣ всю неумѣстность того, что онъ — простой „завѣдующій“ вотчиной — поѣдетъ внезапно съ ней вмѣстѣ въ каретѣ къ обѣднѣ. Но княжна настояла на своемъ, ласково упорствуя.

Вся церковь, паперть и погостъ были полны народомъ. Вся усадьба и все село собрались здѣсь ради любимаго праздника. Кромѣ того, былъ народъ изъ сосѣднихъ деревень.

Съвозъ густую толпу подѣхалъ экипажъ къ паперти. Княжна раскланивалась на обѣ стороны. Трубецкой тоже кланялся и горделиво озирался, а на него тоже съ удивленіемъ поглядывали березопольцы, понимая всю важность событія, что ихъ любимецъ Макаръ Макаровичъ сидитъ рядомъ съ княжной въ экипажѣ.

Обѣдня длилась долго. Наконецъ княжна снова, по уже одна, двинулась домой.

Теперь вся аллея отъ церкви до дома и вся улица по усадьбѣ, всѣ дорожки соединившія барскій домъ со службами, съ трацкимъ корпусомъ, — все переполнилось народомъ. Затѣмъ густая толпа пахлынула и залила, какъ черныя волны, весь барскій дворъ.

Вскорѣ прѣхали вмѣстѣ Макаръ Макаровичъ и батюшка, а за ними причтъ. Въ столовой, гдѣ былъ уже накрытъ въ углу столыкъ и поставлены образа, начался молебень.

Этюдъ. Съ картины Ѳ. Чумакова, грав. Пааръ.

Княжна стала впереди, недалеко от нея помѣстилась Трубецкой и выдвинула предъ собой Дуняшу.

— Я за вами, Макарь Макаровичъ, шептала дѣвушка.

— Непростойно, Дуняша. Вы—любимица, спаси Богъ,

а она одна-одинехонька! Ближе васъ къ ней никого нѣту, ближе вы и стоять должны. А я княжнѣ еще человекъ, почитай, чужой.

И Дуняша стала шагахъ въ двухъ за княжной.

За управителемъ рядами выстроились самые пожилые или самые важные дворовые. А впереди всѣхъ появился, сѣдой какъ дунь, сгорбленный старикъ съ длинными желтыми волосами, которые падали до плечъ, съ длинною, клиномъ, бѣлою какъ снѣгъ бородой и съ такими же почти бѣлыми выпѣтными глазами. Желтоватое, какъ воскъ, худое, не сморщенное, чистое лицо было старчески благообразно. Только сильно провалившійся отъ беззубья ротъ и загнутый надъ верхней губой носъ—придавали этому лицу нѣсколько забавный, будто птичій профиль. Это былъ самый старый обитатель Березополя, и никому не было извѣстно, сколько ему лѣтъ. Всѣ говорили, что ему сто лѣтъ и, быть можетъ, ошибались не на много. При этомъ, хотя имя старика было Сергѣй Сидоровъ, но его всѣ звали въ глаза: Сергѣй Сидорычъ, а за глаза никто никогда не называлъ иначе какъ Азовскій.

Что означало это морское прозвище, мало кто зналъ. Старикъ, однако, могъ объяснить это.

Онъ явился въ Березополье прямо изъ-подъ Азова, гдѣ работалъ по наряду во времена царя Петра Але-

ксѣевича. По одному этому факту Макарь Макаровичъ разсчиталъ, что старику, прозвищемъ Азовскому, было, конечно, около ста лѣтъ. Настоящая фамилия его, которую старикъ быть-можетъ и самъ уже позабылъ, была та же, что и столяра Егора. Но никто не зналъ, что Азовскій и Егоръ—однофамильцы.

Разумѣется, Азовскій проводилъ жизнь, въ маленькой горницѣ, успокоенный отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ дворовыхъ, по милости Трубецкаго. И лишь въ самые торжественные случаи и въ самые большіе праздники столѣтній старецъ иногда выползалъ на свѣтъ Божій.

Теперь, узнавъ о пріѣздѣ княжны и о томъ, что будетъ молебенъ и „здоровканье“ въ барскомъ домѣ, Азовскій кое-какъ, при помощи двухъ женщинъ, рѣшился доползти и поглядѣть на барышню-княжну. Но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, въ которомъ онъ жилъ, онъ уже выбился изъ силъ и сѣлъ на дорогѣ прямо на снѣгъ.

Вернувшійся изъ церкви Макарь Макаровичъ, узнавъ, что Азовскій сидитъ на морозѣ, домой нейдетъ, а до барскаго дома силъ не хватаетъ доползти, тотчасъ же послалъ за старикомъ свои сани. И Азовскій появился въ столовой впереди другихъ.

Но едва только начался молебенъ, какъ онъ опустился на колѣни, а затѣмъ сѣлъ на поджатые ноги. Фигура его поразила княжну и она нѣсколько разъ взглядывала на старика съ любопытствомъ. Изрѣдка крестясь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и подремывая, просидѣлъ такъ Азовскій весь молебенъ.

(Продолженіе будетъ).

Перепутала.

Фарсъ въ одномъ дѣйствіи

Северина (М. И. Мердеръ).

Л И Ц А :

Иванъ Николаевичъ Павловъ, 30 лѣтъ.

Юлія Александровна—его жена, 22 лѣтъ.

Дмитрій Ивановичъ Балавинъ, 26 лѣтъ.

Маша—горничная, 25 лѣтъ.

(Гостинная въ квартирѣ Павловыхъ, нарядная обстановка).

Явленіе I.

Юлія одна.

(Въ утреннемъ дезабиле, выходитъ изъ двери направо). Первый часъ... Что это писемъ до сихъ поръ нѣтъ!.. (Подходитъ къ камину съ часами, а затѣмъ къ этажеркѣ и замѣчаетъ на ней газеты въ бандероляхъ и письма). А! вотъ куда Маша положила! Вѣчно умничаютъ, сколько разъ приказывала я ей класть письма на столъ... (Перебираетъ письма). Что-жь это? Отъ Жанъ ничего нѣтъ... Ну да, это отъ сестри... (Пробѣгаетъ письмо). А это отъ Анны Дмитриевны... (Берется за другое). Зоветъ вѣрно съ собой въ театръ... Такъ и есть. Можетъ ѣхать одна, мнѣ сегодня не до оперы. Еслибъ даже самъ Мазинъ пѣлъ, я и то не поѣхала-бы его слушать... Сегодня судьба всей моей жизни рѣшается... Странно, однако, что отъ Жанъ ничего нѣтъ... (Ищетъ между газетами). Неужели онъ мнѣ ничего не напишетъ, не потребуетъ объяснений? Нѣтъ, нѣтъ, быть этого не можетъ! Письмо вѣрно осталось у швейцара. (Звонитъ).

Явленіе II.

Юлія и Маша.

Юлія. Писемъ больше нѣтъ?

Маша. Всѣ тутъ-съ.

Юлія. Можетъ быть у швейцара остались, поди, посмотри. Я жду письма изъ Москвы.

Маша. Отъ барина? Отъ нихъ письма еще быть не можетъ-съ.

Юлія (раздражаясь). Почему ты знаешь?

Дѣлай что тебѣ приказываютъ.

Маша. Да вѣдь заказное-то имъ только

вчера отправлено: они его, значить, и получить-то еще не успѣли.

Юлія. Не вчера, а третьяго дня.

Маша. Позвольте, сударыня, мнѣ лучше знать, вѣдь письмо-то я отнесла на желѣзную дорогу, мнѣ стало быть нельзя не помнить. И еще оттуда, въ суровскую за тифтикомъ забѣгала...

Юлія. Ахъ, Боже мой, какая ты несносная!

Маша. Да какъ-же, сударыня, вы вотъ изволите говорить, что третьяго дня письмо послано, а я знаю, что вчера. Съ меня въ той давкѣ за тифтикъ-то двадцать копѣекъ запросили, я пошла въ другую и по восемнадцати купила...

Юлія (запальчиво). Да послушаешься-ли ты наконецъ! Я приказываю тебѣ идти къ швейцару и спросить: нѣтъ-ли у него для меня писемъ.

Маша. Иду, иду. (Про себя направляясь къ двери). Напрасно только по лѣстницѣ вздъ и впередъ пройдуся. Нѣтъ у него для насъ больше писемъ. (Уходитъ).

Явленіе III.

Юлія одна.

Вчера! Увѣряетъ, что письмо отправлено вчера! Мнѣ-ли не знать когда оно отправлено! Я и сегодняшнюю ночь не спала и вчерашнюю... (Задумывается). Что-то онъ мнѣ напишетъ? Интересно. Очень даже интересно. Разсердится вѣрно и струситъ немощно. Этого-то мнѣ и нужно, чтобъ онъ струсилъ. Выразить не могу, какъ онъ меня раздражаетъ своимъ хладнокровіемъ и самоувѣренностью. Убѣжденъ вѣдь, что ничѣмъ его удивить нельзя, прошу покорно! Увидимъ, милостивый государь, увидимъ. Да онъ въ первую минуту такъ она-лѣбеть, что ничего не пойметъ, я думаю... Вѣдь Балавинъ за мной раньше не ухаживалъ; онъ зачастилъ къ намъ только послѣ отъѣзда Жанъ, а въ любви признался только третьяго дня... И какъ ныяко! какъ

страстно! Точно въ ромашъ... Онъ объявилъ, что застрѣлится, если я не выслушаю его до конца... Согласитесь, что надо сильно любить, чтобъ рѣшиться на такую крайность. И какое у него было лицо при этомъ! Блѣдный, глаза горять, весь дрожить... Упалъ передо мной на колѣни и такъ приналь губами къ моимъ рукамъ, что насили я высвободила ихъ у него. Ну, какъ тутъ было не расчувствоваться! Всякая на моемъ мѣстѣ расчувствовалась-бы и позволила-бы себя поцѣловать... Но я была тверда, я думала объ Жанъ: что бы онъ сказалъ, еслибъ увидѣлъ эту сцену? Какая досада, что некому даже послетничать на меня! Если я ему расскажу, онъ не повѣритъ. Онъ вѣчно смѣется надъ моимъ воображеніемъ и убѣжденъ, что я все преувеличиваю... Ну, вотъ онъ теперь увидитъ, преувеличиваю я или нѣтъ. Когда Балавинъ ушелъ, я сѣла ему писать. Цѣлый часъ сочиняла я это письмо и такое оно у меня вышло эффектное, что хоть сейчасъ въ печать. Не даромъ-же получала я всегда двѣнадцать балловъ за сочиненіе въ гимназіи. А при выпускѣ мнѣ дали медаль... Да еще золотую. Да, письмо вышло эффектное. Начинается оно такъ: „ваше признаніе подняло цѣлую бурю въ моей душѣ...“ А дальше: „О, зачѣмъ не встрѣтила я васъ раньше, когда была свободна...“ А затѣмъ: „Есть души, для которыхъ личнаго счастья не существуетъ...“ Это мѣсто у меня особенно хорошо вышло, такъ возвышенно и благородно. Дальше я очень удачно привожу нѣкоторые изъ его выраженій: „Вы называете меня лучезарною звѣздой, озарившею вашъ жизненный путь...“ Очень красиво. Никогда Жанъ не говорилъ мнѣ ничего подобнаго. Даже когда дѣлалъ мнѣ предложеніе. „Хотите быть моей женой?“ такъ, кажется, онъ выразился? И безъ всякаго страха, спокойно и самоувѣренно. Потомъ я узнала, что онъ уже раньше переговорилъ съ татанъ и что она ему

давать слово за меня. Можно себя представить, как меня оскорбило это открытие! Къ несчастью, было уже поздно, мы были обвинены и онъ уже называлъ меня своей мордашкой... Мордашка! Слышать не могу равнодушно этой клички! А онъ нарочно, чтобъ меня дразнить... Ну вотъ, когда письмо было написано, я стала думать о томъ, какъ-бы сдѣлать, чтобъ мой мужъ его прочелъ. Думала-думала и придумала наконецъ—перенутать адреса. Остроумно, не правда-ли? И ужъ обличить меня въ плутовствѣ никакъ нельзя: мало ли какой можно сдѣлать промахъ, когда находишься въ волненіи! А мнѣ было отъ чего волноваться... (Оборачивается къ Машѣ, которая входитъ съ письмомъ въ рукахъ). А! вотъ и письмо! Давай скорѣе!

Явленіе IV.

Юлія и Маша.

Маша. Это послынный припесъ. Отъ господина Балавина, ждетъ отвѣта.

Юлія (съ досадою). Отъ Балавина? Скажи, что отвѣта не будетъ.

Маша. Да вы прочитайте прежде, можетъ нужно что-нибудь. Они вчера два раза забъжали.

Юлія (разрываетъ конвертъ). Чтѣ тутъ читать! Я и такъ знаю. Желаетъ меня видѣть вѣрно... (Читаетъ). Такъ и есть! и въ какихъ отчаянныхъ выраженіяхъ! (Читаетъ съ улыбкой). Сумасшедшій! Какъ онъ влюбленъ! (Складываетъ письмо). А все-таки я не могу его видѣть сегодня... Скажи что меня дома нѣтъ...

Маша. А если спросить: когда вы вернетесь?

Юлія. Скажи, что я на цѣлый день уѣхала... въ Царское Село или Гатчино... ну, выдумай что-нибудь... Не могу я его припятъ пока не получу письма изъ Москвы... Да ступай-же, чтѣ ты стоишь? (Маша поворачивается къ двери и сталкивается съ Балавинымъ).

Явленіе V.

Тѣ-же и Балавинъ.

Маша. Вотъ они сами-съ. (Уходитъ).

Юлія. Дмитрій Ивановичъ, вы таки ворвались?

Балавинъ (бросаетъ шляпу на стулъ. Страстно). Борвался! Да, ворвался! Я васъ трети сутки не вижу... Ну можно-ли такъ мучить человѣка, какъ вы меня мучаете? Вчера я два раза къ вамъ забъжалъ.

Юлія. Я и сегодня не могу васъ принять, уходите пожалуйста.

Балавинъ. Да скажитесь-же надо мною, скажитесь! Дайте мнѣ одну минуту! только одну минуту!

Юлія (идетъ къ двери). Если вы не уйдете, я сама уйду.

Балавинъ (съ отчаяніемъ). Такъ вы не хотите меня выслушать? Значитъ все кончено? (Молчаніе; а затѣмъ мрачно). Ну хорошо, я теперь знаю, чтѣ мнѣ остается дѣлать. (Отрываетъ). Прощайте, будьте счастливы! (Нахлобучиваетъ шляпу на голову и идетъ къ двери).

Юлія (въ испугъ). Дмитрій Ивановичъ! (Онъ останавливается). Куда вы?

Балавинъ (мрачно). Да вѣдь вы меня выгнали! (Стоитъ наступившись).

Юлія. Не дѣлайте глупостей, ради Бога! (Молчаніе). Я васъ не выгоняю, но мнѣ сегодня неудобно съ вами бесѣдовать. (Молчаніе). Приходите завтра. (Молчаніе). Развѣ вамъ не все равно?

Балавинъ (рѣшительно). Прощайте, Юлія Александровна.

Юлія (въ сторону). Ну, чтѣ мнѣ съ нимъ дѣлать? (Вслухъ). Развѣ у васъ ужъ такое сѣшное дѣло до меня?

Балавинъ. Я васъ люблю. (Снимаетъ шляпу).

Юлія. Ахъ, ты Боже мой! да я ужъ это знаю.

Балавинъ (постепенно воодушевляясь). Нѣтъ, вы не знаете! Вы не можете знать!

Я вамъ и сотой доли не высказалъ, чтѣ и къ вамъ чувствую... (Приближается къ ней и пытается взять ея руку). Слово такихъ нѣтъ на человѣческомъ языкѣ, слово такихъ нѣтъ!

Юлія (въ сторону, отстраняя его). Опять начинается фамиллярничать! (Вслухъ). Дмитрій Ивановичъ, я вамъ уже сказала, что не могу отвѣчать на ваше чувство.

Балавинъ (страстно). А я не могу жить безъ вашей любви.

Юлія. Вѣдь я замужемъ.

Балавинъ. Дайте мнѣ умереть въ такомъ случаѣ! (Хочетъ идти).

Юлія (въ сторону). Вотъ положеніе-то! (Вслухъ). Послушайте, вѣдь это просто безуміе съ вашей стороны! (Онъ быстро оборачивается и падаетъ передъ нею на колѣни).

Балавинъ. Юлія! жизнь моя!.. божесть!.. радость моя! Не отталкивай меня! (Прижимается губами къ ея рукамъ).

Юлія. Нѣтъ, я не могу этого позволить! Встаньте!

Балавинъ. Одинъ только поцѣлуй! Только одинъ! (Хочетъ ее обнять).

Юлія (твердо). Встаньте, Дмитрій Ивановичъ; я уйду если вы не встанете!

Балавинъ (поднимается). Не уходите! Ради Бога не уходите! Дайте мнѣ хоть издали вамъ любоваться.

Юлія (въ сторону). Вотъ такъ-то лучше! Этакъ я гораздо покойнѣе.

Балавинъ (страстно). Я только тогда и живу когда вижу тебя, когда слышу твой голосъ.

Юлія. Не говорите мнѣ тѣ, Дмитрій Ивановичъ, я не могу это позволить.

Балавинъ (не слушая ее). Я измучился эти два дня. Истерзался! Вы обѣщали мнѣ написать...

Юлія. Я вамъ написала...

Балавинъ. Написали? когда-же? Я не получилъ вашего письма.

Юлія. Я написала вамъ третьяго дня.

Балавинъ (озадаченъ). По почтѣ?

Юлія. Да, по почтѣ. Вы должны были получить это письмо въ тотъ-же день.

Балавинъ (растерянно). Я ничего не получилъ.

Юлія (со смѣхомъ). Быть не можетъ! Вы, вѣрно, забыли.

Балавинъ. Забылъ? Чтобы я забылъ, что получилъ отъ васъ письмо? Вы шутите, Юлія Александровна,—это жестоко съ вашей стороны.

Юлія (продолжаетъ смѣяться). Я не шучу; припомните хорошенько. (Въ сторону). Можетъ и въ самомъ дѣлѣ письмо затерялось. Хорошо, что я послала Жанъ заказнымъ. (Вслухъ). Вы ничего не получали, ни вчера, ни третьяго дня?

Балавинъ (въ недоумѣніи). Позвольте... вчера утромъ я получилъ вотъ это... (Вынимаетъ изъ кармана конвертъ).

Юлія (съ трудомъ удерживается отъ смѣха). Ну вотъ, это же и есть мое письмо. Конвертъ надписанъ моей рукой!

Балавинъ (Разглядывая надпись на конвертѣ). Вашей рукой? Это вы писали?

Юлія. Я. (Въ сторону). Вотъ потѣха-то!

Балавинъ (все болѣе и болѣе волнуясь). Но тутъ письма нѣтъ.

Юлія. Какъ нѣтъ? Что же въ этомъ конвертѣ?

Балавинъ. А вотъ что-съ (читаетъ): „За починку жилета 3 руб. 50 коп. За ниджачную пару 85 руб. За починку зимняго пальто, переборку собольихъ лапокъ и новый воротникъ 110 руб.“. И подписано: „портной Загвоздкинъ“. Вотъ что-съ. Это кто-то по ошибкѣ прислалъ. Никакого Загвоздкина я не знаю и пальто на собольихъ лапкахъ отъ роду не носилъ. Но вы говорите, что адресъ надписанъ вашей рукой, и я ужъ теперь ровно ничего не понимаю... ровно ничего.

Юлія. Я вѣрно перенутала письма.

Балавинъ. Какъ это перенутали письма?

Юлія. Очень просто. Счетъ вложила въ

конвертъ съ вашимъ адресомъ, а письмо къ вамъ...

Балавинъ (съ испугомъ). Кому послали вы мое письмо?

Юлія. Мужу. Это счетъ его портнаго.

Балавинъ. Вы послали вашему мужу письмо написанное мнѣ?

Юлія. Да, я ошиблась.

Балавинъ. Ошиблись! Да развѣ можно такъ ошибаться.

Юлія (въ сторону). Онъ, кажется, выговоръ мнѣ дѣлаетъ. (Вслухъ). Должно-быть можно.

Балавинъ (волнуясь). И васъ не пугаютъ послѣдствія вашей опрометчивости?

Юлія (въ сторону). Вотъ присталь-то! (Вслухъ). Оставьте меня въ покоѣ, пожалуйста.

Балавинъ (волнуясь). Изъ этой путаницы чортъ знаетъ что можетъ выйти!

Юлія. Это до васъ не касается.

Балавинъ. Какъ не касается? Да кого же это касается, если не меня?

Юлія. Мнѣ некогда, Дмитрій Ивановичъ, сегодня. Я вамъ уже сказала, что не могу долго бесѣдовать съ вами.

(Хочетъ идти къ двери, онъ ей заоразживается путь).

Балавинъ. Ну, нѣтъ-съ, я васъ не пущу...

Юлія. Не пустите? (Въ сторону). Вотъ нахаль-то!

Балавинъ. У меня родители есть, Юлія Александровна, я не какой-нибудь бездомный бродяга; у меня имѣнія въ Саратовской губерніи, и отлично иду по службѣ, меня скоро въ статскіе совѣтники произведутъ... (Хватаетъ ее за руку).

Юлія. Да мнѣ-то чтѣ до этого? Отстаньте вы отъ меня.

Балавинъ (не выпуская ея руки). У меня мать, бабунка, двѣ теткы...

Юлія (вырываетъ у него руку). Да хоть бы у васъ ихъ было десять!

Балавинъ. Моя жизнь имъ дорога... и если меня убьютъ...

Юлія. Убьютъ? кто же васъ хочетъ убить?

Балавинъ. Кто? вашъ мужъ конечно...

Юлія (въ сторону). Вотъ онъ чего боится! А я этого и не сообразила!

Балавинъ. Онъ можетъ потребовать у меня удовлетворенія... дуэль—это такая рискованная штука, никогда нельзя впередъ знать кто будетъ убить. (Ходитъ въ волнении по сценѣ).

Юлія. И это вы ужъ впередъ волнуетесь? (Хохочетъ).

Балавинъ. А вамъ смѣшно? Вы, какъ женщина, ничего въ этомъ не смыслите,

для васъ вопросы чести не существуютъ.

Юлія (запальчиво). Какъ это не существуютъ? Какъ вы смѣете мнѣ говорить такія дерзости?

Балавинъ (шагаетъ по сценѣ, не слушая ее). Вамъ бы только кокетничать, завлекать мужчинъ, да вѣтреничать...

Юлія. Да вы съ ума сошли!

Балавинъ. Извините-съ, я еще не дошелъ до того, чтобъ перенутывать адреса на письмахъ, посылать одному то, чтѣ назначено другому... (Останавливается передъ нею. Отрываетъ). Чтѣ вы мнѣ писали въ этомъ письмѣ?

Юлія (въ сторону). Такъ я и сказала! (Вслухъ, сухо). Не помню.

Балавинъ. Не помните? (Строго). Вы должны припомнить!

Юлія. Должна? Чтѣ за тонъ!

Балавинъ. Если вы выражались въ немъ слишкомъ страстно...

Юлія (внѣ себя). Страстно? Вы осмѣливаетесь думать, что я вамъ буду страстныя письма писать?

Балавинъ (обрадованный). Такъ значить вы мнѣ тамъ про свою любовь ничего не говорите?

Юлія. Про какую любовь? Да съ чего вы это взяли? Я васъ терпѣть не могу!

Балавинъ. Тѣмъ лучше.

Юлія. Вы мнѣ противны!

Балавинъ. Отлично! Стало-быть особен-

Поздравители. Рис. Энгель, грав. Бонгь.

На лазу. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Кившенко, грав. Ангереръ.

ных вѣжностей въ этомъ письмѣ пѣтъ?

Юлія (*зависая отъ письма*). Хуже, отвратительнѣе васъ никого нѣтъ на свѣтѣ! Я васъ видѣть не могу... оставьте меня... уйдите... и никогда, никогда не возвращайтесь! Слышите-ли вы — никогда!

Балавинъ. Такъ это было не любовное письмо? Ну и хорошо, значить беспокоиться нечего. (*Беретъ шляпу, натягиваетъ перчатки. Она стоитъ отвернувшись отъ него*).

Юлія (*прерывающимся отъ гнѣва гололомъ*). Мнѣ гадко вспомнить, что мы были знакомы... я бы желала, чтобъ васъ со всѣмъ на свѣтѣ не было...

Балавинъ (*въ сторону*). А все-таки мнѣ хотѣлось бы знать, что именно писала она мнѣ. (*Вслуш.*) Юлія Александровна, вы увѣрены въ томъ, что вы мнѣ никакихъ вѣжностей не писали?

Юлія (*гнѣвно выпрямляясь, указываетъ ему на дверь*). Если вы сію минуту не уйдете, я позову людей и велю васъ выгнать вон!

Балавинъ (*въ сторону*). Нѣтъ, должно быть не писала. (*Уходитъ*).

Явленіе VI.

Юлія одна.

Ушелъ наконецъ! (*Падаетъ въ изнеможеніи въ кресло*). Ну, выдержала сцену, нечего сказать! Вотъ ужъ не ожидала-то! Да со мной даже и мужъ никогда не позволяетъ себѣ такъ обращаться! (*Молчаніе*). И это послѣ того, какъ онъ грозился застрѣлиться отъ любви ко мнѣ! (*Молчаніе*). Неужели всѣ мужчины таковы? Черствые материалисты какъ Жап, для котораго идеальная любовь недоступна, или подлые трусы какъ этотъ Балавинъ? Бѣдныя мы женщины! бѣдныя! (*Задумывается*).

Явленіе VII.

Юлія и Маша.

Маша. Сударыня, письмо изъ Москвы.
Юлія. Письмо? (*Въ сторону*). Я и забыла совсѣмъ.

Маша. Заказное. Потому поздно и принесли.

Юлія. Давай сюда. (*Съ письмомъ въ рукахъ задумывается*). Иди себѣ, Маша, что ты тутъ стоишь.

Маша (*въ сторону*). Что жъ это она письмо-то не читаетъ? А вѣдь какъ ждала-то! Вотъ ужъ можно сказать, что семь пятницъ на недѣлѣ! Ужъ эти барыни! Дѣлать-то имъ нечего, вотъ и привередничаютъ. (*Уходитъ*).

Явленіе VIII.

Юлія одна.

(*Раздумчиво*). Да, мнѣ ужъ теперь все равно, что бы онъ мнѣ ни написалъ. Его гнѣвъ, ревность, отчаянье, все, что такъ еще недавно хотѣлось пробудить въ его душѣ, ко всему этому я теперь равнодушна. (*Молчаніе*). Во всемъ я разочаровалась: и въ жизни, и въ людяхъ. (*Вздыхаетъ*). Однако письмо-то надо все-таки прочесть. Онъ вѣрно требуетъ объясненій... (*Вдыхаетъ*). Заварила кашу, приходится расхлебывать... Какъ-то я выпутаюсь? Надо половчѣе, чтобъ онъ не догадался, что это была только мистификація съ моей стороны... (*Развертываетъ письмо и читаетъ*). „Другъ мой, Юлія...“ Странное начало. Никогда не называлъ онъ меня своимъ другомъ, это въ первый разъ. (*Читаетъ съ возрастающимъ волненіемъ*). „Твое оплошность сдѣлала меня... счастливейшимъ изъ людей...“ (*Срывается съ мѣста*). Что это значитъ? Счастливейшій изъ людей!.. Да чѣмъ же онъ счастливъ? (*Читаетъ*)... „узнавши нечаянно твою тайну... я могу... смѣло сознаться въ томъ... что и я съ своей стороны... люблю... и тоже терзался сознаніемъ, что не могу любить... Сиѣшу тебѣ это сообщить... чтобъ успокоить и обрадовать такъ, какъ и ты меня обрадовала“... (*Голосъ ея обрывается*).

Молчаніе). Да что жъ это такое? Что жъ это такое? Онъ тоже въ кого-то влюбился... въ кого? когда? (*Читаетъ*)... „хороша и добра какъ ангель... созданы другъ для друга...“ (*Со слезами въ голосъ*). Созданы другъ для друга, прошу покорно! А я-то? я-то? Что же я буду дѣлать? (*Читаетъ*)... „ее тянетъ ко мнѣ какъ розу къ солнцу...“ Тянетъ! Ее тянетъ къ нему... очень мнѣ нужно это знать! Да какъ онъ смѣетъ! (*Захлебываясь отъ слезъ, читаетъ*)... „въ объятіяхъ ея...“ Ужъ до объятій дошло! (*Читаетъ*)... „И ты съ Балавинымъ...“ (*Гнѣвно комкаетъ письмо и бросаетъ его*). Не хочу читать дальше! (*Рыдаетъ*). И откуда взялась у него такая страсть, такая вѣжность?.. Можетъ, значитъ, любить! (*Рыдаетъ*)... И когда же я это узнала? Когда ужъ поздно... когда онъ ужъ потерялъ для меня, навсегда потерялъ! (*Плачетъ*).

Явленіе IX.

Юлія и Маша.

Маша (*вбѣгаетъ впопыхалъ и таинственно шепчетъ, приближаясь къ ней*). Сударыня, баринъ прѣехал!

Юлія (*срывается съ мѣста*). Баринъ? Маша. Ей-богу-съ! Позвонили, я пошла отворить, а они и стоятъ передо мною.

Юлія. Да гдѣ же онъ? Что жъ онъ сюда нейдетъ?

Маша. Дожидаются въ прихожей. Приказали узнать: можете-ли вы ихъ принять?

Юлія. Что такое? Могу-ли я его принять? Вотъ новости-то! (*Опомнившись*). Да что же я... Разумѣется, ему теперь нельзя ко мнѣ безъ доклада... Мы теперь чужіе... (*Вытираетъ платкомъ глаза*). Дай мнѣ воды, Маша. (*Маша идетъ къ столу съ графиномъ и наливаетъ воду въ стаканъ и подаетъ*). Ну да, мы теперь чужіе.

Маша. Они къ намъ точно въ гости прѣехали. Я спросила: чемоданъ изволили у швейцара оставить? Нѣтъ, говоритъ, вещи мои въ гостиницѣ.

Юлія. Онъ остановился въ гостиницѣ? Маша. Точно такъ-съ. Прикажете ихъ позвать?

Юлія. Нѣтъ, еще подожди, надо оправиться. (*Подходитъ къ зеркалу, оправляетъ прическу и платье. Молчаніе*). Маша!

Маша. Чего изволите?

Юлія. Онъ очень сердитъ? (*Въ сторону*). Только бы мнѣ не расплакаться! только бы не раслакалась!

Маша. Ни крошечки даже не сердиты, веселые такіе. Спросили про ваше здоровье и какъ мы тутъ безъ нихъ поживали. Я имъ сказала, что у насъ каждый день Дмитрій Ивановичъ бывалъ, они засмѣялись...

Юлія (*отрывисто*). Очень нужно было болтать!

Маша. Да я, сударыня, не знала.
Юлія. Я готова, проси сюда Ивана Николаевича. (*Маша уходитъ*).

Явленіе X.

Юлія одна, а потомъ Павловъ.

Юлія. Опъ веселъ... счастливъ... (*Сквозь слезы*). Ну, и я буду весела. Пусть думаетъ, что и я тоже счастлива... (*Прислушивается*). Это онъ... я узнаю его шагъ... Какъ сердце бьется! (*Садится на диванъ и старается принять непринужденную позу. Павловъ входитъ въ перчаткахъ, со шляпой въ рукѣ одѣтъ какъ для визитовъ*).

Павловъ (*протягивая ей руку, весело*). Здравствуйте, Юлія Александровна. (*Она въ смущеніи еле дотронувается до его руки, и отвертываясь въ сторону, опускаетъ глаза, чтобъ не встрѣтиться съ его взглядомъ*). Вы меня не ждали?

Юлія. Да... вѣдь вы хотѣли еще двѣ недѣли пробыть въ Москвѣ...

Павловъ. Правда, но такія вышли обстоятельства... Вы здоровы, я надѣюсь? (*Пристально и съ улыбкой смотритъ на нее*).

Юлія. Здорова. (*Отвертывается еще больше*).

Павловъ. Очень радъ. Я вамъ не мѣшаю?

Юлія. Нѣтъ. (*Въ сторону*). „Юлія Александровна“... „вы“... Ну, и я такъ же съ нимъ буду.

Павловъ. Въ такомъ случаѣ я посижу у васъ немножко, если позволите... (*Садится, держитъ шляпу на колымажѣ*).

Юлія (*исподлобья взглядывая на него, въ сторону*). Что-жъ онъ это? Все такъ и будетъ сидѣть, со шляпой въ рукахъ и въ перчаткахъ?

Павловъ. Я васъ долго не задержу, у меня пропастъ дѣлъ сегодня. (*Молчаніе*). Надо еще съ господиномъ Балавинымъ поглядѣться. Я ужъ у него былъ, но не засталъ дома. Вы не знаете, въ которомъ часу онъ возвращается со службы?

Юлія. Не знаю. (*Въ сторону*). Да опъ, кажется, воображаетъ... Я этого не хочу... не надо, чтобъ онъ это думалъ...

Павловъ. Вы что-то сказали?

Юлія. Я говорю... (*Въ сторону*). Ну, какъ мнѣ ему объяснить?.. (*Вслуш.*) Вы... оставились въ гостиницѣ? (*Въ сторону*). Что я надѣлала! Что я надѣлала! Онъ ужъ теперь мнѣ ни за что не повѣритъ!

Павловъ. Да, въ гостиницѣ. У Краснаго моста, тамъ очень хорошо. (*Молчаніе*). И столъ не дуренъ. Конечно, не то, что въ Москвѣ, но вѣдь я сюда на такое короткое время прѣехалъ... (*Молчаніе*). Вы получили мое письмо, Юлія Александровна?

Юлія. Получила. (*Мелькомъ взглядываетъ на него, въ сторону*). Какъ онъ счастливъ! Такъ и сияетъ!

Павловъ (*весело*). Намъ стало-быть объясниться нечего. (*Посматривая по сторонамъ*). Вы, значитъ, отлично устроились. Вы пашли себѣ человѣка по сердцу, я — тоже... Позвольте курить?

Юлія. Курите. (*Хочетъ позвонить*).

Павловъ. Не беспокойтесь, я знаю гдѣ спички. (*Идетъ къ камину. Она смотритъ ему вслѣдъ*).

Юлія (*въ сторону*). Какой онъ элегантный! Сейчасъ видно, что влюбленъ, туалетомъ своимъ сталъ заниматься. И бороду обстригъ короче, и волосы подвѣтилъ.

Павловъ (*не найдя спичекъ, забывается и сердито возвышаетъ голосъ*). Вѣчно у васъ безпорядокъ! Ни спельницы, ни спичекъ не найти. Какая вѣтренница эта Маша!..

Юлія (*съ живостью*). Это вовсе не ея дѣло, гостинику вашъ Василій убираетъ, а не она.

Павловъ. Вы и Василія избаловали такъ, что онъ ни къ чорту не годится. (*По-спешно идетъ къ двери нальво, но, схватившись, останавливается*). Извините пожалуйста, а совсѣмъ забылъ, что не имѣю больше права здѣсь распорядиться... по привычкѣ, чуть было къ вамъ въ будуаръ не забрался... извините.

Юлія. Спички на письменномъ столѣ. (*Онъ идетъ къ письменному столу, заваленному разбросанными въ безпорядкѣ листками бумаги*).

Павловъ (*въ сторону, отыскивая спички*). Бумаги-то, бумаги-то сколько навалено! Сейчасъ видно, что сочинительствомъ занимались. (*Возвращается къ преземному мѣсту и закуриваетъ папиросу*).

Юлія (*въ сторону*). Какъ онъ спокоенъ! Даже и не замѣчаетъ, что я плакала. (*Вздыхаетъ*).

Павловъ (*забывшись, бросается на диванъ рядомъ съ ней и хочетъ ее обнять, но, опомнившись, пересаживается на кресло*). Какая теперь прелесть въ Москвѣ, если бы вы знали! Тепло, сухо, просто не выѣхалъ бы оттуда. И ужъ зеленъ есть, фіалки цвѣтутъ. (*Куритъ, откинувшись на спинку кресла*).

Юлія (*раздумчиво*). Давно вы ее знаете? Павловъ. Да вѣдь я тамъ родился и выросъ.

Юлія (*съ досадой*). Я у васъ не про Москву спрашиваю.

Павловъ. А про что же?

Юлія (въ сторону). Отлично знаетъ и приторяется, чтобъ меня дразнить. (Вслухъ). Я у васъ спрашиваю про ту особу... которую вы любите.

Павловъ. А, вы вотъ про кого! Что же вамъ угодно про нее знать?..

Юлія. Давно вы съ нею знакомы?

Павловъ. Да съ тѣхъ поръ какъ и вы познакомились съ господиномъ Балавинымъ. Вѣдь онъ къ намъ, кажется, съ прошлаго года повадился?

Юлія. И вы... очень ее любите?

Павловъ (съ чувствомъ и глядя на нее). Очень.

Юлія (въ смущеніи отвертывается). Чтѣ же въ ней особеннаго?

Павловъ. Ничего особеннаго, но мнѣ она нравится.

Юлія. Однако, вы писали... что она красавица?

Павловъ. Въ моихъ глазахъ—да, красавица. (Смотритъ на нее съ улыбкой).

Юлія. И... очень умна?

Павловъ. И умна. (Помолчавъ). Да, она умна. (Прибавляетъ къ ней и въ забывчивости поправляетъ бантикъ на ея груди).

Юлія. Вы какъ будто не совѣмъ въ этомъ увѣрены?

Павловъ. Нѣтъ, я въ этомъ увѣренъ, по только...

Юлія (съ живостью). Чтѣ такое?

Павловъ (смѣется). Она часто глупости дѣлаетъ... Но я все-таки безъ ума ее люблю. (Поднимается).

Юлія. Вы ужъ уходите?

Павловъ. Пора. Я написалъ господину Балавину, что буду дома въ три часа. (Вынимаетъ часы). А теперь половина четвертаго. Онъ меня вѣрно ждетъ.

Юлія. Ну, и пусть его ждетъ. (Съ досадою отвертывается).

Павловъ. Нѣтъ, зачѣмъ-же. Вѣдь я собственно сюда только для того и пріѣхалъ, чтобъ съ нимъ повидаться.

Юлія. Только для этого?

Павловъ. Ну, да, чтобъ его обрадовать и успокоить. Воображаю, какъ онъ будетъ счастливъ узнать, что вы свободны... Я даже и присутствіемъ своимъ васъ сблизить не стану... Господинъ Балавинъ здѣсь служитъ, ему нельзя оставить Петербургъ, а мнѣ предлагаютъ мѣсто въ Москвѣ... Видите, какъ все отлично устроилось. (Молчаніе). Господинъ Балавинъ...

Юлія. Ахъ, перестаньте, ради Бога! Слышать не могу про него!

Павловъ. Но почему-же? Я не понимаю.

Юлія (прерывающимся отъ сдержанныхъ слезъ голосомъ). Вы ничего не понимаете... вы не можете понимать... Вы никогда, никогда меня не понимали...

Павловъ (пожимая плечами). Не имѣю на это претензіи. Чужая душа—потемки.

Юлія (въ сторону). Чужая!

Павловъ (прошелся по сценѣ). Да, Юлія

Александровна, это большое счастье, что мы расходимся съ вами такъ мирно... спокойно... (Остатковъ остается у стола съ журналами и перелистываетъ ихъ).

Юлія (въ сторону). Спокойно! Я никогда еще не была такъ взволнована, какъ теперь!

Павловъ. Безъ сожалѣнія, безъ упрековъ...

Юлія (въ сторону). Въ томъ-то и горе мое, что я не могу тебя упрекать!

Павловъ. Я не умѣю васъ дѣнить.

Юлія (порывисто). Разумѣется не умѣю! Совѣмъ, совѣмъ даже не умѣю меня дѣнить!

Павловъ (спокойно). А вы не умѣли меня понимать.

Юлія (горячась). А она, ваша возлюбленная... она васъ понимаетъ... дѣнить?

Павловъ. О, да! Столько же, сколько и васъ господинъ Балавинъ.

Юлія (иронически). Въ такомъ случаѣ, поздравляю васъ, поздравляю. (Злобно смѣется).

Павловъ. Его, признанія (съ наивомъ) поднимаютъ цѣлую бурю въ вашей душѣ...

Юлія (въ сторону). Это онъ изъ моего письма!

Павловъ. Вы жалѣете, что не встрѣтились съ нимъ раньше... Какъ это у васъ сказано? (Декламируетъ). «О! зачѣмъ не встрѣтила я васъ, когда была свободна!» Такъ кажется?

Юлія. Да перестаньте-же наконецъ!

Павловъ. А дальше. (Декламируетъ). «Я васъ люблю, къ чему лукавить? Но я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна.» Да нѣтъ, чтѣ же я! Это изъ «Евгенія Онѣгина», а не изъ вашего письма. У васъ это прозой сказано. Но точно такъ же возвышенно и прекрасно. Да и понятно, господинъ Балавинъ не могъ не вдохновить васъ своею любовью, вы для него лучезарная звѣзда...

Явленіе XI.

Тѣ-же и Балавинъ.

Вмѣстѣ { Юлія (въ сторону). Опять опять! Павловъ (въ сторону). Прилетѣлъ! И въ какомъ видѣ! (Отходитъ къ окну).

Юлія (запальчиво). Зачѣмъ вы пришли?

Балавинъ (взволнованно, не замечая Павлова). Я пришелъ васъ предупредить... (Понижаетъ таинственно голосъ). Вашъ мужъ здѣсь... онъ остановился въ гостиницѣ... я сейчасъ нашелъ у себя его карточку.

Юлія (запальчиво). Я вамъ запретила показываться мнѣ на глаза.

Павловъ (въ сторону). Точно съ цѣпи сорвался!

Балавинъ. Вы меня обманули, вы мнѣ сказали, что въ письмѣ вашемъ нѣтъ никакихъ нѣжностей... я успокоился... а теперь оказывается...

Юлія (внѣ себя). Да оставьте-ли вы меня въ покоѣ! Вотъ наказаніе-то!

Балавинъ. Да-съ, именно наказаніе. Наказаніе за вашу опротивѣность! То, чего я боялся, случилось: вашъ мужъ вызываетъ меня для объясненій...

Юлія. Уйдете-ли вы наконецъ?

Балавинъ. Вотъ посмотрите сами, если не вѣрите... (Вынимаетъ карточку и читаетъ). «Остановился въ гостиницѣ у Краснаго моста...» (Миняя тонъ на умоляющій). Ну, скажите же мнѣ, скажите откровенно, чтѣ было въ этомъ несчастномъ письмѣ?

Павловъ (въ сторону). Да опъ препотѣшный!

Юлія (внѣ себя). Я вамъ повторяю, что ненавижу васъ и презираю!

Павловъ (въ сторону). Ого!

Балавинъ. Это я ужъ слышалъ. А еще что? Припомните пожалуйста, все припомните!

Юлія. Вы... дуракъ и нахаль! (Падаютъ въ кресло и рыдаютъ).

Балавинъ (подбегаетъ къ ней). Правда? Вы говорите правду?

Павловъ (выступаетъ на авансцену). Правда, Дмитрій Ивановичъ, правда, будьте спокойны.

Балавинъ (въ сторону отступая въ изумленіи). Онъ былъ тутъ! (Вслухъ). Иванъ Николаевичъ... я... тутъ вышло недоразумѣніе... (Все дальнѣе отступаетъ къ двери).

Павловъ. Именно недоразумѣніе. Письмо это было вовсе не для васъ написано... (Оглядывается на Юлію, которая срывается съ мѣста и бѣжитъ къ нему).

Юлія. О, да! вовсе не для него! Оно было написано...

Павловъ (прибавляясь къ ней съ улыбкой, тихо). Для меня?

Балавинъ (въ сторону). Однако... это чортъ знаетъ чтѣ за положеніе! Они, кажется, смѣются надо мною... (Юлія прижимается къ мужу).

Юлія (нѣжно и тихо мужу). Да, для тебя!

Балавинъ (въ сторону). Я этого не потерплю!

Павловъ (жестъ, тихо). Чтѣбъ возбудить мою ревность?

Балавинъ (въ сторону). Нѣтъ, я этого не допущу... я... лучше уйду. (Уходитъ быстро).

Явленіе XII.

Юлія и Павловъ.

Павловъ (обнимая жену). Чтѣбъ заставить меня объясниться тебѣ въ любви?

Юлія. Да, да, только для этого! Только для этого.

Павловъ. Ну, и я тоже только для этого сочинилъ мой романъ. И какъ видишь, онъ мнѣ лучше удался, чѣмъ тебѣ—ты ему повѣрила.

Занавѣсъ.

Литературно-критическія мініатюры.

Поэмы Пушкина.

Поэтическія произведенія достигаютъ различными способами—различныхъ цѣлей. Если лирическія стихотворенія имѣютъ своею задачею передать читателю душевныя состоянія поэта, а чрезъ то и наиболѣе сильныя и характерныя душевныя состоянія его современниковъ, то «эпосъ», произведенія эпическія, напротивъ, стремятся изобразить жизнь въ ея общемъ теченіи, въ дѣйствіи, со всѣми ея подробностями. Отсюда само собою ясно, что лирическое произведеніе будетъ тѣмъ выше, чѣмъ оно ярче изобразитъ личную душевную жизнь поэта, т. е. чѣмъ оно «субъективнѣе», а произведеніе эпическое (поэма, романъ, повѣсть и пр.) будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ вѣрнѣе и независимѣе отъ настроенія автора оно отразитъ дѣйствительную жизнь, т. е. чѣмъ оно будетъ «объективнѣе». Когда поэтъ вамъ изображаетъ свое личное чувство и настроеніе, вы его, конечно, и ищете въ произведеніи; а когда поэтъ изображаетъ вамъ жизнь, для васъ важнѣе не то, какъ поэтъ смотритъ на нее, а какова она есть въ дѣйствительности; и чѣмъ проше и вѣрнѣе отразилась въ душѣ поэта и передана имъ дѣйствительность, тѣмъ и изображеніе ея поучительнѣе и важ-

нѣе для читателя. Въ наше время, впрочемъ, всѣ подобныя раздѣленія поэзіи на роды утратили въ значительной степени свою силу.

Но ко временамъ Пушкина вошелъ въ обычай, въ моду, если хотѣе, особый родъ эпоса, небольшія «поэмы», формы и содержаніе которыхъ были превосходно разработаны Байрономъ. И эти «поэмы» въ сущности совершенно отступили отъ цѣлей и обычнаго до того времени содержанія «эпическихъ» произведеній. Сжатая и сильная изображенія какого-нибудь факта—жизненнаго или возникшаго въ воображеніи поэта—въ такихъ поэмахъ принимали характеръ не простой передачи ихъ, а скорѣе изложенія чувствъ и мыслей автора по поводу ихъ. «Поэмы» въ сущности были распространеными лирическими произведеніями,—субъективность, личное настроеніе авторовъ, было въ нихъ совершенно необходимымъ свойствомъ, безъ котораго и само произведеніе не имѣло-бы значенія. Возьмемъ, напр., «Кавказскій плѣнникъ», Пушкина. Изображенія дѣйствительности, собственно, тутъ нѣтъ и быть не могло; голое описаніе того, что русскій попалъ въ плѣнъ къ горцамъ и освобожденъ

благодаря любви къ нему черкешенки, не представляло бы интереса; а слѣдовательно, главное содержаніе всей этой поэмы только и заключается въ горячемъ чувствѣ автора ея, вызванномъ этимъ столкновениемъ равнодушія и разочарованной пресыщенности образованнаго европейца съ непосредственнымъ, живымъ и сильнымъ чувствомъ дикарки, воспитаннаго на почвѣ естественной жизни среди природы.

Въ русской литературѣ Пушкинъ является, строго говоря, единственнымъ гениальнымъ представителемъ этого рода поэзіи; только у него „поэмы“ достигаютъ той силы и выразительности чувства, безъ которой „поэма“ перестаетъ быть значительной, и если можно назвать рядъ хорошихъ произведеній этого рода, созданныхъ русскими поэтами, то ихъ источникъ, первообразъ ихъ формъ и содержанія—въ непревзойденныхъ или поэмѣхъ Пушкина.

Какъ извѣстно, Пушкинымъ, въ теченіе его недолгой, но плодотворной жизни, написаны поэмы: „Русланъ и Людмила“ (въ 1817—20 г.), „Кавказскій плѣнникъ“ и „Братья-разбойники“ (1821), „Бахчисарайскій фонтанъ“ (1822), „Цыганы“ (1824), „Полтава“ (1828) и „Мѣдный всадникъ“ (1833). Это—списокъ только самыхъ крупныхъ и значительныхъ поэмъ; въ него не вошли шуточные, хотя и превосходные стихотворные рассказы „Графъ Нулинь“ и „Домикъ въ Коломнѣ“, да болѣе мелкія вещи, какъ „Галубъ“ и т. п., которыя по своему характеру могутъ быть отнесены къ „поэмамъ“. Посмотримъ теперь, что же сказали Пушкинъ каждою изъ этихъ своихъ поэмъ.

„Русланъ и Людмила“ написана Пушкинымъ еще въ пору его юности и крайней молодости его гениальнаго таланта. Обыкновенно произведенію этому и не придають особаго значенія; говорятъ, что это—прелестная вещь, но что-то въ родѣ „шалости“. Нѣтъ болѣе странной ошибки: „Русланъ и Людмила“, какъ бы содержаніе этой поэмы ни казалось несерьезнымъ, играетъ весьма большую роль и въ исторіи нашей литературы, и, такъ сказать, для нашего настоящаго момента. Какъ мы выше выясняли, „поэмы“ совсѣмъ не эпическія произведенія въ точномъ смыслѣ, а занимаютъ середину между произведеніями лирическими и эпическими. Вся разница между лирическими стихотвореніемъ и „поэмою“ Пушкинскою, въ отношеніи отраженія въ нихъ личности поэта, заключается въ томъ, что въ лирическихъ стихотвореніяхъ отражаются мимолегкія, переходящія, противоположныя другъ другу и смѣняющія другъ друга настроенія, а въ болѣе крупной по объему поэмѣ отражается настроеніе поэта болѣе общее, болѣе постоянное направленіе его ума и чувства. Но если мы будемъ искать въ „Русланѣ и Людмилѣ“ такого общаго настроенія, то тотчасъ найдемъ его: въ широкомъ и яркомъ теченіи, оно захватываетъ нашу душу невольно и *уноситъ* насъ, не давая сознать и ощущать этого. Дѣло въ томъ, что въ „Русланѣ и Людмилѣ“, конечно, не нужно искать ни какихъ-либо отвлеченныхъ идей, поучительныхъ мыслей, ни отраженія дѣйствительности,—ничего подобнаго. Но въ этой поэмѣ есть нѣчто болѣе важное, — въ ней „русскій духъ“, въ ней „Русью пахнетъ“, какъ сказалъ самъ Пушкинъ въ „прологѣ“, приписанномъ имъ къ поэмѣ позже, въ 1828 г. Дѣйствительно, нѣтъ въ русской литературѣ ничего болѣе „русскаго“, ничего такого, гдѣ бы болѣе „Русью пахло“, тою сказочною Русью, которая отражаетъ мечты народныхъ. И если простыя сказки, не смотря на то, что въ нихъ тоже нѣтъ ни дѣйствительности, ни прямо бросающихся въ глаза „идей“, мыслей, — такъ могущественно воспитательно дѣйствуютъ на душу, то такое же вліяніе обнаруживала и обнаруживаетъ понынь „Русланъ и Людмила“. Современники не даромъ встрѣтили появленіе поэмы съ такимъ восторгомъ; до нея „Русью не пахло“ въ русской литературѣ, и понынь читающее юношество учится въ поэмѣ тому неуловимому „родному русскому“ настроенію, которое въ мыслѣ и чувствѣ вноситъ свой живой и дѣятельный элементъ. И позже Пушкина никто не возвышался до подобной поэмы. Конечно, подобное произведеніе было дѣломъ въ то время слишкомъ новымъ и необыкновеннымъ, и неудивительно найти въ немъ слѣды вліяній европейскихъ (напр. Аріоста).

Въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“ и въ „Цыганахъ“ мы находимъ настроеніе, навѣянное Байрономъ. Англійскій поэтъ, разочарованный въ силѣ своей родной цивилизаціи, естественно отражалъ это настроеніе въ своихъ произведеніяхъ съ тою искренностью и увлеченіемъ, которыя увлекли за нимъ

много поэтическихъ силъ Европы. Въ Россіи собственно и не было ни того просвѣщенія, которое зналъ въ своей странѣ Байронъ, ни тѣхъ золь, которыя вызвали его горькіе и страстные протесты; но за то все наше образованіе тогда шло такимъ образомъ, что не способствовало знанію русской дѣйствительности, а напротивъ сближало съ душевною жизнью чуждыхъ народовъ. Въ обществѣ появлялись даже и разочарованные,—не окружающую ихъ картиною русской жизни, которой они не знали, а такъ-сказать безпредметно, по примѣру европейцевъ. Естественно, что великій русскій поэтъ, подъ вліяніемъ Байрона, отразилъ это свое и общее настроеніе въ своихъ названныхъ поэмѣхъ. Но русское чувство, чувство „русскаго духа“, съ такой силой выразившееся въ „Русланѣ и Людмилѣ“, спасало Пушкина отъ простой подражательности въ изображеніи характеровъ разочарованныхъ героев: и Кавказскій плѣнникъ, и Алеко въ „Цыганахъ“—не французы, не англичане, не вѣмлы, а русскіе люди, отражающіе не западно-европейское разочарованіе, а просто скорбѣ раздумье передъ тѣмъ, нѣтъ ли въ приходившей на нашу родину образованности европейской такихъ свойствъ, которыя уступаютъ въ нравственности и правдѣ самымъ примитивнымъ явкамъ простой, естественной жизни какихъ-нибудь черкесовъ или цыганъ. Въ молодомъ обществѣ, каково русское, еще начинавшемъ дѣло своего образованія, только такое раздумье и могло возникнуть подъ вліяніемъ Байрона и европейскихъ разочарованій вообще.

Но рядомъ съ этими навѣянными содержаніями, Пушкинъ началъ создавать и другія, которыя показывали здоровый ростъ мысли въ направленіи живомъ, ничего общаго съ разочарованностью не имѣвшемъ. Въ одномъ году съ „Кавказскимъ плѣнникомъ“ Пушкинъ написалъ „Братья-разбойники“, а въ слѣдующемъ—„Бахчисарайскій фонтанъ“, въ которыхъ преобладаютъ простыя человѣчныя мысли. Въ „Братьяхъ-разбойникахъ“ Пушкинъ съ удивительною силой таланта показалъ намъ душу разбойника въ ея сущности, а не въ звѣрскихъ проявленіяхъ; показалъ, что и въ ней „дремлетъ совѣсть“, которая „проснется въ черный день“. И опять Пушкинъ въ этой области простой человѣчной мысли почти не имѣетъ предшественниковъ, имѣя столько послѣдователей. Въ „Бахчисарайскомъ фонтанѣ“—въ другой формѣ, но гуманная же мысль, вызываемая трагическими событиями, созданными страстями человѣческими.

И что всего поразительнѣе въ Пушкинѣ, что показываетъ всю необычайную великость его гения,—въ этихъ разнообразныхъ темахъ, которыя онъ избираетъ, онъ остается всюду свободенъ и простъ. Берется онъ описать бытъ кавказскаго горца—и передъ читателемъ развертывается прелестная, исполненная жизни картина, если и не полная (не могъ же Пушкинъ знать подробно бытъ черкесовъ!), то рѣшительно замечательная духомъ именно кавказской жизни, носящая ея характеръ и ничей другой. Восточный-ли гаремъ передъ нами съ его повелителями—и передъ вами *та* жизнь, не русская, и не иная, а именно жизнь гарема, опять не полная, но съ ея особенностями. Цыганы-ли передъ вами—и ихъ именно духъ и характеръ возникаютъ передъ вашими умственными очами.

„Полтава“ и „Мѣдный всадникъ“ показываютъ намъ Пушкина, въ пору зрѣлости его ума и таланта, проникнутымъ думами о родицѣ, о будущности и прошломъ нашего отечества. Мы видимъ воочию величавый гениальный преобразователь нашей жизни, Великаго Петра, въ великомъ созданіи Пушкина—„Полтава“. Подвигъ великаго царя, конечно, былъ и не могъ не быть связанъ со страшными жертвами, которыхъ онъ требовалъ во имя будущаго. Во времена Пушкина уже являлось осужденіе великаго преобразователя якобы за страданія народа, которыя сопровождалась приобрѣтенія моря и благъ цивилизаціи, образованности европейской. И вотъ, въ „Мѣдномъ всадникѣ“ этотъ протестъ противъ Петра, по поводу бѣдствія, въ которомъ онъ играетъ роль косвенно виновнаго, — представляется безумнымъ заблужденіемъ; оно наказывается страшною иллюзіей — страхами передъ скачущимъ мѣднымъ великаномъ, памятникомъ Петра...

Въ поэмѣхъ Пушкина мы видимъ послѣдовательный ростъ его идей, постепенный переходъ отъ западно-европейскихъ вліяній къ своему, русскому. Тотъ „русскій духъ“, который казался въ поэмѣ вначалѣ, въ „Русланѣ и Людмилѣ“, получилъ полное преобладаніе и въ концѣ его поэтической дѣятельности.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

Церковь гетмана Мазепы въ селѣ Ивановскомъ (Курской губ.). (Рис. на стр. 985).

Едва-ли найдется еще одинъ дѣятель новѣйшей исторіи, съ именемъ котораго было-бы связано столько легендъ, какъ съ преданнымъ церковному проклятію именемъ измѣнника Мазепы. Насколько легендарно самое появленіе его на Украинѣ, куда онъ будто бы занесенъ былъ вагой и привязанный на синій дикой лошади, въ наказаніе за измѣну и оскорбленіе чести какого-то вельможнаго польскаго пана, при дворѣ короля Іоанна-Казимира, у котораго онъ служилъ наемъ по

окончаніи своего воспитанія іезуитами въ Варшавѣ, — настолько же легендарна и смерть его: по однимъ преданіямъ, онъ умеръ въ Бендерахъ отъ яда, который принялъ, узнавъ, что Петръ I, послѣ бѣгства Мазепы изъ-подъ Полтавы въ Турцію, требуетъ его выдачи у султана; по другимъ преданіямъ, онъ нѣсколько лѣтъ спустя пришелъ подъ чужимъ именемъ въ Киевскую явру и долго прожилъ тамъ въ иночествѣ и подвигахъ покаянія, открывъ свое имя лишь духовнику предъ смертью. За-то несомнѣнно извѣстно, что родился онъ въ селѣ Мазеницахъ, Киевской губерніи, близъ Бѣлой Церкви, въ семьѣ издавна жившей въ Малороссіи. Путемъ различныхъ происковъ

Аннам-Тонкинскій павильонъ на Парижской всемирной выставкѣ 1889. Фотохемиграфія Яблонскаго въ СПб.

Перекатный мостъ Бона и Люстремона во „дворцѣ машинъ“ на Парижской всемирной выставкѣ. Фотохемиграфія Яблонскаго въ СПб.

и доносил, между прочим на благодѣтеля своего, г-на Самойловича, у котораго онъ былъ учителемъ дѣтей, Мазепу достигъ высокаго положенія и въ 1687 году былъ съдѣланъ гетманомъ Малороссіи. Осмысленный милостями Петра за Азовскіе походы, гетманъ былъ страшно богатъ. Въ числѣ прочихъ владѣній, ему принадлежало и село Ивановское, Курской губ., Львовскаго уѣзда, впоследствии, послѣ измѣны гетмана, пожалованное Меньшикову за взятіе Батурина, а въ послѣдніе годы находившееся во владѣніи кн. А. И. Барятинскаго. Построеніе церкви въ этомъ селѣ, изображенной на нашемъ рисункѣ, приписывается Мазепѣ.

Шахъ-Джеганъ на пути изъ великой мечети въ Дели. (Рис. на стр. 988).

Дели — главный городъ цѣлаго округа въ 264 квадратныя мили поверхности, съ почти двухмилліоннымъ населеніемъ — лежитъ въ индійской провинціи Пенджабъ. Нѣкогда величайшій городъ Индіи, Дели еще къ концу XVII вѣка превосходилъ величиною и числомъ жителей — Лондонъ, теперь же сильно опустѣлъ и опустился, но все еще является однимъ изъ самыхъ значительныхъ индійскихъ городовъ и, вслѣдствіе своихъ замѣчательныхъ развалинъ, носитъ названіе „азиатскаго Рима“. Нынѣшній Дели, основанный шахомъ Джеганомъ, насчитываетъ 173,000 жителей, изъ которыхъ больше половины индусовъ, а остальную часть составляютъ магометане. Онъ расположенъ на правомъ берегу Джамны, нѣсколько выше стараго Дели или Индрапраста. Шахъ Джеганъ, основатель новаго Дели, царствовалъ съ 1628 по 1658 годъ. Изъ многихъ замѣчательныхъ сооружений шаха въ Дели, особеннаго вниманія достойны дворецъ великаго могола и великая мечеть. Нашъ рисунокъ изображаетъ видъ славнаго владыки изъ этого великолѣпнаго зданія. Великая мечеть или мечеть Джамны — лучшая изъ 40 мечетей Дели. Она возвышается на четырехугольномъ фундаментѣ, вышиною болѣе 13 аршинъ, шириною и длиною болѣе 65 сажень, построенномъ изъ краснаго песчаника. Сама мечеть сооружена изъ того-же камня и бѣлаго мрамора.

Къ главному входу ведетъ широкая и великолѣпная лѣстница, по обѣимъ сторонамъ которой расположены 5 другихъ входовъ. Крышу мечети составляютъ 3 мраморныхъ купола, бѣлыхъ съ черными полосами. На каждомъ углу возвышается по минарету въ 21 сажень высоты.

Изображеніе этого чудеснаго зданія, при живописной обстановкѣ позади шаха Джегана, и послужило содержаніемъ для прекрасной картины американскаго художника Э. Л. Вика. Вискъ родился въ 1849 году въ Бостонѣ, и, подобно многимъ изъ своихъ соотечественниковъ, обучался живописи въ Парижѣ, подъ руководствомъ Жерома и Бонна. Пронувеществовавъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по Востоку, онъ черпаетъ изъ этого неизсякаемаго источника, всегда интереснаго для европейцевъ, темы для произведеній своей талантливой кисти.

У парома. (Рис. на стр. 989).

Обычная сцена по тѣмъ русскимъ трактамъ, которыхъ не коснулись еще желѣзныя дороги. На берегу рѣки, у большаго, повидимому торговаго села, остановилась тройка съ проѣзжающимъ по казенной надобности офицеромъ, дожидаясь переправы. Одинъ изъ паромщиковъ подаетъ голосъ на другой берегъ, гдѣ замѣшканы паромъ.

Этюдъ. (Рис. на стр. 993).

Заграницей встрѣчается не мало талантливыхъ художниковъ извѣстныхъ какъ искусные рисовальщики красивыхъ женскихъ головокъ. Но среди русскихъ живописцевъ, кромѣ К. Е. Маковского и Харламова, едва-ли кого можно поставить въ этомъ родѣ живописи рядомъ съ Чумаковымъ, произведенія котораго уже не разъ появлялись на страницахъ *Нивы*. Каждый его рисунокъ или этюдъ какъ-будто служитъ иллюстраціей къ тому или другому образу, воспомѣтанію поэта или описанному писателемъ. Такъ и помѣщенный на стр. 993 этюдъ Чумакова прекрасно передаетъ кистью стихи Лермонтова:

Какъ лучъ зари, какъ розы Лея
Прекрасенъ цвѣтъ ея ланитъ;
Какъ у Мадонны Рафаэля,
Ея молчанье говорить.
Съ людьми горда, судьбѣ покорна,
Не окровавена, не притворна,
Нарочно, мнилось, она
Была для счастья создана...

Поздравители. (Рис. на стр. 996).

Художникъ Джонъ Фредъ Энгель, по происхожденію нѣмецъ, съ дѣтства переселившійся въ Сѣверную Америку, извѣстенъ какъ даровитый изобразитель сценъ изъ охотничьей или рыбацкой жизни. Нѣкоторая мягкость и гладкость его кисти несомнѣнно шла къ суровымъ фигурамъ рыбаковъ и крестьянъ; зато она оказалась какъ нельзя болѣе умѣстной въ его картинахъ, помѣщенной на стр. 996. На ней изображены двое

дѣтей, изъ богатой и знатной семьи, начала нынѣшняго вѣка, собирающихся войти по круглымъ ступенямъ увеселительнаго замка въ стилѣ рококо, чтобы принести владѣльщицѣ его поздравленіе. Какъ мила маленькая дѣвочка, въ длинномъ шелковомъ платьѣ съ широкимъ шарфомъ, съ букетомъ въ рукѣ, бодрящая въ виду предстоящаго принесенія пожеланій и вся сосредоточенная на тѣхъ словахъ, какимъ ее научили! Братъ ея болѣе спокоенъ и увѣренъ. Съ легкимъ покровительствомъ онъ старается ободрить свою трусливую сестричку.

На лазу. (Рис. на стр. 997).

Лазомъ у псовыхъ охотниковъ называется то мѣсто, по которому всего вѣроятнѣе побѣжить изъ лѣсу звѣрь, выгнанный оттуда гончими. Такихъ лазовъ бываетъ нѣсколько — это продолженные звѣремъ тропы, по которымъ онъ ходитъ кормиться, на водопой и т. п. Гонимый гончими, звѣрь всегда выбираетъ одну изъ привычныхъ ему дорогъ, почему такъ-называемые лазы и занимаютъ охотниками въ самомъ началѣ охоты, какъ только гончія пушены въ островъ (отдѣльно стоящій лѣсъ). Рисунокъ г. Кившенко изображаетъ такого охотника, насторожившагося въ ожиданіи звѣря и готоваго спустить борзыхъ.

Аннамъ-Тонкинскій павильонъ Парижской выставки 1889 г. (Рис. на стр. 1001).

Ничего не можетъ быть живописнѣе этого павильона, облицованнаго разноцвѣтнымъ фаянсомъ, съ громадными полукруглыми окнами, черепичными крышами, приподнятыми по угламъ на китайскій ладъ, и громадными дверями изъ рѣзнаго дерева. Центръ четырехугольнаго павильона занимаетъ дворъ, на которомъ высится колоссальная статуя Будды въ двѣ сажени вышины, отлитая въ Ганой (Китай) въ половинѣ XVII в. Одна изъ дверей, какъ-бы охраняемая двумя громадными каменными драконами, ведетъ въ Тонкинскій отдѣлъ, коюго стѣны и потолокъ покрыты драгоценными тканями и коврами или расшитыми причудливымъ узоромъ шелковыми матеріями; въ воздухѣ качаются огромные китайскіе фонари, испещренные надписями. По лѣвую сторону выставлена мебель съ инкрустацией изъ слоновой кости. Далѣе — бронза. Посрединѣ залы — *жертвенникъ предковъ* богатаго семейства. По правую сторону — *курильня опиума* со всею обстановкой. Далѣе лакированные издѣлія; образчики различныхъ сортовъ дерева и хлопка.

Въ задней галерей — рѣзное дерево, цѣлые трофеи различнаго тонкинскаго оружія, паланкины и т. п.

Въ послѣдней галерей особенное вниманіе обращаетъ на себя коллекція туземныхъ судовъ — джонокъ, сампановъ и проч.

Перекатный мостъ во „дворцѣ машинъ“ на Парижской выставкѣ 1889 г. (Рис. на стр. 1001).

Публика Парижской выставки съ удовольствіемъ переносится изъ конца въ конецъ „дворца машинъ“ на перекатныхъ мостахъ, приводимыхъ въ движеніе электричествомъ. И въ самомъ дѣлѣ, далеко не все равно: нѣшкомъ или въ этомъ оригинальномъ экипажѣ совершить прогулку по колоссальной галерей въ 200 сажень, на протяженіи коихъ разставлены всѣ чудеса механики. Кромѣ того, образованная часть публики испытываетъ особенное удовольствіе при мысли о томъ, что движущую силу въ этомъ воздушномъ путешествіи является электричество, передача энергіи коюго на дальнее растояніе — эта недавно еще задача будущаго — нынѣ разрѣшена въ обширныхъ размѣрахъ.

Подвижные мосты играютъ большую роль на нынѣшнихъ машиностроительныхъ заводахъ. Для удовлетворенія постоянно возрастающихъ потребностей промышленности, инженеры все увеличиваютъ размѣры различныхъ машинъ и ихъ частей, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же пропорціи расширяются и размѣры мастерскихъ, въ которыхъ онѣ вырабатываются, и какое-нибудь громадное колесо, начиная съ его отливки и кончая полировкой, должно совершить цѣлое путешествіе по мастерской, переходя въ процессѣ выработки отъ одной машины — строгающей его, къ другой — сверлящей, третьей — выравнивающей втулку, и т. д. Первая забота машиностроителя при этомъ заключается въ томъ, чтобы обрабатываемая часть, подвигаясь съ одного конца мастерской на другой, не возвращалась на пути своемъ обратно, во избѣжаніе потери времени и силы, а также пересѣченія пути другимъ частямъ за нею слѣдующимъ. При передвиженіи частей незначительной величины и малаго вѣса, легко переносимыхъ съ мѣста на мѣсто, установить такой порядокъ легко; при крупныхъ и тяжеловѣсныхъ частяхъ для передвиженія ихъ требуются различныя механическія приспособленія, какъ-то: рельсы, подъемные краны, перекатные мосты и т. п.

Устройство и размѣры перекатныхъ мостовъ весьма различны. Небольшіе могутъ быть передвигаемы силой одного человѣка, для болѣе значительныхъ до сихъ поръ требовались паровыя машины, наконецъ на Парижской выставкѣ приянѣно для этой цѣли электричество. Самый мостъ можетъ быть установленъ на высокихъ устояхъ, которые двигаются по рельсамъ на полу мастерской; или занимая всю ширину поперекъ мастер-

ской, движется на колесах по продольным балкам; или наконец, как на Парижской выставкѣ, гдѣ для передачи движенія трансмиссионныя балки тянутся въ нѣсколько рядовъ вдоль галереи, эти балки могутъ служить и рельсами для моста.

Во „дворцѣ машинъ“ четыре ряда трансмиссионныхъ балокъ, поддерживаемыхъ, какъ видно на нашемъ рисункѣ, литыми металлическими колоннами (на рисункѣ видно только два ряда, на которыхъ и движется мостъ съ публикой). Г. Вигрѣ, завѣдующій механическою и электрическою службами на выставкѣ, возмѣля счастливую мысль воспользоваться этими балками для устройства на нихъ подвижныхъ мостовъ, которые первоначально должны были служить для передвиженія и установки различныхъ машинъ, доставляемыхъ на выставку экспонентами. Два моста, построенные одинъ г. Бономъ и Люстремономъ, а другой—Базаномъ, Межи и Экеверриа, имѣютъ не менѣе 8 сажень длины (между рельсами) и 2½ сажень ширины, представляя такимъ образомъ поверхность въ 20 квадратныхъ сажень. Естественнымъ образомъ, по установкѣ машинъ, явилась мысль воспользоваться этими мостами для того чтобы катать публику съ одного конца галереи на другой, на высотѣ четырехъ сажень надъ поломъ галереи, для болѣе удобнаго обзора ея сокровищъ.

На нашемъ рисункѣ видны 32 человека, совершающіе одновременно такую воздушную прогулку, между тѣмъ какъ другая толпа въ 27 человекъ дожидается своей очереди на платформѣ.

Князь-Владимірскій соборъ. (Рис. на стр. 1004).

Еще верстѣ за десять отъ Петербурга со стороны взморья, среди очертаній столицы, въ сѣверо-восточной ея части, рѣзко предъ глазами выдѣляется стройная бѣлая колокольня съ голубымъ куполомъ. Это колокольня Князь-Владимірскаго собора, одного изъ старинныхъ памятниковъ столицы, находящагося на Петербургской сторонѣ, на берегу малой Невы. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ соборъ, въ 1712 году, среди болотъ и лѣсовъ, была заложена, по повелѣнію Петра Великаго, мазанковая церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы, съ двумя придѣлами, во имя Св. Николая и Предтечи Господня Іоанна. Въ 1719 году церковь была освящена сподвижникомъ Петра I—Оеофаномъ Прокоповичемъ и наименована соборомъ. Великій основатель Петербурга любилъ посѣщать этотъ храмъ и перько самъ участвовалъ въ богослуженіи на клиросѣ.

Неблагопріятныя климатическія условія, частыя наводненія разрушительно дѣйствовали на непрочную мазанковую постройку, и церковь сравнительно быстро пришла въ ветхость. Необходимость храма въ этой мѣстности вынудила императрицу Анну Іоанновну заложить новый храмъ, который и былъ заложенъ въ 1740 г. около старой церкви.

Но смерть Анны Іоанновны и тяжелое правленіе Бирона помѣшали дальнѣйшей постройкѣ, и только въ царствованіе Елисаветы Петровны храмъ былъ доведенъ до куполовъ. Съ этого времени постройка опять осталась забытою до царствованія Екатерины II, которая, обративъ на нее вниманіе, поручила достроить соборъ, по чертежамъ архитектора Ринальди, полковнику Дьякову.

12 іюня 1772 г. старая церковь сгорѣла, отчасти повредивъ и новую, которая была вскорѣ исправлена и 1 октября 1789 г. освящена, но уже не въ честь Успенія Пресвятой Богородицы, а во имя Св. Равноапостольнаго Князя Владимира.

Соборъ снаружи представляетъ собою величественное зданіе, византийскаго архитектурнаго, въ Елисаветинскомъ стилѣ, и своими размѣрами, а также и легкостью архитектуры, превосходить подобныя ему постройки. Украшенный плтью главами, изъ которыхъ высота главной достигаетъ 21 саж., а колокольня 27 саж., храмъ вмѣщаетъ въ себѣ 3000 богомольцевъ. Свѣтлое, радостно-молитвенное настроеніе духа возбуждаетъ внутренность собора, устроенная въ стилѣ Возрожденія, а прекрасный резонансъ, во время служенія, дополняетъ это впечатлѣніе.

До 1873 года окружающая мѣстность представляла жалкій видъ, а частая прибыль воды, доходившая до стѣнъ собора, дала храму въ народѣ названіе „Николай мокраго“. Но въ 1873 году, стараніями покойнаго настоятеля-протоіерея Алексѣя Свѣтлова, окружающая мѣстность поднята, обращена въ прекрасный скверъ, а соборъ обнесенъ металлическою рѣшеткою.

Изъ древностей, находящихся въ соборѣ, между прочимъ замѣчательны: Евангеліе, напечатанное въ 1697 году, при царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, благословеніемъ послѣдняго патріарха Адриана; Евангеліе, напечатанное въ 1689 г., въ большой александрійскій листъ, въ серебряно-вызолоченныхъ доскахъ, жертвованіе императрицы Елисаветы Петровны.

Икона Иверскія Божія Матери, списанная съ чудотворной иконы, находящейся на Аѳонѣ.

Въ иконостасѣ находятся 2 иконы замѣчательной работы: Спасителя и Успенія Божіей Матери, въ серебряныхъ ризахъ, цѣною около 8 тысячъ рублей, пожертвованныхъ, какъ говорятъ, графиней Орловою-Чесменскою.

Люстра въ древнемъ византийскомъ стилѣ и проч.

22 сентября соборъ ежегодно празднуетъ день учрежденія

кавалерскаго ордена Св. Князя Владиміра, а въ прошломъ 1888 году въ немъ столица торжественно праздновала день 900-лѣтія крещенія Руси. 1 октября настоящаго года исполняется столѣтіе со дня освященія собора. А. Зыбинъ.

Шарль Леру. (Рис. на стр. 1005).

12 сентября телеграфъ принесъ изъ Ревели извѣстіе, что извѣстный воздухоплаватель Шарль Леру при благопріятной погодѣ поднялся на высоту до 5,000 футовъ, причемъ въ моментъ спуска сильный морской вѣтеръ, незамѣтный на мѣстѣ поднятія шара, погналъ шаръ и парашютъ въ море, Леру упалъ въ воду вмѣстѣ съ парашютомъ и утонулъ.

Въ половинѣ миувшаго лѣта Шарль Леру прибылъ въ Россію и въ различныхъ городахъ совершалъ свои отчаянные прыжки съ воздушнаго шара. Достигнувъ высоты нѣсколькихъ тысячъ футовъ, онъ сбрасывался внизъ держась за парашютъ, благодаря которому и опускался благополучно на землю.

Парашютъ, т. е. родъ зонта для задержки быстрого паденія (*parer à chute*) былъ изобрѣтенъ воздухоплавателямъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Изобрѣтеніе его относится къ 1784 году и первый публичный опытъ съ парашютомъ былъ произведенъ въ 1797 году Гарнереномъ (*Garnerin*). Но неудачное примѣненіе прибора и перьдко печальный исходъ паденія съ парашютомъ заставили, было, отказаться отъ него. Лишь изрѣдка отчаянныя попытки примѣнить парашютъ, въ томъ или другомъ видѣ, вызывали его изъ забвенія. Въ недавнее время цѣлый рядъ удачныхъ опытовъ паденія съ парашютомъ Т. С. Балдвина снова обратилъ на этотъ приборъ вниманіе воздухоплавателей. Опыты Балдвина были описаны въ № 50 *Нивы* за 1888 годъ. Кромѣ этого смѣльчака и другія лица начали публично показывать свои головоломные прыжки съ воздушнаго шара на землю при помощи парашюта. Въ ихъ числѣ былъ и Шарль Леру. Уроженецъ города Варгерберга въ сѣверо-американскомъ штатѣ Коннектикутъ, онъ еще въ 1887 году задумалъ спускаться подъ парашютомъ съ воздушнаго шара. Но его затѣя была встрѣчена вначалѣ съ недовѣріемъ, и фабрикантъ, къ которому онъ обратился съ заказомъ парашюта, припаялъ его за сумасшедшаго. Тѣмъ не менѣе ему удалось осуществить свою мечту, и до прибытія въ Россію онъ совершилъ болѣе 200 полетовъ.

Въ Россію Шарль Леру былъ приглашенъ г. Парализомъ, который и завѣдывалъ устройствомъ его полетовъ. Обѣхавъ много городовъ, онъ прибылъ въ Ревель, чтобы совершить 12 сентября свой 238-й полетъ. По словамъ очевидцевъ, погода была прекрасною. Когда шаръ, вмѣщающій до 14,000 кубич. футовъ, былъ наполненъ (около половины пятаго) 11,000 кубич. футовъ газа, было найдено возможнымъ приступить къ полету, и Леру въ отсутствіи громаднаго числа зрителей, сиди на траницѣ подъ шаромъ, слегка покачиваясь, быстро взлетѣлъ на воздухъ. Достигнувъ послѣ 2½ минутъ высоты около 5,000 футовъ (хотя по вычисленіямъ знающихъ людей разстояніе отъ земли не достигало и 2,000)—Леру, держась за веревки парашюта, сбросился внизъ и вскорѣ послѣ того парашютъ распустился. Вначалѣ онъ опускался вертикально, но затѣмъ его начало раскачивать и качанія эти настолько были сильны, что иногда Леру, вмѣстѣ съ парашютомъ, принималъ горизонтальное положеніе. Послѣ 5 минутъ онъ приблизился къ поверхности воды. Къ мѣсту его спуска направились лодки, но воздухоплаватель нигдѣ не было видно, хотя всѣмъ было извѣстно, что онъ былъ отличный пловецъ и предпочиталъ опускаться въ воду, какъ менѣе опасное паденіе. Въ это время прибылъ въ городъ купецъ Беръ, который сообщилъ ужасное извѣстіе, что Леру потонулъ. Находясь на берегу у Екатериненталя, онъ видѣлъ, что Леру, опускался въ разстояніи около версты отъ него, отъ сильнаго раскачанія ударился о воду съ такою силою что брызги взлетѣли сажени на 3—4 въ высоту, и затѣмъ болѣе не появился на поверхности моря. Всѣ поиски въ тотъ день были тщетными, и только 13 сентября нашли тѣло несчастнаго Леру на глубинѣ 2 сажень. На тѣлѣ не было замѣтно никакихъ особенныхъ поврежденій. Нѣсколько согнутыя ноги и приподнятыя руки придавали умершему видъ человека собирающагося прыгнуть съ парашюта. Вскрытіе тѣла показало, что Леру захлебнулся, а не умеръ отъ удара о воду, какъ это предполагали.

Свѣдѣнія о самомъ полетѣ указываютъ на большія упущенія, при отсутствіи которыхъ, быть-можетъ, полетъ не имѣлъ бы столь печальнаго исхода. Такъ, пробныхъ шаровъ для опредѣленія направленія спуска парашюта не было пушено ни одного. Затѣмъ г. Парализъ, зная, что Леру спустится въ море, не нанялъ для помощи ни одной шлюпки, а понадѣялся на стороннюю помощь. Оттого-то, шлюпки и пароходы, по словамъ г. Вера, прибыли на мѣсто катастрофы болѣе чѣмъ десять минутъ спусти послѣ паденія Леру въ воду. Узнавъ объ ужасной и преждевременной смерти Леру, г. Парализъ поторопился сдать имущество покойнаго и скрыться изъ Ревели. Но, по слухамъ, г. Парализъ все-таки будетъ привлеченъ къ суду за неурядице надлежащихъ мѣръ предосторожности при устройствѣ полета.

Политическое обозрѣніе.

Сербская королева Наталиа прибыла въ Бѣлградъ. Прїѣздъ ея совпалъ съ окончаніемъ выборовъ въ скупщину, которые повсемѣстно прошли при полномъ порядкѣ. Изъ Яссы августѣйшая родительница юнаго Сербскаго короля выѣхала 14 сентября при торжественной обстановкѣ. Королева прибыла изъ замка Стинки на вокзалъ желѣзной дороги въ экипажѣ,

пезомомъ четверкою лошадей. У подъѣзда вокзала королеву встрѣтилъ русскій консулъ въ парадномъ мундирѣ. Въ Бѣлградѣ она уѣхала въ сопровожденіи князя Георгія Гики. Къ принятію королевы Наталиа были замѣтны въ столицѣ Сербіи большія приготовления. Городъ украшался флагами, и *Народный Дневникъ* вышелъ въ день прїѣзда королевы съ ея портретомъ. Въ то же время правительство выражало надежду, что королева Наталиа, въ интересахъ Сербіи, своего сына и своихъ собственныхъ, приметъ предлагаемыя ей извѣстныя условія и тѣмъ устранить препятствія къ ея свиданію съ королемъ Александромъ теперь же. Требования же Милана относительно того, чтобы первое свиданіе было отложено до декабря, правительство не поддерживало. Но когда стало извѣстнымъ, что королева отвѣтила молчаніемъ на эти требованія, появилось правительственное сообщеніе о томъ, что при встрѣчѣ королевы король, регенты и министры будутъ отсутствовать и *Одеждъ* обнару-

довалъ весь ходъ переговоровъ правительства съ королевою. Въ газетѣ говорится, что правительство, предлагая условія, имѣло въ виду не обострить и безъ того уже натянутыхъ отношеній къ королевской семьѣ, которая могла бы вредно повліять на воспитаніе короля-отрока и пагубно отразиться на судьбахъ династіи и на будущности Сербіи. Въ тотъ же день, 17 сентября, королева Наталиа прибыла въ Бѣлградъ въ 4 часа пополудни и была восторженно привѣтствована несметною массою народа, который провожалъ ея величество до дома Вучевича, гдѣ для нея приготовлены апартаменты. Встрѣча королевы Наталиа имѣла чисто народный характеръ; officialный миръ совершенно отсутствовалъ. Берегъ и главныя улицы были переполнены массаи народа; такого огромнаго стеченія не запомнятъ и старожила. При появленіи королевы начался оваціи, принявшія колоссальныя размѣры. Дѣвочки осыпали

королеву цвѣтами и вѣнками; народъ оглашалъ воздухъ восторженными кликами „живіо!“. Экипажъ королевы слѣдовалъ шагомъ; дѣти цѣплялись за него со всѣхъ сторонъ. Толпы народа не расходились до позднего вечера, возглашая передъ занятымъ королевою помѣщеніемъ „ура“ и „живіо!“ Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ.

Князь-Владимірскій соборъ въ СПБ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

нарушая законныхъ правъ родителей короля, будетъ вполнѣ соответствовать интересамъ Сербіи и ея престола. По поводу прибытія королевы Наталиа въ Сербію *Journal de St.-Petersbourg* пишетъ: „Телеграммы изъ Бѣлграда, сообщая о возвращеніи королевы Наталиа, удостовѣряютъ фактъ восторженной встрѣчи, устроенной населеніемъ этой государствѣ, и въ то же время передаютъ, что по этому случаю никакихъ безпорядковъ не было. Поэтому можно надѣяться, что Сербія, только что совершившая при полномъ спокойствіи выборы въ скупщину, будетъ и впредь пользоваться полнымъ внутреннимъ миромъ и займется безъ всякихъ преградъ важными законодательными трудами, предстоящими ея вновь избраннымъ представителямъ.“

На Критѣ все еще неспокойно. Изъ Афинъ получаютъ постолично тревожныя извѣстія о смутномъ положеніи дѣлъ на

Тотчасъ по прибытіи королевы, русскій посланникъ и всѣ состояшіе при русской миссіи расписались у королевы, а министры оставили свои карточки. 18 сентября члены русской миссіи были приняты въ аудіенціи. Ея величество выразила горячую благодарность за гостепримство, оказанное ей Россіею. Юный король до сего времени не имѣлъ еще свиданія съ королевою - матерью. Это объясняется письмомъ Милана, который запретилъ сыну посѣщать родительницу или принимать ея визиты. Въ то же время Миланъ Обреновичъ, вмѣсто того чтобы явиться въ Бѣлградъ, чѣмъ онъ угрожалъ въ своихъ посланіяхъ, предпочелъ отправиться изъ Карлсбада въ Швейцарію на дополнительный курсъ лѣченія. Затѣмъ онъ намѣренъ ѣхать въ Парижъ.

Въ виду того, что королева не приняла условій свиданія съ сыномъ, правительство рѣшило сохранить status quo до собранія скупщины, которая созывается на 1 октября. Оно увѣрено, что рѣшеніе скупщины, не

островѣ. Особенно стали замѣтны выраженія неудовольствія по поводу чрезмѣрныхъ строгостей со стороны властей къ христіанамъ. По телеграммѣ *Агентства Гависа*, греческое правительство, дѣлавшее до сихъ поръ видъ, что не придаетъ значенія критическимъ событіямъ, теперь, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, какъ будто начинаетъ относиться съ большимъ интересомъ къ этимъ событіямъ. Эволюція эта, подчеркиваемая офиціозными газетами, имѣетъ цѣлью выиграть время и предупредить враждебныя императору Вильгельму манифестаціи, которому Греческій народъ ставитъ въ упрекъ его побѣду въ Константинополѣ и пристрастіе къ Турціи. Греческія газеты всѣхъ оттѣнковъ наполнены жалобами и разказами о приписываемыхъ туркамъ звѣрствахъ. Греческій повѣренный въ Канеѣ имѣлъ свиданіе съ Шакиръ-пашой и обратилъ его вниманіе на жестокость турокъ. Шакиръ-паша отозвался невѣдѣніемъ и обвинялъ произвести серьезное дознаніе.

Великое торжество мирнаго и плодотворнаго труда приближается къ окончанію, хотя всемірная парижская выставка не скоро еще будетъ закрыта. На-дняхъ во дворцѣ промышленности происходила раздача наградъ, присужденныхъ экспонентамъ на парижской выставкѣ. Собравшаяся многочисленная публика приветствовала президента республики радостными возгласами. Министръ Гираръ сообщилъ, что число экспонентовъ превышаетъ 60,000, и что испытательные комитеты присудили всего 33,139 наградъ, въ томъ числѣ 903 высшихъ наградъ (*grands prix*), 5,153 золотыхъ, 9,690 серебряныхъ и 9,323 бронзовыхъ медалей, а также 8,070 почетныхъ отзывовъ. Министръ, выражая свою благодарность всѣмъ экспонентамъ и надежду, что иностранные гости со-

во Франціи эру умиротворенія, и что гости Франціи, хорошо съ нею ознакомившіеся, унесутъ съ собою правильное о ней представленіе, что не останется безъ вліянія на отношенія народовъ между собою. По словамъ *Новаго Времени*, изъ общаго числа 625 русскихъ экспонентовъ, награды получили 602 экспонента; 17 получили награду первой степени, 119—золотыя медали, 162—серебряныя, 186—бронзовыя, 118—похвальные отзывы.

СМѢСЬ.

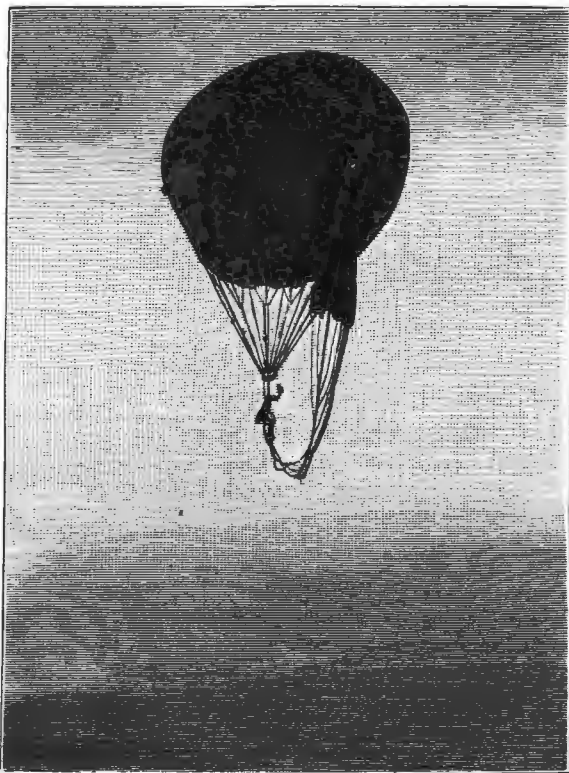
Крестница императора Александра I. Въ августѣ мѣсяцѣ въ Новочеркасскѣ скончалась въ весьма преклонныхъ лѣтахъ вдова полковника Екатерина Алексѣевна Полякова, урожденная Ягодина. Она была крестницей императора Александра Благословеннаго и фрейлиной двора, и вела знакомство едва-ли не со всѣми писателями тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Особенно близко она была знакома съ Пушкинымъ. Е. А. Полякова пользовалась репутаціей весьма образованной особы, рассказывавшей много интереснаго про старину. (в.)

Кіево-Софійскій соборъ въ настоящее время, по Высочайшему повелѣнію, сильно реставрируется. Реставрація эта имѣетъ цѣлью, уничтоживъ позднѣйшія пристройки и поправки, возстановить по возможности первоначальный, древній видъ храма. Такимъ образомъ будетъ возстановленъ древній видъ крышъ, причемъ откроются малые купола; задѣланныя или уменьшенныя окна въ куполахъ будутъ приведены тоже въ прежній видъ, отчего увеличится количество свѣта въ придѣлахъ. При производствѣ работъ открыты древнія фрески, современныя сооруженію храма, на средней вѣшней аркѣ сѣвернаго придѣла. Фрески изображаютъ кресты, одинъ въ кругу, и медальоны съ полными изображениями святыхъ. (в.)

До нѣкоторой степени чудо произошло не такъ давно у

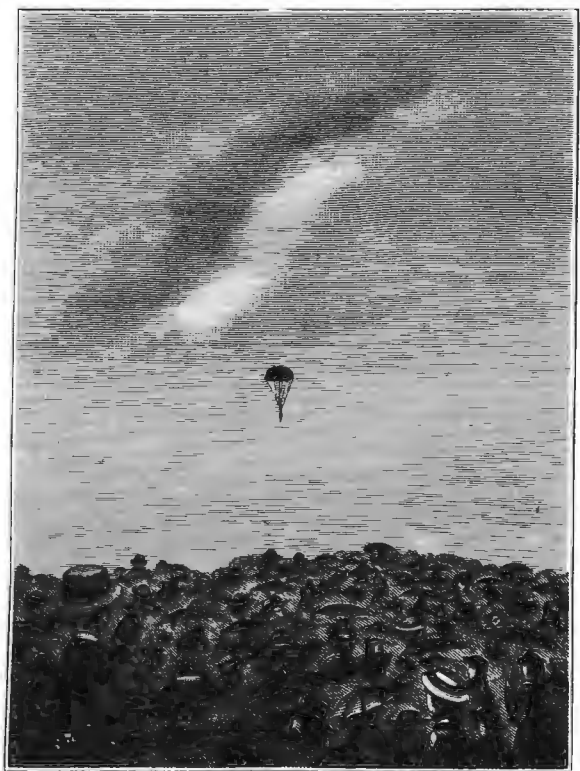

Шарль Лору, изобрѣтатель новаго парашюта. † 12 сентября 1889 года. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Последній полетъ Шарля Лору, 12 сентября 1889 (моментальная фотографія въ Ревелѣ). Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

хранять о Франціи пріятное воспоминаніе, заявилъ, что Франція желаетъ жить въ добромъ согласіи со всѣмъ міромъ, но ничѣмъ не жертвуетъ въ ущербъ своимъ интересамъ и своему достоинству. Президентъ Карно также поблагодарилъ экспонентовъ и высказалъ увѣренность, что выставка 1889 года откроетъ

Предсмертный спускъ на парашютѣ (моментальная фотографія въ Ревелѣ) 12 сентября 1889. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

одного изъ мировыхъ судей Казанской губерніи. Въ его камеру явился какой-то цеховой—глухо-нѣмой отъ рожденія. Въ коши съ рѣшенія мирового судьи, полученной этимъ цеховымъ, между прочимъ, значилось: „*Глухотѣмой* такой-то, явившись въ камеру, заявилъ слѣдующую *словесную жалобу*“. (в.)

Падение аэролита. В селении Мигиё, Ольвиопольскаго уезда, по доносению полицейской власти, не так давно упал аэролитъ. Вечеромъ, послѣ незначительнаго дождя съ грозой, въ воздухѣ послышался сильный шумъ съ грохотомъ, напоминающимъ отдаленные и утащенные выстрѣлы. Затѣмъ, въ виду нѣсколькихъ человѣкъ работавшихъ вблизи экономическихъ построекъ землевладѣльцевъ Скаржинскихъ, на баштанахъ за селомъ сталь быстро опускаться, окруженный яркимъ свѣтомъ, горящій предметъ, при паденіи котораго на землю послѣдовалъ трескъ, какъ бы выстрѣлъ изъ пушки. Дня черезъ три одинъ изъ хозяевъ баштана замѣтилъ, что нѣсколько подсолнечниковъ точно закончены. Вспомнивъ про бывшую грозу и падение горящаго предмета, оны стали всматриваться вокругъ и скоро нашель камень, обгорѣлый, почти обуглившійся, неправильной формы, вѣсомъ поллуда слишкомъ. Поверхность камня со всѣхъ сторонъ гладкая, самый камень легко поддается ножу; при долбленіи камня получается нѣчто въ родѣ черной глины, легко растирающейся между пальцами. Камень отдаетъ кислотою и сѣрой. (б.)

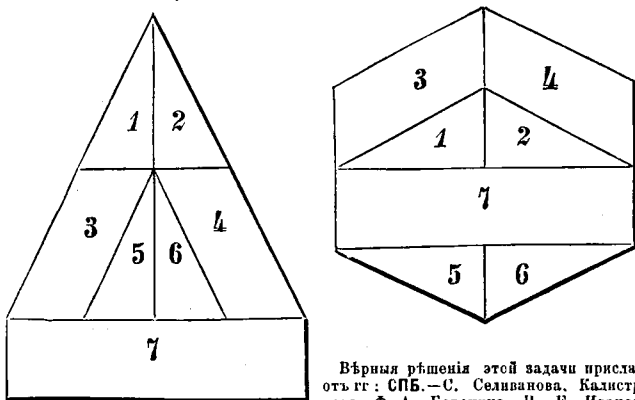
Абиссинскій маэстро. Этимъ именемъ въ шутку называли въ шестидесятыхъ годахъ одного отставнаго военнаго, Лазарева, котораго сочинилъ двѣ музыкальныя какофоніи „Сотвореніе міра“ и „Страшный судъ“ и придавалъ имъ чуть не міровое значеніе. Лазаревъ устроилъ концертъ въ залѣ С. П. Б. Дворянскаго собранія, передъ которымъ выпустилъ громадныя афиши (простыни, какъ ихъ тогда называли), и чудовищной величины, и чудовищнаго содержанія. На афишѣ были поставлены на первомъ планѣ симфонія, соч. Лазарева, и рядомъ съ нею одна изъ симфоній Бетховена. Причемъ было сказано, что концертантъ сдѣлалъ это для того, чтобы публика, прослушавъ оба произведенія, „во ушию“ могла убѣдиться, что симфонія Лазарева, если не выше, то нисколько не хуже симфоніи Бетховена. Извѣстный Даргомыжскій — разсказываетъ въ однихъ воспоминаніяхъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ*—былъ на генеральной репетиціи этого концерта и хототалъ до слезъ, разсказывая о ней. Соскучившись сидѣть и слушать ужасную ченуху Лазаревской композиціи, авторъ „Русалки“ сталь ходить взадъ и впередъ по залѣ, мимо эстрады. Случайно остановившись около фоготовъ, оны заглянулъ въ ноты музыкантовъ и увидѣлъ, что у нихъ ничего нѣтъ, все паузы, а они все-таки что-то играютъ. Даргомыжскій полюбопытствовалъ спросить у нихъ. „Да вѣдь надоѣло сидѣть сложа руки и слушать эту галиматью, отвѣчали ему, — вотъ мы и играемъ, что вздумается: все равно этимъ ничего не испортишь“. Даргомыжскій сталь прислушиваться: одинъ музыкантъ игралъ изъ *камаринской*, другой—изъ *краснаго сарафана*, или что-то въ этомъ родѣ, а Лазаревъ слушалъ, махалъ палочкой и ничего не замѣчалъ. Въ другой разъ Лазаревъ влетѣлъ неожиданно въ квартиру Даргомыжскаго, у котораго гости въ это время ужинали. Не поклонившись никому, даже хозяину, Лазаревъ сталь шагаты по комнатамъ въ волненіи и по временамъ восклицалъ: „Нѣтъ, вѣдь это ужасно!.. это невыносимо!.. Какой позоръ для насъ, русскихъ!..“ Наконецъ Даргомыжскій спросилъ абиссинскаго маэстро о причинѣ его волненія. Тотъ объяснилъ ему, что оны сейчасъ изъ итальянской оперы. Давали „Севильскаго цирюльника“ и „Представте себя, воскликнула Лазаревъ,—эта жалкая пѣвица Нантгедиде въ сценѣ урока пѣнія осмѣлилась пѣть... какой-то гнилой, завалищій романсъ „Люби меня“. Вѣдь это дерзость, нахальство, полное неуваженіе къ такому гению, какъ Россини!“ — „Ну, а что-же публика?“ хладнокровно спросилъ Даргомыжскій. Лазаревъ отвѣтилъ, что публика въ восторгѣ, аплодировала, кричала „bis“. При этомъ Лазаревъ неистово бранилъ публику. Даргомыжскій, не моргнувъ глазомъ, посоветовалъ Лазареву написать объ этомъ Россини. „Я такъ и сдѣлаю, прервалъ Даргомыжскаго Лазаревъ,—завтра-же напишу къ нему, что вотъ, саго amico, какъ тебя понимаютъ и

дѣлать въ Россіи!“ И съ послѣднимъ словомъ абиссинскій маэстро какъ бомба вылетѣлъ изъ комнаты—и былъ таковъ. Позднѣе этотъ композиторъ бросилъ музыку, и устроилъ хромолитографію. Оны печатали олеографіи, духовнаго содержанія, наклеивали ихъ на холстъ и выдавалъ за образа, писанные будто-бы новымъ способомъ масляными красками. Исторія съ этими иконами вызвала такой-же скандалъ, какъ и знаменитый концертъ Лазарева, когда въ маэстро бросали съ хоръ подушками, а изъ кресель свистали, шикали и проч. (в.)

Изобрѣтательность волжскихъ капитановъ. Стояла на Казанской пристани два парохода, отходящіе въ Свияжскъ. На одномъ масса пассажировъ, на другомъ—2 или 3 человѣка, не болѣе. Въ 11 час. отходитъ первый нагруженный публикой пароходъ, а спустя минуты двѣ отваливаетъ и второй. Между пароходами начинается отчаянная гонка. Капитанъ перваго парохода видитъ, что ему не прити въ Свияжскъ ранѣе соперника, тогда какъ это необходимо для того, чтобы захватить всѣхъ пассажировъ. И вотъ оны придумалъ слѣдующее. Приказалъ прислугѣ изъ рожи и мѣшка сдѣлать подобіе человѣческой фигуры, помѣстить на концѣ ея небольшую тяжесть и сверху прикрыть шляпу. Въ такомъ видѣ куклу осторожно опустили съ кормы въ воду. Кукла поплыла принявъ вертикальное положеніе и голова ея была видна на поверхности рѣки, что обратило вниманіе капитана догнавшаго парохода. Пароходъ приостановили, спустили лодку и мнимый утоленникъ былъ вытасченъ. А тѣмъ временемъ „Свияжскъ“, соперничавшій съ другимъ пароходомъ, продолжалъ идти, не уменьшая хода, и прѣшель первымъ. (б.)

Къ характеристикѣ князя Потемкина. Камергеръ Г. П. Алексѣевъ, бывший предводитель дворянства Екатеринославской губерніи, передаетъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* слѣдующій эпизодъ изъ жизни знаменитаго князя Тавриды, разсказанный Алексѣеву его дѣдомъ, служившимъ въ канцеляріи этого могущественнѣйшаго въ свое время вельможи. Однажды оны прѣшель утромъ въ Тавричскій дворецъ съ докладомъ. Вся прѣмная была биткомъ набита множествомъ высокопоставленныхъ лицъ, терпѣливо ожидавшихъ появленія князя. Очень нескоро оны, наконецъ, показались въ дверяхъ, въ шлафрокѣ и туфляхъ на босу ногу, и сталь громкимъ голосомъ звать своего камердинера. Всѣ знатныя особы многомъ бросились отыскивать княжескаго лакея. Докладчикъ-же остался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ, съ порфелемъ подъ мышкою, боясь не только шевельнуться, но и моргнуть глазами. Тѣмъ не менѣе оны замѣтилъ, что Потемкинъ грозно посмотрѣлъ на него и удалился. Одѣвшись въ полную парадную форму и окончивъ прѣемъ, князь подошелъ молодого чиновника и сказалъ ему: „Пржде не жели я займусь твоими бумагами, я имѣю спросить тебя: скажи мнѣ, Алексѣевъ, знаешь-ли ты, сколько въ моемъ тавричскомъ саду находится деревьевъ?“ И на отрицательный отвѣтъ чиновника, князь приказалъ Алексѣеву сосчитать немедленно всѣ эти деревья. Алексѣевъ опрометью бросился исполнить приказаніе князя и до самаго вечера занимался этимъ страннымъ порученіемъ. Когда Алексѣевъ явился къ князю и сказалъ ему число сосчитанныхъ деревьевъ, Потемкинъ остался доволенъ и прибавилъ: „А знаешь-ли зачѣмъ я далъ тебѣ это порученіе? Затѣмъ, чтобы научить тебя быть пророчнѣе, ибо я замѣтилъ, что ты сегодня утромъ, когда я крикнулъ, чтобы позвать моего камердинера, и когда всѣ присутствовавшіе въ залѣ генералы и прочія знатныя особы бросились отыскивать его для меня, ты-же, молокососъ, даже не двинулся съ мѣста, чтобы исполнить свой долгъ. Ступай и будь впередъ расторопнѣе. Все это да послужитъ тебѣ урокомъ! За докладомъ же своимъ и бумагами зайди завтра утромъ, ибо сегодня я не расположенъ заниматься ими. Прощай!“ (в.)

Рѣшеніе геометрической задачи № 55 (помѣщ. въ № 33).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: С. П. Б.—С. Селиванова, Калистрова, Ф. А. Боронина, И. Е. Иванова

Кузнецова, Н. Г. Панкова, Ф. Михель, А. С. П. Т. Ипполитова, А. И. Кузнецова, А. А. Коломенскаго, Е. Коневой; Москва—И. И. Волгина, Ф. А. Кузикова, Ф. Прозоровскаго, Алексинъ—П. Губина, Б. Коровино—В. К. Терскаго, Бабинъ—О. М. Протопоповой, Блала Церновъ—С. Д. Адлеръ, Вагаршанатъ—А. Мусегиянцъ, Валдай—Е. И. Глаголенскаго, К. А. Дьячкова, Владиваназъ—Р. Зипченко, Гульневичъ—В. Богатко, Динабургъ—Д. И. Клячкина, О. Гинзбургъ, Енагеринославъ—Ф. Ильяшевича, Кременчугъ—Е. Е. Добровицкаго, Коломна—И. Бережнова, Киевъ—А. Н. Шульженко, Луганскъ—А. Исенко, Лебедянь—В. И. Чурляна, Мальневичъ—С. Цехаль, Г. Северукъ, Мценскъ—В. Г. Максимова, Минскъ—В. Ярколовича, Нарва—Т. А. Плавской, Одесса—Д. И. Никитина, С. Ройшевскаго, Д. Раппопортъ, Орхово-Зуево—А. С. Трофимова, Пермь—И. Матвѣева, Рязань—П. Постникова, Сѣбла—Готлибый, Сергѣевъ-Посадъ—И. А. Стромничева, С. П. Заботина, Самара—

М. А. Смирнова, Сигналь—Н. Кирпичникова, Сергѣевское—Н. М. В., Сапожонъ—И. С. Перова, Трудомирова—М. Уварова, Тула—М. А. Шинкина, Ченстоховъ—В. Древянцъ, Шацкъ—А. Филимоновича, Юновъ—К. И. Олицкаго.

Рѣшеніе музыкальной задачи № 54 (помѣщ. въ № 33).

- 1) Мелодія называется „Ноль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ“.
- 2) Высчитывается черезъ четыре ноты пятая.
- 3) Начивается отъ Sol (1/4), столба послѣ низкаго Do (3/4).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ В. К. Терскаго въ Б. Коровино и С. В. Кондрахина въ Нижне-Уральскѣ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ просить своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прѣжній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Барыни-крестянки. Историческій романъ графа Е. А. Салиаса. Часть I. (Продолженіе). — Перепутала. Фарсъ Северина (М. И. Мердеръ). — Литературно-критическія миниатюры. Поэмы Пушкина. — Къ рисункамъ: Церковь гетмана Мазепы въ селѣ Ивановскомъ (Курск. губ.) (съ рис.). — Шахъ-Диеганъ на пути изъ великой мечети въ Дели (съ рис.). — У паромъ (съ рис.). — Этюдъ (съ рис.). — Поздравители (съ рис.). — На ладу (съ рис.). — Аннаме-Тонкинскій павильонъ Парижской выставки 1889 г. (съ рис.). — Перенатный шость во „дворцѣ машинъ“ на Парижской выставкѣ 1889 г. (съ рис.). — Ниязь-Владимірскій соборъ (съ рис.). — Шарль Леру (съ портр. и 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смсѣ. — Рѣшенія задачъ. — О рамкахъ для преміи „Нивы“ 1889 г. — Объясненія. — При семъ не прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ОНТЯБРЬ 1889 г., съ 31 рис. и отдѣльный листъ съ 33 чертежами выкроекъ въ натуральн. величину и 20 рис. вышивныхъ работъ.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Рамы для премии „НИВЫ“ 1889 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками, съ оригинала проф. В. Д. ОРЛОВСКАГО:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

(14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

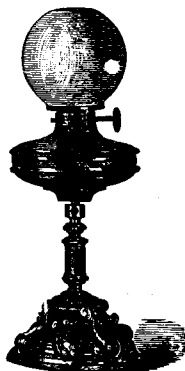
(Подробности см. въ предыдущихъ №.№. „Нивы“).

ЖЕЛТУЮ ШЕЛКОВУЮ КЛЕЕНКУ

высшаго качества, для КОМПРЕССОВЪ

предлагаетъ по Р.С., 3.25 коп. за кусокъ, фабрикантъ С. О. КЛЕИНЪ, Москва, Нижняя Халиловская улица, д. Шмелева. Ц. № 4044

БЕЗУСЛОВНО БЕЗОПАСНЫЙ НОЧНИКЪ.

Необходимая принадлеж. дѣтск. и спалн. комн. Принадлежитъ для стор. тех. мин. новосил. масла „Файноль“ (Pine oil). При горѣнн не даетъ ни копотн, ни запаха.

Продается во всѣхъ ламп. и аптеч. магаз. Москвн и др. городовъ. Ц. № 4063 3-1

Двадцать главных НАГРАДЪ НА РАЗНЫХЪ выставкахъ.

Приготовленіе и продажа мыла РАЗРЪШЕНЫ МОСКОВСКИМЪ Врачебнымъ Управленіемъ,

потому что оно не содержитъ въ своемъ составѣ вредныхъ для здоровья веществъ.

ЛУЧШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО НАХОДИТСЯ ТОЛЬКО ВЪ МАГАЗИНАХЪ

А. РАЛЛЕ и Ко.

въ Москвѣ. П. № 4059 4-1

Оптовая продажа: Розничная продажа:

Боголюбенскій пер., д. Чижевыхъ, Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парфюмахеровъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисо-пудровая пудра.

CHATELAIN LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБ. НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новымъ, оригинальнымъ и нигдѣ еще не напечатаннымъ рисункомъ художника Л. П. СЕРГѢЕВА.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умѣренная: въ издан. литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.

Требованія просить адресовать: въ СПБ., къ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!

Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка).

Требовать иллюстрированные каталоги gratis в franco.

Юг. Закс и Ко.

Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. R. № 3734

Берлинъ, Риттерштрассе, 88.

КВАРТИРА № 16

Вознесенскій пр., д. № 21.

КОВРЫ

Персидскихъ, Текнскихъ и Кавказскихъ

только что привезена большая партія и продается крайне дешево

№ 4056 изъ первыхъ рукъ.

БЕЗПЛАТНО

задается и высылаются новые значительные похощенныя

КАТАЛОГЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИЗДАНИЙ

съ удешевленными цѣнами

МУЗЫКАЛЬНЫМЪ МАГАЗИНОМЪ

А. ГУТХЕЙЛЬ,

поставщикъ Двора Его Императорскаго

№ 4015 Вознесенск. пр., у Спасаго м., № 8/3

Ассна, Кузнецкій мостъ, д. Юнкера, 10.

ЧАСЫ ЧЕРНЫЕ СТАЛЬНЫЕ

отъ 12 р. до 30 р.

Никел. отъ 6 руб. до 15 руб.

Серебр. отъ 12 р. до 50 руб.

Золот. отъ 25 р. до 500 руб.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

ЭДУАРДА БУРХАРДА,

СПБ., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.

Отдѣл.: Вознесенск. пр., у Спасаго м., № 8/3.

Прейс-куранты высылаю бесплатно.

Гг. иногороднымъ высылаю съ надолженными платежамъ. Мт. № 4080 2-2

МАТТОНИ

ГИСТЮБЛЕРЪ

цѣлокомисный источникъ

освѣжительный и здоровый

СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ

можно вездѣ получить.

600000 (шестисотъ тысячъ) бутылокъ годовой вывозъ.

Изданіе А. Ф. Маркса, Спб.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром. хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софін. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ТАБ. „ГУРЗУФЪ“

1 ф.—1 р.

ТАБ. „ГЕРАТЪ“ 1 ф.—1 р. 20 к.

Фирмы БР. К. и П. ПЕТРОВЫ

г. С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИНСКІЙ КАН. 111.

СУЩ. съ 1864 г.

ТАБ. „ЯЛТА“ 1 ф.—1 р. 44 к.

Только подлинно съ этой фабрич. маркой.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТЦЪ и Ко.

въ Бреславлѣ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

СПОСОБЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ:

Д-ръ Михаѣльс мед. прас. назначилъ для дѣтей 3—4 раза въ день по 1 чайной ложкѣ, а взрослые берутъ ежедневно 4—6 чайныхъ ложекъ экстракта.

Конфекты предупреждаютъ кашель, охриплость и простуду горла.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества и ввозъ и продажа въ Россіи разрѣшены Медицинскимъ Департаментомъ.

*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфеты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо

Главный складъ для Россіи въ Ауриха

въ С.-Петербургѣ, Колокольная 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз.

и аптекахъ Россіи. А. № 4045 12-2

ПАВЕЛЬ БУРЕ

Поставщикъ Двора Его Величества.

Большой выборъ часовъ собственной фабрики.

Мужскихъ и дамскихъ карманныхъ золотыхъ, серебряныхъ, металлическихъ и стальныхъ черно-оксидированныхъ часовъ, а также стѣнныхъ, кабинетныхъ, столовыхъ и будильниковъ.

С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.

Москва, на углу Кузнецкаго моста и Рождественки.

Подробный иллюстрированный прейс-курантъ высылается по требованію бесплатно. № 4082 2-2

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франціи.

Находятся во всѣхъ аптекахъ, монастырскихъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ.

Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ.

Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ. 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Простятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (85) № 2946

Издание А. Ф. МАРКСА:

Новое большое роскошно иллюстрированное издание in folio сочинения

ГЁТЕ „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю встампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Классически образцовый переводъ А. Фета не только передаетъ слово въ слово оригиналь прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всеми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“, обыкновенно служившей камнемъ преткновения для читателей.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ; онъ никогда не прискучитъ, напротивъ—внимательному читателю каждый разъ будутъ открываться новые умственные горизонты и перспективы, новые клады гениальныхъ мыслей.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 руб., за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА“, СПБ., Невскій просп., № 6.

ПРОЛОГЪ НА НЕБѢ (Господь, архангелы: Рафаилъ, Гавриилъ и Михаилъ, Мефистофель).

Образецъ гравюры на стали (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте.

ЛЮБИМЦЪ и ЛЮБИМЦА имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную праску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2406

Фотографическія этюды для художниковъ женскія и мужскія моды и проч. Безукоризненные пробныя модели высылаются за 2 р. Католики на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ высылаются бесплатно. Verlagsgesellschaft Dieckmann & Co. Leipzig. К. № 4062 2-1

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ, Варшава, Лешно, 14. Бицилки отъ 100 р. Роверы отъ 135 р.

АДРЕСЫ всѣхъ спеціальныхъ и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl. - Anstalt (C. HERR. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 40 коп. пошт. марками франко.

ПИСАЮЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи: ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ШОКОЛИНДЪ А. И. АВРИКОВА СЫНОВЪ ВЪ МОСКВѢ. продается во всѣхъ городахъ РОССІИ. C. № 4085 2-12

ВЫСЫЛКУ 2 ВЪ ТЕЧЕНІЕ ТРЕХЪ ДНЕЙ поступающихъ съ Сентября 1889 г. заказовъ на аппараты для стирки бѣлья „Американка“ со штемпелемъ „В. Шлемензонъ — Одесса“ (прежде „В. Шлемензонъ — Симферополь“), принялъ на себя домовладѣлецъ г. Одессы, потомъ почет. гражд. Дмитрий Лукичъ Загоруйченко. Расходу мало мыла и сохраняя отлично бѣлье, стирка доступна малолѣткамъ. Прочность аппарата безукоризненна. Цѣна съ пересылкой по почтѣ 5 руб., въ Сибирь 8 руб. При каждомъ подробное наставленіе. Для гг. торговцевъ и агентовъ особыя условія. Запасъ готовыхъ аппаратовъ всегда достаточный. Хотя до настоящаго времени высылка заказовъ замедлялась, однако несомнѣнная полезность аппарата въ семейномъ быту и въ различныхъ учрежденіяхъ достаточно видна. Отпускаемъ въ первая шесть лѣтъ болѣе десяти тысячъ экземпляровъ и сотнями полученныхъ отъ гг. заказчиковъ одобрителныхъ отзывовъ появившихся отчасти и въ печати. Адресъ для заказовъ: Д. Л. Загоруйченко, Одесса, Коблевская ул., соб. д. № 11.

Издание ЮРГЕНСОНА: ХОРОШЫЯ СОЧИНЕНІЯ на 2, 3, 4 и 6 голосовъ. I. Для дѣтскаго и школьнаго пѣнія. II. Для женскихъ голосовъ. III. Для мужскихъ голосовъ. IV. Для однопородныхъ голосовъ. V. Для смѣшаннаго хора. Каталогъ бесплатно. П. № 4058 Москва, у П. Юргенсона. С.-Петербургъ, у І. Юргенсона.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ, Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій мостъ. Б. Морская № 21. имѣетъ единственный складъ для всей Россіи Велосипедовъ: (винтъ, Випперъ, Русскій Клубъ, Молния (New Rapid), Импераль и пр.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО СЪ ПРЕМІЕЙ БРОКАРЪ и К°. Главный складъ у Ф. К. Бергманъ, Офицерская ул., № 5. № 4027 8-2

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ Невскій, 57, собств. домъ, Покупаетъ всѣ % бумаги. Сууды подѣ всѣ % бумаги. Страхование вингринныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. № 3925 Ондата купоновъ. Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства АГЕНТЫ. Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

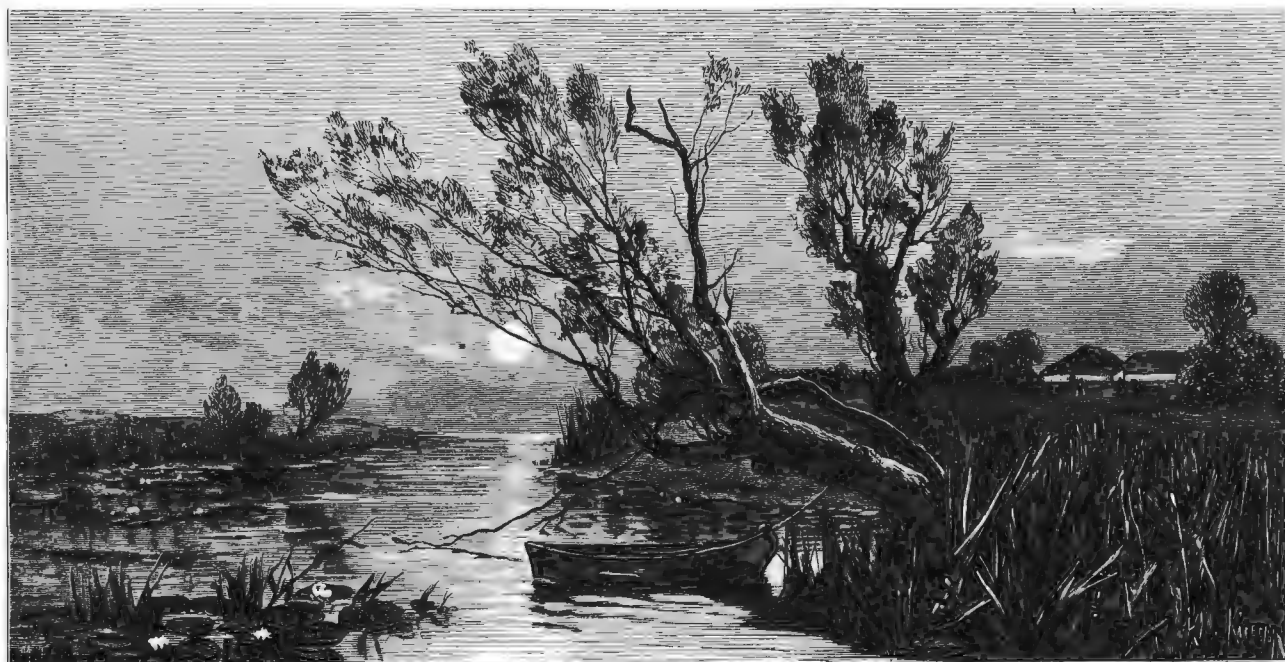
ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко. строители земледѣльческихъ машинъ и орудій. Спеціальные: пуги и молотилки. Они же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивовъ Клейтона и Шулера вѣтъ в Англій и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, жнеецъ „Дези“ и сноповязаловъ Макъ Норрина въ Чикаго. Кроме того имѣются: тарелочный боронъ Рандаля и конный грабли Тигръ завода Стодартъ, рядовыя сѣлки Сакка и проч. № 3959 (12) Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ. Маленикая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутенювъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи Цѣны отъ 100 до 500 руб. НОВОСТЬ Общественный пѣль (винтъ № 2) = 150 руб. = Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно. Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 7 октября 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Хуторокъ лѣтомъ. Съ картины (собств. г. Ульмана) профес. Юл. Клевера, грав. Рашевскій.

О разсылкѣ главныхъ премій „НИВЫ“ на 1889 годъ.

При слѣдующемъ № 42-мъ будетъ разслана обѣщанная гг. годовымъ подписчикамъ „Нивы“

1-я ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ

большая картина известнаго нашего художника, профессора В. Д. ОРЛОВСКАГО, печатанная красками (14³/₄ верш. вышины и полтора арш. ширины)

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

Въ случаѣ неполученія кѣмъ-либо при № 42 преміи, издатель проситъ увѣдомить о томъ контору журнала немедленно, не позже какъ съ получениемъ № 43.

Гг. подписчикамъ, получающимъ журналъ безъ доставки въ С.-Петербургъ или Москвѣ, будетъ выдана эта премія при № 42 въ той конторѣ или магазинѣ, черезъ которые они получаютъ „Ниву“.

Обращаемъ вниманіе на предупрежденіе (въ 3-мъ листѣ этого №) относительно осторожности при вскрытіи преміи.

2-я же ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ (сверхъ обѣщанной)

БОЛЬШОЙ ТОМЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

убористой печати, содержащій въ себѣ около 480 страницъ самаго интереснаго чтенія (произведенія известнаго русскаго писателя), и стоющій въ отдѣльной продажѣ 2 руб., будетъ разслана въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ „Нивы“.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

Послѣ Креста, батюшка окропилъ святою водою князю и присутствующихъ, и по обычаю прошелъ по всѣмъ горницамъ, при чемъ Макаръ Макаровичъ самъ несъ впереди чашу со святой водою.

Затѣмъ княжна попросила священника пройти въ слѣдующую горницу, чтобы позавтракать, а сама стала въ углу неподалеку отъ стола, гдѣ стояли иконы.

Макаръ Макаровичъ уже явился и сталъ возлѣ владычицы, чтобы называть по именамъ тѣхъ изъ ея подданныхъ, которые обратятъ на себя ея вниманіе.

Трубецкой замѣтилъ, что княжна какъ бы разсѣянно поглядываетъ на все и на всѣхъ, а глаза ея все бѣгаютъ изъ стороны въ сторону, скользя по лицамъ и головамъ, будто она ищетъ кого, или просто занята собственными мыслями, чуждыми всему окружающему.

Отчасти княжна была дѣйствительно далеко отсюда мысленно; но главная причина ея разсѣянаго вида не могла быть отгадана Трубецкимъ, такъ какъ сама Полина, столничная барышня и княжна, еще не вполне создалась себѣ въ томъ, что ее нѣсколько поразило здѣсь за молебномъ. Она сама еще не могла уловить разсудкомъ и опредѣлить, что именно творится съ ней. Что въ ней? удивленіе? любопытство женское подстрекнуто? Или просто обманъ, ошибка... такъ что-то померещилось! Взглянуть ближе—и смѣшно станеть, что могла она до такой степени ошибиться. Къ тому же, Полина была отчасти близорука.

„Здоровканье“ длилось долго... Народъ, старики и молодые, дворовые и крестьяне, ткацкіе парни и дѣвки, бабы съ ребятишками—въ очередь надвигались на князю и вереницей проходили мимо, кланяясь въ поясъ и цѣлуя ручку.

Княжна Березопольская, родившаяся, воспитанная и прожившая безвыѣздно въ Москвѣ, никогда почти не бывавшая въ деревнѣ и не сносившаяся съ простымъ народомъ, не знала теперь какъ и что сдѣлать или сказать... Она видѣла, что производитъ на всѣхъ впечатлѣніе нѣсколько иное, чѣмъ желалось бы ей... А какъ быть?

Она взглядывала иногда то на Трубецкаго, то на Дувишу, какъ бы прося совѣта...

Изрѣдка Макаръ Макаровичъ закусывалъ верхнюю губу и украдкой вздыхалъ. Это значило, что онъ не доволенъ, но примиряется...

„Помилуй Богъ, не умѣютъ они... Просто не умѣютъ“, думалось ему. „Что стоитъ сказать тепленькое словечко... А человекъ это словечко запомнить, якобы за пазуху спрячетъ бережно и домой унесетъ. Вотъ я когда былъ помѣщикомъ... развѣ такъ?.. Не по-барски, да и не по-христіански...“

Иногда, не вытерпѣвъ отъ этого молчаливаго протягиванія руки для пѣлованія, которое автоматически продѣлывала княжна, Макаръ Макаровичъ называлъ подходившаго по имени, объяснялъ его общественное положеніе въ усадьбѣ или вотчинѣ, надѣясь на „тепленькое“ словечко... Но княжна въ отвѣтъ произносила только со страннымъ неопредѣленнымъ оттѣнкомъ:

— Ахъ, да-а?..

Удивилась она или вспомнила, или сообразила что-то свое—отгадать было нельзя по этому однообразному и однозвучному восклицанію.

— Сорокинъ, главный ткачъ, искусникъ... говорилъ Макаръ Макаровичъ.—Безъ него пропало бы все дѣло. Онъ обучаетъ тѣхъ, что вновѣ поступаютъ... Староста березопольскій, Евграфъ, уже двѣнадцать годовъ

состоитъ... У князя въ Москвѣ три раза былъ для личнаго свиданія и спасибо заслужилъ... Кирсапъ, главный копохъ, еще дѣдушкѣ вашему фореиторомъ служилъ... Степанида Никифоровна, всегда для московскаго дома варенье варить, уже лѣтъ съ тридцать...

А княжна улыбалась, протягивая руку, и выговаривала вопросительно:

— Ахъ, да-а?!

Наконецъ въ числѣ послѣднихъ приблизились къ княжнѣ: старикъ столѣтній, ведомый шестидесятилѣтнею женщиной Улитой, за нимъ мѣстный портной, рябоватый Захаръ, и высокій, статный молодецъ съ блѣднымъ лицомъ и черными какъ смоль кудрями...

— Азовскій... Петру Алексѣевичу Великому служилъ, объяснилъ Трубецкой.—Внучка его, хоть и старая сама, Улита. Захаръ Демьяновъ. Все Березополье обшиваетъ. Егоръ Миловановъ, столяръ, но удивительно по дереву рѣжетъ... Его мать хвораетъ, не могла придти. Просить онъ будетъ позволенія вашего продолжать...

Княжна на мгновеніе глянула пристальнѣе на столяра, протянула ему руку и вспыхнула, но сухо, гордо, какъ бы вдругъ прогнѣвавшись, выговорила, отводя глаза отъ его лица:

— По дереву?.. Да... пускай...

И она быстро двинулась въ гостиную, гдѣ сидѣлъ священникъ.

XX.

Въ сумерки того же дня во всей усадьбѣ было шумно; повсюду было особенное движеніе, смѣхъ и говоръ веселый и праздничная суета.

Только въ одномъ барскомъ домѣ было сравнительно мертво-тихо. Княжна сидѣла одна у себя, а ея любимица въ-дѣвичьей вполголоса бесѣдовала съ Марѳой и Евгеніей, рассказывая имъ о Москвѣ и о московскомъ житьѣ-бытьѣ.

Но въ такъ-называемомъ „первомъ“ домикѣ было еще тише, чѣмъ въ барскомъ домѣ.

Здѣсь, въ угловой горницѣ лежала на постели Лукерья Егоровна. Это была единственная личность, которая сегодня не побывала въ церкви и на молебнѣ. Съ вечера старушку разломило совсѣмъ, а ночью начались ея обыкновенныя боли въ ногахъ. Она приготавлилась теперь, какъ всегда бывало, прохворать и пролежать дни три. Но при этомъ старушка не раздѣвалась и лежала на постели одѣтая, поверхъ одѣяла.

У окна сидѣлъ Егоръ, нагибался къ рамѣ, съ чѣмъ-то въ рукахъ, что онъ всячески вертѣлъ и разглядывалъ. Держалъ онъ небольшую, въ полъ-аршина, куколку, или фигуру наполовину отдѣланную, а наполовину въ видѣ простаго комка. Фигура эта была изъ воску. Онъ, не спѣша, маленькимъ инструментомъ, въ родѣ долота, а иногда большой иглой, старательно работала надъ ней. Кусокъ воска уже начиналъ принимать опредѣленный видъ. Можно было догадаться, что это будетъ скорѣй фигура съ сложенными на груди руками и съ распущенными крылами,—очевидно, ангелъ.

Подобнаго рода занятіе Егоръ не считалъ работой и позволялъ себѣ лѣпить изъ воску или замазки разныя куколки только въ праздники, или же въ часы отдыха. Онъ называлъ это баловствомъ.

Живи онъ въ столицѣ, попалъ бы со своей работой на глаза какому-нибудь просвѣщенному человѣку, или знатоку, Егоръ очень удивился бы, узнавъ, что его занятіе далеко не блажь и имѣетъ свое прозвище—ваніе. Но здѣсь, въ Березопольѣ, былъ только одинъ Макаръ

Макаровичъ, который не подсмѣивался надъ подобнаго рода баловствомъ Егора.

Трубецкой разсуждалъ такъ, что рѣзба по дереву, конечно, дѣло серьезное, а эти всѣ Егоровы куколки изъ замазки, или изъ тѣста, или изъ воску — одно ребяческое времяпровожденіе; но все-таки всѣ эти куколки выходили у Егора хорошенькія. У Макара Макаровича стояли на столѣ двѣ такія фигурки, работы Милованова. Одна изображала солдата съ ружьемъ, а другая — какого-то удивительнаго господина, въ огромной шляпѣ съ перомъ на головѣ, съ широкимъ поясомъ, въ ботфортахъ, съ крестомъ на груди и съ епанчей за спиной. Эту фигурку Егоръ скопировалъ съ одной изъ картинъ барскаго дома, и сходство было поразительное между обѣими, хотя одна была нарисована, а другая вылѣплена изъ воску.

Теперь, не смотря на это сумеречное и праздничное занятіе, мысли Егора были далеко отъ этой работы. Онъ уже не первый разъ передумывалъ все то, съ чѣмъ вернулся изъ барскаго дома къ себѣ домой.

А думалъ онъ о княжнѣ, объ ея приѣмѣ дворовыхъ и крестьянъ, о томъ какъ она стояла и глядѣла, и наконецъ о томъ, что сказала ему. И Егоръ, правдивый и совѣстливый отъ природы, мысленно виняся и укоряя себя за прежнее строгое сужденіе о княжнѣ, повторялъ теперь:

— Она не злая, а важная. И словно не счастливая...

Онъ уже успѣлъ передать матери свое впечатлѣніе и подразнить шути старушку тѣмъ, что узналъ отъ барышни.

А узналъ онъ, что ему не будетъ никакого запрещенія заниматься своимъ рѣзаньемъ по дереву, которое старушка постоянно все хаяла и бранила. Одно слово бросила княжна. Но это слово было дозволеніемъ. И онъ былъ счастливъ.

На дворѣ совершенно уже стемнѣло, и Егоръ долженъ былъ поневолѣ прекратить работу, такъ какъ зажигать огонь было рано. Онъ поставилъ своего маленькаго ангела на подоконникъ и, глубоко вздохнувъ, задумчиво вымолвилъ шепотомъ:

— Охъ, дѣла! Все разно. Все этакъ-то! Люди и звѣри. Господа и холопы. Птицы и букашки... Все разное... Дремавшая старушка открыла глаза и тоже вздохнула, по отъ ломоты въ ногахъ.

— Егорушка, ты тутъ? произнесла она.

— Здѣсь, матушка. Чего тебѣ?

— Что же сидишь? Праздникъ... Пошелъ бы на улицу, а то во дворѣ... тамъ, поди, всѣ теперь сидятъ „ушки на макушкѣ“, угощаются. А ты тутъ со старой сидишь. Тоска тебѣ. Шелъ бы...

Егоръ молчалъ.

— Чтѣ же ничего не говоришь? Ступай. Ну, къ Савеловымъ ступай... Они — люди хорошіе. У нихъ всегда въ праздникъ все порядливо. Будь я здорова, тоже бы пошла.

— Память-то у тебя, матушка, какъ коротка стала! Вѣдь ты, инъ бываетъ, десять разовъ въ день одно и то же скажешь. Вѣдь ты мнѣ про Савеловыхъ съ самаго обѣда начала говорить. Отвѣтишь тебѣ чтѣ, а ты забудешь и опять учнешь.

Егоръ проговорилъ это кротко и ласково подсмѣиваясь. И перейдя тотчасъ отъ окна, онъ сѣлъ на постели около матери.

— Зачѣмъ же нейдешь?

— Да вѣдь ужъ говорилъ я тебѣ, матушка, что не зачѣмъ мнѣ туда идти. Чтѣ мнѣ тамъ дѣлать? Они люди хорошіе, да скучно мнѣ съ ними. Я вотъ тутъ своего ангелочка поковырялъ опять, анъ уже у меня второе-то крыло и готово. Да и волосъ я ему прибавилъ, — теперь у него до спины завитушки всякія. Эхъ, кабы мнѣ дали воску, пудовъ бы десять что-ли...

— И куда это? Господь съ тобой! вымолвила Лу-

керья Егоровна, шире раскрывая глаза. — Сто куколь что-ли понадѣлать?

— Нѣтъ, матушка. Я бы изъ этого всего воску одну сдѣлалъ.

— Изъ десяти-то пудовъ?

— Да. Одну бы куклу сдѣлалъ во весь ростъ чело-вѣчій, настоящій. Вотъ хоть бы этого самаго ангела. Взялъ бы вотъ этакое сдѣлалъ... съ меня ростомъ. Такъ онъ у меня былъ бы живой! Диво-дивное былъ бы! А то что жъ онъ? Осмивершковый...

Черезъ нѣсколько мгновеній Лукерья Егоровна заговорила вновь:

— Ну, такъ какъ же? Ласкова, сказываешь?

— Со всѣми стало-быть здоровалась. Ну стало... что-жъ? Вѣстимо ласкова.

— Красавица?

— Какъ можно! Что это ты, матушка? Уже разъ шестой то же спрашиваешь? Ужъ я тебѣ съ полдюжины разовъ отвѣчалъ, что совсѣмъ она не красавица. Совсѣмъ у нея этого и въ поминѣ нѣту. Надо говорить — просто дурная...

— Ну чтѣ ты врешь! И какъ ты смѣешь этакое выискивать! Она наша помѣщица-княжна. Ты у меня — неотесанный совсѣмъ мужикъ. Какъ этакъ про княжну свою сказывать! Разсердилась старушка.

Наступило молчаніе. Въ комнатѣ постепенно стало совершенно темно.

— Пора и огонь зажечь, вымолвилъ наконецъ Егоръ. — Вѣдь къ намъ сейчасъ гости будутъ.

— Какіе еще гости! Евденья одна. Вотъ и всѣ гости, проворчала старушка. — Ну, зажигай.

Когда комната освѣтилась сальной свѣчей, Лукерья Егоровна, кряхтя, повернулась на бокъ и вымолвила совершенно инымъ голосомъ:

— Зачѣмъ бы ей къ намъ ходить въ ноябрьскій день! Праздникъ. Ей бы тамъ во дворѣ быть, гдѣ народъ... Чего ей тутъ дѣлать? Дѣвка молодая, гдѣ пѣсни, тамъ ей и плясать.

— Стало-быть, у насъ ей лучше.

— То-то, да! Часто бѣгать стала. И все чаще. Что же? Правду говорю, аль нѣтъ?

Егоръ, сидѣвшій у стола, гдѣ горѣла свѣча, ничего не отвѣтилъ.

— Аль, не слышишь? громче произнесла старушка. — Нешто не часто?

— Часто. Что же изъ того?

— Чтѣ? Самъ знаешь. Я стара. Мнѣ гдѣ же упражняться съ тобой! Да и слушаться ты не станешь! А все-таки скажу: я тебѣ мать. Твое дѣло, а я все вотъ говорю и буду говорить. Кабы этакъ-то люди все дѣлали, никакого бы на свѣтѣ толку не было.

И помолчавъ, старушка заговорила:

— Невидалъ! Сиротка. Одно платьишко... Ни матери, ни отца, даже ни единаго сродственника во всей вотчинѣ нѣтъ. А есть дѣвицы, за которыми три сундука дадутъ биткомъ набитые. А мы вотъ сиротъ собирать будемъ по дорогѣ. И вотъ тебѣ по совѣсти и слѣдъ бы сказать дѣвкѣ: не бѣгай, молю, сюда. Ни ты мнѣ, ни я тебѣ — не пара! А ты юлишь! Нешто не юлишь?

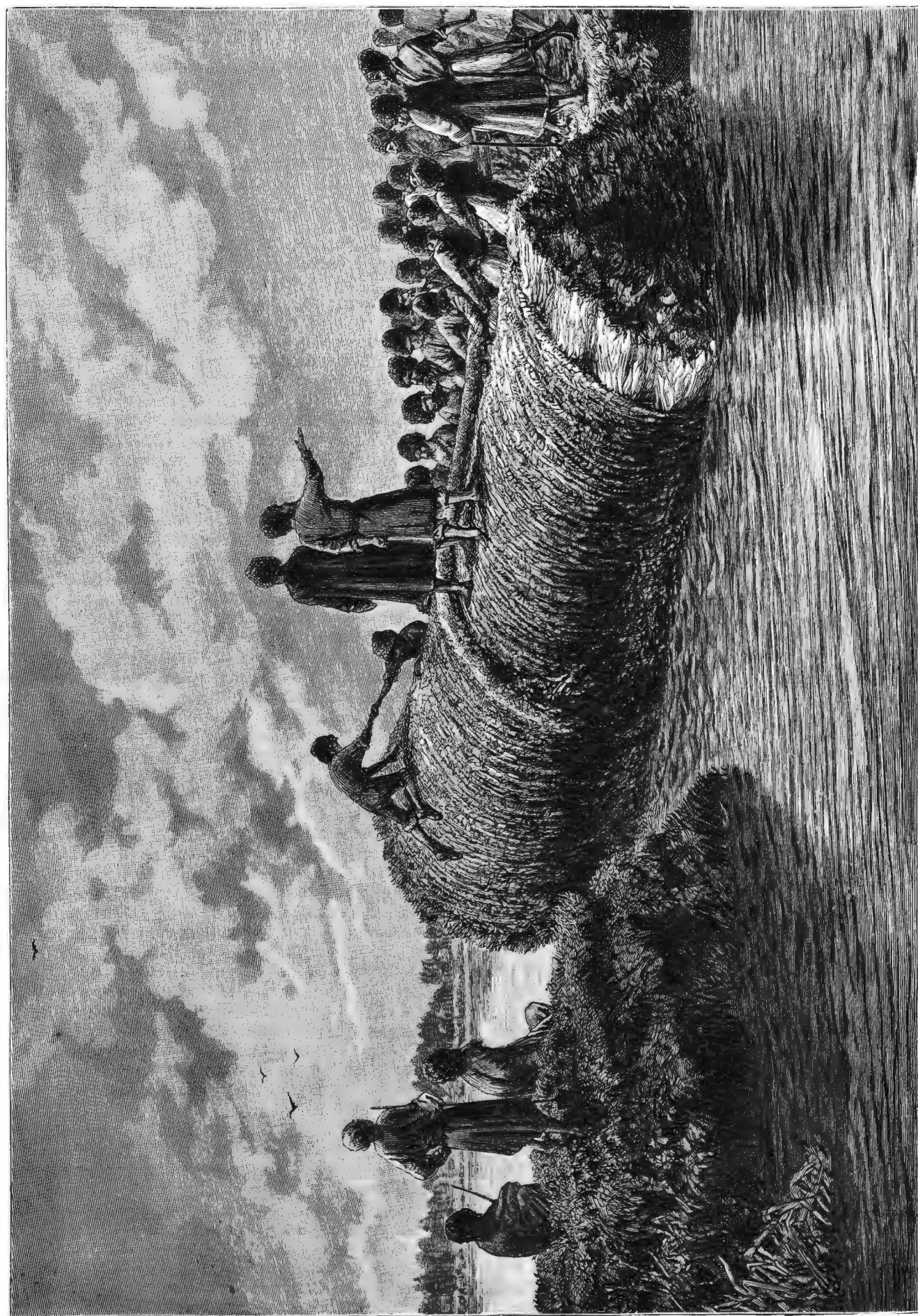
Егоръ взглянулъ и снова промолчалъ.

— И когда это у васъ зачалось? Кто васъ свелъ? разсуждала старушка, какъ бы сама съ собой. — Когда васъ бѣсъ веревочкой свилъ! Самъ онъ, проклятый, прости Господи, не знаетъ. Да и не будетъ она для меня почтенною. Шустрая дѣвка! Ругаться будетъ, а то и прибѣдетъ. А прибѣдетъ, — ты только поглядишь, да промолчишь. Это мы видали. Лиха свекровь — лихое дѣло, а лиха молодуха — пропащее дѣло. Заѣсть! И скажи ты мнѣ, Егорушка, чѣмъ она тебя околдовала? Чтѣ лицо-то чистое, да глаза прыгаютъ. Такъ что-же? Только у злыхъ людей глаза завсегда прыгуну. Чѣмъ она тебя взяла? Колдованьемъ?

Литературный альбомъ. „Война и миръ“, гр. Л. Н. Толстого. „Вотъ славная смерть!“
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) проф. Шарлеманя, грав. Ю. Барановскій.

Теминскіе инженеры. Устройство плотины на Мургабѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомскаго, грав. М. Рашевскій

— Э-эхъ, матушка! вдругъ нетерпѣливо выговорилъ Егоръ, стукнувъ слегка по столу.—Какое тутъ колдовство! Ужь говорить по правдѣ: я ее нехотя околдовалъ. А она для меня... ужь и самъ не знаю... Ничего!

— Неpravду говоришь.

— Чего неправду? Вотъ какъ передъ Богомъ. Виснеть дѣвка. Ну что-же мнѣ ее кулакомъ что-ли? А я вотъ знаю вѣрно, кто меня околдовалъ... за кого я душу положу хоть сейчасъ...

— Кто-же такой? тревожно выговорила Лукерья Егоровна, двигаясь на кровати.—Аль, другая опять? Еще того хуже, поди!

— Да, другая. Только эта будетъ помудренѣе. Эта у меня въ мысляхъ застряла на-вѣки. Да и на сердцѣ-то она же. И ходишь-то съ ней! и спишь-то съ ней! И во снѣ мерещится.

— Да кто-же такая?

— А ея еще нѣту, матушка, отчасти грустно выговорилъ Егоръ.

— Не родилась еще? Что путаешь?

Егоръ невольно улыбнулся словамъ матери, по улыбка его была невеселая.

— Она еще будетъ. Вотъ какъ раздобуду денегъ, куплю себѣ воску, пудровъ, говорю, десять, ну хоть и того половину. И сдѣлаю!.. Безъ ногъ, стало-быть.

— Что ты, сердешный, очумѣлъ что-ли? вымолвила старуха.—Будь не ты, Егорушка, подумала бы я,—пыльный со мной разсуждаетъ.

— А вотъ увидишь сама. Какъ остальные деньги съ генерала допущу за своего энтого звѣря крылатого, такъ сейчасъ въ городъ. Привезу, говорю, пудровъ десять воску и начну топить. А тамъ ужь не по праздникамъ, а и въ будни за работу примусь. И ты, гляди, сама ахнешь, какая у меня невѣста выйдетъ! Краше ея на свѣтѣ нѣтъ. А ужь къ тебѣ будетъ она, матушка, смиренная, тихая! Грубить тебѣ не станеть. Будеть у меня вотъ тутъ въ углу стоять.

— Это ты опять про свое ковырянье?

Егоръ не отвѣтилъ, но послѣ минутнаго молчанія заговорилъ горячо:

— Чтѣ мнѣ всѣ живыя дѣвицы какія есть въ Березопольѣ, или хоть бы даже и въ городѣ! Чего мнѣ въ нихъ! И вотъ эта опять Евденя... Напрасно ты ее осуждаешь. Она дѣвушка хорошая. А что сирота и нѣтъ у нея ничего—не важность. Я вопъ теперь за работу все больше денегъ получаю. Намъ и дѣвать некуда! А къ тебѣ она была бы уважительная, смиренная. За это я голову кладу. Никому я не дамъ тебѣ слова сказать худого, а тѣмъ паче женѣ. Но только сказываю, что неправду ты думаешь. Не околдовала она меня. Коли любить—хорошо; завтра приди она, скажи: разлюбила, я тоже скажу—хорошо. Потому, у меня не то на умѣ. А вотъ приди завтра Макарь Макаровичъ, объяви отъ княжны: не смѣть больше Егору затѣйничать, а пуцай Егоръ мебель чинить, двери да ящики сбиваетъ да строгаеть, да склеиваетъ! Вотъ тогда я и побѣгу топиться.

— Нѣтъ, ужь ты, Егорушка, ради праздника большаго, замолчи лучше, разсердилась старуха.— Не сердити ты меня! Ей-Богу, замолчи. Грѣхъ одинъ! Ковырялка ты—одно слово...

XXI.

Въ то же самое время княжна сидѣла у себя, также въ темнотѣ, и не зажигала огня.

Лицо ея было задумчивѣе чѣмъ когда-либо, но не печально, а какъ-то встревожено, будто она получила какія новыя вѣсти, и худыя. На колѣняхъ ея лежала книга—та же, которую нашла она, уѣзжая изъ Москвы, на полу, на содержаніе которой она загадала и затѣмъ, двинувшись въ дорогу на разсвѣтѣ, тотчасъ же начала читать.

Съ тѣхъ поръ она перечитала эту книгу раза три, снова пересмотрѣла нѣсколько разъ и наконецъ знала чуть не наизусть. Теперь, думая о ней, она добавляла кой-что собственнымъ воображеніемъ, присочиняла и выдумывала разныя подробности, которыхъ не было въ книгѣ.

Пріѣхавъ въ Березополье, княжна снова взяла книжку и, перелистывая ее, задумалась, поникнувъ головой. Странный отвѣтъ на ея загадку былъ въ этомъ сочиненіи: „Безуміе отъ любви“.

Загадала она: чтѣ будетъ съ нею въ новомъ житиѣ-быть? И книжка отвѣчала, что она полюбитъ человѣка котораго нельзя любить, не слѣдуетъ, и который тоже не имѣетъ права любить.

Злополучныя приключенія аббата Сень-Дидье были описаніемъ борьбы двухъ лицъ съ окружающими людьми и обстоятельствами, и борьбы каждаго съ самимъ собой.

Молодая женщина, владѣтельница замка, богатая и родовитая, отданная когда-то насильно замужъ за старика и не любившая мужа, вдругъ овдовѣла. Нежданно-негаданно очутилась красавица на свободѣ, съ большимъ состояніемъ, окруженная почетомъ и уваженіемъ зпатнаго общества, окруженная толпой жениховъ и претендентовъ. И эта еще не жившая, алчущая жить и любить женщина, сама не зная какъ, страстно полюбила молодого аббата, уже предназначеннаго стать вскорѣ духовнымъ лицомъ и, не смотря на молодость, быть настоятелемъ монастыря.

Весь романъ заключался въ описаніи борьбы героини съ собою, съ аристократическими предрасудками, съ родней своею и родней покойнаго мужа. Съ другой стороны, ярко описывалась борьба съ самимъ собой идеально-добраго, красиваго и прямодушнаго молодого человѣка, собиравшагося посвятить свою жизнь на подвиги самоотверженія.

Онъ тоже страстно полюбилъ,—внезапно, за какой-нибудь мѣсяць до дня назначеннаго чтобы облачиться на всю жизнь въ иную одежду—роковую во всякомъ существованіи. Аббатъ былъ какъ громомъ пораженъ тѣмъ, чтѣ негаданно-нежданно подсказало ему его собственное сердце, но рѣшилъ бороться съ дьяволомъ-искусителемъ во образѣ красавицы-женщины, недавно появившейся въ ихъ околоткѣ.

Романъ кончался трагически: погибелью обоихъ любовниковъ. Молодой человѣкъ не смель возможнымъ измѣнить клятвѣ данной Богу, и обрядъ посвященія состоялся. Черезъ годъ послѣ этого, молодая, все таявшая женщина лишилась разсудка и была отвезена въ домъ сумасшедшихъ. Новый игумень не выдержалъ этого несчастья, имъ причиненнаго. Онъ отправился миссіонеромъ въ Африку, гдѣ въ концѣ концовъ погибъ, убитый кафрами или готтентотами.

Княжнѣ случилось конечно прочесть много такихъ романовъ, и давно она перестала любить это чтеніе. Если и случалось ей, когда-то, лѣтъ семь назадъ, проливать слезы надъ нѣкоторыми страницами подобныхъ сочиненій, то за послѣдніе годы она уже иногда, читая нѣкоторыя сцены, гдѣ слѣдовало бы плакать, улыбалась и качала головой.

Ей казалось, что въ дѣйствительной жизни такихъ ужасныхъ приключеній не бываетъ. Жизнь идетъ проще, а въ ней все происходитъ скорѣе, грубѣе и какъ-то понятнѣе.

Но теперь значеніе этой книжки для нея было совершенно иное. Княжна не переставала думать о ней, перелистывать ее, и чаще всего повторяла:

— Зачѣмъ я загадывала! Не загадай я, такъ и не дочла бы, пожалуй. Всякій тутъ вздоръ! А вотъ загадала. Чтѣ же такое можетъ со мной быть? Чтѣ же и я, что-ли, въ какого-нибудь монаха влюблюсь? Нѣтъ, если этотъ романъ отвѣтилъ мнѣ на мои мысли, то

надо понимать иначе. Я стало-быть встрѣчу человѣка который полюбитъ меня, который будетъ и мнѣ дороже всего на свѣтѣ, но мы будемъ совсѣмъ не пара.

Разумѣется, впечатлѣніе, произведенное на княжну содержаніемъ книги, случайно найденной на полу и прочитанной въ дорогѣ, зависѣло отъ того, что она, сама того не зная, или не вполне сознавая, была въ это время въ исключительномъ положеніи. Жажда иной жизни, жажда любви сказывалась непреоборимѣе чѣмъ когда-либо. Кромѣ того, у Полины всегда играли большую роль всякія предчувствія, всякія странныя совпаденія, которыя для иного разума показались бы совсѣмъ незначущими.

По той или другой причинѣ, но тридцатилѣтняя дѣвушка была глубоко убѣждена, что эта книжка, случайно вырванная лакеемъ, когда онъ укладывалъ ее бібліотечку, и случайно затѣмъ попавшая ей въ руки на дорогу — все было дѣломъ не простымъ, а имѣющимъ огромное значеніе. Все это даромъ не пройдетъ. Во всемъ есть пророческій смыслъ.

И теперь, сидя съ этой книгой на колѣняхъ въ темнотѣ и глубоко задумавшись, она глядѣла въ окно на поляну, сплошь укрытую серебристыми сугробами. Но она ничего не видѣла. Предъ нею ясно вырисовывалось совершенно иное... Не сугробы и не оголенные деревья видѣла она, не красный закатъ съ розоватымъ отблескомъ на всей окрестности... Предъ ней былъ, ясно и отчетливо вырисовываясь, уголь столовой съ накрытымъ скатертью столомъ, на которомъ стоятъ иконы. Предъ нимъ фигура священника, спиной къ ней, а направо съ боку — двѣ-три фигуры причта, а за ними высокій, стройный „кто-то“. Она его не знаетъ и видитъ первый разъ.

Обитатель-ли онъ Березополья? Дьячокъ, пѣвчій, или просто дворовый, поддѣвающій во время молебна? Или, наконецъ, пріѣзжій какой-нибудь мѣщанинъ изъ города? Или родственникъ священника? И она думаетъ объ этомъ безъ конца. Она ждетъ, что вотъ-вотъ кончится молебенъ—и она узнаетъ... Непремѣнно спросить. Почему? зачѣмъ? Такъ... любопытство простое... Нѣтъ, это ложь! Его присутствіе тяготитъ ее... угнетаетъ.

Батюшка и причтъ поютъ слова молебна, люди крестятся и колышутся кругомъ нея. Она сама машинально кладетъ на себя и повторяетъ крестное знаменіе, но въ то же время совершенно не думаетъ о томъ что дѣлаетъ и что творится въ столовой... Она думаетъ свое...

Глаза ее то и дѣло, какъ бы противъ воли, косятся на этого незнакомца, статнаго красавца, и вмѣсто словъ молитвы, она повторяетъ мысленно:

„У Макара Макаровича спрошу... Онъ долженъ всѣхъ знать... Можетъ-быть сейчасъ и уѣдетъ! Что же!“

И затѣмъ эта картина смѣняется въ ея воображеніи другою. Къ ней, въ очередь, въ толпѣ, движется и близится все тотъ же незнакомецъ. Фигура его, которая тяготила ее во время молебна, и теперь тяготитъ. Къ ней подходятъ, кланяются, цѣлуютъ ее руку всякіе дворовые и крестьяне, мужчины и женщины, и проходятъ далѣе. Онъ подвигается все ближе и смотритъ на нее... А она, волей-неволей, искоса и украдкой, скинувъ на него глазами, тотчасъ потупляетъ ихъ. Ей будто неловко, совѣстно... Нѣтъ, ей неприятно... Онъ ей страшно не правится... Въ немъ есть что-то гнетущее... Не желала бы она его часто видать! Стоять подъ его взглядомъ ей невыносимо! Авось онъ сейчасъ же, въ качествѣ заѣзжаго городского мѣщанина, уѣдетъ, и никогда она его больше не увидитъ.

А въ эти мгновенья кто-то, около нея, невидимый, стоитъ и повторяетъ однозвучно:

— Ложь! Ложь! Ложь!..

Наконецъ, его очередь. Онъ сталъ предъ ней, поклонился. И ему протягиваетъ она руку, но съ трепетомъ

на сердцѣ. Онъ нагнулся, поцѣловалъ руку. А княжна дернула ее, будто отъ обжога. Макаръ Макаровичъ что-то сказалъ ей. Она что-то отвѣтила и быстро двинулась. Подальше отъ него двинулась... И отойдя, вздохнула свободнѣе.

„Столяръ... крѣпостной... Егоръ... По дереву?... что такое по дереву?“ думается ей или повторяются чужія слова.

И вотъ теперь, въ ея воспоминаніяхъ за нынѣшній день, спустя нѣсколько часовъ, въ темной горницѣ, гдѣ она давно сидитъ одна, снова чередуются эти двѣ картины, какъ два отдѣльные свидѣнія объ одномъ и томъ же.

И много разъ, давно уже, не двигаясь изъ кресла и беззастенчиво глядя въ окно, повторила княжна сама себя:

— Что же это?... что же все это? Совсѣмъ непонятно... Даже понять нельзя...

И будто тотъ же невидимка, стоявшій около нея въ столовой и строго ей на ухо повторявшій слово: „ложь“, теперь опять каждый разъ шепчетъ ей въ отвѣтъ:

„Нѣтъ, понятно! совсѣмъ понятно! Давно поняла и лжешь...“

XXII.

Прошло нѣсколько дней послѣ пріѣзда княжны Полины. Дни шли и тянулись какіе-то сѣренькіе, беззвучные, будто глухо-нѣмые.

Полина сидѣла безвыходно дома, и только два раза вышла прогуляться до церкви съ Дуняшей.

По дорогѣ любимица показала барышнѣ на маленькой домикъ и объяснила, что онъ чудно называется „первымъ“. Въ немъ отдѣльно живетъ одна старуха съ сыномъ, благодаря покровительству Трубецаго. Княжна спросила:

— Кто именно?..

И узнавъ, стала суровѣе, молчаливѣе...

Устроившись вполне въ своихъ горницахъ, Полина начала жизнь такую же, какую вела въ Москвѣ. Она читала, вышивала въ пальцахъ, рисовала. Но ничто не ладилось у нея, какъ бывало прежде. Она чувствовала себя подъ гнетомъ бессмысленныхъ мечтаній, въ которыхъ стыдно было сознаться.

Но время шло и, наконецъ, приближались уже и Рождественскіе праздники и всякое веселье.

Въ Березопольѣ, гдѣ числилось до восьмисотъ душъ, была одна отличительная черта отъ другихъ вотчинъ и заключалась въ томъ, что здѣсь было до сотни людей особаго сорта, съ особымъ отпечаткомъ. Это были такъ-называемые „ткацкіе“ обоюга пола.

Хотя ткачи и ткачихи набирались изъ крестьянъ и изъ дворовыхъ, за исключеніемъ не болѣе дюжины чело-вѣкъ вольнонаемныхъ, но все, что работало день-денской за станками, не походило ни на дворню, ни на крестьянъ.

Почему ткацкіе были сами по себѣ въ Березопольѣ, со своими характерными особенностями, объяснить было мудрено. Они и ходили, и говорили, глядѣли какъ-то не такъ, какъ дворня. Въ нихъ было больше смѣлости, ухарства. Правда, это были люди на подборъ—умные, ловкіе, прыткіе на всѣ руки...

Насколько дворовые существовали праздно, настолько ткацкіе были заняты цѣлый день, и поэтому въ часы отдыха, въ полдень и въ сумерки, они весело, говорливо гуляло гурьбой появлялись на улицѣ. Въ праздники это были коноводы всякихъ затѣй, игръ и всякаго веселья. Два-три чело-вѣка изъ ткацкихъ молодцовъ, происхожденіемъ мѣщане изъ сосѣдняго города, были главными руководителями, затѣйниками, придумывавшими въ праздникъ всякія развлеченія.

Съ разрѣшенія Макара Макаровича, по воскресеньямъ и праздникамъ, не только лѣтомъ, но и зимой, бывали большія, гульбывыя сборища на большомъ дворѣ

ткацкаго корпуса. Здѣсь водили хороводы и пѣли пѣсни, иногда до поздней ночи.

Часто хороводы смѣнялись бѣганьемъ, играми въ коршуна и въ горѣлки, или въ городки, въ лапту, въ бабки, въ свайку.

Только одну орлянку строго преслѣдовалъ Трубецкой. Разумѣется, къ ткацкимъ по праздникамъ присоеди- нялись и дворовые, иногда кое-кто изъ села.

Но парни и дѣвки съ слободы допускались съ выбо- ромъ, такъ какъ это почиталось большою честью.

Наоборотъ, были обитатели Березополья, которые не считали возможнымъ участвовать въ общихъ играхъ съ ткацкими, ибо считали свое положеніе, какъ дворо- выхъ, нѣсколько высшимъ.

Приближеніе праздниковъ оживило ткацкихъ. Сна- чала они опасались, что присутствіе княжны будетъ помѣхой всякому веселью; но затѣмъ, получивъ черезъ Макара Макаровича разрѣшеніе княжны, собирались вскорѣ отвести душу на разные лады.

Княжна не только не запретила обыкновеннаго, во- шедшаго въ привычку, веселья, но даже однимъ своимъ распоряженіемъ какъ-бы поощрила ихъ праздничныя затѣи.

Видя, что морозы обѣщаютъ быть ужасными и, ко- нечно, за все время святокъ послужатъ помѣхой для хороводовъ и всякаго рода игръ ткацкихъ рабочихъ, княжна обсудила вопросъ вмѣстѣ съ Макаромъ Мака- ровичемъ и сама придумала нѣчто новое, хотя и простое.

Княжна и не воображала, какое впечатлѣніе произ- ведетъ въ Березопольѣ то что она придумала и раз- рѣшила, а между тѣмъ, послѣ этого только и было толку, что о золотой, сердечной барышнѣ-княжнѣ.

Княжна посовѣтовала Макару Макаровичу, въ виду предстоящихъ праздниковъ и отдыха, очистить отъ станковъ, столовъ и лавокъ одну изъ самыхъ большихъ горницъ ткацкаго корпуса.

На эту очистку надобилось только сутки, а весе- литься ткацкимъ предстояло двѣ недѣли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прошелъ слухъ, которымъ воз- гордились всѣ ткацкіе. Они узнали, что на празд- никахъ сама княжна собирается придти поглядѣть, какъ они веселятся, какъ хороводы водятъ и пѣсни играютъ.

Но куда березопольцы ожили, ожидая праздни- ковъ и большаго чѣмъ когда-либо веселья, благодаря очищенію горницы или залы въ ткацкомъ корпусѣ,— подѣ двумя кровлями, въ барскомъ домѣ и въ „пер- вомъ“, было попрежнему мертво-тихо.

Наконецъ наступило Рождество, святки, гаданья, и все Березополье пошло ходуномъ, благодаря ткачамъ. Дворовые присоединились къ нимъ охотно, такъ какъ все должествовало происходить не на морозѣ, а въ теплѣ, по выдумкѣ барышни-княжны.

Но сама княжна въ продолженіе первыхъ трехъ дней, съ самаго утра Рождества, съ самой обѣдни въ храмѣ, была въ какомъ-то угнетенномъ настроеніи,—какъ будто бы тамъ, въ церкви, случилось съ ней что-либо.

Теперь по цѣлымъ днямъ сидѣла она одна, только изрѣдка разговаривая съ Дуняшей, и только разъ при- гласила къ себѣ на чашку чаю Макара Макаровича.

Дуниша, зная свою дорогую барышню, приписывала странное настроеніе княжны тому, что она сожалѣетъ о своемъ московскомъ житѣи и скучаетъ въ вотчинѣ.

Макаръ Макаровичъ, почти не знавшій княжны, раз- умѣется, подумалъ, что она всегда такова. Задумчива, по временамъ печальна, какъ-бы съ усиленіемъ весела, а минутами тревожна и какая-то диковинная. Спросить что и не слушаетъ отвѣта. Говоритъ что-нибудь и бросается мысленно. Броситъ одинъ предметъ и за- говариваетъ о другомъ. И вдругъ, отъ какого-нибудь его пустаго слова, огнемъ вспыхнетъ. А то разсмѣется, и

этотъ смѣхъ какой-то педобрый. Не то, чтобы смѣхъ злаго человѣка, а какой-то будто умышленный, ложный, къ тому же совсѣмъ не веселый, холодный.

Ворочаясь отъ княжны, Макаръ Макаровичъ недо- умѣвалъ и разсуждалъ:

— Чудная она! Много я, спаси Богъ, людей—баръ и господъ перевидалъ всякихъ, и захудалыхъ, и сано- витыхъ. Самъ дворянинъ! Своего брата — дворянина, помилуй Богъ, знать и понимать могу. А вотъ эту дѣвицу — никакъ не разгадаешь. Что-то въ ней та- кое, запятанное есть. Будь она не княжной Березо- польской, а дворовою дѣвицей, право бы, на короди- вую смахивала. Нѣтъ-нѣтъ, спаси Господи, и озада- чить!

И Макаръ Макаровичъ сознавался себѣ, что онъ не знаетъ, какъ ему иной разъ быть съ этою княжною.

— Разногласіе, помилуй Богъ! рѣшилъ онъ.—Никакъ подѣ нее не пографишь мыслями и словами. Не по себѣ ей... Такъ и сдается, что тревожится она о томъ, что вотъ сейчасъ прискачетъ къ ней конный изъ Москвы и такія вѣсти получить она, что пришибетъ ее! Прямо сказать, помилуй Богъ, тревожная барышня, растрево- женная дѣвица.

Макаръ Макаровичъ, конечно, не могъ знать, что до прїѣзда въ Березополье княжна такую не была. Онъ не могъ знать, что сама княжна, оставаясь одна, бы- вала смущена перемѣной въ ней.

Она сама себя смущала, сама себя силилась разга- дать и объяснить. Она знала и чувствовала, что въ ней происходитъ нѣчто неожиданное и страшное, не обѣщающее ничего добраго. Но назвать по имени то, что вдругъ овладѣло ею, она не могла, или, вѣрнѣе сказать, боялась.

На четвертый день праздниковъ, ввечеру, пригласивъ къ себѣ Макара Макаровича, княжна объявила, что хочетъ обойти всю усадьбу, всѣ службы и строенія, а главнымъ образомъ осмотрѣть жильѣ дворовыхъ, чтобы знать, какъ кому живется.

Макаръ Макаровичъ очень обрадовался этой мысли. Ему было прїятно похвастать, въ какой чистотѣ и опрятности содержится все въ Березопольѣ.

— Помилуй Богъ, осчастливите всѣхъ... А гдѣ най- дете безпорядокъ какой, спаси Богъ, мы тотчасъ испра- вимъ по вашему приказанью.

— Нѣтъ, Макаръ Макаровичъ, это не мое дѣло. Вы знаете, что батюшка мнѣ не далъ никакого права рас- поряжаться въ вотчинѣ. Я сама сюда прїѣхала противъ воли, какъ бы въ наказаніе. Вы здѣсь главное лицо, довѣренный человѣкъ князя. И я сама какъ бы у васъ подѣ началомъ. Если я что найду, то готова быть ва- шей совѣтчицей и, разумѣется, скажу вамъ. Но это будетъ не указъ, а совѣтъ. Я вѣдь здѣсь не владѣлица, а ссыльная.

Макаръ Макаровичъ, уже давно собиравшійся облег- чить свою душу, заговоривъ съ княжною о пресло- вутомъ письмѣ князя Андрея Ивановича, при этомъ объясненіи княжны сразу рѣшился не упускать подхо- дящаго случая.

— Если ужъ, помилуй Богъ, объ этомъ рѣчь зашла, то дозвоьте мнѣ по душѣ побесѣдовать съ вами, на- чаль Трубецкой.

И какъ ребенокъ, смущаясь, запинаясь, оттягивая слова, онъ передалъ княжнѣ, въ какую должность на- думалъ князь поставить его. Долго искалъ Трубецкой выраженія, чтобы объяснить должность, навязанную ему въ письмѣ, но не нашель его и вымолилъ:

— Выходитъ, спаси Господи, я долженъ быть сыщи- комъ и наушникомъ. Воля князя, а я на такое не годенъ. Я не уродился Ванькой-Канюкомъ.

Княжна, узнавъ неожиданно объ этомъ приказаніи отца въ письмѣ, касающемся ея жизни въ Березопольѣ, задумалась и долго молчала.

Божій чоловікъ. Съ картини (право воспроизведени въ гравюрахъ и проч., принадлежить „Нисѣ“) А. Кошелева, грав. Шюблеръ.

Ей казалось, что если-бъ она узнала объ этомъ въ Москвѣ, или въ день прїѣзда въ Березополье, то отнеслась-бы къ этому со смѣхомъ и вполнѣ равнодушно. Что ей за дѣло, будетъ-ли кто-либо за ней слѣдить и отписывать князю обо всемъ, что она дѣлаетъ. Но теперь это распоряженіе отца пугало ее.

„Почему же именно „теперь?“ спросила себя мысленно княжна, налегая на послѣднее слово. И она не захотѣла сама себѣ отвѣтить.

Однако, подумавъ немного, она попросила Макара Макаровича не отказываться отъ должности надзирателя надъ ней. Она стала доказывать добродушно и ласково, что если онъ не согласится отписывать князю еженедѣльно о томъ, какъ живетъ ей въ вотчинѣ, то князь-отецъ тайно выберетъ другаго наушника на нихъ обоихъ, и дѣло будетъ гораздо хуже.

Макаръ Макаровичъ упорно отказывался, но наконецъ долженъ былъ согласиться.

— Послушайте, Макаръ Макаровичъ, выговорила княжна, положивъ руку ему на плечо.—Мы съ вами вмѣстѣ будемъ сочинять эти отписки. У васъ на совѣсти и будетъ спокойно. Я даже, пожалуй, сама буду сочинять, а вы только подписывайте посланіе.

— Вотъ это, спаси Богъ, дѣло! размѣялся добродушно Трубецкой.— Вотъ на это мое согласіе полное! Благослови Богъ. Такъ и будемъ дѣлать. Вы про себя все отпишете, я перепису и подпишу. Сами вы за собой сыскъ и чините! И справедливо будетъ, и диковинно!

XXIII.

На другой день около полудня Дуняша доложила барышнѣ, что къ ней явилась представиться старуха Лукерья Милованова, которая хворала и не могла придти ранѣе. Княжна тотчасъ вышла въ дѣвичью и увидѣла двоихъ пришедшихъ. Сынь привелъ мать, слабо державшуюся на ногахъ. Княжна насупилась, сухо поздоровалась со старушкой, и почти не сказавъ ни слова, отпустила ее. Затѣмъ она вернулась къ себѣ и сѣла къ окну, безъ дѣла, сумрачная и тревожная.

Дуняша, взглянувъ на барышню, сразу замѣтила перемену въ лицѣ ея и осведомилась объ ея здоровьѣ.

— Ничего, сурово отозвалась Полина.—Съ чего ты взяла? Напротивъ, я совершенно здорова.

Но Дуняша не повѣрила отвѣту, такъ какъ по одному голосу барышни она могла догадаться, что ея предположеніе совершенно вѣрно: княжнѣ не по себѣ...

Посидѣвъ, Полина прошла въ другую горницу, которая именовалась теперь рабочею, гдѣ были ея книги, пяльцы и столъ со всѣми принадлежностями для рисованія. Она вдругъ заперлась на ключъ, затѣмъ стала среди горницы, закрыла себѣ лицо руками и долго простояла не двигаясь.

— Что же это? выговорила она шепотомъ.—То, во что я не вѣрила... надъ чѣмъ смѣялась... Это самое названіе этой книжки. Три слова рядомъ, которыя мнѣ чудились совсѣмъ неподходящими... И вотъ оно будто приключилось! „Безуміе отъ любви!“ Да, конечно, до безумія не далеко! Но любовь?... не знаю. Неужели это—любовь? Неужели она такъ начинается? И неужели она возможна при такихъ обстоятельствахъ? Тотъ, аббатъ—дворянинъ, ровня, онъ только далъ обѣтъ постриженія, но онъ—человѣкъ не другаго рода и не другаго состоянія. Онъ не крѣпостной, не холопъ... Нѣтъ! Это ужъ тутъ не безуміе отъ любви и не любовь! Это—только одно безуміе. И, конечно, оно не можетъ длиться. Все пройдетъ. Зачѣмъ батюшка послалъ меня сюда! Уѣзжать надо въ другое имѣніе. Да, я напишу ему, я буду проситься въ нашу маленькую вотчину въ Воронежской губерніи. Тамъ будетъ лучше.

И княжна съ ужасомъ сама тотчасъ созналась, что послѣднее выраженное ею желаніе противорѣчило все-

му, ея увѣренности въ себѣ, увѣренности что „все пройдетъ“, всему чѣмъ старалась она успокоить себя.

Побродивъ безъ цѣли и безсознательно по горницѣ, княжна подошла къ небольшому шкафу, гдѣ были разставлены ея книги, отворила дверку и стала смотрѣть на нее. Она еще вчера замѣтила нѣчто въ этой дверкѣ. Простой пустякъ. Но этотъ пустякъ имѣлъ свое значеніе. Онъ даже пришелъ ей на умъ съ вечера, а проспнувшись ночью, она думала объ этомъ опять.

Въ этой дверкѣ цѣлая половина, изъ толстой дубовой доски, отстала и покоробилась. Образовалась щель, въ которую можно было легко просунуть руку.

„Это надо поправить!“ думалось ей.

Полина постояла нѣсколько мгновений, глядя на отдувшуюся покоробленную половинку дверки и уже собиралась снова затворить шкафъ. Но вдругъ рука ея просунулась въ отверстіе и она нажала быстрымъ, будто невольнымъ, движеніемъ, но нажала сильно, слегка даже ссадивъ себѣ руку. Доска, скрипнувъ, вывалилась вонъ и загремѣла на полу, а княжна вздрогнула какъ бы отъ выстрѣла.

Но въ ту же минуту, она рѣшительными шагами перешла въ уголъ горницы, къ комоду, на которомъ было поставлено большое зеркало въ деревянной рамѣ, съ тонкой рѣзбой кругомъ. Съ минуту простояла предъ нимъ княжна—и точно такъ же руки ея схватились, наконецъ, за рѣзбу и отломали нѣсколько кусковъ.

Затѣмъ, уже съ пылающимъ отъ стыда лицомъ, она стала осматриваться въ горницѣ, и въ ней повторился, независимо отъ ея воли, вопросъ:

— Еще что?... Надо больше...

Сердце ея билось какъ если-бъ она уже совершила два преступленія. И, какъ истинный преступникъ, въ отчаяніи отъ совершеннаго, готовъ уже на все, такъ и княжна искала сломать еще что-нибудь. Въ ней копошилось чувство, какъ бы говорившее: все равно—семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ! Но, однако, она простояла неподвижно нѣсколько мгновений, потомъ отошла отъ комода, сѣла и глубоко задумалась.

Прошло около получаса. Она вполнѣ успокоилась, лицо ея прояснилось. Она отворила дверь и кликнула Дуняшу. Въ эту минуту она снова слегка тревожилась. Лицо ея не умѣло лгать этой дѣвчужкѣ, съ которой годами сжились онѣ. Какъ ни простовата была горничная, но всякій разъ, что теперь Дуняша приглядывалась къ лицу барышни, княжнѣ становилось неловко. Ей чудилось, что любимица можетъ прочесть легко и свободно все совершающееся у нея на душѣ.

На зовъ княжны никто не отвѣтилъ, и когда она снова позвала, а затѣмъ переступила порогъ, то лицо ея слегка прояснилось. Дуняши не было, а къ ней навстрѣчу шла Евгенія.

— Авдотья Михайловна ушли, доложила горничная.

— Такъ сбѣгай, Евгенія, къ Макару Макаровичу и скажи ему чтобы онъ мнѣ послалъ...

Княжна запнулась, но вдругъ гордо выпрямилась, какъ еслибъ ей сказали что-нибудь обидное, и прибавила болѣе сурово:

— Кого-нибудь изъ столаровъ. Тутъ надо поправить, починить, заклеить... Вѣдь у насъ есть столары?

— Точно такъ-съ... А что именно-съ? оиросила Евгенія.— Что поправить?

— Это не твое дѣло! рѣзко отозвалась княжна.

Евгенія смутилась и произнесла, какъ бы извиняясь и объясняя:

— Если что простое, вѣстимо всякій можетъ... А коли что мудреное, то Егора пошлютъ.

Княжна догадалась и выговорила быстро:

— Да, конечно! Мое московское зеркало. Конечно, нельзя дать какому-нибудь простому плотнику... Такъ поди скажи Макару Макаровичу и... ну, пускай этого Егора пошлютъ!

(Продолженіе будетъ).

Тотализаторъ.

Разсказъ А. Зарина.

I.

Былъ жаркій июньскій полдень. Лѣтнее солнце ярко горѣло на безоблачномъ небѣ, и горячіе лучи его быстро высушивали петербургскія мостовыя, обильно поливаемые дворниками, а легкій вѣтерокъ тотчасъ поднималъ мелкую, бѣдную пыль и кружилъ ее по улицамъ, заставляя прохожихъ чихать и жмуриться. У Балтійскаго вокзала было необыкновенное оживленіе. Къ подъѣзду то и дѣло прибывали извозчики пролетки и изящные экипажи; со всѣхъ сторонъ шли мужчины, женщины, подростки въ мундирахъ, подростки безъ мундировъ — и вся эта масса народа шумѣла, торопилась и, раздѣлившись на-двое, широкими потоками текла въ подъѣздъ и подъ ворота вокзала. Городовые, раскрасившіеся отъ духоты и усилій, растерянно бѣгали по площади, неистовыми криками и маханіемъ шапекъ отгоняя остановившихся извозчиковъ.

Хмуровъ слѣзъ съ имперіала подѣхавшей конки и, отирая вспотѣвшее лицо платкомъ, шелъ къ вокзалу, поминутно отскакивая отъ налетавшихъ со всѣхъ сторонъ экипажей.

— Алексѣй Константиновичъ! Алексѣй Константиновичъ! услышалъ онъ крикъ въ два голоса. Онъ оглянулся. На подъѣздѣ, раскрасившійся съ извозчикомъ, стоялъ средняго роста блондинъ и неистово махалъ рукою. На немъ была мятая, съ широкими полями, норжѣлая шляпа и мышьяго цвѣта пальто, раздуваемое вѣтромъ.

— Сюда, сюда! кричалъ онъ Хмурову. Рядомъ съ нимъ стояла худощавая женщина съ ястребинымъ носомъ и карими глазами навивать. Она улыбалась и кивала головою Хмурову, причеиъ яркія перья на ея шляпѣ величественно колыхались, а птичья голова, помѣщенная между перьями, неистово клевала носомъ, словно хотѣла продолжать темя хозяйки.

Хмуровъ оживился и ускорилъ шаги.

— И вы, и вы? визгиво заговорила женщина, хватая его за руку, — вотъ отлично! вотъ весело будетъ! Вы только насъ слушайте! назидательно околчила она.

— Одолжите папирсочку, если есть! пожмая руку, сказала блондинъ, — повабилъ взять съ собою, — и, закуривъ папиросу, засуетился: — надо билеты брать, а то не застанемъ мѣста. Вы вѣдь на скачки? да? закивалъ онъ головою, не дожидаясь отвѣта Хмурова, — ну, такъ я и вамъ... вы стойте съ женою... Послѣ, послѣ! замахалъ онъ руками, когда Хмуровъ сталъ было доставать деньги, и быстро побѣжалъ въ ворота, причеиъ полы пальто его приподнялись и затренили по вѣтру.

— А мы за нимъ, ухватила Хмурова подъ руку жена блондина, — тамъ и подождемъ его! все скорѣе!

Хмуровъ послушно пошелъ съ нею, а она, переходя дворъ вокзала, говорила таинственнымъ полупешотомъ:

— Вы только насъ слушайте — мы ужъ старые воробы! Ни одного раза не проускаемъ; всѣхъ знаемъ, а вѣдь тутъ главное расчеиъ; можно навѣрное играть, если знаешь.

— Вы развѣ всегда съ Василиемъ Карловичемъ? спросилъ Хмуровъ.

— Всегда, всегда, отвѣтила она, махая зонтикомъ, — онъ одинъ куда угодно, но на бѣгъ или скачки безъ меня — не смѣте! Мы всегда вмѣстѣ, а играемъ врозь, окончила она.

Они подошли къ деревянной платформѣ со двора.

— Вотъ тутъ и станемъ, остановилась она.

Передъ ними, на дворѣ, у маленькой будочки толпилась кучка народу, беря билеты. Въ толпѣ стоялъ Василій Карловичъ, дожидаясь очереди и, замѣтивъ жену съ Хмуровымъ, началъ подавать имъ какіе-то сигналы головою и руками.

— Еще успѣемъ, отвѣтила жена на эти сигналы.

Мужъ словно услышалъ и уснокоился.

— Какъ же вы попали сюда? интересовалась она, — говорятъ, вы такой серьезный, безъ увлеченій, настоящій Хмуровъ! сказала она и засмѣялась.

Хмуровъ улыбнулся тоже.

— И вѣдь такъ только, посмотрѣте, отвѣтилъ онъ.

— А играть не будете? почти вскрикнула она.

— Нѣтъ, не расчеиываю, сказалъ Хмуровъ.

Жена Василія Карловича въ изумленіи даже выпустила его руку.

— Теперь садитесь, садитесь! торопливо подѣжалъ Василій Карловичъ и быстро пошелъ къ вагонамъ, поминутно оглядываясь на свою жену съ Хмуровымъ и торопя ихъ знаками. Почти всѣ вагоны были полны, хотя до отхода поѣзда оставалось еще полчаса. Едва-едва нашли они мѣсто.

— Вообрази себѣ, обратилась жена къ мужу, — Алексѣй Константиновичъ ѣдетъ смотрѣть только, а играть не хочетъ!

Василій Карловичъ широко улыбнулся:

— Не хочетъ! прѣдетъ — захочется! — и вдругъ онъ нахмурился: — Афишку-то купила, а?

— Нѣтъ, съ испугомъ отвѣтила жена, — вѣдь ты же хотѣлъ!

— Я!.. я! обозлился онъ, — все я!

Онъ быстро шмыгнулъ изъ вагона и черезъ минуту вернулся съ афишей.

— Дай, дай! потянулась жена.

Онъ отдернулъ афишу:

— Успѣешь!

— Ты хоть вслухъ читай, попросила она.

— Еще чего! мотнулъ онъ головою и обратился къ Хмурову: — Одолжите папирсочку!

Хмуровъ одолжилъ. Василій Карловичъ закурилъ и погрузился въ чтеніе. Жена жадно глядѣла ему черезъ плечо. Черезъ минуту у нихъ начался горячій споръ:

— Ужъ знаю, на „Карлоса“ поставишь, замѣтила она.

— Поставлю, угрюмо отвѣтилъ мужъ.

— И проиграешь, какъ прошлый годъ.

— А все-таки поставлю! „Карлосъ“ это не то, что твой „Клара“.

— У „Клары“ — сила, она только заскакиваетъ, горячо заговорила она, — а твой „Карлосъ“ ни въ гладкой, ни съ барьерами; заносится, засѣкаетъ, барьеры не беретъ..

— Ну, ставь на кого хочешь, а меня оставь въ покоѣ! почти кричалъ мужъ.

— Совѣмъ скверная лошадь, окончила жена, причеиъ птица на ея шляпкѣ иронически мотнула головою.

Публики набиралось все больше и больше.

Скамейки были всѣ заняты. Входившіе становились между скамеекъ и на площадки вагоновъ, а публика все набиралась и набиралась.

— Кондукторъ, кондукторъ! кричалъ кто-то, — уберите этого нахала! Мѣста нѣтъ, а онъ лѣзетъ!

— У меня билетъ, и я знать ничего не хочу! гудѣлъ упрямый голосъ.

— Господа, потѣнитесь немножко! упрасивалъ кондукторъ.

Поѣздъ тронулся.

— Полетитъ кубаремъ, — не моя вина, ворчалъ недовольный.

— Какъ бы сами не полетѣли! гудѣлъ упрямый.

Поѣздъ шелъ, прибавляя ходу.

II.

Василій Карловичъ Славинъ и Алексѣй Константиновичъ Хмуровъ служили вмѣстѣ въ управленіи одной желѣзной дороги. Славинъ былъ однимъ изъ тѣхъ, что живутъ не думая о завтрашнемъ днѣ. Онъ всегда искалъ случая занять, никогда не имѣлъ своихъ папирсочекъ, ходилъ неряшливо, и въ то же время, любилъ кутнуть, поазартничать въ стучолку или на тотализаторѣ, хвастнуть какою-нибудь вещицею, которую тотчасъ „спускалъ“ товарищу за полцѣны. Жена ни въ чемъ не уступала ему.

Хмуровъ, напротивъ, считался человекомъ положительнымъ и солиднымъ, отчасти благодаря своей женѣ, женщиѣ благо-разумной-и рачительной, воздерживавшей его отъ всякаго сумасбродства. Онъ жилъ скромно, почти затворникомъ, на 60 руб. жалованья; любилъ почитать, заниматься политикою, поговорить объ отвлеченностяхъ, и только сегодня рѣшился поѣхать въ Петергофъ, больше изъ любознательности. На службѣ уже двѣ недѣли только и было толковъ, что о скачкахъ. Хмуровъ не имѣлъ о нихъ никакого понятія и рѣшился полюбопытствовать.

— Боже тебя унеси — увлечись! провожала его жена, снабдивъ пятью рублями.

— Чтѣ ты, Настя, улыбнулся онъ, цѣлуя ее, — развѣ я ребенокъ! Да и не раскутишься на это, прибавилъ онъ, прича асемгнацію.

— Смотри у меня! смѣясь, угрозила пальцемъ Настасья Сергѣевна. Это была женщина высокаа, худощавая, съ блѣднымъ, выразительнымъ лицомъ.

Хмуровъ очень обрадовался, встрѣтивъ Славина. Среди толкотни онъ совѣмъ бы растерялся; Славинъ же былъ человекъ опытный.

— Во все, во все посвящу, весело говорилъ онъ, выучивъ, наконецъ, афишу и передавъ ее женѣ.

Та вынула карандашъ и что-то отмѣчала имъ, читая афишу.

— Четвертый годъ ужъ хожу, батенька, продолжалъ Славинъ: — всѣ порядки знакомы!

— На „Демоша“ будешь ставить? перебила жена.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ и продолжалъ: — я бы и вамъ поиграть совѣтовалъ. Рубликъ чтѣ? пустякъ! а на него можно 5 выиграть! Чтѣ пять! увлекся онъ, — бываетъ, что 20 р. выигрываютъ! Помнишь, Аня? обернулся онъ къ женѣ.

Та молча кивнула головою, погруженная въ чтеніе.

— А сегодня интересно будетъ, горячо заговорилъ Славинъ, — первый день, новичковъ много, лошадей не знаютъ. Будутъ большія выдачи..

Публика освоилась со своими мѣстами, и до Хмурова со всѣхъ сторонъ доносились разговоры о лошадяхъ.

— Позвольте, позвольте! авторитетно говорилъ какой-то старецъ: — правда, въ прошломъ сезонѣ онъ заносилъ, но вѣдь годъ прошелъ съ тѣхъ поръ! Годъ! вѣдь его обѣзжали, учили!

— Совершенно вѣрно, ввязался въ бесѣду безусый юноецъ, — это своего рода воспитаніе, школа, а лошадь прелестная, сильная. Она навѣрное будетъ брать призы.

— Чтѣ же я-то говорю, чтѣ же я-то?.. горячо заговорилъ сту-

Неужели утонулъ?! Картина Багона, грав. Шевалье.

Кто смѣль, тотъ два съѣль. Съ картины Долмана, грав. Р. Н.

дентъ.— Я то же говорю, но прибавляю: если не будетъ запосылся, если не будетъ...

— Годъ ученія! поймите, годъ ученія! твердилъ старецъ.

— Теперь ты скажи мнѣ, приставали смазные сапоги къ засаленному картузу, — кто противъ его устоять можетъ?

— Хлопушкинъ можетъ, заявилъ картузь.

— Хлопушкинъ! подхватили сапоги, — да ему въ вѣсѣ и то не сравнятся. Опять ноги! Вѣдь онъ, что жердь вытянулся. Худой, тонкій, жилистый и вѣсу 3 пуда, а Хлопушкинъ-то съ брюшкомъ, батя, вотъ чтó!

— Ужь и съ брюшкомъ? усомнился картузь.

— Вѣрно! ликовали сапоги, — теперь противъ его ни одного ѣздока не найдешь!

— Нѣтъ, дорогая моя, будемъ ужь, какъ дома условились, упрасивала дворянская фуражка гарусную накидку: — ты на „Женеха“, я на „Вдову“.

— Охотникъ до вдовъ! смѣялась гарусная накидка, стрѣляла глазами.

— Господа, такъ мы въ долѣ! радостно кричалъ юпонецъ, только что бесѣдовавшій со старцемъ.

— И вы не будете играть? спросила Славина съ укоромъ, обращаясь къ Хмурову.

— Подумаю, отвѣтилъ перѣшительно Хмуровъ.

— Чтó думать! почти закричалъ Славинъ, — на рубль, батенька, пять, десять, двадцать получить можно!

— Господа, билеты! вошелъ кондукторъ со щипцами въ рукѣ. Поездъ подходилъ къ Петергофу.

III.

Какъ изъ мѣшка горохъ, посыпалась публика изъ вагоновъ, едва побѣдя подошелъ къ платформѣ петергофскихъ скачекъ.

— Скорѣе, скорѣе, торопилъ Славинъ. Онъ нахмурился и видимо волновался, нехоти отвѣчая на вопросы.

— Сюда, сюда! крикнула Славина, хватая Хмурова за рукавъ.

Они вышли на платформу. Разноцвѣтною, живою лентою публика тянулась по узкой дорогѣ къ мѣсту скачекъ. Оживленія тутъ было больше, чѣмъ на вокзалѣ въ Петербургѣ. Два красивыя, высокія зданія были разцвѣчены флагами. Навстрѣчу публикѣ гремѣла музыка. Передъ зданіями тѣснилась толпа; поминутно подкатывались роскошныя ландо и коляски; на площадкѣ стояли пожарные въ блестящихъ каскахъ; вмѣсто жандармовъ гарцовали въ красивыхъ бешметахъ конвойные съ нагайками въ рукахъ; на всю эту пеструю толпу, сновавшую взадъ и впередъ, свѣтило яркое юнское солнце, игралъ золотомъ на каскахъ пожарныхъ, отливая серебромъ на гладкихъ стволахъ ружей конвой и заливая своимъ ослѣпительнымъ блескомъ и зданія, и людей, и золотистыми столбами поднимающуюся по дорогѣ пыль.

Хмуровъ, увлеченный общимъ оживленіемъ, весело улыбался, оглядываясь по сторонамъ.

Они проходили мимо растворенныхъ воротъ; за воротами, по зеленой лужайкѣ, другъ за другомъ ходили жокеи, вода подъ уздцы лошадей.

— Это чтó? спросилъ Хмуровъ.

— Три рубля, три рубля, суетливо отвѣтилъ Славинъ, — намъ туда надо! — И онъ торопливо пошелъ дальше. Славина была не такъ взволнована и объяснила, что это трех-рублевый мѣста, гдѣ находится судейская трибуна и гдѣ проводятъ лошадей, предназначенныхъ къ скачкѣ.

— Мы въ рублевый ходимъ. То же самое, только приготовленій не видно! окончила она.

Они подошли къ кассѣ и, дождавшись очереди, взяли билеты. Славина вдругъ куда-то запропасти, и Хмуровъ толпою былъ внесень въ рублевый мѣста.

Высокое, деревянное зданіе, крытое крышею, переднимъ фасадомъ выходило на скаковое поле и представляло амфитеатромъ установленныя скамьи. Публика сходила внизъ, поднималась кверху, сидѣла, стояла на скамейкахъ или выходила впередъ и становилась на площадкѣ у низкаго барьера, отдѣляющаго мѣста отъ скаковаго поля. Задняя сторона зданія была занята маленькими будками, надъ которыми были надписи: „двойной 10 руб.“, „двойной 5 руб.“, „3 руб.“, „одинъ рубль“, „одинъ рубль“, „пріемъ закладовъ“, „выдача выигрыша“.

„Это и есть тотализаторъ“, подумалъ Хмуровъ и подошелъ ближе къ одной изъ будокъ. У каждой стояла оживленная толпа и изъ будки раздавался голосъ:

— Одинъ второй, два первыхъ, одинъ четвертый! — при каждомъ возгласѣ звонок щелкала кака-то машинка, и подхлывшіе къ будкѣ возвращались съ билетомъ въ рукѣ.

„Взять что-ли?“ мелькнуло у Хмурова, но онъ тотчасъ остановился: — „ничего не знаю, даже какія лошади побѣгутъ“.

Онъ оглянулся, ища глазами Славина, но того не было видно. Раздался звонокъ. Публика отхлынула отъ тотализатора и бросилась къ скамейкамъ. Хмуровъ пошелъ за всѣми.

„Чего всѣ такъ волнуются?“ подумалъ онъ, оставаясь совершенно равнодушнымъ.

Онъ взошелъ на дѣстиницу амфитеатра и сталъ оглядываться. Всѣ волновались, искали мѣста, откуда повидѣе, и готовили бинокли. Вокругъ огромнаго луга эллипсоидомъ, почти кругомъ,

лежала плотно убитая дорога. На серединѣ луга красовалось нѣсколько экипажей, и подлѣ нихъ гарцовали всадники, перекладываясь словами и улыбками съ сидѣвшими въ экипажахъ. Раздался второй звонокъ.

Изъ другаго зданія вышелъ офицеръ съ солдатомъ, несшимъ красный флагъ.

Они сѣли на извозчика и по лужайкѣ отѣхали немного въ сторону.

Изъ воротъ выѣхало нѣсколько всадниковъ.

Красивыя лошади горячились, фыркали и били ногами, встряхивая гривами. Всадники въ военныхъ мундирахъ, поодиночкѣ выѣзжали на дорогу и легкою рысью направлялись къ офицеру съ флагомъ.

— Хлопушкинъ! „Святополкъ!“ объяснялъ кто-то, называя всадника и лошадь. — Синицынъ! „Клара“; Кривцовъ! — „Пуля“; Куне! — „Секунда“.

— Гдѣ, гдѣ Куне? заволовался кто-то.

— Страя лошадь, бѣлая фуражка.

— Молодецъ! вскрикнула дама съ краснымъ зонтикомъ, когда мимо, бѣшенымъ аллюромъ, пронесся Синицынъ на „Кларѣ“.

— Всегда заморить до времени! произнесъ чей-то голосъ. Хмуровъ, ничего не понимая, оставался равнодушнымъ.

Отѣхавшій на извозчикѣ офицеръ теперь стоялъ у дороги съ флагомъ въ рукѣ. Подѣхавъ къ нему, четыре всадника, сдерживая лошадей, нѣсколько мгновений уравнивались и вдругъ сорвались съ мѣста. Офицеръ взмахнулъ флагомъ, звякнулъ звонокъ.

— Пошли! пронесся шепотъ.

Кругомъ настала тишина, только слышался мѣрный топотъ четырехъ несущихся лошадей. Какъ молнія, пронеслись онѣ мимо Хмурова. Впереди, стоя на стременахъ и мѣрно наклоняясь, несся кавалергардъ въ бѣлой фуражкѣ. Лошадь его вытянулась почти въ прямую линію. За нимъ, пригнувшись къ шеѣ лошади, скакалъ молоденькій офицеръ; онъ потерялъ фуражку и поминутно взмахивалъ головою, отбрасывая падавшіе на лицо волосы.

Хмурова охватило легкое волненіе; онъ сталъ слѣдить за обоими всадниками.

— Всегда заморить, а потомъ посылаетъ! рѣзко сказала чей-то голосъ подлѣ него.

— Кто? на мгновеніе обернулся Хмуровъ.

— Да вонъ! брезгливо махнулъ головою высокой, плотный господинъ.

Послѣднимъ, еле носивъ, скакалъ толстый, усатый кавалеристъ, нещадно хлыща свою лошадь.

— Кто это? спросилъ Хмуровъ.

— Синицынъ, на „Кларѣ“, отвѣтилъ господинъ.

„Та, которую Славина хвалила!“ припомнилъ Хмуровъ.

Всадники обогнули кругъ и неслись теперь прямо къ зданію. — „Пуля“, „Пуля!“ неистово кричалъ юноша, поднимался на носкахъ.

— „Секунда!“ кричалъ чей-то испуганный голосъ.

Всадники приближались. Тѣмъ-же аллюромъ, съ тою-же самой посадкой несся кавалергардъ, мѣрно колыхался на стременахъ. Рядомъ съ нимъ скакалъ офицеръ безъ фуражки; теперь онъ выпрямился и билъ лошадь хлыстомъ, полуобернувшись на сѣдлѣ.

— „Пуля!“ „Секунда!“ „Секунда“, bravo! „Пуля!“ Bravo, Кривцовъ! кричали сотни голосовъ, перебивая другъ друга. Оставалось нѣсколько саженой. Толпа вдругъ замерла. Кавалергардъ колыхнулся, и голова „Секунды“ выдвинулась; еще два скачка, и она была впереди на поль-корнууса.

Звонокъ звякнулъ.

— Куне, bravo! Bravo, Куне! крикнула толпа и побѣжала внизъ.

— Кто взялъ? Кто? спрашивали не разобравшіе крика.

— „Секунда“, третій номеръ!

Хмурова толкали со всѣхъ сторонъ.

— Интересно, улыбнулся онъ.

Мимо него шли два юнца.

— Я говорю тебѣ — на него ставить! Не слушалъ: „Пуля“, „Пуля!“ нападаль одинъ.

— На двойномъ будутъ давать, оправдывался другой.

— На двойномъ! Вѣдь ты не ставилъ!

— Вотъ тебѣ и „Клара“, ругался какой-то цилиндръ, — всегда заговяеть до времени!

— „Пуля“ взяла-бы, если-бъ онъ ее со старта пустилъ, а то сперва сдерживалъ, а потомъ посылать сталъ! горячился сѣдой офицеръ.

— Нѣтъ-съ! безъ хлыста! Каково! восторгался студентъ, — какъ началъ, такъ и кончилъ!

И всѣ шли внизъ къ тотализатору, толкая Хмурова со всѣхъ сторонъ, и снова изъ будокъ послышались возгласы:

— Одинъ третій, два вторыхъ! — и щелкала машинка.

— Сколько выдаютъ? налетѣла на Хмурова высокая барыня въ синихъ золотыхъ очкахъ.

— Не знаю, отвѣтилъ Хмуровъ.

— Какъ я счастливо поставила! объяснила она, — я, собственно, не на лошадь, а на Куне ставила. Сколько даютъ? бросилась она къ проходившему картузу, укладывавшему въ кошелекъ деньги.

— Три-сорокъ, отвѣтилъ тотъ.
— Недурно, улыбнулась она въ сторону Хмурова.
Тотъ отвѣтилъ ей улыбкою.

IV.

Зазвѣлъ звонокъ и публика опять отхлынула къ мѣстамъ. Второе отдѣленіе для Хмурова было еще интереснѣе, потому что скачка была съ препятствіями. Лошади неслись тѣмъ-же бѣшенымъ карьеромъ, но передъ препятствіемъ приостанавливались, на моментъ застывали, повиснувъ въ воздухѣ, и снова неслись такъ-же бѣшено.

Съ непривычки у Хмурова замирало сердце при видѣ страшнаго прыжка лошади, и снова начинало биться тревожно, когда лошадь опускалась на землю. Подлѣ каждаго отдѣленія толпа устремлялась къ тотализатору и снова со всѣхъ сторонъ слышались споры, возгласы, а тотализаторъ выкрикивалъ:

— Два первыхъ, одинъ третій, четыре вторыхъ!

Хмурова увлекло это общее волненіе.

„Поставлю“, подумалъ онъ: „одинъ разъ не бѣда. Куда ни шель рубль!“ И онъ подошелъ къ господину съ афишею.

— Будьте добры сказать: кто пойдетъ теперь?

Господинъ обязательно улыбнулся и, води по афишѣ пальцемъ, прочелъ имена лошадей.

— На „Перуна“, рѣшилъ Хмуровъ, услыхавъ это имя, и поблагодарилъ господина.

— На „Перуна“, подалъ онъ рубль.

Стоящій за прилавкомъ равнодушно бросилъ рубль въ щикъ и крикнулъ:

— Одинъ второй!

Другой щелкнулъ машинкой, и на доскѣ, противъ № 2 выскочила цифра 9 вмѣсто бывшей 8; третій повторилъ:

— Одинъ второй! и тяжелой машиной выбивъ клеймо на билетѣ, бросилъ его на прилавокъ. Хмуровъ взялъ билетъ и почти побѣждалъ на мѣста. Звонокъ уже прозвѣлъ, и всадники строились.

„Который „Перунъ?“ подумалъ Хмуровъ и растерянно оглядѣлся. Подлѣ него стоялъ военный докторъ.

— Не знаете-ли, который „Перунъ?“ спросилъ его Хмуровъ.

— „Перунъ“, „Перунъ“, повторилъ офицеръ, —сейчасъ, —и онъ сталъ смотрѣть на афишу: —фадокъ Семеновъ, ахтырскаго драгунскаго полка, прочелъ онъ и сталъ смотрѣть на всадниковъ. Они уже неслись.

— Шутъ ихъ знаетъ! пожалъ плечами докторъ: — владимірскій драгунскій, парвскій драгунскій, ахтырскій драгунскій, кто ихъ различитъ!

Хмуровъ уже не слушалъ. Онъ смотрѣлъ на песншихъ всадниковъ и съ тоскою думалъ:

„Который?“

Они растянулись линіей, и только два спорили между собою. „Который изъ нихъ, или можетъ быть задній?“ томился Хмуровъ.

Скачка кончилась. Толпа хлынула къ тотализатору.

— Который взялъ? спросилъ Хмуровъ у перваго встрѣчнаго и замеръ въ волненіи.

— Второй, торопливо отвѣтилъ онъ и побѣждалъ внизъ по лѣстницѣ.

„Мой, мой!“ счастливо улыбнулся Хмуровъ и вздохнулъ съ облегченіемъ.

Словно гора свалилась съ его плеча.

— Сколько выдаютъ? обратился онъ къ другому.

— Не знаю! рѣзко отвѣтилъ тотъ, видимо раздраженный, — подите справитесь!

— Э! раздался подлѣ него голосъ, — и вы тутъ!

Хмуровъ увидѣлъ подлѣ себя Зыбина. Это былъ тоже его сослуживецъ, отчасти даже начальство, и Хмуровъ глубоко уважалъ его за умъ, опытность и добродушный юморъ.

Высокаго роста, сѣдой, онъ съ доброй улыбкой пожалъ руку Хмурова.

— Чтѣ, и вы играете?

— Играю, засмѣялся Хмуровъ.

— И счастливо?

— Да, вотъ выигралъ.

— Молодецъ! похвалилъ Зыбинъ. — А тутъ я Славина встрѣтилъ. Продули вдребезги.

Хмуровъ засмѣялся.

— Теперь поставите? спросилъ Зыбинъ.

— Хочу.

— На кого?

— Не знаю: кто пойдетъ?

— Вотъ, я вамъ прочту!

Зыбинъ вынулъ афишу и прочелъ названія лошадей:

— „Принцъ“, „Карлосъ“, „Геро“, „Миражъ“, „Карменъ.“

— На „Геро!“ рѣшилъ Хмуровъ.

— Алексѣй Константиновичъ! гдѣ вы, батенька, пропадали? я васъ ищу, шшу! взялъ его за локоть Славинъ. Шляпа его съехала на затылокъ, и онъ растерянно улыбался.

— Говорятъ, проигрались? улыбнулся Хмуровъ.

Славинъ махнулъ рукою и заговорилъ съ азартомъ:

— Въ концецъ! и все она со своей „Кларой!“ Надо было влюбиться въ дрянъ такую! Заносить, упряма, слаба! Вы видели, какъ онъ загонялъ ее?

Хмуровъ кивнулъ головою.

— Ну, а она на двойномъ 10 руб., а потомъ на „Жениха“ 5 руб.; а тамъ на „Вдовъ“ я да она по 3 руб. Эхъ! махнулъ онъ рукою и торопливо заговорилъ: — Я вѣдь, батенька, за долгомъ къ вамъ. За проѣздъ-то и заплатилъ, пожалуйста...

— Ахъ да! спохватился Хмуровъ: — сколько?

— Семьдесятъ копѣекъ! отвѣтилъ Славинъ и, когда получилъ ихъ, слабо улыбнулся: — у меня есть еще тридцать копѣекъ — вотъ рубль и поставлю на „Карлоса“; онъ отошелъ.

— А я на „Геро“, сказалъ Хмуровъ.

Славинъ вернулся.

— Голубчикъ, милый, поставьте на „Карлоса!“ Чтѣ вамъ? на „Геро“ — проиграете!

— Нѣтъ, я на „Геро“, засмѣялся Хмуровъ.

— И я то-же, вставилъ Зыбинъ.

— А на „Перуна“ сколько даютъ? спохватился Хмуровъ.

Славинъ съ завистью посмотрѣлъ на него:

— Неужели взяли? 5 р. 20 даютъ; 5 р. 20! счастливеецъ! — и онъ побѣждалъ брать билетъ на „Карлоса“.

— Съ выигрышемъ! улыбнулся Зыбинъ.

Хмуровъ счастливо смѣялся.

— Пойдете брать, а то опоздаемъ.

— Вы ужъ на три рубля возьмите, посоветовалъ Зыбинъ.

Хмуровъ остановился.

— А чтѣ, рискнуть? спросилъ онъ.

— Понятно, рискните! Новичкамъ везетъ!

— Ну, куда ни шло! рѣшился Хмуровъ.

Онъ получилъ 5 рублей 20 копѣекъ и поставилъ на „Геро“ 3 рубля.

„Что-то будетъ, что-то будетъ!“ пошелъ онъ къ мѣстамъ, и сердце его запыло въ предчувствіи. Первый звонокъ уже былъ данъ. Офицеръ съ флагомъ уѣхалъ почти на противоположную сторону. Изъ воротъ выѣхали всадники.

— Который „Геро?“ обратился Хмуровъ къ сосѣду.

— На чемъ Куне, отвѣтилъ сосѣдъ.

Хмуровъ радостно улыбнулся.

„Куне — лучший паѣздникъ“, подумалъ онъ: „и слѣдить легко: бѣлая фуражка“. Онъ отыскалъ среди всадниковъ Куне и впился въ него глазами.

Длинный, сухой Куне выдѣлялся изъ всѣхъ всадниковъ своею смѣлою, увѣренною посадкой и бѣлою фуражкой. Подлѣ нимъ рвался и прыгалъ „Геро“, то осаживая назадъ, то вскидываясь на дыбы. Куне легко сдерживалъ его и шагомъ приближался къ офицеру съ флагомъ.

„Какъ хороши, какъ хороши!“ трепеталъ уже въ волненіи Хмуровъ, съ нетерпѣніемъ ожидая начала.

Всадники выровнялись. Офицеръ взмахнулъ краснымъ флагомъ, звякнулъ звонокъ, и всадники рванулись нестройной толпой.

— Пошли! вскрикнулъ, не въ силахъ удержаться, Хмуровъ.

(Продолженіе будетъ).

Кое-что о Персіи.

Вновь повторенное, недавнее посѣщеніе нашего отечества правителемъ Персіи усиливаетъ, конечно, наше любопытство относительно этой древней и странной земли, и весьма умѣстно будетъ сообщить нѣкоторые данныя о нравахъ и обрядахъ персовъ, которые намъ по большей части лично удалось наблюдать при нашихъ путешествіяхъ.

Чтѣ касается общественной жизни вообще и сношенія отдѣльных классовъ между собою, то въ Персіи уже наблюдаются зачатки тѣхъ торжественныхъ и нѣсколько мелочныхъ обрядовъ, которые далѣе на востокъ, въ задней Индіи, въ Китаѣ и преимущественно въ Японіи достигаютъ высшаго предѣла. Отношеніе подчиненности министра къ шаху такъ же строго выражено церемоніально, какъ между рабомъ и хозяиномъ. Подобно тому какъ сынъ никогда не смѣетъ сѣсть въ присутствіи отца, такъ и самый знатный персіанецъ, не исключая на-

слѣдника, при шахѣ. Последнее разрѣшается лишь нѣкоторымъ родственникамъ шаха и, по древнему обычаю, стихотворцамъ, ученымъ и отъменно набожнымъ мужамъ, равно и иностраннымъ посланникамъ, причемъ почетное мѣсто всегда съ лѣвой руки.

Не меньшее значеніе въ этикетѣ имѣетъ въ Персіи кофе и табакъ. Смотря по тому, какъ предлагаются эти любимыя освѣжительныя средства, чувствуешь себя уважаемымъ или оскорбленнымъ. Каждый отъточно внимательности или уваженія хозяина къ гостю можно этимъ выразить. Если гость высшаго чина чѣмъ хозяинъ, то послѣдній самъ долженъ предлагать, наприимѣръ, кальянъ (т. е. общезвѣстный стеклянный сосудъ съ мягкимъ зубкомъ, при чемъ дымъ предварительно проходитъ черезъ воду и такимъ образомъ попадаетъ охлажденнымъ въ ротъ); однако онъ лично не смѣетъ курить, пока

этого не прикажет гость. Если оба того же чина, то кальяны мѣняются или хозяинъ передаетъ первую чашку кофе гостю, а возлѣ стоящую беретъ себѣ. Если гость болѣе низкаго званія, и хозяинъ желаетъ ему оказать нѣкоторое почтение, то онъ позволяетъ ему затннуться нѣсколько разъ изъ своего кальяна, а лакей подноситъ кофе. Если разница въ чинахъ значительна, то хозяинъ сидитъ въ умѣренномъ отдаленіи и сперва беретъ кофе, а затѣмъ, махнувъ рукою, даетъ этимъ приказаніе слугѣ угостить и гостя.

Не смотря на этотъ формализмъ, персы весьма умный и веселый народъ. Они большіе любители разныхъ общественныхъ увеселеній, и всякое развлеченіе, каждый отдыхъ весьма цѣнятся, благодаря тому стѣсненію, которому персы должны подчиниться во многихъ случаяхъ. Недостаетъ только женщины, которая вполне исключена изъ общественной жизни. Увеселенія у персовъ весьма разнообразны. Дома и на улицѣ, на мѣстахъ общаго стеченія народа, убиваютъ время игрою въ шахматы и разными карточными играми, причемъ тонкія деревянные пластинки замѣняютъ наши бумажныя карты; или же прислушиваются къ рассказчикамъ повѣстей и сказокъ, либо къ чтецамъ. Последніе образуютъ распространенный по всѣмъ городамъ Востока особый классъ, представители котораго этимъ живутъ, переходя по большей части изъ одного города въ другой, хотя есть и осѣдые.

Хотя персы большіе любители музыки, пѣнія и пляски, однако никто изъ имѣющихъ малѣйшее притязаніе на образованность и воспитанность не занимается этими искусствами, въ особенности пляскою. Приглашаютъ лишь труппы музыкантовъ или танцовщицъ на домъ, либо для увеселенія въ андерумѣ хозяина съ его женами, либо гостей на пирахъ. Плясками преимущественно пантомимно изображаются разные происшествія, напримѣръ, смерть несчастно-любленнаго, покушка или продажа въ мелочной лавчкѣ, домашній туалетъ съ раздѣваніемъ, да притомъ еще съ причудливыми глумленіями. Пѣсни весьма удачно подобраны, плясочныя, въ которыхъ ведущая хоромъ танцовщица каждый разъ заиѣваетъ одну или двѣ строфы, послѣ чего всѣ одногласно повторяютъ припѣвъ.

При другихъ пляскахъ танцуютъ одни мальчики въ длинныхъ платьяхъ разукрашенныхъ разноцвѣтными бантиками. Музыка при томъ состоитъ обыкновенно изъ гитары, особаго рода скрипки о трехъ струнахъ, и одного или нѣсколькихъ пѣвцовъ, которые кричатъ что есть духу. Такимъ образомъ музыка, хотя и держитъ тактъ, но значительно походитъ на такъ-называемую кошацю.

Персы очень любятъ охоту съ борзыми и соколами. Охотятся преимущественно на антилопъ, причемъ охотники собираются вмѣстѣ въ равнинѣ или въ степи. Изъ нихъ каждый на кулакъ держитъ сокола, а собакъ ведутъ на сворѣ. Лишь только высмотрѣна антилопа, охотники осторожно къ ней подкрадываются; но пугливое животное, завидѣвъ своего непріятеля, сейчасъ пускается въ бѣгъ и сначала съ невѣроятною быстротою. Охотники этого только и ожидаютъ, чтобы спустить собакъ и припинорить лошадь въ погоню. Въ то же время, если звѣрь одинъ, пускаютъ также и сокола; если же подняли цѣлую стаю, то ждутъ пока собаки не выдѣлятъ одну антилопу, а затѣмъ уже подбрасываютъ сокола. Последній сейчасъ же наноситъ ударъ въ голову и съ такой силой, что звѣрь часто падаетъ ошеломленный и можетъ быть схваченъ собаками. Если же первый ударъ сокола неудаченъ, то онъ его повторяетъ до тѣхъ поръ, пока бѣдное животное не падаетъ, что впрочемъ часто случается и отъ изнеможения антилопы, которая хотя и бѣжитъ замѣчательно быстро, но силы ей скоро ослабѣваютъ, такъ что послѣ одного, двухъ часовъ она неминуемо попадаетъ въ пасть собакъ. При рвеніи, съ которымъ соколы нападаютъ, нерѣдко случается, что они натываются на острые рога антилопы. Борзыя—персидской породы, свѣтлорусой масти съ длинно-волосатыми ушами. Отдѣльно съ ними охотятся преимущественно на зайцевъ, шакаловъ и лисицъ; но такъ какъ борзыя не обладаютъ чуткостю гончихъ, то охотникъ самъ долженъ выслѣживать. Лишь только онъ увидѣлъ шакала или зайца, припинориваетъ лошадь и мчитъ въ сторону бѣгущаго звѣря; вслѣдствіе этого и собаки обыкновенно замѣчаютъ звѣря и послѣ короткой угонки скоро его догоняютъ.

Въ известное время года на Майданѣ устраиваютъ травлю барановъ, для чего ихъ нарочно воспитываютъ.

Персидскіе дома весьма легкой постройки, съ немногими комнатами, которыя открыты съ сѣвера, то есть стѣну здѣсь замѣняетъ большое окно изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Ночью окно это запирается, днемъ же всегда открыто. Комнаты убраны мас-

сою маленькихъ карнизовъ и нишъ (углубленій) въ стѣнахъ, которыя у бѣдныхъ выбѣлены или не окрашены совсѣмъ, а у богатыхъ разукрашены и исписаны цвѣтами и узорами или даже выложены золотомъ. Въ каждой комнатѣ имѣется, болѣею частью противъ окна, по каминну. Полъ каменный и у богатыхъ покрытъ коврами, а у бѣдныхъ цѣновками.

Персіянннъ сидитъ подогнувъ подъ себя ноги, а туфли оставлены у двери. Кушанье подается на подносѣ, и если хозяинъ не пожелаетъ переночевать въ андерумѣ, то ему приносить подушку и спитъ онъ на томъ же мѣстѣ гдѣ и ѣлъ. Персы не гуляютъ и находятъ гуляніе смѣшнымъ, даже низкимъ. Если видятъ человѣка ходящимъ взадъ и впередъ, то предполагаютъ, что онъ что-то желаетъ принести или найти, а если этого не оказывается, то просто думаютъ, что человѣкъ съ ума сошелъ. По ихъ обычаю, нужно быть на конѣ, если собираешься сдѣлать хоть шагъ изъ дому. Дома нужно сидѣть у окна, какъ можно безпечнѣе, и отъ времени до времени кричать: „кальянъ!“ прислугѣ, которая цѣлый день съ разинутыми ртами и ожидаетъ приказанія хозяина. Между прочимъ замѣтимъ, что прислуга пользуется лучшими глотками дыма, ибо имѣется особая прислуга для закуриванія кальяна. Если приходятъ гости, то приносятъ нѣсколько кальяновъ; нѣкоторые даже бываютъ изъ золота и осипаны драгоценными камнями. Въ промежуткахъ подаются кофе, гаѣнджебинъ (охлаждающій напитокъ изъ меда, тамарисковъ, уксуса, леденца и воды), конфеты и фрукты. При этомъ гости говорятъ хозяину разные въжливости. Такъ, напр., его увѣряютъ, что онъ такой-же красивый какъ его яблоко, такой-же блестящій какъ солнце, такъ-же добръ какъ мѣсяцъ, и просятъ его сохранить имъ свою благосклонность, съ пожеланіемъ чтобы въ саду его судьбы всегда цвѣли розы счастья. Хозяинъ въ свою очередь благодаритъ радостнымъ киваніемъ головы и отвѣчаетъ такими-же картинными пожеланіями, послѣ чего снова принимается свое небрежную осанку и, часто позѣвывая, ждетъ заката солнца, чтобы совершить молитву. Уходящіе между тѣмъ гости отыскиваютъ въ сѣняхъ свои туфли и еще долго другъ передъ другомъ разсыпаются относительно того, кому первому выйти; самый богатый или знатный гость наконецъ уступаетъ и, непрестанно кивая головою, садится на лошадь. Разные празднующіеся окружаютъ его лошадь и тапчатъ этого большого господина домой; на дворѣ принцевъ и знатныхъ лицъ собирается подъ часъ нѣсколько сотъ разнаго люда, который цѣлыми часами таращитъ глаза на гостей, чтобы послѣ этого счастья съ довольною душою идти домой.

Что касается ѣды и питья, то мы не станемъ объ этомъ распространяться, ибо въ одномъ изъ предшедшихъ номеровъ „Нивы“ уже была помѣщена статья относительно того, какъ пьютъ и ѣдятъ на Востока. Укажемъ лишь похвальною заботливостю персовъ объ ихъ зубахъ, которые чистятся твердыми щетками, причемъ въ полоскательную воду бросаютъ кусочки богородичной травы (Thymus). Изъ послѣдней у насъ добывается известный алкалоидъ тимолъ (Thymol), который теперь въ зубооубрачевномъ дѣлѣ получаетъ все большее значеніе. Чѣмъ меньше гость ѣстъ, тѣмъ болѣе считаютъ его знатнымъ; но, по правдѣ, и трудно бываетъ на обѣдахъ хоть что-нибудь сѣсть. Прислуга съ невѣроятною быстротою нагромождаетъ цѣлую гору разныхъ блюдъ передъ каждымъ гостемъ—такъ и боишься либо на себя или на полъ опрокинуть эту цѣлую постройку изъ блюдъ. Подаютъ притомъ все въ большихъ массахъ. Послѣ уборки, для мытья рукъ подается вода, всегда безъ полотенца—персы сушатъ свои руки на воздухѣ.

Еще два слова о врачебной наукѣ персовъ. Знаніе средствъ обыкновенно передается отъ отца къ сыну. Трудъ хакими (hakim означаетъ: мудрецъ, ими это присваивается врачамъ) вообще плохо оплачивается, и хотя нельзя отрицать, что нѣкоторые изъ ихъ средствъ (особенно утѣляющіе боль пластыри) имѣютъ большое цѣлебное значеніе, но въ общемъ шарлатанство съ ничтожными познаніями преобладаетъ. Имѣются даже операторы глазъ, которые однако сѣраго бѣльма, напр., не могутъ излѣчить; они просто отодвигаютъ его, для чего употребляютъ грубый ланцетъ и шило. Большинство болѣзней опредѣляется по языку и пульсу, по которому считаютъ возможнымъ узнавать даже всякое скрытое страданіе. Опіумъ и мускусъ играютъ у нихъ видную роль, главную составную часть такъ-назыв. золотой пилули составляетъ именно этотъ послѣдній. Волоса и ногти окрашиваютъ порошокомъ особаго растения (Lawsonia) въ красный цвѣтъ; кромѣ того имѣютъ и черный порошокъ для окрашиванія волосъ. Этимъ, какъ увѣряютъ, корни волосъ укрѣпляются.

Н.

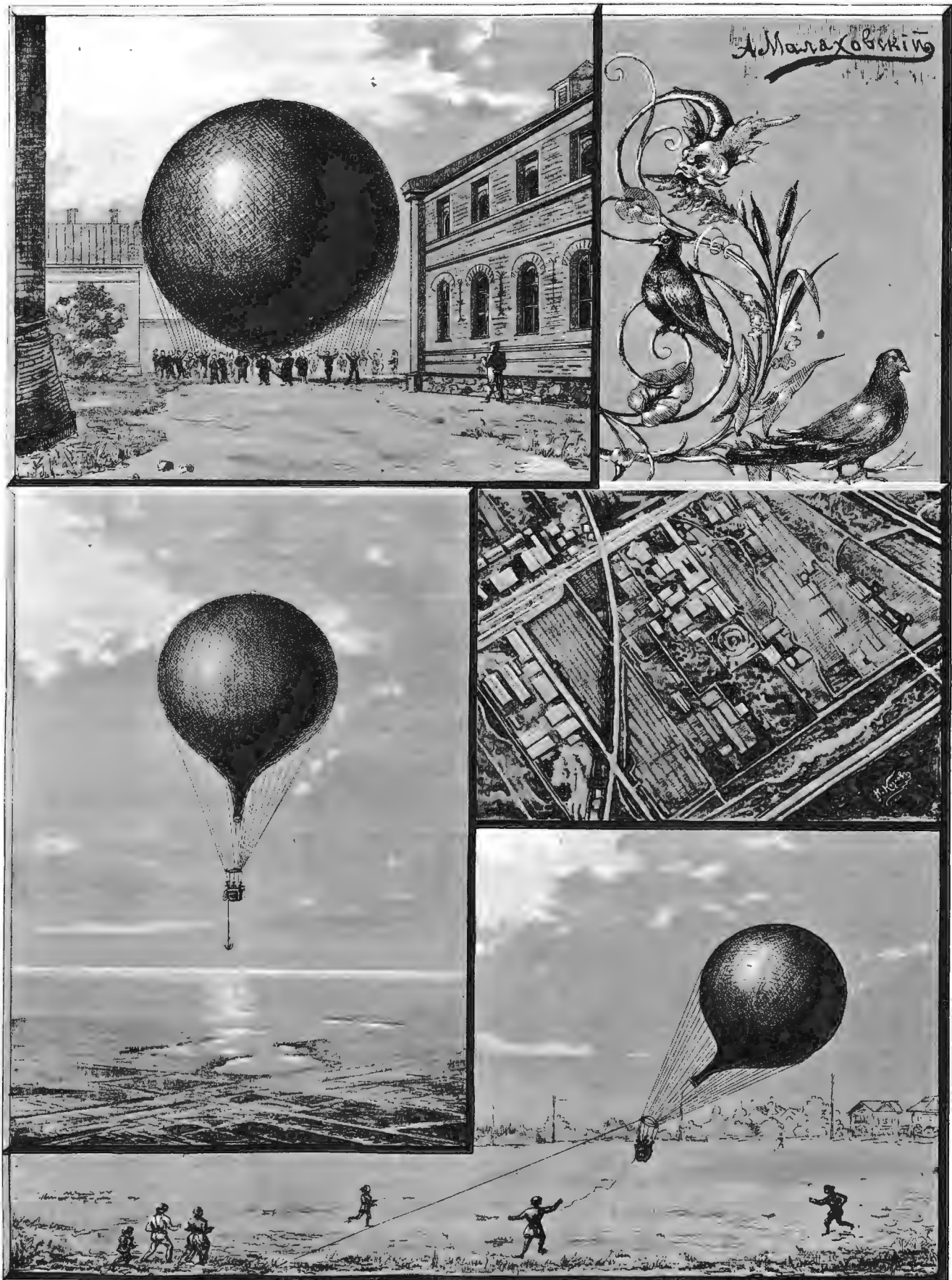
Къ рисункамъ.

Хуторокъ лѣтомъ. (Рис. на стр. 1009).

Главную прелесть пейзажей проф. Клевера составляетъ всегда присущая имъ печать поэтической задумчивости, свойственной природѣ нашего отечества, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Россіи. Вотъ передъ нами малороссійскій хуторокъ, гдѣ-нибудь на берегахъ Псла или Ворсклы, въ вечернемъ освѣщеніи, съ

раскидистыми ветлами надъ тихимъ зеркаломъ рѣки, заросшимъ кое-гдѣ водяными лопухами купавокъ (купининокъ) и очеретомъ (камышомъ), у котораго привязана къ дереву лодка. Двѣ низенькія хатки выглядываютъ въ густой зелени вишневыхъ садовъ на взлѣбѣ берега. Какое затишье! Сколько чарующей поэзіи въ этомъ безлюдномъ просторѣ!..

Въ облакахъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Малаховскаго, фотохемиграфія Яблонскаго въ СПб.

Наполненіе воздушнаго шара газомъ на Газовомъ заводѣ.

Свободный полетъ шара.

Почтовые голуби бельгійской породы.

Фотографическій снимокъ Н. Козлова съ шара, удостоенный сереб. медали.

Спускъ шара въ Импер. паркѣ Царскаго Села.

Литературный альбомъ. „Война и миръ“, гр. Л. Н. Толстаго. (Рис. на стр. 1012).

Напомнимъ эту сцену изъ знаменитой русской эпопеи, происходившую на другой день послѣ Аустерлицкаго сраженія:

На Праценской горѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ съ дреккомъ знамени въ рукахъ, лежалъ князь Андрей Болконскій, истекая кровью, и, самъ не зная того, стоналъ тихимъ, жалостнымъ и дѣтскимъ стономъ...

Къ вечеру онъ пересталъ стонать и совершенно затихъ. Онъ не зналъ, какъ долго продолжалось его забытье. Вдругъ онъ опять почувствовалъ себя живымъ и страдающимъ отъ жгучей и разрывающей что-то боли въ головѣ...

Онъ сталъ прислушиваться и услышалъ звуки приближающагося топота лошадей и звуки голосовъ, говорившихъ по-французски. Онъ раскрылъ глаза, надъ нимъ было опять все то же высокое небо съ еще выше поднявшимися плывущими облаками, сквозь которыя виднѣлась синѣющая безконечность. Онъ не поворачивалъ головы и не видалъ тѣхъ, которые, судя по звуку копытъ и голосовъ, подоѣхали къ нему и остановились.

Подѣхавшіе верховые были Наполеонъ сопутствующимъ двумя адъютантами. Бонапарте, объѣзжая поле сраженія, отдавалъ послѣднія приказанія объ усиленіи батарей, стрѣлявшихъ по плотинѣ Аугеста, и разсматривалъ убитыхъ и раненыхъ, оставшихся на полѣ сраженія.

— Батарейныхъ зарядовъ больше нѣтъ, ваше величество, сказалъ въ это время адъютантъ, прѣхавшій съ батареей, стрѣлявшихъ по Аугесту.

— Велите привезти изъ резервовъ, сказалъ Наполеонъ, и отѣхавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился надъ княземъ Андреемъ, лежавшимъ навзничъ съ брошеннымъ подлѣ него дреккомъ знамени (знамя уже, какъ трофей, было взято французами).

— Вотъ прекрасная смерть! сказалъ Наполеонъ, глядя на Болконскаго.

Князь Андрей понялъ, что это было сказано о немъ, и что говорить это Наполеонъ. Онъ слышалъ, какъ называли „ваше величество“ того, кто сказалъ эти слова. Но онъ слышалъ эти слова, какъ бы слышалъ жужжаніе мухи. Онъ не только не интересовался ими, но онъ и не замѣтилъ, а тотчасъ же забылъ ихъ. Ему жгло голову; онъ чувствовалъ, что онъ исходитъ кровью, и онъ видѣлъ надъ собою далеко, высокое и вѣчное небо. Онъ зналъ, что это былъ Наполеонъ—его герой, но въ эту минуту Наполеонъ казался ему столь маленькимъ, ничтожнымъ человѣкомъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило теперь между его душой и этими высокими, безконечнымъ небомъ съ бѣгущими по немъ облаками. Ему было совершенно все равно въ эту минуту, кто-бы ни стоялъ надъ нимъ, что бы ни говорилъ о немъ; онъ радъ былъ только тому, что остановились надъ нимъ люди, и желалъ только, чтобы эти люди помогли ему и возвратили бы его къ жизни, которая казалась ему столь прекрасною: потому что онъ такъ иначе понималъ ее теперь. Онъ собралъ всѣ свои силы, чтобы пошевелиться и произнести какой-нибудь звукъ. Онъ слабо пошевелилъ ногою и произвелъ, самою его разжалобившій, слабый, болѣзненный стонъ.

— А! онъ живъ, сказалъ Наполеонъ. — Поднять этого молодого человѣка и снести на перевязочный пунктъ!

Текинскіе инженеры. (Рис. на стр. 1013).

Забота о хлѣбѣ насущномъ въ средне-азиатской извѣстности, гдѣ почти вовсе не бываетъ дождя, заставила населеніе во что-бы то ни стало изыскать искусственное средство для орошенія полей, и этотъ вопросъ еще въ глубокой древности былъ разрѣшенъ съ изумительнымъ успѣхомъ въ Ферганѣ, — колыбели хлѣбопашества, какъ называетъ ее проф. Миддендорфъ, давшій намъ прекрасныя изслѣдованія этой области Туркестанскаго края. Оттуда, по всей вѣроятности, текинцы Ахала и Мерва позаимствовались основными началами ирригаціи и приспособили ихъ къ мѣстнымъ условіямъ. Двѣ рѣки нашихъ новыхъ владѣній въ Азіи, Мургабъ и Тедженъ, были обращены ими въ оросительные каналы и, путемъ послѣдовательныхъ гидравлическихъ работъ, были выведены изъ своего естественнаго русла на болѣе высокую линію, давшую возможность пользоваться болѣе широкими уклонами для орошенія лежащихъ на немъ полей и плантацій.

Особаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ по своей оригинальности запруды, или плотины, устраиваемыя этими инженерами крайне быстро и дешево. Быстрота теченія названныхъ рѣкъ, берущихъ свои воды въ довольно высокихъ горахъ, казалось-бы, сильно должна была мѣшать этимъ работамъ, но текинцы ухитрились—и это кажущееся препятствіе сослужило имъ незамѣнимую службу. Плотины устраиваются въ видѣ пробки такихъ размѣровъ, какіе требуются шириною и глубиною рѣки. Эта пробка сворачивается на берегу изъ камыша и колючаго кустарника при помощи переречныхъ канатовъ изъ того-же материала. Когда пробка готова, одинъ конецъ ея, нижній (по теченію рѣки), прикрѣпляется кольями къ берегу, другой опускается въ воду и, не попадая въ быстрое теченіе, относится къ противоположному берегу, двигаясь на прикрѣпѣ, какъ на шарнирѣ. На другомъ берегу устроена тоже прикрѣпка, въ которую и упирается свободный конецъ пробки и закрѣпляется рабочими окончательно. Разъ

концы этой пробки укрѣплены, рѣка подѣлываетъ плотину уже сама собою, благодаря глинисто-песчаному грунту русла: подпнытый быстрымъ теченіемъ песокъ заполняетъ пробку до степени полной непроницаемости, и плотина готова. Надо замѣтить, что всѣ эти работы производятся всѣмъ населеніемъ, представляя собою видъ обязательной натуральной повинности, и надо видѣть порядокъ, какой царствуетъ въ тысячной иногда толпѣ, управляемой немногими распорядителями этихъ работъ, такъ-называемыми арыкъ-саксакалами.

Божій человѣкъ. (Рис. на стр. 1017).

Картина академика Кошелева изображаетъ одного изъ тѣхъ „простыхъ сердцемъ и разумомъ“, которые дониндѣ еще не перелились на Русь, и попрежнему возбуждаютъ благоговѣнное уваженіе простаго народа и насмѣшки людей мнимо просвѣщенныхъ, одного изъ тѣхъ

... что возлюбилъ
Всѣмъ сердцемъ Господа, и Самъ Господь
Ихъ возлюбилъ; и все даетъ что просятъ.
А просятъ же они не благу житейскихъ,
Не временныхъ, прелестныхъ здѣшнихъ благъ,
А тишины и радости духовной...
„Божими людьми“ зовутъ ихъ въ народѣ.

Неужели утонулъ?.. (Рис. на стр. 1020).

Передъ нами драма сплошь и рядомъ повторяющаяся въ рыбацкихъ селеніяхъ на морскомъ берегу. Ватага рыбаковъ съ утра ушла на лодкахъ въ море за добычей... Къ обѣденному времени мало-по-малу стали возвращаться рыбаковы... Лодка за лодкой причаливала къ пристани... Вернулись и самые запоздалые, а кормильца семьи, изображенной на картинѣ Батона, все нѣтъ какъ нѣтъ... „Неужели утонулъ?“ съ отчаяніемъ въ душѣ думаетъ бѣдная жена и мать, не тая уже своего горя передъ малютками, быть-можетъ осиротѣвшими на-вѣкъ... Къ счастью, печальный исходъ этотъ сравнительно рѣдокъ. Мало ли что можетъ задержать рыбака на взморьѣ?.. Какал-нибудь мелъ, на которой пробьешься нѣсколько часовъ въ одиночество, особенно счастливый уловъ, встрѣча и т. п.

Кто смѣлъ, тотъ два съѣлъ. (Рис. на стр. 1021).

Англійскіе художники неподржаемы въ изображеніяхъ дѣтей и друзей ихъ, домашнихъ животныхъ. Сколько изящества, напр., въ этой малюткѣ, которая кормитъ такихъ же крошекъ изъ пернатого міра!.. Съ какою жизненною правдою написанъ этотъ цилиенокъ, что, соскучась ждать своей очереди, не вытерпѣвъ, осмѣлился и вскочилъ на ботинку маленькой хозяйки... И вотъ лучшій кусочекъ—награда смѣльчаку.

Парижская Всемирная выставка 1889 года. Бой быковъ. (Рис. на стр. 1028).

На Парижской всемирной выставкѣ сосредоточилось столько разнообразныхъ зрѣлищъ, какъ напр. танцы яванокъ, марокканскій концертъ, аннамскій театръ и т. п., что весьма естественно подумали и о боѣ быковъ, до котораго такъ страстно очочи испанцы и жители Юга Франціи. Но, какъ и всегда когда этотъ вопросъ возникалъ на французской почвѣ, печать единогласно возстала противъ устройства настоящихъ испанскихъ боевъ, оканчивающихся кровавымъ зрѣлищемъ смерти быка. Къ агитаціи присоединилось и Общество покровительства животнымъ, основывался на такъ-называемомъ законѣ Граммона. Поэтому и разрѣшенныя для выставки *корриды* (бои) обходится безъ кроваваго финала, т. е. быка не убиваютъ на самомъ дѣлѣ, хотя и наносятъ ему фиктивный ударъ по всѣмъ правиламъ искусства, черезъ рога, т. е. съ опасностью жизни для эспады (наоспага ударъ). Всѣ-же прочія перипетіи боя, дразненіе быка конными пикадорами и пѣшими бандериллерами продѣлываются точь-точь такъ какъ и при настоящемъ боѣ. Зрѣлище это столько разъ описывалось въ *Нивѣ* прошлыхъ годовъ, что повторять это описаніе считаемъ излишнимъ. На нашемъ рисункѣ изображена арена, окруженная амфитеатромъ съ толпою зрителей и наполненная всѣми участниками боя. Громадный циркъ этотъ находится неподалеку отъ выставки, въ Булонскомъ лѣсу.

Уилки Коллинзъ († 11 сент.). (Портр. на стр. 1029).

Англійская литература потеряла недавно одного изъ своихъ крупныхъ представителей. 11 (23) сентября умеръ Уилки Коллинзъ, извѣстный романистъ, другъ Диккенса, одинъ изъ достоящихъ его продолжателей, произведенія котораго пользовались большимъ успѣхомъ и у насъ, въ Россіи, гдѣ переведены почти всѣ его романы, сколько-нибудь замѣчательные. Сынъ извѣстнаго художника Вильяма Коллинза, прославившагося своими прекрасными лѣсными и морскими пейзажами и жена-таго на миссъ Карпентеръ, сестрѣ портретистки, — крестникъ другаго художника, въ честь котораго онъ носитъ его имя, — Уилки Коллинзъ родился въ Лондонѣ, въ 1824 году, и воспитывался въ одной частной школѣ. Ему было двѣнадцать лѣтъ, когда онъ отправился съ отцомъ путешествовать по Италіи,

жилъ въ Пизѣ, Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ, а также въ Швейцаріи, и это путешествіе, среди котораго онъ учился живописи и скульптурѣ и знакомился на мѣстѣ съ классическимъ міромъ, имѣло сильное вліяніе на развитіе воображенія и умственныхъ способностей молодого Коллинза. Постоянная жизнь среди художниковъ не могла не отразиться на его литературной дѣятельности, и въ его первыхъ опытахъ постоянно попадаются герои изъ родаго Коллинзу художественнаго круга. Возмущавъ, Коллинзъ сперва думалъ посвятить себя коммерческому дѣлу и занимался въ чайной торговлѣ, потомъ изучалъ право, но, неудержимо влекомый къ литературѣ, оставилъ эти занятія и весь отдался творчеству. На литературное поприще онъ выступилъ съ биографіей его отца—„Жизнь Вильяма Коллинза“ и затѣмъ съ романомъ „Антонина, или паденіе Рима“, отзывающимся подражаніемъ отчасти „Мученикамъ“ Шатобриана, а отчасти произведенію Бульвера „Послѣдній день Помпеи“. Далѣе слѣдовали романы изъ современной жизни „Базиль“, „Hide and Seek“ и друг. Но эти первые произведенія, грѣшашія неловкостью изложенія, исключительностью главныхъ персонажей и обиліемъ лицъ изъ художественнаго круга, весьма непопулярнаго въ Англій, почти не имѣли успѣха. За то съ особеннымъ интересомъ читались коротенькіе рассказы Коллинза, печатавшіеся въ журналѣ Диккенса *Household Words*, и одинъ изъ нихъ, „Страшная кровать“, произвелъ настоящую сенсацію. Изложеніе этого рассказа могло соперничать съ манерой знаменитаго Эдгара По, въ его самыхъ страшныхъ произведеніяхъ, и послѣ необычайнаго успѣха „Страшной кровати“, Коллинзъ понялъ свое настоящее призваніе и обратился къ тому роду романа, который прославилъ его имя и на родинѣ, и далеко за ея предѣлами. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ любимцемъ

публики, основавъ беллетристическую школу такъ-называемыхъ сенсаціонистовъ. Особенно сталъ популяренъ Коллинзъ послѣ выхода въ свѣтъ его романа „Мертвая тайна“ (*The dead secret*), необыкновенная увлекательность котораго держится на исторіи утаеннаго завѣщанія. Прекрасно понявъ, что главная сила его таланта заключается въ способности поддерживать чисто внѣшній интересъ, въ изображеніи не героев повседневной жизни, а людей выведенныхъ изъ всегдашней житейской колеи сѣвленіемъ потрясающихъ событий, Коллинзъ, однако, не впадалъ въ кровавую мелодраму. Въ такомъ духѣ и на правленіи написаны всѣ романы Коллинза, изъ которыхъ наибольшей извѣстностью пользуются: „Женщина въ бѣломъ“, „Безъ роду и племени“ (*No name*), „Въ тѣни“ (*After Dark*), „Бѣдная миссъ Финчъ“, „Лунный камень“, „Миртовая комната“, „Миссъ или мистриссъ?“, „Мужъ и жена“, „Армадэль“, „Новая Магдалина“ и друг. Коллинзъ—врагъ сантиментальности, ненавистникъ ложнаго пуританизма и меркантилизма, и считаетъ долгомъ обнажать язы современнымъ англійскаго общества. Но тенденцію и мораль онъ, подобно своему учителю Диккенсу, умѣетъ замаскировать внѣшнимъ интересомъ, спрятавъ подъ затѣливую, хитро сплетенную интригу. Въ молодости Коллинзъ принадлежалъ къ одному артистическому и литературному кружку, участвовалъ съ успѣхомъ въ его спектакляхъ и написалъ для него драму „Маякъ“; ему также принадлежатъ драматическія произведенія „Ледяная пучина“ (*The Frozen deer*) и „Новая Магдалина“, передѣланная изъ романа, имѣвшая огромнѣйшій успѣхъ на сценѣ. Коллинзъ былъ женатъ на дочери Чарльза Диккенса, въ сотрудничествѣ съ которымъ написалъ извѣстный романъ „Безъ выхода“.

П. Быковъ.

Въ облакахъ.

(Рис. на стр. 1025).

Хотѣлось бы себѣ на память записать ощущенія и впечатлѣнія при первомъ моемъ полетѣ на воздушнои шарѣ Императорскаго Техническаго Общества.

4 сентября, отправивъ утромъ изъ дому, я сперва поѣхалъ къ завѣдующему воздухоплавательной командой, поручику А. М. Кованько, по поводу голубей, которыхъ нужно было взять изъ военно-почтовой голубиной станціи, а затѣмъ—на газовый заводъ, гдѣ, въ ожиданіи шара, долженствовавшаго прибыть изъ воздухоплавательнаго парка, началъ укладывать инструменты, которые мы брали съ собою для наблюденій. Вскорѣ въ воротахъ показался фургоныкъ съ шаромъ, который вмѣстѣ съ повозкой былъ тотчасъ поставленъ на вѣсы для опредѣленія его груза, послѣ чего повозка двинулась далѣе на средній дворикъ, гдѣ обыкновенно происходило наполненіе азростатовъ. Въ это время пріѣхалъ инженеръ-полковникъ Н. А. Козловъ, одѣтый въ кожаные куртку и рейтузы, въ высокихъ сапогахъ. Сейчасъ-же вмѣстѣ съ нимъ мы приступили къ звѣриванію инструментовъ и аппаратовъ, какіе мы рѣшили захватить съ собою. Наконецъ, явился и С. Ф. Вроблевскій,—тогда мы втроемъ помѣстились на вѣсахъ для опредѣленія нашего вѣса.

Между тѣмъ на дворѣ газоваго завода постепенно начали събѣжаться знакомые офицеры воздухоплавательной команды. Наполненіемъ шара завѣдывалъ поручикъ В. А. Семковскій. Здѣсь же присутствовали предсѣдатель VII отдѣла Техническаго Общества генералъ-лейтенантъ Боресковъ, члены Техническаго Общества и много другихъ знакомыхъ; сюда же начали собираться представители печати и масса посторонней публики. Разостлавъ брезентъ и положивъ шаръ съ надѣтою на него сѣткой, начали наполнять его газомъ, но къ этому времени сталъ накрашивать дождь, и пришлось приостановить наполненіе шара, предварительно накрывъ его брезентами, дабы онъ не намокъ и этимъ не увеличился въ своемъ вѣсѣ. Послѣ небольшого перерыва, шаръ совершенно наполнился. Натянувъ сѣтку, концы которой удерживались мѣшками съ песочнымъ балластомъ, въ рукахъ у солдатъ воздухоплавательной команды, немедленно приступили къ прикрѣпленію корзины. Въ это время мы, всѣ участвующіе въ полетѣ, начали собирать наши инструменты, которые прикрѣплялись къ веревкамъ надъ корзиной; я же отправился за голубями, сидѣвшими въ корзинкѣ, и затѣмъ помѣстился въ корзину, въ которой уже былъ Козловъ; послѣднимъ взвѣсилъ Вроблевскій. Все было готово, и къ моменту нашего подъема, направленіе вѣтра опредѣлено пробнымъ шаромъ; но по случаю вѣтра крепившаго нашъ шаръ на стѣнку газгольдера, насъ, по распоряженію завѣдывавшаго нашимъ подъемомъ А. М. Кованько, отнесли на первый дворикъ. Размѣстившись въ корзинѣ поудобнѣе и взявъ на всякій случай въ руки по мѣшку балласта, мы ждали момента подъема. Наконецъ раздалась команда „отпускай!“ Насъ сразу рвануло и потащило по землѣ на стѣну зданія завода, разогоняя на пути публику; мы ждали толчка о зданіе, но раздалась команда „держи!“ и закончившаяся моментально масса солдатъ подхватила насъ и оттащила обратно. Это случилось такъ скоро, что мы не успѣли даже дать себѣ отчета о той опасности, какой мы подвергались, вполнѣ

углубленные каждый въ свое дѣло. Сбавивъ нѣсколько мѣшковъ песку, мы по вторичной командѣ „отпускай!“ плавно понеслись къ зданію завода и чуть не зацѣпили за крышу, но вовремя брошенный мѣшокъ балласта заставилъ облегченный шаръ вынести насъ благополучно. Когда мы выглянули за бортъ корзины, намъ представилась чудная картина. Масса публики, махая шляпами, посылая намъ пожеланія благополучнаго путешествія. Съ неимоверною быстротой эта толпа народа начала уменьшаться и наконецъ совсѣмъ пропала,—уже нельзя было отличить человеческой фигуры. Мы неслись все выше и выше; предъ нами открылась чудная панорама. Вдали мерцалъ кой-гдѣ освѣщенный солнцемъ Петербургъ; зданія казались какими-то маленькими коробочками, и только золоченые купола церквей съ ихъ колокольнями разнообразили чудный видъ столицы. Направо свернула излучистою темносинею лентой Нева, со своими рукавами; вдали за ней, подернутая голубоватой дымкой, зеленѣла даль. Истокъ Невы съ Ладожскимъ озеромъ намъ не былъ виденъ, такъ какъ былъ покрытъ темными тучами. Невдалекѣ рядомъ съ нами плыло чудное бѣлое кучерово облако. Налѣво виднѣлась часть Финскаго залива, Морской каналъ, Кронштадтъ, Петергофъ, а даль была закрыта темно-свинцовыми облаками, повисшими надъ Финскимъ заливомъ. Подъ нами разстлалась чудный коверъ зелени съ разнообразными узорами, образующимися отъ зданій, дорогъ, деревьевъ, тропинокъ; все это было покрыто свѣтло-голубымъ тономъ тумана.

Мы несемся довольно быстро. Съ боку отъ Петербурга стелется струйка дыма, за которымъ чернѣетъ движущаяся змѣйка; мы ее обгоняемъ—это позадъ идущій въ Царское-Село. Каждую минуту видъ измѣняется, картины слѣдуютъ одна за другой. Нѣтъ возможности отдать себѣ отчета въ испытываемомъ ощущеніи. Тишина въ заоблачныхъ сферахъ нарушается издали гуломъ пушечныхъ выстрѣловъ пробныхъ орудій съ Обуховскаго заводскаго полигона. Чистымъ воздухомъ дышется какъ-то особенно легко. Глазъ прикованъ къ чудно раскинувшейся панорамѣ, самъ находишься въ какомъ-то очарованномъ состояніи,—кажется никогда бы не оторвался отъ созерцанія; но, къ сожалѣнію, необходимость заставляетъ привыкать за дѣло. У меня за спиной Козловъ уже давно, стоя передъ инструментами, занятъ метеорологическими наблюденіями—онъ такъ углубленъ въ свое дѣло, что не обращаетъ вниманія на порывную при началѣ путешествія руку, съ которой струится кровь, и не чувствуетъ боли; моментально прильпленный пластырь не отрываетъ его отъ занятій. Вроблевскій, наблюдая за управленіемъ и полетомъ шара, чрезъ каждую минуту сообщаетъ намъ показаніе барографа. Съ лихорадочною посибностью и я иринимаюсь за дѣло: начинаю провѣрять кой-какіе инструменты, но вспоминаю, что моя главная программа заключается совсѣмъ въ другомъ, и приспосабливаю камеру къ снимкамъ. Свѣточувствительность, вслѣдствіе сильной туманности, по фотометрическимъ наблюденіямъ слишкомъ мала, на матовомъ стеклѣ очень слабо и туманно рисуется топографическія мѣстность; но не теряю надежды, дѣлаю вѣскольکو снимковъ, вкладываю ихъ въ свѣтонепроницаемую оболочку, вынимаю перваго почтоваго голубя, прикрѣпляю къ нему нелікколь (футлрчикъ), записываю на ней высоту баро-

графа—и почталіонъ готовъ. Сажаю его на бортъ корзины; но ручной голубь не показываетъ ни малѣйшаго желанія съ нами разстаться, прыгаетъ во внутрь корзины и путается между нашими ногами. Вторично сажаю его на бортъ корзины и слегка подталкиваю,—на этотъ разъ голубь бросается въ пространство и направляетъ свой полетъ къ Петербургу.

Затѣмъ идутъ дальнѣйшія работы; на время Козловъ прерываетъ свои наблюденія и помогаетъ мнѣ провѣрить фотографическую камеру; дѣлаемъ еще снимки. Барографъ показываетъ, что шаръ начинаетъ падать; нѣсколько горстей брошеннаго песку останавливаютъ это пониженіе. Мы все несемъ съ тою же быстротою. Передъ нами открываются изъ-подъ облаковъ разныя деревушки, а вдали, сквозь разорванныя тучи, открывается на горизонтѣ видъ Царскаго-Села. Мы опускаемся ниже облаковъ, начинаемъ ориентироваться; послѣ нѣсколькихъ наблюденій по картѣ, мы определяемъ наше мѣстоположеніе. Небо проясняется отъ облаковъ—и предъ нами видъ залитаго яркимъ солнцемъ царскаго дворца. Нашъ шаръ, послѣ часоваго полета, замѣтно начинаетъ приближаться къ землѣ; приходится расходовать баластъ. Г. Вроблевскій дѣлаетъ намъ

Въ это время на шоссе парка остановилось ландо съ сѣдоками; мы кричимъ кучеру чтобы онъ отѣзжалъ поскорѣй, дабы нашимъ приближающимся шаромъ не испугать лошадей и не произвести какой-нибудь кутермы. Кучеръ поспѣшно улепетываетъ. Баластъ расходуетъ правильно: остается только $\frac{3}{4}$ мѣшка. Передъ нами поляна, вдали телеграфные столбы; мы рѣшаемся спуститься не перелетая черезъ телеграфную проволоку. Приготовленный якорь виситъ на борту корзины; горизонтъ подымается; минута—якорь брошенъ, мы приготовляемся къ остановкѣ; якорь, зацѣпивъ за кочку, зарывается, выбрасывая большія глыбы земли, корзина касается земли, мы повисли на веревкахъ. Первый толчокъ о землю—облегченный шаръ подымаетъ насъ на нѣкоторую высоту и снова падаетъ внизъ; толчки паденія очень слабы. Схватываемъ веревку отъ клапана и помогаемъ газу выйти изъ шара; якорь, крѣпко зарывшись въ землю, останавливаетъ насъ на мѣстѣ, но мы не выходимъ изъ корзины, пока шаръ, еще накренившись въ воздухѣ, не начинаетъ клониться къ землѣ. На встрѣчу къ намъ со всѣхъ сторонъ спѣшатъ народъ, завидя нашъ спускъ; шумъ, говоръ толпы заглушаетъ наши распоряженія; нѣсколько че-

Парижская Всемирная выставка. Бой быковъ. По моментальной фотогр. грав. Тирія.

вопросъ: сколько у насъ мѣшковъ баласту; начинаемъ осматривать борта корзины, но, увы!—за бортомъ нѣтъ ни одного мѣшка, исключая того, что подъ руками; а панорама и видъ сверху такъ чудны, что нѣтъ ни малѣйшаго желанія опуститься на землю. Но благоразуміе беретъ верхъ: мы начинаемъ укладывать наши инструменты; я подвѣшиваю своихъ крылатыхъ почтарей, дабы избавить ихъ отъ толчка при спускѣ; одного изъ голубей снова пускаю съ фотографическимъ снимкомъ.

При плавномъ полетѣ, замѣчаемъ какъ быстро земля приближается къ намъ: мы начинаемъ различать уже болѣе мелкія зданія и человѣческія фигуры, видимъ вдали мирно пасущихся коровъ. До насъ начинаютъ долетать отдѣльные звуки: лай собакъ и крики людей, которые, завидя насъ, быстро несущихся надъ полями, криками изъясняютъ свое изумленіе. Царское-Село все растетъ. Пронесся надъ полемъ, мы видимъ передъ собою какого-то крестьянина пашущаго землю; недалеко отъ него стоитъ повозка съ лошадей. Г. Вроблевскій вытравливаетъ гайдропъ (веревку), который начинаетъ касаться земли. Мы ясно уже видимъ какъ мужикъ, бросивъ соху и лошадей, схватываетъ конецъ веревки, но сила полета шара повергаетъ его, онъ падаетъ на землю, подымается, и все-таки бѣжитъ. Мы кричимъ ему сверху чтобы онъ угналъ лошадь съ пути нашего полета, дабы ее не захлестнуть волочащейся веревкой.

ловѣкъ ухватились за края нашей корзины. Шаръ касается земли, напоръ вѣтра помогаетъ быстро улечувываться газу изъ аэростата. Мы выходимъ изъ корзины, наши впечатлѣнія и ощущенія перемѣшаны и перепутаны. Мы на землѣ. Управлявшій шаромъ, г. Вроблевскій, начинаетъ распоряжаться уборкою его; масса предложенныхъ услугъ заставляетъ его обратиться къ выборному порядку; выбираемъ старосту, который беретъ подъ свое начальство 10 человекъ; тѣ помогаютъ управиться съ уборкою и нанять подводу. Въ это время насъ любезно приглашаютъ отдохнуть на Императорскую ферму и подкрѣпить наши силы. Мы дѣйствительно чувствуемъ себя утомленными, ноги болятъ отъ недолгаго стоянія въ корзинахъ. Приготовляемъ депешу, вынимаемъ изъ корзины почтара, который, сдѣлавъ нѣсколько круговъ по воздуху, направляется къ Петербургу съ извѣщеніемъ о нашемъ благополучномъ спускѣ. Шаръ убранъ; все въ исправности; инструменты въ цѣлости. Отправивъ подводу, мы идемъ къ управляющему Императорской фермой, г. Гольсту, гдѣ намъ предлагаютъ роскошный сельскій завтракъ. Результаты нашего полета сводятся и можемъ резюмировать ихъ; метеорологическія наблюденія по утвержденной программѣ Императорскаго Техническаго Общества исполнены; всѣ опыты съ голубями, принимая во вниманіе первый ихъ полетъ съ неизвѣстной имъ мѣстности, удались блистательно.

А. Малаховскій.

Политическое обозрѣніе.

Телеграфъ передаетъ слѣдующія подробности Берлинскаго свиданія. 29 сентября, разстановка войскъ шпалерами вдоль улицы отъ Лертскаго вокзала къ Альзенскому мосту, по Коро-

левской площади, Аллеѣ Побѣды и по улицѣ „Unter den Linden“ окончилась въ началѣ десятаго часа утра. На общественныхъ, королевскихъ и многихъ частныхъ домахъ выставлены

были флаги; многочисленная толпа ожидала на улицах прибытия Императоровъ. Приемный залъ Лертскаго вокзала былъ убранъ множествомъ флаговъ русскихъ, германскихъ, мекленбургскихъ и ольденбургскихъ цвѣтовъ. Входъ въ царскіе покои былъ украшенъ роскошными растеніями, а выходъ, подъѣздъ и пурпурный балдахинъ—золотою бахромой. Въ вокзалѣ собрались высшія гражданскія и военныя власти, высшіе гражданскіе и придворные сановники въ полной парадной формѣ; кромѣ того, тутъ же были многіе принцы и высокія особы. Германскій императоръ былъ въ мундирѣ Выборгскаго пѣхотнаго своего имени полка.

Въ 10 час. утра русскій Императорскій полкъ вошелъ въ вокзалъ; музыка заиграла русскій народный гимнъ, а почетный караулъ, для салюта, преклонилъ знамя. Императоръ Вильгельмъ подошелъ къ вагону-салону, у открытаго окна котораго стоялъ Государь Императоръ въ мундирѣ прусскаго гвардейскаго гренадерскаго Имени Своего полка. Государь Императоръ, привѣтствуя императора Вильгельма, нѣсколько разъ обнялъ его, а князю Бисмарку пожалъ руку. Послѣ обхода по фронту почетнаго караула и прохожденія этого караула, оркестръ котораго исполнилъ русскій народный гимнъ, Государь Императоръ и императоръ Вильгельмъ прослѣдовали въ посольство, въ коляскѣ четвернею, въ сопровожденіи эскорта изъ кирасировъ и улановъ, между расположенныхъ шалерами войскъ; коляска ѣхала на рысяхъ. Стоявшія на улицахъ густыя толпы народа восторженно привѣтствовали Ихъ Величества.

При проѣздѣ императорскаго экипажа черезъ Бранденбургскія ворота, послѣдовали салюты въ 101 выстрѣлъ. По прибытіи къ зданію русскаго посольства, Ихъ Величества, остановившись передъ порталомъ посольства, присутствовали при прохожденіи войскъ гвардейскаго корпуса, которое продолжалось три четверти часа. Когда прохожденіе войскъ кончилось, Ихъ Величества прослѣдовали, при восторженныхъ возгласахъ толпы народа, въ отель посольства, направившись въ находящуюся въ первомъ этажѣ Бѣлую залу, гдѣ сервированъ былъ завтракъ. Когда полкъ имени Императора Александра внесъ свое знамя въ покои своего Августѣйшаго шефа, Ихъ Величества еще разъ показали народу въ окна, причемъ толпа вновь огласила воздухъ восторженными привѣтствіями.

На завтракъ, данномъ въ зданіи русскаго посольства графомъ Шуваловымъ, присутствовали императоръ Вильгельмъ и всѣ высокія особы. Графъ Шуваловъ, поднявъ бокалъ, привѣтствовалъ Государя Императора съ прибытіемъ и провозгласилъ тостъ за здоровье Его Величества. Игравшій во время завтрака хоръ гвардейскаго гренадерскаго Имени Александра полка исполнилъ при этомъ русскій народный гимнъ. Послѣ затѣмъ Государь Императоръ провозгласилъ по-французски краткій тостъ за здоровье императора Вильгельма. Въ продолженіе завтрака оба Монарха проявляли въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ величайшую задушевность. Государь Императоръ еще ранѣ изволилъ выразить окружающимъ удовольствие по поводу приѣма.

Послѣ завтрака, около 12 час. 45 мин., Государь Императоръ и Великій Князь Георгій Александровичъ поѣхали въ коляскѣ, паркою, въ сопровожденіи состоящихъ при Особѣ Его Величества лицъ, во дворецъ и сдѣлали визитъ императрицѣ Августѣ-Викторіи, а затѣмъ посѣтили вдовствующую императрицу Викторію въ ея дворцѣ.

На парадномъ обѣдѣ, данномъ въ честь Государя Императора, императоръ Вильгельмъ провозгласилъ слѣдующій тостъ: „Шлю за здоровье моего уважаемаго Друга и Гости, Его Величества Императора Россійскаго, и за продленіе дружбы, болѣе ста лѣтъ существующей между нашими Домами; дружбу эту я рѣшилъ заботливо поддерживать, какъ на слѣдѣе, перешедшее ко мнѣ отъ моихъ предковъ“. Государь Императоръ поблагодарилъ по-французски за выраженные императоромъ Вильгельмомъ дружественныя чувства и провозгласилъ тостъ за здоровье императора и императрицы Германскихъ. Затѣмъ Государь Императоръ выпилъ за здоровье имперскаго канцлера, который при этомъ всталъ и стоя осушилъ бокалъ и низко поклонился. Потомъ императоръ Вильгельмъ предложилъ тостъ за здоровье графа Шувалова, который тоже осушилъ бокалъ стоя и сдѣлалъ низкій поклонъ.

Во время параднаго обѣда играла музыка гвардейскаго лейб-гусарскаго и гвардейскаго гренадерскаго имени Императора Александра полковъ. Государь Императоръ изволилъ быть за обѣдомъ въ мундирѣ прусскаго уланскаго полка, котораго Его Величество состоитъ шефомъ.

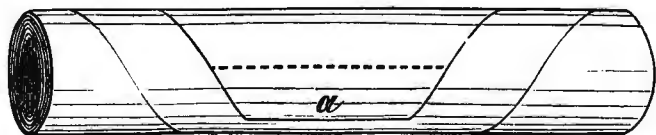
Улли Коллинзъ († 11 сентября 1889). Фотохемиграфія Яблонскаго.

Необходимое предупрежденіе.

При вскрытіи преміи, рассылаемой при № 42 „Нивы“, необходимы слѣдующія предосторожности, дабы не испортить картины.

Здѣсь изображенъ чертежъ средней части запакованной преміи. Для вскрытія надо только разрѣзать бумагу по линіи, обозначенной на чертежѣ точками, т. е. выше линіи наклейки а; далѣе бумага уже развертывается сама собою.

Вынимая изъ обертки картину, скатанную лицевой стороною кнаружи, не слѣдуетъ ее свертывать въ обратную сторону, какъ обыкновенно случается и картина испортится. Слѣдуетъ, вынувъ, просто разложить картину на столѣ, наложивъ на край какія-нибудь пресъ-папье или какія-либо тяжести, и дать ей вылежаться нѣсколько дней, тогда она распрямится сама собою и можетъ быть вставлена въ раму.

Чертежъ средней части запакованной преміи въ уменьш. видѣ.

Въ этихъ случаяхъ дѣлаютъ, ибо ланъ можетъ потрескаться и картина испортится. Слѣдуетъ, вынувъ, просто разложить картину на столѣ, наложивъ на край какія-нибудь пресъ-папье или какія-либо тяжести, и дать ей вылежаться нѣсколько дней, тогда она распрямится сама собою и можетъ быть вставлена въ раму.

С М Ъ С Ъ.

Съ 1 января будущаго года въ Москвѣ будетъ издаваться Н. М. Боборыкинъ, безъ предварительной цензуры, подъ редакціей князя Д. Н. Цертелева, литературно-политическій журналъ *Русское обозрѣніе*.

Журналъ будетъ выходить 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, книжками по 15 листовъ.

Цѣна изданія за годъ безъ пересылки и доставки 15 р.

Кустарный промыселъ. Въ послѣдніе годы въ Конотопскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, сильно развилось производство среди крестьянъ удобоперевозимыхъ и несложныхъ машинъ и орудій. Этотъ кустарный промыселъ существуетъ и въ уѣздахъ Орловской губерніи. Машинъ и орудій крестьянской работы весьма несложны, при поломкѣ могутъ исправляться домашними средствами и, главное, дешевле фабричныхъ. Сельскіе хозяева всего охотнѣе покупаютъ молотилки конотопскихъ кустарей, по цѣнамъ отъ 75 до 150 руб. Эти машинъ и орудія распродаются въ большомъ количествѣ въ уѣздахъ Сѣвскомъ, Трубчевскомъ, Стародубскомъ, Новозыбковскомъ, Глуховскомъ и Новгородсѣверскомъ. Но они отплавляются и въ отдаленныя мѣстности имперіи, напримѣръ на Кавказъ, въ Томскую, Уфимскую и Тобольскую губерніи, гдѣ они находятъ всегда хорошаго сбыта. (в.)

Царская невѣста Марія Хлопова. Въ очеркахъ г. Пыляева „Старая Москва“ разсказывается извѣстная исторія дѣвцы Маріи Хлоповой, сдѣлавшейся жертвою интригъ придворныхъ. Она была подруга дѣтства царя Михаила Теодоровича, по вступленіи его на престолъ, была выбрана имъ себѣ въ невѣсты и жила уже въ „верху“. Но вслѣдствіе непріятныхъ отношеній родственниковъ Хлоповой изъ Салтыковъ, послѣдніе рѣшились погубить царственную невѣсту во что бы то ни стало. Будущую царицу окружили всякими предосторожностями, но ея враги достигли своей цѣли. По преданію, въ селѣ Покровскомъ, куда ѣздилъ царь съ невѣстой на гулянье, онъ вручилъ Маріи на прощанье ларецъ съ сахарными леденцами и заѣдками, зная, что она ихъ любитъ; но одна изъ подкупленныхъ женщинъ подмѣнила нѣкоторые изъ нихъ отравленными. Марія, не подозревая ничего, поѣла; ночью у нея явилась ужасная боль въ желудкѣ, а затѣмъ рвота и ослабленіе силъ. Недоброжелатели ея встревожили дворъ словами „черная немочь, черная немочь!“ И этого было достаточно для пагубы Хлоповой. Слухи эти были приговоромъ для Маріи, нареченной по тогдашнему обычаю другимъ именемъ, Анастасіей. Тотчасъ вышло распоряженіе сослать нареченную Анастасію „съ верху“, а затѣмъ послѣдовалъ и указъ о смѣлкѣ несчастной вмѣстѣ съ родственниками въ Сибирь, въ Тобольскъ. Здѣсь Марія провела четыре года; послѣ чего она была перемѣщена, по царскому указу, въ Верхотурье, гдѣ ей дано хорошее помѣще-

ніе въ половинѣ воеводскаго дома. Затѣмъ Хлопову перемѣстили, тоже по указу царя, изъ Верхотурья въ Нижній-Новгородъ. Послѣдній указъ, государь тайно вручилъ посланцу письмо къ Настасьѣ и нѣсколько подарковъ. Царь Михаилъ опять объявилъ царицѣ-матери, что онъ хочетъ вступить въ бракъ съ Хлоповой, но послѣдняя ему на то согласія не дала; назначенный осмотръ невѣсты подтвердилъ, что Анастасія во всемъ здорова. Салтыковы же, признанные въ этомъ дѣлѣ виновными, были удалены въ ссылку и подверглись опалѣ патриарха Филарета Никитича. Послѣ этого былъ уже посланъ въ Нижній бояринъ Шереметьевъ, который и объявилъ отцу Хлоповой, что царь взялъ ее себѣ въ супруги не изволивъ. И повелѣно Хлоповой со всемъ семействомъ жить въ Нижнемъ и велѣно давать имъ кормъ противъ прежняго болѣе и ежегодно отпускать значительную сумму денегъ. Марія вскорѣ умерла, боготворимая всеми за свою кротость и любовь къ ближнимъ. (в.)

Средства остановить носовое кровотеченіе. Одно популярно-научное медицинское изданіе совѣтуетъ слѣдующія средства, наиболѣе испытанныя. Прежде всего больной долженъ сѣсть, наклонить голову къ груди, чтобы кровь не потекла въ гортань и не причинила кашля, тошноты и рвоты. Руки и ноги помѣстить въ теплую воду, сильно перевязать руки въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно дѣлаютъ перевязку при кровопусканіи. По мѣрѣ уменьшенія кровотечения, повязки ослаблять и, наконецъ, совсѣмъ развязать ихъ. Если руки не въ ваннѣ, то во время кровотечения полезно поднять ихъ кверху такъ, чтобы ладонями охватить затылокъ. Помогаютъ также опрыскиваніе и обмываніе лица холодной водой, втягиваніе и вырскиваніе въ носъ холодной воды простой или смѣшанной съ уксусомъ, небольшимъ количествомъ спирта или водки, отвара дубовой и ивовой корки. Полезно также жевать пробку, бумагу и дерево, класть горчичникъ на затылокъ, привязывать тертый хрѣсъ съ уксусомъ у кисти рукъ, спереди. При сильномъ кровотеченіи надо вложить въ ноздрю кусочекъ губки или корки, смоченный крѣпкимъ виннымъ спиртомъ или растворомъ жѣднаго купороса (сняго камня) въ водкѣ. Если и это не поможетъ, тогда сбить хорошенъко личный бѣлокъ, смочить имъ кусочекъ корки, посыпать его порошкомъ, состоящимъ изъ равныхъ частей, истолченныхъ въ муку, сахара, квасцовъ и сняго купороса, и вложить въ ту ноздрю, изъ которой идетъ кровь. При этомъ внутрь дается больному вода съ уксусомъ и съ кремартартомъ, полагая чайную ложку кремартарта на стаканъ воды. Наконецъ хорошо, при неособенно усиленномъ кровотеченіи, взять въ руки какой-нибудь твердый предметъ изъ камня или металла и стиснуть его крѣпко въ кулакъ. (в.)

Ребусъ. Задача № 63.

Алгебраическая задача № 64.

Одна русская пословица состоитъ изъ 18 буквъ; если эти буквы замѣнить числами соотвѣтственно мѣстамъ алфавита русской азбуки, то между ними получатся слѣдующія соотношенія:

1) Кубичный корень изъ восемнадцатаго равенъ четвертому.

- 2) Квадратный корень изъ десятаго равенъ одиннадцатому.
- 3) Сумма тринадцатаго и четвертаго равна разности восьмага и третьяго.
- 4) Девятое равно первому.
- 5) Четвертое относится къ десятому, какъ тринадцатое къ восемнадцатому.
- 6) Сумма крайнихъ равна суммѣ среднихъ.
- 7) Семнадцатое равно суммѣ третьяго и втораго.
- 8) Шестнадцатое равно суммѣ семнадцатаго и двѣнадцатаго.
- 9) Разность пятнадцатаго и шестаго равна разности перваго и девятаго.
- 10) Квадратный корень изъ суммы семнадцатаго и четырнадцатаго равенъ разности втораго и одиннадцатаго.
- 11) Пятое болѣе седьмага въ четыре раза.
- 12) Второе вдвое менѣе четырнадцатаго.
- 13) Третье относится къ шестому, какъ двѣнадцатое къ пятнадцатому.
- 14) Сумма пятаго и четырнадцатаго равна суммѣ девятаго, восьмага и тринадцатаго.
- 15) Двѣнадцатое относится къ тринадцатому, какъ третье къ четвертому.
- 16) Седьмое относится къ половинѣ втораго, какъ треть восьмага къ четверти пятаго.
- 17) Первое относится къ девятому, какъ сумма семнадцатаго и восемнадцатаго къ разности шестнадцатаго и втораго.
- 18) Произведеніе пятаго на одиннадцатое равно четырнадцатому.

Шарада. Задача № 65.

Унылой, мертвенной зимой,
Надъ лѣсомъ, надъ долиной снѣжной,
Услышишь звукъ *начальный* мой
Ты вмѣсто пѣсни пташекъ вѣжной.
И хилый старецъ, и юнецъ,
Не соблюдая осторожность,
Найти въ моемъ концѣ конецъ
Имѣють полную возможность.
А все—искусства результатъ,
Предметъ изысканный, красивый;
Мы скажемъ больше: имъ богатъ
Подписчикъ давній нашей „Нивы“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Бонтора журнала „Нива“ просить своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: О размыкѣ главныхъ премій „Нивы“ на 1889 г.—Барыни-ирестъ-яни. Историческій романъ графа Е. А. Салиаса. Часть I. (Продолженіе).—Тотализаторъ. Разсказъ А. Зарина.—Ное-что о Персін.—Бъ рисункамъ: Хуторокъ лѣтомъ (съ рис.).—Литературный альбомъ: „Война и миръ“, гр. Л. Н. Толстаго (съ рис.).—Тенинскіе инженеры (съ рис.).—Божій человекъ (съ рис.).—Наутели утомятъ? (съ рис.).—Ито смѣль, тотъ два съѣлъ (съ рис.).—Парижская Всемирная выставка 1889 г. Бой быковъ (съ рис.).—Улики Коляна (съ портр.).—Въ облакахъ (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Необходимое предупрежденіе.—Смѣсь.—Задачи.—Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1889 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками, съ оригинала проф. **В. Д. ОРЛОВСКАГО:**

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“

(14³/₄ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

(Подробности см. въ предъидущихъ №№. „Нивы“).

АДРЕСЫ всѣхъ спеціально-стей и странъ доставляетъ подъ гарантіею: Internation. Adressen-Verl. - Anstalt (С. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 40 коп. почт. марками франко.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ, Покупаеъ всѣ % бумаги. Ссуды подъ всѣ % бумаги. Страхование выигранныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. №3925 Также нуженъ вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ. Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ПАРИЖСКАЯ НОВОСТЬ ИЗЪ ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКИ!

Элегантный Дамскій уборъ съ натуральными Бразильскими золотистыми муками, въ самыхъ красивѣйшихъ настоян. золотыхъ и серебрян. оправкахъ 56 и 84 пробы. Браслеты серебр. 84 пр., массивн. позолоч. отъ 5 до 12 р. Браслеты золото портбонербъ 13 р. 50 к. Брошки серебр. 84 пр., массивн. позолоч. отъ 4.50—10 р., золот. 13 р. 50 к. Серги серебр. 84 пр. массивн. позолоч. 3 р., золот. 6 руб. Золотыя мужскія булавки 6 р. Всымака во всѣ города Россіи. По желанію иллюстрированный прейсъ-курантъ. Складъ **ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ**, СПб., Фонтанка, 54.

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА
ИСТОЧНИКА „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

По свидѣтельству врачейныхъ авторитетовъ этотъ Purgativ имѣетъ слѣдующія преимущества:

Аккуратное и ВѢРНОЕ дѣйствіе, МЯГКІЙ ВКУСЪ, МАЛАЯ ДОЗА.

Владѣлецъ: **АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ** въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

№ 3984 10-9

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ принадлежностей
Невскій, 66, противъ Аничкова дворца.

МАССА БЛАГОДАРІИ и ОТЛИЧН. ОУЗЫВОВЪ
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ **БУХГАЛТЕРІИ** иногороднихъ и москвитинъ посредств. ЛЕКЦІЙ-КОРРЕСПОНДЕНЦІЙ вполне замѣняющихъ устное преподаваніе. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ. ПРОПОЛАНІЕ, КОМПЕТЕНСІЯ НАУКЪ **С. Я. ЛИЛІЕНТАЛЬ** МОСКВА, АРБАТЪ, МАЛ. НИКОЛО-ПЕСКОВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ АДМОНОВИЧА. ПОДРОБНІЯ УСЛОВІЯ и ПРѢБНІЯ ЛЕКЦІИ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LONSE.
Въ виду часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать № 4053 9-1
Eau de Lys de LONSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
Придворный Парфюмеръ
46. Jägerstrasse, Berlin.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ЗАПРАВИТЕЛЬ № 4069
ПЕЧИ ГЕЛИОСЪ
САВЕНКІИ
ГРИМЕ НАТАЛІСЪ и К°.
Розничная продажа: Германскій магазинъ, Москва, Кузнецкій мостъ, рядомъ съ бул. Варгальск.

МАГА НИРАРДОВСКИХЪ № 3799 9-7
ВИНЪ МАНУФАКТУРЪ
ГИЛЛЕ и ДИТРИХА Софійна.
Издѣлія собственннхъ фабрикъ: полотно, лѣтнія матеріи, купальныя принадлежноты, разныя бумажныя издѣлія. Большой выборъ чудотнхъ товаровъ. Готовое приданое, Мужское, дамское и дѣтское бѣлье. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылаеъса безплатно.

БЕЗПЛАТНО раздается и высылаеъса иногороднымъ нательго книжной торговли **М. П. Мельникова**, уголъ Невскаго и Литейной, № 59—76.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

МАСТЕРСКАЯ ДАМСКИХЪ ПЛАТЬЕВЪ И ШАЛЬТО

Л. КЮТНЕРЪ
ГАЗЕТНЫЙ ПЕР. ДОМЪ ФУЛЬДА ВЪ МОСКВѢ.

ROBES (I MANTEAUX) L. KUTNER MOSCOU.

Компотъ
ТОВАРИЩЕСТВА
А. И. АБРИКОСОВА СЫНОВЕИ
ВЪ Москвѣ

С. № 4039 2-2

ИЗЪВѢЩЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

EAU DE SUEZ Дѣпо въ С.-Петербургѣ — **А. М. Рузановъ**, Гостинный Дворъ, № 40. Въ Москвѣ — **А. Сіу и К°**, Тверская, д. Варгина.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ Объяснительная брошюра высылаеъса безплатно по требованію вышеозначеннымъ дѣпо и Г-мъ Сузъ 9, rue de Prony, Парижъ. 13-9

С-ПЕТЕРБУРГЪ
БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ
№ 36 и 42.

МОСКВА
КУЗНЕЦКІЙ МОСТЪ
А. БЫВШ. ТОРЛЕЦКАГО.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ
ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ
Складъ

Музыкальныхъ
Инструментовъ
и нотъ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ
бесплатно.

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ.
Г. ВАЛЬТЕРЪ
СПБургъ, Невскій пр., № 5
прот. Имп. Публ. Библиотеки
Оптовая и розничн. продаж
Специалист хронометровъ

Никел. открыт. часъ отъ 7 руб. и дорожъ
Стальн. черные . . . 14
Серебрн. завр. . . 15
Зол. дамск. завр. . . 30
Зол. мужск. завр. . . 50

Ручательство на 2 года.
Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію бесплатно. № 3947 10—8

Фотографическіе этюды для художниковъ женскія и мужскія модели и проч.
Безукоризненные пробныя модели высылаются за 2 р. Каталоги на вѣнскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ высылаются бесплатно. Verlagsgesellschaft Dieckmann & Co, Leipzig. R. № 4062 2—2

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,
Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкій Мостъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ
единственный Складъ для всей
Россіи Велосипедовъ: Свифтъ,
Виппетъ, Русскій Клубъ, Мол-
ниа (New Rapid), Имперіаль и пр.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВИСТЬ
Обще-послужный Свифтъ № 2
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА.
БРАССЕРЪ и ЮТТИ
(12-е изданіе)
СОКРОВИЩЕ ДЛЯ МАТЕРЕЙ СЕМЕЙСТВЪ.

Элементарная фортепианная школа, одобренная А. Гензельтомъ, Т. Лешетискимъ, Антономъ Рубинштейномъ и др., на русскомъ и французскомъ языкахъ, на 196 страницъ. 12 изданіе. Цѣна 5 руб. Содержитъ въ 32 урокахъ 8 переложеній русскихъ пѣсень и романсовъ, 24 пѣснь и переложеній оперныхъ арій, 5 пѣснь въ 4 руки, по-турри изъ русскихъ пѣсень и проч.

Въ одобренныхъ отзывахъ имѣетъ Антонъ Рубинштейнъ между прочимъ: „Элементарную школу, составленную гг. Брассеръ и Ютти, я одобряю вполне“... А. Гензельтъ: „Система вашей школы весьма полезна и должна разсчитываться на полный успѣхъ“. Т. Лешетискій: „Школа Брассера и Ютти въ особенности очень удобна для учениковъ, желающихъ заниматься безъ помощи учителя“.

Того же автора: Приложение къ Сокровищу, необходимое дополненіе, или 2-я часть элементарной школы для фортепiano, на 164 страницъ—4 р. Приложение содержитъ въ 32 урокахъ 20 пѣснь и оперныхъ переложеній въ 2 руки и 11 пѣснь въ 4 руки, кромѣ множества весьма полезныхъ упражненій.

Классная бібліотека Ф. Черни, 260 пѣснь, раздѣленныхъ по трудности на 5 степеней. Подробный каталогъ высылается бесплатно.

Москва, у П. ЮРГЕНСОНА, П. № 4068
С.-Петербургъ, у І. Юргенсона, Варшава, у Г. Зенневальда.

Во всехъ складахъ духовъ и у всехъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-визмутовая пудра.

CHAPLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

РОСПИСЬ ЦѢНЪ
ГЛАВНАГО РОЗНИЧНАГО МАГАЗИНА

Торговаго Дома
„ЦЗИНЬ-ЛУНЬЪ“
СОЕДИНЕННОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
КХАХТИНСКИХЪ ЧАЕТОРГОВЦЕВЪ.
С.-Петербургъ, Невскій пр., 5.

Ко дню открытія 1 октября поступили въ продажу слѣдующія фамиліи:

Цзинь-юй. . . 3 р. — к.	Цзинь-ли. . . 2 р. 20 к.
Цзинь-чжень . . 2 „ 80 „	Цзинь-си . . . 2 „ — „
Цзинь-моу . . . 2 „ 60 „	Цзинь-юань . . 1 „ 80 „
Цзинь-бау . . . 2 „ 40 „	

РАЗВѢСКА ПРОИЗВЕДЕНА на фунты, полуфунты и четверть фунты.

ЦѢЛЬ ОТКРЫТІЯ:
создать непосредственныя сношенія между публикой и Кяхтой.
Никакихъ скидокъ съ цѣнъ не дѣлается.

Непрекращающийся ропотъ на фальсификацію и сѣтованіе публики на отсутствіе въ продажѣ чаявъ, не подвергнутыхъ всевозможнымъ манипуляціямъ, побудили образовать въ Кяхтѣ Торговый Домъ.

При заказахъ не менѣе 10 фунтовъ пересылка въ предѣлахъ Россіи принимается на счетъ Торговаго Дома только по линиямъ желѣзныхъ дорогъ. Ц. № 4064

„ЦЗИНЬ-ЛУНЬЪ, Соединенное Товарищество Кяхтинскихъ Чаеоторговцевъ“ для производства чайной торговли въ С.-Петербургъ.

Многочлѣтная и непосредственная связи Кяхтинскаго купечества съ Китаемъ, дѣль и принципы, положенные въ основу предпріятія—даютъ право надѣяться, что всѣ справедливыя требованія потребителей могутъ быть удовлетворены и учрежденіе Торговаго Дома „Цзинь-Лунь“ признается своевременнымъ и будетъ встрѣчено публикою сочувственно.

Прейсъ-куранты высылаются бесплатно.

КВАРТИРА № 18
Вознесенскій пр., д. № 21.

КОВРЫ

Персидскихъ, Текинскихъ и Кавказскихъ только что привезена большая партия и продается крайне дешево
№ 4065

изъ первыхъ рукъ.

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ,
Варшава, Лешно, 14.
Бичкилы отъ 100 р. Роверы отъ 125 р.

КОНТОРА
Биржеваго Маклера И. И. Полеваго помещается въ Москвѣ, противъ Биржи, въ домѣ Іосифова монастыря.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ
ПО УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ
8 руб.

для квартиръ, конторъ, фабрикъ и проч.
Состоятъ изъ вновь усовершенствованной вѣрно дѣйствующей баттарей, звонка, провода и кнопки. Проводить его по прилагаемому способу можетъ каждый, безъ помощи спеціалиста.

Весь аппаратъ помѣщается въ хорошемъ черномъ ящикѣ. Торговскій уступка. В. № 4046 5—2

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИИ. ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
К. И. ФРЕЛАНДА.
Невскій просп., домъ Учетнаго Банка, № 30—16, входъ съ Екатерининскаго канала.

ВЫСЫЛКУ
4—3 ВЪ ТѢЧЕНІЕ ТРЕХЪ ДНЕЙ

поступающихъ съ Сентября 1889 г. заказовъ на аппараты для стирки бѣлья „Американка“ со штемпелемъ „В. Шлемензонъ—Одесса“ (прежде „В. Шлемензонъ—Симферополь“), принявъ на себя домоладѣлецъ г. Одессы, потомъ почет. гражд. Дмитрій Луиць Загоруйченко. Расхода мало мыла и сохранила отлично бѣлье, стирка доступна малодѣткамъ. Прочность аппарата безукоризненна. Цѣна съ пересылкой по почтѣ 5 руб., въ Сибирь 8 руб. При каждомъ подробное наставленіе. Для гг. торговцевъ и агентовъ особые условія. Запасъ готовыхъ аппаратовъ всегда достаточный. Хотя до настоящаго времени высылка заказовъ замедлялась, однако несомнѣнная полезность аппарата въ семейномъ быту и въ различныхъ учрежденіяхъ достаточно выяснилась отпускомъ въ первая шесть лѣтъ болѣе десяти тысячъ экземпляровъ и сотнями полученныхъ отъ гг. заказчиковъ одобренныхъ отзывовъ появившихся отчасти и въ печати. Адресъ для заказовъ: Д. Л. Загоруйченко, Одесса, Коблевская ул., соб. д. № 11.

ЦВѢТОЧНЫЙ
О-ДЕ-КОЛОНЪ
ИЗОВРАТЕННЫЙ
БРОКАРЪ и К°.

Можно получать во всехъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Ѳ. К. Бергманъ, Офицерская ул., д. № 5. № 4025 8—3

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:
съ 3 декалами по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей.
Самый легкій инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (12) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣлается скидка.

ПИСУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Частота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

XX г.
№ 42

г. XX
1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ В ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЯСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис).
Выданъ 14 октября 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1889 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строну непарейль (1/2 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставк. въ Петер-
бургъ . . . . . 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ . . . . . 6 р. 50 к.
Безъдост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи . . . . . 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говьхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМИИ.

Страшныя сказки. Съ картины Зейферта, грав. Шульце.

Гг. годовымъ подписчикамъ „Нивы“ при этомъ № разсылается обѣщанная главная ПРЭМІЯ на 1889 годъ: большая картина, печатанная масляными красками—съ оригинала извѣстнаго художника, профессора В. Д. ОРЛОВСКАГО, исключительно для „Нивы“ исполненная, подъ названіемъ „ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

По вскрытіи преміи необходимо соблюдать слѣдующую предосторожность: для распрямленія не слѣдуетъ скатывать картину изображеніемъ внутрь, т. е. въ противоположную сторону: картина скатана лицевою стороною кнаружи и по этому лакъ можетъ потрескаться при обратномъ скатываніи. Надобно разложить картину на столъ, лицевою стороною кверху, наложивъ на края что-нибудь тяжелое (пресъ-папье)—картина черезъ день распрямится сама собою и можетъ быть вставлена въ раму. (Смот. „НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНІЕ“ въ прошломъ № 41).

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

Княжна вернулась въ свою горницу, начала тихо ходить изъ угла въ уголъ и наконецъ произнесла, какъ бы вдругъ озлобась на самоё себя:

— Это бессмысленно!.. Это скука, глушь захолустья, праздность. Или временное безуміе! Чтò это такое? Это, наконецъ, срамъ. Мнѣ стыдно самой себя. Я не дѣвчонка! Наконецъ, я не мѣщанка, не крестьянская дѣвка! Чтò жь я, съ ума что-ли схожу?!

И вмѣстѣ съ тѣмъ она думала, или будто кто-то говорилъ ей:

„Да вѣдь чтò же тутъ особеннаго? Вѣдь только видѣть. На нѣсколько минутъ. Поговорить. Убѣдиться, что я ошиблась... Увидѣть, что простой дворовый принялъ чужой образъ въ моемъ воображеніи. Это бываетъ. Издали предметы кажутъ совсѣмъ не такими, какъ вблизи... Да и чтò же за бѣда повидать, поговорить... На ворѣ шапка горитъ!“

Долго-ли разсуждала княжна, споря сама съ собой, она не помнила. Ее привели въ себя шаги въ сосѣдней комнатѣ; она тотчасъ же умышленно стала къ дверямъ спиной, и только сердце ея стукнуло, когда взизгнувъ дверной замокъ. Вошедшій стоялъ на порогѣ, а княжна продолжала оставаться къ нему спиной и у нея будто не хватало силы обернуться.

— Чтò прикажете? раздался наконецъ почтительный голосъ Макара Макаровича.

Княжна быстро обернулась и смущаясь подошла къ управителю. Въ ней произошло что-то особенное, такъ какъ сейчасъ въ ея воображеніи, въ одно мгновеніе, стоящій на порогѣ человѣкъ преобразился въ другаго. Не Макарь Макаровичъ чудился было ей тамъ, за ея плечами. Не его ждала она увидѣть...

Княжна быстро, нервно объяснила Трубецкому, что ей нужно починить шкафъ и рѣзбу на зеркалѣ.

— Слушаю-съ. Помилуй Богъ, не мудрено. Но развѣ прикажете сейчасъ?

— Да, если можно.

— Извольте-съ. Я только пойду клею растоплю и сейчасъ явлюсь.

— Вы сами! изумляясь, вымолвила княжна.

— Да-съ. Помилуй Богъ, не беспокойтесь! Я сдѣлаю. Я тоже когда-то токаремъ былъ. А то, помилуй Богъ... Время такое... дни особые... Позвольте я самъ сейчасъ...

— Я не понимаю, Макарь Макаровичъ... вымолвила княжна вопросительно, глядя въ лицо Трубецкому. — Зачѣмъ же вы... Развѣ нѣтъ столыра?

— Праздники, княжна. Не хорошо! Грѣхомъ считается. Народъ глушь, не понимаетъ. Иному же обидно: всѣ веселятся, а онъ работай. Да я, будьте покойны, Господи благослови, не хуже Егора сдѣлаю.

— Нѣтъ! произнесла вдругъ княжна.

Но это одно слово было такъ сказано, что Макарь Макаровичъ вдругъ вскинулъ глаза на княжну и пылливо, пристально присмотрѣлся къ ней. Старикъ почувдилось отъ этого одного слова, что предъ нимъ стоитъ не княжна, а явился вдругъ самъ князь Андрей Ивановичъ.

Это слово: „нѣтъ“ было сказано голосомъ князя, манерой князя. Это было такое „нѣтъ“, противъ котораго никто не пойдетъ. Послѣ такого слова хоть лбомъ стѣпу прошиби — перемѣны не будетъ.

— Какъ угодно, вымолвилъ Трубецкой, повидимому обиженный.

— Нѣтъ, повторила Полина мягче и прибавила: — Я не хочу васъ утруждать. Я подожду... Пройдутъ

праздники, примутся люди за работу и тогда пришлите... кого-нибудь.

И это послѣднее слово прозвучало особенно, отдѣльнымъ звукомъ отъ всѣхъ прочихъ. Говоря это слово, Полина отвела глаза отъ лица управителя.

— Да ужь больше Егора некого... отозвался Макарь Макаровичъ.

— Все равно... Да, Егора... этого...

Трубецкой вышелъ, а княжна долго стояла все на томъ же мѣстѣ. Наконецъ она двинулась и произнесла:

— Ужасно глупо... Ребячество... Нѣтъ, не то... Къ шалостямъ дѣтскимъ не прибавляется такого чувства... тяжелаго, горькаго... Это скорѣе—безуміе съ мучительствомъ... Но все-таки нуженъ конецъ, тотъ или другой... Увидѣть ближе — и увидѣть чему быть. Если это не ошибка, то идти дальше... На чтò идти?—дальше... А тамъ, чтò Богъ дастъ.

Княжна, не зная чѣмъ себя занять, сѣла за столикъ, гдѣ были у нея всѣ принадлежности рисованія и гдѣ лежалъ начатый рисунокъ тушью, изображавшій голову Лаокоона.

Едва только взяла она тушь, какъ шевельнулся замокъ и дверь тихо отворилась. На порогѣ появился Егоръ. Полина вспыхнула и тотчасъ испугалась той краски на щекахъ, которую почувствовала. И лицо ея сразу потемнѣло, насунилось, стало холодно и гордо...

— Чтò ты? вымолвила она черезъ силу. — Тебя послали?

— Точно такъ-съ. Макарь Макаровичъ приказалъ взять починить чтò-то... произнесъ тихо Егоръ, слегка смущаясь.

— Но вѣдь теперь праздники! Зачѣмъ... Не надо... Послѣ...

По голосу княжны не трудно было догадаться, что она только стѣсняется, но желала бы противнаго.

— Помилуйте, какая же это работа!.. Да я все равно и въ праздникъ безъ дѣла не сижу... Чтò прикажете взять?

Княжна встала и показала на дверку шкафа и на зеркало. Егоръ осмотрѣлъ и то, и другое... Взглядъ на рѣзбу зеркала, изображавшую листья и цвѣты, заставилъ его сразу перемѣниться въ лицѣ... Онъ вдругъ улыбнулся, глаза засіяли, блеснули, всѣ черты лица ожили, и оно стало еще красивѣе... Княжна, искоса глядя на него, замѣтила все и стала вдругъ смотрѣть еще холоднѣе, суровѣе, почти надменно... И за этимъ холодомъ, повѣявшимъ отъ всей ея фигуры, будто спряталось поспѣшно и боязливо то, чтò шевельнулось вдругъ на ея сердцѣ съ новою силою, порывистою, бурною... Она хотѣла заговорить, спросить что-нибудь, но молчала и выпрямлялась все горделивѣе, точно ожидала и боясь оскорбленія...

Егоръ глянулъ на княжну, смутился ея грознаго лица и подумалъ:

„Я кажись ничего такого не сказалъ. Чего это она?“

— Ты самъ рѣзать умѣешь дерево? выговорила княжна.

— Точно такъ-съ. Если чего тутъ не хватаетъ — я добавлю.

— Кто тебя обучилъ? тише и мягче спросила она.

— Самъ сталь... охота. Радъ бы поучиться, да не у кого... Такъ вотъ, чтò увидишь, стараешься подладиться. Случается и сдѣлаешь. Макарь Макаровичъ, спасибо ему, дозволяетъ это... Даже похвалляетъ иной разъ.

И Егоръ просто, наивно, свободно, хотя съ отгн-

комъ почтенія въ голосѣ, разсказалъ подробно, какъ онъ работалъ у сосѣднихъ помѣщиковъ и что дѣлалъ... Онъ упомянулъ вскользь и о своемъ „ковыряни“ изъ воска и замазки...

— Какъ? Что? воскликнула княжна, будто забывшись, и закидала его вопросами. Она забыла про свою маску, за которую пряталась нѣсколько минутъ назадъ. Лицо ея оживилось, было привѣтливо, ласково, стало какъ-будто даже красивѣе.

Егоръ удивился вновь, глядя на княжну, и вновь подумалъ:

„Чего это она? Теперь совсѣмъ другая.“

Разспросивъ Егора о всѣхъ его „куклахъ“, какъ онъ называлъ свои статуэтки изъ воска, Полина пожелала видѣть хоть одну или двѣ изъ нихъ.

Егоръ просіялъ сразу, и глаза его такъ сверкнули на барышню, что княжна Березопольская не выдержала этого взгляда, опустила глаза и снова прибѣгла къ маскѣ, снова выговорила холодно и сухо:

— Принеси мнѣ что-нибудь показать... Это любопытно.

— Когда прикажете?..

— Какъ хочешь... нерѣшительно произнесла княжна, такъ какъ ей хотѣлось сказать: „сейчасъ“. А смѣлости на это не было у нея.

Егору смерть хотѣлось сказать: „Позвольте сейчасъ присесть“, по онъ запнулся, боясь такой дерзкой выходки.

И оба замолчали, не зная что сказать, что сдѣлать...

Еще мгновение—и быть-можетъ княжна приказала бы ему сейчасъ принести что-нибудь своей работы. Но въ горницу вошла Дуняша и остановилась въ удивленіи.

— Ну, возьми это... выговорила княжна холодно, указывая на зеркало и на обломки рамы.

И отвернувшись, она отошла.

Егоръ забралъ все и вышелъ, молча поклонившись.

Последнія слова и послѣдній взглядъ княжны опять обдали его холодомъ барской спѣси, чуть не презрѣнія.

„Что отъ господъ дальше—то лучше“, разсуждалъ Егоръ, идя къ себѣ въ „первый“ домикъ подъ впечатлѣніемъ двухъ разныхъ барышень-княжепъ, добръющей и злоущей.

„Или дальше отъ него... совсѣмъ не видать; или все кончено. Я потеряю рассудокъ и погублю себя!“ думала Полина, оставшись одна и вспоминая съ трепетомъ на сердцѣ и воодушевленное лицо, и восторженный взглядъ, и звучный, мягкій, милый голосъ этого крѣпостнаго столяра... холопа ея отца.

XXIV.

Въ одной восточной сказкѣ бѣдный старикъ-рыбакъ вытащилъ изъ моря на паутинокѣ кита—и разбогатѣлъ. Рыбакъ увидѣлъ паутинку на берегу, догадался и къ себѣ ее потянулъ, за пей оказалась ниточка; вытянувъ нитку изъ воды, онъ нашелъ на концѣ привязанную къ пей тесемочку; за пей уже веревка пошла въ руки, за веревкой цѣлый капатъ оказался, за нимъ появилась цѣпь... А на цѣпи былъ китъ. Цѣпь была крѣпка, китъ былъ силенъ, а рыбакъ старъ и слабосиленъ. Испугавшись, хотѣлъ онъ бросить цѣпь. Глядь, а она прилипла къ рукамъ. Удача могла кончиться бѣдой. Однако рыбакъ вытащилъ морское юдо. Если вначалѣ ему помогла догадка, а потомъ силы, то подъ конецъ помогли... люди и обстоятельства.

Княжна Березопольская не побоялась взяться за паутинку и потянуть... „будь что будетъ!“ И все пошло какъ въ сказкѣ. Скоро цѣпь была тоже у нея въ рукахъ... Но она сама оказалась тоже прикованною къ пей.

На утро, послѣ первой бесѣды со столяромъ-рѣзчикомъ, княжна послала Дуняшу за Лукерей Егоровной, ради того чтобы переговорить объ дѣлѣ. Это была — паутинка...

Старушка прилепалась къ барышнѣ, по такъ какъ она съ трудомъ стояла на болѣющихъ ногахъ, то княжна усадила ее у себя въ рабочей горницѣ и стала говорить о томъ, что ея сыну слѣдъ бы учиться рѣзать по дереву. Лукерья Егоровна сомнительно качала головой и называла занятіе сына „баловничествомъ“, которому не надо потакать.

Черезъ часъ пошла ниточка... Егоръ, вызванный къ барышнѣ, принесъ двѣ куколки, что сдѣлалъ для Трубецкаго. Затѣмъ принесъ разную рѣзбу... а съ ними захватилъ и ангела изъ воска. Княжна была изумлена, по что всего удивительнѣе показалось и старушкѣ, и столяру — княжна была радостная, сіяющая... будто кладъ нашла.

„Что значитъ добръющая-то душа!“ думала Лукерья Егоровна.

На утро княжна, обойдя съ управителемъ кой-кого изъ дворовыхъ для осмотра ихъ помѣшеній, зашла и въ „первый“ домикъ. Но здѣсь она задержалась надолго, ради бесѣды съ хорошею старушкой... ради осмотра одной большой работы Егора, цѣлаго деревяннаго звѣря, вырѣзаннаго изъ дуба для сосѣда-помѣщика.

Съ этого дня княжна и Миловановы, мать и сынъ, видались постоянно. Какъ-то такъ все печально вышло... И уже канатъ показывался изъ волнъ морскихъ.

Между тѣмъ прошло около двухъ недѣль, прошли Рождественскіе праздники. Березопольцы, навеселившись вдоволь, вернулись къ будничной жизни. Все вошло въ обычную колею, зажило по-старому.

Но одно существо въ Березопольѣ было выбито изъ колеи. Для княжны не вернулось то же, что было до праздниковъ. Въ пей за это короткое время совершился нравственный переломъ. Она съ ужасомъ, со слезами, по страстно и пылко созналась себѣ окончательно въ томъ, что давно смутно чувствовала.

„Да, я люблю его! Не смотря ни на что — люблю.“

Но полюбить—княжнѣ Березопольской—крѣпостнаго, двороваго человѣка и столяра, это казалось все-таки самой ей такимъ невѣроятнымъ, ужаснымъ и даже позорнымъ происшествіемъ, что ей теперь чудилось, какъ будто она совершила возмутительное преступленіе, украла или зарѣзала кого-нибудь... А вмѣстѣ съ тѣмъ, будто окаянная страшнымъ дѣяніемъ, она не пугалась тѣхъ призраковъ, которые вставали предъ ней на пути въ ближайшемъ будущемъ. Будь что будетъ!

И Полина сама себя не узнавала. Она понимала только, что стала другимъ человѣкомъ. Чувство впервые сказавшееся въ ней—сказалось упорно, бурно и могуче.

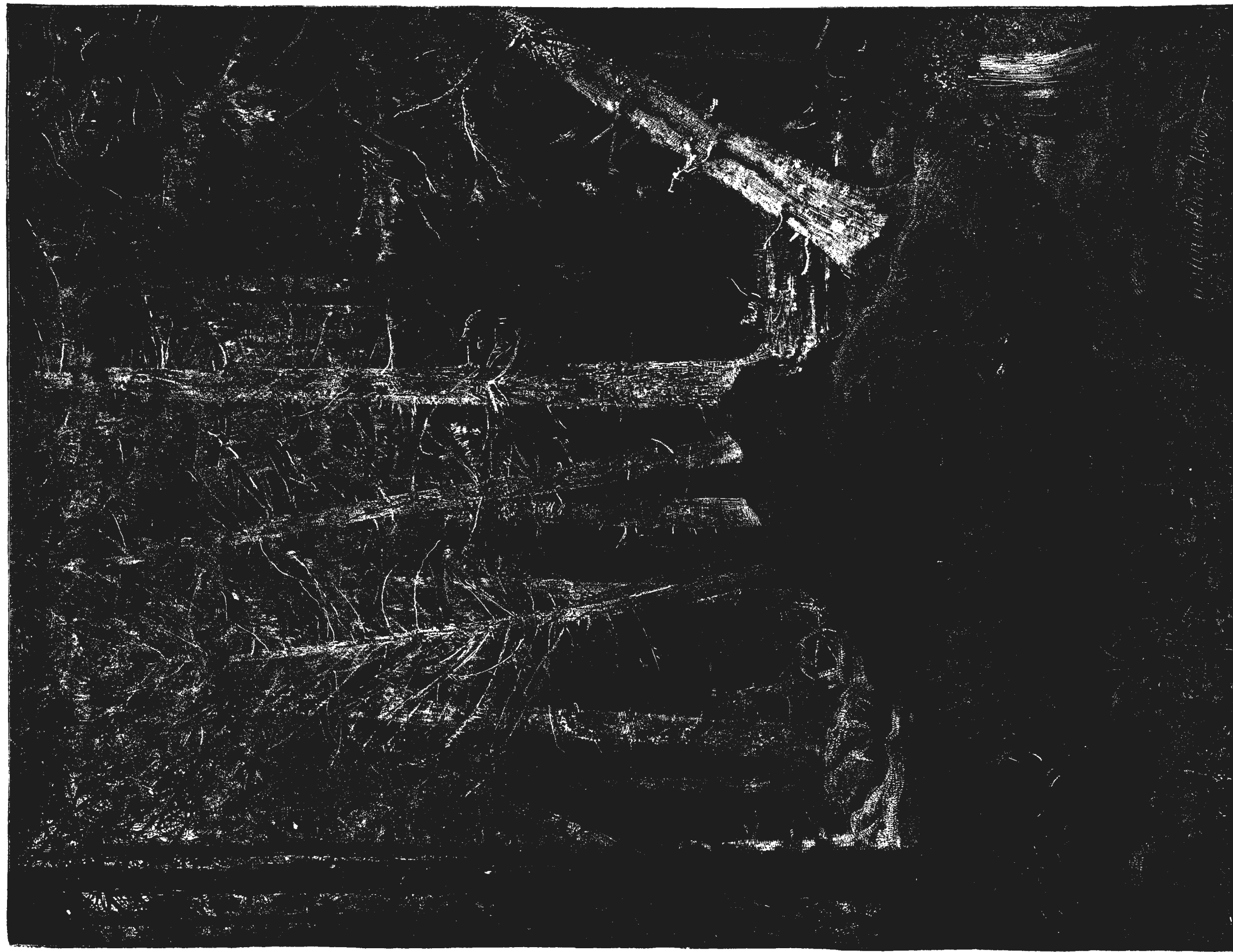
Разумѣется, изрѣдка она спрашивала себя тоскливо:

„Къ чему же все это приведетъ?“ Вѣдь она не свободна. Она шагу ступить не можетъ безъ разрѣшенія и согласія своего отца. Однако жгучій вопросъ—чѣмъ разрѣшится ея ужасное положеніе, рѣдко занималъ ее глубоко и надолго.

Она чувствовала въ себѣ вдругъ возникшую и со страшною быстротою окрѣшшую силу воли, силу права, ума, сердца, которую даже не предполагала возможною въ ея положеніи.

Княжна не знала, что въ пей сказывался теперь характеръ ея отца и всѣ родовые, унаслѣдованные ею отѣнки права князей Березопольскихъ. Она не знала, что ея дѣдъ и ея прабабка имѣли тоже въ свой чередъ драму жизни. Она не слыхала и не могла знать, какъ поступили они когда-то. А между тѣмъ, она собиралась поступить теперь именно такъ, какъ поступили они.

Чѣмъ болѣе разгоралась въ ней страсть, чѣмъ глубже пускало корни первое глубокое чувство, тѣмъ крѣпче, сильнѣе и смѣлѣе сознавала она себя. Да, она чувствовала всѣмъ своимъ существомъ, и разумомъ, и сердцемъ, что она готова на самую упорную и самую отчаянную борьбу, готова и пойдетъ твердо на все.

Въ лѣсу. Собственноручный офортъ профессора И. И. Шишкина для „Иванъ“ (собств. редакціи).

Шумитъ, звенитъ ручей лѣсной,
Лѣсъ блистающимъ стекломъ
Вокругъ вѣтвей сосны сухой,
Давно какъ гать лежашей въ немъ.

Вкругъ темень лѣсъ и воздухъ сѣръ;
Иду я, страхъ едва тая...
Нѣтъ, здѣсь свой мѣръ, живущій мѣръ,
И жизнь его нарушилъ я...

И точно любопытный взоръ
Ко мнѣ отвсюду устремленъ,
И слышу я нѣмой укоръ,
И духъ мой сдавленъ и смущенъ.

А Майковъ.

Что ни придумывала Полина, чтобы напугать себя,— опа тотчас же отвѣчала горькою улыбкой.

Вѣжать! Сдѣлаться бѣглою, безписьменною, но только вмѣстѣ съ нимъ! Очутиться въ предѣлахъ татарскихъ или польскихъ, жить поденною работою, но только вмѣстѣ съ нимъ! Сдѣлаться, пожалуй, хоть холодкой, какою-нибудь горничной, ключницей по пайму у какого-нибудь маленькаго помѣщика, но только съ нимъ вмѣстѣ! Идти въ Сибирь на поселеніе—и подавно! Далекое отъ людей! Но онъ будетъ съ ней и замѣнитъ ей всѣхъ и все!

Иногда княжна восклицала среди безсонной ночи:

— Боже мой! Какъ, однако, люди любятъ! Какъ люди могутъ любить!

И въ эти мгновенія она относилась къ себѣ совершенно какъ бы посторонняя. Она сама изумлялась громадности того чувства, которое охватило ее всю. Она спрашивала себя: чего бы она не сдѣлала для того, чтобы завоевать его у людей, и мысленно—совершала безумные поступки.

Она представляла себя въ простомъ сѣренькомъ платьицѣ, какой-нибудь ключницей въ чьей-нибудь усадьбѣ, по найму, съ фальшивымъ паспортомъ подъ именемъ жены столера. Ею помыкаютъ, какъ простою дворовою женщиной, ее оскорбляютъ на каждомъ шагу, относятся къ ней презрительно и высокомерно.

Но одновременно—въ ея воображеніи—простая горница, крошечная, почти убогая, но въ этой горницѣ она живетъ съ нимъ, съ мужемъ. Здѣсь вечеромъ она забываетъ и свое платье дворовой женщины, и всѣ оскорбленія, вынесенныя днемъ.

Словомъ, страсть, самая бурная, неотразимая, охватила ее всю, и всѣ ея помыслы были прикованы къ нему. Все сосредоточилось на одномъ желаніи увидѣть его, поговорить съ нимъ.

Каждый разъ, что онъ появлялся предъ ней, сердце замирало, будто падало и не билось. И когда онъ уходилъ, одна мысль провожала его:

„Когда я опять увижусь съ нимъ?“

Но вмѣстѣ съ тѣмъ была и забота, серьезная, мудреная, гдѣ пужно было приложить много искусства, много ума. А именно: пужно было сумѣть скрыть свое чувство отъ всѣхъ.

Какой ужасъ, еслибы вдругъ березопольцы догадались, что произошло въ душѣ княжны! Поэтому она, отъ зари до зари, играла роль, притворялась и всячески охраняла свою любовь, какъ дорогое дѣтище, на которое нападаетъ толпа непріязненныхъ людей, замышляющихъ на его жизнь.

Болѣе всѣхъ тяготила князю ея любимица Дуняша, а затѣмъ Макаръ Макаровичъ.

И страшныя бываютъ стеченія обстоятельствъ въ жизни! Такъ какъ эта подруга дѣтства могла и умѣла читать многое на лицѣ своей дорогой барышни, то теперь эта прежняя любимица стала почти ненавистнымъ существомъ для княжны.

Признаться ей во всемъ было немисливо. Дуняша была дѣвушка глуховатая, болтливая и поэтому неосторожная.

А между тѣмъ, княжна видѣла, что Дуняша часто присматривается къ ней пытливо, какъ бы вопрошаетъ, недоумѣваетъ, и уходитъ, смущенная, не разрѣшивъ той странной загадки, которая бросалась ей въ глаза.

Макаръ Макаровичъ отчасти тоже стѣснялъ князю. Онъ былъ, конечно, далекъ отъ мысли, чтобы подозрѣвать всю истину, но старику, все-таки наученному опытомъ жизни, казалось, что красавецъ Егоръ слегка приглянулся дѣвицѣ на возрастѣ.

„Отъ тоски кака я прихоть не придетъ на умъ!“ думалъ онъ. „А Егорюшка—малый хорошій, добрый, умный, съ дарованіемъ. Не какой-нибудь простой столеръ. Въ глазахъ его есть что-то дворянское. Въ лицѣ

есть какое-то благородство. Да и, наконецъ, ужь больно онъ красивъ. Пройти около такого красавца, хотя бы и барышнѣ-княжнѣ, нельзя равнодушно. Невольно всякая присмотрится съ удовольствіемъ. А тутъ, къ тому же, у насъ—трущобная глушь, гдѣ всякаго тоска возметъ. Хуже инаго монастыря! Ну, вотъ и зоветь она его къ себѣ, то склеить, то прирѣзать, то придѣлать, то раздѣлать. А сама къ старухѣ его побѣжить...“

Трубецкой мало-по-малу рѣшилъ, что у княжны есть къ Егору что-то въ родѣ прихоти сердечной.

И эта прихоть казалась Макару Макаровичу все-таки не совсѣмъ благопристойною. Онъ приходилъ къ убѣжденію, что всякая барышня, даже и ея лѣтъ, легче наумудритъ и начудитъ, нежели замужняя, ибо каждая дѣвица должна быть при родителяхъ, которые бы руководили ею.

Это подозрѣніе, что княжна не относится къ столеру Егору вполне равнодушно, заставляло Макара Макаровича глядѣть въ глаза княжны особеннымъ образомъ. Наконецъ, онъ давно замѣтилъ, что при упоминаніи имени Егора, княжна или опускаетъ или отводитъ глаза въ сторону, а голосъ ея вдругъ дѣлается надменнымъ, недобримъ.

Прошло еще нѣсколько дней и Макаръ Макаровичъ сталъ окончательно убѣждаться, что онъ угадалъ, что у княжны завелись какія-то странныя отношенія съ Егоромъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, и Дуняша тоже задумывалась чаще, и уже говорила иногда себѣ:

„Нешто это возможное дѣло! Эка я дура, что выдумала! Кабы знала княжна, что я о ней соображаю, какъ бы она на меня обидѣлась! Любви бы своей лишила! Прогнала бы!.. Скучно ей, а онъ болтунъ. Сидитъ,ковыряетъ по дереву, да болтаетъ. Вонъ тотъ разъ сказку какою-то, кажись, рассказывалъ про какого-то нищаго, что не пищій былъ, а царевичъ въ отрепьяхъ, ряженный ради обману своихъ царедворцевъ.“

Разумѣется, нашлось въ Березопольѣ одно существо, которое уже давно, раньше Дуняши и Макара Макаровича, пытливыми, почти испуганными глазами, слѣдило за Егоромъ и за княжной. Это была дѣвушка Евгенія.

XXV.

Въ Евгеніи не разумъ отгадалъ загадку и проикъ сокровенную тайну княжны. Въ ней сердце сразу все ясно увидѣло. Разумъ ея противорѣчилъ ей, краснорѣчиво доказывалъ, что она ошибается. Но сердце тревожилось, робко и боязливо трепетало и видѣло все—какъ на ладони.

За это время Егорюшка ея нисколько не измѣнился къ пей. Былъ такъ же ласковъ, такъ же говорилъ изрѣдка о томъ, что надо обождать, что старушка-мать противъ его женитьбы; попрежнему, если не горячо и не бурно, то тихо, тепло относился къ дѣвушкѣ, которая его давно любитъ.

Разумѣется, было не разъ, что Евгенія рѣшалась прямо сказать возлюбленному, что провидитъ и чувствуетъ ея сердце и чего боится. Но всякій разъ Егоръ отвѣчалъ на это равнодушнымъ молчаніемъ или изумленными глазами отвѣчалъ на догадки дѣвушки и смотрѣлъ всегда честно, прямо, съ неподдѣльнымъ удивленіемъ.

— Голубка моя! разъ сказалъ онъ уже съ упрекомъ. — Всѣ дѣвки на одинъ покрой! Недаромъ говорятъ, что наша Акулка мужа своего, кучера, къ его конямъ ревнуетъ. Пойдетъ онъ поглядѣть ихъ ночью, все-ли въ порядкѣ, а она бранится: „коней любишь,—жену не любишь!“ Вотъ такъ-то и ты! Ну, можно-ль было этакое выискать, чтобы барышня-княжна ко мнѣ сердцемъ льнула. Отъ тоски ей дѣлать нечего, вотъ она и зоветь меня, да заставляетъ разныя фигуры рѣзать. И можно-ль этакій срамъ на барышню взво-

дить! Чтобы ей крѣпостной человѣкъ да вдругъ приглянулся.

— Да вѣдь ты красавецъ! горячо возражала Евгенія.

— Это тебѣ, глупая, такимъ я кажусь. Здѣсь, въ Березопольѣ, не мудрено за красавца прослыть!

— Не ври! не ври! восклицала Евгенія съ горечью.—Самъ сказывалъ, что и въ Москвѣ на тебя разныя барышни зарились.

— Ну, и сказывалъ! Вралъ, хвасталъ!

Но Евгенія не успокаивалась. Зрѣе сердце говорило ей все, что ясно видѣло между княжной и милымъ.

Однако тотъ же Егоръ самъ задумывался иногда, сяди у себя, глубоко и тревожно. Ему въ душу тоже западо что-то... Конечно, не отъ подозрѣній и тревогъ Евгеніи, конечно, не отъ шуточекъ и подмигиваній Макара Макаровича, что онъ княжнѣ приглянулся; конечно, не отъ странныхъ взглядовъ Дуняши, которые онъ изрѣдка сталъ ловить на себѣ.

Что думаютъ посторонніе люди—ему было все равно. Всякій человѣкъ можетъ ошибаться и невѣсть что выдумаетъ. Его тревожило то, что онъ чувствовалъ самъ, то, что онъ угадывалъ, а иногда и прямо ясно видѣлъ въ самой княжнѣ. Ея взглядъ, когда они встрѣчались глазами, говорилъ ему нѣчто, что его сначала озадачивало, а теперь стало пугать.

И вотъ прошло немного времени, и онъ сталъ относиться къ ней какъ-то особенно. Она не нравилась ему лицомъ и не могла нравиться, но онъ любилъ ея взглядъ, любилъ ея голосъ, ея рѣчи... Онъ часто съ восторгомъ вспоминалъ, сяди у себя, слово въ слово, все, что слышалъ отъ нея.

Все это будто раскрывало вокругъ него новый Божій міръ. И міръ этотъ, свѣтлый и чудесный, расширялся, расходился все болѣе во всѣ стороны. А въ немъ самомъ росло и выросло что-то. Или самъ онъ сталъ будто выше, или разумъ его сталъ дальше и шире уноситься.

Когда-то бесѣды съ Макаромъ Макаровичемъ волновали Егора, открывая ему новыя дали. Теперь же бесѣды съ княжной производили на него чарующее впечатлѣніе. И все, что онъ слышалъ отъ нея, все, что онъ уносилъ въ памяти, тѣсно сливалось съ ея образомъ, некрасивымъ, но уже милымъ ему.

„Сказывается“, думалось Егору, — „не по хорошему миль, а по милу хорошъ. Не казиста съ лица наша княжна, а какаа она всическая красавица, теперь мнѣ сдается!“

Вопросъ, дѣйствительно-ли есть къ нему у княжны что-либо въ сердцѣ, не приходилъ ему на умъ. Оно будто не нужно было ему. Вопросъ о томъ, что можетъ выйти изъ подобнаго диковиннаго случая—и подавно никогда не приходилъ Егору на умъ. Ему представлялось, что будетъ онъ, вотъ такъ, изо-дня-въ-день видѣть княжну, дѣлать разныя работы по ея приказанію, слушать что она рассказываетъ и уходить къ себѣ домой въ какомъ-то особенномъ состояніи, въ которомъ онъ прежде никогда не бывалъ.

На душѣ чудно, сладко, хорошо... Сядеть онъ въ углу и слышитъ ея голосъ... И снова повторяетъ она около него, невидимкой, то же, что днемъ говорила. И про Петербургъ, и про заморскія земли, и про разныя дары Господа Бога, которые Онъ посылаетъ, не разбирая, холопъ-ли, дворянинъ-ли, и про великое счастье имѣть такой даръ, и про то, что человѣкъ обязанъ, какъ сказано въ Евангелии, не зарывать въ землю полученнаго таланта... Да и мало-ли что случалось княжнѣ говорить! И все это снова звучало надъ Егоромъ, когда онъ сидѣлъ у себя въ углу своей горницы. А однажды ввечеру случилось съ нимъ и нѣчто особенное: онъ вдругъ простоналъ тяжело...

Лукерья Егоровна приглядѣлась къ сыну, который

уже давно сидѣлъ, понурившись, въ углу, ничего не дѣлая и глубоко задумавшись, и невольно ахнула.

— Егорушка! Да что же совѣмъ она тебѣ защемила сердечко? Скажи ты мнѣ правду? воскликнула старушка.

— Кто?.. испуганно отозвался онъ.

— Вѣстимо кто! Евденья.

— О-охъ, матушка! воскликнулъ Егоръ, двинулся и отмахнулся съ такимъ нетерпѣніемъ, съ такой досадой, что старуха удивилась.

— Что ты? чего окрысился?

А Егоръ въ это мгновеніе не окрысился, а просто испугался. И разсердился на самого себя, что могъ испугаться.

— Да ты скажи правду. Коли въ самомъ дѣлѣ помираешь отъ нея, таешь, такъ что же... я... Проситесь у княжны, а то князю отпишите, да и женитесь. Что же, Богъ съ вами! Только бы она со мной была не лиха. Да мнѣ и жить-то немного остается... Я только того и боюсь, что Евденья меня бить учпеть, забравши тебѣ въ ежовыя рукавицы.

— О, Господи! досадливо воскликнулъ Егоръ.

Затѣмъ тотчасъ быстро поднялся онъ съ мѣста, всталъ предъ матерью и выговорилъ горячо:

— Кто о чемъ, матушка, а ты все съ этою Евгеніей! Ты въ нее втюрилась! Тебя она околдовала, что все ты о ней думаешь, да поминаешь. А я, вотъ тебѣ Христось, въ день-то ни разу о ней не вспомню...

— Какъ такъ?! изумилась Лукерья Егоровна и раскрыла свой беззубый ротъ.

— Такъ. Можетъ и было прежде... да кажись, и прежде ничего не было! А коли было, такъ теперь...

Егоръ зашнурлся, но прибавилъ, трясая головой:

— Теперь, ей Богу же, ничего нѣтъ! Теперь такія чудеса ни рѣшетъ, что ни этихъ чудесъ, ни этого рѣшета ни понять, ни пояснить, ни распознать—ничего нельзя! Крутится, вертится, тычется, инъ бываетъ, въ голову коломъ лѣзетъ, то будто ножомъ сверлитъ. А тамъ съ головы-то, да по сердцу рѣзнетъ, будто пополамъ перешаркнетъ его. И въ жаръ, и въ холодъ ударить! И всѣ мысли въ клубокъ какой-то перепутаются, будто ворохъ тесемокъ...

— Что? что? что? три раза произнесла Лукерья Егоровна и вытаращила глаза на сына. — Что ты застудился что-ли? Вонъ тотъ разъ къ княжнѣ съ куклой по какому морозу безъ шапки бѣгалъ... Застудился. Такъ надоть сейчасъ теплаго испить. У Макара Макаровича горчицы попросить, да на спину... Что у тебя въ головѣ-то, горить что-ли?

— Горить! воистину горить! только не застудился я, матушка. Хуже...

— Да вѣдь ты не въ своемъ разумѣ! Что ты сейчасъ такое тутъ плешь? Какую канитель тынулъ? Прямо, можетъ, у тебя горячка, сказываютъ, бѣлая... Ну, вотъ у пьяныхъ случается. Я побольше тебя на свѣтѣ жила, всякое видала. Вотъ этакъ-то у меня братъ родной послѣ Свѣтлаго праздника заговорилъ какъ ты. Пилъ, пилъ отъ зари до зари, да на Оминой недѣлѣ точю вотъ этакое какъ ты затынулъ.

Егоръ вздохнулъ, потомъ нагнулся и поцѣловался съ матерью.

— Нѣту, родная, ты не тревожься. Я не застудился. По праздникамъ, знаешь, я не пьянствую. Этого за мной не водилось, да и водиться не можетъ. Сталъ я говорить такое, чего самъ не разумѣю. Ну вотъ слова диковинныя съ языка и сорвались. Стану я опять о томъ же говорить, опять такая же канитель пойдетъ. А лучше мы бросимъ объ этомъ бесѣдовать. Ты только помни: я о твоей Евгеніи коли разъ въ сутки вспомню, такъ уже это много. Да и когда вспоминаю, то больше совѣсть меня беретъ, что обманно поступаю. Она ко мнѣ съ любовью, а у меня къ ней серд-

це лежить-ли, не лежить-ли—самъ я не знаю... А те-перь сдастся, что нѣтъ, не лежить.

— Ну, что же, и слава Богу, Егорушка! Она тебѣ не пара.

— Да! усмѣхнулся Егоръ. — Она мнѣ не пара! А вотъ вдругъ приключится такое, что я самъ въ кого влеюсь, да буду самъ не парой...

— Уже это развѣ кто изъ городскихъ, разсудила Лукерья Егоровна.

— Да, ужь это, матушка, будетъ кто почитай изъ столичныхъ, усмѣхнулся Егоръ грустно.

И не смотря на разспросы старухи о томъ, что творится съ сыномъ, Егоръ не сознался ни въ чемъ.

Да онъ и себѣ самому еще не сознался вполне...

Но съ этого дня дворовый крѣпостной столяръ сталъ избѣгать частыхъ свиданій съ барышней-княжной. Изъ пяти разъ, что приходила Дуняша звать его къ барышнѣ, онъ только два раза пошелъ, а три раза сказался хворымъ.

Съ лица и всѣмъ унылымъ видомъ своимъ, онъ дѣйствительно могъ прослыть за больного.

Такъ прошло недѣли двѣ...

XXVI.

Княжна не тревожилась о болѣзни Егора. Она не вѣрила ей. Она вѣрила тому, что отгадывала въ немъ. И не тревога, а безумная радость сверкала въ ея глазахъ, когда она думала о немъ.

Однажды княжну ожидала иная, неожиданная радость. Едва только она успѣла утромъ переговорить о чемъ-то съ Макаромъ Макаровичемъ и сѣла было за пядьлицы, какъ на дворѣ раздались бубенчики.

Черезъ нѣсколько минутъ къ ней вѣзжала Дуняша, прыгая и крича:

— Барышня, вотъ диво-то! Гости! А кто гости... догадайтесь! Ужъ идетъ... тутъ вотъ... Идетъ!

Княжна вскочила съ мѣста и выговорила тревожно:

— Говори скорѣй, не пугай!

— Обрадуется, а не испугается!

— Говори скорѣй, выговорила княжна, боясь сама не зная чего.

— Князь Илья Петровичъ! Прямо съ Москвы. Небось вѣстей сколько привезъ! Вы разспросите его, барышня, про нашихъ. Что наши какъ?

Но княжна не слушала и уже шла навстрѣчу.

Черезъ столовую двигался „троякій ягъ“, переваливаясь съ ноги на ногу, утиною походкой. При видѣ княжны онъ звонко размѣялся на весь домъ раскати-стымъ смѣхомъ.

— Что, сестрица, не ждали! Агъ, вотъ я. Незванный гость хуже татарина, сказываютъ. А вотъ я неждан-ный и незванный, а татаринкомъ, знаю, что не буду.

И князь обнялъ сестрицу-пріятельницу и толстыми губами чмокнулъ ее три раза въ обѣ щеки.

— Господи, какъ я рада! воскликнула княжна.

— Знаю, сестрица, что рады. Только прежде всего скажу: не просто въ гости—дѣло есть. Свое, важнос. Ахпете когда узнаете. Самъ себѣ не вѣрю и ахаю.

— На долго-ли, по крайней мѣрѣ?..

— А уже и не знаю. День, два, недѣлю... Все-жъ-таки отведите мнѣ хорошую горницу. Да только, чуръ, чтобы угару не было! Коли я лягу въ угарной компатѣ на почь, то на утро у васъ тутъ похороны будутъ.

— Чтѣ вы, братецъ! Охота такъ шутить.

— Чтѣ дѣлать! Не охота, да правда. Мнѣ, сестрица, угаръ страшнѣе самого чорта. Ей Богу! Вотъ какъ скажу: узнай я достовѣрно, что въ аду будетъ угарно—и какой изъ меня, сестрица, сейчасъ праведникъ выйдетъ! То-ись ни единого бы я грѣха на душу не взялъ, только изъ опаски не попасть въ угарное мѣсто... да еще на-вѣки...

Разумѣется, весь этотъ день, съ минуты прибытія князя и до вечера, прошелъ для княжны незамѣтно. Она ожила, встрепенулась...

Князь Илья Петровичъ, подробно, пересыпая шутками и остротами, разсказалъ ей все про Москву, главнымъ образомъ про дядю, у котораго онъ однако самъ ни разу не былъ, какъ общался.

Въ Москвѣ, по словамъ его, много шумѣли, толковали и казнили князя, больше заглазно, а кто и въ глаза, за его поступокъ съ дочерью. Соблазнъ прошелъ по всей Москвѣ и соблазномъ остался. Вся Москва равно и единогласно признавала, что князь прогналъ дочь изъ-за того, что она не хотѣла выходить замужъ за какого-то дербентскаго генерала, и что не слѣдъ было пускать къ себѣ въ домъ какую-то Устинью Савельевну, когда есть дочь-дѣвица.

Затѣмъ князь разсказалъ подробно, какъ по его наущенію одинъ его хорошій пріятель три раза посѣтилъ князя-дядю. Видѣлся онъ и съ Устиньей Савельевной и вынесъ то впечатлѣніе, что она изъ дяди, безъ всякаго старанія со своей стороны и безъ всякихъ ухищреній, просто, что называется, веревочки вьетъ.

— И добрая, говоритъ онъ. Кроткая! Она и ему приглянулась. И красивая, говоритъ, и толстая, и добрая... Вотъ въ родѣ меня! Толстый человѣкъ—всегда добрый, и наоборотъ, добрый—толеть.

Распространившись подробно о житьѣ-бытьѣ дяди съ Устиньей Савельевной, князь сталъ говорить серьезно, что княжнѣ нечего опасаться какого-либо грабежа съ ея стороны.

Общій голосъ былъ тотъ, что она наблюдаетъ за каждою копѣйкой и таровата только на подарки холопамъ княжымъ. А сама себѣ съ тѣхъ поръ, что вѣзжала въ домъ, ничего не купила, никакой обновки не завела.

Всѣмъ въ Москвѣ было извѣстно, что, когда князь однажды привезъ ей великолѣпныя брилліантовыя серги, то она отказалась надѣть ихъ и заставила его свезти ихъ обратно въ магазинъ, увѣрила, что ей такія серги „не по рылу“. Про нее даже разсказывали, часто произносимыя ею слова:

„Въ чемъ хотите—я ваша слуга, а подарковъ и денегъ я отъ васъ брать не хочу. И если хоть одинъ вашъ грошъ попадетъ ко мнѣ въ сундукъ, то душенька моя пропала. Живу я у васъ—все имѣю; копить и откладывать не хочу, не нужно. Какая я вошла въ вашъ домъ, такая и выйду... не воровка!“

Затѣмъ князь объяснилъ сестрицѣ что пріѣхалъ не къ ней собственно въ гости, а лишь заѣхалъ по дорогѣ. А явился князь затѣмъ, чтобы купить имѣніе у нихъ по сосѣдству, поселиться—и за-границу ни ногой.

— Не вѣрю! не вѣрю! воскликнула княжна смѣясь.— Не усидите.

— Ей Богу, сестрица. Ни ногой никуда. Вы же вотъ живете... не померли. Даже смотрите веселѣе и счастливыѣ чѣмъ прежде.

И князь сталъ выпрашивать сестрицу о ея житьѣ-бытьѣ въ Березопольѣ.

Многое бы могла отвѣтить на все это княжна. Много ужасное, подѣ-часъ душу леденящее, могла бы она повѣдать, но объ этомъ она вслухъ и себѣ боялась говорить. А помимо этого разсказать было нечего.

— Самъ день проходить, а не я его провожу, сказала княжна. — Подымется солнышко, посѣтитъ и зайдетъ. Я встану съ постели, пошью, поѣмъ, почитаю, порисую, пошью въ пальцахъ, и спать лягу. Вотъ и вся жизнь!

— А сосѣди?

— Какіе тутъ сосѣди! Я сначала было и думала познакомиться, да потомъ раздумала. Чтѣ мнѣ въ нихъ! Утѣхи не будетъ никакой, а неприятности, пожалуй, будутъ. Да и потомъ я разрѣшенія батюшки на зна-

Этюдъ. Съ карт. (собств. „Нивы“) академика Ф. Чуманова, грав. Цааръ.

комство не имѣю. Совѣмъ не знаю ничего, что мнѣ разрѣшено, что заказано. Вѣдь вы знаете, какъ мы съ нимъ разстались.

— Знаю, знаю... Слышалъ! Не то что не простились, а, кажись, недѣлю цѣлую не видались предъ отъѣздомъ. Крутъ онъ, дяденька-то! Крутенекъ! Да это что! У насъ съ вами, сестрица, былъ одинъ прапрадѣдушка, такъ этотъ, сказываютъ, пятигодовалыя березки въ жгутъ свиваль, да этимъ жгутомъ всѣхъ, кто ни попадись, подхлестываль. Супругу свою уходилъ, двухъ дѣтей до родимчиковъ напугаль, одного дьякона изъ ружья подстрѣлилъ, двухъ сосѣдей изъ сосѣдства сжилъ, невѣдомо какъ. Подъ судомъ былъ... Одного судью чѣмъ-то испортилъ. Да какъ! Тотъ потомъ всю жизнь овцой блеялъ. Вотъ какіе люди бывали у насъ въ роду. Такъ ужъ дядюшка-то послѣ этакихъ кроткимъ покажется! Вотъ только вы да я такими уродились, что не намъ бить, а насъ всѣ бьютъ.

Прошли три дня съ приѣзда князя, а онъ и не вспомнилъ о томъ дѣлѣ, по которому приѣхаль.

Пріатели братецъ и сестрица съ утра до вечера говорили безъ конца, безъ умолку. Князь умѣлъ занять всякаго собесѣдника... Наконенъ, однажды княжна навела бесѣду на свое больное мѣсто, на любовь... На взаимное „святое“ чувство двухъ существъ на землѣ...

Лицо князя стало сразу сурово, онъ вздохнулъ и заговорилъ тихо и медленно:

— Да, сестрица, вотъ вы какъ-то сказали: моя жизнь безмятежная! Правда, горя у меня не было за всю жизнь. Видалъ я, какъ другіе плакали, самъ никогда не плакалъ. Видалъ, какъ другіе горько убивались, а я и понять не могъ, что такое горе людское. А знаете ли что еще, сестрица? Есть пословица: „не познаешь ты горя, не познаешь и счастья!“ Такъ вотъ оно со мной и было. Не только счастья, самой самонаимѣншей радости у меня никогда не было!.. Жизнь прошла безмятежная, да за то и безрадостная.

И лицо Ильи Петровича стало вдругъ настолько сумрачно, даже печально, что княжна изумленно поглядѣла на брата. Никогда не видѣла она его съ такимъ выраженіемъ и даже не предполагала возможнымъ, чтобы этотъ „троякій якъ“, вѣчный хохотунъ и шутникъ, могъ вдругъ смотрѣть такъ грустно.

— Да, продолжалъ князь, задумчиво. — За всю-то жизнь... А сколько мнѣ теперь годовъ, подумайте! Поль-ста. И не единой-то радости не было! Ни разочка сердчишко мое не подыргнуло! Никто мнѣ никогда любовнаго слова не сказалъ... А кто и говорилъ, такъ лгаль... Ласки эти были платныя, покупныя. И я зналъ, чувялъ, что онѣ купленныя. А что это за ужасное чувствованіе, сестрица, вы ни знать, ни понять не можете. Представьте себѣ, что васъ обнимаютъ, ласкаютъ васъ на всѣ лады—вы на минутку въ обманъ дались, а вдругъ васъ тутъ же начинаютъ просить на счетъ дѣльца, подарка, одолженія... Такъ, кстати пришло... Или якобы случайно на умъ пришло.

— Неужели же никогда вы не встрѣтили ни одной женщины которая бы безкорыстно полюбила васъ? спросила княжна.

— Разъ было... Было разъ... глухо продолжалъ князь. — Но это продолжалось два мѣсяца... Только два мѣсяца. И была это — дружеская любовь, не успѣла перейти въ другую... А могла перейти... Да не судьба!

— Почему? Что же случилось?..

— Смерть, сестрица. Сама матушка-смерть проскочила между нами, и ее у меня изъ рукъ вырвала въ два дня. Она скончалась отъ паденія съ лошади. А кромѣ того, не помню я, чтобы кто-нибудь меня, князя Плью Березопольскаго, приласкалъ, меня—за меня, за то, что вотъ я — я, а не я—богатый князь, не за мои алтыны, а вотъ, поймите, именно меня—вотъ эту бочку, которая предъ вами сидитъ. Чтобы это вотъ было...

И князь, отчаянно ткнувъ себя въ грудь, крикнулъ:

— Никогда этого не было, да и не будетъ никогда!

— Почему же не будетъ? Можетъ и будетъ, произнесла княжна участливо и съ чувствомъ въ голосѣ.

— Не будетъ! воскликнулъ Илья Петровичъ.

— А будетъ если... прибавилъ онъ, помолчавъ,—коли да будетъ, то такое, сестрица, будетъ, что и стоялъ свѣтъ, и будетъ стоять, а этакого, что натворить Илья Петровичъ князь Березопольскій, вотъ сія бочка сама, этого свѣтъ не видалъ и не увидитъ.

— Вы хотите что же сказать? Вы будете безмѣрно счастливы? спросила Полина.

— Вотъ что хочу сказать. Я съ вами теперь невѣдомо съ какого чорта по душѣ говорю, на ладѣнкѣ вамъ подаю самое свое доннышко сердечное, все что на немъ есть. Вотъ я и сказываю: приди завтра добрый человѣкъ, да не въ сюртукѣ или камзолѣ, а вотъ въ этакой юбкѣ, что на васъ надѣта. Да пускай этотъ добрый человѣкъ полюбитъ меня, да почувствую я, что онъ вправду меня любитъ, увѣрую я въ него... Ну, тогда, сестрица... тогда... прощайте!

Илья Петровичъ взмахнулъ отчаянно обѣими толстыми руками, встряхнулъ этимъ движеніемъ все свое толстое туловище и выговорилъ тихо:

— Ложись, да и помирай! Тогда знаете что будетъ?

Приѣдетъ къ вамъ въ гости раскрасавица двоюродная сестрица. Приѣдетъ она къ примѣру въ телѣжкѣ, парой. Сама править. Въ корню это идетъ рысакъ, не хуже тѣхъ, что есть у графа Алексѣя Григорьевича Чесменскаго. А на пристяжкѣ-то, у нея подъ кнутомъ, въ постромкахъ, калачомъ выгибается и прыгаетъ — самъ Илья Петровичъ, вашъ этотъ... вашъ братецъ. И ужъ нажариваетъ она его кнутомъ! А ужъ онъ-то радъ! Насилу-то дожилъ до того, что есть дорогая, родная рука, которая новый кнутъ на немъ соблаговолила испробовать... Ну, да что жь про это! вдругъ прибавилъ князь другимъ голосомъ.—Про это лучше и не говорить. Попадется добрый человѣкъ—ничего не будетъ страшнаго, а попадется человѣкъ недобрый, крутой правомъ, то какъ я ни толстѣю, а отъ меня только мокренько останется. Ну, да авось, Господь милостивъ, и ничего такого не приключится! Какъ жиль-бобылемъ, одиночкой такъ и помру. Да оно и лучше.

Весь этотъ день князь былъ угрюмъ и молчаливъ. Вечеромъ, придя изъ своей горницы, онъ принесъ маленький футляръ, и усѣвшись противъ сестры, вымолвилъ тихо:

— А вотъ вамъ иллюстрація къ исповѣди, портретъ героини. Я его никогда никому не казалъ. Только вамъ, сестрица, рѣшаюсь...

Князь вынулъ миниатюру на слоновой кости, художественно исполненную, которая изображала бѣлокурую и красивую женскую головку. Полина долго любовалась на портретъ и наконецъ вымолвила покачавъ головой:

— Какъ это странно... хотя бываетъ часто... Она вѣдь не русская, братецъ?.. Вы за границей встрѣтились?

— Въ Голландіи, сестрица. Въ Роттердамѣ. Она была сестрой бургмейстера... Ее звали Оттилія Ванъ-Оккенъ. Теперь она была бы княгиней Березопольской, еслибъ не плохія подружки у дамскаго сѣдла... Да, вотъ отчего зависить иногда наше существованіе!.. грустно добавилъ князь.

— Странно... а положительно есть что-то... произнесла Полина какъ бы про себя. — Скажите, братецъ, вы видѣли у меня дѣвушку здѣсь... Евгеніей звать?

— Видѣлъ. Бѣлокурая. Вы находите что-то общее въ лицѣ. Вѣрно, сестрица. Но это такъ сдается только... У Оттиліи вся прелесть была въ веселыхъ, чудныхъ глазахъ, вѣчно будто смѣявшихся. А ваша горничная глядитъ, какъ будто зарѣзала кого, или сама ждетъ быть зарѣзанною. Даже неприятно глядѣть на нее. Все лицо фурии или вѣдьмы.

— Она не всегда такая... Она, напротив, очень веселая. Это вот только недавно съ ней приключилась какая-то перемѣна... А вѣдь неправда-ли есть сходство? Ну, вдругъ вы влюбитесь въ мою Евгенію изъ-за сходства?..

Князь расхохотался громко и добродушно.

— Нѣтъ, сестрица... Я не Андрей Ивановичъ, дяденька... Для меня эти Евгенія, Устинья да Матре-

ны — не женщины. Происхождение должно быть равное, чтобы чувство было возможно. Влюбитесь въ лакея, въ кучера... попробуйте... То-то вотъ... Ну и я такъ-то сужу. Красавицы Устинья Савельевна не помнѣ...

Княжна не отвѣтила ни слова, но лицо ея потемнѣло...

„Если бъ ты зналъ!“ подумалось ей съ ужасомъ.

(Продолженіе будетъ).

Тотализаторъ.

Разсказъ А. Зарина.

(Продолженіе).

V.

Всадники летѣли прямо на Хмурова. Впереди всѣхъ неся какой-то драгунъ, почти рядомъ съ нимъ скакалъ Куне, трое остальныхъ растянулись линіей. Всадники быстро приближались къ барьеру.

Разъ! — и ихъ лошади взвились на дыбы. Сердце у Хмурова упало. Два! — и они снова мялись по ровной поверхности. Теперь Куне отсталъ замѣтно.

— „Карлосъ“, „Карлосъ!“ что говорилъ вамъ? вотъ онъ, вотъ!! съ искривленной улыбкой, горящими глазами шепталъ Славинъ, дергая безпреставно Хмурова. Хмуровъ сталъ падать духомъ.

Разъ, два! разъ, два! — подымались и опускались лошади черезъ барьеры и неслись далѣе. „Карлосъ“ былъ впереди, но Куне настигалъ замѣтно.

— Какъ взялъ веревку, кавалья, такъ и не выпускаетъ! замѣтилъ сосѣдъ.

— Куне вырветъ! возразилъ кто-то.

Оставалось полкруга.

Разъ, два! — взвились и опустились лошади, и Куне уже былъ впереди.

— Bravo, Куне! Смѣлѣй, Хлопушкинъ! раздался голоса. На трехъ остальныхъ никто не обращалъ вниманія. Весь интересъ сосредоточился на „Геро“ и „Карлосъ“.

Разъ, два! взвилась лошадь Хлопушкина и понеслась дальше. „Геро“ былъ впереди. Оставалось послѣднее препятствіе и нѣсколько саженой до мѣста. Вдругъ „Куне“ повернулъ своего „Геро“ и поскакалъ назадъ.

— Что это, что это? растерялся Хмуровъ.

— Что такое? пронеслось въ толпѣ.

— Наше, наше! почти кричалъ Славинъ.

Хлопушкинъ неся одинъ, приближаясь къ послѣднему препятствію.

— „Карлосъ“ взялъ! Bravo, Хлопушкинъ!

— Куне обошелъ препятствіе! крикнулъ кто-то, и въ ту же минуту все замерло. Куне доскакалъ до пропущеннаго препятствія, взялъ его и теперь летѣлъ въ догонку Хлопушкину. Хлопушкинъ былъ уже подлѣ послѣдняго барьера.

Разъ, два! — взвилась его лошадь, и почти рядомъ съ нею поднялся надъ барьеромъ „Геро“.

Куне стоялъ на стременахъ съ поднятымъ хлыстомъ.

Разъ, два! — и Куне быстро сталъ настигать Хлопушкина. Тотъ обернулся, но уже было поздно. Голова „Геро“ выдвинулась впередъ, еще, еще, и, весь опѣненный, дрожа отъ злости, „Геро“ выдвинулся у звонка почти на весь корпусъ. Звончокъ ударилъ. Куне небрежно откинулся на сѣдло и безсильно опустилъ руку съ хлыстомъ. Нѣсколько мгновеній прошло въ молчаніи, и вдругъ оглушительное „браво!“ раздалось со всѣхъ сторонъ.

Хмуровъ не помнилъ себя отъ волненія и старался перекричать другихъ. Даже Славинъ забылъ свой проигрышъ и неистово кричалъ:

— Bravo, Куне, bravo, bravo!

— Нѣтъ, вы видѣли? обернулся, задыхаясь отъ волненія, Хмуровъ къ своему сосѣду.

Тотъ не смотрѣлъ на него и махалъ шляпою небрежно кивавшему головою Куне. Подъ нимъ злобно фыркалъ, перебирая ногами, опѣненный „Геро“.

— Нѣтъ, что же это! воскликнулъ Хмуровъ, — вѣдь это чортъ знаетъ что такое, вѣдь это...

— А, каковъ, каковъ, каковъ! махалъ руками Славинъ, — лучшій ѣздокъ! герой! Это не видано, не упомяно!

— Куне, bravo! оралъ юнецъ, махая платкомъ, — сколько теперь выдаютъ? обернулся онъ къ товарищу.

— Вѣдь, изъ-подъ носу вырвалъ! а!

Оживленная толпа шумѣла у тотализатора.

— Что, говорилъ тебѣ! укорили смазные сапоги засаженный картузъ. — Хлопушкинъ! ну, гдѣ ему? Видалъ?

— Оно точно, согласился картузъ.

— Ты смотри: повернулъ и взялъ, все же взялъ! Вотъ оны!

И сапоги махали руками прямо передъ носомъ картуза.

— Ну, выиграли? подошелъ Зыбинъ къ Хмурову.

— Да, да, выигралъ, смѣялся Хмуровъ, — но какъ хорошо, какъ хорошо!

Азартъ охватилъ его, и онъ еще дрожалъ отъ волненія.

— Сколько выдаютъ? подошелъ къ нему молодой человекъ въ пенс-не.

— Не знаю, отвѣтилъ Хмуровъ и вдругъ окликнулъ: — Барсовъ, вы какъ?

— А, это вы, простите, не узналъ! обернулся Барсовъ, — играетъ?

— Какже, какже, заволновался Хмуровъ, — и теперь выигралъ. Видѣли?

— Чортъ знаетъ что! развелъ руками Барсовъ, — это такая штука, хоть сейчасъ поэмю! Не правда ли? обернулся онъ къ Зыбину.

Зыбинъ съ улыбкой кивнулъ головою. Хмуровъ посиѣшилъ ихъ познакомиться.

— Вы, кажется, уѣхать хотѣли, въ Кіевъ, что-ли? заговорилъ Хмуровъ, когда его восторгъ нѣсколько утихъ.

Барсовъ кивнулъ головою:

— Хотѣлъ въ Кіевъ, теперь передумалъ, на Волгу ѣду. На будущей недѣлѣ получу деньги за повѣсть и качу!

Онъ улыбнулся, показавъ бѣлые зубы.

— А сюда какъ? спросилъ Зыбинъ.

— Да помилюйте, писатель въ нѣкоторомъ родѣ, а на скачкахъ ни разу не былъ; дай, думаю, хоть разъ зайду, и не раскаиваюсь, не раскаиваюсь!

— Играли?

— Да, поморщился Барсовъ, — несчастливо только; всего вотъ и выигралъ что на „Геро!“ Однако-же получить надо! Не знаете, сколько?

— Три пятьдесятъ, три-пятьдесятъ, словно выросъ подлѣ нихъ Славинъ, — идите получать, Алексѣй Константиновичъ, — и съ заисступительною улыбкою прибавилъ: — счастливецъ!

Хмуровъ получилъ за три рубля 10 р. 50 к. и у него составилось всего 14 р. 70 к.

„Это съ пяти рублей“, радостно думалъ онъ, идя къ платформѣ, „да еще тратилъ. Правда, счастливо!“

Въ вагонахъ было гораздо просторнѣе.

Онъ сѣлъ опять съ Славинными. Барсовъ и Зыбинъ остались въ Петергофѣ. Поездъ тронулся.

VI.

— Выиграли? со слащавою улыбкою спросила его Славина, и перья на ея шляпѣ качнулись надъво.

— Да! засмѣялся Хмуровъ, — не хотѣлъ — и вдругъ такъ счастливо!

— Скажите! удивилась она, и перья ея качнулись направо, — повичкамъ всегда счастье!

— Мы бы не проиграли... вздохнулъ Славинъ и обернулся къ Хмурову: — одолжите папирозочку.

Тотъ одолжилъ.

— Если бы что? вдругъ съ азартомъ обернулась жена, и перья на шляпѣ заколыхались во всѣ стороны, а птица грозно клюнула.

— Если бы ты не ставила на дурацкую „Клару!“ буркнулъ Славинъ.

— „Клара“, „Клара“ виновата! а кто на „Вдову“ ставилъ? кто на клячу — „Карлоса“ ставилъ? загорячилась она.

— А кто на „Жениха“? махалъ незакуреною папирозой Славинъ.

— „Женихъ“ — лошадь, не то что водовозный „Карлосъ!“ удивилась жена.

— „Карлосъ“ не лошадь? грозно спросилъ Славинъ.

— Кляча твой „Карлосъ!“ кляча, кляча, кляча! вотъ что! почти прокричала она.

— „Карлосъ“?!

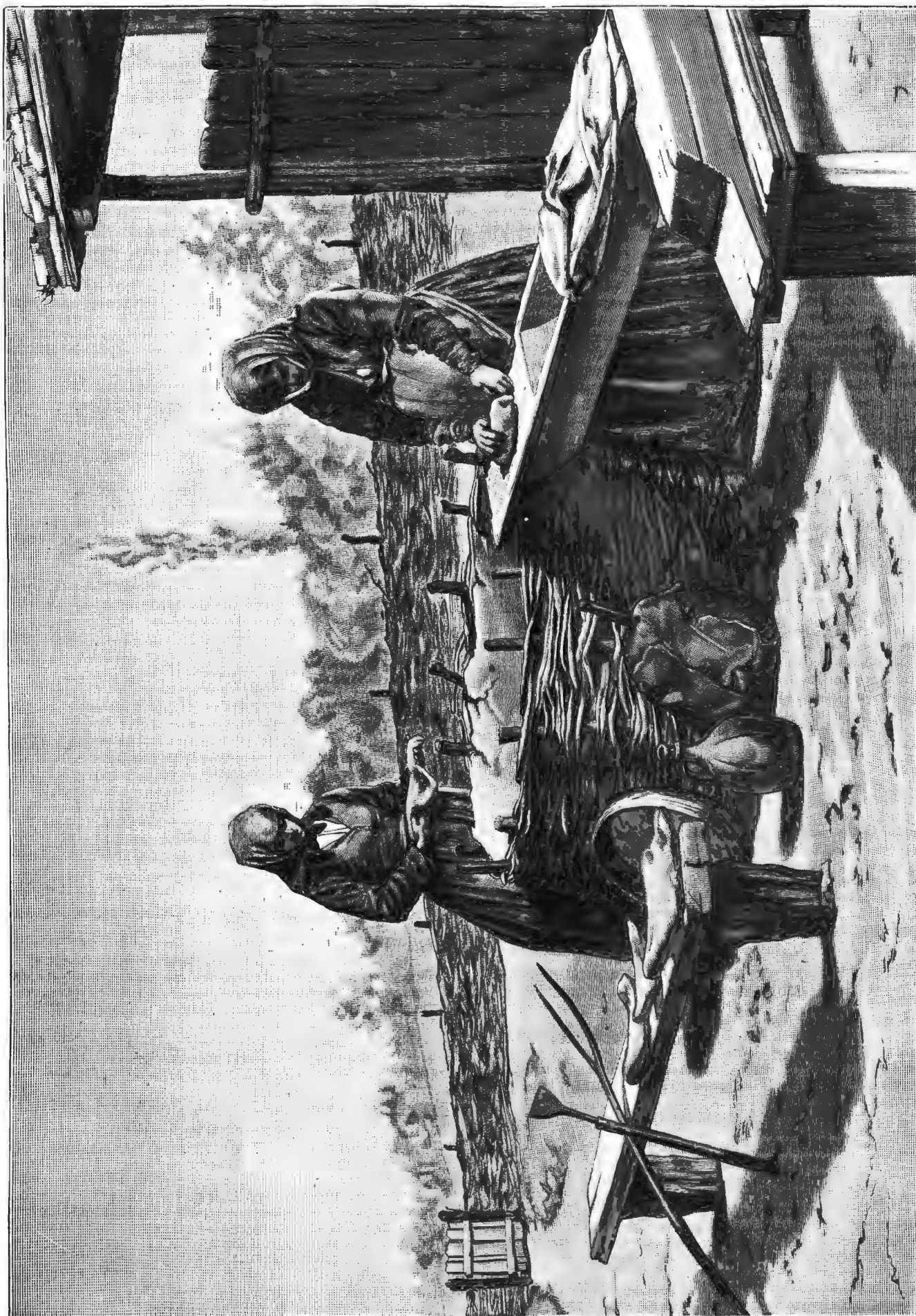
— „Карлосъ!“ передразнила она.

Они всю дорогу вздорили. Хмурова сперва забавляло это, потомъ наскучно, и онъ предался своимъ счастливымъ мыслямъ. „Вотъ Настя удивится! Взялъ 5 р., принесъ 14 р. 70 к., почти 15, въ три раза; если бы 10 взялъ, принесъ бы 30! Вотъ это игра и занимательно. Огдямъ ей деньги, но въ слѣдующее воскресенье возьму; могу назадъ 42 привезти...“

Въ такомъ настроеніи онъ вернулся домой.

— Не обѣдалъ? спросила жена, едва онъ вошелъ, и улыбка лась, видя его сияющее лицо.

— Не обѣдалъ, но знаешь, что я тебѣ..

Нахетія. Печеніє хлѣба въ „торнѣ“ (лекарнѣ). Ориг рис. (собств. „Нивы“) О. Шмерлинга, грав. Шюблеръ.

Литературный альбомъ. „Невольникъ“, Шевченка.
 Съ картишъ К. Трутовскаго (право воспроизведенія въ гравюрахъ и проч. принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Флюгель.

— Сейчас, подожди немного... остановила она и вышла рас-
порядиться. Через несколько минут Хмуровъ сидѣлъ за обѣ-
домъ и рассказывал свои подвиги, а жена слушала его съ
доброю, снисходительною улыбкою.

— Да ты бы! изрѣдка прерывала его она.

— Нѣтъ, ты слушай! восклицалъ Хмуровъ и продолжалъ: —
Славина съ женою тамъ встрѣтилъ, они все проиграли и руга-
лись всю дорогу; встрѣтилъ Зыбина, Барсова...

— Это кто Барсовъ?

— Да молоденькій, въ песне, пишетъ рассказы, помнишь, у
Кастрыгиныхъ? напомнилъ Хмуровъ.

— Ахъ, знаю, знаю! закивала жена.

— Такъ помни, Настя, смѣялся Хмуровъ, отдавалъ ей деп-
ги,—это мои деньги, въ воскресенье всё возьму. Вотъ!

Она свернула бумажки и опустила ихъ въ портмоне.

— А все-таки не хорошо это, тихо проговорила она и, улы-
пнувшись, сказала:—знаешь, Леша, я бы была больше довольна,
если бы ты проигралъ!

— Ну, вотъ, поморщился Хмуровъ, — что же ты думаешь,
увлечёшься могу, что-ли?

— Можешь, увѣренно сказала она, опуская портмоне въ
карманъ.

— Не знаешь ты меня, съ упрекомъ проговорилъ Хмуровъ и
тутъ же въ душѣ почувствовалъ, что она, пожалуй, права.

На другой день Хмуровъ со службы принесъ газету и послѣ
обѣда вслухъ прочелъ женѣ отчетъ о скачкахъ, объясняя ей
всѣ подробности. Онъ опять, задыхаясь отъ восторга, расска-
залъ ей подвигъ Куны, и не утерпѣлъ прибавить:

— Взялъ изъ дому 5 р. и принесъ почти пятнадцать, не счита
расходовъ, Настя, не считая расходовъ!

— Леша, да ты ужъ увлекся! воскликнула жена.

— Ну, вотъ! смущенно улыбнулся онъ,—съ твоимъ благора-
зуміемъ все покажется увлеченіемъ.

На службѣ онъ только и говорилъ что о скачкахъ. Зыбинъ
подсмѣивался:

— Я, знаете, совѣтую вамъ съ собою жену брать.

— А что?

— Такъ, деньги цѣлѣе будутъ, похлопалъ онъ его по плечу,
переставъ улыбаться.

— Что, говорилъ я?.. говорилъ? радостно вскрикивалъ Сла-
винъ, слушая Хмурова,—это, батенька, такое удовольствіе!—Онъ
поцѣловалъ пальцы.—И, кромѣ того, наживал!

Хмуровъ улыбался; Славинъ взялъ его подъ-руку и загово-
рилъ тихо:

— Теперь я уговорился съ женою: она сама по себѣ, я
самъ по себѣ. У ней есть деньги. А то чортъ знаетъ, на „Клару“...
пу кто-бы поставилъ на „Клару“? а она...

И онъ пожалъ плечами.

Воскресенье приближалось. Хмуровъ ждалъ его съ нетерпѣ-
ніемъ и въ то же время успѣлъ замѣтить, что женѣ неприятны
его разговоры о скачкахъ. Она не перебивала его, но нетер-
пѣливо хмурила брови и сжимала губы, едва онъ заговаривалъ
съ нею объ этомъ.

— Вотъ поѣду послѣ-завтра одинъ, а въ слѣдующій разъ ужъ
съ тобой поѣдемъ, попробовалъ онъ умаслить жену, — будетъ
21-е число—мы какъ разъ съ деньгами, сказала онъ ласково.

— Больше проиграть можно, прибавила жена.

— Ну, вотъ! пожалъ онъ плечами,—съ чего ты... ну чего ты
дусешься? Вѣдь я ничего еще не проигралъ...

— Усиѣшь, не торопись! грустно усмѣхнулась она.

Хмуровъ махнулъ рукою. Воскресенье наконецъ наступило.
Сверхъ ожиданія Хмурова, жена, не дожидаясь его просьбы,
вынула 14 руб. и отдала ему.

VII.

Первый, кого встрѣтилъ Хмуровъ, былъ Барсовъ.

— А! Алексѣй Константиновичъ! подошелъ тотъ къ нему.

— Что же вы... еще не уехали?... Деньги получили? спросилъ,
вздороваясь, Хмуровъ.

— Все сполна. Двѣсти съ хвостикомъ!.. да думаю, въ вос-
кресенье скачки, схожу еще разъ, а тамъ и маршъ!

Хмуровъ улыбнулся. Барсовъ тоже показалъ свои бѣлые зубы.

— Да что! ударилъ онъ тросточкой о землю,—прошлый разъ
проигралъ. Дай, думаю, попробую отыграться; обидно безъ боя
отдавать.

— А если и сегодня проиграете?

— Тогда ѣду. Ну ихъ къ шуту! Теперь кто пойдетъ?

Онъ вынулъ афишу и сталъ смотрѣть. Хмуровъ тоже былъ
съ афишею. Къ будкѣ тотализатора, колыхая перьями, подхо-
дила Славина. Увидѣвъ Хмурова, она широко улыбнулась и
закивала головою.

— Опять пришли? понравилось! поздоровалась она и жи-
вленно заговорила:—теперь я одна играю; я ему сказала, пусть
даже у другой будки беретъ, иначе я не согласна. По крайней
мѣрѣ на такую лошадь, какъ „Карлосъ“, не поставлю. Ужъ не
поставлю! Вы на кого? перебила она себя.

— На „Жениха“, думаю, отвѣтилъ Хмуровъ.

— Не ставьте, не ставьте, не совѣтую! закачала она голо-
вою.—Поставьте на „Зосю“ лучше; я на „Зосю“!—и она громко
сказала у прилавка:—одинъ четвертый!

— Одинъ четвертый! повторилъ стоящій за прилавкомъ.

— Одинъ второй! подошелъ Хмуровъ.

— Шесть третьихъ! раздался подлѣ него голосъ.

Онъ оглянулся. Безусый юноша, тотъ самый, что говорилъ
со старцемъ, проталкивалъ небрежно смятыя бумажки.

— Ого, какъ играетъ юнецъ-то! проговорилъ вполголоса Бар-
совъ.

— Поставилъ четвертную и баста! объяснилъ засаленный
картузъ смазнымъ сапогамъ.

— Я только красненькую на „Женишка“ кинувъ, отвѣтили
смазные сапоги.

— Пять четвертыхъ! подошла женщина въ золотыхъ очкахъ.

— А знаете? обернулся Барсовъ къ Хмурову: — мы вѣдь
балуемся только! слышите, какъ играютъ? Вонъ, замухрышка,
сторожъ вѣрно, а 25 рублей ставитъ! а мы съ вами по рублицу.
Поставимте-ка еще!

— Нѣтъ, съ меня довольно, отвѣтилъ Хмуровъ.

— Ну, а я такъ еще.

И Барсовъ отошелъ отъ Хмурова.

Ударилъ звонокъ. Хмуровъ съ замирающимъ сердцемъ пошелъ
на мѣста.

Выигралъ № 3-й. Хмуровъ проигралъ. Онъ проигралъ и во
второй, и третій, и четвертый разъ, и совсѣмъ упалъ духомъ.

— Одолжите папирочку, подошелъ къ нему Славинъ и заго-
ворилъ:—ну, какъ играете?.. плохо? Ничего, поправитесь; я тоже
проигрываю... Теперь на кого взяли?

Хмуровъ сказалъ.

— Фью! опять продуете... подлая лошадь!

И Славинъ отошелъ отъ него.

Хмуровъ растерянно улыбнулся.

— Везетъ сегодня! услышалъ онъ позади себя голосъ. — Ни
разу не ошибся. 60 рублей ужъ наигралъ. Что-то теперь: пят-
нацать поставилъ!

Хмуровъ обернулся. Поставивъ одну погу на скамейку и
игравъ тросточкой, безусый юноша хвастался передъ молодень-
кимъ офицеромъ.

„Везетъ ему“, съ завистью подумалъ Хмуровъ, „а какъ
крупно играетъ!“

Ему стало стыдно передъ юнцомъ; онъ пошелъ и еще поста-
вилъ 2 руб., но выигрывать ему не было суждено.

— Ну, и отыгрался я! кисло улыбался, подошелъ Барсовъ,—
двѣнадцать рублей уже не хватаетъ.

Хмуровъ ничего не отвѣтилъ. Въ эту минуту скакали лошади—
и его № шелъ въ самомъ хвостѣ, не смотря на то, что всад-
никъ неистово работалъ хлыстомъ.

— Проигралъ, вздохнулъ Хмуровъ и пошелъ внизъ, не желая
и досматривать. Процессъ скачекъ его уже не интересовалъ.

— Продулесь! подошелъ къ нему Зыбинъ.

Его добродушное лицо привѣтливо улыбалось. Хмуровъ обра-
довался ему.

— Да, все, отвѣтилъ онъ возможно спокойно, — а вы какъ
тутъ? Я васъ не видѣлъ.

— Такъ зашелъ. Я вѣдь живу въ Петергофѣ. А вы бросьте
играть! вдругъ серьезно сказалъ онъ.

Хмуровъ удивленно поднялъ на него глаза.

— Право бросьте, а то вовсе впадетесь. Я и не думалъ, что
вы такой азартный!

Хмуровъ смущенно улыбнулся.

„Какое ему дѣло?“ подумалъ онъ и поспѣшилъ откланяться.

Онъ шелъ къ платформѣ, мрачно опустивъ голову. Не то,
чтобы онъ жалѣлъ проигранныя деньги, но ему досадна была
самая неудача и, кромѣ того, онъ предвидѣлъ разговоры съ
женою.

— Продулесь мы съ вами, Алексѣй Константиновичъ, до-
гналъ его Барсовъ.

Хмуровъ не отвѣчалъ.

— И вообразите себѣ: въ *Вѣстяхъ* все вѣрно предсказано!
Вотъ, смотрите, онъ вынулъ изъ кармана скомканную газету и
прочелъ: — „Миражъ“, „Пула“, „Ксантинна“, „Чортъ“, „Кар-
ментъ“—видите, все вѣрно!

— Отчего же вы не ставили? удивился Хмуровъ и тутъ же
рѣшилъ: „въ слѣдующій разъ надо купить.“

Почти въ пустомъ вагонѣ, куда вошли Барсовъ и Хмуровъ,
сидѣлъ юноша и считалъ деньги.

Барсовъ не утерпѣлъ:

— Много выиграла? спросилъ онъ.

Юноша нахмурился и подиалъ голову, но не выдержалъ и
оживленно заговорилъ:

— 82 руб. съ копейками. Удивительно везло! А вы?

Барсовъ мотнулъ головою.

— Я по *Глашатаю*, тамъ все предсказано было, и сего-
дня во мнѣ увѣренность была. Вотъ въ прошлый разъ я
45 руб. проигралъ—не везло!

„Врегы!“ подумалъ Хмуровъ.

— Я, могу сказать, знатокъ въ лошадяхъ! Четыре года играю,
по все-таки вижу, что тутъ нужно одно только счастье.

Онъ сидѣлъ, выткнувъ короткія, тонкія ноги, обтянутыя въ
сѣрыхъ брюки; на немъ былъ клѣтчатый, модный пиджачекъ и
хитрый галстучекъ, заколотый коралломъ. Шляпа котелкомъ
сѣхала у него на затылокъ и открывала приглаженные волосы.

Онъ говорилъ, небрежно играя тросточкой и щипля верхнюю губу.

Хмуровъ и Барсовъ проболтали съ нимъ всю дорогу. Онъ съ важною говорилъ о себѣ: о своихъ привычкахъ, знакомыхъ и о какихъ-то вельможныхъ родственникахъ.

Разставаясь съ ними, онъ приподнял котелокъ и рекомендовался:

— Колпини! объявилъ онъ свою фамилію.

Хмуровъ и Барсовъ подали ему руки.

— Господа, не хотите-ли вечерокъ въ „Аркадіи“ провести? я угощаю! предложилъ онъ хвастливо.

Хмуровъ и Барсовъ отказались.

— Жаль, сказалъ онъ,—а то бы кутнули. Я такъ не могу сидѣть дома. Днемъ скачки, обѣдъ у Палкина, вечеръ въ „Аркадіи“... Это мое обыкновеніе! }

Онъ еще разъ пожалъ имъ руки и пошелъ отъ нихъ.

— Пронаціи! вздохнулъ Барсовъ, глядя вслѣдъ Колпину, который подошелъ къ извозчику и не торгуясь сѣлъ на пролетку.

VIII.

Сверхъ ожиданія Хмурова, жена отнеслась къ его проигрышу совершенно равнодушно.

Какъ и въ прошлый разъ, она его встрѣтила вопросомъ:

— Обѣдалъ?

— Гдѣ-же мнѣ обѣдать было? угрюмо сказалъ входя Хмуровъ.

Настасья Сергѣевна вскинула на него удивленно глазами и, ничего не отвѣтивъ, пошла распорядиться.

Хмуровъ мрачно, угрюмо, не произнося ни слова, началъ бѣсть. На него неприятно подѣйствовало проигрышъ, а теперь къ этому чувству примѣшалась досада на свою рѣзкую фразу.

— Проигралъ? тихо улыбнулась Настасья Сергѣевна, прерывая молчаніе.

Положивъ голову на руки, сложенные на столѣ, она прямо смотрѣла въ глаза мужу и тихо улыбалась. Онъ увидѣлъ улыбку жены и улыбнулся тоже. Неприятное настроеніе его прошло сразу.

— Проигралъ, Настя, все проигралъ! такая неудача! А большія выдачи были! окончилъ онъ съ сожалѣніемъ.

— Это всегда такъ, отвѣтила жена, — сначала повезетъ, а потомъ все проиграешь.

— Просто неудача была! оживился Хмуровъ.—Мнѣ, напри- мѣръ, хотѣлось на „Пулю“ поставить,—нѣтъ, поставилъ на „Жениха“, а выдавали 9 р. 80 к. Это на рубль-то, Настя! Хотѣлъ на „Миражъ“—на „Вдову“ поставилъ! и все такъ!

Глаза его разгорѣлись. Онъ положилъ ножикъ съ вилкою и говорилъ, ударяя пальцемъ по столу. Настасья Сергѣевна не сводила съ него глазъ.

— Ты ѣшь! улыбнулась она,—отыграешься, Богъ дастъ!

Хмуровъ удивленно взглянулъ на нее.

— Въ слѣдующій разъ возьми меня съ собою, какъ общалъ, можетъ и повезетъ, окончила она и встала.

„И ее увлекъ“, улыбнулся про себя Хмуровъ и заговорилъ весело: — Конечно, отыграюсь. Я теперь уже, Настя, присмотрѣлся къ лошадямъ. Теперь у меня уже есть навыкъ. Я даже терминъ знаю, хвастливо окончилъ онъ, вставая отъ стола: — „мертвый финишъ“, „пойти со старта“, „на хлыстѣ“, почти все знаю! весело засмѣялся онъ и, довольный, обнялъ жену.

Хмуровъ совсѣмъ ожилъ. Онъ уже не жалѣлъ о своемъ про- игрышѣ и вкушалъ заранѣе удовольствіе предстоящей игры. Дома, разговаривая съ женою, онъ постоянно переходилъ на воспоминаніе о прошломъ воскресеніи или на проекты вы- игрыша въ слѣдующее.

— Я тебя тамъ со многими познакомлю. Увидишь Славина съ женою. Вотъ потѣха!—И онъ смѣялся, передавая ихъ азартъ, ссоры и волненія. — Барсовъ тоже навѣрное будетъ. Онъ, ка- жется, уже не поѣдетъ на Волгу.

— Отчего? спросила жена.

— Отыгаться хочеть. Впрочемъ, это мнѣ кажется такъ, пояснилъ онъ.

— Боже, какой ужасъ! вздохнула Настасья Сергѣевна.

— Чтѣ ужасъ?

— Азартъ такой, сказала она.

— О, да, азартъ страшный. Я удивляюсь даже, какъ можно такъ увлекаться, Настя...

— Милый ты мой! засмѣялась она и обняла его.

— Вообрази, Настя, мальчуганъ лѣтъ восемнадцати играетъ. Я познакомился съ нимъ. Онъ прошлый разъ 82 руб. выигралъ! И съ какимъ шикомъ! презабавный фатишка! вспомнилъ онъ Колпина.

— Бѣдная мать! опять вздохнула она.

— Да, тамъ есть чтѣ посмотреть, Настя, задумчиво окончилъ Хмуровъ.

На другой вечеръ онъ мечталъ:

— Можно рублей двадцать пять выиграть, какое! — пятьд- сять, сто можно! восторженно увѣрялъ онъ.

— Уже не тысячу-ли? смѣялась жена.

— Нѣтъ, я не смѣюсь; если бы, напри- мѣръ, прошлый разъ играть безъ проигрыша. Сначала поставить три рубля. Назадъ получилъ бы...

И по его разсчету онъ могъ бы вернуться домой съ 420 рублями.

— Это съ трехъ рублей, Настя, съ трехъ рублей! восклицалъ онъ.

— Ну, а ты безъ гроша вернулся, улыбнулась Настасья Сер- гѣевна.

— Неудача! пожалъ онъ плечами,—чтѣ подѣлаешь! Но теперь я по газетѣ играть буду. Знаешь, *Вѣсти* и *Глашатай* всѣхъ лошадей предсказали! Я куплю и по нимъ играть буду. Оты- граюсь съ лихвою! хвастливо окончилъ онъ, цѣлуя жену.

На службѣ тоже Хмуровъ не находилъ другаго разговора, кромѣ скачекъ. Онъ былъ всего еще два раза, но азартъ уже успѣлъ охватить его и закружилъ ему голову.

— Одолжите напирсочку, подбѣгалъ къ нему Славинъ.

Хмуровъ одалживалъ и тотчасъ начиналъ бесѣду:

— Нѣтъ, вы откажитесь отъ „Карлоса“, уговаривалъ онъ Славина,—лошадь хороша, но вовсе не тренирована.

Ему нравилось вставать въ рѣчь термины и при этомъ онъ самодовольно улыбался.

— Чудная лошадь! восторгался Славинъ. — Ни на чтѣ не промѣняю, хоть тысячи давайте!—И онъ съ жаромъ начиналъ расхваливать „Карлоса“, словно эта лошадь была его собствен- ная. — Посмотрите: ноги — стаканчики точеные; затѣмъ сила, батенька, сила! А какъ барьеры беретъ! не то что „Женихъ“!

— Ну, про „Жениха“ не скажите, перебилъ Хмуровъ,—онъ немного забрасывается, но это отъ ѣздока больше; посадите-ка на него Куне!

— Что это вы, совсѣмъ въ спортсмены записались? подошелъ къ нему Зыбинъ.

— Такъ, поприглядѣлся, самодовольно улыбнулся Хмуровъ.

— Такъ и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ, словно изъ конюшни вышелъ! похлопалъ его по плечу Зыбинъ и, перемѣнивъ шу- тливый тонъ на серьезный, сказалъ: — Будь я женой вашей, спялъ бы въ воскресенье съ васъ сапоги, да и заперъ! Право! кивнулъ онъ головою.

— Я и жену увлекъ, засмѣялся Хмуровъ, — въ воскресенье со мной ѣдетъ.

Зыбинъ даже отошелъ на шагъ.

— Шутите! чтобы Настасья Сергѣевна малодушествовала!.. Не вѣрю!

Хмуровъ обидѣлся.

— Вѣдь и сами играете, а всегда съ моралью!

— Я... я—другое дѣло. Я разъ сыгравъ, двадцать разъ нѣтъ. Неужели же правда, поѣдетъ? переспросилъ онъ.

— Приѣжайте, увидите, сухо отвѣтилъ Хмуровъ.

— Да мнѣ чего ѣхать, сказалъ Зыбинъ,—тамъ живу. Приду, подивлюсь, неиремѣнно приду.—И онъ еще разъ пожалъ плечами.

Хмуровъ смѣясь передалъ эту бесѣду женѣ. Она вспыхнула и улыбнулась:

— А онъ играетъ?

— Какое! махнулъ рукою Хмуровъ: — я даже не видывалъ такой флегмы. Что на службѣ, что тамъ—даже неприятно, слов- но безъ нервовъ человѣкъ!..

Воскресенье приближалось. Настала суббота, и Хмуровъ при- несъ жалованье.

— Сколько же для скачекъ отдѣлить? спросила жена, и брови ея слегка дрогнули.

Хмуровъ смутился. Денегъ всего было 60 руб. на весь мѣсяцъ.

— Отдѣлить 15 руб., а? сказалъ онъ нерѣшительно.

— Ну, хорошо, согласилась она и вдругъ подошла къ нему.

— Алеша, только исполни мою просьбу, обняла она его.

— Какую? спросилъ Хмуровъ.

— Вотъ чтѣ,—она поцѣловала его и усѣлась къ нему на ко- лѣни: — если мы проиграемъ эти деньги, ты дай слово бросить играть...

— Чтѣ за глупости! попытался улыбнуться Хмуровъ, — я же не маленький, самъ увижу, когда довольно.

— Нѣтъ, дай, дай! цѣловала его жена.

— Пустя, Настя! смѣясь отбивался онъ, — ну, даю, ну Богъ съ тобой!

— Честное слово?

— Честное, честное! ну пустя же!

Она разжала объятія и весело засмѣялась:

— Помни же, слово далъ.

— И смѣшная же ты! неужели я ребенокъ, что меня слова- ми связывать надо?

— Мнѣ такъ спокойнѣе, уже серьезно сказала Настасья Сергѣевна.

(Продолженіе будетъ).

Литературно-критическія мініатюры.

„Евгеній Онѣгинъ“.

Среди произведеній Пушкина, „Евгеній Онѣгинъ“, романъ въ стихахъ, имѣетъ совершенно особенное значеніе. художе-

ственные созданія приносятъ неизмѣримую пользу человѣку уже и тѣмъ, что „добрыя чувства“ возбуждаютъ въ немъ и,

отражая душу, дѣлаютъ его опытиѣ, даютъ ему знаніе жизни и людей. Но помимо этой общей пользы, произведение литературы можетъ имѣть и болѣе частное и опредѣленное назначеніе—отразить тѣ перемены, которыя происходятъ въ духовной жизни общества, подъ вліяніемъ новыхъ историческихъ условий, — отразить и такимъ образомъ дать ихъ понять, сознать. Въ этомъ смыслѣ литература есть не только могущественное средство для общественнаго самосознанія, но и, такъ сказать, совѣсть общества, общественная исповѣдь. Въ литературѣ своей извѣстный народъ или извѣстное общество, устами наиболее чуткаго и впечатлительнаго и наиболее умѣющаго выразить свои мысли и чувства поэта, рассказываетъ передъ глазами всѣхъ и каждого свои достоинства и свои пороки, отражаетъ глубоко скрытыя и быть-можетъ еще не вылившіяся сознанныя свои стремленія,—и, слѣдовательно, не только говоритъ о настоящемъ, но до нѣкоторой степени даетъ понять и будущее, зарождающееся въ стремленіяхъ общества. Поэтъ—въ извѣстномъ смыслѣ есть, дѣйствительно, „пророкъ“, и какъ учитель общества, и какъ проникательный умъ, обладающій силой глубоко проникать въ будущее. Въ этомъ именно смыслѣ „Евгеній Онегинъ“ и занимаетъ въ русской литературѣ необыкновенно высокое положеніе.

Въ тѣ дни, когда талантъ Пушкина развертывалъ свои могучія силы, въ обществѣ русскомъ возникалъ особый родъ людей, особый „типъ“, свидѣтельствовавшій о чемъ-то болѣзненнымъ въ умственной жизни русской. Въ то время какъ люди не выдававшіеся изъ своей среды—естественно и просто жили по рутинѣ, соображаясь съ обстоятельствами, и этимъ путемъ все-таки такъ или иначе припаровлялись къ жизни, узнавали ее и становились въ ней дѣятелями, иногда весьма полезными,—въ это самое время люди новидному богато одаренные, несомнѣнно умные, притомъ получившіе, сравнительно съ другими русскими людьми того времени, значительное европейское образованіе, оказывались совершенно бесполезными членами въ русскомъ обществѣ, тягостью для него, а не приобритеніемъ. Нужно сказать, что типъ этотъ „возникалъ“ еще только, какъ мы сказали, и общество русское еще не знало его, а если и видѣло его, то смотрѣло на него безъ вниманія, не понимало его. Непониманіе это было вполне естественно и понятно, потому что самое явленіе было ново, еще не успѣло выясниться, и когда, въ лицѣ героя романа, въ Евгеніи Онегинѣ, появилось литературное изображеніе этого типа, о немъ возникли самыя разпообразныя толки. Даже много спустя, знаменитый въ то время критикъ, Бѣлинскій, не далъ дѣйствительнаго пониманія его, и только впоследствии понято было, что въ лицѣ Онегина изображенъ русскій „недугъ“, умственная болѣзнь русская.

Понятно отсюда, какая великая заслуга Пушкина въ томъ, что онъ своимъ проникательнымъ умственнымъ взоромъ сумѣлъ подмѣтить, а потомъ изобразить новое, важное явленіе русской умственной жизни. И заслуга эта тѣмъ значительнѣе, что въ русской литературѣ въ „Евгеніи Онегинѣ“ въ первый разъ сказалось такое отношеніе литературы къ жизни общественной. Правда, еще до Пушкина, преимущественно въ Фонъ-Визинѣ, въ его комедіяхъ „Недоросль“ и „Бригадиръ“, литература брала уже на себя общественныя задачи. Но тамъ еще не было соединенія художественности, истинности воспроизведенія жизни, съ общественнымъ содержаніемъ; тамъ въ лицѣ Простаковыхъ и имъ подобныхъ осмѣивалось невѣжество, а въ лицѣ Цифиркиныхъ хвалилось просвѣщеніе, но эти Простаковы и Цифиркины не были живыми людьми, а только изображеніями съ предвзятою цѣлю, которымъ авторъ по произволу придавалъ свойство и складъ мыслей. Въ Евгеніи-же Онегинѣ въ первый разъ (если не считать комедіи „Горя отъ ума“ Грибоѣдова, почти одновременно съ „Онегинымъ“ появившейся) передъ читателемъ былъ изображенъ совершенно живой человѣкъ, въ которомъ не были выставлены на передній планъ извѣстныя свойства для осмѣянія ихъ или для восхваленія; все въ немъ было просто и естественно и вызвало на размышленія, но чтѣ такое онъ представлялъ собою—было нѣсколько неопредѣленно, загадочно, какъ это и бываетъ всегда въ дѣйствительности. Пушкинъ въ высокой степени правдиво изобразилъ въ Онегинѣ образованнаго человѣка своего времени; понимать его было-бы, вообще говоря, не трудно, если-бы не встрѣчалось къ тому препятствія въ самыхъ условіяхъ жизни и понятіяхъ общества. Во всякомъ случаѣ образованный Онегинъ привлекалъ многими своими сторонами; видѣть въ немъ зло, умственную болѣзнь, было не сродно обществу, когда кругомъ „здоровые“ были не лучше, а хуже Онегина. И самъ Пушкинъ, конечно, не думалъ изобразить въ Онегинѣ худшую сторону русской жизни, и просто воспроизвелъ замѣчательное имъ явленіе. По всему этому въ лицѣ Онегина Пушкинымъ поставленъ былъ нѣкоторый вопросъ, требовавшій разрѣшенія,—вопросъ о томъ, почему образованіе не давало Онегину ни силы, ни желанія дѣлать въ обществѣ благотворное дѣло, гдѣ причины страннаго отсутствія воли и опредѣленности стремленій въ его героя.

И этою своею стороною Пушкинъ совершилъ великое дѣло въ русской литературѣ, давъ ей цѣлое направленіе. Съ тѣхъ поръ и почти до настоящаго момента вопросъ, поставленный Пушкинымъ, сдѣлался живѣйшимъ вопросомъ всей русской ли-

тературы. Рядъ русскихъ великихъ писателей неизмѣнно стремился къ тому, чтобы изобразить и осмыслить, разъяснить этотъ загадочный типъ людей, который изображенъ былъ въ Евгеніи Онегинѣ. Гоголь изобразилъ тотъ-же типъ въ Тентетниковѣ, въ „Мертвыхъ душахъ“, Лермонтовъ въ Печоринѣ, въ „Герое нашего времени“, Герценъ—въ Бельтовѣ, въ романѣ „Кто виноватъ“, Тургеневъ—въ „Гамлетѣ Штировскаго уѣзда“, въ Чулкатуринѣ („Дневникъ лишняго человѣка“), въ „Рудинѣ“, въ Лаврецкомѣ („Дворянское гнѣздо“), Гончаровъ въ „Обломовѣ“ и проч. и проч. до гр. Л. Н. Толстого, гдѣ этотъ типъ является въ многообразныхъ развѣтвленіяхъ. Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія, что эта работа литературы принесла огромную пользу общественному русскому самосознанію, и творцу „Евгенія Онегина“ Пушкину, который первый открылъ и показалъ ему плодотворный путь, принадлежитъ и первая слава среди русскихъ писателей.

Но что-же такое представлялъ собою Евгеній Онегинъ? Мы выше сказали, что сначала онъ понятъ современниками не былъ, а впоследствии былъ признанъ изображеніемъ „умственного недуга“ русскаго. Этотъ фактъ любопытенъ и самъ по себѣ показываетъ, что самосознаніе общества, начатое Пушкинымъ, развивалось постепенно. Еще Бѣлинскій, какъ опять замѣчено выше, считалъ нужнымъ защищать всякаго безправственнаго дѣйствія Онегина,—убійство Ленскаго, пренебреженіе къ окружающимъ и въ томъ числѣ къ радужно встрѣтившей его семѣи Лариныхъ, неумѣнное высокомеріе передъ Татьяной въ деревнѣ и еще менѣе умѣстную его любовь, питаемую тщеславіемъ, къ той-же Татьянѣ въ Петербургѣ, и пр.; онъ защищалъ Онегина, какъ человѣка „образованнаго“, чтѣ онъ и выражаетъ категорически. Другой, нѣкогда громѣвшій критикъ, Добролюбовъ, между тѣмъ, прямо записалъ Онегина въ разрядъ просто дармоедовъ, а знаменитый романистъ Гончаровъ называетъ его „паразитомъ“. Все явленіе, выраженное Онегинымъ, многіе, и между ними Достоевскій, прямо называютъ „недугомъ“, умственною болѣзью. Люди различныхъ возрѣвій сошлись на этомъ мнѣніи.

Въ чемъ же состоитъ эта болѣзнь, этотъ недугъ? На этотъ вопросъ уже давно данъ отвѣтъ, если не всеми признанный и раздѣлимый, то болѣе вѣроятный, болѣе близкій къ истинѣ. Было въ Россіи умственное направленіе, представители котораго назывались „почвенниками“, и среди нихъ были замѣчательнѣйшіи критикъ, Аполлоу Григорьевъ. Почвенники эти утверждали, и конечно справедливо утверждали, что всякое образованіе только тогда получить общественную цѣнность, только тогда можетъ быть полезно людямъ, когда оно стоитъ въ тѣсной связи съ „почвой“, на которой суждено дѣйствовать человѣку въ жизни. Образованіе, которое не имѣетъ корней въ почвѣ, естественно должно засохнуть, поблекнуть безъ слѣда, безъ плода для будущаго. Между тѣмъ все русское образованіе тогда было именно безпочвенно, и люди получившіе его были поистинѣ безпочвенными. И таковъ именно и былъ Онегинъ со всеми своими потомками: Обломовымъ, Печоринымъ, Рудинымъ и проч. Все это почвенники своими идеями освѣтили ярко и просто.

Въ самомъ дѣлѣ, разсмотрите, какое направленіе образованія было у насъ во времена Пушкина, до него и послѣ. Ребенокъ прежде всего поступалъ въ вѣдѣніе иностранныхъ гувернантокъ, обыкновенно исполненныхъ презрѣнія къ русской жизни, и онъ выучивался отъ нихъ думать на чужомъ языкѣ и презирать родной языкъ и родную жизнь какъ низшіе. Въ самомъ лучшемъ случаѣ, онъ подвергался вліянію родной природы и родныхъ людей, которые умѣрили это иностранное вліяніе, но не уничтожали его. Ребенокъ росъ, а обстоятельства не измѣнялись. Гувернантку замѣнялъ гувернеръ, „monsieur Abbé, французъ убогій“, но выраженію поэта, но онъ, конечно, не былъ лучше по своему вліянію, чѣмъ гувернантка. При самыхъ лучшихъ условіяхъ, интереса къ родной жизни не возникало. При томъ-же образованный человѣкъ того времени принадлежалъ къ классу высшему, онъ былъ окруженъ крѣпостными и вообще такимъ строемъ жизни, который не могъ не вызывать въ немъ чувства собственнаго превосходства и не вселять сознанія, что русская жизнь есть дѣйствительно нѣчто низшее. Потомъ, въ пору серьезнаго развитія, за несуществованіемъ русской литературы и русской науки, человѣкъ того времени, естественно, жилъ интересами умственными не русскими, читалъ иностранныя литературы, зналъ иностранныхъ ученыхъ,—и вся Русь представлялась ему лишненною живаго ума странною. Образованный человѣкъ тогдашняго времени былъ всѣмъ чѣмъ угодно, но только не русскимъ человѣкомъ, по своимъ понятіямъ и представленіямъ; онъ былъ совершенно оторванъ отъ русской почвы, отъ русской дѣйствительности, и ему выборы французской деревушки были несравненно интереснѣе, чѣмъ вся жизнь его родной деревни во всей своей цѣлости. Языкъ, понятія, бытъ—все было чуждо ему въ родной странѣ, а чужбина была все-таки чужая.

Вотъ въ этой-то пустынѣ душевной возникалъ такой душевный строй въ человѣкѣ, что онъ былъ лишнимъ всюду, и лишнимъ для себя самого. Человѣкъ есть существо общественное по природѣ, и все, чтѣ онъ дѣлаетъ, онъ стремится дѣлать для своихъ ближнихъ и со своими ближними. Но чтѣ могли значить, къ чему

Памятникъ Императору Александру II въ Самарѣ. Съ фотогр. Н. Ждапова, грав. Шюблеръ.

служить теоретически, из иностранных книжек почерпнуть, мифия об общественном устройстве, когда с ними человек являлся в русскую глухую деревню. И вот у человека умъ „книжь въ дѣйствіи пустомъ“, по выраженію Пушкина въ томъ-же „Евгеніи Онѣгинъ“. Интересы къ окружающей жизни нѣтъ—и скука, и метапе съ мѣста на мѣсто являются естественными результатами. Словомъ, всѣ свойства Онѣгина являются прямымъ слѣдствіемъ его оторванности отъ родной жизни.

Къ рисункамъ.

Страшныя сказки. (Рис. на стр. 1033).

Сказки имѣютъ громадное воспитательное значеніе. Своимъ элементомъ чудеснаго онѣ представляютъ богатый матеріалъ для развитія воображенія дѣтей. Занимательность разсказа и соотвѣтствіе его понятіямъ дѣтей, составляетъ важнѣйшее условіе каждой педагогической книги: такому разумному требованію вполнѣ соотвѣтствуютъ сказки. Потребность жить воображеніемъ у дѣтей такъ велика, что за отсутствіемъ регулирующаго се матеріала—сказокъ—они сами выдумываютъ фантастическія исторіи и приключенія, въ которыхъ будто бы они принимали участіе, и тѣмъ перѣдко повергаютъ въ тревогу своихъ родителей. Сказки даютъ здоровое направленіе работѣ воображенія, такъ какъ онѣ всегда исполнены глубокаго смысла и нравственнаго чувства, и такимъ образомъ готовятъ будущую дѣятельность ума. Достаточно припомнить, что и западно-европейская цивилизація, которой многіе у насъ такъ завидуютъ, зиждется для каждаго юнаго поколѣнія въ теченіе долгаго ряда вѣковъ—на какихъ-нибудь пяти-шести сказкахъ, каковы: „Котъ въ сапогахъ“, „Мальчикъ-съ-пальчикъ“, „Спящая красавица“, „Рауль синяя борода“ и т. п., а затѣмъ на классической школѣ. Одну изъ такихъ страшныхъ сказокъ и разсказываетъ изображенна на картинѣ старушка дѣтямъ.

Этюдъ. (Рис. на стр. 1041).

Насколько искусно и разнообразно изображаетъ Ѳ. Чумаковъ женскіе типы, можно судить по помѣщаемой за послѣднее время третьей его работѣ, представляющей совершенную противоположность его двумъ прежнимъ произведеніямъ. У молодой дѣвушки, изображенной на стр. 1041, въ улыбкѣ устъ такъ много

И прелести, и грусти милой;
Въ глубокомъ взглядѣ томныхъ глазъ,
Подъ ихъ рѣсницей пушистой,
Такъ много блеску, что сейчасъ
Во слѣдъ за радостію чистой,
Казалось, въ нихъ блеснетъ слеза.
Но грусть души молодой и гибкой
Была не бурная гроза...

Торня (пекарня) въ Кахетіи. (Рис. на стр. 1044).

Торня, рисунокъ которой помѣщенъ на стр. 1044, интересна въ этнографическомъ отношеніи тѣмъ, что представляетъ примѣръ упорнаго культурнаго „переживанія“: не смотря на свою первобытность, педубства и пр., она до сихъ поръ не только уживается на Кавказѣ со всѣми повѣйшими системами печей и плитъ, но повидимому и не намѣрена уступать имъ преимуществу въ приготовленіи особаго рода прѣсныхъ хлѣбовъ—чурековъ. Устройство торни будетъ совершенно ясно, если мы припомнимъ устройство печей у дикарей (индійцевъ) и у охотниковъ американскихъ степей. Чтобы сжарить кусокъ мяса, дикарь вырываетъ въ землѣ небольшую яму, кладетъ въ нее хворостъ, сжигаетъ его и затѣмъ, выбросивъ лишніи головни, кладетъ въ яму мясо и зарываетъ его горячими углями и золой. По мѣрѣ того какъ дикарь переходитъ отъ чисто бродячей жизни къ бродяческо-осѣдой и чисто осѣдой—и эта печь-яма претерпѣваетъ нѣкоторыя измѣненія: она улучшается, становится прочнѣе: стѣнки ямы сначала просто обкладываются камнями; потомъ эти камни дикарь начинаетъ сдѣлать между собою глиной или иломъ. Далѣе является торня. Въ торнѣ вмѣсто камней употребляется уже большой, до 2½ аршинъ въ діаметрѣ, толстостѣнный глиняный кубинчикъ, наполовину, и даже болѣе, врытый въ землю. Накаливъ его сжиганіемъ дровъ, пекаръ сильно и ловко бросаетъ на его стѣнки рукою или при помощи лопатки, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—особой кожаной подушки, куски тѣста, и закрываетъ его. Черезъ нѣкоторое время (15—20 минутъ) чурекъ—продолговатый, неправильной формы, утончающійся отъ одного конца къ другому хлѣбъ—готовъ. На нашемъ рисункѣ собственно торня, оплетенная хворостомъ, находится въ центрѣ; справа помѣщается корыто съ тѣстомъ, а слева, на скамейкѣ—уже испеченные чуреки.

Литературный альбомъ. „Невольникъ“ Шевченка.

(Рис. на стр. 1045).

Это одна изъ лучшихъ поэмъ Шевченка. Степанъ, молодой сирота, воспитанный добрымъ человѣкомъ вмѣстѣ съ родною

дочерью и затѣмъ помолвленный съ нею, оставляетъ невѣсту на годъ съ тѣмъ, чтобы погулять по бѣлу свѣту, людей помотрѣть, себя показать, уму-разуму научиться, и отправляется съ этой цѣлью въ тогдашній университетъ казачьей молодежи—въ Запорожскую сѣчь. Проходить годъ, другой и третій, прошли и всѣ пять лѣтъ—молодая невѣста, Арина, все ждетъ своего Степана... И вотъ однажды приходитъ къ ихъ хатѣ слѣпой молодой кобзарь и начинаетъ имѣть нѣтъ про турецкую неволю, какъ молодой казакъ поналъ въ плѣвъ къ туркамъ, какъ не выдержалъ неволи, разбилъ кандалы и бѣжалъ, какъ настигли его лыпычары и выкололи ему ясныя очи, и какъ онъ вторично освободился... Арина и старикъ-отецъ ея узнаютъ въ этомъ кобзарѣ своего Степана. Счастливая и тѣмъ, Арина выходитъ замужъ за слѣпца и посвящаетъ ему всю свою жизнь. Картина Трутовскаго изображаетъ моментъ встрѣчи слѣпаго кобзаря и его невѣсты.

Арс. Введенскій.

дочерью и затѣмъ помолвленный съ нею, оставляетъ невѣсту на годъ съ тѣмъ, чтобы погулять по бѣлу свѣту, людей помотрѣть, себя показать, уму-разуму научиться, и отправляется съ этой цѣлью въ тогдашній университетъ казачьей молодежи—въ Запорожскую сѣчь. Проходить годъ, другой и третій, прошли и всѣ пять лѣтъ—молодая невѣста, Арина, все ждетъ своего Степана... И вотъ однажды приходитъ къ ихъ хатѣ слѣпой молодой кобзарь и начинаетъ имѣть нѣтъ про турецкую неволю, какъ молодой казакъ поналъ въ плѣвъ къ туркамъ, какъ не выдержалъ неволи, разбилъ кандалы и бѣжалъ, какъ настигли его лыпычары и выкололи ему ясныя очи, и какъ онъ вторично освободился... Арина и старикъ-отецъ ея узнаютъ въ этомъ кобзарѣ своего Степана. Счастливая и тѣмъ, Арина выходитъ замужъ за слѣпца и посвящаетъ ему всю свою жизнь. Картина Трутовскаго изображаетъ моментъ встрѣчи слѣпаго кобзаря и его невѣсты.

Памятникъ императору Александру II въ Самарѣ.

(Рис. на стр. 1049).

Памятникъ Царю-Освободителю въ Самарѣ воздвигнутъ по мысли гласнаго Л. Н. Яценко, единогласно принятой самарскою думой, на добровольныя пожертвованія жителей города Самары и Самарской губерніи, по Высочайше утвержденному 16 апрѣля 1887 г. проекту академика В. О. Шервуда. Закладка памятника совершена 8 іюля 1888 г., а оконченъ онъ сооруженіемъ въ началѣ августа 1889 г. и открытъ 30-го числа.

Почившій Царь-Освободитель изображенъ въ военной шинели и фуражкѣ. На четырехъ углахъ пьедестала помѣщены фигуры олицетворяющія четыре величайшія событія царствованія императора Александра II: освобожденіе крестьянъ, покореніе Кавказа, освобожденіе славянскихъ племенъ и завоеваніи въ Средней Азій. Событія эти выражены въ слѣдующихъ фигурахъ:

1) Крестьянинъ, осѣняющемъ себя крестомъ; на картѣ въ рукѣ его начертано: „19 февраля 1861“. Подъ фигурой надпись: „Освобожденіе крестьянъ“.

2) Черкесъ, сломавшемъ свою шапку. Подъ фигурой надпись: „1859—1864“.

3) Болгарской жепцинь, держащей разорванную цѣпь въ рукахъ, обратившей благодарный взоръ къ небесамъ и попирающей турецкое знамя. Подпись: „1877—1878“.

4) Сартинкѣ, которая лѣвой рукою открываетъ свое лицо, сдвигая чадру, а правой повергаетъ корону средне-азиатскихъ владѣтелей къ стопамъ императора. Подъ этой фигурой надпись: „Ташкентъ 1865; Бухара 1868; Хива 1873; Коканъ 1875—76; Ахаль-Теке 1881“.

На лицевой сторонѣ памятника, подъ императорскою короною, на порфирѣ помѣщенъ щитъ съ надписью золотыми буквами: *Александру II, Царю Освободителю. 1889 г.* На противоположной сторонѣ гербъ города Самары. На остальныхъ двухъ сторонахъ также помѣщены щиты съ надписями, напоминающими прочія событія и реформы прошлаго царствованія.

Колоссальная статуя памятника, фигуры и орнаменты выдѣлены акад. В. О. Шервудомъ и отлиты на заводѣ товарищества А. М. Постникова въ Москвѣ. Пьедесталъ памятника изъ финляндскаго гранита, исполненъ А. А. Захаровымъ, а канделябры вокругъ памятника и фонтанъ въ немъ—заводомъ братьевъ Бромлей, въ Москвѣ-же. Этотъ фонтанъ бьетъ съ четырехъ сторонъ памятника и разливается по устроеннымъ изъ туфа склонамъ, повитымъ зеленью. Памятникъ имѣетъ высоты 4 саж. 2 арш.; статуя же—1 саж. 2 арш. На сооруженіе памятника съ разведеніемъ вокругъ него сквера и проч. израсходовано около 74,000 руб. (въ томъ числѣ добровольныхъ приношеній 41,948 и 32,052 руб. отъ городской думы).

Городской фильтръ въ СПб. (Рис. на стр. 1052).

Процѣживаніе (филтрація) извѣстно человѣчеству со временъ глубокой древности, но только нашей эпохѣ исполнились сооруженій и всевозможныхъ техническихъ усовершенствованій—принадлежитъ грандіозная мысль о процѣживаніи такъ сказать цѣлымъ рѣкъ для водоснабженія громадныхъ городовъ. Открытый на-двухъ городскій фильтръ въ Петербургѣ у водопроводной башни, находящейся на набережной Невы, на мѣстѣ такъ-называемаго Ковна (въ концѣ Шпалерной улицы), занимаетъ площадь въ 5,200 квадратныхъ сажень, подъ которой и размѣщены подземные подвалы фильтровъ. Въ свое время

мы дали подробное описание этой башни, а потому нынѣ ограничимся лишь описаниемъ самаго фильтра.

На берегу Невы находится машинное отдѣленіе съ пятью громадными насосами, черпающими воду изъ рѣки и нагнетающими ее въ сѣточное отдѣленіе. Черпается вода изъ глубокаго колодца, лежащаго на одномъ уровнѣ съ дномъ Невы и снабженнаго нѣсколькими люками, въ глубинѣ которыхъ помѣщены крупныя металлическія сѣти для задерживанія крупной рыбы и комьевъ гризи. Такимъ образомъ въ сѣточное отдѣленіе вода проводится уже очищенною отъ крупныхъ примѣсей.

Въ сѣточномъ же отдѣленіи вода, нагнанная насосами въ громадный бакъ, падаетъ съ высоты трехъ аршинъ каскадами на частыя латунныя сѣти въ 900 узелковъ на квадратный дюймъ. На этихъ сѣтяхъ осаждаются цѣлые слои водорослей, мелкихъ личинокъ, червей, мелкой рыбешки и т. п.; все это прежде попадало въ наши водопроводныя трубы, теперь же сносится въ расположенныя подъ сѣтями цинковые желоба. Затѣмъ вода, освобожденная отъ большей части примѣсей, за исключеніемъ мельчайшихъ, устремляется винтомъ изъ бетонной цистермы внизъ, въ подвалы фильтровъ.

Эти подвалы-фильтры суть подземныя помѣщенія со сводами на гранитныхъ колоннахъ, силою оштукатуренныя непроницаемымъ для воды цементомъ и освѣщаемыя электричествомъ. Въ потолкѣ устроены круглыя отверстія для воздуха, выводимыя коническими трубами на поверхность земли. Полъ же состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ: мелкаго желтоватаго песка, подъ нимъ крупнаго песка, далѣе щебня и наконецъ булыжника, подъ которымъ находится твердый цементный полъ. Нанушенная въ подвалъ вода и процеживается сквозь эту четырехслойную почву, а затѣмъ въ совершенно очищенномъ видѣ сбѣгаетъ по канальцамъ твердаго цементнаго пола. Оставшіеся же на верхнемъ слоеъ песка илъ и наносная мелкая грязь до дюйма толщины сгребаются рабочими — и фильтръ очищенъ для новаго нануска воды.

Въ настоящее время 7 такихъ фильтровъ даютъ ежедневно до 11 милліоновъ ведеръ чистой воды, которая отсюда машинами и насосами толкается въ водонапорную башню.

Неподалеку отъ машиннаго находится зданіе для промывки нужнаго для фильтровъ песка, также производящейся посредствомъ паровыхъ двигателей. Здѣсь промывается до 10 кубич. сажень песка въ сутки.

Все сооруженіе обошлось городу въ 1½ милл. руб.

Академикъ И. Н. Шредеръ. (Портр. на стр. 1053).

Иванъ Николаевичъ Шредеръ, изъ дворянъ Витебской губерніи, родился въ 1835 году. Получивъ воспитаніе въ Пажескомъ Его Величества корпусѣ, былъ вынужденъ отсюда въ 1853 году въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ, съ которымъ и сдѣлалъ походъ 1853—56 года. Военная служба не была сферою Шредера, и выйдя по возвращеніи изъ похода въ отставку, онъ поступилъ въ Императорскую Академію Художествъ въ классъ профессора-скульптуры Н. С. Пименова.

Услышавъ окончивъ курсъ Академіи, молодой талантливый художникъ обратился на себя вниманіе своими работами, относящимися къ отдѣлу монументальной скульптуры. Первою пробю его силъ на этомъ поприщѣ было участіе въ сооруженіи памятника Тисячелѣтіи Россіи, въ исполненіи коего Шредеру принадлежитъ значительная часть. За этотъ трудъ Шредеръ Всемилоствѣнне былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 3 ст. и пожизненною пенсіею, Академіею-же Художествъ удостоенъ стеною академика (1862 г.). Изъ послѣдующихъ работъ Шредера отмѣтимъ: модель памятника императрицѣ Екатерицѣ II въ Царскомъ-Селѣ; памятникъ адмиралу Белинггаузену въ г. Кронштадтѣ; памятникъ адмиралу Крузенштерну въ СПб. (противъ Морскаго училища); два памятника въ г. Петрозаводскѣ императорамъ Петру I и Александру II; памятникъ графу Боринскому въ г. Кіевѣ; 12 бюстовъ севастопольскихъ героевъ для Московскаго музея и наконецъ открытый нынѣшнюю весною въ Петербургѣ, противъ Маріинской больницы, памятникъ принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому. Высокохудожественная простота исполненія, широкозадуманная идея, реальность и сходство — вотъ тѣ отличительныя признаки, которые ставятъ Шредера въ ряду первыхъ современныхъ художниковъ-скульпторовъ.

Б. Салтыковъ.

Политическое обозрѣніе.

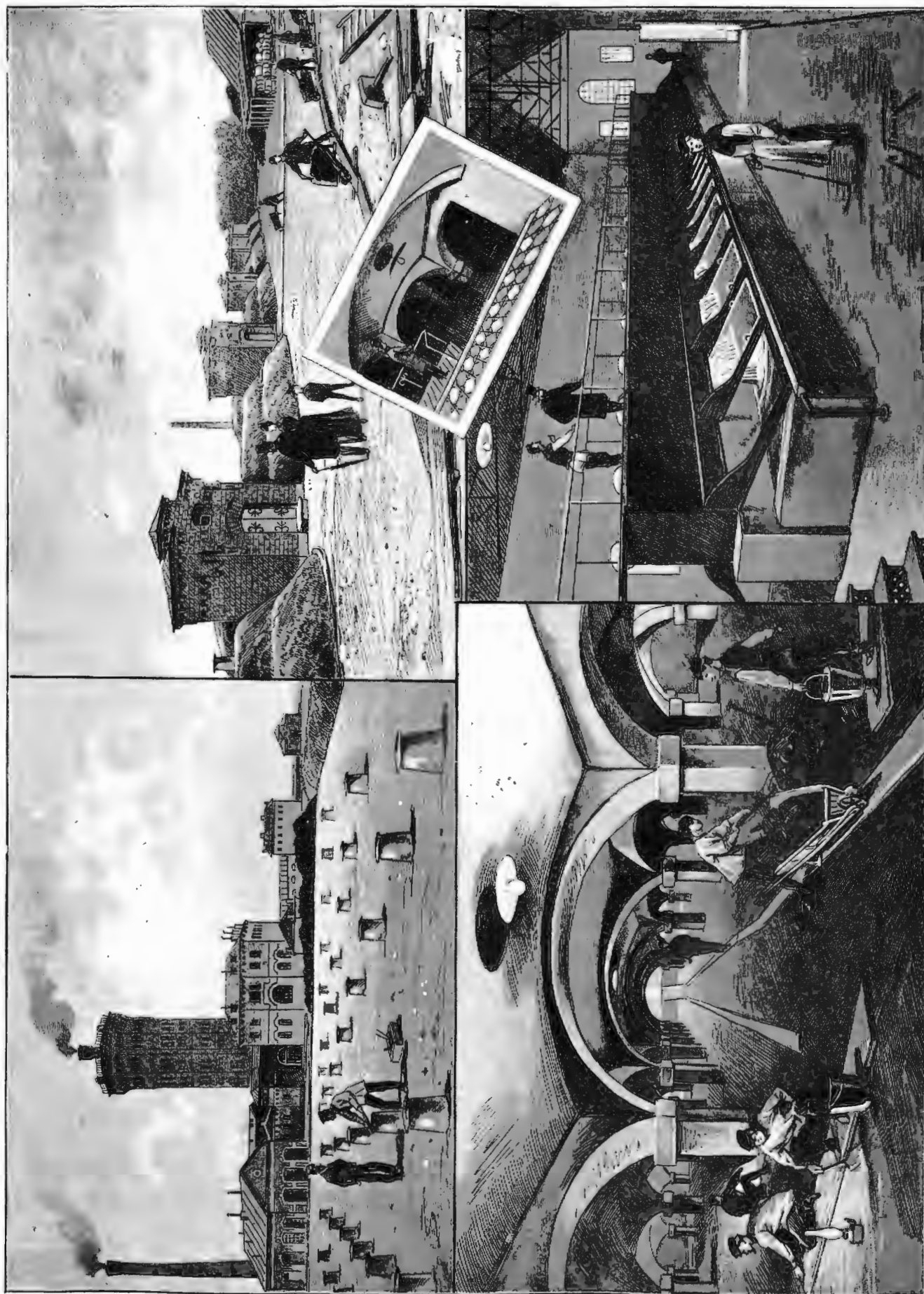
Вниманіе всей Европы продолжаетъ быть сосредоточеннымъ на Берлинскомъ свиданіи. *Имперскій Указатель*, посвящая прибуду Государя Императора особую привѣтственную статью, говоритъ: „Русскій Императоръ прибылъ сегодня утромъ, чтобы отдать визитъ, который сдѣлать былъ Его Величеству въ прошломъ году императоромъ Вильгельмомъ. Высочій Гость былъ привѣтствованъ въ столицѣ Германской имперіи съ тою глубокою почтительностью, которая подобаешь Монарху великой имперіи, издавна находящейся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Пруссіей и Германіей и которая соответствуетъ дружественнымъ узамъ существующимъ между обоими Монархами и перешедшимъ къ нимъ отъ ихъ предковъ. Германскій народъ присоединяется къ пожеланію, чтобы нынѣшнее высокое посѣщеніе послужило ко благу обихъ націй“. Другія газеты переполнены подробностями пребыванія Русскаго Царя въ Берлинѣ. Между прочимъ, въ дополненіе къ известному уже, онъ сообщаетъ, что послѣ параднаго обѣда въ день приѣзда Государя Императора, въ честь Его Величества былъ данъ парадный спектакль въ оперномъ театрѣ. Въ 8 часовъ 20 минутъ Ихъ Величества вошли въ большую императорскую ложу, причемъ вся приглашенная блестящая публика встала со своихъ мѣстъ. Государь Императоръ занялъ мѣсто между императоромъ Вильгельмомъ и императрицею. По окончаніи спектакля Государя простылись. Государь Императоръ, въ сопровожденіи Великаго Князя Георгія Александровича, вернулся въ домъ русскаго посольства, а Германская императорская чета — въ замокъ. Многотысячная публика почтительно привѣтствовала возвращавшихся изъ театра Государей.

На слѣдующій день Государь Императоръ и императоръ Вильгельмъ, который забѣжалъ за своимъ вѣнечеснымъ гостемъ въ домъ русскаго посольства, отправились, въ сопровожденіи Великаго Князя Георгія Александровича и немногочисленной свиты, въ 7¼ час. утра, съ экстреннымъ поѣздомъ въ Эберсвальдъ, а оттуда въ экипажѣ въ Губертусштокъ на охоту. По приказанію императора Вильгельма, въ охотничьемъ замкѣ Губертусштока были приготовлены для Государя Императора тѣ самыя комнаты, которыя обыкновенно занималъ покойный императоръ Вильгельмъ и которыя со времени его кончины оставались безъ употребленія. Въ Губертусштокѣ Ихъ Величества пересѣли въѣздъ въ охотничій экипажъ и охотились на оленей и дичьихъ козъ. Охота Государей продолжалась съ перерывомъ почти до 5 часовъ, причемъ Государь Императоръ убилъ крупнѣйшаго оленя о двѣнадцати отросткахъ, а Великій Князь Георгій Александровичъ — оленя о десяти отросткахъ. На обратномъ пути съ охоты выстрѣлили сотни дѣтей со смоляными факелами. Мѣстности, по которымъ слѣдовали Ихъ Величества, были иллюминированы и населеніе привѣтствовало Монарховъ восторженными кликами. По возвращеніи съ охоты, въ 9 часовъ вечера, Государь Императоръ присутствовалъ на

ужинѣ у вдовствующей императрицы Викторіи. Ужинъ происходилъ въ самомъ тѣсномъ семейномъ кругу. Въ 11¼ ч. Государь Императоръ и Великій Князь Георгій Александровичъ вернулись въ открытомъ экипажѣ въ домъ русскаго посольства.

1 октября Государь Императоръ и Великій Князь Георгій Александровичъ отправились въ 9 час. 30 мин. въ открытомъ экипажѣ, паромъ, въ Шарлоттенбургъ — и тамъ, въ мавзольѣ, возложили великолѣпный лавровый вѣнокъ съ бѣлыми розами на гробъ императора Вильгельма I. Пробывъ въ мавзольѣ четверть часа, Государь Императоръ и Великій Князь возвратились въ 10 час. 30 мин. въ русское посольство. Въ 11 час. въ посольской ви отслужена обѣдня въ присутствіи Государя Императора, Великаго Князя и ближайшихъ лицъ.

Въ 11 час. 50 мин. прибылъ въ русское посольство императоръ Вильгельмъ, а въ 12 час. оба Императора отправились въ парадномъ экипажѣ четверкою въ казармы полка имени Императора Александра, въ сопровожденіи Великаго Князя Георгія Александровича, членовъ свиты и состоящихъ при Особѣ Государя Императора лицъ. При въѣздѣ Императоровъ во дворъ казармы, батальоны гвардейскаго гренадерскаго имени Императора Александра полка, построеныя развернутымъ фронтомъ, встрѣтили Ихъ Величества звуками русскаго народнаго гимна. По обходѣ по фронту войскъ, началось, при звукахъ Александровскаго марша, церемониальное прохожденіе войскъ. Затѣмъ Ихъ Величества, въ сопровожденіи свиты, состоящихъ при Государѣ Императорѣ лицъ и офицеровъ, отправились въ офицерское казино и заняли мѣста за сервированнымъ для завтрака столомъ. Государь Императоръ изволилъ помѣститься между императоромъ Вильгельмомъ и принцемъ Альбрехтомъ. Первый гость былъ провозглашенъ командиромъ полка въ честь Августѣйшаго Шефа; вмѣстѣ съ тѣмъ командиръ выразилъ почтительнѣйшую благодарность за милость, оказанную полку нынѣ, какъ и всегда, Императоромъ Александромъ. Вскорѣ послѣ того Государь Императоръ, подынявшись съ мѣста, изволилъ выразить признательность за приглашеніе и провозгласилъ гость за здоровье императора Вильгельма; при этомъ Его Величество изволилъ чокнуться съ императоромъ, принцемъ Альбрехтомъ и командиромъ полка. Императоръ Вильгельмъ, со своей стороны, провозгласилъ гость за русскую армию въ слѣдующихъ, приблизительно, словахъ: „Въ такой день какъ нынѣшній, полку, имѣющему столь выдающуюся исторію и удостоившемуся чести видѣть у себя своего Высочайшаго Шефа, подобаешь вспомнить о прежнихъ временахъ — о тѣхъ временахъ, когда императоръ Вильгельмъ I былъ молодымъ человекомъ и, подъ градомъ пулъ, заслужилъ подъ Барьсбургъ-Обомъ Георгіевскій крестъ и званіе шефа Калужскаго полка“. Далѣе императоръ упомянулъ о тѣхъ дняхъ, когда русскія и прусскія войска дрались и проливали кровь бокъ-о-бокъ, какъ подъ Ларотгеромъ; затѣмъ императоръ упомянулъ

Петербургский городской фильтр. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Полюкова, фотохемиграфия Яблонского в СПб.

Водочапан и поверхность площади фильтра с надочувствительными отверстиями подземных подвалов.
Один из позывов фильтра и очистка его после напуска воды.

Входы в подвалы фильтра.
Один из позывов фильтра наполненный водой.
Даль с венской водой, падающей на сеть.

о войскахъ, которыя мужественно защищали Севастополь и штурмовали Плевну. Въ заключеніе императоръ сказалъ: „Пьемъ за здоровье нашихъ товарищей въ русской армии. Да здравствуетъ, да здравствуетъ, да здравствуетъ русская армія!“ Присутствующіе восторженно подхватили этотъ тостъ. Затѣмъ, Государь Императоръ, поднявшись съ мѣста, произнесъ по-нѣмецки: „Ich trinke auf das Wohl meines tapferen Grenadier-Regiments Alexander. Hurrah! Hurrah! Hurrah!“ Послѣ тоста за здоровье полка, Государь Императоръ выпилъ также за офицерскій корпусъ и провозгласилъ въ честь его „ура!“. Ихъ Величества оставались довольно долгое время въ кругу офицеровъ. Завтракъ окончился въ началѣ 3-го часа пополудни, послѣ чего, около половины третьяго, Государь Императоръ возвратился съ императоромъ Вильгельмомъ въ русское посольство. Тотчасъ велѣлъ за тѣмъ Германскій императоръ поѣхалъ во дворецъ, куда въ 3 часа 15 минутъ изволилъ прибыть и Государь Императоръ, чтобы проститься съ царствующею императрицей, и съ императрицей Викторіей. Послѣ этого Государь Императоръ отправился прямо въ Лертскій вокзалъ. Тамъ оба Императора сердечно простились и нѣсколько разъ обнялись. Большой части присутствовавшихъ Государь Императоръ изволилъ пожать руки. Въ 4 часа 12 мин. Императорскій поѣздъ отошелъ въ Людвигслустъ.

При отъѣздѣ Государя Императора имперскій канцлеръ не присутствовалъ и его замѣнилъ сынъ его, графъ Гербертъ Бисмаркъ. Императоръ Вильгельмъ, проводивъ Государя Императора, поѣхалъ прямо къ имперскому канцлеру, у котораго провела продолжительное время.

Почтенный имперскій канцлеръ, какъ сообщаютъ денещи, нарочно прибывшій въ Берлинъ по случаю Императорскаго визита, во все время пребыванія Государя Императора въ столицѣ Германской имперіи, былъ предметомъ особой внимательности со стороны Его Величества. Между прочимъ Государь Императоръ послалъ вѣяно Бисмарку и его сыну чрезъ графа Воронцова-Дашкова по изящной табакеркѣ со своимъ портретомъ. Съ своей стороны, императоръ Вильгельмъ пожаловалъ графу Воронцову-Дашкову орденъ Чернаго орла, генералу Рихтеру—большой крестъ ордена Краснаго Орла.

Смѣсь.

На предстоящему юбилею А. Г. Рубинштейна въ художественномъ заведеніи А. Ф. Маркса изготовленъ большой офортный портретъ юбиляра (3/4 натуральной величины), произведеніе молодого офортиста, Гуго Струка, стяжавшаго почетную извѣстность какъ высоко-даровитый *peintre-graveur*. Портретъ, воспроизведенный по лучшимъ фотографіямъ А. Г. Рубинштейна, отличается поразительнымъ сходствомъ и широкою свободною манерою исполненія. На-дняхъ онъ поступитъ въ продажу въ магазинахъ Фельтена, Беггрова и Дацаро въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, а именно: 1) 50 оттисковъ *épreuve d'artiste* на китайской бумагѣ съ лавровою вѣтвью, по 40 р. за экземпляръ; 2) 50 оттисковъ *avant la lettre*, также на китайской бумагѣ, по 20 р., и наконецъ 3) 100 экземпляровъ на обыкновенной бумагѣ съ подписью, по 5 р. Факсимиле подписи А. Г. Рубинштейна воспроизведено на всѣхъ оттискахъ.

Считаемъ недѣльнымъ, для людей незнакомыхъ съ офортною манерой и смѣшивающихъ офортъ съ обыкновенными гравюрами на мѣди, вкратцѣ изложить способъ приготовленія первыхъ.

Главное отличіе состоитъ въ томъ, что обыкновенная гравюра на мѣди есть рабское подражаніе оригиналу, тогда какъ офортъ въ большинствѣ случаевъ требуетъ свободнаго творчества. Другими

словами, граверъ можетъ быть добросовѣстнымъ ремесленникомъ, офортистъ непремѣнно долженъ быть художникомъ.

Самый способъ воспроизведенія офортныхъ рисунковъ состоитъ въ слѣдующемъ. Хорошо отполированная мѣдная доска, слегка нагрѣтая, равномерно покрывается тонкимъ слоемъ воска, такъ называемымъ восковымъ грунтомъ, и затѣмъ копится до черна факеломъ изъ нѣсколькихъ тонкихъ свѣчей. На воспроизводимую оригинальную картину или фотографію накладывается прозрачная желатиновая бумага и на ней острою иглою тщательно обводятся контуры рисунка (снимается калька), причемъ острые иглы вырѣзываетъ тончайшіе штрихи въ желатинѣ. Штрихи эти заполняютъ порошкомъ какой-нибудь краски (обыкновенно красной), кладутъ кальку этою стороною на законченную поверхность восковаго грунта, и надавливая по противоположной сторонѣ калька планиромъ, оттискиваютъ красные штрихи калька на восковомъ грунту. По переводѣ калька на грунтъ, начинается собственно рисованіе и гравированіе иглами по восковому грунту, причемъ изображеніе получается обратное и притомъ свѣтлыми штрихами обнажаемой мѣдной доски на черной копоти восковаго грунта. Такимъ образомъ вырисовывается вся картина со всѣми тѣнями до самыхъ свѣтлыхъ тоновъ.

Затѣмъ начинается травленіе мѣдной доски кислотой, крѣпкой водкой (*eau-forte*). Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кислота не должна касаться доски, послѣдняя покрывается асфальтовымъ лакомъ, причемъ прежде всего покрывается сама свѣтлая мѣста. Вокругъ всей доски дѣлаются низенькія закранки изъ воска и на нее наливается кислота, которая и вырѣзываетъ обнаженную иглами поверхность мѣди, т. е. различные штрихи картины. Протравивъ кислоту смываютъ водою, затѣмъ снимаютъ воду пропускною бумагой, и покрываютъ асфальтовымъ лакомъ тѣ мѣста, которыя уже достаточно протравлены. Такимъ же порядкомъ протравливаются менѣе свѣтлая мѣста, и такъ далѣе до самыхъ глубокихъ тѣней, каждый разъ покрывая лакомъ достаточно протравленные мѣста. При оригинальныхъ рисункахъ на восковомъ грунту и большой опытности, доску иногда удается протравить сразу. Когда же дѣло идетъ о точномъ воспроизведеніи оригинала (картины, гравюры или фотографіи) со всѣми мельчайшими оттѣнками, требуются два-три послѣдовательныхъ травленія. Если и затѣмъ на пробномъ оттискѣ замѣчаются неровности въ картинѣ, темныя или свѣтлыя пятна, то ихъ обрабатываютъ на доскѣ такъ называемую холодную иглою, грабштилелемъ (*bugin*) и планиромъ, доводя такимъ образомъ офортъ до совершенства.

Американская реклама. „Въ Балтиморѣ,“ рассказываетъ авторъ „Across the Atlantic“, „посѣтилъ я кладбище, богатое изящными и великолѣпными памятниками, одинъ изъ которыхъ, необыкновенною своею художественностію, обратилъ на себя особенное мое вниманіе.

„Похороненный тутъ, думалъ я, навѣрно былъ однимъ изъ знатнѣйшихъ гражданъ города. Я началъ разбирать надписи, золотыя буквы которой гласили, по обыкновенію, о хорошихъ качествахъ умершаго John Brown; но меня поразилъ странный пробѣлъ: время его смерти не было обозначено. „Отчего же это?“ спросилъ я своего проводника. „Дѣло очень простое, отвѣчалъ онъ,—этотъ господинъ еще живъ и здоровъ, а памятникъ онъ себѣ поставилъ пять лѣтъ тому назадъ, въ день своей свадьбы и открытія своего торговаго дома.“—„Кто же этотъ чудакъ?“ спросилъ я. „Видите-ли что, отвѣчалъ мнѣ проводникъ,—единственное желаніе этого господина то, чтобы иностранцы, посѣщающіе наше прекрасное кладбище, обращали вниманіе на памятникъ и спрашивали: чей онъ? Это мистеръ Brown въ улицѣ Puffstreet, № 42, фабрикующій лучшія въ Балтиморѣ сапожную ваксу и мыло“.

Памятникъ стоилъ большихъ денегъ, но онъ приноситъ хорошіе проценты.

О пребывании императора Александра I в Черниговѣ, въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, между прочимъ, сообщается нѣсколько весьма интересныхъ подробностей, характеризующихъ простоту тогдашнихъ нравовъ. Старожилы рассказываютъ, что когда, въ 1817 г., императоръ Александръ I прибылъ въ Черниговъ, губернаторомъ въ это время былъ А. П. Бутовичъ, человекъ необыкновенно добродушный, доступный, простой, сохранившій всѣ привычки былыхъ дней. Говорилъ на мѣстномъ нарѣчьи, носилъ въ службѣ малороссійскія рубахи, подпоясывался простымъ поясомъ. Во время общаго представленія государю начальствующихъ лицъ, императоръ обратился къ Бутовичу съ вопросомъ: „Какъ же у васъ въ губерніи идутъ дѣла?“ Бутовичъ отвѣтилъ: „То такъ, то сякъ, ваше императорское величество“. Государь, не удовлетворившись такимъ лаконизмомъ и думая, что Бутовичъ не понялъ вопроса, переспросилъ его: „Что у васъ здѣсь дѣлается?“ Но Бутовичъ опять отвѣтилъ: „То тее, то сее, ваше величество“, и при этомъ поднесъ всенеподданнѣйшій рапортъ о состояніи губерніи и проч. Государь, считая губернатора за великаго чудака, обратился къ другимъ лицамъ губерніи. „Чѣмъ вы въ Черниговѣ ведете торговлю?“ спросилъ государь городского голову Гриба. Голова, слыша отвѣтъ Бутовича и ссылаясь на ихъ совершенствомъ краснорѣчія, отвѣтилъ: „То тымъ, то сымъ, ваше величество“. Государь послѣ много смѣлся и указалъ сопровождавшему его доктору-французу на Бутовича и Гриба какъ на великихъ чудаковъ. Однако, прочтя потомъ рапортъ Бутовича, императоръ увидѣлъ, что этотъ чудакъ одинъ изъ дѣльныхъ людей, и государь вскорѣ перевелъ его въ Витебскую губернію, гдѣ необходимъ былъ энергичный и добросовѣстный администраторъ для искорененія безпорядковъ. (в.)

Томскія раскопки, производящіяся теперь въ мѣстныхъ курганахъ, дали прекрасные результаты. Изъ найденныхъ вещей, особеннаго вниманія заслуживаютъ: бронзовый боевой топоръ и большое копье, кольцо изъ четырехграннаго бруска золота, подобное найденному археологомъ Шлиманномъ въ Микенахъ, желѣзные бусы весьма тонкой работы и проч. Большой интересъ, помимо всего, представляютъ и найденные слѣды погребенія по способу погребенія и неполнаго сожженія, причемъ прахъ отъ трупа мертвеца сложенъ не въ урну или горшокъ, а высыпанъ прямо на дно могилы. (в.)

Къ статистикѣ русскихъ изобрѣтеній. Одинъ изъ членовъ Русскаго техническаго общества собралъ интересные данныя о слѣдующихъ у насъ за послѣднее десятилетіе изобрѣтеніяхъ. Оказывается, что въ теченіе этого періода число ихъ возросло на 10%, причемъ только на половину этихъ изобрѣтеній испрашиваются привилегіи. Примѣненіе къ дѣлу изъ общаго количества изобрѣтеній получаетъ не болѣе 1/4. Большая часть изобрѣтеній приходится на долю иностранцевъ, живущихъ въ Россіи. За послѣднее время выдающиеся мѣсто занимаютъ по своему числу изобрѣтенія, относящіяся къ желѣзнодорожной техники и различнымъ видамъ примѣненія электричества, а затѣмъ уже слѣдуютъ изобрѣтенія, касающіяся различныхъ отраслей мануфактурной промышленности.

Предохраненіе рогатаго скота отъ заразы. Нижеслѣдующимъ составомъ мажутъ, во время эпизоотіи, у рогатаго скота

холку, рога ближе къ корню и крестецъ. Нужно истолочь два фунта асафетиды и одинъ фунтъ камфоры какъ можно мельче, смѣшать и прибавить тридцать цѣльныхъ головокъ чеснока, предварительно приведенныхъ въ состояніе масляной массы посредствомъ тренія въ металлической ступкѣ. Потомъ подливать понемногу чистый деготь, всего въ количествѣ пятнадцати фунтовъ, пока все не соединится и не превратится въ мазь ровнаго цвѣта. Средство это дѣйствуетъ прекрасно потому, что скотъ, будучи намазанъ такой мазью, дышетъ воздухомъ очищеннымъ отъ миазмовъ.

Искусственное приготовленіе изумруда. Чистые, вполнѣ обособленные кристаллы этого драгоценнаго камня наконецъ удалось получить Hautefeuille и Perrey. Они накалывали въ платиновомъ сосудѣ въ теченіе двухъ недѣль, при температурѣ въ 800 градусоѣвъ, опредѣленные количества кремневой кислоты, глинозема, окиси бериллія и цитронмолибата; при охлажденіи, до 80 процентоѣвъ смѣси оказалось выкристаллизованными въ видѣ изумрудовъ. Такимъ образомъ теперь возможно искусственно получить, кромѣ рубиновъ, опаловъ, даже алмазовъ, еще и изумруды. Конечно, пока ихъ полученіе имѣетъ исключительно научный интересъ, такъ какъ способы добыванія этихъ драгоценныхъ камней весьма не дешевы. (N.)

Рѣшеніе задачи бунвъ (ходъ коня) № 56 (помѣщенной въ № 35).

		26			9				
	25	20	31	28	11	14	3	8	
19	30	27	24	21	4	7	10	13	2
	23	18	29	32	15	12	1	6	
			22	17	48	5			
			49	51	33	16			
	38	35	44	47	50	58	55	64	
36	45	42	39	34	52	63	60	57	54
	40	37	46	43	59	56	53	62	
			41					61	

Не попусту въ народѣ говорится: „не плюй въ колодезь, пригодится вода напиться“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: СПб. — А. А. Пестѣва, Панкова, Ф. Михель, Т. Широкова, Москва — И. Я. Романова, Бузулукъ — А. Громова, Бѣлогородъ — О. З. Мазуръ, Б. Норовино — В. К. Терскаго, Бахчисарай — Е. В. Пачкин, Бобруйскъ — Е. Мольской, Вильномъ — С. П. Вершило, Лебедянъ — В. И. Чуршина, Орѣхово-Зуево — А. И. Соколова, Рязань — П. Пестыкова.

Рѣшеніе ребуса № 57 (помѣщеннаго въ № 35).

Что городъ — то норвѣ; что деревня — то обычай.

Рамы для преміи „НИВЫ“ 1889 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками, съ оригинала проф. В. Д. Орловскаго:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

(14 3/4 вершк. вышины и полтора аршина ширины).

Для удобства гг. подписчиковъ, мы и въ этомъ году заготовили рамы ТРЕХЪ СОРТОВЪ, изъ коихъ первый только изъ золоченаго багета, а второй и третій — изъ золоченаго и чернаго полированного. Размѣръ и цѣны рамъ, со вставленными въ нихъ картинами (наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ) — слѣдующія:

№ 1. Изъ лучшаго золоченаго багета, съ лѣпными узорчатыми украшеніями (ширина въ діам. 1 3/8 вершк.) по 3 руб., съ упаковкою въ ящикъ для иногородныхъ по 4 р. 50 к. (безъ пересылки).

№ 2. Изъ такого-же золоченаго или чернаго, но болѣе красиваго и широкаго, багета (шир. въ діам. 2 вершка) по 4 руб., а съ упаковкою въ ящикъ для иногородныхъ по 5 р. 50 к. (безъ пересылки).

№ 3. Изъ такого-же, но болѣе богатаго и широкаго багета (ширина въ діам. 2 2/10 вершк.): золоченныя 6 р., и черныя 5 р. 50 к., а съ упаковкою въ ящикъ для иногородныхъ 7 р. 50 к. и 7 р. (безъ пересылки).

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаемы, по полученіи слѣдующихъ за нихъ денегъ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, причемъ стоимость пересылки будетъ уплачиваться адресатами на мѣстѣ — при полученіи посылки.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить премію въ рамѣ также теперь, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) — по слѣдующей цѣнѣ: № 1 — по 4 руб., № 2 — золоченныя и черныя — по 5 руб. и № 3 — золоченныя 7 р., черныя 6 р. 50 к.

Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, выписывающихъ цѣлыя рамы съ картинами, полученную ими премію немедленно возвращать намъ въ Контору, дабы, по возможности, безъ задержки, мы могли имъ выслать готовыя рамы со вставленною картиною.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПб., Невскій просп., № 6.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: О разсылкѣ главной преміи „Нивы“ на 1889 г. — Барыни-крестьянки. Историческій романъ графа Е. А. Салиаса. Часть I. (Продолженіе). — Тоталитаръ. Разсказъ А. Зарина. (Продолженіе). — Литературно критическія миніатюры. „Евгеній Онегинъ“. — Къ рисункамъ: Страшная снази (съ рис.). — Лѣсъ (съ рис.). — Этуодъ (съ рис.). — Торня (пенарня) въ Хакетіи (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Невольничъ“. Шевченка (съ рис.). — Памятникъ императору Александру II въ Самарѣ (съ рис.). — Городской фальшь въ СПб. (съ рис.). — И. Н. Шредеръ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Рѣшенія задачъ. — Рамы для преміи „Нивы“ 1889 г. — Объявленія.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое издание **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**
„20 биографій образцовыхъ русскихъ писателей“.
 В. Острогорскаго, 180 стр. съ 20 портретами. Цена 50 коп. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (СПБ., Лештуковъ пер., 2). М. № 4084

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое издание **Ф. ПАВЛЕНКОВА:**
Свѣтъ Божій. Общедоступное мировѣдѣніе (Земля, Солнце, Звѣзды, Мѣсяцъ, Звѣзды, Тепло, Вода, Воздухъ, Лѣтѣрь, Погода). 5-е издание, въ первый разъ иллюстрированное 60 рисунками. Цена 30 коп. Складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (СПБ., Лештуковъ пер., 2). М. № 4085

ЭКСТРАКТЫ КВАДРУПЛЬ ЛОЗЕ:
 ЛОЗЕ „ЛАНДЫШЪ“, ЛОЗЕ „ДИКИЙ ЯСМИНЪ“, ЛОЗЕ „ЗОЛОТАЯ ЛИЛІА“.
НОВО!! ЛОЗЕ „ЧТО ХОТИТЕ“
 ДУХИ.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, 9-1
 46, Гегерстрассе, Берлинъ, придворный парфюмеръ. № 4054
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

МАГАЗИНЪ АРТИСТИЧЕСКОЙ МЕБЕЛИ
Н. ЛОВИТОНЪ
 увеличенъ и переименъ на Невскій проспектъ, № 10, противъ Малой Морской. Принимаетъ заказы на роскошную и обыкновенную мебель. № 4083

ЛЕНИНГЪСЪ и ГЛОЗНГЪСЪ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2406
 ИЗДАНИЕ ЮРГЕНСОНА:
ШКОЛА ПѢНІЯ
Г. А. ЛОМАКИНА
 учителя пѣвческаго хора гр. Шереметева. Новое 5-е издание. Цена 1 руб.
 Москва, у П. ЮРГЕНСОНА, С.Петербургъ, у Г. Юргенсона, Варшава, у Зенневальда. П. № 4073

Довольно въ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.
LA VELOUTINE
 Специальная рисово-висмутовая пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris. П. № 3767 (30)

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 Невскій, 57, собств. домъ,
 Покупаетъ всѣ % бумаги.
 Суды подъ всѣ % бумаги.
 Страхуваніе выигранныхъ займовъ.
 Переводы на всѣ города.
 Оплата купоновъ. № 3925
 Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
 Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Адвокатъ, архитекторъ, врачъ, купецъ, офицеръ, фабрикантъ или другое лицо можетъ за плату отъ 25 до 47 руб. въ годъ (смотря по роду занятій) застраховать въ Страховомъ Обществѣ „Россія“ 10,000 руб. на могущія произойти вслѣдствіе несчастнаго случая смерть или инвалидность. Съ третьяго года страхованія годовичныя взносы уменьшаются. Страхуванія принимаются также съ условіемъ возврата всѣхъ уплаченныхъ взносов наследникамъ или же самому застрахованному, по достиженіи имъ 65-ти лѣтняго возраста.
 Справиться въ Главной Конторѣ Страховаго Общества „Россія“ (С.-Петербургъ, Большая Морская, 13) или у агентствъ въ городахъ Имперіи. По требованію высылаются безплатно подробныя брошюры. № 3935 4-3

АДРЕСЫ
 всѣхъ специально-стей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Vert. - Anstalt (С. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 специальностей. 5 000 000 адресовъ за 40 коп. почт. марками франко.

Только подлинно съ этой фабрич. маркой.
Huste-Nicht
 „НЕ КАШЛЯЙ“.
 Медо-Травяной-Мальць-Экстрактъ и Конфекты. *)
Л. Г. ПИТЦЪ и К^о.
 въ Бреславлѣ.
 Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.
СПОСОБЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ:
 Д-ръ Михаэлисъ мед. праст. назначилъ для дѣтей 3—4 раза въ день по 1 чайной ложкѣ, а взрослые берутъ ежедневно 4—6 чайныхъ ложекъ экстракта.
 Конфекты предупреждаютъ кашель, охриплость и простуду горла.
 Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входитъ никакія вредныя для здоровья вещества и ввозъ и продажа въ Россіи разрешены Медицинскимъ Департаментомъ.
 *) Цена: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфеты по 30 и 50 к.
 Упаковка и пересылка считаются особо
 Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная 18—19.
 Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. А. № 1045 12-3

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
 УДОСТОЕНА
„ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ“
 за Парижской Всемирной Выставкѣ въ 1889 году за доброкачественность ея косметическихъ произведеній.
МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
 1) Невскій проспектъ, д. Католической церкви, № 32.
 2) Невскій проспектъ, у Аничкина моста, № 66.
 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, д. Шредера, № 18—54 (Оптовая и розничная продажа).
 Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, д. Третьяковскихъ. П. № 4074 2-1
 Контора и оптовый складъ въ С.-Петербургѣ: Измайловскій проспектъ, домъ № 21,
„С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ“.

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ,
 Варшава, Лешно, 14.
 Бицикли отъ 100 р. Говерны отъ 135 р.
ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!
 Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка). Требуется иллюстрированное каталогъ gratis и franco.
 Іог. Зансъ и К^о.
 Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. Р. № 3734
 Берлинъ, Риттерштрассе, 88.
 Письменное преподаваніе

СТЕНОГРАФИИ
 по почтѣ. Окончили курсъ 70 особъ (аттестаты). Циркуляры высылаются безплатно
СТЕНОГРАФИЧЕСКОЕ БЮРО
 въ г. Гольдбергѣ (Курляндской губерніи).

ВЫСЫЛКУ
 4-4 ВЪ ТЕЧЕНІЕ ТРЕХЪ ДНЕЙ
 поступающихъ съ Сентября 1889 г. заказовъ на аппараты для стирки бѣлья „Американка“ со штемпелемъ „В. Шлемензонъ — Одесса“ (прежде „В. Шлемензонъ — Симферополь“), арналь на себя домоваго бѣльи г. Одессы, потомъ почет. гражд. Дмитрій Лукичъ Загоруйченко. Расходу мало мыла и сохранил отлично бѣлье, стирка доступна жалолѣткамъ. Прочность аппарата безукоризненна. Цена съ пересылкой по почтѣ 5 руб., въ Сибирь 8 руб. При каждомъ подробное наставленіе. Для гг. торговцевъ и агентствъ особыя условія. Запасъ готовыхъ аппаратовъ всегда достаточный. Хотя до настоящаго времени высылка заказовъ замедлялась, однако несомнѣнная полезность аппарата въ семейномъ быту и въ различныхъ учрежденіяхъ достаточно выяснилась отпускомъ въ первая шесть лѣтъ болѣе десяти тысячъ экземпляровъ и сотнями полученныхъ отъ гг. заказчиковъ одобрителныхъ отзывовъ, появившихся отчасти и въ печати. Адресъ для заказовъ: Д. Л. Загоруйченко, Одесса, Коблевская ул., соб. д. № 11.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К^о.
 строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
 Специальность: плуги и молотилки. Они же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивовъ Нейтона и Шутлорва въ Англии и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, именень „Дези“ и сноповязалокъ Маи Кормина въ Чикаго.
 Кроме того имѣются: тарелочная борона Рандаля и конная грабли Тигра завода Стодартга, рядовыя сѣлки Сакка и проч. № 3959 (13)
 Запасныя части ко всемъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ. Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутоновъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

АСПАЗИНЪ
МШЬО
 Безвредныя растительныя бѣллыя для цвѣта лица
ПУДРА АСПАЗИНЪ
 для цвѣта лица
 Требуется подписи **МШЬО**
 Единственный изобрѣтатель-фабрикантъ
ED. PINAUD, парфюмеръ
 PARIS
 BOULEVARD DE STRASBOURG, 37

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева Ром.-хрон. XVIII в., въ 3-хъ ч. П. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. перел. 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Маршанта. Пер. съ нѣм. П. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Шимматена. Съ портретомъ и биографіею автора. П. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

По весьма умѣреннымъ цѣнамъ и лучшаго качества.

СКРИПКИ въ 2 1/2, 4, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дор.

СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к., 1, 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р.

ФУТЛЯРЫ въ 3 1/2, 5, 7, 12, 16 и 30 р.

СКРИПКИ 3/4, 1/2 и 1/4 величины для дѣтей.

Школа Баганца въ 1 р., 2 р., 50 к. и 3 р., 50 к.

АЛТЫ и ВИОЛОНЧЕЛИ въ 3 1/2, 5, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дор. Отъ 8 р. съ механизмомъ для струнъ. Школа Соколова по 1 1/2 и 2 1/2 р.

Ноты въ дешевыхъ изданіяхъ.

Пересылка на счетъ покупателя. Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо № 4075
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнечій мостъ, д. Захарына.

БѢЛЫЕ
ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ
ГОТОВОЕ и на ЗАКАЗЪ
мужское, дамское, столовое, постельное, туалетное, также чулки, носки, фуфайки, кальсоны, платки и полное **ПРИДАНОЕ.**

Элегантный фасонъ, изящная работа, товаръ лучшаго качества.

Цѣны весьма умѣренныя.

Гг. иногороднымъ новый иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

ГАРМСЕНЬ и К^о.
С.-Петербургъ, Гост. Дворъ, 144.
Фирма существ. съ 1840 г.

РУКОВОДСТВО КЪ ОБУЧЕНІЮ ЦЕРКОВНОМУ ПѢНІЮ СЪ ПРАВИЛАМИ и УКАЗАНИЯМИ.

1) Какъ самому научиться играть на скрипкѣ по нотамъ. 2) Какъ преподавать нотную азбуку въ пѣнію въ школѣ. 3) Какъ обучать дѣтей церковному пѣнію по слуху и по нотамъ. 4) Какъ изъ учениковъ школы организовать для церкви хоръ въ 3 голоса: басъ и альтъ съ дискантомъ. 5) Какъ давать голосомъ хоръ съ помощью камертона при хорошемъ строеніи исполненіи словъ и пѣва исповѣдній изъ службъ Православной Россійской церкви. № 4078

Цѣна 1 р. 75 к. съ пересылкой.

Адресъ автора-издателя: Невъ, учителю **Николаю Даниловичу Аблаемскому.**

Только что вышла въ свѣтъ

МЕТОДИКА РУЧНОГО ТРУДА.
По Садомону изложилъ В. Фармаковский. Цѣна 75 коп.

Главный складъ у книгопродавца **Е. П. Располова**, въ Одессѣ. № 4081

ИНТЕРЕСНАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всехъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнечій мостъ. Б. Морская, 21.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА:**
Новое большое роскошно иллюстрированное изданіе in folio сочиненія

ГѢТЕ „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ **АНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА**, исполненными знаменитыми граверами: **Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.**

Классически образцовый переводъ **А. Фета** не только передаетъ слово въ слово оригиналь прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всеми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ орнаментомъ и въ футлярѣ 40 р., за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА“, СПб., Невскій пр. № 6.

Фаустъ вызываетъ духа земли.
Образецъ гравюры на стали (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте.

ТЕОРІЯ ЦѢННОСТИ
Соч. Л. Бухъ. Цѣна 50 коп. № 4079

Изданіе Т-ва **И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о** въ Москвѣ.

ВЫШЕЛЪ ВТОРОЙ ВЫПУСКЪ АЛЬБОМЪ КОПІЙ СЪ КАРТИНЪ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) „Стрижичъ“, В. Е. Маковского; 2) „Самозванецъ и Ксения“, Н. В. Неврева; 3) „Зима“, Н. Н. Дубовскаго; 4) „Школьникъ“, Г. Ф. Рыбанова; 5) „Повѣдка царя на богомольѣ“, В. Г. Шварца; 6) „Стадо“, Н. Л. Эллера.

Продается въ складѣ: **Никольская, Д. Чиновныхъ, и у книгопродавцевъ.**

Тамъ-же продается **ПЕРВЫЙ** выпускъ того-же альбома, **премированный на Парижской всемірной выставкѣ.**

СОДЕРЖАНІЕ: 1) „Варка варенья“, В. Е. Маковского; 2) „Святотство“, Н. В. Неврева; 3) „Разлуница“, Н. А. Трутовскаго; 4) „Мешинникъ въ Березовѣ“, В. И. Сурикова; 5) „Жестокій романсъ“, И. М. Праннишникова; 6) „Бабушка и внучка“, Н. Е. Рачнова.

Альбомы исполнены хромолитографскимъ способомъ, подъ акварель, въ собственныхъ мастерскихъ Товарищества, и каждый изъ выпусковъ состоитъ изъ шести картинъ, разбѣромъ 7 1/2 x 9 1/2 верш. съ полями, въ изящной иллюстрированной папкѣ.

1-й ВЫПУСКЪ имѣлъ большой успѣхъ и обратилъ на себя вниманіе какъ столичной, такъ и провинціальной прессы.

Цѣна по 5 р. за каждый выпускъ. На пересылку прилагается за 3 ф. по разстоянію, за каждый выпускъ.

Тамъ же продаются хромолитографическія картины русскихъ типовъ, видовъ, иллюстрацій къ сочиненіямъ русскихъ писателей, въ пакетахъ по 50 коп. и 75 коп. каждый пакетъ содержитъ 12—14 картинъ. — Для подарковъ дѣтямъ. № 4080 2-1

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
СЪ ПЕРИМІЕЙ

БРОКАРЪ и К^о.
Главный складъ у **Ф. К. Бергманъ**,
Офицерская ул., № 5. № 4027 8—3

Двадцать главных НАГРАДЪ НА РАЗНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ.

Приготовленіе и продажа мыла РАЗРЪШЕНЫ МОСКОВСКИМЪ Врачебнымъ Управленіемъ,

потому что оно не содержитъ въ своемъ составѣ вредныхъ для здоровья веществъ.

ЛУЧШЕЕ и НАСТОЯЩЕЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
НАХОДИТСЯ ТОЛЬКО ВЪ МАГАЗИНАХЪ

А. РАЛЛЕ и К^о.
въ Москвѣ. П. № 4059 4—3

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чиновныхъ.
Розничная продажа: Кузнечій мостъ, д. Солодовникова.

Поставщики вѣдомствъ Русской Арміи

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ,
Москва, | С.-Петербургъ,
Кузнечій мостъ. | Б. Морская № 21.

имѣетъ
единственный складъ для всей
Россіи вѣдомствъ: Свѣтъ,
Вишеть, Русскій Клубъ, Мол-
нія (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общ. известіи. Цѣна въ №
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно.
Поставщики вѣдомствъ Русской Арміи

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.).
 Выданъ 21 октября 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВЪ“ принимаются за строку непарейль (1/4 шпр. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к. — Загран. для Франціи у Agence Navas по 2 fr 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.	ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:		ПРИЛОЖЕНІЯ. Особая приложенія при „НИВЪ“ объявленій отъ то- рговъхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.		
	Безъ доставки въ Петер- бургъ	5 р.		Безъ дост. въ Москвѣ чр. конг. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лив.	6 р.
	Съ доставкою въ Петер- бургъ	6 р. 50 к.		Съ пересылкой въ Москву и другіе го- рода Россіи	7 р.
	За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд.			9 р.	

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНОЙ ПРЕМИИ.

Подписка на 1889 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. №№ съ преміями.

М. Н. Герсевичъ.

Нынешній директоръ Института Инженеровъ Путей Сообщенія, тайный совѣтникъ Герсевичъ (изъ дворянъ Харьковской губ.), имя котораго не безызвѣстно въ наукѣ, родился въ 1830 году. Первоначальное образованіе получилъ отъ дома, и затѣмъ въ 1845 году поступилъ въ Главное Инженерное Училище (нынѣ Николаевское Инжен. Училище съ Николаевск. Инжен. Академіей), гдѣ въ 1851 году кончилъ полный курсъ наукъ по первому разряду, съ чиномъ военнаго инженеръ-поручика, и занисанъ на почетной мраморной доскѣ Академіи. Затѣмъ состоялъ на службѣ въ Кіевской крѣпости, откуда въ 1856 году былъ приглашенъ на учебную службу въ Инжен. училище, съ командировкой для усовершенствованія за-границу. По возвращеніи осенью 1857 г., онъ состоялъ репетиторомъ по предмету строительнаго искусства, а съ 31 марта 1862 г. былъ назначенъ по особымъ порученіямъ къ генералъ-адъютанту Тотле-

Михаилъ Николаевичъ Герсевичъ, директоръ Института Инженеровъ Путей Сообщенія Императора Александра I. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

бену и вмѣстѣ съ тѣмъ произведенъ (17 апр.) въ капитаны. Въ 1867 г. Герсевичъ былъ избранъ адъюнктъ-профессоромъ Николаевской Инж. Академіи, но уже въ маѣ 1868 г., по приглашенію стать-секретаря барона Николаи, тогдашняго начальника Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго, онъ былъ назначенъ, въ чинѣ инженеръ-полковника, на вновь созданную должность главнаго инспектора сооруженій на Кавказѣ, въ которой прослужилъ 15 лѣтъ, до упраздненія этой должности въ 1883 году. По прибытіи на Кавказъ онъ былъ избранъ предсѣдателемъ образовавшагося тогда же Кавказскаго Отдѣленія Имп. Русск. Технич. Общества, которымъ руководилъ во все время своей службы на Кавказѣ. При этомъ имъ издано было 14 томовъ Записокъ Кавказскаго Отдѣла Импер. Русск. Технич. Общества, въ которыхъ затронуты главнѣйшіе мѣстные технические вопросы. Въ теченіе службы своей на Кавказѣ подъ главнымъ начальствомъ бывшаго

намѣстника Кавказскаго, Великаго Князя Михаила Николаевича, М. П. Герсеговановъ, кромѣ руководства техническою частью гражданскаго вѣдомства въ губерніяхъ Кавказскаго края (теперь отошедшею въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ), завѣдывалъ также постройкой какъ Тифлисо-Гомборской и Тифлисо-Манганскаго шоссеиныхъ дорогъ, такъ и дорогъ отъ Тифлиса до Эривани и отъ сел. Делижана чрезъ Александрополь до крѣпости Карса, первоначально называвшихся транзитными, но во время турецкой войны 1877—78 г. получившихъ скорѣе значеніе военныхъ дорогъ. Такимъ образомъ имъ построено въ Закавказскомъ краѣ до 500 верстъ шоссеиныхъ дорогъ, большая часть которыхъ въ 1881 г., по ихъ окончаніи, перешла въ завѣдываніе Кавказск. Округа Путей Сообщенія. Въ то же время Герсеговановъ успѣвалъ участвовать почти во всѣхъ коммисіяхъ въ Тифлисѣ по разрѣшенію мѣстныхъ техническихъ вопросовъ; въ его предсѣдательствѣ, напр., весной 1879 г. состоялась важная коммисія по разрѣшенію вопросовъ о Черноморскомъ побережьи.

Въ началѣ 1877 г. Герсеговановъ, по особому Высочайшему повелѣнію, былъ переведенъ въ число инженеровъ Путей Сообщенія, и по его возвращеніи въ Петербургъ, въ 1883 г., тотчасъ же былъ приглашенъ министромъ Путей Сообщенія, генералъ-адъютантомъ Посыетомъ, на мѣсто скончавшагося въ концѣ 1882 года, директора Института Инженеровъ Путей Сообщенія, тайн. сов. Соболевскаго. И на этомъ поприщѣ онъ успѣлъ не мало сдѣлать, состоя съ 10 февраля 1883 г. директоромъ этого высшаго учебнаго заведенія; уже въ 1884 г., по его ходатайству, министромъ Путей Сообщенія было разрѣшено изданіе при означенномъ институтѣ такъ-называемаго *Сборника Института*; послѣдніе до конца 1888 года вышло уже 15 выпусковъ, преимущественно съ трудами профессоровъ и преподавателей Института, служащими матеріаломъ для печатанія институтскихъ руководствъ. Точно также съ 1885 г., почти одновременно съ его выборомъ въ вице-предсѣдателя Временной Коммисіи при М-вѣ Путей Сообщенія по устройству коммерческихъ портовъ, Герсеговановъ руководитъ редакціею *Журнала М-ва Путей Сообщенія*. Наконецъ, съ 30 марта 1885 г. онъ состоитъ товарищемъ предсѣдателя Высочайше утвержденаго 22 апрѣля 1866 г. Имп. Русск. Техническаго Общества, почетнымъ членомъ котораго онъ уже съ 1877 г. и сверхъ того однимъ изъ основателей.

Переходя къ литературной дѣятельности Герсегованова, нужно

замѣтить, что она весьма многообразна и притомъ весьма плодотворна. Большая часть его трудовъ помѣщена въ *Инженерномъ журналь* (Военнаго вѣдомства), постояннымъ сотрудникомъ котораго онъ состоялъ съ возвращенія изъ-за границы въ 1857 г. Не мало статей и трудовъ, а также и переводовъ имъ было помѣщено въ журналахъ М-ства Путей Сообщенія и въ Запискахъ Кавк. Отдѣла Имп. Русск. Технич. Общества. Первый изъ его болѣе крупныхъ трудовъ, въ то же время первый въ русской литературѣ по этой отрасли строительнаго искусства — это лекція о морскихъ сооруженіяхъ, читанная въ Николаевской Инженерной Академіи и напечатанная въ 1861—62 г. при *Инженерномъ журналь* (415 стр. съ атласомъ чертежей). Этотъ трудъ былъ удостоенъ 5 июня 1863 г. половиною Демидовской преміи и нѣкоторое время служилъ руководствомъ какъ въ означенной Академіи, такъ и въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія. Извлеченія и переводы этого капитальнаго труда помѣщены въ австрійскомъ военномъ журналѣ (*Mittheilungen über Gegenstände der Ingenieur- und Kriegswissenschaften*. 1865. Wien). Второй изъ трудовъ, въ хронологическомъ порядкѣ, это — разборъ сочиненія знаменитаго германскаго гидротехника Хагена (Hagen), подъ заглавіемъ: *Handbuch der Wasserbaukunst. Seeufer & Hafnenbau*. За этотъ трудъ (305 стр. текста), также напечатанный въ *Инженерномъ журналь* за 1865—66 г., автору Техническимъ Комитетомъ Главнаго Инженернаго Управленія также присуждена отъ 8 апрѣля 1867 г. премія. Главные труды относящіеся къ его дѣятельности на Кавказѣ суть: *Очеркъ положенія ирригаціи въ Закавказьи* въ 1882 г., составляющій приложение въ 146 стр. съ 3 чертежами къ XIV тому записокъ Кавказскаго Отд. Имп. Р. Технич. Общества, и *Очеркъ гидрографіи Кавказскаго края*, напечатанный въ журналѣ Министерства Пут. Сообщ. за 1886 г., а также брошюрою въ 119 стр. и съ двумя картами. Въ этихъ двухъ трудахъ заключается множество свѣдѣній, которыми, къ сожалѣнію, не пользовались еще слишкомъ мало, но впоследствии эти очерки несомнѣнно сдѣлаются немаловажнымъ подспорьемъ для подобныхъ работъ. Наконецъ, послѣднимъ трудомъ являются *Общая понятія о портовыхъ сооруженіяхъ*, написанныя въ началѣ 1888 г., какъ краткое руководство по одной части обширной программы строительнаго искусства для техниковъ Путей Сообщенія, учрежденію которыхъ онъ не мало также способствовалъ.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XXVII.

Съ Березопольемъ случилось однако волшебное превращеніе. Барскій домъ, въ которомъ всегда бывало глухо, тихо и даже тоскливо, теперь ожилъ, какъ если-бы въ него пріѣхало человѣкъ десять гостей. Произшло же это отъ присутствія одного князя-брата, постепенно и незамѣтно...

„Тройкій якъ“, какъ звала его Москва, или „путешествующая стрекоза“, какъ прозвалъ племянника князь Андрей Ивановичъ, былъ такой человѣкъ, который повсюду вмѣстѣ съ собою вносилъ если не веселье, то добродушное, безпечное настроеніе. Быть вмѣстѣ съ нимъ и быть въ то же время чѣмъ-либо озабоченнымъ — не ладилось. Онъ какъ-то умѣлъ всякаго человѣка растормошить и заставить думать и говорить о пустякахъ, смѣяться безъ повода.

Добрый, привѣтливый и крайне простой въ обращеніи, Илья Петровичъ былъ при этомъ большой охотникъ разсказывать. Видѣлъ онъ много. Весь просвѣщенный міръ, Западъ, онъ зналъ наизусть, а это было по времени большою рѣдкостью.

Русскихъ извѣданныхъ вдоль и поперекъ всю Европу — было крайне мало. Нѣкоторые, какъ знаменитый Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, однимъ этимъ дѣлали себѣ блестящую карьеру. Правда, Шуваловъ и ему подобные, были помимо того люди по своему времени весьма образованные, пачитанные.

Князь Илья Петровичъ, не получившій никакого воспитанія, одолѣвшій только букварь и часословъ, хотя и сталъ изрядно говорить по-французски, по-нѣмецки и немного по-итальянски, не умѣлъ однако, или не хотѣлъ, съ какой-либо пользой употребить знаніе языковъ.

Онъ смолоду относился къ чтенію и занятіямъ съ какимъ-то особеннымъ отвращеніемъ. На всякую книжку, лежавшую около него, онъ смотрѣлъ, какъ иной сталъ бы смотрѣть на какого-нибудь опаснаго, снѣжата звѣря, котораго будить не слѣдуетъ — лучше отойти прочь.

Когда-то, правда уже давно, лѣтъ двадцать пять назадъ, князь Илья Петровичъ былъ глубоко убѣжденъ, что если взять книжку и начать читать ее шиворотъ-па-выворотъ, начавъ съ послѣдней страницы и кончая первую, то выйдетъ все то же.

Но то, чего не дало ему чтеніе, было восполнено путешествіями. И теперь вѣчно праздная, „путешествующая стрекоза“, толково, умно и даже увлекательно говорилъ обо всемъ.

Но главною отличительною чертой Ильи Петровича, которую онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ, была безграничная простота въ обращеніи, въ отношеніяхъ ко всѣмъ людямъ, каково-бы ни было ихъ общественное положеніе. Онъ даже былъ, притомъ совершенно безсознательно и неумышленно, гораздо болѣе ласковъ и добродушенъ съ людьми ниже его, а не выше столицами.

Ему часто случалось рѣзко поглядывать и смотрѣть буюкой на высокопоставленныхъ лицъ, любезно къ нему относившихся. И наоборотъ, случалось, Богъ вѣсть почему, не только ухаживать но почти заискивать расположенія людей средняго круга, иногда и совѣмъ сѣренькихъ, убогихъ.

„Какъ бы не обидѣть!“ думалъ князь и, пересоливъ, уже заискивалъ.

Затѣмъ крупною чертой его простодушной природы было влеченіе къ искусству. Илья Петровичъ любилъ все: и музыку, и живопись, и театр. При этомъ онъ

самъ рисоваль и былъ изряднымъ музыкантомъ. Только литературы не любилъ онъ, потому что тутъ нужно было своими руками по пѣлымъ часамъ книжку держать, своими глазами читать, да еще, вдобавокъ, соображать.

Именно ему отчасти была обязана княжна тѣмъ, что когда-то, будучи шестнадцати лѣтъ, стала серьезно относиться къ рисованію. Къ музыкѣ она не пристрастилась. Но это случилось не по его винѣ и не по отсутствію въ ней склонности. Княжпѣ надоѣла та музыка, которой обучали молодыхъ дѣвушекъ кругомъ нея въ барскихъ домахъ. Во всѣхъ этихъ тапцахъ и разныхъ завывательныхъ романсахъ ей чудилось что-то чуждое ей и фальшивое. А она думала, что музыка на этомъ кончается, вся въ этомъ и состоитъ. Иной она никогда не слыхала, такъ какъ князь самъ далѣе пѣжныхъ и печальныхъ романсовъ не шелъ.

— Есть музыка серьезная, говорилъ онъ, — но для меня эти два слова вмѣстѣ—то же, что сухой дождь.

Наконецъ, черезъ нѣсколько дней по прїѣздѣ, князь рѣшилъ вдругъ приступить, не откладывая, къ дѣлу, по которому прїѣхалъ.

Однажды утромъ, по совѣту княжны, онъ вызвалъ къ себѣ Макара Макаровича, и они стали разсуждать главнымъ образомъ о томъ имѣніи, про которое уже зналъ князь и имѣлъ въ виду, но вмѣстѣ съ тѣмъ и о другихъ сосѣднихъ усадьбахъ, которыя можно было купить.

Макаръ Макаровичъ оказался полезнымъ совѣтникомъ и помощникомъ. Онъ взялся тайно навести справки, чтобы искусно, стороною, все разузнать и не прошибиться въ пѣнь.

— Спаси Богъ, спѣшить не надо, сказала Трубецкой, — за что деньги швырять! Мы можетъ-быть, вмѣсто пятидесяти тысячъ, за тридцать купимъ.

Князь привезъ съ собою описаніе усадьбы, которая продавалась, но куда-то засунулъ его, не могъ найти теперь въ вещахъ и обѣщался прислать. Въ описаніи этомъ мѣстоположеніе опредѣлялось какъ самое красивое, даже извѣстное своей красотой во всей губерніи.

— Я вамъ пришлю, какъ найду, воскликнулъ князь. — Сказано: просто Швейцарія!

Князь — путешественникъ и меломанъ — конечно прежде всего считалъ нужнымъ обратить вниманіе на эту сторону дѣла. А усадьбу, при его средствахъ, онъ могъ въ два года выстроить по своему вкусу, хотя бы въ видѣ средневѣковаго замка.

Отсутствіе управителя, князь нашелъ инвентарь имѣнія, а перевернувъ листъ, на послѣдней страницѣ увидѣлъ пѣчто, отъ чего радостно ахнулъ. На листѣ по линейкамъ оказался набросокъ потъ.

— Вотъ удача-то, скажи на милость! воскликнулъ князь. — Шариль-шариль въ Москвѣ, все перерылъ, думалъ потерялъ, а оно вошь гдѣ! На инвентарѣ намахалъ. Будто браслетъ на свиньѣ—вышло!

Набросокъ этотъ былъ не что иное, какъ собственное сочиненіе князя для флейты.

Илья Петровичъ не считалъ себя серьезнымъ музыкантомъ. Онъ слишкомъ былъ добродушенъ для того, чтобы что-либо въ себѣ оцѣнить какъ слѣдуетъ. Но порой, въ иные минуты, въ часы удивленія, на дѣбрика-толстига, съ виду только пустого и пошлаго, нападало какое-то, ему самому дорогое, но мало понятное, состояніе.

Являлись, безъ всякаго повода, какіе-то припадки тоски безымянной, безпричинной, безпредметной. Ноетъ душа, міръ Божій кажется лишь половиной, лишь четвертью того міра который грезится душѣ, который былъ бы возможенъ, который быть-можетъ и существуетъ.

И въ минуты такихъ припадковъ тоски на душѣ

князя начинало будто звучать что-то. Надъ его ухомъ едва слышно раздавался голосъ, который не говорилъ, а пѣлъ.

И въ немъ тотчасъ являлась потребность сѣсть и набрасывать на бумагу то, что слышалось, что проникало въ сердце и оттуда просилось уже на бумагу въ видѣ линеечекъ и крючочковъ. Часто, набросавъ что-нибудь, князь тотчасъ же разыгрывалъ на флейтѣ.

И хорошо-ли было это сочиненіе, дурно-ли, онъ не зналъ. Но все это, свое собственное, прошедшее черезъ горнило сердца, говорило ему всегда больше, чѣмъ что-либо знаменитое, дивное, но чужое. Въ этомъ онъ не могъ не сознаться себѣ.

Случалось князю восторженно пѣлымъ днемъ наигрывать на флейтѣ свой набросокъ безъ конца, прїдѣлывать къ нему разныя варіаціи и, дѣйствительно, наслаждаться. Случалось также, что посторонній человекъ, слушатель, восторгался и выражалъ свое удивленіе князю, но толстякъ уныло вздыхалъ и трясъ головой.

— Нѣтъ, совсемъ не то... Вотъ кабы я могъ какъ слѣдуетъ разыгрывать... Такъ, какъ оно вотъ здѣсь! показывалъ онъ на сердце. — Да не могу. Чуется-то мнѣ одно, чудодѣйственное, а задудишь въ свою палочку дырявую совсемъ другое. Одно тетеревиное токованье выходитъ.

Пробѣжавъ снова глазами описаніе имѣнія, посившаго странное названіе: сельцо Прачешное, князь собрался послать листъ управителю, но остановился.

— А мой баркарола... Ну, потеряетъ онъ?..

Переписывать князю было лѣнь. Онъ рѣшилъ идти къ Трубецкому, самому передать бумагу и предупредить, что при инвентарѣ есть нѣчто для него дорогое.

„Кстати и визитъ сдѣлаю добрѣйшему Спаси-Богу. Онъ хорошій человекъ!“ подумалъ князь и двинулся въ прихожую.

Проходя чрезъ столовую, князь увидѣлъ сидѣвшую на стулѣ горничную своей кухни. Онъ уже нѣсколько разъ встрѣчалъ ее, но ни разу не заговаривалъ. Дѣвушка сидѣла глубоко задумавшись, даже какъ будто подъ гнетомъ тяжелыхъ мыслей. Она не замѣтила проходившаго князя, не встала и оставалась какъ окаменѣлая, безмысленно глядя передъ собой.

Князь удивился и остановился глядя на нее.

„Нѣтъ, ты не фурія“, подумалось ему. „У тебя большое горе... Да. А вѣдь что-то есть общее въ лицѣ... Чудно!“

Илья Петровичъ приглядѣлся еще и смутился. Въ эти минуты горничная напоминала ему положительно ту женщину, которую когда-то, давно любилъ онъ и потерялъ.

Онъ постоялъ минуту, хотѣлъ позвать дѣвушку, но забывъ ея имя, сталъ вспоминать. Ему чудилось, что и имя ея имѣетъ нѣкоторое подобіе съ именемъ дорогаго ему когда-то существа. Ту звали: Оттилія, а эту?..

„Кажется, Эмили“, подумалъ князь.

Онъ вздохнулъ и, не разбудивъ дѣвушку отъ ея столбняка, прошелъ въ швейцарскую.

Чрезъ нѣсколько времени князь сидѣлъ уже въ гостиной у Макара Макаровича и говорилъ снова объ имѣніи Прачешное. При этомъ онъ передалъ ему описаніе усадьбы, и прибавилъ, что проситъ не затерять.

— Помилуй Богъ, зачѣмъ терять! отозвался Трубецкой, и взглянувъ на три исписанныя страницы, перевернулъ листъ.

Увидя набросокъ потный, управитель вдругъ вытаращилъ глаза, вытянулъ руки съ листомъ и проговорилъ будто испуганно:

— Спаси Богъ! Да что же это такое?..

— Что вы? удивился князь. — Никогда потъ не выдали? Это ноты. Та же грамота для музыкантовъ. По нимъ играютъ, какъ книгу кто читаетъ.

И вида изумленіе Макара Макаровича, князь весело

Браносочетаніе Лжедмитрія и Марины Мнишекъ въ Москвѣ въ 1605 г. Съ современной картины, находящейся въ Императорскомъ Зимнемъ Дворцѣ въ Спб., грав. Флюгель.

разсмѣялся и сталъ объяснять, что этотъ набросокъ есть маленькая пѣсенка.

Макаръ Макаровичъ устремилъ наконецъ глаза на князя и поглядѣлъ такъ странно, что князь даже ошѣшилъ. Въ добрыхъ сѣрыхъ глазахъ старика сказалось самолюбіе, гордость, а вмѣстѣ съ тѣмъ будто и упрекъ за незаслуженную обиду.

„Я не хуже васъ“, говорили глаза его. „Я тоже дворянинъ! Почему же вы полагаете, что доступное для васъ, мнѣ недоступно“.

— Это для флейты... заговорилъ князь мягче.

— Чье же это? вымолвилъ наконецъ Макаръ Макаровичъ какъ-то сухо. — Вы развѣ, ваше сіятельство, играете на флейтѣ?

— Да. Чуть не двадцать пять лѣтъ какъ обучился— это мой любимый инструментъ. Да и подходящий, по груди...

— Да, для этого инструмента и руки нужны тоже...

И Макаръ Макаровичъ сталъ снова смотрѣть на князя тѣмъ же обиженнымъ взглядомъ, съ упрекомъ, укоромъ. Затѣмъ онъ вздохнулъ, и не промолвивъ ни слова, отошелъ отъ князя, положилъ листъ бумаги ногами вверхъ на маленькій столикъ и сталъ доставать ключи, чтобы, какъ думалъ Илья Петровичъ, запереть листъ въ ящикъ.

— Ну-съ, прощайте, выговорилъ онъ вставая. — Пойду къ сестрицѣ. Общались ей цѣлый листикъ въ пальцахъ вышить. Я вѣдь на всѣ руки! Прощайте.

Макаръ Макаровичъ обернулся, приподнял голову, почти закинулъ ее назадъ, горделиво и важно глянулъ своими добрыми глазами на князя, опять точь-въ-точь такъ же, какъ за мгновеніе назадъ, и выговорилъ голосомъ строгаго судьи, который угрожаетъ чѣмъ-то:

— Нѣтъ, ваше сіятельство, погодите!

Князь удивился и лицу, и голосу.

— Нѣтъ, помилуй Богъ, такъ нельзя! укоризненно уже выговорилъ Макаръ Макаровичъ. — Погодите. Я, хотя и маленькій человекъ, а все-жъ таки нельзя мнѣ вамъ спустить. Ужъ извините! Впередъ будете осторожище...

Князь стоялъ, изумляясь и даже растопыря руки.

Трубецкой полѣзъ въ ящикъ, досталъ оттуда большой футляръ, приставилъ стулъ и сѣлъ. Когда онъ раскрылъ футляръ, князь ахнулъ на всю квартиру.

Онъ увидѣлъ складную, красивую флейту.

— Макаръ Макаровичъ! закричалъ князь.

— То-то, спаси Господи! Да я знаю, что и Макаръ Макаровичъ. А вотъ вы присядьте-ко...

Но князь не сѣлъ, а сталъ забрасывать старика вопросами.

Откуда флейта? Играетъ-ли онъ? Давно-ли? Какимъ образомъ? Какъ могло подобное случиться? Какое странное совпаденіе!

Но Макаръ Макаровичъ не отвѣтилъ ни на одинъ вопросъ и только одинъ разъ выговорилъ:

— Присядьте, ваше сіятельство.

И князь, улыбаясь, повиновался.

Сложивъ отдѣльные куски вмѣстѣ, изъ которыхъ образовалась старинная длинная флейта, Макаръ Макаровичъ взялъ ее въ руки, приставилъ къ губамъ, но не игралъ. Глаза его пытливо разбирали нотный набросокъ.

— Неправильность одна... прошепталъ онъ самъ себѣ.— Тутъ слѣдуетъ не то... Надо вотъ бы что...

И черезъ мгновеніе раздались звуки флейты.

Лицо автора при первыхъ же звукахъ измѣнилось. Трудно было-бы и предположить, что „тройкій якъ“ можетъ, по временамъ, имѣть такое выраженіе лица. Оно ожило, воодушевилось, засіяло. Въ глазахъ заблестѣлъ огонекъ, котораго обыкновенно никогда не бывало.

Макаръ Макаровичъ проигралъ все, прибавилъ какую-

то ритурнель и началъ съизнова, но на этотъ разъ прибавилъ двѣ-три маленькія вариации, и въ общемъ вышло нѣчто такое мелодичное, граціозное, за душу хватающее, что глаза князя вдругъ стали влажны.

Онъ слышалъ свое, родное, то, что когда-то вырвалось вдругъ изъ его сердца, и вдобавокъ, не самъ онъ играетъ, а другой, маленькій человекъ, пегаданно и пежданно говорить или поетъ ему нѣчто пережитое его сердцемъ. И оно теперь является какимъ-то очаровательнымъ откликомъ на то, что онъ чувствовалъ, когда сочинилъ эту вещь.

Макаръ Макаровичъ кончилъ, вздохнулъ и сталъ раздѣлывать флейту.

— Стойте! стойте, Макаръ Макаровичъ! Долгъ платежемъ красенъ! Давайте сюда!

Толстякъ почти вырвалъ изъ руки Трубецкаго флейту, и на этотъ разъ Трубецкой, въ свою очередь, долженъ былъ слушать и умиляться.

— Да, и вы изрядно играете на флейтѣ, сказалъ онъ, когда князь кончилъ.

— Изрядно! воскликнулъ князь.— Злодѣй! Душегубъ! Да чье вы сейчасъ проиграли? Вѣдь это мое сочиненіе! А вотъ вамъ другое...

И князь началъ свою любимую, длинную пьесу, написанную въ бытность въ Неаполѣ. Она вся цѣликомъ уподоблялась карману вора, возвращающагося ввечеру домой послѣ цѣлаго рабочаго дня... грабежа.

Пьеса была вся цѣликомъ составлена изъ чужихъ кусочковъ и клочечковъ, но при этомъ, конечно, похищенныхъ безсознательно, безъ вѣдома автора. А въ результатѣ, сколоченные вмѣстѣ воровскіе кусочки составили нѣчто прелестное и будто самостоятельное. И если бы эту пьесу позволительно было назвать музыкальнымъ винегретомъ, то князь заслуживалъ за него велической похвалы. Воровать звуки надо тоже умѣть.

Разумѣется, когда Илья Петровичъ кончилъ, Макаръ Макаровичъ добродушно разсмѣялся и выговорилъ:

— Вотъ такъ денекъ выпалъ! И я васъ, и вы меня удивили! Вотъ мнѣ теперь и надо васъ любить и уважать, а тѣмъ паче, что виноватъ я предъ вами. И, спаси Господи, исповѣдуюсь. Посудилъ я васъ по приздѣ и по знакомствѣ съ вами совсѣмъ неправильно. И вижу, что вы совсѣмъ, помилуй Богъ, не тотъ человекъ, какимъ я васъ во мнѣніи своемъ поставилъ.

Разумѣется, князь засидѣлся еще около часу, бесѣдуя съ хозяиномъ исключительно о музыкѣ. А затѣмъ оба рѣшили, что ввечеру Макаръ Макаровичъ придетъ въ домъ, и они попробуютъ сыграть что-нибудь вмѣстѣ, каждый на своей флейтѣ.

Уже прощаясь, князь вымолвилъ тѣмъ открыто-прямодушнымъ голосомъ, которымъ отличался:

— Ну, Макаръ Макаровичъ, отнынѣ мы съ вами друзья. Въ этой трущобѣ, да сошлись два флейтиста! Да это, говори по вашему, спаси Господи, диковинна!

XXVIII.

Вернувшись въ домъ, князь прошелъ прямо къ кухнѣ и, разумѣется, тотчасъ же повѣдалъ о неожиданномъ приключеніи.

Княжна тоже удивилась. Она также не воображала, чтобы порядливый, скромный и вѣжливый, до смѣшнаго, старичекъ могъ быть виртуозомъ.

— Мало того, сестрица, заговорилъ князь, весело смѣясь, — что онъ инструментъ въ рукахъ держитъ, да губы складывать умѣетъ и дуть въ дырочку можетъ. Это что! Не въ одной флейтѣ музыка у него. А и въ душѣ у него музыка — вотъ что важно. Давно я не встрѣчалъ, съ Итали не встрѣчалъ, никого, кто бы такъ мое мнѣ сыгралъ. Вотъ что диковинно. Да, вонъ оно, какъ бываетъ на свѣтѣ! Въ Березопольѣ! Въ глуши! Скажи на милость! Пошелъ по малину, а малины-

то пѣтъ, а на мѣсто ея—красная дѣвица сидитъ, раскрасавица. Малина-то сторицею обернулась. Ъхаль и сюда, думалъ одна тутъ сестрица, а кругомъ-то медвѣди да волки. А вонъ гдѣ, бываетъ, люди-то отыскиваются! Вѣдь какой у него даръ! Истинно, Божій даръ! Вы непременно его заставьте выпче же сыграть.

Князь долго говорилъ и охаль на всѣ лады, а княжна, глубоко задумавшись, смотрѣла ему въ лицо, но не слыхала и половины его словъ. Между тѣмъ, думая, она какъ бы отвѣчала князю, ибо мысленно говорила:

„Не такъ бы ты ахнулъ, еслибы увидѣлъ другаго человека въ этой же глуши. То не Макаръ Макаровичъ, не добренькій и хиленькій старичекъ, порядливый и вѣжливый. Тотъ инаго рода человекъ. Въ томъ истинный даръ Божій; но при этомъ дарѣ — умъ, молодость и чарующая красота. Тамъ все... Если ты увидишь его, то не такъ ахнешь. Да, правду ты говоришь: вонъ гдѣ люди пахотятся, а не только въ столнахъ, да за границей!“

И когда князь успокоился и усѣлся, княжна вдругъ, Богъ вѣсть почему, рѣшилась заговорить съ братцемъ о томъ человекѣ, которымъ была полна теперь ея жизнь. Но главное, что было странно и удивило самою княжну, — она заговорила совершенно спокойно и прямо глядя въ глаза братца.

Откуда взялась ея смѣлость, она сама не понимала. Она объяснилась твердымъ голосомъ и спокойно, просто.

Разумѣется, на заявленіе кузины о даровитомъ рѣзчикѣ по дереву, простомъ дворовомъ, князь отозвался недоумчиво и шутливо.

Княжна замѣтила это и, перейдя въ уголь горницы, взяла что-то со шкафчика и принесла князю. Это была фигурка въ полъ-аршина, слѣпленная изъ воску, изображающая ангела, летящаго со скрещенными на груди руками и съ распушенными крыльями. Она была тщательно отдѣлана.

— Это что же такое? произнесъ князь, взявъ фигурку въ руки.

— А вотъ посмотрите. Мнѣ изъ Петербурга прислали въ подарокъ. Работа какого-то нѣмца, профессора Академіи Художествъ.

Князь, съ видомъ знатока, повертѣлъ фигурку въ рукахъ, потомъ вытянулъ съ ней руку и, взглянувъ издали, выговорилъ:

— Прелестно! А вѣдь вотъ вы, сестрица, поди, самой прелести-то и не видите, въ чемъ она заключается! Это надо быть художникомъ, чтобы уловить...

Лицо княжны сразу несказанно оживилось. И счастье, и гордость преобразили лицо ея настолько, что она казалась красивою.

— Скажите, что такое? вымолвила она съ волненіемъ, даже дрожью въ голосѣ.

— А вотъ, глядите!

Князь снова оттопырилъ руку съ фигуркой предъ княжной и произнесъ:

— Что это такое? Ангелъ стоящій на мѣстѣ съ поднятыми крыльями, или ангелъ который летитъ? Ну-т-ка, сестрица? Вы сами рисуете, можете уразумѣть, что я сказываю.

— Да, да, правда, правда! воскликнула княжна почти восторженно. — Правда. Летитъ!

— Молодецъ, сестрица! А почему? Въ чемъ тутъ секретъ?

— Не знаю, повинилась княжна, но повинилась со счастьемъ въ голосѣ.

— А вотъ, глядите. Вся сила въ томъ, какъ эти крылушки развернулись. Будь они вотъ такъ, были бы просто они подняты. А вотъ этотъ вашъ, бестія профессоръ, человекъ со страстью и даромъ Божиимъ въ душѣ, невѣдомо какъ, съумѣлъ такъ развернуть оба крыла, что вамъ чудится будто и впрямь ангелъ ле-

титъ. А какъ это? почему это? въ чемъ тутъ вся сила? Этого мы, зрители, объяснить не можемъ. Мы вотъ только чуемъ, что оно такъ, какъ слѣдуетъ. Сердцемъ чуемъ! А какъ это сдѣлано—спросите у того кому Господь въ душу послалъ даръ отгадывать эти загадки искусства.

Князь опустилъ руку съ фигуркой ангела и, довольный своей рѣчью, горделиво поглядѣлъ на кузину.

Княжна взяла ангела, подвила его въ рукѣ надъ головой и, глядя на князя торжествующимъ взоромъ, спросила громко и горячо:

— Такъ летитъ онъ, говорите вы?

— Летитъ, сестрица! полуудивляясь, полузабавляясь, выговорилъ князь.

— Ну, вотъ, стало-быть и я буду вѣрить въ себя и... во все! Стало-быть, я не ошиблась. И въ будущемъ не ошибусь.

Но въ эту минуту холодный разсудокъ, какъ будто покинувшій княжну на нѣсколько мгновений, вернулся къ ней. Она испугалась, что зашла слишкомъ далеко, что быть-можетъ выдала вдругъ, неожиданно и чужому человеку, все, что таилось въ ней, глубоко скрытое ото всѣхъ. Она сразу смутилась, какъ бы слегка съежилась, и приняла видъ виноватой, пойманной...

— Будетъ, однако, баловаться! произнесла она умышленно-презрительнымъ голосомъ.— Точно мы малые ребята! Я расшалилась... Не стоить того. Это все пустяки. Знаете-ли вы, въ чемъ дѣло, братецъ? Это тотъ крѣпостной столяръ и рѣзчикъ, про котораго я вамъ сказывала... Ну? поняли? Онъ и есть этотъ нѣмецъ-профессоръ изъ академіи. Это онъ сдѣлалъ...

— Что-о! прокричалъ князь вставая и опять съѣлъ выпуча глаза.

— Да, это онъ изъ воску слѣпилъ. И прибавьте, не забудьте, что онъ самоучка.

— Нѣтъ, ужъ увольте, сестрица. Хотя я васъ во лжи никогда не ловилъ, а на этотъ разъ, извините, не повѣрю. Это, говоря словами Макара Макаровича, спаси Господи, надувательство. Вретъ, мерзавецъ! Укралъ онъ ее, а не сдѣлалъ.

— Зачѣмъ же браниться! вырвалось вдругъ у княжны сухо и укоризненно.

— Да какъ же не браниться?! Мошейникъ онъ! Стащилъ гдѣ-нибудь, въ городѣ купилъ, да за свое выдаетъ! Васъ надуваетъ, а вы другихъ... Шутство!

— Въ уѣздномъ-то городѣ? Статуэтку изъ воску? Поѣзжайте—купите!.. Наконецъ, онъ при мнѣ кончилъ это...

Князь, убѣдясь поневолѣ, что кузина не обманываетъ его и не обманута сама, снова взялъ фигурку въ руки, снова сталъ разглядывать ее и наконецъ произнесъ шутливо:

— Что же это такое? Вѣдь это колдовство какое-то! Что же наше Березополье — нечистое мѣсто, что-ли? Я теперь не удивлюсь, коли вдругъ окажется сейчасъ здѣсь какой-нибудь удивительный пѣвецъ-теноръ, или какой-нибудь такой тапцоръ, какихъ въ Парижѣ никогда не бывало. Окажется, что вотъ этотъ Терапонтъ, котораго приставили за мной ходить, такъ протанцуетъ какую-нибудь матрадуру или тарантеллу, или другою танецъ, что ахнешь. А тамъ вдругъ окажется, что вашъ фореиторъ, самый плюгавый изъ всѣхъ, картину представить имъ намалеванную масляными красками. Тыфу! Прости Господи!

И князь принялся весело хохотать. Княжна вторила ему съ совершенно счастливымъ лицомъ.

Тотчасъ же было рѣшено ими, что вечеромъ явится Макаръ Макаровичъ со своей флейтой, а затѣмъ будетъ позванъ и столяръ Егоръ Миловановъ, чтобы показать и доказать князю, какъ рѣжетъ онъ по дереву и какъ лѣпитъ изъ воску.

— Безподобно! вотъ такъ финтъ! восклицалъ князь.—

Вотъ тебѣ и Березополье! Академическій вечеръ устроимъ. Погодите. А Оералонта мы забыли!

Не смотря на то, что князь самъ сыпалъ остротами, болталъ безъ умолку и хохоталъ не переставая, онъ, однако, вдругъ замѣтилъ, что сестрица его сама не своя отъ счастья. Она странно преобразилась, лицо стало другое, иначе смотритъ она и иначе улыбается. Она восторгается и наслаждается, празднуетъ и торжествуетъ.

„Что за притча?“ думалось князю. „Не отъ моихъ же смѣхотворныхъ прибаутокъ? Нѣтъ, тутъ видно есть un dessous de cartes.“

XXIX.

На утро не одну княжну, но и князя ожидало нѣчто новое и неожиданное, еще не приключавшееся въ ихъ жизни.

Княжна приказала позвать къ себѣ Егора съ кле-емъ, чтобы починить пожку у палецъ. Егоръ явился... Палецъ, гдѣ было впялено вышиванье, конечно пельзя было нести къ себѣ въ домикъ. Надо было работать въ комнатѣ княжны. Егоръ оглядѣлъ внимательно поломку и доложилъ, что перебитая отъ сильнаго удара пожка не будетъ держаться на одномъ клею и нужно прибить еще два винта.

— Больше часу провозились надъ пей.

— Такъ что же? тебѣ не хочется? Тогда оставь. Я припеволивать тебя не хочу, страннымъ голосомъ сказала княжна.

— Какъ можно, ваше сіятельство, развѣ я смѣю! смѣлся Егоръ. — Я говорю насчетъ того, чтобы не обезпечить васъ здѣсь. Позвольте свести палецъ къ себѣ. Все будетъ въ сохранности.

— Ты мнѣ не мѣшаешь... И чѣмъ дольше ты работаешь здѣсь, выговорила Полина твердо, но глядя въ сторону, — тѣмъ лучше... Мнѣ скучно. Я все одна. Я рада поговорить съ тобой, то-есть вообще съ кѣмъ-либо... Работай и расскажи мнѣ что-нибудь.

— Какъ прикажете, отозвался Егоръ.

И разложивъ по полу весь свой арсеналъ столяра, онъ тоже сѣлъ на полъ на подогнутыхъ ногахъ.

Наступила пауза. Миловановъ былъ шагахъ въ пяти отъ сидѣвшей въ креслѣ княжны, и его лицо, обращенное къ ней профилемъ, слегка освѣщенное лучемъ зимняго солнца, скользившаго въ окно, было на этотъ разъ еще красивѣе. Вдобавокъ онъ былъ на этотъ разъ особенно смущенъ, сердце билось. А смущеніе всегда придавало его лицу, большимъ глазамъ и правильному очертапію губъ—какое-то чрезвычайно милое выраженіе, если не совсѣмъ дѣтское, то юношески наивное.

„Что же это я? Чего она мнѣ?“ думалось Егору. „Неужто сердце мнѣ защемила?... Холоду?... Княжна?“

Полина задала Егору нѣсколько вопросовъ; онъ отвѣчалъ кратко, оборачиваясь конфузливо каждый разъ лицомъ къ ней и прерывая свое дѣло. Она объяснила это смущеніе по своему. Ей почудилась тутъ только одна покорность неудобству такой работы, невольпо сказывающаяся въ его фигурѣ. И княжна тоже смѣлась, не зная продолжать-ли такую какъ бы навязчивую бесѣду. Она смолкла...

Водворилось молчаніе и длилось около получаса. Вдругъ среди полной тишины открылась дверь, и въ горницу быстро вошла Евгенія. Ревность толкнула ее сюда—и она такъ внезапно влетѣла, что задумавшаяся княжна даже вздрогнула. Взглянувъ гнѣвно на горничную, она даже съ удивленіемъ спросила, зачѣмъ та вдругъ является безъ зову.

— Платочекъ свѣжій подать, отвѣтила Евгенія, подавая носовой платокъ; но при этомъ она потупилась. И лицо, и голосъ ея гнали.

Княжна недоумѣвала по поводу этого необычнаго поступка горничной и уже собиралась сказать: „Ты съ ума сошла“.

Но въ эту минуту Егоръ и Евгенія переглянулись... Глаза ихъ встрѣтились на мновенье, даже мѣнѣе... А между тѣмъ княжна успѣла сразу невольно поймать нѣчто въ ихъ глазахъ. Она поняла или угадала, или просто почувствовала что-то ударившее ее въ сердце... Изумленіе и ужасъ проникли въ нее сразу, вмѣстѣ, какъ молнія.

„Любятъ!“ чуть не сорвалось вслухъ съ ея губъ.

Княжна, почти не помня себя, приказала что-то, тихо, кратко, рѣзко... И она видѣла затѣмъ, какъ обѣ фигуры исчезли,—сначала Евгенія, а за ней и Егоръ. Княжна ихъ выслала. И не могла теперь вспомнить—какъ, какими словами... Буря забушевала въ ней. Новая, незнакомая дотолѣ... Ревность!...

Но князь Андрей Ивановичъ въ юбкѣ вскорѣ овладѣлъ и собой, и своими новыми помыслами, что явились вдругъ угрожать ей.

— Такъ отвоюй! холодно и твердо сказала она себѣ какъ строжайшій приказъ, и вдругъ успокоилась, и даже улыбнулась надменно.

А въ это время въ сосѣдней комнатѣ, вышедшій отъ себя Илья Петровичъ засталъ Егора и Евгенію, горячо объяснявшихъ. Дѣвушка была смущена, тревожна, пунцовая... Егоръ взволнованъ и казалось даже взбѣшенъ...

Они мгновенно разошлись при видѣ князя. Лишь одна фраза Егора долетѣла до слуха Ильи Петровича.

— Шалая ты дѣвка! Чтѣ ни день, то дурнѣй!

Егоръ ушелъ, а Евгенію князь позвалъ и остановилъ. Давно уже собирался онъ перекинуться съ этой красивой дѣвушкой нѣсколькими не простыми словами.

— Евгенія... погоди... Поди сюда...

— Чтѣ прикажете? сухо отозвалась та, приближаясь вповѣ.

— А вотъ я все собирался... поболтать хотѣлъ съ тобой...

Князь сѣлъ па стулъ и сказалъ ласково:

— Садись!

Евгенія сдѣлала видъ, что даже не слышитъ.

— Садись. Посиди со мной. Поговоримъ.

— Покорнѣйше благодарю. Ни сидѣть, ни болтать мнѣ съ вами не къ лицу. И времени нѣтъ, и...

— И охоты нѣтъ? усмѣхнулся князь.

— Нѣтъ.

— Чтѣ нѣтъ?

— Охоты, сами сказали.

— Злая какая. Скажи: влюблена ты въ кого-нибудь или ни въ кого?

— Не ваше это дѣло. Вы не баринъ мой и не отецъ духовный. А впрочемъ... вдругъ вызываяще и озлобляясь выговорила Евгенія съ загорѣвшимся взглядомъ: — Да! влюблена... Чтѣ жъ?

— Жаль. А я было... князь засмѣялся не искреннимъ, дѣланымъ смѣхомъ и вымолвилъ шути, но конфузясь какъ юноша: — Я бы тебя выкупилъ на волю...

— Спасибо, ваше сіятельство, не извольте беспокоиться...

И Евгенія разсмѣялась настолько грубо-насмѣшливо, почти презрительно, что князя всего покорило, и онъ вспыхнулъ.

— Ну, прости... Я вѣдь пошутилъ, выговорилъ ошъ виновато.

— Знаю. Не дура же я... мягче отозвалась дѣвушка и, повернувшись, бѣгомъ исчезла изъ комнаты.

XXX.

Княжна уже была въ положеніи старика-рыбака, когда онъ вытащилъ цѣпь изъ моря, и хотѣлъ бросить ее, и не могъ. Но обстоятельства помогли и ей... Явился братаецъ.

Въ усадьбѣ началась новая эра мира, радости, даже просто счастья. И все это совершилъ Илья Петровичъ.

„Троякій якъ“ заставилъ и двоюродную сестру, и управителя, и столяра Егора иначе думать, иначе чувство-

Послѣдній красный денекъ. Съ карт. Менцлера, грав. Пейпе.

вать. Въстѣ съ тѣмъ, была одна личность, къ которой приковалось вниманіе веселаго и добродушнаго князя, но объ этомъ никто не догадывался, не помышлялъ и не заботился.

Илья Петровичъ, проведеншій почти всю жизнь въ заморскихъ земляхъ, чувствовавшій себя счастливымъ только на улицахъ Парижа, только на берегу Средиземнаго моря, помышлявшій о жизни въ Россіи, въ деревнѣ, какъ о чемъ-то похожемъ на заточеніе въ Бастилію, вдругъ теперь почувствовалъ себя въ этомъ березопольскомъ домѣ мирно-довольнымъ, спокойнымъ, радостнымъ. Еще немножко, и онъ почувствуетъ себя счастливымъ, чего давно не бывало. Сознавая это странное явленіе, князь со вздохомъ объяснилъ его:

„Старость! Пріѣзжай я сюда лѣтъ десять назадъ, удралъ бы безъ оглядки на утро же. А вотъ теперь—сестрица, Макаръ Макаровичъ, шустрый ковырялка по дереву, съ несомнѣннымъ даромъ Божиимъ въ душѣ, да вотъ эта треклятая дѣвчонка, что смахиваетъ на Оттилію, — всего этого для старой подошвы, какую я сталъ, и достаточно.“

Вскорѣ Илья Петровичъ незамѣтно, какъ бы безсознательно, переиначилъ всѣ порядки въ домѣ.

Рѣшила-ли княжна не перечить гостю-братцу, угождать ему всячески, покуда онъ у нея въ гостяхъ, или пововеденія братца были ей по сердцу, но только Полина, судя по ея лицу, изо всѣхъ счастливыхъ въ Березопольѣ была теперь самою счастливою.

Часы вставаній, обѣда, прогулокъ, ужина—все перевертѣлось. И самый незамѣтный, простой фактъ, не стоящій вниманія, имѣлъ наибольшее значеніе для княжны:

Князь имѣлъ забавную привычку, маію—всѣхъ всему учить. Наивно и простодушно считая себя если не мастеромъ, то полумастеромъ всякаго дѣла, онъ, разумеется, и тутъ принялся всѣхъ обучать.

Сестрицу преслѣдовалъ онъ совѣтами и указаніями, какъ рисовать и какъ вышивать въ пильцахъ,—даже когда и какъ читать. Макара Макаровича князь часто заставлялъ играть на флейтѣ, но тоже училъ. Слесарное дѣло, которое давно старикъ бросилъ, тоже вновь появилось, и князь тоже училъ и давалъ массу совѣтовъ.

Наконецъ, что было совершенно наивно, но важно для княжны, онъ взялся учить Егора рѣзать по дереву и лѣпить изъ воску.

И съ этого дни Егоръ, съ десяти утра и часовъ до трехъ-четырехъ, работалъ въ комнатѣ князя. Князь тоже ковырялъ надъ кускомъ дерева, тоже пачкался въ воскъ, дѣлалъ Богъ знаетъ что, но важно, громко, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ добродушно, совѣтовалъ Егору и совѣтовалъ.

Разумеется, многіе совѣты князя удивляли Егора, какъ неподходящіе. За-то другіе имѣли для него огромное значеніе.

Князь, какъ человѣкъ просвѣщенный, видѣвшій всѣ галереи Европы, могъ, конечно, иногда сказать самородку-художнику такое слово, которое было для него, образованнаго человѣка, азбукой искусства, а для Егора было цѣлымъ открытіемъ, цѣлымъ возникновеніемъ новаго, сокровеннаго дотошъ міра.

Случалось, что отъ какого-либо указанія или замѣчанія князя, Егоръ всныхивалъ какъ молодая дѣвушка. Безумная страсть къ своему призванію откликалась въ немъ сразу и заставляла крѣпко заботиться сердце.

На первыхъ же дняхъ этихъ занятій князь, глядя какъ Егоръ выковыривалъ при помощи лопатки и иглы какую-то фигурку изъ воску, вдругъ произнесъ добродушно:

— И охота тебѣ съ воскомъ возиться, да все мелочь, куколки разныя стряпать! Вѣдь это даже, братецъ мой, много мудренѣе. Что ты, Бенвенутой Челлини, что-ли,

собираешься быть? Ты бы большія статуи, ну, куклы, что-ли, большія, изъ глины бы попробовалъ лѣпить! Во весь ростъ... Оно и легче.

По вопросамъ Егора, по изумленію его, оказалось, что крѣпостной артистъ не понялъ ни слова изъ рѣчи князя. Илья Петровичъ объяснился подробнѣе.

На этотъ разъ Егоръ вспыхнулъ болѣе чѣмъ когда-либо. Глаза его засверкали, и пунцовое лицо, движеніе рукъ, которыя вдругъ замерли въ воздухѣ, сказали ясно, что князь одной фразой открылъ ему новый міръ.

Разумеется, черезъ два дня въ горницѣ была уже глина, по составу ея, какъ слѣдуетъ, было некому. Возни было много, пачкотни еще больше. Фигура, которую началъ лѣпить Егоръ, ломалась, сохла, рассыпалась, а затѣмъ, исправленная, вылѣпленная изъ другаго состава, таяла, какъ если бы была изъ жидкой грязи.

Егоръ, чувшій, что это дѣло—настоящее дѣло, приходилъ въ отчаяніе, что вся сила за пустяками—за неумѣніемъ составить настоящую глину.

Но княжна не дремала. Однажды, когда князь и Егоръ съ отчаяніемъ бились, какъ состряпать настоящую глину для лѣпки, княжна, тайно отъ всѣхъ, послала гонца съ письмомъ въ Москву къ художнику, который когда-то давалъ ей уроки рисованія. Онъ долженъ былъ или прислать подходящее сочиненіе, или написать, какъ пособить горю.

Черезъ три дня послѣ того что Егоръ сталъ работать въ кабинетѣ князя, стала одновременно являться и княжна. Сначала она приходила, сидѣла, стараясь больше смотрѣть на братца, а не на двороваго. Она только изрѣдка рѣшалась вскользь глянуть на красивый профиль склоненной надъ работой головы.

Но затѣмъ, тоже стряпавшій что-то, князь предложилъ сестрицѣ читать что-нибудь вслухъ. Такъ какъ онъ тоже усердно и усиленно то рѣзалъ по дереву, то вылѣплялъ невѣроятныя вещи изъ глины, и лишь изрѣдка подходилъ къ своему ученику, давая ему совѣты, то въ горницѣ царилъ унылая тишина. На просьбу братца, Полина согласилась тотчасъ.

И если князь, ковыряя, строгаля и шумливо пыхтя, мало слушалъ чтеніе, то другой, работавшій тутъ, иногда бессознательно дѣлалъ свое дѣло и весь превращался въ слухъ, слушая такія исторіи, такія описанія чувствъ, такіе разговоры, которые тоже открывали предъ его нравственнымъ взоромъ новыя дали.

Не прошло пяти дней, какъ княжна, окончивъ небольшую итальянскую новеллу въ очень плохомъ переводѣ, съ тяжелыми, едва понятными выраженіями, рѣшилась вдругъ на такое дѣло, что сама себя изумилась.

Однажды, около полудня, усѣвшись въ кресло около двухъ работавшихъ — князя-братца и крѣпостнаго двороваго, княжна отчасти сдавленнымъ голосомъ, съ легкимъ смущеніемъ на лицѣ и со страшной тревогой на сердцѣ, назвала заглавіе той новой книжки, которую собрала имъ прочесть.

Заглавіе было: „Безуміе отъ любви“.

И съ перваго же дня чтенія, только одинъ вопросъ наполнялъ душу чтицы:

„Пойметъ-ли онъ?..“

На второй же день чтенія лицо Егора, вдругъ бросившаго работу, и его глаза, упорно устремленные на княжну, сказали ей ясно, что онъ начинаетъ боязливо чувствовать нѣчто, начинаетъ понимать ее. Взглядъ его говорилъ:

„Я думалъ, что я одинъ безумствую!.. Неужели... и ты?!..“

По вечерамъ всякій день являлся Макаръ Макаровичъ со своей флейтой, и начинались концерты.

Княжна играла на старомъ, разбитомъ фортепіано, два флейтиста ей аккомпанировали, а Егора изрѣдка

заставляли пѣть. И, разумеется, всѣ отправлялись кто въ лѣсъ, кто по дрова, по почти не замѣчали этого и были очень довольны. Наконецъ, въ неопредѣленные часы, иногда утромъ, иногда вечеромъ, князь, явно начавшій покровительствовать Евгению, звалъ ее къ себѣ учить читать и писать.

Все, что творилось въ домѣ, конечно, казалось диковиннымъ дворцѣ. Но что горничная учится у барина-князя грамотѣ—это навело уже полный соблазнъ на всѣхъ березопольцевъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта затѣя брата не нравилась и княжцѣ, но дѣлать было нечего. Не ей было судить другихъ. Она была сама виновата. Тѣ же затѣи князя сдѣлали ее сугубо-счастливою. Возможно-ли было помѣ-

шать той изъ его затѣй, которая, очевидно, была ему наиболѣе по сердцу. Но ей думалось:

„Какъ бы это сходство Евгению съ его голландкой бургомистершей Оттилей не повело къ чему-нибудь заурядному, но глупому и непристойному.“

И затѣмъ тотчасъ же совѣсть ея заговаривала и отвѣчала:

„Да, къ такому же непристойному и глупому, какъ и твое собственное чувство! Но онъ—мужчина. И онъ не первый и не послѣдній примѣръ русскаго барина-помѣщика, который увлекается крѣпостною дѣвушкой. А вотъ твое положеніе—невѣроятнo-безпримѣрно! Такого не слыхано и не видано на Руси! Если гдѣ-либо когда и приключалось, то было скрыто отъ людей.“

(Продолженіе будетъ).

Тотализаторъ.

Рассказъ А. Зарина.

(Продолженіе).

IX.

Настасью Сергѣевну поразила суета на вокзалѣ. Всѣ спѣшили съ угрозами, сосредоточенными лицами къ кассѣ и, взявъ билеты, почти опрометью бросались къ вагонамъ, которые быстро наполнялись одинъ за другимъ.

— Скорѣе, скорѣе, Настя, побѣжалъ съ билетами Хмуровъ, — а то мѣста не будетъ!

Она машинально послѣдовала за нимъ.

Мѣста въ вагонѣ не было. Какой-то господинъ потѣснился и освободилъ край скамейки для Настасьи Сергѣевны. Хмурову пришлось стоять подлѣ. Настасья Сергѣевна усѣлась и, взглянувъ на мужа, улыбнулась. Изъ кармана его пальто торчала пачка газетъ; самъ онъ, едва тронулся побѣздъ, развернулъ афишу и углубился въ чтеніе ея, дѣлая на поляхъ отмѣтки карандашомъ.

Онъ прочелъ афишу два раза и наконецъ поднялъ глаза.

— Можетъ тебѣ скучно, Настя, — у меня газеты есть!

И онъ вытащилъ пачку.

— Тутъ *Вѣсти*, *Глашатай*, *Листокъ* и *Газета*!

Настасья Сергѣевна улыбнулась опять и взяла газеты. Со всѣхъ сторонъ слышались разговоры о скачкахъ. Позади горячо спорили, впереди дружно восхищались, съ боку мирно дѣлились впечатлѣніями предшедшихъ скачекъ. Настасья Сергѣевна развернула газету и, просматривая ее, время отъ времени съ тревогою взглядывала на мужа. Прислонившись спиною къ двери, онъ опять смотрѣлъ въ афишу и озабоченно хмурилъ брови, дѣлая уже новыя отмѣтки на поляхъ.

— Ты бы на кого поставила? наклонился онъ вдругъ къ ней, — побѣгутъ: „Приицъ“, „Пуля“, „Миражъ“ и „Зоса“? а?

Онъ серьезно вопросительно взглянулъ на жену.

— Ни на кого, отвѣтила она.

— Да ты такъ, Настя, скажи только, растерянно улыбнулся онъ, услышавъ ея сухой отвѣтъ.

— И говорить не хочу, отвернулась она, — ставь на кого хочешь, твое дѣло. Я смотрѣть ѣду, а не играть.

И она опустила глаза въ газету. Хмуровъ вздохнулъ и выпримился...

— Куда они? удивилась Настасья Сергѣевна, когда побѣздъ остановился у платформы и публика почти бѣгомъ устремилась по дорожкѣ къ полю.

Хмуровъ тоже волновался, но старался сдерживать себя.

— Боятся опоздать, улыбнулся онъ, — идемъ же, Настя! тутъ же поторопиль онъ ее.

Она взяла его подъ руку, и они пошли. Ихъ перегоняло множество людей, на площади сновали экипажи, гарцовали всадники. Недвижно стояли пожарные, сверкая на солнцѣ своими касками. У воротъ высокаго здавія, зучка офицеровъ оживленно разговаривала. Двое изъ нихъ были съ хлыстами.

— Куне, Куне, зашенталъ взволнованно Хмуровъ, показывая женѣ на одного изъ офицеровъ съ хлыстомъ.

Она равнодушно взглянула на офицера. Длинный, сухопарый, съ желтымъ, вытянутымъ лицомъ, съ тупымъ взглядомъ, стоялъ онъ, куря сигару и похлопывая хлыстомъ по носку сапога.

— Что же онъ? спросила Настасья Сергѣевна.

— Какъ! зашенталъ Хмуровъ, — лучший пазьдникъ. Это вѣдь онъ тогда на „Геро“, помнишь?

И, проходя мимо, онъ почти съ благоговѣніемъ взглянулъ на долгоногаго Куне.

Они взяли билеты и вошли въ мѣста.

— Ты иди туда! указалъ Хмуровъ женѣ дорогу въ мѣста, — а я сейчасъ!

И онъ оставилъ ее, протискиваясь къ тотализаторской будкѣ.

Настасья Сергѣевна остановилась на мѣстѣ. Кругомъ ея мелькали женскія, мужскія, молодыя, старыя взволнованныя лица и со всѣхъ сторонъ слышались однообразныя фразы:

— Вы на кого?

— Посмотримъ, какъ сегодня „Женихъ“ отличится!

— Говорять, прошлый разъ Хлоушкинъ сильно ушибся!

— Пустяки!

— Пройдлый разъ не везло, можетъ сегодня...

Она растерянно оглядывалась во всѣ стороны и вдругъ радостно улыбнулась: къ ней подходилъ Зыбинъ, издали кивая головою.

— А! да барынька! пожалъ онъ ей руку: — я думалъ, Алексѣй Константиновичъ шутить, а въ правду! Неужели и вы? окончили онъ серьезно.

Настасья Сергѣевна разсмѣялась:

— Какъ видите! Нѣтъ, перестала она смѣяться, — я собственно на него посмотрѣть хотѣла.

Зыбинъ кивнулъ головою:

— Я такъ и думалъ.

Хмуровъ бѣжалъ къ нимъ, махая руками:

— Что же вы, что же вы! ужъ звонокъ былъ. Идите, а то опоздаемъ!

Онъ побѣжалъ впередъ по лѣстницѣ, поминутно оглядывался.

— Я на второй поставилъ, объяснялъ онъ по дорогѣ, — всѣ хвалятъ, хотя на него мало ставятъ!

— Ну и проиграете, усмѣхнулся Зыбинъ.

— Нѣтъ, почему же? испугался Хмуровъ, — а вы на кого?

— Я безъ денегъ пришелъ.

Хмуровъ пожалъ плечами.

— Вотъ сюда сядь, Настя, отсюда виднѣе, усадилъ онъ жену.

Зыбинъ сѣлъ рядомъ. Хмуровъ вставалъ, садился и снова вставалъ. Онъ былъ въ сильномъ волненіи. Лошади понеслись.

— Проигралъ, проигралъ! поблѣднѣлъ Хмуровъ, увидѣвъ свою лошадь почти въ хвостѣ и, не дожидаясь окончанія, побѣжалъ ввизъ.

Ему не везло: на кого онъ ни ставилъ, всѣ проигрывали. Настасья Сергѣевна его почти не видѣла. На минуту, когда бѣжали лошади, онъ появлялся блѣдный съ горящими глазами и тотчасъ исчезалъ снова, шепча съ отчаяніемъ: „проигралъ!“ На жену и Зыбина онъ не обращалъ вниманія.

Настасья Сергѣевна съ тревогой слѣдила за нимъ, но губы ея не переставали улыбаться.

— Не ожидай я отъ него, со вздохомъ произнесъ Зыбинъ, когда Хмуровъ, на минуту появившись, исчезъ снова.

— О! а я такъ была увѣрена, отвѣтила Настасья Сергѣевна, — онъ такой увлекающійся. Вѣдь онъ и въ карты не играетъ, потому что боится. Я предчувствовала это.

— Это бѣда, хмуро сказала Зыбинъ.

— Нѣтъ, я даже довольна, что онъ проигрываетъ. Я взяла съ него слово: если проиграетъ — броситъ.

И она съ улыбкою обернулась къ Зыбину.

— Ну, это ужъ напрасно! покачалъ онъ головою, — только горечи прибавите. Ужъ началъ, такъ лучше ждать. Развѣ помогутъ слова?

— Нѣтъ, онъ сдержится, горячо заговорила Настасья Сергѣевна, — ему только разъ воздержаться—я его знаю!

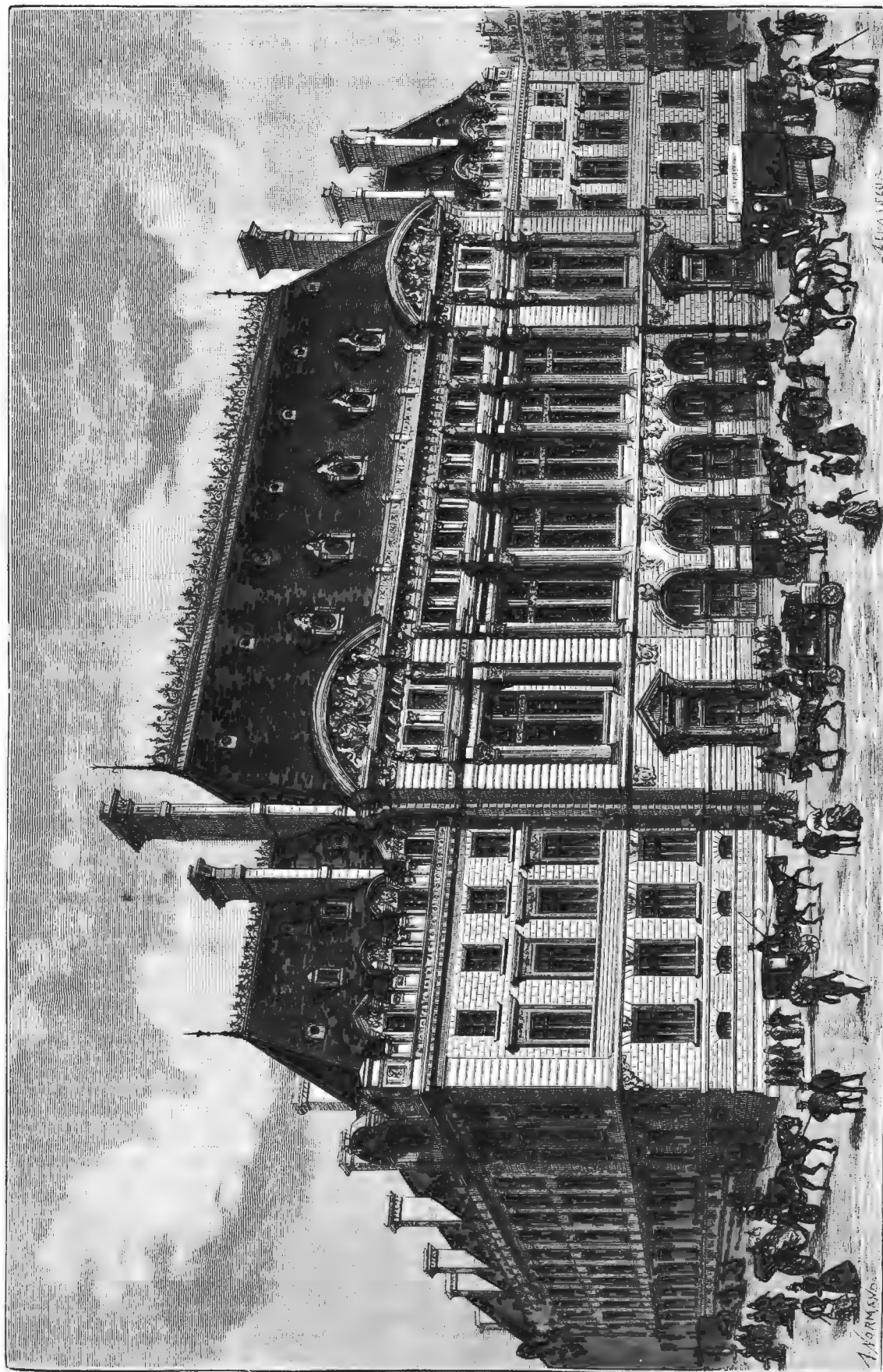
— Смотрите! покачалъ головою Зыбинъ.

Они говорили о Хмуровѣ какъ о больномъ, и съ тревожнымъ вниманіемъ слѣдили за нимъ, когда онъ появлялся.

Настасью Сергѣевну занимали больше люди, чѣмъ лошади. Ей не нравилась картина скачекъ, и она не понимала азарта. Лошади, напрягаясь изо всѣхъ силъ, длинныя, сухія, далеко выбрасывая ноги, были болѣе похожи на зайцевъ; тѣдоки некрасиво подпрыгивали на сѣлахъ и поминутно рисковали сломать шею, перескакивая барьеры. Все это не нравилось Настасьѣ Сергѣевнѣ. Ее интересовали болѣе люди. Всѣхъ словно охватывала въ минуту скачекъ лихорадка. Горящими глазами слѣдили они за лошадьми, выкрикивая то одно, то другое имя, то крича „браво!“, то шикая, то замирая въ волненіи.

Литературный альбомъ. „Тартюфъ“, Мольера. Съ карт. академика Бонча-Томашевского, грав. Плсудкевичъ.

Реставрированное здание „Сорбонны“ в Парижѣ. Рис. Норманъ, грав. Левассеръ.

Когда скачка кончалась, раздавались неистовые крики, потом все бѣжало со своихъ мѣстъ, словно спасаясь отъ непріятеля, крича, споря, переговая другъ друга, и черезъ полчаса густою толпою возвращались назадъ.

— Это что! сказали Зыбинъ, когда она передала ему свои впечатлѣнія, — пойдите-ка къ тотализатору—тамъ-то что!

И когда окончилось отдѣленіе, онъ повелъ Настасью Сергѣевну внизъ. Едва они зашли за стѣну, на нихъ налетѣлъ Барсовъ. Не разбирая ихъ лицъ, онъ тревожно спросилъ:

— Какой № взялъ?

Зыбинъ улыбнулся:

— Пятый.

— Опять проигралъ! всплеснулъ Барсовъ руками и повернулся.

— Monsieur Барсовъ, остановила его Настасья Сергѣевна: — мужа не видѣли?

Барсовъ словно очнулся:

— Ахъ, Настасья Сергѣевна, извините! не успалъ! расклапался онъ.

— Гдѣ же тутъ! вставилъ Зыбинъ.

— Мужъ вашъ тамъ, указалъ Барсовъ въ сторону будокъ, — тоже проигралъ.

— Я слышала, вы на Волгу ѣдете? спросила Настасья Сергѣевна.

Барсовъ махнулъ рукою.

— Послѣ, послѣ, теперь поставитъ надо!

И онъ, повернувшись, бросился бѣжать къ будкѣ.

— Настенька, съ растерянною улыбкою подошелъ Хмуровъ, — укажи на кого поставить. Говорить, новичкамъ везетъ. Укажи!

— Самъ ставь, сухо отвѣтила она.

— Голубушка, укажи! просилъ онъ.

— Вы, Алексѣй Константиновичъ, по газетамъ поставьте! сказалъ Зыбинъ.

— Эхъ, что газеты! почти крикнулъ Хмуровъ, — слухали только! Безъ нихъ бы я, непременно, на „Миража“ поставилъ. 8 рублей давали!

— Ну, какъ знаешь, такъ и ставь! нетерпѣливо оборвала Настасья Сергѣевна и повернула въ сторону.

Зыбинъ вздохнулъ.

— Видѣли?

— Это ужасно, ужасно!

Со всѣхъ сторонъ слышались оживленные разговоры.

— Нѣтъ, теперь шабашъ! плакался чей-то молодой голосъ, — мамаша не даетъ больше денегъ, а достать не откуда!

— А ты часы по-боку! совѣтовалъ со смѣхомъ другой голосъ.

— А отецъ?..

— Все просадила, чтобъ тебѣ пусто было! прохрипѣли смазные сапоги.

— Съ выигрышемъ, Савва Митричъ! захохоталъ засаленный картузъ.

— Чего зубы-то скалишь; самъ нарвешься! огрызнулись сапоги...

— Ужасно, ужасно, твердила Настасья Сергѣевна, ища тревожно глазами своего мужа.

Зазвонилъ звонокъ. Публика повалила на мѣста.

— Идите, предложилъ Зыбинъ.

— Нѣтъ, не хочу, отказалась она.

— Ну такъ здѣсь подождемъ, согласился Зыбинъ.

И они стали ходить по опустѣвшей площадкѣ.

— Смотрите, смотрите! шепнулъ Зыбинъ, указывая глазами.

Вдоль стѣны неровнымъ торопливымъ шагомъ взадъ и впередъ ходилъ Барсовъ.

Они подошли къ нему.

— Что же вы не смотрите? спросилъ его Зыбинъ.

— Не могу, не могу! Тамъ моя лошадь бѣжить! У меня сердце выскочитъ!

И онъ прижалъ руку къ сердцу.

Зыбинъ свистнулъ:

— Ну!.. Волга ваша тутъ и останется!

Настасья Сергѣевна съ состраданіемъ глядѣла на Барсова.

Съ поля раздались крики, топотъ и площадка стала наполняться.

Первымъ почти выбѣжалъ Хмуровъ.

— Которая? подскокилъ къ нему Барсовъ.

— Третья, отвѣтилъ Хмуровъ и обернулся къ женѣ: — все проигралъ, одинъ рубль остался, смущенно улыбнулся онъ.

— Опять проигралъ! вскрикнулъ Барсовъ, топнувъ ногою.

— Ты помнишь условіе, ласково взяла Настасья Сергѣевна подъ руку Хмурова.

Тотъ вздрогнулъ и угрюмо опустилъ голову.

— Господа! весело заговорилъ Зыбинъ, — проголодались, чай? Я тутъ неподалеку. Идите ко мнѣ! Напою и накормлю. Настасья Сергѣевна за хозяйку. Согласны?

Настасья Сергѣевна согласилась, Барсовъ тоже, и всѣ двинулись къ выходу.

X.

— Душечка! съ этимъ возгласомъ налетѣла на Настасью Сергѣевну Славина и бросилась цѣловать ее, — играли, душечка? счастливо, вѣрно?

Настасья Сергѣевна холодно освободилась изъ ея объятій:

— Я смотрѣть приходила,

— Смотрѣть! скажите, какая твердость! заколыхала Славина перьями, — я не смогла бы. Ну, а вы счастливо? обернулась она къ Хмурову.

Тотъ мотнулъ головою.

— Одолейте папирсочку, подошелъ самъ Славинъ, — изъ-за нея продулся! мрачно кивнулъ онъ на жену и тотчасъ поспыль: — самая дурная прилѣта, если назадъ вернешься. Ухитрилась зонтикъ забыть, ворочаться пришлось. Ну и продули!

Онъ злобно выпустилъ струю дыма.

— Не идти же мнѣ было безъ зонтика! возразила Славина, и птица на ея шляпѣ подняла клювъ кверху.

— Не велика бѣда и безъ зонтика. Хуже не стала бы! Слоповую кость отъ желтизны нарочно на солнце кладутъ!

— Дуракъ! со злобою отвѣтила она и зашентала Хмуровой: — смотрите, смотрите, вопъ тотъ мужланъ при мнѣ сегодня стодесять рублей выигралъ!

И она завистливымъ взглядомъ проводила засаленный картузъ, который весело ухмылялся въ свою рыжую бороду.

Зыбинъ съ гостями повернулъ налѣво. Славинымъ надо было идти прямо. Они раскланялись и быстро пошли по дорожкѣ къ платформѣ; онъ, что-то объясняя, горячо размахивалъ руками, и пальцы его мышиного пальто сердито раздувались, она — грозно трясла перьями, и птица на ея шляпѣ злобно клевала синій воздухъ.

— Монстры! засмѣлся Зыбинъ.

— Несчастные! прошептала Настасья Сергѣевна.

Хмуровъ молчалъ. Барсовъ шелъ, что-то напѣвая себѣ подъ носъ.

Зыбинъ занималъ отъ дачниковъ двѣ комнаты окнами въ большую, тѣнистый садикъ.

— Милости просимъ! ввелъ онъ своихъ гостей и тотчасъ началъ хлопотать.

Онъ жилъ одиноко, по полнымъ хозяйствомъ. Изъ сѣней пришла горничная, чинно, не торопясь постлала скатерть на столъ, вынула посуду, поставила бутылку вина, водки, закуски и затѣмъ скрылась.

— Самоваромъ поторопитесь, Груша, крикнулъ ей вслѣдъ Зыбинъ и обратился къ гостямъ:

— Господа, къ чаю!

Всѣ подсѣли къ столу.

Мало-по-малу языки развязались. Груша внесла самоваръ.

— Настасья Сергѣевна, за хозяйку! обратился Зыбинъ къ Хмуровой.

Та, улыбаясь, сѣла у самовара. Разговоръ оживился.

— Мнѣ что Волга! разошелся Барсовъ, — еще двадцать разъ успѣю! а тутъ такая масса впечатлѣній; въ десять разъ скорѣе живешь! а потомъ сколько видишь, наблюдаешь — романъ написать можно!

— Вы-то наблюдаете? замѣтилъ смѣясь Зыбинъ, — дрожить за заборомъ и на лошадей не смотреть!

— Это сегодня только; я не знаю, что со мною стало, смущенно улыбнулся Барсовъ.

— Да, посмотрѣть есть что, сказала Настасья Сергѣевна, — какое глупое увлеченіе, азартъ, даже страшно!

— Для человѣка холоднаго, равнодушнаго это глупо, но у кого есть кровь, эстетическое чувство — тому эти волненія въ показуся глупыми. Я, по крайней мѣрѣ, не испытывалъ еще такихъ ощущеній, и мнѣ они и пріятны, и понятны! горячо возразилъ Хмуровъ и чуть не злобно взглянулъ на жену.

Та не замѣтила его взгляда.

— Да! съ восторгомъ подхватилъ Барсовъ, — словно съ горы летишь. Сердце упадетъ и ноетъ-ноетъ, а потомъ вдругъ легко станетъ... А, наконецъ, эта картина, когда лошади мчатся во весь опоръ, черезъ рвы, ограды...

— Смотрѣть непріятно: вдругъ упадетъ! сказала Настасья Сергѣевна.

— Слово зайцы скажутъ, прибавилъ Зыбинъ.

— Упадетъ! подхватилъ Хмуровъ, — слова одни! при мнѣ два раза падали и ничего; одинъ только зубы вышибъ!

— Только! съ упрекомъ повторила Настасья Сергѣевна.

— Да что, Богъ съ ними, Настасья Сергѣевна, съ охотниками! сами хотятъ, сами и шею ломаютъ, сказалъ Зыбинъ, — а вотъ когда наемный жокей разбиваетъ голову — вотъ тутъ драма. Изъ-за куска хлѣба рискуетъ! А публика еще разсердится, если онъ полетитъ, потому что ея рубли пропали...

— Ну ужъ вы! махнулъ рукою Хмуровъ.

— Что я? я это видѣлъ своими глазами.

— Все-же чудное врѣлище, воскликнулъ Барсовъ.

— Только потому и чудное, что тотализаторъ есть: не будь его, и не пошли-бы! отвѣтилъ Зыбинъ. — Просто жажда наживы! Настасья Сергѣевна взглянула на мужа. Тотъ нахмурился.

— Рудетка своего рода: красивый, черный! почему-же такъ и увлекаются, откуда и азартъ!

— Положимъ, отчасти... согласился Барсовъ.

— Вѣрите, что такъ, оживился Зыбинъ, — я ужъ успѣлъ при-смотреться. А кто выигрываетъ? одинъ тотализаторъ! Въ концѣ концовъ всѣ проигрываютъ — за азартомъ и не видятъ этого! Мальчишки, старцы, мужчины, женщины — всѣ азартничаютъ, а въ результатѣ подлогъ, обманъ, воровство, самоубійство...

Настасья Сергѣевна вздрогнула.

— Ну, уж это слишком мрачно!
Зыбинъ улыбнулся.
— У насъ еще не дошло до этого, а въ Парижѣ, Лондонѣ, даже въ Москвѣ—это постоянные спутники тотализатора.
Въ садикѣ слышались дѣтскіе голоса.
— Ты на Ваську, а я на Марусю! сказала одинъ.
— И я на Ваську! крикнулъ другой.
— Ну, я противъ двоихъ на Марусю!
— Вотъ-съ вамъ азартъ, съ торжествомъ указалъ Зыбинъ на окошко. Всѣ подошли къ окну.
Въ концѣ прямой дорожки садика стояли гимназистъ съ ученикомъ Коммерческаго училища въ коротенькой курточкѣ и держали въ рукахъ по кошкѣ. На другомъ концѣ дорожки стояла дѣвочка.
— Пускайте! крикнула она. Мальчики выпустили кошекъ и захлопали въ ладоши. Кошки, поднявъ хвосты, стремительно пустились къ дѣвочкѣ.
— Маруся! Маруся! закричала дѣвочка, ухватывая въ объятія рыжую кошку.
— Моя взяла! моя взяла! закричалъ гимназистъ.
— Вотъ-съ! засмѣялся Зыбинъ, — тотализаторъ на кошкахъ устраиваютъ—повальная зараза!
Всѣ разсмѣялись, даже Хмуровъ не могъ удержаться отъ улыбки.
— Это остроумно! хохоталъ Барсовъ, — ей Богу остроумно! перемѣнно опишу ихъ!
— Вотъ вы на Волгу не поѣхали, заговорилъ опять Зыбинъ, — Славина дѣтей забросили, другой службу, третій жену забылъ— и все изъ-за того чтобы пять рублей выиграть!
Всѣ стали собираться домой.
— Вы меня совсѣмъ разстроили, простилась съ нимъ Настасья Сергѣевна.
Хмуровъ сталъ еще мрачнѣе.

XI.

Онъ всю дорогу былъ мраченъ и упорно молчалъ, иногда искоса взглядывая на жену. Онъ былъ недоволенъ и собою, и ею, и всѣмъ прошедшимъ днемъ. Неприятно было, что онъ проигралъ; еще неприятнѣе было, что она видѣла его проигравшимъ, что это-же видѣлъ и Зыбинъ, толковавшій съ нею навѣрное объ его увлеченіи, что они видѣли его волненіе, котораго онъ не могъ никакъ скрыть и, наконецъ, что онъ далъ такое глупое обѣщаніе женѣ и теперь она торжествуетъ. Въ глубинѣ души онъ начиналъ сознавать нравственное превосходство жены и еще болѣе раздражался. Въ эту минуту къ нему закрадывалась мысль, что лучше-бы было имѣть не расчетливо-разумную жену, а такую, какъ Славина, — „а еще лучше“, подумалъ онъ, взглянувъ на безечно смѣющагося Барсова, — „быть совсѣмъ свободнымъ!“ И онъ почти съ ненавистью взглянулъ на свою жену.
Она сидѣла, повидимому внимательно перелистывая газеты, по ему казалось, что по ея губамъ мелькаетъ торжествующая улыбка.

— Чтѣ ты такой мрачный? прижалась къ его рукѣ Настасья Сергѣевна, когда они вышли изъ вагона, — неужели отъ проигрыша?

— Нѣтъ, такъ, отвѣтилъ онъ нехотя и сейчасъ-же прибавилъ: — я думаю, проиграть четверть жалованья—обидно!

— А я такъ рада, весело трянула головою Настасья Сергѣевна, — по крайней мѣрѣ послѣднія!

— Вотъ это ужасно глупо, даже приостановился Хмуровъ, — что я мальчишка, что-ли? послѣднія! Что-же ты думаешь, что я удержаться не могъ-бы, красть-бы сталъ, какъ тамъ твой Зыбинъ разлагольствоваешь?

— Я не одного проигрыша боюсь, прижала его руку Настасья Сергѣевна, — а мнѣ и тебя жалко: ты такъ волнуешься!

— Пожалуйста, не жалѣй! перебилъ ее раздражительно Хмуровъ, — если я не такая рыба, судакъ замороженный, какъ ты— такъ это еще не опасность! И потомъ вѣдь я волнуясь—ты-то при чемъ?

Она грустно опустила голову и замолчала.

— Словно оека! съ раздраженіемъ заговорилъ Хмуровъ, — меня жалко! не играй, не волнуйся, того не дѣлай, другое гадко! Чортъ знаетъ чтѣ такое! До меня никому нѣтъ дѣла! рѣзко закончилъ онъ и замолчалъ.

Настасья Сергѣевна ничего не отвѣтила. Они молча дошли до дому, молча написались чаю и, не говоря другъ съ другомъ, легли спать. Въ первый разъ между ними произошло недоразумѣніе. Хмуровъ быстро заснулъ, а Настасья Сергѣевна еще долго, лежа на спинѣ, смотрѣла широко раскрытыми глазами въ темноту ночи, думая о прошедшемъ днѣ:

„Чтѣ же будетъ дальше“, думала она, „если теперь уже до такой степени взволновался! Это онъ на данное обѣщаніе сердится. Можетъ-быть правъ Зыбинъ, что я дурно сдѣлала. Но что-же дѣлать, чтѣ дѣлать?“ И она продолжала думать, упорно смотря въ темноту ночи.

— Нѣтъ, я права, наконецъ прошептала она.

Хмуровъ былъ мраченъ и на другой, и на третій день; на службѣ онъ угрюмо занимался своимъ дѣломъ, набѣгая Славина и Зыбина; дома нехотя разговаривалъ съ женою, притворяясь занятымъ книгою, газетою или безцѣльнымъ главнѣишемъ въ окно на улицу.

Настасья Сергѣевна старалась показать видъ, что не замѣчаетъ его настроенія, но въ душѣ страдала и готова была освободить его отъ даннаго ей слова. Но Хмуровъ мало-по-малу успокоился. Благоразуміе одержало верхъ.

„И безъ всякаго слова не пошелъ-бы“, думалъ онъ, — „и такъ 15 рублей проигралъ, осталось 45 рублей; изъ нихъ 19 за квартиру, да Матренѣ 4 рубля, за чай, да сахаръ 5 рублей, — остается на мѣсяцъ 17 рублей, изъ чего тутъ играть?“ вздохнулъ онъ и въ этотъ день ласково заговорилъ съ женою.

— Поганья скачки! сказалъ онъ, — съ того дня ты все хмуришься!

Настасья Сергѣевна улыбнулась и подошла къ нему.

— Ты хмурился, а не я, обняла она его.

— Я немного, Настя; неприятно, что проигралъ! сознался онъ.

— Что-же изъ этого? весело сказала она, — радуйся, что только пятнадцать, вонъ несчастный Барсовъ навѣрное все тамъ оставилъ.

— Не скажи, Настя, серьезно сказалъ онъ, — можно много выиграть, можно состояніе сдѣлать...

Лицо Настасьи Сергѣевны стало опять печально.

— Я знаю, что ты проигралъ, проигралъ и Славинъ, и Барсовъ, и всѣ вы, сказала она.

— Что-же, если не везетъ?

— Ахъ, оставь это, мнѣ тяжело тебя слушать.

— Ну хорошо, хорошо, довольно! обнялъ онъ ее, — теперь я здоровъ, вылѣчился! засмѣялся онъ и сталъ цѣловать ее.

— А правда, я думала, что ты захворалъ, счастливо улыбнулась она, жмурясь отъ его поцѣлуевъ.

— Въ родѣ этого, задумчиво сказалъ онъ.

Миръ снова водворился между ними.

— Въ это воскресенье не буду на скачкахъ, сказалъ Хмуровъ Славину и улыбнулся, увидѣвъ его изумленіе.

— Отчего?

— Все проигрываю, денегъ нѣтъ. И надоѣло! прибавилъ онъ съ напускнымъ равнодушіемъ.

Славинъ развелъ руками.

— А я не могу такъ. Меня тянетъ-тянетъ, и я не могу не пойти! Молодецъ вы! окончилъ онъ съ завистью.

— Неужто совсѣмъ? усмѣхнулся Зыбинъ, услыхавъ его рѣшеніе.

— Совсѣмъ, улыбнулся Хмуровъ.

— Вотъ хвалю! съ чувствомъ пожалъ Зыбинъ ему руку и потомъ прибавилъ: — золото у васъ, а не жена!

Хмуровъ повидимому успокоился, но чѣмъ ближе подходило воскресенье, тѣмъ онъ началъ сильнѣе волноваться, а когда наконецъ оно наступило, Хмуровъ не находилъ себѣ мѣста. По мѣрѣ того какъ часовая стрѣлка приближалась къ тремъ четвертямъ перваго, онъ ощущалъ все сильнѣйшее желаніе ѣхать. Онъ замиралъ въ ожиданіи, что вотъ сейчасъ уйдетъ безъ него поѣздъ, и едва удержался, чтобы не спросить у жены денегъ. Стрѣлка подошла къ часу, и онъ немного успокоился. Жена сидѣла у окна и шила; онъ лежалъ на диванѣ, читалъ книгу. Часы звонко пробили два раза.

— Пошли! сказалъ Хмуровъ и глубоко вздохнулъ.

— Кто? подняла глаза отъ шитья Настасья Сергѣевна.

— Лошади пошли! объяснилъ Хмуровъ и, не въ силахъ преодолѣть волненія, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— А, лошади! усмѣхнулась Настасья Сергѣевна, и опять замелькала иголка.

Хмуровъ перенесся мыслью въ Петергофъ. Онъ видѣлъ, какъ скачутъ лошади, какъ одушевляется толпа; шумъ, движеніе, большія выдачи тотализатора — и волновался все сильнѣе и сильнѣе.

— Скоро у насъ обѣдъ будетъ? съ раздраженіемъ вдругъ обернулся онъ къ женѣ.

— Я думала, еще рано, подняла она глаза.

— Думала, думала! повторилъ Хмуровъ.

Та пожалла плечами, спокойно встала, сложила работу и пошла распорядиться.

„Можетъ сегодня-бы счастливо игралъ“, думалъ за обѣдомъ Хмуровъ, со злобою отламывая кусокъ хлѣба.

— Разбуди меня въ 7 часовъ, рѣзко сказалъ онъ женѣ, вставая изъ-за стола, и пошелъ въ спальню.

Заснуть онъ сразу не могъ. Онъ долго ворочался съ боку на бокъ, злясь, что не присутствуетъ на скачкахъ.

„Взять-бы пять рублей и могъ-бы играть“, думалъ онъ теперь.

Настасья Сергѣевна молча убрала со стола и сѣла опять къ окошку за работу.

— „Что-же это? опять съ нимъ началось?“ думала она, все ниже наклоняясь къ шитью, и по ея губамъ скользнула горькая усмѣшка, — „развѣ его удержишь?“

Прошло 7 часовъ. Хмуровъ быстро всталъ съ постели.

— Просилъ разбудить и не могла! съ упрекомъ вышелъ онъ изъ спальни.

— Да вѣдь ты всталъ? удивилась она.

— Всталъ, а если-бы спалъ еще? вспыхнулъ онъ.

— Ну, тогда-бы я разбудила, спокойно отвѣчала жена.

— Разбудила-бы, повторилъ онъ и пошелъ въ переднюю.

— Я къ чаю приду, послушался его голосъ.

— Ты куда? спросила Настасья Сергѣевна.
Онъ опять разсердился, но, растворивъ дверь, отвѣтилъ:— къ Славину!

Онъ торопился узнать о скачкахъ.
Славины жили въ ротахъ Измайловскаго полка, на четвертомъ этажѣ огромнаго каменнаго дома.

— Во дворъ, подъѣздъ направо, показалъ метлою дворникъ дорогу Хмурову.

Тотъ пошелъ по узкой, вонючей лѣстницѣ съ желѣзными перилами.

На первой площадкѣ изъ отворенной двери валилъ на лѣстницу паръ отъ вскипяченнаго бѣлья и пахло мыльною водою; выше, надъ пролетомъ лѣстницы, растрепанная баба съ яростью колотила по периламъ флаanelовой юбкой, подымая облако пыли; на самомъ верху неистово лаяла собака.

— Здѣсь живетъ Славинъ? пошелъ въ отворенную дверь на четвертомъ этажѣ Хмуровъ.

Навстрѣчу ему выскочили два мальчишка и маленькая дѣвочка. Всѣ трое сосали конфеты, а въ рукахъ держали по прыжку.

— Здѣсь, сейчасъ вернулись, вышла грязная кухарка и, замахнувшись рукою на ребятъ, крикнула:— пошли въ комнаты!

— Пана на скачкахъ выигралъ! пролетела дѣвочка, вышмякая изо рта конфетку и убѣгая въ комнаты.

— Кто тамъ? раздался изъ комнатъ голосъ Славина.

— Я, Хмуровъ! отвѣтилъ Хмуровъ, снимая пальто.

— А! Алексѣй Константиновичъ, идите сюда, здравствуйте, батенька!— и въ переднюю выскочилъ Славинъ безъ скуртука и на босу ногу.

(Продолженіе будетъ).

Литературно-критическія миниатюры.

Драматическія произведенія Пушкина.

Драма считается высшимъ родомъ словеснаго искусства. И мнѣніе это вполне основательно. Въ романѣ, въ повѣсти, и вообще во всякомъ другомъ литературномъ произведеніи авторъ обладаетъ многочисленными и разнообразными средствами передать читателю свою мысль и разъяснить характеръ дѣйствующаго лица. Если воображеніе автора не даетъ образа, выражающаго его мысль, онъ можетъ сказать ему эту мысль просто, ослабивъ этимъ, но не уничтоживъ ея силу; если ему не удастся *изобразить* характеръ дѣйствующаго лица, представить его въ дѣйствіи, онъ можетъ предложить читателю свое пониманіе этого характера въ формѣ весьма прозаическаго разъясненія, не нарушая тѣмъ силы и значенія своего произведенія. То, чтѣ происходитъ въ душѣ дѣйствующаго лица, черты его душевной жизни, въ повѣсти или романѣ преимущественно разъясненіями и передается, да въ большинствѣ случаевъ и не можетъ быть иначе передано: авторъ просто говоритъ, что такое-то дѣйствующее лицо чувствовало то-то и то-то, испытывало такіа-то мысли, имѣло такіа-то намѣренія и желанія. Совершенно иныя условія представляетъ произведеніе драматическое. Въ немъ авторъ стѣсненъ самою формою его, въ его распоряженіи—только разговоры самихъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ дѣйствія въ данный моментъ. Здѣсь авторъ уже не можетъ, для объясненія свойствъ дѣйствующаго лица, сослаться на его

прошлое, на разныя постороппія данному моменту обстоятельства,—все должно быть включено здѣсь въ *дѣйствіе*, происходящее передъ глазами зрителя (или читателя). Въ драмѣ, въ комедіи, въ трагедіи—нѣтъ ничего, кромѣ настоящаго момента, и если авторъ вынуждается познакомить зрителя съ обстоятельствами посторонними, то можетъ сдѣлать это не иначе, какъ въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ, причемъ онъ ежеминутно рискуетъ впасть въ неестественность,—въ то, что разъясненіе этихъ обстоятельствъ будетъ казаться некстати вложеннымъ въ уста дѣйствующаго лица. Характеры дѣйствующихъ лицъ здѣсь выражаются уже съ гораздо большею трудностью, преимущественно въ ихъ рѣчахъ, и потому каждое слово, сказанное персонажемъ, должно быть вѣвѣшено авторомъ. Въ драмѣ нельзя, напр., сказать, что такое-то дѣйствующее лицо—человѣкъ мнительный, самолюбивый и т. п., а нужно, чтобы мнительность и самолюбіе эти ясны были изъ словъ и поступковъ его. Драматическое произведеніе имѣетъ цѣлюю изобразить жизнь такъ, какъ она происходитъ въ дѣйствительности, какъ она совершается *передъ глазами* наблюдателя. Но только въ сценахъ дѣйствительности многое можетъ оставаться для вѣсь непонятнымъ, необъясненнымъ; а въ драмѣ дѣйствительность должна быть скомбинирована такимъ образомъ, чтобы не только въ ней не оставалось чего-нибудь недоговореннаго, но чтобы тай-

Къ нашимъ читателямъ.

При слѣдующемъ № 44 „НИВЫ“ будетъ разослана

ВТОРАЯ ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ

БОЛЬШОЙ ТОМЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

содержащій въ себѣ слѣдующія произведенія:

„ЗАГОВОРИЛО“, рассказъ Вас. И. Немировича-Данченко.

„МНИМАЯ ЛЮБОВЬ“, романъ кн. М. Н. Волконскаго.

„ЛІЗОЧКА“, посмертная повѣсть Н. Морскаго (Н. Н. Лебедева).

„ЕГО МАТЬ“, повѣсть Эммы Виттеманъ, переводъ С. Никитенко.

Въ прошломъ году, въ видѣ опыта, мы приложили къ «Нивѣ» небольшой томикъ рассказовъ, оригинальныхъ и переводныхъ, рассчитывая преимущественно на тѣхъ подписчиковъ, которые предпочитаютъ литературныя приложенія живописнымъ. Блестящій успѣхъ этой книжки побудилъ насъ не останавливаться на этомъ пути. Постоянно заботясь прежде всего о расширеніи нашего журнала въ интересъ нашихъ подписчиковъ, мы рѣшились въ нынѣшнемъ году на значительную жертву въ этомъ направленіи и, независимо отъ разосланной уже главной преміи, картины проф. Орловскаго, прилагаемъ нынѣ, **СВЕРХЪ ОБЪЯВЛЕННАГО, ВТОРУЮ ГЛАВНУЮ ПРЕМІЮ**: большой томъ литературнаго сборника (стоющій въ отдѣльной продажѣ 2 руб.), заключающій въ себѣ **ОКОЛО 500 СТРАНИЦЪ ИНТЕРЕСНАГО ЧТЕНІЯ** и составленный изъ произведеній **ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ**.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Для удобства гг. **иногогородныхъ** подписчиковъ, при этомъ № прилагается подписной бланкъ и конвертъ съ адресомъ редакціи, для **заблаговременнаго возобновленія ПОДПИСКИ** на журналъ „Нива“ въ **1890** году.

Памятникъ Гейбелю въ Любекѣ. Рис. Кольбъ, грав. Кюссъ.
Библиотека "Руниверс"

ный смысл явлений действительности, ея „идеи“, смотрѣли изъ нея. Ясно, какъ много силы таланта, воображенія, какъ много обдуманности, знанія жизни, пониманія ея—нужны для созданія истинно-художественнаго драматическаго произведенія.

Необходимо, однако, сказать слѣдующее. Трудность созданія истинно художественныхъ драматическихъ произведеній стоитъ въ непримиримомъ противорѣчьи съ современнымъ развитіемъ театровъ, съ ихъ постоянною потребностью все въ новыхъ и новыхъ пьесахъ. И, какъ извѣстно, театральныя пьесы, ежедневно появляющіяся,—огромное множество. Легкость, съ которой онѣ производятся, повидимому, не свидѣтельствуемъ о какихъ либо трудностяхъ. Но пьесы, назначаемыя для театра, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не принадлежатъ не только къ художественнымъ произведеніямъ, но даже и вообще къ литературѣ. Авторы ихъ обыкновенно не заботятся о созданіи типовъ, характеровъ, а придумываютъ только извѣстные положенія и столкновенія обстоятельствъ, которымъ и придаютъ форму удобную для сцены. Въ подобныхъ пьесахъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, т. е. главное въ драматическомъ произведеніи, не только совершенно безцвѣтны и незначительны; характеровъ, поэтому, нѣтъ, о типѣ авторы и не заботятся. Въ нихъ—все возлагается на актеровъ, которымъ самую безцвѣтностью дѣйствующихъ лицъ дается широкій просторъ въ изображеніи на сценѣ. И хорошій актеръ, знаяжизнь, можетъ придать живую физіономію совершенно мертвому лицу, поставленному въ пьесѣ. Такія чисто театральныя произведенія очень удобны для обычныхъ представленій; художественная пьеса требуетъ, чтобы актеръ передалъ мысль автора, изобразивъ характеръ даннаго имъ, а это гораздо труднѣе, чѣмъ играть по своему усмотрѣнію роль, которую авторъ оставилъ недостаточно опредѣленною. Но, повторяемъ, подобныя пьесы принадлежатъ театру, а не литературѣ, и напротивъ, есть много высоко-художественныхъ драматическихъ произведеній, которыя на сценѣ мало удобны; таковы, напр., „Фаустъ“ Гёте, и таковы, нужно сказать, и все драматическія произведенія Пушкина.

Пушкинъ былъ приведенъ къ мысли создать нѣсколько драматическихъ произведеній прежде всего изученіемъ Шекспира, этого величайшаго представителя драматической поэзіи, соединяющаго въ себѣ гениальный умъ съ гениальнымъ художественнымъ талантомъ и давшаго рядъ столь удивительныхъ произведеній, глубокихъ и поучительныхъ какъ сама жизнь. Самъ Пушкинъ писалъ, что „изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало ему мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи“, и въ 1825 году онъ написалъ своего „Бориса Годунова“. Произведеніемъ этимъ онъ былъ доволенъ. Убѣжденный, что публикою оно понято не будетъ, Пушкинъ съ „отращеніемъ рѣшался выдать его въ свѣтъ“, но могъ сказать, что „c'est une oeuvre de bonne foi“. „Писавшая мною въ строгомъ уединеніи—говоритъ онъ—вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постоянного труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновеніемъ, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены все усилія...“ „Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богаты!.. Труды мои были ревностны и добросовѣстны...“

Такъ писалъ Пушкинъ, и внутреннее чувство не обманывало его,—„Борисъ Годуновъ“ былъ свидѣтельствомъ зрѣлости и высокой серьезности его таланта. И то, что онъ сказалъ объ этомъ великомъ произведеніи своемъ, есть дѣйствительная и лучшая характеристика. Въ немъ мы находимъ и „великое и широкое изображеніе характеровъ“, подобное Шекспировскому, и „необыкновенное составленіе типовъ“, и поистинѣ гениальную „простоту“, и „свѣтлое развитіе происшествій“, и „образъ мыслей, и языкъ, угаданный по лѣтописямъ“. Достаточно остановиться на одномъ типѣ лѣтописца, всѣмъ своимъ недолгимъ присутствіемъ въ пьесѣ ярко освѣтившемъ цѣлую огромную сторону тогдашней (да частію и теперешней) русской жизни. Онъ пишетъ „еще одно, послѣднее сказанье“, видя въ этомъ „долгъ, завѣщанный отъ Бога“, и его цѣли, его надежды въ томъ исключительно, что

Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, *безыменный*;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И пылъ вѣковъ отъ хартий *отряхнувъ*,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминають...“

Къ рисункамъ.

Бракосочетаніе Лже-Дмитрія I съ Мариною Мишель, въ Москвѣ. (Современная картина).

(Рис. на стр. 1060 и 1061).

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, Государемъ Пслѣднимомъ

Какія простыя, и въ то же время характерныя, многозначительныя слова! Въ нихъ Пушкинъ собралъ черты, лѣтвившія его въ старыхъ лѣтописяхъ; „умилительная простота, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, совершенное отсутствіе суетности“—вотъ, по словамъ Пушкина, что составляетъ самыя существенныя свойства изображеннаго имъ лѣтописца, какъ и всѣхъ вообще русскихъ „драгоценныхъ памятниковъ времени давно минувшихъ“. И это сложное душевное содержаніе исчерпано Пушкинымъ въ немногихъ строкахъ рѣчи лѣтописца, раздумчиво бесѣдующаго съ собою надъ своимъ трудомъ. Нужно было глубоко заглянуть въ душу человѣка другаго времени, чтобы создать такую простую и величавую сцену. Пушкинъ, конечно, изображаетъ время самозванцевъ такъ, какъ его можно было понимать *тогда*, при тогдашнемъ состояніи исторической науки; мы можемъ теперь нѣсколько иначе понимать, по крайней мѣрѣ, частности тѣхъ событій, иное нѣчто видѣтъ въ самозванцѣ,—но художественной, психологической смыслъ произведенія Пушкина отъ того не измѣняется и не умалется.

Большая или меньшая степень совершенства изображенія присуща и всѣмъ характерамъ дѣйствующихъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ лицъ. Не сценическія достоинства составляютъ главное въ „трагедіи“ Пушкина; едва-ли на сценѣ могли-бы производиться то же впечатлѣніе эти исполненныя мысли, требующія строгаго вниманія рѣчи дѣйствующихъ лицъ, по которымъ можно изучать душу человѣка. Но именно то, что составляетъ и высокое совершенство, и трудность драматическаго произведенія—полное и ясное отраженіе душевныхъ свойствъ множества разнообразныхъ лицъ въ ихъ рѣчахъ, присутствуетъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ въ поражающей степени.

„Борисъ Годуновъ“, какъ извѣстно, въ сущности единственное цѣлое драматическое произведеніе Пушкина. Впослѣдствіи (1830—1832) Пушкинымъ написано нѣсколько драматическихъ вещей, или отрывочныхъ, или неоконченныхъ. Но ихъ внутреннее достоинство такъ необычайно велико, что они, напр. „Скуной рыцарь“, не уступаютъ „Борису Годунову“. Прочтите первую же сцену этого удивительнаго созданія гения. Вся борьба разнообразныхъ чувствъ рыцаря, угнетаемаго болѣзненною скупостью отца, съ такою полнотою проходитъ передъ вами, что кажется, вы давнымъ-давно знаете его, понимаете его прошлое, не ошибетесь въ его будущемъ. Въ одномъ монологѣ онъ все выдаетъ вамъ, всю свою благородную душу съ ея отвращеніемъ къ низости и вынужденной мелкой заботѣ о шлемѣ, конѣ—о деньгахъ вообще, какъ источникѣ всего этого. А монологъ отца его въ подвалѣ, передъ открытыми сундуками золота! Душа скунца, въ ея мельчайшихъ изгибахъ, вся раскрывается передъ вами. Нѣтъ ничего поучительнѣе художественнаго созданія, отражающаго съ такою полнотою душу человѣка въ ея разнообразныхъ проявленіяхъ.

Сказанное нами о совершенствахъ вышеназванныхъ драматическихъ произведеній Пушкина, вполнѣ примѣнимо къ другимъ, изъ которыхъ каждое, однако, отличается своеобразностью удивительною и по формѣ, и по содержанію. Пушкинъ беретъ картины душевной жизни изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ. Въ „Моцартъ и Сальери“ изображается зависть таланта къ гению, доводящая до преступленія; въ „Пиръ во время чумы“ передъ читателемъ страшная картина вышнлаго разгула, которымъ люди хотятъ прикрыть и отъ себя, и отъ другихъ чувства страха и отчаянія, вызываемыя близкою, даже обратившеюся въ привычку, опасностью смерти; въ „Русалкѣ“ изображена такая трогательная и трагическая картина любви и гибели отъ нея, а съ другой стороны—мученій преступной совѣсти, и т. д. Даже въ прозаическихъ „Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ“, необработанныхъ и отрывочныхъ, драматическій гений Пушкина сказанъ съ великою силой въ томъ смыслѣ, что при чтеніи этихъ сценъ читатель охватываетъ духъ средневѣковыхъ рыцарскихъ временъ съ ихъ оригинальными доблестями и своеобразными жестокими пороками.

Если въ „Скупомъ рыцарѣ“, въ „Сценѣ изъ Фауста“, въ „Пирѣ во время чумы“, въ „Моцартъ и Сальери“, въ „Каменномъ гостѣ“ и пр. гений Пушкина развертываетъ свои силы въ смыслѣ проникновенія въ душу человѣка вообще, изображенія общечеловѣческихъ душевныхъ свойствъ; то, скажемъ въ заключеніе, въ „Борисѣ Годуновѣ“ и въ „Русалкѣ“ отражается преимущественно русская душа, русскій народъ, въ лѣтописной стариинѣ; въ первомъ произведеніи—въ его исторической дѣятельности, а въ послѣднемъ—въ его будничной дѣйствительности. И то, и другое произведеніе должны быть изучаемы съ указываемою точкою зрѣнія,—въ нихъ средство и источникъ проникновенія въ родную духовную дѣйствительность.

Арс. Венедикцій.

вѣка. Картины—различныя по величинѣ и формату—представляли собою сцены изъ воцаренія въ Москвѣ Лжедмитрія I, его торжественный вѣздъ въ первопрестольную столицу, его вѣнчаніе на царство и бракосочетаніе съ Мариною Мнишекъ. На двухъ, меньшихъ картинахъ, изображены—портретъ Лжедмитрія и портретъ Марины, но въ нихъ признакамъ схожіе и притомъ писанные бойкою, умѣлою кистью. Надписи, помѣщенные, по обычаю времени, въ медальонахъ на самомъ полѣ картины, указываютъ на то, что картины были писаны въ 1606 г.; а подробности, обозначенныя на картинахъ, изображаютъ въ живописцѣ современника, хотя и иноземца, по довольно близко знакомаго съ нравами и обычаями Московіи, а главное—очевидца событий... Эти драгоцѣнныя приобрѣтенія, сильно пострадавшія отъ времени и вслѣдствіе невзгодъ (картины были отсканы на чердакѣ, покрытыя толстымъ слоемъ грязи и птичьего помета), были тщательно очищены и реставрированы извѣстными братьями Сидоровыми—художниками-реставраторами Императорскаго Эрмитажа. Тогда-же Государю Наслѣднику благоугодно было дать разрѣшеніе сотруднику нашему—П. Н. Полевому—снять копію съ портретовъ Лжедмитрія и Марины въ съ огромной картины ихъ бракосочетанія. Эти копіи были художественно выполнены фотографомъ Императорской Академіи Наукъ В. Класеномъ. Одну изъ нихъ мы и прилагаемъ въ нынѣшнемъ № *Новыя*.

По особенно-счастливой случайности, отъ Смутнаго Времени, въ числѣ актовъ, сохранился, довольно-большой „отрывокъ брачнаго обряда“, какъ онъ былъ совершенъ при Лжедмитріевой свадьбѣ. Этотъ драгоцѣнный отрывокъ даетъ намъ полную возможность—пояснить подробности любопытной исторической картины, которая живо возстановляетъ передъ нами отдаленную старину. Все поле картины искусственно подраздѣлено художникомъ на двѣ неровныя половины плоскою полуколовною. По лѣвую сторону отъ этой полуколовны изображено торжественное шествіе Лжедмитрія и Марины изъ дворца въ Успенскій соборъ. По правую сторону—главный сюжетъ картины: коронаваніе Марины во время бракосочетанія въ соборѣ. Въ первой половинѣ картины мы видимъ, какъ поѣздъ новобрачныхъ выходитъ изъ дверей дворца и идетъ по богатымъ узорчатымъ коврамъ черезъ дворцовый государевъ дворъ къ Успенскому собору. Впереди идутъ поѣзжане изъ знатнѣйшихъ бояръ, въ богатѣйшихъ золотыхъ и парчевыхъ кафтанахъ и высокіхъ боярскихъ шапкахъ; за поѣзжанами слѣдуютъ рынды съ золочеными топорами на плечахъ. За рындами идетъ государевъ дружка, съ мечемъ въ правой рукѣ,—тотъ самый дружка, который обязанъ былъ, по древнему русскому обычаю, цѣлую ночь ѣздить подъ окнами опочивальни новобрачныхъ, на конѣ, съ обнаженнымъ мечемъ, „для береженія“. За дружкой слѣдуетъ самъ Лжедмитрій, поддерживаемый подъ правую руку тестемъ своимъ, воеводою Сендомирскимъ, Юріемъ Мнишкомъ; а по лѣвую руку отъ Лжедмитрія идетъ *тысяцкій свадебный*—князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Лжедмитрій идетъ въ царскомъ вѣнцѣ на головѣ, такъ какъ онъ былъ коронованъ почти за годъ до своей свадьбы; а Марина, слѣдующая за Лжедмитріемъ, идетъ безъ вѣнца, такъ какъ ей предстояло короноваться въ соборѣ, во время бракосочетанія. Подъ лѣвую руку ведетъ Марину боярыня, супруга князя Федора Мстиславскаго. Изъ-за Марины видна фигура мужчины, въ польской одеждѣ; вѣроятно—это братъ Марины, одинъ изъ сыновей воеводы Мнишка. По обѣ стороны свадебнаго поѣзда идутъ богато-одѣтые государевы гѣлохранители—его дворцовая стража, набранная изъ поляковъ и иноземцевъ. „Рыцари и драбанты со своими капитанами“—какъ сказано въ описаніи брачнаго обряда—стоятъ по обѣ стороны двора, въ богатомъ вооруженіи, со знаменами и значками. Около нихъ, въ правомъ углу картины, помѣстились думные дворяне и дѣяки.

Въ правой половинѣ картины изображено коронаваніе Марины. Лжедмитрій и она—сидятъ на особыхъ „стульцахъ“, на „чертожномъ мѣстѣ“, обитомъ багрецовыми сукнами и устланномъ коврами. По правую руку отъ Лжедмитрія стоятъ главные его поѣзжане—тысяцкій и дружка; по лѣвую сторону отъ Марины—ея отецъ и двое братьевъ; за ними помѣщаются бояре и „принтели“ (т. е. свита) воеводы Сендомирскаго. Четверо рынды и прочіе поѣзжане помѣщены живописцемъ передъ чертожнымъ мѣстомъ. По правую руку отъ Лжедмитрія, за дружкой и тысяцкимъ, виденъ протопопъ соборный съ крестомъ; еще правѣе—духовная власть и боярыни. Между Лжедмитріемъ и Мариною помѣщенъ патриархъ, возлагающій на главу Марины царскій вѣнецъ. Тутъ живописецъ нѣсколько отступилъ отъ истины, вѣроятно, изъ желанія польстить Мнишкамъ. По сохранившемуся намъ описанію, извѣстно, что Лжедмитрій и Марина *не сидѣли, а стояли* во время возложенія на Марину царскаго вѣнца, который поднесли патриарху митрополитъ Ростовскій и Новгородскій. Извѣстно также, что, во время поднесенія царскаго вѣнца, „свахи государыни“ свили съ нея вѣнецъ вѣнчалный и „на время призакрыли ее покровцами визанными“. И только уже послѣ возложенія вѣнца царскаго и благословенія Марины митрополитами, государь, принявъ государыню за правую руку, „посади ея и самъ сѣлъ“. Очевидно, что этотъ сложный и трудный моментъ былъ упрощенъ художникомъ и представленъ такъ, какъ ему было легче и

удобнѣе, по его художественнымъ воззрѣніямъ. Точно такъ же поступилъ онъ и по отношенію къ русскимъ одеждамъ, и по отношенію къ архитектурѣ дворцовыхъ зданій и той церкви, которая видна изъ соборнаго (очень большаго) окна, направо отъ Лжедмитрія. Но эти небольшія неточности—быть-можетъ даже и невольныя—ни мало не уменьшаютъ достоинствъ картины, которая принадлежитъ несомнѣнно къ числу драгоцѣнныхъ нашихъ историческихъ памятниковъ.

Надпись, помѣщенная въ медальонѣ, на самой серединѣ картины, гласитъ по-латыни:

„Марія Мнишкова, Георгія изъ Великихъ Кончицъ Мнишка—воеводы Сендомирскаго—дочь, супруга-же Дмитрія Императора Московскаго, коронуется Императрицею Московскою чрезъ архіепископа греческаго закона, въ городѣ Москвѣ, столицѣ Московитской Имперіи, въ присутствіи посла Польскаго короля, Николая Олесницкаго, въ 1606 году“.

Послѣдній красный денекъ. (Рис. на стр. 1065).

На прощанье предъ долгой разлукой, золотое солнышко илетъ дремучему лѣсу послѣдніе теплые лучи. Неподвижно и величаво стоитъ онъ въ своемъ осеннемъ уборѣ. Золотомъ и рубиномъ теперь переливается его нарядъ. Точно золотые мотыльки, кружатся въ воздухѣ опадающіе листья. Изъ-подъ ковра ихъ едва примѣтна кое-гдѣ еще зеленая мурава, вся усыпанная блестящею обильною росой. Тихая грусть о минувшемъ нисколько заградывается въ душу при видѣ умирающей природы, но нѣтъ силъ уйти отъ нея въ тихій и солнечный осенній денекъ.

Литературный альбомъ. „Тартюфъ“ Мольера.

(Рис. на стр. 1068).

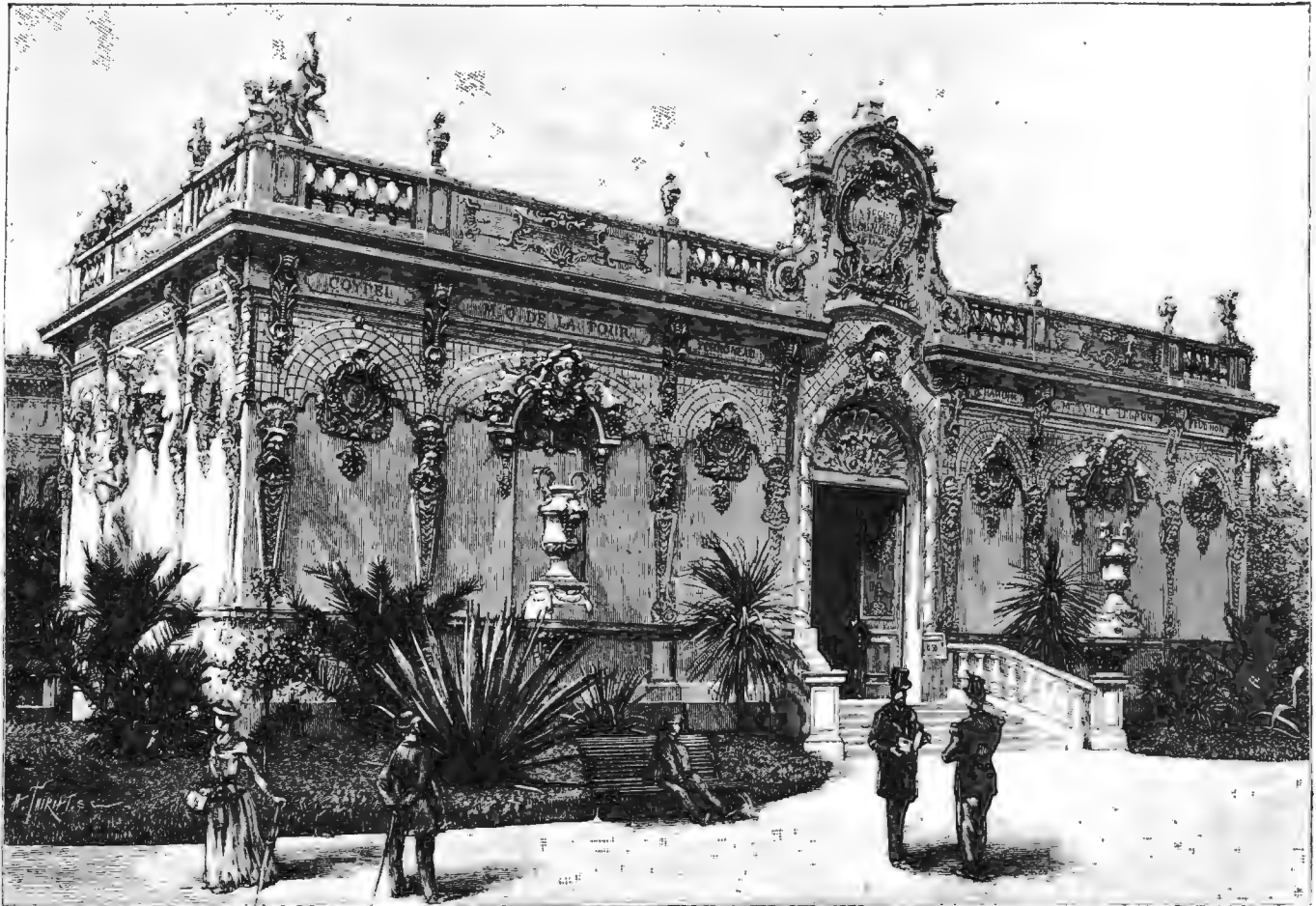
Имя Мольера извѣстно всему образованному міру. Первый и едва-ли не величайшій творецъ новѣйшей комедіи, онъ писалъ въ славный вѣкъ Людовика XIV. Въ его произведеніяхъ мы встрѣчаемъ не только тонкое чувствованіе смѣшнаго, схватывающее смѣхотворную сторону лицъ и вещей, которымъ блестящее драматическое воображеніе сумѣло придать жизненность, но и увлекательный слогъ, и глубокой, можно сказать, философскій взглядъ на жизнь, во всѣхъ ея хитросплетеніяхъ, среди которыхъ авторъ искусно отличалъ и выбиралъ истинный двигатель дѣйствій и создавалъ типы.

Сынъ королевскаго обойщика, благодаря замѣтному влеченію къ наукамъ, Покеленъ, какъ его въ дѣйствительности звали, былъ отданъ въ Клермонтскую коллегію и позже, подобно Корнелю, сталъ адвокатомъ (1645 г.). По любви къ театру сбѣжала изъ него актера, а затѣмъ и писателя-драматурга. Подъ именемъ Мольера, которое стало теперь знаменитымъ, Покеленъ съ 1646 по 1658 годъ развѣзжалъ по провинціи съ труппою актеровъ, разыгрывавшихъ преимущественно его пьесы. По возвращеніи въ Парижъ, его поэтическая дѣятельность еще болѣе расширилась, и имъ написано до 30 произведеній, въ которыхъ Мольеръ преимущественно самъ исполнялъ главныя роли. Изъ нихъ наиболее совершенными и извѣстными считаются „Мизантропъ“, „Ученыя женщины“ и „Тартюфъ“. Послѣдняя комедія, по словамъ самого Мольера, вызвала особенно много шума и была долго преслѣдуема, по той причинѣ, что лица, которыя были выведены въ комедіи, оказались болѣе сильными во Франціи, чѣмъ всѣ тѣ которыхъ до того изображалъ Мольеръ въ своихъ комедіяхъ. „Маркизы, доктора, обманутые мужья, кокетки—всѣ они молчали, когда ихъ выводили на сценѣ. Казалось, они забавлялись вмѣстѣ съ другими зрителями, видя какъ я ихъ изображалъ. Но лица мои не захотѣли выслушивать насмѣшекъ“. Трижды приходилось бѣдному Мольеру обращаться къ королю за заступничествомъ и съ ходатайствомъ, чтобы „Тартюфъ“ могъ быть безрешительно поставленъ на сценѣ. Нашъ рисунокъ на стр. 1068 передаетъ одну изъ сценъ безсмертной комедіи, гдѣ ханжа и лицецѣрь Тартюфъ, по собственнымъ его словамъ „все-таки человекъ изъ тѣла и костей“, объясняется въ горячей любви Эльмиръ, супругѣ своего „брата“, какъ онъ называетъ Оргона, въ домѣ котораго онъ вѣнчалъ пріютъ и покой.

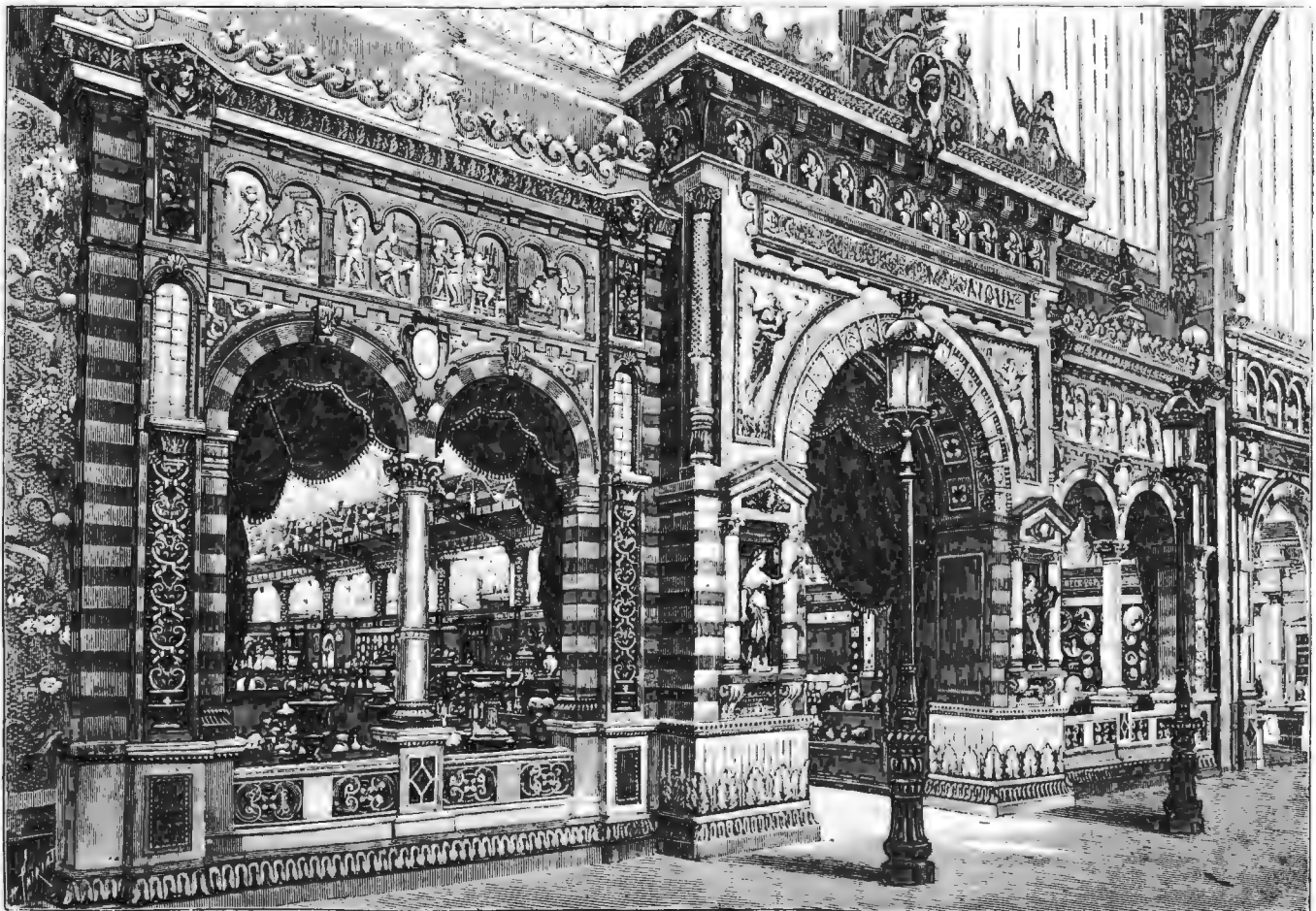
Новое зданіе Сорбонны. (Рис. на стр. 1069).

Именемъ Сорбонны въ старину въ Парижѣ называли богословскій факультетъ и зданіе, гдѣ онъ помѣщался. Вначалѣ это было общежитіе для студентовъ-богослововъ, основанное въ XIII вѣкѣ Робертомъ изъ Сорбонны, ученымъ докторомъ и канцеляромъ Людовика IX. Съ XIV по XVII вѣкъ Сорбонна гремѣла по всему просвѣщенному міру и имѣла рѣшающую роль во многихъ богословскихъ спорахъ. Въ началѣ XVII вѣка, при Ришелье, Лемерсье перестроилъ Сорбонну, послѣ чего самый характеръ ученаго учрежденія также нѣсколько измѣнился. Но коренное преобразование Сорбонны произошло во времена революціи, и въ 1808 году сорбоннскія зданія были переданы университету. Постоянно расширявшемуся кругу дѣятельности университета не соответствовала тѣснота Сорбонны и уже давно ощущалась потребность передѣлать и расширить ея зданія.

Для новаго зданія Сорбонны былъ объявленъ конкурсъ французскихъ архитекторовъ въ апрѣлѣ 1882 года. Въ числѣ условій поставлены были не только увеличеніе помѣщенія и перестройка

Парижская всемирная выставка 1889 г. Павильонъ пастельныхъ живописцевъ. Фотохемиграфия Яблонскаго въ СПб.

Парижская всемирная выставка 1889 г. Входъ въ отдѣлъ керамики. Фотохемиграфия Либманна въ СПб. Библиотека "Универс"

зданія въ границахъ имъ занимаемаго пространства, сравнительно небольшого, но и восстановление старинной Сорбонны, работы Жака Лемерсье, представлявшей замѣчательный образецъ архитектуры великаго вѣка. Въ декабрѣ того же года побѣдителемъ на этомъ конкурсѣ оказался г. Нено (Nenot). По его проекту, зданіе Сорбонны остается, за немногими измѣненіями, въ прежнемъ своемъ видѣ и новыя постройки должны быть возведены только для церкви и для помѣщенія ректора.

Наша гравюра представляетъ главный фасадъ зданія, выходящей на улицу Школъ (Rue des Ecoles). Онъ украшенъ аллегорическими изображениями и статуями, изображающими раз-

ствоvalo обогащенію его новыми познаніями, такъ что, по возвращеніи, въ 1840 году, въ Германію, онъ задумалъ было занять какое-нибудь мѣсто въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ. Между тѣмъ его поэтическія произведенія получили такое распространеніе, что онъ оставилъ всѣ научныя стремленія. Призванный въ 1851 году Максимилианомъ II въ Мюнхенъ, онъ сталъ средоточіемъ и главой того поэтическаго кружка, который собирался въ то время въ баварской столицѣ подъ высокимъ покровительствомъ короля. Послѣ смерти послѣдняго, въ 1868 г., онъ возвратился въ свой родной городъ Любекъ, гдѣ и умеръ и гдѣ ему нынѣ воздвигнутъ памятникъ.

Константинъ, наслѣдникъ прусскій, и невѣста его, принцесса Софія Прусская. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

личныя отрасли наукъ, преподаваемыхъ на обоихъ факультетахъ Сорбонны: физику, математику, географію, исторію и др. Надъ входами размѣщены гербы французскихъ городовъ, въ которыхъ, подобно Парижу, находятся высшія учебныя заведенія: Дижона, Лиона, Монпелье и т. д. Этими внѣшними знаками хотѣли выразить связь, которая должна существовать между учрежденіями, преслѣдующими одну высокую цѣль высшаго народнаго образованія. Но не только внѣшній видъ обращаетъ на себя вниманіе. Внутреннія помѣщенія замѣчательны по удобству расположенія и роскоши. На послѣднихъ ежегодныхъ выставкахъ картинъ въ Салонѣ всѣмъ посѣтителемъ памяты великолѣпныя картины, предназначенныя для Сорбонны и теперь въ ней помѣщенныя. Тамъ находятся работы Франца Фламенга, изображающія: „Вѣкъ возрожденія“, „Ришелье закладываетъ первый камень Сорбонны“ и др., а также работы де-Шаванна, Констана, Коллена и многихъ другихъ.

Нынѣ окончено около трети всѣхъ построекъ и перестроекъ, и освященіе „Новой Сорбонны“ при торжественной обстановкѣ происходило 25 іюля настоящаго года.

Памятникъ Гейбелю. (Рис. на стр. 1073).

25 марта 1884 года скончался, послѣ продолжительной болѣзни, на 69 году, Эмануилъ Гейбель, самый плодовитый, значительный и остроумный нѣмецкій лирикъ позднѣйшаго времени, чьи стихотворенія распространены въ Германіи въ сотняхъ изданій. Родившись 6 (18) октября 1815 года, въ семьѣ проповѣдника, онъ изучалъ сперва богословіе въ Боннѣ и Берлинѣ, затѣмъ принялся за классическую филологію, и благодаря поощреніямъ со стороны Шамиссо, Гауди и Франца Куглера, съ которыми онъ сблизился въ Берлинѣ, онъ началъ писать. Долголѣтнее пребываніе въ Афинахъ не мало способ-

ствовало обогащенію его новыми познаніями, такъ что, по возвращеніи, въ 1840 году, въ Германію, онъ задумалъ было занять какое-нибудь мѣсто въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ. Между тѣмъ его поэтическія произведенія получили такое распространеніе, что онъ оставилъ всѣ научныя стремленія. Призванный въ 1851 году Максимилианомъ II въ Мюнхенъ, онъ сталъ средоточіемъ и главой того поэтическаго кружка, который собирался въ то время въ баварской столицѣ подъ высокимъ покровительствомъ короля. Послѣ смерти послѣдняго, въ 1868 г., онъ возвратился въ свой родной городъ Любекъ, гдѣ и умеръ и гдѣ ему нынѣ воздвигнутъ памятникъ.

Парижская Всемирная выставка 1889 года. Павильонъ пастельной живописи и отдѣлъ керамики.

(Рис. на стр. 1076).

Архитекторъ, строившій этотъ павильонъ, Жакъ Эрманъ, началъ на счастливую мысль, украсить фасадъ его орнаментомъ, который напоминалъ бы посѣтителемъ замѣчательныхъ пастельныхъ мастеровъ прошлаго вѣка, имена коихъ и красуются на карнизѣ. Самый павильонъ выстроенъ въ стилѣ Людовика XV, котораго женственная грація какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ характеромъ выставленныхъ въ немъ произведеній. Такъ какъ освѣщается павильонъ сверху, то за отсутствіемъ оконъ, архитекторъ украсилъ фасадъ рядами плоскихъ нишъ, съ архитектурными деталями XVIII вѣка. Все зданіе выкрашено зеленою краской въ два тона, во вкусѣ Регентства.

Изображенный на рисункѣ входъ въ отдѣлъ керамики вы-

строены архитектором Марселем Делиньеромъ изъ тѣхъ самыхъ матеріаловъ, для выставки коихъ онъ предназначенъ. Это фаянсъ, полива, мозаика, терракоты матовыя и глазированные, лавы и т. п., производящія своеобразно изящный и въ высшей степени гармоничный эффектъ.

Константинъ, наслѣдный принцъ Греческій, и Софія, принцесса Прусская. (Портр. на стр. 1077).

На дняхъ состоится бракосочетаніе наслѣдника Греческаго престола, герцога Спартанскаго, съ сестрою императора Германскаго, Вильгельма II, принцессой Софіей. Высокопачеченный женихъ, сынъ короля Греческаго Георга и сурруги его Ольги Константиновны, дочери Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, родился 21 юля 1868 г. въ Афинахъ. Онъ носитъ титулъ герцога Спартанскаго, такъ много напоминающій о великомъ прошломъ Греціи. Воспитаніе молодого принца было возложено на полковника Колокотрони и доктора Людерса, известнаго филолога. Послѣ курса наукъ въ Афинахъ, проиденнаго подъ руководствомъ профессоровъ Афинскаго университета, наслѣдникъ Греческаго престола уѣхалъ въ Германію, гдѣ занимался преимущественно государственнымъ науками, исторіей и археологіей въ Лейпцигѣ. Затѣмъ, для окончанія своего военнаго образованія, онъ отправился въ Берлинъ и служилъ тамъ во 2-мъ гвардейскомъ полку.

Принцесса Софія Прусская, вторая сестра императора Вильгельма II, на два года моложе своего жениха. 2 юля ей исполнилось 18 лѣтъ. Молодая принцесса была любимой дочерью своего славнаго родителя, и говорятъ, что покойный императоръ Фридрихъ III, незадолго до своей смерти, помолвилъ свою дочь съ ея нынѣшнимъ женихомъ. Дай Богъ, чтобы трогательная память объ успешнѣмъ страданіи послужила залогомъ будущаго счастья молодыхъ сурруговъ.

Бракосочетаніе ихъ будетъ отличаться небывалою роскошью и великолѣпиемъ. Вѣсковыя Афины не запомнятъ столько высокихъ гостей въ своихъ стѣнахъ. На предстоящихъ торжествахъ будутъ присутствовать наслѣдникъ Русскаго престола, Датская королевская чета, императоръ Германскій съ сурругою, вдовствующая Германская императрица съ дочерью, принцъ Вельскій съ семействомъ и множество другихъ царственныхъ особъ. О числѣ прибывшихъ гостей можно судить уже по тому, что свиту Германскаго императора составляютъ 130 человекъ.

В. Я. Буняковскій. (Портр. на стр. 1080).

Въ нынѣшнемъ году исполнилось ровно двадцать пять лѣтъ со времени занятія известнымъ математикомъ Буняковскимъ вице-президентскаго кресла въ нашей Академіи Наукъ. Это дастъ намъ поводъ познакомиться читателямъ нашихъ съ жизнью и дѣятельностью маститаго юбиляра академика, которому теперь пошелъ восемьдесятъ пятый годъ. Викторъ Яковлевичъ Буняковскій родился 4 декабря 1804 года, въ мѣстечкѣ Баръ, Подольской губерніи, Могилевскаго уѣзда, гдѣ тогда находился его отецъ, подполковникъ конно-польскаго уланскаго полка. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ сыномъ графа Горьасова, съ которымъ отправился, въ 1820 году, и за границу, сперва въ Кобургъ, гдѣ онъ бралъ частные уроки, а потомъ въ Парижъ, въ то время славившіяся своими математиками. Здѣсь онъ довершилъ специальное свое образованіе подъ руководствомъ Лапласа, Пуассона, Лежандра, Фурье, Лакруа, Біо, Араго, Гей-Люссака, Ампера, въ особенности много работая у Огюстена Коши, математика замѣчательнаго по глубинѣ и многосторонности изслѣдованій. Защитивъ двѣ диссертации по части механики и механической теоріи теплоты, въ 1824—25 гг., Буняковскій удостоенъ былъ званія бакалавра-лиценціата, а потомъ степени доктора математическихъ наукъ Парижскаго университета. Пробывъ шесть лѣтъ за границей, Буняковскій вернулся на родину и посвятилъ себя педагогической дѣятельности; сперва онъ состоялъ преподавателемъ въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ читалъ тотъ же предметъ въ Офицерскихъ классахъ и другихъ морскихъ учебныхъ заведеніяхъ, былъ наставникомъ-наблюдателемъ въ Пажескомъ корпусѣ, профессоромъ въ Горномъ институтѣ и въ институтѣ инженеровъ Путей Сообщенія и, наконецъ, въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ въ 1846 г. По отзывамъ учениковъ Буняковскаго, его преподаваніе отличалось ясностью и увлекательностью, и самъ онъ умѣлъ заслужить и уваженіе, и любовь воспитанниковъ своимъ умомъ, дарованіемъ, трудолюбіемъ, добротой и постоянною готовностью служить всѣмъ и каждому. Добросовѣстность и аккуратность его, какъ преподавателя, видна, между прочимъ, изъ того, что онъ никогда не пропускалъ ни одной лекціи, не опаздывалъ. Труднѣйшія математическія исти-

ны умѣлъ онъ передавать съ поразительною ясностью, изяществомъ изложенія заинтересовывая слушателей. Еще въ 1828 г., имѣя всего 24 года отъ роду, Буняковскій удостоился избранія въ адъюнкты Академіи Наукъ, спустя два года избранъ экстраординарнымъ академикомъ, въ 1841 г. былъ уже ординарнымъ членомъ Академіи, а съ 1864 г. состоялъ въ званіи вице-президента, оставивъ лишь въ это время преподавательскую дѣятельность. Впрочемъ уже въ 1859 г., оставивъ, по разстроенному здоровью, университетскую кафедру, Буняковскій почти исключительно посвятилъ себя кабинетнымъ занятіямъ и лишь считалъ главнымъ наблюдателемъ по преподаванію математическихъ наукъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, по смерти М. В. Остроградскаго, съ 1861 по 1863 годъ.

Учено-литературная дѣятельность Буняковскаго относится къ началу его педагогической дѣятельности. Сперва онъ помѣщалъ статьи на французскомъ языкѣ въ специальныхъ изданіяхъ, потомъ перевелъ сочиненіе Коши о дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіи, снабдивъ его своими примѣчаніями, и составилъ, по порученію министерства Народнаго Просвѣщенія, нѣсколько руководствъ для учебныхъ заведеній по своему предмету. Въ 1839 г. Буняковскій издалъ первый томъ лексикона чистой и прикладной математики, — къ сожалѣнію, по недостатку средствъ, доведеннаго лишь до буквы Д, — которымъ, по выраженію Бредихина, составилъ способствовать установленію русской математической терминологіи, давъ богатый матеріалъ для многосторонняго историческаго изученія различныхъ вопросовъ математической науки. Труды эти и послѣдующіе обнаружили обширную математическую эрудицію нашего ученаго, ясность изложенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тонкій филологическій тактъ, столь рѣдко встрѣчающійся даже у самыхъ проицательныхъ математиковъ, отличающихся глубиной воззрѣній; но настоящая известность Буняковскаго началась со времени выхода въ 1846 г. его сочиненія „Основанія математической теоріи вѣроятностей“. Этотъ трудъ его — одно изъ важнѣйшихъ и самыхъ капитальныхъ приобрѣтений русской математической литературы; до появленія этого замѣчательнаго трактата у насъ не было ни одного руководства для изученія поминутаго отдѣла математики. Буняковскій пошелъ гораздо далѣе своихъ предшественниковъ Эйлера и Гольдбаха, а также и Коши, присоединивъ новыя рѣшенія трудныхъ вопросовъ, и далъ трактату такую прекрасную форму, изящную и удобопонятную, что по сочиненію Буняковскаго, чисто специально, Гаусъ и Біенеме выучились по-русски. Буняковскій, такимъ образомъ, является первымъ изъ русскихъ ученыхъ, работавшимъ самостоятельно и плодотворно въ области теоріи чиселъ, соперничая въ своихъ изслѣдованіяхъ съ известными западно-европейскими геометрами. Обогадивъ литературу классическимъ сочиненіемъ по теоріи вѣроятностей и водворивъ эту науку у насъ, Буняковскій не ограничился чисто теоретическими изысканіями и старался приложить теорію къ практикѣ, законы ея и заключенія къ рѣшенію важнѣйшихъ задачъ нашей государственной и общественной жизни. По свидѣтельству академика Савича, къ числу замѣчательнѣйшихъ приложеній теоріи вѣроятностей принадлежатъ изслѣдованія Буняковскаго о народонаселеніи Россіи, смертности и средней продолжительности жизни людей различныхъ возрастовъ. Буняковскому принадлежитъ главная заслуга научной разработки задачъ объ русскихъ эмеритальныхъ кассахъ. Выведя въ 1869 г. эмпирической законъ о смертности, онъ тѣмъ упростилъ разрѣшеніе вопросовъ касающихся страхованія капиталовъ и пожизненныхъ доходовъ. Въ 1873—1874 гг. Буняковскій напечаталъ „Антропо-биологическія изслѣдованія и ихъ приложеніе къ мужскому населенію Россіи“, опредѣливъ различный составъ мужскаго населенія по возрастамъ, основываясь на аналитическомъ сопоставленіи метрическихъ данныхъ за послѣдніе годы; въ 1875 г., также въ „Академическихъ Запискахъ“, онъ помѣстилъ статью „О вѣроятной численности континентовъ въ русской арміи въ 1883—1885 годахъ“, которая послужила большою службою при рѣшеніи вопросовъ всеобщей воинской повинности. Буняковскому принадлежитъ множество статей въ специальныхъ журналахъ и общелитературныхъ, множество отдѣльныхъ книгъ и брошюръ. В. Я. Буняковскій за свои ученія и педагогическія заслуги былъ неоднократно награждаемъ; онъ состоитъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ. Въ 1875 и 1878 гг. праздновались юбилеи его, по случаю исполненнаго пятидесятилѣтія со времени полученія имъ степени доктора математическихъ наукъ Парижскаго университета и по поводу пятидесятилѣтія академической научной дѣятельности Буняковскаго. Не ограничиваясь строгонаучными занятіями, Буняковскій урывалъ, въ молодые годы, время для „удовлетворенія высшихъ потребностей души“, увлекался поэзіей Байрона, изъ котораго перевелъ нѣсколько стихотвореній и помѣстилъ нѣкоторые переводы въ журналахъ сороковыхъ годовъ.

П. Б.—овъ.

Политическое обозрѣніе.

Недавнее посѣщеніе Государемъ Императоромъ — императора Вильгельма вызвало цѣлый рядъ предположеній о значеніи только что совершившагося свиданія. На ряду съ сообщеніями, что встрѣча Русскаго Императора съ императоромъ Вильгельмомъ не имѣ-

ла политическаго характера, а также, что свиданіе монарховъ никакихъ политическихъ результатовъ имѣть не будетъ, какъ о томъ сообщаетъ берлинскій корреспондентъ *Journal des Débats*, — встрѣчается не мало известій, что результаты Берлинскаго

свиданія оказались гораздо важнѣе, чѣмъ можно было предполагать, и что встрѣча двухъ Императоровъ будетъ имѣть вскорѣ важныя послѣдствія, такъ какъ многочисленныя недоразумѣнія съ той и другой стороны разъяснены и въ Берлинѣ приобрѣтена увѣренность въ дѣйствительномъ миролюбіи Русскаго правительства. „Встрѣча двухъ Императоровъ, пишетъ Брюссельскій Nord, состоялась при условіяхъ, изъ коихъ можно вывести заключение, что дружескія отношенія, связывающія такъ давно Русскій и Прусскій царствующіе дома, остаются неизмѣнными. Это такой рѣшающій элементъ умиротворенія, что противъ него ничего не подѣлаютъ самые отвѣдные политическіе круги и органы печати.“ На чьей сторонѣ истина — лучше всего покажетъ время.

Проводивъ своего Вѣнченоснаго Гостя, императоръ Вильгельмъ съ императрицею отправился въ Аѳины для присутствія при бракосочетаніи своей сестры, принцессы Софіи Прусской, съ герцогомъ Спартанскимъ, наслѣдникомъ Греческаго престола. На этомъ бракосочетаніи будутъ присутствовать двадцать девять царственныхъ особъ. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ уже прибылъ въ Аѳины. 5 октября Его Императорское Высочество пріѣхалъ въѣсть съ Датскою королевскою четою въ Мюнхенъ, откуда послѣ завтрака отправился далѣе въ Бриндизи и Пирей. Въ Пирей Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ 8 октября въ 4 часа пополудни на крейсерѣ „Адмираль Корниловъ“. Греческая королевская семья на паровомъ баркасѣ вышла на рейдъ для встрѣчи Его Высочества. Принявъ на пристани привѣтствіе отъ военныхъ и гражданскихъ властей, Наслѣдникъ Цесаревичъ вскорѣ вышелъ въ Аѳины. Въ Аѳинахъ, въ пятомъ часу, пушечный салютъ возвѣстилъ о пріѣздѣ Высочайшаго Гостя. На станціи Его Высочество встрѣтили митрополитъ, министры, члены дипломатическаго корпуса и греческіе сановники. Изъ вокзала Наслѣдникъ Цесаревичъ и члены королевской фамиліи, сопровождаемые кавалерійскимъ ковоемъ, отправились во дворецъ; въ первой коляскѣ справа отъ короля сидѣлъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, а напротивъ ихъ — Греческій наслѣдникъ. Громадныя толпы народа стояли на улицахъ и привѣтствовали Высочайшихъ особъ восторженными возгласами. Вечеромъ во дворецъ былъ парадный обѣдъ, къ которому были приглашены члены русскаго посольства и русскіе флотскіе офицеры.

Черезъ 2 дня въ Аѳины прибыла послѣ полудня Датская королевская чета, и вслѣдъ за нею ожидается прибытіе императора Германскаго съ императрицею. Изъ Потсдама Германская императорская чета вышла 5 октября чрезъ Монцу въ Геную, гдѣ 9 октября императоръ Вильгельмъ перѣхалъ на броненосецъ „Kaiser“, а императрица — на яхту „Hohenzollern“, послѣ сердечныхъ прощаній съ Итальянскимъ королемъ и г. Криспи. На другой день императоръ Вильгельмъ II съ супругою отплыли въ Пирей при пушечныхъ салютахъ германской и итальянской эскадръ и флотовъ.

Въ тотъ-же день въ Берлинѣ рейхстагъ открытъ тронною рѣчью, въ которой цѣлью настоящей сессіи ставится обезпеченіе вѣншнаго и внутренняго мира. Дѣло идетъ теперь также

о содѣйствіи рейхстага усиленіемъ направленнымъ къ установленію боевой готовности арміи, для того будто-бы чтобы придать надлежащее воздѣйствіе стремленіямъ Германіи къ сохраненію мира. Въ рѣчи извѣщается о внесеніи закона касательно новаго распредѣленія арміи. Изъ этого, равно какъ изъ соотвѣтствующаго дальнѣйшаго развитія морскихъ силъ, вытекаетъ требованіе большихъ расходовъ и немалое увеличеніе матрикулярныхъ взносовъ. Далѣе объявляется о предстоящемъ внесеніи закона о социалистахъ, банковаго закона, а также проектовъ дальнѣйшихъ кредитовъ на расходы въ восточной Африкѣ и на учрежденіе колониальнаго департамента при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Затѣмъ въ тронной рѣчи выставляется на видъ, что выраженныя при открытіи послѣдняго рейхстага надежды относительно сохраненія мира не только осуществились, но, благодаря личнымъ отношеніямъ императора къ союзнымъ и дружественнымъ монархамъ сосѣднихъ государствъ, приобрѣли еще болѣе положительный характеръ. Отношенія эти послужили де къ упроченію довѣрія иностранныхъ государствъ къ искреннему миролюбію германской политики и даютъ основаніе вѣрить въ то, что въ будущемъ году миръ будетъ сохраненъ на основаніи существующихъ договоровъ.

Въ этомъ засѣданіи рейхстага князь Бисмаркъ не присутствовалъ.

За два дни до назложеннаго событія состоялось торжественное открытіе скупщины въ Бѣлградѣ. На открытіи присутствовали митрополитъ Михаилъ, высшее духовенство, регенты, министры, члены государственнаго совѣта, дипломатическій корпусъ. Тронную рѣчь прочелъ Ристичъ. Въ ней сказано, что король Миланъ отрекся отъ престола, предоставивъ странѣ новую конституцію, лучше прежняго обезпечившую права гражданъ. Страна встрѣтила отреченіе короля какъ патриотическую жертву и привѣтствовала юнаго короля по случаю его коронаціи. Далѣе въ посланіи заявлено, что Сербія при этомъ случаѣ получила доказательство благоволенія великихъ державъ, за что и изъявляетъ свою признательность. Рѣчь далѣе указываетъ на законопроектъ, которые будутъ внесены въ скупщину для достиженія сбереженій въ государственномъ бюджетѣ, для установленія правильныхъ отношеній между церковью и государствомъ, законопроектъ относительно возстановленія милиціи, съ сохраненіемъ теперешнихъ кадровъ, какъ постоянной арміи, и относительно другихъ внутреннихъ преобразованій.

За нѣсколько дней до открытія скупщины состоялось свиданіе королевы Наталіи съ сыномъ. Вслѣдствіе вѣшателства регентства и правительства, Миланъ выразилъ, 30 сентября, по телеграфу согласіе на свиданіе королевы Наталіи съ сыномъ. Тотчасъ по полученіи телеграммы король, въ сопровожденіи своего воспитателя Докича, отправился къ королеви-матери. Свиданіе состоялось въ 11½ час. утра. Въ иностранныхъ газеты телеграфировали изъ Бѣлграда, что свиданіе королевы Наталіи съ сыномъ происходило безъ всякихъ свидѣтелей, такъ какъ воспитатель короля Докичъ, по желанію королевы, удалился на время свиданія въ сосѣднія комнаты.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 6 октября, въ 10 час. 28 мин. вечера, прибыли изъ-за границы, по Варшавской желѣзной дорогѣ, въ Гатчину Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и И. И. В. Вел. Князь Георгій и Михаилъ Александровичи и Вел. Княжны Ксенія и Ольга Александровны.

— Высочайше повелѣно числящемуся по армейской кавалеріи, генералъ-майору Гельмерсену — быть попечителемъ при Е. И. В. Вел. Кн. Сергѣѣ Михайловичѣ.

— Высочайше повелѣно наложить при Высочайшемъ дворѣ трауръ на 24 дня, по случаю кончины его величества Дона-Луиса, короля Португальскаго.

Финансы.

— Государственный Контроль представилъ къ 1 октября Государственному Совѣту отчетъ объ исполненіи государственной росписи доходовъ и расходовъ за смѣтный періодъ 1888 года. Изъ отчета усматривается слѣдующее:

1) Обыкновенныхъ доходовъ (прямыхъ и оборотныхъ) поступило 898,531,000 руб., вмѣсто исчисленныхъ по росписи 854,357,000 руб., слѣдовательно, получило превышеніе въ

44,174,000 руб. Причемъ, необходимо имѣть въ виду, что въ настоящей отчетъ не введены доходы, поступившіе за счетъ росписи 1888 г. послѣ 1 января 1889 года (т. е. въ теченіе льготнаго срока).

2) Обыкновенныхъ расходовъ исполнено и предстоитъ исполнить въ счетъ росписи 1888 года 840,419,000 руб., вмѣсто назначенныхъ по росписи 853,832,000 руб. и такимъ образомъ достигнуто сбереженіе въ 13,413,000 р.

3) По обыкновеннымъ расходамъ открыто кредитовъ не предусмотрѣнныхъ въ росписи 2,886,000 р. и переведено изъ суммъ, назначенныхъ на чрезвычайные расходы, 471,000 р.; закрыто кредитовъ на 13,474,000 р. и переведено въ смѣту чрезвычайныхъ расходовъ 3,296,000 р. Недостатокъ кредитовъ по тѣмъ, которымъ смѣтамъ на упомянутую сумму 2,886,000 р. покрыты сбереженіями по другимъ смѣтамъ, вслѣдствіе чего не только не потребовалось какихъ-либо ассигнованій изъ источниковъ сверхъ росписи, но еще образовался указанный выше остатокъ въ 13,413,000 р.

4) Вмѣсто ожидавшагося по росписи избытка обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами въ 525,000 р., получился избытокъ въ 58,112,000 р. не считая

въ числѣ обыкновенныхъ доходовъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ, составившихъ 7,535,000 руб.

5) Чрезвычайныхъ ресурсовъ поступило 5,372,000 р., вмѣсто исчисленныхъ по росписи 33,725,000 р., т. е. менше на 28,353,000 р., главнѣйше вслѣдствіе того, что 25,080,000 р. отъ реализаціи 4% внутренняго займа 1887 года, помѣщенные поступленіемъ въ росписи 1888 года, дѣйствительно поступили въ 1887 году, почему и вошли въ отчетъ Государственного Контроля за 1887 годъ.

6) Чрезвычайныхъ расходовъ на устройство желѣзныхъ дорогъ и портовъ исполнено на сумму 36,848,000 р., болѣе прогнвъ назначенія по росписи (34,250,000 руб.) на 2,598,000 р., которые покрыты переводомъ кредитовъ изъ обыкновеннаго бюджета. Кредитовъ же, въ которыхъ не оказалось надобности по чрезвычайному бюджету, закрыто на сумму 227,000 руб., — и

7) За покрытіемъ всѣхъ расходовъ, какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ, въ поступленіяхъ 1888 года вмѣстѣ съ остатками отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ образовалось превышеніе надъ расходами въ 34,171,000 руб.

С М Ъ С Ъ.

Слухи, будто бы знаменитая фортепянная фабрика Беккера ликвидируетъ свои дѣла вслѣдствіе бывшаго на ней пожара, не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Пожаръ, бывшій лѣтомъ, уни-

чтожилъ главный корпусъ фабрики, множество готовыхъ инструментовъ и часть машинъ, но не тронулъ ни одного изъ флигелей, гдѣ помѣщались разныя мастерскія, относящіяся къ про-

заводству, не тронулъ и склада матеріаловъ, что особенно важно, такъ какъ дѣсь, употребляемый для инструментовъ, сушится годами. Послѣ пожара, работы на фабрикѣ были перенесены въ уюмянутые флигеля, затѣмъ нанято огромное помѣщеніе, стоявшее свободнымъ по соседству со сгорѣвшимъ зданіемъ, а съ весны владѣльцы фабрики приступятъ къ постройкѣ новаго корпуса на мѣстѣ сгорѣвшаго. Полный кадръ старыхъ и опытныхъ рабочихъ сохраняется во все время перерыва работъ. Теперь выписаны и частью уже получены всѣ машины, которыя замѣнятъ испорченныя. Словомъ, фабрика продолжаетъ дѣйствовать какъ прежде, и въ скоромъ времени слѣды постигшаго ее бѣдствія будутъ окончательно изглажены.

Замѣчательное кольцо. Въ замкѣ князя Шварценберга, въ Вѣнѣ, открыта была, въ половинѣ апрѣля сего года, выставка самыхъ замѣчательныхъ драгоценныхъ издѣлій, всѣхъ временъ и странъ. Между прочимъ здѣсь находится великолѣпная камея, изображающая голову римскаго диктатора Суллы (ум. въ 78 г. до Р. X.). Исторія этой камеи, не говоря уже о ея высокомъ художественномъ достоинствѣ, очень замѣчательна. Наполеонъ Бонапартъ, бывши еще консуломъ французской республики, во время своего пребыванія въ Египтѣ въ 1798 г., находился однажды съ генераломъ Андреосси на мѣстѣ развалинъ могущественнаго въ древнѣе времена города Пелузіума, гдѣ въ 525 г. до Р. X. Персидскій царь Камбизъ, сынъ Кира, послѣ жестокой борьбы, побѣдилъ властителя Египта—Псамменита. Консулъ поспорилъ съ генераломъ о томъ, въ какую эпоху построены были дома на развалинахъ котораго они обстоили. Наполеонъ полагалъ что домъ построенъ былъ въ римскую эпоху; Андреосси оспаривалъ это, какъ вдругъ Наполеонъ, рывшій мусоръ концомъ своей шпаги, нашелъ ярко блестящій предметъ, оказавшійся, послѣ подробнаго осмотра, камею, изображающею голову вышеназваннаго римскаго диктатора. Камея замѣчательна не только какъ доказательство справедливости мнѣнія Наполеона, но и тѣмъ, что сходство въ чертахъ Суллы съ Наполеономъ было поразительное. Наполеонъ былъ суевѣренъ и счелъ эту находку предзнаменованіемъ счастья, котораго онъ искалъ въ Египтѣ, тѣмъ болѣе, что кругомъ головы Суллы ясно были видны буквы „F. E. L. I. X.“ (счастливый). Сначала Наполеонъ оставилъ камею при себѣ, съ намѣреніемъ носить ее какъ талисманъ. Но скорѣ подарилъ ее своей супругѣ Жозефинѣ, которая велѣла оправить ее въ кольцо. Вскорѣ и она разсталась съ драгоценностью, подаривъ ее своему секретарю, графу Гаetano Брунетти. Послѣдній рѣшилъ съ кольцомъ никогда не разставаться, носилъ его всю жизнь и завѣщалъ, чтобы кольцо это послѣ его смерти причислено было къ семейнымъ, потомственнымъ драгоценностямъ. Какъ заповѣдное, кольцо это долго, даже до нашихъ дней, хранилось въ палатцѣ Брунетти въ Болоннѣ, и безъ вышеупомянутаго повода никогда не предстало бы на глаза публики. (А.)

В. Я. Буняковскій. Съ современнаго портрета, грав. Шюблеръ.

Культура хлопчатобумажнаго въ Туркестанской области. По Туркестанскимъ ведомостямъ первый вывъзъ американскихъ сѣмянъ хлопчатобумажника былъ произведенъ въ 1885 г., но лишь съ 1887 года принялись за его разведеніе и сразу въ большихъ размѣрахъ, такъ что въ 1888 г. было засеяно уже 15,000 десятинъ въ Маргеланскомъ уѣздѣ, 20,000 дес. въ Андижанскомъ, 10,000 дес. въ Наманганскомъ, наконецъ по 1000 дес. въ Коканскомъ и Ошскомъ. Въ настоящемъ году еще болѣе расширили хлопчатобумажнаго плантаціи и по официальнымъ извѣстіямъ ожидаютъ хорошаго урожая. До 1886 г. существовала лишь одна фабрика для частнаго хлопка, а именно въ городѣ Коканѣ. Въ 1887 г., во второмъ, третьемъ и четвертомъ изъ означенныхъ уѣздовъ, были открыты еще по одной фабрикѣ; въ слѣдующемъ году—дальнѣйшія восемь, а именно, по одной въ Коканскомъ и Маргеланскомъ уѣздахъ, и по три въ Андижанскомъ и Наманганскомъ. Къ предстоящему урожаю въ центрѣ производительности хлопчатой бумаги, въ Андижанѣ, выстраиваютъ еще пять фабрикъ. Ходжентская дорога, которая изъ Ферганской области ведетъ къ Закаспійской желѣзной дорогѣ, начинающаяся съ города Кокана, загромождена транспортомъ хлопчатой бумаги. (N.)

Дешевые фильтры. Взять два цвѣточныхъ горшка, у одного изъ нихъ заткнуть отверстие внизу губкою и насыпать до половины горшка легкаго древеснаго угля, а сверху накрыть фланелью; другой горшокъ повѣсить надъ чернымъ татъ, чтобы онъ касался фланели; потомъ подставить подъ дно горшка миску или кадку и налить воды въ верхній горшокъ. Еще проще фильтруется вода слѣдующимъ образомъ. Старую салфетку или кусокъ чистаго холста свернуть въ видѣ воронки, чтобы нижній конецъ ея былъ совершенно острый, сшить концы, привязать веревочки къ концамъ верхней части салфетки, вставить сверху обручъ, чтобы раздвинуть верхніе края воронки и повѣсить ее на гвоздь или на крючокъ. Потомъ насыпать въ воронку хорошаго древеснаго угля, лучше всего березоваго, въ видѣ крупнаго порошка и кусочковъ величинаю съ горошину или въ лѣсной орѣхъ. Затѣмъ, подставивъ подъ воронку посуду, постепенно лить въ воронку воду. Чѣмъ больше взято угля, тѣмъ чище будетъ вода, которой можно очистить нѣсколько ведеръ въ день этимъ способомъ. (В.)

Новая корнеплодная овощъ Stachys tuberosa. Это растеніе, принадлежащее къ губоцвѣтнымъ (Labiatae), известно въ Англіи и во Франціи подъ названіемъ Crosnes, по мѣстечку около Парижа, гдѣ его разводятъ уже въ большомъ количествѣ для рыночной продажи. Въ Парижѣ, въ аристократической кухнѣ, crosnes скоро получили ходъ; притомъ ихъ культура весьма доходна, такъ какъ къ почвѣ это растеніе очень не взыскательно, давая въ тоже время обильные урожаи. При тщательной культурѣ вѣроятно удастся получить болѣе крупныя клубни, которые пока имѣютъ толщину лишь въ дюймъ. Клубни варятъ, тушатъ и пекутъ; по вкусу они напоминаютъ орѣхи. (N.)

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Согласно неоднократно выраженному желанію многихъ изъ нашихъ гг. подписчиковъ имѣть, кромѣ получаемаго ими подписнаго бланка на „НИВУ“, еще и другой экземпляръ—**ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ТѢМЪ ИЗЪ СВОИХЪ ЗНАКОМЫХЪ, КОТОРЫЕ ЖЕЛАЛИ БЫ ПОДПИСАТЬСЯ НА „НИВУ“, мы при этомъ № разсылаемъ его въ двухъ экземплярахъ.**

По поводу разосланной преміи.

Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ сообщили намъ, что на полученной ими преміи—картинѣ „Лѣтній вечеръ въ Малороссіи“ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалась приставшая къ лаку бумага оборотной стороны. Для удаленія ея такія мѣста слѣдуетъ только обтереть мокрой губкой и приставшая бумага тотчасъ-же отойдетъ.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 года.

Вступая въ будущемъ году въ третье десятилѣтіе своего существованія, „НИВА“ — въ настоящее время наиболѣе распространенный и любимый иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія — останется вѣрна своей многосторонней и твердо-установленной программѣ чисто-русскаго журнала. Помѣщая на своихъ страницахъ беллетристическія произведенія лишь извѣстныхъ русскихъ писателей, представляющія обширный и интереснѣйшій матеріалъ для всѣхъ, „НИВА“ при выборѣ этихъ произведеній постоянно заботится о томъ, чтобы нумера ея могли безъ малѣйшаго вреда попадать и въ руки болѣе юныхъ читателей.

Въ портфель редакціи, между прочимъ, приготовлены къ печати слѣдующія новыя произведенія:

Н. Д. Ахшарумова: „НЕВѢРНЫЙ СЛУГА“ и „НЕ ТОТЪ“, рассказы.	А. Я. Максимова: „ПОПЪ СИМЕОНЪ“, рассказъ.
Б. А. Бороздина: „ИЗЪ ПРОШЛАГО БЫТА МИНГРЕЛИ“ и „ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ СТАРИКА ЧЕРКЕСА“, очерки.	В. И. Немировича-Данченко: „НА РУССКОМЪ ЮГѢ“, очерки.
В. И. Вибикова: „ПЕРВАЯ ГРОЗА“, повѣсть.	П. Н. Полеваго: рядъ историческихъ разсказовъ.
А. О. Брандта, профессора Харьковскаго Университета: „ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ КАРТИНКИ изъ міра животныхъ“. Популярно-научныя статьи.	Гр. Е. А. Салиаса: „ПАНЪ КРУЛЬ“, историч. романъ.
А. Введенскаго: „Литературно-критическія миниатюры“ (общедоступныя бесѣды о русскои литературѣ).	Н. Северина: „ОЧЕРТЯ ГОЛОВУ“, повѣсть.
Кн. М. Н. Волконскаго: „КНЯЗЬ НИКИТА ФЕДОРОВИЧЪ“, историч. романъ въ 3-хъ част., и „СУДЬБА“, рассказъ.	Сизова: „СОЛОМОНІЯ САБУРОВА“, истор. рассказъ XVI вѣка.
В. П. Желиховской: „ТРИ ДѢЙСТВІЯ КОМЕДИИ“, повѣсть.	А. А. Смирнова: СКЛИРЕНА, историческій романъ.
	А. Соколовой: „СТАРИННЫЙ ВАЛЬСЪ“, рассказъ.
	К. Тхоржевскаго: „МОЙ ПРІЯТЕЛЬ ДРОБОВЪ“, разск.
	О. О. Тютчева: „АРТЕМІЙ САВАТЬЕВЪ“, рассказъ.
	Кн. Д. Н. Цертелева: „ИНКОГНИТО“, ком. въ 2-хъ дѣйств.

Кромѣ того стихотворенія П. И. Вейнберга, В. Величко, А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго, кн. Д. Н. Цертелева, Г. Г. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго) и друг.

Художественный отдѣлъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ въ теченіе 1890 года весьма богатъ и разнообразенъ. Множество портретовъ русскихъ и иностранныхъ общественныхъ дѣятелей (съ біографіями), сотни оригинальныхъ рисунковъ и копій съ картинъ, а также множество видовъ русскихъ городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей, исполненныхъ лучшими художниками и граверами, украсятъ страницы „НИВЫ“.

Что касается отдѣла текущихъ новостей, то читатели попрежнему найдутъ въ немъ изображенія и описанія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся явленій русской и заграничной общественной жизни. Достаточно указать, что, напр., за нынѣшній годъ въ „НИВѢ“ помѣщено до пятидесяти рисунковъ одной лишь Парижской выставки, исчерпывающихъ все, что было замѣчательнаго на этомъ всемірномъ торжествѣ искусства и промышленности; воспроизведены копии всѣхъ лучшихъ картинъ украсившихъ наши выставки въ Академіи Художествъ и Передвижную, и проч. и проч.

Попрежнему, для удовлетворенія потребностей каждой семьи, при журналѣ „НИВА“ выдается **ОСОБОЕ БЕСПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** — въ немъ до 500 модныхъ гравюръ въ годъ и, кромѣ того, въ особомъ приложеніи при „ПАРИЖСКИХЪ МОДАХЪ“, до 350 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ, до 400 чертежей выроекъ въ натуральную величину, образцы выпильныхъ работъ и проч.

Постоянно расширяя отдѣлъ бесплатныхъ приложеній, мы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будемъ въ теченіе года разсылать подписчикамъ художественно исполненныя въ краскахъ таблицы съ изображеніемъ выдающихся предметовъ отчизновѣдѣнія (какъ напр. изданныя до сихъ поръ: гербы всѣхъ русскихъ губерній, важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія русскія деревья, грибы и проч.), — драгоцѣнный матеріалъ для нагляднаго изученія нашей родины.

Кромѣ того, въ будущемъ 1890 г. мы выдадимъ ТРИ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІИ:

Устроивъ въ нынѣшнемъ году собственный художественный институтъ въ Спб. съ персоналомъ выписанныхъ нами извѣстныхъ за границей мастеровъ для печатанія красками большихъ олеографій, мы нашли возможнымъ увеличить главную живописную премію, приложивъ на будущей годъ, вмѣсто обычной одной, двѣ картины. Это — два новыя произведенія кисти любимца русскои публики, проф. И. И. Шишкина,

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“ и 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“,

писанныя имъ по нашему заказу для „НИВЫ“. Обѣ картины (въ 16 вершковъ высоты и 12 вершковъ ширины каждая), соотвѣтствуя другъ другу, представляютъ контрастъ, полный художественной гармоніи: величественный боръ, осѣненный бархатистою хвоей, и чернолѣсье съ его веселыми переливами разнотѣнной зелени. На первой картинѣ, подъ навѣсомъ красноствольныхъ сосенъ, залитыхъ солнцемъ съ ярко-синяго лѣтняго неба, расположились крестьянскіи дѣти на берегу ручья, бѣгущаго въ песчаномъ руслѣ; на второй — молодая весенняя листва кудрявыхъ березъ и столѣтнихъ липъ отражается въ зеркалѣ пруда, съ изумительно переданною прозрачностью воды. Премія эта превосходитъ по исполненію всѣ предшествующія, когда либо данныя „НИВОЙ“.

3) БОЛЬШОЙ ТОМЪ СБОРНИКА ОРИГИНАЛЬНЫХЪ И ПЕРЕВОДНЫХЪ РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ.

Эта вновь введенная нами литературная премія будетъ въ 1890 году еще расширена, какъ по объему, такъ и по разнообразію содержанія.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ . . .	5 Р.	Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, Петровскія ливні	6 Р.	Съ перес. въ Москвѣ и въ друг. город. и мѣст. Имперіи	7 Р.
Съ доставкой въ С.-Петербургъ . . .	6 Р. 50 к.			За границу	9 Р.

Безъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1890 года просятъ адресовать въ Главную Контору Редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 6. Редакція и издатель „Нивы“.

Ребусъ. Задача № 66.

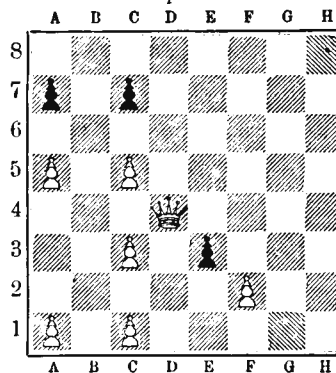

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Шашечная задача № 67.

Черныя.

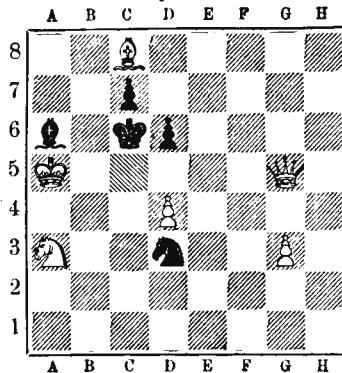

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ шашку черныхъ.

Шахматная задача № 68.

Черныя.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

СОДЕРЖАНІЕ: М. Н. Герсеновъ (съ портр.). — Барыни-крестьяни. Историческій романъ графа Е. А. Салиаса. Часть I. (Продолженіе). — Тотализаторъ. Рассказъ А. Зарина. (Продолженіе). — Литературно-критическія миниатюры. Драматическія произведенія Пушкина. — Бъ нашимъ читателямъ. — Отъ издателя. — Къ рисункамъ: Бракосочетаніе Лже-Дмитрія I съ Мариною Мишицею, въ Москвѣ. (Современная картина) (съ рис.). — Последний красный денекъ (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Тартюфъ“ Мольера (съ рис.). — Новое зданіе Сорбонны (съ рис.). — Памятникъ Гейбелю (съ рис.). — Парижская Всемирная выставка 1889 года. Павильонъ пастельной живописи и отдѣлъ керамики (съ 2 рис.). — Константинъ, наследный принцъ Греческій, и Софія, принцесса Прусская (съ 2 портр.). — В. Я. Буняковский (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Смѣсь. — Завлеченіе. — По поводу разосланной премии. — О подпискѣ на „Ниву“ 1890 г. — Задачи. — О рамкахъ для премій „Нивы“ 1889 г. — Объявленія.

Издатель А. Марисъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

РАМЫ ДЛЯ ПРЕМІИ „НИВЫ“ 1889 года,

большой олеографической картины, печатанной масляными красками, съ оригинала проф. В. Д. ОРЛОВСКАГО: „ЛѢТНИЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“. (14 1/2 вершк. вышины и полтора аршина ширины). Подробности см. въ предыдущемъ № 42 „НИВЫ“.

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахерскихъ во Франціи и за границей. LA VELOUTINE Специальная рисово-всмутовая пудра. CHA°LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

АКСЕЛЬ ЛАВРЕНТЬЕВИЧЪ РОМАНЪ массажистъ изъ Стокгольма. Михайловская площ., д. Жербина, кв. № 25.

Т. ЗАНЕТТИ, артистъ итальянской оперы, даетъ уроки пѣнія. Метода испанская. Плата 12 руб. въ мѣсяцъ. Пушкинская ул., д. № 11, кв. 20.

ОБРАТІТЕ ВНИМАНІЕ! Кромѣ вещей, опубликованныхъ въ № 36 и 37 „Нивы“, вновь поступили слѣдующія новинки Парижской выставки:

Телефонъ, прекрасно дѣйствующій на 10 верстъ, 8 р. — Электр. столовая лампа для освѣщенія комнатъ, 15 руб. — Настоящ. фотограф. аппаратъ (не игрушка) 10 р. — Швейная машина, настоящая, съ полнымъ изданнымъ нессе серомъ 7 р. — То же безъ нессе сера 4 р. — Машинка для стрижки волосъ 7 р. — Электр. звонокъ, элементъ, проволока, кнопки и проч., съ установленіемъ, 8 р. — Наилучшій приборъ для починки костюмовъ, самоваровъ и проч., 5 р. — Кремлевая синичница съ механизмомъ (польскаго серебра), 4 р. — Кургильный приборъ изъ 4 предм. 1 р. 50 коп. — Машинка для варки шоколада 1 р. 50 к. — Электрическая синичница 75 к. — Юмористическая копилка 1 р. — Эйфелева башня, интересн. забава, 50 к. — Игра „свинка“, бредоловомъ, 20 к., побольше 30 к. и 50 к. (очень забавно). — Сыродержатель 50 к. — Парикмахеръ-самоучка для дамской прически 75 к. — И много другихъ интересныхъ вещей. Заказы исполняются немедленно. Новый (швейцар.) каталогъ за 7 к. почтовою марку. Складъ новыхъ изобрѣтеній. Алр. С.-Петербургъ, 4, Невскій просп., 4 (фирма существуетъ съ 1872 года). № 4997

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. СПб. Изд. 2-е. II. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ И. М. ХАЙНОВСКАГО, Москва, Волконка, противъ храма Спасителя.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ПАНСИОНЪ, въ которомъ ученики готовятся къ поступленію въ Реальное Училище и прочія учебныя заведенія и въольпопродѣляющимся въ полкѣ; приемъ учениковъ въ теченіе цѣлаго года.

МОЛЬДАКОТЬ Усовершенствованная английская парчовая машинка съ КОДЕСОМЪ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ. Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. „Мольдакотъ“ съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинкамъ. Она шьетъ нераспарываемымъ швомъ, какъ сама шьетъ тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. „Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна въсѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ, равно какъ и холодною и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ, и великій можетъ въ часъ надѣяться свободно на ней шить посредствомъ предлагаемаго къ ней руководствъ. Въсѣмъ она около фунта. Цѣна въ картонѣ 10 р., въ полиров. орѣх. ящикѣ 11 р. 25 к., пересылка 75 к. Въ Сибирь и на Кавказъ за 4 фунт. Главный складъ въ Москвѣ, въ швейцар. бумажномъ магазинѣ „Полиграфъ“, Мясницкая, д. Ермокиныхъ. Каталогъ магазина высылается по требованію. № 4096

МАСТЕРСКАЯ ДАМСКИХЪ ПЛАТЬЕВЪ И ЦАПЛЕТЪ. Л. КЮТНЕРЪ ГАЗЕТНЫЙ ПЕР. ДОМЪ ФУЛЬДА ВЪ МОСКВѢ. ROBES / MANTEAUX L. KUTNER MOSCOU.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVIII в. въ 3-хъ ч. II. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. пересл. 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ. Невскій, 57, собств. домъ, Покупаетъ всѣ % бумаги. Ссуды подъ всѣ % бумаги. Страхование выигранныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 8925 Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства АГЕНТЫ. Предложенія адресовать по выше-означенному адресу.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ: ГОСТИНИЦА Д'АНГЛЕТЕРЪ. d'Angleterre. Рекомендую господамъ проѣзжимъ мою увеличенную и заново отдѣланную гостиницу. Т. ШМИТЦЪ. № 4088 6-1

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА. По свидѣтельству врачей и авторитетовъ этотъ Purgativ имѣетъ слѣдующія преимуществъ: Аккуратное и ВѢРНОЕ дѢЙСТВІЕ, МЯГКІЙ ВКУСЪ, МАЛАЯ ДОЗА. Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ. ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ. ПРОСЯТЬ ТРЕБОВАТЬ ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА. ИСТОЧНИКЪ „ГУНИАДИ-ЯНОСЪ“

GRANDS MAGASINS DU Printemps

NOUVEAUTÉS

Demander

le catalogue général illustré renfermant 580 Gravures (modèles inédits) pour la SAISON d'HIVER, dont l'envoi est fait gratis et franco contre demande affranchie adressée à

MM. Jules Jaluzot & Co PARIS

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant les immenses assortiments du PRINTEMPS. Mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde Le Catalogue indique les conditions pour l'envoi franco de port et de douane.

Interprètes dans toutes les Langues à la disposition des personnes qui désirent visiter les Magasins.

ЗА 17 КОП.

НУЖНА-ЛИ БУХГАЛТЕРІЯ? (почтовыми марками) высылаю брошюру под заглавием: НУЖНА-ЛИ БУХГАЛТЕРІЯ? Брошюра эта одинаково интересна как для лиц занимающихся торговлею и их служащих, так и для желающих посвятить себя КОНТОРСКИМЪ занятиямъ. Адресъ: М. Левину, станц. Джанкой, доз.-сев. жел. дор.

АДРЕСЫ всех специальных и стран до ставляетъ подъ гаранціей: Internation. Adressen-Verl. - Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германия) (основ. 1864). Каталогъ около 950 страницъ. = 5.000.000 адресовъ за 40 коп. почт. марками франко.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Маритима. Пер. съ нѣм. П. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

МАССА БЛАГОДАР. и ОТЛИЧ. ОТЗЫВОВЪ ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ БУХГАЛТЕРІИ ИНОГОРОДНИХЪ и МОСКОВСКИХЪ ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ ВЪПОЛН. ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ. ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ НАУКЪ С. Я. ЛИЛІЕНТАЛЬ. АРБАТЬ, МАЛ. НИКОЛО-ПЕСКОВСКИЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ АДАМОВИЧА. ПОДРОБНЫЯ УСЛОВІЯ и ПРОБНЫЯ ЛЕКЦІИ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ВЪ КРОНШТАДТЪ ГОСТИНИЦА „С.-ПЕТЕРБУРГЪ“, заново переобустроенная, со всеми удобствами и хорошей кухней. ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ. Въ центрѣ города, близъ городскихъ учреждений. № 4093 Уголь Господской и Наревской ул., д. № 34 — 5. Содержатель И. Кевиткинъ.

СЪ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ! ДРОБИЛКИ стальные съ регуляторомъ помола, винтами для привинчивания, масляной — мельть овесъ, ячмень, горохъ и под. въ кормъ лошадей, волость. Уменьшаютъ расходъ зерна въ 1 1/2 раза, очень важно для хозяевъ и очень дешево — 9 рублей! Одесса, складъ машинъ инженера Н. Мельникова. № 4095 2-1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ ОБЩЕПОЯТНО-НАУЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ „НАУКА и ЖИЗНЬ“.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно (52 №№ въ годъ) съ 1-го января 1890 года по слѣдующей программѣ:

- 1) Общепопятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложения наукъ къ практической жизни и промышленности; открытия, изобрѣтенія, усовершенствованія.
2) Медицина (особенно гигиена), сельское и домашнее хозяйство, животноводство.
3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и слѣбъ; библиографія.
4) Научныя игры и развлечения; задачи; почтовый ящикъ.
5) Веселыя рисунки, относящіяся къ тексту.
6) Объявленія.

Журналъ имѣетъ цѣлью дать чтеніе полезное и въ то же время интересное для всѣхъ, сообщая новости научныя, техническія, промышленныя и т. д. Въ теченіе года предлагается дать отъ 250 до 500 иллюстрацій.

ЦѢНА: { съ пересылкой и доставкой на годъ . . . . . 5 р. — н.
. . . . . полугодъ . . . . . 3 — „
безъ пересылки и доставки на годъ . . . . . 4 — „
. . . . . полугодъ . . . . . 2 — 50 „
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ редакціи журнала, въ конторѣ Н. Печниковой, а также въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обоихъ столицъ. АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Малая Дмитровка, д. Шильдбахъ. Редакторъ-Издатель Д-ръ М. Н. Глубоковский. П. № 4099 4-1

ЖИРНЫЯ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА. Transparent - Глицериновыя МЫЛА. Рекомендуются слѣдующихъ запаховъ: Шан-Шанг, Мускусъ, Jockey Club, О-де-колонъ, Ландишъ, Чайная Роза, Suc de Laitue, Тридасъ и др. Extraits (цвѣточные экстракты) крупнѣе съ продолжительнымъ запахомъ. Духи всѣхъ запаховъ. НОВОСТЬ: „NON PAREIL“ 4711 ПУДРА „VELOUTINE“ самая тонкая и лучшая пудра. Продаются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграничій. Главное депо: у Алекс. Тисъ и Ко, Пушкинская, № 4. П. № 4100 2-1

НОВОУРОДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. П. № 4086 2-1

АСПАЗИНЪ МЫЛО Безвредныя растлительныя бѣлила для цвѣта лица ПУДРА АСПАЗИНЪ для цвѣта лица Требовать подписей МЫЛО Единственный изобрѣтатель-фабрикантъ ED. PINAUD, парфюмеръ PARIS BOULEVARD DE STRASBOURG, 37

Усовершенствованные ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОЗКИ по удешевленной цѣнѣ 8 руб.

для квартиръ, конторъ, фабрикъ и проч. Состоитъ изъ вновь усовершенствованной вѣрно дѣйствующ. батарей, звонка, провода и кнопки. Проводить его по прилагаемому способу можетъ каждый безъ помощи спеціалиста. Весь аппаратъ помѣщается въ хорошему черномъ ящикѣ. Торговать уступка. В. № 4046 5-8

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧ. ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ К. И. ФРЕЛАНДА. Невскій просп., домъ Учетнаго Банка, № 30-10, входъ съ Екатерининскаго канала.

Advertisement for 'Сельскій Хозяинъ' magazine. Includes text: 'СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ' выходитъ еженедѣльно, съ 1 ноября по 1-е ноября. Редакція оказываетъ подписчикамъ всякое содѣйствіе. Много рисунковъ. Бесплатно: отвѣты на всѣ вопросы, разныя стѣмена, архитектурные проекты красками. Альбомы типовъ скота, лошадей и пр. 6 р. въ годъ съ пересылкой и приложениями. Адресъ: Сби, Редакція 'Сельскаго Хозяина'.

EAU DE SUEZ П. № 3887

Дено въ С.-Петербургѣ — А. М. Рузановъ, Гостиный Дворъ, № 40. Въ Москвѣ — А. Су и Ко, Тверская, д. Наргина.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ Объяснительная брошюра высылается бесплатно по требованію вышеозначеннымъ депо и Г-мъ Сузъ 9, rue de Prony, Парижъ. 13 11

ЖИВА

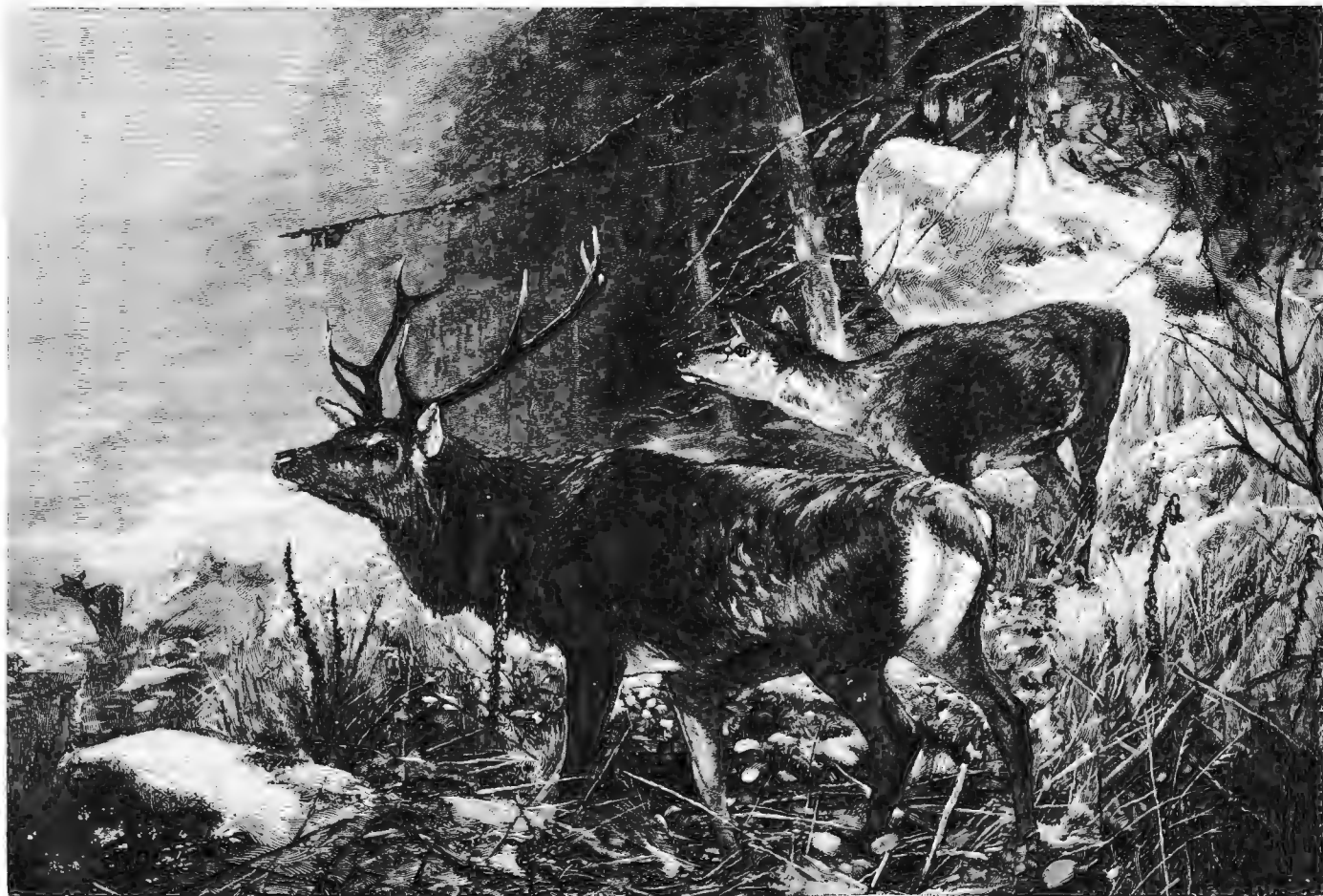
Иллюстрированный
Журналъ
 Литературы

XX г.
 № 44

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XX
 1889

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖ. „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. Выданъ 28 окт. 1889 г. ВЫКР. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № безъ Сборника 15 к., съ перес. 20 к., а со Сборникомъ 2 р. 15 к.

Осенняя переночевка. Съ карт. Генке, грав. Гейеръ.

При этомъ № прилагается 2-я главная премія „Сборникъ романовъ“.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставл въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставл въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
-------------------------------------	------	-------------------------------	------------	---	------	---	------	-----------------------	------

Весь воякой доплатъ за пересылку главныхъ премій.

Подписка на 1889 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. №№ съ преміями.

Барыни-крестьянқи.

Историческій романъ

графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XXXI.

Такъ прошелъ почти цѣлый мѣсяць. Егоръ уже сталъ мѣстнымъ ваятелемъ. Онъ уже слѣпилъ изъ настоящей, хорошей глины, цѣлую большую фигуру, скопировавъ свою же куколку ангела.

Полина и Егоръ уже окончателно поняли другъ друга, но оставались въ тѣхъ же просто привѣтливыхъ отношеніяхъ. Князь ничего не видѣлъ, ибо самъ былъ почти влюбленъ въ свою ученицу, несмотря на ея ледяное обращеніе съ нимъ. Евгения страдала, но перестала тяжело задумываться, перестала даже приставать къ Егору съ княжной, такъ какъ онъ избѣгалъ уже ея, отдалялся...

Однажды, около полудня, въ Березопольѣ появилась кибитка тройкой и остановилась среди улицы. Приѣзжій разспросилъ встрѣчнаго, въ которомъ домѣ живетъ управитель Трубецкой. Затѣмъ кибитка подъѣхала къ крыльцу домика, а приѣзжій вышелъ и черезъ минуту былъ уже принять хозяиномъ.

Это оказался человѣкъ лѣтъ сорока, съ характернымъ лицомъ, повидимому восточнаго типа—грузинъ или армянинъ, если только не еврей.

Съ первыхъ же словъ Макаръ Макаровичъ почувалъ, что имѣеть дѣло съ человѣкомъ умнымъ, энергичнымъ. И одновременно Трубецкой почувалъ, что появленіе этого гостя имѣеть огромное значеніе. Онъ будто сразу прочелъ какую-то роковую вѣсть въ глазахъ прибывшаго.

И старикъ не ошибся.

Гость, снявъ теплое платье и войдя въ первую горницу управителя, удивилъ его какою-то спокойною важностью, рѣшительностью въ словѣ, взглядѣ и жестѣ.

Макаръ Макаровичъ предложилъ гостю чаю и тотчасъ же распорядился.

На вопросъ хозяина, чему онъ обязанъ удовольствіемъ видѣть у себя приѣзжаго, тотъ отвѣтилъ спокойно:

— А вотъ позвольте. Обогрѣюсь—поясню. Дѣло важное и — простое.

И не смотря на нетерпѣніе Макара Макаровича, гость спокойно напилъ чаю, обогрѣлся и затѣмъ еще спокойно и медленнѣе досталъ изъ боковаго кармана письмо и передалъ его Трубецкому.

Письмо оказалось отъ князя изъ Москвы.

Умолчаніе приѣзжаго, что онъ является посланцемъ отъ владѣльца имѣнія, его спокойно-рѣшительный видъ и, наконецъ, это письмо, окончателно смутили Макара Макаровича. Разрывая пакетъ и развертывая листъ бумаги, онъ уже зналъ впередъ, или предчувствовалъ, что прочтетъ что-нибудь чрезвычайное.

И дѣйствительно, краткое, въ нѣсколько словъ, посланіе князя было роковымъ.

Макаръ Макаровичъ прочелъ, поблѣднѣлъ и прислонился спиной къ креслу. Руки его съ листомъ опустились на колѣни.

— Почему же это?... Чтѣ же случилось?... глухо выговорилъ онъ, поднимая мутный взглядъ на приѣзжаго.

— Это не мое дѣло-сь, отозвался гость.—Мнѣ только приказано въ порядкѣ все отъ васъ получить, дать вамъ во всемъ росписки и послать гонца князю съ увѣдомленіемъ, въ какомъ видѣ перешло ко мнѣ все управленіе.

— Но позвольте... За чтѣ же меня выгонять? Почему же меня, честнаго человѣка, управлявшаго здѣсь пятнадцать годовъ, заставлятъ выѣхать въ трое сутокъ. Въ трое сутокъ всего и не сдашь! Да и это посрамленіе мнѣ... Это, стало быть, меня выгоняютъ!.. Чтѣбы

черезъ трое сутокъ и духу моего здѣсь не было. За чтѣ же это?

— Это все, почтеннѣйшій Макаръ Макаровичъ, не мое дѣло. Мнѣ приказано въ трое сутокъ все отъ васъ получить и послать гонца къ князю объ исполненіи его приказанія.

Наступило мертвое молчаніе. Макаръ Макаровичъ сидѣлъ понурившись и тяжело дышалъ. Но однако, понемногу, спокойствіе возвращалось къ нему.

„Вѣдь не погибъ же я! Не пропалъ же я совсѣмъ!“ думалъ онъ. „Стыдно! Срамъ! Всѣ здѣсь, на сто-двѣсти верстѣ кругомъ знаютъ меня. Никто не повѣритъ, что меня гонять за воровство, за упущеніе... Не даромъ я здѣсь заслужилъ ото всѣхъ уваженіе и довѣріе, и любовь...“

Тяжелыя мысли Трубецкаго были прерваны спокой-но-холоднымъ вопросомъ приѣзжаго:

— Когда предполагаете, Макаръ Макаровичъ, начать сдачу управленія?

— Да хоть сейчасъ! встрепенулся Трубецкой, поднялся съ мѣста, выпрямился и гордо глянулъ на своего гостя.

Но это былъ уже не гость, а былъ, въ силу приказа князя, уже то, чѣмъ столько лѣтъ пробылъ здѣсь Трубецкой.

— Позвольте васъ попросить, холодно произнесъ Макаръ Макаровичъ,—обождать полчаса. Я сейчасъ отлучусь, вернусь и мы приступимъ къ дѣлу. А вотъ куда вамъ три книжки для вашего любопытства.

Макаръ Макаровичъ досталъ три толстыя книги изъ стола и передалъ ихъ приѣзжему. Слегка дрожащею рукою накинувъ теплое платье и нахлобучивъ шапку, онъ двинулся изъ дому и быстрыми шагами направился въ барскій домъ.

Черезъ минуту и княжна, и Илья Петровичъ уже знали все объ удивительной новости. Княжна смутилась и тотчасъ же поняла то, чтѣ ускользнуло отъ соображенія управителя и брата-князя.

„Но, если догадка моя вѣрна“, подумалось княжнѣ, „то вѣдь это только начало. Надо ждать дальнѣйшихъ распоряженій.“ Стало-быть, князю-отцу многое, а быть-можетъ и все извѣстно. А если все извѣстно, если онъ подозрѣваетъ то, чтѣ она скрывала здѣсь отъ всѣхъ и быть-можетъ не сумѣла скрыть,—чтѣ же будетъ тогда?..

Послѣ долго длившагося молчанія, первый заговорилъ Илья Петровичъ и тотчасъ же началъ смѣяться.

— Вѣдь это дядюшка мнѣ въ руку играетъ! Ей Богу! И не просилъ я его, а онъ мнѣ одолженіе дѣлаетъ, подарочекъ. Вѣдь все на свѣтѣ къ лучшему, Макаръ Макаровичъ. Неужто вы не поняли, какое происхожденіе дѣла будетъ? Вѣдь вамъ отсюда переѣзжать придется всего-то за двадцать верстѣ.

— Какъ же такъ? удивился Трубецкой.

— Ужъ будто и не догадываетесь? Да вѣдь Прачешное, благодаря вашимъ же хлопотамъ и заботамъ, должно не ннѣ—завтра законнымъ порядкомъ перейти въ мое владѣніе. А что же, я самъ, что-ли, управлять имъ буду? Я и такъ цѣлыхъ два дня думалъ, да раздумывалъ, кто у меня всѣми дѣлами займется. А тутъ дядюшка какъ разъ мнѣ послугу и надумалъ. И вотъ вы, золотой мой, уложите и переѣдете въ Прачешное. И будете вы тамъ хозяйничать, какъ настоящій хозяинъ. Я у васъ буду въ повиновеніи, а не вы у меня. Вы будете настоящимъ баринкомъ-владѣльцемъ. А я вѣдь, не ровень часъ, опять улечу въ Италію, ли-

бо во Фривіцію. Такъ подумайте, гдѣ же вамъ въ концѣ концовъ лучше: тутъ или тамъ?

— Спасибо вамъ, князь. Только я въ управители больше не пойду. Я не хочу, помилуй Богъ, чтобы меня могъ кто-либо такъ гонять: нынче хорошо, а завтра — въ шею. Какъ-будто вора какого... Спаси Боже!

— Ну, это, родимый мой, дудки! Я васъ свяжу и по рукамъ, не спаси Боже, и по ногамъ, да и отправлю туда. Теперь вы пойдете въ городъ съ моей довѣренностью уплачивать деньги, кончать, а тамъ сейчасъ введъ во владѣніе, а тамъ и управленіе. А на жительство возьмете вы себѣ половину барскаго дома. Мнѣ, одинокому, и половины довольно. И будете вы не управитель мой, а то что вы теперь: мой уважаемый другъ-приятель, меня невѣдомо за что полюбившій и мною за свое сердце золотое любимый.

Макаръ Макаровичъ вздохнулъ, не отвѣтилъ, но глаза его стали влажны. И когда Илья Петровичъ протянулъ руки Трубецкому, старикъ схватился за нихъ и крѣпко сжалъ.

Не смотря на то, что пріѣздъ новаго управителя казался непосредственно одного Трубецкаго, тѣмъ не менѣе все въ Березопольѣ разстроилось. Порядокъ дня измѣнился. Занятія и свиданія тотчасъ прекратились, и всѣ ходили смущенные.

Князь какъ-то совѣстился и мало улыбался. Ему чудилось, что это онъ, сюда пріѣхавъ, нагнулъ и бѣду накликалъ. Дядюшка будто исправилъ его мальчишескую ошибку, будто выговоръ прислалъ въ видѣ смѣщенія управителя.

Княжна была молчалива, но въ сильномъ волненіи и день, и ночь. Объяснить приказъ отца было невозможно иначе, какъ она объяснила его. Образъ жизни въ Березопольѣ дошелъ до свѣдѣнія князя Андрея Ивановича, и первая мѣра его говорила ясно, что будутъ и другія, сильнѣйшія.

Егоръ не былъ смущенъ, но былъ за то сильно опечаленъ судьбою Трубецкаго, котораго онъ искренно любилъ. Евгения ожила, глаза ея опять заблестѣли какъ бывало...

Что касается прочаго населенія, то дворовые и крестьяне ходили какъ въ воду опущенные. Для нихъ перемѣна управителя имѣла громадное значеніе. Вся ихъ личная жизнь, ихъ горе и радости, счастье и злополучіе — все было въ рукахъ этого, вновь прибывшаго, неизвѣстнаго и на видъ не добраго человѣка.

— Черномазый! На чорта схожъ! говорили всѣ.

Болѣе всего испугало березопольцевъ именно то обстоятельство, что пріѣзжій оказался наполовину русскій, и хотя православный, но какого-то инаго, чѣмъ они, происхожденія. Фамилія его — Джаншіевъ — тоже смутила всѣхъ и во двору, и на селѣ.

Вдобавокъ не нашлось во всемъ Березопольѣ ни одного человѣка, которому бы лицо, взглядъ и голосъ новаго управителя были по сердцу. На всѣхъ равно, однимъ своимъ видомъ уже нагналъ онъ страхъ. Самое спокойствіе его, невозмутимость были загадочно страшны. Если въ тихомъ омутѣ — черти водятся, то въ этой тишинѣ, которая лежала во всей фигурѣ Джаншіева, чудился самъ сатана.

Черезъ трое сутокъ всѣ дѣла по управленію были сданы, а всѣ вещи Макара Макаровича, при помощи Егора, были уложены. Въ сумерки вокругъ домика, гдѣ столько лѣтъ прожилъ общій любимецъ и благодѣтель, стояла туча народу. Въ домахъ и флигеляхъ усадьбы, въ избахъ на селѣ остались только дряхлые старики и ребятишки. Все явилось сюда прощаться съ Макаромъ Макаровичемъ...

XXXII.

Когда народъ, проводивъ своего благодѣтеля до самой церкви, возвращался тучей назадъ и разсыпался по службамъ усадьбы и по селу, новый управитель явил-

ся въ барскій домъ и велѣлъ доложить о себѣ княжнѣ.

Въ эту минуту у нея сидѣлъ Илья Петровичъ и они, конечно, обсуждали и осуждали распоряженіе князя относительно Трубецкаго. Илья Петровичъ снова смѣялся и шутилъ, но Полина попрежнему была смущена и задумчиво-тревожна. При имени господина Джаншіева, произнесеннаго лакеемъ, они переглянулись и удивились.

— Ке се ке се ке са? шуточно ломая французскій языкъ, выговорилъ князь.

— Кто такой? спросила княжна.

— Пріѣзжій. Новый управитель, доложилъ лакей.

— А!.. Такъ вотъ какъ онъ прозывается!

— Да! прибавилъ князь. — Повѣяло чѣмъ-то отъ Ирана и вообще азіатскихъ предѣловъ.

Княжна хотѣла было выговорить: „проси!“, но загнулась и сказала:

— Позови!

Черезъ минуту въ комнату явился смуглый, мрачный и спокойный восточный человѣкъ. Сдѣлавъ шага три къ княжнѣ, онъ поклонился. Глаза его быстро задвигались изъ стороны въ сторону и, казалось, что въ одну секунду онъ оглядѣлъ всю горницу, не упустивъ ни единого предмета. Затѣмъ эти глаза съ какимъ-то страннымъ, неопредѣленнымъ выраженіемъ остановились на княжнѣ, и сразу непріятно подѣйствовали на нее.

— Имѣю честь представиться вашему сіятельству, выговорилъ онъ чрезвычайно тихо, но не смущенно.

— Очень рада, сухо выговорила княжна. — Я уже давно жду, что вы сочтете не лишнимъ явиться ко мнѣ, хотя бы для того, чтобы передать мнѣ вѣсти о здоровьѣ батюшки.

— Я дѣйствую на основаніи точныхъ и строгихъ приказаній князя Андрея Ивановича. А мнѣ указано представиться вамъ послѣ принятія всѣхъ дѣлъ по управленію. Причина тому, ваше сіятельство, собственно та, что намъ надо будетъ побесѣдовать. А бесѣда эта должна быть такого рода, что я могу ее вести только въ качествѣ человѣка уже вступившаго въ управленіе Березопольемъ.

Княжна не нашлась что-либо отвѣтить и только смѣрила новаго управителя съ головы до пятъ и гордо, и презрительно.

— Позвольте просить васъ, удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ разговора съ вами наединѣ. Я не могу и не имѣю дозволенія говорить при постороннихъ.

— Тре жоли! воскликнулъ Илья Петровичъ, хлопая себя ладонями по толстымъ колѣнамъ. — Sehr gut! Просто, сестрица, траги-балетъ начинается! Нѣчто въ родѣ „Ифигеніи въ Тавридѣ“, съ казачкомъ.

— Но позвольте вамъ замѣтить, произнесла княжна, — что родственниковъ не называютъ посторонними.

— Для меня князь — посторонній человѣкъ, отозвался Джаншіевъ.

— Ахъ, для васъ?.. Это очень мнѣ грустно слышать, сказалъ князь и, добродушно смѣясь, онъ поднялся и, переваливаясь съ ноги на ногу, двинулся къ дверямъ. Но затѣмъ онъ обернулся къ управителю и выговорилъ серьезно и даже морща брови:

— Вы только, господинъ Шехерезадовъ, пожалуйста, „спаси Боже“, сестрицу не пріѣзжайте тутъ за мое отсутствіе, будьте такъ добры.

Джаншіевъ спокойно смѣрилъ князя своими угольными глазами и не отвѣтилъ ничего, даже бровью не двинулъ.

Когда дверь затворилась за княземъ, Джаншіевъ сдѣлалъ еще два шага и, очевидно, ждалъ чего-то. Княжна догадалась, но смотрѣла въ сторону и молчала. Такъ какъ пауза длилась, то она, наконецъ, выговорила:

— Извольте говорить. Я васъ слушаю.

— Извините, княжна, но я попрошу у васъ позволенія сѣсть. Оно мнѣ причлестуетъ, такъ какъ имѣю

Умерщвление плѣнныхъ русскихъ князей послѣ битвы при Калкѣ (1224 г.).
Съ карт. (право воспроизведенія въ гравюрахъ и проч. принадлежить „Нивѣ“) акад. Н. Кошелева, грав. Шюблеръ.

Поднятіє креста всѣмъ народомъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ.

честь вамъ доложить, что я, въ нѣкоторомъ родѣ, дворянинъ.

— Очень пріятно это узнать, отозвалась княжна, невольно усмѣхаясь. — Я до сихъ поръ не знала, что есть на свѣтѣ особый сортъ дворянъ „въ нѣкоторомъ родѣ“.

Джаншіевъ, не дожидаясь приглашенія княжны, сѣлъ на то кресло, съ котораго только что поднялся князь. Но, однако, онъ сѣлъ почти на кончикъ кресла въ довольно почтительной позѣ и началъ говорить тѣмъ же своимъ тихимъ, но твердымъ голосомъ.

Въ нѣсколькихъ словахъ онъ объяснилъ княжнѣ, что ея родитель прислалъ его, Джаншіева, на смѣну Трубецкому ради восстановленія порядка не столько на селѣ, во дворѣ и вообще во всей усадьбѣ, сколько въ самомъ барскомъ домѣ, гдѣ бывають неприличные сборища дворовыхъ дѣвокъ и мастеровыхъ и „всякое при семъ безобразіе“.

Княжна вспыхнула при этихъ словахъ и обернулась къ Джаншіеву съ тѣмъ, чтобы выразиться крайне рѣзко. Быть-можетъ, она собиралась даже приказать ему немедленно выйти вонъ, но вдругъ, Богъ вѣсть, какая мысль промелькнула въ ея головѣ. Она опустила голову, вздохнула и отвернулась. И во всей фигурѣ ея было видно, что она рѣшилась сразу покориться всему, чтó услышитъ или увидитъ.

Джаншіевъ продолжалъ говорить тѣмъ же голосомъ, но собственно повторялъ все то же самое. Только одно замѣтила княжна, такъ какъ оно поразило ее.

Джаншіевъ намекнулъ о какихъ-то дальнѣйшихъ распоряженіяхъ своихъ, которыя указаны ему княземъ.

— Но это все будетъ не тотчасъ, а по мѣрѣ надобности, добавилъ Джаншіевъ. — И я, искренно признаюсь, желалъ бы, чтобы вы, и князь Илья Петровичъ, и „иные люди“, выразительно вставилъ онъ, — своимъ поведеніемъ избавили меня отъ необходимости исполнять указанное княземъ Андреемъ Ивановичемъ.

Княжна снова быстро обернулась къ говорящему, голова ея снова поднялась и даже закинулась назадъ. Она не выдержала принятой роли.

— Прежде всего скажите мнѣ, было-ли у васъ, хотя бы словесное приказаніе батюшки говорить со мной дерзко и грубо, или вы сами рѣшаетесь на это? Если сами, то скажите почему: по природенной вамъ грубости, неблаговоспитанности, или просто вслѣдствіе крайней... крайней наглости?

— Извините, княжна, если какое слово мое кажется вамъ грубымъ и оскорбительнымъ. Намѣренія обидѣть васъ у меня не было и быть не можетъ. Я просто человѣкъ не любящій замѣнять одни слова другими. Какъ думается, такъ я и говорю. Какъ могу я назвать, напимѣръ, поведеніе неприличное инымъ словомъ? Чѣмъ мнѣ замѣнить слово: „поведеніе“ и чѣмъ мнѣ замѣнить слово: „неприличное“? Я могу сказать, пожалуй: „обращеніе“ со своимъ крѣпостнымъ, которое „неприличествуетъ“ дѣвицѣ-княжнѣ. Въ концѣ концовъ выйдетъ то же самое и, пожалуй, въ этомъ видѣ оно еще грубѣй покажется вамъ. Я полагаю, что самое лучшее тогда, если я буду просто исполнять мою обязанность, не беспокоя васъ бесѣдами...

— И своимъ посѣщеніемъ, конечно?

— Посѣщеніемъ? Извините, княжна. Я долженъ буду являться къ вамъ всякій день и въ разные часы, чтобы знать, чѣмъ вы изволите заниматься.

— Что?! воскликнула княжна.

— Точно такъ-съ. Это строжайшій указъ князя, чтобы я ежедневно навѣдывался и лично убѣждался въ томъ, что вы изволите дѣлать и какъ вы изволите проводить вашъ день. Я долженъ всякую недѣлю отсылать князю подробное донесеніе о вашемъ времяпровожденіи.

— Но я не позволю вамъ! Я не буду пускать васъ!

Я прикажу... воскликнула княжна, но вдругъ поднялась съ мѣста, закрыла лицо руками и замерла на мѣстѣ.

Джаншіевъ поднялся тоже и выговорилъ настолько тихо, что голосъ его казался нѣжнымъ шепотомъ:

— Не гнѣвайтесь, княжна, и не тревожьтесь. Я всѣчески буду стараться, чтобы вамъ было оно не обидно: я буду входить сюда на одно мгновеніе, лишь бы исполнить указанное мнѣ. Войдите въ мое положеніе: я—человѣкъ нанятой, подневольный. Мнѣ деньги платить.

— Уйдите!.. уйдите!.. проговорила Полина.

И ей самой невольно вспомнилась почти такая же сцена тамъ, въ Москвѣ, когда появилась у нея въ комнатѣ Устинья Савельевна.

Прошло нѣсколько мгновеній. Княжна отняла руки отъ лица и хотѣла выговорить еще громче:

— Уйдите!

Но, оглядѣвшись, увидѣла, что она одна.

Джаншіевъ исчезъ, какъ тѣнь; или она была настолько потрясена, что не слыхала его шаговъ и запираемой двери.

XXXIII.

Надъ Березопольемъ легъ какой-то гнетъ. Все будто замерло и въ усадьбѣ, и въ барскомъ домѣ. Разумѣется, Егоръ не являлся къ князю работать. Такъ прошло три или четыре дня. Илья Петровичъ рѣшился, переговоривъ съ Полиной, уѣхать, и только ждалъ увѣдомленія отъ Трубецкаго изъ города, что всѣ формальности покупки имѣнія исполнены.

Княжна не удерживала братца, но объяснила, что она часто, раза три въ недѣлю, будетъ ѣздить къ нему въ Прачешное.

Въ бесѣдахъ съ сестрицей князь, отчасти шутя, по во всякомъ случаѣ съ раскаяніемъ, сознавался, что самъ все напуталъ.

— Все-таки, говорилъ онъ, — Егоръ—крѣпостной человѣкъ, а мы его сажали при себѣ, да еще романы ему читали. Да и Евгения—дворовая, горничная... Мы съ вами, сестрица, вели себя не по-княжески... Ну, вотъ намъ и нахлобучка. И дядя, ей Богу, правъ! Будь мы помоложе, слѣдовало бы насъ обоихъ приказать посѣчь маленечко.

Однажды за чаемъ, Полина, долго молчавшая, вдругъ заговорила съ братцемъ совершенно унавшимъ голосомъ:

— Да, все это такъ. Глупо, неприлично... что угодно... Но все-таки, братецъ, я васъ попрошу...

Голосъ княжны задрожалъ, и она не договорила.

— Чтó угодно? Я для васъ съ крыши спрыгну.

— Я васъ попрошу, начала княжна нерѣшительно и робко, но вдругъ выпрямилась и проговорила рѣзко и даже какъ будто строго:—Я васъ попрошу сегодня послѣ обѣда вызвать къ себѣ Егора и заставить его докончить... ну, тамъ не знаю, что-нибудь... Мнѣ нужно видѣть его...

Голосъ и выраженіе лица Полины страшно поразили Илью Петровича. Его собственная фигура сразу стала такою серьезною, какою почти никогда не бывала.

Только теперь будто вдругъ понялъ или угадалъ нѣчто добродушный князь. И по своему простодушію, по своей привычкѣ говорить „что на умѣ, то и на языкѣ“, онъ выговорилъ:

— Неужто же это... этакъ не спросту? Скажите, сестрица: что я—совсѣмъ оголѣлый дуракъ? выдумщикъ я всякой чертовщины? Или и впрямь страшную загадку вы мнѣ загадали?

Княжна молчала, потупившись, но руки, державшія носовой платокъ на колѣнахъ, замѣтно дрожали.

— Сестрица, коли что этакое... Страшно даже вымолвить! Коли я, какъ песь, брешу, скажите скорѣй, чтобы я не брехалъ! А коли все этакое воистину правда...

тоже говорите, тоже душу выложите мнѣ вотъ на ладошъ. Со мной можно! Говорите же: навралъ я мысленно про васъ, насочинителствовалъ?

— Нѣтъ... едва слышно выговорила княжна.—Нѣтъ...

— Что значитъ *нѣтъ*?.. Такъ правда?.. Случилось необычайное? Было тутъ у меня подъ носомъ, а я прозѣвала, не почувля. Чрезвычайно ваше положеніе теперешнее?.. Трагическое оно?..

— Да, воистину, братецъ, трагическое! воскликнула княжна и, приложивъ платокъ къ лицу, она слегка отвернулась.

Наступило молчаніе. Князь усиленно сопѣлъ.

— Сестрица, слезами не поможешь! выговорилъ онъ черезъ мгновеніе слегка хриплымъ голосомъ.

Но княжна быстро отняла руки отъ лица, повернулась къ братцу и вымолвила, забинувъ голову:

— Я! Я не плачу!

Илья Петровичъ невольно разинулъ ротъ. Это сказала не его сестрица. Это сказалъ самъ Андрей Ивановичъ, который вдругъ очутился тутъ предъ нимъ, сидящій и одѣтый въ женское платье.

— И тѣмъ лучше! однозвучно и бессмысленно выговорилъ Илья Петровичъ, а самъ думалъ:

„Ну, вижу чѣмъ тутъ пахнетъ! Вотъ чудно! По двумъ-тремъ словамъ можно предвидѣть все, что можетъ съ человѣкомъ произойти. Дока на доку! Два Андрея Ивановича спѣются здѣсь вскорости. Времяпрепровожденіе будетъ батальное!“

— Какъ же это могло случиться? выговорилъ князь вслухъ.

— Нѣтъ, ради Бога! Я говорить объ этомъ не могу! Не стану... Или стану, съ вами только, съ вами, но не теперь... Вѣдь все-таки вы будете прѣзжать и я буду ѣздить къ вамъ. Вѣдь нѣтъ же у него приказа меня держать здѣсь взаперти?.. И съ вами, дорогой мой, я поговорю когда-нибудь по душѣ. Мало этого: вы поможете мнѣ...

— Тутъ помочь, сестрица, нельзя. Какая помощь въ такомъ дѣлѣ быть можетъ? Тутъ положеніе безпомощное. Знаете вы сочиненіе нѣмецкаго поэта Гёте, прозывается „Фаустъ“? Такъ вотъ тамъ говоритъ кто-то такой... Сдается мнѣ — самъ господинъ Мефистофель, сирѣчь сказать, чортъ... Спрашиваетъ онъ кого-то, а можетъ быть и его кто спрашиваетъ, не упомяну. Такъ вотъ спрашиваютъ: „ты, простой человѣкъ, здѣсь на землѣ живущій, можешь-ли ты соединить вмѣстѣ, сочетать воду и огонь?“ Такъ вотъ и у васъ то же самое. Либо огонь потухнетъ, либо вода въ паръ обратится и улетитъ. Какъ же мнѣ вамъ тутъ помочь? Тутъ призвать самого господина Мефистофеля, то и онъ ретирется. Скажете: „извините, это, молъ, дѣло намъ совсѣмъ неподходящее!“

Все это произнесъ князь такимъ грустнымъ голосомъ, какъ еслибы собирался плакать.

— Я знаю это сочиненіе, рѣзко и гордо произнесла княжна.—Я немножко по-нѣмецки училась. Да мнѣ моя пріятельница читать помогала. Признаюсь, много-много чего я не поняла тамъ. Но я поняла и помню хорошо одно: Фаустъ продалъ свою душу, чтобы получить все желаемое. И отъ этого все ему и далось. Ну, вотъ и я скажу, братецъ: такъ какъ я готова сто разъ прозаложить или продать свою душу, стало-быть многое будетъ и мнѣ возможно. Когда вы узнаете, на что я готова, давно рѣшилась, то вы увидите, что помочь мнѣ вы можете больше Мефистофеля, а именно... деньгами, выговорила княжна.

— Деньгами?!

— Да, деньгами. Только большими деньгами, по которымъ я вамъ возвращу, когда стану... когда... ну, вы понимаете... когда я буду одна, когда я буду законною наслѣдницей. Вѣдь могу же я надѣяться прожить дольше отца! Одно страшно, что онъ можетъ лишитъ

меня наслѣдства... Но, вѣдь тогда все будетъ ваше. Онъ ни за что не отдастъ родового имѣнія въ постороннія руки. А если все будетъ ваше, то, въ числѣ прочаго, вы получите уплату моего долга.

— Не понимаю, сестрица, ничего. Деньги! Что же вы съ ними сдѣлаете?

— А понять не мудрено, братецъ. Въ три недѣли, въ мѣсяцъ, я могу очутиться въ такихъ предѣлахъ, гдѣ и вы, не смотря на ваши дальнія путешествія, никогда не бывали. И не одна... Поймите!

— Да, вотъ что! Стало-быть, это очень важно? Стало-быть, вы на все идете?

— На все, братецъ, хоть на преступленіе, хоть на край свѣта! выговорила княжна тихо, но въ ея голосѣ опять почувдилась Ильѣ Петровичу интонація голоса ея отца.

Снова наступило молчаніе и длилось долго.

— Да, вздохнулъ князь,—есть вотъ въ галереяхъ картинныхъ батальный родъ живописи. И я вамъ доложу, что ваше приключеніе и будущее происхожденіе всѣхъ обстоятельствъ съ батюшкой-родителемъ будетъ именно времяпрепровожденіе батальное.

— Скажите, братецъ, поможете вы мнѣ, хотя бы даже черезъ недѣлю, смотря по обстоятельствамъ? Можеть-быть и черезъ полгода. Я не спѣшу. Я ничего не знаю. Когда? я не знаю! Но что когда-нибудь непременно я рѣшусь на...

Княжна не договорила.

— Поможете-ли вы? прибавила она.

— Деньгами?! Господь съ вами! Половина того, что у меня есть—ваше, сестрица! А коли запутаетесь въ Америку, что-ли, то, Богъ вѣсть, можеть-быть и я съ вами пристроюсь. Сопровождать васъ буду. Я, отродясь, не путешествовалъ вмѣстѣ съ другими. Признаюсь вамъ...—Князь развелъ руками.—Такъ это удивительно, такъ это поразительно! Такая это каша, что ее расхлебать будетъ мудрено. Хватитъ-ли у васъ силъ? Не много-ли вы на себя надѣетесь?

И въ отвѣтъ на это князь услышалъ такой неподдѣльно-счастливый смѣхъ, что невольно снова разинулъ ротъ.

Полина протянула руки братцу, пожала его руки и опять засмѣялась.

И по этому смѣху, веселому, довольному, но вмѣстѣ съ тѣмъ мѣталлически-сухому, князь понялъ и сразу убѣдился, что до сихъ поръ положительно обманывался въ своей сестрицѣ, не зная ее.

— Вотъ чудно! выговорилъ онъ задумчиво.

— Да, хорошо если... такъ вотъ... А что бы вы сдѣлали, сестрица, вдругъ серьезно спросилъ князь,—если бы нѣкто вамъ отвѣтилъ: „Я, ваше сіятельство, люблю другую, а васъ я не могу и не хочу любить?“

— Я бы тоже стала воевать и отвоевала бы у соперницы... Сначала такъ и было. Я вообразила себѣ это-кое. Но оно оказалось вздоромъ.

— Отвоевать? Да... кто можетъ. Кто молодъ и уменъ. А если кто старъ и глупъ?.. задумчиво произнесъ князь.

— Уже не влюблены-ли вы въ самомъ дѣлѣ, братецъ?

— Господь съ вами! Къ лицу ли мнѣ это-кое...

Князь быстро поднялся.

— Я пойду укладываться. Мнѣ чудится, что мое пребываніе здѣсь для васъ хуже. Дядюшка будетъ зорче глядѣть, думая, что это я васъ на худое толкаю...

Княжна не отвѣтила. Илья Петровичъ вышелъ и пошелъ къ себѣ.

XXXIV.

Черезъ два дня Илья Петровичъ и шутя, и грустя, и смѣясь, и со влажными отъ слезъ глазами, но и со всякими прибаутками, простился съ кузиной и выѣхалъ въ свое новое имѣніе, гдѣ уже ожидалъ его „новый старшій управитель“.

Княжна одѣлась и вышла на крыльцо проводить единственного своего родственника, котораго любила и прежде, а теперь, за короткое время жизни вмѣстѣ, вполне оцѣнила и полюбила искренно. Въ этомъ чувствѣ къ князю была не малая доля благодарности, хотя онъ, самъ того не зная и невольно былъ ей въ помощь. Разумѣется, въ случаѣ какой-либо катастрофы, Илья Петровичъ могъ быть сочтенъ главнымъ виновникомъ и попустителемъ невѣроятна мудренаго сочетанія обстоятельствъ. Но теперь—онъ устроитель ея счастья.

Когда князь усѣлся въ простую кибитку и послалъ ей поцѣлуй, Полина вымолвила рѣшительно:

— Послѣ-завтра же буду въ Прачешное!

— Въ какой прачешной? удивился князь и воскликнулъ:—тъфу! прости Господи! забылъ! Я къ тому времени, сестрица, названіе это замѣню другимъ. Глупое прозвище! Милости просимъ въ Ильинское, либо въ Сонополье. Тамъ сосны много. А то еще лучше—Осинополье! Въ воспоминаніе того, что я велъ себя въ Березопольѣ какъ настоящая осина.

— Нѣтъ, вы вели себя какъ ангель.

— Но не летящій, а спящій или зѣвущій... Прощайте.

Полина вернулась въ домъ, проводивъ глазами кибитку, и обойдя всѣ горницы, сѣла за пильцы, унылая и грустная. Опять казался ей этотъ домъ настоящимъ гробомъ. Отсутствие Макара Макаровича и князя сказывалось теперь во всемъ. Но за то недалеко отъ дома, гдѣ видѣлся маленькій каменный домикъ съ окнами, выходящими въ палисадникъ, было для нея нѣчто, сосредоточивавшее на себѣ всѣ ея помыслы.

„Какъ же теперь видаться? Нельзя звать чинить всякій день какую-нибудь мелочь въ домѣ. И нельзя встрѣчаться всякій день гуляя.“

И цѣлыхъ два дня послѣ отъѣзда князя, Полина промучилась съ одной мыслью въ головѣ:

„Какъ повидаться?“

На третій день она узнала отъ Дуняши нѣчто простое, но глубоко возмущившее ее. Любимица передала своей барышнѣ, что, не смотря на сильный морозъ, градусовъ въ двадцать, новый управитель приказалъ Егору, какъ простому плотнику, перечинить ворота и калитки на конномъ дворѣ.

Сердце княжны больно сжалось. Съ тѣхъ поръ, что она была здѣсь, въ Березопольѣ, въ первый разъ ей приходилось отнестись къ Егору съ жалостью, болѣть за него. И она тотчасъ поняла и догадалась, что приказаніе новаго управителя есть собственно начало предстоящаго гоненія. И, конечно, по приказу князя.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, она невольно обрадовалась. Эта работа давала ей возможность видѣться съ Егоромъ. Полина тотчасъ же одѣлась и, вмѣстѣ съ Дуняшей, вышла прогуляться по усадьбѣ.

— Гдѣ онъ работает? спросила она.

— Въ главныхъ воротахъ коннаго двора. Мы вотъ мимо пойдемъ, отозвалась Дуняша угрюмо.

— Что онъ—обиженъ? не слыхала?

— Я его сама видѣла. Не то чтобы обиженъ, а очень опечалился. Этотъ лѣшій объявилъ, чтобы Егоръ Ивановичъ больше не смѣлъ изъ дерева рѣзать. Сказалъ, что все это—баловничество. Да еще сказалъ: коли узнаю, что по вечерамъ упрямышся и глупство это не бросишь, то отниму инструментъ.

Княжна ничего не отвѣчала, но пройдя нѣсколько шаговъ, вздохнула и выговорила себѣ самой:

„Что же это будетъ?... Стало-быть спѣшить надо!“

Вопросъ этотъ относился къ тому, что пришло ей на умъ. Все это, на что рѣшалась она, все, что находила въ себѣ силу исполнить, не пугало, а лишь занимало ее, какъ посторонняго человѣка.

— Что же это будетъ? вдругъ усмѣхнулась она ядовито.

Еще за нѣсколько шаговъ отъ коннаго двора и главныхъ воротъ, Полина увидѣла Егора въ полушубкѣ, съ топоромъ и съ доской въ рукахъ. Онъ прилаживалъ доску и задѣлывалъ отбитый край.

При видѣ подошедшей княжны, Егоръ снялъ шанку, поклонился и быстро, украдкой взглянулъ ей въ лицо. Богъ вѣсть что сказалъ его взглядъ, но княжна, рѣдко въ жизни плакавшая, почувствовала, что глаза ея наполнились слезами.

Сразу отчаянная рѣшимость наполнила ея сердце. Она вдругъ приблизилась къ Егору почти вплотную, какъ никогда не приближалась, и выговорила то, о чемъ и не помышляла за мгновеніе назадъ.

— Сегодня, передъ полуночью, когда всѣ лягутъ спать, приходи ко мнѣ...

И послѣ мгновенной паузы прибавила:

— Въ столовую...

— Увидятъ, княжна... бѣда будетъ! У него тутъ уже три человѣка отряжены подглядывать за всѣмъ и доносить.

— Все равно. Нужно... приходи непременно... Такъ нельзя!.. надо переговорить... Надо порѣшить что-нибудь! дрожащимъ голосомъ произнесла Полина.

Егоръ молчалъ.

— Ты боишься?

— За васъ, вѣстимо. А мнѣ что же? Мнѣ одинъ конецъ.

— Все вздоръ. Надо порѣшить... Что-нибудь надумать... Приходи...

— А увидятъ, донесутъ?..

— Приходи, сдавленнымъ голосомъ повторила Полина.—Не придешь—хуже будетъ. Меня погубишь. Я приду къ вамъ. Придешь?

— Вѣстимо, если этакъ...

Княжна отвернулась и быстро пошла домой.

Безконечно длиненъ показался обоимъ этотъ день. Но не одинаково ждали они вечера. Полина ждала того, о чемъ мечтала съ давнихъ поръ, съ юности... Все, что грезилось ей еще въ шестнадцать лѣтъ—должно было стать дѣйствительностью. Она знала, что это ночное свиданье будетъ первымъ и послѣднимъ, роковымъ для ея жизни. Она знала это, потому что твердо рѣшила, что таковымъ оно будетъ по ея волѣ, хотя бы вопреки его слабой волѣ.

И княжна была спокойна и почти холодна.

Егоръ ждалъ свиданія съ трепетомъ и ужасомъ, скитаясь по двумъ горницамъ домика, какъ узникъ въ тюрьмѣ, ожидающій минуты назначенной казни. Онъ боялся, какъ никогда въ жизни. Ему представлялось, что случатся неминуемо три вещи одна за другой... Важное по своимъ послѣдствіямъ свиданіе, на утро его истязаніе на конюшнѣ, а затѣмъ его самоубійство.

Онъ зналъ, что послѣднее убьетъ его старуху-мать, но утѣшался тѣмъ, что если Богъ проститъ его великій грѣхъ, то они съ матерью будутъ опять вмѣстѣ...

И предстоящее свиданье съ княжной являлось его разуму настоящею казнью...

— Конецъ! шепталъ онъ.—А я думалъ, поживу еще на свѣтѣ... Лѣтъ чрезъ десять откуплюсь отъ господъ, буду вольный, переѣду въ городъ. А вотъ оно что вышло. И самъ виноватъ. Не въ свои сани не садись. Шутка-ли, что потрафилось!

Около одиннадцати часовъ ночи, когда все Березополье уже спало глубокимъ сномъ, Егоръ вышелъ изъ домика, сталъ на крыльцѣ лицомъ къ церкви, снялъ шанку и помолился. Затѣмъ онъ двинулся.

Черезъ нѣсколько минутъ, пройдя дворъ, онъ тихо вошелъ въ темный домъ. Двери изъ передней въ слѣдующую комнату были отворены. Всюду была полная тишина, только въ углу коридора раздавалось чье-то сопѣніе. Это былъ спавшій дежурный лакей. Осторожно миновавъ первую горницу, Миловановъ остановился. Сердце его стучало молотомъ.

Ожиданіе. Съ картины Швенигера младшаго, грав. Пейне.

„Охъ, не гоже...“ подумалъ онъ. „Губишь себя...“
Онъ готовъ былъ повернуться и бѣжать.

Среди темноты, едва видимая фигура очутилась около него. Онъ вздрогнулъ и отступилъ.

— Это я... слышался шепотъ княжны.

Она приблизилась, взяла его за руку и тихо повлекла за собой чрезъ притворенную дверь. Рука ея слегка дрожала. Отворивъ слѣдующую дверь, она впустила его впередъ, а сама прислушалась и вошла потомъ.

Очутившись въ рабочей горницѣ княжны, при свѣтѣ двухъ свѣчей, Миловановъ сталъ, потупившись, какъ потерянный... Ему казалось, что онъ и она творятъ что-то очень смѣшное и гибельное вмѣстѣ... А главное—не нужное...

Миловановъ почти не помнилъ, какъ очутился на маленькомъ диванѣ около княжны... Прикосновеніе ея къ его рукаву около локтя и ея взволнованный голосъ, полный страсти и тревоги—какъ бы разбудили его.

Она заговорила тихо, но отчеканивая горячо каждое слово, что имъ надо рѣшить что дѣлать, надо спастись, бѣжать изъ Березополя... Бѣжать обоимъ, если онъ этого хочетъ тоже.

— Хочешь-ли ты? Отвѣчай же!..

— Зачѣмъ вамъ-то уходить?.. едва слышно отозвался онъ.

— Я безъ тебя жить не могу. Скажи мнѣ... скажи прямо... Вѣдь я все-таки почти не знаю... Я прямо отъ тебя никогда ничего не слыхала... Скажи мнѣ, Бога ради, правду... любишь ли ты меня?

— Вы—княжна, помѣщица, а я...

— Это я слышала сто разъ... Говори мнѣ: могъ-ли бы ты полюбить меня, еслибъ я была дворовая?.. Не противна я тебѣ, какъ дурная?.. Вѣдь я дурна и уже не молода.. Говори... что же ты молчишь? Скажи. Скажи правду.

Съ трудомъ выговаривая каждое слово, отъ чувства сдавившаго ей горло, княжна наклонилась ближе и положила руку къ нему на плечо.

— Скажи... Любишь-ли? шепнула она.

— А что будетъ... Погибель ваша...

— Отвѣчай! Одно слово отвѣчай... Ну!..

— Вѣстимо вы мнѣ... Что-жъ сказывать?.. Не надо...

Миловановъ потупился, сдерживая глубокое дыханіе, и согнулся, но этимъ движеніемъ невольно приблизился къ ней. Другая рука ея тихо поднялась и легла ему на плечо. Она пылко смотрѣла ему въ лицо.

— Лжешь ты! рѣзко шепнула наконецъ княжна.— Кабы любилъ, такъ не сидѣлъ бы теперь какъ деревянный... Противна я тебѣ, а сказать это мнѣ совѣстишься...

Миловановъ вдругъ выпрямился, взглянулъ ей въ лицо вспыхнувшимъ взглядомъ и вымолвилъ:

— Ахъ, что вы говорите... Ахъ, Господи!..

И княжна очутилась вдругъ въ его порывисто и крѣпко стиснувшихъ ее объятіяхъ и прильнула губами къ его губамъ.

XXXV.

Прошла недѣля послѣ тайнаго свиданія окончательно порѣшившаго судьбу Полины, а она не предпринимала ничего, хотя мучилась ежечасно.

Рѣшиться на чрезвычайный роковой шагъ безъ всякаго прямого повода, безъ всякаго толчка извнѣ, мудро и мужинѣ съ твердою волей. Нѣчто постоянно заставляетъ откладывать и ждать. Тѣмъ мудренѣе было Полинѣ, въ ея положеніи, сразу, вставъ однажды поутру, безъ всякаго насилія извнѣ, рѣшиться сѣздить къ Ильѣ Петровичу, съ цѣлью просить немедленнаго исполненія обѣщаній.

„Подожду немного...“ думалось ей.

Когда она была у князя въ гостяхъ, то нѣсколько разъ собиралась спросить, сколько времени понадобится братцу, чтобы передать ей тысячу двадцать пять займы,

съ отдачей Богъ вѣсть когда. А Ильѣ Петровичъ, какъ нарочно, въ разговорѣ съ Трубецкимъ по поводу плановъ его и проектовъ, раза два отвѣтилъ:

— Теперь не могу, денегъ нѣтъ. Вотъ кабы не заплатили чистоганомъ, выговорили бы разсрочку платежа, тогда были бы деньги!

И Полина не рѣшилась даже заговорить объ его обѣщаніи. Теперь, проводя весь день и вечеръ подъ какимъ-то нравственнымъ гнетомъ ожиданія чего-то, она не могла себѣ сказать, когда рѣшится на тотъ шагъ, который рѣшенъ мысленно.

Однажды утромъ, Полина, сидя за пяльцами, была вдругъ испугана какимъ-то отчаяннымъ воплемъ въ сосѣдней горницѣ. Она невольно вздрогнула, сердце замерло. Крикъ этотъ будто предсказывалъ, что случилось въ Березопольѣ нѣчто касающееся и до нея, до *нею*, до ихъ счастья.

Она встала, быстро перешла горницу, отворила дверь въ дѣвичью и увидѣла у постели въ полулежащемъ положеніи Евгенію, которая задыхалась и, схвативъ себя за волосы, тихо стонала. Около нея стояла горничная Марѳа и старалась, очевидно, успокоить ее.

— Что случилось? выговорила княжна, быстро подходя къ горничнымъ.

Евгенія вскочила, бросилась на колѣни передъ княжной, схватила ее за платье, почти повисла на немъ и закричала, задыхаясь отъ рыданій:

— Въ солдаты!.. везутъ! Спасите его! изъ-за васъ же все!..

По нѣсколькимъ отрывочнымъ фразамъ, хотя имя не было названо, княжна догадалась, перемѣнилась въ лицѣ и зашаталась.

Овладевъ собой, черезъ мгновеніе она повернулась къ Марѳѣ и приказала ей немедленно позвать къ себѣ управителя.

Вернувшись къ себѣ и опустившись на кресло близъ окошка, Полина ни о чемъ не думала. Мысли въ головѣ помutilись. Все путалось и въ мысляхъ, и предъ глазами, и на сердцѣ. Она чувствовала себя среди какого-то страшнаго круговорота, гдѣ вихремъ несутся и предметы, и собственные ощущенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, гдѣ-то на глубинѣ души, поднималось какое-то странное, дикое чувство радости, что вотъ „оно случилось“ и заставитъ ее сдѣлать роковой шагъ.

„Такъ и конца бы не было“, думалось ей. „А теперь вотъ онъ — конецъ! Какой ни будь! Все-таки конецъ!“

Княжна прождала управителя довольно долго и была рада, такъ какъ успѣла немного успокоиться. Она успѣла убѣдить себя, что если Ильѣ Петровичъ не обманетъ, то все въ ея рукахъ.

„Человѣкъ рѣшающийся на все безъ исключенія“, думалось ей, „владеетъ обстоятельствами его окружающими. И если не погибаетъ, то побѣждаетъ. Но вѣдь безъ борьбы—та-же погибель! Такъ во сто кратъ умнѣе погибнуть въ борьбѣ.“

Джаншиевъ переступилъ порогъ горницы, какъ всегда спокойный, и тихо приближаясь къ ней своими степенными, беззвучно мягкими шагами, подползъ какъ змѣя. Полина была уже сравнительно спокойна и только сурова и холодна.

— Садитесь, выговорила она.

— Увольте, княжна. Мнѣ не время. Сейчасъ ѣду въ городъ. Что прикажете?

— Правда-ли, я слышала, заговорила Полина и удивилась своему равнодушному голосу, — будто бы столара Егора собираются сдавать въ солдаты?

— Точно такъ-съ. По указу князя, полученному нынѣ поутру съ гонцомъ, и указано не мѣшкавъ свезти въ городъ для сдачи. Сейчасъ ѣдемъ.

— Что?.. хотѣла воскликнуть Полина, но слова за-

мерли на ея поблѣднѣвшихъ губахъ. Она только двинула ими.—Сейчасъ? выговорила она чрезъ мгновеніе.

— Точно такъ-съ. Собираемся. Лошадей закладываютъ.

— Да развѣ такъ можно? выговорила она, почти не понимая того, что говорить.—Развѣ это вдругъ такъ? Сейчас и солдатъ?

— Это дѣло простое, произнесъ Жаншіевъ умышленно любезно.—Одна формальность. Въ полъ-дня времени—и на всю жизнь готово! А мнѣ указано княземъ расходовать не жалѣть и чтобы въ нѣсколько часовъ все было обдѣлано. Сами знаете, у насъ въ городѣ дать кое-кому какой подарочекъ, то всякаго крѣпостнаго человѣка не только въ солдаты забрѣютъ, а хоть сквозь строй прогонять.

Княжна сидѣла помертвѣлая, смутно сознавая то что она слышитъ, а Жаншіевъ говорилъ слегка наклоняясь и равнодушно тихимъ, почти ласковымъ голосомъ, какъ если бы докладывалъ ей нѣчто весьма для нея пріятное.

Затѣмъ управитель поклонился и уже двинулся къ дверямъ. Полина пришла въ себя, быстро поднялась съ мѣста и выговорила сухо:

— Мнѣ нужно послать верховаго къ князю въ Прачешное. Прикажите кому-нибудь быть готовымъ.

— Слушаю-съ, отозвался Жаншіевъ и вышелъ вонъ.

Княжна сѣла, и быстро, дрожащею рукой, кое-какъ, почти безъ связи, написала Ильѣ Петровичу о томъ что случилось и умолила его немедленно пріѣхать къ ней. Она кончила нисѣмо словами:

„Вы должны спасти меня, или я лишу себя жизни. Не думайте, что это—глупая угроза! Я слишкомъ уважаю себя, чтобы такъ лгать, или пугать людей мнѣ близкихъ. Я твердо рѣшилась. Или вы поможете мнѣ, или я покончу съ собой.“

Когда письмо было написано и запечатано, княжна, собиравшаяся позвать горничную, остановилась въ нерѣшительности.

„А если этотъ ненавистный азіатъ перехватитъ письмо, прочтетъ его, пошлетъ отцу? Вѣдь тогда ужъ навѣрное все погибло. Посмѣетъ-ли онъ это сдѣлать? Почему же нѣтъ? Онъ понимаетъ и видитъ въ какомъ я положеніи. Онъ за это будетъ только награжденъ.“

И въ одинъ мигъ княжна подошла къ печкѣ и бросила письмо среди горящихъ дровъ. Но затѣмъ тотчасъ же она бросилась въ дѣвичью и стала кликать Дунишу такъ, какъ если бы въ ея горницахъ случился вдругъ пожаръ.

— Дуниша! Скорѣе! Бога ради скорѣе! кричала она, озираясь, какъ потерянная.

Дуниша была въ прихожей, но услышала голосъ барышни и пріѣхала перепуганная. Полина схватила любимицу за плечи и выговорила:

— Дѣлай, какъ хочешь, доставай подводу, ступай на село, найми... Выѣзжай сейчасъ въ Прачешное... Скажи князю, чтобы пріѣзжалъ сюда... Скажи—я умираю... Скажи что хочешь... Чтобы сейчасъ ѣхалъ сюда... Пусть къ вечеру будетъ здѣсь, а не завтра. Къ вечеру! Поняла? можешь?

— Слушаю-съ! Слушаю-съ! повторила Дуниша.—Будьте спокойны. Все сдѣлаю. Успокойтесь.

Любимица ея выбѣжала исполнять приказаніе, а сама Полина сѣла на ближайшій стулъ и вдругъ зарыдала...

XXXVI.

Въ первомъ домикѣ и около него творилось нѣчто необычайное. Вокругъ крылечка стояло болѣе десятка человѣкъ дворовыхъ. Одни уходили, другіе появлялись на ихъ мѣсто. При этомъ нѣкоторые заходили въ самый домикъ. Тихій говоръ, недоумѣніе и сумрачное озлобленіе были на всѣхъ лицахъ.

Въ домикѣ было спокойнѣе, чѣмъ можно было ожи-

дать. Въ горницѣ, гдѣ была постель, лежала на ней Лукерья Егоровна, съ измѣнившимся лицомъ и какъ бы въ полузабытѣи. Около нея сидѣлъ Егоръ, держа мать за руку, мертво-блѣдный, но на видъ спокойный.

Въ углу, на стулѣ, скорчившись какъ въ клубокъ, положивъ локти на колѣни и голову на руки, сидѣла Евгенія, и уже давно, не двигаясь, замерла въ этой позѣ.

Входившіе дворовые заговаривали съ Егоромъ, охали, прощались, но онъ почти не отвѣчалъ никому ни слова и только кивалъ головой. На полу, среди горницы, стоялъ ящикъ съ кое-какими вещами и узелъ.

Егоръ собрался въ полчаса времени, предполагая сдѣлать очень недалекое путешествіе. Онъ твердо пррѣшилъ въ себѣ самомъ, сейчасъ же послѣ формальностей сдачи его въ солдаты, не пробовать и начала этой новой жизни, дліящейся двадцать-пять лѣтъ, а покончить съ собой при первомъ удобномъ случаѣ.

Единственно, что мучило его теперь, была невозможность проститься, какъ слѣдуетъ, съ матерью, такъ какъ старушка очевидно не успѣетъ окончательно придти въ себя.

Егоръ былъ убѣжденъ, что когда мать, послѣ его отъѣзда, очнется, то, при вернувшемся сознаніи, она не выдержитъ горя и умретъ.

„Ну, что же“, думалось ему, „вмѣстѣ и предстанемъ предъ Господомъ Богомъ“.

Лукерья Егоровна была однако не въ простомъ обморкѣ, а въ какомъ-то странномъ состояніи. Вѣсть о томъ, что ея сына увозятъ сдавать въ солдаты, разразилась надъ ней такъ внезапно, что старушка только чуть вскрикнула и зашаталась. Сыпъ поддержалъ ее, донесъ и положилъ на кровать. И съ этой минуты Лукерья Егоровна лежала съ бессмысленно-испуганнымъ лицомъ.

Она удивленно взглядывала на секунду, потомъ закрывала глаза и подолгу лежала, не двигаясь и не глядя. На нѣсколько вопросовъ, обращенныхъ къ ней сыномъ, она только открывала глаза, но не отвѣчала, очевидно не понимая ни слова изъ того, что онъ говоритъ. Егоръ, между тѣмъ, каждую минуту ожидалъ появленія кого-либо отъ управителя, съ приказаніемъ собираться въ путь.

Наконецъ, среди полной тишины въ домикѣ, послышалось движеніе на крыльцѣ, какое-то оживленіе, нѣсколько голосовъ заразъ. Егоръ вздрогнулъ. Это была, очевидно, минута разставанья.

Дверь растворилась настежь, пахнуло холодомъ, затѣмъ дверь опять заперлась. А Егоръ сидѣлъ, не обращаясь, не глядя, и только ожидая приказанія встать, взять вещи и выходить. Но вмѣсто этого, онъ услышалъ голосъ заставившій его встать, вздрогнуть и сразу вскочить съ постели.

Въ горницѣ стояла сама княжна, съ измѣнившимся лицомъ, ярко, но гнѣвно сверкавшими глазами.

Княжна стояла среди горницы въ такой странной, гордой позѣ, какъ еслибы пришла сюда вмѣсто управителя для какого-нибудь жестокаго, безпощаднаго распоряженія.

Егоръ, глянувъ на нее, смутился и не понималъ ничего.

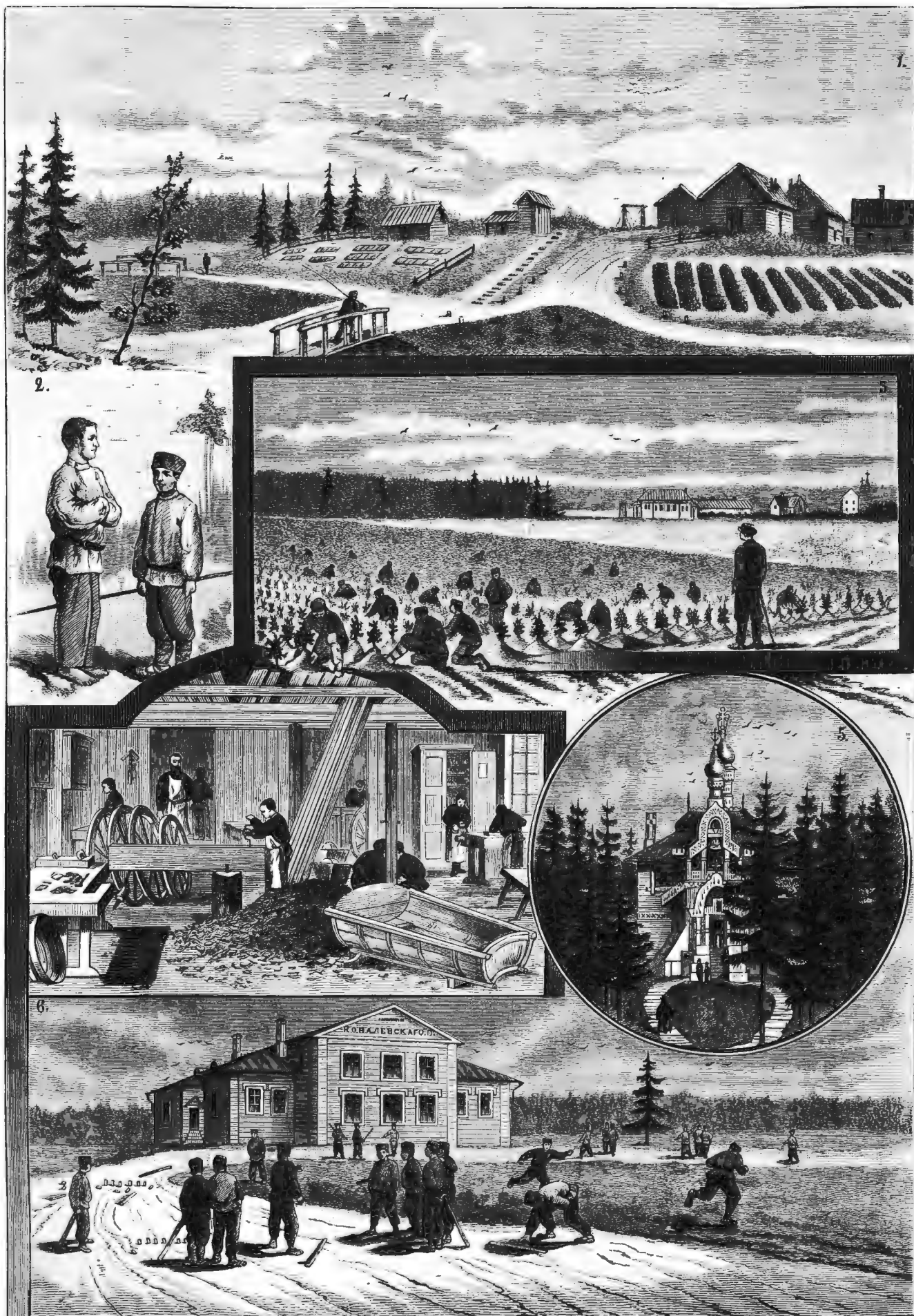
Озлобленіе, сказывавшееся во всей фигурѣ княжны, было для него необъяснимымъ. Онъ не зналъ, какъ встрѣчаютъ горе и удары судьбы такіа натуры, какою была княжна.

— Вели ей выйти! выговорила тихо и сухо Полина, показывая глазами на скорчившуюся въ углу фигуру Евгеніи, которая даже не замѣтила ея появленія.

Егоръ двинулся, взялъ Евгенію за плечо и не сразу могъ привести ее въ себя. Она поднялась, оглянулась мутными глазами, увидѣла стоявшую княжну и улыбнулась вдругъ почти звѣрски дикою улыбкой.

Типы инородцевъ. Еврей-коробейникъ Витебской губ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Р. Штейна; грав. Ольшевскій.

Петербургская колонія малолѣтнихъ преступниковъ, близъ Пороховыхъ заводовъ.
 Ориг. рис. (собств. „НИВЫ“) Шамоты, грав. Рапеевскій.

1. Ферма. 2. Типы воспитанниковъ. 3. Полевые работы. 4. Тольшина мастерская. 5. Церковь. 6. Спальный дворъ Коналевскаго и игры.

Столько злобы и ненависти, столько яда было въ этой улыбкѣ, что княжна невольно отвела глаза отъ лица дѣвушки.

Егоръ шепнулъ что-то раза два. Евгенія поглядѣла на него и выговорила рѣзко:

— Ладно!

Проходя мимо барышни къ наружной двери, она опустила глаза, но поблѣднѣла, и княжнѣ показалось, что она бормочетъ чуть слышно:

— Не бывать...

Едва только дверь затворилась за дѣвушкой, княжна сдѣлала два шага впередъ и, взявъ Егора за руку, вымолвила чуть слышно, но твердо:

— Этого ничего не будетъ! Ты не будешь солдатомъ... Сдадутъ тотчасъ же, но потомъ я все раздѣлаю... Я на все пойду... Они за себя дѣйствуютъ, а мы за себя постыдимъ. Посмотримъ еще, чья возьметъ. Завтра же утромъ я буду тоже въ городѣ, буду хлопотать и платить... И ничего изъ твоей сдачи не выйдетъ. Будешь ты считаться солдатомъ, но останешься на жительствѣ гдѣ-нибудь по сосѣдству. А я и солдаткой не побоюсь быть. Помни... Знай это.

— Оставьте, такъ тому и слѣдъ быть! выговорилъ Егоръ тверже.— Любить я васъ все-таки буду... Оставьте!

— Нѣтъ, не оставляю. А тутъ я пришлю къ Лукерѣ Егоровнѣ мою Дуняшу, ходить за ней. И сама буду приходить по два раза на день и успокою ее. Она перестанетъ бояться за тебя и сразу оправится.

Княжна замолчала, глядѣла упорно въ блѣдное лицо Егора, стоявшаго передъ нею съ опущенными глазами, и какъ будто собиралась ближе двинуться къ нему, будто собиралась положить руки ему на плечи, собиралась проститься...

Но прошло нѣсколько мгновений въ перѣшимости... На крыльцѣ раздались голоса и кто-то брался за ручку двери... Княжна отступила сразу. Егоръ встрепенулся. Въ горницу выглянулъ кто-то изъ дворовыхъ и пронесъ громко, почти весело:

— Егоръ Ивановичъ, выходи! Управитель прислалъ. Ждетъ!

Говорившій хотѣлъ притворить дверь, но вслѣдъ за нимъ вошло еще два человѣка и, поклонившись княжнѣ, обратились къ Егору съ тѣми же словами:

— Выходи, Егоръ Ивановичъ! Это, что-ли, съ собой берешь?

И они взяли за вещи.

Княжна подавила глубокой вздохъ, оглядѣлась, какъ бы не зная что дѣлать, и наконецъ вымолвила слегка дрожащимъ голосомъ:

— Прощай, Егоръ! Не надолго.

И быстро вышла изъ домика.

Егоръ стоялъ какъ бы въ какомъ-то туманѣ, едва сознавая окружающее. Наконецъ онъ шевельнулся, подошелъ къ матери, нагнулся, поцѣловалъ ее трижды, какъ спящую, потомъ перекрестился и двинулся на крыльцо.

Здѣсь, около подводы, набралось уже человѣкъ до тридцати дворовыхъ. Всѣ они полѣзли прощаться. Со всѣми перецѣловался Егоръ, но не помнилъ, что дѣлаетъ...

Затѣмъ онъ сѣлъ въ сани, и двигаясь вдоль улицы, кланяясь и кивая головой направо и налево, подѣхалъ къ дому управителя.

Джаншиевъ сидѣлъ уже въ другихъ саняхъ, и при видѣ подѣхавшаго, велѣлъ трогать. Поѣздъ двинулся по дорогѣ къ церкви.

конецъ первой части.

Тотализаторъ.

Разсказъ А. Зарина.

(Продолженіе).

XII.

Комната, куда вошелъ Хмуровъ, раздѣлялась на-двое ситцевой занавѣской, которая была теперь вскинута на веревку, и онъ увидѣлъ помятую постель съ грудой грязныхъ подушекъ и ситцевымъ одѣяломъ. На другой сторонѣ стоялъ столъ и диванъ. У окна, за швейной машинкой работала сама Славина, въ грязной блузѣ, съ разстегнутымъ воротомъ.

— А, Алексѣй Константиновичъ! встала она, придерживая одною рукою воротъ и протягивая другую Хмурову. — Отчего сегодня не были? какъ занимательно было!

— Вообразите, мы выиграли! проговорилъ радостно Славинъ, сбрасывая со стульевъ на диванъ массу жилетовъ изъ строй грубой матеріи.

Хмуровъ сѣлъ на освободившійся стулъ. Передъ нимъ выстроились дѣти и, сося конфеты, разглядывали его съ любопытствомъ.

— Идите въ кухню! прогнала ихъ Славина. — Погодите, на-те вамъ!

И она дала имъ по грушѣ изъ разсыпанныхъ по столу яблокъ, грушъ и сливъ.

— Да, выиграли, перебила она мужа. — Все большія выдачи были, а намъ везло.

— На „Принца“ 10 руб. 50 выдавали, перебилъ Славинъ, — на „Зосю“ четырнадцать, на „Сокола“...

— Новал лошадь, встала Славина, не отпуская руки отъ горла.

— Прелестъ! восхитился Славинъ и продолжалъ: — двѣнадцать! на „Славу“ шесть, на „Красавца“ 4 руб. 80!

— И всѣ выиграли! Всѣ! съ улыбкою вскрикнула Славина.

— Сколько-же? завистливо улыбнулся Хмуровъ.

— 97 руб., батенька! 97 руб.!.. съ торжествомъ побѣды отвѣтилъ Славинъ.

„И я бы выигралъ“, съ злобою подумалъ Хмуровъ.

— Барсовъ, вашъ знакомый, опять проигралъ, замѣтила Славина, возвращаясь къ машинѣ.

Черезъ минуту она уже неистово стучала ею.

— Да, была игра! можно сказать! говорилъ Славинъ, — жалѣю я, что васъ не было, шутка-ли — 97 рубликовъ, а поѣхали мы съ двѣнадцатью!.. Съ двѣнадцатью, Аня? спросилъ онъ жену.

Та кивнула головою.

— Вотъ на этихъ жилеткахъ заработала! На Сѣнную шьетъ, поясилъ онъ, — всего и денегъ было. На обѣдъ даже не оста-

вили, а теперь богачи стали... Вотъ она игра-то! ударилъ онъ себя по колѣнкѣ.

— Ыды-то купить што-ли? спросила кухарка, войдя въ комнату и смотря куда-то въ сторону.

— Да, да, сорвался съ мѣста Славинъ, — вѣдь не обѣдали! — и давая ей деньги, заговорилъ: — ветчины купи, колбаски купи, селедочку, хлѣба тоже, лимончикъ... Ахъ, да, водки не забудь, водки!

— Пусть купишь шоколаду дѣтямъ, обернулась Славина, стуча машиною.

— Да, да, шоколаду купи, сказалъ Славинъ.

— Ничего не ѣвши, да шоколадъ лопать! проворчала кухарка, беря ассигнацію и поворачиваясь къ выходу.

— Ну ты, ты! возвысилъ голосъ Славинъ, одергивая свой жилетъ.

Хмуровъ всталъ. Что ему нужно было узнать, онъ узналъ. Выдавали большіе куши, и онъ не былъ, а эти „идіоты“ выиграли. Ему стало ужасно тяжело.

— Куда же вы? встрепенулся Славинъ.

— Поняли бы чаю, обернулась, схватываясь за горло, Славина.

— Нѣтъ, жена ждетъ, отговорился Хмуровъ и пошелъ къ передней.

— А въ воскресенье будете? крикнула вслѣдъ Славина.

— Непремѣнно, отвѣтилъ Хмуровъ.

— Приходите, приходите, уговаривалъ его въ передней Славинъ, — вѣрно опять будутъ большія выдачи. Мы съ женою увеличиваемъ ставки. Теперь опять вѣстѣ играетъ, окончилъ онъ, прощаясь.

Хмуровъ ушелъ отъ Славиныхъ совершенно разозленный: безъ него была такая большая игра, всѣ выиграли, а онъ, какъ мальчишка, сидѣлъ дома изъ-за какого-то слова. Взялъ бы 5 руб. и принесъ бы домой рублей 50—60, а тутъ проскучалъ дома, не игралъ, и только испортилъ весь свой день. Жена воображаетъ себя разсудительною женщиной и торжествуетъ. Онъ почти прибѣжалъ домой и, сядя за чаемъ, съ напускнымъ хладнокровіемъ сказалъ женѣ:

— Въ слѣдующее воскресенье я пойду на скачки. Приготовь мнѣ 10 руб.

Она не донесла чашку чая до рта и поставила ее на столъ. Глаза ея сверкнули, но она сдержалась отъ вспышки.

— Можешь все взять! — у меня 14 руб. осталось.

— Мнѣ десять надо! — и лицо его дрогнуло.

— Ахъ, дѣлай какъ знаешь! рѣзко отвѣтила она, отходя отъ стола. — Вотъ тебѣ деньги!

И она кинула портмоне на столъ.

— Ты меня не испугаешь этими сценами, искривил ротъ усмѣшкой Хмуровъ.— Не воображай, что ты имѣешь дѣло съ мальчишкой. Я хочу—и я пойду, твои сцены не остановятъ меня, возвысилъ онъ голосъ.

— Да равнѣ я говорю что-нибудь? широко открыла глаза Настасья Сергѣевна. Ея лицо нѣсколько поблѣднѣло.— Иди, сдѣлай милость. Только въ другой разъ, прибавила она,—осторожнѣе честныя слова давай.

Хмуровъ всникнулъ.

— Я могу безъ твоихъ совѣтовъ обойтись. Хочу дамъ, хочу возьму—тебѣ что за дѣло? Нашлась разумница, мужа воздерживать! Да мужъ твой какъ лошадь работаетъ, и въ воскресенье отдохнуть, развлечься хочетъ, а она съ честными словами! съ воздержаніемъ! Руководить мною вздумала!

— Я ничего не говорю тебѣ, остановила его жена, и въ голосъ ея прозвучали рѣзкія ноты.

Хмуровъ смолкъ и только изрѣдка ворчалъ: „честное слово, точно мальчишка!“

Между ними произошла полная ссора, они перестали даже говорить другъ съ другомъ, и ни одинъ изъ нихъ не дѣлалъ попытки къ примиренію.

XIII.

Хмуровъ въ душѣ раскаивался въ своей выходкѣ, но боялся заговорить о мирѣ: это было бы съ его стороны уступкою, слѣдомъ за которою, пожалуй, опять придется отказаться отъ игры на скачкахъ, и чѣмъ ближе подходило воскресенье, тѣмъ тревожнѣе билось его сердце.

Онъ сознавалъ себя неправымъ и ему тяжело было спросить у жены денегъ изъ 14 руб. для игры, можетъ-быть для проигрыша, но въ то же время ему еще тяжелѣе было отказаться отъ возможности поиграть, и онъ мучился, стараясь примирить свое желаніе съ совѣстью.

„Всего 14 руб., теперь вѣрно ужъ 11 руб., а до двадцатаго почти три педѣли“, мучился онъ, „придется и такъ прибѣгнуть къ закладамъ, а тутъ я еще проигрывать хочу—просто нечестно!.. А вдругъ выиграю“, тутъ же успокаивалъ онъ себя, „и потомъ я всего 7 руб. возьму. Если проиграю, заложу часы, приваю; до двадцатаго кое-какъ дотянемъ. Всего три педѣли осталось!“

Но черезъ минуту его опять волновали сомнѣнія:

„Вѣрнѣе всего проиграю, а жить надо почти мѣсяць!“

А желаніе играть брало опять вверхъ.

— Пойдете завтра? спросилъ на службѣ Славинъ.

— Не знаю, нерѣшительно отвѣтилъ Хмуровъ.

— Идите, идите! заволновался Славинъ, — навѣрное будетъ болышая игра. Новыхъ лошадей много,—идите!

— Пойду, рѣшилъ наконецъ Хмуровъ.— Безъ риска и игры нѣтъ!

Въ воскресенье, едва онъ проснулся, какъ тотчасъ подумалъ о скачкахъ и, быстро одѣвшись, вышелъ къ чаю. У самовара сидѣла жена, задумчиво мѣшая ложечкой въ чашкѣ. Онъ даже не подошелъ къ пей и взглянулъ на часы. Было почти одиннадцать часовъ.

„Какъ бы не опоздать“, подумалъ Хмуровъ, присаживаясь къ столу.

— Дай мнѣ чаю! сказалъ онъ сухо, и вдругъ сердце его замерло.

Онъ вспомнилъ, что надо еще взять денегъ и спросить ихъ надо у жены. Ему это показалось тяжелою пыткой.

— Настя, сколько у насъ денегъ? унавшимъ голосомъ спросилъ онъ.

— 10 руб., сухо отвѣтила она, не поднимая головы.

Хмуровъ растерялся. Сумма была очень пезначительна.

— Какъ десять, только десять? растерянно произнесъ онъ.

— Только десять, какъ это повторила Настасья Сергѣевна.

— Какъ же это, въ воскресенье было... началъ онъ.

Настасья Сергѣевна подняла глаза и, холодно взглянувъ на него, медленно сказала:

— Въ воскресенье было четырнадцать, недѣлю мы прожили—теперь осталось у насъ десять. Да тебѣ что? спросила она наконецъ,—играть хочешь? Возьми все и иди съ Богомъ!

Она облегчила ему задачу.

— Да, кивнулъ онъ,—только теперь дай мнѣ 6 руб., съ меня шести довольно.

Настасья Сергѣевна молча вынула деньги и, отсчитавъ 6 руб., положила ихъ на столъ.

Хмуровъ не смогъ сдержать улыбки удовольствія при видѣ денегъ, но тутъ же смутился, почувствовавъ на себѣ холодный, ироническій взглядъ жены.

„Гадко, малодушно“, покраснѣлъ онъ, но все-таки спряталъ деньги въ карманъ и сталъ торопиться.

Передъ уходомъ ему страстно хотѣлось поцѣловать жену, но ея серьезное, грустное лицо было такъ холодно и спокойно, что онъ не рѣшился подойти къ ней и съ тяжелымъ сердцемъ вышелъ на улицу. На вокзалъ онъ прѣхалъ рано, купилъ афишу, билетъ и, грустный, недовольный собою, усѣлся въ углу пустаго вагона, равнодушно просматривая афишу. Страстное желаніе быть на скачкахъ, разгорался при сопротивленіи, теперь перешло въ равнодушное спокойствіе, и онъ готовъ былъ

даже бросить билетъ, афишу и вернуться успокоить свою Настю; но вагонъ мало-по-малу началъ наполняться; со всѣхъ сторонъ стали доноситься разговоры о лошадахъ, горячіе споры, азартныя пари, и Хмурова незамѣтно охватила атмосфера тотализатора. Онъ развернулъ афишу и жадно сталъ вчитываться въ нее, прислушиваясь къ толкамъ окружающихъ. Когда же поѣздъ подошелъ къ платформѣ и Хмуровъ вышелъ на воздухъ съ оживленною, пестрою толпою, онъ забылъ о всѣхъ своихъ недочетахъ и ускорилъ шаги, томясь мыслью:

„Что-то будетъ: проиграю или выиграю?“

Онъ вошелъ въ мѣста и чѣмъ-то дружественнымъ, роднымъ показались ему и мѣста, и люди, и оживленные разговоры, и суетливая толкотня толпы. Слово онъ вернулся въ кружокъ старыхъ, дорогихъ друзей. Онъ весело улыбался и осматривался по сторонамъ. Почти все лица были ему знакомы. Вонъ, у десяти-рублевого тотализатора, терпѣливо дожидаясь очереди, стоитъ женщина въ золотыхъ очкахъ, говорившая съ нимъ въ первый день скачекъ. Вонъ смазные сапоги считаютъ деньги, а рядомъ засаленный картузь что-то горячо толкуетъ, махая афишкою; сѣдой офицеръ, плотный господинъ, студентикъ,—все это было знакомо Хмурову, и онъ весело улыбался. А вонъ и юнецъ Колпинъ. Колпинъ тоже замѣтилъ Хмурова и подошелъ къ нему. Они поздоровались.

— На кого? спросилъ Колпинъ, стараясь говорить басомъ и небрежно играя тросточкой.

— Еще не ставилъ, отвѣтилъ Хмуровъ.

— Я на „Джигита“ поставилъ... Не везетъ мнѣ чертовски!—и онъ махнулъ тросточкой.—Помните, съ того раза, какъ я выигралъ—все проигрышь и проигрышь!

— А я васъ не видѣлъ тутъ? вспомнилъ Хмуровъ.

— Да, я, видите, игралъ крупно, такъ ходилъ въ трехъ-рублевыхъ мѣста—и все продулъ, все, рублей за 150 будетъ. Теперь рѣшилъ, если проиграю—баста! До Царскаго Села откладываю.

И онъ, словно ставя точку, ударилъ тросточкой въ землю. „Ишь щенокъ“, съ завистью подумалъ Хмуровъ, „едва отъ земли видно, а 150 руб. спустил; я же и шести проиграть не могу, по совѣсти!“

— Э, другъ, гдѣ вы пронадали? налетѣлъ на Хмурова Барсовъ.—Я думалъ, что ужъ кончили, Зыбинъ напугалъ. Какъ онъ тогда-то, помните? обнажилъ зубы Барсовъ.

Хмуровъ кивнулъ головою.

— Продулся въ тотъ разъ и струсилъ, отвѣтилъ онъ.

— Эхъ, волковъ бояться... Я все разы продулся, да иду на проломъ. Волгу по боку и—играю! Прошлый разъ азартная игра была, большія выдачи, продолжалъ Барсовъ.—Ваши-то, Славинъ, выиграли!

— Знаю, знаю! отвѣтилъ Хмуровъ,—вы ставили?

— Нѣтъ еще. Вы на кого?

— Не знаю, я на удачу! отвѣтилъ Хмуровъ и пошелъ къ будкѣ тотализатора.

Онъ рѣшилъ поставить на тотъ же №, на который поставятъ передъ нимъ.

— Два вторыхъ! спросилъ стоящій передъ нимъ.

— Одинъ четвертый! подошелъ Хмуровъ.

Онъ вдругъ передумалъ и почему-то поставилъ удвоивъ № предыдущаго.

— А, пришла! раздался позади его голосъ, и Славина зачала своими перьями.—Мы съ Васей теперь увеличили ставки и опять врозь играемъ. Я думаю, лучше врозь? а?..

— Не знаю, улыбнулся Хмуровъ.

— Лучше, лучше! заклевала птица на шляпкѣ Славинной.

— Одолжите папирочку! подошелъ ея мужъ.—Ты на кого поставила? обернулся онъ къ женѣ.

— Не скажу, не скажу—мое дѣло! заволновалась она.

— Э, дура! выпустилъ Славинъ струю дыма.—Зыбина не видалъ? спросилъ онъ Хмурова.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Хмуровъ и обрадовался въ душѣ, что не видалъ его.

„Всегда съ наставленіями или шуточками“, подумалъ онъ.

Раздался звонокъ. Все бросились къ мѣстамъ.

Начались скачки.

XIV.

Хмуровъ игралъ безъ проигрыша. Счастье на этотъ разъ улыбнулось ему, и онъ безъ всякаго соображенія и расчета ставилъ на тѣхъ лошадей, которые выигрывали.

— Неужели вы на „Бегмота“ поставили? изумился Славинъ.—Вѣдь это, батенька, деньги на вѣтеръ кидать!

— На „Бегмота“, отвѣтилъ смѣясь Хмуровъ, и выигралъ.

— Везетъ вамъ! съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и горящими глазами подскочилъ Колпинъ,—а мнѣ все неудача, все неудача... Проклятіе какое-то!

И онъ, чуть не плача, билъ тросточкою по землѣ.

— Не вы одни, и я сегодня съ выигрышемъ! къ концу скачекъ подошелъ къ Хмурову Барсовъ.

— Ну-у? притворно изумился Хмуровъ.

— Да-съ! не шутите, 30 рублейъ домой песу! весело хлопнулъ себя по карману Барсовъ.—Кутну сегодня, куда ни шло! Зальюсь на всю ночь! и перемѣнивъ тонъ, заговорилъ серьезно:—Правда, радъ! За все время я только проигрывалъ, рублей 100 спустилъ, да тамъ: долги, квартира, обѣдъ—всего оста-

лось рублей 40 у меня. Я вѣдь 215 получилъ, съоткровенничалъ онъ,—вотъ и вся Вога тутъ! Сталъ проигрывать—ужась охватилъ, что будетъ! Ну, а сегодня вдругъ фортуна-то и обернулась лицомъ! искренно радъ! окончилъ онъ.

Поблѣднѣвшее лицо его всныхнуло румянцемъ, и онъ задумчиво опустилъ голову, повидимому позабывъ о плащѣ „залиться“ на всю ночь.

Они молча продолжали идти къ платформѣ. Хмуровъ въ умѣ дѣлалъ расчетъ выигрыша:

„Кажется, рублей 20 у меня въ карманѣ!“ рѣшилъ онъ и улыбулся: „съ шести рублей!“

— Вотъ тебѣ и увеличила ставки! раздался за ними сердитый голосъ Славина.

— Да вѣдь не я одна—и ты! въ тонъ отвѣтила жена.

— Я—другое дѣло, а ты чего лѣзешь, не понимаю!

Они догнали Хмурова и Барсова.

— Помилуйте, обернулся къ нимъ Славинъ, — все продули! Одолжите папиросочку.

Барсовъ одолжилъ.

— Все, что выиграли! закурилъ Славинъ.—Изъ девятиности семи какихъ-нибудь 10 руб. на себя потратили, остальное все тутъ оставили!

— Да, все! сокрушенно мотнула головою Славина.

— Да, все! злобно передразнилъ Славинъ. — Заладила, какъ ворона: врозь, врозь, да и ставила чортъ знаетъ на кого! сжалъ онъ кулаки.

Славина разсердилась.

— Ты не говори такъ! закричала она,—самъ не понимаешь ничего, а тоже лѣзешь! ты выигралъ хотя грошь? Я вотъ на „Бегемота“ взяла, а ты только зубы церилъ! То-то! трихнула она перьями и величественно вошла въ вагонъ.

— Выиграли сегодня? смущенно улыбаясь, обратился Славинъ къ Хмурову.

— Я что! засмѣялся Хмуровъ,—а вотъ кто выигралъ! указалъ онъ на Барсова.

— Ну-у? изумился Славинъ. Барсовъ хохоталъ.

— И много? съ завистью спросила Славина.

— За сто, отвѣтилъ Барсовъ и еще громче расхохотался.

— За сто! въ одинъ голосъ воскликнули Славина, — счастливецъ!

— Одолжите папиросочку по этому случаю, протянулъ руку Славинъ.

Въ вагонъ вошелъ Колпинъ. Онъ театрално швырнулъ на лавку тросточку и шляпу и, отирая лицо платкомъ, обратился къ Хмурову.

— Баста! Теперь уже въ Царскомъ увидимся. Сюда не приѣду больше.

— Что такъ? улыбулся Барсовъ.

— Канальски не везетъ! до ушей вздернулъ плечами Колпинъ,—все продули, рублей до двухсотъ будетъ.

— Сколько-же вы сегодня проиграли? спросилъ съ удивленіемъ Хмуровъ.

— Рублей 45, небрежно проговорилъ Колпинъ.

— Богатенькій, вѣрно? шепотомъ спросилъ Хмурова Славинъ. Хмуровъ пожалъ плечами:— Не знаю!

— Да, продолжалъ Колпинъ,—я не играю на рублевомъ; 5 руб., 10 руб.—вотъ эти ставки; или проигралъ, или выигралъ—расчетъ есть! а рубль—не стоитъ мараться!

Онъ вынулъ папироску, поколотилъ ею о крышку портсигара и закурилъ, небрежно положивъ тонкія ноги на противоположную скамейку.

Хмуровъ, радостный, возвращался домой. По дорогѣ онъ

купилъ банку варенья и усилъ счесть деньги — 19 рублей съ копейками.

— 10 рублей ей отдамъ, 9 на слѣдующій разъ оставлю, рѣшилъ онъ и сбѣжалъ домой, думая обрадовать жену и помириться съ нею.

Когда онъ вошелъ въ комнату, Настасья Сергѣевна не встрѣтила его обычнымъ вопросомъ, хотя на столѣ было все приготовлено для обѣда. Онъ увидѣлъ то-же грустное, холодное лицо жены, старательно работавшей у окна иголкой. При его входѣ она подняла глаза отъ работы и, окинувъ его сіяющую фигуру съ банкой варенья въ рукахъ, равнодушно устремила ихъ опять на работу.

Хмуровъ нѣсколько смутился. Онъ молча поставилъ на столъ банку и вынулъ 10 руб.

— Получи назадъ, кинулъ онъ бумажку на колѣна жены, стараясь казаться равнодушнымъ. Та молча сложила ее и, вынувъ портмоне, спрятала деньги.

Хмуровъ былъ слишкомъ доволенъ выигрышемъ. Ему нуженъ былъ теперь миръ, и онъ не могъ спокойно обѣдать, чувствуя за своей спиной жену, грустную, холодную по виду, навѣрно страдающую въ душѣ. Онъ бросилъ ложку, всталъ отъ стола и тихо подошелъ къ ней.

— Настя, перестань, моя радость, чего ты хмуришься? обнялъ онъ ее,—ну, я не утерѣлъ, пошелъ, что-же дѣлать? а теперь я и деньги вернулъ тебѣ, съ лихвой даже.

Онъ улыбулся и поцѣловалъ ее грустные глаза.

— Мнѣ развѣ денегъ жалко? тихо сказала она.

— Чего-же ты сердилась?

— Чего? она вдругъ подняла озарившееся улыбкою лицо свое и крѣпко обняла Хмурова,—сердилась на то, что ты удержишься не можешь, что увлекся такъ, что меня изругалъ, что характера у тебя не оказалось, Леша! Вотъ что! а деньги — что мнѣ!

— Дорогая моя, отвѣтилъ онъ на ея поцѣлуи,—ты говоришь про характеръ, да развѣ въ этомъ онъ? неужели ужъ такъ нужно воздерживать себя отъ малѣйшаго увлеченія? Вѣдь только имъ и жизнь красна! не аскеты-же мы, Настя!

— Но если это опасное увлеченіе?

— Э, брось, Настя, опасное! ну, я проигралъ-бы 6 рублей. Неприятно это, но опасности никакой нѣтъ. А ты готова, кажется, думать, что я непременно въ результатѣ красть стану.

Настасья Сергѣевна окончательно успокоилась и развеселилась. Глаза ея блеснули ласкою, губы невольно складывались въ улыбку и она весело сказала:

— Ну, ну, философъ, я знаю, что увѣрить во всемъ можно! иди ѣсть лучше: супъ простылъ!

— Не съ супомъ жить, а съ добрыми людьми, засмѣялся Хмуровъ и сѣлъ снова къ столу.

— Много выигралъ? подѣсла къ нему жена.

— 19 рублей! отвѣтилъ Хмуровъ, опуская ложку съ супомъ,—10 тебѣ далъ, 9 на слѣдующій разъ оставилъ.

— Да вѣдь-же ты! крикнула смѣясь Настасья Сергѣевна.

Хмуровъ снова взялся за ложку.

— Барсовъ выигралъ, говорилъ онъ между ѣдой,—ужъ какъ радъ, говоритъ—все проигрываетъ.. Славина проиграли, Колпинъ проигралъ. Я, знаешь, главное на „Бегемотѣ“ выигралъ... Никто не ставилъ, давали 7 руб. 30 коп. — и онъ передавалъ ей всѣ впечатлѣнія прошедшихъ скачекъ.

Она слушала его съ улыбкою и думала:

„Чего я такъ волновалась? ну выигралъ, проигралъ онъ,—не все-ли равно? за то какъ онъ оживленъ и доволенъ!“

(Продолженіе будетъ).

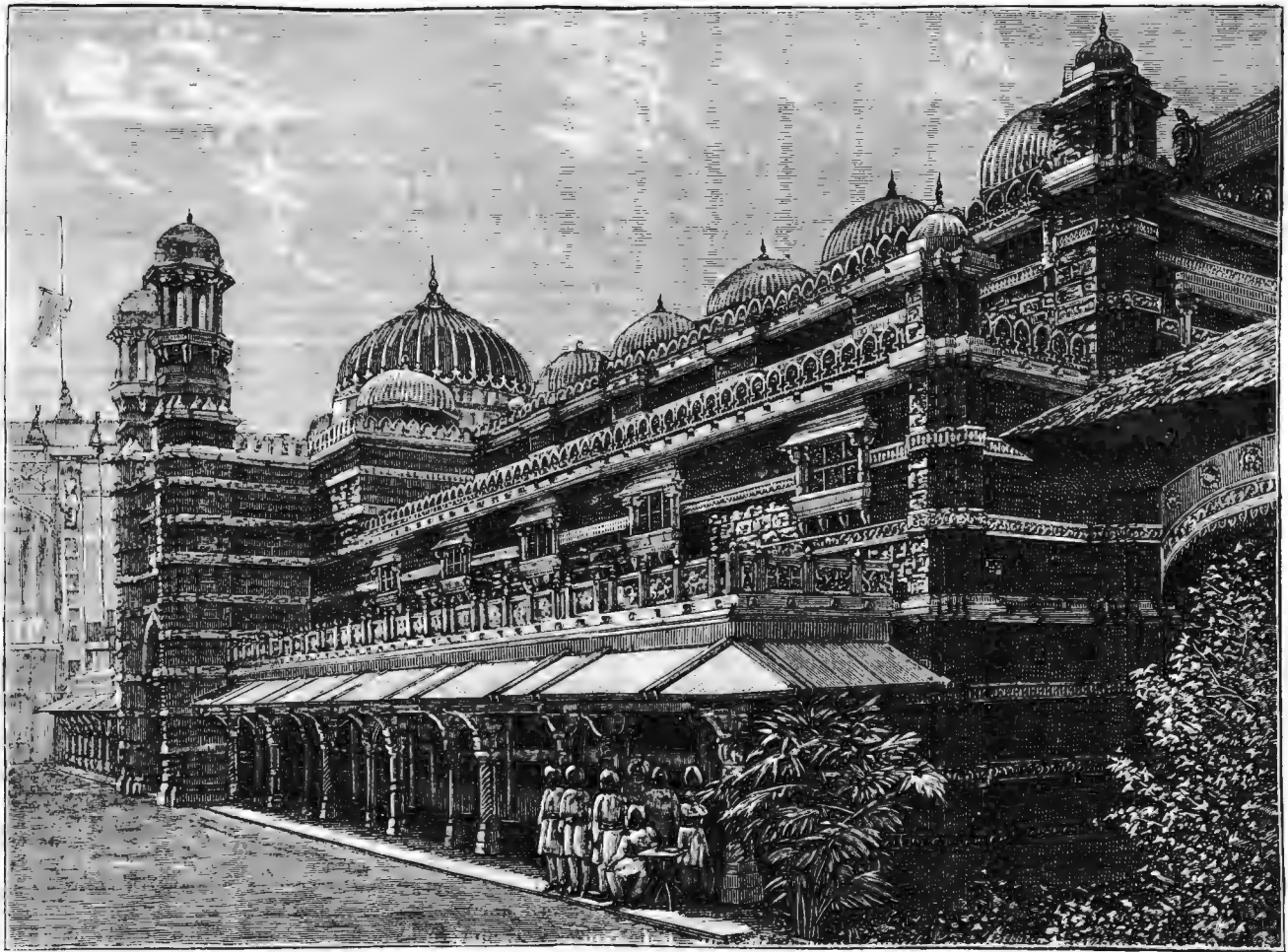
Петербургская колонія для малолѣтнихъ преступниковъ.

Очеркъ П. В. Быкова. (Рис. на стр. 1097).

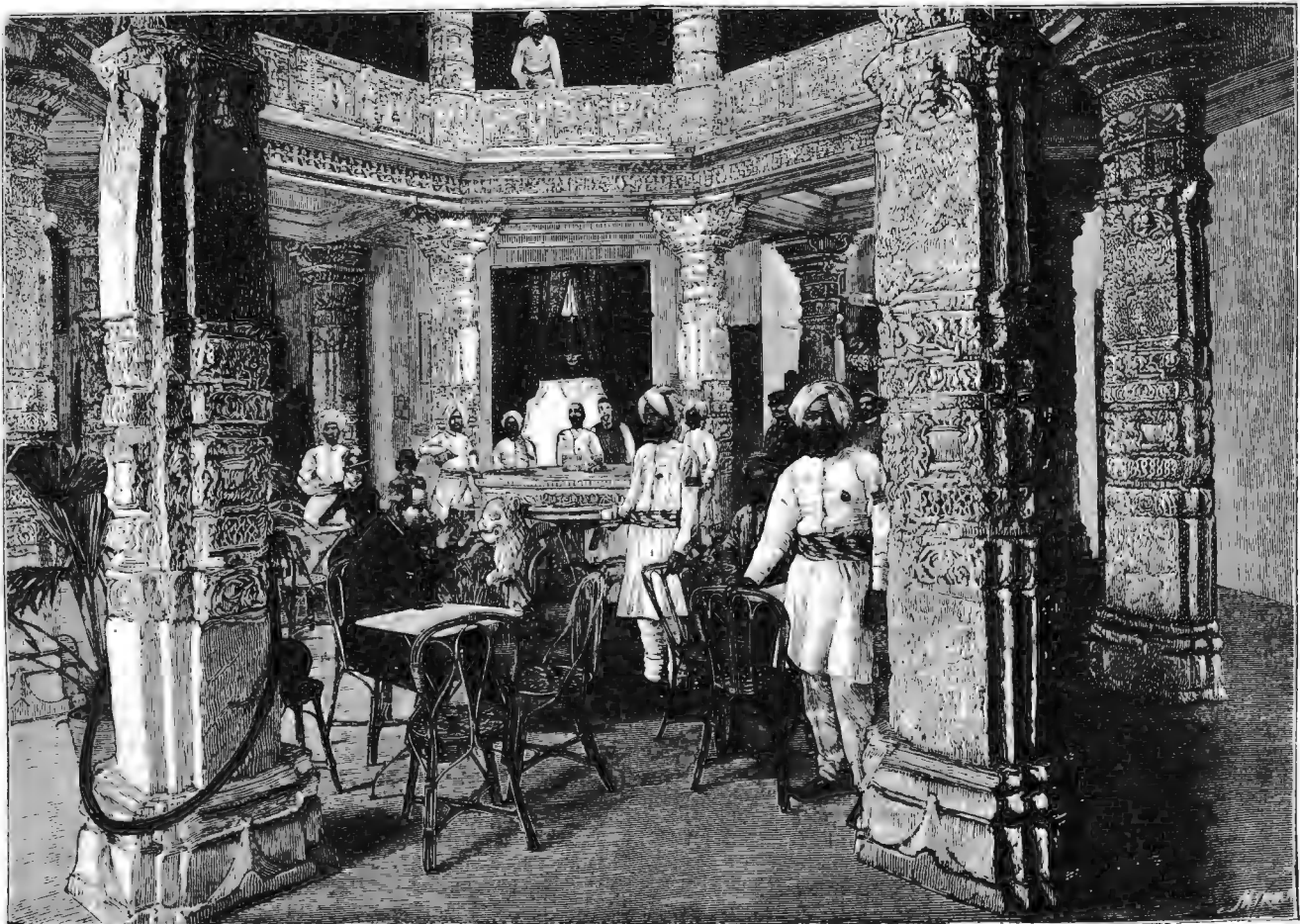
Подъ Петербургомъ, верстахъ въ трехъ отъ Охтенскаго пороховаго завода и не далѣе версты въ сторону отъ Рябовскаго заводскаго шоссе, тнется густой сосновый лѣсъ на пространствѣ двухсотъ шестидесяти десятинъ. Среди лѣса, на протекающей въ немъ небольшой рѣчкѣ Лунѣ, на горѣ видѣется большая площадь съ нѣсколькими красивыми домиками, въ русскомъ вкусѣ, отстоящими довольно далеко одинъ отъ другаго, съ хозяйственными постройками и небольшою новенькою церковью. Подъ горкой раскинулись огороды, возлѣ которыхъ копошится маленькій народецъ. Это такъ-называемая „Земледѣльская колонія и ремесленный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ“. Отсутствие часовыхъ и какой бы то ни было стражи, отсутствие заборовъ, затворовъ и всего походяго на тюремное заключеніе—придаютъ колоніи веселый, привлекательный видъ и заставляютъ рѣшительно забывать о томъ, что здѣсь живутъ лишенные свободы, по приговору суда, удаленные изъ общества порочные члены его. Здѣсь отовсюду вѣетъ миромъ и тишиной. Юные колонисты веселы, привѣтливы, спокойны и невольно располагаютъ въ свою пользу cadaго изъ посѣтителей этого, въ высшей степени благотѣльнаго, учрежденія. А между тѣмъ сюда поступали дѣти изъ самыхъ ужасныхъ притоновъ, оборванныя, полуголодные, ожесточенныя, развращенныя послѣ пребыванія своего въ острогахъ. Ра-

зумная обстановка, старательный педагогическій уходъ, чело-вѣчное обращеніе, быть на семейныхъ началахъ, прекрасное вліяніе и добрый примѣръ—все это примирило дѣтей съ жизнью и почти переродило ихъ. По крайней мѣрѣ эти добродушные ребята, работающіе на открытомъ воздухѣ, трудящіеся съ увлеченіемъ въ разныхъ мастерскихъ, учащіеся грамотѣ или затѣвающіе игры, ровно ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ, искреннихъ дѣтей. На лицахъ колонистовъ не видно ни озлобленія, ни наглости, ни лицемѣрной покорности. Напротивъ, они говорятъ о тѣхъ добрыхъ отношеніяхъ, о непринужденности, которыя существуютъ въ колоніи между дѣтьми и тѣми лицами которымъ порученъ бдительный надзоръ за питомцами.

Колонія малолѣтнихъ преступниковъ существуетъ уже восемнадцать лѣтъ. Мысль объ основаніи подобнаго учрежденія возникла еще въ концѣ шестидесятихъ годовъ. Нѣсколько просвѣщенныхъ лицъ, глубоко сочувствуя дѣлу спасенія несчастныхъ дѣтей, вовлеченныхъ въ преступленія чаще всего безиріютною, нишетою, невѣжествомъ, дѣтей рано лишившихся родителей или брошенныхъ на произволъ судьбы, соединились, въ числѣ 275 человекъ, въ общество и выработали „Уставъ общества земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ“, который и былъ утвержденъ пра-

Парижская всемирная выставка 1889 г. Индійскій дворець на Марсовомъ полѣ.

Внутренній видъ Индійскаго дворца на Марсовомъ полѣ.

вительством 15 января 1870 года. Своею цѣлью Общество поставило содѣйствовать улучшенію участи несовершеннолѣтнихъ обоего пола, впадшихъ въ пороки и преступленія, а также безпріютныхъ сиротъ и малолѣтнихъ нищихъ, которые, по бѣдности и вредному вліянію окружающей среды, не могли получить правильнаго образованія, знанія какого-либо ремесла и потому не могутъ зарабатывать себѣ пропитаніе и лишены возможности вести трудолюбивую и честную жизнь. Для достиженія такой цѣли Общество и рѣшило основать на первый разъ земледѣльческую колонію съ ремесленнымъ пріютомъ, гдѣ ввести правильное физическое, нравственное и умственное воспитаніе дѣтей, заключающееся въ преподаваніи питомцамъ элементарнаго образованія, въ обученіи ихъ земледѣлію и ремесламъ, во внушеніи добрыхъ правилъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ свѣдущихъ сельскихъ работниковъ и ремесленниковъ и тѣмъ обезпечить имъ въ будущемъ средства къ существованію. Для устройства этой колоніи Общество вошло съ ходатайствомъ къ министру Государственныхъ Имуществъ объ уступкѣ ему подъ колонію лѣснаго участка изъ Охтенской казенной дачи. Ходатайство было уважено, и Общество получило прекрасный кусокъ земли, по своему мѣстоположенію, качеству почвы и обилію лѣснаго матеріала, представлявшій большія выгоды для хозяйства колоніи. По слѣдкѣ произведенной въ 1883 году, оказалось въ этомъ участкѣ 460 дес. и 2350 саж., изъ которыхъ подъ лѣсомъ разнаго возраста 249 дес. 1960 саж., подъ прогалинами 30 дес. 870 саж., подъ нашеней, сѣнокосомъ и прочими угодьями 56 дес. 320 саж., подъ усадьбою, рѣкою, дорогами и неудобною землей 124 дес. 1600 саж. Расчистивъ поляну и выкорчевавъ пни, изъ срубленнаго тутъ лѣса на первый разъ построили четыре красивыхъ двухэтажныхъ домика и кое-какія службы, заимствовавъ систему построекъ французской колоніи Метрѣ. Колонія открылась официально 18 ноября 1871 года. Въ нее поступило сперва одиннадцать мальчиковъ, которые и составили одну семью. Къ январю 1873 года число питомцевъ возрасло до 53 человекъ. Они были раздѣлены на ремесленниковъ и колонистовъ: первые, изъ горюхавъ, учились кузнечному и столярному мастерствамъ; вторые, изъ деревенскихъ, обрабатывали землю. Тѣ и другіе обучались грамотѣ, закону Божію, родному языку и ариѳметикѣ. Сперва земледѣльческая колонія какъ-бы отдѣлялась отъ ремесленнаго пріюта и имѣла свое особое хозяйство, свои распорядки, но потомъ они смѣшались, и въ настоящее время хозяйство у нихъ нераздѣльное. Первымъ директоромъ земледѣльческой колоніи былъ извѣстный педагогъ А. Я. Гердь, первымъ директоромъ и воспитателемъ пріюта Ф. О. Резенеръ. Оба они учили питомцевъ грамотѣ и прочимъ наукамъ—въ спальняхъ на раскидныхъ столахъ, такъ какъ сначала особыхъ классныхъ комнатъ не было. Не было также при колоніи и мастерскихъ, и воспитанники занимались работой въ лѣсу, вывозили бревна для зданій, пилили обрубки на дрова, вечеромъ чинили платье и бѣлье, затѣмъ устранивали парники, обрабатывали огородъ, учились пахать и сѣять, косили сѣно и жали. Къ 1873 году открылись мастерскія: кузничья, телѣжная и переплетная. Таковы исторія возникновенія колоніи и состояніе ея въ первые годы существованія этого въ высшей степени полезнаго учрежденія.

Въ настоящее время колонія пережила свою переходную пору и разныя колебанія, вполне установилась, разрослась и находится въ истинно цвѣтущемъ состояніи, подъ вѣдѣніемъ директора И. А. Тютчева. Докторъ химіи, бывшій профессоръ университета Св. Владиміра, Горьгорѣцкаго земледѣльческаго института и потомъ директоръ Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, Иванъ Артамоновичъ Тютчевъ вступилъ въ завѣдываніе колоніей въ 1881 году, и мало-по-малу ввелъ новые порядки, послужившіе ко благу учрежденія, о которомъ онъ неустанно заботится. Не смотря на свои 65 лѣтъ, этотъ совсѣмъ сѣдой, почтенный старикъ удивительно бодръ и духомъ, и тѣломъ. Онъ неутомимъ въ своихъ хлопотахъ и по хозяйственной части, и по надзору за питомцами, которые и любятъ, и уважаютъ его, и боятсѣ. Онъ горячо относится къ своему дѣлу, сжился съ нимъ и не перестаетъ заботиться о благосостояніи колоніи. Будучи превосходнымъ педагогомъ, онъ умѣетъ благоговорно вліять на воспитанниковъ, обращается съ ними чрезвычайно человѣчно, кротко, ласково, просто, по-отечески, но вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ безусловнаго повиновенія и подчиненія строгимъ порядкамъ. За то онъ и достигъ весьма благоприятныхъ результатовъ.

Въ колоніи теперь до 120 человекъ, которые живутъ семьями въ пяти домикахъ. Въ концѣ 1884 г. горѣлъ одинъ изъ двухъ-этажныхъ домиковъ, вмѣсто котораго выстроены два одноэтажные. Въ каждомъ домикѣ помѣщаются мастерскія, классныя комнаты, столовая и квартиры. Одинъ изъ домиковъ занятъ подъ больницу съ аптекой и съ квартирой для прислуги. Всѣхъ мастерскихъ шесть: портняжная, саножная, слесарная, столярная, телѣжная и ткацкая. Была еще и корзиночная, но ее пришлось закрыть вслѣдствіе несостоятельности ея содержателя. Ремесламъ воспитанники обучаются подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ-спеціалистовъ, въ большинствѣ случаевъ работаютъ съ увлеченіемъ, интересуются дѣломъ и дѣлаютъ успѣхи. Весною 1885 года колонія представила на Петербургскую Ремесленную выставку произведенія телѣжной, слесарной и столярной мастер-

скихъ и получила за нихъ дипломъ на бронзовую медаль. Портняжная и саножная мастерскія изготовляютъ одежду и обувь для питомцевъ; кромѣ того, за произведенія слесарной и другихъ мастерскихъ колонія выручаетъ въ годъ до 500 рублей. Школа посѣщается нинѣ лишь тѣми питомцами которые не занимаются изученіемъ какого-либо ремесла, но до изученія ремесла не допускаются всѣ вновь поступающіе до тѣхъ поръ, пока не познакомятся съ курсомъ школы, то есть, не выучатся толково читать, сносно писать и хотя немного счисленія. По окончаніи лѣтнихъ полевыхъ работъ, всѣ воспитанники раздѣляются на два отдѣленія: старшее и младшее: въ старшее помѣщены всѣ тѣ, которые принесли съ собою въ колонію нѣкоторое знакомство съ грамотой и ариѳметикой. Въ младшее попадаютъ едва умѣющіе читать и совершенно безграмотные. Занятія въ школѣ продолжаютъ ежедневно 3 часа для старшаго отдѣленія и 4—для младшаго. Преподаваніемъ занимаются настоятель церкви при колоніи и учитель. Священникъ знакомитъ питомцевъ со священной исторіей, вѣрующіемъ православной церкви и богослуженіемъ; учитель обучаетъ ихъ чтенію, письму, грамматическимъ правиламъ и ариѳметикѣ.

Всѣ вновь поступающіе въ колонію составляютъ ея noviceвъ и мастерскихъ не посѣщаютъ. Они исключительно занимаются хозяйственными работами, пиленьемъ и колкой дровъ, уходомъ за огородными овощами, уборкой сѣна, посадкой картофеля, сборомъ овецъ и проч. Они и помѣщаются отдѣльно, въ одномъ изъ вновь отстроенныхъ послѣ пожара деревянныхъ домиковъ, получившемъ названіе „дома въ память Михаила Евграфовича Ковалевскаго, сенатора и самаго усерднаго рѣдителя Общества земледѣльческихъ колоній“. Въ отдѣльномъ зданіи, достаточно удаленномъ отъ прочихъ, помѣщаются также и слѣнкомъ порочные питомцы, трудные въ воспитательномъ отношеніи, которыхъ въ колоніи обыкновенно считается до 10%. Они живутъ подъ особымъ надзоромъ, и для нихъ съ конца 1885 г. устроена особая мастерская—ткацкая. Въ этомъ случаѣ колонія Петербургская послѣдовала примѣру Вехтелепской колоніи въ Швейцаріи, гдѣ, по отзывамъ директора и разныхъ спеціалистовъ тюремнаго дѣла, занятія ткацкимъ мастерствомъ имѣли несомнѣнно благотворные результаты въ смыслѣ перевоспитанія испорченныхъ дѣтей. Забота о воспитаніи колонистовъ всецѣло лежитъ на воспитателяхъ, которые трудятся подъ руководствомъ директора. Воспитатель завѣдуетъ семей при содѣйствіи помощника или дядьки, обыкновенно отставнаго солдата, заслуженнаго и въ нравственномъ отношеніи безупречнаго. Воспитатели, за исключеніемъ воспитателя пятой семьи, дежурятъ въ колоніи по очереди. На обязанности дежурнаго лежитъ общій надзоръ за порядкомъ въ колоніи, отправка въ больницу заболевшихъ, присмотръ за исправнымъ посѣщеніемъ школы и мастерскихъ. Дежурный воспитатель слѣдитъ за отпускомъ провинившихся на кухню, ведетъ книгу дежурства, налагаетъ взысканія состоянія въ лишеніи чая, замѣнѣ обѣда или ужина хлѣбомъ и водою, запрещеніи играть и стоянія у койки. Болѣе тяжкое наказаніе—заключеніе въ карцеръ—налагается только директоромъ. На воспитателейъ лежитъ также обязанность оцѣнки поведенія воспитанниковъ и доведеніе до свѣдѣнія директора о важныхъ нарушеніяхъ обычнаго порядка въ колоніи. Дядьки разводятъ питомцевъ по работамъ, по мастерскимъ, присутствуютъ при обѣдѣ, ужинѣ, чаеніи и играютъ питомцевъ и ситятъ въ одномъ помѣщеніи съ ними, словомъ, находятся при семьяхъ почти неотлучно.

Полное понятіе о жизни дѣтей въ колоніи можетъ дать распредѣленіе часовъ будничнаго дня. Встаютъ питомцы въ 6 часовъ утра; полчаса имъ дается на уборку своихъ постелей, на умыванье (примечъ мыло отпускается имъ въ достаточномъ количествѣ) и на молитву. Послѣ этого они идутъ въ столовую пить чай со ржанымъ хлѣбомъ, на чтѣ дается имъ также полчаса. Окончивъ чаеніе, они расходятся по мастерскимъ, часть идетъ въ школу, новички отправляются на работы по хозяйству. Въ 8, 9, 10 и 11 часовъ раздаются звонки, это—смѣняются различныя отдѣленія, посѣщающія школу. Въ полдень звонокъ призываетъ всѣхъ къ обѣду, передъ которымъ питомцы поютъ молитву; ихъ пѣніе отличается чрезвычайной стройностью; есть прекрасные, чистые, звучные голоса, и это дѣтское пѣніе дѣйствительно умиляетъ душу. Ни криковъ, ни шума, ни брани за обѣдомъ не слышится; обѣдають чинно, опрятно, съ аниситомъ, но безъ алчнаго набрасыванія на пишу. Послѣ обѣда до 2 часовъ питомцы играютъ на дворѣ въ мячъ, въ лапту, въ городки и проч. или въ помѣщеніяхъ своихъ семей. Съ 2 до 7 час. опять работаютъ въ мастерскихъ, кромѣ пятой семьи, новичковъ, трудящейся по хозяйству; зимой она, конечно, работаетъ пока свѣтло. Въ 7 час. ужинъ, въ 9 ложатся спать. Лѣтомъ послѣ ужина до 9 часовъ имъ дозволяется играть на дворѣ. Суббота нѣсколько разнится отъ прочихъ дней тѣмъ, что послѣ обѣда питомцы уже не работаютъ, а приводятъ въ порядокъ помѣщенія свои, идутъ въ баню, и затѣмъ въ свою церковь къ вечернѣ или ко всенощной. Въ воскресенье и въ праздники дѣти встаютъ въ 8 час., идутъ къ обѣдѣ; работъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ, не производятъ. Послѣ обѣда имъ дается въ 4 часа вечерній чай. Пища питомцевъ простая, но вкусная, сытная и обильная: на обѣдѣ, кромѣ среды, питинки и трехъ недѣль Великаго поста, готовится супъ или щи съ полфунтомъ

мяса на человекѣ и каша гречневая или пшеница; на ужинъ — тоже, но безъ мяса. Въ праздниѣ каша замѣняется пирогомъ съ рисомъ, морковью или съ брусничнымъ вареньемъ; по воскресеньямъ вмѣсто мяса даютъ жареную телятину. Въ постъ готовятъ супъ съ рыбой, горохъ или кашу. Иногда даютъ рѣдьку, брюкву, а лѣтомъ частенько молоко, когда его достаточно. Одежда колониста состоитъ изъ кафтана, суконныхъ брюкъ, замѣняемыхъ лѣтомъ тиковыми, сапогъ или пеньковыхъ лаптей (лѣтомъ) и бѣльи; поверхъ рубахъ надѣваются блузы изъ пестряди и фартуки, необходимые при занятіяхъ въ мастерскихъ. Снять питомцы на желѣзныхъ кроватяхъ съ тюфяками и подушками, набитыми свѣжей соломой, и байковымъ одѣяломъ.

Относительно обученія питомцевъ слѣдуетъ еще добавить, что наиболѣе способные получаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ отечественной исторіи и географіи; желающимъ преподавалось съ 1884 г. рисованіе. Всѣ почти питомцы обучаются также хорошему пѣнію по цифровой методѣ.

Въ колонію попадаютъ по приговорамъ мировыхъ судей и свѣздовъ, осужденные окружнымъ судомъ присылаемые изъ Воспитательнаго Дома и по распоряженію Комитета общества землѣдѣльческихъ колоній. Колонія не отказывала въ пріютѣ и тѣмъ питомцамъ, которые, отбывъ въ ней срокъ, возвращались сюда, тѣснимые нуждой; такихъ случаевъ однако было немного. По сословіямъ питомцы колоніи распределяются такъ:

Къ рисункамъ.

Осенняя перекочевка оленей. (Рис. на стр. 1085).

Олени предпочитаютъ гористыя мѣстности ровнымъ и особенно охотно держатся въ большихъ сплошныхъ лѣсахъ, преимущественно лиственныхъ. Здѣсь они собираются въ болѣе или менѣе крупныя стада, которыя лѣтомъ поднимаются на самыя вершины горъ средней величины; къ зимѣ же стада спускаются съ горъ въ долины, а мягкіе весенніе рога заставляютъ его держаться въ низкомъ кустарникѣ.

Татары, пирующіе послѣ Калкской битвы.

(Рис. на стр. 1088).

Въ 1224 г. впервые услышали русскіе князья, что въ степяхъ явился страшный и дикій народъ, какіе-то *Татары*, которые любиваютъ и гонятъ передъ собою всѣхъ остальныхъ степныхъ кочевниковъ. Половецкіе ханы обратились къ русскимъ князьямъ съ молбами. „Спасите насъ, помогите намъ“, просили они русскіе князья. — „не поможете, такъ вамъ же будетъ хуже... Татары насъ побьютъ, и на ваши земли нахлынутъ.“ И вотъ собрались всѣ южно-русскіе князья, подъ главнымъ начальствомъ храбраго князя, Мстислава Удалаго, и пошли на встрѣчу татарскимъ полчищамъ, которыя двинулись къ низовьямъ Днѣпра. На рѣкѣ Калкѣ (нынѣ Калець, притокъ Кальмуса, въ Екатеринославской губ.) русское войско сошлось съ татарами. На бѣду въ русскомъ войскѣ началось несогласіе; одни князья настаивали на томъ, что слѣдуетъ нападать немедленно, не ожидая натиска враговъ; другіе утверждали, что слѣдуетъ засѣсть въ укрѣпленномъ станѣ и ожидать подкрѣпленій, которыя уже были въ пути. Пока длились эти споры, татары стремительно ударили и смяли половецкіе полки, присоединившіеся къ русскому войску. Половцы побѣжали и разстроили русскій боевой порядокъ. Произошла страшная, кровопролитная битва, въ которой на cadaго русскаго приходилось по десяти враговъ. Какъ ни бились русскіе — татары ихъ одолѣли и обратились въ бѣгство. Очень немногіе князья, и въ томъ числѣ Мстиславъ Удалый, успѣли спастись бѣгствомъ съ поля битвы. Тѣ же изъ князей, кто засѣли въ укрѣпленномъ лагерѣ, были отовсюду окружены татарами, которые голодомъ и жаждою вынудили ихъ къ сдачѣ, а взявъ въ плѣнъ, подвергли страшнымъ истязаніямъ. Этихъ несчастныхъ, связанныхъ по рукамъ и ногамъ, положили рядами, накрыли досчатымъ помостомъ, а на этомъ помостѣ татары засѣли пировать: ѣли, пили и плясали до тѣхъ поръ, пока князья, лежавшіе подъ досками, не задохлись въ жестокихъ мукахъ. Лѣтописецъ, рассказывая объ этомъ несчастномъ исходѣ Калкской битвы, добавляетъ любопытную подробность: онъ говоритъ, что въ этой битвѣ „однимъ боитыремъ погубило болѣе семидесяти“.

Поднятіе креста на церковь. (Рис. на стр. 1089).

При построеніи cadaго храма, воздвигаемаго въ селѣ или въ городѣ, бываетъ три важныхъ торжества: 1) закладка храма, 2) поднятіе креста на главу храма, 3) освященіе новостроеннаго и вполнѣ законченнаго зданія храма.

При построеніи храма въ селѣ или при построеніи его на новомъ мѣстѣ, для образованія новаго прихода, — всѣ эти три торжества привлекаютъ массу народа изъ окрестностей ближнихъ и дальнихъ, и присутствованіе на этихъ торжествахъ принимается даже за нѣкотораго рода духовный подвигъ, который ближайшіе сосѣди (считая близкимъ сосѣдствомъ 20-тиверстное разстояніе) составляютъ себѣ въ непрѣмную обязанность, наравнѣ съ присутствованіемъ при богослуженіи въ извѣстныя, важнѣйшіе праздниѣ. При каждомъ изъ подобныхъ торжествъ, мѣстные поселцы стараются не только при-

болѣе всего дѣтей крестьянъ, уроженцевъ Петербургской и Ярославской губерній; затѣмъ слѣдуютъ солдатскіи дѣти, дѣти мѣщанъ, питомцы Воспитательнаго Дома, дѣти лицъ привилегированныхъ сословіи и духовнаго званія и, наконецъ, не численныя ни къ какому сословію. Предѣльный возрастъ колониста — восемнадцатилѣтній.

Хозяйство землѣдѣльческой колоніи образцовое. На фермѣ отличныя коровы, лошади для домашняго обихода, большой сѣнникъ, наполненный сѣномъ съ собственныхъ луговъ, погребъ для картофеля и овощей, прекрасная молочная, огороды съ замѣчательными овощами, съ калустой огромной величины. Этою необычайною величиною овощи колоніи обратили на себя общее вниманіе, когда появились на выставкѣ садоводства въ Петербургѣ, осенью 1885 г. Обозрѣніе колоніи можетъ доставить много интереса каждому просвѣщенному человеку, тѣмъ болѣе что оно не сопряжено ни съ какими формальностями. Любезный и предупредительный директоръ, И. А. Тютчевъ бываетъ душевно радъ каждому посѣтителю, интересующемуся колоніей. И надо видѣть съ какою любовью онъ все показываетъ, все объясняетъ до мельчайшихъ подробностей, какъ воодушевляется бесѣдуя о питомцахъ своихъ, о мѣрахъ къ возвращенію на путь истинный бѣдныхъ, заблудшихъ дѣтей, ранѣе нѣрѣдко жившихъ „безъ понятій о Богѣ, о правѣ, какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣча“...

существовать и принимать въ немъ молитвенное участіе, но также и оказывать *дѣятельную* помощь, принимая на себя какой-нибудь физическій трудъ, выполняя извѣстнаго рода работу для пользы строящагося храма, въ родѣ носки кирпичей, размѣшиванья извести, установки лѣсовъ, накатыванья бревень и т. д.

Изображенное на нашей гравюрѣ поднятіе креста происходило въ одномъ изъ глухихъ и дальнихъ приходовъ Новгородской губерніи. Храмъ былъ достроенъ до маковицы надъ главнымъ куполомъ; недостроенною оставалась только колокольня. На торжество былъ приглашенъ благочинный и духовенство съ причтомъ изъ двухъ сосѣднихъ приходовъ. Съ западной стороны храма насланъ былъ невысокій помостъ, среди котораго водруженъ былъ крестъ, предназначенный къ поднятію и утвержденію на маковицѣ храма. Древо креста было обмотано кусками чистаго холста, и сверхъ этихъ холстовъ охлестнуто глухою петлею веревки, пропущенной однимъ концомъ въ блокъ, на маковицѣ храма; другой же конецъ той же веревки переданъ былъ въ руки охотниковъ изъ прихожанъ, которые взялись поднимать крестъ. Главный подрядчикъ при стройкѣ и двое рабочихъ помѣстились на особыхъ подмосткахъ около маковицы, подъ крышею храма.

Торжество началось молебномъ, въ которомъ вся толпа принимала усердное участіе, подпѣвая слова молитвъ, возглашаемыхъ пѣвчими; затѣмъ крестъ былъ окропленъ Св. водою и, по знаку данному благочиннымъ, „двинулся“ вверхъ. Вся толпа, крестясь и твердя молитву, слѣдила за поднятіемъ креста, который, покачиваясь, медленно двигался вверхъ, по мѣрѣ того какъ прихожане дружно тянули одинъ конецъ веревки пропущенной въ блокъ, а духовенство осторожно отпустило другой конецъ. Вотъ крестъ поднялся до подмостковъ, черезъ которыя его бережно перевели рабочіе, потомъ пошелъ выше, выше, и наконецъ очутился у маковицы. Тамъ приняли его на руки подрядчикъ и двое его помощниковъ и водрузили въ томъ гнѣздѣ, которое для него было приготовлено. Еще нѣсколько минутъ, и крестъ укрѣпили, освободили отъ холщевой покрывки — и онъ засіялъ надъ храмомъ. „Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!“ слышалось отовсюду въ толлѣ.

Когда церковное торжество было окончено, староста будущаго храма пригласилъ духовенство въ избу, гдѣ угостилъ ихъ легкою закуской; а затѣмъ собралъ рабочихъ, принимавшихъ участіе въ постройкѣ храма, и сборщиковъ, собиравшихъ на храмъ, и предложилъ имъ обѣдъ на чистомъ воздухѣ. Народъ долго еще молился около новаго храма, украшеннаго новымъ крестомъ, и усердно раскупалъ бублики, леденцы и другія лакомства у мелкихъ торговцевъ, събѣжавшихся на мѣсто, гдѣ должно было происходить поднятіе креста.

Ожиданіе (изъ Шиллера). (Рис. на стр. 1093).

Чу! скрипнули дверцей садовой?

Чу!брякнула ручка замка?

Нѣтъ, то въ тополѣ махровой

Слышенъ лепетъ вѣтерка.

Чу! Кто это тамъ торопливо

Скользить, шелестя по кустамъ?

Нѣтъ, то птица боязливо

Пропорхнула по вѣтвямъ.

О, сердце, полно ждаты! Къ чему мечту пустую,

Тѣнь счастья въ душѣ своей ласкаю?

Мечтой не остудитъ мнѣ грудь мою больную

И призрака руками не обнять...

(Л. Мей).

Типы инородцев. Еврей-коробейникъ Витебской губерніи.

(Рис. на стр. 1096).

Въ Витебской губерніи насчитывается до 63,000 евреевъ. Большинство изъ нихъ живетъ въ городахъ, и, какъ повсюду, занимается торговлею и промыслами. Интересный типъ торговца, перебѣжающаго со своею лавочкою изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, изображенъ на нашемъ рисункѣ. Чего только у него нѣтъ въ его сундукахъ, ящикахъ и связкахъ! Матерія, обувь, всевозможный прикладъ, лакомства, духи и всякая другая всячина навязчиво предлагается юркимъ торговцемъ покупателю, который, иногда безъ всякой надобности, покупаетъ какую-нибудь вещь, чтобы только отвязаться отъ назойливаго торгаша.

Парижская всемірная выставка 1889. Индій- скій дворецъ.

(Рис. на стр. 1101).

На Марсовомъ полѣ вышается обширное зданіе, выстроенное по плану Пурдона, завѣдующаго индійскими коллекціями Саутъ-Кенсингтонскаго музея въ Лондонѣ, и представляющее точную копію дворца Панчъ-Магалъ построеннаго въ 1566 г. въ Агрь.

Внутренность его представляетъ крестообразную галерею съ

Михаилъ Самойловичъ Зеленскій. Съ фотогр. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

колоннами буддійскаго стиля въ центрѣ, оригиналы которыхъ украшали ахмебадскій храмъ въ концѣ XV вѣка. Надъ этими колоннами возведенъ куполъ, отъ котораго справа и слева тянутся до концовъ зданія меньшіе купола. Монументальный порталъ, увѣнчаный двумя минаретами съ балкономъ, служитъ главнымъ входомъ. По всей длинѣ фасада тянется низенькая веранда, поддерживаемая колонками съ широкими капителями.

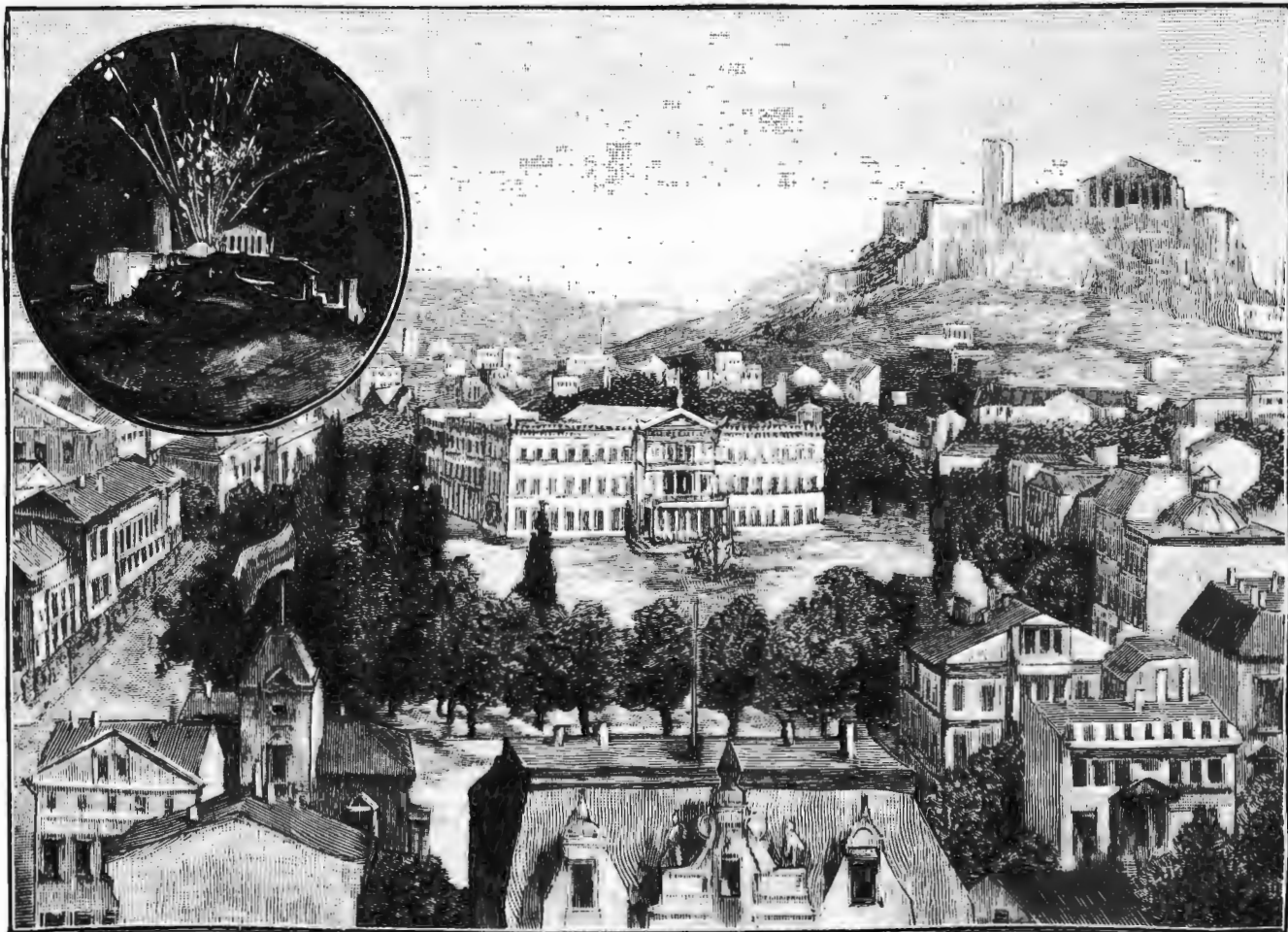
Въ центральной ротондѣ, изображенной на второмъ рисункѣ, индусы въ національныхъ костюмахъ и англичанки подаютъ желающимъ индійскій чай, начинаяющій копировать съ китайскимъ.

М. С. Зеленскій.

(Портр. на стр. 1104).

Среди нашихъ медицинскихъ дѣятелей, всецѣло посвятившихъ себя, всѣ силы и способности благому дѣлу облегченія страждущаго человечества, большою популярностью пользуется ученый врачъ Зеленскій, специалистъ по дѣтскимъ болѣзнямъ. Безъ малаго сорокъ лѣтъ занимается онъ врачебною практикою и научными изслѣдованіями по своей специальности, исполняя свои обязанности честно, добросовѣстно и съ полнымъ самоотверженіемъ. Не разъ приходилось ему рисковать своимъ здоровьемъ и даже жизнью. Такъ, однажды, будучи штатнымъ ординаторомъ больницы для чернорабочихъ, пивъ назы-

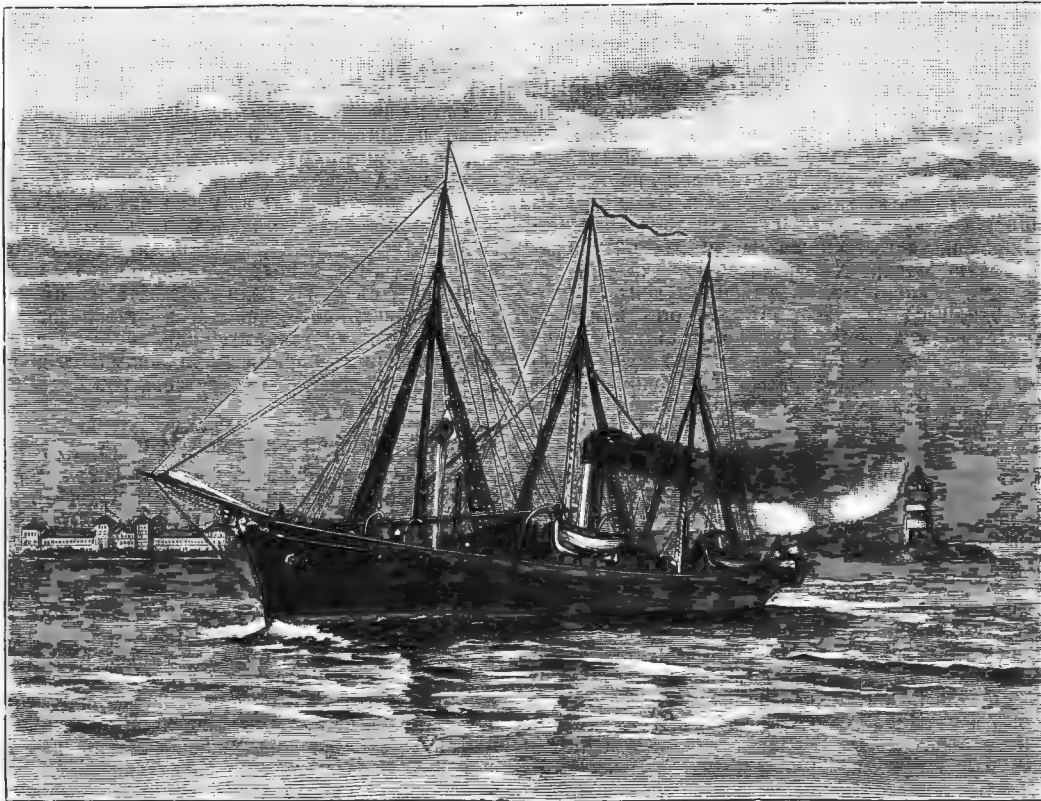
пости, исполнивъ свои обязанности честно, добросовѣстно и съ полнымъ самоотверженіемъ. Не разъ приходилось ему рисковать своимъ здоровьемъ и даже жизнью. Такъ, однажды, будучи штатнымъ ординаторомъ больницы для чернорабочихъ, пивъ назы-

Бракосочетаніе наследнаго принца Греческаго. Видъ королевскаго дворца и окрестностей его въ городѣ Афинахъ, и фейерверкъ на Акрополѣ 14 октября. Грав. Флягель.

вающейся Александровской, онъ заразился тифомъ, былъ уже приговоренъ къ смерти—и только сильная натура да искусство лѣчившаго его профессора Немерга вернули его къ жизни. Послѣ этого докторъ Зеленскій все-таки продолжалъ службу въ той же больницѣ цѣлыхъ четыре года, имѣя множество трудныхъ больныхъ на рукахъ, занимаясь вскрытіемъ

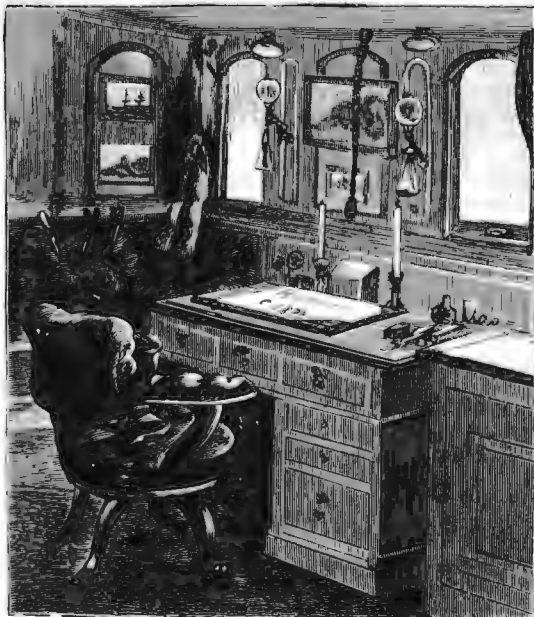
дѣла собственные опыты и наблюденія. Результатомъ этихъ занятій была изданная имъ въ 1856 году интересная книга подъ заглавіемъ „О признакахъ и распознаваніи нервныхъ болѣзней въ области узловатой системы“. Она представляла тогда довольно цѣнный вкладъ въ медицинскую литературу, трудъ весьма почтенный. Авторъ далъ въ ней возможно-полную мо-

Императорская яхта „Царевна“. По рис. I. Z., грав. Рашевскій.

умершихъ нерѣдко отъ самыхъ заразительныхъ болѣзней. Не смотря на свои многочисленные служебныя занятія и обширную практику, — докторъ Зеленскій въ качествѣ дѣтскаго врача пользуется большимъ авторитетомъ — онъ находилъ еще время и для ученыхъ изслѣдованій. Онъ еще только

пографію общей патологіи узловатой нервной системы, свелъ и сравнилъ въ ней значительную часть изысканій французскихъ и нѣмецкихъ физиологовъ Бишэ, Браше, Флурана, Лонже, Биддера, Вагнера, Кёлликера, Аксмана, Ромберга и друг. Эту книгу молодого тогда автора прочли съ интересомъ не одни

Рабочій кабинетъ Государя Императора на яхтѣ „Царевна“. По рис. I. Z., грав. Рашевскій.

начиналъ свою медицинскую дѣятельность, когда его крайне интересовалъ одинъ изъ самыхъ важныхъ, любопытныхъ и вмѣстѣ самыхъ трудныхъ вопросовъ — вопросъ объ узловатой системѣ и особенно о диагностикѣ болѣзней въ ея области. Доктору Зеленскому пришлось не мало поработать надъ нимъ, какъ изучая литературу по этой части, такъ и

Гостиная на Императорской яхтѣ „Царевна“. По рис. I. Z., грав. Рашевскій.

специалисты. Результатомъ его изслѣдованій въ области гигиены, преимущественно дѣтской, явились нѣсколько его статей, напечатанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльно. Таковы, наиримѣръ, статьи: „Дѣтская гигиена“, помѣщенная въ приложеніи къ русскому переводу „Популярной гигиены“ Реклама; „Къ вопросу о школьной гигиенѣ“ (ва-

печатана въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*), „Наши трипочники“, изслѣдованіе одного изъ главныхъ источниковъ заразы, — въ *Вѣстникѣ Европы*. Кромѣ того, имъ напечатанъ цѣлый рядъ сочиненій строго-научнаго содержания: „Общій взглядъ на особенности дѣтскихъ болѣзней“, „Семіотика и діагностика болѣзней спиннаго мозга“, „О мускульной раздражительности“ (*Zur Frage v. d. Muskelirritabilität*) въ известномъ *Архивѣ* Вирхова, „Дифтеритъ“. Критическій этюдъ для врачей и родителей, „Научный методъ для опредѣленія значенія вѣса тѣла, какъ признака здоровья или болѣзни организма“, масса добавленій къ русскому переводу „Дѣтскихъ болѣзней“ проф. Фогеля, составившихъ почти цѣлый томъ и проч.

Докторъ медицины, ст. сов. Михаилъ Самойловичъ Зеленскій родился въ октябрѣ 1829 года, на Южномъ берегу Крыма, гдѣ родители его жили временно на дачѣ. Когда ему исполнилось 9 лѣтъ, онъ былъ принятъ въ классическую гимназію, по окончаніи курса которой поступилъ въ университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ, на медицинскій факультетъ, на семнадцатомъ году. Отсюда, сдавъ экзамены по естественнымъ наукамъ, онъ перешелъ въ петербургскую Медико-Хирургическую Академію на 3-й курсъ въ качествѣ эминента, т. е. лучшаго студента, и оказалъ огромные успѣхи. Еще на пятomъ курсѣ онъ написалъ сочиненіе на академическую тему „О распознаваніи болѣзней первнхъ центровъ“, за которое получилъ первую золотую медаль, причемъ его имя, какъ лауреата, было помѣщено на мраморной доскѣ Академіи. Передъ выпускомъ Зеленскій желалъ держать экзаменъ прямо на доктора, но ему было отказано въ этомъ по причинѣ его молодости лѣтъ. Окончивъ блестяще академическій курсъ, въ теченіе котораго, кстати сказать, онъ терпѣлъ такую нужду, что по цѣлымъ суткамъ не имѣлъ обѣда, Зеленскій поступилъ ассистентомъ къ Н. И. Пирогову въ Максимилиановскую лечебницу и штатнымъ ординаторомъ въ больницу для чернорабочихъ, гдѣ прослужилъ съ 1855 по 1860 г. Степень доктора онъ получилъ въ 1853 году, по защитѣ диссертации, на латинскомъ языкѣ, о діагностикѣ заболѣваній спиннаго мозга. Во время службы своей въ больницѣ чернорабочихъ, онъ изъ труднаго и долгаго опыта вынесъ убѣжденіе, что въ его спеціальному образованію имѣется достаточно пробѣловъ. Это заставило Зеленскаго отправиться въ 1860 году за-границу, гдѣ онъ и слушалъ лекціи въ различныхъ университетахъ и главнымъ образомъ въ Берлинѣ, работая у Рудольфа Вирхова, Фридриха Фрерихса, Траубе и другихъ медицинскхъ свѣтилъ. Послѣ трехлѣтняго пребыванія за-границей, Зеленскій возвратился въ Петербургъ и, послѣ пробной лекціи, получилъ мѣсто приватъ-доцента по дѣтскимъ болѣзнямъ въ Медико-Хирургической Академіи, которое занималъ вплоть до 1887 года, когда принужденъ былъ отказаться отъ чтенія лекцій. Въ 1864 году Зеленскій былъ назначенъ директоромъ школы Жѣнскаго Патриотическаго Общества и занимаетъ эту должность по настоящее время, кромѣ того, состоя врачемъ-консультантомъ въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи. Въ настоящее время, не смотря на свой шестидесятилѣтній

возрастъ, Михаилъ Самойловичъ Зеленскій полонъ силъ и энергии и продолжаетъ неутомимо трудиться и какъ врачъ-практикъ, и какъ ученый специалистъ, живо интересуюсь вопросами современной науки и жизни. П. Быновъ.

Аены и фейерверкъ на Акрополѣ. (Рис. на стр. 1104).

Столица Греческаго королевства торжественно отпраздновала 15 октября настоящаго года бракосочетаніе наслѣднаго принца Греческаго, герцога Спартанскаго Константина съ Прусскою принцессою Софіею, и много-вѣковой городъ не zapomнитъ подобнаго настоящему стеченія высокихъ посѣтителей и великолѣпныхъ празднествъ. Не только новый городъ принималъ въ нихъ горячее участіе, но и античныя развалины старыхъ Аены, живо напоминающія о славномъ прошломъ погибшей Эллады, были также средоточіемъ всеобщаго ликованія. Между прочимъ на Акрополисѣ былъ сожженъ блестящій фейерверкъ, какъ это можно видѣть въ медальонѣ нашего рисунка. Самый городъ, занимающій остальную часть гравюры, съ видѣюшимися за нимъ величавыми развалинами на Акропольской горѣ и по ея скатамъ, былъ подробно описанъ въ нашемъ журналѣ за 1881 годъ, въ № 17. Величавое затіеше античной части Аены представляетъ совершенную противоположность новому городу съ широкими улицами, окаймленными парадными зданіями, среди которыхъ первыя мѣста занимаютъ королевскій дворецъ античной формы и университетъ изъ благаго камня и цветликскаго мрамора.

Императорская яхта „Царевна“. (Рис. на стр. 1105).

Въ противоположность Императорской яхтѣ *Держава*, предназначенной болѣе для цѣлей официальнаго представительства, меньшая по размѣрамъ яхта *Царевна* составляетъ излюбленный пріютъ Императорской фамиліи во время лѣтнихъ морскихъ прогулокъ въ финляндскихъ шхерахъ. Соответственно этому и помѣщенія на яхтѣ *Царевна* отличаются сравнительно простотой и меньшимъ великолѣпіемъ. Рабочій кабинетъ Его Величества Государя Императора, расположенный на палубѣ съ видомъ изъ оконъ на море, какъ разъ вмѣщаетъ въ себя письменный столъ, кресло и диванъ. Подпалубная каюта Ея Величества Государыни Императрицы убрана въ видѣ небольшого будуара. Самымъ обширнымъ помѣщеніемъ является гостиная, занимающая приблизительно центръ яхты и служащая вмѣстѣ съ тѣмъ столовою. Посрединѣ ея стоитъ большой овальный столъ. По двумъ стѣнамъ устроены полки для небольшой библіотеки; у третьей поставлены каминъ и пианино: стѣны декорированы лентами съ отпечатанными на нихъ именами и другими надписями, съ которыми соединяются какинъ-либо воспоминанія; главная стѣна украшена портретомъ Государыни Императрицы.

Корпусъ *Царевны* весьма изященъ и представляетъ красивый линнй. Яхта вмѣщаетъ 734 тонны и имѣетъ паровую машину въ 800 индикаторныхъ лошадиныхъ силъ. Длина яхты 204 фута, ширина 28, подводная часть 12 $\frac{1}{2}$ фут. Экипажъ 70 человекъ.

Политическое обозрѣніе.

Бракосочетаніе Греческаго королевича съ сестрою Германскаго императора состоялось при блестящей обстановкѣ, 15 октября. Высоковареченная невѣста со своею родительницею, вдовствующею императрицею Викторіей, и съ сестрами, прибыли въ Аены 13 октября, въ 4 ч. пополудни, и прослѣдовали во дворецъ среди густой толпы народа. Городской голова привѣтствовалъ императрицу и принцессу Софію рѣчами на греческомъ и французскомъ языкахъ. Городъ убранъ флагами и щитами съ соединенными вензелями „К“ и „С“. На другой день пріѣхалъ императоръ Вильгельмъ. Всѣ высочайшія особы выѣхали къ нему на встрѣчу, король и королева отправились привѣтствовать императора на яхтѣ „Hohenzollern“. Императоръ произвелъ смотръ флотскимъ экипажамъ, послѣ чего городской голова произнесъ привѣтственную рѣчь и поднесъ императрицѣ букетъ съ лентою германскихъ національныхъ цвѣтовъ. Встрѣча со стороны населенія была спокойная, но привѣтственные клики усилились, когда императоръ и король вышли на балконъ въ сопровожденіи принцевъ. О своемъ путешествіи и пребываніи въ столицѣ Греческаго королевства Германскій императоръ отправилъ имперскому канцлеру слѣдующую депешу, опубликованную въ *Сѣверо-Германской Всеобщей Газетѣ*: „Послѣ очаровательной поѣздки и прибытія въ дворецъ, престольнаго Аены. Вслѣдъ за превосходнымъ приемомъ со стороны государя и народа, первымъ привѣтствіемъ съ родины была ваша телеграмма. Сердечно благодарю за нее. Первымъ словомъ моимъ на родину пусть будетъ привѣтствіе вамъ изъ города Перикла, изъ-подъ колоннъ Пареннона, возвышенное зрѣлище которыхъ производитъ на меня глубокое впечатлѣніе“. 15 октября, царственные особы выѣхали изъ дворца въ церковь въ 11 часовъ и были привѣтствуемы кликами народа. Бракосочетаніе было обставлено большою торжественностью. Въцаря надъ женихомъ и невѣстою держалъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и принцъ Генрихъ Прусскій. Пущечный салютъ извѣстия о совершившемся бракосочетаніи. По возвращеніи Высочайшихъ

особъ во дворецъ происходило вѣнчаніе по евангелическо-лютеранскому обряду. На данномъ въ тотъ же день парадномъ обѣдѣ, король Эллиновъ провозгласилъ по-французски тостъ за здоровье новобрачныхъ и своихъ Августѣйшихъ Гостей. Императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ тостомъ на нѣмецкомъ языкѣ за здоровье новобрачныхъ, короля и королевы Греческихъ и за Греческій народъ, который оказалъ ему такой горячій приемъ. „Я счастливъ — прибавилъ императоръ — что моя сестра будетъ жить въ Греціи, и надѣюсь, что Греческій народъ усновитъ ее своею любовью.“

Послѣ Аены императоръ Вильгельмъ собирается посѣтить Константинополь, и эта поѣздка вызываетъ множество предположеній. Не мало интересуется нѣкоторыхъ странствованіе принца Фердинанда Кобургскаго. Выѣхавъ изъ Болгаріи на двѣ недѣли, самозванный князь продолжаетъ еще наслаждаться своимъ путешествіемъ по Европѣ и не особенно торопится къ „своему возлюбленному народу“, несмотря на то, что со дня на день ожидается за его отлучкой открытіе „Народнаго Собранія“. Цѣлю его экскурсіи нѣкоторыя газеты считаютъ проекты принца жениться, а также навѣстить своихъ многочисленныхъ знатныхъ и богатыхъ родственниковъ и помириться съ ними, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ до сихъ поръ не одобряютъ поѣздки его въ Болгарію.

Въ Сербіи все вниманіе сосредоточено на скупщинѣ. Отвѣтъ, ея на рѣчь встрѣченъ страшно восторженно. Скупщина радостно констатируетъ, что Сербіи, послѣ унорной борьбы, удалось освободиться отъ антинаціональной политики, и заявляетъ, что употребитъ всѣ усилія, чтобы рядомъ реформъ вывести страну изъ тяжелаго положенія.

Франція совершенно успокоилась послѣ выборовъ и терпѣливо ожидаетъ открытія палаты, созываемыхъ декретомъ президента Карно на 12 ноября.

Зато Англія вся поглощена происходящими выборами, въ которыхъ значительнымъ успѣхомъ пользуются глэдстоніанцы.

Их маститый глава, несмотря на преклонные годы, попрежнему дѣятеленъ и неутомимъ. 11 октября въ Саутпортъ была многолюдная сходка либеральной партіи. Гладстонъ пронаесть на ней рѣчь, въ которой вкратцѣ коснулся иностранной политики. Ораторъ указалъ на послѣдніе слухи о серьезныхъ неурядицахъ на островѣ Критѣ и въ Арменіи и замѣтилъ, что непрекращающееся дурное управленіе Турціи можетъ сдѣлаться для Европы постоянною угрозою. Относительно внутреннихъ вопросовъ Гладстонъ сказалъ, что онъ не имѣетъ возможности изложить планъ будущаго либеральнаго правительствъ; что же касается программы либеральной партіи, то въ общихъ чертахъ она уже извѣстна. Ирландскій вопросъ попрежнему преобладаетъ де надъ всѣми другими вопросами; послѣдніе избирательные успѣхи служатъ поощреніемъ для либеральной партіи

и предостереженіемъ консерваторамъ и указываютъ имъ, что Англія въ концѣ-концовъ удовлетворитъ ирландскія требованія. Своимъ взглядомъ на иностранную политику высказалъ вслѣдъ за нимъ лордъ Дерби въ рѣчь, произнесенной 13 октября въ Ливерпулѣ. Въ ней онъ распространился о видахъ Европы на миръ и сказалъ, что виды эти внушаютъ большія надежды по слѣдующимъ основаніямъ: Австрія имѣетъ все поводы избѣгать войны, а въ Россіи главнымъ залогомъ мира является личный характеръ Государя Императора. Что касается Германціи, то она ничего не выиграла бы даже отъ успѣшной войны. Французы, по словамъ лорда Дерби, вѣроятно не могли бы устоять противъ соблазна принять участие въ борьбѣ, которая обѣщала бы имъ отвоеваніе Эльзасъ-Лотарингіи, но сами не начали бы ее.

С М Ъ С Ъ .

Случай изъ жизни императора Николая Павловича. Въ одной изъ южныхъ газетъ разсказанъ интересный случай, характеризующій императора Николая Павловича со стороны его добродушія. Какому-то богатому саратовскому помѣщику захотѣлось непременно увидѣть государя. Для этого онъ, недолго думая, прикатилъ въ Петербургъ. Гуляя около Зимняго дворца, весь полонъ мыслью о государѣ, помѣщикъ однажды встрѣтилъ статнаго высокаго роста мужчину въ офицерской формѣ и плащѣ, и принявъ его за одного изъ служащихъ при Дворѣ, просилъ у него собѣта, какъ увидѣть государя. Незнакомцу онъ подробно разсказалъ при этомъ о своемъ общественномъ, семейномъ и матеріальномъ положеніи и проч. „Я живу сорокъ лѣтъ на свѣтѣ, говорилъ помѣщикъ,—но еще не видалъ нашего батюшку-царя“. Незнакомецъ спросилъ у него, не имѣетъ-ли онъ какого-нибудь прошенія къ государю. Помѣщикъ обозвалъ его чудачкомъ и повторилъ, что онъ пріѣхалъ единственно затѣмъ, чтобы увидѣть государя и по возвращеніи на родину разсказать землякамъ о своихъ впечатлѣніяхъ. „А позвольте спросить, кто вы такой?“—„Я—русскій императоръ“, отвѣтилъ улыбаясь Николай Павловичъ, съ которымъ дѣйствительно повстрѣчался саратовскій помѣщикъ. „Ну, если вы русскій, такъ я, должно быть, китайскій императоръ,—захочетъ, возражилъ помѣщикъ:—полно шутить!.. Скажи, братъ, откровенно, по-русски, кто ты такой и посодѣйствуй мнѣ“. Николай Павловичъ отвѣтилъ помѣщику, что онъ пошутилъ, что онъ флигель-адъютантъ государя, и обѣщавъ устроить дѣло. Помѣщикъ чуть не облобызалъ отъ радости мнимаго адъютанта. „Давно бы такъ, сказалъ онъ,—ты меня, братъ, не стѣсняйся: я вѣдь съ губернаторомъ знакомъ“. Государь обѣщавъ ему прислать своего товарища для обозрѣнія сперва Петербурга и окрестностей, а затѣмъ и для того, чтобъ свезти помѣщика во дворецъ. Дѣйствительно, на другой день пріѣхалъ къ помѣщику флигель-адъютантъ государя и цѣлую недѣлю показывалъ ему все достопримѣчательности столицы, а потомъ приглашалъ пріѣхать во дворецъ къ мнимому товарищу. Помѣщикъ благодарилъ, но сомнѣвался. „Да какъ-же я поѣду къ нему, если я и фамиліи его не знаю“.—„Это ничего: подѣзжай, братъ, прямо ко дворцу и на первый вопросъ, кто ты такой, отвѣчай, что „китайскій императоръ“. Помѣщикъ хохоталъ и на слѣдующій день былъ во дворцѣ. Внутренній караулъ встрѣтилъ его барабаннымъ боемъ, отдавъ ему честь. Помѣщикъ испугался, и его насилу ввели въ кабинетъ государя, еще недѣлаго въ то время. „Что вы надѣлали? сказалъ ему помѣщикъ,—за такая шутка насъ съ вами въ Сибирь сошлютъ, и мнѣ не удастся видѣть царя“.—„Неужели ты думаешь, что Николай такой строгій?“ Помѣщикъ стоялъ на своемъ. „Прикажи-ка для успокоенія подать водки“, сказалъ онъ. Водку подали. Помѣщикъ приободрился, а тѣмъ временемъ государь облекся въ полную парадную форму и повелъ помѣщика къ императрицѣ, которой представилъ его, сказавъ: „Сама, рекомендую тебѣ новаго китайскаго императора“. Помѣщикъ расшаркался, подбѣжалъ къ ручкѣ и съ восхищеніемъ говорилъ, что отродясь не видалъ такого шутника, но что все-таки боится, какъ бы не узналъ Николай Павловичъ. Помѣщикъ былъ въ духѣ и велъ самый непринужденный разговоръ съ государемъ и государыней, разсказывая о сосѣдяхъ, о губернской знати, о сплетняхъ, обнаруживъ чисто русскую душу,—на распаху. Подали завтракъ, который шелъ очень оживленно, но въ концѣ, офиціантъ, на какое-то приказаніе государя, доложилъ: „Исполнено, ваше императорское величество“. Тогда помѣщикъ прозрѣлъ. Онъ упалъ на колѣни и просилъ у государя прощенія. „Не только не сержусь, но и очень радъ. Садись, кончай завтракъ, а поѣдешь къ своимъ, разскажешь, что не только видѣлъ русскаго царя, но съ нимъ и его семействомъ завтракалъ“, успокоилъ его государь. Теперь языкъ у помѣщика прилипъ къ горганіи. Послѣ завтрака онъ откланялся и уѣхалъ къ себѣ въ гостиницу. А когда на другой день за нимъ послали, чтобы онъ явился во дворецъ, то его уже не оказалось. Быстро собравъ все пожитки, онъ укатилъ въ Саратовскую губернію. (в.)

„Военныя сообщенія съ переложеніемъ сраженій на шахматную доску“, Вильна, 1889 г. Одному изъ шахматистовъ въ Вильнѣ пришла оригинальная мысль утилизировать шахматную игру для изученія выдающихся военныхъ дѣйствій и битвъ; съ этой цѣлью имъ издана недавно брошюра подъ приведеннымъ выше заглавіемъ (авторъ—М. Г.) Въ ней помѣщенъ рядъ описаній изъ иностранной и преимущественно русской военной исторіи текущаго столѣтія: Ульм-

ской операціи Наполеона I и сраженія подъ Аустерлицемъ (1805 г.), Кульмскаго боя (1813 г.), сраженія при Кулевчѣ (1829 г.), кавалерійскаго боя при Бюзанси (1870 г.), разгрома арміи Мухтарнаши подъ Аладжой, плѣненія турецкой Шинкинской арміи Весель-паши и сраженія подъ Горнымъ Дубинкомъ (1877 г.). Послѣдовательность хода каждой битвы передана съ историческою вѣрностью соотвѣствующими передвиженіями фигуръ на шахматной доскѣ, и въ заключеніе приведено стихотвореніе, въ которомъ, подчасъ довольно удачно, выставлены сходныя черты между внутренними сторонами шахматной игры и военнаго боя или битвы. Къ брошюрѣ, въ концѣ ея, приложены чертежи разобранныхъ сраженій. Трудъ этотъ—первый опытъ сопоставленія шахматной игры съ пріемами стратегіи—заслуживаетъ вниманія еще и оригинальностью вклада въ нашу, относительно небогатую, литературу по шахматамъ. Достаточно наглядное изложеніе военныхъ дѣйствій даетъ возможность любителямъ-шахматистамъ ознакомиться съ ними легчайшимъ способомъ. Особенно эта брошюра можетъ быть рекомендована для упражненій въ шахматной игрѣ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ и юнкеровъ военныхъ училищъ; не мало интереса представляетъ она также и для разныхъ дежурныхъ и караульныхъ офицеровъ, которые, не имѣя партнера для игры, могутъ съ пользою употребить время своего досуга ¹⁾.

Мастерская музыкальныхъ инструментовъ. Недавно, посѣтивъ извѣстный музыкальный магазинъ Юлія Генриха Циммермана, мы невольно подивились тому, какіе громадныя успѣхи сдѣлала въ последнее время техника въ связи съ теоріей гармоніи. Начнемъ съ оркестровыхъ инструментовъ: такъ какъ при магазинѣ находится и мастерскія, то посѣтителю представляется возможность ознакомиться съ главными членами оркестровой семьи, какъ-то: скрипками, виолончелями, кларнетами, флейтами, трубами и проч., съ самаго момента ихъ возникновенія до окончательной выдѣлки. Все эти инструменты изготовляются теперь у насъ въ Россіи въ такомъ совершенствѣ, что могутъ вполне конкурировать съ заграничною фабрикаціей. При этомъ нужно отмѣтить, что мѣдныя и деревянные духовыя инструменты производства Циммермана пользуются отличною репутациею у всѣхъ здѣшнихъ музыкантовъ-артистовъ и во многомъ даже превосходятъ заграничныя. Очень богатъ также отдѣлъ любительскихъ струнныхъ инструментовъ: цитра, гитаръ, мандолинъ и др.; каждый въ своемъ родѣ чаруетъ васъ своеобразными звуками. Переходя-же къ голосовымъ инструментамъ, мы и тутъ находимъ массу новыхъ усовершенствованій. Главное мѣсто занимаетъ конечно *фисгармонія*. Этотъ инструментъ многимъ еще не такъ знакомъ, но стѣитъ послушать лишь нѣсколько аккордовъ и вы сразу дружитесь съ нимъ и увлекаетесь богатствомъ его гармоніи и пріятными, нѣжными звуками. Главное преимущество фисгармоніи предъ другими клавишными инструментами заключается въ свойствѣ ихъ игры съ выраженіемъ (expression), при чемъ регистры въ отдѣльности замѣняютъ человѣчскіе голоса, а въ совокупности цѣлый хоръ. Нельзя не упомянуть также объ *англійскомъ концертинѣ*—инструментѣ небольшого по величинѣ и весьма удобномъ для переноски. Онъ обладаетъ чрезвычайно пріятнымъ и благороднымъ тономъ, несмотря на небольшой размѣръ, и имѣетъ объемъ полной хроматической гаммы, отъ 48 до 56 тоновъ, т. е. 3¹/₂ и 4 октавы. Легкость съ которою можно нюансировать и извлекать на немъ послѣ недолгаго упражненія прекрасныя музыкальныя эффекты, даетъ ему полное право занимать почетное мѣсто въ семьѣ музыкальныхъ инструментовъ. Поразительнѣе всего отдѣлъ механическихъ музыкальныхъ инструментовъ. Чего только тутъ не придумано! Вы слышите полныя оперы, увертюры, танцы и прочія пьесы, исполняемыя механическими инструментами съ разнообразѣйшими оттѣнками. Стѣитъ только попросить, и вамъ сыграютъ на роялѣ любую сонату Бетховена или Венгерскую ралсодію Листа посредствомъ pianista-автомата, или на пианино съ органомъ. Изъ механическихъ инструментовъ новѣйшаго выпуска особенно выдѣляется оркестръ-ма-нопанъ; на этомъ инструментѣ, посредствомъ вѣтъ, изготовленныхъ изъ особаго картона разной величины, можно играть очень большой репертуаръ пьесъ разнаго характера. Длинныя пьесы, какъ напр. увертюры, попури, цѣлыя вальсы и друг. складываются въ видѣ книжечки, такъ что занимаютъ очень мало мѣста. Инструментъ этотъ обладаетъ чрезвычайно звучнымъ и

¹⁾ Складъ брошюры въ С.-Петербургѣ, Пастелевонская улица, д. 5, кв. 14. Цѣна экземпляру 60 коп.

приятным тономъ и цѣна его (80 р.) сравнительно не высока, почему можно заключить, что въ недалекомъ будущемъ онъ приобрететъ себѣ право гражданства и вытѣснитъ всѣ другіе механическіе инструменты старыхъ конструкций.

Обработка пера и пуха. Всѣ мы употребляемъ пуховики или перины и подушки, а межъ тѣмъ не знаемъ, какъ обрабатывается перо и пухъ до поступления въ дѣло или на продажу. На фабрикахъ, въ особенности заграничныхъ, перо и пухъ подвергаются большой обработкѣ. Сперва перья сортируютъ, затѣмъ очищаютъ въ большихъ мѣдныхъ приемникахъ паромъ, который ихъ нагреваетъ, смачиваетъ и промываетъ; лопатки, приводимыя въ движеніе паромъ,

постоянно поворачиваютъ перо. Когда оно достаточно смочено, его переносятъ въ большіе мѣдные сушильные цилиндры, вокругъ которыхъ проведенъ паръ. Черезъ нѣсколько минутъ, благодаря высокой температурѣ цилиндровъ и сильному дѣйствию механическихъ вѣлъ, колотящихъ перо, оно просыхаетъ совершенно. Теперь въ немъ уничтожены малѣйшіе зародки червей, и оно вполне предохранено отъ моли. Далѣе перо, при помощи особыхъ вентиляторовъ, отдѣляютъ отъ пуха, послѣ чего оно сортируется по величинѣ и толщинѣ болѣе сильными вентиляторами. Пухъ очищаютъ отъ пыли при помощи аппарата и снова сортируютъ вентиляторами. (в.)

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Съ перваго номера „НИВЫ“ въ 1890 году начнется печатаніемъ новое произведеніе знаменитаго нашего поэта **АПОЛЛОНА НИКОЛАЕВИЧА МАЙКОВА**, рассказъ въ прозѣ, подъ заглавіемъ: „Маркъ Петровичъ Петровъ“.

Болѣе двадцати лѣтъ А. Н. Майковъ не писалъ ничего въ прозѣ, и мы убѣждены, что этотъ высоко-художественный рассказъ произведетъ въ кругу нашихъ читателей особенное впечатлѣніе.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 года.

Вступая въ будущемъ году въ третье десятилѣтіе своего существованія, „НИВА“ — въ настоящее время наиболѣе распространенный и любимый иллюстрированный журналъ для семейнаго чтенія — останется вѣрна своей многосторонней и твердо-установленной программѣ чисто-русскаго журнала.

Въ портфель редакціи, между прочимъ, приготовлены къ печати слѣдующія новыя произведенія:

Н. Д. Ахшарумова: „НЕВѢРНЫЙ СЛУГА“ и „НЕ ТОТЪ“, рассказы.	А. Я. Максимова: „ПОПЪ СИМЕОНЪ“, рассказъ.
К. А. Бороздина: „ИЗЪ ПРОШЛАГО БЫТА МИНГРЕЛИ“ и „ИЗЪ РАЗКАЗОВЪ СТАРИКА ЧЕРКЕСА“, очерки.	В. И. Немировича-Данченко: „НА РУССКОМЪ ЮГѢ“, очерки.
В. И. Бибикова: „ПЕРВАЯ ГРОЗА“, повѣсть.	П. Н. Полеваго: рядъ историческихъ рассказовъ.
А. Ѳ. Брандта, профессора Харьковскаго Университета: „ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ КАРТИНКИ“ изъ міра животныхъ“. Популярно-научныя статьи.	Гр. Е. А. Салиаса: „ПАНЪ КРУЛЬ“, историч. романъ.
А. Введенскаго: „Литературно-критическія миниатюры“ (общедоступныя бесѣды о русской литературѣ).	Н. Северина: „ОЧЕРТЯ ГОЛОВУ“, повѣсть.
Кн. М. Н. Волконскаго: „КНЯЗЬ НИКИТА ѲЕДОРОВИЧЪ“, историч. романъ въ 3-хъ част., и „СУДЬБА“, рассказъ.	Сизова: „СОЛОМОНІЯ САБУРОВА“, истор. рассказъ XVI вѣка.
В. П. Желиховской: „ТРИ ДѢЙСТВІЯ КОМЕДИИ“, повѣсть.	А. А. Смирнова: „СКЛИРЕНА“, историческій романъ.
	А. Соколовой: „СТАРИННЫЙ ВАЛЬСЪ“, рассказъ.
	К. Тхоржевскаго: „МОЙ ПРІЯТЕЛЬ ДРОБОВЪ“, разск.
	Ѳ. Ѳ. Тютчева: „АРТЕМІЙ САВАТЬЕВЪ“, рассказъ.
	Кн. Д. Н. Цертелева: „ИНКОГНИТО“, ком. въ 2-хъ дѣйств.

Кромѣ того стихотворенія П. И. Вейнберга, В. Величко, А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго, кн. Д. Н. Цертелева, Г. И. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго) и друг.

Постоянно расширяя отдѣлъ бесплатныхъ приложеній, мы, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будемъ въ теченіе года разсылать подписчикамъ художественно исполненныя въ краскахъ таблицы съ изображеніемъ выдающихся предметовъ отчизновѣдѣнія (какъ напр. издавныя до сихъ поръ: гербы всѣхъ русскихъ губерній, важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія русскія деревья, грибы и проч.), — драгоцѣнный матеріалъ для нагляднаго изученія нашей родины.

Кромѣ того, въ будущемъ 1890 г. мы выдадимъ ТРИ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІИ:

Устроивъ въ нынѣшнемъ году собственный художественный институтъ въ Спб. съ персоналомъ выписанныхъ нами извѣстныхъ за границей мастеровъ для печатанія красками большихъ олеографій, мы нашли возможнымъ увеличить главную живописную премію, приложивъ на будущій годъ, вмѣсто обычной одной, двѣ картины. Это — два новыя произведенія кисти любимца русской публики, проф. И. И. ШИШКИНА,

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“ и 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“,

писанныя имъ по нашему заказу для „НИВЫ“. Обѣ картины (въ 16 вершковъ высоты и 12 вершковъ ширины каждая). Премія эта превосходитъ по исполненію всѣ предшествующія, когда либо данныя „НИВОЙ“.

3) БОЛЬШОЙ ТОМЪ СБОРНИКА ОРИГИНАЛЬНЫХЪ И ПЕРЕВОДНЫХЪ РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ.

Эта вновь введенная нами литературная премія будетъ въ 1890 году еще расширена, какъ по объему, такъ и по разнообразію содержанія.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	5 Р.	Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, Петровскія линіи	6 Р.	Съ перес. въ Москвѣ и въ друг. город. и мѣст. Имперіи	7 Р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	6 Р. 50 к.			За границу	9 Р.

Безъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1890 года просятъ адресовать въ Главную Контору Редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 6. Редакція и издатель „Нивы“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Барыни-крестьяни. Историческій романъ графа Е. А. Салиаса. Часть I. (Продолженіе). — Тотализаторъ. Разсказъ А. Зарина. (Продолженіе). — Петербургская колонія для малолѣтнихъ преступниковъ. Очеркъ П. В. Бынова (съ рис.). — Къ рисункамъ: Осенняя переночевка оленей (съ рис.). — Татары, пирующіе послѣ Нальскаго битвы (съ рис.). — Поднятіе креста на церковь (съ рис.). — Ожиданіе послѣ Шиллера (съ рис.). — Типы инородцевъ. Еврей-коробейникъ Витебской губерніи (съ рис.). — Парижская Всемирная выставка 1889 г. Индійскій дворецъ (съ 2 рис.). — М. С. Зеленскій (съ портр.). — Авины (съ рис.). — Императорская ахта „Царевна“ (съ 3 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Сибирь. — Къ нашимъ читателямъ. — О подпискѣ на „Ниву“ 1890 г. — Ребусъ-шарада на преміи. Рамы для преміи „Нивы“ 1889 г. — Обязательства. При этомъ № прилагается 2-я главная премія „СБОРНИКЪ РОМАНОВЪ“.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЗОЛОТАЯ
МЕДАЛЬ
1889 г.

ТОРГОВОМУ ДОМУ ВЛАДИМІРЪ ЛЕВИСОНЪ

на Всемирной Парижской выставкѣ присуждена высшая награда ЗА ИЗДѢЛІЯ БѢЛЫЯ И ВЫШИВАНІЕ.

ЦѢНЫ ВНѢ КОНКУРЕНЦІИ.

Кузнецкій Мостъ, домъ князя Гагарина, въ Москвѣ. Телефонъ 52.

КВАРТИРЫ

5 комн. 27 р., 29 р., 4 комн. 24 р., 30 р., 2 комн. 13 р., 15 р. съ водопр. и ватероиз. Васил. Остр., 10 лин., д. 37, рядомъ съ Высш. женск. курсъ. Мимо идетъ конка на Невскій

ЖЕЛАЮТЪ КУПИТЬ

несколько имѣній отъ трехъ до десяти десятинъ, десяти и болѣе тысячъ десятинъ. Адресовать: Харьковъ, около Биржи, Константинову.

POUDRE VELOUTINE
ESSENCE „NONPAREIL“

можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграници. Главное Депо: у Алекс. ТИССЪ и Ко., Пушкинская, № 4. № 4103

Н. И. СВИРИДОВЪ

НА ПАРИЖСКОЙ ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКѢ 1889 ГОДА
получилъ высшую награду

ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ

ЗА КОНТОРСКІЯ КНИГИ.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ.

МАГАЗИНЪ КОНТОРСКИХЪ КНИГЪ И ПИСЬМЕНН. ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
Ильинка, въ МОСКВѢ, д. Хлудова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ:

ГОСТИНИЦА Д'АНГЛЕТЕРЬ. d'Angleterre.

Рекомендую господамъ проживающимъ мою увеличенную и заново отдѣланную гостиницу.

Т. ШМИТЦЪ. № 4088 6-2

Во всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахъ-ровъ во Франціи и заграничій.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHATELAIN, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Исполненіе невозможныхъ заказовъ. Прокать безъ запроса. Индивидуальный прейсъ-курантъ. Высылается бесплатно. № 4113

ВНЕШНЕ
ВСЕГДА
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ГОТОВОГО ПЛАТЯ
ВЪ МАГАЗИНѢ
ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО
Тверская, д. Шаболова
ВЪ МОСКВѢ.
ДЕШЕВО

ПИСУЮЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза
быстрѣ пера. Чисто-
та, четкость и красота.
Введена во всѣхъ
Министерствахъ и
мног. правительствъ,
и частныхъ учрежд.
Прейс-курантъ, содер-
жащій отзвы отъ Правитель-
ства и другихъ учре-
жденій, высылается бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. В. Морская, 21.

При Конторѣ изданія „Русскаго Курьера“ имѣется на складѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ недавно появившійся въ свѣтъ уголовный романъ сочиненія В. ЮМА: „ТАЙНА ГАНСОНЪ КЭВА“.

Романъ этотъ разыгрался въ городѣ Мельбурнѣ (въ Австраліи). Онъ имѣлъ колоссальный успѣхъ въ Англіи и разошелся въ 300,000 экз. Романъ этотъ, какъ известно нашимъ читателямъ, печатался въ „Русскомъ Курьерѣ“ и обратилъ также на себя всеобщее вниманіе. Цѣна: съ пересылкой на города — 1 р., въ Москвѣ — 75 к., для торговцевъ обычная уступка. Для подписчиковъ „РУССКАГО КУРЬЕРА“ по 75 коп. съ пересылкой. Книга заключаетъ въ себѣ 428 страницъ убористаго и четкаго шрифта. Романъ этотъ можно имѣть во всѣхъ известныхъ книжныхъ лавкахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. № 4114 10-1

МЮРЪ И МЕРИЛИЗЪ

Москва, Петровка, 2.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ МОДЪ И НОВОСТЕЙ.

Огромные склады фирмы МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ, вмѣщающіе въ себѣ все безъ исключенія предметы изъ обширной области моды, одѣянія, туалетныхъ и хозяйственныхъ принадлежностей, въ состояніи удовлетворить всемо, что опытому признано удобнымъ, полезнымъ и необходимымъ.

ИНОГОРОДНЫЕ ЗАКАЗЧИКИ могутъ разсчитывать на самое точное и скорое исполненіе порученій.

ОБРАЗЦЫ и ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ высылаются по желанію. Задатокъ при выискѣ товаровъ имѣющихся въ магазинѣ въ готовности, не требуется. Товаръ высылается почтой съ наложеннымъ платежомъ. Упаковка за счетъ фирмы; пересылка на счетъ заказчиковъ.

Фирма МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ придерживается правила, чтобы по всемъ отраслямъ ея торговли

РАЗЦѢНКА ТОВАРОВЪ НЕ ДОПУСКАЛА КОНКУРЕНЦІИ.

Неуклонному слѣдованію этому принципу фирма обязана замѣчательно быстрому возрастанію своей торговли. П. № 4106 3-1

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ ВЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛИКЪ (Жиронда) Франція.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ВРАЧЕБНО-ГИМНАСТИЧЕСКОЕ И МАССАЖНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ Д-ра ГАЛЬБЕРШТАМА,

Михайловская площадь, д. Жербина, 2—3, кв. 25.
Врачебная, ортопедическая гимнастика и массажъ. Заведеніе открыто: для мужчинъ и дѣтей 9—10 1/2 час. утра, 3 1/2—5 1/2 час. дня, для дамъ и дѣтей 11—2 час. дня.
Д-ръ мед. М. Гальберштамъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ХУДОЖНИКА Н. Н. КАРАЗИНА:

КРУШЕНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ПОѢЗДА 17-го ОКТЯБРЯ 1888 года. № 4117

Вслѣдствіе поступившихъ много требованій отъ дирекцій народныхъ училищъ и разныхъ другихъ учреждений, напечатано 3-е изданіе картины и высылается за 2 р. 50 к. за экземп. съ пересылкой. Гг. торговцамъ дѣлается уступка. Съ требованіями обращаться къ издателю П. А. Развигину. Невскій пр., № 66, противъ Анчикова дворца.

EAU DE SUEZ

Рт. № 3887

Депозитъ въ С.-Петербургѣ — А. М. Рузановъ, Гостиный Дворъ, № 40.
Въ Москвѣ — А. Сіу и Ко., Тверская, д. Варгина.

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

Объяснительная брошюра высылается бесплатно по требованію вышеозначенными депозитомъ и Г-мъ Суэзъ 9, rue de Prony, Парижъ. 13-12

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

СЪ ПРЕМИИ

SAVON GLYCERINE
MARQUE DÉPOSÉE À MOSCOU
EXPOSITION UNIVERSELLE DE 1889
PROFANE ET À MOSCOU

СЪ ПРЕМИИ

БРОКАРЬ и К^о.

Главный складъ у Ф. К. Бергманъ,
Офицерская ул., № 5. № 4027 8-4

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕННАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

МАТТОНИ

ГИСНЮБЛЕРЬ

ЧИСТЫЙ
ЩЕЛОЧНОКИСЛОТЫ ИСТОЧНИКЪ
ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ и ЗДОРОВЫЙ
СТОЛОВОЙ-НАПИТОКЪ

МОЖНО ВЕЗДЕ ПОЛУЧИТЬ.

600000 (миллион) БУТЫЛКОВОЙ ВЫВОЗЪ.

PARIS

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Demander

le catalogue général illustré renfermant 580 Gravures (modèles inédits) pour la SAISON d'HIVER, dont l'envoi est fait gratis et franco contre demande affranchie adressée à

MM. Jules Jaluzot & Co

PARIS

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant les immenses assortiments du **PRINTemps**. Mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde

Le Catalogue indique les conditions pour l'envoi franco de port et de douane.

Interprètes dans toutes les Langues à la disposition des personnes qui désirent visiter les Magasins.

А. № 4087 3-2

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаютъ всё % бумагъ.
Судятъ подъ всё % бумагъ.
Страхованіе выигранныхъ займовъ.
Переводы на всё города. № 3925
Оплата купоновъ.

Также нужны върныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

СТРАХОВАНІА:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовыхъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданого для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. № 3817 6-4

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1889 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 20,107 лицъ на капиталъ въ 56.795,020 руб.
Дивидендъ страхователей въ 1889 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и въ агентствахъ Общества въ городахъ Имперіи.
Брошюры по страхованію жизни выдаются и высылаются, по требованію, бесплатно.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

УДОСТОЕНА

„ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ“

на Парижской Всемирной Выставкѣ въ 1889 году за доброкачественность ея косметическихъ произведеній.

МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, д. Католической церкви, № 32.
- 2) Невскій проспектъ, у Аничкина моста, № 66.
- 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, д. Шредера, № 18-54 (Оптовая и розничная продажа).

Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, д. Третьяковскихъ. Рт. № 4674 2-2

Контора и оптовый складъ въ С.-Петербургѣ:
Измайловскій проспектъ, домъ № 21,

„С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ

ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ“.

„ПРИРОДА И ОХОТА“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОХОТНИЧІЙ ЖУРНАЛЪ.

Издается съ 1873 года.

На годъ съ перес. 14 р., на полгода 8 р.

Адресъ редакціи: Москва, Б. Дмитровка, д. Шаблыкина.

Ред.-изд. **Л. П. Сабангъевъ.**

Журналъ „Природа и Охота“ въ 1890 году будетъ выходить книгами большого формата, на веленовой бумагѣ, съ 2-3 отдѣльн. художественно-выполненными картинками и съ рисунками въ текстѣ. Въ журналѣ помѣщаются: Охотничьи рассказы и очерки, путешествій охотниковъ и зоологовъ, монографіи охотничьихъ животныхъ, подробныя описанія способовъ ружейной, псовой и рыболовной охоты въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, оригинальныя и переводныя статьи объ оружіи, охотничьихъ и рыболовныхъ принадлежностяхъ, о воспитаніи, дрессировкѣ и леченіи собакъ и объ акклиматизаціи животныхъ; отчеты о выставкахъ, садкахъ и пр., а также корреспонденціи изъ различныхъ мѣстностей Россіи.

Лица, подписавшіяся до 15-го ноября въ редакціи (не черезъ книжныя магазины) на годъ, получаютъ бесплатно и немедленно художественно выполненную большую олеографію съ картини Маккарта: „Діана и Актеонъ“.

П. № 4107

ФАБРИКА

МЕЛЬХИОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

А. КАЧЪ

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 36.

Рекомендуетъ огромный выборъ новѣйшихъ фасоновъ, всевозможнѣйшихъ вещей, подражающихъ серебру. Гр. иногороднымъ высылаются иллюстрированныя каталоги, по требованію, бесплатно. № 4111 3-1

ИНОСТРАННЫЯ МАРКИ продаются оптомъ и въ розницу. Каталогъ 20 коп. Б. Гостонскій, г. Киевъ, Рейтарская, 17.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ:
Полный приборъ отъ 50 марокъ (не вгрушка).
Требовать иллюстрированныя каталоги gratis et franco.
Юг. Зансъ и Ко.
Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. R. № 3734
Берлинъ, Риттерштрассе 88.

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

И. М. ХАЙНОВСКАГО,

Москва, Волхонка, противъ храма Спасителя.

Училищу присвоены всѣ права казенныхъ Реальныхъ Училищъ. Ученики принимаютъ приходскими, полупансіонерами и пансіонерами. Здѣсь-же П. № 4088 2-2

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ПАНСИОНЪ,

въ которомъ ученики готовятся къ посещенію въ Реальное Училище и прочія учебныя заведенія и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, приемъ учениковъ въ теченіи цѣлаго года.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Спеціальность: плуги и молотилки. Они-же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивовъ Нейтона и Шутлеворта въ Англіи и знаменитаго завода стеноислонъ, имененъ „Дези“ и сноповязалонъ Макъ Нормина въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигра завода Стодартга, ридовыя сѣлки Сакка и проч. № 3959 (14)

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеневъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛИ.

„АРГУСЪ“

Карм. форм. въ замше. кошелекъ. 8 р. 50 к. пересылка за 2 ф.

Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 р. 50 к. пересылка за 4 ф.

„Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптич. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, поля, охоты, моря и театра, а потому вполне заслуживаетъ названія „универсальнаго бинокля“.

Спеціальн. театральн. бинокли отъ 5 до 65 р. Зрительн. трубы въ 5 р. 50, 11, 14, 20, 28 р. и дорож. № 4113

Микроскопы въ 3 р. 50, 5, 6, 20, 26, 40, 50 р. и дорож. № 4113

СПЕЦІАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.

Е. КРАУСЪ и Ко.
въ Парижѣ, Авен. d. l. Kéroul., 4.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.

Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. бесплатно.

Фаустъ и Вагнеръ на прогулкѣ.

Образецъ гравюры на стали (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте.

Издание А. Ф. МАРКСА:
Новое большое роскошно иллюстрированное издание in folio сочинения

ГЁТЕ „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРЦА, исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Классически образцовый переводъ А. Фета не только передаетъ слово въ слово оригиналь прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА“, Спб., Невскій пр., № 6.

Юлій Генрихъ Циммерманъ
Гамбургское Держо муты въ мѣсяцъ инструментовъ и нотъ.

ИЛЛУСТРИРОВ. ПРЕЙСКУРАНТЬ-БЕЗПЛАТНО
С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

АДРЕСЫ

всѣхъ спеціальныхъ и странъ до- ставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (С. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 40 коп. почт. марками франко.

СЪ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ!

9 Р. ДРОБИЛКИ стальные съ регуляторомъ помола, винтами для привинчиванія, масляной — мелеть овесъ, ячмень, горохъ и под. въ кормъ лошадей, воловъ. Уменьшаютъ расходъ зерна въ 1 1/2 раза, очень важно для хозяевъ и очень дешево — 9 рублею! Одесса, складъ машинъ инженера Н. Мельникова. № 4095 2-2

ПОДЪЛКА ВИНЪ.

Аппаратъ, которымъ легко узнать подѣлку виноградныхъ винъ.
2-1 Цѣна 2 рубля. № 4119

К. И. ФРЕЛАНДЪ
С.-Петербургъ. Складъ фотографическихъ принадлежностей.
У Казанск. моста, входъ съ Екатерининскаго канала, № 30-16.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій мостъ, В. Морская № 21.

ИМѢЕТЪ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Вишнетъ, Русскій Клубъ, Молни (New Rapid), Импераль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Одинъ велосипедъ Свифтъ № 2 = 150 руб. =

Прейс-Куранты высылаются бесплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА П. М. ГРИНВАЛЬДЪ

въ С.-Петербургѣ

ПЕРЕВЕДЕНЪ НА НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемирной Парижской Выставкѣ 1889 года „ВНѢ КОНКУРСА“

Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

Адресъ для телеграммъ: ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДЪ.

Въ 4-омъ изданіи вышло изъ печати **МУЗЫКАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ НА ПАРИЖСКУЮ ВЫСТАВКУ.**

Большое юмористическое по- пулярн изъ 60 самыхъ модныхъ и любимѣйшихъ мотивовъ въ легкой арражировкѣ, сост. Jules de St. Clou, съ прелестною вивьеткой (башня Эйфеля) на обложкѣ. Съ перес. 1 р. 75 к. 2.000 экзempla. были распроданы въ теченіи 2-хъ недѣль.

ПРОДАЕТСЯ У ИЗДАТЕЛЯ **Юлій Генрихъ Циммерманъ**
С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина. Специальность: Дешевыя Изданія. Исполненіе заказовъ гг. иногороднихъ покупателей на всѣ изданія. Каталоги высылаются бесплатно. № 4118

Двадцать главныхъ **НАГРАДЪ** НА РАЗНЫХЪ выставкахъ.

Приготовленіе и продана мыла **РАЗРЪШЕНЫ** МОСКОВСКИМЪ Врачебнымъ Управленіемъ.

потому что оно не содержитъ въ своемъ составѣ вредныхъ для здоровья веществъ.

ЛУЧШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

НАХОДИТСЯ ТОЛЬКО ВЪ МАГАЗИНАХЪ **А. РАЛЛЕ и Ко.**

въ Москвѣ. П. № 4059 4-3

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижовыхъ. Розничная продажа: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

XX г.

г. XX

№ 45

1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ В ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЯСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.). Выдавъ 4 ноября 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строну непарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран. для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.

Безъдост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКИЯ МОДЫ“ за Ноябрь 1889 г. съ 25 рис. и отд. листъ съ 28 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и 88 рис. рукодѣльн. работъ.

И. П. Ключниковъ.

Недавно истекло пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности послѣдняго оставшагося въ живыхъ представителя Станкевичевского кружка. Въ числѣ членовъ этого московскаго кружка сороковыхъ годовъ, весьма видную роль игралъ одинъ кандидатъ Московскаго университета, филологъ, чрезвычайно остроумный, владѣвшій несомнѣннымъ поэтическимъ даромъ. Вѣлинскій напоминаетъ, какой фуроръ производили его стихотворенія, читавшіяся въ кружкѣ, какимъ они являлись событіемъ, какіе безконечные споры и разсужденія поднимались изъ-за нихъ. Самъ молодой поэтъ являлся въ кружкѣ въ различныхъ настроеніяхъ, отъ философской рефлексіи до ѣдкаго сатирическаго остроумія и наконецъ до мистицизма. Обладавшій живостью ума, онъ былъ въ кружкѣ своего рода Мефистофель и весьма зло и ѣдко подсмѣивался надъ крайнимъ идеализмомъ своихъ товарищей, между которыми онъ былъ

И. П. Ключниковъ (по поводу 50-лѣтія его литературной дѣятельности).
Съ фот. грав. Шюблеръ.

всѣхъ старше лѣтами. „Онъ игралъ между друзьями почти такую-же роль, какую одно время занималъ Мерзъ въ кругу Гете... Часто страдалъ ипохондріей, но жертвы его насмѣшливаго расположения любили его и за веселость, и за живой умъ, и за доброе сердце“. Онъ между прочимъ написалъ въ стихахъ обзорнѣе всемирной исторіи, въ высшей степени остроумное, и другое шуточно-литературное обзорнѣе, которое дало матеріалъ Вѣлинскому для известной его статьи „Литературныя мечтанія“. Это былъ Иванъ Петровичъ Ключниковъ, который промелькнулъ яркою звездочкой на поэтическомъ небосклонѣ сороковыхъ годовъ. Большинство читающей публики имя И. П. Ключникова совсѣмъ незнакомо, во-первыхъ потому, что этотъ даровитый поэтъ, въ блестящую пору своей дѣятельности, подписывался исключительно псевдонимомъ, а во-вторыхъ потому что онъ очень недолгое время появлялся въ печати и затѣмъ удалился въ деревенскую глушь, иногда лишь черезъ десятки лѣтъ напоминая о себѣ

нѣсколькими стихотвореніями, появившимися въ какомъ-нибудь изданіи, и снова умоляя. Но истинные любители поэзіи, знакомые съ произведеніями не однихъ только ея корифеевъ, имена которыхъ сдѣлались всеобщимъ достоинствомъ, прекрасно знали, кто скрывается подъ псевдонимомъ оны между двумя тире (—Θ—) и выучивали навзустъ многія стихотворенія печатавшіеся за этой надписью въ *Московскомъ Наблюдателѣ* и *Отечественныхъ Запискахъ*. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній стали очень популярны и перепечатывались въ хрестоматіяхъ и сборникахъ (Галахова, Щербины, Гербея и др.). Такова, напримѣръ, полная мысли и поэтической прелести шеса „Жизнь“, которую въ публикѣ долго приписывали митрополиту Филарету (маститому іерарху принадлежали другіе тождественныя стихи), вѣроятно потому, что она проникнута религиознымъ чувствомъ. „Даръ мгновенный, даръ прекрасный, жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?“ спрашиваетъ авторъ словами Пушкина и отвѣчаетъ, что назначеніе жизни заключается въ познаніи всего прекраснаго, слѣдовательно въ Богопознаніи: „Познавать Его въ твореніи, видѣть духомъ, сердцемъ чтить— вотъ въ чемъ жизни назначеніе, вотъ что значитъ въ Богѣ жить.“ Стихи И. П. Ключникова носятъ на себѣ характеръ удивительной задумчивости и теплоты, они запечатлѣны какой-то грустью, покорностью судьбѣ и вообще меланхолическимъ настроеніемъ. Мысль и чувство въ нихъ всегда находятся въ самой тѣсной гармоніи, причемъ поэтъ старается внести въ жизнь духъ примиренія. Въ послѣднемъ невольнѣо сказывается направленіе „примирять противоположности и разрѣшать диссонансы“, развившееся подъ вліяніемъ тогдашняго изученія философской системы Гегеля. Вообще же въ поэзіи И. П. Ключникова до извѣстной степени отразился тонъ мыслей господствовавшихъ въ кружкѣ Станкевича, когда въ немъ окончательно установилось влеченіе къ философскимъ занятіямъ и когда подъ вліяніемъ этихъ занятій явилась возможность „объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣческій въ своемъ развитіи, закрыть, повидимому, навсегда, пропасть, раздѣляющую два міра, и сдѣлать изъ нихъ единый сосудъ для вмѣщенія вѣчной идеи и вѣчнаго разума“. Почти всѣ члены кружка Станкевича были поглощены стремленіемъ „утвердить на мысли и разумѣ всѣ самыя тонкія эстетическія ощущенія челоука“. Этимъ стремленіемъ былъ долго проникнутъ и поэтъ-философъ кружка, являвшійся въ печати подъ таинственной подписью —Θ— и, мимоходомъ сказать, отрѣшившійся въ своихъ печатныхъ произведеніяхъ отъ того юмора, которымъ онъ оживлялъ раиѣе пріятельскія бесѣды. Бѣлинскій, искренній почитатель таланта И. П. Ключникова, придававшій ему большой вѣсъ и значеніе и нерѣдко писавшій подъ впушеніемъ этого даровитаго челоука, даетъ хотя и неполную, но довольно вѣрную характеристику его поэзіи. „Стихотворенія подъ фирмоу —Θ—, говоритъ критикъ, отличаются чувствомъ скорбнымъ, страдальческимъ, болѣзненнымъ, какою-то однообразною оригинальностью, нерѣдко счастливыми оборотами постоянно господствующей въ нихъ идеи раскаянія и

примиренія, иногда плѣнительными поэтическими образами. Знакомые съ состояніемъ духа, которое въ нихъ выражается, никогда не пройдутъ мимо ихъ безъ душевнаго участія; находящіяся въ томъ же самомъ состояніи духа, естественно увеличатъ ихъ достоинства; люди же или незнакомые съ такимъ страданіемъ, или слишкомъ нормальные духомъ, могутъ не отдать имъ должной справедливости: таково вліяніе и такова участь поэтовъ, въ созданіяхъ которыхъ общее слишкомъ заслонено ихъ индивидуальностью. Во всякомъ случаѣ, стихотворенія —Θ— принадлежатъ къ примѣчательнымъ явленіямъ современной имъ литературы, и ихъ историческое значеніе не подвержено никакому сомнѣнію.“ Этотъ отзывъ помѣщенъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1840 года. И позднѣе Бѣлинскій отзывался о стихахъ И. П. Ключникова съ тѣмъ же сочувствіемъ. Къ сожалѣнію, даровитый поэтъ тогда уже бросилъ литературу и уѣхалъ въ свое Сумское имѣнье, Харьковской губерніи.

Здѣсь же, въ помѣстьѣ его отца, служившаго начальникомъ отдѣленія Артиллерійскаго департамента въ Петербургѣ, И. П. Ключниковъ и родился въ 1811 году. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ дома, и затѣмъ поступилъ въ Московскую первую гимназію, а въ 1831 году, принятъ въ число студентовъ Московскаго университета по словесному факультету. По выходѣ изъ университета со степенью кандидата и съ чиномъ 9-го класса, въ 1835 г., молодой ученый занялся педагогическою дѣятельностью, преподавалъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ, исторію и словесность, и въ 1838 году получилъ мѣсто учителя исторіи въ Московскомъ Дворянскомъ институтѣ, но пробылъ здѣсь всего годъ съ небольшимъ. Какъ разъ въ это время онъ началъ печататься и, отдавшись литературѣ, оставилъ свою преподавательскую дѣятельность навсегда. Первые стихотворенія его: „Элегія“, „Половодье“, „Я не люблю тебѣ“ и „Мѣдный Всадникъ“ появились въ *Московскомъ Наблюдателѣ* 1838 года, когда Станкевичъ уже уѣхалъ за границу и когда кружокъ его распался. Затѣмъ въ теченіе 1839—1840 гг. онъ помѣщалъ свои стихотворенія въ томъ же *Московскомъ Наблюдателѣ*, *Отечественныхъ Запискахъ*, *Современникѣ* и нѣкоторыхъ альманахахъ. Всего напечаталъ онъ тридцать съ небольшимъ пѣсень и послѣ появленія въ 6-й книжкѣ *Отечеств. Записокъ* 1841 года стихотворенія „Воспоминаніе“, замолкъ очень надолго, вскорѣ уѣхавъ вслѣдъ изъ Москвы. Только черезъ сорокъ лѣтъ, навѣстивъ Москву и стараго товарища своего, покойнаго М. Н. Каткова, онъ напечаталъ рядъ стихотвореній въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1882 и 1886 г.г., если не считать двухъ-трехъ пѣсень, которыя появились въ *Недѣлѣ* и *Ежегодникѣ Новомъ Времени* 1879 г. Въ настоящее время И. П. Ключникову 78 лѣтъ. Онъ живетъ въ своемъ Сумскомъ хуторѣ, на лонѣ украинской природы, вспоминая, конечно, счастливые годы юности, здѣсь проведенные, когда, говоря его же словами „въ радужныхъ лучахъ жизнь передъ нимъ роскошно разстилалась, взоръ отдыхалъ на розахъ, а въ мечтахъ— лишь радость новой радостью смѣнилась...“ П. Быковъ.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

I.

Въ тотъ же вечеръ, предъ полуночью, вслѣдъ за управителемъ, который повезъ крѣпостнаго столера для сдачи въ солдаты, выѣхала изъ Березополя простая кибитка тройкой, а въ ней сидѣла княжна рядомъ съ братцемъ.

Илья Петровичъ явился тотчасъ по вызову своей кухни и нашелъ ее въ такомъ состояніи, что оставалось только повиноваться ей.

Полина объяснила братцу, что отъ него зависитъ сдѣлать ее счастливою на всю жизнь или погубить тотчасъ. Она рѣшила спасти Егора отъ солдатства и скрыться вмѣстѣ съ нимъ, бѣжать и... вѣнчаться.

Отговаривать княжну было совершенно напрасно. Лицо ея и голосъ ея, все въ вей, говорило ясно, что она твердо и безповоротнѣо рѣшила свою участь. Князь вызвался проводить ее въ городъ, чтобы помочь въ хлопотахъ, а главное достать денегъ для передачи кузинѣ, такъ какъ своихъ свободныхъ у него не было.

Княжна быстро уложила, собравъ нѣсколько вещей въ сундукъ, и оглядѣвшись въ своей рабочей горницѣ, сказала нѣсколько смущенному Ильѣ Петровичу:

— И конечно въ этомъ домѣ ноги моей больше не

будеть... Если я его не спасу и онъ станетъ на двадцать пять лѣтъ солдатомъ, то я стану солдаткой.

На утро они были уже въ городѣ. Княжна тотчасъ повидалась съ какимъ-то чиновникомъ, и подьячій, по имени Иванъ Леонтьевичъ Скоровъ, взялся за дѣло. Князь тоже повидался кое съ кѣмъ изъ обывателей, которые были нужны и для противодѣйствія сдачѣ въ солдаты, и для займа крупной суммы денегъ. Княжна дорогой рѣшила, что вѣрнѣе всего—оттянуть эту сдачу и, бѣжавъ, вмѣстѣ укрыться гдѣ-либо по близости въ деревнѣ, а по полученіи денегъ отъ брата ѣхать за границу, обвинявшись какъ и гдѣ придется...

Управитель былъ страшно пораженъ пріѣздомъ княжны. Онъ тотчасъ явился на постоялый дворъ и велѣлъ о себѣ доложить.

Сначала Полина думала не принимать его, но затѣмъ разсудила, что свиданіе будетъ даже полезно. Надо узнать отъ этого челоука что-нибудь.

Джаншіевъ вошелъ на этотъ разъ въ горницу не такъ, какъ бывало въ Березопольѣ. Онъ былъ менѣе снукоемъ и не могъ скрыть своего волненія. Глаза его бѣгали, а вмѣсто обыкновенной почтительности онъ стоялъ и сидѣлъ выпрямившись и говорилъ громче и

быстрѣ. Онъ, очевидно, былъ просто перепуганъ, а чѣмъ именно—Полина не могла себѣ объяснить.

Она не знала, что онъ мысленно повторяетъ одно и то же:

„Проморгаль! прозвваль! Вылетишь изъ управителей неминуемо!“

При отъѣздѣ своемъ изъ имѣнія, управитель распорядился на всякій случай, имѣя на то полномочіе, не давать лошадей и не запрягать никакого экипажа въ случаѣ приказанія княжны. Ему не пришло на умъ, что можетъ явиться Илья Петровичъ.

Войдя и сѣвъ противъ княжны, Джаншіевъ быстро, вопреки своей привычкѣ, выговорилъ:

— Прежде всего позвольте узнать, что вы желаете дѣлать? Я не вѣрю ни глазамъ, ни ушамъ. Когда мнѣ сказали, что вы прибыли, я подумалъ, что мнѣ это грезится.

— И мнѣ тоже, отозвалась княжна,—кажется, что все это происходитъ не на яву. Зачѣмъ я сюда пріѣхала—скажу вамъ прямо, такъ какъ вы, вѣроятно, все равно узнаете это черезъ нѣсколько часовъ. Я пріѣхала съ княземъ-братцемъ всячески помѣшать сдачѣ въ солдаты несчастнаго человѣка ни въ чемъ неповиннаго и мнѣ дорогаго... Поняли?.. Вы вѣроятно оклеветали его предъ моимъ отцомъ, или вмѣшивались въ то, что не подлежитъ вѣдѣнію управителя.

— Я не клеветала князю. Позвольте. Я была обязана доносить письменно обо всемъ. О чемъ и донесъ, вы, вѣроятно, догадываетесь... Неужели вы полагаете, что во всемъ Березопольѣ найдется хоть одинъ человѣкъ, который бы давно не зналъ, что происходитъ? Сначала никто не вѣрилъ возможности такого непристойнаго и неблагоприличнаго обстоятельства, но теперь, поневолѣ, у всѣхъ глаза раскроются.

— Тѣмъ лучше, если всѣ все знаютъ, вымолвила княжна.—Какъ бы оно удивительно и непристойно ни было, тѣмъ не менѣе все это—истина. Я не скрываюсь и буду здѣсь бороться съ вами. Я одарю большими деньгами здѣсь всѣхъ, чтобы помѣшать вашему дѣлу.

— Нельзя будетъ, княжна. Нельзя помѣшать. Отсрочить вы можете. Здѣсь народъ—грабители. Деньгами все можно сдѣлать. А я безъ разрѣшенія князя не могу конечно истратить больше того, что вы можете разбросать при помощи Илья Петровича. Онъ вотъ уже теперь занимается, какъ мнѣ донесли, тысячи три рублей. Если это все на сутягъ и на взятки, то, понятное дѣло, мнѣ не одолѣть. У меня съ собой всего семьдесятъ рублей. Стало-быть, въ долгій ящикъ отложить вы можете, но въ концѣ концовъ все-таки ничего вы не подѣлаете. Да и кромѣ того, гонецъ мною уже посланъ сейчасъ къ князю Андрею Ивановичу, съ донесеніемъ, что вы явились сюда спасать Милованова. А сейчасъ я пошлю другаго и отпишу князю, что вы даже мнѣ, безъ всякаго стыда, совсѣмъ не по-княжески, объяснили, какъ взираете на своего крѣпостнаго холопа. Не извольте гнѣваться! Этакого слова никакимъ другимъ замѣнить нельзя. Да вѣдь оно же и истинно.

— Больше намъ говорить не о чемъ. Вы дѣлайте свое, а мы—свое, произвела княжна сухо и поднялась съ мѣста.

Управитель всталъ, поклонился и быстро вышелъ изъ горницы.

Разумѣется, Полина прежде всего стала стараться повидать Егора хотя на минуту, но это оказалось совершенно невозможнымъ. Джаншіевъ буквально заперъ его въ томъ домѣ, гдѣ они остановились, и приставилъ къ нему въ караулъ двухъ мужиковъ.

Всѣ посланцы Полины вернулись съ однимъ и тѣмъ же отвѣтомъ, что доступа къ привезенному дворовому нѣтъ никакого.

Между тѣмъ Илья Петровичъ вернулся въ духѣ.

Онъ уже успѣлъ занять три тысячи рублей. Черезъ нѣсколько дней ему обѣщали еще семь, а педѣли черезъ двѣ—десять.

— Стало-быть, сестрица, всѣ двадцать—и все какъ по маслу. Теперь мы истратимъ всего-то одну тысячу на кого нужно. Потомъ выкупимъ или выкрадемъ нашего „аббата“, и начнется настоящій романъ: „Безуміе отъ любви“. Бѣгите, куда хотите! Послѣ-то все, сестрица, будетъ очень мудро. А теперь-то все просто... Главное, самую сдачу и разныя бумагописанія надо попридержать. А какъ напишутъ разныя бумажки, да подмахнутъ ихъ разныя власти да стрекулисты, дѣло будетъ много труднѣе. Въ случаѣ какого вашего путешествія, его будутъ ловить, какъ бѣглаго солдата.

На другой день и князь, и Полина убѣдились, что осторожились по-ребячески. Надо было соблюсти большую осторожность. Во всякомъ случаѣ не пріѣзжать самимъ, а подослать кого-либо, чтобы обдѣлать дѣло гораздо тише. Отчаянные взяточники и грабители бывають крайне смущены, когда ихъ заставляютъ дѣлать привычное имъ дѣло не на ихъ ладъ, слишкомъ откровенно и прямо. Одинъ изъ этихъ стрекулистовъ городка и заявилъ князю:

— Помаленечку да потихонечку и десять рублей радъ всякій взять, а при такомъ трубномъ гласѣ отъ сотенной откажешься. Какъ же вы такъ-то кричите на всю Ивановскую: „на вотъ тебѣ двѣсти рублей!“ А вы скажите на ушко: „возьми, братецъ, въ подарочекъ двадцать пять рублей“, всякій предпочтетъ послѣднее. Вѣдь это всякій малый ребенокъ понимаетъ.

Однако, къ вечеру втораго дня и на третій день, хотя у смущеннаго неудачей князя никто не хотѣлъ брать деньги, которыя онъ совалъ пригоршнями, онъ все-таки замѣтилъ, что дѣло ладится, потому что очевидно затягивается. Пуще всего не смутила его, а обрадовала озлобленная и тревожная фигура Джаншіева, который явился уговаривать его не поднимать позорнаго дѣла.

— Вѣдь только задержите дѣло, а сдѣлать вы ничего не можете. Князь—владѣлецъ своего холопа, а я его управитель съ довѣренностью. Что же вы можете подѣлать? Только хлопотъ мнѣ прибавите. Ну, на недѣлку отсрочите...

Князь ничего не отвѣтилъ, но подумалъ про себя:

„Какого чорта на недѣлку! Намъ только бы еще денька три-четыре—и тогда крѣпостной „аббатъ“ укачетъ за тридевять земель вмѣстѣ со своей нареченною.“

II.

На четвертый день къ вечеру на постояломъ дворѣ появился Иванъ Леонтьевичъ, главный подьячій, тоже взявшійся хлопотать по дѣлу пріѣзжихъ, и объяснилъ кратко:

— Забрить!

Князь взволновался, попросилъ чиновника обождать и прошелъ къ сестрицѣ.

Послѣ двухъ-трехъ словъ объясненія, княжна вскрикнула и схватилась за голову.

— Какъ?! сданы?! воскликнула она.

— Сданы, сестрица, сданы! Все обдѣлано... Все написано... Коли лобъ забрить, стало все кончено на бумагѣ. Теперь коли бѣжать, такъ и шапку не снимай.

— Зачѣмъ лобъ?.. какой лобъ?.. бессмысленно проговорила Полина.

— А ужъ это завсегда! обычай! Ради именно того, чтобы не сбѣжалъ. Всѣ волосы надо лбомъ вершка на два сбриты. Оповѣстятъ. Начнутъ ловить и какъ найдутъ, шапку снимутъ—и поклонъ: ваше, молъ, солдатское служивство, пожалуйста во фронтъ, на царскую службу.

— Что же дѣлать теперь? воскликнула Полина.

— Ужъ не знаю, сестрица. Этотъ негодий насъ

Уменьшенная копия 1-й главной премии „Нивы“ на 1890 годъ. **Сосновый лѣсъ.**
Каръ профессора И. И. Шишкина (собств. „Нивы“), грав. Шюблеръ.

Уменьшенная копія 2-й главной преміи „Нивы“ на 1890 годъ. Запущенный паркъ.
Карт. профессора И. И. Шишкина (собств. „Нивы“), грав. Рашевскій.

перехитрилъ. Завтра на зарѣ везутъ его въ Рязань. Ужъ онъ, такъ сказать, не княжескій теперь, не Березопольскій, а государственный человѣкъ; не крестьянинъ, а сдаточный...

— Я поѣду за нимъ...

— Куда?

— Куда его повезутъ.

Князь ничего не отвѣтилъ, вернулся къ Ивану Леонтьевичу, дожидавшемуся его, и сталъ выспрашивать подробно, какія есть средства поправить дѣло.

Стрекулисть только ежился и отвѣчалъ на все, что дѣло пропавшее, лучше бросить. По его словамъ, теперь только бѣгство осталось, но это бѣгство повело бы къ наказанію, пожалуй, сквозь строй. Да не сдобровать и помощникамъ.

— Какъ то-нсъ? отозвался князь, и лицо его измѣнилось, стало вдругъ настолько серьезно, какъ, быть-можетъ, бывало только разъ въ году.—Какимъ помощникамъ?

Чиновникъ подробно объяснилъ князю, что онъ и барышня-княжна являются какъ бы пособниками. И въ случаѣ бѣгства солдата Милованова, имъ придется тоже быть подъ судомъ.

— И что же намъ тогда сдѣлають? выговорилъ князь совершенно серьезно.

— Ужъ не могу вамъ доложить! А что-нибудь очень неподходящее.

— Да вѣдь не высѣкутъ же?

— Сѣчь не стануть, а судить—строго осудять. И страсть дорого обойдется. Богатому судъ—бѣда!

— Вотъ тебѣ и здравствуйте, выговорилъ князь.— Вещь глупая, а на умъ мнѣ не приходила. Вдругъ это я, князь Илья Петровичъ Березопольскій, да подъ судомъ буду! Вотъ что значитъ, все путешествовать по заморскимъ землямъ—самыхъ простыхъ вещей на Руси не знаю!

— Это точно-съ, прибавилъ чиновникъ, хотя князь относился не къ нему, а вслухъ разсуждалъ.—А главное дѣло, ваше сіятельство, что если васъ и не присудятъ, то все-таки засудятъ... разорятъ.

На утро, когда чуть брезжилъ свѣтъ, княжна уже собралась. Лошади были заложены. Она только ждала извѣстія, что поѣздъ съ новымъ солдатомъ двинулся въ Рязань, чтобы спустить часъ двинуться влѣдъ за нимъ.

О приличіи и соблюденіи какихъ-либо осторожностей, княжнѣ ни разу и на умъ не приходило. Она знала и помнила только одно: быть около Егора и стараться до послѣдней возможности спасти его и себя. Освободить его и скрыться вмѣстѣ съ нимъ куда бы то ни было, хоть въ простую деревушку—было еще возможно. А какъ только князь пришлетъ ей крупную сумму денегъ, то немедленно выправлять какіе ни на есть подложные письменные виды и выѣзжать за границу—казалось ей еще легче.

Все это представлялось княжнѣ совершенно простымъ дѣломъ. Ей даже казалось иногда, что это легко до смѣшнаго. Да и все легко.

Около десяти часовъ, когда княжна Прасковья Андреевна, совсѣмъ одѣтая по дорожному, сидѣла у окна и глядѣла на готовую тройку съ кибиткой, стоявшую около воротъ, вмѣсто ожидаемаго ею посланца, появилась фигура управителя.

— Зачѣмъ опять этотъ негодяй? Не пускайте его! воскликнула княжна, отчасти отъ злобы, отчасти отъ какого-то суевѣрнаго страха.

Ей будто показалось, что этотъ управитель имѣеть власть остановить ее и не дозволить двинуться въ путь.

Она вскрикнула такимъ голосомъ, что Илья Петровичъ, бывший въ сосѣдней горницѣ, прибѣжалъ отчасти перепуганный.

— Объ сюда идетъ... Не пускайте его... и не хочу

его видѣть! И остановить онъ меня не можетъ! Я не крѣпостная и надо мною онъ не властенъ! Никто не властенъ. Мнѣ тридцать лѣтъ. По счастью...

Но куда князь собирался выйти изъ горницы, понявъ, что дѣло идетъ о Джаншіевѣ, управитель уже снялъ шубу и появился въ дверяхъ.

— Что вамъ нужно? воскликнула Полина.— Я не желаю видѣть васъ, не желаю говорить съ вами! Извольте выдти. Уходите!

— Простите, ваше сіятельство, я исполню долгъ свой... Я исполнялъ приказанія князя, какъ честный человѣкъ, и готовъ такъ же служить теперь и вамъ...

— Уходите вонъ! вскрикнула княжна.

— Слушаю-съ... И знаю, что кромѣ вашей ненависти ничего заслужить у вашего сіятельства не могъ. Но позвольте васъ просить прочесть сіе письмо, полученное мною сію минуту.

— Никакого мнѣ письма не нужно. Уходите вонъ!

— Убѣдительно прошу, ваше сіятельство. Это письмо отъ извѣстной вамъ женщины, Устиньи Савельевны. Въ немъ всего нѣсколько строчекъ...

И Джаншіевъ, приблизясь къ Полинѣ, протянулъ ей развернутый листъ бумаги.

Княжна отступила, и не глядя на бумагу, выговорила:

— А отъ такой женщины я и въ руки не возьму письма! Да и зачѣмъ мнѣ это...

Джаншіевъ обернулся къ князю, почтительно передалъ ему письмо и вымолилъ:

— Такъ потрудитесь вы прочесть и передать содержаніе ея сіятельству.

Князь взялъ листъ въ руки, и едва глаза его пробѣжали нѣсколько строкъ, какъ онъ вскрикнулъ и поднялъ руки вверхъ. Лицо его измѣнилось.

— Что такое? невольно выговорила Полина, смущаясь.— Вѣдь не въ Сибирь же меня ссылають? Не въ монастырь же стащутъ сейчасъ и постригутъ насильно?

— Сестрица, выговорилъ Илья Петровичъ, приблизясь и взявъ Полину за руки,— прежде всего, пожалуйста сюда, извольте сѣсть. Я бабью природу, простите... женскую... знаю. Извольте сѣсть.

Полина, недоумѣвая и уже сильно робѣя, повиновалась.

— А теперь, сестрица, извольте выслушать чрезвычайное извѣстіе...

— Монастырь?..

— Нѣтъ, сестрица! И худое извѣстіе, и пожалуй... не то что хорошее, а удивительное. Дяденька Андрей Ивановичъ, вашъ отецъ... началъ князь и запнулся.— Представьте себѣ, что вы теперь совсѣмъ полная владѣтельница и Березополя, и всѣхъ иныхъ вотчинъ. И полная распорядительница собственной своей судьбы.

— Какимъ образомъ? Я ничего не понимаю, тихо и спокойно выговорила Полина.

— Поймите, сестрица, всѣ люди смертны... всѣ подъ Богомъ ходимъ...

Княжна вдругъ приподнялась съ мѣста, схватила князя за руку, взяла листъ бумаги и повернула къ себѣ. Глаза ея упали прямо на послѣднюю строчку, въ которой она прочла:

„И волею Божіею сего числа къ вечернямъ приказалъ долго жить.“

— Приказалъ... выговорила Полина тихо и спокойно, какъ бы совершенно не понимая значенія произнесимаго слова.

— Да, сестрица. Скончался...

— Батюшка?.. скончался?.. снова выговорила Полина, глядя на князя, затѣмъ перевела глаза на управителя.

И только тутъ, по фигурѣ Джаншіева она сообразила и поняла то что ей говорили, и то что она про-

чла. Она выронила письмо, закрыла лицо руками и не прислонилась, а просто упала на спинку дивана.

— Ну, такъ и есть! не даромъ сажаль! Эй! кто-нибудь!.. Воды! олухи, воды тащи! закричалъ князь на вель домъ.

Но Джаншиевъ былъ уже въ сосѣдней горницѣ и вернулъ съ графиномъ и стаканомъ.

Княжна, послѣ легкаго обморока, пришла въ себя. Лицо ея было блѣдно, глаза сверкали, и она черезъ силу выговорила:

— Оставьте меня!.. Уйдите!..

Двѣ женщины постоялаго двора стали хлопотать около княжны, а Илья Петровичъ и управитель вышли въ сосѣдную горницу.

— Что же это? Какъ же это случилось? воскликнулъ князь.

— Очень просто, отозвался Джаншиевъ. — Полагать надо, что отъ моего письма. Я все описалъ князю, что происходило. Описалъ, какъ княжна сама мнѣ почитай во всемъ призналась. И полагаю, что это все князя и уложило. Вѣдь это все не шуточное дѣло. Княжна дѣвица—и въ крѣпостнаго своего... А у князя ужъ былъ одинъ ударъ; ну, а второй, знаете ли, бываетъ потуже. Стало-быть, такъ-ли, сякъ-ли, а княжна Прасковья Андреевна и вы тоже—изволили вмѣстѣ всячески постараться и на всѣ лады поспѣшествовать кончивъ дядюшки.

И послѣ паузы Джаншиевъ прибавилъ:

— А позвольте спросить, какъ вы полагаете, княжна Прасковья Андреевна тотчасъ меня отпустить, или я могу еще немного питать надежду, что я...

— Что вы?! какъ можно, господинъ Джаншиевъ! Сестрица не изъ такихъ барынь. Смѣю васъ увѣрить, что вы получите абшидь свой или въ три шеи... минутъ черезъ десять... Какъ только сестрица въ чувства придетъ, такъ сейчасъ же чувствительно васъ отблагодарить.

И князь залился добродушнѣйшимъ смѣхомъ, глядя на кислую фигуру Джаншиева.

III.

Со дня извѣстія о внезапной смерти князя, отъ удара, прошло около двухъ недѣль, но за это время въ Березопольѣ не только поговоркѣ „много воды утекло“, а можно было сказать: все старое утекло—и новое, нежданное и диковинное, его замѣнило.

Въ воскресный день, около полудня, въ яркую, теплую погоду, чуть не весеннюю, благодаря оттепели, всѣ березопольцы были на ногахъ. Можно было бы подумать, что день этотъ большой праздникъ. Въ дѣйствительности, празднество было исключительно мѣстное. Весь народъ усадьбы и села поднялся, чтобы снова встрѣчать свою владѣлицу, Прасковью Андреевну, но уже совершенно при иныхъ условіяхъ.

Барышня-княжна пробыла все это время въ Москвѣ, ради похоронъ своего отца въ одномъ изъ подмосковныхъ монастырей. И теперь она возвращалась обратно туда, куда еще такъ недавно прѣзжала поневолѣ, какъ въ ссылку. Но теперь ей показалось бы ссылкой и нравственною тюрьмой всякое иное мѣсто, помимо Березополя.

Сюда спѣшила она всячески, и среди сборовъ и хлопотъ, по поводу пышныхъ похоронъ отца, мало думала объ окружающемъ ее. Всѣ помыслы ея, вся душа, будто оставались въ вотчинѣ.

За эти двѣ недѣли въ Березопольѣ тоже было большое волненіе. Многіе подняли головы, многія надежды воскресли, многіе соединяли съ возвратомъ „добрѣющей“ барышни Прасковьи Андреевны, скорое осуществленіе давнишнихъ собственныхъ мечтаній о счастіи.

Врядъ-ли когда березопольцы переживали болѣе радостные дни. Всѣ были довольны и веселы.

Въ небольшомъ флигелѣ, гдѣ когда-то столько дѣтъ

прожилъ ихъ общій любимецъ и былъ вдругъ изгнанъ и замѣненъ ненавистнымъ для всѣхъ человѣкомъ, снова помѣщался тотъ же Макаръ Макаровичъ. Все было въ его горницахъ въ такомъ видѣ, какъ еслибы онъ и не выѣзжалъ никогда. Не даромъ всѣ дивились и всѣ повторяли, что приключеніе съ Макаромъ Макаровичемъ кажется будто сновидѣніемъ. Какъ былъ онъ всегда, такъ и есть теперь на своемъ мѣстѣ.

Въ первомъ домикѣ попрежнему очутились вмѣстѣ ожившая отъ счастія старушка Лукерья Егоровна и ея обожаемый сынъ, выкупленный изъ солдатства.

Миловановъ былъ возвращенъ домой изъ Рязани. И что было невозможно по закону, стало совершенно возможнымъ въ силу хлопотъ княжны Березопольской и въ силу денегъ раздаренныхъ въ губернскомъ городѣ.

Егоръ тоже сначала едва глазамъ вѣрилъ—такъ чудно повернулась его судьба. Въ ту минуту, когда онъ въ Рязани уже серьезно собирался покончить съ собой, онъ узналъ, что не только свободенъ, снова возвращается въ Березополье, но что помимо этого есть и еще нѣчто. Тѣ, о чемъ онъ когда-то боялся думать, въ чемъ боялся сознаться себѣ самому, вдругъ стало общимъ достояніемъ. Сокровенная тайна стала будто извѣстна всѣмъ, и объ ней всѣ тихо перешептываются. Ей не мало дивятся. Кое-кто не вѣритъ. Но тѣмъ не менѣе, молва бѣгаетъ и прошла уже далѣе Березополя. Молва обѣжала и губернской городъ, и уѣздный городокъ и, наконецъ, вдругъ какъ бы перестала быть молвой. Стала дѣйствительностью, дѣломъ всему міру извѣстнымъ.

Вернувшійся въ Березополье Миловановъ прочелъ на лицахъ всѣхъ обитателей вотчины нѣчто, что смутило его. Онъ не испугался, а ему стало стыдно, какъ будто его обвинили въ чемъ, какъ будто онъ виноватъ въ чемъ. И всѣ эти взгляды дворовыхъ, и даже кое-кого изъ мужиковъ съ села, заставляли Милованова опускать глаза или отворачиваться.

Ему было стыдно и стыдно. И онъ не могъ внутренне рѣшить вопроса, что съ нимъ приключилось. Что свалилось съ неба: большое счастье или большая вина? Ему чудилось, что лица его сожителей, дворовыхъ, укоряютъ его: то чудилось, что надъ нимъ всѣ насмѣхаются и за глаза всюду ругаютъ. Иногда же ему чудилось, что кое-кто говоритъ съ нимъ съ такимъ почтениемъ, столько заискиваетъ и льститъ, что ему становилось гадко.

И въ скромномъ, прямодушномъ Егорѣ являлось мгновенными диковинное желаніе убѣжать куда-нибудь, такъ какъ тѣ, что онъ нашель въ Березопольѣ по отношенію къ себѣ, гнетомъ легло ему на душу. Онъ чувствовалъ всюю душой неестественность, ложность своего положенія.

Вслѣдствіе этого, по возвращеніи въ Березополье, онъ казался нездоровымъ и почти не выходилъ никуда изъ дому. Но за то онъ былъ счастливъ въ другомъ отношеніи. Его мать отъ нежданнаго свиданія съ нимъ ожила, въ два-три дня оправилась совсѣмъ и снова была бодрѣе, насколько могла.

Разумѣется, Лукерья Егоровна тоже мучила сына наивными вопросами. До нея, выдавшей кое-кого, дошли темные слухи, которые тревожили ее. Эти слухи казались старушкѣ чудовищными и могли опять навлечь на сына какую-нибудь бѣду, еще худшую.

Слабый отъ преклонныхъ лѣтъ разсудокъ ея не могъ совладать съ чрезвычайностью того, о чемъ ей нашептывали разныя кумушки насчетъ княжны и ея сына. И старушка изрѣдка вечеромъ начинала осторожно, издадека, намеками, пытать сына. Она думала, что приступаетъ къ этому чрезвычайно тонко и хитро, но дѣлала это, разумѣется, наивно.

Сынъ убѣждалъ старушку, что березопольцы—врали извѣстные, что этакого диковиннаго быть не можетъ. Но лицо и глаза его говорили матери ясно, что онъ жетъ.

Но это бы еще ничего. Было иное что смущало ее. Старушка видѣла и чувствовала, что сынъ самъ находится постоянно въ тревогѣ, которую не можетъ побороть. Она замѣчала, что онъ иногда, по ея выраженію, мечется какъ угорѣлый, не находя себѣ мѣста. Его преслѣдуетъ что-то. Начнетъ работать, задумается и броситъ. Соберется гулять, но вдругъ злобно броситъ шапку въ уголъ и останется дома. Иногда сидеть въ углу комнаты на стулѣ, положить голову на руки и просидитъ какъ окаменѣлый часа два, не слыша ея вопросовъ и не отвѣчая ни слова.

Вскорѣ послѣ вторичнаго переѣзда Макара Макаровича въ свой прежній домикъ, съ которымъ онъ сроднился, Миловановъ просидѣлъ у него цѣлый вечеръ и вернулся къ себѣ, очевидно, потрясенный до глубины души той бесѣдой, которая была у него съ Трубецкимъ. Цѣлую ночь пробродилъ онъ въ своей горницѣ и не ложился спать.

Съ этого дня онъ сталъ будто избѣгать Трубецкаго. Когда управитель звалъ его къ себѣ черезъ какого-нибудь двороваго, онъ приказывалъ сказать, что ему нездоровится, и не шель.

Два раза Макарь Макаровичъ самъ приходилъ къ нему. Въ первый разъ Егоръ сидѣлъ едва отвѣчая на вопросы управителя и повѣсивъ носъ, какъ виноватый.

Въ другой разъ, слышавъ голосъ Трубецкаго на крыльцѣ, онъ кинулся опретью въ сосѣднюю горницу и приказалъ матери сказать управителю, что онъ хвораетъ и спитъ.

И старушка опять начала хворать отъ тревоги, боязливо глядя на ликованіе березопольцевъ. Имъ хорошо! А ей чудилось, что уже идетъ бѣда и много худшая. Спокойно и безболзненно размыслить, и обсудить это диковинное дѣло, о которомъ нашептывали ей кумушки и которое случится по возвращеніи княжны—она была совершенно не въ состояніи.

Если-бы Лукерья Егоровна сказали, что сынъ ея будетъ не нынче—завтра царемъ въ какомъ-нибудь „нѣкоторомъ царствѣ, не нашемъ государствѣ“ и что къ нему не нынче—завтра явятся посланцы въ золотыхъ кафтанахъ просить его ѣхать на царство, то быть-можетъ она была-бы менѣе поражена. О такихъ оказіяхъ въ жизни „Иванушекъ-дурачковъ“ она слыхала, а такого случая, о какомъ перешептываются березопольцы, еще не видано и не слыхано.

IV.

Помимо Миловановыхъ, было тяжело еще одному существу среди ликованія въ Березопольѣ.

Въ одной изъ горницъ барскаго дома, гдѣ когда-то помѣщалась Дуниша, теперь уѣхавшая съ барышней въ Москву, лежала на постели трудно-больная.

Докторъ изъ уѣзднаго города навѣщалъ больную каждые два дня, но уѣзжалъ всегда покачивая головой и объясняя пожилой Марѣ, что дѣло плохо совсѣмъ...

Больная была Евгенія.

Захворала она очень просто. „Застудилась“, какъ говорили во двору. Дѣйствительно, Евгенія простудилась и лежала въ горячкѣ, была безъ сознанія въ продолженіе пяти дней, потомъ пришла въ себя, но оставалась въ такомъ положеніи, что врачъ не могъ сказать, поправляется-ли дѣвушка, или близится къ смерти.

И только теперь, когда уже ждали возвращенія княжны изъ Москвы, Евгенія стало нѣсколько лучше. Но ее едва возможно было узнать, настолько перемѣнилась и исхудала она.

Больную многіе навѣщали. Раза два кое-какъ пришла къ ней и Лукерья Егоровна. Она-бы могла бывать и чаще, но не ходила по особой причинѣ.

Каждый разъ Евгенія, плача и цѣлуя старушку, умоляла ее попросить къ ней Егора Ивановича. Но старушка обѣщать не могла, такъ какъ Егоръ на-

отрѣзъ отказался повидаться съ Евгеніей. Опъ поручилъ матери сказать дѣвушкѣ, что всему прежнему наступилъ конецъ, что и думать нечего о томъ, о чемъ прежде были у нихъ разговоры.

Егоръ совершенно не зналъ, такъ-же какъ и всѣ березопольцы, какимъ образомъ заболѣла дѣвушка. Болѣзнь ея пришла не просто, но Евгенія одна знала, какъ заболѣла.

Въ тотъ день, когда въ Березополье пришло извѣстіе, что князь Андрей Ивановичъ скончался, что княжна самостоятельная владѣлица всего состоянія, что Егоръ Миловановъ уже возвращается изъ Рязани и, конечно, не будетъ солдатомъ, а въ скоромъ времени все Березополье ахнетъ отъ того, что произойдетъ,—Евгенія не выдержала...

Одинъ недавній случай смерти въ усадьбѣ пришель ей на умъ. Поздно вечеромъ Евгенія отправилась въ баню и, переждавъ покуда нѣсколько запоздавшихъ дѣвушекъ вымылись, одѣлись и ушли, объявила, что хочетъ тоже мыться.

Оставшись одна и пролежавъ около получаса на полкѣ въ духотѣ и жару пара, она совершенно потная выбѣжала на морозъ и среди полной тьмы ночи легла въ свѣгъ. Не двигаясь, пролежала она тутъ въ сугробѣ до тѣхъ поръ, пока не окостенѣла совершенно. Тогда черезъ силу вернулась снова въ баню, кой-какъ одѣлась, двинулась въ барскій домъ, но уже по дорогѣ почувствовала себя будто схваченною въ тиски. Съ пей начало твориться что-то невѣроятное. Не дойдя нѣсколькихъ шаговъ до крыльца, она свалилась среди двора. Здѣсь, случайно, тотчасъ увидѣли ее и въ состояніи полуобморока перенесли въ горницу Дуниши.

На другой день она была уже при смерти. Но объ этомъ никто не зналъ. Миловановы тоже не знали. Приѣхавшій Макарь Макаровичъ увидѣлъ дѣвушку, понялъ все и погналъ верховаго въ городъ за докторомъ...

Теперь выздоравливающая Евгенія стала совсѣмъ другою дѣвушкой. Она сама чувствовала, что жизнь, возвращаясь къ ней, находитъ ее не тою-же... Одна болѣзнь прошла, но явилась будто другая. И эта другая болѣзнь—душевная—припадками злобы и отчаянія хватаетъ ее за горло, стучитъ въ вискахъ, заставляетъ порывисто крѣпкими ударами биться ея сердце. Если это—не болѣзнь, думалось дѣвушкѣ, а сильное человѣческое чувство, то его надо назвать дьявольскимъ наущеніемъ.

Сначала у Евгенія чередовалось два чувства. То озлоблялась она, то приходила въ отчаяніе, начинала плакать, и наплакавшись до-сыта, снова приходила она въ какое-то ожесточеніе, садилась на постель, дико озиралась въ горницѣ, мысленно грозилась, мысленно рѣшалась на такое дѣло, которое конечно и самое княжну и всѣхъ березопольцевъ перепугало-бы на смерть. Но затѣмъ снова наступало отчаяніе, слабость и горькія слезы.

Наконецъ насталъ и день торжественной встрѣчи княжны. Посланцы, поставленные на дорогѣ Трубецкимъ, какъ когда-то прежде, должны были его извѣстить по крайней мѣрѣ за полчаса до появленія поѣзда изъ Москвы. Но разница была та, что теперь человѣкъ двадцать на лошадахъ вызвались сторожить поѣздъ.

Въ церкви, мимо которой надлежало ѣхать княжѣ, священникъ и причтъ ждали въ полномъ облаченіи, чтобы послѣ встрѣчи отслужить въ храмѣ молебенъ. Вокругъ храма толпилась куча народу, но вся громада, по приказанію Макара Макаровича, осталась ожидать княжну близъ барскаго дома.

И снова все населеніе, отъ мала до велика, за исключеніемъ младенцевъ и дряхлыхъ стариковъ, было на ногахъ, разодѣтое по праздничному, а главное съ праздничными лицами.

Съ чего ходить? Картина Швенигера, грав. Кренеръ. Библиотека "Руниверс"

Только двое обывателей, на все Березополье, здѣсь не присутствовали. Большая Евгенія и совершенно здоровый, но душевно хворающий Егоръ Миловановъ. Два раза посылалъ къ нему Макаръ Макаровичъ сказать, что ему болѣе всѣхъ приличествуетъ быть съ другими при встрѣчѣ княжны. Но Миловановъ не отвѣтилъ посланному ничего.

Лукерья Егоровна тоже была около барскаго дома, стояла рядомъ съ Макаромъ Макаровичемъ, но задумчивая, тревожная, печальная, съ мыслями о сынѣ, который упрямо остался дома.

А самъ Егоръ сидѣлъ у окна, которое выходило на улицу. Изъ него хорошо была видна вся дорога къ храму, гдѣ двигался взадъ и впередъ народъ.

Миловановъ былъ блѣденъ, глаза его лихорадочно горѣли. Онъ то садился къ окну, то вставалъ, ходилъ, почти метался по маленькой горницѣ и снова садился. Чтò съ нимъ происходило, онъ самъ не зналъ. И только одна мысль ясная одолевала его: желаніе бѣжать, желаніе спастись отъ того, чтò представлялось ему не бѣдой, а чѣмъ-то худшимъ, ибо непонятнымъ и чудовищнымъ...

Бѣгство какъ можно подальше отъ Березополя—теперь еще яснѣе представлялось ему какъ единственное спасеніе. Изрѣдка онъ бралъ себя за голову и произносилъ шепотомъ:

— Мучительство!.. Истинное мучительство!.. Ужъ лучше-бы въ солдатахъ быть.

Наконецъ на дорогѣ отъ храма показалась темная, сплошная толпа, двигавшаяся къ усадьбѣ, и среди нея шагомъ ѣхавшій экипажъ.

Миловановъ увидѣлъ, вздрогнулъ и отошелъ отъ окошка въ глубину горницы, какъ если-бы ему представилось что-то страшное.

И вдругъ дикая и нелѣпая мысль пришла ему въ голову:

„Что еслибы въ эту минуту по дорогѣ шло похоронное шествіе? Что еслибы хоронили ее, княжну Прасковью Андреевну? Было-ли бы это лучше? Для него?“

И на это Егоръ отвѣтилъ себѣ просто и искренно, а потому—вѣрно.

— Оно было-бы проще, прошепталъ онъ, стоя въ углу горницы и боясь даже взглянуть на гудѣвшую толпу и на проѣзжавшій шагомъ возокъ, гдѣ сидѣла княжна Прасковья Андреевна.

V.

Миловановъ былъ тотчасъ-же вызванъ къ княжнѣ и черезъ два часа вернулся смущенный, но не тревожный... На слѣдующее утро онъ снова ушелъ къ барышнѣ, пробылъ у нея весь день и вернулся къ матери спокойно радостный, счастливый. Съ этого дня онъ безвыходно сидѣлъ въ барскомъ домѣ.

Такъ прошла недѣля послѣ пріѣзда барышни Прасковьи Андреевны, а въ Березопольѣ вдругъ снова все стало готовиться къ отъѣзду и къ проводамъ.

За это время жизнь въ вотчинѣ шла на особый ладъ. Въ барскомъ домѣ было ликованье. Безмѣрно счастливая и радостная владѣлица вліяла, очевидно, на своихъ окружающихъ. За то среди дворовыхъ замѣтна была угрюмость, недовольство, почти ропотъ. Село относилось безстрастно и безучастно, но и тамъ нѣкоторые крестьяне поумнѣе сходились и толковали о томъ, что лихая бѣда повисла надъ головами.

Всѣмъ въ Березопольѣ, отъ мала до велика, было извѣстно, что на-дняхъ рѣшился очень важный вопросъ. „Важнѣющее“ дѣло было, какъ говорится, рѣшено и подписано. Всѣ это знали, всѣ между собой говорили объ этомъ, но не громко, не открыто. Всякій дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ. Казалось, что дѣло идетъ о чемъ-то противозаконномъ, о замышляемомъ преступленіи, въ которомъ каждый чувствовалъ себя пособникомъ.

Березопольцы, дворовые и крестьяне, уже болѣе недѣли какъ знали диковинное рѣшеніе, принятое ихъ владѣлицей-княжнѣю. И это былъ уже не слухъ...

А владѣлица-княжна и дворянка стариннаго рода, съ трудомъ поборовъ упорство своего возлюбленнаго, его смущеніе и робость предъ роковымъ и диковиннымъ шагомъ, поборовъ равно безмысленный ужасъ его старухи-матери, твердо и окончательно рѣшилась сочетаться бракомъ со своимъ собственнымъ крѣпостнымъ столяромъ.

— Не видано и не слыхано!.. ахнули березопольцы.

— Срамъ и противозаконіе, шепнулъ батюшка.

Но съ тѣхъ поръ, что вѣсть объ этомъ, какъ о дѣлѣ порѣшенномъ, обѣжала Березополье, ни барышня-княжна, ни самъ Миловановъ не показывались почти нигуда. Ихъ было не видно.

— Стыдно-ста въ люди глаза показать!..

Княжна не выходила изъ дому, даже не прогуливалась, какъ прежде, по двору и по дорогѣ. Миловановъ предъ полуднемъ быстрыми шагами проходилъ изъ флигеля въ барскій домъ и возвращался только поздно вечеромъ. Раза три и его старушка-мать черезъ силу проковыляла къ барышнѣ и тоже пробыла у нея нѣсколько часовъ. Одинъ разъ сама княжна явилась въ гости къ Лукерьѣ Егоровнѣ.

Прямо, открыто ничего не было повѣщено рабамъ княжны Прасковьи Андреевны, но всѣ знали, что диковинное дѣло рѣшено безповоротно. Когда ждатель свадьбы и будетъ-ли пиръ горой, объ этомъ конечно никто не говорилъ.

Толковали все больше объ одномъ: коли Егоръ станетъ бариномъ, то чтò изъ этого будетъ? Человѣкъ онъ добрый, ласковый, разумный, тихій. Да вѣдь это въ прежнемъ состояніи. А каковъ онъ будетъ, какъ бариномъ станетъ?

Затѣмъ прошелъ слухъ, что свадьбы никакой не будетъ въ вотчинѣ, что барышня собирается уѣзжать въ Москву вмѣстѣ со своимъ нареченнымъ и отпразднуетъ свое бракосочетаніе въ столицѣ. Кто говорилъ, что женихъ и невеста стыдятся своихъ людей, затѣявъ неслыханное дѣло; а кто говорилъ, что княжна должна ѣхать въ столицу просить разрѣшенія царскаго выйти замужъ за своего холопа.

Говорили тоже, что поглупѣе, что прежде всего надо сдѣлать Егора дворяниномъ, а потомъ уже за него замужъ выходить. Другіе, поумнѣе, объясняли, что дворяниномъ сдѣлать Егора нельзя. На это нуженъ царскій указъ. А захочетъ-ли царь этакое сдѣлать?

Толковъ и пересудовъ было, конечно, много, но все сводилось къ одному: къ извѣстію вѣрному объ отъѣздѣ княжны со своимъ нареченнымъ.

Вскорѣ на барскомъ дворѣ уже таскали въ переднюю уложенные сундуки, уже толковали о подводахъ и о подставахъ по Рязанской дорогѣ.

Но если на дворѣ шель говоръ тайственный и острый, иногда тайный ропотъ, а въ числѣ дворовыхъ были угрюмыя и озабоченныя лица, то въ барскомъ домѣ происходило совершенно обратное.

Въ домѣ жили на прежній ладъ, какъ жилось когда-то, до смѣщенія Макара Макаровича и назначенія новаго управителя.

Князь Илья Петровичъ снова жилъ безвыѣздно у сестрицы. Макаръ Макаровичъ снова являлся со своей флейтой. Вмѣстѣ съ ними снова съ утра до вечера бывалъ тутъ Миловановъ, но уже никто не называлъ его Егоромъ безъ прибавленія „Ивановичъ“.

Тутъ все пошло по старому—весело и много веселѣе, радостнѣе, чѣмъ прежде.

Наконецъ, однажды вечеромъ дворовые вдругъ узнали, что Егоръ Миловановъ вмѣстѣ съ матерью и Макаромъ Макаровичемъ выѣхалъ въ ночь по Рязанской дорогѣ. На другой день было приказано закладывать и

подавать карету княжны, которая выѣзжала тоже, вмѣстѣ съ братцемъ.

О проводяхъ не было никакого распоряженія, спросить было не у кого за отсутствіемъ управителя, какъ бы тайкомъ выѣхавшаго вдругъ. И не имѣя къ кому обратиться за разъясненіями, березопольцы сразу почувствовали себя какъ-то непривычно, въ мудрено-ложномъ положеніи, и ходили какъ въ воду опущенные.

Около полудня изъ вотчины выѣхалъ возокъ, въ которомъ сидѣла княжна и князь Илья Петровичъ, а за ними кибитка, въ которой была Дуняша.

Отъѣздъ этотъ, видѣнный десяткомъ людей вблизи и полсотней людей издали, былъ какой-то странный. Всѣ покачивали головами и вздыхали.

— Не княжеское дѣло затѣяла—не по княжески и изъ вотчины выѣзжаетъ! рѣшили дворовые.

Экипажъ владѣлицы скрылся изъ глазъ немногихъ проводившихъ ее, и надъ Березопольемъ на нѣсколько дней будто опустилось и нависло какое-то невидимое, но ощущаемое всѣми, облако, или темная пелена будто покровомъ прикрыла всѣхъ и все въ усадьбѣ. Но покровъ этотъ былъ чудной. Нежданное, на всѣхъ лицахъ, растерянность, недоумѣніе и стыдъ. Всѣ будто совѣстились, всѣ будто пережили какой-то стыдъ и незаслуженную обиду.

Но отъѣздъ владѣлицы, а равно и любимца-управи-

теля, во всей вотчинѣ наступила мертвая тишь. Всѣ обыватели будто дали себѣ слово ходить медленно, какъ можно меньше говорить и не ухмыляться. Барскій домъ, опустѣлый, стоялъ запертой, но къ этому березопольцы давно привыкли. Пустота и тишь во флигелѣ управителя, такая же тишь въ первомъ домикѣ—вотъ что какъ-будто дѣйствовало на всѣхъ.

Единственнымъ мѣстомъ, гдѣ сказывалась жизнь, былъ ткацкій корпусъ, но и тамъ все не ладилось и все не клеилось. И работа шла черезъ пень колоду, и говорю не было обычнаго, не только смѣху. Только разъ почувтилъ кто-то:

— Ай да баринъ будетъ у насъ! Стамесочный!

Разумѣется, теперь только и было говорю и соображеній, что о будущемъ возвращеніи владѣлицы, уже замужней, и новаго барина, котораго повезли производить въ кушчы-ли, въ дворяне-ли. Но когда падо ожидать пріѣзда господъ—никто не зналъ, даже и приблизительно. Объ этомъ не было никакихъ слуховъ. Никто ничего не зналъ и предполагать даже не могъ.

Наконецъ чрезъ мѣсяць ожиданія въ Березополье вернулся Макарь Макаровичъ съ Лукерьей Егоровной, а съ ними и горничная Дуняша. На всѣ вопросы и опросы они не пожелали ничего отвѣчать...

— Обождите малость—все узнаете, отзывался Трубецкой сумрачно.

(Продолженіе будетъ).

Тотализаторъ.

Разсказъ А. Зарина.

(Продолженіе).

XV.

Между ними водворился миръ. Хмуровъ толковалъ о скачкахъ и на службѣ, и дома; Настасья Сергѣевна съ улыбкою слушала его и глядѣла любовными глазами на его оживленное лицо.

„Развѣ бѣда увлечешься?“ думала она съ улыбкою, „и чего это я раньше такъ боялась?“

„Славная у меня Настя“, думалъ Хмуровъ: „она повяла, что я не ребенокъ, что за меня нечего бояться, вѣдь она и сердилась-то любя меня, опасаясь за мое здоровье!“

— Одолжите папирочку, подошелъ Славинъ къ Хмурову на службѣ,—послѣ-завтра будете?

— Буду! кивнулъ головою Хмуровъ, протягивая портсигаръ.

— У меня къ вамъ просьбица, взялъ Славинъ папирочку,—дайте мнѣ на воскресенье пятишницу?

Хмуровъ пожалъ плечами.

— Радъ-бы, Василій Карловичъ, да у меня нѣтъ. Самъ всего съ девятью рублями поѣду, съоткровенничалъ онъ.

— Съ девятью! воскликнулъ Славинъ,—съ девятью не стѣбитъ и ѣхать. У меня 13 рублей, да я прошу, потому что мало. Я хочу 3 рубля на каждое отдѣленіе.

Хмуровъ сконфузился.

— Голубушка моя, взялъ его за локоть Славинъ, и лицо его озарилось слащавою улыбкой,—душенька, сдѣлайте дѣло! Возьмите ссуду: мнѣ 5 рублей дадите, да и сами по крупному сыграете. А то чтѣ это изъ-за рубля мараться!

Хмуровъ нерѣшительно взглянулъ на Славина.

— Возьмите, возьмите! ей Богу, добро совѣтую! заторопилъ онъ.

— А вы сами чтѣ?

— Фью! свиснулъ Славинъ,—я, батенька, еще для бѣговъ всѣ 60 рублей выгрѣбъ, но сію пору въ долгу состою!

„Взять что-ли?“ подумалъ Хмуровъ, „вѣдь и правда, мелко играю!“

— Хорошо, сказала онъ Славину,—завтра дамъ!

— Вотъ умница, вотъ разумникъ! обрадовался Славинъ,—спасибо, дорогой, спасибо!

„Не всѣ“, рѣшилъ про себя Хмуровъ,—„возьму только 30 рублей“, и онъ направился къ кассѣ.

„Пять рублей Славину, останется двадцать пять“, рассчитывалъ онъ, „да 9 рублей, итого 34—играть, можно и на двойномъ даже!“

Онъ по праву могъ взять ссуду въ размѣрѣ своего мѣсячнаго жалованья, но онъ взялъ только 30 рублей.

„Женѣ не буду говорить“, думалъ онъ, идя домой, „напрасну взволнуется только. Разумница!“ окончилъ онъ съ доброй улыбкой.

И придя домой, онъ ничего не сказалъ женѣ о взятыхъ на службѣ деньгахъ.

Въ воскресенье онъ игралъ, увеличивъ ставки, и игралъ такъ же счастливо, какъ и прошлый разъ.

— И какой тутъ расчетъ! говорилъ Хмуровъ Барсову, который съ ожесточеніемъ маялъ въ рукахъ газету,—все дѣло въ счасти: повезетъ, такъ и кляча первою будетъ!

И правда, для него и плохія лошади приходили первыми Домой онъ везъ 60 рублей.

„Ничего не скажу женѣ“, опять рѣшилъ онъ, отложивъ въ сторону 25 рублей на всякій случай; но сказать пришлось дома.

— Леша, у меня всѣ деньги вышли, что мы будемъ дѣлать? сказала вечеромъ Настасья Сергѣевна.

Хмуровъ весело улыбнулся.

— Вотъ откуда 25 рублей, до 20-го хватитъ тебѣ?

Она съ улыбкою кивнула головою:

— Откуда это у тебѣ?

— Выигралъ, Настя, выигралъ! Откуда-же иначе! отвѣтилъ онъ.

— Съ девяти рублей?

Хмуровъ покраснѣлъ.

— Да, съ девяти, совралъ онъ.

— Не принесли пользы ваши 5 рублей, грустно сказалъ Славинъ на службѣ.

— Проиграли?

— Не все, отвѣтилъ Славинъ,—по изъ 18 рублей одиннадцать.

— Э, отыграетесь! засмѣялся Хмуровъ.

— Да, вамъ везетъ, съ завистью сказалъ Славинъ,—а вотъ мнѣ...

И онъ, не окончивъ, махнулъ рукой.

Когда Хмуровъ принесъ домой жалованье, онъ для видимости взялъ изъ него 10 рублей, скрывая отъ жены свой выигрышъ.

„Окончатся скачки“, съ улыбкою думалъ онъ, „и я сразу всѣ передъ нею выложу“; онъ уже представлялъ себѣ: изумленное лицо жены, трату этихъ денегъ, поцѣлуи и ея радость.

Послѣднія скачки въ Петергофѣ пришлись на 22-е число, и потому народу было больше обыкновеннаго, азартъ былъ сильнѣе.

— Теперь, Савва Митричъ, въ Царское поѣдемъ, смѣялся, проталкиваясь въ толпѣ у тотализатора, засаженный картузь,—тамъ отыграемся, потому—знакомство есть.

— Тебѣ чего отыгрываться, и такъ набилъ карманъ! отвѣчали ему смазные сапоги.

— Хе-хе-хе! смѣялся картузь,—пожалуйте 10 штучекъ на третій номеръ, обратился онъ за прилавокъ.

— Десять третьихъ! крикнулъ приказчикъ, и машинка зацеккала.

— Теперь, катать во всю! поощрялъ студентъ гимназиста,—вѣдь въ Царское не попадемъ!

— Бога ради, Семень Яковлевичъ, упрасивала офицера дама въ золотыхъ очкахъ,—вы на 4-й, не позабудьте на 4-й!

— Алексѣй Константиновичъ, здравствуйте! подошелъ къ Хмурову юный Колпинъ подъ руку съ почтеннымъ старикомъ, составлявшимъ съ нимъ поразительный контрастъ. Насколько юный Колпинъ былъ одѣтъ изящно и фатовато—настолько тотъ бѣдно. Онъ былъ безъ пальто, въ одномъ скрутокѣ, на которомъ швы почти поблѣзли отъ времени; колѣнки брюкъ были вздуты, на головѣ его была немного помятая шляпа-котелокъ. Насколько физиономія юнаго Колпина была пошла, настолько лицо старика съ длиною сѣдою бородою было благородно.

Новый властитель Абиссиніи, Менеликъ, и его полководцы. Съ фот. ркс. Ронжа, грав. Гильдебрандъ.

Мюнхенская художественная выставка. На пестромъ ковръ. Съ карт. Ю. Адама, грав. Брендамуръ.

— Позвольте познакомиться, обратился къ Хмурову Коллинь:— мой папаша—господинъ Хмуровъ.

Старикъ приподнял шляпу и раскланялся со Хмуровымъ. Хмуровъ пожалъ его руку.

— Провѣтрить старика привезъ, небрежно уронилъ юный Коллинь и пошелъ къ будкѣ тотализатора.

Хмуровъ обратился къ старику.

— Никогда не бывали? спросилъ онъ.

Старикъ улыбнулся доброю, широкою улыбкой.

— Итъ, ни разу. Вотъ сынъ затащилъ—провѣтрить, сказали онъ съ нѣкоторою горечью.

— Онъ у васъ сильно играетъ.

— Да, да, пожалъ плечами старикъ, — я удивляюсь даже. Я ему даю 5 рублей въ мѣсяцъ изъ пенсіона. Онъ играетъ и такъ счастливо, что замѣтите: одѣтъ, можно сказать, со вкусомъ, на рысакахъ катается — и меня балуетъ, знаете, сигаркой, виномъ. Удивительно счастливъ! Въ мать пошелъ!

И старикъ съ любовью посмотрѣлъ на подходившаго къ нимъ сына.

— Вѣдь вы до Царскаго бросить хотѣли? спросилъ Хмуровъ.

— Не утерпѣлъ! пощипывая губу, отвѣтилъ Коллинь, — думаю, рискну напоследокъ. Я сегодня сильно играю. Вотъ!—и онъ показалъ пять трехрублевыхъ билетовъ.

— Ого! покачалъ головою Хмуровъ.

— Да, ужъ куда ни шло! тряхнулъ Коллинь головою и взялъ старика подъ руку,—пойдемъ, отецъ, я тебѣ мѣсто найду.

Старикъ кивнулъ головою Хмурову и послушно пошелъ за сыномъ. На скачкахъ были и Барсовъ, и Славина, и Зыбинъ.

— Чтѣ, батюшка, всосались, и жена не помогла! подошелъ онъ къ Хмурову съ улыбкой.

Тотъ холодно протянулъ ему руку.

Онъ и въ этотъ разъ игралъ необыкновенно счастливо. По окончаніи скачекъ у него составилось съ прошлымъ около 120 рублей. Онъ былъ веселъ; за то Барсовъ и Славина были мрачны, какъ тучи.

— Все проигрываю! съ отчаяніемъ сказалъ Барсовъ.

— Тридцати рубликовъ не хватаетъ! уныло оповѣстилъ Хмуровъ Славина.

— Да, тебѣ смѣхъ! пласивымъ голосомъ шепталъ одинъ подростокъ другому за спиною Хмурова, —часы-то я закладывалъ. Чтѣ теперь дома будетъ? чтѣ будетъ? окончилъ онъ почти плачемъ.

— Ну, скажи: потерялъ, уговаривалъ другой.

— Баринъ, баринъ! пристали къ Хмурову оборванцые мальчишки,—дай билетиковъ.

— Какіхъ билетиковъ? спросилъ Хмуровъ.

— Отъ тотализатора, проигранныхъ! объяснили они.

— Чтѣ вы дѣлать съ ними будете?

— Играть будемъ. Раздѣлимъ ихъ и тотализаторъ устроимъ! Дай!

— Воиъ у нихъ спросите, указалъ Хмуровъ на Барсова и Славина.

Барсовъ вытащилъ изъ кармана цѣлую пригоршню билетовъ и бросилъ ихъ ребятамъ.

— Все рубли! съ злобою проговорилъ онъ.

— Шабашъ! встрѣтилъ ихъ на платформѣ Коллинь, — все продуть, теперь: чтѣ въ Царскомъ!.

Хмуровъ ничего не отвѣтилъ.

— Я сегодня въ первомъ классѣ, ни съ того, ни съ сего заявилъ Коллинь,—надо старика поконить! и онъ, приподнявъ элегантно шляпу, повернулся на каблучкахъ и направился къ одиноко стоявшему въ толпѣ старику-отцу.

— И откуда деньги у него? съ удивленіемъ проговорилъ Барсовъ.

— Богатенкій вѣрно, съ завистью въ голосѣ замѣтилъ Славина.

XVI.

Хмуровъ всю недѣлю былъ въ особенномъ волненіи. О Царскосельскихъ скачкахъ онъ много наслышался въ Петергофѣ. Онъ всегда гораздо оживленнѣе, игра на нихъ всегда крупнѣе и, кромѣ того, вмѣсто ѣздоковъ-охотниковъ, преимущественно гвардейскихъ офицеровъ, скачутъ жокеи, чтѣ дѣлаетъ игру еще болѣе азартною.

Все это онъ съ жаромъ толковалъ женѣ, а та слушала его съ ласковою, снисходительною улыбкою. Ее мало интересовали всѣ эти подробности, но она старалась казаться всегда внимательно, любяся больше оживленнымъ лицомъ Хмурова, чѣмъ вслушиваясь въ его слова.

— И кромѣ того, скачки два раза въ недѣлю, а не разъ, восклицалъ Хмуровъ: — по воскресеньямъ и четвергамъ, не нужно шесть дней томиться.

— Да неужели ты томилъ, Леша? съ недовѣріемъ спросила она.

— Еще какъ, Настя! отвѣтилъ онъ, — къ концу недѣли не знаю, куда время дѣвать, чтобы только скорѣе воскресенье пришло.

— Ну, ужъ это гадко, Леша, упрекнула она его, — вѣдь это въ родѣ помѣшательства!

Хмуровъ улыбнулся и пожалъ плечами.

— И откуда у тебя деньги берутся? спросила она,—ты всего у меня 10 рублей взял...

Хмуровъ не выдержалъ.

— Выигралъ, все время везло! воскликнулъ онъ, — у меня теперь за сто рублей, Настя.

— За сто рублей! почти съ испугомъ проговорила Настасья Сергѣевна.

— Да, да, кивалъ головою Хмуровъ,—все время везло, Настя, съ того раза, помнишь?

Настасья Сергѣевна повѣрила.

— Вотъ былъ-бы умница, Леша, сказала она,—теперь-бы и оstanовился.

Хмуровъ сдвинулъ брови.

— Итъ, я до конца хочу, больше наиграю.

— Все проиграешь только!

— Ну, вотъ, напирочичишь еще! съ раздраженіемъ замѣтилъ онъ.

Настасья Сергѣевна замолчала.

„Славная она у меня“, подумалъ тотчасъ-же Хмуровъ, „я боялся, что она спроситъ у меня денегъ, а она и не заикнулась.“

Скачки въ Царскомъ Селѣ были, правда, оживленнѣе. Публики стеклось неизмѣримо больше. Въ серединѣ круга гарцовали амазонки и всадники, на скаковыхъ лошадяхъ выѣхали жокеи въ красныхъ, синихъ, желтыхъ, черныхъ камзолахъ, и все это, придавая больше пестроты, живило картину. Игра тоже велась гораздо азартнѣе.

Хмурову счастье измѣнилось; онъ проигрывалъ не каждый разъ, но капиталъ его постепенно таялъ и таялъ. Каждое воскресенье и четвергъ онъ оставлялъ что-нибудь на тотализаторѣ.

Случалось ему выигрывать на одну лошадъ—и онъ оживлялся; но тутъ-же проигрывалъ на двухъ другихъ и снова падалъ духомъ, не досчитываясь 10-ти, 15-ти рублей. Безпрерывно проигрывая, онъ сталъ нервнѣе, раздражителнѣе и дошелъ даже до смѣшнаго.

Идя на скачки, онъ просилъ жену потянуть жребій, какой номеръ она вынетъ, гадалъ, раскрывая книгу и замѣчалъ цифры страницъ, ставилъ на число буквъ въ своемъ имени, въ имени жены — но ему ничто не помогало. Разъ-за-разомъ онъ проигрывалъ, и капиталъ его все уменьшался. Но чѣмъ болѣе онъ проигрывалъ, тѣмъ сильнѣе увеличивался его азартъ. Во время игры лицо его блѣднѣло и покрывалось красными пятнами, глаза горѣли, и онъ, весь дрожа отъ волненія, судорожно мылъ въ рукахъ афишу. Лошадъ проигрывала—онъ съ проклятіемъ шелъ къ тотализатору и ставилъ на другую, удваивая ставку. Проигрывая, капиталъ уменьшался.

Не лучше везло и Славинимъ съ Барсовымъ. Коллинь даже и не показывался на скачкахъ, не смотря на свое общіаніе отыграться въ Царскомъ. Но въ послѣднее время Хмуровъ ни на кого не обращалъ вниманія, всѣмъ существомъ своимъ отдаваясь игрѣ. Съ замраніемъ сердца онъ предчувствовалъ моментъ, когда его деньгамъ придетъ конецъ до послѣдней копейки—и предчувствіе его не обмануло. Въ одинъ изъ четверговъ отъ его наигранныхъ денегъ осталось всего 80 коп.

„Все!“ съ поблѣднѣвшимъ, исказившимся лицомъ думалъ Хмуровъ, „играть не на чтѣ!“

И онъ съ грустью вспомнилъ о крупной, выигранной имъ когда-то суммѣ и въ то-же время съ тоскою думалъ о предстоящемъ воскресенѣ, въ которое ему не на чтѣ будетъ играть.

„Чтѣ мнѣ дѣлать? чтѣ мнѣ дѣлать?“ думалъ онъ, идя домой, и лицо его имѣло чисто страдальческое выраженіе.

— Опять проигралъ? встрѣтила его жена.

— Проигралъ! отвѣтилъ онъ упавшимъ голосомъ.

Онъ сѣлъ за столъ, но не прикоснулся до ѣды. Жена налила ему стаканъ чаю, но чай усилъ простать, а Хмуровъ все сидѣлъ, попрежнему неподвижно, не сводя глазъ съ одной и той-же точки. Его мучила мысль: „чтѣ мнѣ дѣлать? чтѣ мнѣ дѣлать?“

— Леша, перестань! не выдержала наконецъ Настасья Сергѣевна при видѣ его растеряннаго лица, — брось тосковать о проигранныхъ! ну въ воскресенье выиграешь—велика бѣда!

Она подошла и, обнявъ его, ласково приникла къ его щекамъ шекою.

Онъ тихо обнялъ ее, и вдругъ лицо его озарилось улыбкою. Онъ горячо поцѣловалъ жену.

— Ну, вотъ и наинька! засмѣялась она, — сидитъ эта дрянь такого огорченія! и Настасья Сергѣевна, довольная, отошла къ самовару, увѣренная, что ея ласка разгладитъ морщины на лицѣ мужа.

Лицо Хмурова озарилось улыбкою потому, что онъ нашелъ средство продолжать игру. Ссуды въ прошлой разъ онъ взялъ 30 рублей, и за нимъ осталось право еще на тридцать. Онъ теперь радостно улыбался и думалъ: „возьму, поняно, возьму! Отыграюсь и верну сейчасъ-же!“ И ему тутъ-же пришла въ голову суевѣрная мысль, что прошлымъ выиграниемъ онъ обязанъ ссудѣ, и если проигралъ теперь, то оттого только, что взялъ изъ жалованья; теперь онъ снова возьметъ ссуду и отыграется.

„И какъ я, дуракъ, сразу объ этомъ не подумалъ?“ съ улыбкою упрекалъ онъ себя.

Его тоска прошла. До глубокой ночи онъ проболталъ съ женой, смѣясь и шути, и заснулъ, полный твердой увѣренности въ выигранный.

(Оконч. въ слѣд. №).

Исторія человѣческаго жилища на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г.

(Рис. на стр. 1132 и 1133).

Въ числѣ чудесъ Парижской выставки, наравнѣ съ башней Эйфеля и свѣтящимся фонтаномъ, наибольшія толпы любопытныхъ привлекаетъ доселѣ еще нигдѣ въ мірѣ не виданная наглядная исторія человѣческаго жилища, воспроизведенная архитекторомъ Шарлемъ Гарнье въ 45 построекѣхъ, въ натуральную величину, всѣхъ эпохъ, начиная съ первобытной доисторической и до нашего времени, съ соблюденіемъ мельчайшихъ археологическихъ подробностей въ архитектурѣ и обстановкѣ быта. Нашъ рисунокъ изображаетъ главнѣйшія изъ нихъ, причемъ для большей наглядности передъ жилищами нарисованы и типы ихъ обитателей, чего нѣтъ на выставкѣ.

Сравнительно недавно возникшая, наука о доисторическомъ человѣкѣ установила, что въ тѣ отдаленныя времена, когда на берегахъ Нила воздвигались громадныя пирамиды и древнѣйшія памятники, люди уже имѣли огромное прошлое. Древнѣйшія цивилизаціи, о которыхъ упоминаетъ исторія, создались не вдругъ, а такъ-сказать опущью, въ теченіе цѣлаго ряда предшествовавшихъ вѣковъ, и были результатомъ терпѣливыхъ усилій, плодомъ труда безименныхъ работниковъ, цѣлыхъ расъ человѣческихъ, о которыхъ мы ничего не знаемъ: ни языка ихъ, ни исторіи, ни самаго имени.

Первобытные люди, конечно, не въ состояніи были построить себѣ постоянного жилища; къ тому же, они были кочевники, не имѣвшие понятія о земледѣліи и скотоводствѣ, жили исключительно охотой и рыбною ловлей, а для работы и самозащиты не имѣли никакихъ орудій, кромѣ инструментовъ и оружія изъ осколковъ кремня, грубо разбитаго и едва обработаннаго, или изъ роговъ сѣвернаго оленя. Это такъ-называемая эпоха *неолитованныхъ орудій каменнаго вѣка* или *палеолитическая* (древне-каменная). Преслѣдуемый громадными допотопными хищниками, пещернымъ медвѣдемъ, пещернымъ львомъ и другими, а также и травояднымъ мамонтомъ, вооруженный кремневымъ топоромъ, т. е. кускомъ грубо обитого кремня привязаннымъ лыкомъ къ деревянной рукояткѣ, или копьёмъ съ остроконечнымъ отросткомъ оленьяго рога (см. на рис. № 3), человѣкъ пользовался для ночлега естественными убужищами, какія представляла ему неровность почвы. У подножія нависшихъ утесовъ, защищавшихъ его отъ дождя, снѣга и вѣтра, онъ много-много что устраивалъ себѣ грубую изгородь изъ вѣтвей и коры. Этимъ первобытнымъ становищемъ и начинается исторія человѣческаго жилища, какъ видно на рисункѣ № 1.

Позднѣйшія геологическія перевороты позволили человѣку покинуть эти ненадежныя пріюты. Воды первобытныхъ свѣхъ, наполнявшія силою все ихъ русло и разливавшіяся сверхъ того громадными озерами, мало-по-малу сбыли, понизились, обнажили болѣе или менѣе высокіе берега съ вымытыми въ нихъ пещерами; иныя рѣки и совсѣмъ исчезли, представляя ряды пещеръ въ своихъ крутыхъ берегахъ. Эти пещеры стали первыми постоянными жилищами троплодитовъ (такъ наука зоветъ жителей пещеръ), которые теперь, благодаря сравнительно безопасности отъ непогоды и хищниковъ, могли заняться улучшеніемъ своего быта и усовершенствовать орудія, заимѣвъ кремневые осколки инструментами и оружіемъ изъ полированного камня. Это вторая эпоха каменнаго вѣка — *неолитическая* (ново-каменная) или *эпоха полированныхъ орудій* (рис. № 4). При помощи орудій изъ полированного камня, топоровъ, ножей, пилъ и т. п., человѣкъ могъ уже обрабатывать дерево, выдѣлывать бревна, сваи, и вотъ мало-по-малу отъ грубыхъ шалашей *эпохи сѣвернаго оленя* (рис. № 2), онъ переходитъ къ такимъ постройкамъ, о которыхъ прежде не могъ и подумать.

Возникаютъ цѣлыя озерныя селенія на водѣ на сваяхъ, битыхъ невдалекѣ отъ берега, съ помостомъ и построенными на немъ хижинами (рис. № 6). Мы не разъ описывали эти *свайныя постройки* въ *Нивѣ* прошлыхъ годовъ и потому теперь опускаемъ подробности. Достаточно сказать, что эти озерныя селенія доставили еще большую безопасность ихъ жителямъ, въ то же время выведя ихъ изъ мрака пещеръ на свѣтъ Божій съ удобствомъ имѣть подъ рукой и воду, и землю со всѣми ея дарами. Тутъ только начинается настоящая цивилизація: благодаря сочетанію воды и земли (глины) изобрѣтается гончарное дѣло съ утварью изъ глины, возникаютъ начатки земледѣлія и прирученія животныхъ, и наконецъ, благодаря обжиганію глины, открывается плавленіе металловъ. За каменнымъ вѣкомъ слѣдуетъ *мѣдный*, такъ какъ первымъ открытымъ металломъ была мѣдь или вѣрнѣе бронза (никому и въ голову еще не приходило, что изъ ржавой болотной руды можно выплавить желѣзо).

Открытие металловъ произвело новый переворотъ. Вооруженный теперь несравненно лучше и надежнѣе (рис. № 5) чѣмъ въ каменномъ вѣкѣ, человѣкъ могъ покинуть свои озерныя сваи и поселиться на твердой землѣ. Тогда-то началась постройка настоящихъ домовъ. Конечно, они были далеко не совершенны: грубые срубы изъ неоструганныхъ бревенъ, глинобитныя стѣны, соломенные крыши, вотъ типъ хижины, которая виднѣется на

второмъ планѣ, правѣ свайной, и модель которой изъ обожженной глины была найдена подъ лавами, образующими нынѣ дно озера Альбано къ югу отъ Рима. Къ этому же времени относятся двѣ постройки изображенныя слѣва отъ свайнаго селенія. Одна изъ нихъ (за шалашемъ эпохи сѣвернаго оленя) глинобитная, подъ соломенной кровлей, хижина, до половины вросшая въ землю (остатки ихъ находятъ въ горахъ Оверни, которые обнажились въ то время, когда большая часть Европы была еще покрыта моремъ); другая, изъ неотесанныхъ каменныхъ плитъ, одинъ изъ тѣхъ такъ-называемыхъ друидическихъ памятниковъ, столь многочисленныхъ въ Бретани, которые, какъ долмены, менгиры и проч., приписывались древнимъ галламъ, но, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, оказываются принадлежащими таинственной расѣ, жившей за нѣсколько вѣковъ до галловъ и исчезнувшей не оставивъ другихъ слѣдовъ своего существованія.

На сѣвнѣ мѣднаго, настала *железный вѣкъ* (рис. № 7) и съ нимъ начинается собственно исторія. Съ этого времени человѣческое жилище приняло иной характеръ: оно стало разнообразиться для удовлетворенія потребностей долѣе пезнакомыхъ человечеству и притомъ сообразно мѣстнымъ условіямъ климата и обстоятельствъ. Каждая раса налагаетъ свою печать на характеръ своей архитектуры.

Изъ трехъ великихъ расъ, бѣлой, черной и желтой, на которыхъ обыкновенно дѣлится человечество, только первая потрудились надъ историческимъ развитіемъ цивилизаціи, а слѣдовательно и жилища. Въ свою очередь и она сама подраздѣляется на три группы народовъ: *хамитовъ*, *семитовъ* и *афетитовъ*, называемыхъ нынѣ чаще *арійцами*. Эти народы и были труженниками прогресса, но въ разной мѣрѣ и въ разное время. Хамиты и семиты, связанные близкимъ родствомъ, первые и весьма рано достигли высокихъ степеней цивилизаціи, но затѣмъ развитіе ихъ какъ бы остановилось и сила ихъ природенныхъ качествъ стала слабѣть. Аріицы, наоборотъ, развились несравненно позднѣе своихъ старшихъ братьевъ, гораздо позднѣе ихъ вступили въ исторію, но ихъ энергія и жизненная сила постоянно возрастали до нашихъ временъ и нынѣ они суть единственные творцы успѣховъ цивилизаціи. Поэтому первая жилища, встрѣчающіяся намъ въ отдѣльнѣе время историческихъ, принадлежатъ хамитамъ (египтянамъ) и семитамъ (ассиріянамъ, финиціанамъ, евреямъ, и можетъ-быть, но мнѣнію ученаго географа и филолога Киперта, неастамъ и этрускамъ).

У *египтянъ*, которые господствовали въ долинѣ Нила за нѣсколько тысячелѣтій до Р. Х. и процѣтали до завоеванія Египта персами въ 525 г. той же эры, ремесленники жили въ тростниковыхъ и глиняныхъ хижинахъ, но знатъ и зажиточные граждане строили себѣ дома изъ сыраго кирпича, окруженные садомъ съ ирудами, снабженные внутреннимъ дворомъ, окаймляющіеся плоскою кровлей въ видѣ террасы, надъ которой шла сквозная галерея (рис. № 8). Яркія краски внутренняго убранства и веселый видъ комнатъ указываютъ на самый характеръ древнеегипетскаго народа.

Ассирійцы, первоначально бывшіе кочевниками и жившіе въ шатрахъ, впоследствии стали строить свои зданія изъ обожженного кирпича. Гражданская архитектура ихъ, какъ видно на рисункѣ, величественна, но тяжела и массивна (рис. № 9).

Высокія, ярко расписанныя дома, за ассирійскимъ, поднимавшія къ небу узорныя, вырѣзанныя деревянные строения на каменномъ фундаментѣ, съ полосатыми сторами по окнамъ (рис. № 10) принадлежатъ *финиціанамъ*, этому народу купцовъ, который на своемъ флотѣ, построившемъ изъ великолѣпнаго кедра ливанскихъ гѣсовъ, свозилъ всѣ сокровища извѣстнаго тогда міра въ гавани Тира и Сидона, быть-можетъ еще за два тысячелѣтія до Р. Х. и до разрушенія Тира Александромъ Македонскимъ въ 332 г. той же эры.

Евреи также первоначально кочевали въ шатрахъ изъ войлока, выдѣлываемаго ими въ совершенствѣ, но впоследствии утвердились въ Палестинѣ и стали строить постоянныя жилища изъ камня, сыраго кирпича, пальмоваго или оливковаго дерева, отличавшіяся характеристическою простотою. Величайшаго процвѣтанія достигли они при Давидѣ и Соломонѣ, лѣтъ за тысячу до Р. Х. Къ этой эпохѣ и относится домъ на рис. № 11.

До сихъ поръ вы видѣли только плоскострельные дома съ малымъ числомъ оконъ, въ которыхъ обитатель жаркихъ странъ, незнакомый со свѣгомъ, искалъ лишь прохлады; слѣдующія два жилища, переносища насъ изъ Азіи въ Европу, имѣютъ иной характеръ.

Пеласги, первобытные жители нынѣшней Греціи, откуда они были изгнаны эллинами около 900 г. до Р. Х., создавали такъ-называемыя циклоническія постройки, свидѣтельствующія о цивилизаціи гораздо древнѣйшей чѣмъ восточная. Дома ихъ строились изъ громадныхъ глыбъ неотесаннаго камня, навѣшенныхъ одна на другую безъ цемента и державшихся лишь собственной тяжестью; часть такого дома видна на рисункѣ (рис. № 12) позади этрускаго.

Жилища *этрусковъ* отличаются уже большими познаниями строителей, изысканъ балкономъ подъ навѣсомъ четырехскатной кровли, яркими красками внутренняго убранства, и дощечкой изъ обожженной глины съ именемъ владыцѣ надъ входомъ (рис. № 13). Это зависѣло отъ того что цивилизація ихъ была гораздо древнѣ пеласгической: осѣвшие съ незапамятныхъ временъ въ Италию, этруски создали здѣсь могущественное царство задолго до основанія Рима и сохранили свои таинственные нравы до завоеванія ихъ римлянами около 400 г. до Р. X.

Въ то время какъ хамиты и семиты процвѣтали по берегамъ Средиземнаго моря въ своихъ этногично замкнутыхъ цивилизаціяхъ, третье семейство бѣлой расы, арийцы вели довольно скудное существованіе на плоскихъ возвышенностяхъ между Каспійскимъ моремъ и Гималаями, гдѣ первоначально основались. Затѣмъ они покинули эту колыбель своего племени, но не разомъ и не всѣ вмѣстѣ, а рядомъ послѣдовательныхъ переселеній, которыя начались около 1500 г. до Р. X. и въ теченіе многихъ вѣковъ направлялись на юго-востокъ, юго-западъ и западъ.

Первыя партіи спустились въ долины Инда и Ганга, въ Индустанъ, гдѣ ихъ потомки донныи составили высшую касту. Поэтому и на выставкѣ первымъ является передъ нами домъ *индускій* за нѣсколько столѣтій до Р. X. Онъ довольно сложной архитектуры—это плодъ довольно чудовищнаго воображенія древней Индіи, повліявшаго на пропорціи и линіи (рис. № 14).

Болѣе трезвымъ изысканствомъ отличается другое арийское жилище, персидскій домъ. *Персы* суть арийцы которые при переселеніи, направившись къ юго-западу, разрушили подъ водителствомъ Кира царство ассирійскихъ семитовъ въ 538 г. до Р. X. и сами съ 330 г. той же эры были покорены греками при Александрѣ Великомъ. Домъ ихъ состоитъ изъ двухъ частей: одной, широко открытой, съ куполомъ изъ кафлей (изразцовъ, глазурированныхъ кирпичей), мужской половины, на которой принимаютъ гостей; и другой, наглухо замкнутой, съ узенькими окнами въ стѣнахъ, высоко поднятыми и за рѣшетками, предназначенной для женщинъ (рис. № 15).

За азиатскими арийцами слѣдуютъ европейскіе. Послѣдніе арийскія переселенія направлялись на западъ сѣвернѣ Каспійскаго моря и Кавказа: сначала пришли галлы, одновременно съ греками и римлянами, затѣмъ германскія племена и наконецъ славянскія.

Европейскіе арийцы вступили на путь развитія позднѣе азиатскихъ, но ихъ энергія оказалась продолжительнѣе и цивилизація ихъ не перестаетъ возрастать донныи.

Германцы и галлы, перейдя цѣль Карпатъ, продолжали двигаться по прямому пути на западъ. *Германцы* заняли центральную Европу около 1400 г. до Р. X. и оставались раздробленными на мелкія племена до соединенія ихъ подъ властью Карла Великаго въ VIII в. нашей эры. Въ теченіе этихъ двухъ тысячелѣтій они не выходили изъ варварства, какъ можно судить по внѣшнему виду германскаго селенія, окруженнаго плетнями и частоколами; передъ деревянными хижинами стоитъ вышка, съ которой сторожили враговъ (рис. № 16).

Галлы, зашедшіе на конецъ материка Европы, гораздо раньше германцевъ вышли изъ варварства, будучи покорены Юліемъ Цезаремъ и принявъ римскую цивилизацію въ 50 г. до Р. X. Гальская хижина (рис. № 17), круглой формы, построена изъ дерева, камня и глинобитнаго матеріала. Центр ея занят водостокомъ, а очагъ устроенъ на возвышеніи, обходившемъ вокругъ всей постройки. Въ соломенной крышѣ продѣлывалось отверстіе для дыма. Этотъ типъ жилища сохранился также въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ.

Греки и италіоты или римляне заняли южные полуострова средней Европы. Лѣтъ за тысячу до нашей эры *греки* начали влѣтнѣнать пеласговъ и достигли величайшаго блеска при Периклѣ, къ эпохѣ котораго относится и греческій домъ на выставкѣ. Онъ довольно простъ, такъ какъ народъ эллинскій посвящалъ свой художественный строительный гений преимущественно храмамъ и общественнымъ зданіямъ. Небольшой флигель передъ дворомъ служилъ приютомъ для гостей и стражниковъ (рис. № 18).

Въ то время какъ греки замѣняли пеласговъ, *римляне* замѣняли этрусковъ. Римъ, основанный въ 752 до Р. X., постепенно завоевалъ весь бассейнъ Средиземнаго моря и достигъ величайшей славы при Августѣ. Римскій домъ на выставкѣ (рис. № 19) есть точное воспроизведеніе помпейскаго, съ лавочкой, внутреннимъ дворомъ окруженнымъ портикомъ, съ ярко раскрашенными стѣнами, мнѣловымъ, компатами перваго этажа, гдѣ жили господа, и маленькими каморками подъ кровлей, предназначенными для рабовъ. Стѣны покрыты курioзными надписями, избирательными афишами, объявленіями объ отдахѣ винами, о зрѣлищахъ и проч. Въ теченіе многихъ вѣковъ Римъ былъ владыкою извѣстнаго міра и далъ ему цивилизацію несравнимую ни съ одною изъ предшествовавшихъ. Но съ IV вѣка нашей эры Римскій міръ былъ опрокинутъ нашествіемъ варваровъ. Онъ только что передъ тѣмъ (въ 395 году) раздѣлился на двѣ половины: западную и восточную римскія имперіи, какъ началось такъ-называемое великое переселеніе народовъ.

Кибитка гунновъ и скандинавскій домъ отмѣчаютъ начало и конецъ этого періода на западѣ Европы.

Гуны, свирѣпыя орды Аттилы, именно и дали толчокъ великому переселенію народовъ: это были по всему фронтію азіаты желтой расы, кочевники, гнавшіе передъ собою громадные стада, везшіе въ кибиткахъ (рис. № 20) женъ, дѣтей и добычу, а сами не слѣзавшіе съ коня. Они проходили Европу опустошительною грозой.

Возвышающійся за кибиткой гунновъ, домъ *гало-римляны*, современный Хлодвигу (ок. 500 г.), показываетъ намъ, каковы были послѣдствія этихъ страшныхъ нашествій. Это жилище (рис. № 21), чрезвычайно живописное и довольно комфортабельное, но построенное изъ архитектурныхъ обломковъ, разрушенныхъ памятниковъ древности, капителей колоннъ, остатковъ аркадъ и т. п.,—доказательство разрушенія, которому подвергся весь западъ Европы.

Вторженіи норманновъ (IX вѣкъ) завершили этотъ печальный періодъ. Эти *скандинавскіе* морскіе разбойники, обязанные своимъ флотомъ лѣсамъ Норвегіи и Швеціи, изъ этихъ же лѣсовъ почерпали и строительный матеріалъ для своихъ жилищъ—деревянныхъ домовъ на гравитномъ фундаментѣ (рис. № 22).

По окончаніи варварскихъ вторженій, западная цивилизація окрѣпла, и усвоивъ путемъ долгой переработки новые элементы внесенные вѣками опустошительнаго хаоса, произвела новые архитектурные типы, распространившись почти по всей западной Европѣ, а именно во Франціи, Англии, Итали и Германіи. Три дома за скандинавскимъ соотвѣствуютъ тремъ наиболѣе интереснымъ періодамъ этой переработки. Первый (рис. № 23) принадлежит *романской* эпохѣ (наманской эпохѣ Карла Великаго, IX и X вѣка); второй (рис. № 24)—собственно такъ-называемымъ *среднимъ вѣкамъ* (XIII столѣтіе); третій (рис. № 25)—образчикъ гражданской архитектуры временъ Возрожденія (XVI вѣкъ, эпоха Франциска I и Генриха II).

Въ то время какъ бывшая Западная римская имперія преобразовывалась такимъ образомъ подъ вліяніемъ нашествія варваровъ, Восточная римская имперія продолжала существовать еще тысячу лѣтъ съ V по XV вѣкъ. Это *византийская эпоха*, которой цивилизація была смѣсью древне-греческой и древне-римской съ немногими оригинальными особенностями. Домъ изображенный на нашемъ рисункѣ (№ 26) относится къ самымъ блестящимъ временамъ византийской имперіи, къ царствованію Юстиніана (VI вѣкъ).

Византийское вліяніе, благодаря содѣйствію, отразилось и на славянскихъ племенахъ восточной Европы. Этой послѣдней группѣ арийцевъ принадлежатъ два жилища за византийскимъ домомъ. Одно, на второмъ планѣ, *сербское* XI вѣка (рис. № 27); другое—*русскій* домъ конца XV вѣка (рис. № 28) изъ окрестностей Москвы (довольно, впрочемъ, фантастичный). Не смотря на сравнительную бѣдность перваго и богатство орнаментации втораго, между ними есть характерное сходство. во-первыхъ, оба они деревянные, какъ всегда въ странахъ обилующихъ лѣсами; во-вторыхъ, въ обоихъ нижній этажъ раздѣленъ съ верхнимъ, къ которому ведетъ наружная лѣстница. Это расположеніе соотвѣтствуетъ восточнымъ нравамъ, требующимъ отдѣленія мужской половины дома отъ женской, которая называлась теремомъ.

Слѣдующій домъ переноситъ насъ въ совершенно иной міръ, въ другую цивилизацію—мусульманскую. Въ то время какъ византийское вліяніе распространялось по сѣверу восточной половины Европы, на югѣ, въ Азіи, оно было парализовано вторженіемъ *арабовъ* или арабскія, которые въ VII вѣкѣ двинулись со своего полуострова, проовѣдуя мечомъ новую религію Магомета. Первое изъ мусульманскихъ жилищъ есть арабскій домъ XI вѣка (рис. № 29). Характерныя черты архитектуры его объясняются какъ климатомъ, такъ и религіозными предписаніями: такъ, запрещеніе мусульманамъ изображать живыя существа породило живописную орнаментацию арабесками, которые вначалѣ были не тѣмъ инымъ, какъ разнообразною комбинаціею арабскихъ буквъ; такъ-называемыя *мишрабы*, эти оконечки принаровленные къ тому, чтобы глядѣть изъ нихъ не будучи видимымъ, изобрѣтены народомъ, у котораго женщины не могутъ открыто показываться всѣмъ.

Второй мусульманскій домъ (рис. № 30) взятъ въ Суданѣ, этой таинственной африканской странѣ, занятой различными расами, но въ которой исламъ получилъ наибольшее преобладаніе, проникнувъ туда въ XI вѣкѣ. Одного онъ не могъ измѣнить—мѣстной архитектуры, обусловленной жаркимъ климатомъ: массивныя постройки съ возможно малымъ количествомъ отверстій были наилучшей защитой отъ палящихъ лучей солнца.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ исторіи жилища соединены постройки тѣхъ различныхъ расъ, дикихъ или цивилизованныхъ, которыя по доброй волѣ и въ силу обстоятельствъ остались изолированными (оторванными) отъ остальнаго и не участвовали въ общемъ поступательномъ развитіи человѣчества. Отдѣлъ этотъ распадается на три главныя группы: первая посвящена желтой расѣ и происшедшимъ отъ нея; вторая—черной или негритянской, а третья—туземцамъ американскаго материка.

Представителями первой группы прежде всего являются *японцы*. Невозможно опредѣлить эпохи этого японскаго дома (рис. № 31), такъ какъ Японія, слѣдшая въ послѣднее время изумительные успѣхи на пути цивилизаціи, въ теченіе цѣлыхъ столѣ-

тій оставалась неподвижною, по крайней мѣрѣ съ того времени, какъ первые европейскіе мореплаватели посѣтили ее въ 1542 г.

Тогда можно сказать и о другихъ представителяхъ той же группы — *китайцахъ* (рис. № 32). Когда европейскіе путешественники впервые проникли въ Китай въ XIV и XVI вѣкахъ, они съ изумленіемъ открыли въ немъ цивилизацію чрезвычайно развитую, даже утонченную, но какъ бы окаменѣвшую въ безусловной неподвижности. За нѣсколько тысячъ лѣтъ до Р. Х. она уже облеклась въ свои существенныя формы и съ тѣхъ поръ не измѣняла ихъ.

Что касается второстепенной гиперборейской расы, по всему вѣроятію происшедшей отъ желтой, — эскимосовъ и лонарей, то характеръ ихъ жилищъ обусловленъ климатомъ (рис. № 33 и 34). У насъ изображены два рода жилищъ, служившихъ пріютомъ этой расѣ въ теченіе вѣковъ: одно, лѣтнее, изъ шкуръ тюленей или сѣвернаго оленя; другое, зимнее, изъ ледяныхъ глыбъ, въ которое можно проникнуть лишь ползкомъ. Таковы были жилища эскимосовъ, когда въ X вѣкѣ скандинавскіе мореплаватели впервые вошли съ ними въ сношенія; таковыми же были вѣроятно и споконъ вѣка.

Та же неподвижность проявляется и во второй группѣ этого отдѣла, у *негровъ*, населяющихъ безчисленными племенами экваторіальную Африку. Изъ трехъ главныхъ типовъ выбранныхъ въ безконечномъ разнообразіи негрятинскихъ жилищъ, стоящая на первомъ планѣ, коническая (рис. № 35), вѣдчаще встрѣчается въ описаніяхъ современныхъ путешественниковъ по Африкѣ, а меж-

ду тѣмъ она же изображена на одной египетской фрескѣ XV вѣка до Р. Х., изображающей подвиги Рамвеса II (Сезостриса). Эти африканскія хижины, изъ дерева и соломы, обыкновенно небольшошихъ размѣровъ и по внѣшнему виду похожи на улей. Неимѣніе надежныхъ затворовъ нерѣдко заставляетъ туземцевъ строить эти хижины на сваяхъ, на значительной высотѣ надъ землею.

Наконецъ, третья и послѣдняя группа этого отдѣла, краснокожихъ туземцевъ Америки, напоминаетъ намъ общепитіяхъ нынѣ исчезнувшихъ съ лица земли.

Прежде всего мы видимъ хижину (вигвамъ) *краснокожихъ дикарей* Сѣверной Америки (рис. № 36) того времени, когда Христофоръ Колумбъ открылъ Новый Свѣтъ (конецъ XV вѣка). За нею слѣдуетъ странное жилище *ацтекосъ* (рис. 37), этой расы завоевателей, которую Фердинандъ Кортесъ нашель утвердившеюся въ Мексикѣ, въ началѣ XVI вѣка, съ ея куріозною цивилизаціей, въ которой самое утонченное изящество соединилось съ ужасающимъ варварствомъ и жестокостью.

Послѣдняя постройка въ точности воспроизводитъ жилище *инковъ* (рис. № 38), сыновей солнца, мирныхъ властителей Перу въ началѣ XVI столѣтія, въ то время какъ ихъ цивилизація погибла въ потокахъ крови благодаря завоеванію Пизарро. Какъ въ этомъ домѣ, такъ и въ ацтекскомъ, массивный характеръ постройки, незначительное число отверстій, плоскія terra-soобразныя кровли—все это напоминаетъ намъ отличительныя черты жилищъ въ жаркихъ странахъ Старого Свѣта.

Джузеппе Верди. По поводу его 50 лѣтней дѣятельности. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

зидія погибла въ потокахъ крови благодаря завоеванію Пизарро. Какъ въ этомъ домѣ, такъ и въ ацтекскомъ, массивный характеръ постройки, незначительное число отверстій, плоскія terra-soобразныя кровли—все это напоминаетъ намъ отличительныя черты жилищъ въ жаркихъ странахъ Старого Свѣта.

Уменьшенныя копіи премій „Нивы“ на 1890 г. „Сосновый лѣсъ“ и „Запущенный паркъ“.

Картины проф. Шишкина.

(Рис. на стр. 1116 и 1117).

И. И. Шишкинъ—знаменитый живописецъ—поэтъ русскаго лѣса—написалъ для „Нивы“ двѣ новыя картины, которыя въ совокупности смѣло могутъ быть названы поэмой въ двухъ пѣсняхъ.

Первая картина изображаетъ уголокъ русскаго бора въ знойный лѣтній полдень. На ярко-синемъ небѣ выдѣляются стройныя махты „красныхъ“ сосенокъ, сверху силою залитыя лучами солнца, понизу ищущренныя тѣнями собственной хвои. Бархатная бахромчатая зелень ея, темнѣя въ глубинѣ лѣса, освѣняетъ песчаное русло ручейка, любимую почву сосноваго лѣса.

Родникъ чистой, студеной воды въ полной затишьи, таинственной сѣни дремучаго бора всегда соединялся въ понятіяхъ русскаго человѣка съ нѣкоторой святиней — и художникъ образно указываетъ намъ эту сторону народнаго быта, помѣстивъ на одномъ изъ столѣтнихъ деревьевъ, икону въ простомъ самодѣльномъ киотѣ, съ подвѣшеннымъ къ ней полотенцемъ, убогимъ даромъ усердныхъ богомольцевъ. Такія святини подъ открытымъ небомъ часто встрѣчаются въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ сѣверной и средней полосъ Россіи. На корняхъ этой

вѣковой сосны прикурнула крестьянка, пришедшая сюда съ двумя дѣтьми за грибами. Крошечный мальчуганъ весь разпѣвился на солидѣ, переступая ножками по жаркому песку по направленію къ сестрѣнкѣ, полоскающей въ срубѣ, ограждающемъ глубокою впадину, изъ которой сочился родникъ, мало-по-малу переходящій въ журчащій ручеекъ. Наклонно уходя въ небо, мачтовый стволъ сосны какъ будто поскрипываетъ въ общемъ затишь... Это *adagio maestoso* живописной сонаты.

Какимъ живымъ, веселымъ контрастомъ ему является *allegretto* второй картины!.. Молодая, свѣжая зелень запущеннаго парка, еще сквозящаго въ своемъ весеннемъ уборѣ, глядится въ зеркало пруда, какъ-бы любящая юною красотой... Всѣ породы русскаго чернолѣсяя перемѣшались здѣсь точно въ пестромъ хорождѣ, отвѣчая рѣзвымъ шепотомъ листья на заигрываніи вѣтерка, нѣжно показывающаго верхушки деревъ на голубомъ небѣ съ легкими, тающими въ немъ облаками. Кудрявая, бѣлоствольная березка, вѣчно трепещущая осина, густолиственные клены и липы, словно громадною семейю въ сопровожденіи кустарныхъ подростковъ, тѣсно обступили мающую ихъ воду и всѣ заглядываютъ въ нее на свои опроки-

нутыя въ прозрачной глубинѣ отраженія... Этому ликованію природы какъ-бы вторитъ звонкій голосокъ дѣвочки и лай собачки, разрѣзавшихся на просторѣ дѣдовскаго парка...

Само собою разумѣется, что прилагаемые гравюры могутъ дать лишь слабое понятіе объ изяществѣ рисунка и перспективѣ; что-же касается несравненной гармоніи красокъ, отличающей кисть профессора Шишкина, то на нее не можетъ быть и намека въ ксилографической копіи.

Поэтому мы выставили въ книжныхъ магазинахъ важнѣйшихъ городовъ Россіи самыя олеографіи, а въ редакціи "Нивы" рядомъ съ ними и оригинальныя картины профессора Шишкина, дабы желающіе могли сравнить копіи съ оригиналами и убѣдиться въ совершенствѣ ихъ передачи.

Кромѣ того, для нагляднаго доказательства, что картины эти печатаны дѣйствительно одна 22-ми, а другая 16-ю красками, т. е. 38 разъ съ 38-ми отдѣльныхъ литографскихъ камней, мы выставили въ помѣщеніи редакціи "Нивы" коллекцію всѣхъ послѣдовательныхъ 38-ми оттисковъ разными красками, которую всѣ желающіе и могутъ обозрѣвать тамъ ежедневно, за исключеніемъ праздничныхъ дней.

Къ рисункамъ.

Съ чего ходить? (Рис. на стр. 1121).

Въ небольшомъ салонѣ, убранномъ со всею роскошью стиля рококо, собралось общество изъ четырехъ лицъ, въ богатыхъ придворныхъ костюмахъ второй половины прошлаго вѣка. У столика усѣлись двѣ дамы и играютъ въ карты съ однимъ изъ присутствующихъ кавалеровъ, въ то время какъ другой, стоя, внимательно смотритъ за игрой, можетъ-быть, ломберомъ. Эта игра въ карты со времени Франциска I была занесена изъ Испаніи во Францію, гдѣ быстро распространилась, преимущественно среди людей знатныхъ и богатыхъ. На картинѣ Швейнгера передана та минута, когда ловкія партнерки поставили вступникъ красиваго шеголя, о чемъ не трудно догадаться по сосредоточенному выраженію его лица.

Менеликъ. (Рис. на стр. 1124).

Въ Абиссиніи, послѣ внезапной смерти негуса Иоанна, какъ извѣстно, власть захватилъ Менеликъ, король Шомъ, одной изъ вассальныхъ областей, входящихъ въ составъ Абиссиніи. Шоа страна гористая. Въ геологическомъ, ботаническомъ и зоологическомъ отношеніяхъ она мало отличается отъ сосѣдней Абиссиніи. Правы, обычаи и религія жителей Шомъ совершенно схожи съ абиссинскими.

Въ 1875 году Менеликъ былъ въ числѣ противниковъ умершаго Иоанна, но послѣ военныхъ успѣховъ и въ особенности вслѣдъ за побѣдой Иоанна при Гурѣ въ 1876 году надъ египтянами, а затѣмъ по подавленіи возстанія князя Ульдъ-Михаила въ Гамзахѣ, Менеликъ вмѣстѣ съ королемъ Годжамскимъ Расъ-Адаломъ, признали надъ собою главенство Иоанна. Пыль, послѣ его несчастной смерти, Менеликъ считаетъ себя властителемъ всей Абиссиніи, и называясь негусомъ заключилъ даже договоръ въ Римѣ съ итальянскимъ королемъ Гумбертомъ, но въ Африкѣ власть у него осматривается Расъ-Алулой. Въ Римѣ же надѣются, что Менелику удастся покорить Расъ-Алулу мирными средствами и что вслѣдъ затѣмъ состоится вѣнчаніе его негусомъ-негести въ священномъ городѣ Аксумѣ. Свѣдѣнія, полученныя парижскою газетою *Temps* изъ Каира, представляютъ положеніе дѣлъ въ иномъ видѣ. Вслѣдствіе повсемѣстнаго голода и осенней эпидеміи ни Менеликъ, ни Расъ-Алула не въ состояніи содержать многочисленнаго войска. Имъ пришлось ограничиться отрядами отборныхъ войскъ, чело-вѣкъ до 1,500, а прочихъ людей распустить по домамъ. Власть Менелика на дѣлѣ не распространяется далѣе предѣловъ Шомъ, другими словами, положеніе его приблизительно такое же, какъ до смерти негуса Иоанна. Всѣ старшины попрежнему группируются вокругъ Расъ-Алулы, который нисколько не утратилъ своего вліянія въ Абиссиніи. Расъ-Алула обвиняетъ Менелика въ намѣреніи предать Абиссинію чужеземцамъ. Менеликъ, со своей стороны, издаетъ манифесты, въ которыхъ утверждаетъ, что итальянцы, убѣдившись въ слабости своего оружія, объявили ему за его дружбу несмѣтныя богатства, за которыми онъ и послалъ въ Римъ Маконена.

На стр. 1124 Менеликъ изображенъ среди своихъ полководцевъ и приближенныхъ.

На пестромъ коврѣ. (Рис. на стр. 1125).

Какъ граціозна и красива кошачья семья на помѣщенной въ настоящемъ номерѣ картинѣ Юлія Адама! Съ какою жизненною правдою переданы лукавыя мордочки всѣхъ трехъ котятъ, пріютившихся около своей матери, въ то время какъ четвертый потомокъ, ошестивъ горбатую спинку и порывисто подергивая хвостомъ, заигрываетъ съ кусочкомъ бумаги на пестромъ коврѣ!

Джузеппе Верди. (Портр. на стр. 1129).

Едва-ли существуетъ и въ Старомъ, и въ Новомъ Свѣтѣ такая оперная сцена, которая не видала бы наиболѣе извѣстныхъ

произведеній Верди, этого плодовитаго и талантливаго композитора, имя котораго чрезвычайно популярно и у насъ въ Россіи. Кто не восхищался его операми "Трубадуръ", "Эрнани", "Риголетто", "Травиата", "Валь-Маскарадъ", "Аида"? Этими операми его заполнились долгое время всѣ европейскія сцены, безчисленные мелодическіе отрывки изъ нихъ бродячіе музыканты и шарманщики разнесли по всѣмъ уголкамъ и нашего отечества. Въ Италіи успѣхъ произведеній Верди, въ особенности его оперы "Аида", почти безпримѣренъ—и оваціи, устраиваемыя этому композитору, принимали самыя грандіозныя размѣры, характеръ настоящаго народнаго торжества. Можно себѣ представить поэтому, какими выходящими изъ ряду торжествами во всей странѣ будетъ отпразднованъ юбилей Верди въ ноябрѣ текущаго года, когда исполнится пятьдесятъ лѣтъ со дня постановки на Миланской сценѣ его первой оперы. Юбиларъ теперь уже маститый старикъ, ему минуло 75 лѣтъ. Джузеппе Верди родился 9 октября 1814 года въ деревушкѣ Ле-Ронконе, близъ Пармы, въ трехъ миляхъ отъ мѣстечка Буссето, куда отецъ Верди, очень бѣдный крестьянинъ, отдалъ сына въ общественную школу. Ему было тогда семь лѣтъ, и онъ не столько интересовался науками, сколько увлекался музыкой, имѣя въ природѣ очень тонкій слухъ и музыкальныя способности. Ему страстно хотѣлось учиться музыкѣ, и случай помогъ ему въ этомъ. Органистъ коллегіальной церкви въ Буссето, маэстро Провези предложилъ ему заниматься съ нимъ даромъ. Онъ училъ Верди игрѣ на органѣ и элементарной теоріи, и очень скоро ученикъ превзошелъ своего наставника. Будучи предоставленъ самому себѣ, Джузеппе ревностно сочинялъ разныя музыкальныя вещицы, которые исполнялись товарищами его по школѣ и обратили на себя вниманіе одного богатаго купца-меломана Антоніо Барецци, предложившаго Верди средства для дальнѣйшаго музыкальнаго образованія. Окончивъ 17-ти-лѣтнимъ юпоной школою, гдѣ преподавались разныя науки, начиная съ азбуки и кончая риторикой, Верди отправился въ Миланъ для поступленія въ консерваторію. Но здѣсь съ нимъ случилось то, что уже не разъ случилось въ жизни великихъ людей: его не приняли въ консерваторію за "неспособность къ музыкѣ". Верди, однако, не унылъ духомъ и, по совѣту капельмейстера театра La Scala, сталъ брать частныя уроки у Лавинья, ренетатора при этомъ театрѣ. Три года съ самоотверженіемъ и настойчивостью трудился Верди, изучая по цѣлымъ днямъ контрапунктъ, а вечерами читалъ Библію и итальянскихъ классиковъ. Жилъ онъ на чердакѣ, отказывая себѣ во всемъ, избѣгая людей и изрѣдка посѣщая театръ, что было для него истиннымъ праздникомъ. Когда умеръ его первый наставникъ Провези, Верди вернулся на родину и поступилъ на его мѣсто—органистомъ коллегіальной церкви. Это уговорилъ его сдѣлать его благодѣтель Барецци, любившій его какъ сына и выдавшій тогда же за него свою дочь. Отправляя должность органиста, Верди обязанъ былъ также обучать музыкѣ мѣстныхъ дѣтей, а въ немногіе свободные часы писалъ марши, увертюры, серенады, кантаты, *Stabat Mater* и сочинялъ оперу "Oberto cante di San Bonifazio". Эта опера поставлена была на сценѣ Миланскаго театра La Scala, 17 ноября 1839 года, и произвела прекрасное впечатлѣніе своими сценическими эффектами. Импрессарио Мерелли успѣшилъ заключить съ молодымъ композиторомъ контрактъ, по которому Верди обязался написать для него три оперы-буффъ, на либретто доставленныя самимъ импрессарио. Однако двѣ изъ этихъ оперъ "Un giorno di regno" и "Il finto Stanislao" потерѣли полное фіаско, и импрессарио упрямилъ великодушнаго Верди уничтожить контрактъ. Неудачи эти нисколько не уменьшили энергіи Верди, находившагося тогда въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и онъ, по заказу того-же Мерелли, написалъ новую оперу "Навуходоносоръ" (*Nabuco*), которая шла на театрѣ въ мартѣ 1842 года. Успѣхъ этой оперы, которую хвалятъ даже извѣстный знатокъ музыки

Фетисъ, не принадлежавшій въ поклонникамъ Верди, былъ чрезвычайный и послужилъ основаніемъ его композиторской славы. Эффектный хоръ въ „Навуходоносоръ“ „Va renaisance“, живо изображая надежды поработенныхъ евреевъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ надеждамъ тогдашней Италіи; угнетенная нація, желающая гибели чужеземному властителю, не могла не найти отклика въ сердцахъ зрителей,—вотъ въ чемъ надо искать причины той необыкновенной популярности, какую столь быстро приобрѣла эта опера въ Италіи. Имя Верди сдѣлалось моднымъ, оно было у всѣхъ на устахъ; импрессионалисты всѣхъ итальянскихъ театровъ осаждали композитора просьбами написать что-нибудь. И Верди, отчасти подгоняемый нуждой, отчасти по артистическому влеченію, каждый почти годъ сочинялъ по одной оперѣ, изъ которыхъ большинство пользовалось всегда большимъ успѣхомъ, а нѣкоторыя возбуждали даже сенсацию. Таковы, напримѣръ, „Ломбардцы“, „Эрнани“, „Трубадуръ“, „Риголетто“, „Травиата“, „Баль-Маскарадъ“. Последней оперой Верди думалъ закончить свою музыкальную карьеру, тѣмъ болѣе, что онъ добился къ этому времени и широкой славы, и большихъ денегъ, но любовь къ искусству пересилила практическіе расчеты. Такимъ образомъ явились еще оперы: „Донъ-Карлосъ“, „Сила судьбы“, „Аида“, „Отелло“ и кромѣ того „Requiem“, написанный въ память Манцони, знаменитаго автора романа „Обрученные“. Теперь Верди—владѣлецъ богатого помѣстья съ великолѣпнымъ домомъ и паркомъ. Онъ—членъ палаты депутатовъ Итальянскаго королевства, членъ Парижской академіи изящныхъ искусствъ, въ которой онъ занимаетъ мѣсто по смерти Мейербера; у него множество орденъ. Джузеппе Верди—страстный любитель природы, ея величественныхъ красотъ, особенно моря; онъ большой поклонникъ Данте и Аріосто, а также хорошей знатокъ въ живописи, почитатель Гвидо Рени и Болонской школы, и въ особенности Корреджіо. Музыкальная дѣятельность Верди началась въ сороковыхъ годахъ, среди особенныхъ условий, въ эпоху броженія и стремленій къ объединенію Италіи; на его долю выпало возбуждать народныя массы, изрядно уже подготовленныя къ дѣйствию, и справедливость требуетъ сказать, что Верди въ сильной степени обладалъ всеми данными, необходимыми для такой задачи. Критики Верди замѣчаютъ въ его дѣятельности три течения, три періода. Оперы относящіяся къ первому періоду страдаютъ отсутствіемъ мелодическихъ речитативовъ; мелодія въ нихъ всегда исполняется голосами, форма отдѣльныхъ нумеровъ нѣсколько шаблонна и создана исключительно по общезвѣстному типу итальянскихъ арій, дуэтовъ, оркестръ грубой, шумной, играющей роль только акомпанимента, и вообще здѣсь композиторъ является подражателемъ своихъ предшественниковъ. Во второмъ періодѣ речитативы построены на мелодическомъ фонѣ, оркестровка гораздо тошнее, изящнѣе и при этомъ довольно эффектна; здѣсь онъ обнаруживаетъ стремленіе къ музыкальнымъ характеристикамъ и отчасти подчиняется вліянію Мейербера и французской школы. Наконецъ, въ третьемъ періодѣ, оставаясь вѣрнымъ своей музыкально-итальянской натурѣ, онъ пытается приблизиться къ типу нѣмецкой оперы, въ значительной степени сочувствуя Вагнеру; начиналъ совершенно новую эру своей дѣятельности, радикально измѣняетъ свое направленіе и какъ бы создаетъ новую итальянскую школу. Въ общемъ музыка Верди производитъ сильное впечатлѣніе; его оперы прежде всего красивы, эффектны и отличаются высокимъ драматизмомъ. И что бы ни говорили хулители его, имя Верди все-таки займетъ далеко не послѣднее мѣсто въ ряду итальянскихъ композиторовъ нашего времени.

П. Б.—овъ.

А. Л. Гензельтъ. (Портр. на стр. 1136).

28 сентября въ Цармбрунѣ скончался хорошо извѣстный всей музыкальной Россіи, виртуозъ, композиторъ и замѣчательный педагогъ Адольфъ Львовичъ Гензельтъ, занимавшій въ послѣднее время мѣсто инспектора по музыкальной части въ столичныхъ институтахъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи.

А. Л. Гензельтъ родился 12 мая 1814 г. въ баварскомъ городкѣ Швальбахѣ, и рано проявилъ выдающіяся музыкальныя способности. Шести лѣтъ онъ началъ учиться на скрипкѣ, которую вскорѣ оставилъ, избравъ фортепиано. Вскорѣ на его способности обратила вниманіе ученица Мейербера и Вебера, госпожа Фладъ, которая не мало потрудилась надъ музыкальными развитіемъ юнаго пианиста. 17-лѣтнимъ юношей Гензельтъ, благодаря матеріальной поддержкѣ, оказанной ему королемъ Лудвигомъ, отправился въ Веймаръ, гдѣ и поступилъ ученикомъ къ извѣстному Гуммелю. Не удовлетворенный, благодаря своей поэтической натурѣ, своимъ учителемъ, обратившимъ вниманіе главнымъ образомъ на блескъ исполненія, изъ Веймара Гензельтъ поѣхалъ въ Вѣну и тамъ занимался подъ руководствомъ Зехтера и Тальберга. Усиленные занятія тяжело отозвались на молодомъ организмѣ даровитаго музыканта, и Гензельтъ, по совѣту врачей, отправился концертировать по Европѣ. Съ этихъ поръ слава Гензельта, какъ виртуоза-пианиста, распространилась далеко за пределами его родины, и всюду, гдѣ онъ появлялся молодой пианистъ, онъ дѣлался предметомъ восторженныхъ оваций. Въ 1833 г. Гензельтъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Этотъ пріѣздъ вызвалъ переломъ въ жизни артиста.

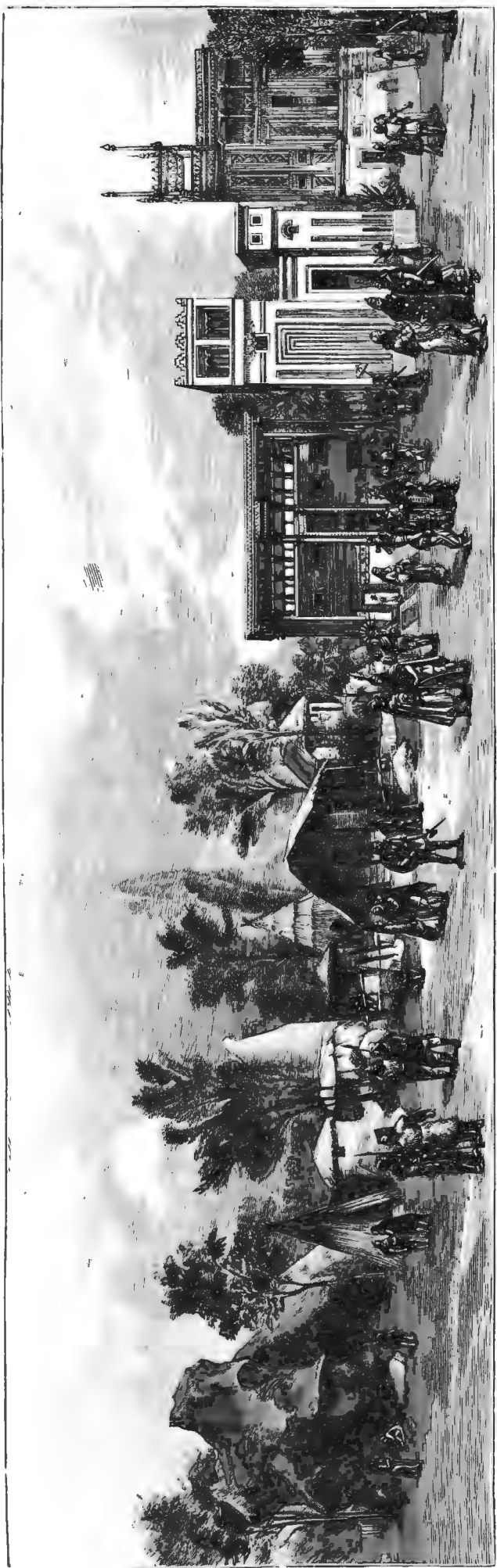
Приглашенный ко Двору, Гензельтъ игралъ въ присутствіи императрицы Александры Теодоровны, назначившей его придворнымъ пианистомъ и инспекторомъ музыки всѣхъ институтовъ Россіи, которая стала для него вторымъ отечествомъ.

Принявъ русское подданство, Гензельтъ горячо принялся за новый трудъ, и съ усердіемъ и знаніемъ отдался обширной педагогической дѣятельности. Въ этой сферѣ Гензельтъ навсегда стяжалъ себѣ почетное имя въ Россіи; русское общество обязано покойному образованіемъ множества хорошихъ пианистовъ и пианистокъ, прошедшихъ строгую, но прекрасную школу Гензельта; онъ же образовалъ и хорошихъ пианистовъ-педагоговъ, разбѣянныхъ по всему нашему отечеству.

Какъ композиторъ, Гензельтъ оставилъ по себѣ не много произведеній, но замѣчательныя имъ нѣсныя обличаютъ мелодическое дарованіе и художественный вкусъ. Какъ исполнитель, Гензельтъ мало извѣстенъ современникамъ, но всѣ, кому приходилось слышать его, отзываются съ неподдѣльнымъ восторгомъ объ изяществѣ, элегантности, благородствѣ и пѣвучести его игры. Благодаря своимъ замѣчательнымъ педагогическимъ способностямъ, Гензельтъ былъ приглашенъ А. Г. Рубинштейномъ въ профессора консерваторіи; но преклонные годы и разстроенное здоровье не позволили ему отдаться съ обычнымъ усердіемъ новой и почетной для него дѣятельности и, спустя годъ, онъ отказался отъ профессуры, выйдя изъ петербургской консерваторіи, избравшей его своимъ почетнымъ членомъ.

Ө. А. Клагесъ. (Портр. на стр. 1136).

Статскій совѣтникъ Федоръ Андреевичъ Клагесъ родился въ Петербургѣ 22 января 1814 г., первоначальное образованіе получилъ въ англійскомъ пансіонѣ Биттона, находившемся тамъ, гдѣ теперь Святѣйшій Синодъ, а потомъ въ Екатерининской школѣ на Васильевскомъ Островѣ. Въ 1830 году онъ поступилъ къ архитектору А. П. Брюллову въ ученики и считался постороннимъ ученикомъ Академіи Художествъ, посѣщая рисовальные ея классы; въ то же время, подавая на экзаменъ архитектурныя программы, получилъ за нихъ малую и большую серебряныя медали, а за проектъ театральнаго училища получилъ малую золотую медаль и тогда же былъ назначенъ адъюнктомъ-академикомъ и долженъ былъ посѣщать архитектурный классъ для прсмотра за работами младшихъ учениковъ Академіи. Клагесъ помогалъ А. П. Брюллову при составленіи проектовъ Михайловскаго театра, Гвардейскаго штаба, готической церкви въ Парголовѣ, и другихъ. Первая его коронная служба была въ качествѣ архитекторскаго помощника при строеніи Пулковской астрономической обсерваторіи, и продолжалась съ самой закладки строенія, три года; но по случаю пожара Зимняго Дворца А. П. Брюлловъ, строившій обсерваторію, перевелъ Клагеса на службу при возобновленіи дворца, гдѣ онъ наблюдалъ за работами и составлялъ рисунки всѣхъ тѣхъ частей дворца, которыя были поручены А. П. Брюллову. По окончаніи возобновленія дворца Клагесъ получилъ въ знакъ Монаршей милости чинъ, годовой окладъ жалованья и золотую медаль на Андреевской лентѣ для ношенія въ петлицѣ. Послѣ этого Ө. А. Клагесъ былъ приглашенъ г. Штакеншнейдеромъ участвовать при строеніи въ Петербургѣ дворца Е. И. В. Вел. Кн. Маріи Николаевны и загороднаго Ея Высочества дворца, такъ какъ у г. Штакеншнейдера не было ни одного помощника, который бы могъ сдѣлать акварелью необходимые для этихъ построекъ рисунки; въ это время г. Штакеншнейдеръ взялъ Клагеса съ собою на поѣздку въ Оріанду, гдѣ тогда строилъ дворецъ для въ Бозѣ починающей императрицы Александры Теодоровны и гдѣ Клагесъ также составлялъ акварельные рисунки. Клагесъ состоялъ преподавателемъ пейзажнаго рисованія при Военно-топографическомъ депю въ Главномъ штабѣ. Послѣ этого Клагесъ былъ приглашенъ К. А. Тономъ служить въ Москвѣ при строеніи храма во имя Христа Спасителя, въ качествѣ помощника, гдѣ оставался 5 лѣтъ (съ 1846—1851); тамъ же былъ преподавателемъ архитектуры, теоріи тѣней, перспективы и акварельной живописи при Московскомъ архитектурномъ дворцовомъ училищѣ; въ это же время исполнилъ нѣсколько акварельныхъ рисунковъ по порученію Особъ Императорскаго Дома, за которые получилъ подарки отъ Высочайшихъ Особъ. Въ 1851 г., взявъ отставку отъ занимаемыхъ имъ должностей и получивъ, въ награду за 5-ти-лѣтнюю службу при храмѣ Христа Спасителя, годовой окладъ жалованья, отпирался снятіемъ рисунковъ съ разныхъ зданій въ Римѣ, Венеціи, Падуѣ и друг., а сверхъ того, занимался особенно акварельно и масляною живописью, изображалъ виды мѣстностей и внутренностей церквей. Нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ приобрѣтены Академіею для архитектурнаго класса и для бібліотеки Академіи. Въ послѣдніе 14 мѣсяцевъ пребыванія Клагеса за-границею, онъ былъ приглашенъ участвовать въ Высочайше учрежденной Аѳонской коммисіи, для снятія рисунковъ съ византійскихъ древнихъ монастырей, церквей, утвари и разныхъ украшеній; рисунки эти хранятся въ академической бібліотекѣ. Возвратившись изъ-за границы въ 1861 г., Клагесъ занялъ прежнюю свою должность при Московскомъ дворцовомъ архитектурномъ училищѣ, но по прошествіи трехъ лѣтъ, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ Академіею Художествъ занять въ

1. Пріюгъ подъ навѣсомъ скаль. 2. Эпоха сѣвернаго огня, скал эпоха. 3. Палеолитическая эпоха. 4. Неолитическая эпоха. 5. Мѣдный вѣкъ. 6. Свайныя постройки. 7. Железный вѣкъ. 8. Египеть. 9. Ассирія. 10. Финикія

11. Еврей. 12. Пелаги. 13. Этрускя. 14. Индія. 15. Персы. 16. Германцы. 17. Галлы. 18. Греки.

19. Римъ. 20. Гунны. 21. Галло-римляне. 22. Скандинавы. 23. Романскій стиль. 24. Средне вѣка. 25. Эпоха Возрожденія. 26. Визангія. 27. Сербы. 28. Русь.

29. Арабы. 30. Суданъ. 31. Японія. 32. Китай. 33. Эскимосы. 34. Лошадь. 35. Петры. 36. Крашеники. 37. Алтеки. 38. Инки.

Парижская всемирная выставка 1889 г. История человеческого жилища.

ней предварительно должность помощника хранителя музея, а въ скоромъ времени былъ назначенъ библиотечаремъ Академіи, устроилъ всю библиотечку въ новомъ ей помѣщеніи, составилъ 4 каталога библиотечки. Съ 1864 г. онъ состоитъ въ Академіи преподавателемъ начертательной геометріи, теоріи тѣней и перспективны, и издалъ учебники этихъ предметовъ.

Въ 1861 г. Клагесъ удостоенъ совѣтомъ Академіи званія академика, въ 1866 г. званія почетнаго члена общины за выставленные имъ масляныя картины, а въ 1883 г. удостоенъ званія профессора перспективной живописи за картину масляными красками, изображающую внутренній видъ храма во

имя Христа Спасителя въ Москвѣ. Отказавшись отъ должности библиотечаря, Клагесъ занимаетъ теперь должность хранителя музея Академіи Художествъ. По освященіи храма Христа Спасителя въ Москвѣ, Клагесъ получилъ золотую медаль на Александровской лентѣ для ношенія въ петлицѣ, кромѣ того, онъ имѣетъ ордена: Св. Станислава III и II степеней и II степени съ короною, Св. Анны III и II степеней и Св. Владиміра IV и III степеней. Въ послѣдніи 15 лѣтъ Клагесъ выставлялъ на Академическіи выставки акварели и картины масляными красками, и даже теперь, имѣя весьма мало свободнаго времени, пишетъ картины для ближайшей Академической выставки.

Политическое обозрѣніе.

По окончаніи аонскихъ празднествъ, императоръ Германскій отправился въ Константинополь. Константинопольская газета *Тарыхъ*, привѣтствуя визитъ Германскаго императора, какъ счастливое событіе, говоритъ, что въ фактъ посѣщенія императоромъ султана—Турція видитъ доказательство, что Германия одобряетъ мудрую политику султана.

О пребываніи императора Вильгельма, газеты сообщаютъ слѣдующія подробности. Въ 6 часовъ пополудни, 20 октября, высочіе гости пришли Дарданеллы, и на другой день въ 11 часовъ утра прибыли въ столицу Турціи. Когда на рейдѣ показалась германская эскадра, батареи открыли огонь и привѣтственная пальба не прекращалась, пока германскія суда, сопровождаемые турецкими броненосцами и немецкой колоніей на частныхъ пароходахъ, не вошли въ портъ. Императоръ и императрица со свитой пересѣли на собственный катеръ и, имѣя впереди султанскій катеръ, подошли къ воротамъ Долма Бахче. Здѣсь императорская чета высадилась на берегъ. Султанъ, въ ожиданіи прибытія Германскаго императора, вышелъ, въ сопровожденіи высшихъ турецкихъ сановниковъ, членовъ германскаго посольства и германскихъ офицеровъ, изъ тронной залы на лѣстницу, которая ведетъ къ Босфору. На пути слѣдованія разставлены были шпалерами чины лейбъ-гвардіи. Султанъ сердечно привѣтствовалъ прибывшихъ императора и императрицу Германскихъ. Музыка играла прусскій гимнъ. Султанъ подаль императрицѣ руку, и, въ сопровожденіи императора Вильгельма, бывшаго въ гусарскомъ мундирѣ съ большой левой ордена Имтіазъ, принца Генриха и свиты, прослѣдовалъ въ тронный залъ, гдѣ состоялось взаимное представленіе сановниковъ. Султанъ милостиво обратился къ графу Герберту Бисмарку съ вопросомъ о здоровьи имперскаго канцлера. Затѣмъ ихъ величества отправились въ богато убранномъ экипажѣ въ Ильдизъ-Кіоскъ. Во главѣ эскорта ѣхали четыре кавалерійскіе генераль-адъютанта; вдоль пути стояли шпалерами тысячи зрителей всѣхъ національностей, привѣтствовавшія ихъ величества одушевленными кликами. По прибытіи въ Ильдизъ-Кіоскъ, передъ ихъ величествами началось прохождение войскъ, продолжавшееся часъ съ четвертью. Тутъ-же присутствовали всѣ иностранные военные агенты и послы. Императоръ Вильгельмъ съ похвалою отзывался о превосходной выправкѣ войскъ, особенно артиллеріи. Вечеромъ сервированъ былъ обѣдъ на 120 кувертовъ, къ которому приглашены были послы съ ихъ супругами. На обѣдѣ императоръ Вильгельмъ сидѣлъ по лѣвую, а императрица — по правую сторону отъ султана.

22 октября утромъ, императоръ и императрица Германскіе посѣтили протестантскую церковь. У входа они встрѣчены были придворнымъ проповѣдникомъ, который произнесъ надъ ними благословеніе. Затѣмъ ихъ величества поѣхали въ посольскій дворецъ въ Перѣ, гдѣ императоръ принялъ депутацію отъ германской колоніи. Въ половинѣ перваго тамъ же состоялся завтракъ, а потомъ былъ приемъ германскихъ офицеровъ состоящихъ на турецкой службѣ. Послѣ приема императоръ осматривалъ достопримѣчательности города. Вечеромъ у императора былъ обѣдъ, къ которому приглашено было много турецкихъ сановниковъ.

23 октября, Германская императорская чета совершила по полудни поѣздку въ Теранію, посѣтила посольскій садъ, осматривала памятники Молютке и вечеромъ вернулась въ Константинополь, гдѣ состоялся обѣдъ у султана. Затѣмъ императрица посѣтила султанскій гаремъ, который показывали ей

султанъ и нѣсколько дамъ. Императрица провела въ гаремѣ три четверти часа. Двѣ изъ дочерей султана, по желанію императрицы, исполнили на роулѣ нѣсколько пѣсней Шонена и прусскій народный гимнъ. Въ тотъ же день у султана состоялся обѣдъ въ кругу близкихъ лицъ. Императоръ и султанъ обмѣнились великолѣпными подарками. Султанъ поднесъ императрицѣ драгоценное кольцо, а императору подарилъ роскошную саблю, мебель съ украшениями изъ мозаики и украшенныя драгоценными камнями принадлежности письменнаго стола. Императоръ выразилъ величайшее удовлетвореніе по поводу гостеприимства султана и вручилъ сулану цѣпь ордена Готенцоллерискаго дома, которую собственноручно надѣлъ на него. Этотъ рѣдкій знакъ отличія глубоко тронулъ султана.

24 октября утромъ, императоръ Вильгельмъ посѣтилъ дворецъ Беллербергъ, гдѣ въ 1869 г. жилъ его отецъ, затѣмъ Скутари и Хайдеръ-Паша — исходный пунктъ анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ, послѣ чего моремъ отправился въ Сембашенный замокъ и сдѣлалъ прогулку пѣшкомъ вокругъ древней городской стѣны. На другой день, 25 октября, послѣ утренней прогулки, императоръ Вильгельмъ сдѣлалъ сулану прощальный визитъ. Въ 11^{1/2} час. султанъ заѣхалъ за императоромъ, и государи отправились вмѣстѣ въ Долма-Бахче, къ ожидавшимъ судамъ. Около 2-хъ часовъ пополудни султанъ проводилъ императрицу къ пристани. При прощаніи съ султаномъ императоръ сказалъ, что онъ никогда не забудетъ проведенное имъ въ Константинополѣ время, неоднократно благодарилъ султана и нѣсколько разъ пожалъ ему руку. Императрица переѣхала на яхту „Hohenzollern“, а императоръ съ принцемъ Генрихомъ — на корабль „Kaiser“. Въ 2 часа пополудни германская эскадра вышла изъ Босфора въ Венецію.

Одновременно съ пребываніемъ Германской императорской четы въ гостяхъ у султана, графъ Кальвоки посѣтилъ имперскаго канцлера въ Фридрихсруѣ. По поводу этой поѣздки *Fremdenblatt* заявляетъ, что она вызвана не однимъ какимъ-нибудь конкретнымъ поводомъ. „Оба государственныхъ чело- вѣка — говоритъ газета — всегда стремились достигнуть того, чтобы общая картина политическаго положенія стала ясною, и старались привести дѣла къ вождедѣльной цѣли — сохраненію міра“. Далѣе *Fremdenblatt* говоритъ, что недавнее свиданіе Императоровъ въ Берлинѣ оказало разъясняющее и успокоительное дѣйствіе. Въ заключеніе газета замѣчаетъ: „Стремленіе обоихъ государственныхъ людей сохранить миръ имѣетъ наилучшія надежды на успѣхъ“. Въ берлинской телеграммѣ *Kölnische Zeitung* сообщается, что пріѣздъ графа Кальвоки въ Фридрихсруѣ и посѣщеніе императорскою четюю Константинополя находится въ тѣсной связи и имѣютъ одинаковую конечную цѣль. Султанъ вынесетъ убѣжденіе, что онъ принялъ друга, который желаетъ соблюдать заключенные договоры. О попыткѣ присоединенія Турціи къ тройственному союзу нѣтъ, повидимому, рѣши, по нѣтъшней визитѣ послужитъ сулану поощреніемъ слѣдовать попрежнему политикѣ подъема экономическихъ силъ. Изъ иностранныхъ газетъ *Times* высказываетъ о политическомъ значеніи посѣщенія Константинополя Германскимъ императоромъ мнѣніе, что присоединеніе Турціи къ тройственному союзу было бы ненормально, опасно и бесполезно для практическихъ цѣлей. „Германія — говоритъ газета — стремится только къ тому, чтобы убѣдить султана въ важности ея стараній сохранить миръ и содѣйствовать такому преобразованію турецкаго управленія, которое усиливало бы способность Турціи къ оборонѣ“.

С М Ъ С Ъ .

Новый орденъ. Сербскому королю Александру, въ день его рожденія, митрополитъ Михайлъ надѣлъ новый орденъ князя Лазаря, недавно учрежденный, который могутъ носить только монархи сербскаго происхожденія. Орденъ сдѣланъ въ старинномъ сербскомъ вкусѣ, изъ золота, серебра, эмали, брилліантовъ, рубиновъ и сапфировъ. Онъ имѣетъ видъ креста, который носится на длинной цѣпи и долженъ лежать на груди. Крестъ въ византійскомъ стилѣ и покрытъ красною и голубою эмалью; по красной эмалѣ расположены девять крупныхъ и мелкихъ брилліантовъ, а по голубой эмалѣ три мелкихъ брилліанта. Въ среднѣй креста серебряные лучи, усыянные рубинами; по бокамъ его по сапфиру. Посреди сіянія эмальиро-

ванный ликъ князя Лазаря въ царскомъ одѣяніи. Крестъ въ поперечникѣ имѣетъ десять сантиметровъ. Онъ прикрѣпляется къ цѣпи посредствомъ таблички изъ эмали, на которой начертаны два года: 1389 и 1889, а выше изображены скипетръ, мечъ и корона стараго византійскаго стила. Художественно сдѣланная изъ эмали, золотая цѣпь ордена состоитъ изъ звеньевъ, изъ которыхъ каждое составляетъ самостоятельное художественное цѣло съ вырѣзанными военными атрибутами. Орденъ исполненъ по рисунку профессора Сербской великой школы Вальтровича. Изготовленіемъ его занимались мастера Николаи и Дункеръ въ городѣ Гессенѣ. Помѣщается орденъ въ особомъ ковчегѣ весьма оригинальной работы. На этомъ

ковчежцѣ сдѣлана надпись по сербски: „Орденъ князя Лазаря. 1389—1889“. Цифры эти обозначаютъ: первый—годъ смерти Сербскаго князя Лазаря, вѣнчанаго царскою короною Сербіи, въ 1376 г., второй—годъ основанія ордена. (в.)

Замѣчательная рыба. Близко и родственною тунцу, играющему столь важную роль въ рыбномышленности Средиземнаго моря, является замѣчательная рыба держиладь (Echeneis), у которой спинные плавники образуютъ нѣчто въ родѣ присасывательнаго кружка, покрывающаго голову и часть спины. Обыкновенный видъ этой рыбы (E. remora) имѣетъ 25—40 сантиметровъ длины; другой (E. paucigates) достигаетъ 80 сантиметровъ. Съ помощью присасывательныхъ кружковъ Echeneis прицѣпляется къ болѣе крупнымъ рыбамъ, именно къ акулѣ, меченосу и тунцу, а также къ судамъ. Относительно цѣлы такого своеобразнаго образа дѣйствій, можно предположить, что рыbf при такихъ условіяхъ легче схватывать мелкихъ раковъ и раковины, будучи въ то же время въ безопасности отъ собственныхъ враговъ. Замѣчательно упокоеніе этой рыбы для ловли мелкихъ черепахъ въ тропическихъ странахъ. Способъ этотъ, замѣченный еще Колумбомъ на островѣ Кубѣ, описывается и въ новѣйшее время многими путешественниками, между прочими и Макгилифрайемъ, путешествовавшимъ на кораблѣ „Rattlesnake“. Согласно его разсказу, для ловли черепахъ живую держиладь привязываютъ къ веревкѣ и пускаютъ въ воду. Рыба крѣпко присасывается къ черепахѣ и вмѣстѣ съ нею вытаскивается изъ воды. Это кажется страннымъ, и знаменитый ихтиологъ д-ръ Гюнстеръ въ Лондонѣ усомнился въ употребленіи рыбы для ловли черепахъ; вслѣдствіе чего Альфредъ Гаддонъ прислалъ изъ Thursday-Island (Торресовъ проливъ) въ англійскій журналъ Nature интересное письмо объ данномъ предметѣ. Въ Торресовомъ проливѣ ловля черепахъ производится въ два періода: первый, въ октябрѣ и ноябрѣ, во время спариванія, когда черепахи плаваютъ на поверхности воды и ихъ легко можно убаивать острогами; другой—въ остальные мѣсяцы года, когда животныя уходятъ въ болѣе глубокую воду и въ протоки между подводными камнями. Въ этотъ періодъ для ловли ихъ употребляется Echeneis или, какъ называютъ ее туземцы, „гану“. Въ хвостѣ рыбы просверливаютъ отверстие, продвигаютъ въ него конецъ веревки, и закрѣпляютъ его. Другую, короткую, бичевку продвигаютъ сквозь пасть и жаберное отверстие. Укрѣпленная такимъ образомъ рыба опускается въ воду рядомъ съ лодкой. Замѣтивъ въ глубинѣ воды черепаху, ловецъ выдергиваетъ переднюю веревку, а продвѣтую въ хвостъ отпускаетъ свободнѣе. Гану тотчасъ устремляется къ черепахѣ и присасывается къ спинному щиту прѣшекажсагося. Вслѣдъ затѣмъ въ воду погружается человекъ, верхняя часть руки котораго обвита длиннымъ канатомъ; по веревкѣ, прикрѣпленной къ гану, онъ высѣживаетъ черепаху, всакиваетъ ей на спину и обхватываетъ ее руками и ногами. Послѣ того его быстро вытаскиваютъ на поверхность воды. При поднятїи на поверхность, гану обыкновенно переходитъ со спиннаго щита на грудной. По окончанїи дневнаго лова, гану съѣдаютъ. У туземцевъ рыба эта пользуется большимъ почетомъ, и ей приписываютъ сверхъестественныя свойства. Если, напримѣръ, гану прицѣпляется къ черепахѣ въ томъ а не другомъ мѣстѣ, то это означаетъ, что нѣкоторыя части лодки несправны. Уже древніе разсказывали о держиладѣ удивительныя вещи. Плиній говорить слѣдующее: „Какъ бы ни бушевали вѣтры, какъ бы ни свирѣствовали бури, она укрощаетъ ихъ ярость, обуздываетъ ихъ силу и останавливаетъ корабли тогда, когда уже не дѣйствуютъ ни канаты, ни огромнѣйшіе якоря. Она укрощаетъ ярость и неистовство стихій безъ борьбы, безъ усилїя, единственно только тѣмъ, что прицѣпляется къ кораблю. Это крошечное созданіе способно оказывать такую силу сопротивленїя, что суда не могутъ сдвинуться съ мѣста... Разсказываютъ, что во время морскаго сраженїя при Акциумѣ, она до тѣхъ поръ задерживала главный корабль Антонїя, на которомъ онъ намѣре-

вался обойти и поджечь своихъ собратьевъ, пока Антонїй не пересѣлъ на другой корабль, а къ императорскому флоту подошли уже большія силы. Кромѣ того, мнѣ извѣстно, что корабль императора Каю, возвращавшагося изъ Астурїи въ Антіумъ, точно такъ же былъ ею задержанъ; рыба эта, слѣдовательно, вмѣстѣ съ тѣмъ является предсказательницей судьбы, потому что вышезванный императоръ тотчасъ по возвращенїи въ Римъ былъ умерщвленъ его же собственнымъ оружіемъ. Причина задержки во время пути была скоро открыта; а именно, когда изъ всего флота отсталъ одинъ только пятидесятилетний корабль, нѣсколько гребцовъ выскочили въ море, осмотрѣли корабль со всѣхъ сторонъ, нашли висѣщую на рулѣ рыбу и показали ее Каю, который былъ раздосадованъ тѣмъ, что причиною задержки была рыба, дерзнувшая оказать противодѣйствіе его приказанїю, данному четыремъ-стамъ гребцовъ. Въ особенности же онъ дивился тому, что рыба, такъ долго задерживавшая корабль, лишилась этой способности когда ее взяли на бортъ.“ Разсказъ этотъ свидѣлствуетъ о полномъ отсутствїи у римскихъ ученыхъ критическаго отношенїя къ фактамъ. (с.)

Приготовленіе искусственнаго шелка. Ученому de Chardonnet, недавно удалось приготовить искусственный шелкъ, почти ничѣмъ не отличающійся отъ настоящаго. Вслѣдствіе трудной растворимости клѣтчатки, Chardonnet дѣйствіемъ азотной кислоты на хлопчатку приготовилъ октонитро-клѣтчатку. Эфирный растворъ послѣдней подвергался давленїю въ нѣсколько атмосферъ въ мѣдномъ сосудѣ, въ дно котораго была вставлена цѣлая система стеклянныхъ, вытянутыхъ въ волосныя трубочки трубокъ. Эти трубки окружали другія, сквозь которыя протекала вода. Вдавленный въ трубки растворъ октонитро-клѣтчатки въ мгновеніе соприкасанїя съ водою свертывается и уносится вытекающею водою въ видѣ нитей, которыя механическимъ приспособленїемъ подхватываютъ и наматываютъ. При нагреванїи нитей въ азотной кислотѣ удѣльнаго вѣса въ 1,33 до 35° и медленномъ охлажденїи послѣдней до 25°, октонитро-клѣтчатка теряетъ большую часть кислоты и становится невзрывчатой. Физическія свойства искусственнаго шелка вполнѣ сходны со свойствами настоящаго. Нити выносятся грузомъ отъ 25 до 35 килограммовъ на квадратный миллиметръ, между тѣмъ какъ настоящїй отмотанный съ кокона шелкъ—30 до 45, а кнѣпичный лишь 15 до 20 килогр. Блескъ сильнѣе чѣмъ у настоящаго шелка. Окрашваніе хорошее, вслѣдствіе легкаго всаиванїя нитями красильныхъ и соляныхъ растворовъ. Въ большихъ массахъ Chardonnet шелка пока не приготовилъ; пробъ же выставлены на Шаризской выставкѣ. (N.)

Зоологическая достопримѣчательность. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, французское правительство послало комиссію изъ ученыхъ въ завоеванный Алжиръ, съ тѣмъ чтобы произвести тамъ естественно-научныя и другія изслѣдованїя. По прибытїи ея туда, и въ началѣ ревностной дѣятельности по изслѣдованїямъ, „зефиры“ оказывали ей большія услуги.

Такъ назывались штрафованные солдаты мѣстнаго войска, состоявшаго пообше изъ продурныхъ французской арміи, между которыми многіе, очень способные, занимались прежде, доведшими ихъ до крайности, оригинальными мошенничествами, за что въ наказанїе и были сосланы въ знойную Африку.

Однажды зоологу упомянутой комиссіи принесли зефиръ клѣтку; въ ней весело бѣгало маленькое черное животное. Это была крыса, никогда до тѣхъ поръ не виданная, съ денгающимъ хоботомъ на носу, прихрибно на томъ мѣстѣ, гдѣ у носорога находится рогъ. За исключенїемъ этого ненормальнаго явленїя, животное было похоже на обыкновенную крысу.

Ученый былъ вѣ себя отъ новаго открытїя въ области зоологїи и съ удовольствїемъ заплатилъ требуемые сто франковъ за „хоботную крысу“, такъ какъ зефиръ уверялъ, что подобный видъ крысъ встрѣчается рѣдко и ловится трудно. Уважаемый профес-

Рѣшенїе географической задачи № 58 (помѣщ. въ № 37).

Лютыхъ 12	Стрелицъ 5	Черноводы 10
Мариуполь 9	Упа 2	Фюртъ 7
Вычегда 6	Унжа 11	Юхновъ 4
Елатма 3	Портсмуть 8	По 1

„По платю встрѣчаютъ, по уму провожаютъ“.

Вѣрныя рѣшенїя этой задачи приславы отъ гг.: СПб.: Байкова, Свенторжецкаго, Стронскаго, Пизани, Бочеринной, Пикова, Эссеръ, С—въ, Боронина, Писѣнева, Осипова, Мадцевской, Евгѣнїева, Мировскаго, Кузьминскаго, Евратирова, Сидорскаго, Михель, Никель, Гумилевскаго, Менцлеръ, Манаева, Нагаева, Горлова, Михайловой, Шафрановой, Таубе, Загоскина, Юрьевъ, Сипиной, Москвитинъ: Калабашина, Конова, Лазаревой, Сахарова, Верховскаго, Шеръ, Добросердова, Котлова, Покровскаго, Воронцова, Фишеръ, Покровской, Куманина, Соболева, Свѣшниковой, Крацова, Вановской, Миллинскаго, Цѣткова, Ки. Г.—на, Б. Изюмина — В. К. Торскаго, Барисова — Баскиндъ, Моргенштернъ, Бахчисарая — Дремдѣи, Бѣлгородъ — Мазуръ, Бахмута — Бутовскаго, Бану — Рутковской, Б. Бѣлозе ки — Лиховицѣвъ, Брестъ-Литовска — Куличинкой, Варшавы — Львова, Семеновскихъ, Вилковира — Вершилло, Вадад — Дьячкова, Коневой, Глаголевскаго, Воронежа — Улеватова, Гельсингфорса — Поповой, Кулаташа, Гматска — Смирягинной, Глухова — Бурновскаго, Гродно — Сафророва, Грязи — Борейша, Дебальцево — Новацкаго, Елисаветполя — Когновской, Изюмы — Бѣльскаго, Златоуста — Метенкова, Илмина — Горшкова, Ново — Кпешевъ, Люрїи, Кишинева — Крупковскаго, Казани — Фоммеръ, Кіева — Киричневой, Шлоховстова, Семеновца, Шульженко, Пушкаева, Богачевой, Лебедина — Чурилина, Михайлова — Чистякова, Моршанска — Ковѣшикова, Новосїя — Ворогушиной, Нижнетагильска — Смельянской, Нижняго Рыбинска — П—ной, Николаева — Шипкиной, Орѣа — Маруси Г., Байковской, Оренбурга — Миронова, Одессы — Раино-

порта, Рейжевскаго, Боголюбскаго, Башкетова, Прены — Вишеръ, Пермь — Матвѣева, Петрокова — Менскаго, Россїевъ — Подлескаго, Ростова — Щербакова, Саратова — Заборонскаго, Сергїева посада — Стромничева, Сергїевской — Борозова, Сасова — Шахонцева, Стародуба — Кнѣвичка, Тамбова — Коняхова, Апаньева, Коржавинной, Мурашко, Шкель, Твери — Назаровой, Уфы — Корнилова, Харьковска — Штамма, Ивановой, Херсона — Тотемъ, Чернигова — Дмитревскаго, Шаргорода — Сташкевича, Ланковскаго, Шацка — Флимоновича, Щигръ — Краснопольскаго, Юрѣева — Карницкаго, Ярославля — Власевской, Мосягинковъ, Янишевъ — Куцелисъ, Янова — Эберга.

Рѣшенїе ребуса № 59 (помѣщеннаго въ № 37).

„Всякій трусъ о храбрости бесѣдуетъ“.

Рѣшенїе шашечной задачи № 60 (помѣщенной въ № 39).

- Вѣлыи. Черныи.
- 1) h 6 — g 7
  - 2) d 6 — e 7
  - 3) e 3 — g 5
  - 4) e 7 — f 8
  - 5) f 8 — h 6
  - 6) e 3 — a 1
  - 7) a 1 — g 3
  - 8) h 6 — e 1

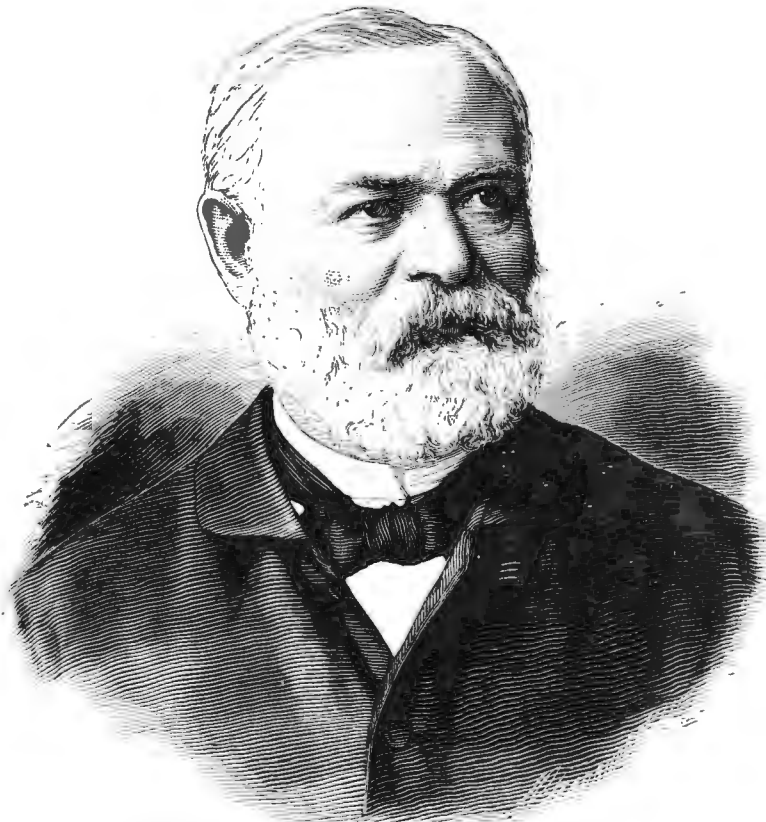
Рѣшенїе шахматной задачи № 61 (помѣщенной въ № 39).

- Бѣлые. Черныи.
- 1) f 8 — h 6
  - 2) b 6 — d 8
  - 3) a 7 — g 1
  - 4) h 6 — f 4
  - 5) d 8 — e 5
  - 6) a 5 — c 3
  - 7) h 4 — f 2
- 1) Cd5 — e6 f5 — e4
 2) Kd6 — f5+ Kp.e7 — e6
 3) Ce6 — e8 куда угодно.
 4) Kf5 — g7 или
 Ce8 — d7++
 2) ..... Kp.e7 — f7
 3) Ce6 — d7 K g8 — e7
 4) Kf5 — h6++

Вѣрныя рѣшенїя этой задачи приславо отъ гг.: СПб.: А. А. Писѣнева, А. Кузнецова, Ф. А. Боронина, Москва — П. П. П—ной, г. А. А. Писѣева — СПб.

соръ написалъ ученое разсужденіе о ново-открытой зоологической достопримѣчательности, которос, какъ только было обнародовано, возбудило живѣйшій интересъ у европейскихъ изслѣдователей, и даже происходили безчисленные дебаты по сему поводу. Черезъ три недѣли зефиръ принесли второй экземпляръ и получили за него еще сто франковъ. Но вотъ, пожелали имѣть нѣсколько экземпляровъ для зоологическаго отдѣленія Ботаническаго сада въ Парижѣ, и „хоботныя крысы“ стали поразительно часто доставляться въ комиссію, такъ что цѣна имъ дошла до двадцати-пяти франковъ. Наконецъ тайна разъяснилась. При болѣемъ спросѣ, продувной зефиръ не справился съ дѣломъ, и принялъ нѣкоторыхъ товарищей въ помощники. Одинъ-то изъ нихъ, подививши, и проболтался. „Хоботная крыса“ была не природная, но искусственно измѣненная и именно такимъ образомъ: кончикъ хвоста у обыкновенной крысы отрывался, прививался къ приготовленному носу другой такой-же крысы и утверждался смолистою камедью, совершенно такъ, какъ садовникъ прививаетъ благородную вѣтку къ дико растущему растенію. Потомъ цѣлена животное какъ ребенка, чтобы оно не двигалось и не сдвинуло перевязки, а затѣмъ старательно заботились о немъ нѣкоторое время. Черезъ двѣ недѣли фокусъ былъ готовъ, — прививокъ вполне былъ приросшимъ. Животное бѣгло такъ же весело, какъ и прежде, не ощущая, казалось, ни малѣйшей неловкости. Остроумный фокусникъ этотъ былъ причиною осмѣянія ученой комиссіи, которая дала себя обмануть. Ученый зоологъ сжегъ написанное разсужденіе о „хоботной крысѣ“, нѣкоторыя копии котораго еще до сихъ поръ сохраняются въ разныхъ библіотекахъ какъ куріозъ, и всю свою жизнь проклиналъ мошенника-зефиръ. (А).

Журналъ, издаваемый Бельгійскою королевою. По словамъ иностранныхъ газетъ, къ сословию журналистовъ примкнула Бельгійская королева Маріа-Генриетта и ея младшая дочь, принцесса Клементина, сестра вдовствующей Австрійской кронпринцессы. Съ начала текущаго года королева издаетъ ежемѣсячный журналъ *La jeune fille*, по вопросамъ

Адольфъ Львовичъ Гензельтъ. † 28 сентября 1889 г.
Съ фот. грав. Барановскій.

Профессоръ Имп. Акад. Худ. Федоръ Андреевичъ Клагесъ. По поводу 50-лѣтняго юбилея. Съ фотогр. Лоренса, грав. Шюблеръ.

искусствъ, литературы и домашняго хозяйства, для молодыхъ дѣвушекъ высшаго круга. Въ статьи по домашнему хозяйству пишутся самою королевою и подписываются псевдонимомъ *Madame Reyer*. Отдѣлъ критики въ области литературы и искусства ведется принцессой Клементиною, которая подписывается именемъ *Marthe d'Orey*. Театральную критику взяла на себя королева Маріа-Генриетта — усердная посѣтельница оперы и горячая поклонница Рихарда Вагнера. Журналъ для молодыхъ дѣвушекъ, само собою, не можетъ обойтись безъ отдѣла стихотвореній, а потому издательница заручилась сотрудничествомъ поэтессы Карменъ Сильва (Румынской королевы Елизаветы), которая обязалась доставлять по одному стихотворенію въ каждый номеръ журнала. Кромѣ того велись переговоры съ Австрійскою кронпринцессой Стефаніей о присылкѣ нѣсколькихъ иллюстрацій и въ сотрудничествѣ завербована эригерпогиня Маріа-Валерія. (С).

Первая извѣстная птица. Проф. Лундгрень въ Стокгольмѣ переслалъ г. Дамесу остатки ископаемой птицы; послѣдній назвалъ ее *Scaniornis Lundgreni*. Такъ какъ эти остатки были найдены въ Салтголмскомъ известнякѣ, составляющемъ въ Швеціи высшій пластъ мѣловой формации, то этимъ въ первый разъ доказано существованіе птицъ въ столь древнюю эпоху. (N.)

Новый портативный приборъ для печатанія писемъ, бланковъ, приказовъ и проч., изобрѣтенъ недавно нашимъ гальваноопластомъ и электротехникомъ А. Н. Ковако. Его приборъ удобнѣе существующей машинки Ремингтона и имѣетъ передъ ней много преимуществъ. Посредствомъ новаго прибора можно получить одновременно нѣсколько оттисковъ, кромѣ того, первый оттискъ, переведенный на цинкъ, даетъ, въ свою очередь, массу оттисковъ, чѣмъ устраняется потребность въ гектографѣ или литографскомъ камнѣ. Наконецъ, приборъ сосредоточиваетъ въ себѣ до 4000 шифрованныхъ знаковъ и при всемъ этомъ стоитъ дешево, не болѣе 30 рублей. Приборъ испытывался въ артиллерійскомъ учебномъ комитетѣ и испытаніе это дало хорошіе результаты. (В.)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1890 Г.

Подписная цѣна показана на первой страницѣ.

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ номеровъ «НИВЫ» 1890 года, просимъ гг. подписчиковъ **ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗОБНОВИТЬ ПОДПИСКУ** на будущій годъ, такъ какъ печатаніе, коррентура и провѣрка адресовъ **ИНОГОРОДН. подписчиковъ ТРЕБУЕТЪ МНОГО ВРЕМЕНИ.**

О выставкѣ первыхъ двухъ главныхъ премій „НИВЫ“ на 1890 годѣ.

Устроивъ въ нынѣшнемъ году собственный художественный институтъ въ Спб. съ персоналомъ выписанныхъ нами извѣстныхъ за границей мастеровъ для печатанія красками большихъ олеографій, мы нашли возможнымъ увеличить главную живописную премію на будущій годъ и вмѣсто обычной одной дать двѣ картины. Это новыя произведенія любимца русской публики, проф. И. И. ШИШКИНА, подъ названіемъ:

„СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“ и „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“,

писанныя имъ по нашему заказу для „НИВЫ“. Обѣ картины (въ 16 вершковъ длины и 12 вершковъ ширины каждая), помѣщены въ этомъ № „Нивы“ въ уменьшенныхъ копіяхъ, чтобы дать о нихъ хотя приблизительное понятіе, такъ какъ наилучшія художественныя гравюры не въ состояніи передать блеска и чудной гармоніи красокъ.

Картины будутъ разосланы гг. годовымъ подписчикамъ (безъ всякой особой доплаты за пересылку) по обыкновенію въ октябрѣ мѣсяцѣ, по чтобы каждый желающій могъ теперь-же ознакомиться съ ними, мы выставили ихъ въ помѣщеніи конторы журнала „Нива“ (Невскій пр., д. № 6) и кромѣ того разослали для выставки въ нижепоименованные книжные магазины и бібліотеки, а именно:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ „Нивы“ и у книгопродавцевъ: И. П. Анисимова, В. А. Березовскаго, Ф. А. Битепажа, А. И. Бортовскаго, М. О. Вольфа, Глазунова, Дейбнера, Н. П. Карбасникова, Бр. Курбатовыхъ, П. В. Луковникова (бывш. Цылева), Н. Г. Мартынова, А. Я. Панафидина, М. В. Пѣрова, Карла Ринкера, И. Д. Тяпкина, М. М. Стасюлевича, Тузова, Н. О. Фену, Цинзерлинга, Эггерса и К^о, Эриксона, въ кн. маг. „Новаго Времени“, „Народная Польза“, въ конт. объяв. Матисенъ и въ Центральн. конторѣ объявленій Петрика.

„ Мѣснѣ: въ отд. конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской (въ Петровскихъ линіяхъ), и у книгопродавцевъ А. Ланга, Васильева, Н. П. Карбасникова, Поста, Н. И. Мамонтова, Шапошникова, И. Ф. Папкова, Десятникова, Ласточкина, Глазунова, Анисимова, Вольфа, Леухина, Земскаго, въ кн. маг. насл. бр. Салаевыхъ и „Новаго Времени“.

„ Архангельскѣ: въ Обществ. библиотекѣ.

„ Астрахани: въ „Принаспіи. книжн. магаз.“ Бану: у книгопродавца Тараева.

„ Батумѣ: у книгопр. М. Николадзе.

„ Бердянскѣ: въ кн. маг. Гаврилицы и К^о.

„ Борисоглѣбскѣ: у кн. А. Ф. Пустовалова.

„ Брестъ-Литовскѣ: въ кн. маг. Варгафтига.

„ Варшавѣ: у книгопр. В. М. Истомина и въ книжн. магазинѣ Карбасникова.

„ Вильно: въ кн. маг. Сыркина и Странуна.

„ Витебскѣ: у книгопродавцевъ Миндельсона и О. Н. Югансона.

„ Владикавказѣ: въ кн. маг. Червинской.

„ Владимірѣ: въ книжн. магазинахъ А. А. Бѣлянина и И. П. Иванова.

„ Вологдѣ: въ маг. Д. В. Волоцкаго.

„ Воронежѣ: въ кн. маг. Сыркина и Савостьянова, М. С. Селингъ и В. В. Юрневича.

„ Вяткѣ: въ кн. маг. А. И. Залѣсской.

„ Гомель (Мог. г.): у книг. Я. Г. Сыркина.

„ Гродно: въ кн. маг. „Народная Польза“.

„ Дерптѣ: въ Русской Библиотекѣ.

„ Динабургѣ: у кн. К. Юзеса и у Я. Падеежина.

„ Екатеринбургѣ: въ книжныхъ маг. Пономарева и Н. В. Пироговскаго.

„ Екатеринодарѣ: у кн. П. Т. Галладзіанца.

„ Екатеринбургѣ: у книгопродавца Шаффермана и въ кн. маг. Ульмана и К^о.

„ Елисаветградѣ: въ кн. маг. И. И. Золотарева.

Въ Житомирѣ: у книгопр. Савчука.

„ Иркутскѣ: у книгопродавца Синицына.

„ Казани: у кн. А. А. Дубровина, З. П. Рязанова, К. П. Алексѣева и въ муз. маг. „Восточная лира“.

„ Калугѣ: въ кн. маг. А. А. Мантейфеля и въ магаз. наслѣдн. Мясникова.

„ Кишиневѣ: въ кн. маг. М. О. Шаха и Лихтанскаго.

„ Кіевѣ: въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина, Корейво, Г. Гинтера и Малецкаго, Югансона, въ „Южно-Русскомъ книжн. магаз.“ и у И. А. Розова.

„ Керчи: въ кн. маг. А. Г. Дервисье.

„ Ковно: въ кн. маг. „Общ. любит. чтенія“, и въ магаз. І. С. Мандельштама.

„ Козловѣ: въ кн. маг. Муравьева и у П. П. Дурново.

„ Костромѣ: въ кн. маг. Бененева, Д. П. Бѣлянина и Соколова.

„ Кременчугѣ: въ библи. И. М. Саддѣ.

„ Кронштадтѣ: въ кн. маг. „Кроншт. Вѣсти“ и въ магаз. Бр. Чекуновыхъ.

„ Курскѣ: въ кн. маг. Кашина, Переплетенко и М. Н. Дружинина.

„ Кутаисѣ: въ кн. маг. Бр. Чиладзе.

„ Кѣльцахъ: въ магаз. Леонъ и К^о.

„ Либавѣ: въ кн. маг. Р. Пуце.

„ Лебедянь (Тамб.): въ магаз. В. Н. Чурилина.

„ Лодзи: у кн. Р. Шатке и Г. М. Странуна.

„ Ломжѣ: въ магаз. А. Рихтера.

„ Люблинѣ: у кн. Кизеветтера.

„ Минскѣ: въ кн. маг. А. Городенскаго, въ библи. С. Ф. Савицкой и Е. Френеля.

„ Митавѣ: у книгопр. Бестгорна.

„ Могилевѣ: въ кн. маг. Сыркина.

„ Моршанскѣ: въ кн. маг. М. Прокофьева.

„ Немировѣ (Под. г.): у книгопр. Р. Шера.

„ Нижн. Новгородѣ: въ кн. маг. „Первая Нижегород. артель“ и библи. Лебедева.

„ Николаевѣ (Херс.) у М. О. Шаха и М. А. Ефанова.

„ Новгородѣ: въ кн. маг. И. И. Дорреръ.

„ Новочеркасскѣ: въ кн. маг. П. В. Ананьевой и въ маг. Прокофьева.

„ Одесѣ: у кн. Е. П. Располова, въ кн. маг. „Новаго Времени“, Ансюна, В. И. Бѣлаго, И. А. Розова и В. Г. Суворова.

„ Омскѣ: въ кн. маг. В. М. Орлова.

„ Орлѣ: въ кн. маг. В. Д. Кашина и въ магаз. „Орловскаго Вѣстника“.

Въ Оренбургѣ: въ кн. маг. Н. П. Кудрина.

„ Острогомскѣ: въ библи. Рѣднина.

„ Пензѣ: въ кн. маг. Н. А. Магницкаго, В. Н. Алексѣева и И. И. Добровольнаго.

„ Пермѣ: въ кн. маг. О. П. Петровской.

„ Петрозаводскѣ: въ „Алексѣевск. Общ. Библи.“

„ Полтавѣ: въ кн. маг. Бойно-Родзевича и Е. Ф. Боговяленскаго и К^о.

„ Полоцкѣ: въ кн. маг. М. А. Екатова.

„ Псковѣ: въ кн. маг. Ю. Вольфрама.

„ Радомѣ: въ магаз. Р. Чарнецкой.

„ Ревель: въ кн. маг. Клаге и Штремъ и у кн. Вассермана.

„ Ригѣ: въ кн. маг. А. В. Витлина и Н. Киммеля.

„ Ростовѣ-на-Дону: въ кн. маг. Теръ-Абрамиана, Ф. В. Жуби и Ф. С. Романовича.

„ Рязани: въ кн. маг. С. С. Шемаева.

„ Самарѣ: въ кн. маг. Плотникова и Грау.

„ Саратовѣ: въ кн. магаз. „Приволжская книжн. торг.“

„ Севастополь: въ кн. маг. О. А. Протопоповой.

„ Симбирскѣ: въ кн. маг. К. И. Юргенса.

„ Симферополь: въ кн. маг. Н. Туманова и у Н. Н. Шматько.

„ Скопинѣ (Ряз.): въ кн. маг. М. Л. Сафонова.

„ Славянскѣ (Хар.): у А. В. Мандрынина.

„ Смоленскѣ: въ кн. маг. В. Ф. Лаврова.

„ Ставрополь: въ кн. маг. М. Т. Тимофѣева.

„ Суздаляхъ: въ магаз. С. Лезиновской.

„ Таганрогѣ: въ книжномъ маг. Покровскаго и Лищицаго.

„ Тамбовѣ: въ кн. маг. Зотова.

„ Ташкентѣ: въ кн. маг. Шварца.

„ Твери: въ кн. маг. Ахматова (быв. Кашина).

„ Тифлискѣ: въ кн. маг. „Центральная кн. торг.“, Л. Б. Хиденелъ, въ кн. торг. Н. А. Бегутова и А. А. Юаннисіани и въ конт. А. И. Евангулова.

„ Томскѣ: въ кн. маг. Макушина и Михайлова.

„ Тулѣ: въ кн. маг. Л. И. Пузыревскаго и А. Д. Львова.

„ Уфѣ: въ кн. маг. Блохина.

„ Харьковѣ: въ книжн. маг. „Новаго Времени“, Полуехтова, въ магаз. Н. П. Овсянникова, въ библи. Бирюнова и въ конт. Ф. Н. Константинова.

„ Херсонѣ: въ кн. маг. М. О. Шаха.

„ Черниговѣ: въ кн. маг. Данюшевскаго.

„ Череповцѣ: въ кн. маг. Ф. Н. Лаговскаго.

„ Ярославлѣ: въ кн. маг. И. Н. Соболева.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Редакціою журнала „Нива“ принято на увеличеніе капитала, подносимаго А. Г. РУБИНШТЕЙНУ: отъ С. Г. Эмануэль 25 руб. и отъ А. Ф. Маркса 25 руб., а всего 50 руб., которая сумма внесена въ распорядительный комитетъ по устройству чествованія юбиляра А. Г. Рубинштейна, по квитанціямъ за №№ 20 и 21.

СОДЕРЖАНІЕ: И. П. Ключниковъ (съ портр.) — Барыни-крестьянки. Петорическій романъ графа Е. А. Салиаса. Часть II. (Продолженіе). — Тотализаторъ. Рассказъ А. Зарина. (Продолженіе). — Исторія человѣческаго жилища на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. (съ 4 рис.). — Уменьшенная копія премій „Нивы“ на 1890 г. „Сосновый лѣсъ“ и „Запущенный паркъ“, проф. Шишкина (съ 2 рис.). — Съ чего ходитъ? (съ рис.). — Менеликъ (съ рис.). — На пестромъ коврѣ (съ рис.). — Джуэппе Верди (съ портр.). — А. Л. Гензельтъ (съ портр.). — Ф. А. Илагесъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Рѣшенія задачъ. — О подпискѣ на „Ниву“ 1890 г. — О выставкѣ первыхъ двухъ главныхъ премій „Нивы“ на 1890 г. — Объявленія. — При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за НОЯБРЬ 1889 г. съ 25 рис. и отд. листъ съ 28 чертж. выроекъ въ натур. величину и 38 рис. рукодѣльныхъ работъ.

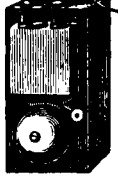
Ф Каталог сочинений по **ФОТОГРАФИИ** высылают по востребованию за 7 коп. марку **Нарья Рикнеръ**, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., 14.

4711
О-ДЕ-КОЛОНЪ.

продается во всѣхъ антикарныхъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи и за- границы.

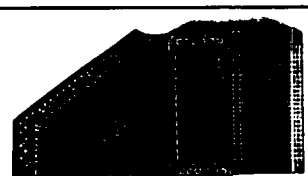
ГЛАВНОЕ ДЕПО: у Алекс. ТИССЪ и № 1, Пушкинская, № 4. Ц. № 4120 2-1

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНИКИ ПО УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦЕНѢ 8 руб.

для квартиръ, конторъ, фабрикъ и проч. Состоящие изъ вновь усовершенствованной вѣрво дѣйствующ. батареей, звонка, провода и кнопки. Проводить его по прилагаемому способу можетъ каждый, безъ помощи спеціалиста. Весь аппаратъ помѣщается въ хорошемъ черномъ ящикѣ. Торговцамъ уступка. Ц. № 4046 5-4

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧ. ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ **К. И. ФРЕЛАНДА.** Невскій просп., домъ Ученого Банка, № 30-16, входъ съ Екатерининскаго канала.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ соств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ: съ 3 педалами по 4 р. и 4 р. 50 к. "7" " " съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей. Самый легкій инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи. За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт. **И. Ф. МЮЛДЕРЪ** Москва, Петровка, домъ Волкова. Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (14) Ц. № 3864 Торговцамъ дѣляется скидка.

При Конторѣ изданія „Русскаго Курьера“ имѣется на складѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ недавно появившійся въ свѣтъ уоловый романъ сочиненія В. ЮМА: **„ТАЙНА ГАНСОНЪ КЭВА“.** Романъ этотъ разигрался въ городѣ Мельбурнѣ (въ Австраліи). Онъ имѣлъ колоссальный успѣхъ въ Англіи и разошелся въ 300,000 экз. Романъ этотъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, печатался въ „Русскомъ Курьерѣ“ и обратилъ также на себя всеобщее вниманіе. Цѣна: съ пересылкой на города—1 р., въ Москвѣ—75 к. Для торговцевъ обычная уступка. Для подписчиковъ „РУССКАГО КУРЬЕРА“ по 75 копъ съ пересылкою. Книга зак ючаетъ въ себѣ 426 страницъ убористаго и четкаго шрифта. Романъ этотъ можно имѣть во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ лавкахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. № 4114 10-2

PAPIER FAYARD et BLAYN
Находится во всѣхъ аптекахъ. (требовать собственноручную подпись).

ГОДЪ 2 РУБ. 1890. 1/2 ГОДА—1 Р.
„СЕМЕЙНАЯ БИБЛИОТЕКА“
Новый ежемѣсячный журналъ, издаваемый редакціей „Нагтеона Литературы“ избранные романы, повѣсти, рассказы, стих. извѣстныхъ писателей и проч. Въ каждой книгѣ—цѣлое произведеніе, большею частью занимаютъ нѣсколько книгъ. Содержаніе—для всѣхъ доступное и интересное. Назначеніе „Семейной Библиотеки“—доставить самой небогатой семьѣ возможность, за ничтожную плату, имѣть библиотечку избранныхъ авторовъ. Подписная цѣна съ отдѣл. и пересл.: годъ—2 руб., полгода—1 руб. Отдѣльные кн. по 25 коп. Подписка принимается въ редакціи журн. „Семейная Библиотека“ въ СПб., 3-я харьковская, д. 19. Р. № 4134 Ред.-изд. А. Чудновъ.

МАГАЗИНЪ ЖИРАРДОВСКИХЪ ЗИНЪ № 3799 9 8
ГИЛЛЕ и ДИТРИХА Москва, Софіяна. Издѣлія собственннхъ фабрикъ: по лотно, столовое бѣлье, платки, полотенца, лѣтнія матеріи, купальныя принадлежности, разныя бумажныя издѣлія. Большой выборъ чудныхъ товаровъ. Готовое приданое. Мужское, дамское и дѣтское бѣлье. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

Articles de Ménage.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И. И. БАЛДИНЪ и К^о. Москва, Столешниновъ пер., домъ Корзинкина.
Имѣть честь увѣдомить уважаемую публику, что въ магазинѣ торговаго дома имѣется большой и разнообразный выборъ столовыхъ сервизовъ русскихъ, французскихъ и англійскихъ фабрикъ, изъ фарфора, опакъ и фаниса отъ 15 и до 200 руб., чайные отъ 2 до 50 руб., хрусталь, бакара, богемскій и Мальцова, по умѣреннымъ цѣнамъ, латныя столовыя, висцлія и кабинетныя, бронза, люстры, канделябры, настѣнные и кабинетныя приборы, желѣзно-эмалированная кухонная посуда, столовые ножи мельхиоровые и англійской стали, особое отдѣленіе металлическихъ кроватей съ пружинными матрацами и перьями на гривѣ отъ 16 руб., мраморные умывальники отъ 15 руб., цинковые отъ 4 руб., ванны, купальныя души, клеветы, букваль мебель, металлическія кресла-крюватъ, диваны, канане и проч. и проч. Полное домохозяйство съ пересылкою по жел. дор. 100 руб. Торговый домъ принимаетъ всевозможныя порученія для гг. иногородныхъ, какъ-то: покупку разнаго рода вещей и товаровъ, по полученіи задатка 25%, остальные наложеннымъ платежемъ, отправка неиздѣленная и съ ручательствомъ за цѣлость въ дорогѣ. **„ЦѢНЫ БЕЗЪ ЗАПРОСА“.** ПС. Правило торговаго дома: если нынѣшнимъ, какой бы ни было товаръ не соотвѣтствовалъ назначенію, то торговый домъ принимаетъ обратно и возвращаетъ деньги. № 4133

Articles de Ménage.
ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Штиглица. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

НОВО и ОРИГИНАЛЬНО. ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНІЕ ДѢТЕЙ грамотѣ русскаго языка по совершенно новымъ основаніямъ и путемъ въ духѣ православія и народности. Подробности дѣла сообщаются по полученіи двухъ-коп. почтовой марки и адреса. Киевъ. Учитель Н. Д. Абрамскій.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ Невскій, 57, собств. домъ, Покупаетъ всѣ % бумаги. Судитъ подъ всѣ % бумаги. Страхуваніе выигрышныхъ займовъ. Переезды на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3925 Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства **АГЕНТЫ.** Предложенія адресовать по выше-означенному адресу.

Семь разъ удостоены первыахъ наградъ. **СКРИПКИ.** Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6-30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30-200 марокъ. **Альты, виолончели, басы, Смычки** 1 1/2-50 мар. **Футляры** 3 1/2-40 мар. **Цитры** 16-300 мар. **Гитары** 6-50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Пялентованная виола скрипка для ученья (собств. изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендациі отъ Вильгельма, Са. разете, Соръ, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куранты бесплатно. **Бр. ВОЛЬФЪ.** Фабрика струнныхъ инструментовъ. Ц. № 4121 Крейцнахъ. 9-1

ВСЕГДА ГОТОВОГО ПЛАТЬЯ ВЪ МАГАЗИНѢ ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО Тверская, д. Шаболовнн въ МОСКВѢ. Исполненіе всевозможныхъ заказовъ. Продажа (безъ запроса) иллюстрированный прейсъ-курантъ. № 4115 высылаются бесплатно.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Марлинни. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Открыта подписка на 1890 годъ на ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ДЕНЬ“

Въ слѣдующемъ году газета „День“ будетъ выходить ежедневно, не исключая дней постѣ-праздничныхъ, въ количествѣ 360 выпусковъ въ годъ. Повѣсти, рассказы и очерки будутъ помѣщаться въ газетѣ два раза въ недѣлю въ формѣ приложеній, съ особымъ счетомъ страницъ; изъ нихъ составится въ годъ 12 книжекъ. Въ программу входятъ всѣ общныя отдѣлы ежедневныхъ изданій, а именно: передовыя статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ-заграницы; жизнь; мнѣнія печати; фельетоны—рассказы и очерки, стихотворенія; журнальное обзрѣвіе, критика и библиографія; внутренняя хроника; петербургская хроника; московская хроника; провинціальная хроника; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книгахъ; биржевой указатель; торгoма извѣстія; объявленія.

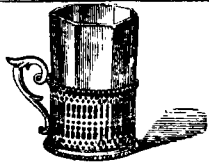
СОТРУДНИКИ: М. Н. Альбовъ, А. А. Бактиаровъ, В. В. Бирюковичъ, К. Говоровъ, проф. А. А. Псаевъ, А. Каренинъ, В. С. Круговъ, А. В. Крулотовъ, Н. С. Лѣсковъ, К. Н. Медвѣдскій, В. В. Стаговъ, А. Г. Сахарова, М. М. Филипповъ, К. М. Фофановъ и др. **УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ** съ пересылкой: на годъ—5 руб., на 8 мѣс.—4 руб., на 6 мѣс.—3 руб., на 4 мѣс.—2 руб., на 2 мѣс.—1 руб., на 1 мѣс.—80 к. За-границу на годъ—10 руб. При годовомъ подпискѣ доуказывается разсрочка: къ 1-му Января—2 р., къ 1-му Апрелья, 1-му Юня и 1-му Августа—по 1 руб. Отдѣльные №№ по 3 коп. **ОБЪЯВЛЕНІЯ:** по 10 к. за строку печатна (35 буквъ). № 4137 2-1 **АДРЕСЪ** редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Преображенская, 4. Редакторъ **П. В. Скворцовъ.** Издатель **А. А. Грессъ.**

Касимовская невѣста. Ист. ром. въ 3 част. соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Вновь вышедшая книга—юмористическій романъ **ПРОКАЗЫ ШАЛУНА** въ стихахъ, съ 150 рисунками В. Буша. Содержаніе книги: Находчивость.—Въ парикмахерской.—Вѣдѣтельность въ чужой пирѣ.—Уличныя похождения и пѣльн.—Въ новой обстановкѣ.— Въ семейномъ быту.—Борьба и побѣда.—Музыкальныя упражненія въ четыре руки.—Подражаніе гаубокомисленнымъ мужьямъ.—Пожаръ.—Побѣгъ.—Заключеніе. Цѣна 1 руб. Складъ и продажа въ Москвѣ, у Ю. Конденъ, д. Румянцевъ. Вышесыла изъ склада за пересылку не платитъ. Продаются въ Петербургѣ въ книжн. магаз. Попова, Суворина, Вольфа и Панафидина. Ц. № 4127

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ЮЛІИ ФЛОРАНЪ. Основанъ въ 1849 году. 18, Большая Морская, 18, С.-Петербургъ. **СПЕЦІАЛЬНОСТЬ Мужскаго и Дамскаго БѢЛЫЯ** и **ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ ТУАЛЕТА.** Рт. № 4125 2-1 **Полное приданое для невѣстъ и новорожденныхъ. СПЕЦІАЛЬНЫЕ ОТДѢЛЫ ДЛЯ ВЕРХНЯГО ДАМСКАГО ПЛАТЬЯ и ШЛЯПЪ.** Прейсъ куранты и фотографическія снимки высылаются бесплатно.

**ФАБРИКА
МЕЛЬХИОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
А. КАЧЪ**

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 36.
Рекомендуетъ огромный выборъ новѣйшихъ фасоновъ, всенормальнѣйшихъ вещей, подражающихъ серебру. Гг. иногороднымъ высылаются иллюстрированные каталоги, по требованію, бесплатно. № 4111 3-2

Только подлинно съ этой фабрич. маркой.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальць-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТШЪ и К^о.

въ Бреславль.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

СПОСОБЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ:

Д-ръ Михайленъ мед. прас. назначилъ для дѣтей 3—4 раза въ день по 1 чайной ложкѣ, а взрослые берутъ ежедневно 4—6 чайныхъ ложекъ экстракта.

Конфекты предупреждаютъ кашель, охриплость и простуду горла.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества и ввозъ и продажъ въ Россіи разрешены Медицинскимъ Департаментомъ.

*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 в. и 2 р. 40 к., конфеты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо Главн. складъ для Россіи въ В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная 18—19. Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. А. № 4045 12 4

**АСПАЗИНЪ
МНЬО**

Безвредныя растительныя бѣлила для цвѣта лица

**ПУДРА
АСПАЗИНЪ**

для цвѣта лица

**Требовать подписи
МНЬО**

Единственный изобрѣтатель-фабрикантъ

**ED. PINAUD, парфюмеръ
PARIS**

BOULEVARD DE STRASBOURG, 37

**ЦВѢТОЧНЫЙ
О-ДЕ-КОЛОНЪ
ИЗВРАТЕННЫЙ
БРОКАРЪ и К^о.**

Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. Главн. складъ у Ф. Ш. Бергманъ, Общественная ул., д. № 5.

№ 4025 8-5

**ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МЪХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ
ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА
П. М. ГРИНВАЛЬДТЪ**

Адресъ для телеграммъ:
ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДТЪ.

въ С.-Петербургѣ
**ПЕРЕВЕДЕНЪ НА
НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.**

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемирной Парижской Выставкѣ 1889 года „ВНѢ КОНКУРСА“

Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

VELOUTINE
Спеціальная рисово-пигментовая пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

**ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE.**

Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать № 4038 9-2

**Eau de Lys de LOHSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ**

Придворный Парфюмеръ
46, Jägerstrasse, Berlin.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ, и во всѣхъ дроггеріяхъ Россіи.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НОВЫЙ
ОБЩЕПОНИАТНО-НАУЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ**

„НАУКА И ЖИЗНЬ“.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно (32 №№ въ годъ) съ 1-го января 1890 годъ по слѣдующей программѣ:

- 1) Общепопулярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложенія наукъ къ практической жизни и промышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія.
- 2) Медицина (особенно гигиена), сельское и домашнее хозяйство, дѣловодство.
- 3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библиографія.
- 4) Научныя игры и развлечения; задачи; почтовый ящикъ.
- 5) Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту.
- 6) Объявленія.

Журналъ имѣетъ цѣлью дать чтенію полезное и въ то же время интересное для всѣхъ, сообщая новости научныя, техническія, промышленныя и т. д. Въ теченіе года предполагается дать отъ 250 до 500 иллюстрацій.

ЦѢНА: { съ пересылкой и доставкой на годъ . . . . . 5 р. — и . . . . . полгода . . . . . 3 „ — „
безъ пересылки и доставки на годъ . . . . . 4 „ — „
полгода . . . . . 2 „ 50 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ редакціи журнала, въ конторѣ Н. Печниковой, а также въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ общаго стоицъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Малая Дмитровка, д. Шильдбахъ.
П. № 4099 4-2 Редакторъ-Издатель Д-ръ М. П. Глубоковский.

Вышли въ свѣтъ двѣ новыя книги, переведенныя на русскій языкъ и одобренныя Московскимъ цензурнымъ комитетомъ.

— БЕСПЛАТНО —

для ознакомленія публики съ содержаніемъ обѣихъ частей обихихъ книгъ.
КАКЪ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМЪ? Философія жизни и права на жизнь. Указанія занятій соответствующихъ средствамъ, познаниемъ и положенію каждаго. Ремесло, наука и искусство. Десять тысячъ примѣровъ лицъ, воспользовавшихся указанными способами и достигшихъ самыхъ блестящихъ результатовъ. Руководящія найдутъ работы и указанія сбыта ихъ. Тотъ счастливъ и богатъ, кто, ознакомившись съ книгой, постыдывалъ ея указаніямъ. Рисунки и планы.

КАКЪ РАЗБОГАТѢТЬ? Последнее эхо Всемирной Парижской выставки 1889 года. Сборъ всего, изъ чего всякій можетъ извлечь значительную пользу безъ затраты капиталовъ, а при исключительномъ трудѣ. Финансовая статья, дающая полное и отчетливое понятіе о хозяйствѣ, торговлѣ, промышленности и проч., статьи, которую съ пользою прочтеть всякій капиталистъ, желающій увеличить свои доходы. Планы, рисунки, образцы, чертежи и карты.
Для полученія этихъ 2-хъ частей книгъ бесплатно писать издателю Г-ну Туръ № 4136 М. Tour, 69, Rue Manin, Paris.

ЛЕНИВЦЕВЪ и ГЛОЗНЦЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“ № 2405

МАССА БЛАГОДАР. и ОТЛИЧ. ОТЗЫВОВЪ

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ БУХГАЛТЕРІИ

иногороднихъ и московскихъ посредствъ, лекцій-корреспонденціи вполне замѣняющихъ устное преподаваніе. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ, преподаватель кон и пр. съск. ж. уз. № 2405

С. Я. ЛИЛЕНТАЛЬ

АРЕАТЪ, МАЛ. НИКОЛО-ПЕСКОВСКІЙ МОСКВА, ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ АДАМОВИЧА. ПОДРОБНЫЯ УСЛОВІЯ И ПРѢБНЫЯ ЛЕКЦІИ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

PARIS
GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Demander

le catalogue général illustré renfermant 580 Gravures (modèles inédits) pour la SAISON d'HIVER, dont l'envoi est fait gratis et franco contre demande affranchie adressée à

M. Jules Jaluzot & Co

PARIS

Sont également envoyés franco, les échantillons de toutes les tissus composant les immenses assortiments du **PRINTEMPS**. Mais bien spécifier les genres et prix.

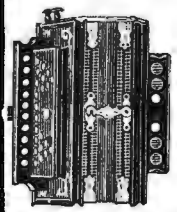
Expéditions dans tous les Pays du Monde

Le Catalogue indique les conditions pour l'envoi franco de port et de douane.

Interprètes dans toutes les Langues à la disposition des personnes qui désirent visiter les Magasins.

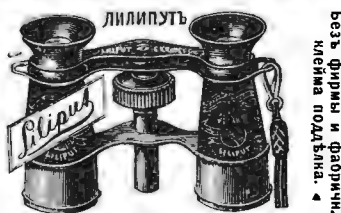
ПАРОВОДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. П. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА ГАРМОНИИ.

Однорядная въ 2 1/2, 3 1/2, 4, 4 1/2, 5 1/2, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
 Двухрядная въ 10, 12, 14, 15, 16, 18, 20, 22, 25, 28 и 30 руб.
 Трехрядная въ 30, 50, 60 и 75 р.
 Самоучитель Соколова по 1 руб.
 Ноты его же по 75 коп и 1 р. за тетрадь.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
 главное дело № 4130
 музыкальных инструментовъ и нотъ.
 С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42.
 Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ЛИЛИПУТЪ
 безъ фирмы и фабрич. кнѣжной подѣлки.
 со шкур. въ замшевомъ кошелькѣ. 9 р. 50 к. съ пересылкою . . . 10 . . .
 „Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и инт. замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.
Е. КРАУСЪ и К^о.
 Специальн. фабр. оптич. инструментовъ
 Парижъ, Aven. d. l. Républic. 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССИИ
 С.-Петербургъ, Мойна, № 40.
 Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высылаются бесплатно.

ПОДЪЕЛНА ВИНЪ.
 Аппаратъ, которымъ легко унять подѣлку виноградныхъ винъ. Цѣна 2 рубля.
К. И. ФРЕЛАНДТЪ
 С.-Петербургъ. Складъ фотографическихъ принадлежностей.
 У Казанск. моста, входъ съ Екатеринбургскаго канала, № 30-16. № 4118 2-12

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи
Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
 Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій мостъ, В. Морская № 21.
 имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: (Спидей, Винпегъ, Русскій Клубъ, Молни (New Rapid), Имперіалъ и др.)

Цѣны отъ 100 до 500 руб.
НОВОСТЬ
 Общепользовательный Светъ № 2 = 150 руб. =
 Прейсъ-Курантъ высылаются бесплатно.
 Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

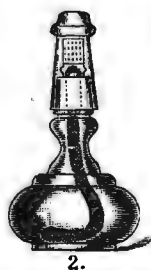
Дѣлаетъ табачный дымъ неощутимымъ. Освѣжаетъ комнатный воздухъ.

СЪ УСОВЕРШЕНСТВОВАННОЙ КУРИТЕЛЬНОЙ ЛАМПОЙ ДЛЯ НЕГО ОСВѢЖАЕТЪ ВОЗДУХЪ, ДѢЛАЯ ЗАПАХЪ ТАБАЧНАГО ДЫМА НЕОЩУТИМЫМЪ.

Флаконъ Озогена приготовленнаго 80 к., съ пересылкою за 2 фунта. 1 р. 25 к. за 3 фунта.
 Лампа № 1 — 2 руб. 25 к., съ пересылкою за 2 фунта. Лампа № 2 — 3 руб. за 3 фунта.
 Лампа № 1, и 1 флаконъ Озогена приготовленнаго въ 80 к. съ перес. за 3 фунт. № 2, „ 1 „ въ 1 р. 25 к. за 5 фунт.
 СЦОГЕНЪ экстрактъ, малый флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою за 2 фунт.

А. М. РУЗАНОВЪ
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
 № 40, ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, № 40. Рт. № 4126 4-1

ИСПЫТАЙТЕ
 обувь Товарищества С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО механическаго производства обуви.

№ 4131 8-1

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
 продающихся имѣній, домовъ, дачъ. Адресъ: Марьинск., около Биржи, Константинову.

АДРЕСЫ
 всѣхъ спеціально-стей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl. - Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 40 коп. почт. марками франко.

МАСТЕРСКАЯ ДАМСКИХЪ ПЛАТЬЕВЪ И ЦАЛЬТО
Л. КЮТНЕРЪ
 ГАЗЕТНЫЙ ПЕРДОМЪ ФУЛЬДА
 ВЪ МОСКВѢ.

ROBES et MANTEAUX L. HUITNER MOSCOU.

ГЛАВНОЕ ЛЕЖО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
 СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа. Специалистъ хронометровъ.
 Никел. открыт. часъ отъ 7 руб. и дороже.
 Стальн. черные „ 14 „ „ „
 Зол. бриан. закр. „ 15 „ „ „
 Зол. дамск. закр. „ 30 „ „ „
 Зол. мужск. закр. „ 50 „ „ „
 Ручательство на 2 года.
 Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылаются по востребованію бесплатно. № 3947 10-10

С.-ПЕТЕРБУРГЪ:
ГОСТИНИЦА Д'АНГЛЕТЕРЪ.
 d'Angleterre.
 Рекомендую господамъ проживающимъ въ оную увеличенную и заново отдѣланную гостиницу.
Т. ШМИТЦЪ. № 4088 6-3

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ
 ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИЦЕВЪ
 Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.
 Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
 Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
 Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748
 Единственный складъ для всей Россіи:
ГОРЮВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
 Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ В. Морская. 21.

EAU DE SUEZ Дено въ С.-Петербургѣ — А. М. Рузановъ, Гостинный Дворъ, № 40.
ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ Въ Москвѣ — А. Слю и Ко, Тверская, д. Варгина.
 Объяснительная брошюра высылаются бесплатно по требованію вышеозначеннымъ депю и Г-мъ Суэзъ 9, rue de Prony, Парижъ.
 При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявление отъ А. М. Рузанова въ С.-Петербургѣ.
 Рт. № 3887 № 13-13

ЖИВА

XX г.
№ 46

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XX
1889

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдавъ 11 ноября 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ . . .	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------

Всѣмъ воякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Подписка на 1889 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. №№ съ преміями.

Ромео и Юлія. Съ карт. Минны Штокъ, грав. Кренеръ.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

VI.

Все, что когда-то въ большомъ и уныломъ Березопольскомъ домѣ грезилось въ мечтахъ ссыльной княжны Полинѣ и казалось лишь волшебною сказкой, бессмысленною по своей несбыточности, стало теперь дѣйствительностью. И все совершилось просто, такъ просто, что изумляло ее самое. Она забывала, или просто не сознавала, что очень мудреное дѣло совершилось лишь только благодаря ея собственной сильной волѣ, унаслѣдованной отъ предковъ.

Правда, она смутно упрекала себя въ томъ, что между ея грезами о счастья и этимъ достигнутымъ счастьемъ произошло какъ бы нравственное убійство. Умеръ отецъ, сраженный ея поступками. Полина не обманывала себя, сознавалась мысленно, что ускорила смерть отца и была причиной, прямою, а не косвенною, вторичнаго удара, отъ котораго князь умеръ. Умысла не было у нея—и этимъ она утѣшалась, по все-таки считала себя неумышленно виновною.

Въ заходустномъ городишкѣ, гдѣ она узнала о внезапной смерти князя, она не могла ощутить сильнаго горя. Эта смерть слишкомъ измѣнила ея собственную судьбу и помогала достиженію того, что считала она своимъ единственнымъ счастьемъ на землѣ.

Въ Москвѣ на похоронахъ она искренно оплакивала отца и, конечно, предпочла бы, чтобы отецъ былъ живъ, но съ условіемъ, чтобы онъ согласился на ея бракъ. А сочетаніе и того и другаго вмѣстѣ было невозможно.

Вернувшись въ Березополье и намекнувъ о своемъ бракѣ съ собственнымъ крѣпостнымъ, Прасковья Андреевна увидѣла настоятельную необходимость тотчасъ же уѣхать и подальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ этотъ бракъ казался всѣмъ чудовищнымъ дѣломъ. Она понимала, что повсюду, только не тутъ у себя, этотъ бракъ и это счастье будутъ имѣть совершенно другой характеръ. И чѣмъ дальше, не только отъ Березополя, но даже отъ родины, тѣмъ легче, тѣмъ радостнѣе будетъ ея существованіе.

Дѣйствительно, уже въ Москвѣ она почувствовала себя подъ меньшимъ гнетомъ окружающихъ. Дворян московскаго дома, хотя тѣ же березопольцы, глянула на нареченнаго своей княжны какъ-то иначе. И для нихъ это былъ Егоръ, крѣпостной столяръ; по въ качествѣ городскихъ жителей, много чего видавшихъ и много къ чему привыкшихъ, они, очевидно, были менѣе поражены. А главное, они не стыдились, ни за свою княжну, ни за себя.

Въ Москвѣ княжна пробыла не долго. Конечно, не видѣлась ни съ кѣмъ и никого не принимала. Она узнавала только стороною, въ какой ужасъ пришла при вѣсти объ ея бракѣ та среда, въ которой она родилась и провела всю жизнь. Но такъ какъ Полина ограждала себя отъ всѣхъ знакомыхъ и дальней родни, запретила даже Ильѣ Петровичу передавать себѣ всѣ толки и пересуды, которые ходили по столицѣ, то она чувствовала себя сравнительно легче чѣмъ въ Березопольѣ.

На первыхъ же порахъ, разумѣется, возникли затрудненія къ ея браку. Ни одинъ изъ московскихъ священниковъ не рѣшался вѣнчать княжну съ ея собственнымъ крѣпостнымъ, боясь отвѣтственности.

Раздраженная неожиданнымъ препятствіемъ, княжна, съ чисто женскою односторонностью, устремила всѣ свои силы на его преодоленіе—и совершенно упустила изъ виду обстоятельство громадной важности, которое

приходило въ голову и князю Ильѣ Петровичу, по врожденной добродушной его безпечности и незнаюи формальностей.

Разумѣется, послѣ пѣкоторыхъ хлопотъ паши такой храмъ, гдѣ священникъ согласился обвѣнчать княжну Березопольскую съ дворовымъ. Священникъ этотъ согласился очень легко, такъ какъ приходъ его былъ бѣденъ и потерять его было бы небольшою бѣдой, а сумма, которую ему предлагали, для него была громадная: двѣ тысячи рублей. На это можно было купить очень порядочный домъ въ томъ же кварталѣ.

Послѣ вѣнчанія, не смотря на всякія хлопоты Ильи Петровича предъ властями,—возникло новое затрудненіе: полученіе вида на выѣздъ за границу. Но благодаря такой же суммѣ денегъ, документъ былъ выправленъ, и въ немъ были прописаны имена Милованова и его законной жены безъ указанія ихъ званій.

Чиновникъ, обдѣлавшій все, получившій себѣ тысячу рублей и болѣе тысячи, якобы, для раздачи другимъ лицамъ, поступилъ относительно Миловановыхъ весьма добросовѣстно. Онъ предупредилъ тотчасъ Полину, что, при возвращеніи въ Россію, она наживетъ себѣ много хлопотъ, сдѣлавшись теперь сама крѣпостною... на казенной бумагѣ.

Когда Полина пожелала разяснить дѣло, то чиновникъ самъ отчасти сбился съ толку, находя этотъ казусъ такимъ мудренымъ, что его разрѣшить по законамъ совершенно невозможно. Вышло, что бывшая княжна Березопольская, нынѣ госпожа Милованова, становится собственною своею крѣпостною, если не теряетъ своихъ дворянскихъ правъ на владѣніе имуществомъ. Въ случаѣ же потери этихъ правъ, она становилась государственною крестьянкою или того хуже—крѣпостною своихъ наслѣдниковъ, ближайшихъ родственниковъ, имѣющихъ права на ея имущество.

Исходъ былъ одинъ и очень простой, но къ несчастію уже утраченный. Надо было ранѣе спохватиться. Слѣдовало прежде брака дать Милованову отпускную, сдѣлать его вольнымъ, приписать въ городскіе мѣщане, или въ купцы. Теперь же это стало невозможно. Теперь Полина не могла выдать такого рода документъ и подписать его именемъ Миловановой, а подписаться, какъ княжна Березопольская, она уже потеряла право. Оставалось только одно: при будущей продажѣ Березополя выговорить, чтобы новый помѣщикъ-пріобрѣтатель, при совершеніи самой купчей, непременно далъ отпускную дворовому Милованову.

Но главный вопросъ оставался все-таки вопросомъ и неразрѣшимымъ: сохраняла-ли теперь Полина дворянскія права на свое имущество, можетъ-ли она считаться владѣлицей крѣпостныхъ душъ, будучи сама крѣпостною по мужу. Князь Илья Петровичъ наводилъ справки въ Москвѣ, но ничего не добился. Власти только разводили руками.

Многіе изъ властей совѣтовали князю уговорить сестрицу Прасковью Андреевну оставаться въ Москвѣ, чтобы разяснить все это дѣло и узаконить свое положеніе. Полина сначала рѣшилась было, но потомъ какая-то необъяснимая суевѣрная боязнь строгихъ распорядковъ новаго императора заставила ее спѣшить покинуть скорѣй и Москву, и Россію.

Ей все чудилось, что кто-то, или что-то изъ Петербурга, вдругъ отниметъ у нея съ трудомъ добытое счастье. Ей казалось, что разъ за предѣлами Россіи, она скорѣй и легче устроитъ все. А главная надежда ея была та, что князь Илья Петровичъ зыится якоремъ

спасенія. Онъ, какъ ближайшій послѣдникъ, можетъ со временемъ, при бѣдѣ, предъявить свои права на все ея имущество, но при этомъ, конечно, не ограбить своей пріятельницы-сестры. И если даже предполагать, что князь теперь—уже чрезъ одишь ея бракъ—сталъ по закону полнымъ собственникомъ всего, то конечно выплатить ей все со временемъ что слѣдуетъ, а Милованову дать отпускную на волю.

Если-бы не Илья Петровичъ, то Полина, конечно, постаралась-бы до вѣзда узаконить свое новое общественное положеніе; но „тройкій якъ“, явившійся по закону ея грозю, не внушалъ ей никакого страха, а внушалъ одно полное довѣріе.

Самъ Илья Петровичъ соглашался съ мнѣніемъ сестры: бѣды нѣту!

И едва только очутился въ рукахъ Полины документъ, въ которомъ она значилась законною женою любимаго человѣка и съ которымъ она могла покинуть Россію, какъ тотчасъ-же Миловановы сѣли въ дорожную карету и покатали на почтовыхъ по Смоленской дорогѣ.

Теплая, чудная весна пошла имъ навстрѣчу.

Граница Россійскаго государства, которая была еще недавно такъ близко, теперь, уже на памяти Полины, отдалилась. Но она, какъ и многіе россияне, еще привыкла смотрѣть на Литву и Польшу какъ на отдѣльный, заморскій, хотя родственный, по чужой край.

Черезъ двѣ недѣли спѣшнаго и утомительнаго пути, Миловановы уже вѣхали въ Варшаву, и отдохнувъ дня три, тотчасъ двинулись далѣе. А ровно черезъ три недѣли, въ тотъ-же день, въ который вѣхали они изъ Москвы, они переѣзжали границу Прусскаго королевства. Здѣсь была та-же Польша, но они, миновавъ заставу съ прусскими значками, прусскими солдатами и чиновниками, очутились внѣ предѣловъ русской власти. А это для Прасковьи Андреевны было счастьемъ. Переѣздъ русской границы имѣлъ огромное вліяніе и на ея спутника. Миловановъ, до сихъ поръ чувствовавшій себя, особенно въ Москвѣ, а отчасти и въ пути, въ какомъ-то ему самому необъяснимомъ состояніи виноватости, потерянности и гнета отъ вѣчныхъ опасеній, вдругъ почувствовалъ себя свободно, вполне счастливымъ, потому что вполне спокойнымъ. Онъ иначе смотрѣлъ, иначе говорилъ. Переѣхавъ границу, онъ перекрестился и вымолвилъ:

— Слава Тебѣ, Господи! Вотъ теперь я счастливъ. И теперь я не боюсь и не стыжусь любить тебя. Теперь я знаю—меня у тебя не отымутъ! Вѣдь ты вѣрно сказываешь, что здѣсь нѣтъ крѣпостныхъ—всѣ свободны?

И съ этой минуты Полину ожидало новое счастье, заключавшееся въ томъ, что ея мужъ неожиданно преобразился, выросъ на цѣлую голову, глядѣлъ, говорилъ и даже двигался какъ-то иначе.

Тамъ, въ Москвѣ и въ дорогѣ, Полину коробило отъ того, что рядомъ съ собой она видѣла человѣка страстно ею любимаго, а между тѣмъ по виду, по всему—по ровню ей. Этотъ человѣкъ, котораго она называла мужемъ и Юріемъ, какъ-бы продолжалъ быть ея крѣпостнымъ; не желая, или не имѣя возможности подняться до нея, онъ унижалъ ее. Онъ ѣхалъ не съ женою, а съ барыней-помѣщицей. И то, что видѣла по-неволѣ Полина, возмущало ее, оскорбляло, а главнымъ образомъ—печалило... до тайныхъ слезъ, на которыя она однако была скупа. Въ иные минуты она дорого дала-бы, чтобы этотъ человѣкъ поссорился, побранился съ ней, разбранилъ-бы ее, хотя-бы даже обидѣлъ ее—и тѣмъ сравнялся-бы съ ней. А онъ между тѣмъ былъ такимъ-же, какимъ когда-то приходилъ въ ея горницу чинить мебель, умышленно сломанную ею. И то, что видѣла и чувствовала Полина, грызло ея сердце. Полное счастье немисливо при такихъ отношеніяхъ, въ какія поставилъ себя съ ней ея мужъ.

И вотъ, миновавъ границу, очутившись внѣ предѣ-

ловъ Россіи, внѣ власти русскихъ законовъ, Полина, благодаря виду своего Юрія, почувствовала себя сразу безумно счастливою. Около нея очутился вдругъ не крѣпостной и не дворовый столяръ, а мужъ, который, казалось ей, сразу сравнялся съ ней и сразу сталъ любить ее вдвое болѣе.

— Вотъ теперь ты мнѣ жена, сказалъ онъ.—Теперь все это правда, а не скоморошество. Теперь насъ не разлучать. Я могу любить тебя, не опасаясь, что завтра на утро ты опять станешь княжвой Березопольской, а я столяръ Егоромъ.

И это удивительное преображеніе, случившееся сразу съ Миловановымъ, казалось даже въ мелочахъ. Онъ тотчасъ-же взялъ на себя, безъ всякихъ просьбъ со стороны жены, совершенно безсознательно, всѣ хлопоты и распоряженія въ дорогѣ.

На первой-же станціи въ Пруссіи, гдѣ мѣняли лошадей и приходилось объясняться съ нѣмцемъ-почтаремъ и мѣстными обывателями, Миловановъ, не понимая ихъ и не говоря ни слова по-нѣмецки, все-таки распорядился. А главное, онъ держалъ себя добродушно-важно, и всѣ, кто видѣлъ его тутъ, дивились, какой удивительный красавецъ, но и какой добрый этотъ русскій бояринъ.

А Полина, глядѣвшая на его статную и красивую фигуру, распорядившуюся перекладкой лошадей, вдругъ ощутила внутренно, что на сердце ея хлынуло какое-то восторженное чувство радости, свѣта и счастья. И слезы ручьемъ полились у нея изъ глазъ.

Садясь въ карету, Миловановъ замѣтилъ эти слезы и даже испугался.

— Что съ тобой? выговорилъ онъ, схвативъ жепу за руки.

— Ничего... отозвалась Прасковья Андреевна.

— Да ты плачешь?

— Отъ радости.

— Какая-же радость?

— Ты!.. Ты—моя радость! Я думала, что ты навсегда останешься... такимъ... А ты вдругъ другой... Нѣтъ... не надо... не надо и говорить объ этомъ...

— Тутъ, Парана, я вольный! отозвался онъ восторженно, отгадавъ мысль жены.

VII.

Отъ прусской границы и до Рима Миловановы пробыли около мѣсяца въ пути, благодаря совершенно новымъ средствамъ передвиженія и благоустроеннымъ почтовымъ порядкамъ. Они бросили свой тяжелый дорожный экипажъ во Франкфуртѣ и поѣхали дальше въ почтовыхъ дилижансахъ.

По дорогѣ въ Италію, они остановились отдохнуть только въ Дрезденѣ, Веймарѣ и въ Бергѣ. Остальные города по пути они миновали послѣ однодневнаго отдыха. И только въ Генуѣ пробыли три дня, въ ожиданіи корабля, на которомъ должны были ѣхать въ Чивита-Веккію.

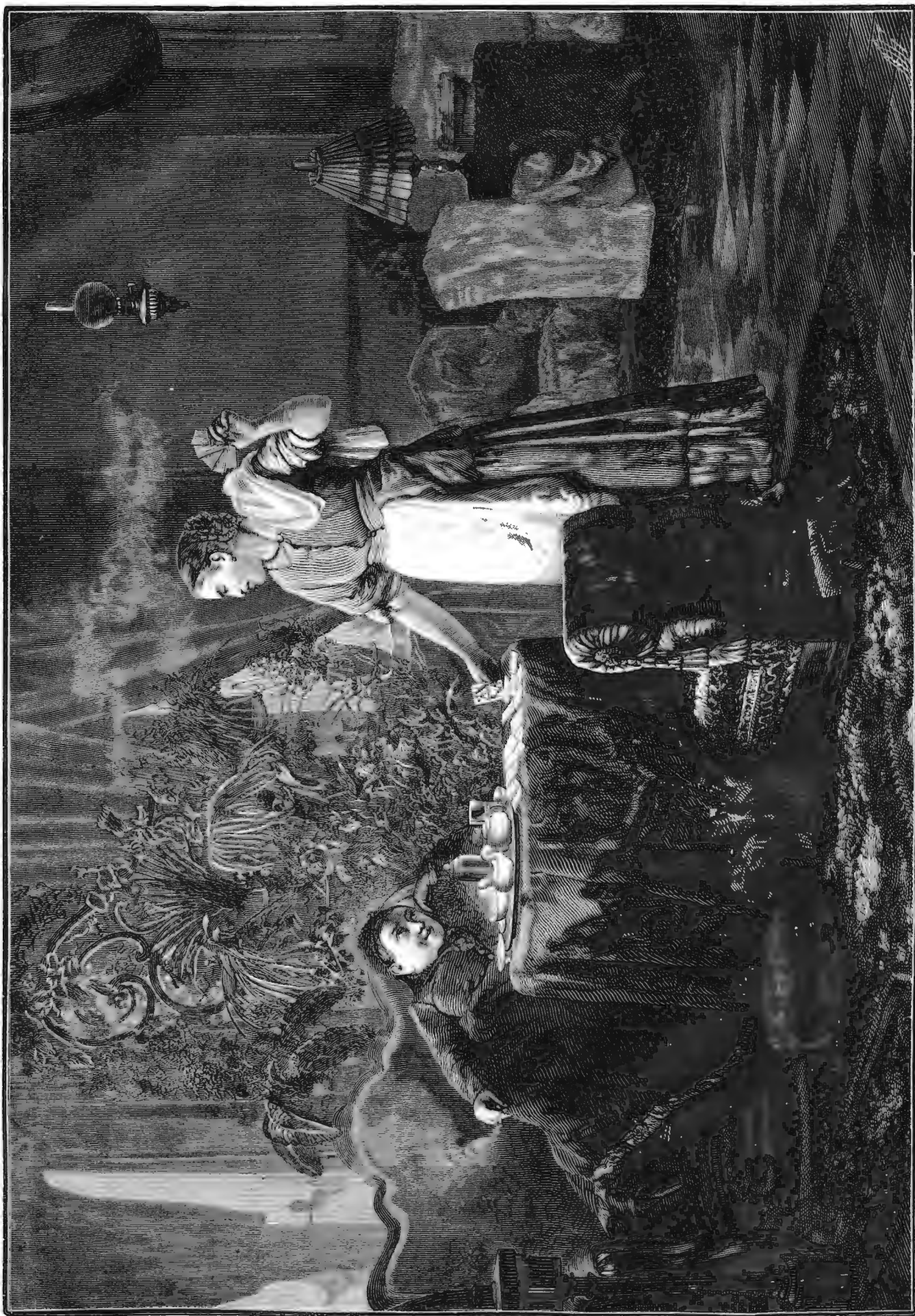
Путешествіе, длившееся мѣсяцъ, показалось обоимъ, по крайней мѣрѣ, годомъ, вслѣдствіе массы новыхъ впечатлѣній, новыхъ мѣстъ и лицъ, и всѣхъ случайностей въ диковинномъ пути, гдѣ диво было на каждомъ шагу.

Не одинъ бывшій столяръ озирался кругомъ себя лихорадочно радостными глазами; бывшая княжна тоже смотрѣла на все съ восторгомъ удивленія и что могла—объясняла мужу. И все понималъ онъ съ полуслова.

Узаконенная, страстная, взаимная любовь и эти всѣ чудныя, почти волшебныя, смѣнявшія одна другую картины новыхъ странъ, новаго неба, новаго солнца, свѣтлыя грѣзы о ихъ будущемъ,—все вмѣстѣ сливалось въ какую-то волшебную сказку или чудную пѣсню. Обоимъ казалось, что они не живутъ, не существуютъ, а бредятъ на яву, что имъ грезится чарующій сонъ, что они безконечно несутся по какому-то сіяющему и счастьемъ околдованному міру.

Игра въ чурки. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Имакевича, грав. Шюблеръ.

Пиковый король. Съ картины А. Корзухина, по фот. Якобіа, грав. Барановскій.

И как далеко кажется теперь, не только далеко, но даже малю, ничтожно—все что дѣлало ихъ несчастными, все что грозило ихъ счастію, грозило даже ихъ существованію!

Однажды, уже въ Италіи, въ Генуѣ, они отправились прогуляться и очутились въ прелестномъ городскомъ саду *Aqua Sola*. И здѣсь, чуднымъ вечеромъ, подъ звѣзднымъ и теплымъ куполомъ неба, близъ серебристаго фонтана, высоко бывшаго вверхъ, среди аромата померанцевыхъ деревьевъ, при дальнихъ звукахъ дивной серенады, они долго просидѣли въ какомъ-то очарованіи, и не сказавъ другъ другу ни слова, въ одинъ и тотъ-же мигъ они вспомнили иное, далекое...

Высокіе, морозомъ скованные сугробы. Оголѣлые стволы и прутья деревьевъ. Фигурка добраго Макара Макаровича, говорящаго: „Спаси Господи!“ Новый управитель—ихъ гроза. Уѣздный городишко, стрекулисты и солдаты. И онъ самъ, съ обритымъ лбомъ, сдаточный солдатъ...

Все это было, все это пережито. А между тѣмъ, все это прошлое кажется лихимъ сномъ, а настоящее—чуднымъ пробужденіемъ. Вся окрестность говоритъ это имъ... Даже этотъ серебристый фонтанъ, среди темныхъ лавровъ и померанцевъ, бьющій высоко въ синее, вѣчно теплое небо, говоритъ, что все горько пережитое было сномъ, что оно—все неправда, бредъ, обманъ; что они просто заснули здѣсь на этой самой *Aqua Sola*, а теперь пробудились... И эти струи фонтана журчатъ и поютъ про небылицы въ лицахъ, а они, будто очарованные, слушаютъ и вѣрятъ. А струи, серебрясь, все подпрыгиваютъ, все падаютъ и все, безъ конца, напѣваютъ имъ, что никакого Березополя на свѣтѣ нѣту; что Макаръ Макаровичъ и Жаншіевъ—тѣни, а не люди; что крѣпостной столяръ и дворянка-княжна—все это выдумка людская. Ничего этого нѣтъ и не было... Одно, что было и есть и будетъ—это великій двигатель всего въ мірѣ, то, что живо въ нихъ теперь, то, что все творитъ, надъ всѣмъ властвуетъ, все злое сокрушаетъ—любовь. Во всемъ, повсюду, такъ-же какъ и въ нихъ. Вотъ эта любовь—правда, дѣйствительность. А все остальное—ложь, обманъ, сонъ переходящій, тѣни, призраки...

Миловановы просидѣли рядомъ на скамейкѣ въ *Aqua Sola* часа два, не проронивъ ни слова. Вспомнивъ объ одномъ и томъ-же, они чувствовали одно и то-же, а говорить не хотѣлось.

Ничтожное, крошечное Березополье съ его крошечными жителями и дрянными радостями и бѣдами, будто подползло къ нимъ, точно какой-то гномъ, противный и гадкій; но они молча отогнали его. Ни Полиѣ, ни Милованову не хотѣлось произнести вслухъ, назвать и какъ бы вызвать изъ тьмы въ жизнь все что выражалось однимъ, теперь ужаснымъ для нихъ словомъ: „Березополье“.

Они вышли изъ сада, вернулись въ свою гостиницу Золотого Якоря и ни въ этотъ день, ни послѣ не сообщали другъ другу о томъ, что думалось имъ тамъ...

Выѣхавъ изъ Генуи моремъ, они, благодаря попутному вѣтру, черезъ двое сутокъ пути были уже въ Чивита-Веккии, и съ отличнымъ „веттурино“ на рѣзвыхъ лошадяхъ, въ открытой коляскѣ, проскакали небольшое разстояніе до вѣчнаго города, цѣли ихъ пути.

Въ Римѣ они тотчасъ-же наняли бель-этажъ въ домѣ на площади Барберини, около монастыря капуциновъ, а черезъ недѣлю уже обошли, вѣрнѣе сказать, обѣжали все и видѣли все, что можно было видѣть.

И Миловановъ почувствовалъ себя близкимъ къ умопомѣшательству, отъ восторженнаго опьяненія. Онъ былъ въ самомъ дѣлѣ пьянъ...

Однажды, онъ помнилъ, лѣтъ пять назадъ, въ одной сосѣдней отъ Березополя усадьбѣ его обманомъ напоили какимъ-то крѣпкимъ виномъ. Онъ цѣлый вечеръ

безмысленно хохоталъ, прыгалъ, говорилъ какія-то безсвязныя рѣчи, а затѣмъ, на утро, не зная, что съ нимъ было. Воспоминаніе объ этомъ состояніи было ему всегда гадко, а между тѣмъ теперь онъ чувствовалъ себя тоже будто пьянымъ; онъ тоже зря смѣялся и говорилъ женѣ какую-то бессмыслицу. Онъ увѣрялъ про видѣныя имъ сотни статуй:

— Онѣ всѣ живыя. Говорятъ... По почамъ небось бѣгаютъ...

Когда-то мерещились ему такія большія куклы, большія изображенія людей и звѣрей. А сколько за нѣсколько дней перевидалъ онъ ихъ здѣсь, не только во дворцахъ, но и на улицахъ!.. даже на крыльцѣ ихъ дома стоялъ каменный истуканъ. Единственнымъ помысломъ Милованова было теперь: скорѣй учиться и учиться. Скорѣе самому дѣлать такіе-же истуканы и куклы, которые называются и которыхъ онъ самъ называетъ теперь—статуями.

Черезъ пять дней по пріѣздѣ уже былъ найдено профессоръ ваянія, и въ его мастерской появился новый ученикъ, русскій, притомъ такой статный красавецъ, что профессоръ выразилъ желаніе и съ него самого слѣпить какую-то статую. Въместѣ съ тѣмъ явился нѣмецъ-живописецъ и сталъ убѣдительно просить русскаго боярина позволить писать съ него картину, изображающую Савла на конѣ въ моментъ его душевнаго преображенія.

Жена ученика ваятеля торжествовала...

Жизнь Миловановыхъ какъ-то разомъ, удивительно быстро и хорошо наладилась. Они будто попали въ какую-то, судьбой приготовленную для нихъ заранѣе, рамку или колею. Имъ казалось, что они не пріѣхали въ Римъ въ первый разъ въ жизни, а вернулись домой къ себѣ, въ свое гнѣздо, въ прежнія горницы, и вошли въ старыя привычки.

— Вотъ я опять, какъ въ Березопольѣ!.. воскликнулъ Миловановъ, съ глиной въ обѣихъ рукахъ.

Вскорѣ у нихъ оказался цѣлый кругъ знакомыхъ, конечно, все художники, живописцы и скульпторы, всевозможныхъ націй, но главнымъ образомъ итальянцы и нѣмцы, и всѣ одипокіе...

Богатая русская чета—мужъ и жена сразу сдѣлались какъ-бы центромъ всего кружка. У нихъ была большая квартира, денегъ они не жалѣли, устраивали вечера, завтраки, прогулки за городъ. Мужъ начиналъ быстро мараковать изрядно по-итальянски, такъ какъ два часа въ день посвящались исключительно изученію языка. Жена очень хорошо говорила по-нѣмецки и по-французски. Его страсть къ искусству и въ особенности къ скульптурѣ, его несомнѣнное дарованіе и привѣтливый, симпатичный внѣшность; ея умъ, образованность и начитанность; наконецъ, ихъ открытый домъ и всегдашній радушный пріемъ—сдѣлали то, что вскорѣ весь артистическій Римъ зналъ русскихъ—не Миловановыхъ, а какъ ихъ звали: милыхъ друзей.

— *Cari amici della Piazza Barberini*.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ мѣстная газета уже объявила, что въ Римѣ находится талантъ-самородокъ, происхожденіемъ русскій, который, никогда не лѣпивъ, не бравши въ руки глины, припался сразу лѣпить не уши, носы и глаза, а цѣлую статую, и что на первое произведеніе русскаго ученика уже бѣгаютъ смотрѣть, не вѣря, что можно сразу, безъ техники, однимъ внутреннимъ священнымъ огонькомъ произвести такую талантливую вещь, какую онъ уже кончилъ.

И газета не лгала. Не деньги заплатили ей за эту статью. Дѣйствительно, въ русскомъ ученикѣ оказался, по искреннему завѣренію всѣхъ, скрывавшійся и сразу проявившійся могучій талантъ-самородокъ.

Многіе скульпторы другихъ націй сначала не вѣрили, что Миловановъ почти впервые взялся за глину, а затѣмъ единодушно предсказывали, что русскій станеть, со временемъ, славой своей родины.

А Полина? Видя и слушая все, что происходило кругомъ несл, она становилась тревожна и печальна. Ей казалось, что подобная сказка, волшебная и чудесная, не можетъ длиться. Вотъ вдругъ явится нѣчто и сокрушитъ все. Такое громадное счастье не можетъ быть продолжительно. И ей сталъ чудиться Дамокловъ мечъ надъ ихъ головами, а сердце больно сжималось отъ необъяснимаго и суетнаго страха.

Ей грезилось иногда во снѣ, почти мерещилось даже на яву, что покойный отецъ встаетъ изъ гроба и грозить ей. Онъ отмститъ, онъ невидимо явится и сокрушитъ во прахъ все, чѣмъ живетъ она, чѣмъ счастлива, чѣмъ безконечно дорога стала ей жизнь.

— Не остаться-ли намъ навсегда здѣсь или въ иной странѣ, но не возвращаться въ отечество? спрашивала она мужа.

— Не знаю, отзывался Миловановъ. — Покуда надо тутъ жить... Но совѣмъ остаться... какъ-то кажется — неподходящимъ. Да кромѣ того, есть еще одно обстоятельство... самое мудреное, къ которому и ума не приложишь.

И Миловановъ долго не хотѣлъ объяснить, что онъ подразумеваетъ. Оказалось, что все для него отравлено вѣчнымъ, тоскливымъ помысломъ о брошенной и одинокой матери.

Римъ, искусство, его занятія, уснѣхи, его любовь къ женѣ — на всемъ легла одна тѣнь: желаніе видѣться съ матерью. А это могло со временемъ неудержимо потянуть его туда, гдѣ онъ не художникъ-ваятель и гражданинъ, а дворовый холопъ, бывший столяръ.

Исходъ былъ одинъ. Надо было овладѣть скорѣе своимъ даромъ и произвести что-либо такое, съ чѣмъ стало бы безопасно возвращаться въ Россію.

VIII.

Березополье стояло все въ зелени, подъ знойнымъ небомъ. Былъ уже июнь мѣсяцъ. Усадьба въ это время года бывала особенно красива. Большой, правильно разбитый паркъ, березовая роща съ просѣками, расхлывшимися радисомъ отъ большой, средней поляны, всѣ улицы и дороги къ церкви, обсаженные деревьями, наконецъ, всѣ строения, которыя казались новыми, съ иголочки, — все производило впечатлѣніе не только богатой, но и чрезвычайно живописной вотчины. Образцовый порядокъ и чрезвычайно чистота повсюду — послѣдствіе заботъ Макара Макаровича — придавали Березополью видъ какого-то нѣмецкаго городка, гдѣ густая зелень ярко мѣшалась съ бѣлыми, какъ снѣгъ, стѣнами домовъ.

Жизнь въ Березопольѣ шла тѣмъ же чередомъ, какъ и всѣ послѣдніе годы. Снова все наладилось по старому. Господъ не было, а Макарь Макаровичъ по-прежнему былъ на лицо и по-прежнему заѣзжими людьми считался владѣльцемъ образцовой богатой вотчины.

Обыватели, вспоминая все, что произошло за зиму: прїѣздъ княжны, изгнаніе любимаго управителя съ замѣной его другимъ, внезапную кончину князя и, наконецъ, бракъ барышни-владѣлицы съ крѣпостнымъ, едва вѣрили, что все это дѣйствительно приключилось за какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ.

Перемятъ въ самомъ Березопольѣ не произошло никакихъ. Со времени вторичнаго отъѣзда помѣщицы, березопольцы уже не видали ее, не видали и своего новаго столяра-барина.

Только при вѣздѣ въ богатую вотчину, насупротивъ храма Божьяго, стоялъ столбъ съ доской, привлекавшій вниманіе грамотныхъ. Столбъ этотъ издавна стоялъ здѣсь. Доска, гласившая прежде, что вотчина со столькими дворами и душами принадлежитъ его сиятельству князю Андрею Ивановичу Березопольскому, теперь гласила нѣчто иное. Сначала это иное было удивительно для многихъ, теперь же и къ этому привыкли.

Новая надпись на доскѣ оповѣщала, что село Березополье со столькими-то дворами и душами, принадлежитъ госпожѣ Парасковіи Андреевнѣ Миловановой.

Эти три имени, вмѣстѣ съ сомнительнымъ званіемъ, представляли для всѣхъ какое-то безмысленное сочетание, которое въ продолженіе цѣлой весны служило предметомъ споровъ и пересудовъ, не только въ усадьбѣ, не только въ сосѣднемъ уѣздномъ городѣ, но и во всей губерніи и даже во всей Москвѣ.

Были люди, въ томъ числѣ и Макарь Макаровичъ, которые знали, что бракъ березопольской помѣщицы со своимъ крѣпостнымъ надѣлалъ столько шума, что молва добѣжала даже до Петербурга.

Слухъ о диковинномъ бракѣ достигъ до самого государя Павла Петровича.

Кто-то изъ петербургскихъ друзей писалъ князю Пльѣ Петровичу, что государь, при извѣстїи о невѣроятномъ поступкѣ московской дворянки, приказалъ навести справку, бывали-ли на Руси подобныя случаи и какъ на это смотреть законъ.

Государю доложили, что подобныя случаи, хотя бывали и прежде, но въ крайне ограниченномъ числѣ. Гдѣ-то въ присутственныхъ мѣстахъ открыли три случая за царствованіе государыни Екатерины Алексѣевны и одинъ случай въ царствованіе Елизаветы Петровны.

Предполагалось однако, что подобнаго рода браки случались въ большемъ количествѣ, но ихъ тщательно скрывали сами виновные. Что же касается того, какъ смотреть законъ на подобныя браки, то оказалось, что законъ молчитъ объ нихъ: не разрѣшаетъ, и не воспрещаетъ.

Березопольцы знали, что ихъ помѣщица со своимъ мужемъ находится гдѣ-то въ заморскихъ земляхъ. Но это ничего не интересовало, такъ какъ ходилъ упорный слухъ, что не нынче-завтра вотчина перейдетъ въ другія руки, продажей, наслѣдствомъ или отписью въ казну. Столяру не быть ихъ баринкомъ.

Около полудня, въ концѣ липовой аллеи, которая уширалась къ берегу рѣки, сидѣла на скамейкѣ молодая дѣвушка въ ситцевомъ платкѣ, простомъ, но нарядномъ, благодаря свѣтло-голубому цвѣту. Красивая дѣвушка казалась еще наряднѣе и красивѣе, такъ какъ припилила себѣ на грудь, прицѣпила въ голову и держала въ рукахъ кучу васильковъ, нарванныхъ на сосѣдней нивѣ.

Блѣдное лицо, нѣсколько худое, съ легкимъ румянцемъ, съ задумчивымъ взглядомъ синихъ глазъ, казалось еще красивѣе. Дѣвушка эта, не кто иная какъ Евгенія, была теперь въ Березопольѣ тѣмъ, что называется притчей во языцѣхъ.

Всѣ обыватели заняты были преимущественно Евгеніей, или отъ праздности и неимѣнія другихъ любопытныхъ вопросовъ, или потому, что судьба ея была не заурядная. Березопольцы дивились переменѣ, происшедшей въ дѣвушкѣ, которую всѣ они знали съ дѣтства.

Дѣйствительно, эта выздоровѣвшая Евгенія мало была похожа на прежнюю, не только лицомъ, похудѣвшимъ и похорошѣвшимъ, но и нравомъ своимъ.

Это была другая Евгенія. Волѣзнь, долгая и опасная, отъ которой она едва осталась въ живыхъ, сдѣлала ее неузнаваемою.

Евгенія сильно похудѣла, но при этомъ какъ-то вытянулась, будто выросла немножко. Она держалась прямѣе, смотрѣла иначе, серьезнѣе или суровѣе, будто уязвленная или холодно-гордая. Удивительно похорошѣвъ, Евгенія стала какъ-то важнѣе ходить, поворачиваться, говорить, будто не дворовая дѣвушка, будто барыня какаго мелкопомѣстнаго или городскаго купчиха.

— Чудно, что отъ иной хворости приключается съ человѣкомъ! говорили по двору.

Судьба, не допустившая Евгению умереть, не пощадила ее однако...

Девушка потеряла все, что было ей дорого.

Евгения была еще в постели, когда пришло известие о смерти князя-барина и возвращении княжны съ Егоромъ въ Березополье.

Евгения сердцемъ почувала все, что будетъ... Она тотчасъ же рѣшила подняться, несмотря на слабость, какъ только княжна вернется изъ городка.

Когда барышня-владѣлица явилась, Евгения черезъ часъ уже была предъ ней и просила увольненія отъ должности горничной, а вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшенія поступить въ ближайшій монастырь.

Князь Илья Петровичъ, присутствовавшій при этомъ, громко ахнулъ, но не сказалъ ни слова. Лицо его выражало крайнее недоумѣнне.

Княжна въ нѣсколько мгновений на все согласилась и даже обѣщала денежную и всяческую помощь. Евгения немедленно, не теряя ни минуты, захватила въ Дунашиной комнатѣ, гдѣ болѣла, узелокъ со своими вещами и тотчасъ отправилась въ тотъ домъ и въ ту горницу, гдѣ жила прежде, по смерти отца.

И здѣсь оставалась она безвыходно, сидѣла и лежала, но ни съ кѣмъ ни о чемъ не разговаривала и молчала упорно отъ зари до зари.

Однажды, когда княжна уже выѣхала въ Москву на похороны, а Миловановъ, возвращенный изъ Рязани, сидѣлъ одинъ дома, такъ какъ старушка Лукерья Егоровна была въ гостяхъ,—Евгения, ни разу не видавшаяся съ нимъ, рѣшилась идти въ „первый“ домикъ.

Съ трепетомъ на душѣ переступила она порогъ дома. Егоръ, увидя ее въ горницѣ, вскочилъ со стула и остановился передъ девушкой, какъ вкопанный.

Она молчала и потупилась точно виноватая.

— Зачѣмъ пришла?.. что тебѣ?.. выговорилъ онъ наконецъ угрюмо.

— Проститесь... отозвалась тихо Евгения.

— Ну, прощай!..

— И говорить не хочешь? И спросить стало ничего нельзя?.. Ну, что-жь, прощай! глухо проговорила Евгения.— Не поминай лихомъ. Я ни въ чемъ неповинна... Хотѣла умереть... не съумѣла. Теперь Богу молиться попробую... Пожалуй тоже не дастся!.. Желала бы тебѣ отвѣтить тѣмъ же—разодрать твое сердце на части, душу твою загубить, да мудро: и умѣния нѣтъ, и случая не будетъ... Ну, прощай, баринъ! А чтобы ты, вскорости, барству тутъ у насъ, не сталъ меня кнутомъ сѣчь, а въ богомолки ухожу... Только не за тебя Бога молить. На тебя у меня одна злоба ехидная есть и будетъ во-вѣки... Прощай! Будь счастливъ, коли этокое полагаешь себѣ подходящимъ.

Съ этой минуты Евгения уже не видала Егора ни разу, ибо чувствовала, что не можетъ видѣть равнодушно „предателя“.

Княжна вернулась изъ Москвы, затѣмъ березопольцы узнали доподлинно то, что давно носилось какъ слухъ, а затѣмъ барышня-невѣста и женихъ-столяръ выѣхали снова въ Москву и за море...

Евгения не поѣхала въ сосѣдній монастырь, отложивъ свое постриженіе до лѣта. Макаръ Макаровичъ настоятельно потребовалъ этого отъ девушки, грозя, что просто не выдастъ ей разрѣшенія. Она согласилась и осталась.

Съ тѣхъ поръ она передумала и уже не собиралась въ монахи, а въ Березопольѣ ходилъ новый, диковинный слухъ про Евгению и еще про одного человека, часто навѣдывавшагося въ усадьбу.

— Видно еще не всѣ чудеса изъ рѣшета повытасканы! говорили березопольцы.

Евгения сидѣла въ саду на скамьѣ уже съ полчаса, задумчивая, почти грустная. Изрѣдка она приходила

въ себя и взглядывала на берегъ, гдѣ болѣла большая купальня изъ свѣжаго теса. Она ждала очереди выкупаться.

Купальня была занята нѣсколькими дворовыми девушками, а Евгения уже давно перестала купаться съ другими. Девушки всегда возились въ водѣ, барахтались, ныряли, кричали на весь садъ. Евгению раздражало теперь все, и она предпочитала одна влѣзти въ воду, посидѣть и вылѣзти—такъ, какъ еслибы ей было лѣтъ шестьдесятъ, а не двадцать.

Наконецъ изъ купальни вышли двѣ девушки, прошли мимо нея и крикнули насмѣшливо:

— Иди, царевна! Онѣ тамъ уже одѣлись.

Евгения собралась было встать, но взглянувъ по направлению куда побѣжали обѣ девушки, увидела вдали фигуру Макара Макаровича.

Появленіе въ саду управителя въ эту пору—удивило ее. Трубецкой жилъ такую правильною жизнью занятого и дѣятельнаго человека, что можно было всегда знать, въ какое время гдѣ его встрѣтишь и гдѣ никогда не встрѣтишь его. Въ этой части вотчины онъ никогда не бывалъ, такъ какъ гулять безъ дѣла по саду не любилъ, а купаться боялся.

„Зачѣмъ онъ сюда идетъ?“ подумала Евгения. „Удивительно! Что-нибудь приключилось. Не меня ли ему?!“

И она осталась на лавкѣ, поджидая Трубецкаго.

IX.

Макаръ Макаровичъ завидѣлъ тоже девушку еще издали, махнулъ ей рукой и, наконецъ, быстро приблизившись, улыбнулся и сѣлъ около нея, слегка запыхавшись.

— Ужь не меня-ли вы, Макаръ Макаровичъ? спросила девушка.

— Фу! Помилуй Богъ, задохся! Охъ, старъ становлюсь! Чуть въ жару пройдуся—самъ не свой. Нѣтъ, тебя не тебя искалъ, по дѣлу пришелъ. А коли ты здѣсь—и того лучше. Есть-ли кто въ купальнѣ?

— Наши девушки. Я ихъ пережидаяю.

— Ну, а ихъ выгоноу, а ты ужь обожди. Я за этимъ пришелъ. Надо приказать купальню вымыть, очистить. Небось какъ забрызгали. А черезъ часъ, спаси Боже, придеть къ намъ гость и первымъ дѣломъ захочеть, пожалуй, выкупаться.

— Кто же такой? выговорила Евгения, слегка удивляясь.

— Кто у насъ тутъ часто бывалъ, да давно уже не былъ?.. Ну о комъ тебѣ пуще всего уши прожужжали за лѣто? Ну-т-ка!

— Что вы? Зачѣмъ? Да онъ-ли?

— Да. Онъ самый.

— Да вѣдь онъ хотѣлъ быть только педѣли черезъ три? сурово выговорила Евгения.

— А вотъ катить... Дальъ знать мнѣ...

— Да вѣдь онъ же обѣщаль, вѣрно... не прѣзжать.

— Точно такъ-съ, сударыня. На васъ разсердившись, хотѣлъ быть черезъ три недѣли, мѣсяцъ, а то и совсѣмъ не быть. А теперь вотъ, не прошло недѣли—прѣзжаетъ.

— Почему же это? уже тревожно произнесла Евгения.

— А ты, сударыня, не пугайся! Дѣло теперь не о тебѣ идетъ. Дѣло важное! Такое, спаси Господи, важное, какого еще никогда не бывало. Прѣзжаетъ Илья Петровичъ со мной побесѣдовать и вмѣстѣ въ уѣздный городъ ѣхать.

— Зачѣмъ?! Чтò приключилось?

— А видишь-ли, довѣренность мнѣ писать, на управление тоже и Прачешнымъ его, странно усмѣхнулся Макаръ Макаровичъ.— А потому довѣренность, что уѣзжаетъ онъ на пять лѣтъ въ чужіе края.

И Макаръ Макаровичъ пристально приглядѣлся къ лицу Евгении.

Девушка опустила глаза и ни единая черта лица ея не дрогнула.

Литературный альбомъ. „Валленштейнъ“ Шиллера. Текла. Карт. Шмихена, грав. Швапнке.

Наступило молчаніе.

— Что скажешь, сударыни?

— Ничего, отозвалась Евгения чуть слышно. — Хорошее дѣло! Онъ вѣкъ въ заморскихъ земляхъ живаль, ему туда и ѣхать. И затѣи негодныя всякія съ собой увозить.

— Такъ, такъ. Стало-быть, ты рада?

— Рада не рада, а что же? Такъ лучше. Прискучило мнѣ краснобайство, да всякіе вздоры, всякій соръ. Покрайности наша вся дворня замолчитъ и меня въ покоѣ оставить.

— Чудная ты дѣвушка, помилуй Богъ. Диковинная!

Макаръ Макаровичъ положилъ руку на плечо Евгения и выговорилъ съ чувствомъ:

— Я тебя за это больше полюбилъ! Я тебя, какъ говоритса, Господи благослови, уважать сталъ, по всетаки...

Макаръ Макаровичъ принялъ руку, махнулъ и прибавилъ:

— Не пойму, помилуй Богъ, ничего.

— Чего же тутъ не понять? Дѣло простое.

— Нѣтъ, Евгеньюшка, не простое. Я, видишь-ли, такъ разсуждаю. Становлюсь я на твое мѣсто, якобы вотъ ты сама, и начинаю разсуждать. Ну, вотъ я — дворовая дѣвушка, молодая, красивая, а онъ — князь богатый, помѣщикъ, человекъ доброты неописуемой, такой доброты, помилуй Богъ, какой не видано. Младенецъ онъ новорожденный. Да и лицомъ-то — новорожденный! Губами вѣдь пузыри пускаетъ, въ ладошки хлопаетъ, у-лю-лю кричитъ. И дѣлай съ нимъ что хочешь: хочешь — засмѣется сейчасъ, хочешь — заплачетъ. Вотъ онъ какой! И вотъ я такъ съ твоего-то мѣста гляючи и сказываю: какъ же это я не пошелъ бы на все то, что онъ мнѣ, сія доброта неописуемая, предлагаетъ. Вѣдь ты бы изъ него всякія веревочки и тесемочки вить начала. А въ твоемъ состояніи крѣпостномъ, это что же такое? Рай земной! А ты вотъ, будто какая царевна-недотрога. Ну, вотъ я тебя хоть и уважаю, а все-таки дивлюся.

— Мы съ вами, Макаръ Макаровичъ, столько разовъ объ этомъ толковали, вымолвила Евгения вздохнувъ, — что, право, прискучило. Ужь сказала я ему и вамъ, что не желаю, сказала, чтобы меня въ покоѣ оставили... Ничего мнѣ не нужно кромѣ этого покоя. Ну, что же толковать опять?

— Такъ противень онъ тебѣ, отвратень, спаси Господи?

— Нѣтъ. И объ этомъ тысячу разовъ мы съ вами толковали. Такого добраго человека нельзя не любить. А за всю его ласку ко мнѣ, я не могу къ нему ничего, кромѣ хорошаго, на сердцѣ держать. И каменную бы тронуло! А у меня, слава Богу, душа есть.

— Ну, вотъ тутъ, стало-быть, помилуй Богъ, и вертись, какъ бѣлка въ колесѣ. Вотъ этого разъясненія я добиться отъ тебя и хочу. Пойти — не пойду, говоришь, а любить — люблю.

— Да, не пойду! Что онъ мнѣ? Мало-ль баръ по сосѣдству. Есть и помоложе его... А я хоть и крѣпостная, да, полагаю, въ любви своей вольна.

— Ну, вотъ что, Евгения, вымолвилъ Трубецкой улыбаясь. — Сейчасъ я тебѣ скажу такое, что ты съ этой лавки вскочишь какъ полоумная. Я знаешь, помилуй Богъ, никогда не лгу.

— Что же такое? неспокойно спросила дѣвушка.

— А то, что ни въ какіе заморскіе края Илья Петровичъ не ѣдетъ. Приѣзжаетъ онъ сюда обсудить со мною важнѣющее дѣло. Княжна... Тьфу, прости Господи... Прасковья Андреевна, наша госпожа, бывшая княжна, продаетъ ему Березополье, такъ какъ больше жить въ Россіи стало не хотеть. Ну, а князь покупаетъ, и такъ-сказать долженъ купить. Родовое оно!

Евгения выпрямилась, слегка измѣнилась въ лицѣ и широко раскрывшимися глазами глянула на Трубецкаго.

— Что? поняла? Князь купить Березополье и, стало-быть, всѣ вы будете его крѣпостными. А я тебѣ вольной отпускной не выдамъ.

Евгения помолчала мгновеніе, потомъ усмѣхнулась и вдругъ выговорила ядовито:

— Ну, а рѣчку высушите? Веревочки да перекладни всѣ изведете?

— Ужь и не пойму, отозвался Макаръ Макаровичъ, — что ты болтаешь.

— А болтаю я то, что покупай онъ хоть сто разъ Березополье, и будь я его завтра крѣпостная, все-жъ-таки утопиться я могу.

— Да совсѣмъ не объ этомъ рѣчь. Онъ тебя и крѣпостную свою — все равно не обидитъ. А ты сама рассуди. То былъ сосѣдъ, а то Березопольскій ужъ не князь только, а и владѣлецъ-баринъ!

— Что же изъ этого?

— Поразуди. Раскинь мыслями, помилуй Богъ.

Евгения не отвѣтила, тяжелое раздумье напало на нее. Трубецкой тоже задумался.

Извѣстіе, переданное имъ дѣвущкѣ и полученное имъ наканунѣ, было совершенно вѣрнымъ.

Князь, изрѣдка переписывавшійся съ сестрицей, жившей попрежнему въ Итали, уже давно узналъ объ ея намѣреніи продать родовое имѣніе, носящее вдобавокъ имя сходное съ ихъ фамиліей, и всячески отговаривалъ, но Прасковья Андреевна настаивала теперь на этомъ желаніи. Она рѣшила, въ случаѣ возвращенія въ Россію и въ случаѣ возможности по закону сохранить свои права, все-таки никогда не поселиться на жительство въ томъ мѣстѣ, гдѣ мужъ ея былъ для всѣхъ и останется навсегда дворовымъ столяромъ Егоромъ.

Князь мысленно соглашался что желаніе сестрицы совершенно естественно, а разсужденіе совершенно правильно. Мужъ и жена Миловановы будутъ всегда въ Березопольѣ предметомъ пересудовъ, а пожалуй и насмѣшекъ.

Когда сестрица отписала князю, что какой-то петербургскій сановникъ уже изъявляетъ желаніе купить Березополье, князь немедленно отвѣчалъ, что самъ хочетъ приобрести родовую вотчину, дастъ ту же цѣну и проситъ только, изъ дружбы и въ уваженіе его родственныхъ правъ, расрочить уплату.

Прасковья Андреевна тотчасъ отвѣчала согласіемъ и просила скорѣе оформить дѣло. И вотъ теперь князь Илья Петровичъ ожидался Трубецкимъ для переговоровъ и для поѣздки въ губернской городъ, чтобы разувать, какъ совершить покунку, въ виду отсутствія за границей самой владѣлицы, да еще жены крѣпостнаго человека.

Макаръ Макаровичъ поглядѣлъ молча на Евгению и отправился хлопотать. Прогнавъ дѣвущекъ и приказавъ скорѣе вычистить и вымыть купальню, онъ пошелъ заказать для гостя обѣдъ, а затѣмъ приказать въ оранжереяхъ выбрать лучше вишенъ, персиковъ и абрикосовъ для стола.

Евгения, разставшись съ управителемъ, медленною походкой направилась тоже ко двору, но, пройдя нѣсколько шаговъ, она круто повернула назадъ и нѣсколько быстрѣе пошла по направленію къ березовой рощѣ, гдѣ обыкновенно почти никогда не бывала.

Дѣвушка была взволнована. Бѣлое лицо покрылось яркимъ румянцемъ, какъ еслибы ей сейчасъ сказали что-нибудь особенно радостное, или оскорбительное.

Дойдя до круглой полянки, съ которой звѣздой расходились во всѣ стороны просѣки, Евгения сѣла въ тѣни на траву, прислонилась спиной къ стволу высокой березы и выговорила вслухъ:

— Ну, что жъ, надо разсуждать! Надо мыслями раскинуть, какъ сказываетъ Макаръ Макаровичъ..

(Продолженіе будетъ).

Тотализаторъ.

Разсказъ А. Зарина.

(Овопчаніе).

XVII.

Хмуровъ, веселый, пришелъ на службу.

— Что, выиграли вчера? спросилъ его съ кислою улыбкою Славинъ.

— Съ чего вы взяли! отвѣтилъ Хмуровъ,—наоборотъ, вдребезги продулся.

— А я думалъ... оживился Славинъ,—вообразите: и мы тоже! Не идетъ, хоть убей. Я, напримѣръ, теперь принялъ за систему па жокеевъ ставить, а не на лошадей — и все-таки проигрываю. Жена азартничаетъ. Говорю: „играй тише“; — „мой деньги!“ говорить. Просто, хоть волкомъ вой! Одолжите, батенька, на пиросочку, окончилъ оу свои жалобы.

Хмуровъ направился къ кассѣ и взялъ ссуду—остальные 30 рублей.

— Говорять, скачками увлеклись, Алексѣй Константиновичъ? спросилъ съ улыбкою кассиръ.

— Да, есть малость, невольно смутясь, отвѣтилъ Хмуровъ.

— Чтѣ это вы, Алексѣй Константиновичъ! съ серьезнымъ лицомъ подошелъ къ нему Зыбинъ.

— А что? спросилъ Хмуровъ.

— Да помилуйте, годубчикъ, такъ увлекаться! покачалъ Зыбинъ головою, — одну ссуду взяли—проиграли, теперь другую! Бросьте! вѣдь вы не знаете еще, какой это ядъ, страшный ядъ! „Чтѣ ему за дѣло?“ подумалъ Хмуровъ, „всегда съ наставленіями лѣзеть“, и сухо отвѣтилъ Зыбину:

— Я, Федоръ Петровичъ, не мальчикъ и знаю чтѣ дѣлаю. Онъ хотѣлъ пройти, но Зыбинъ удержалъ его за локоть. Хмуровъ вспыхнулъ и остановился.

— Алексѣй Константиновичъ, поймите, я вамъ добра желаю, съ волненіемъ заговорилъ Зыбинъ,—вѣдь я знаю этотъ азартъ; я изъ-за него чуть нечестнымъ не сдѣлался. Милый, не сердитесь на меня, я уже старикъ—могу совѣтовать. Бросьте, пока еще всего не проиграли!

Хмуровъ не выдержалъ:

— Я не знаю, насколько вы добра мнѣ желаете, Федоръ Петровичъ, но знаю, что вы постоянно преслѣдуете меня своими совѣтами. Мнѣ ихъ вовсе не надо! а вы мало того, что преслѣдуете меня, вы мою жену начинили вздоромъ и страхами, и благодаря вамъ я узналъ оборотную сторону семейнаго счастья. Вы для меня уже такъ много сдѣлали, что пожалуй пора подобножелательствовать и другому!

Онъ все это сказалъ рѣзко, запальчиво, съ вызывающимъ взглядомъ. Зыбинъ отодвинулся отъ него и въ изумленіи широко раскрылъ глаза.

— Извините, Алексѣй Константиновичъ, больше не обезпкою васъ, тихо отвѣтилъ онъ Хмурову, и по лицу его скользнула горькая усмѣшка,—простите меня, старика.

Онъ отошелъ отъ Хмурова.

— Давно-бы такъ, проворчалъ Хмуровъ и пошелъ къ своему столу.

Размовка съ Зыбинимъ разстроила его. Недовольный собою, онъ задумчиво шелъ по улицѣ, возвращаясь домой, когда позади себя услышалъ голосъ.

— Милостивый государь! милостивый государь!

Онъ остановился и оглянулся. Къ нему подошелъ красивый старикъ. Хмурову лицо его показалось знакомымъ. Онъ гдѣ-то видѣлъ потертый куртку, въ который былъ одѣтъ старикъ, видѣлъ и эти брюки съ вздутыми колѣнками. Старикъ приподнял помятый котелокъ-шляпу и проговорилъ:

— Коллинъ, на скачкахъ...

Хмуровъ вспомнилъ.

— Ахъ, здравствуйте! протянулъ онъ старику руку и спросилъ:—какъ вамъ сытъ поживаетъ? Его не видно вовсе.

— Нѣтъ у меня сына! рѣзко сказалъ старикъ, и лицо его помрачилось.

Хмуровъ съ удивленіемъ взглянулъ на старика.

— Я васъ, милостивый государь, для одного вопроса остановилъ, продолжалъ старикъ,—будьте добры, не можете-ли вы сказать, сколько примѣрно проигралъ онъ въ Петергофѣ?

И старикъ вилъ глазами въ Хмурова. Тотъ смутился. Его удивилъ и вопросъ старика, и его отреченіе отъ сына.

— Я право не знаю, заговорилъ Хмуровъ, — онъ говорилъ, рублей двѣсти... Чтѣ съ вами? испугался онъ, увидѣвъ вдругъ поблѣднѣвшее лицо старика.

Старикъ въ изнеможеніи прислонился къ фонарному столбу. Спусти минуту онъ оправился и грустно улыбнулся.

— Чтѣ же скрывать теперь... извольте, тихо заговорилъ онъ,—сынъ мой, милостивый государь, арестованъ за кражу... единственный сынъ! Онъ укралъ часы въ домѣ своихъ знакомыхъ.

Хмуровъ вздрогнулъ и даже отшатнулся.

Старикъ заговорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Но вѣдь онъ и выигрывалъ... Вѣдь онъ игралъ счастливо, неправда-ли? Скажите, онъ выигрывалъ?

— Когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ въ выигрышѣ около 80 рублей.

— Вотъ видите! оживился старикъ,—можетъ еще?

Хмуровъ молчалъ.

— Нѣтъ, заговорилъ старикъ,—это я такъ... я только обольщался. Это онъ все кралъ, кралъ... Воръ! сынъ—воръ! О, о!... Онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь.

Хмуровъ поблѣднѣлъ отъ волненія.

— А я, старый дуракъ, вѣрилъ ему! вполголоса говорилъ старикъ, — ѣлъ краденое, курилъ краденое, радовался, глядя, какъ онъ воруетъ... А теперь сынъ арестованъ—и я догадался. Ахъ, зачѣмъ я не задушилъ его раньше!

Онъ поднялъ голову и вдругъ поблѣднѣлъ, увидѣвъ подлѣ себя недвижно стоящаго Хмурова.

— Прощайте, милостивый государь, сухо проговорилъ старикъ, приподнимая шляпу и, не подавъ руки, быстро сталъ переходить на другую сторону улицы.

Хмуровъ посмотрѣлъ ему влѣдъ и грустный пошелъ домой. Эта встрѣча окончательно разстроила его. Передъ нимъ въ поношенномъ платьѣ стоялъ старикъ со страдальческимъ лицомъ и ему слышался его ужасный крикъ: „воръ! сынъ—воръ!“

„Неужели это отъ тотализатора?“ съ ужасомъ подумалъ онъ и тутъ-же успокоилъ себя: „нѣтъ, такъ дрянный мальчишка; много такихъ по Питеру“.

— Дена, чтѣ съ тобою? спросила жена, увидѣвъ его снова разстроенное лицо.

Хмуровъ разсказалъ женѣ свою встрѣчу.

— Боже, какое несчастіе! вздохнула Настасья Сергѣевна.

Хмуровъ подумалъ, что и она приписываетъ это тотализатору и заговорилъ съ жаромъ:

— Сами виноваты! Мальчишка хлыщетъ, ходитъ играть, подарки носить, а отецъ и не поинтересуется—откуда сіе? даже самъ идетъ съ нимъ, да его расхваливаетъ, вмѣсто того чтобы выпоротъ хорошенько... А потомъ плачется: сынъ—воръ... А кто виновать?!

Взволнованный встрѣчею съ Коллинимъ, Хмуровъ не сказалъ женѣ ни о взятой ссудѣ, ни о размовкѣ съ Зыбинимъ.

XVIII.

Хмуровъ весь отдался мыслямъ о предстоящемъ воскресеньѣ. Пятницу и субботу онъ только и говорилъ дома, что о скачкахъ.

— А ты все не упляса? сказала съ улыбкою Настасья Сергѣевна, слушая въ двадцатый разъ его планы предстоящей игры.

— Поидетъ така-то и така-то лошадь, говорилъ онъ,—эта безъ сомнѣнія лучше той, но на первой одинъ изъ лучшихъ наѣздниковъ, тогда какъ на второй... и т. д.

— Эхъ, Настя, вѣдь это послѣдніе дни, отвѣтилъ онъ на ея замѣчаніе,—завтра, потомъ въ четвергъ, а тамъ опять воскресенье, четвергъ—и конецъ! Всего четыре скачки!

— Ну, и слава Богу! вздохнула Настасья Сергѣевна.

— Да, Настя, ужъ въ слѣдующемъ году—дудки! не поѣду! Я и теперь больше изъ принципа, а то „стринципа“ скажугъ! прихвастнулъ онъ, желая показать себя съ характеромъ.

Настасья Сергѣевна нѣсколько времени молчала. Хмуровъ прихлебывалъ изъ стакана чай. Она сдѣла у лампы, низко наклонивъ свою голову надъ работою.

— Неужели ты еще отъ выигрыша играешь? спросила вдругъ она и подняла голову.

Хмуровъ покраснѣлъ.

„Она что-то подозрѣваетъ“, мелькнуло у него въ головѣ.

— Да, еще есть остаточки! совралъ онъ.

Настасья Сергѣевна замолчала и, облегченно вздохнувъ, опустила голову къ работѣ.

„Завтра, завтра“, замиралъ въ волненіи Хмуровъ.

Наконецъ пришло и воскресенье. Хмуровъ игралъ опять несчастливо и оставилъ въ Царскомъ Селѣ 12 рублей. Онъ совсемъ растерялся. Слѣдующій разъ былъ такъ-же несчастливъ. Онъ выигрывалъ, проигрывалъ, но въ результатъ отъ 18 рублей у него осталось всего восемь, и онъ съ отчаяніемъ въ душѣ шелъ къ вокзалу, грустно опустивъ голову.

— Алексѣй Константиновичъ, окликнулъ догнавшій его Барсовъ.

Хмуровъ обернулся и равнодушно поздоровался съ нимъ.

— Вы выиграли? взволнованно спросилъ его Барсовъ.

Хмуровъ грустно улыбнулся и, вынувъ изъ кармана 8 рублей скомканными ассигнаціями, отвѣтилъ:

— Отъ тридцати рублей.

— О, Боже! воскликнулъ Барсовъ, и въ его возгласѣ послышалось столько отчаянія, что Хмуровъ невольно взглянулъ на него внимательнѣе. Барсовъ былъ почти незнаваемъ. Лицо его поблѣднѣло и осунулось; прежде франтоватый, теперь онъ былъ одѣтъ почти неряшливо.

— Чтѣ съ вами? съ участіемъ спросилъ Хмуровъ.

— Чтѣ, чтѣ? взволнованно заговорилъ Барсовъ. — То, что я совсемъ, до нитки, проигрался! Сперва пошли деньги на Волгу, потомъ занялъ, потомъ въ двухъ редакціяхъ взялъ авачсы, потомъ заложилъ всѣ вещи, потомъ... и остался нищимъ! О, про-

„Moriatur pro rege nostro, Maria Theresia!“ Съ карт. нивѣ выставленной въ Лондонѣ Л. Д. Потта, грав. Джемсъ.
Библиотека "Руниверс"

Норка, подстерегающая лысухъ. Рис. и грав. Шпехт.
Библиотека "Руниверс"

клятье! поднял онъ руку, словно наноси ударъ,—сколько разъ я давалъ слово кончить, но наступалъ канунъ, меня тянуло, сосало, я, какъ оглашенный, бѣгалъ добывать деньги, унижался, лгалъ — для того, чтобы проиграть, и потомъ снова проклиналъ себя, давалъ слово и опять мучился, метался на-канунѣ—и опять проигрывалъ... Я горѣлъ эти три проклятыя мѣсяца!

Хмуровъ не предполагалъ возможности такого увлеченія и съ ужасомъ смотрѣлъ на Барсова.

— И теперь до конца долженъ упираться, продолжалъ Барсовъ.—Алексѣй Константинович! обратился онъ къ Хмурову, и на его лицѣ выступили красныя пятна, — одолжите мнѣ три рубля! Я не могу показаться домой, меня забѣстъ квартирная хозяйка...

— Господи! воскликнулъ Хмуровъ,—возьмите, возьмите!

И онъ, вынувъ деньги, подалъ ему три бумажки.

— Спасибо! пожалъ ему Барсовъ руку,—кругомъ задолжалъ, кругомъ! окончилъ онъ и грустно опустилъ голову.

„Зачѣмъ я показалъ деньги!“ на минуту подумалъ Хмуровъ и тутъ-же покраснѣлъ.

„Съ этой игрой подлецомъ сдѣлаешься!“ плюнулъ онъ съ досадою.

Въ вагонѣ, въ который они вошли, сѣдѣли Славинъ.

— Я вамъ кивала головой, кивала, заговорила Славина, улыбаясь и протягивая руку Хмурову,—а вы—цѣль вниманія! вѣрно проигрались?

— Проигрался, отвѣтилъ сухо Хмуровъ.

— Вотъ и мы тоже, вздохнулъ Славинъ, — и вы? обернулся онъ къ Барсову.

Тотъ кивнулъ молча головою.

— Вотъ, вотъ! закричалъ, словно обрадовавшись, Славинъ,—все проиграли! Но какъ не везло, какъ не везло!.. ударилъ онъ кулакомъ по лавкѣ.

— Знаете, заявля Славина, — мы съ нимъ ужъ больше не поѣдемъ. Развѣ послѣ 20-го...

— Неужели! изумился Хмуровъ.

— Да, да, мы рѣшили, кивнулъ головою Славинъ и, наклонившись къ Хмурову и Барсову, заговорилъ конфиденціальнымъ шепотомъ:—все, рѣшительно все проиграли, не только играть не на что—не знаешь на что обѣдъ состричь. Вотъ до чего дошли. До нитки! Все, что можно заложить—заложили, даже рухлядь татарамъ продали!..

„Что-же это такое?“ съ поглядываньемъ лицомъ думалъ Хмуровъ, „неужели это игра все?“

И они все четверо, мрачные, унылые, ѣхали домой, съ разстроенными нервами, съ пустыми карманами, каждый думая свою думу. Славинъ думалъ, на какія средства имъ обѣдъ „сготовить“; Барсовъ думалъ, какъ, вмѣсто 18 рублей, хозяйка приметъ три цѣльковыхъ; Хмуровъ думалъ о нихъ о всѣхъ, думалъ о своей ссудѣ, думалъ о женѣ и, по мѣрѣ приближенія къ городу, становился все мрачнѣе и мрачнѣе.

Поѣздъ остановился. Они вышли изъ вагона и, молча пожавъ другъ другу руки, разошлись въ разные стороны.

XIX.

Хмурова, не смотря на дурное расположеніе духа, неприятно поразила равнодушная холодность жены, когда онъ пришелъ домой. Она не встрѣтила его, не предложила обычныхъ вопросовъ и только при входѣ крикнула въ кухню:

— Подавайте, Аннушка!

Аннушка внесла самоваръ, и Настасья Сергѣевна такъ-же холодно, спокойно, словно не замѣчая присутствія мужа, подошла къ самовару и стала заваривать чай. Хмуровъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее. Лицо ея было безстрастно, и только легкое подергиваніе брови выказывало ея волненіе.

„Что это значить?“ подумалъ Хмуровъ и тихо спросилъ:

— Что съ тобою, Настя?

— Что со мною? холодно повторила Настасья Сергѣевна; и вдругъ, не выдержавъ, заговорила горячо и громко:—со мною то, что ты оказался нечестнымъ человѣкомъ. Да! ты меня все время обманывалъ. Ты проигрывалъ деньги, взятые изъ ссуды, и говорилъ о какихъ-то выигрышахъ. Потихоньку брать деньги и играть, таись отъ меня! Это нечестно! если ты болдса сказать, значитъ, самъ сознаешь, что ты дѣлаешь! Доиграться до этого! О, я знала тебя, я знала, что ты можешь до всего дойти, слабый, безъ характера, охваченный этимъ гнуснымъ „азартомъ!“ О, какъ это гадко! окончила она и тяжело перевела духъ. Глаза ея сверкали, и грудь тяжело подымалась.

Въ первую минуту Хмуровъ былъ смущенъ такимъ неожиданнымъ нападеніемъ; но, по мѣрѣ словъ жены, онъ приходилъ въ себя и мало-по-малу въ сердцѣ его накоплялась злоба.

„Наговорилъ дурака, этого надо было ожидать. Но какое ей дѣло, какъ она смѣетъ такъ говорить!“ раздражался онъ все сильнѣе. Губы его искривились злобною усмѣшкой.

— Ты кончила? холодно спросилъ онъ, когда Настасья Сергѣевна замолчала.

Та ничего не отвѣтила.

— Тебѣ насчетничалъ Зыбинъ, заговорилъ Хмуровъ, дрожа отъ волненія,—да, это правда, я взялъ ссуду и проигралъ ее. Но скажи, какое тебѣ до этого дѣло; почему я долженъ былъ доложить тебѣ объ этомъ? почему нечестно это? Нечестно, возвы-

силъ онъ голосъ,—говорить со мной такимъ тономъ! Ты одѣта, сита, ты должна понять, что я въ своемъ домѣ хозяинъ; что это мои деньги—и не тебѣ указывать мнѣ, что и какъ дѣлать! Я трачу, но я ихъ самъ заработалъ, а ты сидишь, ничего не дѣлая, и смѣешь упрекать меня! Вотъ что нечестно, а не то, что я играю!!

Онъ совершенно вышелъ изъ себя. Губы его дрожали отъ волненія, онъ покраснѣлъ и почти бѣгалъ изъ угла въ уголъ. Настасья Сергѣевна сперва широко раскрыла глаза и слушала его, готовясь возразить, но когда въ запальчивости онъ унизился до упрека—она не выдержала и, опустивъ голову, тихо заплакала.

Хмуровъ увидѣлъ ея слезы, но не обратился на нихъ никакого вниманія. Онъ слишкомъ былъ взволнованъ и продолжалъ ходить изъ угла въ уголъ, уже ни о чемъ не думая, ничего не говоря, чувствуя только какую-то тупую, щемящую боль въ сердцѣ.

Съ этою болью онъ легъ спать, съ нею-же проснулся утромъ, и она не покидала его въ теченіе всего времени ссоры съ женою. Но онъ старался скрывать это чувство. Долгимъ вечеромъ, оставаясь съ нею глазъ-на-глазъ, онъ видѣлъ ее, грустную, унылую, нерѣдко съ заплаканными глазами, и чувство раскаянія закрадывалось въ его сердце, но онъ подавлялъ его и, стараясь казаться спокойнымъ, равнодушно начиналъ насвистывать мотивы изъ оперетокъ.

На слѣдующій день, встрѣтясь на службѣ съ Зыбинымъ, онъ холодно отвернулся отъ него, и гнетущая боль усилилась въ его сердцѣ при этой встрѣчѣ. Пятница и суббота прошли мучительно монотонно для него, но настало воскресенье, и вдругъ мысль о скачкахъ внезапно проснулася въ его головѣ и заслонила собою все остальное. Скачки—и его не будет! Можетъ быть будетъ большая игра, и ему суждено отыграться,— но онъ тутъ-же вспомнилъ, что у него всего 5 рублей.

„Съ ними не разиграешься“, подумалъ онъ и печально опустилъ голову. Время шло. Онъ не выдержалъ и, молча надѣвъ шляпу, вышелъ изъ дому.

„На что играть?“ томился онъ, и вдругъ голову его озарила мысль: „Барсовъ закладывалъ, Славинъ тоже, отчего и мнѣ не поступить такъ-же?“

Онъ оглянулся. Въ двадцати шагахъ передъ нимъ синими буквами по бѣлому фону красовалась надпись: „Ссуда денегъ“. Онъ нащупалъ часы въ карманѣ и торопливымъ шагомъ направился къ вывѣскѣ.

За часы ему дали 17 рублей.

„Семядцать да пять“, уже радостно улыбался Хмуровъ, пряча въ карманъ квитанцію и деньги, „22 рубля! Можно и на двойномъ, и на простомъ играть! Можетъ и отыграюсь!“

Онъ въ нетерпѣніи крикнулъ извозчика и помчался къ Царскосельскому вокзалу.

Но счастье окончательно измѣнило ему.

Сперва онъ выигралъ, но потомъ разъ-за-разомъ сталъ проигрывать—и къ послѣднему отдѣленію у него оставалось всего шесть рублей. Онъ растерянно стоялъ съ афишкой и съ отчаяніемъ думалъ „на кого поставить?“ „Дизраэли“—жокей Пончъ, „Альфонсина“—жокей Клапсъ, „Кречеть“—жокей Грей, „Казакъ“—жокей Крюкинъ, читалъ онъ въ двадцатый разъ и не звалъ, на комъ остановиться.

— И вы тутъ! окликнулъ его Славинъ, весело улыбаясь.

Хмуровъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

— И-то тутъ; а вы какъ, вѣдь не хотѣли больше?

— Хе-хе-хе, засмѣялся Славинъ,—не утериѣли мы, батенька. Вчера взяли и швейную машину заложили! Чего вы смотрите такъ? Всего вѣдь до 20-го пять дней, и взяли-то только 20 рублей. Приѣхали—билеты, на игру всего 15 рублей осталось и то успѣли ужъ 8 проиграть. И вы проиграли? а? спросилъ онъ и продолжалъ:—да, да, всѣмъ не везетъ. Ну, да ужъ это послѣдній! махнулъ онъ рукою,—вы на кого?

— Не знаю, отвѣтилъ Хмуровъ и тутъ-же рѣшилъ про себя,—поставлю на „Дизраэли!“

— Вы, батенька, на „Казакъ“ махните, шенталъ Славинъ,—читайте-ка: изъ стѣнныхъ табуновъ, да и ѣдетъ Крюкинъ какой-то, вѣрно, удалецъ русскій. Я на него пять рублей поставлю.

Хмуровъ кивнулъ головою и подошелъ къ тотализаторской будкѣ.

— Четыре вторыхъ, два четвертыхъ, проговорилъ онъ, протягивая послѣдніе 6 рублей.

— Четыре вторыхъ, два четвертыхъ, зашелкали машинкой.

„Или „Казакъ“, или „Дизраэли“, кто-нибудь да вывезетъ“, думалъ Хмуровъ, блѣдный отъ волненія.

— Идемте, идемте, побѣжалъ Славинъ,—ужъ звонокъ былъ.

Хмуровъ занялъ мѣсто. Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, и глаза его горѣли сухимъ блескомъ. Ему казалось, что теперь рѣшается его участь.

„Что-то будетъ?“ съ замираніемъ сердца подумалъ онъ, когда лошади, одна за другою, вступили въ кругъ.

XX.

На высокой, чудно сложенной лошади сѣдѣлъ маленькій Пончъ, въ красномъ казакѣ, снимемъ картузъ и, нагнувшись впередъ, гладилъ морду „Дизраэли“, который, весь сострясаясь

отъ волненія, широко раздувалъ кровавыя ноздри и встряхивалъ гривой. Рядомъ съ Пончемъ выѣхалъ Крюкинъ, весь въ бѣломъ, на бѣлой неказистой лошади, которая остановилась при едва замѣтномъ движеніи повода и стала понурая, тихая, въ ожиданіи сигнальнаго звонка. Хмуровъ на этихъ двухъ лошадахъ сосредоточилъ свое вниманіе.

— Вы не смотрите, что она понурая, говорилъ кто-то позади его, — увидите, какъ пойдетъ! Вѣдь 4 версты, почтенный!

— Да, да, какъ пойдетъ! — волновался Хмуровъ.

Звонокъ ударилъ, и четыре всадника сорвались съ мѣста. Хмуровъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Результатъ скачки выяснился сразу. Пончъ на огромномъ „Дизраэли“ выдвинулся впередъ почти на 10 сажень и, перелетая препятствіе за препятствіемъ, несся, далеко оставивъ за собою противниковъ. Крюкинъ на своемъ „Казакѣ“, напротивъ, остался позади всѣхъ. Куртка его надулась вѣтромъ, онъ весь подался впередъ, словно желалъ перегнать свою лошадь, и немилосердно билъ ее, но „Казакъ“, изъ „степныхъ табуновъ“, хотя и летѣлъ во всю степную силу, не могъ все-таки догнать ускокавшихъ и, наконецъ, остановился передъ широкою канавою съ изгородью, съ твердымъ намереніемъ повернуть назадъ.

Въ публикѣ раздались свистъ и смѣхъ. Крюкинъ не могъ этого перенести. Хлысть съ силою взмахнулъ два раза въ воздухъ, „Казакъ“ постоялъ, подумалъ, потомъ вдругъ поднялъ переднія ноги, сдѣлалъ неуклюжій скачекъ и, перевалившись черезъ изгородь, вмѣстѣ со всадникомъ покотился въ канаву. Въ публикѣ раздались свистъ, шиканье, хохотъ.

— Bravo „Казакъ!“ къ чорту Крюкина! вонъ! Bravo! Бистъ! ревели на тысячи голосовъ, и веселый смѣхъ смѣшивался со злобнымъ крикомъ.

— Два рубля потонилъ! — съ злобой подумалъ Хмуровъ и крикнулъ, что есть силы:

— Вонъ!

Крюкинъ вылѣзъ изъ канавы со своей лошадыю. Весь бѣлый, теперь онъ былъ покрытъ тиною и грязью изъ канавы. Лошадь, мокрая, опутанная тиною, вышла и стала опять понуривъ голову. Съ злостнымъ жаромъ Крюкинъ снова вскопчилъ на лошадь и заработалъ хлыстомъ. Лошадь удивленно повернула къ нему морду и, словно понявъ непобѣдимое упорство всадника, грустно взмахнула хвостомъ и пошла неторопливою рысью. Крюкинъ, мокрый, грязный, съ стеблями травы на синихъ и плечахъ, сконфуженно припрыгивалъ на сѣдлѣ.

— Вонъ, вонъ Крюкинъ! Стыдно! Дуракъ! среди свиста и шиканья раздались озлобленные голоса. Крюкинъ внялъ имъ и свернулъ съ круга. Публика успокоилась и, не обращая на него больше вниманія, стала слѣдить за состязавшимися. „Дизраэли“ былъ настолько-же впереди, насколько былъ вначалѣ. Вдругъ на одномъ препятствіи Пончъ покачнулся. Хмуровъ замеръ: „что это?“ Но черезъ мгновеніе Пончъ снова усялся прямо и несся къ призовому столбу. Далекое за нимъ скакало „Кречеть“, а еще дальше „Альфонсина“. Пончъ дошелъ первымъ до столба. Хмуровъ улыбнулся и тутъ-же поблѣднѣлъ: звонокъ не зазвонилъ, и Пончъ пронесся мимо. Онъ сидѣлъ такъ-же ровно на сѣдлѣ, но правая нога крѣпко сжимала бокъ лошади, не поддерживаемая стремениемъ.

— Обронилъ стремя! пронеслось въ публикѣ.

— Что-же ему не звонили? отчего-же? вѣдь онъ первый? съ возрастающимъ волненіемъ обернулся Хмуровъ къ сосѣду.

— Уронилъ стремя, холодно отвѣтилъ сосѣдъ и закричалъ: — bravo, bravo!

Къ столбу подошелъ „Кречеть“, звонокъ звякнулъ, и призъ остался за нимъ.

— Значитъ, давать не будутъ на „Дизраэли“? не вѣрилъ еще Хмуровъ.

— Не будутъ, теперь на „Кречета“! поднялся съ сѣдлѣи сосѣдъ.

— Да почему-же? почти съ отчаяніемъ спросилъ Хмуровъ.

— Ахъ, Господи! да вѣдь стремя вѣсить что-нибудь! отвѣтилъ сосѣдъ и замѣшался въ толпу.

„Проигралъ, все проигралъ, до копѣйки“, не двигаясь съ мѣста, думалъ Хмуровъ.

— Вотъ, вотъ, можно ожидать было? подскочила къ Хмурову женщина въ золотыхъ очкахъ.

— Чего? нетерпѣливо спросилъ Хмуровъ.

— Что Пончъ стремя потерялъ?

— Не потерялъ, сударыни, а уронилъ, поправилъ ее проходившій франтъ.

— Все равно, отвѣчала она.

— Нѣтъ! не все равно: потерять — значитъ уронить съ ноги стремя, уронить — значитъ потерять съ лошади!

— Чортъ васъ знаетъ, уронить — потерять, а потерять — уронить.

Хмуровъ не слушалъ ихъ спора и вошелъ въ толпу.

— Да-съ, будутъ денежки на „Кречета“! говорилъ кто-то.

— Подлость какая! не умѣть осѣдлать! восклицалъ другой голосъ.

— Нѣтъ, выѣхать на влчѣ! Вѣдь это нахальство просто! басилъ третій.

— Изъ степныхъ табуновъ, ха-ха-ха! заливался кто-то въ толпѣ.

Хмуровъ былъ ко всему безучастенъ. Онъ понималъ теперь только, что проигралъ все до послѣдней копѣйки, до послѣднего ресурса. Рука его машинально мяла въ карманѣ проигранные билеты. Онъ вынулъ ее изъ кармана и вдругъ увидѣлъ въ рукѣ кучу билетовъ. Злоба охватила его.

— Будьте вы прокляты! прошепталъ онъ и съ силою швырнулъ ихъ объ землю.

— Проигрались? подошелъ Славинъ, — пу, а мы еще лучше! объяснилъ онъ.

— Ужь ты-бы не говорилъ! съ злобою перебила его жена, — вообразите, Алексѣй Константиновичъ, обернулась она къ Хмурову, — мой дуракъ на „Казака“ поставилъ!

— Такъ что-же? возразилъ Славинъ.

— То, что дуракъ! обрѣзала его жена.

— Ну, Васька, раздался за ними голосъ, — не тужи, братецъ. Конечъ скоро. Въ четвергъ послѣдніи будутъ!

— Ха-ха-ха! засмѣялся Славинъ, — хитрые! нарочно къ 20-му числу пригнали!

Хмуровъ вздрогнулъ при этихъ словахъ и, торопливо приставившись со Славиными, быстро пошелъ впередъ.

Онъ съ отчаяніемъ думалъ о своемъ проигрышѣ.

— На „Кречета“ 26 рублей выдали, радостно произнесъ за нимъ кто-то.

„Ну что-бы мнѣ поставить на „Кречета“, вѣдь рядомъ были!“ подумалъ Хмуровъ, и завистливое чувство ожгло его своею жгучею болью.

Онъ сѣлъ въ вагонъ.

„Хорошо еще, что обратный билетъ купилъ!“ желчно усмѣхнулся онъ про себя.

XXI.

Хмуровъ вернулся домой мрачный и молчаливый. Онъ съ четверга поссорился и не говорилъ ни слова съ женой, но теперь это не тяготило его болѣе. Онъ весь былъ погруженъ въ мысли о своей неудачѣ. Шутка-ли, проигралъ всю ссуду, громадный выигрышъ и даже часы. Жена такъ-же, какъ и онъ, повидимому равнодушно относилась къ ихъ размолвкѣ, хотя тайнѣй плакала, не въ силахъ выдерживать складнаго, напускнаго спокойствія. Когда онъ вернулся со скачекъ, она тревожно взглянула на него и вдругъ поблѣднѣла. Въ первый разъ ей такъ рѣзко бросилась въ глаза страшная въ немъ измѣна.

Лицо его похудѣло и осунулось; съ болѣзненной первностью онъ сбросилъ съ себя пальто и шляпу; изъ-подъ сдвинутыхъ бровей тревожно глядѣли лихорадочно блестящія глаза, а поблѣднѣвшія губы что-то шептали.

— Леша, что съ тобою? не выдержала она и подошла къ нему.

Онъ почти злобно взглянулъ на нее.

— Что со мною? ничего, какъ всегда! и тутъ-же раздражительно сказалъ, — обѣдать дашь или хочешь голодомъ заморить?

Она не обратила вниманія на его рѣзкую фразу.

— Милый Леша, прижалась она къ нему, — зачѣмъ ты такой хмурый, страшный! Ну, если проигралъ, что-же изъ этого? Ты, можетъ, на меня серднишься? Прости, дорогой, я такъ тогда, я не выдержала, прости меня! Ну, улыбнись, милый!

И она потянулась его поцѣловать.

Хмуровъ смягчился.

— Не сердить я, а такъ.. разстроены. Просто первы; за послѣднее время я сталъ ужасно нервенъ. Перестань, Настя, поцѣловалъ онъ ее, — я все такой-же, лучше будемъ обѣдать!

И ему вдругъ, лаская жену, захотѣлось плакать, такъ были натянуты его нервы.

Онъ все-таки не говорилъ съ женою. Онъ ее цѣловалъ, ласкалъ, слушалъ ея рассказы, но не могъ говорить съ нею, не находя темъ, занятый исключительно одной мыслью о проигрышѣ.

Иногда вдругъ у него мелькала другая мысль, и при этомъ онъ краснѣлъ, а въ ухахъ его раздавался голосъ Славина:

„Хитрые, какъ разъ 20-го!“

Когда Хмуровъ проснулся въ четвергъ, первую его мыслью было: „сегодня скачки!“

Онъ вдругъ поблѣднѣлъ и осунулся.

— Что съ тобою? тревожно спросила жена.

— Такъ, ночь провелъ дурно, нехотя отвѣчалъ Хмуровъ.

На службу онъ пошелъ, какъ приговоренный къ казни.

— Поѣдете? встрѣтилъ его Славинъ и прибавилъ: — послѣдній день!

Хмуровъ ничего не отвѣтилъ. Желаніе ѣхать какъ червь сосало его еще съ самаго воскресенія; но онъ старался подавить его при мысли, насколько это нечестно. Взять жалованье и бѣжать на скачки, когда дома нѣтъ ни копѣйки; но по мѣрѣ того какъ приближалось время выдачи жалованья, желаніе быть на скачкахъ брало верхъ. Хмуровъ дрожалъ отъ волненія.

— Что съ вами, Алексѣй Константиновичъ? спросилъ казначей, когда Хмуровъ дрожащей рукою еле выводилъ свою фамилію, росписываясь въ полученіи денегъ.

— Такъ, нездоровится, слѣдуетъ попить улыбнуться Хмуровъ.

— Что-же, ѣдемъ что-ли? какъ искуситель подвернулся Славинъ.

— Ёдемъ! не выдержалъ Хмуровъ.

— Такъ скорѣе, скорѣе, заторопился Славинъ,—а то опоздаемъ; мы на извозчикѣ, обернулся онъ.

Хмуровъ кивнулъ головою.

Они сѣли на извозчика и понеслись къ вокзалу.

„Я не всё“, успокоивалъ себя Хмуровъ, „я рублей десять, пятнадцать, ну двадцать; а можетъ выиграю, какъ тогда!“ припомнилъ онъ свой выигрышъ и улыбнулся.

Славинъ что-то оживленно говорилъ ему.

— Вы одни? удивился Хмуровъ.

Славинъ вздохнулъ.

— Развѣ отъ нея уйдешь? Она уже на вокзалѣ стережетъ! и продолжалъ: — да, что-то будетъ, что будетъ! Дома ни гроша, даже на обѣдъ нѣту. Завезь-бы ребятишкамъ теперь, да опоздать боюсь, мы и то едва поспѣемъ, да, едва поспѣемъ! Торопись, почтенный, приударь клячу-то! началъ онъ уговаривать извозчика.

Они подѣхали къ вокзалу. На площадкѣ, правда, уже дожидалась жена Славина, и перья ея шляпы величаво колыхались по воздуху.

— А я ужъ боюсь, что ты домой заѣдешь и опоздаешь, бросилась она къ мужу.

Хмурову вдругъ стали противны эти люди, и онъ поспѣшилъ отойти отъ нихъ, и все время избѣгалъ съ ними встрѣтиться.

День былъ прекрасный, какіе нѣрѣдко выпадаютъ въ августѣ мѣсяцѣ. Народу была масса, и игра была очень оживленна. Хмурову не везло. Онъ проигралъ другъ за другомъ 3 ставки по пяти рублей и растерялся совершенно. Жажда отыграться охватила его съ безумною силою.

„Ну что же, что-же?“ растерянно думалъ онъ, „можетъ повезетъ?“

Онъ поставилъ 15 рублей и проигралъ. Съ какимъ-то остревѣніемъ онъ поставилъ еще 15 и проигралъ ихъ опять. У него оставалось въ карманѣ 12 рублей съ копѣйками. Онъ туно глядѣлъ на афишу. Оставалось еще одно отдѣленіе.

„Ну пронадать, такъ пронадать!“ съ отчаяньемъ рѣшилъ онъ и поставилъ 10 рублей на „Жоконду“.

— Вы на кого? подошелъ къ нему Славинъ.

Лицо его было блѣдно и растеряно.

— На „Жоконду“! отвѣтилъ Хмуровъ.

— Перро ѣдетъ, лучший жокей, сказалъ тотъ,—только выдавать мало будутъ. На него всё. А я, усмѣхнулся онъ,—на „Казака“.

Хмуровъ вспомнилъ свой на немъ выигрышъ и насмѣшливо сказалъ:

— Изъ степныхъ табуновъ!

— Что-же! слабо улыбнулся Славинъ, разводя руками,—по крайней мѣрѣ дадутъ много, если возьметъ. Мы вѣдь все проиграла, вотъ что осталось! и онъ съ грустью вытасилъ изъ кармана трехрублевою ассигнацію.

Хмуровъ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Ну, идемте! уныло позвалъ его Славинъ, когда ударилъ первый звонокъ.

Хмуровъ, дрожа отъ волненія, съ искаженнымъ лицомъ, пошелъ въ мѣста.

XXII.

Лошади понеслись. „Жоконда“ шла впереди всѣхъ, смѣло перелетая черезъ барьеры. Разъ, два; разъ, два! мелькалъ снѣгъ картузъ Перро, то поднимаясь, то опускался.

— Тутъ и играть нечего! сказалъ кто-то сзади.

— За то и грошъ выдадутъ. Всѣ на нее! отвѣтилъ другой, и вдругъ все смолкло.

Снѣгъ картузъ Перро высоко взвился надъ барьеромъ и скрылся. У барьера поднялось облако пыли, и первое мгновеніе ничего не было видно. Черезъ секунду за барьеромъ показалась „Жоконда“, и быстро понеслась по кругу, но уже безъ всадника, который безсильно ворочался по землѣ, поднимая пыль.

Деньги Хмурова пропали.

— Дурракъ! пронеслось въ толпѣ.

— Негодяи! берутъ деньги, а сами усидѣтъ на лошади не могутъ! рѣзко проговорилъ кто-то.

Къ мѣсту паденія побѣжалъ докторъ и пронесли носилки. Публика уже позабыла о катастрофѣ и слѣдила за окончаніемъ скачки. Лошади капризничали: одни обходили препятствія, другія долго артачились и ихъ принуждали хлыстомъ, только „Казака“ неуклюже, но исправно скакалъ черезъ всѣ барьеры и тяжелымъ галономъ неся дальше, лѣтливо потряхивая головой.

— Bravo Крюкинъ! bravo! bravo! неистово кричала толпа и, чѣмъ неожиданнѣе былъ его выигрышъ, тѣмъ одушевленіе толпы было больше.

Хмуровъ мрачно пошелъ къ выходу.

— Пропадай въ, анаеемо, пропадай! изступленно вскрикивало какое-то драпоное пальто въ высокихъ сапогахъ, горстями вынимая изъ кармана билеты и швыряя ихъ на землю. Они кружились и падали, устлая землю, словно снѣгомъ.

„Здорово проигрался!“ подумалъ Хмуровъ.

— Батюшки, помогите! родимые, помогите! раздались съ боку отчаянные крики.

Хмуровъ бросился на эти крики.

— Я тебѣ покажу, какъ на тализаторѣ играть! рычалъ вы-

сокій, плечистый мужичка, таская за волосы бившуюся землѣ женщину.

Ихъ окружила толпа.

— Помилуйте, нешто такъ можно! разводилъ мужичка руками, когда его оттолкнули отъ женщины, и въ дѣло вмѣшалась полиція,—теперь, господинъ околоточный, я шутчикъ по портновскому дѣлу и по субботамъ, выходитъ, ей выручку приношу, а она, подлая, на тализаторъ и—проигрываетъ! Нешто такъ можно, чтобы она играла, а я съ ребятами не обѣдавши!—и онъ злобно покосился на жену.

— Везуть, везуть! пронеслось въ толпѣ.

Хмуровъ не досмотрѣлъ конца сцены и бросился за толпою. Къ главному подѣзду трибуны шагомъ подѣхала полуколяска, и изъ нея бережно вынимали тѣло несчастнаго жокея. Докторъ и какой-то офицеръ несли его голову. Два солдата обхватили туловище и ноги. Перро былъ недвижимъ и лежалъ съ закрытыми глазами. Худое лицо его было блѣдно, какъ бумага, и огромные рыжіе усы еще страшнѣе отбѣляли эту блѣдность. Длинный, худой, съ безсильно свѣсившейся рукой, онъ казался трупомъ и его желтый съ синимъ камзолъ, штiblеты и атласныя бѣлыя рейтузы, порванные, переначканныя грязью и кровью, представляли ужасный контрастъ съ блѣднымъ, искаженнымъ страданіями, лицомъ. Хмуровъ съ ужасомъ закрылъ глаза и поспѣшилъ отойти въ сторону.

— Пустыки! картавилъ какой-то франтъ, махая перчаткой,—переломъ ключицы, двухъ реберъ и сотрясеніе мозга.

— И какой дуракъ! вставилъ молоденькій студентъ,—говорятъ, въ первый разъ на „Жокондѣ“ ѣхалъ!

Хмуровъ ускорилъ шагъ, чтобы не слышать продолженія ихъ бесѣды. Краска стыда за этихъ людей залила ему лицо.

— Милый-ты человекъ, плакалъ какой-то куличка, положивъ голову на плечо пріятеля,—вѣдь все, все до нитки! Чтѣ мнѣ теперь дѣлать? Чтѣ со мною будетъ!

— Здорово мы съ тобой сыграли сегодня! смѣясь хлопалъ по плечу засаленный картузъ пріятеля въ смазныхъ сапогахъ.

— Да-съ! встряхивая головою отвѣчали смазные сапоги,—сотенки три вывели за-нынче!..

— Теперь бѣгамъ очередь! говорилъ рыжій господинъ черному господину,—бѣга, по моему, несравненно занимательнѣе!

— Гмъ!.. согласился съ нимъ черный господинъ.

— Несравненно! еще разъ повторилъ рыжій!..

— Если мы въ долѣ были, такъ ты еще 3 рубля должень, спорили два юнца.

— Довольно съ тебя!

— Какъ довольно! вѣдь я 10 рублей далъ!

— Ты еще благодари, что отцу не говорю ничего.

— На „Казака“—то, объясняла женщина въ золотыхъ очкахъ офицеру,—17 рублей давали. По моему, тутъ просто мошенничество. Я думала, рублей тридцать!..

— Скажите! восклицалъ офицеръ!..

— Все до гроша! шепталъ студентъ своему товарищу,—съ уроковъ впередъ взялъ, запяля, часы, мундиръ, пальто заложены—ничего не осталось!..

— Надежда, другъ мой, надежда! засмѣялся громко другой.

Они громко засмѣялись и прошли мимо Хмурова.

— Чортъ знаетъ что! усмѣхнулся Хмуровъ и машинально опустилъ руку въ карманъ. Изъ кармана онъ вынулъ кучу билетовъ и двѣ скомканныя рублевыхъ ассигнаціи. Онъ равнодушно взглянулъ на нихъ.

„Отъ всего жалованья!“ мелькнуло въ его головѣ, и онъ, тихо иди къ вокзалу, почти безсознательно сталъ считать свой выигрышъ: „суды 60 рублей, жалованья 58, 60 (два рубля считать нечего, поправилъ онъ себя)—раньше 12, еще раньше 15; въ первый разъ 14,—всего, всего“, напрягалъ онъ умъ,—„159 рублей!“ И онъ вдругъ ужаснулся этой цифрѣ. За три мѣсяца онъ заработалъ—180 рублей, изъ нихъ проигралъ—159! Это ужасно! И потомъ сегодняшній поступокъ!—Онъ въ смущеніи остановился,—какъ онъ придетъ домой, какими глазами посмотритъ на жену, чтѣ скажетъ? Какъ они проживутъ этотъ мѣсяцъ?—и онъ покраснѣлъ при этихъ мысляхъ. Ворочаться домой сейчасъ ему казалось невыносимо.—„Проѣду въ Павловскъ“, рѣшилъ онъ и съ этой мыслью сѣлъ въ вагонъ подхопившаго изъ Петербурга поѣзда. Ему хотѣлось удалить по возможности минуту страшнаго свиданія съ женою.

Такъ запуганный мальчуганъ, получивъ свидѣтельство съ единницею, боится показаться на глаза отца и не идетъ изъ класса домой, а въ уныломъ томленіи, голодный, бродитъ по улицамъ, желая отдалить страшную минуту отчета передъ суровымъ родителемъ.

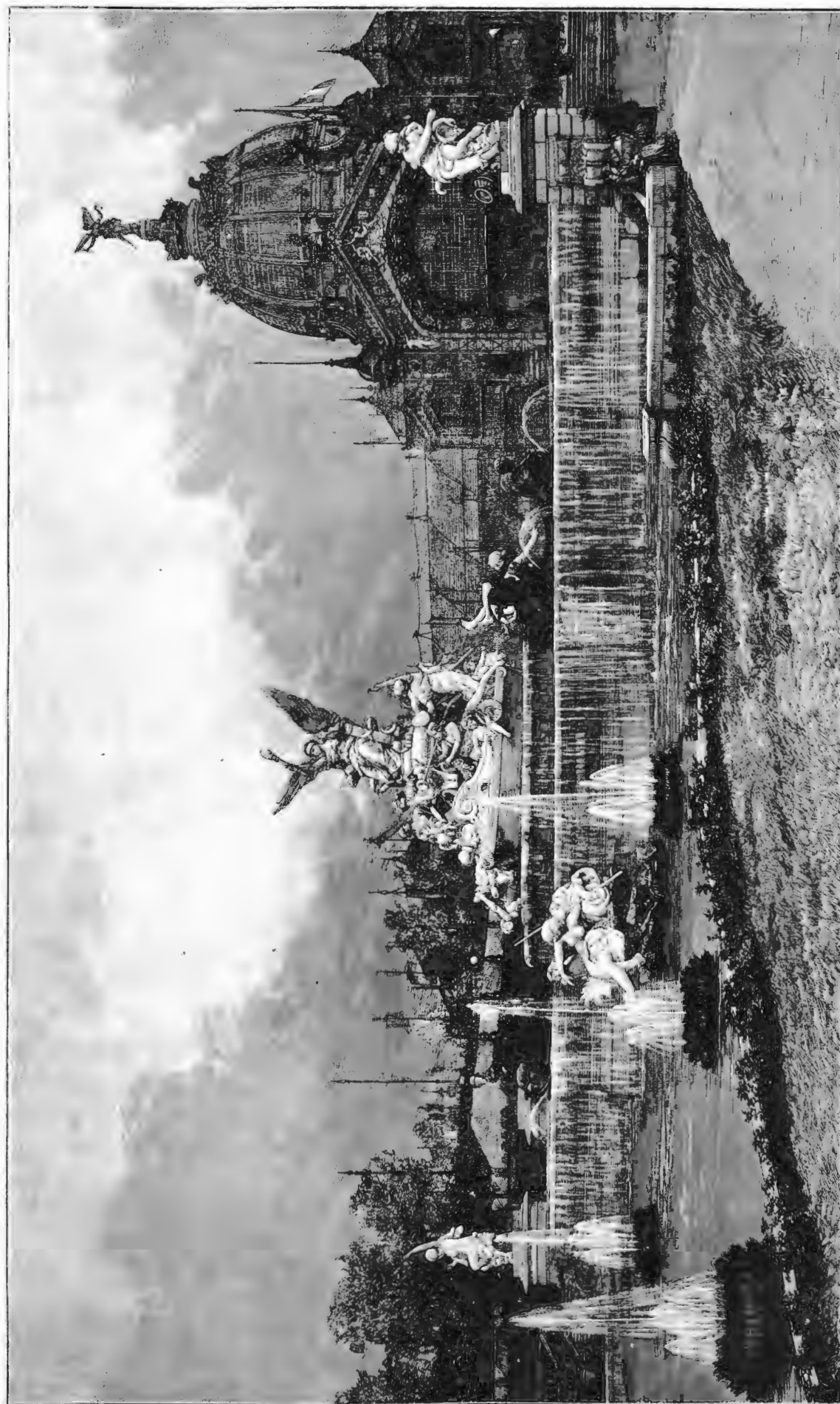
XXIII.

Хмуровъ вошелъ въ вокзалъ. Музыка гремѣла съ открытой сцены, но онъ мало обращалъ на нее вниманія и тихо прошелъ черезъ залъ, по дорогѣ его переминался два куличка со скачекъ. Тотъ, который съ плачемъ признавался въ проигрышѣ, теперь громко говорилъ:

— Жги, Андрюшка! кутнемъ напропалую! за одно въ отвѣтъ передъ тытенкой!

— Не робѣй, Митя, все въ лучшемъ видѣ сойдетъ! увѣщевалъ пьянымъ голосомъ его пріятель.

„Вѣрно въ выручку лапу запустятъ!“ мелькнуло у Хмурова,

Монументальный свѣтящійся фонтанъ (скульптора Кутана) на Парижской всемирной выставкѣ 1889.

Съ фотогр. Годефруа, фотохелиографилъ Яблоускаго въ СПБ.

и онъ шелъ дальше, черезъ площадку, по которой съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ сновали взадъ и впередъ веселыя, довольныя лица, черезъ мостикъ, черезъ дорогу, на которой стояли роскошные экипажи и гуляли горничныя съ лакеями, пока не вышелъ въ паркъ.

Опредѣленныхъ мыслей у него не было, по его мучило сознание проигрыша, нечестнаго поступка и страхъ объясненія съ женою. Онъ разсѣянно глядѣлъ по сторонамъ и шелъ все дальше и дальше по пустыннымъ дорожкамъ. Вдругъ онъ остановился и замеръ на мѣстѣ. Невдалекѣ отъ дорожки, по которой онъ шелъ, на небольшой лужайкѣ, скрытой отъ чистыя совами, стоялъ человекъ и что-то старательно дѣлалъ, поднявшись на цыпочки, вытянувъ вверхъ руки, у толстаго сучка высокаго дерева.

Заходящее солнце освѣщало площадку, и Хмуровъ въ занятость человекъ узналъ того самого, который съ такимъ отчаяніемъ швырялъ проигравшіе билеты на землю. Подлѣ него Хмуровъ увидѣлъ сложенное пальто. Онъ тихо подкрался и похолодѣлъ отъ ужаса. Человекъ этотъ старательно привязывалъ къ сумкѣ ремень.

— Что вы хотите дѣлать? не выдержавъ вышелъ Хмуровъ на площадку.

Человекъ съ испугомъ опустил руки и отскочилъ въ противоположную сторону. Нѣсколько времени они стояли молча.

— Что вы дѣлать хотите... что? дрожа отъ волненія повторилъ Хмуровъ.

— Повѣситесь, тихо отвѣтилъ тотъ и сдѣлалъ шагъ къ своему пальто. Онъ не смотрѣлъ на Хмурова.

— Развѣ можно... развѣ можно? я не позволю! растерянно забормоталъ Хмуровъ.

— Тоже спасителя чортъ принесъ! ворчалъ тотъ недовольно, встряхивая свое пальто и собираясь надѣть.

— Изъ-за чего это вы? успокоившись, тихо, сочувственно спросилъ Хмуровъ.

— А тебѣ что? вдругъ озлился тотъ, — помѣшалъ, сдѣлалъ доброе дѣло, — онъ усмѣхнулся, — ну и проваливай!

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Хмуровъ, — вы со мною! Я не могу!

— Говорю, проваливай! сверкнулъ тотъ глазами, натягивая пальто, — дорогу и безъ тебя знаю!

Хмуровъ въ нерѣшительности остановился.

— Помочь вѣдь не поможетъ, доброта писанная, а туда-же лбагетъ: изъ чего? ворчалъ человекъ застегивая пуговицы.

— Я такъ, смущенно сказалъ Хмуровъ.

— Такъ! Изъ-за того, вотъ, что на лошадахъ 200 рублей хозяйскихъ спустилъ, вотъ съ чего! Понялъ?—И онъ уже не сдерживалъ себя, крикнулъ:—а теперь иди, иди, нечего тебѣ тутъ!

— Что мнѣ дѣлать? подумалъ Хмуровъ и въ нерѣшительности стоялъ на мѣстѣ.

— Совѣсти вотъ порѣшился, воромъ сталъ, а теперь расчесть требуется, прибавилъ человекъ, какъ бы говоря самъ съ собой.

— Да какъ же это? не утерпѣлъ Хмуровъ.

— Такъ-же вотъ! смылчился тотъ и заговорилъ грубо, отры-

висто:—изъ Москвы сюда съ товаромъ пріѣхалъ, продалъ товаръ, а деньги на лошадей снесъ. Понялъ, что-ли?—и онъ усмѣхнулся, — ну, идемъ, баринъ! пошелъ онъ, — спасъ значить, отъ смерти на позоръ, спасибо тебѣ!

И съ насмѣшкою поклонился Хмурову.

Хмуровъ пошелъ за нимъ, опутивъ голову. Не прошли они тридцати шаговъ, какъ тотъ остановился и вдругъ строго сказалъ: — Слушай ты! коли хочешь добромъ, иди себѣ прямо, а мени не тронь—хуже будетъ! Иди себѣ!

И быстро повернувшись, онъ побѣжалъ, оглядываясь и грозя Хмурову кулакомъ.

Тотъ на минуту остановился въ изумленіи и вдругъ, махнувъ рукою, быстро пошелъ къ вокзалу.

— Мнѣ-то что, мнѣ-то что! бормоталъ онъ, — вѣдь все равно не удержишь! Не ныче — завтра! Его дѣло!

Запыхавшись отъ усталости, онъ подходилъ къ вокзалу. Оркестръ игралъ какой-то вальсъ, по площадке съ говоромъ и смѣхомъ ходили взадъ и впередъ довольныя и счастливыя люди.

„Ужасно, ужасно!“ торопился къ выходу Хмуровъ, „это скачки, тотализаторы!“

Славины, Колпинъ, Барсовъ, онъ самъ, этотъ несчастный, Перро—пронеслись передъ нимъ.

„Правъ, правъ Зыбинъ, все важна, корысть, а рядомъ подлость! и я съ ними!“ онъ покраснѣлъ при этой мысли. Теперь ему хотѣлось скорѣе увидѣть жену, все рассказать ей и успокоиться дома.

„Вѣдь она догадалась, навѣрное, догадалась и теперь безнокоителъ“, торопился онъ, и передъ нимъ вставалъ ея образъ. Она сидитъ теперь у окошка и, безсильно опутивъ руки, съ тоскою смотритъ на улицу своими кроткими карими глазами. „Я все скажу; она пойметъ, пойметъ и проститъ“, и Хмуровъ мысленно уже просилъ у нея прощенія: „я не знаю, что это со мною было?“ оканчивалъ въ мысляхъ онъ свою рѣчь, „я ничего не помнилъ, ни о чемъ не думалъ; мнѣ хотѣлось только играть и играть, а

между тѣмъ я вѣдь все понимаю, вѣдь не негодяй же я, Настя!“

Среди шума, смѣха и музыки до Хмурова доносились разговоры:

— И везло вѣдь, говорилъ кто-то, — каналья Перро все дѣло испортилъ!

— Онъ, говорятъ, шею сломалъ?

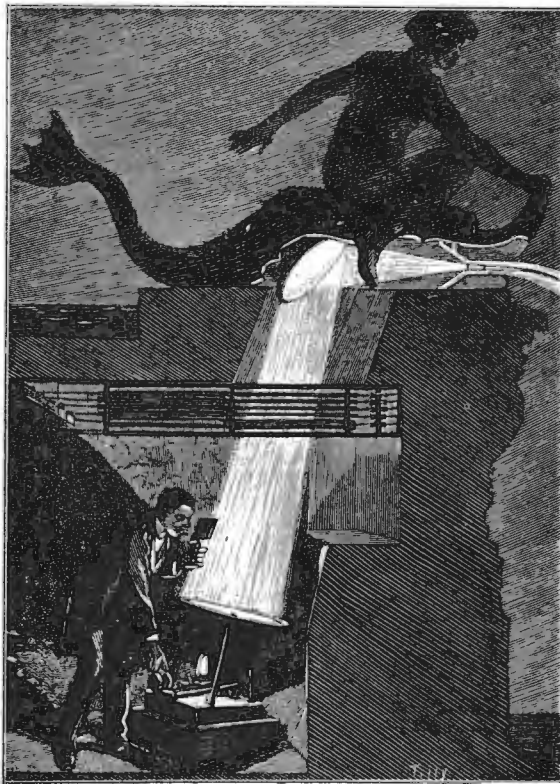
— Чортъ его душу знаетъ, онъ у меня 5 рублей укралъ—это вѣрно! отвѣтилъ тотъ-же голосъ.

— Два купчика сидѣли въ залѣ за столикомъ, уставленнымъ бутылками.

— Андрюшка, другъ! вѣдь не везло-то какъ, какъ не везло! кричалъ одинъ пьянымъ голосомъ.

— Не робѣй, Митя, на бѣгахъ отыграемся! лепеталъ его пріятель.

— Домой, домой! бормоталъ Хмуровъ, подходи къ вагонамъ. Сезонъ скачекъ кончился.

Электрическое освѣщеніе фонтана на Парижской всемирной выставкѣ 1889 г.

Пятилѣтней юбилей русской артиллеріи.

(Рис. на стр. 1160 и 1161).

Въ нынѣшнемъ году положено отпраздновать пятилѣтнїе русской артиллеріи, подвиги которой занимаютъ много блестящихъ страницъ въ героической исторіи нашей арміи. Днемъ празднества избрано 8-е ноября, хотя, по изслѣдованіямъ специалиста-археолога*), юбилей артиллеріи слѣдовало бы уже отпраздновать весною нынѣшняго года, такъ какъ первыя орудія явились у насъ на Руси именно весною 1389 года, въ послѣдніе мѣсяцы княженія Дмитрія Ивановича (Донскаго). Эти первыя орудія — „арматы“ — ввезены были къ намъ „изъ нѣмецъ“ и, какъ полагаютъ, ввезены были черезъ Новгородъ, стоявшій въ гнѣсныхъ связяхъ съ Ганзгою, которая прилагала много стараній къ усовершенствованію своей артиллеріи, столь необхо-

*) См. статью артиллеріи генералъ-майора Н. Е. Бранденбурга въ *Артилл. журналѣ* (май, 1889). Изъ этой прекрасной статьи и изъ другихъ трудовъ почтеннаго Н. Е. Бранденбурга почерпнули мы большую часть фактовъ, приводимыхъ нами въ нынѣшней застѣлкѣ.

димой для защиты ея полоторговыхъ, полувоенныхъ кораблей отъ нападенія пиратовъ. Весьма естественно предположить, что вмѣстѣ съ первыми орудіями на Русь были вывезены и мастера „огненной стрѣльбы“, которые научили русскихъ обращенію съ арматами, почему лѣтописецъ и добавляетъ: „и отъ того часа ураумѣли изъ нихъ стрѣляти“.

Новыя орудія быстро принялись на Руси и введены были въ боевую практику, какъ при защитѣ городовъ, такъ и при нападеніи на города. Уже въ 1408 году, при нападеніи на Москву Эдигей, стѣны московскія были вооружены грозной артиллеріей, которая внушала серьезныя опасенія татарамъ и вынуждала ихъ держаться подалеже отъ стѣнъ и башенъ. Въ борьбѣ Московскихъ князей съ Новгородомъ и Тверью, какъ и въ борьбѣ Василія Темнаго съ Шемякою, артиллерія уже играла очень важную роль. Есть основаніе думать, что орудія, въ это

время, уже не выписывались из-за границы, а дѣлались у насъ на Руси, русскими мастерами, какъ выдѣлывался въ Москвѣ и порохъ, и снаряды.

Окончательно и прочно установлено было въ Москвѣ литейно-пушечное дѣло въ концѣ XV вѣка, когда, при Иоаннѣ III, прѣехалъ къ намъ изъ Италіи знаменитый зодчій и литейщикъ того времени Аристотель Фіоравенти, подъ руководствомъ котораго обучились этому дѣлу и русскіе мастера. Имена многихъ изъ этихъ мастеровъ сохранялись на уцѣлѣвшихъ древнихъ орудіяхъ; въ спискѣ ихъ одно изъ почетныхъ мѣстъ занимаетъ имя *Андрея Чехова*, отливаго, между прочимъ, и знаменитую московскую *Царь-Пушку*.

Въ XVI вѣкѣ артиллерія пріобрѣтаетъ чрезвычайно важное значеніе во время войнъ Иоанна Грознаго. Царь Московскій, направившись съ сильнымъ и многочисленнымъ войскомъ подъ стѣны Казани, уже везетъ съ собою 150 орудій тяжелаго калибра, которыя и оказываютъ ему важныя услуги при осадѣ города, окруженнаго толстыми стѣнами и высокими башнями. Еще болѣе орудій (около 200) видимъ мы въ войскѣ Иоанна Грознаго во время Ливонскаго похода, гдѣ, при осадѣ нѣкоторыхъ городовъ и замковъ, наша артиллерія наводила ужасъ на гарнизоны и производила страшныя разрушенія въ стѣнахъ. При защитѣ Пскова (во время осады Стефаномъ Баторіемъ), при защитѣ Троице-Сергіевой обители отъ полчищъ Лисовскаго и Сапѣги, равно какъ и во время геройской обороны Смоленска въ ту-же эпоху Смутнаго времени — русская артиллерія наносила страшный ущербъ неприятелю и дѣйствіями своими доказывала, что русскіе люди уже совершенно успѣли освоиться съ новымъ родомъ оружія и управлялись съ нимъ отлично.

Въ XVI и XVII вѣкахъ, насколько мы можемъ судить по сохранившимся у насъ образцамъ тогдашнихъ орудій, — наша артиллерія состояла изъ желѣзныхъ, чугуновыхъ и, преимущественно, изъ мѣдныхъ орудій самыхъ разнообразныхъ формъ, величинъ и калибровъ. Каждое орудіе носило особое названіе — особое собственное имя — и особую физиогномію. Это, конечно, составляло большое неудобство въ военной практикѣ и указывало на младенческое состояніе артиллеріи; но это разнообразіе вовсе не было явленіемъ исключительно-русскимъ, такъ какъ то же самое видимъ и въ современной европейской артиллеріи. Напротивъ, специалисты, судя по сохранившимся отъ XVI и XVII вѣковъ орудіямъ, приходятъ къ тому заключенію, что артиллерійское дѣло у насъ на Руси стояло въ эту отдаленную эпоху выше, чѣмъ въ Европѣ, такъ какъ нашихъ артиллеристовъ видимо занимало рѣшеніе нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ, — болѣе удобнаго заряжанія орудій (съ казенной части) и болѣе усиленнаго ихъ дѣйствія (при помощи нарѣзовъ въ дулѣ орудія).

Въ нашемъ богатомъ Артиллерійскомъ музеѣ сохранились два рѣдчайшихъ орудія: одно — гладкостѣнная желѣзная пищаль XII вѣка, заряжающаяся съ казенной части; другое — бронзовая пищаль, съ крупными спиральными нарѣзами, заряжающаяся также съ казенной части. Последнее орудіе, по надписи, относится къ 1615 г. — и слѣдовательно явилось почти на полвѣка ранѣе самыхъ раннихъ образцовъ нарѣзныхъ орудій въ Западной Европѣ.

Русская артиллерія XVII вѣка, не только въ качественномъ, но и въ количественномъ отношеніи представляла грозную силу. Посоль императора Максимилиана II, въ 1576 г. посѣтившій Московію, доносилъ своему государю, что великій князь Московскій обладаетъ огромными запасами всякаго оружія, а „огнестрѣльный снарядъ“ у него такой, что невиданшій его своими очами, пожалуй, не повѣритъ описаніямъ. Сохранилось и отъ XVII вѣка другое, весьма важное извѣстіе, а именно воеводскія донесенія, составленные одновременно и для свѣдѣній государя присланныя изъ разныхъ концовъ Россіи въ Москву. Изъ этой такъ-сказать „общей артиллерійской переписки“ мы узнаемъ, что уже и въ то время во владѣніяхъ государя Московскаго насчитывалось до 2730 орудій.

При такой громадной артиллеріи, конечно, былъ и весьма многочисленный личный персоналъ артиллеристовъ, мало-помалу обособившихся въ отдѣльное сословіе *пушкарей, пищальниковъ и затинщиковъ*, которые въ городахъ владѣли особыми участками земли, иногда селились около городовъ цѣлыми слободками и получали отъ государя жалованье и довольство. Въ это обособленное, замкнутое сословіе не легко было проникнуть — новые члены могли въ него вступать только при поручительствѣ со стороны своихъ сотоварищей. Подобно стрѣльцамъ, пушкари подлежали вѣдѣнію особаго *Пушкарскаго Приказа*, который одинъ могъ ихъ судить, подобно стрѣльцамъ, пушкари, въ свободное отъ служебныхъ занятій время, занимались ремеслами, промыслами и мелочнымъ торгомъ. Служба пушкарей была пожизненною, и освободиться отъ нея было можно только за старостью, болѣзью или увѣчьемъ. Въ началѣ XVII вѣка, въ 82 городахъ, подвѣдомыхъ Пушкарскому Приказу, насчитывалось до 3500 человекъ.

Сословіе пушкарей и ихъ товарищей, уже и въ то отдаленное время, относилось къ своимъ обязанностямъ вполне сознательно и съ тѣмъ самоуваженіемъ, которое дѣлаетъ чело-

вѣка способнымъ къ геройству и подвигамъ самоотверженія. Въ этомъ особенно убѣждаетъ насъ извѣстный случай изъ осады Вендева (1578 г.), когда воеводы Голицынъ и Шереметевъ покинули на произволъ судьбы свой укрѣпленный станъ и ушли изъ него ночью.. Но пушкари не покинули своихъ пушекъ, и когда, на другой день, неприятель (литовцы и поляки) сталъ наступать на окопы густыми толпами, пушкари рѣшили умереть, но не сдаваться: въ глазахъ неприятеля они повѣсили на своихъ пушкахъ.

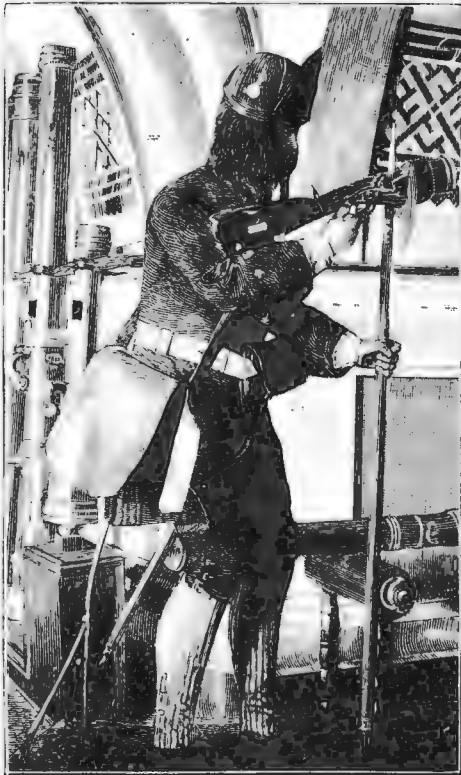
По отношенію къ старому, до-Петровскому періоду нашей артиллеріи, слѣдуетъ еще сообщить двѣ подробности, которыя не маловажны въ смыслѣ историческомъ. Съ одной стороны, извѣстія иностранцевъ и русскіе источники сообщаютъ намъ любопытныя описанія артиллерійскихъ *смотровъ*, производившихся подъ Москвою въ зимнее время, когда за городомъ, на Ваганьковѣ, выстраивались деревянные срубы, набитые землею, и артиллерія эти срубы разбивала, сосредоточивая на нихъ огонь многихъ орудій. Изъ этого мы можемъ заключить, что надъ дѣйствіями артиллеріи существовали нѣкотораго рода высшій надзоръ или контроль, и что наши пушкари, вѣроятно, обучались стрѣльбѣ по извѣстнымъ правиламъ. Съ другой стороны, нельзя упустить изъ вида, что уже и до Петра существовала у насъ двоякаго рода артиллерія: — одна, тяжелая, *осадная*, состоявшая подъ главнымъ вѣдѣніемъ Пушкарскаго Приказа, и другая — легкая, *полковая*, при стрѣльцахъ и солдатскихъ полкахъ, которая подлежала вѣдѣнію полковаго начальства.

Великій Преобразователь Россіи внесъ коренныя и чрезвычайно важныя реформы въ организацію русской артиллеріи и притомъ реформы, не заимствованныя имъ съ Запада, а созданныя его собственнымъ творческимъ умомъ. Прежде всего онъ переустроилъ неопредѣленное сословіе пушкарей въ регулярный родъ войска, а затѣмъ обратилъ вниманіе на калибры орудій, которыя приказалъ отливать не иначе какъ опредѣленной величины и по весьма точнымъ чертежамъ, имъ самимъ провѣреннымъ и утвержденнымъ. Во главѣ всего артиллерійскаго дѣла явился сначала особый „надзиратель“ артиллеріи, а потомъ и „генераль-фельдцейхмейстеръ“. Въ русскую артиллерію внесено чрезвычайно важное начало: упрощеніе и единообразіе орудій, установленное строжайшими указами Петра Великаго, который требовалъ, чтобы изготовленные для артиллеріи орудія и снаряды „ни чертою болѣе или менѣе назначеннаго не были“. Эти реформы Петра въ области русскаго артиллерійскаго дѣла далеко опередили Европу, гдѣ первая правильная система калибровъ орудій вводится во Франціи лишь въ 1732 году.

Петръ Великій, всегда почитавшій неудачи за важнѣйшее указаніе для будущаго, принялъ особенно энергичныя мѣры для усиленія нашей артиллеріи послѣ той несчастной Нарвской осады 1700 г., при которой онъ потерялъ 170 орудій, захваченныхъ Карломъ XII. Желая какъ можно скорѣе загладить этотъ провѣтъ въ вооруженіи русской арміи, Петръ въ теченіе одного 1701 г. приказалъ вылить вновь 268 орудій. Новая Петровская артиллерія дала себя знать въ болахъ со шведами подъ Эрестферомъ, подъ Лѣснымъ, подъ Нарвою (въ 1704 г.), и въ особенности подъ Полтавою (27 іюня 1709 г.), гдѣ желѣзные полки Карловой нѣхоты жестоко пострадали отъ убійственнаго огня русской артиллеріи, которая громомъ своихъ новыхъ орудій возвѣстила Европѣ о вступленіи Россіи въ среду великихъ европейскихъ державъ.

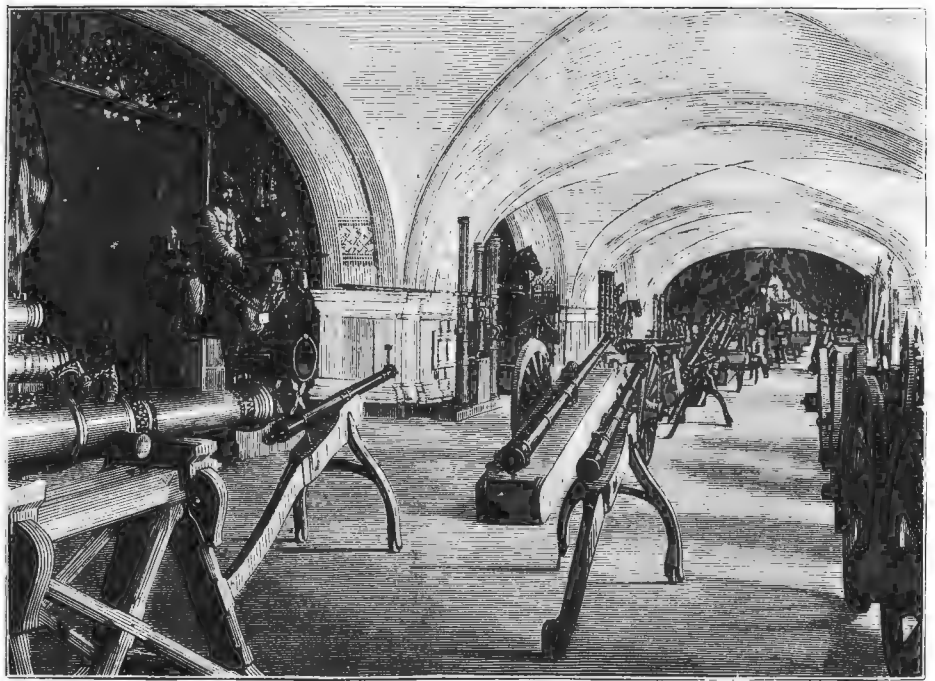
Прилагая заботы объ улучшеніи матеріальной части артиллеріи, Петръ не менѣе заботился и объ ея правильной организаціи. Онъ раздѣлилъ ее на артиллерію *полковую* (по 2 трехфунтовыхъ пушки при каждомъ нѣхотномъ и драгунскомъ полку) и артиллерію *полевую*, которая представляла собою „движимый арсеналъ и магазинъ войскъ“; при этой части артиллеріи постоянно находилась и *Артиллерійскій полкъ*, распавшійся съ 1712 г. на *Артиллерійскій* и *Инженерный*. Остальная артиллерія была подраздѣлена на *осадную* и *гарнизонную*. Придавая такую организацію артиллеріи, Петръ озаботился и о томъ, чтобы наглядно выдѣлить ее изъ остальнаго состава войскъ, какъ особое цѣлое, и потому не только далъ ей особое артиллерійское знамя, но еще и парадную „телѣжку“ или „коляску“, на которой это знамя возилось, вмѣстѣ съ артиллерійскими литаврами. Эта „телѣжка“ продержалась при русской артиллеріи до 1738 года, участвовала во многихъ походахъ и подвигахъ русской арміи, но до нашего времени, къ сожалѣнію, не сохранилась. Мы знаемъ о ней только, что строевыя регали возились на ней подъ знаменемъ, что пара литавровъ была украшена шелковыми кистями и красными завѣсами, общими серебрянымъ кружевомъ, а на завѣсахъ были изображены орлы. Знаемъ также, что и знамя Артиллерійскаго полка было бѣлое атласное, съ изображеніемъ пушки на колесахъ, и облечено было въ бѣлый суконный чехолъ.

Плодотворная преобразовательная дѣятельность Петра Великаго выразилась тѣмъ, что къ концу его царствованія русская артиллерія обладала уже 5000 орудій полевой, полковой, осадной и крѣпостной артиллеріи. Но за то, вслѣдъ за царствованіемъ Петра Великаго, до самаго воцаренія его дочери, Елисаветы Петровны, наступилъ періодъ полнаго застоя въ артил-

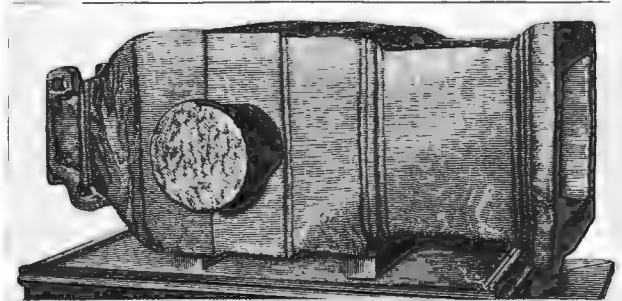

500-лѣтіе русской артиллеріи. 1. Манекенъ бомбардира. Съ фотогр. грав. Флюгель.

лерійскомъ дѣлѣ,—періодъ, въ теченіе котораго главное управленіе артиллеріею находилось въ рукахъ нѣмцевъ-фельдцейхмейстеровъ, не умѣвшихъ даже поднять свою фамилію по-русски. Только въ 1756 г., эта трудная и отвѣтственная должность была поручена графу П. И. Шувалову—одному изъ выдающихся дѣятелей Елисаветинскаго царствованія. Въ

500-лѣтіе русской артиллеріи. 2. Видъ С.-Петербургскаго Артиллерійскаго Музея. Отдѣлъ старинныхъ орудій, мѣдныхъ и желѣзныхъ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

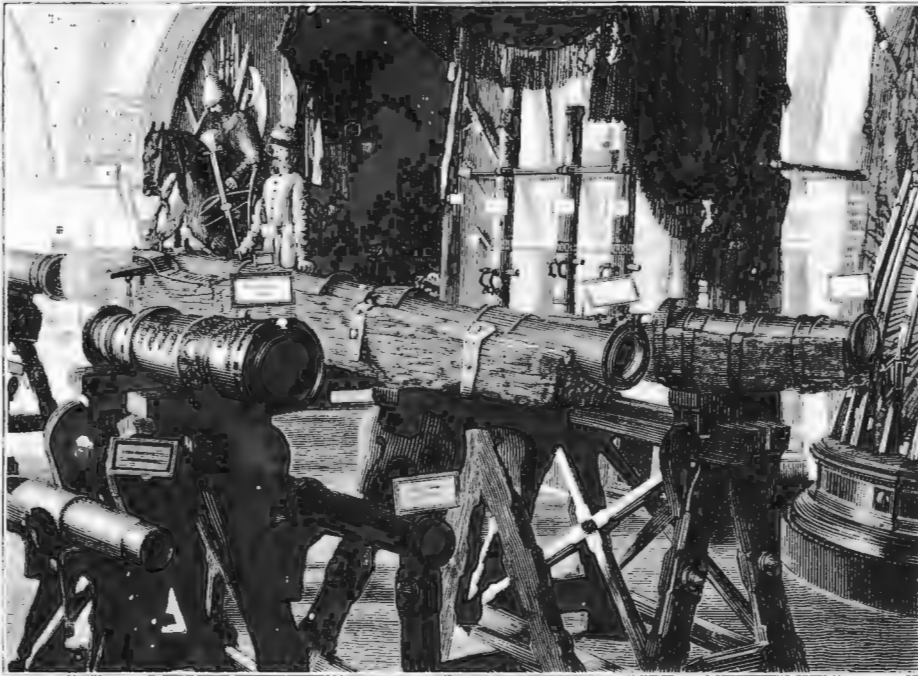

500-лѣтіе русской артиллеріи. 3. Мѣдный каменеть XVI вѣка.

указѣ о его назначеніи, правительство прямо высказываетъ, что вслѣдствіе „неисправностей и упуцвеній, артиллерія нынѣ пришла въ слабое и невыгодное состояніе“... Шуваловъ же, и до назначенія своего, приобрѣлъ уже нѣкоторую извѣстность изобрѣтеніями по части артиллеріи; а именно, онъ изобрѣлъ

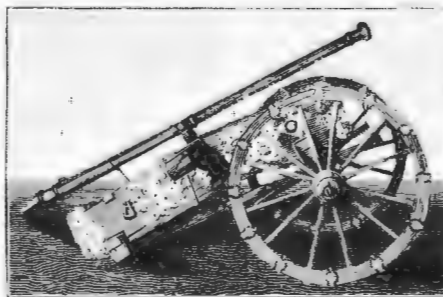

500-лѣтіе русской артиллеріи. 4. Входъ въ кабинетъ засѣданій СПб. Артиллерійскаго Музея. Съ фотогр. Н. Полеваго, грав. Флюгель.

500-лѣтіе русской артиллеріи. 5. Древнѣйшія орудія, мѣдныя и желѣзныя конца XVI и начала XVII вв. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

такъ-называемыя *скретныя гаубицы*, весьма удобныя для стрѣльбы картечью, и затѣмъ еще новое орудіе, подъ названіемъ „*близнята*“, состоявшее изъ двухъ, вмѣстѣ слитыхъ, гаубицъ, помѣщавшихся на одномъ лафетѣ. „*Близнята*“ должны были служить для стрѣльбы грапатами и картечью. Но въ особенности важно было третье, введенное Шуваловымъ орудіе, надолго удержавшееся въ нашей артиллерійской практикѣ и тогда уже получившее названіе „*единорога*“. Въ какой степени всѣ эти изобрѣтенія были

500-лѣтіе русской артиллеріи. 7. Древняя нартзная пищаль конца XV вѣка.

500-лѣтіе русской артиллеріи. 6. Маненень фузелера. Съ фотогр. грав. Флягель.

важны и новы, видно изъ того, что тогдашняя союзница Россіи, Австрія, пришила ихъ въ составъ своей артиллеріи, и Шуваловскія орудія были доставлены въ Вѣну, вмѣстѣ съ русскою командою и офицерами, которые должны были обучать австрійскихъ военныхъ обращенію съ новыми орудіями. Русская артиллерія, благодаря своимъ новымъ ору-

500-лѣтіе русской артиллеріи. 8. Видъ СПб. Артиллерійскаго Музея. Отдѣлъ новѣйшихъ орудій и изобрѣтеній. Съ фот. П. Полеваго, гр. Рашевскій.

дѣямъ и новому, лучшему устройству, успѣла блистательно выказать себя въ кровавой борьбѣ съ Фридрихомъ Великимъ, во время Семилѣтней войны, въ особенности въ бояхъ подъ Кюстриномъ, Пальцигомъ, Франкфуртомъ и при занятіи Берлина въ 1760 году. Но особенно прославилась наша артиллерія въ знаменитомъ сраженіи подъ *Кунерсдорфомъ*, гдѣ мы обязаны были побѣдою удачному и своевременному дѣйствию нашей артиллеріи. Въ то самое время, когда Фридрихъ, превосходно составившій планъ сраженія, уже успѣлъ привести въ безпорядокъ лѣвое крыло нашей арміи и захватить въ плѣнъ 70 нашихъ орудій, остальная артиллерія съ центра и съ праваго фланга вовремя прискакала на помощь лѣвому крылу съ *одними единорогами*, и открыла такой убійственный огонь по наступающему неприятелю, что разстроила его ряды и дала возможность нашимъ войскамъ оправиться. Фридрихъ былъ отброшенъ, разбитъ на голову и при послѣднемъ отступленіи потерялъ 165 орудій.

Кромѣ вышепомянутыхъ, крупныхъ нововведеній и улучшеній въ общемъ составѣ нашей артиллеріи, Шуваловъ ввелъ въ артиллерійское дѣло много второстепенныхъ, но весьма важныхъ приспособленій, оказавшихся чрезвычайно полезными на практикѣ. Такъ напр., введено употребленіе картузовъ съ зарядами, скорострѣльныхъ трубокъ, свѣтящихся ядеръ; артиллеріи даны собственныя, приспособленныя къ дѣлу лошади, вмѣсто прежнихъ наемныхъ; учреждена особая фуригандетская команда, въ составъ которой вошли и обозные погонщики, и всякаго рода мастеровые, столь необходимые при артиллерійскихъ орудіяхъ въ походѣ. Наконецъ, Шуваловымъ въ нашей артиллеріи уничтожено и весьма большое зло: привилегированное положеніе вѣщевъ по отношенію къ повышеніямъ и назначеніямъ на новыя должности...

Екатерининское время, полное грома побѣдъ и военныхъ подвиговъ, широко раздвинувшее предѣлы Россіи на югъ и на западъ, не было однако же благоприятно для дальнѣйшаго и правильнаго развитія артиллерійскаго дѣла. Артиллерія была значительно усилена въ личномъ составѣ своемъ (въ особенности конная), военныя лѣтописи нашихъ Турецкихъ войнъ переполнены цѣлымъ рядомъ заслугъ артиллеріи и блестящихъ военныхъ эпізодовъ; но, собственно говоря, наша артиллерія ни на шагъ не двинулась впередъ, ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ смыслѣ.

Только уже съ началомъ XIX вѣка начинается въ области нашей артиллеріи та усиленная работа, которая сначала проявилась въ улучшеніи организаціи и устройства всего артиллерійскаго вѣдомства, а потомъ, съ начала 60-хъ годовъ—въ томъ переворотѣ, который выразился введеніемъ новыхъ, нарѣзныхъ орудій, заряжающихся съ казенной части.

Важныя реформы въ управленіи артиллеріею были внесены неутомимымъ графомъ Аракчеевымъ, который въ теченіе 20 лѣтъ (до 1819 г.) работалъ надъ улучшеніемъ технической части своего любимаго рода оружія и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно много. По справедливому замѣчанію одного изъ глубокихъ знатоковъ историческаго прошлаго нашей артиллеріи, «дѣятельность графа Аракчеева почти не оставила проблѣвъ въ томъ, что могло послужить на пользу артиллеріи». Онъ издалъ новыя штаты, онъ развилъ боевыя средства артиллеріи, поднялъ образовательный цензъ ея личнаго состава, учредилъ Ученый артиллерійскій комитетъ, положилъ основаніе *Артиллерійскому журналу*, а также и разнымъ классамъ и школамъ для офицеровъ и нижнихъ чиновъ, установилъ нормальныя образцы и размѣры орудій и всей матеріальной части, и улучшилъ всѣ техническія заготовленія. Имя графа Аракчеева—въ другихъ областяхъ дѣятельности пользующееся довольно печальною извѣстностью—въ лѣтописяхъ нашей артиллеріи всегда будетъ воспоминается съ признательностью.

Благодаря тому блестящему положенію, въ которое была привведена артиллерія графомъ Аракчеевымъ, она играла чрезвычайно важную роль во всей нашей борьбѣ съ Наполеономъ до Тильзитскаго мира, и затѣмъ, въ періодъ Отечественной войны и войнъ за освобожденіе Европы (въ 1813, 1814 и 1815 гг.), позрыла себя бессмертною славою.

Рядъ подвиговъ нашей артиллеріи въ этотъ періодъ начинается съ несчастной для насъ битвы подъ Аустерлицомъ, проигранной нами, но не по нашей винѣ. Здѣсь особенно отличилась конная рота гвардейской артиллеріи, подъ командою своего героя-полковника Костенецкаго, который въ центрѣ нашей позиціи поддержалъ атаку конногвардейцевъ и лейбъ-гусаръ и уничтожилъ два полка французской пѣхоты. При отступленіи, послѣ битвы, этотъ же самый Костенецкій, отбивался отъ неприятеля, насѣдавшаго на его орудія, который еле тащился по вязкой почвѣ—два раза бросался въ атаку противъ французовъ и павель на нихъ такой ужасъ своею геркулесовскою силою и неустранимостью, что они его прозвали «знаменитымъ рубаконъ» (*le grand sabreur*).

При томъ-же отступленіи, не менѣе Костенецкаго прославился и въ пѣшей артиллеріи подпоручикъ Демидовъ, который, послѣ одного изъ залповъ, очутился одинъ при своемъ орудіи, такъ какъ вся прислуга была положена на мѣстѣ. Французы бросились къ орудію; но юноша, не задумываясь, выхватилъ шпату и рѣшился умереть, защищая орудіе. Его-бы, вѣроятно,

подняли на штыки, еслибы онъ, случайно, не былъ спасенъ отъ неминуемой смерти самимъ Наполеономъ.

Въ кампаніи 1806 года, побѣдою одержанною надъ французами подъ Пултускомъ въ значительной степени были мы обязаны удачному дѣйствию нашей пѣшей артиллеріи, на которую наравлась вся французская кавалерія, и безумно смѣлому подвигу полковника Ставицкаго, который со своею конною артиллеріею заскакалъ во флангъ неприятельской пѣхоты и совершенно ее опрокинулъ и разсѣялъ.

Не менѣе громки были подвиги пѣшей артиллеріи въ знаменитой битвѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, гдѣ дѣйствіемъ центральной батареи въ 70 орудій цѣлый корпусъ Ожердъ былъ совершенно разгромленъ... «Онъ пересталъ существовать»—по выраженію военного историка. Въ то время, когда это происходило въ центрѣ, на лѣвомъ флангѣ нашей позиціи появился корпусъ Даву, двинутый Наполеономъ въ обходъ нашихъ батарей. Наши войска были сломлены неожиданнымъ натискомъ французовъ и побѣда была уже почти въ рукахъ Наполеона; но въ эту роковую минуту, съ праваго фланга, во весь опоръ прискакали три конно-артиллерійскія роты—Ермолова, Ишвиля и Богданова—и грянули въ наступающаго неприятеля картечью изъ 36-ти орудій. Этимъ орудіямъ пришлось дѣйствовать въ такомъ пылу сраженія, что Ермоловъ не нашелъ возможнымъ оставить передки (зарядные ящики) вблизи и отослалъ ихъ назадъ, выложивъ заряды прямо на снѣгъ. Онъ рѣшился или отразить неприятеля, или погибнуть. Но французы не выдержали огня, отступили—и военное счастье склонилось на нашу сторону.

Минуя подвиги нашей артиллеріи на другихъ театрахъ войны (около того-же времени, напр. въ Турціи и въ Финляндіи), переходимъ прямо къ 1812 году и останавливаемся преимущественно на Бородинской битвѣ (26 августа), которая послужила превосходнымъ доказательствомъ безпримѣрнаго мужества и высокихъ качествъ нашей артиллеріи.

Прекрасною характеристиккою современныхъ артиллеристовъ служитъ знаменитый приказъ начальника артиллеріи, графа Кутайсова, отданный имъ наканунѣ Бородинскаго сраженія. Въ приказѣ значилось:

«Подтвердить отъ меня во всѣхъ ротахъ, чтобы онѣ съ позиціи не снимались, пока неприятель не съедетъ верхомъ на пушки. Сказать командирамъ и всѣмъ гг. офицерамъ, что, отважно держась на самомъ близкомъ картечномъ выстрѣлѣ, можно только достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиціи. Артиллерія должна жертвовать собою; пусть возьмутъ васъ съ орудіями, но послѣдній картечный выстрѣлъ выпустить въ упоръ, и батарея, которая такимъ образомъ будетъ взята, нанесетъ неприятелю вредъ, воистиннѣ искупающій потерю орудій».

Артиллеристы буквально исполнили приказъ своего любимаго начальника. Такъ какъ Наполеонъ направилъ главную силу своего натиска на наше лѣвое крыло у села Семеновскаго, то здѣсь и закипѣлъ самый жаркій бой, при грохотѣ 300 орудій, съ той и другой стороны. Наши укрѣпленія въ этой мѣстности нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. Но вскорѣ наступилъ рѣшительный моментъ, который могъ дать опасный перевѣсъ противнику. Маршалъ Ней направилъ лѣсомъ цѣлую дивизію Жюво въ обходъ нашей укрѣпленной позиціи. Полковникъ Козень, командовавшій гвардейскою конною артиллеріею, первый замѣтилъ этотъ обходъ и приказалъ капитану Захарову огнемъ остановить наступающаго неприятеля. Захаровъ, безъ всякаго прикрытія, пустился съ мѣста въ карьеръ, и, подѣхавъ къ озадаченному неприятелю на самое близкое разстояніе, открылъ убійственный огонь картечью, которая вырвала цѣлыя ряды изъ строя французовъ. Вся первая колонна обхода, выступившая изъ лѣса, была уничтожена огнемъ батареи Захарова, а между тѣмъ къ мѣсту боя прорывались наши кирасиры и окончательно опрокинули дивизію Жюво. Затѣмъ батарея Захарова вернулась къ нашимъ укрѣпленіямъ, продолжала здѣсь жаркій артиллерійскій бой съ 30-ю неприятельскими орудіями и полегла почти вся: храбрый Захаровъ былъ, одинъ изъ первыхъ, убитъ гранатою.

Не менѣе Захарова и его батареи отличились въ томъ же бою и другія части артиллеріи, причѣмъ очень многіе командиры и офицеры полегли костью за родину. Многимъ изъ нихъ, при страшной убитости въ нижнихъ чинахъ, приходилось самимъ заряжать и бить орудія; иные, вмѣстѣ съ орудіями прислужили, вступали въ рукопашную съ падавшими на орудія всадниками неприятельской конницы *). Въ донесеніи Кутузова императору Александру о Бородинскомъ бою упоминаются съ большою похвалою поразительные подвиги мужества, выказанные артиллерійскими офицерами: Горчаковымъ, Сумароковымъ, Дунинымъ-Барковскимъ, Раллемъ, Корфомъ и Щепотевымъ; но за то и потери артиллеріи были громады. Въ числѣ жертвъ этого безпримѣрнаго боя, на батарее Раевского, геройски палъ храбрый начальникъ всей артиллеріи, графъ Кутайсовъ, отдавшій наканунѣ знаменитый приказъ, приведенный нами выше.

Объемъ нашей статьи не позволяетъ намъ дать здѣсь хотя

* На одной изъ батарей извѣстный уже намъ Костенецкій (онъ былъ подъ Бородинскимъ въ чинѣ генерала) бросился первымъ на французовъ, съ башинкомъ въ рукахъ, и бился имъ, пока башинка не разлетѣлась вдребезги.

какое-нибудь мѣсто упоминаю о дѣйствіяхъ артиллеріи подъ Малымъ-Ярославцемъ (12 октября 1812 г.), подъ Краснымъ (5 ноября), подъ Люденомъ, Бауценомъ, Лейпцигомъ, Фершампенуазомъ и Парижемъ (во время кампаній 1813 и 1814 гг.). Отметимъ только одинъ, весьма любопытный фактъ. Когда союзники наши, послѣ неудачнаго сраженія при Дрезденѣ, стали въ безпорядкѣ отступать къ Тейлицу, бросая по пути оружие и даже взрывая зарядные ящики, русская армія отступила въ полный порядкѣ и государь, на другой же день послѣ Кульмскаго сраженія, произведи смотръ нашей артиллеріи, нашелъ ее въ полной исправности и полной боевой готовности.

Сильнѣйшій переворотъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ былъ произведенъ во второй половинѣ XIX в. и въ Европѣ, и у насъ, быстрымъ развитіемъ техники, которая сначала способствовала введенію наръзныхъ орудій, а затѣмъ—и скорострѣльныхъ орудій, заряжающихся съ казенной части. Эти нововведенія въ области артиллеріи привели къ полному перевооруженію нашихъ полевыхъ батарей, которое совпало со вступленіемъ въ управленіе артиллеріей Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича (1856 г.). Въ теченіе же двадцатилѣтія 1869—89 капитальныя преобразованія произошли и въ составѣ нашей крѣпостной и осадной артиллеріи, вслѣдствіе той борьбы между броней и артиллерійскимъ снарядомъ, которая не окончилась и въ настоящее время. Въ результатѣ этой борьбы мы пришли теперь уже къ тому, что проектированы и изготовляются 11-ти-дюймовыя длинныя пушки, вѣсомъ въ 2600 пудовъ, выбрасывающія 21-пудовый снарядъ со скоростью полета около 2000 футовъ въ секунду, и 13½ дюймовыя пушки, въ 5200 пудовъ вѣса, выбрасывающія снарядъ въ 40 пудовъ съ начальной скоростью около 2000 футовъ въ секунду.

Постоянныя, не прекращающіяся вооруженія Европы вынудили и Россію, съ самаго начала 60-хъ годовъ, выступить на тотъ-же путь непрерывнаго развитія ея военныхъ силъ, и, по отношенію къ артиллеріи, это выразилось необычайно быстрымъ возрастаніемъ боевыхъ средствъ нашей полевой артиллеріи. Это возрастаніе ежегодно выражается слѣдующими цифрами: въ 1863 г. у насъ числилось 147 батарей при 1176 орудіяхъ; въ 1870 г.—уже 231 батарея съ 1848 орудіями; въ 1876 г.—331 батарея съ 2048 орудіями; въ настоящее-же время—414 батарей и болѣе 4000 орудій.*

Въ послѣдніе мѣсяцы, незадолго до празднованія славнаго пятистлѣтняго юбилея этой артиллеріи, ея силы еще значительно возросли отъ введенія въ ея составъ новаго типа орудій—стальныхъ полевыхъ мортиръ 6-ти-дюймаго калибра, которымъ знатоки военнаго дѣла придаютъ весьма важное значеніе въ грядущихъ войнахъ.

Но все эти быстрые успѣхи артиллерійскаго дѣла, конечно,

могли быть достигнуты въ такой, относительно короткій, періодъ времени только потому, что, рядомъ съ крупными нововведеніями, преобразованіями и перемѣнами въ общемъ составѣ нашей артиллеріи, шла невидная и незамѣтная работа другаго рода—научная, теоретическая, выполняемая превосходно-подготовленнымъ контингентомъ ученыхъ специалистовъ, воспитанныхъ вами Артиллерійскою Академіею. А эта работа, въ свою очередь, опиралась на непрерывный рядъ практическихъ опытовъ, примѣненій и изысканій, которые, мало-по-малу, поставили нашу артиллерію настолько высоко, что она можетъ совершенно спокойно относиться къ лихорадочной военной дѣятельности европейскихъ великихъ державъ. Когда-бы ни пришлось нашему отечеству испытать страшныя бѣдствія военной грозы—мы твердо убѣждены въ томъ, что наша артиллерія, опираясь на свои вѣковыя традиціи, окажется вполне подготовленною къ той выдающейся роли, которая предназначается современной тактикою этому роду оружія.

Все рисунки, помѣщенные нами на стр. 1160 и 1161, сняты были, по нашему порученію, въ С.-Петербургскомъ Артиллерійскомъ Музее.

Рисунокъ № 4 представляетъ художественно-украшенный арматурами входъ въ кабинетъ засѣданій Артиллерійскаго Музея. Здѣсь, въ арматурахъ, собраны вооруженія и оружія различныхъ временъ и народностей, и эта смѣсь указываетъ отчасти на составъ самаго Музея, въ которомъ существуетъ два одинаково-цѣнныхъ отдѣла: русскій и иностранный.

Рисунокъ № 8 представляетъ новѣйшую половину русскаго отдѣла Музея, въ которомъ собраны разныя диковинки артиллерійской техники за послѣднія 20—25 лѣтъ. Въ соответствии ему, рисунокъ № 2 изображаетъ старѣйшую половину русскаго отдѣла, въ которой собраны древніе образцы нашей тяжелой и легкой артиллеріи: пушки, пищали, мортиры и гаубицы. Важнѣйшія диковинки этого отдѣла собраны нами на рисунокѣ № 5, гдѣ мы видимъ древнѣйшіе образцы желѣзныхъ и мѣдныхъ орудій, заряжаемыхъ съ казенной части, а также и мѣдную мортиру временъ перваго Лжедмитрія, съ обозначеннымъ на ней годомъ 1606 и съ именемъ мастера Андрея Чехова.

Одинъ изъ рисунковъ (№ 6) нашихъ изображаетъ манекенъ въ костюмѣ солдата *фузелера* начала прошлаго вѣка, т. е. вооруженнаго *фузейей* (ружьемъ); другой (№ 1)—манекенъ, въ костюмѣ *бомбардира*, вооруженнаго ручною мортирой, стрѣляющей граватами.

Наконецъ, рисунокъ № 3 изображаетъ мѣдный *каменеть* XVI вѣка, съ квадратнымъ каналомъ. Подобные каменеты дѣйствовали каменной картечью или просто мелкимъ щебнемъ.

П. Полевой.

Къ рисункамъ.

Ромео и Юлія. (Рис. на стр. 1141).

Изображая животныхъ, нѣкоторые художники не только стараются по возможности передать какъ можно живнѣе самыя фигуры звѣрей и птицъ, но и воспроизводить ихъ при обстановкѣ чѣмъ-либо интересной. Къ числу такихъ живописцевъ принадлежитъ Минна Стокесъ, какъ это можно судить по гравюру съ ея картины, помѣщенной на стр. 1141. У открытаго окна, мы видимъ на ней кошачью парочку, нѣжно бесѣдующую, точно шекспировскіе влюбленные изъ Вероны во второмъ дѣйствіи безсмертнаго произведенія поэта. Можно надѣяться, что ихъ приключенія окончатся менѣе трагически и нашимъ героямъ угрожаетъ самое болѣе мгла или ведро холодной воды, если ихъ признанія будутъ раздаваться слишкомъ громко.

Игра въ чурки. (Рис. на стр. 1144).

Это одна изъ весьма распространенныхъ въ крестьянскомъ быту игръ, которая развиваютъ мѣткость глаза и руки,—нѣчто среднее между бабками и городками. На задворкахъ, на новой стройкѣ, гдѣ при заготовкѣ лѣса, ничего не стоитъ напилить чурокъ, собралась кучка ребятнишекъ, съ увлеченіемъ предающихся любимой забавѣ; въ отдаленіи, на доскахъ, прикурнулъ, повидимому, плотникъ съ меньшими подростками, коротая послѣобѣденный досугъ на припекѣ и вѣроятно вспоминая свое безначальное дѣтство.

Пиковый король. (Рис. на стр. 1145).

Не только въ провинціи, но и въ столичныхъ захолустьяхъ въ родѣ Песковъ или Замоскворѣчья, пиковый король донынѣ не утратилъ своей печальной репутаціи: это завѣдомый злодѣй, старый ревнивецъ, всегда готовый строить всевозможныя каверзы прочимъ королямъ и дамамъ въ ихъ сердечномъ интересѣ. Это ужъ такъ испоконъ вѣка устроено „и волтерянцы

* До начала нынѣшняго царствованія, большая часть орудій заказывалась заводу „Крупна въ Германіи; нынѣ заказы орудій выполняются Обуховскимъ и Уральскимъ казенными заводами.

напрасно противъ этого говорить.“ По крайней мѣрѣ ни одному изъ нихъ не удалось-бы разубѣдить въ этомъ куцескую вдову не первой молодости, изображенную на картинѣ г. Корзухина. Вздумалось ей погадать о своей „судьбѣ“, услужливая Арефьева немедленно разложила карты—и сначала все шло прекрасно, интересны бубновый король, несомѣнно марьяжный, палъ уже къ ногамъ дамы, какъ вдругъ—откуда ни возьмись, пиковый—Арефьева такъ и вскрикнула, показывая его не менѣе обезкураженной вдовѣ... Таки замѣшался старый каверзникъ—теперь ужъ, само собой разумѣется, проку не жди!

Литературный альбомъ. „Валленштейнъ“, Шиллера.

Тэкла. (Рис. на стр. 1149).

Въ грозно величественной трилогіи Шиллера, посвященной Тридцатилѣтней войнѣ и трагической судьбѣ первенствовавшего въ то время полководца, посреди мощныхъ, словно изъ бронзы навѣки отлитыхъ типовъ самого Валленштейна, Октавія Пикколомини, Квестенберга, Терцкихъ и др., на мрачномъ фонѣ безграничнаго честолюбія, придворныхъ интригъ, алчности къ наживѣ и всехъ ужасовъ войны, выдѣляется чета двухъ любящихъ сердецъ, напоминающихъ Ромео и Юлію Шекспира. Это—сынъ Октавія, графъ Максъ Пикколомини, выросшій въ лагерѣ Валленштейна, вдали отъ дипломатическихъ тонкостей и козней Австрійскаго двора, юный паладинъ, безъ страха и упрека, и Тэкла, дочь Валленштейна, съ восьмилѣтняго возраста не выдавая своего отца, который провелъ это время въ непрерывныхъ походахъ, а теперь прибывшая въ его лагерь. Максъ Пикколомини сопровождалъ Тэклу на этомъ переѣздѣ; дорогой они узнали и полюбили другъ друга такъ-же внезапно какъ Ромео и Юлія. Голубиная чистота Тэклы и рыцарскій духъ Макса не могутъ ужиться въ средѣ преисполненной всяческой фальши, честолюбія, коварства и злодѣянія, гдѣ нѣтъ мѣста идилліи. Оба гибнутъ жертвой своего чувства. Картина на стр. 1149 прекрасно передаетъ идеалный образъ Тэклы.

Moriamur pro rege nostro Maria Theresia!

(Рис. на стр. 1152).

Настало 8 сентября 1741 года.

Пикогда Австрія не была въ болѣе затруднительномъ положеніи. Молодая и прекрасная дочь императора Карла VI, наследовавъ ему въ силу прагматической санкціи въ 1740 году, видѣла теперь свое отечество отовсюду окруженнымъ врагами. Фридрихъ II, король Прусскій, вступивъ также недавно на престолъ, напалъ на Силезію; Испанія, Сардинія и Баварія помогали части австрійскихъ земель, какъ наследствъ. Съ Баваріей была въ союзѣ Франція. Въ концѣ марта армія молодой императрицы была разбита въ Силезіи при Мольвицѣ. Это усилило мужество ея враговъ. Курфюрстъ Баварскій дошелъ со своимъ войскомъ до Линца, французы придвигались къ Богеміи, испанцы и сардинцы изъ Ломбардіи. Тяжело было отовсюду тѣснимою дочери Карла VI; одна надежда у нея оставалась на Венгрію. Туда она и поспѣшила. Изъ Пресбурга еще не успѣла разѣхаться венгерская знать, собравшаяся туда въ маѣ 1741 года для коронаціи Маріи Терезіи.

Прибывъ въ этотъ городъ 30 августа, Марія обратилась къ своимъ подданнымъ за помощью, описывая имъ съ высоты своего трона дрожащимъ отъ волненія голосомъ, тяжелое положеніе государства. „Покинутая всеми, мы прибѣгаемъ къ давно испы-

національный венгерскій парядъ. Онъ только наканунѣ прибылъ въ Пресбургъ. Громовые „эльенъ“ встрѣтили королевскую семью. Когда великій герцогъ Францъ произнесъ слова присяги и заключилъ ихъ словами: „Кровь и жизнь за королеву и государство“, королева при нескончаемыхъ кликахъ магнатовъ высоко подняла своего наследника. „Умремъ за нашего короля Марію Терезію!“ раздалось въ отвѣтъ на латинскомъ языкѣ, и венгерцы, потрясая саблями, клялись постоять за свою родину и государыню.

Въ концѣ октября въ Пресбургъ собрались до 15,000 конныхъ дворянъ и отовсюду стекались туда многочисленныя отряды. Два войска могла изъ нихъ составить Марія Терезія, чтобы вступить въ борьбу со врагами.

Норка, подстерегающая лысухъ.

(Рис. на стр. 1153).

Этотъ небольшой хищникъ составляетъ переходъ отъ куницы къ выдрамъ. По походкѣ съ выгнутою спиной, по способности пролѣзать въ маленькія отверстія, порка еще вполнѣ сходна съ куницей; но бѣгаетъ она плохо, не лазитъ по деревьямъ, за-то какъ выдра плаваешь превосходно и можетъ надолго нырять подъ воду. Ее обыкновенно и находятъ на берегу небольшихъ текущихъ водъ. Норка любитъ уединеніе и тишину вокругъ своего жилья. Но какъ бы избѣгаетъ она человѣка, тѣмъ не менѣе частенько забирается въ прибрежные курятники и душитъ домашнюю птицу. Обыкновенная пища ея состоитъ

Домъ-Луисъ I, почившій король Португаліи.

Португальскій король Домъ-Карлосъ I, и его супруга, королева Амалия. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

тапной вѣрности и храбрости Венгровъ.“

Деять дней спустя, въ той же тронной залѣ королевскаго замка, повторилась подобная, но еще болѣе торжественная сцена. По предложенію Маріи Терезіи, супругъ ея, Францъ Лотарингскій, былъ избранъ со-регентомъ въ Венгріи и въ этотъ день онъ приносилъ присягу.

Всѣ собрались въ тронной залѣ. Королева появилась въ немъ со своимъ супругомъ, за нею слѣдомъ шла кормилица съ маленькимъ ея сыномъ, шестилѣтнимъ Юсифомъ, одѣтымъ въ

изъ рыбы, лягушекъ, раковъ и улитокъ, а также болотной и водной дичи. Не одинъ молодой бекасъ или водяная курица (лысуха) становятся ея добычей въ теченіе лѣта.

Заманчивая цѣна мѣха норки чрезвычайно усиливаетъ преслѣдованіе этого животнаго, и оно становится все рѣже и рѣже.

Парижская всемірная выставка 1889 года.

Свѣтящійся фонтанъ. (Рис. на стр. 1157 и 1158).

Между башней Эйфеля и центральнымъ павильономъ скульп-

торъ Кутанъ соорудилъ водометъ особаго рода. Триста водяныхъ струй разомъ поднимаются на значительную высоту, и зрѣлище это, величественное даже днемъ, вечеромъ становится совершенно волшебнымъ, когда вся эта масса воды, какъ-бы изнутри, освѣщается разноцвѣтнымъ электрическимъ свѣтомъ. Вотъ словно огненные снопы бьютъ изъ нѣдръ водоема, разсылая вокругъ раскаленные искры; вдругъ декорація мѣняется—изъ огненно-красной масса воды становится зеленою, потомъ желтою, фиолетовою, голубою, рубиново-алюю; потомъ цвѣта эти сливаются, переходятъ одни въ другіе, производя впечатлѣніе какой-то феэри изъ тысячи и одной ночи.

Такіе цвѣтные фонтаны въ маломъ видѣ устраивались не разъ и въ Россіи, напр. въ Павловскѣ или въ Зоологическомъ саду Роста въ СПБ. Рис. на стр. (1158) показываетъ устройство самаго освѣщенія. Въ толщѣ пьедестала фонтана помѣщается проекторъ (снарядъ выпускающей струю электрическаго свѣта), изъ котораго выходитъ снопы электрическихъ лучей; свѣтъ ихъ до того ослѣпительнъ, что управляющей проекторомъ долженъ защищать свои глаза законченнымъ или чернымъ стекломъ. Выше въ хвостѣ дельфина помѣщенъ рефлекторъ (вогнутое зеркало), который отражаетъ лучи подъ угломъ для горизонтальной струи воды; для вертикальныхъ струй не требуется рефлектора.

Домъ-Луисъ I, почившій король Португальскій.

(Портр. на стр. 1164).

7 октября скончался король Португальскій, домъ-Луисъ I. Продолжительное, безъ малаго тридцатилѣтнее царствование его прошло сравнительно мирно и благополучно и сопровождалось всего только однимъ переворотомъ въ 1870 г., который устроилъ извѣстный маршалъ Сальданыя, ради изгнанія министерства герцога Лоле, сокращенія числа депутатовъ и продажи духовныхъ имѣній. Домъ-Луисъ не былъ особенно популяренъ среди своего народа, хотя онъ старался улучшить финансы, конвертировать долгъ страны, строить желѣзныя дороги и привлекать какъ можно болѣе иностранныхъ капиталистовъ. Кромѣ того, домъ-Луисъ сдѣлалъ не мало попытокъ къ уничтоженію рабства въ португальскихъ колоніяхъ и значительно усиблъ въ этомъ освобожденіи невольниковъ. Король былъ нѣсколько причастенъ литературы: онъ сдѣлалъ отличный переводъ „Гамлета“ Шекспира на португальскій языкъ; онъ также имѣлъ большую склонность къ искусствамъ, любилъ музыку, живопись, театръ и игралъ на нѣсколькихъ инструментахъ. Домъ-Луисъ умеръ далеко не старымъ человѣкомъ, ему было только 51 годъ. Онъ происходилъ по женской линіи изъ дома Браганцскаго, а по мужской изъ Саксенъ-Кобургскаго герцогскаго семейства и родился 31 октября 1838 г., отъ брака короля Фердинанда съ Марією да Глорія, дочерью Дона-Педро I, императора Бразильскаго. При крещеніи онъ получилъ, согласно законамъ страны, слѣдующіе имена и титулы: Домъ-Луисъ-Филиппъ-Марія-Фердинандъ-Педро д'Алькантара-Антоніо-Михаилъ-Рафаилъ-Гавриилъ-Гонзаго-Ксаверій-Франциско-д'Ассизи-Юаннъ-Юлій-Августъ-Вальфандо-де Браганца-Бурбоа; къ этому при вступленіи его на престолъ прибавились слова: король Португаліи и Альгарви, по эту и по ту сторону моря въ Африкѣ, владѣтель Гвинея, герцога Саксонскій и проч. На престолъ онъ вступилъ, довольно молодымъ, совершенно неожиданно, 11 ноября 1861 года, по смерти старшаго брата своего домъ-Педро V, который умеръ скоропостижно и, какъ ходили слухи, палъ жертвою интригъ герцога Лоле. Въ слѣдующемъ году, 6 октября, состоялся его бракъ съ принцессою Марією-Шей, дочерью Виктора Эммануила, короля Италіи. Отъ этого брака у него родились дѣти: 28 сентября 1863 года, наследный принцъ Карлъ-Фердинандъ, герцога Браганцскій, и 31 июля 1865 года второй сынъ, Альфонсъ-Генрихъ-Наполеонъ, герцога Оиторскій. Будучи мирнаго характера, покойный король избѣгалъ какихъ бы то ни было поводовъ къ ссорамъ и столкновеніямъ; поэтому когда горячіе приверженцы домъ-Луиса въ Испаніи намѣревались доставить ему испанскую корону, онъ отказался отъ нея. Благоразумный король понялъ, что соединеніе Пиринейскаго полуострова подъ однимъ скипетромъ вызоветъ самую ожесточенную борьбу, ре-

зультатомъ которой явится несомнѣнное ослабленіе Португальскаго королевства, даже въ случаѣ успѣха. Въ виду такихъ соображеній покойный король рѣшилъ сохранить свободу дѣйствій Португаліи, которая при ея соединеніи съ Испаніей только потеряла бы эту свободу, и не увлекся честолюбивыми мечтами. Не смотря на то, что король былъ преисполненъ благихъ намѣреній, онъ все-таки не могъ привести свою страну въ цвѣтущее состояніе. Сельское населеніе и при немъ бѣдствовало и принуждено было нѣрѣдко эмигрировать за океанъ, а дворянство, давно уже обѣдѣвшее, лишилось при немъ всякаго значенія.

Португальская королевская чета.

(Портр. на стр. 1164).

Домъ-Карлъ I, цинѣншій король Португаліи, сынъ покойнаго домъ-Луиса I и королевы Маріи-Шей, дочери короля Виктора-Эммануила Италіанскаго, родился 16 (28) сентября 1863 года. На 23 году своей жизни, 10 мая 1886 года, онъ вступилъ въ бракъ со старшею дочерью графа Парижскаго, Амаліей, родившейся въ 1865 году того же числа, какъ и ея вѣнчанный супругъ. У многихъ еще сохранился въ памяти праздникъ, который справлялъ графъ Парижскій по случаю помолвки своей дочери съ наследникомъ Португальскаго престола. Королевская роскошь и присутствіе на немъ членовъ дипломатическаго корпуса придали ему характеръ придворнаго торжества, что не могло пройти незамѣченнымъ со стороны республиканскаго правительства и было одною изъ причинъ удаленія графа Парижскаго и другихъ принцевъ крови изъ предѣловъ Франціи.

Являясь сама по себѣ государствомъ не имѣющимъ вліянія на политическій строй Европы, Португалія тѣмъ не менѣе не можетъ остаться незамѣченною, когда рѣчь идетъ о ея колоніяхъ, въ особенности съ 1884 года, когда значеніе Португаліи въ Африкѣ постоянно увеличивается. Въ этомъ отношеніи ей должно быть отведено подобающее мѣсто въ ряду европейскихъ государствъ.

Г. Г. Корсовъ. (Портр. на этой стр.)

Въ концѣ октября мѣсяца въ Москвѣ состоялось артистическое торжество въ честь Корсова, извѣстнаго нашего ибѣнца, по случаю окончившагося двадцатипятилѣтія его службы на оперныхъ сценахъ Императорскихъ театровъ, петербургскаго и московскаго. Обладая прекраснымъ голосомъ (баритономъ), огромнымъ сценическимъ талантомъ и весьма счастливымъ наружностью, этотъ замѣчательный артистъ-художникъ давно составляетъ истинное украшеніе русской оперной труппы и имѣетъ многочисленныхъ и горячихъ почитателей. Артистическая дѣятельность Корсова достойна и уваженія, и удивленія. Рѣдкій изъ представителей нашихъ лирическихъ сценъ относится съ такою добросовѣстностью къ своему дѣлу, рѣдко кто вноситъ столько труда, безкорыстія и горячій любви въ свое служеніе искусству, какъ Корсовъ. Онъ постоянно работаетъ надъ собой, онъ внимательно до тонкостей старается изучить каждую свою роль, для чего ему часто приходится прочитывать цѣлыя томы научныхъ, психологическихъ или посвященныхъ искусству, сочиненій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, ему превосходно знакомыхъ. Будучи человѣкомъ всесторонне и серьезно образованнымъ, нашъ артистъ безукоризненно владѣетъ языками французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, италіанскомъ и внимательно слѣдитъ за литературами, имѣя обширную и богатую бібліотеку. Если прибавить къ этому прекрасныя вокальныя средства: выразительность въ голосѣ, безукоризненную дикцію и музыкальную фразировку, отличную школу, основательное знакомство со всеми условіями сцены, весьма выдающийся драматическій талантъ, то становится понятнымъ мастерское исполненіе ролей Корсова. Изъ этихъ ролей особенно выдается роль Олоферна въ оперѣ Сѣрова „Юдифь“, въ которой Корсовъ все до послѣднихъ мелочей обдумалъ, изучилъ и является такимъ художникомъ, что многие знатоки искусства ставятъ его на ряду съ первоклассными исполнителями роли Олоферна — Росси, Ольдрижемъ и другими трагиками. Камилла Сень-Сансъ, извѣст-

Годфридъ Годфридовичъ Корсовъ. Съ фот. Ренара, грав. Шюблеръ.

ный французский композитор, дававший концерты и у нас в Петербургъ, отзывался съ особеннымъ восторгомъ о Корсовѣ - Олофернѣ. Русское искусство многимъ обязано Корсову. Почти ни одна изъ оперъ, даваемыхъ у насъ, не обходится безъ его личнаго участія или безъ его содѣйствія. Благодаря его стараніямъ, его основательнымъ познаніямъ въ исторіи костюмовъ, въ живописи, въ архитектурѣ, у насъ было поставлено много новыхъ оперъ и на столичныхъ сценахъ, и въ провинціи. Особенно плодотворна его дѣятельность и въ этомъ отношеніи, и въ дѣлѣ развитія національной оперы, для Москвы, гдѣ талантливому артисту нашему пришлось со всею присущею ему энергіей и беззаветной преданностью искусству, довольно долго бороться съ „итальянщиной“, ибо московская публика, сильно увлеченная оперой итальянской, относилась болѣе чѣмъ равнодушно къ оперѣ русской. Въ началѣ артистической карьеры Корсовъ самъ былъ горячимъ приверженцемъ итальянской музыки и, не смотря на знакомство съ П. П. Чайковскимъ и А. П. Сбровымъ, долго не измѣнялъ своихъ взглядовъ. Но послѣ одного изъ представлений „Юдифи“ въ его музыкальномъ развитіи произошелъ переломъ. Онъ сдѣлался извѣстнымъ поклонникомъ Сброва и оставался его другомъ до самой кончины композитора. Хотя Сброву пришлось видѣть Корсова только въ „Фаустѣ“, „Травиатѣ“ и „Трубадурѣ“, но онъ всегда съ полнымъ уваженіемъ отзывался о талантѣ нашего артиста-художника. Корсовъ—это сценической псевдонимъ. Настоящая фамилія артиста—Герингъ, Годфридъ Годфридовичъ. Онъ смѣлъ довольно извѣстнаго доктора-гомеопата и родился въ Петербургѣ, 19 февраля 1843 года. Первоначальное образование онъ получилъ въ пансіонѣ Келлера и очень рано обнаружилъ любовь къ изящнымъ искусствамъ. Десяти лѣтъ онъ сталъ брать уроки пѣнія у извѣстнаго въ то время профессора Пиччиоли. Готовясь сдѣлаться архитекторомъ, онъ, по окончаніи ученія въ пансіонѣ, въ 1856 году, поступилъ въ Строительное училище (нынѣ Институтъ гражданскихъ инженеровъ) и пробылъ въ немъ четыре года,

послѣ чего, въ 1861 г., перешелъ въ Императорскую Академію Художествъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1864 г. со званіемъ свободного класснаго художника по архитектурѣ. Въ 1867 г. онъ получилъ званіе класснаго художника за проектъ дачи. Съ цѣлью усовершенствованія въ своей профессіи архитектора онъ еще ранѣе, въ 1864—65 гг., ѣздилъ за границу, и увидавъ на миланской сценѣ Эрнесто Росси, а затѣмъ баритона Котоньи, почувствовалъ неодолимое влеченіе къ сценѣ. Въ 1865—66 гг. онъ слушалъ курсы въ „Ecole des beaux-arts“, въ „Sorbonne“, въ „Collège de France“ и въ „Conservatoire des arts et métiers“. Послѣ этого онъ вернулся въ отечество, но въ 1867 г. снова уѣхалъ на выставку въ Парижъ, и здѣсь цѣлую зиму учился пѣнію у баритона Делле-Седіе. По его совѣту, Корсовъ окончательно посвятилъ себя сценической дѣятельности и съ этою цѣлью болѣе года занимался въ Миланѣ подъ руководствомъ Джованни Корси (откуда и псевдонимъ—Корсовъ). Въ 1868 г. Корсовъ дебютировалъ въ „Лучія“ на сценѣ театра Альфьери въ Туринѣ, а въ слѣдующемъ году въ январѣ былъ ангажированъ въ Геную, въ театръ „Carlo Felice“, гдѣ пѣлъ съ огромнымъ успѣхомъ. Въ октябрѣ того же года директоръ театровъ Геденовъ предложилъ ему ангажементъ. Дебютъ Корсова состоялся въ ноябрѣ въ роли графа Луна въ „Трубадурѣ“—и съ этого времени онъ становится любимцемъ публики. Въ лѣтній сезонъ 1873 и 1874 гг. онъ съ большимъ успѣхомъ пѣлъ въ Одессѣ, въ труппѣ Бергера, а въ 1875 г. въ труппѣ А. Г. Меншиковой и г. Раппопорта. Кромѣ того онъ концертировалъ съ г-жей Скальковской въ 1876 г. въ Одессѣ, и лѣтъ девять подрядъ участвовалъ въ концертахъ въ Петербургѣ. Съ 1879 по 1882 г. дирекція посылала его пѣть въ Москву, гдѣ затѣмъ онъ былъ оставленъ окончательнo. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, Корсовъ исполнялъ самыя ответственные партіи, выказывая всегда удивительную художественную силу. Талантъ г. Корсова находится нынѣ въ полномъ расцвѣтѣ и въ свое исполненіе артистъ вноситъ столько же страстности и жизни, какъ и въ первые годы своей артистической дѣятельности.

П. Б.—овъ.

Политическое обозрѣніе.

Съ возвращеніемъ императора Германскаго на родину заканчивается рядъ свиданій, встрѣчъ и бесѣдъ. Всѣ они, начиная съ посѣщенія Государемъ Императоромъ императора Вильгельма II въ Берлинѣ, и кончая встрѣчами главы Германіи со своими союзниками, королямъ Итальянскимъ и императоромъ Австрійскимъ на обратномъ пути въ Берлинѣ, даютъ безконечную пищу толкамъ и предположеніямъ объ ихъ политическомъ значеніи. Между прочимъ, въ газетѣ *Hamburger Correspondent* помѣщено слѣдующее сообщеніе изъ Берлина: „Въ дѣйствующихъ политическихъ кругахъ весьма довольны ходомъ дипломатической дѣятельности за послѣднее время. Пребываніе же Царя въ Берлинѣ оказалось въ высокой степени благоприятнымъ для шансовъ мира, а теперь визитъ графа Кальноки имперскому канцлеру въ Фридрихсруэ можно считать какъ бы продолженіемъ и дополненіемъ усилій, направленныхъ къ сохраненію мира. Результатъ этой побѣды можно представить въ томъ смыслѣ, что она значительно содѣйствовала усиленію существующихъ залоговъ мира“. Что же касается пребыванія императора Вильгельма въ Константинополѣ, то, по словамъ того-же *Correspondent'a*, „изъ достовернаго источника сообщаютъ, что Константинопольская побѣда императора вовсе не имѣетъ характера косвенной демонстраціи противъ Россіи. Напротивъ, можно считать за достоверное, что и побѣда графа Кальноки въ Фридрихсруэ имѣла, главнымъ образомъ, цѣлью убѣдить австро-венгерскую дипломатію въ необходимости предоставить русскимъ стремленіямъ на юго-востокѣ Европы въ извѣстныхъ предѣлахъ болѣе широкое поле дѣятельности, чѣмъ до сихъ поръ“. Относительно результатовъ константинопольской побѣды, въ *Times* сообщаютъ изъ Вѣны, что они сводятся къ тому, что императоръ старался убѣдить султана въ мирныхъ цѣляхъ тройственнаго союза, что ему и удалось. Такимъ образомъ, указываетъ въ концѣ концовъ *Fremdenblatt*, между Россіей и тройственнымъ союзомъ возникло обоюдное довѣріе относительно ихъ миролюбія, чѣмъ и обезпечено сохраненіе мира.

Быть-можетъ это обезпеченіе мира и вынудило маркиза Солсбери высказаться на банкетѣ Лондонскаго лорда-мэра въ выраженіяхъ, необычныхъ для главы англійскаго министерства. Поздравивъ лорда-мэра со вступленіемъ въ должность, маркизъ замѣтилъ, что оно совершилось въ такое время, когда давно исчезнувшее благоденствіе начинаетъ восстанавливаться. Коснувшись въ своей рѣчи иностранныхъ дѣлъ, ораторъ замѣтилъ, что, къ счастью, ему трудно подыскать заслуживающіе вниманія предметы. „Африка—присовокушала онъ—занимаетъ Европу болѣе всего, всѣ націи обнаруживаютъ великодушное соревнованіе въ дѣлѣ распространенія культуры въ этой части свѣта. Великобританія въ этомъ отношеніи отъ другихъ державъ не отстала“. Съ чувствомъ удовлетворенія маркизъ Солсбери упомянулъ о брюссельской конференціи противъ торговаго невольничества, назвавъ ее эпохою во всемирной исторіи и выразивъ при этомъ благодарность Запѣбарскому султану за декретъ объ освобожденіи рабовъ. „Въ Египтѣ—

продолжалъ премьеръ—существуютъ попрежнему опасенія пагубности махди, власть котораго, какъ свидѣтельствуетъ побѣда надъ Эминъ-пашой, еще сильна. Вотъ почему время для очищенія Египта еще не наступило. Другія державы могли бы содѣйствовать намъ въ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ подьему благосостоянія Египта“. Относительно Европы маркизъ Солсбери замѣтилъ, что ему остается сказать не много. Затрудненія на Критѣ влчются къ скорому улаженію, другихъ же причинъ тревоги въ Европѣ не существуетъ. По поводу слуха о томъ, что британская политика связана особыми обязательствами, ораторъ замѣтилъ: „Англійская политика относительно Европы и Средиземнаго моря известна всему свѣту. Это политика мира, политика поддержанія существующихъ вещей. Никакая перемена не могла бы быть пагубнѣе территориальнаго увеличенія какой бы то ни было изъ великихъ державъ, что завѣрно ускорило бы катастрофу. Было бы безуміемъ, даже невозможностью, заставить насъ принять на себя обязательство относительно какихъ бы то ни было специфическихъ шаговъ въ будущемъ. Въ нынѣшнемъ году въ нѣсколькихъ странахъ произошли событія, направленные къ сохраненію мира, и искренній стремленія монарховъ въ пользу мира приобрѣли большую силу. Барометръ ясно поднимается къ миру. Наиболее компетентные въ дѣлѣ европейскія государственные люди считаютъ, что шансы на сохраненіе мира увеличились противъ прежняго“.

Франціи, занятая болѣе внутреннимъ миромъ, отпраздновала закрытіе выставки и открыла засѣданія палаты депутатовъ. Праздникъ по случаю закрытія выставки, благопріятствуемый хорошею погодою, превзошелъ всѣ предшествовавшія празднества. Не смотря на громадное стеченіе народа, отъ 400,000 до 500,000 человекъ, произошло лишь нѣсколько случаевъ, не имѣвшихъ серьезнаго значенія. Президентъ Карно поѣхалъ на выставку, но у Ленскаго моста встрѣтилъ такія сплошныя массы народа, что вынужденъ былъ вернуться обратно при кликахъ: „да здравствуетъ республика! да здравствуетъ Карно!“

Открытие палаты депутатовъ совершилось менѣе благополучно. Засѣданіе палаты было открыто въ 2 ч. 30 м. 31 октября. Предсѣдавшій по старшинству лѣтъ Вланъ произнесъ обычную въ подобныхъ случаяхъ рѣчь, въ которой совѣтовалъ республиканцамъ единеніе, и выразилъ надежду, что нынѣшняя палата сумѣетъ избѣгнуть ошибокъ предшествовавшей. Затѣмъ приступлено къ избранію временнаго президента, которымъ 348 голосами на 510 участвовавшихъ въ голосованіи избранъ Флокэ. Вице-президентами палаты избраны Казимиръ Перье и Девель. Флокэ благодарилъ палату за свое избраніе рѣчью, которой много аплодировали. Засѣданія палаты отложены до четверга для повѣрки полномочій. Засѣданіе было открыто въ 5 ч. При разѣздѣ произошло нѣсколько инцидентовъ. Велѣдствіе невинновенія предложеніямъ полиціи расхотѣвъ—произведено было нѣсколько арестовъ. Въ числѣ арестованныхъ оказались буланжистскіе депутаты Деруледъ, Ле-Гериссе и Будо, а также редакторъ *Drapeau* Туреанъ, но къ вечеру ихъ выпу-

стили. Арестование было просто мотивировано отказом повиноваться полицейскому комиссару, который, на основании приказания не допускать скопищ, запрещал собираться толпою.

Число всех произведенных арестов простирается до 158, причем 60 арестованных предоставлены в распоряжение судебной власти.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 27 октября, въ 4 часа дня, по Варшавской жел. дорогѣ со ст. Александровской изволила прибыть въ Павловскъ ея королевское высочество Принцесса Марія Ганноверская и Великобританская.

Дѣла церкви.

— 29 октября, въ Гатчинѣ, происходило освященіе построенной въ память въ Бозѣ почивающаго императора Александра II кладбищенской церкви. Освященіе совершалъ придворный сакелларій о. Толмачевъ съ придворнымъ духовенствомъ.

— Епископъ Рижскій и Митавскій вернулся съ начальникомъ губерній въ Ревель. Пять церквей освящены епископомъ въ Гапсальскомъ уѣздѣ. Вследствіе бурной переправы на острова, освященіе построенныхъ тамъ трехъ православныхъ церквей не состоялось.

— Въ Москвѣ, 1 ноября, торжественно праздновалось 75-лѣтіе существованія духовной академіи.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно приостановить временно во всехъ судебныхъ округахъ, въ коихъ учреждены совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, дальнѣйшее открытіе отдѣленій сихъ совѣтовъ.

Финансы.

— Подписка на закладные съ выигрышами листы Государственного дворянскаго земельного банка, объявленная на 21, 22 и 23 октября въ Государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ, а также въ Волжско-Камскомъ банкѣ съ его отдѣленіями, С.-Петербургскомъ международномъ коммерческомъ банкѣ съ Кіевскимъ его отдѣленіемъ и Петербургскомъ учетномъ и ссудномъ банкѣ, дала слѣдующіе результаты. Всего подписалось 258,200 лицъ на 26,146,965 листовъ, или на сумму 5,621,597,475 рублей, по назначенной подписной цѣнѣ въ 215 руб. за закладной листъ въ сто рублей нарицательнаго капитала. Такимъ образомъ, подписанная сумма превысила въ 32,7 раза сумму займа. Наибольшую сумму подписки, а именно, свыше 91%, далъ Петербургъ, затѣмъ слѣдуетъ Москва — 6,6%.

Военное дѣло.

— По случаю 500-лѣтія нашей артиллеріи, на 8-е ноября сего года назначено празднованіе въ залѣ близъ Артиллерійскаго музея,

помѣщающагося въ Кронверкѣ С.-Петербургской крѣпости.

— Въ текущемъ году, въ Николаевской Академіи генеральнаго штаба изъявило желаніе держать экзаменъ въ младшій классъ академіи 202 офицера. Явилось къ экзамену 198, изъ коихъ, по словамъ *Русскаго Инвалида*, выдержало экзаменъ 139 офицеровъ, а принято 70 штатными и 10 сверхштатными слушателями.

— 22 сентября, въ гор. Чемкентѣ, Сыр-Дарьинской области, происходило освященіе и открытіе памятника воинамъ, павшимъ при взятіи крѣпости Чемкента, въ 1864 году.

Промышленность.

— Въ послѣднее время фирмой Густава Листа производится въ Елисаветпольской губерніи разработка нефтяныхъ залежей въ урочищѣ „Нафталянъ“. Буровыя работы дали удовлетворительные результаты, такъ какъ нефть оказалась въ достаточномъ количествѣ на незначительной, сравнительно, глубинѣ.

— 9 октября, въ гор. Тифлисѣ, въ саду „Муштаидъ“, состоялась закладка зданія главной кавказской шелководственной станціи.

— На четвертой недѣлѣ великаго поста будущаго 1890 года, въ СПб., въ Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній (въ зданіи Солянаго Горodka) открывается первая въ Россіи выставка дѣтскихъ игрушекъ.

Торговля.

— Въ Одессѣ за послѣднее время замѣчательно усилилось движеніе глѣбныхъ грузовъ воднымъ путемъ. Въ Практическую гавань ежедневно прибывало съ Днѣпра до 20 тыс. четвертей глѣба различныхъ сортовъ, преимущественно, такъ-называемой, никопольской гирки и ячменя, доставляемыхъ изъ приднѣпровской полосы Екатеринославской и частью Таврической губерній.

— Въ Харьковѣ закончилась Покровская ярмарка. Общій оборотъ ярмарки, сравнительно съ прошлымъ годомъ, считаютъ ниже на 40%. Мануфактуристы особенно потерѣли. Продано наполовину менѣе.

Искусства изобразительныя.

— 31 октября, рисовальная школа при Императорскомъ Обществѣ поощренія художествъ праздновала въ Высочайшемъ присутствіи пятидесятилѣтній юбилей своего существованія.

— Въ Императорскомъ Эрмитажѣ выстав-

лены недавно двѣ замѣчательныя картины Андреа дель-Вастаньо.

— 28 октября, въ Варшавѣ, въ зданіи музея „промышленности и сельскаго хозяйства“, состоялось открытіе выставки произведеній древняго и новаго прикладнаго искусства. Выставленными предметами заняты все залы музея.

Литература и наука.

— 27 октября, въ Имп. Географич. обществѣ, въ засѣданіи отдѣленія географіи физич. и матем. А. В. Вознесенскій сдѣлалъ весьма интересное сообщеніе объ успѣхахъ сейсмическихъ изслѣдованій.

— 29 октября, въ актовомъ залѣ СПб. духовной академіи, преподаватель Холмской духовной семинаріи М. П. Саввантскій защитилъ свою диссертацию, подъ заглавіемъ: „Исходъ израильтянъ изъ Египта“, представленную имъ въ совѣтъ академіи на соисканіи степени магистра богословія.

— Съ 6 ноября, въ СПб., въ залѣ Педагогическаго музея, начнутся публичныя лекціи профессора СПб. университета С. П. Глазенапа, на тему: „Міръ и вселенная“.

Спортъ.

— С.-Петербургское общество любителей бѣга на конькахъ устраиваетъ предстоящую зимой большое международное состязаніе на конькахъ, по случаю 25-лѣтняго юбилея существованія катка въ Юсуповомъ саду.

Изъ губерній и областей.

— Въ Харьковѣ, 30 октября, попечитель учебнаго округа объявилъ студентамъ университета о Всемилоствѣйшей надписи на докладѣ министра Народнаго Просвѣщенія по поводу отслуженнаго студентами 17 октября молебствія въ Спасовомъ скитѣ. Слова Государя Императора вызвали громкое „ура“, сопровождавшееся народнымъ гимномъ, исполненнымъ всеми студентами.

— Дворянъ Михаила Чхоларія, Чончори Морганія, крестьянъ Тура Чивкатія и Маркоза Киритадзе, преданныхъ суду за разбойническое нападеніе и убійство директора бельгійской лѣсопильной компаніи Филиппа и ограбленіе приказчиковъ торговаго дома Дрейфуза, временный военный судъ въ Кутаисѣ приговорилъ къ повѣшенію, постановивъ ходатайствовать о смягченіи участи Чивкатія.

— Въ Вѣрномъ, вечеромъ 29 октября былъ сильный подземный ударъ.

С М Ъ С Ъ .

31 октября, членъ торговаго дома Блокъ, Ю. И. Блокъ, показывалъ въ Петербургѣ, въ гостиный Франціи, новѣйшій типъ изобрѣтеннаго Эдиссономъ *фонографа*, врученнаго ему лично изобрѣтателемъ, — во время послѣдняго пребыванія г. Блока въ Америкѣ, — исключительно для научныхъ цѣлей. Демонстрированіе этого фонографа въ гостиницѣ Франціи произведено въ присутствіи приглашеннаго г. Блокомъ, многочисленнаго общества ученыхъ и писателей. Здѣсь были, между прочимъ, редакторы и сотрудники периодическихъ изданій: *Новыя Сѣвѣры*, *Недѣли*, *Новостей*, *Русской Старины*, *Гражданина*, *Врача*, *Journal de St.-Petersbourg*, *Правительственнаго Вѣстника* и др., — писатели А. А. Потѣхнинъ, И. П. Полонскій и др. Кромѣ воспроизведенія музыкальныхъ пѣсней, исполненныхъ на различныхъ инструментахъ и человѣческимъ голосомъ, фабричнаго шума и пр., г. Блокъ воспроизвелъ на фонографѣ человѣческую рѣчь — декламированіе стиховъ и пр. Чтобы дать понятіе о томъ, какое громадное количество колебаній воздуха дѣлаетъ человѣческая рѣчь, а подъ ея вліяніемъ и чувствительная къ звукамъ пластинка аппарата, оставляющая посредствомъ штифта на приемномъ восковомъ цилиндрѣ углубленія, посредствомъ которыхъ потомъ другой аппаратъ принимаетъ и воспроизводитъ на этомъ цилиндрѣ звуки, г. Блокъ объяснилъ, между прочимъ, что Эдиссону, при помощи сильнаго микроскопа, удалось сосчитать углубленія восковаго цилиндра, оставленныя на немъ лишь однимъ извѣстнымъ, при употребленіи телефона, словомъ: *alô!* и этихъ углубленій оказалось до 75,000, — изъ нихъ 15,000 крупныхъ и въ каждомъ еще до 5 мелкихъ.

Отрывокъ изъ „сумасброднаго времени“ въ Веймарѣ. Подъ „сумасброднымъ временемъ“ надо подразумѣвать годы юности и проказъ великаго герцога Карла-Августа, проведенные имъ со своимъ любимцемъ Гете. Въ иные зимнія ночи, добродушные веймарцы, строго придерживавшіеся гражданскаго часа, во время перваго безмятежнаго сна бывали испуганы хлопаньемъ бича, звономъ колокольчиковъ и лаемъ собакъ, когда веселые господа придворные возвращались съ загородной прогулки въ быстро несущихся саняхъ. Въ лѣтнее и осеннее утро, грохотъ охотничьихъ каретъ и звуки охотничьихъ роговъ замѣняли степеннымъ гражданамъ — будильники. Разъ, при подобномъ вѣздѣ на охоту, герцогъ и его поэтъ отдѣлились отъ свиты и зашли въ уединенную крестьянскую усадьбу, чтобы утолить жажду.

Старая крестьянка, усердно работая, стояла у кадки съ масломъ; но прослѣбъ гостей она тотчасъ-же прервала свою дѣятельность и пошла въ погребъ за свѣжимъ молокомъ. Въ простой охотничьей курткѣ она не узнала мѣтнаго герцога: ея услужливость относилась только къ двумъ жаждущимъ и заблудившимся охотникамъ. Какъ только она вышла изъ комнаты, великій герцогъ быстро схватилъ за шиворотъ жирнаго кота, котораго онъ передъ тѣмъ замѣтилъ на лежанкѣ, сунулъ его въ кадку и покрылъ крышкой.

Вскорѣ послѣ того, ничего не подозревая, крестьянка возвратилась съ молокомъ и была обоими господами до такой степени засыпана всевозможными вопросами, что не только не замѣтила исчезновенія своего кота, они не обратила вниманія на шумъ производимый имъ въ его темницѣ. Потомъ оба Мелеагра, доро-

гою вспоминали и потѣшались мыслью объ томъ, какіе глаза сдѣлаютъ ихъ хозяйка при открытіи ея любимаго котъ въ пахтавъ. Августъ намѣревался въ другой разъ щедро наградить хозяйку за убытокъ.

Нѣсколько недѣль спустя, когда опять состоялась охота въ этой мѣстности,—герцогъ съ Гѣте снова посѣтили этотъ домикъ:

— Ахъ, Господи, вскрикнула хозяйка, встрѣчая ихъ еще издали, въ то время какъ котъ ея удиралъ во всю прыть,—вотъ тѣ самые господа!

— Это мы, матушка, перебилъ ее великій герцогъ,—сыгравшіе съ вами тогда маленькую продѣлку; но за то возьмите себѣ вознагражденіе,—съ масломъ, вѣдь, вы ничего не могли подѣлать!

Добрая старуха молча сиротала предложенный золотой, лукаво моргнула и смѣясь сказала:

— Вы ни капельки не принесли мнѣ убытку, господа; масло пошло ко двору въ Веймаръ, и тамъ оно оказалось достаточно хорошо!

Дорого стоившій фидибусъ *). Въ 1858 году въ Лондонѣ, спустя нѣсколько дней по извѣщеніи о благополучномъ опущеніи трансатлантическаго кабеля, вошелъ въ только что устроенное телеграфное бюро одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ палаты изоревъ и пожелалъ послать денешу въ Ст.-Джонъ, въ Ньюфаундлендъ, и дожидаться отвѣта.

— Милорду извѣстно, возразилъ чиновникъ,—что его свѣтлости придется ждать около трехъ часовъ пока получитъ отвѣтъ?

— Я подожду!

— Угодно вамъ будетъ продиктовать?

— Лондонъ, 5 ч. вечера. Пустьте самую сильную искру, какую только вы можете извлечь изъ вашего аппарата. Утѣдите меня объ этомъ за минуту.

Лордъ спокойно сѣлъ и сталъ ждать появленія искры. Въ 7 ч. 45 м.—почти послѣ трехъ-часоваго ожиданія—телеграфъ отыгчалъ: „Ст.-Джонъ, на Ньюфаундлендъ. Черезъ минуту вы получите требуемую электрическую искру“. Лордъ вынулъ изъ кармана портсигаръ, взялъ гаванскую сигару лучшаго сорта (Trabiscos), приблизилъ кусочекъ трута къ электрической проводкѣ, который всыхнулъ отъ перескочившей на него искры, закурилъ сигару, заплатилъ слѣдующіе 120 ф. ст. (около 1200 р.) и ушелъ.

Какъ только лондонскіе фаты провѣдали о новомъ способѣ добы-

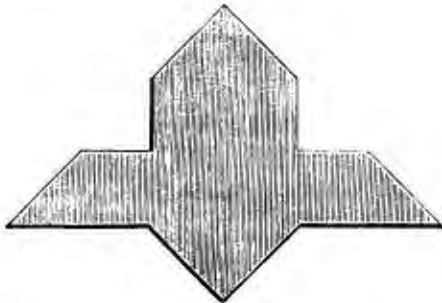
ванія огня съ другой половины земнаго шара, то каждый пожелалъ сдѣлать то же самое. Въ продолженіе многихъ дней ими осаждалось телеграфное бюро, чтобы за 120 гиней зажечь сигару, пока наконецъ имъ эта шутка не обошлась слишкомъ дорого. (А.)

Еще великанъ. Въ настоящее время въ Петербургѣ находится великанъ почти невѣроятнаго роста—3 арш. 3¹/₂ вершка. Великанъ этотъ—отставной унтеръ-офицеръ Николай Семеновъ, уроженецъ Калужской губерніи, Масальскаго уѣзда. Ему сорокъ лѣтъ. Служилъ онъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, имѣлъ Георгія, и во время недавней войны состоялъ въ сводномъ батальонѣ конвоя въ Бозѣ почивающаго императора Александра Николаевича. Въ 1881 году Николай Семеновъ былъ за границей—въ Вѣнѣ, Парижѣ, Брюсселѣ и Берлинѣ, гдѣ предприимчивые прожестеры-иностранцы показывали его за деньги. Теперь, однако, по возвращенію въ Россію онъ не намѣренъ праздно существовать и непременно желаетъ поступить куда-нибудь на службу. (в.)

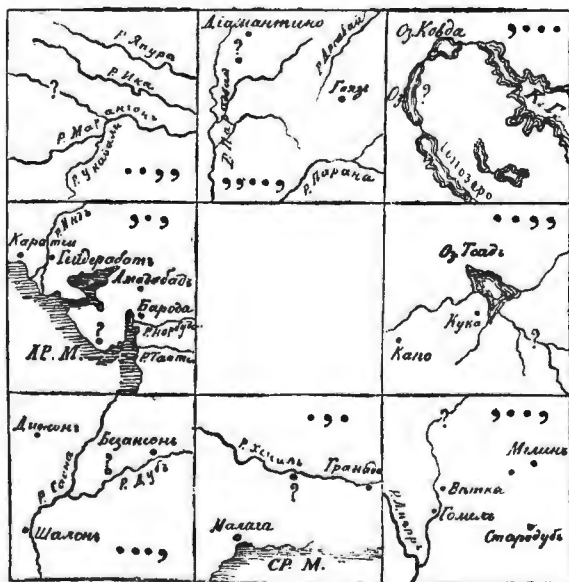
О вредномъ вліяніи сахарина (Saccharin) на здоровье человека. Это, открытое въ началѣ восьмидесятихъ годовъ докторомъ К. Фальбергомъ въ Нью-Йоркѣ, въ каменноугольномъ дегтѣ, вещество есть производное ангидро-орто-сульфаминъ-бензойной кислоты. По сладкости оно въ 300 разъ превышаетъ сахаръ, не разлагаясь къ тому еще въ желудкѣ. Въ видахъ этихъ свойствъ начали имъ замѣнять сахаръ, какъ въ обществѣ, такъ и въ медицинѣ, особливо въ тѣхъ случаяхъ гдѣ запрещается употребленіе этого послѣдняго. Два года тому назадъ однако уже проф. Ягеръ (Jäger) въ Штутгартѣ указалъ на вредныя свойства этого каменноугольнаго сахара. Далѣе наблюдали, что разныя настькомья, особливо пчелы, а также и собаки, легко отличаютъ нищу къ которой прибавленъ сахаръ отъ подслащенной сахариномъ—послѣднюю не трогаютъ. Въ прошломъ году Франція и Португалія вполнѣ запретили ввозъ сахарина, а въ Англіи не дозволяется болѣе его примѣненіе въ пищеваренномъ дѣлѣ. Въ самое послѣднее время и въ Германіи начинаютъ говорить противъ употребленія сахарина. Важны для разъясненія вопросы о вредности сахарина изслѣдованія А. Штифта. Послѣдній подтвердилъ, что онъ не представляетъ питательнаго средства, такъ какъ выдѣляется изъ тѣла вполнѣ неизмѣненнымъ. При употребленіи до 3 граммовъ въ день, сахаринъ дѣйствуетъ нѣсколько слабительно и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаетъ позывъ къ ѣдѣ. Исходя далѣе изъ того предположенія, что обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ обуславливается въ основѣ дѣйствіемъ ферментовъ, Штифтъ также изслѣдовалъ вліяніе сахарина на ферменты желудочнаго и панкреатическаго соковъ. На обоихъ сахаринъ оказалъ весьма замедляющее вліяніе; точно такъ же и д-ръ Гансъ въ Карлсбадѣ свидѣтельствуетъ, что большое количество порошка сахарина замедляетъ пищевареніе бѣлка и мутитъ желудочный сокъ. Коротко сказать, сахаринъ, въ противоположность сахару, не только не имѣетъ никакого питательнаго значенія, но въ то же время весьма вреденъ для здоровья. (Н.)

Геометрическая задача № 70.

Данную фигуру разрѣзать прямыми линіями на 4 части такъ, чтобы изъ нихъ составилъ ся квадратъ.

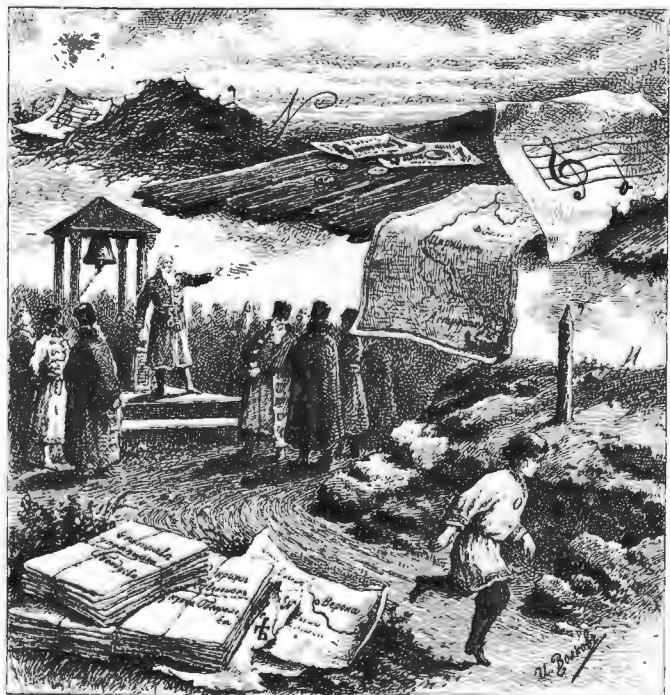
Географическая задача № 71.

Найти по атласу городъ или рѣку, не подписанные въ клеткахъ и отмѣченные вопросительнымъ знакомъ, выкинуть тѣ буквы, которыя придутся на мѣстѣ занятыхъ. Изъ полученныхъ такимъ образомъ буквъ слѣдуетъ составить посредствомъ хода коня русскую пословицу.

*) Предметъ которымъ зажигаютъ трубку: бумага, лучинка и пр.

Ребусъ. Задача № 72.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Н. И. П.—ву, Москва. Намъ весьма пріятно было узнать изъ вашего письма, что „Сборникъ романовъ и повѣстей“, безплатно разосланный г. подписчикамъ при 44-мъ № „Нивы“, превзошелъ, какъ вы пишете, ваши ожиданія, и мы очень благодарны за вашъ лестный отзывъ о немъ.
Для отдѣльной продажи мы „Сборникъ“ не печатаемъ, но у насъ осталось нѣсколько экземпляровъ его, которые и продаются по 2 р., съ перес. по 3 р. 50 к.

Выставка преміи „НИВЫ“ на 1890 годъ.

Въ Конторѣ журнала „НИВА“ (СПБ., Невскій, №. 6), выставлены двѣ **НОВЫЯ КАРТИНЫ ПРОФ. И. И. ШИШКИНА:**

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“ и 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“,

ОРИГИНАЛЫ и олеографическія копии съ нихъ, предназначенныя ВЪ БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ годовымъ подписчикамъ „НИВЫ“ 1890 года.

Дабы дать наглядное понятіе о весьма сложномъ способѣ печатанія олеографій, тамъ-же выставлена коллекція всѣхъ 38 послѣдовательныхъ оттисковъ разными красками, въ порядкѣ ихъ печатанія.—Картины можно обозрѣвать ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 3-хъ до 6-ти часовъ пополудни, при электрическомъ освѣщеніи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1890 года.

Начиная въ 1890 году третье десятилітіе своего существованія, „НИВА“ остается вѣрна своей многосторонней и твердо установленной программѣ чисто-русскаго журнала, благодаря которой въ теченіе двухъ первыхъ десятилітій успѣла обратить на себя вниманіе всего русскаго общества и занять выдающееся положеніе въ средѣ нашихъ періодическихъ изданій, ставъ наиболѣе распространеннымъ и любимымъ журналомъ русской семьи. Россія, русскій народъ, русская исторія и русская жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ — вотъ что попрежнему будетъ главнѣю основой помѣщаемаго въ „НИВѢ“ литературнаго и художественнаго матеріала.

Что касается литературнаго матеріала имѣющаго появиться въ „НИВѢ“ 1890 г., то съ 1-го номера начнется печатаніемъ новое произведеніе знаменитаго нашего поэта **АПОЛЛОНА НИКОЛАЕВИЧА МАЙКОВА**, разсказъ въ прозѣ, подъ заглавіемъ „Марія Петровна Петровъ“. Около двадцати лѣтъ А. Н. Майковъ ничею не писалъ въ прозѣ, и мы убѣждены, что этотъ высоко-художественный разсказъ произведетъ въ кругу нашихъ читателей особенное впечатлѣніе.

Кромѣ того въ портфелѣ редакціи, между прочимъ, приготовлены къ печати:

Н. Д. Ахшарумова: „НЕВѢРНЫЙ СЛУГА“ и „НЕ ТОТЪ“, разсказы. К. А. Бороздина: „ИЗЪ ПРОШЛАГО БЫТА МИНГРЕЛИ“ и „ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ СТАРИКА ЧЕРКЕСА“, очерки. В. И. Бибикина: „ПЕРВАЯ ГРОЗА“, повѣсть. А. Ѳ. Брандта: профессора Харьковскаго Университета: „ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ“ изъ міра животныхъ. Популярно-научныя статьи. А. И. Введенскаго: „Литературно-критическія миниатюры“ (общедоступныя бесѣды о русской литературѣ). Кн. М. Н. Волконскаго: „КНЯЗЬ НИКИТА ФЕДОРОВИЧЪ“, историческ. романъ въ 3-хъ ч. и „СУДЬБА“, разсказъ. В. П. Желиховской: „ТРИ ДѢЙСТВІЯ КОМЕДИИ“, повѣсть.	А. Я. Максимова: „ПОНЪ СИМЕОНЪ“, разсказъ. В. И. Немировича-Данченка: „НА РУССКОМЪ ЮГѢ“, очерки. П. Н. Полеваго: рядъ историч. разсказовъ. Гр. Е. А. Салиаса: „ПАНЪ КРУЛЬ“, историч. романъ. Н. Северина: „ОЧЕРТЯ ГОЛОВУ“, повѣсть. А. К. Сизова: „СОЛОМОНІЯ САБУРОВА“, историч. разсказъ XVI в. А. А. Смирнова: „СКЛИРЕНА“, историческій романъ. А. Соколовой: „СТАРИННЫЙ ВАЛЬСЪ“, разск. К. Тхоржевскаго: „МОЙ ПРІЯТЕЛЬ ДРОБОВЪ“, разсказъ. Ѳ. Ѳ. Тютчева: „АРТЕМІЙ САВАТЬЕВЪ“, разск. Кн. Д. Н. Цертелева: „ИНКОГНИТО“, комедія въ 2-хъ дѣйств.

Стихотвореніе **П. И. Вейнберга**, **В. Величко**, **А. Н. Майкова**, **Я. П. Полонскаго**, **Кн. Д. Н. Цертелева**, **И. И. Ясинскаго**, и друг.

Въ нашемъ художественномъ отдѣлѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ теченіе 1890 г. появится множество портретовъ русскіхъ и иностранныхъ общественныхъ дѣятелей (съ біографіями), сотни оригинальныхъ рисунковъ и копій съ картинъ; сверхъ того, нами заготовлено также множество видовъ русскіхъ городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей, исполненныхъ лучшими художниками и граверами для „НИВЫ“.

Въ отдѣлѣ текущихъ новостей читатели попрежнему найдутъ изображенія и описанія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся явленій русской и заграничной общественной жизни, и весьма подробные обзоры нашихъ Художественныхъ выставокъ — въ видѣ цѣлаго ряда картинъ.

Постоянно обогащая отдѣлъ бесплатныхъ приложеній „НИВЫ“, мы и въ 1890 г. будемъ разсылать подписчикамъ художественно-исполненные въ краскахъ таблицы съ изображеніемъ выдающихся предметовъ отчизновѣдѣнія, въ такомъ-же родѣ какъ изданныя до сихъ поръ: гербы всѣхъ русскіхъ губерній, важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія русскія деревья, грибы и пр. — драгоценный матеріалъ для нагляднаго изученія нашей родины.

Затѣмъ, для удовлетворенія потребностей каждой семьи, при журналѣ „НИВА“ попрежнему будетъ выходить **ОСОБОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“** — выходящее до 500 модныхъ гравюръ въ годъ и до 350 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ, до 400 чертежей выроекъ въ натуральную величину, образцы выпильныхъ работъ и проч.

Устроивъ въ нынѣшнемъ году собственный художественный институтъ въ СПБ., съ персоналомъ выписанныхъ нами изъ-за границы извѣстныхъ мастеровъ, для печатанія красками большихъ олеографій, мы нашли возможнымъ на будущій годъ, вмѣсто одной, дать **ДВѢ ЖИВОПИСНЫЯ ПРЕМІИ:**

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“ и 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“,	{ два новыя произведенія кисти любимца русской публики проф. И. И. ШИШКИНА,—писанныя имъ по нашему заказу для „НИВЫ“.

Обѣ картины (въ 16 вершковъ вышины и 12 вершковъ ширины каждая), соотвѣтствуя одна другой, представляютъ исполненную художественной гармоніи противоположность: величественнаго бора, осѣненнаго бархатистою хвоею, и чернолѣсья съ его веселыми переливами разногѣнной зелени.

Наконецъ, удовлетворяя давнимъ желаніемъ, выраженнымъ многими изъ нашихъ подписчиковъ, мы въ будущемъ 1890 году, выдадимъ третью — литературную премію, **ИЗЯЩНЫЙ ТОМЪ СБОРНИКА** оригинальныхъ и переводныхъ романовъ и повѣстей, обширный по объему и разнообразный по содержанию.

ТАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ВЪ БУДУЩЕМЪ 1890 ГОДУ, МЫ ВЫДАДИМЪ

ТРИ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

<p>Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . 5 Р.</p> <p>Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . 6 Р. 50 К.</p>	<p>Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, Петровскія линіи . . . . . 6 Р.</p>	<p>Съ перес. въ Москвѣ и въ друг. город. и мѣст. Имперіи. 7 Р.</p> <p>За границу . . . . . 9 Р.</p>
--	--	---

Безъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1890 года просить адресовать въ Главную Контуру редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 6. Редакція и издатель „Нивы“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Бонтора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографские расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Барыни-крестьянки. Историческій романъ графа Е. А. Салиаса. Часть II. (Продолженіе). — Тотализаторъ. Газсказъ А. Зарина. (Окончаніе). — Пятилѣтней юбилей русской артиллеріи. П. Полеваго (съ 8 рис.). — Къ рисункамъ: Ромео и Юлія (съ рис.). — Игра въ чурки (съ рис.). — Пиковый король (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Валленштейнъ“ Шиллера. Тама (съ рис.). — Moriamur pro rege nostro Maria Theresia (съ рис.). — Нормя, подстерегающая лису (съ рис.). — Парижская всемірная выставка 1889 г. Свѣтящийся фонтанъ (съ 2 рис.). — Домъ-Луисъ I, почившій король Португальскій (съ портр.). — Португальская королевская чета (съ 2 портр.). — Г. Г. Норсовъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Смѣсь. — Задачи. — Почтовый ящикъ. — О выставкѣ премій „Нивы“ на 1890 г. — О подпискѣ на „Ниву“ 1890 г. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія оперы, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно громкимъ и приятнымъ тономъ, имѣетъ двойное голосо и приспособленъ для громкой и тихой игры. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цена съ 10-ю пьесами 80 руб. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 85 фунт. Сиссокъъ пьесъ для Оркестра-Манопана, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—**бесплатно.** № 4141

Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 36 и 42.—Москва, Кузнецкій м., домъ Захарына.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. ОТРАВА ДЛЯ ВОЛКОВЪ.

Ром-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. Гг. охотники, желающіе получить мои инструменты для отравленія хищныхъ звѣрей, благоволятъ, согласно закону, съ деньгами прикладывать: или удостовѣреніе мѣстной полиціи на право полученія яду, или рѣшеніе мѣстной Земской Управы, или рѣшеніе врача. Порція яду въ триста штукъ съ пересылкой стоитъ шесть рублей. Менѣе не высылаю. № 4152

ЛВЕНШТЕЙНЪ и ГРОЗНИЦЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Ф. И. ВАЛЕВСКІЙ.

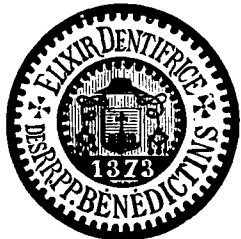
Аптека. Г. Шуя, Владимирской губерніи.

ДЛЯ ОКРАШИВАНІЯ СЪДИНЫ: ПОМАДА, флаконъ 3 р., пересылка 1 р., для удобства: жидкая и густая помада, по полфлакону, цѣна 3 р. 50 к., пересылка 1 р. 50 к. Гороховая ул., д. № 57, магазинъ-парикмахерская Ивановой. № 414

50 лист. и 50 конвер. съ издѣл. буквою	№ 117	1 р. — к.
50 " 50 " " 2-ми букв. связанными	№ 156	1 " 25 "
25 " 25 " " ласточками, 4 рис.	№ 161	1 " 25 "
25 " 25 " " головкой собачки, кошки и обезьяны, 6 рис.	№ 163	1 " 30 "
25 " 25 " " цыганскими пѣснями, 8 пѣсней	№ 171	1 " 50 "
25 " 25 " " цвѣтами, 4 рисунка	№ 171	1 " 25 "

у О. ЛЕВЕНШТЕЙНЪ, Больш. Морская, 15, С.-Петербургъ.

Торговцамъ на 100 коробокъ 25% уступки съ задаткомъ 1/3 части.

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ ВЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛИКЪ (Жироанда) Франція.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 60 к.

За границу Объявленія по на годъ 10 р. 10к. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Скворцовъ-Преображенская, 4. № 4142 8-1 Издатель А. А. Гриве.

Двадцать главныхъ НАГРАДЪ НА РАЗНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ. Приготовленіе и продажа мыла РАЗРЪШЕНЫ МОСКОВСКИМЪ Врачебнымъ Управленіемъ, потому что оно не содержитъ въ своемъ составѣ вредныхъ для здоровья веществъ.

ЛУЧШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО НАХОДИТСЯ ТОЛЬКО ВЪ МАГАЗИНАХЪ

А. РАЛЛЕ и Ко. въ Москвѣ. П. № 4059 4-4

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижовыхъ. Розничная продажа: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

Съ Парижской Выставки!

Эйфелева башня (игра насѣнь), 50 к. — Ящикъ съ фокусами, 1 р., 2 р. и 4 р. — Портфель фокусовъ (10 и 20 фокусовъ), 1 р. 50 к., 2 р. — 30 штукъ головоломокъ (игра въ теріэне) 3 р., съ книгою и китайскими головоломками 5 р. — Америк. никел. столов. часмъ съ ручательств. 3 р. — Машинка для стрижки волосъ людей и животныхъ 7 руб. — Комнатныя фигурчатая кегли (очень изящны), игра 6 руб. — Французскія столов. кегли, нов. игра, 3 р. — Летящая муха (новость), 1 р. 50 к. — Музыкальн. волчекъ 1 р. — Оргорама, новый приборъ для рисованія перспективъ съ красками и проч., 5 р. — Электрич. ночникъ и для закуриванія папиросъ, 5 р. — Гелиоиниаторъ или искусство раскрашиванія красками портретовъ, картинъ, эстамповъ и проч. Ц. 6 р. — Литохромія или искусство обрабатъ гравюры и литографіи въ издѣлнхъ масляныхъ картинъ. Ц. 7 р. — Гелиоиниаторъ и литохромія въѣтъ. Ц. 11 руб. — Авто-фотографъ, посредствомъ коего всякій, даже ребенокъ, можетъ перенести портреты, картинки, гравюры и проч. Ц. 4 р. — Тоже съ приложеніями. Ц. 4 р. 50 к. — Гальванопластика, или искусство золоченія, серебрени, бронзирования и никелированія и т. д. Ц. отъ 5—10 р. — Аппаратъ для золоченія, серебрени и бронзирования. Ц. 2 р. — Опытъ съ электричествомъ, полный приборъ. Ц. 2 р. 50 к. — Работы изъ стружекъ и бересты. Ц. 1 р. 50 к. — Живопись орнаментами. Ц. 2 р. — Каллиграфъ, коимъ каждый можетъ научиться красиво писать. Ц. 1 р. 50 к. — Пантографъ, приборъ для увеличенія и уменьшенія картинъ, плановъ, рисунковъ и проч. Ц. 1 р. 50 к. — Тоже металлическій. Ц. 4 р. — Рисованіе по шаблону. Ц. 1 р. — Механографъ для увеличенія и уменьшенія картинъ. Ц. 1 р. 50 к. — Живопись-самоучка, съ красками. Ц. 2 р. — Дня-архитекторъ. Ц. 2 р. — Кораблестроитель, постройка судовъ по моделямъ. Ц. 3 р. 50 к. — Живописное лото, для изуч. языкъ русск., франц., нѣмекъ. Ц. 1 р. 50 к. — Шахматы. Ц. 2 р. — Шапки. Ц. 1 р. — Волшебные фонари съ наставленіемъ самому раскрашив. картины. Ц. 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р., 4 р., 5 р., до 50 р. — Камеръ-обскуръ, для рисованія съ натуры. Ц. 2 р. 50 к. — Тоже, большія, складныя. Ц. 6 р. — Станокъ для выпиловки по дереву и металлу (работать рукою и ногою) деревянны. со всѣми приложеніями. Ц. 4 р. — Такой-же желѣзный. Ц. 6 р. — Приборъ для дѣланія рамъ изъ багетовъ, съ инструментами. Ц. 6 р. — Электрическая лампа-автоматъ. Ц. 6 р. — Фотографическій аппаратъ—не игрушка, для сниманія съ натуры визитъ и кабинетныхъ портретовъ, видовъ и проч., съ пробн. снимк. и подробн. руковод. (пересылка за 15 фунт.). Ц. 10 р. — Столовая электрическая лампа. Ц. 15 р. (пересылка за 10 ф.), и много другихъ новинокъ съ выставки.

Всѣ вышеозначенныя приборъ съ руководствами. Заказы исполняются немедленно. Каталогъ всѣхъ изобрѣтений за марку въ 7 к.

СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ
О.-Петербургъ, 4 Невскій проспектъ, 4, рядомъ съ Главнымъ Штабомъ. Фирма существуетъ съ 1872 года. Мт. № 4151

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. **но безъ пересылки.**

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптеки или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (86) № 2946

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки.
Они-же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивовъ Клейтона и Шутлорвта въ Англии и знаменитаго завода сѣносносилонъ, имененъ „Дези“ и сноповязалонъ Макъ Кормина въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочный боронъ Рандала и конный грабли Тигръ завода Стодартга, ридовыя сѣлки Саака и проч. № 3959 (15)
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ.
Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутенпопъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

САРПИНКА

отъ 12 коп. аршинъ и дороже.
Собственное приготовленіе изъ высшихъ сортовъ бумажной пряжи.
Новые изящные рисунки, ручное ткачество. Хорошо моется.
Продажа партіонная и розничная.
По требованію — высылаются образцы за казною бандеролью за плату (почтовыми марками):
Въ Альбомѣ, нумерованные, за 40 к.
Въ конвертѣ, пачками, нумерованные, за 30 копѣекъ.
При нихъ условія и указанія пересылки. Выписка образцовъ начнется съ 15-го декабря с. г.
Адресъ: Саратовъ, Торговому дому „А. Бендеръ съ С-ми, А. Степановъ и В. Бендеръ“. Московская ул., д. Т. М. Лобанова.
Телеграммы: № 4145 5-1
Саратовъ. Бендеръ-Степановъ.

ФАБРИКА МЕЛЬХИОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ А. КАЧЪ

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 36.
Рекомендуетъ огромный выборъ новѣйшихъ фасонныхъ, всевозможнѣйшихъ вещей, подражающихъ серебру. Гг. иигороднымъ высылаются иллюстрированныя каталоги, по требованію, бесплатно. № 4111 3-3

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкій Мостъ. Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный складъ для всей Россіи велосипедовъ: Свинотъ, Вишпетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіалъ и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Прессъ-Курьеръ высылаются бесплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Договоръ Фауста съ Мефистофелемъ.
Образецъ гравюры на стали (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте.

Изданіе А. Ф. МАРКА:
Новое большое роскошно иллюстрированное изданіе in folio сочиненія

ГЁТЕ „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю гетампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА, исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Классически образцовый переводъ А. Фета не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журналовъ „НИВА“, СПб., Невскій пр., № 6.

ПОКУПАЙТЕ

лишь обувь, снабженную на подошвѣ нижеприведеннымъ фабричнымъ клеймомъ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

№ 4131 8-2

При Конторѣ изданія „Русскаго Курьера“ имѣется на складѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ недавно появившейся въ свѣтъ уголовный романъ сочиненія В. ЮМА: „ТАЙНА ГАНСОНЪ КЭВА“.
Романъ этотъ разыгрался въ городѣ Мельбурнѣ (въ Австраліи). Онъ имѣлъ колоссальный успѣхъ въ Англии и разошелся въ 300,000 экз. Романъ этотъ, какъ навѣрно нашимъ читателямъ, печатался въ „Русскомъ Курьерѣ“ и обратилъ также на себя всеобщее вниманіе. Цѣна: съ пересылкой на города — 1 р., въ Москвѣ — 75 к., для торговцевъ обычная уступка. Для подписчиковъ „РУССКАГО КУРЬЕРА“ по 75 коп. съ пересылкою. Книга заключаетъ въ себѣ 428 страницъ убористаго и четкаго шрифта. Романъ этотъ можно нѣтъ во всѣхъ известнѣйшихъ книжныхъ лавкахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. № 4114 10-3

АДРЕСЫ въ всѣхъ спеціальныхъ острей и странъ доставляетъ похъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl. - Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. — 5,000.000 адресовъ за 40 коп. почт. марками Франко.

НАТУРАЛЬНАЯ УГАЕНСКАЯ МИНИРАЛЬНАЯ ВОДА
МАТТОНИ
ГИСНЮБЛЕРЪ
Чистый щелочновсѣлный источникъ
ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ И ЗДОРОВЫЙ
СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ
можно вездѣ получить.
600000 (миллионъ) бутылокъ годовою вывозъ.

РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

И. М. ХАЙНОВСКАГО,
Москва, Волхонка, противъ храма Спасителя.

Училищу присвоены всѣ права казенныхъ Реальныхъ Училищъ. Ученики принимаются приходскими, полупансионерами и пансионерами. Здѣсь-же П. № 4098

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ПАНСИОНЪ,

въ которомъ ученики готовятся къ поступленію въ Реальное Училище и прочія учебныя заведенія и волноопредѣляющимся въ полки; приемъ учениковъ въ теченіи цѣлаго года.

МИНИЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Писаетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ министерствахъ и мног. правительствъ, и частныхъ учрежд.
Прессъ-куррантъ, содерж. многочисленныя отомы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ЖИВА

XX г.

г. XX

№ 47

1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к. Выданъ 18 ноября 1889 г.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------

Всѣмъ безъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Подписка на 1889 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. №№ съ преміями.

Аннуциата. Рис. Казимира Тромба, грав. Кренъ.

Литературный альбомъ.
„Римъ“ Гоголя.
Аннуциата.

Попробуй взглянуть на молнію, когда, раскрывши черныя какъ уголь тучи, нестерпимо затрепещетъ она цѣлымъ потокомъ блеска. Таковы очи у альбанки Аннуциаты. Все напоминаетъ въ ней тѣ античныя времена, когда оживлялся мраморъ и блистали скульптурныя рѣзцы. Густая смола волосъ тяжело-вѣсною косою вознеслась въ два кольца надъ головою... Куда ни поворотить она сіяющей снѣгъ своего лица—образъ ея весь отпечатлѣлся въ сердцѣ. Станетъ ли профилемъ—дивнымъ благородствомъ дышетъ профиль, и мечется красота линий, какихъ не создавала кисть. Но чудеснѣе всего, когда глянетъ она очами въ очи, водрузивши хладъ и замиранье въ сердце...

Н. Гоголь.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

Х.

Многіе когда-то знали про неравнодушіе Евгеніи къ красивому столяру, но никто не зналъ, что это была страсть которая пережила все и жжетъ дѣвушку и теперь. Макарь Макаровичъ, видя что Евгенія молчитъ про монастырь, тоже думалъ, что ея увлеченіе давно прошло.

А Евгенія продолжала мучиться мыслями о разбитомъ счастіи. И за это время, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, она старалась всячески примириться со своею горькою долей, но не могла. За это же время баринъ-князь, добрейшей души человекъ, неотступно, упорно ухаживалъ за ней, ласкалъ ее, дарилъ всякую мелочь. Вскорѣ послѣ отъѣзда владѣлицы-сестрицы князь вызвалъ Евгенію къ себѣ въ Прачешное, якобы для починки бѣлья. Евгенія долго пробыла въ имѣніи князя, въ его домѣ, и почти цѣлыя дни была вмѣстѣ съ нимъ, но замѣтно скучала.

Однажды князь прямо предложилъ дѣвушкѣ остаться у него полною хозяйкой.

Князь самъ не зналъ, не понималъ, да и не давалъ себѣ труда объяснить почему и какъ въ свои годы онъ вдругъ привязался къ простой дворовой дѣвушкѣ. Правда, слегка она напоминала ему его первую и серьезную привязанность, тамъ, за границей. Онъ мысленно называлъ Евгенію именемъ Оттиліи.

Ему казалось, что въ этой російской обстановкѣ, въ такомъ помѣщичьемъ гнѣздѣ, какъ Прачешное, была необходима хозяйка и подруга, непременно такая же простая. Молодая дѣвушка, или женщина изъ его среды, на которой бы онъ могъ жениться, казалась ему чѣмъ-то совершенно неподходящимъ, ни къ нему, ни къ усадьбѣ.

Онъ чувствовалъ, что сталъ старъ, вдругъ распустился, обдѣнился, обрюзгъ и физически, и умственно. Разумѣется, опытъ говорилъ ему, что, благодаря большому состоянію, ему легко жениться въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Но будетъ-ли та, которую отдадутъ за него не иначе какъ поневолѣ, счастлива съ нимъ? Будетъ-ли любить его? А именно этого-то ему и хотѣлось. Простая крѣпостная, или дворовая дѣвушка можетъ его полюбить. Онъ для нея если и старымъ покажется, то все-таки будетъ баринкомъ, княземъ, не ровней.

И все, что думалъ, все о чемъ разсуждалъ самъ съ собой Илья Петровичъ, приводило его все болѣе къ этой мысли.

Князь конечно не могъ ожидать того отпора, что встрѣтилъ со стороны Евгеніи. Дѣвушка отказалась наотрѣзъ съ первыхъ же словъ объясненія. И съ тѣхъ поръ отношенія между ними завязались странныя.

Пробывъ около двухъ недѣль въ Прачешномъ, Евгенія вернулась въ Березополье и не согласилась принять отъ князя ни одного подарка и ни гроша денегъ, кромѣ двухъ кусковъ ситцу на платъ.

Князь сталъ ѣздить раза по два въ недѣлю въ Березополье, подъ предлогомъ повидаться съ Макаромъ Макаровичемъ, но исключительно затѣмъ, чтобы повидать дѣвушку. Онъ останавливался въ двухъ горницахъ барскаго дома, гдѣ когда-то жила Прасковья Андреевна. При этомъ, по распоряженію управителя, Евгенія смотрѣла за горницами, подавала ему чай и кушанье. Это она дѣлала съ полной охотой и предупредительностью.

Князь постоянно говорилъ ей все объ одномъ и томъ же; предлагалъ выкупить ее у Прасковьи Андре-

евны на волю, приписать въ городскія мѣщанки, или въ купчихи, и затѣмъ сдѣлать полною хозяйкой у себя.

Евгенія съ тѣмъ же упорствомъ отвѣчала отказомъ. Она насмѣшливо предлагала князю купить ее у Прасковьи Андреевны, насильно увести въ Прачешное, причемъ обѣщала, при первой возможности, удавиться, или утопиться. И чѣмъ болѣе упорствовала Евгения, тѣмъ ласковѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грустнѣе становился добрейшій „тройкій якъ“.

Макаръ Макаровичъ, все видѣвшій и замѣчавшій, сначала моталъ головой, а потомъ сталъ искренно жалѣть князя.

— Ишь, какое мѣсто наше диковинное Березополье! думалъ и говорилъ Макаръ Макаровичъ. — Все неподходящія привязанности образуются.

Но при этомъ Трубецкой сознавался, что послѣ брака бывшей княжны съ крѣпостнымъ человекомъ, ничему уже нельзя удивляться.

Видя, наконецъ, что привязанность князя становится чѣмъ-то серьезнымъ, Макаръ Макаровичъ сталъ уже открыто на его сторону.

Когда Макаръ Макаровичъ намекнулъ однажды Евгения, что вѣроятно въ ней еще крѣпко сидитъ та прежняя любовь, изъ-за которой она въ монастырь собиралась, то Евгения горячо и краснорѣчиво стала убѣждать старика, что привязанность ея къ Милованову была пустая, отъ нечего дѣлать, о которой она теперь и думать забыла. И при этомъ дѣвушка съумѣла такъ убѣдительно нагнать, что Макаръ Макаровичъ поневолѣ повѣрилъ.

И вотъ теперь, при извѣстїи, что князь покушаетъ Березополье, Евгения была поражена, потрясена до глубины души. Ей чудилось что-то роковое въ сочетаніи этихъ обстоятельствъ. Илья Петровичъ становился по закону и обыкновеннымъ порядкомъ ея владѣльцемъ. Она же—его рабой волей-неволей.

Князь—владѣлецъ Березополя—являлся ей въ иномъ свѣтѣ.

Быть хозяйкой тамъ, въ Прачешномъ, не казалось ей привлекательнымъ; но здѣсь, гдѣ она родилась,—здѣсь, гдѣ всѣ кругомъ ей знакомы давно, гдѣ иные дворовые выше ея по своему положенію,—здѣсь быть полною хозяйкой, здѣсь всѣмъ завѣдывать, всѣмъ повѣлывать—это представлялось ей въ иномъ видѣ.

Если князь дѣйствительно такъ полюбилъ ее, какъ говорить, какъ сама она видитъ, то, конечно, она безъ труда можетъ совершенно завладѣть имъ. Недаромъ самъ Макаръ Макаровичъ говорить, въ всякій, а тѣмъ паче она, можетъ изъ князя веревочки и тесемочки вить. Онъ душой младенецъ неповинный.

Да, это правда! И она это чувствуетъ. А если это такъ, то чѣмъ же будетъ она здѣсь, въ Березопольѣ? Тѣмъ, чѣмъ никогда не бывала сама Прасковья Андреевна. Она жила здѣсь какъ въ ссылкѣ, въ опалѣ, въ ежовыхъ рукавицахъ своего отца, освободившись-же тотчасъ уѣхала. А она, Евгения, будетъ если не по закону, то на дѣлѣ, настоящею барыней-помѣщицей. И все кругомъ будетъ въ ея рукахъ, а люди во двору и на селѣ будутъ какъ бы ея холопы.

XI.

Но вмѣсто того, чтобы тотчасъ разсудить и рѣшить тотъ вопросъ, который нежданно сталъ предъ ней, она невольно вернулась мысленно въ свое прошлое, стала вспоминать многое и многое горькое, мучительное... все что пережила за послѣднее время.

Съ тѣхъ поръ, что любимый ею человекъ сталъ лю-

бимцемъ ея помѣщицы, а затѣмъ и мужемъ, съ тѣхъ поръ, что она неудачно покушалась на свою жизнь, ея душа будто уходившая и едва не ушедшая изъ тѣла, вернулась въ нее иная.

Да, въ ней теперь иная душа!

Евгенія чувствовала, что отъ этой роковой пробы умереть—она страшно перемѣнилась. Она, во-первыхъ, замѣчала, что стала какъ бы много умнѣе. Это замѣчали и другіе. Но они не знали еще другой перемѣны въ ней, которую дѣвушка сердцемъ своимъ невольно чувствовала и сознавала.

Сердце подсказывало ей, что она стала злая. Цѣлый мѣсяцъ послѣ того, что княжна Прасковья Андреевна вышла въ Москву со своимъ возлюбленнымъ и стала госпожей Миловаповой, Евгенія, оставшаяся здѣсь, день и ночь думая о нихъ, день и ночь страшно мучилась и изнывала. И всѣ ея ощущенія, всѣ мысли, всѣ желанія сводились только къ одному—къ жаждѣ мести.

Отмстить имъ обоимъ—вотъ чего желала она и на что изыскивала средства.

Разумѣется, дѣвушка видѣла ясно, что ей, крѣпостной и сиротѣ, не было и тѣни возможности отомстить этимъ врагамъ. И даже посоветоваться было не съ кѣмъ. У нея не было даже ни одного родственника, который бы могъ быть ей въ помощь.

Да и какъ отмстить? Соперница и измѣнникъ живутъ, какъ сказываютъ, за двѣ или за три тысячи верстъ отъ нихъ, у синяго моря.

Да если-бъ они были и въ Россіи, что можетъ она? Вѣдь не взять же ей ножъ и зарѣзать барыню-соперницу!..

Разумѣется, бывали минуты, въ которыя Евгенія представлялось убійство Прасковьи Андреевны дѣломъ возможнымъ. Сгорая отъ страсти, ревности и злобы, Евгенія порой чувствовала въ себѣ достаточно силъ броситься на ненавистную ей Прасковью Андреевну хоть съ топоромъ въ рукахъ. Но спустя часъ или два, послѣ порыва, она начинала только плакать и рыдать, и видѣла себя въ совершенно безвыходномъ положеніи.

Разумѣется, теперь она отпосилась ко всему прошлому нѣсколько спокойнѣе.

— Вернуть ничего нельзя, а убиваться зря по немъ—много чести будетъ! все чаще уговаривала Евгенія сама себя.

И вотъ вдругъ теперь надо рѣшить нѣчто роковое, что само наступаетъ на нее и требуетъ рѣшенія.

Князь ее любящій—березопольскій помѣщикъ!..

Евгенія сидѣла теперь на травѣ подъ деревомъ совершенно недвижно, вполне забывъ все окружающее. Великій посторонній, увидавъ ее въ эту минуту, догадался бы, что съ ней происходитъ что-то особенное. Она тяжело дышала, лицо ея то блѣднѣло, то алѣло, глаза всныхивали и потухали, голова ея клонилась на грудь, и она то сидѣла понурившись, какъ бы подъ гнетомъ тяжелыхъ мыслей, то вдругъ выпрямлялась и оглядывалась надменно и горделиво кругомъ себя, но безсознательно. Глаза ея видѣли въ чащѣ лѣсной Богъ вѣсть что—все то, что роилось въ горячей головѣ.

Прошло много времени съ тѣхъ поръ, что дѣвушка пришла сюда. И когда она вполне очнулась, то поднялась, тяжело и глубоко вздохнувъ. Ей показалось, что она приходила сюда похоронить что-то; здѣсь, на этомъ мѣстѣ, гдѣ она сидѣла, будто оказалась кака-то могила. Ей чудилось, что двинувшись отсюда, она пойдетъ на другую жизнь. Здѣсь произошелъ какой-то новый разрывъ съ прошлымъ, и съ этого мгновенія начинается иное, если не вполне радостное, то и не печальное, во всякомъ случаѣ лучшее.

— Да, тихо поговорила Евгенія вслухъ.—Если здѣсь, въ Березопольѣ, то это—другое дѣло.

И вдругъ улыбувшись, гордо выпрямившись и сверкнувъ глазами, дѣвушка прибавила:

— Да неужели это правда? Неужели это будетъ? Неужели я могу?.. готова?.. согласилась?

И вдругъ въ сердце ея закралась боязнь, такая боязнь, о которой еще утромъ не было и помину. Она удивилась бы, еслибы ей наканунѣ предсказали подобное чувство. Она испугалась, что именно теперь, сегодня, въ этотъ часъ, когда рѣшается на важный, роковой шагъ, онъ, князь, именно теперь встрѣтитъ ее холодно и высокомерно.

Быть-можетъ и онъ порѣшилъ все вновь и иначе. Она отрицается отъ недавняго прошлаго и хочетъ забыть его; быть-можетъ и онъ точно такъ же отрѣшился отъ всѣхъ своихъ мечтаній и встрѣтитъ ее насмѣшливой улыбкой, жесткими словами и глянеть на нее, какъ князь Березопольскій на „свою“ дворовую дѣвку Евгенію.

„Нѣтъ, пустое!“ подумала она. „А если и есть перемѣна, такъ съумѣй вернуть педавнее... Вонъ она съумѣла взять, что хотѣла, а ей было много мудренѣе моего. Празднуетъ теперь! Ну, и ты съумѣй!“

И Евгенія двинулась изъ рощи, загадочно улыбаясь.

Вернувшись въ усадьбу, дѣвушка вышла на дорогу отъ дома къ церкви, обсаженную съ боковъ большими липами. Дорога эта, вѣрнѣе аллея, была чрезвычайно красива. Разросшіяся деревья почти сходились верхушками посрединѣ, нижнія вѣтви тщательно подрѣзались и густая зелень накрывала какъ бы куполомъ гладкую и твердую дорогу.

Этою аллеей отъ усадьбы до храма особенно съ любовью занимался Макарь Макаровичъ. Именно этотъ въездъ въ Березополье клалъ на всю усадьбу особый отпечатокъ не русскаго, а иностраннаго мѣстечка.

Евгенія вышла на аллею неподалеку отъ „перваго“ домика; остановилась и прислушалась. Все было тихо. Не было никакихъ признаковъ, чтобы ожидаемый гость находился уже въ усадьбѣ. Глаза Евгеніи случайно упали на домикъ, который красиво ютился между большими деревьями со стороны дороги и зеленью прилегающаго къ нему цвѣтника.

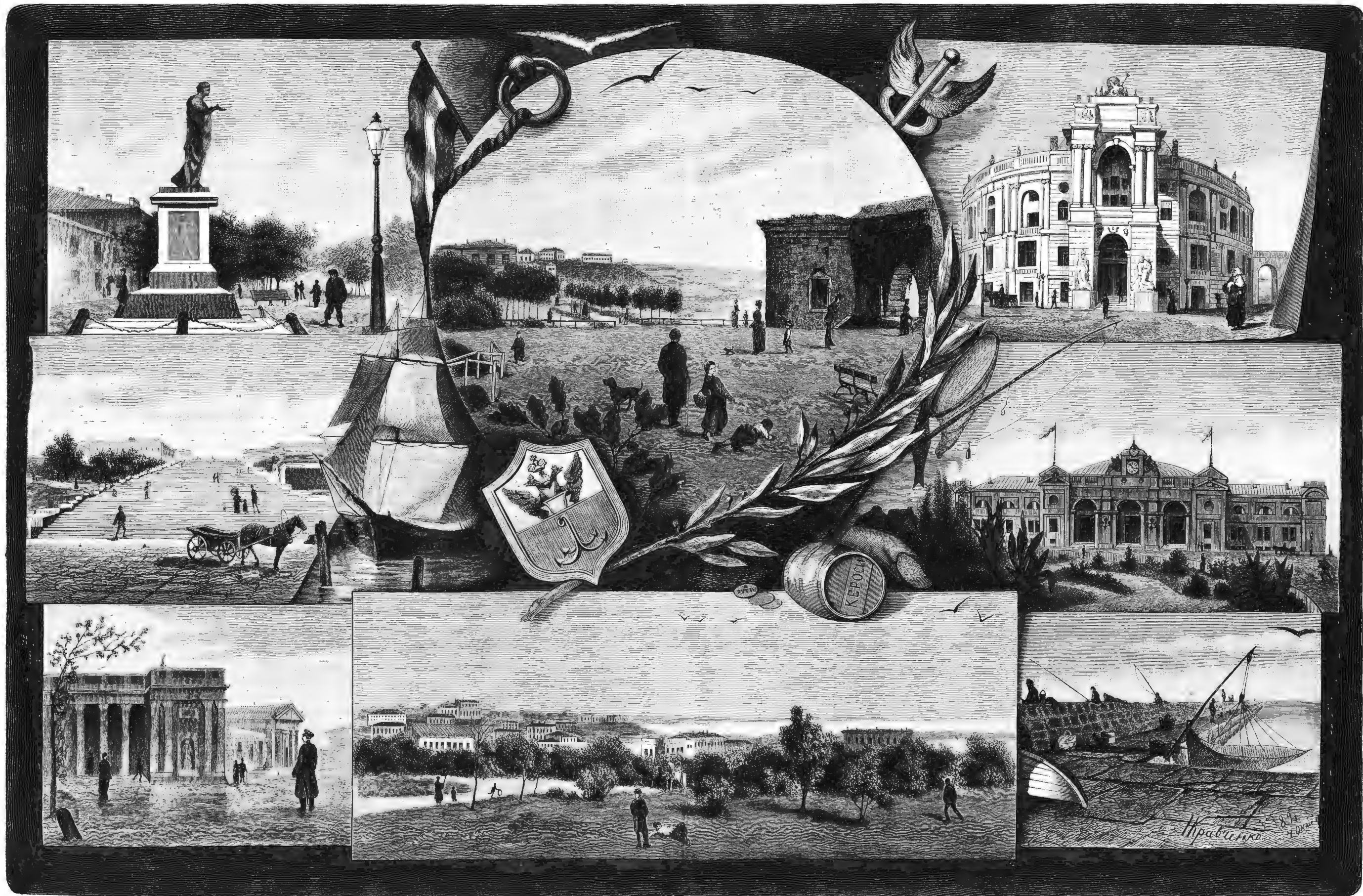
Въ этомъ домикѣ была одна большая перемѣна. Онъ былъ не таковъ, какимъ привыкли видѣть его обыватели уже за нѣсколько лѣтъ. Теперь домикъ былъ выкрашенъ розовою краской, какимъ бывалъ когда-то, во времена оны, еще при дѣдѣ теперешней владѣлицы. Къ нему теперь вело другое крыльцо, большое, просторное, съ деревянными стѣнами и съ большими окнами, нѣчто въ родѣ будки. Въ окнахъ виднѣлись горшки съ цвѣтами. Теперь, въ ненастное время года, холодъ ужъ не могъ попрежнему врываться сразу прямо въ горницу.

Съ противоположной стороны домика была тоже пристроена большая терраса, съ которой шли ступеньки въ отдѣльный палисадникъ съ клумбами сплошь покрытыми цвѣтами. Часть барскаго цвѣтника была отдѣлена для домика и огорожена красивою зеленою рѣшеткой. Съ боку тоже была пристройка, но каменная. Въ ней помѣщалась новая кухня и жила прислуга.

Какъ снаружи, такъ и внутри, домикъ былъ отдѣланъ заново, просто, но красиво. Внутри все измѣнилось—отъ стѣнъ до мебели. Теперь это не былъ домикъ, въ которомъ могла жить дворовая женщина съ сыномъ-столяромъ. Въ немъ могла бы теперь поселиться любая помѣщица.

Разумѣется, все это было сдѣлано для той старушки, которая жила попрежнему здѣсь, но уже не въ качествѣ дворовой женщины, а въ качествѣ свекрови самой владѣлицы.

Евгенія, стоя теперь и глядя на этотъ домикъ, разглядывала и крыльцо, и террасу, и палисадникъ такъ, какъ если бы увидѣла все это въ первый разъ. Или,

Сотая годовщина присоединения Одессы къ Россіи. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Иравченко, грав. Рашевскій.

Памятникъ первому градоначальнику Одессы, герцогу Ришелье.
Лѣстница съ Николаевского бульвара на Приморскую улицу.
Городская Дума, Музей древностей и Публичная библиотека.

Видъ на городъ съ новаго бульвара, устроеннаго барономъ Витте.
Видъ на городъ съ пороховаго погреба (въ Александровскомъ паркѣ).

Новый городской театръ.
Жельзнодорожная станція.
Новопостроенный молъ, называемый „Сахалиномъ“.

быть-можетъ, иными глазами смотрѣла она теперь, съ иными мыслями. Или прежде ей не приходило на умъ внимательно присмотрѣться къ преобразившемуся домику, который свидѣтельствовалъ о преобразившемся общественномъ положеніи его обитательницы.

„Да“, думалось Евгеніи, „только деньги имѣть, да власть имѣть—и все будетъ! Иное покажется чудомъ, а смотришь—совсѣмъ не чудо, такъ все просто выходитъ. А люди дивятся, кричатъ, и думаешь, что они вѣки-вѣчные кричатъ будутъ. Смотришь—привыкли, старое забыли, а новое кажетъ имъ совсѣмъ не чудеснымъ, а что ни на есть простымъ. Скажи вотъ кому годъ назадъ, какой зтотъ домикъ будетъ и какъ въ немъ будетъ жить Лукерья Егоровна, и чѣмъ будетъ Егоръ, и гдѣ будетъ? Мужемъ княжны и съ ней въ заморскихъ земляхъ. Чтѣ-бы на это отвѣтили? А теперь все такъ, и всѣ привыкли, и никому не диковинно. И къ тебѣ привыкнуть!“

— Да, но этакого мнѣ мало! вдругъ добавила Евгенія вслухъ, какъ будто предвидущимъ разсужденіемъ хотѣла себя убѣдить въ чемъ-то. — Нѣтъ, мнѣ мало этого! прошептала она снова.—Онъ—въ барскомъ домѣ, а я—въ этакомъ флигелькѣ! Право, лучше бы ничего. И иначе нельзя.. покуда... А тамъ видно будетъ!..

XII.

Евгенія двинулась вдоль аллеи къ барскому дому и вдругъ остановилась. До слуха ея долетѣли звуки бубенчиковъ на дворѣ. Она прислушалась внимательно и убѣдилась, что это—не обманъ слуха. Дѣйствительно, вѣтерокъ, пахнувшій въ ея сторону, принесъ ей ясно бряцанье и звяканье бубенчиковъ и голоса людей.

— Пріѣхалъ! вымолвила она шепотомъ.

И медленной походкой двинулась она снова къ дому, чтобы пройти мимо, вернуться къ себѣ и ждать обычнаго приглашенія Макара Макаровича явиться служить пріѣзжему князю.

Въ эту же минуту изъ воротъ дома показалась дорожная карета шестерикомъ красивыхъ сѣрыхъ лошадей. Экипажъ, слѣдуя на конный дворъ, двинулся къ ней навстрѣчу и наконецъ поравнялся съ нею. Форейторъ и кучеръ, завидя ее, тотчасъ же низко раскланялись, поспѣшно снимая шапки и наклоняясь такъ, какъ привыкли кланяться только господамъ.

— Евгеніи Степановнѣ, наше почтеніе! крикнулъ толстый, бородастый кучеръ съ высокихъ козелъ и, на дѣвая шапки, выговорилъ:

— Сто лѣтъ вамъ здравствовать и хорошѣть!

Евгенія кивнула головой ласково, но отчасти снисходительно улыбаясь, и вымолвила:

— Здравствуйте!

Но такъ тихо, что не только кучеръ, но и форейторъ, поравнявшійся съ ней въ это мгновеніе, не слышали привѣтствія.

Не успѣла дѣвушка пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ изъ тѣхъ же воротъ выѣжалъ лакей князя, изрѣдка пріѣзжавшій вмѣстѣ съ нимъ. Онъ быстрыми шагами приблизился къ ней, еще издали снявъ шапку и тоже предупредительно раскланялся. По поклонамъ этихъ людей видно было, что они будто чуютъ нѣчто, не только возможное, но почти вѣрное въ недалекомъ будущемъ.

— Все-ли въ добромъ здоровьи? произнесъ лакей, лстиво пригибаясь и продолжая держать святой картузъ въ рукахъ, не смотря на то, что прорвавшійся сквозь зелень лучъ солнца палилъ ему лысую голову.

— Слава Богу. Чтѣ князь?

— Ничего-съ. Здоровы и веселы. Сейчасъ у Макара Макаровича о васъ спрашивали, гдѣ вы и какъживаете. И что вышло-то! прибавилъ онъ, смѣясь.—Потѣшно! Макарь Макаровичъ отвѣтилъ, что вы, якобы,

уѣхали въ губернію и невѣдомо когда будете назадъ. Князь такъ и потемнѣлъ. Сейчасъ издохнуть, коли вру. А Макарь Макаровичъ говоритъ: „не сердчайте, я пошутить.“ А князь его по плечу рукой и цапнулъ, ажно Макарь Макаровичъ присѣлъ. „Убьете“, говоритъ.—„А вы, говорить князь, такъ не шутите!“ Ну, раземѣялись оба и пошли. Виновать-съ, мнѣ некогда—на конный дворъ послали, прибавилъ лакей, какъ если бѣ Евгенія задерживала его.

И, снова поклонившись, онъ пустился далѣе на рыскахъ.

А Евгенія осталась на томъ-же мѣстѣ, лицо ея оживилось радостнымъ блескомъ. Эти нѣсколько словъ, слышанныхъ отъ лакея о шуткѣ Трубецкаго, имѣли для нея теперь громадное значеніе. Все слышанное сразу уничтожило чувства болзни и сомнѣнія, которыя закрались ей въ душу послѣ ея долгаго раздумья въ роцѣ.

— Потемнѣлъ! повторила она слова лакея.—„А вы такъ не шутите...“ Стало-быть, шутка Макаровича его хватила по сердцу. Стало-быть новаго и бѣдоваго—ничего нѣтъ. Все по старому. Ну, если такъ, то надо его малость самую потревожить, помучить. Мужчины, что дворяне, что холопы—всѣ на одинъ покрой. Что больше служишь, то больше мытарятъ. Что больше противничаешь, то больше ластятся.

И затѣмъ, постоявъ мгновеніе, Евгенія прибавила:

— Что жъ надумать? Куда спрятаться? Вездѣ разыщутъ въ полчаса времени. Вѣдь не уходитъ же въ роцъ. Да вонъ, кажется, и гроза собирается.

Дѣйствительно, въ воздухѣ некло, было особенно душно и тихо. Изрѣдка только проносился порывомъ вѣтерокъ. А на небосклонѣ за церковью выступала туча темною полосой. И на этомъ сизомъ небосклонѣ ярко сіяли кресты храма.

„Вотъ бы тутъ и вѣнчаться!“ вдругъ мелькнуло въ головѣ Евгеніи, совершенно противъ ея воли, какъ если бы чей-то голосъ ей шепнулъ это я такъ внезапно, что она сама будто испугалась.

— Все пустое! И это еще далече. Теперь стумѣй свить веревочку изъ него, какъ спазываетъ Макарь Макаровичъ, а остальное все само въ руки пойдетъ.

Дѣвушка повернула назадъ, думая о томъ, куда ей уйти, чтобы въ продолженіе часовъ двухъ или трехъ управитель не могъ нигдѣ разыскать ее и позвать къ князю. Но идти было окончательно некуда. И въ ту минуту, когда Евгенія уже рѣшалась поневолѣ идти домой, глаза ея снова упали на крылечко перваго домика.

— Вотъ куда! проговорила она, но остановилась и помотала головой.

Уже цѣлыхъ четыре мѣсяца, какъ перестала она бывать у старушки, къ которой когда-то приходила чуть не всякій день. Это отчужденіе отъ матери того, кто сдѣлалъ ее несчастною, явилось само собой, поневолѣ, не изъ мести, а съ горя.

Послѣ брака Милованова, Евгенія не находила въ себѣ силы войти въ этотъ домикъ, гдѣ когда-то она проводила лучшія минуты своей жизни.

Только разъ весной, узнавъ, что Лукерья Егоровна уже болѣетъ второй день, очень плохо, пожалуй, можетъ умереть, Евгенія рѣшилась и пошла къ старушкѣ. Она нашла ее въ постели, въ полузабытѣи, и посидѣла у нея около часу. Но Лукерья Егоровна почти не открывала глазъ и не замѣтила присутствія дѣвушки.

Съ тѣхъ поръ Евгенія видѣла старушку только издали на крыльцѣ и въ палисадникѣ, иногда изрѣдка кланялась ей, но не подходила.

Однажды, отправляясь къ обѣднѣ, случилось ей встрѣтиться съ ней на этой самой аллеѣ. Лукерья Егоровна садилась въ свою пролетку, чтобы ѣхать тоже въ церковь, и увидя Евгенію, позвала съ собой.

— Нѣтъ, спасибо! отгрызнулась дѣвушка.—И и цѣни-

комъ дойду. Вамъ подобаетъ въ господскихъ пролеткахъ ѣздить, а мы, дворянъ, должны пѣшкомъ ходить, или въ телѣгахъ ѣздить.

Старушка свѣтлымъ, кроткимъ и лишь отчасти укоризненнымъ взоромъ отвѣтила на эти слова и прибавила вздохнувъ:

— Евгеньюшка, никто тутъ не виноватъ. Одинъ одного любить, а другой — другаго. Такъ на міру. Дѣвушка одного полюбить, а онъ — другую. А что ты меня бросила — грѣхъ тебѣ! И вашего счастья съ Егорушкой не желала, но и не перечила. Такъ думала и полагала, будь что Господу угодно. Вышло вотъ совѣтъ негаданное и печальное. Ну, стало-быть, такъ и быть должно. А тебѣ на меня сердце имѣть не приходится. Вотъ тебѣ, голубушка моя, Евгеньюшка, моя отвѣдъ по сердцу, по правдѣ. Не хочешь ко мнѣ ходить — не ходи, Богъ съ тобой!

И уставъ отъ длинной рѣчи, отъ такого количества словъ, какихъ давно сразу не выговаривала старушка, она слегка задохнулась. Потомъ, отдышавшись, доплелась она къ пролеткѣ, ожидавшей ее въ аллеѣ, съ трудомъ влѣзла и уѣхала.

Евгенія стояла истуканомъ. Она ничего не отвѣтила старухѣ, потому что нечего было отвѣчать. Она знала, что все это — правда. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она знала, что не бываетъ въ этомъ домикѣ не ради злопамятства, или мести, а просто потому, что невыносимо тягостно самое себя видѣть въ тѣхъ же горницахъ, гдѣ все говорить о пережитомъ и похороненномъ счастьи.

Послѣ этой встрѣчи уже прошло много времени. Евгенія нѣсколько разъ видѣла Лукерью Егоровну, но издали, и кланялась ей только тогда, когда видѣла, что старушка замѣчаетъ ее. И вдругъ теперь ей пришло на умъ войти въ этотъ домикъ.

Удивясь сама себѣ, Евгенія мысленно спросила себя, почему теперь, именно сегодня, она рѣшается на это въ первый разъ послѣ отъѣзда и брака Милованова.

Стало-быть, то, о чемъ думала она такъ долго въ роцѣ, имѣло дѣйствительно вліяніе на нее. Стало-быть, дѣйствительно она похоронила что-то на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣла въ роцѣ. Стало-быть, дѣйствительно начинается и даже чувствуется начало новой жизни.

— Да, чудится, прошептала Евгенія, — какъ-будто вдругъ оборвалось на душѣ и затерялось все это, прежнее.

XIII.

Евгенія бодро и смѣло вошла на крыльцо, отворила двѣ двери одну за другой и очутилась въ первой горницѣ, гдѣ когда-то стояла кровать старушки, но теперь была уже совершенно другая комната, нѣчто въ родѣ гостиной. Во второй горницѣ, гдѣ прежде работала и спала Миловановъ, была теперь спальня старушки. И изъ этой же комнаты слышался слабый голосъ ея, что-то приказывавшій ея собственной служанкѣ. А женщина, ходившая за Лукерьей Егоровной, была не кто иная, какъ та же Марѳа, которая когда-то, вмѣстѣ съ Евгенией, была приставлена къ бывшей княжнѣ.

Когда Евгенія появилась на порогѣ, старушка невольно ахнула.

— Что такое? озабоченно произнесла она. — Съ худыми вѣстями что-ли?

— Нѣтъ, я къ вамъ въ гости, проговорила Евгенія, невольно смущаясь и краснѣя.

— Ну, слава Богу! Давно пора! отозвалась веселѣе Лукерья Егоровна. — Иди, садись. Ты не подумай чего, это такъ у меня вдругъ сказало, а не то, чтобы я сердилась на тебя. Давно не бывала, вотъ мнѣ и померещилось. Марѳа, тащи-ка ей вонъ стульчикъ побольше.

Марѳа, странно, печально-недружелюбнымъ взглядомъ смѣривъ Евгению, взялась подвигать тяжелый стулъ, но дѣвушка быстро бросилась сама за этимъ стуломъ. Взглядъ Марѳы много сказалъ ей...

— Ну, что жъ? Стало-быть ты перестала на меня гнѣваться? добродушно выговорила Лукерья Егоровна. — Положила гнѣвъ на милость? И хорошо это, дѣвушка. Ты противъ меня ничего имѣть на сердцѣ не можешь. Помнишь, что я тебѣ тогда, по веснѣ, на дорожкѣ сказывала. То-же и опять скажу.

— Не надо, не надо, Лукерья Егоровна. Оставимъ это... Что объ этомъ вспоминать?

И говоря это, Евгенія оглянулась въ горницѣ. Теперь здѣсь было уже все не то, что въ тѣ дни, когда здѣсь жилъ рѣзчикъ по дереву. А между тѣмъ сколько воспоминаній соединяются съ этой горницей, сколько возникло въ ея памяти отрадныхъ минутъ, проведенныхъ здѣсь, вмѣстѣ съ нимъ!..

Старушка будто почувала мысли Евгени и вдругъ вымолвила:

— А помнишь, Евгеньюшка, тутъ мой соколикъ бывало все ковырлетъ, да соритъ, въ этой самой вотъ комнатѣ. Помнишь, бывало, ты придешь, и начинаете вы съ нимъ полѣно какое ковырять, якобы изъ него кошку, или птицу дѣлать. А теперь-то онъ, мой родной, гдѣ?.. За тысячу верстъ и болѣе. А помнишь какъ я вась ввечеру накрыла ненарокомъ и какъ вы перепужались меня?.. А тоже помнишь, бывало...

Но старушка не договорила, потому что Евгени вдругъ схватила себя за голову, и закрывъ вспыхнувшее лицо, выговорила совершенно упавшимъ голосомъ:

— Ахъ, бросьте, бросьте... Не надо поминать...

Но черезъ минуту дѣвушка снова выпрямилась, почти гордо откинула голову, глянула на старушку сухими неприязненно сверкнувшими глазами и произнесла странно звенящимъ голосомъ:

— Сдѣйствуй-ли всякую пустяковину вспоминать! Я тогда съ дуру втемяшила себѣ въ голову, что, якобы, Егоръ Ивановичъ приглянулся мнѣ. Глупа была... Теперь что же грѣха таить: я бы, пожалуй, по дѣвической глупости своей и замужъ за него собралась, да спасибо вы не допустили. Все блажь одна была.

— Что ты? Что ты? кротко изумляясь проговорила Лукерья Егоровна. — Вонъ какъ теперь...

— Ну, какъ вы поживаете? продолжала Евгенія, какъ бы не понимая ни изумленія, ни словъ старушки. — Какія вѣсти имѣете отъ скороспѣлаго своего барина-сына изъ-за моря синяго, Хвалыскаго?

И Евгенія сухо, отчасти раздражительно разсмѣялась, будто въ насмѣшку надъ чѣмъ-то.

Вѣроятно въ лицѣ Евгени, въ ея голосѣ, въ смѣхѣ и даже въ этомъ одномъ рѣзкомъ словѣ было что-нибудь особенное, потому что Лукерья Егоровна молчала и пристально смотрѣла на нее, какъ бы слегка озадаченная. Но тотчасъ же она поняла все.

— Лгешь ты стало, Евгеньюшка! зачала наконецъ головой старушка. — Не сирота все это. Сидитъ въ тебѣ бѣсъ... Не вылазаетъ, все сидитъ. А пора бы ему вылѣзти. Ходи чаще въ храмъ Божій, молись больше. Или замужъ, что-ли, выходи скорѣе. Злоба-то и уходитъ, стааетъ...

— Что вы, Лукерья Егоровна! притворно удивилась Евгенія.

— Знаю я, голубушка, что я Лукерья Егоровна! воскликнула старушка, горячо и взволнованно. — А вотъ ты не знаешь, Евгенья-ли ты, али другая кака! Бѣсъ въ тебѣ застрялъ, обуялъ тебя, надъ тобой, стало-быть, владеетъ. И гдѣ теперь дѣвушка Евгения, куда дѣвалась — никому невѣдомо. Ты не ухмыляйся! Я тебѣ умное сказываю. Я никогда дурой не была. Теперь старость меня одолѣла, болѣсти да хворости. А вотъ, бываетъ, толкнетъ меня кто словомъ какимъ нехорошимъ, я опять на минуточку умная сдѣлаюсь. А вотъ теперь, Евгеньюшка, ты меня толкнула и больнехонько. Бѣсъ въ тебѣ сидитъ! Ты — не Евгения, какая была, а другая. Сказываю тебѣ: или въ монастырь

иди, Богу молиться, или замужь выходи, дѣтей наживай. Съ другимъ человѣкомъ слюбится, тогда все позабудется... Бѣсъ-то этотъ самый изъ тебя и выйдет. Охъ, устала! Много наговорила...

И старушка, которой было вредно волненье, такъ какъ она страдала легкими припадками удушья, прислонилась къ спинкѣ своего кресла, закрыла глаза и начала тяжело дышать.

Евгенія не отвѣчала ни слова и стала смотрѣть въ окно на цвѣтникъ, который былъ передъ домикомъ.

„Бѣсъ сидитъ!“ мысленно повторила она. „Да, истинная правда. Золотая правда! Да, во мнѣ бѣсъ сидитъ. Но я не хочу, чтобы его выгоняли изъ меня, чтобы вышелъ онъ. Пускай сидитъ! Онъ мнѣ—не помѣха, а въ помощь, чтобы натворить все то, что я хочу“.

Молчаніе длилось довольно долго, покуда старушка не отдышалась совсѣмъ.

— Ну, вотъ что, дѣвушка, произнесла Лукерья Егоровна.—Мы съ тобой больше объ этомъ поминать не будемъ. Мало-ли о чемъ другомъ можно говорить! Ты ко мнѣ ходи. У меня теперь, знаешь, и чаю, и сахару вволю. И сливочекъ приказано со скотнаго двора доставлять. Я теперь барыней живу. Этакъ я, пожалуй, еще годика два лишнихъ протяну на свѣтѣ. Не то что прежде. Помнитесь мнѣ, давно ли, всего годика за три назадъ, сама съ ведромъ за водой бѣгала, и въ морозъ. Помнитесь мнѣ, какъ Егорушка меня за это разъ чуть не побилъ, разсмѣялась вдругъ дрыблымъ смѣхомъ старушка.—Помнитесь, разъ онъ, поковыривши, уснулъ, а мнѣ воды надоть. А нѣтъ ея. А на дворѣ—морозъ. Я ведро взяла, да и сходила до колодца. Тащусь назадъ, замерзла, а онъ меня ищетъ. Да какъ увидаль меня съ ведромъ-то, да всю посинѣлую, какъ шаркнетъ навстрѣчу мнѣ! „Я, говоритъ, тебя, матушка, бить буду, исколочу до полусмерти, коли ты въ другой разъ за водой пойдешь“,—ей Богу! Какъ теперь вотъ помню. Съ тѣхъ поръ я и перестала.

И помолчавъ, старушка вымолвила:

— Ну, вотъ что, дѣвушка, ты вѣдь теперь стала, говорятъ, грамотная: можешь-ли ты мнѣ прочесть писаное письмецо отъ Прасковьи Андреевны?

— Извольте, выговорила Евгенія нерѣшительно.

— Ну, вотъ встань-ка, возьми... Возь на постели-то подъ подушкой. Я, какъ получу, такъ всегда ночки двѣ, три силю на писаныи этомъ, а потомъ ужъ въ шкатулочку запру. И отъ этихъ самыхъ писемъ мнѣ по ночамъ чудно грезится, что я съ ними, либо здѣсь въ домикѣ, либо гдѣ въ невѣдомыхъ краяхъ.

Евгенія поднялась, достала изъ-подъ подушки сложенный листокъ бумаги и, снова усѣвшись, съ разстановкой, нетвердымъ голосомъ начала читать четкій почеркъ Прасковьи Андреевны.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и пожеланій здоровья и спокойствія, Прасковья Андреевна писала своей свекрови, что они живутъ попрежнему тихо и мирно, въ томъ-же городѣ, гдѣ много иновѣрныхъ церквей и духовенства. Мужъ ея продолжаетъ учиться и водится все съ такими-же учащимися, какъ и онъ самъ. Люди это все хорошіе, хотя и не русскіе, а изъ разныхъ другихъ земель. Онъ много работаетъ и скоро предстоитъ ему окончить большую куклу, за которую онъ можетъ получить похвалу и награду.

Все письмо Прасковьи Андреевны къ старушкѣ было положительно объ ея сынѣ, объ его занятіяхъ и успѣхахъ. Все оно было писано въ особыхъ выраженіяхъ, какъ-бы приноравливаясь къ пониманію ребенка. Вездѣ стояло слово: „кукла“ и только разъ было прибавлено въ скобкахъ: „или статуя“.

Когда Евгенія прочла все письмо, оно ей сообщило мало новаго. Все это слыхала она вскользь въ разговорахъ съ Макаромъ Макаровичемъ. Она знала, что Миловановъ въ Римѣ, что онъ учится дѣлать изъ глины

большія изображенія людей, а рѣзбу свою по дереву совсѣмъ бросилъ. Было однако нѣчто, что удивило дѣвушку при чтеніи письма. И окончивъ его, она спросила у старушки съ отѣнкомъ удивленія въ голосѣ:

— Что-жъ это такое, Лукерья Егоровна? Какъ она называется Егора Ивановича?

— Кто то-есть? не поняла старушка вопроса.

— Прасковья Андреевна. Какъ она называется его... ну, вашего сына? прибавила Евгенія, какъ-бы не имѣя силы произнести словъ: „своего мужа“.

— Не пойму я, дѣвушка... это что-жъ—Юрья что-ли?

— Да-съ.

— А это она его такъ звать стала уже давно. Еще въ Москвѣ. Сейчасъ, какъ повѣнчались. Я ужъ и приехала. А это тебѣ вновь. Какъ они за море поѣхали, такъ я отстудова получила письмо, а въ немъ Прасковья Андреевна и прописала, что не будетъ больше Егора, а будетъ Юрья или Юрья Ивановичъ. Такъ и вы, говорить, приказывайте отписывать и снаружи велите писать: Юрьѣ Ивановичу, стало-быть, Милованову.

— Да это чудно. Нешто Юрья и Егоръ одно?

— Ужъ не знаю, голубушка. Батюшка сказываетъ, что слѣдъ-бы лучше звать Георгіемъ Ивановичемъ, а а это, говорить... по каковски-то... не упомяну. По татарски, что-ли.

XIV.

А въ Березопольѣ была легкая сумятица.

Пока Евгенія сидѣла у Лукерьи Егоровны, пять человѣкъ дворовыхъ, разосланныхъ управителемъ, цѣлый битый часъ бѣгали и искали дѣвушку, обшаривая все Березополье. Они обошли всѣ надворныя строенія и службы и даже ткацкій корпусъ, и ливились съ отвѣтомъ что ея нѣтъ нигдѣ. Тогда снова посланные, двое отправились на село разспрашивать крестьянъ, не видали-ли они Евгенію; другіе двое обошли весь садъ и рощу, непрерывно клича Евгенію Стенановну. Пятый отправился къ церкви, въ томъ предположеніи, что дѣвушка въ гостяхъ у священника. Всѣ пятеро вторично вернулись съ тѣмъ-же отвѣтомъ: „Нѣтъ нигдѣ!“

Макаръ Макаровичъ, уже слегка смущаясь, передалъ извѣстіе князю. Илья Петровичъ смутился еще болѣе.

— Да, знаетъ-ли она, спросилъ онъ,—про эту новость, что я покупаю Березополье?

Макаръ Макаровичъ собирался было солгать, ради успокоенія князя, но духу у него не хватило, и онъ вымолвилъ виновато:

— Знаетъ-съ... Я ей сегодня объ этомъ сказалъ.

— Ну, Макаръ Макарычъ... произнесъ князь, поднимая руки, и не договорилъ.

Онъ сѣлъ на ближайшій стулъ. Его голосъ и жестъ какъ-бы говорили:

„Что вы надѣлали! Вы все погубили!“

— Успокойтесь! Полноте, заговорилъ Трубецкой.—Что же можетъ быть? Гдѣ-нибудь, помилуй Богъ, просто въ рощѣ... Не разыскали лѣнтяи. Черезъ полчаса сама окажется! Что-же можетъ быть?

— Что можетъ быть?! воскликнулъ князь.— Да все! Пошла, да и утопилась! Вы не понимаете! Вѣдь она воображаетъ, что я, въ качествѣ будущаго ея барина, послѣ покупки Березополя, могу съ ней сдѣлать все, что хочу. Она будетъ моя крѣпостная. Сколько разъ я ни говорилъ ей, что если куплю ее у сестрицы, то дамъ ей отпускную и даже припишу въ мѣшанское общество,—она никогда не вѣрила. Вотъ теперь испугалась, что будетъ крѣпостная моя, да и наложила на себя руки. Ахъ, Макаръ Макарычъ, что вы надѣлали! Вѣдь если къ ночи она не найдется, то я тогда... И не знаю самъ, тогда что будетъ! Вы вѣдь ничего...

— Да, полноте, успокойтесь! Ради Создателя успокойтесь! Спаси Боже, ничего нѣту. Найдется! Сама явится черезъ часъ. Богомъ божусь вамъ.

— Вы ничего не знаете, продолжалъ князь, не слу-

А. Г. Рубинштейнъ (по поводу 50-лѣтняго юбилея). Съ фот. Ясвойна, грав. для „Нивы“ Геданъ въ Лейпцигѣ.

шяя.—Вы ничего не видите и не понимаете, не хотите понимать! Вы думаете: такъ это... прихоть... придурь?... Ошибаетесь! Я и самъ не знаю, что такое! Пророчество треклятое дядюшки моего покойнаго. Онъ мнѣ, будто гадалка какал, все расписалъ, какъ на картахъ, или на кофейной гущѣ. И вотъ, какъ говорилъ князь Андрей Ивановичъ, такъ вотъ точка въ точку все и исполняется. Помню, какъ теперь, говорилъ: „Ошалѣешь ты въ одиночествѣ, пожелаешь жизни семейной отвѣдать, да на цыганкѣ на какой или на вѣдьмѣ и женишься!“ Ну, покуда дѣло идетъ, благодаря Бога, не о цыганкѣ и не о вѣдьмѣ, да и не о женитьбѣ. А все-таки похоже. Что-жъ теперь?! Поднимайте всѣхъ на ноги... Всю дворню... Пойдемъ всѣ искать. И я пойду... Ахъ, Макаръ Макарычъ!..

Видъ князя, его потемнѣвшее лицо, тусклый взглядъ, совершенно сразилъ Трубецкаго. Онъ быстро двинулся въ швейцарскую чтобы приказать созвать дворовыхъ людей для поисковъ дѣвушки, уже не обращая никакого вниманія на то, что это произведетъ общій соблазвъ. Но первая же личность, которую увидѣлъ Трубецкой, была сама Евгенія. Онъ вскрикнулъ на весь домъ и бросился къ ней.

Евгенія сидѣла на лавкѣ въ прихожей, и при восклицаніи Макара Макаровича удивилась и смутилась.

— Гдѣ ты пропадешь? Тебя, спаси Богъ, цѣлхъ сто часовъ шукали вездѣ. Чуть рѣчку всю не приказали черпаками вычерпать, думая, что ты утопла. Гдѣ ты была, помилуй Богъ?

— У Лукерьи Егоровны, отозвалась Евгенія.

Макаръ Макаровичъ взялъ дѣвушку за руку и потащилъ въ горницы.

— Иди, иди! проговорилъ онъ, какъ если-бъ Евгенія упиралась.—Не мое дѣло! Приказано и тащутъ! Богъ съ вами совсѣмъ, съ обоими! Одурѣешь, спаси Боже!

Макаръ Макаровичъ отворилъ дверь комнаты, гдѣ сидѣлъ князь, впустилъ туда Евгенію и, затворивъ за ней дверь, вышелъ изъ дому.

Когда дѣвушка появилась вдругъ на порогѣ, втолкнутая управителемъ, Илья Петровичъ, не смотря на свою тучность, вскочилъ и бросился къ ней почти бѣгомъ.

— Слава Богу! воскликнулъ онъ.—Господи помилуй, до чего напугался я!

И онъ заикался Евгенію вопросами, гдѣ она была, гдѣ пропадала и что съ нею приключилось.

— Я все время просидѣла у Лукерьи Егоровны, отозвалась Евгенія, лукаво заглядывая своими зеленоватыми глазками въ лицо князя.

Его оторопѣлая и растерянная фигура сразу многое сказала дѣвушкѣ.

Князь взялъ ее за руку, посадилъ въ кресло и сѣлъ около нея.

— Какъ ты меня напугала! повторилъ онъ нѣсколько разъ, не выпуская ея руки.

— Да отчего же такъ?

— Да вѣдь я думалъ, ты на себя руки наложила.

— Что вы! Зачѣмъ же? тихо произнесла Евгенія.

— А затѣмъ, что я Березополье покупаю... Испугалась, что будешь моя крѣпостная, ну, стало быть, и надо—бултыхъ въ воду.

— И все это вы напрасно! отозвалась Евгенія лукаво.— Зачѣмъ мнѣ топиться? Всѣ радуются въ Березопольѣ, что вы будете нашимъ баринкомъ. И я тоже... А то мало хорошаго, что помѣщица наша теперь сама якобы крестьянка, да уѣхала въ заморское государство и не вѣсть когда вернется. А вы будете здѣсь жить—всѣмъ хорошо будетъ. Всѣ знаютъ, что такого добраго да ласковаго по всему свѣту не разыщешь другаго. Вотъ теперь купите вотчину, будемъ мы ваши крѣпостные, и я тоже...

— Нѣтъ, ты не будешь крѣпостною. Тебя я, при совершеніи купчей, отпущу на волю.

— Не нужно мнѣ этого! Что мнѣ въ этой волѣ? Куда я съ ней пойду? По міру болтаться, христорад-

ничать или въ услуженіе наниматься къ какой-нибудь барынь, которая драться будетъ. Здѣсь я жива, сыта и довольна. Ничего мнѣ не нужно!

— Ну, здѣсь будешь жить, но только вольная.

— Да зачѣмъ это?

— А затѣмъ, чтобы ты не помышляла, что ты крѣпостная и отъ меня зависишь. Теперь ты меня терпѣть не можешь, а тогда, можетъ быть, будучи вольною, совсѣмъ иначе чувствовать будешь.

— Полноте, Илья Петровичъ! Что вы, будто махонькій! Если васъ всѣ въ Березопольѣ любятъ, то я еще пуще всѣхъ и всѣхъ послушливѣе буду...

Князь выпрямился, зорко глянулъ въ лицо дѣвушкѣ...

— Да не смѣй ты мнѣ про это сказывать! закричалъ князь визгливо.—Тысячи разовъ я тебѣ сказывалъ—не послушанія мнѣ надо! Больше я съ тобой никогда и говорить не стану. Какъ купчая совершится, такъ тебя на волю—и подальше отсюда, чтобы мнѣ не видать тебя! Не хочу я тебя и видѣть. Пойми ты, не изъ мести, а съ глазъ долой—легче ставеть.

— Грѣхъ это вамъ будетъ, отозвалась Евгенія.— Куда я пойду?

— Куда хочешь! Я тебѣ денегъ дамъ! Ну, приданое, что-ли... Выйдешь за кого захочешь замужъ. За городскаго мѣщанина какого-нибудь. Только сюда ни погой, чтобы мнѣ тебя не видѣть. Пойми ты. Вѣдь ты не глупая. Вѣдь мнѣ тяжело видѣть тебя! А будешь ты замужняя—еще того горше.

Князь крѣпко стиснулъ руку ея своими обѣими толстыми руками, затѣмъ поднялся и, быстро отойдя къ окну, сталъ смотрѣть въ садъ.

Евгенія осторожно, искоса глянула на его толстую фигуру, заслонившую весь свѣтъ изъ окна, и стала приглядываться, не понимая, зачѣмъ убѣждалъ онъ и что дѣлаетъ тамъ. Онъ стоялъ, опершись руками на подоконникъ, будто внимательно разглядывалъ что-то въ саду, но вмѣстѣ съ тѣмъ, плечи его какъ-то слегка подергивались или встряхивались.

И Евгенія вдругъ внутренно ахнула. Ей почудилось, что Илья Петровичъ, этотъ пожилой, почти старый толстякъ, просто плачетъ, какъ малый ребенокъ. И въ первый разъ съ той минуты, что она знала князя, у нея сказалось что-то къ нему на сердцѣ. Что-то шевельнулось хорошее, теплое, участливое.

Она быстро поднялась съ мѣста, тихо приблизилась сзади и убѣдилась вполне.

Илья Петровичъ всхлипывалъ.

Евгенія положила руку ему на плечо и заглянула ему въ лицо.

— Что же это вы? вымолвила она, изумляясь.

Князь вздрогнулъ, обернулся къ ней.

— Что же это вы? повторяла Евгенія, невольно смущаясь и не зная, что сказать.—Зачѣмъ плакать? Я думала...

— Что ты думала?! воскликнулъ князь.— Ты думала—шутки, прибаутки, прихоти, барскія затѣи! А я и самъ не знаю, что во мнѣ къ тебѣ... Самъ не знаю, какъ и когда и что такое приключилось. Одно помни, Евгенія, что изо-всѣхъ березопольскихъ служителей, самый покорный къ тебѣ будетъ вотъ этотъ — Илья Петровичъ князь Березопольскій. Что захочешь—то и будетъ. Хотя жизнь бери! Моя жизнь никому ни на что не нужна и мнѣ не нужна, такъ нечего мнѣ ею дорожить!

Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги и голосъ Трубецкаго.

Евгенія испуганно рванулась отъ князя и отскочила на нѣсколько шаговъ.

— Подите, умойтеся! нехорошо! увидятъ!.. Уходите! шаловливо и смѣясь прошептала она, махая на него руками.

Илья Петровичъ, уже смѣясь радостно, повернулся и шибко, чуть не на рыскахъ, побѣжалъ изъ комнаты въ противоположную дверь.

(Продолженіе будетъ).

Въ современной Одессѣ.

Вас. М. Немировича-Данченко. (Рис. на стр. 1176 и 1177).

Правду говоря, какіе несчастные люди — мы, съверяне, съ нашими холодами и туманами, дождями и неожиданными сюрпризами, на которые такъ щедро русская равнина! Мнѣ не разъ приходилось думать объ этомъ, сидя на Одесскомъ приморскомъ бульварѣ и любуясь безконечною далью голубаго моря, такъ привольно во всё стороны раскидывающагося за здѣшними молами. Солнце свѣтитъ во всю, не боясь никакихъ предостереженій со стороны покрытаго мглою и тучами полюса. И какъ свѣтитъ—въ каждой волнѣ отраженное, играетъ оно передъ вами въ безконечномъ разнообразіи тоновъ и бликовъ. То почти серебряною глазурью покрытое море стелется и чуть колыхается у тихихъ береговъ, то забѣгаютъ и заколышутся на немъ голубыя тѣни... Колыхнутся, сливаются и скоро все—и небо, и море, и берегъ тонуть въ какомъ-то царствѣ призрачной воздушной лазури. Не знаешь даже, миражъ это или дѣйствительность. Боишься, вотъ-вотъ повѣетъ вѣтеръ и унесетъ съ собою и эти фантастическія краски, и это спокойствіе—идиллическое спокойствіе „свободной стихіи“. А надъ тобою шепчутся вѣтви громадныхъ акацій, тихо шепчутся, точно имъ страшно нарушить эту задумчивую дрему. И лица кругомъ — не ваши. Подвижныя, веселыя, открытыя. Ни подозрительныхъ взглядовъ, ни робкихъ точно недоделанныхъ движеній, ни этой авемической блѣдности, ни этихъ глазъ безъ всякаго выраженія, точно съ заснуваго судака перенесенныхъ на людскія лица. А вспомните нашу Балтику съ ея грозно сѣрыми волнами, съ ея пахмурившимся небомъ, съ котораго и солнце-то смотритъ точно изподлобья. Памятню становится при этомъ и съверная раздражительность, и наши больные, измученные нервы, и нашъ вѣчный разладъ, усугубляемый еще зудомъ безпричинной злости, которая поѣдомъ ѣстъ насъ всѣхъ.

Говорятъ, что здѣсь нѣтъ общественной жизни. Я думаю, что это вѣрно для тѣхъ кто является сюда съ предвзятымъ высокомернымъ представленіемъ о провинціи. Для тѣхъ здѣсь дѣйствительно нѣтъ общественной жизни. Но какъ же ея можетъ не быть въ городѣ, гдѣ такъ много и всѣ работаютъ, гдѣ главнымъ образомъ на общественныя сооружеія, общественныя интересы, общественныя вопросы обращается вниманіе? Ея не можетъ не быть тамъ, гдѣ ступили за какія-нибудь что лѣтъ пересоздать улицы, площади, выстроить великолѣпный театр, излѣченное зданіе для музея и библиотеки, гдѣ наконецъ только для мѣстной публички и для сравнительно небольшого района появилось столько крупныхъ газетъ. Впрочемъ, что-жъ и говорю „появилось“? Появилось—не диво. Появилось и умирало вездѣ не мало и дурныхъ, и хорошихъ изданій — но здѣсь создалась, окрепла и держится „большая пресса“, къ которой—безъ различія направленій—принадлежатъ: *Одесскій Вѣстникъ*, *Одесскій Листокъ*, *Новороссійскій Телеграфъ* и другія. Что-жъ, и это тоже признаки отсутствія общественной жизни? Значитъ она есть, но ея не умѣютъ повать. Если подь общественною жизнью понимать наши петербургскіе клубы, — то, слава Богу, что такой общественной жизни здѣсь меньше чѣмъ у насъ. Ею дорожить нечего. Наконецъ, не говори уже о газетахъ—здѣсь развивается и крѣпнетъ университетъ—что-жъ, развѣ и это одно изъ доказательствъ отсутствія общественной жизни? Нигдѣ, въ остальной Россіи такъ ярко и рѣзко не высказываются общественныя симпатіи и антипатіи, нигдѣ не относятся такъ дружно къ тому что заслуживаетъ осужденія или похвалы. Неужели и это признакъ застоя и омертвѣнія? Право, въ этомъ отношеніи не разъ приходилось закидывать Одессу противъ недовольныхъ ею одесситовъ. Впрочемъ, самое недовольство это происходитъ изъ весьма почтеннаго источника. Дѣло въ томъ, что требовательность одесситовъ только доказываетъ что они могутъ сдѣлать гораздо большее, чѣмъ то что сдѣлали,—ну, и слава Богу! Будущее, значить, за ними и оно очень не далеко. Очень недалеко то время, когда Одесса явится на Югѣ такимъ-же крупнымъ факторомъ, какимъ на Сѣверѣ у насъ оказываются Москва и Петербургъ. Что въ данномъ случаѣ я не преувеличиваю—могутъ убѣдиться тѣ, кто лѣтъ десять здѣсь не былъ. Милости просимъ—пріѣзжайте и посмотрите! Будьте только добросовѣстны, и вы сами скажете, что одесситы и ихъ городское управленіе не терли своего времени даромъ. Сами одесситы даже не въ состояніи такъ оценитъ совершеннаго ими прогресса. Мужъ, видящій свою жену ежедневно, не замѣчаетъ перемены, совершающихся въ ней измѣнъ. Вѣдь въ жизни большаго города—восемь, десять, двѣнадцать лѣтъ вовсе ужъ не такая крупная цифра чтобы многого требовать отъ такого короткаго времени... Тѣмъ не менѣ здѣсь вы можете потребовать многого—и ваши требованія будутъ удовлетворены полностью.

Возьмемъ хоть одесскую улицу: она дѣйствительно интересна...

Здѣсь все живетъ на ней. Въ каменныхъ тѣняхъ домовъ остаются немногіе, за то улица кишмя-кишитъ народомъ, живетъ во всю, не зная мѣры и усталости. Здѣсь всѣ чувствуютъ себя дома и ловко, всѣ у себя и всѣмъ хорошо. Вглядитесь въ эти толпы мелькающія подъ густою тѣнью пышно разрастающихся акацій. Кого вы только здѣсь не найдете! Локоть о локоть—итальянцы, греки, евреи, греки, молдаване, чехи, персы, армяне, турки, ибъны, фран-

цузы—все это суетится, шумитъ, о чемъ-то беспокоится, неистово жестикулируя, невѣдомо что и кому объясняя, тутъ-же на ходу совершая крупныя сдѣлки. Въ кофейняхъ—итальянскія и греческія газеты, французскія, нѣмецкія, англійскія, — не говори о нашихъ, возбуждаютъ споры, толки. Все чуткое, все впечатлительное, все на лету схватывающее и на лету глотающее, все умѣющее во „времени“ отыскать не только деньги, но и удовольствіе, все преувеличенное, какъ преувеличеннымъ кажется для насъ съверяне и это солнце, и это небо, и это море... Тинъ одессита тоже очень рѣзкими штрихами вырисовывается передъ нами. Онъ совсѣмъ особый, *свой*, выросшій здѣсь, на этой горячей лѣтотѣ и холодной зимою почвѣ. Поэтому въ немъ вмѣстѣ съ увлеченіемъ жужжания живутъ и растутъ внутренняя энергія и крѣпость чисто стальныя. Онъ легкомысленъ *новодимому*, его легкомыслие *кажущееся*; онъ легкомысленъ потому, что остроуменъ, потому что точно помню его самого въ немъ рождаются всевозможныя удачныя сопоставленія, мѣткія фразы, смѣшныя опредѣленія, часто противорѣчивыя но всегда внуздывающія вѣсть, встраивающія вашу съверную апатию. Одесситы привыкъ считать и мѣрить по своему. Его счетъ начинается не съ единицы, а прямо съ тысячи—въ этомъ отношеніи этотъ русскій Тартаренъ ждетъ своего Альфонса Доде. Но знаи это, вы никогда не обманетесь. Привычка быть постоянно на улицѣ на глазахъ у всѣхъ — вызываетъ въ немъ нѣкоторую презрительную, пренебрежительную ко всему сухость. Въ сущности же онъ чувствуетъ и чувствуетъ сильно—только не выдаетъ этого. Снособъ его выраженій поражаетъ съверянина не только образностью и яркостью красокъ, но и смѣлостью оборотовъ, быстротой ихъ. Вы чувствуете что въ этихъ смуглыхъ и курчавыхъ головахъ, мозговой аппаратъ работаетъ несравненно живѣе, чѣмъ у насъ. Оно и понятно. Здѣсь солнце не только въ небесахъ—во и въ крови у людей. Этимъ объясняется въ Одессѣ многое. Всѣ недостатки одесситовъ и ихъ достоинства...

Не стану толковать о направленіи одесскихъ газетъ. Я скажу только что за Одессой—громадная заслуга. Печать не только здѣсь пустила корни, но и поднялась на невиданную въ провинціи высоту. Говорятъ, она страдаетъ различными недугами. Будемъ же справедливы—ну, а мы чужды имъ? Говорятъ, тамъ мало талантовъ—ну, а у насъ ихъ много? Говорятъ, случается, онѣ преслѣдуютъ цѣли не всегда заслуживающія одобренія,—ну, а наша столичная печать вполнѣ безгрѣшна? Надо помнить одно: въ сравнительно небольшомъ уголкѣ Россіи, ступили выросты и завоевать себѣ нѣсколько большихъ газетъ, которыя ведутся хорошо. Репортерская часть ихъ, напримѣръ, поставлена отлично, корреспондентовъ много и письма ихъ обстоятельны. Въ предѣлахъ возможности — мѣстные интересы разрабатываются прекрасно. Здѣсь есть все что есть у насъ—различіе только въ одномъ. У насъ все это получить легко, потому что лучшія силы провинціи стремятся въ Петербургъ, и выбирать есть изъ чего; а здѣсь все надо было создавать на мѣстѣ. Одесская печать своими сотрудниками даетъ уже средства къ жизни—а этого мало? Въ ней есть нѣсколько именъ живущихъ въ литературѣ, литературу и для литературы исключительно. Въ одной изъ газетъ редакцію которой случайно поспѣхатъ мнѣ—вся редакція не знаетъ ни городской, ни коронной службы. Она служитъ только печати. Это симитомъ не маловажный, когда имя: „сотрудникъ такой-то газеты“ изъ названія дѣлается званіемъ.

Ростъ провинціальной печати—явленіе, симпатичнѣе котораго я не знаю. Мы можемъ только привѣтствовать его отъ всей души, пожелаемъ ей устоять отъ всякихъ климатическихъ переменъ, не поблекнуть и не обезлиствѣвъ преждевременно...

У меня оказалось въ Одессѣ очень много знакомыхъ—и я нашелъ у нихъ то, чего не находилъ въ Петербургѣ. Здѣсь много библиотекъ у частныхъ лицъ—и дѣло книжныхъ магазиновъ идетъ весьма успѣшно. Послѣднее въ провинціи есть дѣло чисто *любительское*. Стою за это названіе. Надо очень *любить* книгу, чтобы служить ей такимъ образомъ. Книготорговля не даетъ барышей. Если она позволяетъ жить — слава Богу; въ большинствѣ случается она *разоряетъ* любителя. Послѣдній вмѣстѣ съ книгами долженъ продавать бумагу, чернила, куклы, помаду, духи, чтобы какъ-нибудь извернуться. И въ Петербургѣ мало покупаютъ книги—что-жъ говорить объ областныхъ читателяхъ! Всюду образованный человѣкъ въ западной Европѣ, разъ онъ имѣетъ свою квартиру, обзаводится своею библиотекой. Квартира безъ книжнаго шкапа тамъ то же, что костюмъ безъ жилета, напримѣръ; чего-то недостаетъ, есть какое-то непримичіе, бѣшаетъ въ глаза, пробѣлъ, пустота, которую надо носкорѣй зашпаклевать... У насъ совсѣмъ иное дѣло. Мы, не будучи охотниками, навѣсимъ у себя ружей, охотничьихъ роговъ, патронташей, заведемъ даже необыкновенно уродливыя кресла въ видѣ семинарскихъ рогатыхъ силлогизмовъ, но что касается книги, то скажите на сколько петербургскихъ квартиръ приходится хотя бы по одному книжному шкапу? И если стоитъ такой, то онъ именно „среди долины ровныя на гладкой вы-

Пятидесятилѣтній юбилей А. Г. Рубинштейна. Сцены изъ важнѣйшихъ оперъ А. Г. Рубинштейна. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Полянова, грав. Шюблеръ.
 „Купецъ Калашниковъ“. Актъ II, сцена III.
 „Купецъ Калашниковъ“. Актъ I, сцена V.
 „Мажневъ“. Актъ III, сцена II.

„Горюша“.
 „Демонъ“.

„Демонъ“. Актъ III, сцена I.
 „Демонъ“. Актъ III, сцена II.
 „Неронъ“. Актъ II, карт. II, сцена III.

соѣдъ,—сиротствуетъ такъ жалостно, что за него больно: и съ чего ты влѣзъ сюда, голубчикъ, думается, кому ты здѣсь нуженъ?

Наша индустрія, къ тому-же, въ послѣднее время придумала уже совсѣмъ великую, особеннымъ ароматомъ пахнущую глупость — это фиктивные книжные шкапы. Въ самомъ дѣлѣ существуютъ не только фиктивные биржевыя и конкурсыя сдѣлки, фиктивные векселя, фиктивные браки, — существуютъ — и фиктивные книжные шкапы, гдѣ вмѣсто книгъ стоятъ только пыльные корешки для нихъ, съ красиво отпечатанными именами авторовъ — причемъ, по вдохновенію какого-нибудь столяра Гаврилова — поставщика сей умственной пищи — А. Пушкинъ обращается въ Апушкина, Гоголь въ Гегеля; для мепи подобный книжный шкапъ является всегда нѣкоторымъ

патентомъ рекомендуемымъ его обладателю. Смотришь и думаешь: зачѣмъ, душа моя, понадобились тебѣ эти футляры гг. Апушкиныхъ и Гегелей написавшихъ „Мертвыя души“?..

И при такихъ условіяхъ, сравнительно, въ Одессѣ — книжная торговля обрѣтается въ нѣкоторомъ авантажѣ. Тамъ, напримеръ, недавно открыто отдѣленіе одного петербургскаго магазина и въ первый годъ оно сдѣлало оборотъ на 42,000 рублей. Тамъ существуютъ старинныя и почтенныя фирмы Распопова, Бѣлова и другихъ. А этого много, очень много, особенно если принять въ соображеніе, что значительная часть одесскаго населенія принадлежитъ къ иностранцамъ, что тутъ масса грековъ, итальянцевъ, вѣмцевъ, англичанъ, французовъ и другихъ, удовлетворяющихъ свои умственные потребности въ магазинахъ иностранныхъ литературъ (коихъ здѣсь не мало)...

Герцогъ Арманъ де-Ришелье-Фронсакъ, первый градоначальникъ Одессы.

Герцогъ Арманъ де-Ришелье, родившійся въ Бордо 14 (25) сентября 1766 года, былъ сынъ извѣстнаго своими любовными похождениями маршала Лудовика-Франциска де-Ришелье, сына Армана де-Ришелье, который, въ свою очередь, приходился внукомъ племянникомъ знаменитому кардиналу Ришелье и усыновлялъ имя, титулъ и богатства послѣдняго. Молодой герцогъ получилъ прекрасное образование. Первые его сношенія съ Россіей относятся къ 1790 году. Въ бытность свою въ Вѣнѣ, онъ узналъ, что русскіе, которые въ то время вели войну съ турками, собираются штурмовать крѣпость Измаилъ. Вмѣстѣ со своими друзьями, княземъ де-Линь и графомъ Ланжерономъ, молодой герцогъ отправился къ Потемкину, находившемуся въ то время въ Бендерахъ. Послѣдній не только принялъ ихъ самымъ любезнымъ образомъ, но и разрѣшилъ принять участіе въ штурмѣ. Молодой Ришелье такъ отличился въ этомъ дѣлѣ, что былъ награжденъ орденомъ Георгія IV ст. и золотымъ оружіемъ. Императрица Екатерина писала о немъ другу своему Гриму: „Отзывы о нынѣшнемъ Ришелье единоподушны. Миѣ-бы хотѣлось, чтобы онъ игралъ во Франціи такую же роль какую игралъ когда-то кардиналъ Ришелье, но безъ его недостатковъ. Я люблю достойныхъ и выдающихся людей, а потому желаю ему всякаго добра, хотя не знаю его лично. Я написала ему любезное письмо, когда послала орденъ, и хочу, вопреки Национальному Собранію, чтобы онъ остался герцогомъ Ришелье и помогъ возстановить монархію во Франціи“.

Однако послѣднему желанію не суждено было осуществиться; Ришелье не имѣлъ возможности оставаться въ революціонномъ Парижѣ 1789 года и долженъ былъ обратиться къ императрицѣ съ просьбой принять его въ русскую службу, на что послѣдовало ея согласіе. Ришелье былъ принятъ въ русскую армію полковникомъ и въ этомъ чинѣ участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ. При императорѣ Павлѣ онъ былъ произведенъ въ генералъ-майора и назначенъ командиромъ л.-гв. кирасирскаго его величества полка, но вскорѣ, вслѣдствіе сдѣланной на парадѣ ошибки, онъ навлекъ на себя неудовольствіе государя, — который вообще не благоволилъ къ этому полку, — и долженъ былъ оставить службу.

Когда во Франціи воцарился Наполеонъ Бонапартъ, герцогъ снова попыталъ счастья въ своемъ отечествѣ, но долго не выдержалъ тамъ и въ январѣ 1802 года обратился къ императору Александру I, съ просьбой принять его вторично въ русскую службу. Государь отвѣчалъ: „Вамъ извѣстны Мои чувства и Мое уваженіе къ вамъ; вы можете заключить изъ нихъ, какъ я буду доволенъ видѣть васъ въ Петербургѣ и звать, что вы служите Россіи, которой можете принести такъ много пользы“.

Въ слѣдующемъ году герцогъ Ришелье, указомъ отъ 27 января, былъ назначенъ начальникомъ города Одессы, гдѣ онъ могъ развернуть свои замѣчательныя административныя способности. Одесса представляла въ то время ничтожный городишко съ 4—5 тысячами жителей, болышею частію поляковъ, грековъ, армянъ, евреевъ и татаръ. Съ трудомъ отыскали для вновь назначеннаго градоначальника сколько-нибудь сносную квартиру, состоящую изъ пяти комнатъ; но на первое время ему пришлось довольствоваться простыми бѣлыми столами и деревянными скамейками; другой мебели въ городѣ нельзя было найти. Градоначальнику пришлось все выписывать изъ Херсона и просить о высылкѣ мастеровъ изъ Петербурга. Государь приказалъ послать въ Одессу одного столяра съ нѣсколькими рабочими, одного булочника и одного слесаря и при каждомъ изъ двухъ послѣднихъ по одному рабочему. — „На первое время этого будетъ вѣроятно достаточно“, писалъ графъ Румянцева герцогу, сообщая ему объ отсылкѣ мастеровыхъ, „если же они найдутъ тамъ выгодную работу, то примѣръ ихъ не преминетъ привлечь и другихъ“.

Изъ этого уже можно видѣть, какъ ничтожна была Одесса того времени. Герцогъ Ришелье энергично взялся за дѣло и озаботился конечно прежде всего увеличеніемъ матеріальныхъ средствъ города. Онъ выхлопоталъ у государя разрѣшеніе отчислить въ пользу города $\frac{1}{5}$ таможенныхъ сборовъ вмѣсто прежде взимавшейся $\frac{1}{10}$ и, кромѣ того, брать въ пользу города $\frac{2}{3}$ коп. съ каждаго вывозимаго пуда ржи. Вислѣдствіемъ было дано разрѣшеніе, „дабы поднять торговлю Одесскаго порта“, направлять черезъ Одессу всѣ товары идущіе въ Молдавію и

Валахію, Австрію и Пруссію и обратно. Для склада этихъ товаровъ были воздвигнуты магазины. Вмѣстѣ съ тѣмъ была основана вексельная контора и введенъ особый коммерческій судъ, для иностранныхъ купцовъ, боявшихся какъ огня обыкновеннаго русскаго суда. Вслѣдствіе всего этого торговля быстро поднялась, содѣйствуя со своей стороны развитію и росту города. Въ то же время была реорганизована городская администрація, преобразована полиція и гарнизонъ увеличенъ двумя батальонами; основаны школы и все, что относится къ общественному благосостоянію, приведено въ образцовый порядокъ. „Не было ни одной отрасли управленія и общественной жизни“, пишетъ г. Половцевъ, „на которую не распространилась бы заботливость герцога. Ему-же обязаны своимъ процвѣтаніемъ многочисленные, основанныя во вѣтренномъ ему краѣ, иностранныя колоніи. Содѣйствуя развитію земледѣлія и овцеводства, онъ облегчалъ кочующимъ татарскимъ племенамъ переходъ къ осѣдлой жизни... Въ Крыму имъ положено основаніе винодѣлію и вмѣстѣ съ тѣмъ начато собраніе остатковъ классическихъ древностей Тавриды и приняты мѣры къ ихъ сохраненію“.

Къ концу 1804 года населеніе Одессы возросло до 8 тысячъ душъ, причемъ въ то же время расширилась и торговля: въ 1805 году въ Одессу прибыло уже 600 судовъ. Особое вниманіе было обращено герцогомъ на колоніи, все устройство которыхъ совершалось подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. Онъ лично входилъ въ сношенія съ иноземными колонистами и своимъ простымъ, ласковымъ обхожденіемъ привлекалъ ихъ сердца.

Съ особенною силою выказалась энергія и дѣятельность герцога Ришелье въ 1812 году, когда въ Одессѣ появилась чума и его столичными трудами и заботами влзлѣянному дѣтищу, насчитывавшему уже 35 тыс. жителей, грозила опасность опустѣть на многіе годы. Около 2700 человекъ сдѣлались жертвою чумы, но въ концѣ концовъ герцогу удалось побѣдить заразу и помѣшать дальнѣйшему ея распространенію. Такова великая заслуга, оказанная герцогомъ Россіи въ тяжелое время войны съ Наполеономъ.

Для борьбы съ чумой, Ришелье прибѣгъ къ дѣйствительно радикальному средству, къ общему карантину... Цѣль его была отыскать самое гнѣздо заразы и затѣмъ пустить въ ходъ всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи средства, для предупрежденія дальнѣйшаго ея распространенія. Карантинъ былъ введенъ съ 22 ноября 1812 года. Всѣ общественныя заведенія были закрыты; каждому жителю, подъ страхомъ строгаго взысканія, запрещалось не только выходить на улицу, но даже показываться на порогъ своего дома. Патрули все время ходили по городу; жизненными припасами каждый долженъ былъ заготовить заранѣе; бѣднѣйшимъ жителямъ управленіе города выдавало съѣстные припасы безвозмездно на недѣлю впередъ; прочія насущныя требованія жителей исполнялись съ величайшими мѣрами предосторожности особыми, съ этой цѣлью назначенными, агентами: они дѣлали мелкія покупки, доставляли письма, исполняли другія, нетерпящія отлагательства, порученія, и т. д. Казалось, вся Одесса вымерла; на улицахъ не видно было ни души, за исключеніемъ патрулей, агентовъ-комиссіонеровъ, носильщиковъ гробовъ и санитаровъ. То было тяжелое время для герцога, который во время одного изъ постоянныхъ обходовъ города — все совершалось подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ — въ изнеможеніи опустился на скамью во дворѣ дома одного изъ агентовъ и воскликнулъ: „Сердце мое обливаеся кровью! Употреблять весь свой авторитетъ на то, чтобы поддерживать пустоту на тѣхъ самыхъ улицахъ, которыя и въ продолженіе 10 лѣтъ всѣми силами старался оживить!“

Выполняемый со всею строгостью, карантинъ достигъ однако своей цѣли. Уже начиная съ двѣнадцатаго дня по учрежденію карантина, въ городѣ не было вновь зараженныхъ домовъ; кругъ, въ которомъ свирѣпствовала чума, постепенно суживался; заболѣвавшихъ тотчасъ эвакуировали въ нарочно воздвигнутые бараки; лицъ здоровыхъ, но жившихъ въ зараженныхъ домахъ и потому могшихъ подвергнуться заболѣванію, помѣщали въ другіе бараки; самые же дома дезинфицировали. Сорокъ шесть дней длился карантинъ, но въ результатѣ чума была подавлена, и въ февралѣ слѣдующаго года могла считаться окончательно уничтоженною. Единичные случаи въ окрестно-

стяхъ города не представляли уже опасности и вскорѣ прекратились вовсе.

Въ небольшомъ мемуарѣ, написанномъ въ 1813 году, герцогъ Ришелье не безъ чувства удовлетворенія рассказываетъ о своей дѣятельности на пользу г. Одессы и Новороссійскаго края. Число домовъ въ городѣ, достигавшее въ 1802 году едва до 400, возросло до 2000, причемъ позднѣйшіе далеко превосходили первые по величинѣ и красотѣ. Торговля, простиравшаяся въ 1796 году во всѣхъ портахъ Чернаго и Азовскаго морей до 1½ милліона рублей, увеличилась до 45 милліоновъ, изъ которыхъ 25 мил. приходились собственно на долю Одессы. Не менѣе быстрые успѣхи замѣчались во всѣхъ другихъ отрасляхъ: въ администратіи, народномъ образованіи, промышленности и т. д. Лучшей характеристикой огромнаго шага, сдѣланнаго въ послѣднемъ отношеніи, могутъ служить лаконическія слова герцога, въ концѣ его мемуара: „Когда я, въ 1803 году, пріѣхалъ въ Одессу, мнѣ пришлось ждать шесть недѣль, чтобы получить дожиину самыхъ простыхъ стульевъ, которыя я къ тому же долженъ былъ выписать изъ Херсона; а въ 1813 году изъ Одессы было вывезено въ Константинополь на 60,000 рублей мебели, которая почти не уступала петербургской и московской.“

1813 г. былъ послѣднимъ годомъ дѣятельности Ришелье въ Одессѣ. Послѣ наденія Наполеона, герцога потянуло на родину. Императоръ Александръ I не только милостиво отпустилъ его, но и позаботился о томъ, чтобы герцогъ Ришелье былъ назначенъ во Франціи министромъ иностранныхъ дѣлъ, на мѣсто Талейрана, который, на Вѣвскомъ конгрессѣ, прогнѣвилъ императора и долженъ былъ покинуть свой постъ. Ришелье принялъ это назначеніе только по настоятельной просьбѣ императора Александра I, но и здѣсь не забывалъ Россію и Одессу. Во время пребыванія Александра I въ Парижѣ, герцогъ вернувшись къ своей заботѣ о Новороссійскомъ краѣ, съ которымъ, по его словамъ, „онъ думалъ навсегда связать свою жизнь“, и старался выхлопотать у государя двѣ милости: объявленіе Одессы порто-франко и основаніе въ Одессѣ высшаго учебнаго заведенія. И то, и другое было исполнено. Манифестомъ отъ 10 мая 1817 года Одесса была объявлена вольнымъ портомъ и въ томъ же году тамъ былъ основанъ Ришельевскій лицей, преобразованный впоследствии въ Новороссійскій университетъ. Основнымъ мотивомъ объявленія Одессы порто-франко было у герцога желаніе поднять еще болѣе торговлю близкаго его сердцу города и доставить ему еще большую степень процвѣтанія. Другой мотивъ—не выдерживаетъ строгой критики: Ришелье думалъ, искоренивъ эту мѣрью въ Одессѣ контрабанду, устранить возможность вторичнаго появленія чумы въ краѣ, на томъ основаніи, что въ первый разъ, въ 1812 году, чума была занесена въ Одессу контрабандистами.

Въ 1818 году императоръ Александръ посѣтилъ южныя губерніи Россіи и былъ пораженъ огромными успѣхами, сдѣланными Одессой. Удивленіе это ясно выразилось въ письмѣ, посланномъ изъ Москвы, на возвратномъ пути, герцогу Ришелье, вмѣстѣ съ орденомъ Андрея Первозваннаго. Государь писалъ:

„Обозрѣвая южныя провинціи Моего государства и въ особенности ту область, которая была ввѣрена вашимъ попеченіямъ, господинъ герцогъ, я на каждомъ шагѣ, съ чувствомъ полнаго удовольствія, замѣчалъ плоды вашихъ трудовъ, и восхищался

всегда чистыми и справедливыми намѣреніями, приведенными въ исполненіе благодаря вашей неутомимой дѣятельности. Одесса въ особенности привлекла Мое вниманіе. Видъ этого прекраснаго города, коего цвѣтущее состояніе свидѣтельствуетъ о столь же честномъ, сколь просвѣщенномъ и дѣятельномъ правленіи, еще болѣе усилило во мнѣ тѣ чувства уваженія, которыя я всегда питалъ къ вашему высокому призванію. Давно уже я имѣлъ желаніе выразить вамъ мою признательность какимъ-либо видимымъ знакомъ отличія. Минута, въ которую я лично увидѣлъ услуги, оказанныя ввѣренной вашимъ попеченіямъ области, показала мнѣ къ тому болѣе благоприятною. Независимо отъ того высокаго назначенія, которымъ почтило васъ довѣріе вашего государя и вашей родины, мнѣ пріятно воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы провозгласить васъ кавалеромъ ордена Св. Андрея Первозваннаго, знаки котораго съ удовольствіемъ препровождаю вамъ, повторяя увѣреніе въ Моемъ высокомъ къ вамъ уваженіи.“

Министерская дѣятельность Ришелье была довольно терниста. Во Франціи господствовала въ то время ненависть къ Россіи, и потому оппозиція не могла терпѣть министра, политика котораго основывалась на дружескихъ отношеніяхъ къ Русскому государству. Ришелье удалился отъ дѣлъ, и взоры его, какъ онъ писалъ императору Александру, „снова обратились къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ такъ долго находилъ почетное убѣжище“. Не отказываясь отъ служенія своей родинѣ, онъ ощущаетъ, по его словамъ, сильнѣйшее желаніе еще разъ посѣтить берега Чернаго моря и испрашивалъ на то разрѣшеніе императора. Разрѣшеніе, конечно, было дано въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, но путешествіе тѣмъ не менѣе не могло состояться. По убіеніи герцога Беррійскаго, Ришелье вторично былъ призванъ въ составъ министерства и оставался во главѣ его до конца 1821 года, когда, по тѣмъ же причинамъ какъ и въ первый разъ, былъ снова низвергнутъ оппозиціей.

И снова взоры его обратились на югъ Россіи. Онъ писалъ въ январѣ 1822 года къ своему другу Сикару, въ Одессу:

„Я имѣю намѣреніе посѣтить васъ будущимъ лѣтомъ. Не могу сдѣлать этого теперь, ибо у насъ не преминутъ сказать, какъ уже говорили раньше, что я їду продавать Россіи французскіе интересы. Въ то время какъ въ Россіи насъ упрекаютъ въ излишнемъ тяготѣніи къ Англии, люди, которые сдѣлались моими врагами, обвиняютъ меня, что я предаю Францію Россіи... Поэтому я долженъ остаться нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ, но весною думаю отправиться въ Вѣну, а оттуда на Черное море.“

Однако всѣмъ этимъ предположеніямъ опять не суждено было осуществиться: 4 (16) мая 1822 года нервный ударъ внезапно положилъ конецъ плодотворной дѣятельности и жизни герцога, на 56-мъ году отъ рожденія. Императоръ Александръ I былъ глубоко потрясенъ извѣстіемъ о смерти Ришелье. „Я оплакиваю герцога Ришелье, какъ единственнаго друга, отъ котораго слышалъ правду. Онъ былъ образцомъ честности и прямоты. Услуги, которыя онъ оказалъ, увѣковѣчиваютъ благодарность къ нему Россіи, какъ ко всему благородному и честному.“

Въ Одессѣ до сихъ поръ живетъ благодарное воспоминаніе о герцогѣ Ришелье, *дюкъ*, какъ его тамъ называютъ. (С.)

А. Г. Рубинштейнъ.

Очеркъ П. В. Бынова.

(Портр. и рис. на стр. 1181, 1184, 1185 и 1188).

Назадъ тому ровно полвѣка, 11 іюля 1839 года, въ одной изъ подмосковныхъ концертныхъ залъ передъ публикой выступилъ юный девятилѣтній пианистъ. Большая характерная голова съ открытымъ, широкимъ лбомъ, блестящіе глаза, умное выраженіе всего лица и чрезвычайно осмысленная игра, все это заставляло невольно видѣть въ малолѣтнемъ концертантѣ далеко не обыкновеннаго ребенка. И дѣйствительно, онъ представлялъ собою выходящее изъ ряду явленіе. Когда на слѣдующій годъ онъ игралъ въ Парижѣ въ присутствіи Шопена, Листа и другихъ извѣстныхъ виртуозовъ, всѣ пришли въ восторгъ отъ его игры, полной чувства, силы и выраженія, а Францъ Листъ поднялъ мальчика на руки, расцѣловалъ его и предсказалъ ему свѣтлое грядущее, будущіе великаго артиста. И онъ не ошибся: имя Антона Рубинштейна—этого много общающаго, необыкновеннаго ребенка—покрыто нынѣ неуязвимою славою, гремитъ въ цѣломъ свѣтѣ и стоитъ высоко среди музыкальныхъ знаменитостей второй половины текущаго столѣтія. Его не иначе называютъ какъ царемъ пианистовъ, ему рукоплещетъ весь міръ. Трудно передать словами то неизгладимо-дивное впечатлѣніе, какое производитъ игра Рубинштейна на каждого, кто хотя разъ въ жизни слышалъ эту игру, вдохновенную, чарующую, дѣйствующую точно магически. Рубинштейнъ—великій художникъ. Онъ обладаетъ священнымъ огнемъ искусства, онъ именованъ творить, созидаетъ, являясь великимъ истолкователемъ великихъ творцовъ мелодій.

Слѣло можно сказать, что никто изъ пианистовъ послѣдняго пятидесятилѣтія не владѣетъ такою изумительною техникой, какъ Рубинштейнъ, никто столь вѣрно не угадываетъ замы-

словъ тѣхъ авторовъ-классиковъ, которые словно оживаютъ въ его неподражаемомъ исполненіи. Его игра полна изощренности; нашъ гениальный пианистъ обладаетъ рѣдкимъ тушею, и оно-то и помогаетъ ему извлекать изъ фортепиано удивительные звуковые эффекты, такъ что подъ его волшебными пальцами этотъ, въ строгомъ смыслѣ далеко не благодарный инструментъ, какъ будто преобразуется и становится пѣвучимъ какъ скрипка. Чистота, отдѣлка и общій характеръ его игры—поразительны. Рубинштейнъ, какъ высокій художникъ, всецѣло проникнулся идеями и чувствами, которыя нерѣдко глубоко сокрыты въ исполняемыхъ имъ произведеніяхъ, идетъ рука объ руку съ авторомъ той или другой пьесы, словно продолжаетъ творить съ нимъ. Но его исполненіе не рабское: передаетъ какое-либо произведеніе, онъ сообщаетъ ему вполне оригинальную окраску, вноситъ въ него частицу своего „я“, истолковываетъ своеобразно. Оставляя мелочи и частности на второмъ планѣ, онъ, главнымъ образомъ, заботится объ общемъ характерѣ исполненія, о цѣльности впечатлѣнія. Эта оригинальность приемовъ, одному ему свойственная, вноситъ въ его игру бездну жизни и невольно подкупаетъ каждого. При всемъ томъ онъ обладаетъ огромною памятью и поразительною неутомимостью. Какъ всякій гениій искусства, Рубинштейнъ властвуетъ надъ толлою виолончлей, ведетъ ее за собою, а не угодничаетъ предъ ней. И вотъ почему, высоко держа знамя искусства, онъ дѣлаетъ выборъ произведеній для своихъ концертовъ руководясь единственно своими соображеніями, даетъ то, что дѣйствительно прекрасно, что способно развить вкусъ публики. Въ силу этого его игра нолучаетъ строго-педагогическое значеніе.

Таковъ Рубинштейнъ какъ пианистъ. Но онъ не менѣе замѣчательнъ и какъ композиторъ, симфоническій и оперный. Еще въ первой оперѣ своей, „Куликовская битва“, въ которой онъ воспользовался восточными напѣвами и симфонически развилъ ихъ, онъ обнаружилъ недюжинный талантъ. Съ каждою новою оперою зтотъ талантъ росъ и развивался, и нынѣ такіа его произведенія какъ „Демонъ“, „Неронъ“, „Маккавей“, имѣвшія у насъ и на западно-европейскихъ сценахъ огромный успѣхъ, завоевали ему одно изъ первыхъ мѣстъ между современными композиторами. Въ этихъ операхъ его, особенно въ „Маккавейхъ“, замѣчается отсутствие сухихъ, монотонныхъ речитативовъ, въ нихъ чувствуется величественность, напоминающая Мендельсона, энергія и сила Мейербера. Шъвучестъ и мелодичность, инструментовка блестящая, полная красокъ, эффектные, звучные хоры, исполнѣ гармонирующіе съ речитативами, дуэтами и аріями, свѣжій источникъ мелодіи и выс-

шій драматизмъ, какого достигаетъ музыка во многихъ мѣстахъ, и вообще мастерство техники — все это неотъемлемыя качества оперъ Рубинштейна, въ которыхъ, также какъ въ прочихъ своихъ произведеніяхъ, онъ старается гораздо болѣе держаться классическихъ образцовъ, чѣмъ прокладывать новые пути въ музыкѣ. Рубинштейнъ всегда умѣетъ придать силу своимъ мотивамъ и согласовать ихъ въ то-же время исполнѣ съ общимъ ходомъ дѣйствія. Музыкальная плодотворность автора „Демона“ достигаетъ очень почтенной цифры; едва-ли сыщется такой жанръ музыкальнаго творчества, въ которомъ Рубинштейнъ не попробовалъ-бы свои силы съ болѣшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Онъ писалъ симфоніи, квартеты, тріо, музыкально-характерныя картины, фантазіи, увертюры — для скрипки, виолончели и прочихъ инструментовъ, ноктюрны, баркаролы, этюды, сонаты, фантазіи для фортепіано, романсы, хоралы и проч. и проч. Всѣ эти произведенія отличаются про-

А. Г. Рубинштейнъ 11-ти лѣтъ. Съ рисунковъ профессора А. Т. Маркова.

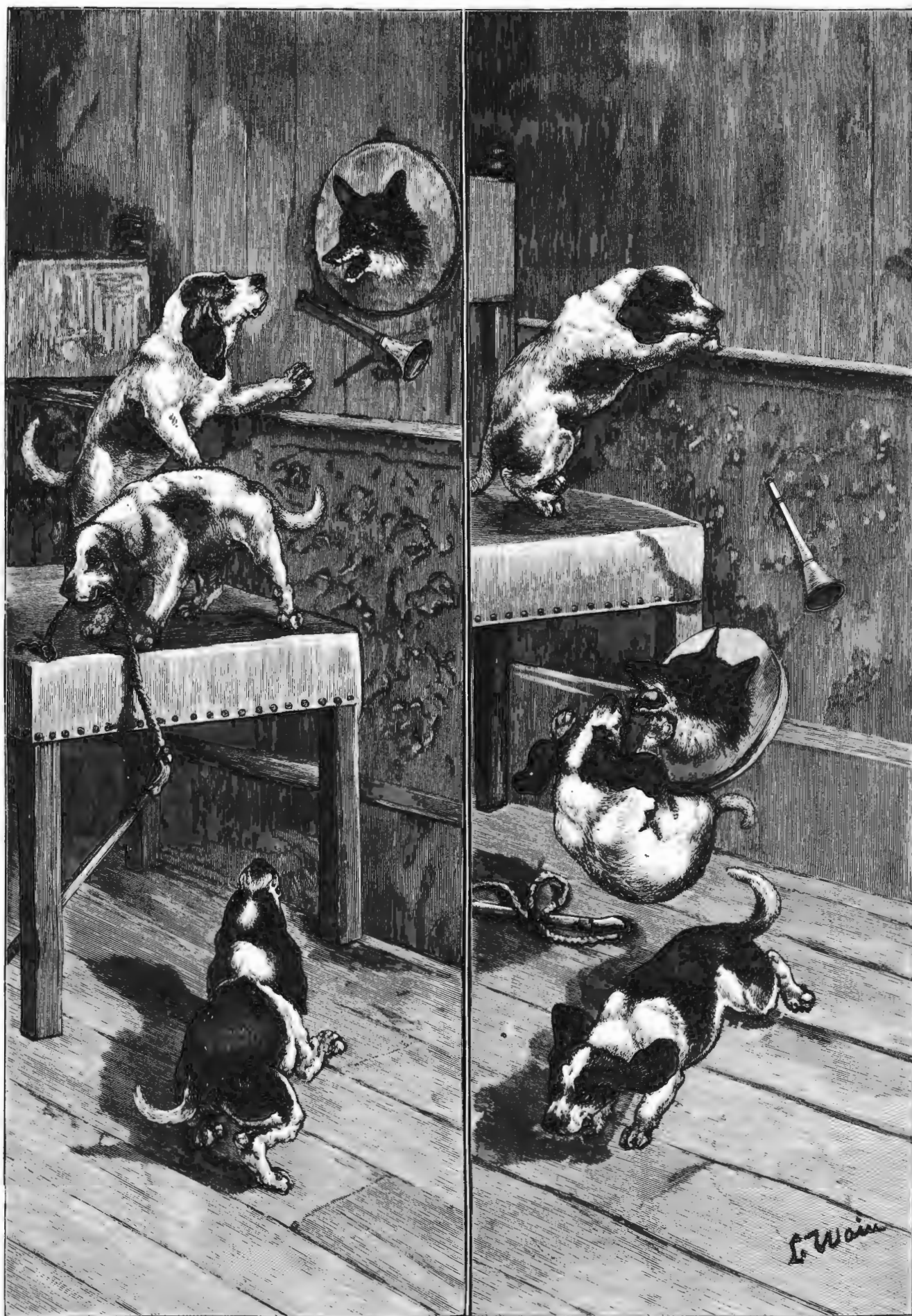

Кн. Пешероуръ
16 Октября 1889

А. Г. Рубинштейнъ

Автографъ А. Г. Рубинштейна и строка нотъ изъ „Демона“.

У страха глаза велики. Рис. Уайнъ, грав. Ольшевскій.

стотой, ясностью мысли, общедоступностью, отсутствием теоретических цѣлей тѣхъ курьезныхъ новаторовъ, которые владутъ въ музыкѣ не искусство, а науку. Особенно цѣнны заслуги Рубинштейна въ области фортепианной литературы. Глубоко, всесторонне научивъ фортепиано, онъ сдѣлалъ для этой литературы очень много и безспорно заложилъ фундаментъ національной фортепианной музыки.

Не менѣе плодотворна дѣятельность его и въ области музыкально-педагогической. По его инициативѣ, его стараніями основаны въ Россіи „Музыкальное Общество“, возникшее въ 1859 г., и первая консерваторія, открытая въ 1862 г. Назначенный ея директоромъ, онъ стоялъ десять лѣтъ во главѣ этого учрежденія, давшего блестящіе результаты, чему нагляднымъ доказательствомъ служить цѣлая плеяда артистовъ и артистокъ, музыкантовъ, учителей музыки и пѣвцѣй, воспитывавшихся подъ руководствомъ и влияніемъ Рубинштейна. Онъ чрезвычайно безкорыстно относился и относится къ своему дѣлу, жертвуя значительную часть своего директорскаго и профессорскаго содержанія на уплату за уроки лицъ, учившихся играть на духовыхъ инструментахъ и другихъ, безвозмездно дирижировалъ концертами Общества, и часто крупныя суммы, вырученныя съ концертовъ, отдавалъ на благотворительныя дѣла. То дирижуя симфоническими собраніями, то читая лекціи, то, наконецъ, устраивая свои знаменитыя „историческіе концерты“, имѣвшіе несомнѣнно воспитательное значеніе, Рубинштейнъ всегда, въ теченіе всей своей пятидесятилѣтней артистическо-педагогической дѣятельности, неуклонно оставался вѣренъ задачамъ обожаемаго имъ искусства. Онъ старался обогатить вкусы публики, знакомилъ ее съ лучшими произведеніями классической и современной музыки и, ставъ уже давно во главѣ отечественной музыкальной жизни, употреблялъ всѣ силы къ возможному поднятію уровня музыкальнаго образованія въ нашемъ обществѣ. Значеніе многочисленныхъ и разностороннихъ заслугъ Рубинштейна увеличивается еще и тѣмъ, что онъ всячески заботился о распространеніи русской музыки далеко за предѣлами своего отечества, и въ этомъ отношеніи онъ между отечественными композиторами—единственный. За эту одну заслугу онъ достоинъ высокаго уваженія и почестей.

Не безъ тревоженій прошла жизнь Антона Григорьевича Рубинштейна. Было достаточно терній на его честномъ, прямомъ пути, но загораившая надъ нимъ, со дней его ранняго дѣтства, звѣзда славы не переставала озарять этотъ не легкій путь.

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ родился 16 ноября 1829 г., въ мѣстечкѣ Выхватенцѣ, въ Бессарабіи, въ достаточной семьѣ. Отецъ его имѣлъ въ Москвѣ карандашную фабрику, но скоро дѣла его разстроились, и семейству грозила нищета. А какъ разъ въ это время младшій сынъ Антонъ началъ обнаруживать удивительныя музыкальныя способности. Шестилѣтнимъ ребенкомъ смастерилъ онъ изъ щенокъ и нитокъ пѣчто въ родѣ скрипки и наигрывалъ на этомъ оригинальномъ инструментѣ знакомыя мелодіи, слышанныя имъ на улицѣ. Мать печалилась, что не можетъ дать дѣтямъ сколько-нибудь сноснаго образованія; она болала что

музыкальныя способности Антона могутъ заглохнуть. Сама она была отличною музыкантшей, обладала замѣчательнымъ слухомъ, но ни о музыкальной теоріи, ни о методѣ преподаванія не имѣла никакого понятія. И вотъ при помощи нѣсколькихъ „Школъ для фортепиано“, приобрѣтя очень плоховыкій инструментъ, она принялась учить сына музыкѣ. За два года онъ успѣлъ много, и когда знакомые матери юнаго Рубинштейна показали его пианисту Виллуану, послѣдній такъ былъ и удивленъ, и восхищенъ игрою восьмилѣтняго мальчика, что предложилъ давать ему бесплатныя уроки музыки. Подъ его руководствомъ юный пианистъ оказалъ такіе быстрые успѣхи, что съ девяти лѣтъ сталъ давать концерты и въ продолженіе двухъ лѣтъ совершилъ по всей Европѣ артистическое путешествіе, удивляя всѣхъ своимъ необычнымъ талантомъ. Вернувшись въ отечество въ 1843 г., онъ приобрѣлъ еще болѣе извѣстность съ тѣхъ поръ, когда о немъ заговорили при Дворѣ. Императоръ Николай Павловичъ и его Августѣйшая супруга обласкали ребенка виртуоза, и государь, нерѣдко оставаясь съ нимъ одинъ въ залѣ дворца великой княгини Маріи Николаевны, гдѣ давались музыкальные вечера, во время антрактовъ, задавалъ ему различныя, любимыя темы свои, на которыя Рубинштейнъ тутъ же импровизовалъ. Пожавъ не малые лавры на концертахъ въ Петербургѣ и Москвѣ, Антонъ Григорьевичъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ ѣздилъ въ Берлинъ, гдѣ мать обоихъ Рубинштейновъ совѣтовалась съ Мейерберомъ и Мендельсономъ насчетъ дальнѣйшаго музыкальнаго образованія сыновей. Окончивъ занятія теоріей музыки съ профессоромъ С. В. Девомъ, бывшимъ учителемъ Глинки, Рубинштейнъ переехалъ въ Вѣну и пробылъ тамъ съ 1846 до 1849 года, развивая свое дарованіе вполне самостоятельно. Въ это время у него умеръ отецъ, и юный артистъ остался безъ великихъ средствъ къ жизни. Ради хлѣба насущнаго онъ принужденъ былъ давать уроки музыки и даже участвовать въ качествѣ пѣвчаго въ церковныхъ хорахъ. Къ этому-же времени относятся и его первые попытки въ музыкальномъ творествѣ, заслужившія лестныя отзывы Шумана. Вернувшись въ Россію, Рубинштейнъ написалъ первыя оперы свои и цѣлый рядъ симфоній, концертовъ и мелкихъ пьесъ. Съ этого времени начинается его неутомимая дѣятельность и педагогическая, и композиторская, причѣмъ каждый его концертъ составлялъ событіе и сопровождался шумными оваціями. По выходѣ изъ консерваторіи, Рубинштейнъ въ продолженіе трехъ лѣтъ разъѣзжалъ по Европѣ и годъ жилъ въ Америкѣ. Возвратясь на родину въ 1873 году, онъ вскорѣ приобрѣлъ дачу въ Петергофѣ, гдѣ и проводитъ лѣто. По смерти Давыдова онъ снова взялъ подъ свое покровительство консерваторію и какъ прежде лелѣетъ и холитъ это любимое дѣтище свое. Рубинштейнъ имѣетъ русскіе и иностранныя ордена за свои музыкальныя заслуги. Но эти награды все-таки блѣднѣютъ передъ тѣмъ высокочественнымъ чествованіемъ „царя пианистовъ“, каковымъ почтено его полувѣковое служеніе русскому искусству, въ исторіи котораго имя Рубинштейна достойно занять одну изъ яркихъ, самыхъ свѣтлыхъ страницъ.

Литературно-критическія мініатюры.

Пушкинская проза.

Еще въ 1827 году и даже ранѣе, когда поэтической гений Пушкина приблизился къ порѣ своего высшаго развитія, великій поэтъ выказалъ склонность къ прозаической рѣчи, и написалъ знаменитыя главы неоконченнаго историческаго романа „Арапъ Петра Великаго“. Въ тѣ времена такой переходъ отъ стиховъ къ прозѣ былъ явленіемъ не особенно обыкновеннымъ, ктому что рѣчь стихотворная тогда прямо предпочиталась прозаической, поэзія предполагалась принадлежностью преимущественно стиховъ, которые, какъ извѣстно, по-французски и вообще на иностранныхъ языкахъ и назывались именемъ „поэзія“, въ противоположность „прозѣ“, — рѣчи не мѣрной, не стихотворной. Для Пушкина этотъ переходъ былъ тѣмъ неожиданнымъ, что онъ владелъ стихомъ въ совершенствѣ, писалъ стихами съ тою же легкостью, какъ и прозой. Между тѣмъ, за „Арапомъ Петра Великаго“ послѣдовали въ 1830 г. „Повѣсти Бѣлкина“ („Выстрѣлъ“, „Метель“, „Гробовщикъ“, „Станціонный смотритель“, „Барышня-крестьянка“), „Исторія села Горохина“, два года спустя — „Дубровский“, въ 1833 г. „Капитанская дочка“ и т. д. Въ то же время занятія исторіей привели Пушкина къ составленію монографіи „Исторія Пугачевскаго бунта“, а изданіе журнала *Современникъ* привело его къ необходимости написать нѣсколько журнальныхъ статей и замѣтокъ, нерѣдко совершенно чуждыхъ его поэтической натурѣ. Такъ создавалось нѣсколько томовъ Пушкинской прозы, имѣющей весьма важное значеніе въ исторіи русской литературы.

Конечно, наибольшее значеніе среди этихъ „прозаическихъ“ произведеній Пушкина принадлежитъ повѣстямъ и романамъ, проникнутымъ роскошною поэзіею. Съ момента ихъ появленія и, въ сущности, до настоящаго времени на нихъ русская критика смотрѣла и смотритъ съ двухъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія, приходя и къ двумъ несогласнымъ мнѣ-

ніямъ. Одно изъ нихъ, основанное Бѣлинскимъ, гласитъ, что повѣсти Пушкина „недостойны ни таланта, ни имени Пушкина“. Конечно, оно признаетъ и достоинство въ этихъ произведеніяхъ великаго поэта, свидѣтельствуя о гениальности автора. Такъ, предъ семью главами неоконченнаго „Арапа Петра Великаго“ Бѣлинскому казались „бѣды и жалки“ даже талантливый и не лишенный достоинства произведенія другихъ авторовъ того времени; онъ отдаетъ справедливость удивительно вѣрному изображенію въ „Никовой дамѣ“ старой графини, ея воспитанницы и ихъ отношеній; многія картины и изображенія въ „Калитанской дочкѣ“ кажутся ему „чудомъ совершенства“ по вѣрности, правдивости содержанія и мастерству изложенія и т. д. Словомъ, за Пушкинымъ признается великое превосходство передъ русскими писателями, его современниками и предшественниками, но это не считается даже и похвалой, потому что „великому не большалъ честь быть выше нигемевъ“, — а большаго его у насъ не съ кѣмъ сравнивать; такъ сказалъ Бѣлинскій по поводу собственныхъ своихъ похвалъ „Арапу Петра Великаго“. Невысокая сравнительно оцѣнка повѣстей Пушкина основывалась на ихъ содержаніи. „Повѣсти Бѣлкина“, напр., сравнивались съ повѣстями Карамзина и объявлялись ниже своего времени; „Барышня-крестьянка“ признавалась рассказомъ неправдоподобнымъ, водевильнымъ, представляющимъ помѣщичью жизнь съ идиллической точки зрѣнія; „Никовая дама“ — не повѣстью, а анекдотомъ, хотя рассказана она мастерски. Во всякомъ случаѣ „Арапъ Петра Великаго“, „Капитанская дочка“, „Дубровский“ и „Исторія села Горохина“ считались замѣчательнѣйшими произведеніями русской литературы, при чемъ послѣднія два, какъ изображенія тяжелыхъ сторонъ помѣщичьяго быта, даже и содержаніемъ своимъ казались значительными критикѣ этого направленія.

Съ иной точки зрѣнія взглянулъ на прозаическія произведенія представителя другаго критическаго направленія, Ап. Григорьевъ. Именно въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, считавшихся наиболѣе слабыми и незначительными по содержанию, онъ увидѣлъ выраженіе особаго, новаго направленія Пушкина, которое ему было необыкновенно симпатично. По его воззрѣнію, Пушкинъ, въ теченіе всего своего литературнаго поприща, своею мыслию и симпатіями постепенно переходилъ отъ навѣянныхъ на него иностранными литературами идеаловъ къ идеаламъ русскимъ, болѣе простымъ и обыкновеннымъ, болѣе свойственнымъ русскому народному характеру. Въмѣсто героевъ въ родѣ кавказскаго плѣнника, Алеко, наконецъ даже Онѣгина, страдающихъ какими-то ненормальными разочарованиями и страданіями, не мирящихся съ обыкновенною долею всѣхъ людей и ищущихъ для себя какого-то исключительнаго положенія, исключительныхъ подвиговъ,—въмѣсто этихъ героевъ Пушкину стали представляться болѣе интересными самыя обыкновенныя люди, люди миллионныхъ массъ, которые собственно и дѣлаютъ жизнь; стали для него болѣе интересными не выдуманныя, а настоящія, дѣйствительныя, реальныя радости и страданія, наполняющія жизнь обыкновенныхъ людей. Въ „Повѣстяхъ Бѣлкина“, какъ и въ другихъ прозаическихъ произведеніяхъ, преимущественно и высказались эти симпатіи Пушкина къ простому человеку, къ „мирному“ типу людей. Въ этомъ, по воззрѣнію Ап. Григорьева, сказана русская душа, особенность русскаго характера, наше „типовое“, какъ онъ выразился, — стремленіе къ простому и добруму.

Таковы два воззрѣнія на Пушкина, преимущественно высказанныя именно по поводу его прозаическихъ произведеній. Какъ бы противоположны они повидимому, но въ нихъ обоняется есть черты истины, усматриваемой съ разныхъ сторонъ, и сама противоположность эта есть скорѣе не отрицаніе однимъ воззрѣніемъ такихъ свойствъ въ произведеніяхъ Пушкина, которые признаются другимъ воззрѣніемъ, а скорѣе различіе воззрѣній на одни и тѣ же свойства, признаваемыхъ обѣими сторонами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Пушкинѣ дѣйствительно совершался тотъ медленный переломъ въ воззрѣніяхъ на жизнь и на ея идеальныя стороны, который указываетъ Григорьевымъ. И самъ же Пушкинъ выразилъ это въ стихахъ (въ „Евгеніи Онѣгинѣ“), гдѣ онъ говоритъ, что прежнія чувства его „прошли или измѣнились...“, что „въ ту пору“ ему „казались чужды пустыни, волнъ края жемчужны, и моря шумъ, и груды скалъ, и гордой дѣвы идеалъ, и безыменныя страданья“ — вообще — „высокопарныя мечтанья“, а что теперь ему нужны „иные картины“:

„Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи“... и проч.

Словомъ, Пушкинъ пережилъ обращеніе отъ „высокопарныхъ мечтаній“ къ самой будничной, немножко печальной дѣйствительности. И теперь ему „мила балабайка да пьяный толотъ тренака передъ порогомъ кабака“... Естественно, что онъ внесъ въ свои прозаическія беллетристическія произведенія эту любовь къ простотѣ, къ обыкновенной жизни, столь сильной и столь иногда страшной, въ ней сталъ онъ находить интересъ животрепенущій. Онъ самъ сознавалъ въ себѣ это стремленіе въ большей степени, чѣмъ хотѣлъ высказать. „Если бы слушался я одной своей охоты, — говоритъ онъ въ „Барышнѣ-крестьянкѣ“, — то непремѣнно и во всей подробности сталъ бы описывать свиданія молодыхъ людей, возрастающую взаимную склонность и довѣрчивость, занятія, разговоры; но знаю, что большая часть моихъ читателей не раздѣлила бы со мною моего удовольствія“... За этими полумутными словами скрывается правда.

Новое настроеніе, выразившееся, конечно, и въ стихотвореніяхъ, съ особенной силой должно было сказаться именно въ прозаическихъ беллетристическихъ произведеніяхъ. Сжатая стихотворная рѣчь, въ немногихъ строкахъ выражающая сложныя чувства и душевныя движенія, требуетъ гораздо большаго вдохновенія, и уже потому отдалается отъ повседневности. Въ стихи вообще трудно укладываются простыя детальныя описанія простыхъ событій; стихи всегда захватываютъ сжато сущность событій, не претендуя на подробный анализъ ихъ. Быть-можетъ именно поэтому вошелъ въ моду и вытѣснилъ все остальное во всѣхъ литературахъ романъ, когда направленіе умовъ стало реальнѣе, когда въ литературахъ являлась потребность „натуралистическаго“ описанія жизни, ея анализа. Пушкинъ, въ своемъ стремленіи къ простотѣ изображеній жизни, нужно думать, почувствовалъ потребность къ прозаическому изложенію, и далъ въ немъ болѣе рѣзкое отраженіе своего настроенія.

Съ другой стороны, невозможно не признать, что выборъ такихъ сюжетовъ, какъ „Барышня-крестьянка“, „Метель“, и др. не всегда былъ удаченъ для Пушкина и ставилъ прозаическія произведенія его ниже стихотворныхъ. Это, однако, можно сказать лишь о нѣкоторыхъ повѣстяхъ Пушкина. „Арапъ Петра Великаго“, этотъ неоконченный романъ, не смотря на свою неоконченность, принадлежитъ къ свидѣтельствамъ, что и въ этомъ родѣ поэтическихъ произведеній Пушкинъ могъ занять недостижимое для другихъ мѣсто. Еще большимъ свидѣтельствомъ тому служитъ „Капитанская дочка“, — произведеніе удивительное, полное невыразимой простоты одновременно съ значительностью содержанія. Исторія перелетается въ ней съ жизнью будничною и лицъ обыкновенныхъ въ такой строгой соразмѣрности, что передъ вами дѣйствительность, выдающая тайные законы жизни въ ея двухъ сторонахъ — исторической, общей, — и частной.

Значеніе прозаическихъ произведеній Пушкина, однако, не въ содержаніи ихъ, не въ фабулахъ, не въ событіяхъ, описываемыхъ въ нихъ. Исторія русской литературы должна придать имъ огромное значеніе въ иномъ смыслѣ, въ смыслѣ данныхъ Пушкинымъ образцовъ, какъ должны писаться художественныя произведенія въ прозѣ. Не только до него, а и долго послѣ него и даже до настоящаго времени въ читающей публикѣ и среди писателей есть склонность къ вычурности въ замыслѣ содержанія и въ изложеніи. Кто не помнитъ Марлинскаго съ его трескучими фразами, полными неестественности, извращавшими дѣйствительность, выражаемую имъ, кто не знаетъ какъ великъ былъ его успѣхъ въ публикѣ уже послѣ Пушкина? Въ Карамзинѣ, не смотря на его великій умъ и вѣрное чувство мѣры, мы найдемъ подобныя же черты. Герои историческіе являлись въ поэтическихъ произведеніяхъ именно „героями“, не похожими на обыкновенныхъ людей, сильныя страсти приподнимались на ходули... Пушкинъ, своими небольшими повѣстями, въ сущности сдѣлалъ невозможнымъ въ будущемъ развитіе вкусовъ въ этомъ направленіи. И критика вышла на прямой путь отрицанія Марлинскихъ и ему подобныхъ вычурныхъ писателей. По отношенію къ историческому роману заслуга Пушкина въ русской литературѣ огромна. Въ „Арапѣ“ и „Капитанской дочкѣ“ историческія личности являются совершенно простыми, слабыми и добрыми людьми, ни мало не теряя отъ того своего историческаго величія или значенія. Гениальное чувство мѣры указало Пушкину ту, необычайно трудно уловимую границу, на которой лицо историческое сливается съ обыкновеннымъ человекомъ, и онъ дѣлаетъ ее понятною и для читателя. Лучшіе историческіе романисты русскіе имѣютъ въ Пушкинѣ учителя, урокамъ котораго остаются вѣрны.

Все сказанное о беллетристическихъ произведеніяхъ примѣнимо и вообще къ Пушкинской прозѣ, правдивой и искренней, чуждой эффектамъ и преувеличеній. Такъ написана „Исторія Пугачевского бунта“, которую Бѣлинскій не даромъ назвалъ „образцовымъ произведеніемъ, и со стороны исторической, и со стороны слога“.

Арс. Веденскій.

Къ рисункамъ.

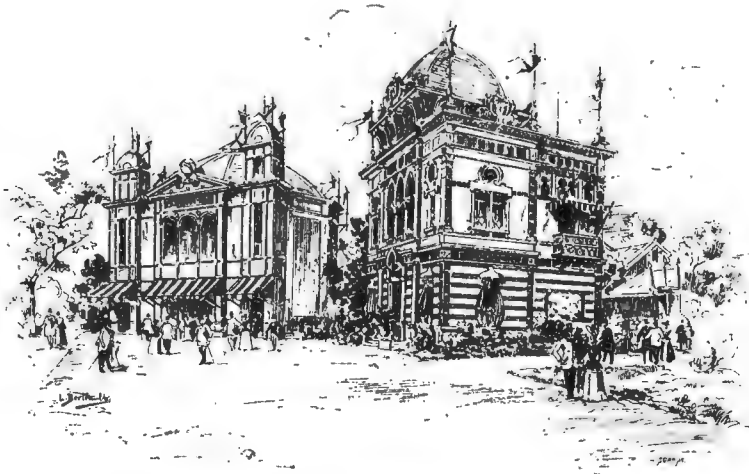
Одесса. (Рис. на стр. 1176 и 1177).

На мѣстѣ нынѣшняго Одесскаго порта уже въ глубокой древности находились гавани, между прочимъ греческой колоніи Одессоса. Въ XIV вѣкѣ по Р. Х. татарскій Бекъ-Хаджи основалъ на мѣстѣ нынѣшней Одессы татарское селеніе, а на мѣстѣ нынѣшняго городскаго бульвара — укрѣпленіе Хаджи-бей. Въ 1764 турки построили здѣсь крѣпость Яви-Дунья (Новый Свѣтъ). Въ 1789 году 14 сентября она взята русскими подъ начальствомъ бригадира де-Рибаса, и сотую годовщину этого событія праздновала Одесса въ нынѣшнемъ году, хотя собственно присоединеніе Хаджи-бей къ Россіи послѣдовало лишь по Ясскому миру, заключенному въ 1791 году. Благодаря выгодному положенію, приморское мѣстечко начало быстро процвѣтать и превращаться въ городокъ, вслѣдствіе чего Екатерина II въ маѣ 1794 г. повелѣла преобразовать его въ городъ съ наименованіемъ Одессою (1795), въ память древнегреческой колоніи. Подъ руководствомъ де-Рибаса началась постройка форта для за-

щиты рейда. Приказано было устроить гавань, карантинъ и таможену, и Одесса объявлена первымъ военнымъ портомъ на Черномъ морѣ. Вслѣдствіи Одесса, сдѣланная, какъ извѣстно, градоначальствомъ, особенно процвѣла при первомъ ея градоначальникѣ, герцогѣ де-Ришелье.

Нынѣ Одесса, уѣздный городъ Херсонской губерніи, принадлежитъ къ числу лучшихъ въ Европейской Россіи и представляетъ важнѣйшую торговую гавань на Черномъ морѣ, соединенную желѣзными дорогами съ Харьковомъ, Кіевомъ, Брестъ-Литовскомъ и Яссами. Улицы проложены правильно (большая часть ихъ пересѣкается подъ прямымъ угломъ) широко и длинно. Городскія Одессы составляетъ Николаевскій приморскій бульваръ, который расположенъ на высокомъ берегу моря и усаженъ акаціями; длина его около версты; посреди ея стоитъ памятникъ *Дюку-де-Ришелье* (по свидѣтельству старожилъ около этого мѣста находилась цитадель крѣпости Хаджи-бей). У правой стороны пьедестала ввинчена французская бомба, вѣзавшаяся въ памятникъ въ Крымскую кампанію

Парижская Всемирная выставка 1889 г. Павильоны Земного глобуса и Санъ-Сальвадора.

ей роскошью; освѣщеніе электрическое. Замѣчательнъ также городской садъ.

У страха глаза велики. (Рис. на стр. 1189).

Разыгрались, развозились ценята въ охотничьемъ кабинетѣ, забрались на стулъ, и вдругъ видятъ — изъ стѣны выглядываетъ лисья мордочка. Проснулся охотничій инстинктъ, и самый смѣлый изъ пѣсиковъ полѣзъ добывать звѣря. Отважно схватилъ онъ врага за горло, теревить... вдругъ — лисья голова сорвалась со стѣны и мимо нападающаго кубаремъ завертѣлась въ воздухъ, сшибла другаго щенка, спѣшившаго было на подмогу къ брату, который застрялъ у стѣны, въ страхѣ прижавшись къ ней какъ можно крѣпче. Третій удираетъ во все лапки... Батюшки мои, спасайся кто можетъ!

Парижская всемирная выставка 1889 года. Американскіе и др. павильоны.

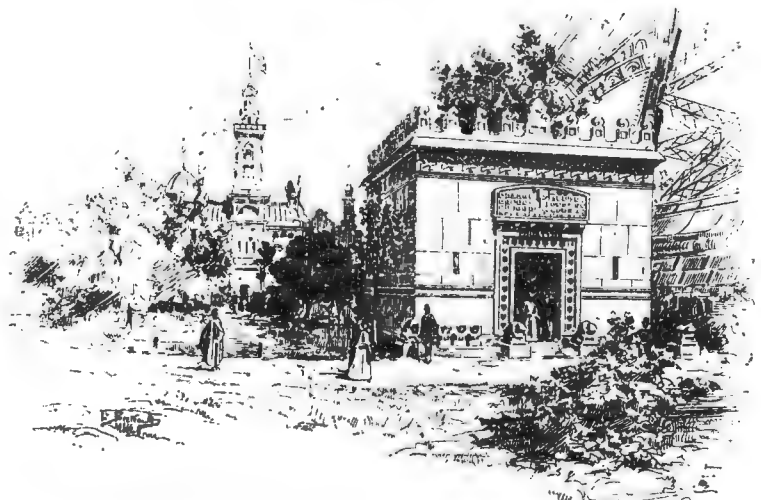
(Рис. на стр. 1192 и 1193).

Въ заключеніе нашего живописнаго обзора Парижской выставки, намъ остается указать нѣсколько павильоновъ, отличающихся какъ оригинальностью постройки, такъ и своеобразиемъ выставленныхъ предметовъ.

У подножья башни Эйфеля скромно пріютилось небольшое четырехугольное зданіе, напоминающее какъ бы языческой храмъ: это павильонъ южно-американской республики Эквадоръ. Четыре громадныхъ лягушки, а можетъ-быть черепахи, высѣченные изъ гранита, оберегаютъ входъ въ эту не особенно приглядную постройку, на фризѣ которой изображены фантастическія птицы и какія-то сплюснутыя маски.

Гораздо пріятнѣе на взглядъ павильонъ республики Венесуэлы, выстроенный архитекторомъ Поленомъ. Его граціозные бѣлые фасады съ башенками въ испанскомъ стилѣ придаютъ ему видъ фламандскаго ларца во вкусѣ прошлаго вѣка.

Далѣе, павильонъ Санъ-Сальвадора, центрально-американской республики, выстроенный архитекторомъ

Парижская Всемирная выставка 1889 г. Павильонъ Эквадора.

Яванскія танцовщицы на Парижской выставкѣ 1889 года. Грав. Тиріа.

1854 г. Отъ памятника внизъ къ морю спускается *гранитная лестница—Ришельевскій спускъ*—имѣющая 200 ступеней; устройство ея обошлось городу въ 300,000 р. У подножья этой лѣстницы стоитъ маленькая церковь во имя святаго Николая, построенная въ 1855 г., посѣщаемая массою богомольцевъ. По одной сторонѣ бульвара тянется рядъ прекраснѣйшихъ зданій; другая сторона оканчивается почти обрывомъ. Въ концѣ бульвара находятся биржа и дума вмѣстѣ; миновавъ думу, вы встрѣчаете *Публичную библиотеку съ музеемъ*. Библиотека открыта въ 1829 г. и имѣетъ довольно много рѣдкихъ книгъ; посѣтителями ея является главнымъ образомъ учащаяся молодежь; среднимъ числомъ библиотеку посѣщаетъ 100 чел. въ день; входъ безплатный. Музей Императорскаго Одесскаго общества исторіи и древностей, одинъ изъ богатѣйшихъ въ Россіи, существуетъ съ 1839 г. и состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ. Замѣчательнъ отдѣлъ эллинскихъ древностей.

Одно изъ выдающихся зданій города—*театръ*, построенный недавно и обошедшійся городу въ миллионъ руб. Театръ построенъ на Театральной площади и выходитъ на Ришельевскую улицу и Пале-Рояль. Грандіозное зданіе театра построено по плану архитекторовъ Фельнера и Гельмера и украшено множествомъ статуй. Внутренняя отдѣлка поражаетъ сво-

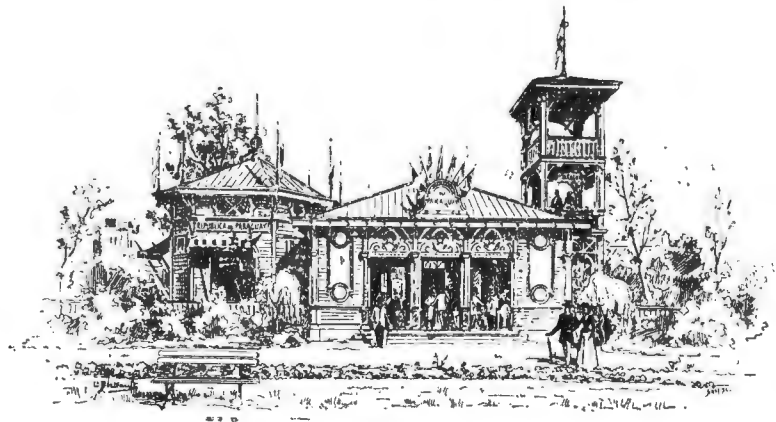

Лёкё, является настоящим ребусомъ. Всѣ четыре фасада выложены фаянсовыми изразцами, изъ которыхъ каждый снабженъ загадочнымъ рисункомъ—это иероглифы и символы заимствованные изъ древне-мексиканской цивилизаціи.

Внутреннее содержаніе всѣхъ этихъ павильоновъ, такъ же какъ и чилийскаго и парагвайскаго, почти тождественно: богатства американской почвы поразительно однообразны—это кожи, дерево, шерсть и опять то же и то же. А главное—всевозможные консервы: мясные, фруктовые, хлѣбные, сои и т. д.

Рядомъ съ Санъ-Сальвадорскимъ расположенъ павильонъ, въ которомъ помѣщается громадный земной глобусъ (см. „Нива“ № 11, стр. 295).

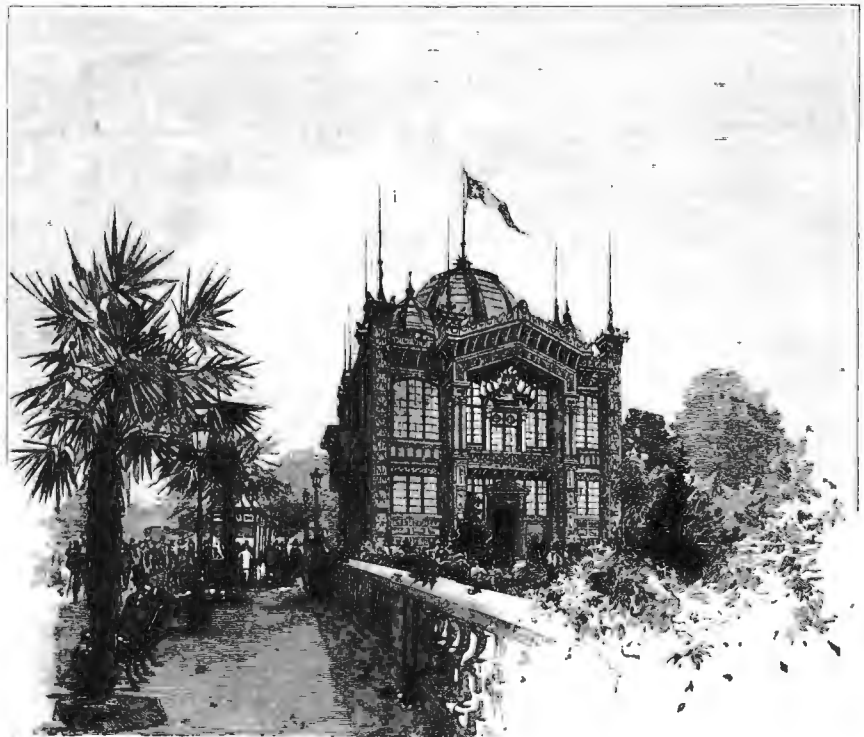
Наконецъ, норвежскій павильонъ отличается тѣмъ

Парижская Всемирная выставка 1889 г. Павильонъ Парагвая.

Парижская Всемирная выставка 1889 г. Павильонъ Норвегіи.

Парижская Всемирная выставка 1889 г. Павильонъ Чили.

своеобразнымъ стилемъ, который въ западной Европѣ получилъ названіе *деревяннаго* и такъ напоминаетъ древне-русскій стиль, вѣроятно перешедшій къ намъ отъ скандинавскихъ варяговъ.

Парижская всемирная выставка 1889 года. Яванскія танцовщицы. (Рис. на стр. 1192).

Посѣтителей Колоніальной выставки на эспланадѣ Инвалидовъ особенно привлекалъ яванскій *кампонгъ*—такъ называются поселки туземцевъ на островѣ Явъ. Въ одномъ изъ бамбуковыхъ павильоновъ здѣсь помѣщались нарочно привезенныя съ Явы въ Парижъ туземныя танцовщицы. Танцы ихъ, какъ и большей части азіатскихъ народовъ, состоятъ лишь въ красивыхъ

Парижская Всемирная выставка 1889 г. Павильонъ Венеціи.

позахъ, медленныхъ и плавныхъ движеніяхъ рукъ и ногъ, преимущественно рукъ, такъ какъ ноги остаются почти неподвижными. На Явъ танцуютъ не для собственаго удовольствія, а для забавы зрителей. Танцы эти исполняются молодыми женщинами или дѣвушками со временъ глубочайшей древности—сами яванцы не помнятъ ихъ происхожденія.

Различаютъ три танца: *серимми*, исполняемый четырьмя танцовщицами, наиболее граціозный на взглядъ яванца; танецъ этотъ исполняется только во дворцахъ владѣтельныхъ князей Суракарты и Джокьякарты и имѣетъ соотношеніе съ какимъ-то эпизодомъ героическихъ мифовъ Явы. Танцовщицы одѣты по древне-яванской модѣ. Разноцвѣтная шелковая юбка (*тану*), нерѣдко расшитая золотыми цвѣтами, ниспадаетъ до ступней; вокругъ стана обмотанъ широкій шелковый поясъ съ висячими концами. Грудь стянута небольшимъ корсетикомъ, называемымъ *помакак*. На шеѣ тройное ожерелье, а на рукахъ большіе золотые браслеты въ видѣ колецъ. На головѣ родъ золотой тиары, осмынанной драгоцѣнными камнями. *Крисъ* (кинжалъ) въ роскошныхъ ножнахъ заткнутъ за поясомъ. Въ волосахъ красивые цвѣты, на пальцахъ перстни. Музыка, сопровождающая этотъ танецъ, медленна и торжественна.

Другой танецъ, *бедажа*, исполняется большимъ числомъ танцовщицъ (до девяти) — это *серимми* вельможъ или дворянства. Танцовщицы болѣе скромнаго происхожденія и костюмъ ихъ менѣе роскошенъ. Наконецъ, танцы третьей категоріи, *рондженни*, исполняются плясуньями принадлежащими къ подонкамъ общества и не отличающимися нравственностью. Костюмъ ихъ еще вульгарнѣе, хотя сохраняетъ ту же витѣшность. Въ этомъ послѣднемъ танцѣ плясуньи и поютъ, чего никогда не бываетъ въ первыхъ двухъ.

На Парижской выставкѣ исполняется только *серимми*, какъ видно на нашемъ рисункѣ.

Эмиль Ожье. (Портр. на стр. 1196).

Телеграфъ принесъ недавно печальную вѣсть о кончинѣ, почти въ 70-лѣтнемъ возрастѣ, академика Эмиля Ожье, наиболее выдающагося французскаго драматурга за періодъ послѣдняго 40-лѣтія, во всякомъ случаѣ наиболее оригинальнаго и едва-ли не болѣе всѣхъ своихъ собратьевъ по искусству цѣнимаго въ другихъ странахъ.

„Послѣдній галлъ“, какъ называли Ожье за его суровую мораль и неутомимую сатиру, родился въ 1820 г. въ Балаисѣ и уже въ 1844 г. дебютировалъ въ качествѣ драматическаго писателя на сценѣ *Odeon* двухъ-актною комедіей „La scène“, которая имѣла блестящій успѣхъ и впоследствии вошла въ репертуаръ *Comédie française*; впрочемъ, съ теченіемъ времени, почти всѣ произведенія Ожье сдѣлались репертуарными вещами на подмосткахъ этого театра. Затѣмъ, до 1850 г. быстро слѣдовали одна за другой комедіи характеровъ: „Un homme de bien“, „L'Aventurière“, „Gabrielle“ (доставившая автору половину Монтионовской премии) и „Le joueur de flûte“, тогда какъ впоследствии онъ перешелъ на комедіи нравовъ и комедіи интриги, хотя и не въ Скрибовскомъ родѣ. Изъ комедій характеровъ, принадлежащихъ къ позднѣйшему періоду, заслуживаютъ быть упомянутыми: „Philiberte“ (1853 г.), „Le gendre de M-r Poirier“ (1864 г.) и „Maitre Guérin“ (также 1864 г.), а изъ комедій интриги: „Paul Forestier“ (1868 г.) и въ особенности „Les Fourchambault“ (1878 г.). Но наиболее выдвинулся Ожье своими комедіями нравовъ, какъ напр. „Les Effrontés“, „Les fils de Giboyer“, „Contagion“, „Les hommes pauvres“ и друг., которыми онъ заявилъ себя какъ боецъ морали и безпощадный сатирикъ нравовъ второй имперіи. Имѣя родственныя черты какъ съ Ал. Дюма-сыномъ, самодовольнымъ моралистомъ-фразеромъ, такъ и съ Понсаромъ, отцомъ школы здраваго смысла (*du bon sens*), онъ стоялъ выше ихъ обоихъ, превосходя перваго серьезностью и нравственною глубиной своей морали, втораго — болѣею силой таланта. Значеніе, жизнь и дѣятельность Эмиля Ожье конечно далеко не исчерпываются тѣмъ, что сказано нами въ этой бѣглой запискѣ. Мы желали только занести на свои столбцы печальную вѣсть и выразить надежду, что нашъ французскій Императорскій театръ почтитъ достойнымъ образомъ память умершаго писателя.

Эмиль Ожье скончался 14 (26) октября въ Кроасси, гдѣ и провелъ послѣдній годъ своей жизни.

А. Д. Градовскій. (Портр. на стр. 1196).

Уже съ полгода ходили слухи о тяжелой болѣзни, постигшей А. Д. Градовскаго, но едва-ли кто-нибудь предполагалъ тогда, что эта болѣзнь приведетъ его къ могилѣ. Александръ Дмитриевичъ скончался 6 ноября, въ 7^{1/2} часовъ вечера. Безспорно это былъ одинъ изъ талантливейшихъ людей, много и плодотворно поработавшій въ области юридической науки, обратившій на себя вниманіе цѣлымъ рядомъ интересныхъ статей научнаго и публицистическаго характера, каковы, наприѣръ, его статьи: „Россія и Славіе“, „Политическія теоріи XIX вѣка“, помѣщенные въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, критическіе этюды по поводу трудовъ Щеглова „Исторія социальныхъ системъ“ (въ *Зарѣ*), Чичерина „О народномъ представительствѣ“ (въ *Русскомъ Вѣстникѣ*), Горчакова „Мо-

настырскій приказъ“ (тамъ-же), Сергѣевича „Князь и вѣче“ (тамъ-же) и друг. Но, конечно, извѣстность его, главнымъ образомъ, зиждется на такихъ капитальныхъ работахъ его, какъ „Высшая администрація Россіи XVIII вѣка и генераль-прокуроры“ и „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи“, въ которыхъ онъ обнаружилъ много оригинальныхъ воззрѣній, всестороннее знакомство съ предметомъ изслѣдованія, огромную начитанность. До появленія трудовъ Градовскаго по наукѣ русскаго государственнаго права, сочиненія по этой спеціальности не представляли ничего выдающагося, были довольно слабы, такъ что изслѣдованія Градовскаго, съ появленіемъ ихъ въ свѣтъ, быстро отодвинули на задній планъ всѣ эти сочиненія. Вотъ почему Градовскаго можно по справедливости назвать создателемъ у насъ каѳедры русскаго государственнаго права. Въ своихъ ученыхъ трудахъ Градовскій является не только специалистомъ своего дѣла, но и весьма серьезнымъ мыслителемъ съ историко-философскими взглядами. Что касается до его статей, въ которыхъ онъ обсуждалъ многіе вопросы, интересовавшіе наше общество за послѣдніе четверть вѣка, или касался текущихъ явленій, то эти статьи очень часто шли въ разрѣзъ со взглядами людей желавшихъ дѣйствительно добра своей родинѣ, людей строго консервативнаго направленія, которое сказать, отличались оппозиціоннымъ духомъ. Особенно ярко высказалъ онъ свои убѣжденія въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Голосъ*, этой не только антиправительственной, но и совершенно антирусской газетѣ. А между тѣмъ, И. С. Аксаковъ, Ю. О. Самаринъ, Н. Я. Данилевскій считали его „своимъ“, близкимъ, по ихъ симпатіямъ, человѣкомъ, основываясь на тѣхъ работахъ, которыя онъ помѣщалъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Зарѣ*, *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* и другихъ органахъ, враждебныхъ „либеральному“ лагерю. Съ одной стороны, Градовскій скорбѣлъ, что „скентицизмъ, опустошавшій религію и политику, опрокинулся на нравственность и вызывалъ современное разложіе“, съ другой — онъ поселялъ броженіе въ молодыхъ умахъ, проповѣдая тѣ формы правленія, которыя причинили столько вреда на Западѣ Европы и безусловно были бы губельны для отечества нашего.

Сынъ воронежскаго помѣщика, извѣстнаго селитровара, Александръ Дмитриевичъ Градовскій родился въ 1841 году, въ Валуйскомъ уѣздѣ, въ имѣніи отца. Первоначальнымъ своимъ образованіемъ онъ былъ почти исключительно обязанъ отцу, который затѣмъ помѣстилъ его во 2-ую харьковскую гимназію, гдѣ Градовскій кончилъ курсъ въ 1858 году. Поступивъ въ томъ же году въ Харьковскій университетъ по юридическому факультету, онъ, подъ вліяніемъ профессоровъ С. В. Пахмана и Д. И. Каченовскаго, сталъ съ любовью изучать политическія науки. Университетскій курсъ онъ окончилъ въ 1862 году, со степенію кандидата, и нѣсколько мѣсяцевъ редактировалъ *Харьковскія Губернскія Вѣдомости*; затѣмъ, въ 1863 году опредѣлился на службу въ канцелярію харьковскаго губернатора, а въ слѣдующемъ состоялъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при воронежскомъ губернаторѣ. Занимался онъ также сельскимъ хозяйствомъ, но ни эти занятія, ни служба не мѣшали ему серьезно думать о профессорской дѣятельности, къ которой онъ усердно приготавливался при помощи выписываемыхъ имъ книгъ. Съ этой же цѣлью онъ прибылъ въ концѣ 1865 года въ Петербургъ и цѣлыхъ полгода работалъ въ Им. Публичной бібліотекѣ надъ магистерскою диссертацией, которую блестяще защитилъ въ 1866 году. Эта диссертация „Высшая администрація Россіи XVIII вѣка и генераль-прокуроры“, произвела на весь составъ юридическаго факультета такое благоприятное впечатлѣніе, что Градовскій немедленно былъ приглашенъ преподавать въ университетѣ государственное право и вслѣдъ затѣмъ, въ декабрѣ того же года, избранъ штатнымъ доцентомъ по этой каѳедрѣ. Въ 1868 году, по защитѣ диссертации: „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи“, онъ удостоенъ былъ степени доктора государственнаго права и избранъ экстраординарнымъ профессоромъ, а также назначенъ орд. профессоромъ Александровскаго лицей. Въ 1869 г., утвержденный членомъ университетскаго суда, онъ былъ командированъ съ ученою цѣлью въ Москву и утвержденъ ординарнымъ профессоромъ университета, а въ 1887 г. имѣлъ командировку въ разныя губерніи Россіи. А. Д. Градовскій умеръ въ числѣ тайнаго содѣйствія, полученномъ имъ 1 января 1889 г. Только за нѣсколько дней до смерти утверждена была его отставка.

Улей-двоякъ. (Рис. на стр. 1197).

Истребленіе лѣсовъ, дикой растительности, измѣненіе народнаго быта, появленіе сахара, разныхъ сластей и освѣтительныхъ матеріаловъ привели обширное первобытное пчеловодство къ упадку, и добываніе меда, — этой самой благородной и питательной части растений, — призвало на помощь знанія и изобрѣтательность человѣческаго ума. Естественныя пчелы и просвѣщенные пчеловоды создали цѣлую науку и обширную литературу пчеловодства, и эта промышленность сдѣлалась самою прибыльною отраслью сельскаго хозяйства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вновь пробудился въ обществѣ вкусъ къ меду и признаніе его санитарныхъ достоинствъ, благодаря которымъ потребители меда жили за сто лѣтъ и пользовались

отличным здоровьем. Примѣромъ тому служить врачъ Инократъ и другія знаменитости древняго міра.

Улей, какъ главное орудіе или приборъ пчелопрмышленности, обращаетъ на себя особенное вниманіе практиковъ и имѣетъ за собою множество изобрѣтателей. Наиболее распространенный улей принадлежитъ къ системѣ американской, придуманной ученымъ Лаугстротомъ (Langstroth), оказавшимъ этимъ изобрѣтеніемъ величайшую услугу своимъ соотечественникамъ и вообще пчеловодству. Благодаря Лаугстроту, Америка въ послѣдніе три-четыре десятка лѣтъ покрывалась многими сотнями тысячъ пчельниковъ, дающихъ миллиарды рублей дохода. Также же быстро увеличивается въ Новомъ Свѣтѣ и потребление меда.

Почти одновременно съ Сѣвѣрною Америкою, та-же система ульевъ, съ пѣкоторыми улучшеніями, быстро распространилась въ Англию, а затѣмъ и въ пѣкоторыхъ другихъ странахъ Европы. Въ 1886 г. типъ англо-американскаго улья принятъ состоящею при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ обществѣ пчеловодною комиссіею. Изображенный здѣсь улей составленъ согласно съ этимъ типомъ и построенъ на двѣ семьи пчель (двойль). На основаніи его чертежа, подобныя ульи, подъ названіемъ близнецовъ (jumelles), недавно начали строить и получать за нихъ преміи въ Швейцаріи; а въ этомъ году на достоинство ихъ обратилъ въ Германіи вниманіе знаменитый Дзержопъ, прозванный пѣмцами Vater von Bienenzucht.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕКРИПТЪ

Е. И. В. Генералъ Фельдцейхмейстеру Великаго Императорскаго Высочайшаго Вѣдомства Артиллерійскаго Департамента, по случаю исполненія 8 ноября 500-лѣтняго юбилея Русской артиллеріи.

Ваше Императорское Высочество,

Въ 1856 году, въ юные годы Ваши, Августѣйшій Родитель Мой, назначая Ваше Высочество на должность Генералъ Фельдцейхмейстера, вручилъ Вамъ высшее руководство артиллеріею и заботы объ ея благосостояніи и усовершенствованіи. Вы приняли близко къ сердцу возложенныя на Васъ обязанности, и съ тѣхъ поръ дальнѣйшій судьбы и процваніе Русской артиллеріи стали предметомъ Вашихъ истинно душевныхъ попеченій. Со свойственными Вашему Высочеству энергіею и посвященнымъ взглядомъ на дѣло, Вы неустанно заботились объ усовершенствованіи всѣхъ отраслей артиллерійскаго дѣла,—боевой, технической, научной и матеріальной, всегда памятуя необходимость держать эти отрасли на высотѣ современнаго развитія и громаднхъ успѣховъ, достигнутыхъ всѣми европейскими арміями. Вы имѣете утѣшеніе видѣть, что артиллерія Наша съ 1856 года преобразилась и усовершенствовалась во всѣхъ отношеніяхъ, сохраняя неизмѣнными свой боевой духъ и стремленія къ дальнѣйшему развитію научному и техническому.

Сегодня, въ день празднованія 500-лѣтняго юбилея Русской артиллеріи, Ваше Высочество имѣете достойное основаніе обозрѣть съ чувствомъ правденнаго удовлетворенія пройденное поприще и гордиться достигнутыми успѣхами.

Съ своей стороны, Я ощущаю сердечную потребность привѣтствовать Васъ съ этимъ днемъ и выразить Вашему Императорскому Высочеству Мою душевную признательность за Ваши многолѣтніе труды и заботы на пользу и славу Русской артиллеріи.

Пребываю къ Вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

*Искренню любящій Васъ Племянникъ
АЛЕКСАНДРЪ.*

С.-Петербургъ.

8 ноября 1889 года.

— Ихъ Величества, 9 ноября, въ 3½ час. пополудни, выѣхали изъ Анничкова Дворца въ Гатчину.

Дѣла церкви.

— 2 ноября, въ Снасовомъ Скитѣ, близъ станціи Борки, Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги, высокопроевъ. Амвросіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ, освящена новая земля церковь. Церковь устроена настоятелемъ Святогорскаго монастыря, архимандритомъ Германомъ, во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, въ большомъ деревянномъ домѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна занята церковью, другая братскою трапезою.

— Миссіонерская дѣятельность среди калмыковъ-язычниковъ, кочующихъ въ предѣлахъ Ставропольской губерніи, сдѣлала въ послѣднее время большіе успѣхи, и изъ крещеныхъ калмыковъ уже составилось особое поселеніе, которое будетъ наименовано Князе-Михайловскимъ. Въ новомъ селеніи живутъ уже 70 крещеныхъ калмыковъ, которые построили

для себя избы, и текущую осенью засѣяли 15 десятинъ земли озимымъ хлѣбомъ. Въ селеніи строятся церкви. Тамъ же организованы первый миссіонерскій станъ, руководителемъ котораго назначенъ бывшій алтайскій миссіонеръ, о. игуменъ Антоній, весьма опытный въ дѣлѣ проповѣди Евангелія среди язычниковъ.

Военное дѣло.

— 8 ноября, въ Петербургѣ, въ кронверкѣ Петропавловской крѣпости, торжественно праздновалось въ Высочайшемъ присутствіи, пятидесятилѣтіе Русской артиллеріи. Торжество происходило въ особой, приспособленной для него залѣ. Описаніе его будетъ помѣщено въ ближайшемъ № *Ивы* съ рисунками.

Въ Москвѣ, 500-лѣтній юбилей артиллеріи начался 6 ноября навикходой въ Архангельскомъ соборѣ по Дмитрія Донскому, Петръ Великомъ, Императорахъ Александрѣ I, Николаѣ I и Александрѣ II. 8 ноября совершена въ манежѣ литургія. Къ началу богослуженія прибыла первая артиллерійская бригада и расположилась разнервутья фронтномъ передъ церковью. По окончаніи литургіи, на площадкѣ манежа было совершено торжественное молебствіе.

Торжественныя празднованія происходили также въ Тифлисѣ, Одессѣ и др.

— Въ *„Моск. Вид.“* сообщается о новомъ случаѣ дальней поѣздки верхомъ. 1 ноября проѣхалъ черезъ Москву корнетъ 16-го драгунскаго Глуховскаго полка Федоровъ, направившійся изъ Остроленики, Ломжинской губерніи, въ Петербургъ. Корнетъ Федоровъ выѣхалъ изъ Остроленики 1 октября, направляясь на Бѣлостокъ, Волковыскъ, Слонимъ, Прумень, Мстиславль, Рославль, Юхновъ, Медынь, Боровскъ и Москву. Лошадь, на которой ѣхалъ корнетъ Федоровъ, самая обыкновенная степная, неизвѣстнаго завода, купленная г. Федоровымъ изъ фронта. Лошадь осѣдлана полнымъ выюкомъ и форменнымъ офицерскимъ сѣдломъ новаго образца. Самъ корнетъ Федоровъ одѣтъ въ мундиръ, подобный мѣхомъ. Выѣсто налета онъ имѣетъ съ собою бурку.

Торговля.

— Мелитопольское земское собраніе рѣшило устроить въ Мелитопольѣ, Геничскѣ, Михайловкѣ, Каменкѣ и Большой Лепетихѣ сыскну хлѣба, подѣ которуи хозяева могли бы получать сеуду изъ Государственнаго банка въ размѣрѣ до 50%.

— Съ 1 января по 1 ноября сего года вывезено изъ Одессы за границу разнаго зерна 85.725.472 пуда, въ томъ числѣ пшеницы 48.000.000 пудовъ.

— Покровская ярмарка въ гор. Новоузенскѣ, Самарской губерніи, въ текущемъ году, вслѣдствіе скуднаго урожая хлѣба и въ особенности травъ, какъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ, такъ и въ смежныхъ съ нимъ мѣстностяхъ, прошла вяло. Товаровъ было привезено на ярмарку на 686.780 руб., — менѣе прошлагодняго на 180.010 руб., а продано на 184.270 руб., — менѣе прошлагодняго на 263.610 руб.

Литература и наука.

— Въ общемъ собраніи Имп. рус. географич. общества, 1 ноября, были сообщены слѣдующія свѣдѣнія объ экспедиціяхъ, принятыхъ членами Общества и его Восточно-

сибирскаго отдѣла. На дальнемъ Востокѣ, въ Южно-Уссурийскомъ краѣ и прилегающей къ нему части Манчжуріи, путешествовалъ членъ-сотрудникъ А. В. Елисѣевъ, которому удалось собрать въ названныхъ странахъ небольшой антропологическій матеріалъ, а также интересныя свѣдѣнія объ инородцахъ края и переселенцахъ изъ Россіи. Восточно-сибирскій отдѣлъ общества въ нынѣшнемъ году снарядилъ нѣсколько экспедицій,— между прочимъ одну въ долину р. Орхона, въ сѣверной Монголіи, для изслѣдованія той мѣстности, къ которой лѣтоислы средней Азии приурочиваютъ мѣстоахожденіе города Каракорума, а также для собиранія свѣдѣній о китайской колонизаціи въ долинѣ р. Орхона по близости съ русскою государственною границею. Экспедиція въ долину р. Орхона, подѣ начальствомъ члена-сотрудника общества П. М. Ядринцева, уже возвратилась. Экспедиціею были найдены развалины древнихъ дворцовъ и монгольскихъ кладбищъ, сняты планы двухъ древнихъ городовъ и въ томъ числѣ Каракорума. Членъ-сотрудникъ Мартенъ, при содѣйствіи русскаго посланника въ Пекинѣ, производилъ физико-географическія изслѣдованія въ провинціи Ганьсу, которая была уже частью изслѣдована экспедиціями гг. Пржевальскаго и Потанина. Въ сѣверной Монголіи, въ Урхайской землѣ, среди племени сойотовъ, трудился надѣ собираніемъ памятниковъ народнаго творчества членъ-сотрудникъ общества Н. О. Катановъ. Въ Закаспійской области лѣтомъ текущаго года членъ-сотрудникъ А. П. Семеновъ и А. А. Антоновъ производили изслѣдованія на протяженіи линіи желѣзной дороги отъ Узунъ-Ада до Чарджуя, причемъ былъ собранъ обширный биологическій матеріалъ, относящійся до этихъ, еще мало извѣстныхъ мѣстностей. На сѣверномъ Кавказѣ нынѣшнимъ лѣтомъ производилъ гео-ботаническія изысканія командированный обществомъ членъ-сотрудникъ П. П. Кузнецовъ, которому удалось изучить въ ботаническомъ отношеніи восточную часть Терской области. Тѣмъ же лицомъ были изслѣдованы и нѣкоторыя ледники Кавказскаго хребта, до сего мало-извѣстныя.

Некрологъ.

— 2 ноября, скончался въ Петербургѣ директоръ клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, бывшій профессоръ медицинскаго академіи, тайный совѣтникъ Эдуардъ Эдуардовичъ Эйхвальдъ.

Новыя книги.

Публичныя лекціи о гомеопатіи, чтанія въ большой аудиторіи Педагогическаго музея 10 февраля, 10 и 17 ноября 1887 г. доктора-медицины Л. Е. Бразоля. Съ приложеніемъ стенографическихъ отчетовъ премій и дополнительныхъ примѣчаній автора. Изданіе второе. Ф. К. Флеминга. СПб. 1889 г. 160 стр.

Возникновеніе гомеопатіи и борьба противъ ея распространенія, доктора Вильгельма Амеке. Перев. съ нѣмецкаго М. П. Куманіна, съ предисловіемъ доктора-медицины Л. Бразоля. Изд. Ф. К. Флеминга. СПб. 1889 г. 491 стр.

Двадцать биографій образованныхъ русскихъ писателей. Съ портретами. Для чтенія юношества. Составилъ Викт. Острогорскій. Изд. Ф. Павленкова. СПб. 1889 г. 174 стр.

Политическое обозрѣніе.

Въ то время, какъ въ Европѣ только и было рѣчи, что положеніе дѣлъ ясно говоритъ о полномъ обезпеченіи мира, изъ Америки была получена телеграмма, всѣхъ поразившая своею неожиданностью. Изъ Нью-Йорка сообщалось, что одна торговая фирма получила изъ Рио-де-Жанейро депешу о революціи въ Бразиліи. Извѣстіе это подтвердилось, и телеграфъ доставлялъ одно за другимъ сообщенія объ этомъ печальномъ событіи. Такъ Товарищество западно-бразильскаго подводнаго телеграфа получило изъ Рио-де-Жанейро слѣдующую телеграмму отъ 3-го (15-го) ноября: „Военный бунтъ имѣетъ весьма серьезный характеръ. Морской министръ Ладарисъ опасно раненъ. Магазины закрыты, дѣла пришли въ застою. По слухамъ, министры арестованы. Провозглашена республика. Временнымъ президентомъ республики избранъ генералъ Деодоро-да-Фонсека. Новое правительство заботится о безопасности императорской фамиліи. Императоръ находится въ Петрополисѣ. Общественному порядку никакая опасность не угрожаетъ“.

Въ республиканской Америкѣ Бразилія была единственнымъ государствомъ съ монархическимъ образомъ правленія, если не считать незначительнаго королевства Арауканіи. Принадлежа Португаліи чуть-ли не съ 1500 года, Бразилія въ началѣ нынѣшняго столѣтія доставила пріюта королю Португальскому Иоанну VI, когда оный, преслѣдуемый Наполеономъ, удалился въ 1808 году изъ Европы. По возвращеніи въ 1821 году королевской семьи на родину, Бразилія, согласно волѣ народнаго собранія, была провозглашена независимымъ государствомъ и на престолѣ вступилъ сынъ тогдашняго Португальскаго короля, домъ-Педро I. Черезъ десять лѣтъ онъ отрекся отъ престола, въ пользу своего сына, нынѣшняго императора домъ-Педро II, которому въ то время было шесть лѣтъ. Высокій умъ императора, его всестороннее обширное образование и превосходная качества сердца привлекали всеобщую къ нему любовь, а потому никто не ожидалъ, что при жизни его могла совершиться перемѣна въ образѣ правленія. Отсутствіе послѣдника мужскаго пола, и непопулярность супруга нынѣшней престола, графа д'Э, между прочимъ вслѣдствіе нескрывимаго имъ покровительства иезуитамъ, и съ другой стороны преобладаніе и стремленіе повсюду въ Америкѣ къ республиканскому образу правленія, наводили на мысль о возможности переворота, но только въ отдаленномъ будущемъ. Но республиканскія стремленія, къ сожалѣнію, пересилили любовь и расположеніе къ маститому и гуманному императору, который долженъ

искать теперь пріюта въ Европѣ. По дальнѣйшимъ извѣстіямъ изъ Бразиліи, временное правительство обнародовало манифестъ, коимъ провозглашается уничтоженіе въ Бразиліи монархической формы правленія, выражается намѣреніе избѣгать всякихъ беспорядковъ и сообщается, что изъ провинціи получены многочисленныя заявленія, одобряющія совершенный переворотъ. Бывшій президентъ совѣта министровъ арестованъ. Съ императоромъ поступали съ величайшею почитательностью. Сперва императоръ содержался во дворцѣ подъ стражею, а затѣмъ, какъ сообщаетъ герцогъ Немурскій телеграммою къ королю Викторіи, виѣсть со всею семьею отплылъ въ Европу, причемъ никакимъ неурядицамъ не подвергался.

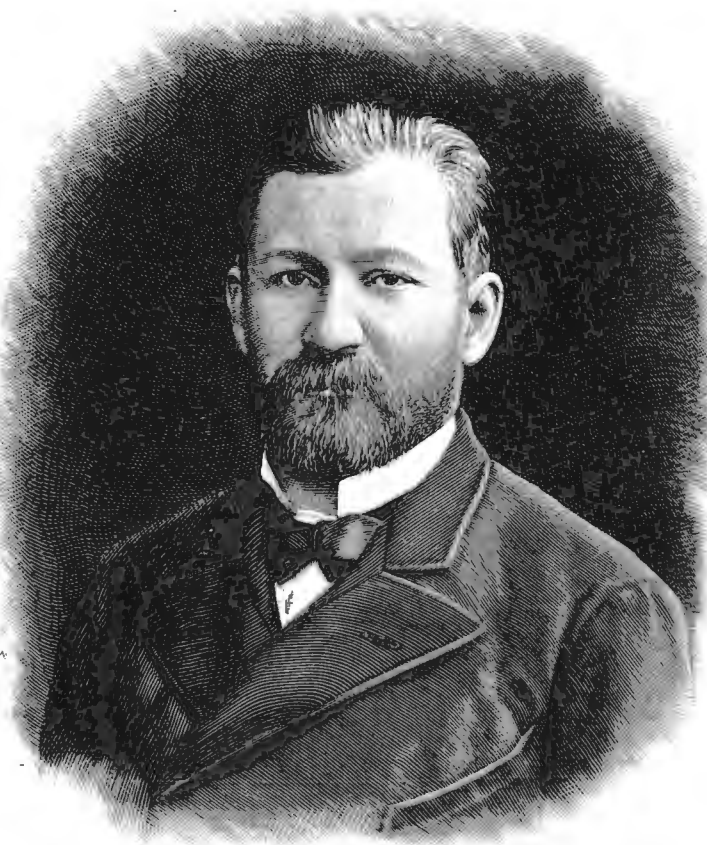
Населеніе, впрочемъ, спокойное, но торговля парализована. Въ провинціи назначены новые губернаторы, принадлежащіе исключительно къ военному сословію. Въ обнародованной новымъ правительствомъ прокламаціи сказано, что провинціи Бразиліи связаны между собою федеративными узлами и образуютъ „Соединенные Штаты Бразиліи“. Каждый штатъ учреждаетъ у себя мѣстное управленіе и посылаетъ представителей

въ конгрессъ, который будетъ вскорѣ созванъ и рѣшеній котораго ожидаетъ временное правительство; пока же губернаторы должны заботиться о поддержаніи порядка, а временное правительство будетъ заведывать внутренними и внѣшними дѣлами Бразиліи“.

Въ Парижѣ налата депутатовъ, послѣ провѣрки полномочій, начала свою дѣятельность 7 ноября. Флокэ, вступая въ исправленіе обязанностей президента налаты, произнесъ рѣчь, въ которой сказалъ, что постарается заслужить довѣріе коллегъ и забыть личные предпочтенія для того, чтобы обезпечить за всѣми свободою слова. Затѣмъ президентъ констатировалъ, что республиканская Франція выразила требованіе, чтобы между ея представителями господствовало согласіе. Послѣ того, Тираръ прочелъ правительственное сообщеніе. Министръ-президентъ напомнилъ, что нынѣшнее министерство стало у дѣлъ въ трудный моментъ, но думаетъ, что ему удалось довести благополучно до конца возложенную на него задачу. Упомянувъ затѣмъ о выставкѣ, къ участию въ которой приглашены были всѣ народы, Тираръ сказалъ, что результаты выборовъ свидѣтельствуютъ, что страна желаетъ успокоенія. Правительство будетъ издѣвать возбужденія раздражающихъ вопросовъ. Перечисливъ затѣмъ извѣстные законопроекты, которые правительство предлагаетъ внести на разсмотрѣніе парламента, министръ сказалъ въ заключеніе: „Повергая на

Эмиль Олье. († 14 октября 1889). Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Александръ Дмитріевичъ Градовскій. † 6 ноября 1889 г. Съ фотогр. Шаниро, грав. Шюблеръ.

вопросовъ. Перечисливъ затѣмъ извѣстные законопроекты, которые правительство предлагаетъ внести на разсмотрѣніе парламента, министръ сказалъ въ заключеніе: „Повергая на

ваше усмотрѣніе всѣ эти вопросы, мы представляемъ новыя доказательства непоколебимыхъ чувствъ, одушевляющихъ республиканскую Францію и правительство послѣ выставки 1889 года. Никто въ мірѣ не имѣетъ права сомнѣваться въ миролюбивыхъ чувствахъ нашего отечества, и не переставая трудиться надъ дѣломъ нашего военного устройства, мы все-таки можемъ громко заявить, что республиканская Франція желаетъ мира, но мира достойнаго великой націи — народа, увѣреннаго въ своей силѣ и въ своемъ правѣ. Бу-

демъ-же трудиться вмѣстѣ надъ дѣломъ организаціи нашего демократическаго строя. Для исполненія столь великой задачи вы имѣете право требовать отъ насъ твердости и выдержки, мы же въ свою очередь нуждаемся въ вашемъ довѣріи. Мы указали на наши дѣйствія и сообщили наши проекты, а потому не боимся просить вашего содѣйствія отъ имени республики и Франціи. Эта министерская декларація одобряется всею печатью, обществомъ и въ дипломатическихъ кружкахъ.

Библиографія.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. СПб. 1889.

Русскія древности представляютъ самый разнородный интересъ. Въ теченіе двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи жило не мало народностей. Скифы, гетузы, византійцы, арабы, — всѣ внесли свою ленту. Свидѣтелями этихъ событій являются курганы и многочисленные памятники русской старины. Изданіе сдѣлано весьма тщательно, украшено множествомъ прекрасно выполненныхъ рисунковъ и отличается крайне доступною цѣною — 1 руб. за выпускъ. Пока вышло два. Въ первомъ помѣщено описаніе классическихъ древностей Южной Россіи, во второмъ — древности Скифо-Сарматскія.

Грибоѣдовъ, А. С. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. И. Шляпкина. Т. 1 — II. СПб. 1889. 8°.

Новое изданіе сочиненій Грибоѣдова значительно отличается отъ предыдущихъ по своей полнотѣ. Г. Шляпкинъ вложилъ очевидно не мало труда и далъ не мало до сихъ поръ неизвѣстныхъ данныхъ о жизни и произведеніяхъ Грибоѣдова. Въ первомъ томѣ собраны свѣдѣнія о Грибоѣдовѣ и его сочиненіяхъ (родословная, хронологическая канва, переписка, указатель произведеній Грибоѣдова и литература о немъ), а также помѣщены прозаическія статьи. Во второмъ томѣ помѣщены поэтическія сочиненія, начиная съ „Горе отъ ума“. Къ изданію приложены 3 хорошо исполненныхъ портрета и ноты вальса, написаннаго Грибоѣдовымъ въ 1823 году.

Залуковский. Уходъ за больными, ранеными, и первая помощь до прибытія врача. 4-е изд. Тверь. 1889. 8°.

Въ 4-мъ изданіи авторомъ сдѣланы многія дополненія. Напр. приготовленіе лѣкарствъ домашнимъ способомъ и указанія мѣръ помощи до прибытія врача, что весьма важно для лицъ живущихъ внѣ городскихъ условій жизни. Кроме этихъ, авторомъ сдѣланы и другія дополненія. Изданіе украшено многими рисунками.

Смѣсь.

Анекдотъ изъ жизни Стророва. Въ одномъ изъ нашихъ историческихъ журналовъ, въ воспоминаніяхъ В. Т. Соколова, автора безчисленныхъ романовъ и пѣсней, приведенъ любопытный анекдотъ объ А. П. Строровѣ. Александръ Николаевичъ носилъ длинные волосы, прямыми прядями лежавшіе у него на плечахъ. Цвѣтъ ихъ былъ льняной, или какъ нѣкоторые называютъ: чухонскій. Авторъ „Рогіѣды“ весьма рѣдко ихъ причесывалъ. Какъ-то, въ сороковыхъ годахъ, шель онъ со своей матерью по Литейной и, сильно утомясь, сталъ нанимать извозчика. По обыкновенію тотъ заломилъ и Строровъ предложилъ ему свою, несравненно меньшую цѣну. Тогда извозчикъ, принявъ его за разношца, сказалъ съ презрѣніемъ: „Ахъ, ты чухна этакій! Нанимаетъ извозчика, а у самого въ карманѣ-то должно быть пусто“. Вспыльчивый отъ природы и молодой тогда, Строровъ не выдержалъ и ударилъ дерзкаго мужика, прибавивъ: „Вотъ тебѣ и чухна — будешь теперь помнить меня!“ — „Караулъ! Помогите!“ заоралъ извозчикъ. Какъ изъ-подъ земли выросъ

городовой. Онъ связалъ вспыльчиваго композитора и его мать по рукамъ веревочкой и повелъ „въ кварталъ“. Откуда-то появилось съ десятокъ уличныхъ мальчишекъ, которые, припрыгивая и приплясывая вокругъ плѣнниковъ, хлопали въ ладоши и кричали: „Вотъ попались! вотъ попались! Обоихъ вздеруть!“ Строровъ такъ и пришелъ

Улей-двоикъ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ“ 1890 ГОДА

съ разсрочкою платежа.

Нѣкоторые изъ нашихъ иногородныхъ гг. подписчиковъ обратились къ намъ съ просьбою о РАЗСРОЧКѢ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ за „НИВУ“ 1890 ГОДА. Исполняя ихъ желаніе, мы нашли возможнымъ допустить разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му іюня 1890 г. 3 р.

При аккуратной высылкѣ втораго взноса, журналъ будетъ высылаться со всѣми приложеніями и преміями — наравнѣ съ годовыми подписчиками.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

въ кварталъ. Здѣсь они долго ожидали надзирателя. Когда онъ пришелъ, онъ оказался знакомымъ Строва, очень удивился, встрѣтивъ его въ такомъ видѣ, и велѣлъ немедленно освободить арестованныхъ. Стровъ рассказывалъ про это приключеніе такъ живо и комично, что его слушатели буквально покатыались со смѣху. (б.)

Развитіе человѣка. Обыкновенно думаютъ, что ростъ взрослого человѣка не измѣняется и бываетъ одинаковъ какъ утромъ, такъ и вечеромъ. Но это большая ошибка. Если бы мы могли измѣрять себя утромъ и вечеромъ, то убѣдились бы, что къ концу дня мы дѣлаемся меньше. Профессоръ Мартель сообщаетъ о своихъ частыхъ и точныхъ измѣреніяхъ, изъ которыхъ видно, что ростъ человѣка замѣтно измѣняется въ теченіе дня. Одни теряютъ въ день 3—4 миллиметра, другіе же отъ 5—6; потеря возобновляется къ слѣдующему утру. D-r Paville рассказываетъ объ одномъ велосипедистѣ, который поутру имѣлъ 1,75 метра вышины, а къ вечеру, послѣ сдѣланнаго имъ на велосипедѣ переѣзда въ 40 километровъ,—только 1,70 метра. Личности мало трудящаяся, или въ продолженіе дня много сидяція, меньше теряютъ въ ростѣ, чѣмъ люди много движущіеся и отравляющіе тяжелой физической работу. Мы объясняемъ себѣ этотъ фактъ тѣмъ, что тѣло, утомленное усиленною работой, уплотняется, ссыживается,— оно утрачиваетъ часть своего вещества и жира; хрящи потеряли свой объемъ и растяжимость; жирныя и волокнистыя части, поддерживающія органы движенія, не имѣютъ болѣе прежней плотности; но органическая потеря эта вполне вознаграждается во время сна.

Наше развитіе продолжается приблизительно 25 лѣтъ. Предполагаютъ, что трехлѣтнее дитя достигаетъ половины своего будущаго роста. Всѣмъ взрослому индивидууму въ 20 разъ больше, чѣмъ въсѣмъ новорожденнаго, а величина, приблизительно, въ $3\frac{1}{4}$ раза болѣе, чѣмъ при рожденіи. Дитя, которое при своемъ рожденіи бываетъ, среднимъ числомъ, 490 мм., вырастаетъ на первомъ году на 20 сантиметровъ, т. е. почти $\frac{1}{16}$ всего своего будущаго роста. На второмъ году оно вырастаетъ только на 10 сантиметровъ; съ четвертаго года до зрѣлаго возраста развитіе составляетъ приблизительно $\frac{1}{3}$ всего прироста въ ростѣ. Это только средняя норма, такъ какъ бываютъ организмы быстрые и медленные развивающіеся. Точно такъ же многіе не оканчиваютъ развитія въ 25 лѣтъ, а растутъ до 30 и даже до 32 лѣтъ.

Развитіе обоихъ половъ не одинаково. Въ общемъ мальчики въ 11—12 лѣтъ болѣе и тяжеловѣснѣе дѣвочекъ тѣхъ же лѣтъ; а съ этихъ лѣтъ развитіе дѣвочекъ совершается быстрее, чѣмъ мальчиковъ. Послѣ того, съ 16 лѣтъ, мальчики снова опережаютъ дѣвочекъ въсомъ и ростомъ, а дѣвочки съ этихъ лѣтъ уже медленнѣе развиваются.

Съ 25 лѣтъ развитіе прекращается до 55-ти, и только съ 60 лѣтъ начинаются опять перемѣны, которыя зависятъ отъ сгибанія позвоночнаго столба. Этотъ фактъ подтверждается даже у очень крѣпкихъ стариковъ, сохранившихъ прямую осанку. Ростъ можетъ такимъ образомъ уменьшиться на 4,5 и даже 7 сантиметровъ. Эта убыль происходитъ частью отъ сплюсненія жирныхъ, мягкихъ частей, хрящей въ суставахъ и позвоночномъ столбѣ, частью же отъ перемѣны формы шейки бедренной кости, которая у взрослого составляетъ уголъ почти въ 135° , между тѣмъ какъ у старика этотъ уголъ приближается къ прямому, что, понятно, способствуетъ сокращенію вышины человѣка.

Искусство пауковъ. Вопросъ, какъ прикрѣпляютъ пауки съ одного мѣста, находясь при томъ въ всякаго положенія, свои нити въ разныхъ точки, В. Куловъ въ Ростовѣ разъяснилъ весьма просто. Бралъ онъ маленький пузырекъ, на нижнюю сторону дна котораго онъ приклеивалъ дискъ изъ папки, соответствующихъ дну разбитой, затѣмъ подвѣшивалъ бутылку горломъ вверхъ къ потолку, а на полъ подъ нею ставилъ чашку съ водою. Наконецъ ловилъ паука и сажалъ его на папку. Очевидно вверхъ пауку не могъ всползти, ибо этому препятствовала гладкая поверхность стекла; равно при опусканіи внизъ пауку не могъ попасть на полъ, чему препятствовала вода. Такимъ образомъ пауку былъ принужденъ показать свое искусство. Наблюдая теперь за нимъ, Куловъ замѣтилъ какъ паукъ спускался внизъ, поддерживаемый восемью, десятью тонкими нитями, а не одною, какъ обыкновенно кажется. На небольшомъ разстояніи отъ пола сжиманіемъ паутинныхъ железъ паукъ отдѣлялъ всѣ нити кромѣ одной, по которой онъ снова поднимался до диска; другія же нити разлетались во всѣ стороны, вслѣдствіе своей легкости (замѣтимъ, что нѣкоторые изъ пауковъ, выпуская паутинную нить, могутъ помощью этой, послѣдней перелетать даже съ одного мѣста на другое, переносимые воздухомъ). Свободные концы этихъ паутинныхъ нитей очевидно должны были сами собою прикрѣпиться при случайномъ прикосновеніи къ чему-нибудь. По одной изъ такихъ случайно прикрѣпившихся нитей паукъ добѣжалъ до мѣста прикрѣпленія этой послѣдней, откуда и началъ прятать новую нить, съ которою снова возвращался къ исходной точкѣ; но не останавливаясь здѣсь, паукъ тянулъ за собою эту нить до конца мѣста прикрѣпленія другой нити, гдѣ наконецъ уже прикрѣплялъ тянущуюся за собою нить. Такимъ образомъ получился треугольникъ — начальная форма для дальнѣйшей паутинной сѣти. (N.)

Орденъ Золотога Руна. Изъ Мадрида пишутъ: Какъ все въ Испаніи, странѣ столько вѣковъ страдавшей подъ самымъ безобразнымъ произволомъ, теперь подведено подъ строжайшіе законы, которые по своей многочисленности, по крайней мѣрѣ, столько же обходятся, сколько исполняются,—такъ и задача орденовъ подве-

дена подъ строгую норму. Даже орденъ королевскаго дома—Золотое Руно—можетъ быть жалуетъ не болѣе какъ въ сорока экземплярахъ, включая въ это число и иностранныхъ кавалеровъ ордена. Другая, съ давнихъ поръ существующая особенность Золотога Руна заключается въ томъ, что каждый орденъ имѣетъ свою исторію, обладаетъ какъ бы собственною индивидуальностью. Получающій Золотое Руно, получаетъ не просто орденъ, а *известный* орденъ, въ патентѣ на который весьма точно сказано, чью грудь онъ украситъ въ предшедшіе вѣка. Орденъ обыкновенно носитъ имя своего перваго или наиболѣе знаменитаго владѣльца: такъ наиримѣръ, до сихъ поръ еще существуютъ ордена: Карла V и Филиппа II, Жуана Австрійскаго, герцоговъ Альба и Медина Сидонія, точно такъ же, какъ Годоя и другихъ известныхъ благородныхъ мужей. Въ настоящее время свободны пять орденовъ Золотога Руна, въ томъ числѣ и принадлежавшіе двумъ покойнымъ Германскимъ императорамъ. Въ отличіе отъ австрійскаго Золотога Руна, съ которымъ оно, впрочемъ, имѣетъ общее происхожденіе, Испанское Руно, со времени введенія конституціи въ тридцатыхъ годахъ, жалуются также и не католикамъ. Въ Пруссіи, кромѣ нынѣ царствующаго императора и брата его, принца Генриха, орденъ Руна имѣетъ одинъ только князь Бисмаркъ. Испанское Руно, принадлежавшее императору Фридриху и по орденскому статуту возвращенное послѣ его смерти обратно, дано, въ качестве свадебнаго подарка, отъ имени Испанской королевы, герцогу Спартанскому по случаю бракосочетанія его съ дочерью покойнаго императора. По при этомъ было сдѣлано нѣкоторое нововведеніе, которое произведетъ брешь въ Cosa de Espana. До сихъ поръ каждый получающій орденъ, будь онъ испанецъ или нѣтъ, должно было уплачивать служащимъ въ капитулѣ орденовъ 8,000 франковъ *вознагражденія*, что нѣрѣдко вело къ несправедливостямъ, такъ какъ сумма эта часто уплачивалась неохотно, а иногда и вовсе не уплачивалась. На этотъ разъ служащіе, по приказанію министерства, отказались отъ вознагражденія и, такимъ образомъ, Греческій наследный принцъ первый получилъ орденъ Золотога Руна безвозмездно. (с.)

Лѣченіе подвѣшиваніемъ при спинно-мозговой сухоткѣ—русское изобрѣтеніе. Этотъ новый способъ лѣченія изобрѣтенъ нашимъ русскимъ докторомъ Мочутковскимъ въ Одессѣ и былъ имъ же опубликованъ уже въ 1883 году; однако получивъ должную оцѣнку лишь недавно, благодаря тому, что о немъ оповѣстилъ міру известный французскій ученый Шарко въ своей лекціи. Съ легкой руки Шарко лѣченіе это быстро распространилось во Франціи, а затѣмъ начали говорить о немъ и у насъ; такъ напр. докторъ фонъ-Штейнъ (въ рубчѣ, читанной имъ въ засѣданіи Русскаго бальнеологическаго общества въ Пятигорскѣ), который, между прочимъ, испробовалъ это лѣченіе начиная съ марта сего года съ большимъ успѣхомъ въ собственной практикѣ, въ своей электролѣчебницѣ въ Москвѣ.

Необходимый аппаратъ состоитъ изъ прочнаго коромысла, которое подвѣшивается посредствомъ блока на дѣлкахъ къ крючку, вбитому въ потолокъ, и можетъ подниматься и опускаться помощью веревки, обходящей блокъ и висящей до-низу. На двухъ концахъ коромысла выпилены крючки для подвѣшиванія плечевыхъ петель и вдоль всего ребра также выпилены углубленія, на которыя надѣваются ремни для ошейника, сдвигаемые на равномъ разстояніи, ближе или дальше отъ середины, смотря по надобности. Больной такимъ образомъ виситъ на плечахъ, а въ ошейникъ упирается подбородкомъ и затылкомъ. Что касается до ощущеній испытываемыхъ при подвѣшиваніи больными, то, по словамъ д-ра фонъ-Штейна, первые сеансы у нѣкоторыхъ вызываютъ невольное чувство страха: какъ бы чего не случилось. Затѣмъ большинство больныхъ держится на рукахъ, которыя скоро ослабѣваютъ; начинается сильное трясеніе рукъ, иногда чувство онемѣнія въ нихъ; также и ошейникъ, сдавливая нижнюю челюсть и затылокъ, производитъ подчасъ даже боль, особенно если онъ неловко надѣтъ. Самый тяжелый моментъ — первая минута, а затѣмъ, когда больной начинаетъ висѣть болѣе на головѣ, чѣмъ на рукахъ, самоощущеніе гораздо легче и пріятнѣе. Вскорѣ, однако, больной совсѣмъ свыкается съ этимъ лѣченіемъ, особенно если аппаратъ ему внушаетъ уже полное довѣріе. Подвѣшиванія дѣлаются черезъ день, а нѣкоторые и ежедневно, но не долѣе 2—5 минутъ и только изрѣдка, въ исключительныхъ случаяхъ, до 10 минутъ. Шарко, какъ онъ объ этомъ сообщалъ въ своей лекціи въ больницѣ Сальпетриеръ въ январѣ сего года, получилъ хорошіе результаты относительно разныхъ нервныхъ болѣзней, но по преимуществу при лѣченіи спинно-мозговой сухотки (Tabes). Успѣхъ въ этихъ случаяхъ поразительный: уже послѣ нѣсколькихъ сеансовъ подвѣшиванія невыносимыя страданія такихъ больныхъ вполне исчезали.

Объяснить научно вліяніе лѣченія подвѣшиваніемъ во всѣхъ частностяхъ пока невозможно. Пока знаемъ, что длина человѣка—не всегда постоянная; послѣ сна и вообще лежанія удлиняется нашъ позвоночный столбъ, какъ въ этомъ легко каждый можетъ убѣдиться измѣривъ длину своего тѣла вечеромъ и снова утромъ; самое большее удлиненіе достигается подвѣшиваніемъ, при чемъ несомнѣнно удлиняется и самый позвоночникъ. При подвѣшиваніи ускоряется дыханіе, съ 16—18 разъ оно возрастаетъ до 22—24 разъ въ минуту, равнымъ образомъ начинаеть струиться быстрее кровь, пульсъ съ 64 доходитъ до 86 черезъ 9 минутъ висѣнія. Разсуждая далѣе уже теоретически, можно предположить, что, кромѣ связочной и мышечной системъ позвоночнаго столба, вытягиваются также и нервы. Механическое вытяженіе нервовъ, равно и усиленіе

кровообращенія и, какъ результатъ послѣдняго, улучшение питанія бѣлыхъ волоконъ спиннаго мозга здѣсь вѣроятно являются псѣ-ляющими условиями. (N).

Твердый керосинъ. Бюро патентовъ Людерса въ Герлицѣ сообщаетъ, что въ Парижѣ снова появился твердый керосинъ въ формѣ брикета. Этотъ пренарать легко рѣжется ножомъ и стораецъ постепенно, подобно дереву, не будучи при томъ совершенно взрывчатымъ. Замѣтимъ кстати, что уже восемь лѣтъ тому назадъ у насъ Шандоръ кипяченіемъ керосина съ корнемъ мыльнянки (Saponaria officinalis) получалъ плотную студенообразную массу. (N).

О смертельной болѣзни короля Португальскаго извѣстны теперь нѣкоторыя подробности. Уже съ довольно давняго времени король страдалъ нервными болями, которыя перешли въ особую болѣзнь кожи—гангрену кожи,—примечъ замѣчалось совершенное омертвѣніе отдѣльныхъ частейъ наружныхъ слоевъ кожи. Девять профессоровъ Лиссабонскаго медицинскаго факультета было созвано на консультацію, на которую приглашенъ былъ также д-ръ Шейманъ изъ Вѣны. По единодушно поставленному всѣми докторами диагнозу, страданія кожи развились на невронатической почвѣ и осложнились водникой и начинающимся поражениемъ легкихъ. Въ виду сильнаго развитія болѣзни, надежда на выздоровленіе была сразу признана незначительною. То же самое мнѣніе было уже раньше выражено нѣсколькими профессорами различныхъ

государствъ, но королева, для большей достовѣрности и собственнаго успокоенія, пожелала созвать новый консиліумъ. Было составлено письменное мнѣніе, разработанное профессоромъ Нейманомъ и подписанное всѣми консультировавшими врачами. Вотъ эти подписи: I. Нейманъ, I. Эдвардо Маратахо Кулиньо, Ант. Марія Барбоза, Карлосъ Май Фигуерра, Мануэль Бенто де-Суза, Каспаръ Гомесъ, I. Т. де-Суза, Мартинсъ, Артуръ Рапайра, Франциско Аугусто д'Оливейра, д-ръ Антонио Марія де-Тенкастра, I. Виценте Барросъ де-Фонсека.

Нѣкоторые изъ врачей-консультантовъ подавали свой приговоръ со слезами на глазахъ, и сцена эта производила, говорить, потрясающее впечатлѣніе. Самъ король не подозрѣвалъ опасности своего положенія. Всѣ собравшіеся врачи проявили рѣдкое единогласіе какъ въ діагнозѣ, такъ и въ способѣ лѣченія и въ выборѣ медикаментовъ (C).

„Преподобіе“ Колумбъ. По случаю четырехлѣтняго празднованія открытія Америки, восемьсотъ архіереевъ, епископовъ и патриарховъ римско-католическаго духовенства Испаніи и испанской Америки, переслали папѣ прошеніе о позволеніи присвоить Колумбу титулъ „venerable“ (преподобіе). Свои требованія духовенство оправдываетъ тѣмъ, что открытіемъ Америки Колумбъ привелъ въ дѣно римско-католической церкви нѣсколько миллионъ туземцевъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ графу de Reselly de Lorges, автору многихъ книгъ объ этомъ великомъ морякѣ. (N).

Задача бунвъ № 73.

- Найти слѣдующія 8 словъ.
- 1) Индійскій жрецъ 16. 32. 44.
- 4. 33. 19. 3.
- 2) Греческій поэтъ 34. 5. 38. 13.
- 24. 37.
- 3) Городъ въ Италіи 21. 15. 6.
- 47. 17. 42.
- 4) Паніотокъ боговъ 2. 8. 40. 23.
- 35. 14. 11.
- 5) Верховное божество у скандинавовъ 29. 12. 48. 27. 18.
- 6) Метеорологическое явленіе 10.
- 49. 22. 1.
- 7) Русскій писатель 20. 46. 9. 41.
- 23. 30. 43. 25.
- 8) Мѣсто для стоянки судовъ 31.
- 26. 45. 39. 36. 7.

	1	2	3			
	4	5		6	7	
8	9	10		11	12	13
14	15	16		17	18	19
20	21	22		23	24	25
	26	27	28	29	30	
	31	32	33	34	35	
36	37	38	39	40	41	42
43	44	45	46	47	48	49

Буквы найденныхъ словъ размѣстить на мѣстахъ цифръ указанныхъ противъ каждаго искомаго слова. Затѣмъ данную фигуру наполнить буквами, разрѣзавъ на 7 частей, изъ которыхъ слѣдуетъ составить заглавную букву фамиліи извѣстнаго русскаго современнаго композитора, а въ буквѣ имъ, отчество, фамилію и названія его трехъ произведеній.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 64 (помѣщ. въ № 41).

- 1) A. $\sqrt{z} = D.$ A = 14 = H
- 2) B. $\sqrt{a} = L.$ B = 6 = E
- 3) C. $N + D = H - C.$ C = 7 = Ж
- 4) D. $I = A.$ D = 1 = А
- 5) E. $D : K = N : Z.$ E = 12 = Л
- 6) F. $A + Z = I + K.$ F = 29 = Б
- 7) G. $R = C + B.$ G = 3 = В
- 8) H. $Q = R + M.$ H = 9 = И
- 9) I. $P - F = A - I.$ I = 14 = H
- 10) K. $\sqrt{k + o} = B - L.$ K = 1 = А
- 11) L. $E = G^4.$ L = 1 = А
- 12) M. $B = 2 \cdot O.$ M = 7 = Ж
- 13) N. $O : F = M : P.$ N = 1 = А
- 14) O. $E + O = I + H + N.$ O = 12 = Л
- 15) P. $M : N = C : D.$ P = 29 = Б
- 16) Q. $G : \frac{B}{2} = \frac{H}{3} : \frac{E}{4}.$ Q = 20 = У
- 17) R. $A : I = R + Z : Q - B.$ R = 13 = М
- 18) Z. $EL = O.$ Z = 1 = А.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг. СПб. — Ф. А. Борошина, М. Взаганова, П. Ланкова; Москва — И. Я. Романова, Бердичевъ — Р. Тартаповскаго, Вильна — М. А. Клецкина, Елецъ — Х. Розенфельдъ, Одесса — Д. С. Раппопортъ, Рыбинъ — Ермолаевъ, Сердобскъ — А. С. Франскаго, Смѣла — Антоновскаго-Клигеръ, Тамбовъ — Гиселе, Токсово — Д. Д. Лапина.

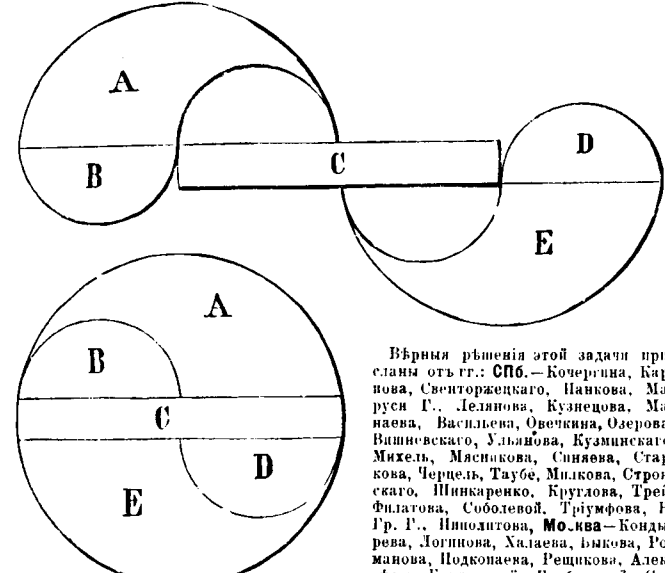
Рѣшеніе шарады № 65 (помѣщ. въ № 41).

Картина.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг. СПб.: Н. Демидова, М. Г., А. И. Фруктова, Грессъ, Ф. А., В. А. Веретникова, А. Панкова, Ф. Михель, Ф. А. Борошина; Москва — Воронинъ, Е. и М. Смирновыхъ, А. Соболева, И. Я. Романова, Семенова, А. Г. Алексѣева, В. И. Салтыкова, А. И. Воробьева, Е. Е. Николаева, Бѣжицы — С. И. Вейцъ, Вологда — С. И. Лебедина, Гатчиню — Рынна, Горы-Горки — М. Демьянова, Гаспаль — Л. Горсть, Кременчугъ — Г. Вальбербергъ, Намъ-Подольскъ — К. В. Бѣльчанскаго, Керчь — А. А. Люцидорскаго, Лебедянь — В. И. Чурилина, Нолинскъ — Л. Стрижева, Одессъ — Д. Заварзина, Одесса — А. Ногорильскаго, Самара — Е. И. Летагиной, М. А. Смирнова, Судогда — В. М. Голубева, Тула — А. Власова, Н. Добрынина, Тифлисъ — Ю. Давидевича, Харьковъ — А. Пашкова, Шацкъ — А. Филимоновича, Ярославль — И. М. Т-горева, К. Мосткина.

Рѣшеніе ребуса № 63 (помѣщеннаго въ № 41). „Блюди хлѣбъ до обѣда, а слово до отвѣта“.

Рѣшеніе геометрической задачи № 62 (помѣщ. въ № 39).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: СПб. — Кочергина, Карнова, Свенторжецкаго, Панкова, Маруса Г., Делинова, Кузнецова, Мамаева, Васильева, Овечкина, Озерова, Вишневскаго, Ульямова, Кузминскаго, Михель, Мясникова, Сняева, Старкова, Черцель, Таубе, Милкова, Стресскаго, Шинкаренко, Крутова, Трей, Филатова, Соболевой, Трушкова, В. Гр. Г., Николаева, Москва — Кондреева, Лопникова, Халтаева, Билова, Романова, Подкопаева, Рещикова, Алексѣева, Вурдаковой, Горбальной, Сытова, В. Волгина, И. Волгина, Воронежъ, Подобьдова, Волкова, Иванова, Бабукова-Жилцова, Подруцкой, Гречинкина, Попова, Беретникова, Левина, Соболева, Лавретьева, Михайлова, Шкорова, Алексинъ — Губина, Александровскъ — Кадина, Арзамасъ — Хомутичкина, Бѣлгородъ — Мазуръ, Бердичевъ — Фривальда, Бердянскъ — Бенялинъ, Бахчисарай — Дремджи, Валдай — Коновой, Глаголевскаго, Вилкомиръ — Вершилло, Вязьма — Романенкова, Варшава — Львова, Меркушкина, Гнивань — Подвысоцкаго, Гаврилова — Ивня, Гельсингфорсъ — Бѣлугина, Горы-Горки — Демьянова, Гульевичъ — Богатого, Динабургъ — Клячкина, Загера, Яскальскъ, Дохищскъ — Карникой, Дрезна — Зубрилкина, Елисаветградъ — О. Л — ва, Прилуцко, Екаторинославъ — Шумиловскаго, Ильшенича, Елецъ — Никуленко, Злына — Макарова, Зимаговъ — Аблона, Кременчугъ — Добровицкаго, Добровицкаго, Невъ — Шульженко, Адлера, Васильченко, Зеленицкаго, Казань — Леонтьева, Теренина, Кишиневъ — Комарицкаго, Гринбаума, Калишъ — Геринга, Каменецъ-Подольскъ — Ченъги, Кобелянъ — Вакунискаго, Ковровъ — Мытарева, Кронштадтъ — Матье, Луганскъ — Петроновича, Исаева, Лебедянь — Чурилина, Ласкъ — кн. Чагадзева, Мотовилиха — Рылова, Малоярославскъ — Трофимова, Михайлово — Чистякова, Минскъ — Ирмолонича, Миенскъ — Павлова, Максимова, Новогрудокъ — Котарскаго, Николаевъ — Шинкиной, Новосиль — Злерева, Орель — Овечкиной, Ольгополь — Чарвоиской, Одесса — Рейжевскаго, Ратнеръ, Пенза — Подюшкина, Иванова, Петровичи — Маева, Пинега — Кокина, Полтава — Шиманскаго, Павловскъ — Протопоповой, Петроновъ — Цунге, Плоцкъ — Баеръ, Ревель — В. Д., Рига — Бѣликова, Рязань — Иостникова, Ростовъ на Дону — Полякова, Рыбинъ — Ермолаева, Самара — Исарева, Сергиевъ посадъ — Заботина, Стромничева, Судогда — В. Голубева, С. Голубева, Сумы — Овчаренко, Сергеевскъ — Ворохова, Смѣла — Готлибонна, Севастополь — Ландицфта, Старобѣльскъ — Листонадова, Сасово — Пуштровъ, Самара — Смирнова, Сорони — Вассерманъ, Тамбовъ — Аманцева, Гисель, Таганрогъ — Акимова, Тула — Н. М. М., Шинкина, Уфа — Боньева, Хлѣбновъ — Константинова, Холмъ — Котелевскаго, Харьковъ — Ржевскаго, Царицынъ — Спико, Черниговъ — Савицкаго, Ченстоховъ — Дрвингъ, Шацкъ — Филимоновича, Щигры — Краснопольскаго, Бордакова, Юрьевъ-Польскій — Карцкаго, Юрьевъ — Никольскаго, Южновъ — Олицкаго, Ярославль — Мосягина, Яновъ — Муравьева, Софія — Кутинчева.

СОДЕРЖАНІЕ: Литературный альбомъ „Римъ“, Гоголя, Аннуциата (съ рис.). — Барныи-крестыяны. Историческій романъ графа Е. А. Салиаса. Часть II. (Продолженіе). — Въ современной Одессѣ. Вас. И. Немровича-Данченко. — Герцогъ Арманъ де-Ришелье-Фринсакъ, первый градоначальникъ Одессы. — А. Г. Рубинштейнъ (съ портр., 4 рис. и автографъ). — Литературно-критическія миниатюры. Пушкинская проза. — Бъ рисункамъ: Одесса (съ рис.). — У страха глаза велики (съ рис.). — Парижская всемірная выставка 1889 г. Американскія и др. павильоны (съ 6 рис.). — Парижская всемірная выставка 1889 г. Яванскія танцовщицы (съ рис.). — Эмилъ Омье (съ портр.). — А. Д. Грозвскій (съ портр.). — Улей-дво, янъ (съ рис.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — О подпискѣ на „Пиву“ 1890 г. съ разсрочкою платежа. — Смѣсь. — Задачи и рѣшенія задачъ. — О подпискѣ на „Пиву“ 1890 г. — Объявленія.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 года.

Съ 1-го номера начнется печатаніемъ новое произведеніе знаменитаго нашего поэта **АПОЛЛОНА НИКОЛАЕВИЧА МАЙКОВА**, разсказъ въ прозѣ, подъ заглавіемъ „Маръ Петровичъ Петровъ“. Около двадцати лѣтъ А. П. Майковъ ничего не писалъ въ прозѣ, и мы увѣрены, что этотъ высоко-художественный разсказъ произведетъ въ кругу нашихъ читателей особенное впечатлѣніе.

Кромѣ того въ портфель редакціи, между прочимъ, приготовленъ къ печати цѣлый рядъ произведеній (заглавія были напечатаны въ предшедшихъ №№ „Нивы“) **Н. Д. Ахшарумова**, **нн. М. Н. Волконскаго**, **А. Я. Максимова**, **В. И. Немировича-Данченко**, **графа Салиаса** и пр. и пр.

Въ нашемъ художественномъ отдѣлѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ теченіе 1890 г. появится множество портретовъ русскихъ и иностранныхъ общественныхъ дѣятелей (съ біографіями), сотни оригинальныхъ рисунковъ и копій съ картинъ; сверхъ того, нами заготовлено также множество видовъ русскихъ городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей, исполненныхъ лучшими художниками и граверами для „НИВЫ“.

Въ отдѣлѣ текущихъ новостей читатели попрежнему найдутъ изображенія и описанія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся явленій русской и заграничной общественной жизни, и весьма подробные обзоры нашихъ Художественныхъ выставокъ — въ видѣ цѣлаго ряда картинъ.

Въ 1890 г. будемъ разсылать подписчикамъ художественно-исполненные въ краскахъ таблицы съ изображеніемъ выдающихся предметовъ отчизновѣдѣнія, въ такомъ-же родѣ какъ изданныя до сихъ поръ: гербы всѣхъ русскихъ губерній, важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія русскія деревья, грибы и пр. — драгоценный матеріалъ для нагляднаго изученія нашей родины.

Затѣмъ, для удовлетворенія потребностей каждой семьи, при журналѣ „НИВА“ попрежнему будетъ выходить **ОСОБОЕ БЕСПЛАТНОЕ ЕЖЕМЯСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**.

Устроивъ въ нынѣшнемъ году собственный художественный институтъ въ СПБ., съ персоналомъ выписанныхъ нами изъ-за границы извѣстныхъ мастеровъ, для печатанія красками большихъ олеографій, мы нашли возможнымъ на будущій годъ, вмѣсто одной, дать **ДВѢ ЖИВОПИСНЫЯ ПРЕМІИ**:

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“ и	} два новыя произведенія кисти любимца русской публики проф. Н. И. ШИШКИНА , — писанныя имъ по нашему заказу для „Нивы“.
2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“,	

Обѣ картины (въ 16 вершковъ вышины и 12 вершковъ ширины каждая), соответствуя одна другой, представляютъ исполненную художественной гармоніи противоположность: величественнаго бора, осѣненнаго бархатистою хвоей, и чернолѣсья съ его веселыми переливами разнотравной зелени.

Наконецъ, удовлетворяя давнишъ желаніемъ, выраженнымъ многими изъ нашихъ подписчиковъ, мы въ будущемъ 1890 году, выдадимъ третью — литературную премию, **ИЗЯЩНЫЙ ТОМЪ СБОРНИКА** оригинальныхъ и переводныхъ романовъ и повѣстей, обширный по объему и разнообразный по содержанію.

ТАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ВЪ БУДУЩЕМЪ 1890 ГОДУ, МЫ ВЫДАДИМЪ

ТРИ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“ показана на 1-й страницѣ.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1890 года просить адресовать въ Главную Контору Редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 6. Редакція и издатель „Нивы“.

Поступило въ продажу новое изданіе

Ф. Павленкова:

ПРАКТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРІЯ

Ар. Заблоцкаго.

Съ приложеніемъ къ черченію и землемерию. 312 рис. въ текствѣ. Ц. 60 к.

ШКОЛЬНАЯ ДІЕТИКА. ОХРАНЕНИЕ ЗДОРОВЬЯ УЧАЩИХСЯ ДѢТЕЙ.

По Клинкѣ написалъ В. Фармаковский. Изданіе 7-е, дополненное и переработанное по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ у книгопродавца Е. П. Распопова въ Одессѣ. № 4161

МАГАЗИНЫ ФАРФОРОВАГО ЗАВОДА БР. КОРНИЛОВЫХЪ

С.-Петербургъ: Невскій просп., № 62.

Гостини дворъ, № 37 (Садовая, близъ Невскаго).

Москва: Петровка, противъ Кузнечкаго моста.

Paris: Chez M-rs Nebel & Seelhoff, Rue de Paradis, 27.

New-York: Chez M-rs Tiffany & Co. Union Square.

Большой выборъ фарфоровыхъ, опакowychъ и фаянсовыхъ столов, и чайн. сервизовъ, умывальныхъ и туалетн. приборовъ и всякаго рода посуды для домашняго хозяйства, ресторановъ и анкетъ. Хрусталь заводовъ Баккара, Печаяева-Мальцева и богемскихъ. Вазы, цвѣтннки и статуэтки. Маюлика. Ножи, подносы, судки и проч.

Выпущены въ продажу фарфоровые чайные сервизы новыхъ моделей (право собственности утверждено правительствомъ).

Вновь устроенъ отдѣлъ дешевыхъ фарфор. сервизовъ.

Коллекція превосходнаго бѣлаго фарфора для занимающихся живописью по фарфору. № 4162

С.-ПЕТЕРБУРГЪ:

ГОСТИНИЦА Д'АНГЛЕТЕРЬ. d'Angleterre.

Рекомендую господамъ поближше мою увеличенную и заново отдѣланную гостиницу.

Т. НИМИТЦЪ.

№ 4988 6—3

Произведенія моей фабрики удостоены на Парижской Всемирной Выставѣ

• БОЛЬШОЮ СЕРЕБРЯНОЮ МЕДАЛЮ. •

Подробный иллюстрированный прейсъ-куррантъ часовъ моей фабрики высылается по требованію бесплатно. № 4089 С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 23. Москва, на углу Кузнечкаго моста и Рождественки.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

Поставщикъ Двора Его Величества.

ЭКСТРАКТЫ КВАДРУПЛЬ ЛОЗЕ:

ЛОЗЕ „ЛАНДЫШЪ“, ЛОЗЕ „ДИКИЙ ЯСМИНЪ“, ЛОЗЕ „ЗОЛОТАЯ ЛИЛІЯ“.

НОВО!! ЛОЗЕ „ЧТО ХОТИТЕ“

ДУХИ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ,

46. Гегерстрассе, Берлинъ, придворный парфюмеръ. № 4054

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрэгистовъ Россіи.

При Конторѣ изданія „Русскаго Нурыера“ находится на складѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ недавно появившійся въ свѣтъ уголовный романъ сочиненія В. ЮМА: „ТАЙНА ГАНСОНЪ КЪВА“.

Романъ этотъ разыгрался въ городѣ Мельбурнѣ (въ Австраліи). Онъ имѣлъ колоссальный успѣхъ въ Англіи и разошелся въ 300,000 экз. Романъ этотъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, печатается въ „Русскомъ Нурыерѣ“ и обратилъ также на себя всеобщее вниманіе. Цѣна: съ пересылкой на города — 1 р., въ Москвѣ — 75 к., для торговцевъ обычная уступка. Для подписчиковъ „РУССКАГО НУРЬЕРА“ по 75 коп. съ пересылкой. Книга заключаетъ въ себѣ 426 страницъ убористаго и четкаго шрифта. Романъ этотъ можно имѣть во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ лавкахъ и въ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. № 4114 10—4

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. Проф. П. Мантегацца. Перев. съ 5 итальяск. изданій д-ра Лейнберга. 400 стр. въ двухъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к.

20 БІОГРАФІЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИСАТЕЛЕЙ. Сост. В. Острогорскій. 180 стр. съ 20 портр. Ц. 50 к.

СВѢТЬ БОЖІИ. Общеизвестное мировѣдѣніе. 5-е изд., въ первый разъ иллюстрир. 60 рис. Ц. 30 к.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ХИМИЧ. ТЕХНОЛОГІИ. Сост. В. Селезневъ. 70 рис. Ц. 1 р. 50 к.

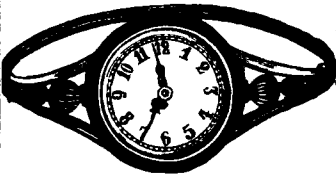
МЕТЕОРОЛОГІЯ И КЛИМАТОЛОГІЯ. Профессора Льваго Института Д. Лачинова. Съ 122 рисунками и 6 раскрашенн. картами. (Одобрено Минист. Нар. Просвѣщенія). Ц. 2 р.

КОТОРЫЙ ЧАСЪ? Проверка часовъ безъ помощи часовщика. Съ 13 рис. Общеизвестн. изложеніе. И. Вавилова. (Одобрено Академіей Наукъ). Ц. 30 к.

Главный складъ всѣхъ этихъ книгъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова (СПБ., Лештуковъ переулокъ, 2). М. № 4164

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ,
 С.-Петербургъ, Невскій пр., 42.

БРАСЛЕТЫ СЪ ЧАСАМИ:
 Кожаные отъ 18 до 25 р.
 Изъ порошеной стали " 25 " 45 "
 Серебряные оксидиров. " 30 " 50 "
 Золотые. " 75 " 150 "
 Подробный прейсъ-курантъ всевозможныхъ часовъ и цѣночекъ высылаются бесплатно. № 4160 3-1

МѢДНО-КОТЕЛЬНОЕ. ЛИТЕЙНОЕ И МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Николай Александровича Курбатова, въ городѣ Устюжѣ, Новгородской губерніи.

Непрерывно - дѣйствующіе винокуренные аппараты, виноочистительные аппараты новейшей конструкции, ректификационные аппараты. Паровые и для привода. Бражные и водяные насосы, краны, золотники, арматуры и проч. имѣются готовые при заведеніи. Заказы изготовляютъ быстро и аккуратно. Пяни уфренныя. Сѣтым. планш и чертежи высылаю по первому требованію. 5-1

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
 Покупаютъ всѣ % бумаги.
 Судятъ подъ всѣ % бумаги.
 Страхуваніе выигранныхъ займовъ.
 Переводы на всѣ города. №3925
 Оплата купоновъ.
 Также нужны вѣрныя съ постоианнмъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
 Предложенія адресовать по выше-означенному адресу.

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА
МАТТОНИ
ГИСГЮБЛЕРЪ
 чистый
 щелочной источникъ
 освежительный и здоровый
СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ
 можно всездѣ выкупить.
 600000 миллионъ бутылокъ годового вывоза.

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ
 ИЗОВРѢТЕННЫЙ
БРОКАРЪ и К^о.
 Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. Главнй складъ у О. К. Бергманъ, Офицерская ул., д. № 5. № 4025 8-6

ПРИШУЩАН МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

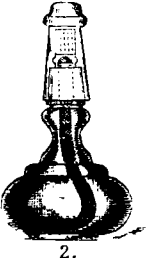
Шитье въ 3 раза быстрее пера. Чистота, легкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи.
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
 Москва С.-Петербургъ
 Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

Дѣлаетъ табачный дымъ неощутимымъ. **Озогенъ** Освѣжаетъ комнатный воздухъ.

СЪ УСОВЕРШЕНСТВОВАННОЙ КУРИТЕЛЬНОЙ ЛАМПОЙ ДЛЯ НЕГО ОСВѢЖАЕТЪ ВОЗДУХЪ, ДѢЛАЯ ЗАПАХЪ ТАБАЧНАГО ДЫМА НЕОЩУТИМЫМЪ.

Флаконъ Озогена приготовленнаго 80 к., 1 р. 25 к. съ пересылкою за 2 фунта. за 3 фунта.
 Лампа № 1 — 2 руб. 25 к. Лампа № 2 — 3 руб. съ пересылкою за 2 фунт. съ пересылкою за 3 фунт.
 Лампа № 1, и 1 флаконъ Озогена приготовленнаго въ 80 к. съ перес. за 3 фунт.
 № 2, " 1 " въ 1 р. 25 к. за 5 фунт.
 ОЦОГЕНЪ экстрактъ, малый флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою за 2 фунт.

А. М. РУЗАНОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
 № 40, ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, № 40.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА

П. М. ГРИНВАЛЬДЪ

въ С.-Петербургѣ

ПЕРЕВЕДЕНЪ НА **НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.**

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемирной Парижской Выставкѣ 1889 года „ВНѢ КОНКУРСА“

Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА 1890 г.

Органъ Импер. Росс. Общества Садоводства подъ редакцію **В. И. Кутузова** (СПБ., Львовой Институтъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя гравюрами и разными рисунками въ текстъ. Подписка принимается у казначея Общества Э. И. Зидеръ (СПБ., Импер. Ботаническій Садъ) и въ конторѣ редакціи журнала „Нива“ (СПБ., Невскій просп., № 6). Цѣна 8 рублей за годъ. (На другіе сроки подписка не принимается). Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключъ въ конторѣ редакціи „Нивы“.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ЮЛІИ ФЛОРАНЪ.

Основанъ въ 1849 году.

18, Большая Морская, 18, С.-Петербургъ.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ Мужскаго и Дамскаго БѢЛЫЯ И П. № 4125 2-2

ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ ТУАЛЕТА.

Полное принадлеж. для невестъ и новобраченныхъ. **СПЕЦІАЛЬНЫЕ ОТДѢЛЫ** **ДЛЯ ВЕРХНЯГО ДАМСКАГО ПЛАТЬЯ и ШЛЯПЪ.** Прейсъ-куранты и фотографическія снимки высылаются бесплатно.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ ПО УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ 8 руб.

для квартиръ, конторъ, фабрикъ и проч. Состояніе изъ вновь усовершенствованной въ рло дѣйствующ. батареи, звонка, провода и кнопки. Проводить его по прилагаемому способу можетъ каждый, безъ помощи спеціалиста. Весь аппаратъ помещается въ хорошень черномъ ящикѣ. Торговать уступка. В. № 4046 5-5

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧ. ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ К. И. ФРЕЛАНДА. Невскій просп., домъ Учетнаго Банка, № 30-16, входъ съ Екатерининскаго канала.

4711 О-ДЕ-КОЛОНЪ.

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи и за-границы. **ГЛАВНОЕ ДЕПО:** у Алекс. ТИССЪ и Ко., Пушкинская, № 4. П. № 4120 2-2

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ПЯВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новое издание Ф. Павленкова: „ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА“. Проф. Мантегацца. Въ 2-хъ частяхъ. Переводъ съ 3 итальянск. изд. П. Лейненберга, около 400 стр. Цѣна 1 р. 50 к. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (СНБ., Лештуковъ пер., 2). Мт. № 4138

УПРАВЛЕНИЕ НЕВСКОЙ НИТОЧНОЙ МАНУФАКТУРЫ
 доводитъ до свѣдѣнiя гг. торговцевъ и потребителей, что поступила въ продажу **ШВЕЙНАЯ БУМАГА НА КАТУШКАХЪ** матовая и глянцеваля, **ПРЕВОСХОДЯЩАЯ** качествомъ, крѣпостью и эластичностью **АНГЛИЙСКИХЪ** фирмъ. Въ самомъ скоромъ времени будутъ выпущены пунцовыя, цвѣтныя нитки и кроше. **СКЛАДЪ у Германа Любимовича ШТЕБЕРЪ,** ГЛАВНАГО АГЕНТА для Москвы, южныхъ и центральныхъ губерній, Кавказа и Азиатской Россiи. № 4157 3-1. Адресъ: МОСКВА, Старый Гостинный дворъ, №№ 46-48.

ДЕШЕВЫЕ ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ съ Парижской Выставки.
 Кроме вещей, опубликованныхъ уже въ „Нивѣ“ №№ 36, 37, 42 и въ предыдущемъ, получены еще: Мт. № 4154
 Эйфелева башня (игра насысьевъ) 50 к. ◆ Эйфелева башня-головаломка 30 к. ◆ Освободи меня, интересн. пунта-головаломка, 20 к. ◆ Кармани. фонарь излучный, 60 к. ◆ Ящикъ съ фокусамъ, 1 р. Тоже большiй, 2 р. и 4 р. ◆ Портфель-фокусовъ (10 и 20 штукъ) 1 р. 50 к. и 2 р. ◆ Игра беледа 75 к. ◆ Новость. Парижск. измѣняющ. картинки (смѣхъ) 1 р. ◆ 30 штукъ головоломокъ (игра въ тербiнiе), 3 руб. Тоже съ книгою и китайскими головоломками, 5 р. ◆ Карты для игры и гаданiя, интересн. особен. для дѣвцъ, 75 к. ◆ Самофотографъ—интересн. забава, 20 к. ◆ Свистокъ-брелокъ, никель, 30 к. ◆ Вазанъ—заиганiе, 35 к. ◆ Трубка для распозн. свѣжести яицъ, 50 к. ◆ Электрич. спичочница, 75 к. ◆ Новая игра—свинка, 30 к. ◆ Портсигаръ, 20 к. ◆ Сыродержатель, 50 к. ◆ Корзинка, складывающ. въ биредм.: сахарницу, абажуръ, тарелку и проч., 50 коп. ◆ Мульверзаторъ для духовъ и цвѣтговъ, 50 коп. ◆ Плазмици электрич. фигуры, 1 р. ◆ Плазмици аиробаты, 50 к. ◆ Универсальный циркуль, перо, карандашъ, 75 к. ◆ Машинка для чистки вещей, вилки, привинчив. къ столу, 1 р. ◆ Нюсковиц, аппаратъ для распознаванiя молока, 1 р. 25 к. ◆ Машинка для варки шоколада, 1 р. 50 к. ◆ Самоучка-парикмахеръ для укладки дамской прически, 1 р. ◆ Брюко-выпрямитель, замѣняющiй утюжку, 50 к., 75 к. и 2 р. ◆ Швейная машинка (настоющая) 4 руб. ◆ Электрической ножицъ, 50 к. ◆ Машинка для стрижки волосъ, 7 р. ◆ Фотографич. аппаратъ (не ирриука), 10 р. ◆ Электрическая столовая лампа, 15 р. ◆ Машинка для стрижки волосъ людей и животныхъ, 7 р. ◆ Орторамъ, новѣйшiй приборъ для рисованiя перспективы съ красками и проч., 5 р. ◆ Американскiе столов. часы, очень вѣрные, 3 р. ◆ Комнатныя фигурчатныя кегли, 6 р. ◆ Французск. столов. кегли для дѣтей и взрослыхъ, 3 р. ◆ Летящая муха (шумитъ и летаетъ) 1 р. 50 к. ◆ Музыкальн. волчокъ, 1 р. ◆ Кармани. фонарь излучн., 60 к. ◆ Монетница-пушка для мелкихъ денегъ, польскаго серебра, 1 р. ◆ Альбомъ очень излучн., 75 к., 1 р., 1 р. 50 к. ◆ Волшебн. фонари 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 4 р., 5 р. до 50 р. ◆ Камера-обскура для рисованiя съ натуры, 2 р. ◆ Станокъ для выпилыванiя по дереву и металламъ рукою и ногою, съ принадлежн., 3 р. ◆ То же желѣзный, 5 р. ◆ и много другихъ новинкоу выставки. ◆ Товаръ высылается немедленно. Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтенiй за 7 коп. марку. Адресоваться: Складъ Новыхъ Изобрѣтенiй, С.-Петербургъ, 4, Невскiй проспектъ, 4. Фирма существуетъ съ 1872 года.

„НЕДѢЛЯ“

„НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ *двухъ* изданiй: *газеты*, выходящей разъ въ недѣлю (52 номера въ годъ), и *журнала*, выходящаго разъ въ мѣсяцъ (12 книжекъ въ годъ).
 Годовое содержанiе *газеты* „НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ *шести* главнѣйшихъ частей: 1) обще-газетной, 2) политической, 3) научно-практической, 4) литературно-критической, 5) общественно-житейской и 6) редакционной.
 Въ ежемѣсячныхъ „КНИЖКАХЪ НЕДѢЛИ“ помѣщаются романы, повѣсти, бытовые очерки, путешествiя, стихотворенiя и вообще все, что можно назвать *беллетристикою*.
 Въ „КНИЖКАХЪ НЕДѢЛИ“ 1889 г. напечатано, между прочимъ, слѣдующее: КЪ СУТОЛОКЪ, новеллы, и ДѢЛО И СЛОВО, рассказы Ф. С. Стулаи. ПАРИЖЪ И ЕГО ВЫСТАВКА, шесть статей, и ЭКСКУРСИИ КЪ ПОЛІКАМЪ, двѣ статьи, В. Л. Дѣдова. ДѢТИ ОТКАЗАЛИ, рассказы Ольги Шапиръ. ЛИЛІИ и др. стих. А. И. Майкова. РАТМИРОВОВЪ, романъ Д. Л. Мордочева. ГОРОДЪ БУГОРСКЪ, 1. Въ периодъ варварства. II. Въ эпоху цивилизаціи. Евгения Маркова. ВЕЩЕРОМЪ и др. стих. П. И. Вейнберга. ОБИТАТЕЛИ СТЕ-

ПЕЙ. Рассказъ изъ Астраханской жизни У АНГЛИЧАНЪ и ВЪ ЦАРСТВѢ ФИНЛИКОВЪ и АБЕЛЬСИНЪ, очерки А. И. Краснова. ИДИЛЛИИ ВЪ СВѢТѢ, новеллы С. Долгиной. „О, СВѢТЪ МОЙ“ и др. стих. Я. П. Полонскаго. БАВІЙ ГОРОДОКЪ, изъ пуг. очерк. Л. Рускина. БРАВИ. стих. К. И. Случевского. ПО ВРЕМЕНИ, и ГОДОВА МЕДУЗЫ, рассказы О. П. Руновой. ДОЛИНА СНОВЪ и др. стих. К. М. Фоманова. СТѢННЫЕ СЛУГИ, очерки Е. И. Раевской. ВЪ ЗРМИТАЖѢ и др. стих. С. Г. Фурга. ОТЩЕПЕНЕЦЪ (Робертъ Эльмеръ), романъ Гамфри Уардъ. ПРИКЛЮЧЕНІИ СТОУЛІИ, Адольфа Бюрдо, и проч.
 Въ газетѣ „НЕДѢЛЯ“, кроме статей по текущимъ вопросамъ, были напечатаны: МЫСЛИ О ЖИЗНИ, графа Л. Н. Толстого (пять статей); СЕАНСЫ А. Р. РУБИНШТЕЙНА, Ц. А. Кюи (десять статей), а также рядъ статей по отдѣламъ научно-практическому, литературно-критическому, общественно-житейскому и др., принадлежавшихъ Я. В. Абрамову, Н. Н. Венгаско, Ф. Ф. Воронцову, В. А. Гайдебурову, бар. Р. А. Дистерлоу, В. Л. Дѣдову (Кипу), П. П. Краснову, В. О. Португалову, В. А. Тимирязеву и ми. др.
 ЦѢНА газеты „НЕДѢЛЯ“, вмѣстѣ съ журналомъ „КНИЖКИ НЕДѢЛИ“, девять руб. въ годъ, съ пересылкой.

Подписка на 1890 годъ открыта.
 ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“, Ивановская, 2. № 4156 2-1
 Редакторъ-издатель П. А. ГАЙДЕБУРОВЪ.

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахерскихъ во Франціи и за границей.
VELOUTINE
 Специальная рисово-висмутовая пудра.
 CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
 для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.
 Пров. КИНУНЕНЪ.
 Ители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптекъ. или Космет. магазинъ, но не мѣте двухъ флаконовъ.
 Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (87) № 2946

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
 на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.
 на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
 на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 60 к.
 За границу Объявленія по 10 к. за строку.
 Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Сиворцовъ. Преображенская, 4. № 4142 8-2 Издатель А. А. Гревъ.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ

Москва, Петровка, 2.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ МОДЪ И НОВОСТЕЙ.
 Огромные склады фирмы МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ, вмѣщающіе себѣ все безъ исключенiя предметы изъ обширной области моды, одѣлiя, туалетныхъ и хозяйственныхъ принадлежностей, въ состоянiи удовлетворить всему, что опытомъ признано удобнымъ, полезнымъ и необходимымъ.
 ПНОГОРОДНЫЕ ЗАКАЗЧИКИ могутъ рассчитывать на самое точное и скорое исполненіе порученiй.
 ОБРАЗЦЫ и ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ высылаются по желанію. Задатокъ при выискѣ товаровъ имѣющихся въ магазинѣ въ готовности, не требуется. Товаръ высылается почтой съ наложеннымъ платежомъ. Упаковка за счетъ фирмы; пересылка на счетъ заказчиковъ.
 Фирма МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ придерживается правила, чтобы по всѣмъ отраслямъ ея торговли **РАЗЦѢНКА ТОВАРОВЪ НЕ ДОПУСКАЛА КОНКУРЕНЦІИ.**
 Неуклонному слѣдованію этому принципу фирма обязана замѣчательно быстрому возрастанію своей торговли. П. № 4106 3 2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ.

ИЗДАНИЯ ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

НОВОСТИ ДНЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА,

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

И. № 4163 5-1

Подписная цѣна:

	Въ	На		
		Москва,	границы,	За
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
На 12 мѣс.	8. —	9. —	13. —	
" 11 "	7.50	8.50	12.90	
" 10 "	7. —	8. —	12. —	
" 9 "	6.50	7. —	10.90	
" 8 "	6. —	6.50	9.70	
" 7 "	5.50	6. —	8.80	
" 6 "	5. —	5.50	7.90	
" 5 "	4.50	5. —	6.70	
" 4 "	3.70	4. —	5.60	
" 3 "	2.60	3. —	4.70	
" 2 "	1.90	2. —	3. —	
" 1 "	1. —	1. —	1.60	

Адресъ:

Москва, Мясницкая, д. Сытова,
Контора газеты „Новости Дня“.

Наружей восьмого года существованія нашего изданія намъ не приходится распространяться о цѣляхъ и задачахъ „Нов. Дня“. Фактъ тотъ, что распространенность и популярность газеты дали возможность увеличить форматъ ея до размѣровъ большихъ ежедневныхъ газетъ, не увеличивая подписной цѣны. Всесторонняя полнота содержания и богатство беллетристическаго материала дѣлаютъ „Нов. Дня“ газетой одинаково интересной, какъ для столичныхъ, такъ и для провинциальныхъ читателей.

Изъ беллетристики въ портфель редакціи имѣются между прочимъ: Тушинскій воръ, изъ времяе междуцарствія, болш. историч. пов. Д. С. Дмитриева, Отець, ром. въ 4 час. К. В. Назарьевой. Въ заолодованномъ кругу, ром. О. Е. Дубровиной. Быльемъ поросло, повѣсть П. И. Богатырева. Отверженные, ром. въ 2 час. В. Курскаго. Семейная путаница, ром. Белло, перев. Охтинской.

Усовершенствованныя народныя цитры

совѣтъ издѣлія продаются по вновь усовершенствованнымъ цѣнамъ: съ 3 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к. „7“ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей. Самый легкій инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почте прилагаютъ за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. прейсъ-куррантъ съемъ инструментамъ бесплатно. (15) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣляется скидка.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ. СКРИПКИ.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1 1/2—50 мар. Фуляры 3 1/2—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовыя инструменты. Настроенная цѣмал скрипка для ученика (собств. изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендациі отъ Вильгельми, Са-разете, Сорэ, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куррантъ бесплатно.

Бр. Вольфъ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ.
Ц. № 4121 Рейцнахъ. 9 2

АДРЕСЫ всѣхъ спеціально-стей и странъ доставлять подъ гарантіей: International Adressen-Verl.-Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 40 коп. почт. марками франко.

„СЕЛЬСКИЙ ХОЗЯИНЪ“
выходитъ еженедѣльно съ 1 ноября по 1-е ноября.
Редакція оказываетъ подписчикамъ всѣмъ возможнымъ удобствамъ.
Еженедѣльный (52 №№) иллюстрированный журналъ сельскаго хозяйства, садов., лесов., пчелов. и домашнего хозяйства.
СЕЛЬСКИЙ ХОЗЯИНЪ
Р. И. Масляникова. СПб.
6 р. въ годъ.
Много рисунковъ, безплатно: отвѣты на все вопросы, разныя статьи, архитектурныя проекты красками, Альбомы типовъ охота, до-шадекъ и др.
6 р. въ годъ съ пересылкой и доставкой.
Адресъ: Спб., Редакція „Сельскаго Хозяина“.

Открыта подписка на 1890 (пятый) годъ „Сельскаго Хозяина“.

Въ ближайшихъ номерахъ журнала за 1890 годъ появятся проекты красками:

- а) экономной кирпиче-черепиче-обжигательной печи непрерывнаго дѣйствія и б) деревенскаго дома-дачи въ два этажа, а также чертежи и рисунки всѣхъ видовъ шпунтовой черепицы и др. глиняныхъ издѣлій. красками.

На укупорку и заказную пересылку „Альбома типовъ“ просятъ выслать 21 к.
Подробная программа, съ подписнымъ бланкомъ и конвертомъ, высылается бесплатно по востребованію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ ОБЩЕПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ „НАУКА И ЖИЗНЬ“.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно (52 №№ въ годъ) съ 1-го января 1890 года по слѣдующей программѣ:

- 1) Общепонятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложенія наукъ къ практической жизни и промышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія.
- 2) Медицина (особенно гигиена), сельское и домашнее хозяйство, дѣловодство.
- 3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библиографія
- 4) Научныя игры и развлеченія; задачи; почтовый ящикъ.
- 5) Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту.
- 6) Объявленія.

Журналъ имѣетъ цѣлю дать чтеніе полезное и въ то же время интересное для всѣхъ, со общаго новости научныя, техническія, промышленныя и т. д. Въ теченіе года предпологается дать отъ 250 до 500 иллюстрацій.

ЦѢНА: съ пересылкой и доставкой на годъ . . . . . 5 р. — и полгода . . . . . 3 „ — „ безъ пересылки и доставки на годъ . . . . . 4 „ — „ полгода . . . . . 2 „ 50 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ редакціи журнала, въ конторѣ Н. Печковской, а также въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ.
АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Малая Дмитровка, д. Шильбахъ.
П. № 4099 4-3 Редакторъ-Надатель Д-ръ М. П. Губоковскій.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Находится во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подпись).

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ
ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.
Находится во всѣхъ аптекахъ, косметическихъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ФИСГАРМОНИИ

ФРАНЦУЗСКІЯ въ 100, 130, 160, 200, 300 и 500 рублѣй.
АМЕРИКАНСКІЯ въ 110, 150, 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 р.
 Играть на фисгармоніи можно легко выучиться. Кто немного играетъ на фортепіано, тому игра на фисгармоніи не составляетъ никакого труда.
 Школа для фисгармоніи въ 3 руб.
 Иллюстрированный прейсъ-курантъ инструментовъ и каталогъ ноталъ для фисгармоніи — бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
 Главное дело № 4153
 Музыкальных инструментовъ и нотъ.
 С.-Петербургъ, В. Морская, № 38 и 42.
 Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

БЕЗУСЛОВНО БЕЗОПАСНЫЙ НОЧНИКЪ.

Необходима приладъ, дѣльцъ и спалн. комн. Приспособенъ для стоп. тѣл. мин. невоспл. масла "Файноль" (Fire oil). При горѣнн не дѣлеть ни копоти, ни запаха.

Продается во всѣхъ ламп. и аптеч. магаз. Москвѣ и др. городахъ. Ц. № 4063 3—3

ЛЕЙНИНГЪ и ГЛОЗНИНЪ

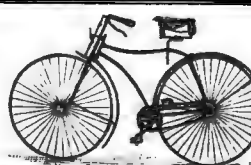
имѣють честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ "Нива". № 2408

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ
 Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 62 прот. Им. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высладается по требованію бесплатно. Пересылка на счетъ заказчика. Ручательство на 2 года. № 4155 10-1

Поставщики вѣдомствъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
 Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій Мостъ. Б. Морская № 21.
 имѣють единственныи Складъ для всей Россіи вѣдомствъ: Свинтъ, Вишеть, Русскій Клубъ, Молніи (New-Rapid), Имперіаль и др.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
 (Вопреки гласной Свѣдѣ № 2) = 150 руб. =
 Прейсъ-курантъ высладается бесплатно.
 Поставщики вѣдомствъ Русской Арміи

Уединленіе Фауста.

Образецъ гравюры на стали (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте.

Вновь вышедшая книга — юмористическій романъ.

ПРОКАЗЫ ШАЛУНА

въ стихахъ, съ 150 рисунками В. Буша.

Содержаніе книги: Находчивость. Морское путешествіе. — Въ парикмахерской. — Въ шателство въ чужой ширь. — Уличныя похиженія и ильвалъ. Въ новой обстановкѣ. — Въ семейномъ быту. — Борьба и побѣда. — Музыкальныя упражненія въ четыре руки. — Подражаніе глубоко-мысленнымъ мужьямъ. — Пожаръ. — Побѣда. — Заключеніе. Цѣна 1 руб. Складъ и продажа въ Москвѣ, у Ю. Кондѣна, М. Бронная, д. Рузлицева. Выписывая изъ склада за пересылку не платитъ. Продается въ Петербургѣ въ книжн. магаз. Попова, Суворина, Вольфа и Панафидина. Ц. № 4158

Высочайше утвержденное Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви изготовляетъ всѣ сорта мужской, дамской и дѣтской обуви, которая дѣлается изъ наилучшаго матеріала и посредствомъ машинъ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА:
 Новое большое роскошно иллюстрированное изданіе in folio сочиненія

ГЁТЕ

„ФАУСТЪ“

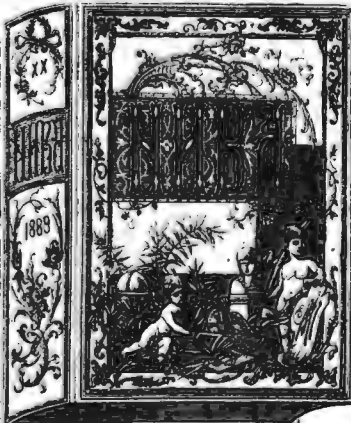
объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА, исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Классически образцовый переводъ А. Фета не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) весьма объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА“, СПб., Невскій пр., № 6.

КРЫШКИ для перелета „ПНВЫ“ изъ лучшаго англійскаго кленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанными красками, на 1889 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 60 к.

THE FANCIERS AGENCY
 47, Cartland Road. Birmingham England.

АГЕНТСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ПТИЦЪ
 предлагается для вывоза въ Россію птицъ, какъ куръ, такъ и голубей разныхъ породъ и достоинствъ наилучшихъ англійскихъ питомниковъ.
 Прейсъ-курантъ высладается бесплатно. Письма просить адресовать по вышеозначенному адресу. № 4147 2—2

МАССА БЛАГОДАР. и ОТАЧН. ОУЗЫВОВЪ
 ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
БУХГАЛТЕРІИ
 иногороднихъ и москвитинъ
 ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ
 вполне замѣняющихъ устное преподаваніе. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.
С. Я. ИЛІОНТАЛЬ.
 АРБАТЪ, МАЛ. НИКОЛА-ПЕСКОВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ АДАМОВИЧА.
 ПОДРОБНЫЯ УСЛОВІЯ И ПРОБНЫЯ ЛЕКЦІИ ВЫСЛАДЮТСЯ БЕСПЛАТНО.

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.

№ 48

г. XX

1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдаеъ 25 ноября 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки в Петербургѣ . . . 5 р. Сь доставкою в Петербургѣ 6 р. 50 к. Безъ доставки в Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линия 6 р. Сь пересылкой в Москву и др. города Россіи . . . 7 р. За границу . . . 9 р.

Вездѣ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Подписка на 1889 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. №№ сь преміями.

Высокопреосвященный Исидоръ, митрополитъ Новгородскій, С.-Петербургскій и Финляндскій.

Пріятно дожить до глубокой старости. Но еще пріятнѣе сознать при этомъ, что долголѣтнее наслажденіе Богомъ дарованною жизнью все время было связано съ трудовою, плодотворною и безупречною дѣятельностью. Истинно счастливъ тотъ, кому удалось соединить это долголѣтіе съ богоугодными дѣлами, съ прекрасными подвигами. Къ числу такихъ немногихъ счастливцевъ принадлежить теперь маститый іерархъ — высокопреосвященный Исидоръ, митрополитъ Новгородскій, С.-Петербургскій и Финляндскій, которому 1 октября текущаго года исполнилось девяносто лѣтъ и которому отрадно вспомнить нынѣ, что двѣ трети этой столь долголѣтней жизни посвящены были ревностному служенію церкви, соединенному съ подвигами благочестія, неутомимыми трудами на пользу православія, на пользу ближнихъ, заботами о наставѣ и о духовенствѣ и дѣлами благотворительности. Имя маститаго архимастыря неразрывно связано со всѣми важнѣйшими событиями, совершившимися въ нашей церкви

Высокопреосвященный Исидоръ, митрополитъ Новгородскій, С.-Петербургскій и Финляндскій. Сь фотогр. А. Ясвина, грав. Шюблеръ.

за послѣднія пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ. Въ качествѣ архіепископа Могилевскаго, защищая православіе отъ тайныхъ и явныхъ враговъ его, онъ принималъ живое участіе въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ, а позднѣе, уже какъ членъ высшаго церковнаго управленія, дѣятельно содѣйствовалъ рѣшенію Синода относительно присоединенія къ православнои церкви остатковъ уни, причемъ ему выпало счастье торжественно вручить архипастырскій жезлъ первому православному епископу объединенной Холмской епархіи. Далѣе, будучи экзархомъ Грузіи, онъ положилъ прочное основаніе развитію православія на Кавказѣ, постоянно заботясь о возобновленіи старыхъ и постройкѣ новыхъ храмовъ преимущественно въ мѣстахъ разноплеменнаго, разновѣрнаго населенія, среди полудикаго народа, о благоустройствѣ епархіи, путемъ живого, горячей проповѣди привлекая новыхъ адептовъ къ христіанской церкви и просвѣщая ихъ въ православной вѣрѣ. При этомъ онъ еще содѣйствовалъ основанію Об-

шества распространения христианства на Кавказъ. Призванный затѣмъ „руководить дѣльными высшаго правительства Церкви Всероссійской“, первоприсутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ, умудренный опытомъ архипастырь, какъ говорилось въ данномъ ему рескриптѣ, „лично изучившій нужды духовенства, потребности духовнаго образования и недостатки церковнаго хозяйства и управленія, направляя труды Синода на устраненіе замѣченныхъ имъ несовершенствъ и принимая дѣятельное участіе во всѣхъ церковныхъ вопросахъ и реформахъ, касающихся быта духовенства, къ которымъ относятся: полное преобразование духовныхъ учебныхъ заведеній, созываніе частныхъ соборовъ православныхъ епископовъ для борьбы съ ученіемъ сектантовъ, особенно со штундою, учрежденіе совѣтовъ благочинныхъ, открывшихъ духовенству способы къ самоуправленію и улучшенію многихъ сторонъ ихъ жизни, преобразование духовныхъ судовъ, основаніе церковно-приходскихъ попечительствъ, школы, библиотекъ, епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ и проч. Занявъ первенствующее мѣсто въ Синодѣ, высокопресвященный Исидоръ, — по словамъ, поднесеннаго ему лѣтъ четырнадцать тому назадъ, адреса отъ петербургскаго духовенства, — сталъ достойнымъ представителемъ Всероссійской православной церкви, твердымъ защитникомъ и лучшимъ истолкователемъ ея правъ, современныхъ потребностей, ожиданій, постояннымъ охранителемъ чести духовенства, и, принимая непосредственное и ближайшее участіе въ ея управленіи, несъ великія обязанности въ дѣлѣ цѣлесообразнаго направленія государственныхъ реформъ, клонящихся къ улучшенію разныхъ сторонъ религіозно-нравственной жизни русскаго народа, касающихся быта не только духовенства, но и всего общества. За время своего управленія С.-Петербургской епархіей и въ званіи предсѣдателя Высочайше учрежденнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, высокопресвященный Исидоръ оказалъ неисчислимыя услуги неумному нашему духовенству. Едва вступивъ въ управленіе епархію, онъ тотчасъ сталъ изыскивать средства для попеченія о бѣдныхъ изъ духовнаго званія, о призрѣніи ихъ вдовъ и сиротъ, о воспитаніи послѣднихъ. Съ этой цѣлью онъ построилъ въ Петербургѣ обширный и во всѣхъ отношеніяхъ благоустроенный „Александро-Невскій домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія“ съ училищемъ для сиротъ, а при женскомъ монастырѣ близъ Новгорода учредилъ дѣвичье училище для бѣдныхъ дочерей служителей церкви. Онъ указалъ средства для обезпеченія въ будущемъ этихъ благотворительныхъ учреждений и самъ пожертвовалъ на нихъ не одну сотню тысячъ. Вообще, митрополитъ Исидоръ извѣстенъ какъ одинъ изъ щедрыхъ благотворителей столицы: на его счетъ воспитывается нѣсколько бѣдныхъ дѣтей; многимъ бѣднякамъ онъ даетъ пенсію. Наконецъ, онъ много сдѣлалъ и для Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, въ которомъ онъ трудится безъ малата тридцать лѣтъ, въ качествѣ предсѣдателя совѣта; за свои труды на пользу его, митрополитъ Исидоръ не разъ удостоивался „Высочайшей душевной благодарности“. Насколько плодотворна дѣятельность нашего маститаго архипастыря какъ предсѣдателя Высочайше учрежденнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, это видно, между прочимъ, изъ того, что до его предсѣдательства введены были въ штатное положеніе съ назначеніемъ жалованья 17,615 церквей, на которыя отпускалась сумма въ 3½ милліона слинокъ, а нынѣ, черезъ двадцать семь лѣтъ, эта цифра почти утроилась. Не маловажны заслуги митрополита Исидора и въ области духовной науки, выразившіяся въ изданіи замѣчательныхъ поученій архипастыря и въ непосредственномъ участіи его въ переводѣ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Заветъ на русскій языкъ. За этотъ тяжелый и обширный трудъ, увѣковѣчавшій его имя, была пожалована доблестному архипастырю высокая награда, украшенная драгоценными камнями митра, съ водруженнымъ на ней крестомъ, по кievскому обычаю. Таковы въ высшей степени благотворные и полезные труды митрополита Исидора, за которые въ исторіи церкви нашей онъ займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ.

Замѣчательно, что митрополитъ Исидоръ, въ мѣрѣ Яковъ Сергѣевичъ Никольскій, родился въ одинъ годъ съ А. С. Пушкинымъ, т. е. въ 1799 году, и притомъ 1 октября, въ самый день праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Божія Матерь точно осѣнила покровомъ Своимъ новорожденнаго малют-

ку, благословивъ его жизненный путь. Мѣсторожденіе архипастыря—село Никольское, Тульской губерніи, Каширскаго уѣзда, гдѣ его отецъ, Сергій Ивановичъ, былъ псаломщикомъ, а затѣмъ діакономъ. Въ 1807 г. состоялось преобразование духовныхъ училищъ въ имперіи, и Яковъ Никольскій поступилъ тогда же въ одно изъ этихъ училищъ—тульское, откуда перешелъ въ тульскую духовную семинарію. По окончаніи курса въ ней въ 1821 г., однимъ изъ лучшихъ учениковъ, онъ былъ принятъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Здѣсь своими способностями и рвеніемъ къ наукѣ онъ обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго Филарета, митрополита Московскаго, который ему покровительствовалъ и воспиталъ въ немъ для отечественной церкви „достойнаго своего ученика, благовѣстника, и доблестнаго воина Христова, мощнаго защитника православія и дѣятельнаго насадителя св. вѣры и благочестія“. Кончивъ курсъ Академіи въ 1825 г. со степенью кандидата, Яковъ Никольскій спустя нѣсколько времени былъ пострижень въ монашество съ именемъ Исидора, опредѣленъ бакалавромъ богословскихъ наукъ въ ту же Академію, потомъ рукоположенъ въ іеродиакона; 5 сентября того же 1825 года посвященъ въ іеромонахи, а 10-го назначенъ бібліотекаремъ. На слѣдующій годъ въ октябрѣ онъ былъ удостоенъ степени магистра богословія. Послѣ четырехлѣтняго профессорства своего въ Академіи, онъ былъ, въ августѣ 1829 г., опредѣленъ въ Орловскую духовную семинарію ректоромъ и профессоромъ богословія, черезъ мѣсяць возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Мценскаго Петропавловскаго монастыря, а въ ноябрѣ—присутствующимъ въ Орловскую духовную консисторію. 21 іюля 1833 года архимандритъ Исидоръ былъ переведенъ ректоромъ въ Московскую духовную семинарію и сдѣланъ настоятелемъ ставропигіальнаго Законодательскаго монастыря, а на слѣдующій годъ, 11 ноября, по Высочайшему указу, рукоположенъ во епископа Дмитровскаго, викарія Московской митрополіи. Тотъ самый Филаретъ, который 9 лѣтъ назадъ зналъ его студентомъ Академіи, теперь вручилъ ему въ историческомъ Чудовомъ монастырѣ епископскій жезлъ, какъ будущему „сотруднику и содѣйствователю“. Въ 1837 г. началась его самостоятельная дѣятельность на кафедрѣ Полоцкой епархіи, которую онъ продолжалъ на кафедрѣ Могилевской. 5 іюня 1841 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа, а черезъ три года, 12 ноября, назначенъ на высокой постъ экзарха Грузіи и возведенъ въ званіе члена Св. Синода. За „ревностные труды по общему управленію церковными дѣлами“ въ теченіе дѣвятинадцати лѣтъ, экзархъ Грузіи былъ лично возведенъ, императоромъ Александромъ Николаевичемъ, въ санъ митрополита. Это важное событіе въ жизни нашего архипастыря произошло 26 августа 1856 года, въ день коронаціи государя. По смерти Кіевскаго митрополита Филарета, высокопресвященный Исидоръ, 1 марта 1858 года, вступилъ въ управленіе Кіевскою митрополіею, гдѣ цѣлыхъ два года въ полномъ смыслѣ украсилъ древівшію кафедру Св. Софіи. Наконецъ, 1 іюня 1860 года онъ былъ призванъ на кафедру митрополита Новгородскаго, С.-Петербургскаго, Эстляндскаго и Финляндскаго и назначенъ первоприсутствовать въ Св. Синодѣ. Уже четвертому царю земли Русской служить доблестный архипастырь и уже отпраздновалъ два юбилея своихъ—пятидесятилѣтній священства и таковой же, полувѣковой, рѣдкій юбилей архіерейства. При немъ смѣнилось семь оберъ-прокуроровъ Св. Синода, не мало число іерарховъ Россійской церкви рукоположено имъ. Всѣ русскіе ордена высшихъ степеней, украшенные алмазами, и многие иностранныя имѣетъ митрополитъ Исидоръ; онъ удостоенъ также особенныхъ наградъ и отличій, каковы, напримеръ, вторая навагія и преднесеніе вѣноснаго креста во время служенія митрополита—отличіе всѣхъ Россійскихъ патріарховъ. Кромѣ того, русскія и иностранныя академіи, университеты и всякія ученые общества считаютъ его въ числѣ своихъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ. Не смотря на свои девятидесяти лѣтъ, митрополитъ Исидоръ и тѣломъ, и духомъ удивительно бодръ. Онъ совершаетъ еще во всѣ главные праздники въ Александро-Невской лаврѣ или въ Исаакіевскомъ соборѣ, а въ прочіе праздничные дни отправляетъ рано утромъ литургію въ своей домовой церкви, а недавно, въ день своего рожденія, предпринималъ даже путешествіе въ Новгородскую губернію, гдѣ праздновалъ этотъ день освященіемъ храма.

П. Быновъ.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XV.

Миловановы жили обыкновенною жизнью артистическаго Рима, такъ же, какъ художники всѣхъ другихъ національностей. Они поднимались часомъ съ восьми утра. Въ десять—Миловановъ уже отправлялся въ сту-

дію работать къ своему профессору ваянія, а Полина въ то же время садилась читать или работать въ пьесахъ.

Около полудня она отправлялась въ ту же мастерскую на минуту посмотреть на работу мужа.

Въ четыре часа, иногда и раньше, они садились обѣдать, а послѣ обѣда тотчасъ отправлялись кататься за городъ верхомъ или въ экипажѣ. Въ послѣднемъ случаѣ они приглашали съ собой кого-либо изъ тѣхъ художниковъ, съ которыми Миловановъ наиболѣе сблизился.

По вечерамъ у нихъ собирались гости, преимущественно художники. Сначала время проходило въ праздной болтовнѣ. Вечеръ начинался рано, длился долго и случалось, что праздная болтовня доводила до утомленія и скуки. Полина придумала новую затѣю—соединить полезное съ пріятнымъ. Она предложила устроить по вечерамъ рисовальные классы подѣ говорѣ болѣе лѣнивыхъ.

Разумѣется, предложеніе было принято съ восторгомъ. Предполагалось, что это будутъ не серьезные классы, а рисованіе и бесѣды вмѣстѣ.

И вскорѣ въ самой большой комнатѣ, ярко освѣщенной, появились попитры и столы, стулья и скамейки, а впереди на возвышеніи чередовались гипсовые фигуры, снимки съ извѣстнѣйшихъ статуй.

Иногда, для разнообразія, на мѣсто статуи появлялась итальянка-натурщица или натурщикъ, иногда первый пойманный на улицѣ пиферари или нищій. Однажды контрабандой залучили капуцина.

Въ этихъ вечернихъ классахъ участвовала, конечно, и Полина. Подѣ влияніемъ-ли окружающаго міра артистовъ или самого вѣчнаго города, гдѣ искусствомъ и поклоненіемъ ему былъ, казалось, пронитанъ воздухъ, или по инымъ причинамъ, но Полина со страстью отдавалась рисованію, къ которому въ Россіи относилась хладнокровно, какъ къ простой забавѣ. И она тоже стала дѣлать замѣчательные успѣхи.

Миловановъ, мастеръ-самородокъ когда дѣло шло о глинѣ, рисовалъ плохо. Онъ сознавался стыдливо и грустно, что чувствуетъ всѣмъ сердцемъ что нужно, а какъ сдѣлать—не можетъ. Онъ видѣлъ, сознавалъ, или просто глубоко чувствовалъ, что рука не слушается, что карандашъ идетъ не туда, куда слѣдуетъ, дѣлаетъ не то, что онъ хочетъ,—по овладѣть рукой не можетъ.

И не замѣчая, конечно, какіе быстрые онъ дѣлалъ успѣхи въ рисованіи, онъ отчаивался и, по выраженію Полины, хныкалъ, что никогда рисовать не выучится. Напрасно товарищи и пріятель-художникъ увѣряли его, что ему, какъ русскому самородку, законъ не писанъ, что, не умѣя совѣтъ рисовать, онъ можетъ отлично лѣпить, провидя и чувствуя тѣ линіи, которыя ищетъ душа его.

Такъ прошло два мѣсяца мирнаго существованія и пришлось на время, волей-неволей, переимѣнить образъ жизни и отдохнуть отъ работы. Въ кружкѣ артистовъ всѣхъ странъ уже существовалъ издавна обычай устраивать въ эту пору своеобразное ребячески-наивное торжество. Это былъ праздникъ художниковъ, Богъ вѣсть когда и кѣмъ занесенный или учрежденный, которому суждено было ежегодно повториться и впоследствии.

Этотъ праздникъ отрывалъ всѣхъ художниковъ отъ занятій, заставлялъ ихъ заботиться совершенно о другихъ вещахъ и служилъ отдыхомъ послѣ зимнихъ занятій, предѣ началомъ лѣтнихъ. И такъ какъ на лѣто большая часть художниковъ расходилась и разсыпалась по окрестностямъ Рима, даже по всей Италіи, а иные возвращались на родину, то этотъ международный праздникъ артистовъ служилъ тоже и пиршествомъ предѣ разлукой.

Артистическій праздникъ заключался въ томъ, что всѣ художники всѣхъ націй наряжались въ разные костюмы и отправлялись за городъ черезъ Траяновы ворота въ маленькое урочище, часахъ въ двухъ разстояніи отъ Рима. Люди пожилые предпочитали, нарядившись, ѣхать на разукрашенныхъ зеленю и цвѣтами колесницахъ и фурахъ. Молодежь отправлялась всегда верхомъ.

Такъ какъ итальянцы Папской области, подѣ властью святаго отца—монарха-великопостника и вообще священниковъ и монаховъ, были не набалованы зрѣлищами и свѣтскими празднествами, то, разумѣется, праздникъ артистовъ ожидался всѣми всегда съ большимъ нетерпѣніемъ, и всегда несмѣтная толпа народа верхомъ и пѣшкомъ отправлялась тоже за-городъ, въ Campagna di Roma.

Миловановы узнали объ этомъ обычномъ праздникѣ вскорѣ послѣ своего пріѣзда. Полина не обратила особеннаго вниманія на то, въ чемъ заключается праздникъ, что и гдѣ будетъ происходить, но запомнила хорошо одно обстоятельство: что каждый изъ художниковъ долженъ имѣть костюмъ.

И едва только удалось устроиться и войти въ колею художнической жизни, Полина, ни слова не сказавъ мужу, занялась его костюмомъ. Она сама выбрала мысленно средневѣковый характерный костюмъ, заказала рисунокъ, затѣмъ выбрала всѣ пужыя матеріи. А когда весь артистическій кружокъ бросилъ работать, заволновался и принялся за приготовленіе праздника, на квартирѣ Миловановыхъ уже появился великолѣпный и, конечно, крайне дорогой костюмъ.

Полинѣ въ первый разъ пришло самолюбивое желаніе какъ-бы похвастать красотой своего мужа. Ей хотѣлось, чтобы онъ былъ по костюму тѣмъ-же, чѣмъ онъ былъ лицомъ своимъ въ кружкѣ артистовъ—первымъ по красотѣ. Ей хотѣлось, чтобы онъ сталъ какъ бы центромъ всего праздника, чтобы всѣ взоры были устремлены на него и чтобы его фигура, статная и безукоризненно красивая, въ этомъ великолѣпномъ костюмѣ, надолго осталась въ памяти всѣхъ, кто будетъ на праздникѣ.

Миловановъ, увидя вдругъ, разложженный по стульямъ, костюмъ, гдѣ перемѣшивались бархатъ, атласъ, золото и шитье, смутился и вспыхнулъ.

— Я не посмѣю этого и надѣтъ, выговорилъ онъ.— Вѣдь этакъ, небось, въ прежнія времена цари одѣвались заморскіе!

Однако, начавъ примѣривать одну часть костюма за другой, Миловановъ сталъ восторгаться какъ малый ребенокъ и кончилъ тѣмъ, что пылко и радостно расцѣловалъ жену за сюрпризъ.

До праздника оставалось нѣсколько дней, когда Полина, изрѣдка получавшая письма изъ Россіи, получила въ отсутствіе мужа одно письмо и, прочитавъ его, истревожилась и опечалилась.

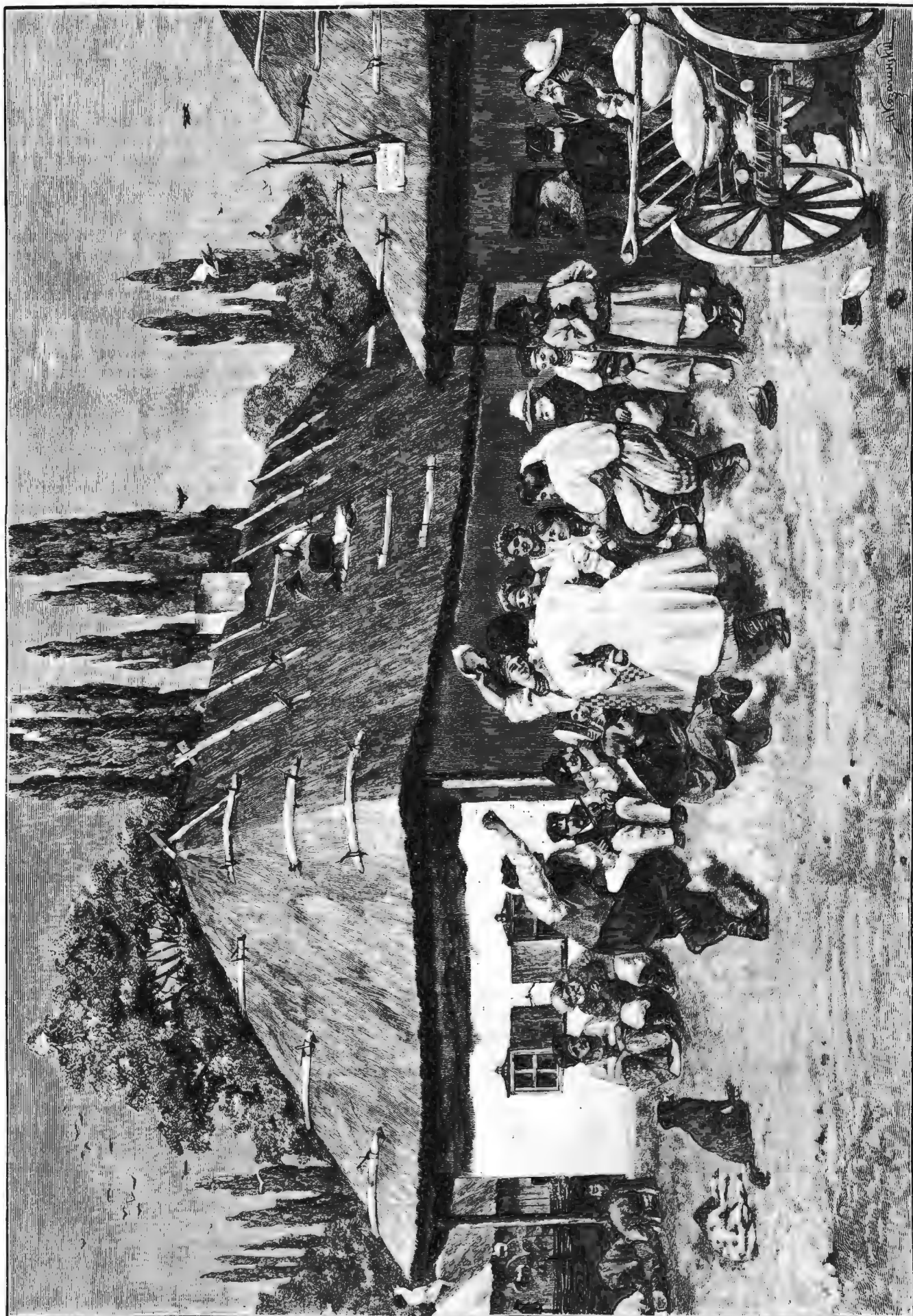
Макаръ Макаровичъ писалъ ей, что старушка Лукерья Егоровна вдругъ захворала и находится въ опасномъ положеніи. Полина знала, что мужъ ея настолько любитъ мать, что отъ дурныхъ вѣстей способенъ отказать отъ участія въ праздникѣ. Миловановъ часто говорилъ, что единственною причиной, которая побудила-бы его немедленно скакать въ Россію, была-бы опасная болѣзнь старушки, которую онъ прямо и искренно ставилъ рядомъ съ женой, говоря, что онъ не знаетъ, кого любить больше.

Полина была почти увѣрена, что старушка долго не проживетъ и во всякомъ случаѣ скончается прежде, чѣмъ имъ возможно будетъ вернуться въ Россію. Теперь-же возвращеніе на родину и затѣмъ новый отѣздъ были-бы сопряжены съ извѣстнаго рода затрудненіями, въ особенности въ дѣлѣ полученія новаго паспорта. Полина поэтому рѣшила заранее, въ случаѣ чего, скрыть все отъ мужа и сказать ему объ серьезной болѣзни его матери настолько поздно, чтобы онъ не могъ и думать собираться къ ней.

Наканунѣ праздника Миловановъ замѣтилъ нѣсколько угрюмое или озабоченное настроеніе жены и сталъ пытаться что съ ней.

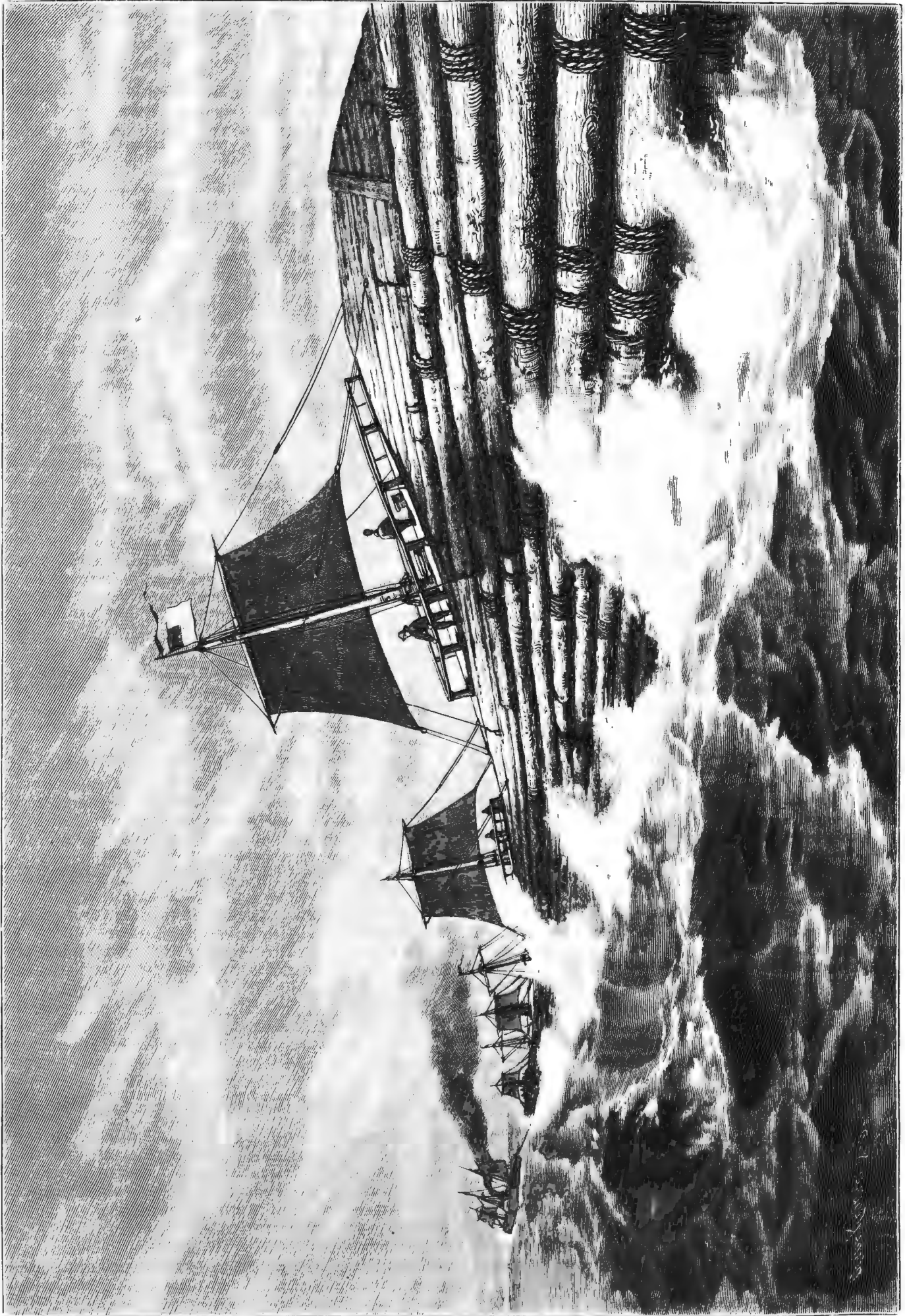
— Письма что-ли? Вѣрно худыя? спросилъ онъ наконецъ.— Коли что худое объ матушкѣ, ты не скрывай. У меня по ней такая тоска всѣ эти дни, что просто—

„Голанъ“, малороссійскій танецъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Назачиснаго, грав. Флюгель.

Плотъ-великанъ, по системѣ Робертсона, въ Атлантическомъ океанѣ. Съ рис. Штёвера, грав. Креперъ.

страшно становится. Только и утѣшенье мнѣ что сонъ мой. Видѣлъ я, она уѣзжаетъ въ барской вашей каретѣ во храмъ...

— Ахъ, не говори такъ! воскликнула Полина.

— Что? какъ?

— Въ вашей... въ барской... И это здѣсь, въ Римѣ! Даже дико слышать.

— Ну, въ твоей каретѣ, усмѣхнулся добродушно Миловановъ.—Да по правдѣ и не въ твоей теперь, коли и имѣнне отходить въ другія руки. Ну вотъ я и вижу, что матушку удерживаю. Прошу не ѣздить. А она отбилась отъ меня. Я заплакалъ, а она и крикнула: „Его-рушка, не плачь, я сейчасъ назадъ!“

— Это сонъ не хороший, но съ хорошимъ концомъ, сказала Прасковья Андреевна. — Будетъ Лукерыя Егоровна хворать, но выздоровѣетъ.

— Помилуй Богъ, вздохнулъ онъ. — Одинѣхонька. Былъ одинъ сынокъ—вся ея радость... И того умчало за тридцать земель. А зачѣмъ? Ничего изъ меня не выйдетъ путнаго. Былъ столяръ, а буду такъ... пачкунъ.

— Опять за старую пѣсенку! размѣялась Прасковья Андреевна.—Ну, пачкунъ, такъ пускай такъ и будетъ. Этакій пачкунъ какъ ты—покуда только одинъ на весь Римъ. А вотъ баба ты, плакса, кисляк—это все вѣрно. И не будь меня, то я и не знаю что стало бы съ тобой...

— Вотъ это точно, оживился вдругъ Миловановъ и началъ радостно смѣяться.—Это ты вѣрно сказала, что не будь тебя, я бы по сю пору мебель въ Березопольѣ чинилъ. А то хуже—стояла въ конюшнѣ да подвалы строилъ бы, да тесалъ бы доски и ладилъ заборы.

И онъ подошелъ къ женѣ, сѣлъ около нея на полъ и еталъ цѣловать ея руки.

XVI.

На одной изъ лучшихъ улицъ города Рязани оставилась предъ гостиницей дорожная карета шестерикомъ, а за ней бричка тройкой. Приѣзжіе вошли въ домъ, а люди начали таскать сундуки и важи.

Тотчасъ по всей гостиницѣ, а затѣмъ и по всему кварталу разнеслась вѣсть, что приѣхалъ князь Березопольскій съ княгиней, а съ ними родственникъ ихъ, по фамилиі Трубецкой. Но затѣмъ, черезъ часъ, пошла уже другая молва, болѣе вѣрная. Приѣхалъ князь Березопольскій со своимъ управителемъ, господиномъ Трубецкимъ, при которомъ прибыла управительева племянница—дѣвица, а совсѣмъ не княгиня.

Приѣзжіе заняли каждый отдѣльную комнату и при этомъ еще три: для прихожей, гостиной и столовой. Но съ этого-же дня вся гостиница уже была къ услугамъ князя, существовала только для него. Началась такая суета и сумятица, что какой-то отставной капитанъ, не могшій въ продолженіе трехъ часовъ добиться самовара, уложился и выѣхалъ въ другую гостиницу. Хозяинъ, провожая разсердившагося гостя, только улыбался. Онъ не испугался бы, если бы и всѣ другіе проѣзжіе тотчасъ съѣхали со двора. Съ первыхъ же двухъ часовъ пребыванія князя въ гербергѣ, хозяинъ уже увидѣлъ, что если веселый, радостный князь проживетъ только одну недѣлю, то дѣла его, пришедшія въ маленькое разстройство, сразу поправятся.

Разумѣется, на другой-же день вся Рязань уже знала, что въ городъ приѣхалъ князь Илья Петровичъ Березопольскій для совершенія купчей, такъ какъ онъ покупалъ имѣнне у своей двоюродной сестры, не мало про шумѣвшей нѣсколько времени тому назадъ.

Говору и толковъ было не мало среди дворянъ города. Общее мнѣніе, почти единодушное, было таково, что князь, начавъ дѣло въ столицѣ, могъ бы приобрѣсти родовое имѣнне даромъ, могъ бы добиться, чтобы оно было конфисковано у его двоюродной сестры, вышедшей замужъ за своего крѣпостнаго.

Всѣ, разумѣется, восхищались честностью дворянскою

и благородствомъ князя. И все поспѣшило тотчасъ-же явиться, представиться и познакомиться. Началось въ гостиницѣ то, что Макарь Макаровичъ съ перваго дня прозвалъ: „водяная толча“. Гости являлись безпрерывно вереницей къ князю, по мнѣнію Трубецкаго, только воду толочь.

Князь принималъ всѣхъ, со всѣми былъ радушенъ и на всѣхъ производилъ одно и то же впечатлѣніе—то же самое, какое произвелъ на хозяина гостиницы, даже на лакеевъ и коридорныхъ, когда появился въ первый разъ изъ кареты.

Всякій, смотрѣвшій на него, невольно думалъ: „Вотъ человекъ доволенъ, счастливъ! Что значитъ князь, да богатъ, да вочину родовую заполучаетъ!“ И всѣ ошибались.

Этотъ-же самый князь, тому назадъ нѣсколько дней, въ своемъ, вновь купленномъ Прачешпомъ, сидѣлъ по цѣлымъ часамъ угрюмый и задумчивый, охалъ и вздыхалъ и производилъ впечатлѣніе человека или хвораго, или захваченнаго тихою грустью, томительною и безысходною. Никто не зналъ, конечно, почему Илья Петровичъ теперь только ожилъ, недавно, предъ выѣздомъ своимъ изъ Березополя въ Рязань.

Нѣкоторыхъ изъ гостей князь принималъ одинъ, другихъ же—въ присутствіи Евгеніи, которую рекомендовалъ племянницей своего управителя, господина Трубецкаго. И князь сталъ здѣсь еще счастливѣе, даже восторженно счастливъ, убѣдившись собственными глазами въ томъ, что случилось съ Евгеніей. Дворовая дѣвушка, никогда не выѣзжавшая изъ усадьбы, гдѣ родилась, теперь принарядившаяся не очень богато и крикливо, но все-таки лучше и изящнѣе, чѣмъ тамъ въ Березопольѣ, вела себя такъ, какъ еслибы въ самомъ дѣлѣ была племянницей бѣднаго дворянина Трубецкаго, какъ еслибы и прежде жила въ губернскомъ городѣ и бывала въ обществѣ.

Евгенія держала себя осторожно, порядливо, скромно, мало говорила, но когда обращались къ ней, отвѣчала разумно, привѣтливо, съ легкимъ оттѣнкомъ чего-то, чему и имени еще не было выдуманно. Только нѣсколькими десятками лѣтъ позднѣе прозвали это кокетствомъ, а тогда называли—лукавою миловидностью.

Глядя на Евгенію, разговаривавшую съ губернскими знакомыми, князь приходилъ въ такой восторгъ, чувствовалъ себя настолько счастливымъ, что иногда вель себя самъ какъ малый ребенокъ. Если-бы не это ображеніе съ Евгеніей, то, разумѣется, онъ не пустилъ бы къ себѣ ни души, не пожелалъ бы знакомиться ни съ кѣмъ. Теперь-же, наоборотъ, онъ самъ сталъ звать къ себѣ. И уже прошелъ слухъ, что князь Березопольскій черезъ недѣлю задастъ новымъ знакомымъ цѣлый пиръ горой.

Разумѣется, въ той же средѣ его новыхъ знакомыхъ, да и вообще во всемъ городѣ, уже начали подсмѣиваться и подшучивать надъ племянницей управителя.

Но всѣ, однако, вполне вѣрили въ то, что управитель Березополя, многимъ хорошо извѣстный за пятнадцать лѣтъ, дворянинъ Трубецкой, дѣйствительно, приходится дядей молодой и красивой дѣвушкѣ. Внезапное появленіе ея объяснили приѣздомъ къ нему погостить, а пребываніе вмѣстѣ съ дядею въ городѣ—нежеланьемъ оставаться одной въ усадьбѣ, когда онъ по дѣлу выѣхалъ. А что самъ князь постоянно не спускаетъ съ нея глазъ ни минуты и по всему влюбленъ въ нее по-зарѣзъ, послужило только поводомъ нѣкоторымъ барынямъ явиться съ мужьями тоже познакомиться и съ княземъ, а равно и съ управительевой племянницей... А вдругъ станетъ княгиней—лучше загодя...

И за нѣсколько дней пребыванія въ Рязани князь, какъ былъ, такъ и оставался тѣмъ-же радующимся, сіяющимъ, всѣми довольнымъ человекомъ. Но Макарь Макаровичъ и Евгенія нѣсколько перемѣнились.

Трубецкой сталъ молчаливѣе, угрюмѣе, замѣтно не въ духѣ, но, однако, ни единымъ словомъ не обмолвился о причинѣ своей угрюмости.

Причина же была простая.

Честному Макару Макаровичу не нравилось, что сомнительная молодая дѣвица, прѣхавшая съ ними, прикрывается здѣсь именемъ его племянницы. Всѣ по-думаютъ, стало-быть, что онъ—Трубецкой—чѣмъ-нибудь при этомъ пользуется, паживается, играетъ неподходящую для честнаго человѣка роль. И Макаръ Макаровичъ втайнѣ раскаивался, что позволилъ дорогой князю объявить Евгению племянницей.

Евгенія, наоборотъ, прѣхавъ въ Рязань, смущалась, какъ-то боязливо озиралась кругомъ себя, недоумѣвала... Во всякомъ ея движеніи была нерѣшимость, опасеніе. Она стѣснялась того положенія, въ которое вдругъ попала, перенесенная, будто въ сказкѣ, изъ пустаго барскаго дома или изъ надворнаго строенія въ Березопольѣ, въ гостиницу губернскаго города и въ цѣлое общество.

Тамъ шумѣли и гадѣли дворовые обоюго пола, и ткачкіе: парни-ткачи, бабы и дѣвки-ткачихи. А здѣсь кругомъ нея, почти отъ зари до зари, кишѣли все одни дворяне, люди равные князю по происхожденію. И не только всѣ люди въ гостиницѣ, но даже и эти новые знакомые, относились къ ней съ особымъ уваженіемъ, съ ласковымъ привѣтомъ, именуя ее Евгенией Степановной и раскланиваясь передъ ней, какъ передъ барыней.

Къ этому, вдобавокъ, каждый разъ что Евгенія случайно могла увидать себя въ зеркалѣ, каждый разъ (и это длилось довольно долго) она сразу не узнавала себя и дивилась, видя предъ собой какую-то красивую барышню въ красивомъ платьѣ, со страшно блестящими глазами, со счастьемъ, облегчающимъ всѣ черты лица.

— Господи, и это я же! говорила про себя дѣвушка, а иногда и восклицала вслухъ, но шепотомъ.— Да я-ли это? прибавляла она.

И разглядывая себя въ зеркало, вспоминая то что было сегодня, было вчера, что она видѣла, слышала и переживала, что вновь узнала и вновь поняла, она чувствовала, что голова слегка кружится у нея. И иногда ей вдругъ представлялось, что она сходитъ съ ума, потому что она уже не одна на свѣтѣ.

— Ей Богу, не одна! говорила она себѣ.— Меня—двѣ! Вотъ я здѣсь, а вонъ тамъ, въ Березопольѣ, тоже Евгенія осталась.

И изрѣдка дѣвушка брала себя за голову и шептала полутревожно, полурадостно:

— Съ ума сойти можно!

Но и въ эти дни полного довольства, почти счастья, изрѣдка налетала на нее какая-то тѣнь, какое-то черное пятно, черное облако... Иногда ей чудилось какое-то черное и страшное чудовище съ лапами, которое искало захватить ее, задушить...

Это были мгновенія, въ которыхъ предъ умственнымъ взоромъ дѣвушки являлся высокій, красивый малый, котораго она долго любила, обожала и котораго на вѣкъ потеряла безвозвратно. Но каждый разъ дѣвушка силсилась стряхнуть съ себя эту тѣнь, или это чудовище, въ видѣ горькаго и тяжкаго воспоминанія о потерянномъ счастьи.

XVII.

Между тѣмъ, не смотря на пріемъ гостей, всякія бесѣды, завтраки, катанья по городу и отдачу визитовъ, которые отдавалъ, конечно, князь одинъ, дѣло, по которому онъ прѣхалъ, шло своимъ чередомъ. Покуда князь ѣздилъ по новымъ знакомымъ, вездѣ привѣтливо и радушно принимаемый, Макаръ Макаровичъ почти не выходилъ изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и возился съ разными чиновниками, стражцами, засѣда-

телями и совѣтниками. У него тоже ужъ оказался цѣлый кругъ знакомыхъ, и однажды въ его комнатѣ сошлись заразъ двѣнадцать человѣкъ изъ мелкихъ чиновниковъ города.

„И который же предатель?“ подумалось ему.— „Всѣ, помилуй Богъ!“

Евгенія, за то же время, въ маленькой коляскѣ парой ѣздила по Рязани по разнымъ магазинамъ и лавкамъ и накупала пропасть вещей, все что только попадалось ей на глаза. Но при этомъ, привозя все въ гостиницу, она ничего не разсматривала. Всѣ эти покупки дѣлались не по собственной волѣ, а по ежедневному, прихотливому, но строгому приказанію князя.

Всякій день поутру князь давалъ Евгение денегъ и требовалъ, чтобы она поѣхала и вернулась съ цѣлымъ ворохомъ всего, что только попадется ей на глаза. И теперь вся горница дѣвушки была завалена, какъ магазинъ, всевозможными покупками. Ей казалось, что и въ двадцать лѣтъ не переноситъ ей всего того, что она накупила.

Но у Евгение было свое дѣло, своя забота, не покидавшая ее по цѣлымъ днямъ. И это были не покупки нарядовъ. Разъѣзжая по городу, Евгенія почти каждый день заѣзжала въ одинъ маленькій сѣрый домикъ съ палисадникомъ и просиживала тамъ около часу, иногда и долѣе. При этомъ она каждый день давала на чай кучеру и, грозясь пальцемъ, приговаривала:

— Смотри же, не болтать!

— Помилуйте, барышня, отзывался кучеръ.— Не приказали—и шабашь!

Визиты эти Евгенія тщательно скрывала и отъ князя, и отъ Макара Макаровича. Бывала же дѣвушка въ сѣромъ домикѣ по дѣлу, которое наиболѣе озачивало ее. Въ этомъ домикѣ жилъ тотъ самый чиновникъ, Иванъ Леонтьевичъ Скоровъ, съ которымъ зимой въ уѣздномъ городишкѣ совѣщались бывшая княжна Прасковья Андреевна и самъ Илья Петровичъ, по дѣлу о солдатствѣ Егора Милованова.

Бдучи въ Рязань, Евгенія уже знала Ивана Леонтьевича по наслышкѣ. Старушка Лукерья Егоровна рассказала ей, что чиновникъ съ этимъ именемъ много помогъ княжнѣ, когда приключилась бѣда съ Егоромъ.

И велико было удивленіе Евгение, когда она нашла его въ Рязани. Точно судьба перевела его сюда нарочно. Познакомившись въ присутствіи князя съ Иваномъ Леонтьевичемъ, Евгенія сначала стала опасаться его. Хитрая фигура съ поразительнымъ профилемъ, похожимъ на волчью морду, не внушила Евгение никакого довѣрія. Но затѣмъ Иванъ Леонтьевичъ сталъ обращаться съ ней настолько почтительно и вѣжливо, съ такою особенною предупредительностью, что Евгенія за два, за три дня, привыкла къ его лицу и перестала его бояться.

Иванъ Леонтьевичъ—геніальный проныра и пройдоха—сразу почувялъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло въ лицѣ племянницы Трубецкаго, у котораго, онъ зналъ, никогда никакой не бывало.

Однажды, оставшись наединѣ случайно, такъ какъ князь вышелъ въ другую горницу, Иванъ Леонтьевичъ въ одну минуту времени съумѣлъ вполне расположить Евгению Степановну въ свою пользу и пригласить ее къ себѣ, чтобы познакомиться съ его женой и дочерью.

— Сдѣлайте мнѣ сію великую честь, Евгенія Степановна, заявилъ чиновникъ.— Осчастливьте!

И на другой же день Евгенія Степановна отправилась въ гости.

Жена чиновника оказалась полуживымъ, толстымъ и какъ бы вѣчно спящимъ существомъ. Дочь—живой портретъ отца—смотрѣла тоже волченкомъ и дичилась гостя до-нельзя.

Просидѣвъ и пробесѣдовавъ съ Иваномъ Леонтьевичемъ около часу, Евгенія намекнула, что у нея есть

маленькое дѣльце или забота, но только очень щекотливое, мудреное, такое, про которое говорить никому нельзя.

Иванъ Леонтьевичъ отнесся къ этому заявленію съ такою лаской, любовью, предупредительностью и при этомъ съ такимъ восторгомъ, какъ если бы это дѣльце касалось прямо его семьи или было его собственное сердечное дѣло.

И на другой же день, снова приглашенная имъ, Евгенія Степановна сидѣла уже не въ гостиной, а въ другой горницѣ, гдѣ стоялъ большой письменный столъ, заваленный всякими бумагами изъ того присутственнаго мѣста, куда Иванъ Леонтьевичъ былъ недавно переведенъ и гдѣ былъ уже не послѣдней спицей въ колесницѣ. И здѣсь произошло сразу откровенное объясненіе между стрекулистомъ-пройдохой и молодой, опытною, но дерзко-рѣшительною дѣвушкой.

Иванъ Леонтьевичъ много народу перевидалъ въ свою жизнь, узнавалъ людей быстро, опредѣлялъ ихъ тотчасъ же—и уже узнавъ съ кѣмъ имѣеть дѣло, обращался со всякимъ человѣкомъ такъ, какъ музыкантъ со своимъ инструментомъ. Онъ самъ говорилъ, что на всякомъ человѣкѣ можетъ разыграть всякую музыку, какую только желаетъ.

— Скрипка-ли мнѣ попадется, труба-ли, барабанъ-ли— все одно, смѣялся Иванъ Леонтьевичъ. — Я на всякомъ разыграю, что угодно. Даже молоточками по стеклышкамъ умѣю стукать! А есть такіе люди которые — прямо стеклышки! Не то чтобы звукъ у нихъ былъ какой, а такъ какая-то жалобная и горемычная пискотня. Это тѣ, знаете-ли, которыхъ суды засудили!

Дѣло, съ которымъ обратилась Евгенія къ чиновнику, было, дѣйствительно, и мудреное и щекотливое, которое конечно приходилось скрывать. По странной случайности или по волѣ судьбы, дѣвушка нашла именно на того человѣка, который былъ тутъ нуженъ.

Иванъ Леонтьевичъ былъ именно чиновникъ-стрекулистъ, именно судейская пивка, ябедникъ и крючкотворъ и, разумѣется, гуда до мозга костей. Поручить ему какое-либо простое и законное дѣло было бы пожалуй и невыгодно. Но поручить ему тяжбу, ябеду и все то, гдѣ необходимо сутяжничество, капканство и стрекулистскіе подвохи—на это онъ былъ единственный человѣкъ на всю губернію. Не даромъ онъ быстро шелъ въ гору!

Прежде всего Евгенія пожелала узнать отъ Ивана Леонтьевича, въ какомъ положеніи находится съ точки зрѣнія законовъ, Егоръ Миловановъ и его жена, бывшая княжна и дворянка.

На это Иванъ Леонтьевичъ отвѣчалъ, что положеніе Прасковьи Андреевны Миловановой въ полномъ смыслѣ слова „сумнительное“, шаткое и валкое. А положеніе ея мужа — прежнее. Какой онъ былъ крѣпостной, такой и остался. Теперь крѣпостной жены своей, или же ничей. Это смотря потому, какъ разсудитъ сенатъ и государь императоръ. А когда Березополье, покупаемое теперь княземъ, будетъ ему принадлежать, то Егоръ Миловановъ, вмѣстѣ со своей женой и будущими дѣтками, будутъ просто крѣпостными князя Ильи Петровича.

— Да такъ-ли это? воскликнула Евгенія, и яркій, алый румянецъ запылалъ на ея лицѣ.

И этимъ восклицаньемъ, и этимъ румянцемъ лицомъ все сразу объяснила она стрекулисту. Онъ видѣлъ и зналъ, отгадывалъ впередъ и ожидалъ большаго, чѣмъ сама она.

Бесѣды и совѣщанія между Евгеніей и чиновникомъ продолжались всякій день, вслѣдствіе того, что Иванъ Леонтьевичъ взялъ на себя нѣкоторое дѣло, за успѣхъ котораго онъ вполне ручался, если только Евгенія Степановна будетъ слѣдовать его совѣтамъ. Дѣло это было пустое и заключалось въ томъ, чтобы невиннымъ

образомъ обмануть князя Илью Петровича и Макара Макаровича.

При покупкѣ Березополя князь долженъ былъ, въ силу стародавняго обычая и по соглашенію съ сестрицей, отпустить на волю и дать отпускную нѣкоторымъ московскимъ служителямъ ея отца, въ количествѣ тридцати слишкомъ человѣкъ. А въ числѣ прочихъ былъ и одинъ дворовый столяръ съ матерью-старухой.

Задача стрекулиста, чтобы услужить Евгеніи Степановнѣ за условленное большое вознагражденіе, заключалась лишь въ томъ, чтобы этотъ дворовый со своей матерью остались крѣпостными. Какъ это сдѣлать, какъ обмануть князя и дѣловитаго, осторожнаго Макара Макаровича, стрекулисту еще не надумался, по все-таки общался.

И вотъ за этимъ изрѣдка ѣздила Евгенія въ домикъ съ палисадникомъ и, возвращаясь оттуда въ гостиницу, давала на чай кучеру, строго наказывая никому не говорить объ ея визитахъ.

Однажды Иванъ Леонтьевичъ явился къ князю и, не заставъ его дома, спросилъ барышню. „Барышня“ тотчасъ приняла чиновника.

Иванъ Леонтьевичъ заявилъ ей, что дѣло ея уладится отлично, неожиданно хорошо...

— Но изволите видѣть, достопочтенная Евгенія Степановна, прибавилъ стрекулисту тревожно, — я опасаясь что мы не вполне понимаемъ другъ дружку, такъ какъ вы не изволите знать законовъ. Извѣстно-ли вамъ что владѣтель душъ крѣпостныхъ, можетъ всегда, когда захочетъ, любую душонку, женску и младенческу, а тѣмъ паче мужеску — освободить на волю, давши отпускную.

— Я это знаю, Иванъ Леонтьевичъ! удивилась Евгенія.

— Слѣдовательно знаете, что князь можетъ и послѣ, какъ только вздумается ему, отпустить и столяра сего...

— Знаю... Но это ужъ мое дѣло...

— Ахъ, ваше-съ... Такъ-съ! Простите...

— Лишь бы теперь оно не случилось, а послѣ, тамъ, въ Березопольѣ, чрезъ нѣсколько дней... я уже отвѣчаю... Въ моей власти все будетъ!

— Такъ-съ.. усмѣхнулся чиновникъ громаднымъ ртомъ. — И самъ Илья Петровичъ въ числѣ прочаго?

Евгенія разсмѣялась и не отвѣтила.

— Позвольте поцѣловать драгоцѣнную ручку! воскликнулъ Иванъ Леонтьевичъ восторженно.

XVIII.

Прошелъ мѣсяць. Князь Илья Петровичъ уже давно вернулся изъ Рязани и поселился на жительство въ своемъ собственномъ имѣніи — Березопольѣ.

Всѣ формальности были исполнены. Довѣреннымъ лицомъ для продажи вотчины отъ имени владѣлицы Березополя былъ Макаръ Макаровичъ. Одно время возникало затрудненіе, какъ именовать продающую сторону. Нарочный, посланный въ Москву, выправилъ документъ, въ которомъ владѣлица значилась просто Прасковьей Андреевной, по мужу Миловановой. Довѣренность Трубецкому, присланная изъ Италіи и засвидѣтельствованная въ русскомъ посольствѣ, точно такъ же не упоминала къ какому сословію принадлежитъ довѣрительница.

Во всемъ дѣлѣ продажи и покупки были точно выполнены законы, и только въ одномъ случаѣ переходъ имѣнія въ руки князя могъ бы оказаться сомнительнымъ, если бы бракъ бывшей княжны Березопольской могъ быть объявленъ недѣйствительнымъ.

Впрочемъ, со стороны двоюродной сестры князь не могъ ничего опасаться.

Только одна маленькая неточность произошла при совершеніи купчей, которую упустили изъ виду и не досмотрѣли ни князь, ни Трубецкой. Но ошибка эта казалась имъ маловажною.

Баядера. Съ карт. П. Зихеля, грав. Девистъ.

При совершении купчей были отпущены по обычаю на волю до тридцати человек заслуженных дворовых, и каждому была дана отдѣльная именная воляная. Между прочими людьми оказался отпущеннымъ и свободнымъ человекомъ тотъ, который и не просилъ объ этомъ, не помышлялъ, да которому и жить осталось на свѣтѣ быть-можетъ лишь нѣсколько дней.

Это былъ нѣкто Сергѣй Миловановъ.

Уже вернувшись въ Березополье, и князь, и Макаръ Макаровичъ, при раздачѣ отпускныхъ, ахнули оба. Въ первую минуту они подумали, что такъ какъ Сергѣя Милованова вовсе не существуетъ въ Березопольѣ, то имя—*Сергѣй*—было ошибкой и слѣдовало поставить: *Егоръ*.

Такимъ образомъ одинъ изъ главныхъ поводовъ продажи имѣнія былъ какъ-то странно и какъ бы умышленно обойденъ. Подозрѣвать рязанскихъ чиновниковъ не было, конечно, никакого основанія, такъ какъ была простая лишь ошибка въ имени.

Но однако черезъ сутки дѣло вышло хуже: оказалось, что Сергѣй Миловановъ давнымъ-давно существуетъ въ Березопольѣ и всѣ его знаютъ хорошо. Тотъ же Макаръ Макаровичъ знаетъ его уже пятнадцать лѣтъ. Носитель этого имени и фамилии не кто иной, какъ старикъ по прозвищу Азовскій.

Какъ произошла вся путаница,—конечно, ни князь, ни Трубецкой понять теперь не могли. Что касается до разныхъ подьячихъ рязанскихъ, то имъ, разумѣется, не было никакого повода перепутать такъ, чтобы столѣтній старикъ очутился на волѣ, а мужъ бывшей княжны — оставался крѣпостнымъ.

Такъ какъ бѣды въ этомъ особенной никакой не было и князь сохранялъ право всегда дать волю Егору Милованову, то, посмѣявшись надъ этимъ страннымъ приключеніемъ, и князь, и Макаръ Макаровичъ порѣшили дѣло такъ и оставить. Когда пріѣдутъ изъ чужихъ краевъ супруги Миловановы, то Егоръ и получить отъ князя отпускную.

Илья Петровичъ даже собирался было тотчасъ же написать эту отпускную и выслать ее въ Италию, но нашлась личность, которая отсовѣтовала дѣлать это, объясняя, что Милованову эта отпускная за границей совсѣмъ не нужна. Тамъ онъ живетъ по документу, выданному ему съ женой въ Москвѣ.

Этого было достаточно. Все, что говорила эта личность, было теперь для князя Ильи Петровича закономъ.

Съ тѣхъ поръ, что онъ съѣздили въ Рязань и вернулись, во всемъ окружающемъ было мало переменъ. Все шло и пошло по старому, но только въ одномъ отношеніи много, какъ говорится, воды утекло.

Князь Илья Петровичъ, освободившій тридцать человекъ на волю, самъ сталъ чуть не крѣпостнымъ, а нравственно былъ положительно рабомъ. Онъ и тѣломъ, и душой, и всякимъ помысломъ своимъ, каждымъ біеніемъ сердца принадлежалъ не себѣ самому, а другому существу.

Исполнялось предсказаніе покойнаго князя Андрея Ивановича. Племянникъ его, „тroyкій якъ“, былъ въ полной зависимости и подъ властью несокрушимою той первой женщины, которую полюбилъ.

Изъ Березополя въ Рязань выѣхала дѣвушка „Евденя“, умная, ласковая, шустрая, вострая на языкъ, но болѣе или менѣе скромная и тихая. Вернулась изъ Рязани въ Березополье „Евгенія Степановна“, смѣлая, не громко, но твердо совѣтующая, мягко и какъ бы невидимо повелѣвающая.

Власть Евгени надъ княземъ сказывалась такъ странно, такъ подспудно, или тайно, что не только березопольцы, но даже Макаръ Макаровичъ не догадывался откуда происходитъ нѣкоторая переменна въ Ильѣ Петровичѣ, въ его характерѣ.

Князь сталъ другимъ человекомъ, менѣе добрымъ и

спасходительнымъ, чѣмъ прежде. Распоряженія его бывали хотя не очень строги, но гораздо строже, чѣмъ бывали прежде. Даже въ нѣкоторыхъ привычкахъ своихъ переѣнился князь Илья Петровичъ.

Долго обыватели Березополя и управляющій вотчиной не догадывались, откуда проистекаетъ новая твердая и упорная власть надъ ними.

Конечно, Макару Макаровичу могло бы придти на умъ, что Евгени забрала въ руки князя, но никакихъ поводовъ или доказательствъ не было, чтобы это предполагать.

Тихая, скромная, задумчивая, ласковая Евгени Степановна, казалось, воды не замутить. А между тѣмъ прежній добродушный баринъ-помѣщикъ, еще недавно распустившій все въ Прачешномъ до-нелзя, теперь подобралъ въ ежовыя рукавицы все Березополье. Распоряженія его и наказанія были таковы, отъ какихъ уже давнымъ-давно отвыкли березопольцы.

Однако строгая, невидимая рука была отгадана всѣми послѣ трехъ случаевъ.

Одинъ наивный парень изъ ткацкаго корпуса, въ воскресенье, подъ пьяную руку, обидѣлъ Евгению Степановну въ саду. Подошелъ, обнял и чмокнулъ. Подобное случалось и прежде, когда сирота Евгени жила въ надворномъ строеніи.

На другой же день, князь Илья Петровичъ, переминаясь съ ноги на ногу, кисло распуская губы, участенно мигая и дряблымъ голосомъ заявилъ Макару Макаровичу, чтобы этого малаго тотчасъ же свезти въ городъ и сдать въ солдаты.

Трубецкой ахнулъ и даже тотчасъ же сѣлъ на ближайшій стулъ.

— Не такое же это дѣло, помилуй Богъ! Ну, обидѣлъ, былъ не трезвъ... Но какъ же за это идти подъ солдатскую лямку на двадцать-пять лѣтъ?

Князь согласился, что дѣйствительно мѣра черезчуръ строгая, и они порѣшили, что малаго можно просто хорошенько высѣчь и засадить на хлѣбъ и воду въ чуланъ. А затѣмъ, когда Макаръ Макаровичъ былъ у себя во флигелѣ и радовался, что не крѣпокъ и не дологъ порывъ гнѣва въ такомъ добродушномъ человекѣ, какъ князь, онъ получилъ съ посланнымъ письменное подтвержденіе перваго приказанія: сдать ткача тотчасъ въ солдаты.

Недѣли черезъ двѣ послѣ сдачи, одна изъ горничныхъ, прислуживавшихъ въ барскомъ домѣ, совершенно неизвѣстно за что, была послана въ сосѣднюю вотчину—Прачешное—на скотный дворъ, съ приказаніемъ держать ее какъ можно строже. И никто не зналъ причины наказанія. Сама женщина не знала.

И уже сослапная, она вспомнила, что ей случилось разъ вечеромъ поболтать съ другой горничной и рассказывать, какъ Евгени была „влѣпившись“ въ Егора Милованова, какъ хворала и чуть не померла, когда объявилось, что Егоръ женится на Прасковѣ Андреевнѣ.

Наконецъ одному красивому парню, который часто пріѣзжалъ изъ сосѣдняго городка въ качествѣ приказчика, поставщика всякой всячины для хозяйства, было строжайше запрещено являться въ Березополье. Уже пять лѣтъ приказчикъ пріѣзжалъ, привозилъ товаръ, получалъ расчеты и вообще былъ посредникомъ между купцомъ-лавочникомъ и управителемъ. И Макаръ Макаровичъ его любилъ.

Недавно парень былъ очень неравнодушенъ къ дворовой дѣвушкѣ Евгени, но теперь, съ тѣхъ поръ что она жила въ барскомъ домѣ и всѣмъ было извѣстно на какомъ она положеніи, приказчикъ только издали кланялся Евгени Степановнѣ. Кланялся онъ почтительно, изрѣдка только заглядывая ей въ лицо и ухмыляясь не то поздравляя съ новымъ положеніемъ, не то подсмѣиваясь.

(Продолженіе будетъ).

Русскій полоняникъ.

Историческій разсказъ

П. Н. Полеваго.

I.

Дворянинъ Лукьянъ Ивановичъ Мясновъ и товарищъ его, подьячій Теодоръ Постниковъ, отправленные царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ въ посольство къ кесарю Римскому Матеею—справивъ службу царскую, возвращались изъ Цесарской земли въ отечество. Прибывъ въ городъ Гамбургъ, они стали наводить справки о торговыхъ нѣмецкихъ и голландскихъ корабляхъ, собиравшихся плыть на Сѣверъ, въ далекое, непривѣтное, Бѣлое море. Оказалось, что пойдутъ въ Бѣлое море три корабля; но пойдутъ не скоро:—дней пять они будутъ оснащиваться, да съ недѣлю грузиться; за то ужъ прямо доставятъ государевыхъ людей въ самый Архангельскій городъ, и возьмутъ не дорого. Дѣлать нечего—приходилось ждать поневолю...

Это ожиданіе тѣмъ болѣе было тягостно для Мяснова и Постникова и для всѣхъ ихъ людей и спутниковъ, что они уже почти два года мыкались на чужбинѣ, то переѣзжая изъ мѣста въ мѣсто, то справляя свое посольское дѣло, которое требовало постоянного напряженія, постоянныхъ заботъ и хлопотъ. Почти два года питались они нѣмецкой сгрянней, неподходявшей къ потребностямъ русскаго желудка; вынуждены были пить кисленькое вино, вмѣсто русскаго кваса, и обходиться безъ ржанаго хлѣба. Почти два года—странно и вымолвить!—не причащались, не исповѣдывались, въ церкви не малывались, да и посты-то соблюдали съ грѣхомъ пополамъ. „Кордй обросли“, какъ выражался Лукьянъ Ивановичъ, „потому русскому человѣку, въ банѣ не парившись, совсѣмъ жить на свѣтѣ невозможно“. И вотъ тутъ, когда ужъ и дѣло покончили, и къ морю, сквозь всю Нѣмечину прошли, когда ужъ душа по „матушкѣ Руси великой“ такъ востосковалась, что вотъ бы только на корабль ступить да ѣхать скорѣе—тутъ вдругъ: „подожди!“... Сиди у моря да жди погоды!...

И вотъ пошли русскіе люди сокрушаться да жаловаться. Сидятъ подъ окномъ, сложа руки, скулятъ, какъ собаки въ снѣгахъ на морозѣ; жалуются да негодуютъ на невзгоды дальняго странствія, гнѣвятъ Господа своимъ безумнымъ ропотомъ... Не знаютъ, со скуки, какъ и на чемъ сорвать свое сердце и клинуть тотъ несмолкаемый шумъ, то кипучее движеніе богатаго торговаго города, которые въ весеннее время, передъ открытіемъ навигаціи, не смолкаютъ, не затихаютъ ни днемъ, ни ночью. У одного, отъ этого шума голова трещитъ; другому—онъ спать не даетъ; третьему нѣмецъ такъ опротивѣлъ своею светлей да муравьинымъ трудомъ, что на него и въ окно-то смотрѣть тошно... Ну, однимъ словомъ, всѣ такъ растосковались да расхныкались, такіа разведи жалобныя пѣсни, къ какимъ бываетъ способенъ только русскій человѣкъ, избалованный удачей и счастьемъ, домашнимъ покоемъ и привольемъ.

— Господи Боже! неогъ одинъ.—Да будетъ-ли этому конецъ? Сколько паталось по чужбинѣ,—а тутъ и еще таки жди да сиди!

— Ужь хоть бы одинъ конецъ! А то всю душу чужбина-то эта постылая вымотала!.. Кажись, хуже этой напасти, какъ вотъ теперешняя—и не бывало съ нами!

— Да это—если бы къ примѣру—еще недѣли три такъ заставили сидѣть здѣсь сложа руки въ этомъ Амборхѣ проклятомъ, такъ, кажись, въ тюрьмѣ бы лучше...

— Голову объ стѣну отъ тоски разбить можно—вотъ оно каково!...

Какъ разъ въ этомъ патетическомъ мѣстѣ сокрушеній, дверь отворилась и одинъ изъ слугъ доложилъ „его милости“ Лукьяну Ивановичу, что къ нему пришелъ русскій полоняникъ и слезно молить „его свѣтлыхъ очей видѣть“.

— Полоняникъ? Русскій? спохватился Лукьянъ Ивановичъ.—Да откуда онъ здѣсь взялся?

— Говорить, что ужъ девятый годъ пошелъ его полону, какъ его татары на Руси полонили... А самъ такъ и разливается—плачетъ...

— Татары полонили? Видно въ Турскую землю его и продали?.. И онъ—оттуда... Зови его сюда скорѣе!

И Лукьянъ Ивановичъ, простой и добродушный русакъ, разомъ встрепенулся и ожилъ, въ виду возможности помочь чужому горю. Оживились и всѣ его спутники, ожидая увидѣть поваго человѣка, услышать изъ устъ его разсказъ о его похожденияхъ... Забыть было и ропотъ, и жалобныя пѣни,—и тоску сразу какъ рукой сняло.

Нѣсколько минутъ спустя, въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, высокій и статный, сухаго, но чрезвычайно крѣпкаго сложенія. Густые темнорусые волосы длинными, мягкими прядями спадали съ головы его почти на самыя плеча. Лицо, почернѣвшее отъ загара и пыли, во время долгаго и тяжелаго пути, носило на себѣ слѣды страннаго извуренія. Пыльные и грязныя лохмотья—жалкіе остатки какой-то безымянной, не то нѣмецкой, не то турецкой одежды—прикрывали могучее тѣло бездомнаго скитальца, а на босыя ноги его, распухшія и растрескавшіяся, страшно было и взглянуть непривычному человѣку. Но въ голубыхъ, умныхъ и добрыхъ глазахъ

пришельца яркимъ, неугасимымъ пламенемъ горѣла несокрушимая твердость духа и сила воли.

Какъ онъ вошелъ въ комнату, такъ и бухнулъ въ землю передъ Лукьяномъ Ивановичемъ, то кланяясь ему въ ноги, то обхватывая его колѣна.

— Господинъ посоль! шепталъ онъ едва слышно.— Спаси!.. Заставь за себя Богу молиться... Не дай, какъ псу, помереть безъ покаянія на чужбинѣ... Три дня и три ночи и шелъ пѣшкомъ, не присаживаясь, глазъ не смыкалъ, чтобы тебя здѣсь застать!.. Зналъ, что ты меня не погубишь, не покинешь...

— Да что ты? Что ты—полно! Вставай, объявляй свою нужду!—утѣшалъ его Лукьянъ Ивановичъ, котораго тѣмъ временемъ обступили его спутники.— Вставай—разскажи все толкомъ: откуда ты теперь идешь, и какъ въ полонъ попалъ?

— Не встану, господинъ посоль! Спаси, дай способъ опять на Русь святую попасть... А то ужъ не видѣть мнѣ солнца краснаго...

— Да полно! полно! Возьмемъ тебя—не покинемъ здѣсь!—говорили одновременно всѣ спутники Мяснова.

— Не покинете! возьмете!.. воскликнулъ полоняникъ, всѣмъ кланяясь въ ноги.— Господи! Девять лѣтъ я только тѣмъ и живу, что въ Бога вѣрю и въ Его святую волю! Вѣрю, что не забудь Онь меня, что выведетъ изъ бусурманщины на Русь православную... что не дастъ мнѣ погибнуть...

И онъ не могъ продолжать: рыданья душили его.. Онъ закрылъ лицо руками и плакалъ какъ ребенокъ. Наконецъ, кое-какъ, общими силами, несчастнаго успокоили, ободрили, приласкали; разыскали ему и бѣлье, и одежду. Каждый ташилъ ему свое: кто шапку, кто рубаху, кто кафтанишко. Даже скупой Теодоръ Постниковъ выискалъ ему въ своей коробѣ презирдный терликъ. Только обуви для полоняника никакой подыскать не могли: его ноги были такъ раздуты и изранены, что никакіе сапоги на нихъ бы не влѣзли... Но такъ какъ этотъ Божій гость возбудилъ къ себѣ во всѣхъ общее состраданіе и участіе, то и ногами его занялись пруссердно, и о нихъ позаботились. Царскій цѣловальникъ¹⁾, степенный московскій купецъ, и царскій собольщикъ—вмѣстѣ обмывали ноги полоняника, смазывали его раны какимъ-то травянымъ снадобьемъ и бережно ихъ перевязывали.

И вотъ, часа два спустя послѣ прихода на посольскій дворъ, полоняникъ, обмытый, расчесанный, подстриженный и приодѣтый въ чистое платье, сытый, довольный и счастливый, сидѣлъ на коврѣ въ приемной комнатѣ Лукьяна Ивановича, окруженный всѣми его спутниками и служебнѣ... Онъ былъ счастливъ уже тѣмъ, что видѣлъ кругомъ себя родныя лица, слышалъ родную рѣчь, опущалъ на себѣ добрыя, ласковые взгляды, которые смотрѣли на него съ участіемъ и вниманіемъ, ожидалъ услышать изъ устъ его дивную повѣсть его походовъ и странствованій. Здѣсь, даже и на чужбинѣ, онъ уже предвкушалъ то счастье, которое даетъ каждому изъ насъ только родина! И вотъ, оживленный, проникнутый сознаніемъ своего счастья, онъ уже могъ спокойно оглянуться на свое страшное прошлое и спокойно началъ свой разсказъ.

II.

„Родомъ я изъ-подъ Курска такъ началъ онъ,—и зовутъ меня по крещенью Григорьемъ, а по отцу-то Харламовымъ. Слобода наша тянется на три версты по Муравскому шляху²⁾—разсыпаны бѣлыя хатники по косогорамъ да по яругамъ, а между тѣхъ косогоровъ, по мягкому, зеленому лугу, что жемчугъ скатный по бархату, вьется ручей серебристою лентой, и къ ручью, словно змѣйки, сбѣгаютъ яругами, и бѣнась и журча, ключи-студенци. Вѣрите-ли—въ вѣкъ не пивалъ ни слаще, ни чище той воды, что въ этихъ ключахъ... Бывало наклонься къ ней въ жаркій день, да губами прильнешь къ струѣ—и тинешь, и тинешь, и даже отстать не охота! Тинешь и слушаешь, какъ студенечъ-то журчитъ и кипитъ, изъ-подъ земли вырывается. А какъ напьешься до-сыта, да встанешь потомъ на рѣзвыя ноги—кажется: силы-то, силы въ тебѣ что прибавилось!

Вся слобода наша силошь—народъ служилый, строевой. Въ двухъ верстахъ поужье отъ насъ, пролегаютъ валы да засѣки, на которыхъ мы несемъ службу—сторожимъ святую Русь отъ налета лютяго врага, Крымца-татарина. И отъ тѣхъ засѣкъ и валовъ, верстахъ тридцать еще, а то на полсотни, рынутъ по стени наши разѣзды, и чуть что увидятъ недоброе, скачутъ къ вышкамъ—мигомъ зажгутъ на тѣхъ вышкахъ солому да хворостъ—и всѣхъ тревогой поднимаютъ на ноги. Такъ и живемъ: нашемъ—а сабли на поясъ; косямъ—а мушкеты у насъ зарижены, составлены въ козлы, кони осѣдланы, привязаны къ копыямъ; послѣ работы, спать полегли—а сторожъ ѣздитъ дозоромъ, стень глазами окидываетъ... Тревожно живемъ; а при-

¹⁾ Цѣловальникъ—т. е. присяжный купецъ, который при посольствѣ посматривалъ съ царской казны.—Собольщикъ—оцѣнщикъ, который опредѣлялъ цѣну соболей, отправляемыхъ за границу съ посольствомъ.

²⁾ Шляхъ—дорога проѣзжая. Муравскій шляхъ—дорога, пролегающая изъ южныхъ степей и Крыма на Сѣверъ Руси.

Цветы на пирь. Рис. Гаццовъ, грав. Кирязе.

Бой турухтановъ. Рис. и грав. Шпехтъ.

вольно, богато и весело: ни съ кѣмъ-то свое то житье не смѣняемъ...

Отцы наши при Борисѣ-царѣ это мѣсто избрали, облюбовали и поселились на немъ, а мы ужъ и церковку надъ ихъ могилками построили презрительную, и благолюбиво украсили ее иконами, ризами, всякою утварью; книги священныя самъ патриархъ Филаретъ въ даръ намъ прислалъ...

Былъ и я у себя въ слободѣ не послѣдній—крѣпокъ, силенъ, почти выросъ на конѣ; саблей, коньемъ-ли, мушкетомъ-ли—всѣмъ могъ управиться. Въ стѣну сталь съ разбѣдами ѣздить, какъ еще на усахъ-то и пуху не было... Чуть гдѣ поопаснѣе, гдѣ удалъ да сметка нужна—вѣ: „Гриша“ да „Гриша“... Вотъ я и зачавлялся: думалъ, нѣтъ мнѣ и равнаго! Первый въ починку засаду иду; одинъ-на-одинъ выхожу на татарина... Много ихъ загубилъ!.. Двоихъ однажды привелъ на арканѣ въ самую слободу!.. Да гдѣ ужъ—всего не припомнимъ!

Какъ вошелъ я въ лѣта, говорить мнѣ какъ-то покойникъ-отецъ:

— Пора-бы жениться тебѣ, молодецъ! Полно гулять да полевать. Угмонись, да заведись домкомъ... Вонъ, чего тебѣ лучше?—сосѣдка, вдова молодой, Авониха? Кровь съ молокомъ, работница-баба—да есть и достатокъ. Пойдетъ за тебя...

— Знаю я, что пойдешь! И такъ глазъ не сводить съ меня. Да она мнѣ не по-сердцу. Есть на примѣтѣ другая...

— Ужъ не попова-ли племянница? Той не бывать за тобой!.. Не гонись! Тѣ—богатаго ищуть...

— Богатаго? я говорю.—Что-жь? Будемъ богаты — а Марья отъ насъ не уйдетъ... Марья насъ подождетъ.

— Что-жь ты? Кладъ, что-ли, намѣтилъ въ стѣни, въ заклѣтомъ курганѣ, подъ каменной бабой, али душу задумалъ чорту продать? Я, вѣкъ трудившись, не нажилъ богатства; а ты такъ сразу голой рукою жаръ хочешь загрестъ?

— Нѣтъ! Клада-то я не намѣтилъ, и душу чорту не продалъ, а слышалъ, что нынче весною собираются съ Дону добрые мѣлодцы въ Крымъ, за тулунами¹⁾, такъ вотъ и я хочу съ ними удалъ попробовать, плечо поразмять...

— Грабить собираешься?.. Кровь проливать?.. Грабежный прибытокъ—не въ прокъ... Смотри, берегись!

— Кровь бусурманскую лить не грѣшно! Они вонъ, собаки, пьютъ нашу кровь, грабятъ добро наше!.. Ну, и мы на ихъ счетъ поживимся!

— Ну, Григорій! Дѣлай, какъ знаешь... Только такъ ты и помни: нѣтъ тебѣ на то моего благословенія!

Я со старикомъ не спорилъ... А мѣсяць спустя, онъ вдругъ захворалъ, покривилъ, постоялъ сутки двои на лавкѣ—да Богу душу и отдалъ... И-и! загрузилъ, востосковался я безъ моего старика—свѣта не взвидѣлъ. Тутъ пришла весна-красная, я съ Марьей простился, сказалъ ей: „жди меня!“—да на Донъ и махнулъ.

А ужъ Донъ-то весь какъ варомъ варилъ: собирались ватаги удалыхъ, строили челны, запасъ конили, сабли точили, парусы правили, въ круги собирались, сговаривались... И чуть только Донъ и Донецъ вскрылись и вадудились отъ вешнихъ свѣтовъ, спустились и мы въ бусы²⁾, и слѣдомъ за льдомъ съ пѣнами двинулись къ морю. Поплыло насъ тысячъ до трехъ—молодецъ къ молодцу на подборъ! Каждый могъ за троихъ постоять! Приплыли къ Святымъ Бѣлымъ горамъ, къ Успенской обители—вкладъ богатый инокамъ дали, пѣли молебны, освятили оружіе, окропили Святою водою суда, со слезами простились съ красотою тѣхъ мѣстъ несказанной, и поплыли дальше. Темною, бурною ночью проплыли мы, тайкомъ, подъ самымъ Азовомъ—выбрались гирлами въ море, на широкой вольный просторъ, расправили парусъ—и бусы наши, словно лебеди бѣлыя, полетѣли по синему морю.

И привалило-жь намъ счастье, на первыхъ порахъ! Два корабля турецкихъ враслохъ захватили, сожгли, потопили; шесть фелукъ съ товаромъ, съ запасомъ—пограбили; восемь мѣстечекъ прибрежныхъ съ землей сравнили, не оставили въ нихъ бусурманъ и на-сѣмена, и поплыли къ самой узмени, что у выхода въ Черное море.

Вдругъ видимъ: съ моря идуть намъ навстрѣчу восемь большихъ кораблей, да всѣ съ тяжелымъ нарядомъ! Мы отъ нихъ на-утѣкъ, а они за нами въ погоню, и давай по насъ бить изо всѣхъ пушекъ... Такъ и топятъ бусы—въ щепы разбиваются; накрылось все море Донцами: кто еще плыветъ, кто на помощь зоветъ, кто ко дуи идетъ. Рванулись мы къ берегу, встали суда, залегли за нихъ, ждемъ, что турки съ судовъ сойдутъ на берегъ—въ честной бой съ нами вступить... Не тутъ-то было! Врагъ-то у насъ за спиной оказался! Слышимъ—несется на насъ татарва некрещеная, сила несмѣтная... Сбили мы въ кучу, кое-какъ окопались—да сукотъ четверо бились на смерть, пока зелья хватало и гороху свинцоваго. А какъ вышелъ запасъ—мы другъ-другу въ грѣхахъ исповѣдались, братски простились и всѣ повѣлялись умереть а не сдаваться врагамъ. Слово сдержали. Грудью встрѣтили мы натискъ; рѣзались съ самаго ранняго утра далеко до полночи—издыхали отъ жажды...

1) „Ходить за зигунами“—„ходить за тулунами“—такъ называли Донцы свои наборы на Крымъ и на казимыкъ.

2) Бусы—большія рѣчные суда. Ходили и по морю.

Рѣзались въ лужахъ крови своей и татарской; какъ змѣи слетались съ врагомъ, разрывал, терзал его зубами, какъ дикіе звѣри... И сила татарская насъ раздавила! Всѣ мы полегли до единого—всѣхъ сосватала сабля вострая, уложила спать каленъ стрѣла. Не сдался и я живой бусурманамъ въ руки: оглушилъ меня какой-то батыръ обухомъ по темени, а другой полоснулъ булатомъ поперекъ лица (рубецъ и теперь еще виденъ), и рухнулъ я какъ снапъ на землю—и свѣтъ вонъ изъ глазъ...

Сколько я такъ пролежалъ—самъ не знаю! Только и помню, что очнулся отъ холода... Головы приподнять не могу, ни рукою шевельнуть, ни очи открыть... Такъ и лежу—и трясусь, и вдругъ слышу, какъ воронъ стеной закружилъ надо мною и спустился прямо мнѣ на голову... Думаю:

„Господи, Боже! заживо очи мнѣ выключетъ птица проклятая!“

И вотъ я съ силой собрался, рванулся, тряхнулъ головою—и слышу воронъ слетѣлъ и закаркалъ. Я очи кое-какъ открылъ и вижу: лежу я, нагой, окровавленный, въ грудѣ другихъ тоже окровавленныхъ труповъ... Тучами носятся вѣроны черные надъ грудями тѣлъ, и клюютъ ихъ, терзаютъ, сибшатъ свѣжинкой поживиться... И тогъ, что слетѣлъ съ моей головы, отлетѣлъ недалеко: чистить свой кровавый клювъ и смотреть мнѣ въ очи, и ждать, терпѣливо ждать добычи. И дождался бы, если-бы Богъ не послалъ мнѣ на насѣнне добрую душу... Видно, есть и межъ ними, собаками, добрыя души! Бабы-татарки пришли поглазѣть на поле битвы;—бродить межъ трупами, смотреть, ахаютъ, головами качаютъ... Я ихъ увидѣлъ—маню ихъ къ себѣ, какъ имъ на уста, чтобы мнѣ ихъ смочили хоть каплей воды... Онѣ было бросились прочь, вразсыпную; по одна, видно одумалась, вернулась ко мнѣ, принесла мнѣ воды, напоила меня, лицо мнѣ обмыла, прикрыла меня чей-то кровавою свиткой и ушла, приложивши палецъ къ устамъ. Подъ вечеръ пришла она снова ко мнѣ со своимъ старикомъ (мужъ-ли, отецъ-ли онъ ей—и доселъ не знаю!), взяли меня, положили на какой-то коверъ и снесли въ свою хату. Тамъ, въ клувѣ, меня на соломѣ они продержали безъ малаго мѣсяца: ходили за мною, поили, кормили, лѣчили, раны мои перевязывали—Богъ ихъ спаси за добрую душу!

Только я сталъ оправляться, только на ноги всталъ, къ старику съ молодичей татаркой явились какіе-то двое—начальники, что-ли?—и давай ихъ ругать, давай ихъ стыдить... Руками то машутъ, кричатъ, кулаками грозятъ мнѣ! Взяли меня отъ хозяевъ, свезли за деревню—въ цѣпи заковали и къ морю погнали съ полсотней другихъ полоняниковъ: русскихъ, поляковъ, литвы и евреевъ. Тамъ ужъ ждало насъ судно; насъ на него погрузили, какъ скотъ, приковали къ полу, къ стѣнамъ, въ темной, душной кокурѣ... Судно снялось съ якоря и помчалось насъ вдаль, по шумящимъ, синимъ волнамъ, къ Царьграду.

III.

Съ недѣлю носило и било насъ на морѣ. Чего натерпѣлись мы тамъ, чего насмотрѣлись—и сказать, такъ вы мнѣ не повѣрите! Шестеро нытки не выдержали—Богъ ихъ принялъ... Покоются косточки ихъ въ пучинѣ морской. Наконецъ, сталь корабль. Отворили и нашу темную, смрадную келью... Сковали цѣпями попарно, наверхъ повели. Отъ яркаго свѣта, отъ чуднаго воздуха—я просто одурѣлъ; голова пошла кругомъ, словно съ похмѣльемъ; иду и качаюсь, какъ пьяный. А какъ къ свѣту привыкъ и воздухомъ-то надыхался—взглянулъ я кругомъ—ужъ и глазъ оторвать не могъ отъ той неописанной красоты! Много я выдалъ городовъ на вѣву на своемъ: видѣлъ Москву белокаменную, видѣлъ Ливурну, Флоренскъ, Веницею, владычицу морскую, видѣлъ и Вѣйну, и Дрезно, и Любекъ, и Амборхъ... Да что они всѣ предъ Царьградомъ!

Море—какъ зеркало тамъ: такъ и замерло въ берегахъ; на морѣ лѣсомъ дремучимъ стоятъ корабли, имъ и конца не видно! Тысячи лодокъ и челновъ сплываютъ между ними и вездѣ и впередъ. А поверхъ того лѣса деревъ корабельныхъ высятся зубчатая бѣлыя стѣны, съ башнями, дворцы, терема, и столпы островерхіе, и все это тонетъ въ зеленыхъ садахъ, да въ рощахъ купресовыхъ... Стою да люблюсь. А тутъ мой товарищъ мнѣ шепчетъ:

— Гляди-ко! Вонъ тамъ-то, на взгорыи, всѣхъ выше, храмъ-то громадный, съ круглымъ куполомъ—вѣдь это святая Софія!

— Гдѣ? Гдѣ? Покажи, Христа ради?

— Вонъ! Или не видишь? Они осквернили его, въ мечеть обратили, проклятые...

— Ну! Чего зазѣвались, собаки! рванулся на насъ тотъ торговель, что вывезъ насъ изъ Крыма въ Царьградъ, дернулъ за цѣпь-то, да плетью обоихъ насъ и погналъ.

Согнали насъ на берегъ; въ какомъ-то дворѣ, за стѣнами, держали съ недѣлю, кормили, поили до-сыта, потомъ пообмыли, почистили, волосы всѣмъ намъ обрили, тѣло натерли масломъ пахучимъ и вывели какъ-то на рынокъ. Господи Боже! Вѣкъ не забыть мнѣ того, что тамъ я увидѣлъ... Тысячи дѣвъ насъ пригнали туда—и кого только тутъ не было! Люди всякихъ цвѣтовъ, всякаго возраста, всякаго пола! Мужчины, женщины, дѣти... И народъ-то все молодой, на подборъ, крѣпкій, здоровый, красивый. Мужчины въ цѣпяхъ и ручныхъ и ножныхъ; иные въ ошейникахъ, словно псы на сворахъ, иные въ колодежахъ съ замками. Посажены всѣ кучами, и надъ каждою кучею турокъ съ длиннымъ бичемъ, либо черной, дюжіи арапъ,

съ шестихвостною плеткой. Черные дьяволы, съ тѣми жъ плетками, и бабъ стерегутъ съ ребятишками — а выводить ихъ напоказъ старушенки, дряхлыи, горбленныи, на видъ точно вѣдьмы съ Лысой горы. И сколько тамъ видѣлъ я красавицъ, сколько слезъ! Сколько стоновъ тамъ слышалъ, когда ихъ продавали, сестру отъ сестры разлучали, или мать отъ ребенка.. Ну, да то-ли я видѣлъ потомъ!

Торгъ начался. Нахлынули турки, курды, персы, армяне, жида. Всякій по себѣ товаръ выбираетъ: — смотреть, велить повернуться, присѣсть, въ зубы заглянуть, въ грудь кулакомъ постучить, руку согнуть, опустить. Стоишь передъ нимъ, какъ болванъ деревянный... Достался я турку богатому, въ бѣлой чалмѣ — бородина сѣдая по поясъ; нестрымъ платкомъ оноясанъ сверхъ широкихъ штановъ, а за той онояской натыканъ всякій запасъ: пистоли, кинжалы, два ятагана. Облюбовалъ онъ меня, смѣрляя ростъ, плеча; ошупалъ грудь, руки покомкалъ — и головой закачалъ, и языкомъ зацелкалъ. Что хозяинъ спросилъ, то онъ сейчасъ и отсыпалъ, безъ торгу; а хозяинъ ему плетъ въ руки даетъ, говоритъ:

— Ударь! Покажи свою власть падъ урусомъ.

Турокъ взглянулъ на него, плетъ отбросилъ, вынулъ свой ятаганъ изъ ноженъ, да какъ взмахнетъ имъ надъ самой моею головой — такъ всѣ и ахнули! А я, руки сложилъ — да и смотрю ему въ очи: „будь, молъ, что будетъ!“

Турокъ зубы оскалилъ, вложилъ ятаганъ обратно въ ножны, потренилъ меня по плечу и сказалъ по-татарски торговцу-хозяину:

— Зачѣмъ мнѣ надъ нимъ плетъ, когда я и такъ въ его животѣ и въ смерти воленъ?

И повелъ меня за собою.

Какъ привелъ къ себѣ въ домъ, такъ велѣлъ снять съ меня оковы, и слуга изъ татаръ показалъ мнѣ, что долженъ я дѣлать, и какъ угождать господину. Вымыли меня въ банѣ, чисто одѣли, дали мнѣ заступъ въ руки и указали въ саду работу. Работа пустая, а слугъ было много. Жилось хорошо и никто не тѣснилъ, не неволилъ. Кормили до-сыта; а вечеромъ, въ томъ же саду, гдѣ работалъ, бывало, стану и на колѣни, лицомъ обернусь на св. Софію, и долго молюсь, и поклоню кладу, и плачу вспоминая о Святой Руси. Думаю, хоть они тотъ святой храмъ и освѣрили, и крестъ съ него спали, а свѣтъ въ немъ все же святыню осталась...

Такъ жилъ я долго у турка; пожалуй, съ полгода или больше того — и всѣмъ былъ доволенъ, и онъ былъ мною доволенъ же. Сталь я новинать по-турецки — и слышу, онъ, что ни день, по саду ходить, и хвалитъ работу мою, и ея любитесь, и ко мнѣ подойдетъ, по плечу потренируетъ, и скажетъ, какъ бы въ шутку:

— Хотъ и несъ (глуръ), и урусъ (русскій) — а хорошій, сильнѣй работникъ!

И всѣмъ бы житье у него ничего, и привыкъ бы я, пожалуй, къ своей неволѣ, да Богъ мнѣ послалъ испытанье...

Въ томъ саду, гдѣ я работалъ, гуляли и жены хозяйина-турка. Фатами закрыты до глазъ, закутаны легкою дымкой кисейной — выйдутъ вдаль на крылечко, присядутъ, поджавши ноги, и пьютъ свое черное поило — а дѣвчюшки (тоже невольницы) по цымбаламъ бьютъ, въ мусику играютъ, бубномъ вертятъ и пляшутъ. Я на нихъ и глазкомъ не взгляну: работаю, роюсь въ грядкахъ, цвѣты поливаю, деревья подрѣзываю... Крупными каплями потъ со лба такъ и катится; ну, встряхнешься, лобъ утрешь рукавомъ да опять за работу. Вотъ и вижу я, что старшая надъ женами (ее звали Фатма-Ханымъ) стала меня подзывать, мнѣ приказъ давать, ко мнѣ подходить... Станетъ, и смотреть, какъ я работаю — и долго стоитъ. Тамъ, смотрю ужъ, мнѣ какъ-то сластей съ чернымъ слугою прислала; а тотъ мнѣ сласти принесъ на подносѣ, и шепчетъ по-своему:

— Такъ молъ и такъ! Поздравляю! Ты къ госпожѣ нашей въ милость попалъ! Будешь большимъ человекомъ — и меня не забудь!

Я на него посмотрѣлъ изподлобья, да ему наотрѣвъ и сказалъ:

— Отнеси эти сласти твоей госпожѣ... Скажи ей, что я даль обѣтъ: ни плодовъ, ни сластей не вкушать, пока я въ неволѣ.

День-другой минулъ, сласть я въ саду, подъ навѣсомъ, послѣ полудня — умаялся! — вдругъ кто-то легонько меня за плечо. Я очи открылъ: вижу Ханымъ у меня подъ навѣсомъ. Я со страхомъ вскопчилъ, поклонился ей, сказалъ:

— Чтѣ угодно моей госпожѣ? Приказывай!

— А все-ли исполнишь, чтѣ я прикажу?

Я поклонился ей и молча руками развелъ.

— Ну, говори же? Все-ли исполнишь? сказала она и тошнула пожкой.

— Нѣтъ! не все... Противъ Бога и совѣсти не пойду.

Она оглянулась, повыше локтя ухватила меня за рукавъ (а руки-то стройныя, пухлыя, бѣлыя что сахаръ, и ногти у нея желтою вохрой покрашены), да и шепчетъ:

— Ты мнѣ по-сердцу пришелся... Повравился... вичего для тебя не пожалѣю... Хочешь? Вотъ тебѣ — ва! Возьми...

Перстень сняла съ руки, мнѣ за пазуху суетъ, и все держитъ меня за рукавъ — а сама дрожитъ вся, такъ что сережки брекочутъ въ ухахъ.

Я отъ нея отшатнулся... Перстень упалъ на песокъ и оказался къ грядкамъ. А я безъ оглядки — изъ сада бѣжать! Да сказалъ больнымъ, да два дня лежалъ, притаившись, у себя въ коморкѣ. Думаю: какъ мнѣ тутъ быть? Какъ бѣды избѣжать? а вижу — бѣда-то неминуемая!

Сталь я опять работать въ саду — и ухо ужъ востро держу. Чуть заввижу Ханымъ, сейчасъ заступъ взмахнулъ на плечо, да сторонкой, сторонкой, изъ сада вонъ. Вдругъ, слышу приказъ — ливиться къ хозяину. Я тотчасъ явился. Хозяинъ, поги подкорчивъ, сидитъ на мягкой подушкѣ, сосетъ трубку съ своимъ проклятымъ табачищемъ, и мнѣ такъ говоритъ:

— Я тобою доволенъ. Вижу, ты вѣрный слуга. Жди отъ меня всякой милости... Отнынѣ, будь ты мой старшій садовникъ, и дамъ тебѣ изъ невольниковъ, кого захочешь, въ подмогу; пусть они за тебя днемъ работаютъ, а ночью ты стереги садъ и спи на крылечкѣ у гарема. Видишь, какъ я тебѣ вѣрю! Будь же и ты мнѣ вѣренъ, урусъ, и всего жди хорошаго!

Замерло мое сердце... Чуетъ, что это все штуки Фатмы-Ханымъ! Дѣлать нечего, сталъ я сторожить по ночамъ въ саду. Дала мнѣ шитую куртку, япанчу съ кистями, поясъ и два ятагана. Лежу на ступенькѣ въ растяжку, или сижу и мурлыкаю пѣсенку и дивлюсь на царьградскія звѣзды.

Вдругъ слышу шорохъ: крадется кто-то ко мнѣ по крылечку, и коснулся меня... Вижу: она подошла ко мнѣ, оперлась на плечо и шепчетъ мнѣ на ухо:

— Видишь теперь, какова моя власть надъ моимъ господиномъ? Чтѣ прикажу ему, то онъ и слѣдуетъ. Это я ему приказала, чтобы ты здѣсь сторожилъ... Мнѣ это такъ нужно.

Я молчу; сижу, какъ будто не слышу. А она все мнѣ шепчетъ:

— Захочу — подниму тебя и въ управители. Въ золотѣ будешь ходить... Посмотри на меня, чего ты боишься? — Вѣдь я хороша... не хуже твоихъ урусенокъ?

Я взглянулъ на нее — и вижу стоитъ она предо мною (фату откинула) — вся въ бѣломъ, облита свѣтомъ луны: черныя косы, какъ змѣи, скользятъ по плечамъ, а черныя очи блистаютъ какъ звѣзды.

Я отвернулся — молчу, а самъ про себя читаю потихоньку молитву: „не введи меня во искушеніе... Избави отъ лукаваго...“

А она, рядомъ присѣла ко мнѣ на ступеньку, шею мнѣ обвила рукой, и жметъ ко мнѣ, и ластится — ну, словно кошка лукавая...

Я отъ нея вырвался, налъ передъ ней на колѣни, ударилъ челомъ ей въ сырую землю, говорю:

— Пощади ты меня, госпожа, коли точно ужъ я тебѣ милъ! Не вводи меня во грѣхъ — не подводь подъ гнѣвъ господина.

А она-то хохочетъ, чертовка, — оскалила зубы, какъ жемчугъ...

— Чего ты боишься, глупый урусъ! Только сдѣлай по моему — только мнѣ угоди, и забудь Мустафу...

— Не могу я забыть! Онъ зла мнѣ не сдѣлалъ... Какъ-же могу я его обмануть?

На другую ночь — то же, на третью — не вытерпѣлъ я: разгорѣлся сердцемъ... Думаю: все равно пропадать, а ей не поддамся!..

Пришла она; стала на шею мнѣ вѣшаться, стала меня обнимать, цѣловать... Я зубы стиснулъ, терплю эту муку, а злоба на сердцѣ такая кипитъ, что бѣда! И вотъ говорю ей:

— Послушай, отстань, окаянная! Не добьешься ты отъ меня ничего. Лучше — добромъ отойди!

А чертовка опять за свой противный, бѣсовскій хохотъ. Тутъ я, не помня себя, схватилъ ее за плеча, поднялъ какъ перышко и отшвырнулъ отъ себя, какъ котенка... Слышу, упала въ кусты, и тихохонько стонетъ... Думаю: „нѣтъ! Не надуешь! Не сманишь меня!“ Сижу — и пи съ мѣста... Вижу, сама кое-какъ поднялась, еле-еле ко мнѣ добрела и шепнула мнѣ:

— Отъ тебя мнѣ и толчки, и побори пріятны... Бей меня — мнѣ будетъ сладко! Убей меня — я все не перемѣнюсь!..

Съ тѣмъ и ушла. И долго потомъ не бывала. Говорили: больна, ушиблась, въ постели лежитъ... Такъ, съ недѣлю я прожилъ покойно; а тутъ опять она вышла, сошла ко мнѣ на крыльцо и говоритъ:

— Слушай, урусъ, каменное сердце! я пришла къ тебѣ нынче въ послѣдній разъ и вотъ чтѣ спрошу у тебя: чтѣ тебѣ лучше — свобода или тюрьма? Хочешь-ли ты быть богатымъ и жить на волѣ — или хочешь сгнить на катаргѣ турецкой?

Я молчу, смотрю на нее. Вижу только, что очи у нея такъ и пылаютъ, искрятся словно во тѣмѣ...

— Такъ вотъ тебѣ мое послѣднее слово: или сейчасъ ты мнѣ покоришься, или сгниешь на катаргѣ. Ну, что-же ты молчишь? Говори! Выбирай!

— Госпожа! Воли твоей не могу исполнить — и вѣрю, что Богъ не попуститъ моей напрасной гибели...

— А! такъ? Завтра увидишь — кто больше можетъ: Фатме-Ханымъ, или Богъ твой гуарскій!

И скрылась... Сотворилъ я молитву, земной поклонъ положилъ на св. Софію, и ночь просидѣлъ на крыльцѣ. Меня ужъ никто не тревожилъ до самаго утра.

IV.

На завтра, едва я успѣлъ рабочимъ въ саду указать ихъ урокъ и пришелъ въ коморку свою отдохнуть, слышу — поднялся за домъ содомъ. Всѣ шумятъ, всѣ кричатъ, всѣ бѣгутъ... Я

думаль—пожаръ? Вскочили. Вижу, слуги идутъ толпой, прямо ко мнѣ, и кричатъ:

— Вотъ онъ, воръ! Вотъ онъ, злодѣй! Вотъ онъ, обманщикъ-гауръ! Вотъ онъ, проклятый урусъ!

— Чтò такое? я говорю.—Зачѣмъ вы меня браните?

— Какъ тебя не бранить? Казнить тебя мало! Нашъ господинъ Мустафа, какъ тебя отличилъ—какъ довѣрился! А ты—обокралъ его!

— Да что-жъ я украсть у него? Скажите мнѣ.

— А вонъ! Вонъ! Ведите его къ господину... Онъ покажетъ тебѣ!

Привели меня въ садъ. Вижу, стоитъ Мустафа, а рядомъ какал-то цыганка, старая вѣдьма. Онъ мнѣ сказалъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ ты по ночамъ сталъ гаремъ сторожить, у женъ моихъ стали то серьги, то перстни, то обручи, то жемчуги пропадать. Фатъма приказала позвать колдунью—и та на тебя указала... Чтò скажешь?

— Я никогда ничего не красть.

Мустафа обратился къ колдуньѣ:

— А ты навѣрно знаешь, что онъ моихъ жевъ обокралъ?

— Знаю навѣрно, что онъ.

— И угажешь, гдѣ онъ вещи зарылъ?

— Да, погадаю—тогда укажу.

— Ну, что-же ты скажешь, подлый гауръ?

— Все то-же скажу, господинъ. Я ничего не украсть!..

Мустафа кивнулъ головою цыганкѣ; та порылась въ какомъ-то мѣстѣ, вынула четыре стрѣлы, на нихъ пашептала, потомъ приказала себѣ глаза завязать и стала кружить по всему огороду, по всему саду. Покружить, побѣгаетъ, да стрѣлу потомъ и воткнетъ. И воткнувши всѣ четыре стрѣлы, повязку задернула съ глазъ.

— Вотъ, говоритъ, — господинъ Мустафа!

Прикажи-ка порыть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ волшебныя стрѣлки увидишь.

Онъ приказалъ—и точно: подъ каждой стрѣлою нашли—гдѣ обручъ, гдѣ жемчугъ, гдѣ перстень!..

Вскричалъ Мустафа. Подскочилъ ко мнѣ, словно звѣрь, и кричитъ:

— Собака! Обманщикъ! Ты смерти достоинъ! Сознайся сейчасъ—не то ятаганъ мой!..

— Знаю я, что воленъ ты въ моемъ животѣ и въ смерти—и дѣлай со мною, чтò хочешь! А я, еще разъ, тебѣ говорю:—я ничего не украсть, клянусь именемъ Божьимъ!

Махнулъ онъ рукою слугамъ. Отвели меня въ судъ—допросили. Я все то-же твердилъ... Пытали—и на томъ-же стоялъ. Продержали съ мѣсяцъ въ тюрьмѣ—потомъ порѣшили: дать сто плетей на базарѣ и сослать на катаргу.

А знаете-ли вы, други, чтò такое у Турскихъ людей катаргой зовется? Ахъ кромѣшный—и тотъ не такъ страшенъ!.. Катарга—большушій корабль—въ два жилья; а надъ верхнимъ, въ носу и въ кормѣ—чердаки. Въ нижнемъ и въ среднемъ жильѣ темно, какъ въ гробѣ. Тамъ, съ обѣихъ сторонъ, лавки подѣланы и, противъ тѣхъ лавокъ, дыры въ боку у корабля; а въ тѣ дыры весла вставлены, съ доброю лѣтесью¹⁾ отъ возжскаго судна. Въ нижнемъ жильѣ весла короче—такъ саженъ въ пять; а въ верхнемъ длиннѣе—саженъ семь и съ залискомъ. На каждомъ веслѣ посажены пять-шесть гребцовъ, пять-шесть горемычныхъ, прикованныхъ къ лавкѣ цѣпями. Сидятъ и гребутъ, напрягая всѣ силы, грудь надрывая съ натуги. Гребутъ и поютъ—жалобно голосомъ тянутъ, и цѣпями звякаютъ въ ладъ пѣснѣ... Ни дать,

^{1) Лѣтесъ—громздное бревно, обтесанное весломъ съ одного конца. Служитъ выѣсто руля на большихъ возжскихъ судахъ.}

ни взять, какъ вотъ о грѣшникахъ сказываютъ, что сидятъ въ преисподней—и воютъ, и цѣпи грызутъ!.. А чуть только кто заѣвается, или двинуть веслицемъ не въ ладъ—такъ тотчасъ дозорщикъ подходитъ и плетью для бодрости учитъ!.. Кормъ такой, что собака не всякая станетъ тѣмъ кормомъ питаться—а иная и станетъ, да содохнетъ. Ну, и мрутъ-же люди—какъ мухи!.. Случалось, что день и другой, рядомъ съ тобою товарищъ номеръ; а ты не допросишься, чтобы его отъ весла отцѣпили, да вынесли. Такъ и гребень съ мертвенномъ за-одинъ! Такъ вотъ чтò такое катарга! И въ такомъ кромѣшномъ аду шесть лѣтъ я проплавалъ!..

И гдѣ только, гдѣ ужъ мы не перебували! въ какія мори не носили насъ буйныя вѣтры! Гребень, да поешь свои пѣсни, да слезы глотаешь, и все вспоминая о родинѣ!..

Я все крѣпился, все молилъ, чтобы Господь меня спасъ отъ отчаянья—все надѣялся! И Господь не оставилъ меня!..

Насъ всѣхъ было на катаргѣ съ пятьсотъ человекъ, а турецкихъ людей, сторожей и солдатъ, пушкарей съ корабельщиками, было немного побольше сотни. Вотъ товарищи и стали сговариваться:—какъ бы ихъ всѣхъ перебить, какъ ихъ врасплохъ захватить? Сговорились, надумали, да ко мнѣ и приходятъ:

— Такъ молъ и такъ. Ты, урусъ-батырь, всѣхъ насъ крѣпче, всѣхъ ты сильнѣе, всѣхъ здѣсь на катаргѣ давнѣе—ты насъ научи, какъ бы намъ ихъ всѣхъ загубить? Ночью-ли ихъ придурить?—днемъ-ли ихъ перерѣзать?

Я имъ напрямикъ и сказалъ:

— Вы не дѣло задумали. Я вамъ не товарищъ. Господу Богу дасть и обѣтъ не проливать ничьей крови! Захочетъ Онъ насъ изъавить—изъавитъ! А такъ-то, насильемъ, да зломъ, да кроворазлитиемъ—не сдѣлать бы хуже!

Закричали они на меня, заспорили, стали грозить!.. А я имъ опять:

— Я васъ не выдамъ, хоть жги на огнѣ!.. Но и съ вами, тоже—ни-ни! Заодно не пойду, хоть убейте!

Поворачали они, — однако стихли, смирились!.. Понурили головы. Гребутъ, да поютъ, да слезы глотаютъ.

Вотъ, какъ-то, плывемъ мы; вдругъ, слышимъ, забѣгали что-то наверху, заметались!.. Слышимъ—тревога! Трубы трубятъ, бьютъ въ бубень!.. И вдругъ, слышимъ, пушка, гдѣ-то по близости грохнула, а тамъ и другая, и третья!.. Турские люди тоже стали палить изъ большого наряда!.. Бумъ-бумъ!.. Бой загорѣлся!.. Поняли мы, что на нашу катаргу кто-то напалъ; и всѣ, сколько насъ ни было, кто какъ умѣлъ, принялись мы молиться:

„Господи, молъ, смилуйся надъ грѣшными нами! Пошли врагу одолѣнье, а намъ изъавленье!“

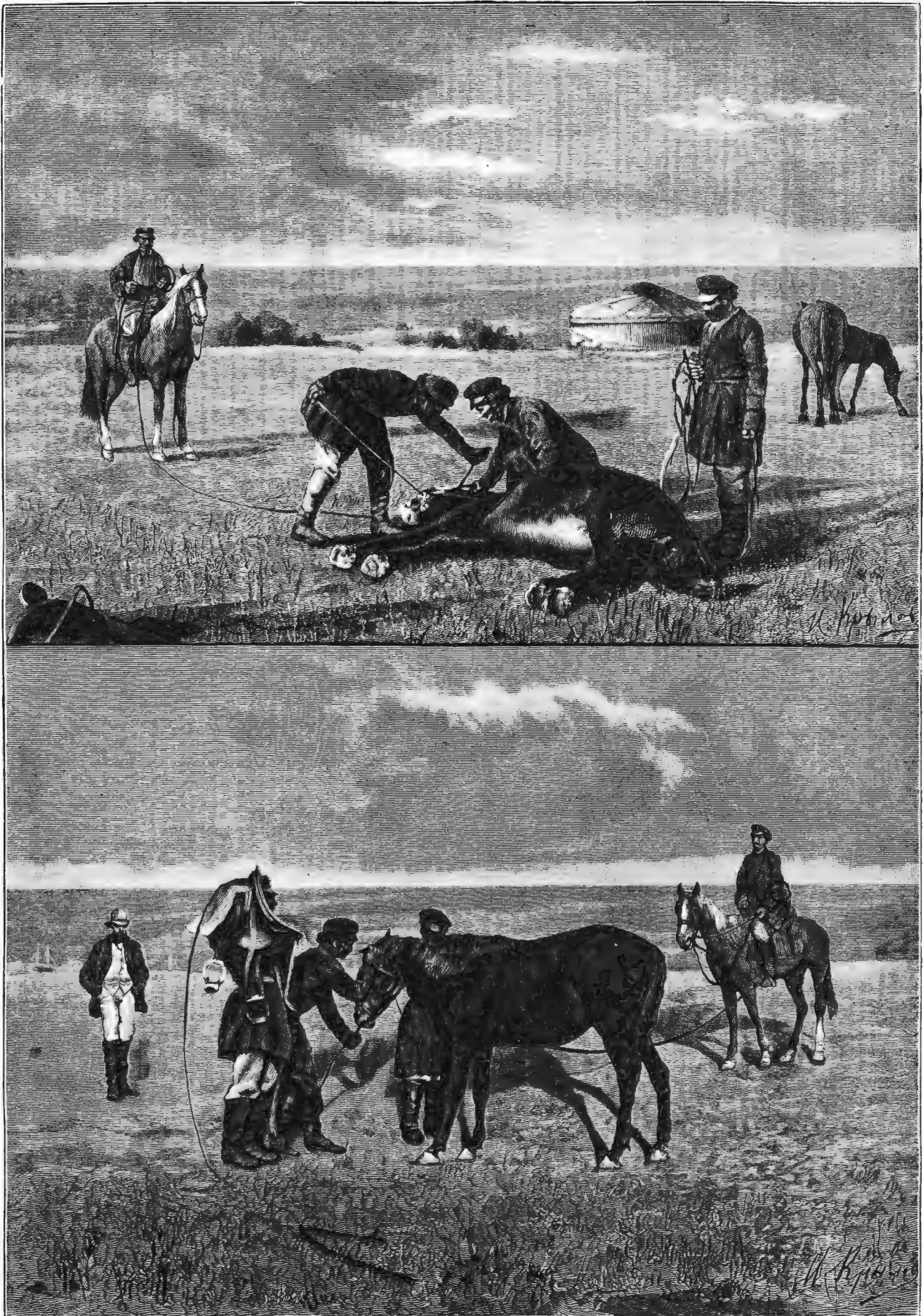
А бой-то кипитъ! Слышимъ, какъ ядра бьютъ въ чердаки, какъ крушатъ и ломаютъ снасти и дерево!.. Слышимъ и громкій голосъ канудана-баши, и стоны раненыхъ. А гулъ отъ пальбы словно громъ, и все ближе, и все ближе—ядра-то такъ и сыплются: два и къ намъ залетѣли—пятирыхъ въ лоскъ положили! Прежде всѣхъ насъ изъавилъ ихъ Господь отъ нашей тяжелой неволи!..

Вдругъ смолкли выстрѣлы,—а крики все громче, все громче! И слышимъ, на нашу катаргу вражій корабль налетѣлъ—и насѣлъ, и сѣпился. Затрещала наша катарга, бокъ у нея проломился, доски посыпались!.. Въ нашемъ жильѣ еще осьмерыхъ придавило. А вверху-то что? Адовы челюсти разверзались!.. Крикъ, визгъ, выстрѣлы, стоны, ругательства—идеть рукопашная свалка не на животь, а на смерть! Видимъ: по-

Проф. В. П. Ландцертъ. † 29 сентября 1889 года. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Первая узда и первое сѣдло. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Крылова, грав. М. Рашевскій.

сыпались турки сверху, словно горохъ въ море! Вотъ ужъ ни криковъ, ни стоновъ не стало слышно: видно всѣхъ перебили... Слышимъ, открылись двери наверхъ, и къ намъ по лѣстницѣ, въ нашу преисподнюю, сходятъ словно ангелы Божьи... Всѣ въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, въ шапкахъ съ перьями, и лица такія добрыя, веселыя! Мы имъ въ поясъ поклонъ, и они намъ поклонъ-же. Кое-какъ объяснили, что пришли насъ избавить—и давай съ насъ цѣпи срывать и въ море кидать ихъ, проклятыя, съ веслами выбѣсть. Вывели всѣхъ насъ наверхъ, осмотрѣли; раненыхъ всѣхъ перевязали, стали лѣчить. Видимъ, что около нашей катарги ихъ кораблей собралось съ полдесятка: стройные, любо взглянуть! По тѣмъ кораблямъ всѣхъ насъ развезли, умыли, одѣли въ чистое платье, стали кормить, ласкать... Потомъ подняли паруса и поплыли... А нашу катаргу зажгли, и видѣли мы, какъ она еще долго курилась вдаль.

V.

Поплыли мы на тѣхъ корабляхъ, а сами не знаемъ, куда насъ везуть. Потомъ, кое-какъ осмотрѣвшись, прислушавшись, стали мы разговаривать съ тѣми, кто насъ отъ турокъ избавил. Они говорятъ намъ:

— Мы, молъ. Тальянцы всѣкѣ. Есть тутъ корабли виницейскіе, есть изъ Ливурны города. Ходили на поискъ за туркомъ: тридцать катаргъ его потопили.

И точно—поплыли мы въ Виницею. Дивно сказать вамъ, други, а не выдавъ—не повѣрите. Городъ построенъ прямо на морѣ—въ самой водѣ. У насъ въ городѣ дома-то по улицамъ, въ туникахъ, въ переулкахъ—а тутъ, вмѣсто улицъ—рѣка, и у самыхъ пороговъ причаливаютъ черныя крытыя лодки, и зовутъ ихъ *гундуалми*. А домовъ въ томъ городѣ вовсе и нѣтъ: всѣ палаты высокія, асидныя, а то изъ темнаго камня; а посрединѣ соборъ преогромный—чтò городъ. И живутъ въ той Виницеи все цуны да корабельщики, и все больше живутъ на водѣ, и ихъ сила морская во всемъ свѣтѣ славна. Кораблей высылаютъ они отъ себя, пожалуй, побольше чѣмъ собою. Да такъ и зовутъ свой городъ—Виницея Владычица Морская.

Ну, приняли насъ всѣхъ тамъ хорошо. Покормили съ недѣлю, дали оправиться; а тамъ и стали расписывать—кто куда годенъ. Или—кому гдѣ родина близко—на родину тѣхъ повезли. Стали меня допрашивать (толмачъ у нихъ отыскался изъ чеховъ):

— Ты куда хочешь? Гдѣ твоя родина?

Я имъ и сказала, что я изъ Руси, изъ-подъ Курека.

— Ну, говорятъ,—объ Руси мы слышали, и царство Московское знаемъ, только куда отъ насъ корабельнаго хода нить мѣсцевъ... А вотъ, коли хочешь пробраться на родину, ступай ты Флоренскую землей, да на Францовскую землю, а тамъ Цесарской землей, въ Голандскіе Статы—оттуда къ вамъ, въ Московское царство, слышали мы, ходятъ торговые люди. А мы тебѣ отъ себя и грамоту дадимъ опасную и списокъ, какъ тебѣ гдѣ проходить.

И точно: одѣли, обули, грамоту дали и денегъ дали, три золотыхъ на дорогу. Я имъ отвѣсила земной поклонъ, простился съ ними, взвалилъ себѣ на плечи котомку съ дорожнымъ запасомъ—перекрестился, да въ путь и отправился.

Шель я да шель—самъ не знаю какою дорогою, и города проходилъ съ пригородками и села съ приселками; все Тальянскою землей (по говору слышу). На заставахъ вездѣ я показывалъ грамотку—вездѣ пропусkali. Во многихъ мѣстахъ давали и кормъ; видятъ, что странникъ—денегъ и взять не хотятъ. Наконецъ, на 8-й день, мнѣ говорятъ, что Флоренскъ тутъ и есть: вотъ гору пройденъ, да мостомъ черезъ рѣку, тутъ и Флоренскъ.

И только я въ эту гору вошелъ, вышли навстрѣчу мнѣ какіе-то недобрые люди. Лица шапкой прикрыты, мушкеты въ рукахъ, ножича за поясомъ.

„Стой!“ кричатъ. Въ грудь мнѣ уперли мушкетомъ... Я сталъ. Почали рыть въ карманахъ, въ котомкѣ—все расстрепали; добрались до денегъ, а тамъ и до грамоты. Стали читать. Вижу, старшій изъ нихъ, атаманъ, подозвалъ одного, а потомъ съ другимъ пошептались. Всѣ вещи, какъ были, въ котомку сложили, золотые мнѣ тоже вернули; а тамъ, я смотрю, атаманъ сталъ рыться въ карманахъ, да вынулъ мнѣ отъ себя двѣ какія-то деньги, такъ алтыны въ шесть—и подаль, и шапку мнѣ снялъ... Я то же имъ всѣмъ отвѣсилъ по поклону: „спасибо, молъ,

добрые люди! хоть вы и разбойнички, а не обидѣли Божьяго странника!“

Путь мнѣ очистили—я и побрелъ, и добрелъ до Флоренска. Тутъ я вдругъ разнемогся, слегъ въ постель, а ужъ дальше не помню, что и было со мною. Помню только, что чудилось мнѣ будто я на катаргѣ онять, и плетями меня бьютъ, и цѣпями гремятъ, и веслами ударяютъ въ ладъ подъ тѣ же пѣсни... И вижу я, что катарга наша горитъ—и всѣ мы горимъ, и насъ заливаютъ горячія волны. Хочу помолиться—а цѣпи и руки приводить не дають.

Долго-ли такъ я лежалъ—и самъ не знаю. А какъ очнулся—смотрю, я лежу не одинъ; тутъ же лежатъ и другіе, такіе же хворые; и ходятъ за нами монахи ихніе, въ долгихъ ряскахъ, веревка на поясѣ, сами босые, головы бритыя... А добрый, хороший народъ! Къ каждому подойдетъ: изголовье подправить, прикростъ, нить подасъ, ѣсть принесетъ, да самъ и врачуетъ. А чуть только справилъ все дѣло—сядетъ на лавочку тутъ же, книжку съ полки возьметъ и молитвы читаетъ и пальцемъ по четкамъ водить... Выискался между этою братвѣю какой-то одинъ, что немного по-нашему грамотѣ зналъ. Какъ я сталъ оправляться, принесъ онъ мнѣ книжку, раскрылъ; смотрю: наша, церковной печати. Я такъ ей обрадовался, что и къ сердцу сталъ прижимать, и къ устамъ... Раскрылъ, и прямо началъ на „Молитву Господню“. И всего-то, духомъ ея и прочелъ. Прислушалъ меня братъ Лаврентій, взялъ книжку и ту же молитву такъ же точно прочелъ—оказалось, что онъ изъ Сербской земли, тоже намъ соплеменный, только съ издѣтства въ латынскую вѣру крещенъ.

Сталъ онъ кое-какъ со мной говорить, сталъ о Руси разспрашивать, какъ тамъ живутъ, какъ съ туркомъ воюютъ (а турки ихъ Сербское царство совѣмъ загубили); сталъ меня обучать по-тальянски. Началь и я кое-что понимать, кое-какъ говорить. И сдружились мы съ братомъ Лаврентіемъ такъ, что ужъ намъ не разстаться. Онъ мнѣ говоритъ:

— Поживи здѣсь. Здѣсь хорошо. Здѣсь всего вдоволь. Я тебя кое-съ-къмъ познакомлю—дамъ тебѣ и заработокъ хорошій. Есть тутъ мастера, которые пишутъ иконы, такъ имъ ты пригодишься. Станутъ писать съ тебя—станутъ за это деньги платить.

— Какъ же такъ? говорю.—Развѣ по вашему пишутъ святыхъ съ человѣка? Да вѣдь это же грѣхъ—и великій.

— Нѣтъ, говоритъ,—никакого грѣха! Пойдемъ—самъ увидишь. Вывелъ меня онъ изъ кляштора, гдѣ я лежалъ, поселилъ у родни у своей, далъ комнату, окошками въ садъ,—а подъ окошками дули, и груши, и сливы, и лоза, какъ янтарь, наливная, такъ и ползетъ вверхъ по стѣнѣ... Познакомилъ онъ меня и съ мастерами. Стали они писать съ меня лики; стали ласкать меня, деньги платить—уговаривать, чтобы я съ ними жилъ и дружилъ...

Да цѣпъ! не могу! Только я силу почувялъ—такъ меня и потянуло на Сѣверъ, къ родимой сторонѣ. Загрустил я, отъ хлѣба отсталъ, все мнѣ не мило стало; сталъ я горевать, что тамъ пропаду въ окаиствѣ... Сталъ говорить брату Лаврентію:

— Другъ, отпусти ты меня... Не могу я здѣсь безъ родины жить! Пусть у васъ хорошо, и тепло, и всего вдоволь—я здѣсь съ тоски помру! И такъ—цѣпный годъ я здѣсь промаялся...

Онъ и слышать не хочетъ. Плачетъ, руки цѣлуетъ мнѣ; проситъ: „оставься, родимый!“

Ну, бился я, бился—и съ нимъ, и съ собою,—да ночью однажды вылезъ въ окно, а тамъ черезъ стѣну,—и бѣжалъ безъ оглядки. Мѣсяць шель по Францовской землѣ, да мѣсяць Цесарской землей. Питался Христовымъ именемъ, и обиды нигдѣ не выдалъ... Въ Дрезнѣ прослышалъ что отъ Цесаря въ Любку ѣдетъ наше русское посольство... Въ Любку пришелъ, говорятъ: ужъ уѣхали въ Амборхъ... Еще трои сутки я шель—ноги, думалъ, отнимутся. Вишь, какъ раздулись, расстрескались—еле ступалъ... Да Богъ-то вѣдь силен! Богъ-то поддержитъ—вѣрь только въ Его волю святую! Вотъ, и привелъ къ вамъ—и спасъ и на Русь святую путь мнѣ открылъ! Спасибо вамъ, добрые русскіе люди!“

Полоняникъ замолкъ. Разсказъ былъ оконченъ; а всѣ еще ждали: не скажетъ-ли онъ и еще что-нибудь? Не добавитъ-ли слова, не дополнитъ-ли повѣсти о долгихъ скитаньяхъ?.. И никто ужъ не смѣлъ заикнуться о прежней тоскѣ, о жалобахъ, о дерзкомъ ропотѣ, о смѣшномъ недовольствѣ судьбою...

Литературно-критическія мініатюры.

Предшественники Пушкина.

Прежде чѣмъ въ русской литературѣ могъ появиться великій поэтъ Пушкинъ, необходимъ былъ длинный рядъ дѣятелей, подготовившихъ ему идеи и формы литературныхъ произведеній, тѣ средства, которыми могъ бы воспользоваться его гений. Въ Пушкинѣ въ первый разъ русская душа, русскій умъ и чувство получили самостоятельное, независимое выраженіе: Пушкинъ—это первый представитель русскаго самосознанія. Самосознанія русскаго общества, вступающаго въ періодъ возмужалости. Но какъ отдѣльный человѣкъ, такъ еще болѣе цѣ-

лое общество—не приходятъ къ этому самосознанію иначе, какъ годами умственной работы, условій и стремленій понять себя и окружающей мірь. И этотъ общій законъ, неизбѣжный и необходимый, не могъ миновать и русскаго общества.

Русское общество въ этомъ отношеніи находилось въ положеніи нѣсколько исключительномъ. Когда, по волѣ Петра Великаго, Россія сблизилась съ европейскими странами, тогда въ ту часть, въ тотъ слой общества, который долженъ былъ руководить умственною жизнью русскою, вмѣстѣ съ иностран-

ными языками, проникъ цѣлый міръ новыхъ понятій и представлений, для которыхъ на русскомъ языкѣ не было словъ и выражений, — русская жизнь до того времени протекала въ слишкомъ узкой, сравнительно съ европейскою, сферѣ уместныхъ потребностей. Такимъ образомъ, первое дѣло, которое представлялось тогда русскому небольшому образованному кругу людей, — было расширить русскій языкъ, найти въ немъ средство создать новыя слова и новыя выражения для новыхъ понятій и представлений. Это было дѣло неизвѣстной трудности; если и теперь, при уже развитомъ языкѣ, такъ рѣдки люди выражающіе свои мысли ясно и просто, дѣлающіе мысли эти понятными всякому, то что же сказать о тѣхъ временахъ, когда самая простая, повидимому, мысль, прекрасно выраженная на иностранномъ языкѣ, не имѣла въ русскомъ никакой формы для выражения? Къ тому же, русское образованное общество тогдашнее, воспитываясь на французскомъ языкѣ, совсѣмъ забывало русскій, родной языкъ, и этимъ дѣлало развитие языка еще болѣе труднымъ; потому что языкъ можетъ развиваться и улучшаться только цѣлымъ обществомъ и народомъ, и отдѣльныя личности, литераторы сами безсилны сдѣлать то, что подъ силу только многимъ, — писатели по большей части только подмѣчаютъ, вникаютъ въ себя и потомъ передаютъ въ своихъ произведеніяхъ тѣ измѣненія въ языкѣ, которые медленно и постепенно производятъ общество, дѣлая всѣ эти измѣненія и нововведенія общимъ достояніемъ. Но этого существеннаго условія, большаго образованнаго слоя, который бы могъ развивать языкъ, въ тогдашней Россіи не было, а было только сравнительно незначительный кругъ образованныхъ, но оставшихся вѣрными родному языку, людей, и слѣдовательно на ихъ долю доставалась задача огромной важности и весьма трудная.

Изъ вышесказаннаго ясно, что каждое имя въ томъ ряду забытыхъ именъ литературныхъ дѣятелей, которые въ теченіе восемнадцатаго вѣка трудились на благодарной и упорной почвѣ русской литературы, заслуживаетъ благодарной памяти. Но между ними блестятъ нѣсколько именъ, имѣющихъ особое значеніе. Если говорить собственно о литературѣ художественной, т. е. именно о той литературѣ, которая и имѣетъ своимъ принятымъ назначеніемъ развитие языка и общія идеи, не преслѣдуя никакихъ специальныхъ, напр. научныхъ цѣлей, то это будутъ имена Ломоносова, Державина, Фонъ-Визина, Карамзина, Жуковского. Но и они, на длинномъ и утомительномъ пути совершенствованія русскаго языка, представляють собою только вѣхи, только главные пункты, указывавшіе направленія, объединявшія предыдущія работы. И дѣятельность ихъ была бы непостоянна безъ указанія на другихъ, менѣе счастливыхъ дѣятелей.

Обстоятельства, указанныя нами выше, сдѣлали необходимымъ въ русской литературѣ весьма характерное явленіе. Такъ какъ образованное общество не шло въ сторону изученія и развитія своего роднаго языка, а напротивъ забывало его, то представители его, какъ Кантемиръ, создавали языкъ тяжелый, неповоротливый, мало согласованный съ характеромъ русскаго ума; а основателями новаго русскаго языка явились люди простовародья русскаго, усвоившіе родной языкъ на его непосредственной и безыскусственной почвѣ, въ народѣ, и потому случайно получившіе образованіе. Такими были Тредьяковскій, сынъ священника, случайно попавшій въ Парижъ и получившій тамъ незаурядное научное образованіе, и Ломоносовъ, сынъ архангельскаго мужика, необыкновенной энергіей и гениемъ добившійся огромнаго нѣмецкаго образованія.

Кантемиръ (1708 — 1744), сынъ Молдавскаго господаря, человекъ замѣчательнѣйшаго по тому времени образованія, но „не русакъ“, по его собственному выраженію, написалъ, какъ извѣстно, 9 сатиры. Въ нихъ онъ является поборникомъ европейскаго просвѣщенія въ Россіи, имѣвшаго не мало враговъ, обличителемъ невѣжества. Просвѣтительныя идеи сдѣлали его сатиры всѣмъ извѣстными и замѣчательными. Но въ смыслѣ литературномъ, въ смыслѣ формы, онъ мало подвигалъ дѣло впередъ. Кантемиръ писалъ совсѣмъ не свойственными русскому языку стихами (силлабическими) и въ самомъ изложеніи подражалъ и древнимъ и новымъ иностраннымъ писателямъ. Этого „не русакъ“, жившій при томъ все время за границей, на дипломатической русской службѣ, не могъ почувствовать оригинальности свойствъ русскаго языка и русскаго ума, и его сатиры служатъ лучшимъ доказательствомъ высказанныхъ нами выше мыслей. Но Тредьяковскій является уже создателемъ новаго русскаго языка, если не практически, то теоретически.

Тредьяковскій (1703 — 1769) долгое время за свои неудачные стихи былъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ въ русской литературѣ. Въ дѣйствительности онъ ихъ не заслуживалъ. Стихи его дѣйствительно и бесспорно плохи, — онъ не обладалъ совершенно литературнымъ, стихотворнымъ дарованіемъ, но, въ качествѣ профессора элоквенціи, онъ обнаружилъ такое теоретическое пониманіе русскаго языка, какого никто не имѣлъ въ

его время. Онъ указалъ несвойственность русскому языку употреблявшася тогда стихосложенія; разбирая русскія пѣсни, онъ же нашелъ и тѣ стихотворныя формы (тоническія), которыя новыи и остаются въ русскомъ языкѣ. Тредьяковскій же первый у насъ ясно понималъ, что поэтъ и стихотворецъ не одно и то же, что поэзія состоитъ не въ простомъ подражаніи природѣ, а въ творествѣ. Словомъ, заслуги осмѣяннаго профессора въ высокой степени замѣчательны.

То, что Тредьяковскій понималъ теоретически, чему онъ училъ, какъ профессоръ, удалось осуществить практически Михаилу Васильевичу Ломоносову (1712 — 1765). Ломоносовъ, по всему складу своего ума, подобно Тредьяковскому, былъ ученый, его привлекали преимущественно естественныя науки. Но и въ сферѣ науки нельзя было не натолкнуться на мысль о крайней скудности, неразвитости тогдашняго русскаго языка; и Ломоносовъ не могъ не обратить на это самаго пристальнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ, какіе богатые источники лежатъ въ русскомъ языкѣ для развитія. Ломоносовъ былъ истинно русскій человекъ, патриотъ въ самомъ лучшемъ и разумнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Его душа болѣла за униженіи, которыя сопровождали дорожку ему родину на ея трудномъ пути усвоенія европейскаго образованія. Его оскорбляло пренебрежительное отношеніе господствовавшихъ въ русской академіи нѣмцевъ, и онъ велъ съ ними всю свою жизнь борьбу; его оскорбляло выведенное нѣмцами о скандинавскомъ происхожденіи русскіхъ князей, и онъ велъ изысканія и писалъ доказательства чисто русскаго происхожденія Рюрика, писалъ о дальнейшей древности словенскаго народа и пр., въ противоположность тѣмъ сочиненіямъ иностранцевъ, которые „высматривали пятна на одеждѣ російскаго тѣла“... и т. п. Это же страстное отношеніе онъ внесъ и въ изученіе русскаго языка, который онъ хотѣлъ сдѣлать способнымъ для выраженія всего, что онъ зналъ, всего его богатаго душевнаго содержанія. И онъ создалъ и богатую стихотворную рѣчь, и языкъ, нужный для изложенія знаній. Языкъ его отличается ясностью, точностью, выразительностью. Ломоносовъ самъ говорилъ о себѣ, что его „разнаго рода надлежащими до наукъ сочиненіями стиль російскій вычистился и сталъ способнымъ къ выраженію идей трудныхъ“. Стихотворная рѣчь Ломоносова, теоретическія основанія для которой онъ изложилъ въ „Письмѣ о правилахъ російскаго стихотворства“, была для своего времени явленіемъ необыкновеннымъ. Но образовывавшаяся литературная рѣчь была, конечно, еще далека по своимъ свойствамъ отъ разговорной, простой, единственно истинной, болѣе точно, безъ преувеличеній и украшеній выражающей мысли. Содержаніе Ломоносовскихъ произведеній, въ общемъ опредѣленіи своемъ, было защитой науки, теоретическою мыслью; слѣдовательно въ немъ не могло быть того что называется „поэзіей“, отраженія типическихъ явленій жизни, настоящаго предмета художественнаго слова.

Прошло не много лѣтъ, и на сценѣ литературной стали возможны Фонъ-Визинъ и Державинъ. Послѣ многихъ попытокъ создать драматическую литературу (Сумароковъ), двѣ комедіи Фонъ-Визина, „Бригадиръ“ и „Недоросль“, не были новостью по формѣ, но въ высокой степени живы по содержанію. Въ нихъ не было поэзіи, но была въ первый разъ настоящая русская дѣйствительность на сценѣ, — правда, въ видѣ аллегорическихъ фигуръ, съ ясными ярлыками на нихъ, указывающими, что они собою изображаютъ, но фигуръ, уже ясно говорящихъ о типическихъ особенностяхъ русской жизни. И такъ какъ въ то-же время комедіи были проповѣдью просвѣщенія и выставленіемъ на позоръ невѣжества русскаго, создававшаго тогда явленія весьма типическія, то значеніе ихъ въ исторіи русской литературы и въ исторіи русскаго развитія весьма велико.

Въ Державинѣ русская литература получила уже поэта, служившаго доказательствомъ, что формы для русской мысли сдѣлали огромный шагъ впередъ, что русскій языкъ уже способенъ служить для поэтического выраженія дѣйствительности. Державинъ обладалъ огромною фантазією, воображеніемъ; справедливо мнѣніе, что воображеніе его было выше его ума, — и въ его поэтическихъ произведеніяхъ уже появились то колоссальныя, то нѣжныя образы, большинство которыхъ онъ создавалъ подъ вліяніемъ чисто народныхъ представлений. Кто не помнитъ его одъ „Богъ“, „На смерть князя Мещерскаго“ и пр.? Кто не знаетъ его „Водопада“? Державинъ, какъ и всѣ тогда въ Россіи, не чуждъ подражательности; но эта подражательность блѣднѣетъ въ лучахъ оригинальности поэта. Языкъ его — уже смѣсь важнаго съ простымъ; устанавливаемое даже Ломоносовымъ дѣленіе языка на высочій, средній и низкій въ немъ почти исчезаетъ.

Наступила эпоха, когда могли появиться Карамзинъ и Жуковский, уже непосредственные предшественники Пушкина, связанные съ нимъ многообразными связями.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

Гопакъ. (Рис. на стр. 1208).

Это любимый тавецъ малороссіянъ. Въ лѣтнее время, подѣ-

вечеръ, когда кончены дневныя работы, молодежь высматриваетъ на *улицу*, т. е. на обычное мѣсто сборища, гдѣ нибудь на выгонѣ или на широкой дорогѣ между порядками хуторскихъ

хоть, поближе къ околицѣ. Затѣваются пѣсни, сначала протяжныя, потомъ все веселѣе, переходить въ плясовую, раздается скрипка—и вслѣдъ затѣмъ вся окрестность оглашается дробнымъ тономъ чоботовъ и черевиковъ (башмаковъ) съ подковками... Гопакъ въ полномъ разгарѣ.

Плоть-великанъ системы Робертсона.

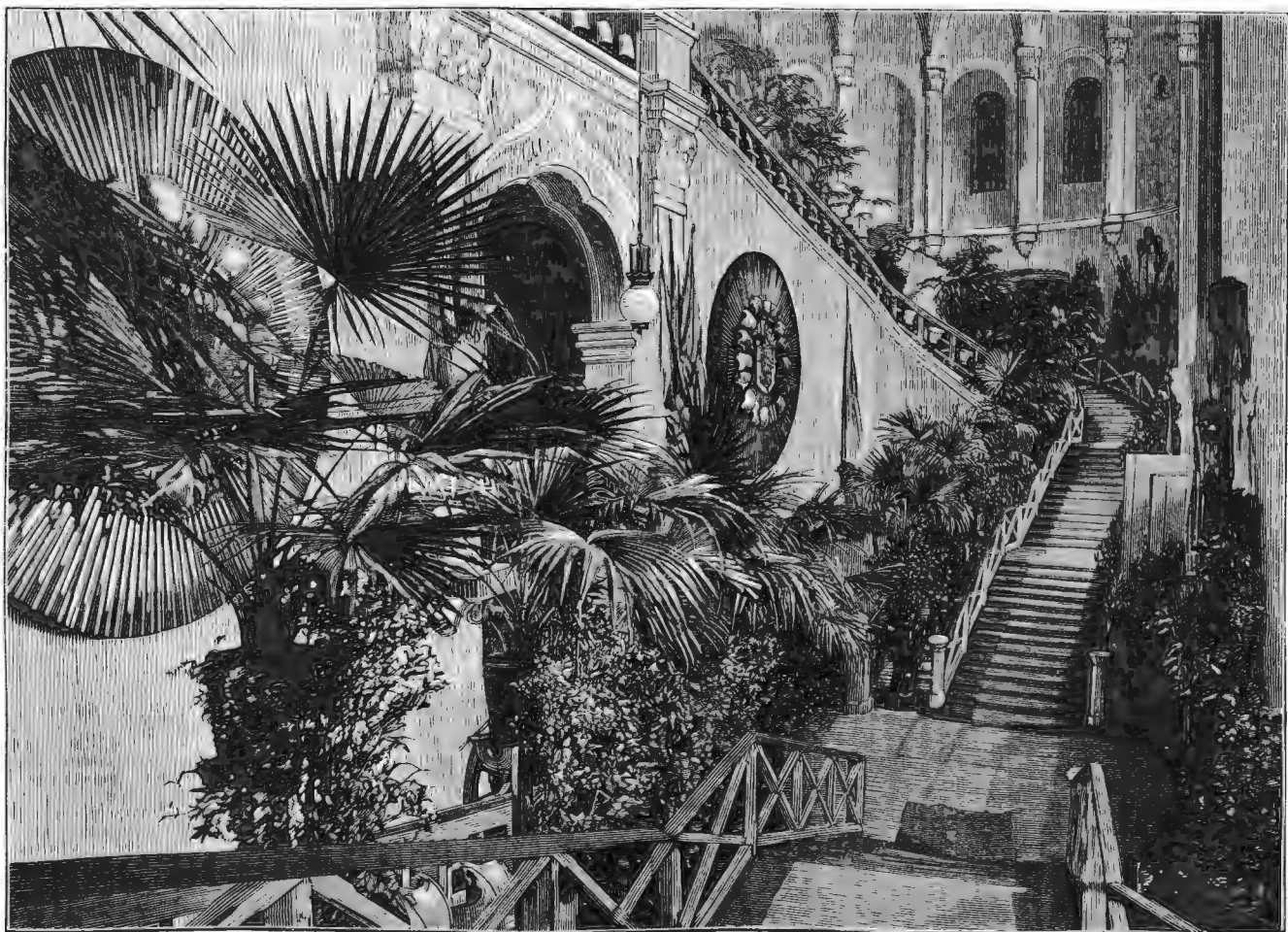
(Рис. на стр. 1209).

Плоты, эти древіяшія суда, упоминаемыя уже у античныхъ писателей, до сихъ поръ употреблялись только по рѣкамъ. Въ последнее же время въ Сѣверной Америкѣ стали устраивать громадныя плоты для сплава лѣса моремъ (вѣрнѣе океаномъ), что грозитъ въ будущемъ полнымъ переворотомъ въ перевозной торговлѣ лѣсомъ. Изъ канадскихъ гаваней ежегодно отправляются на корабляхъ грузы драгоцѣнныхъ сортовъ дерева и строеваго лѣса на восточные берега Соединенныхъ Штатовъ. Въ видахъ уменьшенія провозной платы, чрезвычайно поднимавшей цѣну дерева, и особенно потому что древесные стволы болѣе 20 метровъ длины не могли грузиться на суда, а посылались лишь по желѣзной дорогѣ, кораблестроитель Д. Лири изъ Нью-Йорка началъ на мысль —

№ 1. Артиллерійская группа орудій, поднесенная Государю Императору Техническою Артиллерійскою Школою, по поводу 500-лѣтня русской артиллеріи. Съ фот. Полевого, грав. Рашевскій.

связать закупленный имъ въ Канадѣ лѣсъ въ громадныя плоты и сплавить его по Атлантическому океану въ Нью-Йоркъ съ помощью буксирнаго парохода. Первый плотъ этого рода былъ сооруженъ по плану инженера Робертсона, задумавшаго связать 27,000 древесныхъ стволовъ въ форму громадной сигары, и былъ отправленъ на буксирѣ парохода „Мирада“, но бури, которою онъ былъ застигнутъ въ океанѣ, разорвала скрѣпы и разнесла лѣсъ. Не подавъ духомъ, Лири заказалъ Робертсону новый плотъ, еще громаднѣе, который и былъ оконченъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Этотъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, плотъ состоялъ изъ 30 тысячъ древесныхъ стволовъ отъ 5 до 30 сажень длины. Они были связаны между собою крѣпкими цѣпями и проволочными канатами. Плотъ имѣлъ 105 сажень длины, 10 сажень ширины, 5 сажень высоты и сидѣлъ въ водѣ на 6½ метровъ. На случай разрыва буксира въ бурю, плотъ снабдили шестью мачтами и экипажемъ изъ 16-ти матросовъ, которымъ на заднемъ концѣ плота было выстроено особое помѣщеніе. На этотъ разъ плотъ благополучно прибылъ въ Нью-Йоркъ съ пароходомъ „Морзе“. Отправка этой массы дерева на судахъ потребовала бы ста шкутъ, а по

№ 3. 500-лѣтне русской артиллеріи. Декорированный входъ въ залу Кронверка, гдѣ происходило юбилейное торжество. Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. М. Рашевскій.

железной дороге — пятидесяти поездам, в 50 вагонов каждый.

Баядера. (Рис. на стр. 1213).

Баядеры, называемые в Индии *дева-дашами* (служительницами богов), а на Цейлоне и в Сиаме *арамбхами* (от богини танцев Рамбхи), как известно, с детства посвящают свою жизнь служению при храмах, танцам и пению в честь божеств. Они распадаются на два класса: одни, знатнейшие, служащие главным божествам Вишну и Шиву, должны жить в ограде храма и не могут отлучаться без дозволения жрецов; другие, служащие второстепенным божествам, живут в городах и деревнях и пользуются полною свободой, ведут часто кочевую жизнь, странствуя по десятку вместе, со своими музыкантами, и танцуя на празднествах (патчах) по приглашению в частных домах. Зихель изобразил одну из этих последних, в тот момент когда

Небрежно кудри блюю рукою
Она откинула назад,
Они рассыпались, и с плеч душистой,
Тяжелой надают волной,
Подъ ними складки ткани серебристой
Сжимают пояс золотой.
Вот оглянулась — пламеннаго взора
Огонь, сверкнувъ изъ-подъ рёсницъ,
Дрожить и снова гаснетъ такъ-же скоро,
Какъ пламя блюе зарницъ.
Порой такая чудится въ ней сила,
Люби восторга, красоты,
Какъ будто въ ней лишь небо воплотило
Всё грезы страсти, всё мечты.
(И. Д. Н. Цертелевъ).

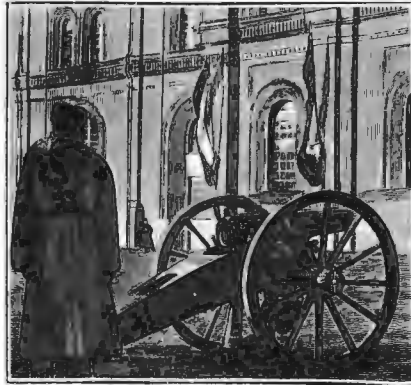
Цветы на пирь.

(Рис. на стр. 1216).

В древнемъ Римѣ цветы составляли необходимую принадлежность пира — и въ видѣ вѣнков на головахъ гостей, и въ видѣ гирляндъ свѣтивавшихся съ колоннъ и свѣщниковъ, и наконецъ въ видѣ слошнаго ковра ва столѣ или цвѣточного дождя, ниспадавшаго съ потолка...

Розу нѣжную эротовъ
Съ Діонисомъ сочетаемъ:
Красолиственною розой
Наши чѣла увѣчаемъ
И нальемъ съ веселымъ смѣхомъ
Въ чаши нектаръ винограда.
Роза — лучшій цвѣтъ весенній,
Небожителю услада!

Вотъ стихи Анакреона, которые любилъ слушать древній римлянинъ на пиру, конечно не въ переводѣ нашего поэта, а на благозвучномъ греческомъ языкѣ, бывшемъ

№ 2. 500-лѣтіе русской артиллеріи. 6-тидюймовая мортира на лафетѣ Зигельгарда. Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Флюгель.

№ 4. 500-лѣтіе русской артиллеріи. Пирамида изъ ядеръ и артиллерійскихъ снарядовъ, на дворѣ Кронверка. Современный бомбардиръ и старинный пушкаръ XVII в. Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Флюгель.

№ 5. 500-лѣтіе русской артиллеріи. Литавреннаго коляска съ артиллерійскими ядрами 1760 г. Съ фотогр. Полевого, грав. Рашевскій.

въ такой модѣ у римлянъ эпохи цезаризма...

Благовонныхъ розъ вѣнками
Увѣчавши чѣла наши,
Мы съ веселою улыбкой
Пьемъ вино изъ полной чаши. Л. Мей.

Бой турухтановъ.

(Рис. на стр. 1217).

Турухтанъ хорошо знакомъ петербуржцамъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ многочисленному сословию „воскресныхъ егерей“. Въ недавнее доброе старое время (въ началѣ шестидесятыхъ годовъ) турухтановъ стрѣляли еще на Канонерскомъ, Вольномъ и другихъ подстоличныхъ островахъ, преимущественно гаванскіе чиновники и другіе жители Галерной гавани. Дичь это неважная, но нравы ея довольно любопытны. У пѣтушковъ весною отрастаетъ на шеѣ родъ ожерелья или кружевнаго воротника изъ длинныхъ перьевъ, снова пропадающаго къ осени. Въ этомъ брачномъ уборѣ турухтаны ведутъ между собою ожесточенную борьбу, какъ истые рыцари, выбирая для боевъ особая мѣста, на которыя и сълетаются по нѣскольку разъ въ день, причѣмъ единственнымъ оружіемъ служить имъ довольно мягкой, какъ у всѣхъ куликовъ, длинный клювъ. Причина этихъ поединковъ до сихъ поръ еще не изслѣдована, но по видимому вовсе не ревность.

Ө. П. Ландцертъ.

(Портр. на стр. 1220).

Смерть продолжаетъ безжалостно опустошать ряды дѣятелей науки и литературы. 28 сентября скончался главный военно-медицинскій инспекторъ Н. И. Козловъ, еще недавно праздновавшій свой пятидесятилѣтній юбилей, а вслѣдъ за нимъ на другой день сошелъ въ могилу бывший профессоръ Медико-Хирургической Академіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Федоръ Петровичъ Ландцертъ. Онъ родился 23 марта 1833 года, въ мѣстечкѣ Бѣлоостровѣ (по Финляндской желѣзной дорогѣ) въ семьѣ лютеранскаго пастора. По смерти отца, послѣдовавшей въ 1837 году, четырехлѣтній сирота перѣхалъ съ матерью и братьями и сестрами въ Петербургъ, гдѣ и получилъ первоначальное воспитаніе дома, а затѣмъ продолжалъ его въ нѣмецкомъ Петропавловскомъ училищѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1850 году. Въ училищѣ онъ былъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ и, между прочимъ, обнаружилъ довольно большіи способности къ ри-

сованию. Эти способности сослужили ему службу, когда он поступил в Медико-Хирургическую Академию. Умные рисовать сближали молодого студента с знаменитым Грубером, тогдашним проректором Академии, и благодаря этому сближению Ландцерг принял с особенною любовью изучать анатомию, специально занимаясь ею под руководством Грубера. Он настолько преуспевал в этих занятиях, что еще третьекурсником-студентом удачно демонстрировал анатомические препараты трудно изучаемых частей тела, например, пахового и бедренного канала, мозга и других, и, сам будучи на школьной скамье, преподавал анатомию другим, а именно учителям гимнастики в гимнастическом заведении де-Роона. Окончив курс в 1855 году и получив степень лекаря, он был тогда же определен врачом в рижский госпиталь, где пробыл не более полугода и затем перевелся в Петербург лекарем во второй сухопутный госпиталь. Прослужив военным врачом пять лет, он был приглашен в Медико-Хирургическую Академию читать лекции описательной анатомии студентам 1-го и 2-го курсов, на место П. А. Наравовича, который занял кафедру хирургии. В 1864 году Ландцерг утвержден был в звании адъюнкт-профессора, получив за два года перед этим степень доктора по защите диссертации „о лечении аневризмы прижатием“. Будучи адъюнктом, он читал безвозмездно, по вечерам, частные лекции хирургической анатомии студентам и прикомандированным врачам. Он читал прекрасно и умел даже такому сухому предмету как анатомия придать особую живость, заинтересовать слушателей. От этих слушателей он несколько раз получал благодарственные адреса. В 1868 году Ландцерг был утвержден ординарным профессором, а через пять лет избран ученым секретарем Академической конференции. Прослужив установленное трехлетие, он был вновь избран на эту должность, но отказался от нея по причине болезни. Около этого времени между ним и между бывшим его учителем Грубером возникли недоразумения. Они длились довольно долго и, к сожаленью, не мало тормозили деятельность Ландцерга, как преподавателя анатомии в Академии. В 1874 году он получил кафедру анатомии в Императорской Академии Художеств и занимал ее до самой кончины, читая также лекции на высших женских учебных курсах и в училищ фельдшерки при Рождественской больнице. Еще ранее, при открытии высших женских курсов при Мариинской гимназии и с основания Фребелевских курсов, Ландцерг преподавал на тех и других анатомию, физиологию и гигиену, и кроме того отправлял обязанности ученого секретаря при женских учебных курсах. Выслужив определенную двадцать пять лет, он оставил Военно-Медицинскую Академию и занимался, главным образом, преподаванием в Академии Художеств. Он читал также интересные публичные лекции в 1879 и 1883 гг. „Об органах голоса и рчи“ и „О костномышечном снаряде в применении к физическому воспитанию“, которые были потом изданы отдельно. В 1885 году действительный, разносторонне образованный и весьма интересовавшийся профессор Ландцерг учредил Русское общество птицеводства и принимал в нем горячее участие, будучи президентом этого общества. Помимо всего, он очень любил рисовать, и его наброски и этюды карандашем, особенно рисунки лошадей во всех видах, пользуются известностью среди любителей. Из трудов Ландцерга известностью пользуются сочинения „О забрюшной грыже“, „Курс нормальной анатомии человека“, к сожаленью остановившийся на 1 томѣ, и „Сборник сочинений по анатомии, физиологии и клинической медицине“, предпринятый им вместе с профессором Э. Э. Эйхвальдом и доктором Шмулевичем. Ландцерг состоял членом многих ученых обществ, русских и иностранных. Он умер далеко еще не старым человеком. П. Б.

Первая узда и первое сѣдло. (Рис. на стр. 1221).

Отец Валента был Вадимъ, известная лѣтъ пятнадцать тому назад скакала лошадь, перешедшая потом черезъ многіи руки Донскихъ коннозаводчиковъ и гдѣ-то теперь уже въ искалѣченномъ видѣ доживающая свой вѣкъ. Мать была чистокровная англичанка, надѣлившая его всеми качествами свойственными ей благородной породѣ. Словомъ, на Валента можно было возложить нѣкоторыя надежды, и о немъ слѣдовало позаботиться, какъ о будущей бытѣ-можетъ знаменитости спорта.

Когда онъ появился на свѣтъ Божій и лежалъ возлѣ своей матери, приподнявъ только голову, какъ-бы разсматривая удивленную отъ него въ разные стороны, безконечную, подернутую легкой дымкой утренняго тумана стѣну и шурясь отъ ослѣпляющаго зарева восходящаго солнца, противъ котораго ему пришлось лежать мордой,— къ нимъ не слѣзла подѣхалъ верхомъ на лошади калмыкъ-табунщикъ и разсмотрѣвъ его внимательно со всѣхъ сторонъ, взглянулъ еще на мать, какъ-бы вспоминая имя, что для него, впрочемъ, не составило труда, такъ какъ въ своемъ табунѣ, гдѣ было до тысячи лошадей, онъ зналъ каждую не только по имени, но и со всею родословною; затѣмъ, повернувъ своего подѣваго, то есть буланаго съ свѣтлой гривой и хвостомъ, коня, отправился къ зимовнику, который находился въ верстѣ отъ табуна, известить хозяина о новой при-

были. Новорожденному, по заведеннымъ порядкамъ, надо было дать имя на ту же букву, съ которой начиналось имя отца—и Валентъ оказался подходящимъ именемъ. Въ тотъ-же день на Валента прѣхалъ взглянуть и самъ коннозаводчикъ, но жеребенокъ прятался за мать, бѣгая кругомъ, и не поддавался любознательному разсматриванію; а затѣмъ ему предоставлено было расти и развиваться до поры до времени. Разъ только въ этотъ годъ объ немъ вспомнили и обстригли ему хвостъ; это было еще весной,— прѣхалъ табунщикъ и лишилъ его и его сверстниковъ этого украшенія, правда, въ стени совершенно лишняя. Изъ этого волоса табунщикъ дѣлаетъ длинный—саженей въ шесть-семь—арканъ, на одномъ концѣ котораго привязываетъ деревянное кольцо, а иногда, для большей прочности, изъ рога, и затѣмъ ловитъ имъ лошадей, выказывая въ этомъ дѣлѣ удивительную ловкость. Стрижку хвоста продѣлали и на другой годъ, но на третьемъ году хвостъ Валента оставили въ покоѣ, такъ какъ онъ уже былъ не жеребенокъ, а довольно порядочная лошадка, и порѣшили познакомить его съ удой.

Въ одинъ прекрасный вечеръ прискакалъ въ табунъ главный табунщикъ, и отбивъ нѣсколько трехлѣтокъ, въ томъ числѣ и Валента, погналъ ихъ къ зимовнику. Какъ ни старались они разбѣжаться и увернуться отъ преслѣдованія, ловкіе маневры калмыка заставляли ихъ опять сомкнуться и бѣжать по его волѣ—и, такимъ образомъ, Валентъ со своими товарищами очутился въ базу*), за ними вѣхалъ табунщикъ съ арканомъ въ рукѣ, и ворота база были заперты и завязаны. Набралъ арканъ на лѣвую руку большими кольцами и держа въ правой большую петлю, взятую тоже кольцами, табунщикъ сталъ подѣвжать къ оторонѣвшимся, сбившимся въ одну кучу лошадямъ; но, чтобы удобнѣе было заарканить по выбору, ихъ пришлось разогнуть. Испуганныя животныя заметались въ разные стороны, ища выхода, стуча копытами о доски забора и выбрасывая пыль; но привычная рука калмыка, прожившаго тридцать-сорокъ лѣтъ при табунѣ и метавшаго можетъ-быть не одинъ десятокъ тысячъ разъ арканъ, не ошиблась расчетомъ—и Валентъ, мчавшійся по базу съ кучей своихъ товарищей, увидѣвъ брошенный въ его сторону грозный арканъ, не успѣлъ и отвернуть головы, чтобы скрыться отъ бѣды, какъ крѣпкая, эластичная петля, свитая можетъ-быть изъ его-же собственного хвоста, ушла къ нему на шею и захлестнулась. Какъ ни упирался онъ до удущья, до хрипоты, крѣпкій арканъ, взятый табунщикомъ подъ ногу, заставилъ его покориться тяжелой необходимости дать себя вывести изъ база и допустить надъ собой дальнѣйшія операціи. Накнувъ петлю, табунщикъ сейчасъ беретъ арканъ подъ стремни, которое подъ брюхомъ его лошади крѣпко соединено съ другимъ стремнемъ и съ самымъ сѣдломъ, такъ что вся сила сопротивленія приходится уже не на человека, а на лошадь; и гдѣ-же было Валенту, молодой еще, слабой лошадевикѣ, мѣряться силою съ хорошо выѣзданною и сильною лошадью, на которой былъ табунщикъ. Вытащенный изъ база, онъ еще нѣсколько минутъ метался и прыгалъ, изо всѣхъ силъ натягивая арканъ, какъ-бы силъ перервать его, пока къ нему не подкрался, держась аркана, помощникъ табунщика и не схватилъ его за ухо. Всякая возможность сопротивляться была теперь уже потеряна для него: вѣтъ болѣе действительнаго средства укротить самую дикую лошадь какъ овладѣвъ ея ушами; пригнутая къ землѣ голова не позволяеть ударить передними ногами, а рискнуть бить задними, во-первыхъ, некого, значитъ бесполезно, а главное, что съ пригнутой головой легко опрокинуться на спину. Валентъ все это чувствовалъ съ присущимъ ему, какъ животному, чуткимъ инстинктомъ, и потому остановился какъ вкопанный; но долго стоять ему не пришлось,—подомель еще одинъ калмыкъ (надо сказать, что при донскихъ табунахъ вся прислуга состоитъ исключительно изъ калмыковъ,—это ихъ специальность) и схвативъ Валента за другое ухо, сильнымъ движеніемъ заставилъ бѣднягу со всѣхъ ногъ гринуться на землю. Въ то время, какъ одинъ навалился ему на грудь, другой, давъ немного успокоиться лошади, сталъ осторожно надѣвать уздечку—и желѣзные удила въ первый разъ загремѣли въ зубахъ Валента; онъ походилъ на школьника, котораго въ первый разъ отправляютъ въ школу и надѣваютъ сумку съ азбукой. Его отдали въ науку пожимать малѣйшее движеніе этой уздечки—и дорого-же обойдется ему эта премудрость, много бою вынесутъ его бока отъ тяжелой погайки калмыка, пока онъ смирится и будетъ двигаться по прихоти своего сѣдока.

*) Отгороженное мѣсто саж. въ 50 квадрат.

только вздрогнул, чувствуя, что ничего иного не может предпринять, и не прошло двух минут как он был осёдлан; прочны подруги туго стянули ему брохо, стремена укрплены, и на Валента оставалось только състь, освободить его от аркана и от пегги на губы, и предоставить его бышему усилием сбросить сёдока. Ловкій молодой калмыкъ, большой охотникъ объзжать „неуковъ“, передавъ ухо Валента въ руки своего товарища, приготовилъ висѣвшую у него на рукѣ ногайку пальца въ 1½ толщиною, взялъ короче повода и въ одинъ моментъ очутился на сёдлѣ; и еще не успѣлъ Валентъ почувствовать себя на свободѣ безъ аркана и съ оглушеннымъ предательскимъ ухомъ, не успѣлъ еще провить хотя чѣмъ нибудь свое неудовольствіе отъ тяжести обхватившей его кругомъ, какъ безопадна нагайка закружилась въ воздухѣ и пошла хлестать его справа налѣво. Отъ боли онъ въ первую минуту закрутилъ головой, потомъ сталъ бросать то передними, то задними ногами, какъ-то неуклюже выгибая спину и тряся его, желалъ сбросить съ себя чудовище, жигавшее его во всѣ бока, и билъ зубами объ удила, точно хотѣлъ перегрызть.

Это была дикая борьба человѣка съ животнымъ, и сколько надо было ловкости и умѣнья понимать характеръ животнаго, предвидѣть всѣ его движенія и толчки, чтобы удержаться на сёдлѣ! Съ дѣтства лихіе наездники, калмыки нерѣдко бываютъ сбрасываемы и даже убиваются. Невольно припоминается расказъ про калмычку, которая отстала дикою, оригинальною масткою лошади, убившей ея мужа, — какъ она поймала ее арканомъ въ степи и скакала на ней до тѣхъ поръ, пока лошадь не повалилась мертвою.

Валентъ однако не выдержалъ побоевъ несокрушимаго калмыка — и штицей повнесъ по стени, поминутно измѣняя направление, и долго еще была видна болтавшаяся въ воздухѣ, то вправо, то влѣво, ногайка, пока ихъ совсѣмъ не стало видно. Черезъ полчаса Валентъ, измученный, весь въ мыль, рысцей несся по направленію къ зимовнику; ногайка безъ употребленія болталась на рукѣ калмыка.

Безъ малѣйшаго упрямства давъ разсѣлать себя и получивъ полную свободу, онъ выхрепъ унесся въ степь къ табуу, а на другой разъ его сѣдали уже безъ всякихъ ухищреній — безъ уха и безъ подвязанной губы.

Съ такого-то тяжкаго урока началась дѣятельность Валента, а черезъ мѣсяць, имѣя своимъ сѣдокомъ уже не табушника, а самого хозяина, онъ понималъ и трезвела.

Кр—овѣ.

500-лѣтній юбилей Русской артиллеріи.

(Рисунки на стр. 1224 и 1225).

По поводу совершившагося уже юбилея нашей артиллеріи, помѣщаемъ еще нѣсколько любопытныхъ рисунковъ.

Рисунокъ № 1. Группа орудій, поднесенная Государю Императору отъ Технической Артиллерійской Школы, по поводу 500-лѣтія Русской артиллеріи, представляетъ скалу изъ артиллерійскаго металла, съ выдающимися сглаженными уступами, на которыхъ установлены орудія разныхъ временъ, отъ древнѣйшихъ и до новѣйшихъ, отъ первыхъ „арматъ“ — желѣзныхъ, кованыхъ пушекъ, привезенныхъ въ Московское великое княжество при Дмитріи Донскомъ, до совершеннѣйшихъ типовъ орудій, изготовленныхъ въ Россіи при нынѣ-благополучно царствующемъ Императорѣ Александрѣ III. Каждое орудіе обозначаетъ собою отдѣльную историческую эпоху, пережитую русскою артиллеріею, и служить для нея типическимъ выраженіемъ той степени развитія, на которой находилось артиллерійское искусство. Надъ каждымъ изъ этихъ историческихъ орудій, въ особомъ щитѣ, помѣщенъ вензель царствующаго монарха и годъ, къ которому орудіе относится. Древнѣйшія орудія — иноземныя *арматы*, нарѣзные пистолы XV и XVI столѣтій — собраны около основанія скалы; выше, по уступамъ расположены орудія Петра Великаго, Шуваловская гаубица Елисаветинскихъ временъ, орудія временъ Александра I, Александра II и новѣйшія типъ орудій, недавно введенныхъ въ нашу артиллерію. Этихъ орудіемъ скала и завершается: оно стоитъ подъ тѣмъ двуглавымъ орломъ государственнаго герба, который широко раскинулъ свои крылья надъ вершиною скалы. На угловомъ выступѣ вершины вырѣзаны надписи: „Дмитрій Донской“, „Александръ III“; на одномъ изъ среднихъ уступовъ поставлена прислоненная къ скалѣ скрижалъ, на которой начертано: „Въ память 500-лѣтія русской артиллеріи“; внизу, около основанія скалы, на особой доскѣ: „Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру III“.

Отдѣлка подробностей этой группы замѣчательна по своей изысканной тонкости и чрезвычайной точности въ выработкѣ мельчайшихъ деталей. Не смотря на то, что вся группа не превышаетъ размѣромъ 1¾ аршина, каждый винтикъ каждого орудія отдѣланъ въ совершенствѣ; даже всѣ замки орудій, заряжаемыхъ съ казенной части, вынимаются и движутся, какъ у настоящихъ орудійныхъ моделей. Такая отдѣлка частей дѣлаетъ честь нашей Технической Артиллерійской Школѣ.

Рисунокъ № 2 изображаетъ, если можно такъ выразиться, послѣднее слово нашей артиллерійской науки: — это 6-ти-дюймовая полевая мортира, недавно введенная въ нашу артиллерійскую практику. Эта мортира представлена здѣсь на чрезвычайно-удобномъ, специально для нея приспособленномъ лафетѣ

Энгельгарда. Главныя отличительныя свойства новыхъ мортиръ заключаются въ томъ, что онѣ обладаютъ, при легкости и удобствѣ перевозки, превосходными боевыми качествами: могутъ служить и какъ простыя полевыя орудія для настольной стрѣльбы, и какъ бомбическія орудія, для навѣсной стрѣльбы разрывными снарядами.

Рисунки №3 и 4. Рисунокъ № 3 изображаетъ украшенную тропическими растеніями лѣстницу того помѣщенія въ Кронверкѣ Петропавловской крѣпости, гдѣ происходила главная часть торжества въ день пятистлѣтняго юбилея артиллеріи. Рисунокъ № 4 изображаетъ пирамиду ядеръ и другихъ артиллерійскихъ снарядовъ, которая была воздвигнута среди двора Кронверка, въ видѣ украшенія, въ день юбилейнаго праздника.

Тутъ же изображены наглядно двѣ эпохи нашей артиллеріи: древнѣйшая и новѣйшая. Первую представляетъ собою одинъ изъ нашихъ бомбардировъ, одѣтый въ служилую одежду стариннаго русскаго пушкаря XVI—XVII вѣка. На груди у него *мишень* (вѣчто въ родѣ герба) съ изображеніемъ львиной морды, держащей въ зубахъ пушку; въ правой рукѣ у него — *жагръ*, т. е. шесть, съ рогатымъ крючкомъ, на которомъ наматывался фитиль (пальникъ). Новѣйшую эпоху представляетъ другой бомбардиръ въ современной артиллерійской формѣ, съ башикомъ въ рукѣ.

Рисунокъ № 5 изображаетъ одну изъ археологическихъ диковинокъ нашего прекраснаго Петербургскаго Артиллерійскаго Музея, а именно: такъ-называемую „*литавреннюю коляску*“, на которой въ былыя времена, начиная съ царствованія Петра Великаго, возились вслѣдъ за нами артиллерію артиллерійскіе клейноды, дарованные Петромъ первому изъ учрежденныхъ имъ „артиллерійскихъ регулярныхъ полковъ“. Клейноды эти состояли изъ артиллерійскаго знамени, — бѣлаго атласнаго, съ изображеніемъ пушки на колесахъ и съ вензелемъ Петра I — и изъ пары литавръ, украшенныхъ красными шелковыми завѣсами, съ писанными на нихъ золотыми орлами; завѣсы эти были обшиты серебряною бахромою съ серебряными кистями. Самая коляска, во времена Петра и въ фельдцейхмейстерство Брюса, была вызолочена и украшена рѣзбою, запрималась цугомъ рыже-пѣрыхъ лошадей, а литаврики, находившіяся при коляскѣ, были одѣты въ красные кафтаны, обшитые серебрянымъ галуномъ, въ нѣмецкіе сапоги, перчатки и епанчи, накинута поверхъ кафтановъ. Эта литавренная коляска и знамя при Петрѣ и при ближайшихъ насѣдникахъ Петра Великаго, возилась вслѣдъ за артиллерію во всѣ походы, вслѣдствіе чего пришла въ ветхость, и при Елисаветѣ Петровнѣ, въ 1745 г., было построено для артиллеріи новое знамя, а подвѣе (въ 1760 г.) и новая роскошная *литавренная коляска*, которая и сохранилась до настоящаго времени въ нашемъ Артиллерійскомъ Музеѣ. Это — громадная колесница, вызолоченная и украшенная богатѣйшею, весьма художественно-исполненною рѣзбою. Надъ спинкою колесницы возвышается изображеніе „Беллоны“, богини войны, въ полномъ вооруженіи, съ конемъ и щитомъ въ рукѣ. На заднемъ сидѣннѣ помѣщены парадныя литавры. Надъ переднимъ сидѣннѣмъ, представляющимъ богатую арматуру, составленную изъ орудій, ядеръ и различныхъ воинскихъ принадлежностей, укрѣпленъ двуглавыи государственный орель. Около передняго сидѣнья, въ особомъ-устроенномъ гвѣздѣ, вставлено древко артиллерійскаго знамени. Знамя построено изъ бѣлой шелковой матеріи; на немъ шелками расшито поле, а на полѣ золотая пушка съ лафетомъ; надъ пушкой — парціи двуглавыи орель съ нерунами въ когтяхъ и девизъ: *Tuetur et terret* (охраняетъ и устрашаетъ).

Эта парадная колесница уже не слѣдовала за артиллерію въ походахъ и являлась только принадлежностью различныхъ военныхъ торжествъ и парадовъ. Изготовление ея обошлось очень дорого — 4,000 руб. (сумма огромная по тому времени); но Шуваловъ принялъ этотъ расходъ на себя и пополнилъ его изъ своего жалованья. Казнѣ пришлось потратить только 500 рублей „на мундиры 9 фурлейтовъ, сопровождавшихъ коляску“. Судя по стоимости этихъ мундировъ, надо полагать, что они были очень роскошны.

Бразильская императорская семья. (Рис. на стр. 1228).

Разразившаяся въ Рио-Жанейро революція заставила императора домъ-Педро II покинуть Бразилію. Имя этого государя хорошо извѣстно въ Европѣ, которую онъ посетилъ трижды. Во время своего втораго и третьяго путешествія, въ 1876 году, а затѣмъ въ 1887 году, онъ посетилъ также Россію. Тогда-же нашъ журналъ, помѣстивъ портреты императора и императрицы Бразильскихъ, сообщилъ подробныя ихъ біографіи. Нынѣ укажемъ только, что царствованіе домъ-Педро продолжалось 58 лѣтъ, и въ теченіе этого времени государственная жизнь Бразиліи слѣдила громадныя успѣхи. Родившись 2 декабря 1825 года, домъ-Педро на шестомъ году вступилъ на престолъ, по отреченіи своего отца, домъ-Педро I, 7 апрѣля 1831 г. Спустя 9 лѣтъ, 23 іюля 1840 года, былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, принялъ бразды правленія и короновался 18 іюля 1841 года. Въ 1843 году онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью умершаго въ 1830 году короля обихъ Сициліи, Франциска I, Терезы-Христіаной-Маріей, родившейся 14 марта 1822 г. Изъ дѣтей императора осталась въ живыхъ только старшая дочь, наслѣдн-

ца престола, принцесса Изабелла, родившаяся 17 июля 1846 г. В 1864 году она вышла замуж за сына герцога Немурского, Лудовика-Филиппа графа д'Э (d'Eu), которому тогда было 27 летъ. Младшая дочь императора, Леопольдина, родилась в 1847 году и умерла в 1871 году. Она была замужем за принцем Лудвигомъ Саксенъ-Кобургъ-Готскимъ.

Большая непопулярность принцессы Изабеллы и ея супруга, графа д'Э, вслѣдствіе ихъ открытаго покровительства іезуитамъ, были однимъ изъ поводовъ совершившагося переворота. Съ другой стороны, эмансипація рабовъ съ 1871 года, вызвала не мало недовольныхъ среди самаго зажиточнаго въ Бразиліи сословія плантаторовъ. Выбѣсъ съ тѣмъ, слишкомъ снисходительный и мягкій характеръ императора не препятствовалъ появленію и сплоченію недовольныхъ также среди другихъ классовъ населенія, которые, какъ только успѣли привлечь на свою сторону войско, тотчасъ совершили переворотъ, лишивъ престола одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ и гуманныхъ государей настоящаго вѣка.

Э. Э. Эйхвальдъ.

(Портр. на стр. 1229).

Тяжелую утрату понесъ недавно русскій медицинскій миръ. 2 ноября скончался бывшій профессоръ Медико - Хирургической Академіи и директоръ Клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, тайный совѣтникъ Эдуардъ Эдуардовичъ Эйхвальдъ. Въ его лицѣ медицинская наука лишилась одного изъ крупнѣйшихъ и блестящихъ своихъ представителей, а общество потеряло замѣчательнаго дѣятеля, талантливаго, энергичнаго, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ терапевтовъ, чловѣка пытливаго ума и независимаго характера, съ горячей любовью относившагося къ своему дѣлу, которымъ была полна вся жизнь покойнаго. Какъ ученый, онъ извѣстенъ цѣлымъ рядомъ трудовъ, обогатившихъ науку, среди которыхъ особенно цѣнны были его изслѣдованія по физиологической и патологической химіи, какова, напримѣръ, изданная имъ на нѣмецкомъ языкѣ работа „Beiträge zur Chemie der Globulinbildenden Substanzen“. Его клиническія лекціи, имѣвшія громадный успѣхъ, цитируются лучшими учеными врачами, а небольшое, но вѣское сочиненіе о „Грудной жабѣ“ представляетъ необходимое руководство для каждаго врача-специалиста по внутреннимъ болѣзнямъ. Профессоръ Эйхвальдъ писалъ немного, но это немногое, особенно изъ трудовъ его въ послѣднее время, „цѣнилось на вѣсъ золота“. Огромныя услуги оказалъ онъ и какъ педагогъ, какъ лекторъ, масса учениковъ котораго разсѣяны теперь по всей Россіи. На его лекціяхъ врачи и медицинскіе студенты, жадно ловившіе каждое слово профессора, обладавшаго чрезвычайной богатой и практичскими свѣдѣніями, приобрѣтали множество цѣнныхъ указаній, такъ какъ Эйхвальдъ постоянно и ревниво слѣдилъ за наукой, и не оставлялъ ни на іоту отъ ея послѣднихъ изобрѣтеній, сообщая слушателямъ своимъ то, чего нельзя было отыскать въ извѣстныхъ учебникахъ и руководствахъ. Эти слушатели профессора живо помнятъ его талантливыя лекціи о расстройствахъ кровообращенія, его клиническій разборъ отдѣльныхъ формъ заболѣваній, лекціи по общей терапіи, отличавшіяся и научнымъ содержаніемъ, и практическими указаніями. Онъ всегда держалъ анатомо-физиологической основы и мало давалъ цѣпы отвлеченнымъ теоріямъ, настаивая на научной точности изслѣдованія, съ удивительнымъ талантомъ мотивируя назначеніе лѣкарствъ. Памятенъ и его чтенія о гомеопатіи, когда онъ съ полнымъ научнымъ безпристрастіемъ и присущимъ ему критическимъ талантомъ, на основаніи работъ гомеопатовъ, разбираетъ основы этого ученія, отклонившагося отъ научнаго пути.

Вотъ почему лекціи Эйхвальда привлекали массу слушателей. Но еще болѣе важную услугу оказалъ онъ учащимся специалитамъ, врачамъ и студентамъ въ дѣлѣ устройствя высшаго медицинскаго учебнаго заведенія въ Петербургѣ, а именно Клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны, основаннаго въ 1885 году. Основанный съ цѣлью усовершенствованія начинающихъ врачей обоюбого пола въ различныхъ специальностяхъ, путемъ практики и для подготовки ихъ къ самостоятельной дѣятельности, институтъ получилъ вполнѣ образцовое устройство, благодаря удивительной энергіи Эйхвальда, который, такъ сказать, положилъ въ него всю душу, заботился о каждой мелочи, о лабораторіи, о выборѣ состава преподавателей, профессоровъ и врачей, и, кромѣ личныхъ трудовъ, въ качествѣ директора института, въ которомъ онъ читалъ клиническія лекціи терапіи и внутреннихъ болѣзней, оказалъ ему большую матеріальную поддержку, пожертвовавъ на это учрежденіе

75,000 рублей. По почину Эйхвальда, была также устроена при институтѣ первая въ нашей столицѣ лабораторія для бактериологическихъ изслѣдованій. Не смотря на свои служебныя обязанности и обширную врачебную практику, Эйхвальдъ много занимался наукой, и его огромная медицинская бібліотека въ нѣсколько тысячъ томовъ можетъ считаться единственною въ своемъ родѣ. Не смотря на свое нѣмецкое происхожденіе, профессоръ Эйхвальдъ былъ настоящимъ русскимъ гражданиномъ и умѣлъ цѣнить даровитыхъ русскихъ людей, которыхъ онъ всегда старался отыскивать и всегда отличалъ. Да и женатъ онъ былъ на русской.

Безъ сомнѣнія, профессоръ Эйхвальдъ и талантливость свою, и любовь къ наукѣ унаследовалъ отъ отца, извѣстнаго естествоиспытателя-палеонтолога и путешественника. Эдуардъ Ивановичъ Эйхвальдъ объѣзжалъ почти всю Европу, Кавказъ вплоть до Персіи, Алжирію и другія страны и при томъ былъ профессоромъ зоологіи и минералогіи въ Медико - Хирургической Академіи, а въ Горномъ институтѣ читалъ палеонтологію. За годъ до назначенія его профессоромъ, въ 1837 году, у него родился, здѣсь-же

въ Петербургѣ, сынъ Эдуардъ Эдуардовичъ, который первоначально воспитывался дома. Ученый отецъ старался дать ему хорошее образованіе, особенно по естественнѣднію, и помѣстивъ его затѣмъ въ Анненскую школу, по окончаніи курса которой Эйхвальдъ поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію. Выдающіеся способности, обнаруженныя имъ еще въ школѣ, обратили на него вниманіе профессоровъ и въ Академіи, гдѣ онъ окончилъ курсъ въ 1859 году, первымъ. Оставленный при Академіи, онъ занимался сначала въ клиникѣ Бессера, а потомъ состоялъ ассистентомъ профессора Н. Э. Зденкауэра, и читалъ лекціи по диагностикѣ; а съ выходомъ послѣдняго изъ Академіи былъ ассистентомъ при извѣстномъ профессорѣ В. Е. Эккѣ. Въ 1863 году Эйхвальдъ защитилъ диссертацию на степень доктора медицины, — диссертацию вызвавшую большія похвалы извѣстнаго ученаго Риндлефина въ его учебникѣ патологической анатоміи, — и тогда-же былъ отправленъ на казенный счетъ за границу. Возвратившись въ Россію, онъ былъ избранъ, въ 1865 г. адъюнктомъ-профессоромъ по кафедрѣ общей терапіи при профессорѣ Эккѣ, а вполнѣдствіи занялъ его кафедру, въ качествѣ ординарнаго профессора въ госпитальной клиникѣ внутреннихъ болѣзней. Въ 1866 г. Эйхвальдъ получилъ назначеніе состоять врачомъ при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, а въ послѣдующіе годы, по производствѣ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, сдѣланъ членомъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, совѣщательнымъ и затѣмъ непрѣмленнымъ членомъ ме-

Домъ Педро II, императоръ Бразильскій.

Гастонъ графъ д'Э, мужъ наследницы Изабеллы.

Наслѣдница Изабелла Бразильская.

Съ fotogr. грав. Шюблеръ.

дицинскаго совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и непремѣннымъ членомъ Ученаго военно-медицинскаго комитета. Во время появившейся въ Веглянкѣ чумной эпидеміи, въ 1878—1879 гг., онъ былъ командированъ въ распоряженіе временнаго астраханскаго генераль-губернатора, гр. Лорисъ-Меликова, причемъ отнесся крайне скептически въ тревогѣ, объявившей и Россію, и Западную Европу, считая опасность чрезвычайъ преувеличенною. Перейдя въ 1883 году въ вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи, онъ занялъ мѣсто инспектора медицинскій части этихъ учрежденій, а съ открытіемъ въ 1885 году Клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны сдѣланъ его директоромъ и оставался въ этой должности до самой кончины. На смертномъ одрѣ интересовался онъ дѣлами этого,

созданнаго имъ, учрежденія и давалъ разныя указанія относительно дальнѣйшей судьбы института. Въ 1886 г. Эйхвальдъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Онъ состоялъ членомъ многихъ русскихъ и иностранныхъ медицинскихъ учрежденій и обществъ. Въ позднѣйшее время онъ помѣщалъ свои интересныя работы въ журналахъ „Врачъ“ и „Практическая Медицина“, гдѣ обратили на себя вниманіе его прекрасныя статьи по новоду задачъ и дѣятельности коммисіи по вопросу объ устройствѣ санитарной части въ Имперіи и по поводу появленія въ Европѣ холеры въ 1883—84 гг. Эйхвальдъ умеръ далеко не старымъ человекомъ, и тѣмъ горестнѣе для насъ эта потеря замѣчательнаго практическаго врача и ученаго теоретика, создавшаго цѣлую школу учениковъ.

П. Быновъ.

Политическое обозрѣніе.

Миролюбивое настроеніе Европы является знаменіемъ настоящего времени. Такъ, по крайней мѣрѣ, заявлялось дважды при открытіи палаты: въ Италіи и Румыніи. Въ королевскомъ посланіи, которымъ открыты засѣданія палаты въ Бухарестѣ, въ началѣ говорится, что утомленная борьбою страна требуетъ представителей труда, людей просвѣщенныхъ, чтобы упрочить цвѣтущее финансовое положеніе и облегчить благотворную задачу общественныхъ службъ. Далѣе въ посланіи съ удовольствіемъ упомянуто о существованіи добрыхъ отношеній между Румыніей и всѣми державами, и сказано, что довѣріе къ Румыніи основано на ея благоразумномъ поведеніи. Король съ удовольствіемъ заявилъ при этомъ объ усиліяхъ, увѣнчавшемъ единодушныя усилія державъ сохранить миръ.

Тронная рѣчь короля Гумберта отличалась необычнымъ оптимизмомъ. Прежде всего въ ней указано, что всѣ итальянцы могутъ раздѣлить чувство гордости по поводу упрочившагося единства и свободы Италіи, такъ какъ теперь нечего опасаться ни препятствій, ни риска. „Италія — говоритъ далѣе — сдѣлала въ тридцать лѣтъ то, на что у другихъ націй требовался трудъ цѣлаго столѣтія“. Король заявляетъ далѣе о своемъ заботливомъ отношеніи къ общественнымъ задачамъ и выражаетъ желаніе, чтобы его царствованіе послужило на пользу особенно благоденствію низшихъ классовъ. Затѣмъ въ рѣчи объявлено о внесеніи различныхъ законопроектовъ и сказано, что правительство не потребуетъ новыхъ налоговъ и предложитъ упразднить дифференціальныя тарифы между Италіей и Франціей. „Моя политика — говорилъ король — имѣетъ въ виду спокойствіе умовъ, которое соответствуетъ спокойному характеру итальянскаго народа и служитъ наиболее прочнымъ залогомъ мира. Въ настоящее время миръ, повидимому, обезпеченъ Европѣ болѣе чѣмъ когда-нибудь, благодаря совѣту великихъ державъ. Мое дѣло есть также дѣло и моихъ союзниковъ. Вопросы, могущіе нарушить спокойствіе, не всѣ еще разрѣшены; будемъ же съ бодрствующею заботливостью, но не слишкомъ обременяя бюджетъ, давать попрежнему все нужное для арміи и флота, которые составляютъ защиту нашего единства и независимости и, вмѣстѣ съ нашимъ правомъ, краснорѣчиво поддерживаютъ наши интересы въ мирѣ. Но я увѣренъ, что, благодаря мудрости правительства и благоразумію народовъ, приготовленнаго всѣми оружія не придется употребить въ дѣло. Мы приложимъ его въ Африкѣ, гдѣ политикѣ нашей предвидится успѣхъ и гдѣ для нашего вліянія открыта обширная сфера дѣйствій. Вліяніе это я желаю употребить на пользу цивилизаціи, чтобы имя новой Италіи было повсюду бла-

гословляемо“. Рѣчь эта была встрѣчена сильными рукоплесканіями.

Въ Германіи и во Франціи палаты депутатовъ заняты вопросами внутренней политики.

Въ Парижѣ въ первые же дни дѣятельности палаты, министерству пришлось понести поражение, направленное, правда, не прямо противъ него, но скорѣе противъ нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Однимъ изъ депутатовъ, Лэде, было внесено предложеніе о свободѣ сличнаго производства. Министръ Рувье сильно осаривалъ это предложеніе, которое, тѣмъ не менѣе, было принято палатой, какъ подлежащее немедленному обсужденію, и затѣмъ, не смотря на сопротивление Рувье, палата, большинствомъ 292 голосовъ противъ 232, приняла статью 1-ю проекта Лэде. Въ слѣдствіе такого оборота дѣла Рувье намѣревался выйти въ отставку, но по настояніямъ Тирара остался. На другой день, 11 ноября, Тираръ, вмѣстѣ съ Рувье, снова сдѣлалъ нѣсколько возраженій противъ предложенія Лэде, и затѣмъ палата отвергла статью третью проекта. Тогда Лэде взялъ назадъ свое предложеніе. Въ слѣдствіе затѣмъ Рувье заявилъ, что сличною монополіею

Профессоръ Эдуардъ Эдуардовичъ Эйхвальдъ. † 2 ноября. Съ фотогр. Шанпро, грав. Шюблеръ.

будетъ завѣдывать само правительство. Инцидентъ этотъ, самъ по себѣ незначительный, можно думать, послужитъ предостереженіемъ министерству.

Въ Германскомъ рейхстагѣ произошло событіе совершенно другаго свойства, но чрезвычайно знаменательное. При обсужденіи бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ, Рихтеръ спросилъ—правда-ли, какъ то утверждаетъ часть печати, что начальникъ генеральнаго штаба оказываетъ вліяніе на направленіе внѣшней политики. Военный министръ назвалъ относился къ этому газетныя статьи пустою болтовнею. „Армію оскорбляютъ—сказалъ онъ—предположеніемъ, что между офицерами можетъ существовать духъ оппозиціи противъ правительства и императора“. Графъ Бисмаркъ присоединился къ словамъ военнаго министра и назвалъ всѣ эти толки миеомъ. „Иностранною политикою—присовокушалъ министръ—руководитъ императоръ, который совѣщается при этомъ съ компетентными лицами“.

Подробности о бразильскомъ переворотѣ до сихъ поръ весьма незначительны. Тѣмъ не менѣе, теперь уже съ достовѣрностію можно сказать, что одною изъ главнѣйшихъ его причинъ была отиѣна рабства. Плантаторы, люди съ большими средствами, были чрезвычайно недовольны этою мѣрою. Рядомъ съ ними, республиканцы, по многимъ причинамъ, въ особенності за послѣднее время, были настроены враждебно правительству. Союзъ этихъ двухъ партій, успѣвшихъ привлечь на свою сторону войска, и далъ имъ возможность совершить не-

давній переворотъ. Полученныя въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, въ Парижѣ, телеграммы изъ Бразиліи удостовѣряютъ, что ни одно изъ правительствъ и ни одна изъ американскихъ республикъ не признали еще бразильскаго правительства, которое, впрочемъ, ждетъ рѣшенія учредительнаго собранія прежде, чѣмъ потребовать признанія. Для охраны французскихъ и англійскихъ подданныхъ посланы одно французское и два британскихъ военныхъ судна. Относительно послы-

ки германскихъ судовъ, въ *Стеверо-Германской Всеобщей Газетѣ* пишутъ: „Судя по телеграфнымъ сообщеніямъ, вышнее положеніе дѣлъ въ Бразиліи едва-ли можетъ дать державамъ поводъ къ безпокойству. Временное правительство, повидимому, не имѣетъ недостатка ни въ силѣ, ни въ желаніи сохранить порядокъ; поэтому не представляется надобности посылать въ Рио-Жанейро германскія военныя суда“.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ прибылъ 11 ноября въ 6 час. утра въ Варшаву. Въ вокзалѣ Варшавско-Вѣнской дороги Его Императорское Высочество встрѣтили и. д. главного начальника края генераль-адъютантъ графъ Мусинъ-Пушкинъ и другія власти. Наслѣдникъ Цесаревичъ побѣдилъ генераль-адъютанта графа Мусина-Пушкина, а отсюда въ открытой коляскѣ прослѣдовалъ на мѣсто расположенія лейбъ-гвардіи Волынскаго полка. Полкъ былъ выстроенъ развернутымъ фронтомъ. Поздоровавшись съ полкомъ, Его Императорское Высочество посѣтилъ полковую церковь, затѣмъ офицерское собраніе. Послѣ завтрака въ собраніи, Его Императорское Высочество, въ сопровожденіи и. д. главного начальника края, послѣдовалъ въ варшавскій кафедральный соборъ и со станціи Петербурго-Варшавской дороги отбылъ при громогласномъ „ура“.

Дѣла церкви.

— Государь Императоръ, 21 октября сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: възвать пресвѣщенныя митрополитовъ: Киевскаго—Платона и Московскаго—Иоаннкія и архіепископа Холмско-Варшавскаго—Леонтія въ Петербургъ, для присутствія въ Свѣтѣйшемъ Синодѣ.

— 4 ноября, въ гор. Казани, въ кафедральномъ соборѣ, было совершено, Крещеніе татарина Гябадулы Гябадулина, 26 лѣтъ, по занятію литографика, который при Крещеніи получилъ имя Павла.

Правительственныя распоряженія.

— Государь Императоръ, 8 ноября 1889 г., Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы приняты въ число присяжныхъ и частныхъ поитренныхъ лицъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій подлежащими судебными установленіями и совѣтами присяжныхъ поитренныхъ, впредь до изданія особаго по сему предмету закона, допускалось не иначе какъ съ разрѣшенія Министра Юстиціи, по представленіямъ о семъ предсѣдатель означенныхъ установлений и совѣтовъ.

— Динландскій губернаторъ довелъ до свѣдѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о неблагонадежныхъ, въ правительственномъ отношеніи, дѣйствіяхъ члена рижской городской управы статскаго совѣтника фонъ-Эттингена и о допускаемыхъ нерѣдко въ тамошней городской думѣ неумѣстныхъ сужденіяхъ. По всеподданнѣйшему о семъ докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Государь Императоръ, 9 ноября, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Рижскому городскому головѣ, дѣйствительному статскому совѣтнику фонъ-Эттингену, за непріятныя мѣры къ устраненію допускаемыхъ въ означенной городской думѣ неумѣстныхъ сужденій, сдѣлать строгій выговоръ. 2) Члена городской управы статскаго совѣтника фонъ-Эттингена удалить не только

изъ состава городской управы, но и изъ состава учреждений городскихъ общественныхъ управленій вообще, съ воспрещеніемъ ему и впредь вступать въ общественную службу.

Военное и морское дѣло.

— 10 ноября, въ 12^{1/2} часовъ утра, во дворцѣ Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Николаевича состоялся завтракъ, на который были приглашены всѣ артиллерійскіе генералы, находящіеся въ Петербургѣ, и всѣ представители артиллеріи, прибывшіе въ Петербургъ на праздники 500-лѣтія артиллеріи.

— Изъ Баку телеграфируютъ, что военный пароходъ „Насръ-Эдинъ-шахъ“, сидѣвшій на камнѣ около острова Живаго, разбитъ послѣдними бурями и пошелъ ко дну. Военный пароходъ „Геокъ-Тене“ потерпѣлъ крушеніе въ 11 миляхъ отъ Сулака. Днище пробито въ машинномъ отдѣленіи, вода стоитъ по наружный горизонтъ, надежды на спасеніе парохода нѣтъ. Посланную съ парохода лодку съ офицеромъ перевернуло бурною, причѣмъ погибли поручикъ Шилинъ и пять матросовъ; осталась команда и офицеры живутъ на ватагахъ. Тѣла погибшихъ, за исключеніемъ одного матроса, найдены и погребены на берегу.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ Харьковѣ, 10 ноября, открытъ, въ предсѣдательствѣ д. с. с. Таскина, четырнадцатый съѣздъ горнопромышленниковъ Юга Россіи. Занятія продолжатся около двухъ недѣль.

— Въ Тифлисѣ, 12 ноября, во дворцѣ главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ происходила торжественная раздача наградъ экспонентамъ кавказской сельскохозяйственной и промышленной выставки. Всѣхъ наградъ присуждено болѣе тысячи, въ томъ числѣ золотыхъ медалей 48, серебряныхъ болѣе 82, малыхъ 179, бронзовыхъ 247, почетныхъ дипломовъ, замѣняющихъ медали — золотыхъ 8, серебряныхъ 27, бронзовыхъ 47. Золотыя медали, между прочимъ, получили: Мургабское Государевое имѣніе по земледѣлію, удѣльня имѣнія Абрау и Кахетинское по винодѣлію, графъ Шереметевъ по винодѣлію же; владѣлецъ Боржомскаго имѣнія Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ по львоводству. Три заграничныя фирмы: Энкертъ въ Берлинѣ, Рамсонъ въ Англіи и Марсъ во Франціи по отдѣлу земледѣльческихъ орудій и машинъ. Торжество закончено народнымъ гимномъ и громкимъ „ура“.

— Варнавинское земское собраніе постановило открыть въ селѣ Баки въ 1890 г. ремесленные классы для изученія столярнаго, слесарнаго и кузнечнаго мастерства.

— Недавно, компанія колонистовъ приобрѣла въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, Таплической губерніи, около с. Британо, 1,000 десятинъ земли, для разведенія тамъ аккерманскаго винограда.

— Вслѣдствіе морозовъ, съ 18 по 22 октября, третья часть урожая хлопка въ Турке-

станскомъ краѣ погибла, а морозомъ 18 сентября уничтожена часть первого сбора хлопка за Сыръ-Дарьей. Въ орошенныхъ мѣстахъ голодной степи оканчивается третій и послѣдній сборъ хлопка. Въ этой мѣстности урожай хлопка обильный.

Пути сообщенія.

— Работы по сооруженію Сурамскаго туннеля идутъ въ настоящее время весьма успешно. Воды показывается мало; рабочихъ рукъ и запаса матеріаловъ имѣется достаточно. Каменная кладка туннеля должна закончиться въ апрѣлѣ или въ маѣ мѣсяцѣ будущаго года, если не произойдетъ какихъ-нибудь осложненій при работахъ.

— Изъ Кучана сообщаютъ, что работы по проведенію мешхедо-кучанскаго колеснаго пути подвигаются крайне медленно, вслѣдствіе недостаточнаго технического надзора со стороны персидскаго правительства и затруднительныхъ каменныхъ работъ въ горахъ. Открытіе колеснаго пути не можетъ послѣдовать раньше лѣта будущаго года.

Наука.

— Участникъ экспедиціи полковникъ Пѣвцова, В. И. Роборовскій, сообщаетъ письмомъ изъ Хотана, что экспедиція прибыла въ Хотанъ 25 сентября, пробывъ почти мѣсяцъ въ горахъ для отдыха вьючнымъ животнымъ. Изъ Хотана выступили 28 сентября въ Ню, гдѣ будутъ зимовать и искать прохода въ Тибетъ черезъ пограничный хребетъ Куень-Лунь. Этотъ хребетъ названъ покойнымъ Пржевальскимъ „Хребетъ Русскій“. Въ Тибетѣ надѣются провести лѣтніе мѣсяцы; какъ пойдутъ обратно — еще не рѣшено.

Изъ губерній и областей.

— Въ Одессѣ, 13 ноября, сгорѣла до тла единственная проволочная и штифовая фабрика Шполянскаго.

— Изъ Симферополя отъ 14 ноября телеграфируютъ, что Бѣлозерская сберегательная касса похищена чрезъ разобранный потолокъ; тяжело ранены кассиръ и сторожа кассы.

— Во время пребыванія въ Керки генерала Матѣева съ офицерами, производившими военно-полевую поѣздку, въ пограничной бухарско-афганской деревнѣ Босага, къ генералу явился офицеръ, начальникъ афганскаго поста, съ выраженіемъ дружбы, питаемой эмиромъ Абдурахманомъ и афганцами къ русскимъ, и просилъ принять угощеніе для офицеровъ и фуражъ для лошадей.

— Въ Бухарѣ скончался на 86 году жизни великій вѣзиръ Бухары. Изъ двухъ внуковъ покойнаго одинъ — главный сборщикъ податей въ Бухарѣ, а другой — губернаторъ Чарджуя. Покойный пользовался общимъ уваженіемъ мѣстнаго населенія и русскихъ властей. Онъ происходилъ изъ рабовъ-персіянъ, былъ проданъ туркменами Бухарскому эмиру за 80 руб.

С М Ъ С Ъ .

Вся Вѣна, по словамъ иностранныхъ газетъ, нетерпѣливо ждала Эдиссоновскаго фонографа, чтобы собственными ушами убѣдиться въ достоверности приносимыхъ ему чудесъ. А между тѣмъ, по словамъ тѣхъ же газетъ, успѣлъ появиться другой волшебный аппаратъ, также американскаго происхожденія, который, по убѣренію представителя фирмы, даетъ то же, что и фонографъ Эдиссона, но превосходить его простотой конструкціи и давностью изобрѣтенія. Имя изобрѣтателя — *Чарльзъ Семмеръ Тэнтеръ*; название прибора — *трифобонъ*, въ отиачіе отъ Эдиссоновскаго фо-

нографа. Новый аппаратъ, равно какъ и фонографъ, былъ выставленъ на Парижскій выставкѣ, но о немъ до сихъ поръ не было рѣчи. Первое демонстрированіе прибора въ Вѣнѣ происходило въ клубѣ Конкордія, въ присутствіи членовъ послѣдняго. Приборъ прежде всего поражаетъ безпритязательностью вѣшняго вида. Онъ напоминаетъ собою швейную машину и также приводится въ движеніе посредствомъ колеса и педали. Электричество не играетъ здѣсь никакой роли, ни въ видѣ двигательной силы, ни для приѣма или передачи звуковъ. Представитель нью-йоркскаго об-

щества, взявшаго привилегію на изготовленіе графофона заводскимъ способомъ, объяснялъ устройство механизма, дѣйствительно отличающагося, повидимому, крайнею простотою. Слова, сказанныя въ воронку (Trichter), въ ту часть аппарата, которая предназначена для приема звука, производятъ колебанія пластинки (Glimmerplättchen), передающіяся штифтику, который оставляетъ слѣдъ на валикѣ, покрытомъ слоемъ воска. Когда желаютъ, чтобы произнесенный или принятый звукъ былъ повторенъ аппаратомъ, все вышесказанное совершается въ обратномъ порядкѣ. Валики поворачиваютъ, полученные на немъ знаки дѣйствуютъ посредствомъ штифта на слушательный приборъ въ родѣ телефона, изъ котораго можно слышать рѣчь или пѣніе посредствомъ приложенныхъ къ ушамъ трубокъ. Само собою, при такомъ способѣ передачи звуковъ графофономъ, слушать можетъ одновременно лишь одно лицо. Представитель фирмы говорилъ хотя, что при большемъ размѣрѣ резонансныхъ воронокъ (Schalltrichter) звуки могутъ быть слышаны во всей комнатѣ, цѣлымъ обществомъ, но такихъ опытовъ произведено не было. Каждое изъ собравшихся лицъ вслушивало поочередно отдѣльныя части той рѣчи, которую повторялъ графофонъ. Окончательнаго сужденія о пригодности и практичности новаго аппарата пока не было произнесено. Представитель обращалъ вниманіе присутствующихъ на то, что восковыя гильзы могутъ быть пересылаемы по почтѣ въ легкіхъ деревянныхъ ящичкахъ, что уже и практикуется, по его словамъ, въ Америкѣ. Общество, предпринявшее фабричное изготовленіе графофоновъ, намѣрено отдавать ихъ на прокатъ по 40 долларовъ въ годъ, какъ уже отдаются телефоны. (с.)

Ружье Жиффары. То, о чемъ я собираюсь говорить, пишетъ одинъ парижскій корреспондентъ, — не химера, не басня, выдуманная по случаю закрытія всемірной выставки, а новое изобрѣтеніе, испытанное на моихъ глазахъ, и на которое взяты привилегіи отъ государства всего земнаго шара. Я говорю о чудесномъ *ружьѣ безъ пороха*, испробованномъ въ моемъ присутствіи его изобрѣтателемъ, г. Полемъ Жиффаромъ. Приобрѣвшій уже извѣстность воздухоохлаждительною машинкой для сохраненія съѣстныхъ припасовъ и учрежденною уже правительствомъ *Парижскою тѣматическою почтой* для доставленія мѣстныхъ денегъ, г. Жиффаръ, послѣ долготѣннихъ трудовъ на этомъ поприщѣ, придумалъ ружье, въ основаніи котораго лежитъ принципъ сжатая и приведеннаго въ жидкое состояніе воздуха. Въ залѣ, гдѣ происходили опыты, не было ни станка (Schiesstand), никакихъ приспособленій для безопасности. Несмотря на громкую извѣстность изобрѣтателя, я усомнился нѣсколько въ успѣхъ его опыта, когда г. Жиффаръ показалъ мнѣ ружье, весьма похожее по наружному виду на существовавшія до сихъ поръ, и объявилъ, что оно можетъ произвести 300 выстрѣловъ, безъ перезаряджанія. Ружье очень легко, гораздо легче всѣхъ извѣстныхъ доселѣ военныхъ ружей. Оно напоминаетъ магазинное въ томъ отношеніи, что къ стволу его также привинчивается небольшая коробка въ дюймъ толщиною. Коробка эта заключаетъ въ себѣ 300 зарядовъ, которые могутъ быть выпущены по произволу, одинъ за другимъ, безъ перезаряджанія. Такъ какъ для выстрѣла не требуется ни пороха, ни другаго какого-либо взрывнаго вещества, а лишь устроенный на самомъ ружьѣ механизмъ для сжатія воздуха и приведенія его въ жидкое состояніе, то здѣсь нѣтъ ни дыма, ни огня, а слышится только нѣкоторый трескъ. Ружье названо изобрѣтателемъ ballistique. Пули, попадающія съ величайшею точностью, глубоко врѣзаются въ стѣну зала и отскакивали назадъ. По израсходованіи всѣхъ 300 зарядовъ, навинчивается новая коробка. Г. Жиффаръ объявилъ, что онъ можетъ готовить такія коробки на 300 выстрѣловъ по 10 сантимовъ.

Кромѣ отсутствія дыма и огня, которое дѣлаетъ дѣйствіе ружья, бьющаго на 2,000 метровъ, абсолютно невидимымъ (а на извѣстномъ разстояніи почти неслышимымъ), г. Жиффаръ приводитъ слѣдующія преимущества своего изобрѣтенія:

Мѣткость выстрѣла абсолютна, такъ какъ прицѣлъ можетъ быть регулируемъ по желанію; ружье не имѣетъ ни малѣйшей отдачи (сгнѣять можно одною рукою), не допускаетъ никакихъ несчастныхъ случаевъ при заряджаніи; стволъ не нагревается даже послѣ 300 выстрѣловъ; коробки, содержащія жидкій газъ на 300 выстрѣловъ, легки, могутъ быть переносимы въ большомъ количествѣ и, равно какъ и самое ружье, выдерживаютъ всякую непогоду и перемену температуры. Ружье дѣлается для пудъ разной формы, какъ круглыхъ, такъ и коническихъ, и можетъ быть изготовляемо по 25 франковъ за штуку.

Г. Полю Жиффару того мнѣнія, что его изобрѣтеніе, развѣнчивающее порохъ, сдѣлаетъ войны невозможными. Противъ войскъ, дѣйствующихъ съ величайшею мѣткостью, абсолютно невидимыхъ и стрѣляющихъ по 300 разъ безъ перезаряджанія, на разстояніи 2,000 метровъ, устоять нельзя, а такъ какъ обѣ стороны будутъ обладать одинаковыми преимуществами, то какъ нападеніе, такъ и оборона станутъ невозможными. Прежде всего сдѣлается немислимою кавалерія.

Не придавая этимъ объясненіямъ большаго значенія, чѣмъ могла требовать вѣдливость относительно гениальнаго изобрѣтателя, я только выразилъ ему сожалѣніе, что самая сущность его ружья, какъ составляющая секретъ, не можетъ быть обнародована. По желанію г. Жиффары, изобрѣтеніе его было испытано экспертами различныхъ государствъ, въ томъ числѣ и въ Берлинѣ. До сихъ поръ имъ изготовлено три ружья ballistique, калибра 6, 8 и 12 мил.

Какъ бы то ни было, можно сказать съ увѣренностью, что изобрѣтеніе это причинитъ не мало безсонныхъ ночей государственнымъ людямъ, высшимъ военнымъ чинамъ и, въ особенности, вла-

дѣльцамъ оружейныхъ и пороховыхъ заводовъ. (с.)

Землетрясенія въ Россіи. По историческимъ даннымъ, первое землетрясеніе въ Кіевѣ наблюдали въ 1086 г. при великомъ князѣ Всеволодѣ. Затѣмъ въ 1091 г. Въ 1106 г., во время приготовленія Святополка Милославовича къ походу противъ Половцевъ, Владиміръ Залѣскій наблюдалъ, какъ вслѣдствіе землетрясенія кресты валились съ церкви. Послѣ того какъ нѣсколько разъ были засвидѣтельствованы подземные удары, въ 1197 г. послѣдовало, особливо въ Кіевской области, надбавшее много вреда, сильное землетрясеніе. Такое же сильное землетрясеніе распространилось по всей Россіи 3 мая 1230 г., но лишь на Югѣ надбавило много вреда. Слабое землетрясеніе 1 октября 1445 г. въ Москвѣ, благодаря ночному времени, большинствомъ было проспано. Второй разъ въ Москвѣ наблюдалось землетрясеніе 28 августа 1471 г. при велик. князѣ Иоаннѣ III. Въ срединной и южной Россіи повторяются землетрясенія, вѣроятно, периодически каждыя 20—30 лѣтъ и именно весною или осенью послѣ сильныхъ морозовъ или ужасныхъ жаровъ. Зимой же землетрясеній никогда не наблюдалось. (N.)

Директоръ Царскосельской Николаевской гимназіи Л. А. Георгіевскій, при сотрудничествѣ нѣкоторыхъ учителей гимназіи и преподавателей древнихъ языковъ, предпринимаетъ иллюстрированное изданіе греческихъ и римскихъ классиковъ, съ поясненіями. Сборникъ, пользующійся поддержкой министра Народнаго Просвѣщенія, будетъ выходить отдѣльными выпусками. (с.)

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 3 ноября 1889 г. № 2516 о сборѣ пожертвованій въ пользу голодающихъ черногорцевъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшіи Правительствующіи Синодъ имѣли сужденіе о тяжкомъ бѣдствіи, постигшемъ жителей единовѣрной и единоплеменной страны Черногоріи. Приказали: Понушениемъ Божиимъ доблестный въ православной вѣрѣ Черногорскій народъ угнетенъ великимъ бѣдствіемъ—голодомъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ бездождіе породило въ странѣ засуху, сопровождавшія повсемѣстными неурожаями, а въ выпѣшемъ году положеніе жителей еще болѣе ухудшилось—крайній недостатокъ хлѣба и жизненныхъ припасовъ вызвалъ голодъ; больные и дѣти нуждаются въ кускѣ пашущаго хлѣба, и родители, дабы найти средства пропитанія въ странахъ чуждыхъ, вынуждаются оставлять родную страну, для защиты которой нѣкогда не щадили ни имущества, ни самой жизни. Княжеское правительство прилагало и прилагаетъ всемѣрное попеченіе объ облегченіи несчастной участи страждущихъ, но народное бѣдствіе такъ велико, а средства правительства такъ ограничены, что настоятъ неотложная надобность въ сторовней помощи. Въ твердомъ увѣрованіи, что возлюбленные о Господѣ чада нашей Святой Соборной и Апостольской Церкви, по искони отличавшему ихъ состраданію къ впавающимъ въ несчастіе братьямъ нашимъ по вѣрѣ, памятуя спасительную Христову заповѣдь любви, милосердно подвигнутся на посильную помощь бѣдствующимъ жителямъ Черногоріи, Святѣйшіи Синодъ за благо признаетъ поручить Епархіальнымъ Преосвященнымъ, Синодальнымъ Копторамъ—Московской и Грузино-Имеретинской, завѣдывающему придворнымъ духовенствомъ Духовнику Ихъ Императорскихъ Величествъ и Главному священнику Гвардіи, Гренадеръ, Арміи и Флота: 1) сдѣлать безотлагательное распоряженіе о производствѣ во всѣхъ церквахъ Имперіи въ первые два, по полученіи настоящаго распоряженія, воскресные или праздничные дни, кружечнаго сбора въ пользу бѣдствующихъ отъ голода жителей Черногоріи, взысканіе при семъ духовенству въ обязанность, чтобы оно, предъ самымъ сборомъ, объяснило прихожанамъ причину и назначеніе сбора, и 2) предложить причтамъ и церковнымъ старостамъ оказывать, по ихъ личному усмотрѣнію и по соображеніи съ церковными средствами и мѣстными нуждами, возможное пособіе голодающимъ и изъ церковныхъ суммъ, съ тѣмъ, чтобы деньги, какъ собранныя въ кружку, такъ и назначенныя изъ суммъ церквей, безъ замедленія, были препровождены, при надлежащемъ актѣ, за подписью причта и церковнаго старосты, по принадлежности, въ Консисторіи, Конторы и Канцеляріи Духовника Ихъ Величествъ и Главнаго священника, которые обязываются немедленно доставлять таковыя деньги въ Хозяйственное при Святѣйшемъ Синодѣ Управленіе для отсылки по принадлежности, о чемъ и опредѣляется: для зависящихъ къ исполненію распоряженій начеатать настоящее постановленіе въ журналѣ *Церковныя Вѣдомости*.

Пріемъ пожертвованій принимается также конторою журнала *Нива*, Спб., Невскій пр. № 6. Имена жертвователей будутъ публиковаться въ *Нивѣ*, а деньги передаваться по принадлежности.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 года.

Начиная в 1890 году третье десятилетіе своего существованія, „НИВА“ остается вѣрна своей многосторонней и твердо установленной программѣ чисто-русскаго журнала, благодаря которой въ теченіе двухъ первыхъ десятилѣтій успѣла обратить на себя вниманіе всего русскаго общества и занять выдающееся положеніе въ средѣ нашихъ періодическихъ изданій, ставъ наиболѣе распространеннымъ и любимымъ журналомъ русской семьи. Россія, русскій народъ, русская исторія и русская жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ — вотъ что попрежнему будетъ главною основой помѣщаемаго въ „НИВѣ“ литературнаго и художественнаго матеріала.

Что касается литературнаго матеріала имѣющаго появиться въ „НИВѣ“ 1890 г., то съ 1-го номера начнется печатаніемъ новое произведеніе знаменитаго нашего поэта **АПОЛЛОНА НИКОЛАЕВИЧА МАЙКОВА**, разсказъ въ прозѣ, подъ заглавіемъ „Маръ Петровичъ Петровъ“. Около двадцати лѣтъ А. Н. Майковъ ничего не писалъ въ прозѣ, и мы убѣждены, что этотъ высокохудожественный разсказъ произведетъ въ кругу нашихъ читателей особенное впечатлѣніе.

Кромѣ того въ портфель редакціи, между прочимъ, приготовлены къ печати:

Н. Д. Ахшарумова: „НЕВѢРНЫЙ СЛУГА“ и „НЕ ТОТЪ“, разсказы. К. А. Бороздина: „ИЗЪ ПРОШЛАГО БЫТА МИНГРЕЛИИ“ и „ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ СТАРИКА ЧЕРКЕСА“, очерки. В. И. Бибикова: „ПЕРВАЯ ГРОЗА“, повѣсть. А. Э. Брандта: профессора Харьковскаго Университета: „ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ КАРТИНКИ изъ міра животныхъ“. Популярно-научныя статьи. А. И. Введенскаго: „Литературно-критическія миниатюры“ (общедоступныя бесѣды о русской литературѣ). Кв. М. Н. Волконскаго: „КНЯЗЬ НИКИТА БЕДОРОВИЧЪ“, историческ. романъ въ 3-хъ ч. и „СУДЬБА“, разсказъ. В. П. Желиховской: „ТРИ ДѢЙСТВІЯ КОМЕДИИ“, повѣсть.	А. Я. Максимова: „ПОИЪ СИМЕОНЪ“, разсказъ. В. И. Немировича-Данченка: „НА РУССКОМЪ ЮГѢ“, очерки. П. Н. Полеваго: рядъ историч. разсказовъ. Гр. Е. А. Салиаса: „ШАНЪ КРУЛЬ“, историч. романъ. Н. Северина: „ОЧЕРТЯ ГОЛОВУ“, повѣсть. А. К. Сизова: „СОЛОМОНІЯ САБУРОВА“, историч. разсказъ XVI в. А. А. Смирнова: „СКЛИРЕНА“, историческій романъ. А. Соколовой: „СТАРИННЫЙ ВАЛЬСЪ“, разск. К. Тхоржевскаго: „МОЙ ПРІЯТЕЛЬ ДРОБОВЪ“, разсказъ. Э. Э. Тютчева: „АРТЕМІЙ САВАТЬЕВЪ“, разск. Кн. Д. Н. Цертелева: „НИКОГНИТО“, комедія въ 2-хъ дѣйств.

Стихотворенія **П. И. Вейнберга**, **В. Величко**, **А. Н. Майкова**, **Я. П. Полонскаго**, **Кн. Д. Н. Цертелева**, **Г. Г. Ясинскаго**, и друг.

Въ нашемъ художественномъ отдѣлѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ теченіе 1890 г. появится множество портретовъ русскіхъ и иностранныхъ общественныхъ дѣятелей (съ біографіями), сотни оригинальныхъ рисунковъ и копій съ картинъ; сверхъ того, нами заготовлено также множество видовъ русскихъ городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей, исполненныхъ лучшими художниками и граверами для „НИВЫ“.

Въ отдѣлѣ текущихъ новостей читатели попрежнему найдутъ изображенія и описанія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся явленій русской и заграничной общественной жизни, и весьма подробные обзоры нашихъ Художественныхъ выставокъ — въ видѣ цѣлаго ряда картинъ.

Постоянно обогащая отдѣлъ бесплатныхъ приложений „НИВЫ“, мы и въ 1890 г. будемъ разсылать подписчикамъ художественно-исполненныя въ краскахъ таблицы съ изображеніемъ выдающихся предметовъ отчизновѣдѣнія, въ такомъ-же родѣ какъ изданныя до сихъ поръ: гербы всѣхъ русскихъ губерній, важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія русскія деревья, грибы и пр.—драгоценный матеріалъ для нагляднаго изученія нашей родины.

Затѣмъ, для удовлетворенія потребностей каждой семьи, при журналѣ „НИВА“ попрежнему будетъ выходить **ОСОБОЕ БЕСПЛАТНОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**.

Устроивъ въ нынѣшнемъ году собственный художественный институтъ въ СПБ., съ персоналомъ выписанныхъ нами изъ-за границы извѣстныхъ мастеровъ, для печатанія красками большихъ олеографій, мы нашли возможнымъ на будущій годъ, вмѣсто одной, дать **ДВѢ ЖИВОПИСНЫЯ ПРЕМІИ:**

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“ и 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“,	{ два новыя произведенія кисти любимца русской публики проф. Н. И. ШИШЕННА, — писанія имъ по нашему заказу для „Нивы“.

Обѣ картины (въ 16 вершковъ вышины и 12 вершковъ ширины каждая), соответствуя одна другой, представляютъ исполненную художественной гармоніи противоположность: величественнаго бора, осыпennaго бархатистою хвоей, и чернолѣсья съ его веселыми переливами разноцвѣтной зелени.

Наконецъ, удовлетворяя давнимъ желаніямъ, выраженнымъ многими изъ нашихъ подписчиковъ, мы въ будущемъ 1890 году, выдадимъ третью — литературную премию, **ИЗЯЩНЫЙ ТОМЪ СБОРНИКА оригинальныхъ и переводныхъ романовъ и повѣстей, обширный по объему и разнообразный по содержанію.**

ТАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ВЪ БУДУЩЕМЪ 1890 ГОДУ, МЫ ВЫДАДИМЪ

ТРИ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

<p>Безъ доставки въ С.-Петербургъ. . . 5 Р.</p> <p>Съ доставкою въ С.-Петербургъ . . . 6 Р. 50 К.</p>	<p>Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. П. Печковской, Петровскія линіи . . . . . 6 Р.</p>	<p>Съ перес. въ Москвѣ и въ друг. город. и мѣст. Имперіи. . . . . 7 Р.</p> <p>За границу . . . . . 9 Р.</p>
---	---	---

Безъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1890 года просить адресовать въ Главную Контору редакціи „НИВЫ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургѣ, Певскій проспектъ, д. № 6. Редакція и издатель „Нивы“.

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ“ 1890 ГОДА

СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

Нѣкоторые изъ нашихъ иногородныхъ гг. подписчиковъ обратились къ намъ съ просьбою **О РАЗСРОЧКѢ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ ЗА „НИВУ“ 1890 ГОДА.** Исполняя ихъ желаніе, мы нашли возможнымъ допустить разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му іюня 1890 г. 3 р.

При аккуратной высылкѣ втораго взноса, журналъ будетъ высылаться со всеми приложеніями и преміями — наравнѣ съ годовыми подписчиками.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

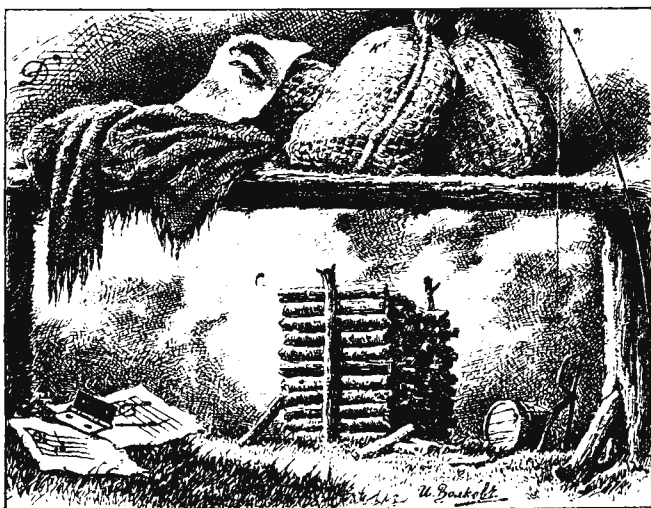
Выставка преміи „НИВЫ“ на 1890 годъ.

Въ Конторѣ журнала „НИВА“ (СПБ., Невскій, № 6) выставлены двѣ **НОВЫЯ КАРТИНЫ ПРОФ. И. И. ШИЩКИНА:**

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“ и 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“, **ОРИГИНАЛЫ** и олеографическія копи съ нихъ, предназначенныя **ВЪ БЕСПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ** годовымъ подписчикамъ „НИВЫ“ 1890 года.

Дабы дать наглядное понятіе о весьма сложномъ способѣ печатанія олеографій, тамъ-же выставлена коллекція вѣсѣхъ 38 послѣдовательныхъ оттисковъ разными красками, въ порядкѣ ихъ печатанія.—Картини можно обозрѣвать ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 3-хъ до 6-ти часовъ пополудни, при элентрическомъ освѣщеніи.

Ребусъ. Задача № 74.

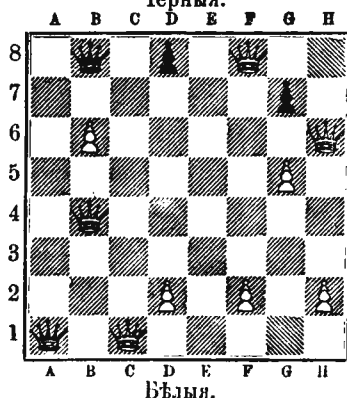

Шарада. Задача № 75.

Когда бильярдную игру
Ты знаешь—въ ней ищи *на-
чало*,
Оно отважнаго Леру,
Аэронавта доканало...
Моя *средина*, это — край
Степаній, муки и печали, —
Конецъ въ срединѣ ты узнай,
Онъ не въ концѣ ея — въ
началѣ.
А *цѣлое* встрѣтивши въ „Ни-
вѣ“ своей,
Конечно, постигнуть ты хо-
чешь скорѣй.

Шашечная задача № 76.

А. Челышова.
Черныя.

Бѣлыя.
Бѣлыя начинаютъ и забираютъ
всѣхъ черныхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Высокопреосвященный Исидоръ, митрополитъ Новгородскій, С.-Петербургскій и Финляндскій (съ портр.).—Барыни-крестьянки. Историческій романъ графа Е. А. Салиаса. Часть II. (Продолженіе).—Русскій полонянинъ. Историческій рассказъ П. Н. Полеваго.—Литературно-критическія миниатюры. Предшественники Пушкина. А. Введенскаго.—Бъ рисункамъ: Гопакъ (съ рис.).—Плотъ-великанъ системы Робертсона (съ рис.).—Бандера (съ рис.).—Цѣты на пирѣ (съ рис.).—Бой турухтановъ (съ рис.).—В. П. Ландецеръ (съ портр.).—Первая уда и первое сѣдло (съ рис.).—500-лѣтній юбилей русской артиллеріи (съ 5 рис.).—Бразильская императорская семья (съ 3 портр.).—Э. Э. Эйхвальдъ (съ портр.).—Политическое обозрѣніе.—Газеты и новости.—Смѣсь.—Опредѣленіе Святейшаго Синода.—О подпискѣ на „Ниву“ 1890 г.—О выставкѣ преміи „Нивы“ на 1890 г.—Задачи.—Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЁЛКУ!

21 декабря выйдеть и поступитъ въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, № 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ за 1889 г.

заключающей въ себѣ 1,300 стр. разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разск. А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ М. В. Крестовской—„Торжество Юліи Андреевны“, большой ром. въ 2-хъ част. В. И. Немировича-Данченко — „Подъ звонъ колоколовъ“, историч. ром. въ 2 част. графа Е. А. Салиаса—„Барыни-крестьянки“, разск. кн. Д. Голицына-Муравлина — „Увлеченіе“, разсказъ П. Дорошенко—„Нто-не“ и массу другихъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гигиенѣ, живописи и мн. др. Кромѣ того нѣсколько художественныхъ приложений—важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія дров. растенія Россіи“ и проч., печат. красками, большой сборникъ новѣйшихъ повѣстей и разсказовъ (томъ 484 стр.) и большая олеографическая картина профес. В. Д. ОРЛОВСКАГО:

„ЛѢТНИЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми бесплатными преміями и приложениями:

Брошюрован. . . . . 4 р. Въ колѣнк. перенл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою до 2000 . . . . . Съ пересылкою до
версты . . . . . 6 р. 2000 версты . . . 7 р. 50 к.
Свыше 2000 версты за пересылку прилагается по разстоя-
нію за 13 фунтовъ.

Дѣлаетъ
табачный дымъ
неощутимымъ.

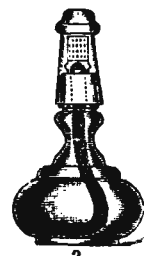
Освѣжаетъ
комнатный
воздухъ.

съ усовершенствованной курительной лампой для него
ОСВѢЖАЕТЪ ВОЗДУХЪ, ДѢЛАЯ ЗАПАХЪ ТАБАЧНАГО ДЫМА
НЕОЩУТИМЫМЪ.

Флаконъ Озогена приготовленнаго 80 к., 1 р. 25 к.
съ пересылкой за 2 фунта. за 3 фунта.

Лампа № 1 — 2 руб. 25 к. Лампа № 2 — 3 руб.
съ пересылкой за 2 фунт. съ пересылкой за 3 фунт.

Лампа № 1, и 1 флаконъ Озогена приготовленнаго въ 80 к. съ перес. за 3 фунт.
№ 2, „ 1 въ 1 р. 25 к. за 5 фунт.
ОЦОГЕНЪ экстрактъ, „малый“ флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою за 2 фунт.

А. М. РУЗАНОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

№ 40, ГОСТИННЫЙ ДВОРЪ, № 40.

Рт. № 4126 4—4

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

(Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Бронзіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр.)

Съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Изд. А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 480 иллюстраціями въ текстѣ — копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 р., въ колѣноровомъ переплетѣ съ золот. тиснен. и 3-мя красками 7 руб., съ перес. 8 руб. 50 коп.

Съ требованіями обращаться въ контору редакціи журнала „Нива“: СПБ., Невскій проспектъ, № 6; въ отдѣленіе конторы „Нивы“ Н. И. Печковской, въ Москвѣ, д. Петровскихъ торговъ линій. Эта книга имѣется также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

**ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МЪХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ
ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА**

П. М. ГРИНВАЛЬДЪ

въ С.-Петербургѣ

ПЕРЕВЕДЕНЪ НА
НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемирной Парижской Выставкѣ 1889 года
„ВНѢ КОНКУРСА“

Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

Адресъ для телеграммъ:
ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДЪ.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обвиняетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софій. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 3 р. 50 коп.; въ колѣнкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

Танцы изъ оперы „ФЕРАМОРСЪ“

Ант. Рубинштейна, исполненные на юбилейныхъ торжествахъ 18-го ноября с. г., назины отдѣльно и вмѣстѣ по слѣдующимъ цѣнамъ:
№ 1. Танцы балдероковъ I, въ 2 руки 40 к., въ 4 руки 50 к.
№ 2. Танецъ невесты, въ 2 руки 50 к., въ 4 руки 70 к.
№ 3. Танцы балдероковъ II, въ 2 руки 40 коп., въ 4 руки 60 коп.
№ 4. Свадебное шествіе, въ 2 руки 40 к., въ 4 руки 60 коп.
Всѣ 4 номера въ 1 томѣ, въ 2 руки 1 р. 50 к., въ 4 руки 2 р. 20 к.
Полная опера для пѣнія. . . . . 8 р.
„ „ для фортепiano. . . . . 4 р.
„ „ для ф.-п. въ 4 руки. . . . . 10 р.
Москва, у П. Юргенсона, С.-Петербургъ, у Г. Юргенсона. II. № 4180

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1890 г.

НА

РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ,

еженедѣльное изданіе. 6-й годъ.

Москва, Малая Дмитровка, домъ Алексѣева.

Въ каждомъ № помѣщаются: описанія, рецепты, указанія и понятныя описанія новостей по всемъ ремесламъ и крупнымъ техническимъ производствамъ, со множествомъ рисунковъ и рабочихъ чертежей (въ текстѣ и на 100 особомъ листѣ) разныхъ новыхъ изобрѣтѣй, инструментовъ, станковъ, машинъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастеровъ и заводчиковъ. Также образцы мужскихъ модъ и обуви всѣхъ сезоновъ; столярныхъ, токарныхъ, слесарныхъ, кузнечныхъ и др. издѣлій, припророковъ, ювелирныхъ и др. работъ. Описанія выставокъ, музеевъ, учебныхъ заведеній, новости по техническому и ремесленному образованию.

Необходимое изданіе для техника, ремесленника, кустара, сельского хозяина, любителя ремесла и для школы. 100 листовъ приложеній (чертежей и рисунковъ) и стѣнной календарь, изданы иллюстрированными. № 4172

60 №№ въ годъ.

6 руб. въ годъ съ перес. и доставкой; 4 р. за 1/2 года.

РЕМ. ГАЗ. одобрена Учен. Ком. Мин. Народ. Провс.

ЖИРНЫЯ ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА.

Transparent — Глицериновыя

МЫЛА.

Рекомендуются слѣдующихъ запово: Pang-Hang, Muskus, Jockey Club, O-de-zolovъ, Ландшт., Чайная Роза, Suc de Laitue, Тридасъ и др.

Extraits (извѣточные экстракты) крѣпкіе, съ продолжительнымъ запахомъ. Душъ всѣхъ запово.

НОВЫЕ:

„NON PAREIL“
4711 ПУДРА „VELOUTINE“

самая тонкая и лучшая пудра. Произдотелъ во всѣхъ варфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей.

Главное депо: у Алекс. Тисъ и Ко, Пушкинская, № 4. Ц. № 4100 2—2

С.-ПЕТЕРБУРГЪ:
ГОСТИНИЦА Д'АНГЛЕТЕРЪ.
d'Angleterre.

Рекомендую господамъ прожить мою увеличенную и заново отдѣланную гостиницу.

Т. ШМИТЦЪ. № 4088 6—6

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имл. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа.

Подробный иллюстрированный прейсъ-курantzъ высылается по требованію безплатно. Пересылка на счетъ заказчика. Ручательство на 2 года. № 4155 10—2

БЕЗПЛАТНО

высылается каталогъ книжной торговли М. Мельникова, уг. Невск. и Литейн. № 59—76.

АГРОНОМЪ ищетъ мѣсто управляющаго имѣніемъ или помощника его. Адресъ: въ Кандаву, А. Ф., poste restante. № 4189

АДРЕСЫ всѣхъ спеціальныхъ и странъ доставляетъ подъ гарантіей: International Adressen-Verl. - Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 40 коп. почт. марками франко.

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ, Покупаютъ всѣ % бумаги. Страхуваніе выигранныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3925 Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

„НЕ КАШЛЯЙ“

Медо-Травяной-Жалдц-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТЦЪ и Ко. въ Бреславлѣ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

СПОСОБЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ:

Д-ръ Михайлисъ мед. градъ назначилъ для дѣтей 3—4 раза въ день по 1 чайной ложкѣ, а взрослые берутъ ежедневно 4—6 чайныхъ ложекъ экстракта.

Конфекты предупреждаютъ кашель, охриплость и простуду горла.

Химическимъ анализомъ и медицинскимъ опытомъ подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составѣ этихъ препаратовъ не входитъ никакія вредныя для здоровья вещества и ввозъ и продажа въ Россіи разрѣшена Медицинскимъ Департаментомъ.

*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. А. № 4045 12—5

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 60 к.
За границу Объявленія по 10 к. за строку.
на годъ 10 р.

Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Сиворцовъ. Преображенская, 4. № 4142 8—3 Издатель А. А. Грево.

ПОВѢСКИ И РАССКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 8-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

КРЫШКИ для переплета „НИВЪ“ изъ лучшаго англійскаго календора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1889 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 60 к.

! НОВОСТЬ!

Піано-Мелодико, маленкій ручной органъ; новѣйшій музыкальный инструментъ. Піано-мелодико имѣетъ 54 струны, объемъ въ 3 октавы, резонансовая дека и полная металлическая рама. Механизмъ и конструкція самыя прочныя. Звукъ его сильный и пріятный. Песемъ можно исполнять: какъ увертюры и арии изъ оперъ, такъ и танцевальныя въ ихъ цѣлости, такъ какъ ноты на прочной полотняной полоствѣ. Піано-мелодико имѣетъ приспособленіе для игры forte, piano, tremolo, crescendo, decrescendo. Ц. 4174 4-1

Цѣна съ приложеніемъ 11 метровъ нотъ 100 руб. Ноты различной длины за мѣтръ 90 к. или за арш. 65 коп. Каталогъ нотъ безплатно. Всѣхъ съ упаковк. 2 пуда. И. Ф. МЮЛДЕРЪ, Москва, Петровка, домъ Волкова.

ШИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Шьетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость и красота. Вредна во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курantzъ, содерж. многочисленн. отамы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ** Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ.

ИЗДАНИЯ ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

НОВОСТИ ДНЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА,

съ портретами государственных и общественных деятелей.

Ц. № 4163 5-2

Подписная цѣна:

	Въ Москвѣ, города, границы.		
	Р. к.	Р. к.	Р. к.
На 12 мѣс.	8.—	9.—	13.—
" 11 "	7.50	8.50	12.90
" 10 "	7.—	8.—	12.—
" 9 "	6.50	7.—	10.90
" 8 "	6.—	6.50	9.70
" 7 "	5.50	6.—	8.80
" 6 "	5.—	5.50	7.90
" 5 "	4.50	5.—	6.70
" 4 "	3.70	4.—	5.60
" 3 "	2.90	3.—	4.70
" 2 "	1.90	2.—	3.—
" 1 "	1.—	1.—	1.60

Адресъ:

Москва, Мясницкая, д. Сытова, Контора газеты „Новости Дня“.

На рублѣ восьмого года существованія нашего изданія намъ не приходится распространяться о цѣлѣхъ и задачахъ „Нов. Дня“. Фактъ тотъ, что распространенность и популярность газеты дали возможность увеличить форматъ ея до размѣровъ большихъ ежедневныхъ газетъ, не увеличивая подписной цѣны. Всесторонняя полнота водержанія и богатство белеетрическаго материала дѣлають „Нов. Дня“ газетой одинаково интересной, какъ для столичныхъ, такъ и для провинциальныхъ читателей.

Изъ белеетристикъ въ портфель редакціи имѣются между прочимъ: Тушинскій воръ, изъ временъ междоусобія, больш. историч. пов. Д. С. Дмитриева, Отецъ, ром. въ 4 час. Б. Б. Назарьева. Въ заколдованномъ кругѣ, ром. О. Е. Дубровиной. Бывшемъ поросло, повѣсть П. И. Богатырева. Отверженные, ром. въ 2 час. В. Курскаго. Семейная путаница, ром. Бело, перев. Охтинской.

САРПИНКА

отъ 12 коп. аршинъ и дороже.

Собственное приготовленіе изъ высшихъ сортовъ бумажной пряжи.

Новые излищные рисунки, ручное ткачество. Хорошо моется.

Продажа партионная и розничная.

По требованію — высылаются образцы ваканой бидеролью за плату (почтовыми марками).

Въ Альбомѣ, нумерованные, за 40 к. Въ конвертѣ, пачками, нумерованные, за 30 копеекъ.

При нихъ условія и указанія пересылки. Высылка образцовъ начнется съ 15-го декабря с. г.

Адресъ: Саратовъ, Торговому дому „А. Бендеръ съ С-ми, А. Степановъ и В. Бендеръ“.

Московская ул., д. Т. М. Лобанова. Телеграммы: № 4145 5-2 Саратовъ. Бендеръ—Степановъ.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (88) № 2946

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ,
С.-Петербургъ, Невскій пр., 42.

БРАСЛЕТЫ СЪ ЧАСАМИ:

Кожанные . . . . . отъ 18 до 25 р.
Изъ вороненой стали . . . . . 25 „ 45 „
Серебряные оксидиров. . . . . 30 „ 50 „
Золотые . . . . . 75 „ 150 „
Подробный прейсъ-курантъ всевозможныхъ часовъ и цѣпочекъ высылается бесплатно. № 4160 3-2

УКРАЩЕНІЯ

для ЕЛКИ.

Выслана по всей Россіи.

Коллекція № 1 содержащ. 90 разнообр. предм. Р. 10.—
Коллекція № 2 содержащ. 150 разнообр. предм. Р. 15.—

Составленіемъ каждой коллекціи имѣль въ виду удовлетворить вскому по возможности самому разнообразному и разборчивому вкусу и входить въ составъ только заграничные вышнелюбно бисагажонны и имѣль съ тѣмъ прочіе предметы и изъ стекла и металла. Склады у № 4177 ОСКАРА ЛЕСС-РЪ, Фонтанка, 54.

МАТТОНИ
ГИСГЮБЛЕРЪ
чистый щелочнокислый источникъ освѣжающій и здоровый **СТОЛОВОЙ-НАХИТОКЪ** можно вездѣ получить. 600000 (миллион) бутыл. головой вывозъ.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
СЪ ПЕРИМЪЙ
БРОКАРЪ и К^о.
Главный складъ у О. К. Бергманъ, Офицерская ул., № 5. № 4027 8-6

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1890 годъ

на большую ежедневную политико-литературную, общественную и иллюстрированную газету

„МОСКОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

(ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ).

№ 4170 2-1

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГАЗЕТУ:

На 1 мѣс.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	12 м.
Съ дост. въ Москвѣ	1	— 1 90	2 80	3 70	4 60	5 40	6 —	6 60	7 20	7 80	8 40
Съ перес. въ города	1	— 2 —	— 3 —	3 90	4 80	5 70	6 50	7 30	8 —	8 70	9 40
За границу	1	— 2 —	— 4 —	— 6 —	— 7 80	9 60	11 40	13 —	14 60	16 —	17 40
									18	20	20 —

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ редакціи, Воздвиженка, Ваганьковскій переулочекъ, домъ Н. И. Пастухова. Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

При Конторѣ изданія „Русскаго Курьера“ имѣется на складѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ недавно появившійся въ свѣтъ уголовный романъ сочиненія В. ЮМА.

„ТАЙНА ГАНСОНЪ КЭБА“.

Романъ этотъ разыгрался въ городѣ Мельбурнѣ (въ Австраліи) и разошелся въ 300,000 экз. Печатался въ „Русскомъ Курьерѣ“. Цѣна: съ пересылкой на города — 1 р. въ Москвѣ — 75 к., для торговцевъ обычная уступка. Для подписчиковъ „РУССКАГО КУРЬЕРА“ по 75 коп. съ пересылкой. Книга замочается съ себѣ 426 страницъ. Продается во всѣхъ известныхъ книжныхъ магазинахъ, лавкахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. № 4114 10-5

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Штильманна. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Маршанта. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ОБЪ ИЗДАНИИ въ 1890 г. „РУССКОЙ ГАЗЕТЫ“

Въ 1890 году „Русская Газета“ будетъ выходить ежедневно, не исключая понедѣльниковъ и дней, слѣдующихъ за праздниками.

„Русская Газета“ будетъ заключать въ себѣ всѣ отдѣлы, имѣющіеся въ большихъ политическихъ газетахъ.

Съ цѣлью сдѣлать свое изданіе доступнымъ всей читающей публикѣ, редакція рѣшилась понизить подписную цѣну.

Условія подписки на „Русскую Газету“ въ 1890 г.

Съ пересылкой и доставкой на годъ — 6 руб., на 10 мѣсяцевъ — 5 руб., на 8 мѣсяцевъ — 4 руб., на полгода — 3 руб., на 4 мѣсяца — 2 руб., на 2 мѣсяца — 1 руб. и на одинъ мѣсяць — 60 коп.

Подписка принимается въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, въ С.-Петербургѣ, Троицкая ул., д. № 28. № 4175

Редакторъ-издатель В. АВСЪЕНКО.

„НЕДѢЛЯ“.

„НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ *двухъ* изданій: газетъ, выходящей разъ въ недѣлю (52 номера въ годъ), и *журнала*, выходящаго разъ въ мѣсяць (12 книжекъ въ годъ). Годовое содержаніе газетъ „НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ *шести* главнѣйшихъ частей: 1) обще-газетной, 2) политической, 3) на- Цѣна газетъ „НЕДѢЛЯ“, вмѣстѣ съ журналомъ „КНИЖНИКЪ НЕДѢЛЯ“, дѣвяти руб. въ годъ, съ пересылкой. № 4168 2-1

ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ ОТКРЫТА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛЯ“, Ивановская, 2. Редакторъ-издатель П. А. Гайдъбуровъ.

7 разъ употребленъ
Голова продана
перевѣтъ наградъ.
ВЪ ВОЗВЪ

ЦИТРЫ
отличной работы, хорошаго качества и сильного тона отъ 16—22—28—38—300 мар. Школа Гретера для самообученія 1 ч. 5 м., 11 ч. выш. школа 7 м. Скрипки и всѣ струнные инструменты. Прейсъ-курантъ бесплатно. Ц. № 4167 БРАТЯ Вольфъ, 4-1 Фабрика инструментовъ, Крейцбахъ.

ИНОСТРАННЫЯ МАРКИ продаются оптомъ и въ розницу. Каталогъ 20 коп. Б. Гостонскій, г. Кіевъ, Гейтарская, 17.

Поставщики велосипедов Русской Армии

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкій Мостъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ
единственный Складъ для всей
Россіи Велосипедовъ: (Спидъ,
Виппегъ, Русскій Клубъ, Мо-
ния (New Rapid), Имперіаль и др.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свѣтъ № 2
= 150 руб. =

Прессы - Куранты высылаются бесплатно.

Поставщики велосипедов Русской Армии

НОВОСТЬ
ПАРИЖСКОЙ ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКИ

особенно хорошо подходящая для подарка
Элегантный Дамскій уборъ съ натураль-
ными Бразильскими золотистыми жемчугами,
въ самыхъ красивѣйшихъ настоящихъ зо-
лотыхъ и серебр. оправкахъ 56 и 84 пробы.
Браслеты, золотые 13 р. 50 к., серебр.
позолоч. 4.50, 5, 6.50 и 12 р. (10 жук.).
Брошки, золот. 13 р. 50 к., серебр. по-
золоч. 4.50, 5.50 и 6 р.
Серьги, золот. 6 р., серебр. позол. 3 р.
При заказѣ полнаго гарнитура, состоя-
щаго изъ браслета, брошки и серегъ, дѣ-
ляется 5% скидки. Бразильскіе жемч. игра-
ютъ при солнцѣ и при свѣтѣ различными,
преимущественно асено-бронзово-золотис-
тыми цвѣтами. Выслка заказовъ по всей
Россіи по полученіи стоимости такowychъ.

СКЛАДЪ: № 4178

ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ,
С.-Петербургъ, Фонтанка, 54.

ЛВИНГЪ и ГИЗЕНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ють черную краску, которую почтается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!

Изданіе А. Ф. МАРКСА:
Новое большое роскошно иллюстриро-
ванное изданіе in folio сочиненія
ГѢТЭ
„ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА,
съ 25-ю вѣстампами гравирован-
ными на мѣди и 132-мя гравю-
рами на деревѣ по рисункамъ
ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,
исполненными знаменитыми граверами:
Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ,
Зигле и друг.

Классически образцовый переводъ
А. Фета не только передаетъ
слово въ слово оригиналъ прекрас-
нымъ стихомъ, но и снабженъ (въ
примѣчаніяхъ) всеми объясненіями
трудно понимаемыхъ мѣстъ, а так-
же необходимыми комментаріями,
чѣмъ значительно облегчено чтение
второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой
классической литературы, „Фаустъ“
Гёте представляетъ истинную сокрови-
щницу: онъ такъ богатъ высокими
идеями, что его можно перечиты-
вать всю жизнь и всегда съ новымъ
наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ
(шагреновомъ) переплетѣ, съ золо-
тымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р.,
за пересылку слѣдуетъ прилагать
за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору
журнала „НИВА“, СПб., Невскій пр., № 6.

Видѣніе Фауста у вѣдьмы.
Образецъ гравюры на стали (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе Ф. НАВЛЕНКОВА:
„Исторія открытія Америки“ Ламе-Ферри. Переводъ съ франц. Книга
для дѣтей среднего и старшаго возраста.
2-е изд. впервые иллюстр. 52 рис. на 200 стр. Ц. 75 к., въ папѣ—1 р., въ перепл.—1 р. 40 к.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахе-
ровъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисо-
висмутовая пудра.

CH. LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

И. № 3767 (86)

**МѢДНО-КОТЕЛЬНОЕ, ЛИТЕЙНОЕ И
МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ**
Николая Александровича Курбатова,
въ городѣ Устюжѣ, Новгородской губерніи.

Непрерывно - дѣйствующіе винокуренные
аппараты, виноочистительные аппараты но-
вѣйшей конструкціи, ретификаціонные ап-
параты. Паровые и для привода. Бражные
и водяные насосы, крапы, золотники, арма-
туры и проч. имѣются готовыя при заведеніи.
Заказы изготовляю быстро и аккуратно.
Цѣны умеренныя. Сѣмьи, планы и чертежи
высылаю по первому требованію. 5-2

Тов. СПБ. Мех. Произ-
водства Обувн имѣетъ
кожевенный заводъ
для собственной по-
требности и изготов-
ляетъ обувь преиму-
щественно изъ кожъ
собственнаго дубленія.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

№ 4181 8-4

! ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ !

Сиринки отъ 2 1/2 до 800 руб.
Смычки къ нимъ отъ 50 к. до 60 р.
Віолончели отъ 20 до 800 р.
Гитары въ 3 1/2, 5, 8, 10, 15, 20, 25, 30,
40, 50, 60, 75 р. и дороже.
(Гитары отъ 8 р. и дороже, имѣютъ ме-
ханизмъ для настраиванія).
Иллюстрированный прейсъ-курантъ бесплатно. № 4186

Мандолины отъ 10 до 125 руб.
Флейты отъ 3 до 160 руб.
Корнетъ-а-пистонъ отъ 18 до 250 руб.
Гармони въ громаднѣмъ выборѣ, а
также всѣ другіе музыкальные инстру-
менты и принадлежности къ нимъ хоро-
шаго качества и по дешевымъ цѣнамъ.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЬ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42. — Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

**ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ**

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.

Находится во всѣхъ аптекахъ, моск-
ательныхъ лавкахъ и косметическихъ ма-
газиннахъ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.
№ 49

г. XX
1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.).
Выдаѣтъ 2 декабря 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку попарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к. — Загран.: для Франціи у Agence Navas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургъ . . . . . 5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . . . 6 р. 50 к.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Мечковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . . . . 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленія отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихмихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ДЕКАБРЬ 1889 г., съ 31 рисункомъ и отд. листъ съ 30 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 27 рис. рукодѣльных работъ.

Евгенія Туръ.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ въ русской литературѣ выступила впервые писательница, которая сразу обратила на себя вниманіе публики и критики. О ея повѣсти „Ошибка“, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ *Современника* 1849 года, всѣ говорили какъ объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ области изящной словесности за этотъ годъ. Чѣмъ-то новымъ и свѣжимъ вѣяло отъ нея; въ повѣсти чувствовались далеко недоужинныя творческія силы, много искренности, граціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и серьезной мысли, художественной правды. Послѣдующія произведенія автора „Ошибки“ еще болѣе поддержали прекрасное впечатлѣніе, произведенное первымъ опытомъ, и мало-по-малу новая писательница заняла одно изъ видныхъ мѣстъ въ нашей литературѣ. Эта писательница, такъ сознательно выступившая на литературное поприще—была Евгенія Туръ, мать известнаго романиста, автора „Пугачевцевъ“, бывшая издательница журнала

Евгенія Туръ. Съ фот. Мечковского въ Варшавѣ, грав. Шюблеръ.

Русская Рѣчь, написавшая цѣлый рядъ статей публицистическаго и историко-литературнаго содержанія и сдѣлавшая не мало цѣнныхъ вкладовъ въ нашу дѣтскую литературу. Имя Евгеніи Туръ, подъ которымъ очень долго скрывалась солидно образованная, умная и талантливая женщина высшаго круга, известно всей читающей Россіи, и ея романами и повѣстями „Племянница“, „Три поры жизни“, „Двѣ сестры“, „Заколдованный кругъ“, „Старушка“, „Долгъ“ и др. положительно зачитывались въ пятидесятыхъ годахъ. Послѣ появленія „Ошибки“, каждое новое произведение еще болѣе располагало публику въ пользу автора, обнаруживая все ярче и ярче признаки таланта зрѣлаго и глубокаго, и вызвало самые лестные отзывы критики. Евгенія Туръ высказала въ своихъ первыхъ произведеніяхъ все, что накинуло у нея на сердцѣ, все, что занимало ея мысль и чувство, все на что только способенъ былъ граціозный талантъ ея; она показала богатство, твер-

дость и серьезность мысли. Г-жа Турь — говорил одинъ изъ тогдашнихъ критиковъ — знаетъ жизнь не по наслышкѣ, не по книгамъ, которые удалось ей прочесть урывками, между баломъ и визитами, отъ скуки, отъ бездѣля. Нѣтъ, каждое слово ея понято помощію сознательной опытности; ни вытѣды, ни балы, ни книги не ускользнули отъ ея вдумчивости; она вглядывалась въ явленія ежедневной жизни, какъ въ дѣло важное для всякаго, кто хочетъ жить, а не тратить отсчитанные ему дни и ночи; для нея каждая минута жизни должна быть дѣйствительно прожита, то есть продумана, прочувствована, сознава. Тотъ же критикъ находитъ сходство ея первой повѣсти съ произведеніями Бальзака, принадлежащими къ первой половинѣ его литературной дѣятельности. То же обиліе мыслей о жизни, и преимущественно свѣтской, то же вниманіе къ самымъ мелкимъ подробностямъ нравственнаго развитія описываемыхъ лицъ, та же наблюдательность. Но Бальзакъ, будучи наблюдателемъ hladнокровнымъ, рисуетъ самъ и нерѣдко бьется изъ одобрительнаго отзыва, улыбки, тогда какъ Евгенія Турь ищетъ не одобренія, а сочувствія, высказывая то, что вошло въ ея убѣжденія, готова защищать каждое свое слово и всѣми силами добивается уяснить окончательно то, что ее занимаетъ. Другой критикъ, при разборѣ романа „Племянница“, сравнивалъ произведеніе нашей писательницы съ прекрасными романами миссъ Эджвортъ, „которой родъ, тонъ и способъ изложенія она сильно напоминаетъ“, и находить, что Евгенія Турь смотритъ на все смѣшное и безобразное въ жизни очень серьезно, и никогда не улыбается, и, будучи мастерицею группировать и отдѣлывать подробности, охотно предается этой филигранной работѣ и часто заставляетъ ждать себя съ главнымъ интересомъ сочиненія. Кроме того, критикъ замѣтилъ, что авторъ „Племянницы“, зная человѣчество во всёхъ его видахъ, ничто человѣческое не считаетъ недостойнымъ своего злаго пера. „Племянница“ — романъ умный, увлекательный и страдаетъ лишь нѣкоторой растянutosью, излишествомъ подробностей; за то какимъ живымъ интересомъ, какою прелестью картинъ, какою нѣжною отдѣлкою характеровъ вознаграждается читатель за эти недостатки! Романъ „Племянницу“ привѣтствовалъ также Аполлонъ Григорьевъ, находившій, что „давно уже ни одинъ романъ не возбуждалъ такого сильнаго интереса въ минуту своего появленія, какъ „Племянница“, и что ея авторъ — мыслящая и живо-чувствующая женская натура, одаренная талантомъ, лучшее качество котораго заключается въ способности мыслить и чувствовать по-женски. Анализъ свѣтскихъ отношеній, изображеніе обаятельной для автора сферы составляетъ, по мнѣнію Григорьева, блестящую сторону этого романа Евгенія Турь. Еще съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ ея дарованію Тургеневъ, написавшій нѣсколько блестящихъ страницъ по поводу „Племянницы“. По его мнѣнію, этотъ романъ „написанъ сердцемъ и говоритъ сердцу; отъ него вѣетъ чѣмъ-то благороднымъ, искреннимъ, горячимъ“. Все прекрасное, все симпатическое, истинное, все, что мы такъ любимъ подъ перомъ женщины, находится и у г-жи Турь. Звучи то невольно потрясающіе, то глубоко трогашіе, часто попадаются у ней среди самыхъ незначительныхъ страницъ. Характеровъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, у нея нѣтъ, но есть прекрасно очерченныя лица, которымъ нельзя не сочувствовать; эти лица, конечно женскія. Въ общемъ, дарованіе г-жи Турь критикъ относитъ къ талантамъ чисто лирическимъ, тѣсно связаннымъ съ лич-

ностью самого писателя, такимъ, которые столько же способны передавать малѣйшія движенія души автора, его собственный жизненный опытъ, сколько неспособны создавать самостоятельные характеры и типы. Хотя произведенія даровитой рассказчицы имѣли несомнѣнный успѣхъ, вполнѣ заслуженный, но, вѣроятно, онъ далеко не удовлетворилъ писательницу, слишкомъ строго и требовательную къ себѣ, — по крайней мѣрѣ писательница, помѣстивъ свою повѣсть „Старушка“ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1856 года, оставила на долгіе годы беллетристику и обратилась къ дѣятельности публицистической и критической, на которую и раньше указывали ей ея замѣчательный литературный тактъ и тонкое эстетическое чувство. Ея критико-биографическіе очерки, выдержки изъ текущей литературы, путевыя замѣтки и политическія обзорѣны читались съ живымъ интересомъ, особенно ея парижскія письма и такіе этюды, какъ, наиримѣръ, „1-я Свѣчина“, „Миссъ Бронте“, „Вильямъ Чаннингъ“, „Ирвы, люди и обычаи первой республики“, „Госпожа Рекамье“, „Сисмонди, графиня Альбани, Альфиери и г-жа Сталь“ и проч.

Псевдонимъ „Евгенія Турь“ долго интриговалъ читателей и поклонниковъ даровитой писательницы. Первый обнаружилъ его А. Д. Галаховъ въ своихъ воспоминаніяхъ о профессорѣ П. П. Кудрявцевѣ, сказавъ что этотъ псевдонимъ принадлежитъ графинѣ Салиасъ. Затѣмъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1865 года, кн. Н. Н. Голицынь въ списокѣ писательницъ упомянулъ, что подъ псевдонимомъ Евгенія Турь пишетъ графиня Елисавета Васильевна Салиасъ, рожденная Сухово-Кобылина. Какъ видно изъ ея собственной замѣтки, напечатанной въ книгѣ „Знакомые“, Елисавета Васильевна Салиасъ-де-Турнемиръ родилась въ Москвѣ, 12 августа 1815 года, и воспитывалась дома. Отецъ ея, почтенный, заслуженный генералъ, старался обставить насколько можно лучше воспитаніе дочери, для чего и пригласилъ давать ей уроки людей весьма талантливыхъ. Такъ, наиримѣръ, русскую исторію преподавалъ ей профессоръ Морозкинъ, литературу — С. Е. Раичъ, извѣстный поэтъ, физикъ — профессоръ Максимовичъ. Свое образованіе графиня довершила за-границей, гдѣ она часто и долго путешествовала и гдѣ вышла замужъ. Она много времени прожила въ Парижѣ и, между прочимъ, была почти свидѣтельницей покушенія на жизнь Наполеона III, и однажды, по болѣзни, провела за-границей цѣлыхъ семь лѣтъ. Въ домѣ графини Салиасъ, въ Москвѣ, бывалъ весь цвѣтъ русской литературы и науки сороковыхъ-пятидесятыхъ годовъ и со многими изъ блестящихъ представителей этой эпохи она находилась въ тѣсной дружбѣ, какъ наиримѣръ съ Т. Н. Грановскимъ, П. Н. Кудрявцевымъ, А. П. Афанасьевымъ. Въ 1861—62 гг. гр. Салиасъ издавала журналъ *Русская Рѣчь*, въ которомъ участвовали профессоры и многие талантливые литераторы. Къ послѣднему періоду литературной дѣятельности нашей почтенной писательницы принадлежатъ главнымъ образомъ ея повѣсти и рассказы для дѣтей и книги духовно-нравственнаго содержанія. Изъ дѣтскихъ книгъ ея особеннымъ успѣхомъ и популярностью пользуются: „Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства“, сказка „Жемчужное ожерелье“, „Хрустальное сердце“, „Мученики Коллизей“. Теперь графиня Салиасъ ровно 75 лѣтъ, но не смотря на этотъ почтенный возрастъ, она продолжаетъ трудиться на литературномъ поприщѣ и еще въ прошломъ году издавала въ прекрасномъ изложеніи „Священную исторію Ветхаго Завета“.

П. Быковъ.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XIX.

И наконецъ Трубецкой додумался...

„Спаси Боже, телятина ты какал! Вотъ ужъ, помилуй Богъ, малый ребенокъ проникательнѣе тебя! сказалъ онъ себѣ. — Теперь только, спустя сколько времени, дочухался до того, что понялъ, кто теперь всѣми дѣлами вершитъ: Евгенія Степановна! Сирота Евденя! Вонъ что на свѣтѣ бываетъ! Думалось-ли это? Господи помилуй, что тутъ, въ Березопольѣ, за такое малое время понаторилось! Сколько событій, происхожденій новыхъ, перемѣнъ! И меня выгонажи, и опять вернули. Другой какой-то, азиатъ или арапъ, тутъ управляетъ. И княжна стала не княжной, а столаршей. И Егорюшка бариномъ-господиномъ сталъ и въ какомъ-то живетъ Итальянскомъ государствѣ. И Илья Петровичъ — баринъ вдвойнѣ березопольскій. И Андрей Ивановичъ на томъ свѣтѣ. И дѣвушка Евденя, на которой приказчикъ изъ лавочки, честь ей дѣлаючи, женился мѣтилъ, расположилась теперь чуть не княгиней!.. И, помилуй Богъ,

чѣмъ она въ самомъ дѣлѣ не княгиня Березопольская? Вотъ ужъ, спаси Боже, чудеса въ рѣшетѣ! Когда рассказываютъ этакое, не вѣрится. Думаешь, врутъ люди, а вотъ тутъ своими глазами видишь... А что же будетъ? Чую я, что будетъ... Вотъ сейчасъ началъ чутя... И вѣрно, спаси Боже, совсѣмъ вѣрно! Чую я это, вотъ какъ будто носомъ слышу...“

Макаръ Макаровичъ ударилъ кулакомъ по столу, чего съ нимъ за всю жизнь быть-можетъ никогда не бывало.

А почувялъ онъ нѣчто имѣющее громадное значеніе для него самого. Ему пришло на умъ, что Евгенія захочетъ его выжить изъ этой вотчины, гдѣ пятнадцать лѣтъ онъ былъ настоящимъ баринномъ, управлялъ всѣмъ и всѣми полновластно.

И чѣмъ больше думалъ Макаръ Макаровичъ о князѣ и Евгени, тѣмъ болѣе дивился себѣ самому, что до сихъ поръ не видѣлъ ничего и не догадывался. Перебиралъ крупныя и мелкія факты за послѣднее время, онъ приходилъ только къ одному и тому же выводу.

Евгенія—полный владыка надъ всѣмъ, и самый почтенный рабъ ея, конечно, не онъ, Макарь Макаровичъ, и не дворовый какой, и не мужикъ съ села, а самъ князь Илья Петровичъ.

— Какая ты, спаси Боже, телятина! Раньше ничего не видала! восклицалъ Макарь Макаровичъ, то садясь, то вставая, то хватая себя за голову, то махая руками по воздуху.

И эти догадки Трубецкаго вскорѣ стали общимъ достояніемъ. Всѣ березопольцы, наконецъ, увидѣли, кто ими властвуетъ, въ чьихъ рукахъ судьба каждаго.

Дѣйствительно, мѣсяца черезъ полтора, судьбы березопольцевъ, отъ барина-князя до послѣдняго мальчугана на селѣ, были въ рукахъ Евгеніи Степановны, которыя теперь стали мягкими, бѣленькими, раздушеными, съ красивыми пальчиками, на которыхъ сіяли золотые колечки и перстни. Эти руки уже давно не знали всего того, съ чѣмъ сжились прежде. Онѣ давно уже не прикасались не только къ утюгу, къ ведру, къ ухвату, но не прикасались даже и къ иголкѣ.

Евгенія еще въ Рязани, во время своихъ совѣщаній съ единственнымъ въ своемъ родѣ Иваномъ Леоптевичемъ, преобразилась совершенно. Воля, твердая и непоколебимая,—которая была въ ней прежде, но безъ простора и почвы не могла сказываться, будто дремала въ ней, — теперь проснулась и раскинулась на широкомъ полѣ. Эта воля царилла надъ двумя тысячами душъ двухъ крупныхъ вотчинъ: Березополя и Прачешнаго.

Но владычество это было для Евгеніи дѣломъ второстепеннымъ и не близкимъ сердцу ея. Главная цѣль, которую она себѣ поставила и которой достигала упорно съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, почти съ каждымъ мгновеніемъ,—была совершенно иная.

Какъ страшно изумился бы князь, еслибъ зналъ, что теперь у себя на умѣ держитъ эта скромная и повидимому любящая женщина!

Цѣль Евгеніи была — захватить князя вполне въ свои руки, подчинить своей волѣ, до послѣдней степени, до безгласнаго ребяческаго повиновенія въ чемъ бы то ни было, безъ исключенія, и въ мелкихъ, и въ самыхъ важныхъ вещахъ.

Это былъ первый намѣченный шагъ, и онъ былъ почти уже совершенъ. Князь еще ни разу, за цѣлый мѣсяцъ и болѣе, не воспротивился ни одной просьбѣ Евгеніи.

Цѣлый вечеръ внутренно и скрытно отъ Евгеніи промучился князь, когда пришлось сдавать въ солдаты добраго малаго за его грубую, но невинную шутку съ Евгеніей въ саду. А тѣмъ не менѣе, онъ не посмѣлъ воспротивиться ея желанію — жестоко наказать парня.

Второй намѣченный шагъ былъ много серьезнѣе. Но Евгенія не унывала и видѣла, что и этотъ, въ свой чередъ, удастся ей легко. Это было, разумѣется, замужество. И здѣсь, въ Березопольѣ, оно казалось и ей, показалось бы и всѣмъ другимъ, совершенно простымъ дѣломъ. Здѣсь, гдѣ дѣвица-княжна вышла замужъ за столера, много моложе ея годами, никого бы не удивилъ бракъ пятидесяти-лѣтняго холостяка-князя съ красивою, молодою дѣвушкой изъ двора, но уже приписанною въ мѣщанство.

Такихъ примѣровъ бывало не мало въ прежніе годы по сосѣдству. Прасковья Андреевна прошумѣла на всю губернію своимъ поступкомъ, а бракъ князя даже и не удивить никого.

Наконецъ, у Евгеніи было еще вѣчто на умѣ. Иная цѣль, пустяшная, маленькая, но для нея, быть можетъ, самая близкая къ сердцу. Если эта цѣль была не самая главная, для которой дѣлалось все остальное, то, во всякомъ случаѣ, она была ярко намѣчена впереди. И Евгенія знала, что будущая княгиня Березопольская достигнетъ этой цѣли непременно, во что бы то ни стало.

Цѣль эта заключалась въ томъ, чтобы вотчина Прачешное принадлежала лично ей въ качествѣ княгини Березопольской по дарственной записи, а къ этому имѣнію были приписаны, крѣпостными людьми ея, вѣсколку лицъ изъ Березополя. Десятокъ, дюжина, но, конечно, по ея выбору.

И Евгенія, постоянно занятая своими неотступными мыслями и мечтами, часто глубоко задумывалась, чѣмъ не мало удивляла князя.

— И объ чемъ тебѣ такъ думать? спрашивалъ добрякъ, простой до наивности. — Какія такія у тебя заботы?

А Евгенія отвѣчала тонкою ложью, ловкою и полезною.

— Думается, что грѣхъ такъ жить, безъ Божьяго благословенія.

Князь на это ничего не отвѣчалъ и задумывался.

Наконецъ, у Евгеніи была еще маленькая задача, съ которой она не снѣшила. Сдѣлать это, рѣшенное ею, было не трудно. Нужно было удалить изъ Березополя человѣка, который стоялъ предъ ней какимъ-то укоромъ совѣсти. Она ничего худаго не сдѣлала ему, и онъ тоже кромѣ добра никогда ничего не дѣлалъ ей. Но тѣмъ не менѣе, этотъ человѣкъ смущалъ ее. Его сѣрые глазки, часто устремленные на нее, становились ей невыносимыми. Онъ ничего не говорилъ, ни въ чемъ не противорѣчилъ, не осуждалъ и не порицалъ, обращался съ ней вѣжливо, но неможно холодно, а между тѣмъ онъ становился ей съ каждымъ днемъ все ненавистнѣе.

Человѣкъ этотъ былъ, конечно, Макарь Макаровичъ.

И по мѣрѣ того, что Евгенія начинала все чаще подумывать о томъ, чтобы удалить Трубецкаго изъ Березополя, Макарь Макаровичъ, со своей стороны, ясно чувствовалъ и предвидѣлъ, что врагъ затѣваетъ,—врагъ неожиданный...

За что эта месть — Макарь Макаровичъ рѣшить не могъ. Но вѣдь и врагъ этотъ тоже почти не могъ рѣшить за что...

Видно эти два существа были совершенно разнаго поля ягоды и трудно имъ было теперь ужиться вмѣстѣ.

XX.

Время шло тихо, однообразно, буднично. Прошло лѣто. Князь былъ счастливъ вполне. Евгенія стала еще самовластнѣе и малѣйшее возраженіе раздражало ее. Князь уже боялся противорѣчить любимицѣ, которую теперь боготворилъ. Онъ всячески заботился чтобы никто не сердилъ и не раздражалъ Евгенію, боясь, что гнѣвъ повредитъ ея здоровью.

Порядки въ Березопольѣ вѣсколку измѣнились. Былъ уже новый управитель, дворовый, а Макарь Макаровичъ управлялъ Прачешнымъ и пріѣзжалъ лишь разъ въ недѣлю съ докладомъ. Во всемъ была большая строгость. Ткацкіе притихли, такъ какъ пѣсни, пляски, хоробы были давнымъ-давно запрещены, а рабочіе часы были прибавлены. Изъ дворовыхъ многихъ уже не было. Одни были отпущены на волю при покупкѣ имѣнія, другіе постепенно выселены въ Прачешное или сосланы на поселеніе за какіе-либо проступки. Лукерья Егоровна была давно выселена изъ перваго домика и переведена въ Прачешное, даже приписана къ нему ради какого-то удобства... Нѣсколко новыхъ дворовыхъ были возвращены въ вотчину изъ проданнаго госпожой Миловановой кому-то ея московскаго дома. Но всѣ эти люди, выдавшіе не мало, сжившіеся когда-то и съ Устиньей Савельевной, были столичные обыватели, „третье калачи московскіе“, какъ прозвала ихъ дворня усадьбы. И всѣ они сразу и какъ-то незамѣтно стали любимцами „матушки Евгеніи Степановны“. Къ нимъ она относилась гораздо ласковѣе и

Екатерина II и Ломоносовъ. Съ карт. И. Федорова, рис. самъ авторъ, грав. Флюгель.

Гуцулы на охотѣ. Съ карт. Вѣрушъ-Ковальскаго, грав. Крѣперъ и Кѣлейцъ.

привѣтливѣе, такъ какъ они, столицей вышколенные настоящіе хамы, знали какъ подступиться, какъ говорить и кланяться любимицѣ новаго барина.

Прошелъ и первый осенній мѣсяцъ.

Наступилъ праздникъ Покрова Богородицы.

Поутру, пріѣхавъ изъ церкви послѣ обѣдни, Илья Петровичъ вошелъ въ домъ и сѣлъ къ столу чай пить, какъ-бы озабоченный, не въ духѣ. Дурное расположение духа бывало у него рѣдко, но сказывалось въ толстякѣ всегда одинаково. Онъ какъ-то распускалъ свои толстыя губы, прищуривалъ глаза и чаще мигалъ ими. Вообще принималъ какой-то не сердитый, а обиженный видъ.

Въ этотъ день въ церкви случилась маленькое обстоятельство, которое сильно повліяло на князя. Обыкновенно за обѣдней онъ становился на господское мѣсто, около окна за клиросомъ, на двѣ ступени выше пола церкви и огороженное рѣшеткой. Евгенія, пріѣзжавшая въ храмъ отдѣльно, послѣ него, на своей пролеткѣ, ставилась всегда впереди всѣхъ, посрединѣ у амвона.

Князь давнымъ-давно собирался за обѣдней ставить Евгенію около себя, на то же господское мѣсто, но все не рѣшался. Сколько разъ во время литургіи хотѣлось ему подойти къ Евгени и позвать ее, но каждый разъ, оглянувшись на своихъ крѣпостныхъ рабовъ, онъ вздыхалъ и не двигался.

На этотъ разъ при началѣ обѣдни будто судьба захотѣла помочь ему, порѣшить съ этимъ вопросомъ.

Случилось дѣло простое, а имѣло важное послѣдствіе.

Евгения, пріѣзжавшая послѣ князя и ставшая на свое мѣсто, обернулась въ его сторону и улыбнулась ему. И князю вдругъ нестерпимо захотѣлось чтобы она перемѣнила мѣсто, перешла и стала около него. Быть-можетъ и на этотъ разъ, какъ уже много разовъ, все кончилось-бы тоже однимъ желаніемъ.

Но въ ту минуту, когда Евгения привѣтливымъ взоромъ окинула Илью Петровича и начала было креститься, какой-то огромный, лохматый мужикъ, изъ сосѣдней деревушки, пролѣзъ сквозь толпу со свѣчкой въ рукахъ. Шагая лошадинымъ шагомъ, будто соху таща за собой по пашнѣ, онъ вынырнулъ изъ толпы, шагнулъ мимо Евгени, и, печально задѣвъ ее, съ маху ткнулъ настолько сильно плечомъ, что она, откинутая въ сторону, едва удержалась на ногахъ, испугалась и поблѣднѣла...

Князь, видѣвшій все, вспыхнулъ, побагровѣлъ и губы его задрожали. Онъ тоже испугался... Единнымъ махомъ, въ три-четыре шага, онъ раздвинулъ стоящихъ своимъ могучимъ и толстымъ тѣломъ, взялъ Евгению за руку и потянулъ къ себѣ. И прежде чѣмъ она вполне опомнилась, она уже стояла около него на господскомъ мѣстѣ. Она что-то заговорила ему, даже умоляла, но князь ничего не слышалъ и повторялъ:

— Стой здѣсь... Ну, садись вотъ... Ну, стой...

Когда порывъ—и гнѣва, и боязни—прошелъ, а Илья Петровичъ обернулся на молящихся въ церкви, то увидѣлъ, что всѣ головы повернулись къ нимъ. Никто изъ рабовъ не смотритъ на алтарь, никто не молится и не крестится, а все глядитъ сюда, на ихъ мѣсто, на нихъ двоихъ. А затѣмъ каждый пожелалъ наивно сказать словечко сосѣду, или сосѣдкѣ, и вышло, что вся церковь заразъ заговорила, перешептываясь.

— А! удивительно! пробурчалъ добрякъ сердитымъ шепотомъ.—Такъ я васъ не такъ удивлю!

Черезъ нѣсколько мгновеній батюшка вышелъ изъ алтаря съ Евангеліемъ и, увидя Евгению стоявшую около князя, а не на своемъ обычномъ мѣстѣ, тоже наивно уставился на нихъ на мгновение и тоже будто удивился. И хотя онъ тотчасъ-же отвелъ глаза въ сторону, князь запомнилъ его взглядъ на себѣ. И всякій, на кого изрѣдка взглядывалъ теперь Илья Петровичъ, казалось ему, смотритъ на него другими глазами, съ мыслями осужденія.

„Хорошо, хорошо...“ отвѣчала мысленно князь. „Ладно! Погодите! Увидите!“

И вотъ теперь, вернувшись домой, князь, молча, сопя и отдуваясь, напился чаю, ни слова не сказалъ Евгени, которая сидѣла рядомъ, и даже не отвѣтилъ на два вопроса ея.

Она проницательнымъ взглядомъ присматривалась къ князю. И озабоченность, и лукавство сказывалось въ ея красивомъ лицѣ, которое еще болѣе похорошѣло за послѣднее время. Она будто чула внутренно въ чемъ дѣло, но боялась, что ошибается. Она догадывалась, какой вопросъ бушуетъ теперь на душѣ этого человѣка, чѣмъ онъ взволнованъ и что собирается сказать и сдѣлать. Но вѣдь такое бывало сколько разъ и проходило безъ послѣдствій... Авось теперь боязнь за ея здоровье наведетъ его на рѣшеніе жгучаго роковаго вопроса. Онъ черезчуръ взволнованъ на этотъ разъ... Дѣйствительно, хитрая и проницательная Евгения не ошибалась. Князь рѣшался...

Онъ допилъ молча чай, вздохнулъ, положилъ обѣ руки на столъ, погладилъ скатерть и выговорилъ вдругъ, странно усмѣхаясь:

— Евгени, дошли-ка къ батюшкѣ, къ отцу Симеону... Прикажи сказать ему, что я прошу его пожаловать ко мнѣ тотчасъ. Пусть идетъ прямо въ кабинетъ, а ты сама пообожди приходитъ. Будетъ у насъ съ нимъ маленькое совѣщаніе. О чемъ, спросишь? Да такъ! О суетѣ міра сего. О пророчествахъ и о прорицателяхъ. Потолкую я съ нимъ о томъ, что мнѣ, году нѣтъ, предсказалъ дядюшка, покойный Андрей Ивановичъ. Смѣялся я тогда шибко, во все горло хохоталъ. А вотъ теперь хоть плакать! Да, вру я!.. вру! Зачѣмъ плакать! Глупое слово сказалъ. Радоваться надо, что дядюшкино предсказаніе сбывается. Ну, такъ дошли и посылай его ко мнѣ.

Князь поднялся и, не подходи къ Евгени, чтобы поцѣловать ее за разливаніе чая, какъ дѣлалъ всегда, двинулся къ дверямъ кабинета.

Евгения проводила его глазами и улыбнулась, лицо ея сразу оживилось. Она стала смотрѣть на самоваръ, но не онъ теперь видѣлся ей.

Вмѣсто самовара глазамъ ея представился тотъ самый храмъ, изъ котораго она только-что пріѣхала, этотъ самый амвонъ, около котораго ее толкнулъ лохматый мужикъ и чуть не сшибъ съ ногъ. А у этого амвона стоитъ она около Ильи Петровича, а предъ ними въ ризѣ батюшка березопольскій и аналой.

— Да! вдругъ вымолвила она.—А какъ просто! Вѣдь и не старалась! А такъ, какъ-то, само собой... Будто, бывало, въ сѣренкій денекъ, сидишь, чулокъ вяжешь. Думается о другомъ, мысли летаютъ не-вѣсть гдѣ, а а чулокъ прибавляется да прибавляется... Посмотришь—а онъ ужъ и готовъ! Вотъ и это. Чулокъ такой-же... Да, ужъ именно, взаправду, чулокъ!

И Евгения вдругъ размѣялась искреннимъ, ребячески-веселымъ смѣхомъ.

Священникъ, разумѣется, явился тотчасъ-же вмѣстѣ съ посланнымъ и, раскланявшись привѣтливо и боязливо съ „Евгенией Степановной“, которой давно всѣ боялись, прошелъ къ князю. Бесѣда ихъ длилась недолго, но Евгени показала безконечною. Когда батюшка вышелъ обратно, то простился съ ней еще вѣжливѣе и боязливѣе. И въ глазахъ священника она прочла то, чего ждала, чего хотѣла... Онъ чѣмъ-то пораженъ.

Но когда Евгения собралась идти къ князю, чтобы убѣдиться скорѣе, рѣшается-ли, рѣшилась-ли ея судьба, то нашла дверь запертою на ключъ... Это удивило и разсердило ее. Постоявъ и подумавъ мгновение, она пошла къ себѣ, не окликнувъ князя...

Напрасно до сумерекъ прождала она Илью Петровича на своей половинѣ дома, въ той самой горницѣ, гдѣ когда-то вечеромъ видѣлась тайкомъ съ Егоромъ въ день пріѣзда княжны. Это была теперь ея любимая комната.

За обѣдомъ, едва только сошлась она съ княземъ и сѣла за столъ, явился неожиданный и незванный гость и почудился Евгеніи „хуже татарина“.

Пріѣхаль изъ Прачешнаго Макарь Макаровичъ, тайно увѣдомленный о чемъ-то своимъ другомъ-священникомъ.

Князь обрадовался ему, а Евгенія, сухо поздоровавшись, замѣтила, къ своему удивленію, какое-то незнакомое ей особенное выраженіе на лицѣ Трубецкаго.

„Ты пріѣхаль не проста“, подумалось ей.

Макарь Макаровичъ за весь обѣдъ былъ говорливъ и будто въ духѣ, но Евгенія казалась въ оживленіи старика какал-то фальшь. Онъ былъ возбужденъ и встревоженъ и хотѣлъ будто скрыть это напускнымъ весельемъ и пустою болтовней.

Въ концѣ обѣда князь объяснилъ—а этого и ждала Евгенія, даже опасалась безсознательно,—что онъ хотѣлъ побесѣдовать съ Макаромъ Макаровичемъ глазъ-на-глазъ.

— Что-жь, идите... сухо отозвалась она. И когда оба скрылись за дверями, она проговорила усмѣхаясь:

— Съ міра по указкѣ, глупому умишко. Совѣтуйся, коли своего разума не нажилъ.

Князь и управитель бесѣдой своей встревожили Евгенію болѣе чѣмъ она могла предполагать.

Часа четыре просидѣли они вмѣстѣ. Былъ уже вечеръ когда Макарь Макаровичъ появился въ столовой, гдѣ накрыли вечерній чай и вновь сидѣла замѣтно взволнованная Евгенія.

„Кабы не дура я была, давно бы тебя и духу тутъ не было“, подумала она при видѣ задумчиваго лица Макара Макаровича.

Князь явился, тоже, почти самъ не свой, сумрачный и возбужденный. Онъ странно взглянулъ на Евгенію. И боязливо, и грустно, и будто укоризненно...

И день прошелъ не принеся ничего новаго.

„Распуцу чулокъ и опять свяжу, да потуже!“ раздражительно думала Евгенія, уже ложась спать. Князь ни единого слова не сказалъ ей за весь вечеръ и былъ грустенъ.

XXI.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, у подъѣзда одного изъ домовъ на Караванной улицѣ въ Петербургѣ, нѣсколько рабочихъ вытаскивали всякую мебель изъ двухъ фуръ, разставляли вдоль панели и затѣмъ вносили по лѣстницѣ на второй этажъ, въ просторную и пустую квартиру.

Здѣсь устраивалась вновь нанятая квартира.

По готовившейся обстановкѣ въ нѣсколькихъ большихъ горницахъ бель-этажа, видно было, что тутъ будутъ жить люди со средствами.

Нанявшіе эту квартиру и теперь ее устраивавшіе жили еще въ гостиницѣ, гдѣ остановились по пріѣздѣ. Будущіе жильцы этого дома были тутъ раза два или три, ради распоряженій, и никто ихъ, кромѣ завѣдующаго домомъ, не видалъ. А между тѣмъ всѣ другіе жильцы того-же дома были сильно заняты своими будущими сосѣдами. Много страннаго рассказывалось про этихъ будущихъ жильцовъ. Хотя все казалось выдумкой и сочинительствомъ, но тѣмъ не менѣе обитателей дома крайне волновали всѣ эти розказни. Всѣ ожидали нетерпѣливо когда все разъяснится и окажется, что досужіе изыски сдѣлали изъ мухи слона, или-же и совсѣмъ наклеветали.

Рассказывали, будто-бы богатый баринъ, нанявшій квартиру, замѣчательный красавецъ собой, за недѣлю предъ тѣмъ пріѣхаль изъ заграничнаго путешествія. Онъ очень богатъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательный якобы искусникъ, ваятель, и привезъ съ собой статую своей работы, которую намѣренъ представить въ Академію Художествъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ богатый баринъ, будто-бы, простой мужикъ, крѣпостной человекъ. Кажется, для всякаго сочинителя этого всего и достаточно было-бы, но на дѣлѣ на этомъ не ограничивалась выдумка. Прибавляли, что жена этого ба-

рина-крестьянина—княжна или графиня родомъ и бывшая его барыня-помѣщица. Однимъ словомъ, выходила настоящая диковина.

Одинъ изъ жильцовъ дома, крупный столичный чиновникъ, человекъ серьезный и разумный, узнавъ, въ свою очередь, все что толковали въ домѣ жильцы, чуть не плюнулъ и рукой махнулъ.

— Правду сказываютъ, порѣшилъ онъ,—что всему на свѣтѣ предѣлъ есть; даже земному шару—предѣла нѣтъ. Только небесамъ да вранью людскому—предѣла нѣтъ.

Но черезъ недѣлю послѣ того, что вся квартира была устроена и нанявшіе ее переѣхали на жительство, многіе сосѣди убѣдились, что вранья про новыхъ жильцовъ никакого не было. А чиновникъ, плюнувшій когда-то на это вранье, развелъ руками и рѣшилъ:

— Видно и не выдумаешь того, что на свѣтѣ бываетъ! Всяко бываетъ.

Въ квартирѣ поселились люди неизвѣстнаго званія, не то мѣщане, не то купцы, по фамиліи Миловановы—мужъ и жена съ новорожденнымъ, трехъ-недѣльнымъ ребенкомъ-сыномъ. При немъ состояла нѣмка, принявшая его со дня его рожденія въ Дрезденѣ, и нанятая уже въ Россіи нянюшка. Кромѣ того, въ услуженіи новыхъ жильцовъ было еще четверо людей.

Вскорѣ стало уже всѣмъ вѣрно извѣстно, что госпожа Милованова дѣйствительно урожденная княжна Березопольская, а мужъ ея, дѣйствительно, бывший ея же крѣпостной, и что, пріѣхавъ прямо изъ Италіи, они привезли нѣсколько ящичковъ, въ которыхъ были только лѣбныя фигуры, какъ купленные, такъ и собственной работы, а главное—большая статуя въ ящичкѣ, изображающая ангела.

Миловановы поселились и зажили чрезвычайно мирно и скромно. У нихъ никого не бывало гостей кромѣ двухъ-трехъ лицъ изъ Академіи Художествъ, да кромѣ того, двухъ чиновниковъ изъ Сената. Одно семейство, жившее въ томъ же домѣ и пожелавшее, ради простаго любопытства, познакомиться съ господами Миловановыми, не смотря на всѣ старанія, не достигло своей цѣли.

Черезъ двѣ недѣли послѣ переѣзда на квартиру, Миловановыхъ оставили всѣ въ покоѣ и перестали судить и пересуживать все до нихъ касающееся.

За все это время—лѣто, осень и половину зимы, покуда въ Березопольѣ происходило столько новыхъ перемѣнъ, въ жизни Миловановыхъ не случилось ничего новаго, что могло бы нарушить ихъ счастье. Напротивъ, рожденіе первенца еще въ пути принесло ту перемѣну, что теперь была уже на свѣтѣ не чета, а семья Миловановыхъ.

Теперь они вернулись въ Россію и поселились въ Петербургѣ лишь временно. Прасковья Андреевна пожелала убѣдиться и убѣдить, главнымъ образомъ, своего мужа въ томъ, что у него, дѣйствительно, огромное дарованіе.

Миловановъ продолжалъ, какъ истый художникъ въ душѣ, совершенно не вѣрить и сомнѣваться въ своихъ силахъ. Не смотря на страшно быстрые успѣхи въ Римѣ, на похвалы и восторги со всѣхъ сторонъ, онъ не вѣрилъ въ то, что онъ, дѣйствительно, пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ прежде называлъ самъ себя: „ковырлякой“. Ему казалось, что работая со страстью и безъ усталы въ Римѣ, онъ нисколько не подвигается впередъ, что техника, самое ремесло, попрежнему не дается ему въ руки. Эти руки не слушаются того, что приказываетъ душа. Тотъ огонекъ, что пылаетъ въ немъ, сгораеетъ зря, безъ цѣли и смысла. Огню въ душѣ нужны вѣрные слуги—руки и пальцы, а ихъ нѣтъ. Они отказываются и бессильно упадаютъ.

И Миловановъ, какъ многіе художники, не замѣчалъ самаго простаго психическаго процесса, происходившаго въ немъ. По мѣрѣ того что онъ усвоивалъ ремесло,

по мѣрѣ того что его пальцы, даже глазъ обучались и становились опытнѣе и искуснѣе, требованія отъ самого себя на душѣ росли непомѣрно въ свой чередъ. Полгода назадъ онъ былъ бы счастливъ, восхищенъ, если бы сдѣлалъ хоть сотую долю того, что дѣлалъ теперь. Но теперь онъ былъ совершенно недоволенъ и падалъ духомъ.

Прасковья Андреевна понимала это, но смутно... Она тоже боялась, тоже подчасъ сомнѣвалась. Она боялась, что чувство ослѣпляетъ ее, страстная любовь къ мужу заставляетъ видѣть крупное дарованіе въ томъ, что собственно—искусничество малое и заурядное.

Всеобщимъ похваламъ кружка художниковъ въ Римѣ она довѣряла мало, имѣла основанія не вполне вѣрить. Все это были люди разныхъ національностей, кто искренно, а кто и лукаво относившіеся къ нимъ. Одни могли ошибаться, по мнѣнію Прасковьи Андреевны такъ же, какъ и они сами, вслѣдствіе ихъ дружбы къ ея Юрію; другіе лстили изъ разныхъ мелкихъ видовъ, хотя бы ради того, чтобы водить съ ними знакомство, бывать на ихъ вечеринкахъ и ужинахъ.

Что же могло рѣшить этотъ жгучій вопросъ? Разумѣется, только одно. Надо было пріѣхать въ Петербургъ и привезти съ собой самое крупное произведеніе Милованова, чтобы оно могло быть оцѣнено въ Академіи Художествъ. Здѣсь, строгій и нелицеприятный судъ академиковъ долженъ былъ рѣшить безповоротно, дѣйствительно-ли человекъ этотъ обладаетъ даромъ свыше, и, дѣйствительно, такимъ даромъ, какой признали въ немъ многіе специалисты и знатоки въ самомъ вѣчномъ городѣ, въ центрѣ искусства.

И съ первыхъ же дней прибытія въ Петербургъ у Миловановыхъ начались сношенія съ Академіей. Но помимо этихъ хлопотъ у Прасковьи Андреевны была другая, особая забота, не покидавшая ее уже давно и по пѣлымъ днямъ и невыразимо ее смущавшая.

Послѣ продажи Березополя она ждала отъ брата перевода по частямъ крупной суммы денегъ и присылки документа, который для нея былъ важнѣе всякихъ денегъ, а именно—вольнотпускной ея мужа.

Первая присылка тысячъ десяти не замедлила достигнуть Рима. Вторая такая же сумма послѣдовала уже зимой. Третья все еще запаздывала. Но о документѣ не было даже и рѣчи.

Прасковья Андреевна писала нѣсколько разъ князю, и въ первыхъ же письмахъ его онъ отвѣчалъ о немедленной высылкѣ документа. Затѣмъ, по прошествіи мѣсяца, на новое письмо изъ Рима, онъ отвѣчалъ, что въ дѣлѣ есть маленькое затрудненіе, такъ какъ Егора Ивановича Милованова спутали со старикомъ Сергѣемъ Миловановымъ, по прозвищу Азовскимъ. Нужно бы теперь личное свидѣтельство столѣтняго старика, что Лукерья Егоровна не мать ему, что въ дѣлѣ ошибка,—а это невозможно, ибо онъ скончался.

Это письмо лишь слегка смутило Прасковью Андреевну. Она вѣрила въ какую-нибудь простую чиновничью ошибку, но, однако, все-таки не могла понять, причѣмъ тутъ старикъ Азовскій, якобы тоже Миловановъ, и къ чему его свидѣтельское показаніе о Лукерьѣ Егоровнѣ, невозможное теперь за его смертью.

Спустя нѣсколько времени Прасковья Андреевна снова написала братцу все о томъ же дѣлѣ: выслать немедленно отпускную, дабы она могла, еще не вѣзжая въ предѣлы отечества, записать мужа въ Петербургѣ въ купцы въ какую-нибудь гильдію.

На это письмо, и на другое, и на третье, которое, однако, по общему счету, выходило, быть-можетъ, уже двѣнадцатое, Прасковья Андреевна не получила никакого отвѣта.

Такъ прошла осень, наступила зима и пришлось воротаться въ Россію съ тѣмъ же паспортомъ, который становился педѣйствителемъ въ Россіи тотчасъ по

пріѣздѣ. И едва только Миловановы переѣхали на квартиру, какъ у нихъ уже потребовали какихъ-либо документовъ помимо этого заграничнаго паспорта.

Выпросивъ отсрочку, Прасковья Андреевна снова написала князю, объясняя ему свое щекотливое положеніе, такъ какъ она съ мужемъ и ребенкомъ не имѣла теперь уже никакихъ ровно законныхъ бумагъ на жительство. Она приписала все лѣви и безпечности брата, умоляла его войти въ ея положеніе и какъ можно скорѣй, хотя бы даже съ нарочнымъ, прислать документъ.

XXII.

Одновременно Прасковья Андреевна завязала новый знакомства, преимущественно съ академиками и художниками. И снова иногда по вечерамъ собиралось у нихъ маленькое общество, преимущественно живописцевъ и скульпторовъ. Нѣкоторые являлись съ женами. Этотъ новый кружокъ странно поразилъ не только Прасковью Андреевну, но и самого Юрія Ивановича.

Это были люди далеко не похожіе на ихъ римскихъ знакомыхъ. Хотя тѣ были преимущественно итальянцы, французы и германцы разныхъ государствъ, а эти были свои—русскіе, но дѣло было не въ этомъ... На этихъ лежалъ какой-то особенный отпечатокъ, чего-то чуждаго искусству.

Одни изъ нихъ относились къ Миловановымъ и къ его произведенію, стоявшему теперь на пьедесталѣ, посреди самой большой горницы, какъ-то сухо, чопорно, свисходительно. Они не хвалили и не хулили особенно произведеніе Милованова, а относились къ нему такъ же, какъ если бы онъ показывалъ имъ хорошо сшитый на немъ сюртукъ, или какую-нибудь шляпу.

— Что жъ, ничего! говорили ихъ лица.—Но вы чего-то ждете. Чего же? Ждать нечего. Занимайтесь—худяго тутъ ничего нѣтъ. Особенно важнаго тоже ничего. У всякаго свое дѣло, занятіе...

Другіе относились къ четвѣ Миловановыхъ дружелюбно, подобострастно, восхищались мраморнымъ ангеломъ кто искренно, горячо, правдиво, а кто лукаво, лстиво и лживо. Но во всѣхъ этихъ людяхъ было что-то особенное. Они сами всѣ казались приниженными, обиженными, подъ гнетомъ чего-то, или кого-то. Они завидовали Милованову, и въ каждомъ словѣ ихъ чувствовалась эта зависть. Но, къ великому недоумѣнію Прасковьи Андреевны, эта зависть сказывалась не къ дарованію ея мужа, а къ его нравственной свободѣ, къ его обеспеченному положенію, его непринадлежности къ корпораціи.

— Что жъ, вамъ можно! говорили они.— Есть чѣмъ жить. Работайте себѣ власть. А ждать, что тутъ скажутъ—плевать вамъ! Коли признаютъ мысленно въ васъ большое дарованіе, то непременно задупать, заточать. И не изъ зависти, а это ужъ такъ полагаεται. Они—начальство. А на то и начальство, чтобы власть свою вслѣчески показывать. Деньгами вотъ развѣ...

И какъ-то незамѣтно для Миловановыхъ, вдругъ появился на первомъ планѣ, совершенно не идущій къ дѣлу вопросъ, кому и сколько дать. Мнѣнія не раздѣлились о томъ—дать-ли, а о томъ—кому дать. Одни называли дѣствительнаго статскаго совѣтника Пимена Ильича, другіе утверждали, что Онуфрій Савичъ возьметъ гораздо меньше и протрубитъ статую на весь Петербургъ, даже до всѣхъ сильныхъ міра, до государя императора доведетъ дѣло.

Прасковья Андреевна начала теряться. Она не чувствовала почвы подъ ногами. Ей все чудилось, что она вмѣстѣ съ мужемъ на воздухъ, между небомъ и землей, и что ея представленіе, которое она дѣлала себѣ о пріѣздѣ въ Петербургъ и о самомъ городѣ, совершенно не подходило къ тому, что оказалось въ дѣйствительности.

А о чемъ только пе мечтала она? Иногда казалось

На поискахъ за счастьемъ. Карг. М. Шевалье, грав. Тэйлоръ.
Библиотека "Руниверс"

ей, что едва только „летающій ангелъ“ появится въ Петербургѣ—весь городъ бросится взглянуть на него. Ей мерещилось, что ея Юрій представляется императору и послѣ милостивыхъ словъ монарха, его похвалы, — Юрій Миловановъ сразу сталъ другой человѣкъ. Это имя и фамилія сразу зазвучали иначе. Это знаменитость! Это — первый ваятель въ Россіи!

Разумѣется, бывали минуты, когда Прасковья Андреевна сознавалась сама себѣ, что она мечтаетъ, какъ паивная дѣвочка. Но все-таки вѣра въ то, что хоть десятая часть всего исполнится, крѣпко держалась на сердцѣ.

И вдругъ—теперь, здѣсь, съ первыхъ дней не только явилось разочарованіе, но и все обступившее ихъ обмануло ожиданія: и люди, и рѣчи, и факты—все не то. Въ первый разъ, что человѣкъ пять художниковъ явились въ ихъ квартиру и перешли въ залу, гдѣ накануне устроили статую на постаментѣ, Прасковья Андреевна почувствовала первую жгучую боль на сердцѣ.

Еще поутру, она сидѣла цѣлый часъ передъ произведеніемъ мужа и восхищалась имъ. Ей казалось, что и въ Римѣ, въ разныхъ галереяхъ и музеяхъ, она не видѣла ничего подобнаго, такого въ чемъ было бы столько силы, жизни и еще чего-то...

Въ ясномъ лицѣ ангела, въ его властно развернувшихся крыльяхъ, въ этомъ могучемъ взмахѣ крыла и въ кажущемся полетѣ — было столько мощи и столько спокойствія, величія, святости...

А эти цѣнители, впервые впущенные сюда, обопли постаментъ, оглядѣли летающаго ангела со всѣхъ сторонъ и стали хвалить, и пуще всего мраморъ, его качество... Но много хвалили они и самую работу, хотя вдругъ, въ концѣ концовъ, оказалось, что одно крыло длиннѣе другаго, одно плечо, сравнительно, слишкомъ толсто. Поднятая правая рука этого ангела не благословляетъ, а будто хватаетъ что-то въ воздухѣ. Длинная, волочащаяся одежда, или саванъ, слишкомъ тяжелъ, слишкомъ длиненъ и подъ нимъ чуются такія же, бесконечно - длинныя, ноги. А это производитъ странное и уродливое впечатлѣніе. Не достаточно одной оголенной ноги, надо бы обѣ показать. И потомъ, куда ангелъ смотреть?!

И затѣмъ тотчасъ же цѣнители заговорили о скверномъ мраморѣ въ Петербургѣ, вдобавокъ дорого стоящемъ, и стали хвалить итальянскій климатъ, разспрашивать про папу... А одинъ сейчасъ же сталъ предлагать другому испробовать новыя лепешки отъ кашля.

Прасковья Андреевна, присутствовавшая молча при этой первой оцѣнкѣ произведенія мужа, чувствовала, что у нея все — и на сердцѣ, и въ головѣ — мутится, все застилается какою-то безобразною и глупою пеленою. А вмѣстѣ съ тѣмъ, она падаетъ куда-то, далеко и глубоко. Она чувствуетъ, что вернется обратно, поднимется, но теперь она падаетъ...

Самъ Миловановъ былъ тоже молчаливъ. Но когда гости-художники уѣхали, онъ подошелъ къ женѣ, сталъ предъ ней и вымолвилъ кротко:

— Знаешь что, Параша, закупоримъ-ка ангела опять въ ящикъ, сдадимъ его здѣсь гдѣ-нибудь на сохраненіе, а сами поѣдемъ повидаться съ матушкой. Заберемъ ее съ собой, да опять и отправимся на пятацъ Барберини. Тамъ будто дышать свободнѣе. Тамъ живя, чуешь, что и на душѣ такъ же жарко, какъ въ небѣ синемъ. А здѣсь у меня на сердцѣ стало такъ же холодно, какъ вотъ и на дворѣ. Не знаю почему, а этотъ Петербургъ кажется мнѣ будто какимъ склепомъ, гдѣ все покойники. Кажуть-то они живыми, да врутъ! Это они ломаются, представляютъ. Они мертвые. Можетъ я чепуху сказываю, да такъ мнѣ сдается.

И весь этотъ день Миловановъ спокойно, скромно, кротко доказывалъ женѣ, что они вмѣстѣ обманывались въ его силахъ, что можетъ-быть изъ него ко-

вырляка какая и выйдетъ порядочна, да не теперь, а лѣтъ черезъ десять, а то и двадцать. И онъ приводилъ женѣ примѣры: въ Римѣ было много художниковъ, скульпторовъ, уже извѣстныхъ каждый въ своемъ отечествѣ, по всѣ они были много старше его годами.

— А чтобы въ мои годы, говорилъ Миловановъ,—да сразу стать настоящимъ мастеромъ, это рѣдко бывало и въ Римѣ.

Вечеромъ та же бесѣда снова возобновилась, но уже перешла въ горячій споръ. Юрій Ивановичъ доказывалъ женѣ, что онъ не только не сдѣлалъ никакихъ успѣховъ въ Римѣ, но даже сталъ хуже работать, чѣмъ прежде, когда-то, въ Березопольѣ. Онъ сталъ увѣрять, что ему слѣдовало бы всегда оставаться рѣзчикомъ по дереву, а не мѣтить въ ваятели. Онъ сталъ доказывать женѣ, что въ его летащемъ ангелѣ куча самыхъ грубыхъ недостатковъ. И при этомъ онъ повторилъ все то, чтó слышалъ поутру: и о хватающей воздухъ рукѣ, и о толстомъ плечѣ, и о тяжеломъ саванѣ съ одной бесконечно длинной ногой.

Прасковья Андреевна разсердилась на мужа такъ, какъ съ ней никогда еще почти не случалось. Она обозвала его глупымъ, дряблымъ, бабой, тряпицей, просто-на-просто дуракомъ.

— Но это еще ничего, прибавила она,—а ты самъ кукла изъ воску! Въ тебѣ нѣтъ вѣры въ самого себя, и поэтому нѣту твердаго убѣжденія въ своихъ силахъ. Съ весны и до сихъ поръ ты вѣрилъ въ себя, работалъ и сдѣлалъ громадныя успѣхи, почти невѣроятныя, а теперь, послѣ глупой болтовни пяти дураковъ, сразу рѣшилъ, что ты ковырляка по дереву.

Кончилось тѣмъ, что мужъ и жена взяли канделябрь, зажгли на немъ всѣ свѣчи и отправились въ темную комнату, посмотрѣть на предметъ своей распри и ссоры.

Свѣжо-бѣлый ангелъ, изъ великолѣпнаго мрамора, съ распростертыми крыльями и одной поднятой рукой, среди большой и пустой горницы, освѣщенной теперь колеблющимся свѣтомъ канделябра, выступилъ сразу изъ полумрака, будто взлетѣлъ и поднимался, парилъ прямо на нихъ.

Случайно, конечно, но мужъ и жена впервые увидѣли свою статую при вечернемъ освѣщеніи. И вдругъ теперь обоимъ сразу показалось, оба почувствовали сердцемъ, что всѣ толки, разговоры и пересуды—вздоръ и вздоръ!

Вотъ онъ летитъ и самъ за себя имъ отвѣчаетъ, въ немъ есть что-то, чтó говоритъ имъ:

„Полно вамъ болтать, я отъ васъ не завишу. Вы — сами по себѣ, а я — самъ по себѣ. И та жизнь, которая есть во мнѣ—выше, бесконечнѣе вашей. Ваша пройдетъ, отъ васъ останется прахъ, а я вѣчно буду летѣть, вѣчно жить, вѣчно властвовать надъ людьми на меня смотрящими.“

Прасковья Андреевна вдругъ почти вырвала порывомъ изъ рукъ мужа канделябрь и высоко подняла его надъ головой.

— На, смотри! выговорила она.—Ничего не видишь? Ничего не чувствуешь? Что-жь мы—ребята, дикіе или звѣри? Чтó развѣ мы не люди съ душою, и съ сердцемъ, и съ глазами? Смотри на него! Смотри ему въ лицо! Вѣдь онъ движетъ крыльями! Онъ смотритъ и видитъ... Онъ благословляетъ насъ... Говори же, Юрій! Говорить онъ тебѣ что-нибудь? Или ничего не говорить? Здѣсь-то, здѣсь вотъ... на сердцѣ? Чувствуешь ты что-нибудь?!

Миловановъ понурился, закрылъ лицо руками и выговорилъ виновато:

— Кто-жь его знаетъ! Самъ себѣ не судья. Мнѣ онъ дороже всего на свѣтѣ—помимо тебя, глѣстимо, да Андрюши. А иной разъ сдается мнѣ, что онъ мнѣ

даже дороже Андриюши. Тотъ еще маленькій, а этому, мраморному, ужъ полтора мѣсяца, улыбнулся Миловановъ.—Этого я родиль—и онъ поэтому мнѣ дороже...

— Ужъ будто дороже? произнесла Прасковья Андреевна, посмѣивалась.

Но въ ту же минуту, за нѣсколько горницъ, раздался визгливый, дѣтскій плачь. Миловановъ сразу повернулся и пустился бѣжать изъ горницы. Прасковья Андреевна поставила канделябръ на полъ и бросилась за нимъ. И оба — мужъ и жена, побѣжали на этотъ плачь черезъ всю квартиру, какъ на пожаръ.

Андриюша проснулся и кушать захотѣлъ...

Больше часу просидѣли отецъ и мать въ дѣтской, позабывъ о своемъ спорѣ и о другомъ дѣтищѣ.

А тамъ, въ большой горницѣ, освѣщенной колеблющимся свѣтомъ огней канделябра, оставленного на полу, парилъ и будто уносился тихо вверхъ, чудноликій, благословляющій ангель. И среди тиши пустой, полуосвѣщенной горницы, этотъ ангель будто жилъ своею жизнью. Какою-то странною, невѣдомою, чуждою земному, торжественной жизнью...

XXIII.

Прошло около мѣсяца съ тѣхъ поръ, что Миловановы поселились въ Петербургѣ, а два главныхъ насущныхъ вопроса, которые ихъ озабочивали, все еще не были разрѣшены.

Обратигъ особое вниманіе Академіи Художествъ, а равно кого-нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ въ столицѣ на произведеніе русскаго самородка-ваятеля, положительно не удавалось. Съ другой стороны, изъ Березополя не было ни слуху, ни духу. Илья Петровичъ даже не отвѣчалъ, не только не присылалъ никакихъ бумагъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ полиціи надоѣдали Миловановымъ, требуя обмѣны заграничнаго паспорта на другой, какой бы то ни было, документъ. Выдать же имъ какой-либо видъ на жительство, какъ крѣпостнымъ людямъ, было невозможно безъ разрѣшенія отъ помѣщика на свободное проживаниеъ или хожденіе по оброку.

Какой-то полицейскій объяснилъ Прасковью Андреевну, что ей бы слѣдовало хотя эту бумагу выхлопотать себѣ отъ „ея барина“.

— Простая бумажка, объяснялъ онъ,—гдѣ сказано, что можете проживать гдѣ вздумается и платить столько-то оброку въ годъ, ну, хоть двадцать рублей.

Этотъ наивный полицейскій даже разсердилъ Прасковью Андреевну, потому что простодушнѣйшимъ образомъ не вѣрилъ ей баснямъ о томъ, что она—бывшая княжна Березопольская.

— Это мы отлично знаемъ... заявилъ онъ.—Мы ежедневно, матушка моя, такія туры на колесахъ слышимъ въ полиціи, что всему не переудивляешься. Будьте вы хоть принцессой какой Задунайской, а письменность намъ пожалуйте! Вотъ вчера еще мы за безписьменность въ холодную посадили на три дня Англичаго императора.

Замедленіе присылки бумаги, а главное, упорное молчаніе брата уже начинало сильно беспокоить Прасковью Андреевну. Мысль, которая не приходила ей прежде на умъ, которая затѣмъ поневолѣ возникла въ ней, но которую она отгоняла какъ недостойную клевету на честнаго Илью Петровича, теперь возвращалась все чаще и чаще, и уже страшно тревожила ее.

Въ первое время она не хотѣла думать, чтобы князь затѣвалъ по отношенію къ ней какой-нибудь безчестный поступокъ. Теперь уже его молчаніе ничѣмъ инымъ объяснить было нельзя.

Но что-жъ затѣваетъ онъ? Чтò можетъ онъ сдѣлать? Считать ея мужа, ее самоѣ и ихъ ребенка своими крѣпостными! Зачѣмъ?..

И Прасковья Андреевна сознавалась, что въ концѣ концовъ разумъ ея отказывается понимать смыслъ и значеніе всей этой безконечно-длительной исторіи съ документомъ. Когда она говорила объ этомъ съ мужемъ,—а случалось это за послѣднее время часто,—Миловановъ пожималъ плечами и постоянно повторялъ одно и то же:

— Совершенно непонятно! Что-жъ! Сами виноваты! Тогда надо было, не выѣзжая за-границу, все устроить.

И за послѣдніе дни Миловановы уже мало думали и хлопотали по поводу своего старшаго дѣтища, какъ называли они летящаго ангела. Молчаніе изъ Березополя и приставаніе столичной полиціи уже слишкомъ озабочивало ихъ.

(Продолженіе будетъ).

Дворяшка.

Разсказъ Н. Станицаго.

Въ самомъ дальнемъ углу Петербургской стороны, въ глухомъ немощеномъ переулкѣ, въ старенькомъ домикѣ о четырехъ окнахъ, видимъ позднимъ вечеромъ, въ небольшой комнатѣ съ покрякивающимъ поломъ и съ низкимъ потолкомъ, сидѣла худенькая старушка у длиннаго простаго стола, обитаго черной клеенкой и заваленнаго разными бумагами и книгами. Столъ стоялъ въ простѣвкѣ двухъ оконъ. Старушка хмуро взидала шерстяной чулокъ при небольшой лампочкѣ съ зеленымъ абажуромъ.

Обстановка комнаты была плохонькая: старинный диванъ съ деревянною спинкой, на которомъ была приготовлена постель, надъ диваномъ небольшое зеркало; возлѣ дивана—овальный небольшой столъ на тумбочкѣ, нѣсколько креселъ и стульевъ съ деревянными спинками, обитые нестрою клеенкой, изукрашенный комодъ съ бронзовыми ручками у ящиковъ, на комодѣ также бумаги и туалетныя принадлежности. Огромная изразцовая печь должно-быть мало нагрѣвала комнату, температура въ ней была очень прохладная и на стеклахъ выросли толстые слои льда, такъ что старушка смѣла могла, кромѣ байкового платка, надѣть и пальто.

Слѣва за перегородкой, не доходяще до потолка, свѣтился огонь и оттуда слышался юный голосокъ монотонно перечислявшій изъ географіи проливы и мысы.

Справа, изъ-за глухой перегородки, какъ бы акомпанировалъ этому голоску рѣзкій мужской кашель, который видимо раздражалъ старушку.

— Варя, гаси свѣчу! ворчливо проговорила старушка.

— Сейчасъ, бабушка, только еще разъ повторю урокъ, отвѣчала Варя.

— Слава Богу, съ которыхъ поръ твердишь! сказала старушка.

— Ахъ, бабушка, не одинъ урокъ надо было приготовить къ завтраму! обидчиво отвѣтила Варя.

За глухою перегородкой раздался визгливый лай собаченокъ и мужской голосъ унимавшій ихъ.

Старушка раздражительно крикнула:

— Семень Ивановичъ, терпѣннѣ моего нѣтъ слушать визготню вашихъ собаченокъ, и сами-то вы безъ передышки бухаете, такъ что голова у меня трещитъ.

— Извольте сами знать, Арина Никитишна, что въ зимнее время завсегда меня одолеваетъ кашель, заискивающимъ тономъ отвѣчалъ мужской голосъ.

— Полно вамъ сваливать на зимнее время, сердито возразила старушка,— нѣтъ, это все отъ вашихъ собаченокъ, которыхъ вы по дѣлымъ часамъ носите на морозѣ! Свалитесь, чтò тогда будетъ?

— Маленькая-съ перхота шекотитъ въ горлѣ, Арина Никитишна, проговорилъ Семень Ивановичъ, и закашлялся.

А старушка, пожимая плечами, ворчливо произнесла:

— Это маленькая перхота! бухаетъ, бухаетъ, чай все цустро у него перевернулось... перхота! и суровымъ тономъ громко продолжала:—Покою нѣтъ отъ вашихъ собаченокъ, извольте-ка ихъ въ чуланѣ держать!

— Ахъ, Арина Никитишна, возможно-ли нѣжныхъ собачекъ въ холоду держать-съ—простудятся, жалобнымъ тономъ произнесъ Семень Ивановичъ.

— Туда и дорога, если всѣ поколѣютъ! крикнула старушка,— чтò выдумалъ, псарню разводите! Просто вы съ ума сляпали, Семень Ивановичъ, богачъ какой! тратится на прокормъ какихъ-то собаченокъ, возится съ ними, какъ съ ребятами: моетъ, расчесываетъ ихъ!

— Нельзя же-съ, Арина Никитишна, въ грязи ихъ держать-съ,

Джорджоне. Карг. А. Вольфа, грав. Бонгг.

На лося наткнулись. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ.

вдруг публикація въ газетѣ окажется—я долженъ въ своемъ видѣ собачку представить. Я... говорилъ Семень Ивановичъ, но старушка не дала ему сказать и крикнула:

— Ждите, ждите! какъ бы изъ-за этихъ собаченокъ на-стоящимъ манеромъ не попасть вамъ въ полицію.

— Ахъ-съ, Арина Никитишна, тогда-съ мнѣ вышла неприятность изъ-за монсика по моей неопытности, проговорилъ Семень Ивановичъ.

— Хорошо, хорошо! сказала старушка, и пророческимъ тономъ добавила: — Помянете меня, Семень Ивановичъ, не миновать вамъ полиціи изъ-за вашихъ собаченокъ.

Пророчество старушки было заглушено огрызнувшимся собаченкою, визгомъ другой, и сильнымъ кашлемъ Семена Ивановича.

Старушка въ сердцахъ отбросила въ сторону чулокъ, услышавъ утѣшаніе Семена Ивановича своимъ собаченкамъ:

— Ай, ай, барышня, зачѣмъ обижать товарища по несчастью! А ты, Жучекъ, долженъ повимать, какого ты низкаго происхождения.

— Семень Ивановичъ! крикнула гнѣвно старушка, — тошно слушать ваши разговоры, какъ-будто съ людьми! Право, вы, кажется, разума лишились.

— Жучка-съ, Арина Никитишна, какъ человекъ повимаетъ всякій разговоръ. Такой сообразительности — на рѣдкость-съ, даромъ что собачка.

— Господи, ей Богу онъ рехнулся! проговорила старушка и крикнула: — гдѣ у васъ глаза-то, Семень Ивановичъ, были, когда вы такую подворотню притащили! Неужто вы думаете, что кто-нибудь дастъ хоть грошъ за нее?

— Я-съ, Арина Никитишна, единственно изъ жалости взялъ ее, смиренно отвѣтилъ Семень Ивановичъ, — такъ она смотрѣла мнѣ въ глаза—словно говорила: „скорѣй, накорми меня, бѣдную!“

— Перестаньте, какісь вы считаете меня за дуру! гнѣвно крикнула старушка. — Какъ знаете, Семень Ивановичъ, а я больше не желаю, чтобъ у меня въ домѣ царню заводили! Желаете жить у меня, такъ живите попржему; а если намѣрены собаченку держать при себѣ, такъ ищите себѣ комнату!

Старушка страшно разгорчилась, и Семень Ивановичъ сильно закашлялся.

— Варя, гаси свѣчу! говорила старушка, — просто поколнѣть: съ одной стороны она точно имела жужжить, съ другой — бухотня, визгъ-лай собачій. Что же это такое?.. Хлебните хоть води-то, Семень Ивановичъ! взволнованнымъ голосомъ сказала старушка.

— Пройдетъ-съ! проговорилъ Семень Ивановичъ.

— Какъ же, пройдетъ въ наши-то годы... нѣтъ, батюшка, и въ молодости-то болѣзнь пудами входитъ въ человека, а золотниками уходитъ изъ него. Мы съ вами не богачи, чтобы хворать, и безъ хворостей жизнь-то наша не сладка, говорила въ сердцахъ старушка. — Нечего въ подушку утыкаться! Лучше бы на морозѣ не стояли, словно неразумный ребенокъ, который не знаетъ, что этого дѣлать нельзя.

Старушка умолкла, кашля и юнаго голоса болѣе не было слышно, водворилась тишина въ комнатѣ, нарушаемая только чибаньемъ дешевыхъ часовъ съ гилями, висящихъ на стѣнѣ.

Старушка, понуривъ голову, сидѣла въ задумчивости, и по морщинистымъ ея щекамъ катились слезы. Она тяжело вздохнула, вытерла глаза, высморкалась, достала изъ кармана засаленныя карты и стала гадать, покачивая головой шептала:

— Все одно выходить — успокоитъ меня неожиданная радость. Какъ же! такъ и жди радости: койбѣйки нѣтъ, а надо носить въ гимназію за Варю. Господи, Господи, Володя убивается на работѣ съ утра до поздней ночи, а толку мало, не хватаетъ да и только чѣмъ платить за Варю!

Старушка понурила голову, и снова потекли слезы изъ ея глазъ, но она торопливо ихъ вытерла, собрала карты, спрятала въ карманъ и принялась визать чулокъ, по временамъ поглядывая на часы.

Старушка была владѣтельница старенькаго домика, доставшагося ей по наслѣдству; она давно уже вдовствовала. Ирина Никитишна принадлежала къ классу мелкаго чиновничества. Въ молодости это была энергичная женщина, она не допускала нищеты въ свое семейство, день и ночь занималась шитьемъ бѣлья и на свои трудовыя деньги дала гимназическое образование своему сыну; но дальнѣе продолжать его образование у ней уже не хватило силъ, потому что ея мужа разбилъ параличъ и надо было его содержать. Отъ усиленной работы и отъ слезъ ослабло зрѣніе, да и старость пришла, а тутъ еще новое горе: у замужней дочери суицидъ—тоже изъ мелкихъ чиновниковъ—запилъ горькую, его прогнали со службы. По смерти ея, у Ирины Никитишны на рукахъ осталась пятилѣтняя внучка. Сынъ Ирины Никитишны содержалъ семейство, получая скудное жалованье: утромъ онъ ходилъ на казенную службу, а вечеромъ—на частную...

Биографія Семена Ивановича была очень проста: онъ также принадлежалъ къ обширному классу петербургскихъ чиновниковъ. Его дѣдъ и отецъ были также мелкіе чиновники, какъ и самъ Семень Ивановичъ. По своему робкому характеру и неумѣнью

закисывать расположеніе своихъ непосредственныхъ начальниковъ, Семень Ивановичъ хотя и считался самымъ лучшимъ переписчикомъ бумагъ, но награды и чины проходили мимо его носу, а онъ даже никогда не ропталъ на это; но когда неожиданно для него онъ получилъ отставку — это страшно его убило. По счастью, онъ, съ пятнадцати лѣтъ поступивъ на службу, выслужилъ пенсію. Привычка ходить на службу въ немъ такъ была сильна, что онъ первое время каждый день отправлялся въ извѣстный часъ къ зданію департамента и бродилъ около него. Чтобъ чѣмъ-нибудь развлечь себя, Семень Ивановичъ переписывалъ самъ для себя черновыя бумаги, которыя у него остались отъ службы.

Часто бываетъ съ людьми одинокими, что они имѣютъ привычку выражать вслухъ свои мысли. Переписавъ бумагу, Семень Ивановичъ, любуясь ею, говорилъ:

— Оставили меня за старостью лѣтъ, ну-съ, пусть сравняютъ мое писаніе съ молодыми? Самъ директоръ изволили приказывать за недѣлю до моей отставки „дать Васюточкину переписать эту бумагу“, значитъ же я былъ годенъ для службы... Племяннику столоначальника надо было дать мѣсто, меня и похерили!.. Ну, Богъ съ ними! Не я первый, не я послѣдній!

Съ Ириной Никитишной Семень Ивановичъ давнымъ-давно былъ знакомъ. Онъ сидѣлъ за однимъ столомъ на службѣ съ ея мужемъ и бывалъ часто у нихъ въ домѣ; когда же сослуживца разбилъ параличъ, то Семень Ивановичъ каждый вечеръ навѣщалъ его, а послѣ его смерти перебралъ жильцомъ ко вдовѣ и платилъ ей за комнату и обѣдъ. Володя, сынъ Ирины Никитишны, выросъ на глазахъ Семена Ивановича, а также и внучка Ирины Никитишны.

Семень Ивановичъ былъ одинокъ, ростъ онъ безъ матери, отецъ только вечеромъ бывалъ дома; а когда отецъ умеръ, то Семень Ивановичъ уже находился на службѣ. Пить, играть въ карты и ходить по трактирамъ Семень Ивановичъ не любилъ, сослуживцы не желали знаться съ нимъ. Семень Ивановичъ какъ сурокъ сидѣлъ въ своей крохотной комнаткѣ въ мезонинчикѣ, гдѣ долженъ былъ сгибаться—такъ низокъ былъ потолокъ. Но онъ долго прожилъ въ мезонинчикѣ, потому что дешево платилъ за него. Въ гости ходилъ онъ единственно къ Ирине Никитишнѣ. Конечно, былъ маленькій романчикъ въ молодости Семена Ивановича. Онъ влюбился въ дочь тоже одного мелкаго чиновника, но дѣвица съ презрѣніемъ смотрѣла на своего робкаго обожателя и не поцеремонилась ему прямо въ глаза сказать, что за такого урода никогда не выйдетъ замужъ. Семень Ивановичъ самъ не заблуждался насчетъ своей наружности и иногда разсуждалъ:

„Хоть-бы я уродился поменьше ростомъ, такъ меня и не замѣчали-бы, а то словно шесть какой передъ всѣми!“

Точно, Семень Ивановичъ бросался въ глаза большимъ ростомъ, не смотря даже на то, что держался сгорбившись. На его длинномъ-предлинномъ лицѣ, сѣровато-желтаго цвѣта, очень смѣшно было маленькій носикъ, слегка задернутый кверху, и его небольшие желтовато-сѣрые глаза, съ дѣтскимъ, пугливымъ выраженіемъ. Впрочемъ, Семень Ивановичъ, не смотря на свои пятьдесятъ пять лѣтъ, по душѣ былъ дитя, да и по разуму и по робости своей также походилъ на ребенка. Онъ страшно боялся Ирины Никитишны, и только за обѣдомъ сидѣлъ съ нею вмѣстѣ.

Все семейство обѣдало въ кухнѣ. Семень Ивановичъ ѣлъ только одинъ разъ въ день, потому что завтраки и ужины были невозможны при его скудной пенсіи. За обѣдомъ Семену Ивановичу было не до разговоровъ, надо было утолить голодь, да Ирина Никитишна и не любила, чтобы долго прохлаждались за обѣдомъ, потому что ей надо было самой вымыть посуду и прибрать кухню. Прислуги она не имѣла средствъ держать, все дѣлала сама; только бѣдный старикъ по сосѣдству за поливничекъ въ мѣсяцъ носилъ ей воду. Семену Ивановичу не съ кѣмъ было поговорить: Варя ходила въ гимназію, послѣ обѣда садилась за свои уроки; Володи съ утра былъ на службѣ, приходилъ обѣдать, снова уходилъ на частную службу и возвращался поздно вечеромъ домой. Такъ что у Семена Ивановича страшно усилилась привычка разсуждать съ самими собой. За неимѣніемъ общества, онъ, сидя въ своей маленькой комнаткѣ, такъ иногда увлекался разсужденіями, точно велъ оживленную бесѣду съ кѣмъ-нибудь. Ирина Никитишна сама имѣла привычку тоже вслухъ выражать свои думы, но только когда находилась въ нехорошемъ настроеніи; она не замѣчала за собой этой привычки, и ворчала на Семена Ивановича изъ своей комнаты:

— Лепечете-лепечете сами съ собой, Семень Ивановичъ, даже смѣшно слушать васъ.

— Извините, Ирина Никитишна, невдомекъ, что вамъ слышно, отвѣчалъ изъ-за перегородки Семень Ивановичъ, — глупая-съ такая у меня-съ привычка-съ.

— Кто не знаетъ, можетъ подумать, что вы колдунъ, заговоры шепчете. Въ моей молодости, одинъ нашъ знакомый старичокъ такъ же все лепеталъ самъ съ собой и долепетался до того, что съ ума спятилъ, свезли въ больницу, онъ вскорѣ тамъ и померъ.

— Обо мнѣ не беспокойтесь, Ирина Никитишна, обидчиво отвѣчалъ Семень Ивановичъ.

По оно еще болѣе бы обидѣлся, если-бъ видѣлъ насмѣшливое киваніе головы старушки и слышалъ ея ворчавшій шепотъ: «Велкій рехнувшійся думаетъ, что у него голова въ порядкѣ!».

Комнатка Семена Ивановича была узенькая: просто одно окно было отгорожено легкой достатою перегородкой отъ соседней комнаты. Мебели было въ ней немного: клеенчатый диванъ, на которомъ и спалъ Семенъ Ивановичъ, маленькій комодъ простаго дерева, на комодѣ разостланы чистые листы бумаги и аккуратно разставлены были: маленькое складное зеркальце, щетка, гребенка, банка помады. На стѣнѣ прибиты были двѣ простыя полки; на одной лежали нѣсколько книгъ въ старенькихъ переплетахъ и безъ переплетовъ, очень засаленныхъ. На другой полкѣ стояла чайная посуда: два чайничка, сахарница, стаканъ съ блюдечкомъ и чашка. Семенъ Ивановичъ пилъ свой чай. Въ углу висѣлъ на гвоздяхъ его небогатый гардеробъ, прикрытый дырявою простыней. На стулѣ, на диванѣ была сложена его подушка, одѣло, у окна стоялъ ломберный старенькій столъ и на немъ размѣщались въ порядкѣ чернильница, перо, карандашъ, старенькій-престаренькій портфель для бумагъ, съ которымъ онъ ходилъ на службу тридцать лѣтъ, и большія тетради въ сѣрой оберткѣ, еще остатки отъ его служебныхъ занятій. У двухъ образовъ висѣла лампада.

Однообразная жизнь Семена Ивановича неожиданно оживилась. Разъ, поздней осеью, въ одно утро, онъ возвращался домой, совершивъ обычную прогулку къ департаменту, гдѣ прежде служилъ,—къ нему пристала очень маленькая собачка; ея длинная шерсть вся была мокрая, мохватая лапки и хвостикъ въ грязи. Собачка дрожала отъ холода и визжа бѣжала за нимъ. Семенъ Ивановичъ говорилъ ей:

— Вижу, что ты озябла, да что мнѣ-то съ тобой дѣлать? Лучше отстань, поищи побогаче прохожаго и иди за нимъ.

Но собачка продолжала бѣжать за нимъ, забѣгала впередъ, карабкалась на его ноги, жалобно пища, какъ бы прося взять ее на руки. Семенъ Ивановичъ остановился и сказалъ собаченкѣ:

— Глупенькая, отстань ты отъ меня!

Но собачка не слушала его словъ. Подходя къ дому, Семенъ Ивановичъ опять остановился и проговорилъ:

— Отвѣжись, понапрасну бѣжала этакую даль за мной, по отъ подошелъ къ дому, отворилъ калитку и съ досадою произнесъ:—бѣги назадъ, здѣсь народъ живетъ бѣдный, самимъ едва хватаетъ чѣмъ кормиться, а не токмо васъ еще прокармливать. Собаченка завyla.

Семенъ Ивановичъ остановился въ раздумьи и прикрикнулъ:

— Не вой! Ну, обогрѣйся у меня, переночуй, а завтра я тебя вынесу на хорошия улицы, тамъ навѣрно кто-нибудь и возьметъ тебя къ себѣ жить!

Собаченка юркнула въ калитку, Семенъ Ивановичъ въ испугѣ крикнулъ:

— Буда ты, шальная! Оборони Боже, увидить тебя Ирипа Никитишна—бѣда! Иди сюда!

И Семенъ Ивановичъ вынулъ носовой пестрый бумажный платокъ изъ кармана, обернулъ грязныя лапы собаченки, спрятавъ ее подъ шинель, говоря:—Ни-гу-гу, будь нѣма какъ рыба, а то вышвырнуть тебя вонъ, да еще и мнѣ достанется за тебѣ.

Передъ входомъ въ дверь, обитую рогожей, онъ тщательно вытеръ ноги о разостланную рогожу, робко отворилъ дверь и вошелъ въ кухню, опять вытеръ о трипку ноги, сказавъ Иринѣ Никитишнѣ, стоявшей у печки:

— Скверная-съ погода сегодня.

— А какая неволя со двора была выходить! ворчливо отвѣчала старушка.

Семенъ Ивановичъ проворно юркнулъ въ свою комнату и плотно приперъ дверь; онъ бережно развернулъ собаченку, пустилъ ее на полъ,—она стала встряхиваться. Семенъ Ивановичъ погрозила ей. Собаченка вскочила на диванъ и вылила мокрымъ хвостомъ. Семенъ Ивановичъ шепталъ, рассматривая собаченку:

— Экая каплюшка! видно балованная, сейчасъ на диванъ... Постой, дай лапки оботру.

Собаченка лизала ему руки, а онъ продолжалъ:

— Ладно, ладно, мадамъ, нечего радоваться—только отогрѣю тебя. Завтра опять придется тебѣ на холоду, да по мокрому шлаться. Те!.. Посмѣй только подать голосъ...

Семенъ Ивановичъ развѣсилъ аккуратно свою шинель, снялъ очень поношенный пиджакъ, надѣлъ старенькій бумажный въ заплаткахъ халатъ и туфли. Собаченка сидѣла на диванѣ не спуская съ него глазъ.

— Пить вѣрно хочешь послѣ такого променажа? спросилъ собаченку Семенъ Ивановичъ, и налилъ воды на блюдечко.

Собачка съ жадностью стала лакать, а Семенъ Ивановичъ сѣлъ на диванъ и, смотря на нее, шепталъ:

— Можетъ сливочки пила? что дѣлать, пошей теперь и водицы!.. Эхъ, превратности судьбы бывають не съ одними людьми, а и съ вами: можетъ на бархатномъ диванѣ лежала, да въ бантикахъ ходила, а теперь и на голомъ полу поспишь!.. И я служилъ, а теперь въ отставку, мое мѣсто надо было другому... ну, да Богъ съ ними!

Все это нашептывалъ Семенъ Ивановичъ собаченкѣ, которая вскочила ему на колѣна и улеглась спать.—Ну, засни, чай намалась отъ бѣготни. А зачѣмъ бѣжала, мадамъ? думала пе-

вѣсть какая радость по улицамъ бѣгать? небось теперь охоту отобьетъ отъ такихъ прогулокъ.. Кабы отъ меня зависѣло, я бы оставилъ тебя, но Арина Никитишна не дозволить, она терпѣть не можетъ ни собакъ, ни кошекъ.

— Что вы шепчете? спросила старушка изъ комнаты.

Семенъ Ивановичъ, погрозила собаченкѣ приподнявшей голову, отвѣчалъ:

— Такъ-съ, по привычкѣ-съ, Арина Никитишна.

— Не приключилось-ли чего съ вами? Я запримѣтила, когда вы много лепечете сами съ собою, такъ значить что-нибудь не ладно съ вами. Не лопнулъ-ли и другой сапогъ?

— Завѣрю васъ, Арина Никитишна, торопливо отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ.—Все обстоитъ благополучно съ сапогами-съ. Для такихъ бѣдняковъ, какъ Семенъ Ивановичъ и Ирина Никитишна, обувь играетъ важную роль въ ихъ жизни, потому что затрата денегъ на нее очень значительна въ ихъ крохотномъ бюджетѣ.

Все обошлось благополучно, Ирина Никитишна и не подозревала о присутствіи въ ея домѣ собачки и возилась въ кухнѣ, готовя обѣдъ. Семенъ Ивановичъ дремалъ на диванѣ, а собачка, согрѣвшись, сладко заснула возлѣ него. Но вдругъ раздались стукъ въ окно. Это былъ знакъ, чтобы отворили калитку, если она заперта, когда возвращались домой сынъ вдовы или ея внучка. Собаченка визгливо залаяла. Семенъ Ивановичъ въ испугѣ вскочилъ съ дивана, пихнулъ собаченку къ себѣ за пазуху, проговоривъ въ отчаяніи:

— Эхъ, мадамъ, загубила ты и себя, и меня!

Ирина Никитишна распахнула дверь и воскликнула:

— Господи! Собачка у васъ? гдѣ она?

Семенъ Ивановичъ жалобно произнесъ:

— Махонькая-съ!

— Хоть размахонькая, вонъ ее! Это что выдумали!

Семенъ Ивановичъ умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Жалость было смотрѣть-съ, такая крохотная, намокла, вся дрожитъ... Только переночуетъ-съ.

Но Ирина Никитишна повторяла: „вонъ, вонъ!“

Семенъ Ивановичъ вынулъ собаченку и, показывая ее Иринѣ Никитишнѣ, добавилъ:

— Посмотрите-съ, какал миленькая! разсчитывалъ разжалобить суровую старушку.

— Ахъ, какая собачка! раздавался юный голосъ за Ириною Никитишной, и одиннадцатилѣтняя дѣвочка въ короткомъ драповомъ пальто и черной круглой шляпѣ съ сумкою въ рукахъ, юркнула въ комнату, схватила собачку на руки и прижималъ ее къ себѣ произнеся:—Бабушка, оставь собачку!

И дѣвочка убѣжала съ ней изъ комнаты.

— Варя, переобуѣйся, ноги навѣрно мокры! иди за внучкой говорила старушка.

Семенъ Ивановичъ остался въ своей комнатѣ и улыбался произнеся:

— Теперь не выбросите-съ собачку, Ирина Никитишна, слезъ-то своей внучки не захотите видѣть-съ.

Явился къ обѣду сынъ старушки; годами онъ былъ еще молодъ, но на его лицѣ лежала печать утомленія отъ работы. Увидавъ собачку, онъ замѣтилъ Семену Ивановичу, что это очень дорогая болонка и навѣрно будетъ объявленіе въ газетѣ о ея пропажѣ.

Варенька ни за что не хотѣла отдавать собачку, если и слышусь ея хозяйка. Дядя сталъ ей доказывать, что нечестно держать чужую собачку у себя.

— Да полно вамъ спорить изъ-за дрянной собаченки, ѣште! прикрикнула Ирина Никитишна на сына и внучку, которая весь вечеръ не спускала собачку съ рукъ, вмѣстѣ съ нею учила и уроки.

Бабушка настоячиво дала приказаніе ей отнести собаченку къ Семену Ивановичу на ночь.

Семенъ Ивановичъ, улегшись спать на диванѣ, сказалъ болонкѣ:

— Извольте-ка, мадамъ, прилечь на диванъ, пельзи-же вамъ на голомъ полу спать, если вы важной породы. Милости просимъ, не взъщите, если жестковато. Завтра и узнаемъ изъ газетъ ваше имя и вашъ адресъ, гдѣ вы изволите проживать. Я васъ и водворю на мѣсто вашего жительства.

На другое утро, какъ только Ирина Никитишна ушла въ рынокъ, Семенъ Ивановичъ немедленно по ея уходѣ притащилъ изъ сѣней корыто въ свою комнату, поставилъ самоваръ и принялся готовить ванну для болонки.

— Пожалуйте-съ, мадамъ, примите ванну,—ставя собачку въ корыто,—дайте смыть съ васъ грязь-то, вы вѣдь чай къ чистотѣ привыкли!.. Не кочевряжьтесь, мадамъ, надо же мнѣ васъ въ приличномъ видѣ доставить къ вашимъ хозяевамъ!.. Не вертите-съ!.. прохладяться намъ долго нельзя, мадамъ, надо все прибрать до возвращенія Арины Никитишны!.. Нечего дрожать, вода теленъкая! вчера хуже было, какъ по мокрымъ улицамъ изволили бѣгать-съ.

Семенъ Ивановичъ, въ первый разъ въ жизни занимался мытьемъ собаки, дѣлалъ это и неумѣло, и очень копотно. Очень было смѣшно смотрѣть на его озабоченное длинное лицо и его высокую фигуру, облеченную въ старый бумажный халатъ, опоясанный веревочкой, а полы заткнутыя за поясъ.

Окончивъ мытье, онъ весь былъ въ испаривѣ, точно самъ

припалъ горячую ванну. Бережно завернулъ оупъ въ простыню болонку, уложилъ ее на диванъ и, прикрывъ ее одѣломъ, сказалъ ей:

— Лежите смирно, мадамъ, пока я приберу все.

Семенъ Ивановичъ сталъ подтирать полъ.

— Все надо привести въ порядокъ, говорилъ онъ, — чтобы Ирина Никитишна не узнала, а то бѣда мнѣ будетъ. Она вѣдь нечистоты и беспорядка не любитъ. Оборони Боже, если-бы увидала, что я вамъ ванну дѣлалъ.

Семенъ Ивановичъ понесъ корыто во дворъ, чтобы вылить воду, и только что вышелъ въ сѣни, какъ вошла въ комнату Ирина Никитишна. Онъ такъ и замеръ съ корытомъ въ рукахъ. Старушка воскликнула:

— Это что за стирку вы затѣяли безъ меня? и грозно подошла къ Семену Ивановичу. — Что вы дѣлали?

— Собачкѣ ванну... оторопѣвъ проговорилъ онъ, какъ школьникъ пойманый на мѣстѣ преступленія.

— Ахъ, ты, Господи! мыль въ моемъ корытѣ бляшную собаченку! крикнула Ирина Никитишна. — Да въ умъ ли вы? весь домъ вверхъ дномъ подняли съ вашей собаченкой. Дѣвочка покая мнѣ не дала со своимъ приставаемымъ: „оставь собачку“, а онъ еще пакотною съ ней затѣялъ.

— Я-съ, Арина Никитишна, въ своей комнатѣ мыль-съ собачку...

— Чтобы духу ея не было! гнѣвно крикнула старушка. — Извольте сейчасъ-же тащить ее куда угодно.

— Какъ-съ?.. ова-съ мокрая! дайте ей хоть обсохнуть-съ; хотя животное-съ, а все-таки жалъ-съ, робко протестовала Семенъ Ивановичъ.

Старушка укоризненно воскликнула:

— Ополоумѣли вы съ этой собаченкой! На холоду стоите, весь распахнутый!

Она толкнула дверь въ кухню и гнѣвно захлопнула за собой.

Семенъ Ивановичъ уныло ползая съ корытомъ въ уголъ двора, выслеснулъ воду, возвратился въ сѣни, поставилъ корыто на свое мѣсто и въ нерѣшеніи стоялъ у двери, бормоча:

— Вотъ стрясласъ какая бѣда! Надо же ей было сегодня вернуться такъ скоро съ рыпка? Тащи вонъ изъ дому мокрую собачку на такой холодъ.

Семена Ивановича передергивало самого отъ холода, онъ перекрестился и тихонько отворилъ дверь. О, счастье! Ирины

Никитишны не оказалось въ кухнѣ, и онъ проворно шмыгнулъ въ свою комнату и, смотря на закутанную собачку, трагически произнесъ:

— Попались мы съ вами, мадамъ!.. Теперь я и не кажись ей на глаза! хоть бы безъ корыта меня увидала—какъ нибудь вывернулся-бы, а то на! такъ и вскочила!.. Проходу теперь мнѣ не дастъ!

Долго шепталъ Семенъ Ивановичъ о своемъ несчастіи, а потомъ взявъ гребенку и, подойдя къ болонкѣ, сказалъ:

— Ну-съ, мадамъ, позвольте теперь васъ расчесать... фу, ты какая пушистая да мягкая шерстка у васъ, и шкурка розовенькая! Нѣтъ-съ, мадамъ, вамъ не житье у отставнаго чиновника Васюточкина, а вамъ слѣдуетъ жить въ богатыхъ комнатахъ, гдѣ диваны шелковые, а не клеенкой обитые. Узнать васъ теперь нельзя, мадамъ, а вчера-то какая вы были грязненькая, жалконькая!.. Да, вотъ и для животнаго много значить довольство и холя, а не токмо для человѣка.

Окончивъ расчесывать болонку, онъ спустилъ ее на полъ и любясь ею шепталъ:

— Уши-то до полу достаютъ, шерстка-то что твое серебро. Важной породы вы изволите быть-съ... И такую-то дорогую собачку, мокрую на холодъ выкинуть! Ай, Арина Никитишна, это жестокосердно! Очень ужъ въ послѣднее время вы гнѣвны стали-съ... Ну, да и заботъ-то!—Семенъ Ивановичъ тужко вздохнулъ и добавилъ: — печалей у ней много, а подъ старость-то силенокъ нѣтъ бодриться. А бывало какимъ козыремъ выглядывала!..

Семенъ Ивановичъ благоговѣлъ переть Ириной Никитишной. Когда лѣтъ двадцать пять тому назадъ познакомился съ ней, самъ отъ природы робкій, онъ пораженъ ея смѣлымъ характеромъ, ея энергіей. Служивцы Семена Ивановича подтрунивали надъ нимъ, что онъ женится на Иринѣ Никитишнѣ, когда она овдовѣла. Эти шутки сначала пугали его страшно, но постоянно слыша вопросъ шутниковъ: „Когда же, Васюточкинъ, будетъ ваша свадьба?“ онъ сталъ подумывать: а почему-бы ему и не жениться на вдовѣ? Хотя она была старше его, Семенъ Ивановичъ на видъ казался десятию годами старше ея. Но у Семена Ивановича духу не хватило сдѣлать предложеніе вдовѣ. Онъ самъ пошѣлся надъ своими мечтами, разсуждалъ въ слухъ: „Нѣтъ, Васюточкинъ, куда тебѣ жену! — жилъ былымъ и умри имъ!“

(Продолженіе будетъ).

Животная и растительная жизнь вѣчныхъ снѣговъ.

Съ листопадомъ, когда наши георгины и астры въ садахъ, будучи побиты утренниками, съ поникшей головою и почерпѣвшими, засохшими верхушками, да еще резеда, теряющая отъ холода свои запахи, свидѣтельствуютъ о брешности всего существующаго; когда осенью пропадаютъ столь надобливыя, особенно къ концу, мухи, и въ полѣ уже не видать больше ни бабочки, ни другаго крылатаго гостя лѣта, тогда жители города полагаютъ, что жизнь природы въ общей сложности прекращается, такъ сказать, замерзаетъ, — многіе даже считаютъ лѣсъ и поле лишенными и всѣхъ крупныхъ животныхъ, хотя въ курятныхъ лавкахъ легко убѣдиться въ противоположномъ. Люди болѣе близко стоящіе къ природѣ разсуждаютъ уже иначе; такъ, напримѣръ, земледѣлецъ не только знаетъ, что не мало насѣкомыхъ подъ опавшей листвою, даже подъ сугробомъ грѣющаго ихъ снѣга, ждуть только того мгновенія, когда солнышко, хотя бы лишь на часокъ, заставило нѣсколько стаятъ снѣгъ, но также боится онъ тѣхъ маленькихъ незваныхъ гостей, которые точатъ и портятъ его зимніе запасы. Плодоводъ печальнымъ опытомъ извѣдалъ, что и холодъ его не освобождаетъ отъ крылатыхъ враговъ. Столь вредныя плодовымъ деревьямъ кровавыя тли, высасывающія лучшіе соки изъ дерева, отнюдь не боится нѣсколькихъ градусовъ холода, если лѣтескладываніемъ приходится позаботиться о потомствѣ; а нѣкоторыя бабочки изъ пяденицъ (*Geometrida*), которыхъ и плодоводъ, и также лѣсоводъ знаетъ очень хорошо къ своему прискорбію, летаютъ лишь въ октябрѣ или даже въ декабрѣ. Такъ напримѣръ, самыя зимней пяденицы (*Cheimatobia s. Acidalia brughata*) и разныхъ гибриній (*Hibernia*) только при наступленіи морозовъ начинаютъ появляться въ большой массѣ, чтобы облетать безкрылыхъ самокъ, откладывающихъ именно въ это время на стволахъ свои яйца. Точно такъ и извѣстный родъ комаровъ (*Chironomus*) нѣсколько не стѣсняется холодомъ, и если этому не препятствуетъ какъ разъ вьюга и метель, роетъ носится надъ проталинами; а еще другой родъ комаровъ—снѣжанки (*Chionea aganoides*), въ видѣ науковъ, быстро разбѣгаются по снѣгу передъ глазами закутаннаго путешественника. Изъ растительнаго царства укажемъ только на два цвѣтка. Изрѣдка попадающійся у насъ на Югѣ (начиная съ Киевской губерніи) морозникъ (*Helleborus niger*) обязанъ своимъ именемъ цвѣтенію зимою; его большіе, сверху бѣлые, а снизу слегка красноватые, цвѣты высовываются изъ снѣга около Рождества. Въ Тирольскихъ Альпахъ, на высотѣ 7,000 футовъ, альпійскій колокольчикъ (*Soldanella pusilla*) цвѣтетъ даже въ фирнѣ (въ снѣгу, припавшемъ, вслѣдствіе дневнаго таянія и ночнаго смерзанія, зернистое, полуилотное строеніе). Растеніе

это развиваетъ тепло, достаточное слѣдовательно не только для уснѣшной борьбы противъ вымерзанія, но и для того, чтобы растопить покрывающій его фирнъ, сквозъ который часто просвѣчиваютъ предъ глазами изумленнаго путешественника голубые цвѣты, совершенно напоминающіе цвѣтныя вкрапленія въ стеклянныя шарикахъ.

Если такимъ образомъ и оказывается, что холодъ вовсе не убиваетъ всякую жизнь, то съ другой стороны нельзя отрицать, что извѣстная доля теплоты, свѣта и влажности необходима для существованія какъ животнаго, такъ и растительнаго міра. Ежегодный опытъ учитъ насъ, что продолжительный холодъ вредитъ растительности точно такъ же, какъ сухость воздуха и почвы или сильное отбѣненіе, то-есть недостатокъ въ свѣтѣ. Въ общемъ то же самое можно сказать и относительно животныхъ.

Однако, строго разсуждая, теплота и холодъ суть понятія относительныя. Войдите съ улицы въ сѣни, — зимою вамъ покажется тепло, лѣтомъ, напротивъ, васъ знобитъ. Обозначенія „тепло“ и „холодно“ должны передавать не настоящую противоположность, а лишь различіе по степени: холодъ—незначительная степень теплоты, между тѣмъ какъ жаръ будетъ ея избытокъ. Три градуса холода по Цельсію значить, что за нулевую точку принимаютъ температуру замерзанія воды; если же за нуль считать температуру застывшей ртути (замерзающей при -50° Ц. или $-\frac{50 \cdot 4}{5} = -40^{\circ}$ Реомюра), то -3° Ц. будутъ еще

градусами тепла. Не удивительно поэтому, что для нѣкоторыхъ животныхъ и растений будетъ уже температурою смерти та, при которой другія даже только что начинаютъ прозябать, и наоборотъ. Равнымъ образомъ существованіе описанныхъ формъ въ зимнее время нѣсколько не опровергаетъ вышесказаннаго, что каждое существо требуетъ извѣстной доли тепла, ибо лишь только по нашимъ обычнымъ понятіямъ это будетъ градусами холода. Лучшимъ доказательствомъ служатъ съ одной стороны извѣстныя змѣи и ящерицы тропическихъ странъ, которыя уже при 12° Ц. цѣпенѣютъ. Все искусство укротителей змѣй обмыслено и заключается въ томъ, что, до представленія, этихъ несчастныхъ гадовъ, окутанныхъ въ шерстяныя покрывала, кладутъ на нѣкоторое время на ледъ. Точно такъ общезвѣстно, что не мало растений, даже въ самое жаркое время лѣта, прозябаютъ у насъ исключительно въ тенѣцахъ. Не удивительно поэтому, съ другой стороны, что нѣкоторые виды опять-таки переносятъ такую высокую степень тепла, слѣдовательно жару, которая для остальныхъ смертельна. Такъ напримѣръ, водянщеса и у насъ изрѣдка въ пру-

дахъ два рода листоногихъ (*Phylloroda*) изъ ряда мягкихъ ракообразныхъ (*Entomostraca*), такъ-называемый прудовой жабреногъ (*Branchipus stagnalis*) и щитень (*Arus cancriformis*) чувствуютъ себя наилучше при температурѣ воды въ 30° Ц. Что касается ихъ внѣшняго строенія, то оно достойно упоминанія. Удлиненное членистое тѣло жабренога, покрытое го-

видь загнутыхъ внизъ и назадъ рожекъ. На нижней сторонѣ головы, наконецъ, лежитъ ротъ, снизу и сверху покрытый выступомъ, верхнею и нижнею губкою, между которыми, по бокамъ рта, сидятъ двѣ пары челюстей, движущихся, какъ у насекомыхъ, въ сторону. Расчлененное туловище постепенно переходитъ въ удлиненный круглый хвостъ и обладаетъ один-

Дельфины-косатки нападающіе на кита. Рис. Клеманъ, грав. Тилли.

люю кожей, состоитъ изъ ясно отдѣленной головы, туловища или брюха и хвоста. Впереди на шлемовидно-приплюснутой головѣ, находится съ обѣихъ сторонъ, какъ у рѣчнаго рака, по глазу на длинномъ подвижномъ стебелькѣ; изъ двухъ паръ усиковъ, верхняя—щетиновидная, а вторая имѣетъ

пятнадцать парами листоватыхъ, окаймленныхъ жабрами ногъ—отсюда и названіе группы. Хвостъ состоитъ изъ восьми члениковъ (сегментовъ), изъ коихъ послѣдній, болѣе длинный, снабженъ двумя пластинками. Щитень построенъ нѣсколько иначе: онъ покрытъ на спинѣ щитомъ, изъ-подъ котораго вы-

ставляется конец брюха и хвостъ въ видѣ двухъ нитей. Изъ ушниковъ отсутствуетъ у взрослыхъ недѣлимыхъ вторая пара, но зато имѣются до тридцати паръ „листоногъ“. При плаваніи животное щитомъ поворачивается вверхъ.

Кромѣ описанныхъ двухъ листоногихъ, еще нѣкоторые другія животныя, даже весьма высоко организованныя, переносятъ такую температуру. Въ Венгрии, напр., въ теплыхъ ключахъ водятся пиявки, а Шмарда на Цейлонѣ въ горячихъ родникахъ около Трикомали видѣлъ черенуху. Наконецъ въ Алжирѣ около города Тугурта открыли даже рыбъ изъ хромовъ и гемихромовъ и проч. въ большихъ и малыхъ теплыхъ водовмѣстностяхъ, извѣстныхъ у туземцевъ подъ названіемъ бегуръ (отъ bahr множ. ч. behour) и хриа (chria, гнѣздо). Мало того, другія ракообразныя (crustaceae) личинки насѣкомыхъ, черви и нали-вочныя выдерживаютъ температуру воды, заходящую нѣсколько за 60° Ц. Докторъ Поповичъ (Popovich), напр., нашелъ въ минеральныхъ ключахъ Мехадн, температура которыхъ 57° Ц., видъ волосатика (Gordius^{*)}), одного изъ круглыхъ или струновидныхъ червей (струнцовъ, Nematodes), къ которымъ относятся многіе кишечные черви, напр. трихина. Касательно растеній оказывается, что болѣе сложно организованныя весьма чувствительны, на зато нѣкоторые дробянки (бактеріи) переносятъ еще болѣе высокую температуру, особенно споры этихъ растеній, которыя погибаютъ лишь при 125° Ц. Такъ напр., видъ бегіаго (Beggiatoa) водится въ сѣристыхъ горячихъ водахъ, а антраксовая дробянка (бактерія сибирской язвы) сохраняетъ свои заразные свойства еще при 75 -- 80° Ц. Нахождение подобныхъ организмовъ въ горячихъ водахъ остается для насъ пока физиологическою загадкою, тѣмъ болѣе что животное и растительное вещество — плазма — обыкновенно свертывается и отмираетъ уже при 45° Ц. Вѣроятно имѣемъ мы здѣсь случай приспособленія; такъ напр. бегіаго и низшія циановыя, зеленыя водоросли (Schizophyceae s. Cyanophyceae) постепенно подыгались, по мнѣнію Хр. Гоби, изъ низележащихъ, болѣе охлажденныхъ мѣстъ горячаго источника — къ вышележащимъ, болѣе теплымъ. Концъ низшія циановыя, благодаря ихъ нечувствительности къ высокой температурѣ, а также весьма простой организаціи, считается первыми организмами первобытнаго моря, охладившагося уже настолько, что вообще органическая жизнь могла появиться.

Противоположность представляютъ тѣ животныя и растенія, которыя были открыты въ сѣвѣгахъ Альповъ, въ расщелинахъ ледниковъ и въ странахъ вѣчнаго снѣга. Хотя представители этого царства весьма немногочисленны, но ихъ существованіе теперь уже неоспоримо, точно также же какъ фауна и флора штоленъ и шахтовыхъ колодезевъ или гротовыхъ животныя Крайны и Кэнтукки, или наконецъ причудливые обитатели морской пучины и бездны. Слова Гёте, которыя онъ влагаетъ Мефистофелю въ первомъ его разговорѣ съ Фаустомъ, приобѣщаютъ все болѣе значеніе:

„Въ землѣ, въ водѣ и въ вѣтрѣ даже
„Кипитъ зачатковъ миллионъ,
„Сушь, влагу, стужу наполняя!
„Не захвати себѣ огня я,
„Такъ бы осталась обдѣлена **).

Представителями растительности и здѣсь являются болѣе просто организованныя водоросли. Но зато особенно одна изъ нихъ попадаетъ въ такомъ изобиліи, что снѣгъ окрашивается въ ярко-красный цвѣтъ. Хотя уже въ 1760 году извѣстный французскій ученый Сосюръ (Saussure) описалъ это явленіе на Савойскихъ Альпахъ, но лишь въ 1818 г. англичанинъ Браунъ (R. Brown) объяснилъ причину краснаго цвѣта. Подъ микроскопомъ такой снѣгъ оказывается покрытымъ множествомъ мельчайшихъ пузырьковъ, содержащее (плазма) которыхъ какъ бы подвѣшено на короткихъ нитяхъ. Плазма не вполне красная, эта окраска распространяется болѣе или менѣе далеко лишь отъ средины къ окружности, гдѣ замѣняется зеленою; подчасъ первая является едва замѣтнымъ пятнышкомъ. На одномъ мѣстѣ окружности, гдѣ плазма безцвѣтна, отходятъ двѣ, прободяющія оболочку рѣсницы, которыя находятся въ постоянномъ движеніи — ими то и обуславливается подвижность этихъ организмовъ на мокрой подкладкѣ или въ водѣ. Унгеръ, первый открывшій въ 1842 году самопроизвольное движеніе у водоросли *Vaucheria clavata*, думалъ, что онъ засталъ растеніе во мгноvení перехода его въ животное — этотъ взглядъ нѣсколько напоминаетъ мнѣніе А. Кирхера, утверждавшаго въ своемъ сочиненіи „Подземный міръ“ (*Mundus subterraneus*, 1664), что насѣкомыя и другія животныя могутъ возникать вслѣдствіе гніенія мясистыхъ и растительныхъ веществъ. — Дальнѣйшія же изслѣдованія обнаружили, что и другія, несомнѣнно уже растенія (почти всѣ споровыя, нецвѣтущія) обладаютъ на извѣстной ступени своего развитія, подобно животнымъ, самостоятельнымъ движеніемъ; этимъ было унчточено одно изъ различій между двумя органическими царствами. Цѣлая группа водорослей волковцевъ (*Volvocineae*), которыхъ нѣкоторые ученые еще теперь считаютъ животными, сохраняютъ подвижность навсегда; къ нимъ относится и описанная красная сѣвѣгал водоросль (Нае-

matococcus s. *Sphaerella nivalis*). Последняя, судя по всему ходу развитія, не можетъ уже быть признанною животнымъ. Если описать ходъ развитія сфереллы, новитнымъ ставеть немовѣрно быстрое ея размноженіе. Плазма при этомъ распадается на 4 (рѣже 2 или 8), либо 32 части, которыя покидаютъ материнскую оболочку какъ зоогонидіи, т. е. въ видѣ голыхъ комочковъ плазмы, движущихся также помощью рѣсницъ. Изъ нихъ, происшедшія распаденіемъ плазмы — всего на 4 части — макрозоогонидіи постепенно преобразуются въ вышеописанный организмъ; микрозоогонидіи также высачиваютъ оболочку, но плотно облегающую, и лишь послѣ сбрасыванія рѣсницъ онѣ превращаются въ неподвижные шарики. Последніе снова даютъ разрастаясь макрозоогонидіи; — послѣ нѣсколькихъ ихъ поколѣній, одно изъ нихъ даетъ опять микрозоогонидіи и т. д. Однако этимъ еще не вполне обезпечено дальнѣйшее существованіе сфереллы — и объ этомъ позаботилась природа. При измѣненіи условій, при засухѣ или наступленіи трескачаго мороза, — содержимое, ставшее кроваво-краснымъ, покрывается внутри болѣе плотною оболочкой. Въ этомъ такъ-называемомъ состояніи покоя остается организмъ пока не попадетъ въ благоприятныя условія: въ водѣ снова образуются макрозоогонидіи, а во влажной атмосферѣ содержимое распадается лишь на отдѣльности, которыя, не превращаясь въ зоогонидіи, окружаются собственной оболочкой и только по разрушеніи материнской становятся самостоятельными, но неподвижными организмами. Такое размноженіе совершается и далѣе, пока неподвижные шарики, попавъ въ воду, не дадутъ подвижную стацію сфереллы.

Кромѣ красной сѣвѣгал водоросли, открыли въ Альпахъ и въ арктическихъ странахъ еще другія водоросли. Основательно можно теперь говорить о цѣлой сѣвѣгал флорѣ, которая заселяетъ какъ необитаемыя холодныя страны, гдѣ царствуютъ полярныя ночи, такъ и вѣчный снѣгъ и ледники нашихъ высокихъ горъ. Съ наступленіемъ лѣтней поры, на раставшей поверхности льда и снѣга, слѣдъ при самыхъ скудныхъ условіяхъ, послѣ зимняго „состоянія покоя“ воскресаетъ къ новой жизни до 32 видовъ, а именно 12 *Desmidiaceae*, 8 *Conferaceae*, 6 *Chroococaceae*, 3 *Scytonemeae*, 2 *Palmellaceae* и 1 *Oscillaria*. Подъ этими названіями приходится себѣ представить болѣе частью мутовчатые или нитевидные растительные организмы самаго простѣйшаго строенія, которыхъ мы подробно не будемъ описывать. Важнѣе рѣшить, чѣмъ питаются они. Извѣстно, что каждое растеніе для своего произрастанія нуждается въ минеральныхъ соляхъ, которыхъ здѣсь очевидно нѣтъ — земля (материкъ) покрыта мощнымъ слоемъ льда. Питаніе растеніямъ этимъ доставляетъ космическая пыль, осѣдающая изъ небеснаго пространства повсюду на нашу землю, хотя вслѣдствіе ея снѣженія съ земною пылью, космическая долго могла ускользнуть отъ вниманія ученыхъ. На Сѣверѣ же путешественникъ Нордшмелдъ даже на самыхъ высокихъ ледяныхъ буграхъ — стало бытъ на такихъ мѣстахъ куда не могла попасть теченіями воздуха земная пыль изъ нашихъ широтъ, — нашелъ тончайшій слой сѣвѣгал пыли, которая несомнѣнно должна была быть космическою происхожденія.

Эта флора въ свою очередь является причиною существованія весьма интересныхъ, мельчайшихъ животныхъ. Особенно часты ногохвостовыя (*Podurida*), засѣивающія подчасъ густо снѣжную поверхность въ видѣ мелкихъ точекъ, часто мѣняющихъ мѣсто. Это суть безкрылыя насѣкомыя, голова которыхъ ясно обособлена и снабжена, какъ у жуковъ, жевательными ротовыми частями; передъ простыми, скученными по 6 до 10 съ каждой стороны, глазами имѣется пара длинныхъ, направленныхъ впередъ усиковъ. Самый отличительный ихъ признакъ (откуда и названіе) — суть двѣ щетинки на концѣ шестичленинаго брюха, которыя ногохвостовыя подгибаютъ всегда подъ брюхо; выпрямля ихъ съ силой, онѣ дѣлаютъ всегда скачекъ вверхъ и назадъ. Великаго между ними является ледяная блоха (величиною до двухъ линій, т. е. меньше четверти дойма), названная въ честь швейцарскаго ученаго Дзюра, открывшаго ее въ 1840 году, *Desoria glacialis*. Она туземна въ Альпахъ и вполне нечувствительна къ большому холоду, — вѣроятно отчасти благодаря густоволосистому покрову тѣла. Другимъ видомъ этого семейства будетъ дегеэрия (*Degeeria nivalis*); еще другой ногохвостикъ былъ найденъ въ 1873 году Кельманомъ у насъ на Шницбергенѣ, вмѣстѣ съ массою расщепленныхъ по снѣгу яицъ. Если весной тихо подойти къ краю стоячей воды, то передъ вашими глазами подчасъ что-то разбѣгаетъ — обыкновенно это бываетъ пушистый ногохвостъ (*Podura villosa*), который тысячами кутится у берега или на поверхности воды въ зелени водныхъ растеній. Въ Гренландіи встрѣчается также одинъ видъ извѣстнаго намъ щитня (*Apus glacialis*). Особенно нужно указать на одинъ видъ струнцовъ (*Aphelurhus nivalis*), открытый въ 1882 г. Натгорстомъ (*Nathorst*) также въ сѣвѣгахъ Шницбергена. Этотъ червь, подобно нѣкоторымъ другимъ струнцамъ (напр. рѣчной угрицѣ *Anguillula fluviatilis*), обладаетъ способностью снова оживать въ сырости послѣ его полнѣйшаго высыханія; однако лишь выросшія недѣлимая страннѣе образомъ у афелурсы сохраняютъ эту способность. Здѣсь же упомянемъ, что лица щитней и брюхонога сохраняютъ указанное свойство чуть ли не вѣками. Въ холодной смѣси снѣга и воды Сѣвера встрѣчаются еще и дру-

^{*} Волосатики подчасъ перепутываются между собою до того, что ихъ трудно распутать; отсюда именно латинское названіе, напоминающее „Гордиевъ узелъ“.

^{**} „Фаустъ“ въ переводѣ Фета. Изд. Маркса 1889 г., стр. 58.

гю черви, масса микроскопических колеровокъ (Rotatoria), у которыхъ напередѣ рта находится вѣнецъ движущихся мерцательныхъ волосиковъ, при посредствѣ которыхъ они направляютъ токъ воды съ плавающими въ ней тѣлами къ ротовому отверстию,—пѣщцы ихъ называютъ колесными животными (Räderthiere), ибо мерцательный кружокъ при движеніи производитъ впечатлѣніе колеса, вращающагося около оси. На противоположномъ концѣ туловища находится такъ-называемые ножки, которыми колеровки временно, а пѣщцы навсегда прицѣпляются. Изъ колеровокъ часто встрѣчается въ альпійскомъ таломъ сибѣгъ филодина (Philodina), названная розовою (ro-

seola) по окраскѣ ея лица—красной сибѣговой водоросли.

Заканчивая статью, упомянемъ объ одномъ не вполне вѣрномъ предположеніи. Во время ледниковаго періода (или вѣрнѣе—періодовъ), какъ думаютъ, вымерло все живое на нашей землѣ. Еще мало изслѣдованная флора и фауна сибѣговъ учить насъ иному. Да уже простой опытъ дѣлаетъ приведенное воззрѣніе мало правдоподобнымъ: прорубите зимою аршинный ледъ прудовъ—и вы можете въ водѣ кисеиной сѣткой наловить не мало ракообразныхъ, червей, личинокъ и проч., не говоря уже о томъ, что и зимою рыба продолжаетъ жить въ нашихъ рѣкахъ.

Къ рисункамъ.

Посѣщеніе Ломоносова императрицей Екатериной II. (Рис. на стр. 1240).

Художникъ изобразилъ въ предлагаемомъ нами рисункѣ одинъ изъ самыхъ трогательныхъ эпизодовъ царствованія императрицы Екатерины Великой. Незадолго до смерти Ломоносова, когда онъ уже начиналъ часто и тяжело хворать, императрица Екатерина Алексѣевна, вполне умѣвшая оцѣнить значеніе Ломоносова для русской науки и литературы, захотѣла выказать особенное вниманіе и расположеніе къ гениальному русскому академику. Она, вмѣстѣ со своею тогдашней провожатой, княгиней Екатериною Романовною Дашковой, и нѣсколькими изъ числа близкихъ ей придворныхъ, отправилась изъ дворца на Васильевскій островъ, въ скромную квартиру Ломоносова у Тучкова моста, и посѣтила маститаго ученаго въ его неприглядной ученой кельѣ. По свидѣтельству записокъ Е. Р. Дашковой и современныхъ „Вѣдомостей“, Екатерина провела у Ломоносова болѣе часа, въ бесѣдѣ съ нимъ, и милостиво изволила выслушивать его объясненія различныхъ физическихъ опытовъ, преимущественно по части электричества. Ломоносовъ, польщенный Высочайшимъ вниманіемъ, оживился, говорилъ горячо, объяснял и истолковывалъ все съ тою поразительною ясностью пониманія, которая была ему свойственна. При отбѣдѣ, Екатерина благодарила Ломоносова и протянула ему руку, которую Михаилъ Васильевичъ облюбовалъ съ самою искреннею признательностью. Онъ понялъ, что великая императрица хотѣла эту особенную милостью заглавить печальное воспоминаніе о тѣхъ первыхъ дняхъ ея царствованія, когда враги Ломоносова успѣли оклеветать его передъ Екатериною, и даже выхлопотали у ней указъ объ отставкѣ Ломоносова. Прозорливая и мудрая императрица очень скоро (черезъ нѣсколько дней) поняла свою ошибку и послѣдила ее исправить, возвративъ Ломоносова на службу и даже повисивъ его чиномъ... Но воспоминаніе объ этой временной несправедливости ее видимо тяготило, и она усладила послѣдніе дни генія, подаривъ ему тою нѣжною и теплою ласкою, которую Великая Екатерина умѣла такъ обаятельно вліять на своихъ окружающихъ.

Гуцулы на охотѣ. (Рис. на стр. 1241).

Какъ только выпадетъ первый сибѣгъ въ Карпатахъ, отдѣляющихъ Венгрію отъ Галиціи, у гуцула, обитателя этой мѣстности, начинается охота, или, скорѣе, война со смертельными врагами его стада,—съ волками. Одѣтый въ грубую, самодѣльную шерстяную ткань, опоясанный широкимъ кожанымъ поясомъ, у котораго привѣшены ножъ, заряды и кисетъ съ табакомъ, обутый въ непромокаемая войлочныя портянки и кожаные постолы, въ большой широкой шапкѣ, съ наброшеннымъ овчиннымъ полушубкомъ за плечами, и вооруженный старымъ ружьемъ, переходящимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе—отправляется гуцулъ на охоту. Нѣсколько собакъ трусятъ по сторонамъ его лошади, присматриваясь къ добычѣ, и самъ охотникъ, ни на минуту не разставаясь съ „нососрѣбкой“, зорко поглядываетъ по сторонамъ. Если удастся напасть на слѣдъ, то никакія уловки и хитрости звѣря не спасутъ его отъ мѣткой пули стрѣлка, съ молодости привыкшаго къ охотѣ на волка.

На поискахъ за счастьемъ. (Рис. на стр. 1245).

Въ западной Европѣ, гдѣ густота сельскаго, земскаго населенія дошла почти до крайняго предѣла, младшіе члены семьи нерѣдко вынуждены оставлять родительскій кровъ и искать счастья въ большихъ городахъ. На картинѣ Шевалье изображенъ одинъ изъ такихъ малолѣтнихъ искателей счастья, отправляющійся на кораблѣ со своей скрипкой, на которую очевидно возлагаетъ большія надежды.

Джоржоне. (Рис. на стр. 1248).

Георгій Барбарелли, прозванный Джоржоне, жилъ въ великую эпоху Возрожденія, въ то славное время когда Италия, охваченная какою-то повою силою, возродилась обновленною и прекрасною изъ мрачныхъ и тяжелыхъ вѣковъ, послѣдовавшихъ за упадкомъ Римской имперіи.

Родившись въ 1477 году въ Кастель-Франко, онъ жилъ въ Венеціи, гдѣ имъ созданы большинство его твореній, преимущественно по фресковой живописи, нѣтъ отчасти совсѣмъ исчез-

нувшихъ, отчасти сильно попорченныхъ временемъ. Блестящій въ краскахъ, энергичный по рисунку, смѣлый въ выраженіяхъ лицъ и драпировкахъ, онъ былъ однимъ изъ основателей школы извѣстной подъ именемъ венеціанской. Джоржоне умеръ совсѣмъ молодымъ человекомъ отъ моровой язвы, свирѣпствовавшей въ 1511 году.

Картина А. Вольфа изображаетъ Джоржоне въ блестящую пору его таланта, когда славный живописецъ, окруженный почестями и богатствомъ, дарилъ свои досуги любви и красотѣ.

Наткнулись на лося. (Рис. на стр. 1249).

Лось, какъ извѣстно, слышитъ и видитъ превосходно, но чуетъ не такъ хорошо. Поэтому въ густомъ лиственномъ лѣсу, съ подвѣтренной стороны къ нему довольно легко подкрасться. Да и вообще онъ менѣе пугливъ чѣмъ олень; если охотникъ промахнется, то лось часто отбѣгаетъ недалеко и останавливается. Осенью же, во время размноженія, сохатые (самцы) становятся даже опасными для человѣка. Лось—громоздкое животное, длина взрослага значительно больше сажени (8—8½ фута), высота у загривка почти 6 футовъ, т. е. безъ малаго сажень. Рога вѣсятъ до 40 фунтовъ и составляютъ страшное оружіе, но еще опаснѣе переднія ноги, которыми лось топчетъ противника, ломая его кости. Въ лѣсныхъ мѣстахъ Орловской, Калужской и друг. губерній, крестьянскіе ребятишки, ходя за грибами и ягодами, нерѣдко натываются на лося, какъ изображено на рисункѣ.

Дельфины-косатки нападающіе на кита.

(Рис. на стр. 1253).

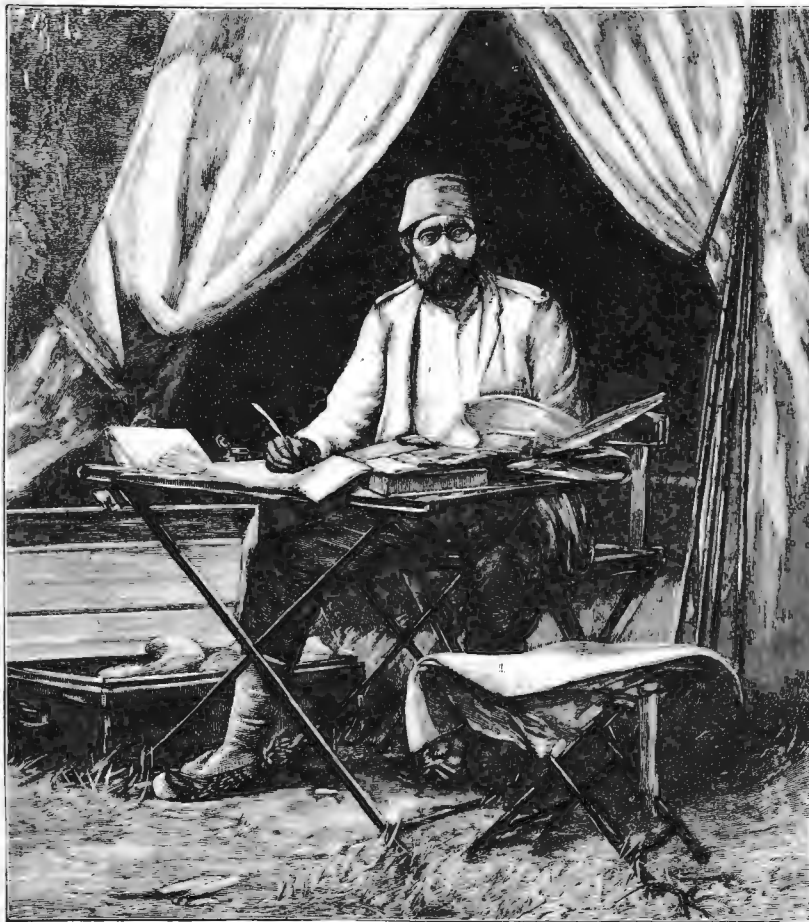
Эти страшные рыбоядные морскіе звѣри, достигающіе болѣе 4 сажень длины, превосходятъ своей смѣлостью и прожорливостью даже акулы. Они живутъ въ сѣверныхъ моряхъ, спускаясь съ одной стороны до Франціи, съ другой до Японіи, а въ древности были довольно многочисленны и въ Средиземномъ морѣ. Живутъ они небольшими стаиками, и уже древніе писатели рассказывали, что косатки съ особеннымъ увлеченіемъ охотятся за китами, вырывая у послѣднихъ большіе куски жира изъ тѣла. Кювье наблюдалъ, какъ они преслѣдуютъ кита, и какъ только онъ откроетъ ротъ—рвутъ у него языкъ; Рондле говоритъ что китъ при этомъ реветъ какъ быкъ котораго травятъ. Они не брезгаютъ и болѣе мелкою добычей, каковы тюлени, рыба и проч. Въ желудкѣ одной косатки Эпирхтѣ нашелъ 13 морскихъ свиней (обыкновенный дельфинъ) и 15 тюленей, отчасти проглоченныхъ цѣлкомъ, отчасти разорванныхъ. Ужасъ внушаемый косаткой тюленямъ, рассказываетъ Ванъ-Бенеденъ, такъ великъ, что одинъ видъ ея характернаго спиннаго плавника на поверхности воды заставляетъ ихъ разбѣгаться на подобіе куръ отъ ястреба. Рыбаки хорошо знаютъ это и для удаленія тюленей отъ своихъ сѣтей выставляютъ на льду доску обструганную въ форму этого плавника—этого достаточно для того чтобъ ни одинъ тюлень не появился въ окрестности.

Станлей и Эминъ-паша. (Портр. на стр. 1256).

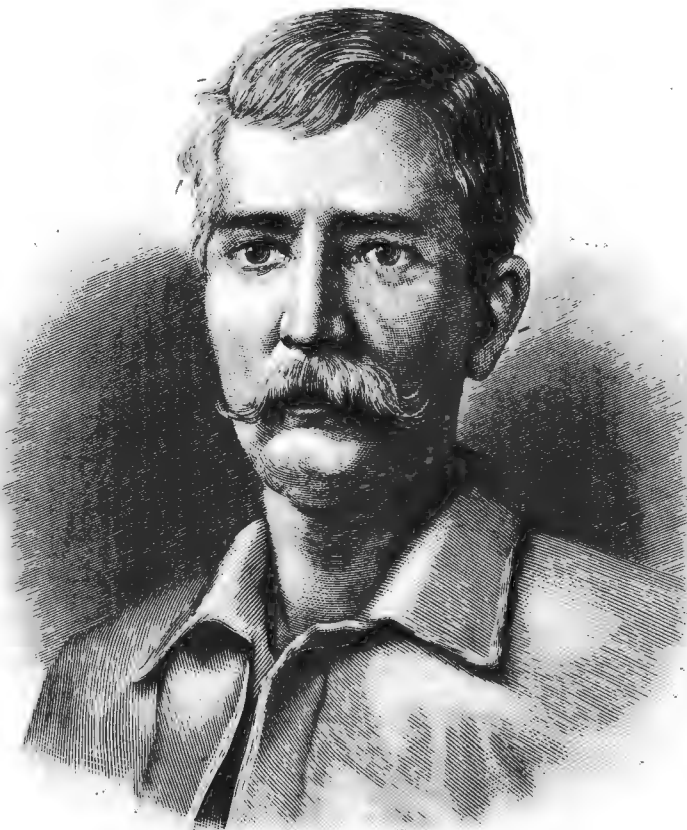
Знаменитый путешественникъ по Африкѣ, Эдуардъ Шпитцеръ, болѣе извѣстный подъ именемъ Эминъ-паша, сынъ нѣмецкаго купца, родился 16 (28) марта 1840 г. въ Оннелъфѣ, воспитывался въ Нейсенской гимназіи, изучалъ медицину въ Бреславлѣ, Берлинѣ и Кенигсбергѣ, затѣмъ отправился въ Турцію, гдѣ былъ сначала окружнымъ врачомъ въ Антивари, а потомъ въ качествѣ военнаго врача дѣлалъ походы въ Сирію и Аравію, съ 1871 года при губернаторѣ Измаиль-пашѣ былъ въ Трансвазѣ, Эрзерумѣ, Нишиѣ, оставаясь при немъ до смерти паша, въ 1873 году, и женился на вдовѣ его. Изучивъ за это время множество европейскихъ языковъ и славянскихъ нарѣчій, а также турецкій, арабскій и персидскій, онъ до такой степени усвоилъ себѣ восточные нравы и обычаи, что никто на Востокѣ не принималъ его за европейца. Въ 1876 году онъ прибылъ въ Египетъ, послѣдовалъ за Гордономъ въ Суданъ, гдѣ былъ назначенъ главнымъ врачомъ съ титуломъ Эминъ-эфенди, посѣтилъ озеро Укереве и изслѣдовалъ Сомерсетъ (истокъ Нила изъ озера Викторіи) и окрестности, причѣмъ доходилъ на югъ до Рубаги, резиденціи короля Мтезы. Сдѣланный беємъ и въ 1878 году назначенный губернаторомъ экваторіальныхъ провинцій, онъ, въ 1879 г., предпринялъ путешествіе по пѣвдо-

тому доселѣ западному берегу озера Мвутанг; въ 1880 г. носѣтилъ землю Макрака. Въ 1881 г. къ провинціямъ Эминь-паша были присоединены часть страны Нямт-Нямовъ и вся земля Момбутту, и онъ занялся было организаціей ихъ, какъ вдругъ возставіе махди, разбившаго египетскія войска, отбѣжало его отъ Египта и поставило его въ чрезвычайно опасное положеніе. Снаряженной въ 1886 г. экспедиціи Фишера не удалось дойти на выручку Эминь-паша, который попрежнему оставался на своемъ посту въ Ваделѣ, на Бѣломъ Нилѣ, близъ озера Альбертъ-Шанца. Тогда для освобожденія его была организована въ Англии новая экспедиція, во главѣ которой сталъ извѣстный искатель Ливингстона, изслѣдователь Африки и основатель государства Конго, Генри Мортонъ Станлей, и которая направилась изъ Зазибара въ Конго. Никогда еще не бывало столь хорошо снаряженной экспедиціи. Станлей велъ съ собой 9 европейцевъ, 61 суданца, 13 сомали и 620 ланзибарцевъ, при 50 вьючныхъ ослахъ, со множествомъ оружія и одной пушкой Максима. Между тѣмъ извѣстному путешественнику по Африкѣ Юнкеру удалось снабдить Эминь-пашу обильными запасами изъ Уганды, и паша, получивъ извѣстіе объ экспедиціи Станлея, продолжалъ держаться на своемъ посту, и даже предпринялъ изслѣдованіе Какибви, одного изъ притоковъ Альбертъ-Шанца, надѣясь въ то же время поддержать порядокъ въ своихъ провинціяхъ. Но такъ какъ объ экспедиціи Станлея не было никакихъ вѣстей до 1888 года и она считалась даже погибшею вѣсть съ вождемъ, а съ другой стороны, въ Европу стали доходить слухи о завоеваніи же-прокомъ провинціи Шнитцера, получившаго между тѣмъ титулъ паша, и о взятіи его въ плѣнъ, то стали снаряжаться въ помощь ему новыя экспедиціи: изъ Америки лейтенанта Шуфельда, изъ Англии лейтенанта Свайна, изъ Германіи Петерса.

Между тѣмъ въ Европу пришли первая извѣстія о томъ, что Станлей живъ и идетъ на помощь Эминь-пашѣ, противъ котораго возмущались собственныя его египетскія войска. Нако-

Эминь-паша (Эдуардъ Шнитцеръ) во время похода въ Суданъ (Африка). Съ наброска И. Л. Н., грав. Шюблеръ.

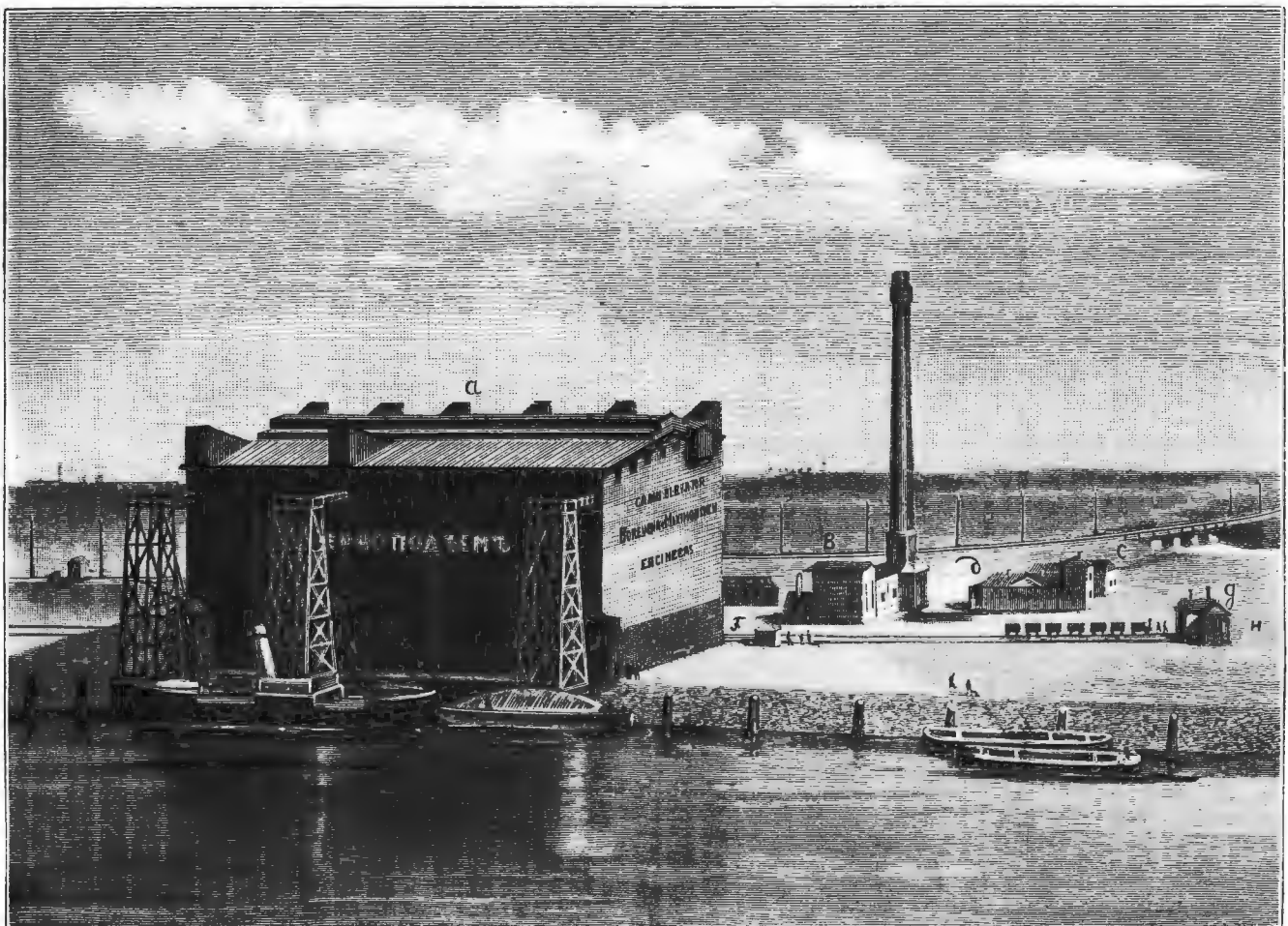
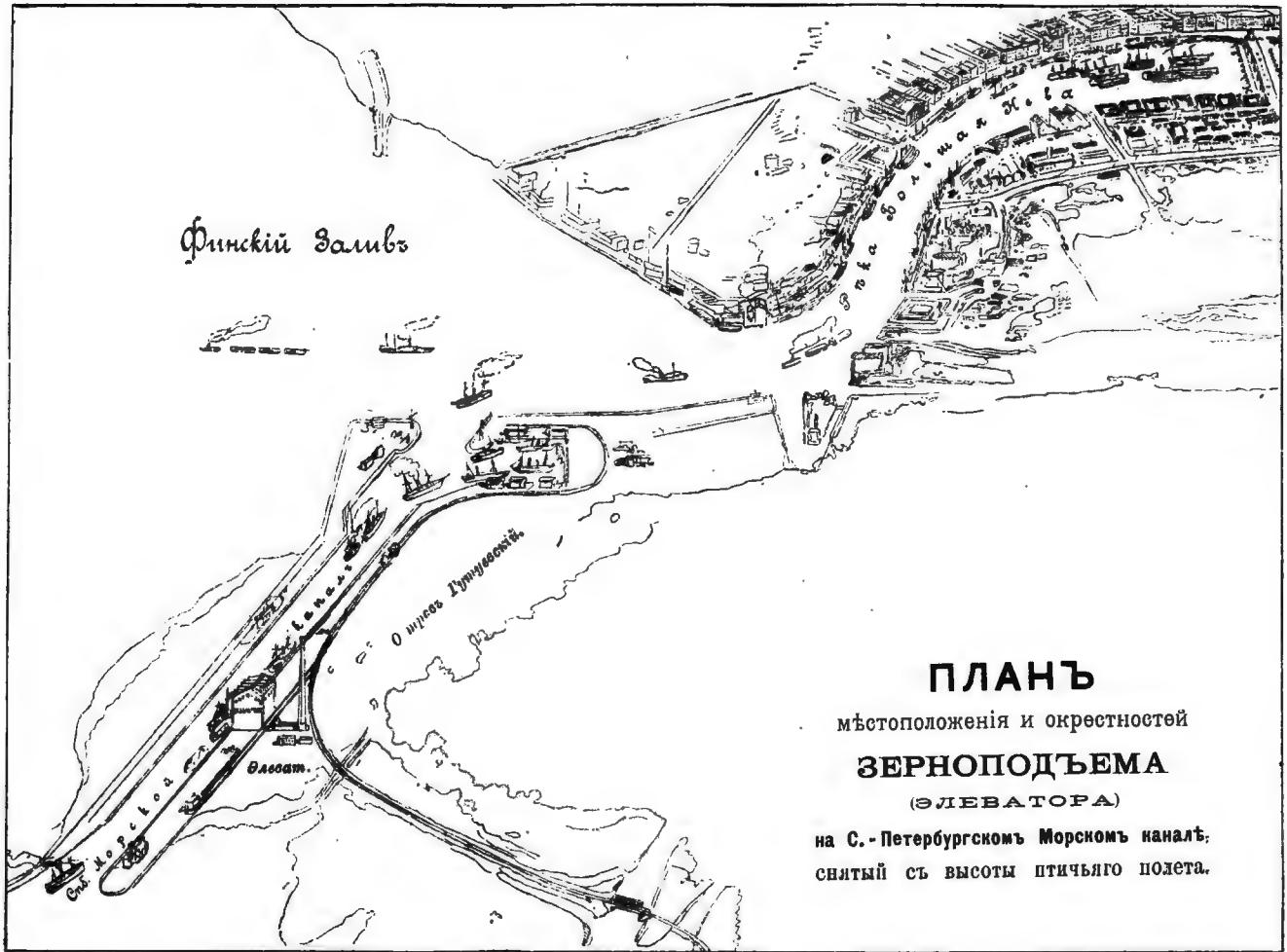

Генри Мортонъ Станлей, изслѣдователь Средней Африки и основатель государства Конго. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

пецъ, въ послѣднее время получены были письма самого Станлея, изъ которыхъ дѣло представляется такимъ образомъ. Въ сентябрѣ прошлаго года Станлей выступилъ изъ Банали въ Край Озеръ, на соединеніе съ Эминь-пашой и Джефсономъ. То на лодкахъ, то сухимъ путемъ, то сражаясь съ враждебными туземцами, то пользуясь гостеприимствомъ дружелюбно расположенныхъ, съ величайшими лишениями и опасностями, Станлей прошелъ вдоль берега рѣки Итури, царствомъ воинственныхъ пигмеевъ, дружественною страной Маніемовъ, землей враждебныхъ карликовъ Вамбутти, въ декабрѣ освободилъ оставленный имъ въ маѣ гарнизонъ подъ начальствомъ Стера въ Будо и двинулся далѣе на выручку бѣлокожихъ Вольшаго Озера, т. е. Эминь-паша и его гарнизона, отправивъ за ними своего спутника, Маунтенея Джефсона.

16 января 1889 г. пришелъ гонецъ изъ Кавалли и принесъ письма Джефсона, содержавшія въ себѣ подтвержденіе нѣсколькими строками Эминь-паша. Джефсоцъ писалъ изъ Дуфило отъ 7 ноября, что возмущеніе противъ Эмина произошло 18 августа 1888 г. и что зачинщиками бунта были около дюжины египетскихъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Слабость отряда Станлея дала заговорщикамъ поводъ дискредитировать Станлея и Эмина. Они распускали слухъ, что Станлей не болѣе какъ авантюристъ, что полномочія его отъ хедива—подложные документы, извѣстіе о паденіи Хартума—ложь. Станлей и Эминь намѣреваются-де вывезти египтянъ съ женами и дѣтьми изъ края съ тѣмъ, чтобы предать Экваторіальную провинцію махдистамъ. Многие имъ вѣрили и, наконецъ, заговорщики устроили многолюдную сходку, на которой сторонники Эмина подверглись оскорбленіямъ и было рѣшено низложить пашу. Мятеежники заняли всѣ военные посты и собирались даже надѣть на Эмина оковы, но этому рѣшительно воспротивились солдаты. Эмина и Джефсона отправили въ Редшахъ, но почти въ тотъ же день многочисленное войско махдистовъ вступило въ Лудо и ихъ полково-

Новый зерноподъемъ (элеваторъ) на С.-Петербургскомъ Морскомъ каналѣ. Рис. Максимовичъ, грав. Рашевскій.

дець Омаръ-Силехъ послалъ трехъ дервишей къ Эмину, требуя сдачи области. Египетскіе офицеры рѣшили сопротивляться, посадили въ тюрьму дервишей, а Эмина съ Джефсономъ отправили въ Дуфиэ. Нѣсколько дней спустя махдисты взяли Редшахъ приступомъ, вырѣзали мужчинъ, а женщинъ и дѣтей увели въ плѣнъ. Всѣ бѣжали въ Лагоръ, гдѣ солдаты энергично стали требовать, чтобы Эмина освободили и возвратили ему командованіе. Пришлось уступить этимъ требованіямъ, и вскорѣ Эминъ разбилъ дервишей и заставилъ ихъ отступитъ. Но такъ какъ ожидали вскорѣ возобновленія нападений, то египетскіе офицеры желали покинуть область и слѣдовать за Эминомъ. Большая часть солдатъ этому противилась. Джефсонъ присовокуплялъ, что теперь, однако, солдаты питаютъ довѣріе къ Станлею и вполне убѣждены въ томъ, что онъ уполномоченный хедива. Поэтому Джефсонъ просилъ Станлея идти къ Кавалли и оттуда дать знать, что онъ прибылъ съ тѣмъ, чтобы взять съ собою его и Эмина. Въ заключеніе Джефсонъ высказалъ мнѣніе, что Эминъ все еще колеблется и что ему трудно оставить страну.

18 января 1889 г. Станлей прибылъ въ Кавалли и послалъ письмо, въ которомъ буквально умолялъ Эмина послѣдовать за нимъ. „И преклонно колѣна предъ Эминомъ — писалъ онъ — и буду молить его, но на этотъ разъ ни о какихъ колебаніяхъ уже рѣчи быть не можетъ: да или нѣтъ?“ 6 февраля въ Кавалли прибылъ Джефсонъ. Эминъ все еще колебался, хотя былъ вполне свободенъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. „Только Гордонъ и Эминъ — замѣтилъ Станлей — способны оставаться на своихъ постахъ и не искать спасенія при подобныхъ обстоятельствахъ“. Но уже 13 февраля пришло извѣстіе, что пароходы съ Эминомъ и съ первымъ отрядомъ его людей находятся въ недалекомъ разстояніи отъ Кавалли. Къ этому же времени сталъ подходить къ Кавалли и арріергардъ Станлея.

Этимъ заканчивается донесеніе Станлея. Эминъ колебался, по-видимому, до послѣдней минуты. Джефсонъ грозилъ даже увести его силою.

До выступленія обратно къ побережью Станлей былъ опасно боленъ въ теченіи одного мѣсяца.

Наконецъ, сэръ-Вильямъ Маккинонъ, предсѣдатель комитета помощи Эминъ-пашѣ, получилъ письмо послѣднiго отъ 23 (11) августа 1889 года, въ которомъ Эминъ-паша предоставляетъ краснорѣчивому перу Станлея рассказать подробности (подтверждая такимъ образомъ его слова) и выражаетъ величайшія похвалы Станлею и его офицерамъ, а также и всю благодарность которою считаетъ себя имъ обязаннымъ. Такимъ образомъ, все повидимому шло наилучшимъ образомъ, какъ вдругъ телеграфъ принесъ слѣдующія, совершенно неожиданныя вѣсти: Зазибаръ, 23 ноября (5 декабря) (Тел. *Агентства Рейтера*). Вчера вечеромъ въ Багамою Эминъ-паша упалъ изъ окна, которое онъ, по своей близорукости, принялъ, вѣроятно, за дверь, и при паденіи получилъ проломъ черепа. Состояніе здоровья Эмина-паша весьма серьезное, но докторъ Паркъ надеется спасти его.

Лондонъ, 24 ноября (6 декабря). По болѣе подробнымъ извѣстіямъ, оказывается, что Эминъ-паша упалъ съ балкона, съ высоты 20 футовъ, причемъ получилъ въ высшей степени серьезныя поврежденія. Лѣвый глазъ у него закрытъ, а изъ ушей идетъ кровь. На тѣлѣ ушибы ужасные.

Германскій корветъ „Sperber“ доставилъ Станлея и его офицеровъ въ Зазибаръ. Люди Эмина-паша слѣдуютъ за корветомъ на британской канонеркѣ.

— *Агентству Рейтера* передаютъ изъ Каира, что по полученному сообщенію изъ Багамои, Эмину-пашѣ немного лучше, хотя онъ и получилъ тяжкія внутреннія поврежденія.

Тому же агентству сообщаютъ изъ Зазибара, отъ 24 ноября, что Станлей со своими спутниками прибылъ въ Зазибаръ.

Новый зерноподъемъ на С.-Петербургскомъ Морскомъ каналѣ. (Рис. на стр. 1257).

Очень трудно привалялось дѣло устройства зерноподъемовъ въ Россіи. Первое предложеніе объ устройствѣ ихъ американскими капиталистами, само собою разумѣется, должно было быть отклонено какъ несогласное съ выгодами Россіи, ибо нельзя же было отдать русскую хлѣбную торговлю въ руки иностранцевъ; затѣмъ имѣлось въ виду устроить зерноподъемъ на средства удѣльнаго вѣдомства, которое, съ этою цѣлью, въ апрѣлѣ 1887 года, и обратилось въ министерства Путей Сообщенія и Финансовъ съ просьбою объ отводѣ ему, для устройства элеватора, участка земли при СПб. морскомъ каналѣ на южной (восточной) его дамбѣ. Оба названныя министерства отнеслись вполне сочувственно къ этому предложенію и тогда-же были назначены къ передачѣ удѣльному вѣдомству просимый имъ участокъ земли. Впослѣдствіи, однако, мысль объ устройствѣ элеватора на средства удѣльнаго вѣдомства была оставлена и признано болѣе цѣлесообразнымъ предоставить это дѣло частной инициативѣ. Въ маѣ 1888 года явились и частные предприниматели, готовые взять на себя дѣло, оставленное удѣльнымъ вѣдомствомъ. Этими предпринимателями явились два инженера—дѣйств. стат. сов. Борейша и навл. сов. Максимовичъ.

Выстроенный означенными инженерами зерноподъемъ представленъ à vol-d'oiseaux на прилагаемомъ планѣ, гдѣ *A*—собственно зерноподъемъ, *B*—машинное и котельное фахверковое зданіе съ дымовой трубой въ 20½ саж. высоты, *C* и *D*—зданія для помѣщенія служащихъ; *E*—ледникъ при помѣщеніяхъ *C* и *D*; *F*—будка при вѣсовомъ помостѣ, гдѣ вагоны взвѣшиваются цѣликомъ. Будка назначена для защиты вѣсовщиковъ отъ непогодъ. *G*—локомотивное фахверковое зданіе для помѣщенія локомотива-тендера, для маневрированія вагоновъ; *H*—теплая фахверковая пристройка, гдѣ помѣщается насосъ для питанія водою локомотива и для помѣщенія кочегара и сторожей.

Собственно зерноподъемъ *A* выстроенъ, по американскому способу, изъ досокъ уложенныхъ плашмя и притѣсненныхъ гвоздями, снаружи выкрашенъ огнеупорнымъ, изобрѣтеннымъ г. Бабаевымъ, составомъ отъ огня и затѣмъ обшитъ желѣзомъ. Внутри онъ раздѣленъ на 240 квадратовъ по 1½ сажени въ сторонѣ. Эти квадраты составляютъ основаніе силосовъ или закромовъ, высотой отъ 4½ до 5 сажень и помѣщаютъ каждый отъ 4½ до 5,000 пуд. зерна. Нѣкоторая часть помѣщенія зерноподъема занята подъ автоматическіе вѣсы, чистительныя и сортировальныя машины, а также подъ пастальную машину для овса. Приводы, установленные въ зерноподъемѣ, получаютъ необходимую силу отъ паровой машины помѣщенной въ фахверковомъ зданіи, даютъ возможность приходящее зерно вагонами и барками поднимать въ силосы или закромы. Изъ любого силоса можно перевести зерно въ другой силосъ, взвѣсить, очистить, сортировать зерно, провѣять и, когда нужно, выгрузить на корабль. Принимать зерно въ зерноподъемъ по желѣзной дорогѣ можно по 25 вагоновъ въ часъ, съ барокъ по 7,000 пуд. въ часъ, а выгрузить на корабль 15,000 пудовъ въ часъ. Машина и приводы поставлены извѣстнымъ заводомъ Лютера въ Брауншвейгѣ; машина замѣчательная, съ патентомъ Кливина. Все механическое устройство въ зерноподъемѣ поражаетъ замѣчательною цѣлесообразностью. Предприниматели должны были все заказать за границей, такъ какъ портовые зерноподъемы—предметъ въ Россіи совершенно новый; примѣръ Елецкаго зерноподъема не могъ быть принятъ во вниманіе. Интересно примѣненіе фахверковыхъ строеній, а въ особенности для жилья, гдѣ фахверковая наружная оболочка отъ внутренней оболочки, положенной американскимъ способомъ изъ досокъ, плашмя, отдѣлена слоемъ воздуха; также интересны мѣры противъ того чтобы громадная осадка зданія не выпучила желѣзную обшивку. Всѣ означенныя постройки начаты въ маѣ 1889 года и окончены въ концѣ октября того-же года.

Новый храмъ во имя Покрова Богородицы въ селѣ Покровскомъ (Новгородской губ., Крестецкаго уѣзда). (Рис. на стр. 1260).

Въ глубинѣ одной изъ древнѣйшихъ новгородскихъ пятинъ, въ глухой части Крестецкаго уѣзда, Новгородской губ., въ обширномъ приходѣ, доселѣ обходившемся небольшою церковкой, на только-что расчищенной лѣсистой мѣстности, воздвигнутъ новый каменный храмъ, построенный по плану академика Парланда и освященный 1 октября 1889 года самимъ Высокопреосвященнымъ Исидоромъ митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ въ девяти-десятый день его рожденія. Новая церковь очень красива: она объ одномъ луковичномъ куполѣ на кубическомъ основаніи, съ изящною колокольней надъ напертью, и снабжена всѣмъ необходимымъ въ изобиліи. Подлѣ церкви красуется новенькая церковно-приходская школа. При освященіи многія тысячи народа дневали и почевали подлѣ церкви. Свыше десяти тысячъ образковъ, крестиковъ и религиозно-правственныхъ брошюръ розданы были богомольцамъ. Освятить служеніемъ молебна новую школу, магистръ іерархъ посѣтилъ и домъ молодого, только что освященнаго имъ священника, а по выходѣ изъ него, болѣе двухъ часовъ благословлялъ устремившія къ нему народъ.

Отраженія трехъ человекъ въ трехъ зеркалахъ. (Рис. на стр. 1261).

Интересный опытъ этотъ показывался въ теченіе минувшаго дѣта въ особомъ помѣщеніи неподалеку отъ Парижской всемирной выставки.

Представимъ себѣ три большихъ зеркала образующихъ прямоугольную призму, основаніемъ которой служитъ равносторонній трехугольникъ. Лицо стоящее внутри этой призмы увидитъ свое изображеніе отраженнымъ безконечное множество разъ кучками по 6 человекъ. Три или четыре человека поставленные въ одинъ изъ угловъ призмы дадутъ изображеніе громадной толпы, какъ бы выстроившейся на тротуарахъ въ ожиданіи какой-либо процессіи. Если двое снимутъ шляпу и стадутъ махать ею, покажется что вся толпа производитъ внушительную демонстрацію. На рисункѣ нашемъ воспроизведена эта многотысячная толпа, образуемая всего двумя мужчинами и одной дамой, помѣщенными въ углу зеркальной призмы, образуемой двумя зеркалами—третьяго зеркала не можетъ быть видно на рисункѣ, такъ какъ оно находится между зрителемъ и рисункомъ.

Весь опыт есть не что иное как всёъ извѣстный калейдоскопъ, увеличенный до такихъ размѣровъ, что роль цвѣтныхъ стеклушекъ въ немъ играютъ живые люди. Пять-шесть человекъ могутъ легко помѣститься въ призмѣ, каждая сторона

коей имѣетъ сажень длины; если эти пять-шесть человекъ начнутъ прохаживаться въ разныхъ направленіяхъ, зрителю покажется что безчисленная толпа волнуется и переговаривается о какомъ-то важномъ событіи.

Политическое обозрѣніе.

Въ политикѣ полное затишье.

Палаты депутатовъ въ разныхъ странахъ Европы занимаютъ преимущественно дѣлами внутренней политики, причемъ засѣданія происходятъ довольно спокойно, если не считать неизбежныхъ въ парламентской жизни столкновений представителей различныхъ партій. Болѣе другихъ шумятъ венгерцы и чехи. Въ Венгерскомъ сеймѣ оппозиція старается всячески вырвать власть изъ рукъ ненавистнаго ей Коломана Тиссы и при всякомъ случаѣ нападаетъ на президента совѣта венгерскихъ министровъ. Въ Чехіи партія младочеховъ постоянно приобрѣтаетъ новыхъ сторонниковъ, чему не мало способствуютъ безтактныя выходки ея политическихъ противниковъ. 13 ноября въ Чешскомъ сеймѣ обсуждался вопросъ о расходахъ на новый національный музей, причемъ младочехъ Шилль указалъ, что въ числѣ великихъ людей, изображенія которыхъ украшаютъ зданіе музея, нѣтъ Яна Гуса. Замѣчаніе это вызвало горячій возраженіе, причемъ одинъ изъ оппонентовъ, князь Карлъ Шварценбергъ, съ негодованіемъ осуждалъ тѣхъ, кто превозноситъ Гуса какъ героя и святого. Онъ говорилъ, что чешскій народъ питаетъ къ Гусу отвращеніе за событія, вызванныя дѣятельностью проповѣдника. „Между гуситами, замѣтилъ князь, было мало достойныхъ уваженія людей и вскорѣ дни превратились въ шайку разбойниковъ и поджигателей“. Выходка князя Шварценберга вызвала страшное волненіе, такъ что засѣданія сейма временно приостановлены, но агитация продолжается въ сѣбѣ собранія. По всей Чехіи открыта подписка на сооруженіе статуи Гусу въ Прагѣ. Шестеро старочешскихъ депутатовъ собираются перейти на сторону младочеховъ.

Эксъ-король Миланъ, проживая въ Парижѣ, не даетъ сербскому правительству покоя. Его бесѣды и рассказы различными корреспондентамъ газетъ отличаются такимъ характеромъ, что совѣтъ министровъ, обративъ вниманіе регентовъ на волнующую обществу заявленія Милана, опубликованныя раньше въ *Journal des Débats*, а недавно также въ *Times* и въ *Correspondance de l'Est*, просилъ Ристича сообщить Милану, что въ случаѣ повторенія подобныхъ фактовъ правительство будетъ вынуждено объявить Милана вреднымъ для Сербіи и династіи. Послѣ того Миланъ посѣтилъ г. Спюллера и, по словамъ *Temps*, намѣренъ жить въ Парижѣ какъ частное лицо и воздерживаться отъ участія въ политическихъ событіяхъ.

На Критѣ, по словамъ *Times*, порядокъ вновь возстановленъ. Мѣсто Шакиръ-паши займетъ бывший губернаторъ, христіанинъ Костаки Антроподустъ. Въ Канею отправился адмиралъ Ахметъ-Рашид-паша съ султанскимъ фирманомъ относительно амнистіи. По слухамъ, на основаніи этого фирмана, британе бу-

дутъ лишены нѣкоторыхъ дарованныхъ имъ прежде вольностей. Новое правительство въ Бразиліи остается непризнаннымъ Европейскими государствами. По поводу событій въ этой странѣ, во французской палатѣ депутатовъ Юббаръ обратился къ правительству съ вопросомъ. Министръ Спюллеръ отвѣтилъ: „Депутаты передаютъ, что порядокъ нарушенъ не былъ и что правительство обязано охранять всѣ интересы и соблюдать всѣ обязательства. Существующее de facto въ Рио-де-Жанейро правительство вошло въ сношеніе съ французскимъ агентомъ, которому послано приказаніе продолжать дружественныя отношенія, существовавшія съ правительствомъ императора. Рѣшеніемъ этимъ новое правительство осталось очень довольнымъ. Официальныхъ сообщеній относительно перемѣны правленія не послѣдовало ни съ той, ни съ другой стороны. Прежде чѣмъ сдѣлать такое сообщеніе, новое правительство предполагаетъ, вѣроятно, дать свои полномочія палатѣ“.

Императоръ домъ-Педро со своей семьей, какъ сообщаютъ изъ Сентъ-Винченца, прибылъ туда 18 ноября въ полночь на пароходѣ „Alagos“. По прибытіи, Бразильскій императоръ телеграфировалъ Португальскому королю, что онъ прибываетъ въ Лиссабонъ и остановится по своему обыкновению въ гостиницѣ. При этомъ онъ благодарилъ за предложеніе отвести ему апартаменты въ королевскомъ дворцѣ.

Жизнь за океаномъ за послѣднее время все болѣе и болѣе начинаетъ интересоваться Европу. Недавно въ газетахъ появилось подробное сообщеніе объ открытіи конгресса въ Соединенныхъ Штатахъ 21 ноября. На другой день избранія въ президенты палаты представителей республиканца Рида, было прочтано посланіе президента Гаррисона. Въ немъ сказано, что въ текущемъ году не много международныхъ вопросовъ осталось безъ разрѣшенія. Возникшіе въ послѣднее время между Великобританіей и Соединенными Штатами вопросы либо лежатъ подъ спудомъ, либо находятся на пути къ полюбовному улаженію. Въ посланіи возбѣщается внесеніе законопроекта относительно болѣе широкаго примѣненія договора съ Англіею о выдачѣ преступниковъ. Отношенія къ Германіи весьма сердечнаго свойства. Вопросы о подданствѣ разрѣшены къ обоюдному удовлетворенію. Подобные-же вопросы неоднократно возникали съ Франціей, Италіей, Россіей, Турціей и Швейцаріей. Президентъ Гаррисонъ предлагаетъ для разрѣшенія этихъ вопросовъ заключеніе особыхъ конвенцій. Дружественныя отношенія съ Бразиліей не прерывались; посланнику Соединенныхъ Штатовъ въ Рио-де-Жанейро предписано, однако, формально и сердечно признать республику, коль скоро большинство выразитъ согласіе на установленіе въ Бразиліи республиканской формы правленія.

Библиографія.

Вышли слѣдующіе календари на 1890 годъ, съ отрывающимися на каждый день листами:

1) *Эдуарда Гоппе „Календарь-ежедневникъ“* (годъ XIX) съ 2 безплатными приложениями: а) Справочною книжкой и б) Табелъ-календаремъ, заключающими въ себѣ всѣ необходимыя календарныя свѣдѣнія.

Календарь приклеенъ къ листѣ съ изящною литографіей въ 5 красокъ по рисунку въ русскомъ стилѣ художника Брожа. Цѣна 75 коп., съ перес. въ Европ. Россіи 1 руб. 25 коп. На веленовой бумагѣ 1 руб., съ перес. 1 руб. 50 коп.

2) *Календарь для хозяйки* (годъ VIII) съ 2 безплатными приложениями: а) Поваренною книжкой и б) Табелъ-календаремъ. Содержаніе и форматъ этого календаря тѣ-же что и въ Календарѣ-Ежедневникѣ; съ тою разницей, что на оборотѣ каждаго отрывающагося листка напечатано меню на слѣдующій день со ссылками на поваренную книжку. Цѣна 1 руб., съ перес. въ Европ. Россіи 1 руб. 50 коп.; на веленовой бумагѣ 1 руб.

25 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

3) *Большой ежедневникъ* (годъ II), коего содержаніе одинаково съ ежедневникомъ, но размѣръ вдвое больше послѣдняго. Цѣна 1 руб. 25 коп., пересылка за 4 фута.

Распространяются о достоинствѣхъ этихъ изданій, даво извѣстныхъ публикѣ, считаемъ излишнимъ.

Появились въ продажѣ и обыкновенные календари на 1890 годъ, изъ коихъ обычными качествами выдаются:

Русскій Календарь Суворина (XIX годъ) и *Всобщій Календарь* книгоиздательства Германа Гоппе, къ которому приложены карта желѣзнодорожныхъ, почтовыхъ и пароходныхъ сообщеній Россійской Имперіи, настѣнный календарь и нѣсколько портретовъ въ некрологахъ.

Наконецъ и *Затисная книжка Е. Риккера* вышла по обыкновенію въ нѣсколькихъ изданіяхъ, на этотъ разъ украинскихъ, кромѣ обычныхъ двухъ картъ Россійской Имперіи, картою Европы съ показаніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Государь Императоръ, по прочтеніи представленныхъ Ею Величеству всеподданнѣйшихъ адресовъ: Екатеринославскаго, Полтавскаго и Новооскольскаго, Курской губерніи, дворянствъ и Борисоглѣбскаго, Тамбовской губерніи, земства, по случаю преобразования крестьянскихъ и мирныхъ судебныхъ учреждений, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: благодарить означенныя дворянства и земство.

Правительственныя распоряженія.

— Въ пятницу, 17 ноября, министръ Юстиціи выѣхалъ въ Прибалтійскій край для открытія новыхъ судовъ. Его высокопревосходительство сопровождали: слѣдующій канцеляріей министерства Юстиціи А. А. Казембекъ, вице-директоръ Кобылинскій, чиновникъ особыхъ порученій Будайка, старшій юрисъ-консультъ Гасманъ и секретарь А. В. Малова. 20 ноября, въ 11 часовъ состоялось освященіе помѣщенія для мирова-

го сѣзда. Въ 1 часъ дня, во временномъ помѣщеніи окружнаго суда послѣдовало торжественное открытіе новыхъ судебныхъ учреждений Эстляндской губерніи. По прочтеніи Высочайшаго указа о введеніи судебной реформы въ Прибалтійскомъ краѣ и приказовъ о лицахъ назначенныхъ на судебныя должности, министръ Юстиціи произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на значеніе вводимого преобразования, совпадающаго съ днемъ 25-й годовщины учрежденія судебныхъ установле-

ний 20 ноября 1864 года, и обратился к шюв назначенным чинам судебного вѣдомства съ пожеланіемъ, чтобы они оправдали свою дѣятельность на мѣстѣ новаго оууженія и надежды, возлагаемая на нихъ правительствомъ. Послѣ объявленія министромъ ревельскаго окружнаго суда и мировыхъ учреждений Эстляндской губерніи открытыми, было отслужено торжественное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтня Государю Императору и всему Царствующему дому и о ниспосланіи благословенія на вновь назначенныхъ чиновъ судебного вѣдомства. Вслѣдъ за симъ предсѣдатель и члены окружнаго суда, а также мировые судьи, были приведены къ присягѣ; предсѣдатель объявилъ первое общее собраніе отдѣлений ревельскаго окружнаго суда открытымъ.

— Учрежденная при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ комиссия по поводу паденія дѣбъ

пятилѣтняго періода, истекающаго со времени завоеванія края.

— Южно-русскими овцеводами организуется товарищество для устройства въ Петербургѣ шерсточесальной и прядильной фабрики, съ цѣлью отправки за-границу вычесанной шерсти и пряжи. Это предпріятіе вызвано желаніемъ поднять вывозъ за-границу русской шерсти, когда-то занимавшей одно изъ первыхъ мѣстъ въ русской отпускной торговлѣ.

Торговля.

— Недавно въ Либавѣ состоялось открытіе и освященіе зерноваго магазина съ элеваторомъ, устроеннаго купцомъ В. Риге, въ компаніи съ другими мѣстными капиталистами. Магазинъ состоитъ изъ нѣсколькихъ зданій, двухъ и четырехъ-этажныхъ, и имѣетъ четырнадцать отдѣленій. Шесть изъ нихъ предназначены для разнаго товара въ кипахъ, а

дѣй, въ красивыхъ позахъ, среди живописнаго итальянскаго пейзажа, предъ надгробнымъ памятникомъ своихъ отца и матери.

Музыка.

— 18 ноября, въ залѣ дворянскаго собранія, въ 1¹/₄ часа дня, происходило чествованіе *пятидесятилѣтней дѣятельности* директора с.-петербургской консерваторіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Антона Григорьевича Рубинштейна. Зала была наполнена избранною публикою; на эстрадѣ заняли мѣста представители разныхъ учреждений и депутация, привѣтствовавшія юбиляра. Позади нихъ помѣщались хоръ и оркестръ СПб. музыкальнаго общества. Въ царской ложѣ заняли мѣста И. И. В. Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ, Вел. Кн. Екатерина Михайловна съ сыномъ Герцогомъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ Михаиломъ Георгиевичемъ и дочерью Еленою Георгиевною. Ложи и эстрада

Новый храмъ во имя Покрова Богородицы въ селѣ Покровскомъ, освященный 1 октября Высокопреосвящ. Исидоромъ митрополитомъ Новгородскимъ и СПб. и выстроенный по плану академика Парланда. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

на сельско-хозяйственные продукты выработала проектъ общаго государственнаго страхования скота, при участіи и содѣйствіи правительства.

— На разсмотрѣніи министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи находится предложеніе объ окончательномъ устранинн кочевой жизни цыганъ повсемѣстно въ Россіи.

— Канцугъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ снмъ доводитъ до свѣдѣнія гг. кавалеровъ и сопричисленныхъ къ орденамъ, что подробное объявленіе Канцуга о тѣхъ изъ нихъ, кои въ настоящее время вошли въ комплектъ на полученіе орденовъ пенсій, напечатано въ № 245 газетѣ *Привѣтственный Вѣстникъ* и № 243 газетѣ *Русскій Инвалидъ*.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ настоящее время, по почину одного изъ углепромышленниковъ донецкаго бассейна, И. С. Кошкина, приступлено къ организаціи на Черномъ морѣ правильной перевозки каменнаго угля.

— Дѣломъ 1890 года въ г. Ташкентѣ предложено устроить выставку предметовъ сельскаго хозяйства и промышленности Туркестанскаго края. Одна изъ главныхъ цѣлей предстоящей выставки заключается въ томъ, чтобы наглядно представить дѣятельность Россіи въ Средней Азій въ теченіи двадцати-

остальныя восемь—для хлѣба. Въ общемъ, магазинъ можетъ выбѣжать въ себѣ около 2000 вагоновъ.

— 20 ноября, состоялось, въ присутствіи начальника Закаспійской области, освященіе и открытіе узунъ-адинской таможи, главной для всего Закаспійскаго края.

Искусства изобразительныя.

— Первый дамскій художественный кружокъ разослалъ отчетъ о своей дѣятельности за сезонъ 1888—1889 г. Состоитъ изъ 78 членовъ, почетныхъ (4), сотрудницъ (73) и корреспондента (1), кружокъ продолжалъ свою интересную и полезную дѣятельность, собиравшись по средамъ въ залахъ Михайловскаго дворца. Плодомъ этихъ собраній была выставка и лотерея, что дало возможность кружку попрежнему помогать нуждающимся художникамъ и ихъ семьямъ.

— Съ 6 ноября, въ залахъ Императорскаго общества поощренія художествъ, открылась выставка двухъ картинъ Г. И. Семирадскаго. Одна изъ нихъ: «Чаша или женщина» (La coupe ou la femme),—бывшая еще на Парижской всемірной выставкѣ 1878 года и извѣстная большинству любителей искусства по фотографическимъ и политинажнымъ снимкамъ. Другая картина, меньшаго размѣромъ, называется «Элегія» и представляетъ, такъ же какъ и первая, сцену изъ древне-римскаго быта: на ней изображены двое молодыхъ лю-

были убраны троническими и экзотическими растеніями, хоры залы были заняты учениками и ученицами консерваторіи. А. Г. Рубинштейнъ, при входѣ въ залу, былъ встреченъ громкими рукоплесканіями присутствовавшихъ; музыка заиграла тушь. Юбиляръ занялъ почетное мѣсто на эстрадѣ; по правую его руку сѣлъ предсѣдатель юбилейнаго комитета Е. В. Герцогъ Георгій Георгиевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій, по лѣвую руку— предсѣдатель Имп. русск. музыкальнаго общества, сенаторъ Марковичъ. Юбилейный актъ начался маршемъ, сочиненнымъ для этого дни бывшимъ ученикомъ консерваторіи г. Аренскимъ, который самъ и дирижировалъ. Предсѣдатель юбилейнаго комитета Его Высочество Герцогъ Георгій Георгиевичъ привѣтствовалъ юбиляра рѣчью. Затѣмъ сенаторъ А. И. Марковичъ сообщил о Высочайшемъ пожалованнхъ юбиляру изъ Кабинета Его Величества 3000 руб. ежегодно. Послѣ того, помощникъ предсѣдателя юбилейнаго комитета, А. А. Герке, сообщил о томъ, что Е. И. В. Вел. Кн. Александра Іосифовна прислала юбиляру свой портретъ съ собственноручною подписью; затѣмъ были прочтены привѣтственныя письма отъ многихъ высокопоставленныхъ лицъ.

Вслѣдъ за этими привѣтствіями были поднесены юбиляру: выбитая, съ Высочайшаго разрѣшенія, на с.-петербургскомъ Монетномъ Дворѣ золотая медаль отъ Имп. рус. музы-

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1890 Г.

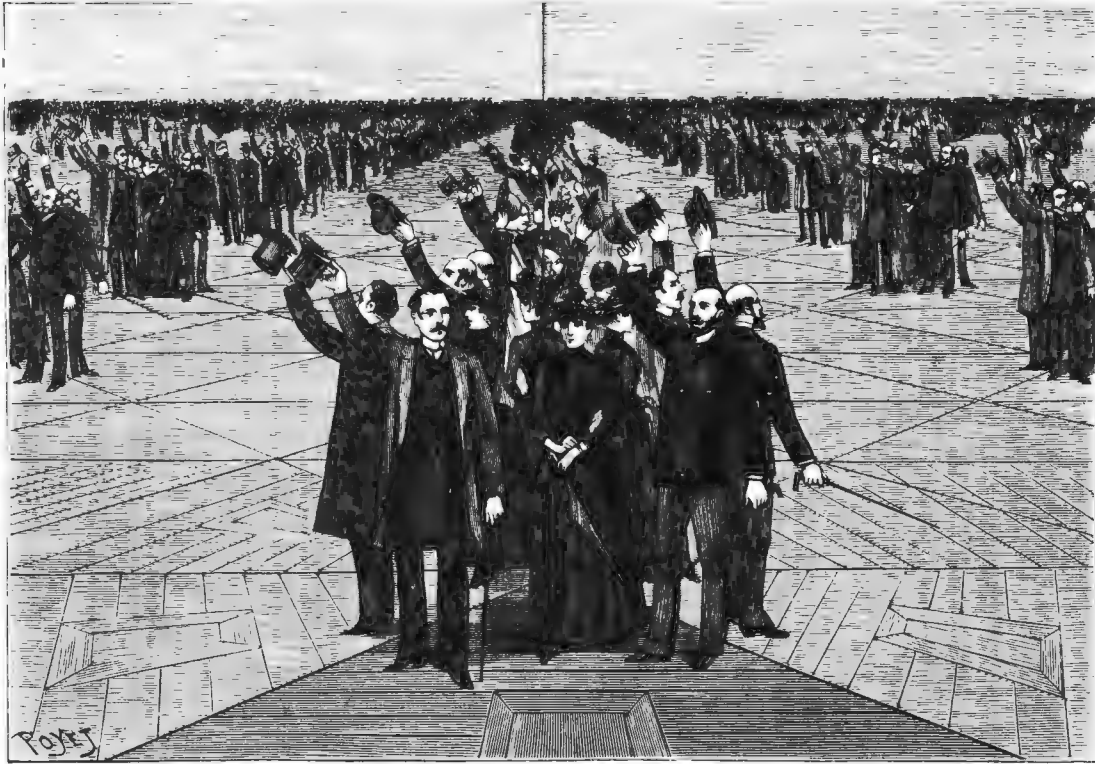
Подписная цѣна показана на первой страницѣ.

нальнаго общества (съ изображеніемъ портрета юбиляра и съ надписью на оборотной сторонѣ: „отъ Императорскаго русскаго музыкальнаго общества“), и дипломъ на званіе почетнаго члена Императорскаго с.-петербургскаго университета (депутацией отъ университета). Затѣмъ слѣдовали поздравленія и поднесенія адресовъ отъ многочисленныхъ депутатій. Большинство адресовъ было художественной работы; особенно выдѣлялся адресъ фортепьянной фирмы Шредера, поста-

терина Михаиловна, Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ, Ихъ Высочества Герцоги Георгій и Михаилъ Георгиевичи Мекленбургъ-Стрелицкіе и Герцогиня Елена Георгиевна Мекленбургъ-Стрелицкая. Программа состояла исключительно изъ сочиненій А. Г. Рубинштейна. Главный интересъ концерта заключался въ участіи въ качествѣ исполнителя самого юбиляра, который со времени своихъ знаменитыхъ историческихъ концертовъ, происходившихъ зимою 1885—1886 гг.,

по желанію публики, сыграть еще двѣ изъ своихъ пьесъ безъ словъ. Вообще концертъ былъ рядомъ самыхъ задушевныхъ и искреннихъ овацій, которыми публика чествовала столь любимаго и почитаемаго всѣми гениальнаго художника-пианиста.

Въ понедѣльникъ, 20 ноября 1889 г., въ Дворянскомъ собраніи, состоялся вокально-инструментальный концертъ при участіи г-жъ Е. А. Лавровской (кн. Цертелевой), А. В. Карповой-Панаевой и др., а также оркестра

Отраженія трехъ человекъ въ трехъ зеркалахъ (третьяго зеркала, находящагося между зрителемъ и рисункомъ, не видно).

новншей въ день рожденія юбиляра — дарить лучшему выпускному ученику консерваторіи рояль.

Фирма Шредера, а также фирма Беккера поднесли юбиляру великолѣпные рояли; отъ внуковъ графа Вьельгорскаго юбиляру присланы портреты братьевъ Рубинштейновъ въ дѣтскомъ возрастѣ.

Актъ кончился около 4 часовъ пополудни.

19 ноября, въ залѣ с.-петербургскаго Дворянскаго собранія состоялся юбилейный симфоническій концертъ. На концертъ присутствовали П. Имп. Выс. Велик. Кн. Ека-

не выступалъ передъ публикою. Въ концертѣ принималъ участіе оркестръ Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, организованный въ началѣ текущаго сезона, по почину и стараніями А. Г. Рубинштейна, а дирижеромъ выступилъ П. П. Чайковскій, окончившій курсъ с.-петербургской консерваторіи въ первомъ выпускѣ ея учениковъ 1865 г. и нынѣ уже пріобрѣтшій своими многочисленными сочиненіями всемірную известность. По окончаніи программы концерта, возобновились безконечные апплодисменты и вызовы юбиляра, который былъ принужденъ,

с.-петербургскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества.

21 ноября состоялось первое представленіе оперы юбиляра „Горюша“ въ Маринскомъ театрѣ, а 22 балъ въ Дворянскомъ собраніи.

Новыя книги, изданныя А. С. Суворинимъ, СПб., Невскій, № 38.

Струэнзе, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ и прозѣ Михаила Бэра, переводъ съ нѣмецкаго А. П. Плещеева. СПб. Ц. 1 р.

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ“ 1890 ГОДА

СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

Нѣкоторые изъ нашихъ иногородныхъ гг. подписчиковъ обратились къ намъ съ просьбою О РАЗСРОЧКѢ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ ЗА „НИВУ“ 1890 ГОДА. Исполняя ихъ желаніе, мы нашли возможнымъ допустить разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ два срока: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Іюня 1890 г. 3 р.

2) Въ три срока: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1890 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1890 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ втораго взноса, журналъ будетъ высылаться со всѣми приложеніями и преміями — наравнѣ съ годовыми подписчиками.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

Маруса. Старый портретъ. Первая побѣда. Мыслитель. Изъ дневника. Литературный вечеръ. Забытая тетрадь. Рассказы Виктора Бибикова. СПб. Ц. 1 р.

Льсная волшебница (The lady of the fo-

rest), повѣсть для юношества. Перев. съ англ. СПб. Ц. 75 к.

Набережный. Бурсакъ. Романъ. Изд. 3-е. СПб. Ц. 35 к.

В. Шекспиръ. Корюланъ. Траг. въ 5 дѣйств.

Переводъ А. В. Дружинина. СПб. Ц. 25 к.
Н. М. Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго т. 7. Ц. 20 к.; то же т. 8. Ц. 20 к.
Записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, съ портретами и рисунками. Цѣна 20 к.

С М Ъ С Ъ .

Инфлуэнца. Нынѣшнею позднюю осенью въ разныхъ мѣстахъ Россіи появился эпидемическій гриппъ, быстро распространившійся среди населенія. Въ Петербургѣ и его окрестностяхъ, въ Царскомъ Селѣ, Гатчинѣ, а также въ Москвѣ, Казани, Симферополѣ и другихъ городахъ, масса лицъ переболѣла этимъ неопаснымъ, но тѣмъ не менѣе и неприятнымъ видомъ болѣзни, называемой инфлуэнцой. Чтобы судить о числѣ заболѣвшихъ, достаточно сказать, что въ Петербургѣ свыше $\frac{1}{3}$ всѣхъ жителей подверглись припадкамъ этой болѣзни, причемъ она была распространена съ одинаковою силою среди всѣхъ возрастовъ и классовъ населенія. Нѣкоторыя учебныя заведенія прекратили занятія, такъ какъ до 50% учащихся и учащихся были больны инфлуэнцой. Всѣ больницы были переполнены больными, а доктора и аптеки были завалены работой.

Инфлуэнца наступаетъ, можно сказать, внезапно. Температура быстро подымается до 40° и даже до 40,5° и такъ же быстро спадаетъ. Продолжительность лихорадки длится 1—3 дня, рѣдко 5—6. Кромѣ лихорадочнаго состоянія, больной чувствуетъ большую слабость, боль во всѣхъ суставахъ и головѣ, иногда головокруженіе и различныя нервныя страданія. При этомъ наблюдается почти всегда увеличеніе селезенки.

Первая эпидемія инфлуэнцы, о которой извѣстно въ исторіи медицины, по словамъ *Новаго Времени*, была на островѣ Мальтѣ въ 1510 году. Въ 1577 году эпидемія прошла изъ Азии въ Европу и въ Америку. Въ 1580 г. новая эпидемія гриппа обошла Европу, Азию и Африку, убивая стариковъ, слабыхъ и больныхъ. Въ Римѣ отъ нея умерло 9,000, въ Мадридѣ смертность была еще болѣе. Въ 1590 г. инфлуэнца являлась въ Германіи, въ 1593 г. во Франціи и Италіи, въ 1658—1663 г. въ Италіи, въ 1669 г. въ Голландіи, въ 1675 г. въ Германіи и Англии, въ 1691 г. въ Германіи и Венгріи.

Въ 1729 г. вся Европа пострадала отъ инфлуэнцы, и въ Лондонѣ отъ нея на одной недѣлѣ умерло 908 человекъ, въ Вѣнѣ число больныхъ превзошло 60,000. Въ 1732 и 1733 г. новая эпидемія гриппа въ Европѣ, Азии и Америкѣ. Почти такая же общія эпидемія была въ 1737 и 1743 годахъ, когда въ Лондонѣ въ одну недѣлю умерло болѣе 1,000 человекъ. Въ 1762 году инфлуэнца свирѣпствовала среди англійской арміи въ Германіи. Въ 1775 г. эта болѣзнь убила множество домашнихъ животныхъ. Въ 1782 году отъ инфлуэнцы заболѣло въ одинъ день 40,000 человекъ въ Петербургѣ. Въ 1830 г. инфлуэнца обошла весь свѣтъ, предшествуя холерѣ. Она появилась вновь въ 1833—1837 гг. Въ 1847 году она уморила въ Лондонѣ людей болѣе чѣмъ холера. Во Франціи она вновь имѣла эпидемическій характеръ въ 1858 году.

Вообще Гиршъ насчитываетъ съ 1510 по 1850 г. болѣе 300 крупныхъ эпидемій гриппа или инфлуэнцы, какъ общихъ, такъ и мѣстныхъ, жестокихъ и слабыхъ.

Почти всѣ человѣческія расы одинаково страдаютъ отъ этой болѣзни; она, впрочемъ, чаще является на сѣверѣ, особенно въ Исландіи (гдѣ называется *queef*) и на Ферерскихъ островахъ (гдѣ называется *krugus*). Поражаются ею не только люди, но и животныя, преимущественно птицы и лошади.

Судя по даннымъ, нынѣшняя эпидемія въ Петербургѣ относительно очень слабая. Дѣйствуетъ гриппъ или инфлуэнца съ быстротою поразительною, почему въ Вѣнѣ въ 1782 г. эту болѣзнь и прозвали *Blitz-scatarrhe*. Инфлуэнца, или эпидемическій гриппъ, не имѣетъ ничего общаго съ обыкновеннымъ гриппомъ, постоянно наблюдаемымъ въ сырую погоду. Эпидемическій гриппъ характеризуется общою слабостью и дѣйствіемъ болѣзнетворнаго начала на нервную систему, особенно на нервы легкихъ.

Болѣзнь эта эпидемическая, но не заразительная; распространяется она безъ всякаго опредѣленнаго плана и направленія и безъ очаговъ заразы, чѣмъ рѣзко отличается отъ холеры. Она распространяется сразу, какъ воздушный потокъ, охватывая цѣлыя страны и даже части свѣта, поражая и агломерации людей и отдѣльныхъ людей — моряковъ на корабляхъ среди океановъ, одинаково города и деревни, богатыхъ и бѣдныхъ, людей всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ.

Такимъ образомъ, инфлуэнца не похожа вовсе на эпидемическія болѣзни паразитнаго происхожденія, объясняемыя микроскопическими микробами. По всей вѣроятности, причины инфлуэнцы космическія: въ измѣненіи нормальныхъ соотношеній въ атмосферѣ, окружающей земной шаръ; такъ многие врачи-наблюдатели уже давно объясняютъ эту болѣзнь избыткомъ въ воздухѣ озона, т. е. кислорода, получившаго подѣ дѣйствіемъ электричества большую энергію.

Способная сплавяться универсальная сталь Габерланда. До сихъ поръ предполагали, что для разныхъ орудій требуется и чугуны, т. е. желѣзо съ разнымъ содержаніемъ угля, и дайте, что сталь (также желѣзо содержащее уголь, но гораздо меньше чѣмъ въ чугуны, не болѣе одного процента), которая сдѣлалась очень твердою, не обладаетъ болѣе способностью сплавяться. Открытіемъ Га-

берланда то и другое опровергается. Изъ его стали можно выдѣлывать всевозможные инструменты, лезвія которыхъ выковываются при температурѣ сварки. Последняя притомъ почти совершенно безгранична, такъ какъ если сталь перегораетъ, то стоитъ лишь перегорѣвшее мѣсто засыпать пескомъ и снова накалить. Благодаря песку, легко довести нагрѣваніе до температуры сварки, а послѣ выковки сталь снова становится хороша и годна для употребленія. (N.)

Эпизодъ изъ дѣтства Некрасова. Въ своихъ воспоминаніяхъ г-жа Головачова-Панасова передаетъ рассказъ Некрасова объ одномъ эпизодѣ изъ его дѣтства. Онъ былъ еще мальчикомъ, когда его вмѣстѣ съ братомъ привезли въ Ярославль и поселили на квартирѣ съ крѣпостнымъ менторомъ, который обязанъ былъ присматривать за ними обоими, чтобы они аккуратно ходили въ классъ къ учителю, готовившему ихъ въ гимназію, а также готовить имъ обѣды. По крѣпостному ментору, послѣ деревни, представлялось столько соблазновъ въ Ярославлѣ, что онъ, не желая возиться со странней, выдавалъ барчукамъ на руки тридцать копѣекъ, оставляя на ихъ произволъ продовольствовать себя. Мальчики были очень довольны своимъ менторомъ и, въ свою очередь, нашли лучшимъ, вмѣсто ученья, съ утра отправляться на загородныя прогулки, запасаясь хлѣбомъ и колбасой, и до вечера не являлись домой. Но привольная жизнь крѣпостнаго ментора и его питомцевъ продолжалась не долго. Разъ, вернувшись вечеромъ съ прогулки, мальчики пришли въ ужасъ: ихъ встрѣтилъ отецъ, до котораго дошли слухи о ихъ привольной жизни. У крѣпостнаго ментора обѣ скулы были сильно припухши, и онъ былъ отправленъ въ деревню, а къ мальчикамъ приставили другаго ментора, тоже крѣпостнаго, но болѣе стараго и строгаго. Однако, они очень скоро подмѣтили, что и этотъ строгій менторъ, уложивъ ихъ спать, позволялъ себѣ, послѣ дневныхъ трудовъ, выпить. Некрасовъ съ братомъ вылѣзали изъ окна и отправлялись въ трактиръ, гдѣ маркеромъ было тоже крѣпостной ихъ отца, отпущенный по оброку, и практиковались въ игрѣ на билліардѣ. Въ ней они приобрѣтали большія познанія, но зато въ наукахъ успѣхи ихъ были плохіе. Некрасовъ рассказывалъ все это очень комично, особенно описывая двухъ дворовыхъ, возведенныхъ отцомъ въ менторы. (N.)

Брачные обычаи въ Лапландіи. Въ Лапландіи считается преступленіемъ женитьба на дѣвушкѣ противъ ея воли или противъ воли ея родителей. Когда мужчина желаетъ вступить въ бракъ, онъ приглашаетъ своихъ и невестинныхъ родныхъ на „бѣгъ взапуски“. Дѣвушка имѣетъ право пройти заранѣе треть назначеннаго пространства, такъ что догнать ее, если она того не пожелаетъ, нѣтъ никакой возможности, и если она достигнетъ цѣли раньше жениха, то это несомнѣнный знакъ, что онъ ей не нравится. Отверженный женихъ уже никогда болѣе не смѣетъ свататься за эту дѣвушку. Напротивъ того, если дѣвушка расположена къ жениху, она сначала, конечно, тоже бѣжитъ, но постепенно замедляетъ шагъ и, наконецъ, даетъ себя поймать и отвести къ его роднымъ, которые тутъ же даютъ свое согласіе. Этому обычаю, благодаря которому дѣвушка никогда не принуждается къ замужеству противъ воли, лапландцы обязаны домашнимъ миромъ и согласіемъ, несмотря на бѣдность и всѣ проистекающія изъ нея лишенія. (O.)

Средство отъ англійской болѣзни. Много существуетъ прекрасныхъ простыхъ народныхъ средствъ отъ разныхъ болѣзней, остающихся большинству неизвѣстными. Къ числу такихъ средствъ принадлежатъ и лѣченіе англійской болѣзни листьями манжетки. Манжетка (*Alchemilla vulgaris*) растетъ у насъ на сѣверѣ всездѣ и всюду, и знакома каждому своими круглыми, словно сплюснутыми листьями и странными цвѣточками въ видѣ мелкихъ зеленыхъ зѣвдочекъ. Пучекъ свѣжихъ листьевъ этого растенія слѣдуетъ обварить кипяткомъ и дать настояться; слить отваръ и въ немъ купать ребенка. Такую ванну, теплую, но отнюдь не горячую, надо дѣлать ежедневно. Сообщающій это средство вологодскій житель рассказываетъ въ мѣстной газетѣ, что одно грудное дитя, совершенно искалѣченное англійскою болѣзью, состояніе котораго врачи признали безусловно безнадежнымъ, вполне оправилось отъ болѣзни послѣ такихъ ваннъ. (N.)

Средство отъ банкротства. Въ Китаѣ, въ продолженіе 900 лѣтъ ни одинъ банкъ не прекращалъ платежей. Это объясняется указомъ императора Хи-Фуунча, по которому, въ случаѣ объявленія банка несостоятельнымъ, управляющему его, кассиру и директорамъ должны быть отрублены головы и вывѣшены на углу улицы, вмѣстѣ со счетными книгами. Указъ этотъ все еще остается въ силѣ, и китайскіе банкиры до сихъ поръ пунктуальнѣйшимъ образомъ исполняли свои обязательства. (N.)

Часы изъ бумаги. Въ Дрезденѣ, въ Саксоніи, одинъ часовщикъ дѣлаетъ мастеръ изобрѣлъ особую бумажную массу, которая легче металловъ разрабатывается и позволяетъ даже изготовленіе колесъ идущихъ правильнѣе и точнѣе чѣмъ нынѣ употребительныя металлическія колеса. (N.)

Рѣшеніе ребуса-шарады на преміи

(помѣщен. въ № 44 „Нивы“).

Тайнѣ никакнхъ не любить человекѣ
 Съ тѣхъ поръ какъ выгнанъ былъ изъ рая;
 Шапозлонъ трудился цѣлый вѣкъ,
 Пѣроглифы разбирая.
 Сомнѣнья нѣтъ, что голову ломать
 И надъ загадкой будутъ нашей
 И съ дѣдомъ внучку, и съ дочерями мать,
 Съ женою мужъ, и сынъ съ напашей.
 И такова загадка: взять предлогъ,
 То чѣмъ кишать всегда болота
 И букву на послѣдній выбрать слогъ,
 Чтобъ вышла для ума работа.

(П. Быковъ.)

Разгадка шарады—„Загадка“.

Всѣхъ рѣшеній этого ребуса получено отъ 2107 лицъ, изъ которыхъ 1496 рѣшеній оказались болѣе или менѣе не вѣрными, а остальные 611 совершенно вѣрны. Опубликованныя въ 41 № *Нивы* 18 премій пали на рѣшенія слѣдующихъ лицъ:

- 1) **Н. В. Панкова**, СПб., Калашниковск. прист., д. 47 (Фаустъ, соч. Гете).
- 2) **Г-жи Москальской**, СПб., уголъ Невск. и Калашн. пр., д. 8, кв. 23 (Исторія Искусствъ, Гнѣдича).
- 3) **И. С. Голикова**, СПб., Вас. Остр., уг. 5 л. п. Больш. пр., д. 14—16, кв. 2 (Сочинен. Майкова, 3 т.).
- 4) **А. А. Тимофѣева**, СПб., Д-тъ Общ. Дѣль Мин. Госуд. Имущ. (Исторія Искусствъ, Гнѣдича).
- 5) **П. А. Семенова**, СПб., В. О., 4 л., д. 57 (Въ Старой Москвѣ, ром. Е. А. Саліаса).
- 6) **И. М. Иванова**, СПб., площ. Александр. театра, д. 5, СПб. Город. Кред. Общ. (Разказы Лебедева).
- 7) **П. Д. Малейнъ**, Зацѣпа, д. Шурыгина, въ Москвѣ (Фаустъ, соч. Гете).
- 8) **А. А. Цыбалъ**, 3-я Мѣщанская ул., д. Соколова, въ Москвѣ (Исторія Искусствъ, Гнѣдича).
- 9) **Г-на Морскаго**, Срѣтенка, Большая Московская гостин., № 26, въ Москвѣ (Соч. Майкова, 3 т.).
- 10) **П. О. Савичъ**, Морская часть, въ Кронштадтѣ (Разказы Лебедева).
- 11) **Н. П. Голяшина**, г. Елецъ, Орл. губ. (Соч. Майкова, 3 т.).
- 12) **Свѣднен. Влад. Недрова**, г. Яранскъ, Ятск. губ. (Въ Старой Москвѣ, Саліаса).
- 13) **Л. А. Добровлянскій**, Пѣжинская ул., д. 41, въ Одессѣ (Исторія Искусствъ, Гнѣдича).
- 14) **Е. Т. Шевлягинъ**, г. Коломна, Моск. губ. (Разказы Лебедева).
- 15) **М. Г. Сухова**, г. Ливны, Орл. губ. (Въ Старой Москвѣ, ром. Е. А. Саліаса).
- 16) **М. М. Кусакова**, село Толкачевка, г. Львовъ, Курск. губ. (Исторія Искусствъ, Гнѣдича).
- 17) **Эмиль Витте**, Хмѣльная, д. 62, въ Варшавѣ (Разказы Лебедева).
- 18) **Н. Левицкаго**, въ с. Лѣсничемъ, г. Ольгополь, Подол. губ. (Въ Старой Москвѣ, Саліаса).

Въ виду массы присланныхъ рѣшеній, издатель журнала *Нива* нашель возможнымъ увеличить количество премій для иногороднихъ г. подписчиковъ, и прибавилъ еще 2 экз. Сочиненія **А. Н. Майкова, 3 т.**, въ переплетахъ, и 3 экз. „Исторія Искусствъ“, **Гнѣдича**, тоже въ переплетахъ. Премія эти пали на рѣшенія слѣдующихъ лицъ:

- 19) **Миров. суд. В. К. Терскаго**, с. Больш. Коровино, г. Зарайскъ, Ряз. губ. (Соч. Майкова, 3 т.).
- 20) **А. Н. Шульженко**, Первая гимназія, г. Кіевъ (Соч. Майкова, 3 т.).
- 21) **Шт.-кап. Семенова**, 16 гренад. Мингрельск. полкъ, г. Тифлисъ (Исторія Искусствъ, Гнѣдича).
- 22) **Н. В. Пушарова** (Жандармск. полковн.), г. Черниговъ (Исторія Искусствъ, Гнѣдича).
- 23) **А. Н. Воскресенскаго**, Похвалинская ул., д. Дѣлкова, Нижн.-Новгородъ (Исторія Искусствъ, Гнѣдича).

Г. городскіе подписчики, на рѣшенія которыхъ пали преміи, благоволятъ пожаловать за получениемъ ихъ (подъ росписку) въ помѣщеніе конторы *Нивы* (Невскій, д. 6), а г. иногороднымъ подписчикамъ преміи высылаются почтою.

Затѣмъ остальныя вѣрныя рѣшенія получены отъ слѣдующихъ лицъ: **СПБ.:** В. В. Алексѣева, В. Андреева, М. А. Александрова, М. П. Алтухова, М. П. Афанасьева, В. Алексѣева, Архара, капитанъ А. Антоновича, А. О. Андреева, Е. А. Алексѣева, М. Агапова, Г. А. Александрова, К. Барцелла, Ф. Букинна, А. С. Баранова, Э. Э. Бодя, К. Н. Бончарова, А. А. Вѣлкова, А. М. Борисова, Благовѣщенскаго, Букковской, Ю. Г. Бесекерскаго, Волгува, В. А., П. А. Викторовъ, С. Васильева, М. А. Виноградова, П. С. Вѣтрискаго, Е. А. Вишневскій, Н. Ю. Ворожбыкина, С. А. Витовскаго, О. Генкера, Д. Н. Глазфельда, А. М. Гусятникова, Н. Граве, В. А. Гаврилова, Н. П. Григорьева, А. Гидреусъ, А. П. Григорьева, А. Е. Герцогъ, Е. Гамборфъ, Л. Гартманъ, П. М. Грошева, Н. Горайскаго, Н. В. Граве, А. Гусельникова, Дементьева, В. Дѣдова, Дюнеиъ, Дебольскаго, А. Долгова, А. В. Дюбуръ, Д. П. Деревина, Дылева, Добровольскаго, Н. И. Дмитриева, Н. Дѣдова, Н. Н. Елизова, М. А. Естугинъ, М. Ефимова, Егорова, А. Е. Заборовскаго, В. Зыбона, Г. А. Иванова, Изенбергъ, Д. С. Иванова, П. Ильява, Н. Юнгхесъ, В. Кеминица, А. К. Крисопольскаго, Г. Кондратьева, А. Кожанникова, А. Н. Корвинъ-Коссаковскаго, К. Купель, Козыровой, А. Калатъ, К. И. Каткова, Н. Карянова, В. Ш. Корникова, В. Комиссарова, В. С. Кроткова, Е. Козляникова, Н. Кузминой, Н. Д. Козловскій, Н. П. Кроткова, Е. Калмыковскій, М. Колоколовскій, Лебедева, А. Лейневичъ, А. Лерхе, Д. Лебедева, Л. А. Лембинова, П. Н. Дѣва, Н. З. Лебедева, Л. Лоренковичъ, А. И. Любимова, В. М. Лаговскаго, Ф. С. Матѣева, Р. И. Маравича, М. А. Молодой, А. Митропольскаго, Е. Г. Милевитъ, Г. Н. Мо-

квева, К. Н. Мавроди, А. Мелентьева, А. А. Маркъ, Я. А. Малашева, П. А. Мелникова, Н. П. Муханова, А. Мохова, Мѣняева, М. Д. Миромановъ, И. П. Москвитскаго, Н. Т. Николаева, П. Носкова, Т. Ф. Новакова, И. П. Николаева, О. Г. Недзвѣжскаго, Н. Я. Никитина, Нюманъ, К. К. Олдогрень, Пламенскаго, А. Петрова, А. П. Пестовскаго, Г. П. Парышева, А. А. Петерсонъ, А. Претгоръ, П. Е. Попова, М. П. Поварнина, В. Преображенскаго, Пономарева, Паульсенъ, Н. Петровскаго, А. А. Посилева, В. Н. Паптебеймова, А. В. Пѣшкова, В. В. Писковца, К. Рыквичева, Рейнгогъ, Н. Родичева, Рындина, М. Г. Романовскаго, А. Родныхъ, П. Д. Рачкова, Ситникова, П. Савельева, Сергѣева, П. П. Сазонова, Е. В. Сарычевъ, В. Д. Савинова, В. Смирновой, В. Страхова, Смыслевскаго, Семенова, Н. П. Семенова, В. Соколова, А. В. Савицкаго, М. В. Семенова, А. М. Свѣтлова, Н. М. Смирнова, В. Серебрянка, В. А. Смирнинскаго, А. А. Толочко, Тизенко, Г. П. Тушинской, Трушлевичъ, Г. В. Финиковой, Ф. В. Фомина, Ю. А. фонъ-Зассенъ, В. В. Ф. М. М. Федорова, В. Финишова, Ф. К. Фребергъ, Л. Хижинова, А. А. Чеколасова, П. Чистякова, В. В. Чунина, Н. Ф. Чуриловскаго, А. К. Ч., С. Чистоничъ, В. Шнеур, М. Шеллагина, В. Шапрай, Е. Н. Шапошниковой, А. П. Шпагалева, В. В. Эляна, М. Ф. Энгельсъ, Ф. К. Язвина, В. С. Федорова, Подписъ за №№ 38927, 74420, 34703, 42814. **МОСКВА—**А. Ф. Ахшарумовой, И. С. Андреева, В. П. Адлеропуло, В. Алексѣевой, Ф. Р. Бибичева, Бурцова, П. А. Булочкина, Бурхардъ, Бабушкина, А. Барановскаго, Н. В. Бакастова, А. Я. Вѣлоновича, Биб. I гренад. Арт. бригады, А. Вѣлодорова, поруч. Викторова, Введенскаго, С. Д. Владиславлева, Л. В. Власова, А. Воронцова, С. Е. Вукова, Е. К. Гориаго, А. Д. Губаного, С. А. Гамбуриева, Горичъ, А. О. Голубовскаго, Н. Дѣва, Н. К. Дѣкъ, П. И. Дешина, Н. Докучиева, В. П. Добровольскаго, В. Я. Егорова, Егорова, Кн. Енгальчева, П. Зорина, П. П. Знаменскаго, П. Игнатьева, А. П. Иванова, П. И. Игнатьева, П. И. Ильяшкова, Н. А. Илатова, Н. П. Каневскаго, Б. А. Калдуновскаго, А. К. Ч., С. Кельбереръ, С. А. Крюкова, Куманина, Н. Кедрова, А. А. Котова, П. П. Китаева, С. О. Кавина, В. И. Колгушкина, С. П. Котова, С. П. Калабашкина, Китаева, П. И. Кулакова, Л. И. Леонтьевой, П. О. Лосницкаго, М. Лопухиной, А. Лопухина, М. Ласковскаго, Н. Масникова, Н. В. Матвишова, Е. М. Михайловской, Я. Никольскаго, П. А. Норбекова, М. В. Обухова, подполк. Осѣлка, К. Я. Оральниковъ, С. П. Потаповой, А. П. Петрова, М. М. Писарева, Д. С. Потемкина, К. Ю. Ромеико-Гурко, Суслова, А. Сурина, А. П. Селитриникова, П. П. Старова, Е. Н. Ситникова, М. Д. Скуратова, А. В. Сидорова, В. О. Сирькова, М. К. Сисалина, В. М. Сухамель, В. П. Тихомирова, М. Н. Танненберга, Н. В. Талицкаго, Т. Троицкой, Н. А. Ушатина, С. Н. Успенскаго, В. В. Фрейманъ, Холзинцева, Т. Цирцъ, В. П. Циркульниковой, В. Я. Цингера, П. Черникова, А. Шорина, М. И. Шапова, **Александровъ—**Н. А. Алѣевскаго, Н. П. Красавина, П. П. Дмитриева, **Арзамасъ—**А. М. Чеченова, К. П. Скобллина, Н. П. Николаева, П. А. Суворова, Т. А. Кошова, **Архангельская—**В. Казачева, **Бараново—**Н. П. Макарова, **Бахчисарай—**М. М. Дремакъ, **Березна—**А. М. Букова, **Бологое—**В. П. Петерсонъ, **Болховъ—**Н. Е. Соломо, **Брестъ—**поруч. Шварцскаго, **Верхотушанна—**П. В. Медвѣдева, Т. М. Новикова, **Варшава—**подпор. Бикова, подпор. Грибергъ, Н. Колесникова, М. А. Дормьянъ, Д. И. Чаплина, Г. Витте, Г. В. Набокова, **Верховское—**свящ. Р. Колосова, **Вильно—**свящ. Н. Изякина, **Витебскъ—**подпор. Школовца, **Владивавзавъ—**П. И. Богданова, **Владимиръ—**Е. П. Райской, **Вологда—**В. Соболевской, А. А. Александрова, П. Д. Колосова, А. А. Витусинниковой, М. Протогенова, П. Д. Зубовой, **Воронежъ—**Г. Г. Лѣвнева, В. Золотарева, Н. А. Андрѣва, Н. Е. Агафонова, К. А. Рогова, М. М. Волковича, А. А. Ключкова, А. А. Кюи, К. А. Савина, **Возовая—**Г. П. Лаппа-Старженецкаго, **Вятка—**Столбова, **Гатчино—**Шаронъ, Н. Шлякова, г-жя Мео, **Давыдовъ—**О. П. Алексѣевой, **Динабургъ—**Н. П. Жуковскаго, **Дросново—**Е. Ф. Софоровой, **Дурновская—**А. М. Смирнова, **Екатеринославъ—**А. М. Твороскаго, Гамазурди, М. П. Сосновскаго, А. Г. Овчинникова, В. П. Логвиненко, Н. М. Боблевскаго, В. Ф. Чешонова, А. С. Щероной, **Елецъ—**М. Э. Гузайновой, Н. А. Москалева, М. Валуйскаго, М. М. Никольскаго, П. Е. Дмитриева, И. В. Макарьева, Н. П. Касаткина, Бортошевца, Д. Ф. Качкина, О. Н. Недокулаевой, **Елисаветградъ—**А. М. Шапошниковскаго, **Елисаветполь—**Регинъ-Когоникой, **Елифанъ—**Г. К. Оволова, **Ефремовъ—**И. С. Сахарова, С. Рабинина, В. А. Кузнецова, свящ. М. Мерцалова, **Задонскъ—**А. М. Чашкова, **Измаилъ—**П. Залудинскаго, **Казань—**Ф. И. Леонова, В. М. Суханова, В. П. Раузовскаго, Г. Г. Терезуловскаго, **Казань—**П. А. Федорова, Е. П. Липиной, В. П. Фалькъ, Я. Л. Громова, кн. маг. Мисиниковъ, М. М. Курбатова, П. П. Снагскаго, **Касторное—**В. В. Гельманна, **Калезинъ—**А. Я. Труновой, **Нашинъ—**М. С. Доманной, С. Стратоничкой, **Нивъ—**О. Н. Орловой, А. И. Толпыгинъ, К. М. Акифьева, Р. М. Семеновъ, М. В. Орябинской, К. В. Суходольскаго, Л. О. Анте, А. Фрѣва, генер. Гамазля, Н. Е. Сафина, В. В. Бѣльева, А. Ф. фонъ-Руктемель, О. П. Роговъ, **Кишиневъ—**М. П. Потапова, М. С. Свядковскаго, Копорскаго, А. Сахаровой, Л. Сувака, **Климовна—**бар. Штемель, **Ново—**А. Э. Бауртлевъ, В. В. Соколова, В. К. Верещаниной, **Колонтаева—**Д. Д. Ермакова, **Коломна—**В. Е. Симановскаго, Е. Папина, А. А. Шукшиной, **Кострома—**Вѣбл. почт. телегр. к-ры, А. Ф. Чувиловича, Н. П. Стайновскаго, **Кременчугъ—**Е. Пестеренко, **Кронштадтъ—**К. Н. Васильева, Алшьева, Кроткова, О. П. Огородниковой, **Курскъ—**Ф. Ф. Мальцова, № 72, 107, М. П. Кузьмина, **Кѣльцы—**В. А. Колеснъ, **Ланцевъ—**П. А. Ашихминой, **Лебедина—**М. С. Дояренко, **Лебедина—**В. П. Чурилина, **Ливны—**П. П. Головина, В. Н. Злобина, **Ломжа—**Д. В. Телтова, **Львовъ—**М. Дьяконова, М. П. Вашиускаго, **Лоблино—**В. Недумова, **Меленки—**К. Н. Леонкиевича, **Михайловъ—**А. П. Давыдова, **Могилевъ—**Е. Папина, **Немировъ—**В. Я. Мюнчинскаго, **Нижній-Новгородъ—**Островскаго, А. В. Олигеръ, Л. А. Веселовой, В. А. Знаменскаго, А. А. Штормера, О. В. Кривоной, Н. К. Попова, С. Ф. Цитаринскаго, **Николаевъ—**С. Беклемешовой, Г. И. Кордаца, Н. Колева, Л. П. Бѣлянина, **Новая Чигла—**С. С. Шкаринъ, **Новгородъ—**Рудольфа, Н. К. Кузьмина, Ф. Я. Богданова, **Новгородъ-Сѣверскій—**Л. Г. Бакуревичъ, **Новоржевъ—**А. П. Соловскаго, А. П. Чуйкиной, **Нѣжинъ—**В. П. Курчискяго, Е. А. Черноусова, М. К. Фальковскаго, **Одесса—**М. М. Рувачинскаго, О. Штегеръ, Н. Н. Драго, **Ораны—**П. А. Кузиной, **Орель—**Т. М. Красной, Н. И. Григорьева, О. Ратковской, А. Вапинова, В. Н. Мальчикова, В. Э. Ромеръ, Н. Б. Бахтина, А. А. Шуговой, **Бойermaнъ, Оренбургъ—**П. М. Миронова, А. Н. Илинской, **Пенза—**Ш. М. Мурачина, М. А. Шукина, А. Н. Панафутина, М. И. Роговскаго, Е. П. Шиберъ, Н. А. Цельсова, С. Н. Моткова, Д. И. Полякова, П. Н. Хвостова, **Пермь—**Н. А. Валеріусъ, **Песоченскій заводъ—**П. Тарбѣевой, **Петергофъ—**А. С. Майонтова, А. Г. Ушакова, В. П. Алексѣевскаго, А. М. Лямаренко, **Пинскъ—**И. П. Ильиниченко, **Плоцкъ—**А. И. Зологова, **Погар—**Синицкой, А. К. Рогова, **Подольскъ—**Е. А. Андреевой, Н. Р. Мальцева, **Полтава—**М. В. Поповой, **Праншынъ—**П. И. Янова, **Прилуки—**Н. Россойковскаго, **Путявлъ—**Н. А. Мальченка, **Пятигорскъ—**поруч. Климова, **Родники—**В. М. Красильникова, **Ростовъ на Дону—**С. П. Шукина, Ф. И. Мальцина, **Рыбинскъ—**Д. П. Фирсанова, генер. Велучко, **Рязань—**П. А. Кутукова, В. А. Дюзинъ, Н. Щетниковъ, **Самара—**А. С. Лямина, Н. П. Виноградовой, Е. Ф. Кони, О. Г. Аксакова, **Саратовъ—**Е. Д. Коваленковой, **Сердобскъ—**В. А. Черкаева, **Серпуховъ—**Н. Михайлова, А. Бочарникова, А. Селезнева, М. А. Левинскаго, **Сестрорѣцъ—**П. Е. Дмитриева, **Симбирскъ—**А. В. Пожарскаго (по телеграфу), О. И. Барановича, **Свирица—**И. Индольскаго, В. П. Павловича, **Смоленскъ—**Н. Е. Энгельгардта, Н. Тимошинскаго, В. Рачинской, **Сосница—**В. Колоколовской, **Спасная Полисть—**В. П. Булаева, А. А. Мадлевича, **Старій Осноль—**П. Волчанскаго, А. П. Сидѣева, **Сумы—**И. А. Зайцева, **Тавастгусъ—**шт.-кап. Молчанова, поруч. Шлюсса, **Таганрогъ—**М. И. Жеромова, С. П. Блзской, **Тамбовъ—**А. Гоморской, Л. Н. Алексѣева, Гикеля, Е. Ф. Бойковской, М. Ф. Прозорова, П. П. Зюварева, Ф. С. Мизеровскаго, **Тверь—**поруч. Семашко, А. Н. Николаевой, З. М. Назаровой, Я. Н. Петровналовскаго, Оскара, Л. П. Никифорова, **Ст. Тверь—**С. Малишниковъ, **Тифлисъ—**Л. Е. Пригара, К. И. Фаре, Н. П. Смиттенъ, **Синзвугъ-Ждановича**, шт.-кап. Луккина, **Офицеровъ 152 вѣх. Владк. и.**, подпоруч. Семенова, Шмакова, Л. Кобиевой, поруч. Ловентъ, Ш. К. Сталяшкова, Е. О. Калышниковъ, **Торжокъ—**Н. Н. Вавулина, Бѣльева, Тула—Е. С. Томашевича, Н. Д. Фортунатова, А. Е. Лебедева, **М. Тульчинъ—**Ф. Добрянскаго, **Усмань—**Ф. Корѣева, **Фатежъ—**ютар. Антропова, **Харьковъ—**В. Ф. Домбровскаго, **Черное Село—**Действ. Петрова, **Череповецъ—**Т. Ф. Фадѣева, А. С. Сухова, Е. И. Липина, **Черниговъ—**Токарева, О. Н. Вербицкой, Ф. К. Лайко, Н. И. Подгорскаго, В. Е. Лавровскаго, поруч. Шлегель, К. П. Ходотъ, А. И. Мезенцова, **Щацкъ—**А. А. Тюженева, **Шуя—**С. А. Шекодина, **Зрянскъ—**Н. Памятовскаго, **Ярославъ—**И. П. Никольскаго, **Велосія—**подпол. Афанасьева.

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №.№., просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1890 года, такъ какъ

Городская почта послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

СОДЕРЖАНІЕ: Евгѣнія Туръ (съ портр.). — Барыни-крестьянки. Историческій романъ графа Е. А. Салиаса. Часть II. (Продолженіе). — Дворяншна, Разсказъ Н. Станицкаго. — Животная и растительная жизнь вѣчныхъ снѣговъ. — Къ рисункамъ: Посѣщеніе Ломоносова императрицею Екатериною II (съ рис.). — Гуцулы на охотѣ (съ рис.). — На поискахъ за счастьемъ (съ рис.). — Джоржоне (съ рис.). — Наткнулись на лося (съ рис.). — Дельфины-носатки нападающіе на кита (съ рис.). — Станлей и Зиннъ-паша (съ 2 портр.). — Новый зерноподъемъ (элеваторъ) на СПБ. морскомъ каналѣ (съ 2 рис.). — Новый храмъ во имя Покрова Богородицы въ селѣ Покровскомъ (Новгородской губ., Крестецкаго уѣзда) (съ рис.). — Отраженія трехъ челоѣвъ въ трехъ зеркалахъ (съ рис.). — Полятическое обозрѣніе. — Библиографія. — Разныя извѣстія. — Съѣзды. — О подпискѣ на „Ниву“ 1890 г. — Рѣшеніе ребуса-шарада на премію. — Объявленія. — При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСІЯ МОДЫ“ за ДЕНАБРЬ 1889 г., съ 31 рис. и отдѣльный листъ съ 30 чертеж. выроекъ въ натур. величину и 27 рис. руководѣльныхъ работъ.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Сибирекій Торговый Домъ „БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“

въ Москвѣ,

контора и главный складъ на Малой Дмитровкѣ, въ д. Алексѣевой,
доводить до свѣдѣнія гг. покупателей, что съ 20 ноября сего года
поступили въ продажу

ВЯТИНСКІЕ ЧАИ

развѣшанные подъ надзоромъ таможеннаго контролера и оклеенные
установленной Правительствомъ таможенной бандеролью.

Цѣны отъ 1 р. 40 к. до 3 р. за фунтъ. Оптовымъ покупателямъ
дѣляется уступка 15% со всѣхъ сортовъ. Прейсъ-куранты по требо-
ванію высылаются безплатно. П. № 4184 2-1

УПРАВЛЕНІЕ

НЕВСКОЙ НИТОЧНОЙ МАНУФАКТУРЫ

доводить до свѣдѣнія гг. торговцевъ и потребителей, что поступила въ продажу

ШВЕЙНАЯ БУМАГА НА КАТУШКАХЪ

матовая и глянцевая, и эластичностью въ самомъ скоромъ времени будутъ выпущены пунцовая, цѣтныя нити и кроше.
качествомъ, крѣпостью нитки АНГЛИСКИХЪ фирмъ.

СКЛАДЪ у Германа Любимовича ШТЕКЕРЪ,

ГЛАВНАГО АГЕНТА для Москвы, южныхъ и центральныхъ губерній, Кавказа и
Азиатской Россіи. № 4157 3-2
Адресъ: МОСКВА, Старый Гостинный дворъ, №№ 46—48.

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛІЯКЪ (Жиронда) Франція.
Находится во всѣхъ аптекахъ, косметическихъ лавкахъ и розническихъ ма-
газинахъ.

ПРО ЧТО ШЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Шилластена. Съ портретомъ и биогра-
фіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

НА ПАРИЖСКОЙ ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКѢ
1889 ГОДА ПРИСЖИЗЛЕНА

СЕРЕБРЯНАЯ МЕДАЛЬ,

за отличное качество стальныхъ издѣлій и садовыхъ инструментовъ

ПРИДВОРНОМУ ПОСТАВЩИКУ

ЗДУАРУ ОСИПОВИЧУ БРАБЕЦЪ,

Москва, Столешниковъ переулокъ, домъ № 4.

№ 4180

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, свѣдѣтъ при покупкѣ
требовать № 4053 9-3

Eau de Lys de LOHSE.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный Парфюмеръ

46. Jägerstrasse, Berlin.

Можно подучить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Произведенія моей фабрики удостоены на Парижской Всемирной
Выставѣ

♦ БОЛЬШОЮ СЕРЕБРЯНОЮ МЕДАЛЮ. ♦

Подробный иллюстрированный преісъ-курантъ часовъ моей
фабрики высылается по требованію безплатно. № 4089
С. Петербургъ, Невскій пр., д. № 23.

Москва, на углу Кузнечкаго моста и Рождественки.

ПАВЕЛЬ БУРЕ

Поставщикъ Двора Его Величества.

РЕБЕНОКЪ МОЖЕТЪ ТЕПЕРЬ

СНИМАТЬ ФОТОГРАФІИ.

Для мальчиковъ подходящий Рождественскій
подарокъ

ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ

съ печатнымъ или устнымъ объясненіемъ спо-
соба употребленія, отъ 10 рублей.

Каждая дѣвочка, безъ малѣйшихъ познаній
о живописи, можетъ искусственнымъ способомъ
раскрашивать фотографическіе портреты по-
средствомъ хроматографии.

Полный наборъ отъ 7 рублей.

MULTICOLOR

Аппаратъ посредствомъ котораго большіясто
дамъ изготовляють, по приложеннымъ шабло-
намъ, совершенное подобіе

ЖИВОПИСИ НА СТЕКЛѢ.

Полный наборъ матеріаловъ въ цѣнѣ . . . . . Р. С. 10.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ,

В. № 4185 2-1

Складъ фотограф. принадлежн., у Казанскаго м. въ ходѣ съ Екатерининск. кан., № 30/1а.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!

Фаустъ и Мефистофель въ погребѣхъ Адураха. Образецъ гравюры на мѣди (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте

Издание А. Ф. МАРКСА:
Новое большое роскошно иллюстрированное издание in folio сочинения

ГѢТЕ

„ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю вѣтвями гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА, исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Классически образцовый переводъ А. Фета не только передаетъ слово въ слово оригиналь прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору издателя „НИВА“, СПб., Невскій пр., № 6.

КУРСЫ КРОЙКИ И ШИТЬЯ ПЛАТЬЕВЪ

по французскому методу, преподаются въ мѣсяца за 20 руб. съ выдачею свидѣтельства. Приемъ ученицъ ежедневно, кромѣ праздничныхъ, отъ 11 ч. у. до 5 часъ вечера. Офицерская, д. 22, кв. 13.

Руководство къ изученію практич. ФОТОГРАФІИ. Для начин. и любителей. Изд. третье, перераб. и значительно дополненное. И. Карпова, Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. СПб. Загородный пр., д. кв. 3, И. И. Карпову, а также во всѣхъ значит. фотогр. и кни. магаз. № 4190

МѢДНО-КОТЕЛЬНОЕ, ЛИТЕЙНОЕ И МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Николай Александровича Курбатова, въ городѣ Устюжѣ, Новгородской губерніи. Непрерывно - дѣйствующіе винокуренныя аппараты, виноочистительныя аппараты новейшей конструкціи, ректификаціонныя аппараты. Паровые и для привода. Бражные и водные насосы, краны, золотники, арматуры и проч. имѣются готовые при заведеніи. Заводъ изготовляетъ быстро и аккуратно. Цѣны умеренныя. Слѣзны, планы и чертежи высылаю по первому требованію. 5-3

МОЛЬДАКОТЬ

Усовершенствованная англійская парманная двухниточная швейная машина СЪ КОЛЕСОМЪ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ. „Мольдакотъ“ съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ нераспарываемымъ швомъ, какъ самая токая, такъ и самая толстая матерія, равно кнѣ и кожу. „Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ, равно какъ и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Всѣмъ она около фунта. Цѣна въ картонѣ 10 р., въ полиур. орѣхъ, шитѣй 11 р. 25 к., пересылка 75 к. Въ Азіатскую Россію за 4 фунт. Главный складъ въ Москвѣ, въ истрабуажномъ магазинѣ „Полиграфъ“, Мясницкая, д. Ермаковскихъ. № 4196 ! НАИЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ !

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ромъ этого обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софій. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнкор. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

СЕМЬ РАЗЪ УДОСТОВЕРЕННЫХЪ НАГРАДЪ. СКРИПКИ.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 11—50 мар. Футляры 3 1/2—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Въ духовые инструменты. Нѣмая скрипка для ученія (собств. изобрѣт.). Мастерская для починковъ. Рекомендация отъ Вильгельми, Саратеи, Соры, Зингера и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куррантъ безплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ. Фабрика струнныхъ инструментовъ. Ц. № 4121 Врейцнахъ. 9-3

РАЗРЕШЕННЫЙ КАДЕССЕ ВРАЧЪ ТОВАРЪ ПЛАСТЫРЬ ПРОЗИВЪЗОРЪ 8. И. ШЕПФЪ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНІЯ МОЗОЛЕЙ БОРОДАВОКЪ ЦѢНА 85 КОП. МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ АПТЕКАХЪ, АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ, МАКАНИКАХЪ ОБЫЧН. И РЕЗИНОВ. ИЗДѢЛІИ. Выпасающіеся не менѣе 3-хъ педальчиковъ, пересылка безплатно, торговщамъ значительная уступка.

Главный складъ у изобрѣтателя, провизора О. И. Шеффа, въ Москвѣ, Нахроміе пруды, д. Британна. Ц. № 4182 10—1

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА П. М. ГРИНВАЛЬДТЪ
въ С.-Петербургѣ
ПЕРЕВЕДЕНЪ НА НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.
Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101
Участіе на Всемирной Парижской Выставкѣ 1889 года „ВНѢ КОНКУРСА“
Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

ЭЛЕОПАТЪ 1880 ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ 1890 въ употребленіи. 1890
Средство противъ перхоти головы. ПОЛУЧИТЬ МОЖНО ВЕЗДѢ.
Цѣна флакона 1 рубль 50 коп. № 4197 (1) Пров. КИПУНЕНЪ.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.
Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. Изд. 1-е. СПб. 1888 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

Поступило въ продажу у книгопродавцевъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА: **Приключенія контрабандиста.** С. Верисофера. Романъ для юношества въ двухъ частяхъ: I. Среди контрабандистовъ. II. Походъ въ Россію въ 1812 году. Съ 10 иллюстраціями. Цѣна 1 руб. 50 коп., въ пятокъ — 1 руб. 75 коп., въ переплетѣ — 2 руб. 25 коп. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ Н. Луковникова. (Спб. Таштукъ пер., 2). Мѣ. № 4201
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 1-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Для ФОРТЕПИАНО

въ 2 руки рекомендую методъ первоклассныхъ авторовъ и лучшихъ народныхъ, въ превосходномъ переводе И. Нагеля, общедоступномъ по степени трудности всѣмъ играющимъ на фортепиано, въ коллекції **"Vocalis de goses"**, отдѣльными піесами к. т. Буртинский, Херувинская, 25 к. Гуно, Серенада, 40 к. Варламовъ, Ангель, 40 к. Денцъ, Любля-бъ я, 25 к. Бизе, Габанера изъ Кармена, 25 к. Брага, Серенада, 40 к. Среди долины ровныя, 40 к. Цибульна, Чудный уголокъ, гавоть, 40 к. Нушелевъ-Безбородно, Тебя здѣсь нѣтъ, 40 к. Махотинъ, Походилъ милый другъ за меня, 25 коп. Штрауусъ, Дуэтъ изъ Циг. барона, 25 к. Даргомынский, Разстались мы, 40 к. Фора, Стисихъ, 40 к. Гурилевъ, Матушка голубушка, 25 к. Гуно, Весно, 40 к. Витгофъ, 25 к. Зорина, Воспоминаніе, 40 к. Рубинштейнъ, Желаніе, 40 к. Вальсъ-фантазія изъ циг. піесенъ: Конавала, Ты мое сердце и душа и Праздничкомъ свѣтлымъ, 40 к. Гумбертъ, Прошу васъ итти обоимъ, 40 к. Ротшильдъ, Забѣлъ стоице предо мною, 25 к. Глинна, Въ крови горитъ огонь желанья, 40 к. Понциолли, Дуэтъ изъ Дюкюнди, 25 к. Бизе, Піеса тирольская изъ Кармена, 40 к. Вальтеръ, Лабелина піеса и свадебное шествіе изъ Донжигана, 40 к. Гуно, Жизнь уныбала, изъ Фауста, 25 к. Ганья, 25 к. Вагнеръ, Вечерняя звезда, изъ Тангейзера, 40 к. Пейель, Озеро свитъ, 25 к. Вальсъ-фантазія на циг. піесенъ: Слышите если хотите, Для меня ты все и я помню отгадку, 40 к. Ренаръ, Колыбельная піеса, 40 к. Всѣ 31 піеса продается отдѣльно. Имѣть онѣ стоятъ 10 руб. 60 коп. Пг. многогороднымъ выписывающимъ переслать, ственно отъ издателя, музыкальнаго магазина **К. ЛЕОПАСА**, С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 80, высылаются по почтѣ и съ наложъ прилагаемо въ 31 сочин. за пять руб. № 4188.

При Конторѣ изданія „Русскаго Нурьера“ имѣется на складѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ недавно появившійся въ свѣтъ уголовный романъ сочиненія В. ЮМА:

„ТАЙНА ГАНСОНЪ КЭБА“.

Романъ этотъ разыгрался въ городѣ Мельбурнѣ (въ Австраліи) и разошелся въ 300,000 экз. Печатался въ „Русскомъ Нурьерѣ“. Цѣна: съ пересылкой на города—1 р. въ Москвѣ—75 к., для торговцевъ обычная уступка. Для подписчиковъ „РУССКАГО НУРЬЕРА“ по 75 коп. съ пересылкою. Книга заключаетъ въ себѣ 426 страницъ. Продается во всѣхъ известныхъ книжныхъ магазинахъ, лавкахъ и на станціяхъ жеззныихъ дорогъ. № 4114 10—6

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

(съ приложеніемъ картъ и рисунковъ)

подъ редакціей

профессора И. Е. Андреевскаго

(въ XVI—XVIII томахъ) поступилъ въ продажу съ будущаго 1890 года. Въ первый томъ выйдеть въ свѣтъ пять полутомовъ (каждый въ 30 печ. листовъ 480 страницъ) устроенной печати, а все изданіе предполагается окончить въ пять летъ. Первый полутомъ будетъ вынущенъ въ **сентябрѣ 1890 года.** № 418

Цѣна за полутомъ въ планшомъ переплетѣ—три руб.

Желающие получить означенное изданіе съ благоволеніемъ прислать свой адресъ въ контору редакціи, при **Семеновской типографіи**, С.-Петербургъ, Фонтанка, 84.

Чай съ казенной бандеролью

собственной выписки изъ Китая, развѣшанные подъ наблюденіемъ контролера Департамента Таможенныхъ сборовъ, поступили въ продажу въ магазинахъ торговаго дома **Р. № 4192**

„МОСКОВСКІЙ МАГАЗИНЪ БРАТЯ ПОПОВЫ“

въ С.-Петербургѣ: 1) Невскій пр., № 18, у Полицейскаго моста, 2) Литейный пр., № 26. д. Мурузи, 3) Надетская линия, № 7. 4) у Нашиха моста. д. Петровыхъ, и въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, домъ Санъ-Галли.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ НА 1890 ГОДЪ.

Въ Москвѣ съ доставкой:	На города съ пересылкой:	За границу:
на 12 мѣс. 10 р. — к.	на 12 мѣс. 11 р. — к.	на 12 мѣс. 18 р. — к.
6 — 5 — 50	6 — 6 — —	6 — 9 — —
3 — 3 — —	3 — 3 — 50	3 — 4 — 80
1 — 1 — 30	1 — 1 — 50	1 — 1 — 90

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“ будутъ выходить еженедельно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежние. Пг. подписчикамъ благоволеніемъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москвѣ, въ контору редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“, Чарынинскій переулокъ, близъ Пискаревской, д. № 7. № 4188 3—1

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“ 1890 Г.

съ гравированными портретами замѣчательныхъ русскихъ людей.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ годъ изданія. Цѣна **ДЕВЯТЬ** рублей съ пересылкой. Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. ЦИНЗЕРЛИНГА** на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиного двора. Въ Москвѣ подписка принимается у **Н. И. Мамонтова** на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7.

Подписки на „Русскую Старину“ 1890 года получаютъ за **ОДИНЪ** рубль (вмѣстѣ 4 руб.) книгу: **Альбомъ портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, жизни и успѣховъ**, каковая книга немедленно высылается по требованіямъ.

Печатается **ЧЕТВЕРТЫЙ СБОРНИКЪ** гравюръ „Русской Старины“. Гравюры исполнены на мѣди профес. **И. П. Пожалостинимъ** и художникомъ **Ф. А. Мѣринимъ**. Сборникъ этотъ высылается подписчикамъ „Русской Старины“ на 1890 г. за **ОДИНЪ** рубль, для прочихъ лицъ цѣна альбома **ЧЕТЫРЕ** руб.

Кромѣ того можно получить за **семь лотовыхъ марокъ** или 49 коп. превосходно напечатанный въ Парижѣ большой (24 аршина высоты) портретъ императора **Александра II**, гравированный въ 1866 году академикомъ **Сѣриновъ**, удостоенный за этотъ, вполнѣ художественный, трудъ званія гравера Его Величества. Портретъ высылается въ картонномъ сверткѣ, вполнѣ бережно.

Открыта подписка на „Русскую Старину“ изд. 1890 г., цѣна **ДЕВЯТЬ** руб. съ перес. № 4187 Над.-ред. Мих. Ив. Семеновскій.

Открыта подписка на 1890 годъ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ДЕНЬ“

Въ слѣдующемъ году газета „День“ будетъ выходить еженедельно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, въ количествѣ **360** выпусковъ въ годъ. Повѣсти, рассказы и очерки будутъ помещаться въ газетѣ два раза въ недѣлю въ формѣ приложенийъ, съ особымъ счетомъ страницъ; изъ нихъ составится въ годъ **12** книжекъ.

Въ программу входятъ всѣ обычные отдѣлы ежедневныхъ изданій, а именно: передовыя статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ заграничн. жизни; живія печати, фельетонъ—рассказы и очерки, стихотворенія; журнальное обозрѣніе, критика и библиографія; научное обозрѣніе; письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская хроника; московская хроника; провинціальная хроника; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новомъ книгкахъ; биржевой указатель; торговля новостія; объявленія.

СОТРУДНИКИ: М. Н. Альбовъ, А. А. Бахтаровъ, В. В. Бирюковичъ, К. Гогоровъ, проф. А. А. Покель, А. Каренинъ, Н. С. Кропоткинъ, А. В. Кругловъ, Н. С. Лѣсковъ, К. П. Мельвѣдскій, В. В. Стасовъ, А. Г. Сахарова, М. М. Филипповъ, К. М. Фофановъ и др.

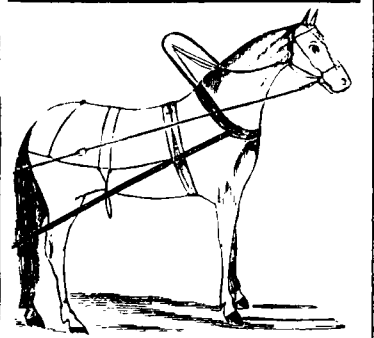
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ пересылкой: на годъ—5 руб., на 8 мѣс.—4 руб., на 6 мѣс.—3 руб., на 4 мѣс.—2 руб., на 2 мѣс.—1 руб., на 1 мѣс.—60 к. За-границу на годъ—10 руб. При годовомъ подпискѣ доукается разсрочка: къ 1-му Января—2 р., къ 1-му Апрель, 1-му Юня и 1-му Августа—по 1 руб. Отдѣльные №№ по 3 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: по 10 к. за строку нетита (35 буквъ). № 4187 2—2

АДРЕСЪ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Преображенская, 4. Редакторъ **И. В. Скворцовъ**. Издатель **А. А. Греевъ**.

„ЛИПНИГЪ“ и „ГОЗНИГЪ“

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“ № 2405

Полная одиночная горючка или бѣглов. упряжь съ бѣл. или томпак. прибор. и неможающаея дугой. Самаго новѣйшаго рисунка, очень вырядная, прочная и изящная 30 р. съ металл. подвѣск. съ вѣткою къ уздечкѣ 33 р. перес. по жел. дор. 3 р. Почтою за 32 ф. Фабрика М. и И. Малишевскихъ Саратовъ.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
Невскій, 57, собств. домъ, Покупаетъ всѣ % бумаги. Судитъ подвѣ всѣ % бумаги. Страхуваніе иммигрантъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3925 Также нуженъ вѣрные съ постоянными мѣстами жительства **АГЕНТЫ**. Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
собр. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ: съ 3 недѣлями по 4 р. и 4 р. 50 к. „7“ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей Самыя легкія инструменты для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время продамъ многиа тысячи. За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт. **И. Ф. МЮЛЛЕРЪ** Москва, Петровка, домъ Волкова. Иллюстр. пресей-куртанъ въ всѣхъ инструментахъ бесплатно. (16) Ц. № 3864 Торговцамъ дѣлается скидка.

! НОВОСТЬ !
Піано-Мелодико, малейшій ручной роля; новѣйшій музыкальный инструментъ. Піано-мелодико имѣетъ 54 струны, объемъ въ 3 октавы, резонансовая дека и полная металлическая рама. Механизмъ и конструкция самыя прочныя. Звукъ его сильный и приятный. Піесамъ можно исполнять: какъ увертюры и арии изъ оперъ, такъ и танцевальныя въ ихъ цѣлости, такъ какъ ноги на прочной полированной половѣ. Піано-мелодико имѣетъ приспособленіе для игры forte, piano, tremolo, crescendo, decrescendo. Ц. 4174 4—2
Цѣна съ приложеніемъ 11 метровъ нотъ 100 руб. Ноты различной длины за мѣтръ 90 к. или за арш. 65 коп. Каталогъ нотъ бесплатно. Въсѣхъ въ упаковкѣ 2 пуда. **И. Ф. МЮЛЛЕРЪ**, Москва, Петровка, домъ Волкова.

ОСКОЛКИ

Подъ редакціей **Н. А. Лейкина**. Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ большаго формата съ нарисовками (въ краскахъ и чернилахъ). № 4199 3—1

52 ММ въ годъ: до 800 рисунковъ, до 1300 статей; ребусы, шарады, загадки на премию.

Всѣ **ГОДОВЫЕ** подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ:** новую книгу **Н. А. Лейкина**

„ПОДЪ ОРѢХЪ“

сборникъ рассказовъ, въ изданіи изданій, съ художественными **ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ**. Цѣна за журналъ: на годъ съ перес. и дост. 9 р., на годъ безъ перес. и дост. 7 р., на полгода съ перес. и дост. 5 р., на полгода безъ перес. и дост. 4 р., на три мѣс. съ перес. и дост. 3 р.

◆ На пересылку премій казенною бандеролью гг. иногородные подписчики благоволятъ высылать 28 коп. деньгами или почтовыми марками.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ, въ Троицкой ул., д. № 18—20.

Редакторы-издат.: **Н. Лейкинъ** и **Р. Родикъ**.

РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА

еженедѣльное изданіе. Москва, Милая Дмитровка, д. Алексѣева. ◆ Совѣты, рецепты и указанія, изданія и описанія новостей по всѣмъ ремесламъ и некраннымъ техническимъ производствамъ, со множественными рисунками и рабочими чертежами (въ текствѣ и на 100 особахъ листовъ) разныя новыя изобрѣт., инструменты, станки, машины и всякія полезныя приспособленія для мастеровъ и ремесленниковъ. Необходимое изданіе для техника, ремесленника, кузнеца, сельскаго хозяина, любителя ремесла и бѣла школы. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1890 г. 6 руб. въ годъ съ перес. и доставкой.** № 4181 одобрена Учен. Ком. Мин. Народ. Просв.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1890 годъ
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ
СЪ РАСКРАШЕННЫМИ КАРРИКАТУРАМИ
СВЕРЧОКЪ.

Потребность въ веселомъ чтеніи растетъ ежегодно, но русскіе юмористическіе журналы, при своей десятирублевой цѣнѣ, недоступны большинству публики; между тѣмъ за границей существуетъ много дешевыхъ юмористическихъ изданій, расходящихся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Сверчокъ принадлежитъ первыи созданію въ Россіи дешеваго юмористическаго журнала, доступнаго всѣмъ по цѣнѣ, живаго, веселаго и забавнаго по содержанию.

Отказавшись отъ общепринятаго, отжившаго свой вѣкъ литографскаго способа воспроизведенія рисунковъ, примѣнявши къ Сверчку болѣе усовершенствованные приемы, создавши кружокъ талантливыхъ артистовъ и каррикатуристовъ, редакция сумѣла придать каждому номеру Сверчка благородное сачетъ вкуса и изящества. Полная хорошо, что главнѣйшій интересъ и центръ тяжести всякаго юмористическаго журнала заключается въ рисункахъ, редакция Сверчка даетъ болѣе рисунковъ, чѣмъ любой изъ юмористическихъ журналовъ, стояющій въ три раза дороже, чѣмъ Сверчокъ.

То же вниманіе обращено и на текстъ, и читатель встрѣтитъ въ Сверчкѣ такое же бойкое перо какъ и карандашъ. Все это сдѣлало Сверчокъ самымъ любимымъ и самымъ распространеннымъ изъ всѣхъ юмористическихъ изданій въ Россіи.

Въ числѣ художниковъ Сверчокъ имѣетъ своими сотрудниками: Н. А. Богданова, Л. Порфирьева, А. И. Левитана, К. Н. Чичагова, Н. Чехова, А. Лабудзя, Ф. О. Шехтеля и мно-

гихъ другихъ. Портреты извѣстныхъ русскихъ дѣятелей исполняютъ для Сверчка въ Парижѣ извѣстный каррикатуристомъ Люкомъ. Сверчокъ, будучи самымъ дешевымъ изъ всѣхъ юмористическихъ изданій въ Россіи, даетъ 50 ММ въ годъ, изобилующихъ рисунками, каррикатурами и бойкимъ текстомъ. Каждый номеръ состоитъ изъ тетради въ одинъ печатный листъ и заключаетъ въ себѣ 10 колоннъ юмористическаго текста, состоящаго изъ хроникки событий недѣли, разказовъ, очерковъ, анекдотовъ, пародій, шутокъ, стихотвореній, острогъ и т. д. и отъ 10 до 12 раскрашенныхъ и черныхъ каррикатуръ, исполненныхъ всѣми способами, какіе даетъ намъ современное состояніе графическаго искусства.

Большой успѣхъ нашего изданія позволяетъ намъ въ 1890 г. дать своимъ подписчикамъ, кромѣ журнала, премію—большую олеографическую картину „АЛЬМЭ“ Зихельманъ, исполненную въ 30 красокъ—въ артистическомъ заведеніи Отто Гройчъ въ Берлинѣ. Премія эта превосходитъ всѣ олеографіи, которыя когда-либо выдавались подписчикамъ русскими журналами, и значительно больше и роскошнѣе прошлогодней преміи „Жемчужины Гарема“, имѣвшей громадный успѣхъ. Иногородные благоволятъ присылать на пересылку преміи по почтѣ **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

Чтобы дать нашимъ читателямъ возможность ознакомиться съ этой великолѣпной картиной, она будетъ выставлена во всѣхъ лучшихъ столичныхъ и провинціаль-ныхъ книжныхъ магазинахъ.

Подписная цѣна на журналъ „СВЕРЧОКЪ“ съ доставкой и пересылкой во всѣ города и съ **ПРЕМИЕЙ:**

3 р. въ годъ, 2 р. на 1/2 года, 1 р. на 3 мѣс.

Лица, желающія получить премію, прилагаютъ на пересылку ея 1 рубль.

Адресъ редакціи: Москва, Арбатъ, домъ Каринской.

Въ виду громаднаго требованія на нашъ журналъ просимъ подписываться заблаговременно.

Премія высылается гг. подписчикамъ въ порядкѣ поступленія подписки. Такимъ образомъ подписавшіеся заранѣе раньше другихъ получаютъ премію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НОВЫЙ
ОБЩЕПОНИТНО-НАУЧНЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
„НАУКА И ЖИЗНЬ“.

Журналъ будетъ выходить еженедѣльно (52 №№ въ годъ) съ 1-го января 1890 года по слѣдующей программѣ:

- 1) Общепонятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложенія наукъ къ практической жизни и промышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія.
- 2) Медицина (особенно гигиена), сельское и домашнее хозяйство, лѣсоводство.
- 3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библиографія.
- 4) Научныя игры и развлеченія; задачи; почтовый ящикъ.
- 5) Важныя рисунки, относящіеся къ тексту.
- 6) Объявленія.

Журналъ имѣетъ цѣлью дать чтенію полезное и въ то же время интересное для всѣхъ, сообщая новости научныя, техническія, промышленныя и т. д. Въ теченіе года предлагается дать отъ 250 до 300 иллюстрацій.

ЦѢНА: { съ пересылкой и доставкой на годъ . . . . . 5 р. — н.
 . . . . . полгода . . . . . 3 " — " —
 безъ пересылки и доставки на годъ . . . . . 4 " — " —
 . . . . . полгода . . . . . 2 " 50 " — }

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ редакціи журнала, въ конторѣ Н. Печковой, а также въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ.
АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Малая Дмитровка, д. Шильбахъ.
 П. № 4099 4—4 Редакторъ-Издатель Д-ръ М. Н. Глубоковскій.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Находится во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подлинку).
 съ 1858 г. Открыта подписка на 1890 г.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“

Журналъ даетъ въ годъ 200 картинъ красныхъ, всѣхъ родовъ живописи, нѣсколько иллюстрацій къ романамъ и повѣстямъ, массу каррикатуръ и 12 большихъ еженедѣльныхъ картинокъ—приложеній и иллюстрированныхъ

КАЛЕНДАРЬ.
 Всякій годовой подписчикъ на „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“ получитъ при подпискѣ—же премію—большую картину, исполненную масляными красками:

ИЗУВЪРЫ РАСКОЛА П. № 4198 4—1
(ВОЯРЫНЯ МОРОЗОВА у протопопа Аввакума).

За пересылку преміи, въ виду увеличенія почтагомоу пересылочной платы почты вдвое, гг. подписчики прилагаютъ одинъ рубль.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ въ Москвѣ безъ доставки съ преміей	6 р. с.
На пересылку преміи въ Москвѣ	1 р. 50 к.
На годъ съ пересылкой и доставкой во всѣ города	6 р. с.
На пересылку преміи во всѣ города	1 р. с.
На полгода въ Москвѣ безъ доставки	3 р. 50 к.
Съ доставкой во всѣ города	4 р. с.
На 3 мѣсяца	2 р. с.
За границу	8 р. с.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Зацѣльская ул., д. Щеглова, въ конторѣ Н. Печковой: Москва, Петровскія линіи, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и др. городовъ Россіи.
 Изд. П. Щегловъ.

„НЕДѢЛЯ“

„НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ *двухъ* изданій: *газеты*, выходящей разъ въ недѣлю (52 номера въ годъ), и *журнала*, выходящаго разъ въ мѣсяцъ (12 книжекъ въ годъ).

Годовое содержаніе *газеты* „НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ *шести* главнѣйшихъ частей: 1) обще-газетной, 2) политической, 3) научно-практической, 4) литературно-критической, 5) общественно-жизненной и 6) редакціонной.

Въ жемчужинахъ „КНИЖКАХЪ НЕДѢЛИ“ помѣщ. романы, повѣсти, бытовые очерки, путешествія, стихотворенія и вообще все, что можно назвать *беллетристикою*.

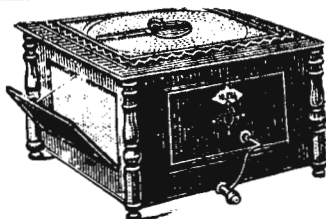
Въ „КНИЖКАХЪ НЕДѢЛИ“ 1889 г. напечатано, между прочимъ, слѣдующее: ВЪ СУТОЛОКѢ, повѣсть, и ДѢЛО И СЛОВО, разказъ Ф. С. Ступи. ПАРИЖЪ И ЕГО ВЫСТАВКА, шесть статей, и ЭКСКУРСІЯ КЪ ПОДЛИКАМЪ, двѣ статьи. В. А. Дѣдова. ДѢТИ ОТКАЗАЛИ, разказъ Ольги Шапиръ. ЛІЛИИ и др. стих. А. Н. Майкова. РАТМИРОВЪ, романъ Д. А. Мордочеева. ГОРОДЪ БУГОРСКЪ. I. Въ періодъ варварства. II. Въ эпоху дивизмаціи. Евгенія Маркова. ВЕЧЕРОМЪ и др. стих. П. И. Вейнберга. ОБИТАТЕЛИ СТЕ-

ПЕЙ. Разказъ изъ Астраханской жизни. У АНГЛИЧАНЪ и ВЪ ЦАРСТВѢ ФИНИКОВЪ и АНГЕЛОНИИ, очерки А. Н. Краснова. ИЛИЛИИ ВЪ СВѢТѢ, повѣсть С. Долганой. „О, СЫНЪ МОЙ“ и др. стих. Я. П. Полонскаго. БАБІЙ ГОРОДОКЪ, изъ пут. очерк. Л. Русина. БРАВИИ, стих. К. Н. Случевского. ПО ВРЕМЕНИ, и ГОЛОВА МЕДУЗЫ, разказомъ О. П. Руновой. ДОЛЖНА СНОВА и др. стих. К. М. Софанова. СТЕПНЫЕ СЛУГИ, очерки Е. И. Раевской. ВЪ ЭРМИТАЖѢ и др. стих. С. Г. Фруга. ОЩЕПЕНЕНЪ (Робертъ Лэзмеръ), романъ Гемфри Уарда. ПРІКЛЮЧЕНІЯ СТЭНЛИ, Адольфа Бюро, и проч.

Въ газетѣ „НЕДѢЛЯ“, кромѣ статей по текущимъ вопросамъ, были напечатаны: МІСЛИ О ЖИЗНИ, графа Л. Н. Толстого (пять статей); СЕАНСЫ А. Г. РҮВИНШТЕЙНА, Ц. А. Юмъ (десять статей), а также рядъ статей по отдѣламъ научно-практическому, литературно-критическому, общественно-жизнейскому и др., принадлежавшихъ Я. В. Абрамову, Н. Н. Венгелю, Ф. Ф. Воропонову, В. А. Гайдебурову, бар. Р. А. Дистерло, В. І. Дѣлову (Кигну), П. Н. Краснову, В. О. Португалову, В. А. Тимирязеву и мн. др.

ЦѢНА газеты „НЕДѢЛЯ“, вмѣстѣ съ журналомъ „КНИЖКИ НЕДѢЛИ“, **девять руб.** въ годъ, съ пересылкой.

Подписка на 1890 годъ открыта.
 ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“, Ивановская, 2. № 4156 2—2
 Редакторъ-издатель П. А. ГАЙДЕБУРОВЪ.

ГЕРОФОНЪ настоящий патентованный съ 10 пьесъ.
28 руб.

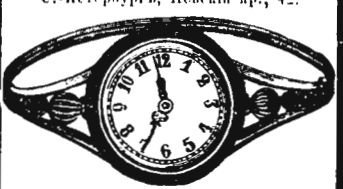
Герофонъ съ приспособлениемъ для громкой и тихой игры, съ 10-ю пьесами 32 р. Добавочныя пьесы въ большомъ выборѣ по 60 и. Пересылка за 50 фунт. Каталогъ пьесамъ и прейсъ-курантъ всѣмъ музыкальнымъ инструментамъ—**бесплатно.**

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное дело № 4191
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
Специалистъ хронометровъ.
СПбуръ, Невскій пр., № 52
прот. Нии. Публ. Библиотекки.
Оптовая и розничн. продажа.
Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4155 10-3

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО
ПОЛНАЯ ГАРАНТИЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНІЯ. ВОПЛОЩЕНІЕ ЗАМЫСЛОВЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. УРОКОВЪ
ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВА. НА КРАСИВОЕ БЪЛОЕ КОНТОРС. ПИСЬМО ОСНОВАТЕЛЬН. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОИ ИТАЛЬЯНСКОЙ **БУХГАЛТЕРІИ**
Москва, Покровка, домъ Буткиной. А. С. Шмакинскій.
НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ.
С.-Петербургъ, Невскій пр., 42.

БРАСЛЕТЫ СЪ ЧАСАМИ:
Кожаные отъ 18 до 25
Изъ порошеной стали " 25 " 45
Серебряные оксидиров. " 30 " 50
Золотые. " 75 " 150
Подробный прейсъ-курантъ всевозможныхъ часовъ и цѣлочекъ высылается бесплатно. № 4160 3-

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкій Мостъ, Б. Морская, № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свинтъ, Виппегъ, Русскій Клубъ, Молни (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВИСТЬ
Общедоступный Свинтъ № 2
= 150 руб. =

Прейсъ-куранты высылаются бесплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.

21 декабря выдѣтъ и поступитъ въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, № 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ за 1889 г.

заключающій въ себѣ 1,300 стр. разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разск. А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ М. В. Крестовской—„Горнство Юліи Андреевны“, большой ром. въ 2-хъ част. Е. И. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоколовъ“, историч. ром. въ 2 част. графа Е. А. Салиаса—„Барыни-крестьянки“, разск. кн. Д. Голицына-Муравлина—„Увлеченіе“, разсказъ П. Дорошенко—„Нто-же“ и массу другихъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гигиенѣ, живописи и мн. др. Кроме того нѣсколько художественныхъ приложений—важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія дров. растенія Россіи и проч., печат. красками. большой сборникъ новѣйшихъ повѣстей и разсказовъ (томъ 484 стр.) и большая олеографическая картина профес. В. Д. Орловскаго:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми бесплатными преміями и приложениями:

Брошюрован. . . . . 4 р. Въ коленк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою до 2000 . . . . . Съ пересылкою до
версты . . . . . 6 р. 2000 версты . . . . . 7 р. 50 к.
Свыше 2000 версты за пересылку прилагается по разстоянію за 13 фунтовъ.

МАГА ЖИРАРДОВСКИХЪ **ВИНЪ** **МАНУФАКТУРЪ** № 3799 9-9
ГЮЛЛЕ и **ДИТРИХА** Софіяна.
Надѣянъ собственн. фабрикъ: по лотю, столовое бѣлье, платки, полотенца, лѣтнія матеріи, купальныя принадлежности, разныя бумажныя издѣлія. Большой выборъ чудоточныхъ товаровъ. Готовые приданое. Мужское, дамское и дѣтское бѣлье. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается бесплатно.

Во всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHATELAIN FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Желающимъ имѣть прочную, изящную и удобную обувь, предлагаемъ испытать наши издѣлія, которыя въ теченіе короткаго времени приобрѣли себѣ множество потребителей въ обѣихъ столицахъ и почти во всѣхъ большихъ городахъ Имперіи. Торговцевъ просимъ обращаться за подробными свѣдѣніями въ контору **ТОВАРИЩЕСТВА С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.** С.-Петербургъ, Обводный каналъ, № 130.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго календора съ золотыми тисненіемъ, печатанныя красками, на 1889 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 60 к.

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ
ИЗОВРѢТЕННЫЙ **БРОКАРЪ и К^о.**
Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у О. К. Бергманъ, Офицерская ул., д. № 5. № 4025 8 7

АДРЕСЫ всѣхъ спеціальныхъ фирмъ и гарантіи: International Adressen-Verl.-Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціалей. = 5,000,000 адресовъ за 40 коп. почт. марками франко.

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛИ.

Карм. форм. въ замшев. кошельк. 8 р. 50 к. пересылка за 2 ф.
Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 р. 50 к. пересылка за 4 ф.
„Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, поля, охоты, моря и театра, и потому вполне заслуживаетъ названія „универсальнаго бинокля“.
Спеціальн. театральн. бинокли отъ 5 до 65 р.
Зрительн. трубы въ 5 р. 50, 11, 14, 20, 28 р. и дорожн.
Микроскопы въ 3 р. 50, 5, 6, 20, 26, 40, 50 р. и дорожн. № 4194

СПЕЦІАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.
Н. КРАУСЪ и К^о.
въ Парижѣ, Aven. d. l. Républ., 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ Мойка, № 40.
Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. бесплатно.

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. иллюстраціи, отъимъ отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748
Единственн. складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 9 декабря 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 5 р.   Съ доставкою въ Петербургѣ 6 р. 50 к.   Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линия 6 р.   Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . . 7 р.   За границу . . . 9 р.

Всѣмъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Подписка на 1889 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1889 г. №№ съ преміями.

Высокопреосвященный Михаилъ, митрополитъ Сербскій.

Последнія событія внутренней жизни Сербскаго государства, духовная реформа и обсужденіе церковнаго законопроекта, снова выдвигаютъ на первый планъ личность митрополита Михаила. Высокопреосвященный Михаилъ, сынъ бѣдныхъ родителей, родился въ Крагуевцѣ, въ 1830 г., и первоначальное образованіе получилъ въ мѣстной народной школѣ. Какъ разъ въ то время правительствомъ рѣшено было послать шестерыхъ наиболѣе способныхъ учениковъ со стипендіей въ Киевскую духовную академію. Это опредѣлило для юноши какъ выборъ поприща, такъ и направленіе его дѣятельности. Возвратясь на родину, Михаилъ былъ уже проникнутъ горячею любовью къ приемному отечеству, Россіи, на которую возлагалъ всѣ свои надежды относительно дальнѣйшихъ судебъ Сербіи.

Рукоположенный во священнической санъ, Михаилъ получилъ кафедру при Вѣлградской духовной семинаріи.

Князь Михаилъ Обреновичъ, вторично занявъ Сербскій престолъ въ 1858 году, взаимно преданнаго Карагеоргиевичамъ митрополита по-

ручилъ митрополию Михаилу, въ то время едва достигавшему тридцатилѣтняго возраста. Съ тѣхъ поръ высокопреосвященный Михаилъ не переставалъ стоять во главѣ истинныхъ патріотовъ, ожидающихъ благоденствія Сербіи единственно отъ мощнаго покровительства Россіи. Вместе съ тѣмъ онъ зорко слѣдилъ за интересами и прочіихъ южныхъ славянъ. Съ первыхъ же дней Герцеговинскаго движенія 1875 года, онъ явился предъ Европой за несчастныхъ мучениковъ звѣрскаго, безпопачнаго гнета турокъ. Честный голосъ его, защищавшій челоуѣческое достоинство подавленныхъ славянъ, былъ услышанъ не одною Россіей; даже въ Англии образовалась „христианская лига помощи турецкимъ христіанамъ“, избравшая своимъ почетнымъ покровителемъ, между прочимъ, митрополита Сербскаго. Онъ же въ 1876 году благословилъ, въ то время еще не ставшаго ренегатомъ, князя сербскаго Милана на борьбу за независимость. „Ты, любящій Христа народъ Сербскій, говорилъ митрополитъ въ напутственномъ словѣ князю

Высокопреосвященный Михаилъ, митрополитъ Сербскій. Рис. и грав. А. Нейманъ.

и войскамъ, — идешь во имя Господа на бой, дабы защищать свое племя и имя, свою землю, свободу и православную вѣру... Будьте благословенны всѣ, грядущіе во имя Господне! Но времена переменчивы—едва прошло 7 лѣтъ со времени завоеванія независимости Сербіи отъ турокъ, какъ тотъ-же Миланъ, ставъ королемъ, продался Австріи и подъ ея эгидою съелъ возможнымъ нарушать даже каноническіе уставы Православной церкви, въ угоду австро-фильскому „напреднякому“ министерству ставя церковь въ зависимость отъ свѣтской власти въ дѣлѣ избранія духовныхъ властей. Митрополитъ Михаилъ въ борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ отечества выказалъ ту же твердость какъ и относительно внѣшнихъ, и не уступилъ ни пяди на священной почвѣ, не допускаящей никакихъ сдѣлокъ. Истошивъ всѣ усилія, тогдашній сербскій министръ исповѣданій Стоянъ Новаковичъ незаконно смѣстилъ митрополита, и кафедрю его занялъ самозванецъ, лже-митрополитъ Теодосій Мраовичъ, впо-

слѣдствіи совершившій не менѣе незаконное, къ счастью мнимое, расторженіе брака Милана съ королевою Наталіей Сербскою. Митрополитъ Михаилъ, само собою разумѣется, вполнѣ сохранившій свой санъ въ глазахъ всего православнаго міра, удался въ Россію, гдѣ и нашелъ подобавшій ему почетный пріютъ.

Но часть справедливаго возмездія колушественнымъ оскорбителямъ его былъ недалекъ... Ренегатъ Миланъ палъ вынужденный отказаться отъ престола, вмѣстѣ съ нимъ пало и австро-фильское министерство, и лжемитрополитъ Мраовичъ, а высокопреосвященный митрополитъ Михаилъ торжественно вернулся на свою кафедрю, вступивъ 17 мая 1889 г. въ Бѣлградъ среди привѣтственныхъ ликованій народа, выказавъ свойственное высшимъ избранныкамъ великодушіе относительно бывшихъ враговъ его, и 20 іюня (2 іюли) 1889 г. возложилъ сербскую корону на главу юнаго короля Сербіи Александра.

Барыни-крестьянқи.

Историческій романъ

графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

Однажды утромъ Милованову доложилъ лакей, что въ прихожей какой-то господинъ спрашиваетъ его, фамилии-же своей не сказываетъ. Миловановъ вышелъ къ незнакомцу и спросилъ, чтѣ ему угодно.

Средняго роста старикъ, худощавый, въ очкахъ, лѣтъ уже семидесяти, но съ добродушнымъ лицомъ и прекрасными глазами, сразу располагавшими въ его пользу, тихо и не только вѣжливо, а какъ-то особенно привѣтливо и ласково, вымолвилъ звучнымъ голосомъ, почти молодымъ:

— Вы-ли Юрій Ивановичъ Миловановъ?

— Точно такъ-съ.

— Позвольте познакомиться и позвольте просить до-ставить мнѣ удовольствіе видѣть ваше произведеніе, о которомъ дошли до меня слухи.

— Сдѣлайте милость, пожалуйста! засуетился Миловановъ.

Это былъ первый незнакомый посѣтитель, который являлся самъ, безъ приглашенія. И это обстоятельство особенно подѣйствовало на Миловапова. Онъ еще не успѣлъ обдумать все значеніе этого случая, но смутно радовался.

Когда-то, въ Римѣ, не разъ представлялось ему и его женѣ, что въ Петербургѣ будутъ являться посѣтели даже съ улицы, понаслышавшись о его статуѣ... Такъ бывало, по крайней мѣрѣ, въ Римѣ, всякій день со всѣми художниками. Миловановымъ представлялось, что нѣчто подобное возможно и въ Петербургѣ.

Но здѣсь оказалось, что даже специалистовъ по этому дѣлу, знатоковъ, меценатовъ—и тѣхъ надобно приглашать—и не разъ,—чтобы заставить посмотреть на квартиру произведеніе неизвѣстнаго начинающаго художника. И вдругъ теперь является какой-то господинъ, уже старичокъ, на видъ почтенный, съ умными и хорошими глазами,—является самъ.

Миловановъ провелъ незнакомца въ гостиную, попросилъ садиться, а самъ побѣжалъ къ женѣ. Прасковья Андреевна тоже самодовольно улыбнулась.

— Кто-жь такой? спросила она.

— Не знаю, отозвался Миловановъ.

— Какъ-же ты не спросилъ его?

— Забылъ. На умъ не пришло.

— Иди! Прими его.

— Что-жь я одинъ? Иди и ты... А я покуда за ключемъ схожу... Не помню куда засоваль.

Прасковья Андреевна вышла въ гостиную къ посѣтителю. Она хотѣла ужъ отрекомендоваться гостю и сказать, что она жена Милованова, но тотъ не далъ ей заговорить и, протянувъ руку, вымолвилъ:

— Очень радъ видѣть васъ! Радъ поглядѣть на васъ! Я въ моей жизни встрѣчалъ такъ мало особъ съ твердымъ характеромъ и непреклонною волей, что, зная обстоятельства вашей жизни, мнѣ пріятно—не скрою

этого — полюбопытствовать теперь познакомиться съ вами лично.

— Вы, вѣроятно, намекаете на мое замужество? произнесла, садясь около него, Прасковья Андреевна, но поневолѣ нѣсколько сухо, такъ какъ все сказанное гостемъ по своей формѣ, а главное неожиданности, неприятно подѣйствовало на нее.

— Точно такъ-съ! отозвался тотъ, кланяясь. — Но убѣдительно прошу васъ не принимать въ дурную сторону. Я говорю чтѣ думаю. Повторяю вамъ, что вашимъ поступкомъ вы доказали твердость характера и воли. Вы ничего худаго не сдѣлали, по изо ста женщинъ девяносто девять побоялись бы поступить такъ, какъ вы. Всякій хочетъ быть счастливымъ на свѣтѣ, но счастье не дается, а завоевывается. И вотъ именно воевать-то ни у кого смѣлости и нѣтъ. Всякій ждетъ, какъ герой въ сказкѣ, чтобы ему на коверѣ-самолетѣ какая-нибудь жаръ-птица все принесла. А надо, чтобы коверъ-то самолетъ былъ у насъ вотъ здѣсь, показалъ онъ себѣ на грудь. — А вотъ у вашего супруга, какъ я слышалъ, коверикъ-то этотъ ужъ и завелся... Сказываютъ, что вашъ ангелъ, обратился незнакомецъ къ Милованову,—такъ летитъ, что своимъ полетомъ предсказываетъ, что и вы сами далеко залетите. И давай Богъ! А вотъ убѣдиться въ этомъ собственными глазами и я являюсь.

Незнакомецъ говорилъ тихо, но звучно,—медленно, но не потому чтобы искалъ словъ, а потому что отфѣнялъ каждое слово. И вся рѣчь его лилась какъ-то особенно. Неуловимые переливы въ голосѣ звучали гармонично.

— И такъ, сударыня, позвольте надѣяться, прибавилъ опъ,—что вы не гнѣваетесь на меня за мое откровенное слово.

— Нисколько! отозвалась Прасковья Андреевна.— Но я ничего, повторяю, особеннаго не совершила. Я, княжна Березопольская, вышла замужъ не за простаго двороваго столяра, какъ про меня говорили въ Москвѣ, а за даровитаго художника. Да наконецъ, это былъ такой поступокъ, котораго я нисколько не скрываю, чѣмъ я, пожалуй, даже горжусь, тогда какъ всѣ всячески стараются избѣгать въ разговорѣ всего, чтѣ можетъ быть намекомъ на мой поступокъ. И вотъ это умолчаніе, или избѣганіе больше оскорбляетъ меня. При мнѣ не говорятъ вообще о неравныхъ бракахъ, какъ не говорятъ о веревочкѣ въ домѣ повѣсившагося.

— Да! разсмѣялся гость и тотчасъ произнесъ чистымъ французскимъ выговоромъ ту же поговорку, а затѣмъ прибавилъ:—Не только объ веревочкѣ, но даже о пенькѣ и о льнѣ запрещается говорить.

Въ эту минуту вернулся Миловановъ, ходившій за ключемъ, чтобы отпереть горницу, гдѣ стояла статуя. Она бывала всегда заперта изъ боязни, чтобы прислуга не надѣлала какой-либо бѣды.

— Пожалуйте! произнесла Прасковья Андреевна, и въ ту-же минуту рѣшилась наконецъ вымолвить ту фразу, которая давно просилась на языкъ, но которую до сихъ поръ не удавалось ей сказать:

— Позвольте мнѣ узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Гость, поднявшійся въ эту минуту съ кресла, опустил немного голову, слегка развелъ руками, помолчалъ мгновение и произнесъ:

— Убѣдительно, всепокорнѣйше, такъ сказать, душевно прошу васъ, сударыня, разрѣшить мнѣ не называть себя. Я знаю, что я обязанъ благоприличіями назваться, и если-бъ я предполагалъ, что буду имѣть честь познакомиться съ вами, то—говоря прямо—не пришелъ-бы... Мой расчетъ былъ иной: придти въ качествѣ прохожаго съ улицы, спросить г. Милованова, поглядѣть на его ангела и уйти. Такъ дѣлается за-границей. Такъ дѣлалъ и я всегда во Франціи и въ Германіи. Тамъ можно смѣло стучать въ дверь всякаго художника, и онъ не заставитъ васъ показывать паспортъ. Такъ я и хотѣлъ поступить. И вотъ попалъ впросакъ! Но я падѣюсь на ваше снисхожденіе, убѣдительнѣйше прося васъ не заставлять меня назваться. Разрѣшите, по Соломоновски, вопросъ. Или же рѣшите его, какъ Александръ Македонскій съ хитроумнымъ узломъ. Если вы потребуете непременно мое имя, то я долженъ буду уйти, не выдавши вашего ангела, такъ какъ назваться я не могу. Позвольте прибавить, что я не останусь для гласъ навсегда невѣдомымъ посѣтителемъ, нѣчто въ родѣ *masque-de-fer*. Со временемъ быть-можетъ все разъяснится...

Полина удивилась, но тотчасъ же нѣсколько измѣнила обращеніе съ гостемъ. Она сразу сообразила двѣ вещи, или сочетаніе двухъ обстоятельствъ. Предъ ней стоялъ несомнѣнно тонко-благовоспитанный и весьма просвѣщенный человѣкъ, какихъ она встрѣчала мало. А если онъ при этомъ не хочетъ сказаться, то имя его, вѣроятно, довольно, а то и слишкомъ громкое. Тѣмъ не менѣе, Прасковья Андреевна была неприятель его отказъ. Отъ него возникали какъ бы неравныя между ними отношенія. Незнакомецъ становился выше хозяевъ.

„Чтожь! такъ и слѣдуетъ! Вѣдь мы крѣпостные князя Березопольскаго!“ съ горечью подумалось ей вдругъ.

XXIV.

Всѣ трое прошли въ залу. Незнакомецъ сталъ предъ ангеломъ въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія, постоялъ немного, потомъ тихо обошелъ кругомъ и, взявъ одинъ изъ стульевъ, стоявшихъ у стѣны, сѣлъ противъ статуи такъ, чтобы видѣть ее въ три четверти. Лицо его стало сосредоточенно, серьезно. Не смотря на то, что Прасковья Андреевна вся перешла въ глаза и силилась что-либо прочесть на лицѣ загадочнаго гостя, она ничего не могла узнать. Гость былъ только сосредоточенъ. Ни порицанія, ни похвалы, ни удивленія, ни пренебреженія—ничего не было на лицѣ его. Онъ только внимательно разглядывалъ статую.

— Говорятъ что взмахъ крыльевъ нѣсколько удался, произнесла Прасковья Андреевна.

Она нетерпѣливо желала получить хоть одно слово или подтвержденія, или отрицанія. Хоть что-нибудь, хорошее, или дурное, хотѣлось ей скорѣй узнать. Незнакомецъ внушалъ ей какое-то невольное къ себѣ уваженіе. Но онъ не отвѣтилъ...

— Какъ вамъ кажется правая рука? выговорила она снова.

Но, къ своему величайшему удивленію, даже нѣсколько уколота, Прасковья Андреевна снова не получила никакого отвѣта. Сидѣвшій на стулѣ незнакомецъ бровью не двинулъ, какъ будто не къ нему обращались, даже болѣе: какъ будто онъ совсѣмъ не слышалъ этихъ словъ.

Прошло около пяти минутъ. Въ горницѣ царило гробовое молчаніе. Прасковья Андреевна стояла уже задумавшись, попурившись, и бессознательно вертѣла на пальцѣ свое вѣнчалное кольцо.

Миловановъ стоялъ тоже, взглядывалъ по-очередно на сидящаго пезнакомца, на своего ангела, на плечо и голову жены, стоявшей предъ нимъ, и изрѣдка тихо вздыхалъ. Онъ самъ не могъ понять, откуда и почему явилось вдругъ въ немъ тревожное ожиданіе, что скажетъ этотъ невѣдомый посѣтитель. Онъ самъ не понималъ, почему мнѣніе этого господина для него будетъ важнѣе всего того, что говорили или могли сказать прежніе посѣтители, художники-спеціалисты.

Неужели потому, что этотъ не сказываетъ своей фамиліи, является какъ-бы подъ личиной? Нѣтъ! А потому, что онъ внушаетъ что-то къ себѣ. Даже его лицо теперь, когда онъ смотритъ молча и сосредоточенно на этого ангела, говоритъ что-то Милованову. Онъ бы желалъ, чтобы всѣ всегда такъ-же смотрѣли на его дѣтище. Пускай они будутъ судить его произведеніе вкривъ и вкосъ, осуждать, но пускай всѣ будутъ внимательно разглядывать его и „такъ“ смотрѣть, какъ „вотъ этотъ“ смотритъ. Этому можно потомъ даже и повѣрить, если онъ скажетъ, что одна рука толще, одно крыло короче, одна нога длиннѣе. Если онъ это скажетъ, то будетъ не обидно, а только страшно. Сердце забьется, потому что будешь чувствовать, что надо вѣрить и надо подчиниться этому суду.

Гость всталъ, тихо двигаясь обошелъ снова кругомъ статуи и наконецъ такъ вздохнулъ вдругъ, какъ если-бъ онъ все лѣзъ на высокую гору, достигъ макушки и можетъ наконецъ вздохнуть свободнѣе. Онъ поднялъ глаза на Милованова, потомъ подошелъ къ нему, протянулъ ему руку, крѣпко пожалъ и выговорилъ очень тихимъ голосомъ:

— Я не знатокъ настоящій, цѣнитель записной, что-ли... Я только со страстію люблю искусство, люблю и скульптуру, и живопись, и музыку. Кое-что въ жизни видалъ, подолгу, годами за-границей жилъ. И я безъ всякаго опасенія, смѣло говорю вамъ и утверждаю, что у васъ большой талантъ. Въ этомъ произведеніи есть недостатки, но я о нихъ говорить не хочу... Было-бы безстыдно и безчестно говорить о нихъ. Скажу вамъ почему безчестно и прошу не удивляться, прошу не считать мои слова безмыслицей. Часто въ недостаткахъ начинающихъ художниковъ кроются тѣ будущія особенности таланта, которыя и дѣлаютъ ихъ великими художниками. То-же самое, что является сначала въ видѣ недостатка, потомъ является въ видѣ качества. Есть одна особенность въ вашемъ ангелѣ, про которую всякій понимающій вамъ скажетъ, что она есть недостатокъ, порокъ, нѣчто не удавшееся, портящее общее впечатлѣніе. Но я ужъ рѣшилъ этотъ вопросъ совершенно иначе. Если я мысленно избавлю вашего ангела отъ этого порока, то сразу отниму у него всю ту прелесть, которая разлита во всей фигурѣ, все то очарованіе, которое онъ производитъ. Такъ-ли, сѣкъ-ли, молодой человѣкъ, а вамъ надо работать, чтобы когда-нибудь мы—россияне—могли вами гордиться, похвастать. А это будетъ!

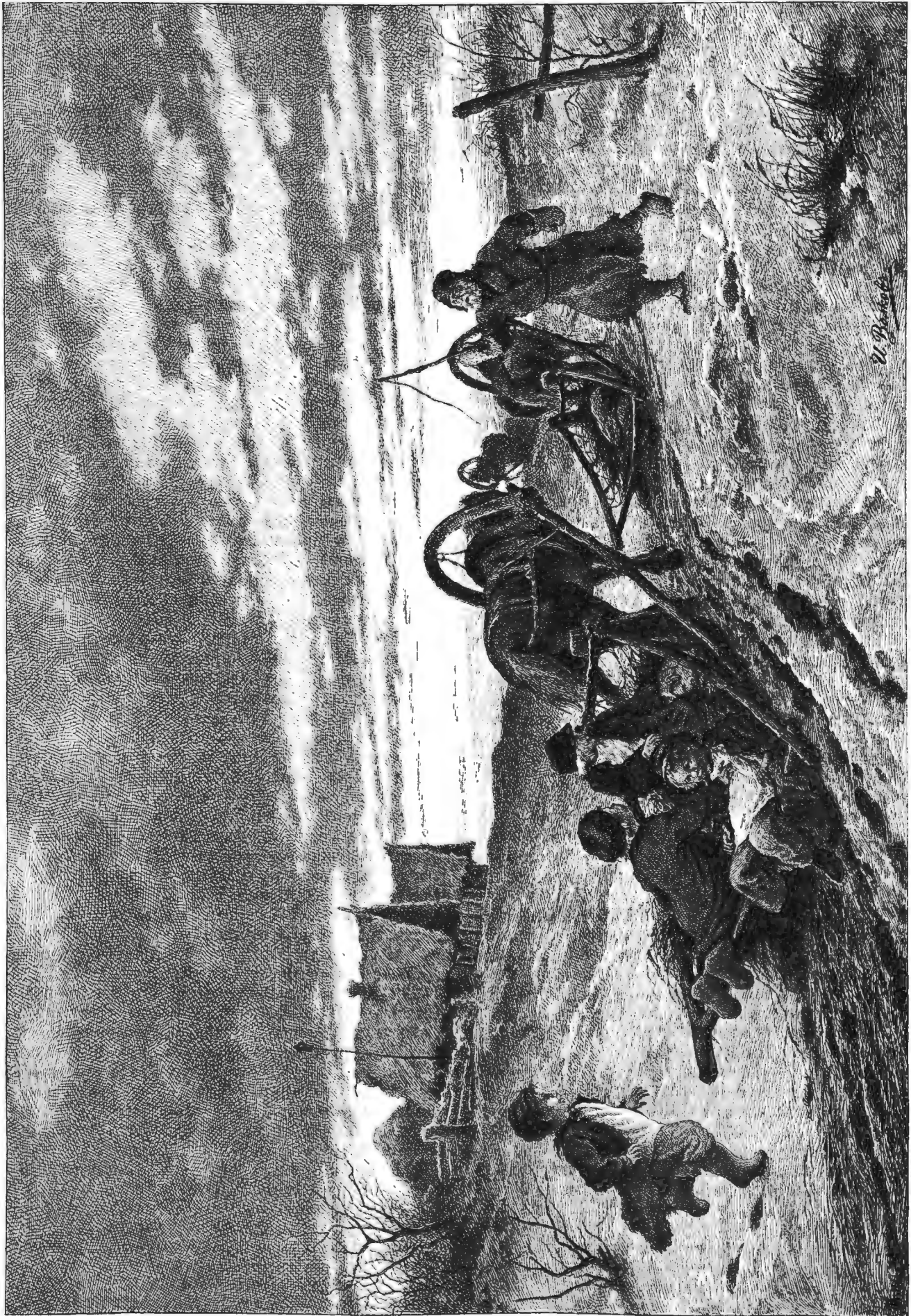
Когда незнакомецъ кончилъ и поднялъ глаза на мужа и жену, то сразу смолкъ и отчасти удивился.

Миловановъ стоялъ предъ нимъ съ пылающимъ лицомъ; яркій румянецъ горѣлъ на его щекахъ, глаза блестѣли. А рядомъ съ нимъ стояла Прасковья Андреевна, которая именно и поразила гостя.

Женщина стояла мертво-блѣдная, съ помутившимся взоромъ и слегка вздрагивавшею губой. Прошло мгновение, посѣтитель приблизился къ ней, подалъ ей руку и вымолвилъ:

— Очень радъ! Не заслужилъ этой чести! Вы меня не знаете, а между тѣмъ мнѣ вѣрите. Именно не за-

На порожнякахъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова, грав. Ангереръ.

Находна. Рис. Шмидтбергенъ, грав. Аде.

служилъ и этой чести. И давай Богъ, чтобы я не ошибался! Да и не ошибаюсь я... Что жъ, былъ всегда зрячій, а теперь ослѣпъ? Какъ можно? Да что тутъ говорить! Вотъ онъ,—протянулъ гость руку на статую,—онъ самъ за себя говоритъ! Спасибо скажите, что зима на дворѣ, что двойныя рамы, а то пришли бы какъ-нибудь поутру, а его и нѣтъ! Улетѣлъ туда, гдѣ ему и быть слѣдуетъ! Въ синія небеса! И это, молодой человѣкъ, обернулся гость къ Милованову,—это главное въ вашемъ произведеніи. Главное то, что ангелъ вашъ не распустилъ крылья, стоя на одномъ мѣстѣ. Онъ летитъ, несется... И какъ это происходитъ на свѣтѣ, Господи помилуй! воскликнулъ онъ вдругъ оживаясь.—Вѣдь не видали же вы въ жизни летящихъ ангеловъ! Вѣдь не ворона же какая-нибудь, или голубъ показали вамъ, какъ надо крылья расправлять!

И затѣмъ, помолчавъ мгновение, гость обернулся отъ статуи снова къ хозяйкѣ и выговорилъ тихо, слегка наклоняясь къ ней, будто по секрету отъ мужа:

— А вы глубоко чувствуете... Вы глубже чувствуете, чѣмъ вашъ супругъ.

Прасковья Андреевна вопросительно взглянула на него.

— Кто отъ радости блѣднѣетъ, кто отъ счастья мертвѣетъ, сударыня, тотъ глубже чувствуетъ, нежели тотъ, который зарумянится да скакать учнетъ. Горе бьетъ, а счастье гладитъ... Первое легче почувать. Ну-съ, позвольте просить у васъ позволенія побывать еще одинъ разъ, все-таки инкогнито, и привезти съ собой одного моего пріятеля. А теперь извините, мнѣ пора.

И черезъ нѣсколько минутъ гостя уже не было въ квартирѣ. Миловановъ, проводивъ его, заперъ комнату на ключъ и, положивъ его въ карманъ, пошелъ къ женѣ, которая уже была въ дѣтской. Онъ сѣлъ около нея, и нѣсколько минутъ они не проронили другъ другу ни слова.

Прасковья Андреевна была сильно взволнована, она не обманывала себя. Этотъ незнакомецъ внушилъ ей полное, безграничное довѣріе еще прежде своего сужденія. И это его сужденіе было для нея теперь судомъ академическимъ. Онъ сказалъ немного, не разбираясь, какъ тѣ художники, красоту или уродство линий, не критиковалъ руки, ноги, складки савана. Онъ сказалъ только, что есть какой-то недостатокъ, который есть особенность таланта и изъ котораго можетъ выработаться главное качество этого таланта. Затѣмъ онъ сказалъ то, что она сама и видитъ, и знаетъ, и чувствуетъ,—что ангелъ летитъ!..

Ей припомнилась шутка его о двойныхъ рамахъ, мѣшающихъ ангелу улетѣть на небо.

Она улыбнулась наконецъ, поглядѣла на мужа и вдругъ слезы полились по лицу ея.

— О чемъ же ты? произнесъ Миловановъ, испугавшись.

— Страшно, Юрій! улавнившимъ голосомъ произнесла она.—Просто страшно! Я хочу вѣрить ему и боюсь... Чѣмъ больше я ему повѣрю, тѣмъ ужаснѣе будетъ потомъ узнать, что онъ, нехотя, такъ жестокосердно обманулъ меня. Когда разныя человѣческія мечтанія сбываются въ жизни, то страхъ душу охватываетъ! Точно будто привидѣніе, котораго, боясь, ожидаешь и которое вотъ оно... вдругъ мелькнуло, зашевелилось и идетъ на тебя.

— И кто онъ такой? вдругъ прибавила Прасковья Андреевна.—Кто онъ такой? снова почти вскрикнула она.—Вотъ что бы знать надо! Мнѣ чудится, что онъ... не знаю, какъ и сказать... Онъ не простой какой-нибудь столичный обыватель. Онъ кто-нибудь... Можетъ быть онъ... Ну, да что объ этомъ! Опять мои римскія мечтанія. Не государь же императоръ переодѣлся въ партикулярное платье, да пришелъ къ намъ пѣшкомъ поглядѣть на ангела!..

И Прасковья Андреевна глубоко задумалась. Миловановъ спросилъ у нея, пойдеть-ли она, по обыкновенію, погулять пѣшкомъ, но жена не слыхала его и не отвѣтила ни слова. Она сидѣла въ такой позѣ и съ такимъ лицомъ, какъ еслибъ гость объявилъ прямо, что у ея мужа нѣтъ и тѣни дарованія, или если бы статуя вдругъ была найдена въ залѣ на полу, въ кускахъ, разрушенная и обезображенная невидимою рукой...

Незнакомецъ былъ правъ въ своемъ сужденіи и объ ней самой. Она глубже чувствовала. Счастье поража-ло ее какъ ударомъ...

XXV.

На другой день, въ ту же пору, въ квартиру Милованова явился другой гость. Точно такъ же вызвалъ онъ хозяина въ прихожую, такъ же вышелъ къ нему Миловановъ и точно такъ же получилъ вопросъ, по этому вопросу озадачилъ и укололъ его.

Гость произнесъ:

— У васъ въ услуженіи находится дворовый человѣкъ Егоръ Миловановъ?

— Я самъ — Миловановъ, невольно и безъ причины смущался отозвался онъ.

— Вы сами? Такъ я и полагалъ. Извольте видѣть, дѣльце маленькое... Позвольте войти и объяснить.

И точно такъ же, какъ вчера, Миловановъ проводилъ гостя до гостиной.

Этотъ гость былъ противоположностью вчерашняго, антиподомъ. Онъ былъ высокій, плотный, съ грубыми чертами бритаго лица, остриженный подъ гребенку, съ синими очками на носу въ видѣ толстой красноватой фи́ги и съ глазами неизвѣстнаго цвѣта, скрывавшимися за очками. Но не смотря на темно-синія стекла, глаза эти глядѣли и неприятно пронизывали. Они будто спрятались тамъ, чтобы хитрѣе оттуда видѣть, лучше подглядывать, высматривать. Въ нихъ было что-то хищническое.

Прежде всего Миловановъ невольно замѣтилъ огромныя, грубыя, красноватая руки гостя. На немъ были грязноватая брыжки у рубашки и довольно засаленный черный галстухъ, повязанный немного на-бокъ, высокій и тѣсный, сидѣвшій на шеѣ, какъ собачій ошейникъ. Сюртукъ былъ сильно потертъ по швамъ, съ сизымъ отливомъ на груди и плечахъ, съ пятнами на локтяхъ. Такіе же два сизыхъ кружка будто свѣтились на колънахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Миловановъ невольно чувствовалъ, что вмѣстѣ съ гостемъ появился въ горницѣ какой-то особенно неприятный запахъ, чего-то будто залежавшагося, плѣсенью отдающаго. Наконецъ, голосъ незнакомца былъ сиповатый, или отъ простуды, или отъ переноя. Сѣвши на кресло у стола, онъ вынулъ изъ боковаго кармана сложенный листъ бумаги, положилъ его на столъ и разгладилъ толстою лапой.

Поднявъ на Милованова не глаза свои, едва видимые, а лишь синіе очки, онъ заговорилъ протяжно, будто мыча, а не произнося каждое слово. Милованову вдругъ показалось, что гость безобразно подражаетъ вчерашнему гостю. Ему показалось, что этотъ гость — не что иное, какъ карриатура вчерашняго.

— Дѣльце простое, сударь мой, или дѣльце совсѣмъ необыкновенное—такъ доложу я вамъ. Все будетъ зависѣть отъ вашихъ показаній: разъясните вы намъ всѣ обстоятельства, или въ окончательномъ форменномъ видѣ все запутаете. Позвольте васъ просить отвѣчать правду, самую настоящую правду. Облыжнымъ манеромъ горю не пособите. Такъ ужъ на чистоту все прямо и выкладывайте!

Миловановъ вспыхнулъ. Заграничная жизнь уже давно воспитала его настолько, что многое, чего прежде, въ Березопольѣ, онъ просто не замѣтилъ бы, теперь уже оскорбляло его.

— Я не понимаю, признаюсь, какой вы имѣете по-

воду, холодно возразилъ онъ, — не слыхавъ отъ меня еще ни единого слова, уже предполагать, что я отъ природы лгунъ? Желаю вамъ столько же лгать, сколько я лгу.

— Вы не обижайтесь, сударь. Съ вами о дѣлѣ толковать надо, а въ дѣлахъ нѣжности не допускаются. Позвольте опять спросить: вы Миловановъ? Вы сами...

— Да-съ.

— Егоръ, Ивановъ сынъ?

— Да-съ.

— Крѣпостной дворовый человѣкъ Рязанской губернии, вотчины Березополье, помѣщика князя Березопольскаго, а нынѣ—по дарственной—приписной дворовый-же человѣкъ Рязанской-же губернии, вотчины Прачешное, помѣщицы княгини Евгеніи Степановны Березопольской.

— Чтѣ?!.. проговорилъ Миловановъ, но такъ тихо, что гость не слыхалъ.

— Такъ-ли я сказываю? Отвѣчайте! спросилъ онъ.

— Чтѣ?!.. громче повторилъ Миловановъ, какъ-бы задохнувшись на мгновеніе.

Лицо его настолько измѣнилось, голосъ былъ такой странный, такъ дико прозвучалъ, что гость сталъ глядѣть на него, ничего не говорилъ и не отвѣчалъ, а только дивился перемѣнѣ въ сидящемъ передъ нимъ.

— Чему-же вы, позвольте спросить, удивились?

— Вы сказали, что я крѣпостной человѣкъ княгини Евгеніи Степановны?

— Да-съ.

— Откуда-же такая взялась? Когда?

— Кто?

— Откуда взялась такая княгиня Евгенія Степановна и какимъ образомъ могу я ей принадлежать?

— А вотъ-съ бумага! Тутъ все прописано. Я вамъ по бумагѣ и сказываю. Бумага изъ Рязанской палаты, пришла сюда къ намъ въ полицію. Съ ней вмѣстѣ и указъ вашей барыни, съ ея даже собственноручною подписью.

— Княгиня Евгенія Степановна! проговорилъ Миловановъ тѣмъ-же дикимъ голосомъ и какъ будто не гостю, а себѣ самому.—Евгенія!.. Какъ! дѣвчонка Евгенья, которая висла ко мнѣ на шею, отъ которой я насилу отвязался!.. Да кака-же она княгиня?.. Чья-же она жена?.. Неужто-же она вышла за Илью Петровича?

— Этого, сударь мой, я не знаю и это все совсѣмъ не любопытно. Какъ именуется супругъ княгини—мы не знаемъ и это до насъ не касается. У насъ бумага отъ Рязанской помѣщицы княгини Евгеніи Степановны Березопольской, а какъ именуется ея сынъ, братъ или дѣдушка, это до насъ не касается. Ну-съ, теперь извольте выслушать! Эта самая ваша помѣщица объявляетъ, что вы находитесь въ безвѣстной отлучкѣ безъ всякаго ея разрѣшенія, такъ сказать, въ бѣгахъ. И поэтому она проситъ разыскать васъ и водворить на жительство. И вотъ-съ я являюсь къ вамъ затѣмъ, чтобы объявить вамъ, что вы должны отправиться, не медля ни мало, домой по требованію вашей помѣщицы. Не исполнить сего приказанія вы не можете. Вы у насъ будете подъ наблюденіемъ—и въ случаѣ вашего укрывательства, или побѣга, мы васъ съ глазъ не спустимъ. Но тогда будетъ ужъ много хуже! Теперь вы можете отправиться, какъ желаете. Денежки, я вижу, у васъ есть. Можете ѣхать хоть въ каретѣ. Если-же окажется на сихъ дняхъ, что денежки ваши и вся эта квартира и все такое добыто вами неправильно, убійствомъ или грабежомъ, то мы васъ совсѣмъ здѣсь прихлопнемъ и къ помѣщицѣ вашей не отпустимъ, а ужъ будемъ судить.

— Чтѣ вы бѣлены обѣлились? вдругъ воскликнулъ Миловановъ такъ, что огромный чиновникъ даже вздрогнулъ на креслѣ.

— Позвольте! выговорилъ онъ, точно зарывавъ.—Я не позволю никому, а тѣмъ паче крѣпостному человѣку такъ со мной разговаривать.

— Такъ и вы не разговаривайте такъ, какъ вы сейчасъ говорили! Вы меня воромъ назвали... Жена моя—княжна Березопольская—бывшая моя, правда, помѣщица, и не только чтѣ здѣсь... а у нея огромное состояніе. И она княжна Березопольская, рожденная, настоящая, а не дворовая дѣвка, висѣльница, которая теперь пошла въ княгини!

Миловановъ замолчалъ, но слегка поблѣднѣлъ и руки его дрожали. Чиновникъ тоже помолчалъ мгновеніе, но вдругъ тихо присвистнулъ.

— Фи-у!.. протянулъ онъ. — Кака-я исторія! Я думалъ, тутъ все просто, а тутъ, такъ сказать, цѣлое жизнеописаніе Плутархова! И умомъ-то не прикинешь... Такъ вы сказываете, что ваша жена—княжна Березопольская, а эта самая княгиня, какъ ее тамъ, Евлампія Степановна—дворовая дѣвка? Могу сказать! Вотъ такъ промеморія! Тридцать семь лѣтъ на службѣ захожусь, а этакой промеморіи не читывалъ и не слыхивалъ!.. Вотъ въ разныхъ жизнеописаніяхъ о заключеніяхъ всякихъ книжныхъ особъ обо-его пола—подобное читывалъ... Такъ извольте видѣть, это все такъ оставить нельзя. Нѣтъ-съ. Вы говорите, иждивеніе у васъ есть. Состояніе у вашей жены большое. Коли была княжна,—понятно, большое! Стало-быть, денежки у васъ водятся. Ну-съ, такъ вы, сударь, не будьте, извините, дуракъ, себя не давайте въ обиду этой самой княгинѣ изъ дворовыхъ дѣвогъ. Это надо все обдумать! Вотъ что-съ! Я вамъ теперь ничего не скажу... А во-первыхъ-съ, позвольте вамъ доложить, что я желаю съ вами полнаго сердечнаго знакомства.

Чиновникъ протянулъ свою лапу. Миловановъ подаль руку и тотъ крѣпко стиснулъ ее.

— Мы съ вами теперь стало-быть друзья! Я у васъ буду завтра, или, того лучше, приходите ко мнѣ, и мы потолкуемъ. Васъ, сударь мой, какъ крѣпостнаго человѣка, требуетъ къ себѣ помѣщица, княгиня. А сія вышереченная княгиня—дворовая дѣвка бывшая, такъ-ли-съ?

— Такъ.

— Ну-съ, вѣрю! Въ этомъ во всемъ я моимъ проинцательнымъ служебнымъ окомъ вижу такую загвоздку, какихъ не видано и не слыхано. Это, сударь мой, такая загвоздка, отъ которой великое злополучіе и великое благополучіе произойти можетъ!

И лицо чиновника вдругъ засяло, глаза такъ запрыгали, что даже сквозь синія стекла видно было ихъ ликованіе.

— Ну-съ, до завтра! Будете у меня?

— Непремѣнно, выговорилъ Миловановъ.

И неволью, самъ того не желая, прибавилъ вслухъ:

— Евгенія—княгиня Березопольская!..

— Такъ-съ, такъ-съ... Вотъ вы не вѣрите! Да и я бы вашей исторіи не повѣрилъ! А я, такъ сказать, не словамъ вашимъ, а голосу вашему и физиономіи вашей вѣрю. Больно ужъ вы озадачились, да и опѣшили! Такъ милости просимъ ко мнѣ. Завтра мы съ вами придумаемъ для княгини этой... Степановны, ахтительные дулетъ и карамболь... Это такъ у бильярдныхъ игроковъ прозывается. А я на бильярдѣ—мастеръ, какихъ нѣту. Я, сударь мой, желтаго съ карамболомъ по тремъ краснымъ и по двумъ бѣлымъ въ седьмую лузу кладу!

И гость громко, грубовато, но вмѣстѣ съ тѣмъ сиповато, расхохотался своей остротѣ. Черезъ минуту онъ уже спускался по лѣстницѣ дома, а Миловановъ шель къ женѣ, но остановился на полдорогѣ, схватилъ себя за голову и произнесъ вслухъ:

— Говорить-ли сейчасъ, или обождать? Перепугаешь на-смерть. А вѣдь она кормить... Такъ вотъ оно—ни слуху, ни духу не было отъ князя... Княгиня Евгенія Степановна!.. Да что-жъ это такое?.. Чертовщина кака-то! Князь женился на дворовой...

Но Миловановъ вдругъ запнулся и вымолвилъ упавшимъ голосомъ:

— А ты-то—что?..

Пройдя къ женѣ, онъ пересилилъ себя, принялъ спокойный видъ и началъ исподволь готовить ее услышать страшную вѣсть.

Черезъ нѣсколько времени Миловановъ, не умѣя лгать или скрывать что-либо его волнующее, прямо передалъ извѣстіе женѣ.

Прасковья Андреевна не сразу поняла въ чемъ дѣло, а понявъ вскочила съ мѣста, измѣнившись въ лицѣ. Она долго стояла пораженная вѣстью, затѣмъ снова молча опустилась на стулъ, но лицо ея было искажено и блѣдное, какъ-бы перепуганное на смерть.

— Княгиня Евгенія Степановна Березопольская! Наша помѣщица! выговорила она наконецъ глухо.—Требуешь насъ къ себѣ? Насъ? Своихъ дворовыхъ!

— Да, выговорилъ Миловановъ.—Вотъ и я такъ-то все повторяю. Кажется все это недѣлницей. А какъ просто... Побывали въ храмѣ, помѣнялись кольцами... Вотъ и все... Да и ждать этого слѣдовало.

— Юрій, да знаешь-ли ты, что изъ этого можетъ выйти? Это гибель наша! Она тебѣ любила и любить. Теперь я все понимаю. Она... она не дала ему послать намъ документы... Да и замужъ за него пошла она, т. е. заставила на себѣ жениться, чтобы мстить тебѣ и мнѣ... Что-же будетъ теперь?

— Но почему-же мы ейные числимся, а не князевы? Вотъ чего я не пойму.

— Онъ продалъ ей, или подарилъ насъ... Тебя съ женой и... съ нимъ... съ нимъ!

Прасковья Андреевна показала на ребенка, и лицо ея исказилось гнѣвомъ.

— Она можетъ теперь продать насъ трехъ въ разные руки, уморить его...

— Тогда я ее прирѣжу, выговорилъ Миловановъ, тихо и мѣняясь въ лицѣ.

— Ахъ, полно... Развѣ въ этомъ спасеніе!

Наступило молчаніе и длилось долго.

— Я кругомъ виновата. Я одна. Я вела себя какъ малое дитя. И теперь я должна спасти васъ, хотя-бы цѣною жизни. Васъ двухъ...

— Ты тоже не вѣсть что болтаешь! вспылилъ Миловановъ.—Цѣною жизни... Умирать что-ли тебѣ?.. Мнѣ ее зарѣзать, если она насъ распродастъ въ разные руки—еще понятное дѣло. А тебѣ что-то смертельное надумывать на себя—совсѣмъ даже неподходяще.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія Прасковья Андреевна воскликнула раздражительно и странно смѣясь:

— Жениться на горничной дѣвкѣ, сдѣлать крестьянскую бабу—княгиней! Ай да просвѣщенный человѣкъ!

— Э-эхъ-ма!.. вздохнулъ укоризненно Миловановъ.— А мы-то?..

XXVI.

Разумѣется, на другой-же день Миловановъ отправился на совѣщаніе къ чиновнику. Столичный подьячій, или приказная строка, по имени Иванъ Захаровичъ Павлиновъ, у себя на квартирѣ оказался чѣмъ-то инымъ. Миловановъ не ожидалъ того, что онъ увидѣлъ. Онъ нашелъ большую квартиру, отдѣланную проще чѣмъ была его собственная, но все-таки, сравнительно съ фигурой подьячаго, богатую и щегольскую.

Войдя въ первую горницу, онъ былъ принятъ барыней лѣтъ пятидесяти, расфранченною въ пухъ. На порогѣ смежной комнаты онъ увидѣлъ двухъ уже не молодыхъ дѣвушекъ, высокихъ, худыхъ, чрезвычайно похожихъ на отца. Однако и въ горницахъ, и въ ихъ убранствѣ, въ фигурахъ и туалетахъ барыни и дочерей былъ какой-то особенный, странный отпечатокъ, сочетаніе чего-то крикливо-показнаго съ фальшивымъ и

двусмысленнымъ. Никогда еще не случалось Милованову видѣть нѣчто подобное.

Хозяинъ вышелъ изъ своей комнаты въ темномъ халатѣ и туфляхъ и попросилъ гостя съ особенною любезностью и предупредительностью пожаловать къ нему въ кабинетъ.

Переступивъ порогъ и затворивъ за собой дверь, Миловановъ очутился въ грязной, закоптѣлой комнатѣ, гдѣ на столахъ, въ шкапахъ и на подоконникахъ лежали кипы бумагъ въ синихъ оберткахъ. Эта комната казалась какой-то канцеляріей, или даже архивомъ. Посрединѣ всего, предъ большимъ столомъ стояло большое, допотопное кресло. Въ него усѣлся хозяинъ, пригласивъ гостя сѣсть противъ себя.

Иванъ Захаровичъ объяснилъ Милованову, что онъ много обсуждалъ со всѣхъ сторонъ его „случай“, какъ онъ выразился, и пришелъ къ убѣжденію, что это дѣло еще не пропащее. Только хлопотъ будетъ много и, конечно, предвидится кое-какія траты. Онъ освѣдомился вскользь, какъ-бы мимоходомъ, сколько Миловановъ не пожалѣетъ за то, чтобы оказаться свободнымъ человекомъ. Такъ какъ этотъ не вполне понималъ смыслъ рѣчей подьячаго, то Иванъ Захаровичъ объяснился на чистоту.

— Можно все уладить, сказалъ онъ,—но все дѣльце влетитъ вамъ тысячекъ въ пять непременно, и если вы ихъ не желаете дать, такъ лучше и не начинайте. Все-таки истратите поневолѣ тысячу рублей, а она пропадетъ зря. Или на всѣ идите, или ни гроша не теряйте, а собирайтесь въ путь-дорогу, да, по добру, по здорову, съ супруженькой и ребеночкомъ отправляйтесь въ Рязанскую губернію на мѣсто жительства.

Миловановъ, разумѣется, отвѣтилъ, что средства у жены достаточны и что они ничего не пожалѣютъ для того, чтобы избавиться отъ того невѣроятнаго положенія, въ какое попали.

Иванъ Захаровичъ повеселѣлъ сразу и сталъ подробно объяснять, гдѣ, у кого и какъ онъ считаетъ нужнымъ хлопотать. Но ему необходимо имѣть для смазки не менѣе тысячи рублей.

— А то и начинать ничего не стоить! Никакого толку не будетъ! заключилъ онъ.

Миловановъ отвѣтилъ, что скажетъ женѣ и, по всей вѣроятности, на другой-же день доставитъ деньги.

— Вы не безпокойтесь, не трудитесь. Я завтра къ вамъ самъ заѣду, весело заявилъ чиновникъ.—Ну-съ, больше намъ съ вами и разсуждать не о чѣмъ. Начнемъ кампанію, будемъ сражаться, какъ доблестные воины, и всѣ крѣпости штурмомъ возьмемъ!

На другой-же день Павлиновъ, дѣйствительно, явился къ Милованову и получилъ тысячу рублей на хлопоты.

И съ этого дня началось мытарство. Съ этого дня, почти каждый день являлись въ квартиру Миловановыхъ разные посланцы отъ коллежскаго асессора Павлинова; но все, съ чѣмъ они являлись, казалось Прасковья Андреевна какимъ-то вздоромъ, совершенно не нужнымъ и къ дѣлу не идущимъ.

Дней черезъ пять явился, однако, самъ подьячій спросить Прасковью Андреевну, имѣетъ-ли она понятіе о рязанскомъ чиновникѣ Иванѣ Леонтьевичѣ Скоровѣ. Она ничего не могла отвѣчать, но Миловановъ вспомнилъ, что это былъ тотъ самый чиновникъ, который когда-то хлопоталъ при сдачѣ его въ солдаты.

— Ну, вотъ-съ, въ этомъ вся и бѣда! заявилъ Иванъ Захаровичъ.—Этотъ самый Скоровъ—тамошнян рязанская пивка, пройдоха самый сущій, Иуда и антихристъ, взяточникъ, сутяга, изъ тѣхъ, знаете-ли, чиновниковъ, которыхъ-бы вѣшать слѣдовало...

— Но что-жъ намъ до него за дѣло? спросила Прасковья Андреевна.

— А такое намъ, сударыня, дѣло, что онъ жало-

Финскій крестьянинъ. Съ карт. (право воспроизвед. въ гравюр. и проч. принадлеж. „Нивѣ“) И. Кошелева, грав. Шюблеръ. ¹

валь сюда и здѣсь онъ находится! И ходатайствуетъ, по порученію княгини Березопольской, вашей помѣщицы. Извините, на бумагѣ-то она все-таки-жъ помѣщица ваша. И вотъ онъ здѣсь приглядываетъ, подглядываетъ и разнюхиваетъ. И все то, что я подвизаюсь благоустроить, какъ честный исполнитель законовъ правосудія, влекомый сердцемъ къ справедливому разрѣшенію обстоятельствъ, удручающихъ мирныхъ гражданъ,—онъ, сутяга и ябедникъ, все мнѣ портитъ. Вотъ ужъ два дня, что мы съ нимъ, какъ два пѣтуха, уткнувъ головы въ землю, стоимъ и ждемъ кто первый подпрыгнетъ и кто кому шпорою глазъ выткнетъ. Въ этомъ-то теперь и все затрудненіе. И ждетъ онъ, Гуда Искариотскій, что я первый подпрыгну, а онъ меня хлопнетъ. Мнѣ-то пельзя ждать, а онъ выжидаетъ, проклятый. Начи онъ дѣйствовать, мнѣ-бы было легче васъ защищать, а онъ ничего не дѣлаетъ. А какъ я что сдѣлаю, такъ онъ разстроитъ. Вотъ я и являюсь вамъ доложить подробно, какъ тутъ быть.

И Иванъ Захаровичъ объяснилъ, что этого самаго взяточника и подлеца Ивана Леонтьевича надобно закупить, а безъ этого ничего сдѣлать нельзя. И поэтому Павлиновъ, ссылаясь на свое безкорыстіе, попросилъ еще тысячу рублей на „закупку“ рязанскаго стрекулиста.

Деньги, разумѣется, были ему тотчасъ-же переданы. Съ этого дня прошло около недѣли, и Миловановы не имѣли никакихъ извѣстій о томъ, въ какомъ положеніи находятся ихъ дѣла.

Наконецъ, однажды какой-то юный чиновникъ явился въ квартиру и передалъ Милованову приглашеніе отъ господина Павлинова пожаловать на другой день около полудня въ полицейское управленіе.

Миловановъ отправился и встрѣтилъ тамъ своего ходатая, а вмѣстѣ съ нимъ и рязанскаго подьячаго, котораго когда-то мелькомъ видѣлъ два раза. Они сѣли въ отдѣльную горницу и стали толковать о дѣлѣ.

Присмотрѣвшись къ обоимъ подьячимъ, губернскому и столичному, Миловановъ никакъ не могъ рѣшить вопроса, что это — два отчаянныхъ, заклятыхъ врага, которыхъ лишь дѣло заставляетъ бесѣдовать вмѣстѣ, или два пріятели, предатели кого-то третьяго.

Совѣщаніе это кончилось тѣмъ, что Милованова попросили дать подписку о невыѣздѣ изъ города впредь до разрѣшенія. Миловановъ охотно подписалъ поданный листъ. Затѣмъ оба чиновника стали совѣтовать Милованову попросить свою жену явиться лично къ главному начальнику сыскной полиціи, который—лицо очень высокопоставленное и лишь временно завѣдуетъ этой частью.

— Отъ него не то что многого, а все зависитъ, заявилъ Иванъ Захаровичъ.—Онъ у насъ временный командиръ. Отъ него не зависитъ, конечно, чтобы вы получили отъ помѣщицы видъ на жительство, или-бы совсѣмъ стали вольнымъ, но отъ него зависитъ дозволить вамъ остаться въ городѣ. Или, если онъ захочетъ, то можетъ, по чьему либо наущенію, тотчасъ-же послать васъ въ Рязань съ семействомъ по этапу, какъ престаго крѣпостнаго человѣка.

— Такъ я и пойду его просить самъ, вызвался Миловановъ.

— Нѣтъ, сударь, это не годится. Онъ, доложу я вамъ, большою дамскій любезникъ—и лучше чтобы съ нимъ переговорила ваша супруга. Пускай она пожалуетъ сюда, спроситъ меня, а я ужъ устрою, что его превосходительство приметъ ее.

Миловановъ не обѣщалъ ничего положительнаго, по вернулся домой и передалъ женѣ свое впечатлѣніе и совѣтъ подьячихъ. Онъ невольно сознавался, что во всемъ образѣ дѣйствій обоихъ было что-то странное, недосказанное, была какая-то путаница. А главное, что бросалось въ глаза, это отношеніе двухъ стрекулистовъ

между собой, невозможность сказать, опредѣлить, враги-ли они, или закадычные друзья.

— О чемъ-же я буду просить генерала? удивилась Прасковья Андреевна.

— О томъ, чтобы намъ позволили здѣсь жить впредь до выясненія всѣхъ обстоятельствъ, а то насъ могутъ выслать въ Рязань, даже по этапу.

— Но вѣдь съ тебя взяли подписку, что ты не выѣдешь, стало-быть, хотятъ насъ заставить здѣсь жить... И въ то-же время я должна просить, чтобы намъ дозволили здѣсь жить. Вѣдь все это странно, темно!

— Все темно... Темнѣе, чѣмъ когда либо. Но что-жъ дѣлать? разсудилъ Миловановъ.

На другой-же день Прасковья Андреевна, грустная, но холодно гордая, явилась въ то-же самое управленіе. Теперь только, въ первый разъ, начиналась сказываться тяжелая сторона того дикаго положенія, въ которое она себя поставила своимъ бракомъ.

Думалось-ли ей, княжнѣ Березопольской, что она будетъ когда-нибудь припуждена являться лично въ грязное, вонючее присутственное мѣсто и сидѣть на лавочкѣ рядомъ съ какимъ-то бродягой, захваченнымъ въ полицію за буйство. А теперь ей даже приходилось терпѣливо ждать, чтобы мелкій подьячій, по своей протекціи, провель ее къ какому-то важному генералу, который, во время оно, почелъ-бы себя, быть-можетъ, счастливымъ, еслибъ былъ принятъ въ домъ ея отпа.

XXVII.

Времени прошло не мало...

Иванъ Захаровичъ явился наконецъ и попросилъ госпожу Милованову перейти въ другую горницу, гдѣ была така-же грязь, духота и вонь. Но здѣсь, по крайней мѣрѣ, не было разношерстнаго народа въ лохмотьяхъ, со странными, не то пьяными, не то испуганными лицами. Затѣмъ онъ вызвался сбѣгать доложить какому-то Порфирию Матвѣевичу, который во всемъ — властная рука, а тотъ уже устроитъ, чтобы его превосходительство тотчасъ принялъ госпожу Милованову.

Подьячій скрылся. Прасковья Андреевна осталась дожидаться и снова время шло томительно долго. Прошелъ цѣлый часъ. Мимо нея проходили, мелькали и прыгали разными фигурами, большею частію чиновники, писмоводители и писаря. Единственное утѣшеніе ея было въ томъ, что никто на нее не обращалъ никакого вниманія.

Наконецъ появился Павлиновъ, пригласилъ Прасковью Андреевну за собой и повелъ по крутой, грязной и вытопанной ступнями лѣстницѣ въ слѣдующій этажъ.

Тамъ оказалось нѣсколько чище, просторнѣе, и воздухъ былъ менѣе пропитанъ тѣмъ ѣдкимъ запахомъ невѣдомаго свойства, который, какъ пелена, нависъ въ горницахъ нижняго этажа.

Точь-въ-точь такой-же чиновникъ, какъ и Павлиновъ, тоже въ очкахъ, хотя не синихъ, нѣсколько опрятнѣе одѣтый, съ огромнымъ перстнемъ на пальцѣ, гдѣ сіялъ брилліантъ, принялъ Прасковью Андреевну, не подавая руки, ибо держалъ золотую табакерку и фулярный носовой платокъ.

Попросивъ ее сѣсть, онъ, глядя черезъ столъ въ окно на сѣрое небо, попросилъ ее разсказать ему вкратцѣ, въ чемъ состоитъ ея дѣло.

Прасковья Андреевна разсказала.

— О чемъ-же вы хотите беспокоить его превосходительство? спросилъ онъ.

— О томъ, чтобы намъ не исполнять требованія госпожи Березопольской и оставаться въ Петербургѣ впредь до благополучнаго разрѣшенія всего этого дѣла. Такъ совѣтовалъ самъ Иванъ Захаровичъ.

Чиновникъ ничего не отвѣтилъ, понюхалъ табакерку, спрятавъ табакерку, затѣмъ свернулъ фуляръ въ клубокъ, обтеръ себѣ носъ и, помолчавъ, выговорилъ:

— Да-съ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, „Коварство и любовь“ господина Шиллера. Вотъ, что представляютъ теперь на театрѣ! Извольте-съ. Сейчасъ доложу его превосходительству. Они теперь свободны. Но только я не отвѣтчикъ за то, что изъ всего этого выйдетъ, такъ какъ я въ сторонѣ, прибавилъ онъ, многозначительно взглянувъ въ лицо Прасковьи Андреевны.

Она замѣтила двусмысленность его взгляда, но значенія его не поняла.

А чиновникъ между тѣмъ думалъ:

„Денегъ жаль... На жилу Павлинова одного полагаешься, да на себя... А ничего ты не подѣлаешь. Не казиста больно, да и стара! Поди, небось, къ сорока годамъ уже подѣхала! Будь смазлива — иное дѣло!“

— Что жъ, извольте-съ, я пойду доложу! снова произнесъ онъ вслухъ. Но не двигаясь, будто ждалъ чего-то...

Прасковья Андреевна молчала, тоже ожидала и, удивляясь, глядѣла на него.

— Да, съ дамами дѣло имѣть куда непокладно. Все какъ-то трафится неопредѣлительно! Э-эхъ! грѣхи тяжкіе! выговорилъ онъ вдругъ, отодвинулъ свое кресло и, тяжело поднявшись, вышелъ изъ горницы.

Не прошло минуты, какъ онъ ужъ вернулся назадъ и, сдѣлавъ движеніе рукой къ дверямъ, въ которыхъ остановился, выговорилъ:

— Пожалуйте, сударыня! Его превосходительство просить!

Онъ пропустилъ Прасковью Андреевну мимо себя, показалъ ей слѣдующую дверь и прибавилъ:

— Вотъ сюда пожалуйте! А обратно, будьте добры, вотъ въ эту дверь идите, показалъ онъ на другую.— Такъ прямо по парадной на улицу и выйдете. А коли будетъ вамъ какая нужда, или желаніе меня повидать, прибавилъ онъ, ухмыльнувшись, — тогда, милости просимъ, прежнимъ путемъ. Я всегда здѣсь присутствую.

Прасковья Андреевна направилась къ двери, открыла ее и вошла въ просторный, просто, но хорошо отдѣланный кабинетъ. Переступивъ порогъ, она обдумывала не то, что будетъ говорить, а въ какомъ тонѣ говорить ей: принимать ли видъ просительницы, или, напротивъ, женщины обойденной лбедниками и сутягами и защищающей свои естественныя права.

Ступивъ нѣсколько шаговъ и поднявъ глаза на фигуру военнаго, который двинулся къ ней навстрѣчу, она ахнула и замерла на мѣстѣ. Военный тоже остановился и вытаращилъ дикіе глаза.

Наступило молчаніе и длилось нѣсколько секундъ.

И тотъ, и другая были, очевидно, поражены чѣмъ-то внезапнымъ и невѣроятнымъ.

— Мое почтеніе! раздался знакомый Прасковьи Андреевнѣ голосъ, который невольно заставилъ ее вздрогнуть.

Предъ ней стоялъ не кто иной, какъ ея бывший женихъ, генералъ Орвадзе. И сразу ей вспомнилась его когда-то бессмысленная и недѣлая угроза. И вдругъ теперь эта угроза получила полный смыслъ.

— Ну, что жъ, все-таки сядьте! насмѣшливо выговорилъ Орвадзе, возвращаясь на свое мѣсто и показывая стулъ на довольно далекомъ разстояніи отъ себя.

Прасковья Андреевна двинулась, но чувствовала, что ноги у нея подкашиваются, въ головѣ становится темно. Она сѣла, съ трудомъ переводя дыханіе, но, однако, силою воли преодолѣла себя. Въ головѣ ей явилась мысль, что хоть этотъ злѣйшій врагъ ея, человѣкъ теперь власть имѣющій, — именно ту власть, подъ которой печаянно очутилась она, — но тѣмъ не менѣе, вѣдь не одинъ же онъ на весь Петербургъ могущественный повелитель всего и всѣхъ.

— Ну-съ, княжна, то-бишь, выходить ужъ не княжна, а какъ-то... что-то такое чудесное... Вѣдь вы, стало-бытъ, госпожа Милованова?

— Да, выговорила Прасковья Андреевна глухо, но твердо.

— Позвольте же мнѣ узнать... Я ничего и понять не могу! Мнѣ доложили, что какая-то дворянка, замужемъ за своимъ крѣпостнымъ, находится въ бѣгахъ. Помѣщица требуетъ водворенія на жительство. Такъ ли все это?

— Болѣе, или менѣе, произнесла Прасковья Андреевна.

— То-есть какъ это: болѣе или менѣе? Пребезсмысленное выраженіе! сухо вымолвилъ Орвадзе. — Вашъ мужъ — крѣпостной человѣкъ?

Прасковья Андреевна хотѣла было объяснить, какъ все произошло, но Орвадзе рѣзко перебилъ ее и выговорилъ:

— Я — человѣкъ занятой. Мнѣ некогда бабы сказки выслушивать. Я у васъ спрашиваю: крѣпостной вашъ мужъ?

— Крѣпостной.

— А вы — его жена?

— Да.

— А помѣщица требуетъ, чтобы вы были водворены на жительство по мѣсту рожденія или приписки? Отвѣчайте.

— Да.

— Ну-съ, такъ и ступайте! И такъ какъ въ простомъ холопскомъ состояніи не полагается никакихъ ни вольныхъ, ни почтовыхъ, то вы и прогуляйтесь по об-разу пѣшаго хожденія...

— Стало-бытъ, вы хотите мнѣ теперь безчестно мстить, генералъ?

— Точно такъ-съ... Понять не трудно! И доложу вамъ, что я дѣйствую благороднѣйшимъ образомъ. Я бы могъ распорядиться съ вами совѣмъ ипаче. Я бы могъ на сихъ дняхъ, забравши въ полицію вашего бѣглаго мужа, просто выдрать его розгами, да и васъ съ нимъ прихватить, якобы по ошибкѣ... А видите ли, я васъ отпускаю. Вотъ то-то, сударыня! Кабы вы не пренебрегли когда-то воинномъ и генераломъ, такъ не были бы въ такомъ положеніи, не допрыгались бы до того чтобы быть холопкой. Вѣдь это только шалая, старая дѣвка могла выйти замужъ за своего крѣпостнаго двороваго! Я слышалъ про эту вашу исторію, но никакъ не предполагалъ васъ увидѣть. Ну, что жъ — долгъ платежемъ красенъ! Отправляйтесь домой, займите узелочекъ на дорогу, да завтра на зарѣ вмѣстѣ съ мужемъ и маршъ по этапу къ своей барынѣ-помѣщицѣ. Верстъ тысячу отмахаете, будете помнить генерала Орвадзе. Ну-съ, милости просимъ!

И генералъ махнулъ рукой, показывая на дверь.

Прасковья Андреевна поднялась, хотѣла что-то сказать, но круто повернулась и пошла изъ горницы.

Выйдя на улицу и чувствуя, что голова у нея кружится, она прошла немного пѣшкомъ. Когда она вернулась домой, то нашла у себя въ квартирѣ встревоженнаго и бесѣдующаго съ мужемъ Ивана Захаровича Павлинова.

Мужъ сидѣлъ съ измѣнившимся лицомъ.

Прасковья Андреевна сразу поняла, что угроза врага, вѣроятно, приняла уже иной видъ, въ родѣ официальнаго распоряженія.

— Кабы знать да вѣдать! воскликнулъ Иванъ Захаровичъ при видѣ ея. — Не слѣдовало вамъ генерала и видѣть... Хуже вышло.

— Вы же посовѣтовали...

— Да-съ... Но могъ ли я предвидѣть что вы наскжете генералу дерзости и онъ захочетъ васъ проучить за это, свою власть показать?... Сами виноваты! Спѣси много...

Прасковья Андреевна удивленно поглядѣла на чиновника и не отвѣтила ни слова.

(Продолженіе будетъ).

Прибытіе лоцмана въ бурю у Норвежскихъ береговъ. Рис. Шилдтъ, грав. Клоосъ.
Библиотека "Руниверс"

Мулла-купецъ въ Мервѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомскаго, грав. Ангереръ.

Дворняшка.

Разсказъ Н. Станицаго.

(Продолженіе).

Поселясь жильдомъ въ домѣ Ирины Никитишной, Семень Ивановичъ боялся чѣмъ-нибудь огорчить ее, а она, сама не замѣчая, обходилась съ нимъ деспотически и срывала на немъ свое раздраженіе въ горестныя минуты своей непріятной старости. Семень Ивановичъ съеживался и не смѣлъ лишній разъ выйти въ кухню, когда Ирина Никитишна стирала, подыавшись съ пѣтухами въ тотъ день. А также когда она мыла полы, Семень Ивановичъ убѣгалъ изъ дому, чтобы не мѣшать Ирину Никитишну, которая любила чистоту и порядокъ въ домѣ. Между тѣмъ Ирина Никитишна и Семень Ивановичъ такъ привязаны были другъ къ другу, что еслибы ихъ разлучить, то они пропали бы оба съ тоски.

Чтѣ было съ Семеномъ Ивановичемъ—трудно описать, когда, придя къ обѣду, сынъ вдовы принесъ газету, гдѣ было объявленіе о сбѣжавшей болонкѣ и назначена была награда 25 рублей тому, кто доставитъ ее по приложенному адресу.

— Вотъ съ, Ирина Никитишна, за бляшивую-то собаченку какую награду даютъ! говоритъ Семень Ивановичъ, сидя за обѣдомъ!

— Не болтайте, а ѣшьте!.. Мало ли полоумныхъ на свѣтѣ, которые швыряютъ деньгами! сердито отвѣчала Ирина Никитишна,—можетъ совсѣмъ не вашу собаченку и ищутъ-то.

Семень Ивановичъ читалъ примѣты и радостно повторилъ:

— Она-съ, она-съ, точка въ точку всѣ примѣты-съ!

Семень Ивановичъ безъ конца велъ разговоръ съ болонкой, въ этомъ родѣ.

— Хорошо что я вамъ, мадамъ, сегодня сдѣлалъ ванну, а то какъ бы и завтра васъ понесъ бы? Да-съ, опять будете сливочки лизать да по коврамъ бѣгать... Послушайся я Ирину Никитишну, выбрось васъ, и не видать бы мнѣ 25 рублей. Ай да мадамъ, не думалъ, что черезъ васъ такое счастье свалится на меня!

Эту ночь Семень Ивановичъ спалъ плохо, онъ часто просыпался, ощущивая съ нимъ-ли лежитъ болонка. Утромъ онъ долго дѣлалъ свой туалетъ, напонадилъ свои рѣдкіе съ просѣдою волосы, зачесалъ виски и сдѣлалъ хохолокъ. Надѣлъ вицъ-мундиръ и, завернувъ болонку въ полотенце, взялъ ее подъ шинель и, уходя, сказалъ Ирину Никитишну:

— Несу-съ болоночку.

— Очень рада что уносите изъ дому эту дрянь!

— За дрянь-то 25 рублей награды даютъ-съ.

— Вылами писано на водѣ эти 25 рублей, морочатъ только такихъ какъ вы! Принесете собаченку, а денегъ не дадутъ, горячась сказала Ирина Никитишна.

— Что вы, что вы, Ирина Никитишна, а въ газетѣ было пропечатано! воскликнулъ Семень Ивановичъ.

— Мало-ли что въ газетѣ можно печатать! Посмотрю, съ чѣмъ вернетесь, можетъ и рубля не дадутъ! Да если полтинникъ получите и то будетъ много, коли по правдѣ скажутъ! ворчливо говорила Ирина Никитишна и прикрикнула:—да идите, чего стоите!

Семень Ивановичъ однако волновался дорогой, думалъ: „а чтѣ если Ирина Никитишна будетъ права?“ Но онъ напрасно мучилъ себя, потому что, когда онъ привнесъ болоночку по адресу, то ее встрѣтила хозяйка съ радостными возгласами и вручила ему снола награду. Семень Ивановичъ прибѣжалъ домой какъ угорѣлый; отъ скорой ходьбы и волненія онъ не могъ ничего говорить, когда вошелъ въ кухню, а только махалъ ассигнаціей передъ глазами Ирины Никитишной и едва проговорилъ:

— Что-съ, полтинникъ?

Ирина Никитишна съ досадою отвернувшись, проворчала:

— Шальные деньги должно быть у нихъ.

Семень Ивановичъ имѣлъ видъ какъ бы хмѣльнаго челоуѣка; онъ сѣлъ на скамейку и сталъ разсказывать Ирину Никитишну, рубившей мясо въ деревянной чашкѣ.

— Вы меня очень изволили смутить-съ, какъ я понесъ болоночку — полтинникъ дадутъ!.. Пришелъ я въ Моховую, напелъ по адресу домъ-съ — громадный; швейцаръ усатый указалъ мнѣ идти по лѣстницѣ. Какъ дошелъ я до двери, страхъ меня взялъ, позвонилъ, какая-то барыня отворила мнѣ дверь и не чисто норусски спросила: — Кого мнѣ надо?.. Я ей показываю объявленіе въ газетѣ; болоночка какъ забарахтается у меня подъ шинелью, да завизжитъ. Барыня тоже взвизгнула, залепетала что-то, сама распахнула мою шинель, ахнула, отворила дверь, бросилась въ комнату и стала кричать, — звать должно быть кого-нибудь. Въбѣжала другая-съ барыня, схватила у меня болоночку, стала-съ цѣловать ее, у обѣихъ слезы на глазахъ отъ радости-съ. Румяная барыня что-то приказала другой барыни, та убѣжала и принесла мнѣ 25 рублей. Обѣ что-то мнѣ лепетали по своему, я ничего не понималъ-съ, раскланялся и ушелъ-съ.

Ирина Никитишна ни единого слова не проронила, слушая разсказъ Семена Ивановича; ея лицо было хмуро, и она энергично рубила сѣчкой мясо.

Семень Ивановичъ всталъ и пошелъ къ выходной двери; Ирина Никитишна остановила его вопросомъ:

— Куда теперь-то идете? какъ-съ не близкая дорога—въ Моховую и обратно!

— Я сейчасъ вернусь-съ, Ирина Никитишна, отвѣчалъ Семень Ивановичъ.

— Деньги-то хотъ оставьте дома, вѣдь у васъ совсѣмъ шальной видъ, долго-ли обронить ихъ, замѣтила Ирина Никитишна.

— Слава Богу-съ, отродясь гроша не обранивалъ, а тутъ такую суму потеряю-съ. Я сейчасъ сбѣгаю-съ въ два мѣста, отвѣчалъ Семень Ивановичъ и скрылся.

Старушка проворчала: „сбѣгаю,—чай ноги-то едва приволокъъ домой, сбѣгаю!“

Семень Ивановичъ вернулся и положилъ на кухонный столъ передъ Ириной Никитишной два фунта кофе, пять фунтовъ сахару и полфунта чаю, сказавъ при этомъ:

— Это отъ собачки-съ, кушайте-съ на здоровье-съ, Ирина Никитишна.

Старушка покраснѣла и сердито на него взглянула, воображивъ, что онъ хотѣлъ ее узавить. Но она ошиблась: Семень Ивановичъ находился въ такомъ блаженномъ настроеніи, что ему въ голову не приходило язвить.

— Это-съ—показывая на коробку папирсъ — 250 штукъ папирсъчекъ Володѣ. А это—кладъ на столъ 2 рубля—Варенькѣ на калоши, чтобы ноги не промачивала.

— Мотъ вы, Семень Ивановичъ. Лучше бы сапоги себѣ купили, они у васъ давно каши просятъ, да шинель-бы на новую вату положили бы, а то какъ мерзлая кочерыжка приходите домой, все-таки ворчливо сказала Ирина Никитишна, старалась подавить въ себѣ волненіе отъ подарковъ.

Семень Ивановичъ юркнулъ въ свою комнату, раздѣлся, все прибралъ и, облачась въ халатъ, сталъ считать деньги.

— Это на сапоги, это на поправку шинели!—и онъ задумался:—надо безвременю кунить бѣлья... все износилось... галстукъ весь истерся... Но вдругъ, спрятавъ деньги въ комодъ, произнесъ:—Нѣтъ, гроша изъ нихъ не потрачу—пусть онѣ лежать мнѣ на похороны. А то умру, такъ въ изъяснъ введу Ирину Никитишну и Володю. Они не захотятъ, чтобы меня какъ ницого похоронила полиція—затянутся въ долгу, а ужъ похоронить меня на свой счетъ!..

Съ этого времени Семень Ивановичъ, идя по улицѣ, участливо дѣлалъ вопросъ собачкамъ хорошей породы, которыхъ встрѣчалъ:

— Что, потеряла хозяйка, ахъ, бѣдна!

Комнатныя собачки чувствительны къ ласкамъ, такъ что одинъ монсъ отъ такого вопроса сталъ ласкаться къ нему, а Семень Ивановичъ сказалъ:

— Твоя воли, иди за мной, можетъ я и пайду твоего хозяина.

И привелъ монса къ себѣ.

Ирина Никитишна только замѣтила:

— Никакъ вы, Семень Ивановичъ, собачій притонъ у себя въ комнатѣ хотите устроить?

— Монсикъ дорогой-съ, Ирина Никитишна, навѣрно о пропавшъ его будетъ публикація въ газетѣ, отвѣчалъ Семень Ивановичъ.

— Ну, батюшка, разлакомились больно, шальныхъ-то людей не много, сказала Ирина Никитишна.

— Кто заводитъ дорогихъ собачекъ-съ, Ирина Никитишна, тотъ въ состояніи награды давать за нихъ-съ. Завтра сбѣгаю въ трактиръ и просмотрю объявленія въ *Полицейскія Видомостяхъ*-съ, а Володя въ другихъ газетахъ-съ.

— По трактирамъ еще бѣгать станете? Этого недоставало!

— Да я-съ, Ирина Никитишна, не бражничать буду, спрошу бутылочку пива и прочту объявленія-съ.

— Смолоду никогда по трактирамъ не шлались, а теперь для собачёнокъ хотите бѣгать туда, ворчала старушка.

Съ какой гордостью и радостью черезъ два дня прибѣжалъ изъ трактира Семень Ивановичъ и объявилъ Ирину Никитишну, что дадутъ награды 15 рублей за монсика, сбѣжавшаго такого-то числа.

— Графская собачка-съ, Ирина Никитишна. Вѣдь это будетъ 40 рублей! Чего добраго, я накоплю-съ этимъ манеромъ на выигрышный билетъ, да 200 тысячъ выиграю-съ... вотъ заживемъ-то мы съ вами!

Старушка вскипятилась.

— Вы, Семень Ивановичъ, рехнулись, кажется! статочное-ли вамъ, въ вашемъ званіи, дѣло, собачникомъ дѣлаться? просто срамота!

— Чѣмъ же срамота, помилуйте-съ? Я даже доброе дѣло дѣлаю, призрѣваю заблудшихъ собачекъ, доставляю радость ихъ хозяевамъ, защищался Семень Ивановичъ.

— Это вы называете добрымъ дѣломъ! набросилась на него старушка. — Постыдитесь! Чинъ имѣете, тридцать пять лѣтъ состояли на государственной службѣ, пенсію получаете, а чѣмъ вдумали заниматься! Чего добраго, вы не найдете страннѣе и на паперти стоять; тоже и этимъ манеромъ наживаютъ себѣ деньги, да еще какія! горячась говорила Ирина Никитишна.

Семень Ивановичъ обидѣлся.

— Я-съ на паньери стоять не буду-съ, даже еслибы съ голду умираль-съ! сказалъ онъ. — Спросите Володу, что ничего вѣтъ страннаго отъ богатыхъ людей получить награду за ихъ собаку. Я бы-съ и безъ награды доставилъ бы.

— Что мнѣ Володи! точно у меня своего разума нѣтъ!.. Идите, получайте деньги! срамитесь—не малолѣтній, сами должны знать, какъ свое званіе беречь, гнѣвно проговорила Ирина Никитишна и ушла изъ кухни.

Слова Ирины Никитишны отравили радость Семена Ивановича, и когда онъ понесъ мопса въ графскій домъ, онъ иди дорогой все разсуждалъ о томъ, что срамнаго, если онъ возьметъ 15 рублей награды,—вѣдь добрая воля людей заплатитъ ему за доставленіе сбѣжавшаго мопса... Радость доставляю. Какъ вонъ барыни обрадовались своей болоночкѣ! На 15 рублей исправлю шинель и куплю новыя сапоги!..

И обращаясь къ мопсу, вертѣвшемуся у него подъ шинелью, онъ урезонивалъ его:

— Потерпи маленько, скоро и графскій домъ! обрадуются тебѣ, да и самъ ты обрадуешься, что опять заживешь въ холѣ!..

Ирина Никитишна начала беспокоиться, что долго не возвращается домой Семень Ивановичъ, и сильно встревожилась, когда онъ не явился къ обѣду.

— Никогда этого не бывало, чтобы онъ даже запаздывалъ, говорила она сыну.

Тотъ успокоивалъ мать, но она въ безпокойствѣ разсуждала: — Господи, ужъ на радостяхъ не сидитъ-ли въ трактирѣ? Чего добраго — во вкусъ вошелъ шлясь по трактирамъ для своихъ собаченокъ.

Ирина Никитишна обрадовалась, увидавъ Семена Ивановича входящаго въ кухню, и сдѣлала ему вопросъ:

— Гдѣ это пропадали?

Семень Ивановичъ, ничего не отвѣтивъ, юркнулъ въ свою комнату.

— Семень Ивановичъ, идите ѣсть! крикнула ему старушка, наливъ ему тарелку щей.

— Благодарю-съ, и сытъ-съ! отвѣтилъ Семень Ивановичъ какимъ-то необыкновеннымъ голосомъ, такъ что старушка распахнула дверь и увидала Семена Ивановича сидящаго въ шинели на диванѣ.

— Что съ вами? воскликнула она, ища глазами мопса.— Вѣрно не та собаченка? или вырвалась она у васъ изъ рукъ? Семень Ивановичъ моталъ головой.

— Господи, что такое стряслось! въ испугѣ воскликнула Ирина Никитишна.

— Обидѣли, жестоко обидѣли меня, Арина Никитишна! дрожащимъ голосомъ и со стономъ произнесъ Семень Ивановичъ.

— Кто васъ обидѣлъ, говорите! торопливо спросила Ирина Никитишна.

— Графское лакейство, слезливо отвѣчалъ Семень Ивановичъ и несвязно, задыхающимся голосомъ разсказалъ, что когда онъ принесъ мопса, то лакеи взяли у него собаку и унесли наверхъ изъ швейцарской. А когда онъ сказалъ о наградѣ, то швейцаръ и другіе лакеи стали его гнать вонъ.

— И вы ушли? Ахъ вы, мокрая курица! гнѣвно воскликнула Ирина Никитишна.

— Помилуйте-съ, Арина Никитишна, какъ не уйти, когда швейцаръ—съ тамбуръ-мажора ростомъ, косая сажень въ плечахъ—отворилъ дверь и говоритъ: „Не награды тебѣ надо, въ полицію отвести за кражу собакъ“. Я краду!..

Семень Ивановичъ закрылъ лицо руками и заплакалъ.

— Ахъ, онъ мерзавецъ! въ ярости вскрикнула Ирина Никитишна.—Что-же вы не пошли сейчасъ-же въ полицію пожаловаться на нахала? Какъ онъ смѣлъ чиновника назвать воромъ! Пойдемте со мной. Нѣтъ! Я покажу какъ онъ смѣлъ чиновника обозвать воромъ! Онъ полагается за это!

— Нѣтъ-съ, Арина Никитишна, не беспокойте-съ себя. Ничего не подѣлаешь съ нахальнымъ лакействомъ—свидѣтелей постороннихъ не было, какъ я принею мопсика, а лакейство отречется.

— Къ самому графу пойдемъ, все разскажемъ.

— Не пустять-съ,—ихъ цѣлыхъ трое, кромѣ швейцара.

— Да хоть бы десять было, плевать на нихъ! негодовала старушка, какъ осмѣлились оскорбить честь Семена Ивановича.

— Ради Христа, Арина Никитишна, успокойтесь; я очень усталъ-съ, идти не могу-съ! съ мольбой сказалъ Семень Ивановичъ.

— А еще мужчина! проговорила старушка и ушла изъ комнаты, но не смотря на свое пренебрежительное замѣчаніе, она переполнена была жалости къ убитому горемъ Семену Ивановичу. Черезъ полчаса она вышла опять къ нему и повелительно сказала:

— Ну, что пюнить, идите поѣсть!..

— Не могу-съ!

— Вздоръ какой! можно-ли оставаться безъ обѣда столько времени, идите! Раскисать-то не съ чего! Известно, лакейство грубо, плевать на него!.. Идите!..

Семень Ивановичъ не смѣлъ послушаться и пришелъ въ кухню, сѣлъ за столъ и дѣлалъ только видъ, что ѣсть щи.

Ирина Никитишна участливо урядкой поглядывала на него

и вздыхала. Она старалась развлечь Семена Ивановича, вспоминая прошлое изъ ихъ жизни. Поставила самоваръ, панюла его чаемъ и посовѣтовала ему лечь спать.

Дожидаюсь вечеромъ возвращенія сына домой, Ирина Никитишна вѣзала чулокъ, прислушивалась и, покачивая головой, шептала:

— Не спать, экой бѣдняга! ну, теперь отобѣетъ, у него охоту таскать къ себѣ собаченку!

Но она ошиблась. Прошло не болѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ случившейся катастрофы съ Семеномъ Ивановичемъ изъ-за мопса, какъ онъ разъ вернулся домой съ черною маленькою дворняжкой, очень уродливой: на коротенькихъ ножкахъ, съ торчащимъ однимъ ухомъ къверху, не по росту большимъ хвостомъ.

Ирина Никитишна въ ужасѣ воскликнула:

— Опять притащили собаченку?

— Вы ужъ не сердитесь, Арина Никитишна, это я собственно для себя привелъ-съ, даже не буду и въ газету глядѣть.

— Еще-бы для такой подворотни станутъ тратиться на объявленіе, замѣтила Ирина Никитишна.

— Такъ она жалобно повизгивала, идя за мной, такъ ласкалась ко мнѣ, глаза у ней такіе!..

Ирина Никитишна не дала ему болѣе говорить и строго сказала: — Такъ и знайте, Семень Ивановичъ, первый разъ, что ваша подворотня нагрязнитъ гдѣ-нибудь, только вы и видѣли ее! Придумалъ что—собаку себѣ заводитъ!

— Я съ дѣтства-съ, Арина Никитишна, очень собачекъ любилъ-съ.

— Мало что мы любимъ! прожили полвѣка безъ собакъ, а тутъ вдругъ задумали обзаводиться ими, да еще подворотней! ворчала старушка и сердито добавила: — Проваливайте-ка къ себѣ съ подворотней, и если увижу ее въ кухнѣ, ухватомъ ее поотчую, да и за ворота.

Семень Ивановичъ въ своей комнатѣ читалъ наставленіе дворняжкѣ:

— Смотри, носу не показывай въ кухню!.. Да, не казистой ты породе, разсматривая собаченку, говорилъ Семень Ивановичъ,—ухото одно вишь какъ торчитъ, а другое, какъ трипка, визитъ.—Дворняшка смотрѣла ему въ глаза и повизгивала. — Вина не твоя, что такой уродилась, не вѣшь счастье посылается, не отъ насъ зависитъ быть красивыми, да богатыми!

И Семень Ивановичъ долго философствовалъ на эту тему.

Отъ скуки Семень Ивановичъ занялся обученіемъ дворняжки: заставлялъ ее служить на заднихъ лапахъ. Дворняшка выказала большую понятливость, и ея хозяинъ усердно продолжалъ ея образованіе. При словахъ: „ахъ, бѣднаа, ланку тебѣ отдавали“, дворняшка скакала на трехъ лапахъ; „умри“, говорилъ Семень Ивановичъ,—дворняшка растягивалась по полу и не шевелилась. Семень Ивановичъ клялъ дворняжкѣ на пость кусочекъ хлѣба и произносилъ: „азъ, буки, вѣди, глаголь, добро, ѣсть“ собаченка ловко ловила съ носу кусочекъ. Выучилъ онъ дворняжку подавать себѣ туфли по утрамъ и прятать ихъ въ углы, когда снималъ ихъ. И такъ занимала его дворняшка, что онъ по цѣлымъ днямъ бесѣдовалъ съ ней.

Старушка иногда не вытерпитъ, крикнетъ ему изъ своей комнаты:

— Вы, Семень Ивановичъ, словно малый ребенокъ возитесь со своей подворотней! Хотъ бы носки выучились вязать, чѣмъ съ подворотней заниматься.

Семень Ивановичъ далъ дворняжкѣ имя „Жучекъ“.

— Ты изъ простаго званія такъ не подобаетъ тебѣ мудреной клички: Трезора или Фингала. Ты черный, ну и будь „Жучекъ“.

Сынъ старушки спова расшевелилъ въ Семенѣ Ивановичѣ желаніе добывать деньги легкимъ способомъ. Приходя со службы подшучивалъ надъ нимъ, сочиняя ему, что будто бы то одинъ его знакомый получилъ большую награду за приставную къ нему собаку, то другой.

Семень Ивановичъ, къ отчаянію Ирины Никитишны, навелъ къ себѣ еще двухъ собаченокъ, приставивъ къ нему. Бѣгалъ въ трактиръ читать объявленія, наказывалъ Володѣ просматривать въ другихъ газетахъ—вѣтъ-ли публиканіи о нихъ, но, къ его огорченію, ни объ одной изъ его собачекъ не было объявленія. Ирина Никитишна злилась и страшно пилила его, хотя собаченки вели себя примѣрно и сидѣли въ комнатѣ Семена Ивановича, ничѣмъ не беспокоя ее.

Вернемся къ позднему вечеру, когда старушка и Семень Ивановичъ задремали и очнулись отъ стука въ ставню.

Собаченки залаiali. Старушка торопливо поплелась отворять калитку, а Семень Ивановичъ стыдился своихъ собаченокъ:

— До сихъ поръ не умѣете отличить, что свой стучится. Вонъ Жучекъ, даромъ что низкаго происхожденія, а давно пересталъ лаять, напротивъ — хвостомъ привѣтствуетъ возвращеніе домой Володи. Барышня, перестаньте, неприлично такъ надирать. Мнѣ изъ-за васъ достается и такъ отъ Ирины Никитишны, а вы еще лаете!

Когда вошелъ въ комнату Володя и сталъ раздѣваться, то Семень Ивановичъ спросилъ его черезъ перегородку:

— Нѣтъ-ли, Володя, подходящаго объявленія?

— Нѣтъ! отвѣтилъ молодой человекъ.

Семень Ивановичъ съ участіемъ спросилъ:

— Эхъ, тебя сегодня долго продержали!
— Да еще дали кучу работы, иблую ночь просидишь за ней, досадливо сказала молодой человекъ, двигая стулъ, усаживаясь у письменнаго стола.

— Ты бы бросилъ ходить въ страховое общество; съ твоимъ умомъ, да ученостью, слава Богу, найдешь себѣ другое занятіе, говорилъ Семенъ Ивановичъ.

Горькая улыбка показалась на утомленномъ лицѣ молодого человека, и онъ отвѣчалъ:

— Ну, Семенъ Ивановичъ, теперь люди и съ университетскимъ образованіемъ сидятъ безъ работы, а не только съ монч.— гимназическимъ.

Семенъ Ивановичъ глухо сталъ кашлять. Вошла Ирина Никитишна съ тарелками, поставила ихъ на столъ и сказала сыну.

— Ты поѣшь, а потомъ садись за работу.

— Послѣ, теперь не хочу! отвѣчалъ молодой человекъ и сталъ выкладывать изъ портфеля бумаги и разбирать ихъ.

Старушка усѣлась на кончикъ стула и принялась вязать чулокъ, тревожно и украдкой поглядывая на сына, который сталъ писать.

Семенъ Ивановичъ кашлялъ.

— Слышишь, какъ бухаетъ? тихо произнесла старушка.— Все изъ-за болящихъ своихъ собаченокъ. Какъ онъ тамъ хочетъ, а я ему сегодня сказала, собакамъ желаетъ царю имѣть, такъ пусть перебирается отъ насъ куда знаетъ.

— Мама, да что съ вами! укоризненно произнесъ сынъ.— Сослуживецъ отца, столько лѣтъ мы его знаемъ, а вы его говите?

— Тебя цѣлый день дома нѣтъ, а у меня на глазахъ, что онъ продѣлываетъ: на морозѣ стоитъ по получасу, простуживается. Деньги тратить на молоко собакамъ, да на суну, а самъ который день сидитъ безъ чаю, да еще хитритъ, въ пустой чайникъ нальетъ изъ самовара кипятку и понесетъ къ себѣ въ комнату.

— Полноте, оставьте его въ покоѣ.

— У тебя тоже много ума! Оставьте его въ покоѣ,—да онъ слезетъ! Изводитъ себя изъ-за собакъ, а его дури поглажать? Нѣтъ, надо его пугнуть, пусть опамитуется!

Сынъ ничего на это не отвѣтилъ и продолжалъ писать. Старушка нѣсколько минутъ молчала и занялась спросила:

— Жалованье получилъ?

— Завтра получу... только двадцать рублей, а пять рублей на юбилей...

Старушка не дала сыну договорить громко въ отчаяніи воскликнула:

— Господи, да давно-ли также былъ сборъ, теперь опять! Отецъ служилъ двадцать лѣтъ, никакихъ такихъ поборовъ не было!

— Ахъ, мама! съ досадою отвѣчалъ сынъ — Вице-директору устраиваютъ юбилей, что-же мнѣ одному изъ всѣхъ поднимать историю?

Старушка, подавляя слезы, произнесла:

— Въ лавки надо долгъ заплатить, дровъ нѣтъ, и такъ два

дня не топила здѣсь печь при такой стужѣ на дворѣ.

— Получу черезъ недѣлю изъ страховаго общества жалованье, сказалъ молодой человекъ.

— А ты забудь, что черезъ двѣ недѣли за Варю надо внести въ гимназію?

И у старушки потекли слезы ручьями. Сынъ бросилъ перо, облокотился локтями о столъ и сжалъ голову. Старушка, вся дрожа, глотала слезы и въ испугѣ смотрѣла на сына.

Семенъ Ивановичъ кашлялъ въ подушку.

Старушка встала, подошла къ сыну, обняла его голову и, прижавъ къ ней губами, проговорила:

— Не сердись! тебѣ тяжело, а мнѣ-то какво? Ну, да Богъ милостивъ, извернемся какъ-нибудь. Ты прости меня, извѣстно подлѣ старость человекъ дѣлается ворчливъ и нетерпѣливъ... Прежде ты не видѣлъ мои слезы изъ-за недостатка денегъ. Это отъ старости,—ты не огорчайся!

И старушка поцѣловала сына въ голову.

— Вы-то сами не огорчайтесь!

— Вотъ поплакала и веселѣе стало! сказала старушка.— Ты бы поѣлъ, заснулъ, всталъ бы пораньше и поработалъ бы.

— Вы бы сами-то пошли да легли. ужъ поздно; вы вѣдь раньше всѣхъ встаете.

— Пойду, пойду! сказала старушка, перекрестила сына и пошла къ перегородку.

Молодой человекъ принялся опять писать. Было уже два часа ночи, когда молодой человекъ окончилъ работу и усѣлся за бду: дверь тихо отворилась и Семенъ Ивановичъ, высунувъ голову, шепнулъ:

— Спать?

Молодой человекъ кивнулъ головой. Семенъ Ивановичъ въ однихъ носкахъ, осторожно подошелъ къ столу, съ участіемъ заглянулъ въ лицо молодому человеку и шепотомъ сказалъ:

— Не огорчайся, братецъ, извернемся. Ты чай думалъ, и потратилъ всѣ деньги, что получилъ за мадамъ? Двадцать рублей цѣлехоньки лежатъ,—ты ихъ и возьми.

Молодой человекъ отвѣтилъ.

— Вамъ самимъ деньги нужны.

Семенъ Ивановичъ замоталъ руками, чтобы онъ тише говорилъ, и прошепталъ:

— Кровно обидишь, если не возьмешь. лежатъ же онѣ по-напрасну. На что мнѣ деньги? и указавши на перегородку, добавилъ:— Успокойся!

— Хорошо послѣ поговоримъ! произнесъ молодой человекъ.

И подойдя къ письменному столу, оторвалъ кусокъ отъ газеты, въ которой была завернута въ трубку бумага и, подавая его Семену Ивановичу, сказалъ:

— Возьмите кусокъ говядины своимъ собакамъ. да и ложитесь спать.

Семенъ Ивановичъ, взявъ обрывокъ газеты, завернулъ говядину и прошепталъ:

— Засни спокойно, завтра деньги дамъ, зажалъ себѣ ротъ и, поспѣшивъ уйти въ кухню, сталъ тамъ кашлять.

(Оконч. въ слѣд. №)

Измѣненія характеровъ въ мірѣ животныхъ.

Естественно-историческій очеркъ Л. Гашерта.

Не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что въ мірѣ высшихъ животныхъ приходится встрѣчаться иногда съ поразительными измѣненіями вкуса и склонностей. Въ послѣднее время было обращено особое вниманіе на измѣненія въ области вкуса; и дѣйствительно, сдѣланныя наблюденія, какъ надъ животными плотоядными, везално обратившимися къ растительной пищѣ, такъ и наоборотъ надъ травоядными, перешедшими отъ растительной пищи къ пищѣ животной, несомнѣнно доказали существованіе любопытнаго явленія, выражающагося въ рѣзкихъ перемѣнахъ склонностей, характера и потребностей животнаго. Приводимые ниже примѣры нагляднѣе всего покажутъ несомнѣнное существованіе такого явленія.

Одинъ изъ сотрудниковъ журнала *La Science* держалъ у себя трехъ балтиморскихъ скворцовъ (*Icterus Baltimore*), принадлежащихъ къ чистѣйшему типу зерноядныхъ. Птицы долгое время находились въ заключеніи и получали въ изобиліи ту пищу, къ которой привыкли отъ рожденія. Но вдругъ онѣ перестали притрогиваться къ поставленному имъ корму; онѣ замѣтно топили, но тѣмъ не менѣе отказывались отъ пищи. Тогда владѣлецъ, не зная чѣмъ поддержать жизнь птицъ, попробовалъ бросить одной изъ нихъ кусочекъ мяса. Балтиморъ съ жадностью проглотилъ его и сталъ выражать желаніе получить еще. Два другіе поспѣдовали его примѣру и, не колеблясь, хватили бросаемые имъ кусочки мяса. Съ этой минуты наклонности птицъ совершенно измѣнились: изъ зерноядныхъ, онѣ сдѣлались плотоядными. Съ тѣхъ поръ, какъ только ихъ владѣлецъ собирался спать, кожу съ какого-либо убитаго животнаго, чтобы приготовить чучело, птицы спѣшили къ нему. Одна садилась на правую руку, другая—на лѣвую, третья—на самое животное, и съ жадностью ожидали перваго удара анатомическаго ножа. Вернуть ихъ къ прежнему образу жизни не удавалось больше никогда.

Другое интересное наблюденіе сдѣлано г. М. Лортэ, надъ

живущей въ долинѣ Кедрона породою *амидрусовъ* (*Amudrus-Vogel*), отличающихся превосходнымъ пѣніемъ и умными, развитыми глазами. Ученый путешественникъ привезъ нѣсколько такихъ птицъ въ Ліонъ и однажды, мѣняя воду въ аквариумъ, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что птицы съ величайшимъ интересомъ слѣдятъ за его движеніями. Г. Лортэ заключилъ отсюда, что онѣ хотѣтъ испробовать рыбокъ и далъ имъ нѣсколько штукъ въ видѣ опыта. Амидрусы, никогда до прибытія во Францію не видавшие рыбы, стали истреблять ее такъ охотно, что съ тѣхъ поръ отказываются отъ всякой другой пищи. Они берутъ рыбу изъ рукъ хозяина, уносятъ ее въ свою ванночку для питья, убиваютъ ударомъ клюва и рвутъ на мелкія части, прежде чѣмъ употребить въ пищу. Лортэ выражаетъ удивленіе, что птицы, происходящія изъ самой сухой и каменистой мѣстности въ мірѣ, гдѣ никогда не водилась рыба, вдругъ стали проявлять такую жадность къ этому роду пищи. Но замѣчательнѣе всего то, что онѣ сами по себѣ, безъ всякаго посторонняго давленія, пожелали перейти отъ растительной пищи къ животной.

Если уже два вышеприведенныхъ случая наводятъ на размышленіе, тѣмъ болѣе поражаетъ фактъ, передаваемый Г. Романесомъ въ его превосходной книгѣ: „Умственное развитіе въ мірѣ животныхъ“. На Новозеландскомъ архипелагѣ водится особый видъ попугаевъ (*Nestor*), который вентъ глѣзда не на деревьяхъ, а на землѣ, и отличается необыкновенно острымъ, крѣпкимъ, загнутымъ въ видѣ серпа, клювомъ, съ сильно выступающею верхнею челюстью. При помощи этого клюва, который могъ бы служить прекраснымъ орудіемъ нападенія или защиты, *Nestor* вырываетъ изъ земли сочные корни, которыми и питается съ придачей различныхъ зеренъ плодовъ и травъ. Одинъ изъ видовъ этой породы попугаевъ, а именно *Nestor notabilis* или, по мѣстному названію, *кя*, сталъ съ нѣкоторыхъ поръ пользоваться своимъ клювомъ какъ книжалою. Онъ не-

Памятникъ Императору Александру II въ Ченстоховѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

ресталь питаться кореньями и плодами и употреблять въ пищу мясо убиваемых имъ жертвъ, сдѣлавшись такимъ образомъ бичемъ всей страны. Перемена произошла слѣдующимъ образомъ:

Привезенныя на острова Новой Зеландіи овцы размножились тамъ такъ же сильно, какъ и всѣ вывозимыя изъ Европы въ Океанію животныя. Вслѣдствіе крайняго обилія мяса, имъ мало дорожили и часто выбрасывали куски мяса, вмѣстѣ съ плохо очищенными костями. Кія, одаренный, какъ и всѣ попугаи, необычайной смѣтливостью, быстро сообразилъ какое значеніе можетъ имѣть новая статья потребленія для поддержанія его рода. „Случай дѣлаетъ воровъ“, говоритъ пословица.

Впервые, въ 1868 г., было замѣчено, что кія собираются вблизи боенъ и здѣсь, среди отбросовъ мяса, отыскиваютъ куски нѣжнаго сала, находящагося близъ почек. Зрѣлище это служило забавой и возбуждало удивленіе зрителей; кто могъ предполагать тогда, къ чему приведетъ невинное самоуслажденіе вполнѣ безвредныхъ птицъ, служившихъ до тѣхъ поръ лишь для удовольствія человѣка? А между тѣмъ, птицы усилѣли пристраститься къ салу, и уже пренебрегали свойственною имъ отъ рожденія пищею; а такъ какъ выбрасываемые остатки не могли удовлетворить ихъ прожорливости, онѣ стали нападать на живыхъ овецъ. Кія садятся на спину несчастнаго животнаго, вырываютъ ему шерсть, разрываютъ своимъ страшнымъ клювомъ кожу и мускулы и добираются наконецъ до лакомаго почечнаго сала. Овцы не переживаютъ конечно такой жестокой операции.

Мы видимъ здѣсь примѣръ того, какъ извѣстная порода, оставаясь въ той же мѣстности, избираетъ себѣ новый способъ питанія и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно измѣняетъ свой образъ жизни. Къ несчастью, эта перемена дѣйствуетъ такъ благоприятно на попуаеви кія, что они размножаются не менѣе быстро, чѣмъ вывезенныя изъ Европы овцы. Такъ нечаянно создавшаяся хищная птица, по вреду, наносимому ею, заняла уже одно изъ видныхъ мѣстъ. Прежде совершенно безвредный, кія сдѣлался теперь бичемъ мѣстныхъ скотоводовъ, и истребленіе его составляетъ вопросъ общественной важности.

Приведенные выше примѣры ясно доказываютъ съ какою быстротою совершается перемена характера въ мирѣ пернатыхъ; намъ остается добавить только, что и среди млекопитающихъ уже замѣчены подобныя же явленія.

Въ американскихъ преріяхъ водится особый видъ грызуна (*Synomys*), близко подходящій къ нашему сурку, но получившій названіе *прерійной собаки*, благодаря своему крику, напоминающему собачій лай. Отечествомъ названнаго грызуна являются огромныя преріи къ западу отъ Мексики, гдѣ онъ строитъ дѣлая подземныя колоніи, посѣщаемыя верѣдко гремучими змѣями и совами. Парижскій зоологическій садъ обладаетъ небольшою колоніею этихъ своеобразныхъ живыхъ, хорошенькихъ собачекъ, которыхъ по первому же взгляду нельзя не признать за несомнѣнно травоядныхъ животныхъ. Не далѣе какъ въ прошломъ году, г. Л. Эрр (Ayres) попробовалъ предложить одной изъ нихъ кусочекъ сыраго мяса. Вмѣсто того, чтобы съ отвращеніемъ отвернуться отъ непривычной пищи, сурокъ бросился на кусокъ мяса и съ жадностью проглотилъ его. Такое неожиданное пристрастіе къ мясной пищѣ продолжалось проявляться и впоследствии. Хотя животныя попрежнему питаются растительною пищею, но очевидно предпочитаютъ мясную, судя по жадности съ которой они на нее набрасываются. По всей вѣроятности, они совсѣмъ отказались бы отъ растительной пищи и обратились бы въ настоящихъ плотоядныхъ, еслибы имъ предоставили свободу выбора.

Названныя животныя во всякомъ случаѣ находятся на пути къ полному измѣненію образа жизни; въ числѣ же окончательно измѣнившихся его, мы видимъ самаго царя звѣрей — льва.

Г. Эдмондъ, владѣлецъ знаменитаго звѣринца въ Ливерпулѣ, сообщилъ въ прошломъ году слѣдующій фактъ: За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ въ его звѣринцѣ родились два львенка, которые, вслѣдствіе неизвѣстныхъ причинъ — можетъ быть за недостаткомъ молока — были брошены матерью черезъ три недѣли послѣ рожденія. Однажды, одинъ изъ львенковъ былъ найденъ въ клеткѣ окружающихъ отъ голода, а другой — едва живымъ. Сторожъ поспѣшилъ отнести его къ кормившей щенковъ собакѣ, которая не колеблясь приняла львенка и обращалась съ нимъ такъ же самоотверженно и жадно, какъ будто онъ былъ ея родное дитя. Львенокъ быстро оправился и сталъ выказывать къ своей кормилицѣ самую трогательную привязанность. Но удивительнѣе всего то, что онъ совершенно измѣнилъ видъ своихъ предковъ и относится къ сырому мясу съ полнымъ отвращеніемъ. Хотя онъ охотно ѣстъ все вареное, въ томъ числѣ и вареное мясо, но предпочитаетъ

всему остальному — овощи и очень любитъ чай. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ выпиваетъ предлагаемую ему ежедневно чашку чаю. Неудивительно, если при такихъ вкусахъ онъ выказываетъ привязанность ко всѣмъ окружающимъ, кротость и ласковость, а за женой сторожа, къ которой нитаетъ особое расположеніе, онъ бѣгаетъ какъ собака.

Такое измѣненіе образа жизни, унаслѣдованнаго отъ многихъ тысячъ поколѣній, должно ли быть признано слѣдствіемъ индивидуальнаго характера? Или ключемъ этой загадки служитъ молоко, уходъ и примѣръ кормилицы — собаки? Или обѣ названныя причины вызвали полученный результатъ? Последнее предположеніе кажется наиболѣе вѣроятнымъ, ибо второе изъ названныхъ вліяній могло оказать столь рѣшительное дѣйствіе лишь при особенно благоприятной почвѣ.

Относительно вѣроятности вліянія чужаго молока и окружающей обстановки, г. Марриэтъ рассказываетъ поразительный случай, который можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на разсматриваемый нами вопросъ.

Однажды кошкѣ были подложены два щенка, взятые отобранныхъ у нея новорожденныхъ котятъ. Черезъ двѣ недѣли щенки оказались лучше развившимися, чѣмъ остальные три щенка того же помета, оставленные на вскормленіе матерью. Первые проявляли уже большую подвижность и живость движеній, тогда какъ вторые едва-едва неуклюже ползали. Первые отличались веселостью и рѣзвостью настоящихъ котятъ, и кормилица-кошка такъ и обращалась съ ними, какъ съ котятами, весело заигрывая и позволяя играть со своимъ хвостомъ. Они уже ѣли мясо, когда вторые только сосали матерку. Щенки быстро подросли и вскорѣ можно было уже раздать ихъ, къ величайшему огорченію кошки. Они навсегда сохранили больше живости, чѣмъ ихъ братья, воспитанные собакой, по вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли привычку кусаться, которой не имѣли остальные.

Изъ этихъ и другихъ подобныхъ случаевъ можно вывести заключеніе, что въ числѣ вліяній, употребляемыхъ при воспитаніи животнаго съ цѣлью опредѣленія измѣненій въ характерѣ, не надо упускать изъ виду молока и уходъ животнаго другой породы.

Собака — животное по преимуществу мясоядное. Ея сильныя зубы прекрасно приспособлены къ рванію мяса и размалыванію костей. Поэтому, въ дикомъ состояніи, если не считать плодовъ, которые она изрѣдка употребляетъ въ пищу, — вспомнимъ „лисицу въ виноградѣ“, — собака питается исключительно мясомъ. Въ прирученномъ видѣ она ѣстъ все, что попало, но лучшія породы выкармливаются почти исключительно хлѣбомъ и молокомъ. Въ Нижнемъ Египтѣ собака, отъ голода, ѣстъ иногда рыбу. Въ полуденные часы можно наблюдать какъ она осторожно крадется по берегамъ каналовъ, отыскивая уснувшую рыбу, которую ловкимъ ударомъ лапы, перевертывая отъ кошки, — выбрасываетъ на берегъ. Рыбою питаются также собаки камчадаловъ и др. ивродцевъ Сибири.

Пусть анатомическое строеніе зубовъ и желудка предназначаетъ животное къ извѣстнаго рода пищѣ, пусть учебники зоологии повторяютъ намъ: такое-то животное, по самому устройству органовъ пищеваренія, неминуемо должно быть плотояднымъ, между тѣмъ какъ такое-то вынуждено отыскивать себѣ пищу въ растительномъ царствѣ, — мы конечно не будемъ спорить противъ общаго правила, но укажемъ только на существованіе исключеній даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ повидному строеніе организма несомнѣнно требуетъ извѣстнаго рода пищи. „Есть-ли животное,“ говоритъ В. Мѣнье, „у котораго зубы были бы болѣе приспособлены къ растительной пищѣ, чѣмъ у жвачныхъ, какъ корова, или у тостокожихъ, какъ лошадь или слонъ? А между тѣмъ, желудокъ послѣднихъ вполнѣ способенъ переваривать мясо, что доказывается историческими примѣрами и различными опытами и наблюденіями.“ Да наконецъ, развѣ древняя легенда о лошадяхъ, ѣвшихъ мясо, не имѣетъ за собой фактическаго основанія?

Покойный Пржевальскій, во время пребыванія своего на юго-востокѣ монгольской возвышенности, слышалъ рассказы туземцевъ о томъ, что ихъ верблюды ѣдятъ все, что придется, и въ томъ числѣ — какъ туземцы особенно настаивали — мясо и рыбу. Однажды они съѣли цѣлую парусинную налатку. Путешественникъ самъ видѣлъ верблюда, который принялся ѣсть птицу, изъ которыхъ приготовляли чучель.

Послѣ приведенныхъ примѣровъ, число которыхъ легко могло бы быть увеличено, нельзя сомнѣваться, что не одинъ только человѣкъ, но и животныя, подвержены постояннымъ измѣненіямъ какъ въ своихъ склонностяхъ, такъ и въ физической организаціи. (С.)

Ордена и знаки отличія Россійской Имперіи.

Рождественскій сюрпризъ. (Описаніе особаго приложенія при этомъ №, печатаннаго 12-ю красными.)

Продолжалъ серію таблицъ, предназначенныхъ служить пособіемъ при всестороннемъ изученіи нашего отечества, прилагаемъ на этотъ разъ изображенія орденовъ и прочихъ знаковъ отличія въ Россійской Имперіи. Составленіе этой таблицы потребовало не мало труда и усилій, такъ какъ, съ одной стороны, у насъ до сихъ поръ еще нѣтъ полнаго изданія съ

изображеніями русскихъ орденовъ, а съ другой стороны, нѣкоторые ордена и высшія степени другихъ не находятся въ продажѣ и слѣдовательно даже для воспроизведенія ихъ не могли быть добыты обыкновеннымъ путемъ. Такимъ образомъ это полное собраніе впервые появляется въ Россіи, и мы надѣемся, что читатели обратятъ вниманіе на художественное

исполнение, ради которого издатель не шадилъ обширныхъ средствъ находящихся въ его распоряженіи.

До Петра Великаго въ Московской Руси вовсе не были известны какіе бы то ни было ордена или знаки отличія. Награды за воинскіе подвиги, какъ и за иные государственныя заслуги, состояли главнымъ образомъ въ пожалованіи новыхъ помѣстій или въ увеличеніи старыхъ прирѣзкою новыхъ земель, или же въ переименованіи помѣстій въ вотчины. Сверхъ того, личное расположеніе государей выражалось пожалованіемъ шубъ съ царскаго плеча или золотыхъ ковшей и кубковъ изъ царской казны. При Иоаннѣ Грозномъ войска иногда получали за свои заслуги золотые (въ 1552 году за Казанскій походъ); правда, эти золотые были не что иное какъ русскія и иностранныя монеты. И только уже въ самое концѣ XVII вѣка является у насъ обычай награждать воеводъ золотыми медалями на золотыхъ цѣпочкахъ, для ношенія на шеѣ. Такою медалью былъ, между прочимъ, награжденъ въ правленіе царевны Софьи ея любимецъ, князь В. В. Голицынъ, за свои неудачные походы въ Крымъ.

Первые ордена были у насъ учреждены Петромъ Великимъ; затѣмъ Екатериною II, Павломъ I, Александромъ I и Николаемъ I—учреждены остальные ордена наши и присоединены къ русскимъ орденамъ нѣкоторые ордена польскіе и одинъ голландскій. Начиная съ царствованія Императора Николая I, новыхъ орденовъ учреждаемо не было; но въ каждое царствованіе бывали вводимы, по поводу тѣхъ или другихъ выдающихся событій историческихъ, новые знаки отличія, въ видѣ различныхъ медалей. Количество этихъ знаковъ отличія возросло въ такой степени, что мы не можемъ ихъ помѣстить въ полномъ составѣ, на нашей таблицѣ, и избираемъ изъ числа ихъ только важнѣйшіе. О каждомъ изъ орденовъ и знаковъ отличія сообщаемъ здѣсь краткія свѣдѣнія, отчасти описательнаго, отчасти историческаго характера:

1) Старѣйшимъ изъ русскихъ орденовъ и первостепеннымъ по важности значенія является орденъ *Св. Андрея Первозваннаго*, учрежденный Петромъ Великимъ 30 ноября 1698 года. У этого ордена только одна степень, въ видѣ серебряной звѣзды, съ надписью по голубому полю: „*За веру и верность*“. При звѣздѣ лента голубая, носимая черезъ правое плечо. На концахъ ленты—двуглавый орелъ, имѣющій на груди Андреевскій голубой крестъ и на четырехъ концахъ креста буквы: S. A. P. R. (Sanctus Andreas Patronus Russiae, т. е. Св. Андрей защитникъ Россіи). Этотъ же орелъ подвѣшивается и къ *цѣпи ордена Андрея Первозваннаго*, которая составляетъ общую принадлежность всѣмъ Особѣ Императорской Фамиліи, получающимъ право на ношеніе „цѣпи“ со дня рожденія. *Цѣпь* къ ордену Св. Андрея Первозваннаго составляетъ высшую, предѣльную награду государственныхъ людей и дается немногимъ саювникамъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

2) Орденъ *Св. Великомученицы Екатерины* учрежденъ также Петромъ Великимъ, 24 ноября 1714 года, въ честь второй его супруги, Екатерины Алексѣевны. У ордена двѣ степени; первая—звѣзда, осыпанная брилліантами; на красномъ полѣ ея—корона изъ брилліантовъ, а кругомъ надпись: „*за любовь и отечество*“. При звѣздѣ лента красная, съ серебряною каймою, носимая черезъ правое плечо. Вторая степень—крестъ, среди котораго на голубомъ полѣ бѣлый крестъ и изображеніе Св. Екатерины; на четырехъ концахъ креста буквы: D. S. F. R. (Domine, salvum fac Regem), т. е. „Господи, спаси Царя!“ (начало 19 псалма Давидова). На бантѣ креста орденскій девизъ: „*За любовь и отечество*“. Орденомъ Св. Екатерины награждаются исключительно Великія Княгини и Княжны и близкія ко Двору особы женскаго пола.

3) Орденъ *Св. Александра Невскаго*, учрежденный въ 1722 г. также Петромъ Великимъ. Полагается только одна степень этого ордена. Лента красная, черезъ лѣвое плечо, носится при звѣздѣ; на соединенныхъ концахъ ленты крестъ такой формы, какъ изображенный у насъ на таблицѣ. Внутри звѣзды, на бѣломъ полѣ, сплетенныя вмѣстѣ буквы S. A. (Sanctus Alexander), увѣнчаны короной; а кругомъ, по красному полю, девизъ ордена: „*За труды и отечество*“.

4) Орденъ *Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія*, учрежденный 26 ноября 1769 года, императрицею Екатериною II. Полагается четыре степени ордена. Первая состоитъ изъ четырехъконечной золотой звѣзды; среди нея, въ бѣломъ полѣ, *С. Г.*, переплетенныя (т. е. Св. Георгій); кругомъ, по черному полю, надпись: „*За службу и храбрость*“. При звѣздѣ лента, состоящая изъ двухъ желтыхъ и трехъ черныхъ полосъ; носится черезъ правое плечо *подъ мундиромъ*; на концахъ ленты бѣлый крестъ, съ изображеніемъ Св. Георгія на бѣломъ концѣ. Вторая степень ордена носится на шеѣ; остальные двѣ—въ петлицѣ. Этотъ орденъ отличается отъ другихъ тѣмъ, что онъ дается исключительно за воинскіе подвиги.

5) Орденъ *Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра*, учрежденный также Екатериною II, въ 1782 году, 22 сентября. Этого ордена полагается также четыре степени. Лента къ нему изъ трехъ полосъ: двѣ черныя по краямъ, красная по срединѣ. Звѣзда ордена состоитъ изъ четырехъконечной серебряной, положенной на такую же золотую; на черномъ полѣ, въ центрѣ звѣзды, четырехъконечный крестъ и въ немъ по угламъ буквы:

С. Р. К. В., т. е. Св. Равноапостольный Князь Владиміръ. Кругомъ, на красномъ полѣ, девизъ ордена: „*Помза, честь и слава*“. Крестъ Св. Владиміра дается одинаково за военныя и гражданскія заслуги, а также и въ вознагражденіе долгой, усердной службы (въ послѣднемъ случаѣ на крестъ выставляется надпись: „за XXXV-лѣтнюю безпорочную службу“). Орденъ Св. Владиміра дается за военныя отличія „съ бантомъ“ и „съ мечами“, скрещенными позади креста. Орденъ Св. Владиміра 3-й степени, данный за гражданскія или за военныя заслуги педворянину, доставляетъ ему права потомственнаго дворянства.

6) Орденъ *Бѣлаго Орла*, учрежденный нѣкогда Польскимъ королемъ Владиславомъ IV, а въ 1829 году присоединенный къ Россійскимъ орденамъ императоромъ Николаемъ I. Существуетъ только одна степень этого ордена, въ видѣ золотой звѣзды, съ бѣлымъ крестомъ въ центрѣ ея, на голубомъ полѣ. Крестъ окаймленъ красною полосою. Кругомъ голубаго поля, на синемъ ободкѣ помѣщенъ девизъ ордена: „*Pro Fide, Rege et lege*“ (т. е. „*За Веру, Царя и законъ*“). При звѣздѣ полагается лента синія, носимая черезъ лѣвое плечо. На соединенныхъ концахъ ленты помѣщается чернымъ съ золотомъ двуглавый орелъ, а внутри его, на красномъ крестѣ, бѣлый одноглавый орелъ (гербъ бывшаго Царства Польскаго).

7) Орденъ *Св. Анны* учрежденъ 3 февраля 1635 года герцогомъ Гольштейнъ-Готторскимъ Карломъ Фридрихомъ, и введенъ въ Россію императоромъ Павломъ I-мъ. Орденъ имѣетъ четыре степени. Первая степень въ видѣ звѣзды, серебряной съ золотымъ полемъ въ центрѣ. На этомъ полѣ помѣщается красный крестъ, а кругомъ его, на красномъ ободкѣ, девизъ ордена: „*Amantibus justitiam, pietatem, fidem*“—т. е. „*любящимъ справедливость, благочестіе и верность*“. При звѣздѣ полагается лента красная, съ желтыми тонкими каймами; носится черезъ лѣвое плечо. Остальные степени ордена—въ видѣ креста, изображеннаго на нашей таблицѣ. Вторая степень носится на шеѣ; третья—въ петлицѣ. Четвертая степень Св. Анны, въ видѣ небольшого красного креста, носится *на оружьи* (на эфесѣ сабли, шашки, шпаги или кортика) и дается только за воинскіе подвиги.

8) Орденъ *Св. Станислава*, учрежденный 7 мая 1765 г. королею Польскимъ Станиславомъ Понятовскимъ, а въ 1815 г. принятый императоромъ Александромъ I-мъ въ число Россійскихъ орденовъ. Существуетъ три степени. Первая степень въ видѣ звѣзды серебряной, съ бѣлымъ полемъ въ центрѣ. На бѣломъ полѣ S. S. (т. е. *Sanctus Stanislaus*) и вокругъ этихъ буквъ девизъ ордена: „*Praemiando incitat*“ (т. е. „*награждая поощряетъ*“). При звѣздѣ лента красная, съ бѣлою двойною каймою, носимая черезъ правое плечо. Вторая степень, въ видѣ креста, носится на шеѣ, третья—въ петлицѣ.

Затѣмъ, перечисливъ поочередно всѣ ордена Россійской Имперіи, которыхъ могутъ быть удостоены лица служащія и получившія известныя военныя или гражданскія чины, мы должны перейти къ общему обзору знаковъ отличія и медалей, которыми награждаются нижніе чины за особые подвиги или же за участіе въ кампаніяхъ.

1) *Знакъ отличія Воинскаго Ордена*—въ видѣ креста серебрянаго и золотого, съ изображеніемъ Св. Георгія Побѣдоносца на среднемъ полѣ. У знака—четыре степени. Низшая—серебряный крестъ на Георгіевской лентѣ; затѣмъ—тотъ же крестъ на той же лентѣ съ бантомъ. Имѣющему обѣ эти степени (3-ю и 4-ю) дается золотой знакъ отличія (2-я степень) и, наконецъ, при совершеніи новаго подвига, золотой знакъ съ бантомъ (1-я степень).

2) *Знакъ отличія за службу на Кавказѣ*, установленный въ 1864 г., въ царствованіе императора Александра II.

Изъ медалей за время того же царствованія, слѣдуетъ отмѣтить:

1) Медаль за защиту Севастополя, установленную въ 1856 г.

2) Медаль за покореніе Западнаго Кавказа, въ 1864 г.

3) Медаль за усмиреніе Польскаго мятежа, установленную въ 1867 г.

4) Медаль за Хивинскій походъ, 1873 г.

5) Медаль за Турецкую войну, 1877 и 1878 гг.

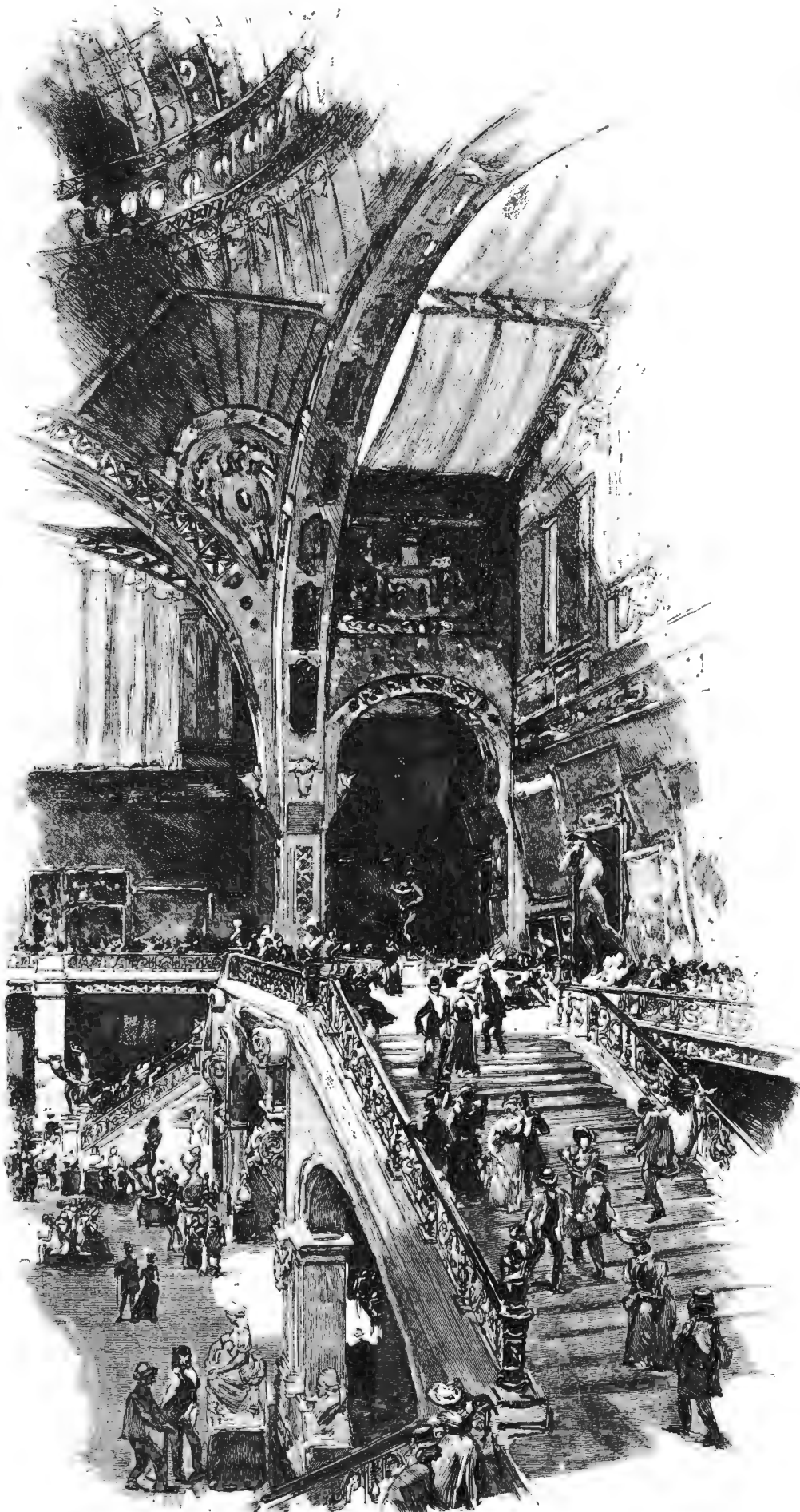
6) Медаль за взятіе штурмомъ Геокъ-Тепе, 12 января 1881 г.

Въ нынѣшнее царствованіе установлены для ношенія на шеѣ большія золотыя и серебряныя медали (такъ какъ золотая и серебряная медаль имѣютъ совершенно одинаковую чеканку, то, во избѣжаніе повтореній, мы даемъ одну сторону медали золотую, а другую серебряною):

1) Одна, съ надписью „*за усердіе*“, выдаваемая въ награду за 20-ти-лѣтнюю службу въ унтеръ-офицерскомъ званіи (на красной лентѣ).

2) Другая, „*за спасеніе погибавшихъ*“ (на Владимірской лентѣ), выдаваемая всѣмъ за подвигъ спасенія ближнихъ отъ гибели. Сверхъ вышеназванныхъ медалей, мы нашли возможнымъ помѣстить на нашей таблицѣ—еще одну медаль и одинъ знакъ отличія. Мы говоримъ о знаменитой медали 1812 года, которая служила постояннымъ напоминаніемъ о подвигахъ русскихъ людей въ Отечественную войну. Такъ какъ эта медаль, по особому установленію, должна была переходить къ старшему въ полу-

Парижская Всемирная выставка. Главная лестница въ художественномъ отдѣлѣ.

чившемъ ее дворинскомъ родѣ, то эти медали и до сихъ поръ еще можно встрѣтить во многихъ нашихъ дворянскихъ семьяхъ.

Знакъ-же отличія, такъ-называемый *Маринскій*, былъ установленъ въ прошлое царствованье для раздачи за долгую и усердную службу по вѣдомству учрежденій Императрицы Марии. Знакъ дается особамъ женскаго пола, служащимъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ विशेषаго вѣдомства.

Къ рисункамъ. На порожнякахъ.

(Рис. на стр. 1272).

Большая радость крестьянскимъ ребятишкамъ — проѣзжающій деревнею обозъ порожниковъ, т. е. крестьянъ распродавшихъ въ городѣ на базарѣ свой товаръ и возвращающихся во-своихъ въ пустыхъ саняхъ. Вся мелюзга гурьбой высматриваетъ изъ теплыхъ избъ и бѣжитъ въ перегонки за обозомъ, стараясь вскочить въ розвальни или прилечь къ стогамъ на полозьяхъ — и такимъ образомъ прокатиться до околицы на даровщинку. Но и возчики, зная эту повадку, не дремлютъ въ свою очередь — и нерѣдко ловкій ударъ кнутомъ охлаждаетъ слишкомъ рьяныхъ юныхъ спортсменовъ.

Находка. (Рис. на стр. 1273).

На небѣ замерзала утренняя зимняя зорька, и лиса Патрикевна подумывала уже о своей теплой норкѣ, какъ вдругъ, при обходѣ задворковъ одиноко стоявшей крестьянской хаты, напала на интересную находку. Это заяцъ, понавшійся въ сенокъ, поставленный ему какимъ-то злодѣемъ. Патрикевна остановилась въ нерѣшительности и сомнѣніи; она не знаетъ на-вѣрное: точно-ли заяцъ самъ попался и не служить-ли онъ приманкой въ какую-нибудь ловушку, налаженную специально для нея, Патрикевны-курятницы?

Финскій крестьянинъ.

(Рис. на стр. 1277).

Составляя вѣтъ монгольской расы, финны при заселеніи Европы индо-европейскими народами, были отгнаны къ сѣверу и сѣверо-востоку материка, гдѣ и живутъ донынѣ. Прибалтійскіе финны, живущіе въ губерніяхъ Петербургской, Псковской и Эстляндской, а также въ Финляндіи, извѣстны у русскихъ подъ именемъ чухонъ или чухонцевъ. Название „чухны“ русскіе знали еще въ концѣ XVI вѣка; такъ по договору со Швеціей у Тивина въ 1595 году, Швеція предоставилась владѣть Нарвою, Ревелемъ и всѣмъ Чухонскимъ (Эстонскимъ) княжествомъ.

Средняго роста, сухонарый, блѣднѣйшій, съ плоскимъ желтоватымъ, выбритымъ лицомъ и впадинами щеками, какъ живой сидитъ чухонецъ на нашемъ рисункѣ.

Изъ жизни лоцмановъ.

(Рис. на стр. 1280).

Лоцманами, какъ извѣстно, называютъ испытанныхъ моря-

Парижская Всемирная выставка 1889. Центральная зала въ художественномъ отдѣлѣ.

Жичскій монастирь, мѣсто вѣнчанія на царство Сербскихъ властителей.

ковъ, которые вполне знакомы съ определенной береговою мѣстностью, входомъ въ гавань, рейдъ или портъ, и съ опасными вообще для судовъ мѣстами. Ихъ начинаютъ, чтобы провести безопасно судно по такимъ мѣстамъ, ввести его въ портъ или вывести оттуда. Приближающийся корабль высматриваютъ лоцманы съ берега, чтобы затѣмъ отправиться къ нему на своихъ лодкахъ, или крейсируютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рассчитываютъ встрѣтить суда, нуждающіяся въ ихъ помощи или содѣйствіи. Занятіе лоцмановъ требуетъ не только большой опытности и знанія, но сопряжено также со значительными опасностями, почему для лоцманскаго дѣла годятся только люди свѣдущіе и испытанные, которые, такъ сказать, выросли на водѣ. Насколько трудно и опасно, напримѣръ, подойти къ кораблю и поспѣть къ нему на бортъ въ бурную погоду, можно составить себѣ понятіе по рисунку, помѣщенному на стр. 1280 и изображающему прибытіе лоцмана на судно у Норвежскихъ береговъ. Высокое волненіе и сильное покачиваніе корабля въ стороны дѣлаетъ невозможнымъ приближеніе къ нему вплотную лоцманской лодки. Оттого, какъ только завидятъ лоцмана съ корабля, судно поворачиваютъ такъ, что волны ударяютъ съ одной стороны корабль съ боку, зато съ другой волненіе бываетъ нѣсколько потише. Лоцманская лодка поспѣшно приближается съ этой стороны и съ судна бросаютъ въ нее канецъ. Лоцманъ, охвативъ себя вокругъ туловища петлею, взбирается по веревкѣ, которую тащутъ на судно, гдѣ и принимаетъ команду, чтобы провести корабль по труднымъ или незнакомымъ мѣстамъ.

Мулла-нупецъ въ Мервѣ. (Рис. на стр. 1281).

У туркменовъ Ахаль-Гекискаго оазиса, какъ и у всѣхъ мусульманъ, нѣтъ собственно такъ-называемаго духовенства. Единственный quasi-духовный санъ — мулла (мулла) — нѣчто среднее между священникомъ и учителемъ, пріобрѣтается безразлично всякимъ, кто маракетъ кое-что въ Коранѣ. Обязанности муллы такъ несложны, что ему, какъ и всякому туркмену, доступны всѣ занятія отъ охоты и торговли включительно до аламановъ (набѣговъ), въ недавнее время такъ опустошительно дѣйствовавшихъ на окранны туркменскихъ стѣнъ.

Среди своихъ, мулла и въ дѣлѣ, и въ забавѣ занимаетъ почетное мѣсто, ему открыты двери всякой кибитки; къ нему идутъ за совѣтами, если онъ уменъ, опытенъ и обладаетъ столь цѣнимою на Востокѣ прозорливостью судьи, или, съ другой стороны, оставляютъ его совершенно въ покоѣ, если у него нѣтъ никакихъ иныхъ качествъ, кромѣ умѣнья прочесть двѣтри страницы священной книги магометанъ, да искусно завязать бѣлую чалму, составляющую единственную принадлежность его сана.

Азіатская торговля, вообще болѣе созерцательная, нежели безпокойно активная, оставляетъ ему слишкомъ много свободнаго времени. Въ промежуткахъ между намазами и молитвами, онъ сидитъ у дверей своей запыленной лавочки, и догадаться, чтѣ онъ дѣлаетъ, или о чемъ думаетъ такъ же трудно, какъ и выкупаться въ томъ крошечномъ арыкѣ (ручейкѣ), что течетъ мимо его лавки. Если онъ страстный охотникъ — у него на крайней мѣрѣ есть непрестанная забота о соколѣ, съ которымъ онъ возится, какъ съ любимымъ дѣтисемъ. Сколько заботъ, умѣнья, находчивости и чисто азіатскаго терпѣнья поглощаетъ выучка этой дикой, неукротимой птицы, такъ плохо мирящейся съ неволей! Но если выучка кончена и первые опыты оказались удачными, — счастью охотника нѣтъ предѣловъ. Его на диво выдрессированный соколъ становится прозою не только всѣхъ пернатыхъ обитателей стѣни, но иногда даже и горныхъ, какъ стрѣла быстрыхъ и стройныхъ какъ газель — козловъ (джайрановъ). Попадались такіе сокола, что съ залету вѣднются въ рогатую голову джайрана и выклеиваютъ остолбенѣвшему отъ страха животному глазу, отдавая его слѣпымъ въ руки алчнаго охотника. Но такой соколъ — рѣдко осуществившаяся мечта азіата — цѣнится баснословно дорого: въ Ахаль-Теке за одинъ экземпляръ предлагали 50 верблюдовъ (верблюдъ стоитъ около 50 руб.) и хозяинъ никакъ не могъ разстаться со своею птицею.

Памятникъ Императору Александру II въ Ченстоховѣ. (Рис. на стр. 1285).

Крестьяне 10-ти губерній Привислинскаго края, движимые глубокимъ чувствомъ вѣрноподаннической благодарности за освобожденіе ихъ отъ панской неволи и дарованіе имъ земельныхъ надѣловъ на правахъ землевладѣльцевъ-собственниковъ, пожелали соорудить своему Благодѣтелю, въ Бозѣ почивающему Императору Александру II, достойный памятникъ на свои средства, для чего и собрали около 75,000 рублей. Сооруженный памятникъ состоитъ изъ колоссальной бронзовой статуи Царя-Освободителя, отлитой на Петербургскомъ литейномъ заводѣ Морана, по модели академика Опекунина, и утвержденной на гранитномъ пьедесталѣ, исполненномъ по проекту архитектора Гуна. Царь-Освободитель изображенъ стоящимъ въ порфирѣ съ неокрытою, слегка приподнятою головою, съ устремленнымъ вдаль взоромъ и съ опущенною внизъ правою рукою, указы-

вающей на кормилицу-землю. Пьедесталъ украшенъ императорскими регалиями и гербами десяти губерній бывшаго Царства Польскаго. Сооруженіе памятника стоило до 72,000 руб. Памятникъ воздвигнутъ въ г. Ченстоховѣ, на Ясной горѣ, куда собираются ежегодно изъ Привислинскаго края на поклоненіе Ченстоховской иконѣ Божіей Матери сотни тысячъ крестьянъ, и гдѣ каждый изъ нихъ можетъ видѣть величественный образъ своего Высочайшаго Благодѣтеля.

Открытие памятника Царю-Освободителю весьма благовременно было приурочено ко дню его рожденія, 17 апрѣля, и сопровождалось двумя священнодѣйствіями: освященіемъ памятника и совершеніемъ при немъ паннихиды за упокой приснопоминаемаго Императора. Во вниманіе къ тому, что въ пожертвованіяхъ на сооруженіе открывавшагося памятника участвовало значительное большинство римско-католическаго населенія Привислинскаго края, освященіе воздвигнутаго памятника предоставлено римско-католическому духовенству, а православному — совершеніе паннихиды, для чего и прибыли въ Ченстоховъ за благовременно епископъ Куивско-Калишской епархіи Александръ Бересневичъ 15 апрѣля изъ Калиша и преосвященный Флавіанъ, викарій Холмско-Варшавской епархіи, съ духовенствомъ и хоромъ архіерейскихъ пѣвчихъ изъ Варшавы 16 апрѣля, въ 6 часовъ пополудни. Въ назначенный день — 17 апрѣля, изъ Ченстоховскаго монастыря въ часъ пополудни прибыла къ памятнику процессія римско-католическаго духовенства со своимъ епископомъ во главѣ, и епископъ окропилъ памятникъ освященною водою при пѣніи священными пѣсней. По отшествіи римско-католическаго духовенства, прибыли къ памятнику крестнымъ ходомъ изъ Ченстоховской православной церкви преосвященный Флавіанъ съ двумя архимандритами, шестью протоіереями и священниками, съ тремя діаконами и хоромъ пѣвчихъ, и въ 2 часа дня отслужилъ паннихиду за упокой Императора Александра II.

Скульптурный отдѣлъ на Всемирной выставкѣ въ Парижѣ. (Рис. на стр. 1288 и 1289).

Собраніе скульптурныхъ произведеній за цѣлое столѣтіе было не менѣе замѣчательнымъ на Парижской выставкѣ настоящаго года, какъ и коллекція графическаго искусства. Изванія, собранныя отовсюду, украшали не только великолѣпный дворецъ искусствъ, но были живописно разставлены по всей выставкѣ. Можно было видѣть всю исторію французской скульптуры, начиная съ конца прошлаго вѣка, за время революціи, затѣмъ первой имперіи, реставраціи — до работъ скульпторовъ послѣдней имперіи и республики. На выставкѣ были собраны произведенія Пигалы, Гудона, Пажу, затѣмъ работы Шодэ, Кановы, Бозіо, Дюпати, потомъ Жерара и Прадье въ ихъ граціозныхъ изваяніяхъ временъ реставраціи; даде шли скульптуры Карто, Дюре, Давида Анжерскаго. И какъ вѣнецъ всѣхъ твореній, заключали скульптурную выставку произведенія Родэна, Далу, Шаню, Фальера, Мерсиэ и множества другихъ талантливыхъ современныхъ скульпторовъ во Франціи.

Помѣщенные рисунки бойко передаютъ большую лѣстницу изящныхъ искусствъ, украшенную бюстами и статуями, и среднее помѣщеніе зданія, гдѣ были собраны коллекціи искусствъ за 100 лѣтъ.

Жичскій монастырь. (Рис. на стр. 1289).

На зеленой равнинѣ, посреди красивыхъ деревень и плодородныхъ полей, лежитъ Жичскій монастырь, мѣсто вѣчанія шести Сербскихъ государей. Вблизи его течетъ быстрый Ибаръ, выбѣга изъ расположенныхъ къ югу скалъ. Намогильные плиты, памятники и кресты покрываютъ кладбище, окружающее монастырь, который спусти нѣтъ столѣтій своа былъ мѣстомъ вѣчанія Сербскаго короля прошедшимъ лѣтомъ.

Жича основана королемъ Стефаномъ „Первоначальнымъ“ и его сыномъ Радославомъ, въ первомъ десятилѣтїи XIII столѣтія, во имя Апостоловъ Петра и Павла. Церковь была окончена постройкою около 1220 года Св. Саввою, который жилъ въ Жичѣ въ бытность свою первымъ архіепископомъ Сербіи. До 1856 г. церковь представляла одиѣ развалины: своды и куполы обвалились, а тѣ которые еще сохранились, грозили каждую минуту наденіемъ. Но и въ такомъ видѣ Жичскій монастырь обращалъ на себя вниманіе своеобразною постройкою изъ цвѣтныхъ кирпичей и камня и красивымъ расположеніемъ въ живописной мѣстности. Многочисленные скульптурныя изваянія говорили о богатомъ нѣкогда внутреннемъ убранствѣ церкви, а замурованные входы напоминали о сказаніи, что для каждаго вѣнчавшагося короля пріобрѣлся особый входъ, который затѣмъ закладывался. Въ силу этого обычая, и для молодого Сербскаго короля Александра былъ проложенъ новый входъ въ стѣнѣ.

Священное муропомазаніе юнаго Сербскаго короля совершилъ 20 іюля при торжественной обстановкѣ митрополитъ Михайлъ, при громадномъ стеченіи народа и въ присутствіи вѣхъ сербскихъ властей и представителей иностранныхъ державъ, среди которыхъ русскій посланникъ занималъ первое мѣсто.

Проект моста через Ламаншъ. (Рис. на стр. 1292).

Читатели „Нивы“ знакомы съ безконечною исторіей предпологаемой постройки туннеля или моста черезъ проливъ Ламаншъ, раздѣляющій Францію отъ Англій. Исторія эта началась еще при Наполеонѣ I съ его переговоровъ съ англійскими государственными людьми и прошла много фазисовъ, при чемъ починъ всегда принадлежалъ Франціи, а Британія ставила всевозможныя препятствія къ осуществленію этого громаднаго предпріятія.

Нынѣ инженеры всего свѣта заняты новымъ проектомъ металлическаго моста, выработаннымъ гг. Шнейдеромъ и К^о и Эрсаномъ, съ помощью гг. Джона Фаулера и Бенджамена Багера, строителей моста черезъ Фортъ.

Мѣсто и направленіе моста черезъ Ламаншъ естественно опредѣляется линіею кратчайшаго разстоянія и наименьшихъ глубинъ. Эта линія идетъ отъ пункта весьма близкаго къ мысу Гри-Нё на французскомъ берегу и достигаетъ англійскаго близъ Фокстона, пройдя по мелямъ Варна и Кольбарта. Протяженіе всей линіи около 38 верстъ. Она не совсѣмъ прямая и представляетъ двѣ излучины на упомянутыхъ меляхъ, во избѣжаніе значительныхъ глубинъ. Наибольшія затрудненія для постройки представляетъ пространство между Кольбартомъ и французскимъ берегомъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ дно морское лежитъ на глубинѣ 27 сажень.

Изъ недавнихъ изслѣдованій, произведенныхъ преимущественно г. Томе де Гамонъ, оказывается что дно морское почти на всемъ протяженіи линіи моста состоитъ изъ бѣлаго или голубаго мѣла, и слѣдовательно представляетъ достаточную плотность чтобы выдержать давленіе 25—30 фунтовъ на квадратный сантиметръ.

Основаніемъ (фундаментомъ) устоевъ будетъ прочная каменная кладка, скрѣпленная порландскимъ цементомъ. Эти каменные столбы, въ планѣ, представляютъ четвероугольники въ 12 сажень длины, а ширина ихъ соотвѣтственна каждой системѣ столбовъ. При глубинѣ въ 27 сажень, поверхность основанія столбовъ будетъ въ 1,604 квадратныхъ метра. При глубинахъ менѣе значительныхъ, поверхность пропорціонально уменьшается.

Каменная кладка будетъ производиться, какъ обыкновенно при мостовыхъ сооруженіяхъ, въ металлическихъ кессонахъ, погружаемыхъ съ помощью сжатого воздуха, до встрѣчи твердаго грунта.

Часть проекта касающаяся столбовъ принадлежитъ г. Эрсану. Металлическая часть сооружения надъ столбами выработана гг. Шнейдеромъ и К^о. На платформѣ каменныхъ устоевъ будутъ установлены металлическія цилиндрическія колонны отъ 20 до 21 сажени высоты, на которыхъ будутъ покоиться главныя балки моста, что съ высотой каменныхъ столбовъ дастъ общую высоту въ 30—31 сажень надъ уровнемъ воды во время отлива и 27—28 сажень во время прилива. Слѣдовательно, за исключеніемъ немногихъ колоссальныхъ кораблей, какъ напр. пятиачтовый *France*, коего мачты достигаютъ 30 сажень, всѣ остальные суда будутъ свободно проходить подъ мостомъ.

Въ видахъ соглашенія требованій судоходства съ экономіей, приняты три рода пролетовъ между устоями моста: 1) отъ 150 до 250 сажень длины, 2) отъ 100 до 175 саж. и 3) отъ 50 до 125 саж. Наибольшіе пролеты соотвѣтствуютъ наибольшимъ глубинамъ.

Высота рельсовыхъ путей—36 сажень надъ уровнемъ моря во время отлива; путей два, обыкновенной ширины въ 2¼ арш. между рельсами. Эти послѣдніе особаго устройства во избѣжаніе схода колесъ съ рельсовъ.

Съ правой стороны столбовъ могутъ быть мѣстами установ-

лены маяки для обозначенія пройденнаго разстоянія и другихъ надобностей.

На случай войны, крайніе съ каждой стороны пролеты моста могутъ быть разводимы какъ у обыкновенныхъ разводныхъ мостовъ.

Размѣры устоевъ и масса прочаго матеріала потребуютъ устройства гавани въ болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ начала моста на томъ и на другомъ берегу. Во Франціи таковая будетъ по всей вѣроятности въ Амблѣтской бухтѣ, въ Англій—у Фокстона.

Металломъ для верхней постройки послужитъ сталь. Металлическая часть устоевъ состоитъ изъ двухъ колоннъ въ 17 сажень высоты, соединенныхъ между собою горизонтальными и косыми балками, позволяющими имъ устоять противъ дѣйствія вѣтра.

Цѣна всего сооруженія исчислена въ 860.000.000 франковъ, изъ коихъ 380 милл. приходится на каменную кладку, а 480 милл. на металлическія сооруженія.

Настольный свѣтящійся фонтанъ. (Рис. на стр. 1293).

Свѣтящійся фонтанъ на Парижской Всемирной выставкѣ вызвалъ массу подражателей; между прочими, извѣстный любитель, Гастоуъ Менье, приспособилъ его въ миниатюрѣ для украшенія столовой.

Въ обѣденномъ столѣ, посредникъ его, прорѣзается отверстие немного болѣе полтора аршина длины и немного менѣе полтора аршина ширины. Въ это отверстие вставляется многоугольный цинковый бассейнъ ZZ, съ широкими, загнутыми краями. Въ центрѣ этого бассейна на днѣ находится аппаратъ производящій электрическое освѣщеніе; онъ помѣщается въ круглой металлической коробкѣ, дно которой состоитъ изъ обыкновеннаго зеркала съ амальгамой, а верхняя часть изъ зеркальнаго стекла безъ амальгамы. Въ коробкѣ расположены шесть лампочекъ накаливанія, изъ коихъ три видны на нашемъ рисункѣ. Приняты мѣры во избѣжаніе того чтобы отъ холодной воды не лопнуло верхнее стекло, нагрѣтое лампочками. Для этого придѣлано второе стекло безъ амальгамы надъ первымъ, на нѣсколько сантиметровъ выше, предохраняющее его отъ соприкосновенія съ водой. Надъ этимъ аппаратомъ находится водометъ, состоящій изъ двухъ концентрическихъ, пробурованныхъ вверху колецъ и центральной лейки. Вода проводится въ него изъ трубы скрытой въ полу подъ столомъ. Три разныя трубочки, проводящія воду въ кольца и лейку, снабжены кранами, которые находятся подъ рукою хозяйина, и послѣдній можетъ такимъ образомъ разнообразить струи, открывая то то, то другой кранъ, то по два вмѣстѣ, то всѣ три разомъ. Измѣненіе цвѣта свѣтящихся струй достигается помощью цвѣтныхъ стеколъ, расположенныхъ между освѣтительнымъ аппаратомъ и струей воды. Каждое стекло вставлено въ особую рамку, имѣющую около ¼ аршина длины. Рамки эти, на рисунокѣ палочками одна на другую (С, С), двигаются на подобіе кулисы въ пазахъ. Онѣ соединены по днѣ, съ промежуткомъ между ними въ 30 сантиметровъ для прохода бѣлаго (не окрашеннаго стеклами) свѣта. Къ каждой парѣ стеколъ прикрѣплена цѣпочка, выходящая изъ закранныя бассейна, огибающая его на маленькихъ блокахъ (Р) и проходящая передъ хозяйскимъ мѣстомъ за столомъ. На рисунокѣ ясно изображено это устройство: двигая вправо или влѣво рукоятки въ трубочкахъ Т, ставить въ центрѣ бассейна то или другое цвѣтное стекло. Стеколъ всего 6 паръ, но комбинируя ихъ между собою, можно достигнуть безчисленнаго разнообразія красокъ. Весь бассейнъ маскируется цвѣтами, такъ что для непредупрежденныхъ столъ представляется покрытымъ скатертью, съ корзиной цвѣтовъ посредникъ,—и вдругъ изъ середины ея начинаютъ бить разноцвѣтныя свѣтящіяся струи фонтана.

Политическое обозрѣніе.

Приближеніе Рождественскихъ праздниковъ становится замѣтнымъ въ политической жизни западной Европы. Международная политика какъ-бы замерла на время, и даже газеты меньше занимаются нересудами о международныхъ дѣлахъ. Германія, Австро-Венгрія, Англія, Франція и другія государства поглощены всецѣло разрѣшенію стоящихъ на очереди внутреннихъ политическихъ вопросовъ.

Во Франціи палата депутатовъ оканчиваетъ разсмотрѣніе правильности недавнихъ избраній въ ея среду. 27 ноября она постановила свой приговоръ по поводу избранія генерала Булаже, который можно признать если не концомъ буланжизма, то во всякомъ случаѣ устраненіемъ бѣлаго генерала на долгое время отъ общественныхъ дѣлъ во Франціи. Въ это заступаніе палаты, послѣ многочисленныхъ рѣчей, произнесенныхъ за и противъ утвержденія избранія Жоффрена, поправка Деруэда, направленная къ признанію избранія Булаже, была отвергнута большинствомъ 370 голосовъ противъ 123, а поправка Клуэре, имѣвшая цѣлью кассированіе монархическихъ выборовъ, была отвергнута большинствомъ 311 голосовъ противъ 243. Великъ затѣмъ избраніе Жоффрена признано было дѣйствительнымъ. Республиканскія газеты и большая часть радикальныхъ органовъ констатируютъ, что палата, утвердивъ из-

браніе Жоффрена, совершила актъ высшей политики и республиканской дальновидности. Консервативные же и буланжистскіе органы заявляютъ, что всенароднаго голосованія болѣе не существуетъ и что его смѣнило своеправіе олигархіи. Нѣсколько собравшихся вечеромъ буланжистскихъ комитетовъ предложили устроить митингъ негодованія по поводу утвержденія избранія Жоффрена. Тѣмъ не менѣе рѣшеніе палаты депутатовъ безповоротно завершаетъ дѣло вождя національной партіи. Законодательная власть республики какъ-бы подтверждаетъ рѣшеніе верховнаго суда, лишившаго Булаже всѣхъ политическихъ правъ.

Во Итальянской палатѣ депутатовъ принять внесенный въ нее проектъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь короля Гумберта, при чемъ итальянскій премьеръ сдѣлалъ нѣсколько заявленій о Франціи, которыя быть-можетъ не особенно понравятся нѣкоторымъ друзьямъ Италіи. Точно желая разсѣять подозрѣнія въ нерасположеніи къ своей сѣверо-западной соседкѣ, г. Криспи, въ отвѣтъ на сдѣланное однимъ изъ депутатовъ замѣчаніе, заявилъ, что взаимныя отношенія между Италіей и Франціей отличныя. Министръ-президентъ присовокупилъ, что между обоими государствами существуютъ разногласія лишь въ экономической области; Италія, однако, проложила дорогу къ

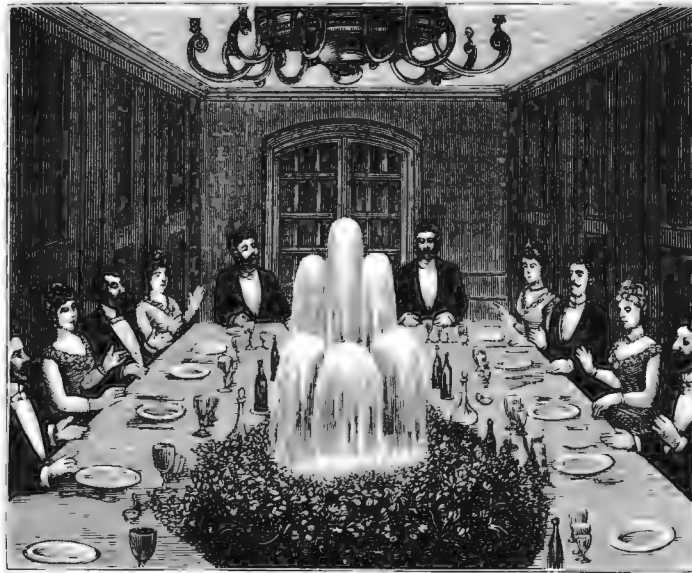
Рождественскій сюрпризъ.

При этомъ №. прилагается для гг. подписчиковъ **СЕДЬМОЕ** бесплатное приложение:

„РОССІЙСКІЕ ИМПЕРАТОРСКІЕ и ЦАРСКІЕ ОРДЕНА и МЕДАЛИ“.

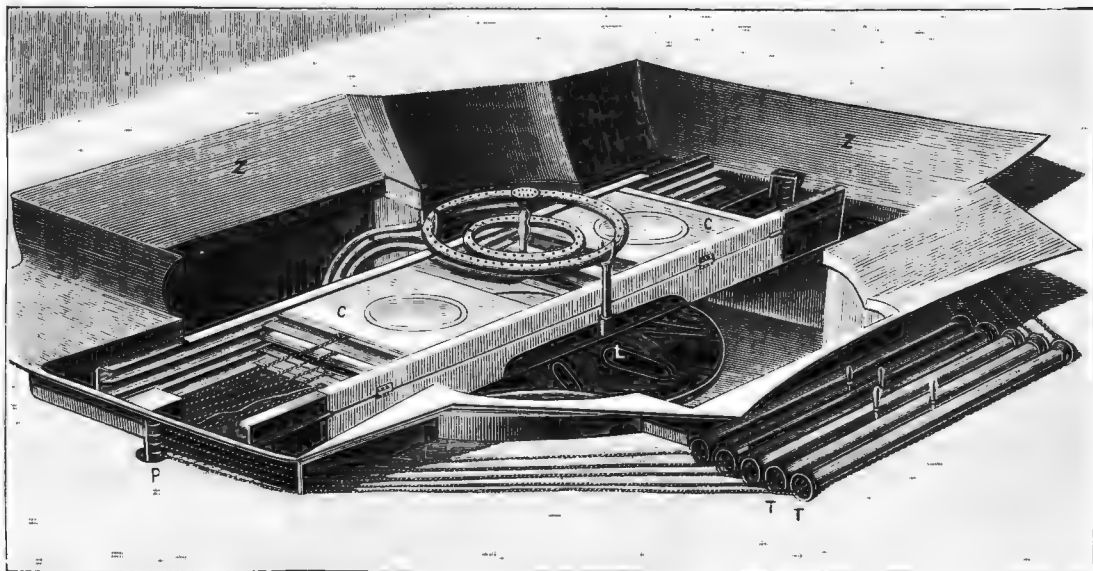
Эта художественно исполненная таблица отпечатана двѣнадцатью красками, золотомъ и серебромъ на лучшей веленовой бумагѣ. Для отдѣльной продажи отпускается настоящій №. безъ этого приложения, которое продается отдѣльно по 75 коп., а съ пересылкою (на скалкѣ) по 1 рублю.

ро - Американскихъ Штатовъ Гаррисона, о которомъ упоминалось въ прошломъ „Политическомъ обзорѣннѣ“, особенное внимание обращаетъ указаніе на блестящее финансовое положеніе Штатовъ. Въ виду крупнаго излишка государственныхъ доходовъ, говорится въ посланіи, достигнугаго въ прошломъ году 57 милліоновъ долларовъ, представляется целесообразнымъ сокращеніе доходовъ до размѣровъ дѣйствительно необходимыхъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ. Президентъ Гаррисонъ предлагаетъ пересмотръ таможеннаго тарифа и введеніе одинаковой системы оцѣнки стоимости товаровъ во всѣхъ портахъ, но при соблюденіи законныхъ интересовъ отечественной промышленности. Далѣе въ посланіи предлагается улучшеніе береговой обороны, увеличеніе вос-

Настольный свѣтящійся фонтанъ Гастона Менъе.

паго флота, а также мѣры къ затрудненію перехода въ подданство переселенцевъ-соціалистовъ. Затѣмъ высказывается сожалѣніе, что американскій торговый флотъ сталъ отставать отъ торговыхъ флотовъ другихъ государствъ. Президентъ совѣтуетъ поощрять щедрыми денежными субсидіями американскіе пароходы, совершающіе рейсы въ Среднюю Америку, Южную Америку, Китай, Японію и т. д., а также предлагаетъ образованіе естественнаго резерва изъ торговыхъ судовъ, какъ то дѣлается въ Англіи, равно какъ прогрессивное поощреніе иностранной торговли. Въ годовомъ отчетѣ морскаго министра предлагается постройка двухъ боевыхъ кораблей, 20 броненосцевъ для обороны побережья, 3 канонерскихъ лодокъ, въ 1000 тоннъ каждая, и 5 миноносцевъ. Изъ боевыхъ

Механизмъ свѣтящагося фонтана Гастона Менъе.

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №.№., просимъ гг. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗВНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1890 года, такъ какъ

Городская почта въ послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

судовъ 8 должны войти въ составъ флотиліи Тихаго океана, требности флота требуется ассигнованіе въ будущемъ году а 12 — въ составъ флотиліи Атлантическаго океана. На по- 25 599,253 доллара.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 26 ноября, въ день празднованія учрежденія ордена Св. Вел.-муч. и Побѣдоносца Георгія состоялось принесеніе присяги до- стигшимъ совершеннолѣтія Е. И. В. Вел. Кн. Сергѣемъ Михайловичемъ.

Дѣла церкви.

— Святыишій Синодъ опредѣлилъ: возвести Севастіановскую женскую общину, Пошехонскаго уѣзда, въ общежительный женскій монастырь, съ наименованіемъ сего монастыря Преображенскимъ-Севастіановскимъ.

— Въ московскомъ ставропигіальномъ Донскомъ монастырѣ законченъ наружную постройкой новый храмъ, воздвигаемый на средства Е. А. Первушиной, по проекту архитектора Шера, въ русско-византійскомъ стилѣ. Е. А. Первушина пожертвовала въ монастырь 40,000 р.

— Высокопреосвященный Іоанникій, митрополитъ Московскій и Коломенскій, наканунѣ дня своего тезоименитства (4 ноября) и сороковой годовщины служенія въ священномъ санѣ, прислалъ председателю комитета енархіальнаго училищнаго фонда 10,350 р. съ тѣмъ, чтобы эта сумма поступила въ неприкосновенный капиталъ фонда, а на проценты съ нея содержались по одному бѣдному ученику въ каждомъ изъ духовныхъ училищъ Московской епархіи; проценты дають семь полныхъ училищныхъ стипендій. Другое пожертвованіе въ 3,000 руб. въ то же время митрополитъ Іоанникій сдѣлалъ въ дамское попечительство о бѣдныхъ въ Москвѣ, въ которомъ онъ состоитъ почетнымъ членомъ.

Правительственныя распоряженія.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ Прав. Сенату повелѣно:

1) Въ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерніяхъ употребленіе исключительно русскаго языка обязательно какъ во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ мѣстныхъ городскихъ общественныхъ управленій, такъ и въ сужденіяхъ мѣстныхъ городскихъ думъ. При этомъ разрѣшается, впродъ до особыхъ распоряженій: а) постановленія и распоряженія городскихъ общественныхъ управленій, подлежащія опубликованію во всеобщее свѣдѣніе, излагать, независимо отъ русскаго, также и на нѣмецкомъ языкѣ, а въ случаѣ надобности и на мѣстномъ, по принадлежности, нарѣчій: латышскомъ или эстонскомъ, и б) резолюціи по частнымъ просьбамъ, поступающимъ въ мѣстныя городскія общественныя управленія, объявлять на томъ языкѣ, на коемъ подана просьба.

2) Изложенныя въ п. 1 настоящаго указа постановленія вводятся въ дѣйствіе въ городахъ: Ригѣ, Ревелѣ и Митавѣ нынѣ же, а въ прочихъ городахъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерній — по ближайшему усмотрѣнію Министра Внутреннихъ Дѣлъ; — и

3) На предстоящіе въ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерніяхъ городскіе выборы, на новое съ 1890 года четырехлѣтіе, дѣйствіе примѣчанія къ ст. 17 городскаго положенія, т. II, ч. I, изд. 1886 года, приостанавливается.

— Въ Ригѣ, 27 ноября, въ присутствіи

Министра Юстиціи преосвященный Арсеній освятилъ зданіе окружнаго суда, послѣ чего чины новыхъ судебныхъ установленій были представлены Министру. 28 ноября состоялось торжество открытія новаго суда, начавшееся чтеніемъ Высочайшаго указа и приказовъ о назначеніи судебного персонала.

Въ Митавѣ окружный судъ открытъ Министромъ Юстиціи 30 ноября.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Недавно въ гор. Самарѣ пущена въ ходъ только что оконченная постройкою громадная паровая мукомольная мельница бр. Башкировыхъ. Главный корпусъ мельницы имѣетъ 7 этажей, съ каменною трубою, достигающею почти 25 саж. высоты. Постройка мельницы обошлась владѣльцамъ около 1,000,000 рублей.

— Въ Ферганской области, нынѣшней осенью вновь подготовлено 52,000 десятинъ орошаемой земли для посѣва американскаго хлопка. Въ случаѣ успѣшности посѣва, производство хлопка въ Средней Азій увеличится на миллионъ пудовъ.

Торговля.

— 25 ноября, въ С.-Петербургскомъ порту происходило освѣщеніе первого въ Россіи портового зерноподъема (элеватора), построеннаго инженерами гг. Борейшою и Максимовичемъ, бывшими строителями Морскаго канала (описаніе и изображеніе элеватора см. въ № 49 *Нивы*).

— Въ послѣднее время въ гор. Вильнѣ на базарахъ закупается въ большомъ количествѣ, по весьма высокимъ цѣнамъ, солома для вывоза за-границу. За пудъ ржаной соломы платятъ на мѣстѣ не дешевле 15 коп.; доставка до Эйдкунена обходится 12 коп., а за-границею экспортеры еще зарабатываютъ копѣекъ 10 на пудъ, такъ что за-границею цѣна соломы идетъ въ 37 коп., по цѣнѣ сѣна.

Народное здравіе.

— По поводу эпидеміи гриппа въ С.-Петербургѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, въ печати высказывалось, между прочимъ, мнѣніе, что эта болѣзнь служитъ предвѣстникомъ холерной эпидеміи, которая должна разразиться въ Россіи, не далѣе какъ весной будущаго года. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ и цифровымъ даннымъ, провѣреннымъ д-мъ мед. Смоленскимъ, оказывается, что обѣ эти болѣзни не представляютъ ничего общаго ни по существу, ни по условіямъ своего возникновенія и распространенія. Если онѣ въ нѣкоторые годы господствовали одновременно или чередовались, то эта связь или послѣдовательность представляется чисто случайною, и гриппъ, въ дѣйствительности, служитъ столь же мало предвѣстникомъ холеры, сколь и послѣдняя — предвѣстникомъ гриппа, или обѣ эти болѣзни — предвѣстниками цѣлаго ряда другихъ болѣзней, чередовавшихся или господствовавшихъ одновременно съ первыми и притомъ совершенно независимо отъ нихъ. Если въ будущемъ году холера и угрожаетъ Россіи, то во всякомъ случаѣ не больше, чѣмъ въ предыдущіе годы. Можно надѣяться, что заботы администраціи и общественныхъ управленій увѣнчаются въ

будущемъ году такимъ же успѣхомъ, какъ въ теченіе послѣднихъ 5—6 лѣтъ, то есть со времени появленія холеры въ Египтѣ въ 1883 году.

— По имѣющимся въ Асхабадѣ свѣдѣніямъ, ни въ Тегеранѣ, ни въ персидскихъ прикаспійскихъ провинціяхъ, ни въ Хоросанѣ холерныхъ случаевъ не было; въ центральной же Персіи холера сильна.

— Въ Севастополѣ, заболѣванія инфлуэнцой уменьшились и не имѣютъ характера эпидеміи.

— Въ Тифлисѣ заболѣваніе инфлуэнцой принимаетъ довольно значительные размѣры, сильнѣе между скученнымъ населеніемъ. Во всѣхъ типографіяхъ большинство служащихъ больны.

— Въ Луганскѣ сильная инфлуэнца, въ каждомъ домѣ по 2, по 3 больныхъ.

— Въ Оренбургѣ появился гриппъ; очень часты случаи скарлатины, кори и дифтерита.

Изъ губерній и областей.

— Въ Тифлисскомъ военно-окружномъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію бывшаго начальника пухинскаго мѣстнаго лазарета подполковника князя Туманова и старшаго врача Гречанинова въ злоупотребленіяхъ по службѣ, въ присвоеніи казенныхъ денегъ и въ подлогахъ. Судъ приговорилъ, по лишеніи чиновъ, орденовъ, княжескаго и дворянскаго достоинства, всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, сослать Туманова въ Иркутскую, а Гречанинова въ Енисейскую губернію.

— 10 минушаго октября, въ портѣ Узунъ-Ада, въ Закаспійской области, былъ сдѣланъ опытъ однодневной переноски жителей. Оказалось, что въ портѣ Узунъ-Ада живетъ нынѣ 1,651 человекъ, въ томъ числѣ 241 женщина и 130 дѣтей.

— Въ Семирѣченской области до послѣдняго времени продолжались легкія содроганія земли. Они бывали иногда ежедневно, по нѣскольکو разъ въ сутки, а иногда съ промежутками въ нѣсколько дней. Волнѣ чувствительные подземные толчки, сопровождаемые гуломъ, были замѣчены 5 сентября, въ 11^{1/4} ч. дня, 10 сентября, въ 1 ч. 15 мин. дня; на 11 число, въ 4 ч. 55 м. утра, было довольно сильное землетрясеніе. 18 числа, вечеромъ, въ 6^{1/2} час., раздался сильный подземный гулъ, а затѣмъ послѣдовалъ подземный ударъ, такъ что строения задрожали, и кое-гдѣ люди выбѣжали изъ домовъ. Затѣмъ, чрезъ минуту, послѣдовало продолжительное дрожаніе земли.

— По донесенію иссык-кульскаго уѣзднаго начальника, по сѣверному и сѣверо-восточному берегу Иссык-Куля чувствуются почти ежедневно подземные толчки и колебанія. Въ селеніяхъ Преображенскомъ, Уйталѣ и Сазоновкѣ 7 ноября утромъ сильнымъ толчкомъ повредило трубы.

Неурологъ.

— 22 ноября, въ СПб., скончался извѣстный картографъ, генеральнаго штаба генераль-лейтенантъ Алексѣй Аонногеновичъ Ильинъ.

— Въ Киевѣ, 23 ноября, въ 6 час. вечера, скончался генераль-адъютантъ Федоръ Федоровичъ Треповъ.

С М Ъ С Ъ .

Японскій праздникъ. Попечительство Императорскаго Человѣколюбиваго Общества для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство, устраиваетъ въ среду, 13 декабря настоящаго года, художественный балъ-маскарадъ подъ названіемъ „Японскій праздникъ“, подъ наблюденіемъ Н. И. Карягина, съ безпроягршною лоттереею, базаромъ разныхъ вещей и цѣтвовъ, и призами за оригинальные и характерные костюмы. Плата за входъ 5 рублей.

Изъ пребыванія императора Александра I-го въ Таганрогѣ. Всюминая исполнившуюся недавно 64-ю годовщину памятнаго

для Таганрога дня кончины императора Александра I-го, *Таганрогскій Вѣстникъ* передаетъ многія малоизвѣстныя подробности послѣдняго пребыванія этого монарха въ Таганрогѣ. У императора было излюбленное мѣсто за городскимъ садомъ — извѣстный всѣмъ пригородокъ, на которомъ росли пять старыхъ дубовъ, посаженныхъ первымъ таганрогскимъ комендантомъ Кашперовымъ при Екаторинѣ Великой. Тамъ, подъ тѣнью этихъ дубовъ, на каменной скамейкѣ императоръ часто сидѣвалъ одинъ по цѣлымъ часамъ. Есть извѣстіе, что въ это время въ Таганрогѣ прѣлѣжалъ одинъ изъ злоумышленниковъ съ цѣлью покушенія на жизнь императора. Государь, знавшій о заго-

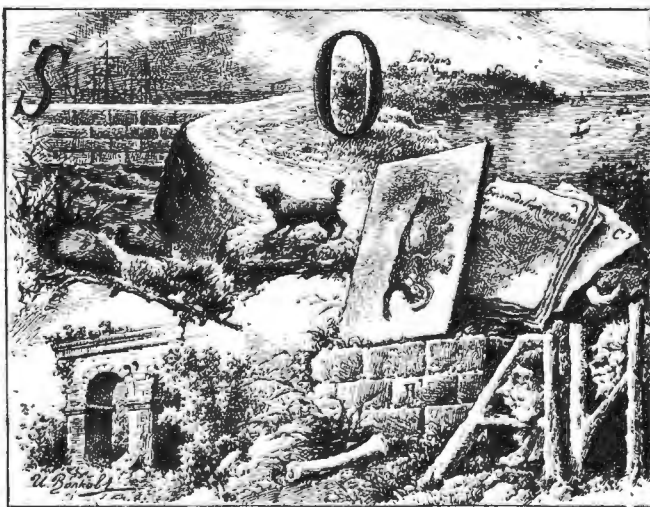
ворь, призвалъ къ себѣ пріѣзжаго и своимъ видомъ и обхожденіемъ произвелъ на него такое впечатлѣніе, что тотъ ушелъ на колѣни и просилъ о помилованіи. Императоръ обласкалъ его и отпустилъ, снабдивъ еще и деньгами на дорогу. Изъ Таганрога государь ѣздилъ въ Крымъ. Здѣсь на южномъ берегу свирѣпствовала тогда лихорадка, а между тѣмъ государь часто подвергался всѣмъ случайностямъ погоды, кромѣ того онъ очень много ходилъ и ѣздилъ то на конѣ, то въ экипажѣ, питался гдѣ попало, у татаръ, въ греческомъ монастырѣ, непривычною пищею. Въ концѣ концовъ лейбъ-медикъ Вилліе подмѣтилъ у императора начало болѣзни. Но государь уперно отказывался отъ лѣченія и до самаго прибытія въ Мариуполь, лейбъ-медикъ не получалъ отъ него много отвѣта: „Я здоровъ, не погчуйте меня лѣкарствами.“ По возвращеніи въ Таганрогъ 5 ноября, на вопросы егермейстера кн. Н. Г. Волконскаго, государь отвѣчалъ: „У меня небольшая лихорадка не смотря на прекрасный климатъ, который намъ такъ расхвалили.“ Къ этому онъ прибавилъ, что эта лихорадка началась у него еще въ Бахчисараѣ. Чувствуя нездоровье и слабость, государь, наконецъ, согласился полѣчиться. Съ этого времени сильный жаръ, чередовавшійся съ обильной испариной, истощалъ организмъ больного до такой степени, что отъ малѣйшаго уемли съ государемъ дѣлался обморокъ. Примѣчательна такая подробность: во все время болѣзни императора, собаки ужасно вили подь окнами, что было предметомъ общихъ разговоровъ. Въ три дня этихъ собакъ было перебито до 150 штукъ. Вечеромъ 14 ноября Вилліе нашель, что государь въ крайней опасности; когда было сообщено о томъ государынѣ, она предложила императору исполнить христіанскій долгъ. „Развѣ я такъ плохъ?“ спросилъ императоръ у Вилліе. Лейбъ-медикъ, заливаясь слезами, объявлялъ ему всю правду. Императоръ пожалъ ему руку. На другой день государь исповѣдывался и причащался; скоро силы совсемъ оставили его, и незадолго передъ 19-мъ числомъ, днемъ его кончины, онъ потерялъ сознание. Онъ скончался на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, изголовьемъ къ камину. Мѣсто это обозначено и теперь еще черною тесьмою на коврѣ въ той комнатѣ которая вѣкорѣ затѣмъ была превращена въ домовую церковь. Въ Таганрогѣ еще недавно были живы современники императора Александра I, сохранившіе личныя воспоминанія о привѣтливомъ и ласковомъ обращеніи съ ними Благополосеннаго. Императоръ съ удивительною простотою проводилъ въ ихъ средѣ свои послѣдніе дни, живо принимая къ сердцу скромные интересы ихъ незатѣйливой будничной жизни. Императору Александру Таганрогъ обязанъ весьма многимъ, и именно не только его времени, его царствованію, но его личному пощенію и заботамъ. (в)

Надѣ влияніемъ чая и кофе на процессы мозга произведены были д-ромъ Дегио въ Дерптѣ весьма интересныя наблюденія. Посредствомъ измѣренія періодовъ реакціи, т. е. продолжительности вызваннаго тѣмъ или другимъ веществомъ дѣйствія, д-ръ Дегио

установилъ разницу между возбуждающимъ дѣйствіемъ чая и кофе, по сравненію ихъ съ алкоголемъ. Всѣ три средства прежде всего ускоряютъ дѣятельность мозга; но алкоголь, дѣйствуя ускоряюще на процессъ движенія и проявленія воли, напротивъ того—скоро замедляетъ процессы сознанія. Кофеинъ-же, т. е. заключающееся въ кофе дѣйствующее вещество, а еще болѣе чай—вызываютъ ускоренную и въ то же время продолжительную воспримчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, способствуя соединенію ихъ въ сложныя группы представленій. Если алкоголь устраняетъ заботы и затрудненія, возбуждаетъ храбрость и подбиваетъ на неразумныя выходы, дѣлая насъ неспособными къ серьезной мысленной работѣ, то чай, при продолжительномъ умственномъ напряженіи, прогоняетъ сонъ, поддерживаетъ вниманіе и облегчаетъ усвоеніе утомительныхъ подробностей. При хроническомъ злоупотребленіи алкоголемъ, мы видимъ постепенное ослабленіе сдержанности, самообладанія, упорядокъ характера и нравственной устойчивости, между тѣмъ какъ привычное, постоянное питье чая никогда не имѣетъ такихъ вредныхъ послѣдствій. (с.)

Персть Божій. Въ одной изъ южныхъ газетъ помѣщенъ слѣдующій разсказъ очевидца. Въ хуторѣ Варваровкѣ, Екатеринославской губ., трое липъ охотившихся въ имѣніи помѣщика, по окончаніи охоты заѣхали къ арендатору этого имѣнія. Черезъ нѣсколько времени имъ сказали, что въ экономической избѣ, занимаемой приказчикомъ, произошло нѣчто особенное. Охотники направились въ избу и увидѣли въ углу комнаты пожимую женщину, жену приказчика, которая плакала, а посреди комнаты—ея дочь, дѣвухну лѣтъ 15, державшую руку у лѣваго глаза. Оказалось, что за нѣсколько минутъ передъ этимъ дочь начала бранить свою мать, за то что она заставляла ее работать, и, между прочимъ, сказала: „Чтобъ тебѣ—старой вѣдьмѣ—глаза повывѣзли!“ Оскорбленная мать, женщина весьма кроткая, стала плакать и направилась къ выходу. Не успѣла она еще за собою затворить дверь, какъ услышала крикъ дочери. Она вернулась назадъ и увидѣла, что съ лѣвымъ глазомъ ея дочери, до того совершенно здоровымъ, случилось что-то особенное. Охотники, подойдя къ дѣвухнѣ, увидѣли красноватую опухоль, образовавшуюся кругомъ глаза. Зрачекъ упалъ въ глубину, а блокъ остался на своемъ мѣстѣ. Очевидно, глазъ лопнулъ, такъ какъ пзъ него текла вода. Онъ имѣлъ ужасный видъ и производилъ подавляющее впечатлѣніе. Шлева, гладко покрывавшая зрачекъ, запала въ средину и образовала нѣсколько морщинъ. На разспросъ дѣвухка отвѣтила, что въ моментъ выхода матери ея изъ комнаты, она почувствовала въ лѣвомъ глазу зудъ, а потомъ острую боль, но что теперь она, все-таки, этимъ глазомъ видитъ. Это такъ сильно на нее подѣйствовало, что во все время разсказа она дрожала всѣмъ тѣломъ. Въ нашъ вѣкъ вѣрнѣя такое удивительное происшествіе неизлишне сообщить. (в.)

Ребусъ. Задача № 77.

Рѣшеніе шашечной задачи № 67 (помѣщенной въ № 43).

Бѣлыя.	Черныя.
1) d 4 — f 6	1) e 3 — g 1
2) a 5 — b 6	2) c 7 — a 5
3) f 6 — d 8	3) g 1 — b 6
4) c 3 — b 4	4) a 5 — c 3
5) d 8 — e 1	5) a 7 — b 6
6) e 1 — a 5	6) b 6 — c 5
7) a 5 — b 4	7) c 5 — a 3
8) a 1 — b 2	Шапка запер.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—Н. Панкова, Ф. А. Боромина, А. А. Пospelъва, Москва—А. Матри-

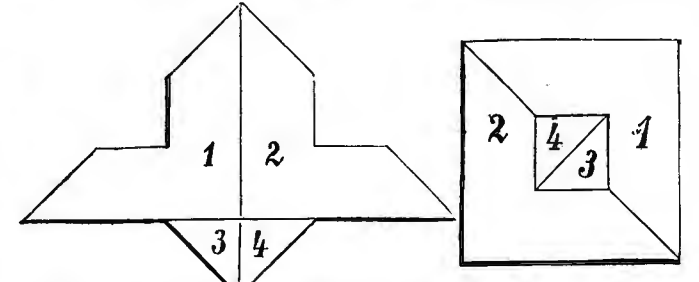
Рѣшеніе шахматной задачи № 68 (помѣщенной въ № 43).

Бѣлыя.	Черныя.
1) К. a 3 — c 2	С. a 6 — c 4
2) Ф. g 5 — c 1	Куда угодно.
3) Ф. c 1 — h 1	
Ф. c 1 — h 6	
К. c 2 — b 4 ++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—А. А. Пospelъва, Городечъ—И. Гротковскаго, Елецъ—Х. Ролефельдъ.

Рѣшеніе ребуса № 66 (помѣщеннаго въ № 43). „У Бога всего много“.

Рѣшеніе геометрической задачи № 70 (помѣщ. въ № 46)

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб.—Н. Панкова, В. А. Смерчнскаго, С. П. Александрова, М. Кочергина, Старкова, Б. Поетникова, Н. Иванова Г. Павлова, Ф. Михель, В. Кондратьева, А. В. Етхихева, С. Хндстреймъ, П. Иванова, В. А. Веретникова, С. Петрова, Б. Кратирова, М. Рыжквичъ, А. С. Шведова, В. Герцель, Л. Данилевича, Г. А. Дмитриева, Мисива—Галицкаго, А. Феоплептова, Крапцова, Л. И. Курнова, Гречинскаго, С. Покровскаго, В. М. Михайлова, М. Мацѣвской, Е. Фигурова, Н. Г. Лебедева, И. И. Волгина, В. Жаркова, Ф. Ф. Выкова, Б. Коровино — В. К. Терскаго, Баламезо—Л. М. Скорякова, Варшава—К. Меркужина, Горни—Г. З. У., Глази—Ворейна, Глховъ—В. М. Семенникова, Дрезда—Зубрикина, Динабургъ—М. Загеръ, Н. Крастингъ, Енаториославъ—Ф. Ильиневича, Зимарово—А. П. Аблова, Злынка—Х. Е. Макарова, Ковровъ—И. И. Мятарева, Коломна—Шеллагина, И. И. Бережнева, Невъ—И. Васильченко, А. Н. Шульженко, Кузнецъ—Ф. И. Перова, Каменская—В. Е. Севрюгова, Грешенчукъ—Е. Е. Добровицкаго, Н. Г. Рванкова, С. Я. Добровицкаго, Кшиновъ—М. Брасильскаго, Лебединъ—В. И. Чурилина, Минскъ—В. Я. Яроловича, Мценскъ—И. Н. Павлова, Н. А. Виноградова, Г. Г. Максимова, Махновна—Слвбодинскаго, Новоочернискъ—И. Каринскаго, Н. Новгородъ—Никсъ, Одесса—А. О. Новани, Рыбинскъ—Грызлова, Рыбинъ—Ермолаева, Ромжи—Нѣмцевича, Рига—М. Крулевникова, Самара—А. Вишнякова, Сергѣевъ пос.—Стромынцева, Севастополь—П. А. Кандаракъ, Шацкъ—Филимоновичъ, Южновъ—К. П. Олцкаго, Яновъ—А. Эбергъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Высокопреосвященный Михаилъ, митрополитъ Сербскій (съ портр.). — Барыня-крестьянка. Историческій романъ графа Е. А. Саласа. Часть II. (Продолженіе). — Дворяшка. Разсказъ Н. Станицкаго. (Продолженіе). — Ищѣніи характеровъ въ мѣртъ животныхъ. Очеркъ Л. Гашерта. — Ордена и знаки отличія Россійской Имперіи. — Бъ рисункамъ: На лорониакъ (съ рис.). — Находка (съ рис.). — Финоидъ крестьянинъ (съ рис.). — Изъ жизни доцановъ (съ рис.). — Мила-купецъ въ Мервѣ (съ рис.). — Памятникъ Императору Александру II въ Ченстоховѣ (съ рис.). — Скульптурный отдѣлъ на Всемирной выставкѣ въ Парижѣ (съ 2 рис.). — Мичинскій монастырь (съ рис.). — Проектъ моста черезъ Ламаншъ (съ 3 рис.). — Настольный свѣтящійся фонтанъ (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — О подлинкѣ на „Ниву“ 1880 г. — Рождественскій смъртницъ. — Заявленіе. — Разныя извѣстія. — Сѣвѣ. — Ребусъ и рѣшенія задачъ. — Объявленія. — При этомъ не предлагаются безплатное приложеніе, печатанное 12-ю красками, золотомъ и серебромъ: РОССІЙСКІЕ ИМПЕРАТОРСКІЕ И ЦАРСКІЕ ОРДЕНА И МЕДАЛИ“.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Илюшинъ.

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ. Невскій, № 6.

Подарки къ Рождеству!

Рете.

„ФАУСТЪ“

переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравир. на мѣди и 132-ма гравюрами на деревѣ по рисункамъ Энгельберта Зейбертца.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневома) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзкомъ и въ футлярѣ 40 руб., перес. за 35 фунтовъ по разстоянію.

А. П. Майнова.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ.

Цѣна 6 руб. Для г.г. подписчиковъ „Нивы“ 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

Ш. П. Губина.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи.

Большой томъ, in quarto, съ 430 прекрасно исполненными гравюрами. Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 руб.; въ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ тиснен. и 3-мя краск. 7 руб., съ перес. 8 р. 50 к.

Ш. Морскаго (Лодка).

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Цѣна 2 руб., для г.г. подписчиковъ „НИВЫ“ за 1 руб. 50 коп., съ перес. 2 руб., въ коленкор. перепл. съ зол. тисн. 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

Н. Н. Каразина.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ въ 2-хъ частяхъ, съ 20-ю рисунками автора.

Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Гр. В. А. Салтыка.

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Историческій романъ временъ восшествія на престолъ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 2 р. 50 коп., для г.г. подписчиковъ „НИВЫ“ за 1 руб. 50 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ 2 руб. 25 коп., за пересылку 50 к.

Вс. Соловьева.

ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ.

Историч. романъ-хроника конца XVIII и начала XIX вѣка. Въ 2-хъ частяхъ, 711 стр. Цѣна 3 руб.

Для г.г. подписчиковъ „НИВЫ“: 1 руб. 50 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ 2 руб. 25 коп., за пересылку 50 коп.

Ш. П. Губина.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Большой томъ, заключающій въ себѣ 12 рассказовъ, на 486 стр., украшенный массою виньетокъ. Цѣна этому изящному изданію 2 р., для г.г. подписчиковъ „НИВЫ“ 1 руб. 50 коп.; въ коленкоровомъ переплетѣ 2 руб. 25 коп., за пересылку 50 коп.

Вс. Соловьева.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА.

Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Дѣйствіе романа XVII вѣка. Изданіе 2-е. Цѣна 2 руб., для г.г. подписчиковъ „НИВЫ“ за 1 руб. 50 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ 2 руб. 25 к., за пересылку 50 коп.

Вс. Соловьева.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Романъ-хроника XVIII вѣка, въ 3-хъ частяхъ. Романъ этотъ обнимаетъ эпоху правленія и изложенія Царевны Софіи. Изд. 2-е. Цѣна 2 руб., для г. г. подписчиковъ „НИВЫ“ за 1 руб. 50 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ 2 руб. 25 к., за пересылку 50 коп.

Вс. Соловьева.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

Историческій романъ изъ временъ царствованія Императора Александра I и начала царствованія Императора Николая I. Въ 2-хъ частяхъ, 693 стр. Цѣна 3 руб.; для г.г. подписчиковъ „НИВЫ“ за 1 руб. 50 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ 2 руб. 25 коп., за пересылку 50 коп.

Вс. Соловьева.

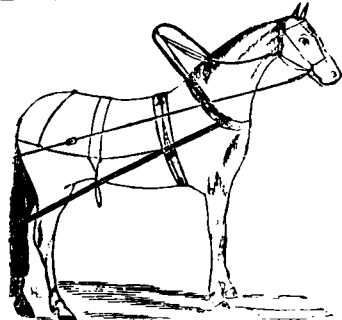
ИЗГНАННИКЪ.

Историческій романъ изъ временъ царствованія Императора Николая I. Въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 3 руб., для г.г. подписчиковъ „НИВЫ“ за 1 руб. 50 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ 2 руб. 25 коп., за пересылку 50 к.

УКРАЩЕНІЯ

для
Е. Л. К. И.
Высылка по всей Россіи.
Коллекція № 1 содержащ. 90
разнообр. предм. Р. 10.—
Коллекція № 2 содержащ. 150
разнообр. предм. Р. 15.—
Цѣна
безъ
расылки.

Составленіемъ каждой коллекціи я
имѣю въ виду удовлетворить всякому
по возможности самому разнообразному
и разборчивому вкусу и входя-
дять въ составъ только заграничные
великолепно блистающіе и имѣющіе съ
тѣмъ прочіе предметы изъ стекла
и металла. Складъ у № 4212
ОСКАРА ЛЕССЕРЪ, Фонтанка, 54.

Полная одиночная городск. или бѣгов. упряжь
съ бѣл. или голуб. прибор. и не ломающейся
дугой, самаго новѣйшаго рисунка, очень вы-
радная, прочная и изящная 30 р. съ металли-
ческими подвѣск. съ кистью въ удѣлѣ 33 р. перес.
по жел. дор. 3 р. Почтомъ за 32 ф. Фабрика
М. и И. Малышевскихъ Саратовъ.

!ДЛЯ ПОДАРОКОВЪ!

КОСТЮМЫ

съ роскошной отдѣлкой
для бальныхъ и вечернихъ
платьевъ.

AU BON MARCHÉ

С.-Петербургъ № 4209
Гостинный дворъ, № 133 и 134.

НОВОСТЬ

ПАРИЖСКОЙ ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКИ
особенно хорошо подходящая для подарка
Элегантный Дамскій уборъ съ натураль-
ными Бразильскими золотистыми жемчугами
въ самыхъ красивѣйшихъ настоящихъ зо-
лотыхъ и серебря. оправкахъ 56 и 84 пробы
Браслеты, золотые 13 р. 50 к., серебря
позолот. 4.50, 5, 6.50 и 12 р. (10 жук.)
Брошки, золот. 13 р. 50 к., серебря. по
золот. 4.50, 5.50 и 6 р.
Серьги, золот. 6 р., серебря. позол. 3 р
При заказѣ полнаго гарнитура, состоя-
щаго изъ браслета, брошки и серегъ, дѣ-
ляется 5% скидки. Бразильскіе жемч. играютъ
при солнцѣ и при свѣтѣ различными
преимущественно зелено-бронзово-золоты-
стыми цвѣтами. Высылка заказовъ по всеі
Россіи по полученіи стоимости таковыхъ
СКЛАДЪ: № 4211

ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ,
С.-Петербургъ, Фонтанка, 54.

САРПИНКА

отъ 12 коп. аршинъ и дорож.

Собственное приготовленіе изъ высшихъ сор-
товъ бумажной пряжи.

Новые изящные рисунки, ручное ткачество.
Хорошо моется.

Продажа партионная и розничная.

По требованію — высылаются образцы за-
казной бандеролью за плату (почтовыми мар-
ками):

Въ Альбомѣ, нумерованные, за 40 к.
Въ конвертѣ, папками, нумерованные, за
30 копѣекъ.

При извѣст. условіяхъ и указанія пересылки.
Высылка образцовъ начнется съ 15-го де-
кабря с. г.

Адресъ: Саратовъ, Торговому дому „А. Бен-
деръ съ С-ми, А. Степановъ и В. Бендеръ“.

Московская ул., д. Т. Ж. Лобанова.
Телеграммы: № 4145 5—3
Саратовъ. Бендеръ—Степановъ.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.

21 декабря выйдет и поступитъ въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПб., Невскій, № 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ за 1889 г.

закрывающій въ себѣ 1,500 стр. разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюр, разск. А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ М. В. Крестовской—„Торжество Юліи Андреевны“, большой ром. въ 2-хъ част. В. И. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоколовъ“, историч. ром. въ 2 част. графа Е. А. Салиаса—„Барыни-крестьянки“, разск. кн. Д. Голицына-Муравлина—„Увлечение“, разск. П. Дорошенко—„Кто-же“ и массу другихъ повѣстей, рассказовъ и стихотвореній вѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологій, гигиенѣ, живописи и мн. др. Кроме того нѣсколько художественныхъ приложений—важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія древ. растенія Россіи, Росс. Импер. ордена и проч., печат. красками, большой сборникъ новѣйшихъ повѣстей и рассказовъ (томъ 484 стр.) и большая олеографическая картина профес. В. Д. Орловскаго:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми бесплатными преміями и приложениями:

Бронжирован. . . . . 4 р. Въ коленк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою до 2000 . . . . . Съ пересылкою до
верстъ . . . . . 6 р. 2000 верстъ . . . . . 7 р. 50 к.
Свыше 2000 верстъ за пересылку прилагается по разстоянію за 13 фунтовъ.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ

Москва, Петровка, 2.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ МОДЪ И НОВОСТЕЙ.

Огромные склады фирмы МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ, вмѣщающіе въ себѣ все безъ исключенія предметы изъ обширной области моды, одѣянія, туалетныхъ и хозяйственныхъ принадлежностей, въ состояніи удовлетворить всему, что опытомъ признано удобнымъ, полезнымъ и необходимымъ.

ИНОГОРОДНЫЕ ЗАКАЗЧИКИ могутъ рассчитывать на самое точное и скорое исполненіе порученій.

ОБРАЗЦЫ и ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ высылаются по желанію. Задатокъ при выпискѣ товаровъ, имѣющихся въ магазинѣ въ готовности, не требуется. Товаръ высылается почтой съ наложеннымъ платежомъ. Упаковка за счетъ фирмы; пересылка на счетъ заказчиковъ.

Фирма МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ придерживается правила, чтобы по всѣмъ отраслямъ ея торговли

РАЗЦѢНКА ТОВАРОВЪ НЕ ДОПУСКАЛА КОНКУРЕНЦИИ.

Неуклонному слѣдованію этому принципу фирма обязана замѣчательно быстрому возрастанію своей торговли. П. № 4106 8-3

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHATELAIN, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (38)

СЪМЯННАЯ ТОРГОВЛЯ В. Е. ГРАЧЕВА

въ С.-Петербургѣ

№ 4206

Повѣщаетъ, что съ этимъ номеромъ „Нивы“ высылается каталогъ съмянъ на 1890 г. Иллюстрированный каталогъ выдѣтъ изъ печати въ половинѣ декабря с. г., цѣна 75 коп. Постояннымъ покупателямъ разослается бесплатно.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалистъ хронометровъ. СПбуръ, Невскій пр. № 52 прот. Им. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа.

Подробный иллюстрированный прейс-курантъ высылается по востребованію бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4155 10-4

ИНОСТРАННЫМЪ МАРИИ продается оптомъ и въ розницу Каталогъ 20 коп. Б. Гостонскій, г. Кіевъ, Рейтарская, 17.

ЛЮБИМЫЙ и ГОЗНИКЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Маргариты. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Всѣ названные косметическіе продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ, почему и разрѣшены Спб. Стол. Врачебн. Управленіемъ.

- 1) ПОДЛИННИКЪ ПАСТА EUGENIE средство для лица. Цѣна банки 1 р. 60 к.
- 2) БАЛЬЗАМЪ EUGENIE изъ миртов. цвѣтовъ для декольте, лица и рукъ. Ц. флак. 1 р. 70 к.
- 3) ЭЛЕКСИРЪ MELANGE для волосъ. Ц. за флак. 2 р.
- 4) ХИННО-ГЛИЦЕРИНОВ. ПОМАДА для волосъ. Цѣна банки 2 р.
- 5) РУМЯНА EUGENIE жидкія, придающія щечкамъ и устамъ розов. цвѣтъ.
- 6) РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА Цѣна банки 1 рубль 30 коп.
- 7) ПОДЛИННИКЪ Poudre EUGENIE бѣлая и розов. Ц. съ пухов. 1 руб. 50 коп., безъ пухов. 1 руб. 20 коп.

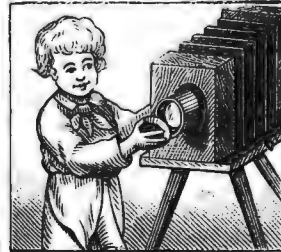
КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

черная, коричн. и свѣтлая. Цѣна кор. 3 руб. Рискъ Гутманъ. Главное депо въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская; въ Центральномъ Аптекарскомъ Депо, Милютинъ Гидъ; у Рузанова, Гостинный Дворъ; бывшій Дарзанскъ, Пассаажъ, № 15-17; у Сіу и Кю; у Норсонъ и Тибо, Невскій пр., № 18 и въ другихъ аптекарскихъ магазинахъ. Въ Москвѣ: у К. Н. Феррейна, Николаея и въ другихъ аптекарск. магаз., а также можно подучать во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ всей Россіи.

РЕБЕНОКЪ МОЖЕТЪ ТЕПЕРЬ

СНИМАТЬ ФОТОГРАФИИ.

Для мальчиковъ подходящій Рождественскій подарокъ

ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ

съ печатнымъ или устнымъ объясненіемъ способа употребленія, отъ 10 рублей.

Намъ дѣвочка, безъ малѣйшихъ понятій о живописи, можетъ искусственнымъ способомъ раскрашивать фотографическіе портреты посредствомъ хромифотографіи.

MULTICOLOR

Аппаратъ посредствомъ котораго большинство дамъ изготовляютъ, по приложеннымъ шаблонамъ, совершенное подобіе

ЖИВОПИСИ НА СТЕКЛѢ. Полный наборъ матерьяловъ въ ящикѣ . . . . . Р. С. 10.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ, В. № 4195 2-2

Складъ фотограф. принадлежн. у Баландскаго и плодъ съ Елагинскаго, кан. № 20/16.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій пр., № 21.

ДЛЯ ЕЛКИ

Фабричная марка.

Золот. медаль. Парижъ. 1889.

Парафиновые свѣчи, Бенгальскіе огни приготовленн. съ разрѣш. С.-Петерб. Врачебн. Управленія. Свѣтъ магnezіумъ для яркаго освѣщенія. Занигательная нитка.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ Р. № 4210 3-1 только что полученныхъ изъ Парижа новѣйшихъ и красивыхъ

ПРЕДМЕТОВЪ ДЛЯ ПОДАРОКОВЪ.

Единственные магазины въ С.-Петербургѣ:

- 1) Невскій проспектъ, д. Католической церкви, № 32.
  - 2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
  - 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, д. Шредера, № 18-54. (Оптовая и розничная продажа).
- Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, д. Третьяковскихъ.

Осколки

Подъ редакціей Н. А. Лейнина.

Ежедневный иллюстрированный юмористический журнал большого формата съ карикатурами (въ красках и черными). № 4199 3-2

52 МД въ годъ: до 800 рисунковъ, до 1300 статей; ребусы, шарады, загадки на премію.

Всѣ годовые подписчики получаютъ

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ:

новую книгу Н. А. Лейнина

„ПОДЪ ОРЪХЪ“

сборникъ рассказовъ въ изящномъ изданіи съ художественными иллюстраціями.

Цѣна за журналъ: на годъ съ перес. и дост. 8 р., на годъ безъ перес. и дост. 7 р., на полгода съ перес. и дост. 5 р., на полгода безъ перес. и дост. 4 р., на три мѣс. съ перес. и дост. 3 р.

♦ На пересылку преміи заказною бандеролью гг. иногородные подписчики благоволятъ высылать 28 коп. деньгами или почтовыми марками.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербурѣ, въ Троицкой ул., д. № 18—20.

Редакторы-издат.: Н. Лейкинъ и Р. Голикъ.

АДРЕСЫ

всѣхъ спеціальныхъ и странъ доставить подъ гарантией: International Adressen-Verl.-Anstalt (С. HEIM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ въ 40 коп. почт. марками франко.

ЭЛЕОПАТЬ

Провизора КИНУНЕНА.

1880 ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ 1890

въ употребленіи.

Средство противъ перхоти головы.

ПОЛУЧИТЬ МОЖНО ВЕЗДѢ.

Цѣна флакона 1 рубль 50 коп.

№ 4197 (2)

Пров. БИНУШЕНЪ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА

П. М. ГРИНВАЛЬДЪ

въ С.-Петербурѣ

ПЕРЕВЕДЕНЪ НА

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемирной Парижской Выставкѣ 1889 года „ВНѢ КОНКУРСА“

Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

Адресъ для телеграммъ: ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

Условія подписки:

На 1-е (большое) изданіе:

	На годъ.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Безъ доставки	14 50	13	12	10 50	9 80	9	8	6 80	5 50	4	2 80	1 50
Съ дост. по гор.												
пochtъ	16	15	13 50	12	11	10	9	7 50	5 80	4 50	3 30	1 80
Съ перес. иногор.	17	15 50	14 50	13 50	12 50	11 30	10	8 50	7	5 50	4	2
За границу	26	24 50	23	21	18 50	16	14	12	10	8	6	3
Въ страны, не вошедшія въ почтовый союзъ	47	44	41	38	35	32	28	24	20	16	11 50	6

РАЗСРОЧКА платежа годовой подписной цѣны допускается: для служащихъ — по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ, а для другихъ лицъ — по соглашенію съ конторою. Взносъ по расрочкѣ производится: гг. иногородними подписчиками: при подпискѣ — 7 р., въ концѣ марта — 7 р. и въ началѣ августа — 3 р.; городскими: при подпискѣ — 5 руб. 50 к., въ концѣ марта — 5 р. 50 к. и въ концѣ іюня — 5 руб.

На 2-е (малое) изданіе:

	На годъ.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Съ дост. по гор.												
пochtъ	9	8 50	8	7 50	7	6 50	6	5	4	3	2	1
Съ перес. иног.	10	9 50	9	8 50	8	7	6	5	4	3	2	1
За границу	18					10				6		2
Въ страны, не вошедшія въ почтовый союзъ	39					20				11		

РАЗСРОЧКА платежа годовой подписной цѣны допускается: для служащихъ — по третямъ, черезъ ихъ казначеевъ, а для другихъ лицъ — по соглашенію съ конторою. Взносъ по расрочкѣ производится: гг. иногородними подписчиками: при подпискѣ — 4 р., въ концѣ марта — 3 р. и въ концѣ іюня — 3 р.; городскими: при подпискѣ — 3 р., въ концѣ марта — 3 р. и въ концѣ іюня — 3 руб.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца и не далѣе конца текущаго года.

Деньги и письма адресуются: въ Петербургъ, въ контору газеты „Новости“ (Невскій, № 10). Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, „Новости“ № 4217

Открыта подписка на 1890 годъ на новый журналъ

На годъ 3 р.
„ 6 мѣс. 2 „
„ 3 мѣс. 1 „

„АКУШЕРКА“

для акушерокъ, фельдшерницъ и фельдшеровъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи журнала „Акушерка“, Бранскъ (Орловск. губерніи).
Въ книжныхъ магаз. К. Рикера, СПб., Невскій, № 14; А. Лангъ, въ Москвѣ.
№ 4215 2-1 Редакторъ-издатель акушеръ Амброзевичъ.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ перс. 3 р. 25 к.

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.

Находятся во всѣхъ аптекахъ, носкательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

СКЛАДЪ ПЕРВОСВОРНЫХЪ ЧАЕВЪ

ТОРГОВАГО ДОМА

ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО,

на Кузнецкомъ Мосту, домъ Захарына, въ Москвѣ.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ ЧЕРНАГО ЧАЯ РЕКОМЕНДУЮТСЯ:

- № 10 „ЖЕМЧУЖНЫЙ“, императорскій ароматный черный чай по 1 руб. 60 коп. за фунтъ.
- № 11 отборный „ИМПЕРАТОРСКІЙ“ отличнаго качества съ сильнѣмъ букетомъ черный чай по 2 руб. за фунтъ.
- Въ особенности же знатокамъ и любителямъ рекомендуются:
- № 5 Ханскій черный чай необыкновенно пріятнаго вкуса и аромата „ЦАРСКІЙ БУКЕТЪ“ по 2 р. 16 коп. за фунтъ.

ПЕРЕСЫЛКА ЧАЯ

во всѣ города Россійской Имперіи принимается на счетъ торговаго дома.

Условія продажи и прейсъ-курантъ по требованію гг. покупателей высылаются немедленно. И. № 4204 3-1

Пре что ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Шимпанена. Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ.

ИЗДАНИЯ ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

НОВОСТИ ДНЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА,

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

Ц. № 4163 5-3

Подписная цѣна:

	Въ Москвѣ, города, границу.		
	Въ	На	За
	р. к.	р. к.	р. к.
На 12 мѣс.	8.—	9.—	13.—
" 11 "	7.50	8.50	12.90
" 10 "	7.—	8.—	12.—
" 9 "	6.50	7.—	10.90
" 8 "	6.—	6.50	9.70
" 7 "	5.50	6.—	8.60
" 6 "	5.—	5.50	7.90
" 5 "	4.50	5.—	6.70
" 4 "	3.70	4.—	5.60
" 3 "	2.90	3.—	4.70
" 2 "	1.90	2.—	3.—
" 1 "	1.—	1.—	1.60

Адресъ:

Москва, Мясницкая, д. Сытова, Контора газеты „Новости Дня“.

Наружей восьмого года существованія нашего изданія намъ не приходится распространяться о дѣлахъ и задачахъ „Нов. Дня“. Фактъ тотъ, что распространенность и популярность газеты дали возможность увеличить форматъ ея до размѣровъ большихъ ежедневныхъ газетъ, не увеличивая подписной цѣны. Всесторонняя полнота содержания и богатство беллетристическаго материала дѣлаютъ „Нов. Дня“ газетой одинаково интересной, какъ для столичныхъ, такъ и для провинциальныхъ читателей.

Изъ беллетристики въ портфель редакціи имѣются между прочимъ: Тушинскій воръ, изъ временъ междоусобія, больш. историч. нов. Д. С. Дмитриева, Отецъ, ром. въ 4 час. К. В. Назаровой. Въ заколдованномъ кругѣ, ром. О. Е. Дубровинной. Быльемъ поросло, повѣсть Н. И. Богатырева. Отверженные, ром. въ 2 час. В. Курсаго. Семейная путаница, ром. Белло, перев. Охтинской.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 60 к.

За границу Объявленія по
на годъ 10 р. 10к. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Сиворцовъ. Преображенская, 4. № 4142 8-4 Издатель А. А. Гриве.

При Конторѣ изданія „Русскаго Курьера“ имѣется на складѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ недавно появившійся въ свѣтъ уголовный романъ сочиненія В. ЮМА:

„ТАЙНА ГАНСОНЪ КЭБА“.

Романъ этотъ разыгрался въ городѣ Мельбурнѣ (въ Австраліи) и разошелся въ 300,000 экз. Печатался въ „Русскомъ Курьерѣ“. Цѣна: съ пересылкой на города—1 р., въ Москвѣ—75 к., для торговцевъ обычная уступка. Для подписчиковъ „РУССКАГО КУРЬЕРА“ по 75 коп. съ пересылкою. Книга заглаживаетъ въ себя 426 страницъ. Продается во всѣхъ публичныхъ книжныхъ магазинахъ, лавкахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. № 4114 10-7

Годъ X. ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ Годъ X.

„РЕБУСЪ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ отличающійся отъ другихъ подобныхъ изданій тѣмъ, что въ его содержаніе входитъ и обзорные малоизвестныхъ явленій человѣческой природы, какъ-то: МЕДУМНИЗМА (спиритизма), животнаго магнетизма, гипнотизма, сомнамбулизма, асновидѣній, телепатіи (сверхчеловѣческаго умственнаго общенія) и т. п. Въ теченіе этого года будетъ печататься отвѣтъ А. Н. Ансанова на сочиненіе Гартмана „О спиритизмѣ“.

Беллетристическій отдѣлъ: романы, повѣсти, рассказы, какъ оригинальные, такъ и переведенные. Свѣсъ: новыя открытія и изобрѣтенія.

Цѣна на годъ 5 р., на полгода 3 р. съ доставкой, а безъ доставки 4 р. и 2 р. 50 к. Допускается разсрочка. Подписка въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга. Почтовый адресъ: Въ редакцію журнала „Ребусъ“.

Редакторъ В. Прибытковъ. № 4208

„СЕЛЬСКИЙ ВѢСТНИКЪ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ НАРОДНАЯ ГАЗЕТА

будетъ издаваться въ 1890 году по прежней программѣ.

Подписная цѣна за годъ, 52 номера, 1 рубль. За доставку на домъ въ Петербургѣ платится 1 р., за почт. пересылку въ другія мѣста — 60 к. Подписчики, желающіе получать газету *черезъ волостныхъ правленій*, за пересылку ничего не платятъ.

Приложеніе къ газетѣ: Календарь и Справочная Книжка „Сельскаго Вѣстника“ 1890 г. (подписчикамъ на 1890 годъ высылаются безплатно). Въ немъ помѣщены, кромѣ общихъ календарныхъ свѣдѣній: Богослуженіе Православной Церкви (объясненія); — Св. Афонская Гора, ея свитыни и духовная учрежденія (съ картою); — Чудо милости Божіей 17 октября 1888 г. (поэма въ стихахъ); — Новыя узаконенія о преобразованіи учреждений по крестьянскимъ дѣламъ и мирового суда (о Земскихъ начальникахъ и проч.) — Высочайшій Указъ, Положеніе и Правила, съ прибавленіемъ статей законовъ, на которыя въ нихъ указано; — Новый законъ о переселеніяхъ на казенныя земли, пути движенія переселенцевъ (маршруты); — О питаніи человѣка и пищевыхъ веществахъ; — Какъ мѣрять землю и снимать на планъ (съ чертежами). — Цѣна „Календаря“ въ отдѣльной продажѣ, съ почт. пересылкою: въ бумажѣ 25 коп., въ папкѣ 30 к.

ПОДПИСКА на „Сельскій Вѣстникъ“ принимается и „Календарь“ продается въ Конторѣ редакціи „Правительственнаго Вѣстника“, въ Петербургѣ. № 4205

съ 1858 г. Открыта подписка на 1890 г. НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ КАРРИКАТУРАМИ

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“

Журналъ даетъ въ годъ 200 картинъ крашенныхъ, всѣхъ родовъ живописи, нѣсколько иллюстрацій къ романамъ и повѣстямъ, массу каррикатуръ и 12 большихъ еженедѣльныхъ картинъ—приложеній и иллюстрированныхъ

КАЛЕНДАРЬ.

Великій годоводъ подписчикъ на „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“ получитъ при подпискѣ-же премію—большую картину, исполненную масляными красками:

ИЗУВѢРЫ РАСКОЛА

(ВОЯРЫНЯ МОРОЗОВА у протопопа Аввакума).

За пересылку преміи, въ виду увеличенія почтамомъ пересылочной платы почти вдвое, гг. подписчики прикупаютъ одинъ рубль.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ въ Москвѣ безъ доставки съ преміей	6 р. с.
На пересылку преміи въ Москвѣ	50 к.
На годъ съ пересылкой и доставкой во всѣ города	6 р. с.
На пересылку преміи во всѣ города	1 „
На полгода въ Москвѣ безъ доставки	3 р. 50 к.
Съ доставкой во всѣ города	4 р. с.
На 3 мѣсца	2 р. с.
За границу	8 р. с.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Зацѣпская ул., д. Щеголова, въ конторѣ Н. Печковской: Москва, Петровскія явни, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и др. городахъ Россіи.

Изд. П. Щеголовъ.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ.

Въ Москвѣ		На города		За границу:	
съ доставкой:	съ пересылкой:	съ доставкой:	съ пересылкой:	съ доставкой:	съ пересылкой:
на 12 мѣс. 10 р. — к.	на 12 мѣс. 11 р. — к.	на 12 мѣс. 18 р. — к.	на 12 мѣс. 19 р. — к.	на 12 мѣс. 18 р. — к.	на 12 мѣс. 19 р. — к.
6 „ 5 „ 50 „	6 „ 6 „ „	6 „ 9 „ „	6 „ 9 „ „	6 „ 9 „ „	6 „ 9 „ „
3 „ 3 „ „	3 „ 3 „ „	3 „ 4 „ „	3 „ 4 „ „	3 „ 4 „ „	3 „ 4 „ „
1 „ 1 „ 30 „	1 „ 1 „ 50 „	1 „ 1 „ 80 „	1 „ 1 „ 80 „	1 „ 1 „ 80 „	1 „ 1 „ 80 „

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней праздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, дополнительныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе. Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“, Чернышевскій переулокъ, близъ Никитской, д. № 7. № 4188 3-2

ОТКРЫТ ПОДПИСКА

на большую ежедневную политико-литературную, общественную и иллюстрированную газету

„МОСКОВСКИЙ ЛИСТОКЪ“

(ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ). № 4170 2-2

ПОДПИСКА ЦѢНА НА ГАЗЕТУ:

На 1 мѣс. 2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	12 м.
Съ дост. въ Москвѣ. 1 — 1 90	2 80	3 70	4 60	5 40	6 —	6 60	7 20	7 80	8 40	9 —
Съ перес. въ города. 1 — 2 —	3 —	3 80	4 80	5 70	6 50	7 30	8 —	8 70	9 40	10 —
За границу	2 — 4 —	4 — 6 —	7 80	9 60	11 40	13 —	14 60	16 —	17 40	18 80

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ Москвѣ: въ конторѣ редакціи, Воздвиженка, Ватанковскій переулокъ, дома Н. И. Пастухова. Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

„НЕДѢЛЯ“

„НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ *двухъ* изданій: *газеты*, выходящей разъ въ недѣлю (52 номера въ году), и *журнала*, выходящаго разъ въ мѣсяцъ (12 книжекъ въ году).

Годовое содержаніе *газеты* „НЕДѢЛЯ“ состоитъ изъ *шести* главнѣйшихъ частей: 1) обще-газетной, 2) политической, 3) научно-практической, 4) литературно-критической, 5) общественно-житейской и 6) редакціонной.

Въ *ежемесячныхъ* „КНИЖКАХЪ НЕДѢЛИ“ помѣщаются романы, повѣсти, бытовые очерки, путешествія, стихотворенія и вообще все, что можно назвать *беллетристикою*.

Цѣна газетъ „НЕДѢЛЯ“, вмѣстѣ съ журналомъ „КНИЖКИ НЕДѢЛИ“, *девять* руб. въ годъ, съ пересылкой. № 4168 2-2

ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ ОТКРЫТА. ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „НЕДѢЛИ“, Ивановская, 2. Редакторъ-издатель П. А. Гайдзуровъ.

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва С.-Петербургъ
Кузнечій мостъ. Б. Морская, 21.

• ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО •

ПОЛНАЯ ГАРАНТИЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНІЯ.

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩЕЕ УСТРОЕВІЕ ПРЕПОДАВАНІЯ.

ВЪ 10 УРОКОВЪ ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВЛ. НА КРАСИВОЕ БЛАГОЕ КОНТОРС. ПИСЬМО ОСНОВАТЕЛЬ. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ

Москва, Покровка, домъ Бутиковой.
С. С. Шиманскій.

• НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ. •

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

ЛИЛИПУТЬ

безъ фирмы и фабрич. знака поддѣлка.

со шурк. въ замшевомъ кошлѣ. 9 р. 50 к. съ пересылкою . . . 10 . . .

„Лилипутъ“ удобно помещается въ карманъ жилета или между пуговицами мундира и вполне замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и К^о.

Спеціалн. фабр. оптич. инструментовъ. Париж, Aven. d. l. Républ. 4.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ

С.-Петербургъ, Мойка, № 40.

Иллюстр. прейсъ-курантъ оптич. и фотограф. прибор. высылаются бесплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.-Петербургъ,
Кузнечій Мостъ. Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виннетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

ПЕЦЫ ОТЪ 100 ДО 500 РУБ.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свистокъ № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

ЛУЧШАЯ ВЪ МИРѢ ГАРМОНИИ

ФАБРИКИ I. Ф. КАЛЬБЕ.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

Однорядная въ 4 1/2, 5 1/2, 6, 7, 7 1/2, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.

Двурядная въ 10, 12, 14, 15, 16, 18, 20, 22, 25, 28 и 30 р.

Трехрядная въ 30, 50, 60 и 75 р.

Самоучитель Соколова по 1 руб. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.

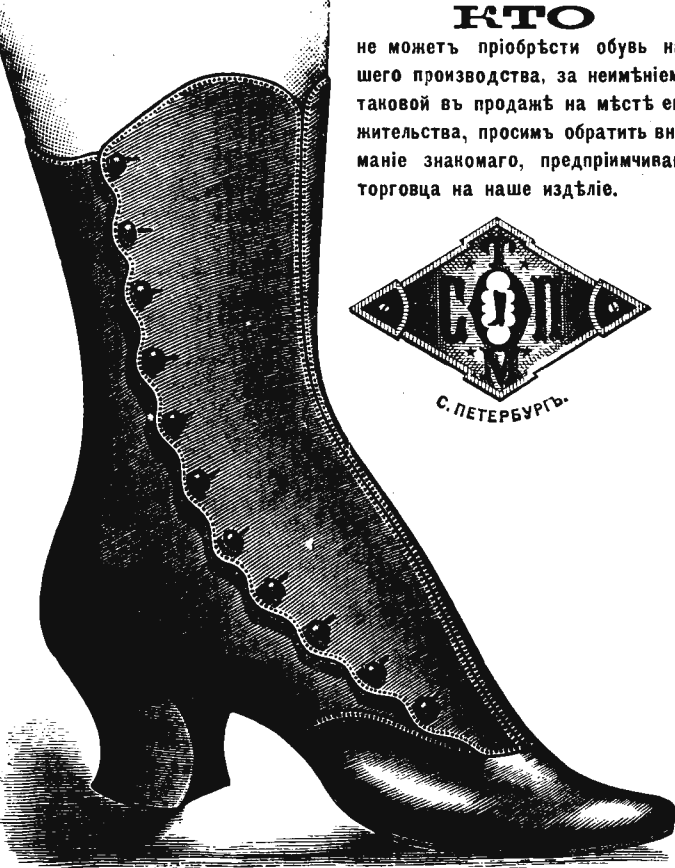
Иллюстр. прейсъ-курантъ бесплатно. Продажа оптомъ и въ розницу.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо № 4213
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнечій мостъ, д. Захарына.

КТО

не можетъ приобрести обувь нашего производства, за неимѣніемъ таковой въ продажѣ на мѣстѣ его жительства, просимъ обратить вниманіе знакомаго, предприимчиваго торговца на наше издѣліе.

КОЛО

С. ПЕТЕРБУРГЪ

МѢДНО-КОТЕЛЬНОЕ, ЛИТЕЙНОЕ И МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Николая Александровича Курбатова, въ городѣ Устюжнѣ, Новгородской губерніи.

Непрерывно - дѣйствующіе винокуренные аппараты, виноочистительные аппараты новейшей конструкціи, ректификаціонные аппараты. Паровые и для привода. Бражные и водяные насосы, краны, золотники, арматуры и проч. имѣются готовые при заведеніи.

Заказы изготовляю быстро и аккуратно. Цѣны умеренныя. Сѣмьи, планы и чертежи высылаю по первому требованію. 5-4

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ. Покупаетъ всѣ % бумаги. Суды подѣ всѣ % бумаги. Страхование выигранныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3925

Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Касимовская невѣста. Изд. ром. въ 3 част., соед. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 8 р. 25 к.

! НОВОСТЬ !

Піано-Мелодико, маленкій ручной рояль, новѣйшій музыкальный инструментъ. Піано-мелодико имѣетъ 54 струны, резонансовая дека и полная металлическая рама. Механизмъ и конструкція самыя прочныя. Звукъ его сильнѣе и пріятнѣе. Пьесы можно исполнять: какъ увертюры и арии изъ оперъ, такъ и танцевальныя въ ихъ цѣлости, такъ какъ ноты на прочной плотной полосѣ. Піано-мелодико имѣетъ приспособленіе для игры forte, piano, tremolo, crescendo, decrescendo. Ц. 4174-3

Цѣна съ приложеніемъ 11 метровъ нотъ 100 руб. Ноты различной длины за метръ 90 к. или за арш. 65 коп. Каталогъ нотъ бесплатно. Въсь съ указовъ. 2 пуда.

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ,
Москва, Петровка, домъ Волкова.

Весьма легко для каждого заниматься фотографированіемъ. Предлагаемъ № 4216

ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ СЕКРЕТНУЮ КАМЕРУ ШТИРНА.

Цѣна съ пластинками на 36 снимковъ 20 р.

Шесть моментальныхъ снимковъ въ одну минуту. Носится незаметно подъ куртку. Весьма удобна. Хорошіе результаты. Пробные снимки: 50 к.

Единственная продажа для всей Россіи.

Краткое печатное наставленіе къ фотографированію прилагается бесплатно. Аппараты для съемокъ изображеній въ кабинетную величину, съ хорошимъ объективомъ, начиная съ 15 рублей. Большой выборъ всѣхъ предметовъ касающихся фотографіи.

С. ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР., № 25-1.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К^о

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вс. Крешовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

СЪ ПРЕМІЕЙ

СЪ ПРЕМІЕЙ

БРОКАРЪ и К^о.

Главный складъ у О. К. Бергманъ, Офицерская ул., № 5. № 4027 8-7

РОЯЛИ К. М. ШРЕДЕРЪ.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 52, собственный домъ.

ПОСТАВЩИКА ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО, ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО, ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО, КОРОЛЯ ДАТСКАГО И КОРОЛЯ БАВАРСКАГО.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ НА ВСЕМИРНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ 1885 года, Единственныя въ Россіи, по музыкальному отдѣлу:

ЛОНДОНЪ—золотая медаль, **АНТВЕРПЕНЪ**—почетный дипломъ и орденъ Леопольда.

Піанино 425, 500 и 550 руб. Кабинетные рояли 550, 650, 750 и 800 руб. Салонные рояли 900 руб. Концертные рояли 1,200, 1,400 до 2,000 рублей.

№ 4214

При этомъ № прилагается для гг. иногороднихъ подписчиковъ каталогъ сѣмянъ отъ сѣмянной торговли В. Е. Грачева въ СПб.

Доввол. цензур., СПб., 5 декабря 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПб., Невскій, 6. Библиотека Руниверс

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX г.
№ 51

г. XX
1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разд. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к. Выданъ 16 декабря 1889 г.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

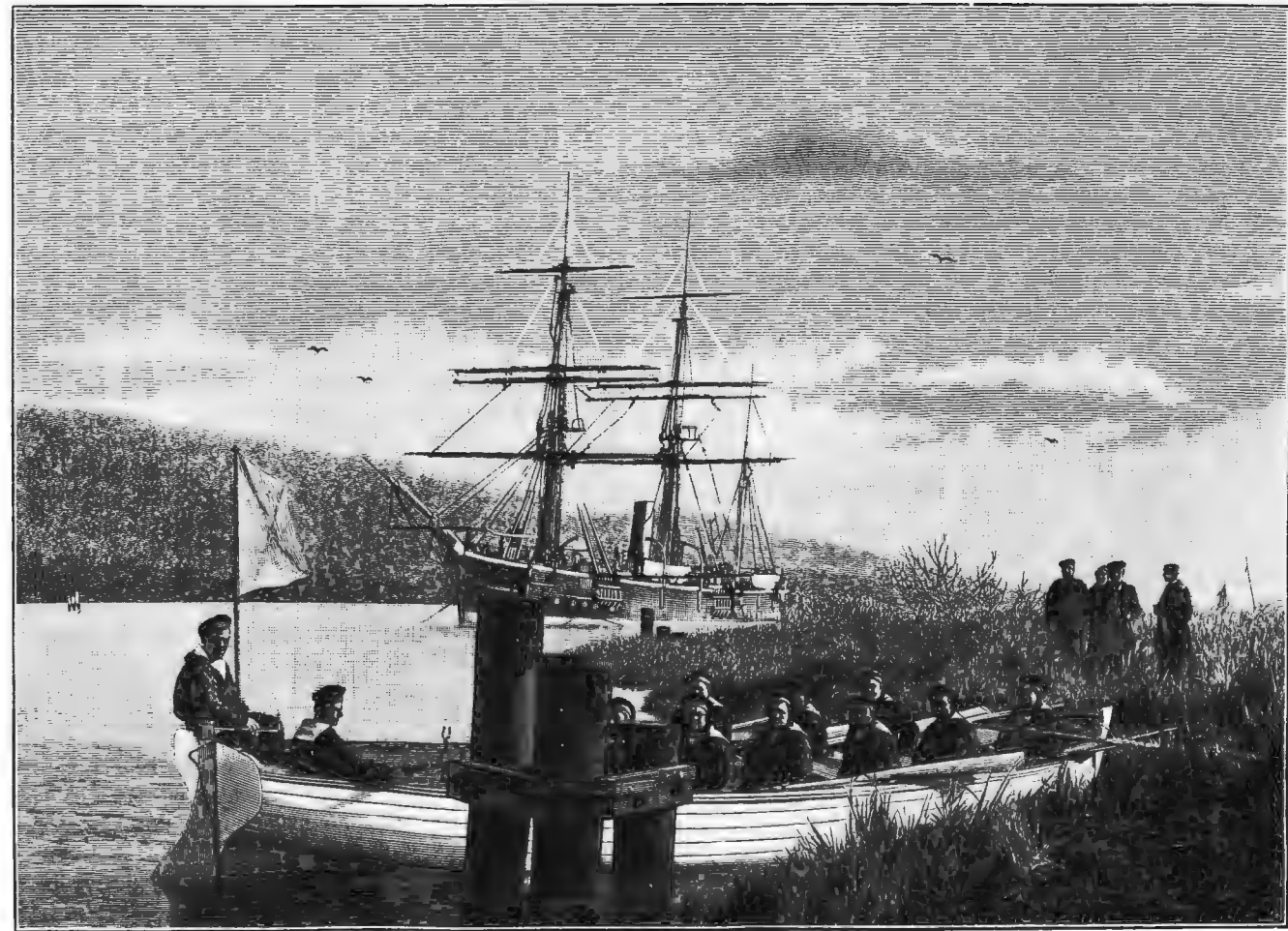
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за строку монпарейль (1/4 шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 75 к.—Загран.: для Франціи у Agence Navas по 2 fr. 40 с.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петербургъ . . . . . 5 р.
Съ доставкою въ Петербургъ . . . . . 6 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.
Безъдост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

Киллеръ „Вѣстникъ“ въ рѣкѣ Тамарь, въ Тасманіи (Вандименова земля). Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ

графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XXVIII.

Прасковья Андреевна была поражена не тѣмъ что придется выходить изъ Петербурга по Новгородской дорогѣ пѣшкомъ, или ѣхать на крестьянскихъ розвальняхъ съ солдатомъ: ее исключительно пугала мысль о томъ, что можетъ приключиться съ единственнымъ ребенкомъ въ такомъ пути.

Дорогой изъ Саксоніи, гдѣ онъ родился, въ Петербургъ—она дрожала при малѣйшей переменѣ погоды, а между тѣмъ онъ былъ въ люлькѣ, въ большой, всегда закрытой, каретѣ. Люлька помѣщалась между ними двумя на сидѣнны. Изъ-за нея они жались и ѣхали самымъ неудобнымъ образомъ, спали по-очереди и дежурили надъ маленькимъ Андрюшей. А теперь придется въ мятель, въ морозъ держать его на рукахъ подъ шубкой такъ же, какъ часто видала Полина на дорогѣ у встрѣчныхъ бабъ, изумляясь этому способу путешествія. Она не могла безъ ужаса подумать, что ей придется везти ребенка на рукахъ именно такъ, имѣя на себѣ и на немъ одну и ту же шубку... по-крестьянски...

Продумавъ нѣсколько часовъ, но ни слова не сказавъ мужу, который сидѣлъ тоже какъ потерянный и совершенно неспособный разсуждать и рѣшать что-либо, Прасковья Андреевна, наконецъ, пришла къ заключенію, что имъ остается только одно: бѣжать и скрыться, сдѣлаться бѣглыми, попасть въ то положеніе, которое когда-то мерещилось ей еще при жизни отца.

Тогда она хотѣла бѣжать и скрываться со своимъ нареченнымъ, куда отецъ живъ. Теперь же пришлось дѣлать то же самое. Но ради кого? Вотъ что ужасно и невыносимо оскорбительно! Изъ-за своей же горничной дѣвки, которая теперь — княгиня Березопольская!

Въ сумерки Прасковья Андреевна объяснила мужу, что путешествіе въ Рязань за тысячу верстъ убьетъ ихъ Андрюшу и что если они когда-либо избавятся отъ неволи, въ чемъ она не сомнѣвалась, то все-таки не вернуть ребенка. Поэтому имъ нѣтъ другаго исхода, какъ немедленно скрыться куда бы то ни было.

Миловановъ не отвѣтилъ ни слова. Но когда черезъ нѣсколько мгновеній Прасковья Андреевна взглянула на мужа, она изумилась. Онъ сидѣлъ блѣдный, какъ полотно.

— Что съ тобой? вымолвила она.

— Ничего, отозвался онъ.

— Чего же ты испугался? Быть бѣглымъ? Что же намъ за это будетъ, если бѣ насъ и нашли? Покуда мы будемъ скрываться, ходатаи наши будутъ хлопотать, затѣютъ въ судѣ дѣло. И я знаю, что оно кончится въ нашу пользу. Можно начать дѣло объ обманѣ. Мы можемъ скрыться тотчасъ же. Завтра утромъ тайно купить карету и лошадей... Тотчасъ же выѣхать и отправляться въ королевство Саксонское. Кому придетъ на умъ догонять насъ по дорогѣ?

Миловановъ молчалъ.

— Что же ты? Чего-жъ ты боишься? Развѣ это невозможно?

— Можно.

— Страшно что-ли?

— Нѣтъ, чего-же страшнаго...

— Такъ что-жъ тогда? нетерпѣливо и пылко выговорила Прасковья Андреевна.

Миловановъ робко взглянулъ на жену, глаза его были влажны, и онъ вдругъ выговорилъ едва внятнмъ голосомъ:

— А ангель?

Прасковья Андреевна не сразу отвѣтила. За весь этотъ день она промучилась исключительно мыслями о ребенкѣ и ни разу не вспомнила о другомъ дѣтищѣ ея мужа.

— Ну, что-жъ, выговорила она.— Квартира останется за нами и статуя будетъ стоять въ той-же горницѣ, покуда мы не вернемся.

— Нѣтъ! отчаянно затрясъ головой Миловановъ.— Нѣтъ! нѣтъ! Сейчасъ-же все имущество, какъ бѣглыхъ крѣпостныхъ, отберутъ въ полицію, а тамъ перешлютъ къ помѣщицѣ. А его, конечно, разобьютъ дорогой... Да и не пошлютъ, а выкинутъ! Что имъ каменная кукла, хоть-бы и ангель. Да и что она значитъ, коли никто на нее вниманія не обратилъ! Одинъ какой-то старичокъ...

— Ну, такъ пожертвуй ребенкомъ-сыномъ изъ-за каменной куклы! рѣзко, хотя и тихо произнесла Прасковья Андреевна.

— Я этого не говорю!... Надо такъ придумать чтобы...

И онъ не докончилъ.

— Чтобы что?.. Самъ не знаешь! Да, наконецъ, если насъ отправить пѣшкомъ по этапу, то все равно, наше имущество останется здѣсь на произволъ полиціи, или будетъ описано. Вѣдь не повеземъ-же мы за собой на отдѣльной подводѣ ящикъ со статуей. Мы будемъ идти, а ангель—ѣхать! Недурно! Тутъ надо ужъ спасать, Юрій, ребенка, спасать себя, а не...

Прасковья Андреевна запнулась, потому что хотѣла сказать то же слово: каменную куклу.

— Какъ знаешь! отозвался Миловановъ.— Только скажи съ вечера. Если завтра бѣжать, то я къ вечеру лучше ужъ самъ его покончу...

— Кого?! Что?!

— Возьму топоръ, или ломъ, и искрошу на куски. Лучше самъ, чѣмъ другіе!

— Это ребячество! Или ты злишься на кого-то, мстить хочешь! со слезами въ голосѣ вымолвила Прасковья Андреевна.

— Кому? За что? Богъ съ тобой...

— Конечно, я виновата, что когда-то поступила по-ребячьи. Но что-жъ теперь дѣлать? Наконецъ, мы можемъ тотчасъ-же уложить статую, а завтра-же рано утромъ свезти ее къ кому-нибудь и отдать на сохраненіе. Это дѣло двухъ часовъ времени. И крѣпостные люди имѣютъ право дарить свое имущество, кому вздумается. Дойди сейчасъ наверхъ въ это семейство... ну, этотъ чиновникъ, что живетъ надъ нами. Объясни ему все и предложи взять статую на сохраненіе въ ящикѣ, за какую-бы то ни было цѣну. Эта семья вся мнѣ очень нравится: и онъ, и жена его, и дочь. Жаль, что мы съ ними раньше не познакомились. Ступай сейчасъ и объяснись.

Миловановъ тотчасъ-же отправился однимъ этажемъ выше, къ сенатскому чиновнику, котораго только изрѣдка встрѣчалъ на лѣстницѣ и съ которымъ уже началъ раскланиваться, но еще не заговаривалъ.

Прасковья Андреевна стала терпѣливо ожидать мужа, сидя въ дѣтской съ ребенкомъ на рукахъ. Изрѣдка, глядя въ лицо младенца, она произносила полупшепотомъ:

— Да, бѣжать! Конечно! Бѣжать, спасать! Бѣгають-же преступники, ихъ ловятъ и не находятъ... А они безъ денегъ!.. А у насъ большія деньги, мы могли-бы корабль купить и въ Швецію уѣхать, если-бы не зима.

Миловановъ долго не являлся, и Прасковья Андреевна начинала уже волноваться и сердиться. Первый разъ въ жизни она негодовала на мужа. Во-первыхъ, за то,

что онъ свое мраморное дѣтище какъ бы предпочиталъ этому херувиму-сыну. Во-вторыхъ, теперь всякая минута дорога, а онъ сидитъ тамъ. Неужели онъ подробно болтаетъ о томъ, гдѣ и какъ сохранять его статую.

Прошло часа два, и Миловановъ появился въ дѣтской.

— Этакъ нельзя! воскликнула Прасковья Андреевна внѣ себя.—Это бессмысленно! Это даже грѣхъ!

Миловановъ изумленно поглядѣлъ на жену.

— Два часа сидѣть, болтать о пустякахъ, когда надобно обдумать малѣйшую подробность! Часовъ черезъ двѣнадцать мы должны уже выходить изъ этой квартиры. А еще надо укладывать эту дурацкую куклу! А ты о ней съ чиновникомъ разсуждалъ двадцать часовъ.

— И совсѣмъ не о... куклѣ! тихо но съ укоромъ отозвался Миловановъ. — Объ статуѣ всего четверть часа толку было. Онъ, конечно, берется и отвѣчаетъ за сохранность. Даже, если полиція будетъ требовать, то не отдастъ. Онъ болѣе важный чиновникъ, чѣмъ мы думали... Я съ нимъ говорилъ о нашемъ дѣлѣ, а не объ ангелѣ. Онъ будетъ у насъ завтра рано утромъ. Онъ берется за все... Онъ говоритъ, что мы понали на мерзавца и сутягу Павлинова.

И Миловановъ разсказалъ женѣ, оживляясь, что чиновникъ этотъ съ нѣмецкою фамиліей, прозывающійся фонъ-Мейеръ, чисто русскій человекъ, статскій совѣтникъ и что-то такое особенное въ сенатѣ.

Достаточно было судить о его значеніи по тому обстоятельству, что онъ прямо обѣщалъ Милованову, что распоряженіе генерала Орвадзе о высылкѣ крѣпостныхъ людей княгини Березопольской по этапу будетъ завтра же непремѣнно отмѣнено.

Прасковья Андреевна, слушая мужа, уже давно положила ребенка въ люльку и теперь съ оживленнымъ и взволнованнымъ лицомъ слушала все, что онъ разсказывалъ.

— Все повторялъ: „какая досада, что раньше мы не познакомились!“ А затѣмъ еще одно, тоже важное. Онъ мнѣ сказалъ, что какъ-же это мы принимаемъ такихъ именитыхъ гостей, какіе у насъ бываютъ, а позволяемъ разнымъ кавказцамъ Орвадзе надъ собой мудрить... Я спросилъ про кого онъ говоритъ, и оказалось, что онъ видѣлъ выходящимъ отъ насъ этого старика, что приходилъ глядѣть ангела...

— Ну?! воскликнула Прасковья Андреевна, схвативъ мужа за руку.

— Ну, я ему сказалъ, что этотъ господинъ не захотѣлъ назвать себя и спросилъ у него, какъ его фамилія. Онъ на это какъ-то замислился и сказалъ, что если тотъ господинъ самъ не пожелалъ сказаться, то и онъ не считаетъ возможнымъ его назвать. И при этомъ сказалъ: „вы успокойтесь, онъ вамъ многое что можетъ устроить. Коли навѣдается теперь, то, конечно, разскажите ему все про ваше положеніе. Отъ него и Орвадзе вашъ полетитъ кверху ногами“.

Прасковья Андреевна закрыла лицо руками и послѣ долгаго молчанія выговорила:

— Господи помилуй! Неужели-же все опять устроится!

Ночь эта прошла, конечно, ужасно для обоихъ. Прасковья Андреевна не смыкала глазъ.

XXIX.

На другой день, рано утромъ, чиновникъ-сосѣдъ явился познакомиться съ Прасковьей Андреевной и сразу внушилъ ей крайнее довѣріе къ себѣ. Онъ поразили ее своимъ благообразнымъ и добрымъ лицомъ, порядочностью всей своей фигуры.

Фонъ-Мейеръ спокойно и увѣренно объяснилъ ей, что отправится по мѣсту службы въ сенатъ и черезъ три или четыре часа будетъ снова у нихъ съ хорошимъ отвѣтомъ по ихъ дѣлу.

— А покуда позвольте вамъ доложить, сударыня, сказалъ онъ,—что, на основаніи практики служебной,

я васъ завѣрю и докажу всякому начальству, какой угодно коллегіи, а равно всѣмъ господамъ сенаторамъ, что дворянка вышедшая замужъ за крѣпостнаго человека—остается дворянкой и никакихъ своихъ правъ не теряетъ. Что касается вотъ этого пискуна, котораго я голосокъ слышу, прибавилъ онъ, указывая на сосѣдную дверь,—то это, признаюсь вамъ откровенно, для меня вопросъ. Но полагаю однако, что дѣти, рожденные въ подобномъ бракѣ, должны унаслѣдовать состояніе отца, а не матери.

Княжна увыло потупилась и вымолвила:

— Что-жъ толку, г. Мейеръ! Я, дворянка, останусь жить въ Петербургѣ, или, къ примѣру, отправлюсь жить въ Парижъ и буду веселиться, ѣздить на балы, а мой мужъ и ребенокъ будутъ жить въ избѣ на деревнѣ... Такъ-ли? Развѣ тутъ есть смыслъ? Я буду свободна, а помѣщица изъ крѣпостныхъ дѣвокъ будетъ имѣть право не только наказывать розгами моего мужа, но взять и продать, или подарить моего ребенка—кому ей вздумается. Наконецъ, просто, если захочетъ, уморить его!

— Да, вы правы. Въ данномъ случаѣ, законъ не достигаешь цѣли и, отмѣняя ту кабалу, въ которую попала-бы дворянка, не желаетъ и знать о томъ, что всякая женщина сама пойдетъ въ эту кабалу, ради мужа, или дѣтей. Но, Богъ милостивъ, все устроится!

Дѣйствительно, часа черезъ четыре, фонъ-Мейеръ снова былъ у Миловановыхъ и, войдя, произнесъ шутливо:

— Ну, Юрій Ивановичъ, ангела-то укладывать подождите! Нигуда вамъ ѣхать не придется. Дѣло ваше такого рода, прибавилъ онъ обращаясь къ Прасковьѣ Андреевнѣ,—что по немъ затѣется цѣлое судейское дѣло съ вашими помѣщиками и протянется, пожалуй, цѣлые полгода, а то и годъ.

— А высылка? произнесла Прасковья Андреевна.

— Ни о какой высылкѣ и рѣчи нѣтъ. Они всѣ тамъ хвосты поджали! А этого мерзавца Павлинова вы прямо таки не пускайте къ себѣ. Я вамъ это говорю. Не опасайтесь. А генералъ Орвадзе, пожалуй, васъ и землю отъ себя избавитъ. Полагаю, какъ-бы съ нимъ удара не приключилось. Такъ онъ побагровѣлъ, когда я ему нѣкоторую бумажку о васъ представилъ, что я думалъ—онъ на моихъ глазахъ отъ апоплексіи хлопнется!

— Но если онъ будетъ мстить намъ?..

— Ничѣмъ не можетъ! А если что случится, сами изволите знать: я тутъ съ вами сосѣдъ. Скажите словечко—и все, что только можно, я сдѣлаю.

Фонъ-Мейеръ поднялся, простился и вышелъ въ переднюю. Прасковья Андреевна и Миловановъ, благодаря его чуть не со слезами на глазахъ, проводили до лѣстницы.

Въ ту минуту, когда Мейеръ собрался подниматься къ себѣ въ этажъ, а мужъ и жена стояли на порогѣ своей квартиры,—немножко ниже ихъ, на ступеняхъ, показался тотъ же загадочный незнакомецъ.

Мейеръ снялъ шляпу и сейчасъ же принялъ такую позу, которая ясно говорила о томъ, почти раболѣпномъ, почтеніи, которое внушаетъ ему прибывшій.

Незнакомецъ быстро оглянулъ всѣхъ и прежде всего, поспѣшно поклонясь Мейеру, произнесъ:

— Я не имѣю чести васъ знать, сударь мой, но догадываюсь, что вы меня знаете. Поэтому будьте столь любезны и снисходительны къ слабостямъ людскимъ, не говорите, до поры—до времени господамъ Миловановымъ, что я за птица така... Вотъ въ чемъ заключается моя просьба. Не исполните ее—берегитесь! Я человекъ злопамятный!.. погрозили онъ пальцемъ, хоть и шутливо, но внушительно.

— Помилуйте, ваше... началъ было Мейеръ.

Но незнакомецъ перебилъ и прибавилъ:

— Благородіе, на время!

Онъ тотчасъ пожалъ руку Прасковьѣ Андреевнѣ и Милованову и прибавилъ:

Концерт у кардинала Ришелье. Съ карт. И Лейстена, по фотогр. Общества фотографовъ. грав. Крѣнеръ

— Я къ вамъ въ гости... или, лучше сказать, къ вашему ангелу. Я въ него совѣмъ влюбленъ.

Незнакомецъ прямо попросилъ пройти въ залу. Миловановъ бросился снова за ключемъ, чтобы отпереть горницу, а Прасковья Андреевна попросила гостя сѣсть. Она хотѣла сама заговорить о своемъ дѣлѣ, которое теперь поглощало ее, но не знала, какъ начать. По счастью, гость началъ самъ:

— Вамъ нездоровится? Я замѣчаю въ васъ какую-то перемену.

— Нѣтъ, но мы пережили страшныя сутки. Теперь, вотъ въ эту минуту, когда вы дѣлаете мнѣ честь сидѣть у меня гостемъ, мы должны были бы уже быть съ мужемъ, а главное съ крошечнымъ ребенкомъ на рукахъ, на Новгородской дорогѣ, отправляемые по этапу, какъ простые крѣпостные холопы, къ нашимъ помѣщикамъ.

— Что!.. протянулъ старикъ и вдругъ прибавилъ: — понимаю, хоть и не рассказали еще... Понимаю! Ну, это все пустое! Расскажите-ка мнѣ подробно. Все до мельчайшихъ подробностей. Такъ, чтобы я ваше дѣло зналъ какъ свое собственное.

И обернувшись къ Милованову, который въ эту минуту вошелъ съ ключемъ, онъ прибавилъ:

— Присядьте-ка, Юрій Ивановичъ. Ангель, авось, Богъ дастъ, не улетитъ, хоть я очень, повторяю, въ этомъ сомнѣваюсь и вислолько не удивлюсь, если мы отворимъ залу, а ангела не найдемъ. Прежде расскажите мнѣ этотъ любопытный, французскій романъ. Извините, Прасковья Андреевна, а вѣдь, право, это чисто французскій романъ съ русскою подкладкой. Романъ, основанный на крѣпостномъ правѣ, коего въ въ другихъ странахъ уже и въ поминѣ нѣту.

Прасковья Андреевна рассказала все до мельчайшихъ подробностей. Такъ какъ ей приходилось дѣлать это уже не въ первый разъ, то она могла не только толково и послѣдовательно, но кратко и ясно изложить всю свою невѣроятную Одиссею.

Вслушавъ все, незнакомецъ долго молчалъ, сумрачно уставившись глазами на канделябръ, стоявшій предъ нимъ на столѣ.

— Положеніе ваше, выговорилъ онъ наконецъ, — гораздо болѣе мудреное, нежели вы думаете. Этотъ чиновникъ, котораго вы называете Мейеромъ, дѣйствительно, правъ. Мнѣ тоже сдается, что дворянка, выходя за крѣпостнаго, не теритъ своего дворянства. Но что жъ толку-то вамъ, если мужъ и дѣти — крѣпостные! А затѣмъ, разрѣшить это дѣло судомъ невозможно. Сдѣлать господина Милованова вольнымъ, противъ желанія его помѣщика или помѣщицы, никакой судъ, никакая коллегія и никто не можетъ. Государь императоръ, конечно, можетъ, но не пожелаетъ. Можно попросить отпустить на волю, но приказать нельзя.

— Стало-быть мы погибли? выговорила Прасковья Андреевна дрожащимъ голосомъ.

— Нѣтъ, у васъ найдется спаситель. Да, я вѣрю. Онъ васъ изъ бѣды выручитъ! Онъ васъ спасетъ, онъ сдѣлаетъ Юрія Ивановича вольнымъ...

— И этотъ человѣкъ — вы! произнесла Прасковья Андреевна.

— Нѣтъ-съ, не я. Спаситель этотъ не простой смертный...

— Государь! воскликнула Прасковья Андреевна.

— Нѣтъ-съ, и не государь. Онъ даже не человѣкъ. Спасетъ васъ изъ кабалы вашъ летящій ангель.

— Какимъ образомъ?! почти вскрикнулъ Миловановъ.

— Объ этомъ не стоитъ вамъ объяснять, да и не хочется мнѣ... Я могу ошибаться... Зачѣмъ же подавать напрасную, обманчивую надежду? Мнѣ такъ думается. И лишь бы дѣло наладилось. А собственно въ его успѣхѣ никакого чуда не будетъ. Дѣло бывалое, виданное! Не вы — первый, и не вы — послѣдній! Да,

именно, вашъ летящій ангель и явится вашимъ освободителемъ изъ крѣпостной зависимости, улыбаясь прибавилъ незнакомецъ. — Пойдемте-ка его поглядимъ. Я у него, мысленно, еще разъ спрошу, могу-ли я въ этомъ дѣлѣ на его помощь разсчитывать.

XXX.

Прошло нѣсколько дней. Миловановы, которымъ болѣе не грозило нелѣпое, но страшное распоряженіе полиціи, роковое для ребенка, немного успокоились. Но положеніе ихъ все-таки было невыясненное и неопредѣленное. Долго-ли протянется ихъ дѣло, и чѣмъ оно кончится — этого никто не зналъ.

По совѣту Мейера, они рѣшились не принимать болѣе взяточника-подьячаго, уже выманившаго у нихъ зря крупную сумму. Иванъ Захаровичъ навѣдывался два раза и, подсмѣиваясь надъ лакеемъ, который говорилъ, что господъ нѣтъ дома, въ первый разъ ушелъ молча ухмыляясь; но во второй разъ онъ ушелъ со словами:

— Скажи имъ, своимъ господамъ, что они не изъ тѣхъ господъ которымъ можно нашему брату дома не сказываться. А я навѣдаюсь еще разочекъ.

Явившись снова черезъ день, Иванъ Захаровичъ, стоя въ передней, крикнулъ громко:

— Поди, скажи барынѣ, что если я ее сейчасъ не увидаю, то черезъ два дня вызову въ полицію!

Прасковья Андреевна, слышавшая эту угрозу, сразу рѣшилась и вышла въ переднюю.

— Что вамъ отъ насъ угодно? произнесла она видя себя.

— Угодно, сударыня, видѣть васъ и спросить, желаете-ли вы моей помощи въ вашемъ дѣлѣ, или не желаете?

— Нѣтъ, не желаемъ. Видѣть даже не желаемъ.

— Ну-съ, такъ извольте сообразить. Если вы мнѣ дадите тотчасъ двѣ тысячи на разные расходы, то я вамъ дамъ подписку, или что хотите, что вы всю зиму спокойно проживете въ Петербургѣ. Если же вы на сіе не согласны и не желаете моихъ услугъ, то черезъ нѣсколько дней отправитесь всецѣлѣнно по мѣсту приписки къ своимъ господамъ-помѣщикамъ.

— Избавьте меня, пожалуйста, отъ себя и вашихъ совѣтовъ, произнесла Прасковья Андреевна тихо, но твердо. — Деньгами больше сорить, неизвѣстно зачѣмъ, я не желаю.

— И это ваше послѣднее слово, сударыня?

— Да-съ.

— Ну-съ, вы раскаетесь!

— Можетъ быть.

— Такъ уходитъ мнѣ? переспросилъ чиновникъ.

Прасковья Андреевна пожала плечами, повернулась къ нему спиной и пошла въ горницу.

Павлиновъ ушелъ, пробормотавъ:

— Я тебѣ докажу, что коли и самая послѣдняя спица изъ колесницы вывалится, такъ всѣ остальные спицы распатаются и начнутъ вываливаться.

Ровно черезъ два дня послѣ этого посѣщенія, сенатскій чиновникъ, сосѣдъ Миловановыхъ, вернувшись со службы, зашелъ къ нимъ нѣсколько сумрачный и объявилъ, что дѣло ихъ снова приняло дурной и крайне странный оборотъ. Ему, какъ человѣку интересующемуся этимъ дѣломъ, дали знать, что указано свыше генералу Орвадзе сдѣлать подробный докладъ обо всемъ по пунктамъ: о поведеніи княжны Березопольской при сдачѣ въ солдаты крѣпостнаго столыра; о причинахъ скоростижной смерти въ Москвѣ ея отца, князя Андрея Ивановича; объ ея замужествѣ и поддѣлкѣ при этомъ какихъ-то документовъ; объ ея отбѣздѣ за границу съ фальшивымъ видомъ; о принадлежности Милованова въ Римѣ къ франкъ-массонской ложѣ; о неблагоприличномъ поведеніи госпожи Миловановой въ Римѣ, въ мужскомъ обществѣ артистовъ, которое — по-

ведение—привело къ тому, что св. отецъ, римскій государь, былъ освѣдомленъ о дѣйствіяхъ русской дамы и Миловановы были немедленно высланы изъ Рима, по распоряженію администраціи.

Прасковья Андреевна сидѣла, широко раскрывъ глаза, не вѣря своимъ ушамъ.

— Вы не понимаете, что это значитъ? Это называется клеветой, если хотите—лбедой, если хотите—доносомъ клеветничьимъ, но именуется оно „докладомъ по предложеннымъ пунктамъ“. Докладъ порученъ генералу Орвадзе. А онъ его передастъ своему земляку, графу Кутайсову. Вотъ что скверно! А Кутайсовъ теперь фигура важная. И онъ уже доложить все дѣло государю. Сказываютъ, что послѣ слуховъ, дошедшихъ до его величества о васъ, государь приказалъ разслѣдовать дѣло и доложить. Но это такъ сказываютъ! Мы скажемъ иначе. Орвадзе—знакомецъ и землякъ графа, любимца государя, и покровительствуемый этимъ такимъ же полутуркой, какъ и самъ, сѣзидилъ къ нему и умолилъ заступиться. И вотъ докладъ этотъ будетъ поданъ не официальнымъ, а частнымъ образомъ черезъ графа Кутайсова самому государю. Что воспослѣдуетъ—знать нельзя, но догадываться можно.

— Что же?

— Да, полагаю я, графъ Кутайсовъ своего земляка въ обиду не дастъ. А все дѣло въ томъ, какъ доложить онъ. Я считалъ долгомъ васъ объ этомъ извѣстить, но помочь ни я, ни другой кто при этомъ направленіи дѣла не въ состояннн. Я бы совѣтовалъ вамъ обратиться тотчасъ же за покровительствомъ того лица, что послѣдній разъ я встрѣтилъ у васъ на лѣстницѣ.

— Но мы не знаемъ кто онъ.

— Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ я рѣшусь, вопреки его желанію, назвать его. Пускай разсердится на меня. Что-жъ дѣлать? Теперь вамъ каждый день дорогъ, а онъ, можетъ-быть, къ вамъ еще ведѣли двѣ не навѣдается. Эта личность—особа знаменитая во всѣхъ отношеніяхъ. Дѣланій государственныхъ за нимъ много—и безсмертныхъ! Хотя бы основаніе Московскаго университета. Это—Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Въ прошлыя два царствованія онъ былъ большою силой. Нынѣ онъ не у дѣлъ, но все-таки пользуется уваженіемъ государя. Пускай Юрій Ивановичъ отправится къ нему немедленно и попроситъ его заступничества.

Разумѣется, на другой же день Прасковья Андреевна собралась и отправилась сама, смущаясь тѣмъ, что съ ея стороны было извѣстнаго рода насиліемъ явиться на домъ къ человѣку, который почему-то желалъ скрыть свое имя. Но съ того мгновенія, что Прасковья Андреевна была принята Шуваловымъ, она увидѣла, что ей опасаться нечего. Онъ встрѣтилъ ее за нѣсколько комнатъ отъ своего кабинета и, поздоровавшись, произнесъ:

— Вотъ что значитъ съ полиціей-то возитесь! Вѣдь это вы меня размаскировали и разыскали благодаря какимъ-нибудь сыщикамъ. Ну, да Богъ съ вами! Я и такъ на сихъ дняхъ хотѣлъ объявиться. Какъ видите, не фельдмаршалъ какой, покоритель народовъ, не Минихъ, не Румянцевъ и не Потемкинъ, но все-таки не послѣдній гражданинъ своего отечества.

Прасковья Андреевна объяснила тѣ исключительныя обстоятельства, которая заставили ее тотчасъ же явиться и при этомъ снова извинилась за нравственное насиліе съ ея стороны.

— Полноте, полноте! воскликнулъ Шуваловъ. — Отлично сдѣлали! Да, дѣйствительно, теперь времена иныя! Къ брадобрею въ руки объ иную пору попадаютъ не кисточка съ мыломъ, а бразды правленія государствомъ. Надо же вамъ такую бѣду, что единственный вашъ врагъ—кавказецъ—быть-можетъ изъ того самаго Кутаиса, изъ котораго и Кутайсовъ. Господи!

Подумаешь, если бѣ была жива великая монархія! Свезъ бы я вашего ангела сейчасъ прямо во дворецъ, а черезъ сутки поздравилъ бы вашего мужа... Ну, да что жъ объ этомъ! Теперь не тѣ времена. Теперь статуей себя не отличишь! Будь самъ ваятель въ сажень ростомъ, да сажень въ плечахъ, страшный драбантъ, то, конечно, былъ бы отличенъ и пожалованъ. Не хорошо! Очень не хорошо! Пошло ваше дѣло заднимъ крыльцомъ, лазейкой. Пути и добра не ждаты!

И помолчавъ, Шуваловъ прибавилъ:

— Ну, да все-таки постараемся! Сдѣлаемъ, что можемъ, только надежды я вамъ никакой не даю. Времена наши, сударыня, темныя, непроглядныя...

Прасковья Андреевна вернулась домой снова смущенная. Главной мыслью ея было снова то же... не дожидаясь конца вѣзмъ мытарствамъ, бѣжать, покуда можно. И каждый разъ, что мысль о бѣгствѣ приходила ей на умъ, она внутренне озлоблялась на мужа, который тайно, скрытно и молчаливо противился этому побѣгу изъ-за своей статуи.

Черезъ три дня ливрейный скороходъ отъ Шувалова явился просить г. Милованова пожаловать для объясненій. Онъ тотчасъ-же отправился, но черезъ часъ былъ уже дома. По его лицу Прасковья Андреевна увидѣла, что все кончено и все погибло.

Дѣйствительно, Шуваловъ передалъ Милованову, что дѣло ихъ окончательно проиграно. На докладѣ генерала Орвадзе была положена резолюція, что если родовитая княжна Рюриковой крови прельстилась мужикомъ и мужицкимъ счастьемъ, то пускай въ мужицкомъ состояннн и пребываетъ. Да будетъ ей дано то, чего она сама пожелала...

Единственное, за что отвѣчалъ Шуваловъ, о чемъ онъ хлопоталъ самъ, было разрѣшеніе семейству Миловановыхъ ѣхать къ своимъ помѣщикамъ на свой счетъ и въ своемъ экипажѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ Милованову взять къ себѣ его статую, беречь, какъ зѣницу ока, и что-нибудь предпринять.

Извѣстія, принесенныя Миловановымъ, были совершенно вѣрны. На другой-же день было получено предписаніе изъ полиціи о немедленномъ выѣздѣ изъ Петербурга крѣпостнаго двороваго княгини Березопольской съ его женой и дѣтьми, если таковыя окажутся, при бдительномъ сопровожденнн солдата, и слѣдованнн безъ задержки гдѣ-либо въ Рязанскую вотчину по мѣсту приписки.

Черезъ два дня Миловановы въ той-же каретѣ, въ которой пріѣхали изъ-за границы, двинулись по Новгородской дорогѣ.

При взглядѣ на мужа и жену, можно было подумать, что они ссыльно-каторжныя въ Сибирь.

XXXI.

Однажды утромъ, въ сильную мятежь, въ Березопольѣ показались возокъ тройкой наемныхъ лошадей.

Немногіе изъ обывателей, бывшіе на улицѣ, съ любопытствомъ приглядывались къ возку, который медленной рысцой подвигался къ барскому дому. За послѣднее время въ Березопольѣ такъ мало пріѣзжало къ господамъ гостей, что прибывшіе удивили многихъ. Болѣе всего озадачили всѣхъ солдатъ на козлахъ.

Возокъ вѣхалъ на барскій дворъ и остановился у крыльца. Изъ окопъ выглянули Миловановъ и Прасковья Андреевна. Нѣсколько человѣкъ бросились изъ дома къ экипажу и стали отворять дверцу. Прасковья Андреевна, взволнованная, румяная, со слезами на глазахъ, выговорила черезъ силу:

— Спросите, куда насъ помѣстятъ? У князя спросите...

Люди побѣжали обратно въ домъ.

Прасковья Андреевна, озираясь изъ окошекъ на этотъ домъ и дворъ, гдѣ прошли самые страшные дни ея жизни, но давшіе ей то счастье, о которомъ она всегда

мечтала, невольно взволновалась. Слезы текли по ея лицу. Ребенокъ, котораго она держала на рукахъ, началъ плакать, будто чуй слезы матери...

Миловановъ былъ тоже тревоженъ, но онъ былъ, исключительно, занятъ мыслью о предстоящемъ свиданіи со своею старушкой-матерью. Оглядываясь кругомъ, при въѣздѣ въ Березополье, онъ только думалъ объ одномъ: гдѣ она можетъ быть, и въ какомъ положеніи пойдетъ онъ ее. „Первый“ домикъ, мимо котораго они проѣхали, пустой, заколоченный, заставилъ больно сжаться его сердце.

Между тѣмъ время шло, возокъ стоялъ у подъѣзда, а съ крыльца никто не появлялся. Такимъ образомъ прошло около четверти часа. Наконецъ появился тотъ-же лакей, что прежде было хотѣлъ отворять дверцу, но видъ у него былъ уже другой, нѣсколько оробѣвшій. И онъ выговорилъ:

— Княгиня приказали, чтобы вы изволили выѣхать за ворота и тамъ-бы дожидались, а что здѣсь на дворѣ не приходится.

Прасковья Андреевна не поняла сразу того, что услышала.

Лакей, смущаясь и запинаясь, объяснилъ, что княгиня приказала имъ выѣхать и въ возкѣ дождаться на улицѣ за воротами, а не во дворѣ. Объ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ сейчасъ объявится.

Это первое распоряженіе княгини Евгеніи Степановны ясно свидѣтельствовало о томъ, чего четъ Миловановыхъ ждать въ будущемъ.

Возокъ двинулся, выѣхалъ со двора и, миновавъ ворота, сталъ среди улицы. Между тѣмъ мятель все усиливалась. Крупные хлопья снѣга, кружась въ воздухѣ, закрывали все отъ глазъ. Время, которое провела здѣсь въ ожиданіи Прасковья Андреевна, показалось ей вѣчностью. Прошло около получаса, а ей казалось, что они стоятъ въ возкѣ уже цѣлыхъ полъ-сутокъ.

Наконецъ появился какой-то высокій человекъ, котораго Прасковья Андреевна прежде никогда здѣсь не видѣла, очевидно новая личность въ Березопольѣ. Поклонившись простымъ кивкомъ головы Прасковья Андреевнѣ, смотрѣвшей въ окно, онъ крикнулъ солдату:

— Вотъ онъ тебѣ укажетъ, куда ихъ свезти! Сдай тамъ и приходи ко мнѣ въ управительскую, бумаги справить!

Возокъ двинулся къ сосѣднимъ службамъ, завернулъ за-уголъ и остановился у послѣдняго крыльца большого надворнаго строения. Ъѣжавшій около возка дворовый, одинъ изъ московскихъ лакеевъ, котораго признала тотчасъ-же Прасковья Андреевна, отворилъ дверцу, сталъ ее высаживать, украдкой поцѣловалъ у нея руку со слезами на глазахъ и выговорилъ:

— Здѣсь, матушка, здѣсь... грѣхъ одинъ... Пожалуйте!

Миловановымъ была назначена княгиней та самая квартира, или, вѣрнѣе, одна большая комната съ русской печкой, гдѣ когда-то, оставшись сиротой, жила горничная Евгенія. Но эта мѣсть не имѣла значенія и не удалась. Прасковья Андреевна не знала, что это прежде помѣщеніе ея прежней горничной, а Миловановъ, конечно узнавшій комнату, такъ какъ онъ бывалъ здѣсь въ гостяхъ у Евгеніи, ни слова не проронилъ объ этомъ женѣ.

Когда всѣ пожитки изъ возка были принесены, и ребенокъ, много плакавшій и кричавшій, наконецъ утѣшился и заснулъ, Прасковья Андреевна спокойно сѣла около люльки. И вдругъ, по какому-то странному, тайному, душевному движенію, судьба ея показалась ей менѣе ужасна, чѣмъ прежде представлялась.

Миловановъ сталъ тоже спокойнѣе и бодрѣе. Онъ уже успѣлъ узнать, что хотя его мать переведена на жительство въ Прачешное, но ее не обижаютъ тамъ. Его радость сообщилась и женѣ.

И вдругъ кака-то надежда, ни на чемъ не осно-

ванная, мелькнула въ сердцѣ обоихъ, Богъ вѣсть почему.

Прасковья Андреевнѣ показалось, что это нелѣпное положеніе якобы крѣпостной у ея-же собственной прежней горничной, положеніе диковинной крестьянки-барыни, принадлежащей тоже диковинной барынѣ-крестьянкѣ, не можетъ длиться. Оно слишкомъ невѣроятно. Подобнаго случая никогда не бывало, а стало-быть, такіе случаи невозможны. Если таковое, до извѣстной степени, мыслимо, возможно, то на краткій срокъ, какъ испытаніе.

Кромѣ того, Прасковья Андреевна надѣялась, что свиданіе съ княземъ и рѣшительный разговоръ съ нимъ, съ этимъ добрымъ и честнымъ человекомъ, отъ котораго, собственно говоря, все и зависитъ, сразу переменить эту комедію. Разумѣется, Прасковья Андреевна тотчасъ-же послала спросить у князя, когда можетъ онъ ее принять.

Черезъ четверть часа съ отвѣтомъ вернулся старикъ лакей, по имени Титъ, котораго Полина хорошо помнила. Онъ тоже подошелъ къ ручкѣ, но затѣмъ покосился на Милованова.

— Княгиня приказали сказать, что князь хвораютъ и ихъ беспокоить нельзя, произнесъ онъ однозвучно.

— Скажи мнѣ по правдѣ, дѣйствительно-ли князь хвораетъ? спросила Полина.

Старикъ замаялся, но послѣ минутнаго колебанія вымолвилъ:

— Да какъ сказать, матушка. Они за послѣдніи времена все какъ-то будто прихварываютъ, часто полеживаютъ въ постелькѣ, но все-жъ таки всѣхъ видають, разговариваютъ. А это, стало-быть, ейное, противъ васъ, матушка, ухищреніе. Это все Прачешная княгиня творить по злобѣ.

— Что? удивилась Прасковья Андреевна.— Какъ ты сказываешь?

— А такое, матушка, усмѣхнулся Титъ грустно,— у насъ ей прозвище въ Березопольѣ. Вѣдь вотчина-то Прачешная за ней нынѣ записана, вотъ ее и стали звать Прачешной барыней, да Прачешной княгиней. Но токмо это такъ, втунѣ, а проврись кто—вѣстимо, либо сошлютъ, или запорятъ. Нынѣ, матушка, порядки здѣсь не такіе, какъ при васъ были. Лихо стало житье, куда лихо! Господа изъ нашего званія, сказываютъ, завсегда прежнія свои колотушки на новыхъ холопахъ отколачиваютъ! Простите, матушка, вѣдь и вашъ-то вотъ—тоже изъ нашихъ мотнулъ Титъ головой на сидѣвшаго Милованова.—Дай вотъ ему крѣпостныхъ въ лапы—онъ тоже мудрить надъ ними учеть.

— Скажи мнѣ... быстро перебила Полина лакея, такъ какъ слова его больно касались ея сердца.— Скажи, князь совсѣмъ во власти Евгеніи?.. Ну, княгини, что-ли, новой?.. со вздохомъ прибавила она, будто почуявъ, что не имѣетъ права не признавать эту перемену съ прежней своей горничной.— Онъ дѣлаетъ все что она захочетъ?

— Охъ! совсѣмъ подъ себя подобрала. Слова сказать не дастъ. Онъ только, сердечный, сидитъ да плачетъ.

— Что? какъ плачетъ?! изумилась Прасковья Андреевна.

Старикъ объяснился и рассказалъ столько невѣроятнаго про житье-бытье князя и княгини, что и Полина и Миловановъ не знали даже—вѣрить-ли лакею.

Изъ разсказа стараго Тита выходило, что не только княгиня покорила князя волю своей воли и заставляла безпрекословно исполнять всѣ свои прихоти, не только убила въ немъ всякое проявленіе его личныхъ желаній, но даже привела въ диковинное якобы младенческое состояніе. Вдобавокъ, по неласнымъ и бозливо выраженнымъ намекамъ старика двороваго, человека разумнаго, многое выдаваемаго на своемъ вѣку, произошло сдѣлать заключеніе что „Прачешная“ княгиня систематически губить мужа или „изводить“, какъ выразился онъ.

Румынская крестьянка. Съ картины Ф. Эймонда, гр. Геданъ.
Библиотека "Руниверс"

— Какъ изводить? воскликнули въ разъ Прасковья Андреевна и Миловановъ.

— Это такъ сказывается...

— Чѣмъ-же можетъ она его изводить? прибавила Полина.—Можно изводить только ссорами, неприятностями, разстройствомъ духа.

— Нѣтъ, матушка... Изводить... Всѣмъ намъ оно доподлинно извѣстно... ъздить къ намъ дохтуръ городской, раза по два въ недѣлю. И какъ посѣтитъ, такъ князю хуже. А дохтуръ этотъ изъ христородавцевъ.

— Жидъ? спросилъ Миловановъ.

— Да-съ... И жидъ къ тому-же коснѣющій...

— Чтѣ это значитъ? Чтѣ ты хочешь сказать? вымолвила Прасковья Андреевна, не появивъ послѣдняго слова.

— Жидъ, матушка, стало-быть истинный... Приди Христосъ Господь во второе пришествіе, коснѣющій этотъ опять Его продастъ. Не я говорю. Такъ сказывается. Вотъ этотъ сущій жидъ съ Прачешной княгиней—и опаиваютъ князя зельемъ. Помретъ онъ, она за христородавца замужъ выйдетъ. И мы всѣ жидовскіе будемъ рабы. Да чтѣ!.. Помирать всѣмъ намъ старымъ пора... махнулъ рукой Титъ.

— Это, голубчикъ мой, все сказки... выговорилъ Миловановъ.—Если-же и впрямь есть у нихъ грѣхъ какой, то чего-же вы, старики, смотрите? Донесите въ губернію властямъ. Они разберутъ.

— Нѣтъ, Егоръ Ивановичъ, намъ доносить не рука. Сами въ Сибири обрѣтемся. А вотъ есть у насъ кой-кто, молодцы, кои собираются этого дохтура ночью, въ лѣсу, когда ѣхать отсюда будетъ, — малость толикую пожать и помять за князя. Коли и живъ останется—паки не поѣдетъ сюда. Разъ съ человѣка шкуру сняли—онъ опасливъ становится. Новую себѣ нароститъ, а все смиренъ будетъ. А ужъ до его жидовой шкуры теперъ ужъ дѣло близкое... Не нонѣ—завтра спимуть ее...

XXXII.

Прошла недѣля съ пріѣзда Миловановыхъ, а новаго не случилось ровно ничего.

Не смотря на заявленія, просьбы и требованія Прасковьи Андреевны видѣться съ княземъ,—она не видала его. Княгиня приказывала всякій разъ отвѣчать, что князь хвораетъ и тревожить его нельзя, а затѣмъ однажды прислала управителя, который, войдя къ Миловановымъ, рѣзко объявилъ:

— Ея сіятельство прислала меня объявить вамъ, чтобы вы сидѣли смирно. Будете невѣжничать, то васъ, крѣпостную дворянку, посадятъ въ чуланъ. А тебя, столяра, просто выпорютъ. Пора образумиться вамъ и выкинуть къ своему рабскому состоянію. Черезъ малое время узнаете свою судьбу конечную.

И управитель ушелъ, не отвѣтивъ на вопросъ Полины.

Людямъ было въ то же время строго запрещено ходить къ Миловановымъ, но человѣкъ пять дворовыхъ постоянно навѣдывались тайкомъ ввечеру и рассказывали все, чтѣ знали. Главнаго, однако, нельзя было узнать отъ нихъ, такъ какъ они сами были въ полномъ невѣдѣніи. А это главное заключалось въ томъ, чтѣ думаетъ и говоритъ объ ихъ пріѣздѣ и пребываніи самъ князь.

Наконецъ, однажды этотъ вопросъ былъ выясненъ и поразилъ равно обоихъ, даже несказанно испугалъ.

По догадкамъ старика Тита, а равно по мнѣнію многихъ березопольцевъ — князь Илья Петровичъ просто не вѣдалъ даже о присутствіи сестрицы съ мужемъ и ребенкомъ въ его усадьбѣ.

Какъ ни странно и невѣроятно казалось это предположеніе, а оно походило на правду.

И эта вѣсть конечно должна была испугать Прасковью Андреевну, почти лишивъ надежды на помощь брата и его заступничество.

Дѣйствительно, судя по рассказамъ, надо было пред-

положить, что князь и не можетъ знать ничего. Онъ сидѣлъ безвыходно въ своей спальнѣ, переходя съ постели на кресло и обратно. Людей къ нему не допускали никого уже издавна. Входила только одна горничная княгини, наемная, выписанная изъ Москвы, да раза два въ недѣлю заходилъ управляющій, человѣкъ загадочный, себѣ на умѣ, молчаливый, не сообщавшій людямъ ничего объ ихъ баринѣ.

Помимо этихъ двухъ личностей, запертаго какъ-бы подъ замкомъ князя навѣщаль только докторъ, большой другъ княгини, правильно пріѣзжавшій изъ города. Слѣдовательно, князю даже не отъ кого было узнать о пребываніи сестрицы.

— Быть-можетъ онъ даже ровно ничего объ насъ не знаетъ, говорила Прасковья Андреевна. — Даже не знаетъ, что мы въ Россіи и вытребованы его женой изъ Петербурга. Не знаетъ даже, чтѣ намъ предстоитъ по ея волѣ...

Прасковья Андреевна отъ нетерпѣнья, тревоги и гнѣва собиралась сама отправиться въ домъ и заставить насильно себя принять... Она хотѣла дѣйствовать, какъ когда-то дѣйствовала княжна Полина. Это было и не мудрено. Князь Андрей Ивановичъ тогда былъ ей страшнѣе и опаснѣе, чѣмъ эта Евгенія, хотя и княгиня...

И Прасковья Андреевна начала-бы борьбу, смѣло и стойко, но ее во-время остановило нѣчто. Однажды ей передали тайкомъ письмо. Оно оказалось изъ уѣзднаго города стѣ давно забытаго ею стараго друга, попрежнему вѣрнаго... отъ Макара Макаровича...

Трубецкой писалъ прежней покровительницѣ своей, нынѣ очутившейся много ниже его, по обоюдному обществу положенію, и обнадеживалъ всячески... Объ одномъ умолялъ Макаръ Макаровичъ: вести себя тише, не бороться, не злить „поганую Евденю“, чтобы только выиграть время. Трубецкой обѣщавалъ, что чрезъ мѣсяцъ, не позже, обстоятельства переменятся, что онъ перехитрилъ „Прачешную княгиню“ при помощи своихъ новыхъ друзей въ городѣ.

Прасковья Андреевна рѣшила терпѣть, и хотя не понимала чтѣ можетъ предпринять Трубецкой въ ихъ пользу, но вѣрила ему.

Наконецъ, однажды утромъ явился какой-то молодой лакей, котораго Миловановы не знали, и объяснилъ:

— Княгиня приказала сказать, что если, молъ, Егоръ Ивановичу хочется съѣздить въ Прачешное повидаться съ матерью, то пуцай, молъ, ѣдетъ. Нынѣ подвода туда идетъ.

— Еще-бы... воскликнулъ Миловановъ вскочивъ съ мѣста. — Понятно, хочу. Скажи: хочу и поѣду хоть сейчасъ.

— А когда подвода назадъ будетъ? спросила Полина глухо и тревожно.

— Не знаю-съ... Про это ничего не приказано.

Лакей ушелъ, а она, помолчавъ, стала было уговаривать мужа не ѣздить... Ей чуялось что-то недоброе...

— Господь съ тобой, Параша!.. отчаянно воскликнулъ онъ. — Да и посуди, могу-ли я... Сижу сколько времени здѣсь... не видалъ матушки цѣлый годъ... Могу увидѣть нынѣ-же... А ты съ привередничаньемъ... Господь съ тобой...

Прасковья Андреевна по лицу мужа увидѣла, что останавливать его нельзя, и напрасный трудъ, и жестокость.

— Ступай, со вздохомъ отвѣтила она.

Миловановъ весело простился съ женой, шутиво отнесся къ ея тревогѣ, и по лицу его видно было, насколько онъ поглощенъ мыслью о свиданіи со старушкой-матерью.

Оставшись одна, Прасковья Андреевна не отходила ни на шагъ отъ люльки ребенка и безъ конца думала и передумывала о своей странной судьбѣ. Теперъ ей

снова все представлялось въ мрачномъ видѣ—и единственнымъ лучемъ свѣта являлось неожиданное письмо отъ стараго, неблагоугодно забытаго друга. Онъ одинъ, этотъ честный и добрый Макаръ Макаровичъ, заботится объ ихъ судьбѣ... Всему остальному міру нѣтъ до нихъ никакого дѣла. А что обѣщаетъ Трубецкой, что можетъ онъ сдѣлать для нихъ—это было загадкой.

Вечеру снова явился старикъ Титъ, и Прасковья Андреевна даже обрадовалась ему.

— Я, сударыня, къ вамъ за розгами бѣгаю, шепнулъ онъ, ухмыляясь и подходя къ ручкѣ.

— Что? Я не понимаю.

Старикъ объяснилъ, что ему сейчасъ строгаише подтверждено не бывать у прежней своей барышни-княжны, и что если его разъ еще увидятъ у нея, то нещадно накажутъ розгами.

— Такъ уходи скорѣе и не приходи... сказала Полина.

— Какъ можно! Теперь-то мнѣ и ходить. Были вы барыней, или опять будете, тогда и вамъ не нужень буду. А теперь я вамъ нужень.

Старикъ, болѣвшій ногами, попросилъ позволенія сѣсть на полъ и сталъ снова болтать. Прасковья Андреевна разспросила его про Трубецкаго и узнала отъ него, что княгиня уже давно выжила управляющаго. Макаръ Макаровичъ поселился въ сосѣднемъ уѣздномъ городкѣ, гдѣ навимаетъ себѣ одну горницу у дьячихи, и по всему видно, что онъ бѣдствуетъ, нуждается.

— Божій человекъ! прибавилъ Титъ. — Пятнадцать годовъ тысячами господскими ворочалъ, все было цѣло. А что скопилъ изъ своего жалованья, все отдалъ въ нашъ-же храмъ. А теперь голодень, холодень, а пуще всего обиженъ...

— Ну, это дѣло еще поправится. Лишь-бы намъ освободиться, вздохнула Полина. — Я Макара Макаровича никогда не оставлю.

Просидѣвъ около часу, Титъ вдругъ вскользь упомянулъ, что съ отъѣздомъ изъ Березополя княгини, какъ-то свободнѣе всѣмъ кажется, легче на душѣ. Однимъ дьяволомъ меньше!

— А гдѣ-же она?

— Уѣхамши въ Прачешное...

— Что? выговорила Полина упавшимъ голосомъ. — Что?! Въ Прачешное? Она уѣхала?! Когда?!

— Сегодня въ сумерки, отозвался удивляясь Титъ, такъ какъ голосъ и лицо Прасковьи Андреевны поразили его. — Чего вы такъ испужались, матушка?

Полина сидѣла не двигаясь, какъ окаменѣлая, только лицо ея, сильно измѣнившееся, говорило о той бурѣ, которая внезапно подымалась въ груди.

— Но что-же она можетъ?! вдругъ выговорила Полина вслухъ, громко, какъ-бы отвѣчая на какой-то страшный вопросъ.

„Онъ любить мени“, продолжала она мысленно. „Ее онъ никогда не любилъ. Угрозы? Насильемъ? Нѣтъ. Онъ не испугается. Но тогда она мститъ начнетъ. Тотчасъ! Тамъ-же... Или она добьется своего, или прикажетъ истязать его. Устоитъ-ли онъ?.. Но вѣдь и то и другое—равно ужасно... А для мени ужаснѣе именно то, что... Да, его истязаніе мнѣ менѣе ужасно, нежели измѣна!“

Прасковья Андреевна была настолько поражена извѣстіемъ объ этомъ одновременномъ отъѣздѣ Евгеніи въ сосѣдную усадьбу, вслѣдъ за ея мужемъ, что не вымолвила болѣе ни слова, даже не замѣчала присутствія Тита и не отвѣчала на его опросы. Старикъ ушелъ не добившись даже отвѣта на вопросъ: „не хворають-ли барыня и не прислать-ли ей кого изъ женщинъ“.

Прасковья Андреевна всю ночь не ложилась, даже не раздѣвалась. Она сидѣла недвижно на стулѣ, глубоко задумавшись и какъ-бы подъ гнетомъ своихъ думъ. Она приходила въ себя отчасти, когда ребенокъ проснулся и просилъ кушать... Уложивъ его, она снова задумывалась.

Около пяти часовъ, Полина, одѣтая, легла на кровать и слегка забылась, но въ полудремотѣ ей представилась тотчасъ ужасная картина, созданная конечно ревностью, и она вскочила...

— Не могу... шепнула она.—Это еще хуже, чѣмъ я думала. Я думала: рабство, крѣпостничество... Прихоти мстицей барыни-холопки... Всякія прихоти... но не така! Его я не отдамъ ни на мгновеніе. Я теперь готова ножъ въ руки взять. Да! За это?! За это я смогу ее зарѣзать... А что дѣлать?.. Сегодня-же видѣть братца!.. Да! Видѣться!..

(Оконч. въ слѣд. №).

Дворняшка.

Разсказъ Н. Станицаго.

(Окончаніе).

Придя въ свою комнату, Семень Ивановичъ зажегъ свѣчу, которая у него стояла на стулѣ возлѣ дивана, сѣлъ и, смотря на говядину, прошепталъ:

— Всякій разъ оставилъ моимъ собачкамъ кусочекъ! Кабы это знала Ирина Никитишна!.. досталось бы и Володѣ... Что юлишь? обратился онъ къ Жучкѣ,—что нюхаешь? Вкусно пахнетъ? Ну, всѣ поднялись! Завтра получите, — на почъ не слѣдуетъ кушать. Ложать, Мальчики! и вы, барышня, извольте лечь на свой тюфячекъ!..

И Семень Ивановичъ досталъ подонникъ отъ цвѣтовъ съ полу, положилъ говядину и поставилъ на полку. Жучекъ обнюхивалъ обрывокъ газеты. Семень Ивановичъ, ухмыляясь, прошепталъ:

— Любопытствуешь, что здѣсь пропечатано? Ну, давай прочитаемъ. „Опытная нянюшка, пожилыхъ лѣтъ, желаетъ получить уходъ за новорожденнымъ младенцемъ...“ Прекрасно. „Молодая особа изъ благороднаго званія предлагаетъ свои услуги вести хозяйство...“ А-а-а! „Сбѣжалъ сетеръ, рыжей масти, на лбу бѣлое пятно“. Только пять рублей награды. А я-то за мадамъ получилъ какую сумму, даромъ что махонькая собачка. „7-го числа...“ началъ было читать Семень Ивановичъ, но голосъ его порвался, онъ впился глазами въ обрывокъ газеты, руки его задрожали, онъ, задыхаясь отъ волненія, свалилъ свѣчу, бросился изъ комнаты и, отворивъ дверь къ молодому человѣку, произнесъ: „Володя, Володя, иди-ка сюда“, и онъ манилъ его къ себѣ длинными своими руками.

Выраженіе лица у Семена Ивановича было до того взволновано, что молодой человѣкъ въ испугѣ спросилъ:

— Горить?!

И сбѣжалъ въ кухню, гдѣ Семень Ивановичъ схватилъ его за руку, подвелъ къ столу гдѣ стояла свѣча, поднесъ къ его глазамъ обрывокъ газеты и тыкая пальцемъ на объявленіе, хрипло произнесъ:

— Читай, читай!

Молодой человѣкъ прочелъ указанное мѣсто и сказалъ:

— Да вѣдь это старая газета.

— Знаю, знаю, ты смотри 7-ое, 7-ое число! Мѣсяцъ тому назадъ, 7-го числа ко мнѣ пристала Жучка. У меня записано число каждой изъ нихъ! Примѣты, читай примѣты-то, голубчикъ.

— Да не волнуйтесь, замѣтилъ молодой человѣкъ.—Таки дворняшки, какъ ваша Жучка, всѣ похожи одна на другую.

Семень Ивановичъ убѣжалъ въ свою комнату, вернулся съ Жучкой на рукахъ, и захлебываясь отъ кашля, говорилъ:

— Смотри, на груди бѣлое пятнышко, одно ухо торчитъ, а хвостъ длинный. Ну, что, не она?

Семень Ивановичъ тормошилъ собаку и поднимая ее кверху, произнесъ восторженно:

— 30 рублей награды за такую дворняшку! ха, ха! подворотни-то какова!.. Извини меня, Жучекъ, опростоволосился я передъ тобою! другихъ холилъ, а тебя держалъ въ черномъ тѣлѣ, думалъ кому ты нужна... Авъ 30 рублей дають за тебя награды. Вотъ что значитъ, Володя, судить по наружности! Въ трактиръ для нея ни разу не пошелъ, чтобы прочесть объявленія въ „Полицейской Газетѣ“... Подворотня.

Семень Ивановичъ смѣялся и кашлялъ.

Молодой человѣкъ, смотря на него, съ жалостью сказалъ:

— Семень Ивановичъ, заранѣе не радуйтесь. Завтра сходите по адресу и узнайте, можетъ теперь и не захотятъ дать награды за нее, вѣдь мѣсяцъ прошелъ, какъ была публикація.

Дѣдушкинъ портретъ. Съ картины проф. Л. Скафан, грав. Ерикъ.

Добрые друзья. Съ картини П Мейергейма, грав. Брендамуръ.

— Что ты, что ты! въ испугъ проговорилъ Семенъ Ивановичъ,—это не можетъ быть,—и робко добавилъ:

— А какъ опять лакейство?..

— Вы безъ Жучки идите, потребуйте видѣть хозяина или хозяйку дома:

— Спасибо, голубчикъ; да, да, хорошо, что меня подоумить... Вотъ видишь, Володя: голенькій — охъ! а за голенькимъ Богъ!.. Всесемъ, любезный, вмѣстѣ за Вареньку, успокоимъ Аришу Никитишну.

Молодой человекъ посовѣтовалъ Семену Ивановичу лечь спать и до завтра никакихъ плановъ не строить, и ушелъ изъ кухни, а Семенъ Ивановичъ пошелъ къ себѣ бормоча:

— 30 рублей за подворотню, больше чѣмъ за мадамъ.

Спать онъ не могъ и, лежа на диванѣ, говорилъ Жучкѣ, усѣвшейся около дивана и смотрѣвшей на него:

— Ну, не поминай меня лихомъ, Жучекъ!

Семенъ Ивановичъ безъ конца говорилъ съ Жучкой, которая соскучилась слушать его сидя, легла.

— Спать желаете, пожалуйста на диванъ! пригласилъ Семенъ Ивановичъ Жучку.—Теперь вамъ не слѣдъ валяться на полу-сь.

Жучка радостно вскочила на диванъ и улеглась въ ноги Семена Ивановича, который продолжалъ ей говорить:

— Невдомекъ мнѣ было, что поначалу вы все наравили на диванъ полегать. Вотъ ужъ не ожидалъ такого пассажира съ вами. Мадамъ-то, понятно, была красива, изысканная особа, а вы-то какъ есть дворяшка!

Жучка давно спала сладко на диванѣ, а Семенъ Ивановичъ все разсуждалъ съ ней.

На другое утро Семенъ Ивановичъ, войдя въ кухню съ полотенцемъ, чтобы умыться, развязно пожелалъ добраго утра Иринѣ Никитишнѣ; та съ удивленіемъ посмотрѣла на него и подивилась улыбающемуся его лицу.

— Что это, Семенъ Ивановичъ, у васъ лицо, точно въ день Свѣтлаго Праздника? замѣтила она.

— Ничего-сь! загадочно усмѣхнувшись отвѣтилъ Семенъ Ивановичъ.—Что же-сь въ сущности и куписья-то, Ариша Никитишна?

— Кажись не отчего больно и радоваться! отвѣчала старушка. Она еще болѣе удивилась, когда Семенъ Ивановичъ явился со своей оловянной кружкой и сказалъ:—Позвольте-сь мнѣ налить изъ самовара кипятку-сь.

— Заспались вы вѣрно, сегодня развѣ воскресенье?

Семенъ Ивановичъ брлся разъ въ недѣлю.

— Нѣтъ-сь, отлично помню-сь что сегодня среда-сь, отвѣчалъ онъ, видимо наслаждаясь удивленіемъ старушки, и многозначительно добавилъ:—Надо мнѣ по важному дѣлу явиться въ одинъ домъ.

Ирина Никитишна въ недоумѣніи поглядѣла вслѣдъ Семену Ивановичу, когда онъ, наливъ въ кружку кипятку, пошелъ въ свою комнату.

Ирина Никитишна поила чаемъ сына и внучку, а Семенъ Ивановичъ опять явился въ кухню съ сапогомъ въ рукѣ и со щеткой и, усердно чистя сапогъ, подмигивая молодому человеку, шутилъ съ нимъ и съ Варей. Онъ скрылся взять другой сапогъ, тогда старушка сказала сыну:

— Воля твоя, что-то съ нимъ неладное творится. Ты посмотри, какое у него лицо, какъ дурень все улыбается; посреди недѣли бритые затѣялъ... Эй Богу, страшно за него. Ты бы отговорилъ его выходить со двора!

Сынъ успокоивалъ мать, что Семенъ Ивановичъ въ полномъ разсудкѣ. Ирина Никитишна было успокоилась, когда Семенъ Ивановичъ, одѣтый въ шинель, уходя произнесъ:

— До пріятнаго свиданія, Ариша Никитишна! и захихикавъ вышелъ въ сѣни.

— Вотъ еще недовстало такого горя! Ахъ, проклятыя собаченки! вотъ до чего довели человека! подошли бы скорѣй.

Занятая стряпней въ кухнѣ, Ирина Никитишна окончателно пришла въ испугъ, когда дверь изъ сѣней съ шумомъ отворилась, въ нее влетѣлъ Семенъ Ивановичъ и прокричалъ со смѣхомъ:

— Прощайтесь съ подворотней, сейчасъ унесу ее!

Онъ бросился въ свою комнату, и громко раздавался его разговоръ съ собаками.

Семенъ Ивановичъ, не снимая шинели и фуражки, приказалъ Жучкѣ вскочить на стулъ, говоря:

— Ну-сь, извольте смиренно сидѣть, надо маленько причесать васъ.

И онъ возилъ по спинѣ Жучку своей головной щеткой, а Ирина Никитишна стояла въ дверяхъ и потерянно говорила:

— Батюшка, Семенъ Ивановичъ, фуражку-то сбрось, вѣдь образа висятъ въ комнатѣ!

А Семенъ Ивановичъ, не обращая вниманія на слова старушки, продолжалъ:

— Хвостикъ-то, хвостикъ дайте расчесать.

— Голубчикъ, Семенъ Ивановичъ, произнесла дрожащимъ голосомъ старушка,—куда вы хотите нести собаченку? Оставьте ее, пусть она живетъ, я слова не скажу... И самъ бы остался дома.

— Остаться? Какъ можно-сь, я извозчика нанялъ на Фонтанку—вести туда Жучка! отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ,—больше-сь не увидите его, Ариша Никитишна-сь!

— Побойтесь Бога, Семенъ Ивановичъ, воскликнула въ ужасѣ Ирина Никитишна,—угопите хотите собаченку?

— Господь съ вами, Ариша Никитишна!

Онъ расхохотался и схватилъ Жучку подъ шинель, говоря:

— Вернусь, все, все узнаете! Жучка, поблагодари за ласку Аришу Никитишну!

Онъ быстро выскочилъ въ сѣни. Старушка пошла за нимъ, съ мольбой звала его, потому что не посиѣвала за нимъ, и когда вышла за калитку, то замерла на мѣстѣ, увидавъ Семена Ивановича отъѣзжающаго на извозчикѣ.

Старушка ползла охалъ обратно и говорила:—извозчика, извозчика навиль!—Сѣвъ въ кухнѣ на скамейку, она расплакалась приговаривая:—Господи, Господи, не повѣрилъ мнѣ Володя, что неладное творится съ Семеномъ Ивановичемъ!—Она только тогда прекратила свои слезы, когда у ней въ печкѣ сильно что-то затлѣло, тогда она бросилась, схвативъ ухватъ, вытащила горшокъ, и снова принялась плакать, продолжая говорить:—Куда я побѣгу за нимъ?.. Натворить что-нибудь, его схватятъ въ полицію! Вотъ нежданная напасть свалилась на мою голову.

Одна другой страннѣе картины рисовались Иринѣ Никитишнѣ о несчастномъ Семенѣ Ивановичѣ.

Въ то время какъ убивалась Ирина Никитишна о Семенѣ Ивановичѣ, онъ находился въ богатой-убранной комнатѣ и смотрѣлъ съ умиленіемъ на 11-ти-лѣтняго, худенькаго мальчика, сидящаго на мягкомъ коврѣ; на его коленяхъ была Жучка и онъ обнималъ ее, радостно повторяя: „Негро, Негро!“

Очень пожилая дама, одѣтая въ черное шелковое платье, стоящая около мальчика, радостно улыбалась, говоря:

— Вотъ ты, Сержъ, плакалъ о своемъ Негро, она и наплась. Видишь, веселая и здоровая. Поблагодари господина, что онъ берегъ твою любимицу.—Обратись къ Семену Ивановичу она продолжала:—Мой внукъ такъ былъ привязанъ къ своей собачкѣ, что не хотѣлъ и смотрѣть на другую дорогую собачку, которую я ему подарила.

— Осмѣлюсь доложить, ваше высокопревосходительство, Жучка... т. е., икхля собачка обширнаго ума-сь, на рѣдкость по своей понятливости-сь, въ короткое время я ихъ выучилъ-сь разнымъ штукамъ. Не угодно-ли посмотрѣть-сь. Жучекъ, сюда!

Собаченка вырвалась изъ рукъ мальчика и подбѣжала къ Семену Ивановичу, виляя большими хвостомъ:

— Умри! командовалъ Семенъ Ивановичъ и заставилъ собаченку продѣлать всѣ штуки, которымъ онъ обучилъ ее.

Мальчикъ былъ въ восторгѣ, смѣялся и требовалъ повторенія. Жучка помывутьно заскакала къ Семену Ивановичу.

— Видно вы обращались хорошо съ Негро, что онъ такъ полюбилъ васъ. Очень вамъ благодарна за это! сказала пожилая дама и подала ему пакетъ.

Семенъ Ивановичъ покраснѣлъ, ему вдругъ вспомнились слова Ирины Никитишны, что онъ унижаетъ свое чиновническое званіе, и онъ не бралъ денегъ. Но пожилая дама сунула ему въ руку пакетъ, сказавъ:

— Я вамъ такъ благодарна, что вы такую радость доставили моему внуку. Если вамъ что-нибудь будетъ нужно, приходите ко мнѣ—я сдѣлаю все, что только могу.

Семенъ Ивановичъ такъ былъ растерганъ и сконфуженъ, что даже не могъ произнести благодарности, поклонился и пошелъ къ двери; Жучка бросилась за нимъ. Онъ сказалъ ей съ укоризной:

— Что ты, что ты! садись ка и ни съ мѣста!

Жучка сѣла и виляла хвостомъ.

— Честъ имѣю-сь откланяться! проговорилъ Семенъ Ивановичъ и вышелъ изъ комнаты.

Идя по улицѣ онъ обращалъ на себя вниманіе всѣхъ проходящихъ тѣмъ, что громко разговаривалъ самъ съ собой, смѣялся, натыкался на встрѣчныхъ.

Ирина Никитишна странно обрадовалась, когда Семенъ Ивановичъ возвратился домой; но ее поразило гордое выраженіе его лица. Онъ очень серьезно произнесъ:

— Подворотня-сь, какъ вы изволили называть-сь Жучка, внести за вашу внучку въ гимназію-сь.—И онъ съ важностью положилъ 40 рублей на столъ, но не могъ долѣе выдержать серьезность, засмѣялся и добавилъ:—Вотъ-сь какова подворотня-то!

— Откуда вы взяли такіе деньги? въ ужасѣ спросила Ирина Никитишна.

— Да и вѣдь вамъ объяснялъ, что за подворотню-сь, Ариша Никитишна, получилъ награду, да кромѣ того имѣлъ честь съ самой генеральшей разговаривать, получалъ отъ нихъ кромѣ того словесную благодарность. А лакей-сь съ меня снялъ шинель и подаль ее какъ я уходилъ, а швейцаръ двери отворилъ съ поклономъ-сь. Да-сь... вотъ-сь подворотня-то какова! Можно сказать: пренедро отблагодарила меня, что я призрѣлъ ее въ несчастіи-сь...

Ирина Никитишна слушала и смотрѣла на Семена Ивановича такими удивленными глазами, точно не Семенъ Ивановичъ стоялъ передъ ней, а какое-то чудо. Но взглянувъ на деньги, она торопливо произнесла:

— Ваше счастье, только возьмите свои деньги, Семенъ Ивановичъ.

— Пѣтъ-сь, Ариша Никитишна, какъ вчера прочелъ публи-

кацію о Жучкѣ, такъ и рѣшили: если получу за нее награду, то эти деньги за Вареньку въ гимназію!

— Господи, да вамъ самимъ надо, проговорила Ирина Никитишна, сдерживая слезы.

— Не возьму-съ гроша изъ нихъ-съ, хоть въ печь бросьте ихъ!

И Семень Ивановичъ ушелъ изъ кухни, а Ирина Никитишна начала креститься на образъ, обливаясь радостными слезами, и потомъ воскликнула:

— Не даромъ мнѣ подъярьдъ на картахъ выходило неожиданная радость!

Семень Ивановичъ, войдя къ себѣ въ комнату, произнесъ собаченкамъ:

— Вы вотъ валаетесь кое-какъ по полу, хотя и породистыя, а товарищъ-то вашъ, дворняшка, по мягкимъ коврамъ теперь бѣгаетъ да дичишку будетъ ѣсть!.. Пожалуйте-съ, прогуляйтесь-ка по двору.

Семень Ивановичъ облачился въ халатъ и пошелъ съ собаченками во дворъ.

Ирина Никитишна черезъ нѣсколько минутъ заглянула въ сѣни и сказала Семену Ивановичу:

— Хоть бы шинель накиннули — простудитесь!

— Ничего-съ! кашель даже куда дѣвался.

Когда къ обѣду явился сынъ Ирины Никитишны, то она рассказала перенугъ и радость по случаю щедрости Семена Ивановича, который самъ рассказалъ Володѣ очень подробно обо всемъ и очень напиралъ на то, что лакей ему подавалъ шинель, а шейцаръ отворилъ ему дверь, и все твердилъ:

— Хоть бы чуточку оробѣлъ, Володя, говоря съ генеральшей!

Молодой человекъ сталъ говорить Семену Ивановичу, что достаточно половины его денегъ.

— Не смѣйте и упоминать мнѣ объ этихъ деньгахъ! въ сердцахъ воскликнулъ Семень Ивановичъ,— не отравляйте мнѣ радостнаго дня. Ты вѣдь далъ мнѣ вчера обрывокъ газеты? Безъ тебя ничего не было-бы. Думаешь, мнѣ легко было сморгнуть, какъ вы оба убивались, какъ внести деньги въ гимназію? что и — жидъ, татаринъ, что-ли?

Долго длилось препирательство между двумя труженниками-бѣдняками изъ-за денегъ.

— Постой! вдругъ сказалъ Семень Ивановичъ. — Не хотите одолжаться, извольте: дай мнѣ честное слово, поставитъ мнѣ крестъ на могилѣ и въ день моей кончины навѣщать ее. А если разбогатѣешь, положи плиту съ надписью, что это-моль Семень Ивановичъ Васюточкинъ, прослужилъ 35 лѣтъ на государственной службѣ... и все такое. Ну, да... ты умный, ученый, съумѣешь прописать какъ слѣдуетъ. Теперь ни слова не упоминать о деньгахъ.

И Семень Ивановичъ зажалъ уши.

Черезъ день молодой человекъ поздно возвратился домой, мать грустно ему сказала:

— Надо, Володя, отдать деньги Семену Ивановичу. На немъ лица нѣтъ, даже забылъ накормить своихъ собаченочекъ.

Сынъ передалъ свой разговоръ съ Семеномъ Ивановичемъ о деньгахъ.

— Мало-ли что, съ горяча-то расщедрился, а теперь и убивается. Нѣтъ, отдай ему. Христосъ съ нимъ! замучаешься глядѣть на него. Какъ-нибудь сами уплатимъ. Вишь въ щель свѣтитъ огонь, значить не спитъ.

Молодой человекъ взялъ деньги отъ матери и пошелъ къ Семену Ивановичу, который сидѣлъ на диванѣ, облокотись локтями о колѣни и держа руками голову,—видно было, что онъ сильно чѣмъ-то огорченъ.

— О чемъ вы такъ задумались? спросилъ его молодой человекъ.

— Тоска, голубчикъ, меня гложетъ. Стыдно самому, а что подѣлаешь! Пусто стало. Бывало вернешься, она около тебя ласкается, заглядываетъ тебѣ въ глаза. И не думалъ, что такъ полюбилъ Жучка. Я вѣдь, когда привелъ его къ себѣ, и на умъ не приходила корысть; ну просто жалость одна была, и давно-давно мнѣ хотѣлось имѣть свою собаку.

— За чѣмъ-же вы отнесли ее?

— Ахъ, какой ты, Володя, не можешь понять, что мнѣ на умъ не приходило, что я такъ затоскую безъ него.

— У васъ остались еще двѣ.

Семень Ивановичъ махнулъ рукой на нихъ и произнесъ небрежительно:

— Что онъ противъ Жучка! Онъ былъ достоинѣнчательнѣе по своему уму!—Семень Ивановичъ тѣло вдохнулъ и продолжалъ:—Хоть-бы взглянуть на него, легче-бы стало! И лицо Семена Ивановича задергалось отъ усилія удержать слезы.

— Полноте, не тоскуйте, урезонивалъ его молодой человекъ.

— Радъ бы и самъ былъ, да не могу! Бывало вотъ такъ сидишь, посмотришь на него, какъ онъ на полу лежитъ, онъ сейчасъ своимъ хвостомъ заматаетъ... и... Голосъ у Семена Ивановича оборвался, онъ торопливо вытеръ рукавомъ халата глаза и проговорилъ:—Ты не смѣйся надо мной, Володя! Самъ понимаю, что все это глупо, а поди же ты, не могу совладать съ собой... Ничего! свыкнусъ. Господи, жилъ-же прежде безъ Жучки! Баловство одно я на себя напустилъ! Пойду—прогуляюсь.

— Что вы, да двѣнадцатый часъ ночи, замѣтилъ молодой человекъ.

— Что ты? воскликнулъ Семень Ивановичъ.—Вишь ты, время даже сообразить не могу. Нѣтъ-ли, голубчикъ, чего переписать?

— Нѣтъ, Семень Ивановичъ. А я вамъ дамъ книжку, которую Варѣ купилъ въ подарокъ.

— Дай, дай...

Можетъ-быть еще долго тосковалъ-бы Семень Ивановичъ о дворняшкѣ, если-бы дня черезъ два, часовъ въ 11 пополудни, его двѣ собачки не подняли визгливый лай, слышавъ въ кухнѣ незнакомый мужской голосъ. Ирина Никитишна распахнула дверь къ нему и виопыхахъ произнесла:

— Семень Ивановичъ, отъ генеральши пришли, васъ спрашиваютъ.

Семень Ивановичъ бросился въ кухню, и лакей ему сказалъ, что генеральша очень проситъ его придти къ ней, если у него есть время.

— Приду, сейчасъ приду! отвѣтилъ торопливо Семень Ивановичъ.

Лакей поклонился и хотѣлъ уйти, но Семень Ивановичъ его остановилъ:

— А Жучка... тѣфу... собачка, какъ ее?

— Негро! подсказалъ лакей.

— Весела, здорова?

— Здорова-съ.

— Немедленно явлюсь къ ея высокопревосходительству, проговорилъ Семень Ивановичъ.

А когда лакей ушелъ, то онъ гордо спросилъ Ирину Никитишну:

— Ну-съ, Арина Никитишна, видали-съ, лакей съ неокрытой головой стоялъ передо мной! Забѣйте, какъ генеральша приглашаетъ меня: если у меня есть время! Что-съ? сама генеральша желаетъ видѣть собачника-съ!

Ирина Никитишна потупилась и молчала.

— Да-съ, вотъ-съ, Васюточкинъ съ генеральшами знакомство-съ завелъ.

— Ну, какое это знакомство, Семень Ивановичъ! замѣтила Ирина Никитишна.

— А что же по-вашему? обиженно спросилъ онъ,— присыластъ генеральша своего лакея, съ приглашеніемъ къ себѣ, да еще наказываетъ ему, чтобъ онъ сказалъ мнѣ: если у меня будетъ время... Вникните хорошенько-съ.

— Ну, съ Богомъ отправляйтесь къ своей генеральшѣ, нетерпѣливо отвѣтила старушка.— Идите въ свою комнату, что вертитесь подъ руками.

— Позвольте-съ, надо прежде мнѣ побриться.

— Берите воды вонъ въ чугунѣ!

Семень Ивановичъ лукаво усмѣхнулся, уходя изъ кухни, и брѣсь шепталъ:

— Удивляйтесь, удивляйтесь, Арина Никитишна, что собачника приглашаетъ къ себѣ генеральша.

Ирина Никитишна въ свою очередь перемотала въ кухнѣ:

— Ну, теперь совѣмъ ошалѣетъ нашъ Семень Ивановичъ. Вернувшись домой отъ генеральши, Семень Ивановичъ, не снимая шинели, сѣлъ въ кухнѣ и сталъ разсказывать Иринѣ Никитишнѣ:

— Имѣлъ честь сидѣть-съ за завтракомъ съ самой генеральшей-съ и съ ея внукомъ-съ. Лакей въ бѣлыхъ перчаткахъ мнѣ блюда подавалъ, вино въ рюмку наливалъ-съ. Все серебро-съ... Жучекъ-то, Жучекъ-то, какъ мнѣ обрадовался!

— За чѣмъ васъ требовали-то? спросила Ирина Никитишна.

— Приглашали-съ! произнесъ съ удареніемъ Семень Ивановичъ,— и доложу вамъ, Арина Никитишна, что получилъ лично отъ генеральши приглашеніе бывать у нихъ чаще-съ! да-съ, завтра опять пойду-съ.

У Семена Ивановича такое было подзадоривающее выраженіе въ лицѣ, что Ирина Никитишна отвернулась и сердито прошептала:

— Блажнѣе твоя генеральша.

— Что-съ?

— Ничего! да, что это вы разсѣлись и въ шинели, не ждете-ли, чтобы и здѣсь лакей снялъ ее съ васъ? прикрикнула старушка.

Семень Ивановичъ струхнулъ и поспѣшилъ удалиться въ свою комнату.

Семень Ивановичъ не хотѣлъ разсказывать Иринѣ Никитишнѣ, что балованному мальчику захотѣлось, чтобы его дворняшка продѣлывала всѣ штуки, какія заставлялъ ее дѣлать передъ нимъ Семень Ивановичъ. Она его не слушалась, и былъ потребованъ учитель дворняшки, чтобы онъ научилъ его командовать дворняшкой. Генеральша-бабушка исполнила всѣ капризы своего внука, и Семень Ивановичъ сталъ посѣщать генеральскій домъ и почему-то балованному мальчику онъ понравился, а это было достаточно, чтобы генеральша-бабушка была ласкова съ тѣмъ человекомъ.

Семень Ивановичъ говорилъ Володѣ:

— Самъ дивлюсь, ни чуточки теперь не робѣю передъ генеральшей. Ей Богу, больше боюсь Арины Никитишны, чѣмъ ее.

Страшный переполохъ произвело появленіе кареты съ ливрейнымъ лакеемъ въ немощномъ переулкѣ. Генеральша прислала экипажъ за Семеномъ Ивановичемъ, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ, потому что ея внукъ слегка прихворнулъ и его уложили въ постель, а онъ потребовалъ, чтобы Семень Ивановичъ сидѣлъ около него.

Ирина Никитишна и Семень Ивановичъ также находились

въ страшномъ волненіи отъ присылки экипажа отъ генеральши. Семенъ Ивановичъ одѣваясь метался изъ угла въ уголъ; онъ долго искалъ галстука, который у него былъ въ рукахъ.

Ирина Никитишна говорила сыну въ этотъ вечеръ:

— Право, точно въ сказкѣ съ нашимъ Семеномъ Ивановичемъ творится. Мало того, что за генеральскимъ столомъ сидитъ, да еще въ ея экипажѣ катается.

— Ну и отлично! отвѣчалъ сынъ, не отрываясь отъ работы.

— А какъ онъ набалуется, а у генеральши капризъ пройдетъ, чтд тогда съ нимъ будетъ? Смотри-ка, какого онъ форсу набрался. Такимъ-ли онъ былъ всегда, ворчала Ирина Никитишна; ей было обидно, что столько лѣтъ она деспотически властвовала надъ Семеномъ Ивановичемъ, который работѣнно подчинялся ей, и вдругъ онъ ускользаетъ изъ-подъ ея власти.

Разъ Семенъ Ивановичъ вернулся отъ генеральши и съ гороромъ сказалъ:

— Завтра-съ утромъ приодѣньте-ка вашу внучку, я отвезу ее къ генеральшѣ.

— Варю! Это зачѣмъ?

— А какъ по вашему, Арина Никитишна, если за вашу внучку генеральша будетъ платить въ гимназію до окончанія курса-съ? Что скажете-съ?

И Семенъ Ивановичъ наслаждался ошеломленнымъ видомъ Ирины Никитишны, но потомъ самъ испугался, когда она зашаталась; онъ подхватилъ ее и усадилъ, бормоча:

— Арина Никитишна, Господь съ вами!

Ирина Никитишна уткнулась лицомъ о его руку и истерически зарыдала. У Семена Ивановича также выступили слезы на глазахъ и онъ потерянно успокаивалъ старушку:

— Плакать-то о чемъ же-съ? радоваться намъ надо-съ! благодарить слѣдуетъ-съ Бога, да и молиться за здравіе генеральши. Прядя въ себѣ, Ирина Никитишна перекрестилась, Семенъ

Ивановичъ бросился къ кадкѣ съ водой и въ ковшѣ подаль воды старушкѣ, говоря:

— Успокойтесь и исейте-съ.

Старушка глотнула воды и проговорила:

— Какъ-то все не вѣрится, голубчикъ, Семенъ Ивановичъ! Уже не подшутили-ли вы надо мной?

— Вона! могла-ли придти мнѣ въ голову такая шутка!

— Да какъ это случилось? спросила Ирина Никитишна, все еще не вѣри своему счастью.

Семенъ Ивановичъ рассказалъ, что сама генеральша его стала разспрашивать, въ какомъ онъ семействѣ живетъ, и Семенъ Ивановичъ рассказалъ положеніе старушки и ея внучки. Генеральша тогда объявила ему, что она будетъ платить въ гимназію за дѣвочку.

Семенъ Ивановичъ не утерпѣлъ и сказалъ:

— А что, Арина Никитишна, кабы я прогналъ подворотню-то?

Ирина Никитишна отвѣчала:

— Кто-же могъ думать, Семенъ Ивановичъ, чтобъ такая подв... собачка... И она сконфузилась и замолкла.

— Да-съ, Арина Никитишна, судьба-то чтд устраиваетъ съ человекомъ. Вотъ, я-съ прожилъ пятьдесятъ пять лѣтъ на свѣтѣ-съ, могу сказать въ законѣ, а теперь Васюточкинъ за генеральскимъ столомъ сидитъ, въ коляскѣ ѣздитъ, и какъ подумаешь—изъ-за подворотни.

Ирина Никитишна терпѣливо слушала длинное разсужденіе Семена Ивановича не такъ, какъ бывало прежде,—сейчасъ его оборветъ и прикрикнетъ на него. Нѣтъ, теперь Васюточкинъ получилъ авторитетъ въ глазахъ ея. Роли ихъ измѣнились, но бывали случаи, хотя рѣдко, Ирина Никитишна, всплывъ, по-прежнему набрасывалась на Семена Ивановича, и мгновенно весь его гороръ исчезалъ—онъ бѣжалъ въ свою комнату и сидѣлъ въ ней смиреннонько.

Водяная желѣзная дорога.

Въ послѣднее время на эспланадѣ инвалидовъ на Парижской выставкѣ были произведены въ присутствіи многочисленной публики весьма интересные опыты надъ водяною желѣзною дорогой, всю важность которой въ будущемъ пока еще трудно опредѣлить. Новое изобрѣтеніе имѣетъ цѣлью производить движенье желѣзнодорожныхъ поѣздовъ при посредствѣ воды съ невзротною до сихъ поръ скоростью. Пробный поѣздъ состоялъ изъ четырехъ вагоновъ, вмѣщавшихъ до ста пассажировъ. Вагоны эти не имѣли колесъ, но поддерживались по угламъ четырьмя желѣзными брусками, величиною въ кирпичъ; этими брусками вагонъ устанавливался на пути, состоявшемъ изъ двухъ желѣзныхъ полосъ. Между послѣдними были укрѣплены неправильной формы небольшие столбики, цѣль которыхъ трудно было опредѣлить при поверхностномъ осмотрѣ. Когда мызаяли мѣста и былъ данъ сигналъ отправленія, поѣздъ на протяженіи нѣсколькихъ метровъ скользилъ съ умѣренной скоростью, которая дальше начала быстро увеличиваться. Мы почувствовали два-три легкиа толчка, потомъ помчались со скоростью хорошаго желѣзнодорожнаго поѣзда, но такъ плавно, какъ лодка скользитъ по водѣ. Во время движенія слышался нѣкоторый стукъ по рельсамъ, происходившій, какъ намъ сказали, отъ недостатка полозьевъ—недостатка, который легко можно было исправить. Отсутствіе какого либо сотрясенія, дрожанія или качки, было поистинѣ изумительно. Замѣчались развѣ только слабыя толчки, почти правильно повторявшіеся черезъ извѣстный промежутокъ времени, которые объяснялись невозможностью на такомъ короткомъ пространствѣ развить должную скорость. Въ гидравлическомъ поѣздѣ полной скорости, т. е. отъ 140 до 200 верствъ въ часъ, движеніе было-бы совсѣмъ неощутимо. Переѣздъ-же черезъ всю длину эспланады занялъ лишь нѣсколько секундъ.

По благополучномъ окончаніи пробной поѣздки, г. Пильтертъ, президентъ общества, купившаго это замѣчательное изобрѣтеніе, далъ намъ болѣе подробное объясненіе. Вагоны на полозьяхъ изобрѣтены уже въ 1868 году инженеромъ Жираромъ, который былъ убитъ въ франко-прусскую войну, и въслѣдствіи усовершенствованы однимъ изъ помощниковъ Жирара, г. Барэ, которыми и доведены до настоящаго состоянія. Какъ упомянуто выше, гидравлическіе вагоны не имѣютъ колесъ, а помѣщаются на полыхъ полозьяхъ, которые скользятъ по гладкимъ и довольно широкимъ рельсамъ. Когда надо привести вагонъ въ движеніе, то въ полозья его изъ особаго резервуара вгоняютъ, посредствомъ сжатого воздуха, воду, которая, стекая, распространяется по нижней поверхности полозьевъ, причѣмъ они поднимаются приблизительно на $\frac{1}{2}$ миллиметра надъ рел. сами. Полозья въ сущности лежатъ уже не на рельсахъ, а на тонкомъ слое воды, обуславливающимъ легкость перемѣщенія. И дѣйствительно, весь вагонъ можно сдвинуть однимъ пальцемъ. Движущая сила дается упомянутыми столбиками, расположенными на равныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга по срединѣ пути. Подъ каждымъ вагономъ находится особый механизмъ, около 15 сантиметр. шириной, снабженный лопатками. Когда первый вагонъ проходитъ черезъ такой столбикъ, то на немъ открывается клапанъ и изъ него

выходитъ подъ высокимъ давленіемъ струя воды, дѣйствующая на лопатку вагона. Въ то время, когда послѣдній вагонъ подходит къ описанному клапану—первый уже дойдетъ до слѣдующаго клапана и такимъ образомъ дѣйствіе воды остается непрерывнымъ. Развивающаяся сила почти невзротно. При началѣ движенія слышится родъ плеска на рельсахъ, но онъ уменьшается при увеличивающейся скорости движенія. Чтобы остановить поѣздъ, достаточно прервать слабый притокъ воды въ полозья; послѣдніе приходятъ въ соприкосновеніе съ рельсами и являющееся треніе почти моментально останавливаетъ поѣздъ. Водяной желѣзнодорожный поѣздъ, летящій со скоростью 160 верствъ въ часъ, можетъ быть остановленъ, какъ утверждаютъ, на 27 метрахъ, точно такъ же, какъ легко взбирается на подъемы въ $\frac{1}{10}$, спускается съ нихъ и преодолеваетъ кривыя въ 40 метровъ діаметромъ. Система эта весьма пригодна для горныхъ дорогъ, а также для движенія въ городахъ, такъ какъ движеніе происходитъ безъ шума, дыма и вполнѣ можетъ быть управляемо. Опасность схода съ рельсовъ доведена здѣсь до minimum'a, ибо центр тяжести вагона лежитъ весьма близко къ рельсамъ. Расходы на постройку городской дороги достигаютъ $\frac{1}{3}$ расходовъ существующихъ системъ; на открытомъ же мѣстѣ они нѣсколько превосходили бы существующіе. Барэ исчисляетъ ихъ для Франціи нѣсколько болѣе 100,000 марокъ на километръ или версту.

При отсутствіи естественныхъ водяныхъ средствъ пришлось бы приблизительно на каждыя 18 верствъ ставить гидравлическіе насосы, которыхъ было бы достаточно, чтобы опезничить поѣзду полную скорость. Расходъ угля на каждого пассажира дошелъ бы до $\frac{1}{10}$ пастоящаго расхода. Значеніе этого видно изъ расхода угля на Парижско-Лионской линіи, гдѣ сжигаютъ на 40 миллионъ марокъ угля. Во всякомъ случаѣ было бы преждевременно предсказывать повсемѣстное введеніе гидравлической системы желѣзныхъ дорогъ.

Одно изъ возраженій, которое мнѣ приходитъ на умъ, заключается въ кажущейся непримѣнимости описанной системы для товарнаго движенія. Персилъ, директоръ технической части желѣзнодорожнаго водянаго общества, думаетъ, однако, что она повсемѣстно должна вытѣснить существующій паровозъ. Такъ, напримеръ, относительно Англіи онъ находитъ, что достаточно нынѣшняго долгаго переѣзда черезъ каналъ, чтобы устранить всѣ сомнѣнія относительно необходимости устройства подводнаго туннеля.

„Я готовъ идти на какое угодно пари“, объявилъ онъ съ энтузіазмомъ, „что по постройкѣ туннеля и испытаніи нашей системы, переѣздъ изъ Лондона въ Парижъ потребуетъ не болѣе 2-хъ часовъ времени“.

Будущее покажетъ, чтд въ этихъ взглядахъ преувеличено; опытъ во всякомъ случаѣ остается интереснымъ, а устраненіе тренія при помощи воды, окажется, быть-можетъ, еще болѣе важнымъ въ другихъ случаяхъ, чѣмъ для поѣзда-молнии гидравлическихъ желѣзныхъ дорогъ, сравнительно съ которымъ движеніе обыкновеннаго курьерскаго поѣзда напоминало бы лязгущую черепаху.

С.

Ишь, пошли сѣрые! Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Суходольскаго, грав. Апгереръ.

Къ рисункамъ.

Клипперъ „Вѣстникъ“ и его послѣднее кругосвѣт- ное плаваніе. (Рис. на стр. 1301).

Клипперъ „Вѣстникъ“ принадлежитъ къ серіи легкихъ океанскихъ крейсеровъ второго класса, на созданіе которыхъ Россія затратила въ послѣднее десятилѣтіе столько энергичныхъ усилій, съ цѣлью увеличить свои ресурсы въ случаѣ войны съ какою-нибудь морскою и при томъ коммерческою державою. Судно это исключительно русской постройки. Корпусъ его построенъ въ 1880 году изъ желѣза, стали и дерева (такъ-называемой смѣшанной системы) въ Петербургѣ, на Невскомъ заводѣ, и обошелся Морскому министерству почти въ шестьсотъ тысячъ рублей. Механизмъ клиппера изготовленъ на Ижорскомъ заводѣ за четыреста тысячъ рублей. Такимъ образомъ общая стоимость этого прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ клиппера немалымъ превысила миллионъ рублей, считая также расходъ по вооруженію и снабженію всѣми необходимыми запасами. Боевое вооруженіе „Вѣстника“ состоитъ изъ трехъ орудій шестидюймоваго калибра и нѣсколькихъ мелкихъ пушекъ, преимущественно скорострѣльныхъ, на случай отраженія атаки миноносковъ. Кроме того, на клипперѣ имѣются необходимыя миныя приспособленія, дѣлающія его достаточно грознымъ и сильнымъ противникомъ.

Съ первыхъ же годовъ своего существованія, „Вѣстникъ“ былъ назначаемъ исключительно въ дальнія плаванія. Въ послѣднее кругосвѣтное путешествіе клипперъ отправился 11 августа 1885 г., подъ командой капитана 2 ранга Ланга. Черезъ четыре дни онъ былъ уже въ Килѣ, откуда прослѣдовалъ въ Гавръ, гдѣ простоялъ болѣе двухъ недѣль. Переходъ изъ Кронштадта до гостеприимнаго французскаго порта былъ сдѣланъ исключительно подъ парами, благодаря постояннымъ противнымъ вѣтрамъ, достигавшимъ иногда значительной свѣжести. 15 сентября клипперъ пошелъ черезъ Атлантическій океанъ въ Рио-Жанейро, побывавъ по пути на островахъ Мадейра и Зеленаго мыса. Прибывъ въ бразильскую столицу 7 ноября, „Вѣстникъ“ только черезъ мѣсяцъ продолжалъ свое кругосвѣтное плаваніе, вокругъ мыса Доброй Надежды, въ Австралію, Тасманію, Новую Каледонію и Новую Гвинею, причемъ посетилъ многие порты, въ которыхъ ни разу не были до него не только русскія военныя суда, но даже и суда другихъ, болѣе предпринимчивыхъ, націй. Такъ напримѣръ, ему удалось побывать въ портѣ Албани (3 марта 1886 года), въ Кингъ-Джоржъ-Зундѣ, Гобсонъ-Бай, Мельбурнѣ, въ Лаунстонѣ, расположенномъ на сѣверномъ берегу Тасманіи, и въ Велингтонѣ. На нашемъ рисункѣ клипперъ представленъ стоящимъ на якорѣ въ рѣкѣ Тамарѣ, на берегахъ которой расположенъ Лаунстонъ, второй по величинѣ городъ Тасманіи, имѣющій въ настоящее время около двадцати тысячъ населенія. Городъ, совершенно европейской вышности, лежитъ въ тридцати пяти миляхъ отъ устья рѣки, текущей по меридіану, съ юга на сѣверъ, среди живописныхъ береговъ, то холмистыхъ, то плоскихъ, ласкающихъ взоры дивнымъ разнообразіемъ роскошной растительности. Лаунстонъ соединенъ желѣзною дорогою со столицею Тасманіи Гобарттауномъ, расположеннымъ въ южной части величественнаго острова, и телеграфомъ—съ Мельбурномъ. Рѣка Тамаръ отличается ровнымъ, спокойнымъ теченіемъ и доступна для судовъ довольно значительныхъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, суда съ осадкою до восемнадцати футовъ могутъ свободно подниматься по рѣкѣ на тридцать пять миль и становиться на якорь въ полмиль отъ Лаунстона, а суда съ осадкою только до четырнадцати футовъ могутъ идти гораздо дальше. При устьѣ Тамаръ расположенъ портъ Далримплъ, не имѣющій впрочемъ особеннаго коммерческаго значенія, такъ какъ большинство судовъ предпочитаютъ подниматься по рѣкѣ до Лаунстона. Въ этой-то рѣкѣ, куда впервые зашло европейское военное судно, и снятъ фотографомъ экипажа прилагаемый видъ.

Во всѣхъ австралійскихъ портахъ клипперъ „Вѣстникъ“ удостоивался самой радушной встрѣчи, какъ съ стороны властей, такъ и жителей. 15 мая 1886 года „Вѣстникъ“ вышелъ въ проливъ Кука и 30 мая всталъ на якорь на рейдѣ города Нумэа. Затѣмъ, онъ посетилъ Новую Гвинею, Нагасаки и наконецъ нашъ аванпостъ на Великомъ океанѣ—Владивостокъ, куда пришелъ 19 іюня, совершивъ переходъ изъ Кронштадта въ 10 мѣсяцевъ 28 дней. Дальнѣйшая служба клиппера продолжалась исключительно въ водахъ Тихаго океана, при чемъ онъ посетилъ корейскій портъ Чемульпо и многие китайскіе порты. Обратное плаваніе „Вѣстника“ началось съ 30 января 1888 года. Пройдя Суэскимъ каналомъ въ Средиземное море, онъ зашелъ въ Барселону, гдѣ былъ представителемъ, вмѣстѣ съ крейсеромъ „Забinka“, русскаго флота при открытіи всемірной выставки и удостоился посѣщенія ея величества королевы Испаніи. Возвратился клипперъ въ Кронштадтъ 29 іюня 1888 года, пробывъ такимъ образомъ въ кругосвѣтномъ плаваніи 2 года 10 мѣсяцевъ 18 дней. На немъ плавало: 2 штабъ-офицера, 19 оберъ-офицеровъ и 174 нижнихъ чина.

А. Максимовъ.

Концертъ у кардинала Ришелье.

(Рис. на стр. 1304 и 1305).

Когда Ришелье, послѣ восемнадцатилѣтняго управленія Франціей въ должности перваго министра при слабомъ и неспособномъ Людовикѣ XIII, лежалъ на смертномъ ложѣ и духовникъ увѣщевалъ его простить врагамъ, — великій государственный мужъ отвѣчалъ: „У меня никогда не было иныхъ враговъ, кроме враговъ государства и короля!“ И дѣйствительно, у Ришелье съ самаго начала политической дѣятельности его, собственная личность была такъ тѣсно связана съ королевствомъ, что онъ, преслѣдуя свои личные интересы, никогда не упустилъ изъ виду главную цѣль своей политики—возвышеніе монархіи во Франціи надъ волею всѣхъ и каждого и распространеніе авторитета родины надъ всею Европою. Образъ жизни Ришелье вель блещущій; замки и дворцы, прислуга, обѣды, великолѣпная обстановка—все указывало на могущественнаго и богатаго человѣка, въ рукахъ котораго находилась судьба страны. Причину такого образа жизни нельзя искать въ честолюбіи и тщеславіи кардинала; Ришелье хотѣлъ показать этимъ прежде всего могущество Франціи и стоять наравнѣ, какъ бы дополняя, съ королевскимъ дворомъ въ Луврѣ, который ему казался не достаточно королевски-великолѣпнымъ. Въ Парижѣ кардиналъ воздвигъ малый Люксембургскій дворецъ, потомъ при посредствѣ Лемерсье—кардинальскій дворецъ, названный позже Королевскимъ дворцомъ (Palais Royal), но болѣе всего любилъ онъ проживать въ близъ-лежащей деревнѣ Рюэль, гдѣ построилъ обширный дворецъ съ паркомъ, садомъ и разными затѣями. Тамъ жилъ онъ окруженный остроумными и учеными людьми, проявляя свою любовь къ искусствамъ, въ особенности къ драматической поэзіи, и наслаждался своею капеллою, состоявшею изъ превосходныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ. Прекрасная картина И. Лейстена, гравюру съ которой читатели найдутъ на стр. 1304 и 1305, изображаетъ одинъ изъ такихъ концертовъ у Ришелье. Подъ звуки органа, управляемаго пожилымъ органистомъ въ монастырской рябѣ, поетъ мужской хоръ, аккомпанирующій прелестной солисткѣ. Окружающими кардинала являются, кроме стоящаго за органистомъ, страшнаго для многихъ отца Иосефа, прозваннаго „сѣрой эмвентидѣй“, — высокопоставленныя свѣтскія и духовныя лица, и нѣсколько дамъ. Самъ кардиналъ, повидимому слабый и разбитый, покоится въ креслѣ, но его противники хорошо знали, что онъ, когда требовали интересы государства, внезапно какъ бы отряхалъ съ себя все недуги и немощи, бодрствуя на стражѣ своего государства. Художникъ чрезвычайно искусно сумѣлъ передать кистью высокое духовное и государственное значеніе Ришелье, такъ что изображеніе его служитъ центромъ богатой фигурами картины, и глазъ зрителя невольно къ ней обращается.

Румынка. (Рис. на стр. 1309).

Румыны, по происхожденію загадочный народъ, какъ говорить Нибуръ, составляютъ главнымъ образомъ населеніе бывшихъ дунайскихъ княжествъ Молдавіи и Валахія, а затѣмъ встрѣчаются въ значительномъ числѣ въ Венгріи, Буковинѣ, Россіи, Сербіи и Болгаріи. Невысокаго роста, стройные, румыны обыкновенно отличаются красотой, особенно дѣвушки и женщины. Форма головы и черты лица напоминаютъ античныя статуи, а темные глаза, отбѣненные длинными рѣсницами, придаютъ лицамъ идеальное выраженіе. Обыкновенную одежду крестьянской дѣвушки составляетъ длинная блѣлая рубаха, пестро вышитая и опоясанная такимъ же передникомъ. Цвѣты на головѣ и монеты на шеѣ — любимое украшеніе и безъ того красивыхъ румынокъ, какъ это можно видѣть на помѣщенномъ нами рисункѣ.

Дѣдушкинъ портретъ. (Рис. на стр. 1312).

Рядомъ съ музыкаю древнѣйшимъ искусствомъ надо признать живопись. И дѣтныя дѣти, только что выучатся ходить и лепетать, сейчасъ стараются подражать слышаннымъ ими пѣснями или не могутъ устоять отъ соблазна разрисовывать все, что подвернется подъ руку. Горѣ стѣнамъ и заборамъ, которые попадаются на пути такого начинающаго живописца — мигломъ покрываются они его произведеніями, напоминающими рисунки индѣйцевъ или другихъ дикарей.

Профессоръ Л. Скаффанъ, въ своей картинѣ, чрезвычайно мило и правдиво изобразилъ такого будущаго Рафаэля, за работою портрета съ дѣдушки.

Добрые друзья. (Рис. на стр. 1313).

Въ лѣтописяхъ естественныхъ наукъ, привязанность крупныхъ хищниковъ къ мелкимъ и слабымъ животнымъ составляетъ явленіе далеко не рѣдкое. Особенно часто встрѣчаются свидѣтельства о нѣжной дружбѣ льва съ крошечными собачками, тѣмъ или другимъ путемъ попадавшими въ клѣтку царя звѣрей. Въ старину, когда нравы были грубѣе и хищныхъ звѣрей перѣдко кормили живыми собаками, такіе случаи и

повторились чаще. Левъ перѣдко щадилъ перенуганную на смерть собачонку, а затѣмъ привизывался къ ней и дѣлился съ нею скудною для него дневною пищей.

Ишь, пошли сѣрые! (Рис. на стр. 1317).

Конецъ декабря самое страшное время для встрѣчи съ волками въ лѣсу. Въ эту пору они ходятъ большими стадами за волчицами и становятся особенно свирѣпы. Часто гонятся они всею стаей за пробѣгающими, и если одинъ изъ нихъ нападетъ подъ выстрѣлами, прочіе немедленно разрываютъ его въ клочки; если же убита будетъ волчица, освириѣлая стала перѣдко преслѣдуетъ пробѣжкихъ до самой деревни. Понятно поэтому серьезное раздумье крестьянина, выхавшаго въ лѣсъ нарубить дрова и вдругъ увидѣвшаго вдали походъ подобной стаи...

Памятникъ императору Александру I въ СПб. Александровскомъ лицѣѣ. (Рис. на стр. 1320).

Мысль о сооруженіи памятника основателю лицей возникла въ средѣ его питомцевъ во время празднованія 75-ой годовщины основанія лицей 19 октября 1886 года; въ ихъ-же средѣ была собрана и сумма потребная на сооруженіе памятника. Сооруженіемъ его завѣдывалъ особый комитетъ, въ предсѣдательствѣ члена Государственнаго Совѣта Соломона, поручившій академику П. П. Забѣлло составить проектъ памятника. Нарисованный академикомъ Н. А. Любимовымъ, проектъ удостоенъ Высочайшаго одобренія 15 декабря 1888 г. Стоимость памятника простирается до 10,000 руб. Бронзовый бюстъ основателя лицей, императора Александра I, въ генеральскомъ мундирѣ, въ 1½ аршина высоты, поставленъ на пьедесталѣ изъ сердобольскаго гранита, утвержденномъ на двухъ ступеняхъ изъ интерлакского краснаго гранита, всего 4½ аршина. На лицевой сторонѣ пьедестала помѣщено полустипише Пушкина „Онъ создалъ намъ лицей“ (Александровскій лицей, какъ извѣстно, переведенъ въ нынѣшнее свое помѣщеніе на Каменноостровскомъ проспектѣ въ 1849 году изъ Царскаго Села, гдѣ въ числѣ питомцевъ его былъ и Пушкинъ), а на нижней части изображеніе герба лицей съ девизомъ: „Для общей пользы“. На противоположной сторонѣ пьедестала надпись: „19 октября 1811 года“ (день открытія лицей). На боковыхъ частяхъ пьедестала и на подножій бюста гирлянды изъ бронзы. Бронзовый бюстъ императора Александра I отлитъ по модели г. Забѣлло, на заводѣ Морана, которымъ изготовлены и бронзовые украшенія памятника; гранитный-же пьедесталъ исполненъ въ мастерской скульптора Ботте. Памятникъ поставленъ предъ зданіемъ лицей и торжественно открытъ 19 октября 1889 года въ присутствіи всего лицейскаго начальства, бывшихъ и нынѣшнихъ воспитанниковъ лицей. Изъ бывшихъ лицейцевъ присутствовали старшій-секретарь Н. К. Гирсъ и К. К. Гротъ, вице-президентъ Академіи Наукъ Я. К. Гротъ, генералъ-лейтенантъ П. А. Грессеръ и многіе другіе. Весною будущаго года памятникъ будетъ окруженъ гранитными тумбами, съ подвѣсными цѣпями. Остатокъ собранныхъ суммъ на памятникъ, въ размѣрѣ 406 руб., предназначенъ на расплачиваніе мѣстности и другіе сопряженные съ открытіемъ памятника расходы.

Ө. Ө. Треповъ. (Портр. на стр. 1320).

Въ скорбные дни процвѣтанія у насъ растлѣвающихъ нигилистическихъ бредней, довольно глубоко пустившихъ корни въ вѣкторіи части общества и литературы и приведшихъ къ покушенію 4 апрѣля 1866 года, явилась крайняя необходимость поставить во главѣ столичной полиціи такого человѣка, который своею энергіею могъ-бы сразу поставить полицейское управленіе на должную высоту и вполнѣ возстановить въ глазахъ распушенной и привыкшей ко всякимъ поблажкамъ умственной черни авторитетъ административной власти. Общій голосъ указалъ на такого дѣйствительно энергичнаго, настойчиваго, съ непреклонною волею человѣка. Онъ имѣлъ всѣ данныя къ тому, чтобы занять столь важный въ столицѣ постъ: воспитанный въ строгой военной дисциплинѣ, привыкшій съ молодыхъ лѣтъ стоять за порядокъ, онъ уже проявилъ свои недюжинныя административныя способности въ борьбѣ съ тайнымъ польскимъ революціоннымъ движеніемъ, онъ показалъ свою примѣрную храбрость въ битвахъ. Это человѣкъ былъ недавно скончавшійся Ө. Ө. Треповъ, чье имя въ исторіи Петербурга должно занять одно изъ самыхъ видныхъ и почтенныхъ мѣстъ. Треповъ, занявъ постъ оберъ-полицеймейстера, явился во всеоружіи власти, водворилъ порядокъ и выказалъ во всемъ блескѣ свои административныя способности, являя собою, можно сказать, идеалъ градоначальника, просвѣщеннаго, неутомимаго, общедоступнаго, вникавшаго въ малѣйшія нужды столицы и ея обывателей. Съ самаго начала онъ занялся кореннымъ преобразованіемъ полиціи, настоялъ на увеличеніи окладовъ, привлечь къ служебной въ полиціи людей болѣе образованныхъ, вдохнулъ въ это учрежденіе совершенно иной духъ, благодаря чему многіе полицейскіе порядки и даже самый типъ стараго полицейскаго рѣшителя отошли въ область преданій. Затѣмъ онъ принялся за устройство города: учредилъ рѣчную полицію, раздѣлилъ столицу вмѣсто частей на участки, выхлопоталъ выдѣленіе Петербурга изъ губерніи въ особое градоначальство, привелъ

паружность города въ самый цвѣтущій видъ. Мостовыя были исправлены, освѣщеніе улучшено, санитарная часть, насколько это отъ него зависѣло, упорядочена и проч. Онъ устроилъ сады и скверы, рынки, обновилъ, почистилъ во всѣхъ отношеніяхъ столицу настолько, что она приняла, наконецъ, видъ настоящаго европейскаго города. Основаніемъ ночлежныхъ домовъ, швейныхъ мастерскихъ для бѣдныхъ женщинъ, улучшеніемъ родильныхъ пріютовъ, устройствомъ чтеній для народа въ такъ-называемомъ Соляномъ городкѣ, получившемъ названіе въ массѣ „Треповскаго университета“, Ө. Ө. Треповъ довершилъ свои непрестанныя заботы о городѣ, который ему всѣмъ обязанъ и население котораго хранитъ донынѣ самую добрую память о такомъ рѣдкостномъ градоначальникѣ. Онъ съ благодарностью принималъ всякое и устное, и печатное указаніе, дѣльное замѣчаніе; отъ зоркаго, всюду проникавшаго взгляда не укрывалось ничего, такъ что въ народѣ слагались даже цѣлыя легенды о бдительности, необычайной подвижности, настойчивости и въ некоторомъ всемогуществѣ Трепова. Всѣ обращались къ нему съ твердой увѣренностью получить защиту, совѣтъ, указаніе; всѣмъ было извѣстно, сколько добрыхъ дѣлъ творилъ этотъ человѣкъ, имѣвшій хорошее сердце, но неутомимый, строгій, при исполненіи своихъ обязанностей, не щадившій виновныхъ и все то, что приносило явный вредъ столицѣ и ея населенію. Люди порядки относились къ Трепову съ полнымъ уваженіемъ; простолудины доводили это уваженіе до какого-то благоговѣнія. Далеко не такъ смотрѣла на Трепова заблудшая въ лжеученіяхъ, привыкшая къ распущенности, проповѣдывавшая полную анархію, дѣйствительная часть общества, считавшая въ своемъ составѣ многихъ вліятельныхъ людей. Эта часть общества, втайнѣ боявшаяся Трепова, ненавидѣла его отъ всей души, гдѣ только можно вредила ему во всѣхъ его благихъ начинаніяхъ и искала лишь случая избавиться отъ него, какъ отъ чужака неустранимаго и твердаго въ преслѣдованіи враговъ законности и существующаго порядка. Исторія покажетъ, что, потерявшая стыдъ и совѣсть, особа темной репутаціи, пресловутая Засуличъ была только сѣрымъ орудіемъ въ рукахъ этихъ безпринципныхъ враговъ Трепова. Возмутительно было покушеніе на жизнь Трепова, тогда уже стараго, покрытаго сѣдинами человѣка, свято исполнявшаго свой долгъ, но еще возмутительнѣе было сочувствіе помилутой части общества отвратительному „убійству изъ-за угла“ и дикая радость по поводу удаленія Трепова съ арены его полезнѣйшей дѣятельности. То была настоящая вакханалія нигилистовъ и головорѣзовъ, имѣвшая огромное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, которая займетъ въ исторіи русскаго общества одну изъ самыхъ мрачныхъ, гнусныхъ страницъ. Покушеніе на жизнь Трепова и связанный съ нимъ процессъ Засуличъ навсегда останутся пятномъ позорнымъ и неизгладимымъ. Треповъ, волей-неволей, принужденъ былъ сойти со сцены, но прекрасная память о немъ сохранилась въ лучшей части нашего общества навсегда. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что когда въ мартѣ 1881 г. былъ учрежденъ при с.-петербургскомъ градоначальникѣ выборный совѣтъ, то подавляющее большинство голосовъ со стороны столичнаго населенія получилъ Треповъ, пользовавшійся громадною популярностью въ столицѣ.

Өедоръ Өедоровичъ Треповъ, по происхожденію своему—найдешинъ. Онъ пріемный сынъ г. Штернера, чиновника служившаго въ Царствѣ Польскомъ, и адѣсь же и родился въ 1803 году. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ домѣ Штернера, затѣмъ воспитывался въ инженерномъ училищѣ, но по болѣзни не кончилъ курса и поступилъ въ 1828 году на службу въ Департаментъ государственныхъ имуществъ. Два года спустя, наканунѣ польскаго мятежа 1831 года, онъ перешелъ въ военную службу, участвовалъ въ битвахъ съ польскими мятежниками, особенно отличился въ сраженіяхъ при Граховѣ и Нурѣ, и въ послѣднемъ за спасеніе жизни своего полковаго командира получилъ Георгіевскій крестъ. Въ 1854 году, уже въ чинѣ полковника, онъ командовалъ жандармскимъ полкомъ въ Кіевѣ, а въ 1860 г. былъ пазначенъ варшавскимъ оберъ-полицеймейстеромъ. Въ этой должности онъ выказалъ бездну энергіи и былъ тяжело раненъ камнемъ въ голову во время одной изъ мятежническихъ манифестацій. Произведенный затѣмъ въ генералъ-майора, онъ состоялъ начальникомъ III округа корпуса жандармовъ, при чемъ однажды подвергся нападенію польскихъ книжальщиковъ и получилъ рану топоромъ въ голову. Въ 1863 г. его назначили генералъ-полицеймейстеромъ, а затѣмъ членомъ Совѣта управленія и учредительнаго по крестьянскимъ дѣламъ комитета въ Царствѣ Польскомъ. Здѣсь онъ явилъ себя замѣчательнымъ организаторомъ и администраторомъ и оказалъ громадныя услуги въ дѣлѣ успокоенія и замиренія края. Въ 1866 году онъ былъ сдѣланъ оберъ-полицеймейстеромъ города Петербурга и получилъ тогда же чинъ генералъ-лейтенанта, а черезъ годъ назначенъ генералъ-адъютантомъ. Вѣрой и правдой послужилъ онъ столицѣ цѣлымъ 12 лѣтъ и вышелъ въ отставку въ 1878 году. Излѣчившись отъ ранъ, онъ переехалъ въ Кіевъ, занялся здѣсь дѣлами благотворительности, состоя членомъ многихъ учреждений и обществъ, и въ этомъ же городѣ скон-

чался, 23 полбря, въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи.

П. Быковъ.

Домъ въ усадьбѣ покойнаго А. Н. Островскаго и могила его.

(Рис. на стр. 1321).

Фотографическіе снимки съ дома въ усадьбѣ покойнаго А. Н. Островскаго и съ его скромной могилы были намъ любезно доставлены А. М. Кондратьевымъ, который, по своему положенію при Московскомъ Маломъ театрѣ, былъ постоянно близокъ къ нашему драматургу, и при жизни его принималъ живѣйшее участіе въ постановкѣ его произведеній на нашей классической московской сценѣ.

Въ письмѣ, при которомъ были къ намъ препровождены снимки, А. М. Кондратьевъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что „домъ въ усадьбѣ А. Н. Островскаго — деревянный, а потому время и тѣмъ болѣе пожаръ“, столь обычный гость нашей русской деревни, легко могутъ истребить слѣды этого укромнаго уголка, въ которомъ покойный драматургъ любилъ отдыхать лѣтомъ и „такъ много написалъ художественныхъ произведеній“.

Кстати замѣтимъ, что село Щельково (Кивешемскаго уѣзда, Костромской губ.), которое собственно и составляло усадьбу Александра Николаевича Островскаго, не было его родовымъ имѣніемъ, а досталось ему по наслѣдству (если не ошибаемся) отъ его маички. Затѣмъ, оно состояло въ совмѣстномъ владѣніи Александра Николаевича съ однимъ изъ его братьевъ. Покойный драматургъ очень любилъ удалиться въ эту мирную глушь на лѣтніе мѣсяцы, и здѣсь, весьма гостеприимно открывая домъ своимъ близкимъ московскимъ пріятелямъ, любилъ съ ними тѣшиться рыбною ловлею на Волгѣ. Будучи страстнымъ рыбакомъ, онъ любилъ рыболовство во всѣхъ видахъ, отъ простаго, одинокаго ужения и до ловли въ большихъ размѣрахъ, неводомъ и другими важными снастями и рыболовными снарядами. Всѣ мѣстные занисные и заявляемые рыболовы-любители были Александру Николаевичу знакомы и охотно принимали участіе въ его ловахъ. Радущіе и чрезвычайная простота семейной обстановки Александра Николаевича

Памятникъ Императору Александру I въ Имп. Лицѣ въ СПб. Съ фотогр. генерала Насытѣвича, грав. Шюблеръ.

В. В. Треповъ. († 23 ноября 1889). Рис. для „Нивы“ Бокуръ, грав. Шапонъ.

неволью привлекали къ нему его пріятелей на лѣтній отдыхъ, и въ Щельковѣ бывало иногда очень весело. Всѣ выдавшіе покойнаго Островскаго въ его лѣтней резиденціи находили его неузнаваемымъ и единогласно признавали его поздравившимъ подъ конецъ лѣта, проведеннаго въ усадьбѣ. Къ сожалѣнію, однако-же, та сложная и трудная дѣятельность по театру, которой онъ посвятилъ послѣдніе годы своей жизни, побудила его сокращать свои лѣтнія пребыванія въ Щельковѣ, и это, по общему отзыву, очень дурно отозвалось на здоровьѣ покойнаго драматурга.

Особенная привязанность Александра Николаевича къ Щелькову сказалась и въ томъ, что онъ завѣщалъ себя похоронить въ мѣстномъ приходѣ. Ему, вѣроятно, такъ же какъ и Пушкину, были противны густо заселенныя покойниками могилы нашихъ столичныхъ кладбищъ... Надъ могилой Александра Николаевича возвышается очень скромный памятникъ (какъ можно видѣть изъ нашего рисунка), на которомъ, по какой-то странной случайности, оказывается чрезвычайно грубая ошибка въ обозначеніи дня рожденія: А. Н. Островскій, по указанію А. М. Кондратьева, родился „не 31 мая, какъ вырѣзано на памятникѣ, а 31 марта“.

А. А. Ильинъ.

(Портр. на стр. 1324).

Недавно скончался одинъ изъ полезнѣйшихъ русскихъ дѣятелей, генералъ-лейтенантъ Алексѣй Аенигеновичъ Ильинъ, основатель и владѣлецъ единственнаго въ своемъ родѣ картографическаго заведенія въ Петербургѣ. Милліоны экземпляровъ всякихъ картъ и атласовъ выпустило это заведеніе, снабжая своими прекрасными изданиями и учебными спецѣлистами, и скромныя народныя училища. И нѣтъ такого уголка во всей образованной Россіи, гдѣ бы имя Ильина не было болѣе или менѣе извѣстно по тѣмъ или другимъ картографическимъ работамъ. Свое дѣло Ильинъ началъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, и благодаря рѣдкой энергіи, необыкновенно усидчивымъ трудамъ, терпѣнію и настойчивымъ усиліямъ, довелъ его до самаго широкаго развитія, до самаго блестящаго состоянія. Предпріятію своему онъ посвятилъ лучшіе, цвѣтущіе годы своей

жизни, вложилъ въ него всю душу и занимался этимъ дѣломъ даже въ юномъ вѣкѣ, будучи уже владѣльцемъ крупнаго состоянія; съ прежнею любовью просиживалъ онъ по цѣлымъ днямъ за корректурами своихъ изданій, умѣя внушить эту любовь къ дѣлу и своимъ близкимъ. Теперь картографическое заведеніе А. А. Ильина пользуется широкою извѣстностью не только въ Россіи, но и далеко за предѣлами ея; изданія его фирмы исполнѣны оцѣнены за-границей, на многихъ выставкахъ, и заведеніе это смѣло можно поставить на ряду съ извѣстною картографическою фирмою Юстуса Пертеса въ Готѣ. Картографическое заведеніе Ильина получило исполнѣ самостоятельное существованіе двадцать пять лѣтъ тому назадъ, въ 1864 году, а ранѣе оно было очень скромной литографіей, которая была основана въ 1859 году В. А. Полторацкимъ, полковникомъ Генеральнаго Штаба. Штабъ военно-учебныхъ заведеній поручилъ ему въ 1858 году изданіе военно-историческаго атласа войнъ 1812—1815 годовъ, и Полторацкій, вступивъ въ компанію съ А. А. Ильинымъ, открылъ литографію съ цѣлью улучшить и удешевить порученную ему работу. Затѣмъ онъ по служебнымъ дѣламъ долженъ былъ оставить Петербургъ, и литографія перешла въ собственность А. А. Ильина и съ 1864 г. стала называться „Картографическимъ заведеніемъ“. Съ начала семидесятихъ годовъ положеніе его совершенно упрочилось, заведеніе значительно расширило свою дѣятельность и съ тѣхъ поръ выпустило массу географическихъ атласовъ и картъ, научныхъ, статистическихъ, специальныхъ для разныхъ министерствъ, департаментовъ горнаго, почтоваго и телеграфнаго, для учебныхъ обществъ, а также цѣлый рядъ художественныхъ изданій для публички и для Академіи Художествъ и другихъ подобныхъ учреждений. Картографическому заведенію принадлежало также изданіе такихъ капитальныхъ трудовъ, какъ многотомное сочиненіе Элизе Реклю „Земля и люди. Всеобщая географія“, „Географія“ Клодена и друг., и цѣлая серія естественно-историческихъ книгъ и разныхъ учебныхъ руководствъ: „Краткій повторительный курсъ статистики“, „Краткій курсъ тригонометріи“, „Курсъ фортификаціи“, „Курсъ артиллеріи“, „Лекціи динамики“, „Курсъ тактики“, „Краткая справочная энцикло-

Могила А. Н. Островскаго близъ села Щельнова (Костромской губ.).
Съ фотогр. грав. Рашевскій.

порученій и, наконецъ, состоялъ при началникѣ Главнаго Штаба чиновникомъ особыхъ порученій. Въ генераль-майора онъ былъ произведенъ въ 1878 году, а чинъ генераль-лейтенанта получилъ 30 августа 1888 года. Всѣ близко знавшіе Ильина

недія (военныя науки, всеобщая исторія)“ и мног. друг. Кроме того, Ильинъ издавалъ двѣнадцать лѣтъ (1867—1878) журналъ популярнаго земледѣнія *Всемирный Путешественникъ* и потомъ такой же журналъ *Природа и Люди*. Оба изданія не привели ему никакого барыша, стояли большихъ затратъ, и Ильинъ принужденъ былъ прекратить по недостатку подписчиковъ и тотъ и другой журналъ. Алексѣй Аенигеновичъ умеръ далеко еще не старымъ человѣкомъ. Онъ родился въ 1835 г. въ Ново-Ладожскомъ уѣздѣ, въ родовомъ имѣніи отца. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ Кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ офицеры въ 1852 году. Въ 1856 году онъ поступилъ для пополненія своего специального образованія въ Академію Генеральнаго Штаба и по окончаніи въ ней курса состоялъ при Военно-топографическомъ Денѣ, потомъ въ распоряженіи военнаго министра и генераль-квартирмейстера Главнаго Штаба, а позже занималъ мѣсто старшаго начальника распорядительнаго отдѣленія, былъ при главномъ управленіи Генеральнаго Штаба для особыхъ

сохранять о немъ память какъ о прекрасномъ человѣкѣ, отличавшемся простотою, прямодушіемъ, необыкновенною добротою и деликатностью. Онъ замѣчательно хорошо относился къ своимъ рабочимъ и всегда заботился объ ихъ участи.

П. Б.—овъ.

Рояль поднесенный А. Г. Рубинштейну въ первый день юбилея К. М. Шредеромъ.

(Рис. на стр. 1324).

Въ числѣ юбилейныхъ подарковъ величайшему изъ пианистовъ, выдавались два концертныхъ рояля, поднесенныхъ ему нашими извѣстными фирмами Шредеръ и Беккеръ. Оба инструмента—одинъ изъ свѣтлаго рѣзнаго дуба, другой изъ темнаго полированного дере-

Усадьба А. Н. Островскаго близъ села Щельнова (Костромской губ.).
Съ фотогр. Кондратьева, грав. Рашевскій.

ва—наши себѣ почетное мѣсто въ кабинетѣ А. Г. Рубинштейна, который далъ имъ шуточные прозвища: „та blonde“ и „та brune“. Мы получили портретъ „блондинки“ К. М. Шредера и прилагаемъ его на стр. 1324. Это великолѣп-

ва—наши себѣ почетное мѣсто въ кабинетѣ А. Г. Рубинштейна, который далъ имъ шуточные прозвища: „та blonde“ и „та brune“. Мы получили портретъ „блондинки“ К. М. Шредера и прилагаемъ его на стр. 1324. Это великолѣп-

ный концертный флигель въ 7¼ октавъ высшей системы. Внутренность инструмента выдѣлана съ необыкновенною прочностью и изяществомъ, всѣ мелкія части, пуговицы, винты, колки и проч. изъ никкеля. Рѣзба внѣшней обложки изъ русскаго дуба произведена по рисункамъ архитектора Шауба. На паннѣ серебряная монограмма юбиляра. Внутреннія качества инструмента вызвали самый лестный отзывъ вѣнскаго придворнаго фабриканта фортепіанъ.—Бехштейна, который, по его словамъ, не думалъ чтобы въ Россіи возможна была такая работа. Читателямъ *Нивы* уже извѣстно о наиболѣе цѣнномъ для юбиляра подаркѣ Шредера—предоставленіи ежегодно права лучшему изъ учениковъ (или ученицъ) Рубинштейна въ консерваторіи выбрать безвозмездно роль по своему вкусу.

Ежъ на фуражировкѣ.. (Рис. на стр. 1325).

Ежи чрезвычайно полезны сельскому хозяину, какъ истребители полевыхъ мышей, саранчи, кузнечиковъ, медвѣдокъ,

майскихъ жуковъ, улитокъ и проч. Живеть ежъ или въ порѣ, устланной сухою листвою, или подъ густыми кустарниками. Отсюда, ежедневно въ сумерки предпринимаетъ онъ свои экспедиціи въ теченіе всего лѣта. Хотя пища его, какъ мы видѣли, по преимуществу животная, тѣмъ не менѣе ежъ очень любитъ лакомиться плодами и овощами, которые добываетъ чрезвычайно своеобразнымъ способомъ. Забравшись въ садъ, гдѣ подъ деревьями обыкновенно скопляется падалъ, т. е. сами собою осыпающіеся зрѣлые плоды, онъ начинаетъ кататься по землѣ до тѣхъ поръ, пока на иглы его не наберется довольно много плодовъ, и затѣмъ сѣвшитъ со своею добычею домой. Три прилагаемые рисунка изображаютъ всю эту процедуру наглядно. Но причиняемый такимъ образомъ вредъ, если только стоитъ объ немъ упоминать, совершенно ничтоженъ въ сравненіи съ тою громадною пользою, которую онъ приноситъ истребленіемъ вредныхъ насѣкомыхъ и другихъ враговъ сельскаго хозяйства, а потому преслѣдовать ежа далеко не расчетливо.

Политическое обозрѣніе.

Французское правительство, кажется, рѣшило раздѣлаться окопательно съ буланжистами. Палата депутатовъ, вотировавъ 2 декабря министерству секретный фондъ, необходимый, по словамъ министра Константа, для защиты республики, 4 декабря признала избраніе буланжистовъ Нака и Мери недѣйствительнымъ, а на другой день та же участь постигла избраніе одного изъ главарей національной партіи, буланжиста Лора. Въ томъ же засѣданіи министръ Тевенѣ прямо заявилъ, что мятежникамъ, стремящимся произвести смуту въ странѣ и приговореннымъ верховнымъ судомъ, не должно быть оказано пощады, въ видѣ амнистіи, которую требовали депутаты Гранже и Севейль—и палата отвергла послѣднее требованіе.

Национальное движеніе въ Чехіи не могло не отозваться въ австрійской палатѣ депутатовъ. Здѣсь предводитель нѣмецкой оппозиціи Пленеръ выступилъ съ сильнѣйшими нападками противъ Таафе по поводу совершаемыхъ имъ, будто бы, насилій надъ нѣмцами въ Чехіи. Пленеръ сказалъ, что вышедшія внутреннія политика Австріи составляетъ предметъ сожалѣній или злорадствъ всей Европы. На другой день Таафе энергически опровергалъ нападки Пленера, а 5 декабря, какъ бы уступая движенію въ палатѣ, заявилъ, что при вышедшихъ обстоятельствахъ интересъ государства требуетъ спокойнаго развитія конституціи; вотъ почему правительство не можетъ де предложить такихъ перемѣнъ въ конституціи, какою явилось бы възначіе императора чешскою короною. Правительство отпосится, однако, съ одинаковою заботливостью къ законнымъ требованіямъ обѣихъ національностей въ Чехіи.

Въ Германіи стачка углекоповъ понемногу благополучно разрѣшается. Такъ, въ Эссенѣ около 3,000 углекоповъ собрались, 3 декабря, на сходку и, выразивъ правительству свою благодарность за оказанную имъ поддержку, постановили отказаться пока отъ стачки и сохранить спокойствіе.

Зато въ Лондонѣ началась новая стачка рабочихъ на газовыхъ заводахъ, и стачка эта угрожаетъ обитателямъ столицы Великобританіи значительными неурядицами. Въ Лондонѣ, какъ извѣстно, вслѣдствіе тумановъ, газъ зажигаютъ обыкновенно очень рано, часа въ три пополудни. Кроме того, газовое освѣщеніе значительно распространено въ частныхъ домахъ, гдѣ газъ употребляется также для отопленія и для варки пищи. Если не удастся принять заблаговременно мѣры и прекратить или парализовать стачку, то Лондонъ можетъ остаться въ потемкахъ.

На островѣ Критѣ волненіе, начавшее было затихать, снова усилилось по обнаруженіи стѣснительнаго для критянъ султанскаго фирмана и quasi-амнистіи. По этому поводу, какъ телеграфируютъ въ *Standard* изъ Аѣнты, Греческое правительство разослало великимъ державамъ циркуляръ, въ которомъ заявляетъ, что послѣдній султанскій фирманъ оно признаетъ за нарушение правъ критянъ. Далѣе въ циркулярѣ говорится, что несправедливое обращеніе Турціи съ критянами возлагаетъ на Грецію обязанности, которыми никакое эллинское правительство не могло бы пренебречь въ настоящую минуту.

Только недавно получены въ Европѣ болѣе подробныя свѣдѣнія о переворотѣ въ Бразиліи. По словамъ *Новаго Времени*, правительство, уведомленное о просякахъ генерала Фонсеки, рѣшило арестовать его. 3 ноября собрался съ этою цѣлью совѣтъ министровъ въ военномъ министерствѣ. На совѣтѣ присутствовали также генералы Анасъ Флоріано и Пеисото, которые привели съ собою и расположили во дворѣ министерства считавшіяся благонадежными войска. Пока министры совѣщались, воспитанники военнаго училища, находящагося въ окрестностяхъ города, возмутились и вступили въ Ріо-Жанейро, крича: „Да здравствуетъ республика!“ На площади Лапа къ нимъ присоединились расположенный тамъ 10-й

стрѣлковый батальонъ, а немного спустя прискакали генералъ Фонсека и сталъ во главѣ мятежниковъ. Фонсека двинулся безотлагательно къ военному министерству. Занимавшія министерство войска никакого сопротивления не оказали, и Фонсека могъ безпрепятственно войти въ залу, гдѣ совѣщались министры, и объявить имъ о совершившемся переворотѣ. Въ этотъ моментъ прѣхалъ въ каретѣ не участвовавшій въ совѣтѣ морской министръ Ладаріо. Его окружили и объявили, что онъ арестованъ. Ладаріо вынулъ револьверъ и воскликнулъ: „Я умру, исполни свой долгъ“. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и Ладаріо былъ тяжело раненъ. Вслѣдъ затѣмъ войска, имѣя во главѣ Фонсеку, Бенжамена Константа и редактора республиканской газеты Бокаюва, прошли по главнымъ улицамъ Ріо-Жанейро, крича: „Да здравствуетъ республика!“ Населеніе, пораженное зрѣлищемъ, никакого сопротивленія не оказало, и виновники переворота могли спокойно приступить къ образованію временнаго правительства и завладѣть всѣми вѣдомствами. Душою движенія былъ собственно Бенжаменъ Константъ, котораго Фонсека слушается во всемъ. Сдѣйствовало успѣху движенія и поведеніе сената, который состоялъ главнымъ образомъ изъ прежнихъ рабовладѣльцевъ, а потому не только не протестовалъ, но даже не скрылъ своего удовольствія.

Въ то время, какъ въ Ріо-Жанейро происходили эти событія, императоръ находился въ своей лѣтней виллѣ Петрополисъ. Утромъ, 3 ноября, домъ-Педро получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ Оуро Прето законическую телеграмму съ извѣстіемъ, что вспыхнулъ военный бунтъ, что всѣ министры арестованы, а морской министръ раненъ мятежниками. Императоръ безотлагательно отправился въ Ріо-Жанейро. Дворецъ не былъ еще занятъ мятежниками, и императоръ могъ собрать совѣщаніе изъ нѣсколькихъ членовъ государственнаго совѣта. Рѣшено было войти въ переговоры съ инсургентами и предложить имъ, между прочимъ, образованіе новаго либеральнаго министерства подъ предсѣдательствомъ Саралли. На слѣдующее утро явились къ императору два офицера и вручили ему письмо отъ Фонсеки, въ которомъ тотъ выражалъ намѣреніе провозгласить республику. Въ то же время дворецъ былъ оцѣненъ войсками. Немного спустя императору было объявлено, что онъ долженъ въ 24 часа оставить Бразилію со всѣмъ семействомъ. Въ городѣ, однако, начинали обнаруживаться симптомы неудовольствія, вслѣдствіе чего члены временнаго правительства рѣшили ускорить данный императору срокъ для отъѣзда. Въ первомъ часу ночи домъ-Педро разбудили и объявили ему, что онъ долженъ выѣхать немедленно. Пришлось уступить. Всѣ скоро собрались въ дорогу, причемъ императоръ объявилъ присутствовавшимъ офицерамъ, что онъ уступаетъ только силѣ. Императора и его семью отпустили въ Илъхагранде, а два дни спустя, въ бурную ночь, изгнашки отплыли въ Европу на коммерческомъ пароходѣ, конвоируемомъ бразильскимъ военнымъ судномъ. Передъ самымъ отъѣздомъ домъ-Педро вручили декретъ генерала Фонсеки, предоставляющій въ распоряженіе императора 12 мил. фр. Императоръ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, сказавъ, что онъ ничего отъ временнаго правительства принять не можетъ.

По утвержденіи новаго правительства, вовсе не было того спокойствія, о которомъ писали нѣкоторыя газеты; напротивъ, *Фоссова Газета* сообщаетъ, что послѣ провозглашенія республики въ Ріо-Жанейро господствовалъ нѣкоторое время терроръ. Было разстрѣлено около 150 матросовъ, которые явно выражали свое сочувствіе императору; помѣщеніе императрицы было ограблено солдатами, и всѣ ея драгоценности расхищены. Правительство республики сосредоточило почти весь флотъ въ Бахіи, гдѣ построение народа было не въ пользу республики, а въ провинціи Санъ-Маоло не приняла назначеннаго правительстваго новаго губернатора.

Разныя извѣстія.

Дѣла черным.
— Государь Императоръ, 25 ноября, Вы-

сочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣй-

нѣніи архіепископа Волынскаго Палладія, по разстроеному здоровью, отъ управленія вѣ-

ренною ему епархією на покой и о бытіи преосвященному Модесту Нижегородскому — епископу Волянским и Житомирским, Почаевскія Успенскія лавры священно-архимандритомъ, а преосвященному Владиміру Ставропольскому — епископу Нижегородскимъ и Арзамасскимъ.

— Въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* отъ 2 декабря напечатано опредѣленіе Святейшаго Синода о мѣрахъ къ предупрежденію распространянія штунды и другихъ еретическихъ лжеученій.

Правительственныя распоряженія.

— Съ открытіемъ въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ (Эстляндской, Лифляндской и Курляндской) судебныхъ установлений, образованныхъ на основаніи Судебныхъ уставовъ Императора Александра II Положенія о примѣненіи оныхъ къ губерніямъ Прибалтійскаго края, упразднены: обергофгерихты, обергауптманскіе и уѣздные суды, магистраты городовъ съ нижними судами, а равно должности губернскаго прокурора и его товарищей.

— Разрѣшается пересылать по почтѣ не сполна оплаченныя и вовсе неоплаченныя установленнымъ вѣсовымъ сборомъ простыя закрытыя письма (мѣстныхъ и иногороднихъ), за исключеніемъ адресованныхъ на имя правительственныхъ учреждений, со взысканіемъ съ получателей недостающаго вѣсового сбора въ двойномъ размѣрѣ, причѣмъ получатели имѣютъ право отказаться отъ принятія такихъ писемъ, не вскрывая оныхъ. Сумма слѣдующаго сбора обозначается на корреспонденціи особымъ доплатнымъ штемпелемъ.

Въ случаѣ, если на корреспонденціи окажутся марки, бывшія въ употребленіи или вообще недействительныя для оплаты, то таковыя въ расчетъ не принимаются, что обозначается цифрою ноль „0“, поставленною возлѣ марокъ.

— Установлены слѣдующія правила объ игрѣ на тотализаторахъ, устраиваемыхъ при скачкахъ и бѣгахъ:

1) Тотализаторы могутъ быть открываемы исключительно для публики, залатившей за входъ на скачки и бѣга не менѣе одного рубля, и устроятся такимъ образомъ, чтобы липа, не внесенія упомянутой входной платы, доступна къ нимъ не имѣли.

2) При игрѣ на тотализаторахъ ставки ниже десяти рублей не допускаются.

3) Число скаковыхъ и бѣговыхъ дней въ году, по мѣрѣ дѣйствительной потребности, для каждаго скаковаго и бѣговаго общества опредѣляется главноуправляющимъ Государ-

ственнымъ Коннозаводствомъ по соглашенію съ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ Кавказское общество сельскаго хозяйства за послѣднее время стали поступать отъ помещиковъ южной Россіи просьбы о присылкѣ имъ сѣмянъ гоми — кавказскаго проса-сорго. Опыты культуры гоми въ Полтавской, Екатеринослав. и Киев. губ. дали прекрасные результаты. Это растение, замѣняющее хлѣбъ въ Гуріи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Мингреліи и Имеретіи, очень неприхотливо и можетъ быть акклиматизировано и въ Европ. Россіи. Зерна гоми содержатъ много крахмала и, при удачѣ въ культурѣ, могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для переработки въ крахмаль и перегонки на спиртъ. Урожай гоми даетъ лучше кукурузы и массу нѣжной соломы.

— Съ іюня по 15 августа 1890 года, Москов. общество акклиматизаціи животныхъ и растений устраиваетъ въ Москвѣ, по случаю двадцатипятилѣтія существованія Пзмайловской пасѣки, выставку пчеловодства, на которой предпологается произвести рядъ испытаній ульевъ разныхъ системъ и пчелъ разныхъ породъ.

Археология и древности.

— Въ засѣданіи Имп. рус. археологическаго общества, 18 ноября, были представлены предметы клада, недавно найденнаго въ Киевѣ и приобрѣтеннаго въ собственность Имп. эрмитажа. Кладъ найденъ на склонѣ стараго города, на частной землѣ, въ Троицкомъ переулкѣ. Въ кладѣ оказалось семь киевскихъ гривенъ и нѣсколько драгоценныхъ предметовъ головнаго убора, а именно: обрывокъ поломанныхъ серегъ, ожерелье изъ серебряныхъ цилиндровъ, золотой обручъ, гривна, вѣсомъ въ 69 золотниковъ, перстень съ камнемъ въ родѣ яшмы, и золотой перстень съ рубиномъ изображеніемъ архангела Михаила и съ особенною орнаментациею подъ чернь, въ характерѣ сложнаго византійскаго орнамента XII в. Кладъ съ точностью опредѣляется двумя золотыми византійскими монетами Алексѣя Комнена (1118 г.) и Иоанна Комнена и безошибочно долженъ быть отнесенъ къ половинѣ XII столѣтія. Самымъ замѣчательнымъ предметомъ въ кладѣ должны считать золотая діадема, представляющая килжескій женскій вѣнецъ. Діадема состоитъ изъ семи медальоновъ, въ формѣ крестовъ, съ арочками надъ каждымъ. Украшающіи каждый изъ этихъ медальоновъ эмалевыя изображения составляютъ весь вѣнецъ известную

иконографическую композицію, такъ-называемый Деисусъ. Деисусъ, изображавшійся всегда поверху иконостаса въ церкви, составлялъ украшеніе и первыхъ византійскихъ императорскихъ вѣнцовъ. Пайденная діадема, будучи сдѣлана по византійскому шаблону, является, однако, несомнѣннымъ образцомъ мѣстнаго киевскаго производства XII вѣка.

Искусства изобразительныя.

— 25 ноября въ домѣ СПб. учетнаго и ссуднаго банка, Общество взаимнаго вспоможенія художниковъ, совместно со Спасо-казанскимъ отдѣломъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, открыло выставку картинъ. На ней находится произведенія профессоровъ: В. П. Верещагина, бар. М. К. Клодта и .І. Ф. Лагорио; академиковъ: П. С. Васильева, Е. В. Годуна, М. А. Мохова и многихъ другихъ членовъ общества взаимнаго вспоможенія художниковъ.

Народное здравіе.

— 23 ноября, состоялось въ Петербургѣ засѣданіе совѣщательнаго по врачебно-санитарной части присутствія, подъ предѣлительствомъ СПб. градоначальника генералъ-лейтенанта П. А. Грессера. Въ результатѣ сдѣланныхъ специалистами сообщеній оказывается, что эпидемія гриппа не бываютъ предвѣстниками холеры, и что послѣ болѣе части эпидеміи гриппа холеры не было. Такіе выдающіеся авторитеты въ исторіи повальныхъ болѣзней, какъ Гезеръ и Гиршъ, признаютъ, что совпаденіе появленія гриппа и холеры случайное, и что эти болѣзни не находятся въ связи другъ съ другомъ. На основаніи вышесказаннаго, о возможности перехода нѣжной гриппозной эпидеміи въ холерную не можетъ быть и рѣчи.

— Въ Илтѣ, работы по сооруженію мола приостановлены: всѣ рабочіе болѣны инфлуэнцею, которая сильно свирѣствуетъ въ городѣ. Ученики и ученицы мѣстныхъ учебныхъ заведеній, вслѣдствіе громаднаго процента заболѣвшихъ, освобождены отъ занятій. Въ Мелитополѣ сильная эпидемія инфлуэнцы. Въ Екатеринославѣ инфлуэнца свирѣствуетъ въ городѣ и по линіи Екатерининской дороги. Въ Тифлисѣ она также сильно распространяется. Болѣзнь осложняется иногда воспаленіемъ легкихъ. Въ Ташкентѣ въ теченіе трехъ дней заболѣло инфлуэнцей болѣе 80 человекъ.

Неврологъ.

— 4 декабря скончался въ Петербургѣ профессоръ Военно-медицинской Академіи А. П. Доброславинъ.

Библиографія.

Календарь для фелдшеръ и фелдшерницъ на 1890 годъ. Подъ ред. Д-ра В. А. Окса.

Записная и справочная книжка, содержащая кромѣ обыкновенныхъ календарныхъ свѣдѣній, слѣдующія рубрики: антисептика, кровотеченіе, первая помощь при поврежденіяхъ, малыя операціи, осеопрививаніе, хирургическія, наложныя и заразныя болѣзни, признаки наступившей смерти, оживленія многу умершихъ, яды и противоядія, первая помощь въ несчаст-

ныхъ случаяхъ, кумысъ и кефиръ изъ коровьяго молока, мѣры назначаемыя на сигнатурахъ, переводъ аптечнаго вѣса на десятичный (и обратно) и торговаго вѣса на аптечный, наставленіе Мед. Совѣта о мѣрахъ къ пресѣченію заразныхъ болѣзней, дезинфекція, высшіе приемы лѣкарствъ, ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ средствъ, наружныя лѣкарства и проч., о ваннахъ, неофициальное изложеніе законовъ о фельдшерахъ.

С М Ъ С Ъ .

Игры и игрушки (передъ елкой). Жизнь большинства людей уходитъ на постоянный трудъ ради существованія; люди-живутъ, чтобы заработать насущный кусокъ хлѣба. Для большинства только то и имѣетъ серьезное значеніе, что такъ или иначе касается этого куска хлѣба. Посмотрите много-ли записано въ годовомъ бюджетѣ, и бѣднаго и богатаго, расходотъ на духовную пищу: книги, журналы, картины, на все то, что служитъ духу?

На что угодно не жаль истратитъ деньги: — на книгу, какъ можно! Книга — бумага не имѣющая цѣнности — тѣнь. Кто тратитъ на платье 100 рублей, на книгу жалѣть потратить нѣсколько копѣекъ...

И какал жалкая судьба большинства книгъ: сколько обманутихъ надеждъ и автора, и издателя!

Памъ всегда больно видѣть, какъ на Певскомъ проспектѣ газетчикъ продаетъ по вольной цѣнѣ часто самыя почтенныя изданія, стараясь привлечь покупателя однимъ, только однимъ: 5 коп. за рубль! Да, habeant sua fata libelli, — и судьба эта трагическая!

Если на книги, лучший плодъ человѣческаго гения, смотрятъ такъ,

то нельзя же ожидать, чтобы люди серьезно смотрѣли на дѣтскія игрушки.

Это уже окончательно пустая вещь, не стѣящая вниманія „серьезныхъ“ людей, занятыхъ „серьезнымъ“ дѣломъ.

„Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало“ — и на утѣху дитяти въ люлькѣ является грязная соска, разстраивающая въ корень здоровье. Ничего — дитя молчитъ съ нею!

Отроку въ коротенькихъ панталончикахъ мы предложимъ колоду картъ: пусть научится съ дѣтства насживать себя болѣзни...

Тѣшьте, чѣмъ ни пошло... и тѣшатся.

Прислушайтесь, о чемъ ведутъ разговоры юноши.

Не такъ смотрѣли на игры въ древности, въ Греціи.

Великій Платонъ утверждалъ, что только тогда, когда игры дѣтесообразны и благообразны — изъ дѣтей образуются добрые граждане. Царь Агезилай не стыдился ѣздить съ дѣтскими верхомъ на палочкѣ. Гераклитъ и Сократъ принимали самое горячее участіе въ дѣтскихъ играхъ.

Мы могли бы привести еще массу примѣровъ, показывающихъ

какъ серьезно лучшіе люди Греція, великіе умы, смотрѣли на игры.

И болѣе поздніе философы, какъ напр. Локкъ, высказывались объ играхъ какъ о серьезномъ дѣлѣ. Локкъ желалъ, чтобы всѣ игры и развлечения дѣтей имѣли цѣлью *благія* и *полезныя* привычки, потому что дѣти ко всему прилагаютъ привычки, какъ хорошія, такъ и дурныя.

Игра — это серьезная дѣятельность ребенка; поэтому не мудрено, что какъ за границей, такъ и у насъ за дѣло изданія игръ и игрушекъ взялись образованные люди и отнеслись къ этому дѣлу серьезно, не съ одною чисто коммерческою цѣлью, какъ обыкновенные рыночные торговцы, для которыхъ игры и игрушки такой же товаръ какъ ситецъ.

Но дѣло изданія игръ очень трудное, очень сложное и требующее большой любви къ себѣ. Много въ немъ было званныхъ, но мало избранныхъ.

Не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году прекратили свое существованіе три фирмы: фабрика Оскара Лессера въ Петербургѣ, маленькая мастерская Виценталя, здѣсь же, и мастерская Ферха въ Москвѣ.

Какъ легко такія мастерскія открываются, такъ же легко и прекращаютъ свою дѣятельность.

Одна изъ уцѣлѣвшихъ фирмъ, существующая уже 17 лѣтъ, — энергичное товарищество, известное уже въ Россіи — это: „С. Петербургская мастерская учебныхъ пособій и игръ“ (Троицкая ул. 11).

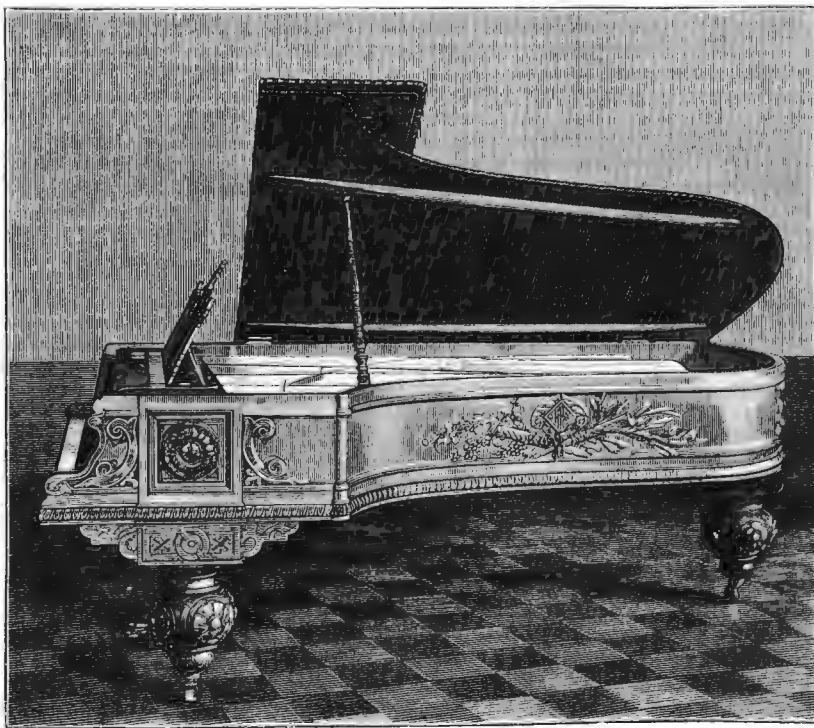
Хотя рѣдкій родитель, мало-мальски интересующійся воспитаніемъ своихъ дѣтей, не знаетъ той мастерской, мы все-таки считаемъ не лишнимъ каждый годъ передъ Рождествомъ, этимъ дѣтскимъ праздникомъ, напомнить о ней, особенно теперь, въ виду имѣющагося открытія въ Петербургѣ съѣзда дѣятелей по техническому и профессиональному образованію.

Дѣло Мастерской тѣсно связано съ дѣломъ „ручного труда“, вопросу о которомъ надлежитъ занять важное мѣсто на съѣздѣ.

Съ самаго начала своей дѣятельности Мастерская преслѣдуетъ въ своихъ изданіяхъ важную цѣль развитія у дѣтей техническихъ навыковъ, необходимыхъ при всякомъ ремеслѣ, на что

Генераль-лейтенантъ Алексѣй Аегиненовичъ Ильинъ. († 22 ноября 1889 г.).
Съ фотогр. Бергамаско, грав. Шюльберъ.

Рояль, поднесенный А. Г. Рубинштейну въ первый день его юбилея Н. М. Шредеромъ.
Съ фотогр. грав. Рашевскій.

и въ школахъ теперь обращено такое серьезное вниманіе. Мастерскою изданы, кажется, всевозможныя работы доступныя дѣтямъ, начиная отъ самыхъ легкихъ построекъ изъ карточекъ, изъ коробокъ, изъ кирпичей, брусковъ и проч.; работъ: изъ гипса, стружекъ, жести, изъ проволоки, изъ соломы, изъ матовому стеклу на доскѣ, копированія, и кончая „простыми опытами электричества“, „опытами по химіи“, „сборкой настоящихъ часовъ“ и „маленькимъ механикомъ“, „гальванопластикой“ — всего болѣе 150 изданій.

Рѣдкая заграничная фирма можетъ похвастаться такимъ выборомъ, особенно собственныхъ оригинальныхъ изданій.

Въ нынѣшнемъ году, весьма неблагоприятномъ для торговли, по случаю Парижской всемірной выставки, Мастерская все-таки выпустила нѣсколько новыхъ изданій.

Мы видѣли очень изящное изданіе: плетеніе корзинокъ, рамокъ, украшенныхъ для елки и пр. изъ бумажныхъ звѣздочекъ. Садикъ на столѣ доставитъ истинное наслажденіе дѣтямъ, напоминая имъ лучшее время года — лѣто. Надо видѣть самому, чтобы получить понятіе объ этой прелестной игрушкѣ. Изъ напоротника, вереска, иммортелекъ, засушенныхъ и окрашенныхъ, зеленой матеріи, представляющей лужки и клумбы, по вкусу дѣтей, раскладывается на столѣ садикъ съ заборомъ, бѣсѣдкой, прудомъ (зеркаломъ), гимнастикой, скамеечками, гигантскими шагами, крокетомъ и пр. Тутъ же метла, лопата и пр. изъ царства Лиллипутовъ. Подъ руководствомъ родителей дѣти много могутъ узнать изъ садоводства, играя въ эту милую игрушку.

Къ другому характеру изданій относятся оригинальная общественная игра „Арлекинъ“, очень изящно и не дорого изданная.

Для изученія бѣлаго чтенія нощъ издано лото-фортельяно Павловой; по это скорѣй учебное пособие, чѣмъ игра, и можетъ быть полезнымъ даже для взрослыхъ.

Вышла большал подвижная игра — попаданія шаромъ въ известныя нумера.

Возобновлены: красивая

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1890 Г.
Подписная цѣна показана на первой страницѣ.

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №№., просимъ гг. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1890 года, такъ какъ

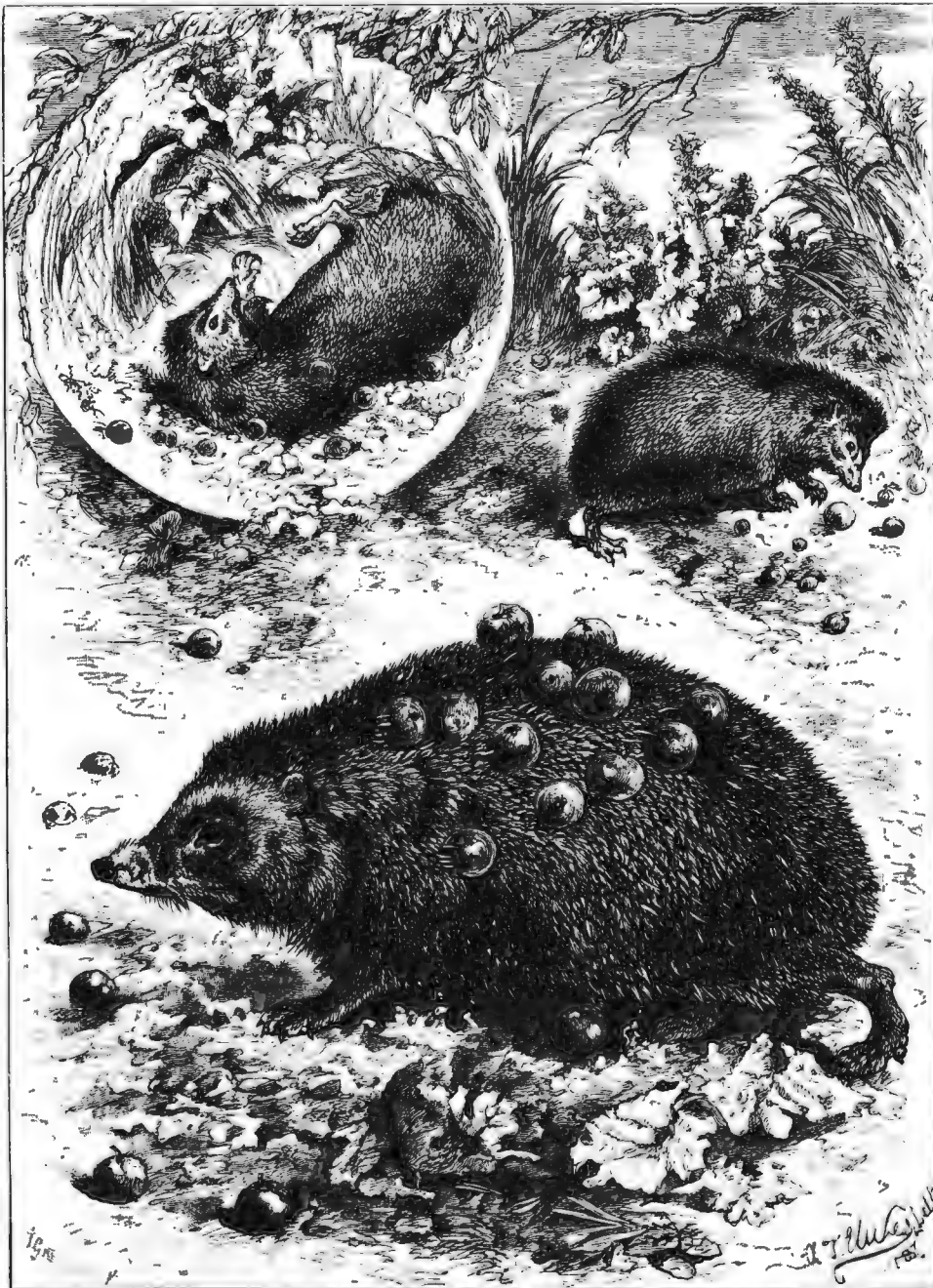
Городская почта въ послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

мозаика „Цветные гвоздики“ и „Копированіе посредствомъ красочной бумаги“ съ новыми раскрашенными рисунками.

Изъ серьезныхъ изданій, какъ въ прошломъ году была издана „Паровая машина“ (модель), такъ въ нынѣшнемъ появились „Опыты съ центробѣжной силой.“

Въ залахъ Мастерской собрано со смысломъ и любовью все лучшее отъ всѣхъ русскихъ и заграничныхъ издателей, и выставку ея посмотреть любопытно. Есть вещи на всякія цѣны: и на копѣйки, и на сотни рублей.

Муміи. Не такъ давно въ самой населенной части города Томска при рытьи ямы было открыто очень большое скопленіе гробовъ, сдѣланныхъ не изъ досокъ, а изъ выдолбленныхъ обрубковъ кедра, сосны и лиственницы. Такихъ „колоды“ вынута изъ ямы въ 9 футовъ глубины, въ 3 сажени длины и 1½ сажени ширины—около сорока. Въ этихъ колодахъ находились скелеты и высохшіе трупы, начиная отъ младенца и кончая старухой. Особеннаго вниманія заслуживаетъ совершенно высох-

Есть на фуражировѣ.

шій трупъ вполне развитой женщины лѣтъ 35—40, ростомъ 2 аршина и 4½ вершка, съ темнорусыми волосами и совершенно сохранившею естественную форму тѣла. Трупъ остался въ томъ положеніи, въ какомъ былъ похороненъ. Руки сложены на груди. На шеѣ серебряный крестъ. На головѣ повойникъ. Отъ остальнаго платья не сохранилось никакихъ слѣдовъ. Въ ногахъ у трупа—скелетъ младенца. По словамъ сибирскихъ газетъ, это уже не первая находка мумифицированныхъ труповъ въ Томскѣ. Такіе трупы найдены были въ 1851 и 1860 годахъ, а также еще весною нынѣшняго года, причѣмъ на трупахъ даже платье и сапоги уцѣлѣли. На одномъ изъ кладбищъ Томска указываютъ кромѣ того одно мѣсто, гдѣ трупы со всѣмъ не подвергаются тлѣнію, чему, вѣроятно, способствуютъ естественныя почвенныя условія. (в.)

Полный переворотъ должекъ совершиться въ области пароходства, благодаря изобрѣтенію американскаго инженера Валтеа Джексона. Недавно сдѣланъ былъ пробный рейсъ,

О ПОДПИСКѢ на „НИВУ“ 1890 года СЪ РАЗРОЧНОЮ ПЛАТЕЖА.

Нѣкоторые изъ нашихъ иногородныхъ гг. подписчиковъ обратились къ намъ съ просьбою О РАЗРОЧЕВЪ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ ЗА „НИВУ“ 1890 ГОДА. Исполняя ихъ желаніе, мы нашли возможнымъ допустить разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ два срока: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Іюня 1890 г. 3 р.

2) Въ три срока: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1890 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1890 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ послѣдняго взноса, журналъ будетъ высылаться со всеми приложеніями и преміями—наравнѣ съ годовыми подписчиками.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ назначенъ или управляющихъ.

на яхтѣ его *Primavista*, при участіи, въ числѣ прочихъ, президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Судно шло съ необычайной быстротою, 35 узловъ въ часъ, тогда какъ наши, наиболѣе быстроходныя миноноски дѣлаютъ не болѣе 23—24 узловъ. По сообщенію технического бюро Рихарда Людера въ Гёрлицѣ, судно, имѣющее 100 фут. длины и 23 ф. ширины, приводилось въ движеніе тонкой, 2 сант. въ діаметрѣ струей воды, дѣйствующей подъ страшнымъ давленіемъ 200 атмосферъ. Изъ двухъ, непосредственно дѣйствующихъ по системѣ Вортингтона паровыхъ насосовъ, въ 1500 лошадиныхъ силъ каждый, выходитъ нагнетательная трубка, которая оканчивается въ кормовой части судна мундштукомъ, соотвѣствующимъ діаметру водяной струи. Этотъ мундштукъ поворачивается при посредствѣ цапфы во всѣхъ направленіяхъ и управляется посредствомъ рычага изъ шкиперской будки. Къ носу у дна направляется такая же трубка съ мундштукомъ и рулевымъ механизмомъ. Такимъ образомъ судно поворачивается легко и быстро; вообще способность маневрированія въ немъ изумительна. Простымъ поворотомъ рычага, *Primavista* можно было привести въ движеніе, остановить или направить въ противоположную сторону. Поворотный кругъ едва превышалъ 300 футовъ, такъ что казалась почти, что судно поворачивается на собственной оси. Вашингтонское правительство намѣрено снабдить Вальтеровскимъ механизмомъ нѣсколько новыхъ военныхъ судовъ, изъ числа разрѣшенныхъ уже палатами къ постройкѣ. (с.)

Когда появились календари въ Европѣ и у насъ въ Россіи. Слово *календарь* означаетъ собраніе таблицъ, въ которыхъ дни распределены по недѣлямъ и мѣсяцамъ на дѣльный годъ, съ указаніемъ праздниковъ, фазъ луны и прочихъ астрономическихъ явленій.

Слово *календарь* происходитъ отъ латинскаго *calendae*; такъ римляне называли первый день каждаго мѣсяца.

Появленіе годовыхъ календарей и альманаховъ, т. е. такихъ, которые касаются одного какого-нибудь года, принадлежитъ довольно близко прошедшему.

Первый такой календарь, который по всѣмъ даннымъ можно назвать народнымъ, относится къ 1636 високосному году; онъ былъ напечатанъ въ Люттихѣ (*Liège*) и составленъ каноникомъ этого города Матвѣемъ Ленсбергомъ (*Mathieu Laensberg*), какъ гласитъ преданіе, хотя существованіе этого лица совершенно неизвѣстно. Своимъ чрезвычайнымъ успѣхомъ люттихскій альманахъ обязанъ заключавшимся въ немъ предсказаніямъ.

Въ Россіи первый календарь напечатанъ въ Москвѣ 28 декабря 1708 года русскимъ шрифтомъ in-4°; это—„Календарь ілі мѣсяцесловъ христіанскій по старому стилю, по изчисленію на лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1709, міробытія же 7217⁴“. Этотъ календарь заключался въ небольшой тоненькой тетрадь, въ которой, послѣ мѣсячныхъ знаковъ и мѣсяцевъ, помѣщены были разныя статьи, напр. о затмѣніяхъ, о началѣ года, о четырехъ временахъ года, предсказанія о войнахъ и мірскихъ дѣлахъ, о плодородіи и проч.; книжка заванивалась указаніемъ чиселъ, въ которыхъ слѣдуетъ пускать кровь. Съ этого года календари у насъ вошли въ обычай и сначала они носили заглавіе, данное первому календарю на 1709 годъ, а съ 1779 года они приняли нынѣ употребительное названіе „мѣсяцесловъ.“ (о.)

Въ іцій сонѣ. Въ любонитныхъ посмертныхъ „Воспоминаніяхъ стараго бібліотекаря“, В. И. Соболевскаго, бывшаго впоследствии архитекторомъ Императорской Публичной бібліотеки, рассказы-

вается объ одномъ необыкновенномъ психическомъ явленіи, испытанномъ авторомъ этихъ воспоминаній. Снилось ему однажды, что въ темномъ углу шестой залы бібліотеки происходитъ пожаръ. Сновидѣніе было не страшное, но онъ до того отчетливо запомнилъ всѣхъ людей, которые были на пожарѣ, и всѣ слова, которыя они говорили, что даже рассказалъ свой сонъ женѣ. Черезъ недѣлю сонъ повторился по уже въ другихъ размѣрахъ: Соболевскаго видѣлъ пожарную команду, государя. Съ крикомъ вскочилъ онъ съ постели и, придя въ бібліотеку, отправился прямо въ шестую залу, чтобы осмотрѣть темный ея уголокъ. Надъ шкафомъ, по стѣнѣ тянулась темная полоса копоти. Такія полосы бывають у душниковъ; однако эта полоска была чернѣе, чѣмъ обыкновенно. Соболевскаго попросилъ эконома приказать не топить коробовой печи, стоявшей въ подвалѣ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ тревожные признаки были обнаружены. Одну печь можно было перестать топить, потому что холода уже прекратились. Когда начались ремонтныя работы, Соболевскаго разбиралъ шкафъ и, въ соединеніи стѣны съ плитною выстилкой подъ шкафомъ, нашелъ щель, сквозь которую огонь проникалъ изъ дымовой трубы прямо подъ шкафъ. Нижняя сторона нижней полки уже превратилась въ уголь; недоставало небольшого отверстія, чтобы раздуть пламя. Когда Соболевскаго подняла плиту, онъ нашелъ разбитую шайку, сломанныя носилки и рогожу. Все это было уже сгорѣвшее, и только по группамъ угля можно было угадать, какіе это были предметы. Конечно, опасность была устранена, но эконому не доложилъ объ этомъ директору, изъ боязни, чтобы не пострадалъ Щедринъ, строитель зданія. (в.)

Разстояніе звѣзд другъ отъ друга *Journal du Ciel* пробуетъ изобразить слѣдующимъ остроумнымъ образомъ. Представимъ себѣ великана, рука котораго простирается отъ земли до солнца. Если онъ вытянетъ руку и дотронется ею до огненнаго шара, то почувствуетъ боль только черезъ 157 лѣтъ, такъ какъ опытъ учитъ, что ощущеніе передается въ человѣческомъ тѣлѣ съ быстротою 31 метра въ секунду. Если послѣ 157 лѣтъ великанъ вскрикнетъ, то будетъ услышанъ на солнцѣ только черезъ 13 лѣтъ, т. е. звукъ пробѣгаетъ со скоростью 340 метровъ въ секунду. Если же великанъ достанетъ до ближайшей неподвижной звѣзды α Центавра, то почувствуетъ боль отъ прикосновенія къ огненному шару только черезъ 60 милліоновъ лѣтъ. (а.)

Железнодорожныя шпалы. Во Франціи шесть главныхъ железнодорожныхъ обществъ расходуютъ ежедневно 10,000 шпалъ, слѣдовательно, ежегодно до 3,650,000 штукъ. Такъ какъ среднимъ числомъ одно дерево даетъ 10 шпалъ, то, по расчету, упомянутыя общества потребляютъ для этой цѣли 1000 деревьевъ ежедневно. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ железными дорогами расходуются 15,000,000 шпалъ, слѣдовательно истребляется около 6,750,000 акровъ лѣсной площади. Ежегодный расходъ всѣхъ железныхъ дорогъ въ мірѣ достигаетъ 40 милліоновъ шпалъ, по, повидимому, цифра эта все еще ниже дѣйствительной. (с.)

Яйца кукушки. По словамъ новѣйшихъ естествениспытателей, кукушка кладетъ свои яйца отнюдь не въ гнѣзда другихъ птицъ, какъ это долгое время предполагали, а просто въ траву или вообще гдѣ-нибудь на землю. Потомъ уже, пользуясь тѣмъ, что яйца ея замѣчательно малы, кукушка-самка переноситъ ихъ въ своемъ большомъ, широкому клювѣ въ гнѣзда другихъ птицъ и, избранные ею пріемные родители, сами того не подозрѣвая, воспитываютъ ея птенцовъ вмѣстѣ съ собственными. (с.)

Ребусъ. Задача № 78.

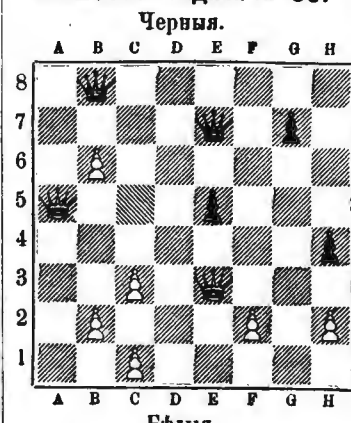

Шахматная задача № 79.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 80.

Бѣлыя начинаютъ и запирають дамку и шашку черныхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Барыни-крестьянки. Историческій романъ графа Е. А. Саласа. Часть II. (Продолженіе). — Дворянина. Рассказъ Н. Станицкаго. (Окончаніе). — Водяная желѣзная дорога. — Въ рисункахъ: Клипперъ у кардинала Ришелье и его послѣднее кругосвѣтное плаваніе (съ рис.). — Концертъ у кардинала Ришелье (съ рис.). — Румыния (съ рис.). — Дѣдушкинъ портретъ (съ рис.). — Добрые друзья (съ рис.). — Ишь, пошли стѣры! (съ рис.). — Памятникъ Императору Александру I въ СПБ. Александровскомъ лицѣ (съ рис.). — В. Ф. Третьяковъ (съ портр.). — Домъ въ судьбѣ покойнаго А. Н. Островскаго и могила его (съ 2 рис.). — А. А. Ильинъ (съ портр.). — Роль поднесенный А. Г. Рубинштейну въ первый день юбилея К. М. Шредера (съ рис.). — Емъ на фуражировкѣ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Газеты извѣстія. — Библіографія. — Смѣсь. — Заявленіе. — О подіишкѣ на „Ниву“ 1890 г. — Задачи. — Объявленія.

Во всѣхъ изв. книжн. магаз. С.-Петербург, Москвы, Варшавы, Одессы, Кіева, Казани и Харькова продается новая карманная книжка

КАЛЕНДАРЬ

для фельдшеровъ и фельдшерницъ № 4223

на 1890 годъ.

Издание врачей

Д. В. Лещинскаго и Б. А. Окса.

Цѣна

въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 20 коп.

Выписывающіе отъ издателя (С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 9 линія, д. 20, кв. 7, д-ру Оксу) за пересылку не платятъ.

Весьма легко для каждого заниматься фотографированіемъ. Предлагаемъ № 4216

ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ СЕКРЕТНУЮ КАМЕРУ ШТИРНА.

Цѣна съ пластинками на 36 снимковъ 20 р.

Шесть моментальныхъ снимковъ въ одну минуту.

Носится незаметно подъ сортукомъ. Весьма удобна.

Хорошіе результаты. Пробные снимки: 50 к.

Единственная продажа для всей Россіи.

Краткое печатное наставленіе къ фотографированію прилагается бесплатно. Аппараты для съемокъ изображеній въ кабинетную величину, съ хорошимя объективами, начиная съ 15 рублей. Большой выборъ всѣхъ предметовъ касаящихся фотографіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР., № 25-1.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИМАДЛОЖНОСТЕЙ
БРУНО ЗЕНГЕРЪ и Ко

Открыта подписка на 1890 годъ на новый журналъ

На годъ 3 р.
" 6 мѣс. 2 "
" 3 мѣс. 1 "

„АКУШЕРКА“

На годъ 3 р.
" 6 мѣс. 2 "
" 3 мѣс. 1 "

для акушерокъ, фельдшерницъ и фельдшеровъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ редакціи журнала „Акушерка“, Брянскъ (Орловск. губерніи).

Въ книжныхъ магаз. К. Риккера, СПб., Невскій, № 14; А. Данга, въ Москвѣ.

№ 4215 2-2 Редакторъ-издатель акушеръ Амбровевичъ.

На 1890 (III-й) г.

Подписка на ежегодный журналъ коммерческихъ и финансовыхъ знаній

„СЧЕТОВОДСТВО“

Ред.-Изд. Адольфъ Марковичъ Вольфъ.

Безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. на годъ съ лян.

Подписчикамъ даются отвѣты по вопросамъ программы. Въ видѣ приложенія популярныя учебники по бухгалтеріи. Редакціей объявлены 3 конкурсныхъ темъ по сч-ву, съ преміями въ 2,300 р. Полезныя свѣдѣнія для торгово-промышленныхъ дѣателей. № 4230

Подробн. прогр. высл. бесплатно

Контора и редакц. СПб., Наравная, 16.

№ 2 за 1889 г. 6 руб.

THE FANCIERS AGENCY

47, Cartland Road. Birmingham England.

АГЕНТСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ПТИЦЪ

предлагаетъ для вывоза въ Россію птицъ, какъ куръ, такъ и голубей разныхъ породъ и достоинствъ наилучшихъ английскихъ питомниковъ.

Прейсъ-курранты высылаются бесплатно.

Писма просить адресовать по вышеозначенному адресу. № 4229

При Конторѣ изданія „Русскаго Курьера“ находится на складѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ недавно появившійся въ свѣтъ уголовный романъ сочиненія В. ЮМА:

„ТАЙНА ГАНСОНЪ КЭБА“.

Романъ этотъ разыгрался въ городѣ Мельбурнѣ (въ Австраліи) и разошелся въ 300.000 экз. Печатался въ „Русскомъ Курьерѣ“. Цѣна: съ пересылкой на города—1 р., въ Москвѣ—75 к., для торговцевъ обычная уступка. Для подписчиковъ „РУССКАГО КУРЬЕРА“ по 75 коп. съ пересылкою. Книга закладывается въ себѣ 426 страницъ

Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, лавкахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. № 4114 10-8

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ НА 1890 годъ.

Въ Москвѣ	На города	За границу:
съ доставкой:	съ пересылкой:	
на 12 мѣс. 10 р. — к.	на 12 мѣс. 11 р. — к.	на 12 мѣс. 18 р. — к.
" 6 " 5 " 50 "	" 6 " 6 " — "	" 6 " 9 " — "
" 3 " 3 " — "	" 3 " 3 " 50 "	" 3 " 4 " 80 "
" 1 " 1 " 30 "	" 1 " 1 " 50 "	" 1 " 1 " 90 "

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Мосмву, въ контору редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“, Чернышевскій переулокъ, близъ Никитской, д. № 7. № 4188 3-3

БЕЗУСЛОВНО БЕЗОПАСНЫМЪ НОЧНИКЪ.

Необходимая принадлеж. дѣтск. и спалн. комн. Просимъ обратить вниманіе на фирму „Файнойлъ“ (Fine Oil). При горѣніи не даетъ ни копоти, ни запаха.

Продается во всѣхъ ламп. и аптек. магаз. Москвы и др. городовъ. Ц. № 4063 3-3

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ

ИЗВРАТЕННЫЙ БРОКАРЪ и Ко.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Ф. К. Бергманъ, Офицерская ул., д. № 5. № 4025 8-8

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа.

Подробный иллюстрированный прейсъ-куррантъ высылается по требованію бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4155 10-5

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.

на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.

на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 60 к.

За границу Объявленія по 10 к. за строку.

на годъ 10 р.

ДЕЖЪ

Адресъ: С. Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Свиорцовъ. Преображенская, 4. № 4142 8-5 Издатель А. А. Греве.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ, Покупаетъ всѣ % бумаги. Судитъ подъ всѣ % бумаги. Страхуваніе выигранныхъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3925

Также нужны върныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій Мостъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свингъ, Виппетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіалъ и др.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свингъ № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Курранты высылаются бесплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

СКЛАДЪ ПЕРВОСБОРНЫХЪ ЧАЕВЪ ТОРГОВАГО ДОМА ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО,

на Кузнецкомъ Мосту, домъ Захарьина, въ Москвѣ.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ ЧЕРНАГО ЧАЯ РЕКОМЕНДУЮТСЯ:

№ 10 „ЖЕМЧУЖНЫЙ“, императорскій ароматный черный чай по 1 руб. 60 коп. за фунтъ.

№ 11 отборный „ИМПЕРАТОРСКІЙ“ отличнаго качества съ сильнымъ букетомъ черный чай по 2 руб. за фунтъ.

Въ особенности же знатокамъ и любителямъ рекомендуется:

№ 5 Ханскій черный чай необыкновенно пріятнаго вкуса и аромата „ЦАРСКІЙ БУНЕТЪ“ по 2 р. 16 коп. за фунтъ.

ПЕРЕСЫЛКА ЧАЯ

во всѣ города Россійской Имперіи принимается на счетъ торговаго дома.

Условія продажи и прейсъ-куррантъ по требованію гг. покупателей высылаются немедленно. П. № 4204 3-2

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ В.с. Крестинскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

• ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО •

ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНІЯ

вполнѣ ЗАМѢНИТЕЛЬНО ПРЕПОДАВАНІЕ

в 10 УРОКОВЪ

ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВИ. на КРАСИВОЕ БѢЛОЕ КОНТОРС. ПИСЬМО

ОСНОВАТЕЛЬ. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ

БУХГАЛТЕРІИ

Москва, Покровка, домъ Бутиковъ, С. Шляпковскій.

• НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ. •

НА ПОМѢНН. ОСНОВАНІИ ТОЛЬКО ЗАВЕРШЕННЫМЪ ПИСЬМ. ОБЪЯВЛЕНІЕМЪ КАТЕГОРИЧЕСКОГО ПРАВИЛНАГО ОТВѢТА НЕ СОДЕРЖАЩАХЪ ВЪ СЕБѢ НИКАКИХЪ ВРЕДНЫХЪ ЗАРОДКОВЪ ВЕЩЕСТВЪ.

МАЖЕ ПОЛУЧАЕТЪ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ АПТЕКАХЪ, АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ, МАШИНАХЪ ОБУВИ И РЕЗИНОВ. ИЗДѢЛІИ.

Вальсальва-шпатель не менѣе 3-хъ пер. вальсальва-шпатель, пересылка бесплатно, торговцамъ значительная уступка.

РАБРИШЕННЫЙ КАДЪСЪ ВРАЧ. УПРАВ. ПЛАСТЫРЬ ПРОВИЗЗОРА Ф. И. ШЕПФЪ

для УНИЧТОЖЕНІЯ МОЗОЛЕЙ БОРОДАВОКЪ ЦѢНА 35 КОП.

Главный складъ у изобрѣтателя, провизора Ф. И. Шепфъ, въ Москвѣ, Патриарше пруды, д. Буткина. Ц. № 4182 10-2

ЛЕПНИНГЪ и ГЛОЗНИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 3405

Подарки къ праздникамъ.

Въ виду наступающихъ праздниковъ всѣ спѣшатъ запастись и порадовать своихъ близкихъ какими-либо подарками, изъ которыхъ самыми полезными и приятными нужно считать музыкальные инструменты, такъ какъ никакое веселье не обходится безъ музыки. Дѣйствительно, такіе подарки доставляютъ каждому массу удовольствія. Помѣщенный на этой страницѣ рисунокъ живо передаетъ, какое отрадное впечатлѣніе производить музыка какъ на родителей, такъ на дѣтей и на близкихъ знакомыхъ. Посмотрите, напримеръ, на мальчика, съ какимъ восторгомъ онъ любитъ е скрипку, которую давно мечталъ имѣть; желаніе брата его также осуществилось и ему подаренъ корнетъ-а-пистонъ, дѣвочки купили новыи мелодичныи инструмента Симфоніоны, а старшей дочери гитара; хорошіе знакомые также не забыты: одному подарена роскошная гармонія извѣстной фабрики Кальбе, другому флейта, а сверстницѣ дѣтей-цифра. Сама виновница торжества — елка, помѣщена въ заводной музыкальной подставкѣ и горделиво вертится, придавая веселью большій эффектъ. Само собою разумѣется, если окружающіе довольны подарками, то это также доставляетъ удовольствіе и радующимъ хозяевамъ, тѣмъ болѣе что они для общаго, а также и своего удовольствія, приобрѣли Оркестръ-Манопанъ, подъ который съ такимъ увлеченіемъ танцуетъ приглашенная молодежь, какъ видно на правомъ верхнемъ рисункѣ. На лѣвомъ же верхнемъ рисункѣ изображено, какъ нѣсколько человѣкъ составили компанію и играютъ квартетъ, для чего такъ хорошо подходитъ всеобщая теперь въ моду Американская фисгармонія, дѣйствительно заслуживающая свою популярность. Вообще весь рисунокъ осуществляетъ собою слова извѣстнаго критика В. Вѣлискаго, что «Вліяніе

музыки на человѣка благотвно». Желающимъ приобрести музыкальные инструменты, могу предложить ихъ лучшаго качества по слѣдующимъ дешевымъ цѣнамъ:
 Скрипки въ 2 1/2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 руб. и дороже.
 Смычки для нихъ въ 50 к., 1, 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 30 и 60 руб.
 Виолончели въ 20, 35, 50, 75, 100, 150 и 200 р.
 Смычки для нихъ въ 2, 4, 6, 10, 15, 30 и 60 р.
 Цитры въ 10, 15, 25, 40, 60, 80, 100 и 125 р.
 Гитары въ 3 1/2, 5, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 руб.
 Корнеты-а-пистонъ въ 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100, 125, 160 и 275 руб.
 Флейты въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и 160 р.
 Кларнеты въ 7, 12, 18, 25, 30, 45, 60 и 75 р.
 Музыкальныи шатуны малыя въ 2, 3 1/2, 6, 10, 15 и 18 р.
 большія въ 22, 30, 45, 55, 65, 70, 80, 150 и 200 руб.
 Симфоніоны малые въ 10 и 20 руб.
 большіе въ 40, 60 и 100 руб.
 Серафинъ, нов. орг. для дѣтей, съ 6 пѣс. 15 р.
 Всѣ другіе музыкальные инструменты, принадлежнсти къ нимъ, шкату и всевозможныи ноты имѣются у меня въ огромномъ выборѣ по дешевымъ цѣнамъ.
 Армоніонъ-Органъ съ 10 пѣсами 25 руб.
 Гармоніоны съ 10 пѣсами по 28 и 32 руб.
 Фисгармоніи-Органъ съ 10 пѣсами 35 руб.
 Оркестръ-Манопанъ съ 10 пѣсами 80 р.
 Гармонія лучш. въ мірѣ фабрики І. Ф. Кальбе: однопядная въ 4 1/2, 5 1/2, 6, 7, 7 1/2, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
 двупядная въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 22, 25, 28 и 30 руб.
 трехпяд. въ 60 р. и вѣсѣми въ 30, 50 и 75 р.
 Англискія концертныи въ 24, 32, 45, 55, 75, 100, 125, 140, 160, 175, 200, 250 и 275 р.
 Фисгармоніи: французскія въ 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р.
 американскія въ 110, 150, 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 р.
 Пяноно въ 400, 425, 450, 500, 550, 800, 100, 950, 1000 и 1200 руб.
 Рояли въ 550, 650, 750, 850, 900, 1000, 1200, 1400, 1500, 1800, 1800 и 2000 руб.
 Ноты въ переплетѣхъ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталоги нотъ бесплатно.

Въ С.-Петербургѣ,
 Большая Морская,
 № 36 и 42.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

Въ Москвѣ,
 Кузнецкій Мостъ,
 домъ Захарьина.

АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛѢ ВЫПИЛИВАНІЯ
 (АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)
 дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 400 рисунковъ разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго туалетнаго зеркала со шкатулкой.
 Цѣна альбома 1 р., съ пересылкою 1 р. 30 коп.

**ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ**
А. Н. Майкова.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб. Для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 руб. 25 коп., въ переплетъ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

**НОВЫЙ БОЛЬШОЙ
АЛЬБОМЪ**
РИСУНКОВЪ ДЛѢ ВЫПИЛИВАНІЯ,
 состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.
 Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ силъ: въ немъ включена масса причудливыхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ.
 Цѣна этого изданія въ изящной литографированной оберткѣ 1 р. 30 коп., съ пересылкою 1 руб. 60 коп.

Подарки къ Праздникамъ!

Изданія А. Ф. Маркса, СПБ. Невскій, № 6.
 Новое большое роскошно иллюстрированное изданіе in folio сочиненія Гёте „ФАУСТЪ“

**ДВУНОГІЙ
ВОЛКЪ.**
 РОМАНЪ
 въ 2-хъ частяхъ,
 Н. Н. Каразина
 съ 20-ю рисунками автора.
 Изданіе 2-е. Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 30 коп.; въ коленкоровомъ переплетѣ 2 руб. 75 к., съ пересылкою 3 р. 25 к.

Обѣ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю астаманами, гравированными на мѣди и 132-ми гравюрами на деревѣ. Съ полными объясненіемъ и комментаріями переводчика.

Фаустъ и духъ земли.

Образецъ гравюры на мѣди (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте.

Классически образцовый переводъ А. Фета не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, тѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Рисунки АНГЕЛЬВЕРГА, ЗЕЙВЕРТЦА, и исполненіе аналитичными гравюрами: Ааріаномъ Шлекхомъ, Альбертомъ, Ингле и друг.

**РАЗСКАЗЫ
И
ОЧЕРКИ**
 ВС. СОЛОВЬЕВА.
 Изданіе, заключающее въ себѣ 13 рассказовъ и очерковъ, напечатанныхъ на лучшей веленовой бумагѣ, съ украшениями и вѣнечками въ началѣ и въ концѣ каждой главы. 473 стр. Цѣна 2 р. 50 к., для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ 1 руб. 50 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ 2 руб. 25 коп., за пересылку 50 коп.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
 ВС. СОЛОВЬЕВА.
 Романъ - хроника XVIII вѣка въ 3-хъ част. Романъ этотъ обнимаетъ эпоху вѣрованія и изложенія Царевны Софіи. Изд. 2-е. Цѣна 2 р., для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ 1 руб. 50 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ 2 руб. 25 коп., за пересылку 50 коп.

**ПОВѢСТИ
И
РАЗСКАЗЫ**
 П. П. Гнѣдича.
 Большой томъ, заключающій въ себѣ 12 рассказовъ, на 486 стран., украшенный массою вѣнечекъ. Цѣна 2 руб., для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ 1 руб. 50 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ 2 р. 25 коп., за пересылку 50 коп.

**ВЪ СТАРОЙ
МОСКВѢ.**
 Графа Е. А. Салиаса.
 Историческій романъ времени востества на престолѣ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 2 руб. 50 коп., для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ 1 руб. 50 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ 2 рубля 25 коп., за пересылку 50 коп.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ
 (Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и Домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр.)
 съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней,
 въ популярномъ изложеніи
П. П. Гнѣдича.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 превосходными гравюрами въ текстѣ. Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 руб.; въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золот. тисн. 7 руб., съ перес. 8 р. 50 коп.

**ШЕСТЬ
РАЗСКАЗОВЪ**
 Н. МОРСКАГО
 (Лебедева).
 Съ 118 рисунками и вѣнечками Н. Н. Каразина.
 Содержание: 1) Дяденька. 2) Уличная пѣвица. 3) Ночь. 4) Обезьянка. 5) Грѣхъ-ли это? 6) Кувшинчикъ. Цѣна 2 руб., для гг. подписчиковъ „НИВЫ“ за 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ 2 руб., съ пересылкою 2 руб. 50 коп.

ОСКОЛКИ

Подъ редакціей Н. А. Лейкина.

Ежедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ большаго формата съ картинками (въ краскахъ и черными). № 4199 3—3

52 мм въ годъ: до 800 рисунковъ, до 1300 статей: ребусы, шарады, загадки на премію.

Всѣ ГОДОВЫЕ подписчики получаютъ **БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ:** новую книгу Н. А. Лейкина

„ПОДЪ ОРЪХЪ“

сборникъ рассказовъ, въ изящномъ изданіи, съ художественными ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна за журналъ: на годъ съ перес. и дост. 8 р., на годъ безъ перес. и дост. 7 р., на полгода съ перес. и дост. 5 р., на полгода безъ перес. и дост. 4 р., на три мѣс. съ перес. и дост. 3 р.

♦ На пересылку премія заказною бандеролью гг. иногородные подписчики благоволятъ высылать 28 коп. деньгами или почтовыми марками.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ, въ Троицкой ул., д. № 18—20.

Редакторы-издат.: Н. Лейкинъ и Р. Голкинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ДѢТСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА“

Цѣна на 12 книгъ съ 2-ма даровыми преміями, съ доставкой и пересылкой

3 р. За границу 5 р.

Съ 1888 г. въ журналѣ „ИГРУШЕЧКА“ введень отдѣлъ французскаго языка съ подстрочными русскими переводами.

„ИГРУШЕЧКА“ СЪ ОТДѢЛОМЪ

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“

5 рублей. За границу 7 рублей.

Отдѣлъ „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“ печатается крупнымъ шрифтомъ со многими соответствующими рисунками картинками.

Въ этомъ отдѣлѣ помещаются: пѣсенки съ нотами, сказки, загадки и разныя забавныя стишки въ рисункахъ.

Задача этого отдѣла дать **МАЛЮТКАМЪ**

едва начинающимъ читать занимательное чтеніе, въ то время когда они случаются играть въ безответныя игрушки.

Отдѣльной подписки на отдѣлъ „Для малютокъ“ нѣтъ. № 4231

Требованія адресовать: въ редакцію журнала „Игрушечка“, С.-Петербургѣ, Сергіевская, д. № 24.

Редакторъ-издательница А. Тюфяевъ-Толмачева.

ФОТОГРАФІЯ ЕВНЕВИЧА

въ С.-Петербургѣ, по Лиговск., домъ № 68, мансское Разъѣзжей.

Специально занимается копіями и увеличеніями съ фотографическихъ карточекъ и портретовъ. № 4219

Иногородные заказы исполняются въ теченіе 10 дней. Цѣны не дороги, по требов. выслаются. На отвѣтъ 7 к. марку.

СЕМЬ РАЗЪ УДОСТОВЕРЕННУЮ НАГРАДУ. СКРИПКИ.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1 1/2—50 мар. Фугляры 3 1/2—40 мар. Цитры 10—300 мар. Гитары 6—30 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовныя инструменты. Нѣмая скрипка для учебы (собств. изобрѣт.). Мастерская для поправки. Рекомендация отъ Вильгельма, Саратея, Сора, Зягеръ и проч. Подлѣбная гарантія. Прейс-куррантъ безплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ. Фабрика струнныхъ инструментовъ. Ц. № 4121 Крейцбахъ. 9—4

ЭЛЕОНАТЬ

1880 ДЕСЯТЬ ЛѢТЬ 1890 въ употребленіи.

Средство противъ перхоти головы. ПОЛУЧИТЬ МОЖНО ВЕЗДѢ.

Провизора КИНУНЕНА.

Цѣна флакона 1 рубль 50 коп. № 4197 (3) Пров. КИНУНЕНЪ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МЪХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА

П. М. ГРИНВАЛЬДЪ

въ С.-Петербургѣ

ПЕРЕВЕДЕНЪ НА НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемирной Парижской Выставкѣ 1889 года „ВНѢ КОНКУРСА“

Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

Адресъ для телеграммъ: ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДЪ.

Во всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахерскихъ въ Франціи и за границей.

VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHATELAIN, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 9767 (189)

ЭКСТРАКТЫ КВАДРУПЛЬ ЛОЗЕ:

ЛОЗЕ „ЛАНДЫШЪ“, ЛОЗЕ „ДИКИЙ ЯСМИНЬ“, ЛОЗЕ „ЗОЛОТАЯ ЛИЛІЯ“.

НОВО!! ЛОЗЕ „ЧТО ХОТИТЕ“ ДУХИ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ,

9—4
46. Гегерстрассе, Берлинъ, придворный парфюмеръ. № 4054

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

Собств. издѣлія продаются по вновь установленнымъ цѣнамъ:

съ 3 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к.
" 7 " " съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей

Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

І. Ф. МЮЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова. Иллюстр. прейс-куррантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (17) Ц. № 3884

Торговцамъ дѣляется скидка.

ПОСТУП. ВЪ ПРОДАЖУ У ИЗВѢСТН. КНИГОПРОДАВЦЕВЪ

СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ СТУПИНА,

изячно отпечатанъ на хорошихъ бумагахъ больш. форм. убор. шрифтомъ на 68 стр., съ портретами, иллюстраціями и съ приложен. Стѣннаго Календаря и карты Россіи, печатанной красками.

Цѣна 15 к., съ перес. подл. бандеролью 28 к.

Календарь „СОВРЕМЕННЫЙ“ вмѣщаетъ въ себя справочные отдѣлы (духовныя и свѣтскіе), являющ. въ особенн. полнотою и вниманіемъ къ дѣлу, въ формѣ, вполне удобной для пользованія ими. Справочные отдѣлы дополнены свѣдѣніями о дѣйствующихъ государственныхъ учрежденіяхъ Россіи. Отдѣлы Статистическій и Историческій составлены по послѣднимъ новѣйшимъ даннымъ. Статьи и замѣтки, помещенныя въ календарь, имѣютъ задачей указать на характеръ событій текущей политической жизни въ Европѣ и дать подробную справку о событіяхъ историческихъ.

1890

БИБЛИОТЕЧКА СТУПИНА, изящно иллюстрированныя ДѢТСКІЯ КНИЖКИ.

Первинка.	Чудесныя животныя.	Поздравительныя стихи хотовренія.	Алеша-Половичъ.
Азбучка Крошка.	Чародѣй.	Три царств. природы.	Садко и Васыня Буслевы.
Дѣтскія пѣсенки.	Приключен. Коля.	Степка Растрепка.	Илья Муромецъ.
Книжки-Малютка.	Забавы. Колодезь.	Освобожденіе Руси.	Добрыня Никитичъ.
Бабуш. сказки.	Всего по немногу.	Крѣпость.	О рыбахъ и рыбкѣ.
Елса. Балагуръ.	Франц. азбучка.	Красный сарафанъ.	О царѣ Салтанѣ.
Дѣтск. малолѣтки.	Промыслы Мишки Толтыгина.	Конецъ-горбунокъ.	О мучцѣ Остолопѣ.
Стар.-Годовая.	Ариемет. крошка.	Царь-богатырь.	О мертвой царевнѣ.
Русскія басни.	Ручныя тѣни.	Лисичка-сестричка.	О золотомъ пѣтушкѣ.
Собака. Кошка.	Мален. рисовал.		
Обезьяна.			
Матушка Москва.			

Всѣ вышеозначенныя книжки по 10 к. На рубль высылается 10 книж. * Въ одной изящной папкѣ 10 книж. Ц. 1 р. 20 к., въ коленк. пер. 1 р. 50 к. * № 4228

Адресъ А. Д. Ступину: Москва, Никольская, рядомъ съ Ремесленн. Управой. Въ СПБ. складъ у Тузова и Кузина.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛО: СНѢГУРОЧКА

Кое-что о малюткахъ въ стихахъ и шуткахъ. Въ изящ. перепл. 90 коп., съ перес. 1 руб.

ВОЛГА отъ Оки до Камы.

Новое сокращенное изданіе въ 2 томахъ, съ картами къ первому тому. № 4222

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 70 к.

ИЗДАНИЯ ПРИДВОРНАГО КНИЖНАГО МАГАЗИНА

Г. ШМИЦДОРФЪ (Р. Гаммершmidtъ). Невскій пр., 4.

Поздравляем! Открыта подписка на 1890 год!
XV годъ. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮРИДИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ годъ XV.
„СТРЕКОВА“
ОРГАНЪ ЛЮБОМУДРІЯ, ОСТРОСЛОВІЯ и ВЕСЕЛОПРАВІЯ.

Цѣль изданія похвальная и всегда желательная.—Средства благородныя и возвышенныя.—Мораль—строгая и капитальная.—Область компетенціи—мирозданіе.—Характеръ шутливый и рѣдкій; никогда не унывающей.—Наружность щегольская и представительная.—Языкъ словоохотливый. Правословіе—академическое.—Галерея рисунковъ.—Энциклопедія свѣдѣній и фактовъ.—Сокровищница стиховъ.—Электрическое освѣщеніе, телефонъ и безплатная прививка оспы дѣтямъ годовыхъ подписчиковъ.—Много медалей со всемирныхъ выставокъ.

Избранная журналомъ за 1890 года ПРЕМІЯ будетъ вполнѣ чрезвычайная. Ничего, подобнаго ей, не было и не будетъ. Годовые подписчики получаютъ большой и роскошный альбомъ подъ названіемъ:

„НАШИ ТЕЩИ“

На исключительную эксплуатацію вопроса о тещахъ взята нашимъ журналомъ особая привилегія изъ департамента мануфактуръ и торговли. Тещи, какъ известно, вездѣшущи, всевѣдущи и всемогущи. Раньше боролись съ ними только описательно—перомъ. Теперь „Стрекова“ изобразитъ ихъ графически—карандашемъ.

Альбомъ „Наши Тещи“ будетъ заключать въ себѣ 12 наиболѣе типичныхъ, экспрессивныхъ и характерныхъ тещиныхъ головокъ.

Для составленія Альбома, вмѣстѣ съ этимъ открывается и объявляется всероссійской конкурсъ. Мы обращаемся съ покорною просьбою ко всемъ зятямъ любезно присылать намъ (разумется подъ секретомъ) фотографическія карточки тещъ.

Конкурсъ будетъ закрытъ 15 марта будущаго 1890 года. Каждая преміированная, вошедшая въ составъ альбома, теща получитъ отъ „Стрекова“ благодарственное привѣтствіе въ стихахъ, флаконъ восточныхъ духовъ и хромолитографированный дипломъ на званіе почетной образцовой тещи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ дост. на годъ 8 р. 50 к. „ „ полгода 4 „ 25 „ съ дост. на годъ 9 „ — „ „ „ полгода 4 „ 50 „ годовые подписчики безъ доставки, вносяще по 4 р. 75 к. и годовые съ доставкой, вносяще по 5 р. за каждое 1/2-годіе, пользуются тоже премією.	Во всѣ города Имперіи: на годъ съ пер. преміей 10 р. на 1/2 года безъ преміи 5 р. Годовые подписчики, вносяще по 5 р. 50 к. за каждое 1/2-годіе, пользуются тоже премією.	За границу: на годъ съ премією 12 р. по 1/2-годіямъ безъ преміи . . . . . 6 „ Годовые подписчики, вносяще по 7 руб. за каждое 1/2-годіе, пользуются тоже премією. № 4227 2—1
--	--	---

Редація и Контора помещаются: 74, Фонтанка, на углу Лештукова пер.
 Издатель Г. И. Корнфельдъ. Редакторъ И. Ф. Василевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ
 на литературно-политическій журналъ

ГОДЪ IX. **НАБЛЮДАТЕЛЬ** ГОДЪ IX.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, *перваго числа*, книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ, *безъ предварительной цензуры*.

Въ книгахъ 1890 года будутъ напечатаны: 1) „Сердце скажетъ“, романъ *Максима Бялинскаго*; 2) „Малышъ“, повѣсть *Н. О. Бажина*; 3) „Занать“, рассказъ *К. С. Баранцевича*; 4) „Пустое зерно“, повѣсть *П. Лытнева*; повѣсти и рассказы: *П. В. Засодимскаго*, *Ф. Д. Нефедова*, *Д. Сибиряка* и мн. др.

Годовая цѣна: 12 р. безъ доставки; 13 р. съ доставкою; 14 р. съ пересылкой иногороднымъ; за границу—17 р. За полгода 7 р. съ перес. во внутрен. губерніи.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Канторѣ журнала (уголь Стремляной и Владимірской ул., д. № 1—6). № 4228 2—1

Редакторъ-Издатель **А. П. Пятковскій.**

Адвонатъ, архитенторъ, врачъ, купецъ, офицеръ, фабрикантъ или другое лицо можетъ за плату отъ 25 до 47 руб. въ годъ (смотря по роду занятій) застраховать въ Страховомъ Обществѣ „Россія“ 10,000 руб. на могуція произойти вслѣдствіе несчастнаго случая смерть или инвалидность. Съ третьяго года страхованія годичные взносы уменьшаются. Страхованія принимаются танне съ условіемъ возврата всѣхъ уплаченныхъ взносовъ наследникамъ или же самому застрахованному, по достиженіи имъ 65-лѣтняго возраста.

Справиться въ Главной Канторѣ Страховаго Общества „Россія“ (С.-Петербургъ, Большая Морская, 13) или у агентовъ въ городахъ Имперіи. По требованію высылаются безплатно подробныя брошюры. № 3925 4—4

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ
 на Театральный, Музыкальный и Художественный журналъ

АРТИСТЪ

Въ вышедшихъ 3 нумерахъ между прочимъ помѣщенъ: О цѣляхъ и задачахъ нашего журнала, ст. С. А. Юрѣва и В. А. Гольцева. Донъ-Карлосъ, тр. Шиллера, пер. И. И. Грекова, рис. костюм. гр. Ф. Л. Сологуба. По дорогѣ изъ театра, ст. проф. А. Н. Веселовскаго. Старый комикъ, разск. И. А. Салова. Бордзеля, пов. И. Л. Щеголова. Мабетъ, ст. проф. Н. И. Стороженко. Деревенскій театр, ст. С. А. Юрѣва. „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, ст. И. Иванова. Критическія статьи: П. Д. Боборынина, И. И. Иванова, С. Н. Круглинова, П. А. Москалева, А. А. Филонова, В. А. Четотта и др. Воспоминанія о Ф. С. Потанчиковѣ, М. П. Садовскаго. „Petit prelude“ для ф.-п., Ц. А. Кюи. Вальсъ „Шутка“ для ф.-п. П. И. Чайковскаго. „Сновидѣніе“, романсъ А. С. Аренскаго и „Ильсена безъ словъ“, П. И. Бларамбаерга. Курскъ театр. грима (съ рисунк. въ краскахъ и полтиннажамъ), Н. С. Шиловскаго-Лошискаго. Сценическіе эффекты. Устройство сцены для домашнихъ спектаклей.—Въ старые годы и „Водоворотъ“, др. И. В. Шлаинскаго. „Цѣпи“, др. ин. А. И. Сумбатова. „Мышеловка“, шутка И. Л. Щеголова. „Подъ властью сердца“, др. И. Н. Лодыженскаго. „Разладъ“ В. А. Крылова. „Лебединая пѣсня“ („Калхасъ“), драм. этюдъ А. П. Чехова. „Золотая рыбка“, И. А. Салова и И. Н. Ге. „Машинъ“, ком. С. Н. Терпигорева. „Предложеніе“, шутка А. П. Чехова. Портретъ Г. Н. Бедетовой (фототипія Альберта въ Мюнхенѣ). „Милостыни“, картина Фриана „Бабушка и внучка“. Сеня—И. А. Трутовскаго. „Старые соловьи“. Рисунокъ Л. О. Пастернака (три фототипографуры Гупиль и Ко, въ Парижѣ). „Отецъ и сынъ“. Кар. А. С. Степанова. (Фототипія Бернарды въ Парижѣ). Портретъ А. Г. Рубинштейна. (Фототипія). С. А. Юрѣвъ. Набросокъ съ натуры К. А. Трутовскаго. № 4220

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ теченіе зимняго сезона (7 разъ въ годъ). Подп. цѣна за годъ 9 р., съ пер. 10 р., допускается разсрочка. Отд. № 4 по 2 р. Подписка принимается и отд. № 4 продается въ **конторѣ редакціи** (Москва, Кудринъ, Садовая, д. Бартелсъ) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и старинныхъ магазинахъ.

съ 1858 г. Открыта подписка на 1890 г.
 на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ
 СЪ КАРРИКАТУРАМИ

„РАЗВЛЕЧЕНІЕ“

Журналъ даетъ въ годъ 200 картинъ крашенныхъ, всѣхъ годовъ живописи, нѣсколько иллюстрацій къ романамъ и повѣстямъ, массу карриатуръ и 12 большихъ ежемѣсячныхъ картинъ—приложеній и иллюстрированныхъ

КАЛЕНДАРЬ.
 Всакій годовой подписчикъ на „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“ получитъ, при подпискѣ же премію—большую картину, исполненную масляными красками:

ИЗУВЪРЫ РАСКОЛА П. № 4198 4—3
(БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА у протопопа Аввакума).

За пересылку преміи, въ виду увеличенія поштатомъ пересылочной платы почти вдвое, гг. подписчики прилагаютъ одинъ рубль.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ въ Москвѣ безъ доставки съ преміей	6 р. с.
На пересылку преміи въ Москвѣ	50 к.
На годъ съ пересылкой и доставкой во всѣ города	6 р. с.
На пересылку преміи во всѣ города	1 „
На полгода въ Москвѣ безъ доставки	3 р. 50 к.
Съ доставкой во всѣ города	4 р. с.
На 3 мѣсяца	2 р. с.
За границу	8 р. с.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Зацѣпная ул., д. Щеголова, въ конторѣ Н. Печковской: Москва, Петровскіи линіи, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и др. городахъ Россіи.

Изд. П. Щеголовъ.

Всѣ названные косметическіе продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ, почему и разрѣшены С.И.В. Стол. Врачами. Управленіемъ.

- ПОДЛИННИКЪ ПАСТА EUGENIE** средство для лица. Цѣна банки 1 р. 60 к.
- БАЛЬЗАМЪ EUGENIE** изъ мятров. цвѣтовъ для декольте, лица и рукъ. Ц. флак. 1 р. 70 к.
- ЭЛЕКСИРЪ MELANGE** для волосъ. Ц. за флак. 2 р.
- ХИННО-ГЛИЦЕРИНОВ. ПОМАДА** для волосъ. Цѣна банки 2 р.
- РУМЯНА EUGENIE** жидкія, придающія щекамъ и ушамъ розов. цвѣтъ.
- РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА** Цѣна банки 1 рубль 30 коп.
- ПОДЛИННИКЪ POUDE EUGENIE** бѣлая и розов. Ц. съ пухов. 1 руб. 60 коп., № 4202 12—2 безъ пухов. 1 руб. 20 коп.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ черная, коричн. и свѣтлор. Цѣна кор. 8 руб. Рись Гутманъ.

Главное депо въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская; въ Центральномъ Аптекарскомъ Депо, Милютинъ Рядъ; у Рузанова, Гостиный Дворъ; бывшій Даразовъ, Пассаажъ, № 15—17; у Сіу и Ко; у Персовъ и Тибо, Навскій пр., № 18 и въ другихъ аптекарскихъ магазинахъ. Въ Москвѣ: у К. И. Феррейна, Никольска и въ другихъ аптекарск. магаз., а также можно получать во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ всей Россіи.

Сибирекій Торговый Домъ
„БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“

въ Москвѣ,
 контора и главный складъ на Малой Дмитровкѣ, въ д. Алехиной,
 доводитъ до свѣдѣнія гг. покупателей, что съ 20 ноября сего года
 поступили въ продажу

КЯХТИНСКІЕ ЧАИ

развѣшанные подъ надзоромъ таможеннаго контролера и оклеенные установленной Правительствомъ таможенной бандеролью.
 Цѣны отъ 1 р. 40 к. до 3 р. за фунтъ. Оптовымъ покупателямъ дѣлается уступка 15% со всѣхъ сортовъ. Прейсъ-курранты по требованію высылаются безплатно. П. № 4184 2—2

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ И ИГРЪ.

Основана в 1873 году. МЕДАЛИ на выставках в Брюссель, Филладельфи, Париж (два), Москва, С.-Петербург (медаль Императорского Технич. Об-ва) и др.

предлагает в **БОЛЬШОМЪ ВЫБОРЪ** Образовательныя игры, занятія, игрушки и забавы, учебн. гигиенич. столы, волшебные фонари, дѣтскія книги, гимнастическіе приборы и проч.

Болѣе 150 собств. изданій.

Выборъ изданій лучшихъ русскихъ и иностранныхъ производителей.

Рождественская выставка открыта 4 декабря.

Между прочимъ продаются:

- Азбука-лото 70 к.
- Буквы-картинки для маленькихъ дѣтей, ц. 1 руб.
- Дѣланіе цвѣтовъ изъ бумаги. 2 р. 50 к.
- Клейкая бомбоньерка, 24 бомбоньерки. 1 р. 80 к. и 3 р. 60 к.
- Волшебный фонарь съ колески. картинъ для 5 сказокъ съ 5-ю книжками 6 р. 40 к.
- ЛЮБИМЫЯ СКАЗКИ въ дѣтскихъ стихкахъ съ рельефными картинками, 2-е изданіе, въ папкѣ 1 руб.
- Король Лиръ съ 10 рисунками, рассказъ по Шекспиру А. Н. Капачевъ, ц. 15 коп., въ папкѣ 30 к.
- Принцъ въ лохмотьяхъ по Марку Твену разск. С. Брагинская, съ 59 рис., цѣна 20 к., въ папкѣ на велен. 60 к. и проч.
- Пересылка съ надлежащимъ платежемъ.
- Катал. волшебн. фонарей и картинъ (перечень около 6.000 картинъ) высыл. за 28 коп. № 4225
- Справочный списокъ съ рисунками высылается за 5 коп. марку.

11, Троицкая ул., 11.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.

21 декабря выйдетъ и поступитъ въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, № 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ за 1889 г.

заключающій въ себѣ 1,300 стр. разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разск. А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ М. В. Крестовской—„Торжество Юліи Андреевны“, большой ром. въ 2-хъ част. В. И. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоколовъ“, историч. ром. въ 2 част. графа Е. А. Салиаса—„Барыни-крестьянки“, разск. кн. Д. Голицына-Муравлина—„Увлеченіе“, разск. П. Дорошенко—„Нто-не“ и массу другихъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологич, гигиенѣ, живописи и мн. др. Кроме того нѣсколько художественныхъ приложений—важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія дров. растенія Россіи, Росс. Импер. ордена и проч., печат. красками, большой сборникъ новѣйшихъ повѣстей и разсказовъ (томъ 484 стр.) и большая олеографическая картина профес. В. Д. ОРЛОВСКАГО:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всеми безплатными преміями и приложениями:

Броширован. . . . . 4 р. Въ колѣнч. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою до 2000 . . . . . Съ пересылкою до
версты . . . . . 6 р. 2000 версты . . . . . 7 р. 50 к.
Свыше 2000 версты за пересылку прилагается по разсчету за 13 фунтовъ.

КРЫШИ для перелета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго календора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1889 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 60 к.

!! НОВОСТЬ !! Интер. и деш. подарки для любит. Компл. инстр. и руковод. для молочн. дѣла у **Бр. ЛИНДЕМАНЪ.** Москва, Мясницкая, 6. Цѣна 12 р. 50 коп.

МЕДНО-НОТЕЛЬНОЕ, ЛИТЕЙНОЕ И МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Николай Александровича Курбатова, въ городѣ Устюжѣ, Новгородской губерніи.

Непрерывно-дѣйствующіе выкоуренные аппараты, виноочистительные аппараты новейшей конструкціи, ректификаціонные аппараты. Паровые и для привода. Брашеры и водные насосы, краны, золотники, арматуры и проч. имѣются готовые при заведеніи.

Заказы изготовляю быстро и аккуратно. Цѣны умеренныя. Сметы, планы и чертежи высылкаю по первому требованію. 5—5

ПИСЬМУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всехъ Министерстввахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд. Преис-курантъ, содерж. многочисленныя отаганы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ** Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

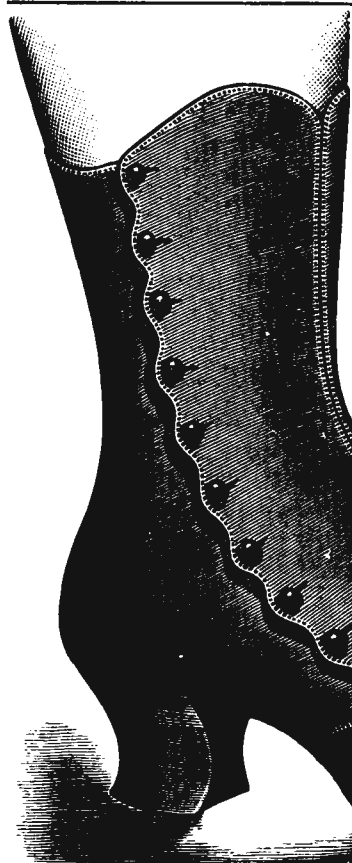

НОВЫЯ КНИГИ Соч. Н. Энгельгарда. Стихотворенія. Ц. 75 к.—Сказки. Ц. 75 к., съ пересылкою 1 руб. СПБ. У А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 46, и во всѣхъ книжн. 3-1 ныхъ магазинахъ. № 4224

АДРЕСЫ всѣхъ спеціально-стей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (С. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5,000,000 адресовъ за 40 коп. почт. марками франко.

НАША

обувь всегда снабжена на подошвѣ нижеприведеннымъ клеймомъ, утвержденнымъ Департаментомъ Торговли и Мануфактуры.

№ 4111 8-7

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА И ОГОРОДНИЧЕСТВА 1890 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства подѣ редакціею **В. П. Кутузова** (СПБ., Лѣной Институтъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 2 листовъ текста съ двумя хромолитографіями и разными рисунками въ текстѣ. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива“ (СПБ., Невскій просп., № 6) и у казначея Общества Э. И. Эндеръ (СПБ., Импер. Ботанической Садъ). Цѣна 8 рублей за годъ. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ редакціи „Нивы“.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій пр., № 21. **ДЛЯ ЕЛКИ**

Фабричная марка. Золот. медаль. Парижъ. 1889. Парафиновые свѣчи, Бенгалскіе огни приготовленн. съ разрѣш. С.-Петерб. Врачебн. Управленія. Свѣтъ магnezіумъ для яркаго освѣщенія. Зажигательная нитка. **БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ** р. № 4210 3-2 **ТОЛЬКО ЧТО ПОЛУЧЕННЫХЪ** изъ Парижа новѣйшихъ и красивыхъ

ПРЕДМЕТОВЪ ДЛЯ ПОДАРОКОВЪ. Единственные магазины въ С.-Петербургѣ: 1) Невскій проспектъ, д. Католической церкви, № 32, 2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66, 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, д. Шредера, № 18—54. (Оптовая и розничная продажа). Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, д. Третьяковскихъ.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Штильманна. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XX г. № 52 1889 г. XX

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.).
Выдаѣтъ 23 декабря 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (¼ шпр.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ . . . . . 5 р.

Съ доставку въ Пе-
тербургъ . . . . . 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою . . . . . 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говъхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Всѣмъ всякой доплаты за пересылку главной премии.

И. И. Шишкинъ.

Иванъ Ивановичъ Шишкинъ родился 13 января 1831 года въ городѣ Елабугѣ, Вятской губ. Отецъ его, купецъ 2-й гильдіи, Иванъ Васильевичъ, замѣтно выдѣлялся среди своихъ согражданъ любознательностью и настойчиво стремился дать своему сыну возможное образованіе. Съ этой цѣлью, въ 1845 г., мальчикъ былъ отданъ пансіонеромъ въ 1-ю Казанскую гимназію. Въ наше время трудно даже повѣрить, что представляла тогда эта гимназія. Это было заведеніе съ очень жестокими правами и порядками; воспитанники проявляли полную разнузданность физической силы и инныхъ добродѣтелей; чуть не еженедѣльно старшіе, великовозрастные ученики дрались цѣлой толпой съ сосѣдними гимназистами, а дома, въ заведеніи, немилосердно били и истязали малолѣтнихъ, и особенно цовичковъ, заставляя ихъ исполнить порученія самаго возмутительнаго свойства. Отъ жалкихъ отрывковъ и начаткахъ чего-то болѣе походжаго на школьную грамотность, чѣмъ

И. И. Шишкинъ. Профес. пейзажной живописи. Съ фот. Сорокппа, грав. Шюблеръ.

на образованіе, которые давала своимъ питомцамъ 1-я Казанская гимназія, — и говорить не стоить. Съ первыхъ же шаговъ Шишкинъ встрѣтилъ въ этомъ заведеніи самую горькую участь; до сихъ поръ нашъ художникъ не можетъ говорить спокойно о той массѣ физическихъ и нравственныхъ оскорбленій, которая ему пришлось вынести въ этомъ заведеніи. Не докончивъ курса въ гимназіи и чувствуя непреодолимое влеченіе къ живописи (что ставилось ему въ тяжкій грѣхъ тогдашнимъ гимназическимъ начальствомъ), Шишкинъ умолялъ своего отца отпустить его въ Москву, съ ѣхавшимъ туда, по своимъ дѣламъ, родственникомъ — Д. И. Стахъевымъ, припавшимъ на себя поначеніе и о дальнѣйшей судьбѣ юноши. Здѣсь Шишкинъ поступилъ въ Училище Живописи и Ваянія, подъ непосредственное руководство А. П. Мокрицаго, и въ 1855 г., пройдя всѣ классы, перешелъ въ Петербургъ, въ Академію.

Питая склонность къ пейзажной живописи, горячо любя природу своей родины — онъ увидѣлъ

себя въ тогдашней Академіи (1855 г.) почти одинокомъ: не та была пора и не о родномъ пейзажѣ тамъ тогда думали; все было предано изученію слѣдковъ, головокъ, ручекъ и торсовъ у величественныхъ боговъ и полубоговъ сѣдой древности, и пейзажистъ нашъ не нашелъ въ Академіи того, къ чему стремился. Получивъ, затѣмъ, большую золотую медаль, Шишкинъ уѣхалъ за-границу, испросивъ себѣ небывалое право—половину срока посвятить на изученіе русскаго пейзажа, оставивъ остальную половину на изученіе всяческихъ Швейцарій, Тиролей и иной заморщины. Прежде всего Шишкинъ поѣхалъ въ Мюнхенъ, потомъ въ Цюрихъ къ Коллеру и затѣмъ въ Дюссельдорфъ. Въ послѣднемъ городѣ, на какой-то годичной выставкѣ, нашъ художникъ, робко и нехотя, рискнулъ выставить свои рисунки перомъ—и успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія. Доходило до того, что совершенно неизвѣстныя лица раскланивались съ нимъ на улицѣ, дѣлали ему оваціи въ разныхъ лавочкахъ, и т. п. Возвратясь изъ-за границы, Шишкинъ, поселился въ Петербургѣ и съ тѣхъ поръ произвелъ множество превосходныхъ пейзажей и рису-

нокъ перомъ, высоко цѣнимыхъ знатоками. Въ 1865 году онъ получилъ званіе академика, а затѣмъ и профессора. Въ послѣдніи десятокъ лѣтъ постоянно участвуетъ въ выставкахъ Товарищества передвижныхъ выставокъ, членомъ котораго состоитъ съ самаго его учрежденія. Говорить о выдающихся картинахъ нашего художника мы не будемъ: онъ всѣ на виду и на памяти; ограничимся только указаніемъ, что мы не знаемъ другаго художника, который обладалъ-бы такимъ безуречнымъ рисункомъ и который съ такою правдой, съ такою горячей любовью къ своей родинѣ и къ своему дѣлу воспользовался бы на свои холсты нашу русскую, близкую всѣмъ намъ природу. Что же касается русскаго лѣса, то въ изображеніи его Шишкинъ не имѣетъ соперниковъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно видѣть воспроизведенныя въ краскахъ факсимиле двѣ картины его: „Сосновый лѣсъ“ и „Запущенный паркъ“, которыя „Нива“ даетъ въ премію своимъ подписчикамъ на 1890 годъ (уменьшенныя копіи въ гравюрахъ помѣщены въ № 45 „Нивы“ 1889 г.).

Барыни-крестьянки.

Историческій романъ графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Окончаніе).

XXXIII.

Около десяти часовъ утра Прасковья Андреевна позвала дворовую женщину, жившую рядомъ съ ихъ горницей въ каморкѣ и обращающуюся съ ними сдержанно, но вѣжливо. Она попросила женщину побыть нѣкоторое время около ребенка и присмотрѣть за нимъ до ея возвращенія.

Одѣвшись и выйдя, Полина быстро направилась къ барскому дому. Попадавшіеся ей навстрѣчу люди кланялись ей, приглядываясь внимательно къ ея лицу, а затѣмъ оборачивались и смотрѣли ей вслѣдъ.

Вся фигура, походка и лицо ея—очевидно говорили что-то и дивили встрѣчныхъ. Она миновала дворъ и вошла въ переднюю... Затѣмъ прошла двѣ горницы и не встрѣтила никого. Всюду было пусто и тихо... также, какъ бывало когда-то, въ первые дни ея ссылки сюда. И опять почувдился ей этотъ мрачный домъ—огромнымъ гробомъ.

Полина двинулась наудачу, не зная какія именно горницы занимаетъ князь, надѣясь встрѣтить и спросить кого-нибудь. Отворивъ дверь гостиной, которую она ожидала найти пустою—она вдругъ очутилась въ спальнѣ комнатѣ съ двумя кроватями стоящими у разныхъ стѣнъ... Оглядѣвшись, она мысленно ахнула и остановилась какъ приросшая къ полу. Удивиться было не трудно.

Въ очень большомъ креслѣ обитомъ сафьяномъ, со скамейкой и подушкой въ ногахъ, сидѣлъ въ замасленномъ халатѣ, покачнувшись на-бокъ и закрывъ глаза, толстый, обрюзглый, будто страшно распухшій трупъ.

Да. Это сидѣлъ не человѣкъ. Это было человѣчье грузное и опухшее тѣло, всунутое въ огромное кресло между трехъ подушекъ. Не сразу рѣшилась Полина повѣрить, что предъ ней сидитъ и дремлетъ, громко сопя, самъ князь Илья Петровичъ...

Она двинулась, приблизилась и позвала его. Онъ не очнулся. Она сѣла противъ него и внимательно оглядѣлась кругомъ. Вся комната была заставлена всякою мебелью, но въ ней былъ какой-то особый безобразный беспорядокъ и, помимо этого, еще безсмысліе въ сочетаніи предметовъ. На большомъ столѣ у окна стояло нѣсколько банокъ варенья, какъ въ кладовой. Рядомъ былъ красный большой сундукъ съ оловяною рѣзбой, тоже, казалось, занимавшій не свое мѣсто. Недалеко отъ постели со множествомъ подушекъ въ кружевныхъ наволочкахъ, лежало на полу что-то круглое, огромное, въ грязной простынѣ съ безобразнымъ узломъ, затнутымъ изъ четырехъ концовъ простыни, какъ-бы съ четырьмя ушами. Въ отверстія и дыры торчало грязное бѣлье. На ближайшемъ столѣ отъ князя было безчисленное множество самой разнообразной рухляди... Пузырьки съ лѣкарствомъ, баночки, грязные стаканы и

рюмки, ложки и ножи, тарелки, блюда, кастрюлька, рукомыльникъ, мѣдный тазъ, мятая въ комокъ бумага, засаленныя полотенца... А среди всего—до десятка разбросанныхъ скорлупокъ отъ разбитыхъ куриныхъ яицъ. И на всемъ слой пыли, всюду соръ, и по столу, и на посудѣ. Всюду недонитое и недоѣденное, и корки сухаго хлѣба, и обглоданныя кости жаркаго, и половинки лимона.

Общій видъ комнаты имѣлъ подобіе не спальни, не горницы больнаго, а какой-то большой конуры или логовища звѣря, берлоги...

Очевидно, что тутъ никогда по утрамъ не убирали, не мели и не чистили...

Воздухъ былъ спертый, удушливый, но съ гниловатой сыростью, точно въ склепѣ.

— Эхъ, братецъ, братецъ... какая ваша судьба! прошептала Полина и вздохнула.

И снова переведа глаза на дремавшего Илью Петровича, она снова подивилась отсутствію жизни или жизненности въ чертахъ его жирнаго, опухшаго лица. Только одно тяжелое, трудное сопѣніе служило признакомъ, что въ креслѣ завалился на-бокъ живой человѣкъ, а не трупъ.

Полина поняла, что дожидаться покуда князь очнется—напрасно. Онъ находился очевидно не въ состояніи простой дремоты, а въ болѣзненномъ забытіи, въ которомъ онъ могъ остаться дѣлые часы. Такъ ей казалось...

— Братецъ! громко произнесла она.

Князь дернулъ вѣками едва замѣтно, но не открылъ глазъ.

— Братецъ! Илья Петровичъ! еще громче выговорила Полина, наклоняясь къ нему.

Князь открылъ глаза и сталъ смотрѣть, какъ-то шурясь, будто отъ яркаго свѣта, а взглядъ его былъ тупой, почти неосмысленный, какъ у новорожденнаго.

— Братецъ, это я... Вы узнаете меня?..

Князь шелохнулся, шире открылъ глаза, лицо его слегка ожило. Онъ хотѣлъ выпрямиться и не могъ. Очевидно у него не хватало силъ справляться самому, безъ посторонней помощи, со своимъ грузнымъ тѣломъ.

— Вы узнаете меня, Полину?

— Сестрица... выговорилъ князь тихо.—Да...

— Вы хвораете... Что у васъ болитъ?

— Да. Не болитъ... Такъ... Вы...

И онъ смолкъ, вѣки стали опускаться на глаза. Полина сидѣла уже отчасти испуганная своимъ предположеніемъ.

— Братецъ! Вы знаете что я съ мужемъ въ Березопольѣ? Братецъ! громче и сильнѣе старалась она выговорить.—Вы насъ потребовали какъ крѣпостныхъ людей... Или наша жена. Мы здѣсь... Давно... Вы знаете?..

— Да... Сестрица... Мы знаете... Ге-ни-чка! безсмысленно протянулъ Илья Петровичъ, тараща глаза.

— Я пришла спросить у вас, громко и отчаянно заговорила Полина, съ ужасомъ чувствуя, что ея предположеніе все болѣе оправдывается.— Дадите-ли вы мужу, Милованову, моему мужу... отпускную... вольную? Вы ее намъ не прислали! Мы—крѣпостные! Поймите! Да еще крѣпостные вашей жены, которая ненавидитъ насъ... Поймите... Мы погибнемъ. Можете вы... написать... выдать вольную? Сейчасъ... Вы понимаете меня? Мы крѣпостные...

И Прасковья Андреевна вдругъ смолкла. Она не знала что говорить. Она видѣла, что этотъ живой мертвецъ ее не понимаетъ. Она искала словъ болѣе для него доступныхъ и понимала, что слишкомъ сокращаетъ и говоритъ не такъ, какъ нужно. А какъ говорить съ нимъ—она не знала...

— Вы мерзко, подло, предательски поступили! Не какъ дворянинъ! Какъ холопъ поступили! выкрикнула она вдругъ гнѣвно, но не сердясь, а какъ-бы пробуя послѣднее средство для пробужденія этого человѣка.— Вы не дворянинъ, не князь Березопольскій!.. Вы злой и подлый, бездушный и...

И Полина не знала что еще сказать. Приглядѣвшись къ лицу князя, она замѣтила, что онъ вдругъ усиленно заморгалъ, губы его расплылись и глуповато-кислое выраженіе смѣнило солидность...

— Геничка... Геничка... произнесъ онъ плаксиво какъ младенецъ, и слезы показались на отдувшихся толстыхъ щекахъ.

— Боже мой!.. да вы... да онъ ничего не понимаетъ! воскликнула Полина съ отчаяніемъ.— Да вы не живой! Вы—мертвецъ! злобно прибавила она.— Мертвецъ. Это хоть можете-ли вы понять? Мертвецъ... Мертвый!

— Геничка!.. громче и всхлипывая протянулъ князь.

И слезы полились ручьемъ по его лицу, даже стекали и капали на замасленный халатъ...

— О, Боже мой! прошептала Полина и невольно взялась руками за голову.

XXXIV.

Прасковья Андреевна вернулась къ себѣ въ полномъ отчаяніи.

Когда-то въ Петербургѣ, при первомъ извѣстїи, что Евгенія стала княгиней, ихъ помѣщицей, и требуетъ къ себѣ собственную крѣпостную семью Миловановыхъ—Полина не была такъ потрясена, какъ теперь. Тогда были неясныя надежды на спасеніе. Теперь не было ни тѣни чего-либо подобнаго, не было даже соломки, за которую хватается утопающій.

Полина всегда, вопреки дѣйствительности, все-таки ждала вмѣшательства князя-брата и вѣрила въ его честность, въ его сердце... Теперь оказалось, что князь уже не живой человѣкъ... Несмотря на ужасъ своего положенія, на тяжкія думы о себѣ—Полина все-таки вспоминала фигуру толстяка-идіота, заживо умершаго, и содрогалась.

„Какъ могъ онъ придти вдругъ въ это состояніе?“ думалось ей. „Съ какихъ поръ? Отчего?“

И ей приходили на память слова старика Тита и подозрѣнья всѣхъ березопольцевъ.

„Опаиваютъ? Но это вздоръ. Грудныхъ дѣтей макомъ опаиваютъ, чтобы они спали. Но и дѣти отъ этого не всегда погибаютъ, не всегда наживаютъ слабоуміе. А онъ совсѣмъ расслабленный и слабоумный, то-есть безумный совсѣмъ“.

Но не долго думала Полина объ судьбѣ князя-брата. Ея собственное положеніе являлось разуму безнадежно-гибельнымъ, безысходнымъ.

День прошелъ, второй день... а мужъ не возвращался... Но это было бы еще не страшно, еслибъ не примѣшивалось къ этому нѣчто иное, загадочное... Или загадочное, или вполне простое и ясное.

Княгиня, вернувшаяся къ ночи, рано утромъ опять уѣхала въ Прачешное.

По словамъ Тита, такового случая никогда не бывало. Вообще княгиня въ свое собственное имѣніе почти никогда не ѣздила. Эти двѣ поѣздки подрядъ удивили все Березополье. Никто ничего не понималъ.

Но Прасковья Андреевна сразу, вполне и окончательно все поняла—и похолодѣла отъ ужаса.

Она знала вѣрно „что“ происходитъ тамъ, въ Прачешномъ. Она не знала лишь, „какъ“ происходитъ. Что мужъ? Какъ ведетъ онъ себя? Быть-можетъ онъ уже наказанъ, наказываемъ? Его мучаетъ влюбленная злодѣйка... Или наоборотъ?.. Онъ уступилъ предъ страхомъ позорнаго истязанія?.. Горничная Евгенія стало-быть достигла теперь того... изъ-за чего вышла за князя, изъ-за чего потомъ подмѣнила документы, потомъ заставила мужа подарить себѣ Егора и, наконецъ, чрезъ полицію и подьячихъ добыла себѣ его сюда въ полную свою помѣщицью власть.

И думая о томъ, что дѣлается въ Прачешномъ, въ какомъ положеніи мужъ, попавшій какъ-бы въ западню—Прасковья Андреевна была близка къ умопомѣшательству, то отъ ужаса, воображая мужа истерзаннымъ, даже умирающимъ... то отъ ревности.

Среди ночи ее ожидалъ новый испугъ... Ребенокъ, котораго она сама кормила, заболѣлъ. На младенцѣ, конечно, отозвалось потрясеніе матери. Но хворь его облегчила ея положеніе. Полина забыла о мужѣ, о соперницѣ, о ревности, и всѣ ея помыслы и заботы сосредоточились надъ ребенкомъ.

Тамъ, въ Прачешномъ, было воображаемое горе, а здѣсь была дѣйствительная, видимая бѣда.

И цѣлыя сутки Прасковья Андреевна хлопотала надъ сыномъ, вслѣдствіи нянчилась съ нимъ, дѣлала припарки, поила ромашкой и радовалась, была почти счастлива, когда дѣтскій, злобно-отчаянный, но вмѣстѣ съ тѣмъ жалостливый крикъ затихалъ хотя на время.

Наконецъ, наступили четвертыя сутки, что Миловановъ былъ въ Прачешномъ, и мученія Прасковьи Андреевны приняли уже опредѣленный видъ и смыслъ. Она уже не мучилась попеременно отъ двухъ разныхъ чувствъ, то отъ состраданія, то отъ ревности... Оставалось лишь первое.

Княгиня, вернувшаяся тотчасъ же изъ своей второй поѣздки, была безвыѣдно въ усадьбѣ.

Старикъ Титъ принесъ тайкомъ извѣстїе, что княгиня „рветъ и мечетъ“, выходитъ изъ себя отъ злобы. И невѣдомо почему. Вмѣстѣ съ тѣмъ, старикъ передалъ Полинѣ извѣстїе, прося не пугаться, что Миловановъ сидитъ въ Прачешномъ запертый въ чуланѣ.

— Нагрубилъ онъ княгинѣ, сказываютъ люди тамошніе, объяснилъ Титъ.— Она собралась ужъ приказать было его поучить здорово на конномъ дворѣ, да знать васъ побоялась. Велѣла запереть въ чуланъ и держать бессрочно, покуда онъ предъ ней не повинится и покуда прощенія не попроситъ.

— Охъ, не того ей нужно! воскликнула Полина.— Не прощенія... Не грубилъ онъ ей...

Старикъ приглядѣлся къ Прасковьѣ Андреевнѣ и, смущенно потушившись, вымолвилъ тихо:

— Такъ-то и мы всѣ полагаемъ, матушка. Говорить вамъ мнѣ не хотѣлось... Да, вотъ она какая, наша Прачешная княгиня!

Старикъ ушелъ, а Полина усѣлась въ углу комнаты и предалась своимъ мучительнымъ думамъ... Новое намѣреніе, не повидавшее ее съ утра, упорно шло ей на умъ, и она снова обдумывала его въ подробностяхъ и снова приходила къ полному убѣжденію въ его неисполнимости. Она думала о побѣгѣ... Но зимой, въ деревнѣ, среди глуши полей и лѣсовъ, съ младенцемъ на рукахъ—это было немислимо. Надо было тогда рѣшиться, въ городѣ.

На слѣдующій день Полину ожидалъ послѣдній, внезапный и страшнѣйшій ударъ.

Рождество Христово. Поклонение волхвовъ. Карг. Шрадера, грав. Бонгг.

Предъ полуднемъ явился къ ней управитель и объявилъ, чтобы она собрала „мальчишку“ и укутала какъ слѣдъ, ради мороза на дворѣ.

— Сейчасъ за нимъ придуть! сказалъ онъ, странно поглядывая на нее исподлобья, какъ будто положительно стыдился собственныхъ своихъ словъ и причесая за напускную развязность.

— Кто? Что? тихо вымолвила Полина, ничего не понимая, но чуя что-то невѣроятно-ужасное.

— Вашего парнишку княгиня продала помѣщику Зубачеву... Искалъ онъ вишь на воспитаніе взять какого-либо, да все... Стойте! стойте! Что вы!.. Ахъ, бабья порода!

Управитель вскрикнулъ невольно, такъ какъ вдругъ понывшая все Прасковья Андреевна тихо ахнула, потомъ покачнулась, занаталась и упала къ его ногамъ безъ признаковъ жизни.

XXXV.

Прошла недѣля... Была темная ночь, на дворѣ выла вьюга, а митель окутала всю окрестность на пространства сотни верстъ.

Въ эту ночь, кануть большаго праздника, три члена семьи Миловановыхъ были далеко другъ отъ друга.

Прасковья Андреевна, переведенная въ другую половину дома, въ одну комнату съ тремя дворовыми женщинами—спала тяжелымъ сномъ, изрѣдка бормоча въ бреду отъ страшныхъ и дикихъ сновидѣній...

Она провела весь день съ метлой въ рукахъ, расчищая отъ снѣга дорожки близъ дома. Это была ея новая обязанность... Отдыхая отъ работы, она видѣла иногда въ окнѣ своей бывшей спальни наблюдавшую за ней фигуру княгини Евгениі Степановны. И Полина опускала глаза, опускала голову и дрожала всѣмъ тѣломъ отъ ненависти... Измучившись за день, она крѣпкимъ сномъ засыпала, но бредъ о минувшемъ счастьи преслѣдовалъ ее во снѣ. Ей снились мужъ, ребенокъ...

За сорокъ верстъ отъ Березополя, въ эту же ночь, въ усадьбѣ помѣщика-генерала, сидѣлъ за простою столлярною работою Егоръ Миловановъ, вновь купленный очень богатымъ баринномъ, суровымъ и крайне строгимъ къ своимъ рабамъ.

Миловановъ сильно измѣнился лицомъ, похудѣлъ и осунулся. Ему казалось уже лѣтъ тридцать на видъ. Онъ высидѣлъ десять дней занерты на хлѣбѣ и водѣ, въ холодной избѣ, и захворалъ простудой. Теперь, проданный генералу,—онъ проводилъ день и ночь въ работѣ, отъ которой тоже уже отвыкъ, но которой не покидалъ ни на минуту, чтобы „отговяты мысли грѣшныя“, толкавшія его въ петлю или въ прорубь. Теперь онъ обдумывалъ—покончить ли съ собой, или повидаться прежде съ женой...

Въ эту же ночь въ уѣздномъ городкѣ, верстъ за сто отъ Березополя, въ домикѣ разорившагося въ кутежахъ дворянина Зубачева, пицалъ въ люлькѣ ребенокъ... Баба-кормилица, здоровая и красивая молодуха, спавшая около него, часто заставляла подолгу кричать младенца. Нехотя вставала она къ нему, брала на руки и кормила полусонная, приговаривая:

— Соси, треклятый. На! на! Вишь жадепъ... У, волкъ-те съѣшь!..

Въ эту же ночь, среди тьмы, вьюги и мятели, въ березопольскомъ храмѣ творилось что-то негодное и пезаурядное...

Рѣшетка храмоваго окна, выходившаго на кладбище, была отломана, рама разбита... Вѣтеръ и снѣжные хлопья врываются во внутренность темной церкви.

Въ алтарѣ, въ углу гдѣ висѣли ризы священническихія и стоялъ на полу сундукъ, возилась, ныхтя и бормоча, маленькая фигурка, взламывая крышку этого сундука топоромъ... Это былъ ночной грабитель, совершавшій святотатство, кражу церковныхъ денегъ.

Провозившись около получаса, воръ наконецъ сло-

малъ сундукъ и забралъ оттуда въ карманы все что было ассигнацій—болѣе тысячи рублей... Затѣмъ онъ вышелъ на амвонъ и сталъ креститься и класть земные поклоны... Долго промолвившись, онъ приложился къ мѣстнымъ образамъ и пошелъ къ разломанному окну... Съ трудомъ перелѣзъ онъ изъ храма наружу, въ сугробы кладбища...

Воръ этотъ былъ—Макаръ Макаровичъ...

Въ эту же ночь, но далеко, за тысячу верстъ отъ Березополя, въ столицѣ, среди освѣщенной ярко гостиною одного изъ домовъ набережной Невы, гости прощались съ хозяиномъ, именитымъ человѣкомъ.

— Такъ какъ же, Иванъ Ивановичъ? спросилъ одинъ изъ гостей.—Такъ и порѣшимъ—курьера махнуть туда.

— Вѣстимо. Скорѣе и вѣрнѣе! отвѣтилъ хозяинъ—Шуваловъ.—И надо послать губернатору здоровый внушительный ордеръ, чтобы онъ въ тотъ же часъ ноги подвинулъ. А то отложить въ дальній ящикъ и насъ подъ гнѣвъ Цесаревича подведетъ...

— Ладно. Напишемъ... Строжайше и наиточнѣйше разыскать...

— Нечего и разыскивать. Вотчина князей Березопольскихъ на всю Рязанскую губернію знатна. Лишь бы только онъ умнаго чиновника отрядилъ отъ себя...

Гости разъѣхались, а именитый хозяинъ, улыбаясь добродушно, пошелъ въ свою опочивальню.

Просвѣщеннѣйшій человѣкъ своего вѣка—славнаго чернорабочаго вѣка—радовался успѣшному концу задушевнаго дѣла и увѣчанію своихъ долгихъ заботъ и хлопотъ.

„А все-таки я разыскалъ его... Это мой гражданскій крестникъ“, думалъ онъ теперь, кротко улыбаясь.—„Я отѣнилъ... Я предсказалъ, что онъ самъ высоко взлетитъ во слѣдъ за своимъ „Летящимъ ангеломъ“. Вотъ я и не ошибся... Теперь всѣ они кричатъ и ахаютъ... съ чужаго голосу. А вотъ... первому почувать, первому отличить алмазъ отъ страза, и первому это сказать!.. на душѣ приятно. И доброе гражданское дѣяніе, и самолюбію своему—ласка...“

XXXVI.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этой ночи, роковой для семьи Миловановыхъ, въ Петербургѣ, вокругъ зданія Академіи Художествъ былъ большою съѣздомъ экипажей. Внутри зданія была масса публики. Все сидѣло и двигалось въ ожиданіи. Ждали пріѣзда Цесаревича.

Около полудня толпа народа, запрудившая набережную, вдругъ, какъ по знаку, снимала шапки... Вдали показалась шибко мчавшаяся коляска, въ которой видѣлась высокая треуголка съ пушистымъ развѣвающимся плюмажемъ.

— Цесаревичъ!.. Александръ Павловичъ! пошло по толпѣ, и все насторожилось...

Черезъ нѣсколько минутъ въ зданіи Академіи уже наступила полная тишина. Начался актъ. На этомъ торжественномъ засѣданіи рѣшилась судьба семьи крѣпостныхъ людей.

Дворовый человѣкъ помѣщицы княгини Березопольской, въ награду за представленную имъ его работы статуя „Летящій ангелъ“, былъ удостоенъ званія художника-скульптора и ему былъ пожалованъ чинъ коллежскаго регистратора, а съ нимъ, слѣдовательно дворянское достоинство.

Въ концѣ засѣданія красивый молодой человѣкъ, герой дня—былъ представленъ президентомъ Его Высочеству.

— Работай... Старайся... Не зарывай таланта въ землю... А тебѣ дано много... много и взыщется... произнесъ Цесаревичъ звучнымъ, мягкимъ голосомъ, ласково оглядывая своими чудными голубыми глазами смущеннаго Милованова.

— Твоя жена—княжна Березопольская?..

— Да-съ...

— Теперь ты дворьянинъ... Ангелъ твой тебя высвободилъ изъ крѣпости помѣщицѣй...

— Да-съ... наивно шепталъ Миловановъ, замирая и не помня себя передъ особой Наслѣдника и подъ взорами тысячи людей.

А въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мужа стояла въ числѣ другихъ дамъ Прасковья Андреевна, мертво блѣдная, съ искаженнымъ лицомъ, страдающая... Неизмѣримое счастье сказывалось въ ней острою болью. Она „глубже чувствовала“, какъ сказалъ ей когда-то Шуваловъ.

А онъ, покровитель, не присутствовалъ здѣсь на торжествѣ своего „гражданскаго крестника“: Иванъ Ивановичъ Шуваловъ былъ при смерти. Опѣнка по достоинству „Летящаго ангела“ — была его послѣднимъ добрымъ дѣломъ.

XXXVII.

— Какъ же, родной мой, не грѣхъ было вамъ запоздать! И всего-то на два часа... Были бы теперь съ вами въ Кадаеміи этой...

— Что дѣлать? Не зналъ... помилуй Богъ. Знай я — погонялъ бы ямщиковъ... Скажите, что же тамъ будетъ?

— Егорушку награждать будутъ... А я-то, дура, все его бывало ругала пачкуномъ да сорилкой... Помните... Вы одни сказывали: „не замай, пачкается въ воскѣ, да въ глинѣ“... А вонъ что вышло изъ него... Кульсаутѣрь что-ли...

— Скульпторъ. Ваятель, спаси Боже, по нашему российскому. А скоро-ли они будутъ?

— Теперь ужь скоро. Давно поѣхали. Чрезъ часъ будутъ. А я васъ покуда чайкомъ съ дороги попою съ петербургскими бубликами.

— Ладно... Спасибо... А что мой крѣпостной, какъ поживаетъ?

— Слава Богу. Сейчасъ только уснулъ. Все кричалъ да озорничалъ. Меня прибилъ... Охъ, сердечный!.. Шутка-ли было трехъ кормилицъ перемѣнить. Отъ этого помереть можно... Охъ, что было-то!.. что было!..

— Лучше, помилуй Богъ, и не поминать... Было со-

вѣми такое, что повѣрить нельзя... А пуще всѣхъ со мной...

— Съ вами?!... Какъ же такъ? Почитай Егорушкѣ моему да Парашѣ было — хуже нельзя... А вамъ-то...

— Я, матушка, спаси Богъ, въ ночныхъ грабителяхъ состоялъ. Храмъ Божій ограбилъ...

— Охъ, Господи Исусе! Зачѣмъ?

— А на какія же я деньги вашего внука то купилъ у пьянаго Зубачева? Вѣдь, онъ, пропойца, смекнулъ все и тысячу рублей съ меня требовалъ. А нынѣ парнишкѣ или дѣвчонкѣ уже годныхъ для услуженія — красная цѣна пятнадцать рублей... Взаймы мнѣ никто не давалъ. Я въ ногахъ, спаси Боже, валялся, просилъ одолжить на годъ. Ну вотъ и пошелъ воровать въ храмъ...

— Въ какой же?.. гдѣ?

— А въ своей, березопольскій. И денежки — тысячу рублей — укралъ. Помилуй Богъ, свои же, прежде мной жертвованныя... За то вашъ внучекъ, благослови Господи, живъ остался...

— А вамъ ничего за это не будетъ?.. за воровство?..

— Ужъ отдано краденое обратно и все дѣло подъ спудомъ останется... Новые Березопольскіе помѣщички авось меня въ судъ, помилуй Богъ, за святотатство не потянутъ.

— Новые... Евденя, что-ль?..

— Нѣтъ, матушка, не Евденя... Изъ-за этого и собственно и въ Питеръ прискакала... Евденя — вдова... Илья Петровичъ приказалъ долго жить... А Березополье должно переходить по наслѣдству ближайшимъ родственникамъ.

— Парашѣ?.. Опять?..

— Да-съ и нѣтъ-съ, помилуй Богъ. Будь она дворянка — вѣстимо ей... А коли она барыня-крестьянка, да таковой и останется... Да вѣрю я, спаси Боже, что не останется. Сказываютъ законники, что мужъ ея и дѣти — крѣпостные... А она сама не утерила званія дворянскаго... Увидимъ. Хлопотать будемъ. Что Богъ дастъ!.. А сказываетъ мнѣ сердце, что все будетъ хорошо, все, благослови Богъ, будетъ по Его, по Божьему...
конецъ.

Краденая свадьба.

Святочный рассказъ П. Полевого.

I.

Анфиса Ниловна Кузовлева, богатая вдова думнаго дворянина Алексѣя Кузовлева, — женщина уже не молодая, полная и степенная — сидѣла на лавочкѣ въ теплыхъ бѣлыхъ сѣняхъ своего московскаго дома на Варварѣ, окруженная цѣлымъ роемъ женской прислуги и всякихъ дворовыхъ старухъ, приживалокъ и захребетницъ. Анфиса Ниловна занята была хозяйственными работами.

Передъ домовитою хозяйкой, на особомъ низенькомъ столикѣ, выставлены были рядами, въ крошнѣхъ, въ кадучечкахъ и лукошкахъ пробы разныхъ солений и моченій, а въ епдовахъ, ковшахъ и жбанахъ — пробы разныхъ питій. Съ полдюжины сѣнныхъ дѣвушекъ накладывали эти пробы на особыя блюда и отливали въ чарочки и стопки; затѣмъ, поочередно, онѣ подходили къ Анфисѣ Ниловнѣ, съ поклонами, прося ее „отвѣдать“ и „пригубить“. И опытная хозяйка, чуть касаясь яства или питья губами, тотчасъ-же заявляла, какъ слѣдовало поступить съ запасомъ, чтобы онъ годился въ прокъ и не испортился.

— Яблоки и груши въ квасу у тебя нынче удались, Оешенька, — обратилась Анфиса Ниловна къ старой, сѣдой, сгорбленной ключницѣ, почтительно стоявшей около нея. — А вишни и лимоны закисать стали — плѣсенью подернулись... Ты-бы ихъ разсолъцемъ долила, что какъ пригоже, да разсытила бы.

— Слушаю, государыня, и разсычу, и долюю.

— Да, вотъ еще не забыть-бы, какіе есть у насъ морсы, меды и пива — ты всѣ вели въ бочкахъ въ ледъ поглубже засѣчь.

— Такъ и засѣчены, матушка.

— Да которыя моченія и соленья початы — тѣ чтобы дощечкой были пригнетены и каменемъ тяжелымъ; а огурчики — рѣшеточкой, да каменемъ легкимъ. И то еще помни, коли что начнетъ портиться — то впередъ ѣсть, и въ заѣмъ давать, и въ милостыню, и нужнымъ людямъ. Ну, а коли ужь очень затхолью отдавать станеть, то и на базаръ вывезти, и продать можно...

Оешенька собиралась отвѣчать своей госпожѣ своимъ обычнымъ отвѣтомъ, но собаки на дворѣ залаяли, заливаясь разными голосами; дѣвушки бросились къ окнамъ, выходившимъ на дворъ, и поспѣшили доложить госпожѣ:

— Матушка-государыня, Богъ гостью дорогую даетъ.

— А кто-же бы такая? степенно спросила Анфиса Ниловна, не поднимаясь съ мѣста и не отрываясь отъ своихъ хозяйственныхъ заботъ.

— Да должно-быть не Матрена-ли Ивановна изволила пожаловать? прозвенѣла самая бойкая изъ дѣвушекъ.

— Ну, ужь ты, воструха, всегда все впередъ всѣхъ знаешь! полушту замѣтила хозяйка. — А впрочемъ, кто-бы ни жаловалъ — гостю рады. Слава Богу, запасисто живемъ: угостить любого гостя можемъ.

Въ это время полозья саней заскрипѣли подь самымъ крыльцомъ, а немного спустя дверь внизу съвсей хлопнула, облако бѣлаго морознаго пара ворвалось съ паворья въ сѣни... На крыльцо, крихтя и охая, стала подниматься какая-то очень тучная женщина, окутанная сверхъ широкой шубы и теплой шапки большимъ пестрымъ бухарскимъ платкомъ. Двѣ дюжины сѣнныя дѣвки почтительно поддерживали гостью подь локотокъ, между тѣмъ какъ та приговаривала:

— Охъ, старость не радость, голубки мои, гóды не въ сладости! Бывало я, въ ваши-то лѣта, какъ прыгала! А нынче вотъ изъ каптаны *) еле вылѣзешь, на крыльцо еле всползешь... Ахъ, матушка Анфиса Ниловна, заговорила гостя, завидѣвъ хозяйку дома, которая подвядла съ лавки ей навстрѣчу,—вѣришь-ли слову: кабы не къ тебѣ мнѣ ѣхать, ни въ жизнь-бы съ мѣста не крянулася.

— Давненько не бывала, Матрена Ивановна! Я ужъ по тебѣ и скучать стала.

— Ну, вотъ и здравствуй госпожа въ своемъ дому! Коньямъ твоимъ не избѣживаться, цвѣтному платью не изнашивать! Вотъ теперь за госпожею и вы всѣ здравствуйте, проговорила Матрена Ивановна, кланяясь однимъ общимъ поклономъ всѣмъ домочадцамъ Кузовлевой, послѣ того какъ двѣ дѣвки освободили ее и отъ платка, и отъ шубы.

— Да что-же мы въ сѣняхъ-то стоимъ, Матрѣнушка! Въ комнату милости просимъ... А ты, Оешенька, поскорѣ вели дѣвкамъ на столъ накрыть, да что есть въ печи—все на столъ мечи...

— Не хлопочи, Анфиса Ниловна. Великъ еще депъ впереди. И такъ знаю, что придется у тебя ѣсть съ утра вплоть до вечера... Приняла-бы утробушка! А мнѣ, признаться, родимая, и не до хлѣба теперь... О дѣльцѣ о нашемъ съ тобою побесѣдовать душа горитъ...

— Ну, ужъ, мать моя, безъ соли безъ хлѣба—плохая бесѣда, замѣтила, смѣясь, хозяйка дома, вводя гостью въ столовую избу и усаживая ее на почетное мѣсто. — Живѣе, дѣвушки, шевелитесь! Да закусочку ставьте и пасточку любимую Матрѣнушкину, сорокатравную...

Дѣвушки не заставили себѣ повторять приказанія. Онѣ распорядились такъ проворно, что не прошло и десяти минутъ, какъ передъ хозяйкой и гостей раскинулась на столѣ скатертка-самовертка, а на ней, въ пестромъ беспорядкѣ разставились латочки, блюда, горшечки и сковородочки со всякою снѣдью, пузатыя братины съ медомъ и квасомъ, и долговязыя сулеи съ настойками и наливками. Радужной хозяйкѣ было чѣмъ угостить Матрену Ивановну.

— Хороши у тебя настойки, Анфиса Ниловна, болло хороши!.. Чарочка за чарочкой, что мелкія пташечки, такъ и упархиваютъ! Того и гляди голову затуманить—пожалуй и о дѣлѣ запомнятъ.

— Не запомнятъ, Матрѣнушка. Знаю тебя. Ты ужъ такъ уродилась—дѣловита!

— Будешь дѣловита, матушка, какъ муженекъ-то вотчицъ большихъ не оставилъ! Такое ужъ наше вдовье дѣло: надо какъ-ни-какъ жизнь комкать. Своихъ дѣлъ нѣтъ — приходится по чужимъ дѣламъ хлопотать. А чужое дѣло—не доспи, не доишь, а взявшись, сдѣлай. Такъ-то...

— А вотъ этой ты еще не пробовала, Матрѣнушка! угощала хозяйка, видимо желая оттянуть подольше разговоры о дѣлѣ.

— Спасибо, спасибо! Невмоготу больше! отговаривалась гостя, отодвигая свою чарочку, и вдругъ, какъ будто спохватилась и воскликнула, обращаясь къ Анфисѣ Ниловнѣ:—Ахъ, мать моя праведная! Что-же это я? Или ужъ впрямъ хмѣлѣть стала? И не опо-

*) Каптана — зинила, крытая повозка.

мпюсъ, не спрошу тебя о доченькѣ твоей возлюбленной, о Настасьѣ Алексѣевнѣ? Все-ли она по-добро, по-здорову?

— Спасибо на твоей доброй памяти, Матрѣнушка. Здорова доченька—милуетъ Богъ. Въ гостяхъ вотъ ужъ третій день...

— Въ гостяхъ?.. Третій депъ? Что это, сдается мнѣ, матушка, она прежде нигдѣ такъ долго не гащивала?

Анфиса Ниловна поправила концы своего головнаго убора и сказала съ нѣкоторымъ смущеніемъ:

— То было прежде, Матрѣнушка; а то—теперь...

— Какъ такъ? Я въ толкъ не возьму, Анфиса Ниловна! съ видимой тревогой заговорила Матрена Ивановна.—Такъ пеужли-же и наше дѣльце на кривъ-бокъ пошло?

— Твое дѣло съ Васенькой? воскликнула Анфиса Ниловна.—Да объ этомъ дѣлѣ я теперь и вспомнать не смѣю!

Матрѣнушка такъ и подпрыгнула на лавкѣ; даже въ лицѣ измѣнилась...

— Да какъ-же мнѣ-то теперь быть, матушка? горячо вступилась она, размахивая руками.— Сама посуди! Мнѣ Васенька пять сороковъ соборей посулилъ, да кубочекъ серебряный съ кровелькой, коли я ему это дѣло слажу... А не слажу: пять возовъ батожья на мнѣ обломать хотѣлъ! А вѣдь онъ слово-то сдержитъ: сама извольнишь звать, каковъ онъ есть!..

— А что-же я-то подѣлаю? Крутенекъ твой Васенька, да и молъ Настенька не мякѣнка! Я и мать ей, а правду всегда скажу: добра, добра, а коли заладила „не хочу“, такъ ужъ тутъ ты ее ножомъ рѣжь и калеными щипцами жги—все едино! Вся въ покойнаго батюшку уродилась норовомъ.

Матрѣнушка откинулась отъ стола къ стѣнѣ, завѣшенной пестрымъ коврикомъ, опустила руки и прошептала:

— Ну, значить, пропала молъ головушка!

— Да ты пойми, Матрѣнушка, послѣшила ей пояснить Анфиса Ниловна, — и Васенькѣ такъ отъ меня поспи: я бы, то есть, всей душой рада за него дочку отдать, да вѣдь дѣвка-то не груздокъ, не уложишь въ кузовъ, коли сама не подѣзетъ...

— Да откуда-же вдругъ такой вѣтеръ подулъ? Вѣдь я же у тебя о Николинѣ днѣ была, и мы съ тобою при ней-же сговаривались: когда сватовъ засылать, когда рядную запись писать? И она-же сама въ уголку шепоткомъ меня выпрашивала: „а что, молъ, очень я ему приглянулась? а точно-ли онъ меня безъ души любитъ?“ А теперь вотъ тебѣ и съ праздникомъ!.. И что на нее нашло такое? Ужъ не околдовалъ-ли кто?

— Не безъ того, Матрѣнушка! Чуетъ мое сердце материнское—не безъ того! Мать Маргарита, игуменьята наша здѣшня (монастырекъ-то у насъ въ приходѣ), вернулась изъ Володимира и внучку свою съ собою привезла... Хворенькую — что-ли? Песъ ее принесъ—прости Господи! Съ нею Настенька дружбу свела—и съ той поры съ ней о замужествѣ не заговаривай!.. Я было попытала на нее, какъ мать—и пригрозила, и прикрикнула. А она мнѣ прямо такъ и отрѣзала: „я де замужъ идти отдумала; а будешь нудить — въ монастырь уйду, постригуся“. Вотъ тебѣ и сказъ весел!

— Э-э, матушка Анфиса Ниловна, вотъ оно куда пошло! Такъ и тебѣ скажу, что это мать Маргарита ее испортила... Пронюхала, что за дочкой твоей пафлѣлокъ не малый водится—вотъ она ее въ обитель и сманиваетъ... А мы ея колдовство отведемъ! Есть у меня такой старичокъ—свѣдущій... Я его къ тебѣ приведу, и онъ эту худобу съ твоей дочки вотъ какъ спиметь...

— Такъ-ли, полно, Матрѣнушка? Да я бы, кажется, всѣмъ тебѣ служить готова! Помоги!

— Помогу, родимая, помогу! Только и ты меня не

Рождество Христово. Литературный альбомъ. „Ночь передъ Рождествомъ“, Гоголя. „Оксана“.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижакевича, грав. Шюблеръ.

забудь—мое вдове дѣло безпокровное. Я тебѣ это дѣло какъ разъ съ моимъ старичкомъ обтяпаю... И вотъ мы что съ нимъ сдѣлаемъ...

Тутъ Матрѣнушка поближе подсѣла къ Анфисѣ Ниловнѣ и стала ей шепотомъ излагать свой планъ.

II.

Анфиса Ниловна, любящая и слабая мать, и Матрена Ивановна, опытная сваха,—обѣ ошибались... Настенька вовсе не прочь была выйти за того жениха, котораго ей прочила Матрена Ивановна. Богатый боярскій сынокъ, красавецъ, Василий Китай пришелся ей по сердцу. Бывало она и сама имъ любовалась съ садовой вышки, украдкою выглядывая изъ-за тына, когда онъ, молодцовато избоченился и заломивъ алую бархатную шапочку набекрень, скакалъ мимо ея сада на своемъ гвѣдомъ аргамакѣ, звеня серебряными гремчими дѣпями уздечки и озирая острымъ соколинымъ взглядомъ Кузовлевскіе хоромы.

Любовалась она на Василья и сквозь косячатое окошечко своей дѣвичьей горенки, когда знала, что онъ промчитъ мимо по улицѣ на своей вороной, завѣтной троечкѣ. Да было чѣмъ и полюбоваться-то! Кони подобраны—шерстка-въ-шерстку, гривка-въ-гривку; санивырѣзны разукрашены, раззолочены, собольками увѣшаны, медвѣдемъ покрыты; сбруя на коняхъ наборная, какъ жаръ горитъ... А самъ Василій Кузьмичъ стоитъ въ саняхъ, конями править... Да какъ править! Пристяжныхъ въ кольца гнетъ, коренника въ комокъ собираетъ... Да вдругъ какъ гаркнетъ молодецкимъ окрикомъ, какъ присвистнетъ! Взвились кони вихремъ, разметавъ по вѣтру косматыя гривы; залились малиновымъ звономъ бубенцы съ колокольцами—и мигомъ скрылась изъ глазъ тройка, въ бѣломъ облакѣ сверкающей свѣж-ной пыли...

— Молодецъ этотъ Василій Китай! невольно шепнетъ Настенька, любуясь и сѣдокомъ, и тройкой.

Къ тому-же, всѣ кругомъ Настеньки говорили, что „старый-то Китай — во какой бояринъ! Не другимъ боярамъ чета!“ Она знала, что сынъ его, Василій—куда-бы ни заслалъ сватовъ, нигдѣ не получить отказа... И потому она очень ласково поглядывала на Василья Китаю изъ-подъ своей шелковой фаты, когда этотъ стройный и высокій красавецъ, встрѣчаясь съ ней на паперти церкви, раздвигалъ передъ нею сбрую толпу и почтительно кланялся Настенькѣ и Анфисѣ Ниловнѣ.

„Всѣмъ взялъ этотъ Васенька! И красой, и осяпкой, и вѣжествомъ!“ думала про себя молодая дѣвушка; и ей было очень пріятно, когда „вдова Матреница“ (такъ звали ее въ кузовлевской дворнѣ) стала жаловать къ Анфисѣ Ниловнѣ и высватывать Настенькѣ такого славнаго, богатаго и родовитаго жениха. Казалось-бы, вотъ-вотъ еще немножко, и веселымъ пиркомъ да за свадебку; а вышло-то иное, неожиданное и нежданное...

Однажды утромъ, въ то время какъ Настенька только усѣлась въ своей чистенькой, нарядной дѣвичьей свѣтелочкѣ за плетенье золотого кружева, вошла къ ней Анфиса Ниловна и сказала:

— А ну-ка, Настенька, угадай-ка! Кого тебѣ Богъ въ гости даетъ?

Не успѣла Настенька и отвѣтить матери, какъ на порогѣ явилась благообразная старушка-инокиня, и, вступая въ комнату, ласково протянула къ Настенькѣ руки, обмотанныя четками.

— Мать Маргарита! радостно воскликнула молодая дѣвушка, и бросилась обнимать вошедшую.—Давно-ли ты здѣсь? Когда пріѣхала? Не уѣдешь больше? Ахъ, какъ я по тебѣ соскучилась!

— Не уѣду, мое дитятко! Пикуда не уѣду. Все здѣсь около тебя буду. Попрѣжнему съ тобою золотомъ по бархату вышивать станемъ и стихи духовные распѣ-

вать разными гласами, отвѣчала инокиня, нѣжно лаская Настеньку и присаживаясь къ ней на лавочку.

— Ну, ты тутъ посиди, мать Маргарита, поворкуй съ моей доченькой, а я пойду прикажу собрать вамъ поддничекъ.

И Анфиса Ниловна вышла изъ свѣтелки.

Настенька нѣжно взяла мать Маргариту за руку, поглядѣла ей въ очи и вдругъ спросила ее съ тревогой:

— Что у тебя на душѣ, голубушка моя? Горе, что ли, какое? Говори скорѣе—облегчи свою душу... А потомъ, можетъ быть, я тебя и развеселю, и порадую.

— Нѣтъ, милая дѣвонька! Не святъ тебѣ тоски-злодѣйки съ моего сердца; не выгнать оттуда кручинушки... Засѣло туда горе лютое, да еще не свое горе-то, а чужое...

— Свѣтъ ты мой ясный, мать Маргарита! Развѣ-же ты не знаешь, какъ тебя Настя Кузовлева любитъ! Ты меня и грамотѣ обучила, и мастерству всякому—и съ дѣтства ты меня ласкала и лелѣяла! И какъ-же не грѣхъ тебѣ отъ меня свое горе скрывать?

— Да говорю же я тебѣ, дитя мое, что не мое, а чужое горе у меня на душѣ! Какъ же я съ тобой чужимъ горемъ дѣлиться стану? Вотъ приходи завтра ко мнѣ въ гости... Сама мое горе воочию увидишь!

Какъ разъ въ это время въ комнату вошла Анфиса Ниловна и съ довольной улыбкой проговорила:

— Милости просимъ къ нашей трапезѣ, мать игуменья! У насъ все припасено для тебя постное. И ушица налимя, съ печеночками, и груздочки съ рыжичками. И пирогъ-пряженецъ на три угла загнутъ. Пожалуй, матушка, не обезсудь, не побрезгай!..

III.

Для три спуста, боярскій сынъ, Василій Кузьмичъ Китай, подскакалъ подъ вечерокъ къ воротамъ небольшого дома на Лубянкѣ и, не слѣзая съ коня, сталъ что-есть-мочи стучать рукоятью плети въ ворота. Злая дворняшки такъ и залились во дворѣ; ихъ брыластыя, мохнатыя морды съ недобримъ ворчаньемъ выставились изъ-за подворотни. Изъ-за ихъ ворчанія и лая послышался за калиткой пискливый бабій голосъ:

— Кто тамъ стучится?.. Ишь въ какую пору! Кого тебѣ?

— Отворяй, старая чертовка! Китай къ Матреницѣ пріѣхалъ!

— Ай, батюшки! Не спознала я твоего стука, кормилецъ... Сейчасъ, отмыкаю!

И калитка распахнулась настезь. Китай соскочилъ съ коня, бросилъ поводья на руки бабѣ, и пошелъ прямо на крыльцо, въ избу. Видно было, что эта дорога ему давно знакома.

Въ избѣ, чистенько прибранной и хорошо натопленной, въ углу накрытъ былъ ужинъ, и сама вдова Матреница, принаряженная, ходила по избѣ, видимо поджидая кого-то.

Не ломая шапки, не крестясь на иконы, Василій, какъ вошелъ въ избу, такъ сталъ у порога и крикнулъ на Матреницу:

— Говори скорѣе, старая вѣдьма, зачѣмъ меня звала... Зачѣмъ потревожила? Что еще мнѣ врать станешь?

— Что ты, батюшка, Василій Кузьмичъ, словно нехристь какой—въ избу вошелъ и шапки не снимешь? Такъ-то не водится.

— Молчи, проклятая! Надоѣла ты мнѣ! Измаяла, истомила меня! продолжалъ кричать, не унимаясь, Василій Китай.— И если ты теперь еще меня за носъ водить станешь...

— Да полно тебѣ орать-то, блажнѣй! преспокойно отвѣчала ему Матрена Ивановна.— Ну, стану-ли я тебя, экова мудренаго, да тревожить даромъ! Вѣдь у тебя не ровень часъ—и ногъ пожалуй не унесешь... Снимай шапку, разоболокайся, садись за столъ, да слу-

шай что стану сказывать... А такъ-то, стѣя да походя, и говорить не стану, хоть лопни отъ крика!

„Блажной“ сваялъ шапку со своихъ разсыпчатыхъ кудрей, скинулъ лисій тулупчикъ, оправилъ поясъ на пеголеватомъ кафтанѣ, и, хмурясь и ворча, какъ прихотливый ребенокъ, сѣлъ за столъ.

— Вотъ такъ-то лучше, сказала Матреница.—Вотъ теперь и здравствуй, батюшка, отецкій сынъ! Поздравляю, батюшка, съ удачею.

И она, наполнивъ двѣ чарки старымъ хмѣльнымъ медомъ, съ поклономъ подала одну чарку Василию.

— Убирайся и съ чаркою! Не до нея мнѣ теперь... Говори скорѣе, съ какою удачею!

— Не изволишь отвѣдать изъ чарочки, такъ я тебѣ какъ рыба нѣма. Самъ знаешь, какъ у насъ говорится: коли пить до дна, такъ и видать добра, а не пить...

Китай схватилъ чарку со стола, разомъ ее осушилъ и, стукнувъ ею по столу, крикнулъ Матреницѣ:

— Да ну-же! сказывай! Не мучь ты меня!

— Сказала я тебѣ: *поздравляю съ удачею*—такъ, значитъ, тому и бытъ! Вѣдь красны дѣвки, что вѣтеръ перемѣнчивы... Сегодня одно заладить—потянуло отъ нея сѣверикомъ, какъ съ полуночи; а завтра отъ нея тепломъ несеть, какъ съ полудня! А только я все-же одно скажу: экого бѣса-дѣвки я и не видывала!

— Да говори толкомъ: что, и какъ? Когда къ ней сватовъ засылать?

— Сватовъ!? Ишь ты—больно прытокъ! Да она ужъ о сватахъ-то и слышать не хочетъ!

— Какъ слышать не хочетъ? Да вѣдь ты-же поздравила меня *съ удачею*. Или шутить вздумала?..

— Да я-же тебѣ говорю: бѣсъ-дѣвка! То отъ свадьбы отрещивалась—замужъ не шла, въ монастырь постригаться хотѣла; то теперь такой стихъ нашель, что сейчасъ ее подь вѣнецъ веди! *Никакихъ*, говорить, *мнѣ сватовъ не нужно; коли мы полюбились другъ дружкой, такъ и безъ сватовъ обойдемся!*

Василій Китай вскочилъ изъ-за стола и воскликнулъ въ сильномъ волненіи:

— Ничего-то я не пойму... Пожалѣй ты меня, Матрена Ивановна! Расскажи мнѣ все по порядку!

— Садись да слушай! Тогда и самъ все поймешь... Одно слово: правная дѣвка, забалованная—на ней жениться и врагу не пожелаала-бы!

— Да ну!.. не ври! Не то говоришь, перебилъ Василій Китай:—жигуча кропива родится, а во щахъ уварится! Рассказывай: какъ было?

— А вотъ какъ: пришла я къ ней, все любовь-то твою расписываю... Она меня слушала, слушала, да и говорить мнѣ: „хорошо, Матрѣнушка! согласна я за него замужъ идти, да только не такъ, какъ всѣ...“

— Какъ-же не такъ?

— Не хочу, говорить, какъ всѣ свадьбу играть... Станутъ, говорить, пѣть надъ тобою, да косу расчесывать, да съ поѣзжанами въ церковь повезутъ—ни дать, ни взять какъ мыши kota погребаютъ! Ей-ей, такъ и сказала! Сущій бѣсъ-дѣвка...

— Да ну, дальше-то что?

— А вотъ, говорить, пусть онъ краденую свадьбу сыграетъ—тогда пойду за него. Выйду я на перекресточекъ—а онъ подхватитъ меня въ саночки-самокаточки, да въ церковь! А изъ церкви прямо въ домъ къ нему—да вотъ-тѣ и здравствуй, мужняя жена!

— Ну, такъ что-же? И вѣрно—и согласенъ я! радостно воскликнулъ Василій Китай.

— Погоди радоваться! Вѣдь у нея все не по-людски! Она и еще уговоръ одинъ сдѣлала: я, говорить, поѣду съ нимъ въ церковь фатою покрытая, какъ невѣстѣ быть должно, и если онъ мою фату хоть пальцемъ тронетъ, пока въ домъ къ себѣ привезетъ—такъ онъ только меня и видѣлъ! Вотъ она какая мудреная!

— Ну что-же? Согласенъ! Уговоръ лучше денегъ...

Принимаю! Такъ и скажи ей. Мнѣ съ нею вѣкъ вѣковать—успѣю насмотрѣться. На все согласенъ—пусть только скажетъ, когда да гдѣ.

— Сказала, батюшка, — и это сказала... Да ужъ ты не прогнѣвайся... Прежде свой уговоръ со мною исполни, а потомъ и я твою душевную потѣшу—все тебѣ скажу. Такъ-то!

Василій Китай быстро откинулъ полу кафтана, вытащилъ изъ кармана кожаную кису, досталъ изъ нея горсть голландскихъ корабениковъ и нѣмецкихъ талеровъ и рассыпалъ ихъ по скатерти передъ Матреницей.

— Это тебѣ сверхъ уговора! А завтра приѣзжай получать уговорное. Ну, сказывай, что-ли?

— Вотъ и спасибо! Вотъ и ладно! весело проговорила Матреница, посиѣшнo огребалъ червонцы и талеры въ лукошечко и ставя его за иконы, на полицу. Потомъ, съ плутоватой улыбкой, шепнула Китаю на-ухо:

— Послѣ-завтра, чуть смеркнется, припасай коней подь косогоромъ, около задней садовой калиточки, въ тыну Кузовлевыхъ. У нихъ будетъ святочная вечеринка: станутъ дѣвушки гадать, да въ игры играть... Тѣмъ временемъ я тебѣ ее въ калитку и выведу, быдто-бы на перекрестокъ—прохожаго объ имени спросить... Сажу ее въ санки... да прямо въ церковь и мчи! Пусть ужъ попь тебя ждетъ—и чтобы все на-готовѣ было... А то вѣдь она у насъ мудреная, правная...

Василій Китай и не дослушалъ Матреницы. Схватилъ ее своими желѣзными лапами за плеча и расцѣловалъ въ обѣ щеки; а потомъ, опрометью бросился изъ избы въ сѣни, на ходу натягивая тулупъ и нахлобучивая шапку.

„Ишь, вѣдь, какой шальной! То все приказывалъ, что онъ-де меня на воротахъ горохомъ разстрѣляетъ... А теперь вонъ ни за что—облапилъ да расцѣловалъ! И выискалъ-же себѣ сокровище—нечего сказать! Еще наплишется онъ съ этимъ бѣсомъ-дѣвкой... Ну, да мнѣ только-бы съ рукъ долой... только-бы своего не уцѣпить“, думала Матреница.

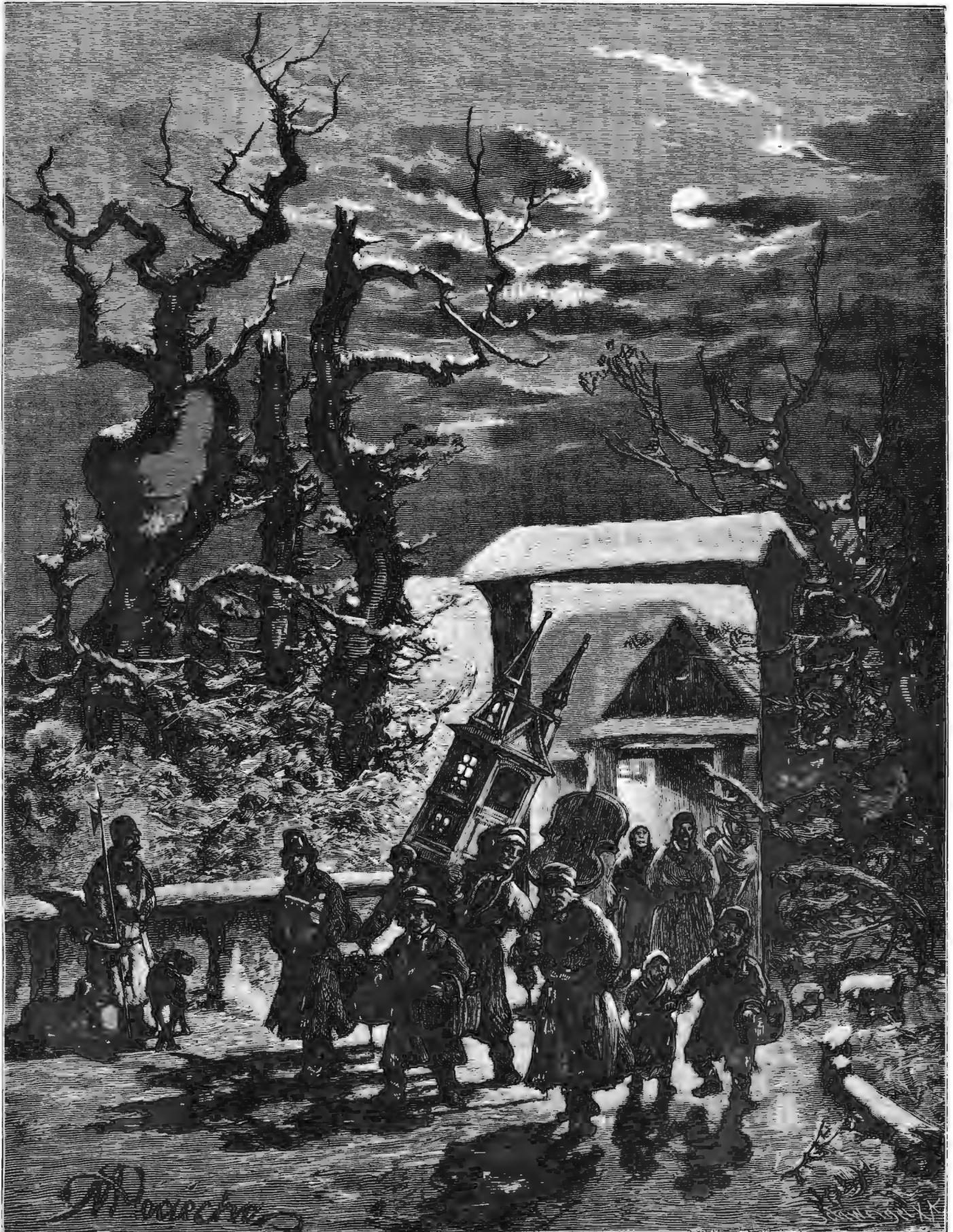
И затѣмъ, заложивъ дверь на крюкъ, она потянулася на пѣлицу за иконы, достала лукошечко и, высыпавъ деньги на скатерть, стала считать ихъ, перебирая каждую монету своими жирными пальцами и любуясь блескомъ червонцевъ.

IV.

Святочная вечеринка въ домѣ Анфисы Ниловны была въ самомъ разгарѣ. Просторная, средняя комната обширнаго дома Кузовлевыхъ была ярко освѣщена: хозяйка не пожалѣла восковыхъ свѣчей и приказала ихъ много разставить на столахъ и по окнамъ, въ тяжелыхъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, и даже по стѣнамъ развѣсить, въ нѣмецкихъ шанданахъ. Не поскунилась хозяйка и на угощеніе; столы, по угламъ комнаты, были завалены всякими лакомствами, заставлены всякими прохладительными напитками. Тутъ были и орѣхи въ меду, и вишни въ соку, и пряники, и смоквы, и пастилы всѣхъ сортовъ. Анфиса Ниловна хотѣла угостить подругъ Настеньки на славу, и сама думала про себя:

„Дай-то Богъ, чтобы это была послѣдняя дочкина вечеринка въ дѣвичество! Кажется, у ней съ Матрѣнушкой дѣло опять на лады пошло!“

Вѣроятно то-же думали и подруги Настеньки, прослышавшія о сватовствѣ Василя Кузьмича—и веселились въ тотъ вечеръ до упаду. И сама Настенька была развеселая: шутила, смѣялась звончѣе и громче всѣхъ, придумывала игры за играми, запѣвала пѣсни за пѣснями... А тутъ еще и Матрена Ивановна угодила ей: привела съ собою своего знакомца, старичка-забавника, который и на гуслихъ игралъ, и сказки дѣвкамъ сказывалъ, да такія, что кругомъ его звонкій смѣхъ дѣвичій не смолкалъ ни на минуту.

Рождество Христово. Христославы въ Подольской губерніи. Рис. Поцѣха, грав. Швейгель.

Рождество Христово. Рождественская ночь въ средніе вѣна. Съ картины Гаузе.

— Право-слово говорю, боярышни, а вы не вѣрите! говорилъ посмѣиваясь старый шутникъ, — отъ людей старыхъ и бывалыхъ не разъ слыхалъ, что есть гдѣ-то за морями, за горами, роскошная, развеселая сторона, въ которой и зимы не бываетъ, и ночь на землю не сходить. Для всѣхъ про всѣхъ по дорогамъ тамъ столы поставлены, преукрашенные, и на тѣхъ столахъ всякихъ яствъ множество; а рядомъ со столами озера съ разными медами, рѣки съ разными пивами — бери ковшъ, черпай сколько душа приметъ... А чуть кто охмѣлѣлъ — тутъ и постели рядомъ устланы, и перины пуховыя съ изголовьями: каждый спи въ волю.

— Ну, ужъ сторонка! замѣтила смѣясь одна изъ дѣвушекъ; — тамъ пожалуй и мужей-то жены не видятъ, коли имъ такой просторъ да воля.

— Мужьямъ тамъ, боярышни, любо; а женамъ — еще того любѣе. Жены тамъ ни придуть, ни ткнуть, ни платя, ни бѣлья не моютъ, потому всякаго платя готоваго вездѣ на шестахъ навѣшано много. Верхняго платя цвѣтнаго сундуки и коробы до-верху накладки; а сережекъ да записывевъ, да перстней золотыхъ, да жемчугу — во-какія груды по дорогамъ навалены! Лопатой не прогребешь... Выбирай да рядись, пляши да веселись!..

— Ай да старикъ! Вотъ ужъ можно сказать — не любо не слушай! А складно сказывается! смѣялись кругомъ сказочника подруги Настеньки.

— Сказывать мастеръ, а дороги въ ту сторону никому не покажетъ! подтрунила надъ старикомъ Матрена Ивановна.

— Отчего не сказать, матушка Матрена Ивановна! отшучивался старикъ. — Только вѣдь если я и укажу дорогу — не многіе туда дойдутъ...

— Отчего-же? отчего? Тебѣ какое дѣло! Доѣдемъ коли укажешь! закричали со всѣхъ сторонъ старику дѣвушки.

— Доѣхать туда не мудрено — да попасть-то трудно. Ѣхать надо за Дунай, а заѣхалъ за Дунай — домой не бывай; потому тамъ съ проѣзжихъ берутъ пошлины не малыя: съ дуги берутъ по лошади; съ шапки — по человеку; а съ обоза — по людямъ. За-то ужъ кто тамъ побываетъ, тотъ роскошнаго житя во-вѣкъ не забываетъ.

Веселый, звонкій смѣхъ покрылъ слова рассказчика, который сталъ посмѣиваясь перебирать струны гусель. Онъ собирался сѣсть дѣвушкамъ былинку о Ставрѣ Годиновичѣ и его премудрой женѣ. Но въ сѣняхъ вдругъ послышалась возня и топотъ многихъ ногъ, раздались дикіе голоса, хрюканье и хрипѣнье, звукъ бубенъ и визжанье гудка. Двери распахнулись настезь — и гурьба переряженныхъ дворовыхъ разомъ хлынула въ комнату... Пискъ и визгъ сѣнныхъ дѣвушекъ и боярышенъ, которыя показывали видъ, что очень напуганы внезапнымъ появленіемъ наряженныхъ, вскорѣ былъ заглушенъ громкою музыкою гудка и волынки, и звонкими ударами въ бубенъ. Наряженные пустились въ плясъ: медвѣдь, въ вывороченной овчинѣ, презабавно переминялся съ ноги на ногу; его вожакъ — бойкая бабенка, наряженная парнемъ, отхватывала присядку; а царнишка, одѣтый въ рядно, съ подвязанной у шапки мутовкой, подпрыгивалъ, изображая козу. Рядомъ съ ними кружился журавль — другой парень, у котораго рука съ веретеномъ была подвязана къ головѣ и обмотана цвѣтными тряпицами. Кругомъ плясали и кружились, то присядая, то прискакивая, толстопузые купцы-молодцы съ лотками товаровъ, пропойцы въ лаптяхъ и въ рогожанныхъ шубахъ, бѣсы на вилахъ и вѣдьма на помелѣ. И не успѣли еще всѣ на ряженныхъ налюбоваться, не успѣли рассмотреть, кто и какъ наряженъ — какъ вся ихъ гурьба, съ гикомъ и визгомъ, топчась и приплясывая, ринулась къ двери и такъ же быстро скрылась въ сѣняхъ, какъ неожиданно изъ сѣней выпала.

Между тѣмъ въ разныхъ углахъ комнаты, среди отдѣльныхъ группъ, у дѣвушекъ заводились ужъ повныя игры. Тутъ, около выхода въ сѣни, лили на свѣчкѣ олово; тамъ собрались около чернаго большаго пѣтуха, который очень важно ходилъ между кучками насыпаннаго зерна, озирая всѣхъ своими незрячими глазами. А кругомъ хозяйки и Настеньки кружокъ по-другъ собирался „золото хоронить“; — всѣ усѣлись въ кружокъ, кто на полу, кто на лавкахъ, и быстро стали передавать другъ другу золото, которое одна изъ по-другъ Настеньки, стоя въ кругу, старалась отыскать. Раздалась ея знакомая пѣсня:

Ужъ я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки въ терему, терему;
Я у матушки въ высококъ, высококъ...

А въ отвѣтъ ей хоръ сѣнныхъ дѣвушекъ подхватывалъ громко:

Паль, паль перстень,
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину...
Гадай, гадай, дѣвицы,
Гадай, гадай, красныя...

И на этотъ призывъ, стоявшая въ кругу дѣвушка отвѣчала тоненькимъ голоскомъ:

Я бы рада отгадала,
Кабы вѣдала да знала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ прививаючы...
Охъ вы, дѣвушки,
Охъ, подруженьки —
Вы, скажите, не угайте,
Мое золото отдайте.

— Голубушка, Настасья Алексѣевна! шепнула во время этой пѣсни Матрена Ивановна. — Не пора-ли? Чай молодецъ заждался, востосковался; чай и кони-то назяблись?

— Вотъ погоди, еще поиграю, Матрѣнушка! Вѣдь ужъ больше не видать мнѣ подруженекъ, не слышать ихъ пѣсенокъ!

— Матушка моя, и надъ нимъ надо сжалиться — о немъ у меня вчужѣ душа изныла...

— Да ну, ладно, ладно! Я сейчасъ пойду одѣнусь, фатой сверхъ шапочки накроюсь — и буду тебя ждать; какъ стукнешь ко мнѣ въ свѣтелку, я къ тебѣ выйду въ сѣни, и веди меня куда знаешь...

— Вы тутъ чего подъ шумокъ разшумукались! — вдругъ раздался позади Настеньки голосъ Анфисы Ниловны. — Вѣрно, Матрена Ивановна какую новую игру затѣваетъ? Бюдумщица старая!

— Да... да, матушка! Угадала! спохватилась Матреница. — Хочу дѣвушекъ новой пѣснѣ обучить — а какъ онѣ запоютъ, хочу съ Настенькой на перекрестокъ выйти, суженаго объ имени спросить. Не *Василій*-ли ей навстрѣчу выйдеть?

И Матреница, посмѣиваясь, поспѣшила отойти отъ Анфисы Ниловны къ кружку дѣвушекъ, которыя все еще *хоронили* золото.

— Голубушки! Не такъ хоронятъ! засуетилась Матреница, вступая въ кругъ. — Я васъ во какой пѣснѣ научу... Арѣфичъ! дай мнѣ костыль-то свой! Я пойду вокругъ дѣвушекъ, быдто старица-черничка...

И Матреница, пристукивая въ полъ костылемъ, стала обходить кругъ дѣвушекъ, припѣвая весело:

Да не то-то я катиться могу,
Да не то-то я молиться могу!
Я могу-могу по келейкѣ пройти,
Я могу-могу шивца-винца испить,
Изъ виннаго ковничка,
Изъ злаченой чарочки.

— А тутъ, гдѣ увижу золото, и приставлю костыль... И запою:

Я приставлю свой костыль
Къ золоту, ко серебру,
Ко дѣвичьему терему,
Злато-серебро верну,
Красну-дѣвицу возьму.

— У кого нашлось золото, та и бери мой костыль, и ступай по кругу, и пой пѣсни сначала:

Да не то-то я катиться могу...

— Такъ! такъ! Давайте такъ золото хоронить, по новому! закричали подруги Настеньки.—Такъ веселѣ!

Матреница повторила имъ пѣсню, прослѣдила одинъ кругъ, и когда игра завязалась, она, перемигнувшись издалека съ Анфисой Ниловной, незамѣтно шмыгнула въ сѣни.

— Настенька! а, Настенька! шептала она, потихоньку стучась въ двери Настенькиной свѣтелки, выходившей также на сѣни. — Выходи, матушка! Пора намъ съ тобою на мѣстѣ быть!

Тихохонько скрипнула дверь въ темнотѣ; надъ самымъ ухомъ Матреницы послышался Настенькинъ голосъ:

— Смотри, Матреница, еще разъ скажи ему, чтобы помнилъ нашъ уговоръ!

И сама Настенька, закутанная въ шелковую шубку, накрытая густою бѣлою фатою, скользнула въ темнотѣ изъ двери въ сѣни, крѣпко ухвативъ сваху за руку.

Матреница осторожно съела дѣвушку съ крылечка на задній дворъ, потомъ особымъ палисадничкомъ провела въ садъ, по расчищенной дорожкѣ подвела къ калиткѣ въ тыну—и взялась за скобку. Только тутъ она почувала, что Настенька дрожитъ какъ въ лихорадкѣ, что руки ея холодны, какъ ледъ.

— Не бойся, Настенька, не бойся, голубонька... Глянь-ка, ночка-то какая свѣтлая для твоего побѣга выдалась!.. Въ такую ночь, да съ милымъ дружкой на тройкѣ... Такъ бы сама и покатила!

И она дернула калитку, и вышла съ Настенькой на кособоръ, спускавшійся къ улицѣ.

— Суженый, ряженый—отзовися! крикнула Матреница вполголоса.—Какъ зовутъ тебя—объявился!

— Васильемъ зовутъ, Кузьмичемъ по отчеству величаютъ! произнесъ за угломъ знакомый голосъ, и три молодца мигомъ выросли изъ-за сосѣдняго сугроба.

— Вотъ тебѣ изъ-полю-въ-полу твое золото, Васенька! только смотри: уговоръ Настенькинъ помни...

— Буду помнить! Я съ ней и въ санки не сяду! Впередъ верхомъ поскачу... Эй! Ивашка Звѣнецъ, да Яшка Русалка! Сажай боляршню въ сани! Во весь духъ закатывай слѣдомъ за мною!

— Тпру! Стой! Шалишь! Держи воронаго! слышались вверху, подъ кособоромъ, голоса людей, прерываемые топотомъ бѣшеныхъ воронковъ и звяканьемъ бубенчиковъ.

Матреница видѣла, какъ пріатели Васеньки бережно свели закутанную Настеньку къ санямъ, какъ усадили, какъ прикрыли теплою полостью и сами сѣли о-бокъ съ нею. Она видѣла, какъ Васенька вскочилъ въ сѣдло и помчался впереди, видѣла, какъ бросились въ сторону Китаевскіе конюхи, а бѣшеная тройка взвилась сначала на дыбы, шарахнулась въ бокъ, потомъ рванулась впередъ, направленная чью-то умѣлою рукой... Да только и видѣла! Мигомъ все скрылось изъ глазъ—словно наводнение бѣсовское.

„Ну, вотъ и скатертью дороженька!“ подумала Матреница. „Вотъ и въ добрый часъ, во архангельскій... Хоть и краденую свадьбу, а все сворошила!“

И она, самодовольно улыбаясь, повернулась къ тыну, взялась рукою за скобку, и только хотѣла толкнуть калитку, какъ та распахнулась настезь—и Матреница отступила отъ порога въ ужасѣ, трясаясь всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Съ нами крестная сила! Съ нами крестная сила!.. Да расточатся врази его... да расточатся! шептала она про себя, спѣшно крестясь подъ шугаемъ.

Передъ нею, на порогѣ калитки, явилась Настенька, въ собольей душегрѣйкѣ, вакинутой на плечи, и въ бархатной шапочкѣ, молодцовато сбитой на-ухо. Она держалась рукою за вереву калитки, да такъ и покатывалась со-смѣху...

— Ха, ха, ха! Сваха умѣлая! славно меня просвѣтала! Сама за рученьку вела, сама въ саночки подсаживала! Ха, ха, ха!

— Тѣфу! Пропади! пропади!.. продолжала шептать Матреница, которая все еще никакъ не могла прійти въ себя, не могла опомниться.

— Да ты небось думаешь, что тебя нечистый оболешель? смѣясь продолжала Настенька. — Нѣтъ, свашенька! сама ты себя опутала! Захотѣла продать меня Васенькѣ, — такъ вотъ теперь, заваривши кашу, ее и расхлебывай! Ха, ха, ха!

— Ахъ, ты... ахъ... ты, змѣя подколодная! Ахъ ты, бѣсъ-дѣвка! Да что-же ты надѣлала? Да кого же ты ему на руки навязала?

— Кого ни навязала — не твой забота. Завтра все узнаешь... Ха, ха, ха!

— Ахъ ты... ахъ ты, разбойница! Да ты думаешь я на тебя суда не найду? Да мы завтра съ Васенькой вмѣстѣ къ патриарху съ жалобой... на твое обманство... Аль ты не знаешь, что за обманья свадьбы *) по закону положено? Да! Вотъ увидишь!

— Молчи, не грозись, свашенька! насмѣшливо замѣтила Настенька. — Не очень-то я тебя испугалась! Ступай себѣ домой, да знай, что къ нашимъ хоромамъ тебѣ запала дороженька!

И она подъ самымъ носомъ Матреницы захлопнула калитку и съ звонкимъ раскатистымъ смѣхомъ задвинула ее засовомъ.

— Ну... ну-у! Ужъ точно... бѣсъ-дѣвка! злобно пыхтѣла Матреница, еле-еле сползая съ кособора на опустѣвшую улицу.

V.

Вихремъ домчалъ аргамакъ Василія Кузьмича къ маленькой, ветхой старой церковкѣ въ Толмачахъ, на Замоскворѣчьи. За нимъ слѣдомъ, бурею подлетѣла къ церковной паперти завѣтная воронья тройка. Еле сдержали взмыленныхъ коней пріатели Васеньки и тѣ слуги, что ужъ давно ожидали своего молодого господина на церковной паперти. Храмъ былъ уже освѣщенъ, когда Василій Кузьмичъ переступилъ порогъ его со своею нареченною невѣстою. Попъ-старичокъ въ облаченіи давно уже ожидалъ ихъ на амвонѣ. Дьяки тотчасъ запѣли—началось вѣнчаніе...

И Василій Китай, страшно взволнованный, вѣнчался словно въ туманѣ... Онъ не смѣлъ взглянуть въ сторону невѣсты, не рѣшался и въ сторону пріателей глянуть... Онъ очнулся отъ этого тумана только тогда, когда въ рукѣ его очутилась холодная какъ ледъ, нѣжная рука его будущей подруги жизни; но и эту руку онъ не смѣлъ пожать... Помнилъ онъ потомъ, какъ священникъ надѣлъ на эту бѣлую нѣжную руку обручальное колечко и какъ заставилъ его обмѣняться кольцомъ съ невѣстою... Потомъ все опять смутилось въ головѣ Василія, и если-бы старикъ-священникъ не взялъ его за руку и не повелъ за собою — онъ, кажется, не пошелъ-бы самъ кругомъ аналоя... Вотъ дьяки и „Исайя ликуй“ запѣли — и вѣнчанью конецъ... Подошли къ Василью его пріатели съ поздравленіемъ, подошли слуги съ поклономъ — и къ нему, и къ новой госпо-

*) Обманья свадьбы, при которыхъ одно лицо выдавалось замужъ вмѣсто другаго, были въ XVII в. столь обычнымъ и частымъ явленіемъ, что жалобы на это явленіе безпрестанно поступали къ патриарху, который сурово каралъ сторону виновную въ обманѣ, и допускалъ въ данномъ случаѣ разводы.

жѣ своей; руки у него и у нея цѣлуютъ... А она стоитъ, какъ вкопанная—словечка не проронитъ, складочкой фаты не шевельнетъ... Только и видно, какъ подъ фатою ея грудь высокая тревожно подымается.

— Пойдемъ, богоданная жenuшка, сидемъ въ саночки! Пора намъ и къ дому! шепнулъ Василій Китай своей новобрачной. И она, молча, покорно пошла съ нимъ рядомъ, къ савнямъ.

Васенька сѣлъ съ нею въ сани — и замеръ въ ожиданіи, что вотъ, можетъ быть, она сама уговоръ нарушить: заговоритъ съ нимъ, къ нему приласкается... Но вотъ и кони помчались, взрывая снѣгъ своимъ бѣшенымъ бѣгомъ, вотъ раздались позади взвизгиванья и крики слугъ и пріятелей, скакавшихъ на другихъ тройкахъ... А новобрачная все молчитъ, все таится подъ своей непроницаемою бѣлою фатою, обшитою золотымъ кружевомъ.

Вотъ наконецъ подъѣхали къ крыльцу той загородной усадьбы, гдѣ Василій Китай думалъ прожить два-три дня послѣ свадьбы.

— Ну, други, не осудите... Сегодня намъ съ женою не до шира! Ступайте изъ сѣней налево, тамъ вамъ столъ накрытъ, безъ насъ ужинайте и пейте намъ во здравіе. Завтра и мы отъ васъ въ весельи не отстаемъ — а теперь и отдохнуть пора.

— Въ часъ добрый, въ часъ добрый, Василій Кузьмичъ! отвѣчали въ одинъ голосъ пріятели, кланяясь молодымъ въ поясъ и провожая ихъ до дверей небольшого бокового покойчика.

Въ покойчикѣ были накрыты два прибора на столѣ, подъ иконами. Тяжелый прорѣзной мѣдный подсвѣчникъ, съ пятью свѣчами, былъ поставленъ среди стола около обычнаго свадебнаго каравая. Новобрачная прямо подошла къ столу и въ изнеможеніи опустилась на лавку. Василій быстро скинулъ шубу съ плечъ, подошелъ къ новобрачной и трепетною рукою откинулъ фату съ ея лица...

— Ахъ! Богъ мой! не та!... Прасковья, ты-ли это? воскликнулъ онъ въ испугѣ, отступая отъ стола къ стѣнѣ.

VI.

То нежданное и негаданное, чтò вдругъ заставило Настеньку отшатнуться отъ Василья Кузьмича, было такъ глубоко затаено въ ея душѣ, что никто—ни мать, ни сваха — не могъ-бы понять и объяснить себѣ ея странныя причуды... То собиралась выйти замужъ за Китаю, то раздумала и заупрямилась; то вдругъ затѣяла устроить краденую свадьбу... А въ сущности-то дѣло объяснялось очень просто.

На другой день послѣ посѣщенія матери Маргариты, Настенька захотѣла непременно утѣшить инокиню въ ея горѣ. Она выпросилась у матери въ гости къ матери Маргаритѣ — и птичкой впорхнула въ знакомую келью, съ бѣлыми какъ снѣгъ занавѣсочками на окнахъ, съ пучками душистыхъ травъ на стѣнѣ, подъ иконами, съ длинными пальцами, прикрытыми чистымъ рядномъ, въ углу.

За пальцами сидѣла молодая дѣвушка и, низко наклонившись надъ выпиваньемъ, медленно и мѣрно вытягивала цвѣтную шелковую нить изъ канвы. Темный, простенькій лѣтний обрисовывалъ ея стройный станъ; золотыя пряди волосъ выбиваясь изъ-подъ узкой, шитой дѣвичьей повязки, падали ей на глаза и рассыпались надъ ея выпиваньемъ...

Когда дверь кельи скрипнула, дѣвушка подняла голову и оглянулась на Настеньку.

„Какая красавица!“ подумала Настенька, взглядываясь въ доброе, кроткое и печальное лицо молодой дѣвушки.

„Ужъ не о ней-ли такъ горюетъ мать Маргарита?“

Дѣвушка иначе поняла пристальный взглядъ Настеньки — и страшно смутилась. Но Настенька быстро

подошла къ ней, протянула ей обѣ руки и сказала привѣтливо:

— Я — Настя Кузовлева. Прошу любить да жаловать. А какъ тебя величать — не знаю. Не прогнѣвайся!

— Я — Маргаритина внучка... Прасковья Табалина, тихо промолвила дѣвушка, наклоняясь къ Настенькѣ.

И затѣмъ дѣвушки поцѣловались и разговорились, какъ старыя знакомыя.

Не прошло и недѣли, какъ онѣ ужъ сошлись и сдружились, и Настенька узнала печальную исторію Парашеньки. Прошлой весной она встрѣтила своего суженаго: встрѣтила и полюбила безъ ума...

— Онъ въ нашей сторонѣ былъ заѣзжимъ гостемъ: государеву службу правилъ, рассказывала Парашенька. — Чѣмъ онъ меня обожелъ, околдовалъ — и сама не знаю; знаю только, что сразу мною овладѣлъ, и я бы для него отца съ матерью не пожалѣла, на край бы свѣта бѣлаго пошла за нимъ. Светла насъ весна красная — повѣчала пѣсня соловьиная... Какъ теперь помню: ночь тихонько надъ нами опускается, надъ головою вѣтерокъ вѣтвями покачиваетъ, словно насъ убаюкивая, а надъ самымъ ухомъ пѣсня льется, слаще соловьиной... Клинется мнѣ, божится добрый молодець, что онъ на мнѣ женится, что не покинетъ меня, что только на педѣлку въ Москву съѣздитъ за батюшкинымъ благословеніемъ... А у меня и страхъ сердце щемитъ, и жутко мнѣ, — и бѣжала бы... И съ мѣста не встать, словно я цѣпью къ нему прикована...

И Парашенька закрыла лицо руками.

— И что же? неужели обманулъ? нетерпѣливо перебила подругу Настенька.

— Обманулъ... уѣхалъ... И слѣдъ простылъ...

— Да онъ московскій — что-ли? спросила Настенька хватая подругу за руку.

— Московскій... Здѣшняго большаго боярина-сынъ... Красавецъ писанный!

— А какъ звать-то его — злодѣй, обманщика? какъ звать?

— Не брани его, Настенька! Я простила ему... Чай ему не такая, какъ я, а богатая невѣста надобна...

— Да говори же, какъ его зовутъ? настаивала Настенька.

— Зовутъ Васильемъ... Китай, по прозванію.

— Василій Китай?!.. воскликнула Настенька вскакивая съ лавки.

— А ты развѣ знаешь его? тревожно переспросила Парашенька.

— Н-н-ѣтъ... такъ... Слыхала о немъ...

— А чтò слыхала? Расскажи!..

— Да нѣтъ же! Ничего! Только и слыхала, что есть такой боярскій сынъ, съ видимымъ неудовольствіемъ отвѣтила Настенька. — А вотъ ты-то мнѣ скажи, чтò ты теперь заведешь дѣлать?

— Бабушка, чай, сказывала тебѣ... Къ постриженію готовлюсь...

— Ну, нѣтъ! рѣшительно сказала Настенька. — Этому не бывать — и не бывать! Слышишь-ли, и думать не смѣй!

— Да чтò ты, Настенька? куда же я, бѣдная, дѣнусь — покинутая, осмѣянная...

— Говорю тебѣ — не бывать! почти крикнула Настенька. — И вотъ тебѣ моя рука... Или я твою судьбу устрою, или я ему...

Она не договорила: бросилась на шею Парашеньки, чтобы скрыть свое волненіе, крѣпко ее обняла, шепнула ей на-ухо:

— Жди вѣстей отъ меня! — и выпорхнула изъ кельи.

А Василій Кузьмичъ все стоялъ прислонившись къ стѣнѣ, и самъ не вѣрилъ своимъ глазамъ... Кровь бросилась ему въ голову; мысли путались и мѣшались.

Рождество Христово. Горе и радость. Рис. Рейс, грав. Рау.
Библиотека "Руниверс"

Параша сложила руки на груди, и медленно опустилась передъ нимъ на колѣни.

— Обманула я тебя... любя обманула. Другой уступить тебя не захотѣла! шептала она, трепеща всѣмъ тѣломъ и устремляя на Василія умоляющій взглядъ.

Василій все еще не могъ совладать съ собою. Цѣлая буря самыхъ противоположныхъ думъ и ощущеній боролась въ груди его...

— Обманула я тебя... Сама тебѣ въ жены навяза-

лась... Убей меня, коли я тебѣ постыла! шептала Парашенька, и поклонилась Василію въ ноги.

Сердце заговорило въ его груди...

— Не ты меня обманула, а я тебя обмануть хотѣлъ! воскликнулъ Василій Китай, поднимая Парашу. — Да Богъ не попустилъ... Видно и впрямь — суженую ни обойти, ни объѣхать! Здравствуй-же, супруга богоданная!

И онъ крѣпко обнялъ Парашу, которая, громко рыдая, повисла у него на шеѣ...

Рождество Христово.

Въ Рождественскую ночь я видѣлъ дивный сонъ:

Казалось, демонъ зла съ земли унесся прочь,

На-вѣкъ Евангельскимъ ученьемъ побѣжденъ

Въ Рождественскую ночь...

И ближнимъ ближніе стараются помочь,

На праздникъ міровой сойдаясь со всѣхъ сторонъ, —

Въ разладѣ прежнемъ жить имъ долѣе не въ мочь;

То не картину-ли изъ будущихъ временъ

Открыла вѣра мнѣ, небесной правды дочь?

Молился я Христу, — меня услышалъ Онъ

Въ Рождественскую ночь.

С. Бердяевъ.

Къ рисункамъ.

Поклоненіе волхвовъ, картина Шрадера.

(Рис. на стр. 1336 и 1337).

На прилагаемой картинѣ знаменитаго живописца изображенъ тотъ моментъ, когда волхвы, пришедшіе съ Востока за путеводною звѣздой, подошли къ яслямъ и увидѣли Младенца съ Маріею, Матерью Его, и надши поклонились Ему, и открывъ сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладанъ и смирну.

Оксана. (Рис. на стр. 1341).

Кто на Руси великой не знаетъ Гоголевскихъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“, кто не восхищался и страшными, и смѣшными, и трогательными повѣстями, изданными пасѣчникомъ Рудымъ Панькомъ? Въ чьемъ воображеніи не рисовались образы дѣйствующихъ лицъ на „Сорочинской ярмаркѣ“ или „Заколдованномъ мѣстѣ“, въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Кушала“, или въ „Майскую ночь“? Даровитый молодой художникъ Ижакевичъ изобразилъ на своемъ рисункѣ красавицу героиню „Ночи предъ Рождествомъ“, Оксану.

„Оксанѣ“, говоритъ про нее Гоголь, „не минуло еще и семнадцати лѣтъ, какъ во всемъ почти свѣтѣ, и по ту сторону Диканьки, только и рѣчей было, что про нее. Паробки гуртомъ провозгласили, что лучшей дѣвки и не было еще никогда, и не будетъ никогда на селѣ. Оксана знала и слышала все что про нее говорили, и была капризна, какъ красавица... Чудная дѣвка!“ замѣчаетъ про нее кузнецъ Вакула. „Ея взглядъ, и рѣчи, и все, ну вотъ такъ и жгетъ, такъ и жгетъ...“

Христославы въ Подольской губерніи.

(Рис. на стр. 1344).

На югѣ Малороссіи донинѣ удержался еще обычай въ Рождественскую ночь ходить съ такъ-называемыми вертепами. Задолго до праздника молодежь, будущіе христославы, начинаютъ устраивать вертепъ, т. е. подобіе пещеры, въ которой родился Спаситель міра; это большой ящикъ, оклеенный разноцвѣтною бумагой съ серебряными и золотыми звѣздами, которому въ верхней части придается видъ часовни, а въ нижней, прорѣзной, размѣщаются различныя фигуры, изображающія лицъ и животныхъ, окружавшихъ Предвѣчнаго Младенца въ первый день Его земной жизни. Съ такимъ вертепомъ на плечахъ, кружокъ христославовъ обходитъ родную деревню и сосѣдніе хутора, всюду радушно встрѣчаемый гостеприимными хозяевами. Само собой разумѣется, что христославовъ болѣе или менѣе щедро одаряютъ, смотря по достатку.

Рождественская ночь въ средніе вѣка.

(Рис. на стр. 1345).

Гулко разносится въ старинномъ городѣ надъ моремъ донимъ церковный звонъ, призывая всѣхъ во храмъ. Высоко подымается куполъ его, весь покрытый пушистымъ свѣгомъ, на темномъ небѣ, усяяномъ звѣздами. По узкимъ и кривымъ улицамъ и закоулкамъ, едва освѣщеннымъ тусклымъ свѣтомъ фонарей, слышатся, неслышно какъ тѣни, усердные богомольцы. Широкая пацертъ вся задита красноватымъ отблескомъ свѣтъ, широкою полосой падающимъ изъ открытыхъ дверей церкви, откуда едва слышно разносится въ морозномъ воздухѣ стройные звуки органа и голоса молящихся въ святую ночь Рождества Христова.

Горе и радость. (Рис. на стр. 1349).

Въ счастливую и радостную пору праздника особенно

горько и тяжело тѣмъ, кто (не можетъ, подъ бременемъ жизненныхъ невгодъ, повеселиться и порадоваться какъ душѣ угодно. Въ то время какъ у людей зажиточныхъ идетъ пиръ горой, многие бѣдняки не знаютъ чѣмъ утолить свой голодъ, и куда приклонить голову.

Ф. Рейсъ на своей картинкѣ „Горе и радость“ живо и трогательно изобразилъ положеніе бѣдной матери, со слезами на глазахъ протыгивающей своего ребенка къ ярко освѣщенному окну, за которымъ виднѣется богато изукрашенная и ярко освѣщенная елка. Дай Богъ, чтобы наша картинка, скромная, но правдивая, напомнила всѣмъ, веселящимся посреди довольства и роскоши, о тѣхъ несчастныхъ, которымъ суровая жизнь-мачиха приноситъ однѣ невгоды и въ свѣтлый праздникъ. По-сильная помощь имъ будетъ какъ разъ кстати — дорого яичко-во Христовъ день.

Патріархъ привѣтствуетъ царя въ Крестовой палатѣ. (Рис. на стр. 1352).

Отношенія между патріархомъ и царемъ въ Московской Руси были самыя сердечныя, самыя близкія. Палаты „великаго Государя“ и „государя-патріарха“ были смежны въ Кремлѣ и сношенія были каждодневными. Цари Московскіе обязательно не пропускали въ теченіе года въ одного богослуженія и потому встрѣчались съ патріархомъ въ соборѣ каждое утро; часто царь посѣщали патріарха въ его палатахъ; часто и патріархъ навѣщалъ государей въ ихъ домашнемъ быту. Сверхъ того, и въ промежуткахъ между этими частыми свиданіями, происходили безпрестанныя „обсылки“ и обмѣны любезностей и ласковыхъ услугъ между патріаршимъ и царскимъ дворомъ. То царь, царица и царевны посылали патріарху его любимыя блюда со своего стола, то патріархъ со своими чиновниками посылалъ въ государевъ дворецъ разныя лакомства, угощенія и новинки, полученные имъ въ даръ съ разныхъ концовъ Московскаго государства. Сверхъ всѣхъ этихъ отношеній, постояннымъ, установившимся обычаемъ было „привѣтствованіе государя“ патріархомъ въ великіе двунадесятые праздники. Для такого „привѣтствованія“ патріархъ, рано утромъ, являлся во дворецъ съ клиромъ и пѣвчими дьяками своего хора, поднося государю и всѣмъ членамъ царской семьи по иконѣ и, благословляя государя, крошилъ его покои святою водою. При этихъ случаяхъ и государь отдаивалъ патріарха и его клиръ, а иногда угощалъ патріаршихъ дьяковъ и „погребомъ“, т. е. приказывая имъ подносить меду и ренское вино. Одно изъ такихъ „привѣтствованій“ изображено художникомъ въ нынѣшнемъ № *Новы*.

На слегахъ. (Рис. на стр. 1356).

Въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ Великобританіи въ первый день новаго года можно наблюдать странный и не-безинтересный обычай. По утру 1 января улицы бывають переполнены молодыми и стариками изъ низшаго класса общества, которые, можно сказать, насильно усаживаютъ прохожихъ на жерди или слеги, и носятъ ихъ затѣмъ по улицѣ. Сойти со слега разрѣшается только за плату. Женщины также не избѣгаютъ этого удовольствія. Для нихъ бывають приготовлены корзины, въ которыя усаживаются дамы и дѣвочки, затѣмъ шесть пропускается сквозь ушки плетенки и прекрасная ноша перетаскивается по улицѣ. Несмотря на странность и стѣснительность этого обычая, онъ встрѣчается до сихъ поръ, и ему безпримечательно подчиняются гордые англичане, обыкновенно очень чопорные и щепетильные.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 10 декабря, въ Гатчинѣ, въ театрѣ Дворца, въ 9 час. вечера, состоялся концертъ, въ которомъ между прочимъ была исполнена кантата, посвященная Ея Императорскому Величеству, соч. Н. Кроткова. Въ исполненіи кантаты участвовали артисты Имп. театровъ г-жа Мравина и г. Яковлевъ, хоръ Имп. русской оперы и придворный струнный оркестръ; дирижировалъ авторъ. Въ концертѣ присутствовали Ихъ Императорскія Величества съ Августѣйшимъ Семействомъ, Е. И. В. Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ и другія Особы Имп. Фамиліи.

Правительственные распоряженія.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ Министру Финансовъ, отъ 8 декабря 1889 года, повелѣно передать, въ установленномъ порядкѣ, уничтоженію поступившіе въ платежи и оставшіеся отъ обмена билеты Государственного Казначейства: на 3 милл. руб. билетовъ срока 1891 года, на 3 милл. руб. билетовъ срока 1895 года и на 12 милл. руб. билетовъ срока 1896 года, а всего на сумму восемнадцать милліоновъ рублей.

Военное дѣло.

— Въ настоящемъ году исполнилось 25 лѣтъ со времени назначенія Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Николаевича Шефомъ 2-го военного Константиновскаго училища.

— Въ Баку, 7 декабря, въ 2 часа, во время разряженія гранатъ въ артиллерійскомъ складѣ, одна граната ушла изъ рукъ работающаго артиллериста и разорвалась. Произошелъ пожаръ, продолжавшійся болѣе трехъ часовъ; сгорѣлъ навѣсъ и складъ съ ракета-

ми, гранатами и до ста тысячъ ружейныхъ патроновъ. Изъ 12 человекъ команды четверо получили ожоги и отправлены въ госпиталь, четверо не найдены, остальные спаслись. Пожаръ артиллерійскаго склада окончательно потушенъ только 12 декабря. Пострадало 11 человекъ: двое умерли въ лазаретѣ; одинъ еще живой, съ оборванными ногами, откопавъ изъ-подъ груды кирпича на другой день пожара; три трупа откопаны изъ-подъ развалинъ по прекращеніи пожара; остальные получили тяжкія увѣчья. Слѣдствіе производится.

Промышленность.

— На Черномъ морѣ, въ скоромъ времени, появится суда, специально приспособленныя для перевозки соли, добываемой на югѣ Россіи въ Донецкомъ округѣ. Починъ въ сооруженіи такихъ судовъ дѣлаетъ французская промышленная компанія, которая сдѣлала уже съ этой цѣлью заказы на судостроительныхъ заводахъ.

— Разработка минеральныхъ богатствъ Юга Россіи увеличилась открытіемъ новой специальности—рутного дѣла. Въ настоящее время уже имѣется одинъ обширный и хорошо устроенный заводъ (близъ станицы Никитовки, Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги), на которомъ получается до 12 тыс. пудовъ руты.

— Громадная паровая мельница въ Саратовѣ братьевъ Рейнке 11 декабря ночью сгорѣла до основанія. Убытокъ до пятидесяти тысячъ рублей.

Изъ губерній и областей.

— Изъ Ялты, отъ 10 декабря, городской голова телеграфируетъ, что извѣстіе, будто

работы на молѣ, вслѣдствіе инфлуэнцы, прекращены и школы закрыты, невѣрно.

— Въ Батумѣ, 12 декабря, ночью сгорѣли магазины и лавки на набережной около таможи, всего 16 номеровъ.

— Изъ Нерчинска, отъ 8 декабря, телеграфируютъ, что ночью на 6-е число, въ 2 часа 15 минутъ, было землетрясеніе, которое чувствовалось отъ Читы до Нерчинскаго завода. Въ Верхнеудинскѣ былъ одинъ сильный ударъ.

— Въ ночь на 14 минувшаго ноября, въ 11 ч. 50 м., въ гор. Ташкентѣ ощущалось легкое землетрясеніе, сопровождавшееся слабымъ подземнымъ гуломъ. Направленіе сотрясенія было съ сѣверо-востока на юго-западъ.

— Въ Мервѣ, 6 декабря, въ присутствіи начальника области и чиновъ управленія Мургабскимъ Государевымъ имѣніемъ, состоялась закладка каменныхъ работъ для возстановленія древней Султанбекской плотины, а 7 декабря состоялись освященіе и закладка Императорскаго павильона въ Байрамали—центрѣ управленія имѣніемъ.

Количество больныхъ инфлуэнцой въ войскахъ мервскаго гарнизона достигаетъ 35%; среди населенія городовъ Кизиль-Арвата, Асхабада, Мерва и Чарджуя много больныхъ инфлуэнцой.

Некрологъ.

— 12 декабря, въ городѣ Ментонѣ, во Франціи, скончался лейбъ-медикъ, заслуженный профессоръ военно-медицинской академіи, тайный совѣтникъ Сергѣй Петровичъ Боткинъ.

Политическое обозрѣніе.

Рождественскіе праздники внесли полный застой въ политическую жизнь Западной Европы. Въ Парижѣ чрезвычайная сессія палаты закрыта, депутаты разъѣхались. То же замѣчается и въ другихъ государствахъ. Чешскій сеймъ, прекратившій засѣданія послѣ извѣстнаго событія вызваннаго чествованіемъ Гуса, будетъ созванъ въ январѣ на непродолжительную дополнительную сессию, ходатайство же Галицкаго сейма относительно дополнительной сессіи правительствомъ отклонено.

Послѣднія засѣданія Австрійскаго сейма продолжаютъ быть предметомъ газетныхъ пересудовъ. Объ отвѣтѣ графа Таафе на запросъ относительно чешскаго государственнаго права старочешскіе органы отзываются довольно благопріятно, младочешскіе же, напротивъ, подвергаютъ рѣчь министра сильнымъ нападкамъ. Венгерскія оппозиціонныя газеты говорятъ, что графъ Таафе ловко избѣгнулъ устроенной ему нѣмецкою оппозиціею ловушки.

Во Франціи газеты занимаются обсужденіемъ дѣйствій палаты относительно признанія ея недѣйствительными выборовъ нѣсколькихъ вліятельныхъ буланжистовъ. Самъ Буланже напечаталъ прокламацію; въ которой генералъ протестуетъ противъ кассации его избранія и признанія законнымъ избранія Жоффрена. „Придетъ время, говорится въ концѣ манифеста, когда вы, покочивъ съ парламентаризмомъ, разоружающимъ и ослабляющимъ Францію, и образовавъ дѣйствительно демократическую республику, возвратите народу его державныя права. Въ тотъ день вы можете смѣло рассчитывать на мое содѣйствіе, какъ я и рассчитываю на ваше.“

Что касается внѣшней политики, *Temps* сообщаетъ, что французское правительство готово согласиться на конверсію египетскаго долга, если Англія выразитъ готовность очистить Египетъ отъ англійскихъ войскъ. Кромѣ того, французское правительство намѣрено посоветовать употребить вырученную изъ конверсіи сумму на увеличеніе численности египетской арміи при соотвѣстномъ сокращеніи численности англійскихъ войскъ.

Сообщенное нѣкоторыми газетами извѣстіе о врученіи представителямъ державъ въ Афинахъ ноты относительно Крита сводится лишь къ тождественнымъ указаніямъ со стороны представителей Греціи при иностранныхъ правительствахъ на плачевное положеніе, созданное на островѣ Критѣ султанскимъ фирманомъ. Объ этомъ фирманѣ *Times* отзывался неодобрительно и говорить, что Порта распорядилась безъ великихъ державъ и безъ Греціи, и что поэтому фирманъ не имѣетъ еще поддержки европейскихъ державъ, а Грецію можетъ вынудить выйти изъ нейтральнаго положенія. „Амнистія — прибавляетъ

газета — является, съ точки зрѣнія практическихъ цѣлей, иллюзіею“.

Въ орлиномъ гнѣздѣ черногорскихъ юнаковъ продолжаютъ бѣдствія голода. Газетѣ *Temps* телеграфируютъ изъ Бѣлграда, отъ 9 (21) декабря, что нищета въ Черногоріи увеличивается, несмотря на оказываемую помощь. Голодь въ странѣ достигъ такихъ размѣровъ, что жители выселяются цѣлыми селеніями. Въ Сербію, какъ извѣстно, выселилось уже болѣе 7,000 черногорцевъ, и сербское правительство оказываетъ имъ посильную помощь, но, къ несчастью, финансы этого государства не въ блестящемъ положеніи и населеніе его также нуждается. Въ виду этого сербское правительство оказалось вынужденнымъ предупредить князя Николая, что оно не можетъ болѣе принимать черногорскихъ переселенцевъ, а потому 2,000 человекъ, направлявшихся въ Сербію, должны были возвратиться домой, несмотря на свое ужасное положеніе.

Въ Сербіи бюджетъ, разсмотрѣнный по статьямъ, принятъ въ первомъ чтеніи. Назначена субсидія въ 30,000 пароходному обществу, которое будетъ имѣть связь съ пароходствомъ князя Гагарина; ассигновано 300,000 для поддержанія сербскихъ школъ внѣ предѣловъ королевства. *Одежъ*, привѣтствуя рѣшеніе скупщины относительно дороги Радуевацъ-Нишъ, высказываетъ экономическое значеніе этой линіи, соединяющей страну съ Нижнимъ Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Скупщина занята организаціей государственнаго совѣта.

За океаномъ дѣла обстоятъ не совѣсь благополучно. Послѣднія извѣстія иностранныхъ газетъ о положеніи дѣлъ въ Бразиліи не особенно благопріятны для временнаго правительства, которое, для того чтобы удержаться во власти, начинаетъ прибѣгать къ террору. Во многихъ провинціяхъ и городахъ начинаютъ обнаруживаться неудовольствія. Въ Мараканѣ гражданское населеніе возстало, а на улицахъ города произошла рѣзня. Войска подавили возстаніе, и 20 гражданъ были разстрѣляны. Особенно сильное неудовольствіе сказывается въ обширной и богатой провинціи Рио-Гранде-до-Суль, населеніе которой отказывается повиноваться Фонсекѣ и предпочитаетъ присоединиться къ Уругваю. Въ то-же время, временное правительство успѣло издать декретъ о производствѣ общихъ выборовъ 15 августа и о созывѣ учредительнаго собранія къ 15 ноября. Тѣмъ же декретомъ императоръ Домъ-Педро и его семья, а также бывший первый министръ Оуро-Прето и его братъ Карлосъ-Алонсо изгоняются изъ Бразиліи, а Сильвейра, губернаторъ Рио-Гранде-до-Суль, осуждается на ссылку. Распоряженіе о выдачѣ Домъ-Педро пяти милліоновъ милрейсовъ отнимается и уплата ему ежегодной пенсіи приостанавливается.

Рождество Христово. Патриархъ здравствуетъ государя въ Золотой палатѣ.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) в. Бухгольца, грав. Шюблеръ.

Къ нашимъ читателямъ.

По обычаю прежнихъ лѣтъ, мы заканчиваемъ и нынѣшній годъ—двадцатый годъ существованія „Нивы“—бесѣдою съ читателями. Невольно оглядываясь назадъ, по поводу этой годовщины, мы можемъ сказать, что двадцатилѣтвй періодъ, пережитый „Нивою“, прожитъ нами не даромъ. Мы много трудились и работали за это время, не жалѣя ни силъ, ни издержекъ на то, чтобы придать „Нивѣ“ значеніе русскаго семейнаго журнала, въ которомъ каждый членъ семьи могъ бы найти чтеніе по себѣ, занимательное и полезное, нравственно-успокоивающее и развлекающее. Ради этой цѣли мы постоянно старались собрать на страницахъ „Нивы“ все, что могли доставить намъ новаго и важнаго — русская литература, русская наука и русское искусство, въ то же время отдавая должную дань и отводя видное мѣсто въ нашемъ журналѣ всѣмъ выдающимся явленіямъ въ области литературы, науки и искусства Европейскаго Запада.

Въ виду нашей долгой, двадцатилѣтней дѣятельности, мы, кажется, имѣемъ право сказать, что мы принесли извѣстную долю пользы народному просвѣщенію и до нѣкоторой степени способствовали развитію вкуса къ искусству въ самыхъ далекихъ углахъ нашего обширнаго отечества. За этотъ трудъ, тяжелый и упорный, мы были вознаграждены со стороны русскаго общества такимъ вниманіемъ, какого до сихъ поръ еще не удостоивался ни одинъ изъ нашихъ русскихъ иллюстрированныхъ журналовъ. Такое вниманіе общества къ нашей дѣятельности избавляетъ насъ отъ необходимости прибѣгать къ рекламамъ, къ громкимъ фразамъ и трескучимъ заявленіямъ, столь обычнымъ въ объявленіяхъ о поднискѣ на многія иллюстрированныя изданія. Намъ не нужно заманивать читателя неисполнимыми обѣщаніями, не нужно судить ему чуть не сотню всякихъ премій и приложеній... Мы не рассчитываемъ на легковѣріе публики и основываемъ нашу дѣятельность и нашъ успѣхъ на болѣе прочныхъ и болѣе нравственныхъ началахъ; притомъ-же, мы смѣемъ думать, что нашъ подписчикъ свыкъ съ нашимъ журналомъ и привыкъ довѣрять намъ настолько, насколько мы уважаемъ его нравственныя и умственныя потребности. Поэтому, вмѣсто всякой рекламы, мы можемъ только заявить, что и въ будущемъ году, неуклонно и твердо, пойдемъ своею,

самостоятельною дорогою, и несмотря на то, что нашъ успѣхъ расплодилъ кругомъ насъ очень много неуклюжихъ подражателей, мы сами никому подражать не собираемся.

Нужно-ли упоминать о томъ, что въ прошломъ году мы сумѣли привлечь къ участию въ нашемъ журналѣ лучшія русскія литературныя и художественныя силы, въ лицѣ извѣстныхъ русскихъ писателей: Ахшарумова, Вейнберга, гр. Голенищева-Кутузова, Голицына-Муравлива, Данилевскаго, Крестовской, Майкова, Немировича-Данченка, Полонскаго, гр. Салиаса и многихъ друг., и художниковъ: Бакаловича, Волкова, Дмитриева-Оренбургскаго, Каразина, Кившенка, Клевера, Клодта, Кошелева, Лагорио, К. и В. Маковскихъ, Позена, Сверчкова, Суходольскаго, Трутовскаго, Шарлеманя, Шишкина и многихъ др. Точно такъ же и въ будущемъ году мы соберемъ на страницахъ нашего журнала произведенія наиболѣе любимыхъ и уважаемыхъ публикою литераторовъ и художниковъ... Читатели наши, вѣроятно, въ этомъ не сомнѣваются, и 20-ти лѣтіе, пережитое „Нивою“, можетъ служить имъ достаточнымъ ручательствомъ за будущее.

Но мы долгомъ считаемъ добавить, что успѣхъ, нами достигнутый, нимало не обольщаетъ насъ. Напротивъ, въ данную минуту, болѣе, чѣмъ когда-либо, мы сознаемъ важность нашей задачи и значеніе нашихъ обязанностей передъ обществомъ, и будемъ такъ же ревностно и скромно трудиться на нашемъ поприщѣ, какъ и въ прошлые годы. Всѣ средства, какія современная типографская и литографская техника могла намъ доставить, уже внесены въ послѣдніе два года въ наше дѣло, и мы думаемъ широко воспользоваться всѣми этими усовершенствованіями и приспособленіями для улучшенія нашего журнала. Вступая нынѣ въ третье десятилѣтіе нашей издательской дѣятельности, мы постараемся сдѣлать все отъ насъ зависящее и для насъ возможное, чтобы русская „Нива“ богатствомъ и разнообразіемъ своего содержанія могла быть достойна того великаго отечества, изученію котораго и въ будущемъ году нашъ журналъ посвятитъ всецѣло свои страницы.

И такъ, съ благодарностью за прошлое и съ спокойною вѣрою въ будущее, мы шлемъ нашимъ читателямъ привѣтъ съ наступающимъ Новымъ Годомъ.

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №№., просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1890 года, такъ какъ

Городская почта послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ для ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

Библиографія.

Театральный, музыкальный и художественный журнал „Артистъ“, издаваемый Ф. А. Куманинымъ подъ редакціей А. Р. Гинніуса. Москва. 1889.

Первые три книжки ежемѣсячнаго журнала „Артистъ“, появившіяся съ октября истекающаго года, обращаютъ на себя вниманіе какъ единственный сколько-нибудь значительный органъ театральнаго дѣла. Любители драматическаго искусства найдутъ въ журналѣ не мало интереснаго, а начинающіе актеры и устроители домашнихъ спектаклей—много полезныхъ указавій, напр. относительно грима (дѣлалъ статья съ рисунками), устройства домашней сцены (съ чертежами) и т. п. Въ каждой книжкѣ помѣщается 3—4 новыя оригинальныя піесы русскихъ авторовъ, переводныя изъ болѣе или менѣе классическаго репертуара, статьи о драматическомъ искусствѣ, повѣсти и раз-

сказы изъ театральнаго быта, воспоминанія и переписка извѣстныхъ актеровъ, театральная хроника и проч.; а также 2—3 копии съ извѣстныхъ картинъ. Можно бы пожелать болѣе строгаго выбора печатаемыхъ піесъ и вообще болѣе гармоніи во взглядахъ сотрудниковъ на искусство, но нельзя не поблагодарить издателя и за то что онъ даетъ.

За чужимъ горбомъ. Повѣсть для дѣтей А. В. Круглова. СПб. 1889 Какъ многія произведенія этого талантливаго писателя, написанныя для дѣтскаго возраста, повѣсть „За чужимъ горбомъ“ написана просто, безъ претензій, интересна по содержанию и не содержитъ никакой предвзятой тенденціи. Авторъ умѣетъ говорить съ дѣтьми и умѣетъ затронуть добрыя чувства ребенка, и оттого-то дѣти съ такимъ удовольствіемъ читаютъ его произведенія. (П. Б.—въ).

С М Ъ С Ъ.

Обличительный хвостъ. Въ 1821 году императоръ Александръ I, находясь въ Крыму, посѣтилъ тамошнее военное поселеніе. Около обѣденнаго времени онъ ходилъ по жилищамъ поселенцевъ, съ цѣлю посмотрѣть, хорошо-ли имъ живется. Повсюду находилъ онъ накрытый столъ и на немъ жаренаго поросенка. Сопровождавшій императора князь Волконскій заподозрилъ обманъ. Ни для кого не секретно, отрѣзалъ онъ въ одномъ домѣ у поросенка хвостъ и сироталъ въ карманъ. Въ слѣдующемъ жилищѣ, куда они потомъ направились, опять на накрытомъ столѣ стоялъ поросенокъ—но безъ хвоста. „А, это кажется нашъ старый знакомый“, замѣтилъ князь Волконскій, указывая на жаркое. Государь потребовалъ объясненія. Князь вынулъ изъ кармана хвостъ и подставилъ къ поросенку: хвостъ какъ разъ пришелся къ мѣсту.

Оказалось, что по мѣрѣ посѣщенія государемъ поселенцевъ, поросенокъ быстро переносился изъ одного дома въ другой. Но князь Волконскій дорого поплатился за свое открытіе. Онъ не только приобрѣлъ себѣ смертельнаго врага въ лицѣ завѣдывающаго военнымъ поселеніемъ, но еще навлекъ на себя и гнѣвъ императора. (N.)

Случай съ гр. Л. Н. Толстымъ. Въ воспоминаніяхъ А. Фета разсказывается о случаѣ, который произошелъ съ нашимъ знаменитымъ романистомъ графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ и едва не стоилъ ему жизни. С. С. Громека пригласилъ братьевъ Толстыхъ на медвѣжью охоту въ Вышній-Волочекъ. Охотникамъ рекомендовали пошире отпалать вокругъ себя глубокой снѣгъ, чтобы получить возможно большую свободу движеній. Но Левъ Николаевичъ, становясь на указанномъ мѣстѣ, чуть не по поясъ въ снѣгу, объявилъ отпалываніе лишнимъ, такъ какъ дѣло состояло въ стрѣляніи медвѣдя, а не въ ратоборствѣ съ нимъ. Въ такомъ соображеніи, графъ ограничился тѣмъ, что поставилъ свое заряженное ружье къ стволу дерева такъ, чтобы, выпустивъ два своихъ выстрѣла, бросить свое ружье и, протянувъ руку, схватить ружье сосѣда, которымъ былъ А. А. Шеншинъ (А. Фетъ). Поднятая съ берлога громадная медвѣдица не заставила себя долго ждать. Спасаясь отъ преслѣдователей, звѣрь внезапно очутился въ самомъ недалекомъ разстояніи на простѣкѣ противъ Толстаго, на котораго стремительно и помчался. Спокойно прицѣляясь, Левъ Николаевичъ спустилъ курокъ, но, вѣроятно, промахнулся, такъ какъ въ клубѣ дыма увидѣлъ предъ собою набѣгающую массу, по которой выстрѣлилъ почти въ упоръ и пошалъ пулей въ зѣвъ, гдѣ она завязла между зубами. Отпрянуть въ сторону графъ не могъ, такъ какъ не отпаланный снѣгъ не давалъ ему простора, а схватить ружье г. Шеншина онъ не успѣлъ, получивши въ грудь сильнѣйшій хватку: прорвалъ верхними зубами щеку подъ лѣвымъ глазомъ и сорвалъ нижними зубами всю лѣвую половину кожи со лба. Въ эту роковую минуту другіе охотники спугнули криками звѣря, который, покинувъ свою жертву, убѣжалъ безъ оглядки въ лѣсъ. (в.)

Пребываніе въ Петербургѣ Буше. Знаменитый скрипачъ Буше и фигурай, и лицомъ былъ очень похожъ на Наполеона I. Вскорѣ послѣ второй реставраціи онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и давалъ концерты. Однажды вечеромъ онъ игралъ въ избранномъ обществѣ, въ домѣ у Нарышкина. Въ числѣ гостей былъ и императоръ Александръ I. Онъ долго и пристально смотрѣлъ со своего мѣста на артиста, а когда тотъ кончилъ играть, подошелъ къ нему и весьма любезно пригласилъ его на завтра, въ такомъ-то часу, въ Зимній дворецъ. Буше съ точностью явился въ назначенный часъ. Его встрѣтилъ придворный лакей и провелъ въ комнату, гдѣ артистъ, къ великому своему удивленію, увидѣлъ на диванѣ треугодку, шлягу, французскій генеральскій мундиръ и офицерскій крестъ Почетнаго Легіо-

на. Минуту спустя, явился и императоръ Александръ, милостиво привѣтствовалъ Буше и сказалъ ему: „Вотъ въ чемъ дѣло. Всѣ эти вещи принадлежали императору Наполеону и найдены въ Москвѣ. Я много слышалъ о вашемъ сходствѣ съ нимъ, но нахожу его еще поразительнѣе, чѣмъ ожидалъ. Моя матушка очень сожалѣетъ, что никогда не видѣла Бонапарта. Будьте такъ любезны, надѣньте этотъ мундиръ и пойдите къ ней. Въ васъ она увидитъ вѣрное изображеніе Наполеона и будетъ вамъ очень благодарна“.

Буше охотно повиновался и тотчасъ переодѣлся. Императоръ ввелъ его въ комнату царицы и сказалъ ей, что теперь она можетъ быть такъ же довольна, какъ еслибъ видѣла самого Наполеона: артистъ былъ, какъ двѣ капли воды, на него похожъ. (N.)

Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Извѣстный нашъ поэтъ А. А. Шеншинъ (Фетъ) въ своихъ любопытныхъ воспоминаніяхъ упоминаетъ также о разныхъ московскихъ кружкахъ, Станкевича, Грановскаго, Кетчера и другихъ. Къ этимъ кружкамъ принадлежалъ, между прочимъ, и адъюнктъ Московскаго университета, докторъ Никулинъ, весельчакъ и энциклопедъ, не любившій вдаваться въ метафизическія тонкости и не упускавшій случая подшутить надъ своими друзьями. Обычные гости Никулина собирались на Рождество въ его кабинетѣ къ вечернему чаю. „Теперь, сказалъ хозяинъ, пойдете въ залу!“ И когда гости вошли вслѣдъ за хозяиномъ, послѣдній съ хохотомъ указалъ на елку, украшенную какими-то свертками бѣлой бумаги. „Господа, прибавилъ Никулинъ, позволяте раздать вамъ соотвѣственные подарки.“ При этомъ, развертывая бумагу, онъ подаль еще не старому, но совершенно лысому Станкевичу банку розовой помады и конскій гребень, увѣряя, что первая отращитъ у него такіе волосы, которыхъ обыкновенный гребень не прочешетъ. Захоталъ, разумѣется, громче всѣхъ Кетчеръ, и Никулинъ, развернувъ свертокъ, подаль ему собачій намордникъ. Е. Ф. Коршъ, вѣчно страдавшій отъ холодныхъ квартиръ, получилъ валенки и теплыя рукавицы для чтенія корректуръ. Аванасьевъ (А. Н.) получилъ въ подарокъ кусокъ мыла и банную мочалку. Кто-то еще получилъ козушку водки. Когда всѣ подарки были розданы, поднялся Станкевичъ и сказалъ: „Догадываясь о сюрпризѣ, ожидавшемъ насъ со стороны любезнаго хозяина, мы со своей стороны припасли и для него подарокъ.“ И доставая изъ кармана дѣтскую соску, украшенную розовымъ бантомъ, онъ передалъ ее хозяину. „Такимъ образомъ, замѣтилъ Коршъ, мы, господа, кончаемъ „сосеологіей.“ (в.)

Проворный архитекторъ. Быстрое возведеніе зданій не составляетъ особенности исключительно нашего времени. И въ прежніе годы, когда того требовали обстоятельство, съ необычайною скоростью воздвигались громадныя зданія и памятники. Напримѣръ, въ 1781 году, архитекторъ Луи выстроилъ въ Парижѣ великолѣпный театръ Porte-St. Martin, въ почти невѣроятно короткий, двухмѣсячный срокъ. Старый оперный театръ сгорѣлъ, и слѣдовало позаботиться о наискорѣйшемъ возобновленіи оперныхъ спектаклей. Это и было поводомъ къ постройкѣ, да еще столь быстрой, театра Porte-St. Martin. Архитектору давали три мѣсяца срока. „Доставьте мнѣ необходимыя средства, возразилъ онъ, то естъ дайте мнѣ столько рабочихъ рукъ, сколько я потребую, и театръ будетъ готовъ не въ три, а въ два мѣсяца.“ И онъ сдержалъ слово. Составили и подписали контрактъ. Луи потребовалъ 300 работниковъ. Ему поставили ихъ вдвое больше и въ томъ числѣ 400 плотниковъ. Архитекторъ прежде всего приступилъ къ измѣренію, уравниванію и укрѣпленію грунта: 200 рабочихъ исполнили это въ первую же ночь. Одновременно 200 плотниковъ было на почтовыхъ отправлено въ Фонтенебло и столько же въ Сентъ-Жерменъ, для заготовки необходимаго лѣса. На третій день въ четыре часа пополудни, въ Парижѣ уже вѣзжала первая партія строительнаго матеріала. Пятый день архитекторъ провелъ въ составленіи плана. На слѣдующее утро къ нему, съ восьми часовъ утра, стали являться разныя поставщики и мастера. Архитекторъ представилъ имъ со всѣмъ готовый планъ театра, съ залой для зрителей, гдѣ были обозначены ложи, кресла и другія мѣста, съ фойе и т. д. Когда всѣ достаточно ознакомились съ планомъ, было приступлено къ возведенію фундамента. Архитекторъ раздѣлил рабочихъ на три группы, которыя, сдѣлая одна другую, ни днемъ, ни ночью не переставали работать, каждая по восьми часовъ подъ-рядъ. По истеченіи 58 дней,

все здание было возведено. Главный подрядчик потребовал еще двенадцать дней, чтобы снять леса и подмости, сославшись на то, что, при большой скорости, нельзя было бы избежать несчастных случаев. Но это было только предлог. На самом деле, он хотѣлъ подвести подъ штрафъ архитектора, которымъ, почему-то, считалъ себя обиженнымъ. Еслибы Луи уступилъ этому требованію, ему, по условію, неминуемо пришлось бы заплатить изъ своего кармана за девять лишнихъ (сверхъ двухъ мѣсяцевъ) дней. Но онъ понялъ умыселъ подрядчика и, не вступая съ нимъ ни въ какія объясненія, пригласилъ себѣ на подмогу роту солдатъ, вооруженныхъ массой веревокъ, канатовъ, и 20 минутъ спустя здание было освобождено отъ лесовъ. Прошло еще два дня — и театръ стоялъ совсѣмъ готовый снаружки и внутри. Цѣлый вѣкъ пронесся надъ этимъ зданіемъ. Въ 1881 году его, именно вълѣдствіе давности, подвергли тщательному освидѣтельствованію. Оказалось, что театръ Porte-St. Martin, не смотря на быстроту, съ какою онъ былъ построенъ, нисколько не уступаетъ въ прочности другимъ зданіямъ, на сооруженіи которыхъ пошло гораздо больше времени. (N.)

Неравная борьба. Нѣкто Фр. Кохъ разсказываетъ слѣдующее: „Прошлой весной я имѣлъ случай наблюдать крайне интересное зрѣлище правильного нападенія двухъ ехиднъ на одного вола. Фактъ этотъ можетъ служить новымъ доказательствомъ того, что многія животныя инстинктивно сознаютъ ядовитость зубовъ ехиднъ, что я замѣчалъ уже раньше на своихъ кошкахъ, которыя ловятъ ящерицъ и ужей, но никогда не отваживаются дотронуться до живой ехидны.

„Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Однажды, гуляя въ полдень, я встрѣтилъ одного знакомаго, пахавшаго землю. Онъ выпрягъ своихъ воловъ, чтобы они могли пасти на свободѣ. Одинъ изъ нихъ съ большимъ наслажденіемъ сталъ щипать молодую, сочную траву на краю поля, между тѣмъ какъ мы, услышавъ на плугъ, болтали о разныхъ разностяхъ. Вдругъ мы услышали громкое, тревожное фырканье вола; онъ свернулъ хвостъ кольцомъ, пригнулъ голову къ землѣ, и вообще приготовился къ битвѣ. Подойдя ближе, мы увидѣли двухъ большихъ — болѣе трехъ футовъ длиною — ехиднъ, которыя, стоя рядомъ на кончикахъ хвоста, медленно, съ шипѣніемъ наступали на вола, между тѣмъ какъ рога-тый противникъ ихъ, съ пригнутой головою, оставаясь въ оборонительномъ положеніи, медленно отступалъ назадъ. Для насъ это было во всѣхъ отношеніяхъ интересное зрѣлище: съ одной стороны, сильный, здоровый волъ, который однимъ ударомъ копыта могъ бы сбросить змѣй на землю и, однако, инстинктивно сознавая опасность, отступалъ и, какъ болѣе благоразумный, уступалъ поле битвы; съ другой стороны, увѣренныя въ побѣдѣ ехидны, выпрямившись какъ два гренадера, твердо и мѣрно двигались впередъ, съ блестящими глазами и вытянутыми въ сторону врага тоненькими головками.

„Я охотно прослѣдилъ бы продолженіе борьбы, но видя безпокойство моего друга о принадлежащемъ ему животному, счелъ нужнымъ прекратить зрѣлище и потому сбросилъ обѣихъ ехиднъ на пашню, гдѣ затѣмъ могъ ихъ поймать и сдѣлать безопасными.

„По всей вѣроятности, пасшійся волъ обезпокоилъ ехиднъ, удобно расположившихся подъ теплыми весенними лучами солнца, а потому нельзя имъ поставить въ особый упрекъ, если онѣ пожелали прогнать нарушителя ихъ спокойствія“. (с.)

Бездымный порохъ. Въ послѣднее время много толкуютъ о введеніи новаго бездымнаго пороха для ружей уменьшеннаго калибра. Изъ напечатаннаго по распоряженію Главнаго артиллерійскаго управленія ко дню 500-лѣтней годовщины русской артиллеріи „Очерка преобразованій современной артиллеріи“, видно, что изысканія надъ приготовленіемъ новаго пороха на Охтенскомъ близъ Петербурга заводѣ начались въ октябрѣ 1888 года, а къ лѣту текущаго года заводъ уже представилъ въ комиссію по испытанію магазинныхъ ружей первые образцы приготовленнаго имъ бездымнаго пороха, найденные по испытанію вполнѣ удовлетворительными, такъ что въ настоящее время Охтенскому заводу предстоитъ только выработать и установить валовую фабрикацію бездымнаго пороха. (в.)

Божья коровка. Кто не знаетъ маленькаго, хорошенькаго, полукруглаго жучка, чаще всего краснаго, съ черными или желтыми крапинками, а иногда и совсѣмъ краснаго, желтаго или коричневаго, который носитъ названіе Божьей коровки. Научное имя жучка, *Coccinella*, прямо указываетъ на его цвѣтъ, напоминающій кошениль. Безвредность Божьей коровки давно всѣми признана, о чемъ свидѣлствуетъ и наиболѣе распространенное прозвище ея. Но гораздо менѣе известна польза, приносимая ею и которая заслужила ей также названіе *тленда*. Тля, или травяная вошь, съ изумительной быстротою плодится на разныхъ растеніяхъ, изъ которыхъ многія даже имѣютъ свой собственный видъ ея. Тля, въ свою очередь, кормитъ Божью коровку и преимущественно личинку ея, которая въ огромномъ количествѣ пожираетъ это насѣкомое и тѣмъ самымъ противодѣйствуетъ его безконечному размноженію. Вотъ вѣтка розы: она сплошь осыпана тлей блѣдно-зеленаго цвѣта, такъ что издали имѣетъ видъ моховой розы. Всмотритесь попристальнѣе, и вы увидите на ней продолговатую, точно съ зазубринами личинку. Она передними ножками хватается одну за другой тлю и высасываетъ ее: отъ послѣдней черезъ нѣсколько дней на вѣткѣ розы останется только пустая желтѣвшая шелуха. Если въ числѣ нашихъ читателей есть любители и любительницы розъ, мы советуемъ имъ снабжать разводные ими кусты розъ Божьими коровками и пре-

доставлять послѣднимъ безпрепятственно плодиться. Сколько бы на розахъ ни было тли, она въ нѣсколько дней вся исчезнетъ. (N.)

Вопросъ о томъ, сколько времени курица можетъ прожить безъ пищи, разрѣшается слѣдующимъ случаемъ. Въ селеніи Унзебургъ, близъ Егельна, подъ тяжелымъ товарнымъ ящикомъ была найдена курица, пропавшая за 21 день передъ тѣмъ. Она была жива, но превратилась въ скелетъ. Очевидно, при паденіи ящика, курица была имъ прикрыта и пробыла все время въ заключеніи, не имѣя возможности добывать пищу. По своемъ освобожденіи, она тотчасъ же принялась за кормъ, и такимъ образомъ удалось сохранить ее въ живыхъ. (с.)

Оригинальное страховое общество. Обычай страховать жизнь и имущество въ послѣднее время сильно распространился. Но, несмотря на процвѣтаніе у насъ разныхъ страховыхъ обществъ, обычай этотъ все еще не такъ привился въ Россіи, какъ въ Англіи и въ Америкѣ. Почему — это легко объяснить. Страховка у насъ сопровождается массой формальностей; въ Англіи же это дѣлается очень просто. Напримеръ: Англичанину, который хотѣлъ застраховать свою жизнь „противъ несчастныхъ случаевъ на желѣзной дорогѣ, между Дувромъ и Лондономъ,“ достаточно купить за пенни № журнала: „Tit-Bits,“ издаваемого дѣйствующимъ по этой линіи страховымъ обществомъ. Въ случаѣ несчастія, или самъ пострадавшій, или наследники его получаютъ 100 фунтовъ стерлинговъ (1,000 руб. сер.) за каждый найденный при немъ номеръ вышеозначеннаго журнала. Это оригинальное общество имѣетъ большой успѣхъ и, право, заслуживаетъ подражанія. (N.)

Средство противъ морской болѣзни. Всякому болѣе или менѣе извѣстны тѣ мучительныя страданія, какія претерпѣваетъ большинство путешественниковъ на морѣ, особенно въ первые дни плаванія. Интересно, что испытываемая при этомъ случаѣ, въ той или другой степени силы, проявленія болѣзни, головокруженія и тошнота, не обуславливаются непременно бурей; ятѣ, всѣ эти явленія морской болѣзни имѣютъ мѣсто даже и при совершенно покойномъ состояніи поверхности морской воды — и различна состоитъ лишь въ томъ, что вообще мучительныя страданія людей въ послѣднемъ случаѣ дѣлаются нестерпимыми, доводящими до совершенной потери сознанія, во время морской бури.

Много извѣстно средствъ отъ головокруженія и тошноты, но всѣ эти пріемы оказываются весьма мало полезными при морской болѣзни, такъ какъ, дѣйствуя не на корень заболѣванія, они лишь временно какъ-бы ослабляютъ силу того или другаго симптома страданія. Отсюда возможно большее наполненіе желудка пищею передъ выходомъ въ море, сосаніе лимона при тошнотѣ или глотаніе кусочковъ льду, лежанье и спокойное положеніе больного при головокруженіи, всякіе спирты, компрессы и т. п. средства — неэффективны.

По наблюденіямъ врачей, существенною причиною заболѣванія морскою болѣзнию слѣдуетъ признать сотрясенія, претерпѣваемыя, вслѣдствіе качательнаго движенія морскаго судна, брюшными внутренностями и въ особенности печенью, которая, раздражаясь, производитъ изліяніе желчи въ кишки и желудокъ, а отсюда — тошнота и рвота. Советуютъ, поэтому, за 4—6 часовъ до занятія мѣста на морскомъ пароходѣ, ѣсть питательную пищу и потомъ пить только немного чаю, кофе, вина и лишь по прошествіи 24 часовъ вновь начать съ питательной, но легко переваримой пищи, и то лишь въ небольшомъ количествѣ. (с.)

Пѣтуши бой. Въ Казани, по словамъ мѣстныхъ газетъ, очень много любителей пѣтушиныхъ боевъ. Особенно процвѣтаетъ этотъ спортъ между коренными обитателями Суковной Слободы. Боевые пѣтухи приобрѣтаются здѣшними любителями за большія деньги; хорошіе экземпляры выписываются даже изъ Москвы, изъ Охотнаго ряда. Самые бои происходятъ слѣдующимъ образомъ. Въ назначенный день, обыкновенно какой-нибудь праздникъ, владѣльцы боевыхъ пѣтуховъ собираются по приглашенію къ какому-нибудь любителю, который устраиваетъ у себя на дворѣ небольшую арену, усыпанную пескомъ. Прежде чѣмъ спустить на арену принесенныхъ съ собою пѣтуховъ, любители тщательно осматриваютъ экземпляры назначенные къ бою. Оцѣнивая ихъ боевыя качества, они держатъ между собою пари, сумма которыхъ бываетъ различна, смотря по состоянію соревнователей. Бьются объ закладъ часто и посторонние зрители. Наконецъ, пѣтуховъ — за разъ не болѣе одной пары — спускаютъ на арену, и бой начинается. Если спущенные бойцы окажутся равными по силѣ и ловкости, то побоеще кончается при сравнительномъ спокойствіи публики, и измученные въ концѣ пернатыя враги уносятся съ арены, причемъ заклады возвращаются спортсменамъ. Но когда боевой пѣтухъ, послѣ двухъ-трехъ схватокъ, опрокидываетъ навзничь своего противника, схватываетъ его за грешенку и бородку и начинаетъ водить побѣжденнаго рыцаря вокругъ арены, — тогда восторгу публики не бываетъ предѣла и спортсмены Суковной Слободы рукоплещутъ неистово счастливому пѣтуху-побѣдителю. (в.)

Въ извѣстномъ звѣриницѣ Гагенбека, въ Гамбургѣ, дрессируется въ настоящее время молодой львенокъ для ѣзды на велосипедѣ. Это не совсѣмъ легко, и дрессировка продолжается нѣсколько мѣсяцевъ. Велосипедъ употребляется трехколесный; подставки для лапъ имѣютъ форму и величину тарелокъ. Переднее колесо имѣетъ 80 сантим. высоты. (с.)

Снотворныя подушки. Въмѣсто пуха набивкою служатъ хмѣль. Утверждаютъ, что особенно цѣлебны подобныя подушки для истерическихъ и вообще нервныхъ женщинъ. (N.)

**О ПОДПИСКѢ на „НИВУ“ 1890 года
СЪ РАЗСРОЧНОЮ ПЛАТЖА.**

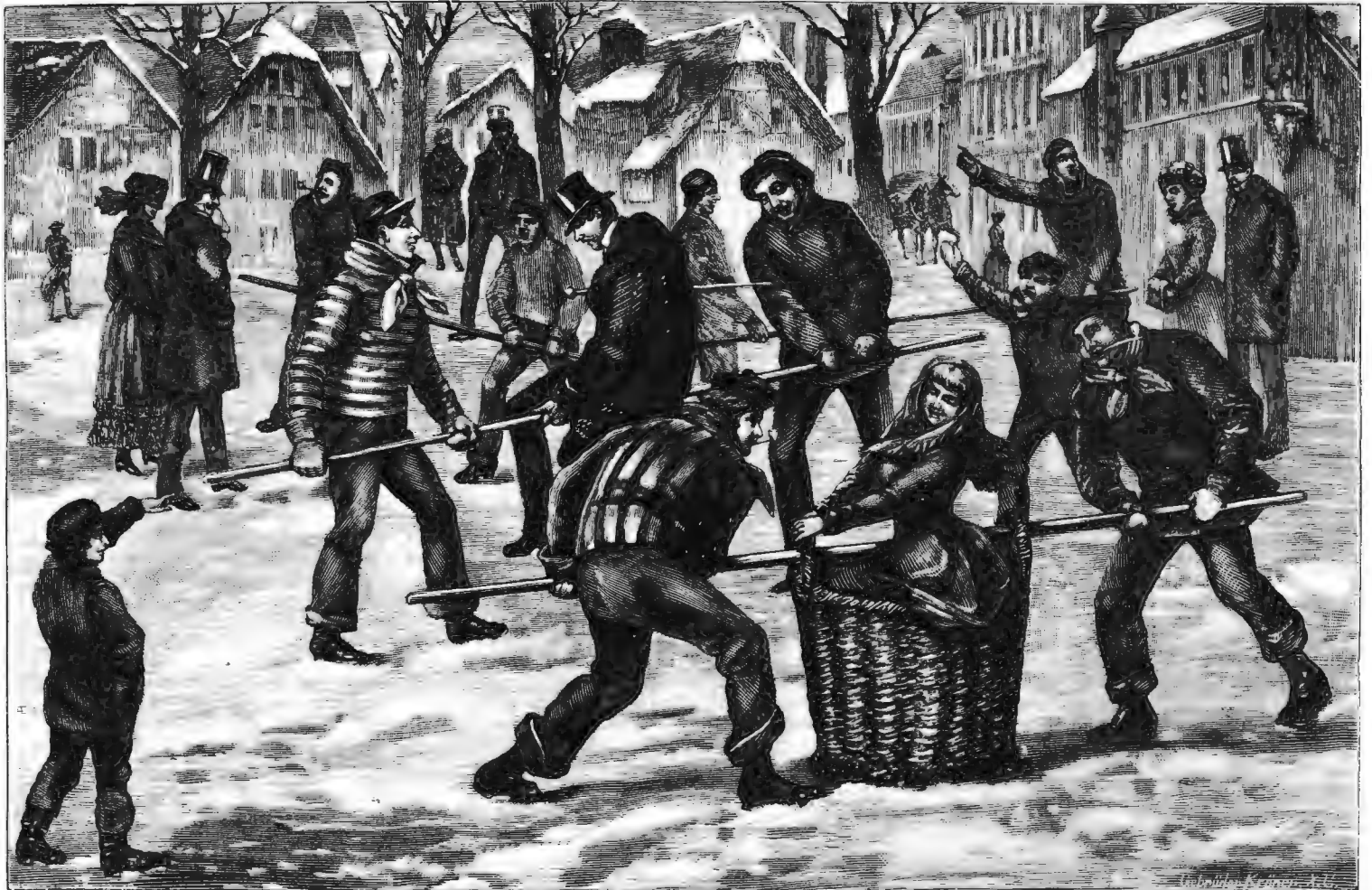
Нѣкоторые изъ нашихъ иногородныхъ гг. подписчиковъ обратились къ намъ съ просьбою **О РАЗСРОЧЕВЪ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ ЗА „НИВУ“ 1890 ГОДА.** Исполняя ихъ желаніе, мы нашли возможнымъ допустить разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ два сроча: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Юня 1890 г. 3 р.

2) Въ три сроча: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1890 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1890 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ послѣдняго взноса, журналъ будетъ высылаться со всеми приложеніями и преміями—наравнѣ съ годовыми подписчиками.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ назначесей или управляющихъ.

Рождество Христово. На слагахъ (Рождественскій обычай въ Англии). Грав. Кренеръ.

Рождественская задача № 81.

					1	2	3								
4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16			
	17	18			19	20	21			22	23				
	24	25			26	27	28			29	30				
	31	32			33	34	35			36	37				
38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50			
51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63			
	64	65			66	67	68			69	70				
	71	72			73	74	75			76	77				
	78	79			80	81	82			83	84				
85	86	87	88	89	90		91	92	93	94	95	96			

Изъ данныхъ 96 буквъ: 8 а, 7 в, 2 г, 4 д, 7 е, 2 ж, 1 з, 4 и, 4 л, 7 м, 3 н, 6 о, 1 п, 2 р, 6 с, 5 т, 3 у, 2 х, 1 ч, 1 ш, 1 щ, 10 ъ, 2 ы, 1 њ, 2 ѣ, 1 ю, 2 я и 1 ѿ, составить слѣдующія 21 слово:

1) Первый царь Апуліи 6. 8. 9. 15. 4.

- 2) Извѣстный древне-греческій поэтъ 68. 2. 14. 13. 7. 16.
- 3) Древній законодатель евреевъ 21. 10. 27. 5. 40. 61.
- 4) Народное собраніе въ древней Руси 18. 87. 46. 44.
- 5) Личное мѣстоименіе 48. 42.
- 6) Большая рѣка въ Россіи 29. 54. 36. 17.
- 7) Рождаемое раньше слова 26. 19. 52. 11. 77.
- 8) Напѣвъ, распѣвъ 41. 23. 49. 47. 38. 22.
- 9) Мать жены 64. 62. 91. 24.
- 10) Часть головы 35. 32. 25.
- 11) Рыцарскій доспѣхъ 30. 57. 96. 55. 28.
- 12) Время года 69. 92. 59. 80. 31.
- 13) Житель дальняго Сѣвера 85. 90. 20. 50. 65. 63. 33.
- 14) Земледѣльческое орудіе 73. 82. 43. 34.
- 15) Египетское божество 53. 1. 76. 74. 45.
- 16) Дерево 83. 12. 3. 56.
- 17) Принадлежность колеснаго экипажа 66. 72. 37. 58.
- 18) Одинъ изъ видовъ мебели 79. 70. 89. 95. 60.
- 19) Оптическій обманъ въ природѣ 84. 81. 67. 71. 39. 75.
- 20) Общественное учрежденіе 88. 51. 93. 78.
- 21) Двѣ согласныя буквы русской азбуки 94. 86.

Буквы найденныхъ словъ помѣстить въ кѣтъкахъ предлагаемой фигуры на мѣстахъ цифръ, указанныхъ противъ каждаго искомаго слова. Затѣмъ фигуру, наполненную буквами, разрѣзать на 15 частей такъ, чтобы, по соединеніи ихъ, составились четыре цифры, а въ послѣднихъ можно было прочесть слова одной фразы.

СТРАНИЧКА ИЗЪ „ЖУВЕЛЛИСТА“

Andantino espressivo.

Александръ Бернадъ.

PIANO.

First system of musical notation, featuring piano dynamics (*p*) and a *dolce* marking. The music is in 2/4 time and consists of two staves.

Second system of musical notation, including *calando* and *mf* markings. The music continues on two staves.

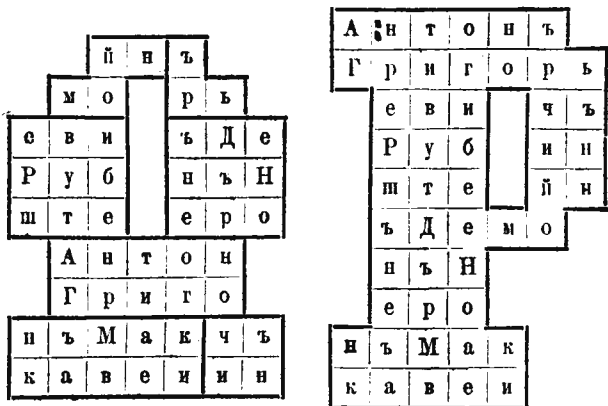
Third system of musical notation, featuring a *cresc.* marking. The music continues on two staves.

Fourth system of musical notation, including a *p* marking. The music continues on two staves.

Fifth system of musical notation, including *mf* and *p* markings, and ending with *m. g.* The music continues on two staves.

Рѣшеніе задачи буквъ № 73 (помѣщ. въ № 47).

1. Бранивъ. 2. Гомеръ. 3. Туринъ. 4. Некторъ. 5. Одинъ. 6. Иней. 7. Шевченко. 8. Гавань.

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ. Демонъ. Неронъ. Макиавелъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПБ.—Н. В. Панкова, С. Клыкова, Володы Вака, М. Г., А. Яковлева, Ф. Михель, М. М. Птигорскъ, Н. Ч., Бар. Таубе, Н. Демидова, А. А. Поспѣева, Москва—Рымарова, Н. П. Садовина, Л. Милославскаго, С. Покровскаго, А. А. Терентьева, Б. Коровино—В. К. Терскаго, Батумъ—А. Бутоговскаго, Бобруйскаго—Е. Мольской, Вильномиръ—С. П. Вершилло, Слещъ—Голофѣева, Киевъ—Л. Н. Шульженко, Л. Е. Шилохвостова, Налуга—С. П. Соколова, Лебедянь—В. И. Чурилина, Мамаревъ—М. Лафина, Нѣжинъ—В. Н. К—ого, Ростовъ—А. И. Щербакова, Тамбовъ—С. Колюхова, Н. Аманева, З. П. Гикель, Царское Село—И. И. Видишева, Шацкъ—А. А. Тюменева, Шаргородъ—Ф. А. Банковскаго, Ярославль—Е. Фальковича.

Рѣшеніе задачи № 75 (помѣщенной въ № 48). „Шарада“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ 486 лицъ, почему фамиліи ихъ, за недостаткомъ мѣста, не могутъ быть помѣщены.

ПРЕЛЕСТНЫЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДАМЪ ВЪ ПАМЯТЬ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ. Выдается за 45 к. почтовыми марками прелестный браслетъ съ брошею башни Эйфеля. За 60 коп. марками элегантная брошь съ башней Эйфеля. За оба предмета вѣстѣ одинъ рубль кредитными. Адресовать: Paris, M-me Levene, 273, rue St. Denis. П. № 4236 2-1

НОВЫЯ КНИЖКИ Соч. Н. Зигельгарта. Стихотворенія. Ц. 75 к.—(Кавказ). Ц. 75 к., съ пересылкою 1 руб. СПБ. У А. Ф. Динзерица, Невскій, 46, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. № 4224

ВЫШЕЛЪ № 12 (Декабрь) ЖУРНАЛА „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“. съ 2-ми преміями: а) „Иллюстрированная исторія Египта“; б) музыкальная пьеса. Открыта подписка на 1890 г. 6 р., 1/2 г. 3 р. Адресъ редакціи: СПБ., Басковъ пер. д. 35.

АДРЕСЫ всѣхъ спеціальныхъ и странъ доставляетъ по гарантией: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (С. HERN. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 40 коп. почт. марками франко.

Поступило въ продажу во всѣхъ книж. магазинахъ новое изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА: ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Состав. З. Ренье. Перев. и дополнилъ Д. Головъ. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА 1890 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства подъ редакцію В. И. Кутузова (СПБ., Лѣсной Института). Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромолитографіями и разными рисунками въ текстѣ. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива“ (СПБ., Невскій просп., № 6) и у назначен. Общества З. И. Зендеръ (СПБ., Импер. Ботаническаго Сада). Цена 8 рублей за годъ. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ редакціи „Нивы“.

УПРАВЛЕНІЕ НЕВСКОЙ НИТОЧНОЙ МАНУФАКТУРЫ доводитъ до свѣдѣній гг. торговцевъ и потребителей, что поступила въ продажу ШВЕЙНАЯ БУМАГА НА КАТУШКАХЪ матовая и глянцева, ПРЕВОСХОДЯЩАЯ качествомъ, крѣпостью и эластичностью нитки АНГЛИЙСКИХЪ фирмъ. Въ самомъ скоромъ времени будутъ выпущены пунцовыя, цѣтныя нитки и кроше. СКЛАДЪ у Германа Любимовича ШТЕВЕРЪ, ГЛАВНАГО АГЕНТА для Москвы, южныхъ и центральныхъ губерній, Кавказа и Азиатской Россіи. № 4157 3-3 Адресъ: МОСКВА, Старый Гостиный дворъ, № 46-48.

ПОВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Рѣшеніе Географической задачи № 71 (помѣщ. въ № 46).

Table with 3 columns: Напо 1, Кулаба 4, Пяво 7; Диу 0, Шари 2; Доль 3, Лоя 8, Сомъ 5.

„Наша доля—Божія воля“. Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПБ. Ф. А. Боронина, А. А. Поспѣева, Володы Ф. Михель, К. М. Савитова; Москва—В. Иванова, М. Комарова, кн. М. Г.—на, А. Покровской, Б. Коровино—В. К. Терскаго, Батумъ—А. Бутоговскаго, Витебскъ—А. Шиманскаго, Владкай—Е. Пазоловскаго, Вильномиръ—С. П. Вершилло, Иалишь—П. Геринга, Киевъ—Р. М. Семеновца, А. Н. Шульженко, Ковно—А. Люри, Новель—М. А. Пушакowej, Лебедянь—В. И. Чурилина, Нимнетгальскіе—Смолинковъ, Полтава—Н. Борсукъ, Оренбургъ—Миронова, Симферополь—Л. С. Луисунова, Тверь—З. М. Назаровой, Терны—В. П. Красновольскаго, Тамбовъ—С. К. Колюхова, Ярославль—П. Мослягина.

Рѣшеніе ребуса № 72 (помѣщеннаго въ № 46). „Скученъ день до вечера, коли дѣлать нечего.“

Рѣшеніе ребуса № 74 (помѣщеннаго въ № 48). „Далено нулику до Петрова дня.“

ПОПРАВКА. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этого № на стр. 1387, въ подписи подъ рисункомъ, по недосмотру, въ словѣ солдатовъ пропущено второе о. СОДЕРЖАНІЕ. И. И. Шининъ (съ портр.). — Барыни-крестянки. Историческій романъ графа Е. А. Салиаса. Часть II. (Окончаніе). — Крѣпкая свадьба. Святочный рассказъ П. Полевого. — Рождество. Стих. С. Бердьева. — Къ рисункамъ: Поклоніе волховъ, картина Шрадера (съ рис.). — Осана (съ рис.). — Христосъ авъ Подольской губерніи (съ рис.). — Рождественская ночь въ срднѣ вѣка (съ рис.). — Горь и радость (съ рис.). — Патриархъ прѣвѣствуетъ царя въ Крестовой палатѣ (съ рис.). — На слѣгахъ (съ рис.). — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Къ новымъ читателямъ. — Библиографія. — Смѣсь. — 0 подпискѣ на „Ниву“ 1890 года. — Задача и рѣшенія задачъ. — Страничка изъ „Нувеллиста“. — Объявленія. При этомъ № прилагается ОГЛАВЛЕНІЕ „НИВЫ“ за 1889 годъ. Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Ключиниковъ.

1890 годъ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 51-й г. изданія „НУВЕЛЛИСТЪ“

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО. Съ 1-го Января 1890 года „НУВЕЛЛИСТЪ“ вступаетъ во вторую годовую вѣлку своего существованія и будетъ издаваться подъ тою-же редакцію и по той-же программѣ, какъ и въ предыдущіе года. „НУВЕЛЛИСТЪ“ будетъ выходить какъ и прежде перваго числа каждаго мѣсяца тетрадами отъ 28 до 35 страницъ музык. больш. нотнаго формата. Годовой экземпляръ „НУВЕЛЛИСТА“ составитъ обширный томъ болѣе чѣмъ въ 400 стр. и будетъ содержать до 100 избранныхъ салонныхъ пьесъ, танцевъ и романсовъ. КАЖДАЯ ТЕТРАДЬ МУЗЫКАЛЬНАГО НОМЕРА БУДЕТЪ СОДЕРЖАТЬ ВЪ СЕБѢ: 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ или два танца. 3) Русскій романсъ. — Сверхъ того въ теченіи года въ „НУВЕЛЛИОТЪ“ будутъ помѣщены два пьесы въ четыре руки. „МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“ будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Руководящія статьи посвященныя обзоръ всего примѣчательнаго въ области музыки и театра, какъ въ Россіи, такъ и за границей. 2) Музыкально-театральная хроника: отчеты о новыхъ операхъ, концертахъ, театральн. пьесахъ и т. д. 3) Возможно полный свѣдѣніе о новостяхъ касательно музыки и спеціального искусства. 4) Библиографическій отдѣлъ. 5) Фельетоны. МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА будетъ выходить въ продолженіе музыкальнаго сезона — въ Январѣ, Февралѣ, Мартѣ, Апрельѣ, Сентябрѣ, Октябрѣ, Ноябрьѣ и Декабрѣ.

Въ портфель редакціи находятся, между прочимъ, слѣдующія музыкальн. сочиненія, которыя и будутъ помѣщены въ „НУВЕЛЛИОТЪ“ въ 1890 году: Рубинштейнъ, А. Фантазія изъ его новой оперы „Горюха“. Чайковский, П. Фантазія изъ его новаго балета „Спящая Красавица“. Соловьевъ, Н. Воспоминаніе объ Италіи. Ивановъ, М. М. Ноктюрнъ. „Луна плыветъ“, романсъ. Листъ, Ф. Венгерскія Рапсодіи № 3, 5 и др. Липинъ, Г. „Въ заката часъ“, романсъ, помертвое сочиненіе. Кроме огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ подписчики получатъ бесплатныя ПРЕМІИ

- 1) Альбомъ транскрипцій изъ оперъ современнаго репертуара. 2) Большой музыкальный Альманахъ выпущенный къ юбилею А. Рубинштейна, съ его портретомъ и біографіею. Эта вторая премія „Альманахъ“, будетъ выдана каждому подписчику при подпискѣ. 3) Два портрета: А. Гензельта и Б. Годара. Подписная цена . . . . . 5 руб. Съ доставкою и пересылкою . . . . . 6 руб. Для гг. служащихъ допускается РАЗСРОЧКА черезъ ихъ казначеевъ. Разсрочные подписчики платятъ: городскіе—при подпискѣ 2 р., къ 1 Юля 2 р. и къ 1 Сентября 1 р.; ипотечные—при подпискѣ 2 р., къ 1 Юля 2 р. и къ 1 Сентября 2 р. Подписка принимается: Въ С.-Петербурѣ, въ главной конторѣ „НУВЕЛЛИСТА“ при муз. торговлѣ М. БЕРНАРДА, Невскій проспектъ, № 64, уг. Каврианой улицы, противъ Анничина дворца. Въ Москвѣ, въ муз. магазинѣ П. И. ЮРГЕНСОПА, Неглинный проездъ, № 10. Редакторъ А. БЕРНАРДЪ. Издатель Н. БЕРНАРДЪ.

Извлеченіе изъ текста № 286 „Газеты Варшавской“ съ 18 октября настоящаго года:

„Существующій въ Вильнѣ около костела Св. Іоанна золотыхъ, серебряныхъ, платированныхъ и бриллиантовыхъ издѣлій магазинъ г. Перковскаго притягиваетъ къ себѣ все многочисленнѣйшихъ покупателей. Присылаемая изъ уѣздовъ порученія исполняетъ г. Перковскій равно добросовѣстно.“ Р. № 4234

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ Невскій, 57, собств. домъ. Покупаетъ всѣ % бумаги. Студитъ подъ всѣ % бумаги. Страхуваніе вышнрншихъ займовъ. Переводы на всѣ города. Оплата купоновъ. № 3925 Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства АГЕНТЫ. Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

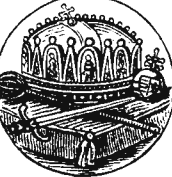
ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1890 г. на РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ,

ежедневное издание. 6-и токъ.
Москва, Малая Дмитровка, д. Алексеевой.
♦ В каждом № помещаются: со-
веты, рецепты, указания и полезные
описания новейшей по всем реме-
слам и некрудным техническим про-
мышленностям, со множеством рисунков
и рабочих чертежей (въ текстѣ и
на 100 особыхъ листахъ) разныхъ но-
выхъ машинъ, инструментовъ, стан-
ковъ, машинокъ и всякихъ полезныхъ
принадлежностей для мастеровъ и хо-
зяйства. Также образцы: мужскихъ модъ
и обуви всѣхъ сезоновъ; синтетич. то-
кариныхъ, слесарныхъ, кузнечныхъ и др.
изделий, артистическихъ, ювелирныхъ и др.
работъ. Описание Умстватовъ, музеевъ,
учебныхъ мастерскихъ, новости по тех-
ническому и ремесленному образованию.
♦ Незабываемое издание для техника,
ремесленника, кустара, сельского хо-
зяйства, любителя ремесла и для школы.
100 листовъ приложений (чертежей и ри-
сунковъ) и стѣнной календарь изящно
иллюстрированный. ♦ 50 №№ въ годъ.
♦ 6 р. въ годъ съ перес. и достав-
кой, 4 руб. за 1/2 года. № 4268

РЕМ. ГАЗ. Мин. Народ. Просв.

ПОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦА JOSIФA

Натуральная минеральная сла-
бительная вода источника
ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ

въ Будапештѣ,
по отзывамъ меди-
цинскихъ авторите-
товъ, она дѣй-
ствуетъ легко, акку-
ратно и безъ вся-
кихъ вредныхъ по-
слѣдствій.
Рекомендуется
какъ слабительная
вода, не содержащая
въ своемъ составѣ
вредныхъ здоровью веществъ. Продается въ
аптекахъ и аптеч. магазинахъ. Ц. № 4288 7-1
Для нормального пріема достаточно одного
линяго стакана Дирекція въ Будапештѣ.
2-1 ОГНЕУПОРНАЯ ГЛИНА № 4221
Продается вагонами. Ст. Константиновка,
Азовской д. и ст. Часовъ-Яръ, Донецкой д.
Адресъ: Часовъ-Яръ, Владиміру Плещеву.

САРПИНКА

отъ 12 коп. аршинъ и дороже.
Собственное приготовленіе изъ высшихъ сор-
товъ бумажной пражки.

Повые изящные рисунки, ручное ткачество.
Хорошо моется.

Продажа партионная и розничная.

По требованію — высылаются образцы за-
казной бандеролью за плату (почтовыми мар-
ками).

Въ Альбомѣ, нумерованные, за 40 к.
Въ конвертѣ, пачками, нумерованные, за
30 копѣекъ.

При нихъ условія и указанія пересылки.
Выписка образцовъ начнется съ 15-го де-
кабря с. г.

Адресъ: Саратовъ, Торговому дому „А. Бен-
дери съ С-ми, А. Степановъ и В. Бендери“.
Московская ул., д. Т. М. Лобанова.

Телеграммы: № 4145 5-4
Саратовъ. Бендери—Степановъ.

7 разъ удостоена пер- выхъ наградъ

НЪМАЯ СКРИПКА для ученя

удобная для игры днемъ и ночью, не доста-
вая безпокойства сосѣдямъ. 2-1

Въ употребленіи у проф. Вильгельми, Ст-
разате, Свири, Зингеръ, Соръ, Леонаръ и др.
Нашимъ уважаемымъ покупателямъ реко-
мендуемъ кромѣ того прекрасныя итальян-
скія струны высшаго качества, также какъ
и всѣ другіе музыкальные инструменты, въ
особенности старинныя настоящія инстру-
менты въ большомъ выборѣ. Ц. № 4246

Бр. ВОЛЬФЪ,
ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
въ КРЕЙЦНАХЪ.
Прейсъ-куранты бесплатно и франко.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МЪХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА П. М. ГРИНВАЛЬДТЪ

Адресъ для телеграммъ:
ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДТЪ.

въ С.-Петербургѣ
ПЕРЕВЕДЕНЪ НА
НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по
различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемирной Парижской Выставкѣ 1889 года
„ВНѢ КОНКУРСА“
Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

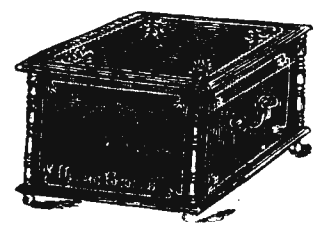
БРАТЯ ЭНГБЕРТСЪ и К^о.

Гостинный дворъ, № 146, 147 и 14
въ С.-Петербургѣ.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ МУЖСКАГО И ДАМСКАГО БЪЛЬЯ.
ПОЛОТНО, БАТИСТЪ.

СТОЛОВОЕ БЪЛЬЕ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ.
НОВОСТИ ШЕЛКОВЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ И БУМАЖНЫХЪ
ТКАНЕЙ.

Гг. иногороднымъ покупателямъ по
требованію высылаются прейсъ-кура-
нты бесплатно. № 4244 2-1

ЛУЧШІЙ ИНСТРУМЕНТЪ ОРГАНЪ-СОЛОВЕЙ

проченъ и красивой отдѣлкѣ, рекомендует-
ся для батловъ и домашнихъ вечеровъ,
имѣетъ пріятные звуки. Тоны металличе-
скіи никогда не портиятся (что часто слу-
чается съ картовыми); большой выборъ
нотъ къ нему, всѣ популярныя русскія
пѣсни и духовныя пѣсни и всѣ танцы изъ
опера и др. Мт. № 4263

Цѣна органу-соловей съ 10-ю пѣснями
по выбору 50 р. Пѣсьи отдѣльно по 75 к.
Каталогъ пѣсьи и описаніе его и прейсъ-
курантъ всѣмъ инструментамъ—бесплат-
но; заказы изъ провинціи исполняются
немедленно. Рекомендуетъ депо музык.
инстр. Д. А. АЛЕКСАНДРОВА, Невскій
проспектъ, № 53, въ С.-Петербургѣ.

ВЪ 1890 ГОДУ ежедневная педагогическая газета „Школьное Обозрѣніе“

будетъ выходить по прежней программѣ,
цѣль которой свѣдѣтъ за жизнью русской и
иностранный школы. 52 №№ въ годъ. Под-
писная цѣна въ годъ—5 р., на полгода—3 р.,
на три мѣсяца—2 р.; за границу на годъ—
6 р. Для сельскихъ школъ и учителей 4 р.
въ годъ. Допускается разсрочка при под-
пискѣ. Въ розничной продажѣ № „Шк. Об.“
съ перес. 20 к., безъ перес. 15 к. Пробный
№ высылается бесплатно по требованію гла-
вной конторѣ редакціи „Шк. Об.“, городъ
Одесса, Ланжероновская, 32. № 4262

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, москв-
табельныхъ лавкахъ и косметическихъ ма-
газинахъ.

Всѣ названные косметическіе продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ,
потому и разрѣшены С.Н.Б. Стод. Врачеби. Управленіемъ.

- 1) ПОДЛИННИКЪ ПАСТА EUGENIE средство для лица. Цѣна банки 1 р. 60 к.
- 2) БАЛЬЗАМЪ EUGENIE для миртовъ, цвѣтловъ для декольте, лица и рукъ. Ц. флак. 1 р. 70 к.
- 3) ЭЛИКСИРЪ MELANGE для волосъ. Ц. за флак. 2 р.
- 4) ХИННО-ГЛИЦЕРИНОВ. ПОМАДА для волосъ. Цѣна бан- ки 2 р.
- 5) РУМЯНА EUGENIE жидкія, придающія щекамъ и ушамъ розов. цвѣтъ.
- 6) РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА Цѣна банки 1 рубль 30 коп.
- 7) ПОДЛИННИКЪ POUDE EUGENIE бѣлая и розов. Ц. съ флак. и розов. Ц. съ флак. 1 руб. 50 коп., 1 руб. 20 коп.

№ 4202 12 3
КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ черная, коричн. и свѣтлор. Цѣна кор. Рись Гутманъ. 3 руб.

Главное депо въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская; въ Центральномъ Аптекарскомъ Депо, Милютинъ Рядъ; у Рузанова, Гостинный Дворъ; Бывшій Дарзаскъ, Насажы, № 15; у Сіу и Кр; у Персовъ и Тібо, Невскій пр., № 18 и въ другіхъ аптекарскихъ магазинахъ. Въ Москвѣ: у К. П. Феррейнд, Николаевъ и въ другіхъ аптекарск. магаз., а также можно получать во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ всей Россіи.

ПЕРВАЯ ОГУРЦЫ
ОТВОРЕНІЕ
съ чеснокомъ и въѣтъ охоты
Укрѣпленіе силъ
Укрѣпленіе желудка
Цѣна 100 100 100
Цѣна 100 100 100

КОРНИШОНЫ
ПОРЦИОННЫ
ПОРЦИОННЫ
ПОРЦИОННЫ
Цѣна 100 100 100
Цѣна 100 100 100

ШКОЛЬНАЯ ПАСТА
Цѣна 100 100 100
Цѣна 100 100 100

КОЧАНАЯ ПАСТА
Цѣна 100 100 100
Цѣна 100 100 100

ВТОРАЯ ЖЕНА, Ром. Моравина, Пер. съ
вѣт. П. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ НА НОВЫЙ литературно-политическій и научный журналъ **РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.**

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ будетъ выходить безъ предварительной цензуры, 15 числа каждаго мѣсяца, книжками по тридцати листовъ, по слѣдующей программѣ: 1) **Изыщная словесность:** оригинальные и переводные романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, стихотворенія и т. д. 2) **Науки:** философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч. 3) **Обозрѣніе:** внутреннее, экономическое и иностранное. 4) **Хроника:** литературная, научная, музыкальная, театральная и художественная. 5) **Критика,** библиографія, корреспонденціи.

БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ ПРИМУТЪ:

Въ литературномъ отдѣлѣ: Н. Д. Ахшарумовъ, кн. М. Н. Волконскій, В. П. Ключниковъ, М. В. Крестовская, Котъ Мурлыка, гр. А. А. Кутузовъ, К. Н. Леонтьевъ, Н. С. Лѣсковъ, Незеленовъ, К. Орловскій, гр. Е. А. Салиасъ, А. А. Смирновъ, Д. И. Стахѣевъ, А. Стернь, А. А. Феть, А. П. Чеховъ, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и др.

Въ научно-политическомъ отдѣлѣ: Главацкая (Рада-Бей), А. А. Борзенко, Н. П. Вагнеръ, С. Васильевъ, А. Н. Веселовскій, А. И. Воейковъ, Л. Н. Вороновъ, Н. М. Горбовъ, В. А. Грингмутъ, Н. Я. Гротъ, Н. А. Звѣревъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Кирѣевъ, Г. А. Ларошъ, Н. А. Любимовъ, Л. Н. Майковъ, И. П. Минаевъ, Е. Л. Марковъ, О. К., Э. О. Радловъ, С. А. Рачинскій, В. И. Сафоновъ, В. В. Святловскій, Вл. С. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ и др.

Изъ приглашенныхъ редакціей иностранныхъ сотрудниковъ ближайшее участие примутъ:

Бретъ-Гартъ (Bret-Harte), П. Бурже (Paul Bourget), Г. Вельшенже (Henri Welschinger), П. Леруа-Больэ (Paul Leroy-Beaulieu), Э. Гартманъ (Eduard von Hartmann), Ж. Симонъ (Jules Simon), Стэдъ (Stead) и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	НА ГОДЪ.	НА ПОЛГОДА.
Безъ доставки и пересылки	15 р. 50 к.	8 р. — к.
Съ доставкой въ Москвѣ	16 " — "	8 " 50 "
Съ пересылкой иногороднымъ	17 " — "	9 " — "

Подписка принимается въ конторѣ журнала: **МОСКВА, ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАРЪ, ДОМЪ ЗЫКОВА, № 46,** а также въ книжномъ магазинѣ Думнова (бывшій Салаева), кромѣ того у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ С.-Петербурга и Москвы.

Для подписывающихся въ конторѣ журнала допускается разсрочка.

Издатель Н. БОБОРЫКИНЪ.

Редакторъ кн. Д. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ

ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ
предлагаетъ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ
УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ.
Справочный списокъ съ рисунками
высыл. за 5 коп.
II Троицкая ул., II.

ЗАГРУЖЕНІЯ № 4249
ПЕЧИ ГЕЛИОСЪ
ОАЛЕНКЪ
ГРАММЕ, НАТАМИСЪ и К^о.
Розничная продажа:
Германскій магазинъ, Москва, Кузнечій
мостъ, рядомъ съ бул. Варшавск.

Только что получены новѣйшія
шелковыя ткани и
КОСТЮМЫ
съ роскошной отдѣлкой
для **БАЛЬНЫХЪ**
и **ВЕЧЕРНИХЪ**
платьевъ.
AU BON MARCHÉ
С.-Петербургъ № 4241
Гостиный дворъ, №№ 133 и 134.

ПРОДАЖА
ИЗЪЯЩИМЪ
ОПТИКАМЪ
ВЪ ВСЕГДА
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ГОТОВОГО ПЛАТЬЯ
ВЪ МАГАЗИНѢ
ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО
Тверца, д. Шалаева
ВЪ МОСКВѢ.
Исполненіе невозможныхъ заказовъ. Продажа
безъ заказа. Иллюстрированный прейскурантъ
высылается бесплатно. № 1248

ПОДСУДИМЫЕ.

Новая книга. 12 уголовныхъ повѣстей и разсказовъ о преступникахъ и преступницахъ, о виновныхъ и невиновныхъ. Соч. В. А. Скрипичина. Цѣна 2 руб. Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ у автора: уголъ Невского и Надеждинской, д. № 1, кв. 33. Выписывающіе отъ автора на пересылку не платятъ. № 1253

ИНИЦИАЛЪ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Имеетъ въ 3 раза
быстрѣе пера. Чистота,
точность и красота.
Ведена во всѣхъ
Министерствахъ и
мног. правительствъ,
и частныхъ учрежд.
Прейс-курантъ, содержитъ многочисленн.
отзывы отъ Правительства и другихъ учрежд.
Единственный складъ для всей Россіи:
№ 3748
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнечій мостъ. Б. Морская, 21.

ЭЛЕОПАТЪ

1880 **ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ** 1890
въ употребленіи.
Средство противъ перхоти головы.
ПОЛУЧИТЬ МОЖНО ВЕЗДѢ.
Цѣна флакона 1 рубль 50 коп.
№ 4197 (4) *Пров. КИНУЦЕНЪ.*

Провизора КИНУНЕНА.

POUDRE VELOUTINE
СЪВѢСОВЪ „ИСПАРЕМЪ“
можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ
и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за-
границы: Главное: Бульв. у Алекс. ТИШЪ
и К^о, Пушкинск. № 4. № 4252 3-1

Весьма легко для каждаго заниматься фотографиро-
ваніемъ. Предлагаемъ № 4216
ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ СЕКРЕТНУЮ КАМЕРУ ШТИРНА.
Цѣна съ пластинками на 36 снимковъ 20 р.
Шесть моментальныхъ снимковъ въ одну минуту.
Носится незаметно подъ короткимъ. Весьма удобна.
Хорошіе результаты. Пробные снимки: 50 к.
Единственная продажа для всей Россіи.
Краткое печатное наставленіе къ фотографирова-
нію прилагается бесплатно. Аппараты для съемки
изображеній въ кабинетную величину, съ хорошимъ
объективомъ, начиная съ 15 рублей. Большой вы-
боръ всякаго предме-
тѣль касая-
ющихся
фотографіи. С.-ПЕТЕРБУРГЪ невискій пр. № 25 1.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К^о

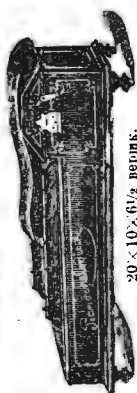

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалист хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Им. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію бесплатно. Пересылка на счетъ магавина. Ручательство на 2 года, № 4155 10-6

! НОВОСТЬ !

Пiano-Мелодико, маленкій ручной ролль, новѣйшій музыкальный инструментъ. Piano-мелодико имѣетъ 54 струны, объемъ въ 3 октавы, резонансовая дека и полная металлическая рама. Механизмъ и конструкция самыя прочныя. Звукъ его сильный и прѣкрасный. Пьесы можно исполнять: какъ увертюры и аріи изъ оперъ, такъ и танцовальныя въ ихъ цѣлости, такъ какъ ноты на прочной подложной полосѣ. Piano-мелодико имѣетъ приспособленіе для игры forte, piano, tremolo, crescendo, decrescendo. Ц. 4174 4-4

Цѣна съ приложеніемъ 11 метровъ нотъ 100 руб. Ноты различной длины за метръ 90 к. или за арш. 65 коп. Каталогъ нотъ безплатно. Всѣхъ съ унаковъ. 2 пуда. Г. Ф. МОДЛЕРЪ, Москва, Петровка, домъ Волкова.

ЛЕННИНГЪ и ГИОЗНИГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

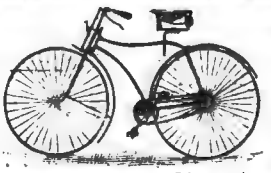

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ П. П. ДАВГУЛЯ

существуетъ съ 1822 года въ г. Дерптѣ, Лифляндской губ. и высылаетъ безплатно и franco КАТАЛОГЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ огороднымъ, цвѣточнымъ и экономическимъ, 500 сорт. РОЗАНАМЪ, грунтовымъ и оранжерейнымъ, Георгинамъ, Гвоздикамъ, цвѣточн. луковичкамъ, воздушн. и тенннц. растеніямъ, фруктовымъ и украсительнымъ. № 4239

ДЕРЕВАМЪ и КУСТАРНИКАМЪ, клубникамъ, спаржѣ, шампиньон. гнѣздамъ, растительн. гигрометрамъ (предсказыв. перемену погоды въ точности за 24 ч. впередъ, ц. 2 р.) и пр., съ обозначеніемъ крайн. цѣны.

Поставщики великоисподовъ Русскій Арміи Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ, Москва, С.-Петербургъ, Кузнечій Мостъ, Б. Морская № 21. имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свинотъ, Винпегъ, Русскій Клубъ, Молни (New Rapid), Имперіалъ и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб

НОВОСТЬ

Побѣдоносный Свинотъ № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Курантъ высылаются безплатно. Поставщики великоисподовъ Русскій Арміи

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!

ВСЕНАУЧНЫЙ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

со всѣми послѣдними дополненіями, въ 3-хъ томахъ большаго формата, составленный подъ редакцію В. П. Ключникова, заключающій въ себѣ подробныя объясненія и разъясненія около

73,000 СЛОВЪ, ПМЕНЪ, СОБЫТІЙ и пр.

Словарь этотъ, составляя необходимую принадлежность каждаго образованнаго дома, рекомендуется какъ лучший въ этомъ родѣ.

Цѣна за брошюрованный экземпляръ этого общирнаго изданія, за всѣ 3 тома, вмѣсто 12 руб., безъ пересылки НАЗНАЧАЕТСЯ за брошюров. экз. 3 руб., въ колѣнкорыхъ переплетахъ 5 руб.; за пересылку прилагается за 8 фунтовъ.

Съ требованіями обращаться исключительно къ издателю Н. и Х. НЕБЕ, СПБ.. внутри Гостиного двора, № 139. № 4247

ОТДѢЛЕНІЕ

Русско-Американской багетной и рамочной фабрики

Ч. ГОФМАНА

Невскій пр. № 11, между Большой и Малой Морскими, рекомендуетъ большой выборъ РАМЪ и БАГЕТЪ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. № 4237

ФАБРИКА съ 15 октября с. г. переведена на Малую Дворянскую ул., собств. д., №№ 17-19.

Опечатано къ предстоящимъ праздникамъ и поступило въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ новое роскошное изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА: КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.

Историческій романъ А. С. ПУШКИНА, иллюстрированный сто восьмидесятью (осемью) рисунками. Ц. 60 коп. Въ банкъ—75 к., въ каленкор. переплетѣ 1 р. Мт. № 4255

СКЛАДЪ ПЕРВОСВОРНЫХЪ ЧАЕВЪ ТОРГОВАГО ДОМА

ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО,

на Кузнечкомъ Мосту, домъ Захарьина, въ Москвѣ.

ЛЮБИТЕЛЯМЪ ЧЕРНАГО ЧАЯ РЕКОМЕНДУЮТСЯ:

№ 10 „жемчужный“, императорскій ароматный черный чай по 1 руб. 60 коп. за фунтъ.

№ 11 отборный „ИМПЕРАТОРСКІЙ“ отличнаго качества съ сильнымъ букетомъ черный чай по 2 руб. за фунтъ.

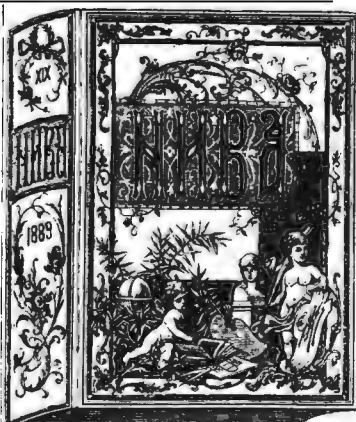
Въ особенности же знатокамъ и любителямъ рекомендуется:

№ 5 Ханскій черный чай необыкновенно пріятнаго вкуса и аромата „ЦАРСКІЙ БУНЕТЪ“ по 2 р. 16 коп. за фунтъ.

ПЕРЕСЫЛКА ЧАЯ

во всѣ города Россійской Имперіи принимается на счетъ торговаго дома.

Условія продажи и прейсъ-курантъ по требованію гг. покупателей высылаются немедленно. П. № 4204 3-8

КРЫШКИ для переплета „НИВЪ“ изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1889 г., по показанному образцу, 1 р. съ пересылкою 1 р. 60 к.

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО

СЪ ПРЕМИЕЙ

СЪ ПРЕМИЕЙ

БРОКАРЪ и К^о.

Главный складъ у Ф. К. Бергманъ, Офицерская ул., № 5. № 4027 8-8

МОЛЬДАГОТЪ

СЪ КОЛЕСОМЪ, усовершенствованная англійская карманная двухниточная швейная машина—вѣсомъ около фунта.

„Мольдаготъ“ съ колесомъ шьетъ въ 2 нитки нераспарываемымъ швомъ, какъ толстая, такъ и тонкая матерія, даже кожу, удобна въ хозяйствѣ, легка для дѣтей и желкій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Цѣна въ мартѣ 10 р., въ полнор. орѣхъ ящикѣ 11 р. 25 к., пересылка 75 к., въ Азіатскую Россію за 4 фунт.

Главный складъ въ Москвѣ, въ писчебумажномъ магазинѣ „Полиграфъ“, Мясницкая, д. Ермаковыхъ. № 4240

МАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА МАТТОНИ ГИСТЮБЛЕРЪ ЧИСТЫЙ ЦЕЛОЧНОСЛАСЫЙ ИСТОЧНИКЪ ОБСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ И ЗДОРОВЫЙ СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ МОЖНО ВЕЗДЕ ВОКУПИТЬ 600000 МИЛЛИОНЪ БУТЛЪ ГОЛОВОЙ ВЫВОЗЪ.

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛИ.

Карм. форм. въ замшев. кошельк. 8 р. 50 к. пересылка за 2 ф. Больш. форм. съ футляромъ и ремн. 9 р. 50 к. пересылка за 4 ф.

„Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптич. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, охоты, моря и театра, а потому вполне заслуживаетъ названія „универсальнаго бинокля“.

Спеціальн. театральн. бинокли отъ 5 до 65 р. Пользов. бинокли отъ 10 до 35 р. Морскіе „Аргусъ“ 18 „40 р. Зрительн. трубы въ 5 р. 50, 11, 14, 20, 28 р. и дорожн. Микроскопы въ 3 р. 50, 5, 6, 20, 28, 40, 50 р. и дорожн. № 4232 СВЕЩА. ФАБРИКА ОПТИК. ИНСТРУМ. Е. КРАУСЪ И К. въ Парижѣ, Авен. d. l. Replib., 4. СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ С.-Петербургъ, Моина, № 40. Иллюстр. прейсъ-курантъ высылаются безплатно.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисо-висмутуовая пудра.

CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3787 (40)

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ
ВЪ
СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ
„РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

СТРАХОВАНИЯ:

- Капиталовъ на случай смерти,
- Вдовьихъ пенсій,
- Капиталовъ на старость,
- Пенсій на старость,
- Приданого для дѣвушекъ,
- Стипендій для мальчиковъ,
- Пожизненныхъ доходовъ.

№ 3847 6-5

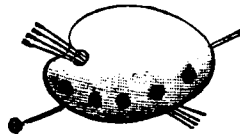
Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1889 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 20,107 лицъ на капиталъ въ 56.795,020 руб.

Дивидендъ страхователей въ 1889 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и въ агентствахъ Общества въ городахъ Имперіи. Брошюры по страхованію жизни выдаются и высылаются, по требованію, бесплатно.

ПЕРВОЕ ВЪ РОССІИ ПАРОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО

КРАСОНЪ для гг. художниковъ, живописцевъ, лакировщиковъ, маляровъ, войска, домашнего обихода. Складъ маселъ, лаковъ, кистей, холсты для картинъ и всѣхъ живописно-малярныхъ принадлежностей

ПРОИЗВОДИТЕЛЬ И СПЕЦИАЛИСТЪ

различныхъ живописныхъ, лакировочныхъ, позолотныхъ и малярныхъ работъ № 4212

С.-ПЕТЕРБУРГЪ **К. И. ГОФЕ.** МОЙКА, № 77.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій пр., № 21.

ДЛЯ

ЕЛКИ

Фабричная марка.

Золот. медаль. Парижъ. 1889.

Парафиновые свѣчи, Бенгальскіе огни приготовлены съ разрѣш. С.-Петерб. Врачебн. Управленія. Свѣтъ магнезіумъ для яркаго освѣщенія. Занигательная нитка.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ Р. № 4210 3-3 только что полученныхъ изъ Парижа новѣйшихъ и красивыхъ

ПРЕДМЕТОВЪ ДЛЯ ПОДАРОКОВЪ.

Единственные магазины въ С.-Петербургѣ:

- 1) Невскій проспектъ, д. Католической церкви, № 32.
  - 2) Невскій проспектъ, у Анничкова моста, № 66.
  - 3) Вознесенскій проспектъ, уголъ Казанской улицы, д. Шредера, № 18-54. (Оптовая и розничная продажа).
- Въ Москвѣ: на Кузнецкомъ мосту, д. Третьяковскихъ.

Въ книжныхъ магазинахъ **Н. П. КАРБАСНИКОВА:** Петербургъ, Литейный, 46; Москва, Моховая, д. Коха, и Варшава, Новый Свѣтъ, 67, продаются слѣдующія книги:

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ. ВЫШЛО ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КНИГИ:

СКОРОМНЫЙ И ПОСТНЫЙ СТОЛЬ

О. ПАВЛОВСКОЙ. Руководство для приготовленія 2800 скоромныхъ и постныхъ блюдъ, начиная съ самыхъ простыхъ до самыхъ изысканныхъ, разныхъ печеній, хлѣбовъ, вареній, наливокъ, напѣтковъ и приготовленій запасовъ въ прокъ; съ 20-ю РАСКРАШЕННЫМИ РИСУНКАМИ всѣхъ частей быка и теленка, снятыми фотографіею съ натуры и сопровождаемыми подробнымъ описаніемъ употребленія каждого куска мяса, что очень важно въ хозяйствѣ, причемъ въ книгѣ описано средство для сбереженія припасовъ и исправленія попорченныхъ. Средство весьма необходимое, особенно лѣтомъ, при отсутствіи ледника или холоднаго чулана. Кроме того, въ книгѣ находится реестръ порядна обѣдовъ съ нѣкоторыми примѣрами, что необходимо имѣть подъ рукой, какъ образецъ последовательнаго подаванія блюдъ. Мѣра-же и всѣ приняты общепотребительныя и простѣйшія, доступныя всѣмъ. Въ книгѣ болѣе 700 печатныхъ страницъ.

ЦѢНА 4 руб., ВЪ ПЕРЕПЛЕТѢ 4 руб. 75 коп.

Выписывающіе эту книгу изъ магазиновъ Карбасникова за пересылку не платятъ.

О первомъ изданіи этой книги въ галетѣ „Голосъ“ 29 Марта 1876 г., была помѣщена, между прочимъ, слѣдующій отзывъ:

„Давно уже ощущаемый недостатокъ въ руководствѣ къ рациональному веденію домашнего хозяйства для нашихъ молодыхъ хозяекъ восполненъ въ настоящее время вышедшей на-дняхъ въ свѣтъ книгой „Скоромный и Постный столъ“, составл. и издав. г-жею О. Павловской (псевдонимъ). Книга эта, предназначенная преимущественно для небогатыхъ семействъ, состоитъ почти изъ 3000 наставленій для приготовленія кушаній, отъ самыхъ простыхъ до самыхъ изысканныхъ, разныхъ печеній, хлѣбовъ, вареній, наливокъ, приготовленія запасовъ въ прокъ и средствъ къ сбереженію припасовъ. Сверхъ того, въ книгѣ находится реестръ примѣрныхъ обѣдовъ; каждый отдѣлъ блюдъ начинается скоромнымъ и кончается постнымъ кушаньемъ, что, безъ сомнѣнія, представляетъ большое облегченіе во время поста, для каждой хозяйки. Одно изъ главныхъ достоинствъ книги г-жи Павловской заключается въ приложеніяхъ къ ней 20 раскрашенныхъ рисунковъ всѣхъ частей быка и теленка. Изображенія эти, снятыя съ натуры, сопровождаются подробнымъ описаніемъ употребленія каждой части мяса и отчетливо выполненны художникомъ Борелемъ. Они могутъ оказать большую услугу хозяйкамъ, незнающимъ съ анатоміею быка и теленка, прибавивъ имъ отъ возможности впасть въ ошибку при покупкѣ того или другаго сорта мяса. Вообще книга „Скоромный и Постный столъ“ изобилуетъ массой разнообразныхъ и самыхъ общепотребительныхъ свѣдѣній и съ успѣхомъ можетъ служить настоящею книгою каждой работливой хозяйки. Важность-же изданія не оставляетъ желать ничего лучшаго.“

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

„ИСКОРКА“ Книга для дѣтей, изданіе журнала „ИГРУШЕЧКА“, съ рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

СОДЕРЖАНІЕ. Зимній вечеръ. (Стих.) А. Н. Плещеева. Левъ старца Герасима, съ прилож. ориг. рисунка худож. И. Рѣпина, Н. С. Лѣтцова. Василекъ (сказ.) О. Чюминой. Надны туфельки А. М. Владиміровой. Малютки Петръ и Навель М. Тимофеевой. Она Никифорова А. Толмачевой. Царица Моя (Стих.) С. Дрожжина. Дѣти, недолюбленные своей судьбой А. Холмогоровой. Неоконченное письмо Егг. Ольгиной. Рису. Элегия съ карт. худож. Н. А. Сергѣева. Соловей и Лагушка (Басня) О. Чюминой. Годъ на Кавказѣ Е. Амиевской. (Рисунки Волга, съ карт. проф. П. К. Абзаковского и Валь, съ карт. проф. В. Д. Орловскаго). Японскій мальчишка То. В. Марковой. Храбрый Вальготъ М. Эрихсенъ. Какъ и гдѣ былъ срубленъ городъ Ярославль М. Васильева. Полевая работа А. Д. Юзефовича. Маленькій баравицки (съ итал.) Эм. де-Амичиса. Петруша (Стих.) Ник. Шлямбергера. Хрустальное яичко А. Тургановой. Малахитовая печатка Ольги Алексѣевой. Полевой Жаворонокъ Мансиумиши. Надина чашка кофе А. Н. Владиміровой. Путешествіе Филиппа Керью (съ англ.) А. Т.

Новая **УРОКИ РИСОВАНІЯ** для малыхъ дѣтей, съ методическимъ указаніемъ: какъ рисовать для матерей и воспитателей. Сост. Е. ВОЛКОВЪ, съ 26-ю таблицами рисунк. и 4-ми транспарант. Ц. 75 к., съ перес. 90 к.

СПРАВОЧНАЯ КНИГА для родителей и воспитателей на 1889-90 уч. г. Составилъ Н. И. Игнатовъ. Слѣб. 1889 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Содержаніе: Полныя и подробныя правила и программы для поступающихъ во все учебныя заведенія, мужскія и женскія (исключ. вышнихъ) съ характеристиками учебн. заведеній. Выборъ книгъ. Лучшія книги для дѣтскаго и юношескаго чтенія, имѣющіяся на русскомъ языкѣ, съ описаніемъ содержанія ихъ. Выборъ дѣтскихъ журналовъ. Характеристика существующихъ дѣтскихъ журналовъ (Н. И. Полякова). Выборъ игрушекъ, игръ, занятій и работъ для дѣтей всѣхъ возрастовъ (П. А. Литвинскаго).

О ВЛІЯНІИ ЖЕНЩИНЪ НА УСПѢХИ ЗНАНІЙ.

А. Х. Михновскаго, автора „Типы душевнаго развитія“, „Женственность“ и др. Ц. 25 к.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ЕЯ РАДОСТЯХЪ И ПЕЧАЛЯХЪ.

Правила житейской мудрости для мужей и женъ. Составлена по англ., русск. и франц. писателямъ. Цѣна 1 руб. 50 коп., въ колекц. перепл. 2 руб., на пересылку 20 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: Какъ быть счастливымъ въ бракѣ.—Быть или не быть, вступать въ бракъ или нѣтъ?—Полезъ брака для мужчинъ.—Выборъ жены.—Выборъ мужа.—Теорія Платона о неудачныхъ бракахъ.—Врачнина церемонія.—Медовый мѣсяцъ.—Врачмыя клѣтмы.—Первые годы брачной жизни.—Устройство квартиры.—Сбереженіе въ хозяйствѣ.—О прислугѣ.—Родительскія обязанности.—Полезъ отъ дѣтей.—Вліяніе дѣтей на родителей.—Хорошія матеря.—Отецъ въ качествѣ наставн.—Вліяніе въ доми.—Спокойствіе въ доми.—Семейная распри.—Дисциплинирующее вліяніе семьи.—Семейное согласіе.—Сти и клѣтки.—Обязанности мужей.—Здоровье семейства.—Либовы переживаетъ бракъ.—Бѣдная разлука супруговъ. № 4250

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
БОЛЬШАЯ МОРСКАЯ
№ 36 и 42.

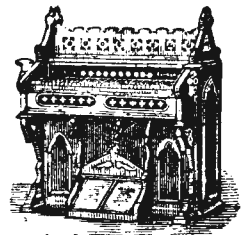

МОСКВА
КУЗНЕЦКІЙ МОСТЪ
Д. БЫВШ. ТОРЛЕЦКАГО.

По весьма умѣреннымъ цѣнамъ и лучшаго качества

СКРИПКИ въ 2 1/2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дор. Смычки для нихъ въ 50 к., 1, 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р.
Футляры для нихъ въ 3 1/2, 5, 7, 12, 18 и 30 р.
СКРИПКИ 2, 4, 1 1/2 и 1/4 величины для дѣтей. Школа Баганца въ 1, 2 1/2 и 3 1/2 р.
Альты, виолончели, контрабасы.
ГИТАРЫ въ 3 1/2, 5, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75 р. и дороже (отъ 8 р. и дороже съ механизмомъ для струн). Школы въ 1, 1 1/2 и 3 руб.
Корнетъ-а-пистонъ въ 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 руб. Школа-самоучитель Баганца въ 1 1/2 и 2 1/2 р.
Флейты въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85 р. и дороже. Школа-самоучитель Келера въ 1 1/2 и 2 1/2 р.
НОВОСТЬ Симфоніоны (музыкальныя шкатулки съ перемѣнными пьесами):
 Малень съ ручкой съ 6-ю пьесами въ 10 р. Добавочныя пьесы по 40 к.
 Большия " заводныя съ 6-ю пьесами въ 20 р. " " " " по 40 к.
 " " " 60-ти голосныя, съ 10-ю " " " " по 60 к.
 " " " 84-хъ голосныя, съ 10-ю " " " " по 60 к.
 " " " пьесами въ 60 р. " " " " по 75 к.
 " " " Sublime Harmonie съ 10-ю " " " " по 1 р.
 " " " пьесами въ 100 руб. " " " " по 1 р.
Серафинъ, новый ручной органъ для дѣтей, съ 6-ю пьесами 15 руб. Добавочныя пьесы по 40 коп.
Аристонъ-Органъ съ 10-ю пьесами 25 руб. Добавочныя пьесы по 60 коп.
Герофонъ съ 10-ю пьесами 28 руб. Герофонъ съ приспособленіемъ для громкой и тихой игры, съ 10-ю пьесами 32 руб. Добавочныя пьесы по 60 коп.
Фениксъ-Органъ съ 10-ю пьесами 35 руб. Добавочныя пьесы разнаго размѣра по 70 коп.
Орнестръ-Манопанъ съ 10-ю пьесами 80 руб. Добавочныя пьесы по 1 руб. 20 коп., 2 руб. 40 коп. и дороже (къ инструменту прилагается 10 пьесъ по 1 руб. 20 коп.).

ФИСГАРМОНИИ

АМЕРИКАНСКІЯ въ 110, 150, 175, 250, 300, 530, 450, 600, 700, 900 и 1400 р.
ФРАНЦУЗСКІЯ въ 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р.

ГАРМОНИИ ЛУЧШИЯ ВЪ МІРѢ, ФАБРИКИ КАЛЬБЕ
 Однорядныя въ 4 1/2, 5 1/2, 6, 7, 7 1/2, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 руб. Двурядныя въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 22, 25, 28 и 30 руб. Трехрядныя въ 60 р. и въисныя въ 30, 50 и 75 р.
 Самоучитель Соколова въ 1 руб. Ноги его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

По полученіи приблизительно 1/3 стоимости высылается требуемое съ наложеннымъ платежемъ на остальную сумму.

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
 С.-Петербургъ, Большая Морская, № 36 и 42. | Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.

Поступилъ въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, № 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ за 1889 г.

заключающій въ себѣ 1,300 стр. разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разск. А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ М. В. Крестовской—„Торжество Юліи Андреевны“, большой ром. въ 2-хъ част. В. И. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоколовъ“, историч. ром. въ 2 част. графа Е. А. Салиаса—„Барыни-крестьянки“, разск. кн. Д. Голицына-Муравлина—„Увлеченіе“, разсказъ П. Дорошенко—„Что-же“ и массу другихъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гигиенѣ, живописи и мн. др. Кроме того нѣсколько художественныхъ приложений—важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія драв. растенія Россіи, Росс. Импер. ордена и проч., печат. красками, большой сборникъ новѣйшихъ повѣстей и разсказовъ (томъ 484 стр.) и большая олеографическая картина профес. В. Д. Орловскаго:

„ЛѢТНИЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

ЦѢНА ЭТОМУ ВОЛШОМУ ТОМУ, со всеми бесплатными преміями и приложениями:
 Брошюрован. . . . . 4 р. Въ колѣнк. перепл. 5 р. 50 к.
 Съ пересылкою до 2000 . . . . . Съ пересылкою до
 версть . . . . . 6 р. 2000 версть . . . . . 7 р. 50 к.
 Свыше 2000 версть за пересылку прилагается по разсчету за 13 фунтовъ.

При Конторѣ изданія „Русскаго Курьера“ пишется на складѣ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ недавно появившійся въ свѣтъ уголовный романъ сочиненія В. ЮМА:

„ТАЙНА ГАНСОНЪ КЭБА“.

Романъ этотъ разыгрался въ городѣ Мельбурнѣ (въ Австраліи) и разошелся въ 300,000 экз. Печатался въ „Русскомъ Курьерѣ“. Цѣна: съ пересылкой на города—1 р. въ Москвѣ—75 к., для торговцевъ обычная уступка. Для подписчиковъ „РУССКАГО КУРЬЕРА“ по 75 коп. съ пересылкою. Книга заключаетъ въ себѣ 426 страницъ. Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, лавкахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. № 4114 10—9

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Сов. Шильватена. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

Изданы Ф. Павленковымъ и поступили въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ **ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ Ч. ДИККЕНСА**

- въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой:
 1) Давидъ Копперфильдъ. 4) Нашъ общій другъ.
 2) Домби и сынъ. 5) Большая надежда.
 3) Оливеръ Твистъ. 6) Лавна Древностей.
 Цѣна каждого романа въ бумажкѣ—40 к., въ папкѣ—50 к. Въ колѣнкоромѣ переплетѣ можно получить только всѣ 6 романовъ. (Цѣна 3 р. 25 к.). М. № 4256

Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ этого журнала **ТОВАРИЩЕСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МЕХ. ПРОИЗВ. ОБУВИ** приступитъ къ объявленію именъ и адресовъ всѣхъ гг. торговцевъ, имѣющихъ въ продажѣ издѣлія ихъ фабрики.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петербург. Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Російські Імператорські і царські ордена і медалі.

Звѣзда Св. Андрея Первозваннаго

Звѣзда Св. В.-цы Екатерины.

Звѣзда Св. Александра Невскаго.

Звѣзда Бѣлаго Орла.

Орденъ Св. Андрея Первозваннаго.

Орденъ Св. В.-цы Екатерины.

Орденъ Св. Александра Невскаго.

Орденъ Бѣлаго Орла.

Звѣзда Св. В.-каи Побѣдоносца Георгія.

Звѣзда Св. Владиміра.

Звѣзда Св. Анны.

Звѣзда Св. Станислава

Маринскій знакъ

Орденъ Св. В.-каи Побѣдоносца Георгія.

Орденъ Св. Владиміра.

Орденъ Св. Анны.

Орденъ Св. Станислава.

Медаль за 1812 годъ.

Медаль за 20 л. въ унтеръ-офиц. званіи (для ношенія на шеѣ).

Медаль за спасеніе погибавшихъ (для ношенія на шеѣ).

Медаль за защиту Севастополя, устан. въ 1856 г.

Медаль за Турецкую войну 1877-1878 г.

Медаль за Хивинскій походъ 1873 г.

Медаль за покореніе Западнаго Кавказа 1864 г.

Знакъ за службу на Кавказѣ уст. 1864 г.

Медаль за взятіе крѣпости Геокъ-Тепе 1881 г.

Медаль за усмиреніе Польскаго мятежа, уст. 1867 года.